

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях. Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.

Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
 - В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
 - Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Muccus Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

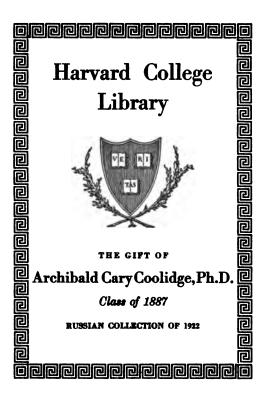
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + Refrain from automated querying Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

ГРАФИНЯ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВНА БРАНИЦКАЯ

О ПОДПИСКЪ

HΑ

, NCTOPHYECKIN BECTHUR'S

въ 1900 году

(ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ).

"Историческій Вѣстникъ" издается въ 1900 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и предшествовавшія двадцать лѣть (1880—1899).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставной на домъ.

Главная контора "Историческаго Вѣстника" въ Петербургѣ при книжномъ магазинъ "Новаго Времени", Невскій проспекть, № 40. Отдъленія конторы: въ Москвъ, Харьковъ, Одессъ и Саратовъ, при находящихся въ этихъ городахъ отдъленіяхъ книжнаго магазина "Новаго Времени".

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ "НОВАГО ВРЕМЕНИ"

вышель и раздается гг. подписчикамъ четвертый томъ сочиненія

Н. Қ. Шильдера:

императоръ александръ і,

ЕГО ЖИЗНЬ и ЦАРСТВОВАНІЕ.

(Изданіе А. С. СУВОРИНА).

Въ четвертомъ томѣ, обнимающемъ послѣднее десятилѣтіе царствованія императора Александра, съ 1816 по 1825 годъ, помѣщены, въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ, 135 портретовъ и иллюстрацій, въ томъ числѣ: 10 хромолитографій въ 9—12 красокъ, 2 фототипіи и 4 большихъ ксилографіи. Кромѣ того, приложены 8 автографовъ и "Указатели" личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ настоящаго сочиненія, и портретовъ и иллюстрацій, въ нихъ помѣщенныхъ.

Съ выходомъ четвертаго тома трудъ Н. К. Шильдера "Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе" законченъ.

Цѣна за всѣ четыре тома тридцать рублей. Пересылка по разстоянію, за 30 фунтовъ.

Разсрочка платежа можетъ быть сдѣлана по соглашенію съ книжнымъ магазиномъ «Новаго Времени».

Для любителей напечатано 100 экземпляровъ на роскошной бумагъ. Цъна за такой экземпляръ сорокъ пять рублей.

СОДЕРЖАНІЕ СЕМЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТАГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ и МАРТЪ 1900 года).

	CTPAH.
Въ годину бъдствій. І—ХІ. Н. И. Мердеръ \dots	11, 881
Воспоминанія С. М. Загоскина. І—VII 41, 48 иллюстрація: Михаиль Николаевичь Загоскинь,	39, 921
Машкерадъ. (Историческій разсказъ). Графа Е. А. Саліаса	. 79
Изъ воспоминаній объ императоръ Александръ III. И. А. Милютина .	. 115
Незамънимый. И. Н. Потапенко	. 120
На новую линію. В. Н. Назарьева	36, 565
Изъ галлереи историческихъ силуэтовъ. Графиня А. В. Браницкая. Е. Шумигорскаго	
Герценъ п Тургеневъ. В. Батуринскаго	. 203
Чрезвычайное американское посольство въ Россіи, въ 1866 году. Е. Матросова	н. . 229
Восемь лътъ на Сахалинъ. I—XXV. И. П. Миролюбова 267, 63	1, 1060
илиостраціи: 1) Группа арестантовъ на пароходѣ Добровольнаго фяо во время слѣдованія на о. Сахалинъ.—2) Пристань Александровскаго пос на о. Сахалинъ.—3) Александровскай тюрьма на о. Сахалинъ.—4) Заков каторжника въ кандалы.—5) Дворъ и столовая въ Александровской тюр мѣ.—6) Наиболѣе тяжкіе преступники, прикованные къ тачкамъ.—7) Тюре няя ограда на Сахалинѣ.—8) Пово-Михайловское поселеніе на Сахалинѣ. 9) Характеръ сахалинской рѣки.—10) Дорога черезъ хребетъ Пилинга. 11) Начальникъ Тымовскаго округа А. М. Бутаковъ.—12) Малороссійске улица въ сел. Рыковскомъ.—13) Докторъ В. А. Сасапарель.—14) Мужск палата сахалинскаго лазарета.—15) Церковъ въ Рыковскомъ селеніи.—1 Иконостасъ Рыковской церкви.—17) Іерковъ въ Рыковскамп.—20 Палачъ Ко левъ.—21) Наказаніе плетьми на Сахалинѣ.—22) М. А. Кржижевская-Хатинская.—23) Отправленіе зимней почты изъ Александровскаго поста. 24) Юрта гиляновъ оболо селенія Рыковскаго.—25) Гилякъ нящій Юскунъ. 26) Группа гилячекъ.—27) Галяки-надзиратели.—28) Рыковская школа. 29) Тюрьма, дазаретъ и дома чиновниковъ въ сел. Рыковскомъ.—30) (халинскія травы изъ семейства зонтичныхь.—31) Первый домъ начина щагося поселенія на о. Сахалинѣ.—32) Инспекторъ сельскаго хозяйства о. Сахалинѣ, Алексъй Александровичъ фонъ-Фрикенъ.—33) Лагерь катор ныхъ въ тайгъ.—34) Дорожныя работы каторжныхъ.—35) Владимірск	та ва об- об- об- об- об- об- об- об- об- об-

11/2*

CTPAH.
Студенческое научно-литературное общество при СПетербургскомъ университетъ. А. К. Бороздина
Новый трудъ по исторіи Смутнаго времени. П. Н. Полевого 313
Университетскіе уставы. (1755—1884 гг.). Б. Б. Глинскаго 324, 718
Михаилъ Николаевичъ Капустинъ. (Некрологъ). В. Е. Рудакова 352 иллюстрація: Михаилъ Николаевичъ Капустинъ.
Былое. (Изъ семейной хроники). В. А. Тихонова 531, 947
Подъ Илевной въ іюлъ 1877 года. (Отрывокъ изъ воспоминаній). А. Н. Хвостова
М. Е. Салтыковъ въ Рязани. (1858—1860 г.; 1867– 1868 г.). Барона
Н. В. Дризена
Два сенатора. (Изъ бумагъ Н. II. Синельникова). П. П. Суворова 623
Памяти Т. П. Филиппова. А. И. Фаресова
Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ. А. К. Бороздина 686
мллюстраціи: 1) Динтрій Васильевичъ Григоровичъ (въ 1850; году). — 2) Динтрій Васильевичъ Григоровичъ (въ 1897 году).
Эпизодъ на литературномъ конгрессв въ Вънъ. (Отрывокъ изъ воспоминаній). В. А. Крылова
Департаментъ бумагъ. Е. С. Шумигорскаго
Пятьдесять фаворитоть Людовика XV. В. Т
Воспоминанія о В. В. Крестовскомъ. И. К. Маркузе
Народные типы. Въ вагонъ. (Изъ записокъ этнографа). А. Е. Ляцкаго . 1004
Русскій генераль-фельдцейхмейстерь его высочества Раджи Ломбокскаго. (Эпизодъ изъ недавняго прошлаго Нидерландской Индіи). М. М. Бакунина
Аресть и ссылка В. Н. Каразина. Д. П. Миллера
Послъдній смотръ императоромъ Никомаемъ Павловичемъ Черномор- скаго флота въ 1852 году. (Изъ разсказа очевидца). А. М. Заіонч- ковснаго
Воспоминанія о Н. А. Лавровскомъ. С. Н. Браиловскаго
иллюстрація: Николай Алексфевичъ Лавровскій.
Война и трудъ. В. К. П-на
Къ исторіи крестьянскаго движенія при Павлѣ І. В. Е. Рудакова 1122
Флорентій Өедоровичъ Павленковъ. (Некрологь). Б. Г

CTPAH.

Заговоръ. Изъ воспоминаній Ферфаска Мидльтона о генералъ Вашингтонъ. Разсказъ Клинтона Росса

маностраціи: І'олова конной статуи Вашингтона, которая будеть открыта въ Парижъ 19 апръля 1900 г., и двя рисунка.

. ВІФАЧТОІГАНА ІІ АЖІТІНЧІ . 360, 792, 1147

1) Пауль Барть. Философія исторія, какъ соціологія. Переводъ съ нъмецкаго. Часть 1-я. Введеніе и вритическій обзоръ. Спб. 1900. **н.** я. — 2) H. Каркевъ, Исторія Западной Европы въновое время. Томъ V-й. Спб. 1899. п. а. к. — 3) Историческій очеркъ двадцатипятильтней деятельности Общества вспомоществованія студентамъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, основаннаго 4 ноября 1873 года. Отчеть за 1897 годъ. Отчеть за 1898 годъ. Спб, 1899. С. Переселеннова. — 4) М. Дьякоповъ. 1. Очерки изъ исторія сельскаго населенія въ Московскомъ государствъ (въ XVI-XVII въкахъ). Изданіе археографической комиссіи. Спб. 1898. 2. Акты, относящісся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствъ. Выпускъ I. Крестьянскія порядныя. Г. Галланина. — 5) Monographien zur Weltgeschichte. Liebhuber-Ausgaben. (In Verbindung mit anderen herausgegeben von Ed. Heyck, Verlag von Velhagen und Klasing in Bielefeld und Leipzig). Р. г. — 6) Юліанъ Кулаковскій. Карта Европейской Сарматін по Птоломею. Привътстіе XI Археологическому съвзду. Кіевь. 1899. В. Р.—ва.— 7) Т. Роджерсъ. Исторія труда и зарабогной платы въ Англій съ XIII по XIX въкъ. Перев. съ англійскаго. Спб. 1899. н.—8) Основныя начала государственнаго права. Соч. А. Эсмена, профессора парижскаго юридическаго факультета. Переводъ съ французскаго Н. Кончевской, подъ редакціей и съ предисловіемъ М. М. Ковалевскаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Т. П. М. 1899. Д. — 9) И. Е. Тимошенко. Къ исторіи судебной пытки. І. Взгляды древвихъ на пытку. П. Пытва по римскому праву. Полтава. 1900. А. М-на.-10) М. Леклеркъ. Воспитаніе и общество въ Англія. Спб. 1899. Д.—11) Спиридонъ Гопчевичъ. Старая Сербія и Македонія. Историко-этнографическое изсладованіе. Перев. съ нам. М. Г. Петровичь. Съ 38 оригин. рисунками и двумя планами въ тексв. Спб. 1899. Ž. — 12) С. А. Рачинскій. Татевскій сборникъ. Спб. 1899. — въ.—13) Труды Владимірской ученой архивной ко-мяссія. Книга І. Владиміръ, 1899. В. Б — ва. — 14) Г. Б. Гиббинсъ. Очеркъ исторін англійской торговли и колоній. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899. Д. Е-ва.-15) Вумаги, относищіяся до Отечественной войны 1812 года, собранныя и изданныя П. И. Щукинымъ. Часть 4-я, М. 1899, В. Р-ва.-16) Denkmünzen auf Personen, die in den Ossseeprovinzen geboren sind oder gewirkt haben. Herausgegeben vou J. Iversen. St.-Petersburg u. Leipzig. 1899. A. M. Ловягина.—17) Четвертное право. Изследованіе II. A. Благовъщенскаго. М. 1899. Г. Галланина.—18) Церковный соборъ въ Москвъ 1682 года. Опыть историко-критическаго изследованія. Николая Виноградскаго. Смоленскъ. 1899. н. х. — 19) Извъстія Русскаго археологическаго института въ Коистантинополъ. IV. Выпускъ І-й. Софія. 1899. э. — 20) Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Настольная и дорожная внига для русскихъ людей. Подъ редавніей В. П. Семенова и подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова и В. И. Ламанскаго. Спб. 1900. п. полевого. — 21) Е. Варбъ. Одно изъ нашихъ центральныхъ просвттительныхъ учрежденій. (Очерки Румянцевскаго музея). М. 1899. Б. Городецкаго. - 22) Сборникъ Московскаго главваго архива министерства иностранныхъ дълъ. Выпускъ VI. М. 1899. В. Руданова.—23) В. И. Горленко, Украинскій были. Описанія и замътки. К. 1899. Б. глинскаго.—24) Ч. Вътринскій. Въ сорововыхъ годахъ. Историко-Литературные очерки и характеристики. Москва. 1899. С. п.—25) Владиміръ Стасовъ, Надежда Васильевна Стасова. Воспоминанія и очерки. Спб. 1899. д.—26) В. П. Авенаріусь. Передъ Разсивтомъ. Повесть для юношества изъ последнихъ леть крепостного права. Спо. Изданіе книжнаго магазина П.В. Луковникова, 1900. С. п-ва. - 27) Семейный университеть Ф. С. Комарскаго. Собраніе популярных в лекцій для

самообразованія. Курсь первый, выпуски 1—3, Спб. 1899. п. А. К.—28) Парь Павель І. Историческій романь Оедора Мундта. Спб. 1900. А. Фаресова.—29) II. И. Аландскій. Исторія Грецін. Изд. 2-е. Кіевъ. 1899. **И. А.**—30) Исторія Римской республики по Момсену; переводъ Н. П. Шамонина. Вып. І. М. 1899. д. к. Е.—31) Адольфъ Гельдъ. Развитіе крупной промышленности въ Ангдін. Перев. въ нъмецкаго. Спб. 1899. к.—32) Полное собраніе сочиненій А. О. Погосскаго, въ четырехъ томахъ, съ портретомъ и біографіей автора. Спб. 1899. ив. Захарьина. — 33) Жизнь, служба и приключенія мирового судьи. Изъ записовъ и воспоминаній И. Н. Захарьина (Якунина). Спб. 1900. Б-го. Н. П. Лихачевъ. Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ. Часть І. Изследованіе и описаніе филиграней. Часть ІІ. Предметный и хронологическій указатели. Часть III. Альбомъ снижовъ. Изданіе общества дюбителей древней письменности. Спб. 1899. П. Полевого. — 35) Генералиссимусъ князь Суворовъ. А. Петрушевскаго. Спб. 1900. Профессора Н. Орлова. — 36) Felix de Rocca. Les assemblées politiques dans la Russie ancienne. Les Zemskié sobors. Etude historique (oeuvre posthume). Paris. 1899. Феликсъ де-Рокка. Древнерусскія политическія собранія. Земскіе соборы. Парижъ. 1899. Галланина.—37) В. О. Михневичъ. Исторические очерки и разсказы, 2 т. Спб. 1900. д. п. Б.—38) П. И. Щукинъ: а) Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музет II. И. Щунина. Часть VI. М. 1900. б) Авбучным и хронологическій указатель къ шести частямъ сборника старинныхъ бумагь. М. 1900. Н. н. о.—39) Матеріалы по исторіи русской картографіи. Вып. І. Карты всей Россін и южныхъ ся областей до половины XVII въка. Изданіе Кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ. 1899. А. М. Ловягина. — 40) Латышевъ В. В. Очервъ греческихъ древностей. Ч. 2-я. Вогослужебныя и сценическія древности. Изд. 2-е, испр. Спб. 1899. м. А.—41) Въ 1786 годъ новой. Новое изданіе Не Всіо и не вичево. Тексть съ предисловіемъ Е. А. Ляцкаго. М. 1899. А. Б-ина. -42) Проф. Д. И. Вагалъй. Удаление профессора И. Е. Щада изъ Харьковскаго университета. (Матеріалы для біографическаго словаря профессоровь Харьковскаго унив.). Харьковъ, 1899. В. Р-ва. 43) Г. О. Симоненко, профессоръ. Политическая экономія въ ся новійшихъ направленіяхъ. Варшава, 1900. А. Н-ва.-44) Фридрихъ фонъ-Гелльвальдъ. Земля и ея народы. Т. III. Живописная Европа. Томъ IV. Живописная Африка. Спб. Изданіе II. II. Сойкина. 1899.—45) Мавсимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократія. Томъ І. Части III и IV. Изд. 2-с. К. Т. Солдатенкова. М. 1899. П. н—аго.—46) Людвигь Штейнъ. Соціальный вопрось съ философской точки зрвнія. Лекціи объ общественной философіи и ея исторіи. Пер. съ нъм. П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1899. п. К.—47) Д. А. Линевъ (Далинъ). Третья книга «Пе сказокъ». Спб. 1900. Б. г.—48) А. Е. Вурцевь. Дополнительное описаніе библіографическо-рідкихъ, художественно-замічательныхъ книгь и драгоценныхъ рукописей. Томъ I-VI. Спб. 1899. 5, городецкаго.-49) Регесты и надписи. Сводъ матеріаловь для исторіи евреевъ въ Россіи. (80 г.—1800 г.), Т. І. Спб. 1899. В, Р—ва.—50) Дж. Гобсонъ. Общественные идеалы Рескина. Изданіе т-ва «Знаніс», подъ редакціей Д. Протопопова. Спб. 1899, и К. Т. Солдатенкова. М. 1899. д.—51) Рабочій трудъ въ Западной Европъ. Проф. Геркнера. Переводъ съ 2-го нъмецк. изданія. Изъ журн. «Образованіе». Спб. 1899. Е.—52) Д. Дриль. Ссылка во Франціи и Россіи. (Изъличныхъ наблюденій во время потздви въ Новую Каледонію, на о. Сахалинъ, въ Пріамурскій край и Сибирь). Спб. 1899. д. к. Е—ва.-53) Г. Майръ. Закономърность въ общественной жизни. Москва. 1899. Д. к. Е-ва. -54) Сборникъ по общественно-юридическимъ наукамъ. Выпускъ 1-й. Подъ редакціей проф. Ю. С. Гамбарова. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899. Д.—55) Péninsule balkanique. Esquisse historique, ethnographique, philologique et littéraire, cours libre professé à la Faculté des lettres de l'Université de Montpellier, par Leon Lamuche, capitaine de génie, diplômé de l'École des langues orientales. Paris. 1899. В. Начановскаго.—56) Талиудъ. Мишна и тосефта. Критическій переводъ Н. Переферковича, Т. І. (книга 1 п 2). Спб. 1899. И. Н. З.—57) А. Н. Островскій. Его жизнь и литературная дізтельность. Біографическій очеркъ И. Иванова. Спб. 1900. В. Б.—58) Письма И. С. Тургенева къ Паулина Віардо. М. 1900. В. Б-снаго. — 59) Казаки: донцы, терцы, кубанцы, уральцы. Очерки изъ исторіи и стародавняго казацкаго быта. Изданіе второе. Составиль К. Абаза. Издаль В. Березовскій. Спб. 1899. и. н. 3.—60) Н. Зинченко. Первое собраніе писемъ В. Г. Вёлинскаго. Спб. 1901 (sic). В. 5.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ . . . 388, 822, 1185

1) Древній Римъ.—2) Италія при франкахъ и въ средніе въка.—3) Происхожденіе Лондонскаго муниципалитета. — 4) Возстанія престыянь вы Англіи и Германіи.—5) Быль ли Петрарка върень Лауръ.—6) Окончаніе юбилея **Кромвеля и новая его біографія.** — 7) Возстановленіе католицизма во времена консульства.—8) Столетняя годовщина смерти Вашингтона.—9) Клеберъ на службъ у Австрін.—10) Послъдніе годы генерала Моро.—11) Иностранцы о Россін.—12) О президенть Крюгерь.—13) Смерть Морица Вуша, Гранта Аллена, Софін Торма, леди Сольсбери, баронессы Леветцовъ.—
14) Данте, какъ человъкъ.—15) Мусульманское происхожденіе ісзуитовъ.— 16) Автобіографія Мильтона. -- 17) Отношенія англичанъ и голландцевъ въ прошедшенъ. — 18) Кардъ XII въ Альтранштедтв. — 19) Мужъ Дюбарри. — 20) Неведомый Латюдъ. — 21) Немецкая книга объ императоре Александръ I.—22) Фридрихъ-Вильгельмъ III и королева Луиза.—23) Наполеоніана.—24) Придворная интрига во Франціи при Людовикъ XVIII.— 25) Верховный судъ во время іюльской монархін. — 26) Что видёль Викторъ Гюго.—27) Изъ писемъ графа Эйленбурга.—28) Военная служба и плънъ Поля Дерульда.—29) Воспоминанія англійскихъ современниковъ.—30) Смерть Дроза.—31) Геродоть и букидидъ.—32) Невёдомый историческій трудъ Ренана.—33) Первые военные подвиги Кромвеля.—34) Потомки французскихъ эмигрантовъ въ Германін. — 35) Последняя мускадентка. — 36) Три последнихъ Конде. — 37) За кулисами Вънскаго конгресса. — 38) Новыя беседы Наполеона на острове св. Елены. — 39) Предшественникъ Ницше.—40) Итоги XIX въка.—41) Смерть Рескина. — 42) Викторія миротворица.—43) Славяне въ Ганноверв.—44) Изъ обычаевъ и върованій американскихъ племенъ.

Историческая справка о Гурьевской кашт. Князя А. Л. Голицына.

1) Къ юбилею Суворова. — 2) С.-Петербургское археологическое общество. — 3) Археологическій институть. — 4) Вибліологическое общество. -5) Географическое общество. — 6) Психологическое общество въ Москвъ. — 7) Реймское евангеліе въ новомъ изданіи. — 8) Избраніе въ члены Краконской академіи. — 9) Торжественное заседаніе императорской академіи н**аукъ.** — 10) Памятнивъ А. П. Вогданову. — Двадцатилътіе «Историческаго Въстника».—12) Музей В. В. Тарновскаго.—13) Общество любителей древней письменности.—14) Московское археологическое общество.—15) Архео**догическій институть.** — 16) Вибліологическое общество. — 17) Владимірсвая архивная комиссія. — 18) Проекть архивной комиссіи въ Воронежі. — 19) Географическое общество. — 20) Товарищество «Книговъдъ». — 21) Чествованіе памяти Ломоносова I. — 22) Юбилей В. θ . Миллера. — 23) Сорокольтній юбилей литературной діятельности А. П. Пятковскаго. — 24) Диспуть М. А. Дьяконова. —25) Диспуть М. Г. Попруженко. —26) Къ XII археологическому съвзду. -27) Московское историческое общество. -28) Археологическое общество въ С.-Петербургъ.—29) Археологический институтъ.— 30) Общество любителей древней письменности.—31) Общество любителей россійской словесности. — 32) Въ Библіодогическомъ обществъ. — 33) Географическое общество. — 24) Кіевское церковно-археологическое общество въ 1899 году. — 35) Изданіе академін наукъ. — 36) Сохраненіе памятниковъ древности.—37) Вечеръ въ панять Т. И. Филиппова.

1) Т. И. Филипповъ. — 2) П. Ө. Николаевскій. — 3) А. Д. Столышинъ. — 4) В. Н. Невъдомскій. — 5) А. П. Цеге-фонъ-Мантейфель. — 6) П. Г. Андреевъ. — 7) В. Г. фонъ-Вооль. — 8) К. В. Ворошилювъ. — 9) Е. Е. Григоровичъ. — 10) М. С. Кахановъ. — 11) И. Н. Корсунскій. — 12) Н. И. Костромитиновъ. — 13) В. Н. Лигинъ. — 14) А. Н. Овсянниковъ. — 15) А. П. Романовиъ. — 16) І. И. Тарнополь. — 17) А. А. Тилло. — 18) А. А. Фаддаевъ. — 19) И. И. Штутцеръ. — 20) Д. Г. Анучинъ. — 21) К. Д. Везмінова. — 22) А. И. Гаррисовъ. — 23) А. К. Гаугеръ. — 24) К. Д. Головщиковъ. — 25) Ф. І. Грудзинскій. — 26) Н. Ф. Добровольскій. — 27) Д. А. Иконниковъ. — 28). Ө. А. Клагесъ. — 29) П. Л. Лаврояъ. — 30) Н. В. Максимовъ. — 31) Епископъ Мелетій. — 32) И. Ф. Мельниковъ. — 33) И. И. Мяллеръ. — 34) Д. Я. Никитинъ. — 35) П. И. Погожевъ. — 36) В. М. Пржеввальскій. — 37) Е. М. Прилежаевъ. — 38) П. В. Тутуъкинъ. — 39) Г. Е. Церетали. — 40) В. А. Шройберъ. — 41) Г. Д. Пербачевъ.

1) Къ біографія А. И. Кернъ. Н. Бомерянова.—2) По поводу ископаемыхъ шаровъ. А. Д. Парасича. — 3) Предшественникъ Колунба. г. А. Воробъева. — 4) Къ статъв «Жертва террора». Любомірскаго. — 5) Двв поправки. М. К. В.—6) Подвигъ рядового Леонтьева. Н. В. Рогозина.—7) По поводу «Археологической справки» г. Эваринцкаго. Ал. Лазаревскаго.—8) Къ ванискамъ С. М. Загоскина. Л. М. Савелова.

объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты А. В. Браницкой, М. Е. Салтыкова и В. В. Крестовскаго.—2) Сынъ Наполеона. Псторическая повъсть **Шарля Лорана.** Переводъ съ французскаго. Части I—VII.

....

Slow 25.

CORNARIO

ucto Puko-

литературный

ЖУРНАЛЪ

годъ двадцать первый январь, 1900

Digitized by Google

содержаніе.

ЯНВАРЬ, 1900 r.

· · · · · · · · · · · · · · · · · · ·	OTPAH.
І. Въ годину бъдствій. І—ІV. н. и. мердеръ	. 7
II. Воспоминанія С. М. Загоскина	. 41
иллюстрація: Михангь Николаевичь Загоскинь.	
III. Машкерадъ. (Историческій разсказъ). Графа Е. А. Саліаса .	. 79
IV. Изъ воспоминаній объ император'в Александр'в III. Н. А. Милюти	на 115
V. Незамънимый. И. Н. Потапенко	. 120
VI. На новую линію. I—VII. В. Н. Назарьева	. 136
VII. Изъ галлереи историческихъ силуэтовъ. Графиня А. В. Браницкая. Е. С. Шумигорскаго	
VIII. Герценъ и Тургеневъ. В. Батуринскаго	
IX. Чрезвычайное американское посольство въ Россіи, въ 1866 году Е. Н. Матросова	y .
X. Восемь лъть на Сахалинъ. I—VII. Н. II. Миролюбова	
Идлюстрація: 1) Группа арестантовъ на пароход'я Добровольнаго флота в время сл'ядованія на о. Сахалинъ. — 2) Пристань Александровскаго поста в о. Сахалинъ. — 3) Александровская тюрьма на о. Сахалинъ. — 4) Заковка катора ника въ кандалы. — 5) Дворъ и столован въ Александровской тюрьмъ. — 6) На болъе тяжкіе преступники, прикованные къ тачкамъ. — 7) Тюремная ограда в Сахалинъ. — 8) Ново-Михайловское поселеніе на Сахалинъ. — 9) Характеръ схалинъской ръки. — 10) Дорога черезъ хребетъ Пилинга. — 11) Начальникъ Тъмовскаго округа А. М. Бутаковъ.	18. K- H- 18. 8-
XI. Студенческое научно-литературное общество при СПетербург	
скомъ университеть. А. К. Бороздина	
XII. Новый трудъ по исторіи Смутнаго времени. ІІ. Н. Полевого .	
XIII. Университетскіе уставы. (1755—1884 гг.). I—V. Б. Б. Глинскаго	
XIV. Михаилъ Николаевичъ Капустинъ. (Некрологъ). В. К. Рудавова	. 352
илиострація: Миханль Няколаевнчь Капустинь.	
ХV. Критика и библіографія	. 360
1) Пауль Варть. Финософія исторіи, какъ соціологія. Переводъ съ нѣмен каго. Часть 1-а. Введеніе и критическій обзоръ. Сиб. 1900. м. я. — 2) Г Карѣевъ. Исторія Западной Европи въ новое время. Толъ V-й. Сиб. 1898 п. А. к. — 8) Историческій очеркъ двадцатаниятыть й йательности Обществ вспомоществовавія студентамъ Императорскаго СПетербургскаго унвверситет основаннаго 4 ноября 1878 года. Отчеть за 1897 годъ. Отчеть за 1898 годъ Сиб. 1892. С. Пересолюннова. — 4) М. Дъяконовъ 1. Очерки изъ исторія сельскан населенія въ Московскомъ государствъ (въ XVI — XVII въкахъ). Издаві археографической комиссія. Сиб. 1898. 2. Акты, относящієся къ исторі тягмаго населенія въ Московскомъ государствъ. Выпускъ І. Крестьявскія по рядныя. Г. Галананина. — 5) Моподтарніем zur Weltgeschichte. Liebhubel Ausgaben. (In Verbiudung mit anderen herausgegeben von Ed. Heyel Verlag von Velhagen und Klasing in Bielefeld und Leipzig). Р. г. — 6) Юл анъ Кулаковскій. Карта Европейской Сарматія по Птолемею. Привѣтстве XI Археологическому събаду. Кіевъ. 1899. В. Р. — 22. — 7) Т. Роджерсь. Исторія труд	H. 9. 88 88, 50 60 60 60 60 60 60 60 60 60 60 60 60 60

См. сгвд. стр.

ВЪ ГОДИНУ БЪДСТВІЙ ').

РОДИЛАСЬ въ концъ прошлаго столътія, въ дворянской семьъ, нъкогда знатной и богатой.

Имя наше, съ самаго основанія государства, было тёсно связано почти со всёми историческими событіями въ Россіи. Въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, отъ причинъ, о которыхъ здёсь не мёсто распространяться, фамилія наша стала приходить въ упадокъ. Однако, въ то время, когда я появилась на свётъ, дёдъ мой съ отцовской

стороны, князь Романъ Васильевичъ Б—скій, слыть еще богачемъ. У него быть большой домъ въ Москвѣ, про обстановку котораго разсказывали чудеса, и гдѣ онъ жилъ одинъ послѣ смерти жены, а также богатое имѣніе верстахъ въ пятидесяти отъ города, которымъ управлять его старшій сынъ Левъ Романовичъ, человѣкъ съ большими странностями, и, по всеобщему мнѣнію, ни на что, кромѣ занятій сельскимъ хозяйствомъ, неспособный. Его строгій и взыскательный отецъ, слывшій и въ то жестокое время за человѣка крутого нрава, давно махнулъ на него рукой, какъ на продолжителя своего рода и какъ на государственнаго дѣятеля: прервавъ блестящее воспита-

¹⁾ Въ 1874 г. я познакомилась и близко сошлась въ Парижѣ съ Елисаветой Борисовной де-Сабри, русской по происхожденію, но на девятнадцатомъ году покинувшей, вмѣстѣ съ мужемъ, Россію и поселившейся во Франціи. Въ это время ей было уже слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ, она никуда не выѣзжала, и я проводила у нея иногда цѣлые дни, съ интересомъ слушая ея разсказы о влоключеніяхъ, испытанныхъ ею въ молодости. Эти разсказы я тогда же набрасывала на бумагу и теперь, приведя ихъ въ порядовъ, считаю болѣе удобнымъ изложить повъсть жизни покойной де-Сабри, ведя равсказъ отъ ея имени.

ніе, которое ему давалось отчасти за границей, отчасти дома, съ помощью иностранных учителей и гувернеровь, онъ отправиль его двадцати лётъ въ деревню, управлять мужиками и собирать доходы, а всё свои надежды и любовь перенесъ на меньшаго сына.

Это случилось задолго до моего рожденія.

Въ раннемъ дѣтствѣ я помню себя въ маленькомъ деревянномъ домѣ съ мезониномъ, скромно ютившемся между широкимъ дворомъ и садомъ, очень старымъ и запущеннымъ, выходившимъ въ одинъ изъ переулковъ, близъ Васманной.

Въ домѣ этомъ, доставшемся напенькѣ по наслѣдству отъ какойто бездѣтной родственницы, и которому мы раньше не придавали никакой цѣны, намъ, дѣтямъ, невзирая на скромность обстановки и на отсутствіе даже и намека на роскошь, жилось такъ хорошо, что время это мы, по истинѣ, могли считать единственно свѣтлымъ и счастливымъ въ нашемъ дѣтствѣ и отрочествѣ. Мы были окружены попеченіемъ нѣжной и любящей матери, наслаждались ласками обожаемаго отца, у насъ былъ густой и тѣнистый садъ, изъ котораго мы лѣтомъ почти не выходили, обширный дворъ для прогулокъ зимой и множество дворовыхъ малъчишекъ и дѣвчонокъ, принимавшихъ участіе въ нашихъ затѣяхъ; прошлое было отъ насъ сокрыто, а въ будущее намъ и въ голову не приходило заглядывать, чего же больше желать?

Насъ было трое: два брата и я. Сережа былъ на два года меня старше, а Рома на пять лѣть моложе. Домъ нашъ, считавшійся, по тогдащнимъ понятіямъ, очень малымъ и убогимъ, былъ помѣстителенъ и занималъ со службами пространство земли, достаточное для постройки пяти домовъ современной архитектуры. Онъ состоялъ изъ десяти—двѣнадцати комнать, свѣтлыхъ и просторныхъ, со множествомъ чулановъ и кладовыхъ, изъ длиннаго, свѣтлаго коридора и двухъ сѣней, парадныхъ и черныхъ, такихъ обширныхъ, что въ настоящее время, столь экономное на пространство, изъ нихъ непремѣнно сдѣлали бы нѣсколько комнатъ, въ которыхъ съ большимъ удовольствіемъ помѣстилось бы семейство изъ такъ называемаго, хорошаго общества. Но въ то время жизненныя условія были не тѣ, что теперь, и я помню, какъ папенька сокрушался, что не можетъ предоставить намъ лучшаго помѣщенія.

— Къ намъ и принять никого нельзя!

Фразу эту мы такъ часто слышали, что привыкли приписывать затворническую жизнь маменьки исключительно тесноте нашего помещенія, тогда какъ на это были еще другія причины, тщательно оть насъ, дётей, скрываемыя.

Въ то время, кромѣ дяденьки Льва Романовича да пожилой дамы, родственницы нашего отца, которую мы звали тетенькой Екатериной Ивановной, никто у насъ не бывалъ. Дядя пріѣзжалъ точно украдкой, торопливо проходилъ въ спальню маменьки и все время,

что онъ у насть оставался, мы не смёли выходить изъ дётской, чтобъ не мёшать имъ разговаривать. Иногда онъ про насъ спрашивалъ, и когда насъ къ нему приводили, онъ даналъ намъ цёловать свою руку и предлагалъ намъ вопросы о томъ, чему мы учимся, такимъ серьезнымъ тономъ, что, отвётивъ, какъ умёли, мы рады были, когда маменька приказывала намъ знакомъ удалиться.

Другимъ звеномъ, соединявшимъ насъ съ родственнымъ міромъ, отъ котораго мы, по волъ дъдушки Романа Васильевича, были отстранены, служила вышеупомянутая тетенька Катерина Ивановна, считавшая своимъ долгомъ навъщать насъ разъ пять-шесть въ годъ. Особа эта, невзирая на свою тучность, замъчательно живая и словоохотливая, вносила въ нашу мирную жизнь много шума, тревоги и горя. Сыпала она вопросами, на которые, въроятно, было очень тяжело отвъчать, и разсказами, безъ сомнънія, непріятнаго свойства, если судить по тому, какъ разстроена была маменька послъ каждаго посъщенія, а также какъ ворчала на нее няня.

Впослъдствіи мы узнали, что тетенька Катерина Ивановна встръчалась съ нашимъ отцомъ въ обществъ, гдъ, надо въ томъ сознаться, поведеніе его подавало поводъ къ безконечнымъ сплетнямъ. Сплетни эти тетенька считала своимъ долгомъ передавать маменькъ, съ добрымъ намъреніемъ, можетъ быть, такъ какъ она была, кажется, не злая женщина, но не даромъ же говорится, что адъ вымощенъ добрыми намъреніями.

Каждый годъ, съ первымъ саннымъ путемъ, прівзжала къ намъ еще гостья изъ маменькинаго хутора въ Малороссіи, Варвара Петровна, съ обозомъ домашней птицы, окороками, масломъ, мукой и тому подобными деревенскими продуктами, которыми мы продовольствовались почти круглый годъ.

Особа эта представляла полнъйшій контрасть съ тетенькой: маленькая, худенькая, съ добрымъ сморщеннымъ лицомъ и умными ласковыми глазами, она способна была однимъ своимъ присутствіемъ разогнать самую злую тоску и умъла представить всякую бъду въ такомъ свътъ, что она переставала казаться бъдой. Всъ въ домъ, начиная отъ послъдняго двороваго мальчишки и кончая нашими родителями, называли ее бабушкой, хотя она никому родней не доводилась и была вывезена родителями нашей матери изъ-подъ Вологды.

Варвара Петровна была крѣпостная. Умирая, господа поручили ей единственную свою дочь, и то, что эта простая, безграмотная женщина сдѣлала для сироты, отданной на ея попеченіе, покажется нынѣшнимъ людямъ невѣрэятнымъ и невозможнымъ. Начала она съ того, что, похоронивъ барыню, скончавшуюся съ годъ послѣ мужа, она поѣхала съ трехлѣтней своей барышней въ губернскій городъ къ воеводѣ и, объяснивъ ему, въ какомъ она затруднительномъ положеніи относительно дитяти, котораго надо воспитывать

по-барски, стала ему доказывать, что онъ обязанъ взягь эту обузу на себя. Но, что покажется еще невъроятнъе, это то, что совершенно посторонній человъкъ, какимъ былъ воевода для этого ребенка, обремененный къ тому же собственной большой семьей, не нашелъ возможнымъ отказаться отъ навязываемой ему отвътственности и хлопотливой обязанности и оставилъ дъвочку въ своей семьъ.

О томъ, какъ воспитывалась сирота въ домъ своихъ благодътелей и какая женщина изъ нея вышла, будеть видно изъ послъдующаго.

Каждый годъ Варвара Цетровна прівзжала изъ хутора, которымъ она управляла безконтрольно, въ городъ навъстить свою барышню и собственными глазами убъдиться, что она растеть, хорошьеть и набирается ума на-диво.

Вмъстъ съ тъмъ она отдавала ей отчетъ въ управлении ея состояниемъ и привозила ей деньги, вырученныя отъ продажи пшеницы, овса и прочаго, зорко слъдя за тъмъ, чтобъ она ничъмъ не обязывалась чужимъ людямъ, кромъ ласки, которую, какъ сиротъ, положено ей было оказывать самимъ Богомъ.

Уговорить Варвару Петровну взять вольную удалось только посл'в свадьбы барышни и когда ее заставили понять, что въ званіи кр'впостной ей не такъ будеть удобно управлять им'вньицемъ своей питомицы, какъ свободнымъ челов'вкомъ.

Не думали воспитатели маменьки, благословляя ее подъ вѣнецъ съ блестящимъ красавцемъ изъ знатной и богатой семьи, что ей съ дѣтьми придется существовать исключительно на доходы съ хутора, управляемаго Варварой Петровной, а между тѣмъ такъ именно и вышло: князъ Б-скій такъ безумно влюбился въ сироту Сонюшку, что, не надѣясь получить согласія на бракъ съ нею отъ отца, рѣшился обойтись безъ этого согласія.

Знали ли объ этомъ маменькины воспитатели? Очень можетъ быть, что и знали, но не рёшились препятствовать тому, что всёми считалось для нея великимъ счастіемъ. А можетъ быть, папенька, со свойственнымъ ему легкомысліемъ и восторженностью, всёхъ, и въ томъ числё невёсту, ввелъ въ заблужденіе относительно правилъ и характера своего родителя. Такъ или иначе, но молодую ждало жестокое разочарованіе по пріёздё ен въ Москву: отецъ мужа наотрёзъ отказался ее видёть.

Женитьба любимаго сына на бѣдной сиротѣ изъ незнатной дворянской семьи, безъ связей и приданаго, привела старика въ такую ярость, что съ нимъ сдѣлался нервный ударъ, отъ котораго онъ хотя и оправился, но до конца жизни сохранилъ болѣзненную раздражительность. Никто не осмѣливался въ его присутствии упоминать имени нашего отца, а матери нашей и того менѣе.

Съ каждымъ годомъ надежда на примирение становилась сла-

бъе. Напрасно ъздилъ къ нему сынъ послъ рожденія каждаго ребенка, чтобъ испросить благословеніе новорожденному внуку, дальше первой залы ему не удавалось проникнуть: каждый разъ старый камердинеръ, Иванъ Дмитріевичъ, со слезами ему объявлялъ, что его сіятельство не желають его видъть.

Можно себ'в представить, какъ терзалась наша мать такимъ семейнымъ положеніемъ! Какъ она упрекала себи въ томъ, что была, хоти невольно, его причиной!

Надо было знать ея чувствительную душу, чтобы это понимать. Что же касается насъ, мы знали о существованіи дёда только потому, что каждое утро и каждый вечеръ поминали его имя во время молитвы, вслёдъ за именами нашихъ родителей. На вопросъ: «почему мы никогда его не видимъ?» намъ отвёчали, что онъ не любитъ дётей. И долго объясненіе это насъ удовлетворяло.

Что было несравненно трудне — это примириться съ частыми отлучками отца нашего изъ дома. Мы его обожали. При немъ было такъ весело, что большаго счастья, какъ быть съ нимъ, мы не могли себъ даже представить. Но у него было такое множество друзей въ городъ, и онъ такъ привыкъ къ разсъянной, свътской жизни, что ръдко доставлялъ намъ это счастье.

За то маменька никуда безъ насъ не вытажала, и я не помню, чтобъ она хоть разъ воспользовалась нашей каретой, чтобъ тахать куда бы то ни было, кромт какъ въ нашу приходскую церковь или кататься. Все свое время посвящала она дътямъ и заботамъ по дому. Жили мы только доходами съ ея хутора, а отецъ, которому дъдушка ничего не давалъ, тратилъ безъ счета на свои удовольствія деньги, занимаемыя у ростовщиковъ, но, невзирая на это, мы держали многочисленную дворню, въ числъ которой было множество бълошвеекъ. Впрочемъ, эти послъднія съ избыткомъ окупали свое содержаніе предестными габотами по батисту и кисеть, которыя маменька продавала черезъ прінтельницу няни, попадью, московскимъ щеголихамъ.

Папенька, конечно, про это ничего не зналъ. Онъ пришелъ бы въ ужасъ и отчаяніе, еслибъ ему сказали, что его красавица, Сонюшка, занимается коммерціей, чтобъ собрать нѣсколько сотенъ рублей ему же на изящное бѣлье, на одежду дѣтямъ и на ливреи прислугѣ.

Бъдный папенька, его такъ легко было обмануть!

Да, у него было множество недостатковъ и даже пороковъ, причинявшихъ какъ ему, такъ и близкимъ его, непоправимое зло, а между тъмъ обаятельнъе человъка трудно было найти. Въ этомъ сознавались всъ, кто его зналъ, и странно было бы удивляться, что влюбленная въ него до безумія жена покоряется всъмъ его требованіямъ и причудамъ, считая себя счастливой, когда онъ

былъ доволенъ. До конца своей короткой жизни находилась она подъ обаяніемъ его ума, красоты и блестящей талантливой натуры.

И не она одна, а весь домъ, можно сказать, былъ въ него влюбленъ. Не было у насъ такого горя, которое не превратилось бы въ радость отъ его поцёлуя, ласковаго слова или даже взгляда. Когда онъ появлялся передъ нами блестящимъ метеоромъ, всегда щегольски разодётый, надушенный, жизнерадостный, съ милою улыбкой на губахъ и съ восторженно сверкающимъ взглядомъ красивыхъ, выразительныхъ глазъ, всё ощущали какой-то особенный подъемъ духа, точно дождались того, чего давно желали, и все непріятное позабывалось. Хотёлось только имъ любоваться и слушать его чудный, хватающій за душу голосъ, когда онъ пёлъ модныя въ то время аріи или разсказывалъ, со свойственнымъ ему тонкимъ и добродушнымъ юморомъ, анекдоты изъ большого свёта, гдё его продолжали принимать съ распростертыми объятіями, невзирая на то, что онъ былъ въ опалё у отца.

Благодаря ростовщикамъ, папенька цѣлыхъ десять лѣтъ продолжалъ вести жизнь богача, не задумываясь о завтрашнемъ днѣ и избѣгая въ разговорахъ съ женой всякаго намека на денежныя затрудненія, какъ вдругь, въ одно прескверное утро разразилась буря, ужъ давно съ трепетомъ ожидаемая маменькой и преданными ей людьми: няней, Варварой Петровной и старѣйшими изъ нашихъ слугъ. Явился незнакомецъ съ извѣстіемъ, что за какой-то неоплаченный долгъ, нашему отцу грозитъ исключеніе изъ членовъ англійскаго клуба.

Надо было, во что бы то ни стало спасти его отъ такого страшнаго позора, а для этого оставалось одно средство: отдать маменькинъ хуторъ въ обезпеченіе долга.

Разумъется, она ни минуты не задумалась принести требуемую жертву и тотчасъ послъ того, какъ бумага была подписана, папенька уже рыдалъ у ея ногъ, моля о прощеніи и завъряя всъми святыми, что посвятить всю свою жизнь семьъ.

Это быль счастливый для насъ день, и я помню, какъ мы досадовали на няню и на Варвару Петровну (которая въ то время у насъ гостила), что онѣ вмѣсто того, чтобъ радоваться счастливому случаю, вернувшему папеньку въ семью, сокрушались о томъ, что у насъ совсѣмъ могутъ отнять нашъ хуторокъ.

Впрочемъ, повидимому, и папенька раздѣлялъ эти опасенія; никогда не видѣли мы его такимъ смущеннымъ и озабоченнымъ нашей судьбой, какъ въ первые дни послѣ согласія маменьки пожертвовать послѣднимъ достояніемъ, чтобъ спасти его честь. Онъ не выходилъ изъ дома, старался нами заниматься и увѣрялъ, что лучше и воспитаннѣе насъ нѣтъ дѣтей во всей Москвѣ.

— Увъряю тебя, что у Бутурлиныхъ и у Голицыныхъ дъти не говорятъ такъ свободно пофранцузски, какъ наши, а въ музыкъ

ты съ ними достигла поразигельных результатовъ! Лиза играетъ на клавикордахъ не хуже княжны Мещерской, которая старше ея на три года и ученица Пучини,—повторялъ онъ нашей восхищенной матери, осыпая насъ ласками.

Со свойственнымъ ему восторженнымъ оживленіемъ, толковалъ онъ о будущности братьевъ, о своей поъздкъ въ Петербургъ, чтобъ хлопотать о зачисленіи ихъ въ только что открытый Царскосельскій лицей, или въ школу колонновожатыхъ, а также для прінсканія себъ службы. Съ его способностями, умомъ и связями это казалось такъ легко!

Маменька ожила. Упорный кашель, часто по цёлымъ ночамъ не дававшій ей заснуть, совсёмъ пересталь ее мучить. Подъ влініемъ ласкъ и обёщаній обожаемаго мужа она хорошёла, какъ цвѣтокъ подъ живительными лучами солнца, ея серебристый смѣхъ раздавался по всему дому. Но однажды вечеромъ, папенька попросиль ее спёть съ нимъ тотъ самый дуэтъ, который они пёли въ первый годъ послё свадьбы. Она уступила его просьбамъ и начала довольно смёло, но продолжать не смогла: голосъ ея оборвался въ припадкъ сильнаго кашля и, увидавъ кровь на платкъ, который она прижала къ губамъ, отецъ, внъ себя отъ испуга, сталъ рвать на себъ волосы и упрекать себя въ томъ, что онъ ее убиваетъ.

Напрасно увъряли его, что такіе припадки кашля съ кровью не въ первый разъ съ нею случались, онъ въ отчанніи своемъ ничего не хотъть слушать и тогда только немного успокоился, когда сама больная стала его просить не пугать дѣтей шумнымъ горемъ. Всю ночь, не раздѣвансь, провелъ онъ у ен постели. А она, между тѣмъ, пользуясь тѣмъ, что онъ на слѣдующее утро высыпался, поднялась въ обычный часъ съ постели и, объявивъ намъ, что пора приниматься за дѣло, занялась съ нами уроками, прерванными папенькинымъ возвращеніемъ къ семейному очагу.

Съ этого дня, невзирая на его присутствіе, началась снова наша обычная жизнь. Съ восьми часовъ утра до двухъ, т.-е. до обѣда, мы занимались музыкой, рисованіемъ и науками, по строго выдержанной системѣ. Другой учительницы, кромѣ маменьки, у насъ не было. Все утро переходила она изъ диванной, гдѣ я съ Сережей упражнялась на старенькихъ клавикордахъ, въ классную, гдѣ мы зубрили грамматику, географію, исторію и миоологію по маленькимъ книжечкамъ, по которымъ она сама училась, а въ промежуткахъ она заглядывала въ дѣвичью на антресоляхъ, гдѣ бѣлошвейки вышивали по узорамъ, ею же сочиненнымъ и нарисованнымъ. Въ занятіяхъ по хозяйству ей помогала няня, но только въ мелочахъ; верховной своей власти воспитательницы дѣтей и хозяйки дома, она никому не уступала.

Когда во время занятій она посылала котораго нибудь изъ насъ съ порученіемъ къ нянѣ, мы, пробѣгая черезъ залу, видѣли папеньку, прохаживавшагося большими шагами взадъ и впередъ, заложивъ руки за спину. Какой у него былъ несчастный, удрученный видъ! Какъ онъ долженъ былъ скучать, прислушиваясь къ монотоннымъ гаммамъ и этюдамъ, безъ перерыва разносившимся по всему дому изъ диванной; покрывая отдаленный грохотъ экипажей, катившихся по улицъ, въ которую упирался нашъ переулокъ. Съ какимъ нетерпъніемъ ждалъ онъ той минуты, когда накроють на столъ, и магическія слова «кушать подано» вызовуть маменьку со всъми нами въ столовую.

Вечеръ принадлежалъ ему. Онъ съ нами игралъ, заставлялъ насъ пѣть хоромъ, самъ пѣлъ, декламировалъ, представляя цѣлыя сцены изъ видѣнныхъ трагедій и комедій, читалъ монологи. И какъ искусно! Ему ничего не стоило заставлять насъ хохотать, дрожать отъ страха или плакать. Можно себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ мы ждали наступленія вечера!

Но, увы, счастье наше было непродолжительно! Отецъ нашъ многимъ въ Москвъ былъ нуженъ, и его надолго у насъ не оставили. Съ первыхъ дней его добровольнаго заточенія въ семьъ, стали нодъезжать къ зане тымъ воротамъ нашего дома кареты, съ запятокъ соскакивали ливрейные лакеи, которые прибъгали съ докладомъ о желаніи такого-то или такого-то новидать Бориса Романовича. Но, должно быть, папенька серьезно решился остепениться и порвать сношенія съ прежними друзьями: всёмъ приказано было отвёчать, что барыня больна, и баринъ никого не принимаетъ. Однако, друзья не унимались, продолжали о немъ осведомляться и, наконецъ, одинъ изъ нихъ, тотъ самый князь, для котораго года два тому назадъ отецъ нашъ выкралъ изъ купеческаго дома красавицу, соскучившись кутить безъ обычнаго товарища, ръшился на отчаянное средство, чтобъ извлечь пріятеля изъ заточенія: безъ доклада проникъ въ прихожую, ни слова не говоря, сбросилъ плащъ на руки оторопъвшаго казачка и вошетъ въ залу, гдъ пріятель его совершалъ свою ежедневную, тоскливую, одинокую прогулку, въ ожиданіи объда.

Радостныя восклицанія друзей раскатились по всему дому, заглушая даже гулъ гаммъ, а минуту спустя, папенька съ сіяющимъ лицомъ вошелъ въ классную, увелъ маменьку знакомиться съ незванымъ гостемъ, а за тъмъ уъхалъ съ нимъ на какую-то репетицію, объщая непремънно вернуться къ объду.

Но онъ не прібхаль объдать ни въ этоть день, ни въ послъдующіе, и какъ бывало раньше, часто не возвращался и на ночь, и маменька выходила къ намъ утромъ съ распухшими отъ слезъ глазами.

А тутъ явилась къ намъ вскоръ и тетенька, которую мы ужъ давно не видали, и посыпались разсказы объ успъхахъ нашего отца въ томъ обществъ, къ которому мы не принадлежали, и гдъ все намъ было такъ чудно, какъ еслибъ мы жили на другой планетъ.

— Просто рвуть твоего Бориса Романыча на части, такъ онъ всёмъ милъ и нуженъ,—затараторила она еще въ прихожей, не дождавшись, чтобъ лакей снялъ съ нея салопъ и теплые сапоги.— Спектакъ у Голицыныхъ, живыя картины у Обръзковыхъ, пастораль у Титовыхъ, и къ довершенію всего,—маскарадъ у свътъйнаго! И твой благовърный вездъ дирижируетъ, во всемъ участвуетъ, всёхъ учить, одъваетъ, ну, однимъ словомъ, нашъ пострѣтъ вездъ посиътъ... Да что! даже Матаваеву манерамъ учитъ! И съ успъхомъ, говорятъ! Брюхомъ впередъ, какъ бывало прежде, ужъ теперь не претъ... Вотъ онъ какой у тебя мастеръ... на все, что не нужно...

И невзирая на смущеніе маменьки, умолившей ее знаками прекратить этоть неприличный разговоръ при людяхъ и при дётяхъ, она вдругь спросила: — А неуж ли это правда, что ты хуторишко свой заложила, чтобы долгь его уплатить? Ну, ужъ это, матушка, позволь тебѣ сказать, совсѣмъ глупо! они тебя въ семью не хотятъ принимать изъ-за бѣдности, а ты за нихъ долги платишь!

Прежде чъмъ возражать своей непрошенной заступницъ, маменька отослала насъ въ классную съ запрещеніемъ выходить оттуда, пока насъ не позовуть, а потому продолженія разговора мы не слышали, однако онъ не остался безъ послъдствій: тетенька такъ усердно звонила по всему городу про великодушный поступокъ нашей матери, что слухъ объ этомъ дошелъ до дъдушки; но если тетенька разсчитывала этимъ тронуть его сердце въ пользу невъстки, то она ошиблась: онъ объявилъ, что еслибъ эта послъдняя пошла милостыню просить съ дътьми по Москвъ, то онъ и тогда не подалъ бы ей даже ломти хлъба.

--- Вотъ какимъ звъремъ сталъ!—негодовала наша покровительница.

Но маменька ничѣмъ не возмущалась. Она ужъ сознавала близость смерти и относилась ко всему земному равнодушно. За мученическую жизнь и безропотную покорность Его волѣ Господь ее такъ возлюбилъ, что даровалъ ей способность прозрѣвать еще при жизни то, что доступно однимъ безплотнымъ духамъ. Всѣмъ она прощала, всѣхъ она любила и увѣщевала насъ не ждать благъ отъ земной жизни и искать сокровище свое тамъ, гдѣ никто отнять его не можетъ.

Но къ послѣднимъ ея минутамъ мнѣ придется еще вернуться, а теперь, чтобъ послѣдующія событія были понятны, надо разсказать, что произошло послѣ того, какъ нашъ отецъ временно вернулся въ семью.

Послѣ этого событія маменька прожила еще годъ. И годъ этотъ можно назвать, по истинѣ, роковымъ для меня съ братьями: злой духъ, въ образѣ Дарьи Алексѣевны Матаваевой, началъ ужъ парить надънашей семьей, отравляя духовную атмосферу, окружающую насъ.

Явнаго столкновенія между нами и этой женщиной еще не

происходило, мы никогда ея не видѣли, но о существовани ея уж: знали. Про нее, украдкой и таинственно понижая голосъ, многу говорили у насъ въ домъ.

И она про насъ знала и такъ нами интересовалась, что познакомилась съ докторомъ, лѣчившимъ нашу мать, съ исключительною цѣлью узнавать про успѣхи болѣзни, которая должна была привести ее къ смерти, а люди ея, по ея приказу, безъ сомнѣнія, всячески старались завязать сношенія съ нашею дворнею, чтобъ разузнавать о томъ, что у насъ дѣластся.

Отецъ нашъ быль давно знакомъ съ этою загадочною личностью. Достаточно прославилась она по всей Москвѣ красотою, богатствомъ, распущенностью и грубыми, дикими выходками, чтобъ такой любитель эксцентричности во всѣхъ видахъ, какимъ онъ былъ всю свою жизнь, обратилъ на нее вниманіе даже въ такомъ случаѣ, еслибъ они не принадлежали къ одному и тому же обществу свѣтскихъ прожигателей жизни.

Но замѣчательно, что сближеніе ихъ началось съ такой ненависти другь къ другу, что когда они сталкивались у общихъ знакомыхъ, что случалось почти ежедневно, хозяева были въ страхѣ, чтобъ не произошло скапдала.

И не безъ основанія. Оскорблять и ставить другь друга въ непріятное или смішное положеніе было ихъ любимымъ развлеченіемъ. Папенька преследоваль свою «антипатію», какъ онъ называль г-жу Матаваеву, остроумными серказмами ловко и не нарушая правиль порядочности, заставляя ее запутываться въ сътяхъ собственнаго невъжества, пошлости и наглости, а она мстила ему по-своему, не останавливаясь передъ клеветой, чтобъ повредить ему въ мнвній людей, которые, по его милости, иначе какъ съ насмѣшливой улыбкой съ нею не говорили. Въ ярости своей она все забывала: и темное свое происхожденіе, и недостатокъ воспитанія (она еле умъла читать), и то, что, ворвавшись въ общество, только . благодаря замужеству со старикомъ, оставившимъ ей послъ смерти, вмъсть съ именемъ, огромное состояніе, она не могла ни съ къмъ изъ этого общества стать на равную ногу и еще менъе поколебать обанніе человіка, котораго туть знали съ дітства, любили и продолжали любить, какъ своего, невзирая на его недостатки и размолвку съ отцомъ.

Но Матаваева ничего этого не желала брать въ соображение и долго бы еще продолжала забавлять общество своими враждебными выходками противъ всеобщаго любимца, еслибъ не перешла границы того, что можно называть шуткой, и не придала бы сразу серьезный характеръ этой забавъ: она какими-то путями познакомилась съ дъдушкой, и послъдствиемъ этого знакомства оказалась запродажная запись, совершенная старикомъ на домъ, который долженъ былъ достаться старшему его сыну послъ его смерти.

Когда про это узнали, всё испугались за папенску и не безъ основанія: она громко хвасталась, что и родовое им'єніе подъ Москвой, принадлежавшее князьямъ В-мъ съ незапамятныхъ временъ, перейдеть въ ея руки.

Это казалось вполить возможнымъ. Она сумтала такъ подбиться къ старику, что онъ жить безъ нея не могъ, и про ихъ отношенія стали ходить странные слухи. Онъ не скрывалъ, что помолодълъ съ тъхъ поръ, какъ она его навъщаетъ, и дъйствительно вст находили его за послъднее время бодрте и живъе прежняго, а она встать повторяла, что не промъняетъ дружбу съ такимъ умнъйшимъ человъкомъ, какъ князъ Романъ Васильевичъ, на ухаживаніе самыхъ блестящихъ молодыхъ кавалеровъ, и что дружба эта имъетъ на нее самое благотворное вліяніе.

Въ послъднемъ, если судить по наружному виду, она была права: встръчаясь съ нею, прежніе знакомые не узнавали ея, такъ скромно и прилично она старалась себя держать.

— Воть увидите, что она женить на себя старика,—говорили въ городъ.

Всѣхъ предположеніе это смѣшило, но невозможнымъ его не считали. Развѣ первый ен мужъ не былъ тоже богатый и родовитый человѣкъ? Находили только, что ей надо торопиться, того и гляди, старикъ умреть, не успѣвъ сдѣлать ее княгиней.

II.

Одно изъ послъдствій маменькиной смерти было знакомство наше съ дъдушкой.

Маменька въ бёломъ атласномъ, подвёнечномъ платьё, немного пожелтъвшемъ отъ времени (оно хранилось болъе двънадцати лёть вь большомъ сундукв въ кладовой), лежала на столь въ заль, спокойная и холодная, съ закрытыми глазами. Длинныя, неподвижныя ресницы оттеняли бледность милаго молодого лица, съ сомкнутыми губами, казавшагося выдёпленнымъ изъ воска, такъ были тонки и прозрачны черты его. Въ сложенныхъ на груди рукахъ быль вложень тоть самый золотой съ мощами кресть, который она такъ страстно прижимала къ губамъ до последняго издыханія. У нзголовья и вь ногахъ ея последняго земного ложа стояли высокіе, мъдные, позолоченные подсвъчники съ зажженными восковыми свъчами, принесенными изъ нашей приходской церкви, а въ перемену съ монахиней изъ соседнято монастыря, дьячокъ Потапычъ, нашъ хорошій знакомый (онъ всегда приходилъ съ батюшкой служить молебны и всеночныя у насъ въ дом'в), въ сфромъ нанковомъ подрясникъ, съ рыжеватой косичкой и добрымъ, бабымъ лицомъ, гнусаво и на распъвъ, съ вздохами и придыханіями, читалъ книгу въ замасленномъ переплетв съ медными застежками, въ

«истор. въсти.», январь, 1900 г., т. LXXIX.

которой такъ красноръчиво говорится о суетъ и преходимости всего мірскаго и повелъвается ежечасно готовиться къ переходу въвъчность.

Въ дверяхъ и вдоль стънъ тъснились люди въ скромныхъ одеждахъ, съ скорбными лицами и заплаканными, испуганными глазами. Между ними были не одни наши дворовые, а также и такіе, которыхъ мы видъли въ первый разъ, но насъ не удивляло, что они тутъ, мы не спрашивали себя, для чего они пришли и почему ихъ пустили. Не такое было время, чтобъ чему бы то ни было удивляться. На насъ всъ смотръли съ состраданіемъ и любопытствомъ, но мы были въ такомъ оцъпенъніи отъ поразившаго насъ удара, что не могли еще вполнъ понимать, что именно съ нами случилось.

Мы знали, что маменьки съ нами больше нътъ. Она насъ благословила, поцъловала и уснула, чтобъ никогда больше не проснуться на землъ. Передъ нами лежало ен тъло, а сама она ушла туда, откуда никогда не возвращаются.

Никогда!

Сознаніе такого ужаса не вміщалось въ нашемъ дітскомъ умі и съ упорствомъ отчаннія отталкивалось сердцемъ, а душа хотя и изнывала въ тоскі, но еще безсознательно, отъ смутнаго предчувствія холода, мрака и одиночества, ожидавшихъ насъ въ будущемъ. Съ жуткимъ страхомъ передъ наступающею неизвістностью прижимались мы другъ другу, ища опоры въ любви, какъ въ единственномъ убіжищъ отъ всіхъ напастей. Кромі этой любви другъ къ другу, та, которая была для насъ все, ничего не могла намъ оставить. Какъ брошенные на произволъ судьбы птенцы, стояли мы особнякомъ отъ всіхъ передъ покоїницей, не спуская глазъ съ дорогого лица и невольно ожидая чуда: что она откроетъ глаза, улыбнется намъ своей милой улыбкой и любовно протянетъ намъ руки.

Но ожиданія наши не сбылись, чудо не свершилось, и того, что было при чей, намъ ужъ никогда не пришлось испытывать. Для насъ, въ полномъ смыслѣ слова, началась новая жизнь, съ новыми людьми и въ новой обстановкѣ.

Папенька быль въ отчаяніи. Онъ громко и истерично рыдаль, порывисто прижималь насъ къ своей груди, а затёмъ отталкиваль, чтобъ кинуться къ маменькё и прильнуть губами къ ея холоднымъ, мертвымъ рукамъ. Глаза его дико блуждали, и онъ безумно бился въ рукахъ людей, пытавшихся оторвать его отъ покойницы. Его шумное отчаяніе насъ пугало, и мы отстранялись отъ него, смутно сознавая, что никакой отрады намъ отъ него нельзя ждать.

Ошеломленный неожиданнымъ ударомъ (такіе люди, какъ онъ, ждуть отъ жизни одибхъ только радостей и удачъ, и горе является для нихъ неожиданностью, противъ которой все существо ихъ

возмущается, какъ противъ чудовищной несправедливости судьбы), онъ не въ силахъ былъ ничего сообразить и обмыслить. Его оставляли въ покоъ, и всъмъ распоряжалась Варвара Петровна, пріъхавшая по вызову маменьки, наканунъ ея смерти.

Наше тихое, замкнутое жилище преобразилось. Всегда запертыя ворота стояли день и ночь растворенными настежь; въ нихъ въёзжали кареты, изъ которыхъ выходили, никогда не бывавшіе у насъ раньше, дамы и мужчины. Они входили въ залу, останавливались на нёсколько мгновеній передъ маменькой, крестились, съ соболёзнованіемъ смотрёли на папеньку, который, весь поглощенный въ свое горе, ни на кого не обращалъ вниманія, и уёзжали. Но были и такіе, которые выражали желаніе познакомиться съ сиротами, и насъ къ нимъ подводили. Тогда лица ихъ складывались въ гримасу состраданія, они обмёнивались шопотомъ замёчаніями насчеть нашего сходства съ отцомъ, считали своимъ долгомъ насъ приласкать, съ обиднымъ любопытствомъ всматриваясь въ наши лица, точно отыскивая на нихъ отраженіе томившей насъ душевной муки и, безъ сомнёнія, недоумёвая передъ нашимъ спокойствіемъ.

Страданіе наше было слишкомъ глубоко, чтобъ прорываться наружу; то, что мы испытывали, такъ мало походило на обычныя дётскія горести, что мы даже и плакать не могли.

Вечеромъ второго дня, когда настолько стемнѣло, что огоньки въ высокихъ подсвѣчникахъ, теплившіеся красными, едва замѣтными язычками, засверкали въ темнотѣ вокругъ покойницы, переливаясь въ серебристыхъ складкахъ ея послѣдняго земного наряда, по двору раздался стукъ колесъ, и не успѣла въѣхавшая карета остановиться у крыльца, какъ по всему дому разнеслось: «Старый князь пріѣхаль!»

Всѣ встрепенулись, покойница была забыта, и глаза съ жгучимъ любопытствомъ устремились на дверь въ прихожую, куда входилъ въ богатой шубѣ и поддерживаемый двумя лакеями, высокій и тучный старикъ, съ густыми и курчавыми сѣдыми волосами.

Мы невольно повернулись къ папенькъ и увидали, что онъ испугался не меньше насъ: растерянно озирался онъ по сторонамъ, какъ бы ища поддержки въ комъ нибудь изъ присутствующихъ. Но комната, до сихъ поръ полная народомъ, внезапно опустъла, всъ затъснились у стънъ и въ темныхъ углахъ, чтобъ отгуда слъдить съ лихорадочнымъ любопытствомъ за тъмъ, что произойдетъ.

Убъдившись, что ни въ комъ ему поддержки не найти, папенька, безпомощно понуривъ голову, торопливой походкой направился на встръчу къ отцу, остановился, не дойдя до него, и, съ низкимъ по-клономъ указавъ рукой на покойницу, хотътъ при этомъ что-то сказать, но разрыдался. Дъдушка молча и съ какимъ-то страннымъ

выражениемъ посмотрътъ на него и пошелъ дальше, махнувъ рукой сопровождавшимъ его лакеямъ, чтобъ они оставили его одного.

Дьячекъ прекратиль чтеніе, всё притаили дыханіе, и въ залъ стало такть тихо, что дёдушка могъ воообразить себя наединъ съ мертвой невъсткой, которую онъ столько лътъ преслъдоваль своею неумолимой враждой.

Она умерла, эта женщина, причинившая ему столько досады, гнъва и горя и которой онъ сдълаль столько зла, сколько быль въ силахъ сдълать.

Она умерла, и онъ могъ смотръть на нее, не нарушая объта никогда ея не видъть, даннаго имъ въ припадкъ гнъва при извъстіи о томъ, что сынъ его женился безъ его позволенія. Смерть разръшила этоть объть.

А, должно быть, не малаго труда стоило ему его сдержать. Окружающие его разсказывали, что при извъсти о смерти маменьки первыя его слова были: «Надо на нее посмотръть!»

Слова эти были, безъ сомнънія, плодомъ досужей фантазіи разсказчика; врядъ ли произнесъ онъ ихъ въ слухъ, но что они были у него на умѣ въ ту минуту, это болъе чъмъ въроятно; не могъ онъ, думая о ней постоянно впродолженіе столькихъ лътъ, не пожелать ее видъть, хотя бы для того, чтобъ собственными глазами судить, чъмъ сумъла она такъ прельстить его сына, что онъ ръшился изъ-за нея подвергнуться его гнъву.

И воть онь теперь могь удовлетворить свое любопытство и смотрёль на нее долго и пристально, точно стремясь по мертвому лицу представить себё, какова она была живая.

Что думалъ онъ при этомъ и что чувствовалъ? Раскаяніе? Жалость? Или все еще злобу и ненависть? Упрекалъ ли онъ ее мысленно? Оправдывался ли передъ нею или молилъ о прощеніи?—это такъ и осталось навсегда тайной между нимъ и ею. Но тъмъ, кому извъстна была драма, разыгравшаяся въ нашей семъъ (а кому она была неизвъстна? даже и мы, дъти, знали, что дъдушка не хочеть знать нашу мать), жутко было присутствовать при ея развязкъ, и всъ, одинъ за другимъ, выходили на цыпочкахъ изъ залы, чтобъ своимъ присутствіемъ не нарушать торжественнаго настроеніи, воцарившагося здъсъ.

Намъ тоже было страшно, мы тоже чувствовали, что передъ нами свершается нѣчто важное, таинственное и не отъ міра сего, но мы не въ силахъ были двинуться съ мѣста и оторвать глаза отъ дѣда, невольно прислушиваясь къ его тяжелому дыханію, которое съ минуты на минуту становилось отрывистѣе. Его густыя, сѣдыя брови все ближе и ближе сдвигались надъ крупнымъ носомъ, а нижняя челюсть дрожала.

И вдругъ изъ его широкой груди вырвался глухой стонъ, онъ перекрестился и, какъ подкошенный, грохнувшись на колъни, ударился лбомъ объ полъ.

Папенька кинулся его поднимать, и, минуту спустя, они выходили обнявшись въ соседнюю комнату. По бледному, энергичному лицу деда катились крупныя слезы, а папенька, поддерживая его одной рукой, прижимался лицомъ къ его плечу, безпомощно повторяя сквозь рыданія: — Батюшка... батюшка... зачёмъ?.. зачёмъ?..

Дверь за ними затворилась, и зала стала мало-помалу принимать прежній видъ. Опять наполнилась она народомъ, и гнусавое, тягучее півніе дьячка раздалось среди вздоховъ, всхлипываній и причитаній присутствующихъ.

Въ тотъ вечеръ мы больше дъдушку не видъли; онъ прошелъ въ переднюю черезъ коридоръ, въроятно, не желая показываться людямъ, нахлынувшимъ въ залу послъ его ухода. Не до насъ ему было и во время похоронъ, на которыхъ онъ присутствовалъ, слъдуя пъшкомъ за печальной колесницей до монастыря, гдъ былъ нашъ фамильный склепъ, первый подошелъ проститься съ покойницей, долго стоялъ, прижавшись губами къ ея рукъ и блъдный, съ разсъяннымъ взглядомъ, сошелъ со ступенекъ катафалка, опираясь на обоихъ сыновей.

Прямо изъ монастыря насъ повезли въ дъдушкиной каретъ къ нему въ домъ.

Сидъвшая съ нами няня, обливаясь горькими слезами, объявила намъ, что домой мы больше не вернемся.

— У дъдушки будете жить. Онъ приказалъ, чтобъ съ похоронъ васъ примо къ нему привезли.

Можно себѣ представить, въ какое волненіе привели насъ эти слова! Мы закидали няню разспросами, но изъ боязни ли сказать что либо лишнее, или ей и въ правду ничего не было извѣстно, кромѣ того, что она намъ сообщила, она на вопросы наши отвѣччала уклончиво. Ей даже было неизвѣстно, оставятъ ли ее при насъ.

Скоръе, что нътъ. Она была изъ кръпостныхъ маменьки, какъ и прочіе люди, составлявшіе нашу дворню, уроженцы той мъстности, изъ которой папенька вывезъ жену, и врядъ ли старый князь потерпитъ у себя въ домъ людей, которымъ хорошо извъстны всъ подробности скорбной жизни его покойной невъстки.

Чтобъ насъ не разстраивать, она намъ этого не говорила, но, безъ сомивнія, мысль о разлукт съ нами и была отчасти причиной горькихъ слезъ, которыми она обливалась, сопровождая насъ къмъсту нашего новаго жительства.

- A папенька? Онъ тоже будеть жить у дѣдушки?—спросилъ Сережа.
- Въстимо, соколикъ, гдъ же ему жить, какъ не съ дътьми. Одно у него теперь утъшение осталось на свътъ, —прибавила она со вздохомъ.

Это насъ немного успокоило, съ отцомъ намъ нечего было бояться, онъ насъ въ обиду не дастъ.

Встрѣтили насъ на крыльцѣ дѣдушкинаго дома старый камердинеръ, Иванъ Дмитричъ, и домоправительница, Авдотья Ивановна. Первый былъ высокій, сухопарый, съ длиннымъ носомъ и острыми глазами, довольно страшный человѣкъ, всегда серьезный и молчаливый, въ напудренномъ парикѣ и французскомъ кафтанѣ, въ короткомъ кюлотѣ, бѣлыхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ серебряными пряжками, у второй былъ тоже степенный видъ, и улыбалась она натянутой улыбкой. Оба относились къ намъ съ изысканной и холодной вѣжливостью, которой мы въ близкихъ къ намъ людяхъ до сихъ поръ не привыкли встрѣчать и которая насъ порядкомъ таки смущала.

Новая обстановка, въ которой мы очутились, была чрезвычайна роскошна. Никогда, даже и во сит, не видъли мы ничего подобнаго. Чудная мебель, сттны, обитыя штофомъ и увъщанныя картинами, мраморныя изваянія, драгоцтный фарфоръ и бронза, расписные потолки, узорчатые паркеты, а въ нткоторыхъ комнатахъ великолюные ковры, высокіе съ бронзовыми украшеніями шкапы съ книгами въ золотообртныхъ переплетахъ, и все это во множествъ, въ огромныхъ комнатахъ, слъдовавшихъ амфиладой одна за другой, отражаясь въ высокихъ зеркалахъ, вст эти принадлежности старинной, богатой обстановки барскаго дома, собираемыя въ теченіе ста лътъ если не больше, просвъщенными, съ тонкимъ развитымъ вкусомъ, хозяевами, такъ насъ поразили, что мы на время даже забыли про наше горе.

Какъ очарованные, переходили мы за нашей спутницей, изъ одной комнаты въ другую, не въря глазамъ, какъ во снъ. Въ одной изъ залъ, называемой бальной, съ хорами и въ два свъта, было такъ гулко, что при первомъ произнесенномъ нами словъ, мы съ испугомъ переглянулись, такъ громко раскатился въ пространствъ звукъ нашихъ голосовъ.

Но комната рядомъ, хотя и много меньше этой, была еще интереснье: въ ней стояли всевозможные музыкальные инструменты и между прочимъ огромный органъ, вывезенный дъдомъ изъ Гейдельберга, гдъ онъ въ молодости учился.

Это было въ царствованіе императрицы Елисаветы, портреты которой висёли почти во всёхъ комнатахъ.

Домъ быль построенъ со всёми удобствами для жилья какъ зимой, такъ и лётомъ, съ большимъ садомъ, оранжереями, гротами, прудомъ, кіосками и тому подобными затёями, о которыхъ теперь и понятія не имёютъ. Со службами, дворами и садомъ онъ занималь цёлый кварталь. Его ужъ теперь не существуетъ; на томъ мёстё, гдё онъ стоялъ, понастроено съ десятокъ домовъ, съ довольно широкимъ переулкомъ между ними. И переулокъ этогъ называется нашимъ именемъ.

Когда насъ привезли въ этотъ домъ, онъ содержался ужъ не

такъ, какъ прежде, и, невзирая на то, что владълецъ жилъ въ немъ безвывздно зимой и лътомъ, начиналъ приходить въ упадокъ; садъ не весь расчищался, а только тъ аллеи, по которымъ прогуливался изръдка старый князь, мебель въ парадныхъ покояхъ стояла въ чехлахъ, и по вечерамъ далеко не всъ комнаты освъщались. Кое-гдъ показывалась сырость, все, что могло обветшатъ и потускнъть, потерлось и потемнъло, а объ ремонтъ родного гнъзда старый князь и не помышляль съ тъхъ поръ, какъ остался одинъ въ немъ жить.

Разумѣется, изъяновъ этихъ, о которыхъ много толковали въ городѣ, и которые приводили въ досаду нашего отца, мы не могли замѣтить; того, что осталось отъ прежняго великолѣшя, было болѣе чѣмъ достаточно, чтобъ привести насъ въ восторгъ и изумленіе. Обѣдать насъ повели въ столовую, находившуюся по другую сторону комнаты съ музыкальными инструментами и которую называли органной, сервировка показалась намъ верхомъ роскоши и красоты; кушанья, весьма изысканныя, подавали намъ лакеи въ ливрейныхъ кафтанахъ, напудренные, въ чулкахъ и башмакахъ.

Все это казалось намъ столь необычайно, что во время дессерта Рома, внъ себя отъ восхищенія, вскричаль:—мы у волшебника!

Сравненіе это было тёмъ болье удачно, что, какъ и въ сказкъ, хозяннъ не показывался, и домъ былъ такъ великъ, въ немъ было столько комнатъ, что мы даже и представить себъ не могли, гдъ онъ находится.

Однако, съ наступленіемъ сумерекъ, мы устали удивляться и восхищаться. Рѣдкости, которыя намъ продолжали показывать, перестали насъ занимать, намъ становилось и скучно, и жутко въ чуждой обстановкъ и съ чужими людьми, насъ потянуло домой, и мы все чаще и чаще оглядывались на дверь въ ожиданіи няни, или котораго нибудь изъ окружавшихъ насъ, до этого дня, людей, но никто изъ нихъ не показывался; съ минуты на минуту становилось труднъе не думать про маменьку, сдерживать слезы, подступавшія къ горлу, и наконецъ, мы дружно, въ одинъ голосъ и безъ всякихъ предварительныхъ объясненій, разревълись.

Въдная Авдотья Ивановна, радовавшаяся, что ей такъ хорошо удалось насъ разсъять и занять, совсъмъ растерялась; никогда не видывала она такихъ странныхъ дътей. Правда, что насъ привезли въ домъ прямо съ похоронъ матери, но въдь мы нъсколько часовъ сряду спокойно и даже съ восхищеніемъ все здъсь разсматривали, и всъмъ забавлялись, и вдругъ, когда всего меньше можно было этого ожидать, ревъ, крикъ! Того и гляди, старый князь услышить!

А онъ, какъ нарочно, заперся въ кабинетъ съ сыновьями и, безъ сомнънія, занявшись важными разговорами, никого не велълъ принимать. Истощивъ напрасно всё средства, чтобы насъ унять, начиная съ ласкъ и уговоровъ и кончая угрозой пожаловаться дёдушкё, если мы не перестанемъ плакать, она рёшилась на отчаянное средство, позвала дежурнаго казачка и что-то такое шопотомъ приказала ему. Мальчуганъ опрометью побёжалъ исполнять приказаніе, а вскорё затёмъ раздались знакомые шаги, и передъ нами очутился папенька.

- Чего вы туть, мелюзга, взбунтовались? что случилось?—обращался онъ то къ намъ, то къ нашей новой надзирательницѣ, ласково вглядываясь въ наши заплаканныя и взволнованныя лица.
 - Мы домой хотимъ, безсвязно, сквозь рыданія, объявили мы.
 - Домой? Зачёмъ? Тамъ никого нётъ... Маменька...

Голосъ его оборвался, и, чтобъ не разрыдаться, онъ насъ обънялъ и долго цёловалъ, до тёхъ поръ, пока не совладалъ съ приступомъ отчаянія, сдавившаго ему грудь. Но слезъ онъ сдержать не могъ, и онъ сливались съ тъми, что текли по нашимъ щекамъ.

Эти слезы утъшили насъ и успокоили больше всякихъ словъ: въ его мощныхъ и вмъстъ съ тъмъ нъжныхъ объятіяхъ мы ужъ не чувствовали себя ни одинокими, ни несчастными.

— А я думаль, вы молодцами будете себя вести у дѣдушки,— началь онъ, немного погодя, съ милой своей улыбкой заглядывая намъ въ глаза и одной этой улыбкой вызывая веселое выражение на нашихъ лицахъ. — Пойдемте спать. Дѣдушка желалъ, чтобъ я васъ ему сегодня представилъ, но мнѣ кажется, не лучше ли это отложить дозавтра? — прибавилъ онъ, взглянувъ на Авдотью Ивановну, которая поспѣшила согласиться съ этимъ мнѣніемъ.

И она тоже находила, что мы слишкомъ утомлены и взволнованы, чтобъ явиться на глаза нашего будущаго покровителя.

— Князь оть дётей отвыкъ, ему можеть показаться безпокойнымъ...

Что именно? Ей не дали договорить: папенька насъ обнялъ и отправился съ нами въ комнату, приготовленную для насъ. Онъ присутствовалъ при нашемъ раздъваніи, и пробылъ съ нами до тъхъ поръ, пока мы не заснули.

День этотъ можно было съ полною справедливостью назвать роковымъ въ нашей жизни: съ нимъ кончилось навсегда наше свътлое, счастливое и беззаботное дътство.

III.

Мы и на следующій день дедушку не видали.

Въ девятомъ часу утра, когда мы сидъли за утреннимъ чаемъ, Авдотья Ивановна ввела къ намъ красивую даму, которая намъ объявила, что, по приказанію князя (просто княземъ звали дъдушку, говоря же про его сыновей, къ титулу прибавляли собственное ния), она будеть съ нами заниматься до прітада выписанных для насъ гувернантки и гувернера.

Ее звали Люси, она была француженка, но хорошо говорила по-русски и съ перваго раза намъ понравилась. Она не должна была жить при насъ, а только прівзжать каждый день на нівсколько часовъ, но по всему было видно, что она была здівсь, какъ дома; люди обращались съ нею фамильярно, но почтительно, какъ съ особой, пользующейся довівремъ господъ. Отца нашего и дядю она называла по именамъ, Борисъ и Леонъ.

Съ первыхъ же словъзаинтересовала она насъ разсказами про дъдушку, про его покойную жену и про нашего отца и его брата, когда они были еще маленькими.

Разсказывала она также и про себя. Родилась она въ Парижъ. Нашъ дъдушка познакомился съ ея родителями задолго до ея рожденія, когда онъ въ первый разъ вздиль за границу при посольствъ, совсъмъ еще юношей, лътъ пятнадцати. Тогда царствоваль Людовикъ XV, и о революціи во Франціи никто не помышляль. Люси тогда еще не было на свъть, но въ семьъ ея такъ много говорили про молодого русскаго князя, прожившаго цёлыхъ два года въ домъ родителей ея матери и объщавшаго непремънно пріъхать вь Парижъ, когда онъ сдълается совершеннолътнимъ и будеть имъть больше свободы дъйствовать какъ ему угодно, что и она тоже, совсёмъ крошкой, съ нетерпеніемъ ждала свиданія съ «русскимъ другомъ». Онъ сдержалъ свое объщание и прівхаль въ Парижъ уже женатымъ человъкомъ, и когда во Франціи начинались уже смуты. И по старой памяти остановился въ ихъ домъ. Ей было тогда лёть семь, и русскій князь такь ей понравился, что когда онъ у нея спросилъ: «согласна ли она тхать съ нимъ въ Москву, чтобъ тамъ воспитываться съ его дётьми?» она не задумываясь отвъчала согласіемъ. Разумъется, она тогда не могла себъ представить, что ей предстоить разлука съ родителями и съ отечествомъ на всю жизнь, да и родные ея думали, отпуская ее, что скоро за нею последують: князь предлагаль имъ продать имущество и переждать у него въ домъ, или въ которомъ нибудь изъ его имъній, пока во Франціи не водворится прежній порядокъ. Но вышло иначе. Революція разгоралась все больше и больше, покидать Францію людямъ зажиточнымъ становилось съ каждымъ днемъ затруднительнъе; можно было, вернувшись, ничего не найти. Первое время письма приходили оттуда довольно акуратно и можно было судить о происходившихъ тамъ событихъ по корреспонденции съ близкими людьми, но потомъ вдругъ все смолкло, съ годъ не было извъстій, и наконецъ Люси узнала о смерти своихъ родителей совершенно случайно, черезъ одного изъ безчисленныхъ эмигрантомъ, наводнившихъ Россію. Первые года эмигрировали почти исключительно аристократы, но потомъ стали толпами бъжать и другіе, комерсанты, художники, мелкіе землевлад'єльцы, разоренные революціей и не находившіе себ'є занятій въ отечеств'є, объятомъ пламенемъ новыхъ плей.

А тёмъ временемъ скончалась княгиня. Молодымъ князьямъ было пятнадцать и шестнадцать лётъ, а Люси— тринадцать. Воспитаніе имъ давали блестящее, и заботы о сиротё князь продолжалъ и послё смерти жены также внимательно, какъ и при ея жизни. Когда ей минуло пятнадцать лётъ, онъ отправилъ ее учиться музыкъ въ Италію, гдё она провела два года, объ одномъ только мечтая—вернуться въ Россію къ своему благодётелю.

Она нашла большія перемѣны въ домѣ, когда въ него вернулась: князь Леонъ былъ ужъ сосланъ въ деревню, а брать его, на котораго отецъ перенесъ всю свою любовь и надежды, посланъ въ Саратовскую губернію ревизовать и знакомиться съ имѣніемъ, принадлежавшимъ ихъ матери и которое должно было ему достаться послѣ смерти отца.

Что произошло вслѣдствіе этой поѣздки, читателю извѣстно, но надо было, какъ Люси, быть свидѣтельницей катастрофы, чтобъ судить о томъ, какъ она повліяла на здоровье и нравъ дѣда. Когда его сразилъ нервный ударъ, Люси была при немъ, и только благодаря ей, онъ не проклялъ сына.

Все время, что онъ былъ боленъ, цѣлыхъ десять мѣсяцевъ, она отъ него не отходила и спала въ комнатѣ, смежной съ его спальней, чтобъ каждую минуту быть готовой бѣжать на его зовъ. Только съ нею могъ онъ вполнѣ откровенно говорить про свое несчастіе, она одна была настолько близка къ его семьѣ, что могла понимать его горе и обиду. И вмѣстѣ съ тѣмъ она любила, какъ братьевъ, оскорбившихъ его сыновей и онъ могъ, какъ родной дочери, ей на нихъ жаловаться, вслухъ при ней думать, въ полной увѣренности, что все останется между ними.

Все это мы узнали только впослѣдствіи, разумѣется; у нея было слишкомъ много такта, чтобъ довѣрять такимъ ребятамъ, какими мы были въ то время, семейныя тайны, превыше нашего пониманія; но изъ всего, что она сочла возможнымъ намъ сказать, мы не могли не убѣдиться, что въ семьѣ нашей къ ней питали неограниченное довѣріе. Она знала и про болѣзнь маменьки и про то, какъ мы съ нею жили въ маленькомъ домѣ близъ Басманной. Она, по порученію дѣда, ѣздила узнавать про здоровье маменьки передъ ея смертью. Все, что у насъ дѣлалось, ей было извѣстно, и она насъ приводила въ изумленіе разсказами о такихъ происшествіяхъ, о которыхъ мы думали, что они, кромѣ нашихъ домашнихъ, никому не извѣстны: про болѣзнь Ромы два года тому назадъ, про то, что, катаясь съ ледяной горы, Сережа упалъ и вывихнулъ себѣ ногу, и множество тому подобныхъ подробностей.

Все это, безъ сомнънія, передавалъ ей папенька.

И про него она сообщила намъ много интересныхъ подробно-

стей. Отъ нея мы въ первый разъ узнали, что онъ живетъ у своего пріятеля, Варжаева, племянника графа Рамовскаго, во флигелъ, прилегавшемъ къ великолъпному дому этого вельможи. Знала ли про это маменька, неизвъстно, но мы никогда не слышали раньше ни про этого графа, ни про Варжаева.

Но чёмъ она особенно завоевала наши сердца—это участіемъ къ нашему горю и восторженнымъ изумленіемъ, которое она проявляла къ характеру нашей матери. По ея мнёнію, дёдушка уважалъ ее гораздо больше, чёмъ самъ это сознавалъ, и еслибъ она не скончалась, примиреніе должно было между ними состояться гораздо раньше, чёмъ предполагали недальновидные люди. Можетъ быть, отъ этого онъ былъ такъ пораженъ ея кончиной?

Послѣднее время онъ не только не избѣгалъ про нее слышать, но даже самъ про нее заговаривалъ съ Люси и эта послѣдняя передавала о такой счастливой перемѣнѣ нашему отцу, который совѣтовался съ нею, какъ бы сдѣлать, чтобъ представить старику хотя бы старшаго внука, такъ на него похожаго лицомъ? Но причиной тому, что это не свершилось, была особа, про которую иначе, какъ съ гримасой отвращенія, Люси не могла вспомнить. Нѣсколько разъ упоминала она про нее, ожидая, безъ сомнѣнія, чтобъ мы спросили: «Кто же этотъ злой геній нашей семьи?» Но мы были слишкомъ поглощены другими вопросами, чтобъ останавливаться на этомъ.

Въ этотъ день мы узнали про дъдушку и про нашего отца больше, чъмъ въ продолжение всей жизни отъ нашей осторожной и воспитанной въ патріархальныхъ нравахъ маменьки. Я помню, какъ робко предлагали мы вначалъ вопросы про отца и дъда, съ жуткимъ волненіемъ сознавая, что мы поступаемъ нехорошо, и стыдясь нашего любопытства, какъ преступнаго чувства, но намъ отвъчали такъ охотно, что совъсть наша смолкла, и мало-по-малу отъ сдержанности, въ которой мы были воспитаны, не осталось и слъда.

Особенно увлекался вопросами о діздушкі и папенькі Сережа. Онъ, должно быть, ужъ давно задумывался надъ странностью нашего семейнаго положенія, потому что особенно настаивалъ на вопросі, почему діздушка не хотіль насъ видіть при жизни маменьки?

Люси отвъчала, что онъ про это узнаетъ, когда будетъ старше.

— Когда же? Мит ужъ тринадцать лътъ? — возразиль онъ.

Она улыбнулась и посовътовала ему подождать, по крайней мъръ, года два. А на вопросъ мой:—правда ли, что папенька будеть теперь постоянно съ нами жить? посовътовала намъ на это не разсчитывать.

- Онъ теперь навърное поселится у своего пріятеля Варжаева, гдъ всегда для него готово помъщеніе.
- Значить онъ у него ночевалъ, когда не прівзжаль домой? спросилъ Сережа.

— Чаще всего у него. Они друзья съ дътства. Было время, когда и графъ Рамовскій былъ друженъ съ княземъ, но потомъ они поссорились и перестали видъться... Однако это не мъшало его племяннику у насъ бывать, и наши молодые князья всегда желанные гости въ домъ графъ. Графъ—человъть съ большими странностями...

Она могла бы къ этому прибавить, что и дъдушка ему въ этомъ не уступаетъ, но къ особенностямъ своего благодътеля она относилась крайне снисходительно и, кажется, находила прекраснымъ все, что онъ дълатъ.

Когда я спросила, увидимъ ли мы сегодня дъдушку?—она отвъчала, что никто этого знать не можеть, такъ какъ князь не имъетъ привычки сообщать кому бы то ни было про свои намъренія.

— Развѣ только Ивану Дмитричу, но это все равно, что никому, потому что скрытнѣе человѣка трудно найти на свѣтѣ...

И вдругъ, вернувшись къ занимавшему ее больше всего предмету, она спросила, пытливо на насъ посматривая: — вы знаете Матаваеву?

Мы отвъчали, что никогда ея не видъли.

— Вы скоро ее увидите. Она бываеть здёсь очень часто... Она навёрное захочеть съ вами познакомиться... будеть у васъ про все допытываться... Если вы хотите, чтобъ и осталась вашимъ другомъ, не говорите ей, пожалуйста, про меня, —прибавила она съ волненіемъ.

Мы дали ей слово исполнить ея желаніе и туть же рѣшили про себя, что Люси не меньше нашего боится этой Матаваевой, про которую мы слышали такъ много нехорошаго отъ тетеньки Екатерины Ивановны.

- А увидимъ мы когда нибудь тетеньку?—спросилъ Сережа. Люси была такого мнѣнія, что дѣдушка не позволить намъ ее принимать.—Онъ не желаеть, чтобъ вы видѣлись съ вашими прежними знакомыми.
- Неужели къ намъ и Варвару Петровну не пустятъ?—спросилъ, съ трудомъ сдерживая слезы, Рома.
 - А кто это такая?—спросила Люси.

Весьма удивленные тѣмъ, что есть на свѣтѣ человѣкъ, который не знаетъ Варвары Петровны, мы стали наперерывъ объяснятъ, какую роль она играла до сихъ поръ въ нашей жизни, и какъ для насъ будетъ ужасно никогда ея не видѣтъ.

- Припоминаю теперь! -- вскричата наша новая покровительница, это та женщина, которая управляеть хуторомъ вашей маменьки...
 - Вамъ про нее дъдушка говорилъ? Вопросъ этотъ ее разсмъщилъ.

— Дъдушка не интересуется личностями такого низкаго званія, и врядъ ли онъ знаеть про ея существованіе... Впрочемъ, — спо-

хватилась она,-Иванъ Дмитричъ, ему, можетъ быть, и говорилъ про нее... Во всякомъ случат, такъ какъ она будетъ приходить сюда съ задняго крыльца, то впустить ее къ вамъ будеть зависёть отъ Авдоты Ивановны и отъ Ивана Дмитрича, и вы будете имъть возможность съ нею видеться... конечно, когда нельзя будеть ожидать, чтобъ князь ее у васъ встрътилъ... Вообще, до прівзда вашихъ наставниковъ, у васъ будетъ гораздо больше свободы, чтмъ когда они будуть здёсь. И учиться вы будете меньше. Со мной вы будете проходить только старое, и заниматься съ вами и буду только до объда, такъ какъ я не могу неглижировать уроками, которые даю въ городъ. Это и князь понялъ; онъ мнъ сказалъ, чтобъ я учила васъ не столько наукамъ, сколько музыкъ и манерамъ. Но манеры у васъ прекрасныя, и когда вы будете знать, какъ вамъ себя вести, чтобъ дъдушку не безпокоить, вы будете здъсь очень счастливы, увъряю васъ, — прибавила она, замътивъ печальное недовъріе, съ которымъ мы ее слушали.—Однако,—продолжала она,—я васъ сегодня же должна проэкзаменовать, чтобы сообщить князю про то, что вы знаете, и если хотите, мы для этого воспользуемся временемъ до объда.

Она намъ задала нѣсколько вопросовъ изъ географіи, исторіи, мноологіи, заставила насъ написать нѣсколько строкъ подъ диктовку и осталась такъ довольна нашими познаніями, что съ удивленіемъ спросила: —неужели вы, кромѣ какъ у маменьки, ни у кого не учились? Да вы знаете больше всѣхъ знакомыхъ мнѣ дѣтей въ Москвѣ!—дивилась она.—Ваша мать была замѣчательная женщина, никогда не воображала я, чтобъ она была такъ хорошо воспитана,—сознавалась она, не замѣчан, какъ она насъ оскорбляеть своимъ изумленіемъ.

- Наша мать была лучше всёхъ на свётё!—вскричаль запальчиво Сережа.
 - Это по всему видно, наивно согласилась она.

Люси не жила у нашего дёда, у нея быль свой маленькій домикь и довольно оть насъ далеко, подаренный ей два года тому назадъ дёдушкой, вёроятно, въ знакъ благодарности за ея ухаживаніе во время его болёзни. А лёто она проводила въ деревнё у дяди Льва Романовича. У нея быль маленькій капиталь, тоже, вёроятно, подаренный ей нашимъ дёдомъ, и много уроковъ въ городі, хорошо оплачиваемыхъ. Слыла она за прекрасную учительницу пінія и клавесина, и вообще была хорошая музыкантша. Когда дёдушка выразиль ей желаніе, чтобъ она нами занялась до прібзда наставниковъ, выписанныхъ для насъ, она съ радостью согласилась и каждый день оставалась у насъ съ утра до сумерекъ. Передъ вечернимъ чаемъ ей подавали карету, и она разставалась съ нами до слёдующаго дня. До нашего появленія она тоже каждый день бывала въ домі, но только къ обёду, дёдушка одинъ кушать не

любиль, она также нужна ему была, чтобъ слушать ея игру на органѣ. Раньше онъ заставляль ее пѣть, но съ тѣхъ поръ какъ сблизился съ Матаваевой, честь эта, ублажать князи пѣніемъ, все рѣже и рѣже выпадала на ен долю, и бѣдная Люси была отъ этого въ отчанніи.

Ен любовь и благодарность къ нашему деду доходили до обожанія. Для нея не было большаго счастья, какъ чёмъ нибудь ему услужить. Ревновала она его ко всемъ и ко всему, а потому можно себе представить, что она должна была переносить, когда такая во всёхъ отношеніяхъ пошлая женщина, какъ Матаваева, стала мало-помалу вытёснять ее изъ дома человёка, для котораго она изучала музыку, читала книги и газеты, и вращалась въ такихъ обществахъ, гдъ всегда можно было узнать что нибудь интересное, чтобъ равлекать разсказами, музыкой и новостями старика, который вель уединенную жизнь отчасти по нездоровью, а еще больше потому, что, будучи всегда крутого и надменнаго нрава, онъ сделался такъ раздражителенъ оть семейных в неудачь и несчастій, что раззнакомился почти со всёми старыми друзьями и проводиль время одинъ среди своихъ книгъ, которыя не могли замёнить ему живую рёчь съ живыми людьми. И долго была для него единственной отрадой милая, веселая, умная и красивая дъвушка, преданная ему, какъ собака, и которую онъ зналь съ детства. Ей такъ хорошо были известны его вкусы и странности, что можно ему сказать, и что нъть, что заинтересуеть его или заставить зъвать, она такъ тонко умъла ему льстить, сама того не сознавая, ибо сама видела его въ такомъ прекрасномъ свете, что чистосердечно върила его превосходству надъ другими, одного съ нимъ положенія и происхожденія, людьми. Въ городъ ходили про нее грязныя сплетии, элые языки увбряли, что она въ него влюблена. Теперь, когда я вспоминаю то время съ безпристрастіемъ старости, мит кажется, что въ сплетняхъ этихъ была доля правды. Примеры восторженной любви девушекть къ старикамъ, годящимся имъ въ отцы, встръчаются много чаще, чъмъ думають, и по большей части чувство это такого идеальнаго характера, что, кромъ умиленія, ничего не вызываеть, даже и въ такомъ случав, если оно не платоническаго свойства. Но Люси никогда не была любовницей дъдушки и любила его совершенно безкорыстно. Она не вышла замужъ, чтобъ продолжать ему служить, и готова была для него на жертвы еще больше этой; я увърена, что, еслибъ они жили въ такое время, когда его могла бы постигнуть ссылка въ отдалениъйшую мъстность Сибири съ лищеніемъ всьхъ правъ состоянія, она почла бы за счастіе за нимъ последовать, чтобъ по мере силь н возможности облегчать его участь, и инчего бы ей больше не надо было. Вогь это какая была любовь. Онъ быль старъ и разбить бользнью, умъ его помрачился, а характеръ испортился до такой степени, что собственныя дъти съ трудомъ нереносили его причуды, а она все продолжала видёть его молодымъ и красивымъ, блестяще остроумнымъ и великодушнымъ, какимъ онъ былъ, когда пріёхать за нею въ Парижъ, и какимъ оставался до отъёзда ея за границу.

Извиняюсь за это отступленіе, но оно необход тмо для уясненія иногихъ изъ послідующихъ событій и для характеристики той среды, въ которую насъ забросила судьба въ такомъ возрасть, когда сердце особенно воспріимчиво къ внішнимъ впечатлівніямъ.

Возвращаюсь къ моему разсказу.

Объдали мы и въ этотъ день въ столовой съ хорами, рядомъ съ концертной, при той же пышной обстановкъ, какъ и наканунъ, при свътъ восковыхъ свъчъ въ серебряныхъ канделябрахъ и съ лакеями въ ливреяхъ, подававшими намъ такія вкусныя кушанья, какихъ мы раньше никогда не пробовали.

Передъ дессертомъ одна изъ дверей въ сосъдній покой осторожно растворилась, и вошелъ Иванъ Дмитричъ. Онъ подошелъ къ Люси и, нагнувщись къ ней, что-то ей шепнулъ. Она вся зардъзась отъ удовольствія, немедленно поднялась съ мъста и торопливо направилась въ концертную. Прислуживавшіе намъ лакеи поставили передъ нами дессертъ и удалились, но не успъла дверь за ними затвориться, какъ музыка, раздавшанся изъ концертной, привела насъ въ такой восторгъ, что мы забыли про сласти, стоявшія на столъ.

Люси мастерски играла на органѣ. Надо и то сказать, что для насъ, никогда ничего не слышавшихъ, кромѣ арфы, человѣческаго голоса и клавесина, такой инструменть, въ которомъ, какъ въ оръестрѣ, соединялись, сливаясь въ чудную гармонію, человѣческіе голоса, арфы и флейты, не могъ не произвести чарующаго дѣйствія. Торжественная мелодія, переливансь подъ гулкими сводами, захватывала душу до упоенія и уносила ее такъ далеко отъ земли, что все забывалось. Хотѣлось плакать и молиться. Взглянувъ на Сережу, чтобъ подѣлиться впечатлѣніями, я увидала его такимъ блѣдымъ, съ такими восторженно горѣвшими глазами, что слова замерли у меня на губахъ.

Долго ли длился концерть, я не могла бы сказать, время перестало для насъ существовать. Безостановочно переходила артистка отъ Баха къ Гайдну, отъ Моцарта къ Бетговену. Иногда намъ удавалось улавливать знакомый мотивъ, но насколько богаче, поливе и гармоничне выходилъ онъ, передаваемый чуднымъ органомъ! Мы боялись дышать, чтобъ не проронить звука. По временамъ, маленькая потайная дверь изъ аппартамента дѣдушки растворялась, Иванъ Дмитріевичъ неслышными шагами проходилъ въ концертную и тотчасъ же возвращался обратно, а исполнительница переходила искусной прелюдіей къ другому произведенію. Компата съ органомъ освѣщалась только свѣтомъ изъ столовой, и полумракъ, изъ котораго лились звуки, усиливалъ впечатлѣніе.

Мы потомъ узнали, что дъдушка имътъ обыкновение слушать музыку въ совершенио темной комнатъ, рядомъ съ оранжереей, наполненной во всякое время года цвътущими растеніями.

Да, у него было много странностей, какъ и у всѣхъ, впрочемъ, вельможъ вѣка Екатерины, въ которыхъ изысканная и усиленная культура въ избранномъ и узкомъ кругу, выдвигая ихъ изъ остального общества и заставляя жить особнякомъ, развивала увлеченіе фантазіями, переходившее часто въ маніи.

Концертъ кончился, и Люси къ намъ вернулась.

- Однако вы хорошо умъете слушать музыку, сказала она, усаживаясь за столъ и принимаясь чистить грушу. Она вся раскраснътась, глаза ея сверкали, и, посматривая на потайную дверь, она весело улыбалась. Я вамъ не надоъла? Вы сидъли такъ смирно, что я подъ конецъ совсъмъ забыла про ваше присутствіе.
 - Вы часто будете играть на органь? спросиль Сережа.
- Не знаю, это будеть зависѣть отъ князи. Было время, когда онъ дня не могь прожить, не послушавъ меня. Онъ увѣрялъ, что игра моя успокоиваеть ему нервы, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ слушаеть пѣніе Матаваевой, я ему ужъ не такъ нужна, какъ бывало прежде, прибавила она съ горечью. Правда, что мой голосъ нельзя сравнить съ ея, и что слушать ее чистое наслажденіе, особенно когда она поетъ съ Борисомъ.

Озабоченность ея съ минуты на минуту усиливалась, она какъ будто чего-то ждала, все чаще и чаще взглядывая на маленькую дверь.

Но это не мѣшало ей лакомиться фруктами и дивиться, что мы, все еще подъ впечатлѣніемъ ея нгры, до нихъ не дотрогивались.

- Вы не кушаете фруктовъ? Странно! Можно подумать, что вамъ дома каждый день подавали роскошный дессертъ, а въдь въ Москвъ у одного только графа Рамовскаго да у графа Червленнаго подаютъ такой дессертъ каждый день. Знаете, откуда эти груши и виноградъ? Прямо изъ Франціи! да! Князь выписываетъ отгуда и фрукты и вина... Что вамъ?—съ живостью спросила она у появившагося въ дверяхъ лакея.
 - Карета у крыльца.

Люси заволновалась.

- Карета? Для меня? Кто жъ это распорядился? Я ничего **не** приказывала...
- Иванъ Дмитріевичъ приказали вамъ доложить. Г-жа **Мата**ваева прі**т**хала.

Она, должно быть, поняла, что это значить, потому что измёнилась въ лице и проговорила упавшимъ голосомъ:

— Хорошо; скажите, что я сейчасъ уъду.

Но вмъсто того, чтобъ встать съ мъста, она повернулась къ по-

тайной двери и долго смотръла на нее выжидающимъ и тоскливымъ взглядомъ. Но дверь не растворялась, и она со вздохомъ стала собираться уъзжать.

- Завтра я васъ проэкзаменую изъ музыки,—обратилась она къ намъ измѣнившимся отъ душевнаго волненія голосомъ и дѣлая усилія, чтобъ сдержать слезы, подступавшія къ горлу.— Въ диванной стоятъ бабушкины клавикорды и арфа, на которыхъ и я когда-то училась играть...
- Лиза хорошо играеть на арфъ,--не утериъть, чтобъ не похвастаться, Рома.
- Вотъ какъ? Прекрасно! Здёсь и флейты, и скрипки, и віолончели найдутся. Князь одно время имѣлъ страсть учиться играть на всевозможныхъ инструментахъ... Изъ этого ничего не вышло, у него слишкомъ мало терпѣнія...

Голосъ ея обрывался все чаще и чаще и, собирая всё свои принадлежности, складывая въ ридиколь флакончикъ съ солями, складной въеръ, лорнетку и надъвая перчатки, она не переставала оглядываться по сторонамъ, все еще въ надеждъ, что ее позовутъ къ хозяину дома, но убъдившись, наконецъ, что ожиданія ея напрасны, она ръшилась съ нами распроститься.

Лакей плотно притвориль за нею дверь, и мы остались одни въ столовой, не зная, что дёлать и куда идги. Къ той комнатѣ, гдѣ мы провели ночь, насъ не тянуло, тамъ все намъ было также чуждо, какъ и здѣсь. Кромѣ платья, которое на насъ было, мы не нашли въ нашемъ новомъ и великолѣпномъ жилищѣ ничего, что напоминало бы намъ покинутый домъ. Всѣ наши вещи, все, съ чѣмъ мы сжились со дня рожденія, осталось тамъ, гдѣ мы родились, и гдѣ умерла наша мать. Не было у насъ здѣсь ни нашихъ игрушекъ, ни книгъ, ни нашихъ любимыхъ картинокъ, на которыхъ каждая точка намъ была знакома и мила. Хоть бы папенька скорѣе прі-ѣхалъ! Отъ него мы, можеть быть, узнаемъ про людей, съ которыми мы выросли, про нашу милую няню, про Варвару Петровну...

О, какъ обрадовались бы мы, еслибъ вдругъ кто нибудь изъ нихъ явился передъ нами!

Но никто не шель. Люси сказала, что здёсь все есть для дётей, клавесинъ, арфа, книги... Но кто намъ все это покажетъ? Гдё все это найти? Домъ такъ великъ! Мы здёсь второй день и половины его не обощли. Вчера насъ провели въ столовую другими комнатами, чёмъ сегодня. Мы ужъ не видёли той длинной галлереи съ портретами во весь ростъ по стёнамъ, но, проходя мимо полурастворенной двери, намъ удалось увидёть чудный зимній садъ. Остановиться передъ нимъ намъ не дали; когда Сережа съ Ромой подобъжали къ стеклянной двери, за которой виднёлись широколиственныя пальмы, освёщенныя разноцвётными лампочками, Люси взяла ихъ за руку и увлекла дальше, повторяя съ улыбкой:

«ИСТОР. ВЪОТН.», ЯНВАРЬ, 1900 г., т. LXXIX.

- Здёсь нельзя любопытничать, помните это, если хотите быть счастливыми.
- И, невзирая на ея улыбку, мы поняли по ея тону, что она говорить очень серіозно.

Я это напомнила Сережъ, когда онъ намъ предложилъ самимъ поискать выхода изъ затруднительнаго положенія, но онъ, не обращая вниманія на мои слова, выбъжать съ братомъ въ коридоръ.

- A если намъ встрътится дъдушка? спросила я, слъдун за ними.
- Такъ чтожъ? мы ему скажемъ, что кончили объдать, что Люси уъхала, и что намъ однимъ въ столовой скучно, что намъ тамъ нечъмъ ни играть, ни заниматься, и что мы тамъ даже боимся громко разговаривать, чтобъ его не безпокоить, храбро объявилъ онъ, растворяя тяжелую черную съ бронзовыми инкрустаціями, дверь, черезъ которую мы всъ трое проникли въ очень длинный коридоръ, съ запертою дверью въ концъ.

По сторонамъ тоже были двери, но растворять ихъ мы не осмъливались. Въ одну изъ нихъ Сережа постучался, но никто не отвътилъ. И съ другою рядомъ попытка не удалась, тоже произошло у третьей, и у четвертой.

— Здёсь, какъ видно, никто не живеть, — прошепталъ онъ чуть слышно, озадаченный больше, чёмъ ему хогелось показать, мертвой тишиной, царившей вокругъ насъ.

Постоявъ въ нерѣшительности нѣсколько минутъ, присматриваясь и прислушиваясь, мы вернулись назадъ въ столовую. Приходилось ждать, чтобъ про насъ вспомнили, а до тѣхъ поръ вооружиться терпѣніемъ.

Въ столовой, большой четырехъ-угольной комнать съ огромнымъ каминомъ, расписными потолками и разноцветными стеклами въ окнахъ, высокихъ и узкихъ, кромъ поставцевъ съ драгоцънною утварью вдоль стънъ да тяжелаго стола со стульями посреди, ничего не было, и уютнъе мъстечка, какъ у этого стола съ остатками дессерта, мы найти не могли. Ничего туть нельзя было сдвинуть съ мъста. Стулья съ высокими спинками стояли, какъ вкопанные. Взгромоздившись на нихъ, мы стали ждать. Время тянулось нестерпимо медленно. Отъ необычной обстановки и душевнаго напряженія, а, можеть быть, и отъ игры Люси, не перестававшей звенёть въ нашихъ ушахъ, навъвая тоску и мрачныя представленія, нервы наши такъ развинтились, что мы не въ силахъ были дольше сдерживаться и какъ ни кръпились, а въ концъ концовъ всъ трое заплакали, и плакали бы долго, если бъ за дверью не раздались шаги и шуршанье шолка, которое заставило насъ повернуть голову къ шумно растворившейся двери.

— Гдв они? Въ столовой? Что они тамъ дълають? Время объда давно прошло, скоро ужинъ...

Звонкій и громкій голосъ, произносившій эти слова, принадлежать зам'вчательно красивой и наридной дам'в, остановившейся на порог'в и обращавшей свою рівчь къ кому-то въ коридор'в.

Мы такъ растерялись отъ неожиданнаго явленія, что забыли поклониться и стояли, какъ вкопанные, впиваясь взглядомъ въ блестящую, шумную и красивую особу, оглядывавшую насъ съ любопытствомъ съ ногъ до головы.

Какъ сейчасъ, вижу ея платье изъ серебристаго бархата, открывавшагося на розовой атласной юбкѣ, расшитой разноцвѣтными шелками съ дорогими бѣлыми кружевами. На низко обнаженной бѣлой шеѣ сверкало брилліантовое колье, а надъ затѣйливой высокой прической, среди напудренныхъ локоновъ, покачивалась птица съ серебристо розовыми перьями. Въ рукахъ она держала множество красивыхъ вещей: вѣеръ, букетъ изъ живыхъ розъ въ золотомъ, ажурномъ портбуке, комочекъ дорогихъ кружевъ, долженствовавшихъ изображать носовой платокъ; изъ-подъ юбки выставлялась нога въ серебристомъ башмачкѣ на высокомъ каблукѣ.

По тогдащней модъ, она была сильно нарумянена, и изъ-подъ высоко приподнятыхъ тонкихъ и темныхъ бровей весело смотръли чудные каріе глаза, полные огня и страсти. Такой дамы мы въ натуръ никогда не видъли. Наша бъдная маменька очень просто одъвалась, весь ея незатыйливый гардеробъ не стоилъ одного изъ брильянтовъ въ колье незнакомки. Если бъ намъ не показали наканунь портретной галлереи дъдушки, мы и не подозръвали бы, чтобъ могли существовать на свёть такія дамы, какъ та, что стояла теперь передъ нами. Въ первую минуту она намъ такъ живо напомнила ту красавицу темноокую въ бъломъ платьъ, съ красной шалью на плечахъ, изображение которой висъло на почетнъйшемъ мъсть въ тяжелой золотой рамъ, съ короной, что мы подумали: «ужъ не она ли вышла изъ рамы, чтобъ съ нами познакомиться?» Такъ она насъ поразила своими брильянтами, звучнымъ голосомъ, очаровательной улыбкой и жгучимъ властнымъ взглядомъ, что мы въ первую минуту не замътили капризнаго изгиба своевольнаго рта и жестокости во взглядь, когда она, забывшись, останавливала его слишкомъ долго на комъ нибудь.

Впрочемъ, ей хотълось намъ понравиться при первомъ свидани, а ей это всегда удавалось, даже и не съ такими малышами, неопытными и съ чистымъ сердцемъ, какими мы тогда были.

Съ полминуты стояли мы передъ нею неподвижно, дозволяя ей обезпрепятственно насъ разсматривать, пока, наконецъ, она не повернулась къ своему спутнику и не вскричала, съ восхищениемъ на насъ указывая:

— Да они всѣ красавцы! Вы мнѣ этого не говорили, дѣдушка! Послѣднее слово заставило насъ оторвать отъ нея глаза, и мы увидали дѣдушку. Но при этой блестящей особѣ онъ стушевывался

Digitized by Google

и не внушаль намь того чувства почтительнаго страха и уваженія, которое мы питали къ нему съ тёхъ поръ, какъ стали себи помнить. Теперь онъ казался намъ только красивымъ старикомъ съ добродушной улыбкой и насмѣшливымъ взглядомъ, который онъ только изрѣдка отрывалъ отъ своей спутницы, чтобъ взглянуть на насъ.

А она, между тѣмъ, подошла къ намъ ближе и, поочередно протягивая намъ свою выхоленную руку, унизанную сверкающими браслетами и кольцами, которую мы поднесли къ губамъ, какъ старая знакомая, начала насъ называть по именамъ.

— Это Сережа? А это маленькая пѣвунья Лиза? А это синеокій Рома? О, какъ они похожи на Бориса! Особенно Сережа! И какъмилы! Какъмилы! Дѣдушка, вы должны ихъ непремѣнно полюбить... особенно этого черноглазаго рыцаря...

Съ этими словами она толкала насъ къ дѣду, которому, повидимому, не совсѣмъ пріятно было слышать ен замѣчанія, но, тѣмъ не менѣе, онъ съ сдержанной усмѣшкой далъ намъ поцѣловать руку, а Сережу довольно ласково потрепалъ по щекѣ.

- Кто же ихъ будеть воспитывать?—спросила она.
- -- Ужъ, конечно не вы, -- возразилъ онъ, пожимая плечами. -- Я для нихъ выписалъ наставниковъ, -- прибавилъ онъ.
 - Надъюсь, не въ родъ наглой Люсишки?

Онъ сдвинулъ брови и взглянулъ на нее такъ строго, что она вспыхнула.

- А пока? Съ къмъ они будутъ пока?—продолжала она, дълая видъ, что не замъчаетъ его гнъва. Однимъ имъ, должно бытъ, ужасно скучно... Посмотрите, ужъ больше часа, какъ они отобъдали, и никому въ голову не приходитъ увести ихъ. А гдъ вы ихъ поселили?
- Пока въ спальнъ покойной княгини,— отрывисто отвъчалъ онъ, видимо скучая разговоромъ.
- Имъ, я думаю, отъ скуки захотълось спать! Цълый день провели они одни въ незнакомомъ домъ... безъ игрушекъ, безъ книгъ! Въдныя дъти! Жестокій дъдушка! — продолжала она.
- Мы не были одни, —вырвалось у Сережи, который быль отъ природы такъ правдивъ, что не могъ переносить лжи, въ какой бы формъ она ни являлась. Тамъ, въ переулкъ, близъ Басманной, съ маменькой, въ немъ одобряли это пристрастіе къ правдъ и ставили намъ его въ примъръ, но здѣсь дѣло другое, и не успѣло опроверженіе сорваться съ его губъ, какъ мы убѣдились, что онъ сдѣлалъ промахъ, такъ исказилось лицо дѣда отъ гнѣва, и такимъ зловъщимъ огонькомъ засверкали глаза г-жи Матаваевой.
- Съ къмъ же вы были?—спросила она дрогнувшимъ голосомъ, устремляя повелительный взглядъ на мальчика, который въ смущени опустилъ глаза.

- Оставьте его, что за допросы!—попытался было вмѣшаться дѣдушка, но она только передернула плечами и настойчивѣе прежняго повторила:
 - Съ къмъ проведи вы день?
 - Съ дамой, которую зовуть Люси, трабро отвъчаль Сережа.
- Я это знала, мнѣ только хотѣлось, чтобъ онъ это повторилъ при васъ, чтобъ вы убѣдились, что меня нельзя обмануть,—процѣдила она сквозь зубы, обращаясь къ дѣдушкѣ.
- Перестаньте... это наконецъ становится смѣшно... пойдемте въ мой кабинетъ, я вамъ все объясню,—началъ онъ въ примирительномъ тонъ, подавая ей руку, отъ которой она, надувъ сердито губы, отвернулась.
- Никаких объясненій я слушать не желаю! Вы мив дали слово, что она не переступить порога вашего дома, и не сдержали его; для человвка такого именитаго рода, какъ князь В—й, это довольно стыдно...
- Да перестаньте же, вамъ говорятъ! вскричалъ онъ съ притворною запальчивостью: я вамъ предлагаю все это выяснить... нельзя же говорить при дътяхъ, прибавилъ онъ, понижая голосъ до шопота, и, взявъ ея руку, продълъ ее силой подъ свою и повлекъ ее къ выходу, невзирая на ея сопротивленіе и на то, что она, повертываясь въ нашу сторону, повторяла тономъ капризнаго ребенка: Оставьте меня... я хочу съ ними побыть... они не умъютъ обманывать и будутъ меня любить такъ, какъ я хочу, чтобъ меня любити...

Но она ужъ не сердилась, это было замѣтно и по голосу ея и по улыбкѣ, съ которой она намъ кивала головой.

Когда они удалились, мы съ изумленіемъ переглянулись.

- А въдь Люси правду сказала, что она ее терпъть не можеть. замътить ты, какъ она обозлилась, когда ты сказалъ, что она съ нами провела весь день?—сказала и Сережъ.
- Еслибъ и не сказалъ, она все равно узнала бы,—подхватилъ онъ.—И, наконецъ, надо всегда говорить правду.
- Я все ждаль, что они намъ скажуть, какъ пройти въ нашу комнату, —вмѣшался въ разговоръ Рома. —Я думаль, что у насъ спросять. есть ли у насъ здѣсь книжки съ картинками и игрушки, а они только ссорились и ни о чемъ насъ не спросили. И, должно быть, намъ придется здѣсь ночевать потому, что всѣ про насъ забыли, —продолжаль онъ, карабкаясь на стулъ, съ котораго слѣзъ для встрѣчи посѣтителей и, положивъ голову на сложенныя рученки, печально прибавилъ: —Всѣ про насъ забыли, и когда свѣчи догорятъ, мы останемся въ темнотѣ, и будеть очень страшно.

Говоря такимъ образомъ, онъ боязливо озирался на хоры, чернъвшіе въ глубинъ, и на потолокъ съ нимфами и амурами, начинавшими принимать фантастическія очертанія, далеко неуспокоительнаго свойства.

Однако Рома оппибся; не прошло и пяти минуть, какъ явилась Авдотья Ивановна и пригласила насъ идти въ нашу комнату, поужинать и лечь спать.

Ей, въроятно, досталось за то, что она такъ долго оставляла насъ однихъ. Она указала намъ на сонетку, висъвшую за дверью, пеняя намъ за то, что мы не послали за нею, когда кончили кушать.

— Я думала, что вы съ мамзель Люси. Дуракъ Петрушка не сказалъ намъ, что она увхала, а потомъ Иванъ Дмитріевичъ говоритъ: «Князь съ Дарьей Алексвеной изволили пройти въ столовую къ двтямъ»... Двдушка приказали вамъ завтра игрушекъ накупить и всв книги, что въ шкапахъ двтскихъ, вамъ податъ. Они также приказали маленькую каретку исправить, чтобъ вамъ кататься вздить въ хорошую погоду. Все у васъ завтра будетъ, чтобъ вы не изволили на скуку жаловаться,—прибавила она угрюмо.

Мы могли бы ей на это отвътить, что мы и не жаловались, но предпочли промолчать. Инстинктивно понимая, что здъсь не слъдуеть спрашивать все, что придетъ въ голову, мы воздержались и отъ вопроса про Люси: пріъдеть ли она къ намъ завтра, какъ объщала, или нътъ?

Накормивъ насъ почти насильно, — тли мы только, чтобъ ее не разсердить, — она уложила насъ спать: братьевъ на диванъ, а меня на широкую кровать подъ балдахиномъ изъ тяжелаго штофа съ бахромой и кистями, засвътила лампадку передъ образами въ кіотъ и напомнивъ, чтобъ мы ее позвали, если намъ будетъ что нибудь нужно, упіла въ состеднюю комнату, оставивъ дверь полуотворенной.

Рома заснулъ почти тотчасъ же, и я тоже начинала засыпать, когда почувствовала, что драпировка зашевелилась, и при свътъ лампадки увидала Сережу, подкрадывавшагося въ одной рубашенкъ къ моей постели.

- Что тебъ?—спросила я, приподнимаясь съ подушекъ и радушно очищая ему мъсто возлъ себя.
- Я хотъть у тебя спросить про эту Матаваеву,—началь онь, усаживаясь съ ногами на указанное мъсто,—ты ее будешь любить?
 - Нътъ, -- стремительно отвъчала я.
- Ну, я очень радъ, мы значить вмъстъ... Рома слишкомъ малъ, чтобъ понимать...

Понимать что? Вопросъ этотъ привелъ бы его въ большое затрудненіе, но мит и въ голову не пришло ему его предлагать. Мы понимали другъ друга безъ словъ, и формулировать въ болте ясныхъ выраженіяхъ волновавшія насъ новыя чувства и мысли намъ не было надобности, насъ вполит удовлетворяло сознаніе, что мы и думаемъ и чувствуемъ одинаково.

- Рома сонству еще маленькій, намъ надо его жалтть, —продолжать Сережа: и надо его беречь, потому что здтсь очень страшно...
 - Это еще ничего, вырвалось у меня.
- Разумъется, ничего,—съ живостью подхватиль онъ,—и мы должны ждать, что будеть еще хуже... Маменька умерла, намъ надо всего ждать, и только не падать духомъ, вотъ что главное.
 - Она намъ велъла молиться.
- Я молюсь, но только не такъ, какъ прежде, поспѣшиль онъ пояснить, а про себя, особенно, безъ словъ... Миѣ легче стало послѣ этой молитвы. И ты попробуй, увидишь, какъ хорошо! Словъ я не могу тебѣ сказать, ихъ нѣтъ, я сердцемъ молюсь, потому что многое не понимаю изъ того, что дѣлается вокругъ насъ, ну, а Богъ, Онъ все знаетъ и видитъ... Миѣ хогѣлось бы бытъ такимъ, какъ маменька... Она удивительно была хороша, даже представить себѣ невозможно, чтобъ можно было бытъ такой... Ей вѣрно Богъ помогатъ... Ты понимаешь, про что я говорю? прибавилъ онъ, понижая голосъ.

Я понимала. До этой минуты мы никогда не задумывались надътяжелымъ положеніемъ нашей матери, и на все, что происходило въ нашемъ домѣ, смотрѣли, какъ на естественное и должное. Она никогда не жаловалась. Люди, которыми мы были окружены, сочли бы за грѣхъ разсуждать въ нашемъ присутствіи про неурядицы въ жизни господъ, доходить же собственнымъ умомъ до разгадки этихъ тайнъ мы сочли бы преступленіемъ, на которое намъ бы и въ голову не пришло покуситься. И вотъ нѣсколько часовъ полнаго одиночества въ чуждой намъ средѣ, гдѣ все было не такъ, какъ у насъ дома, настолько насъ состарило, что мы внезапно поняли многое изъ того, что во дни счастья было недоступно ни уму нашему, ни сердцу. Но какой нравственной ломки намъ стоила эта преждевременная зрѣлость! Сережа не въ силахъ былъ договорить начатой фразы, голосъ его дрогнулъ, и, чтобъ не расплакаться, онъ закусилъ себѣ губы и прижалъ къ груди стиснутые кулаки.

Глаза мои привыкли въ темнотъ, и и видъла, какъ онъ поблъднълъ отъ волненія и уставился широко раскрытыми глазами въ пространство. Сколько разъ впослъдствіи видъла и его въ той же позъ и съ тъмъ же выраженіемъ безконечной тоски во взглядъ, когда въ печальные дни разлуки и вызывала его образъ въ моемъ воображеніи!

- Если ужъ она, такая добрая, чистая, терпъла, то намъ и подавно надо терпъть, значить такъ надо,—началъ онъ, помолчавъ.—Хорошо еще, что мы всъ вмъстъ... Ты мнъ всегда будешь върить, и я тебъ тоже... У меня другого друга, кромъ тебя, никогда не будеть.
- И у меня тоже, —поспъшила я заявить, понижая голосъ до шопота и боязливо косясь на дверь въ сосъднюю комнату, которую

мы не смъли затворить, догадываясь, что она съ умысломъ оставлена растворенною.

Онъ меня обнялъ, и мы долго сидъли, прижавшись другъ къ другу, на большой бабушкиной кровати подъ балдахиномъ, съ смъющимися бронзовыми амурами.

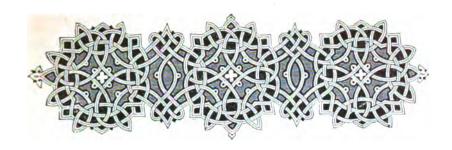
Много видёли на своемъ вёку эти амуры съ тёхъ поръ, какъ вышли изъ мастерской итальянскаго художника, чтобъ украсить брачную кровать русскаго вельможи! Много разнообразныхъ и та-инственныхъ сценъ, смёшныхъ, ужасныхъ и умилительныхъ! Многое могли бы они разсказать, эти амуры, въ назиданіе потомству, еслибъ могли говорить!

Съ этой достопамятной ночи завязалась между мною и старшимъ братомъ духовная связь, которую даже смерти не удалось расторгнуть. Я имѣла несчастіе на много лѣть его пережить, но мертвый онъ осгался для меня такимъ же, какимъ былъ при жизни, самымъ близкимъ существомъ, къ которому я прибѣгаю въ тяжелыя минуты съ любовью и надеждой, какъ тогда, когда мы искали другъ въ другѣ опору на большой бабушкиной кровати, и когда я прижимала похолодѣвшія отъ страха и волненія губы къ его мокрой отъ горькихъ слезъ щекѣ.

Н. Мердеръ.

(Продолжение въ слидующей книжки).

ВОСПОМИНАНІЯ С. М. ЗАГОСКИНА.

ВТОР'Ь печатаемых» «Воспоминаній», Сергьй Михайловичь Загоскинь, быль третій, младшій, сынь изв'ястнаго нашего романиста, автора «Юрія Милославскаго», Михаила Николаевича Загоскина.

Сергъй Михайловичъ родился въ Москвъ 15-го мая 1833 г. и получилъ домашнее воспитаніе; въ 1849 году онъ выдержалъ установленное испытаніе и опредълился на государственную службу въ Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дълъ. Крымская война привлекла молодого человъка въ ряды войскъ, и въ 1855 году онъ поступилъ въ Московское ополченіе, а по расформированіи по-

слѣдняго возвратился въ гражданской службѣ, именно опредѣлился въ канцелярію московскаго гражданскаго губернатора.

Въ 1857 году, Сергъю Михайловичу представилась возможность переселиться въ Петербургь, и вследъ затемъ высочайщимъ приказомъ оть 19 марта 1857 г. онъ быль назначень состоять при статсъ-секретаръ баровъ М. А. Корфъ для занятій по собиранію матеріаловь къ біографіи императора Николая І. Этими работами Сергъй Михайловичъ занимался одновременно съ А. Ө. Бычковымъ, В. В. Стасовымъ, К. О. Феттерлейномъ и другими лицами въ теченіе 29 літь, сперва подъ наблюденіемъ барона Корфа, затемъ князя С. Н. Урусова и наконецъ графа И. Д. Делянова. Какъ изв'ястно, результатомъ этихъ занятій было составленіе 32 рукописныхъ томовъ матеріаловъ, которые впосл'ядствіи, по вол'я въ Боз'я почившаго императора Александра III, поступили въ распоряжение Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Въ 1886 году, когда прекращены были эти работы, Сергьй Михайдовичь оставидь государственную службу. Вь теченіе ея онъ неоднократно получаль высочайшія награды, какъ орденами, такъ и подарками изъ Кабинета Его Величества; сверхъ того, онъ былъ пожалованъ въ званіе камергера высочайшаго двора; при отставкъ же, въ 1886 году, получилъ чинъ тайнаго совътника.

Съ 1886 года здоровье Сергвя Михайловича Загоскина стало приходить въ разстройство, такъ что, оставивъ службу, онъ принужденъ былъ переселиться за границу; такому решенію содействовало и состояніе здоровья его супруги, Анны Семеновны, дочери генераль-адъютанта С. А. Юркевича, съ которою Сергей Ми-

хайловичь вступиль въ бравъ въ 1865 году. Въ последніе годы своей жизни онъ, среди своихъ болезней, находиль удовольствіе въ составленіи «Воспоминаній» о своей жизни, которыя, къ сожаленію, довель только до 1857 года, но въ воторыхъ успель наметить многія характерныя черты московскаго и петербургскаго общественнаго быта въ средине текущаго века. Сергей Михайловичъ скончался въ Париже 25-го февраля 1897 года. Тело его было перевезено въ Петербургь и погребено въ семейномъ склепе въ Сергієвой пустыни, въ нижней Воскресенской церкви.

Повойный наслідоваль оты своего отца необывновенную доброту, веселый нравь, снисходительность къ людямъ: эти черты его характера отражаются и въ его «Воспоминаніяхъ», въ которыхъ очень много добродушія, и не найдется ни одного слишкомъ різкаго отвыва. Всі знавшіе покойнаго Сергія Михайдовича цінили его прекрасныя душевныя качества и сохранили самую лучшую память объ этомъ достойномъ человівкъ.

Проживъ болъе полвъка, я нашелъ не безъ интереса набросать воспоминанія хотя о части пройденной мною жизни. Жизнь моя, какъ жизнь всякаго частнаго человъка, ничъмъ не ознаменовавшаго себя на жизненномъ пути, не представляеть ни для кого ни малъйшаго интереса, но, родившись сыномъ русскаго писателя, нользовавшагося въ свое время большою извъстностью среди читающей публики и даже среди всего русскаго грамотнаго народа, я считаю не излишнимъ разсказать о томъ, ОТР извъстно о жизни отца, съ которымъ я ни на одинъ день не разлучался по самую его смерть, последовавшую, когда мне минуло 19-ть леть. Характеръ, образъ мыслей и самыя привычки выдающагося писателя представляють несомивнный интересь не только для его біографовь, но и для всёхъ читателей, такъ какъ мельчайшія подробности о его жизни, изв'єстныя лишь лицамъ, бывшимъ въ постоянномъ съ нимъ прикосновеніи, могуть немало способствовать къ опредъленію и оцінкі его произведеній, истекавшихъ прямо изъ личныхъ убъжденій характера и кругозора самого автора.

Позднѣе, послѣ кончины отца, мнѣ въ молодости удалось вращаться въ московскомъ обществѣ и затѣмъ принимать участіе въ Крымской кампаніи, и наконецъ поступить на службу въ Петербургѣ. За всѣ юные годы московской и петербургской жизни мнѣ случалось видѣть и знать множество людей, пользовавшихся въ свое время извѣстностью и игравшихъ большую роль въ нашей администраціи. Вообще же, въ моихъ воспоминаніяхъ я не касаюсь ни политическихъ событій, ни историческихъ происшествій, я описываю только всѣ случаи и приключенія моей собственной жизни, какъ жизни, которая всякаго можетъ навести на поучительныя наставленія для дальнѣйшей собственной жизни.

C. 3.

I.

Мон предви.—Дѣдушка и бабушка.—Мой отецъ.—Его дѣтство и юность.—Служба въ Петербургћ.—1812-й годъ.—Литературныя занятія.—Женитьба.—Моя мать.—Д. А. Новосильцевъ.—Перевадъ въ Москву.—Князь Д. В. Голицынъ.—Юрій Милосильскій.—Перемѣна въ жизни отца.—Болѣзнь матери.—Мое рожденіе.— Новая болѣзнь матери.—Кончина Новосильцева.

Родъ Загоскиныхъ принадлежить къ одной изъ древнихъ русскихъ дворянскихъ фамилій. Родоначальникъ ихъ Шевкалъ Загорь прибыль въ 1472 году изъ Золотой Орды къ великому князю Іоанну III и, наименованный во св. крещеніи Александромъ Акбулатовичемъ съ прозваніемъ Загоска, быль жалованъ пом'єстьями въ Новгородскомъ увздв, въ Обонежской пятинв. Изъ потомковъ его, называвшихся Загоскиными, многіе служили воеводами и стольниками, а иткоторые находились при разныхъ посольствахъ. Въ началь, родъ Загоскиныхъ быль весьма малочисленъ, такъ что, въ царствованіе царя Алексвя Михайловича, представителемъ его остался одинъ Дмитрій Өеодоровичъ, стольникъ и воевода на Нерехтъ. Впослъдствіи у него быль сынъ Алексъй, служившій тоже стольникомъ и убитый подъ Смоленскомъ. Единственный сынъ Алексвя, мой прапрадёдь, Лаврентій Алексвевичь, находился въ военной службъ, но гдъ именно-мнъ неизвъстно; повидимому, онъ быть въ числе лицъ, приближенныхъ къ царице Маров Матвевне, такъ какъ она выдала за него свою крестницу, дочь шведскаго генерала Эссенъ, взятую въ пленъ подъ Полтавою и подаренную Петромъ I. Самъ государь быль посаженымъ отпомъ новобрачной и благословиль ее образомъ, хранящимся и понынъ въ потомствъ старшаго изъ двухъ сыновей Лаврентія Алекстевича—Николая, оставившаго отъ брака съ дъвицею Масловою многочисленное потомство, проживающее донынь, большею частью, въ г. Пензъ и вь родовыхъ своихъ имъніяхъ этой губерніи. Другой сынъ Лаврентія Алексьевича, Михаилъ, былъ женать на богатой дівниць изъ древняго рода Бельскихъ и имелъ единственнаго сына Николая, моего деда, родившагося 24-го октября 1761 года.

О жизни и службѣ моего прадѣда я не имѣю никакихъ свѣдѣній; мнѣ только извѣстно, что онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, вскорѣ послѣ рожденія своего единственнаго сына. Вслѣдъ за прадѣдомъ скончалась и его вдова, оставивъ своему малолѣтнему сыну большія и значительныя имѣнія въ Пензенской губерніи. Осиротѣвшій ребенокъ былъ взять на воспитаніе своимъ родственникомъ Засѣцкимъ, проживавшимъ въ своихъ помѣстьяхъ Пензенской губерніи, и у котораго онъ оставался до 16 лѣтняго возраста. Воспитаніе дѣда шло болѣе чъмъ плохо: отсутствіе всякаго надзора,

безотчетная свобода дъйствій, шалости и игры въ обществъ многочисленной дворни, имъли пагубное вліяніе на его нравственное развитіе, такъ что, поступивъ 16 лёть на службу въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкт, онт немедленно предался полнъйшему разгулу въ кругу молодыхъ петербургскихъ кутилъ того времени. Разгулъ, по собственымъ его словамъ, былъ столь великъ, что долго продолжаться не могь. Будучи характера крайне своеобразнаго и самовольнаго, но, къ счастью, обладая здравымъ умомъ и сильною волею, дёдь вскорё почувствоваль всю неприглядность своей безнравственной жизни и, возгнушавшись всего, что незадолго передъ тъмъ составляло ея прелесть, ръшилъ разомъ навсегда покончить съ своею обстановкою, посвятивъ себя уединенію и молитвъ... ръшение было круго и энергично: онъ вышелъ въ отставку, роздаль большую часть своего состоянія небогатымь своимь родственникамъ и отправился на жительство въ Саровскую пустынь, гдъ въ то время находился извъстный строгій подвижникъ, отепъ Серафимъ. Построивъ собственноручно, вмъсть съ Серафимомъ, келью и сдёлавшись неразлучнымъ его товарищемъ, молодой отшельникъ вполнъ подчинился строгому монастырскому уставу. Пренровождая время въ молитвъ и постъ и ревностно исполняя тяжелыя, возлагавшіяся на него послушанія, онъ вскорі пріобріть искреннюю дружбу и уважение Серафима. Нъсколько лътъ, проведенныхъ дедомъ въ Саровской пустыне, совершенно согласовались съ тогдашнимъ его душевнымъ настроеніемъ и, казалось, служили ему подготовленіемъ къ дальнъйшимъ отшельническимъ подвигамъ... но молодость взяла свое! Получивъ письмо отъ своихъ родственниковъ Засъцкихъ, приглашавшихъ его къ себъ въ деревню для какихъ - то необходимыхъ денежныхъ расчетовъ, Николай Михайловичъ съ стъсненнымъ сердцемъ и великою грустью покинулъ на время обитель и побхалъ къ нимъ въ Пензенскую губернію. Прогостивъ тамъ нёсколько мёсяцевъ, молодой послушникъ грустилъ по своей уединенной келіи и по своемъ товарищъ Серафимъ, но, мало-помалу, привыкнувъ къ новой обстановкъ, среди сельскихъ развлеченій, сталъ забывать пустынь, келью и Серафима... наконецъ, въ сердце его запала искра теплой и нъжной любви! — онъ полюбилъ молодую дъвицу, воспитанную въ правилахъ высокаго благочестія, Наталью Михайловну Мартынову. Любовь эта решила дальнейшую его службу: онъ сбросиль монашескую ряску, цокинулъ навсегда Саровскую пустынь и женился на Мартыновой 1).

¹⁾ Отецъ Натальи Михайловны, Михаиль Ильнчъ Мартыновь, довольно богатый помёщикъ Пензенской губерніи, имёль оть трехъ браковь двадцать інть человівкъ дітей. Изъ сыновей его были извістны: въ московскомъ обществісто Соломонъ Михайловичь, а въ петербургскомъ—Савва Михайловичь. Первый проживаль въ Москві и составиль себі, черезъ откупа, значительное состояніе. Онъ

Послѣ женитьбы Николай Михайловичъ поселился въ Пензѣ, проживая по лѣтамъ въ родовомъ помѣстіи Пензенскаго уѣзда, с. Рамзаѣ. Несмотря на свой причудливый и нѣсколько деспотическій характеръ, онъ до конца жизни былъ хорошимъ мужемъ и добрымъ попечительнымъ отцемъ. Семейство его состояло изъ семи сыновей и двухъ дочерей 1).

Вскорѣ постѣ отечественной войны дѣдъ мой переѣхалъ изъ Пензы на жительство въ Петербургъ, гдѣ въ то время сыновья его находились на службѣ или въ учебныхъ заведеніяхъ. Въ Петербургѣ онъ нанялъ, на Невскомъ проспектѣ, близъ Надеждинской, общирный бельэтажъ въ домѣ Яковлева (находящемся и понынѣ за потомками того же владѣльца и той же фамиліи) и хоть не имѣтъ прежняго значительнаго состоянія, но зажитъ, однако, довольно широко, принимая гостей и нерѣдко устраивая у себя домашніе спектакли. Проживая съ 1815 по 1820 годъ, вмѣстѣ съ старшимъ своимъ сыномъ Михаиломъ Николаевичемъ, въ то время, уже начинавшимъ вращаться въ кругу литераторовъ, дѣдъ мой составитъ себѣ общество преимущественно изъ сихъ послѣднихъ. Въ домашнихъ его спектакляхъ принимали участіе Крыловъ, Гнѣдичъ, Жуковскій и другіе, а декораціи для сцены писалъ юноша,

быль женать на Елизаветь Михайловнь Тарновской и имъть трехь сыновей и пять дочерей. Сыновья его были Михаиль, женатый на Ушаковой, Николай (убившій на дуэли Лермонтова)—на Проскуровой и Дмитрій—на Демидовой. Дочери, Елизавета—за Шереметевымъ, Екатерина—за Ржевскимъ, Юлія—за княземъ Гагаринымъ, Наталья—за французомъ графомъ Турдонэ и Марія—за англійскимъ банкиромъ Берингомъ.

Савва Михайловичь, проведшій всю жизнь въ Петербургів, быль женать на Маріи Степановнів Поскочиной и извівстень своею крупною, карточною игрою. Сынь его Николай, офицерь гвардейской артиллеріи, пользовался большою извівстностью своею замічательною игрою на фортепіано. Дочери Саввы Михайловича были въ замужествів: Марія—за Бемомъ, Анна—за княземъ Вагратіономъ и одна (не помню, какъ звали) за генераломъ Анненковымъ. О бабушкі моей Натальів Михайловить, родившейся 26-го декабря 1770 г., люди, близко ее знавшіе, отзывались, какъ о женщинів умной, любезной и добродітельной, что и подтвердили въ своихъ воспоминаніяхъ извістный поэть князь И. М. Долгорукій и Ф. Ф. Вигель, хорошо знавшіе ее во время своего пребыванія въ Пензів.

¹⁾ Сыновья: 1) Михаиль, мой отець. 2) Маркель, женатый на Любови Сергвевнъ Олсуфьевой, офицерь лейбъ-гвардія Семеновскаго полка, а потомъ пензенскій уъздный предводитель дворянства. 3) Василій, офицерь лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, а затымъ умершій въ должности командира Азовскаго полка. 4) Павель, офицерь лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, умершій юношею. 5) Николай, женатый на Екатеринъ Дмитріевнъ Мертваго (дочери сенатора). 6) Алексьй, женатый на Александръ Ивановнъ Эмме (дочери рижскаго коменданта) и 7) Илліодоръ, женатый на дворянкъ польскаго происхожденія Эмиліи Александровнъ Ивеншмидть. Три послъдніе служили въ корпусъ путей сообщенія. Дочери: Софія въ замужествъ за пензенскимъ помъщикомъ Ступишннымъ и Варвара въ первомъ бракъ за Охлябиненымъ, а во второмъ за Александромъ Алексьевичемъ Панчулидзевымъ, бывщимъ болье двадцати пяти лѣть пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ.

обладавшій уже тогда значительнымъ талантомъ; фамилія его была Брюло ¹).

Въ 1820 году, Николай Михайловичъ, послъ женитьбы двухъ старшихъ сыновей, снова возвратился въ любимую имъ Пензу и скончался тамъ 24-го апръля 1824 года, а бабушка умерла тамъ же 17-го марта 1833 года.

Отепъ мой, Михаилъ Николаевичъ, родился въ с. Рамзат 14-го іюля 1789 года. Воспитаніе онъ получиль дома и большею частью въ деревић; но образование его шло такъ же плохо, какъ и образованіе его отца; за то все вниманіе родителей было обращено на развитіе нравственной стороны ребенка. Съ дътскихъ лътъ, чувствуя не только влеченіе, но просто страсть къ чтенію, Михаилъ Николаевичъ посвящалъ все свое время чтенію книгь изъ довольно обширной библіотеки своего отца, состоявшей большею частью изъ книгъ серьезнаго направленія. Такимъ образомъ, съ самыхъ юныхъ лъть, не получая никакого научнаго образованія, онъ, по собственному влеченію, постояннымъ чтеніемъ нісколько пополняль недостатокъ своихъ познаній и, притомъ, обладая зам'вчательною памятью, помнилъ все прочитанное. Изъ иностранныхъ языковъ его учили лишь французскому и то поверхностно; впоследствіи, въ зръломъ возрастъ, онъ зналъ основательно этотъ языкъ, но въ разговорѣ дѣлалъ часто ошибки.

Одиннадцати лѣтъ, онъ въ первый разъ попробовалъ написать разсказъ подъ названіемъ «Пустынникъ». Это дѣтское произведеніе было настолько хорошо написано, что родители автора и всѣ ихъ знакомые не хотѣли вѣрить, чтобы подобное сочиненіе могло выйти изъ-подъ пера одиннадцатилѣтняго ребенка.

Въ май 1802 года, Михаилъ Николаевичъ, не достигнувъ еще и тринадцатилътняго возраста, былъ отправленъ въ Петербургъ для поступленія на гражданскую службу. Въ спутники ему, сверхъ дядьки его, Прохора Кондратьевича 2), былъ данъ уъзжавшій одновременно съ нимъ изъ Пензы въ Петербургъ, внучатный братъ его, юный Филиппъ Филипповичъ Вигель, впослъдствіи извъстный своимъ просвъщеннымъ, но ъдкимъ умомъ, авторъ весьма интересныхъ записокъ. Съ раннихъ лътъ, отецъ мой, здоровый, кръпкій и замъчательно сильный мальчикъ, чувствовалъ особое влеченіе къ военной службъ и неотступно просилъ своихъ родителей опредълить его въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, но они, неизвъстно почему, не исполнили его желанія, хотя нъкоторые изъ братьевъ его, изъ

¹⁾ Подробности эти изв'встны мн'в изъ вратвихъ записовъ Николая Михайловича, писанныхъ изр'вдка на маленькихъ листкахъ бумаги и хранившихся у дочери его Панчулидзевой. Впрочемъ, записки эти не представляютъ особаго интереса, касаясь преимущественно семейныхъ д'ытъ.

²⁾ Этотъ дядъка выведенъ Михаиломъ Николаевичемъ въ его романъ «Кузьма Петровичъ Мирошевъ».

которых одинъ даже пользовался слабым здоровьемъ, были опредёлены въ военную службу, а прочіе отданы въ корпусъ путей сообщенія.

По прівадь въ Цетербургь, Михаилъ Николаевичь, по ходатайству стараго знакомаго его родителей, богатаго откупщика Злобина (свояка Сперанскаго), былъ опредъленъ въ канцелярію государственнаго казначея канцеляристомъ, откуда, по производствъ въ сенатскіе регистраторы, переведенъ въ горный департаментъ, а потомъ въ государственный заемный банкъ и, затъмъ, передъ отечественною войною, перешелъ снова въ департаментъ горныхъ дъть съ чиномъ губернскаго секретаря.

Про эти первые годы петербургской жизни моего отца я ничего не знаю; онъ мало о нихъ вспоминалъ и только иногда разсказывать, что жилъ тогда болъе чъмъ скромно, имълъ мало знакомыхъ, усердно трудился на службъ, много писалъ маленькихъ разсказовъ и повъстей и постоянно нуждался въ средствахъ къ жизни.

Получая отъ своего родителя всего 300 р. ассигнаціями въ годъ и въсколько десятковъ рублей казеннаго содержанія, онъ, въ сильные морозы, не разъ оставался въ неотопленной квартиръ и даже, однажды, изнемогая отъ холода, ръшился, за неимъніемъ денегъ, истопить печи деревянными стульями, составлявшими часть мебели его неприхотливой квартиры.

Въ 1812 году, при формированіи ополченій, Михаилъ Николаевичь, въ чинъ коллежскаго секретаря, поступиль въ ополченіе С.-Петербургской губерніи подпоручикомъ и принималъ участіе въ сраженіяхъ подъ Полоцкомъ и другихъ мъстахъ. Подъ Полоцкомъ, получивъ сильную контузію въ ногу, онъ былъ пожалованъ, за храбрость, орденомъ св. Анны на шпагу. Контузія лишила его надолго возможности участвовать въ дальнъйшихъ, военныхъ дъйствіяхъ.

Приведу, при семъ, случай, доказывающій огромную намять отца въ молодыхъ его лѣтахъ. Во время продолжительнаго лѣченія контузіи въ лазаретѣ онъ какъ-то сказалъ одному изъ своихъ раненыхъ товарищей, что можеть въ короткое время выучить наизусть весь лексиконъ французскихъ словъ. Товарищъ не повѣрить, заспорилъ, побился о какой-то закладъ и проигралъ его: отецъ выучить въ назначенный срокъ весь лексиконъ и, заставивъ проэкзаменовать себя, блистательно выдержалъ экзаменъ 1).

Постѣ сдачи Данцига, по распущеніи ополченія, Михаилъ Николаевичъ возвратился въ Россію и прожилъ нѣкоторое время у

¹⁾ И. И. Панаевъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, упомянуль объ этомъ обстоятельствъ, но не върно: овъ говорить, что М. Н., не знавъ въ дътствъ французскаго языка, изучивъ для сего французскій лексиковъ вскорт послъ своего назначенія директоромъ Московскихъ театровъ. Это опибочно: дъло было, какъ мною разсказано со словъ самого Михаила Николаевича.

своихъ родителей въ с. Рамзаѣ, гдѣ и написалъ комедію подъ названіемъ «Комедія противъ комедіи» или «Урокъ волокитамъ».

Піеса эта, нгранная въ Петербургѣ, понравилась публикѣ, имѣла большой успѣхъ, долго не сходила съ репертуара и доставила автору нѣкоторую извѣстность среди драматическихъ писателей того времени, но, будучи написана въ защиту «Липецкихъ водъ», комедіи князя А. А. Шаховскаго, принадлежавшаго къ литературному кружку Шишкова, враждебному знаменитому кружку «Арзамасцевъ», пріобрѣла ему немало враговъ изъ послѣдняго кружка.

Всё члены «Арзамаса», за исключеніемъ Жуковскаго и Вигеля, сдёлались сильными порицателями драматическаго таланта отца, и въ особенности ожесточался противъ него Грибоёдовъ, который, однако, позднёе, познакомившись съ нимъ, полюбилъ его и остался въ прінтельскихъ съ нимъ отношеніяхъ вплоть до своей трагической кончины ¹).

Въ 1815 году, Михаилъ Николаевичъ былъ помолвленъ на пятнадцатилътней дочери стараго знакомаго своего отца, богатаго помъщика Чихачева. Молодые люди не чувствовали къ другъ другу никакого влеченія и должны были вступить въ бракъ единственно въ угоду и по приказанію своихъ родителей. Къ счастію, бракъ этотъ, по настоянію жениха, не состоялся, и въ слѣдующемъ году Михаилъ Николаевичъ, по собственному влеченію и выбору своего сердца, женился на незабвенной моей матери, память о которой для меня сохранилась не только, какъ о женщинъ умной, просвъщенной, но и рѣдкой христіанкъ, заслуживающей, безъ малъйшаго преувеличенія, названія святой женщины.

Мать моя, обязанная бытіемъ своимъ бригадиру Дмитрію Александровичу Новосильцову, была возведена, въ младенчествъ, въ дворянское достоинство съ фамиліей Васильцовской ²) и со дня своего рожденья (26-го іюня 1792 года), находясь безотлучно при отиъ, получила тщательное воспитаніе: она прекрасно владъла француз-

«Бичъ пороковъ и блиновъ! Нынѣ Пцепкинъ угощаетъ И пріятельскій свой зовъ Чрезъ меня онъ посылаетъ. Прівзжай насъ позабавить, Аппетиту намъ прибавить И съвстного поубавить!»

¹⁾ Въ Императорской Публичной библіотекъ хранится переданное мною туда нижеслъдующее стихотвореніе Грибоъдова, писанное имъ въ формъ письма къмоему отцу, служившему въ то время при Московскомъ театръ:

²⁾ У Новосиль дова быль еще сынь, родной брать Анны Дмитріевны, Александръ Дмитріевичъ Василь довскій, служившій въ молодости въ министерствъ иностранных в дълъ, а впослъдствіи бывшій камергеромъ высочайшаго двора и преемникомъ моего отца по управленію имъ Московскими театрами.

скимъ, немецкимъ и итальянскимъ языками, отлично пела, играла на фортепіано и рисовала, какъ артистъ.

При глубокомъ умѣ, обладая рѣдкими душевными качествами и замѣчательною красотою, она была до крайности застѣнчива, вслѣдствіе чего казалась нѣсколько необщительною, и только люди, бизкол

миханть Николаевичь Загоскинь.

знавине ее, могли оцфинть рфдкое сердце и безконечную чисто христіанскую любовь ея къ ближнему. Отецъ мой ифсколько разъ сватался за Анну Дмитріевну и, несмотря на то, что Новосильцовъбыль старый пріятель и товарищъ по полку съ дфдушкою Николаемъ Михайловичемъ, онъ ни за что не соглашался выдать ее за «истор. въсти.», январь, 1900 г., т. сххіх.

его сына, и лишь по настоятельному и непреклонному желанію Анны Дмитріевны бракъ состоялся ¹). Невзирая на данное согласіе, гордый, богатый и своенравный Новосильцовъ, желавшій выдать свою дочь за человѣка съ вѣсомъ и положеніемъ, не могъ, въ теченіе многихъ лѣтъ послѣ ея свадьды, побѣдить въ себѣ чувство непріязни къ ея мужу, не признавая въ немъ ни ума, ни таланта, ни даже какихъ либо душевныхъ качествъ и считая его ничтожнымъ молодымъ человѣкомъ безъ состоянія и общественнаго положенія. Непріязнь эта сильно и долго отравляла семейное счастіе моихъ родителей.

Чтобы имѣть понятіе о характерѣ Д. А Новосильцова, приведу слѣдующій анекдоть, разсказанный мнѣ крестнымъ сыномъ его, княземъ Сергіемъ Николаевичемъ Урусовымъ 2). Дмитрій Александровичъ, въ царствованіе императрицы Екатерины ІІ, будучи офицеромъ Измайловскаго полка и находясь, однажды, съ своею ротою въ караулѣ на дворцовой гауптвахтѣ, остался крайне недоволенъ поданнымъ ему обѣдомъ съ царской кухни, тѣмъ самымъ, который подавался государынѣ. Пригласивъ на гауптвахту гофъ-фурьера, распоряжавшагося царскимъ обѣдомъ, и сдѣлавъ ему выговоръ за дурное будто бы кушанье, которое онъ осмѣливался подавать императрицѣ, Новосильцовъ приказалъ солдатамъ своей роты высѣчь его, что ими и было немедленно исполнено. За этотъ поступокъ онъ былъ уволенъ отъ службы, но, позднѣе принятый снова въ оную, дослужился до бригадирскаго чина.

Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ супружества моихъ родителей у нихъ родились: въ 1817 г. дочь Наталья (умершая вскорѣ послѣ своего рожденія), въ 1818 г. сынъ Дмитрій и въ 1819 г. сынъ Николай. Оба сына, впослѣдствіи, были очепь красивы собою; старшій, похожій на отца, былъ всегда ненавистенъ Новосильцову, а второй, схожій съ матушкою, пользовался постоянною его любовью.

Передъ свадьбою, Михаилъ Николаевичъ, оставивъ службу въ горномъ департаментѣ, былъ опредѣленъ въ дирекцію императорскихъ театровъ помощникомъ члена по репертуарной части. Опредѣленію этому способствовала дружба его со всемогущимъ въ то время въ театральномъ мірѣ княземъ А. А. Шаховскимъ, искренно полюбившимъ его за защиту «Липецкихъ водъ».

Въ 1818 г. отецъ оставилъ службу при театръ и опредъленъ помощникомъ библіотекаря при императорской публичной библіотекь, а въ 1820 г. получилъ орденъ св. Анны 3-й степени, въ награду за составленіе каталога русскихъ книгъ, и назначенъ почетнымъ библіотекаремъ.

²⁾ Въ царствованіе императора Александра II онъ быль главноуправляющимъ II-мъ отдёленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи и съ 1876 по 1882 годъ моимъ начальникомъ.

¹⁾ Вънчаніе монкъ родителей происходило въ Петербургъ въ мав (не знаю, какого числа) 1816 года въ церкви Знаменія на Невскомъ проспектъ.

Служба его при библіотекъ пріобръла ему искреннее расположеніе директора ея, Алексъя Николаевича Оленина, извъстнаго покровителя литераторовъ и художниковъ, и вмъстъ съ тъмъ пріязны и дружбу двухъ знаменитыхъ библіотекарей: Ивана Андреевича Крылова и Николая Ивановича Гнъдича. Къ этому времени относятся двъ комедіи Михаила Николаевича: «Богатоновъ, или столичный житель въ провинціи» и «Романъ на большой дорогъ».

Въ 1820 г., дъдъ мой, Загоскинъ, какъ я уже выше упомянулъ, возвратился на жительство въ Пензу, а Новосильцовъ собрался неревзжать въ Москву, гдв до 1812 года онъ имълъ постоянное жительство и собственный домъ. Не желая разставаться съ своею дочерью, которую, несмотря на ненавистный для него бракъ, продолжать горячо любить, онъ предложить моему отцу перейти на службу въ Москву и поселиться съ нимъ на жительство въ его домѣ. Предложение это привело въ ужасъ Михаила Николаевича. жившаго до того времени спокойно съ своимъ семействомъ въ квартирь своихъ родителей и пользовавшагося даровою квартирою и обедомъ, что было для него весьма важно, такъ какъ доходы его ограничивались небольшимъ казеннымъ жалованіемъ, незначительными литературными трудами и весьма скромнымъ содержаніемъ, получаемымъ его женою отъ Новосильцова, и только после долгихъ колебаній боязнь лишить ніжно любимую имъ жену удобствъ въ жизни, къ которымъ она съ дътства привыкла, заставила его решиться на такое, можно сказать, самопожертвование и принять предложение Дмитрія Александровича.

Въ іюнъ того же года, мои родители перевхали въ Москву, гдъ вскоръ отецъ, по милости своего ръдкаго сердца и неисчерпаемаго веселаго добродушія, пріобръть много новыхъ пріятелей изъ среды московскихъ литераторовъ и близко сошелся съ Ө. Ө. Кокошкинымъ, С. Т. Аксаковымъ и М. А. Дмитріевымъ. Въ Москвъ онъ поступеть на должность чиновника по особымъ порученіямъ при тогдашнемъ московскомъ главнокомандующемъ князъ Дмитріи Владиміровичъ Голицынъ, подъ начальствомъ котораго находились въ то время и московскіе театры.

Князь Голицынь, какъ извъстно, былъ добрый, благородный и, въ полномъ смыслъ слова, прекраснъйшій человъкъ. Воспитанный за границею, онъ присвоилъ себъ утонченныя манеры французскаго маркиза, сохранивъ при томъ осанку русскаго вельможи. Обращаясь со всъми, а съ своими подчиненными въ особенности, въжливо и привътливо, Голицынъ, однако, неръдко выказывать, какъ будто и самъ того не подозръвая, важность своего сана и происхожденія, хотя въ душъ глубоко презиралъ людей заискивающихъ, льстивыхъ и подобострастныхъ. Считаю не лишнимъ привести эпизодъ изъ перваго свиданія моего отца съ своимъ новымъ начальникомъ, хорошо обрисовывающій характеръ того и другого.

Digitized by Google

При первомъ представленіи князю, отецъ, явившись въ мундирѣ, вошелъ къ нему въ кабинетъ. Князь принялъ его, сидя за письменнымъ столомъ, и, не протянувъ руки, сталъ любезно съ нимъ разговаривать. Разговоръ, продолжавшійся нѣсколько минуть, затянулся, съ офиціальнаго перешелъ въ чисто интимный. Тогда отецъ, считая себя уже не подчиненнымъ, а гостемъ князя, началъ разсѣянно оборачиваться и, какъ будто, чего-то искать. На вопросъ князя: «что съ вами и что вы ищете?»--онъ отвѣтилъ: «кресло, чтобы сѣсть». Князь улыбнулся, позвонилъ и приказалъ вошедшему слугѣ подать кресло. Съ тѣхъ поръ, при всякомъ свиданіи начальника съ своимъ подчиненнымъ, рука протягивалась и кресло придвигалось.

Въ скоромъ времени Голицынъ очень полюбилъ своего новаго чиновника и до конца жизни оказывалъ ему знаки уваженія и душевной пріязни.

При такомъ начальникъ, служба Михаила Николаевича шла весьма усившно: въ 1823 г. онъ былъ назначенъ членомъ конторы дирекціи московскихъ театровъ, а со времени своего прівзда въ Москву по 1829 годъ получилъ ордена св. Владиміра 4-й степени и св. Анны 2-й и чины коллежскаго ассессора и надворнаго совътника. По тогдашнимъ правиламъ, онъ не могъ получить чина коллежскаго ассессора безъ выдержанія особо установленнаго для этого чина экзамена, а потому долго приготовлялся къ нему и выдержалъ его отличнымъ образомъ. При испытаніи его въ русскомъ языкъ профессоръ отечественной словесности предложилъ отцу, уже пользовавшемуся извъстностью, какъ драматическій писатель, слъдуюгцій, довольно наивный вопросъ: «кто былъ Ломоносовъ?»— отецъ, неоднократно разсказывая объ этомъ, всегда прибавлялъ: «мнъ хотълось отвътить, что Ломоносовъ былъ сапожникъ».

Продолжая усердно заниматься службою при театрѣ и не оставляя своихъ литературныхъ занятій, Михаилъ Николаевичъ, за время съ 1820 по 1828 годъ, написалъ комедіи: «Урокъ холостымъ», «Благородный театръ» и водевиль «Деревенскій философъ». Первыя двѣ пьесы были написаны стихами, что стоило ихъ автору не малаго труда, такъ какъ, не имѣя музыкальнаго уха, онъ каждый стихъ раздѣлялъ на слоги и на стопы и надъ каждымъ слогомъ ставилъ удареніе. Ранѣе этихъ двухъ комедій онъ написалъ посланіе въ стихахъ къ Гнѣдичу подъ названіемъ «Авторская клятва» и стихотвореніе «Выборъ невѣсты». Эти стихотворные его опыты, заслужившіе полное одобреніе Гнѣдича и особенно Крылова, дали ему нѣкоторую смѣлость написатъ стихами вышеупомянутыя двѣ комедіи, которыя и были шраны съ большимъ успѣхомъ на московской сценѣ.

До 1830 года, отецъ съ своимъ семействомъ проживалъ въ Старой Конюшенной въ домъ Новосильцова, часто испытывая на себъ странныя придирки и выходки хозянна дома, настоящаго деспота стараго закала, вызывавшія немало обоюдныхъ бурныхъ вспышекъ, и вслёдствіе которыхъ жизнь моихъ родителей въ его дом'є становилась все бол'є и бол'є невыносим'є, и мысль отд'єлиться отъ Новосильцова не покидала отца ни на минуту. Въ то время, матеріальныя средства его н'єсколько улучшились, однако, не настолько, чтобы онъ им'єлъ возможность, какъ онъ самъ выражался, «опериться» и жить самостоятельно.

Вскорѣ счастье улыбнулось ему: въ 1828 году онъ задумалъ написать историческій романъ. Въ теченіе почти цѣлаго года, онъ усердно рылся въ древнихъ актахъ, изучалъ русскую исторію и нерѣдко проводилъ цѣлыя ночи за перомъ. Плодомъ этого усидчиваго труда явился, наконецъ, въ декабрѣ слѣдующаго года, его первый историческій романъ «Юрій Милославскій или русскіе въ 1612 году».

Появленіе этого романа, какъ извъстно, составило эпоху въ русской литературъ, доставивъ автору его громкую извъстность не только въ Россіи, но и за границею. Пушкинъ, Жуковскій, Крыловъ, Гитдичъ, Шаховской, однимъ словомъ, вст лучшіе писатели и поэты того времени громко привътствовали появление этого романа и разсыпались передъ отцомъ въ похвалахъ. Однимъ изъ первыхъ поситышиль поздравить его съ блистательнымъ усптахомъ «Юрія Милославскаго» князь Шаховской: онъ прислалъ длинное письмо, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: «я уже совсемъ оделся, чтобы ъхать на свидание съ нашими первоклассными писателями на литературный объдъ къ графу О. И. Толстому, какъ вдругъ принесли мит твой романъ, я ему обрадовался и повезъ мою радость къ графу Толстому. Но тамъ меня ею же встрътили. Цервое дъйствующее лицо авторскаго объда, явившееся на сцену, былъ Нушкинъ и тотчасъ заговорилъ о тебъ. Пушкинъ восхищался отрывками твоего романа, которые онъ читалъ въ журналъ. Входитъ Крыловъ изъ дворца; разспросы о тебъ и улыбательныя одобренія твоему роману. Входить Гибдичъ-въ восхищении отъ прекраснаго твоего романа; наконецъ, является Жуковскій и, сказавъ два слова, объявляеть, что не спаль вчера всю ночь-отчего же?-все-таки отъ твоего романа, который онъ получиль, развернуль, хотъль прочесть кое-что и, не сходя съ мъста и не ложась спать, не могв не прочесть всёхъ трехъ томовъ; а это самая лучшая похвала, какую онъ могъ сдълать твоему сочинению. Онъ просилъ меня тотчасъ къ тебъ написать о действіи, которое ты надъ нимъ произвелъ, о своей благодарности и о томъ, что, хотя онъ еще не успълъ поднести твоего романа императрицъ, но предварилъ ее, что она увидитъ диво на нащемъ языкъ».

Затъмъ А. С. Пушкинъ писалъ моему отцу: «Перерываю увлекательное чтеніе вашего романа, чтобы сердечно поблагодарить васъ за присылку «Юрія Милославскаго» — лестный знакъ вашего ко мит расположенія. Поздравляю васъ съ усптхомъ полнымъ и заслуженнымъ, а публику съ однимъ изъ лучшихъ романовъ нынтшней эпохи. Вст читають его. Жуковскій провель за нимъ цтлую ночь. Дамы отъ него въ восхищеніи. Въ «Литературной Газетт» будеть о немъ статья Погортльскаго 1). Если въ ней не все будеть высказано, то постараюсь досказать. Простите, дай Богъ вамъ многія лта, т.-е. дай Богъ намъ многіе романы».

Московское общество, съ своей стороны, не осталось равнодушнымъ къ автору «Юрія Милославскаго» и, наперерывъ, стало съ нимъ знакомиться, а отъ дамъ и особенно великосвътскихъ львицъ ему просто не было отбоя... одинъ только старикъ Новосильцовъ нашелъ романъ никуда негоднымъ и узнавъ, что отецъ продалъ его за 30.000 рублей ассигнаціями, съ негодованіемъ воскликнулъ: «неужели я дожилъ до того, что русскіе даютъ такія деньги за такую дрянь!» ²).

Какъ ни лестны были для Михаила Николаевича всё расточаемыя ему общія похвалы, весь внезапно окружившій его почеть, но главное, душевная радость заключалась въ томъ, что давнишняя завётная мысль его «опериться» могла уже осуществиться. Получивъ за свой романъ значительную для того времени сумму, онъ немедленно купилъ въ Москвё прекрасный домъ (въ Денежномъ переулкѣ, въ приходѣ Покрова, что въ Левшинѣ), переселился въ него съ своимъ семействомъ и зажилъ, хотя не богато, но полнымъ самостоятельнымъ хозяиномъ.

Впереди его ожидало еще большее...

Въ 1830 году, императоръ Николай Павловичъ прівхалъ въ Москву и пожелалъ видёть отца.

При входѣ его въ царскій кабинетъ въ маломъ Николаевскомъ дворцѣ, его величество, подавъ ему руку, осчастливилъ его слѣдующими словами: «будучи въ Москвѣ, я никогда не простилъ бы себѣ, если бы не познакомился съ авторомъ «Юрія Милославскаго» з). Свиданіе это запечатлѣлось на всю жизнь въ сердцѣ Михаила Николаевича и было началомъ той глубокой любви и безпредѣльной преданности, которыя онъ питалъ къ Николаю Павловичу до конца своей жизни.

Опредёленный въ этомъ году управляющимъ конторою московскихъ театровъ, отецъ въ короткое время быль пожалованъ въ камергеры и назначенъ въ должность директора тъхъ же театровъ.

Въ день пожалованія придворнымъ званіемъ онъ былъ несказанно удивленъ присылкою отъ Новосильцова подарка: то былъ

¹⁾ Псевдонимъ Перовскаго, автора «Монастырки».

²⁾ Кром'в Новосильцова, романомъ остался недоволенъ и Булгаринъ.

в) Слова эти были записаны моимъ отцомъ въ его записной книжкъ.

первый подарокъ, полученный имъ отъ него со дня своей свадьбы золотой камергерскій ключъ!.. съ самаго этого дня камергеръ Загоскинъ вступаетъ въ глазахъ гордаго старика во всё принадлежавшія ему человъческія и литературныя права: онъ сдълался для него прекраснымъ человъкомъ и талантливымъ писателемъ...

Новосильцовъ торжествовалъ!.. Къ счастью, торжество это не ограничилось присылкою одного золотого ключа; вслёдъ за тёмъ послёдовалъ боле существенный даръ: онъ подарилъ моей матери имъне во Владимірской губерніи съ 600-ми крестьянами и значительную сумму денегь, на которую она пріобрёла имъне въ Тамбовской губерніи съ коннымъ заводомъ.

Въ слѣдующемъ году отецъ написалъ свой второй романъ «Рославлевъ или русскіе въ 1812 году», доставившій ему 40.000 рублей ассигнаціями, на которые онъ купилъ небольшое имѣніе въ Серпуховскомъ уѣздѣ Московской губерніи.

По поводу этого романа, Жуковскій написаль ему слідующее письмо: «Благодарю вась и за подарокъ и за «Рославлева», почтенній і Михаиль Николаевичь, — и съ нимъ то же случилось, что съ его старшимъ братомъ; я прочиталь его почти въ одинъ присйсть. Признаюсь вамъ только въ одномъ: по прочтеніи первыхъ листовъ, я долженъ быль отложить чтеніе, и эти первые листы произвели было во мні нікоторое предуб'яжденіе противъ всего романа, и я побоялся, что онъ не пойдеть на ряду съ «Милославскимъ». Описаніе большого світа мні показалось невірнымъ, и въ гостиной княгини Радугиной я не узналь світскаго языка. Но все остальное прекрасно, и Рославлевъ столько же приманчивъ, какъ старшій брать его.

«Благословляю васъ объими руками на романы. Это ваше дѣло, а предметовъ бездна. Стою на томъ, чтобы вы написали Дмитрія Самозванца; лучше сюжета нѣтъ, а Булгаринъ его ужасно изуродовалъ. Потомъ, примитесь описывать времена Петра; потомъ бытъ нашихъ провинціаловъ: описывая истину, смѣшное смѣшнымъ, дурное дурнымъ, прекрасное прекраснымъ, вы произведете не только пріятное, но и полезное.

«Доселъ никто еще не писалъ у насъ върно съ натуры. Болъе карикатуры, для коихъ образчики были не наши.

«Трогая описаніемъ прекраснаго, противопоставляя высокіе характеры, изъ натуры взятые, смѣшному или дурному, также изъ натуры взятому, вы дадите умамъ надлежащее направленіе. Безъ истины нѣтъ убѣжденья, а вы можете (ибо на это имѣете талантъ) изобразить истину. Главная критика на оба ваши романа можеть относиться только къ правильности языка. Много ошибокъ, которыя бы замѣтилъ вамъ послѣдній ребенокъ, который знаеть грамматику. Этихъ ошибокъ у васъ быть не должно; но вы, имѣя истинный талантъ, должны непремѣнно обратить вниманіе и на мелочи, не

вредящія главному, но такого рода, что вы уже теперь обязаны не дѣлать подобныхъ проступковъ. Извините, что такъ искренно изъясняюсь: это доказательство живого участія, принимаемаго мною въ вашихъ успѣхахъ, а бывшіе ваши успѣхи дають мнѣ надежду на будущіе, и въ этомъ случаѣ я не боюсь быть лжепророкомъ. Экземыяръ вашего Рославлева представленъ мною государынѣ императрицѣ и принять ея величествомъ съ благосклонностью. Простите, будьте только здоровы—остальное все будетъ».

Съ начала 30-го года, все въ жизни моихъ родителей измѣнилось: настало полное матеріальное довольство и водворился нравственный покой. Отецъ мой отдохнулъ и тѣломъ и душой!..

Но не долго продолжался его душевный отдыхъ: мать моя, никогда не отличавшаяся хорошимъ здоровьемъ, стала чувствовать, въ 1832-мъ году, внутреннія боли, въ началѣ не обращавшія ея особеннаго вниманія, но вскорѣ до того усилившіяся, что она должна была прибѣгнуть къ совѣту лучшихъ московскихъ врачей и, несмотря на всѣ ихъ старанія, состояніе ея быстро ухудшалось. Врачи, предположивъ существованіе внутренней болѣзни, могущей окончиться ракомъ, объявили, что, если есть какая либо надежда на ея выздоровленіе, то оно можетъ послѣдовать только въ случаѣ новаго приращенія семейства. Матери моей было сорокъ лѣтъ, а младшему сыну—тринадцать, слѣдовательно, подобной надежды представлялось мало или, вѣрнѣе сказать, никакой...

Скорбь моихъ родителей была велика!..

Приступаю теперь къ описанію случая, который послужилъ къ большему укрѣпленію ихъ вѣры, и разсказъ о которомъ, слышанный мною впервые въ дѣтствѣ, имѣлъ большое вліяніе на духовную сторону всей моей послѣдующей жизни.

Воть этоть чудный и только для истинно върующихъ понятный случай: мать моя, какъ я уже сказалъ, была женщина глубоконабожная и всегда, во всъхъ радостныхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни, прибъгала къ молитвъ. Смущенная ръшеніемъ докторовъ, она стала молиться объ избавленіи ея отъ страшнаго недуга. Однажды, стоя на вечерней молитвъ, передъ иконами, она поражена была какимито звуками, какъ будто пронесшимися около ея ушей, стала прислушиваться и довольно ясно услыхала слова: «молись св. Митрофану».

Озадаченная подобнымъ явленіемъ, она разсказала о немъ моему отцу, который, однако, не придать особаго значенія ея разсказу, предполагая, что это ей «такъ показалось». На другой день, во время подобной, вечерней молитвы, матушка снова услыхала тѣ же слова, но болѣе явственно, болѣе отчетливо. Сомнѣнье разсѣялось; начались поиски о томъ, кто былъ св. Митрофанъ и когда существовалъ. Каково же было удивленіе моихъ родителей, когда, вскорѣ послѣ означеннаго явленія, они узнали, что въ Воронежѣ обрѣтены мощи епископа воронежскаго Митрофана! Отецъ немедленно отпра-

виль письмо къ епископу Антонію съ подробнымъ описаніемъ случившагося и просиль его прислать какую либо святыню съ мощей новоявленнаго угодника Божія.

Антоній исполниль желаніе родителей и прислаль имъ серебряный кресть съ частицею мощей святителя и бархатную шапочку съ его св. мощей, а матушка заказала образъ св. Митрофана и непрестанно стала просить ходатайства его о совершенномъ ея исцѣленіи 1).

15-го мая 1833-го года, исцѣленіе совершилось: она разрѣшилась отъ бремени сыномъ Сергіемъ, пишущимъ эти строки.

Съ моимъ появленіемъ на свътъ, прежняя бользнь ея, согласно предвъщанію докторовъ, исчезла, но въ томъ же году она занемогла какою-то новою внутреннею бользнью совершенно другого рода, которая и продолжалась во всю остальную жизнь ея, т. е. почти двадцать лътъ. Бользнь эта не дозволяла ей дълать сильныхъ движеній и выносить тряски экипажа, вслъдствіе чего она никуда не вытыжала, ограничивая свои выходы изъ дома продолжительными прогулками въ собственномъ саду.

Осенью 1836 года, матушка была очень огорчена внезапною кончиною своего отца, который, какъ я выше сказалъ, сталъ, съ 1830-го года, не только въжливъ и любезенъ къ моему отцу, но и чрезвычайно ласковъ, а батюшка, по своему ръдкому незлобію и сердечной добротъ, забывъ всъ перенесенныя имъ отъ старика непріятности, началъ платить ему взаимностью. Послъ смерти Новосильцева, матушка получила, по духовному его завъщанію, принадлежавшій ему въ Москвъ домъ и нъкоторую сумму денегъ.

II.

Мое младенчество, бользнь. — Гувернерь. — Петровскій паркъ. — Императорь Николай І-й. — Мое воспитаніе. — Свытым праздникъ. — Мое образованіе. — Служба отца при театръ. — Князь П. М. Волконскій. — Милость императора къ отцу. — Назначеніе отца директоромъ оружейной палаты. — Его служба, литературные труды, образъжизни и привычки.

Воспоминанія о моемъ младенчеств соверпленно изгладились изъ моей памяти; я начинаю помнить себя съ восьмил тняго возраста. До того времени смутно помню какой-то дътскій маскарадъ, въ которомъ я быль наряженъ пътухомъ, также смутно помню моихъ родителей, а отца не иначе, какъ въ камергерскомъ мундиръ. Мундиръ отъ остался въ моей памяти, въроятно, потому, что, по разсказамъ

¹⁾ Сей образъ находится нынъ съ 1897 г. въ склепъ Загоскиныхъ Троицко-Сергіев. г стыни близъ Петербурга въ Воскресенскомъ храмъ, на могилъ Сергія Миз ійдовича Загоскина, автора сихъ записовъ.

моей няни, для меня, въ раннемъ дътствъ, было величайшимъ удовольствиемъ присутствовать при одъвании отца въ придворный мундиръ и обнюхивать золотое шитье, при чемъ я всъхъ увърялъ, что «папенька пахнетъ парадомъ».

Я быль слабымъ и хилымъ ребенкомъ и часто хворалъ. Для приданія мит силъ, я находился у кормилицы до трехлѣтняго возраста, а затѣмъ, по совѣту врачей, мит давали ежедневно по рюмкт малаги или другого испанскаго вина, которое впослѣдствіи было замѣнено краснымъ виномъ и, кажется, въ весьма почтенномъ количествт, такъ что, когда мит было лѣтъ 13-ть или 14-ть, то мит предоставлялось во время объда выпивать цѣлую полубутылку такого вина. Способъ укрѣпленія моего здоровья, казавшійся многимъ знакомымъ непонятнымъ и даже вреднымъ, имѣлъ, однако же, хорошія послѣдствія: вступивъ въ отроческій возрастъ, я быль уже крѣпкимъ, полнымъ и здоровымъ мальчикомъ.

Первыя воспоминанія о моемъ дѣтствѣ относятся къ зимѣ 1841 года, и именно когда я заболѣлъ тифозною горячкою; помню даже самое начало болѣзни. Вь эгу зиму, несмотря ни на какую погоду, меня по уграмъ катали въ возкѣ, въ сопровожденіи моей няни Анны Петровны, при чемъ кутали меня жестоко: надѣвали шубу, большіе, вязанные сапоги и шапку съ наушниками. Въ одну изъ такихъ прогулокъ, въ сильный морозъ мы ѣхали по Красной площади,—вдругъ няня говоритъ: «смотрите, ѣдутъ царскія дѣти»,—то были маленькіе великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, — я высунулся въ окно и долго смотрѣлъ имъ въ слѣдъ.

Не видавъ до того времени никого изъ членовъ царскаго семейства, я, по всему въроятію, заинтересовался видъть дътей, которыхъ называли «царскими».

Вернувшись домой, я почувствоваль сильный ознобъ, слегъ въ кровать, и у меня открылся бредъ. Сколько времени я находился въ этомъ положеніи — не знаю, но хорошо помню два момента въ началѣ болѣзни: первый, когда матушка хотѣла дать мнѣ вышить съ ложки какую-то микстуру, и я сильно воспротивился и началъ кричать; всѣ уговоры ни къ чему не повели, и я не принялъ лѣнарства.

Надобно при этомъ замѣтить, что до того, какъ мнѣ сказывали позднѣе, я принималъ спокойно и послушно всѣ прописываемыя докторами лѣкарства, и потому внезапное мое сопротивленіе немало удивило матушку.

Вскорѣ пріѣхалъ докторъ и, узнавъ о случившемся, осмотрѣлъ лѣкарство, попробовалъ его и объявилъ, что если бы я принялъ эту микстуру, то была бы бѣда, потому что, прописавъ одновременно два лѣкарства, одно для внутренняго пріема, а другое, весьма сильное, для наружнаго втиранія, докторъ нашелъ ярлычки перепутанными аптекою: ярлычекъ отъ спирта наклеили на стклянку

съ микстурою и, конечно, еслибы я не закапризничалъ и принялъ лъкарство, то легко бы могъ поплатиться жизнью.

Второй моменть, оставшійся у меня въ памяти, относится къ тому времени, когда болъзнь моя значительно ухудшилась, и меня пріобщили св. тайнъ, и витстт съ темъ моя крестная мать, Елена Ивановна Полугарская, привезла ко мнв собственный образъ св. Варлаама, считавшійся въ ея семейств'є чудотворнымъ, и поставила его около моей кровати. Затемъ, все, что происходило вокругъ меня, вплоть до моего выздоровленія, совершенно изгладилось изъ моей памяти. Въ продолжение шести недёль, мать моя и няня неотлучно находились днемъ и ночью при мив, а отепъ, пользуясь свободными отъ службы минутами, посвящаль ихъ мив и часто, далеко за полночь, сидътъ у моего изголовья. Однажды поздно вечеромъ, когда прибывшіе доктора, изъ которыхъ докторъ Смёльскій жиль во флигель нашего дома, признали положеніе мое безнадежнымъ и сомиввались въ продленіи моей жизни до утра, отецъ мой, по ихъ удаленіи, перекрестивъ и кръпко попъловавъ меня, сказалъ матушкъ: «я иду къ себъ въ кабинетъ и лягу спать; прошу не тревожить меня и не будить до утра, если бы даже что и случилось съ Сережею, то и тогда не будить меня». Подобныя слова до крайности удивили мать, которая никакъ не могла представить себъ, чтобы отецъ, нъжно любившій своего ребенка и неръдко проводившій при немъ часть ночи, вдругь, когда часы его жизни сочтены, могь спокойно идти ко сну. Она не промолвила ни слова, и отецъ удалился. Что произошло со мною за ночь-мит неизвъстно, но только докторъ Смъльскій, придя въ 6 часовъ утра взглянуть на меня, по тщательномъ осмотръ, объявилъ, что опасность миновала, и явилась на јежда на мое вывдоровленіе. Матушка, не помня себя отъ радости и позабывъ приказаніе отда не тревожить его, побъжала объявить ему о великой милости Божіей. Войдя въ кабинеть, она не нашла отца и, подумавъ, что онъ ушель спать въ свой рабочій кабинеть, находившійся въ антресоляхъ нашего дома, поднялась на верхъ и нашла его не тамъ, а рядомъ, въ маленькой комнать, стоящаго на кольнахъ, передъ иконами. Сообщивъ радостную въсть, они оба усердно возблагодарили Господа Бога, и тогда только матушка поняла причину, заставившую отца удалиться къ себъ съ просьбою не тревожить его: онъ всю ночь провель на молитвъ. За эту ночь, у него появилась первая сёдина въ волосахъ.

Съ этого дня началось мое постепенное выздоровленіе, и я хорошо помню, какъ батюшка ежедневно приносилъ мнѣ, для развлеченія, разныя книги съ картинками, изъ которыхъ особенно занимала меня первая книга «Сто русскихъ литераторовъ» съ ен портретами и картинками.

Въ это же время съ моею матерью, вслъдствіе нравственнаго и физическаго утомленія, случился нервный припадокъ съ удушіемъ до того сильный, что ее пріобщили св. тайнъ и ожидали ея кончины. Но Богу угодно было продлить жизнь ея еще на двънадцать лътъ и тъмъ дать мнъ возможность неотлучно, до двадцатилътняго возраста, находиться при ней, пользоваться ея глубоко назидательными совътами и постоянно имъть передъ собою примъръ истинной христіанской жизни.

Когда я оправился отъ болъзни, занемогла тифомъ моя няня, единственный человъкъ въ нашемъ домъ, заразившійся отъ меня. Я очень былъ привязанъ къ нянъ, находившейся при мнъ со дня моего рожденія, но, такъ какъ она прохворала до весны, то къ великому моему горю, я не видалъ ея въ теченіе нъсколькихъ мъсяцевъ.

Весною, мои родители взяли ко мнѣ гувернера-француза m-r Poulain. Его выписали изъ Пензы, гдѣ онъ находился у кого-то изъ нашихъ родственниковъ, а за десять лѣтъ передъ тѣмъ, былъ гувернеромъ моихъ братьевъ. Когда m-r Poulain пріѣхалъ къ намъ, то въ самое короткое время овладѣлъ моею любовью, и думаю, не столько своею сердечною добротою, сколько неисчерпаемою веселостью и придумываніемъ всякаго рода для меня забавъ, изъ числа которыхъ, на первомъ планѣ, была гимнастика, доходившая даже до хожденія на канатѣ. М-r Poulain, человѣкъ уже пожилой, служилъ въ молодости офицеромъ въ войскахъ Наполеона, котораго любилъ до обожанія и часто, со вздохомъ, повторялъ: «оh, le grand empereur! oh, la grande armée! où sont-ils?»

Прівхавъ въ Москву въ началь 20-хъ годовъ, французъ этотъ до того полюбилъ Россію и въ особенности Москву, что, несмотря на свою страсть къ своему «grand empereur», неръдко негодовалъ на него за войну 1812 года и въ особенности за пожаръ Москвы.

Одновременно съ прівздомъ гувернера, ко мив взяли, для изученія нѣмецкаго языка, мальчика моихъ лѣтъ, нѣмца, по фамиліи Мейеръ. Онъ былъ сынъ знаменитаго въ то время фокусника, извѣстнаго подъ именемъ Молдуано и впослѣдствіи оказался некрещеннымъ евреемъ. Мальчикъ былъ хорошій, умный и нравственный, пробылъ у меня лѣтъ пять и, принявъ православіе, поступиль въ одну изъ московскихъ гимназій. Позднѣе, я потеряль его изъ вида и не знаю, что съ нимъ сталось. По милости этого еврейчика, я сталъ отлично говорить по-нѣмецки.

Въ май того же года, мы перейхали въ Петровскій паркъ, гдй батюшка только что построилъ прекрасную дачу. Паркъ быль тогдашнимъ, любимымъ мёстомъ гулянья высшаго московскаго общества. Въ немъ находилось немного дачъ—всего тридцать или сорокъ, не болбе, изъ которыхъ большая часть принадлежала извёстнымъ

и зажиточнымъ москвичамъ; тамъ были дачи: Хитрово 1), Нарышкиной 2), князя Трубецкого 3), князя Долгорукова 4), Наумова 5), Мартынова ⁶), Башилова ⁷), Тона ⁸), Мерлина ⁹), купцовъ Лухманова, Монитетти и проч. У Башилова было несколько дачъ. Онъ же построилъ въ паркъ огромное, деревянное зданіе, названное имъ «вокзаломъ». Въ этомъ вокзалъ пъли цыганы, играла музыка и давались танцовальные вечера, а въ саду, гдт по воскресеньямъ пускали фейерверки, были устроены для дътей: качели, деревянныя горы и разныя игры. Одна изъ улицъ парка была названа, въ честь устроителя вокзала «Башиловкою». Въ Петровскомъ паркъ находился театръ (понынъ существующій), построенный моимъ отцомъ, въ бытность его директоромъ московскихъ театровъ. Главная аллея парка, ведущая отъ театра къ дворцу и, затъмъ, въ село Зыково, была почти единственная, застроенная дачами; въ остальныхъ алленхъ лишь кое-гдв попадались дома. Мало населенный паркъ былъ, въ то время, дъйствительно пріятнымъ и спокойнымъ ивстомъ лътняго пребыванія семейныхъ москвичей.

Въ это лѣто, многіе прітізжавшіе въ Москву иностранцы постыали отца; изъ нихъ — раза два французскій писатель виконтъ д'Арленкуръ; но я его мало помню. Онъ представляется мнѣ пожилымъ элегантнымъ мужчиною, всегда во фракѣ съ свѣтлыми пуговицами и множествомъ орденовъ на цѣпочкѣ, въ петлицѣ. Если

¹⁾ Настасьи Николаевны, рожденной Каковинской, извёстной и всёми уважаемой московской старожилки. Она была матерью княгини Ирины Никитичны Урусовой, сынъ которой князь Сергій Николаевичь быль въ концё семидесятыхъ и въ началё восьмидесятыхъ годовъ главноуправляющимъ ІІ отдёленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи, а дочь ея Анастасія Николаевна Мальцова имёла счастіе пользоваться дружбою императрицы Маріи Алоксандовны.

²⁾ Анны Дмитріевны, рожденной Нарышкиной, матери изв'єстнаго въ Москв'я Константина Павловича, женатаго на Софіи Петровн'я Ушаковой.

³) Ивана Петровича, женатаго на княжив Натальъ Сергвевив Мещерской, отца князя Николая Ивановича, бывшаго президента Московской дворцовой конторы.

⁴⁾ Отца княгини Юрьевской. Эта дача была самая красивая и самая роскошная во всемъ паркъ.

⁵⁾ Ниводая Павловича, женатаго на княжив Анню Петровию Голицыной, сестрю князя Василія Петровича, извёстнаго подъ названіемъ «рябчикъ». У Наумова было неколько дачъ и общирный лесь у самаго парка, по дороге, ведущей въ Петровское-Разумовское.

⁶⁾ Соломона Михайловича, брата моей бабушки Натальи Михайловны Загоскиной.

⁷) Александра Александровича, сенатора. Башиловъ былъ остроумный, весе лый и добрейшій старикъ-холостявъ. Своими шутками и забавными разсказами онъ пріобредъ расположеніе великаго князя Михаила Павловича и, въ последніе годы своей жизни, проживаль въ его дворце на Остоженке, где и умеръ.

⁸) Отца извёстнаго архитектора, строителя Храма Спасителя.

⁹⁾ Павла Евграфовича, богатаго москвича, женатаго на Богдановой.

я мало помню д'Арленкура, то въ моей памяти отлично сохранился другой французскій писатель Меримэ 1), часто посіщавшій нась въ паркъ. Онъ былъ премилый французъ и всегда старался чъмъ либо позабавить меня, вследствіе чего я полюбиль его, и когда онъ проводиль у насъ вечера, то почти не отходиль отъ него. Въ первый разъ, когда Меримэ прівхаль къ намъ на дачу об'єдать и просидъль часовъ до 11-ти, то батюшка предложилъ ему свою карету, чтобы отвезти его въ Москву, но онъ ответилъ: «il ne me faut pas de voiture, j'attends le passage d'un omnibus». Наивный парижанинъ воображать, что въ Москвъ, подобно Парижу, ходили всюду омнибусы, хотя, передъ тъмъ, онъ провелъ въ нашей древней столиць ньсколько дней и могь бы замьтить, что, въ то время, къ услугамъ публики, разъважали по ея улицамъ лишь возницы съ дрожками, называвшимися гитарами. Въ это лето я въ первый разъ увидалъ императора Николай Павловича. Онъ бхалъ верхомъ, возвращаясь въ Петровскій дворецъ со смотра войскъ на Ходынскомъ полъ. Его красивая осанка, колоссальный рость и орлиный взглядъ такъ поразили меня, что съ того момента и навсегда въ моей памяти връзалась величественная, чисто рыцарская фигура Николая I, а мой гувернеръ m-r Poulain пришель въ такой восторгъ, что выскочилъ изъ толпы народа, стоявшей на пути государя, подскочилъ къ нему и, размахивая у самой лошади шляпой, закричалъ: «Vive l'empereur».

Государь милостиво улыбнулся и приложилъ руку къ своей пляпъ. Въ то время, какъ мой французъ изливалъ въ радостныхъ крикахъ свой восторгъ, а я стоялъ, разинувъ ротъ, кто-то изъ толпы мгновенно выхватилъ изъ моихъ рукъ тросточку съ серебрянымъ набалдашникомъ и скрылся съ нею. Ловкій воръ воспользовался моимъ возрастомъ и толпою народа, чтобы познакомить меня, на дълъ, съ поступкомъ, который до тъхъ поръ былъ извъстенъ мнъ только по наслышкъ. Казалось бы, что такой ранній опытъ могъ бы тогда же научить меня тому, какъ вредно стоять съ разинутымъ ргомъ, не оберегая своей собственности, но, къ сожалънію, урокъ этотъ не послужилъ мнъ въ пользу, и я почти всю жизнь провелъ, разинувъ ротъ и не стоя на стражъ своихъ интересовъ.

Ихъ величества провели нъсколько дней въ Петровскомъ дворцъ и часто катались по тънистымъ аллеямъ парка. Однажды, государь съ государынею, проъзжая мимо насъ, приказалъ остановить экипажъ и довольно долго любовался нашею дачею, напоминавшей, по своей архитектуръ, пстербургскій, каменноостровскій дворецъ принца Ольденбургскаго. Дача очень понравилась государю, о чемъ его величество заявилъ отцу.

¹⁾ Генрихъ, братъ извъстнаго Проспера Меримэ, написавшій книгу о своемъ путешествіи по Россіи.

Въ это же лъто я въ первый разъ побывалъ въ театръ парка, н затемъ несколько разъ посетилъ его съ моимъ гувернеромъ, сидя въ директорской ложъ. Изъ всъхъ піесъ, мною виданныхъ, остались въ моей памяти только: балеть «Волшебная флейта» и оперетка «Москаль Чаровникъ», въ которой особенно пленилъ меня знаменитый Щепкинъ, напъвая малороссійскіе куплеты. Но съ этого времени вплоть до семнадцатилътняго возраста я ни разу не былъ въ театръ; въроятно, потому, что въ начать следующаго года отецъ оставить директорскую должность и, за неимъніемъ уже собственной ложи, считаль, безъ сомнёнія, излишнимь покупать таковую для меня, такъ какъ матушка, по болъзни, не выходила изъ дома, а онъ самъ не посъщалъ болъе театра, несмотря на то, что по оставленін имъ упомянутой должности императоръ Николай Павловичь предоставиль ему во всёхъ театрахъ кресло, носившее названіе «авторскаго». Осенью, мы перебхати въ Москву и нашли нашъ домъ заново отделаннымъ: стены во всехъ комнатахъ, окрашенныя обычною въ то время клеевою краскою, были уже оклеены обоями, старинная мебель замівнена новою боліве моднаго фасона, а прежняя ея обивка въ гостиныхъ «бомбою» превратилась въ штофную; на окнахъ явились новомодныя, тюлевыя занавъси. Особенно понравилась мит одна гостиная, прежде выкрашенная желтою краскою и вдругъ принявшая весьма оригинальный видъ: ствны ея были сплошь покрыты множествомъ гравюръ, портретовъ, небольшихъ картинокъ, географическихъ и игральныхъ картъ, конвертовъ съ адресами, книжныхъ обертокъ, театральныхъ афишъ и разнородныхъ рисунковъ. Все это, наклеенное на холстъ и разбросанное въ величайшемъ безпорядкъ-прямо, бокомъ и вверхъ ногами, представляло сь перваю взгляда что-то пестрое, необычайное и нигдъ не виданное, но вмъсть съ тъмъ красивое и занятное. Наклейка эта была совершена по мысли отца и имъ самимъ. Онъ употребилъ немало времени, чтобы собрать большую коллекцію всякой бумажно і сміси и, затемь, въ теченіе лета, запялся наклейкою ся на холств, окаймленномъ, отдъльно для каждой стъны, зеленою суконною рамою съ золотымъ бортомъ. Комната эта постоянно привлекала вниманіе встхъ знакомыхъ, а для меня долго служила забавнымъ и интереснымъ развлеченіемъ въ минуты моего детскаго досуга.

Дѣтство мое съ восьмитѣтияго возраста до четырнадцати лѣтъ прошло тихо, спокойно и однообразно, а потому считаю излишнимъ много о немъ распространяться; скажу только, что воспитаніе мое шло нѣсколько иначе, чѣмъ воспитаніе другихъ мальчиковъ, жившихъ, подобно мнѣ, подъ кровомъ родительскимъ. Отецъ мой не входить ни въ какія подробности относительно моего образованія; на гувернерѣ лежала преимущественно учебная часть, а всѣмъ остальнымъ занималась моя добрая, нѣжная мать. Воспитывая меня почти такъ, какъ воспитываютъ не сына, а дочь, она

старалась развить во мнѣ кротость, чувствительность, крайнюю деликатность и любовь не только къ ближнему, но и ко всей земной твари. Общество мальчиковъ для меня не существовало: матушка считала его излишнимъ и даже вреднымъ; дѣвицъ тоже я мало видалъ. За исключеніемъ маленькаго нѣмца и еще одного пріятеля, пріѣзжавшаго ко мнѣ по праздникамъ, Андрюши Кислинскаго 1), я внѣ часовъ уроковъ и прогулокъ проводилъ время съ матушкою и нянею, или съ нѣсколькими старыми приживалками, часто у насъ гостившими. Иногда, по вечерамъ, приходилъ ко мнѣ жившій у насъ въ домѣ гимназистъ, гораздо старѣе меня, сынъ управляющаго нашимъ тамбовскимъ имѣніемъ, Митя Кожанчиковъ. Я очень любилъ его и всегда радовался его приходу, такъ какъ онъ мастерски строилъ изъ картона домики и дарилъ ихъ мнѣ. Впослѣдствіи, Кожанчиковъ женился на сестрѣ моей няни и былъ извѣстнымъ въ Петербургѣ книгопродавцемъ.

Удаленный такимъ образомъ отъ общества моихъ сверстниковъ, я былъ застънчивъ, черезчуръ тихъ, не умътъ ръзвиться, а няня и приживалки немало способствовали къ развитію во мнъ разныхъ предразсудковъ и значительной доли трусости. Я боялся темной комнаты, боялся лошадей, боялся ружья.

Кром'в гимнастическихъ упражненій, я не предавался никакимъ забавамъ, свойственнымъ мальчикамъ моихъ лѣтъ: я не игралъ ни въ солдатики, ни въ лошадки, а иногда только въ куклы! За то былъ великій мастеръ въ карточной игръ, играя лѣтъ съ десяти до четырнадцати, почти ежедневно, зимою, съ матушкою и m-г Poulain въ «преферансъ», «дурачки», «свои козыри» и «короли».

Мать моя, страдая сильными головными болями, разстройствомъ нервовъ и внутреннею болѣзнью, проводила всю зиму дома, выходя изъ него только разъ въ церковь для принятія Св. Тайнъ, но, утромъ и вечеромъ гуляла по расчищеннымъ дорожкамъ нашего обширнаго сада и всегда, послѣ вечерней прогулки, любила играть со мною въ карты. Страдая безсонницею, она поздно шла ко сну, а такъ какъ я имѣлъ помѣщеніе въ спальнѣ, то ложился тоже поздно, что, впрочемъ, нисколько не дѣйствовало въ ущербъ моего здоровья. Родители мои были, какъ я уже сказалъ, очень набожны; подъ всѣ

¹⁾ Андрей Николаевичъ, сынъ тогдашняго секретаря директора московскихъ театровъ Николая Васильевича Кислинскаго, женатаго на Аннъ Александровнъ Ушаковой, былъ очень умный, начитанный и благонравный мальчикъ. Позднъе, онь прекрасно окончилъ курсъ въ Московскомъ университеть, но гдъ потомъ служилъ, мнъ неизвъстно; знаю только, что, подъ конецъ своей жизни, онъ находился предсъдателемъ тульской земской управы и умеръ въ концъ восьмидесятыхъ годовъ въ Петербургъ. Я сохранилъ о немъ самое пріятное воспоминаніе, какъ о миломъ, добромъ и лучшемъ товарищъ моего дътства, но котораго, потерявъ еще въ юности совершенно изъ вида, я никогда болье не встръчалъ. Родители его были весьма почтенные и искренніе пріятели моихъ родителей.

большіе праздники и наканунѣ дня св. Митрофана (23-го ноября), нашь приходскій священникъ Лука Ивановичъ служилъ у матушки всенощную, а батюшка, вслѣдствіе обѣта, по причинѣ, оставшейся мнѣ неизвѣстною, ходилъ сверхъ праздниковъ по средамъ и пятницамъ къ обѣднѣ. По субботамъ—ко всенощной, а по воскресеньямъ къ обѣдни я всегда ходилъ съ нянею.

Посты строго соблюдались моими родителями и вм'яст'я съ ними мною.

Никогда не забуду, какъ въ дътствъ я встръчалъ великій праздникъ Свътлаго Христова Воскресенья! Къ заутренъ меня не пускали; ходили туда только отецъ съ братьями, а я съ матерью отправлялся, около 12-ти часовъ, на крылечко, и тамъ мы оба сидъли въ нетерпъливомъ ожиданіи перваго удара въ праздничный колоколъ Ивана Великаго.

Минуты казались часами... ждешь, не дождешься! Воть, наконецъ, прогремитъ въстовая пушка, прогудить съ Ивановской колокольни первый торжественный ударь, возвъщавшій Воскресеніе Христа и черезъ нъсколько секундъ разнесется и стонетъ по всей Москвъ нескончаемый, потрясающій гуль съ трехсоть церквей!.. о, вакая это была торжественная минута! Какъ бывало бьется мое дътское сердце при этомъ радостномъ звонв, при этомъ неизмвримомъ торжествъ! Казалось мнъ, что сама природа и самый воздухъ гудять, ликують и празднують воскресшаго Искупителя рода человъческаго... съ какою особою, дътскою, неземною радостью, я обнимать мою мать и говориль ей «Христосъ Воскресе!». Послъ обоюдныхъ поцелуевъ мы возвращались въ комнаты, где встречала насъ остававшаяся дома прислуга (остальные люди уходили къ заутренъ), христосовались съ нами и получали яица и подарки. Пость того, матушка, по старинному обычаю, отворяла на всю святую недълю кивотъ съ иконами, зажигала передъ нимъ свъчи и читала мить вслухъ пасхальную заутреню. По возвращении изъ церкви отца и братьевъ и послъ общаго христосованія мы всь шли ко сну. Розговънъ въ эту ночь у насъ не бывало, а утромъ въ первый день праздника подавались яица, пасха и куличи. То же самое дёлалось и для прислуги, а къ об'ёду непремённо подавались зеленыя щи и ветчина съ горошкомъ. Въ этотъ же день, по принятому въ Москвъ обычаю, къ намъ пріважали и приходили знакомые священники съ причтомъ изъ разныхъ церквей для краткаго пънія пасхальнаго канона и христосованія.

Въ теченіе всей свътлой недъли я ежедневно забавлялся катаніемъ янцъ и всякое утро ходилъ съ гувернеромъ гулять подъ Новинское «на балаганы», но въ самые балаганы меня не пускали.

Теперь скажу нъскол ко словъ о моемъ образованіи; преподаваніе разныхъ наукъ было возложено на два лица: на m-r Poulain и на Александра Семеновича Сцепинскаго (бывшаго учителя моихъ

«истор. въстн.», январь, 1900 г., т. LXXIX.

братьевъ). Первый преподаваль мнѣ французскій языкъ, географію и древнюю исторію (конечно, оба предмета на французскомъ языкѣ), а послѣдній—Законъ Божій, русскій языкъ, ариеметику, новѣйшую исторію и латинскій языкъ. Сверхъ того, такъ какъ я чувствовалъ большое влеченіе къ живописи, то ко мнѣ приходилъ три раза въ недѣлю учитель рисованія Галактіоновъ 1).

Съ двънадцати-лътняго возраста я сталъ готовиться для предстоявшаго мнв поступленія въ Московскій университеть, но долженъ сознаться, что ученіе шло дурно: у моего француза я коечему еще учился, но у Сцепинскаго ровно ничему. M-r Poulain обращалъ преимущественно вниманіе на мой французскій выговоръ и, надобно отдать ему справедливость, добился хорошихъ успъховъ. Добръйшій Сцепинскій, человыкъ пожилой, льнивый, тучный, увалень въ родъ медвъдя, преподаваль мнъ всъ предметы по устарълому, даже и для 40-хъ годовъ, методу, т. е., какъ говорилось, въ долбяжку, заставляя учить заданные имъ уроки наизусть, слово въ слово съ печатнымъ, а какъ намять моя была прекрасная, то мнъ стоило раза два, три, прочесть урокъ, чтобы моментально его запомнить и, затъмъ, какъ попугай, повторить его передъ учителемъ, но, конечно, съ темъ, чтобы вскоре совершенно позабыть столь безтолково и наскоро вызубренное. Несмотря на то, л'внивый учитель и не менте ленивый ученикь оставались очень довольные другь другомъ---Сцепинскій темъ, что я быстро изучалъ все мнъ преподаваемое, а я -что учитель, отзываясь о мнъ, какъ о прилежномъ и понятливомъ ученикъ, доставлялъ мнъ явныя проявленія постепенно увеличивающейся привязанности ко мнів моихъ

До 1845 года, зимы мы проводили въ Москвъ, а лъто въ Петровскомъ паркъ. Съ этого года, вслъдствіе усилившейся болъзни матушки, мы стали круглый годъ жить въ Москвъ, а дачу, къ великому моему огорченію, отдавать въ наемъ. Я распростился съ любимымъ мною паркомъ и въ замънъ привольнаго лътняго житъя среди роскошной зелени вблизи лъсовъ ограничивалъ мои прогулки хожденіемъ по пыльнымъ московскимъ улицамъ да гуляньемъ по воскресеньямъ въ Кремлевскомъ саду.

Къ счастью, у насъ быль собственный тенистый садъ, и н часто сиживалъ въ немъ, занималсь долбленіемъ уроковъ.

Такъ какъ до 1847 года въ моей однообразной дътской жизни не произошло никакихъ перемънъ, и дни текли почти одинаково: «сегодня, какъ вчера, а завтра, какъ сегодня», то воспользуюсь этимъ промежуткомъ, чтобы обратиться назадъ и разсказать все, что мнъ было извъстно относительно службы, литературныхъ занятій и образа жизни автора «Юрія Милославскаго».

¹⁾ Крипостной человить дяди Маркела Николаевича Загоскина, обучавшійся въ то время въ Московскомъ художественномъ училищъ.

Въ 1830 году, какъ я выше сказалъ, отецъ былъ назначенъ директоромъ московскихъ театровъ и оставался имъ до февраля 1842 года. Театръ, по разсказамъ его современниковъ, никогда еще не находился въ столь цэтущемъ состояніи, какъ подъ его начальствомъ; особенно хороша была русская труппа, представителями которой были Щепкинъ, Мочаловъ, Живокини, Васильевъ, Ръпина, Сабурова и многіе другіе.

Несмотря на прекрасное состояніе театра, нѣкоторая часть публики была не совсѣмъ довольна имъ, въ чемъ я убѣдился изъ разсказа одного изъ пріятелей батюшки, Петра Петровича Новосильцева 1), сообщившаго мнѣ, что однажды, сидя въ директорской ложѣ, виѣстѣ съ тогдашнимъ московскимъ оберъ-полицмейстеромъ Цынскимъ, онъ былъ свидѣтелемъ вспыльчивости моего отца, вызванной неоднократнымъ замѣчаніемъ начальника полиціи о томъ, что выборъ дирекціею театральныхъ піесъ дуренъ и большинству москвичей не нравится.

Выведенный изъ терпънія этими замъчаніями, Михаилъ Николаевичь сдёлаль вопросъ: «да, кто же это говорить!» «Публика». отвътилъ оберъ-полицмейстеръ. — «Публика?—а вы върите ей?» «Еще бы!»—«А я не върю», —сказалъ отецъ, — «и воть ночему: та же публика говорить, что Москва плохо освъщена, нотому что оберъполициейстеръ воруетъ масло! Согласитесь сами, что послъ такого вздора можно ли върить нашей публикь?» — Разговоръ этогь, по словамъ Новосильцева, тъмъ и прекратился при общемъ смъхъ всткъ присутствующихъ и особенно самого оберъ-полицмейстера, однако слова последняго, конечно, имъ не выдуманныя, служили доказательствомъ, что въ то время было немало москвичей. недовольныхъ театромъ, а быль ли Цынскій дійствительно не чисть на руку или человъкъ честный, -- мнъ неизвъстно, но думаю, что батюшка, вспыльчивый отъ природы и легко выводимый изъ терпвнія, сказаль ему эти остроумныя, но непріятныя слова, безъ малъйшаго желанія оскорбить его и единственно съ цълью доказать справедливость пословицы: «не всякому слуху върь».

Актеры, какъ русскіе, такъ и французскіе, любили своего директора и искренно сожалѣли о немъ по оставленіи имъ службы при театрѣ. Какъ директоръ, онъ отличался самою строгою экономіею

¹⁾ Петры Петровичь, тогдашній вице-губернаторь, а внослідствіи рязанскій губернаторь, человівкь умный, любезный и высокообразованный. Въ московскомь обществів его называли «саззе-поізеtte» вслідствіе сильно выдававшейся нижней его челюсти. Онь быль женать два раза: оть перваго брака съ Мансуровой у него была дочь за княземь Вяземскимь и сынь Ивань Петровичь, бывшій шталмейстеромъ высочайшаго двора и пользовавшійся до конца своей жизни общею любовью высшаго петербургскаго общества и особымь милостивымъ расположеніемъ императора Александра III. Оть второго брака съ Меропою Александровною Берингь Петрь Петровичь иміль дочь Софію въ замужествів за французскимъ офицеромъ де-Шангранъ, нынів умершимъ.

во всёхъ театральныхъ расходахъ, особенно при постановке новыхъ оперъ и балетовъ, требовавшихъ иногда значительныхъ издержекъ. Можно утвердительно сказать, что едва ли до него и послѣ него денежныя средства московского театра были въ такомъ блистательномъ положеніи, какъ во время его директорства и по милости которыхъ онъ могъ, безъ малъйшаго денежнаго пособія отъ министерства императорскаго двора, построить два театра: одинъ въ Москвъ, такъ называемый «малый», и другой въ Петровскомъ паркъ. За соблюдение значительной экономии отецъ, втечение двънадцатильтняго управленія театрами, восемь разъ удостоился получить высочайшее благоволеніе. Обращая вниманіе на хозяйственную часть, онъ, вмъсть съ темъ, усердно занимался и репертуарною, въ чемъ немало помогалъ ему тогдашній инспекторъ репертуара, Алексъй Николаевичъ Верстовскій, извъстный композиторъ, для котораго отецъ написалъ нъсколько либретто оперъ. Ежедневно, утромъ съ 12-ти до 2-хъ часовъ, директоръ находился въ театральной конторъ, а вечера проводилъ въ театръ, большею частью въ своей ложь, наблюдая за игрою актеровъ. Въ этой ложь постоянно собирались его пріятели и, во время антрактовъ, пили чай. Бываль въ ней и безсмертный нашъ поэтъ Пушкинъ, часто прівзжавшій ногостить въ Москву.

Невзирая на добросовъстную и усердную службу, отецъ не пользовался расположеніемъ своего начальника, министра императорскаго двора, князя Петра Михайловича Волконскаго, который мало цениль его и даже делаль ему замечанія за самые ничтожные промахи по управленію театрами, какъ, напримъръ, за нъсколько позднее представление отчетовъ, за частое разрѣшение артистамъ отпусковъ въ Петербургъ и, наконецъ, за врожденную разсъянность ero 1), по милости которой онъ иногда не могь вспомнить фамиліи незначительныхъ артистовъ и кордебалетныхъ танцовіцицъ, на которыхъ указывалъ министръ, ежегодно посъщавшій театръ во время своихъ прівздовъ въ Москву. При личныхъ же свиданіяхъ съ отцемъ, князь Волконскій быль всегда вѣжливъ и привѣтливъ и, только по возвращении его въ Петербургъ, начинались замъчания черезъ посредство директора его канцеляріи В. И. Панаева, передававшаго ихъ Михаилу Николаевичу въ своихъ какъ будто частныхъ и пріятельскихъ письмахъ.

По мивнію отца, придирки эти имвли совершенно другое основаніе, и суть двла была въ следующемъ. Князь Волконскій, чело-

¹⁾ Про разсвянность и, прибавлю, забывчивость, отца, доходившія до того, что онъ иногда не могь вспомнить имена своих сыновей, упоминаеть С. Т. Аксаковы вы составленной имы его біографіи. Аксаковы, между прочимы, разсказываеть, что однажды Михаилы Николаевичь, вывсто отчета по театру, подалы министру четь своего портного, и что министры нисколько на то не разсердился. Это дъйствительно было такъ, и на этоты разы князы Волконскій только удыбнудся.

въкъ честный, благородный и добрый, имълъ одинъ недостатокъ, преобладавний надъ всёми его прекрасными качествами: это была неимовърная скупость, доходившая до абсурда, когда дъло касалось выдачи казенныхъ денегь. Скорбя оть всего сердца, что казна должна выплачивать пенсіоны актерамъ, безпорочно выслужившимъ опредъленный для сего срокъ, министръ, въ интересахъ казны, придумать следующую меру: онь даль приказаніе московскому театру, чтобы, въ случав, если актеръ, выслуживающій свою пенсію, будеть замічень въ какомъ либо даже ничтожномъ проступкі, увольнять его отъ службы до срока, безъ пенсіона; а какъ подобные поступки случались не ръдко и косвенными, неизвъстными путями доходили до министра, то упомянутыя приказанія повторялись довольно часто, но подъ разными предлогами не приводились въ исполнение директоромъ, не считавшимъ возможнымъ изъ-за пустиковъ лишать артиста заработаннаго имъ куска хлъба. Вотъ причина, которая, по мивнію отца, навлекала на него неудовольствіе своего начальника, выражавшееся не только мелочными придирками, но и въ оставленіи непокорнаго директора московскихъ театровъ по долгу, въ сравнении съ петербургскимъ, безъ награды. Невзирая на такія отношенія министра, Михаилъ Николаевичь не питаль къ нему никакихъ враждебныхъ чувствъ, а, напротивъ, отзывался о немъ, какъ о прекраснъйшемъ человъкъ, считая себя вполнъ вознагражденнымъ неизмъннымъ, милостивымъ вниманіемъ императора Николая Павловича, оказываемымъ ему не только во время пребыванія его величества въ Москвв, но и во время прівадовь отца въ С.-Петербургь.

Въ доказательство особой милости государя къ нему, какъ къ русскому писателю, приведу случай, прекрасно обрисовавыющій рыцарскій, благородный характеръ Николая Павловича.

Вскорь посль назначенія отца директоромъ московскихъ театровъ императоръ съ императрицею прибыли въ Москву. При первомъ посъщении ими театра министръ двора и директоръ находились близъ царскаго подъёзда, въ коридорь, для встрычи ихъ величествъ, какъ вдругъ вбъгаеть капельдинеръ и докладываетъ, что государь съ государынею уже въ театръ, пріъхали съ бутафорскаго подъезда и ходять по коридорамъ, отыскивая свою ложу. Пораженные этимъ извъстіемъ, князь Волконскій и отецъ побъжали къ ихъ величествамъ и вскоръ встрътили ихъ. Государь, ведя подъ руку императрицу, не обращая вниманія на директора, гнівнымъ голосомъ сказаль министру, что недоволень порядками въ московскомъ театріз, такъ какъ директоръ не потрудился встрътить императрицу, и, бросивъ грозный взглядъ на отца, пошелъ съ государынею далъе къ своей ложъ, въ сопровождени одного только князя Волконскаго, такъ какъ отецъ, считая себя совершенно правымъ, ожидая, вмёстё съ министромъ, августъйшую чету именно съ того подътзда, съ

котораго царская фамилія всегда прівзжала, не пошель, какъ того требовали этикеть и его обязанность, проводить ихъ величества до царской ложи, а поспъшно удалился въ свою. Просидъвъ цълый актъ въ сильномъ волненіи, ожидая плачевныхъ послёдствій отъ своего неумъстнаго и необдуманнаго поступка, онъ успокоивалъ себя лишь сознаніемъ своей невинности и еще болбе рыцарскимъ характеромъ государя, всегда готоваго признать малъйшую, случайную свою несправедливость. Но, только что наступиль первый антракть, какъ въ ложу вошелъ дежурный флигель-адъютанть съ повельніемъ отцу явиться въ царскую ложу. Въ спльномъ страхъ, не зная, что ожидать, гивва или милости, отець пошель въ ложу; войдя въ нее и остановясь въ почтительномъ разстояніи, онъ увидаль обернувшагося къ нему государя съ веселою улыбкою на устахъ, приказывающаго ему приблизиться. Затемъ, его величество, обратившись къ императрицъ, сказалъ по-французски, что представляетъ Загоскина, какъ отличнаго русскаго писателя, но плохого директора театра, не потрудившагося встрътить его при входъ. Послъ этихъ словъ, сказанныхъ съ еще большею очаровательною улыбкою, государь, указавъ отцу на стулъ, стоявшій около императрицы, приказалъ ему състь и постараться быть любезнымъ съ ея величествомъ, дабы загладить свой проступокъ 1).

Послъ этого спектакля, въ продолжение котораго отецъ сидълъ между ихъ величествъ, онъ часто удостоивался быть приглашеннымъ на большіе и малые вечера императрицы въ Николаевскомъ дворцъ, во все время пребыванія царской фамиліи въ Москвъ. Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ, государь еще разъ доказалъ ему свое милостивое расположение следующимъ образомъ. На вечере было немного приглашенныхъ, и всв играли «aux petits jeux», и между прочимъ въ «туалеть». Въ одной игръ, какъ извъстно, по командъ распорядителя: «весь туалеть!»--- играющіе должны вскакивать съ своихъ мъсть и мънять ихъ, при чемъ съ того, кто останется безъ мъста, берется фантъ. Императоръ былъ распорядителемъ игры и, стоя на стуль, скомандоваль «весь туалеть!» — всь вскочили съ своихъ стульевъ и начали искать другіе; въ концѣ зала оставался лишь одинъ порожній стуль, къ которому стремглавъ поб'єжала императрица, но отецъ опередилъ ее и такъ быстро сълъ на стулъ на свободное мъсто, что государыня чуть не упала на его колъна. По окончаніи игры, министръ двора подошель къ Михаилу Николаевиву и замътилъ ему, что не слъдовало опережать императрицу, а еще мен'е отнимать у нея стулъ. Замъчание это было сдълано настолько громко и съ такимъ недовольнымъ лицомъ, что не скры-

¹⁾ Подлинныя слова государя я не могу привести здёсь буквальво, такъ какъ они не были записаны отцомъ, а только приблизительно переданы мнв во время неоднократныхъ его разскавовъ объ этомъ великодушномъ поступкв его величества.

лось отъ Николая Павловича, который, подозвавъ отца, пожелатъ узнать, о чемъ съ нимъ такъ горячо разговаривалъ министръ. Отецъ передалъ его величеству, слово въ слово, замѣчаніе князя Волконскаго, на что государь отвѣтилъ, что снова начнетъ ту же игру и приказываетъ ему опять отнять мѣсто у императицы. Игра началась, и когда высочайшее повелѣніе было исполнено, то его величество, захлопавъ въ ладоши, громко вскрикнулъ: «браво, браво, Загоскинъ!»

Прослуживъ довольно долго директоромъ театровъ, батюшка сталъ тяготиться этою должностью и сопряженными съ нею мелкими, но частыми непріятностями, а еще болте обязательнымъ, ежедневнымъ постіщеніемъ спектаклей, и потому, въ 1840 году, ръшился всеподданнъйшимъ письмомъ просить государя объ увольненіи его отъ занимаемой имъ должности и о назначеніи его почетнымъ опекуномъ московскаго опекунскаго совта. На это письмо послтаваль отъ министра двора отзывъ, что «государь императоръ, оставаль отъ министра двора отзывъ, что «государь императоръ, оставаль оную, тъмъ болте, что строящійся въ Москвт театръ (малый) долженъ быть оконченъ при немъ». Ходатайство отца не прошло, однако, ему даромъ: министръ и тутъ нашелъ нужнымъ сдтать ему замтчаніе за то, что онъ осмталься обратиться съ своимъ прошеніемъ прямо къ государю, помимо своего начальства.

Обрадованный милостивымъ одобреніемъ монарха и мало огорченный выговоромъ министра, Михаилъ Николаевичъ остался въ своей должности до окончанія постройки въ 1842-мъ г. малаго театра и тогда уже, въ виду открывшейся вакансіи директора оружейной палаты, немедленно вошелъ съ прошеніемъ и, конечно, на этотъ разъ черезъ министра двора, о перемъщеніи его на означенную должность или же объ увольненіи вовсе отъ службы. Несмотря на ходатайство многихъ лицъ, добивавшихся этого спокойнаго и почетнаго мъста, государь милостиво исполнилъ желаніе отца и назначилъ его директоромъ оружейной палаты.

Такимъ образомъ, въ февралѣ 1842-го года, отецъ, покинувъ надоввшую ему донельзя службу при театрѣ, занялъ мѣсто не административное, почти безъ всякихъ занятій, но доставившее ему, кромѣ желаннаго отдыха, и много свободнаго времени для литературныхъ его работъ. При увольненіи изъ театра, государь предоставилъ ему, какъ я выше сказалъ, кресло во всѣхъ театрахъ, но театръ до того опротивѣлъ ему, что онъ въ теченіе всей остальной своей жизни воспользовался этимъ правомъ всего разъ—въ день представленія піесы Константина Аксакова «Освобожденная Москва», и то только вслѣдствіе усиленной просьбы самого автора и, затѣмъ, былъ еще два раза въ маломъ театрѣ, но въ директорской ложѣ, во дни представленій собственныхъ его двухъ комедій: «Поѣздка за границу» и «Женатый женихъ». Авторское же кресло онъ пере-

даль въ распоряжение моихъ братьевъ, но они не столько пользовались имъ сами, какъ давали его въ пользование своихъ знакомыхъ.

За службу при театръ Михаилъ Николаевичъ получилъ, кромъ вышеупомянутыхъ высочайшихъ благоволеній, чинъ дъйствительнаго статскаго совътника и орденъ св. Владиміра 3-й степени, а за постройку малаго театра—табакерку, осыпанную брильянтами съ вензелевымъ изображеніемъ имени его величества.

Въ должности директора оружейной палаты онъ оставался до конца своей жизни подъ начальствомъ того же князя Волконскаго, но уже не получалъ отъ него ни выговоровъ, ни замъчаній и то, въроятно, только потому, что оружіе и драгоцънности палаты мирно лежали на своихъ мъстахъ, а стоявшіе въ ней восковые всадники въ старинныхъ, русскихъ доспъхахъ не требовали ни отпусковъ, ни пенсій.

Служба отца состояла лишь въ томъ, что онъ, два раза въ недълю, по понедъльникамъ и четвергамъ, т. е. въ дни, назначенные для обозрвнія публикою оружейной палаты, п оводиль въ ней утро съ 12-ти до 2-хъ часовъ, а такъ какъ объясненія публикъ давались имъ лично, то популярность его въ Москвъ стала съ этого времени сильно возростать; прежде знали его тамъ только, какъ автора «Юрія Милославскаго», а со времени назначенія его директоромъ оружейной палаты, можно утвердительно сказать, что всё москвичи знали его въ лицо и многіе считали даже долгомъ, при встрівчів на улиць кланяться ему. Въ помощники ему быль опредъленъ извъстный въ то время писатель Александръ Оомичъ Вельтманъ (авторъ «Кащея Безсмертнаго» и другихъ романовъ), знатокъ и любитель русской сторины, составившій, впоследствіи, печатный «обзоръ оружейной палаты». Въ числъ чиновниковъ, находился также чрезвычайно образованный, трудолюбивый и умный молодой человъкъ, Иванъ Егоровичъ Забълинъ, нынъ заслужившій своими замъчательными историческимм трудами г омкую и почетную извъстность во всей Россіи. Всъ чиновники пользовались казенными квартирами, а директоръ имълъ прекрасное, большое помъщение въ кавалерскомъ корпуст въ Кремлт, но отецъ отказался отъ квартиры, не желая лишать матушку своего сада, а также предпочитая всёмъ казеннымъ квартирамъ свободную и ничёмъ не стёсняемую жизнь въ собственномъ домъ.

Новая служба Михаила Николаевича шла весьма однообразно, не представляя никакого особаго интереса, и потому мит остается только сказать, что государь, во вст прітады въ Москву, постоянно постивь, оружейную палату и попрежнему быль къ нему милостивь, а въ 1845 г. пожаловаль ему орденъ св. Станислава 1-й степени. Эта первая лента, полученная отцомъ, не столько, безъ сомитнія, порадовала его, какъ меня. Не знаю почему, но мит было обидно видёть отца безъ ленты, и я пришелъ въ великій восторгь,

узнавъ, что онъ будеть ходить со звъздою, подобно своимъ знакомымъ, занимавшимъ въ Москвъ какой либо начальническій пость и уже давнымъ давно со звъздою путешестзующимъ.

Разсказавъ почти все, что я припомню о службѣ отца до 1847 года, я не могу не упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, същанномъ мною отъ него самого, а именно, что въ 30 годахъ (въ какомъ году, не помню) тогдашній шефъ жандармовъ графъ Бенкендорфъ, бывшій съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, предлагать ему занять одинъ важный постъ въ III Отдѣленіи, съ переменованіемъ его въ военный чинъ. Отецъ, поблагодаривъ графа за довѣріе, отвѣчалъ, что не чувствуетъ себя способнымъ къ исполненію такой должности и, сверхъ того, не желаетъ удивить публику извѣстіемъ, что авторъ «Юрія Милославскаго» надѣлъ голубой мундиръ! Предложеніе это было, конечно, сдѣлано не безъ вѣдома государя, всегда желавшаго имѣть въ числѣ высшихъ лицъ созданнаго имъ III Отдѣленія людей вполнѣ честныхъ и благородныхъ и каковымъ, по всей справедливости, его величество считалъ моего отца.

Переходя теперь къ литературнымъ занятіямъ батюшки за періодъ времени съ появленія «Рославлева» до моего отрочества, я ограничусь лишь спискомъ всего имъ написаннаго и изданнаго по 1847 годъ, такъ кажъ каждое его произведеніе давно уже оцѣнено не только критиками, но и публикою.

Послъ «Юрія Милославскаго» и «Рославлева» Михаилъ Николаевичъ написалъ въ 1833 г. романъ «Аскольдова могила», а въ 1835 г. сдълалъ изъ него либретто для оперы Верстовскаго подъ тыть же названіемь и въ томъ же году написаль два тома повъстей; затъмъ, въ 1838 г., издаль романь «Искуситель». Этотъ романъ онъ счигаль самымъ слабымъ своимъ произведениемъ, увъряя, что писаль его единственно съ цёлью позабавить себя описаніемъ своего д'єтства и м'єстности, въ которой провель первые года своей жизни. Въ 1839 г., вышло новое его произведеніе-романъ «Тоска по одинъ», изъ котораго онъ сдълалъ, въ томъ же году, либретто для оперы Верстовскаго; но опера эта не имъла ни малъншаго успъха. Съ 1837 по 1842 годъ, отецъ написалъ комедін «Недовольные» (въ стихахъ) и «Урокъ матушкамъ», а въ 1842 г. романъ «Кузьма Петровичъ Мирошевъ». Романъ этотъ хотя и быль однимъ изъ лучшихъ его произведеній, однако не заслужилъ особаго вниманія публики; зато чрезвычайно понравился императору Николаю Павловичу, который повелёль министру двора объявить Мих. Ник-чу, что его величество находить этотъ романъ лучшимъ его произведенізмъ, не исключая даже и «Юрія Милославскаго». Въ томъ же году, онъ издалъ первый выпускъ «Москвы и москвичей», а въ 1844 г. второй выпускъ той же книги и, наконецъ, въ 1846 г. романъ «Брынскій лъсъ».

Вотъ, кажется, перечень всёхъ произведеній отца, изданныхъ имъ по 1847 годъ.

Что касается домашней жизни батюшки, то разскажу все, что мнѣ стало извѣстнымъ съ тѣхъ поръ, что я началъ часто видѣть его т. е. со времени назначенія его директоромъ оружейной палаты. До того, вслѣдствіе постоянныхъ его служебныхъ занятій и ежедневнихъ вечернихъ вытѣздовъ, я мало видалъ его; притомъ, мой ребяческій возрасть не давалъ мнѣ возможности ни запомнить, ни даже узнать всѣхъ мелочей его домашней жизни.

День отца распредёленъ былъ чрезвычайно аккуратно: онъ вставалъ часовъ въ восемь, бралъ ежедневно холодный душъ и, затемъ, отправлялся въ свою молельню, где оставался около часа. Молельня его, находившаяся въ антресоляхъ нашего дома, походила на маленькую часовню. Вст сттны были покрыты образами въ ризахъ и въ особыхъ кивотахъ, передъ которыми теплились лампады. Въ одномъ углу стоялъ аналой съ евангеліемъ и крестомъ и столикъ съ молитвенными книгами. Въ эту комнату онъ удалялся не только утромъ и вечеромъ, но неръдко и днемъ. Послъ молитвы онъ пиль чай. Не могу не упомянуть объ этомъ чав, -думаю, что никогда и никто не пиль такого страннаго напитка, приготовлявшагося самимъ отцомъ: онъ клалъ въ небольшой металлическій чайникъ огромное количество дешеваго, чернаго чая и кипятиль его до тёхь порь, пока чай начиналь самь выливаться изъ чайника въ чащку. Этотъ напитокъ, имъвшій запахъ паренаго свиа, такъ нравился отцу, что въ гостяхъ онъ не могь пить другого чая, находя его безвкуснымъ. Вынивъ двѣ чашки такого ужаснаго настоя, онъ занимался ежедневно приготовлениемъ себъ, тоже особымъ способомъ, дневной порціи нюхательнаго, французскаго табака, растирая его съ прибавленіемъ нашатырнаго спирта и трюфельнаго сока; табакъ этотъ такъ прельщалъ его пріятелей, табаконюхателей, что, при встръчъ ихъ съ батюшкою, они съ жадностью набивали свои носы этимъ, по ихъ выраженію, «нектаромъ», способъ приготовленія котораго онъ тщательно отъ всёхъ скрывалъ. Окончивъ операціи съ табакомъ, отецъ шель въ свой рабочій кабинеть, гді и занимался до двухть часовъ дня, и тогда никто изъ семьи не смъть тревожить его. Занятія его пе ерывались только прівздомъ какого либо гостя-писателя или пріятелямосквича. Въ два часа онъ выбажалъ съ визитами и, возвращаясь всегда къ четыремъ, садился за объдъ, одинъ, въ своемъ кабинеть. Онъ ръдко объдать съ семействомъ, потому что кушалъ поздиве всёхъ и любилъ, во время объда, надъвать халатъ, а между блюдами читать газеты и журналы. Кушанья подавались преимущественно русскія, жирныя и тяжелыя; водки онъ совсвиъ не употреблялъ и нилъ мало иностраннаго вина, но за то много воды со льдомъ, считая ледяную воду самымъ пріятнымъ и здоровымъ

нашиткомъ. Когда же появилис: въ продажѣ крымскія воронцовскія вина, то они не сходили съ его стола. Отецъ радовался, что, наконецъ, русскіе могутъ пить свое собственное вино и, хотя многіе находили вино это невкуснымъ, но онъ съ удовольствіемъ пить какое нибудь рублевое «Ай-Данило», предпочитая его всякому дорогому французскому «Шато д'Икему». Послѣ обѣда онъ отдыхалъ не болѣе часа и потомъ занимался чтеніемъ и, въ девять часовъ, уѣзжалъ на вечеръ, балъ или въ англійскій клубъ, гдѣ игралъ, по маленькой, въ вистъ, преферансъ или мушку. Въ промежутокъ времени, между занятіями, и до и послѣ выѣздовъ, онъ заходилъ къ матушкѣ и проводилъ съ нею нѣсколько времени, а по возвращеніи домой съ вечера или изъ клуба сидѣлъ у нея до двухъ часовъ ночи, разсказывая о всемъ, что слышалъ и видѣть въ теченіе дня, при чемъ часто присутствовали мон братья и я.

Такой образъ жизни нъсколько измънялся въ лътнее время, когда мы стали проводить лёто въ Москве, такъ какъ тогда, если погода дозволяла, батюшка посвящалъ все послообъденное время верховой вздв или прогулкамъ въ кабріолетв по окрестностямъ Москвы. Онъ правилъ самъ, хотя былъ весьма близорукимъ; кабріолетная лошадь его была пріучена останавливаться, по собственному ея усмотрънію, передъ каждою канавкою или рытвиною, что она весьма прилежно исполняла. Любимыми прогулками его были: Воробьевы горы, Петровскій паркъ, Сокольники и дача «Студенецъ», на последнюю онъ ездиль единственно съ целью напиться холодной, знаменитой, ключевой, трехгорной воды. Зимою отецъ иногда устраиваль въ своемъ кабинетъ литературные вечера, на которые въ то время я еще не допускался, и знаю только по наслышкъ, что у него бывали: Гоголь, Аксаковы, Дмитріевъ, Сушковъ, Павловъ, Погодинъ, Вельтманъ и другіе, а изръдка и какой нибудь пріважій изъ Петербурга писатель или журналисть. После чтенія, нъкоторые гости садились играть въ карты, и затемъ вся компанія угощалась сытнымъ ужиномъ.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ произошелъ забавный случай съ Константиномъ Сергъевичемъ Аксаковымъ. Какъ извъстно, этотъ въ то время еще совсъмъ молодой человъкъ былъ восторженнымъ славянофиломъ и ненавидълъ все иностранное, отдавая во всемъ преимущество родному, русскому. Въ этотъ вечеръ въ сильнъйшій морозъ у батюшки собралось нъсколько литераторовъ и Константинъ Сергъевичъ. Кто-то изъ присутствующихъ имълъ неосторожностъ сказать, что холода стоятъ ужасные, и было бы пріятнъе находиться гдъ нибудь въ Италіи, а не въ Москвъ. Аксаковъ вспыхнуль, началъ превозносить московскій морозъ и, въ доказательство, что холодъ для русскаго человъка пріятенъ, здоровь и живителенъ, отворилъ форточку, высунулъ въ нее голову и сталъ вдыхать холодный воздухъ. На замъчаніе моего отца, что въ такой жестокій

морозъ легко можно простудиться, Аксаковъ не обратилъ никакого вниманія, продолжая оставаться въ томъ же положеніи и громко восхваляя прелесть россійскаго мороза. Наконецъ, минутъ черезъ десять, по настоянію гостей онъ вылѣзъ изъ форточки и, къ великому своему удивленію и общему смѣху, почувствовалъ и увидалъ, что кончикъ его носа отмороженъ!..

Когда у батюшки бывали литературные вечера, то до прівзда гостей я любиль сидвть въ его большомъ кабинетв, освъщенномъ лампами и множествомъ свъчей, и любоваться яркимъ его освъщеніемъ, такъ какъ въ другіе дни кабинетъ освъщался лишь двумя восковыми свъчами и темнотою своею наводилъ на меня великій страхъ: во мракъ, какъ-то страшно выглядывали съ верхушекъ книжныхъ шкафовъ большіе, окрашенные въ черную краску бюсты Гомера, Сократа и другихъ мудрецовъ...

При появленіи персаго гостя, меня отсылали къ матушкѣ, но вскорѣ я отъ нея уходилъ и, пробравшись потихоньку къ запертымъ дверямъ кабинета, подолгу стоялъ, подслушивая чтеніе писателей, хотя, въ сущности, ничего не могъ разслышать, а еще менѣе понять.

Одинъ день въ году, 8-е ноября, именины отца, я всегда ожидаль съ величайшимъ нетеривніемъ. Къ этому дню всв пріемныя комнаты особенно тщательно чистились и прибирались, а въ самыя именины кабинеть батюшки переполнялся гостями, которыхъ въ это утро пріважало иногда болбе ста человъкъ. Въ 4 часа подавался объдъ; къ нему приглашались только родственники и близкіе знакомые, а какъ, по случаю семейнаго праздника, я допускался во всв комнаты и за объдомъ сидълъ со встани, то день этотъ доставляль мнт невыразимое удовольствіе при видъ множества гостей, изъ которыхъ большая часть считала долгомъ потрепать меня по щекъ или поцеловать въ лобъ.

У батюшки были нѣкоторые предразсудки, свойственные, впрочемь, многимъ людямъ: онъ никогда не зажигалъ трехъ свѣчей, не терпѣлъ за столомъ тринадцати человѣкъ и не любилъ начинатъ какое либо дѣло въ пятницу. Сверхъ того, не носилъ платъя изъ чернаго сукна; всѣ его фраки, сюртуки и шубы были темно-зеленаго, синяго или вишневаго цвѣта. Черный цвѣтъ онъ ненавидѣлъ, увѣряя всѣхъ, что въ молодости, когда ему случалось сдѣлатъ черное платъе, то вслѣдъ за тѣмъ всякій разъ слѣдовалъ для него трауръ. Вообще, онъ одѣвался, съ тѣхъ поръ какъ я сталъ его помнить, по-стариковски и любилъ носить платъя, свободно сшитыя, не стѣснявшія его движеній, заказывая ихъ у русскаго портного, а отнюдь не у иностранца. Шляпа его была оригинальная и единственная во всей Москвѣ: она была съ крайне низенькою тульею и огромными полями, зимою—черная, а лѣтомъ сѣрая или соломенная. Шляпа эта такъ бросалась всѣмъ въ глаза, что однажды, въ

1851 г., государь наслёдникъ Александръ Николаевичъ, при посъщеніи оружейной палаты, зам'єтивъ ее въ рукахъ отца, обратился къ нему съ вопросомъ, зач'ємъ онъ носитъ шляпу въ род'є карбонарской, — отецъ отв'єтилъ: «моя шляпа, ваше высочество, полезна: л'єтомъ защищаетъ лице отъ солнца, а зимою отъ сн'єга», и, указывая на сопровождавшаго великаго князя, гофмаршала его двора В. Д. Олсуфьева, державшаго въ рукахъ обыкновенный, высокій цилиніръ, прибавилъ, — «а вотъ шляпа у Василья Дмитріевича точно каланча, годная только для выв'єшиванія пожарныхъ знаковъ». Насл'єдникъ очень см'єзлся этому сравненію.

Въ описываемое мною время родители мои не были богаты, но нивли совершенно достаточное состояніе, дозволявшее имъ жить прилично. Изъ получаемыхъ съ именій доходовъ и изъ своего жалованья батюшка не тратиль на себя ни единой копейки, а ограничивался, для своихъ личныхъ расходовъ, заработываемыми имъ деньгами, изъ которыхъ нъкоторая часть шла на заказы разныхъ шкатулокъ, бауловъ, погребцовъ и, особенно, лукутинскихъ табакерокъ; до последнихъ онъ былъ страстный охотникъ и имель значительную ихъ коллекцію. Можно положительно сказать, что онъ былъ однимъ изъ первыхъ москвичей, пустившихъ въ ходъ лукутинскія издёлія, сдёлавшіяся, впослёдствіи, столь знаменитыми, твиъ болве что почти всегда придумывалъ самъ рисунки и формы для табакерокъ. Значительная же часть его собственныхъ доходовъ шла на помощь бъднымъ: каждую субботу дворъ нашего дома наполнялся нищими, которымъ камердинеръ отца раздаваль мъдныя деньги, по пятаку каждому, а передъ большими праздниками отецъ самъ, лично, раздавалъ милостыню всемъ нищимъ и убогимъ, попадавшимся ему на улицахъ или во множествъ всегда стоявшимъ у папертей кремлевских соборовь и приходских церквей.

Раздача эта происходила совершенно особымъ и необычнымъ образомъ: выходя изъ дома, онъ бралъ порядочную сумму денегь, размънен ую на разную серебряную монету, начиная съ пятачка и кончая полтинникомъ, и, перемѣшавъ ее съ нѣсколькими золотыми, клалъ въ разные карманы по горсточкъ смъщанныхъ монеть. Встрычая нищаго, онъ вынимать изъ кармана первую попавшуюся монету и отдаваль ее, продолжая эту выдачу до последней копейки. Оказываемую такимъ образомъ помощь б'яднымъ батюшка тщательно отъ всёхъ скрываль, и только когда я, случайно узнавъ о томъ, спросилъ, почему онъ раздаетъ милостыню, не зная, кому достанется пятачекь, а кому золотой, то отецъ отвѣтилъ: «я хочу помочь бъднымъ, встръчаемымъ мною на улицъ, но не знаю, кто нуждается въ большей или меньшей помощи, и потому, перемъщавъ монеты вмъстъ, предоставляю самой судьбъ распредълить ихъ, какъ ей заблагоразсудится, въ полной увъренности, что Богъ подасть всякому, сколько следуеть».

Любя ближняго и помогая ему своими трудовыми деньгами, батюшка всегда нравственно страдаль, когда не могь дать въ займы просимую къмъ либо у него сумму и всячески извинялся передъ просителемъ, какъ бы считая себя передъ нимъ виноватымъ. Будучи высоко честенъ и детски доверчивъ, онъ никакъ не могъ допустить, чтобы, взявъ деньги въ займы, можно не отдать ихъ. Однажды, ссудивъ одного ловкаго господина десятью тысячами рублей ассигнаціями, безъ всякой расписки, подъ честное слово, что деньги черезъ годъ будуть возвращены, отецъ, хотя и не получилъ ихъ обратно, однако постоянно старался обълить этого господина, увъряя, что, если онъ не отдалъ долга, то потому, что не могъ отдать его; а между темъ было известно, что кредиторъ его имћлъ состояніе и ловко воспользовался добротою отца, чтобы выманить, подъ видомъ крайности, значительную сумму денегь и, затъмъ, конечно, подобно всъмъ свътскимъ мазурикамъ, не разъ посмъяться надъ добротою честнаго человъка. Совершенно правъ С. Т. Аксаковъ, сказавъ объ отцѣ въ составленной имъ біографіи его, что, «дѣлая много добра, онъ никогда не помнилъ о томъ; ему пріятно было, если помнили другіе, и пріятно только потому, что онь радовался душою, находя въ людяхъ добрыя качества».

С. Загоскинъ.

(Продолжение въ слидующей книжки).

МАШКЕРАДЪ.

(Историческій разскавъ).

I.

ЛИ девяностые годы XVIII въка.

Въ одномъ изъ глухихъ приволжскихъ намъстничествъ хорошо была извъстна всъмъ въ округъ большая вотчина князей Можайскихъ, именитыхъ и старинныхъ дворянъ, ведущихъ свой родъ чуть ли не со временъ Іоанна Калиты.

Столътнія, барскія палаты, огромныя, окруженныя красивыми каменными службами, были выстроены еще во времена Годунова, и князья

всегда жили въ своей вотчинъ, но теперь за все долголътнее царствованіе императрицы Екатерины Алексъевны палаты стояли пустыя, и во всей усадьбъ было мертво-тихо, а всъмъ распоряжался управляющій изъ княжихъ кръпостныхъ.

Но въ день смерги знаменитаго князя Таврическаго его любимецъ князь Можайскій вдругь появился въ давно забытой вотчинѣ съ женой, двадцатилѣтнимъ сыномъ и семнадцатилѣтней дочерью, а съ ними, конечно, цѣлый штатъ приживальщиковъ обоего пола. Домъ полный, какъ чаша, былъ все-таки наскоро снаружи подновленъ, а внутри отдѣланъ заново.

Усадьба и большое село, по прозвищу Сакмарское, ожили и казались люднымъ увзднымъ городкомъ.

Явились владёльцы внезапно, нежданно для себя и поневолё. Причина была «пустяковская», но особенная... Князь Павелъ Павловичъ Можайскій, потерявъ своего покровителя и друга въ лицѣ Потемкина и будучи видною личностью Петербурга и въ обществѣ, и при дворѣ, продолжалъ относиться къ одному очень молодому человѣку, внезапно возвысившемуся, такъ же, какъ относились къ нему всѣ приближенные покойнаго князя, т. е. недружелюбно и строптиво.

Этотъ молодой человъкъ былъ недавній графъ Платонъ Зубовъ. Но что при жизни князя Таврическаго и сходило имъ всъмъ съ рукъ теперь становилось опаснымъ.

Однажды при простой встръчъ и краткомъ разговоръ всемогущаго фаворита съ княземъ Можайскимъ, старикъ повелъ себя постарому и пострадалъ тотчасъ же.

Дёло было вечеромъ, послё ужина, но было во дворцё. У шестидесятилётняго князя водился маленькій грёшокъ — выпивать лишнее за ідой. Когда всё гости царицы поднялись послё ужина, графъ Зубовъ, проходя мимо слегка повеселёвшаго князя, усмёхнулся и спросилъ безъ всякаго, однако, худого умысла: «доволенъ ли онъ ужиномъ?»

Князь окрысился и хватиль въ отвъть при многихъ придворныхъ, что спрашивать объ этомъ-дъло хозяевъ дома, а не гостей.

Кое-кто злорадно ухмыльнулся... Зубовъ вспыхнулъ, объяснивъ, что исправляетъ свою должность генеральсъ-адъютанта государыни, и затъмъ выговорилъ, смъясь ехидно:

— Каковы были кушанья, я не знаю. А вотъ вина, по всему вижу, что были хорошія, и ими иные не погнушались, даже до забвенія благоприличій.

Князь вспылилъ въ свою очередь, сказалъ нъсколько дерзкихъ словъ, титулуя Зубова «ваше новосіятельство», а затымъ добавиль:

- Если во мит вино заговорило, то только потому, что у васъ винъ много!
- Вы сами сейчасъ замѣтили, что они не мои, а государынины. Къ ней ваши рѣчи, стало быть, прямо и относятся, и я почту моей обязанностью ихъ до свъдѣнія ея величества довести. Пускай государыня сама отвѣть дастъ.

Князь Можайскій на другой же день отправился къ государынь, но она уже была предупреждена и приняла старика сухо. Объяснивъ ему совершенное неприличіе его поведенія, она посовътовала идти просить извиненія у Зубова, а до тъхъ поръ не бывать во дворць.

Князь заявить, что при таких условіяхь оставаться ему въ Петербургѣ и при дворѣ не слѣдъ, и что онъ предпочитаеть уѣхать изъ столицы. Государыня разсмѣялась и отвѣтила, что это самое лучшее, что князю остается сдѣлать. И чрезъ три мѣсяца село Сакмарское и усадьба увидѣли своихъ владѣльцевъ послѣ тридцатилѣтняго отсутствія. Строптивое поведеніе и отъѣздъ князя, конечно,

кром' толковъ, ничего особеннаго не произвели, такъ какъ онъ не быль виднымъ государственнымъ сановникомъ, а только придворнымъ и богатымъ обывателемъ.

— Вотъ кабы князь мой Григорій Александровичъ этотъ «зубъ» вовремя выдернуль, то и мы бы теперь не подверглись изгнанію,— бурчаль Можайскій.

Поселившись въ глуши деревни, князь, конечно, зажилъ, какъ подобало вельможъ, однако въ его житъъ-бытъъ была одна осо-бенность. Проживъ около года, онъ ни съ къмъ изъ дворянъ, по-мъщиковъ своего округа, не познакомился, ни у кого не бывалъ и къ себъ не позвалъ. А нъкоторыхъ изъ дворянъ, которые явились сами съ поклономъ въ Сакмарское, принялъ, вмъсто князя, его дальній родственникъ, дряхлый старикъ, тоже князь Можайскій, но бъдный, жившій у него на хлъбахъ.

Разумъется, все намъстничество, весь округъ— и дворяне и чиновники,— всъ были обижены и злобствовали на гордеца.

Князю, конечно, было скучно въ деревнъ, молодому князю еще скучнъе, хотя отецъ и позволялъ ему отлучаться и ъздить изръдка и не надолго въ объ столицы. Княгиня была рада спокойной жизни. За то всего скучнъе было молодой княжиъ, которая въ ея годы могла бы веселиться въ Петербургъ, а теперь была обречена сновать по пустымъ аппартаментамъ большого дома.

Π.

Однако, все Сакмарское, барскій домъ и усадьба, оть зари до зари гуділи оть люда и копошились, какъ большой муравейникъ, такъ какъ князь Павелъ Павловичъ, отлично понимая, что его дітямъ эта жизнь въ глуши будетъ тяжела и даже не въ моготу старался, насколько можно было, облегчить ихъ положеніе.

Прежде всего онъ устроилъ такъ, что у него завелись нахлѣбники и приживальщики. Кромѣ того, онъ постоянно приглашалъ къ себѣ на побывку знакомыхъ изъ обѣихъ столицъ и всячески удерживатъ гостей елико возможно долѣе. Пріѣзжавине на мѣсяцъ жили и три мѣсяца. Гости изъ небогатыхъ оставались на неопредѣленное время и становились какъ бы тоже приживальщиками.

Въ усадъбъ было поэтому столько народу, что за столъ садилось ежедневно до тридцати человъкъ. Но главное развлечение въ Сакмарскомъ былъ свой домаший театръ въ отдъльномъ здании и, конечно, свой оркестръ музыки. Музыканты, а равно и актеры, были на половину вольнонаемные и на половину свои кръпостные. Главный актеръ, Захаръ Полушкинъ, игравший всякия роли одинавово хорошо, человъкъ съ истиннымъ дарованьемъ, былъ поваръкняя. Онъ страстно любилъ театръ и любилъ трагическия роли. Онъ готовъ бы былъ всего себя посвятить одному «актерничанью»,

«истор: въсти.», январь, 1900 г., т. LXXIX.

но, къ его несчастью, онъ быль слишкомъ большимъ искусникомъ въ поварскомъ дёлё... Князь не могь замёнить его другимъ, хотя и пробовалъ. Ставя свою любовь къ яствамъ гораздо выше любви къ «свободнымъ художествамъ», князь говорилъ Захару:

— Будь ты первый актеръ на всю крещеную Русь, и все-таки я тебя изъ стряцуновъ своихъ не выпущу.

Главная актриса тоже даровитая, игравшая и молодыхъ и старухъ, при чемъ хорошо танцовала всякіе танцы послѣ двухъ, трехъ уроковъ, была главной горничной, но равно чуть не первымъ другомъ самой княжны. Педагея или Палаша была просто наперсницей княжны, которая не имѣла отъ любимицы тайнъ.

Если молодая княжна скучала въ глуши, то молодой князь за последнее время нашелъ себе утешенье — быть можетъ, съ тоски. Но все-таки онъ былъ поглощенъ теперь темъ, что приключилось съ нимъ.

Покуда княжна проводила ции, кочун по дому, ен брать все чаще исчезалъ изъ усадьбы.

Княжна Елизавета Павловна проводила время въ обществъ двухъ-грехъ пріятельницъ, дворянокъ изъ семей новыхъ приживальщиковъ, но большей частью предпочитала общество своихъ сънныхъ и горничныхъ дъвушекъ. Эти были умнъе тъхъ. Онъ пъли пъсни и лихо плясали, особенно послъ угощенія наливкой, выдумывали разныя игры, разсказывали страшныя сказки. Дворянки подруги умъли только щелкать оръхи, ъсть пряники и смоквы и молчать.

Князь Александръ Павловичъ, насколько могъ чаще, уважалъ изъ дома въ гости къ сосъду, премьеръ-майору Руцкому, ветерану турецкихъ войнъ, и, разумвется, дълатъ это съ въдома и разръшенія отца. Это былъ единственный дворянинъ всего округа, котораго князъ разръшилъ сыну навъщать, но не звать къ себъ. Руцкой былъ небогатый помъщикъ въ десяти верстахъ отъ Сакмарскаго, съ которымъ молодой князь познакомился по особой и важной причинъ, что, однако, скрылъ отъ отца. Случилось такъ... Однажды, отправляясь въ городъ, князь Александръ наткнулся на обычное явленье. Среди дороги большой рыдванъ застрялъ вътрясинъ. Четверка лошадей выбилась изъ силъ и не брала тяжелый экипажъ. Князь хотълъ уже проъхать мимо, когда увидълъ въ окно кареты такое прелестное женское личико, что тотчасъ, остановивъ свою коляску, вышелъ и заговорилъ съ проъзжими.

Въ рыдванѣ была молодая дѣвушка съ мамушкой, а на козлахъ и кучеръ и лакей были старики. Всѣ стали просить незнакомаго молодого барина помочь имъ въ бѣдѣ.

Простое дъло, случавшееся чуть не ежедневно по всей Руси, благодаря двумъ причинамъ, плохимъ проселкамъ и огромнымъ дворянскимъ экипажамъ, всегда разръшалось на одинъ ладъ. Един-

ственное спасенье было вътомъ, чтобы вызвать крестьянъ изъ сосъдней деревни, иногда за десять версть и высвободить экипажъ изъ грясины и веревками, и просто руками.

Князь, прельщенный незнакомкой, радостно отозвался и тотчасъ отрядиль своего лакея верхомъ на своей же пристяжной въ сосъднюю деревню за народомъ. Черезъ часъ рыдванъ былъ вытащенъ и двинулся. Но за этоть часъ князь, бесъдовавшій съ молодой дъвушкой, былъ въ нее уже по уши влюбленъ. И случилось такое, несмотря на то, что онъ всю юность провелъ въ Петербургъ и слъдовательно не былъ захолустнымъ, ничего на свътъ не видавшимъ, юношей.

Узнавъ изъ разговоровъ, что молодая дѣвушка ѣдетъ гостить на недѣлю къ подругѣ, дочери премьеръ-майора Руцкаго, ихъ ближайшаго сосѣда, князь, разумѣется, нашелъ предлогъ и чрезъ два дня былъ тоже въ гостяхъ у этого сосѣда. Старикъ ветеранъ и его семья оказались простыми и милыми людъми, а гостившая у нихъ барышня, Ольга Тулупьева, спасенная княземъ изъ трясины, его очаровала совсѣмъ. И онъ сталъ бывать у сосѣда ежедневно, влюбляясь все болѣе.

Однако, увы, вскоръ свиданія прекратились. Красавица уъхала домой, объщаясь снова прівхать къ подругь черезъ недёлю. Князь быть, однако, при прощаніи озабоченъ... Во-первыхъ, когда онъ, уже надъявшійся на взаимность, попросить у очаровавшей его «Оленьки» позволенія явиться и представиться ея отцу, то дѣвица Тулупьева наотрѣзъ отказала въ разрѣшеніи и даже смутилась очень сильно.

Во-вторыхъ, на разспросы князя у Руцкихъ, гдъ усадьба Тулупьевыхъ, они путали, противоръчили и, видимо, не хотъли ни за что сказать правду.

Наконецъ, въ-третьихъ, когда князь поручилъ одному изъ своихъ конторщиковъ разузнать и разыскать, гдѣ живутъ помѣщики Тулупьевы, то получилъ свѣдѣнія, что таковыхъ не только въ ихъ округѣ, но и во всемъ намѣстниче твѣ нѣтъ. Есть Толбины, Потуловы и Туполдовы... Есть даже Тулупьевъ, но безъ семьи, одинокій и несовершеннолѣтній подъ опекой дяди и находящійся уже съ полгода въ отсутствін въ Москвѣ.

Все это вмёсть было загадочно...

И князь, продолжая видаться съ своимъ предметомъ лишь изръдка и только у премьеръ-майора, былъ совершенно поглощенъ уже окръпшими чувствами. То обстоятельство, что «Оленька» являлась къ сосъдямъ, какъ сказочная царевна, не въдомо откуда, и затъмъ исчезала невъдомо куда, —бытъ можетъ, тоже немало повліяло на молодого человъка, постепенно преобразивъ любовную вспышку въ глубокое чувство.

Разумбется, чтобы облегчить душу признаніемъ, князь Але-

ксандръ повъдаль всю исторію любви и ея загадочную обстановку своей сестръ... Княжна Елисавета отвъчала тъмъ же и покаялась брату въ своемъ гръхъ... Но ея гръхъ былъ куда меньше...

Побывавъ однажды съ матерью уже давно въ губернскомъ городъ, она зашла въ городской садъ и видъла тамъ такого красавца!.. Такого!? Ну, ни перомъ описать, ни кистью намалевать, ни въ сказкъ разсказать! Въ Петер ургъ такихъ нътъ! онъ всякито день послъ полудня гуляеть въ этомъ городскомъ саду... И она съ тъхъ поръ уже два раза отпрашивалась у родителей въ городъ съ гувернанткой, якобы въ лавки, и была, конечно, въ саду и оба раза опять его видъла... А онъ,—не простой какой дворянинъ, а губернаторскій товарищъ! Это все разузнала Палаша... Нарочно для этого ъздила въ городъ...

— Но онъ на меня и глазъ не поворотить!—печально закончила княжна признанье.—Будто меня и нъту!

Ш.

Но, живя въ трущобъ, князь постоянно имълъ всякія свъдънія изъ Петербурга, гдъ остался близкій его другь и кумъ, тоже вельможа и тоже придворный. И друзья неизмънно переписывались. Однажды князь получилъ отъ этого друга и «всезнайки» большое письмо, которое заключало въ себъ много въстей изъ столицы, придворныхъ новостей, а равно и городскихъ слуховъ. Изъ него князь узналъ, между прочимъ, одну новость крупную... Тотъ же врагъ его, графъ Платонъ Александровичъ, уже сталъ, въ отличіе отъ своихъ братьевъ, княземъ Зубовымъ.

Но главное было не это... Было нѣчто еще ботѣе непріятное. Въ длинномъ письмѣ подробно доводилась до свѣдѣнія князя всякая в ячина, письменно и устно достигшая Петербурга изъ его глуши. Другъ сокрушался, почему князя такъ сугубо не взлюбили въ его захолустьи, и почему весь край, гдѣ онъ поселился, измышляетъ на него всякія небылицы, не только измывается надъ нимъ и его семьей, не только лжетъ, но даже и злостно клевещетъ.

И при этомъ пищущій подробно передавалъ все, что говорилось о князѣ въ Петербургѣ на основаніи свѣдѣній, дошедшихъ изъ края. А говорилось Богъ вѣсть что!.. Говорилось, что у князя цѣлый гаремъ, а самъ онъ во хмелю съ утра, сильно веселъ среди дня и мертво пьянъ къ вечеру. Говорилось, что княгиня «безъ зазрѣнія, а вьявь махается» за ихъ молодымъ и красивымъ дьячкомъ. А молодой князь Александръ Павловичъ собирается жениться или уже тайно обвѣнчанъ и давно съ дочерью мѣстнаго фармазона, сосланнаго изъ Москвы за вольнодумство, что же касается до дочери-княжны, то покуда князь разыскиваетъ по заморскимъ странамъ какого нибудь знаменитаго принца ей въ мужья, въ родѣ

Бовы Королевича, она сама, княжна, съ горничными и дворовыми дъвушками ведеть «озорную» жизнь. Про нее ходять въ намъстничествъ такіе слухи, что не только принцъ заморскій, а никакой молодой человъкъ изъ простой дворянской семьи на ней не женитзя.

Вообще письмо было большое, пространное и наполненное всякаго рода сплетнями и клеветами. Прочитавъ письмо, князь бросилъ его на полъ, но на другой день взялъ снова и снова прочелъ. И затъмъ нъсколько дней подрядъ онъ былъ страшно, какъ никогда еще, раздраженъ и разгиъванъ. Наконецъ, онъ позвалъ на совътъ жену и сына, чтобы ръшить, что имъ дълать, такъ какъ «оставлять этакого нельзя».

И на семейномъ совъть было положено, что все, разумъется, произошло отъ ихъ излишней гордости. Слъдовало тотчасъ по прівадъ перезнакомиться со всти ближними и дальними состании, приглашать ихъ, кормить, поить и веселить... Тогда все мъстное дворянство только бы превозносило да восхваляло ихъ.

Однако, никакого рѣшенія принято не было, на совѣты жены и сына князь отвѣчалъ одно:

- Глупство! Я вотъ по-своему эту мордву угощу!
- Чрезъ два дня князь, позлъ размышленія, позвалъ сына и объясниль.
- Дамъ я тебъ, Александръ, порученіе и важнъйшее, труднъйшее. Боюсь даже, что ты не сумъешь его исполнить.
- Что прикажете, батюшка? Постараюсь, —отвъчалъ Александръ, и липо его оживилось.
 - Чему обрадовался?—замётиль отець.
- Обрадовался? Правда!..—отвъчалъ сынъ. Я обрадовался тому, что если вы собрались дать мнъ какое либо порученіе, то, стало, быть, поръшили, какую перемъну въ нашемъ житье сдълать... Ну, и слава Богу!
- Вотъ и ощибся. Никакой перемёны я не желаю. Какъжили такъ и будемъ жить. Но все-таки я хочу изслёдовать обстоятельства. Слушай и мотай на усъ.

И князь объясниль сыну, что онъ уже мало довъряеть письму изъ Петербурга. Быть можеть, все преувеличено и въ намъстничествъ вовсе нътъ такого къ нимъ якобы озлобленія, доведшаго якобы дворянъ и чиновниковъ губернскихъ до безобразнъйшихъ измышленій на нихъ и до грубо оскорбительныхъ клеветь на всю семью.

- Мић надо знать, Александръ, правда ли это или петербург ская выдумка.
 - Что собственно, батюшка?--не поняль молодой князь.
- Правда ли, что насъ здёсь всё не взлюбили. Можетъ быть—и нётъ. Я хочу предпринять нёкое дёло. Хочу «воздать коемуждо по

дъломъ его». И вотъ мнѣ надо знать навърное, возненавидъли насъ дворяне здѣшніе за нежеланіе мое съ ними якшаться, или все это вздоръ, вымыселъ столичный. Если же точно завелось вокругъ натъ здѣсь ненавистничество къ намъ, то я хочу знать, кто собственно наши заклятые враги, кто недруги только, кто равнодушные благоразумцы, кто, наконецъ, относится къ намъ и дружелюбно, разумѣя, что мы ему не пара... Такъ вотъ сдѣлай что хочешь, но узнай мнѣ это и представь свой обстоятельный и точный докладъ.

- Да какъ же я это сдёлаю, батюшка!
- А вотъ... Придумай, умная голова.
- Ей-Богу, не знаю. Позвольте тать перезнакомиться со встми и увидеть, кто меня какъ приметь. Но втдь иной и вовсе не пожелаеть принять, чтобы сорвать свое зло.
- Да. Инако мудрено... Но это можно теб'в сдѣлать не попросту, а по особому образу... Такъ сказать машкераднымъ образомъ и способомъ. Подъ личиною, а не открыто.

Александръ олять не поняль отца, и князь объяснилъ, что сынъ долженъ въхать въ губернскій городъ на недълю, двъ, затъмъ объъхать главнъйшихъ помъщиковъ и перезнакомиться съ ними, но при этомъ не подъ своимъ именемъ, а подъ другимъ.

- Какъ князь Александръ Можайскій, ты ничего не узнаешь, да къ тому же наскочишь на оскорбленіе меня и всей нашей фамиліи. Вдругь иной тебя и въ самомъ дѣлѣ не приметь, или приметь надменно... Этого допустить мы не можемъ, чтобы здѣшняя мелюзга дворянская князей Можайскихъ оскорбляла.
 - Такъ какъ же тогда быть, батюшка?
- Отправляйся, объёзжай округу всю и знакомься, назвавшись инымъ какимъ именемъ.

Молодой человъкъ удивился.

- Не знаю, родитель. Право, не знаю,—отвѣтилъ онъ:—хорошо ли это будетъ? Приличествуетъ ли князю Можайскому самозванствовать, или укрываться подъ чужимъ именемъ.
 - Ну, сынъ, яица курицу не учать!-сурово отозвался князь.
 - Какъ прикажете, отвътилъ сынъ.
- Назовися вновь прибывшимъ изъ Москвы дворяниномъ, ищущимъ купить себъ имъніе. Ну, хоть бы по дъвическому имени твоей матери. Рекомендуйся: князь Александръ Тенищевъ.
- А потомъ, послѣ когда обманъ откроется,—замѣтилъ Александръ... Что тогда мы скажемъ? Зачѣмъ я таковымъ, какъ вы сказывать изволите, машкераднымъ способомъ поступилъ?
- Это не твоя забота. Это я ужъ, сынокъ, на себя беру. Собирайся.
 - Слушаю-съ.

Чрезъ два дня, молодой человъкъ, подъ именемъ князя Тени-

щева, уже быль въ разъъздахъ и объяснялъ всюду, что прівхалъ знакомиться и посовътоваться, собираясь купить имѣніе. чтобы навсегда остаться въ крав.

Путешествіе изъ вотчины въ вотчину, а равно пребываніе въ губернскомъ городѣ, продолжалось болѣе мѣсяца. Разумѣется, молодого человѣка красиваго, умнаго, благовоспитаннаго, да еще вдобавокъ не женатаго, стало быть, завиднаго жениха, встрѣчали всюду съ распростертыми объятіями.

Однако на первой же недълъ странствованій князя случилось маленькое происшествіе.

Будучи въ гостяхъ у одного мелкаго помѣщика, князь попалъ наканунѣ именинъ хозянна, и его упросили остаться на слѣдующій день ради празднества. Князь остался, не предвидя бѣды.

На утро домикъ помѣщика наполнился гостями сосѣдями, и въ числѣ другихъ князь увидѣлъ свой «предметъ», т. е. молодую Тулупьеву, но съ отцемъ. Его представили...

Онъ смутился и ръшилъ просить Оленьку не выдавать его самозванства.

Но дівушка такъ невіроятно страшно смутилась и обомліла сама при представленіи князя, что, ни слова ему не сказавъ, отошла и всячески избігала съ нимъ заговорить. А чрезъ часъ она вмісті съ отцемъ незамітно для гостей скрылась, т. е. убхала, не дождавшись имениннаго обіда.

Когда удивленный князь спросилъ хозяина, гдѣ Тулупьевъ съ дочерью, этотъ удивился въ свой чередь и заявилъ, что таковыхъ не знаетъ.

- А воть же этоть самый почтенный господинъ съ владимірскимъ крестомъ, что былъ у васъ съ дочерью, — объясниль Александръ.
- Это господинъ статскій совѣтникъ Лунинъ, заявилъ хозяинъ.
 - Лунинъ? Не Тулупьевъ?-воскликнулъ князь.
- Лунинъ, Владиміръ Андреевичъ. Тулупьевыхъ у насъ во всей губерніи нътъ.
 - Она его родная дочь?
 - Родная въстимо.
 - Не воспитанница или племянница?—допрашивалъ князь.
- Да, что вы? Христосъ съ вами?—удивился и раземѣялся хозяинъ и сталъ разспрашивать гостя о причинѣ такихъ диковинныхъ вопросовъ.

Разумбется, князь не захотёлъ ничего объяснить, но невольно задалъ себв самому вопросъ.

— Что же это? Впрямь машкерадъ! Онъ подъ вымышленнымъ именемъ ъздитъ. И она, его «Оленька», оказывается—не Тулупьева. Зачъмъ же она-то самозванничаетъ? Какая у ней нужда это дъ-

лать? Какая цъль? Но и этого мало! Удивительно еще и то, что она ни слова не сказала хозяину о томъ, кто у него въ домъ подъ именемъ князя Тенищева. Сама будучи, стало быть, виновата въ принятіи чужого имени, она предпочла скрыться, не изобличая князя Можайскаго.

Что же теперь будеть? Что дёлать?

И Александръ тотчасъ ръшилъ на время отложить свои разъъзды «князя Тенищева», а ъхать подъ своимъ собственнымъ именемъ къ премьеръ-майору за объясненіямъ невъроятнаго приключенія.

Добродушный Руцкой повинился тотчась же, но вину на себя не бралъ.

Дѣвица «Тулупьева» оказывалась дѣйствительно Ольгой Луниной, единственной дочерью всѣми уважаемаго помѣщика. А назвалась она чужимъ именемъ по особымъ причинамъ.

— Я въ сіе разбирательство входить не буду. Коли увидитесь вы съ ней у насъ, то она сама вамъ все объяснить, — сказалъ Руцкой. — Но полагательно, что вы ее у насъ уже больше не увидите послъ сего происшествія, то-есть вашей съ ней встръчи и раскрытія ея тайны.

И никакого объясненія загадки князь Александръ оть майора не добился.

IV.

Владиміръ Андреевичъ Лунинъ, помѣщикъ средней руки, поселившійся у себя въ вотчинѣ всего лѣтъ съ пять назадъ, былъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ и почитаемыхъ дворянъ губерніи. Всю свою жизнь съ молодыхъ лѣтъ провель онъ въ Москвѣ, служа въ сенатѣ, но, внезапно потерявъ жену, тогчасъ же бросилъ службу и, выйдя въ отставку, вернулся въ родовое имѣніе. Онъ объяснялъ, что бросилъ Москву, якобы ради того исключительно, чтобы поправить въ деревнѣ свои дѣла и скорѣе начать увеличивать приданое своей единственной дочери.

Лунинъ былъ очень умный и образованный человъкъ, что свидътельствовала цълая комната, уставленная шкафами съ книгами русскими и французскими и даже латинскими. Но главнымъ образомъ его долголътняя дружба съ знаменитымъ издателемъ «Трутня» доказывала, какого рода человъкъ былъ этотъ маленькій старичекъ, тихій и скромный на видъ, но съ твердымъ характеромъ, ръдко начитанный, потому и съ готовымъ яснымъ и дъльнымъ отвътомъ на всякій вопросъ. И дъйствительно, онъ могъ почесться теперь самымъ просвъщеннымъ человъкомъ не только въ своемъ намъстничествъ, но и во всемъ Приволжскомъ краъ.

Причина ухода изъ сената, на самомъ дѣлѣ, была особая.. Пріятельскія отношенія съ знаменитымъ Новиковымъ именно и повліяли на судьбу Лунина, на его положеніе въ Москвѣ и на службу. Внезапно арестованный и обвиненный Новиковъ, уже какъ узникъ, а затѣмъ какъ ссыльный, многихъ знакомыхъ, не только пріятелей, погубилъ своей дружбой и близкими сношеніями. На всѣхъ пала тѣнь отъ государственнаго преступника.

Лунинъ, почти въ числъ первыхъ, почувствовалъ на себъ отголосокъ кары, свалившейся на невиннаго писателя и журналиста. Всъ стали Лунина опасаться, избъгать и отъ него открещиваться: Лучше друзья и тъ покинули его, ожидая, что и онъ, несмотря на видную должность въ московскомъ сенатъ, тоже можетъ быть не нынче, завтра арестованъ и заключенъ въ кръпость.

Лунинъ, однако, все-таки колебался долго подать въ отставку и уъхать подальше отъ подозрительныхъ властей, забиться въ трущобу и заняться хозяйствомъ и чтеніемъ. Неожиданная смерть жены ускорила ръшеніе и облегчила его исполненіе.

И теперь умный и жаждущій образованія старикт былт вполит доволенть, что бросиль служебную карьеру. Онт жилт тихо, мирно и скромно въ своемъ имтній, откладываль ежегодно половину доходовъ, увеличивая будущее состояніе дочери, и позволяль себто одну роскошь — выписываніе книгъ изъ обтихъ сголицъ и даже изъ-за границы.

И живя въ средъ такихъ дворянъ, которые знали только псовыя охоты, азартныя игры, разгулъ, пиры и пьянство, Лунинъ былъ въ пріятельской перепискъ съ знаменитымъ поэтомъ и государственнымъ мужемъ Державинымъ, трактуя съ нимъ о многихъ важныхъ вопросахъ. Но на первомъ мъстъ въ умъ и сердцъ старика была его единственная дочь, хотя онъ и постоянно жалътъ, что Господъ не захотълъ послать ему сына. Но если сожалъне это основывалось у большинства дворянъ соображениемъ о продолжени рода и фамили, то у Лунина мотивы были совершенно иные. Онъ сожалълъ, что не можетъ воспитатъ такого же просвъщеннаго дворянина, какимъ былъ самъ. Ему доставило бы истинное наслаждение учить сына всъмъ наукамъ, затъмъ свезти или послать его за границу.

— И быль бы на Руси знаменитый ученый Лунинъ! — мечталь онъ.

Разумѣется, по отношенію къ дочери нельзя было предаваться такимъ же мечтамъ. Дѣвицѣ и грамоту знать, то-есть читать Часословъ, не полагалось, не только заниматься науками. Тѣмъ не менѣе старикъ, невольно и незамѣтно для самого себя, все-таки началъ было упорно стремиться просвѣтить и дочь... Но его Оленька далѣе чтенія и письма не пошла. Въ ариеметикѣ она одолѣла четыре правила и остановилась передъ дробями, какъ предъ какими чудищами, которыя наводили на нее робость. Да, кромѣ того, и голова часто стала болѣть. Нянюшка ея, Власьевна, прямо заявила

барину, что онъ отвіть передъ Богомъ отдасть за терзаніе своего единственнаго ребенка бісовскими выдумками. А ужъ уморить-то се — онъ непремінно уморить. И онъ уступиль... Однако Оля, несмотря на то, что была не прытка разумомъ, все-таки, поневолів, кой-что оть отца заимствовала. Віроятно, потому, что дождевая капли и камень долбить. Дівица Лунина часто удивляла многихъ своими замічаніями по поводу самыхъ мудреныхъ вопросовъ, которые были подстать только мужчинамъ, да еще и ученымъ. Такъ однажды въ гостяхъ за столомъ она заявила, что «теперь въ Америків всів спять, потому что у нихъ теперь ночь!» И она объяснила, какъ и почему.

Разумъется, во всемъ округъ Ольга Владиміровна Лунина считалась ученъйшей.

- Премудрая!—назваль ее однажды архіерей посл'в получасовой бес'ёды, однако потомъ попрекнуль ея отца:
- Дъвида ваша многое про великаго императора знаетъ, про Плутарха слыхала, а вотъ Авраама съ Моисеемъ чуть не спутала. Стихосложеніе господина Державина на Господа Бога въ точію мнѣ изъ памяти проговорила, а въ Символъ Въры два раза застряла. Да еще выразила третій членъ: «Насъ ради христіанъ и нашего ради избавленія»... Архіерей не зналъ, что Владиміръ Андреевичъ Лунинъ благоговълъ предъ «французскимъ гражданиномъ» Вольтеромъ и не разъ перечелъ всѣ его сочиненія. Конечно, и теперь были они у него, но не въ шкафахъ съ другими книгами, а скрыты въ спальиѣ подъ половицей. Въ случаѣ доноса и обыска, власти запретное вольнодумное сочиненіе никогда бы не нашли.

Появленье въ округѣ князя Можайскаго обрадовало Лунина. Онъ предвидѣтъ, что князь, слывшій за умного и отчасти просвѣщеннаго человѣка, тотчасъ явится съ нимъ знакомиться, какъ съ самымъ почтеннымъ человѣкомъ округа.

— Да и сынокъ еще не женатъ! А прівхали надолго, чуть не сосланные. А изъ всвхъ двицъ этой глуши самая благовоспитанная да къ тому же и самая красивая—моя Оля.

Вотъ что невольно думалъ Лунинъ и былъ совершенно правъ. Такихъ дъвушекъ, какъ его «Оленька», и въ столицахъ «днемъ съ огнемъ поискать»!

Но долго и напрасно ждалъ онъ появленья князя. Затвиъ стало извъстно, что вельможа и не собирается знакомиться съ дворянствомъ своего намъстничества, прозвавъ его мордвой.

Конечно, отзывы князя о сосёдяхъ становились извёстны всему мёстному дворянству. Послё медвёдей пробёжало по всёмъ усадьбамъ прозвище «Простаковы», а тамъ «Мордва», а тамъ всё помёщими со словъ надменнаго петербургскаго вельможи уже стали: краснокожіе.

Последняго прозвища никто и не понялъ, кроме Лунина. Дворяне

разсуждая рѣшили, что у нихъ кожа какъ кожа и не краснѣе княжеской, а особо красное лицо развѣ только у помѣщика Лупалдина отъ его чрезвычайно многаго возліянія ямайскаго рома.

Лунинъ былъ гордъ по-своему своей ученостью, а не дворянствомъ, и пренебреженье къ себъ онъ простить князю не могъ. Онъ тайно соглашался, что князь правъ, и сосъди дворяне не далеко ушли въ просвъщении отъ господъ Простаковыхъ, но себя онъ исключалъ и ставилъ неизмъримо выше всъхъ. Для него князь Можайскій долженъ былъ, по его убъжденію, сдълать исключеніе и искать знакомства.

И часто, почти ежедневно, Лунинъ говорилъ дочери, что и самъ не желаетъ знакомиться съ княземъ.

— Чванливый глупецъ! Вотъ что онъ!—говорилъ Лунинъ.—А когда соскучится сидъть одинъ и явится знакомиться,—я его приму такъ, что въ другой разъ не пріъдетъ, а ужъ къ себъ въстимо не позоветь.

Когда иной изъ гостей заговаривалъ у нихъ въ домъ о Можайскихъ, о слухахъ про ихъ житье-бытье, то Лунинъ останавливалъ собесъдника словами:

— Увольте отъ разговоровъ про этого нашего «принца», сирѣчь про этого гордеца и глупца. Чѣмъ онъ гордъ? Князей на Руси много. Богачи есть и изъ купцовъ. А что быль царедворцемъ, то вѣдь теперь онъ, такъ сказать, на задній дворъ опредѣленъ. Тотъ же ссыльный. Да не за просвѣтительство согражданъ и сочинительство книгъ, а за дерзостное поведеніе при особѣ монарха.

Оля, лучше всёхъ зная про недружелюбное чувство отца къ Можайскимъ, почти ненависть... невольно удивлялась и не понимала, почему именно отецъ, человъкъ сердечный, пуще всёхъ другихъ дворянъ «вскидывается» на князя. Когда Оля встретилась на большой дорогъ съ красивымъ молодымъ человъкомъ и при его любезной помощи высвободилась изъ трясины, она много и долго думала объ немъ. Не похожъ онъ былъ на ихъ молодежь. Поговорка «отметный соболь» какъ нельзя больше шла къ нему. И внъшностью и манерами и даже взглядомъ и улыбкой—онъ былъ не то, что «эти всё наши».

Чрезъ нъсколько дней она внезапно встрътила его у Руцкаго и узнала, что это самъ молодой князь Можайскій. Оля перепугалась и собралась тотчасъ уъзжать, объявляя хозянну, что отецъ страшно разсердится узнавъ, что она познакомилась съ Можайскимъ.

— Родитель знаеть, что какой-то неизвъстный молодой дворянинъ услужилъмнъ,—сказала она.—Онъ сожалъль, что нельзя узнать, кто поступилъ такъ въжливо. Но если онъ узнаеть, что это Можайскій, то только разгнъвается.

Руцкой, человъкъ дальновидный, сообразилъ между тъмъ, что молодой князь явился къ нему и упрямо напросился на знакомство исключительно ради Оли. Дъло, стало быть, казалось не простымъ,

а важнымъ. И премьеръ-майоръ, любившій Лунина и еще болѣе его дочь, рѣшился схитрить.

— Беру все на себя,—сказаль онъ. Будешь ты у насъ съ княземъ встръчаться, сколько онъ захочеть. А величать мы тебя будемъ дъвицей... ну, хоть Тулупьевой. Скажемъ—такой у насъ есть сосъдъ и благопріятель. А что изъ этого выйдеть—увидимъ.

V.

Князь Александръ, объёздивъ все намёстничество и поживъ въ губернскомъ городё, только два раза было узнанъ случайно, однако искусно выбрался изъ затруднительнаго положенія.

Онъ привезъ отцу свъдънія, что ихъ семью дъйствительно сильно не долюбливаютъ въ краъ, и что онъ слышалъ иногда такія клеветы на отца и себя, а равно на мать и сестру, что ему бывало «хоть сквозь землю провалиться».

За то сестрѣ князь привезъ извѣстіе, что познакомился и сощелся съ губернаторскимъ товарищемъ, и что тотъ оказался прелестнымъ человѣкомъ.

— Умница! Добрая душа!—говориль онъ.—Къ тому же онъ всегда жилъ въ Москвъ и совсъмъ не здъшній.

Затъмъ два раза оба князя обстоятельно обсуждали вопросъ: какъ быть? Что сдёлать? Молодой князь справедливо утве ждалъ, что все злобство на нихъ и «хаянье» въ одинъ мъсяцъ исчезнутъ послъ двухъ—т ехъ объдовъ или баловъ, а съ другой стороны и имъ съ сестрой станетъ веселъе.

Князь Павелъ Павловичъ объщалъ сыну подумать, перемънить ли жизнь или нътъ, уступить ли этимъ «долгоязычникамъ», какъ онъ звалъ теперь дворянъ, или не уступать?

Между тъмъ, былъ декабрь, и уже скоро наступали праздники и святки — время, въ которое было всего удобнъе начать веселиться и веселить сосъдей.

И князь однажды заявиль, что двинуться съ мѣста, отправиться лично знакомиться со всѣми дворянами губернскаго города и разныхъ вотчинъ, онъ не чувствуетъ въ себѣ силы. Пришлось бы сдѣлать нѣсколько сотъ верстъ. Сказаться же нездоровымъ и заставить снова объѣздить всѣхъ сына совершенно, конечно, возможно при условіи, что онъ повсюду извинится за свое самозванство. Однако, Александръ напрасно ежедневно ожидалъ разрѣшенія отца — на лихой тройкѣ обскакать весь округъ. И много разъбыло рѣшено даже въ подробностяхъ, какъ онъ со всѣми полюбезничаетъ, извинится за отца и будетъ всѣхъ звать къ себѣ, намекая, что за все время праздниковъ — съ Рождества до Крещенья — будетъ пиръ горой въ Сакмарскомъ, обѣды и балы и всякія увеселенія до потѣшныхъ игръ включительно.

И между тъмъ, старикъ князь все откладывать ръшеніе, а затъмъ, вмъсто ожидаемаго всъми согласія, каждый разъ, что вновь заходила ръчь о томъ, что надо уступить, на него сталъ нападать сильный гнъвъ. Онъ начиналъ кипятиться, браниться и говорить, что этихъ долгоязычныхъ дикарей слъдовало бы не звать въ гости, а проучить, каждаго по очереди отхватать на какой нибудь особый ладъ.

Но вдругъ, однажды, князь позвать сына и, весело улыбаясь, объяснилъ, что окончательно рёшился положить гнёвъ на милостъ—помириться, простить клеветниковъ и постараться расположить въ свою пользу. Но вмёстё съ тёмъ князь объявилъ, что рёшилъ сдёлать это совершенно иначе. Онъ не соглашался на то, чтобы его сынъ ёхалъ ко всёмъ съ приглашеніями.

— Послъ твоего самозванства — не ловко! — сказалъ онъ, — да и много чести. Все-таки мы и они — разница великая. Всъ здъшніе дворяне были и остались все-таки для насъ — мордва!

И Александръ узналъ, что отецъ ръшилъ обратиться къ помощи писарей, которые были на лицо въ вотчинъ, да достать въ городъ еще съ полдюжины другихъ писарей и всъхъ засадить за писаніе большихъ писемъ или, върнъе, копій съ одного большаго письма, имъ написаннаго.

И дъйствительно, черезъ нъсколько дней закипъла въ конторъ работа. Дюжина писарей подъ наблюденіемъ главнаго конторщика, умницы Авдъя, грамотея и даровитаго актера, засъла писать посланія князя съ приглашеніемъ на парадный объдъ и балъ на третій день праздника.

Въ этомъ письмѣ князь Можайскій всячески извинялся, что, проживъ такъ долго въ краѣ, не побывалъ ни у кого и не познакомился, и, объясняя «сіе прискорбное обстоятельство» разными причинами, онъ теперь просилъ не гнѣваться на него, простить старика и сдѣлать честь пожаловать къ столу и на святочный батъ съ ряжеными, именуемый «машкерадъ».

Одновременно, конечно, начались и приготовленія къ празднеству. Молодой князь и княжна занялись измышленіемъ всякихъ затъй и распоряжались приготовленіями.

Письма были развезены конными гонцами, и не было ни единаго дворянина, хотя бы и мелкопомъстнаго, ни единаго чиновника въ губернскомъ и своемъ уъздномъ городахъ, который бы не получилъ любезнаго приглашенія съ извиненіемъ.

Слухи обо всемъ, что творилось въ вотчинѣ князя, тоже побѣжали во всѣ стороны. По всему видно было, что долго сидѣвшій нелюдимомъ князь хочеть удивить всѣхъ своимъ хлѣбосольствомъ. Разумѣется, черезъ нѣсколько дней князь сталъ уже получать отовсюду отвѣты, всѣ, какъ бы сговорившись, отвѣчали одно и то же: благодарятъ за честь и съ удовольствіемъ явятся—кто одинъ, а кто со всѣмъ семействомъ, если таковое было.

И во всемъ округъ нашлось не болъе дюжины дворянъ помъщиковъ, которые отвъчали князю, что благодарятъ за честь, но быть не могутъ. Это были люди повиднъе, побогаче, погорделивъе, которые нашли, что князь долженъ былъ послать съ приглашеніемъ сына, если самъ не можетъ пріъхать.

VI.

На третій день праздника село Сакмарское, казалось, изображало людный убздный городъ: цёлая вереница экипажей появилась въ село и во дворъ усадьбы. Народу навхало видимо-невидимо, и огромный домъ сплошь переполнился гостями со всёхъ концовъ округа. Старики, пожилые, молодежь, — все двинулось и явилось на приглашеніе къ вельможъ.

Князь и княгиня любезно принимали всёхъ въ самой большой гостиной. Молодой князь занималь молодежь, княжна старалас: всячески занять своихъ ровесницъ барышень. Разумбется, всёгости были вскорт очарованы предупредительностью и ласковостью милыхъ хозяевъ.

Рѣдкая, великолѣпная обстановка дома, конечно, увеличивала всеобщее довольство и очарованіе. На все, чѣмъ былъ полонъ домъ, поневолѣ глаза разбѣгались. Иные изъ дворянъ за всю свою жизнь не видѣли того, что увидѣли въ палатахъ князей Можайскихъ. Но было нѣчто, однако, что многихъ, стариковъ и пожилыхъ, удивляло...

Князь своей повадкой то и дёло озадачивать многихь. Онто быль не только вёжливь, но даже будто почтителень со всёми, но все у него выходило какъ-то диковинно. Повёрить было нельзя, чтобы онъ быль придворнымь сановникомъ... Нёть-нёть, и князь сдёлаеть такой жесть, или скажеть такое словцо, что такъ гости и ахнуть. Слухь о томъ, что князь часто бываль во хмелю, какъ бы оправдывался и теперь являлся объясненіемъ и извиненіемъ, что онъ, принимая гостей, тоже черезъ мёру хватиль, вёроятно, еще съ утра. Только хмельной человёкъ могь себя этакъ вести...

Слухи о томъ, что князь былъ якобы красивый старикъ, совсъмъ не оправдывались, потому что у хозяина лицо было пухлое, красноватое, какъ у пьяницъ, далеко непріятное, а повадка и совсъмъ не изящная.

Княгиня, небольшого роста, толстая, грузная, тоже походила на мужа, но казалась еще неотесаннъе, чъмъ самъ князь.

Зато молодой князь Александръ Павловичъ всёхъ быстро очаровалъ и веселымъ нравомъ своимъ, чудачествомъ и простодушіемъ. Сестра его, княжна, довольно миловидная, немножко какъ бы дичилась гостей, была молчалива, ничего сама не говорила и только отвёчала робко на вопросы сверстницъ и молодежи. Впрочемъ, всё гости хорошо зарубили себё на носу еще заранее одно главное обстоятельство, что молодой князь не женатъ, а состояние у отца громадное. А княжна тоже невёста и тоже съ страшнымъ приданымъ. И мысль объ этомъ какъ бы вытёснила въ головахъ гостей всё остальныя мысли, особенно у отцевъ взрослыхъ дочерей и сыновей.

Еще не успѣли всѣ гости съѣхаться, какъ уже быть накрытъ въ залѣ большой столъ на сто слишкомъ кувертовъ. Разумѣется, обѣдъ продолжался довольно долго, кушаньямъ не было числа. Вино лилось рѣкой. Хозяева угощали гостей на славу, но самъ князь угостился, казалось, не въ мѣру и началъ гостямъ «отпускать шпильки». Послѣ обѣда все поднялось и разбрелось по дому. Многіе вышли на воздухъ въ садъ по расчищеннымъ среди сугробовъ дорожкамъ, кто по обычаю отправился на конюшню и на псовый дворъ смотрѣть великолѣпныхъ коней и собакъ, которыхъ показывалъ молодой князь.

Въ числѣ прочихъ гостей былъ и Лунинъ. Въ первый разъ въ жизни поступилъ онъ вопреки своему разуму и совѣсти и уступилъ горячимъ мольбамъ и слезамъ дочери... И поѣхалъ, но негодовалъ на себя.

Послѣ обѣда Владиміръ Андреевичъ и его Оля очутились въ одной изъ комнатъ, предназначавшихся для гостей, для отдыха или для переодѣванья, а равно и для ночлега, когда гости пріѣзжали надолго.

Лунинъ сталъ сумраченъ и задумчивъ... Все время онъ наблюдать сначала за княземъ и княгиней и дивился ихъ совстмъ не княжескимъ фигурамъ и повадкъ. Но затъмъ его внимание сосредоточилось на молодомъ князъ, который неотступно быль около его Оли, ухаживать и любезничаль съ нею гораздо больше, чёмъ съ другими дъвицами. Лунинъ видълъ, однако, при этомъ, что его Оля крайне смущена... Она охотно и много говорила съ молодымъ княземъ, не избъгала его, а напротивъ будто сама къ нему подвертывалась. Пожалуй, даже она сама и виновата была, что молодой князь сълъ за столомъ около нея и все время бесъдовалъ съ ней одной, а не съ другими... Однако, въ ихъ беседахъ умный, наблюдательный Лунинъ замътилъ одно, что его удивило и даже озадачило. Его Оля не просто разговаривала съ княземъ, а будто все выспращивала его, даже цълый допросъ чинила ему, какъ судья, дъло какое разследующій до малейшихъ подробностей. И въ конце концевъ Оля была смущена и даже печальна. Личико ен выражало тревогу, горе, растерянность... Что же это?

Теперь, очутившись наконецъ съ глазу на глазъ въ отдѣльной комнатъ, Лунинъ тотчасъ же взялся за допросъ дочери.

- - Что съ тобой? Ты на себя не похожа?
- Ничего, батюшка.

- Не лги. Вижу.
- - Нездоровится, батюшка.

И Лунинъ буквально ничего не добился отъ дочери. Оля стояла на своемъ, что ей не здоровится. На вопросъ отца, что она такое будто все допрашивала молодого князя за цълый объдъ, Оля отвътила, что онъ ей загадку загадалъ, а она все отгадывала, да неудачно.

И дввушка не лгала. Загадка была трудная... Она узнала и полюбила князя Можайскаго, а онъ оказался потомъ княземъ Тенищевымъ! А конторщикъ, прівзжавшій къ помъщику Руцкому получать деньги за купленную лошадь съ княжескаго завода и котораго она два раза видъла, теперь оказался княземъ Можайскимъ.

Выло отчего ума ръшиться.

Въ восьмомъ часу уже грянула на хорахъ залы музыка, и начался балъ, открывшись, какъ водится, польскимъ. Князь сильно, даже черезчуръ въ хмелю, подалъ руку предводительшъ своего уъзда, за нимъ самый видный мъстный дворянинъ князь Арнаутовъ, родомъ изъ кавказскихъ выходцевъ, подалъ руку княгинъ. Молодой князь пригласилъ, конечно, Олю Лунину, и когда она отказалась, повелъ дочь предсъдателя уголовной и гражданской палатъ, а княжна пошла съ красивымъ губернаторскимъ чиновникомъ. За ними попарно двинулись всъ гости.

Но едва начался баль, какъ распространился слухъ о почти невъроятномъ событіи. Увъряли, что въ домъ уже пахнеть двумя свадьбами.

Молодой князь якобы уже успѣлъ влюбиться въ дѣвицу Лунину, и будто бы уже прямо объяснился съ ея родителемъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, совсѣмъ молодой губернаторскій чиновникъ уже якобы сдѣлалъ формальное предложеніе княжнѣ и получилъ согласіе князя.

Слухъ, распространившійся въ домѣ среди всѣхъ гостей, всполошилъ всѣхъ и казался невѣроятнымъ. Самые смѣлые изъ гостей рѣшились даже обратиться къ князю или къ княгинѣ, чтобы убѣдиться, точно ли подобное могло такъ быстро совершиться. И не прошло часу, какъ въ самомъ разгарѣ бала, среди всеобщаго веселья, гости уже знали, что дѣйствительно слухи про двѣ свадьбы, которыя состоятся,—не выдумка.

Князь, пошатываясь и мыча, объясняль направо и налѣво, какъ онъ счастливъ, что въ одинъ день, въ нѣсколько часовъ ему посчастливилось женить сына и выдать дочь замужъ. Мнѣніе княгини нельзя было узнать, такъ какъ ея послѣ польскаго уже было не видно. Говорили, что она почувствовала себя хворой и ушла отдохнуть.

VII.

Около десяти часовъ, въ самый разгаръ танцевъ, среди одной изъ фигуръ минуета, въ дверяхъ бальной залы, ведущей изъ прихожей, появилось двое мужчинъ въ дорожномъ платъв, въ теплыхъ кафтанахъ, съ шапками на головахъ, а за ними двъ дамы. Вошедний впереди всъхъ, по виду старикъ, окинувъ всю залу, вдругъ крикнулъ властно и грозно:

-- Это что?!. По сю пору!

Вошедшіе были хозяева.

Еще утромъ князь Павелъ Павловичъ сурово приказалъ женъ и дътямъ собираться въ дорогу. Удивленная семья безпрекословно повиновалась, ничего не понимая.

Пробывъ день на хуторъ и пообъдавъ тамъ, теперь князь съ семьей вернулся.

Окрикъ новаго и неизвъстнаго гостя ошеломилъ всъхъ.

Все стало, стихло... Музыка и танцы оборвались. Все смолкло. Наступила послѣ гула голосовъ, смѣха и толкотни, чуть не волшебная тишина. Всѣ остолбенѣвъ уставились на прибывшихъ и вошедшихъ въ яркій залъ въ дорожномъ платьѣ. Врядъ ли кто изъ присутствующихъ соображалъ, «что сей сонъ значитъ».

— Должно быть, просто двъ пары ряженыхъ. Такая затъя. Для потъхи! – думали нъкоторые.

Но передній «ряженый» крикнуть еще грозиве:

— Захарка!

Толстый и неуклюжій «князь Можайскій» выступиль робко впередъ изъ толны гостей. Хмель его сразу прошелъ.

- Что же это, Захаръ? Ослушался? А?
- Виноваты, ваше сіятельство. Запоздали. Но безъ вины виноваты.
 - Поясни болванъ.
- Сами господа гости виноваты, ваше сіятельство. Ужъ очень они насъ за истинныхъ васъ приняли. Мы и не знали, какъ вывернуться и скоморошество прекратить. Пересолили мы что ли? Или господа неревърили... Не знаю.
 - -- Какъ перевърили? Что ты врешь?
 - Простота. А мы не виноваты.

И подложный князь Можайскій повалился въ ноги настоящему. Его примъру послъдовали конторщикъ Авдъй и горничная Палаша.

Князь молчаль, будто выжидая, но толпа гостей тоже молчала. Тишина въ залъ стала какая-то страшная, будто предъ грозой.

— Князь Павелъ Павловичъ! — раздался громовый голосъ. — Поступокъ сей не дворянскій. Обморочить никого пе трудно. На всякого мудреца довольно простоты.

«ИСТОР. ВЪСТИ.», ЯНВАРЬ, 1900 г., т. LXXIX.

7

Негодующій гость быль Лунинъ.

— Простите, господа, -- громко заговорилъ князь. -- Я ни въ чемъ не повиненъ. Тутъ произошло недоразумение. Имея настоятельную необходимость отлучиться съ семьей изъ дома, я приказалъ моимъ людямъ позабавить васъ ради святочныхъ дней, полагая, что потъха продлится часъ времени, а вы посмъстесь и повеселитесь. А покуда и я подъёду... А вышло... вышло, что вы всё господа меня и семью мою кровно обидёли, принявъ въ заправду этихъ чучелъ ва княжескую семью Можайскихъ. Вмъсто потъхи вышла обила. А холоповъ я своихъ не виню. Они все-таки холопы... Размахались, какъ дурни... А когда вы ихъ допустили съ собой за столъ състь. они ракаліи совсёмъ одурёли, да затёмъ еще и подгуляли... И приказъ мой забыли... Но обида, господа, остается обидой. И я не знаю, право, что могло заставить васъ такъ обмануться и повърить, что я, жена и дети, можемъ быть таковыми... Это шуты гороховые... Ихъ обращенье и повадка должны были разъяснить вамъ съ перваго мгновенья, что туть одна святочная потёха. Однимъ могу я все пояснить: про насъ ходило въ округъ не въсть какое клеветничество. И воть после всего, что бегало объ насъ изъ усть въ уста, вы холоповъ и приняли за княжескую семью. Ну-съ... Я не злобивъ. Прощаю обиду, но если вы желаете продолжать знакомство съ княземъ Можайскимъ и его фамиліей, то ужъ продолжайте, какъ начали. А насъ увольте. Гдв намъ после Захарки и Палашки вамъ понравиться? Мы имъ не пара.

Гробовое молчаніе было отвітомъ на річь хозяина. Видно, вся толца гостей была не на шутку «огорошена».

Князь съ женой и дѣтьми прошли къ себѣ въ приватныя комнаты, а гости такъ и остались, какъ вкопанные... И, несмотря на многолюдство, тишина стояла полная.

Остолбенъти же господа дворяне и отъ неожиданнаго сюрприза, да равно и отъ кровнаго афронта.

Наконецъ кой-кто двинулся, заговориль. Поднялись голоса.

- Такъ оставить нельзя!
- Не слыханное надругательство!
- Долгъ платежемъ красенъ!
- Надо жаловаться намъстнику!
- Надо писать въ столицу!

Но всё снова смолкли вдругъ, такъ какъ раздался всёмъ знакомый и властный голосъ дворянина Лунина, вышедшаго на средину зала и обратившагося ко всёмъ.

— Господа дворяне. Оставить безъ отместки подобное дерзостное поступленіе, конечно, нельзя. Но жаловаться тоже не подобаеть, такъ какъ поступленіе господина князя закономъ не наказуется. Законоположеніе такого казуса не предвидѣло. Виновенъ всемѣрно нашъ оскорбитель, который отъ самовозвеличенія впалъ въ безу-

міе, отъ чванства и фонаберіи дошель до юродства и паясничества... Но виновны и сами оскорбленные! Своимъ легкомысліемъ, своей простотой и добродушіемъ. Не слёдовало намъ пріёзжать къ человѣку, коего мы въ глаза никогда не видали. Теперь намъ не слёдуетъ, да и мало... требовать отъ него простого извиненія и тѣмъ паче не жаловаться начальству, не уподобляться младенцамъ, которые въ безсиліи своемъ жалуются родителямъ и мамушкамъ, прося о защищеніи. Нётъ, господа доблестные дворяне, мы сами за себя постоимъ. Мы получили афронтъ, мы на него и отвётимъ тѣмъ же. Насъ посрамили. Ну, и мы посрамимъ. Насъ въ семъ машкерадѣ въ шуты нарядили... Ну, и мы наряжателя въ шуты вырядимъ безъ всякихъ святокъ. Это будетъ не въ примъръ увеселительнѣе и поучительнѣе. А теперь скорѣе отсюда вонъ и по домамъ.

Лунинъ смолкъ, подозвалъ Олю и двинулся къ дверямъ прихожей.

Гости снова заговорили, зашумѣли, но всѣ стали собираться. Тотчасъ же начался разъѣздъ. По мѣрѣ того, что на дворѣ являлись запрягаемые на спѣхъ экипажи, лакеи докладывали, и господа одѣваясь садились и быстро съѣзжали со двора, будто обращенные въ бѣгство срамомъ.

УШ.

Прошелъ мъсяцъ.

Все намъстничество только и говорило, что объ оскорбленіи, нанесенномъ всему мъстному дворянству. Всъ уже знали теперь, кто были лицедъями, кто исполнялъ какого персонажа комедіи. Всъ уже равно знали, что и поваръ Захаръ, и Авдъй конторщикъ, и любимица княжны Палаша—всъ давно искусились въ скоморошествъ, играя на домашнемъ театръ. Если они мастерски изображали въ разныхъ трагедіяхъ всякихъ принцевъ и принцессъ и даже древнихъ царей и лыцарей, то совсъмъ уже понятно, что они смогли, комедіянтствуя, изобразить своихъ господъкнязей, княгиню и княжну. Обида казалась теперь легче, княжескіе комедіанты хоть кого бы обморочили...

— Иной дворовый холопъ можеть такъ изобразить самого царя персидскаго, что диву даешься и забываешь, что въ театрѣ сидишь. А когда иная дѣвка актёрка несчастную жертву чувствительно изображаеть, развѣ не случается прослезиться, позабывъ, что она комедь ломаеть, притворствуеть, прикидывается...

Такъ разсуждали, извиняя себя, многіе дворяне. Другіе просто по доброть сердечной простили князю говоря:

— A Богъ съ нимъ совсѣмъ. Отъ насъ не убыло. Третьи никакъ не могли простить издѣвательства и, видаясь между собой, толковали о возмездіи. Но какъ отомстить?—оставалось вопросомъ. Не стеречь же его съ молодцами на дорогѣ и захвативъ жесточайше избить? Это не по-дворянски. За глупую шутку увѣчьемъ нельзя отплачивать.

Всё надёнлись на Владиміра Андреевича Лунина, какъ на самаго умнаго. Но черезъ недёлю послё княжескаго «машкерада» старикъ, сначала злобствовавшій чуть не пуще всёхъ, неожиданно вдругъ заявилъ, что перемёнилъ, мнёніе. Не желая лично имёть дёло съ княземъ Можайскимъ, онъ написалъ въ Петербургъ высоко стоящему лицу обо всемъ этомъ оскорбительномъ приключеніи, прося довести его до свёдёнія государыни и просить заступленія...

Разумъется, самъ князь Павелъ Павловичъ тотчасъ послъ «машкерада» написаль тоже своему другу и уже получиль отъ него отвътъ, что его шутка:

«...Достигла письменно на брега Невы и извъстною высокою особою не похвалена, но послъдствій худыхъ, по всей видимости, можно не ожидать».

Однако, чрезъ три дня послѣ этого письма пришло второе, краткое, гдѣ князя увѣдомляли, что одинъ изъ дворянъ явился лично въ Петербургъ и, будучи свойственникомъ князя Зубова, жаловался ему самолично и просилъ вступиться. И тѣмъ паче, что якобы князъ Можайскій достигъ въ своемъ самовозвеличеніи до той дерзости, что повѣсилъ въ домѣ въ передней, гдѣ одни лакеи лишь пребываніе имѣютъ, портретъ князя Зубова съ надписью: «Примѣръ берите, како, служа вѣрно, благополучіе свое получите».

Разумъется, князь Павель Павловичъ нъсколько взволновался и сказалъ сыну:

- Не пришло на умъ, что въ этой трущобъ могла сказаться родни фаворитова. А этотъ «Зубъ» давно на меня, поди, зубы точитъ и ждетъ, гдъ зацъпиться. И вотъ приспъло теперь ему придраться, чтобы отплатить мит за мое съ нимъ обхожденіе. Увидимъ. Все же таки—я не преступникъ и не фармазонъ и не вольтерьянецъ. А вотъ ябедничества этакого я тоже не ожидалъ. Въдь выдумалъ же ехида крючекъ. Портретъ якобы его въ примъръ холопамъ въ передней повъсилъ. Да не знаетъ ябедникъ, что мит эта Зубова дъвичья рожа и по памяти противна, а стану я еще его малеванье у себя держатъ на глазахъ, хотя бы и въ передней. Найдись здъсь въ домъ его живописный портретъ, я бы его тотчасъ въ печи сжегъ.
- А эта клевета, батюшка, хуже машкерада, замътилъ Александръ.
 - Во сто разъ! воскликнулъ князь.

И въ Сакмарскомъ вдругъ стало какъ-то тише... Князь сильно тревожился, боясь мести царскаго фаворита, а семья оробъла, увидя

его озабоченнымъ. Случалось теперь, что гордый и самолюбивый князь, но при этомъ умный и добрый, начиналъ втайнъ раскаиваться и осуждать самого себя за свою насмъшку надъ людьми, которые ему прямо лично собственно никакого худа не сдълали. Все якобы ихъ клеветничество на него могло быть и выдумкой. Онъ повърилъ письму изъ столицы. А если это были однъ сплетни. А на слова и пересуды онъ отвътилъ дъломъ и оскорбленіемъ.

Молодой князь продолжалъ между тёмъ ёздить къ Руцкому, но ни разу не встрётилъ тамъ Олю. И молодой человёкъ началъ скучать, даже будто прихварывать. Онъ уже ясно сознавалъ, что его чувство къ молодой дёвушкё серьезно настолько, что онъ почти не можетъ обойтись безъ того, чтобы не видёться съ ней.

И ему стало приходить на умъ, не повхать ли къ самому Лунину и объясниться. Сказать всю правду. Сказать и ей и отцу ея, что его чувство глубоко и искренне, и что онъ готовъ на все... Готовъ идти даже противъ воли отца, если онъ не согласится на его бракъ. А о согласіи князя ничего было и мечтать, потому что князь Павелъ Павловичъ сто разъ говорилъ сыну, что покуда они будутъ жить въ этомъ медвѣжьемъ углу, ему придется оставаться холостымъ. Въ этихъ дикихъ краяхъ среди мордвы дворянской ему нътъ пары въ числъ молодыхъ дъвицъ.

— Князь Можайскій не можеть жениться на трущобной барышнь,—говориль онъ всегда.

Разумъется, князь Александръ горевалъ, но ни на что не ръшался, какъ изъ боязни гнъва отца, такъ равно и потому, что не зналъ, приметъ ли его оскорбленный Лунинъ.

Съ горя и тоски молодой человъкъ отпросился у отца въ Москву на побывку, но отпущенный доъхалъ до губернскаго города и въ немъ застрялъ.

Сестра, которую онъ любилъ, дала ему порученіе, молила его со слезами на глазахъ, разузнать всю подноготную о человѣкѣ, который заставилъ ея сердце впервые забиться сильнѣе. Вѣроятно, отъ унылой жизни въ Сакмарскомъ заплатила княжна ту же дань, что и ея братъ.

Князь объщаль сестръ, если возможно, даже познакомиться съ ея «очарователемъ» и исполнилъ объщаніе. Но губернаторскій товарищъ, по фамиліи Полозовъ, очень молодой человъкъ сравнительно съ важной должностью, имъ занимаемой, оказался такимъ ръдко пріятнымъ человъкомъ, что сразу сталъ очарователемъ и для Александра. Послъ знакомства завязалась пріязнь и тотчасъ перешла въ дружбу. И князь прожилъ въ городъ болъе трехъ недъль, а затъмъ вернулся домой и солгалъ отцу, что прохворать въ дорогъ и дальше не поъхалъ.

Князь не повърилъ, но промолчалъ...

«Молодость! Свои молодыя дёла. Пускай!»—подумаль онъ.

Зато княжна запрыгала отъ радости, что ея очарователь сталъ другомъ брата, оказавшись «дивомъ дивнымъ», какъ говориль князь.

— Братецъ, я тебѣ все скажу!—таинственно заявила, наконецъ, княжна.—Онъ мой суженый. Я на святкахъ въ пустой банѣ одна сидѣла... И онъ пришелъ! Спроси Палашу... Она меня въ чувствія приводила и снѣгомъ оттирала!

IX.

Прошелъ еще мъсяцъ... Наступила масляница. Однажды утромъ въ Сакмарское прівхалъ верховой нарочный съ письмомъ на имя князя. Явился онъ изъ усадьбы помъщика Лунина. Князь Павелъ Павловичъ, еще не сломавъ печати и не взглянувъ на письмо, досадливо поглядълъ въ глаза сыну, тотчасъ пришедшему къ отцу, смутясь извъстіемъ, что нарочный отъ Лунина.

— «Чтой-то это?—думалось ему тревожно.— Навърное, дъло касается меня и Оли».

А князь Павелъ Панловичъ, поглядѣвъ, улыбнулся презрительно и вымолвилъ:

- О чемъ можеть мнѣ писать этотъ грубіянъ и фармазонъ? Не отправить ли ему его посланіе обратно безъ прочтенія?
- Зачъмъ же, батюшка?..—отозвался сынъ неръшительно, самъ не зная, что лучше для него самого.— Быть можеть, этакъ бы и лучше было.
- А? Какъ ты полагаешь? Отправить назадъ съ цъльной печатью и только надписать: «Не имъю, моль, досуга читать пустяковыя сочинительства!» А? Какъ полагаешь?
- Отошлите! вдругь выпалиль Александръ, ръшивъ сразу, что какое бы содержаніе письма Лунина ни было, все лучше оттянуть дъло. А тамъ послъ видно будетъ. И хуже-то не будетъ.

Но сынъ забылъ, что его родитель, своенравный князь Павелъ Павловичъ, обладалъ особой чертой характера, которой, однако, за всю свою жизнь не примътилъ.

Когда ему говорили, что на дворѣ морозно, ему казалось тепло. Когда всѣ жаловались на жару, князь чувствовалъ себя свѣжо.

Однажды зимой въ Петербургѣ онъ всѣхъ заморозилъ, а однажды въ іюнѣ приказалъ отапливать весь домъ. Случалось ему тоже доказывать собесѣдникамъ, что напрасно про траву и дерева говорить «зеленъ». Все, что растеть на землѣ, имѣетъ цвѣтъ желтовато голуо́оватый.

Одинъ умный человъкъ въ Петербургъ по поводу князя Можайскаго сказалъ, что когда люди спорятъ, то ихъ можно примирить, потому что съ извъстной точки зрънія самыя серіозныя противорьчія въ самомъ серіозномъ вопросъ все-таки сводятся къ тому,

что одинъ върить и говорить bonnet blanc, а другой—blanc bonnet. Но къ князю Можайскому, одному на всю столицу, это не примънимо, потому что для него bonnet blanc всегда chapeau noir. А если начать ему доказывать, что онъ не о томъ говорить, о чемъ говорять, то князь уже начнеть доказывать, что съ сотворенія міра bonnet blanc и blanc bonnet означали «кукурику».

Поэтому едва только князь услыхаль отъ сына совъть, что можно письмо возвратить не читая, какъ онъ уже сломаль гербовую печать и началь читать титулъ. Но затъмъ, прочтя три строчки, перевернуль листъ и поглядъть на подпись.

Стояло: «дъйствительный статскій совътникъ и кавалеръ Николай Егоровичъ Наказовъ, секретарь его сіятельства князя Платона Александровича Зубова».

- Это что?— вскрикнулъ князь. Это почему? Мнв какое до него дело?
 - До кого, батюшка?—спросиль сынъ.

Князь не ответиль и снова крикнуль:

- Такого секретаря у него прежде не было. Новый, стало быть. Но что же ему до меня?.. Если... и князь запнулся.
- Если это изъ-за машкерада онъ ко мив привязывается, то оное не его дъло... Да. Не его ума дъло. Преступленія закона туть никакого не было, и стало судить нельзя.
- Да вы, батюшка, прочтите прежде,—рѣшился сказать молодой князь, на душѣ котораго сразу стало легче.

«Не Лунинъ! Не Оля! А какой-то секретарь Зубова».

Князь сталь читать письмо, и по мъръ чтенія лице его становилось все сумрачнъе... Наконець, онъ скомкаль большой листь, надорваль и бросиль на полъ.

- Врете!-вскричаль онъ.
- И, поднявшись съ кресла, онъ началъ взволнованно ходить по комнатъ.
- Врете! Врете! Не повду. Прівзжай сюда. Нівть! И сюда не пущу... Поворачивай оглобли и ступай восвояси. Съ чёмъ прівхалъ, съ тімъ и увдешь. Да. Спроста не дамся, какъ куръ въ Зубовы щи. Я знаю, что не преступленіе. Это шутка. А обидівлись, то ищи они сами смыть обиду... Поединкомъ, тяжбой, хоть дракой на дорогів, хоть засадами въ лівсу и сраженьями.
 - И, вдругъ остановясь, князь выговорилъ:
 - Прочти.

Молодой человъкъ, поднявъ скомканное и надорванно письмо, разгладилъ его и началъ читать.

«Государь мой, досточтимый князь Павелъ Павловичъ, по препорученной мнъ должности, имъю я»...

Но князь перебиль сына.

— Къ чорту! Буде! Читай себъ самому.

И покуда сынъ читалъ письмо, князь отошелъ къ окну и постепенно сталъ успокоиваться и холодно, здраво соображать и разсуждать. Всегда послъ вспышки гнъва князь становился особенно разсудителенъ, и въ эти мгновенья онъ всегда согласился бы, что bonnet blanc и blanc bonnet—то же самое.

Изъ письма оказывалось, что прівзжій изъ Петербурга въ намъстничество въ качествъ ревизора господинъ Наказовъ имъетъ «приватную и конфиденціальную нужду» до князя, такъ какъ ему «препоручено въ числъ разныхъ происхожденій дълъ» въ намъстничествъ за прошлый годъ «разслъдить и отрепортовать съ мъста все касаемое до скоморошеского учиненія афронта въ дом'є князя многому числу дворянъ». На основаніи этого «вышняго препоручительства» г. Наказовъ просилъ князя прібхать для разъясненія дела въ усадьбу г. Лунина, где онъ по дружеству остановился. Причину того, что онъ не вызываетъ князя въ городъ и не пріъхалъ самъ въ его вотчину, Наказовъ объяснялъ тъмъ, что ему указано все сдълать келейно, безъ огласки, дабы никто во всемъ округъ ничего не зналъ, и «тъмъ не было бы дано оказіи плодить пустые разговоры охочимъ до онаго людямъ», что можетъ, конечно, быть для князя съ его фамиліей досадливымъ и стыдливымъ. Пишущій назначаль князю прівхать въ домъ г. Лунина, когда ему «вольно разсудится за благо» всего на одинъ часъ времени, но не поздиве, какъ въ эти три дня, такъ какъ, прогостивъ у друга своего Лунина, онъ собирается въ обратный путь прямо въ Петербургъ.

Князь Александръ, дочитавъ письмо, выговорилъ:

- Что же, батюшка! Я туть еще особливо худого ничего не вижу. Поручено ему узнать, какъ все дъло было.
- Не повду я!—выговорилъ князь, оборачиваясь отъ окна. И въ то же время онъ думалъ уже решенное про себя: «Надо вхать».
- Какъ изволишь,—отвътилъ сынъ всегдашнее слово въ разговорахъ съ отцемъ.
 - Пускай самъ сюда прівзжаеть!
- Это, батюшка, много хуже. Онъ дъло сказываетъ... Если онъ сюда прівдеть, будучи правительскимъ ревизоромъ, то, понятно, шумъ пойдеть по всему намъстничеству. И нашимъ всъмъ, несмотря на ихъ опасенья вашего гнъва, все-таки глотки не заткнешь. А ваше посъщеніе господина Лунина можно будетъ отъ всъхъ скрыть. Кучеръ, форейторъ да два лакея только одни и будутъ зпать, гдъ вы въ отсутствіи находились. Четверыхъ можно заставить молчать.

Князь подумалъ и наконецъ вымолвилъ спокойно.

- Нътъ. Зачъмъ этакъ... Мы вмъсть поъдемъ съ тобой и просто въ бердинкъ съ однимъ кучеромъ и безъ лакеевъ.
- Я?!.—выговорилъ молодой князь такимъ голосомъ и съ такимъ лицомъ, что отецъ отвътилъ вопросомъ:

- Что съ тобой? Чему?
- Мит съ вами тхать?!
- Не хочешь со мной тахать—тогда не надо,—сказалъ князь. уже улыбаясь.—Тогда я съ тобой потду. И все къ Лунину же, Что? Боишься ты что ли его?
- Нъть, батюшка. Я... я съ охотой. Съ большой охотой! уже радостно произнесъ молодой человъкъ, взвъсившій всъ послъдствія нечаянного предложенія отца.

Онъ увидить «ее», объяснится съ ней и уговорить видаться опять у Рудкаго. Онъ скажеть, онъ и поклянется, что его намърение прямое: назвать ее своей супругой. Но надо ждать и приготовить отда къ этому... Надо будеть, быть можеть, долго ждать. И годъ и два... Но надо видаться.

И Александръ настолько просіяль лицомъ, что князь снова спросилъ:

- **Чему?**
- Что-съ?
- Чему теперь радуешься? Вотъ парень уродился у меня. Швыряется, какъ бъсъ передъ заутреней.
 - Я не швыряюсь, смущенно отозвался молодой человъкъ.
- Мыслями и пожеланьями швыряешься. Хочу—не хочу; попробую, боюсь. Тотчасъ,—не въ сей часъ! Послъ дождика въ четвергъ, пропустя пятницу, середи середы. Ахъ, ты, гусь...

И князь, добродушно погладивъ сына по головъ, прибавилъ:

— Давай купно сочинительствовать, хоть оть тебя пособія великаго не жди. Ты не далеко оть Митрофана Простакова въ грамотъ ушелъ. Надо этому ревизору и кавалеру отвътъ начертать.

И князь, съвъ за письменный столъ, началъ писать отвъть, тихо водя скрипучимъ перомъ.

— Эка бестія, этотъ Авдей, всѣ у него перья, что тебѣ сапоги подмоченые.

X.

На другой же день, около полудня, оба князя Можайскіе выѣхали въ небольшомъ возкѣтройкой, не взявъ лакеевъ. Отъѣзжая отъ крыльца князь крикнулъ кучеру: Трогай! Съ Богомъ!

- Куда прикажете?—отозвался кучеръ.
- Куда глаза глядять. Пошель!

Кучеръ пустилъ лошадей, но изъ воротъ догадался вправо, тоесть на дорогу въ городъ.

Передъ вытъздомъ изъ села князь Павелъ Павловичъ остановилъ его.

— Стой! Слушай. Потдешь въ усадьбу помъщика Лунина. Если завтра станетъ извъстно въ Сакмарскомъ, гдъ мы побывали, то послъзавтра лобъ.

— Ни въ жизнь... Какъ можно!—отвътиль кучеръ, знавшій, что князь слово сдержить, и за болтовню ему дъйствительно тотчасъ лобъ забреють, то-есть сдадуть въ солдаты.

Менте чтить чрезъ часъ тады князья вътхали во дворъ небольшой усадьбы дворянина Лунина.

Молодой князь волновался настолько, что отецъ заметилъ это и удивленно глянулъ сыну въ лицо.

- Что ты? Очумълъ! Робъешь? Чего?
- Никакъ нътъ-съ, батюшка.
- Что нѣтъ? Вижу. Глазами стрѣляешь, ртомъ ныхтишь, какъ самоваръ, даже носомъ поводишь, какъ тараканъ усами.

Молодой человъкъ промолчалъ, но подумалъ:

— «Да. Кабы отецъ зналъ, къ кому мы вдемъ! Кто такая для меня та, что здвсь живетъ»!

И онъ тяжело вздохнулъ.

При въйзди во дворъ первое, что бросилось въ глаза князей, былъ большой дорожный возокъ съ важами, стоявшій у подъйзда, и около него похаживаль солдать съ ружьемъ на плечи.

— Это что за колѣно? Часовой у возка?—проворчалъ князь.— Куражится питерскій сановникъ изъ стрикулистовъ.

Когда пріважіе подъвхали къ крыльцу, къ нимъ на встрвчу тогчасъ вышло два лакея, но съ ними и солдать въ мундирв Преображенскаго полка.

Они вошли въ переднюю, и здъсь оказались сидящими на нарахъ еще три молодца преображенца.

— Не пойму,—шепнулъ князь сыну.—Права онъ не имъетъ таскать съ собой гвардейцевъ. Все то произволъ, умничанье. Баловничество съ законами.

Въ маленькой залъ появился хозяинъ и быстро шелъ навстръчу гостямъ.

— Добро пожаловать... Хотя вы и не ко мив, но почитаю долгомъ встретить на пороге моего домашняго очага,—выговорилъ Лунинъ холодно любезно.

«Вона? Таганъ еще припуталъ! Ученый!»—презрительно подумалъ князь.

- Я прівхаль по вызову господина Наказова!—отвічаль онъ.— Да воть и сына захватиль.
- Пожалуйте въ гостиную. Отдохните. Я сейчасъ его превосходительству доложу... что вы...
 - Вы же и доложите?..—перебиль князь.

Лунинъ не отвътилъ и провелъ князей въ сосъднюю комнату, обставленную простой мебелью, но съ двумя большими картинами на стънахъ. Одна изъ нихъ изображала поклонение волхвовъ, а другая была очевидно семейнымъ портретомъ, изображая сановника

съ крестомъ и звъздой. Лунинъ, попросивъ гостей състь, собирался выйти, но князь остановиль его вопросомъ:

- Извините, если я полюбопытствую у васъ спросить. Преображенцы при господинъ ревизоръ прибыли?... Или вы своихъ холоповъ рядите въ гвардейскую аммуницю, какъ вотъ иные дворяне лакеевъ гайдуками и арапами наряжають?
- Солдаты состоять при его превосходительствъ въ видъ конвоя, —отвътилъ Лунинъ.
- Зачёмъ же это? Разбойниковъ и подорожниковъ господинъ Наказовъ боится,—усмёхнулся князь.
- Сіе обстоятельство станеть вамъ ясно, князь, послѣ объясненья вашего съ его превосходительствомъ, сухо отвѣтилъ Лунинъ, но въ звукѣ его голоса почудилось князю что-то прямо нравоучительное.

Во всякомъ случав ответь быль не объясненіемъ, а загадкой. Лунинъ вышелъ. Князья остались и молчали. Старикъ ухмылялся презрительно насмешливо, а молодой человекъ какъ бы продолжалъ волноваться, но сталъ угрюмее.

«И увдешь, не повидавшись,—думалось ему.—Онъ не считаеть насъ гостями, и она поэтому не выйдеть къ намъ. Что надумать, какъ схитрить, чтобы повидать?»

Лунинъ вернулся и попросилъ князя къ «его превосходительству».

- А сына не просить?—спросиль князь.
- Нъть-съ. Потомъ, въроятно... А теперь просять васъ...

Князь двинулся и предшествуемый хозяиномъ прошелъ коридоръ и вошелъ въ рабочую горницу, уставленную шкафами съ книгами. Лунинъ остался передъ порогомъ и, затворивъ за княземъ дверь, вернулся въ гостиную.

— Ну, дорогой гость, — сказалъ онъ, — чтобы вамъ было не скучно, я сейчасъ позову козяйку васъ занять бесёдой. А самъ, извините, отлучусь на малое время. Объяснение вашего батюшки съ его превосходительствомъ затянется часика на два.

Молодой князь вспыхнуль и зардёлся, какъ маковъ цвётъ. Даже духъ захватило ему при мысли, что онъ увидить свою Олю послё столь долгой разлуки.

Лунинъ ушелъ... Чрезъ нъсколько минутъ противоположныя двери отворились, и въ гостиной появилась Оля, смущенная и розовая отъ волненія. Не подымая глазъ на князя, вошла она, чтото пролетепала едва слышно въ видъ привътствія и съла на диванъ.

Князь Александръ при видѣ ея преобразился. Дѣвушка краше, чѣмъ когда либо, дороже ему теперь, чѣмъ когда либо, своей близостью она дѣйствовала на него непостижимо и будто сразу какъ бы заколдовала его. Случилось, какъ въ сказкахъ. Жезломъ, даннымъ ей волшебницей, коснулась она его.

«Безъ тебя мит и не жизнь!—мысленно воскликнулъ князь, будто теперь только, въ эту минуту, понявъ всю глубину своего чувства къ этой дъвушкъ.

- Знаете ли вы, что я **М**ожайскій, а не Тенищевъ?—тотчасъ выговориль онъ взволновано.
 - Знаю, тихо пролепетала Оля, не подымая глазъ.
- Знаете ли вы, Ольга Владиміровна, что я безъ васъ жить не могу, что я на сихъ дняхъ буду говорить съ батюшкой? Пожедаете ли вы меня въ супруги. Скажите.

Оля молчала, но яркій румянець залиль все лице, и слезы повисли на ръсницахь, а затымь блеснувь скатились по румянымъ щекамъ.

Князь заговориль порывисто, страстно, но съ замираніемъ сердца, какъ трусъ, сразу кинувшійся въ самую свалку смертельнаго боя.

Какъ онъ рѣшился на это вдругъ?.. Какъ все это внезапно произошло? Онъ самъ не зналъ и не понималъ. Все, что териѣлъ и таилъ онъ отъ всѣхъ и такъ долго, сразу теперь рванулось со дна души. И въ эти минуты онъ твердо чувствовалъ, что на все пойдетъ, противъ всего и всѣхъ. Не только воля отца, но ничто не устоитъ предъ его рѣшеніемъ.

«А нъть, то руки на себя! Безъ нея смерть краще жизни!»

XI.

Въ то же время князь сидёлъ въ кабинеть на дивань, какъ почетный гость, а предъ нимъ на большомъ кресль, но черезчуръ откинувшись на спинку, въ непринужденной, но важной позъ, полусидълъ, полуразвалился пожилой смуглый человъкъ.

Онъ быль въ темно-коричневомъ полу-фракъ съ гладкими золотыми пуговицами, на груди его, на длинной лентъ, выпушенной по кружеву сорочки, висъть орденъ св. Владиміра. Это и былъ правительственный ревизоръ, дъйствительный статскій совътникъ Наказовъ.

Онъ говорилъ медленно, но ръзко, отчеканивая каждое слово, и ръчь его звучала непрерывно и однозвучно, какъ журчащая струя воды... Князь пробовалъ было прерывать его, протестуя и собираясь высказать свое... Но господинъ Наказовъ, какъ бы не слыша или не слушая и не обращая вниманія на противоръчіе, продолжалъ цъдить тонкими губами слово за словомъ длинную, гладкую, обстоятельную и холодно-спокойную ръчь... Онъ какъ бы читалъ книгу.

И князь въ малъйшихъ подробностяхъ узналъ слъдующее.

По приказу князя Зубова и, въроятно, съ соизволенія государыни императрицы господинъ Наказовъ присланъ въ здішній край якобы для ревизіи намістнических діль. Но это только «для видимости», а въ дійстоительности о тъ присланъ «нарочито ради вамістаньства князя съ дворянствомъ». Но дабы не было обидной

для князя огласки и посрамленія его съ его фамиліей, Наказовъ прибылъ подъ личиною ревизора.

Разследовать «замешательство» ему не приходилось, такъ какъ князю Зубову по рапортамъ и промеморіямъ, пришедшимъ въ Петербургъ отъ некоторыхъ здешнихъ дворянъ, все «приключительство Рождественскаго скоморошества» въ вотчине князя доподлинно и достоверно известно.

Наказовъ посланъ только затёмъ, чтобы уговорить князя дать дворянству «сатисфакцію». Оная сатисфакція, по мнёнію князя Зубова, можеть быть только одна. Дабы князь воочію, яснёйше доказалъ всему дворянству, что почитаеть его не ниже себя, онъ долженствуеть породниться съкёмъ либо изъ дворянъ и равно съкёмъ либо изъ правительственныхъ лицъ губерніи.

Тогда скоморошеское происхождение дѣла и обманное сватовство дѣгей обратится въ дѣло «сущее», не измышленное, а истинное. Издѣвательство сразу превратится въ явь, въ правду, въ событіе, станетъ дѣйствительностью, переставъ быть комедіантскимъ или святочнымъ ряженьемъ.

Если же князь не пожелаеть выбрать кого либо изъ мъстныхъ дворянъ и правительственныхъ лицъ себъ въ зятья и въ невъстки, а будетъ упорствовать, то въ силу строжайшаго приказа, даннаго посланцу, г. Наказову, онъ долженъ будетъ, подспудно, нешумно, а конфиденціально взять подъ стражу покуда одного князя и увезти съ собой въ столицу, для дальнъйшаго обсужденія, какъ сему дълу быть... Съ предупрежденіемъ, однако, что покуда въ виду имъется «въ соображеніи всвхъ обстоятельствъ» двоякое ръшеніе: отправленіе князя съ фамиліей въ ссылочное проживательство, на крайнихъ предълахъ Россійской имперіи предположительно около границы Сибирской, или же вольное и не отяготительное, но безотлучное задержаніе всей княжей семьи въ Шлюссельбургской кръпости.

— Вотъ-съ, досточтимый, сіятельный князь, все, что я по препорученной мнъ должности имъю честь пояснительно изложить на ваше собственное благорасположеніе и благоусмотръніе!—кончилъ господинъ Наказовъ и глубоко вздохнулъ, какъ бы сочувствуя горестному положенію князя, вытекающему изъ всего сказаннаго.

Князь Павелъ Павловичъ, давно переставшій пробовать прерывать Наказова своими объясненіями дѣла, сидѣлъ, какъ истуканъ.

Дъло было ясно—месть Зубова. Иного объясненія нельзя было найти.

Но ссылка или заключеніе со всей семьей изъ-за шутки, хотя и грубой, и хотя и оскорбительной для цёлаго намёстничества, но всетаки же шутки... а не преступленія,—была въ глазахъ князя неслыханнымъ издёвательствомъ надъ законами и его княжескимъ и придворнымъ состояніемъ.

— При Биронъ такового не бывало!—прервалъ князь молчаніе, наступившее за ръчью Наказова.

— Биронъ за россіянъ не заступничалъ!—отозвался сухо Наказовъ.—А князь Платонъ Александровичъ россійскій, а не курляндскій дворянинъ и честь доблестнаго дворянства тщится ограждать отъ посмъянія. И такъ, сіятельный князь, что услышу я отъ васъ?

Князь молчалъ, но слегка понурился, какъ сраженный. Прошло нъсколько минутъ въ полной тишинъ. Наконецъ князь какъ бы очнулся отъ глубокаго раздумья и вымолвилъ:

- Губить дѣтей изъ-за злобной прихоти человѣка, потерявшаго разумъ и сердце въ фаворѣ, я не могу. Насильно бракосочетать сына или дочь съ первымъ попавшимъ подъ руку—и неразуміе, и грѣхъ.
- Можетъ быть, князь, —отвётилъ Наказовъ улыбаясь, —и найдутся въ здёшнемъ краё молодой человёкъ и молодая дёвица, которые оказались бы по душё вашимъ дётямъ.
 - Никогда. Здёсь мордва одна. Все дворянство омордовилось.
- Есть такіе же прівзжіе не издавна, какъ и вы... Вотъ хоть бы хозяинъ сего дома, господинъ Лунинъ.
 - Умникъ. Спятившій отъ книжничества.
 - Начитанный и умный человъкъ онъ, а не умникъ.
 - Онъ не умствуетъ, а умничаетъ.
- Вы элобствуете, князь, за его отповъдь вамъ въ вашемъ домъ на ваше потъшное измышленіе.

Снова наступило молчаніе, и князь первый прерваль его словами.

- Мит надо посовъщаться съ женой и дътьми.
- Простите, князь, отвътиль Наказовъ холодиве, но я не могу васъ отпустить восвояси иначе, какъ послъ вашей клятвы, что вы исполните приказаніе, вамъ переданное. Я полагаю, что совъщаться вамъ съ вашей супругой княгиней не есть обязательно. Жена всегда согласна на то, что мужъ поръшить. Дъвица дочь и подавно на совътъ не призывается. А сынъ... сынъ вашъ здъсь... Позовите его тотчасъ сюда, и мы ему все объяснимъ. Взрослый сынъ для отца часто самый лучшій совътникъ.

Князь замоталь головой и произнесъ сердито:

- Это, сударь, правиламъ моимъ противно. У меня сынъ воспитанъ въ страхъ родительскомъ и въ повиновения законамъ Божескимъ и человъческимъ. Яица курицу не учатъ. Что касается до клятвы, которую вы требуете, то я ее, конечно, не даю и не дамъ. Повторяю, что изъ-за такого примърнаго, даже ръдчайшаго прихотничества господина князя Зубова, я вздорную затъю исполнять...
- Ну-съ... Такъ тогда нечего и время тратить, сіятельный князь. Пошлите вашего сына съёздить къ себё въ вотчину и привезти вамъ все необходимое для пути, такъ какъ вы пожаловали сюда безъ пожитковъ, не ожидая странствовать. Къ вечеру молодой князь уже вернется, и мы поёдемъ.
 - Потдемъ?-вытаращилъ глаза князь.

- Да-съ?
- Куда?
- Въ столицу. Вмёстё. Въ моемъ рыдванё. И съ почетной охраной,—какъ-то просто объяснилъ Наказовъ.
- Изволите шутить, сударь!—вскрикнулъ князь.—Что же вы меня силой посадите въ вашъ рыдванъ?
 - Точно такъ-съ. Затемъ мне и команда изъ Петербурга дана!
- Да это на сказку похоже... Это разбойничество! Вы, стало быть, мнъ западню подставили.
- Точно такъ-съ. Извините. Исполняю приказаніе свыше и самъ ни при чемъ. Только собол'єзную.
- Да что же это на Руси наступило? Хуже теперешнихъ французскихъ порядковъ. Тамъ короля и королеву обезглавили, а у насъ... Князь не договорилъ и снова задумался.

XII.

Князь сдался, однако, на мягкое, дружеское увъщаніе Наказова и позваль сына на совъть, а чиновникъ оставиль ихъ съ глазу на глазъ.

Александръ быль пораженъ объявленіемъ отца и даже измѣнился въ лицъ...

— Господи!—съ ужасомъ воскликнулъ онъ.

Но когда князь объяснить сыну, какой цёной онъ можеть искупить свою вину и спастись отъ кары, молодой человекъ какъ бы окаменелъ и стоялъ истуканомъ, но лицо его изъ тревожнаго становилось все яснее и, наконецъ, стало радостнымъ.

- Чего же это ты?--изумился князь.
- Батюшка! почти закричалъ молодой человъкъ и бросился пъловать отца.
 - Ума ты ръшился? Чего цълуешься? Аль отъ страха спятилъ?
- Батюшка, родитель! Коль скоро такъ, то я... Я не смѣлъ сказаться вамъ... Но теперь...

И молодой князь не успълъ объясниться подробно, какъ отецъ уже понялъ все...

- Кто же она такая?...
- Здёсь. Здёсь она... Лунина!

Князь развелъ руками. И водворилось молчаніе, тягостное для Александра. Онъ ждалъ ежеминутно услыхать жестокое рѣшеніе своей участи.

- Ну, а сестренку за кого же намъ выдать замужъ?
- Батюшка, сестра тоже... тоже.
- Зазнобило и ее?
- Да-съ... Не очень, но все же таки...
- Кто же такой?

- Губернаторскій товарищъ Полозовъ.
- Чудеса въ ръшетъ!—вскрикнулъ князь.—Все готово! Испечено и только въ рогъ клади!—почти растерянно прибавилъ онъ.

И снова, въ который уже разъ, наступало молчаніе.

— Ну, зови этого Зубовскаго гонца-посланца,—выговорилъ Можайскій тихо.

Александръ чуя, что все принимаетъ хорошій обороть, выскочиль въ двери.

Черезъ минуту Наказовъ уже входиль въ комнату, но за нимъ слъдомъ вошелъ и сталъ у порога самъ Лунинъ.

- Я согласенъ дать вамъ требуемую вами клятву,—сказалъ князь сурово.—Даю мое слово, коему всегда неизмѣнно былъ вѣренъ, что все будетъ по желанію князя Зубова.
- Вы уступили, стало быть?—спросиль подходя Лунинъ. Князь, не замътившій сначала его присутствія, обернулся на его голосъ и выговориль:
- Нътъ-съ, я не уступилъ... Я собрался исполнить волю Божью, а не фаворитову.
- Суть не въ причинахъ, а въ самомъ дѣлѣ! Вы исполняете приказаніе, привезенное г. Наказовымъ.
 - Да-съ. Потому что...
- Почему... Не мое дѣло! сказалъ Лунинъ. Въ такомъ случаѣ позвольте, князь, познакомить васъ съ моимъ другомъ Егоромъ Дмитріевичемъ Замазовымъ, бывшимъ засѣдателемъ нашего суда, который осенью просился къ вамъ помочь въ игрѣ актерской на вашемъ театрѣ. А вы все отказывали, разсуждая, что онъ не умѣетъ лицедѣйствовать. Теперь вы этого, полагаю, не скажете. Замазовъ Наказова отхватилъ не хуже, чѣмъ поваръ Захарка князя Можайскаго.

Князь вытаращиль глаза на всёхъ...

— То было ради святокъ, а это вотъ ради масляницы! — продолжалъ Лунинъ. — А зачътъ мой пріятель показаль вамъ свое
искусство?.. Затьть, князь, что долгь платежемъ красенъ. Вы на
себъ испробовали, что не мудрено обморочить всякаго, только надо
умъть взяться. Мы повара и ключницу, принимая за князя и княгиню Можайскихъ, все-таки дивились, головами качали и руками
разводили... А вы приняли засъдателя земскаго суда за превосходительнаго посланца отъ Зубова изъ столицы, въ коей мой дорогой Егоръ Дмитричъ никогда отродясь и не бывалъ. Теперь мы
квиты, князь. Не про себя одного сказываю я, а про все здъшнее
дворянство, такъ какъ всъмъ извъстно, какая комедія долженствуетъ
произойти у меня въ домъ. И, конечно, завтра же будетъ извъстно
всъмъ, какъ второй уже мой машкерадъ окончился.

И опять въ комнатъ наступила удивительная, гробовая тишина...

Наконецъ, князь поднялся и выговорилъ глухимъ голосомъ, обращаясь къ сыну.

- Повдемъ...
- Батюшка! воскликнулъ Александръ. Одно ваше слово... и все обернется хорошо, радостно. Вспомните, что я говорилъ вамъ.

Князь, двигавшійся къ дверямъ, остановился и провель рукой по лицу и какъ бы послѣ минутнаго колебанья произнесъ мягко:

- Владиміръ Андреевичъ, гдъ ваша дочка? Негодно гостю быть въ домъ, а хозяйки, хоть и молодой, не видъть и не знать.
- Если вамъ угодно познакомиться съ моей Олей, то это для меня большая честь,—выговорилъ Лунинъ съ чувствомъ.— Пожалуйте, она въ гостиной.

Всв двинулись, молча прошли коридоръ и вышли въ гостиную.

— Оля! — позвать Лунинъ. — Князь желаеть съ тобой повнакомиться.

Молодая дъвушка, поднявшаяся съ мъста навстръчу къ гостямъ, оробъвшая, взволнованная, какъ виноватая, подошла къ князю, поникнувъ головой и опустивъ глаза.

— Подыми глазки на меня, моя касатка, — кротко и ласково вымолвиль князь.

Дъвушка робко глянула въ лицо старика.

— Всёмъ взяла!—произнесъ князь тихо.—Да, мой молодецъ не дуракъ... Ну, поцёлуй меня. Скажи мнё, желаешь ли ты быть моей дочерью?

Оля понурилась и заплакала.

- Воть эти слезы, моя дорогая,—воскликнуль князь,—слезы вито радостнаго прыганья, всю тебя пояснили мит! И теперь я будто годь тебя знаю и всю насквозь вижу. Владимірь Андреевичь, отдадите ли вы сыну ваше сокровище?
- Князь, я сегодня только узналь отъ дочери и вашего сына... началъ Лунинъ.
 - Отдадите ли?-перебиль князь.
- Я опасаюсь, что вы подумаете, что я подстраиваль счастье своей дочери,—разстерянно отозвался Лунинъ.—А я вамъ мстилъ за себя и друзей. Повторяю вамъ, что я опасаюсь... Я не знаю...
- Ну, такъ, женихъ и невъста, поцълуйтесь. А мы съ тобой, Владиміръ Андреевичъ, давай, тоже облобываемся.

И князь прослезился.

- Видно, на все воля Божія, даже на потышничество и машкерады. Не измысли я глупой потыхи, не было бы, пожалуй, и того, изъ-за чего я теперь слезы утираю... А я не изъ ревуновъ... Ну, а дворяне всь узнають завтра, какъ вы меня здысь сугубо въ шуты вырядили.
 - Всячески постараюсь, да не знаю...-отвътиль Лунинъ.
 - Какъ не знаете? Ну, такъ, слушай ты... будущая княгиня «истор. въсте.», январь, 1900 г., т. LYXIX.

Ольга Владиміровна Можайская. Возбрани отцу срамить свекра!—вскрикнуль князь шутливо-торжественно.—А ты, Александръ, скачи въ городъ, тащи ко мић, охотой ли, силой ли, жениха для сестры своей. По щучьему велѣнью предоставь мић гуаернаторскаго товарища... Вѣдь и ты по этакому велѣнью въ женихи попалъ... Ей-Богу, все сдается точно, какъ во снѣ! Или какъ въ сказкѣ сказывается: «По щучьему велѣнью, по моему прошенью, стань передо мной, какъ листъ передъ травой!»

Графъ Саліасъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ И. А. МИЛЮТИНА ОБЪ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ III.

ВАНЪ Андреевичъ Милютинъ, извъстный своей плодотворной дъятельностью по всему нашему общирному съверу, прослужившій около сорока лътъ городскимъ головою маленькаго города Череповца, прозваннаго по справедливости, благодаря своему относительному количеству учебныхъ заведеній, Лейпцигомъ въ миньятюръ, яюбезно предоставилъ въ наше распоряженіе свои воспоминанія о почившемъ Государъ Императоръ Александръ III, а также сообщилъ не менъе дорогія воспоминанія, связанныя съ нынъ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ, когда Его Величество былъ Наслъдникомъ Цесаревичемъ.

Передлемъ эти воспоминанія въ той безыскусственной, но м'яткими штрихами начерченной форм'я, со всей своеобразностью слога, какъ непосредственно мы получили ихъ отъ почтенняго И. А. Милютина.

Н. В. Подвысоцкій.

Въ 1881 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, пролетѣла въ нашемъ краѣ радостная вѣсть, что Императоръ Александръ III, со своей августѣйшей семьей, изволитъ держать путь на Рыбинскъ изъ Костромы. И вотъ, пользуясь близостью и удобствомъ сообщенія между Череповцемъ и Рыбинскомъ по р. Шекснѣ, мы воспрянули духомъ, чтобы отдать дань-дань, честь-честь возлюбленному царю и августѣйшему покровителю нашего Череповецкаго техническаго училища, учрежденнаго мною еще въ 1867 году, въ которомъ ужъ набралось учащихся къ 1881 году болѣе 200, изъ 19-ти разныхъ губерній. Нарядили депутацію и отъ города, и отъ училища, въ числѣ послѣдней было 6 учениковъ и съ ними я, директоръ, и два депутата отъ города, которые взяли съ собой отъ училища массу

разнаго рода мелкихъ образцовъ механическихъ издѣлій, для представленія государю въ видѣ выставки. Кромѣ этого, захватили съ собою маленькую машину системы Уата, въ двѣ индикаторскихъ силы, но она не была закончена въ нѣкоторыхъ частяхъ. Постройку этой машинки училище, за годъ до сего, предприняло спеціально для поднесенія великому князю Николаю Александровичу. По пріѣздѣ въ Рыбинскъ, машинку эту, по случаю неготовности ея, оставили мы на пароходѣ у Рыбинской пристани, а издѣлія велѣно было министромъ внутреннихъ дѣлъ, графомъ Игнатьевымъ, по телеграммѣ изъ Ярославля, выставить въ вокзалѣ Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги.

Пароходъ царскій подошелъ изъ Костромы въ Рыбинскъ къ пристани, гдъ выставлены были ряды мъстныхъ депутацій, а насъ, черепанъ, поставили на краю. Проходя мимо, сначала великіе князья подали мнъ руку, потомъ и государь.

Его величество изволилъ сказать мнѣ, что «выставку вашу увидимъ въ вокзалѣ».

Пока государь, августвишая семья и свита были въ соборв, мы прискакали въ вокзалъ, гдв уже выставка вещей была установлена довольно красиво посланными заранве воспитанниками. Государь и государыня съ большимъ интересомъ разсматривали издвлія и много спрашивали, съ ними и молодые великіе князья, во главв съ первенцемъ царскимъ, наследникомъ цесаревичемъ. Я попросилъ позволенія у государыни одарить августвишихъ двтей некоторыми издвліями. Тутъ были: молотки, линейки, угольники стальные и прочее, я поднесъ по несколько штукъ каждому. При этомъ государю объяснилъ, что есть у насъ, приготовленная еще для цесаревича, машинка съ жерновкомъ, но не отделана, и потому, я сказалъ: «Позвольте, ваше величество, представить машинку въ Александрію». Государь милостиво изволилъ сказать: «Пожалуйста».

Повздъ, на которомъ должны были отправиться августвипие путешественники, стоялъ еще около получаса у вокзала, и всв, оффиціально провожающіе, вмѣстѣ съ рыбинцами, въ это время созерцали царя и царскую семью. Иду я мимо вагона, гдѣ находились великіе князья, слышу, какъ будто идетъ споръ между ними. Одинъ говоритъ: «Это далъ мнѣ голова». А другой: «Нѣтъ, мнѣ». Я подошелъ къ воспитателю, генералу Даниловичу, попросилъ позволенія дополнить еще металлическихъ издѣлій, но генералъ сказалъ: «Зачѣмъ, довольно; это ничего, что дѣлятъ великіе князья между собою ваши подарки, значитъ они нравятся». Иду дальше, государь изволилъ стоять на площадкѣ вагона. При поклонѣ моемъ его величество спросилъ меня: «Когда же вы надѣетесь доставить машинку»? Я отвѣтилъ: «машинка будетъ представлена въ Александрію около 1-го августа». «Для меня, объяснилъ государь, все равно, но дѣти,—присовокупилъ онъ,—услышавъ о вашемъ подаркѣ,

пристають ко мить, спрашивають, когда голова привезеть машинку».

Приходить августь; я въ хлопотахъ по дѣламъ, и не тороплю училище съ машинкой. Вдругъ получаю телеграмму отъ Н. А. Ермакова, директора департамента торговли и мануфактуръ, имѣв-шаго личные доклады государю по училищу цесаревича Николая, съ вопросомъ: «когда привезете машинку?» Я хотя училище поторопилъ, но отвѣтъ оставилъ до болѣе вѣрнаго выясненія готовности ея. Между тѣмъ, директоромъ училища получается вторая телеграмма: «Когда машинка? Спрашиваютъ свыше». Тогда я могъ отвѣтить положительно: 15-го августа.

Машинка около 10-го августа была уже готова, оказался въсъ около 30 пудовъ со стойками. Пошла экстренно. Но изъ Петербурга съ петербургской желъвной дороги не было соединительной вътви, пришлось ночью везти на рессорных дрогах в. Передъ прибытиемъ машинки, ъду къ министру внутреннихъ дълъ, графу Игнатьеву, который сказаль: «Повзжайте сами въ Александрію и обратитесь къ графу Воронцову-Дашкову». Ђду утромъ рано. Являюсь къ графу, который сообщиль мив, что машинка пришла утромъ и уже въ саду устанавливается сопровождавшими ее учениками Череповецкаго техническаго училища. Тотчасъ для сопровожденія меня былъ командированъ полковникъ Ширинкинъ, и я очутился скоро въ саду, у поставленной на ходъ машинки, возлѣ флигеля, гдъ классныя комнаты великихъ князей. Туть мив сказано было, что государь выйдеть послё завтрака, въ часъ или около. Въ промежутокъ этого времени, въ минуты перерыва, то и дело, что выбыгали изъ классной августъйшіе ученики къ машинкъ, любопутствуя и стремясь осмотрёть части устройства: гайки, краны и проч. Боясь, чтобы не обожглись великіе князья, я и классный наблюдатель сявдили, прося касаться осторожнве.

Наступаеть 11/2 часа. Вижу, подходить государь, государыня, королева датская и нъсколько другихъ членовъ царской семьи. Государь и государыня милостиво подали мив руку. Государь подошель къ машинкъ и, окинувъ ее общимъ взглядомъ, изволилъ зам'втить: «А, это системы Уата? Отчего это вы избрали этогь типъ?»—Я отвътилъ: «онъ красивъе, какъ первообразъ, и притомъ проще для исполненія». «Однако, она даеть много воды, —зам'тиль государь, — а я думаль, —продолжаль онъ, —поставить къ дётямъ въ комнату при классахъ, но теперь, оказывается, нельзя: разведеть сырость». Затёмъ государь обратился къ кому-то изъ адъютантовъ: «Пожалуй, нужно будеть построить для нея воть тамъ особый павильончикъ». «Чъмъ отапливается?» — спросилъ государь. Я сказалъ: «спиртомъ». «Ахъ, это неудобно; во-первыхъ, дорого, и, во-вторыхъ, пожалуй, кочегары будуть напиваться»... Всв эти вопросы и замечанія меня внутренно поражали практичностью и вврностью взгляда великодушнаго монарха. Далве государь предложилъ пустить машину въ ходъ, съ приводами къ вертикальному жерновку, приспособленному для размола пшеницы, тутъ же привезенной съ мѣшечками и совочками, для набивки мукой. Къ радости учениковъ, машина работала превосходно, и жерновокъ дѣлалъ свое дѣло. Августѣйшія дѣти царя, съ позволенія, побѣжали быстро къ жерновку, взяли совочки и накладывали муку въ мѣшечки и порядочно таки замучнились. Государыня не отходила отъ нихъ, любуясь и улыбаясь, съ какимъ интересомъ они ухватились за дѣло мельника. Государыня, королева, принцъ и всѣ остальные, видимо, были довольны неожиданностью дѣйствія миніатюрной машинки, столь серіозно примѣненной къ дѣлу.

Всего времени прошло болъе получаса, затъмъ всъ отправились группой по саду. Государыня, поблагодаривъ, изволила милостиво подать руку, и я радостно поцъловалъ. Государь пріостановился и далъ мнъ знакъ идти съ нимъ по саду, и тутъ, пользуясь счастливымъ случаемъ, я обратился къ государю съ слъдующими словами: «Ваше величество изволили принять подъ свое покровительство, учрежденное мною въ Череповцъ техническое училище, и оно, пользуясь этимъ счастьемъ и будучи въ въдомствъ министерства финансовъ, такъ развилось и окръпло, а теперь вами повелъно передать въ другое въдомство—въ министерство народнаго просвъщенія. Не соизволите ли, государь, оставить по-старому въ въдомствъ министерства финансовъ, такъ какъ оно тутъ началось, развилось и окръпло».

Государь на это съ самымъ сердечнымъ участіемъ изволилъ сказать: «Это такъ сдѣлалъ Абаза, включилъ и ваше училище въ общемъ докладѣ мнѣ. Я ничего не имѣю противъ желанія вашего; скажите министру финансовъ, или Ермакову, что я разрѣшаю войти съ докладомъ ко мнѣ объ оставленіи училища въ министерствѣ финансовъ». Затѣмъ я много говорилъ съ государемъ на счетъ поднятія благосостоянія крестьянъ, путемъ показательной образцовой обработки земли и вообще веденія сельскаго хозяйства, такъ какъ простой народъ вѣритъ не столько словамъ, наставленіямъ и книжкѣ, сколько опыту, своему глазу и осязанію чувствуемой пользы на себѣ или сосѣдѣ. Просилъ по этому вопросу представить записку. Государь похвалилъ такой способъ водворенія сольско-хозяйственной культуры и пожелалъ поскорѣе осуществить живые примѣры этого.

Потомъ августъйшихъ мельниковъ въ царской семът нъсколько дней занималъ размолъ пшеницы. Они, какъ мнт сообщили, много разъ приказывали, съ разръшенія, изъ своей муки, своего размола, печь хлтот для стола на пробу.

По возвращении изъ Александрии въ Петербургъ, я тотчасъ отправился къ Н. А. Ермакову, разсказалъ о царскомъ милостивомъ пріемѣ меня съ учениками и о повелѣніи его императорскаго

величества, чтобы сдёланъ былъ докладъ министромъ финансовъ объ оставленіи училища по-старому въ министерстве финансовъ. На другой же день все это было исполнено, и училище осталось въ вёдомстве министерства финансовъ.

Наслъдникъ цесаревичъ, нынъ благополучно царствующій Государь Императоръ, при первомъ торжественномъ выходъ въ Зимнемъ дворцъ, послъ вступленія на престоль, гдъ собрались со всей Россіи предводители и городскіе головы съ депутатами, въ числъ до 600 лицъ, обходя всъхъ стоявшихъ въ рядъ и поровнявшись съ мъстомъ, гдъ я стоялъ со своими ассистентами отъ города Череповца, милостиво изволилъ произнести слъдующія драгоцънныя и незабвенныя для меня слова: «Я помню васъ съ 1881 года» 1). Я до того былъ тронутъ, что растерялся, не нашелся воскликнуть: «Осанна! Благословенъ грядый на царскій подвигъ». Такъ по сихъ поръ и лежитъ у меня это и на душть, и на сердцъ.

И. А. Милютинъ.

¹) Это—годь, въ которомъ я подносилъ разные предметы въ Рыбинскъ-въ іюлъ и машинку въ Александріи—въ августъ.

НЕЗАМЪНИМЫЙ.

I.

РИ первомъ знакомствъ онъ привелъ меня въ смущеніе.

Это было на маленькомъ вечеръ у моего пріятеля, единственнаго человъка, котораго я, тогда совершенно новый человъкъ въ Петербургъ, зналъ.

Семейство это имѣло косвенное отношеніе къ литературѣ, и у нихъ собиралось десятка два людей, прикосновенныхъ къ дѣлу, съ раз-

наго достоинства именами-малыми, средними и крупными.

Но его имя ничего не сказало мнъ. Иванъ Петровичъ Урчаловъ,—нътъ, какъ ни напрягалъ я память, а все оказывалось, что ничего о немъ не слышалъ. Но такъ какъ въ этомъ домъ совершенно простыхъ смертныхъ почти не принимали, то незнаніе имени Урчалова я приписалъ своему невъжеству.

У него была странная голова. На самой макушкъ необыкновенно правильный безволосый кружокъ, величиной съ бронзовую медаль, какая дается церковнымъ старостамъ за долголътнюю усердную службу, а отъ кружка во всъ стороны шли довольно густые длинные, въ самомъ низу вьющеся волосы, такіе свътлые, что издали казались съдыми.

Прозрачно розовое лицо свое онъ выбриваль начисто, не оставляя даже усовъ, и, такъ какъ отъ благополучной жизни щеки у него были очень полныя и подбородокъ удвоенный, то онъ походилъ на бабу.

Къ этому еще присодинялись удивительно кроткіе свътлые глаза и мягкій нъжный тенорокъ, который въминуты павоса переходиль почти въ дискантъ.

Когда ему назвали мое скромное имя, онъ сразу оживился, задвигался, началъ жать мои руки и, слегка захлебываясь, объявилъ, что вотъ уже нъсколько недъль, какъ онъ мучится желаніемъ со мной познакомиться.

Я, конечно, принялъ это за обычную петербургскую манеру говорить любезности, которыя ничего не стоять и ни къ чему не обязывають, и думалъ, что этимъ наша трогательная встръча и кончится. Но вышло иначе.

Мы сидёли на маленькомъ диванчикѣ въ сторонѣ отъ другихъ. Урчаловъ держалъ меня за руку и, очевидно, не хотёлъ отпускать.

- Да, да,—говориль онъ,—это у меня быль пробъть... какъ же-съ, новая величина появилась, новая планета на литературномъ небъ, и я ея не вижу, не знаю... какъ же, помилуйте!.. да меня за это просто можно къ суду притянуть... однако, какъ вы еще молоды... въдь вамъ, я думаю, не болъ тридцати лътъ?
 - Мив тридцать два года, -- ответиль я.
- А, однако... тридцать два года. Значить, вы родились въ тысяча восемьсоть...

При этихъ словахъ онъ разстегнулъ свой черный, изрядно поношенный сюртукъ и вынулъ изъ кармана небольшую записную книжку.

— A гдъ же собственно вы родились?—продолжалъ въ то же время спранивать онъ меня.

Я отвътиль, хотя ръшительно не могь понять, почему его интересують такія подробности моей жизни; онъ между тъмъ раскрыль свою записную книжку, отыскаль страницу и началь что-то вписывать туда карандашемъ.

— A отецъ вашъ... онъ, въроятно, служилъ? А мать ваша урожденная...

Я отвътиль объ отцъ и матери, онъ и эти свъдънія занесъ въ книжку.

- A на какомъ году, позвольте узнать, вы начали обучаться грамоть?
- Право, я этого не помню,—отвътилъ я, уже нъсколько смущенный странными вопросами.—Кажется, на седьмомъ году...
- И въ дътствъ обнаруживали большія способности, должно быть?—продолжаль свой допросъ Иванъ Петровичъ Урчаловъ.
 - Едва ли... кажется, напротивъ, быль большимъ лънтяемъ.
- А знаете, въдь это часто бываеть съ извъстными людьми. Обыкновенно, по ихъ дътству заключають, что изъ нихъ ничего не выйдеть. Хорошія способности развиваются поздно. Эту мысль

я уже нѣсколько разъ проводилъ.—Въ какомъ учебномъ заведеніи воспитывались? Женаты? Давно женаты? Надѣюсь, что вы меня познакомите съ вашей супругой. А скажите, пожалуйста, когда вы почувствовали призваніе къ литературѣ? А ваше первое произведеніе было напечатано, кажется, въ прошломъ году?

Я довольно неохотно отв'талъ на вс'в его вопросы, а Урчаловъ все записывалъ.

- Но скажите, зачёмъ это вамъ? спросилъ я, наконецъ.
- А какъ же! у меня всё... вы спросите, есть ли на свётё такой человёкъ съ мало-мальскимъ именемъ, котораго не было бы въ этой книжкё? Вы не безпокойтесь, это вёдь такъ... все, что записано, въ этой книжкё, глубокая тайна; никто никогда не узнаеть ни одного слова изъ записаннаго здёсь до самой вашей смерти... А только у меня былъ пробёлъ. Ужъ давно, давно тутъ у васъ заведенъ, такъ сказать, текущій счетъ... хе, смотрите, видите?

Онъ показалъ страницу, гдё на верхушкё было четко, крупно написано мое имя, отчество и фамилія. Это было написано чернилами и, повидимому, давно, а потомъ шли какіе-то іероглифическіе знаки карандашемъ, которые онъ только что занесъ на страницу.

Въ другомъ концѣ комнаты шелъ литературный разговоръ. Тамъ васпорили на счетъ какихъ-то подробностей изъ жизни поэта N, и это спасло меня отъ дальнѣйшихъ, быть можетъ, болѣе глубокихъ изслѣдованій моей жизни.

— Иванъ Петровичъ, — позвали его, — идите сюда, разрѣшите споръ... вѣдь у васъ въ головѣ неистощимая энциклопедія.

Иванъ Петровичъ не торопясь досталъ изъ своей головы необходимыя свёдёнія и изложилъ ихъ основательно, точно, въ необыкновенно закругленныхъ выраженіяхъ, и всё ему повёрили, и споръсамъ собою прекратился.

Но я быль смущень; я никакъ не могь догадаться, какое амплуа въ этомъ обществъ принадлежить Ивану Петровичу Урчалову. И долженъ ли я почитать за счастіе занесеніе подробностей моей жизни въ его записную книжку или наобороть?

Я отыскаль въ другой комнатѣ литератора, съ которымъ познакомился раньше.

- Скажите, пожалуйста, спросилъ я:—кто такой этотъ Урчаловъ.
- Какъ? вы не знаете, кто такой Урчаловъ? Да кто же не знаеть Урчалова? Да какъ же можно, начонецъ, не знать Урчалова?
- Я съ нимъ знакомъ, вотъ сейчасъ только познакомился, но не знаю, кто онъ.
- A, познакомились, значить, онъ уже покопался въ вашей душтв?
- Вотъ именно это меня и занимаеть. Онъ все записываетъ въ книжку. Зачёмъ это ему?

- Какъ зачемъ? Для некролога.
- Какъ для некролога?
- Да, именно для некролога. Для того, чтобъ написать вашъ некрологъ.
- Но позвольте. Некрологи пишуть по поводу умершихъ... А я, кажется, еще не умеръ, да и не собираюсь умирать.
- Это ничего не значить. Но вы можете умереть во всякое время. Не такъ ли?

Противъ этого я ничего не могъ возразить. Я дъйствительно, въ качествъ бреннаго смертнаго, могъ умереть во всякое время. Тъмъ не менъе это нисколько не успокоило мой изумленный умъ.

Вечеръ длился. Публики прибавлялось; и составиль множество новыхъ самыхъ разнообразныхъ знакомствъ, но никто и ничто не могли вытъснить изъ моей души впечатлънія, произведеннаго на меня Иваномъ Петровичемъ Урчаловымъ, обладателемъ оригинальной головы и роковой записной книжки.

Я именно думалъ объ этой записной книжкѣ, и она, несмотря на то, что я ее воочію видѣлъ, эта самая обыкновенная записная книжка въ веселенькой свѣтло-голубой папкѣ, на которой къ тому же еще золотомъ были вытѣснены какіе-то радостнаго вида цвѣты, казалась мнѣ черной, мрачной, страшной, чѣмъ-то въ родѣ могилы.

И мои взоры невольно искали Ивана Петровича и слъдили за его поведеніемъ.

Съ своей стороны это, конечно, было глупо и вполив провинціально думать, что Иванъ Петровичь долженъ обладать мрачнымъ мистическимъ характеромъ, говорить не иначе, какъ цитатами изъ апокалипсиса, но все же я такъ думалъ.

А Иванъ Петровичъ въ это время игралъ въ винтъ, и ему страшно везло, и его тонкій теноровый смѣхъ раздавался каждую минуту и разлетался по всѣмъ комнатамъ. Я подошелъ къ зеленому столику въ тотъ моментъ, когда кончился шестой роберъ, и игроки разсчитывались. Иванъ Петровичъ выигралъ два съ полтиной, и я наблюдалъ, съ какимъ нескрываемымъ удовольствіемъ, почти съ жадностью, онъ подбиралъ эти деньги и тщательно укладывалъ ихъ въ своемъ кожаномъ кошелькѣ тоже голубого цвѣта. Очевидно, у него было пристрастіе къ деньгамъ и къ голубому цвѣту.

Потомъ быль ужинъ, за которымъ судьбѣ было угодно посадить меня рядомъ съ Иваномъ Петровичемъ, и онъ оказался чрезвычайно веселымъ собесѣдникомъ. Онъ любилъ красное вино, и его стаканъ ежеминутно мѣнялъ свой видъ, превращаясь изъполнаго въ пустой и затѣмъ опять въ полный, и опять въ пустой.

Иванъ Петровичъ становился все веселъе, смъхъ его дълался все болъе дискантовымъ. Онъ часто клалъ руку на мое плечо и говорилъ, что я ему ужасно понравился, и что онъ непремънно, непремънно хочетъ познакомиться со мной поближе.

И всякій разъ, когда его небольшая и легкая рука прикасалась къ моему плечу, я вздрагивалъ, и у меня было такое ощущеніе, какъ будто костлявая рука смерти обнимаетъ меня.

Когда събли рыбу и подали что-то сладкое, Иванъ Петровичъ обратился ко мнъ.

— Голубчикъ, положи-ка мнѣ сладенькаго! Я питаю большую слабость къ сладкому; сдѣлай милость!

Такимъ образомъ мы были съ нимъ уже на ты, но это пока еще не оффиціально, а минутъ черезъ двадцать онъ потребовалъ, чтобы я выпилъ съ нимъ брудершафтъ.

Такъ какъ я былъ совершенно трезвъ, то это мнѣ показалось не достаточно мотивированнымъ, но не могъ же я отказать въ этомъ человъку, который обладалъ столь роковой записной книжкой. И вотъ я уже въ его объятіяхъ, къ моимъ губамъ прикасаются его толстыя губы, самыя обыкновенныя губы, мягкія, влажныя, пахнущія краснымъ виномъ, но мое воображеніе снабжаетъ ихъ мертвенно-блѣднымъ цвѣтомъ и температурой градусовъ въ десять ниже нуля, словомъ превращаетъ ихъ въ тѣ губы, какія должны быть у смерти.

Но и это еще не все. Такъ какъ мой новый другъ продолжалъ съ большой энергіей пить красное вино, то часа въ два ночи, когда гости стали разъвзжаться, онъ былъ въ такомъ состояніи, которое не позволяло ему одному вхать домой, и я, въ качествъ новаго друга, долженъ былъ помочь ему сойти внизъ по лъстницъ, усадилъ на извозчика и довезъ его до квартиры.

Туть я дотащиль его до четвертаго этажа, позвониль и сдаль его на руки какой-то заспанной женщинь, которая могла быть его женой, но, можеть быть, кухаркой. Лицо у этой особы было очень злое, и въ заспанныхъ глазахъ свътился довольно свиръпый огонь. Но это было совершенно понятно, если принять во вниманіе столь поздній часъ и то состояніе, въ какомъ я доставиль домой моего страшнаго друга...

Само собой разумбется, что я не только не услышаль никакой благодарности, но быль еще награждень грознымъ взглядомъ, такъ какъ очевидно былъ принять за участника въ преступлении.

Прошло нъсколько дней, въ продолжение которыхъ я ни разу не встръчалъ Урчалова, но однажды, придя домой, нашелъ у себя его карточку. Онъ былъ у меня и оставилъ очень милую записку, которая начиналась такъ:

«Дружище, какъ тебъ не стыдно не навъстить болящаго? послъ того пиршества, когда ты доставиль на мою квартиру принадлежащее моей душъ мертвое тъло, я два дня быль болень и думаль даже, что умру, и меня страшно заботила мысль, что некому будеть написать мой некрологь»... и т. д.

Слъдовалъ рядъ дружескихъ укоровъ и настойчивая просьба непремънно посътить его, при чемъ даже назначался мнъ часъ.

Я на это рѣшился и въ назначенный часъ пошель къ нему. Всю дорогу я думаль о томъ, какъ я буду совершенно незнакомому человъку говорить ты, чго, судя по запискъ Ивана Петровича, было совершенно неизбъжно. Урчаловъ забылъ все, но очевидно помнилъ очень твердо, что въ моемъ лицъ пріобръть друга.

— A, наконецъ-то ты пришелъ! — воскликнулъ онъ, когда я явился къ нему, и вообще выразилъ искреннюю радость.

Начался разговоръ, вертъвшійся на пиршествъ у моего пріятеля. Я вначалъ тщательно избъгаль употребленія личныхъ мъстоименій и старался пользоваться безличными фразами. Когда мнъ нужно было спросить его, много ли онъ выиграль въ винтъ, я сказалъ: а великъ ли былъ выигрышъ? вмъсто того, чтобы сказать: сколько ты платишь за квартиру? я спросилъ: какъ велика квартирная плата?

Но говорить такимъ обрезомъ было глупо и тяжело, и я малопомалу пріучиль себя говорить ему ты.

— Ахъ, милый, я забылъ спросить у тебя одну важную вещь!— вдругь воскликнулъ Иванъ Петровичъ.—Скажи, пожалуйста, какое было твое первое произведеніе? Въ какомъ году и гдё ты его помъстить?

Я отвътилъ. Иванъ Петровичъ отыскалъ свою записную книжку, а въ ней мою страницу, и вписалъ туда новое свъдъніе. Это дало мить поводъ заговорить о его странной спеціальности, съ которой и до сихъ поръ никакъ не могъ свыкнуться.

- Скажи ради Бога,—спросиль я,—зачёмъ тебё все это?
- То есть, что именно?
- Ну, воть всё эти свёдёнія о томъ и другомъ.
- Канъ зачемъ? Да ведь, если ты умрешь, то нъ ному же обратятся, какъ не ко мить? Ты-имя, ты-общественный дъятель. ты — величина... ну, и вначить сейчасъ прибъгуть ко миъ: Иванъ Петровичь, пожалуйте, моль, некроложець. А Иванъ Петровичь долженъ бъгать и собирать справки у родственниковъ, а родственники, удрученные горемъ, будуть посылать его къ чорту; ну. нътъ. брать, покорно благодарю. Я это испыталь. Первое время, когда я еще не быть опытенъ, я именно такъ сдёлалъ раза два. Умеръ извъстный художникъ Липинскій. Надо некрологъ. Ну, раза два на выставкахъ видёль его картины. Какъ туть быть? Бёгу къ нему. Вижу: женщины въ трауръ, дъти съ заплаканными глазами, старшій сынъ ходить, какъ пом'вшанный. Какъ туть обратиться къ людямъ съ разспросами? А нужно, понимаешь, хоть тресни! Редакторъ — я и тогда работаль въ газеть «Надзвъздый міръ» — быль нынъ благополучно скончавшійся мой другь Антонъ Антоновичь Бабунскій, челов'єкъ требовательный. Такъ, братецъ ты мой, что я сдвлаль? Обратился къ лакею, поманиль его пальцемъ, вытащиль на лъстницу, вручилъ рублевку и кое-что изъ него выцара-

палъ. Ну, разумъется, онъ нагородилъ мнъ совершенно не подходящей чепухи, но все же, пустивъ въ ходъ свое воображеніе, я кое-какъ нацарапалъ некрологъ. А въ другой разъ скончался генералъ, тоже весьма извъстный на полъ брани, такъ тамъ меня почти съ лъстницы спустили. Ну, вотъ я и поумнълъ, и ужъ теперь не дожидаюсь смерти, а какъ только встръчу человъка, сейчасъ же изъ него необходимыя свъдънія и вытащу. Кто бы онъ ни былъ, это все равно. Можетъ, онъ сегодня ничъмъ не извъстенъ, а завтра совершитъ какую нибудь необыкновенную штуку, которая его прославитъ. И ты думаешь, что у меня только и есть что эта книжка? Хе, какъ бы не такъ: у меня, братъ, по книжкъ ца каждое званіе и состояніе. Вотъ смотри.

Онъ подвелъ меня къ шкафу, гдъ оказалась цълая коллекція занисныхъ книжекъ различныхъ цвътовъ и величинъ.

- Воть это для военныхъ, пояснилъ Иванъ Петровичъ. Туть все больше генералы. Воть для государственныхъ дъятелей. Воть эта книжечка для особъ духовнаго званія. Туть инженеры, туть юристы и т. д.
 - Да неужели же у тебя такія общирныя знакомства?
- Нѣтъ, зачѣмъ же! Огромное большинство я, конечно, и въ глаза не видалъ, да ужъ такъ, разспрашиваешь сторонкой у знакомыхъ, а иной разъ и отъ прислуги поживишься. Въ этомъ дѣтѣ все, братъ, пригодится. Но зато всякій газетчикъ знаетъ, что если кого нибудь Господь приберетъ къ себѣ, то только у Ивана Петровича въ тотъ же день, въ ту же минуту, можно получить некрологъ, вѣдъ вся суть въ этомъ. Другой пойдетъ біографическія свѣдѣнія разыскивать. Его двадцать разъ выгонятъ изъ разныхъ мѣстъ; самое неудобное, это—собирать свѣдѣнія о покойникахъ, когда всѣ потеряли голову, растерялись. А люди къ тому же еще имѣютъ привычку отправляться на тотъ свѣтъ ночью, когда и достать свѣдѣній нельзя, и припілось бы отложить некрологъ на слѣдующій день. А у Ивана Петровича уже давно все готово. У меня многіе некрологи заранѣе написаны.
 - Какъ заранве?
- Да такъ вотъ заранте: они уже готовы, и ихъ во всякое время можно тиснуть.
- Но позволь, Иванъ Петровичъ, почемъ же ты знаешь, что этотъ человъкъ умретъ?
- Какъ почемъ знаю? А законъ природы? Есть такой законъ природы, согласно которому всё люди подвергаются смертному концу. И если человёкъ старше, такъ у него и шансовъ больше подвергнуться этому закону. Вотъ и сообрази. А то еще стало извёстнымъ, что такой-то, скажемъ, заболёлъ, или такому-то предстоитъ трудная операція. Сейчасъ сажусь и пишу. Оставляю только мёсто для мёсяца и числа. Вотъ смотри, въ настоящую минуту у

меня полный портфель некрологовъ. Вотъ А., вотъ Б., вотъ Г. Они благополучно здравствують еще; но А. местъдесять восемь лътъ, у Б. ожиръне сердца, а Г. поъхалъ въ долгосрочную командировку по желъзнымъ дорогамъ, при чемъ ему еще предстоитъ ъхать и на волжскихъ пароходахъ... значить, человъкъ не проченъ.

Я пробъжать глазами нъсколько некрологовъ. Одинъ начинался такъ: «...(мъсто для обозначенія мъсяца и числа) русская наука понесла чувствительную, незамънимую утрату: скончался А., ученые труды котораго могли бы сдълать честь любой европейской академіи. А. родился въ 18... году, въ городъ Тамбовъ, гдъ отецъ его занималъ мъсто... Первые годы его дътства протекли въ мирной обстановкъ глухого провинціальнаго города, но необыкновенныя способности обнаружились у него уже на седьмомъ году и давали право предвидъть въ немъ будущее свътило науки»... и т. д. Шло подробное описаніе всей карьеры благополучно здравствующаго А., и въ заключеніе стояло патетическое восклицаніе: «каждый годъ уносить отъ насъ какого нибудь замъчательнаго и, увы! незамънимаго дъятеля. Миръ праху твоему, честный, неподкупный, талантливый труженикъ науки».

Въ другомъ значилось слѣдующее: «... въ своемъ имѣніи Новгородской губерніи скончался В., имя котораго хорошо извѣстно всему педагогическому міру. Покойный уже за три года до смерти оставиль педагогическое поприще, вслѣдствіе постигшей его, благодаря непосильнымъ усидчивымъ трудамъ, мучительной болѣзни, не позволявшей ему исполнять свое назначеніе такъ, какъ онъ считалъ достойнымъ своего призванія...» и пр.

И въ самомъ дълъ, въ поргфелъ была цълая гора некрологовъ, касавшихся лицъ, благополучно здравствовавшихъ.

Въ то время, какъ я знакомился съ образчиками столь оригинальнаго рода искусства, раздался звонокъ. Иванъ Петровичъ самъ отправился въ переднюю и отворилъ дверь. Я услышалъ разговоръ.

- А, Семенъ Григорьевичъ. Какими судьбами? Такой ръдкій гость...
- По дёлу, Иванъ Петровичъ, меня послалъ къ вамъ Николай Алексъевичъ...
 - А что ему?
 - Да въдь сегодня ночью умеръ сенаторъ К.
 - Да неужели? А мит никто не сообщилъ. Въ которомъ часу?
 - Въ четыре часа утра, я тамъ сейчасъ былъ...
- И собирали свъдънія? А? Хе, хе! Хотъли помимо Ивана Петровича некроложецъ соорудить! довольно ядовито говорилъ Урчаловъ.

Въ это время они вошли въ комнату, гдѣ былъ я, но Иванъ Петровичъ съ гостемъ меня не познакомилъ. Гость возражалъ:

- И не думалъ, Иванъ Петровичъ, вы же знаете, какъ я занятъ... да и не мое это дъло. У васъ найдется?
- Сенаторъ К... сенаторъ К... ну, какъ же! онъ страдалъ нефритомъ... да, да, какъ же. Я давно его отмътилъ. Есть готовенькій. Я, въдь, со дня на день жду...

Онъ порылся въ портфелѣ и досталъ листъ бумаги съ тщательно исписанной страницей.

— Погодите только, вотъ число надо проставить. Да надо всетаки пробъжать...

И онъ пробъжалъ глазами, бормоча себъ подъ носъ: «въ ночь съ 17 на 18 ноября въ Петербургъ скончался сенаторъ К... Покойный началь свою службу въ качествъ мирового посредника въ тъ памятныя времена, когда все русское общество, какъ одинъ человъкъ, однимъ великимъ народнымъ сердцемъ върило въ возрожденіе»... ну, и прочее. Великольпно! Передайте Николаю Алексьевичу и скажите, что я всегда къ его услугамъ. Ахъ, да... чуть было не вабыль... Извъстный инженерь С. опасно забольть и, кажется, того... Скиксуетъ... Имъйте въ виду, что у меня для него некроложецъ готовъ, передайте Николаю Алексвевичу. Да самое лучшее вотъ что: у него, батюшка, крупозное воспаленіе легкаго. Въ его возраств, а ему шестьдесять четыре года, эту марку почти не переносять... Я такъ и написалъ туть: скончался, моль, оть крупознаго воспаленія легкаго. Вы возьмите и отдайте въ наборъ. Что за бъда, если полежить недъльку-другую... А вдругь ночью понадобится, воть оно и готово... только число проставите...

Гость съ благодарностію приняль предложеніе, взяль некрологь еще не скончавшагося инженера и ушель.

Иванъ Петровичъ заволновался. Онъ открылъ другой ящикъ стола и началъ рыться въ немъ.

- Туть у меня дубликаты лежать, поясниль онъ.
- Какіе дубликаты? спросилъ я.
- А какъ же! Въдь я не въ одной газетъ сотрудничаю. Надо и въ другую послать. Про сенатора С. вездъ охотно помъстять. А, вотъ, вотъ! воскликнулъ онъ, найдя желанную бумажку. Только тутъ придется кое-что перемънить.
 - Почему?
- Направленіе, батюшка, направленіе! Та газета либеральнаго направленія, а эта консервативнаго. Приходится съ этимъ считаться.
 - Что жъ ты можешь подёлать?
- Какъ что? Во-первыхъ, исключить надо тираду насчеть «памятнаго времени, когда все русское общество... и проч... върило въ возрожденіе»... а вмъсто этого мы такъ напишемъ: «... мировымъ посредникомъ въ ту смутную эпоху, результаты которой еще и до нашего времени не выяснились и развъ только отдален-

ные наши потомки въ состояніи будуть осмыслить всё ощибки и заблужденія...», ну, и прочее въ такомъ родь. Ахъ, батюшка, ничего не подълаень, приходится вилять хвостомъ. Въдь подумай, дъло-то совствить безобидное. Человтить умерь, что о немъ сказать? Ничего нельзя, кром'в хорошаго. Съ одной стороны — de mortuis aut bene, aut nihil, съ другой стороны «мертвые сраму не имуть». А межъ тъмъ, и тутъ направление замъщалось. Вотъ недавно умеръ одинъ государственный человъкъ. Правда, онъ давно уже былъ не у дълъ, но когда-то имя его гремъло, и намять о немъ жива донынь... Человыкь онъ быль кругой и рышительный... Но умерь, что жъ туть скажешь? Я и пишу: еще, моль, не настало время для безпристрастной опънки его выдающейся общественной дъятельности. Только отдаленное потомство (я вообще довольно часто ссылаюсь на отдаленное потомство) можеть справедливо оценить то, что онъ сделаль для Россіи... Ну, кажется, что туть? Ведь я не говорю, какъ потомство оценить, можеть быть, потомство скажеть: экій онъ былъ негодяй! И въ одной газеть такъ оно и пошло, а въ другой редакторъ завонилъ: батюшка мой, что же это вы ему въ родъ оиміана курите!.. Ну, и пришлось насчеть потомства выбросить.

- И много приходится тебъ писать некрологовъ?
- Да въдь я этимъ живу. Воть квартиру имъю въ пять комнать—восемьсоть съ дровами плачу, себя содержу, жену и двоихъ дътей. Только воть прикопить для своего собственнаго потомства никакъ не могу, развъ въ винть выиграешь какъ нибудь... Воть тогда на вечеръ выигралъ два съ полтиной, и на другой день жена отнесла въ сберегательную кассу.
 - Неужели же этимъ можно столько заработать?
- Оказывается, что можно. Законъ природы, брать, ничего не подѣлаешь. Люди живуть, живуть, да и умирають. При томъ же имъй все-таки въ виду, что Урчаловъ въ области некрологической литературы—имя и, ежели некрологъ подписанъ моимъ именемъ, такъ и платятъ за строчку больше. Я даю, примърно, въ три газеты; въ одной подписываюсь, а въ другихъ нътъ! Такъ съ первой беру пятнадцать копеекъ за строчку, а съ другихъ по десяти.
 - И во всъхъ одинаковые некрологи?
- Ну, нѣть, какъ же можно одинаковые? Воть у меня есть кандидать, который не сегодня—завтра долженъ переселиться ад раtres... Я заготовилъ для трехъ газетъ. Вотъ для одной: «вчера ночью скончался Н. Н., имя котораго составляетъ цѣлую эпоху въ дѣтѣ развитія у насъ желѣзнодорожныхъ сообщеній. Покойный началъ свою службу въ скромномъ званіи...» и т. д., а кончается такъ: «при видѣ этой свѣжей могилы, невольно напрашивается мысль: каждый мѣсяцъ мы теряемъ крупнаго общественнаго дѣятеля, а кто приходить имъ на смѣну?» Ну, и затѣмъ обычное: «мотор. въсте.», январь, 1900 г., т. LXXIX.

«миръ праху...» и прочее. А вотъ это самое для другой газеты: «смерть жатву жизни косить и каждый день и каждый часъ...» ну, это въ родъ эпиграфа. «Еще одна жертва неутолимаго жнеца-смерти, которая вырвала изъ рядовъ полезныхъ общественныхъ дъятелей Н. Н. Н. Покойный былъ то, что называется боецъ и при томть боецъ за правду. Начавъ съ маленькой должности, онъ дошелъ до высокой ступени общественной лъстницы...» и пр. «Миръ праху» и пр. А вотъ наконецъ для третьей газеты: «Съ чувствомъ глубочайшей скорби мы должны подълиться съ нашими читателями печальнымъ извъстіемъ. Скончался Н. Н. Н., имя котораго связано...» и такъ дальше. Въ концъ: «миръ праху...». Ну, безъ «миръ праху» никакъ нельзя обойтись. Это все равно, что объдня не бываетъ безъ аминь...

- Но неужели тебя не удручаеть эта постоянная возня съ покойниками? Ты не только провожаешь ихъ на тотъ свъть, а даже какъ будто упреждаешь и предвосхищаешь ихъ кончину.
- Какъ тебѣ сказать? Въ первое время это дѣйствительно было какъ-то не ловко... Не успѣлъ человѣкъ закрыть глаза, какъ ты его сейчасъ же по косточкамъ разбираешь... Ну, а потомъ привыкъ, ничего, и даже, я тебѣ скажу, иногда нахожу въ этомъ особый родъ поэзіи. Иной разъ вдохновишься и такія зажигательныя страницы напишешь, что читатель подпрыгнетъ на мѣстѣ... Ты не читалъ мой знаменитый некрологъ Виктора Гюго?..
 - Не читалъ.
- О, онъ, можно сказать, сдёлалъ мнё карьеру. До Виктора Гюго я работалъ, какъ всё, перебиваясь съ хлёба на квасъ. А послё Виктора Гюго у меня вдругъ явилось имя, и уже имёть отъ меня некрологъ сдёлалось для газеты честью. Я тебё покажу... Весь читать не надо, а только нёкоторыя строчки. Онё у меня от. мёчены краснымъ карандашомъ. Я храню его, какъ зёницу ока-Вотъ онъ...

Онъ отыскаль въ столъ изящную темную папку, раскрыль ее, и тамъ въ траурной рамкъ помъщалась выръзка изъ газеты.

Я прочиталъ мъста, подчеркнутыя краснымъ карандашомъ: «угасло великое свътило міра, зашло міровое солнце, король поэзіи, могучій властитель думъ нашего въка, угасъ неисчерпаемый источникъ пламенныхъ звуковъ, замолкла дивная лира, глубокія струны которой чаровали и потрясали цълый рядъ покольній».

— A? Какъ находищь? Вёдь это поэзія, это паеосъ! А дальше читай. Ну, туть не стоить, читай конецъ.

«Въ Европъ осталось еще много великихъ умовъ. Остались Бисмаркъ, Гладстонъ, Гамбетта, цълые сонмы ученыхъ, поэтовъ, государственныхъ дъятелей... И будутъ они нарождаться во всъ грядущіе въка. Но никогда не будетъ другого Виктора Гюго»...

— Да, этотъ некрологъ, можно сказать, вылился изъ глубины души.

- Но, однако, ты, значить, пишешь и о тъхъ, кого не знаещь лично. Какимъ же образомъ ты достаещь свъдънія?
- А ты думаешь, это легко? Гм... Это, брать, цёлая наука. Я слёжу за человёкомъ по пятамъ, я не пропускаю ни одного шага его по газетамъ и журналамъ, слёжу за каждой мелочью его жизни и каждый пустякъ вношу въ свою книжку. За то ужъ за такіе некрологи я и деру съ господъ издателей. Ужъ тутъ пятнадцатью конейками за строчку не отдёлаешься. За Виктора Гюго мнѣ «Надзвѣздный міръ» заплатилъ по тридцать копеекъ. Еще бы! Вѣдь приносили ему съ десятокъ некрологовъ, да все, знаешь, чепуха, одно легкомысліе, нѣтъ глубины, понимаешь—проникновенности.

Я уже собрался уходить отъ Ивана Петровича, какъ вошла прислуга и доложила, что какой-то незнакомый человъкъ желаетъ его видътъ.

- Такъ проси его сюда,—сказалъ Урчаловъ.—Голубчикъ,—обратился онъ ко мнѣ,—ты посиди въ сторонкѣ одну минуту, я его скоро сплавлю. Это, должно быть, ваказчикъ.
 - Какой заказчикъ?
- Ну, какъ какой? Какой нибудь почтенный человъкъ. У него родственникъ скончался, а родственника онъ уважалъ, ну, вотъ и хочетъ почтить его память...

Ужъ этого я окончательно не понялъ; но не успълъ разспросить, такъ какъ въ это время вошелъ необыкновенно громоздкій мужчина въ темномъ широкомъ пиджакъ и цвътной рубашкъ съ приставными бълыми воротниками.

- Извините, густымъ, слегка сиповатымъ, голосомъ сказатъ онъ. Безпокою васъ.
- Прошу васъ,—промолвилъ Иванъ Петровичъ, предлагая ему стулъ.

Они оба сѣли, я помъстился въ отдаленномъ углу и сидѣлъ смирно.

- Чёмъ могу быть полезенъ?—довольно важно спросилъ Иванъ Петровичъ.
 - Да воть-съ, быль сейчасъ въ редакціи «Надзвъзднаго міра».
 - А позвольте узнать, съ къмъ имъю честь...
- Бабушкинъ, можетъ, слыхали? Тюфячная торговля есть братьевъ Бабушкиныхъ. Въ Апраксиномъ.
 - Какъ же, слышалъ... Весьма почтенная фирма!
- Такъ вотъ-съ... Братъ мой старшій нынче ночью скончался. Я и пришелъ въ газету на счеть этого самаго...
 - Некролога?-облегчиль его затруднение Урчаловъ.
- Это самое. Такъ, чтобы значить добрымъ словомъ помянуть... А меня оттуда сюда къ вамъ направили, сказали, что вы этимъ дъломъ въдаете. Такъ уже будьте столь добры...
 - Извольте. Вы хотили бы, чтобъ некрологъ завтра появился?

- Да ужъ лучше бы завтра. Завтра хоронимъ...
- Извольте, извольте... Это вамъ обойдется сто рублей.

Тюфячный торговецъ Бабушкинъ слегка покрутилъ носомъ.

- Дорогонько.
- Нътъ, это совсъмъ недорого. Въдь я за эту работу изъ редакціи ничего не получу. Согласитесь сами, вашъ братъ несомнънно человъкъ очень почтенный, но онъ же не былъ какой нибудь замъчательный государственный дъятель. Это, такъ сказать, ваше частное дъло.
 - Да оно такъ.
- Ну, такъ вотъ-съ... При томъ же, это плата обычная. У меня положение: за частный некрологъ сто рублей.

Бабушкинъ помялся, но согласился. Тогда Иванъ Петровичъ досталъ книжку, не ту, въ которую онъ вписалъ мое скромное имя, а другую—длинную и узкую, въ коричневой папкъ и началъ производить допросъ посътителю.

— Когда родился вашть братъ? Гдѣ воспитывался? Торговлю свою получилъ отъ отца или самъ создалъ ее? Есть ли отдѣленія въ провинціи, чему равняется годовой оборотъ, не состоялъ ли въ какой нибудь должности?.. Не былъ ли, напримѣръ, церковнымъ старостой гдѣ нибудь?

Итакъ далѣе— самый подробный допросъ. Вабушкинъ давалъ свъдънія, а Урчаловъ заносилъ въ книгу.

- Ну, прекрасно, это все, что нужно!—сказалъ, наконецъ, Урчаловъ.—Вамъ остается только внести деньги.
- Дозвольте оставить половину, а другую половину потомъ, когда напечатаете,—сказаль Бабушкинъ.
- Ахъ, нътъ! это нельзя. Вамъ придется внести всю сумму, у меня такой принципъ. Знаете, бывали случаи, что человъкъ вотъ такъ закажетъ, напишешь некрологъ, появится, а потомъ отъ него ни слуху, ни духу.

Купець помялся и даль полную сумму.

- Такъ ужъ будьте добры написать расписочку, сказаль онъ.
- Нётъ, расписокъ я не даю. Завтра прочитаете некрологъ, и это вамъ будетъ расписка.

Купецъ смутился, но настаивать не смѣлъ. Тонъ, которымъ говорилъ съ нимъ Иванъ Петровичъ, очевидно подавлялъ его.

Купецъ ушелъ. Я умышленно погрузился въ случайно найденную на столъ книжку, хотя вовсе не читалъ ея. Мнъ просто было неловко. Мнъ казалось, что если я подыму голову, и мои глаза встрътится съ глазами Ивана Петровича, то онъ смутится, покраснъетъ и провалится сквозь землю.

— А знаешь, должно быть, у тебя легкая рука!— весело сказалъ между тъмъ Иванъ Петровичъ.

Я поднялъ голову и съ удивленіемъ взглянулъ на него. Ни ма-

лъйшаго смущенія. Лицо его сіяло. Онъ быль доволенъ и аппетитно потираль руки.

- Да, у тебя легкая рука. Право. Въдь ръдко выпадають такіе удачные дни. Но ты какъ будто удивленъ?
 - Да, немного...
 - -- Но чёмъ?
 - Видишь ли, я не вналъ, что это... Практикуется...
 - То-есть собственно что?
 - Да воть такіе заказы.
- Но чтожъ тутъ удивительнаго? Дѣло самое простое. У почтеннаго купчины умеръ братъ, участникъ торговаго предпріятія. Никто изъ насъ его не знаетъ, но это не значитъ, что онъ ничтожество. Въ Апраксиномъ рынкѣ онъ, должно бытъ, не малая, а, можетъ бытъ, и оченъ большая спица. Желаніе купца почтить своего старшаго брата некрологомъ вполнѣ естественно. Но съ другой стороны, съ какой стати я буду писатъ этотъ некрологъ, а издатель будетъ печататъ его? Единственное основаніе — общій интересъ. Ну, значить, надо, чтобы былъ этотъ интересъ и для насъ съ издателемъ.
 - При чемъ же туть издатель?
- Какъ при чемъ? Онъ получить половину. Въдь этотъ некрологъ въ родъ какъ бы объявленія, только не на четвертой страниць, а въ тексть, что стоить дороже. А для него, для купца, въдь это лучшая реклама. Гм... ты думаешь, купчина выбросиль бы сто рублей ради одного почтенія къ покойнику? Какъ бы не такъ! Купецъ существо хитроумное. Онъ разсчиталъ, что ежели апраксинцы и прочіе торговцы прочитають въ газеть некрологъ про его брата, то изъ этого заключатъ, что фирма Вабушкиныхъ не какая нибудь... И вообще это вліяеть на умы... Особенно въ провинціи это повышаеть довъріе и увеличиваеть заказы. Словомъ, туть прямо я расчеть и круговая порука. Не взятка же это въ самомъ дълъ. Въдь, я врать ничего не буду. Я напипіу, что скончался, молъ, купецъ Бабушкинъ, -- и въдь это же правда. Что торговалъ онъ тюфяками, -и это совершенная истина, и все прочее, что я о немъ пишу, тоже будеть истина. Значить, это простая плата за трудъ. Издатель получить за мъсто въ газеть, а купецъ большое удовольствіе и рекламу.

Объясненіе это меня не удовлетворило, но я не спорилъ, такъ какъ видѣлъ, что Урчаловъ слишкомъ твердо стоитъ на своей точкъ зрѣнія, и его не собъешь. При томъ же это, кажется, было далеко не первымъ опытомъ.

Я взглянулъ на часы, ужаснулся позднему времени и сталъ прощаться. Скоро я ушелъ, любезно провожаемый хозяиномъ.

Потомъ въ продолжение многихъ лътъ я встръчался съ Иваномъ Петровичемъ Урчаловымъ, то у знакомыхъ, то въ театръ, то на разныхъ литературныхъ торжествахъ. Онъ былъ неизмѣнно иилъ, называлъ меня другомъ и постоянно звалъ къ себъ.

Ето некрологическая д'ятельность съ каждымъ годомъ расширялась. Газеты считали для себя удачей, если въ нихъ появлялся некрологь, подписанный его именемъ, и ц'яна ему возвышалась.

Онъ началъ носить цилиндръ и пріобрѣлъ себѣ какую-то необыкновенную палку съ золотымъ зміемъ, обвивавшимся вокругъ ручки. Но въ послѣдніе годы онъ видимо началъ старѣть; его лысина, сохраняя столь же правильную форму, значительно расширилась, въ волосахъ, въ самомъ дѣлѣ, появилось множество сѣдинъ; они порѣдѣли и перестали виться.

Года полтора тому назадъ, я его однажды встрътилъ и не узналъ. Лицо его похудъло и было изжелта-блъдно, походка была неровная.

- Что съ тобой?—спросиль я.
- Батюшка мой, конецъ приближается. Дъло дрянь, совсъмъ дрянь... Красное вино меня испортило. Очень ужъ я ему въренъ былъ всю жизнь.

Не знаю, дъйствительно ли красное вино имъло для него такое роковое значеніе, или были другія причины, но въ самомъ дълъ онъ страшно подался и быль неузнаваемъ.

Прошло еще два мѣсяца. Однажды въ утренній част за чайнымъ столомъ я развернулъ газету «Надзвѣздный міръ» и содрогнулся. На первой страницѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ, крупными буквами возвѣщалось, что скончался Иванъ Петровичъ Урчаловъ послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни.

Пораженный неожиданностью, я почти машинально перевернулъ страницу и, самъ не знаю почему, сталъ искать некрологъ и нашелъ его.

Это быль одинъ изъ самыхъ краснорвчивыхъ, горячихъ и трогательныхъ некрологовъ, какіе я когда либо читалъ. Въ немъ разсказывалось о томъ, съ какими ничтожными шансами покойный началъ свою журнальную карьеру и какъ дошелъ до высокой ступени.

Это быль скромный, неопытный, запуганный провинціаль, всего и всёхъ боявшійся, не знавшій, какъ ступить и какъ подойти къ важному столичному человѣку». И потомъ, благодаря добросовѣстной работѣ и драгоцѣннымъ личнымъ качествамъ, онъ пріобрѣль вліяніе въ огромномъ литературномъ кругу. «Кто изъ людей, прикосновенныхъ къ печати, не зналъ Ивана Петровича Урчалова? Для кого это имя не было синомимомъ бездны фактовъ, подробностей, мелочей, касавшихся дѣятелей всевозможныхъ общественныхъ ступеней? Это была живая справочная книга, которою, благодари необыкновенной любезности и предупредительности покойнаго, могъ пользоваться всякій, кто хотѣлъ. Вращянсь въ самыхъ разнообраз-

ныхъ кругахъ, покойный Иванъ Иетровичъ умѣтъ сохранить со всѣми лучшія, дружескія отношенія. Во всякомъ направленіи онтъ умѣтъ найти истину и цѣнилъ въ направленіи только искренность, съ которой оно исповѣдывалось. Глядя на его добродушное, всегда оживленное, всегда полное мысли и глубокаго интереса къ событіямъ, лицо, никто не подумать бы о томъ, сколькихъ замѣчательныхъ дѣятелей покойный напутствовать при переселеніи въ лучшій міръ своими сочувственными, но безпристрастными словами. А слово его было лучшей оцѣнкой для личности, потому что онъ умѣтъ взвѣшивать его съ такою осторожностью, какъ будто каждое его слово было крупицей золота. Міръ праху твоему, честный труженикъ на богатой нивѣ родной литературы! Съ глубокимъ горемъ мы провожаемъ тебя и въ виду твоей свѣжей могилы не можемъ не сознаться, что не знаемъ такого человѣка, который могъ бы тебя замѣнить».

Удивительно трогательно быль написанъ этотъ некрологъ, и меня страшно интересовалъ вопросъ, кто могъ написать его. Очевидно, это былъ человъкъ, который имълъ права унаслъдовать амплуа Ивана Петровича.

И когда я отправился на похороны и приняль участіе въ неособенно многолюдной процессіи за гробомъ Урчалова, то, встрітивъ редактора «Надзвізднаго міра», я поспівшиль обратиться къ нему съ вопросомъ:

- Ради Бога, скажите, кто у васъ написаль такой чудный некрологъ Ивану Петровичу?
 - Онъ самъ! быль отвъть.
- Я быль огорошень.—Какъ онъ самъ? Онъ написаль свой собственный некрологь?
- Да, онъ самъ написалъ его. Три недъли тому назадъ онъ слегъ въ постель, и доктора сказали, что онъ опасенъ. Тогда онъ и написалъ свой некрологъ. Онъ сказалъ: «никто лучше меня этого не сдълаетъ. При томъ же еще наврутъ и между строкъ пустятъ какую нибудь напраслину». Ему стоило это большихъ усилій, онъ еле водилъ перомъ, но все же написалъ. Три недъли некрологъ лежалъ въ наборъ, и вдругъ вчера ночью получаемъ извъстіе: «скончался». Я вставилъ мъсяцъ, число и тиснулъ.

Мы похоронили Ивана Петровича Урчалова. Конечно, никто не станеть утверждать, что въ лицъ его мы опустили въ могилу какую нибудь замъчательную личность, и что литература понесла незамънимую утрату.

Замѣнить его можно, конечно. Но... говоря по совѣсти, теперь ужъ не пишуть такихъ красивыхъ и трогательнихъ некрологовъ, какіе писалъ Иванъ Петровичъ Урчаловъ.

И. Потапенко.

на новую линію.

(Посвящается князю Николаю Александровичу Уктомскому).

I.

АДУМАВЪ разсказать исторію переселенческаго движенія въ нашей мъстности, представляющую едва ли не единственное послъ освобожденія крестьянь, выдающееся событіе въ съренькой жизни нашей мъстности, я прежде всего желаль, избъгая всякаго сочинительства, передать свои личныя наблюденія, то, что пережиль или же слышаль оть десятковъ возвратившихся изъ Сибири переселенцевъ, съ которыми приходилось бесъдовать, то, что совершилось на глазахъ у всъхъ, то, что каждый можеть легко провърить, если пожелаетъ. Съ такой же не-

измънной правдивостью относился я и къ выдающимся, взятымъ прямо изъ жизни, героямъ нашей своеобразной захолустной драмы, воздерживаясь отъ всякихъ прикрасъ и излишнихъ фантазій.

Дъйствіе происходить въ одной изъ самыхъ кльбородныхъ губерній средняго Поволжья, гдъ до настоящаго времени, казалось бы, все соединялось къ тому только, чтобы осчастливить человъка, привыкшаго къ безмятежному, сытному прозябанію, при полномъ отсутствіи поэтическаго элемента и духовной жизни въ мъстномъ населеніи. Даже раскольники, еще уцълъвшіе въ нашемъ приходъ, и тъ не представляли ровно ничего интереснаго и глубокаго, и только старались извлечь кое-какія матеріальныя выгоды изъ своего исключительнаго положенія, не платить за требы, не участвовать въ расходахъ по содержанію и ремонту приходской церкви, не отличаясь ни особенными добродѣтелями, ни примѣрной жизнью. О неурожаяхъ и голодовкахъ даже преклонные старцы и тѣ мало помнятъ. О крайней нуждѣ я почти не слыхалъ въ теченіе всей своей продолжительной жизни въ селѣ Никольскомъ, а сплошной черноземъ давалъ постоянные урожаи, возбуждая зависть сосѣднихъ волостей и уѣздовъ, съ давнихъ поръ считавшихъ нашу мѣстность какимъ-то ненсчерпаемымъ золотымъ дномъ.

Самое село Никольское растянулось широкимъ квадратомъ по площади, постепенно склоняющейся къ тощей рѣченкѣ, текущей подъ самымъ селомъ. Кругомъ ни единаго деревца, ни садовъ, ни сносныхъ огородовъ — и только, какъ солдаты, выстроились ряды сѣрыхъ ивбъ, подъ соломенными и тесовыми крышами. На серединѣ площади красуется церковь; рядомъ помѣщается двухъэтажная школа, поражающая крестъянъ своей красной крышей; невдалекѣ волостное правленіе, противъ котораго, по положенію, на разстояніи 40 саженъ ютятся два кабака, а затѣмъ кругомъ—поля, поля и поля, съ рѣдкими бѣлыми пятнами церквей сосѣднихъ селеній.

Ни малъйшаго признака красиваго мъстоположенія... не на чемъ отдохнуть глазу. Природы нъть и въ поминъ, а вмъсто нея вправо и влъво тянутся правильно разбитыя сороковыя десятины. Однообразіе въ природъ и въ людяхъ изумительное, а среди тучныхъ, безъ всякаго удобренія полей, нъть и не можетъ быть мъста какимъ либо поэтическимъ картинамъ и увлеченіямъ.

Обитатели Никольской волости—народъ крутой, потонувшій въ ежедневныхъ заботахъ и мелочахъ, отъ которыхъ имъ даже некогда опомниться. Земля, съ искони въковъ обезпечивавшая всъмъ и каждому почти неизмънно сытное существованіе, поглощала весь лътній трудъ мужика; никакихъ отхожихъ промысловъ, фабричныхъ или кустарныхъ, нътъ и никогда не было. Самое общество села Никольскаго сидъло на одной десятинъ, но, благодаря достаточному количеству мелкихъ и крупныхъ землевладъльцевъ, не знавшихъ, что дълать съ землей, особеннаго недостатка въ ней не ощущалось. «Исполу» бери, сколько хочешь и на весьма легкихъ условіяхъ, пастбище ни почемъ, а арендныя цъны не превышали 25—30 рублей за кругъ съ ничтожнымъ задаткомъ.

Лѣто, по разъ навсегда установившемуся порядку, какъ у землевладѣльцевъ, такъ и у крестьянъ, проходило въ постоянныхъ трудахъ и заботахъ; но съ приближеніемъ осени какъ тѣми, такъ и другими, овладѣвала лѣнь и спячка, обыкновенно кончавшаяся тѣмъ, что одни чувствовали неопредолимое желаніе «освѣжиться», переѣхать въ городъ, прокатиться въ столицу или за границу, а другіе насладиться полнѣйшимъ бездѣльемъ. Народъ, столѣтіями воспитанный на несокрушимомъ недовъріи къ начальству и помъщикамъ, въ каждомъ ихъ словъ видѣлъ только новый подвохъ и скрытую заднюю мысль, по старой привычкъ величая ихъ въ глаза отцами и благодѣтелями, а за глаза грабителями и людоъдами, а, при малъйшимъ покушеніи осуществить хотя бы самую благодѣтельную мъру, впадалъ въ уныніе и боязливо сторонился отъ непрошенныхъ благодѣтелей.

Производительна и успѣшна была только неутомимая дѣятельность интеллигентныхъ и неинтеллигентныхъ кулаковъ и аферистовъ, переполнившихъ наши веси, а въяніе самой легкой и безцеремонной наживы надолго, если не навсегда, водворилось, какъ въ Никольскомъ, такъ и во всехъ окрестныхъ селахъ и деревняхъ. Въ каждой крошечной деревушкъ, спрятавшейся въ какомъ нибудь недосягаемомъ оврагъ, засълъ свой помъщикъ новаго типа, сознательно или безсознательно эксплоатировавшій народъ и, чёмъ болъе и красноръчивъе говорилъ онъ вначалъ о пользъ, которую можеть принести просвещенный и гуманный хозяинъ въ деревне, твиъ болве увлекался непреоборимымъ желаніемъ расширить свои земли и зачастую безъ гроща въ кармань, благодаря одной ловкости и кредиту, превратиться изъ мелкаго землевладъльца въ крупнаго. И, Боже мой, сколько душевныхъ драмъ, паденій и потери всякой способности различать эло отъ добра приходится наблюдать въ своеобразномъ деревенскомъ быту последняго времени! Такимъ образомъ, благодаря такому установившемуся порядку вещей, одни дошли до послъдней степени нищеты и стоическаго равнодушія къ собственному благу, тогда какъ другіе богатьють не по днямъ, а по часамъ, и все болъе и болъе округляютъ свои владенія.

Скучный край, скучные, исключительно практическіе люди! А вм'єсто деревни, вм'єсто этой тихой пристани, вм'єсто бывшаго приволья, какая-то громадная фабрика для производства возможно большаго количества хл'єба.

Съ перваго, поверхностнаго взгляда казалось, что все обстоитъ благополучно, но при болъе внимательномъ отношени къ окружающему безпристрастный наблюдатель давнымъ давно долженъ бы былъ прійти къ заключенію, что обитатели «золотого дна» безъ всякаго исключенія руководились правиломъ – «день прошелъ и слава Богу», а порядокъ былъ только внъшній — формальный.

Во главѣ мѣстнаго управленія стояль кабинетный труженикъ, по-своему дѣятельный, безукоризненно честный, но въ то же время такъ же мало знакомый со своей губерніей, какъ иностранецъ, проживающій въ Лозаннѣ,—съ остальной Швейцаріей; мировые судьи, усмиривъ самодуровъ, вскормленныхъ крѣпостнымъ правомъ, на законномъ основаніи выпроваживали изъ своихъ камеръ крестьянъ, искавшихъ правосудія и недовольныхъ волостнымъ судомъ; брезг-

ливо относились къ массъ безграмотныхъ актовъ, составляемыхъ урядниками; разбирали грошевые иски мъстныхъ промышленниковъ, и въ концъ концовъ, утративъ бывшую энергію, аккуратно получали незаслуженное жалованье, прежде всего стараясь поддерживать добрыя отношенія съ вліятельными гласными; непремённый членъ увзднаго присутствія по крестьянскимъ двламъ крвпко и долго держался на мъстъ, единственно благодаря несокрушимому правилу, пережившему всякія въянія и реформы, - избирать и сажать на мъста разорившихся дворянъ, -- добродушнъйшій толстякъ, тщетно боровинійся съ изв'єстной слабостью, раза два въ теченіе года появлялся въ волостномъ правленіи и на всё обращенныя къ нему жалобы о бездействій сельских властей и постоянных правонарушеніяхъ только разводиль руками и, покатываясь со см'ху, увърялъ, что у него въ имъніи идеть такая же неурядица, хоть бросай хозяйство. Домовитый мужикъ, попавшій въ сельскіе старосты, неминуемымъ образомъ спивался; волостные старшины то и дъло попадали подъ судъ за утайку страховыхъ денегь или другія болъе или менъе возмутительныя продълки; ръдкій сборщикъ не растратилъ общественныхъ денегъ, а 8-го декабря ко мив аккуратно являлся ямщикъ волостного правленія и, точно такъ же, какъ въ прошломъ году и три года тому назадъ, просилъ ссудить 50 рублей, которые ежегодно съ неизмънной аккуратностью пропивались волостнымъ сходомъ въ день сдачи волостной гоньбы. Мірская водка въ теченіе десятковъ лъть была и еще надолго останется такимъ искушениемъ, противъ котораго не устоять самому кръпкому и степенному мужику. Непреодолимое, страстное желаніе выпить на даровщину, на мірской счеть, хотя бы на время стряхнуть съ себя въчную обузу всякихъ заботь — до такой степени овладъваетъ мужикомъ, что въ такую минуту онъ способенъ на самую невозможную, нелѣцую выходку.

Точно наперекоръ всякимъ благимъ намъреніямъ и измышленіямъ, мужикъ, во что бы то ни стало, хотълъ жить по-своему, такъ, какъ ему желательно, а не такъ, какъ бы это хотълось его радътелямъ, то-есть, цъною неимовърныхъ трудовъ въ страдную пору, когда, по народному выраженію, «день годъ кормитъ», завоевать себъ право съ Покрова и до самаго ярового съва сложить руки, а при первомъ удобномъ случать загулять во всю ширь.

Записные хозяева, въ большинствъ случаевъ крайніе эгоисты, съ раздраженіемъ указывають на только что описанный нами складъ сельской жизни, при которомъ никто не знасть, да и не хочеть знать, что можно и чего нельзя, никто никогда и не думаеть о завтрашнемъ днъ, главнымъ образомъ, напирая на то, что ръдкая вдова или келейница, проживающая на положеніи птицы небесной, пойдеть въ услуженіе, и ръдкій мужикъ, изъ мало-мальски зажиточной семьи, поставить въ работники своего изнываю-

щаго отъ бездёлья сына. Но если только отрёшиться отъ предвзятых взглядовъ, то дёло представляется въ другомъ свётъ, а желаніе человъка отдохнуть послъ каторжной лътней работы и во что бы то ни стало, хотя бы на время, сохранить независимость представляется вполнъ понятнымъ и законнымъ.

Благодаря постоянной вознѣ съ бреннымъ тѣломъ, мнѣ волей или неволей приходилось ѣздить за границу и подолгу проживать въ одномъ изъ цвѣтущихъ уголковъ Германіи. Тамъ, на чужбинѣ, покоряясь одной необходимости, не зная, куда дѣвать избытокъ свободнаго времени, изнывая отъ зависти, бродилъ я по окрестнымъ деревнямъ, съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе знакомясь съ поразительнымъ для меня трудолюбіемъ, бережливостью крестьянъ и вообще какимъ-то сказочнымъ благоустройствомъ сельскаго быта, затѣмъ, вполнѣ насладившись плодами цивилизаціи, обыкновенно въ началѣ осени возвращался восвояси, чтобы при первомъ же столкновеніи съ родными порядками прійти въ совершенное отчаяніе: мнѣ было стыдно за настоящее и страшно за будущее.

Сюрпризъ следоваль за сюрпризомъ: въ первый же день пріезда сталкиваюсь съ нашимъ пастыремъ, въ блаженномъ видъ возвращавшимся съ поминокъ и издали посылавшимъ мнъ воздушные поцелуи; на моихъ озимяхъ появляется все деревенское стадо, оно бродить безъ пастуха; пастухъ ущелъ, поссорившись съ стариками, а старики загуляли и не подыскивають другого; заёхалъ становой приставъ и съ невозмутимъйшимъ видомъ повъствуетъ, что на Михайловъ день въ селѣ Красавинѣ опились три мужика; третій разъ возвращается арендаторъ моей земли изъ волостного правленія, гді ему необходимо засвидітельствовать заключенное между нами условіе, и жалуется на то, что въ правленіи или ни души, или же всъ чины его безъ ногъ; является чуфаровскій крестьянинъ, съ котораго мнѣ слъдовало получить 180 рублей по исполнительному листу за порубку лъса, и предлагаетъ мнъ 3 рубля на мировую; завернулъ Василій Данилинъ, зажиточный мужикъ нашего села, съ цълью купить у меня большой ометь скошеннаго, недоспъвшаго овса, на время оставленный въ полъ. Мы не сошлись въ цънъ, и недовольный, долго пристававшій ко мнъ покупатель садится на лошадь и скрывается въ ночномъ мракъ. Бхать ему приходилось какъ разъ мимо моего омета; и не прошло четверти часа, какъ ометь запылалъ, а на другой день мужики, прівзжавшіе на мельницу, добродушно посмъиваясь, толковали о томъ, что это дело Данилина. Но этого мало, — самъ Данилинъ смотритъ какимъ-то побъдителемъ, и въ его маленькихъ хитрыхъ глазахъ такъ и сквозило: ну, да, это мое дъло, захотълось погръться около барскаго омета, -- ну, вотъ и погрълся. Волостной старшина равнодушно выслушиваетъ заявление о поджогъ и, вмъсто того, чтобы принять какія нибудь міры, мні же, точно своему ближайшему начальнику, жалуется на то, что никому лишняго слова нельзя сказать; онъ теб'в сейчась — молчи: воть онъ гд'в красный-то кочеть — въ карман'в и т. д., и т. д.

Я окончательно падаю духомъ; мое раздражение не знаетъ границъ: собираюсь въ городъ искать защиты, открыть глаза кабинетному администратору, записываю десятки возмутительных фактовъ, чтобы забить тревогу въ газетахъ, но, такъ какъ при всемъ этомъ я все-таки остаюсь кореннымъ русскимъ чэловъкомъ, щаткимъ собственникомъ, способнымъ сомнъваться даже въ своихъ личных в наблюденіях в заключеніях о народі, от котораго только что собирался бъжать куда глаза глядять и безъ котораго не въ состояніи прожить двухъ дней, необходимаго не только, какъ рабочая сила, но какъ нъчто болъе, далеко болъе дорогое, то крутые замыслы откладываются со дня на день, и не проходить мъсяца, какъ мы уже мирно бесёдуемъ съ злодемъ Данилинымъ, несомнънно спалившимъ мой ометь; этого мало, - злодъй относится ко мив съ такимъ искреннимъ сочувствиемъ, то и дбло навязываясь со всевозможными услугами, что мив уже не върится въ его злодъйскія наклонности. Меня осаждають должники за землю и, жалуясь на безденежье, честивйщимъ образомъ уплачиваютъ долги и даже, что десятки разъ повторялось со мной, напоминають о забытомъ долгь, или исправляють мои ошибки и доказывають. что я обсчитался и получиль менёе, нежели слёдовало.

Наступила зима, хліббь обмолоченъ, проданъ извістному кулаку, по условію, написанному на клочкі бумаги и не имінощему ровно никакого значенія, доставлень въ городъ все теми же не признающими собственности мужиками, да къ тому же его оказалось больше, нежели предполагали, такъ какъ ссыпка производилась спустя рукава. Кулакъ знаеть свое дъло, то-есть, бракуеть хлъбъ, будто бы не сходный съ пробой, безцеремонно делаеть скидку съ каждаго воза, но при всемъ томъ, продълавши всякіе болье или менъе неблаговидные маневры, уплачиваеть деныч, и въ ваши руки противъ ожиданія попадаеть крупная сумма, не только покрывающая расходы на дорогую заграничную побздку, но дающая полную возможность кое-что отложить въ оборотный капиталъ, безъ котораго, какъ говорится, но никогда не дълается, никакое хозяйство существовать не можеть. Никаких в работъ нъть, а если и есть, то не важныхъ — около двора больше: прикрыть кое-гдъ солому на крышахъ, раскидать снъгь около дома — вотъ и все. Благодуществуй и отдыхай, сколько душт угодно въ своемъ тепломъ и уютномъ кабинетъ, почитывай газеты и послъднія книжки журналовъ, а заболить голова отъ постояннаго чтенія, такъ можно развлечься: събздить въ школу, поговорить съ учительницей, на вашихъ глазахъ, около двадцати лътъ тому назадъ, юной, увлекающейся своимъ высокимъ призваніемъ, дівушкой, поступившей

на місто, а теперь исхудалой, изнемогшей, безпріютной въ случав бользни и похожей на брошенный, выжатый лимонъ. Мы вмыств радуемся замъчательнымъ успъхамъ младшаго отдъленія и предстоящему открытію публичныхъ чтеній съ туманными картинами, а потомъ переходимъ къ последнимъ новостямъ: я узнаю, кто изъ числа сельскихъ тузовъ запилъ, а кто зарекся и покорилъ свои страсти, узнаю о необычайно выгодной покупкъ крестьянскихъ озимей нашимъ интеллигентивищимъ сосъдомъ, съ ихъ же полной уборкой, въ то время, когда другой уже не интеллигентный сосёдь, большой шутникъ, только что вымазаль желтой краской, приготовленной для половъ, десятки поденщиковъ, явившихся за полученіемъ следующихъ за работу денегь. По дороге можно бы завернуть къ нашему старому, убъленному съдинами пастырю, но онъ, навърное, спить, и, провзжая мимо его дома, я какъ будто слышу его сильный, угрожающій храпъ. Меня окружають, безцёльно слонявшіеся по улицё, мужики и жалуются на убытки, причиняемые имъ девятью волками, каждую ночь появляющимися въ селеніи. Отъ скуки и безділья они готовы безъ конца разсказывать о волкахъ, истребляющихъ ихъ скотину, но я ограничиваюсь безплоднымъ сожалъніемъ и спъшу домой.

И воть я снова въ своемъ кабинетъ, на своемъ мягкомъ и удобномъ диванъ, съ неизбъжной книгой въ рукахъ, не зная, какъ убить избытокъ свободнаго времени: продолжать ли чтеніе интересной статьи, или помечтать о благотворномъ вліяніи на мѣстныя права публичныхъ чтеній съ туманными картинами. Мысли путаются... я перехожу къ щекотливому вопросу о ловкой спекуляціи, совершенной интеллигентнымъ сосъдомъ, и уже самъ не знаю, огорчаться или радоваться тому, что и въ нашей мертвой глуши наконецъ-то появились «смёлые предприниматели». Въ глазахъ начинаютъ рябить волки и рядомъ съ ними физіономіи поденщиковъ и поденщицъ, вымазанныхъ желтой краской... Сладкая лень смыкаеть глаза, мысленно удивляюсь счастливой способности нашего батюшки, готоваго спать безмятежнымъ сномъ съ самаго начала зимы и вилоть до великаго поста, а между тъмъ глаза смыкаются, все окружающее заволакивается густымъ туманомъ, я засыпаю, чтобы вдругъ ни съ того, ни съ другого почувствовать безвыходную пустоту и неурядицу всего окружающаго, вибсть съ очевиднымъ, мучительнымъ безсиліемъ хотя бы чымъ нибудь измёнить къ лучшему или въ крайнемъ случай хотя бы бъжать, куда глаза глядять. Но всё эти неумъстные порывы постепенно затихають — никто не безпокоить, не воруеть, не грабить, при полнъйшемъ отсутстви полиціи и власти вообще, и волей или неволей приходишь къ тому, что своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ и всъмъ благосостояніемъ вы прежде всего обязаны все тому же прославленному пьяницъ мужику, способному довольствоваться чрезмёрно малымъ и уже нисколько не виноватому въ его невольно полугодовомъ бездёльи, а туть въ праздничные дни, а иногда и въ будни, изъ ближайшаго селенія слышатся неумолькаемыя, веселыя пъсни, явно свидётельствующія о томъ, что никто изъ обывателей даже и не думаетъ тяготиться этимъ, сильно озабочивающимъ насъ бездёльемъ, а моему хозяйственному старость, въ теченіе осени и зимы зачастую, не безъ скрытаго удовольствія, приходится докладывать, что только понапрасну наряжать на молотьбу; народъ шибко загулялъ: мірского быка продали.

Къ довершенію благополучія длинная, непогожая осень, съ ея замерзіними кочками, въ видѣ кинжаловъ, кончена, выпалъ давно ожидаемый первый снъгъ — дорога восхитительная. Залились колокольчики, загромыхали бубенцы и покатили въ городъ помъщики и помъщицы своего и сосъдняго уъзда, сгорая общимъ желаніемъ, какъ можно скорбе заложить свой урожай въ государственномъ банкъ и кстати освъжиться въ опереткъ и всесословномъ клубъ. Они продълывають эту операцію съ такимъ завиднымъ наслажденіемъ, что васъ такъ и подмываетъ скакать вмёстё съ ними и заложить свой хльбъ. Озабоченная, дъловая скачка все усиливается, въ десятый разъ промчался нашъ образцовый хозяинъ, все существованіе коего держится на какихъ-то таинственныхъ учетахъ своихъ и чужихъ векселей. Вы весело встрвчаете гостей, весело провожаете ихъ, ожидан, что они всъ до единаго завернуть на обратножь пути и сообщать о последнемъ обеде, после котораго не осталось ни одной бутылки шампанскаго въ городъ, а именитымъ купцомъ Горшковымъ, въ обыкновенномъ разговоръ называвшимъ тротуаръ «портуваромъ», была произнесена блестящая ръчь, въ которой ораторъ коснулся даже историческихъ судебъ нашего края, а фабричный инспекторъ, весьма, впрочемъ, исправный чиновникъ по службъ, съ ръдкимъ шикомъ протанцовалъ канканъ въ любительскомъ спектаклъ, прочтутъ послъднее произведение мъстнаго обличителя Уткина, въ которомъ онъ, съ свойственнымъ ему юморомъ, воситьть увеселительную потадку нашего сановника. Такимъ образомъ, не покидая своего хутора, вы узнаете тысячу забавнъйшихъ вещей, а время бъжить себъ да бъжить.

«Это ли не Эльдорадо въ своемъ родъ!»—блаженно размышляете вы, упуская изъ виду, что еслибы въ этотъ земной рай случайно попалъ избалованный обитатель столицы, даже изъ числа самыхъ ярыхъ народниковъ, то онъ разбилъ бы себъ голову объ стъну.

Вь общемъ картина нашего благодатнаго когда-то края къ началу рокового 1892 года представлялась въ такомъ видѣ: крупные и мелкіе землевладѣльцы, а частью и земледѣльцы, достигли громадныхъ успѣховъ въ знаніи вексельнаго устава и способности занять тамъ и уплатить тутъ, занять тутъ и уплатить тамъ, а въ крайнемъ случав не платить ни тутъ ни тамъ, предоставивъ имѣніе

тому изъ банковъ, который окажется болбе довбрчивымъ; во всемъ увздв, если не въ губерніи, два-три имвнія, находящіяся въ блестящемъ состояніи, благодаря винокуреннымъ заводамъ, а главнымъ образомъ кабацкому хозяйству; какой нибудь десятокъ незаложенныхъ имъній, отличившихся сносной обработкой земли, прочностью хозяйственныхъ построекъ, изобиліемъ скота; достаточное кодичество когда-то знаменитыхъ имвній, съ которыхъ получены сотни тысячь доходовь, поражающихь своимь нищенскимь видомь, и многое множество мелкихъ вемельныхъ участковъ (отъ 300 до 50, даже 20 десятинъ земли), арендованныхъ, но, чаще всего сгоряча, въ надеждв на цвны и урожай, купленныхъ купцами, всякими разночинцами и крестьянами, -- не представляющихъ даже малъйшаго намека на желаніе владёльца приложить хотя бы каплю заботливости и труда къ собственной земль, посадить хотя бы одно лишнее дерево, сръзать кочки, покрывающія дуга, устроить запруду,-наконецъ хотя бы чёмъ нибудь проявить, казалось бы, весьма естественную въ деревенскомъ жителъ любовь къ землъ. Ко всему этому остается добавить постепенно увеличивающійся классь крестьянъ новаго типа, окончательно отступившихся оть земли, потерявшихъ всякое подобіе мужика, едва ли не съ самаго дня освобожденія обратившихъ свои надёлы въ довольно выгодную въ первое время арендную статью, и небывалое развитіе крупнаго и грошеваго торгащества, если не ошибаюсь, все болже и болже захватывающаго наше захолустье и подталкивающаго самаго хозяйственнаго мужика выпродать свой урожай до последняго зерна, не заботясь о съменахъ и запасахъ на черный день. Все это вмъстъ взятое ставить втупикъ безпристрастнаго наблюдателя нашего захолустья, не знающаго, какъ согласить несомивнную сметливость и даровитость русскаго человака вообще съ его чисто варварскимъ отношеніемъ къ земль, съ которой каждый, начиная съ дворянина, купца и кончая мужикомъ, видимымъ образомъ желаетъ вытянуть все, что можно, не удъляя ей ни капли любви и заботливости.

Мнѣ остается добавить, что, изображая правдивую картину порядковъ, постепенно, но уже прочно водворившихся въ описанной мѣстности, я въ то же время ни въ какомъ случаѣ не рѣшился бы утверждать, что они представляють общее явленіе въ нашей глуши. Я уже имѣлъ достаточно времени, чтобы убѣдиться въ неумѣстности всякихъ обобщеній при поразительномъ разнообравіи мѣстныхъ условій нашего громаднаго отечества.

Много воды утекло за періодъ времени, быстро пролетвишаго со дня освобожденія крестьянь; накопилось столько фактовъ, освъщающихъ новыя стороны вопроса, измѣнились люди и взгляды,—то, что было дорого и свято для однихъ, становится для другихъ скучною непрактичною иллюзіей. Въ общинѣ видѣли олицетвореніе высшей справедливости, а въ мужикѣ хранителя исконныхъ

русских в началь, образець трудолюбія в хозяйственности... И вдругь крайній оптимизмъ заміняется крайнимъ пессимизмомъ: міръ-дуракъ, міръ-пьяница, и не будь міра, не было бы и пьянства, отміна кръпостной зависимости отдала мужика въ еще большую зависимость отъ міра. Сколько различныхъ, совершенно противоръчивыхъ показаній о народів и советовъ, какъ и чемъ ноднять его благосостояніе и устранить видимое всюду пробивающееся оскуденіе: крестьяне-общинники оскудёли и упали духомъ, благодаря безчисленному множеству всякаго начальства.-Устраните эту опеку, и мы спасены; крестьянамъ было предоставлено столько правъ, какъ ни одному сословію, не исключая дворянства, и гдъ же результаты такой широкой свободы?.. Все оскудьло, благодаря конкурренціи новыхъ заокеанскихъ странъ, начавшихъ разработку девственныхъ почвъ, - и съ этимъ пора примириться; поднимись только цъна на хлъбъ, и не останется заже слъда оскудънія; крестьяне терпять недостатокъ въ землъ и начинають обращаться въ пролетаріатъслъдовательно, прежде всего нужно воспользоваться очевидной наклонностью народа къ переселенію и всячески содъйствовать этому движенію; вводите четырехполье съ чернымъ паромъ и обязательную вывозку навоза; обратите мужика въ фабричнаго рабочаго и т. д. безъ конца.

Во всёхъ этихъ миёніяхъ и совётахъ, клонящихся къ народному благу, съ одной стороны многое походить на правду, а съ другой-далеко отъ нея. Да и гдъ же взять столько смълости, чтобы разобраться въ этомъ хаосъ недоразумъній, когда все старое вымираеть или уже вымерло, а новое, молодое, не нарождается, когда мы не въ состояни уяснить себъ даже особенностей какой нибудь ничтожной деревушки той волости, гдв протекла вся жизнь, когда дично для меня такъ и остается загадкой, почему одно селеніе при нальть въ 8-10 десятинъ прекрасной земли представляетъ рядъ дрянныхъ избенокъ, въ которыхъ со дня на день перебивается безнадежно-обнищавшее, безлошадное скопище пропойцевъ, а рядомъ относительно процебтаеть деревня, получившая одну, такъ называемую, сиротскую десятину на душу; почему съ крестьянами одного общества можно имъть дъло безъ всякихъ условій, тогда какъ съ крестьянами другого это немыслимо; почему общество села Хохловки окончательно ушло въ кабакъ, а крестьяне сосъдняго общества отличаются деревенской порядочностью и трезвостью, по крайней мъръ, -- въ будничное время; почему одно селеніе ежегодно горить по итскольку разъ, а въ другомъ этого итътъ. Да мало ли неразрешимых вопросовь на каждомь шагу представляеть наша сельская жизнь, задумываясь надъ которыми, приходишь къ невольному заключенію, что мы до сихъ поръ еще мало знакомы съ ея порядками и обычаями, а община, если не ошибаюсь, даже открытая нъмецкимъ экономистомъ Гаксттаузеномъ, обычное право и «мотор. въотн.», январь, 1900 г., т. LXXIX.

вст порядки крестьянъ-общинниковъ еще долгое время будутъ terra incognita для нашего интеллигентнаго общества, для нашихъ дъятелей по крестьянскому управленію, для городскихъ судей, волею судебъ поставленныхъ въ необходимость разбирать дъла о наслъдствахъ, раздълахъ и другихъ гражданскихъ сдълкахъ въ деревенскомъ быту, а, можетъ быть, и для нашихъ экономистовъ.

II.

Первымъ ударомъ, сразу пошатнувнимъ экономическое положеніе нашей благодатной м'встности, быль роковой 1891 годъ. Сколько безсонныхъ ночей прошло въ томительномъ ожиданіи, что будеть завтра; а завтра все то же, что было вчера; безпощадное, нестерпимо-блестящее, какъ огненный шаръ, солнце на чистомъ, какъ стекло, небъ; тянутся недъли, мъсяцы, не принося дождя, ни даже малъйшей прохлады. Изсякли колодцы и степныя ръчки, воздухъ сухъ и неподвиженъ, на черныхъ, точно окаменъвшихъ, поляхъ кое-гдъ только видивются тощіе, едва замътные, колосья ржи; обезумъвшія оть страха бабы ползають по горячему полю и дергають ихъ съ корнемъ. Въушахъ то и дъло, вблизи и вдали, гудять церковные колокола; а въ густой пыли тянется длинная вереница богомольцевъ, и слышится истомленный хоръ мужскихъ и визгливыхъ женскихъ голосовъ, поющихъ тропарь; изръдка изъ сплошной черной тучи блеснеть золотая риза принесенной издалека чудотворной иконы, на которой въ эту минуту сосредоточились всъ надежды и упованія.

Слышатся вздохи, стоны и неумолкаемыя причитанія жалобныхъ молящихъ и страдающихъ голосовъ: «Спаси, Царица Небесная, — защити отъ мора и глада!» Скорбящая обошла поля и близкія и далекія, сопровождавшій ее причтъ, наскоро подсчитавши полученный доходъ и оставшись доволенъ какъ доходомъ, такъ и обильной трапезой, устроенной на общественный счетъ, размѣстившись на мірскихъ подводахъ, скрылся въ пыльномъ облакѣ, а неутомимый, безпощадный огненный шаръ, казалось, еще съ большимъ ожесточеніемъ продолжалъ дѣлать свое опустошительное дѣло.

Но довольно объ этомъ, да и зачёмъ вызывать удручающія картины, о которыхъ хогёлось бы забыть и никогда болёе не вспоминать.

Потянулась суровая зима, мучительно долгая и казавшаяся безконечной въ постоянномъ, напряженномъ ожиданіи подвоза и раздачи, такъ называемаго, «царскаго пайка», т. е. полученія хліба, не всегда аккуратно разсылаемаго управой.

Какъ ближайшій свидѣтель всего совершавшагося втеченіе этой каторжной зимы, какъ человѣкъ, завѣдывавшій сравнительно боль-

шимъ участкомъ и уже по тому самому обязанный постоянно слъдить за раздачей хлъба голодающимъ, я по совъсти обязанъ сказать, что при этомъ, рядомъ съ трогательными сценами безропотной покорности и христіанскаго смиренія, мит не разъ пришлось быть свидътелемъ безпримърной алчности крупныхъ виноторговцевъ, въ базарные ини безбожно пускавшихъ дешевку и спаивавшихъ обезсилъвшій народъ; или наблюдать сельскихъ старостъ, элоупотреблявшихъ довъріемъ общества при раздачъ продовольствія, и агентовъ управы, прилагавшихъ все стараніе къ тому, чтобы какъ можно хуже и убыточнъе для народа исполнять свои обязанности по продовольствію. Вибств съ темъ меня удивляло появленіе въ числъ нуждающихся всъхъ безъ исключения мастеровыхъ и мелкихъ и крупныхъ промышленниковъ нашей волости, никогда не помышлявшихъ о черномъ днв и въ то же время умввшихъ съ изумительною ловкостью разыгрывать роль страдальцевъ. Явились даже сидъльцы питейныхъ заведеній, туда же вслъдъ за другими протягивавшіе руку за подаяніемъ и приходившіе въ ярость въ случав отказа.

Кто изъ насъ, людей, обреченныхъ судьбой на постоянное проживаніе въ деревенской глуши, не приходиль къ мысли, что одной изъ самыхъ существенныхъ причинъ, тормозящихъ всякую надежду на лучшее, было и будеть вынужденное полугодовое бездълье мужика, поглощающее всв его лътніе заработки, способное деморализовать самаго устойчиваго человъка и положившее начало своеобразному, втечение многихъ лътъ до мельчайшихъ подробностей изученному мною, складу осенней и зимней деревенской жизни. Дайте мужику возможность во всякое время года находить котя бы скромный заработокь на мёстё, возможность не обязываться лётними работами, или, по крайней мёрё, брать менёе такихъ работъ, удъляя болье труда на обработку собственной земли, и настоящее положение вещей должно измёниться къ лучшему, Но если всегда безалаберная и пьяная деревенская осень и зима и прежде производили удручающее впечатленіе, то зима голоднаго года могла довести до отчаннія самаго равнодушнаго человека. Ни въ комъ ни малъйшаго признака энергіи и желанія бороться съ наступившимъ бъдствіемъ, ни у землевладъльцевъ, ни у зажиточныхъ крестьянъ не оказалось никакихъ запасовъ, а мои единственные сосёди-мужики, лишенные возможности справлять праздники и развернуться во всю ширь, проводили время въ безконечныхъ разговорахъ о своемъ безвыходномъ настоящемъ и будущемъ положеніи. Кстати и новыхъ матеріаловъ для праздныхъ толковъ оказалось достаточно. На сцену выступили земскіе начальники, замѣнившіе мировыхъ судей и долженствовавшіе немедленно, точно но заказу, упорядочить десятками лёть сложившійся сельскій быть.

На первый разъ, какъ и слѣдовало ожидать, новые дѣятели, 10* облеченные небывалой властью, такъ энергично принялись за дѣло, что навели даже своего рода панику не только на сельскихъ властей, но и на всѣхъ крестьянъ вообще. Между помольцами моей мельницы шли оживленные разговоры о какой-то машинѣ, спеціально изобрѣтенной для усиѣшнаго сѣченія, которую не сегодня, такъ завтра привезуть въ волостное правленіе. Эта удивительная машина была на языкѣ у каждаго и вызывала нескончаемые толки, до тѣхъ поръ, пока вдругъ, точно соломенная крыша, мгновенно охваченная пламенемъ, все окружающее меня населеніе вспыхнуло и загорѣлось желаніемъ во чго бы то ни стало покинуть опостылѣвшую родину, ненавистную, переставшую родить землю и переселиться въ Сибирь, «на новую линію», какъ выражались крестьяне.

Къ концу лютой зимы, пережитой мъстнымъ населениемъ, благодаря только заботливости правительства, земства и дружному содъйствію частных в лиць, старая легенда о привольях в сибирской жизни, о льготахъ, ожидающихъ переселенцевъ, выросла до такихъ громадных размеровъ, что на долгое время заслонила всё обычные интересы сельской жизни. Справедливость требуеть сказать, что до рокового 1891 года наши губернскія власти, за немногимъ исключеніемъ, слишкомъ мало интересовались серьезнымъ переселенческимъ вопросомъ: одни изъ нихъ относились къ нему совершенно равнодушно, другіе съ явнымъ пренебреженіемъ, какъ къ несбыточной фантазін, раздутой печатью, вызывающей только смуту и нелъщые толки. Мъстами циркуляры по переселенческому вопросу безследно пропадали въ безпорядочной куче всякаго бумажнаго хлама, скопляющагося въ волостныхъ правленіяхъ; мъстами они выставлялись на видномъ мъстъ, значение ихъ разъяснялось при каждомъ удобномъ случав и, благодаря такому порядку вещей, все обощлось благополучно, и никакого замътнаго волненія не обнаруживалось.

Между тъмъ жизнь продолжала дълать свое дъло, не справляясь съ циркулярами: ранней весной 1892 года крестьяне нъсколькихъ волостей сосъдняго уъзда разомъ поръшили не засъвать яроваго поля и, распродавъ оставшееся послъ голоднаго года имущество, двинуться въ Сибирь. Поднялась страшная суматоха — перья скрипъли; телеграфъ работалъ; нарочные поскакали въ губернскій городъ. Нашъ генералъ строгій, вспыльчивый, но великодушный, тотчасъ же поръшилъ какъ можно скоръ потушить волненіе и во главъ баталіона пъхоты форсированнымъ маршемъ двинулся на усмиреніе, но, какъ и слъдовало ожидать, все обощлось благополучно, и военныя дъйствія оказались излишними. Покричалъ генералъ, покричалъ исправникъ, и мужики, поблагодаривши заботливое начальство, снова взялись за соху и охотно пошли по указанной дорожкъ, ведущей къ ихъ благополучію.

Въ эту минуту никому изъ насъ, мирныхъ обитателей Никольской волости, не приходило въ голову, что только что подавленное волнение съ еще большей силой и въ самомъ непродолжительномъ времени обнаружится въ нашей мъстности и будетъ вызвано не какими либо исключительными условіями, а, главнымъ образомъ, необычайной энергіей человъка, настолько выдающагося и представляющаго до такой степени своеобразный типъ, что я позволю себъ посвятить ему слъдующую главу своихъ воспоминаній.

III.

Съ дътства знакомый мнъ, не сочиненный, а дъйствительный герой Никольской волости, на моихъ глазахъ перемънилъ нъсколько положеній, не имъвшихъ между собой ничего общаго, и нъсколько различныхъ прозвищъ, ръзко отличавшихся другъ отъ друга. Мужики называли его то «Лёской», то «Жельзнымъ», то, почтительно преклоняясь передъ нимъ, какъ передъ своимъ благодътелемъ и ходокомъ Александромъ Ивановичемъ Засурскимъ; земскій начальникъ Пътуховъ—«Пугачемъ», мъстный священникъ—«Землепроходомъ».

Семья Засурскихъ, состоявшая изъ старика, дожившаго до постеднихъ предъловъ дряхлости, и двухъ сыновей, Александра и Тимоеся, въ былое время принадлежала къ числу самыхъ зажиточныхъ въ селеніи и своимъ благосостояніемъ была обязана исключительно старшему сыну «Лескв». Это быль 32-хъ летній, на первый взглядъ невзрачный мужикъ, ниже средняго роста, коренастый, худощавый, необыкновенно широкоплечій, безбородый, сь желтоватыми, наслъдованными оть отца, плоскими какъ щепки, волосами, длинными придями падавшими по объимъ сторонамъ продолговатаго лица, и маленькими смёлыми глазами, строго смотрввшими изъ-подъ нависшихъ бровей. Неграмотный, замкнутый въ себъ самомъ, то молчаливый и какъ будто смиренный, то невъроятно крикливый и дающій полную волю своему ръзкому непріятному голосу, Засурскій, при всемъ томъ, съ перваго же взгляда поражалъ своимъ самоувъреннымъ властнымъ видомъ; казалось, что при взглядъ на новаго, незнакомаго ему человъка, его прежде всего занимала мысль, какъ бы захватить его въ свои руки, покорить и пригнуть хорошенько. Въ сношеніяхъ со своими ближайшими сосъдями онъ былъ холоденъ и грубъ, съ помъщиками, управляющими и начальствомъ всегда недовърчивъ, придирчивъ и дерзокъ. Мужики, какъ извъстно, великіе мастера на то, чтобы однимъ словомъ опредълить человъка, прозвали его «Желъзнымъ», и точно только «желъзный» человъкъ могъ быть до такой степи выносливъ въ работв, чуждъ всякихъ слабостей, начиная съ пьянства и проявленія мальйшаго признака мягкости, за исключеніемъ горячей любви къ своей единственной пятилътней дочери, какъ Лёска Засурскій. Съ каждымъ годомъ все болье и болье распадалось бывшее благосостояніе Засурскихъ. Выжившій изъ ума старикъ или, притаившись, лежалъ на печи, или же, воспользовавшись малъйшей оплошностью домашнихъ, тащилъ въ кабакъ, что только попадалось подъ руку; жена нашего героя, некрасивая, ограниченная и какъ бы въ противоположность своему мужу, умиравшему на работъ, лънивая, при первой размолвкъ убъгала къ своимъ родственникамъ, между темъ какъ младшій сынъ, Тимошка, на ръдкость красивый, кудрявый, краснощекій блондинъ и большой гуляка, мало помогаль въ хозяйствъ. Но «Желъзный» не унываль, не опускаль рукь: онъ разыскиваль жену, на веревкъ приводилъ ее домой, безцеремонно понукалъ брата и зорко слъдилъ за старикомъ, вследъ за нимъ вторгался въ кабакъ, поднималъ исторію съ сидъльцемъ, отбиралъ заложенныя вещи и въ то же время всегда въ проголодь, всегда трезвый, одътый въ какія-то жалкія отребья, продолжаль работать съ неутомимостью машины.

Однажды сельскіе старики, прямо изъ питейнаго, со свойственнымъ имъ достоинствомъ, опираясь на сучковатыя палки, подступили къ «Желъзному» съ благимъ намъреніемъ наставить его на путь истинный и домашнимъ образомъ постегать розгами за жестокое обращеніе съ отцомъ, но встрътили такой отпоръ, что едва спаслись бъгствомъ. Вскоръ послъ этого въ домъ Засурскихъ повторилась хорошо знакомая мнъ сцена крестьянскаго раздъла, сопровождавшаяся невообразимою, за версту слышною руганью, битьемъ всякой посуды, разрываніемъ по поламъ какихъ-то холстовъ, и Лёска позорнъйшимъ образомъ быль изгнанъ изъ родительскаго дома почти безъ всякаго натъла.

Въ слъдующемъ же году, на самомъ краю села, уже красовалась новая, едва ли не лучшая изба изъ толстаго сосноваго лъса, крытая тесомъ, съ гребешкомъ на верху и расписными ставнями, съ просторнымъ дворомъ, обнесеннымъ плотнымъ заборомъ, безъ щелей между бревнами и кръпкими тяжелыми воротами, изукрашенными звъздами, изъ латуни, болъе всего возбуждавшими зачисть сосъдей, начинавшихъ понимать, что за сила, что за настойчивость и неутомимость въ трудъ таилась въ невзрачномъ, несообщительномъ Лёскъ Засурскомъ. Старики и старухи объясняли даже зажиточность его помощью нечистой силы, съ которой онъ, какъ завъдомый знахарь и колдунъ, находился въ постоянныхъ сношеніяхъ. Здъсь слъдуетъ добавить, что быть первымъ богачемъ въ селъ Никольскомъ значило еще не очень много. У Засурскато было двъ хорошихъ матки, двъ коровы, до 50 штукъ овецъ. Были и деньженки, запасенныя еще до раздъла, за которыя онъ кръпко

держался. Были у него, какъ и у каждаго мужика нашей мъстности, и торговыя замашки, всегда удачныя. Онъ охотно снималъ земельные надълы у своихъ же, бросившихъ соху, односельцевъ, скупалъ озими у нуждающихся. Построилъ обдирку, никогда не обучавшись плотничному мастерству, такъ же какъ и колесному, дававшему довольно значительный доходъ. Вообще, обладая необычайно острой смъткой, онъ принадлежалъ къ разряду людей, которыхъ, безъ всякаго различія, принято теперь называть «кулаками».

Его не любили за чрезмѣрную бережливость, склонность къ скопидомству, за его несообщительность и упорный характеръ, но при всемъ томъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, въ цѣломъ селеніи не нашлось бы такого человѣка, который не обращался бы къ нему въ надеждѣ позаимствовать денегъ, что нибудь продать, а чаще всего получить разумный практическій совѣтъ. Совѣты давались охотно, но относительно денегъ Засурскій былъ настоящій кремень.

Такимъ образомъ, завоевавши себѣ почетное мѣсто въ обществѣ, Засурскій сосредоточилъ все свое вниманіе на извлеченіи возможно большаго количества рублей изъ кармановъ своихъ односельцевъ. Онъ, какъ и каждый умный мужикъ, смотрѣлъ на мірскія, общественныя деньги, какъ на свои собственныя, и всегда выходилъ сухъ изъ воды. На Засурскаго было много с вершенно справъдливыхъ навѣтовъ, и когда начинались на сходкахъ ссоры, то ему обыкновенно высчитывали и выставляли на видъ цѣлый рядъ темныхъ дѣлъ: церковь ограбилъ,—это было самое главное обвиненіе,—затѣмъ слѣдовалъ общественный амбаръ, ремонтъ волостного правленія, мірской быкъ, купленный обществомъ и вдругъ какимъ-то чудомъ оказавшійся собственностью Засурскаго, и т. д., но справедливость требуетъ сказать, что всѣ эти обвиненія никогда не вліяли на мірскихъ людей, все забывалось и извинялось: не онъ, такъ другой воспользуется—кто себѣ врагъ.

Всегда трезвый и находчивый Засурскій зналь всё ходы и выходы, то и дёло бываль въ городё по своимъ и общественнымъ нуждамъ, объяснялся съ исправникомъ, даже съ начальникомъ губерніи, а въ качествё довёреннаго у земскаго начальника или на съёздё, чего онъ особенно добивался, отличался грубостью и тотчасъ же послё разбирательства требовалъ «скопію», угрожая тёмъ, что дойдетъ до высшаго начальства, а отдавая отчеть въ своихъ дёйствіяхъ и расходахъ по дёлу, громко жаловался на пристрастіе суда, по его мнёнію, всегда подкупленнаго помёщиками и вообще состоятельными людьми. Попавши въ церковные старосты, Засурскій, при всемъ наружномъ и напускномъ смиреніи и желаніи послужить храму Божьему, въ скоромъ времени принялся распоряжаться церковными деньгами, какъ своими собственными, пуская ихъ въ оборотъ, а при первой попыткё «батюшки» положить конецъ такимъ аферамъ наводнилъ консисторію своими доносами, смъло шелъ къ архіерею и вообще держалъ весь причтъ въ постоянномъ ожиданіи новыхъ непріятностей.

Послѣ увольненія отъ званія церковнаго старосты, положеніе Засурскаго нѣсколько пошатнулось, тѣмъ болѣе, что при земскихъ начальникахъ ловля рыбы въ мутной водѣ часъ отъ часу становилась все болѣе и болѣе опаснымъ занятіемъ. Но какъ разъ въ это самое время обитатели Никольской волости, отъ мала до велика, заговорили о Сибири, съ этой минуты сдѣлавшейся завѣтной мечтой ихъ жизни.

Со своей обычной смётливостью Засурскій прежде всёхъ сообразилъ значеніе руководителя народнаго движенія и смёло выступилъ впередъ, въ одинаковой степени увлекаясь матеріальными выгодами и желаніемъ удовлетворить затаенную, но давно уже кипъвшую въ немъ страсть къ власти и вліянію на окружающихъ. Неукротимый и смёлый до наглости, всегда готовый дать самый ръзкій отпоръ всякому начальству, точно пробуя, до какой черты можно довести эту ръзкость и грубость, и тъмъ самымъ пріобрътая все болве обаянія въ глазахъ своихъ смиренныхъ односельцевъ, онъ разомъ охладълъ ко всему остальному, кромъ жгучаго желанія поднять какъ можно больше народу и вести его въ обътованную землю. Ему уже не сидълось на мъстъ, не спалось, ему опротивела муравычная хозяйственная деятельность, и воть дни и ночи слоняясь по ивбамъ или толкаясь на базарахъ, онъ громко, на всёхъ перекресткахъ, заговорилъ о милостяхъ и льготахъ, препоставленных переселенцамъ и тщательно скрываемыхъ властями въ угоду помъщикамъ, и во главъ имъ же наэлектризованной толны врывался въ волостное правленіе, настоятельно требуя будто бы скрытый указъ и какой-то маршруть до города Томска. Наступательныя действія Засурскаго встретили сильный и неожиданный для него отпоръ со стороны земскаго начальника, единственнаго въ своемъ родъ разносителя, не задумывавшагося ни передъ накими мерами, чтобы только остановить непонятное для него, а потому и ненавистное переселенческое движеніе, не зам'ьчая того, что своимъ вмешательствомъ только усиливалъ и раздувалъ брожение.

Дѣло пошло на то, кто скорѣе утомится въ постоянной борьбѣ, то-есть наскучить ли «Пугачу», какъ обыкновенно называль Засурскаго земскій, сидѣть въ арестномъ домѣ, или земскому—то и дѣло примѣнять къ нему 61 ст. положенія о земскихъ начальникахъ.

То возвращаясь, то снова отправляясь на высидку, то-есть въ холодный хлъвъ, находящійся при каждомъ волостномъ правленіи, Засурскій въ нъсколько преувеличенномъ видъ описывалъ претерпънныя имъ гоненія и истязанія. Онъ говорилъ своимъ довърчи-

вымъ слушателямъ: «Ходу нигдъ не дають! Его святая воля—претерплю до конца, а пропаду, такъ добрые люди, можетъ быть, попомнятъ мои заслуги и семью не оставятъ».

Жалкія слова вызывали общее сочувствіе, а окрестные жители въ глубинъ своей мужицкой души были вполнъ увърены, что Засурскій страдаетъ невинно, страдаетъ за міръ, что только возвышало его въ глазахъ народа, окружая ореоломъ мученика. При всемъ томъ Засурскій не унимался, «билъ на отчаянность», какъ выражались о немъ мужики, и ободряя себя тъмъ, что дальше солнца не угонятъ, упорно продолжалъ свое дъло и въ концъ концовъ получилъ таки разръшеніе ъхать въ Сибирь въ качествъ «ходока».

Въ два-три дня были собраны деньги на путевые расходы, и нашъ «ходокъ», получивъ проходное свидътельство и кстати подавши десятокъ прошеній на притъсненія и даже истязанія, будто бы претерпънныя имъ оть земскаго, направился въ далекую Сибирь отыскивать участокъ земли на 1.400 душъ переселенцевъ. Онъ, какъ достовърно извъстно, доъхалъ только до Тюмени, откуда совершилъ нъсколько экскурсій въ сосъднія селенія, а, вернувшись домой, принялся разсказывать небылицы о видънныхъ имъ собственными глазами привольныхъ мъстахъ:

«Быль въ Барнауль, въ Омскв, въ Томскв; есть казенные участки, есть кабинетные; рекрутчины не полагается, денежное пособіе каждому отъ 100 до 150 рублей и все прочее—по положенію: лошадь, корова, 25 десятинъ душевого надъла; подати не платить до справы», —бойко расписываль «ходокъ», усвоившій себь не поддающееся описанію презрительное отношеніе къ житью на старыхъ мъстахъ. Онъ быль твердо убъжденъ, что, сочиняя всякій вздоръ, выручаеть и спасаеть своихъ односельцевъ и вообще поступаетъ по совъсти, заставляя ихъ расплачиваться за понесенные труды и заботы, а, можеть быть, и самъ находился подъ обаяніемъ простора и приволья окрестностей Тюмени.

Трудно вообразить себѣ восторженное настроеніе народа, далеко превосходившее все то, что совершалось на нашихъ глазахъ въ первое время послѣ освобожденія крестьянъ. Обыденная, трудовая деревенская жизнь была уже не мыслима при такомъ настроеніи Никто не помышлялъ о настоящемъ, и какъ на крыльяхъ полетѣло время въ нескончаемыхъ сходкахъ, толкахъ и предположеніяхъ. Обезумѣвшіе отъ радости мужики опрометью бѣжали къ сосѣднимъ землевладѣльцамъ и управляющимъ, чтобы отказаться отъ испольной или наемной, даже засѣянной земли и отъ всякихъ взятыхъ по условію работь. Каждый изнывалъ отъ нетерпѣнія въ ожиданіи счастливаго момента, когда будетъ разрѣшена продажа строеній и движимости. Дошло до того, что крестьяне сосѣдняго села, чтобы навсегда уже покончить съ опостылѣвшей землей, порѣшили ра-

зомъ продать всё сошники и полицы и, сложивши на воза, привезли къ сельской кузнице и спустили за полъ-цены.

Въ эту минуту живо воскресаеть въ моей памяти необычайное льто 1892 года. Бывшаго затишья какъ не бывало. Густой толпой окружалъ народъ избу своего вожака, издалека слышится неумолкаемый говоръ, никто уже не думаетъ ломать шапку передъ господами и управляющими, и только ученики нашей земской школы, чуждые всякой вражды и напускной злобы, стрълой мчались ко мив на встрвчу и, весело прыгая вокругь полевыхъ дрожекъ, приглашали меня виъстъ съ ними идти на «новую линію». Обыкновенно пустынная проселочная дорога, ведущая отъ моего хутора къ селенію, мгновенно оживилась постоянно двигавшимися по ней пъшеходами, телъгами и верховыми, спъшившими къ вожаку, на глазахъ у всего начальства, въ двухъ шагахъ отъ волостного правленія, устроившаго въ своемъ дом' что-то въ род' переселенческой конторы, всегда переполненной своими, а болбе всего пришлыми издалека мужиками. Съ большимъ трудомъ, задыхаясь отъ духоты, пробивались они къ столу, за которымъ важно засъдалъ Засурскій. рядомъ съ только что отбывшимъ наказаніе, по рішенію окружнаго суда, волостнымъ писаремъ, снова попавшимъ въ свою родную сферу настольныхъ, входящихъ, исходящихъ, посемейныхъ списковъ, жженаго сургуча и другихъ атрибутовъ письмоводства. Желающіе записывались въ ту или другую книгу, смотря по желанію получить большой или средній надёль, и туть же безпрекословно уплачивали следующія съ нихъ деньги сполна, получая даже квитанціи.

Какъ разъ во время одного изъ такихъ засѣданій къ отворенному окну протѣснился отставной унтеръ-офицеръ Евграфычъ, едва ли не единственный непреклонный противникъ Засурскаго, съ завистью слѣдившій за успѣхами «сиволапаго мужика», какъ онъ обыкновенно называлъ своего антагониста.

Евграфычъ заглянулъ въ избу и остолбенълъ, увидавши форменный, покрытый зеленымъ сукномъ столъ, форменныя кциги, форменную чернильницу (онъ былъ величайшій поклонникъ всего форменнаго), а, главное, своего заклятаго врага, передъ которымъ, все увеличиваясь, лежала куча грязныхъ кредитныхъ бумажекъ и мъщокъ для мелочи.

- Что скажешь?—спросилъ «ходокъ», нахмуривъ брови и слегка повернувъ голову въ сторону застывшаго отъ удивленія сосъда.
- А воть что скажу я тебѣ, самозванный казначей,—нашелся Евграфычъ:—ты деньги собираешь, въ мѣшокъ сыплешь, а самъ и считать-то не умѣешь, дай-ка я пересчитаю,—но ему не дали продолжать, и онъ, этотъ исполненный чувства собственнаго достоинства, «умственный», можно сказать, первый человѣкъ въ волости, былъ моментально выброшенъ изъ толпы съ помятыми боками.

IV.

Прежде чёмъ стану продолжать, я познакомлю читателей съ Васильемъ Евграфовичемъ Абрамовымъ, личностью, весьма любопытной какъ по своимъ индивидуальнымъ качествамъ, такъ и по выдающейся роли, которую ему суждено играть въ нашемъ разсказъ.

Мы уже сказали выше, что это быль отставной унтерь, высокій блондинъ, съ круглыми, мягкими и привлекательными чертами лица, обросшаго курчавой бородкой, и большими выпуклыми сърыми глазами, свётившимися дётскимъ любопытствомъ и наивностью... Отъ нечего дълать онъ способенъ былъ цълые дни слоняться по селу, высматривая подходящаго человёка, съ которымъ можно было бы покалякать часокъ-другой, но въ крайнемъ случав охотно болталь съ первой, попавшейся на глаза деревенской кумушкой, лишь бы она его слушала. Голосъ у него былъ очень пріятный, но неудержимо льющаяся річь въ конців-концевъ сливалась въ какой-то неудержимый потокъ, въ которомъ ничего уже не возможно было разобрать. Ожидаешь, вотъ-вотъ конецъ, но конца никогда не было, и воды всегда доставало. При всемъ томъ между крестьянами онъ всегда пользовался большимъ почетомъ и репутаціей умственнаго челов'єка и занимательнаго разсказчика. Онъ считалъ себя компетентнымъ лицомъ рёшительно по всёмъ вопросамъ жизни и отраслямъ знаній; до страсти любилъ почитать и съ одинаковой свободой и увъренностью говорилъ о воздухоплаваніи, о Суворов'в или Бисмарк'в, всегда любопытствуя знать, до чего дошли теперь великіе умы.

Евграфычь жиль, что называется, въ свое удовольствіе, не скопидомствоваль, любиль угостить и угоститься и, постоянно переходя оть одного угощенія къ другому, потеряль всякую способность пьянъть. Никто не видаль его пьянымъ. Солдатскаго въ немъ осталось очень мало, только развѣ твердая увѣренность въ томъ, что между нимъ, видавшимъ виды артиллеристомъ, и «сиволацымъ мужикомъ» существуеть громадная разница, да еще привычка держать шапку по формъ лъвой рукой, донышкомъ вверхъ. Чтобы вполнъ опънить этого достойнаго человъка, нужно было хоть разъ увидать его во время исполненія обязанности волостного судьи, къ которой онъ относился съ постояннымъ увлечениемъ, поражая даже писарей знаніемъ законовъ, а главнымъ образомъ своими смёлыми экскурсіями въ область, скорбе въ пучину кассаціонных в решеній сената. На судъ онъ былъ первымъ лицомъ и, обладая могучими дегкими, постоянно бралъ верхъ надъ своими товарищами, обыкновенно хранившими модчаніе, или сладко дремавшими подъ шумокъ рвчей въ жарко натопленной комнать присутствія,

— «Ты милый человъкъ», —съ нъкоторой торжественностью приступалъ Евграфычъ къ обвиняемому, --«откройся намъ, какъ на духу, ничего не утаивая и не скрывая какь законъ повелвваеть», и, внимательно выслушавъ стороны, прилагалъ все стараніе, чтобы какъ можно скорбе примирить враждующихъ, и почти всегда достигалъ этого. Въ то же время онъ убъждалъ своихъ товарищей не томить народъ и какъ можно скорве распускать по домамъ. Такимъ образомъ, заставивши большинство тяжущихся примириться, перецёловаться, даже поклониться другь другу въ ноги, Евграфычъ, съ сознаніемъ исполненнаго долга, выходиль изъ волостного правленія и, окруженный старыми и новыми пріятелями, направлялся прямо въ питейный, а потомъ приглащалъ къ себъ всю честную компанію, - всёмъ было весело и привольно сидёть въ его на рёдкость опрятной и уютной избъ съ множествомъ лубочныхъ картинъ на чистыхъ бревенчатыхъ стенахъ, съ тяжелыми, блестевшими фольгой, образами въ углу, бросавшейся въ глаза лампадой въ видъ голубя, громаднымъ, свътлымъ, какъ солнце, самоваромъ, пыхтъвшимъ на столъ, покрытомъ красной скатертью, и до полуночи слушать всегда интересные и занимательные разсказы радушнаго, много видавшаго на своемъ въку, хозяина.

Когда въ нашей волости закипъло переселенческое движеніе, Евграфычъ, какъ ярый консерваторъ и законникъ, всячески убъждаль народъ не трогаться съ мъста и на всъ уговоры пристать презрительно отвъчалъ: «Знаемъ, знаемъ, давно знаемъ. Это вы на счетъ медовыхъ ръкъ да кисельныхъ береговъ—доподлинно знаемъ: еще отъ покойной бабушки, царство ей небесное, слышалъ, да не на таковскаго напали,—не былъ, да и не буду такимъ дуракомъ, чтобы связаться съ вами, малодушными людьми». И самые горячіе поклонники Засурскаго поневолъ умолкали и отходили прочь.

Для полной характеристики Евграфыча, безъ котораго, кстати сказать, не могли обойтись ни одна свадьба, ни однъ крестины въ мало-мальски зажиточной семъъ, остается добавить, что, при всей своей видимой обезпеченности, чему много способствовало судейское жалованье, вознагражденіе, получаемое отъ общества за лошадь, постоянно находившуюся при пожарномъ обозъ, и другіе невинные доходы около міра, его ръдко видали въ полъ за сохой или съ серпомъ въ рукахъ, а всъ лътнія работы совершались какъ-то сами собой, съ помощью безчисленнаго множества сватьевъ, кумовьевъ, кумушекъ и помочей, то-есть угощеній, на которыя Евграфычъ никогда не скупился.

Такъ вотъ каковъ былъ беззаботный и счастливый, какъ птица, Василій Евграфычъ Абрамовъ, этоть едва ли не самый довольный и по своему развитой человъкъ во всей Никольской волости.

Между тъмъ, невзирая на оппозицію такого вліятельнаго чело-

въка, какъ Евграфычъ, переселенческое движеніе летъло на всъхъ парахъ, чему много способствовало отсутствіе высшаго начальства, по обыкновенію разъвхавшагося въ отпуска отдыхать отъ зимнихъ трудовъ, понесенныхъ на пользу общества, и даже не пытавшагося серьезно подумать надъ вопросомъ о томъ, предоставить ли полную свободу переселенія, или во что бы то ни стало удерживать народъ на старыхъ мъстахъ.

Городскіе чиновники аккуратнъйшимъ образомъ собирались въ присутствіе, усаживались за длинный столъ, накрытый зеленымъ сукномъ, писали протоколы, что-то подписывали и предписывали, а когда обсуждался вопросъ первой важности, то даже вступали въ горячіе споры, впрочемъ, клонящіеся болье къ тому, чтобы доказать другь другу, кто умнье и современные, и въ заключеніе постановляли, казалось бы, блестящія резолюціи, при всемъ томъ, въ примыненіи къ деревны и ея быту оказавшіяся не настолько превосходными, какъ это предполагалось въ канцеляріи.

Въ самый разгаръ лътнихъ работъ волостные старшины, ихъ помощники, а, главное, писаря, спъщили какъ можно скоръе исполнить предписанія губернскаго начальства, задавленнаго массой прошеній о переселеніи, и только и ділали, что разъйзжали по селамъ и деревнямъ для составленія описей, не имъвшихъ ничего общаго съ дъйствительностью, при чемъ оказывалось, что въ нашей мъстности никакихъ заработковъ нътъ и быть не можетъ, арендныя цъны на земли чрезмърно высоки, а денежныя средства переселенцевъ послъ продажи ихъ въ сущности ничего не стоящей движимости будуть вполнъ достаточными для перваго обзаведенія въ Сибири. Само собою разумъется, что всъ попытки крестьянъ были направлены къ тому, чтобы попасть въ списки счастливцевъ и какъ можно выше оцънить свое имущество, не останавливаясь ни перелъ какими приношеніями и угощеніями. Въ списки сплошь и ряломъ попадали или круглые бъдняки, или к естьяне, давнымъ давно бросившіе соху и отставшіе отъ земли.

Въ то же время отуманенный своимъ успѣхомъ «ходокъ» самоувѣренно и безповоротно шелъ къ намѣченной цѣли, какъ можетъ только идти человѣкъ, проникнутый чувствомъ долга и повинующійся этому чувству, но въ то же время онъ никакъ не могъ справиться съ жгучимъ желаніемъ еще болѣе подняться въ глазахъ народа и удовлетворить самолюбіе и потому, время отъ времени, придумывалъ и распускалъ совсѣмъ уже невѣроятные слухи въ родѣ того, что полученъ указъ, чтобы помѣщики переселяли народъ на свой счетъ, или же, что крестьянамъ строго-настрого воспрещается работать у помѣщиковъ, подъ страхомъ снова быть закрѣпощенными. Озлобленные старосты и старшины тотчасъ же доносили по начальству о новыхъ подвигахъ «ходока», а пылкій начальникъ немедленно привлекалъ его къ суду за распространеніе ложныхъ слуховъ, и опять начинались все болѣе и болѣе продолжительные аресты, кончившеся тѣмъ, что противъ Засурскаго были приняты строжайшія мѣры.

— «Закли, закли, совски закли», — вски и каждому жаловался «ходокъ» и, только что давши подписку о невыкздк изъ села Никольскаго, неожиданно исчезъ и на мірской счетъ укатилъ въ Питеръ съ жалобой на притесненія со стороны начальства и помещиковъ.

v.

Воть что разсказываль «ходокъ» по возвращении изъ столицы. «Прівхаль въ Питеръ, хожу по улицамъ, точно въ люсу, - спрашиваю: гдё найти министра, а никто не указываеть -- всёмъ некогда, всв бъгуть и скачуть, точно на пожаръ; встрвчаю милостивато человъка, поглядълъ, поглядълъ онъ на меня и спрашиваетъ: «откудова, зачёмъ и по какому д'кту?>--«Такъ и такъ говорю, житья нъть от земскаго Пътухова, просимся цълой волостью въ Сибирь «на новую линію», а насъ силкомъ удерживають и не пускають». Тогда этотъ самый милосердный человъкъ взялъ меня за руку, повелъ въ гостиницу и спросилъ вина. Я говорю-сроду не пью, спросиль порцію чаю, заплатиль 80 копескь, похвалиль за то, что не пью водки, взяль документы, почиталь, подумаль и показаль дорогу къ министру. Вижу: дворецъ изъ цъльнаго бълаго мрамора, перекрестился и пошелъ по золото і л'єстницъ. Доложили, вышелъ дежурный и поступиль со мной сурово, а прошеніе взяль, положиль подъ сукно и приказаль навъдаться черезъ недълю. Я оробіль и сталь собираться ко дворамь, а туть, хвать, входить тоть самый милосердный человъкъ, что поилъ меня чаемъ, только въ расшитомъ мундиръ, при саблъ и звъздахъ-сейчасъ затопалъ но-гами и закричалъ: «гдъ прошеніе?». Дежурный подаетъ прошеніе, а самъ дрожить, какъ листь такъ испугался. Тогда милосердный начальникъ обласкалъ меня и говорить: «Не тужи, Александръ Ивановичь, все разберу и устрою къ лучшему, а ты поважай домой, чгобы не проживаться попустому, на дорогихъ харчахъ, а ко миъ смъло инши и телеграммы посылай на мог имя».

Казалось бы, что можеть быть нельпье приведеннаго разсказа, а между тымь онъ переходиль изъ усть въ уста, возбуждалъ восторгъ и повторялся такъ часто, что его знали наизусть на 50 верстъ вокругъ села Никольскаго.

Вскорѣ мнѣ пришлось быть въ волостномъ правленіи и неожиданно столкнуться съ Пѣтуховымъ, прискакавшимъ для того, чтобы произвести строжайшее дознаніе по поводу самовольной отлучки «ходока» въ Петербургъ.

Задавшись мыслью въ точности воспроизвести картину переселенческаго движенія въ нашей глухой мѣстности, я, волей или не-

волей, вынужденъ коснуться личности Пѣтухова, бывшаго мирового судьи, долгое время занимавшаго эту должность въ одной изъ губерній верхняго Приволжья.

Прежде всего П'туховъ, со своимъ моложавымъ не по л'тамъ лицомъ, черными съ проседью, вьющимися волосами, ниспадавшими по объимъ сторонамъ всегда тщательно сдъланнаго пробора, блестящими темными глазами и закрученными вверхъ усами, въ неизмънной синей поддевкъ съ таліей на серединъ спины, красной шелковой рубахв и широчайшихъ шароварахъ, спущенныхъ на высокія голенища сапогь, могь бы быть великольпной моделью для художника, задавшагося мыслью изобразить русскаго молодца, изъ числа широчайшихъ натуръ — къ нему даже шла русская удаль. Несомивнно, обладая добрымъ сердцемъ, онъ въ то же время менье всего быль способень къ исполнению возложенной на него обязанности, и то безъ всякаго повода накидывался на всёхъ присутствовавшихъ въ его камеръ, помышлявшихъ единственно о томъ, чтобы, какъ можно скорве, съ помощью Господа, унести ноги, то вдругь переходиль къ крайней фамильярности и братался съ каждымъ встречнымъ и поперечнымъ. Мит остается добавить, что Пттуховъ, какъ человъкъ, сильно поломанный жизнью, какъ неудачникъ, постоянно боровшійся съ изв'єстной слабостью, загубившей много даровитьйших в русских людей, въ общемъ внушалъ не только сожальніе, но даже невольную симпатію.

Я вошель въ волостное правление какъ разъ въ ту минуту, когда начальникъ, озадаченный смущеннымъ видомъ сельскихъ властей, безпокойно оглядываясь, спросилъ: «Что случилось? Я хочу знать, что случилось!» Наконецъ волостной писарь, собравшись съ духомъ, доложилъ, что Засурскій только-что при всемъ народъ объщать переломать ноги всему начальству и даже...

-- Сюда его!--не дослушавъ до конца, заревътъ земскій.

Все замерло въ ожиданіи чего-то страшнаго. Я проклинать судьбу, поставившую меня свидітелемъ такой сцены. Дицо Пітухова сдівлалось серіозно и гнівно; онъ быстро повернулся къ «ходоку» и точно изъ ружья выпалилъ: «обіщаль!»

- Общалъ, послышалось среди мертвой тишины. Лицо, взглядъ, каждое движеніе «ходока» дышало отвагой и непомърной гордостью.
- Счастливъ твой Богь, что не струсилъ,—неожиданно для всъхъ продолжалъ мгновенно успокоившійся Пфтуховъ,—а на прощанье воть что скажу тебъ: я одной рукой шесть пудовъ поднимаю... Можетъ, слыхалъ, а не слыхалъ, такъ попытай, я побду безъ провожатаго, ночью, такъ выходи на дорогу. А теперь уйди ты отъ меня, сдълай милость.

Присутствующіе были поражены, а наблюдательный, знающій мужика человъкъ, тотчасъ бы поняль, что всѣ безъ исключенія

были довольны такимъ неожиданнымъ рѣшеніемъ. Этого мало, самъ «ходокъ» съ уваженіемъ посмотрѣлъ на своего заклятаго врага, противъ обыкновенія поклонился ему въ поясъ и вышелъ.

При всемъ томъ «ходокъ», обладавшій большою твердостью духа и способностью съ философскимъ теривніемъ переносить удары злого рока, едва ли не съ большей энергіей продолжаль свое дёло и, почему-то придавая особенное таинственное значеніе телеграммамъ, то и дёло посылалъ ихъ то въ Сибирь, то въ Петербургъ; а получивъ отвётъ, прямо съ телеграфной станціи, съ видомъ побёдителя, поднимался по крутой лёстницѣ, ведущей въ губернское присутствіе, чтобы, часъ спустя, положивши въ лоскъ гуманныхъ членовъ, съ помощью швейцара, быстро спуститься съ той же самой лёстницы, съ телеграммой въ каждой рукѣ.

Наконецъ пришла бумага, въ которой, къ отчанню «ходока», предписывалось: «объявить съ подписью, именующему себя уполномоченнымъ NN губерніи и увада, Никольской волости, Александру Иванову Засурскому, что, по докладъ всеподданнъйшаго прошенія его о разръшеніи названнымъ крестьянамъ переселиться на казенныя земли въ Западной Сибири, соизволенія на означенное ходатайство не послъдовало, такъ какъ изъ сообщенныхъ по настоящему дълу свъдъній усматривается, что изъ означенныхъ свободныхъ казенныхъ земель еще не приготовлены участки для водворенія переселенцевъ».

Послѣ полученія такой бумаги, обезкураженный «ходокъ» возвратился восвояси и, избѣгая людей, тайкомъ пробравшись въ свою избу, залегь на лавку, укрывшись съ головой овчиннымъ тулупомъ и не отвѣчая на вопросы вскорѣ осадившей его толпы любопытныхъ. Проходятъ дни; миновала недѣля, а «ходокъ» пластомъ лежалъ подъ своимъ тулупомъ, не подавая признаковъ жизни.

Мужики тотчась же смекнули, что дѣло не ладно. На улицѣ толпился народъ: вездѣ шли оживленные толки. Жена «ходока», впопыхахъ накинувъ зицунишко, побѣжала къ извѣстной, жившей верстахъ въ пяти, знахаркѣ и, останавливая всѣхъ попадавшихся ей
на дорогѣ, зативаясь слезами, объявляла, что мужъ ея вотъ уже
седьмой день не ѣстъ, не пьетъ и лежитъ безъ языка. Деревенскія бабы пошли еще дальше: онѣ переполнили избу и, усѣвшисъ
рядкомъ вокругъ больного, стали причитать надъ нимъ, какъ надъ
покойникомъ. А между тѣмъ «ходокъ», лежа подъ тулупомъ, думалъ
крѣпкую думу и съ свойственной ему проницательностью соображалъ, что при такомъ оборотѣ дѣла, когда переселеніе отложено
на два года, мужики, пожалуй, сразу остынутъ и, чего добраго, потребуютъ обратно собранныя имъ деньги.

Выходъ нашелся: какъ человъкъ убогій, разбитый параличемъ, безъ языка, онъ прежде всего продаль лошадей и всю скотину, а затъмъ, къ удивленію Евграфовича, зорко слъдившаго за

своимъ заклятымъ врагомъ, на самой зарѣ, когда все еще спало въ деревнѣ, пріѣхали чуващи сосѣдняго селенія, живо сломали купленный домъ «ходока», а потомъ увезли и все надворное строеніе, за исключеніемъ одной только конюшни, куда поспѣшилъ перебраться страдалецъ, и гдѣ на скорую руку была сложена небольшая печь и прорублено окно. И вдругь, моментально, «ходокъ» превратился изъ самаго зажиточнаго мужика въ голаго бобыля. Бѣдность, отчаянная бѣдность такъ и бросалась въ глаза каждаго: кафтанъ и полушубокъ въ дырьяхъ; дворъ загороженъ тонкими жердями; вмѣсто просторной избы—конюшня.

Около постели страдальца, на низкой скамеечкъ, спиной къ окну постоянно сидъла старая дъвка-черничка и неторопливо, нараспъвъ читала душеспасительныя книги.

«Ходокъ» неподвижно лежалъ все подъ тъмъ же тулупомъ, съ полузакрытыми глазами и слушалъ съ большимъ вниманіемъ.

Возмущенный ловкой продёлкой «ходока», въ порывё негодованія нагрянуть земскій. Но и его, при видё такой трогательной сцены, схватило за сердце, и онь остановился, какъ вкопанный, съ блёднымъ лицомъ и влажными глазами.

— Александръ Ивановичъ! — вскрикнула испуганная чтица: — господинъ земскій начальникъ пришелъ.

Больной завозился, хотёлъ подняться, но не могъ.

— Лежи, лежи, не безпокойся, вижу, что боленъ,—пробурчалъ земскій.—Не нужно ли чего?

Молчить.

— Не прислать ли тебъ доктора?

«Ходокъ» упорно молчалъ. И не дождавшись отвъта, взволнованный начальникъ вышель изъ темной избенки.

Когда все нѣсколько успокоилось, «ходокъ» видимымъ образомъ статъ лучше; онъ уже произносиль нѣкоторыя слова, хотя и съ большимъ трудомъ, а потомъ говорилъ, и, прежде всего, о томъ, чтобы мужики не сдавались и ждали. Одно малоземельное общество при помощи крестьянскаго банка соблазнилось купить по небывало дешевой цѣнѣ подходящій участокъ отличной земли, но вмѣшательство «ходока» разстроило выгодную сдѣлку, а когда, по распоряженію всегда не въ мѣру строгаго или не кстати слабаго начальства, примчался земскій и настоятельно потребовалъ подписку въ томъ, что переселенцамъ объявленъ и прочитанъ циркулярь объ отсрочкѣ самаго переселенія на два года, онъ заметался въ своей клѣтушкѣ, какъ раненый звѣрь, настаивая на томъ, чтобы никакой подписки не давать.

Масса народа привлечена была къ отвътственности и приговорена къ мъсячному заключенію въ городскомъ арестномъ домъ. Услыхавши о такомъ строгомъ приговоръ, мужики стали безропотно собираться въ дорогу, уложили кое-какое тряпье и кусочки

«истор, въсти.», январь, 1900 г., т. сххіх.

хатьба въ сумочки и, закинувши ихъ за спину и взявши посохи въ руки, безпрекословно, длинной вереницей двинулись въ путь, точно на богомолье, испытывая сродное русскому человъку радостное настроение добровольнаго мученичества.

Однъ только бабы, провожая мужиковъ, сочли необходимымъ голосить источными голосами:

«Послъдніе наши денечки пришли!»

Послѣ этого наступилъ двухъ-лѣтній періодъ полнаго затишья. Мужики напустили на себя какой-то слишкомъ уже безобразный видъ, прилагая все стараніе къ тому, чтобы казаться какъ можно равнодушнѣе къ землѣ и всякимъ, хотя бы и самымъ выгоднымъ, предложеніямъ помѣщиковъ, которыхъ считали единственными виновниками неожиданной задержки.

А между тъмъ нашъ великолъпный черноземъ и одолжалъ дълать свое пъло и давать хорошіе урожан. Особеннымъ изобидіемъ отличался 1893 годъ, и мы давнымъ давно не видали такого урожая, какъ ржи, такъ и овса, что случается редко даже въ нашей плопородной мъстности. Въ былое время такой необычайный годъ могь бы надолго поднять и упрочить благосостояние тружениковъ земли, но, при существовавшемъ въ то время настроеніи, при явно враждебномъ отношеніи мужика къ земль, счастливыйшій годъ только увеличиль общія загрудненія и поставиль насъ въ еще болбе тяжелыя условія жизни. Потребовалась масса рабочихъ рукъ, поналобились жнецы, возчики безчисленнаго множества сноповъ, молотильщики; работы было пропасть. Еще не такъ давно до голоднаго года не было бы отбоя отъ желающихъ, но въ настоящее время мужикъ, считавшій себя какимъ-то подневольнымъ гостемъ, временно остающимся на мѣстѣ, или упорно отказывался оть работы, просто изъ одного желанія насолить и поглумиться, или же заламываль такія цёны, о которыхь никто и не слыхиваль въ нашихъ палестинахъ.

Нетерпѣливое, мучительное ожиданіе въ конецъ истомило народъ, но забытые, запущенные ключи народной жизни продолжали кипѣть подъ спудомъ и проситься наружу. На страстной недѣлѣ 1893 года въ одномъ изъ большихъ селеній нашего уѣзда открылась бойкая распродажа всякой движимости крестьянами, порѣнившими съ первыми же пароходами, не дожидаясь истеченія двухъ-лѣтняго срока—бѣжать въ Снбирь. Два-три мѣсяца тому назадъ, исправникъ закричалъ бы не своимъ голосомъ: «задержать, арестовать», но въ эту минуту власть уже перешла въ руки человѣка иного направленія, относившагося къ дѣйствительности съ очень благонамѣренной идиллической точки зрѣнія. Онъ былъ убѣжденнымъ врагомъ всякихъ крутыхъ мѣръ и потому посовѣтовалъ уже закипѣвшему негодованіемъ полицейскому чиновнику смотрѣть на самовольное переселеніе сквозь пальцы и даже добавилъ: «зачѣмъ мѣшать—чѣмъ больше уйдеть народу, тѣмъ лучше».

Совътъ былъ ужасно простъ и удобоисполнимъ и—«чъмъ больше уйдетъ народу, тъмъ лучше!»—словно эхо, подхватилъ исправникъ и только что не поощрялъ самовольное переселеніе.

Находясь въ неизмѣнно хорошихъ отношеніяхъ съ сосѣдними крестьянами, я изнемогалъ отъ ежедневныхъ, неизбѣжныхъ и въ то же время безплодныхъ преній съ чающими движенія воды.

- Всѣ до единаго уйдемъ, и ничего не останется на старыхъ мѣстахъ, кромѣ церквей безъ прихожанъ, училищъ безъ учениковъ и господскихъ усадебъ безъ работниковъ,—утверждали мужики.
- Но куда же?—въдь сами не знаете, куда идете,—пробовалъ и возражать.
- Знаемъ... перебивали меня на первомъ же словъ: вотъ какъ знаемъ, что лучше и не надо знать: лъсу, сколько хочешь; земли, сколько глазомъ окинепь; рыбы въ ръкахъ—тьча тьмущая. На однихъ кедровыхъ оръхахъ сколько выручишь!

Кедровые оръхи не сходили съ языка переселенцевъ: бабы точно помъщались на этихъ оръхахъ.

- Все это прекрасно,—заходилъ я съ другой стороны,—только одного не понимаю: жалуешься ты на невозможное житье, а между тъмъ скажи по совъсти: откуда взялся у тебя такой дворъ, три матки по 100 руб. каждая, коровы, овцы? Откуда же взялось все это, если невозможно жить на нашей землъ?
- А тамъ, въ Сибири-то... волнуясь наступалъ бородачъ: тамъ я табуны заведу, а домъ такой запалю—не хуже твоего. Завидно тебъ—вотъ что, а если уже больно завидно, такъ пойдемъ съ нами на вольное житье.

Каждый изъ окружающихъ меня крестьянъ имълъ свой особенный взглядь на переселеніе, свои поводы и причины: одинъ шель на «новую линію» отъ хорошаго житья, продавалъ свою кръпостную землю, великолъпныхъ, годами вырощенныхъ лошадей и коровъ. съ единственной цёлью еще пріумножить свое состояніе и разбогатъть; у другого - ни зерна хлъба, ни копейки за душой, - а потому все равно, во всякомъ случат, хочешь не хочешь, а въ началт зимы придется запрячь свою клячу и тхать собирать милостыню; значить, какъ ни кинь, -- все клинъ и терять нечего; третьему просто до смерти надобло полчище всякаго начальства, и ненавистная все болье и болье водворявшаяся законность—этого нельзя, этого не смъй, а подати подай, на волостную, на училище, штрафы плати, въ кутузкъ сиди, ъзди, гдъ показано; а тамъ на «новой линіи» я буду ни барскій ни царскій, а самъ по себ'є; четвертому тъснодо такой степени тъсно, что курицу некуда выпустить, а скотину такъ на дворъ и держи, ни поноить, ни понасти въ чужомъ полъ, ни чужимъ лъскомъ попользоваться-ничего этого нельзя, все подъ великимъ запретомъ; пятому, хозяйственному мужику, мало пашни, свнокосу, а, главное, лъса, составляющаго предметь его постоянныхъ желаній; находились одинокіе дряхлые, безпомощные старики, тоже добивавшіеся попасть въ списки переселенцевъ на томъ основаніи, что и старому воробью и поклевать и полетать хочется; въ самомъ селѣ Никольскомъ нашелся даже такой умственный и степенный мужикъ, который, переселяясь, на всѣ мои предостереженія отвѣчалъ: «мы и здѣсь довольны, слава тебѣ, Господи, одна бѣда: праздники разоряютъ, а тамъ, можетъ, этого и не будетъ». Затѣмъ слѣдовало подробное перечисленіе праздничныхъ расходовъ, до такой степени значительныхъ, что иному бережливому нѣмцу ихъ хватило бы на цѣлый годъ; мой мельникъ, несообщительный и крѣпкій на языкъ человѣкъ, слѣдуя за другими, упорно повторялъ: «хоть вѣтромъ обдуеть—все легче будетъ».

VI.

Наконецъ-то, 20-го февраля 1895 года, земскій отдѣлъ увѣдомилъ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, что съ его стороны по ходатайству отъ лица 68 семействъ крестьянина Александра Засурскаго о надѣленіи ихъ казенной землей въ Томской губерніи министерство внутреннихъ дѣлъ входило въ соглашеніе съ министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, которое въ настоящее время увѣдомило, что съ его стороны не встрѣчается препятствій къ отводу казенной земли. При семъ отдѣлъ считаетъ долгомъ присовокупить, что, кромѣ тѣхъ просителей, ходатайство конхъ признано губернскимъ присутствіемъ заслуживающимъ уваженія, разрѣшено еще 22 семьямъ, обозначеннымъ подъ № 1, 3, 4 и т. д.

Съ этой бумагой въ рукахъ прискакалъ изъ города «ходокъ». Онъ точно выросъ, мгновенно переродившись изъ униженнаго и гонимаго въ настоящаго героя дня, только что почувствовавшаго свою силу. Стоя на телътъ, безъ шапки, промчался онъ на ямскихъ съ колокольчикомъ къ своей юртъ, уныло торчавшей на мъстъ бывшаго двора. День вышелъ праздничный... Ничего не понимая, но предчувствуя что-то необыкновенное, ринулась толпа и смиренно ожидала появленія своего «ходока», наскоро переодъвшагося въ праздничный желтый кафтанъ.

Эффектъ вышелъ полный: Засурскій появился съ бумагой на головъ—онъ несъ ее, какъ какую святую и драгоцънность; за нимъ раболъпно выступилъ заштатный писарь. Среди общаго напряженнаго вниманія началось чтеніе, завершившееся такимъ шумнымъ взрывомъ восторга, какого никогда еще не слыхало село Никольское. «Ходока» обнимали, лобызали, между тъмъ какъ онъ сіяющій, точно озаренный внезапнымъ свътомъ, какимъ-то смягченнымъ, умиленнымъ [голосомъ говорилъ: «Богъ видитъ, какія муки пере-

несъ. Спозналъ, какъ въ «ходокахъ» ходить. Тотъ по шет погонитъ, другой въ кутузку запретъ, и все-таки моя взяла: сказалъ ждите милости, и дождались... Слава Христу Спасителю и Матери его Пресвятой Дѣвъ»,—и онъ истово крестился на храмъ Божій.

То, что произошло послѣ этой сцены, не поддается описанію. Всѣ поздравляли другь друга, точно въ день Свѣтлаго праздника, въ кабакахъ не осталось ни капли вина, никому не сидѣлось въ дому, народъ день и ночь толпился на улицѣ, работы остановились, всѣ мои работники чуть свѣтъ, не спрашиваясь, ушли въ село, чтобы поголовно записаться на «новую линію». Даже старикъ Яковъ и тотъ, бросивъ стадо, побѣжалъ записываться, и того подхватила внезапно нахлынувшая волна. Не выдержалъ и мельникъ, давно уже считавшій мою мельницу своей собственностью, и устремился вслѣдъ за пастухомъ. Изъ лѣсу, точно на пожаръ, прискакалъ лѣсной сторожъ Андрей Зарѣчный и неотступно потребовалъ расчетъ, такъ какъ ему необходимо сейчасъ же собираться въ Сибирь.

Чаща переполнилась, мой хуторъ опустълъ, и въ первоз время я ръшительно не зналъ; что дълать съ брошеннымъ на произволъ судьбы стадомъ, съ лъсомъ и мельницей, и готовъ былъ восклицать: «да куда же мы наконецъ идемъ?»

Канцелярія «ходока» работала въ нѣсколько перьевъ: деньги лились ръкой... Въ нашемъ селеніи стали появляться депутаціи отъ крестьянъ не только своего увзда, но даже изъ Казанской и Нижегородской губерніи. «Ходокъ» принималь ихъ въ торжественныхъ аудіенціяхъ и, какъ мив достоверно известно, браль по 25 рублей за сообщение всякаго вздора о сибирской жизни, считая себя вправъ наврать чортову пропасть и въ то же время искренно убъжденный въ томъ, что говорилъ сущую правду, или, выражаясь правильнее, что все, что говорилось имъ, должно быть именно такъ, какъ онъ описываль. Дошло до того, что священникъ соседняго селенія, зоркій челов'єкъ, остраго ума, просиль похлопотать о назначеніи его пастыремъ въ огромномъ селеніи, мысленно уже распланированномъ «ходокомъ», съ широкими прямыми улицами, каменной церковью по серединъ площади и высокими хоромами «ходока» напротивъ. Засурскій подумаль, поломался и наконецъ об'віцалъ. Вивств съ темъ уже въ силу привычки онъ продолжалъ т и дело посылать прошенія и телеграммы. Только что подавъ ближайшему начальству просьбу о разръшении ему и его довърителямъ отправиться немедленно на заработки въ Томскую или Тобольскую губернію, по письменнымъ видамъ, «такъ какъ неурожайные годы поставили народъ въ такое положение, что всъ должны безпремънно, не дождавшись своего счастья, помереть съ голода и лишиться жизни», какъ уже послалъ въ Петербургъ новое прошеніе следующаю содержанія: «По уполномочію 540 домохозяєвъ, крестьянъ разныхъ обществъ Никольской волости, на исходатайствованіе о переселеніи ихъ на свободныя казенныя земли Томской и Тобольской губерній, получено мною надлежащее разрѣшеніе, а между тѣмъ мы по сіе время остаемся на мѣстахъ, и тѣмъ самымъ отнимается у насъ время на посторонніе заработки, чѣмъ вынуждаютъ меня съ довѣрителями волей или неволей заключать разныя обязательства и обременительныя условія съ помѣщиками и зажиточными крестьянами, какъ-то: брать испольную землю и круговую сдѣлку, и хлѣбный извозъ впередъ, что составляеть для насъ огромную тягость, вслѣдствіе чего я и желающіе, изъ числа 540 довѣрителей, нашлись вынужденными обратиться къ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшей просьбой, дать намъ знать о подробномъ, ясномъ и окончательномъ разрѣшеніи на переселеніе на свободныя казенныя земли Томской и Тобольской губерніи».

Между тъмъ мъсто скоропостижно умершаго Пътухова занялъ благодушный Голубковъ, при всъхъ своихъ симпатичныхъ качествахъ и талантахъ, не чувствовавшій ни малъйшаго позыва къ труду и въ то же время ръшительно не способный хотя бы на мгновеніе оставаться наединъ съ самимъ собой. Вотъ почему, слъдуя непреодолимому душевному влеченію къ обществу, онъ остановился на роли въчнаго гостя и собесъдника скучающихъ помъщиковъ, какъ извъстно, всегда готовыхъ встрътить съ распростертыми объятіями самаго ненавистнаго человъка.

— Изволили отбыть, — всёмъ и каждому говорилъ, одурёвшій отъ скуки и постояннаго одиночества письмоводитель, а, если болже счастливому просителю и удавалось захватить Голубкова, то последній, извиняясь, спешиль сообщить, что собирается ехать на именины къ какой нибудь Аделаидъ Карловнъ, и дълалъ это съ такимъ добродушнымъ, ласковымъ видомъ, что каждому хотълось только расцеловать его и пожелать счастливаго пути. При всемъ томъ и ему, всёми любимому, хотя и неуловимому, Голубкову, волей или неволей пришлось познакомиться съ «ходокомъ». Прібхалъ старшина и донесъ, что тотъ объщалъ сослать его туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ; прівхалъ помощникъ старшины съ жалобой, что тотъ же «ходокъ» при полномъ сходъ назваль его краснобровымъ тетеревомъ; пришли старики, богатые однодворцы нашего прихода, и, валяясь въ ногахъ, умоляли, чтобы начальство защитило ихъ все отъ того же Засурскаго, сманивавшаго ихъ сыновей на «новую линію» и, такимъ образомъ, явно возмущавшаго д'втей противъ родителей.

Вызвали «ходока»; но его разсказы о привольяхъ сибирской жизни — многоводныхъ ръкахъ, полныхъ всякой рыбы, дремучихъ лъсахъ, изобилующихъ штицей и всякимъ звъремъ, до такой степени восхитили начальника, прежде всего охотника въ душъ, что тотъ, заслушавшись разсказа, даже забылъ, что именно долженъ

быль внушить нарушителю общественнаго спокойствія, и не на шутку возмечталь о далекой Сибири, о томъ, что было бы очень недурно получить тамъ добрый кусокъ земли, въ двѣ-три тысячи десятинъ, и сдѣлаться однимъ изъ героевъ Купера.

Такое снисходительное отношеніе къ «ходоку» тотчасъ же отразилось на положеніи дёлъ въ Никольской волости. Сельскія власти рёшительно стали втупикъ и, сбитыя съ толку, не могли уже рёшить, они ли должны наблюдать за «ходокомъ» и въ случаё надобности сажать его въ кутузку, или онъ возьметь, да и лишить ихъ свободы при первомъ удобномъ случаё.

Между тъмъ окончательное разръшение на переселение все еще не приходило, и потому «ходокъ», давно уже отставшій отъ всякой работы, задумаль вторую поъздку въ Сибирь, чтобы лично осмотръть уже отведенный участокъ, обозначить мъста для построекъ, для церкви и вообще приготовить все какъ слъдуетъ къ пріъзду своихъ довърителей. Собрали уже въ третій разъ по 30 копеекъ съ души, и въ концъ апръля 1895 года Засурскій съ первымъ пароходомъ отправился въ Томскую губернію.

Сильно порывался **exaть вм*bст*b съ «ходокомъ» изв*bстный намъ «Евграфычъ», но, по его собственному выраженію, тотъ «перес*вкъ ему дорогу», и онъ остался дома, продолжая ратовать противъ жидомора и лапотника.

- Всъ лъзутъ, словно овцы... и пуще всего эти бабы; ничего не подълаешь, точно щальныя,— безъ умолку кричалъ Евграфычъ:— учить насъ надо, да некому, а учить слъдуетъ, да какъ еще учить-то.
- Очевидно, митніе міра уже усптло окончательно сложиться и окртинуть, и на единственнаго спорщика махнули рукой.

Село Никольское и его обычная жизнь были не узнаваемы. На выгонъ шелъ постоянный базаръ. Въ одномъ кружкъ какой нибудь краснобай горячо передаваль последнюю новость о пятистенныхъ избахъ, къ постройкъ которыхъ уже приступилъ Засурскій на новыхъ мъстахъ; около него, покуривая самодъльныя папиросы и безнечно растянувшись на травъ, ничкомъ лежали слушатели. Рядомъ шелъ оживленный торгъ, и подвыпившій мужикъ, съ заспанными глазами и всклокоченными волосами, показывалъ лошадь барышникамъ, събхавшимся на дешевку. На разбросанныхъ по лужайкъ пологахъ разложены были кучи всякихъ необходимыхъ въ хозяйствъ вещей, продаваемыхъ бабами: горшковъ, ведеръ, боченковъ, холстовъ и т. д., охотно покупаемыхъ своими и чужими поповнами. Въ нъсколькихъ саженяхъ среди общаго смъха и веселья ломали еще совершенно новую избу; черезъ два двора ломали уже три избы подъ рядъ; на углу слышался трескъ раскрываемой тесовой крыши. Изъ оконъ волостного правленія съ любопытствомъ и нелоумъніемъ выглядывали сельскія власти, на этотъ разъ лишенныя возможности вившиваться и препятствовать, а потому молившія Творца, чтобы переселенцы какъ можно скорѣе поднялись и двинулись въ путь.

VII.

Нашъ «ходокъ» возвратился въ концъ мая. Завидъвъ громадную толпу, вышедшую къ нему на встрвчу, онъ вылвзъ изъ телвги и настоящимъ тріумфаторомъ вступилъ въ селеніе. Толпа гудёла, осыная его вопросами такъ, что онъ уже не зналъ, куда повернуть голову, кого слушать, кому отвъчать. Народъ почтительно провожаеть его, боясь проронить хоть бы одно сказанное имъ слово; рабольно следить за каждымъ шагомъ и движеніемъ своего любимца, всматриваясь въ его загорълое лицо; не отстаеть отъ него ни на шагъ, валитъ за нимъ въ волостное правленіе, куда направился «ходокъ» прямо съ дороги и не столько для того, чтобы отдать свой билеть, сколько за тъмъ, чтобы показаться сельскимъ властямъ во всей своей славь; народная толпа тыснится на его дворь, окружаеть мазанку, въ которой онъ скрывается, чтобы хоть на минуту прійти въ себя, наконецъ, рискуя задохнуться, проникаеть въ его жилище, чтобы только уловить хотя бы что нибудь изъ его разсказовъ о Сибири. Вниманіе толны напряглось до невозможности: всв стояли красные и потные оть духоты.

— Лѣсу много, внучатамъ хватитъ, климатъ такой же, какъ и здѣсь,—раздается голосъ «ходока».

Въ избъ, по двору, по всему выгону пронесся радостный трепеть. Онъ продолжалъ:

 Рожь въ ростъ человъка, травы по ноясъ, вода во всемъ участкъ и рыбы тьма тьмущая.

Толпа заходила отъ радостнаго гула.

— Земля одинаковая съ нашей, кедровыми оръхами можно засыпаться съ головой и безбъдно прожить,—продолжалъ ходокъ: вотъ вамъ, глядите сами.

И онъ подаль ближайшимъ собесъдникамъ нъсколько кедровыхъ шишекъ, тщательно завизанную въ платокъ землю и пачку колосьевъ невъроятно высокой ржи.

Эффекть быль полный: сибирскіе гостинцы переходили изъ рукъ въ руки, изъ избы на дворъ, со двора на выгонъ.

— Вотъ что скажу еще...—все болѣе и болѣе одушевлялся «ходокъ», — много труда и горя принялъ, а дѣло довелъ до конца. Участокъ (который ходокъ видѣлъ только на планѣ, въ Томскомъ губернскомъ присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ) выбралъ перъѣйпій... Новые сапоги разбилъ, пока обощель его... Собственными руками столбъ поставилъ и прибилъ доску съ надписью: участокъ Засурскаго.

— Столбъ поставилъ въ полторы сажени и доску прибилъ съ надписью, —повторили мужики, бабы, старики, дѣти, повторило волостное начальство, до котораго точно по телеграфу тотчасъ же доносились послъднія слова «ходока».

Въ эту минуту Засурскій стояль на самой вершинт одуряющаго счастья, неожиданно выпавшаго на его долю.

Внѣ себя отъ волненія внималь счастливцу его постоянный соперникъ Евграфычъ, и въ отуманенной головѣ его впервые зародилась мысль: «а что, если все это не сказки, а сущая правда, и тѣ приволья, о которыхъ говорилось, существують въ дѣйствительности?» Сомнѣнія его становились все сильнѣе и явственнѣе. Онъ уже не могь владѣть собой, точно лихорадка его колотила и, то и дѣло встряхивая волосами, съ унылымъ отчаяніемъ обратился онь къ своему заклятому врагу, съ неотступной мольбой вывести его изъ сомнѣнія и сказать сущую правду.

- А ты бы самъ поискалъ ее, правду-то,—съ обычной суровостью процъдилъ «ходокъ».
- Ну, побожись, что не врешь, сними образъ...—умолялъ окончательно растерявшійся Евграфычъ.

Ходокъ не дрогнулъ и съ высоты своего, въ эту минуту недосягаемаго, величія, оглядывая раболъпную толпу, полъзъ въ уголъ къ иконамъ, истово перекрестился, снялъ одну изъ нихъ со стъны и попъловалъ, свидътельствуя передъ народомъ, что говоритъ сущую правду.

Съ этой минуты Евграфычъ сдълался самымъ ярымъ поклонникомъ ходока и переселенія на новую линію. Съ видомъ блаженнаго бъгалъ онъ по селу, повтория:

— Какія мъста, воть такъ мъста; спасибо Александру Ивановичу, во въки въчные не забудемъ его; село, гдъ поселимся, безпремънно назовемъ «Засуровкой», храмъ Вожій соорудимъ во имя Александра Невскаго.

Обуреваемый желаніемъ играть активную роль, хотя бы ближайшаго помощника ходока, онъ настаиваль на томъ, чтобы переселенцы прежде всего запасались хорошей одеждой и не ударили лицомъ въ грязь передъ начальствомъ, чтобы все было форменно, какъ на смотру, и довърчивые люди безпрекословно слъдовали его совъту.

Популярность и слава «ходока» росла съ каждымъ днемъ. Всъ были увърены, что его ожидаетъ не порицаніе, а одобреніе высшаго начальства, и что онъ получить большую награду за то, что замъстить и уведеть въ Сибирь болье трехъ тысячъ душъ. Эту увъренность раздъляли даже землевладъльцы средней руки и мъстное духовенство.

Точно внезапно налетъвшій ураганъ вдругь подхватилъ массу зипуновъ, кушаковъ, рукавицъ, лаптей, лаптей безъ конца, и на

глазахъ у всъхъ съ страшной силой завертълъ, закружилъ въ пространствъ, готовый унести куда-то за тридевить земель, въ первос время вызывая настоящую панику между землевладъльцами, почуявшими настоящую бъду и возможность полнаго одиночества среди своихъ владеній, безъ работниковъ, безъ всякаго спроса на землю, и воть когда въ нихъ впервые заговорила жгучая тоска по мужикъ, на котораго еще вчера сваливались всъ неудачи и собственные промахи и безъ помощи котораго не могли бы просуществовать однъхъ сутокъ. При всемъ томъ зипуны и лапти продолжали крутиться все на одномъ и томъ же мъсть до самаго начала іюля місяца 1895 года въ нетерпівливомъ, ежедневномъ ожиданіи проходныхъ свидетельствъ, и только 16-го іюня добродушный Голубковъ сообщилъ, что ходокъ, дъйствительно, избралъ для водворенія своихъ дов'єрителей свободный переселенческій участокь казенной земли, такой-то волости Томской губерніи, въ количествъ 2.040 десятинъ удобной земли, а 21-го сентября того же 1895 года все тоть же благодушнъйшій, но неуловимый Голубковъ, твердо державшійся правила «поспѣшишь, только людей насмѣшишь», увъдомилъ губернское присутствіе, что вст переселенцы, крестьяне разныхъ селъ и деревень Никольской волости, вмъстъ съ ходокомъ своимъ Александромъ Ивановичемъ Засурскимъ, 6-го іюля 1895 года, благополучно отбыли на мъсто, указанное имъ для переселенія.

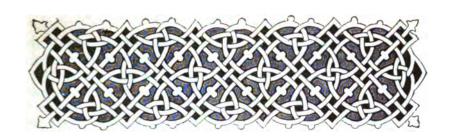
Бумагу записали во входящую и зачислили дёло конченнымъ, нисколько не заботясь о послёдствіяхъ такого событія, для многихъ сотенъ крестьянъ, ушедшихъ на новую линію.

Разъ заведенная машина продолжала неутомимо работать, выпуская ежедневно сотни нумеровъ бумагъ.

В. Назарьевъ.

(Окончаніе въ слидующей книжки).

ИЗЪ ГАЛЛЕРЕИ ИСТОРИЧЕСКИХЪ СИЛУЕТОВЪ.

I.

Графиня А. В. Браницкая.

РОСМАТРИВАЯ недавно собраніе силуетовъ Сидо, изобразившаго намъ дворъ Екатерины, я внезапно почувствовалъ не извъданную еще мною тоску: какимъ-то холодомъ повъяло на меня вдругь отъ этихъ черныхъ очертаній и фигуръ, безжизненныхъ, безкровныхъ; что-то жесткое, безнадежное, запечатлълось въ застывшихъ линіяхъ мертвыхъ лицъ, въ костюмъ и прическъ; хотълось бы оживить этихъ мертвецовъ, увидъть ихъ взглядъ, уловить ихъ

улыбку, создать себѣ ихъ образъ, ясный, отчетливый, вынести о нихъ опредѣленное, яркое впечатлѣніе... Увы, вы видите предъ собою лишь тѣнь лица, а оригинала ея, быть можеть, не увидите никогда. И вспомнились мнѣ уже другія тѣни, тѣни въ исторіи—бездушныя, мертвыя изображенія историческихъ лицъ, душа которыхъ осталась для насъ загадкой, у которыхъ чрезъ ихъ внѣшнее не сказалось для насъ ихъ внутреннее. Хотѣлось бы, чтобы они заговорили о себѣ, объиснили бы намъ свои побужденія, свои дѣйствія, раскрыли бы свою душу, а, между тѣмъ, предъ нами—одно безстрастное изображеніе внѣшнихъ очертаній жизни человѣка, проходившаго такъ же, какъ и всѣ, чрезъ извѣстныя стадіи и такъ же, какъ и всѣ, умершаго чрезъ извѣстное число лѣть послѣ своего

рожденія. Если для историка, вообще, важно знать, чімъ люди живы были въ извъстную эпоху, то, въ примънени къ отдъльнымъ лицамъ, это знаніе является необходимостью: безъ него трудъ біографа, какъ бы ни быль онъ кропотливъ, есть лишь черченіе силуетовъ. Въ русской исторіи такихъ силуетовъ-безъ конца: мы не знаемъ и не хотимъ знать нашихъ предковъ, сожигая ихъ бумаги или продавая ихъ на пуды въ мелочныя лавки. Особенно много въ этомъ отношеніи потерпъли русскія женщины, которыя въ исторіи не могли выразиться всёми чертами своего духа и которыхъ поэтому оцьнивають, главнымъ образомъ, съ спеціально женской точки зрьнія, общей для нихъ всёхъ. Мы попытаемся въ нёсколькихъ очеркахъ оживить нъкоторые женскіе силуэты нашей исторіи конца XVIII и начала XIX въковъ. Для начала возьмемъ силуетъ графини Александры Васильевны Браницкой, любимой племянницы Потемкина, подруги Екатерины II и создательницы огромнаго состоянія Браницкихъ и Воронцовыхъ. Печальна судьба этой исторической женщины: милліоны, ею собранные, частію еще хранятся у ея наслідниковъ, а ея бумаги, въроятно, съъдены уже крысами въ фамильныхъ «архивахъ» Браницкихъ, или похоронены тамъ въ ожиданіи подобной участи.

Александра Васильевна Браницкая извъстна въ исторіи, какъ первая изъ четырехъ красавицъ, родныхъ племянницъ Цотемкина, которыя поочередно были его любовницами. Мать ея, старшая сестра Потемкина, Мароа Александровна 1), выдана была замужъ, задолго до возвышенія своего знаменитаго брата, за смоленскаго дворянина Энгельгардта и умерла послъ 1767 г., оставивъ мужу двухъ сыновей и шесть дочерей, изъ которыхъ пристроенной была одна лишь старшая, Анна Васильевна, при жизни матери вступившая въ бракъ съ дворяниномъ Жуковымъ, а остальныя пять были еще дъвочками. Александръ Васильевнъ было въ 1767 году всего 13 лътъ, а младшей, Татьянъ, не было и года. Первое время сиротства племянницы Потемкина провели подъ надзоромъ его матери, своей бабушки, Дарьи Васильевны, проживавшей сначала въ смоленской своей деревнь, а затьмъ, когда звъзда Потемкина взошла, въ Москвъ, въ собственномъ домъ, у церкви Вознесенія, на Большой Никитской. Въ іюль 1775 года, Екатерина и дворъ ея прибыли въ Москву для празднованія мира съ турками, и Потемкинъ, уже всемогущій фаворить императрицы, увидёль у матери всёхъ племянницъ своихъ, «Энтельгартшъ», изъ которыхъ двъ старшія, Александра и Варвара Васильевны, были уже взрослыми красавицами. Красота Александры Васильевны, очевидно, отуманила голову ея еще молодому, 35-лът-

¹⁾ Такъ называеть ее въ біографіи Потемкина племянникъ ея, гр. Самойловъ (Русск. Арх., 1867, 590). Кн. Лобановъ именуеть ея Еленой Александровной (Русская родословная книга, II, 413).

нему, но властному дядѣ, который при своей распущенности не хотълъ знать препятствій и, пользуясь покровительствомъ императрицы, имѣлъ возможность удовлетворять всѣмъ своимъ страстямъ. Уваженіе къ матери заставило, однако, Потемкина сдержать себя на время. 10 іюля 1775 года, Александра Васильевна Энгельгардтъ пожалована была за заслуги своего дяди фрейлиною ко двору императрицы, а въ декабрѣ того же года вмѣстѣ съ дворомъ переѣхала въ Петербургъ; въ это время началась, вѣроятно, и связь ея съ дядей.

Едва ли можно сомнъваться въ томъ, что любовь Потемкина къ Александръ Васильевнъ, съ ея стороны, встрътила взаимность. Потемкинъ умълъ плънить воображеніе племянницы, и она, одна лишь изъ всъхъ сестеръ своихъ, до глубокой старости вспоминала о немъ всегда съ чувствомъ любви и уваженія. Чувство это было несомнънно искреннее, такъ какъ Александра Васильевна вообще обнаруживала съ юныхъ лътъ нъкоторую холодность натуры, соединенную съ домовитостью и разсчетливостію, пріобрътенными въ періодъ жизни ея при бабушкъ, въ смоленской деревнъ.

Современники признавали Александру Васильевну умивишею изъ всвхъ племянницъ Потемкина, вообще даровитыхъ. Получивъ обыкновенное провинціальное воспитаніе, говоритъ Вигель, она неспособна была уже къ принятію блестящей образованности Екатеринина двора, но, имвя умъ, характеръ, облеклась въ какую-то величественность и ею прикрывала недостатки своего воспитанія 1).

Эти качества помогли ей въ новой ея обстановкъ быстро приспособиться къ придворной жизни и пріобръсти расположеніе самой Екатерины. Уже 24 ноября 1777 года она пожалована была камеръ-фрейлиной и «пребогатымъ портретомъ» ²).

Легкость нравовъ двора Екатерины и русскаго общества того времени не давала чувствовать молодой Энгельгардтъ щекотливости ен положенія: большинство свётскихъ женщинъ того времени, увлекаемыя примёромъ двора и «любострастіемъ» влінтельныхъ фаворитовъ, «гордились и старались ихъ любовницами учиниться и разрушенную уже приличную стыдливость при Петрё III... совсёмъ погасили, тёмъ наипаче, что сей былъ способъ получить и милость императрицы». Всё придворные преклонялись предъ молодой, «счастливой» камеръ-фрейлиной, и самъ Державинъ, уже воспёвшій Фелицу, не постыдился въ 1780 году перевести съ французскаго надпись къ ен портрету:

«Героя древняго ты именемъ сіяещь, Который свёть себі войною покориль, Но болі ты сердецъ красой своей пліняещь, Чімь онъ оружіемъ народовь побідиль» ⁸).

³) Гротъ, «Сочиненія Державина», І, 473—474.

¹⁾ Вигель, «Записки», I, 44.

²) Карабановъ, «Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII въка»—Русск. Стар., 1870, II, 449.

Среди этого поклоненія, среди шумной и роскопной жизни, почти не достигать ушей Александры Васильевны строгій, укоряющій голосъ бабушки, Дарьи Васильевны, матери Потемкина: въ концѣ концовъ Потемкинъ не взлюбилъ матери за то, что она говорила ему правду въ этомъ отношеніи, и ея письма къ сыну бросались нераспечатанными въ пылающій каминъ. Мало того, лѣтомъ 1776 г. привезены были въ Петербургъ ко двору двѣ младинія сестры Александры Васильевны: Варвара и Екатерина, которыя, спустя нѣкоторое время, подверглись участи старшей сестры. По разсказамъ современниковъ, «всѣ онѣ были лица безподобнаго и во всѣхъ дядюшка изволилъ влюбиться. Влюбиться на языкѣ Потемкина значило насладиться плотью: любовныя его интриги оплачивались отъ казны милостію, отличіями и разными наградами, кои потомъ обольщали богатыхъ жениховъ и доставляли каждой племянницѣ, сошедшей съ ложа сатрана, прочную фортуну на всю жизнь»...

Князь Потемкинт изъ своихъ родственницъ «составилъ для себя гаремъ во дворцѣ, часть котораго онъ занималъ», и тамъ онѣ «по временамъ разрѣшались отъ бремени, не переставая называться demoiselles d'honneur» 1). Мать Потемкина умерла въ Москвѣ въ 1780 году; семейныя печали, несомнѣнно, ускорили ея кончину.

Трудно сказать, съ какими чувствами пережила это время Александра Васильевна, но, кажется, холодность натуры помогла ей сравнительно легко перенести измёну вельможнаго дяди; она за то успъла пріобръсти особое расположеніе императрицы и сдълалась однимъ изъ ближайшихъ къ ней лицъ въ ея интимномъ кругу: въ умъ и характеръ Александры Васильевны были черты, сближавшія ее съ Екатериной. Во время путешествія Екатерины въ 1780 году въ Могилевъ для свиданія съ императоромъ Іосифомъ, А. В. Энгельгардть сопровождала императрицу и тхала съ ней въ одной кареть. Между тьмъ, Потемкинъ задумалъ выдать племянницу замужъ, чтобы обезпечить ея будущность. Въ женихахъ недостатка, конечно, не было, но счастливцемъ оказался полякъ, великій гетманъ коронный, графъ Ксаверій Браницкій, бывшій столпомъ оппозиціи противъ короля Станислава и, въ числѣ другихъ поляковъ, добивавшійся дружбы всемогущаго фаворита Екатерины 2). Бракъ Браницкаго съ Александрой Васильевной отвъчалъ политическимъ расчетамъ императрицы: она желала мирнаго возсоедине-

¹) Князь И. М. Долгорукій: «Капаще моего сердца». Архивъ кн. Воронцова, XI, 360, XXII, 497.

³) Онъ родился въ 1732 году и быль уже въ Россіи въ царствованіе Елисаветы Петровны, сопровождая Станислава Понятовскаго въ его посольствъ. Въ чинъ генераль-лейтенанта коронныхъ войскъ, онъ былъ въ 1765 году польскимъ посломъ въ Берлинъ, въ 1771 году посломъ въ Петербургъ, въ 1773 году — посломъ въ Парижъ; въ 1774 году онъ былъ назначенъ великимъ короннымъ гетманомъ и старостой бълоцерковскимъ.

нія Польши съ Россіей и поощряла браки поляковъ съ дѣвушками изъ русскихъ фамилій; съ другой стороны, Потемкинъ думалъ чрезъ родственныя связи съ польскими магнатами усилить свое вліяніе въ Польшѣ. Графъ Ксаверій не отличался умомъ, былъ расточителенъ, но умѣлъ заслужить расположеніе невѣсты: свадьба Александры Васильевны съ графомъ Ксаверіемъ Браницкимъ отпразднована была 12-го ноября 1781 года, при чемъ новая графиня Браницкая объявлена была статсъ-дамой. По обычаю того времени, написанъ былъ гимнъ какимъ-то пінтой Канторовскимъ, вѣроятно, полякомъ.

Со времени брака съ Браницкимъ въ жизни Александры Васильевны наступаеть переломъ: страсти молодости утихають, береть перевъсъ ен разсудокъ, холодная, строгая разсчетливость, въ то «великольнное» время казавшаяся скупостію. Вышедши замужъ за человъка расточительнаго, который быль вдвое старше ея, въ такой въкъ, который нравственностію не отличался, она всю жизнь осталась примъромъ върности супругу, нъсколько разъ спасала его отъ разоренія и бережливостію своєю, а, можеть быть, и скупостію удвоила огромное его состояніе 1). Зиму Браницкая проводила обыкновенно въ Петербургъ, надобдан императрицъ, какъ разсказывали, своими жалобами и претензіями, при дворъ, но весной она жила уже въ малороссійских в пом'єстьих мужа, центром в которых в было м'єстечко Бълая Церковь, находившееся въ 80 верстахъ отъ русской границы, и сдълавшееся ся любимымъ мъстопребываніемъ; въ 1784 году она получила это помъстье, приносившее до 60 тыс. руб. въ годъ дохода, въ даръ отъ мужа и начала приводить его въ порядокъ 2). Хозяйственныя распоряженія, строгій порядокъ и отчетность, доходившая до мелочей, сдълалась любимыми занятіями Браницкой: видно было, что придворная атмосфера не изменила привычекъ и наклонностей ранней ея молодости, а напротивъ, въ сущности, осталась чужда ея природь. Въ то же время Браницкая явилась первой піонеркой русскаго діла въ преділахъ Польской Руси, подготовлия мирнымъ образомъ послъдовавшее въ концъ царствованія Екатерины присоединеніе ея къ Россіи. Императрица поддерживала ее въ этомъ настроеніи, довольно тяжеломъ среди польской обстановки, и въ личныхъ сношеніяхъ, и въ письмахъ своихъ къ ней. Такъ, она писала ей однажды:

«Графиня Александра Васильевна! Бывъ увърена, что письмо ваше и поздравление со днемъ моего рождения отъ чистосердечной вашей любви и привязанности ко мит лично и къ вашему отечеству, гдъ вы рождены и воспитаны, происходитъ, мит оное не могло быть иначе, какъ весьма приятно, видя, что вы, графиня,

¹⁾ Вигель, I, 44.

²) Арх. кн. Вор., XIII, 86, XXI, 463.

нынѣ, среди Польши (курсивъ подлинника) еще не перемѣняете вашъ всегдашній образъ мыслей и стараетесь оной сообщить и ближнимъ вашимъ. По сему судя, не удивляюсь, что сынъ вашъ старній донынѣ помнить, какъ онъ былъ со мною въ Кіевѣ и по дорогѣ. Скажите ему, что радуюсь его успѣхамъ и что учится хорошо погречески, пофранцузски и порусски. Его отечеству нужны люди здравомыслящіе, а пагубны тѣ, кои похожи на того соловья, который, сказывають, громогласно поеть, закрывъ глаза, приближаясь отверстымъ всегда челюстямъ жабы, сидящей подъ деревомъ посреди цвѣтовъ, дондеже проглощенъ будетъ. Пребываю вамъ доброжелательна. Екатерина».

Въ другомъ письмѣ, отвѣчая на поздравленіе Браницкой съ побѣдой надъ шведами, Екатерина писала: «Участіе, которое вы въ благополучномъ для отечества происшествіи берете, доказываетъ вашу ненарушимую привязанность къ оному. Письмо ваше ко мнѣ, писанное съ поздравленіемъ, сіе засвидѣтельствуетъ. Мнѣ оно весьма пріятно. Вы присвоиваете ваши чувства и мужу, и дѣтямъ вашимъ. Пусть будутъ одного съ вами мнѣнія, а къ вамъ навсегда доброжелательна» 1).

Въ это же время Потемкинъ, занятый тогда устройствомъ Новороссійскаго края, скупалъ крупныя имѣнія въ Польшѣ, въ пограничныхъ съ Россіей областяхъ, ходили слухи о намѣреній его образовать себѣ владѣтельное княжество въ Польшѣ. Браницкій, всегда подчинявшійся волѣ жены и Потемкина, даже послѣ его смерти дѣйствовать въ Парижѣ постоянно въ интересахъ Россіи. Во время совѣщаній четырехлѣтняго сейма онъ находился въ оппозиціи, а въ 1792 году подписалъ протестъ противъ введенныхъ конституціей з мая ограниченій власти шляхты и заключилъ Тарговицкую конфедерацію, приведшую ко второму раздѣлу Польши; по этому раздѣлу Бѣлая Церковь и почти всѣ помѣстья графа Браницкаго вошли въ составъ русскихъ владѣній, и тогда онъ сложилъ съ себя гетманское достоинство и удалился въ бѣлоцерковскія свои помѣстья. Едва ли можно сомнѣваться, что во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ своихъ Браницкій руководился совѣтами жены.

Въ бракъ съ графомъ Браницкимъ Александра Васильевна прижила двухъ сыновей: Владислава и Александра, и трехъ дочерей: Екатерину, Софію и Елисавету; вст они родились при жизни императрицы, близко принимавшей къ сердцу семейныя радости своей любимицы. Спусти слишкомъ годъ послъ ен свадьбы, Екатерина писала ей: «Долго ли это будеть, что ты, мой свътъ, не родишь?

¹⁾ Арх. вн. Воронц., XXV, 455—456. Первое изъ приведенныхъ писемъ, благодаря чьей-то нескромности, было тогда же напечатано въ «Гамбургской газетъ» и возбудило негодованіе польскихъ патріотовъ. «Мое нисьмо къ графинъ Браницкой», сообщала кому-то Екатерина, «сдълало великую сенсацію, о чемъ сама графиня сюда писала». «Сборн. Русск. Истор. Общ.», XLII, 69—71.

Кто слыхаль, что цёлый годъ брюхата! Знатно, это мода польская; а у насъ въ Руси болъе девяти мъсяцевъ на то не нужно. Опомнись, душа. Въдь, ты вовсе не полька; въдь, ты смолянка. Но, какъ бы то ни было, будь здорова и, буде можно, разстанься съ беременностію». Родившійся при такихъ обстоятельствахъ графъ Владиславъ Браницкій сдёлался крестникомъ императрицы, а затёмъ, ея любимцемъ. Радовало Екатерину, что Браницкая слъдовала ея методъ воспитанія: это очень льстило ея самолюбію. «Я здъсь забавляюсь съ маленькимъ пягилётнимъ графомъ Браницкимъ», -- писала она изъ Кіева къ воспитателю своихъ внуковъ, графу Салтыкову, въ 1787 году, во время путешествія своего въ Крымъ. — Мать, насмотрясь, какъ содержали великихъ князей, точно наблюдаеть съ своимъ сыномъ мои правила, и то столь удачно, что сей мальчикъ не только прекрасенъ собою, но притомъ таковъ, какъ только по его лътамъ желать можно: здоровъ, неупрямъ, и такого свободнаго обращенія, какъ будто съ нами въкъ жилъ; отнюдь не дикъ, не боязливъ, но уменъ и веселъ, такъ что, кто его увидитъ, всякій къ нему привяжется. Константину Павловичу, чаю бы, по рукъ пришелъ» 1). Второго сына своего, умершаго въ молодыхъ годахъ, Браницкая назвала Александромъ въ честь любимаго внука Екатерины, и новорожденный быль пожаловань при самомъ рожденін прапорщикомъ Преображенскаго полка; изъ дочерей Браницкой старшая носила имя государыни, младшая — получила имя молодой супруги великаго князя Александра Павловича — Елисаветы. Связанная узами дружбы съ Екатериной и Потемкинымъ, Браницкая, очевидно, усвоила себъ культь Александра: Потемкинъ звалъ ero: «ange de mon coeur». Особенно радоваль сначала графиню Александру Васильевну старшій сынъ ея, Владиславъ, тімь болье, что онъ еще въ раннемъ дътствъ своемъ снискалъ нъжную привязанность Екатерины и темъ самымъ упрочивалъ, безразсчетливо, но кръпко, дружескую связь между своей матерью и государыней.

Дружба между Екатериной и Браницкой въ значительной степени основана была на общемъ для нихъ чувствъ привязанности къ Потемкину; давно минули для объихъ дни увлеченія, а онъ оставался имъ дорогъ, какъ человъкъ, со всъми своими достоинствами и недостатками. Продолжительность пребываніи Браницкой въ Бълой Церкви и поъздки ея въ Петербургъ зависъли всегда отъ времени пребыванія Потемкина въ Новороссійскомъ крать именно къ этому времени относится лихорадочная дъятельность даровитаго любимца счастія по присоединенію Крыма къ Россіи и устройству и заселенію новороссійскихъ степей. Время отъ времени прітажаль онъ въ Бълую Церковь, гдть онъ отдыхаль иногда въ обществъ четвертой своей племянницы, графини Екатерины

¹⁾ Pyccs. Apx., 1864, 507.

[«]истор. въсти.», январь, 1900 г., т. I.XXIX.

Васильевны Скавронской, прівзжавшей погостить къ сестрв, очевидно, для свиданія съ дядюшкой, по его же приглашенію 1). Роль Александры Васильевны является въ этомъ случать весьма некрасивой; но Потемкинъ, какъ видно, не териълъ противоръчій, требовалъ безусловнаго подчиненія своей воль, и его деспотическимъ приказаніямъ приходилось уступать даже Екатеринъ, не только Браницкой. Съ ней и мужемъ ея онъ не считалъ нужнымъ церемониться даже въ присутствіи двора и иностранныхъ посланниковъ. Когда однажды Браницкій, въ бесёдё съ Петемкинымъ, въ чемъ-то заупрямился, Потемкинъ сталъ кричать на него и даже махалъ кулакомъ у него подъ носомъ. Въ другой разъ, когда однажды при Браницкихъ у Потемкина быль нелюбимый Браницкимъ Штакельбергъ, и Александра Васильевна обощлась съ нимъ нелюбезно, то Потемкинъ схватиль свою племянницу за нось и подвель къ Штакельбергу 2). Трудно было ладить съ такимъ дядюшкой. Существуетъ, однако, документь, изъ котораго видно, что Браницкая даже лишена была возможности противодъйствовать Потемкину, когда онъ обнаружилъ свои виды на младшую сестру ея, Татьяну Васильевну (р. въ 1767-мъ году). Изъ собственноручнаго письма Потемкина къ секретарю его В. С. Попову видно, что намъренія его какъ бы были предугаданы и предупреждаемы гувернанткой молодой Татьяны Васильевны, г-жей Габиль, и она, несмотря на заступничество графини Браницков, была уволена отъ своей воспитанницы:

«Сказать мамзель Габиль, что я съ ней не дълаль кондиціи, чтобы ей оставаться при моей илемянниць въчно; а какъ я господинъ въ своемъ домь, то и туть хочу; что мнъ нравится. Я не понимаю, какъ графиня Браницкая осмълилась унимать ее противъ моей воли, когда я ей сказалъ, что не хочу ее больше имъть, за что я ей вымою голову.

«Я не хочу распространяться въ изъясненіяхъ, для чево я отпускаю, я скажу только то, что знатность моей роднъ сообщается отъ меня; они обязаны встмъ мнь, и что они безъ меня въ худомъ были бы, конечно, состояніи; что я имъ отецъ, а потому и воспитаніе ихъ честь или безчестіе мнъ приносить, то сіе воспитаніе и слъдуеть быть на моей апробаціи.

«Чтобы госпожа Габиль вспомнила, когда я полагалъ вывести въ публику мою племянницу, судя, что она уже не ребенокъ, и на что опричь другихъ резоновъ довольно было одной моей воли, она вмъсто должнаго мнъ уваженія моему приказанію вздумала находить резоны противные и писать къ сестрамъ ея, что это не кстати и рано. Ей хочется, чтобы племянница моя осталась ребенкомъ навсегда, а я не хочу ни сего, ниже быть у нея подъ су-

¹⁾ Арх. кн. Воронцова, XXI, 463.—Русск. Стар., 1895, IX, 192.

²⁾ Брикнеръ, «Потемвинъ», 84-85.

домъ. Ежели она не знала другихъ правъ монхъ распоряжаться по моей волъ, то бъ должна была знать хотя то, что отъ меня получаеть плату сверхъ многихъ благодъяній, ей Габилъ оказанныхъ.

«Мить грустно было видъть, что я оставался во всемъ въ неизвътности. Успъхи ли племянница моя оказываетъ, кому они должны быть открыты ближе, какъ мит, пороки ли она имтеть, кто больше въ состояніи ее исправить какъ я? Но отъ меня утаено было все, а письмы госпожи Габиль къ сестрамъ ея наполнены жалобами, изъясняясь всегда о худой надеждт ожидать добраго и такими словами, qu'elle est disposé à des passions fortes, и что ее исправить она отчаивается, требуя отъ сестеръ писать къ Татьянт Васильевнт, чтобы она болте у нея была въ послушаніи; а я, въ четырехъ шагахъ живучи, не зналъ, что моя племянница столь страннаго сложенія.

«Воть такъ, резоновъ много изрядныхъ, но главный есть тотъ, что я хочу».

Рукою В. С. Попова помѣчено: «Объявлено 29 августа 1783 г.» 1). Браницкой нужно было часто вести себя вообще очень осторожно, чтобы не возбудить противъ себя неудовольствія всемогущаго дяди. Съ другой стороны, она имъла возможность быть полезной для него въ сношеніяхъ своихъ съ императрицей, ограждая его отъ клеветь и всякаго рода козней многочисленных враговъ. много пользы Потемкину оказала Браницкая во время путешествія императрицы въ Крымъ въ 1787 году; пятильтній сынъ ея, Втадиславъ, былъ съ матерью, во время пребыванія въ Кіевъ, неотлучно при Екатеринъ. Въ Кіевъ же 20 марта 1787 года Браницкая получила отъ императрицы орденъ св. великомученицы Екатерины. Эта награда была косвеннымъ отвътомъ королю польскому Станиславу-Августу, который жаловался Потемкину интриги противъ себя графа Браницкаго. Открывшаяся, затъмъ, война Россіи съ поляками побудила Браницкую побхать въ Елисаветградъ навъстить дядю въ маъ 1788 году. Въ это время она сильно забольла. По словамъ очевидцевъ, князь Тавриды часто ее посъщать и весьма о ней безпокоился. Когда Браницкая оправилась отъ бользни. Потемкинъ отправился въ городъ и, садясь въ карету, сказалъ Браницкой на прощанье съ жалостнымъ видомъ: «Ну, что дълать, надобно идти противъ непріятеля». Осенью, въ лагеръ подъ Очаковомъ, Браницкая снова навъстила его, на этотъ разъ съ сестрой, граф. Скавронской. Онъ прівхали 26 сентября, и въ одинъ день съ ними прівхали также две другія краса-

Digitized by Google

¹⁾ Русск. Арх., 1865, 783—734. Мы полагаемъ, что документь этоть относится къ 1783 г., а не къ 1788 г., какъ прочиталь его издатель, такъ какъ въ 1788 г. Татьянъ Васильевнъ было уже 21 годъ, и она, конечно, не нуждалась въ гувернанткъ.

вицы, жены генераловъ П. С. Потемкина и Самойлова. «Толки сему..., —замѣчаетъ современникъ. Son Altesse Monseigneur le Prince, хотя и былъ весьма недоволенъ таковымъ не во время посѣщеніемъ, но скука да и единообразное житье довольно послужили къ превращенію его мыслей ропотныхъ въ пріятныя. Обѣдъ у него былъ почтенъ сими Венерами. Послѣ того онѣ въѣ удалились; но подъ вечерокъ, и, какъ говорится, путь недалекъ, генеральсъ-адъютантъ его Боверъ нѣжнѣйшимъ образомъ, подъ ручку, въ прелестномъ бѣломъ одѣяніи, графиню Скавронскую проводилъ паки къ князю свѣтлѣйшему,—конечно, чтобы проститься, ибо она ѣдетъ въ Италію, къ своему супругу...» ¹).

Что же заставляло Браницкую вздить къ Потемкину, играть тамъ унизительную роль? Любимый племянникъ Потемкина, Самойловъ, врагъ Браницкой, объяснялъ ея близость къ дядъ тъмъ, что она «уважаема была имъ более всехъ кровныхъ во все теченіе его жизни, по горячности ея и по добродетелямъ, коими она отъ самой юности жизнь свою украсить старалась» 2), тогда какъ другіе современники присоединяли къ тому и практическія соображенія покинутой, но расчетливой племянницы. Ей мало де было «выйти изъ худого состоянія»: у ней развилась страсть къ спекуляціямъ. жажда быстраго обогащенія. Изъ всёхъ родственниковъ Потемкина, Браницкая действительно сумела извлечь изъ него наиболее пользы для себя и своего семейства. Главнымъ средствомъ обогащенія явились подряды на армію. «Магазейны поБугу наполнены, —писалъ Безбородко Воронцову въ 1791 г., — а прочее доставление все на подрядахъ. Графиня Браницкая, Энгельгардть, кн. Сергій Голицынь, графь Вить и тому подобные, которые набрали еще множество прислужниковъ, дерутъ съ казны цены пребольшія; напр., графиня Браницкая подрядилась поставить хлёбъ въ Таврическіе магазейны четверть по 7 р. 50 к., --имъла уже на семъ подрядъ барыша до ста восьмидесяти тысячъ рублей, кромё что фуры ея на обратномъ пути должны были вывесть полный грузъ соли за обыкновенную тамъ цъну, т.-е. за пудъ по 10 коп.; но симъ не удовольствовалась: требовала еще, чтобы платежъ учиненъ былъ за все червонными, полагая каждый по три рубля, когда они выше четырехъ рублей сюда изъ Варшавы приходять» 3). Дёло это не было кончено для Браницкой, когда неожиданно въ августъ 1791 г. вызвали ее въ Яссы: тамъ умиралъ ея покровитель, великолъпный князь Тавриды.

Здоровье Потемкина давно было подорвано излишествами, въ которыя онъ впадалъ, злоупотребляя крѣпкой своей организаціей Къ физическому недомоганію присоединились удары нравственные

¹⁾ Pyccr. Crap., 1895, IX, 146, 192.

²⁾ Pyccr. Apx., 1867, 1558.

³) Арх. вн. Воронц., XIII, 228-224.

когла онъ достигь апогея своей власти и значенія, нежданно явился ему счастливый соперникъ въ лицъ Платона Зубова. Потемкинъ попытался «вырвать зубъ» личнымъ свиданіемъ съ Екатериной, но поъздка его въ Петербургъ, предпринятая имъ съ этою цълью въ февралъ 1791 г., не только не удалась ему, но только еще болье убъдила его въ прочности положенія соперника. Возвратившись въ августъ 1791 г. въ Яссы, Потемкинъ почувствовалъ первые припадки болбани, но отказывался лечиться, не соблюдаль дісты. 31 августа, Завадовскій писаль Воронцову: «Энгельгардть пишеть, что Потемкинъ имъетъ припадокъ лихорадочный, ничего не принимаетъ и никого не слушаеть, потому и просиль Браницкую, чтобы прівхала его на медицину уговаривать, считая, что долгъ родства и благодарности къ тому ее обязываетъ» 1). Въ это время Браницкая была уже въ Яссахъ. 16 сентября, императрица, опечаленная бользнію Потемкина, писала ей: «Тревожить меня бользнь дядюшки вашего, князя Григорія Александровича. Пожалуй, графиня, напишите ко инъ, каковъ онъ, и постарайтесь, чтобы онъ берегся какъ возможно отъ рецидивы, кои хуже всего, когда кто отъ болъзни уже слабъ. Я знаю, какъ онъ безпеченъ въ своемъ здоровьв». З октября Екатерина снова писала ей: «Изъ письма вашего отъ 27 сентября вижу я, что князю есть полегче; но совствить темъ я весьма безпокойна о его состояніи. Пожалуй, останься съ нимъ, а пуще всего, во время продолжительнаго выздоровленія поберегся» 2). Браницкая осталась при больномъ, но положение его ухудшалось съ каждымъ днемъ: открыдась желчная горячка. Храповицкій записалъ о впечатленіи, произведенномъ этими известіями на Екатерину, 3 октября: «Два курьера, что князь Потемкинъ опасно боленъ, и теперь еще лихорадка продолжается; онъ пріобщенъ Св. Таинъ. Прислано описаніе болізни отъ (докторовъ) Массо и Тимана. Слезы». 11 октября: «Въ объдъ прівхаль курьеръ, что 1 октября князю Потемкину опять хуже. Слезы».

Въ это время Потемкина уже не было въ живыхъ. Въ предсмертной тоскъ онъ искалъ спасенія въ перемънъ климата и 4 октября выъхалъ изъ Яссъ въ Николаевъ. Браницкая сопровождала его. На первомъ ночлегъ Потемкинъ участвовалъ въ разговоръ Враницкой съ окружающими и былъ такъ веселъ, что просидълъ съ ними до 12 часовъ ночи, говорилъ имъ, что онъ радъ, что гробъ свой въ Яссахъ оставилъ. Князю не спалось однако: ему было жарко и душно, и съ разсвътомъ онъ пожелалъ продолжать путъ. Отъъхавъ нъсколько верстъ, Потемкинъ почувствовалъ себя дурно. Карета остановилась, онъ велълъ вынести себя изъ кареты и легъ на травъ, на чистомъ утреннемъ воздухъ, подъ открытымъ небомъ.

¹⁾ Арх. вн. Воронц., XII, 70.

²⁾ Арх. кн. Воронц., XXV, 467,

Скоро затъмъ, кръпко и сильно вздохнувъ, отдатъ Богу душу. «Графиня Браницкая, — писалъ Безбородко секретарь Потемкина, Поповъ, — бросаясь на него, старалась увърить себя и всъхъ, что онъ еще живъ, старалась дыханіемъ своимъ согръть охладъвшія уста. Всъ окружающіе въ ужасъ и отчаяніи воздымали руки и били себя въ перси» 1). Сцена эта изображена была на картинъ Иванова, написанной по приказанію Попова 2). На мъстъ кончины Потемкина воздвигнутъ быль, по желанію Браницкой, каменный столбъ съ надписью:

Покровъ имѣя твердь И землю одръ, Средь поля оставилъ міръ Какъ мятежную онъ юдоль ³).

Влизъ этого же столба былъ выстроенъ Браницкой домикъ, въ которомъ жилъ инвалидъ 4).

Память князя Григорія Александровича Потемкина Браницкая почтила основаніємъ въ Бѣлой Церкви Григорьевской больницы для крестьянъ. По вызову гр. Браницкой, Державинъ сложилъ двѣ надписи для больницы. Одна изъ нихъ, цри входѣ въ больницу, гласила:

Григорьевская больница
Оть щедроть
Екатерины Вторыя
Графинею Браницкой
Въ память
Заслугъ дяди ея
Князя Григорія Александровича
Потемкина-Таврическаго,
Возстановителя и повелителя
Черноморскаго флота,
И его къ ней неисчетныхъ благотвореній
Воздвигнута 1795 года.

Другая надпись находилась «надъ дверьми покоевъ, гдъ лежатъ больные»:

О вы, нашедшіе зд'ёсь сёнь и исц'ёленье! Пошлите въ Вышнему усердное моленье, Да успокоится въ селеніяхъ святыхъ Пролившій вамъ и мн'ё потокъ щедроть своихъ 5).

Смерть властнаго и любимаго дяди и друга должна была горестно поразить Браницкую уже потому, что съ нею она лиши-

¹⁾ Гроть, Сочиненія Державина, І, 454.

²⁾ Ровинскій: «Словарь гравированных портретовь», І, 1818 и ссл.

⁸) Гротъ, Сочиненія Державина, І, 454.

⁴⁾ Врикнеръ, 225.

⁵⁾ Гроть, Сочиненія Державина, І, 358-359.

лась и вліятельнаго своего положенія, и главнаго источника, изъкотораго она черпала средства для увеличенія громаднаго своего состоянія. Уже тотчаст по кончинть свътльйшаго князя секретарь его, В. С. Поповъ, счель вполнть возможнымъ отклонить ея домогательства объ уплать ей излишнихъ суммъ за поставки для арміи и не остановился даже предъ ссорой съ ней по этому поводу: тонкій секретарь зналть, что жалобы и претензіи Александры Васильевны не будуть уже имъть той силы какъ прежде 1). Съ другой стороны, наслъдники князя Потемкина, даже родныя сестры Браницкой, также готовились вступить съ ней въ пререканія изъ-за наслъдства послъ покойнаго, а Браницкую уже обуялъ духъ жадности. «При пріуготовленіяхъ къ погребенію, писалъ Безбородко, жаловались Браницкая и Энгельгардтъ (братъ ея), что много издержано понапрасну». 17 ноябри онъ же писалъ: «Энгельгардтъ и сестра его (Браницкая) теперь только и думають, какъ побольше захватить имущества» 2).

Браницкой оставалось препоручить себя покровительству императрицы, глубоко опечаленной смертью главнаго своего сподвижника, въ геній и преданность котораго она вѣрила. Долгое время воспоминаніе о Потемкинѣ вызывало у нея слезы, и долгое время она относилась къ дѣламъ и къ лицамъ, судя по тому, какъ отнесся бы къ нимъ Потемкинъ. На извѣщеніе о его смерти Екатерина отвѣчала Браницкой 19 октября: «Раздѣляя съ вами общую нашу горесть, прошу васъ несомнѣнную надежду положить сначала на Вога, потомъ увѣриться, что я непремѣнно, пока жива, пребуду къ вамъ отлично доброжелательна». На просьбу Браницкой о покровительствѣ императрица отвѣчала 11 ноября. «Я, надѣюсь» писала она, «что вы никакъ не сумнѣваетесь о моемъ благомъ и искренномъ расположеніи къ вамъ. И всегда и когда вздумаешь ко мнѣ пріѣхать, вы найдете во мнѣ тоть же пріемъ, котораго всегда имѣли» з).

Александра Васильевна не замедлила въ широкихъ размѣрахъ воспользоваться гостепріимствомъ Екатерины.13-гофевраля 1792 года, Росторчинъ извѣщалъ Воронцова: «графиня Браницкая здѣсь, въ сопровожденіи своихъ дѣтей; она живетъ во дворцѣ на всемъ готовомъ, выставляя на видъ свое горе и бѣдность» 1. Вопросъ о наслѣдствѣ особенно волновалъ ея душу. Наслѣдство было громадное: однихъ драгоцѣнныхъ камней было на сумму болѣе милліона рублей; движимаго и недвижимаго имущества было на 7 милліоновъ, а долговъ на немъ 2 милліона. Казна купила отъ наслѣдниковъ дома, заводы, драгоцѣнныя вещи на сумму въ 2.600.000 руб. 5). Образовались среди наслѣдниковъ двѣ партіи: во главѣ од-

¹⁾ Арх. кн. Воронц., XIII, 224.

²) Tamb see, 222, 229.

³⁾ Арх. вн. Воронцова, XXV, 467-468.

⁴⁾ Арх. ки. Воронцова., VIII, 50,

⁵⁾ Брикнеръ, 274.

ной, родныхъ племянниковъ, бытъ гр. А. Н. Самойловъ, любимый племянникъ его отъ старшей сестры, а во главъ другой—графиня Браницкая, бывшая представительницей интересовъ племянницъ Потемкина и прежде всего своихъ собственныхъ 1), объ партіи сходились въ просьбахъ, чтобы съ имущества Потемкина сложены были казенные долги. Императрица сама входила въ разсмотръніе распри наслъдниковъ Потемкина. Сенатъ ръшилъ дъло въ пользу Браницкой; сколько она именно получила—данныхъ нътъ 2).

Но и послъ ръшенія дъла о наслъдствъ послъ дяди Александра Васильевна продолжала подолгу навъщать изъ Бълой Церкви дворъ Екатерины, попрежнему живя во дворцъ на всемъ готовомъ. Екатерина попрежнему депускала ее въ свой кругъ и дълала ее участницей своихъ семейныхъ радостей: въ следующемъ 1793-мъ году, Браницкая встръчала вмъстъ съ императрицей булущую супругу великаго князя Александра, принцессу баденскую Луизу, въ обстановкъ, которая доказывала особую близость ея къ государынъ: въ первое свиданіе свое съ Екатериною, принцесса видъла ее въ спальнъ вмъстъ съ Зубовымъ и Браницкой, и даже приняла сначала Браницкую за императрицу³). Браницкая была слишкомъ умна и расчетлива, чтобы ссориться съ фаворитомъ, заменившимъ ея дядю въ значеніи при дворъ, и слишкомъ хорошо знала императрицу, чтобы отъ времени до времени не напоминать ей о заслугахъ дяди и своихъ собственныхъ. Очевидно, ради этихъ именно заслугь, послё окончательнаго раздёла Польши, въ значительной степени подготовленнаго Потемкинымъ, графинямъ Браницкой и Скавронской, въ числъ другихъ лицъ, пожаловано было 8.400 душъ 4). Въ дъйствіяхъ Браницкой, разумъется, нътъ ничего идеальнаго: въ нихъ ярко выразился эгоизмъ и жажда наживы, обычная въ тотъ въкъ въ людяхъ, ближайшихъ къ престолу; но для объясненія благосклонности къ ней Екатерины нізть никакихъ основаній върить сплетнямъ, которыя сообщаеть о Браницкой Массонъ 5). Пребываніе Браницкой во дворців напротивъ только стіс-

¹⁾ Арх. кн. Воронц., VIII, 53.—«Раздъль между княжими наслъдниками еще не состоялся», писалъ В. С. Поповъ въ мат 1793 г., «и сумнительно, чтобы они скоро раздълились. Графиня Браницкая съ Самойловымъ въ непримиримой враждъ, и мит кажется, что онъ не правъ, забывъ, что она была его покровительницей»—Русск.. Арх., 1865, 775.—Подробности у Карновича: «Замъчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи», 269.

²) Записки Грибовскаго, 96. Указъ о раздълъ, имъ упоминаемый, кажется, нигдъ не напечатанъ.

^в) Истор. Въсти., 1899, II, 403—404. Masson, Mémoires secrets, I, 36.

⁴⁾ Арх. вн. Воронцова, XIII, 356.

⁵⁾ Mémoires secrets, I, 163. — Catherime forma une autre assemblée plus restreinte et plus mystéricale, qu'on nommait la petite société. Les trois favoris, la Protassow et quelques femmes et valets de chambre de confiance en était seuls membres...

няло императрицу; по крайней мёрь, она принимала мёры къ тому, чтобы деликатно выселить ее изъ дворца. Въ концъ царствованія Екатерины воровство въ придворной конторъ дошло до крайнихъ предёловь, и расходы показывались вдесятеро противь действительной потребности 1). Для прекращенія этого воровства предположено было между прочимъ прекратить содержаніе во дворцъ многимъ лицамъ, въ томъ числъ и Браницкой, на расходъ которой выводилось въ годъ по отчетамъ придворной конторы до 200.000 руб. въ годъ. «Расходы двора безмврны», писалъ Безбородко Воронцову въ февралъ 1795 г. «Одно содержание Браницкой до 200.000 руб. въ годъ простирается, а хотя по моему совъту государыня и предлагала ей въ собственность на выборъ дома въ Петербургъ или мой, или вашъ на Фонтанкъ, или графини Шуваловой, или генерала-майора Попова, что быль оберъ-маршала Голицына, вновь отдёланный съ сервизомъ и прочимъ; но она всемърно отъ сего подарка отдълывается. Содержание графа Николая Ивановича Салтыкова столько же стоить; прибавьте къ этому разные другіе столы 2). Возможно, что Браницкая «всемврно оть подарка отдълывалась» не ради только скупости, но и изъ желанія не удаляться оть государыни, чтобы не лишиться своего значенія при дворъ. Въ концъ концевъ ей, однако, пришлось уступить. 29 іюня, рескриптомъ на имя Безбородко статсъ-дам'в графин'в Браницкой пожалованъ быль домъ, купленный у наслъдниковъ графа Андрея Шувалова, на Мойкъ, со всъми уборами³). 8 февраля слъдующаго года, тъмъ же способомъ, выселенъ былъ изъ дворца и гр. Салтыковъ.

Пожалованіе домомъ было, сколько изв'єстно, посл'вднею милостью Екатерины къ Браницкой. 6 ноября 1796 г. императрица Екатерина внезапно скончалась. Браницкая узнала о смерти своей благод'втельницы въ Б'єлой Церкви, гд'є она не задолго предъ т'ємъ разр'єшилась отъ бремени дочерью Елисаветой, среди сборовъ къ по'єздк'є въ Петербургъ. Разум'єстся, она поняла, что для новаго государя она должна «умереть», какъ хот'єль тогда же «умереть» гр. Кириллъ Разумовскій, и, зам'єчательно, мы нигд'є не встр'єчали ея имени въ актахъ царствованія Павла Петровича. Графъ Ксаверій Браницкій, уже одряхл'євшій, вышель въ отставку, съ переименованіемъ изъ генераль-аншефовъ въ генералы-оть-инфантеріи, и

¹⁾ Грибовскому, напримёръ, на столъ назначено было отъ придворной конторы 50 руб. въ день, тогда какъ столъ этотъ, по его замечанию, «и пяти рублей не стоитъ». Грибовский, Записки, 5.

²⁾ Арх. кн. Воронцова, XIII, 331. — «Столъ гр. Зубова, гр. Салтыкова и гр. Браницкой стоилъ придворной конторъ по 400 руб. въ день, кромъ напитковъ, которые съ чаемъ, кофеемъ и шеколадомъ стоили не менъе половинной противъ стола суммы». Грибовскій, 5.

в) Сб. Ист. Общ., XLII, 254.

затъмъ Браницкая, вмъстъ съ мужемъ, заживо похоронила себя съ этого времени въ Бълой Церкви, лишь иногда пріъзжая по дъламъ въ Кіевъ, находившійся въ 80 верстахъ отъ ея помъстья.

Мы тщательно собрали въ своемъ изложеніи встръчающіеся въ печати факты и свидетельства о роли Браницкой въ царствование Екатерины. Факты и свидетельства эти въ большинстве случаевъ сухи и отрывочны, тогда какъ, казалось бы, о лицъ, двадцать лъть вращавшемся среди екатерининскаго двора при особыхъ, исключительно - счастливыхъ условіяхъ, современники могли бы написать цълые томы. Намъ кажется, что именно это молчание современниковъ о Браницкой свидетельствуеть о выдающейся черте ся характера — умъніи создать для себя свой кругъ интересовъ, не совпадавшихъ съ интересами другихъ, умъніи жить для самой себя и не выбшиваться въ чужія дёла: у нея не было того духа интриги, того политиканства, которымъ заражены были почти повально придворные мужчины и женщины XVIII в.; оттого и жизнь при дворть, очевидно, была для нея не цёлью, а лишь средствомъ къ большему обезпеченію себя и семьи своей въ матеріальномъ отношеніи. Сама по себъ, Браницкая не была дурною женщиной: страсть къ наживъ явилась, въроятно, последствиемъ сознания погубленной молодости, подавленія другой страсти, надъ которой зло посмъялся развращенный, но любимый человъкъ. Браницкая сама по себъ могла быть понята лишь внъ придворной дъловой атмосферы, у себя дома, -- тамъ, гдъ ей не зачъмъ было себя ломать и сдерживать. Изображение Александры Васильевны Браницкой, за время царствованія Павла, въ ея будничной житейской обстановкъ, рисующее ее, какъ человъка, къ счастію для ея памяти, существуеть, и въ его правдивости мы тъмъ менъе можемъ сомъваться, что оно оставлено намъ Вигелемъ, человекомъ наблюдательнымъ, желчнымъ, для краснаго словца не жалввшимъ и отца.

«Всего памятнѣе мнѣ, —говорить Вигель, —одна вельможная дама, которая почти каждый годъ посѣщала Кіевъ, и коей пріѣздъ приводиль въ движеніе, можно сказать, въ волненіе, весь домъ нашъ. Это была графиня Браницкая... Не знаю, гдѣ и какъ познакомились они съ моею матерью (отецъ Вигеля былъ въ это время кіевскимъ комендантомъ), но она ее полюбила и когда ѣзжала въ собственный городокъ, извѣстный подъ именемъ Бѣлой Церкви.., то проѣздомъ всегда у насъ останавливалась и живала по недѣлѣ и по двѣ. Потемкина уже не было на свѣтѣ, но любимица его, принявшая его послѣдній вздохъ, какъ будто бы озарялась его славой. Умнѣйшая изъ сестеръ, урожденныхъ Энгельгардтовыхъ, она была ихъ и богаче. Императрица особенно благоволила къ ней. По всѣмъ симъ причинамъ знаки уваженія, ей оказываемые, были преувеличены, и чтобы посудить объ обычаяхъ тогдашняго вре-

мени, чему нынѣ съ трудомъ повѣрятъ, всѣ почетнѣйшія дамы и даже генеральши подходили къ ней къ рукѣ; а она, умная, добрая и совсѣмъ не гордая женщина, безъ всякаго затрудненія и преспокойно ее подавала имъ. Мать моя смотрѣла на это безъ удивленія, нимало не осуждала сего, но, вѣроятно, чувствуя все неприличіе такого раболѣпства, сама отъ него воздерживалась. Вообще обхожденіе ея съ графиней Браницкой было самое свободное, пріятное, и разницу во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ можно было только замѣтить изъ ты и вы, которыя они другъ другу говорили.

«Могущество Потемкина вызвало изъ смоленской деревни прекрасныхъ его племянницъ, гдѣ получили онѣ обыкновенное тогдашнее воспитаніе. Старшая изъ нихъ, Браницкая, уже не способна была къ принятію блестящей образованности Екатеринина двора. Но, имѣя умъ, характеръ, бывши въ самыхъ тѣсныхъ, иные гововорятъ, въ непозволительныхъ связяхъ со всемогущимъ своимъ дядею, она облеклась въ какую-то величественность и ею прикрывала недостатки своего воспитанія. Вышла замужъ за человѣка расточительнаго, который былъ вдвое старѣе ея, въ такой вѣкъ, который нравственностью не отличался, она всю жизнь осталась примѣромъ вѣрности супругу, нѣсколько разъ спасала его отъ разоренія и бережливостью своею, можетъ быть, и скупостью, удвоила огромное его состояніе.

«Когда я началъ знать ее, она была ни стара, ни молода: станъ ея былъ стройный, хотя не гибкій, лицо отмѣнно пріятное, свѣжее и серьезно улыбающееся. Любимый нарядъ ея былъ подражаніе костюму императрицы: длинное нижнее платье, съ длинными и узкими рукавами, почти совсѣмъ закрывающее грудь; оно стягивалось узкимъ, почти непримѣтнымъ поясомъ съ одной огромной, широкою и длинной пряжкой а сверхъ его было другое платье, коротенькое безъ рукавовъ и спереди совсѣмъ открытое, которое называлось гречанкой. Все это напоминало Востокъ и романтическо-государственные виды на него Екатерины П.

«Портреть сей чудотворной царицы... висълъ въ гостиной нашего казеннаго дома. Когда, бывало, кто взглянеть на него, только что не перекрестится; я же ръшительно почиталъ его иконой. Вдругь онъ ожилъ предо мною: я увидалъ посреди комнаты женщину, которая показалась мнъ столь же величавой, точно въ такомъ же нарядъ, также съ лентой чрезъ плечо, и вокругъ ея стоящихъ съ подобострастіемъ... Я обмеръ, но скоро она подозвала меня къ себъ и осыпала ласками; благосклонность ли ея къ матери моей, или дъйствительно я ей такъ понравился, — я съ той минуты сдълался ея маленькимъ любимцемъ. Къ сожалънію, тщеславіе не чуждо иногда бываеть и дътямъ: я пристрастился къ ней и, бывало, плакалъ, когда меня къ ней не пускали»...¹)

^{1) «}Записки Вигеля», изд. Румк. Арх., I, 43-45.

Читая этоть портреть Браницкой, едва въришь, что онъ относится къ женщинъ, о которой мы только что собрали массу нелестноодностороннихъ свидътельствъ. Тамъ - голые, отрывочные факты, здъсь — предъ нами живой человъкъ, умная, простая, незлобная женщина. Въ портретъ этомъ поражаетъ насъ одна черга, связанная съ стремленіемъ Браницкой къ бережливости и наживъ. Вигель упоминаеть о томъ, что Браницкая нъсколько разъ спасала расточительнаго мужа отъ разоренія. Въ этомъ, въроятно, и таится разгадка ея спекуляцій, ея просьбъ денежнаго характера предъ дядей и императрицей, ея добровольного униженія. Все это делалось, быть можеть, не ради мужа только, но и ради дътей. Семья Вигелей, постоянно находившаяся въ сношеніяхъ съ Браницкой, внала о денежныхъ ея затрудненіяхъ; но свёть могь ли предполагать ихъ у любимицы императрицы, у любимой племянницы самаго богатаго человъка въ имперіи? Выданная замужъ за стараго, недалекаго и расточительнаго поляка, Алаксандра Васильевна, быть можеть, берегла и его честь, и честь своихъ дётей, ничего лично не желая для себя, кромъ тихой, спокойной жизни въ деревнъ. Было бы любопытно знать, подтвердятся ли слова Вигеля семейными бумагами Браницкихъ, если онъ еще не уничтожены.

Тоть же Вигель рисуеть намъ и деревенскую обстановку Браницкой въ Павловское время. «Въ первый день (путешествія)», разсказываеть онъ, «остановились мы въ Бълой Церкви, и весь следующій день провели мы у графини Браницкой; я говорю у графини, потому что супругь ея въ домѣ ничего не значилъ. Онъ быль человъкъ старый, но образованный и довольно еще любезный, ума весьма посредственнаго; славился же онъ безпримърнымъ аппетитомъ, вибств съ утонченнымъ вкусомъ въ гастрономіи. Несмотря на свою скупость, графиня Браницкая нанимала изящнейшаго повара-француза и ничего не щадила для стола, дабы симъ пріятнымъ занятіемъ отвлечь супруга оть хозяйственныхъ дёлъ, въ которыхъ онъ ничего не понималъ, и въ кои отъ скуки онъ захотъль бы, можеть быть, мёшаться. Они жили въ общирномъ, деревянномъ домъ, внутри оштукатуренномъ, коего стъны были выкрашены просто, а потолки выбълены. Но главныя комнаты сего дома были наполнены драгоцвиными вещами, бронзовыми, мраморными, фарфоровыми, хрустальными, изъ коихъ, какъ увъряли, ни одна не была куплена графиней Браницкой: всъ онъ были даны дружбою и щедротами Екатерины, а иныя подарены или завъщаны княземъ Потемкинымъ. Изъ всъхъ мнъ болъе показалась примъчательна одна высокая бронзовая гора, на вершинъ коей сидълъ двухглавый русскій орель; изъ боковъ ея струились живоносные хрустальные ручьи, а внутри ея устроенный механизмъ производиль музыку, которая подражала журчанію водь. На полугор'в сидъть Сатурнъ съ косою за плечами, одной рукой опираясь о часы,

а другою держа миніатюрный портретъ Екатерины, на мѣди писанный, въ оправѣ изъ стразовъ, какъ бл забывая время свое и любуясь ея изображеніемъ. При двухъ сыновьяхъ и трехъ дочеряхъ находились учитель и гувернеръ съ гувернанткой, мужъ съ женой. Сверхъ того, жили въ семъ домѣ польскія и русскія дамы и барышни, иностранный медикъ и нѣсколько отставныхъ чиновныхъ людей, занимавшихъ должности домоправителей, приказчиковъ надъ деревнями, конюшихъ и т. п. Двѣ враждебныя націи жили тутъ въ совершенномъ согласіи. Домашняя прислуга состояла вся изъ шляхтичей, и въ семъ домѣ, безъ лишнихъ прихотей, все напоминало однако же феодальное могущество» 1).

Не въ дальнемъ разстояніи отъ Бѣлой Церкви жила сестра Браницкой, княгиня Варвара Васильевна Голицына, былая соперница Александры Васильевны въ любви дяди. Старыя отношенія поселили между сестрами холодность, которая въ это время обострилась. «Объ хотъли купить Корсунь, помъстье кн. Понятовскаго, которое вибстб съ окружавшими его деревнями имбло до восьми тысячъ душъ. У Браницкой были огромные капиталы, а у Голицыной не было даже большого кредита; следственно первая сторговала имѣніе. Павелъ І помирилъ ихъ, купивъ оное для П. В. Лопухина, отца своей любимицы»... «Мать моя», простодушно добавляеть Вигель, «взялась довершить примиреніе, начатое императоромъ, и, кажется, въ томъ успъла». Варвара Васильевна, по горячему характеру своему, была противоположностью спокойной, разсудительной Браницкой. Въ то время, какъ Браницкая видимо рада была жить съ семьею въ деревив, ея сестра дышала еще честолюбіемъ. Узнавъ о внезапной отставкъ мужа, высланнаго къ ней въ деревню, она предалась гнъву. «Столь ужаснъйшаго гнъва я еще никогда не видывалъ», говоритъ Вигель: «онъ превратилъ ее въ фурію, исказилъ всв черты еще прекраснаго ея лица. Забывая, что свидетелями она иметь детей и слугь, она проклинала царя, всёхъ, народъ и войско, которые ему повинуются, и успокоилась только отъ изнеможенія силъ» 2). У насъ нъть данныхъ, чтобы судить, каковы были въ это время отношенія Александры Васильевны къ другимъ ея сестрамъ.

Такъ началась вторая половина жизни Браницкой, когда она сдёлалась сама себё госпожой, и продолжалась въ теченіе 40 лётъ. Браницкая какъ будто переродилась: ничто не напоминало въ ней статсъ-даму, подругу Екатерины, стоявшую въ центре важнейшихъ событій ея царствованія, привыкшую къ блеску и роскоши. Напротивъ, она явилась полной выразительницей типа старинной русской помещицы, которая твердо и умёло вела свое хозяйство, не брезгая

¹) «Записки Вигеля», изд. Русск. Apx., 118—119.

²⁾ Tamb me, 120.

никакими мелочами, просто и дружески относясь ко всёмъ окружающимъ, и въ то же время въ самой своей простотъ сохраняла отпечатокъ величаваго сознанія своего достоинства. Круглый годъ жила она, занятая въ своей Бълой Церкви управленіемъ обширныхъ своихъ имъній и воспитаніемъ дътей своихъ, лишь иногда зимою или по дъламъ проживая въ Кіевъ. Она была въ это время единственной, быть можеть, знатной русской дамой, которая нашла себъ цъль жизни въ деревнъ, въ кругу своей семьи, а не при дворъ и въ высшемъ свъть или въ обычныхъ тогда увлеченіяхъ заграничными въяніями всякаго рода, напримъръ, католичествомъ и іезуитами; напротивъ, она сохранила свой русскій типъ неповрежденнымъ именно среди польскихъ и католическихъ вліяній, столь ему враждебныхъ. Даже вступленіе на престолъ любимаго внука Екатерины не вызвало Браницкой изъ Бълой Церкви, хотя въ 1807 г. дочери ея, графини Софія и Елизавета, пожалованы были во фрейлины, и Браницкая вынуждена была совершить съ ними потздку въ Петербургъ. Отгого и состояніе Браницкой увеличивалось съ каждымъ годомъ. Поставивъ себъ за правило почти исключительно обходиться въ ежедневномъ своемъ обиходъ продуктами и средствами собственныхъ именій, Браницкая не тратила своихъ доходовъ и умножала ими свои капиталы, которые росли при этихъ условіяхъ, какъ снѣжная лавина: она покупала новыя имѣнія, вводила, улучшала старыя статьи хозяйства, заводила новыя. Такой образъ жизни, такое отсутствіе стремленія къ роскоши, казалось современникамъ необычайнымъ, особенно въ племянницъ роскошнаго князя Тавриды и статсь-дам' блистательнаго двора Съверной Семирамиды, и они въ правъ были объяснять это непостижимое явленіе одной лишь скупостію, постоянно посмъиваясь въ этомъ отношеніи надъ Браницкой, хотя и относились къ ней съ искреннымъ уваженіемъ. Кутузовъ, напримёръ, бывшій въ 1806—1807 г. кіевскимъ военнымь губернаторомъ, писаль своей женѣ: «Александра Васильевна Браницкая все здёсь живеть. Мы съ нею въ дружбь, и я всякій вечерь у нея; чаю напьюсь дома и не ужинаю, стало быть неубыточенъ, и можно меня хорошо принимать; только мит съ ней очень еесело» 1). Кутузовъ былъ болыной сибарить, и его шутки о скупости Браницкой не следуеть, конечно, понимать въ буквальномъ смысле, но отзывъ этого тонкаго по уму человъка о личности Александры Васильевны и завлекательности ея бесёды является самъ по себё въ высшей стопени характеристичнымъ. Около этого времени врагъ Браницкой, графъ Самойловъ, писалъ о ней въ своей «Жизни и деяніяхъ князя Г. А. Потемкина-Таврическаго», не предназначавшейся тогда для печати: «сія почтенная особа... по большей части пребываніе свое

¹⁾ Pyccs. Ctap., 1871, I, 59.

имъсть въ мъстечкъ Бълой Церкви. По смерти князя Григорія Александровича, дяди своего и благотворителя, она употребила избытки наслёдства, отъ него полученные, на богоугодныя приношенія и на облегченія страждущаго человъчества; обяванная почтеннымъ семействомъ, утъщается тъмъ, что можетъ дълать добро и помогать требующимъ ен помощи, и потому отъ всей тамошней страны любима и уважаема» 1). Мы не имъемъ свъдъній о благотворительной дъятельности Браницкой въ описываемое время (Самойловъ умеръ въ 1814 г.), но несомивнио она существовала въ широкихъ размърахъ, такъ какъ за болъе позднее время сохранились случайныя, офиціальныя данныя о ея пожертвованіяхъ на благотворительныя цёли. Такъ, въ 1821 г. она представила императрицъ Маріи Өеодоровнъ капиталъ въ 400.000 р. на содержаніе семи пансіонерокъ въ училищь ордена св. Екатерины чвъ знакъ благодарности за безчисленныя благодъянія, полученныя оть благотворительницы ея, блаженныя памяти покойной императрицы Екатерины Алексевны», и съ темъ, чтобы три пансіонерки были изъ Смоленской губерніи, фамиліи Энгельгардтовъ и Потемкиныхъ, и «чтобы онъ молились Всевышнему за покойную благотворительницу, которой симъ обязаны будуть» 2). Крупныя пожертвованія, сдёланныя Браницкой предъ смертію, для обезпеченія благосостоянія своихъ крестьянъ даже въ отдаленномъ будущемъ, свидетельствуютъ, что и при жизни своей она интересовалась ихъ нуждами и приходила имъ на помощь.

Воспитаніе дітей составляло главную задачу жизни Браницкой въ Бълой Церкви. Два сына: Владиславъ и Александръ, умершій въ молодости, и три дочери: Екатерина, Софія и Елизавета, получили домашнее воспитаніе и до поздней юности находились при матери: очевидно, личный опыть графини Браницкой указываль ей, что чёмъ долее будуть ея дети вдали оть шумной жизни двора и столицы, тъмъ для нихъ будетъ лучше. Воспитаніе молодыхъ Браницкихъ дъйствительно вызывало общія похвалы. Сама Екатерина, какъ мы видёли, восхищалась старшимъ сыномъ Браницкой, Владиславомъ, приписывая успъхъ его воспитанія тому, что Браницкая взяла себъ за образецъ ея планъ воспитанія великаго князя Александра Павловича. Сколько можно судить по имъющимся отрывочнымъ даннымъ, дети Браницкой были образованные, съ добрымъ, любящимъ сердцемъ и мягкимъ характеромъ; притомъ, какъ и слъдовало ожидать, они не были проникнуты, вообще говоря, духомъ національной исключительности. Къ сожальнію, должно предположить, что долговременная материнская опека наложила на дътей Браницкой печать слабохарантерности, склонности поддаваться чуждымъ влія-

¹⁾ Pycck. Apx., 1867, 1558—1559.

²⁾ Лихачева: Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи, II, 61—62.

ніямъ, а долгая жизнь въ деревнъ привела къ недостаточному знанію людей и нъкоторой неразборчивости въ этомъ отношеніи. Близкое сосъдство съ владъніями Браницкой не пользовавшейся тогда уваженіемъ семьи Потоцкихъ, владътелей Умани и Тульчина, привело къ нежелательнымъ для Браницкой бракамъ ея дътей: старшая дочь ея, Екатерина, вышла замужъ за графа Станислава Потоцкаго, а это родство повело къ тому, что сестра Потоцкаго, Роза, женила на себъ любимаго сына Браницкой, Владислава, хотя мать его, не уважавшая Розы Станиславовны, не могла никакъ желать этого брака: если върить Вигелю, Браницкая никогда не принимала къ себъ невъстки. Въроятно, это родство повело и къ браку второй ея дочери, Софіи, вышедшей замужъ за графа Артура Потоцкаго. Всѣ эти Потоцкіе были на службѣ въ Россіи, но едва ли Браницкая могла быть довольна этими браками, хотя къ внукамъ своимъ она видимо относилась съ любовью. Въ началъ 1812 года, когда Наполеонъ грозилъ Россіи вторженіемъ, бользнь одного изъ внуковъ, находившагося вмёстё съ родителями въ Вёнё, заставила ее поёхать туда. «Узнать, что онъ въ опасности, и отправиться въ путь было дъломъ одной минуты», — писала Браницкая императрицъ Марін Өеодоровнъ:--«ващей, государыня, душъ, столь чистой и столь ангельской, облегчающей чужую бъду и ей сочувствующей, понятны тревоги матери... Счастіе, большое счастіе быть подъ вашимъ покровительствомъ: оно объемлетъ и хранитъ и детей, и мать» 1). Оставшись въ концъ концовъ съ одною лишь дочерью, Елизаветой Ксаверьевной, Браницкая, наученная опытомъ, тщательно оберегала ее отъ возможныхъ опасностей: Елисавета Ксаверьевна (род. 1796 г.), отличавшаяся грацією, тонкимъ умомъ и добрымъ сердцемъ, до 22-лътняго возраста почти безвыъздно просидъла у матери въ деревнъ, а въ 1818 году, въ первую продолжительную заграничную поъздку, приняла предложение графа Михаила Семеновича Воронцова, командовавшаго русскимъ оккупаціоннымъ корпусомъ во Франціи, и въ следующемъ году вышла за него замужъ. Браницкая была довольна этимъ бракомъ дочери, темъ более, что новый ея зять получиль вслёдь затёмь должность новороссійскаго генераль-губернатора: такимъ образомъ. Елизавета Ксаверьевна могла часто видъться съ матерью, испытывавшей въ это время чувство полнаго одиночества, такъ какъ въ 1819 году скончался въ преклонной старости мужъ ея, графъ Ксаверій Браницкій. Одбляя всёхъ своихъ дочерей богатымъ, царскимъ приданымъ, Браницкая много помогала и Воронцовымъ: собственно на ея средства устроены были воронцовскіе дома въ Петербургъ, Одессъ и Алупкъ; чудный Алупкинскій дворець, говорять, построень быль исключительно на ея средства. У себя, въ Бълой Церкви, Браницкая, вдали отъ жилого

^{1) «}Pycca. Apx.», 1892, 4, 476-477.

дома, сохранившаго прежнюю простоту, начала разводить паркъ и садъ, названные въ честь императора Александра Павловича, посътившаго однажды графиню въ ен деревенскомъ уединеніи, Александріей.

Къ императору Александру Браницкая питала особое чувство обожанія, подогръваемое, въроятно, воспоминаніемъ, что онъ быль «гатированное дитя» Екатерины, а также Потемкина: къ нему она питала, такъ сказать, тройное чувство. Въ перипетіяхъ борьбы Александра съ Наполеономъ, Браницкая не скрывала враждебныхъ чувствъ къ чудовищу-корсиканцу», и велика была ея радость, когда любимый внукъ Екатерины закончилъ эпопею 1812 года «освобожденіемъ» Европы. Въ концъ мая 1812 года, находясь въ Вънъ, Браницкая писала императрицъ Маріи Өеодоровнъ: «Императрицы австрійская и французская (Марія-Луиза, дочь австрійскаго императора Франца) въ настоящее время въ Прагъ... Вопреки моему желанію представиться первой изъ нихъ, я обязана отказаться отъ этой чести, такъ какъ она не одна. Общій голось о ней, государыня, что она ангель доброты и ума, и что она понимаетъ происходящее въ истинномъ его значении (курсивъ подлинника)... Вся моя надежда на Божеское правосудіе: оно охранить нашего добраго и возлюбленнаго государя и содълаеть насъ счастливыми». 26-го декабря, уже по изгнанін Наполеона изъ Россін, она писала императрицъ: «Пользуюсь возобновленіемъ почтовыхъ сообщеній, чтобы привести себя въ милостивую намять вашего величества и представить мон поздравленія съ поб'єдами наших войскъ. Я желала бы у вашихъ, государыня, ногъ выразить всв чувства, которыми я проникнута, и въ то же время полюбоваться эрълищемъ образцовой изъ матерей, какъ она радуется, что августьйшій сынт ея властвуеть народомъ, столь заслуживающимъ уваженія по любви своей къ отечеству и къ своему государю. О, какъ подобаеть ему наша приверженность! Оттого-то и вознаграждало его Провидѣніе, освобождающее Россію и покровительствующее ей противъ несчастія этого чудовища. Она одна одольла Европу, которая, быть можеть, обизана будеть ей своимъ освобожденіемъ. Какое прекрасное время и какъ имъ не гордиться! Ваши милости, государыня, дають миж смёлость просить вашего позволенія о томъ, чтобы лучшій и возлюбленнъйшій изъ государей усмотръль въ этихъ строкахъ выражение той въчной привязанности, которую мит сладко питать къ нему съ самаго итыжнаго младенчества его. Да благоволить онъ быть увъренъ въ оной, и я буду счастлива» 1).

Личность Браницкой за это время ярко выступаеть въ восноминаніяхъ Вигеля, посѣтившаго Бѣлую Церковь лѣтомъ 1823 года, проѣздомъ въ Одессу. «У меня было письмо отъ матери къ гра-

^{1) «}Русск. Арх.», 1892, 4, 477, 479. «истор. въсти.», январь, 1900 г., т. LXXIX.

финѣ Браницкой», — разсказываеть онъ, — «и сперва я поѣхалъ въ Бѣлую Церковь, въ ночь съ 20-го на 21-е іюля. Ночи въ это время бывають еще коротки, да и путь былъ мнѣ не длиненъ; я совершилъ его до разсвѣта. Въ Бѣлой Церкви живала графиня только по зимамъ, лѣтомъ же — въ трехъ верстахъ оттуда, въ своей любезной Александріи, собственными ея стараніями возращенномъ огромномъ паркѣ. Тутъ я прямо поѣхалъ и остановился въ довольно чистой корчмѣ. Выспавшись, часу въ одиннадцатомъ, я принарядился и пошелъ являться.

«Проходя садомъ или паркомъ, я подивился его красотѣ; строенія, которыя я нашелъ въ концѣ его, меня удивить не могли. Надъ каменнымъ двухъ-этажнымъ домомъ, которому предназначено было вмѣщать въ себѣ гостиницу, большими буквами выставлено было слово Аустеріа, и въ немъ-то помѣщалась владѣтельница замка. Я нашелъ ее, послѣ чая или завтрака, одну съ дочерью, въ большой комнатѣ нижняго этажа, служащей ей и гостиной, и кабинетомъ, въ черномъ тафтяномъ, довольно поношенномъ капотѣ, въ бѣломъ довольно заношенномъ чепцѣ. Она не расточительна была на ласки и привѣтствія; зато простое, доброжелательное обхожденіе ея вселяло уваженіе и довѣренность. Поговоривъ со мною о матери моей, она сказала, что я долженъ сколько нибудь у нея погостить, а потомъ, позвонивъ, велѣла мнѣ во флигелѣ отвести двѣ или три весьма чистыя комнаты.

«Въ этой женщинъ было такъ много оригинальнаго, что распространиться немного о ней считаю неизлишнимъ. При необъятномъ ея богатствъ всъ говорили, что она чрезмърно скупа, и я имълъ тутъ случай убъдпться въ томъ; заго на доброе дъло случалось ей бросать по сту и по двъсти тысячъ рублей. Въ этой русской барынъ, совершенно старинной помъщицъ, такъ много ума, важности и приличія, что ни одинъ полякъ, даже по заочности, не дерзалъ попрекать ее варварствомъ. Царствованіе Екатерины было на ней напечатано.

«За объдомъ, исключая хозяйки и меня, сидъли четыре женщины и одинъ мужчина, и вотъ кто они были.

«Младшая дочь, графиня Елисавета Ксаверьевна Воронцова, жена моего будущаго начальника. Ей было уже за тридцать (?) лѣтъ, а она имѣла все право казаться еще самой молоденькой. Долго, когда другимъ могъ надоѣсть бы свѣтъ, жила она дѣвочкой при строгой матери въ деревнѣ; во время перваго путешествія за границу вышла она за Воронцова, и всѣ удовольствія жизни разомъ предстали ей и окружили ее. Съ врожденнымъ польскимъ легкомысліемъ и кокетствомъ желала она нравиться, и никто лучше ея въ томъ не успѣваль. Молода она была душою, молода и наружностію. Въ ней не было того, что называютъ красотою; но быстрый, нѣжный взглядъ ея миленькихъ небольшихъ глазъ пронвалъ

насквозь; улыбка ен усть, которой подобной и не видаль, такъ и призываеть поцёлуи. Сіе изображеніе служить доказательствомъ моему безпристрастію, ибо впоследствіи она была ко мне черезчуръ немилосердна, хотя на этотъ разъ была отмънно любезна. Какъ контрастъ, сидъла подлъ нея дочь генерала Раевскаго (героя 12-го года), Елена Николаевна, дъва еще не старая, но мрачная и больная. Все семейство ея страдало полножелчіемъ и, смотря по сложенію каждаго изъ членовъ его, желчь болье или менье разливалась въ ихъ ръчахъ и дъйствіяхъ. Графиня Браницкая приходилась двоюрдной теткой Николаю Николаевичу (по родству съ Самойловыми) и оттого покровительствовала и поддерживала его семейство, за что не весьма хорошо отблагодарила его. Третья особа была старая знакомка моя, Наталья Николаевна Ергольская, дочь кіевскаго сов'єтника... Объ имени четвергой женщины, какой-то шляхтянки, паньи-экономки, я не только не спросиль, но даже хорошенько не поглядель ей въ лицо...

«Предметомъ общаго, особаго вниманія гордо сидёлъ тутъ англичанинъ-докторъ, длинный, худой, молчаливый и плёшивый, которому Воронцовъ, какъ соотечественнику, поручилъ наблюденіе за здравіемъ жены и малолётней дочери: предъ нимъ только однимъ стояла бутылка краснаго вина. Обёдъ былъ вкусный и обильный, но вина за нимъ не подавалось. Вдругъ графиня, подозвавъ слугу и глазами указывая ему на меня и на бутылку предъ англичаниномъ, сказала только: «гостю». Тотчасъ явилась предо мной другая бутылка; я выпилъ изъ нея рюмки двё; опорожнить же ее помогла мнё моя сосёдка, полька. Замётно было, что она пользовалась не вседневнымъ случаемъ.

«Порядочно отдохнувъ послѣ обѣда, графиня предложила мнѣ показать сама свое прекрасное созданіе. Она не повезла и не повела меня съ собою. Съ ослабѣвшими и опухшими ногами она ходить не могла; два казака повезли ее въ креслахъ на колесахъ, а я сопутствоваль ей пѣшкомъ. «Посмотри, батюшка», —сказала она миѣ, — «двадцать пять лѣтъ тому назадъ здѣсь было голое поле, прутика не видать было а теперь мы гуляемъ въ густомъ лѣсу». Рѣчка Рось, въ иномъ мѣстѣ удержанная, въ другомъ вьющаяся по волѣ, протекаеть весь этотъ садъ.

«Отъ палящаго зноя этимъ лѣтомъ вся трава пожелтѣла; близъ рѣки только сохраняла она свою свѣжесть, и больше голубые цвѣты на высокихъ стебляхъ, по берегамъ ея посаженные, казались безконечно сапфирною цѣпью. Всѣхъ прелестей этого очаровательнаго мѣста описывать я не буду: ихъ было слишкомъ много. Графиня Браницкая сроднилась съ природой; деревья сдѣлались ея обществомъ и друзьями. Проѣзжая мимо иныхъ, приговаривала она: «голубчикъ, красавецъ ты мой!» — съ досадой отворачиваясь отъ другихъ, говорила мнѣ: я этихъ терпѣть не могу», однако же

не лишала ихъ жизни, не велѣла рубить. Сперва и не чувствовалъ усталости, но, наконедъ, готовъ былъ признаться въ ней, моей вельможной путеводительницѣ, когда закатъ солица заставилъ насъ воротиться.

«Стъдующій день и провель почти такимь же образомъ. Дълаясь довърчивъе и смътъе съ графиней, и заговорилъ ей про толки, которые идуть о ен капиталахъ, и находилъ, что, по моему миънію, счетъ имъ долженъ быть преувеличенъ. «Не знаю, право, батюшка; павърное не могу сказать, а кажется, у мени двадцать восемь милліоновъ ,—отвъчала она. Потомъ прибавила: «Меня всъ бранитъ, что и не строю дворца. Я люблю садить, а не строитьси; одно потрудите другого и требуетъ гораздо больше времени. Послъмени, если сыну моему вздумается взгромоздить хоти мраморным палаты, будетъ ему изъ чего» 1).

Дополнимъ разсказъ Вигеля нѣсколькими замѣчаніями о любимой дочери Браницкой, Елизаветь Ксаверьевив. Ее обвиняеть Вигель во «врожденномъ польскомъ легкомыслін», а между тімъ именно въ описанное имъ время Етизавета Ксаверьевна была ангеломъ-хранителемъ, хотя тайнымъ, великаго пѣвца Русской земли, Пушкина. Выло ли между ними одно чуткое пониманіе другь друга или существовало чувство, болъе нъжное, хотя и невинное, но Елизавета Ксаверьевна высоко цёнила Пушкина, узнавъ его во время пребыванія его въ Одессь, и въ тайнь оказывала ему нравственную поддержку, когда ея мужъ, графъ М. С. Воронцовъ, началъ преследовать молодого поэта и добился высылки его въ 1824 г. изъ Одессы въ село Михайловское. Невольно возникаетъ вопросъ: не чувствовать ли Воронцовъ ревности къ геніальному изгнаннику, который съ своей стороны илатилъ ему презрѣніемъ ²)? «Мысль Пушкина, — говорить Анненковъ, --постоянно жила не въ Тригорскомъ, а гдъ-то въ другомъ, далекомъ, недавно покинутомъ краж. Полученіе письма изъ Одессы всегда становилось событіемъ въ уединенномъ Михайловскомъ. Послѣ ХХХИ строфы 3-й главы Онъгина Пушкинъ дълаетъ приписку: «5-го сентября 1824 годаune lettre de ***». Сестра Пушкина, О. С. Павлищева, передавала, что когда приходило изъ Одессы письмо съ печатью, изукрашенпою точно такими же кабалистическими знаками, какіе находились и на перстив ен брата (извъстный «талисманъ»), --последній запирался въ своей комнать, никуда не выходиль и никого къ себъ

¹⁾ Вигель, Записки, VI, 82-86.

²⁾ Извъстна его эпиграмма на Воронцова:

[«]Полумилордь, полукупець, Полумудрець, полуневѣжда, Полуподлець, но есть надежда, Что будеть полнымъ наконець».

не принимать. Памятникомъ его благоговъйнаго настроенія въ такихъ случаяхъ и осталось его стихотвореніе: «Сожженное письмо», начинающееся строфами:

> «Прощай, письмо любви, прощай! Она велѣла... Какъ долго медлилъ я, какъ долго не хотѣла Рука предать огню всв радости мои!.. Но полно, часъ насталъ: гори, письмо любви!»

«Особа, —прибавляеть г. Бартеневъ, —къ которой относится это стихотвореніе, такъ же какъ и два поздибйшихъ: «Ангелъ» и «Талисмань», и портреты которой-строгій женскій профиль съ головой, нъсколько наклоненной внизъ («Въ дверяхъ эдема ангелъ нъжный главой поникшею сіять»)—такъ часто набрасывались поэтомъ на страницахъ его тетрадей, -- графиня Елизавета Ксаверьевна Воронпова. До конца долгой жизни своей († въ Одессъ 15-го апръля 1881 г.) 1) она сохраняла о Пушкинъ теплое воспоминание и ежедневно читала его сочиненія. Когда зрѣніе совсѣмъ ей измѣнило, она приказывала читать ихъ себъ вслухъ и притомъ подъ рядъ, такъ что когда кончались всв томы, чтеніе возобновлялось съ перваго > 2). Въ этомъ высокомъ чувствъ Е. К. Воронцовой сказалось не «польское легкомысліе» ен отца, а русская вдумчивость, глубокое постоянство ея матери. Позволяемъ себъ догадку: супружеская чета Греминыхъ, описанныхъ Пушкинымъ въ «Евгеніи Онбгинъ», не есть ли чета Воронцовыхъ?

Текабрьскія событія, ознаменовавшія собою въ 1825 г. вступленіе на престолъ императора Николая Павловича, отразились неожиданно и на графинъ Браницкой. 25-го декабря, въ день Рождества, подполковникъ С. И. Муравьевъ-Апостолъ возмутилъ черниговскій полкъ, стоявшій въ Васильковъ, Кіевской губерніи, и двинулся на соединеніе съ другими войсковыми частями, гдф въ числф офицеровъ были многіе изъ членовъ южнаго общества. Порогу себъ Муравьевъ избраль чрезъ Бѣлую Церковь. «Толковали, говорить одинъ современникъ, что ему хотблось добраться до денежныхъ сундуковъ графини Браницкой, но въроятиве, что онъ шелъ на соединеніе со своими» 3). Другіе говорять объ этомъ болье положительно. «Подполковникъ Муравьевъ, разсказываетъ Вершинъ, сь нестройнымъ своимъ баталіономъ приближался къ имѣнію престарълой графини Браницкой, которая жила въ селъ Бълая Церковь, гдъ въ подвалахъ ея замка хранились, по увъренію поляковъ (!), милліоны серебромъ и золотомъ, и эти милліоны Муравьевъ надівялся захватить для своихъ конституціонныхъ д'бйствій. Впосл'єдствій

¹⁾ Въ цитатъ—1880 г.—Мы дълаемъ эту поправку по «Родословію» Воронцовыхъ, приложенному къ «Росписи сорока книгамъ архива князя Ворондова» М., 1897, стр. 238.

²⁾ Сочиненія Пушкина, изд. лит. фонда, І, 344.

⁸⁾ Pycck. Apx., 1871, 1724.

разсказывали, что находчивость одного гайдука графини спасла ея милліоны оть нашествія Муравьева, а также о признательности владелицы громаднаго именія къ спасителю своему. Гайдукъ быль посланъ по какому-то случаю изъ Бълой Церкви и едва ли не для узнанія о шествіи Муравьева. Солдаты схватили гайдука, представили его Муравьеву, и на спросъ его: «есть ли солдаты въ Бѣлой Церкви», отвъчаль, что нашло разныхъ полковъ въ Бѣлую Церковь и окрестности селенія видимо-невидимо. Это показаніе гайдука, какъ увъряли меня, было причиной, что Муравьевъ остановился версть за 20 отъ Бълой Церкви, когда еще въ селеніи не было ни одного солдата, и тъмъ лишился громадныхъ денежныхъ средствъ, которыя во всёхъ дёлахъ большая сила. Сутки, потерянныя Муравьевымъ, сблизили полки 7-го корпуса въ Бълую Церковь, откуда направились на возмутившійся баталіонь, и однимъ ударомъ павлоградскій гусарскій полкъ разсвяль конституціонистовъ, захвативъ раненаго ихъ начальника въ плънъ... Когда конституціонисты были уничтожены, то графиня Браницкая, узнавъ о заслугъ своего гайдука, приказала позвать его къ себъ, и, сказавъ ему спасибо за спасеніе ея замка отъ гребежа, пожаловала ему своеручно карбованецъ, т. е. цълковый. Многіе поляки и сами русскіе офицеры, знавшіе владёлицу 120 тысячь душъ крестьянъ и баснословныхъ наличныхъ милліоновъ, разсказывали о скупости графини, сидъвшей по вечерамъ съ двумя сальными свъчами» 1). Этоть характеристическій для личности Браницкой разсказъ нуждается, прежде всего, въ точной справкъ, дъйствительно ли она, какъ Скупой рыцарь, хранила свое золото въ подвалахъ своего замка, и не сходила ли она туда, чтобы насладиться его блескомъ.

Въ царствование императора Николая Павловича Браницкая доживала свой долгій вѣкъ въ полномъ забвеніи: императоръ Николай не относился къ памяти геніальной своей бабки съ должнымъ уваженіемъ, считалъ даже за несчастіе, что онъ похожъ былъ на нее въ профиль; не любилъ онъ и живого напоминанія о ней, Браницкой. Старая графиня, однако, мало интересовалась мнѣніемъ о себѣ свѣта и, достигнувъ даже 80-лѣтняго возраста, попрежнему крѣпко держала въ рукахъ бразды правленія своими имѣніями. Въ дополненіе къ разсказамъ Вигеля, рисовавшаго Браницкую въ въ будничной, домашней обстановкѣ, въ началѣ 20-хъ годовъ, при-

¹⁾ Русск. Стар., 1893, 3, 609—610.—Генераль Роть также доносиль, какъ передавали англійскія газеты того времени, что Муравьевъ шель на Вѣлую Церковь съ пѣлію ограбить Браницкую. «Quel misérable cela doit être que се Mouravieft!» прибавляль по этому поводу въ письмъ къ М. С. Воронцову отець его, С. Р. Воронцовь, прежде такъ бранившій графиню, а теперь нѣжно относившійся къ ней и ея состоянію. «Comme votre bonne belle-mére a dû être effrayée de savoir tous ces troubles dans son viflage et le projet de ces coquins pour la piller!»—Арх. кн. Воронцова, XVII, 574.

ведемъ любопытный разсказъ о ней англійскаго доктора-туриста, бывшаго въ Бѣлой Церкви десять лѣтъ позже.

«Надо бы обладать перомъ Вальтеръ-Скотта, чтобъ описать эту женщину. Она была баловницей императрицы и теперь въ восемьдесять лъть, съ такимъ же жаромь и рвеніемъ заботится объ увеличеніи своего вліянія, какъ бы въ юности. Состояніе ея самое значительное во всей имперіи. Графиня является неограниченной повелительницей въ своихъ владенияхъ, которыя превосходять пространствомъ нъсколько нъмецкихъ княжествъ, вмъсть взятыхъ. Я ожидаль, конечно,-говорить онъ,-встретить особу величественнаго и важнаго вида. Каково же было мое изумленіе, когда казачкагорничная ввела меня въ маленькую комнату, почти лишенную мебели. Ствны комнаты были попросту вымазаны меломъ. Все убранство камина состояло изъ грубо раскращеннаго гипсоваго бюста императрицы Екатерины. Въ каминъ лежало нъсколько полънъ дровъ. Дубовый столъ быль заваленъ кипами бумагъ. Старая графиня занималась повъркой счетовъ своего управляющаго. Она подписала нъсколько бумагь и отпустила его, давъ поцъловать свою руку. Когда управляющій вышель изъ комнаты, она повернулась комнъ. Это была женщина средняго роста и довольно полная. Черты ея лица сохранили следы былой красоты. Иногда это лицо оживлялось выраженіемъ. Глаза были еще блестящи и полны огня. На головъ ея былъ надъть чепецъ изъмуселина. Объ остальномъ костюмъ нельзя было судить, такъ какъ вся она закутана была въ длинный турецкій шлафрокъ. Она нюхала въ большомъ количествъ табакъ, просыпая двъ трети его на свое платье. Сидя въ вольтеровскомъ креслъ, она постоянно терла щеки пальцами. Я быть прежде всего пораженъ красотою ея рукъ, маленькихъ и полныхъ, какъ руки восемнадцатилътней дъвушки. Большая бирюза, украшавшая указательный палецъ, еще больше обнаруживала необыкновенную бълизну ихъ кожи. —Я чрезвычайно рада познакомиться съ вами, -- сказала она мнв. -- Какъ англичанинъ, вы видели, конечно, множество прекрасныхъ садовъ; но нигде не найдете ничего похожаго на Александрію. Я поклонился въ внакъ согласія.—Это садъ Потемкина,—продолжала старая графиня, любившая говорить и неохотно уступавшая слово другому:--это садъ Потемкина, и онъ посвященъ его дружбъ. Здъсь вы увидите нъсколько деревьевъ, посаженныхъ императоромъ Александромъ I въ послъдній его прівздъ. Туть стоить и бюсть его, окруженный желваной решеткой. На этомъ месте императоръ пиль какъ-то чай. Беседки и статуетки стоили мить большихъ денегъ, но я купила все на наличныя деньги и воспользовалась скидкой, что составило не малую сумму. Этоть садъ обощелся мий въ четыре милліона рублей. Но знаете ли, что сказала мив императрица? Она сказала: «Графиня, всь эти деньги остались здъсь на мъсть, а это что нибудь да значить»... Гуляя, вы встрътите нъсколько бесъдокъ, въ окна которыхъ вставлены стекла. Въ этомъ виновать Бонапарть. Я дала объть отпраздновать изгнаніе французовъ, затративъ десять тысячъ на украшеніе моей резиденціи, и эти стекла вошли также въ число украшеній... Въ большомъ навильонъ вы замътите мраморный бюсть императора, у подножія котораго на м'єдной доск'в выръзаны слъдующія слова... Вы, въроятно, понимаете по-русски... Выръзанныя слова были буквально произнесены императоромъ; они означають: «Я до тъхъ поръ не вложу сабли въ ножны, пока на Русской земль останется хоть одинъ непріятель». Графиня продолжала говорить такимъ образомъ, не давая мив возможности вставить ни слова. Вдругь она остановилась. Ея лицо бользненно сжалось, и она сказала унавшимъ голосомъ: «Покторъ, не знаете ли вы какого нибудь средства отъ судороги? Воть десять лёть, какъ она не даеть мив покоя». Я понять тогда, почему она постоянно водила рукой по щекъ: она разминала этимъ способомъ мускулы лица и останавливала ихъ сокращение. Въ эту минуту ударили въ колоколъ на объдъ. Графиня указала мнъ пальцемъ на дверь столовой и просила меня быть безъ церемоніи. Она предложила мит присоединиться къ другимъ гостямъ и занять мъсто за столомъ. Что же касается ея, то она сейчасъ выйдеть и сама. Я повиновался и вышель. Въ столовой было еще меньше мебели, чемъ въ комнать, служившей пріемной. Стены ея были совершенно голы. Посреди комнаты стояль длинный столь, накрытый бёлой скатергью, на которой, кромъ тарелокъ, видна была только передъ приборомъ хозяйки дома бутылка шампанскаго, да бутылка донского вина на противоположномъ концъ стола. Всъхъ объдающихъ было пятнадцать человъкъ. Сзади каждаго изъ насъ стояль лакей въ великолънной ливреъ. Чрезвычайно изумленный уже этой обстановкой, и быль удивлень еще больше, когда поданъ быль объдъ. Онъ начался съ холодной ветчины, наръзанной ломтиками, которую обносили вокругь стола на большомъ блюдь. За ветчиной послъдовалъ рате froid, потомъ салатъ, потомъ кусокъ нармезанскаго сыра, Очень любя холодные объды, я радь быль поъсть по своему вкусу и дълать честь подаваемымъ вещамъ. Я ѣть бы всего больше, еслибъ слушался только своего аппетита; но я зам'втиль, что сосъди мон по столу едва дотрагивались до подаваемыхъ блюдъ, и и не хотълъ отставать оть нихъ; какъ вдругъ, къ неописанному моему удивленію, лакей принесь на столь вазу съ супомъ. Въ ту же минуту вошла графиня и съла на свое мъсто. Какой же я быль неучъ и какъ я ошибся! Ветчина, пирогъ, салать и сыръ, не говоря о шампанскомъ и донскомъ винъ, не составляли объда, а только какъ бы прелюдію къ нему, предисловіе и прибавленіе къ работв болве серьезной. Я быть немного сконфужень своей ошибкой, тымь болъе, что удовлетворилъ свой апетить на мелочахъ, которыя должны

были только его пробудить. Тъмъ не менъе и вооружился мужествомъ и решилъ подражать во всемъ действіямъ графини. Я наскоро покончиль съ тарелочкой раковаго супа, действительно превосходнаго, и такъ какъ графиня запила его стаканомъ вина, я схватиль бутылку, стоявщую возлё меня и налиль себё полный стаканъ, который и выпилъ. Вино, чертовски кислое, я не могъ скрыть легкой гримасы, не ускользнувшей оть графини, но только стоявшій позади меня лакей получиль приказаніе поставить возл'ь меня на столь бутылку нива и бутылку квасу. Я довольствовался этими двумя напитками. Подали громадный кусокъ ростбифа. Графиня, при каждой перемънъ блюда, накладывала себъ очень много на тарелку, но отв'вдавши два-три раза, сейчасъ же приказывала убирать. Мнъ объяснили, что любимой горничной предоставлено было преимущество кончать все, что оставалось на тарелкахъ госпожи, и что эти тарелки, еще на двъ трети наполненныя, ей и предназначались. Посл'є мяса подали въ соусник' гречневую кашу съ холоднымъ масломъ. Я решился пропустить это блюдо. Потомъ следовала рыба-корона подъ соусомъ, и я отведалъ кусочекъ. Но продолжать этогь бой было решительно не въ моихъ силахъ. Еслибъ вино было лучше или, еслибъ и его больше выпилъ, оно дало бы мить силы быть болте выносливыми, ки чему ниво не было пригодно. Къ счастью, мив показалось, что объдъ приближался къ концу, и видъ жаркого изъ дичи датъ мит знать, что скоро появится дессертъ. За дессертомъ и не замътилъ ничего ръшительно чужеземнаго: графиня изгнала все покупное. Она принадлежала къ людямъ, полагающимъ, что каждая страна можетъ и должна сама себя довольствовать. Скатерть не сняли со стола, какъ принято въ Англіи. Я насчитать пятнадцать сортовъ фруктовъ. Всё они были изъ садовъ нашей хозяйки. Персики, дыни и яблоки превосходнаго вкуса. Маленькая сахарница, полная мелкимъ сахаромъ, была предложена графинъ, которая взяла щепотку и посыпала кусокъ дыни, бывшей у нея въ рукахъ, но сейчасъ же отправила сахарницу, замътивъ, что дыня сама по себъ сладка. Послъ этого хозяйка дома, бросивь вокругь себя взглядь, сопровождаемый любезной улыбкой, встала изъ-за стола: всв встали по ея примъру, и многіе изъ объдавшихъ подошли поцёловать ей руку. Мы перешли въ залу, гдё приготовлено было кофе. Нъсколько минуть спустя, графиня предложила мив прогулку по садамъ. Эти сады оказались достойными своей славы. Массы зелени, бассейны, полные рыбой, партеры цвътовъ и проч., все однимъ словомъ было на степени самаго высшаго тона. Хозийка дома, пила только шампанское. Ей позволено было пить одно это вино. Я упомянуль уже, какъ она одна только посыпала сахаромъ дыню, и какъ послъ этого тотчасъ же унесли сухарницу. Этотъ характерный эпизодъ рисуеть лучше нравы страны, чвмъ все, что можно бы сказать на эту тему. Для

нея не было ничего ни слишкомъ великаго, ни слишкомъ мелкаго. Обладательница царскаго богатства, она изощряла способности въ спекуляціяхъ и, взимая съ своихъ крестьянъ только самый легкій налогь, была бы въ состояніи поставить на ноги армію или снарядить флоть. Очень щедрая въ нѣкоторыхъ случаяхъ, она проявляла въ другихъ крайнюю скупость. Недостатки ен были слишкомъ преувеличиваемы. Что бы ни говорили по этому поводу, ен крестьяне не показались мнѣ болѣе несчастными, чѣмъ крестьяне сосѣднихъ владѣльцевъ. У нея были пріятныя манеры, способность вести интересную бесѣду и достаточно образованія, правда, оно преисполнено было предразсудковъ» (sic) 1).

Александра Васильевна Браницкая скончалась 15-го августа 1838 г. Въ преклонной старости она готовилась къ смерти и заранъе сдълала распоряжения о мъстъ своего погребения. Сохранилась следующая записка о ея желаніи быть похороненной съ мужемъ: «Оберъ-гофмейстерина графиня Браницкая, живъ весьма много лътъ въ душевной любви и безпрестанномъ согласіи съ покойнымъ ея мужемъ, генераломъ отъ инфантеріи графомъ Браницкимъ, имъетъ усердивищее желаніе, чтобы по кончинь ея прахъ ен соединенъ былъ съ прахомъ ен мужа и друга; а такъ какъ онъ похороненъ въ м. Бълой Церкви, въ католической церкви, то она адресовалась къ кіевскому митрополиту, который ей сказаль, что были на то многіе приміры, но всегда съ разрішенія высшей власти. Она всеподданнъйше просила о томъ государя императора. и его величество благоволилъ позволить ей представить о желаніи ея записку на память» 2). На поминъ души она пожертвовала 200.000 рублей для выкупа должниковъ изъ тюремъ и около 300,000 рублей съ тъмъ, чтобы проценты съ этого послъдняго капитала ежегодно употреблялись на поддержание благосостояния крестьянъ, водворенныхъ въ числъ 97.000 душъ въ бывшихъ ея 217 имъніяхъ. Въ 1875 г. накопившіеся къ тому времени проценты (около 600.000 р.) переданы въ видъ основного капитала «Сельскому банку графини Браницкой», учрежденному тогда въ Бълой Церкви, а изъ наростающихъ вновь ежегодно процентовъ половина предназначена для учрежденія въ этихъ селеніяхъ ссудосберегательныхъ товариществъ. Сельскому банку графини Браницкой предоставлены какъ общія банковыя операціи, такъ и спеціально касающіяся крестьянь, водворенныхь въ бывшихъ имъніяхъ Браницкой 3). Такимъ образомъ имя ея навсегда связано съ мъстами, которыя она такъ любила при жизни.

Евгеній Шумигорскій.

^{1) «}Кіевская Старина», 1888, 4.

²⁾ Арх. кн. Воронц., XXXV, 490.

з) «Энциклоп. Словарь», подъ ред. Андреевскаго, IV, 597.

ГЕРЦЕНЪ И ТУРГЕНЕВЪ.

I.

ЕРВАЯ половина 60-хъ годовъ является чуть ли не самымъ тяжелымъ временемъ въ жизни И. С. Тургенева. Въ мартъ 1862 г. былъ напечатанъ знаменитый романъ «Отцы и дъти»; какое впечатлъніе произвело это новое произведеніе геніальнаго писателя, лучше всего можно судить по словамъ самого Тургенева: «Я замъчатъ, — пишетъ онъ, — холодность, доходившую до негодованія во многихъ мнъ

близкихъ и симпатическихъ людяхъ; я получилъ поздравленія, чуть не лобзанія, отъ людей прогивнаго мив качества, отъ враговъ». (Соч. Тургенева, т. XII, стр. 93, «Литературно-житейскія воспоминанія»).

На ряду съ неуспъхомъ романа, Тургеневу въ эту эпоху приходилось переживать расхождение или даже прямой разрывъ съ нъкоторыми друзьями молодости. Партійная борьба 60-хъ годовъ принимала такой ръзкій характеръ, что положение «постепеновца», какимъ себя называлъ Тургеневъ, было очень затруднительно. Въ характеръ Тургенева совершенно отсутствовала боевая политическая жилка, и въ сумятицъ 60-хъ годовъ это свойство, вмъстъ съ благороднымъ отсутствиемъ желанія «плыть по теченію» и подлаживаться къ текущимъ настроеніямъ минуты, причинили Тургеневу немало огорченій. Однимъ изъ наиболъе сильныхъ огорченій этого рода былъ разрывъ Тургенева со старымъ другомъ юности

А. И. Герценомъ, выросшій на почвѣ идейныхъ разногласій, разногласій давнихъ, но особенно обострившихся въ эту кипучую эпоху.

Разногласія эти воспитались и выросли главнымъ образомъ на ночвѣ своеобразнаго славянофильства Герцена, разочаровавшагося въ «странѣ святыхъ чудесъ» —Западѣ и съ жаждой отчаянія увѣровавшаго въ революціонное будущее Россіи. Въ цѣломъ рядѣ произведеній («Съ того берега», «Русскій народъ и соціализмъъ, «Старый міръ и Россія») Герценъ развиваеть ту идею, что старый западный міръ не можетъ освободиться изъ устарѣвшихъ буржуазныхъ формъ, и что обновленіе этого міра лежить въ крестьянской, народной Россіи, соціалистичной по духу, и которая внесеть обновленіе на почвѣ соціализма въ обветшавшія формы европейскаго Запада. Съ особенной яркостью это противопоставленіе обветшавшаго Запада молодой Россіи было сдѣлано Герценомъ въ статьѣ «Мотtuos plango» («Колоколь», № 118, 1 янв. 1862 г.).

«Упорная живучесть всего существующаго въ Европѣ, — писать Герценъ, —прочно основана на всемъ быломъ ся. Ея многосложный быть сложился самъ по себѣ, выработался въ длинной и тяжелой борьбѣ; онъ ей естественъ, у ней есть другіе идеалы, но другого быта нѣтъ. Къ тому же, въ обветшалыхъ и узкихъ формахъ ся захвачена бездна изящнаго и хорошаго. Оно-то и утратилось при переложеніи на наши нравы, удивляться этому нельзя.

«Европейскій быть и цивилизація были надёты на нась въ томъ родё, какъ въ Лондоні мальчишки зашивають, для продажи, плебейскаго происхожденія щенка въ волнистую шкуру аристократической собаченки; щенокъ, вымытый и расчесанный, бътаеть въ своемъ болонскомъ кафтані по гостинымъ, спить на диванахъ, но, увы, онъ растеть, и чужая шубенка лопается по швамъ.

«Какъ бы то ни было, но теперь вопросъ собственно вотъ въ чемъ: имъ́я занадный фасадъ и формы безъ лучшей стороны со-держанія, что намъ придется—разбить ли чужія формы или усво-ить чужое содержаніе?

«То, что въ Европѣ есть общечеловѣческаго, т.е. наука и больше ничего, само собой принадлежить всѣмъ, какъ воздухъ принадлежить каждому, имѣющему легкія. Стало быть, рѣчь не о наукѣ, а о томъ, могутъ ли другіе результаты западнаго развитія усвоиться нами, не мѣшая нашему собственному росту, или мы разовьемъ какіе нибудь иные историческіе элементы?

Далъс Герценъ дълаетъ слъдующее біологическое сравненіе:

«Переходъ отъ менте совершенныхъ видовъ къ болте совершеннымъ вообще не дълается развитіемъ наименте несовершеннаго вида въ болте развитый. Онъ и такъ хорошъ и такъ дорого стоить, пусть же онъ и остается самъ по себт, въ то время, такъ ряды другихъ попытокъ направо, налтво, со встхъ сторонъ тянутся, гибнуть, отстають, обходятъ, забъгаютъ существующій видъ. Каждый видъ представляетъ поступательное развите съ одной стороны, а съ другой предбять, т.-е. препятствія, на которыя онъ натолкнулся съ стремленіемъ ихъ перейти. Это безсиліе нисколько не мѣшаетъ другому виду (Герценъ подразумѣваетъ Россію), можетъ, бѣднѣе организованному въ чемъ нибудь иномъ, пере шагнуть именно это препятствіе».

Вскорѣ затѣмъ Герценъ спрашиваеть: «Гдѣ же предѣлъ европейскаго развитія, гдѣ препятствія, за которыя оно запнулось?» и отвѣчаеть:

«Во-первых», въ сознани необходимости коренного переворота, въ сознани нелъпости государственной, юридической и экономической жизни, отставшей въками отъ общественной и научной. Во-вторыхъ, въ немоготъ не только совершить этотъ соціальный переворотъ, но даже формулировать его.

«Воть на чемъ оборвались реформаціи и революціи, республики и конституціи, воть порогь, за который запнулся смѣлый бъть Запада... Воть предѣлъ...»

Но предъть ли это для насъ, пріемышей, пасынковъ зепадной цивилизаціи?— задаеть вопросъ Герценъ.

«Прошедшее Запада, —отвъчаеть онъ, —обязываеть его, не насъ.

Его живыя силы скованы круговой порукой съ тънями прошедшаго, дорогими ему, не намъ. Свътлыя человъческія стороны современной европейской жизни выросли въ тъсныхъ средневъковыхъ переулкахъ и учрежденіяхъ; онъ срослись съ старыми доспъхами, рясами и жильями, разсчитанными совсъмъ для другого быта, разнять ихъ опасно, тъ же артеріи пробъгають по нимъ. Западъ въ неудобствахъ наслъдственныхъ формъ уважаеть свои воспоминанія, волю своихъ отцовъ. Ходу его впередъ мъщаютъ камни, но камни эти—памятники гражданскихъ побъдъ или надгробныя плиты.

«У насъ ничего подобнаго. Наши преданія впереди. На нашихъ старинныхъ зданіяхъ известь не обсохла, наши развалины состаржись не отъ лътъ, а отгого, что фундамента нътъ. Мы еще не обстраивались, и это превосходно. Военныя поселенія ужасно легко переходять опять въ деревню».

Тому же изображенію одряхлінія запада и противопоставленія ему Россіи, крестьянской и соціалистической по духу, поміщены были въ 1862 г. статьи Герцена «Концы и Начала». Въ статьяхъ этихъ между прочимъ выражалась увіренность, что Россія сможетъ развить кое-что сбереженное ею (напримірт, общину), «не проділывая всіхъ старыхъ глупостей Запада (Герценъ разуміть парламентаризмъ) на новый ладъ». Віра эта не только не разділялась Тургеневымъ, но часто вызывала съ его стороны довольно ідкую критику. Опроверженію «Концовъ и Началъ» посвящено нісколько писемъ Тургенева къ Герцену. Такъ 8 октября 1862 г. Тургеневъ писать изъ Базена;

«Роль образованнаго класса въ Россіи быть передавателемъ цивилизаціи народу съ тъмъ, чтобы онъ самъ уже ръшилъ, что ему отвергать или принимать, это въ сущности скромная роль, въ ней подвизались Петръ Великій и Ломоносовъ, хотя ее приводить въ дъйствіе революція, эта роль по-моему еще не кончена. Вы же, господа, напротивъ, нъмецкимъ процессомъ мышленія (какъ славянофилы) абстрагируя изъ едва понятной и понятой субстанціи народа тв принципы, на которыхъ вы предполагаете, что онъ построить свою жизнь, кружитесь въ туманћ и, что всего важиће, въ сущности отрекаетесь отъ революцін, потому что народъ, передъ которымъ вы преклоняетесь—консерваторъ par excellence и даже носить въ себъ зародыши такой буржуазіи въ дубленомъ тулупъ, теплой и грязной избъ, съ въчно набитымъ до изжоги брюхомъ и отвращеніемъ ко всякой гражданской отвыственности и самодыятельности, что далеко оставить за собою всё мётко-вёрныя черты, которыми ты изобразиль западную буржуазію въ своихъ письмахъ. Далеко нечего ходить -- посмотри на нашихъ купцовъ. Я не даромъ употребилъ слово абстрагировать. Земство, о которомъ вы мнв въ Лондонъ протрубили уши, - это пресловутое земство оказалось на дёлё такой же кабинетной, высиженной штучкой, какъ родовой быть Кавелина и т. д. Въ теченіе лъта и потрудился надъ Щаповымъ (истинно потрудился!), и ничто не изменить теперь моего убъжденія. Земство либо значить то же самое, что значить любое одно сильное западное слово, либо ничего не значить и въ Щаповскомъ смыств непонятно ровно ста мужикамъ изъ ста. (Тургеневъ говорить о брошюръ Щапова «Земство и Расколъ»).

«Приходится вамъ пріискивать другую троицу, чёмъ найденная вами: «земство, артель и община», или сознаться, что тоть особый строй, который придается государственнымъ и общественнымъ формамъ усиліями русскаго народа, еще не насколько выяснился, чтобы мы, люди рефлексіи, подвели его подъ категоріи. А не то предстоить опасность то низвергаться передъ народомъ, то коверкать его, то называть его уб'єжденія святыми и высокими, то клеймить ихъ несчастными и безумными, какъ это сд'єлалъ чуть не на одной страниц'є Бакунинъ въ своей посл'єдней брошюрів».

Письмо Тургенева отъ 4 ноября 1862 г. посвящено той же полемикъ съ идеями Герцена. Тургеневъ пишетъ слъдующее:

«Что касается твоего письма въ «Колоколѣ», оно, какъ всѣ прежнія, умпо, тонко, красиво, но безъ вывода и примѣненія. Мнѣ начинаетъ сдаваться, что въ столь часто повторяемой антитезѣ Запада, прекраснаго снаружи и безобразнаго внутри,— и Востока, безобразнаго снаружи и прекраснаго внутри—лежитъ фальшь, которан потому еще держится даже въ замѣчательныхъ умахъ, что она, вопервыхъ, не сложна и удобоцонятна, а, во-вторыхъ, а l'air d'ètre tres ingenieuse et neuve. Но уже на ней мнѣ видятся бѣлыя нитки

и истертые локти, и все твое красноръче не спасеть ея отъ зіяющей могилы, гдъ она будеть лежать en très bonne compagnie вмъстъ съ философіей Гегеля и Шеллинга, французской республикой, родовымъ бытомъ славянъ и, дерзну прибавить, статьями великаго соціалиста Николая Платоновича (Огарева)».

Черезъ четыре дня 1) Тургеневъ въ письмѣ къ Герцену опять возвращается къ той же темъ: «Ты,-пишеть онъ,-съ необыкновенной тонкостью и чуткостью произносинь діагнозу современнаго человъчества, но почему же это непремънно западное человъчество а не bipedes (двуногіе) вообще? Ты точно медикь, который, разобравъ всё признаки хронической болёзни, объявляещь, что вся бъда происходить отъ того, что папіенть французъ. Врагь мистицизма и абсолютизма, ты мистически преклоняещься передъ русскимъ тулупомъ и въ немъ-то видишь великую благодать и новизну и оригинальность будущихъ общественныхъ формъ - das absolute, однимъ словомъ, то самое absolute, надъ которымъ ты такъ смѣешься въ философіи. Всв твои идолы разбиты, а безъ идола жить нельзя, - такъ давай воздвигать алтарь этому новому невъдомому богу, благо о немъ почти ничего неизвъстно---и опять можно молиться, и вёрить, и жлать. Богъ этоть пёлаеть совсёмъ не то, что вы отъ него ждете, --это, по-вашему, временно, случайно, насильно привито ему вижиней властью; богъ вашъ любитъ до обожанія то, что вы ненавидите, и ненавидить то, что вы любите, --богъ принимаетъ именно то, что вы за него отвергаете, вы отворачиваете глаза, затыкаете уши и съ экстазомъ, свойственнымъ всёмъ скептикамъ, которымъ скептицизмъ надоблъ, твердите о «весенней свъжести, о благодатныхъ буряхъ и т. д.». Исторія, филологія, статистика-вамъ все ни по чемъ; ни по чемъ вамъ факты, хогя бы, напримъръ, тотъ несомнънный факть, что мы, русскіе, принадлежимъ и по языку и по породъ къ европейской семьъ, «genus europaeum» и, слъдовательно, по самымъ неизмъннымъ законамъ физіологіи, должны идти по той же дорогъ. Я не слыхаль еще объ уткъ, которая, принадлежа къ породъ утокъ, дышала бы жабрами, какъ рыба. А, между темъ, въ силу вашей душевной боли, вашей усталости, вашей жажды положить свёжую крупинку снъга на изсохий изыкъ, вы бъете по всему, что каждому европейцу, а потому и намъ, должно быть дорого: по цивилизаціи, по законности, по самой революціи, наконецъ, и, наливъ молодыя головы вашей еще не перебродившей соціально-славянофильской брагой, пускаете ихъ хмельными и отуманенными въ міръ, гдѣ имъ предстоитъ споткнуться на первомъ шагу. Что вы все это дълаете добросовъстно, честно, горестно, съ горячимъ и искреннимъ самоотвержениемъ, -- въ этомъ я

¹⁾ Письмо оть 8 поября 1862 г.

не сомнѣваюсь, и ты увѣренъ, что я не сомнѣваюсь... Но отъ этого не легче. Одно изъ двухъ: либо служи революціи, европейскимъ идеаламъ попрежнему, — либо, если ужъ дошелъ до убѣжденія въ ихъ несостоятельности, имѣй духъ и смѣлость посмотрѣть чорту въ оба глаза, скажи: guilty (виновенъ) — въ лицо всему европейскому человѣчеству, и не дѣлай явныхъ или подразумѣваемыхъ исключеній въ пользу ново-долженствующаго прійти Россійскаго Мессіи, въ котораго, въ сущности, ты лично также мало вѣришь, какъ и въ еврейскаго. Ты скажешь: это страшно— и популярность можно потерять и возможность продолжать дѣятельность. Согласенъ, но съ одной стороны и такъ дѣйствовать, какъ ты теперь дѣйствуешь, —безплодно, а, съ другой стороны, я въ тебѣ на зло тебѣ предполагаю достаточно силы духа, чтобы не убояться никакихъ послѣдствій отъ высказыванія того, что ты считаешь истиной».

Письмо это, затрогивавшее «святое святых», Герцена, его въру въ будущность Россіи въ розовой дымкъ славянофильски-соціалистическихъ идеаловъ, вызвало со стороны Герцена раздражительный отвътъ, въ которомъ онъ, между прочимъ, по поводу «Отцовъ и Дътей» обвинилъ Тургенева въ несочувствіи къ молодому покольнію. Тургеневъ въ письмъ отъ 25-го ноября 1862 года писалъ Герцену:

«Не могу принять твое обвинение въ нигилизмѣ. (Кстати вотъ судьба: я же швырнулъ этотъ камень — и меня же онъ бьетъ въ голову). Я не нигилистъ, потому только, что я, насколько хватаетъ моего понимания, вижу трагическую сторону въ судьбахъ всей европейской семьи (включая, разумѣется, и Россію). Я все-таки европеусъ и люблю знамѝ, вѣрую въ знамя, подъ которое я встатъ съ молодости. Ты одной рукой рубишь его древко, а другой ловишь какое-то для насъ еще невидимое древко,—это твое дѣло, и, можетъ бытъ, ты правъ. Но ты менѣе правъ, когда приписываешь мнѣ какия-то побочныя цѣли или небывалыя чувства въ родѣ раздраженія противъ молодого поколѣнія... къ чему это?... Этого рода загадки и сплетни—скажу прямо—не достойны насъ съ тобою».

Не понравился Герцену и пренебрежительный отзывъ Турсенева о статьяхъ Н. П. Огарева въ «Колоколъ», и онъ потребовалъ у Тургенева изложенія причинъ его нерасположенія къ Огареву, какъ къ писателю.

Тургеневъ въ письмѣ отъ 3-го декабря 1862 г. отвѣтилъ на вопросъ Герцена и кстати довольно рѣзко охарактеризовалъ тогдашнюю дѣятельность Огарева въ «Колоколѣ» и причины охлажденія публики въ Россіи къ «Колоколу».

«Ты требуешь, — пишеть Тургеневъ, — чтобъ и тебъ изложилъ причины моего нерасположения къ Огареву, какъ писателю. Я готовъ тебъ повиноваться, но не могу не замътить, что на письмъ

это непременно выйдеть голословно. Ты самъ хорошо понимаещь, что приводить и пересчитывать на письм' доказательства — невозможно; прошу только тебя върить, что они существують для меня, и что я не подверженъ никакой беременности, ни физіологической, ни психологической. Итакъ, Огареву я не сочувствую, вопервыхъ, потому, что въ своихъ статьяхъ, письмахъ и разговорахъ онъ проповъдуеть старинныя соціалистическія теоріи объ общей собственности и т. д., съ которыми я не согласенъ (Баксть въ Гейдельбергв объявиль мнв, что «Николай Платоновичь не потому опровергаеть «Положеніе», что оно несправедливо для крестьянъ, а потому, что оно освящаеть принципъ частной собственности въ Россіи»). Во-вторыхъ, потому, что онъ въ вопросъ освобожденія крестьянъ и тому подобныхъ показалъ значительное непонимание народной жизни и современныхъ ея потребностей, а также и настоящаго положенія діль; въ-третьихъ, наконецъ, потому, что даже тамъ, гдв онъ почти правъ (какъ, напримъръ, въ статью о судебныхъ реформахъ), онъ излагаетъ свои воззрёнія языкомъ тяжелымъ, вялымъ, сбивчивымъ, обличающимъ отсутствіе таланта, что, впрочемъ, ты, въроятно, самъ, если не чувствуещь, то подозръваешь несомивннаго факта постепеннаго паденія «Колокола» и охлажденія къ нему публики. Правда до политическихъ изгнанниковъ также трудно доходить, какъ и до царей; обязанность друзей-доводить ее до нихъ. «Колоколъ» гораздо менъе читается вь тахъ поръ, какъ въ немъ сталъ первенствовать Огаревъ», эта фраза стала въ Россіи темъ, что въ Англіи называется «a truism». И это понятно: публикъ, читающей въ Россіи «Колоколъ», не до соціализма: она нуждается въ той критикъ, отъ которой ты отступилъ, самъ надломивъ свой мечъ. «Колоколъ», напечатавшій безъ протеста поль-манифеста Бакунина («Русскимъ, польскимъ и всѣхъ славяняскимъ друзьямъ» въ № 122 — 123 «Колокола») и соціалистическія статьи Огарева — уже не Герценовскій, не прежній «Колоколь», какъ его понимала и любила Россія. Вотъ. пока все, что я могу тебъ сказать».

Эта ръзкая критика больно задъла Герцена, и за весь 1863 годъ друзья обмънялись лишь двумя письмами. Въ письмъ отъ 22 іюня 1863 года Тургеневъ самъ поясняеть это прекращеніе переписки слъдующимъ образомъ: «Я прекратилъ переписку съ тобою по причинамъ, хорошо тебъ извъстнымъ, да и какая была охота мъняться такими письмами, каковы были послъднія. Наши мнънія слишкомъ расходятся, къ чему безплодно дразнить другь друга?»

Во всякомъ случав двло еще не доходило до полнаго разрыва, и вившнія отношенія оставались дружескими. Лишь въ следующемъ 1864 году произошелъ этотъ разрывъ, и вину его надо сложить на Герцена.

«истор. въсти.», январь, 1900 г., т. LXXIX.

11.

Въ началѣ 1863 г. начали носиться слухи, что Тургеневъ вызывается въ Россію, и что противъ него возбуждено въ сенатѣ дѣло о сношеніяхъ съ Герценомъ. Самъ Тургеневъ сначала не довърялъ этимъ слухамъ, и, когда его извѣстить объ этомъ Анненковъ, опъ писалъ ему:

«Очень меня удивило, любезнъйшій Павелъ Васильевичъ, извъстіе, сообщенное вашимъ нисьмомъ. Я убъжденъ, что этотъ слухъ не имъетъ основанія, потому что онъ слишкомъ нельпъ. Вызывать меня теперь (въ сенать) послъ «Отцовъ и Цътей», послъ бранчивыхъ статей молодого покольнія, именно теперь, когда я окончательно — чуть не публично — разошелся съ лондонскими изгнанниками, т.-е. съ ихъ образомъ мыслей, --- это совершенно непонятный факть. Здёсь мий никто объ этомъ не говориль,--никто, начиная съ нашего теперешняго посланника, Будберга, съ которымъ я познакомился въ новый годъ, и кончая прежнимъ посланникомъ, Киселевымъ, у котораго я объдалъ надняхъ. Разумъется. если меня вызовуть, я немедленно побду, смбшно даже прибавлятьсъ спокойною совъстью; одно мнъ будеть непріятно — зимняя по**т**адка, которая, при моемъ нездоровьт, не представляеть ничего отраднаго: да и дочь мив здёсь оставить не совсёмъ весело... А всетаки я имбю самонадівянность думать, что мой образъ мыслей, извъстенъ и государю и правительственнымъ лицамъ у насъ.

 \checkmark Неосмотрительнаго же или необдуманнаго поступка, какъ вы пишите, я за собой не знаю; вся моя жизнь, какъ на ладони, и скрывать ми \mathring{a} нечего $\overset{1}{>}$ $\overset{1}{>}$.

Нѣсколько времени спустя 2), Тургеневъ сообщаеть Анненкову, что онь обратился къ государю съ письмомъ, просить прислать ему «вопросные пункты» и объщалъ въ письмъ отвътить на нихъ съ «совершеннымъ чистосердечіемъ». «Задача эта, — пишетъ онъ, — будетъ нетрудная, потому что скрывать мнѣ нечего. Я не въ состояніи себъ представить, въ чемъ собственно меня обвиняютъ. Не могу же я думать, что на меня сердятся за сношенія съ товарищами молодости, которые находятся въ изгнаніи, и съ которыми мы давно и окончательно разошлись въ политическихъ убъжденіяхъ. Да и какой я политическій человѣкъ? Я — писатель, какъ я это представить самому государю, — писатель независимый, но добросовъстный и умъренный писатель—и больше ничего. Правительству остается судить, насколько я полезенъ или вреденъ, но должно сознаться, что оно немилостиво поступаеть съ своимъ

¹⁾ Письмо отъ 19 января 1863 г. «Вѣстн. Евр.» 1887 г., № 1.

²⁾ Ibid. Письмо отъ 6 февр. 1863 г.

«тайнымъ приверженцемъ», какъ вы, помнится, меня называли. Впрочемъ, я совершенно спокоенъ и буду спокойно ждать отвъта».

Наконецъ, объ этомъ же эпизодъ Тургеневъ сообщаетъ Герцену ¹) слъдующее:

«Можешь ты себѣ представить: меня, меня, твоего антагониста, требуютть въ Россію, съ обычной угрозой конфискаціи и т. д., въ случаѣ неповиновенія. Каково? Я отвѣчалъ письмомъ государю, въ которомъ прошу его велѣть мнѣ выслать вопросные пункты».

Дѣло это тянулось цѣлый годь. Тургеневу были высланы «допросные пункты», онъ отвѣтиль на нихъ, но все же оказывалось, что ему необходимо поѣхать въ Россію для личныхъ объясненій. Анненковъ сообщаеть по этому поводу: «Тургеневъ, наконецъ, явился въ Петербургъ и, какъ надобно было ожидать, дѣло въ сенатѣ весьма недолго задержало его, такъ что онъ могъ весною же снова возвратиться за границу» ²).

Весной 1864 г. Тургеневъ возвратился изъ Россіи и узнатъ, что въ «Колоколъ» 3) была помъщена замътка, въ совершенно извращенномъ видъ представляющая вышеизложенный эпизодъ. Замътка отличалась краткостью и вмъстъ съ тъмъ свойственной Герцену язвительностью. Въ «Колоколъ» было напечатано слъдующее:

«Корреспондентъ нашъ говорить объ одной съдовласой Магдалинъ (мужского рода), писавшей государю, что она лишилась сна и аппетита, покоя, бълыхъ волосъ и зубовъ, мучась, что государь еще не знаетъ о постигнувшемъ ее раскаяніи, въ силу котораго она прервала всъ связи съ друзьями юности».

Понятно, какое удручающее впечатлёніе должна была произвесть эта замётка на Тургенева, тёмъ болёе, что на этотъ разъ ударъ былъ направленъ дружеской рукой. Дружескія разногласія вылились у Герцена въ форму злостной политической сплетни, и Тургеневъ не могъ простить этого Герцену. Въ письмё отъ 2 апрёля 1864 г. онъ писалъ Герцену:

«Я долгое время колебался, вернувшись изъ Россіи, писать ли тебѣ по поводу замѣтки «въ Колоколѣ» о «сѣдой Магдалинѣ изъ мужчинъ, у которой отъ раскаянія выпали зубы и волосы» и т. д. Признаюсь, эта замѣтка, явно относившаяся ко мнѣ, огорчила меня. Что Бакунинъ, занявшій у меня деньги, и своей бабьей болтовней и легкомысліемъ поставившій меня въ непріятнѣйшее положеніе (другихъ онъ погубилъ вовсе),—что Бакунинъ, говорю, распространилъ обо мнѣ самыя пошлыя и гадкія клеветы, — это въ порядкѣ вещей, и я, зная его съ давнихъ поръ, другого отъ него не ожи-

¹⁾ Письмо оть 12 февр. 1863 г.

²) «Вѣстн. Евр.» 1887 г., янв., стр. 9—10.

^{*) «}Коловолъ» № 177 (25 янв. 1864 г.).

далъ. Но я не полагалъ, что ты точно также пустишь грязью въ человъка, котораго зналъ чуть не двадцать лътъ, потому только, что онъ разошелся съ тобой въ убъжденіякъ... Еслибъ я могъ показать тебъ отвътъ, который я написалъ на присланные вопросы, ты бы, въроятно, убъдился, что, ничего не скрывая, я не только не оскорбилъ никого изъ друзей своихъ, но и не думалъ отъ нихъ отрекаться: я бы почелъ это недостойнымъ самого себя. Признаюсь, не безъ нъкоторой гордости вспоминаю я эти отвъты, которые, несмотря на тонъ, въ которомъ они написаны, внушили уваженіе и довъріе ко мнъ моихъ судей. Что же касается до письма къ государю, которое ты представилъ въ столь гнусномъ видъ, то вотъ оно:

«Ваше Императорское Величество,

«Всемилостивъйшій Государь!

«Уже два раза имѣлъ я счастье обращаться письменно къ вашему величеству 1), и оба раза мои просьбы были приняты благосклонно; удостойте меня, государь, и на этотъ разъ своего высокаго вниманія.

«Сегодня я получиль черезъ здёшнее посольство предписаніе немедленно вернуться въ Россію. Сознаюсь съ полной откровенностью, что не могу объяснить себь, чымь я заслужиль подобный знакъ недовърія. Образа мыслей своихъ я никогда не скрывалъ, дъятельность моя извъстна всъмъ, предосудительнаго поступка я за собой не знаю. Я писатель, ваше величество, и больше ничего: вся моя жизнь выразилась въ моихъ произведеніяхъ, меня по нимъ судить должно. Смъю думать, что всякій, кто только захочеть обратить на нихъ вниманіе, отдасть справедливость умеренности моихъ убъжденій, вполив независимыхъ, но добросовъстныхъ. Трудно понять, что въ то самое время, когда вы, государь, обезсмертили свое имя совершеніемъ великаго дёла правосудія и человіколюбія, трудно понять, говорю я, какъ можеть быть подозрѣваемъ писатель, который въ своей скромной сферъ старался, по мъръ силъ, способствовать тъмъ высокимъ предначертаніямъ. Состояніе моего здоровья и дъла, не терпящія отлагательства, не позволяють мнъ вернуться теперь въ Россію; а потому соблаговолите, всемилостивъйшій государь, приказать выслать мнъ запросные пункты: объщаюсь честнымъ словомъ отвъчать на каждый изъ нихъ немедленно и съ полною откровенностью. Върьте искренности моихъ словъ, государь; къ върноподданническимъ чувствамъ, которыя мой долгъ заставляеть меня питать къ особъ вашего величества, присоединяется личная благодарность».

По дѣлу Огрызко и по собственному (Гоголевскому) дѣлу.
 Примѣчаніе И. С. Тургенева.

Приведя текстъ своего письма къ государю, Тургеневъ съ горечью продолжаетъ:

«Да! Государь, который не знаеть меня вовсе, понять, что имъеть дъло съ честнымъ человъкомъ, и за это моя благодарность къ нему еще увеличилась; а старинные друзья, которые, кажется, могли хорошо меня знать, не усолнились приписать мит подлость и разгласить это печатно. Еслибъ я имълъ дъло съ прежнимъ Герценомъ, я бы не сталъ тебя просить не употреблять моего довърія во зло и тотчасъ же уничтожить это письмо; но ты самъ спуталь мои понятія о тебъ, и я прошу тебя не надълать мит новыхъ непріятностей: довольно и старыхъ».

Въ бумагахъ Герцена сохранилась черновая его отвъта (отъ 10-го апръля 1864 г.) Тургеневу:

«Я тоже долго думаль, — пишеть Герцень, — отвъчать мнъ или нъть на твое письмо. И отвъчаю больше изъ піэтета къ прошедшему, чъмъ изъ желанія сблизиться въ настоящемъ...

«Въ твой последній прівздъ я видёль, что мы разошлись (хотя въ самомъ дёлё мы никогда особенно близки не были)—я отнесъ это долею къ раздраженію, имёвшему источникомъ неудачный романъ 1), и остался въ прежнихъ отношеніяхъ. Ты прекратилъ переписку,—чтобъ это было изъ патріотизма, я не вёрю, потому что у тебя никогда не было неистовыхъ политическихъ страстей... Вскорё твое имя явилось въ числё подписчиковъ на раненыхъ 2). Не только дать два золотыхъ, но двёсти не грёхъ, но дать имя на демонстрацію въ то время, когда ясно обозначился періодъ Каткова—не изъ самыхъ цивическихъ поступковъ; особенно, когда это идеть отъ человёка, никогда (кромё двухъ недёль на Isle of Wight) не мёнавшагося въ политику.

«Что же такого удивительнаго, что я новърилъ, что ты письменно отрекался отъ прежнихъ связей, и это тъмъ больше, что ты это сдълать на самомъ фактъ, что въ послъднемъ письмъ твоемъ (поправка «Дню») ты прямо говоришь о прекращеніи переписки. Мнъ говорили, что будто человъкъ, которому ты показывалъ письмо, обратилъ твое вниманіе на эту фразу, но что ты ее оставилъ. Даю тебъ честное слово, что мнъ это было сказано, этого ручательства довольно, не могу же я называть именъ. Впрочемъ это было такъ распространено въ Парижъ, что ты безъ меня доберешься. Если это выдумка, — мнъ жаль нъсколькихъ словъ напечатанныхъ, но я тебъ объяснилъ, почему я не имълъ права (?!) отвергать этотъ слухъ».

Въ этомъ же письмъ Герценъ отвъчаетъ Тургеневу, по поводу его замъчанія въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ, что вліяніе

^{1) «}Отцы и дѣти». В. Б.

²⁾ Русскихъ солдать, раненыхъ во время польскаго возстанія. В. Б.

«Колокола» падаеть въ Россіи. Герценъ даеть этому своеобразное объясненіе:

«Что насъ оставили такіе въчные мастурбаторы идей, искусства, политики и проч., какъ Боткинъ (Василій),—это почти пріятно. Онъ смотрить на міръ, какъ старики на скабрезныя изображенія и влекутся къ силъ, какъ все слабое, дряблое. Ты объ немъ много разъ мнъ говорилъ— и я знаю твое мнъніе. Этотъ человъкъ, ругавшій типографію въ началъ, сдълался поклонникомъ ея во время полнаго успъха. Этотъ патріотъ— со слезами на глазенкахъ— толковаль о томъ, какъ онъ былъ тронутъ польской депутаціей ко мнъ, которую онъ случайно засталь въ Парижъ.

«Желаю отъ души,—заканчиваеть Герценъ свое письмо,—чтобъ ты сдълался тъмъ, чъмъ былъ—независимымъ писателемъ и вовсе не тенденціознымъ, а просто писателемъ».

Постъ этого письма Герцена переписка двухъ друзей прекращается, и разрывъ этотъ тянется почти три года (съ апръля 1864 г. до мая 1867 г.).

Можеть быть, не безъ вліянія на отношенія Герцена и Тургенева остался и отзывъ Герцена объ «Отцахъ и Дѣтяхъ», напечатанный почти одновременно съ вышеприведеннымъ письмомъ Герцена (№ 181 «Колоколъ» отъ 15-го марта 1864 г.).

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» была напечатана замътка, въ которой между прочимъ говорилось:

«І'. Тургеневъ, желая выразить, до какой уродливости можеть доходить эмансипація дѣвушки, вывель въ своемъ романѣ «Отцы и Дѣти» нѣкую Кукшину, занятую въ Гейдельбергѣ эмбріологіей. Онъ думалъ, что этимъ поразитъ на голову несвойственныя женщинамъ занятія. И однакожъ онъ рѣшительно не достигь цѣли, сколько можемъ судить по существующимъ и процвѣтающимъ у насъ Кукшинымъ».

Герценъ, процитировавъ вышеприведенное мъсто, пишеть:

«Не смъю сомнъваться въ словахъ ученаго критика, но признаюсь откровенно — онъ не убъдиль меня. Я читалъ все, что писалъ Тургеневъ, не только хорошее, но и дурное. Тургеневъ очень умный человъкъ, у него бездна образованія, такта и вкуса, какъ же и повърю, что онъ «думалъ Кукшиной поразить на голову несвойственныя занятія женщинъ», понимая подъ ними физіологію? Не върю, да и только. Лицо Кукшиной вообще неудачно и пошло... Тургеневъ слабъ и даже плохъ тамъ, гдъ онъ, насилуя свой талантъ, пишетъ на заданную полигическую и полемическую тему; онъ впадаетъ въ шаржъ, и Кукшина такъ же не типъ, а каррикатура, какъ «князь Луповицкій» Константина Аксакова. Особеннаго вреда въ этихъ паясничествахъ нътъ; назначаемыя для потъхи извъстнаго райка, намалеванныя яркими красками, иногда избалованной кистью зазнавшагося мастера, иногда памфлетистомъ

для того, чтобы пріударить противниковъ, они не им'єють серіознаго значенія и т'ємъ пачэ такого значенія, какъ господниъ критикъ приписалъ Тургеневу».

Этотъ небрежно-безапелляціонный отзывъ Герцена объ «Отцахъ и Дѣтяхъ» долженъ быль уколоть Тургенева, въ особенности, если принять во вниманіе, что уже прошло два года со времени напечатанія романа, и Герценъ, не обмолвившись за все это время ни однимъ словомъ въ «Колоколѣ» о романѣ, счелъ нужнымъ и возможнымъ сдѣлать приведенный выше пренебрежительный отзывъ, какъ разъ тогда, когда между нимъ и Тургеневымъ пробѣжала черная кошка.

Какъ бы то ни было, послѣ приведеннаго выше письма Герцена переписка двухъ друзей прекращается, и разрывъ этотъ тинется потти три года (съ апрѣля 1864 г. до марта 1867 г.). Герценъ въ 1865 году былъ въ Парижѣ, но не видался съ Тургеневымъ, насколько можно судить по письму Тургенева къ Апненкову (отъ 12-го февраля 1865 г.) 1), въ которомъ слышится еще не утихшее раздражение:

Н съ вами согласенъ, — пишетъ Тургеневъ, — дъйствительно илохо писателю долго не видать своего отечества, но въ такомъ случать есть одно върное средство не провираться, а именно: молчать. Редакторъ упомянутой вами газеты, которая не молчить, находится здъсь, но я не встръчался съ нимъ:

III.

Въ мартовской книжей «Русскаго Вѣстника» за 1867 годъ поивился новый романъ Тургенева «Дымъ», въ которомъ онъ, съ одной стороны, въ лицѣ выведеннаго имъ западника Потугина, очень энергично напатъ на славянофиловъ, а, съ другой стороны, изображая кружокъ Губарева, вывелъ на свѣжую воду ту частъ исевдо-прогрессивной молодежи, которая въ сущности представляла нездоровую накипъ движенія 60-хъ годовъ и принесла дѣлу прогресса больше вреда, чѣмъ самые его ожесточенные враги.

Почти одновременно съ появленіемъ «Дыма» въ «Колоколѣ» были напечатаны двѣ замѣтки, относящіяся къ нему.

Первая изъ этихъ замѣтокъ, озаглавленная «Omne exit in fumo» 2), гласитъ слъдующее:

«Нашъ дорогой гость И. С. Тургеневъ,—говорять «Московскія Вѣдомости», — будеть читать въ пользу галичанъ отрывокъ изъсвоего «Дыма».

^{1) «}Въстникъ Европы», 1887 г., февраль, стр. 464.

²) «Колоколъ», № 239, 15 aup. 1867 г.

«Мы увърены, что И. С. Тургеневъ будетъ протестовать противъ титула «дорогого гостя» «Московскихъ Въдомостей». Его благородная и энергичная оцънка полицейской редакціи этого органа служитъ намъ залогомъ.

«Поздравляемъ знаменитаго «Охотника»,—продолжалъ Герценъ, съ началомъ политической дъятельности: агитація въ пользу Галицкаго возстанія, мы надъемся, будеть успъщнъе болгарской, и отъ души желасмъ, чтобъ, несмотря на отрывки «Дыма», она не кончилась, какъ Волгарская и Травіата—кашлемъ 1), а здоровой грудью пошла бы впередъ».

Въ слѣдующемъ № «Колокола» ²) появилась и вторая довольно ядовитая замѣтка:

«Новый романъ Тургенева, — пишетъ Герценъ, — «Дымъ» пріобрётенъ, говоритъ «Вѣсть», «Русскимъ Вѣстникомъ» за пять тысячъ рублей. Вотъ и награда Тургеневу за «Дымъ», а Каткову за то, что его чадъ доносительства проходитъ».

Несмотря на очевидную иронію вышеприведенных зам'єтокъ, Тургеневъ, жившій тогда въ Баденъ-Баденѣ, послалъ Герцену экземпляръ «Дыма» вм'єстѣ съ слѣдующимъ письмомъ 3), служившимъ въ сущности отв'єтомъ на старое письмо Герцена, которое мы привели въ предыдущей главѣ 4).

«Любезнъйшій Александръ Ивановичъ, — писалъ Тургеневъ, — ты навърное удивипься, а, пожалуй, и вознегодуешь, получивъ отъ меня письмо. Но «alea jacta est», какъ говаривалъ безстыдный старецъ Ламартинъ. Мнъ вздумалось послать тебъ экземпляръ моего новаго произведенія да кстати сказать тебъ два слова.

«Хотя ты совершенно справедливо замѣтиль въсвоемъ послѣднемъ письмѣ ко мнѣ, что мы никогда очень близки другь къ другу не были, однако и особеннаго отчужденія между нами не произошло, такъ какъ великія вины мои до сихъ поръ ограничились (дай Богъ памяти!) тремя фактами:

- «1) Мое имя было выставлено въ числѣ лицъ, подписавшихся въ пользу раненыхъ во время польской войны;
- «2) Я не узналъ тебя, встрѣтившись съ тобою въ Парижѣ на улицѣ;
 - «и 3) «Московскія Въдомости» назвали меня «дорогимъ гостемъ».
- «Вольше ничего, при всёхъ усиліяхъ, я пока припомнить не могу; ибо то, въ чемъ упрекаеть меня республиканецъ князь Долгоруковъ, а именно: что я ему не отдалъ визита и, будто бы, умолялъ о спасеніи на горящемъ пароходѣ,—не можетъ, кажется, причитаться мнѣ въ политическій грѣхъ.

¹⁾ Намекъ на «Наканунъ».

²) «Колоколъ», № 240, 1 ман 1867 г.

^{் 3)} Отъ 17 мая 1867 г.

⁴⁾ Оть 10 апр. 1864 г.

И такъ посылаю тебѣ свое новое произведеніе. Сколько миѣ изиѣстно, оно возстановило прогивъ меня въ Россіи людей религіозныхъ, придворныхъ, славянофиловъ и натріотовъ. Ты не религіозный человѣкъ и не придворный; но ты славянофилъ и патріотъ и, пожалуй, прогиѣваешься тоже; да, сверхъ того, и Гейдельбергскія арабески 1) тебѣ, вѣроятно, не понравятся, — какъ бы то ни было, дѣло сдѣлано. Одно меня нѣсколько ободряетъ: вѣдь и тебя партія молодыхъ рефюжье пожаловала въ отсталые и въ реаки: разстояніе между нами и поуменьшилось. Если ты меня не считаешь прищедшимъ въ такое положеніе, что и переписываться со мною нельзя, то погроми меня или поперсифлируй, а главное, увѣдомь о себѣ и о твоемъ семействѣ: это меня интересуетъ. Если же сообщенія со мною ты считаешь невозможными, то прими отъ меня прощальный поклонъ и искреннее пожеланіе всего хорошаго и «наслажденій ею, сей легкой жизнью» и т. д.»

Тургеневъ былъ правъ, ожидая, что Герцену не понравятся его «Гейдельбергскія арабески». Дъйствительно, въ 241 № «Колокола» появилась слъдующая замътка Герцена о Тургеневскомъ «Дымъ»:

«Отцы сдёлались дёдами... а дёды болтають себе, болтають безъ конца и связи... да кальянъ покуривають, а продымленную воду сливають Каткову въ передникъ. Экой этотъ Иванъ Сергъевичъ --лучшій, сказаль бы я, изъ всъхъ Иванъ Сергъевичей въ міръ, еслибъ не боялся обидъть Аксакова. И нужно ему этакіе дымы кольцами пускать. Вёдь надулила же его природа всякими талантами-умъеть объ охоть писать, умъеть перомъ стрълять по всякимъ глухимъ тегеревамъ и куропаткамъ, живущимъ въ «Дворянскихъ Гнёздахъ» да «Затишьяхъ». Нёть, хочу, говорить, быть публицистомъ-- Такимъ, злымъ, желчнымъ, а самъ добръйшая душа, ни желчи, ни злобы, ни разъбдающихъ «костиковъ», ничего такого. Но нельзя же взять совстмъ безличные и не очень новые мта, да въ нихъ налить продымленную воду, назвать ихъ Натугинымъ ни Потугинымъ, заставить постоянно сочиться, какъ каучуковую грушу, и выдавать ихъ за живыхъ людей, да еще будто за такихъ, которые въ министерствъ финансовъ служили и отличья получили... Читаешь, читаешь, что несеть этоть Натугинь, да такъ и помянешь Кузьму Пруткова — «увидишь фонтанъ — заткни и фонтанъ, дай отдохнуть и водё...», особенно продымленной.

«Представьте себь эту куклу, постоянно говорящую не о томъ, о чемъ съ ней говорять: возлъ нея поврежденный малый, безъ живота отъ любви, безпрестанно мечется въ траву, а кукла его донимаетъ слъдующими сентенціями, напоминающими сковороду, да и то не ту, на которой варять блины, а малороссійскаго филосопа:

¹⁾ Тургеневъ подразумъваеть описаніе Губаревскаго кружка въ Гейдельбергъ.

«Толковали мы съ однимъ изъ нашихъ нынѣшнихъ «вьюношей» о различныхъ, какъ они выражаются, вопросахъ. Ну-съ, гиѣвался онъ очень, какъ водится; бракъ, между прочимъ, отрицалъ съ истинно-дѣтскимъ ожесточеніемъ. Представлялъ я ему такіе резоны, сякіе... какъ объ стѣну! Вижу: подъѣхать ни съ какой стороны невозможно. И блесни мнѣ тутъ счастливая мысль! Позвольте доложить вамъ,—началъ я, съ «выоношами» надо говорить почтительно,—я вамъ, милостивый государь, удивляюсь; вы занимаетесь естественными науками, и до сихъ поръ не обратили вниманія на тотъ фактъ, что всѣ плотоядныя и хищныя животныя, звѣри, птицы, всѣ тѣ, кому нужно отправляться на добычу, трудиться надъ доставленіемъ живой пищи и себѣ и своимъ дѣтямъ... а вы вѣдь человѣка причисляете къ разряду подобныхъ животныхъ?

- «Конечно причисляю, —подхватиль «выоноша»: —человѣкъ вообще не что иное, какъ животное плотоядное. —И хищное, —прибавиль я. —И хищное, —подтвердиль онъ. —Прекрасно сказано, —продолжаль я. Такъ воть и и удивляюсь тому, какъ вы не замътили, что всѣ подобныя животныя пребывають въ единобрачіи? Выоноша дрогнулъ. —Какъ такъ?
- «Да такъ же. Вспомните льва, волка, лисицу, ястреба, коршуна; да и какъ же имъ поступать иначе, соблаговолите сообразить? И вдвоемъ-то дътей едва выкормишь. Задумался мой выоноша.
- «Ну,—говорить,—въ этомъ случать звторь человтку не указъ.— Туть я обозвалъ его идеалистомъ, и ужъ огорчился же онъ! Чуть не зашлакалъ. Я долженъ былъ его успоконть и объщать ему, что не выдамъ товарищамъ...
 - «Но вы, кажется, не слушаете меня?—сказалъ Потугинъ». «Увидишь фонтанъ—заткии и фонтанъ!

«Да и какъ же идти министерству финансовъ, когда тамъ служать люди съ такой потугой! Довольно, что и поэтъ Бенедиктовъ былъ по контрольной части».

Герценъ писалъ по поводу этого письма Бакунину ¹) о своемъ примиреніи съ Тургеневымъ: «Тургеневъ мнѣ писалъ mit Zartlichkeit (съ нѣжностью) я отвѣтилъ mit Gemütlichkeit (съ благодушіемъ)— и это несмотря на злой отзывъ съ моей стороны о «Дымѣ».

То мѣсто вышеприведеннаго письма Тургенева, въ которомъ онъ говорить, что «молодые рефюжье пожаловали Герцена въ «отсталые и реаки», требуеть нѣкоторыхъ поясненій.

Дѣло въ томъ, что къ этому времени между Герценомъ и такъ называемой «молодой эмиграціей» образовались очень рѣзкія отношенія. Показателемъ этихъ отношеній со стороны «молодыхъ

¹⁾ Оть 30 мая 1867 г.

рефюжье» можеть служить брошюра Серно-Соловьевича «Unsere Russischen Angelegenheiten» (Наши русскія діла) 1). Брошюра эта—открытое письмо къ Герцену — упрекаеть Герцена въ риторстві, въ противорічни между словомъ и жизнью и неоднократно ставить на видъ Герцену то обстоятельство, что онъ... пьеть шампанское!

Какъ относился самъ Герценъ къ «молодымъ рефюжье» и какое впечатлъніе производили на него эти новоявленные публицисты, пришедшіе смънить его и Огарева, можно судить по слъдующей характеристикъ молодой эмиграціи, сдъланной Герценомъ:

«Заносчивые юноши эти,—писалъ Герценъ,—заслуживаютъ изученія, потому что они выражають временный типъ, очень опредъленно вышедшій, очень часто повторявшійся, переходную форму бользни нашего развитія изъ прежняго застоя.

«Вольшею частью они не имѣли той выправки, которую даетъ воспитаніе, и той выдержки, которая пріобрѣтается научными занятіями. Они торопились въ первомъ задорѣ освобожденія сбросить съ себя всѣ условныя формы и оттолкнуть всѣ каучуковыя подушки, мѣшающія жесткимъ столкновеніямъ. Это затрудняло всѣ простѣйшія отношенія съ ними.

«Снимая все до послъдняго клочка, наши enfants terribles гордо являлись какъ мать родила, а родила-то она ихъ плохо, вовсе не простыми дебелыми парными, а наслъдниками дурной и нездоровой жизни низшихъ петербургскихъ слоевъ. Вмъсто атлетическихъ мышцъ и юной наготы, обнаружились печальные слъды наслъдственнаго худосочія, слъды застарълыхъ язвъ и разнаго рода колодокъ и ошейниковъ. Изъ народа было мало выходцевъ между ними. Передняя, казарма, семинарія, мелкопомъстная господскам усадьба, перегнувшись въ противоположное, сохранились въ крови и мозгъ, не теряя отличительныхъ чертъ своихъ. На это, сколько мнъ извъстно, не обращали должнаго вниманія.

«Съ одной стороны реакція противъ стараго, узкаго, давившаго міра должна была бросить молодое поколѣніе въ антагонизмъ и всяческое отрицаніе враждебной среды: туть нечего искать ни мѣры, ни справедливости. Напротивъ, туть дѣлается на зло, туть дѣлается въ отместку. Вы—лицемѣры, мы будемъ циниками; вы были нравственны на словахъ, мы будемъ на словахъ злодѣями; вы были учтивы съ высшими и грубы съ низшими, мы будемъ грубы со всѣми; вы кланяетесь, не уважая, мы будемъ толкаться, не извиняясь; у васъ чувство достоинства было въ одномъ приличіи и внѣшней чести, мы за честь себѣ поставимъ цопраніе всѣхъ приличій и презрѣніе всѣхъ роіпt d'honneur'овъ.

«Но съ другой стороны эта отришенная отъ обыкновенныхъ

¹) Цомъченная 9 марта 1867 г.

формъ общежительства личность была полна своихъ наслъдственныхъ недуговъ и уродствъ. Сбрасывая съ себя, какъ мы сказали, всъ покровы, самые отчаянные стали щеголять въ костюмъ Гоголевскаго помъщика Пътуха, и при томъ не сохраняя позы Венеры Медиційской. Нагота не скрыла, а раскрыла—кто они. Она раскрыла, что мы—систематическая неотесанность, ихъ грубая и дерзкая ръчь не имъетъ ничего общаго съ неоскорбительной и простодушной грубостью крестьянина, и очень много съ пріемами подьяческаго круга, торговаго прилавка и лакейской помъщичьяго дома. Народъ ихъ такъ же мало счелъ за своихъ, какъ славянофиловъ въ мурмолкахъ. Для него они остались чужимъ, низшимъ слоемъ враждебнаго стана, исхудалыми баричами, стрикулистами безъ мъста, нъмцами изъ русскихъ.

«Для полной свободы надобно забыть свое освобождение и то, изъ чего освободились, бросить привычки среды, изъ которой выросли. Пока этого не сдълано, мы невольно узнаемъ переднюю, казарму, канцелярію и семинарію по каждому ихъ движенію и по каждому слову.

«Вить въ рожу по первому возраженію, если не кулакомъ, то ругательнымъ словомъ, называть Стюарта Милля ракальей, забывая всю службу его 1)—развъ это не барская замашка, которыя «стараго Гаврилу за измятое жабо хлещеть въ усъ да въ рыло». Развъ въ этой и подобныхъ выходкахъ вы не узнаете квартальнаго, исправника, становаго, таскающаго за съдую бороду бурмистра? Развъ въ нахальной дерзости манеръ и отвътовъ вы не ясно видите дерзость офицерщины временъ Николая I и въ позахъ, говорящихъ свысока и съ пренебреженіемъ о Шекспиръ и Пушкинъ,—внучатъ Скалозуба, получившихъ воспитаніе въ домъ дъдушки, хотъвшаго «дать фельдфебеля въ Вольтеры»?

«Самая проказа взятокъ упътъла въ домогательствъ денегь нахрапомъ, съ пристрастіемъ и угрозами, подъ предлогомъ общихъ дълъ, въ поползновеніи кормиться на счетъ службы и мстить кляузами и клеветами за отказъ.

«Все это переработается и перемелется, — заканчиваеть Герценъ,—но... много дренажа требують наши черноземы!..»

Еще болъе ръзко отозвался Герценъ объ этихъ представителяхъ тогдашней эмиграціи въ вышеупомянутомъ письмъ къ Бакунину ²). «Страшно,—писалъ Герценъ,—что большинство молодежи такое, и что мы всъ помогали ему такимъ быть... Тутъ всплыли на пустомъ мъсть—халатъ, офицеръ, писецъ, попъ и мелкій помъщикъ въ нигилистическомъ костюмъ. Это—невъжды, на которыхъ Катковъ,

¹⁾ Намекъ на статью Н. Соколова (сдёлавшагося впослёдствіи эмигрантомъ) въ «Русск. Словъ», гдё Д. С. Милль именовался ракальей.

²⁾ Оть 80-го мая 1867 г.

Аксаковъ, Погодинъ еtc. указываютъ пальцами. Это—люди, которые обратили на меня втрое больше ненависти, чѣмъ на Скарятина ¹). Ты и Огаревъ, вы этихъ скорпіоновъ откармливали млекомъ своимъ».

Бакунинъ, конечно, не сошелся съ Герценомъ въ оцѣнкѣ тогдашней эмиграціонной молодежи, находя, что Герценъ внесъ въ эту оцѣнку много личнаго раздраженія.

Сообщеніе Герцена о его примиреніи съ Тургеневымъ вызвало въ Бакунинѣ лишь подозрительный вопросъ: «Уже не потому ли Тургеневъ,— писалъ Бакунинъ Герцену,— дерзнулъ обратиться къ тебѣ съ Zärtlichkeit, что пронюхалъ твои раздоры съ молодымъ поколѣніемъ, послѣ разрыва съ которымъ онъ самъ одряхлѣлъ и изсякъ безвозвратно,—и не подумалъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ, что, такъ какъ одинаковыя причины производять одинаковыя дѣйствія, ты и онъ будете стоять отнынѣ на одномъ полѣ?»

Герценъ тъмъ не менъе немедленно э) отвътилъ Тургеневу, и такимъ образомъ между ними возстановились прежнія отношенія. Въ своемъ отвътъ Герценъ, между прочимъ, освъдомлялся, не «осерчалъ» ли на него Тургеневъ за отзывъ о «Дымъ» з), находилъ, что одно изъ дъйствующихъ лицъ романа, западникъ Потугинъ, говоритъ черезчуръ много, и что половину его ръчей слъдовало бы выкинуть, а также пенялъ Тургеневу, что онъ печатается въ «Русскомъ Въстникъ».

Тургеневъ подробно отвътилъ Герцену на всѣ указанные пункты ⁴).

«Я послать тебь, — писаль Тургеневь, — мою повъсть по прочтеніи твоей замътки въ «Колоколь», любезный Александръ Ивановичъ: изъ этого ты можешь видъть, какъ мало я осерчалъ.

... «Единственная вещь, которая меня самого грызеть, это—мои отношенія съ Катковымъ, какъ они ни поверхностны. Но я могу сказать слёдующее: пом'єщаю я свои вещи не въ «Московскихъ В'єдомостяхъ», — этакой б'єды со мной, над'єюсь, никогда не случится, а въ «Русскомъ В'єстникъ», который—не что иное, какъ сборникъ, и никакого политическаго колорита не им'єсть, а въ теперешнее время «Русскій В'єстникъ» есть единственный журналъ, который читается публикой и который платить. Не скрываю отъ тебя, что это извиненіе не совс'ємъ на ногахъ, но другого у меня н'єть. «Отечественныя Записки» — единственный соперникъ «Русскаго В'єстника» — и половины денегь дать не можетъ. А мн'єніе мое о «Московскихъ В'єдомостяхъ» и объ ихъ редактор'є остается то же самое, которое я высказывалъ Авд'єву.

¹⁾ Редактора «Въсти».

²) 20 mag 1867 r.

³⁾ NaMe 289-240 «Колокода».

^{4) 22} mag 1867 r.

«Тебѣ наскучилъ Потугинъ, и ты сожальсть, что я не выкинулъ половины его рѣчей. Но представы: я нахожу, что онъ еще не достаточно говоритъ, и въ этомъ мнѣніи утверждаетъ меня всеобщая ярость, которую возбудило предивъ меня это лицо. Іосифъ ІІ говорилъ Моцарту, что въ его операхъ слишкомъ много нотъ. — «Кеіпе zu viel», — отвѣчалъ тотъ. Я — не Моцартъ, еще гораздо меньше, чѣмъ ты не Іосифъ ІІ, но и я осмѣлюсь думать, что тутъ «Кеіп Wort zu viel». То, что за границей избито, какъ общее мѣсто, у насъ можетъ приводить въ бѣшенство своей новизной.

«Подъ гейдельбергскими арабесками и разумћю сцены у Гу-барева».

Въ письмъ, написанномъ день спустя 1), Тургеневъ прибавляетъ по поводу «Дыма»:

«Критику «Голоса» я читаль и, кромѣ того, знаю, что меня ругають всѣ—и красные, и бѣлые, и сверху, и снизу, и сбоку—особенно сбоку. Даже негодующіе стихи появились. Но я что-то не конфужусь, и не потому, что воображаю себя непогрѣшимымъ, а такъ какъ-то—словно съ гуся вода. Представь себѣ, я даже радуюсь, что мой ограниченный западникъ Потугинъ появился въ самое время этой всеславянской пляски съ присядкой, гдѣ Погодинъ такъ лихо вывертываетъ па съ гармоникой 2).

«Такъ какъ первый экземпляръ «Дыма» до тебя не дошелъ, то я хочу попытаться снова и посылаю тебъ экземпляръ отдъльнаго московскаго изданія, въ которомъ возстановлены всъ пропуски Катковской цензуры. Сама книга тебъ, разумъется, не понравится, но на 97-й страницъ находится біографія генерала Ратмирова, которая, быть можетъ, заставитъ тебя улыбнуться».

Говоря, что «Дымъ» Герцену «не понравится», Тургеневъ, въроятно, имълъ въ виду своего западника Потугина, въ ръчахъ котораго о значени европейской цивилизации и о вредъ «къ чистой и исной европейской логикъ прицъплять доморощенный хвостикъ», о стремлении русскихъ, наряду съ презръніемъ къ Западу, «познать старый стоптанный башмакъ, давнымъ давно свалившійся съ ноги Сенъ-Симона или Фурье и, почтительно возложивъ его на голову, носиться съ нимъ, какъ съ святыней», и въ т. п. выходкахъ Потугина читатели найдутъ много общаго съ мыслями самого Тургенева, выраженными въ приведенныхъ выше письмахъ его къ Герцену, посвященныхъ критикъ славянофильства.

^{1) 23} мая 1867 г.

²⁾ Тургеневъ имълъ въ виду «Славянскій съъздъ» во время московской выставки 1867 г.

IV.

Съ января 1868 г. Герценъ началь издавать «Колоколъ» на французскомъ изыкъ и въ статъъ «Prolegomenes» объяснилъ цъль и задачи новаго изданія —ознакомленіе Западной Европы съ подлинной Россіей, не офиціальной, а Россіей общинной, артельной, долженствующей прійти на смъну «старому міру».

Герценъ послать въ декабрѣ 1867 г. корректурные листы французскаго «Колокола» Тургеневу, и у нихъ снова завизалси споръ на старую тему.

Любезный Александръ Ивановичъ, —писалъ Тургеневъ 1), —я получилъ и прочиталъ твой французскій «Колоколъ». Спасибо за память. Что касается до самой твоей статьи, то вёдь это между нами старый споръ; по моему понятію, ни Европа не такъ стара, ни Россія не такъ молода, какъ ты ихъ представляешь: мы сидимъ въ одномъ мёшкѣ, и никакого за нами «спеціально новаго» снова не предвидится. Но дай Богъ тебѣ прожить сто лѣтъ, и ты умрешь послѣднимъ славянофиломъ и будешь писать статьи умныя, забавныя, парадоксальныя, глубокія, которыхъ нельзя будетъ не дочитать до конца. Сожалѣю я только о томъ, что ты почелъ нужнымъ нарядиться въ платье, не совсѣмъ тебѣ подходящее. Вѣрь миѣ, или не вѣрь, какъ угодно, но для такъ называемаго воздѣйствія на европейскую публику всѣ твои статьи безполезны...

Явись, напримъръ, великій русскій живописець, его картина будеть лучшей пропагандой, чъмъ тысячи разсужденій о способностяхъ нашего племени къ искусству. Люди вообще—порода грубан и нисколько не нуждающаяся ни въ справедливости, ни въ безпристрастіи, а ударь ихъ по глазамъ или по карману... Это другое дъю. Но, впрочемъ, я, можеть быть, ошибаюсь, а ты правъ: посмотримъ. Во всякомъ случать моментъ едва ли хорошо выбранъ: теперь дъйствительно поставленъ вопросъ о томъ, кому одолъть: наукъ или религіи? Съ какой туть стати Россія?»

Къ тому же вопросу Тургеневъ возвращается ²) по поводу присланнаго ему Герценомъ сочиненія Герцена-сына (Александра Александровича, бывшаго тогда профессоромъ во Флоренціи), посвященнаго вопросу о «Физіологіи воли».

«Любезный Александръ Ивановичъ, — писалъ Тургеневъ, — вопервыхъ, спасибо за отвътъ, а, во-вторыхъ, за брошюру твоего сына, которую и прочелъ съ великимъ удовольствіемъ: ясно, дъльно, интересно. И представь себъ, что вычиталъ изъ нея самое сильное тебъ опроверженіе: сынъ твой, какъ человъкъ положительный и

¹⁾ Оть 12 декабря 1867 г.

²⁾ Письмо отъ 25-го декабря 1867 г.

практическій, върить только въ науку, то-есть разсчитываеть только на нее; а ты, романтикъ и художникъ... въришь въ народъ, въ особую породу людей, въ извъстную расу... И все это по милости придуманных в господами и навязанных этому народу совершенно чуждыхъ ему демократическихъ соціальныхъ тенденцій въ родъ «общины» и «аргели». Оть общины Россія не знаеть, какъ отчураться, а что до артели — я никогда не забуду выраженія лица, съ которымъ мит сказалъ въ нынтинемъ году одинъ мъщанинъ: «кто артели не знаваль, не знаеть петли». Не дай Богь, чтобы безчеловьчно эксплуататорскія начала, на которыхъ двиствуютъ наши артели, когда нибудь примънились въ болъе широкихъ размърахъ! «Намъ въ аргель его не надыть: человъкъ онъ хоша не воръ, -- безденежный и поручителевъ за себя не имъетъ, да и здоровьемъ не надеженъ, — на кой его намъ лядъ!» Эти слова можно услыхать сплошь и рядомъ: далеко, какъ изволищь видеть, до fraternité или хоть до Шульце-Деличевской ассоціаціи! Ты указываешь мнѣ на Петра, и говоришь—смотри: «Петръ-то умираетъ, едва дышить»; согласень, — да развъ изъ этого слъдуеть, что Иванъ здоровъ? Особенно, если принять въ соображение, что Иванъ точно такой же комплекціи, какъ Петръ, и тою же бользнью боленъ. Нътъ брать, какъ ни вергись, а старикъ Гете правъ: der Mensch (der Europäische Mensch) ist nicht geboren frei zu sein. Houemy? Gro вопросъ физіологическій, а общество рабовъ съ подраздёленіемъ на классы попадается на каждомъ шагу въ природъ (пчелы и т. д.) и изо всёхъ европейскихъ народовъ именно русскій менее всёхъ другихъ нуждается въ свободъ. Русскій человъкъ, самому себъ предоставленный, неминуемо выростаетъ въ старообрядцавогь куда его гнёть, его прёть, а вы сами лично достаточно обожились на этомъ вопросъ, чтобы не знать, какая тамъ глушь и темь и тиранія. Что же ділать? Я отвічаю, какть Скрибъ: prenez mon ours — возьмите науку, а то, пожалуй, дойдешь до того, что будень, какъ Иванъ Сергвичъ Аксаковъ, рекомендовать Европъ для совершеннаго исцъленія обратиться въ православіе. Въра въ народность-есть тоже своего рода религія, а ты-непоследовательный славянофиль, чему я лично, впрочемъ, очень радъ.

«И выходить, что мы оба удивляемся, каждый про себя, какъ это другой не видитъ того, что кажется такъ ясно! Но это не мѣшаетъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, искренно любить тебя».

Предсказанія Тургенева о безполезности французскаго «Колокола» въ смыслѣ воздѣйствія на европейскую публику оказались вполнѣ справедливыми. Французскій «Колоколъ» успѣха не имѣлъ, и въ № 14—15 ¹) этого изданія было помѣщено письмо Герцена къ Огареву о прекращеніи изданія. Письмо это было заглавлено:

^{1) 1-}го декабря 1868 года.

Adieux de Fontainebleau». Тургеневъ писалъ по этому поводу Герцену ¹):

«Я прочелъ твои «Adieux de Fontainebleau» въ Колоколъ. Я всегда сожалълъ о томъ, что ты не кончилъ разомъ, а какъ Рейнъ, разбивающійся на множество мелкихъ ручьевъ при впаденіи въ море; и особенно мнъ было досадно, что ты могъ вообразить, будто французамъ нужно знать о чемъ бы то ни было, не говоря уже о Россіи! Ваши дъла и мы сами отнесены въ прошедшее: хоть бы тамъ остаться на время!»

Герценъ въ это время собирался отправиться въ Германію, но высказывалъ опасеніе насчетъ безопасности такой повздки. Тургеневъ успокоивалъ его:

«Не предвижу, — писалъ онъ ²), — никакого затрудненія твоему вояжу въ Германію; я увъренъ, что никому въ голову не придетъ тебя безпокоить. Если на возвратномъ пути изъ Карлобада тебъ бы вздумалось завернуть въ Базенъ, я надъюсь, ты у меня остановишься, и я могу тебя посадить на самое то кресло, на которомъ возсъдала прусская королева. Оно мягкое, ничего!»

Зимой 1869 года у Герцена тяжело забольла старшая дочь, пользовавшаяся большой симпатіей Тургенева. Онъ писалъ Герцену ³), справляясь о ея здоровь в: «Пишу теб въ надеждв, что ты сообщишь мнв болье благопріятныя извъстія... Образъ ея остался въ моей памяти такимъ свътлымъ и прекраснымъ, что я не могу върить, чтобы облако, набъжавшее на него, не разсъялось тотчасъ и навсегда. Искренно сочувствую теб в: какіе уже ты выдержалъ удары, а новые, еще болье жестокіе, падають на тебя!»

Дочь Герцена вскоръ оправилась, но самъ Герценъ, потрясенный ея бользнью и вообще тосковавшій за отсутствіемъ привычной его энергичной натуръ живой дъятельности, вскоръ по переселеніи въ Парижъ, захвораль. Отношенія его съ Тургеневымъ до самой смерги оставались дружескими, и Тургеневъ за три дня до смерти Герцена навъстилъ его и очень оживленно разговариваль съ нимъ 4).

20-го января 1870 г. Герценъ скончался.

Если Герценъ до конца дней своихъ остался непоколебимымъ въ своемъ славянофильствъ, за то онъ сдълалъ крупный шагъ по направленію къ «постепеновцу» Тургеневу въ другомъ отношеніи. Въ немъ поколебалась въра въ революцію, какъ единственный путь развитія, и въ соціализмъ, какъ единственное разръшеніе глубокихъ противоръчій современнаго строя.

Въ письмахъ къ старому товарищу (Бакунину) 5) онъ писалъ:

^{1) 11-}го марта 1869 г.

²⁾ Ibid.

³) 25-го ноября 1868 г.

⁴⁾ См. «Болвань и кончина Герцена» Н. А. Тучковой-Огаревой, «Свв. Въсти.».

⁵) Помъчены: «январь-августь 1869 г.».

[«]истор. въсти,», январь, 1900 г., т. еххіх.

...«Мы видѣли грозный примѣръ кроваваго возстанія, въ минуту отчаянія и гнѣва сошедшаго на площадь и спохватившагося на баррикадахъ, что у него нѣтъ знамени. Сплоченный въ одну дружину, міръ консервативный побилъ его, вслѣдствіе этого было то ретроградное движеніе, котораго слѣдовало ожидать. Но что было бы, если бъ побѣда стала на сторону баррикадъ? Въ двадцать лѣтъ 1) грозные бойцы высказали ли все, что у нихъ было за душой? Ни одной построяющей органической мысли мы не находимъ въ ихъ завѣтѣ, а вѣдь экономическіе промахи, не косвенно, какъ политическіе, а прямо и глубже ведуть къ разоренію, къ застою, къ голодной смерти».

...«Общее постановленіе задачи (соціализма) не даеть ни путей, ни средствь, ни даже достаточной среды. Насиліемъ ихъ не завоюешь. Подорванный порохомъ весь мірь буржуазный, когда уляжется дымъ и расчистять развалины, снова начнеть съ разными измѣненіями—какой нибудь буржуазный міръ... Ни одна основа изъ тѣхъ, на которыхъ покоится современный порядокъ, изъ тѣхъ, которыя должны рухнуть и пересоздаться, не настолько почата и расшатана, чтобъ ее достаточно было вырвать силой, чтобъ исключить изъ жизни. Государство, церковь, войско отрицаются точно такъ же логически, какъ метафизика и проч. Въ извъстной научной сферѣ онѣ осуждены, но внѣ ея академическихъ стѣнъ онѣ владѣютъ всѣми нравственными силами.

«Пусть каждый добросовъстный человъкъ самъ себя спроситъ: готовъ ли онъ? Такъ ли ясна для него новая организація, къ которой мы идемъ, какъ общіе идеалы коллективной собственности. солидарности, и знаетъ ли онъ процессъ (кромѣ простого ломанья), которымъ должно совершиться превращеніе въ нее старыхъ формъ? И пусть, если онъ лично доволенъ собой, пусть скажетъ: готова ли та среда, которая по положенію должна первая ринуться въ дъло?

«Противъ ложныхъ догматовъ, противъ върованій, какъ бы они ни были безумны, однимъ отрицаніемъ, какъ бы оно ни было умно, бороться нельзя. Сказать: «не въры!» такъ же авторитетно и въ сущности нельпо, какъ и сказать: «върь?» Старый порядокъ вещей кръпче признаніемъ его, чъмъ матеріальной силой, его поддерживающей.

... «Я нисколько не боюсь слова «постепенность», опошленнаго шаткостью и невърнымъ шагомъ разныхъ реформирующихъ властей. Постепенность такъ, какъ непрерывность, не отъемлемы всякому процессу разумънія. Математика передается постепенно, отчего же конечные выводы, мысли о соціологіи могутъ прививаться, какъ оспа, или впиваться въ мозги такъ, какъ вливаютъ лошадямъ сразу лъкарство въ ротъ?»

¹) Со времени 1848 года.

...«Мы знаемъ, что значитъ оппибаться въ возрастъ и въ степени пониманія. Всеобщая подача голосовъ, навязанная неприготовленному народу, послужила для него бритвой, которой онъ чуть не заръзался.

«Но если понятія государства, суда-и славны и кръпки, то еще крвиче укоренены понятія о правв, о собственности, о наслідстві. Отрицаніе собственности само по себ'в безсмыслица: «собственность не погибнеть», скажу я, парафразируя извъстную фразу Людовика-Филиппа. Видоизменение ея, въ роде перехода изъ личной въ коллективную, неясно и неопределенно. Крестьянину на Западе также необходимо привилась его любовь къ своей земль, какъ въ Россіи легко понимается крестьянствомъ общинное владёніе. Неявлаго туть ничего неть. Собственность, и особенно поземельная, для западнаго человъка представляется освобожденіемъ, его самобытностью, его достоинствомъ и величайшимъ гражданскимъ значеніемъ. Можеть быть, онъ убъдится въ невыголь безпрерывно крошащихся и дробимыхъ участковъ и въ выгодъ свободнаго хозяйства, общинныхъ запашекь полей; но какъ же его «безъ пристрастія» уломать, чтобы онъ спервоначала отказался оть въками влельянной мечты, которою онъ жиль и тышился и которая дыйствительно поставила его на ноги, прикръпила къ нем у землю, къ которой онъ быль прежде кръпокъ.

«Вопросъ, прямо идущій за тѣмъ, вопросъ о наслѣдствѣ, еще труднѣе. Кромѣ холостыхъ фанатиковъ, никакая масса не согласится на безусловное отреченіе отъ права завѣщать какую нибудь часть своего состоянія своимъ наслѣдникамъ. Я не знаю довода, по которому было бы можно противодѣйствовать этой формѣ любви избирательной или кровной, передачѣ вмѣстѣ съ жизнью, съ чертами, даже съ болѣзнями, вещей, служившихъ мнѣ орудіемъ. Развѣ во имя обязательнаго братства и любви ко всѣмъ? Въ худшемъ человѣческомъ положеніи, у дворовыхъ крѣпостныхъ людей были койъкакія тряпки, которыя они оставляли своимъ и которыя почти никогда не отбирались помѣщиками».

...«Ни ты, ни я—мы не измѣнники нашихъ убѣжденій, но розно стали къ вопросу. Ты рвешься впередъ попрежнему со страстью разрушенія, которую принимаешь за творческую страсть... ломая препятствія и уважая исторію только въ будущемъ.

«Я не върю въ прежніе революціонные пути и стараюсь понять шагъ людской въ быломъ и настоящемъ, для того, чтобъ знать, какъ идти съ нимъ въ ногу, не отставая и не забъгая въ такую даль, въ которую люди не пойдуть за мной, не могуть идти».

Мы надвемся, что читатели не посътують на насъ за длинную выписку изъ малоизвъстной статьи Герцена. Она важна въ томъ отношеніи, что наглядно указываеть, какъ «революціонеръ» Гер-

 $\mathsf{Digitized} \ \mathsf{by} \ Google$

ценъ, бывшій однимъ изъ родоначальниковъ народничества, съ его «хожденіемъ въ народъ», описаннымъ впослѣдствіи въ «Нови», въ сущности близко стоялъ въ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ вопросовъ къ «постепеновцу» Тургеневу, гораздо ближе, чѣмъ нѣкоторые тогдашніе (да, пожалуй, и нынѣшніе) «радикалы» стояли къ самому Герцену.

Остается пожальть, что до сихъ поръ не опубликованы письма Герцена къ Тургеневу. Тогда бы передъ нами была яркая картина изъ эпохи 60-хъ годовъ, до сихъ поръ не потерявшихъ глубокаго общественнаго значенія.

В. Батуринскій.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ АМЕРИКАНСКОЕ П'СОЛЬСТВО ВЪ РСССІИ, ВЪ 1866 ГОДУ.

(По американскимъ источникамъ).

ОГДА ВЪСТЬ объ извъстномъ покушеніи Каракозова на жизнь императора Александра II достигла Новаго Свъта, вожди республиканской партіи конгресса Съверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, въ то время вполнъ всемогущей, пришли къ единогласному заключенію, что одного формальнаго поздравленія съ избавленіемъ отъ опасности, посланнаго въ Петербургъ президентомъ республики отъ имени Соединенныхъ Штатовъ чрезъ американскаго

посланника въ столицѣ русскаго государства, совершенно недостаточно, и нѣчто болѣе серіозное должно быть сдѣлано для выраженія сочувствія императору, которому страна ихъ столь многимъ обязана, народу, который проявилъ столь горячія и искреннія къ ней симпатія въ годину рокового внутренняго ея кризиса, извѣстнаго подъ именемъ гражданской или междоусобной войны (1861—1865). Согласно такому заключенію, одинъ изъ наиболѣе выдающихся вождей вышеозначенной партіи въ палатѣ представителей, Оаддей Стивенсъ, представитель штата Пенсильваніи, 4 мая (н. с.) того же (1866) года внесъ въ палату проектъ нижеслѣдующей обѣихъ палатъ резолюціи: «Рѣшено сенатомъ и палатой представителей въ засѣданіи конгресса, что конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ Америки съ глубокимъ прискорбіемъ узналъ о покушеніи

на жизнь императора Россіи, учиненномъ врагомъ эмансипаціи. Конгрессъ шлетъ свое привътствіе его императорскому величеству и русскому народу и поздравляеть двадцать милліоновъ рабовъ съ избавленіемъ по воль Провидьнія оть опасности государя, уму и сердцу котораго они обязаны благодъяніемъ свободы». Возраженій на проекть этотъ не послъдовало, и такимъ образомъ предложенная согласная объихъ палать резолюція тотчасъ же подверглась требуемому закономъ многократному чтенію, вслёдъ за которымъ предсъдатель палаты представителей пустиль ее на голосованіе. За резолюцію оказалось 124 голоса и противъ нея ни единаго: такимъ образомъ она была принята палатой представителей единогласно. 8-го того же мая, предсъдателемъ особой комиссіи сената по иностраннымъ деламъ резолюція эта была представлена на разсмотрѣніе этой высшей палаты конгресса Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, сопровождаясь сделаннымъ комиссіей добавленіемъ, которымъ поручается президенту республики копію таковой препроводить императору Россіи. Въ докладъ своемъ сенату предсъдатель особой его комиссіи по иностраннымъ дъламъ высказался, что, по его мнънію, покушеніе на жизнь русскаго императора вызвано не столько самимъ освобожденіемъ, сколько той настойчивостью и последовательностью, съ какимъ онъ воплощалъ въ жизнь логическіе результаты освобожденія, предоставляя гражданскія и политическія права освобожденному народу. Сенаторъ Сальсбюри предложиль исключить изъ резолюціи слова «учиненномъ врагомъ эмансипаціи», ибо сенать не располагаеть никакими по этому предмету свъдъніями. Не имъется никакихъ положительно доказательствъ, чтобы покушавинися на жизнь императора былъ врагомъ эмансипаціи, и еслибы это было справедливо, подобный факть могь бы быть удостовъренъ опросомъ русскаго посланника. обще распространеннымъ свъдъніямъ, покушеніе учинено человъкомъ низкаго происхожденія, который не имълъ рабовъ, и сверхъ того онъ (сенаторъ Сальсбюри) получилъ свъдънія, что покушавшійся-это маньякь. Онъ, сенаторъ, не располагаеть точными свъдъніями по этому предмету, но во всякомъ случат полагаеть, что прежде чъмъ утверждать подобную вещь, что покушение учинено врагомъ эмансипаціи, сенать обязанъ получить должныя свъдънія по этому предмету. Сенать не согласился съ предложеніемъ, сенатора Сальсбюри, и резолюція прошла въ томъ видь, въ какомъ единогласно принята была палатой представителей съ добавленіемъ, сдъланнымъ сенатской комиссіей по иностраннымъ дъламъ 10-го того же мая; палатой представителей принято добавленіе, сдёланное сенатской комиссіей, и такимъ образомъ согласная резолюція, принятая объими палатами конгресса, представлялась въ слъдующемъ видъ: «Ръшено сенатомъ и палатой представителей Соединенныхъ Штатовъ Америки възасъданіи конгресса, что конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ Америки съ глубокимъ прискорбіемъ узналъ о покушеніи на жизнь императора Россіи, учиненномъ врагомъ эмансипаціи. Конгрессъ шлетъ свое прив'єтствіе его императорскому величеству и русскому народу и поздравляетъ двадцать милліономъ рабовъ съ избавленіемъ по волѣ Провидѣнія отъ опасности государя, уму и сердцу котораго они обязаны благодѣяніемъ свободы.

«И рѣшено также, чтобы президенту Соединенныхъ Штатовъ поручить копію настоящей резолюціи препроводить императору Россіи».

16-го того же мая, вышеприведенная согласная резолюція объихъ палатъ конгресса утверждена была президентомъ республики г-номъ Johnson и вошла въ законную силу.

Дабы этому торжественному акту конгресса придать особое значеніе, ръшено было этимъ послъднимъ на предметь представленія вышеприведенной его резолюціи императору Александру II снарядить особое чрезвычайное посольство и такимъ чрезвычайнымъ посланникомъ имъ же избранъ былъ капитанъ Густавъ Ваза Фоксъ. Капитанъ Фоксъ во время гражданской войны оказалъ весьма серіозныя услуги федеральному правительству Соединенныхъ Штатовъ и президентомъ Линкольномъ былъ опредъленъ въ товарищи морского министра республики до окончанія таковой. Однако война едва успъла закончиться, какъ онъ избранъ быль конгрессомь въ чрезвычайные посланники на предметь представленія этой его резолюціи императору всеросійскому, и на этотъ предметъ именно президентомъ республики былъ снова назначенъ товарищемъ морского министра республики Соединенныхъ Штатовъ. По собственному требованію этого чрезвычайнаго посланника рѣшено было отправить его съ мониторомъ, и съ этой пълью избранъ былъ морскимъ министерствомъ республики двухбашенный миниторъ Miantonomoh, въ сопровождение которому отряжены были два обыкновенныхъ военныхъ корабля Ashuelot и Angusta. Ни одинъ мониторъ до того времени еще не пересъкалъ океана, и товарищъ морского министра республики Соединенныхъ Штатовъ Густавъ Ваза Фоксъ взялся впервые выполнить подобную задачу, которая въ то время признавалась невыполнимой. Необычайная преданность своему дѣлу и отсутствіе всякихъ заботъ о личной карьеръ, столь ръдкія въ американцъ, какія достаточно наглядно проявлены были Фоксомъ втеченіе гражданской войны, сказались также и въ принятіи имъ назначенія чрезвычайнымъ посланникомъ въ Россію. На этотъ предметь онъ могь получить безъ всякихъ затрудненій высокое званіе и содержаніе адмирала, если бы не отказался о томъ ходатайствовать передъ правительствомъ республики. Не мъщаетъ замътить здъсь также, что для отряженія капитана Фокса чрезвычайнымъ посланникомъ въ Россію, въ званіи товарища морского министра республики, понадобилось установленіе новой должности второго товарища морского министра, которое и было опредълено конгрессомъ въ обычномъ законодательномъ порядкъ.

30-го того же мая, Густавъ Ваза Фоксъ въ сопровождении англійскаго капитана, John Bythesea, морского attaché британскаго посольства въ Вашингтонъ, имъ приглашеннаго вмъстъ пересъчь Атлантическій вкеанъ въ мониторь Miantonomoh, изъ Бостона отплыли въ г. St. John's на Ньюфаундлэндъ, въ портъ котораго въ то время находился означенный мониторъ, куда и прибыли 3-го іюня. Когда по городу разнеслась въсть, что американскій товарищъ морского министра и attaché британскаго посольства въ Вашингтонъ должны отплыть въ мониторъ, эта новость вызвала нъкоторое изумленіе н немалыя опасенія, ибо хотя американскій мониторъ Monadnock такой же конструкціи, какой Miantonomoh, и достигь благополучно мыса Горна, твиъ не менве однако мореходная способность мониторовъ въ открытомъ океанъ, гдъ не представляется возможности укрыться въ гавани въ случат особо дурной погоды или бури, еще никогда не была испробована. 5-го іюня, Густавъ Ваза Фоксъ въ сопровождении капитана Bythesea взошли на капитанскую площадку Miantonomoh, и грозный мониторъ въ сопровожденіи военных кораблей Augusta и Ashuelot вышли въ открытое море. Эта не большая, но грэзная эскадра 16-го того же іюня прибыла въ г. Queenstown, извъстный порть на юго-восточномъ берегу Ирландіи. Когда Фоксъ и командиръ корабля Augusta, Alexander Murray, какъ старшій изъ командующихъ офицеровъ, по рангу являвшійся командиромъ всей эскадры, въ сопровожденіи консула республики Соединенныхъ Штатовъ въ г. Коркъ, вслъдъ за прибытіемъ своимъ въ Queenstown, сдёлали офиціальный визить англійскому адмиралу командиру порта, они застали его разсматривающимъ мониторъ въ подзорную трубу со своей площадки. Miantonomoh сталь на якорь между двумя превосходными британскими броненосцами Achilles и Black Prince. Это были два отборныхъ броненосца, и американскій мониторъ, помъстившійся между ними выглядываль чёмъ-то совершенно незначительнымъ, темъ не мене однако этоть послёдній могь безь всякихь затрудненій пустить ко дну ихъ обоихъ На извъстномъ разстояніи видны были однъ лишь его башни, между тъмъ какъ британскіе броненосцы выглядывали трехпалубными гигантами. Послъ обмъна обычныхъ привътствій, британскій адмираль сразу спросиль Фокса: «Неужели вы пересъкли Атлантическій океанъ на этой штукь?» На утвердительный отвёть Фокса адмираль воскликнуль многозначительнымъ тономъ: «Я сомнъваюсь, чтобы я могь это продълать!» Оставивъ свою эскадру въ Queenstown, Густавъ Ваза Фоксъ посетилъ Дублинъ и, пересъкши Британскій каналь, направился въ Лондонъ, между тыть какъ Ashuelot, согласно первоначальнымъ распоряженіямъ морского министерства республики, отплылъ въ Лиссабонъ, а Miantonomoh въ сопровожденіи военнаго корабля Augusta прослівдовали въ Портсмуть. Въ Лондоні чрезвычайный посланникъ правительства Соединенныхъ Штатовъ въ Россію подвергся цілому ряду блестящихъ пріемовъ и на балу въ многоизвітельно Букингемскомъ дворці былъ сцеціально представленъ членамъ королевской фамиліи. Между тімъ мониторъ Міапtonomoh, въ сопровожде-Augusta преслідовавшій въ Portsmouth, неизмітно вызываль совершенное изумленіе англичанъ.

29-го того же іюня, Густавъ Ваза Фоксъ изъ Лондона прослъдовалъ въ Портсмуть и отгуда, въ сопровождении посла республики Соединенныхъ Штатовъ во Франціи, John Bigelow, отплылъ въ Шербургъ. 3-го іюля, чрезвычайный посланникъ этой республики въ Россію принять быль въ частной аудіенціи императоромъ Наполеономъ III въ Тюльерійскомъ дворць. Въ теченіе аудіенціи императоръ получилъ депеши о поражении, нанесенномъ австрійской армін пруссаками подъ Садовой, и выразиль сожальніе, что это неожиданное обстоятельство мъщаетъ ему лично посътить и обозрѣть мониторъ. Коснувшись съ нѣкоторой обстоятельностью своего итальянскаго похода, своей экспедиціи въ Мексику и большой жизнеспособности американского народа, императоръ спросилъ Фокса, каковы нынъ, по его мнънію, чувства американскаго Юга послъ пораженія, нанесеннаго ему Съверомъ. На отвъть этого постедняго, что те, кто ранее дрался на юге, ныне совершенно примирились съ результатами этой борьбы, императоръ заметилъ, что это всегда такъ бываеть. 6-го іюля, Густавъ Ваза Фоксъ, въ присутствіи американскаго посла въ Парижѣ John Bigelow, имѣлъ свиданіе съ принцемъ Наполеономъ.

- «Не дружите черезчуръ съ Россіей!»—сказалъ принцъ въ теченіе ихъ разговора.
- «Россія и Америка не имѣють враждебныхъ интересовъ. Россія всегда была дружественна по отношенію къ Америкѣ, и мы цѣнимъ это чувство»,—отвѣтилъ Фоксъ.
- «Но вы можете стоять особнякомъ, вы не нуждаетесь въ друзьяхъ», —возразилъ принцъ.
- «Хотя и представляется сомнительнымъ, будемъ ли мы съ Россіей когда либо снова стоять рука объ руку, тъмъ не менъе въ то время, какъ намъ угрожали наиболъе могущественныя націи, Россія чувствовала и выразила намъ свои симпатіи, и Америка этого никогла не забулеть».
- «Россія сама одинока»,—возразиль принцъ послѣ нѣкотораго молчанія, и затымъ предметь разговора быль измѣненъ.

Какъ только офиціальныя посъщенія монитора Miantonomoli представителями французскаго правительства закончились, Густавъ

Ваза Фоксъ, согласно объщанію, имъ данному принцу Уэльскому и герцогу Эдинбургскому предъ отбытіемъ изъ Лондона, отослалъ свою эскадру изъ Шербурга снова въ Англію, гдв она подвергласъ безпрерывнымъ массовымъ посъщеніямъ и осмотрамъ въ водахъ Темзы, 16-го іюля снялась съ якоря и направилась къ Балтійскому морю. 20-го іюля, Фоксъ сухимъ путемъ прибылъ въ Кельнъ и, получивъ свъдънія, что въ Берлинъ и Штеттинъ, куда онъ направлялся, свирънствуетъ холера, телеграфировалъ посланнику республики Соединенныхъ Штатовъ въ Даніи остановить суда въ Копенгагент, когда онт будуть проходить черезъ проливъ. 21-го іюля американская эскадра стала на якоръ въ копентагенской гавани, а на следующій день прибыль туда и Густавъ Ваза Фоксъ, Здесь же присоединились къ эскадрѣ Е. Н. Green изъ города Бостона и I. F. Loubat изъ г. Нью-Іорка, въ качествъ секретарей этого чрезвычайнаго посольства, изъ которыхъ первый помъстился на Augusta, а последній на Miantonomoh. Первоначально Фоксъ имель намереніе немедленно отплыть въ Кронштадтъ, но получивъ свъдънія, что въ этомъ последнемъ точно также свиренствуеть холера, онъ телеграфировалъ генералу Cassius Clay, посланнику Соединенныхъ Штатовъ въ Россіи, сообщить ему точныя свъдънія по этому предмету, а въ ожиданіи отвёта этого последняго изъ Петербурга ръшиль оставаться въ Копенгагенъ, 27-го іюля, чрезвычайный посланникъ правительства республики Соединенныхъ Штатовъ въ Россіи, секретари посольства, Green и Loubat, и командиры двухъ его судовъ, Murray и Beaumont, были представлены посломъ республики въ Даніи, Yeaman, датскому королю въ его копенгагенскомъ дворцъ, и въ тоть же день по полудни король Христіанъ IX въ сопровожденіи королевы, принцессы Цагмары, обрученной съ наследникомъ русскаго престола, прочихъ членовъ королевской фамиліи н блестящей свиты, посётиль американскій мониторъ. 29-го іюля, американское посольство об'єдало съ датской королевской фамиліей во дворцѣ Bernstorff, а 31-го іюля, Фоксъ, получивъ отъ американскаго посла въ Петербургъ телеграмму, что холера въ этомъ последнемъ уменьшается, а равно отъ местнаго русскаго консула почерпнувъ свёдёнія, что таковой вовсе не существуеть въ Гельсингфорст, ръшилъ отплыть въ этотъ последній и тамъ выжидать болъе точныя свъдънія по этому предмету. Онъ телеграфироваль генералу Clay въ Петербургъ, что такъ какъ онъ опасается, какъ бы команды двухъ его судовъ не пострадали отъ холеры, то онъ предполагаеть лишь самолично прибыть въ столицу Россіи. На телеграмму эту полученъ былъ отъ американскаго посланника при русскомъ дворъ нижеслъдующій отвъть: «Прибудьте на судахъ, хотя бы для этого пришлось потратить цёлое лёто». Въ тоть же день эскадра снялась съ якоря въ копенгагенской гавани и отплыла въ Балгійское море.

3-го августа (22-го іюля стар. ст.) американская эскадра бросила якорь въ гельсингфорсской гавани. Свиты его императорскаго величества генералъ-майоръ баронъ Воллинъ, гельсингфорсскій гражданскій губернаторъ, вицеадмиралъ Нордманъ и коменданть Свеаборгской крыпости капитанъ Рудаковъ, въ сопровождении своихъ свить, всъ въ полной парадной формъ, тотчасъ прибыли на Miantoпото и оть имени императора ривътствовали чрезвычайное посольство республики Соединенныхъ Штатовъ съ его прибытіемъ въ Россію, поясняя, что по распоряженію его императорскаго величества они должны быть гостями города Гельсингфорса. Ихъ привътствіе и предложеніе встръчены были американскими офицерами самымъ дружественнымъ и сердечнымъ образомъ, ибо эти постедніе наравне съ ихъ принимавшими искренне радовались тому, что послъ столь продолжительнаго плаванія они достигли наконець благополучно русской территоріи. На слъдующій день, 4-го августа (23-го іюля стар. ст.), гражданскимъ губернаторомъ Гельсингфорса, барономъ Воллинъ, данъ былъ въ честь американскаго чрезвычайнаго посольства блестящій банкеть. На немъ присутствовали гражданскіе, военные и морскіе сановники, равно какъ и представители разныхъ правительственныхъ учрежденій Финляндіи, общимъ числомъ свыше полутораста лицъ. Между гостями находились между прочимъ и три англійскихъ артиллерійскихъ офицера, случайно пребывавшие въ то время въ Гельсингфорсъ. Залъ былъ украшенъ американскимъ и русскимъ флагами, цвѣтами и гирляндами изъ листьевъ. Въ исходѣ банкета баронъ Воллинъ произнесъ короткую рвчь на французскомъ языкв, въ которой выразилъ свое удовольствіе, что Финляндія имбеть честь первая принимать американскаго посланника въ предълахъ Русской имперіи. Фоксъ отвъчалъ на эту рѣчь также кратко, выражая свою благодарность за оказываемое ему гостепріниство и поясняя, что его посъщеніе имъеть двоякую пъль -- поздравить его величество императора съ избавленіемъ отъ опасности и благодарить русскій народъ за дружественное расположеніе, какое онъ всегда оказывалъ по отношенію къ Соединеннымъ Штатамъ и въ особенности въ теченіе последней борьбы въ ихъ странъ (гражданская война). Закончивъ свою ръчь, онъ провозгласилъ тость за здравіе императора, императрицы и императорской фамиліи. Баронъ Воллинъ провозгласилъ тогда тость за здравіе президента Соединенныхъ Штатовъ, на который Фоксъ отвътиль соотвътственнымъ образомъ, заканчивая слъдующимъ образомъ: «Послъ того, какъ провозглашены тосты въ честь императора, президента и императорской фамили, и желаю, господа, выразить пожеланіе цесаревичу Александру Александровичу. Да унаследуеть онъ рыцарское мужество Александра Невскаго, счастіе Александра I и сердце Александра II!» Адмиралъ Нордманъ провозгласиль тосты въ честь командировъ обоихъ американскихъ судовъ—Миггау и Beaumont и всёхъ офицеровъ американской эскадры, пользуясь при этомъ случаемъ поблагодарить какъ ихъ, такъ и ихъ товарищей, пребывающихъ въ Америкъ, за тотъ пріемъ, какой ими оказанъ былъ русскимъ флотамъ въ Нью-Горкъ, Бостонъ и Санъ-Франциско въ 1863 г.

. 5 августа (24 іюля стар. ст.) утромъ, Augusta и Miantonomoh вышли изъ Гельсингфорсской гавани въ Кронштадтъ. Погода была пасмурная; шелъ мелкій дождь, и дуль юго-восточный вътеръ. Едва американская эскадра минула входъ въ гавань, какъ нависшій съ ранняго утра туманъ разсвялся, и предъ глазами американской эскадры предстала эскадра русскихъ броненосцевъ, собирающаяся войти въ узкій и мало-доступный проходъ. Эскадра эта послана была изъ Транзунда, дабы сопровождать американскую эскадру въ Кронштадтъ, и разсчитывала присоединиться къ этой последней въ Гельсингфорсе. Какъ только Augusta приблизилась къ русскому флоту, она выбросила на носу русскій флагь и салютовала его двадцати однимъ пушечнымъ выстреломъ, на которые выстрёль за выстрёломъ отвёчаль «Севастополь», выбросившій въ свою очередь на носу американскій флагь. Русская броненосная эскадра, находившаяся подъ командой вице-адмирала Лихачева, главнаго командира русскаго броненоснаго флота, выстроилась въ двъ линіи, а Augusta и Miantonomoh составили центральную линію, слегка выдвигающуюся впередъ. Въ такомъ порядкъ суда 6 августа (25 іюля стар. ст.) вошли въ Кронштадтскій порть. При приближеніи къ фортамъ большого рейда Augusta выбросила на своей главной мачть русскій флагь и отдала національный салють въ двадцать одинъ выстрёлъ. Такой же салють послёдоваль въ отвъть съ коммерческой пристани, и на наблюдательномъ суднъ 1 брандвахты взвился американскій флагь. Второй салють послідовалъ съ пристани, въ честь адмиральскаго флага, и на него отвъчалъ «Севастополь». По мъръ того, какъ американскій военный корабль (Augusta) подвигался по направленію къ малому рейду, катера, яхты с.-петербургскаго речного яхтъ-клуба стали окружать его, снуя во всёхъ направленіяхъ. Съ ранняго утра особымъ приложеніемъ къ «Кронштадтскому Вестнику» местная публика была увъдомлена, что въ десять часовъ утра прибудеть въ сопровожденіи русскихъ броненосцевъ американская эскадра, и что въ половинъ девятаго ораніенбаумскій пароходъ, законтрактованный городомъ, выйдетъ ей на встръчу. Въ назначенное время пароходъ «Луна» появился на рейдъ, наполненный публикой. Когда онъ сталь приближаться къ «Августь», оркестръ, находившійся на кормъ его, заигралъ «Hail Columbia» 1), между темъ какъ его пассажиры и несмътныя толпы народа, наполнявшія верфи, привътствовали

¹⁾ Одинъ изъ американскихъ національныхъ гимновъ.

американское судно громкими и продолжительными кликами, на которые офицеры и команда «Августы» отвъчали самымъ сердечнымъ образомъ. Вслъдъ затъмъ «Луна» прослъдовала далъе и подобнымъ же образомъ привътствовала мониторъ Miantonomoh, слъдовавній также по направленію къ малому рейду. Пристани коммерческаго и средняго портовъ были биткомъ набиты зрителями, и казалось, оваціямъ не будетъ конца. Въ эту минуту Кронштадтская гавань представляла собой импонирующій видъ. Русская броненосная эскадра, грозныя укръпленія позади, малыя суда, снующія во всъхъ направленіяхъ, берега и верфи, чернъющіе народомъ, мониторъ Міаптопотом на первомъ планъ, величественно подвигающійся впередъ на виду у всъхъ, — все это въ общей сложности представляло собой поразительное зрълище.

Едва американскія суда бросили якорь, прибылъ лейтенанть Рыкачевъ, адъютантъ адмирала Новосильскаго, военнаго губернатора Кронштадта, главнаго командира Кронштадтскаго порта, дабы привътствовать Фокса и командировъ Murray и Beaumont съ благополучнымъ прибытіемъ и предложилъ имъ свои услуги. Вследъ затемъ вице-адмиралъ Лисовскій, изъ свиты его императорскаго величества, прибылъ поздравить американскаго чрезвычайнаго посланника отъ имени императора, съ его прибытіемъ въ Россію, въ то же время его увъдомляя, что по распоряжению его величества, какъ посольство, такъ офицеры и команды эскадры являются гостями русскаго правительства, и обязанности ихъ пріема возложены на него и нъсколькихъ офицеровъ, состоящихъ подъ его въдъніемъ. Вст эти офицеры разныхъ ранговъ, начиная съ вицеадмираловъ Лисовскаго и Горковенко, принадлежавшихъ къ свитъ его императорскаго величества, говорили по-англійски. Вследъ за адмираломъ Лисовскимъ прибылъ ботъ подъ русскимъ коммерческимъ флагомъ съ кронштадтскимъ городскимъ головой Степановымъ и депутацією отъ мъстнаго городскаго общественнаго управленія, дабы предложить американской эскадр'в гостепріимство города. Голова произнесъ соотвътственную ръчь и принесъ сердечныя поздравленія. Какъ только всё эти лица отбыли, Густавъ Ваза Фоксъ, командиры Beaumont и Murray, въ сопровождении вице-адмирала Лисовскаго, отправились на берегъ, чтобы сдълать визить военному губернатору Кронштадта, генералъ-адъютанту его императорскаго величества адмиралу Новосильскому. По ихъ возвращеніи съ этого визита Фоксъ съ секретарями своими Green и Loubat, въ сопропровождения вице-адмирала Лисовскаго, отправились въ Петербургъ на нароходъ морского въдомства «Нева». Какъ только вице-адмиралъ Лисовскій сошель съ Miantonomoh, съ Augusta данъ былъ салють въ девять пушечныхъ выстраловъ 1), и едва

¹⁾ На который отвічаль «Севастополь» такимь же салютомь.

Фоксъ взошелъ на пароходъ «Нева», этотъ послѣдній выбросилъ американскіе флаги, между тѣмъ какъ Augusta салютовала его, какъ товарища морского министра республики Соединенныхъ Штатовъ, двадцатью однимъ пушечнымъ выстрѣломъ и выбросила на своей главной мачтѣ американскій флагъ. По прибытіи въ С.-Петербургъ, Фоксъ сдѣлалъ визитъ американскому послу, генералу Сlау, и вручилъ этому послѣднему письменный рапортъ о своемъ прибытіи, равно какъ копіи бумагъ, адресованныхъ на его (Фокса) имя министерствами морскимъ и иностранныхъ дѣлъ въ Вашингтонѣ, копію резолюціи конгресса и копію рѣчи, которую предполагалъ онъ произнесть при представленіи этой резолюціи императору. Въ качествѣ гостей русскаго правительства, чрезвычайный посланникъ правительства Соединенныхъ Штатовъ и его секретари заняли особые имъ отведенные аппартаменты въ Hôtel de France.

8 августа (27 іюля стар. ст.), въ 10 часовъ утра, Густавъ Ваза Фоксъ, въ сопровождении генерала Clay, командировъ Murray и Beaumont, секретарей своихъ Green и Loubat и г-на Joha Van Buген изъ Нью-Іорка, отправился по жельзной дорогь изъ Петербурбурга въ Петергофъ, дабы выполнить цёль своего посольства: представить его императорскому величеству резолюцію конгресса Соединенныхъ Штатовъ, ввъренную его охраненію и попеченіямъ. По прибытіи посольства на станцію Петергофъ, оно встрічено было чинами придворнаго вёдомства, и Фоксу предложена была придворная карета, запряженная чтетверкой, между темъ какъ прочія прибывшія съ нимъ лица были разм'єщены въ роскошныхъ экипажахъ. По прибытіи въ Петергофскій дворецъ, всёмъ имъ были отведены особыя помъщенія. Въ два часа по полудни американское чрезвычайное посольство имъло честь быть принятымъ его императорскимъ величествомъ государемъ императоромъ. Князь Горчаковъ, государственный канцлеръ и министръ иностранныхъ дълъ, стоялъ по правую руку императора въ теченіе этой аудіенціи. Густавъ Ваза Фоксъ представленъ былъ американскимъ посломъ генераломъ Clay безъ обычнаго участія церемоніймейстера и прочелъ ниже слъдующую ръчь государю императору на англійскомъ языкѣ:

«Государь! Резолюція, которую я им'єю честь представить вашему императорскому величеству, есть голосъ народа, который милліонами усть своихъ говорить отъ единаго сердца.

«Многія узы, которыя долгое время связывали великую имперію Востока и великую республику Запада, умножены и усилены непоколебимой върностью императорскаго правительства нашему правительству втеченіе едва истекшаго періода пережитыхъ этимъ послъднимъ потрясеній.

«Слова симпатіи и дружбы, въ то время, по повелѣнію вашего императорскаго величества, обращенныя къ нашему правительству

въ Вашинттонъ, запечатлъны на въки въ памяти благодарной страны. Какъ одна изъ великой семьи земныхъ націй, мы возлагаемъ добровольную дань уваженія тому акту человъчности, который упоминается спеціально въ резолюціи конгресса. Мирный эдиктъ просвъщеннаго государя завершилъ собой побъду надъ унаслъдованнымъ варварствомъ, которой наша Западная республика достигла лишь послъ многихъ лътъ кровопролитія.

«Поэтому оть глубины души приношу вашему императорскому величеству, освобожденнымъ рабамъ и всему народу этого обширнаго царства, наши сердечныя поздравленія съ чудеснымъ избавленіемъ оть опасности, которая вызвала столь серіозное выраженіе сожальнія о покушеніи и благодарность за его пресъченіе и неудачу.

«Повъствование объ опасности, отъ которой милость Провидънія спасла ваше императорское величество, воскрешаеть въ памяти ту глубокую скорбь, которой было исполнено такъ недавно каждое върное сердце въ нашей собственной странъ, встъдствие неожиданной потери нашего главы, нашего вождя, нашего отца.

«Мы приносимъ благодарность Всевышнему, что подобная скорбь миновала нашихъ друзей и союзниковъ — русскій народъ.

«Да защитить, продлить и благословить Отець всъхъ націй и всъхъ правителей жизнь, которую Онъ столь многознаменательно сохраниль, на служеніе тому народу, которому она принадлежить, на благо человъчества и во славу Его святого имени!»

По прочтеніи своей рѣчи Густавъ Ваза Фоксъ вручилъ его императорскому величеству резолюцію конгресса, его поздравлявшую съ избавленіемъ отъ грозившей его жизни опасности.

Императоръ на рѣчь чрезвычайнаго посланника республики Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки отвѣчалъ нижеслѣдующимъ образомъ:

«Радуюсь тому, что между Россією и Соединенными Штатами существують столь дружественныя отношенія, и весьма доволенъ, что отношенія эти такъ хорошо оцѣнены въ Америкѣ. Я убѣжденъ, что эта національная дружба будеть вѣчной, и и съ своей стороны употреблю всѣ усилія, чтобы ее поддержать и укрѣпить. Весьма тронуть этими доказательствами личной ко мнѣ симпатіи и любви американскаго народа, нашедшими свое выраженіе въ резолюціи конгресса, и за нихъ весьма признателенъ. Желаю поблагодарить тѣхъ, кто прошель столь огромное разстояніе, дабы принести мнѣ эти доказательства, и увѣряю ихъ, что они являются желанными гостями на Русской землѣ. Сердечный пріемъ, какой оказанъ былъ моей эскадрѣ въ Соединенныхъ Штатахъ три года тому назадъ, никогда не изгладится изъ моей памяти».

Всяться за тымъ генераль Clay имыль честь представить императору командировъ Murray и Beaumont, а равно господъ Green,

Loubat и Van Buren. Императоръ обратился съ нѣсколькими словами къ Фоксу, задать нѣсколько вопросовъ прочимъ членамъ посольства, и аудіенція закончилась. Чрезвычайный посланникъ республики Соединенныхъ Штатовъ тотчасъ же послать министру иностранныхъ дѣлъ этой послѣдней William H. Seward телеграмму нижеслѣдующаго содержанія: «Резолюція конгресса представлена мной лично императору Россіи сегодня въ часъ по полудни». Это была первая телеграмма, посланная изъ Россіи въ Новый Свѣтъ по атлантическому подводному телеграфу, который былъ тогда только что проложенъ. Американское чрезвычайное посольство объдало съ министромъ двора и, осмотрѣвъ дворцы и окрестности Петергофа, возвратилось въ Петербургъ.

На следующее утро, 9-го августа (28-го іюля стар. стиля), Густавъ Ваза Фоксъ, его секретари, командиры Murray и Beaumont, генералъ Clay и Іеремія Куртинъ, секретарь посольства Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ Петербургв 1), отправились изъ Петербурга въ Кронигтадтъ, дабы присоединиться къ американской эскадръ и участвовать въ пріемъ его императорскаго величества, выразившаго желаніе посътить корабли. Въ одиннадцать часовъ, императорская яхта «Александрія», украшенная императорскимъ флагомъ, стала приближаться къ рейду по направленію отъ Ораніенбаума. Едва она приблизилась на сигнальное разстояніе, «Августа» отдала салють въ двадцать одинъ выстрёлъ, на который последоваль ответь съ русского корвета «Гридень». Императоръ взощель на мониторъ Miantonomoh въ сопровождении его императорскаго высочества наследника цесаревича и ихъ императорскихъ высочествъ великихъ князей Владиміра Александровича и Николая Николаевича (старшаго). По подробномъ осмотръ монитора императоръ въ сопровождении вышеозначенныхъ великихъ князей и своей свиты, состоявшей изъ наивысшихъ сановниковъ имперін, проследоваль на «Августу», где быль встречень Фоксомь, генераломъ Clay, командирами Murray и Beaumont и всъми прочими офицерами эскадры съ подобающими морскими почестями. Съ палубы «Августы» его величество приняль императорскій салють, отданный чудовищными пушками Miantonomoh, первый и послъдній салють, когда либо отданный пушками подобной силы и подобныхъ размъровъ, ибо по распоряженію морского министерства республики Соединенныхъ Штатовъ ихъ употребление вив случаевъ военныхъ дъйствій воспрещено. Посль короткаго пребыванія на «Августь» императоръ отбылъ. Когда онъ сошелъ съ этой постедней, былъ отданъ съ нея второй императорскій салють, и офиперы и команды американской эскадры провожали его величество

Впосл'ядствін нав'ястный переводчикъ русскихъ писателей и Генриха Сенкевича.

восторженными кликами. Встъдъ за его отбытіемъ Густавъ Ваза Фоксъ, генераль Clay, командиры Murray и Beaumont и г-иъ Van-Buren, согласно приглашенію, котораго удостоились они отъ самого императора предъ тъмъ, какъ онъ сошелъ съ «Августы», послъдовали за его величествомъ на броненосит «Перунъ», дабы посътить русскій флоть и присутствовать при практической стрільбі. Простъдивъ стръльбу съ «Перуна», они прослъдовали затъмъ на императорской яхть «Александрія» на большой рейдъ, гдь стояла на якорѣ русская эскадра, и посѣтили огромный броненосецъ «Не тронь меня», который точно также тотчасъ приступиль къ практической стръльбъ. Артиллерійская практика обнаружила превосходное обученіе и прекрасную дисциплину, и императоръ остался столь доволенъ ею, что выразилъ свое удовольствіе вице-адмиралу Лихачеву и капитанамъ «Перуна» и «Не тронь меня», а равно назначилъ наградныя командамъ. Американцы имъли честь кушать съ императоромъ на его яхтъ, и втечение этого полуденнаго завтрака его величество предложиль нижеследующій тость: «Я пью за благополучіе вашей страны и за то, чтобы братскія чувства, какія нынъ существують между нами, остались незыблемыми на въки!» Въ два часа императорская яхта «Александрія» пристала къ Навловскому форту, и императоръ, его свита и его гости, войдя въ кръпость, размъстились на верхнемъ парапеть. Тотчасъ императорскій флагь на яхть быль спущень: это быль сигналь дня начатія практической стрёльбы. Таковая продолжалась до четырехъ часовъ и оказалась во всёхъ отношеніяхъ превосходной. Императорская яхта возвратилась въ Петергофъ, и отсюда Густавъ Ваза Фоксъ вмѣстѣ съ прочими лицами американскаго посольства, сопровождавшими императора, на катерт возвратились въ Кронигадтъ, гдт въ инть часовъ по полудни назначенъ былъ въ честь ихъ большой званый объдъ въ морскомъ клубъ.

Пригласительные на таковой билеты гласили нижеследующее: «Милостивый государь! По случаю прибытія эскадры Соединенныхъ Штатовъ въ наши воды, члены кронштадтскаго морского клуба, желая выразить тѣ дружественныя чувства, какія питають они въ отношении гражданъ этой республики, а равно отвътить взаимностью на ту пріязнь и сердечность, съ какой приняты были русскіе флоты въ городахъ Нью-Іоркѣ, Вашингтонѣ, Бостонѣ и Санъ-Франциско, имъютъ честь пригласить васъ оть имени всего русскаго флота къ объду, который имъетъ быть данъ 28-го сего іюля (9-го августа) въ пять часовь по полудни въ помъщеніи означеннаго клуба». По прибытіи американскихъ гостей въ экипажахъ къ зданію клуба, они были встречены восторженными кликами. межлу тъмъ какъ блестящій морской оркестръ, помъщенный у самаго входа, заигралъ «Hail Columbia». Большой залъ клуба, въ которомъ сервированъ былъ этотъ званый объдъ, представляль собой восхи-16

«нотор. въотн.», январь, 1900 г., т. LXXIX.

тительный видь. Стфны, украшенныя картинами, флагами и знаменами; пьелесталы и ниши, уставленныя бюстами и экзотическими растеніями; блестящіе люстры и подсвічники, испускающіе мягкій свъть; длинные столы, искрящіеся блескомъ серебра и хрусталя и украшенные цвътами; масса вънковъ изъ хвойныхъ растеній-все это сливалось въ чудную панораму, очарованіе которой усиливалось, благодаря превосходной музыкъ. На изящномъ щитъ, покрытомъ красной фланелью, красовались на одной изъ ствнъ портреты Вашингтона, Линкольна и Джонсона, окаймленные вънками изъ цвътовъ и вътвей, а на противоположной стънъ выступалъ среди драпировки и гирляндъ портреть его императорскаго величества. Американское и прусское знамя, переплетенныя другь съ другомъ, виднълись повсюду. Галлереи были сплошь наполнены дамами, жаждавшими поглазъть на происходившее внизу торжество. Тамъ же пом'вщались два превосходных в оркестра, игравших в поперем'вню національные мотивы оббих странь и цопури из разных оперь. Меню объда украшено была виньеткой, изображающей входъ Міапtonomoh въ Кронштадтскую гавань и именами наиболъе выдающихся исторических деятелей объих странъ: Владиміръ Равноапостольный, Димитрій Донской, Петръ Великій и Александрь И и «862» видивлись на лівой его сторонів и «1492» и Колумов. Ващингтонъ, Фультонъ и Линкольнъ-на правой. На объдъ присутствовали всѣ наиболѣе высокопоставленные военные и гражданскіе сановники имперін. Переводчикомъ явился вице-адмиралъ Лисовскій, въ 1863 г. постившій со своей эскадрой Нью-Іоркъ. Первый тость провозглашенъ быль за здравіе государя императора, и вслідь за таковымь Густавь Ваза Фоксъ произнесъ короткую, но выразительную ръчь, вызвавшую шумные аплодисменты. Онъ говориль о дружественных отношеніяхь между Россіей и Америкой, начавшихся еще со временъ вооруженнаго нейтралитета Екатерины П, и о томъ, насколько его страна обязана императору Александру II, который въ годину тягчайшихъ національныхъ испытаній, когда прочіе государи Европы сторонились народа Соединенных Штатовъ, одинъ лишь послалъ федеральному правительству республики слова симпатіи и ободренія, которыя объединили эти два народа и связали ихъ узами неразрывной дружбы. Этоть первый изъ цёлаго ряда обёдовъ и пріемовъ, данныхъ американскому посольству, произвелъ на него наибольшее впечатление и оставиль по себе наилучшия воспоминания. На следующій день, 10-го августа (29-го іюля стар. ст.), вечеромъ данъ быль въ честь американскаго чрезвычайнаго посольства блестящій банкеть кронштадтскимь городскимь общественнымь управленіемъ. Втеченіе этого посл'єдняго, американскій посолъ при русскомъ дворъ, генералъ Cassius Clay, отвъчая на тость, предложенный за его здоровье, произнесъ нижеследующую речь: «Какъ представитель республики Соединенныхъ Штатовъ Съверной Америки,

я являюсь, конечно, республиканцемъ, и было бы трудно по объ стороны океана найти болбе ревностнаго республиканца, нежели я. Однако же, поживъ въ странъ, обладающей монархической формой правленія, я пришель къ уб'єжденію, что монархическій образъ правленія можеть быть самымъ лучшимъ, когда во главт его стоить человъкъ самый лучшій и самый добродьтельный на свъть. Уважаемый другь мой, господинъ Фоксъ, также точно искрепній демократь, непреминеть убъдиться въ томъ же, послъ того какъ онъ поживеть подольше въ Россіи. Поэтому я считаю своей обязанностью провозгласить тость за всю Россію: за русское правительство, русскій флоть, русскую армію и весь русскій народъ!» Іеремія Куртинъ, секретарь американскаго посольства въ Петербургъ, достаточно владъвшій русскимъ языкомъ, произнесъ слъдующую рвчь порусски: «Когда Петръ Великій открыль окно въ Европу, онъ основалъ Кронштадтъ и создаль здёсь военный флоть, дабы этотъ последній охраняль это окно. Балтійскій флоть свято выполняль всегда обязанность, которую возложиль на него великій преобразователь Россіи. Болье стольтія Кронштадть и его флоть ревниво охраняли ихъ священный пость: ни одинъ изъ многочисленныхъ враговъ, которые нападали на Россію, не былъ въ состояніи затворить это окно, и я вполнъ убъжденъ, что ни одинъ изъ нихъ въ будущемъ этого сдёлать не сможетъ. Поэтому я позволяю себт предложить нижеследующій тость: «За городъ Кронштадть и его крепость, за всёхъ русскихъ моряковъ вообще и за всёхъ нынешнихъ обывателей Кронштадта!» Ръчь эта вызвала среди участниковъ банкета бъщеный взрывъ восторга и нескончаемую бурю аплодисментовъ.

14-го (2-го) августа, данъ былъ Кронштадтскимъ портомъ банкеть командамъ американскихъ судовъ «Miantonomoh» и «Augusta». На одной изъ главныхъ аллей городского сада сооруженъ былъ парусиновый шатеръ въ сто двадцать пять футовъ длиной, внутренность котораго была украшена флагами объихъ націй и вътвями хвойных деревьевъ. На фронтовой сторонъ его развъвались русскій и американскій флаги огромных разміровь, скрещенные другь съ другомъ, а на одной изъ боковыхъ сторонъ красовался огромный щить, разрисованный гербами республики Соединенныхъ Штатовъ и снабженный надписью «E Pluribus Unum» 1). Столы и скамьи занимали весь шатеръ отъ одного конца до другого. Въ десять часовъ утра два русскихъ офицера, распоряжавшіеся этимъ объдомъ, въ сопровождении американскаго вице-консула въ Кронигтадтъ, господина Wilkins, на пароходъ «Ижора» отправились къ мъсту стоянки американскихъ судовъ и привезли съ собой сто шестьдесять человъкъ матросовъ и прислуги, по 80 человъкъ съ каждаго

Американская національная эмблема, выбиваемая на монетахъ и т. д.
 16*

судна. Высадившись на берегь, партія эта, по 4 человъка въ шеренгъ, прослъдовала въ городской садъ, гдъ была встръчена привътствіями партіи русскихъ матросовь. Значительная часть этой послъдней принадлежала къ командъ русскаго военнаго коробля «Свътлана», который въ составъ особой эскадры русскихъ военныхъ судовъ подъ командой вице-адмирала Лисовскаго посттилъ Нью-Іоркъ въ 1863 году. Во время этой довольно продолжительной стоянки въ американскихъ водахъ многіе изъ русскихъ матросиковъ нѣсколько подучились англійскому языку, который и пригодился имъ, какъ нельзя болъе, для этого объда, даваемаго нижнимъ чинамъ американской эскадры. Прежде чёмъ усёсться за обёденные столы, объ партіи, русская и американская, были отведены на живописную полянку между деревьевъ, и изъ нихъ составлена была эффектная группа: кронштадтскій городской голова, вице-консуль Вилькинсъ и русскіе и американскіе офицеры, командовавшіе объими партіями, остненные двумя скрещенными національными флагами, составили центръ ея, между тъмъ какъ на объихъ крыльяхъ ея два рослыхъ матроса держали каждый свое національное знамя. Несмотря на различіе языковъ, эти нижніе чины двухъ флотовъ подъ звуки музыки двухъ оркестровъ, игравшихъ поперемънно, дружно веселились до поздней ночи.

15-го (3-го) августа, данъ былъ въ честь американскаго чрезвычайнаго посольства большой званый объдъ с.-петербургскимъ купеческимъ обществомъ въ зданіи купеческаго клуба на Невскомъ проспектъ. Независимо отъ меню, отпечатаннаго золотыми буквами на превосходномъ глазированномъ картонъ, на такомъ же картонъ отпечатанъ былъ также золотомъ, поанглійски и порусски, списокъ назначенныхъ тостовъ:

- 1) Президенть и народъ Соединенныхъ Штатовъ.
- 2) Его величество государь императоръ.
- 3) Ея величество государыня императрица, наслъдникъ цесаревичъ и императорская фамилія.
- 4) Уважаемый господинъ Фоксъ, товарищъ морского министра республики Соединенныхъ Штатовъ.
 - 5) Генералъ Клей, посланникъ Соединенныхъ Штатовъ.
 - 6) Купечество Россіи.
 - 7) Купечество Соединенныхъ Штатовъ.
 - 8) Американскій флотъ.
 - 9) Русскій флоть.

Старшина клуба, Варгунинъ, провозгласилъ первый тостъ въ нижеслъдующихъ выраженіяхъ: «Достоуважаемый Густавъ Ваза Фоксъ удостоилъ насъ принятіемъ единогласнаго приглашенія русскаго купеческаго общества г. С.-Петербурга къ настоящему объду. Не въ первый разъ уже общество наше выражаетъ свою искреннюю и горячую дружбу гражданамъ Соединенныхъ Штатовъ. Я полагаю, что многоуважаемый генераль Клэй не забыль того сердечнаго пріема, какой данъ быль ему нашимъ обществомъ въ истекшемъ февраль, а равно и тъхъ ръчей, исполненныхъ дружественной пріязни, какія были здёсь произнесены въ означенный день. Но въ настоящее время мы еще теснее связаны съ этой великой націей темъ сочувствіемъ, какое она намъ оказала по поводу прискорбнаго событія 4-го апръля. Сердце каждаго русскаго забилось оть радости, когда стало извъстнымъ, что наши друзья по ту сторону океана послали депутацію отъ имени конгресса съ поздравленіями по поводу чудеснаго по воль Провидьнія избавленія нашего возлюбленнаго и дорогого императора оть грозившей ему опасности. Этотъ акть ясно показываеть намъ, что мы имъемъ искреннихъ друзей, которые радуются каждому успаху Россіи и сочувствують намъ въ каждомъ испытаніи. Наша дружба основывается не на своекорыстныхъ политическихъ расчетахъ, либо на возможныхъ выгодахъ торговыхъ трактатовъ. Нътъ, это-узы любви и сознаніе мощи и независимости. Мы думаемъ, что узы, соединяющія двъ великія державы, нерасторжимы, и что наша искренняя дружба останется неизмънной на въкъ, мы будемъ всегда, какъ и теперь, подымать наши стаканы за здоровье президента Соединенныхъ Штатовъ и всего американскаго народа».

Провозглащение тоста за здравие президента республики Соединенныхъ Штатовъ, прежде такового же за здоровье государя императора, являлось любезностью, какой не удостоился до того времени ни одинъ изъ иностранныхъ правителей. Въ отвъть на этоть необычайный тость Густавъ Ваза Фоксъ провозгласиль нижеслёдующій краткій но выразительный тость: «За того, чье безстрашное сердце, ободряемое Господомъ Богомъ, уничтожило въ Россіи рабство и телесное наказание и даровало стране местное самоуправленіе, судъ присяжныхъ и свободу печати—за императора Россіи». Кромъ представителей с.-петербургскаго купечества, на объдъ присутствовало немало высшихъ сановниковъ имперіи, и между этими послъдними морской министръ адмиралъ Краббе и вице-адмиралъ Лисовскій, который, служа переводчикомъ съ русскаго на англійскій и съ англійскаго на русскій, искренне радовался представившейся ему возможности отблагодарить американцевъ за тоть восторженный пріемъ, какой ими быль оказанъ его эскадрѣ въ 1863 г. Чувство это выразилъ онъ въ краткой рѣчи, закончивъ таковую утвержденіемъ, что дружба между Россіей и Америкой можеть быть лишь постоянной.

17-го (5-го) августа, въ девять часовъ утра, явилась къ американскому чрезвычайному посланнику депутація отъ С.-Петербургскаго городского управленія съ городскимъ головою во главъ и объявила ему, что съ разръшенія императора онъ избранъ почетнымъ гражданиномъ русской столицы, при чемъ с.-петербургской губерніи предводитель

дворянства произнесъ соотвътственную ръчь и вручилъ ему роскошную грамоту на означенное званіе. Вечеромъ того же дня данъ быль объдь въ Благородномъ собраніи. Бюсть императора Александра II и портреты президентовъ республики Соединенныхъ Штатовъ: Вашингтона, Линкольна и Джонсона, украшали павильонъ среди сада, въ которомъ сервированъ быль этотъ объдъ. Вслъдъ за длинной річью г. Домонтовича, старшина собранія г. Зубинскій провозгласиль нижесльдующій первый тость: «За здравіе президента Соединенныхъ Штатовъ Америки и за преуспъяніе и величіе американскаго народа. Дай Боже, чтобы эта безкорыстная, горячая и старая дружба между Америкой и Россіей была безконечной!» Встъдъ за этимъ тостомъ послана была президенту республики г. Джонсону въ Вашингтонъ нижеследующая телеграмма: «Члены С.-Петербургскаго Благороднаго собранія на пріем'в въ честь г. Фокса, чрезвычайнаго посланника американского конгресса, пьють здоровье вашего превосходительства и за счастье великаго американскаго народа. Дружба между Америкой и Россіей да утвердится навсегда».

19-го (7-го) августа, американское чрезвычайное посольство, Густавъ Ваза Фоксъ, секретари Green и Loubat и командиры Murray и Beaumont, имъли честь быть представлены государынъ императрицъ въ Петергофъ и въ тотъ же день вечеромъ, совиъстно съ генераломъ Clay и секретаремъ обычнаго американскаго посольства въ С.-Петербургъ Іереміей Куртинъ, присутствовали на объдъ русскаго купеческаго общества взаимнаго вспомоществованія. Втеченіе этого последняго известный представитель московского купечества Кокоревъ произнесъ нижеслъдующую ръчь: «На объдъ, данномъ нашимъ дорогимъ гостямъ с.-петербургскимъ купеческимъ клубомъ, мы осушили наши стаканы въ честь авгоровъ національнаго посольства въ Россію-членовъ американскаго конгресса. Въ вихръ блестящихъ празднествъ мы не упомянули еще о происхожденіи этого посольства. Невозможно не быть тронутымъ этимъ событіемъ. Люди, отдъленные отъ насъ безконечнымъ океаномъ, чувствовали потребность прійти къ намъ, дабы выразить намъ свою радость по поводу сохраненія безприной жизни нашего императора. Откуда проистекають эти взаимныя братскія чувства, эта возростающая дружба, которая оказывается столь прочною? На мониторъ, изобретенный для уничтоженія рода человіческаго, возложена была американскимъ конгрессомъ обязанность препроводить твхъ, кто несеть святыя чувства братской любви. Вотще десять дней и десять ночей воды океанскія налетали на этоть жельзный ящикь, несущій на себь посланника. Неустанное бъщенство волнъ не могло воспрепятствовать перенесенію въ Россію этихъ чувствъ радости и дружбы къ императору и его народу. Пъло, которое создало эти чувства, возникло одновременно въ объихъ странахъ: это было желаніе дать каждому право свободнаго труда. Въ чемъ именно заключается

сходство между американцами и русскими въ настоящую минуту? Первые не жалъютъ крови своихъ благородныхъ сыновъ, пролитой, дабы достичь этого права, а въ Россіи дворянство, владъвшее рабами, не жалъетъ о матеріальныхъ жертвахъ, имъ принесенныхъ, дабы выполнить актъ человъчности и желаніе императора. Подобное пожертвованіе интересами ради благого дъла представляется большой и несомнънной прерогативой Россіи предъ прочими націями. Оцънка этихъ дъяній въ Россіи и Америкъ, хотя и различныхъ по своимъ результатамъ, но одинаковыхъ по своимъ мотивамъ, составляетъ задачу исторіи. На нашей обязанности лежитъ воздать должную честь этому дълу братскаго объединенія американцевъ и русскихъ. Поэтому предлагаю общій тость за здравіе и многольтіе всъхъ тъхъ, которые, какъ въ Америкъ такъ и въ Россіи, пожертвовали своими интересами ради уничтоженія рабства и кръпостничества».

22-го (10-го) августа, данъ былъ въ честь американскаго чрезвычайнаго посольства блестящій банкеть его императорскимъ величествомъ государемъ императоромъ въ Петергофъ. На банкеть этогь были приглашены: Густавъ Ваза Фоксъ, генералъ Clay, канитанъ Murray, командиръ Beaumont, секретарь постояннаго американскаго посольства Curtin, секретари чрезвычайнаго посольства Green и Loubat и гражданскіе чины американской эскадры: гг. Post. Adams, Latimer и Sawyer. Фоксъ занималъ мъсто между великой княгиней Маріей Николаевной и великой княгиней Екатериной Михайловной, по правую руку отъ императора, генералъ Clay-между великой княгиней Александрой Іосифовной и княгиней Евгеніей Лейхтенбергской, по левую руку оть императора, а прочіе американцы-насупротивъ ихъ императорскихъ величествъ. Единственный тость, имъвшій мъсто въ теченіе этого банкета, провозглашенъ быль въ исходъ объда его императорскимъ величествомъ на французскомъ языкъ: «Я пью за благоденствіе Соединенныхъ Штатовъ Америки и за безпрерывность дружественных отношеній между этими двумя странами!» По приказанію императора, вице-адмиралъ Лисовскій, занимавшій м'єсто насупротивъ его величества, перевель тость этоть на англійскій языкь, между тімь какь всё присутствовавшіе во время его произнесенія встали съ своихъ мъсть. дабы воспринять эти пожеланія, нашедшія себ'в откликь въ каждомъ сердцъ.

23-го (11-го) августа, съ утра, американцы покинули Петергофъ и, возвратившись въ Петербургъ, по полудни прослъдовали на станцію Николаевской желъзной дороги, гдъ дожидались уже ихъ депутаты отъ г. Москвы, гг. Бибиковъ и Кокоревъ. Компанія состояла изъ американскаго чрезвычайнаго посланника Густава Вазы Фокса и секретаря этого чрезвычайнаго посольства Loubat, американскаго посла при русскомъ дворъ генерала Clay и секретаря постояннаго

американскаго посольства Curtin, командировъ Murray и Beaumont и около двадцати иныхъ американскихъ офицеровъ и гражданскихъ чиновъ изъ состава эскадры. Къ компаніи этой присоединился также и г. Boreman, корреспонденть газеты «New-York Tribune», считавшейся одно время органомъ министра иностранныхъ дълъ республики Соединенныхъ Штатовъ, William H. Seward. Вице-адмиралы Лисовскій и Горковенко, принадлежавшіе къ составу пріемнаго комитета, сопровождали американцевъ. Особыя депутаціи встрътили американское чрезвычайное посольство на станціяхъ Любань, Новгородъ и Тверь самымъ горячимъ и дружественнымъ образомъ: самые восторженные тосты провозглащаемы были въ честь Фокса и американскихъ друзей, на которые эти последние отвечали соотвътственнымъ образомъ. Американцы слъдовали въ обыкновенномъ почтовомъ побздб, но къ этому последнему прицеплены были два особыхъ вагона, снаряженныхъ городомъ Москвой и драпированныхъ американскими флагами. Когда на слъдующее утро, 24-го (12-го) августа, поъздъ подошелъ къ станціи своей въ Москвъ, несмётная толпа народа встрётила гостей несмолкаемыми кликами, между тъмъ какъ огромный оркестръ военной музыки игралъ «Hail Columbia». Московскій городской голова, князь Щербатовъ, члены городской управы, многочисленные представители разныхъ сословій и учрежденій, съ красными, бълыми и голубыми лентами въ петличкахъ, встрътили посольство самымъ сердечнымъ и лестнымъ образомъ, при чемъ первый объявилъ Фоксу, что онъ избранъ почетнымъ гражданиномъ города Москвы. Со станція въ прекрасныхъ экипажахъ, лошади и кучера которыхъ разукрашены были американскими цвътами, американские гости прослъдовали въ знаменитый въ то время отель Кокорева, напротивъ Кремля, точно также разукрашенный американскими и русскими флагами, гербами объихъ странъ и гербами г. Москвы. Кокоревъ отвелъ американцамъ цълыхъ тридцать шесть комнать, роскопию меблированныхъ и снабженныхъ всевозможными удобствами. Къ изумленію американцевъ, въ каждой изъ этихъ тридцати шести комнатъ оказались фотографическіе портреты гг. Fox, Murray и Beaumont, a въ поков Фокса портреты Вашингтона, Линкольна и Джонсона, но изумленіе ихъ достигло крайнихъ предъловъ, когда на стънахъ читальной комнаты увидали они портреты тъхъ же гг. Fox, Murray и Beaumont, писанные масляными красками. Оказалось, что не задолго предъ тъмъ, во время пребыванія своего въ Петербургъ, Кокоревъ подрядилъ портретиста Тюрина и привелъ его съ собой на пріемъ, данный американскимъ гостямъ въ полгородной дачъ купца Громова. Здёсь Тюринъ набросалъ эскизы съ трехъ представителей американскаго чрезвычайнаго посольства совершенно незамътнымъ образомъ, а затъмъ написалъ по нимъ прекрасные портреты. Несмотря на всю изобрѣтательность американцевъ, они

были положительно поражены находчивостью Кокорева, который между тёмъ повторялъ, лукаво усмёхаясь: «Когда оригиналы уёдуть, копіи эти останутся намъ, какъ пріятное воспоминаніе о нашихъ гостяхъ».

Вечеромъ того же дня (24-го), 12-го августа, данъ былъ въ честь американскихъ, гостей большой банкеть московскимъ генераль-губернаторомъ, княземъ Долгорукимъ. Послъ обычныхъ тостовъ въ честь президента Соединенныхъ Штатовъ, государя императора, госуларыни императрицы и императорской фамиліи, встрѣченныхъ привътственными кликами и соотвътственной музыкой, князь Долгорукій въ краткомъ, но мёткомъ спичё предложиль тость за здравіе американскаго чрезвычайнаго посланника. Отвъчая на этоть последній, Густавъ Ваза Фоксъ сказаль: «Если бы тость, въ которомъ провозглашено мое имя, относился ко мнъ лично, я нъсколько затруднился бы на него отвътить, но онъ провозглашенъ собственно за всёхъ американцевъ, какъ здёсь присутствующихъ, такъ равно и тъхъ, которые, хотя и обитають на другой половинъ земного шара, почувствовали, однако, живъйшія къ вамъ симпатіи по поводу опасности, угрожавшей вашему государю. Это чувство нашло себъ выражение въ резолюци конгресса и въ особомъ въ страну вашу посольствъ, посланномъ съ мониторомъ «Miantonomoh». Если бы сердца американцевъ, здёсь присутствующихъ, были вскрыты, тамъ были бы найдены американскій и русскій флаги, переплетенные другь съ другомъ. Да будуть же флаги эти соединены въ мирныхъ объятіяхъ на вѣки!»

Вечеромъ слъдующаго дня (25-13 августа), данъ былъ въ честь американскаго чрезвычайнаго посольства блестящій банкеть городскимъ общественнымъ управленіемъ города Москвы въ зданіи городской думы. Иллюминація, убранство зала и роскошная сервировка объденнаго стола соотвътствовали вполнъ богатству и достоинству древней столицы. Московскій городской голова, князь Щербатовъ, въ видахъ провозглашенія перваго изъ предназначенныхъ тостовъ произнесъ нижеследующую речь: «Великая нація другого полушарія шлеть намъ свой привъть, та нація, которая только что победоносно вышла изъ тяжкихъ испытаній и изумила міръ новымъ проявленіемъ своей гигантской мощи. Мощная своими неисчерпаемыми ресурсами, еще болъе своимъ безстрашнымъ духомъ, полная въры въ свое будущее, великая, съверо-американская нація въ нъсколько лъть достигла того, для чего инымъ націямъ понадобились бы цёлыя столетія, и заняла свое место между первенствующими націями цивилизованнаго міра. Отдаленныя земли и океанъ раздъляють насъ, но духъ человъческій не знаетъ пространства, и наши два народа издавна объединены мыслью и чувствомъ. Съ любящимъ участіемъ следимъ мы за успехами другь друга, со взаимной симпатіей поддерживаемъ мы другь друга въ минуту опасности и объединяемся для восхваленія славныхъ именъ тъхъ великихъ людей, которыхъ благое Провидъніе ниспосылаеть намъ въ дни великихъ народныхъ испытаній. Имя Линкольна есть одно изъ этихъ славныхъ именъ. Неутомимый борецъ за святое дёло, онъ шелъ впередъ, никогда не теряя изъ виду руководящей звъзды, и его смерть была послъднимъ актомъ его върнаго служенія своей странъ и человъчеству. Но великая безсмертная идея не погибла вмъстъ съ нимъ. Линкольнъ завъщалъ завершеніе своего дъла своему народу и своему преемнику, и его последняя воля ныне уже почти исполнена. Всемогущій Господь да поможеть вамъ пожать плоды вашихъ славныхъ трудовъ и начинаній; да укръпить Онъ узы, связующія обновленную федерацію съ нашей націей; пусть американскій народъ, осіненный миромъ, твердо слъдуетъ впередъ къ осуществленію его великаго историческаго призванія съ избраннымъ вождемъ во главъ его! Мы пьемъ за благоденствіе Соединенныхъ Штатовъ Съверной Америки и за здравіе президента Джонсона!»

Ръчь эта принята была восторженными кликами и громомъ рукоплесканій, все снова и снова повторявшимися, между тъмъ какъ оркестръ игралъ американскій національный маршъ: «Hail Columbia». Это быль небывалый вэрывь энтузіазма, какого почти не приходилось еще встрѣчать американскому посольству со времени его вступленія на Русскую землю, почему участники его естественно вынесли впечатленіе, что населеніе Москвы было особо глубоко тронуто безпримърнымъ актомъ ихъ страны, выразившимся въ посылкъ ею поздравленій императору. Едва рукоплесканія стихли, Густавъ Ваза Фоксъ всталъ и громогласно произнесъ: «За того, чья имперія простирается отъ Атлантическаго океана до Тихаго и отъ Съвернаго Ледовитаго океана до Средиземнаго моря, но который обладаеть еще большей имперіей въ любви и преданности могучаго народа: за императора всероссійскаго!» Варывъ рукоплесканій и звуки русскаго національнаго гимна последовали за этимъ тостомъ. Председатель московскаго биржеваго комитета Ляминъ произнесъ нижеследующую речь: «Господа! Мы не только желали бы изгладить изъ человъческой памяти, но и исключить вовсе изъ ряда событій то несчастіе, какое едва не случилось съ нами въ текущемъ году. Преступная рука убійцы была занесена надъ нашимъ государемъ, темъ государемъ, который уничтожилъ рабство въ своей общирной имперіи, который сділаль цілью своего царствованія установленіе въ преділахъ своихъ владіній поднаго безпристрастнаго правосудія, а равно и предоставленіе всёмъ свободы мысли и слова, являющихся величайшими правами человъка. На первыя извъстія о его спасеніи пришли отовсюду поздравленія со счастливымъ избавленіемъ отъ опасности, грозившей жизни, столь для насъ неоцъненной. Мы питаемъ твердую и непоколебимую въру

въ искренность этой радости, ибо само чудовищное звърство вотще стало бы искать даже твнь оправданія для столь отвратительнаго покушенія. Однако ни искренность, ни полнота этой радости не воздержали тъхъ, кто поздравлялъ насъ, отъ употребленія обычныхъ дипломатическихъ формъ ея выраженія. Извините меня за, быть можеть, чрезмърныя требованія русскаго сердца, но кажется ему, что величіе этого спасенія, невозможность не любить монархареформатора, громадность экстаза семидесяти милліоновъ людей, должны были бы найти себъ откликъ помимо обычныхъ дипломатических в форм в поздравленія. Въ настоящую минуту, господа, предъ вами находится лицо, которое принесло этотъ необычный откликъ, ожидавшійся нашими сердцами, которое отвергло строгость дипломатическихъ пріемовъ и въ изліяніи своей симпатіи отбросило всь правила кодекса условныхъ привътствій. Не одно лицо, а весь конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ избралъ господина Фокса красноръчивымъ толкователемъ его поздравленій нашему государю и намъ всвиъ-всему русскому народу. Целая эскадра снаряжена и переправлена черезъ полсвъта, дабы доставить намъ устами нашего дорогого гостя эти радостныя поздравленія. Мы видимъ здёсь не одну лишь простую дипломатическую формальность, но открытое изліяніе изъ самаго сердца. Найдется ли послъ этого хоть одинъ русскій, который не провозгласить громогласно вмъстъ со мною сердечнаго тоста представителю великаго конгресса, его посланнику — достоуважаемому господину Фоксу?» Послъ цълаго ряда ръчей, среди которыхъ особенно выдавалась своимъ мастерствомъ рѣчь Кокорева, посвященная памяти Линкольна, банкеть затянулся до поздней ночи, отличаясь необычайнымъ воодушевленіемъ.

26-го (14-го) августа, по полудни компанія американцевъ отправилась въ село Кузьминское на празднество къ князю Голицыну. При ихъ появленіи въ паркъ, депутація крестьянъ со старостой Ефимомъ Гвоздевымъ во главъ, поднесла имъ хлъбъ-соль на серебряномъ блюдъ, при чемъ Гвоздевъ произнесъ: «Мы желаемъ сказать посланнику, что мы пришли сюда, чтобы поздравить его съ прибытіемъ, преподнести ему хлібов-соль и сказать ему, что мы любимъ его и будемъ помнить любовь его народа къ нашей странъ и нашему государю». Хотя американское чрезвычайное посольство было уже ранбе встрвчаемо и привътствуемо крестьянскими депутаціями, тімь не менье эта безыскусственная річь представителя бывшихъ крепостныхъ крестьянъ князя Голицына въ связи съ совершенной неожиданностью ихъ появленія до такой степени поразила Фокса, что этотъ последній едва подыскаль соответственныя выраженія, дабы поблагодарить крестьянъ за поднесенные живоъ-соль. Поздно вечеромъ зажжена была на озеръ въ саду тріумфальная арка изъ искусственныхъ огней съ иниціалами именъ Вашинттона, Франклина и Линкольна и огненные лебеди покрыли его блестящую поверхность, плывя въ разныхъ направленіяхъ, между тъмъ какъ вслъдъ затъмъ весь въковой садъ былъ освъщенъ бенгальскими огнями. Возвращаясь съ озера, компанія застала въ ротондъ огромную толпу крестьянъ. Густавъ Ваза Фоксъ подариль американскій флагь старость Гвоздеву и при этомъ сказаль ему: «Примите этотъ даръ моей страны. Цвъта его — тъ самые, что и въ русскомъ флагъ, хотя они и расположены инымъ образомъ. Флагъ этотъ часто развъвался во время битвъ, но нынъ онъ является знаменемъ мира и любви. Сохраните его, дабы вы, освобожденные русскіе крестьяне, могли распознавать эмблему дружественной націи, которая всегда будеть сочувствовать усиліямъ вашего класса подняться на уровень благь цивилизаціи и свободы, вамъ дарованной вашимъ возлюбленнымъ государемъ». Слезы показались на глазахъ многихъ изъ этихъ крестьянъ, когда эти слова были переведены; староста Гвоздевъ принялъ изъ рукъ Фокса американскій флагь, а, принявь этогь последній, старикъ сказаль: «Скажи своимъ соотечественникамъ, что мы ценимъ эту дружбу, и если одному изъ насъ будеть грозить беда, оба народа сольются воедино противъ врага». Вследъ затемъ эта партія подмосковныхъ крестьянъ выстроилась въ парадное шествіе и съ преднесеніемъ американскаго флага удалилась въ свою деревню.

28-го (16-го) августа, посётивъ Свято-Троицкій монастырь и митрополита Филарета, американское посольство на следующій день 29-го (17-го) августа, стало собираться къ отъёзду изъ Москвы въ Нижній Новгородъ, изъ котораго прибыла между темъ депутація съ соответственными приглашеніями отъ имени города и нижегородскаго купечества. Цёлая толпа наиболёе выдающихся московскихъ гражданъ, съ генералъ-губернаторомъ княземъ Долгорукимъ и городскимъ головою княземъ Щербатовымъ во главъ, окруженная несмётной толпой народа, подъ звуки американскихъ національныхъ гимновъ, провожала дорогихъ гостей на станцію московско-нижегородской жельзной дороги. Здысь Густавъ Ваза Фоксъ распростился съ москвичами самымъ сердечнымъ образомъ и въ сопровожденіи одного изъ членовъ вышеозначенной депутаціи, г-на Корнилова, отбыль въ Нижній, между тъмъ какъ постоянный американскій посолъ при русскомъ дворъ, генералъ Clay, возвратился въ Петербургъ. Несмотря на то, что повздъ съ американскимъ чрезвычайнымъ посольствомъ прибылъ въ Нижній около полуночи, оно было встрвчено особымъ комитетомъ, состоящимъ изъ губернскаго предводителя дворянства, нижегородскаго городского головы и иныхъ должностныхъ лицъ, облаченныхъ въ полную парадную форму, именитымъ купечествомъ и несмътной толпой народа. Сдълавъ на следующее утро, въ сопровожденія вице-адмираловъ Лисовскаго и Горковенко, офиціальные визиты ихъ императорскимъ высочествамъ великимъ князьямъ наслъднику цесаревичу Александру Александровичу и Владиміру Александровичу, въ то время находившимся въ Нижнемъ по случаю ярмарки, Густавъ Ваза Фоксъ и командиры Murray и Beaumont сдъдали вслъдъ затъмъ такіе же визиты нижегородскому губернатору генералъ-лейтенанту Одинцову и временному генералъ-губернатору генералъ-адъютанту Огареву. Вечеромъ того же дня данъ былъ въ честь американскихъ гостей большой объдъ именитымъ купечествомъ въ одномъ изъ ярмарочныхъ зданій. Объденный заль быль по обыкновенію украшенть вътвями хвойныхъ растеній, цвътами, русскими и американскими флагами, портретами императора Александра II, Вашингтона, Линкольна и Джонсона. Несмотря на утомленіе, какое какъ американцы, такъ и русскіе естественно чувствовали, оказавшись въ вихръ ярмарки въ знойный летній день, обедть этогъ прошель самымъ оживленнымъ образомъ, и среди произнесенныхъ ръчей ръчь предсъдателя ярмарочнаго комитета Шипова, предшествовавшая первому изъ назначенныхъ тостовъ — въ честь президента Соединенныхъ Штатовъ, отличалась немалымъ мастерствомъ.

1-го сентября (20-го авг. стар. ст.) американское чрезвычайное посольство на нароходъ «Саранулецъ» отплыло изъ Нижняго въ Кострому. Большой оркестръ исполнялъ американскіе національные гимны съ пароходной пристани, пока «Сарапулецъ» скрылся изъ глазъ, между тъмъ какъ несмътная толна народа, среди которой еле виднелись офиціальныя лица и многочисленная депутація оть именитаго купечества, провожавшія американцевь, оглашали воздухь несмолкаемыми «ура». По случаю медководья подъ самымъ городомъ Костромой американское чрезвычайное посольство было пересажено на меньшій пароходъ «Депеша», на которомъ 2-го сентября (21-го августа стар. стиля), въ одиннадцать часовъ утра и прибыло въ означенный городъ. На пристани, украшенной флагами и устланной коврами, встретиль Фокса местный губернаторь, генераль-лейтенанть Рудзевичь, въ полной формъ и, взойдя на пароходъ, привътствоваль его съ прибытіемъ въ качествъ гостя города. Сопутствуемые губернаторомъ въ открытыхъ экипажахъ американцы ствлали обычные офиціальные визиты, посвтивъ прежде всего резиденцію губернаторскую, а затыть таковыя же губернскаго предводителя дворянства и городского головы. Побывавъ у памятника Сусанина и въ Ипатьевскомъ монастыръ, американцы вечеромъ того же дня отправились къ парадному объду, данному честь ихъ городомъ Костромой въ залъ мъстнаго дворянскаго собранія. Во время этого об'вда річь секретаря американскаго посольства въ Петербургъ, Іереміи Куртина, произнесенная имъ на русскомъ языкъ, привела всъхъ присутствующихъ въ такой восторгь, что его качали на рукахъ довольно долго. За объдомъ последоваль баль, и въ исходе такового, уже за полночь, американцы, сопровождаемые губернаторомъ, прочими должностными лицами и огромной толпой народа, распъвавшей русскія народныя пъсни, отбыли на тотъ же пароходъ «Депеша», ихъ дождавшійся у пристани, который тотчасъ же и двинулся въ путь.

Пройдя Ярославль, Рыбинскъ, Угличъ, Калязинъ, Кимру и Корчеву, при чемъ во всёхъ мёстахъ остановки парохода американское чрезвычайное посольство встрічаемо было депутаціями, оваціями и подношеніями Густаву Ваз'в Фоксу почетнаго гражданства, 5-го сентября (24-го августа стар. ст.) въ половинъ пестого по полудни посольство прибыло въ Тверь. На пароходной пристани оно встръчено было губернскимъ предводителемъ дворянства, княземъ Мещерскимъ, губернаторомъ княземъ Багратіономъ, тверскимъ городскимъ головой, представителями сословій, учрежденій и именитыми гражданами. Пость обычныхъ привътствій и поздравленій американцы были въ экипажахъ провезены по городу и, осмотръвъ его достопримъчательности, доставлены на станцію Николаевской жел. дор., богато разукрашенную флагами, гдв большой оркестръ игралъ между твмъ «Hail Columbia». Представители офиціальнаго міра съ губернаторомъ княземъ Багратіономъ во главе снова встретили здёсь Фокса и лицъ, его сопровождавшихъ, и въ честь ихъ данъ былъ здёсь блестящій об'єдъ. На первый тость, предложенный губернаторомъ и за президента Соединеныхъ Штатовъ Америки, сопровождавшійся рукоплесканіями и американскимъ національнымъ гимномъ, Густавъ Ваза Фоксъ отвъчаль нижеследующимъ тостомъ: «За того, кто принадлежить вполив Россіи, но признается вождемъ везді, гдъ только водворяются принципы христіанства и цивилизаціи, за его императорское величество Александра II». Прибытіе московскаго повзда привело объдъ съ его быстро смънявшими другъ друга тостами къ наискоръйшему окончанію, и на слъдующее утро американское чрезвычайное посольство прибыло въ Петербургъ, гдъ заняло свои роскошные аппартаменты въ Hôtel de France.

8-го сентября (27-го августа стар. стиля), подъ вечеръ, американскій чрезвычайный посланникъ Густавъ Ваза Фоксъ и секретарь
чрезвычайнаго посольства Loubat, американскій посоль при русскомъ
дворѣ генералъ Clay и секретарь американскаго постояннаго посольства Curtin, капитанъ Миггау, командиръ Веаимопт и иные
офицеры американской эскадры присутствовали на больномъ банкетѣ, данномъ въ честь сего чрезвычайнаго посольства с-петербурскимъ Англійскимъ клубомъ. Послѣ обѣда за пуншемъ, по приглашенію старшины клуба, генерала Толстого, князь А. М. Горчаковъ произнесъ нижеслѣдующую рѣчь на французскомъ языкѣ:
«Господа! Наши друзья изъ-за океана понимаютъ тѣ чувства, какія ихъ присутствіе и цѣль ихъ къ намъ прибытія въ насъ возбуждаютъ. Эти чувства имъ выражены каждымъ классомъ въ
нашей соціальной лѣстницѣ какъ тамъ, гдѣ мышленіе обовначаетъ
мысль, такъ и тамъ, гдѣ сердце знакомо лишь съ языкомъ вполнѣ

элементарнымъ. Они были услышаны, точно отзвукъ одного голоса, и мой голосъ не можетъ многаго къ нимъ добавить.

«Исключительный акть, единичный въ исторіи, посредствомъ котораго конгрессъ препроводиль выраженіе любви нашему государю; выборъ личности, на которую возложено было доставленіе этого выраженія и которой высокое положеніе и достоинство, соединенные съ сердечной теплотой, мы вполнѣ оцѣниваемъ; искусство и мужество тѣхъ, кто переправиль этоть мониторъ черезъ океанъ, разрѣшивъ такимъ образомъ задачу, которая сбивала съ толку современную науку; наконецъ, самый фактъ, что между нами находится представитель націи, которая втеченіе многихъ лѣть и во всякихъ обстоятельствахъ давала намъ доказательства непоколебимаго съ ея стороны желанія сохранить хорошія отношенія между нашими двумя странами,—все это, господа, составляетъ полное и гармоническое цѣлое, безъ малѣйшаго разногласія.

«Я радуюсь присутствію этихъ лицъ, ибо я думаю, что Россія не теряеть ничего, если поглядіть на неё поближе. Разстояніе округляеть линіи далекаго горизонта, но лишь разсмотрівніе вблизи можеть дать обстоятельное знаніе деталей.

«Я поздравляю себя съ тъмъ, что умы практическіе, далекіе отъ предразсудковъ, пришли сюда судить о насъ, какъ мы есмы. Они будуть въ состояніи оцънить, какъ государя, который составляеть величайшею славу нашей страны, такъ и народъ, который составляеть ея силу.

«Говорится, что и хорошія царствованія оставляють пустыя страницы для исторіи. Это изреченіе не совсёмъ справедливо. Если существуєть царствованіе, каждая страница котораго полна реформъ наивысшаго значенія въ интересахъ внутренняго благоустройства, если существуєть царствованіе, посвященное заботамъ о настоящемъ ради великаго будущаго, такъ это то, которое объединяєть въ настоящее время всё чувства любви и преданности нашего народа, и всё мы безусловно уб'єждены, что каждый моментъ этого благороднаго существованія съ безпредёльной преданностью посвященъ благоденствію нашего отечества.

«Между его многочисленными дѣяніями я укажу лишь на одно, изъ всѣхъ нихъ самое великое, освобожденіе крестьянъ, и въ этомъ пунктѣ я прошу у нашихъ американскихъ друзей разрѣшенія говорить открыто. Резолюція конгресса заключаеть въ себѣ ошибку, которая можеть быть объяснена лишь разстояніемъ, а именно въ той ея части, гдѣ она упоминаеть о врагѣ эмансипаціи. Сумасшедшій, къ которому это упоминаніе относится, не принадлежить ни къ какой національности. Онъ не имѣлъ никакого интереса въ судьбахъ страны и представляють собой лишь слѣпую случайность рожденія.

«Въ Россіи, господа, не существуеть не единаго врага эмансипаціи. Тотъ классъ, на который мъра эта налагала тяжелыя жертвы,
принялъ ее съ такой же радостью, какъ и тъ, кто обязанъ ей
своей свободой. Это признаніе государь нашть первый долженъ
былъ воздать его земельной знати, и и увъренъ, господа, что въ
этомъ кругу, который является представителемъ какъ просвъщенія,
такъ и собственности, ни одинъ голосъ не подымется съ возраженіями на мои слова.

«Нъть надобности подчеркивать выраженія симпатіп между двумя странами. Таковыя сіяють среди бълаго дня. Это — самый назидательный фактъ нашего времени, фактъ, несомивнио создающій между двумя націями--я сказаль бы скорве между двумя континентами — зачатки взаимныхъ доброжелательствъ и дружбы, которые принесуть свои илоды, которые создають традиціи, которыя ведуть къ утвержденію между ними отношеній, основанныхъ на истинномъ духѣ христіанской цивилизаціи. Это взаимное сочувствіе другь другу основывается не на географической близости безпредъльный океанъ раздъляеть насъ, ни на договоръ-я не нашель ни малейшихъ следовъ такового въ архиве ввереннаго мнё министерства. Оно является инстинктивнымъ, даже болбе, я ръшаюсь назвать его предопределеннымъ. Я радуюсь его существованію, я върую въ его продолжительность. На моемъ политическомъ посту всв мои заботы будуть клониться къ его упрочению. Я говорю заботы, а не усилія, ибо усилія не нужны тамъ, гдв влеченіе представляется серіознымъ и взаимнымъ.

«Иной мотивъ, который побуждаетъ меня объявить категорически мое признаніе этого сочувствія, заключается въ томъ, что оно не угрожаетъ ничъмъ ни одной изъ сторонъ и не представляеть для нихъ никакой опасности. Оно не проистекаетъ ни изъ любостяжанія, ни изъ какой либо задней мысли. Господь ниспослалъ объимъ странамъ такія условія существованія, что ихъ богатая внутренняя жизнь ихъ вполнъ удовлетворяетъ.

«Соединенные Штаты Съверной Америки неуязвимы у себя дома. Подобное положеніе вещей основывается не только на томъ, что бездна океана гарантируеть ихъ отъ европейскихъ осложненій, но также на томъ общественномъ духѣ, какой ими руководить, а равно личныхъ качествахъ ихъ гражданъ. Америка не можетъ испытывать никакого несчастія, какое она сама для себя не создала бы. Мы задрапировали крепомъ прискорбныя страницы ея позднъйшихъ дней. Мы слъдили съ глубокимъ прискорбіемъ за борьбой между братьями Съвера и Юга, но мы всегда върили, что въ концъ концовъ союзъ восторжествуетъ, и мы надъемся на его постоянное укръпленіе, благодаря усиліямъ нынъшняго президента, котораго образъ дъйствій, диктуемый одновременно твердостью и умъренностью, привлекаеть всъ наши симпатіи.

«У нахожу также извъстную аналогію между нашими двумя странами. Россія по ея географическому положенію можеть быть вовлечена въ европейскія осложненія, военное счастье можеть измънить намъ. Тъмъ не менъе, однако, я думаю, что Россія обладаєть такой же неуязвимостью, которую она обнаружить, когда лишь ея честь и достоинство будуть серіозно угрожаемы, ибо тогда, какъ и во всъхъ кризисахъ нашей исторіи, скажется истинная сила Россіи. Эта послъдняя не заключается лишь въ ея территоріальной обширности и въ численности ея населенія, а въ томъ внутреннемъ и неразрывномъ единеніи, которое соединяеть націю съ ея государемъ, ввъряеть этому послъднему всъ матеріальныя и интеллектуальныя силы страны и сосредоточиваеть въ немъ всеобщее чувство любви, преданности.

«Благодарю васъ, господа, за ту снисходительность, съ какой вы принимаете мои слова, хотя я и сожалью, что чувства, всвхъ насъ воодущевляющія, нашли себъ столь несовершенное выраженіе.

«Прежде чъмъ кончить ръчь мою, не желая оставить невысказаннымъ ни одного предмета, за пройденіе котораго молчаніемъ наши амеканскіе друзья могли бы осудить насъ, позвольте мнѣ не забыть посвятить нъсколько словъ уваженія къ памяти президента Линкольна, этого великаго гражданина, который поплатился жизнью за исполненіе своей обязанности.

«Позвольте мнѣ теперь, возвращаясь къ пожеланіямъ, которыя были уже нами выражены, предложить тость за процвѣтаніе Соеединенныхъ Штатовъ, за успѣшность работы ихъ внутренняго умиротворенія, за нынѣшняго президента, за г. Фокса, на котораго возложено было порученіе, какое не могло найти себѣ лучшаго исполнителя, за капитановъ Миггау и Веаимопт, безстрашіе и искусство которыхъ явилось залогомъ успѣха этого долгаго пути, и за всѣхъ тѣхъ вообще, кто въ немъ принималъ участіе. Я былъ бы виновенъ въ неблагодарности, если бы я забылъ о нынѣшнемъ представителѣ Соединенныхъ Штатовъ 1), который въ настоящую минуту находится между нами, безпрерывно дававшемъ намъ доказательства своей любви къ Россіи.

«Когда наши друзья изъ Америки возвратятся домой, они, я тому върю, унесуть съ собой и сохранять тъ же чувства, какія они оставять по себъ у насъ; они скажуть своимъ соотечественникамъ, что великая нація никогда не забудеть этихъ выраженій сочувствія, преподнесенныхъ ея государю, а равно не забудеть того, что быль въ исторіи этихъ двухъ націй такой моменть, когда мы и наши американскіе друзья жили одной и той же жизнью, когда они раздъляли наши печали и наши радости».

¹⁾ Генералъ Clay.

[«]истор. въстн.», январь, 1900 г., т. LXXIX.

На ръчь эту, единственную ръчь, произнесенную канцлеромъ имперіи, княземъ А. М. Горчаковымъ, въ теченіе пребыванія американскаго чрезвычайнаго посольства въ предълахъ Россіи, которую мы въ видахъ особаго современнаго и историческаго ея значенія привели цъликомъ, со всевозможной точностью придерживаясь французскаго текста, Густавъ Ваза Фоксъ отвъчалъ по-англійски нижеследующимъ образомъ: «Въ присутствии того, кто говорилъ отъ имени Россіи, я не долженъ бы раскрывать рта. Мое посольство было исполнено, когда я представилъ въ руки его величества резолюцію конгресса. Но существовала еще другая миссія, которую я долженъ быль выполнить. Оставаясь въ предълахъ Россіи, дабы воспользоваться ея гостепріимствомъ, я приняль на себя весьма трудную и щекотливую задачу: изо дня въ день являться представителемъ того духа, который диктовалъ означенную резолюцію. Пока я не возвращусь въ Вашингтонъ, гдв я долженъ получить одобреніе либо осужденіе отъ моего правительства, я не могу знать, выполниль ли я удовлетворительно эту обязанность. Въ чемъ я однако увъренъ, такъ это то, что повсюду въ Россіи, съ самыхъ верховъ и до самыхъ низовъ, мы были приняты съ единодушной пріязнью. Въ теченіе нашего пріема, чему не было еще прецедента даже въ исторіи этой имперіи, великій народъ, на широкихъ плечахъ котораго зиждется національное единство, повергалъ предъ нами свои симпатіи подобно тому, какъ онъ бросаль свое платье намъ подъ ноги по пути нашего следованія. Если въ этихъ выраженіяхъ взаимныхъ чувствъ чего либо недоставало, то это моя вина а не вина кого либо изъ русскихъ.

«Нынъ за встръчными привътствованіями и солнечнымъ сіяніемъ, какое имъ сопутствовало, наступили грустное прощанье и мрачныя зимнія тучи. Но надъ ними блещеть въчное солнце. Страсти человъческія могуть въ будущемъ надвинуть мрачныя тучи между нашими двумя странами. Дай Боже, чтобы тъ, кто будеть въ то время руководить дълами объихъ націй, узръли бы, подобно св. Павлу, свъть съ небесъ, сіяющій вокругь нихъ божежественный свъть, нисходящій оть этой дружбы нашихъ дней. Когда темная ночь гражданской войны распростерлась надъ Америкой, быль одинь великій государственный человікть въ Европів, пророческое око котораго прозрѣвало разсвѣть окончательной пообды. Его сочувственныя слова упали на сердце наше и тамъ выросли, точно перлы. Онъ достигь заката своихъ дней; сіяніе заходящаго солнца, являющагося эмблемой его жизни, окружаеть его. Подобно тому, какъ солнце по Божьему попущению остановилась ради Іисуса Навина, пусть также оно остановится, дабы очи обоихъ народовъ могли глядеть на него. Америка провозглащаеть здравіе князя Горчакова!»

Вследъ за громкими кликами и русскимъ національнымъ гимномъ, г. Майковъ прочелъ прощальное по адресу американскаго чрезвычайнаго посольства стихотвореніе г-на Розенгейма, которое было ранъе подстрочно переведено американцамъ.

9-го сентября (28-го августа стараго стиля), въ часъ по полудни, Густавъ Ваза Фоксъ, несмотря на воскресный день, отправился въ министерство иностранныхъ дълъ для условленнаго свиданія съ княземъ Горчаковымъ. Канцлеръ Россійской имперіи послъ любезныхъ замъчаній по поводу выполненія Фоксомъ щекотливыхъ обязанностей, на него возложенныхъ его правительствомъ, преподнесъ ему отъ имени императора въ подарокъ золотую табакерку съ миніатюрнымъ портретомъ его величества, окруженнымъ двадцатью пятью брилліантами, а равно фотографическія карточки императора и императрицы, снабженныя автографами ихъ величествъ, изъ которыхъ карточка последней предназначалась для г-жи Fox. Въ то же время князь Горчаковъ вручиль Фоксу по кольцу для командировъ Murray и Beaumont, снабженному монограммой императора «А. II», окруженной небольшими брилліантами. Каждый изъ офицеровъ эскадры получиль впослёдствіи черезъ вице-адмирала Лисовскаго по небольшому альбому, заключающему въ себъ коллекцію малыхъ фотографическихъ карточекъ царей и императоровъ Россіи.

10-го сентября (29-го августа стараго стиля), Густавъ Ваза Фоксъ, въ сопровождени секретаря чрезвычайнаго посольства г-на Loubat и командировъ Murray и Beaumont въ десять часовъ утра отправился изъ Петербурга въ Царское Село, дабы откланяться императору и императрицъ. Ровно въ полдень они были приняты ихъ императорскими величествами безъ всякаго церемоніала и въ высшей степени сердечно. Втеченіе аудіенціи, которая продолжалась около двадцати минуть, императоръ говорилъ по-французски, при чемъ г-нъ Loubat переводилъ слова его величества на англійскій языкъ. Государь спросилъ Фокса, какъ ему понравилась Россія, на что этотъ последній отвечаль, что было бы совершенно невозможно въ надлежащихъ выраженіяхъ передать его соотечественникамъ то чувство расположенія къ Соединеннымъ Штатамъ, какое нашель онь повсюду. Императорь сказаль затымь, что онь желаль бы, чтобы президенть республики и американскій народъ знали, насколько глубоко снаряжение посольства его тронуло. Онъ видить вь резолюціи конгресса залогь дружбы объихъ націй, и его является продолжать таковую. Онъ надвется, что г. Фоксъ засвидетельствуеть американскому народу те чувства дружбы, какія онъ нашелъ между русскими, и что лично онъ увезеть съ собой пріятныя воспоминанія объ этой странь. Императрица выразила сожальніе, что г-жа Фоксь не сопровождала своего супруга въ его путеществи въ Россію. Ихъ величества пожали руку Фоксу. государь императоръ неоднократно. Вечеромъ того же дня Густавъ

Ваза Фоксъ, генералъ Clay, гг. Loubat и Curtin, командиры Murray Beaumont и г. Sawyer объдали у князя Горчакова, въ обществъ около сорока человъкъ, при чемъ за объдомъ этимъ не было провозглашаемо никакихъ тостовъ и не произносилось никакихъ ръчей.

13-го (1-го) сентября, въ четыре часа по полудни, Густавъ Ваза Фоксъ покинулъ С.-Петербургъ и отбыль на американскія суда, стоявшія все это время на якор'в въ Кронштадтской гавани. Въ ту же ночь данъ былъ адмираломъ Новосильскимъ блестящій балъ вь зданіи м'єстной городской думы, къ которому, кром'є офицеровъ американской эскадры, приглашены были почти исключительно русскіе морскіе офицеры и ихъ семейства. На следующій день 14-го (2-го) сентября, онъ на короткое время возвратился въ Цетербургъ, дабы сдёлать окончательныя приготовленія къ отъёзду. Множество книгъ и разныхъ подарковъ отъ разныхъ лицъ оказались присланными въ отель на имя какъ его, такъ и прочихъ участниковъ эскадры. Несмотря на дурную погоду, пароходы и яхты, заполненные публикой, окружали Miantonomoh. Значительное число американскихъ гражданъ прибыло изъ Москвы и иныхъ внутреннихъ городовъ Россіи, дабы напутствовать свою эскадру и послать ей прощальный привътъ. По полудни большая депутація отъ кронштадтскаго городского общественнаго управленія поднесла Фоксу грамоту на званіе почетнаго гражданина города Кронштадта, а утромъ слѣдующаго дня (15-3 сентября) данъ былъ американскому посольству прощальный завтракъ морскимъ министромъ адмираломъ Краббе на яхтъ «Рюрикъ». Со стороны американской на немъ присутствовали, кромъ самого Фокса, капитанъ Murray, командиръ Beaumont и секретарь постояннаго американскаго посольства въ Петербургъ Іеремія Куртинъ, для сего нарочито прибывшій изъ Петербурга, дабы вслѣдъ за тъмъ присутствовать при отплыти американскихъ судовъ, а со стороны русской — адмиралъ Новосильскій, генералъ-лейтенантъ Грейгъ, князь Голицынъ, вице-адмиралы баронъ Таубе, Поповъ, Изильментевъ и Лисовскій и наконецъ всѣ почти члены пріемнаго комитета. «Рюрикъ», равно какъ и оба американскихъ военныхъ судна были окружены пароходами, пароходиками и яхтами, набитыми публикой, сюда явившейся провожать дорогихъ гостей. Послъ цълаго ряда ръчей, Густавъ Ваза Фоксъ всталъ и произнесъ: «До этого момента я думаль, что мое сердце также твердо, какъ тотъ ледъ, который зимой покрываеть воды Невы и подобно этому последнему отражаеть ту теплоту, которая на него ниспадаеть. Однако сейчасъ, въ эти последнія минуты, восторженное ко мне уваженіе моихъ русскихъ друзей преодольло меня. Языкъ прилипаетъ къ гортани моей. Сердечность, которая окружаеть меня, растворяеть мое сердце. За Россію и нашихъ русскихъ друзей! Прощайте!» Изъ уваженія къ тому глубокому душевному волненію, какое въ эту минуту овладъло посланникомъ американскаго конгресса, предложенный имъ тость быль выпить въ совершенномъ молчаніи. Въ этотъ моментъ небольшой ботикъ присталъ къ «Рюрику», и вышедшая изъ него депутація крестьянъ г. Черповца Новгородской губерніи преподнесла Фоксу хлъбъ-соль въ богато разукрашенной деревянной мискъ и букетъ цвътовъ, при чемъ глава депутаціи въ короткой рвии заявиль ему, что Череповець, небольшой городъ Великой Россіи, благодарить его за ть слова сочувствія и уваженія, какія преподнесъ онъ государю благодътелю Россіи отъ имени великой республики по ту сторону океана. Густавъ Ваза Фоксъ на краткую рѣчь эту отвъчаль нижеслъдующимъ образомъ: «Господа! Подобно тому, какъ океанъ составился изъ собранія кацель, такъ и эта могучая имперія сложилась изъ объединенія отдёльныхъ общинъ, крестьянскіе представители одной изъ которыхъ сейчасъ находятся предо мной. Какъ солнце, находясь въ центръ вселенной, является источникомъ свъта и теплоты и сосредоточениемъ силы, такъ и царственный благодетель Россіи является зиждительной силой для тъхъ милліоновъ, которыхъ поднялъ онъ изъ уничиженія рабства на высоту человъческаго достоинства». По окончаніи ръчей, генералълептенанть Грейгъ вручиль Фоксу и командирамъ Murray и Beaumont по медали въ память манифеста объ освобождении крестьянъ: первая была изъ золота и въсомъ около трехъ четвертей фунта, а послъднія двъ — серебряныя, такихъ же почти въса и размъровъ. Вслъдъ затъмъ, около четырехъ часовъ по полудни, Густавъ Ваза Фоксъ, напутствуемый семнадцатью пушечными выстрелами съ яхты «Рюрикъ», на которые отвъчалъ американскій военный корабль «Августа», перешелъ съ первой на этотъ послъдній. Американская эскадра тотчасъ же покинула Кронштадтскій порть въ сопровожденіи пяти русскихъ военныхъ судовъ, въ числъ которыхъ находилась и яхта морского министра адмирала Краббе. Пароходы, биткомъ набитые пассажирами, съ оркестрами на ихъ палубахъ и многочисленные боты и ботики сопровождали эту смъщанную эскадру на значительное разстояніе оть рейда. Національные салюты гремёли съ фортовъ Кроншталтской кръпости; американскія суда на нихъ отвъчали такими же салютами; подняты были всё флаги; гремёла музыка, и раздавалось несмолкавшее «ура». Напутствуемая этими последними, эскадра вошла въ Финскій заливъ. Въ семь часовъ вследъ за сожженіемъ разноцвътныхъ огней на русскихъ судахъ, на которое отвъчала «Августа» такимъ же сожженіемъ, адмиралъ Краббе распростился съ американской эскадрой, приказавъ фрегатамъ «Свътлана» и «Храбрый» сопровождать эту послёднюю до выхода изъ Финскаго залива.

Еще во время пребыванія американскаго чрезвычайнаго посольства въ предёлахъ Россіи князь Горчаковъ писалъ русскому послу въ Вашингтонъ г-ну Штекелю отъ 19—31-го августа: «Милостивый государь! Посольство, ввъренное конгрессомъ Соединенныхъ Шта-

товъ Сѣверной Америки г-ну Фоксъ, товарищу морского министра республики, встрѣтило со стороны императорскаго двора, публики, можно сказать, всего русскаго народа, такой пріемъ, какой вы могли уже оцѣнить по сообщеніямъ въ газетахъ.

«Нѣтъ надобности подчеркивать эти проявленія взаимныхъ симпатій между двумя странами, ибо это ясно само собою. Они являются однимъ изъ наиболѣе достопримѣчательныхъ фактовъ нашего времени,—фактомъ, утѣшительнымъ въ виду позднѣйшихъ осложненій, которыя только что разбудили въ престарѣлой Европѣ чувства ненависти, зависти и соперничества, кровавыя столкновенія, обращенія къ силѣ, столь мало согласующіяся съ прогрессомъ человѣчества; фактомъ, который сѣетъ между двумя великими народами, почти между двумя континентами, сѣмена взаимныхъ пріязни и дружбы, которыя принесутъ свой плодъ, станутъ традиціонными и освятять между ними отношенія, основанныя на истинномъ духѣ христіанской цивилизаціи.

«Въ письмъ, которое нашъ августъйшій повелитель препровождаеть президенту Соединенныхъ Штатовъ, и которое я поручаю вамъ передать по назначенію, его императорское величество проситъ господина Джонсона засвидътельствовать конгрессу тъ чувства, какія имъ выражены уже господину Фоксъ.

«Я препровождаю при семъ вамъ копію этого письма для свѣдѣнія.

«Вы должны также, милостивый государь, выразить то же самое какъ президенту, такъ и членамъ федеральнаго правительства, равно какъ и инымъ вліятельнымъ особамъ.

«Предъ лицомъ проявленія національныхъ симпатій съ объихъ сторонъ, столь самостоятельнаго, задачей правительства является лишь итти на встръчу этому теченію, подвигать его и направлять его въ его практическомъ примъненіи ко благу объихъ странъ.

«Въ этомъ отношеніи мы разсчитываемъ на содъйствіе федеральнаго правительства, равно какъ это послъднее можетъ разсчитывать на наше. На государя императора господинъ Фоксъ произвелъ самое благопріятное впечатлъніе. Тотъ тактъ, съ какимъ онъ справился со своей задачей, былъ высоко оцѣненъ какъ въ нашихъ офиціальныхъ кругахъ, такъ и публикой всъхъ классовъ, съ какой онъ входилъ въ соприкосновеніе, и въ этомъ отношеніи онъ былъ искусно поддерживаемъ тъмъ превосходнымъ персоналомъ, который его сопровождалъ. Было бы трудно найти лучшаго исполнителя этой мѣры сердечной пріязни, предписанной конгрессомъ.

«Вамъ поручается засвидътельствовать это чувство».

При приведенномъ письмъ вице-канцлера князя Горчакова къ россійскому послу при правительствъ республики Соединенныхъ Штатовъ г-ну Щтекелю слъдовало нижеслъдующее письмо:

«Императоръ Всероссійскій президенту Соединенныхъ Штатовъ.

Петербургъ, августа 17-29, 1866 г.

«Я получилъ чрезъ г-на Фокса резолюцію конгресса Соединенныхъ Штатовъ Съверной Америки по случаю Божьей милости, въ отношеніи меня проявленной.

«Это выражение сочувствия меня глубоко тронуло. Оно не относится ко мнъ лично, а является новымъ выражениемъ тъхъ чувствъ, которыя соединяють американский народъ съ Россией.

«Оба народа не находять въ своемъ прошломъ никакихъ воспоминаній о старыхъ столкновеніяхъ, а напротивъ лишь памятники дружественнаго обращенія. Во всёхъ случаяхъ они являють новыя доказательства взаимнаго расположенія. Эти сердечныя отношенія, которыя настолько же благопріятны для ихъ взаимныхъ интересовъ, насколько для интересовъ цивилизаціи и человѣчности, согласуются съ видами Божественнаго Провидѣнія, конечной цѣлью котораго являются миръ и согласіе между націями.

«Съ чувствомъ живъйшаго удовлетворені вижу я, что узы эти безпрерывно кръпнутъ. Я сообщилъ мои чувства г-ну Фоксу. Я прошу васъ выразить таковыя конгрессу и американскому народу, котораго органомъ этотъ первый является. Скажите имъ, сколь дорого я, а со мной и весь русскій народъ, цънимъ эти свидътельства дружбы, ими мнъ данныя, и насколько искренне буду я радоваться, видя, какъ американскій народъ возрастаетъ въ своемъ благосостояніи, благодаря единству и продолженію примъненія тъхъ гражданскихъ добродътелей, какими онъ отличается.

«Примите въ то же время увъреніе въ высокомъ уваженіи, съ которымъ я пребываю.

«Вашъ истинный другъ

«Александръ».

Копіи обоихъ вышеприведенныхъ документовъ первостепенной исторической важности вручены были Фоксу княземъ А. М. Горчаковымъ незадолго предъ его отплытиемъ изъ Кронштадта Независимо отъ сего американскимъ чрезвычайнымъ посланникомъ вывезено изъ Россіи 179 томовъ книгъ, 16 атласовъ и альбомовъ, 72 карты и 16 брошюръ, преподнесенныхъ какъ ему, такъ и инымъ участникамъ эскадры, различными лицами, обществами и учрежденіями, независимо отъ книгь, ему подаренныхъ государемъ императоромъ. Эти последнія онъ, на основаніи особой согласной резолюціи объихъ палать конгресса, удержалъ въ своемъ обладаніи, между темъ, какъ первыя, общимъ числомъ 282 штуки, имъ чрезъ федеральное министерство иностранныхъ дёлъ преподнесены въ даръ библіотекъ извъстнаго Smithsonian Institution, составившей впоследстви часть знаменитой Библіотеки Конгресса, понынѣ существующей и являющейся вторымъ книгохранилищемъ на земномъ шарѣ. Засимъ, такъ какъ принятіе должностными лицами республики какихъ бы то ни было подарковъ, знаковъ отличія и званій отъ иностранныхъ государей и государствъ безъ особаго на то согласія конгресса конституціей республики Соединенныхъ Штатовъ воспрещается, то на удержаніе и сохраненіе Фоксомъ золотой табакерки, подаренной ему государемъ императоромъ, и званій почетнаго гражданина — городовъ Кронштадта, С.-Петербурга, Москвы, Костромы и Корчевы, а равно на предметъ удержанія капитанами Миггау и Веаимопт золотыхъ колецъ, имъ подаренныхъ государемъ императоромъ, пришлось испросить особое разрѣшеніе конгресса, которое и было ими получено.

Такова исторія американскаго чрезвычайнаго посольства въ Россію въ 1866 году. Сообразуясь съ отведеннымъ намъ для нея мъстомъ, мы по необходимости должны были изложить ее лишь въ очертаніях самых общихь, опустивь многія интересныя и характерныя подробности. Не подлежить ни малъйшему сомнънію, что факть этотъ въ исторіи представляется совершенно исключительнымъ и безусловно единичнымъ. Немало покушеній на жизнь монарховъ и правителей разныхъ странъ записано въ лътописяхъ человъчества, но не было и нъть еще другого примъра, чтобы народное представительство республики, въ особенности такой республики, какъ Соединенные Штаты Съверной Америки, являющейся наивысшимъ воплощениемъ демократи, досель извъстнымъ, слало бы кому либо изъ монарховъ поздравленія съ избавленіемъ отъ грозившей ему опасности, а въ особенности снаряжало бы съ этой цълью особую морскую экспедицію, сопряженную съ серіознымъ рискомъ и большими издержками. Для уразумѣнія этого историческаго событія, которое и понынъ остается настолько же единичнымъ, насколько было оно тридцать три года тому назадъ, и изложено нами исключительно по американскимъ источникамъ, находящимся въ національныхъ книгохранилищахъ, необходимо возвратиться къ началу шестидесятыхъ годовъ. Эпоха эта явилась въ Соединенныхъ Штатахъ, равно какъ и въ Россіи, эпохой серіознъйшихъ государственно-общественныхъ реформъ, главнъйшей изъ которыхъ была эмансипація. Попытка президента Авраама Линкольна провести эту последнюю властью и авторитетомъ федеральнаго правительства вызвала, какъ извёстно, возстаніе южныхъ штатовъ, составленіе ими особой конфедераціи, отложившейся отъ американскаго союза, и кровопролитную междоусобную или гражданскую войну (1861—1865). Вопросъ объ эмансинаціи осложнился, такимъ образомъ, гораздо болъе важнымъ вопросомъ объ отношеніяхъ между правительствами отдёльныхъ штатовъ и правительствомъ федеральнымъ, о степени власти, авторитета и компетенціи этого посл'ядняго по отношенію къ первымъ и о самомъ существованіи федеральной республики. Въ эту мрачную эпоху рокового національнаго кризиса державы, въ то время наиболъе могущественныя, Англія и Франція, побуждаемыя отчасти фальшивымъ доктринерствомъ, отчасти своекорыстными расчетами, открыто выступили противъ Союза и заняли въ отношении его угрожающее положение. Великобритания признала конфедерацію южныхъ штатовъ воюющей стороной и собиралась даже приступить къ открытію военныхъ дъйствій противъ Союза, между тыть какъ конфедератскій военный корабль «Алабама», нанесшій неисчислимые убытки американской торговль, быль руководимъ и управляемъ почти исключительно англичанами; Франція собиралась присоединиться къ Англіи; остальныя первостепенныя державы сохраняли роль пассивнаго зрителя. Одна лишь Россіл все время ободряла федеральное правительство республики, т.-е. Союзъ, въ 1862 году послала въ Санъ-Франциско особый флотъ, подъ командой вице-адмирала Попова, съ завъдомо дружественными для республики намъреніями, а въ 1863 году послала другой, болъе сильный флоть свой въ Нью-Іоркъ, подъ командой вице-адмирала Лисовскаго, слъдовавшій съ запечатанными ордерами. Въ ордерахъ этихъ предписывалось командующему этимъ русскимъ флотомъ, въ случав открытаго совместнаго признанія Англіей и Франціей возставшихъ южныхъ штатовъ, или конфедераціи, воюющей стороной, предоставить состоящій подъ его командой флоть въ распоряжение федерального правительства. Не подлежить ни малъйшему сомненію, что изв'єстность этихъ распоряженій русскаго правительства правительствамъ Великобританіи и Франціи воздержала эти последнія отъ активнаго вмешательства въ американскія дела въ пользу конфедераціи, а обстоятельство это дало союзу возможность съ нею справиться. Такимъ образомъ нынъшняя республика Соединенныхъ Штатовъ самымъ существованіемъ своимъ обязана императору Александру И. Линкольнъ и его сподвижники, а равно и всв выдающіеся современники Царя-Освободителя вообще, въ особенности, конечно, изъ американцевъ, это отлично понимали. Какъ извъстно, Линкольнъ, стремленія и начинанія котораго были во многомъ тождественны съ желаніями и начинаніями императора Александра II, палъ жертвой дъла, имъ предпринятаго и въ значительной степени уже исполненнаго, т.-е. сохраненія путемъ усмиренія мятежниковъ государственнаго единства и осуществленія эмансипаціи. Поэтому, когда посл'єдовало это первое покушеніе на жизнь Царя-Освободителя, то американцы естественно и неизбъжно увидёли въ таковомъ ударъ, направленный не только противъ представителя, выразителя и воплотителя государственнаго единства и центральной государственной власти Россійской имперіи, но также и противъ освободителя двадцати милліоновъ крѣпостныхъ отъ узъ рабства. Вотъ почему въ этой знаменитой резолюціи конгресса, являющейся совершенно единичной въ исторіи парламентаризма, фигурирують слова «учиненномъ врагомъ эмансипаціи». Въ глазахъ американцевъ личность и дъятельность императора Александра II, которому они столь многимъ обязаны, окружены ореоломъ неувядаемой славы и лучезарнымъ сіяніемъ недосягаемаго подвижничества.

И до тъхъ поръ, пока сіяніе это изъглубины временъ прошедшихъ будетъ бросать свой отблескъ на текущія событія, республика Соединенныхъ Штатовъ Съверной Америки и американскій народъ будутъ сохранять чувства живъйщей пріязни и искреннъйшей дружбы по отношенію къ Россіи и русскому народу.

Е. Матросовъ.

Вашингтонъ. 23—11 сентября, 1899 г.

ВОСЕМЬ ЛЪТЪ НА САХАЛИНЪ.

«Тюремныя учрежденія Сахалина въ отношеніи внутренняго порядка и дисциплины, въ отношеніи всёхъ отраслей хозяйства и довольствія, въ отношеніи, наконецъ, постановки работь, не выдержать даже снисходительнаго сравненія съ наименѣе благоустроенными изъ мѣсть заключенія Европейской Россіи».

(Изъ прощальной рѣчи начальника главнаго тюремнаго управленія на о. Сахалинѣ; см. «Тюремный Вѣстникъ», 1899 г., № 6).

I 1).

Первыя впечатленія отъ сахалинскихъ береговъ. — Прибытіе парохода на рейдъ Александровскаго поста.— Перевозка каторжныхъ на пристань. — Арестантскій багажъ. — Видъ сахалинскихъ береговъ. — Первая встреча со смотрителемъ Л.—ъ. — Ожиданіе обеда. — По дороге въ Александровскій пость. — На тюремномъ дворе. — Размещеніе по казармамъ.

Б НАЧАЛЪ августа 188* г., на пароходъ Добровольнаго флота, наполненномъ ссыльно-каторжными, и подходилъ къ берегамъ Сахалина. Этотъ островъ всегда представлялся мнѣ не иначе, какъ угрюмымъ, пустыннымъ мѣстомъ ссылки. Въ молодые годы моему воображенію рисовались каменистыя скалы съ прослойками угля, голый берегъ, да безграничное холодное море. И какъ я обрадовался, когда черезъ иллюминаторъ арестантскаго отдъленія мелькнули

гористые берега острова, густо заросшіе зеленымъ лѣсомъ! Это первое впечатлѣніе оть сахалинской зелени у меня вызвало ра-

¹) Рисунки, которыми иллюстрирована настоящая статья, воспроизведены съ фотографій, снятыхъ съ натуры и любевно сообщенныхъ намъ гг. А. А. Суворовымъ, О. А. Поповымъ, В. Д. Комаровымъ и В. В. Сахаровымъ.

достную надежду, что, послѣ многолѣтняго тюремнаго заключенія, наконецъ-то я здѣсь найду и солнечный свѣть, и тепло, и непосредственное общеніе съ природою. Впрочемъ, не у меня одного видъ сахалинскихъ береговъ вызывалъ радостное настроеніе: многіе изъ ссыльныхъ, чрезвычайно истомившись тяжелымъ плаваніемъ на пароходѣ, съ нетерпѣніемъ ожидали его окончанія.

— Въ каторге не такъ трудно, какъ здесь на пароходе, — говорили старые бродяги, уже побывавшие на каторжныхъ работахъ.

Рано утромъ пароходъ подошелъ къ Александровскому посту, главному городу на Сахалинъ. Не успъли арестанты привести себя въ порядокъ послъ сна, какъ имъ подали легкій завтракъ, а затъмъ началась перевозка ихъ съ парохода на пристань.

Вмѣстѣ съ другими арестантами вызвали и меня на палубу парохода. Небо было ясно, и августовское солнце заливало яркимъ свѣтомъ многоголовую толпу на пароходѣ, далекое море и красивыя горы острова. Однако разсматривать было некогда. При подневольныхъ передвиженіяхъ, обыкновенно бываешь занятъ соображеніями: куда идти, гдѣ встать, куда положить вещи и пр. Въ этой арестантской сутолокѣ боишься получить незаслуженный пинёкъ или услышать грубое слово отъ какого нибудь солдата, а потому все вниманіе напрягаешь, чтобы избѣгнуть легко возможныхъ столкновеній.

У борта парохода уже стояли деревянныя баржи, и намъ приказали немедленно спускаться въ нихъ. Каждый изъ насъ несъ на себъ сърый мъшокъ съ казенными вещами. Мнъ, обезсиленному казематной жизнью, трудно было сходить по трапу съ грузнымъ мѣшкомъ. Тюремное начальство посовѣтовало моимъ роднымъ дать мит на дорогу только самыя необходимыя вещи и не тяжелыя, чтобы не стеснить меня при передвиженіяхъ, а само надавало цёлую кучу ненужныхъ вещей. По старому порядку, когда каторжные шли по «владиміркъ», имъ выдавалось нъсколько паръ чирковъ (кожаныя туфли), подкандальники и др. предметы для дальней дороги. Должно быть, по этому положенію и намъ насовали всё эти вещи въ нёсколькихъ экземплярахъ, тогда какъ на пароходъ совершенно довольно было и одной пары чирковъ. Притомъ мы обязаны были подъ угрозой строгаго наказанія беречь эти вещи во все время пути и сдать счетомъ тюремному начальству на Сахалинъ.

Варжами управляли каторжные въ обычныхъ своихъ сёрыхъ костюмахъ. Это были первые сахалинцы, съ которыми мы заговорили. Съ ихъ стороны чаще слышались вопросы: «Какой губерніи?» «На сколько лѣтъ?» А съ нашей—«Каковъ смотритель?» «Водки можно достать?» «А въ карты играютъ?» и т. п.

Море было тихо. Послъ получасоваго плаванія мы вышли на длинную деревянную пристань. Сотни арестантовъ сърою полосою

растянулись на большое пространство. Я присоединился къ нимъ и усълся на свой мъшокъ рядомъ съ молодымъ студентомъ, съ которымъ пріятельски сошелся въ дорогь.

Мы залюбовались картиною береговъ. Недалеко отъ пристани изъ воды красиво выступаютъ три высокихъ скалы, очень похожихъ одна на другую, а потому названныхъ «Тремя братьями». Далъе виднъется рядъ грандіозныхъ темныхъ мысовъ, закрывающихъ старъйшій постъ Дуэ. По другую сторону пристани опять рядъ отлогихъ мысовъ съ мягкими очертаніями контуровъ перспективно растягиваются далеко къ съверу и теряются въ бъловатомъ горизонтъ моря. Нъсколько отступя отъ берега, на холмахъ раскинулся городъ, а кругомъ его огромнымъ кольцомъ высятся горы. Извилистая ръка блестящей лентою огибаетъ селеніе и, прежде чъмъ броситься въ волны Татарскаго пролива, круто поворачиваетъ вдоль морского берега, образуя песчаную косу.

Для меня, четыре года имъвшаго предъ своими глазами голую стъну тюремняго каземата, было неизъяснимымъ удовольствіемъ любоваться картинами природы. Каждая мелочь занимала и приковывала надолго мое вниманіе. Я не могъ оторвать глазъ отъ птички, прыгающей по периламъ пристани, или отъ случайно занесенной вътки дерева. Въ тюрьмъ приходилось видъть только желтоватые да съроватые тоны при слабомъ свътъ маленькаго окна съ матовыми стеклами; а теперь подъ ослъпительно яркимъ солнцемъ цълое море всевозможныхъ красокъ—синихъ, зеленыхъ, желтыхъ, съ ихъ безчисленными, едва уловимыми, переливами.

Уже полдень. Выгрузка все еще продолжается. Многіе выражають нетерптніе, когда ихъ поведуть на новыя квартиры да накормять объдомъ. Нткоторые вытащили припрятанные куски судовыхъ галеть и тли.

По пристани медленно расхаживала маленькая сутуловатая фигура въ полицейской формъ и зорко посматривала на арестантовъ. Вдругъ этотъ чиновникъ направляется прямо ко мнъ.

— Какъ фамилія?

Я поднялся и сказалъ. Спросилъ онъ фамилію студента и также тихо удалился отъ насъ. Мы подивились его прозорливости. Хотя я и мой товарищъ костюмами не отличались отъ общей массы сърыхъ арестантовъ, онъ подошелъ только къ намъ, людямъ изъ привилегированнаго сословія.

Кто-то изъ кучи арестантовъ сказалъ намъ, что этотъ невзрачный на видъ человъкъ есть смотритель здъшней тюрьмы Л—ъ, страхъ и ужасъ всего Сахалина.

Еще дорогою я безпокоился вопросомъ, какого-то смотрителя пошлеть мит судьба. И теперь, слыша разговоры о грозномъ смотрителт, я сильно призадумался.

Группы арестантовъ о чемъ-то оживленно перебрасывались словами. Въроятно, на свъжемъ морскомъ воздухъ голодъ давалъ себя чувствовать сильнъе. Но никто не осмълился попросить ъсть. Жизнь въ пересыльныхъ тюрьмахъ и въ дорогъ научила всъхъ выжидать, но не просить.

— Начальство лучше знаеть, что надо дѣлать, и обо всемъ позаботится въ свое время.—Обыкновенно съ ироніей говорили каторжники.

Наконецъ, къ вечеру скомандовали намъ выстроиться въ ряды, по одному стали пропускать мимо стола, за которымъ сидъли смотритель и еще кто-то изъ тюремнаго начальства. По примъру другихъ протащился и я мимо нихъ, безъ шапки и съ мъшкомъ за плечами. Эта дефилировка заняла немало времени; и когда послъдній арестантъ прошелъ въ общую кучу, солнце закатилось.

Отъ пристани до самаго города шелъ рельсовый путь по краю большой шоссейной дороги. По немъ ходили съ грузомъ вагонетки, подталкиваемыя рабочими. Предложено было слабымъ арестантамъ положить на нихъ свои вещи, а очень больнымъ разрѣшено и сѣсть на нихъ. Сразу бросилось впередъ нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ немало и здоровыхъ, и заняли всѣ мѣста на вагонеткахъ. Я не покушался сложить свой мѣшокъ на вагонетку и хорошо сдѣлалъ, потому что по приходѣ въ городъ нѣкоторые не нашли своихъ вещей.

Темно было, когда мы всей гурьбой въ полтысячи человѣкъ двинулись въ путь. Около маня шелъ высокій здоровый плотникъ, Егоръ Павловъ. Я его любилъ за кроткій нравъ и за множество услугъ, оказанныхъ имъ мнѣ на пароходѣ. Онъ понялъ, что я изнемогаю отъ своего мѣшка, схватилъ его сильною рукою и присоединилъ къ своему.

Дорога шла въ гору. Пройдя версты двѣ, мы вступили въ воворота двухъэтажнаго зданія съ башней. Это и была Александровская тюрьма. Насъ ввели въ большой дворъ, огражденный со всѣхъ четырехъ сторонъ деревянными одноэтажными строеніями. Тамъ опять мы выстроились въ длинные ряды. Арестанты побаивались, что сейчасъ начнется ихъ пріемъ, и придется всю ночь провести безъ сна подъ открытымъ небомъ; но, къ общей радости, этого не случилось. Смотритель сказалъ внушительную рѣчь; между прочимъ предлагалъ въ продолженіе трехъ дней не сообщаться со старокаторжными и не слушать ихъ ложныхъ слуховъ.

— Поживете,—сами увидите!—кричалъ онъ намъ ръзкимъ голосомъ:—а теперь надзиратели покажутъ вамъ временно назначенныя для васъ казармы. Завтра съ утра начнется пріемъ.

А объ объдъ или ужинъ ни слова.

Всѣ бѣгомъ бросились къ указаннымъ зданіямъ. Я съ кружкомъ интеллигентныхъ ссыльныхъ вошелъ въ первую попавшуюся казарму, и мы заняли рядъ свободныхъ мѣстъ на нарахъ.

Казарма была чисто выметена и обставлена срубленными елками, распространявшими пріятный смолистый запахъ. Въ углу красовалась большая икона съ лампадой. На первый взглядъ, еще незараженный баракъ производилъ пріятное впечатлѣніе; но я тогда не имѣлъ понятія, что онъ представляеть изъ себя зимою, переполненный людьми, пришедшими съ работы изъ лѣса!

11.

Исканіе пищи.—Приглашеніе въ смотрителю.—Его любезный пріємъ.—Уживъ.—Утреннія впечататьнія.— Наказаніе розгами.—Пріємъ каторжныхъ по списку.— Раздраженіе смотрителя.—Положеніе лишеннаго всёхъ правъ.

У всёхъ прибывшихъ стояль неотвязчиво вопросъ: гдё бы повсть? Это легко было бы исполнить, если бы у насъ съ собою были деньги, потому что въ каждой казармё у каторжныхъ есть майданы—лавки, гдё можно достать хлёба, булокъ, молока, рыбы, сахару и табаку. Но деньги при отправкё въ дорогу отбираются отъ арестантовъ, и у моей группы товарищей не было ни одной копейки.

Я вышель на дворъ. Немного странно было чувствовать относительную свободу. Обыкновенно позади или впереди себя я привыкъ видёть солдата или жандарма, которые своеобразно и направляли мой путь; а туть иди, куда хочешь! Можешь направо, можешь налѣво, можешь въ другую казарму зайти. Зашелъ. Тамъ стоить стоить стоить и гамъ, смѣхъ и ругань, и все затянуто, какъ туманомъ, табачнымъ дымомъ. Ищуть земляковъ. Многіе уже собрались въ небольшія группы.

Узнавъ положительно, что до завтрашняго дня не дадутъ намъ ни куска хлъба, я пошелъ къ своему мъсту и сталъ было располагаться на ночлегъ, какъ вдругъ среди шума ясно пронеслась моя фамилія. Мои сосъди указали на меня. Подходитъ ко мнъ молодой человъкъ въ пиджакъ, съ небольшой претензіей на франтоство, и проситъ меня пройти съ нимъ къ смотрителю. Это былъ тюремный писарь изъ ссыльно-каторжныхъ. Вмъстъ со мной онъ пригласилъ еще одного офицера, кавказскаго героя турецкой войны, сосланнаго сюда за оскорбленіе начальника.

Въ длинныхъ сърыхъ халатахъ съ желтыми тузами на спинъ, въ сърыхъ шапкахъ безъ козырьковъ, въ желтыхъ чиркахъ, некрасиво сидящихъ на ногахъ поверхъ сърыхъ подвертокъ, въ короткихъ курткахъ и грубыхъ штанахъ съ проръзями для кандаловъ, мы стъсняемся пройти въ комнаты смотрителя и останавливаемся въ передней въ ожиданіи, что будетъ дальше. — Господа, пожалуйте сюда!—зоветь насъ самъ смотритель въ столовую.—Пожалуйста, поужинайте у меня; только извините, что не могу угостить васъ мясомъ. Солонина, въроятно, надоъла вамъ и въ моръ, а свъжее мясо у насъ бываетъ случайно, когда убъютъ лишняго бычка или застаръвшую корову. Пожалуйста, извините!

Я взглянулъ на длинный столъ. Онъ былъ весь уставленъ разнообразными блюдами. Видна рыба, напоминающая своимъ розовымъ мясомъ семгу или лососину.

- Ну, чего онъ извиняется?—подумать я.—Мы голодны, какъ собаки, и рады были бы куску хлѣба, а тутъ стоитъ полный столъ изысканныхъ блюдъ! Да я четыре года ничего подобнаго не ѣлъ.
- Вы меня извините, господа! продолжаеть смотритель:—я пойду соснуть немного. Уже поздно, а завтра мнъ надо подняться въ три часа на раскомандировку.

Глядя на его тщедушную фигуру, я его искренно пожалѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, —подумалъ я, —онъ цѣлый день до глубокой ночи въ хлопотахъ около рабочихъ и въ заботѣ о ихъ чистотѣ и довольствѣ! Говорятъ, онъ гроза ссыльныхъ. Напротивъ! Я поражаюсь, какой онъ предупредительный, вѣжливый, любезный, добрый...

— Повърьте, — какъ бы угадывая мои мысли, говорить смотритель, — я иногда такъ устаю, что приду домой, стану около стола, да такъ и засну стоя... Пожалуйста, господа, садитесь и угощайтесь.

Онъ попрощался съ нами и ушелъ.

Мы были очень довольны не столько тёмъ, что могли утолить свой голодъ, сколько вниманіемъ къ намъ смотрителя. Мучительный вопросъ— наше отношеніе къ сахалинскому начальству — до нѣкоторой степени разрѣшился. Будущее намъ представлялось не такимъ тяжелымъ.

За столомъ я вспомнилъ своихъ голодныхъ товарищей и предложилъ кавказскому герою взять для нихъ чего нибудь, хотя бы по куску хлъба.

— Нътъ, ни за что! Еще увидить кто нибудь изъ слугъ, донесутъ смотрителю, сочтуть насъ за воровъ, и всю репутацію мы сразу испортимъ.

Какъ я ни убъждаль его, что смотритель самъ съ удовольствіемъ послаль бы имъ и хлѣба, и рыбы, если бы онъ узналь о состояніи нашихъ товарищей, — кавказскій герой не соглашался. Я ему доказываль, что туть кроется недоразумѣніе: на суднѣ основательно не кормили насъ, полагая, что мы пообѣдаемъ на берегу. А здѣсь, вѣроятно, убѣждены, что насъ накормили на цѣлый день на пароходѣ, да, пожалуй, еще дали галеть въ запасъ. Не тронулъ моего застольника и философскій афоризмъ, что безъ нарушенія закона не проявишь любви.

Нашихъ товарищей очень заинтересовало, зачёмъ насъ позвали къ смотрителю, а потому мы застали ихъ въ казармъ не спящими. Они тоже закусили немного: какой-то рабочій досталь имъ нёсколько галеть въ надеждё получить потомъ отъ «господъ» существенную благодарность.

Мнѣ не спалось всю ночь. Съ разсвѣтомъ я уже поднялся и сталъ наблюдать, глядя въ окно. По двору спѣшно ходили взадъ и впередъ старокаторжники. Раскомандировка ихъ на работы уже была въ три часа ночи. Вновь прибывшихъ не велѣно будить. По установившемуся обычаю имъ дается три дня отдыха по прибытіи на Сахалинъ. Издали доносились до меня слабые крики, правильно раздѣленные небольшими паузами:

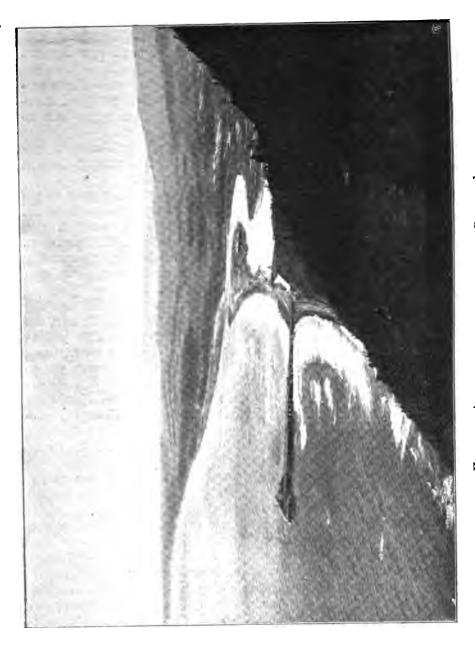
- Ай!.. ай!.. ай!..
- Что это за странные звуки?—недоумъвалъ я. Мив казалось, они доносились съ противоположнаго конца двора.
 - Что это такое?—спрашиваю вошедшаго въ казарму рабочаго.
- Это Л—ъ нашу кровь пьеть! Каждый день онъ начинаетъ съ крови. Хватитъ ему сегодня: полная кандальная насажена напимъ братомъ!
 - Да ва что же эго?
 - А вотъ увидите сегодня.

Теперь, внимательно прислушавшись, я понять, что эти отдаленные крики испускаеть человъкь при каждомъ ударъ розогъ. Невыносимое чувство охватило меня. Мнъ хотълось бъжать. Но куда убъжищь? Я заметался, какъ въ кошмаръ: какъ будто что-то тяжелое давитъ меня, я стараюсь освободиться и не могу... Тутъ только представился воочію весь ужасъ каторги.

— Боже мой, куда мы попали!-молился я.

Въ это время въ казармъ всъ поднялись съ наръ и стали быстро одъваться. Черезъ часъ мы уже стояли на дворъ съ мъшками въ рукахъ. Смотритель спъшно расхаживалъ по нашимъ рядамъ. Онъ былъ неузнаваемъ. Лицо его нервно передергивалось. Сърые глаза неумолимо смотръли, перебъгая по лицамъ каторжныхъ. Несмотря на сотни народу, тишина стояла невозмутимая, какъ въморъ передъ бурею. Въ страшномъ угнетеніи стоялъ и я безъщапки въ рядахъ каторжныхъ, инстинктивно ожидая чего-то ужаснаго отъ раздраженнаго смотрителя. Онъ, какъ хищный звърь, искалъ, на кого броситься; но всъ замирали при его приближеніи. Наконецъ, онъ сълъ за столъ. Рядомъ съ нимъ усълись еще два чиновника. Писарь поочередно вызывалъ по фамиліямъ.

- Петръ Сморчукъ!
- Я!—откликался Сморчукъ и шелъ къ столу. Тамъ онъ вынималь изъ мъшка казенныя вещи и передаваль ихъ счетомънадзирателю. Одинъ изъ чиновниковъ дълалъ отмътку по статейному списку о пріемъ ссыльно-каторжнаго и отпускалъ его.

18*

— Ну, вотъ опять придется стоять весь день на солнцъ. Когда же накормятъ насъ?—уныло спрашивали каторжные другъ друга.

Писарь продолжалъ вызывать по списку:

- Семенъ Хоменко!.. Семенъ Хоменко!
- Я! я! нѣсколько замѣшкавшись, выступаль изъ заднихъ рядовъ толстый парень съ мѣшкомъ.
- Ахъ, ты, гадина!—вдругъ вскакиваетъ съ своего мѣста смотритель.—Ты что же не отзываешься? Я тебѣ уши раскрою! Взять его въ кандальную!.. Я вамъ уши раскрою! обращается онъ ко всей массѣ каторжныхъ.

Хоменку надзиратели повели въ кандальную, гдъ сидятъ провинившіеся и потому закованные каторжные. Это значить завтра утромъ онъ познакомится на кобылъ съ розгами.

Смотритель съ раздраженнымъ лицомъ нервно прошелся по рядамъ каторжныхъ и гивно покрикивалъ: «Я вамъ уши раскрою!..». Когда онъ усвлея, писарь опять сталъ вызывать по списку. Всв стояли, напряженно прислушиваясь къ фамиліямъ. Нъкоторые съ явнымъ трепетомъ подходили къ столу и спъщили, по примъру другихъ, скоръй выкладывать изъ мъшка чирки, подкандальники и прочее.

Но вотъ вызвали одного смирнаго деревенскаго пария. На пароходъ и училъ его грамотъ и успълъ хорошо познакомиться съ нимъ. Ни когда до ареста не выбъжавшій изъ своей волости, онъ не умълъговорить съ господами или съ начальствомъ, а только боялся ихъ. Онъ тоже поспъшилъ къ столу и дрожащими руками сталъ развязывать свой мъшокъ. Смотритель о чемъ-то спросилъ его. Не отвъчая ему, бъдняга неуклюже спъшилъ сперва выложить свои вещи. Можетъ быть, впопыхахъ онъ и не слышалъ вопроса смотрителя.

— Да ты что же мит не отвъчаешь, гадина?! Я тебя научу разговаривать! Взять въ кандальную!..

Повели и его мимо рядовъ каторжныхъ въ другой конецъ двора. На немъ лица нътъ, какъ говорится. А ужъ онъ-то навърно больше всъхъ старался угодить начальству!

Вскорѣ повели въ кандальную еще и еще... Всѣхъ ихъ завтра будутъ наказывать розгами.

- Ну, чирки, кто-то тихонько замётиль въ толпъ: тяжело было васъ нести, а разставаться съ вами еще тяжелъе!
- Да, это похуже кавказскихъ полушубковъ, отвътиль ему бывшій на турецкой войнъ солдать: когда за Кавказомъ мы зимою простуживались и умирали отъ тифа, у насъ не было полушубковъ, а лътомъ вдругъ приходитъ съ ними пълый транспортъ. Роздали намъ полушубки на походъ и заставили нести ихъ на себъ назадъ домой. А тутъ и безъ того отъ жары не знаешь, куда дъваться...

Александровская тюрьма на о. Сахалинъ.

- Однако, братцы, дадуть ли намъ теть сегодня? перебиваеть его молодой ярославецъ.
- Подика-ка, подступись къ нему. Онъ тебъ дастъ поъсть! Будешь сыть!

Нѣкоторые, какъ сошли съ парохода, ничего еще не ѣли, а до конца переклички было далеко. Послѣ видѣнныхъ сценъ мнѣ было не до обѣда. Эта фраза «лишенный всѣхъ правъ» только теперь стала мнѣ понятна во всемъ ея ужасномъ значеніи. Предо мною возстали картины будущихъ непрерывныхъ сценъ насилія, страшныхъ казней и ежедневныхъ издѣвательствъ надъ человѣкомъ... Здѣсь, думалъ я, надо забыть свою лично сть, спрятать свое самолюбіе и, какъ скотина, покорно исполнять волю господина. Я въ какомъто от упѣніи стоялъ безъ шапки, не слушая замѣчаній своихъ товарищей.

III.

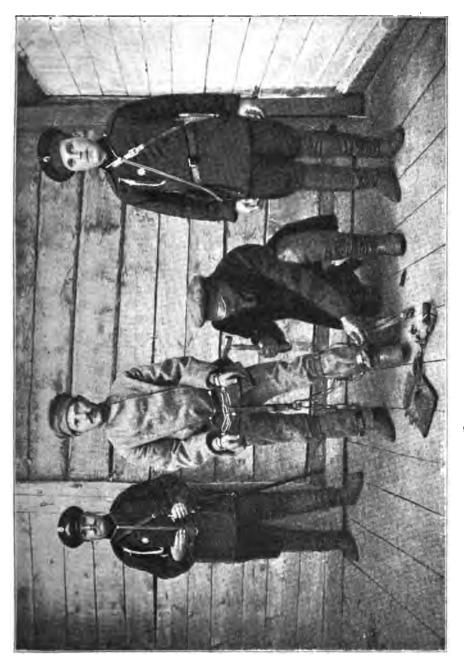
Об'єдь.—Тревожный шумъ въ столовой.—Покушеніе на жизнь смотрителя Л.— Здорадство арестантовъ. — Смерть простр'яленнаго каторжника. — Прогудка ви'х тюрьмы.—Назначеніе въ Тымовскій округь.—Ми'яніе чиновниковъ о раненомъ смотрител'я Л.—Свиданіе съ нимъ.

- Пожалуйте наверхъ объдать!—зоветь меня слуга смотрителя, выводя изъ тяжелаго раздумья.
 - Объдать? Я не хочу ъсть.
 - Какъ же не объдать? Нельзя-съ! Пожалуйте!

Чтобы не раздражать смотрителя, я пошель за слугою. Меня онъ привель въ ту же комнату, гдё я вчера ужиналь. Въ ней никого не было. Столъ былъ накрытъ. Не притронувшись къ поданному объду, я подошелъ къ окну, изъ котораго виденъ былъ весь дворъ съ толпою каторжныхъ, смотрителемъ и всёми окружающими постройками. Звонили къ объду. Рабочіе потянулись вереницами изъ всёхъ казармъ въ столовую, которая находилась на противоположномъ концё двора, какъ разъ противъ моего окна. Чрезъ нёкоторое время смотритель поднялся изъ-за стола и тоже направился въ столовую. Съ его уходомъ сърая масса каторжныхъ нёсколько оживилась. Я узнатъ, что тёмъ, которыхъ выкликали, позволено объдать въ столовой. Мон товарищи все еще стояли въ общей кучъ.

Вдругь раздался сильный трескъ и шумъ въ столовой.

— Ну, опять скандаль какой нибудь!—подумаль я:—Въроятно, своимъ издъвательствомъ смотритель вывель изъ терпънія голодную толпу, и она взбунтовалась. Мнъ послышался какъ бы трескъ отъ битой посуды. Но вскоръ все объяснилось. На крыльцъ столовой показался смотритель съ револьверомъ въ рукахъ, безъ шапки,

съ блуждающимися глазами. Къ нему побъжали солдаты съ ружьями и надзиратели. Смотритель сдълалъ нъсколько невърныхъ шаговъ впередъ и, хватая себя за бокъ, опустился на землю.

— «Очевидно его ранили,—мелькнуло у меня въ головѣ:—надо скорѣе остановить у него кровь».

Въ одно мгновеніе я уже былъ на дворѣ и направлялся къ смотрителю; но вспомнивъ, что на мнѣ арестантскій костюмъ, я остановился, не покушаясь пробраться сквозь толпу надзирателей къ раненому, а онъ безпомощно лежать на землѣ, пока не прибѣжали фельдшера и докторъ. Смотрителя перенесли въ его квартиру и тамъ ему сдѣлали перевязку.

Какъ молнія, облетѣла вѣсть по всему городу, что одинъ изъ старыхъ каторжниковъ бросился на смотрителя и нанесъ ему ударъ ножемъ. Когда же онъ хотѣлъ повторить свой ударъ, смотритель успѣлъ вынуть изъ кармана револьверъ и въ упоръ выстрѣлилъ въ него. Тутъ подскочили солдаты и освободили раненаго.

Между тъмъ каторжные на дворъ сбились въ кучу и затихли, выжидая конца всъхъ этихъ тяжелыхъ сценъ. Вскоръ прибылъ генералъ—начальникъ острова. Онъ быстро прошелъ въ столовую, гдъ только что разыгралась кровавая драма, взглянулъ на умирающаго каторжника, сказалъ что-то въ родъ: «собакъ собачья смерть», и вышелъ опять на дворъ, гдъ выстроились въ линію новички арестанты. Онъ окинулъ всъхъ грознымъ взглядомъ и, потрясая рукою, крикнулъ ръзкимъ голосомъ:

- За такіе поступки вѣшать! Повѣшу! Повѣшу!.. и ушелъ. Многіе въ душѣ ликовали, отдѣлавшись оть такого смотрителя.
- Онъ, ребята, поправится, такъ еще злъе будеть,—говориль какой-то пророкъ.
- A Гурчевъ на что? У пасъ еще Гурчевъ есть!—съ злораднымъ смѣхомъ отвѣчали ему.

Гурчева я знать на пароходѣ и не разъ наблюдать, какія страсти въ немъ бушують. У всѣхъ составилось мнѣніе, что ему задавить человѣка такъ же просто, какъ курченка. Впрочемъ напрасно Гурчевъ хвастливо потряхивалъ головою. Такихъ извѣстныхъ субъектовъ, какъ онъ, обыкновенно переводять въ Воеводскую падь¹), гдѣ они болѣе изолированы, и гдѣ за ними болѣе стротій присмотръ, чѣмъ въ Александровской тюрьмѣ. Тамъ можно встрѣтить особенно тяжкихъ преступниковъ, прикованныхъ къ тачкамъ.

Я прошелъ къ умирающему каторжнику. Онъ лежалъ на землъ въ концъ двора и дышалъ еще. Кромъ смотрителя, въ него стръляли и солдаты, такъ что грудь несчастнаго въ нъсколькихъ мъстахъ была пробита пулями. Около него я не видълъ ни священника, ни фельдшера. Покинутый всъми, онъ къ вечеру скончался.

¹) Описываемыя событія относятся къ тому времени, когда еще существовада тюрьма въ Воеводской пади.

Дворъ и столовая въ Александровской тюрьмъ.

Боже мой, въ какой адъ попали мы!—подумалъ я.—Сколько здъсь и нравственныхъ и физическихъ страданій! А у меня впечатльнія только одного дня. Что же дальше будеть?!...

Вмѣсто раненаго Л—а временно назначили смотрителемъ тюрьмы до бродушнаго старика. Мнѣ и моимъ товарищамъ онъ отвелъ въ каз армѣ небольшую отдѣльную комнату, предназначенную для надзирателей. Намъ позволено было выходить со двора въ городъ, въ лѣсъ, на рѣчку. Пока присмотра не было никакого.

На другой день послѣ описанныхъ событій я воспользовался возможностью убѣжать отъ тяжелыхъ картинъ тюремной жизни и вышелъ чрезъ заднюю калитку ограды на берегъ небольшой рѣки.

Что за счастье быть хоть на минуту свободнымъ! Я, какъ ребенокъ, катался по травѣ, бѣгалъ по обрывамъ крутого берега, купался въ водѣ и жадно, жадно вдыхалъ душистый воздухъ лѣса. Я сразу забылъ всѣ невзгоды, и смотрителя Л—а, и крики наказываемыхъ людей, и цѣлодневное издѣвательство надъ ними. Вотъ она всеисцѣляющая мать-природа! Какъ я долго томился по тебѣ! Вѣдь я жилъ только мечтою. Бывало упрешься глазами въ сырую стѣну тюрьмы, а мысль летитъ далеко въ благоухающіе лѣса Кавказа или привольныя степи Малороссіи и съ любовью останавливается на каждой травкѣ, на каждой букашкѣ... Но вотъ теперь не мечта, а сама дѣйствительность. Можетъ быть, въ другое время сахалинская природа произвела бы совсѣмъ иное впечатлѣніе, но теперь она казалась удивительно привлекательною!..

Меня и другихъ интеллигентныхъ ссыльныхъ позвали къ генералу. Онъ сдёлалъ намъ внушеніе вести себя хорошо и назначиль мёсто жительства въ Тымовскомъ округѣ, въ самой срединѣ острова.

- Значить, намъ предстоить еще дорога?
- Да, версть шестьдесять. Надо перевалить чрезъ хребеть Пилингу.

Собственно мит безравлично было, гдт бы ни жить, лишь бы оставили меня въ покот. Объ одномъ я пожалтът—придется разстаться съ моремъ, навтвавшимъ мит грезы о былой жизни, о свободъ.

Встречаю сосланнаго кавказскаго героя.

- Вы были у смотрителя Л-а?-спрашиваеть онъ меня.
- Нѣть.
- Сходите! Надо навъстить больного. Онъ будеть очень радъ васъ видъть. Не откладывайте, идите сейчасъ!

Послѣ видѣнныхъ мной грубыхъ сценъ расправы и слыша, кромѣ того, со всѣхъ сторонъ, какъ отъ каторжныхъ, такъ и отъ чиновниковъ, дурные отзывы о Л—ѣ, я отъ души желалъ, чтобы его здѣсь не было. Признаюсь, меня повергало въ недоумѣніе его, повидимому, безкорыстное вниманіе ко мнѣ и къ моему товарищу.

Наиболъе тяжкіе преступники, прикованные къ тачкамъ.

— Это его хитрая политика—оказывать вниманіе и поддержку ссыльнымъ изъ привилегированнаго сословія,—объяснилъ мнѣ одинъ чиновникъ,—потому что они здѣсь очень нужные люди, да, кромѣ того, есть и другія причины.

Я попробовать найти резоны, извиняющие раздражительность Л.—а. Безсонныя ночи, переутомленіе, масса заботь—все это должно имъть свое вліяніе на слабый организмъ уже посъдъвшаго смотрителя. Наконецъ, онъ, можеть быть, только на первое время хочеть казаться строгимъ, чтобы установить дисциплину среди всей этой массы отчаянныхъ людей.

Мић горячо возражали, обвиняя его не только въ жестокости, хитрости, лицемъріи, но и во многихъ другихъ порокахъ, такъ что я думалъ: однако, ты не только каторжнымъ, но, какъ видно, и чиновникамъ немало насолилъ!

Мит пришла мысль подать ему благой совтть выйти въ отставку, воспользовавшись только что происшедшимъ грустнымъ инцидентомъ, который давалъ ему, какъ раненному при исполнении служебныхъ обязанностей, право на пенсію.

Онъ, повидимому, обрадовался моему приходу, но едва я заговориль объ отставкъ, какъ пришелъ въ раздраженіе.

— Въ отставку?! Ни за что! Я имъ покажу, что я не боюсь ихъ... Я ихъ!..—задыхаясь закричаль смотритель и гнѣвно посмотръль въ сторону казармъ.

Когда онъ успокоился, я ему разсказаль о нашемъ свиданіи съ генераломъ и о назначеніи насъ въ Тымовскій округъ.

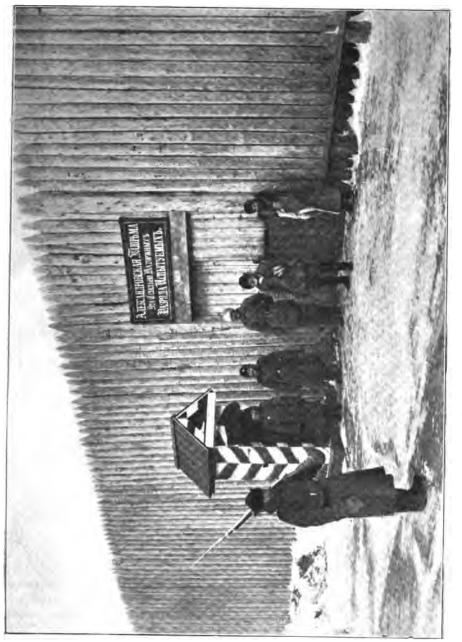
— Мит хотя и жалко съ вами разстаться, но я радуюсь за васъ. Тамъ вамъ будеть спокойнте, да и порядку больше, чты въ Александровкъ. Жаль, что покидаете меня, а какъ бы вы были нужны мит здъсь!

Мы простились. Я полагаль, что больше его никогда не увижу, но случилось иначе: мы не только встрътились, но и прожили вмъстъ въ одномъ селеніи долгое время.

IV.

Знакомство съ интеллигентными ссыльными. — Ихъ заботливость и вниманіе. — Примъры столкновеній изъ-за шапочнаго вопроса. — Свищенникъ Георгій Сальниковъ. — Прошенія каторжныхъ. — Арестантскій объдъ. — Тяжелое положеніе хлібопековъ.

Прежде чёмъ отправиться въ Тымовскій округь, намъ пришлось прождать дней шесть въ Александровкъ. За это время мы успъли хорошо познакомиться съ интеллигентными ссыльными, прибывшими на Сахалинъ годомъ или двумя раньше насъ. Они спѣшили оказать намъ помощь и вниманіе, кто чѣмъ могь: одинъ несъ полотняную рубашку, другой—носовой платокъ, третій—молока или хлѣба и т. п. Особенно памятенъ мнѣ низенькій коренастый полякъ съ угловатыми манерами, П. Д—ій. Его некрасивый, широкій лобъ, нескладно торчащіе усы и рыжестрые глаза не мѣшали ему быть для меня самымъ симпатичнымъ человѣкомъ изъ всей группы

ссыльныхъ. Съ ранняго утра онъ первымъ появлялся къ намъ въ комнату, таща въ объихъ рукахъ всевозможные продукты и поздно вечеромъ послъднимъ уходилъ отъ насъ. Добротъ его, казалось, не было предъла. Онъ какъ будто искалъ случая пожертвовать собою для товарища. Да такъ это и случилось впослъдствіи.

Визиты ссыльных держали насъ цёлые дни въ камере, и мы рёдко выходили за ворота тюрьмы, да къ тому же и побаивались, услышавъ, сколько непріятных столкновеній разыгралось въ послёднее время изъ-за «шапочнаго вопроса». Интеллигентному ссыльному тяжело выполнять всё требованія, предъявляемыя сахалинскими чиновниками каторжнымъ, относительно внёшняго почтенія. Обыкновенно при встрёчё съ чиновникомъ, ссыльно-каторжный сходилъ съ тротуара и не за двёнадцать шаговъ, какъ солдаты, а за двадцать и боле, снималъ шапку и съ обнаженной головой проходилъ мимо начальства со страхомъ и трепетомъ. Не всякій, однако, рисковаль пройти такимъ образомъ на улицё мимо смотрителя Л—а. Многіе предпочитали уклоняться въ сторону и идти въ обходъ дальними проулками. Дошло до того, что стали проходить съ обнаженной головой не только мимо чиновниковъ, но даже и мимо домовъ ихъ.

— Неравно кто нибудь смотрить въ окно. Нѣть, ужъ лучше снять шапку: цѣлѣе будешь!—замѣчали каторжные. На этомъ основаніи они снимали шапку передъ каждымъ незнакомымъ лицомъ, одѣтымъ въ приличный европейскій костюмъ, будь это купецъ. любопытствующій пассажиръ, или иностранецъ-морякъ съ парохода.

Пробовали иногда ссыльные изъ привилегированнаго сословія раскланиваться при встрѣчѣ съ чиновниками. Нѣкоторые снисходительно терпѣли такія привѣтствія, но другіе возмущались.

— Ровня что ли миѣ, чтобы раскланиваться со мною, какъ со знакомымъ на Невскомъ проспектѣ?!—кричали такіе господа.

Еще тяжелѣе было для интеллигентныхъ каторжныхъ стоятъ на улицѣ безъ шапки, когда приходилось разговаривать съ начальствомъ. А какъ просто создаются цѣлыя исторіи изъ пустяковъ! Напримѣръ, стоитъ толпа рабочихъ (ссыльно-каторжныхъ на Сахалинѣ обыкновенно зовутъ рабочими) у склада съ провизіей въ ожиданіи пайка. У всѣхъ руки заняты или мѣшками, или полученной провизіей (кто не пользуется готовой пищей въ тюрьмѣ, ежемѣсячно получаетъ на руки слишкомъ полтора пуда муки, нѣсколько рыбъ, иногда солонину и немного крупы для приварка). Завѣдующій складомъ чиновникъ дѣлаетъ карандашемъ отмѣтки въ книгѣ. По временамъ онъ обращается къ какому нибудь рабочему съ замѣчаніемъ или вопросомъ, при этомъ, конечно, не стѣсняется подборомъ словъ. И вотъ тутъ-то, среди этой сутолоки, вдругъ чиновникъ озлится на близъ стоящаго ссыльно-каторжнаго, занятаго процедурою пріема муки, и крикнетъ:

Ново-Михайловское поселеніе на Сахалинъ.

— Шапку долой, такой-сякой!

И бъда, если обиженный рабочій отвътить что нибудь: ему тогда не миновать розогь.

Потомъ мнё случалось видёть и слышать болёе возмутительныя картины изъ-за шапочнаго вопроса, но и въ первые дни на Сахалинё у меня составилось рёшеніе—лучше избёгать встрёчи съ чиновниками. Впрочемъ, я до нёкоторой степени чувствовалъ себя свободнёе въ арестантскомъ платьё. Правда, этоть сёрый халатъ уничтожалъ личность, званіе, имя, но за то гораздо легче снималась предъ начальствомъ круглая сёрая шапка безъ козырька. Вотъ почему, хотя у меня съ собою было вольное платье, и мнё, вёроятно, позволили бы его надёть, я долго не снималъ казеннаго халата съ тузомъ на спинё. Здёсь стёсняться было некого. Чиновники и солдаты привыкли къ виду арестантскаго костюма, а всё остальные пришельцы Сахалина когда-то носили сами такой же халатъ.

Съ первымъ праздничнымъ днемъ нѣкоторые изъ вновь прибывшихъ поспѣшили въ маленькую деревянную церковь 1) служить молебенъ. Священникъ о. Георгій Сальниковъ всѣмъ служилъ даромъ. Одинъ я едва могъ уговорить его принять отъ меня немного денегъ. Въ этомъ отношеніи онъ быль въ мое время безпримѣрнымъ священникомъ на Сахалинѣ. Отецъ Георгій довольствовался своимъ жалованіемъ (1.000 руб. въ годъ) отъ тюремнаго вѣдомства. Къ сожалѣнію, рано овдовѣвъ, онъ не могъ примириться съ здѣшней горемычной жизнью и ушетъ на Амуръ.

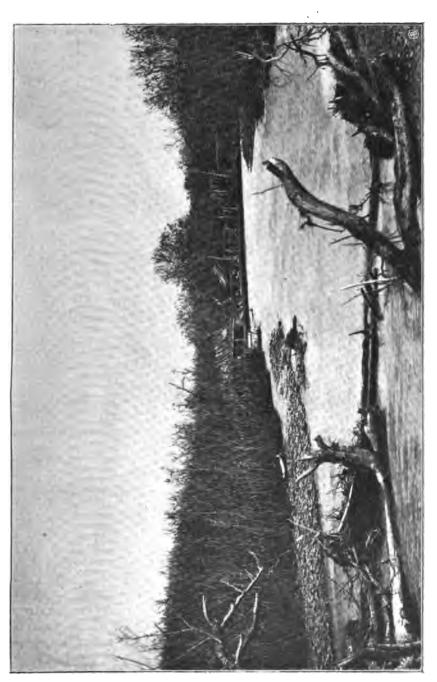
Въ эти дни нашего пребыванія въ Александровской тюрьмъ кы мало имъли общенія съ другими арестантами. Впрочемъ, меня еще они осаждали просьбами—написать имъ прошенія на имя государя или министра. Я охотно сочинялъ просьбы арестантовъ, а за неграмотныхъ не стъснялся подписывать свою фамилію. Въ короткое время моими прошеніями наводнилась канцелярія. Узнавъ объ эгомъ, меня позвалъ старичокъ-смотритель и довольно откровенно объяснилъ, что я даромъ тружусь, потому что этимъ прошеніямъ они не дадутъ хода. Только тъ ссыльные, о которыхъ позаботится самъ начальникъ округа, могутъ разсчитывать, что ихъ прошенія пошлють въ Петербургъ.

Иногда я заходиль въ общую столовую (она же и кухня) съвсть порцію похлебки, а еще болве изъ любопытства. Каждому наливали одинъ черпакъ (кружка на длинной палкв) похлебки прямо изъ огромнаго котла. Это варево, или баланда, какъ здвсь называють, чаще всего представляла густую сврую массу изъ кусковъ разваренной рыбы, костей, картофеля и лавроваго листа

¹) Она сгоръла 28 ноября 1890 года. Огонь уничтожилъ ее въ одинъ часъ. Въ золъ нашли только обгоръвшее евангеліе, а подъ нимъ антиминсъ.

«истор. въстн.», январь, 1900 г., т. LXXIX.

Если рыба была свъжая или соленая, но не сильно попорченная, баланду кое-какъ еще можно есть съ голодухи, только надо помириться съ тою степенью чистоты, какая здъсь допускается при приготовленіи этого кушанья. Нечищенный картофель обыкновенно мыли въ ушатахъ палками, а затъмъ рубили съчками, какъ капусту. Впослъдствіи придумали чистить картофель машиной (изъ деревянныхъ палокъ цилиндръ, вращающійся въ водъ), но и она смывала только землю съ картофеля, но не сдирала шелухи.

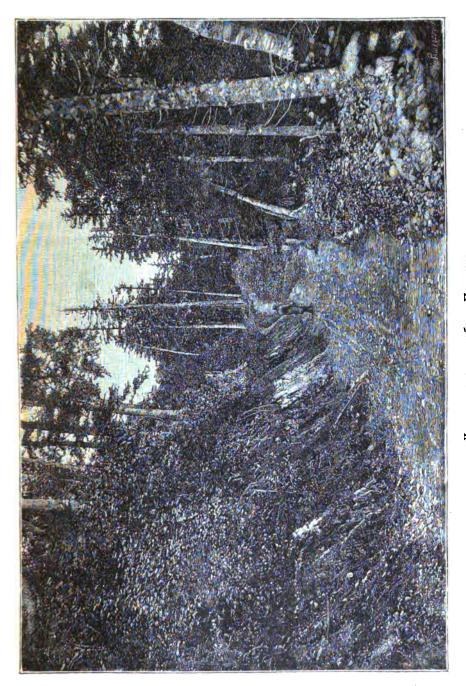
Собственно главную пищу для рабочаго составляла пайка, т.-е. три фунта ржаного хлъба. Мнъ ръдко когда приходилось видъть хорошій хлъбъ въ тюрьмъ. Обыкновенно онъ сырой, съ закаломъ, крайне тяжелый для желудка. И не мука въ этомъ виновата, кототорая доставлялась на пароходахъ изъ Одессы, и даже не пекари, запираемые на ключъ во время работы, чтобы не расхищали тъста, а сами смотрители тюремъ, составляющіе экономію на чрезмърномъ припекъ. Я очень жалълъ бъдныхъ хлъбопековъ. Помимо того, что они исполняли тяжелую работу, замъшивая квашни на десятки пудовъ хлъба, должны были еще выполнить два другъ друга отрицающія условія: чтобы и хлъбъ былъ хорошъ, и припекъ былъ бы въ требуемомъ размъръ. Исторія Сахалина имъетъ нъсколько примъровъ, какъ пекарь, получая розги или за худой хлъбъ или за малый припекъ, наконецъ не выдерживалъ и убивалъ смотрителя.

V.

Походъ каторжныхъ въ Тымовскій округь.—Бивуакъ въ селеніи Ново-Михайловскомъ.—Непріятный урокъ.—Подъемъ на Пилингскія горы.—Сахалинская флора.— Перевалъ черезъ хребеть.—Откровенность конвоировъ.—Начальникъ округа Бутаковъ.—Утомленіе.—Тымовская долина.

Въ воскресенье, утромъ, 9-го августа, былъ объявленъ походъ для ссыльно-каторжныхъ, отправляющихся въ Тымовскій округъ. Туда обыкновенно назначались малосрочные съ тѣмъ расчетомъ, чтобы они, окончивъ срокъ каторги, скорѣе заселяли долину р. Тыми. Такъ какъ я плылъ въ первомъ отдѣленіи парохода Добровольнаго флота, гдѣ сидѣли долгосрочные, то отправляемая партія для меня была совершенно незнакома. Всѣ поспѣшили запастись казенной провизіей на четыре дня и накупили жестяныхъ чайниковъ или котелковъ мѣстнаго издѣлія. Мнѣ и моимъ товарищамъ была назначена для вещей подвода, запряженная по-малороссійски волами.

Среди дня тронулись въ путь. Я съ товарищами шелъ въ хвостъ сърой толпы, человъкъ въ 200. Въ конвой назначенъ взводъ солдать мъстной команды. Сзади всъхъ верхомъ на лошади ъхалъ мо-

19*

лодой чиновникъ тюремнаго въдомства. Дорога ровная, шоссейная. День теплый, солнечный. Общее настроеніе было очень хорошее: съ одной стороны мы уходили отъ страшнаго смотрителя Л—а, съ другой—сравнительно мирная жизнь земледъльческой колоніи Тымовскаго округа сулила намъ въ перспективъ отдохновеніе послъ всъхъ перенесенныхъ мытарствъ.

Дорога шла къ югу, по прямому направленю, къ селеню НовоМихайловскому, извъстному у старожиловъ болъе подъ названіемъ
Пашни. Идя налегкъ, я и мои товарищи имъли громадныя преимущества предъ другими ссыльными. Вскоръ чиновникъ слъзъ съ
лошади и сталъ съ нами разговаривать. Это былъ очень словоохотливый человъкъ, но я ограничился только немногими разспросами о сахалинской жизни, предоставивъ бесъдовать съ нимъ моимъ товарищамъ. Къ вечеру подошли къ Пашнъ. По краю селенія протекала ръка. Она имъла общій характеръ сахалинскихъ
ръкъ: то суживалась въ тъсныхъ густо-заросшихъ берегахъ, образуя быстрое теченіе, то шумно бурлила въ пънистыхъ порогахъ,
то широко разливалась въ низменныхъ мъстахъ и открывала большія отмели изъ чистаго голыша.

Намъ объявили ночевку на большой полянь у самой ръки. Скоро запылали костры. Для экономін топлива на каждомъ изъ нихъ кипятилось по десятку и болье котелковъ и чайниковъ, подпертыхъ для устойчивости кирпичами и камнями. Мнѣ нравились такіе общественные очаги. Кругомъ ихъ сидъли на корточкахъ съ трубками въ зубахъ каторжные. Нъкоторые подкладывали въ огонь хворостъ и щепки. Я тоже поусердствовалъ для своихъ товарищей, досталъ изъ ръки воды, поставилъ на костеръ чайникъ и потянулся къ кучъ тутъ же лежащихъ щепокъ, чтобы подложить въ огонь. Но одинъ изъ моихъ сосъдей слегка стукнулъ щепкой по моей рукъ. Я понялъ: это его собственность, онъ собралъ щепу, онъ и распоряжается ею. Кругомъ сидъли все незнакомыя лица, и я молча принялъ урокъ. Этотъ случай, однако, заставилъ меня поосторожнъе входить въ общее дъло съ каторжными.

Въ первый разъ въ жизни пришлось мит ночевать подъ открытымъ небомъ на разостланномъ полушубкъ. Мы кое-какъ сбились въ кучу и закрылись халатами. Къ счастью, погода была хорошая, и я покойно заснулъ среди двухсотъ каторжныхъ.

На другой день изъ Ново-Михайловскаго направились къ востоку на Пилингскій хребеть 1). Дорога подымалась въ гору все выше и выше. Идти было очень тяжело, и я порядочно утомился. Мои товарищи поочередно присаживались къ мѣшкамъ на подводу. Нѣсколько поддерживала мою бодрость постоянная смѣна восхитительныхъ горныхъ картинъ. Особенно мнѣ нравилось слѣдить за

¹⁾ Тогда еще не было нынъшней дороги въ Тымовскій округь чрезъ Арково.

извинавшейся около дороги рѣкой, какъ она пряталась отъ насъ или въ зелени кустовъ и деревьевъ, или за изгибами горъ. Иногда она подойдетъ совсѣмъ близко со своими широколиственными лопухами, затѣмъ вдругъ скроется, а чрезъ пять минутъ уже далеко внизу поблескиваетъ по долинъ среди тальника и ивъ.

Намъ давали часто останавливаться для отдыха. Утомившіеся путники спускали со своихъ плечъ мёшки и курили табакъ. Здёсь на Пилинге солдаты-конвоиры были не такъ строги, какъ въ долине,

Начальникъ Тымовскаго округа А. М. Бутаковъ.

и позволяли каторжнымъ собирать ягоды по склонамъ горъ. На этомъ подъемѣ къ Пилингскому перевалу я познакомился съ интересными видами сахалинской флоры. Тогда лѣса еще не были уничтожены пожарами, и они красиво отгѣняли далекіе хребты въ 2000 футъ высотою. Въ долинахъ мы встрѣчали гигантскіе тополи и ильмы въ два-три обхвата толщиною. Иногда, какъ на подборъ, удивительно высокія и стройныя ивы растягивались вдоль рѣки красивой, точно искусственной аллеей. Выше смѣняли ихъ вязы,

осины, лиственницы и березы. Еще выше—ели, пихты, да иногда такъ называемая черная береза (Betula Ermani). Наконецъ, мы достигли самой верхней точки дороги. Здѣсь граница двухъ округовъ. Н оглядѣлъ горизонтъ: страшная высота! Но когда замѣтилъ надъ собою въ голубомъ небѣ, какъ маленькую точку, парящаго орла, я подумалъ: съ какимъ величіемъ ты смотришь съ недосягаемой высоты на насъ, пресмыкающихся на землѣ! Если мы видимъ воды Татарскаго пролива,—навѣрно, ты видишь и Охотское море!

Переночевавъ въ Ведерниковскомъ станкѣ, мы стали спускаться къ Тымовской долинѣ. Теперь охрана была нѣсколько слабѣе. Да, и кто убѣжитъ здѣсь въ горахъ! Солдаты не шли строго цѣпью по одному. Желаніе побесѣдовать сводило ихъ попарно. Около меня піло два бойкихъ рядовыхъ и не стѣсняясь вели громкій разговоръ о поимкѣ бѣглыхъ каторжныхъ, о денежной наградѣ за это, о производствѣ въ надзиратели. Сколько было зависти у нихъ къ другимъ, которымъ удалось ноймать бродягъ, и сколько цинизма, когда они говорили объ убійстяѣ ихъ въ лѣсу! Меня коробило отъ этихъ откровенныхъ разсказовъ.

Вечеромъ мы пришли въ Малое Тымово, небольшое, но старъйшее въ округъ селеніе. Здъсь мы встрътили самого начальника округа, А. М. Бутакова. Въ его несколько суровомъ лице была заметна примъсь азіатской крови, какъ и у многихт уроженцовъ Забайкалья. Происходя изъ казаковъ, Бутаковъ былъ сначала писаремъ. Вскор'в его произвели въ офицеры, а зат'вмъ въ чинъ сотника перевели на службу по тюремному въдомству. Заявивъ себя хороинимъ смотрителемъ Александровской тюрьмы, онъ получилъ въ 1885 году м'єсто начальника только-что открывшагося Тымовскаго округа. Бутаковъ считался на Сахалинъ образцовымъ хозянномъ и неусыпнымъ деятелемъ. Въ самомъ деле, онъ зналъ всехъ поселенцевъ каждаго по фамилін, знать, сколько у кого дётей, какое хозяйство, сколько скота, его прилежаніе къ работь, поведеніе. Будучи прекраснымъ семьяниномъ, Арсеній Михайловичъ напоминалъ хорошаго помъщика временъ кръпостного права. Съ 7 часовъ утра онъ обыкновенно сидълъ въ канцеляріи и принималъ ежедневно толпу просителей. Каждому онъ умълъ помочь не однимъ только совътомъ. При такихъ отзывахъ о нашемъ начальникъ мы довольно успоконтельно смотръли на свое будущее.

Бутаковъ провърилъ насъ по списку, пропустилъ мимо себя каждаго арестанта по одиночкъ и уъхалъ. Мы не слышали отъ него ни одного слова.

Оставался послъдній переходъ но хорошей грунтовой дорогъ, постоянно спускающейся къ долинъ ръки Тыми. Погода намъ удивительно благопріятствовала. Вывали годы, когда насчитывали 20 дождливыхъ дней въ августъ мъсяцъ, но вотъ уже четвертый день, какъ мы идемъ при ясномъ небъ. Я порядочно усталъ. Тутъ только

понялъ, насколько я ослабътъ въ тюрьмъ. То, что прежде прошелъ бы въ одинъ день, я иду четыре дня и изнемогаю. Только сознаніе, что скоро конецъ этому походу, давало мнъ силы кое-какъ тащиться вмъстъ съ другими.

Довольно суровый пейзажъ горъ съ хвойнымъ лѣсомъ постепенно сталъ смягчаться. Высокіе хребты отодвинулись къ горизонту. Открылась широкая и длинная долина въ зелени лиственнаго лѣса. Широкая рѣка чрезвычайно извилистой лентой обхватывала Рыковское селеніе, мелькавшее своими избенками среди
чащи ильмовъ, тополей, березъ и осинъ. Чѣмъ ближе къ рѣкъ,
тѣмъ трава выше и гуще. Толстыя дудки (зонтичное растеніе
Апфеlophyllum ursinum Rup.) со своими удивительными зонтиками
подымались на сажень отъ земли и болѣе. Кусты красныхъ піоновъ
издали красовались; какъ садовыя махровыя розы. Попадались и
ягодные кусты черники, голубики и смородины. У самой рѣки виднѣлись красивыя купы громадныхъ деревьевъ. Вся эта сверкающая на солнцѣ яркозеленая растительность мирила меня съ печальною мыслію жить здѣсь долгіе годы...

Переходя черезъ рѣку по большому деревянному мосту, мы встрѣтили нѣсколько поселенцевъ, женщинъ и ребятишекъ, занятыхъ ловлею рыби. И эта встрѣча мнѣ понравилась. Красные ситцы ихъ напоминали русскую деревню, а не ожидаемую каторгу. Впрочемъ, у меня было своеобразное зрѣніе послѣ многолѣтнихъ стѣнъ каземата. На фонѣ природы все мнѣ казалось въ смягченномъ видѣ.

Я уже успълъ переброситься нъсколькими словами съ ребятами и узналъ отъ нихъ, что въ этомъ году урожай на ягоды.

— A черемуха—во какая! Чуть-чуть не съ вишню... восторженно замѣчали они.

VI.

Рыковское селеніе.—Естественная ограда сахалинскихъ тюремъ.—Гостепріимство художника К.—Водвореніе въ его мастерской.—Ваня.—Первыя каторжныя работы.

Незамътно для себя мы скоро вошли въ Рыковское селеніе. Вдали высился новый срубъ строящейся церкви. Кругомъ его стъснились главныя казенныя зданія. Тымовская дорога, по которой мы шли, привела насъ къ самой тюрьмъ, т. е. къ собранію деревянныхъ бараковъ для каторжныхъ. Тюрьма ничъмъ не была огорожена. Здъсь болъе върили въ естественную ограду: труднопроходимыя горы, лъса, болота, ръки, а кругомъ всего сердитое море. Дъйствительно, куда убъжишь?! Чаще всего соблазняются видимымъ привольемъ каторжные-новички и тотчасъ же по прибыти на Сахалинъ бътуть въ тайгу, не познакомившись хорошо

ни съ дорогой, ни съ условіями здѣшней жизни. Однако, рѣдко кому удается пробраться на материкъ; обыкновенно же они погибають или съ голоду, или оть пуль солдать и гиляковъ, или, что чаще всего, возвращаются назадъ въ тюрьму. Если каторжный недолго былъ въ отсутствіи, то и не дѣлають помѣтки въ его статейномъ спискѣ о попыткѣ убѣжать, а ограничиваются обыкновенною порцією наказанія—25 розогъ.

Только что мы пришли на тюремный дворъ, какъ намъ указали казармы для нашего жительства. Всё бросились въ камеры занимать мёста на нарахъ. Я со своими товарищами опоздалъ и не нашелъ свободныхъ наръ. Мы сложили свои вещи въ уголъ камеры прямо на полъ и стали дожидаться прихода смотрителя К—аго.

Еще входя въ камеру, я замътилъ на крыльцъ молодого человъка въ синей блузъ. Онъ меня заинтересоваль своимъ не совсъмъ русскимъ лицомъ, и я вышелъ съ нимъ познакомиться. Это былъ ссыльный художникъ К., шведъ по матери. Здъсь въ казармъ ему отвели отдъльную комнату (такъ называемую надзирательскую), гдъ онъ занимался рисованіемъ и ръзьбой деревяннаго иконостаса для здъшней церкви. Узнавъ наше положеніе, онъ любезно пригласилъ къ себъ меня и моихъ товарищей для совмъстнаго сожительства. Конечно, мы съ благодарностью воспользовались его гостепріимствомъ и немедленно перебрались со своими мъшками въ его комнату, заставленную большимъ столомъ съ работой и кусками ильмоваго дерева, приготовленными для ръзьбы.

Вскорт постиль насъ смотритель тюрьмы, переведенный въ въ чиновники тюремнаго втдомства изъ фельдшеровъ.

— А, вы туть расположились? Ну, и прекрасно!

И ушелъ. Онъ былъ доволенъ, что вопросъ относительно нашего помъщенія такъ скоро самъ собою разръшился безъ его участія.

Художникъ К., хорошо знакомый съ условіями здёшней жизни, охотно помогаль намъ устроиться поудобнёе. Каждому изъ насъ сколотили изъ досокъ по койкъ. Пищу взялся варить одинъ изъ товарищей К. на всю компанію въ шесть человъкъ. Носить дрова для камина и воду изъ колодца, а также убирать комнату, согласились поочередно. Болъе крупныя работы, напримъръ, принести провизію изъ склада, производили совмъстными усиліями.

Хотя мы и спѣшили предупреждать другъ друга во взаимныхъ услугахъ, все-таки жизнь при такихъ условіяхъ была очень неудобна: шесть человѣкъ постоянно на виду другъ у друга, въ тѣснотѣ, среди стружекъ и древесной пыли отъ работы рѣзчика. Одно было пріятно: мы отдѣлены были отъ остальной массы рабочихъ.

По обычаю, первые три дня каторжныхъ не тревожили и предоставили имъ свободу устраиваться и гулять по селеню. Была

открыта для всёхъ тюремная баня. Вмёстё съ другими поспёшили и мы вымыться послё дороги. Нечистоплотность сосёдей въ тёсной раздёвальной и едва выносимая жара умывальной немало насъмучили. Одновременно баня служила рабочимъ и прачешной. Нёкогорые, вымывшись и постиравши бёлье, сейчасъ же его мокрое и надёвали на себя. Но другіе ограничивались однимъ выжиганіемъ насёкомыхъ изъ бёлья, развёшивая его передъ парильной печкой.

Въ моихъ товарищахъ мнѣ нравилась покорная выносливость. Говорить нечего, какъ тяжела была для нихъ, воспитанныхъ въ холѣ, вся эта грубая обстановка. Но я рѣдко слышалъ ихъ жалобы. Напротивъ, всѣ непріятности они старались прикрыть шуткой. Чѣмъ это объяснить? Молодостью ли ихъ, или подражаніемъ мнѣ, старшему изъ нихъ? А я тогда возвелъ въ принципъ: не жаловаться, терпѣть, выжидать и не просить, насколько возможно.

Наконецъ, подошло время и намъ выйти на каторжныя работы. Это было какъ-то неожиданно и ужъ очень просто, безъ всякой спеціальной обстановки, т. е. насъ не подымали въ 3—4 часа ночи, не выстраивали въ ночной полутьмъ во фронтъ «на раскомандировку», не отсчитывали въ партіи подъ особое распоряженіе надзирателя, не назначали опредъленнаго «урока». Случилось гораздо проще. Когда мы сидъли въ своей камеръ и мирно бесъдовали, приходить надзиратель и говоритъ:

 Смотритель приказалъ и вамъ встмъ идти на корчевку деревьевъ на улицъ.

Вышли. Недалеко отъ тюрьмы валятъ огромное дерево. Одни подкапываютъ рычагами подъ корень, другіе тянутъ за веревку, привязанную къ вершинт дерева. Мы тоже подошли къ веревкт. Распоряжались самъ смотритель и надзиратель. Крикнутъ: тяни! мы и тянемъ вмъстъ съ другими рабочими. Повалимъ одно дерево, идемъ къ другому.

Конечно, эта работа была не утомительна для насъ. Мы больше были зригелями, чёмъ исполнителями ея. Наши слабыя усилія—среди толпы мужиковъ—капля въ морё. Я лично испытывалъ большую неловкость, чувствуя себя не на мёстё. Привыкнувъ при производствё работъ распоряжаться другими, я теперь долженъ самъ изображать послушную физическую силу. Мои товарищи тоже недоумёвали, зачёмъ ихъ выгнали на общія работы. Обыкновенно интеллигентныхъ ссыльныхъ тотчасъ же по пріёздё на Сахалинъ назначають писарями, учителями, чертежниками и т. п. Предчувствуя, что это временная мёра для испытанія нашего смиренія, мы успокоились и покорно отнеслись къ этимъ первымъ каторжнымъ работамъ.

Послъ объда и небольшого отдыха снова насъ вызвали на улицу для другого вида работы. Надо было перетаскать наваленную кучу остатковъ бревенъ и досокъ на задній тюремный дворъ. Съ нами былъ только одинъ надзиратель. Мы бодро принялись за работу. Каждый старался выбрать чурбанъ потяжелье, едва доступный слабымъ силамъ. Наша молодость умъла скрасить шуткой и веселымъ смъхомъ и эту подневольную работу.

VII.

Навначеніе плотникомъ. — Моє болізненное состояніе. — Сахалинская лососинакэта. — Отравленіе рыбой. — Куриная сліпота. — Плотничьи работы. — Аудиторія на церковной площади. — Сношенія съ рабочими. — Случай съ Масюкевичемъ. — Совість ссыльныхъ.

На другой день мы опять ждемъ новаго назначенія на работы, но приходить смотритель и объявляеть, что начальникъ округа предлагаеть намъ самимъ выбрать опредёленное занятіе въ мастерскихъ. Товарищи ратдёлились: двое записались въ столяры, а другіе двое—въ слесари. Я не хотёлъ идти въ душную комнату. Мнѣ надоёли стёны каземата, и я попросилъ назначить меня къ плотникамъ, которые строили церковь на площади среди селенія.

Товарищи мои были огорчены этимъ распоряжениемъ начальника округа. Они поняли его такъ, что ихъ будуть держать въ черномъ тълъ, на общемъ положени остальныхъ каторжныхъ. Надолго ли? Мы все-таки не могли допустить, чтобы новый округь, совсёмъ бъдный интеллигентами, такъ легко отказался отъ нашихъ услугъ. Я утыпаль товарищей надеждою на скорое избавление и первый показалъ примъръ подчиненія установившимся порядкамъ. Мнъ даже нравилось, что я волей-неволей долженъ буду работать на чистомъ воздухъ. Безъ такихъ принудительныхъ работь я, въроятно, сидълъ бы въ комнатъ за книгой или тетрадкой по 12-ти часовъ въ сутки и продолжалъ бы чахнуть, какъ чахнулъ въ заключеніи по тюрьмамъ. Острыхъ болей я не чувствовалъ, но весь организмъ былъ испорченъ, истощенъ. Я боялся взглянуть въ зеркало на свое блёдное, страшно исхудалое лицо. Отъ малокровія часто кружилась голова. Слухъ и зрвніе были значительно ослаблены. Даже челюсти, и тъ отъ долгаго неупражненія настолько ослабли, что у меня больли связки ихъ, послъ первыхъ разговоровъ по выходъ изъ каземата. Къ довершенію всего не миновали и меня сахалинскія бользни, обычныя для всъхъ ссыльныхъ, прибывающихъ сюда осенью: разстройство пищеваренія и куриная сліпота. Оно и понятно: перемъна воды и пищи должна отозваться. Я прибыть въ Тымовскій округь еще въ то время, когда невыпаханная земля давала удивительные урожаи крупнаго картофеля. Этотъ продукть да мёстная рыба кэта изъ породы лососей составляли главную пищу ссыльныхъ. Въ августъ мъсяцъ всъ жители долины ръки Тыми заняты ловлею кэты и запасаются ею на весь годъ. Но

странными свойствами обладаеть эта рыба. Въ концъ лъта она бросается изъ моря въ реки невероятными массами и упорно идетъ для метанія икры все впередъ и впередъ противъ теченія, пока не выбьется окончательно изъ силъ и не погибнеть гдв нибудь въ верховьяхъ ръки. За этогъ переходъ она совершенно мъняется: маленькая красивая голова превращается въ большую удлиненную сь оскаленными челюстями, розовое мясо становится бледнымъ, а на кожт появляются стрыя пятна. Употребление кэты въ свъжемъ видъ иногда вызываетъ сильныя желудочно-кишечныя заболъванія. Сразу наступаеть рвота, поносъ и общая слабость. Нъкоторые полагають, что эти явленія происходять оть отравленія фосфоромъ, которымъ такъ изобилуетъ эта рыба. Мясо кэты, и въ особенности икра ея, въ темнотъ свътится фосфорическимъ блескомъ. Весьма въроятно, въ иныхъ экземплярахъ бываетъ мъстное отложение фосфора въ большомъ количествъ, которымъ и отравляются сахалинцы. Я всю осень не могь примириться съ этой рыбой и страдалъ, какъ и другіе. Замёнить же кэту мясомъ или молокомъ-не было средствъ. Деньги, взятыя на дорогу, приходили къ концу, а до новой получки отъ родныхъ по почтв надо ждать нъсколько мъсяцевъ.

Другая странная бользнь здъсь—куриная слъпота. Вечеромъ расширяется зрачекъ до такой степени, что перестаешь видъть. Но почему эта бользнь бываетъ преимущественно у вновь прибывающихъ, я не находилъ удовлетворительнаго объясненія у мъстныхъ врачей.

Старшему плотнику Шарикову, тоже ссыльно-каторжному, была дана тайная инструкція: поставить меня въ пару съ другимъ плотникомъ хорошаго поведенія; что захочу дѣлать — показывать, но отнюдь не требовать никакой урочной работы. Впослѣдствіи, когда я узналъ объ этой инструкціи, все равно я также прилежно работалъ, какъ и въ самомъ началѣ, нисколько не отставая отъ другихъ плотниковъ. Въ работѣ я видѣлъ свое здоровье и отвлеченіе отъ того развивающагося съ каждымъ годомъ гнетущаго состоянія, которое иныхъ моихъ товарищей привело къ преждевременной смерти, другихъ къ самоубійству.

Рано утромъ, съ топоромъ въ рукахъ, я выходилъ вмѣстѣ съ другими илотниками на раскомандировку. Послѣ переклички сейчасъ же шелъ къ церкви и принимался пилить и строгать. Топоромъ я не умѣлъ работать, да и мало было дѣла для топора: стѣны и куполъ церкви были выведены; нужны были доски для пола, потолка и общивки стѣнъ. Въ пару мнѣ назначили симпатичнаго среднихъ лѣтъ плотника, изъ цыганъ. Низенькаго роста, немного лѣнивый, онъ не обладалъ большой физической силой, а потому мнѣ съ нимъ было удобно работать. Сами мы натаскаемъ досокъ изъ штабеля, усядемся на нихъ другъ противъ друга и

начнемъ строгать одну за другою. Какъ я ни уставалъ, какъ ни ныли руки, я никогда первый не подаваль голоса объ отдыхъ, предоставляя иниціативу во всемъ цыгану. Впрочемъ, желаніе покурить давало ему много поводовъ къ маленькимъ отдыхамъ. Глядя на него, закуривали и другіе плотники. Въ это время нікоторые изъ нихъ подходили ко мнъ и съ любопытствомъ разспращивали о чемъ нибудь. Ежедневно наша площадка передъ церковью обращалась въ маленькую аудиторію. Сначала мнъ приходилось разсказывать о другихъ странахъ и народахъ, или эпизоды изъ русской исторіи и всеобщей, но потомъ стали преобладать философскія и религіозныя темы. Очень любили слушать мои пов'єствованія объ устройств'є вселенной, о солнці, планетахъ и зв'єздахъ. Сами же они разсказывали о сахалинской жизни, о бывшихъ смотрителяхъ, о наказаніяхъ, но никогда публично не поминали о своихъ преступленіяхъ, которыя привели ихъ на Сахалинъ. Мнѣ случалось много разъ выслушивать откровенную исповёдь каторжныхъ, но это всегда было одинъ на одинъ.

Несмотря на общій арестантскій костюмъ, на общую обстановку жизни, на общее унизительное положеніе ссыльно-каторжнаго, всѣ плотники относились ко мнѣ съ большимъ уваженіемъ, вѣжливо называя меня на «вы». Никто изъ нихъ никогда не позволялъ разсказать въ моемъ присутствіи что нибудь скабрезное или неприлично выругаться. Между тѣмъ я не окружалъ себя стѣною недоступности; напротивъ, готовъ былъ войти въ положеніе каждаго рабочаго и посильно помочь имъ совѣтомъ, составленіемъ прошенія, написаніемъ письма, а иногда и матеріальною подачкою.

Вылъ, напримъръ, такой незначительный случай, который оставилъ сильное впечатлъніе на всю жизнь одного рабочаго, Өедота Масюкевича.

Вскорт по прибыти въ Рыковское, приходить къ намъ въ камеру Масюкевичъ, высокій здоровый мужчина, и обращается ко мит:

— Я заметиль, кроме чирковь, у вась есть еще сапоги. Не можете ли на время одолжить чирочковь? У меня украли, и вотъ приходится ходить босымъ.

Я далъ. Товарищи упрекнули меня, зачёмъ я такъ легко вёрю арестантамъ.

— Навърно онъ проигралъ въ карты. Подождите, они васъ допекутъ: совсъмъ раздънутъ васъ! — замъчали они.

Я забыль объ этомъ фактъ. Впослъдствии Масюкевичъ сдълался по-сахалински богатымъ человъкомъ: имълъ большой домъ, отдавая часть его подъ сельскую школу, имълъ много скота, пахотной земли, держалъ работниковъ. Самъ онъ былъ примърнымъ хозяиномъ и занималъ должность псаломщика церкви. Онъ привязался ко мнъ всей душой, и случай съ моими чирками не выходилъ у него изъ головы.

— Помилуйте,—часто онъ разсказывалъ своимъ товарищамъ, никого знакомыхъ нѣтъ, денегъ нѣтъ, а я босой. Шлёпай по холоднымъ лужамъ! Да, еще того и гляди накажетъ смотритель за промотъ казенныхъ вещей... Просилъ я того, другого — никто не даетъ! Дай, попробую сходить къ этому господину. Ни слова не говоря, далъ. Такъ что-жъ вы думаете, теперь, какъ придетъ ко мнѣ кто нибудь изъ попрошаекъ, вспомню чирки, — не могу отказать! На, возьми, что нужно.

Кстати сказать, ссыльно-каторжные, случалось, меня обманывали на Сахалинъ, но это было такъ ръдко, и эти обманы были такъ ничтожны по своему значенію, что я никогда нераскаивался за свое довъріе къ нимъ. Чъмъ дольше жилъ на Сахалинъ, тъмъ болъе убъждался, что и здъсь большинство людей не съ заснувшею совъстью. Стоитъ лишь отнестись къ нимъ участливо, тепло, по-человъчески, и они отзовутся всей душой на ваше вниманіе. Горе ссыльной жизни, принудительный трудъ съ ранняго утра до поздняго вечера и постоянное опасеніе наказанія дълають существованіе здъсь невыносимымъ, но не отнимають совсъмъ послъднихъ проблесковъ золотыхъ частичекъ человъческаго сердца.

И. П. Миролюбовъ.

(Продолжение ез сладующей книжка).

СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО ПРИ С-ПЕТЕР-БУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ

Б ЛЮБОПЫТНОМЪ историческомъ очеркъ В. Е. Рудакова 1) о студенческихъ научныхъ обществахъ приведены нъкоторыя данныя, почерпнутыя изъстатьи г. Сыромятникова (Сигмы) въ «Новомъ Времени» отъ 7 іюля 1899 года, относительно общества, существовавшаго въ 1881—1887 гг. при С.-Петербургскомъ университетъ и оставившаго, какъ говоритъ г. Рудаковъ, во многихъ участникахъ прекрасную по себъ память. Свъдънія эти не

совсёмъ точны и слишкомъ скудны, а потому я, какъ одинъ изъ членовъ-учредителей этого общества, считаю неизлишнимъ, въ дополнение къ названному очерку, сообщить еще нѣкоторыя подробности объ этомъ дорогомъ для насъ учреждении, при чемъ, конечно, мнѣ придется охарактеризовать ту обстановку, при которой оно возникло, настроение и интересы нашей студенческой среды.

Не впадая пока еще въ старческую слабость хвалить непремънно свое время въ ущербъ послъдующему и не желая нимало укорять въ чемъ либо теперешнюю молодежь, которая, что бы о ней ни говорили, и мыслить, и чувствуетъ въ огромномъ своемъ большинствъ честно и благородно, я все-таки долженъ сказать, что, вступая въ университетъ, мы сильно отличались отъ нынъшнихъ гимназистовъ и по степени нашей подготовки и по широтъ и интенсивности нашихъ умственныхъ и общественныхъ интересовъ. Событія предшествовавшихъ годовъ, начиная съ сербо-турецкой войны, въ сильнъйшей степени возбудили въ насъ такіе запросы, о которыхъ теперь ученики средней школы почти никогда не по-

¹) «Историческій Вістникъ», 1899 г., № 12.

мышляють. Уже въ 3-мъ, 4-мъ классахъ гимназіи мы начали слъдить за политикой: идя на уроки, запасаешься, бывало, газетой («Голосомъ» или особенно тогда популярнымъ «Новымъ Временемъ») или телеграммами съ театра войны, и какія оживленныя, страстныя пренія происходили по поводу всякихъ новыхъ въстей! Мальчуганы, конечно, повторяли весьма авторитетно сужденія своихъ родителей; много, конечно, туть было комичнаго политиканства; авторитетность и дътскій задоръ чрезвычайно напоминали Колю Красоткина (яркій образець дітей нашего времени, великолъпно охарактеризованный Достоевскимъ), но, какъ и этотъ мальчикъ, мы приходили къ кое-какимъ положительнымъ результатамъ не говоря уже о томъ, что у насъ изъ чтенія газеть, журналовъ и нъкоторыхъ книжекъ накопился довольно порядочный запасъ свъдъній, какъ о Турціи и славянскихъ странахъ, такъ и политическихъ отношеніяхъ Россіи за царствованіс императора Александра II, не говоря о томъ, что у насъ значительно расширились свёдёнія по европейской исторіи XIX столётія; у насъ, что было особенно важно, явилась жажда самостоятельнаго пріобрѣтенія знаній, мы заинтересовались многимъ, что не входило въ обязательную учебную программу. При этомъ слъдуетъ отмътить, что подобныя самостоятельныя занятія нисколько не мъщали, а, пожалуй, даже значительно помогли учебной работь; а работа эта была совсёмъ не маленькая, такъ какъ въ тъ времена еще ни о какомъ переутомленіи толковать не полагалось въ строгой толстовской системъ, не подвергавшейся еще всяческимъ уръзкамъ, требовалось оть насъ очень много труда, и наша педагогика еще не увлеклась пагубнымъ пріемомъ разжевыванія преподаваемаго матеріала; кромѣ того, тогда не особенно боялись показывать въ отчетахъ большой проценть не успъвающихъ учениковъ, такъ что не вытягивали всеми силами до последняго класса отчаянных тупицъ и лентяевъ, не выпускали изъ гимназій такихъ юношей, которые на окончательныхъ испытаніяхъ по классичесскому отділенію историко-филологическаго факультета пишутъ hominorum или in litteraturibus, или же въ замъткахъ по лингвистикъ спокойно заносять «мъстоимънный коринь». Еще однимъ существеннымъ результатомъ нашихъ мальчишескихъ занятій политикой быль извъстный подъемъ духа, идеалистическое настроеніе, но не въ сиыслё нынёшняго отвлеченнаго эстетизма, а въ направленіи альтруистическомъ: стали мы думать о защить слабыхъ и угнетенныхъ. о служеніи родинв.

Кончилась война, но возбужденіе, вызванное ею въ нашей средь, не могло заглохнуть, — оно перенеслось на другіе предметы, а жизнь сравнительно съ нынъшнимъ затишьемъ била ключемъ, и такихъ интересныхъ предметовъ оказывалось очень много. Стоитъ припомнить хотя бы литературную обстановку того вре-

мени и посравнить ее съ тъмъ, что мы видимъ теперь: въ настоящее время передъ нами одинъ геніальный колоссъ, графъ Л. Н. Толстой, вокругь котораго разстилается пустыня, а на ней кое-гдъ мелькають второстепенныя величины, талантики, подающіе надежды, которымъ, повидимому, такъ и суждено на въки остаться надеждами; а тогда рядомъ съ этимъ колоссомъ стояли такія силы, какъ Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ, Писемскій, Мельниковъ, Некрасовъ, Щедринъ, Островскій. Ихъ произведенія мы читали и перечитывали, и знакомство съ ними, не входившее тогда, какъ, къ сожалънію, и теперь, въ учебную программу, представлялось настолько необходимымъ, что въ гимназіяхъ преподаватели русскаго языка вполнъ спокойно указывали своимъ ученикамъ, что они могли бы пользоваться для своихъ сочиненій типами изъ «Преступленія и наказанія», изъ комедій Островскаго и т. п. Читались и перечитывались нами также и произведенія лучшихъ нашихъ критиковъ, такъ что бывали у насъ кружки, изучавшіе спеціально Бълинскаго или Добролюбова. Для развитія нашихъ литературныхъ интересовъ благод втельный шимъ толчкомъ было открытіе московскаго намятника Пушкину: вдохновенная, мессіаническая річь Достоевскаго, его полемика съ Градовскимъ, річи другихъ ораторовъ, собранныя въ книгъ «Вънокъ на памятникъ Пушкину», все это волновало насъ и до крайности увлекало. Это событіе им'вло для насъ и другое значеніе: съ литературными вновь связались и политическіе вопросы, и уже въ гимназіяхъ у насъ были и западники, и страстные славянофилы, и даже ярые радикалы, мечтавшіе перевернуть весь міръ, возродить Россію, и, если не особенно читавшіе, то очень почитавшіе Лассаля, Прудона, Герцена и разную запрещенную литературу. Потрясающее событие 1 марта 1881 года для многихъ изъ насъ явилось такимъ фактомъ, который заставиль серіозно призадуматься и произвести основательнъйшую провърку своего политическаго и нравственнаго міросозерцанія: одни утвердились въ прежнихъ взглядахъ, другіе кое-что признали необходимымъ измінить въ своихъ возахкінаць.

Въ такомъ настроеніи и съ такой подготовкой мы пришли осенью 1881 года въ университетъ: жажда знанія, жажда работы на благо народа—вотъ тѣ стремленія, которыми было проникнуто большинство юношей, съ радостнымъ трепетомъ переступавшихъ порогъ нашей аlma mater; никакихъ помышленій о карьерѣ и о фортунѣ мы не знали. Чудное было настроеніе! Впереди кавалось все такимъ свѣтлымъ, чарующимъ. Университетъ нашъ блисталъ по всѣмъ факультетамъ именами первоклассныхъ ученыхъ: на юридическомъ факультетѣ были: А. Д. Градовскій, Ю. Э. Янсонъ, И. Е. Андреевскій, В. И. Сергѣевичъ, Н. С. Таганцевъ, Ө. Ө. Мартенсъ, И. Я. Фойницкій, математики стремились послушать П. Л.

Чебышева, А. Н. Коркина, К. А. Поссе; естественники знали, что имъ придется учиться у А. Н. Бекетова, А. С. Фаминцына, Н. П. Вагнера, Ө. Ө. Петрушевскаго, С. А. Меншуткина, А. М. Бутлерова, Д. И. Менделъева; филологи шли къ И. В. Ягичу, В. И. Ламанскому, В. Г. Васильевскому, К. І. Люгебилю, И. ІІ. Минаеву, А. Н. Веселовскому, К. Н. Бестужену-Рюмину, О. Ө. Миллеру; на восточномъ факультетъ были: К. А. Коссовичъ, В. П. Васильевъ, Д. А. Хвольсонъ. Всъхъ не пересчитаешь, было много и другихъ хорошихъ профессоровъ, и върилось, что у такихъ учителей можно многое узнать, что они откроютъ намъ пути къ самостоятельной научной и общественной работъ.

Скоро мы между собой перезнакомились, узнали и старшихъ товарищей, вошли въ общую студенческую жизнь, разбились по тъмъ кружкамъ, которые уже ранбе сложились въ университетской средв. Мы увидели, что общее настроение студенчества не совствить совпалаеть съ нашимъ оптимизмомъ, и что даже чувствуется нъкоторая подавленность. Предшествующіе годы были въ жизни нашего университета чрезвычайно бурными. Кратковременное управленіе А. А. Сабурова и эпоха графа М. Т. Лорисъ-Меликова возбудили массу надеждъ, которымъ не суждено было осуществиться. Весь 1880—1881 учебный годъ прошель въ почти безпрерывных сходкахъ, былъ поднять вопросъ о постоянной студенческой организаціи, о корпораціяхъ, научныхъ обществахъ, кружкахъ самообразованія и взаимной помощи, но все оборвалось, благодаря съ одной стороны прискорбному скандалу на актъ 8 февраля 1881 года, а съ другой — вслъдствіе событія 1 марта... Реакція начала уже обнаруживаться, и толки о преобразованіи университетскаго устава 1863 года, казалось, грозили чёмъ-то тижелымъ.

Тъ старшіе товарищи, къ которымъ мы примкнули, раздълялись на нъсколько большихъ группъ. Самой крупной по численному составу была группа либерально-западническая: нужно идти дальше по пути реформъ, нужно «увънчать зданіе», какъ тогда выражались, подразумъвая конституцію; студенчеству также нужна либеральная организація. Къ западникамъ, называя ихъ, впрочемъ, пустозвонными либералами, ближе всего стояли немалочисленные въ то время революціонные элементы студенчества, хотя следуеть сказать, что почти вст страшныя ихъ революціонныя стремленія были большею частью чисто-теоретическія, и внішнее проявленіе ихъ ограничивалось всёмъ извёстными особенностями костюма, синими очками, малороссійскими рубашками, высокими сапогами, длинными волосами и т. п., а также чтеніемъ прокламацій, запрещенныхъ брошюръ, «Народной воли», пъніемъ зажигательныхъ пъсенокъ въ родъ «Барки». Настоящіе агитаторы, подпольные дъя тели, подобными дълами не занимались. Меньше западнической, «истор. въстн.», январь, 1900 г., т. LXXIX. 20

Digitized by Google

хотя тоже очень многочисленной, была группа славянофильсконародническая: мессіаническая, пропов'ядь Достоевскаго, созданный (собственно только намъченный) имъ идеальный образъ Алеши Карамазова, пламенныя статьи такого восторженнаго трибуна и высоко-талантливаго «рыцаря безъ страха и упрека», какимъ былъ И. С. Аксаковъ, увлекали немало юныхъ головъ, тыть болье, что и въ самой профессорской корпораціи славинофильство имбло такихъ видныхъ представителей, какъ В. И. Ламанскій, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ и О. Ө. Миллеръ, и мы знаемъ студентовъ, вступавшихъ даже въ личныя сношенія съ редакторомъ «Руси», но въ этой группъ сильнъе, пожалуй, было народничество, пропагандировавшееся только что возникшимъ тогда журналомъ Л. Е. Оболенскаго «Русское Богатство», и книжечка г. Юзова «Основы народничества» имфла въ тъ времена немалый кругъ читателей среди студенчества, не совсемъ правильно понимавшаго славянофильство, видъвшаго въ немъ какое-то ретроградство и лучше мирившагося съ программой народниковъ. Наконецъ, совсёмъ незначительна была группа людей, раздёлявшихъ взгляды Каткова: угнетеніе мысли, которымъ грозилъ московскій публицисть, никого не могло привлекать, и его сторонниками явились лишь нѣкоторые изъ студентовъ-аристократовъ или господа, помышлявшіе уже на студенческой скамь в о хорошей чиновной карьеръ; къ послъднимъ примыкали довольно многочисленные, какъ теперь, такъ и тогда безразличные люди, избравшіе своимъ девизомъ умъренность и аккуратность, довольно аккуратно иногда посъщавшіе лекціи, но мало сближавшіеся съ товарищами. Какъ ни были различны возэркнія вскую этихъ кружковъ, они, за исключеніемъ безравличныхъ, сходились между собою въ одномъ указанномъ выше стремленіи служить народному благу. Въ этомъ отношеніи весьма характерной представляется річь, принадлежащая одному изъ участниковъ сходки, изображенной почти съ фотографической върностью въ повъсти «Старый гръховодникъ» въ журналѣ «Дѣло» 1880 года.

Такова была духовная атмосфера, въ которую мы попали въ нашемъ университетъ въ 1881 году, и вотъ здъсь-то зародилась мысль объ учрежденіи студенческаго общества саморазвитія и самопомощи. Иниціаторами явились студенты филологи, графъ А. Ө. Гейденъ и И. А. Шляпкинъ, съ небольшимъ кружкомъ ближайшихъ товарищей. Насколько мнъ извъстно, въ эгомъ кружкъ высказывалась и такая мысль: дружныя, общія занятія наукой и литературой такъ поднимутъ уровень интересовъ студенчества, такъ заполнятъ время молодыхъ людей, что явятся естественнымъ, сильнъйшимъ противовъсомъ политическимъ увлеченіямъ, нигилистической, революціонной пропагандъ; такимъ образомъ замышляемое общество, между прочимъ, получало какую-то политическую окраску,

хотя по самому существу не должно было бы имъть никакого политическаго характера, оно оказывалось антиреволюціоннымъ, антинигилистическимъ. Мит лично въ предварительныхъ совъщаніяхъ кружка участвовать не привелось, и и объ этой части программы могу упомянуть только со словъ другихъ лицъ и на основаніи иткоторыхъ фактовъ, имъвшихъ мёсто итсколько позже.

Въ началъ 1882 года уставъ общества, выработанный въ этихъ предварительныхъ совъщаніяхъ, былъ утвержденъ попечителемъ округа, Ө. М. Дмитріевымъ. По этому уставу общество имело целью содъйствовать научнымъ и литературнымъ занятіямъ студентовъ; для этого оно могло издавать свои труды въ видъ сборниковъ или отдъльныхъ книжекъ, устраивать научные рефераты и литературныя чтенія, какъ для своихъ членовъ, такъ и для всёхъ студентовъ, выписывать журналы и пріобретать книги для пользованія своихъ членовъ, прінскивать научно-литературныя занятія студентамъ. Такимъ образомъ взаимная помощь въ матеріальной формъ исключалась изъ задачъ общества. Общество состояло подъ почетнымъ предсъдательствомъ попечителя округа, а дъйствительнымъ предсъдателемъ назначался одинъ изъ профессоровъ; ректоръ университета считался непремъннымъ членомъ общества. Дъйствительными членами могли быть избираемы всё студенты и оставленные при университеть для приготовленія къ профессорскому званію. Этогъ пунктъ быль очень важенъ, такъ какъ устанавливаль связь между студентами и молодыми учеными, поддерживаль научный элементь въ обществъ. Хозяйственными и административными дълами общества завъдывалъ совъть изъ его членовъ, а для руководства научно-литературными занятіями выбирался научный отдёль, состоявшій изъ 20 представителей разныхъ спеціальностей: члены этого отдёла должны были предварительно оцёнивать научные рефераты и литературныя работы членовъ, и только послъ такой оценки работы студентовъ допускались къ чтенію.

Первое засѣданіе общества подъ предсѣдательствомъ О. Ө. Миллера состоялось, насколько мнѣ помнится, въ началѣ марта 1882 г.
въ ботаническомъ кабинетѣ университета. Въ числѣ участвовавшихъ въ этомъ засѣданіи лицъ, получившихъ званіе членовъ учредителей (около 50 человѣкъ), назову нѣсколькихъ, которые впослѣдствіи заявили себя научными или литературными трудами: это были
графъ А. Ө. Гейденъ, И. А. Шляпкинъ, В. Г. Дружининъ, В. Н.
Латкинъ, Б. Б. Глинскій, В. П. Карповъ, С. Ө. Глинка и др. Выбраны были члены совѣта и научнаго отдѣла, намѣчены рефераты
для будущихъ засѣданій и для чтенія студентамъ, предложены новые члены, и такимъ образомъ офиціально открылась дѣятельность
общества. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого были прочтены
въ университетскихъ аудиторіяхъ нѣкоторые рефераты, привлекшіе
довольно большое число слушателей изъ студентовъ, не входив-

шихъ въ составъ общества; къ лѣту были напечатаны два выпуска «Трудовъ», содержавшіе въ себѣ «Замѣтки по исторіи земскихъ соборовъ» С. Ө. Платонова и медальное сочиненіе П. В. Бевобразова «Боэмундъ Тарентскій».

Несмотря на индифферентное отношение нъкоторой части студентовъ, общество имело заметный успехъ, возбуждало толки научнаго характера, и число его членовъ постепенно росло. Дъло шло хорошо, но одинъ казусъ чуть было всего не испортилъ. Въ число членовъ общества вступилъ студенть юридическаго факультета, Л., который среди своихъ однокурсниковъ сталъ объяснять мотивы своего вступленія такимъ образомъ: общество имфетъ первою цфлью борьбу съ революціонерами, а потому весьма выгодно быть его членомъ, такъ какъ аристократы-учредители впоследствии помогуть следать хорошую карьеру. Это объяснение (къ слову сказать, совсемъ неправильное, такъ какъ изъ учредителей аристократомъ могъ считаться развъ только графъ А. Ө. Гейденъ, борьба съ революціонерами никъмъ не ставилась на первый планъ, а о карьеръ никто не толковаль) сильно взбудоражило всъхъ членовъ общества. Большинство изъ насъ ничего не знало объ антинигилистическихъ предположеніяхъ нікоторыхъ лицъ, а карьерные расчеты представились намъ чрезвычайною низостью, потому что мы вст, какъ я уже выше сказаль, были одушевлены самыми идеалистическими стремленіями. Толки по этому поводу привели къ расколу: одна часть членовъ настаивала на антинигилистическомъ характеръ общества, другіе же, составлявшіе большинство, рёшительнейшимъ образомъ протестовали противъ всякаго внесенія въ общество политики, будеть ли она красная, или бълая, и признавали своею цълью исключительно научно-литературныя занятія. Конечно, большинство побъдило, и общество на первыхъ же порахъ лишилось довольно значительнаго числа членовъ; къ общему прискорбію, въ числъ ушедшихъ былъ и графъ А. О. Гейденъ.

Съ осени 1882 года, при нѣсколько измѣненномъ уставѣ, дѣятельность общества возобновилась и безъ всякихъ волненій, если не считать одного чисто личнаго, мелочнаго столкновенія между нѣсколькими членами, продолжалась почти 6 лѣтъ. Число его членовъ постоянно росло и къ концу его существованія было уже болѣе 350. Сходились тутъ студенты всѣхъ факультетовъ, и это общеніе предохраняло ихъ отъ узкаго спеціализма: математикъ не считалъ для себя излишнимъ послушать иногда филолога, юристъ могъ воспользоваться какими нибудь указаніями естественника, филологъ совѣтовался съ юристомъ или естественникомъ, и въ результатѣ этого живого обмѣна знаній и мнѣній получилось расширеніе общаго образованія студентовъ, благодѣтельное научное возбужденіе, котораго не могли бы намъ дать самыя талантливыя лекціи профессоровъ, осуществлялось полнѣе идеальное представленіе объ universitas litterarum.

Каждыя двё недёли мы собирались на засёданія, въ которыхъ могли присутствовать только члены общества, а, сверхъ того, нъсколько разъ въ годъ устраивались чтенія для всёхъ студентовъ. Въ засъданіяхъ происходили выборы новыхъ членовъ, которые по уставу предлагались двумя лицами, рёшались нёкоторыя административно-хозяйственныя дёла (главнымъ образомъ относительно пополненія библіотеки общества) и читались небольшія научныя сообщенія или литературные опыты членовъ. Сообщенія обыкновенно касались какихъ нибудь новыхъ книгъ, при чемъ критика молодыхъ людей въ большинстве случаевъ бывала очень строгая: таково ужъ, въроятно, свойство юнаго русскаго ума, -тутъ въ насъ сказывался тогь же духъ Коли Красоткина, который такъ силенъ быль въ насъ въ гимназіи; но только теперь мы уже значительно расширили кругь своихъ знаній, запасались иногда довольно солиднымъ научнымъ багажомъ, такъ что нашъ задоръ являлся уже болъе обоснованнымъ. Нъсколько сообщеній касались у насъ другихъ студенческихъ обществъ, существовавшихъ въ прежнее время въ Петербургскомъ или другихъ русскихъ и иностранныхъ университетахъ; такія сообщенія обыкновенно пріурочивались къ мартовскому собранію общества, когла мы справляли годовщину его основанія. Посвящались сообщенія нікоторымъ новымъ научнымъ открытіямъ или теоріямъ. Обыкновенно, въ засъданіяхъ бывали горячія пренія, при чемъ вырабатывалась порой замівчательная діалектика, а иногда высказывались весьма оригинальныя замізчанія по тому или другому научному вопросу. Следуеть отметить, что никогда споръ не переносился на личную почву, и неуваженія къ противнику никогда не проявлялось, что положительно является крайней редкостью во всехъ нашихъ обществахъ.

Что касается чтеній для всёхъ студентовъ, то они посвящались большею частью какимъ нибудь крупнымъ вопросамъ и бывали значительно большаго объема, чёмъ сообщения въ засёданияхъ. Брались такіе рефераты неріздко изъ сочиненій, представлявшихся членами общества на соисканіе университетской медали, такъ что уже самый факть присужденія награды являлся для насъ нікоторой гарантіей серіозности реферата, и роль научнаго отдёла при его оцънкъ сводилась къ опредъленію степени интереса, имъ представляемаго, и къ отысканію оппонентовъ. Оппоненты же иногда выступали весьма опасные, и споры затягивались, бывало, далеко за полночь, такъ что отъ профессоровъ-спеціалистовъ, руководившихъ преніями, требовалась порядочная жертва времени; а бывало и такъ, что пренія переносились на другой день. Случалось, что рефераты соединялись вивств: такъ, по поводу книги профессора Н. И. Карвева «Основные вопросы философіи исторіи», только что вышедшей, были прочитаны сообщенія студентами Н. Д. Чечулинымъ и А. Брауномъ, при чемъ первый ограничился изложениемъ содержанія книги, а рано скончавшійся очень талантливый юноша Браунъ подвергь ее довольно суровой критикѣ; въ память К. Д. Кавелина было прочтено три реферата, въ которыхъ характеризовались его историческіе, публицистическіе и философскіе труды.

Кром'в этихъ сообщеній и рефератовъ, огромнымъ подспорьемъ въ нашихъ научно-литературныхъ занятіяхъ являлась наша библіотека, которой мы, какъ своимъ созданіемъ, по всей справедливости могли гордиться. Насчитывалось въ ней нъсколько тысячъ названій книгь и журналовь по разнымь спеціальностямь: многое мы покупали на общественныя средства, составлявшіяся изъ членскихъ взносовъ, а самая главная часть библіотеки образовалась изъ пожертвованій: давали намъ дублеты и ненужныя имъ книги наши профессора, присылали многіе авторы и издатели, къ которымъ мы обращались съ просьбой, жертвовали и сами члены. Обогащеніе библіотеки каждый членъ общества ставилъ себъ въ обязанность, которую выполняль весьма ревностно: * Вдеть кто нибудь изъ насъ въ провинцію, береть съ собой бланки общества и двъ упомянутыя выше брошюрки «Трудовъ»,--и смотришь, въ обмѣнъ на эти «Труды» присылаеть всъ свои монументальныя изданія какое нибудь земство, провинціальное ученое общество, университеть, частное лицо.

Существенной стороной жизни нашего общества было то сближеніе, которое устанавливалось между нами и профессорами, а также и, какъ я уже сказалъ выше, съ оставленными при университетъ. Изъ профессоровъ посъщали наши засъданія О. О. Миллеръ, В. И. Сергвевичъ, И. Е. Андреевскій, В. В. Докучаевъ, Н. И. Карвевъ, Е. Е. Замысловскій, М. И. Владиславлевъ и многіе другіе. Говори о нихъ, конечно, съ особенною благодарностью, надо помянуть покойнаго О. Ө. Миллера. Этотъ незабвенный другъ нашихъ студентовъ быль председателемъ нашего общества за все время его существованія, и лучшаго предсъдателя мы не могли бы имъть. Это быль настоящій руководитель молодежи, никогда не искавшій популярности (хотя и находились нъкоторые гнусные клеветники, обвинявшіе его въ такомъ искательствь, но всегда любимый студентами, которымъ онъ не стесняясь говорилъ правду, подчасъ и очень горькую. Всякій изъ насъ зналъ, что иначе, какъ «по совъсти», Оресть Өедоровичъ говорить не можеть, что, наконецъ, дипломатических увертокъ онъ не знаетъ, а, кромъ того, мы были увфрены въ его любви къ намъ, и сами мы безгранично любили добраго и безусловно-честнаго нашего учителя. Когда въ нашемъ обществъ при началъ его дъятельности произошли описанныя выше разногласія, Оресть Өедоровичь въ засёданіи 8-го апрёля 1882 г. произнесть річь, въ которой, между прочимъ, сказаль слідующее: «Помните, что ни въ какомъ направлении не можетъ быть мъста

политикъ въ студенческомъ научно-литературномъ обществъ, потому что политикъ нътъ мъста въ университетъ. Университетская наука только готовитъ къ гражданской, то-есть политической дъятельности въ будущемъ. Что же касается житейскаго успъха, то-есть карьеры, то къ этому бы она и готовить не должна. Въ нормально поставленномъ университетъ наука можетъ представляться студенчеству только цълью, а никакъ не средствомъ». Вотъ въ этомъ-то отношеніи, въ смыслъ постояннаго содъйствія научной работъ нашего общества, Оресть Оедоровичъ былъ не только предсъдателемъ, но и незамънимымъ нашимъ воспитателемъ, и я увъренъ, что всъ мои прежніе товарищи по обществу въ этомъ со мною вполнъ будуть согласны.

Дорога для насъ намять и другого человъка, всегда съ самымъ живымъ сочувствіемъ относившагося къ нашему обществу, нашего популярнъйшаго ректора, И. Е. Андреевскаго. Нъкоторые люди называли его хитрецомъ, но хитрость его состояла въ мастерскомъ умънъъ говорить съ молодежью: какъ и Орестъ Өедоровичъ, онъ безусловно былъ правдивъ, и это качество, въ соединеніи съ ръдкимъ ораторскимъ талантомъ и какимъ-то свътлымъ, ободряющимъ юморомъ, давало ему положительно безграничную власть надъ молодежью.

Съ благодарностью мы вспоминаемъ также и участіе въ нашемъ обществъ В. И. Сергьевича, бывшаго товарища предсъдателя, и другихъ профессоровъ, руководившихъ напими занятіями.

Въ 1887 году надъ нашимъ обществомъ разразилась гроза: постъ покушенія на жизнь императора Александра III смѣнился ректоръ, въ университетъ были введены нѣкоторыя новыя правила, и наше общество прекратило свое существованіе.

Но какіе же оно дало результаты? Мнѣ кажется, результаты эти представятся достаточно краснорѣчивыми, если и укажу, что теперь въ нашихъ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ около 50 профессоровъ и приватъ-доцентовъ—члены нашего общества, при чемъ изъ нихъ иные достигли уже весьма почетной извѣстности въ научной сферѣ. Ясно, что импульсъ къ научной работѣ былъ оченъ силенъ. Но, кромѣ того, въ насъ воспитались и общественные инстинкты, и мы можемъ безъ всикаго самообольщенія указать на нѣсколькихъ весьма почтенныхъ общественныхъ дѣятелей на поприщахъ литературы, земской и государственной службы, вышедшихъ изъ нашей среды.

Въ закаючение скажу нъсколько словъ, чтобы суммировать тъ положения, истекающия изъ практики нашего общества, которыя могутъ быть, пожалуй, полезны для предположенныхъ въ послъднее время студенческихъ кружковъ: 1) иниціатива студенческихъ обществъ должна исходить отъ самихъ студентовъ; 2) всякая по-

литика должна быть изгнана изъ общества; 3) общества не должны ограничиваться извъстными факультетами, а напротивъ должны содъйствовать научному сближенію студентовъ разныхъ факультетовъ; 4) необходимо участіе профессоровъ и оставленныхъ при университеть, и 5) должна быть предоставлена полная свобода преній, такъ какъ всякое ихъ стъсненіе подорветь довъріе студентовъ и ослабить ихъ интересъ къ дълу.

А. Бороздинъ.

новый трудъ по исторіи смутнаго времени 1.

УССКАЯ исторія, до конца XVII вѣка исторія плохо-заселенной, заросшей дремучими лѣсами, далекой европейской окраины, едва ли можеть быть привлекательна для иностранца. «Не пойметь и не оцѣнить гордый взоръ иноплеменный» той долгой и страшной борьбы, которую мы, русскіе, вели сначала съ лѣсомъ, отвоевывая у него жалкую и скудную ниву—этоть первый этапъ человѣческой культуры; «не пойметь и не оцѣнить» послѣдовавшей за этимъ многовѣковой борьбы со степью, отъ которой мы отстаивали

начатки своей культуры и въ то же время косвенно служили твердымъ оплотомъ Европѣ и ея цивилизаціи противъ всякихъ набѣтовъ и нашествій темной степной силы... Европейцы понимаютъ и даже «признаютъ» нашу исторію только съ того момента, когда мы открыто вступили въ семью европейскихъ народовъ и смѣло, сразу заняли видное, выдающееся мѣсто среди «великихъ державъ» Европы. Да, большинство европейскихъ ученыхъ начинаютъ исторію Россіи съ Петра и его реформъ и брезгливо относятся къ заманчивому мраку предшествующихъ вѣковъ, въ которомъ они не могутъ порядкомъ разобраться, въ которомъ не могутъ уловить связующую нить, не могутъ уразумѣть особую, своеобразную логику причинъ и слѣдствій.

¹) С. Ө. Платоновъ. Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствъ XVI—XVII в. (Опыть изученія общественнаго строя и сословныхъ отношеній въ Смутное время).

Отчасти также односторонне и (если смѣемъ выразиться) также пристрастно относятся къ изученію русской исторіи и наши отечественные ученые, занимающіеся разработкою отдільных эпохъ нашего прошлаго. Никого изъ нихъ не манить туманная даль отдаленнаго XII—XIII въка, ни сумракъ XIV—XV въковъ, еще покрывавшій Русь, только что начинавшую пробуждаться оть тяжкаго кошмара татаріцины и внесеннаго сю въ нравы страшнаго огрубінія... Всъхъ привлекаетъ болъе поздняя эпоха-XVI въкъ, весь наполненный крупною, выдающеюся личностью Грознаго и деятелей, воспитавшихся подъ его железною десницею, и начало XVII века, охваченнаго Смутнымъ временемъ, взбаламутившимъ изъ края въ край все русское море. И дъйствительно, если мы примемъ во вниманіе весь кругь изследованій, предпринятых русскими учеными для изученія отдъльных эпохъ русской исторіи, то мы придемъ къ убъжденію, что наибольшая доля этихъ изслъдованій посвящена была изученію и описанію Смутнаго времени—это ії эпохи броженія и борьбы самымъ противоположных в элементовъ, -- эпохи, полной стихійныхъ порывовъ и дивныхъ подвиговъ гражданской доблести, проявленій дикаго произвола и неслыханнаго звърства и невольно изумляющихъ насъ фактовъ самоотверженной любви къ отечеству и стремленія къ тесному единенію всехъ русскихъ людей подъ знаменемъ единой въры и единой, всъми признанной, власти...

Отчасти, мы вполит понимаемъ это пристрастіе нашихъ ученыхъ (а вследъ за ними и нашихъ художниковъ) къ эпохе XVI в. и, въ особенности, къ Смутному времени — эпохъ, полной жизни, движеній, яркихъ красокъ и крайнихъ проявленій личности, вообще говоря, играющей незначительную роль въ предшествующихъ въкахъ нашей исторіи. Въ виду всъхъ этихъ привлекательныхъ сторонъ, этой эпох уже посвящали свои труды очень и очень многіе, посвящали-увы!-даже гораздо ранбе того момента, когда къ изученію эпохи можно было приступить, и ранбе, нежели доведены были до надлежащей полноты существенивний подготовительныя работы надъ сырымъ матеріаломъ, которымъ въ достаточной степени богата исторія Смутнаго времени. А между тімъ, нельзя не зам'втить, что едва ли найдется во всей русской исторіи другая эпоха, по которой сырой эрхивный матеріалъ нуждался бы въ такой строгой критической разработкъ, какъ матеріалы по исторіи Смутнаго времени. Результаты такихъ спѣшныхъ и (если можно такъ выражаться) поверхностныхъ увлеченій внъшнею стороною событій и типовъ Смутнаго времени были до сихъ поръ довольно безплодны... Писались толстыя книги, полныя громкихъ возгласовъ и болъе или менъе картинныхъ описаній, а насущнъйшіе вопросы времени оставались не только не выясненными, но почти не тронутыми! Очень немногіе изъ новъйшихъ

изследователей пошли дальше Соловьева, по отношенію къ эпохе Смутнаго времени, можно почти сказать, что роковой вопросъ о томъ, «кто былъ первый Лжедимитрій», благодаря усиліямъ нашихъ историковъ, сталъ во второй половинъ нашего въка едва ли не на одну степень съ пресловутымъ «норманнскимъ» вопросомъ, съ его неразръшимой путаницей противоръчий и произвольныхъ подстановокъ и вымысловъ. Только въ очень недавнее время историческая наука избрала иной путь къ изученію любопытной эпохи Смутнаго времени и, до времени оставивъ въ сторонъ попытки художественнаго изображенія эпохи, обратилась исключительно къ критикъ матеріаловъ, къ пополненію пробъловъ ихъ новыми архивными изысканіями и-что весьма важно-къ изученію бытовых в условій народной жизни XVI и XVII в вковъ, въ которыхъ именно и кроется разръщение многихъ историческихъ домысловъ и догадокъ. Одинъ изъ самыхъ тонкихъ и въ то же время самыхъ талантливыхъ историковъ нашихъ, покойный К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, вполив одобряя и поощряя это новое направление русской исторической науки, недаромъ писалъ одному изъ ревностныхъ изслёдователей Смутнаго времени:

«Путь, избранный вами, самый надежный. Если до сихъ поръ Смутное время оставалось книгою подъ семью печатями, то причиною было отсутствіе детальной разработки, а въ такой разработкъ на первомъ мъстъ стоятъ взаимныя отношенія дъятелей, разумъется, на основаніи общихъ условій времени. Самыя же общія условія будуть не ясны безъ детальной разработки...» 1).

Эти прекрасныя слова незабвеннаго академика какъ бы послужили программою для трудовъ и изысканій ближайшаго и талантливъйшаго изъ его учениковъ, С. Ө. Платонова, давно уже посвятивнаго себя изученію Смутнаго времени, и онъ, занимаясь именно «детальной разработкой» эпохи, сумълъ постепенно подготовить свой нынъпній трудъ, который въ настоящее время представляетъ собою капитальнъйшій сводъ всего, что было писано, и почти всего, что было досель извъстно по Смутному времени. Со стороны этой «детальной разработки» матеріала именно и любопытенъ и важенъ новый трудъ г. Платонова. Этотъ новый трудъ—«Очерки по исторіи смуты»—стоить въ тъсной связи не только съ извъстною книгою того же автора, но и со всъми послъдующими его работами по исторіи смуты, которыя отъ времени до времени появлялись (въ теченіе 1897 и 1898 гг.) на страницахъ «Журнала Министерства Народнаго Просвъщенія» 3). Тъсная внутренняя связь этихъ работь и

^{1) «}Письма К. Н. Бестужева-Рюмина къ графу С. Д. Шереметеву о Смутномъ времени». Спб. 1898 г. См. тамъ письмо 10-е, отъ 27 іюня 1893 г., стр. 8.

^{2) «}Къ исторіи опричнины» (въ 1897 г.); «Къ исторіи городовъ и путей на южной окраинъ Московскаго государства (1898 г.)»; «Первые политическіе шаги

нобудила г. Платонова собрать ихъ въ одинъ общій сводъ въ своихъ «Очеркахъ по исторіи смуты» и образовать изъ нихъ первую часть книги («Московское государство передъ смутой»), которой онъ напрасно придаетъ «значеніе служебное», называя ее «подготовительнымъ эпизодомъ»; на нашъ взглядъ, безъ этой первой части книги очень многое оставалось бы темнымъ и не вполнѣ понятнымъ во второй части той же книги.

Первая часть книги г. Платонова распадается на два большихъ отдъла, которымъ онъ придаетъ название главъ, хотя въ составъ ихъ входитъ по пяти-семи подраздёловъ, соотвётствующихъ главамъ. Въ первомъ отдёлё, озаглавленномъ «Область Московскаго государства», авторъ даетъ подробный и весьма наглядный обзоръ различныхъ угловъ и украйнъ Руси XVI въка, насколько они успъли сложиться въ определенныя административныя единицы, и указываеть на тв бытовыя и этнографическія особенности, которыми они между собою различались. Картина получается широкая и поражающая пестрымъ разнообразіемъ своего состава. Самый бъглый взглядъ, брошенный на нее, уже убъждаетъ насъ въ томъ, какого невъроятнаго труда стоила административному центру государства хотя бы даже тёнь объединенія этихъ разнородныхъ составныхъ частей Руси! И вдругъ, во второй половинъ XVII в. наступаеть кризисъ (ближайшему разсмотрънію его и посвящена вторая глава книги г. Платонова), подрывающій всю работу предшествующихъ въковъ и покольній, и производящій внезапно такой быстрый и неожиданный перевороть въ общественныхъ отношеніяхъ и въ народномъ быту, который неминуемо долженъ былъ привести къ шатанію и смутамъ, къ борьбъ и колебанію основъ государства. Какъ на главныя причины переворота, г. Платоновъ совершенно правильно указываеть на борьбу центральной власти съ боярствомъ въ XVI въкъ, которая привела къ опричинъ 1), а также и на различныя соціальныя противорівчія въ московской жизни XVI віка, бывшія следствіемъ шаткости самой политической системы правительства, вынужденнаго заискивать въ служиломъ классъ и жертвовать для удовлетворенія его интересовъ насущнійшими нуждами народныхъ массъ. Ближайшими и весьма прискорбными последствіями этой шаткой политики правительственной явились безчисленныя осложненія въ сословныхъ и земельныхъ отношеніяхъ,

Бориса Годунова» (1898); «Борьба за московскій престоль въ 1698 г.» (1898) и т. п.

¹⁾ Замътимъ кстати, что мы здъсь подъ названіемъ опричины разумьемъ не извъстное количество приближенныхъ къ царю лицъ, составляющихъ его двордовую стражу, какъ это представляють себъ многіе досель, а главнымъ образомъ тоть территоріальный передъль, который сопряжень былъ съ учрежденіемъ опричины, и, по изслыдованію г. Платонова, простирался гораздо шире и имъль гораздо болье важное значеніе, нежели можно было предположить.

и въ концъ концовъ развитие кабальныхъ отношений и закладничества, которое неминуемо должно было привести (въ будущемъ) къ окончательному закръпощенію крестьянъ. Переходя отъ первой части своего изследованія ко второй, наиболее важной. г. Платоновъ подводитъ итоги всего изложеннаго имъ въ первой части и въ сжатомъ очеркъ знакомитъ насъ съ результатами громкаго и блестящаго царствованія Грознаго, которое привело только къ полному «экономическому» кризису, разсъявшему населеніе и сокрушившему хозяйственную культуру въ срединныхъ областяхъ московскихъ, и къ «политическому» кризису, сорвавшему съ наслъдственныхъ земель и погубившему въ государевой опалъ вст подозрительные для царя элементы въ княжеской аристократін. Ознакомившись съ первою частью труда г. Платонова и въ особенности съ его «заключеніемъ», вы уже видите передъ собою и представляете себъ съ большою наглядностью ту почву, на которой должна была зародиться и процебсти смута. Приступая къ исторіи смуты во второй части труда, г. Платоновъ прежде всего сившить оговориться, что онъ, «совершенно обойдеть много разъ описанныя, всёмъ извёстныя внёшнія подробности событій и сосредоточить все свое вниманіе на изображеніи діятельности руководившихъ общественною жизнью кружковъ и на характеристикъ московскихъ движеній въ смутное время».

Первая часть труда г. Платонова даеть прекрасную этнографическую и соціально-экономическую канву, на которой автору очень удобно развивать отдёльные вопросы всего изслёдованія, составляющіе главную суть его книги (ея вторую часть): «Смута въ Московскомъ государствъ». Онъ самъ называеть эту часть «главною», а первую только «подготовительнымъ этюдомъ» къ ней, и, тъмъ не менье, не отдъляеть эту главную часть въ особое цълое, а дълаеть ее продолжениемъ первой («служебной») части; выходить конечно, странно: вторая часть, къ некоторому недоумению читателя, начинается прямо съ третьей главы, и кончается на пятой главъ. Но эти главы вовсе не главы, а огромные отдёлы книги г. Платонова, подраздъленные въ свою очередь на менъе крупные отдълы, обозначенные римскими цифрами и соотвътствующе настоящимъ главамъ, въ ихъ обыденномъ значеніи. Авторъ, однако же, не удовольствовался этимъ нъсколько запутаннымъ раздъленіемъ и, повидимому, изъ особаго пристрастія къ систематикъ сверхъ большихъ и малыхъ главъ допустилъ и еще одно распределение матеріала, уже не по количеству, а по качеству и значенію. Этораздъленіе главъ на періоды и моменты. Вследствіе этого выходить воть что: вторая часть начинается съ третьей главы, которая заключаеть въ себъ первый періодъ смуты, или первый и второй моменты этого движенія; следующая — четвертая глава заключаеть въ себъ второй періодъ смуты, или третій, четвертый и пятый моменты ея, и, наконецъ, глава пятая излагаетъ третій періодъ смуты, т. е. шестой, седьмой и восьмой моменты смуты ¹). Къ чему понадобилось автору такое запутанное распредъленіе прекраснаго научнаго матеріала второй части его труда,— это ръшить мудрено.

Первый періодъ смуты, по опредёленію г. Платонова (глава третья), вахватываеть все время «борьбы за Московскій престоль», подразумъван подъ этою борьбою и захватъ престола Борисомъ, который пытался его утвердить въ своемъ родь, и захвать его Самозванцемъ, который тщетно пытался отстоять престоль оть притязаній боярских родовъ, и, главнымъ образомъ, древивищаго изъ уцълъвшихъ — рода Шуйскихъ. По изложенію автора разбираемаго нами труда, этотъ періодъ заканчивается воцареніемъ В. И. Шуйскаго, и распадается на два момента: моменть боярской (дворцовой) смуты — до появленія Самозванца, и моменть перенесенія смуты въ воинскія массы — послѣ перехода Борисовой рати на сторону Лжедимитрія. Последнее подразделеніе представляется намъ какъ будто не совсвиъ точнымъ, потому что смута и въ первомъ (боярскомъ) періодъ переносилась не разъ на илощадь и находила себъ поддержку въ народной массъ; а при торжествъ Самозванца надъ московскимъ правительствомъ смута перешла въ массу служилыхъ людей, составлявшихъ среднее сословіе, и коснулась той же народной массы, насколько она участвовала въ войскъ, не составлявшемъ сплоченной, обособленной массы.

Второй періодъ смуты (гл. четвертая) г. Платоновъ очень удачно раздѣляетъ на три момента: третій — начало открытой общественной борьбы; четвертый — раздѣленіе государства между тушинскою и московскою властью, и пятый — паденіе тушинскаго и московскаго правительствъ. Третій періодъ смуты (гл. пятая) авторъ дѣлитъ на три же момента, изъ которыхъ шестой получаетъ черезчуръ громкое и недостаточно выясненное наименованіе: установленіе королевской диктатуры (?): седьмой — обнимаетъ собою образованіе и разложеніе перваго земскаго правительства; а въ восьмомъ — излагается образованіе второго земскаго правительства и его торжество.

Върный вышеуказанному характеру и направленію своего труда, г. Платоновъ всъ эти «періоды» и «моменты» излагаетъ, тщательно соображая всъ данныя современныхъ извъстій, осторожно взвъщивая мнънія и опредъляя ту подкладку пристрастія, которая въту эпоху такъ сильно туманитъ очи каждаго ученаго изслъдователя, невольно вводя его въ заблужденіе и даже увлеченіе... Нужна

¹⁾ Пристрастіє въ подравдвленіямъ текста заводить автора даже и въ такія недоразумінія: въ VII подравдівленіи пятой главы мы находимъ въ перечні матеріала: «Второй періодъ Нижегородскихъ движеній», а о первомъ выше въ оглавленіи не помянуто.

именно такая обширная подготовка въ изученіи сырого матеріала и такая многольтняя опытность въ изученіи эпохи смуты, какими обладаеть г. Платоновъ, чтобы представить такой прекрасный крити ческій разборъ различныхъ вліяній и вънній, которыя преобладали въ тотъ или другой періодъ смуты и неръдко давали ей иное, никъмъ нежданное направленіе. Точно также мастерски, съ замъчательнымъ критическимъ тактомъ и съ увъренностью. опытнаго анатома-изследователя, г. Илатоновъ вскрываеть передъ нами весьма сложные характеры дъятелей Смутнаго времени; и надо отдать ему справедливость - многихъ изъ нихъ, идеализованныхъ предществующими изследователями, разоблачаеть и развенчиваеть съ такою смълостью и увъренностью, о какихъ не дерз ли и помышлять предшественники г. Илатонова въ той же исторической области. Какъ на превосходные образцы такого тонкаго разбора и опредъленія характеровъ, мы можемъ указать въ книгъ, разбираемой нами, въ особенности на характеры Филарета, Авраамія Палицына, Гермогена, Пожарскаго, В. Шуйскаго и тушинскихъ «перелетовъ»... Но страсть къ детальному изслъдованію и разложенію отдъльныхъ лицъ и руководящихъ ими побужденій на элементы, желаніе искать и находить всему разумныя и обоснованныя причины (качество весьма цённое въ историків), заводить иногда г. Илатонова уже слишкомъ далеко и мъстами заставляетъ его забывать о такомъ важномъ элементв историческомъ, какъ случайность, какъ стадныя, инстинктивныя движенія народной массы, какъ обаяніе или внушеніе, которому такъ легко поддается толпа, и тъмъ легче, чъмъ она грубъе и темнъе... А между именно этотъ историческій элементь — элементь ности и обаянія (если можно такъ выразиться) играетъ ную роль въ исторіи нашего Смутнаго времени, въ особенности въ ту эпоху, когда «шатаніе» и «малодушество» еще не успѣли въ конецъ развратить и войско и русское общество. Съ этой именно стороны мы и позволимъ себъ указать въ прекрасномъ трудъ г. Платонова на нъкоторыя недомолвки и (на нашъ взглядъ) противоръчія.

Прежде всего обратимъ вниманіе на то, что г. Платоновъ придаеть уже слишкомъ большое значеніе боярскому сословію и той боярской интригѣ, которая дѣйствовала въ дворцовой средѣ; а между тѣмъ, онъ же весьма правдиво рисуетъ намъ картину Московскаго двора по смерти Грознаго, когда всѣ боярскіе роды были разметаны бурею страшнаго царствованія и разорены въ конецъ опричиною. Онъ по пальцамъ пересчитываетъ тѣ немногіе, старые роды, которые могли имѣть притязаніе на власть по смерти бездѣтнаго Өеодора, и выясняеть преобладаніе и окончательное торжество Бориса Годунова именно крайнею слабостью и незначительностью боярской среды. И послѣ этого онъ же старается внушить читателю, что воцареніе Самозванца могло произойти исклю-

чительно потому, что этого желали «владъвшіе положеніемъ бояре». Приводимъ цъликомъ это мъсто:

«Для нашей цёли нёть ни малёйшей необходимости останавливаться на вопросё о личности перваго Самозванца... Однако, чтобы не оставаться передъ читателемъ съ закрытымъ забраломъ, мы не скроемъ нашего убёжденія въ томъ, что Самозванецъ былъ дёйствительно самозванецъ 1), и при томъ московскаго происхожденія. Олицетворивъ собою идею, бродившую въ московскихъ умахъ уже во время царскаго избранія 1598 года и снабженный хорошими свёдёніями о прошломъ подлиннаго царевича, очевидно, изъ освёдомленныхъ круговъ, Самозванецъ могь достичь успёха и пользоваться властью только потому, что его желали привлечь въ Москву владёвшіе положеніемъ бояре» (стр. 251).

Но въдь бояре «овладъли положеніемъ» только уже по смерти Бориса! А между тъмъ, воеводы, посланные Борисомъ противъ Самозванца, встрътили въ войскъ и народъ такое шатанье, что увидъли себя почти вынужденными перейти на сторону Самозванца, предпочитая рискъ этого перехода несомнънной гибели.

Точно также односторонно и ужъ черезчуръ догматично объясняетъ г. Платоновъ и причины первыхъ успъховъ Самозванца на московской почвъ.

«Приборный служилый людъ да отчасти мелкопомъстныя дъти боярскія украинной полосы составляли ту среду, въ которой Самозванецъ получилъ первое признаніе (?) на московской почвъ. Передаваясь Самозванцу и становясь противъ Бориса, эти люди удовлетворили чувству недовольства своимъ положеніемъ и увлекались надеждою, что новый царь начнетъ, какъ объщалъ, «ихъ жаловати и въ чести держати, и учинитъ ихъ въ типинъ, и въ покоъ, и въ благоденственномъ житіи». Незамътно, чтобы у нихъ были болъе опредъленные мотивы и планы; нельзя даже сказать, чтобы ихъ настроеніе въ пользу претендента было устойчиво и твердо» (стр. 261).

Что у этихъ людей, открыто перешедшихъ на сторону Самованца, не было никакихъ плановъ и расчетовъ,—за это можно поручиться; но у нихъ были весьма опредъленные мотивы въ томъ убъжденіи, что они переходятъ на сторону законнаго и прирожденнаго государя,—въ этомъ не возможно сомнъваться. И только именно изъ этого убъжденія могли исходить ихъ надежды на государево жалованье и объщанное имъ «благоденственное житіе», которое въ понятіяхъ этихъ простыхъ людей не могло бы ужиться съ понятіемъ о Самозванцъ, какъ обманщикъ.

¹⁾ Не давал себѣ права оспаривать здѣсь такого внатока «Смуты», какъ г. Платоновъ, мы все же напомнимъ ему, что Бестужевъ-Рюминъ (см. его Письма къ графу С. Д. Шереметеву) приходилъ къ противоположному выводу о личности Самозванца.

Тъмъ же самымъ догматизмомъ и желаніемъ всюду—во всъхъ человъческихъ побужденіяхъ и вождельніяхъ—видъть непремънно разумную основу, отзывается и объясненіе неудачъ Самозванца въ Москвъ, его неладовъ съ боярствомъ и его гибели, въ которой, опять таки, самыя невъроятныя случайности играли видную выдающуюся роль.

«Рѣшая передать ему государство, они (бояре и княжата) ждали, что онъ воздасть имъ за это подобающую честь и благодареніе, и что онъ пойметь и соблюдеть надлежащее положеніе въ странѣ титулованной знати 1). Но они увидѣли съ первой же минуты, что имѣють дѣло съ человѣкомъ, которому чужды политическія традиціи и житейскій такть. Самозванецъ не понималъ ни того, чѣмъ онъ обязанъ московскимъ князьямъ, ни того, какое положеніе они желають себѣ создать или вѣрнѣе возвратить въ государствѣ» (стр. 287).

Не говоря уже о томъ, что бояре и княжата вовсе не ръшали вопроса о передачъ государства въ руки новаго правителя, мы очень сомитваемся въ томъ, чтобы они отшатнулись отъ него только потому, что онъ будто бы былъ человъкомъ «безтактнымъ и чуждымъ политическихъ традицій». Эта среда ни при Іоанн в IV, ни при его предшественникахъ, ни даже при Борисъ, не была избалована деликатностью своихъ правителей, которые нисколько не цънили человъческаго достоинства бояръ, ни даже ихъ несомнънныхъ историческихъ заслугъ. Бояре и княжата, дъйствительно, не ожидали встрётить въ Самозванцё человёка умнаго, съ характеромъ и волею, а главное-способнаго къ кипучей, неутомимой дъятельности и страстно стремившагося ко всякаго рода новшествамъ и преобразованіямъ. Вотъ въ чемъ, конечно, слъдуетъ прежде всего искать повода къ враждебному отпору, встръченному Самозванцемъ въ средъ бояръ; а никакъ не въ томъ, что онъ будто бы былъ человъкъ, лишенный политическаго чутья и такта, или желавшій принизить боярское сословіе. Едва ли его желаніе обратить боярскую думу въ сенать, а бояръвъ сенаторовъ, могло исходить изъ желанія отнять у бояръ ту долю значенія, какою они еще пользовались?

Не вполнѣ выясненнымъ представляется намъ въ книгѣ г. Платонова (стр. 287—288) движеніе Шуйскаго противъ Самозванца; а въ объясненіи «незадачи» Шуйскаго при воцареніи и послѣдовавшаго затѣмъ народнаго движенія мы опять встрѣчаемся только съ побужденіями самаго низкаго порядка, между тѣмъ какъ въ ропотѣ и непокорствѣ, возбужденныхъ воцареніемъ Шуйскаго, можно заподозрѣвать и совсѣмъ иныя нравственныя соображеніи... Г. Пла-

¹⁾ Можно подумать, что дёло идеть объ Англіи или, по крайней мёрё, о Польштв, а не о Московскомъ государств'в начала XVII в., гдё въ то время вся «титулованная знать» была наперечеть.

тоновъ говоритъ такъ: «такой исходъ борьбы (воцареніе Шуйскаго послѣ гибели Самозванца) долженъ былъ озадачить и озлобить пародныя массы, принимавшія участіе въ предшествовавшихъ движеніяхъ. Они въ правѣ были ждать отъ Самозванца, какъ воздаянія за оказанную ему помощь, льготъ и облегченій, а вмѣсто того они увидали водвореніе въ государствѣ боярской власти, имъ очень мало пріятной...» (стр. 297).

Народныя массы были, несомнонно, озадачены «такимо исходомъ борьбы», но совстмъ не со стороны своихъ обманутыхъ ожиданій корыстнаго свойства, а съ иной-болъе имъ близкой и понятной... Въ замънъ «прирожденнаго, законнаго государя» 1) бояриномъ-замънъ быстрой и никъмъ неожиданный-они не могли не видъть какого-то страшнаго рока, тяготъющаго надъ Московскимъ государствомъ, а отъ перехода власти, въ короткое время, въ третънчетвертыя руки, по всей справедливости, не могли ожидать ничего добраго. Притомъ же, эти народныя массы, по свойственному русскимъ людямъ воззрѣнію на смерть, никакъ не могли смѣшивать воцареніе Шуйскаго и гибель Самозванца въ одинъ фактъ «исхода борьбы»... Не только для народныхъ массъ, но даже и для массы московскаго населенія, фактъ внезапной гибели Самозванца, взятый самъ по себъ, представлялся явленіемъ чрезвычайно сложнымъ и мало-понятнымъ. Это ясно выражается въ тъхъ слухахъ и легендахъ о мнимомъ спасеніи Самозванца, которые тотчасъ возникли на московской городской почет и вызвали дикія репресаліи противъ его праха... Внъ стънъ Москвы фактъ гибели Самозванда и его превращенія изъ полновластнаго государя въ представлялся не только непонятнымъ, но даже невъроятнымъ и невозможнымъ... И вотъ именно въ такомъ отношении «народныхъ массъ» къ гибели Самозванца, именно въ печальной необходимости трижды присягать тремъ разнымъ представителямъ власти въ теченіе одного года — слъдуеть искать первую и главную основу всёхъ неудачь Шуйскаго; а никакъ не въ тёхъ корыстныхъ разочарованіяхъ, которыя г. Платоновъ старается приписать «народнымъ массамъ».

Въ заключение тѣхъ немногихъ замѣчаній и возраженій, которыя мы позволили себѣ высказать по отношенію къ прекрасной книгѣ г. Платонова, добавимъ еще одно слово. Мы никакъ не можемъ примириться съ излюбленною имъ манерою въ краткихъ словахъ характеризовать дѣятелей эпохи Смутнаго времени при посредствѣ сравненій съ политическими настроеніями и партіями нашего Смутнаго времени... Намъ припоминаются, два такихъ примѣра: характеристика Б. Бѣльскаго (стр. 233) и характеристика Фила-

¹⁾ Такимъ онъ и оставался еще и долго спустя послъ воцаренія Шуйскаго на далекихъ окраинахъ государства.

рета (стр. 419). О первомъ изъ нихъ г. Платоновъ говоритъ: «Насколько можно судить о характеръ этого человъка, онъ представляется типичнымъ карьеристомъ, легко идущимъ на беззаконіе». О Филаретъ даетъ такой отзывъ: «если только возможно вообще характеризовать поведеніе Филарета, оно скоръ всего заслуживаетъ названіе оппортунизма и политики результатовъ»... Мы должны признаться, что насъ эти характеристики не удовлетворяютъ — онъ намъ ничего не говорятъ вразумительно и ясно; а главное онъ не соотвътствуютъ по достоинству и значенію своему тъмъ богатымъ и разнообразнымъ матеріаламъ, которые собраны г. Платоновымъ для болъе полной и болъе основательной обрисовки тъхъ же историческихъ дъятелей.

Въ общемъ, книга г. Платонова производить внушительное впечатленіе труда, вполне соответствующаго силамъ автора и выполненнаго имъ прекрасно, съ умъніемъ знатока эпохи Смутнаго времени и безпристрастного критика. Въ изслъдовании своемъчего бы онъ ни касался: отдёльныхъ лицъ или отдёльныхъ событій-онъ всюду доходить до конца, всюду исчернываеть источники, самые разнообразные, не поддаваясь увлеченію тъмъ или другимъ авторитетомъ. Въ пониманіе, въ изученіе, въ выясненіе Смутнаго времени онъ вносить много новаго и создаеть новое, болъе върное и болъе правильное освъщение для давно извъстнаго... Но изследованіе г. Платонова побуждаеть каждаго, преданнаго изученію нашего историческаго, прошлаго, желать, чтобы какой нибудь высоко-талантливый историкъ-художникъ набросалъ передъ нами яркую картину Смутнаго времени и создалъ плавное историческое повъствованіе изъ отдъльныхъ фактовъ, добытыхъ современною наукою и освъщенныхъ критикою историка-изслъдователя.

П. Полевой.

YHUBEPCUTETCKIE YCTABЫ.

(1755—1884 rr.).

Б СТАТЬЪ, посвященной семидесятипяти-лѣтней годовщинѣ Петербургскаго университета 1), мнѣ пришлось по ходу историческаго изложенія событій бѣгло коснуться и университетскихъ уставовъ, но при этомъ я имѣлъ въ виду разсмотрѣніе не столько этихъ уставовъ по существу или въ ихъ составныхъ частяхъ, сколько обрисовку ихъ вліянія на общій жизненный складъ того учебнаго заведенія, юбилей котораго я привѣтствовалъ. Въ настоящемъ

очеркъ мнъ хочется ознакомить читателей съ судьбами всъхъ дъйствовавшихъ въ нашихъ университетахъ уставовъ болъе обстоятельно и разсмотръть послъдніе по ихъ составнымъ элементамъ, какъ опредъленныя административныя организаціи и какъ источники просвъщенія, которыми питались значительныя массы русской учащейся молодежи.

Моя историческая справка, или, правильные, обозрыне будеть, полагаю я, небезполезною въ нашей журналистикы: въ послыдней, поскольку я ее знаю, ныть цыльнаго очерка, посвященнаго разсмотрыню этихъ уставовъ, съ самаго начала ихъ возникновения еще въ прошломъ стольти и до послыднихъ дней. По поводу того или другого изъ уставовъ имъется, правда, немалан литература, преимущественно газетнаго характера, характера полемическаго и болье или менье страстнаго, но эта литера-

¹) См. «Историческій Вѣстникъ», 1894 г., № 2, а также «Очерки русскаго прогресса», гл. І.

тура по большей части публикъ недоступна, и, кромъ того, она до того разбросана, что розыскать ее и разобраться въ ней даже спеціалистамъ-библіографамъ очень трудно. Имъются въ наличности и монографіи, посвященныя отдёльнымъ университетамъ (Московскому--- Шевырева, Петербургскому--- Григорьева, Харьковскому--- Багалья), но ихъ хронологическое изложение относится главнымъ образомъ къ былымъ временамъ, такъ что событія послёдней четверги въка въ нихъ не могли быть затронуты авторами. Нъкоторыя изъ этихъ почтенныхъ работъ носять на себъ, кромъ того, слишкомъ «юбилейный» характеръ, гдъ обыкновенно критика и спокойное изложение исчезають, предоставляя первенство славословію и оптимистическому настроенію. Вмёстё съ тёмъ систематическое знакомство, что именно представляли собою наши университетскіе уставы, и каковы были ихъ задачи и компетенціи, чуждо совершенно даже людямъ, стоящимъ близко къ университетской жизни. Четыре смёны этихъ уставовъ, имёвшія мёсто въ столётіи ихъ существованія, нъсколько затемнили историческую перспективу, и большинство публики не даеть себъ яснаго представленія, каковы, напримъръ, отличительныя черты уставовъ 1804, 1835, 1863, 1884 годовъ. Съ большею или меньшею в роятностью я см во даже предположить, что нын' дъйствующій уставь мало кому въдомъ и тъмъ болъе, что нъкоторыя распоряженія министерства народнаго просвъщенія послъ 1884 года внесли въ этоть уставъ столь существенныя видоизмёненія, что намного отдалили отъ первообраза, рожденнаго 15 летъ тому назадъ. Эти видоизмененія, явившіяся на арену жизни, какъ необходимыя уступки времени и обстоятельствамъ, непреложно доказываютъ, что сама правительственная власть не считаеть устава 1884 года вполнъ удовлетворительнымъ и отвечающимъ совокупнымъ задачамъ государственной и общественной жизни.

Извъстно, напримъръ, что еще въ министерство покойнаго графа Делянова были опрошены профессорскія корпораціи по поводу гонорарной системы, т.-е. такой стороны университетской жизни, которая являлась отличительнымъ признакомъ устава 1884 года, по сравненіи съ предшествовавшимъ. Отвъты въ большинствъ случаевъ получились неблагопріятные для этой системы, такъ что изъ сдъланной министерствомъ самой постановки вопроса и последовавшихъ отсюда результатовъ можно было ожидать существеннъйшихъ измъненій этой стороны университетской жизни, но таковыя измъненія не послъдовали, хотя настроеніе профессорскихъ корпорацій, повидимому, осталось попрежнему отрицательное, и сама жизнь ежегодно обнаруживаетъ въ этой системъ ея недостатки и даже тормазы для правильнаго развитія академическаго преподаванія. Очевидно, рано или поздно придется поставить вопросъ о гонорарахъ на очередь и ввести здъсь радикальную ре-

форму. Рядомъ съ этимъ хорощо извъстныя читателямъ весения событія въ жизни нашихъ учебныхъ заведеній вызвали со стороны министерства просвъщенія уже нъкоторыя распоряженія, которыя явно показывають, что не далеко то время, когда уставъ 1884 года потребуеть, въ интересахъ своей стройности и цёлостности, серіознаго пересмотра съ темъ, чтобы въ новомъ веке воплотиться въ новый уставъ, куда бы вошли всв последнія распоряженія, въ качествъ органическихъ составныхъ частей, и откуда бы уже признанныя негодными части были законодательнымъ порядкомъ изъяты. Весьма въроятно, когда часъ такого пересмотра настанеть, въ текущей литературъ потребуется справка о былыхъ дъйствовавшихъ уставахъ, и отсутствіе такой справки послужить препятствіемъ къ всестороннему и спокойному обсужденію дъла. Воть въ этихъ-то видахъ, смею надеяться, моя настоящая работа и окажется пригодною и въ моемъ обозрѣніи найдется тотъ историческій матеріаль, которому суждено будеть дать некоторые ответы вопросамъ насущнаго дня.

Ставя себъ такую задачу, считаю жолгомъ предупредить, что главнъйшій матеріаль для статьи мною почерпается изъ малодоступнаго и не знакомаго публикъ правительственнаго изданія: «Сборника постановленій по министерству народнаго просв'єщенія», тт. І-Х, гдъ имъются напечатанными всъ университетскіе уставы и нъкоторыя къ нимъ объяснительныя записки. Кромъ того, мною принимаются во вниманіе и работы Шевырева, Григорьева и Багалья, гдт въ связныхъ историческихъ очеркахъ представлены судьбы Московскаго, Петербургскаго и Харьковскаго университетовъ. Сюда же, я присоединяю и любопытныя «Воспоминанія о студенческой жизни» (М., 1899 г.), изданныя «Обществомъ распространенія полезныхъ книгь», гдв имвется несколько характерныхъ иллюстрацій къ былымъ университетскимъ уставамъ, преимущественно 1835 и 1863 гг., принадлежащихъ такимъ виднымъ двятелямъ литературы и науки, каковы П. Обнинскій, Д. Свербеевъ, В. Ключевскій, С. Соловьевъ, Ө. Буслаевъ и др.

Но, прежде чёмъ приступить къ изложенію судебъ уставовъ русскихъ университетовъ, я считаю полезнымъ, въ интересахъ сопоставленія, ознакомить читателей въ краткихъ чертахъ, что представляютъ собою высшіе разсадники просвёщенія въ Германіи, которые и служили всегда прототипами для нашихъ университетовъ.

I.

Весною 1899 года, вышла любопытная компилятивная работа Л. А. Богдановича «Университеты Германіи и годы студенчества ен знаменитыхъ людей», работа изданная «Обществомъ распростра-

ненія полезныхъ книгъ» ¹). Трудъ автора, основанный на компетентныхъ иностранныхъ источникахъ, знакомить насъ вполнѣ обстоятельно, какъ развились университеты въ Германіи, каковъ ихъ строй, преподаваніе въ нихъ, и въ какихъ формахъ отливается жизнь нѣмецкаго учащагося юношества.

Извъстный ученый Савиныи, говоря о значении университетовъ для нъмецкаго народа, утверждалъ, что это значение придаетъ имъ «не совершенная ученость учителей, а также не зарождающаяся ученость учениковъ; если бы это захотъли выставить ихъ отличительнымъ признакомъ, то часто бы краснъли, взирая на дъйствительность. Значить и характеръ имъ придаетъ то, что въ нихъ заложена форма, способствующая развитію всякаго выдающагося таланта къ преподаванію и дающая удовлетвореніе всякой живой воспріничивости ученика; форма, способствующая быстрому и свободному развитію всякаго научнаго прогресса; форма, облегчающая распознаніе всякаго призванія выдающихся людей и надъляющая высокимъ чувствомъ бытія даже болье худшую жизнь ограниченныхъ натуръ; мы имбемъ право гордиться такой формой, и всякій, кто только знакомъ съ нашими университетами, согласится со мною, что въ этой похвать заключается строгая правда и что въ ней нъть преувеличенія». Эта форма, которую Савиньи ставить такъ высоко и которой придаеть такое высокое культурное значеніе, заключается въ «единствъ изслъдованія и преподаванія».

Нъмецкій типъ университета въ тъхъ чертахъ, въ какихъ онъ выработался въ Германіи и другихъ сосёднихъ странахъ, выросшихъ на общей культурной почвѣ (Австрія, Швейцарія, Нидерланды, Скандинавскій стверъ, наконецъ, Россія), занимаетъ по своему витшнему устройству середину между англійскимъ и французскимъ типомъ. «Онъ болъе сохранилъ первоначальный характеръ, чъмъ французскій, и съ другой стороны больше уступилъ требованіямъ новаго времени, чвиъ англійскій, — утверждаеть г. Богдановичъ. — Нвиецкій университеть, также какъ французскій факультеть, -- государственное учрежденіе, государство его основываеть и содержить, и онъ подчиненъ государственному управленію. Онъ, однако, получилъ въ наследіе немаловажныя черты стараго корпоративнаго строя, онъ обладаеть извъстной мёрой самоуправленія, онъ самъ избираеть свое правленіе, ректора, сенать и декановъ и, наконецъ, имбетъ значительное вліяніе на зам'вщеніе каоедръ, такъ какъ опредівляеть посредствомъ испытаній на докторскую степень и утвержденіе привать-доцентовъ, кругь лицъ, изъ котораго преимущественно пополняеть преподавательскій персональ, а также предла-

¹⁾ Темъ же авторомъ изданъ и другой трудъ «Университеты въ Англіи», но такъ какъ и не имъю въ виду проводить парадлели между русскими и англійскими университетами, то и не считаю нужнымъ касаться здъсь его содержанія.

гаеть правительству замъстителей на отдъльныя каеедры. Въ общемъ, какъ учебное учрежденіе, нъмецкій университеть въ своемъ внутреннемъ устройствъ, даже въ наиболье чистомъ видъ, сохранилъ прежній характеръ; всъ четыре факультета остались жизнедъятельными учрежденіями, тогда какъ въ Англіи преподаваніе и жизнь по большей части замкнулись въ colleges; съ другой стороны здъсь, въ противоположность Франціи, сохранилось объединеніе факультетовъ въ живое цълое—университетъ, въ общую высшую школу для всъхъ учебныхъ профессій».

Отличительной чертой нѣмецкаго университета является то, что онъ одновременно служить и «лабораторіей научнаго изследованія» и учрежденіемъ для полученія высшаго научнаго образованія (общаго такъ же, какъ и профессіонально-научнаго). Въ немъ такъ же, какъ въ англійскихъ университетахъ, получають разностороннее и основательное общее образованіе, являющееся въ особенности спеціальностью философскаго факультета. Подобно французскимъ facultés, онъ даеть профессіонально-научное образованіе, подготовляющее ученыхъ спеціалистовъ: священниковъ, судей и высшихъ чиновниковъ, администраторовъ, врачей и учителей гимназіи; но витстт съ темъ онъ служить наиболте важнымъ центромъ научной работы въ Германіи, а также разсадникомъ научнаго изследованія, чего нельзя сказать ни про англійскія, ни про французскія высшія школы. Въ Германіи профессоръ университета одновременно и преподаватель и ученый, и даже прежде всего ученый, такъ что въ сущности правильнее было бы сказать, что въ Германіи научные работники являются также и преподавателями университетской молодежи; изъ чего можно вывести заключеніе, что и университетское образование чисто научное; первое мъсто въ немъ занимаеть не подготовка къ практической дъятельности, но научное изслъдованіе и занятіе наукой.

Обращаясь къ нъмецкому университету, какъ учебно-воспитательному учрежденію, мы видимъ, что юридически онъ включенъ въ общую систему управленія народнымъ образованіемъ Германіи, но фактически онъ занимаєть особое, можно сказать, исключительное положеніе. Онъ пользуется такой независимостью и самостоятельностью, какими не обладають никакія другія государственныя учрежденія. Государственный надзоръ за преподавателями почти отсутствуеть, а отъ средневъковаго корпоративнаго самоуправленія сохранились самыя существенныя черты, гдѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ свобода выбора академическаго начальства.

Главою германскаго университета является ректоръ, ежегодно избираемый общимъ собраніемъ ординарныхъ профессоровъ и являющійся представителемъ университета въ его внѣшнихъ сношеніяхъ. Ему подчинены низшіе служащіе, онъ разрѣшаетъ имматрикуляцію и надзираетъ за студенческими общественными собраніями

и сходками. Сенать, образующій комитеть, зав'ядывающій общимъ управленіемъ, также избирается изъ среды ординарныхъ профессоровъ и, сверхъ его выборныхъ членовъ, въ составъ сената входятъ ректоръ, какъ предс'ядатель, университетскій судья и деканъ. На обязанности ректора вм'єст'є съ университетскимъ судьей и сенатомъ лежитъ также и зав'ядываніе дисциплинарнымъ судомъ надъ студентами. Факультеты также обладаютъ не меньшей степенью самоуправленія, и весь строй ихъ основанъ на выборномъ началъ. Они заботятся о полнотъ преподаванія въ каждомъ семестръ, надзираютъ за студентами въ нравственномъ и научномъ отношеніи, распредъляютъ стипендіи, производятъ требуемыя для этой цъли испытанія, назначаютъ темы для сонсканія премій и раздаютъ ихъ.

Германскій университеть, по утвержденію г. Богдановича, «является существомъ живымъ и организованнымъ, движущимся самостоятельно. Въ немъ нътъ никакихъ программъ, наука свободна, методы свободны, выборъ предмета свободенъ, профессоръ свободенъ, даже студенть свободенъ. Свобода оживляеть, одушевляеть все. Свобода ученія, какъ и свобода преподаванія безграничны въ нёмецкихъ университетахъ. Студентъ избираетъ себъ, какъ университетъ и науку, такъ и преподавателя и даже планъ занятій; отъ него вполив зависить выборъ лекцій, которыя онъ хочеть слушать, и работы, которыя онъ хочеть сдёлать. Главная цёль научнаго преподаванія заключается въ томъ, чтобы учащійся пріучался научно думать, т. е. понимать, провърять научныя изследованія и самостоятельно вести ихъ и затемъ также разрешать практическія задачи на основаніи научныхъ данныхъ. По этому предмету извъстный германскій ученый Г. Ф. Зибель такъ формулироваль свою точку зрвнія: «Важно, чтобы студенть получиль ясное представленіе о ціли науки и о методахъ, посредствомъ которыхъ она разръшаеть эту задачу; необходимо, чтобы онъ самъ примънилъ нъкоторые изъ этихъ методовъ хотя на одномъ какомъ нибудь вопросъ, и чтобы онъ хотя нъкоторыя проблемы прослъдилъ до последнихъ следствій, до такой точки, где бы онъ могъ себе сказать, что никто его не можеть научить чему либо новому, что здёсь онъ стоить твердо и увёренно на собственныхъ ногахъ и имъеть право ръщать по собственному разуму. Это сознание собственными средствами достигнутой самостоятельности-неоцененное пріобрѣтеніе. Самый предметь, который подвергался изслѣдованію, не играетъ при этомъ роли: важно лишь, чтобы человъкъ хотя на маленькомъ вопрост порвалъ зависимость отъ школы, чтобы онъ испробовалъ силы и средства, съ которыми онъ отнынъ долженъ приступить къ подробному же разрешенію всякой новой задачи; чтобы эта работа въ разгаръ счастливой молодости выработала изъ юноши взрослаго человъка».

Передъ каждымъ семестромъ университетскій сенать опредъ-

ляеть предметы, которые должны трактоваться каждымъ профессоромъ, какъ и часы для лекцій; профессоръ же увѣдомляеть объ этомъ студентовъ простой афишей, написанной и подписанной его рукой и вывѣшиваемой на черной доскѣ. Студентамъ лишь остается выбрать курсъ, которому они хотять слѣдовать. Они являются въ квестуру, записываются и уплачиваютъ слѣдуемыя за слушаніе лекцій деньги, платя такимъ образомъ гонораръ предпочитаемому профессору.

Молодой человъкъ, по окончаніи курса въ гимназіи, на основаніи атгестата эрклости, принимается въ университеть безъ экзамена и сразу становится свободнымъ членомъ единой великой и свободной университетской семьи. Въ ея нъдрахъ онъ пребываетъ оть 3 до $4^{1/2}$ лёть, гдё рядомъ съ широкимъ пріобрётеніемъ теоретической мудрости получаеть возможность и основательныхъ практическихъ занятій. Въ первые семестры главное значеніе имфетъ хорошій выборъ лекцій, посредствомъ которыхъ онъ ознакомляется съ отдълами своей будущей работы. Лекціи эти онъ обязательно записываеть со словъ профессора, и эти записи побуждають слушателей съ полнымъ вниманіемъ мысленно следить за изложеніемъ и конспектировать содержаніе лекцій. Въ посл'єдующіе семестры, сверхъ лекцій, существують и практическія занятія. Ихъ цъль именно выработка методовъ изследованій и подробное изложеніе вопросовъ, относящихся къ лекціямъ. Эти практическія занятія-семинаріи являются главнымъ средствомъ сближенія преподавателя съ учащимися, и именно здёсь завязываются между сторонами интимныя отношенія; здёсь ученику оказывается индивидуальная личная помощь и здёсь же учитель наблюдаеть, какъ созрёвають силы, которымъ суждено продолжать его работу. Важнымъ научнымъ пособіемъ къ университетскому образованію служить разумно организованное чтеніе. Одной изъ существенныхъ сторонъ этого образованія является обязательное знакомство съ нткоторыми важнтйшими авторами по главнымъ отделамъ избранныхъ наукъ.

Заключеніемъ университетскаго образованія служать экзамены, которые различаются между собою существеннъйшимъ образомъ и дълятся на экзамены—академическіе и государственные. Первые имъютъ мъсто въ присутствіи факультетовъ, гдъ выдаются старыя академическія степени, а вторые производятся въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ, назначаемыхъ правительствомъ по большей части на годъ и снабжаемыхъ особыми инструкціями; экзамены послъдней категоріи обязательны для полученія правъ на занятіе спеціальныхъ жизненныхъ профессій, связанныхъ съ правами государственной службы.

Жизнь всякаго учащагося въ университетъ юноши находится въ тъсной зависимости отъ университета не только въ смыслъ интеллектуальнаго образованія, но и въ смыслъ общественнаго поведенія. Юноша, получивъ званіе студента, получаеть и кодексъ школьной дисциплины и, если онъ нравами своими позорить достоинство носимаго званія, то онъ является ответственнымъ лицомъ передъ ректоромъ, синдикомъ и университетскимъ сенатомъ. Наказанія за проступки колеблются между простымъ замічаніемъ и формальнымъ исключеніемъ; въ промежуткъ же между этими крайностями имъются штрафы, достигающие до 10 рублей, и заключеніе въ карцеръ. Пользуясь широкой свободой университетской науки, студенты пользуются также полной свободой корпоративныхъ организацій, гдъ опредъляются ихъ дружескія связи и образуются ихъ общественные взгляды и привычки. Этихъ корпорацій въ Германіи великое множество, но среди нихъ особеннаго вниманія заслуживають «цвётные союзы», которые подраздёляются на три основные типа: землячества, буршеншафты и христіанскіе союзы, между которыми находятся еще всякаго рода подгруппы. Всё эти безчисленныя ассоціаціи, которыя следуеть строго различать отъ такъ называемыхъ «политическихъ партій», такъ какъ имъ совершенно чужда политика, имѣють единственной цълью-сплоченность товарищества во имя культа чести, религіи, свободы и любви къ отечеству, а также въ интересахъ совивстнаго изученія разныхъ отрастей научнаго знанія. «Германія, къ счастію, не знаеть еще 20-ти-летнихъ политикановъ, - утверждаеть г. Богдановичъ, — но зато среди нъмецкой молодежи поистинъ царитъ любовь къ родной земль, а нъмецкое единство является настоящей страстью, оживляющей университетскій міръ. Это патріотизмъ во всей гордости, тщеславіи и горячности, рядомъ съ которымъ нѣтъ мъста гуманитарному космополитизму. При одномъ намекъ лишь на европейскіе соединенные штаты—нѣмецкіе студенты разражаются здоровымъ хохотомъ, —они видятъ непрестанную борьбу во всъхъ странахъ света, знають, что въ міре этомъ сила является однимъ изъ главныхъ элементовъ торжества, и культивирують силу эту, при чемъ культъ этотъ среди образованной молодежи выражается воинственными нравами, многочисленными дуэлями, привычкой къ грубымъ физическимъ упражненіямъ, ясно выраженнымъ расположеніемъ ко всему военному. Каждый німецкій студенть хочеть быть и чувствуеть себя солдатомъ. Врядъ ли есть страна, гдв милитаризмъ быль бы жизнените и универсальнте среди образованной молодежи. Философскія идеи мало волнують молодые умы Германіи. Время «учителей» прошло, новыя школы не создаются, и ни одна не господствуеть, какъ въ дни Канта, Вольфа, Гегеля, Фихте или Шлегеля».

Таковъ строй университетскихъ учрежденій въ Германіи. Въ ваключеніе не лишне отмѣтить, что каждый университетъ имѣетъ своего куратора, канцлера и комиссара, высокопоставленную особу, избираемую обыкновенно среди выдающихся людей провинціи. Не

вмѣшиваясь никоимъ образомъ во внутреннюю администрацію университета, кураторъ является липь защитникомъ передъ государствомъ университетскихъ интересовъ и привилегій и неизмѣнно предстательствуетъ передъ центральной властью за свой университетъ. Принцы королевскаго дома и сами короли охотно удостомваютъ своимъ покровительствомъ университеты и даже занимаютъ въ нихъ почетныя должности. Такъ, по свидѣтельству г. Богдановича, великій герцогъ Карлъ-Александръ состоитъ ректоромъ Іенскаго университета, король саксонскій ректоромъ Лейпцигскаго университета, и таковымъ же Кенигсбергскаго, до восшествія на престолъ, состоялъ нынѣшній императоръ германскій Вильгельмъ ІІ.

Посмотримъ же теперь, какъ трансформировался образъ германскаго университета на русской почвѣ, въ какой типъ вылился онъ, и каковы были главнѣйшіе моменты его перерожденія. Обозрѣніе организаціи Дерптскаго (Юрьевскаго) и Александровскаго (Гельсингфорсскаго) университетовъ не входитъ въ настоящую задачу, такъ какъ строй и жизнь этихъ учебныхъ заведеній до послѣдняго времен и сложилась и развивалась внѣ общихъ условій русской государственности.

II.

Исторія русскихъ университетовъ дѣлится на пять главныхъ періодовъ, въ зависимости отъ дѣйствовавіпихъ въ нихъ уставовъ. Первый періодъ—отъ учрежденія старѣйшаго отечественнаго университета, Московскаго, въ 1755 году, до начала XIX вѣка, второй періодъ—съ изданія въ 1804 г. особыхъ уставовъ трехъ университетовъ Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго, изъ коихъ первый былъ распространенъ, съ 4-го января 1824 г., и на вновь учрежденный Петербургскій университеть—до введенія устава 1835 г.; третій періодъ, обнимающій собою царствованіе Николая Павловича и длившійся съ 1835 г. по 1863 г.; четвертый—съ 1863 по 1884 г. и, наконецъ, пятый, относящійся къ послѣднимъ 15 годамъ.

Уставъ Московскаго университета 1755 г. былъ составленъ И. И. Шуваловымъ, по мысли Ломоносова и по образцу тогдашнихъ нѣмецкихъ университетовъ. Въ виду отсутствія въ тогдашнее время у насънизшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, университету грозила опасность остаться безъ слушателей, а потому вмѣстѣ съ университетомъ, на основаніи того же устава, возникли при немъ двѣ неразрывно съ нимъ связанныя и состоявшія въ его вѣдѣніи гимназіи, назначеніе которыхъ было именно готовить комплектъ университетскихъ воспитанниковъ. Явившійся на свѣтъ Божій, не какъ органическая потребность общества, а искусственно насажденный на русскую почву правительствомъ, Московскій университеть былъ поставленъ въ чрезвычайно выгодныя условія и къ его инозем-

нымъ основаніямъ были присоединены, въ добавокъ, самыя широкія преимущества и привилегіи, которыя, съ одной стороны, должны были привлечь къ нему симпатіи преподаватателей изъ состава иностранцевъ, а съ другой-пріохотить къ нему русскихъ учащихся. Въ этихъ видахъ университетъ, во-первыхъ, былъ поставленъ въ совершенную независимость отъ всёхъ присутственныхъ ивсть и властей, кромв сената, которому онъ подчинялся непосредственно, во-вторыхъ, былъ снабженъ своимъ особымъ привилегированнымъ судомъ, простиравшимся какъ на профессоровъ, такъ и на студендовъ, и, въ-третьихъ, былъ переданъ въ въдъніе одного или двухъ кураторовъ, которые опредъляемы были верховною властью изъ вельможъ, являвшихся заступниками и ходатаями о нуждахъ университета передъ престоломъ. Кромъ того, всь чиновники университета были освобождены отъ постоевъ и всякихъ полицейскихъ повинностей, отъ вычетовъ изъ жалованія и всякихъ другихъ сборовъ. Приманками учащихся для поступленія въ университеть служили: пожалованіе студентамъ шпаги, объщаніе покровительства кончившимъ курсъ, при поступленіи ихъ на службу, пожалованіе имъ при выпускъ ранга оберъ-офицеровъ арміи, зачитаніе имъ времени бытности ихъ въ университеть въ дъйствительную службу, содержаніе изв'єстнаго числа студентовъ, живущихъ на вольныхъ квартирахъ, на жалованіи отъ казны, и учрежденіе казеннокоштныхъ студентовъ, проживающихъ въ самомъ университетъ.

Составъ сословія преподавателей во вновь учрежденномъ разсалникъ просвъщенія быль самый пестрый: по большей части это были иностранцы, не знавшіе русской жизни, не связанные нравственными интересами ни съ русскимъ обществомъ, ни между собою и согласившіеся поступить на русскую службу исключительно ради матеріальных выгодъ и соціальных привилегій, которых были лишены на родинъ. Такого состава преподавателямъ правительство Елисаветы Петровны не ръшилось всецьло предоставить управленіе ділами университета, почему надъ послідними, помимо куратора, быль поставлень еще директорь, назначавшійся оть правительства, который правиль дълами университета одинъ, безъ совъщанія съ профессорами, и, какъ хозяинъ, смотрълъ за благочиненіемъ и порядкомъ. Въ двухъ только отношеніяхъ совъщался онъ съ профессорами на собиравшихся еженедъльно конференціяхъ: по устройству учебной части и по суду надъ студентами. Въ случаяхъ разногласія на такихъ конференціяхъ, о нихъ ставился въ извъстность кураторъ, который по своему усмотрънію и разръшалъ возникшее недоразумъніе.

Въ отношеніи учебномъ университеть ділился на три факультета—философскій, юридическій и медицинскій. Философскій факультеть быль своего рода приготовительной школой, черезъ ко-

торую, подобно тому, какъ это имъло мъсто и въ Германіи. студенть должень быль предварительно пройти, прежде чёмъ попасть на факультеть спеціальный, юридическій или медицинскій. Всъхъ профессоровъ утверждено было по штатамъ на университетъ десять человъкъ, но бывали года, когда на спеціальныхъ факультетахъ всв отрасли знанія представлены были однимъ профессоромъ. Немногочисленъ былъ въ первое время и комплектъ слушателей, такъ что факультеты буквально спорили между собою изъ-за студентовъ и уступали ихъ одинъ другому. Профессора читали пять дней въ недълю, и по субботамъ сходились подъ предсъдательствомъ директора на засъданіе конференціи, гдъ шла ръчь о распорядкахъ ученія и о студентахъ. Преподаватель не имълъ права читать свой предметь по своей системь, или по автору, имъ произвольно выбранному; онъ подчинялся въ этомъ отношеніи конференціи и куратору. На обязанности профессоровъ было читать безплатно не менте двухъ часовъ въ день, за исключеніемъ субботы; кром' того, имъ дозволялось давать приватные уроки за умфренную плату. Безплатныя лекціи, читанныя преимущественно на латинскомъ языкъ, назывались публичными, хотя публика, по причинъ незнакомства съ этимъ древнимъ языкомъ, ихъ и не посъщала.

Желающіе слушать лекціи въ университеть принимались, по выдержанія вступительнаго экзамена, въ студенты и получали право носить шпагу. Курсъ ученія быль трехлітній, при чемъ въ конців каждаго мъсяца, на послъднюю субботу, студенты должны были держать между собою диспуты, подъ руководствомъ профессоровъ, на тезисы, объявленные за три дня до диспута. Въ концъ каждаго полугодія, передъ вакаціями, такіе диспуты совершались въ присутствій публики. За сочиненія, писанныя на заданныя темы, выдавалось ежегодно восемь медалей, золотыхъ и серебряныхъ. Эти раздачи наградъ сопровождались торжественными публичными актами, на которыхъ профессора произносили ръчи, стараясь при этомъ «представлять учащемуся въ университеть россійскому юношеству съ достаточными похвалами высокомонаршее попечение ея императорскаго величества о благополучіи ея подданныхъ вообще и особливо неизреченныя щедроты къ университету». Окончившимъ курсъ ученія студентамъ выдавались за подписями директора и всъхъ профессоровъ аттестаты, по которымъ они могли опредъляться прямо на гражданскую службу и получали преимущество передъ прочими сослуживцами. Въ отношении административномъ студенты, какъ и профессора, исключительно были подчинены университетскому суду, который производился или конференціей, или тымь изъ профессоровъ, преимущественно юристомъ, которому конференція поручала разбирательство даннаго дёла. Наказанія состояли въ екключеніи въ карцеръ на хлібо и на воду, въ облаченіи въ страаьянскую одежду и въ исключении изъ университета. Студенты

не носили мундировъ и подчинялись особымъ правиламъ, въ соблюденіи которыхъ давали подписку и честное слово. За ихъ поведеніемъ наблюдали изъ среды ихъ же самые избранные цензоры и эфоры.

Если читатели дадутъ себъ трудъ сопоставить организацію перваго русскаго университета, съ тъмъ, что говорено выше, въ первой главь, объ университетахъ германскихъ, то они увидять, что въ главныхъ своихъ основаніяхъ Московскій университеть 1755 г. являлся исключительно копіей таковыхъ. Онъ пользуется широкой автономіей, ему въ средъ прочихъ государственныхъ учрежденій отводится почетное мъсто, и его окружають особыми заботами и попеченіями. Правительственная опека и регламентація касаются его не столько въ интересахъ политическихъ, сколько культурныхъ, гдв на первомъ мъстъ полагается забота, чтобы поднять до него общественное сознание и общественный уровень. Съ теченіемъ времени непосредственными же заботами правительственной власти ему даруются вспомогательныя орудія просв'єщенія, такъ что въ концт втка мы видимъ уже, что университетъ является дъйствительнымъ сосредоточіемъ русскихъ культурныхъ элементовъ, которые съ неимовърнымъ напряжениемъ силъ становятся руководителями отечественнаго прогресса. Русское книгоиздательство, русская періодическая печать, либеральныя въянія Екатерининской эпохи, такъ или иначе, но непосредственно берутъ свое происхожденіе изъ Московскаго университета, который въ этомъ отношеніи оказываеть нашей родинь неисчислимыя услуги, значительно превышающія заслуги петербургской академіи наукъ. Мало-по-малу онъ изъ учрежденія полуиностраннаго, искусственно привитаго къ русской жизни, становится учрежденіемъ національнымъ, становится органической частью всего отечественнаго строя; иностранцы понемногу уступають мёсто природнымъ русскимъ ученымъ, которые значительно оживляють преподаваніе, связывають интересъ университета съ интересами общества и самымъ благодетельнымъ образомъ вліяють на последнее. Изъ недръ университета выходить родъ талантливыхъ дъятелей: Потемкинъ, Фонвизинъ, Муравьевъ, бр. Тургеневы, Новиковъ, Карамзинъ, Жуковскій и многіе другіе, которые на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ создаютъ себь громкія имена и являются истинными творцами русской культуры конца XVIII и начала XIX въковъ.

Въ своихъ основныхъ чертахъ, Московскій университетъ, какъ его создалъ Шуваловъ, остается неприкосновеннымъ до вступленія на престолъ Александра I, когда ему, совмъстно со вновь учрежденными университетами, Харьковскимъ и Казанскимъ, даровано было новое устройство, въ силу котораго всъ университеты вошли въ общую систему народнаго просвъщенія.

III.

Съ воцареніемъ Александра I, государственный строй Россіи подвергся значительнымъ преобразованіямъ, въ числѣ которыхъ важнѣйшее мѣсто занимаетъ учрежденіе министерствъ и между прочимъ министерства народнаго просвѣщенія. Возникло оно въ 1801 г., а уже на слѣдующій годъ были опубликованы предварительныя правила народнаго просвѣщенія, долженствовавшія создать цѣлую систему среднихъ и низшихъ заведеній—гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Въ связи съ сими послѣдними въ 1804 г. опубликованы грамоты и уставы для университета Московскаго и вновь учрежденныхъ—Харьковскаго и Казанскаго. Всѣ уставы почти тождественны, но въ основаніи каждаго изъ нихъ въ отдѣльности положена мысль о необходимости предоставить каждому университету возможность развиваться своеобразно, примѣнительно къ мѣстнымъ требованіямъ и особенностямъ.

По уставу 1804 года къ каждому университету приписанъ цёлый учебный округъ, коего онъ и становился центромъ управленія. Въ качествъ послъдняго, университетъ получалъ право назначенія и увольненія учителей, право представлять къ назначенію министромъ директоровъ гимназій, дълать черезъ посредство профессоровъ ревизіи и инспекціи. Для завъдыванія училищами, при нихъ состоялъ особый училищный совътъ, въ составъ ректора и выбранныхъ совътомъ ординарныхъ профессоровъ, который обязанъ былъ представлять ежегодно отчеты совъту о состоянія учебной части въ округъ.

Какъ заведеніе учебное, университеть по уставу 1804 г. дѣлился на четыре факультета, независимые другь отъ друга, но составлявшіе въ совокупности одно цѣлое; факультеты эти были— нравственно-политическій, физико-математическій, медицинскій и филологическій. Каждый факультеть вмѣщалъ въ себя опредѣленное число профессоровъ (свыше 6 и 7), въ помощь которымъ, для преподаванія отдѣльныхъ частей науки и на случай замѣщенія назначалось 12 адъюнктовъ, 3 лектора или учителя языковъ—французскаго, нѣмецкаго и англійскаго, 3 учителя пріятныхъ искусствъ и тимнастическихъ упражненій.

Въ отношеніи внутренняго устройства, университетамъ дорована была коллегіальная форма управленія и широкая автономія во всѣхъ дѣлахъ, касающихся быта университетской корпораціи. Это начало было проведено вполнѣ послѣдовательно по всѣмъ частямъ устава. Университеты состояли подъ высочайшимъ покровительствомъ и подъ главнымъ начальствомъ министра народнаго просвѣщенія и, хотя каждый изъ нихъ поручался особому вѣдѣнію одного изъ членовъ

главнаго правленія училищъ, подъ именованіемъ попечителя, но власть последняго состояла главнымъ образомъ въ общемъ надворе и попеченіи о процвътаніи университета, безъ непосредственнаго участія во всъхъ мелочахъ университетской администраціи. Попечителю подлежали утвержденію далеко не всё постановленія совёта, онъ не судилъ и не взыскивалъ за проступки лицъ, подвъдомственныхъ университету, а также студентовъ: до его свъдънія лишь доводили обо всемъ, что касалось жизни университета и то post factum, и только передъ началомъ академическаго года подносили къ утвержденію и подписанію роспись предположенныхъ занятій и лекцій. Попечитель, кром'в того, разр'вшалъ университету сверхштатные расходы въ суммахъ не свыше 500 руб. и наблюдаль за правильнымъ расходованіемъ штатныхъ средствъ и ассигнованій черезъ посредство особаго назначаемаго изъ ординарныхъ профессоровъ непременнаго заседателя правленія. Всё попечители первоначально имъли жительство въ Петербургъ и составляли изъ себя главное правленіе училищъ, докладывая, въ присутствіи другъ друга, по дъламъ ввъренныхъ округовъ министру народнаго просвъщенія.

Сосредоточіемъ университетскаго самоуправленія являлся совъть съ выборнымъ ректоромъ во главъ и состоялъ изъ заслуженныхъ и ординарныхъ профессоровъ; адъюнкты могли здёсь присутствовать, но подавали голоса лишь по учебной части: въ выборахъ они не участвовали. Совътъ комплектовался на основахъ выборнаго начала, но съ утвержденія министра; въ свою очередь, онъ же, т.-е. совъть, избиралъ и ректора, сначала на одинъ годъ, а потомъ на три. Ректоръ обизанъ былъ собирать совъть ежемъсячно, предсъдательствоваль въ немъ, былъ хранителемъ большой университетской печати, представителемъ университетской корпораціи, лицомъ надзирающимъ, чтобъ всв и каждый надлежаще исполняли свои обязанности. Въ случав его отсутствія, бользни или смерти, мъсто его заступаль со званіемь проректора ближайшій его предмістникь. Вь совыть дыла рышались большинствомъ голосовъ открытою подачею таковыхъ; баллотированіе употреблялось лишь при выборахъ и при назначеніи преній. Собирансь изръдка и періодически, совътъ не могъ непосредственно завъдывать всъми дълами университетского управленія; для этихъдість онъ составляль лишь высшую инстанцію, которой подчинялись низшіе органы сословной администраціи. Такими органами были: по части учебной -- факультетское собраніе, по части полицейской, хозяйственной и судебной — правленіе. Первый органъ состояль изъ профессоровъ и адъюнктовъ подъ предсъдательствомъ декана, избиравшагося общимъ совътомъ изъ ординарныхъ профессоровъ; должность секретаря факультета возлагалась на одного изъ адъюнктовъ; факультеты

«**ЕСТОР. ВЪСТН.»**, ЯНВАРЬ, 1900 Г., Т. LXXIX.

въдали распредъленіе лекцій, производили переходныя испытанія и раздавали ученыя степени кандидата, магистра и доктора.

Правленіе состояло изъ ректора, декановъ и непремъннаго засъдателя, являвшагося на засъданіяхъ чемъ-то въ роде правительственнаго прокурора въ дълъ сословнаго управленія. По части хозяйственной правленіе зав'ядывало финансами университета, заключало договоры и подряды и представляло ежегодно совъту свой годовой отчетъ, который, по утверждении его, поступалъ уже къ высшему начальству. По части полицейской правленіе опредъляло нижнихъ служителей и въдало внутренній порядокъ и благочиніе. Въ случаяхъ чрезвычайной важности ректоръ имълъ право, помимо правленія, подъ свою личную отвітственность, принимать экстренныя мъры до вытребованія военной и гражданской помощи у адми нистраціи, но объ означенныхъ своихъ дійствіяхъ долженъ былъ давать объясненія правленію въ ближайшемъ его засіданіи. Такіе случаи экстраординарныхъ міропрінтій не могли быть частыми, такъ какъ задачи университетской полицейской компетенціи были достаточно легкими, ограничиваясь исключительно ствнами самаго учебнаго заведенія. Студенты, за исключеніемъ казеннокоштныхъ, жили на вольныхъ квартирахъ и ходили въ партикулярномъ платъв, а «въ разсуждении нравственности и поведенія должны были сообразоваться съ правилами благочинія, сочиненными университетскимъ совътомъ и на утверждение начальства взнесенными», за нарушение каковыхъ подлежали взысканиямъ университетскаго суда. Последній, по уставу 1804 года, сохраниль за университетами всъ преимущества и особенности, которыя, по примёру нёмецкихъ университетовъ, были дарованы въ 1755 году университету Московскому. Судъ этоть производился письменно и въ закрытомъ заседаніи, при участіи, однако, особаго синдика, избираемаго совътомъ изъ числа членовъ ученаго сословія для приготовленія и доклада судебныхъ дёль правленію, при чемъ этотъ синдикъ имътъ лишь совъщательный голосъ.

Университетъ снабженъ былъ весьма общирною гражданскою и уголовною юрисдикціей надъ студентами и чинами, принадлежащими къ университетъскому управленію. Въ дѣлахъ гражданскихъ университетъ разбиралъ всѣ тяжбы и иски со студентовъ, за исключеніемъ дѣлъ о недвижимыхъ имуществахъ; въ уголовныхъ дѣлахъ самъ производилъ слѣдствія и посылалъ своего синдика засѣдать въ судѣ, въ качествѣ депутата. Въ дѣлахъ дисциплинарныхъ, т.-е., о преступленіяхъ противъ университетскаго благочинія и порядка, университетъ самъ налагалъ на виновнаго разныя взысканія, при чемъ ректоръ имѣлъ право приговаривать студента къ трехдневному заключенію въ карцеръ, правленіе—къ 14-дневному, а совѣтъ составлялъ высшую и послѣднюю инстанцію, присуждавшую виновнаго даже къ исключенію изъ университета. Жалобы на университетскій судъ

подлежали въ апелляціонномъ порядкѣ внесенію въ сенатъ. Въ виду того, что, согласно уставу 1804 года, назначеніе университетовъ состояло въ «пріуготовленіи юношества для вступленія въ различныя званія государственной службы», то правительство въ интересахъ привлеченія учащагося юношества къ высшему образованію учредило при университетахъ интернаты, гдѣ содержались казеннокоштные пансіоны; надзоръ за поведеніемъ сихъ послѣднихъ былъ возложенъ на инспектора, избираемаго совѣтомъ изъ числа ординарныхъ профессоровъ.

Рядомъ съ управленіемъ учебнаго округа, на университетъ возложена была также цензура книгъ, выходившихъ въ округѣ, при чемъ цензорами являлись профессора, отправлявшіе свои обязанности по настоящему предмету опять-таки на основахъ коллегіальности. Университетамъ же разрѣшено было имѣть свои типографіи, которыя можно было за плату отдавать въ аренду.

Изъ всего сказаннаго про уставъ 1804 года мы видимъ, что права его были очень широки, и онъ, по сравненію съ 1755 годомъ, никоимъ образомъ не составилъ регрессивнаго теченія. Законодатель заботливо снабдиль его привилегіями, но рядомъ съ этимъ возложилъ на него и черезвычайно сложныя обязанности, при наличности которыхъ университетъ долженъ былъ явиться воистину очагомъ просвъщенія, освъщающимъ окружающую жизнь лучами знанія и научной истины. Его автономія была незыблема, и надъ нимъ установленъ лишь контроль постольку, поскольку это входило вообще въ задачи молодого министерства просвъщенія съ его широкими культурными задачами начала текущаго столътія. Университеть по духу остается родственнымъ своему германскому первообразу, но уже значительно приноровленъ къ условіямъ русской жизни. Полицейско-административная тенденція государства его не давить, и ему дается широкій просторъ развитію своихъ естественныхъ просвётительныхъ силъ и задачъ.

Обращаясь къ воспоминаніямъ современниковъ, напримъръ, Д. Н. Свербеева, въ книгъ «Воспоминанія о студенческой жизни», мы видимъ, что академическое преподаваніе стоитъ уже значительно выше того, о коемъ намъ даетъ понятіе, напримъръ, Фонвизинъ въ своихъ извъстныхъ воспоминаніяхъ о Московскомъ университетъ прошлаго стольтія. Жизнь учащагося юношества, его отношенія къ начальству и профессорамъ носять, правда, еще чисто-патріархальный характеръ, но уже явно наблюдается, что къ началу стольтія народился составъ отечественныхъ профессоровъ, составъ русскихъ студентовъ, и университетская жизнь понемногу успъла войти въ общій кругь родной дъйствительности. Вольныя права, дарованныя университетамъ, не наносять никакого ущерба государственности, не потрясаютъ основъ, но, напротивъ, являются тъми свътлыми сторонами жизни, въ коихъ отечественная дъйствительность очи-

щается и становится выше: университеть, такъ сказать, подымаеть до себя русскую жизнь и общественное сознаніе и въ этомъ культурномъ просвітительномъ процессі встрічаеть мощную поддержку правительственной власти.

Но мирное поступательное движение научных университетских в силъ длилось недолго. Этому движенію, съ одной стороны, былъ положенъ предълъ отечественною войною 1812 - 1813 годовъ, отвлекшею въ значительной мъръ современниковъ отъ интересовъ науки и просвъщенія и, во-вторыхъ, реакціоннымъ періодомъ царствованія Александра I, когда на первый планъ выступили мрачныя тъни русской жизни, въ образъ Аракчеева, Фотія, Серафима, Магницкаго и Рунича. Попечитель Магницкій первый разгромиль Казанскій университеть; его примъру постъдовалъ Руничъ, произведшій ту же операцію съ Петербургскимъ университетомъ. Въ уставахъ университетовъ сдёланы были, безъ всякой къ тому побудительной причины, существенныя видоизмъненія, лишавшія ихъ въ значительной степени ихъ автономій, а весь строй академической жизни отданъ, такъ сказать, подъ надзоръ администраціи, которая отнынв и становится во образв попечителя рѣшающею инстанціей судебъ университетскаго преподаванія. Такъ, по высочайшему повельнію, 14 іюня 1819 года поветьно было: 1) ввести при Казанскомъ университеть преподаваніе Богопознанія и христіанскаго ученія (которое съ самаго начала въ предметъ университетскихъ преподаваній не было введено), опредѣливъ для сего наставника изъ духовныхъ; 2) нѣкоторыхъ профессоровъ совершенно уволить отъ занимаемыхъ ими должностей, другихъ перевести на такія канедры, которыя болье соотств догъ ихъ способностямъ; 3) для экономической, полицейской и нравственной части опредълить при университетъ особаго чиновника, подъ наименованіемъ директора, подобно тому, какъ назначено сіе при С.-Петербургскомъ университеть. Засимъ ученую и учебную часть поручить отдъльно ректору, по уставу избранному. Все таковое преобразование предоставить учинить самому понечителю, съ тъмъ, чтобы онъ предварительно представилъ объ ономъ г. министру духовныхъ дѣтъ и народнаго просвъщенія.

Новыя мёропріятія были введены по соображеніямъ внёшней благонамёренности и не имёли за собою никакихъ оправдательныхъ основаній ни по существу дёйствовавшихъ уставовъ, ни въ какихъ либо неблагонамёренныхъ теченіяхъ академической жизни. Пожаръ бытъ произведенъ чисто-искусственно, и зарево его явилось на историческомъ фонё отечественной дёйствительности тёмъ грознымъ явленіемъ, которое, начиная съ 1819 г., непрерывно продолжало тревожить общественное настроеніе во все дальнёйшее теченіе вёка. Послёдствія этого пожара были чрезвычайно печальныя: потерийвъ погромы, университеты лишились цёлаго ряда научныхъ силъ; отечественные представители науки покинули свои профессіи, по-

святивъ себя иного рода дъятельности, иностранные же простились навсегда съ Россіей. Университеты опустъли, а замънить былыхъ дъятелей новыми представилось, за неимъніемъ таковыхъ въ наличности, невозможнымъ. Каеедры были замъщаемы или неспособными преподавателями, или мало подготовленными, не имъвшими даже требуемыхъ по уставу 1804 г. ученыхъ степеней; наконецъ, случалось, что одному профессору поручалось сразу нъсколько разнородныхъ каеедръ, къ явному ущербу науки. Упадокъ университетовъ повелъ за собою ущербъ и всего научнаго дъла въ округахъ: уровень среднихъ и низшихъ училищъ, подвъдомственныхъ университетамъ, значительно понизился, и просвъщенныхъ университетамъ, значительно понизился, и просвъщены побудило правительство императора Николая I предпринятъ рядъ реформъ, коснувшихся какъ университетовъ, такъ и гимназій, совмъстно съ низшими училищами.

IV.

Въ 1826 году былъ учрежденъ особый комитетъ устройства учебныхъ заведеній, который и выработалъ сначала (1828 г.) уставъ гимназій и училищъ уёздныхъ и приходскихъ, а затёмъ уставъ университетовъ, извёстный подъ названіемъ «устава 1835 года». Кромё того, при Дерптскомъ университетъ, по иниціативъ академика Паррота, открытъ былъ въ 1828 году для приготовленія профессоровъ, особый профессорскій институтъ, просуществовавшій десять лётъ съ половиною, а въ Петербургѣ былъ основанъ главный педагогическій институтъ «для приготовленія учителей и профессоровъ въ учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія».

Главнымъ моментомъ реформъ 1828 и 1835 годовъ былъ тотъ, что отъ вѣдомства университетовъ были отдѣлены среднія и низшія учебныя заведенія, въ силу чего университеты перестали быть реальными центрами учебныхъ округовъ, а слѣдовательно въ значительной мѣрѣ утратили свое просвѣтительно-воспитательное вліяніе на населеніе. Это было до извѣстной степени слабою стороною реформы, но это же дало возможность учебнымъ и ученымъ силамъ университетовъ сосредоточиться для работы своего ближайшаго вѣдѣнія и назначенія.

Согласно уставу 1835 года, организація совъта и факультетскаго собранія сохранилась на прежнихъ основаніяхъ; но, по изъятіи изъе его въдомства суда, полиціи и хозяйственнаго управленія, совъть былъ ограниченъ одними дълами техническо-учебными, выборомъ ректора и профессоровъ для занятія вакантныхъ каоедръ. Синдика съ прокурорскою властью изъ профессоровъ отнынъ пред-

писано было назначать изъ лицъ, не принадлежащихъ къ университетской корпораціи, должность секретаря совѣта, которую прежде исполнялъ профессоръ, положено было замѣщать постороннимъ чиновникомъ. Правленіе по-старому осталось въ составѣ ректора, декановъ и синдика, который занялъ мѣсто бывшаго непремѣннаго засѣдателя, но изъ органа исполнительнаго по части хозяйственной, по полиціи и по суду, оно сдѣлалось установленіемъ исключительно экономическимъ и независящимъ отъ совѣта, который, не получая отъ него отчетовъ и не зная своего бюджета, не могъ имѣть никакого опредѣленнаго понятія о количествѣ своихъ матеріальныхъ средствъ и о правильномъ ихъ употребленіи.

Университеть по уставу 1835 г. потеряль и вст свои судебныя привилегіи, въ силу чего дъла объ имуществахъ, подвъдомственныхъ университету лицъ, перешли въ въдъніе общихъ судебныхъ установленій, безъ всякаго въ нихъ участія университетовъ; равнымъ образомъ и уголовныя преступленія стали достояніемъ общеимперскаго уголовнаго судопроизводства. Къ следствіямъ, къ которымъ были прикосновенны студенты, попечитель или министерство народнаго просвъщенія наряжали депутата отъ университета. Кромъ того, университеты потеряли въ значительной степени и право самоуправленія, будучи поставлены въ значительно большую зависимость отъ попечителя округа, административная власть котораго явилась по новому уставу расширенною. Назначаемый именнымъ высочайшимъ указомъ, попечитель обязанъ былъ «употреблять вст средства къ приведенію въ цвтущее состояніе университета, строго наблюдая, чтобъ принадлежащія къ нему мъста и лица исполняли неупустительно свои обязанности». Ему вмёнялось обращать вниманіе на способности, прилежаніе и благонравіе профессоровъ, адъюнктовъ, учителей и чиновниковъ университета. исправлять нерадивыхъ замъчаніями и принимать законныя мъры къ удаленію неблагонадежныхъ. Имёя постоянное мёстопребываніе въ одномъ городъ съ университетомъ, попечитель являлся вмъстъ съ тъмъ и непремъннымъ членомъ главнаго правленія училищъ. Въ важныхъ, нетерпящихъ отлагательствъ случаяхъ, онъ самъ собою имълъ право принимать надлежащія мъры и доводить о нихъ до свъдънія министра; онъ же, по своему усмотрънію, могь предсъдательствовать въ совътъ и въ правленіи; на него же возложено было увольнение въ отпускъ профессоровъ и университетскихъ чиновниковъ. Согласно §§ 54 и 55 новаго устава попечитель получилъ право разръщать единовременныя изъ экономическихъ суммъ университета издержки до 10.000 р. ассигнаціями, и ему же предоставлено утверждать контракты на подряды и поставки, по штатамъ и другимъ опредъленнымъ расходамъ, суммою до 10.000 руб. ассигн. Пля сольйствія попечителю назначался особый помощникъ который замёняль его на случай отсутствія.

Въ отношении учебномъ университетъ раздёленъ былъ на три факультета: философскій, юридическій и медицинскій. Философскій факультеть состояль изъ двухъ отдёленій; первое обнимало собоюпреподавание наукъ философскихъ, историческихъ, политическую экономію, статистику, восточную словесность: а) языки арабскій, турецкій и персидскій, б) языки монгольскій и татарскій и словесности античную, славянскую и отечественную. Второе отдёленіе обнимало собою: 1) чистую и прикладную математику, 2) астрономію, 3) физику и физическую географію, 4) химію, 5) минералогію и геогнозію, 6) ботанику, 7) зоологію, 8) технологію, сельское хозяйство, лъсоводство и архитектуру. Остальные два факультета не носили на себъ, въ сравнении съ нынъшнимъ временемъ, особенно оригинальныхъ, типическихъ черть. Для догматическаго и нравоучительнаго богословія, церковной исторіи и церковнаго законовьдънія учреждена была особая, не принадлежащая ни къ какому факультету, канедра, обязательная для всёхъ студентовъ греко-россійскаго испов'яданія. Кром'я того, на каждый университеть положено было по четыре лектора новыхъ языковъ-нъмецкаго, французскаго, англійскаго и итальянскаго. Сверхъ учителя рисованія, университетамъ разръшено было приглашать учителей искусствъ: 1) фектованія, 2) музыки и 3) танцеваныя, а въ Харьковскомъ и Казанскомъ университетахъ 4) учителя верховой ѣзды.

Предметами занятій факультетскихъ собраній намічены были (§ 20) по новому уставу: полугодичное распредъление курсовъ и времени преподаванія наукъ, принадлежащихъ факультетамъ; разсмотрѣніе методовъ преподаванія и руководствъ, избираемыхъ профессорами; испытаніе студентовъ и всёхъ желающихъ получить ученыя степени или право на вступленіе въ первый разрядъ чиновниковъ по гражданской службъ. Испытаніе кандидатовъ на учительскія міста въ гимназіяхъ и убздныхъ училищахъ округа, если они не снабжены надлежащими для того учеными аттестатами и свидътельствами, разсмотръніе сочиненій, предполагаемыхъ къ печатанію съ одобренія университета и его иждивеніемъ; цензура сочиненій и переводовъ ученаго содержанія, издаваемыхъ профессорами и адъюнктами; избраніе ежегодныхъ задачъ и сужденіе о присылаемыхъ на оныя ръшеніяхъ; распоряженія по предписаніямъ совъта и разсуждение о томъ, что предлагаютъ деканы или члены факультега. Къ главъ о факультетахъ въ уставъ имъется и любопытное примъчаніе, которое гласить: «предметы преподаванія для каждаго факультета, выше сего означенные, могуть, по усмотренію министра народнаго просвъщенія, быть умножены или до времени сокращены, смотря по мъстнымъ обстоятельствамъ и по удобности прінсканія способныхъ преподавателей».

Дисциплинарная власть надъ учащимися была изъята изъ въдънія университета и предоставлена, помимо ректо_ра и совъта,

инспектору, избираемому непосредственно попечителемъ округа изъ военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ. Отношенія инспектора къ студентамъ были чисто-патріархальныя, и учащіеся подвергались взысканіямъ безъ суда, административнымъ порядкомъ, за проступки, какъ въ ствнахъ университета, такъ и внв его совершаемые. Принимались студенты въ университеть по предварительному экзамену; при этомъ преимущество отдавалось темъ, кто представляль одобрительныя свидётельства объ окончаніи гимназическаго курса, каковое могло даже совершенно избавить молодого человъка отъ необходимости экзаменаціоннаго испытанія. Принятые въ университетъ студентами получили съ апреля 1837 года право, при прежней форм'ь своей, носить шпаги, и обязанность являться въ публику въ треугольныхъ шляпахъ, при встрече съ генералами отдавать имъ честь, а при встрече съ особами императорской фамиліи становиться во фронть, въ обоихъ случаяхъ по-офицерски. Своекоштные студенты и вольные слушатели съ 1839 года были обложены платою за право слушанія лекцій по 100 рублей ассигціями, за исключеніемъ тіхъ, которые представять свидітельство о бълности.

Уставъ 1835 года, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ распубликованъ въ министерство графа Уварова, дѣйствовалъ всего лишь лѣтъ десять съ небольшимъ, успѣвъ, однако, придать нашимъ университетамъ своеобразный отпечатокъ и создать опредѣленный классъ интеллигенціи, сыгравшей подъ именемъ «людей сороковыхъ годовъ» крупную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія. Лишенный въ значительной мѣрѣ своей прежней автономіи и нѣсколько заслоненный властью попечителя, уваровскій русскій университетъ, правда, значительно отошелъ отъ своего германскаго первообраза, но въ достаточной, однако, степени удовлетворилъ запросамъ отечественной жизни. Вліяніе его было безусловно просвѣтительное, и въ исторіи нашей культуры ему суждено было занять видное мѣсто, благодаря своей тѣсной связи съ тогдашней наукой и родной литературой.

Обращаясь воспоминаніями, напримёръ, къ Петербургскому университету, В. Д. Спасовичъ въ собраніи своихъ сочиненій (т. IV) говорить, что университеть временъ графа Урарова «былъ университетъ не нѣмецкій, не французскій, не англійскій, но свой оригинальный русскій, такой, какимъ его создали потребности общества. Устроенъ онъ былъ на довольно широкихъ основаніяхъ, несмотря на недостатки устава 1835 года, и имѣлъ свои особенности и преданія. Сама даже студенческая община, узаконенная распоряженіями князя Ширинскаго (попечителя), не была созданіемъ новымъ; я самъ помню, что элементы ея существовали еще въ 40-хъ годахъ». На юбилейномъ же актѣ 1869 года сказано было про С.-Петербургскій университетъ, что для него «вторая половина тридцатыхъ годовъ и начало сороковыхъ годовъ были самымъ поэти-

ческимъ временемъ его существованія, и, можно сказать, самымъ производительнымъ: ни въ какой періодъ не выпустиль онъ столькихъ замъчательныхъ людей и въ наукъ и въ литературъ; ни въ какую другую пору не процветала въ немъ до такой степени студенческая жизнь въ ея средневъковыхъ, усвоенныхъ нашею молодежью формахъ: тогда именно сложены были и распъвались съ одушевленіемъ въ студенческихъ кружкахъ разныя, въ подражаніе gaudeamus igitur, итсни, которыхъ теперь, черезъ тридцать лътъ, никто не помнить». Тепло вспоминають свой университеть тахъ годовъ и многіе другіе почтенные діятели, какъ, напримітуь, О. II. Буслаевь, въ глазахъ котораго дорогой ему Московскій университеть быль всёмь хорошь, и лишь угрозы солдатчиной отравляли жизнь довольныхъ и счастливыхъ студентовъ. «За большіе проступки наказывали тогда студентовъ солдатчиною, - говорить онъ. На первый разъ, въ видъ угрозы и для острастки другимъ, виновный только облекался вмёсто вицмундира въ солдатскую сермягу и какъ бы выставлялся на показъ; если же потомъ снова провинится, ему брили лобъ... Тогда зачастую слышалась угроза солдатчиною, и спустя много лъть послъ того мерещилось мнъ иногда во снъ, что миъ бреють лобъ, и и надъваю не себи сол датскую амуницію».

Счастливое время дъйствія устава 1835 года было опять-таки, какъ нъкогда въ 1819-1820 годахъ, искусственно прервано, и университетамъ пришлось пережить вторичный погромъ, для каковаго съ своей стороны они не давали, однако, никакого повода. Академическая жизнь текла совершенно правильно, наращивание интеллигенціи и научныхъ силъ совершалось безъ всякаго вреда для существовавшаго порядка вещей, но на несчастіе во Франціи и остальной Европъ совершились извъстныя событія 1848 года, въ предупрежденіе каковых у насъ правительством в Николая І приняты были чрезвычайныя мёры репрессіи въ отношеніи именно высшихъ разсадниковъ просвъщенія. У университетовъ отняты были всь привилегіи и права самоуправленія-сов'ять лишился права избирать ректора. число студентовъ ограничено комплектомъ въ 300 человъкъ, преподаваніе ограничено неподвижными программами, нікоторые предметы совершенно изъяты, и отправление молодыхъ людей за границу для приготовленія къ профессорской д'ятельности прекращено. Г. Спасовичъ, примънительно къ Петербургскому университету, рисуеть положение дъть въ такомъ видъ: «въ основъ университета покоился уставъ 1835 года, но на дъть, во всъхъ своихъ частностяхъ, онъ давно былъ отмъненъ различными инструкціями, министерскими и попечительскими распоряженіями. Попечительство Мусина-Пушкина, занявшее собою десятильтие 1845—1855 годовъ, расшатало окончательно силу устава: власть попечителя ръшала и опредъляла все, а отъ устава едва сохранилось нъсколько нараграфовъ въ

цёлости». Сказанное про С.-Петербургскій университеть, съ полнымъ правомъ, можеть быть обобщено на положеніе дёль и въ остальныхъ округахъ, гдё административное вмёшательство, опека и мелкая регламентація окончательно задавили все созданное совокупными усиліями предшествовавшихъ поколёній. Свободная наука была изгнана изъ университетовъ, знаніе взято подъ полицейскій надзоръ, и студенты обращены въ воспитанниковъ, связанныхъ строгой дисциплиной на взенный образецъ, съ неизбъжной маршировкой, строемъ и фронтомъ.

Такое положеніе дёль длилось вплоть до 1855 года, когда, съ восшествіемъ на престолъ Александра II, университетамъ дарованы были прежнія права по уставу 1835 года и академическая жизнь очищена отъ всего случайнаго и наноснаго, никоимъ образомъ не вызваннаго действительной необходимостью, но явившагося темъ не менъе истиннымъ бичомъ для исторіи русскаго просвъщенія, Освобожденные отъ репрессій университеты вступили на новый путь жизни, гдъ имъ, однако, пришлось въ очень скоромъ времени столкнуться съ совершенно неожиданнымъ явленіемъ — студенческими безпорядками, явившимися, по свидетельству г. Спасовича, неминуемымъ слъдствіемъ предшествовавшей реакціи. Эти безпорядки потрясли до основанія университетскую организацію и явились съ того момента тъмъ зломъ академической жизни, которое продолжаетъ по тъмъ или другимъ причинамъ періодически ее тревожить во всъ постедующія десятилетія, достигая иногда до крайних проявленій и чрезмърнаго обостренія отношеній между начальствомъ и учащимися. Студенческіе безпорядки побудили правительство къ пересмотру устава 1835 года, слъдствіемъ какового пересмотра явилось дарованіе университетамъ новаго устава 1863 года, дъйствовавшаго двадцать лёть слишкомъ.

V.

Я не пишу здёсь исторіи университетовъ, почему въ мою программу и не входить лётопись событій. Тёмъ не менёе не могу не отмётить, что изъ воспоминаній П. Обнинскаго, А. Кирпичникова и И. Деркачева, напечатанныхъ въ цитированной выше книжкъ «Воспоминанія о студенческой жизни», университетскій строй и быть съ 1855 по 1861 годы рисуются въ очень привлекательныхъ краскахъ, и мы нигдё не видимъ, чтобы возрожденный къ новому существованію Уваровскій уставъ являлся тормазомъ для правильнаго теченія академическихъ занятій. И однако, это теченіе было скоро прервано, уступивъ мёсто страшному хаосу и бурному взрыву страстей. «Здоровое общеніе университета съ жизнью скоро и круто поворачиваеть направленіе отъ положительнаго къ отрицательному,— свидётельствуетъ г. Обнинскій:—наука забывается ради «политики»;

жизнь студента, дотолѣ замкнутая, получаеть лихорадочное теченіе въ сходкахъ, протестахъ, адресахъ и уличныхъ потасовкахъ». Бурная эпоха начала шестидесятыхъ годовъ сконцетрировалась во многихъ своихъ крайнихъ проявленіяхъ въ стѣнахъ университетовъ, а отсюда, помимо частичныхъ фактовъ и конкретныхъ явленій академической жизни, явилось сознаніе необходимости пересмотра дѣйствовавшаго устава.

Свидътель и лътописецъ тогдашнихъ событій, г. Спасовичъ такъ рисуеть роль профессорской корпораціи въ вопрост объ изміненіи устава 1835 года: «Конецъ февраля и начало марта 1861 г. прошли въ новыхъ столкновеніяхъ между студентами и властью, принимавшихъ все болъе крупные размъры, -- повъствуеть онъ. Профессора до того времени оставались совершенно въ сторонъ, такъ какъ уставъ 1835 г. не давалъ совъту никакого административнаго вліянія на студентовъ: въ попечительство Мусина-Пушкина... власть попечительская забрала къ себъ всю администрацію. Но безпорядки въ мартъ приняли такой характеръ, что дальнъйшее устранение отъ дъла для профессоровъ сдълалось нравственною невозможностью. Съ другой стороны, и сама власть сочла полезнымъ призвать профессоровъ къ содъйствію. Вслъдствіе письма попечителя (И. Д. Делянова) къ профессору Кавелину, въ мартъ составлена была комиссія изъ 4 профессоровъ, которой предоставлено было упорядочить студенческую общину и составить проекть устава или правиль для студентовъ, которыя объяснили бы имъ ихъ права, а вийсти и обязанности. Желая впередъ внушить безусловное довъріе къ этимъ правиламъ, комиссія пригласила къ себъ для выслушанія желаній студентовъ 8 человекь, которые были выбраны студенческимъ обществомъ. Со дня открытія комиссіи, всі безпорядки исчезли, и до конца апръля, когда проектъ правилъ былъ оконченъ, не было примъра нарушеній порядка.

«Члены комиссіи, подъ предсъдательствомъ Кавелина, составляли проектъ по частямъ, читали составленное при студентахъ, дебатировали, исправляли, дополняли и, посредствомъ обоюдныхъ уступокъ, приходили къ результатамъ, которыми хотя и не удовлетворялись вполнъ представители студентовъ, но которымъ они, однако же, изъявили совершенную готовность подчиниться. Роль, которую намъ пришлось играть при осуществленіи этой организаціи, все же была бы не легкая, не веселая; но дѣло выиграло бы много, такъ какъ всякіе дальнъйшіе безпорядки были бы теперь нарушеніемъ правилъ, между тѣмъ какъ, до того времени, студенты видѣли передъ собою только волю и власть начальства. Главныя черты проекта заключались въ слъдующемъ. Общая сходка подъ предсъдательствомъ избираемаго на одинъ годъ профессора, обсуждающая дѣла, касающіяся общества студентовъ и выбирающая должностныхъ лицъ по студенческому самоуправленію. Тотъ же

профессорь предсёдательствуеть вы комитеть изъ пяти выборныхъ студентовъ, завъдующихъ кассою, библіотекою, изданіемъ «Сборника». Взякое предложение сходкъ должно быть предварительно обсуждаемо комитетомъ, отъ котораго зависить допустигь его или. не допустить. Всякія иныя сходки строго запрещены. Судъ надъ студентами изъ трехъ профессоровъ долженъ рѣппать, безъ участія студентовъ, дъло о проступкахъ, за которые полагаются арестъ или карцеръ, и съ участіемъ избираемыхъ по жребію студентовъ, въ родъ присяжныхъ, дъла о проступкахъ, влекущихъ за собою исключеніе изъ университета. Подробный уголовный уставъ грозиль строгими взысканіями за всякія попытки не университетской агитаціи. Весь планъ предполагаемаго устройства разсчитанъ былъ на то, что его вынесеть на своихъ илечахъ масса, состоящая изъ молодихъ людей среднихъ, умъренныхъ, болъе нассивныхъ, нежели активныхъ; натуры же горячія, порывистыя, придется обуздать сильными домашними мърами, не прибъгая къ публичной власти; наконецъ, въ виду новыхъ порядковъ, они и сами оставили бы университеты.

«Само собою разумѣется, что наши правила составлялись исключительно въ томъ предположеніи, что общій характеръ управленія университетомъ будетъ тотъ же, т. е. что будетъ продолжаться система возможно мягкихъ мѣръ и преобразованія не внезапнаго, но весьма постепеннаго, при чемъ сохранено будетъ изъ существующаго уже все, что только можно сохранитъ, а именно корпоративное устройство студентовъ. Мы понимали очень хорошо, что университетъ можетъ существовать безъ корпораціи студентовъ, но мы знали также, что корпорація студентовъ можетъ быть сдѣлана безвредною и можетъ приносить свою долю пользы, чему служатъ примѣромъ университеты германскіе и изъ русскихъ — Дерптскій. Извѣстно, что въ Германіи студенческія корпораціи даже совершенно отчуждаютъ студентовъ отъ всего, что лежитъ внѣ интереса ихъ студенческой жизни и совершенно охлаждаютъ ихъ къ политикѣ.

«Проекть правиль быль представлень на разсмотрѣніе иопечителя, а отъ него пошель на утвержденіе министра. Между тѣмъ, въ концѣ мая и началѣ іюня 1861 г., внезапно перемѣнились и обстоятельства, и личный составъ управленія, и система. Вышеупомянутый проекть правиль быль оставлень въ сторонѣ и даже заподозрѣнъ, какъ нѣчто вредное; во всякомъ случаѣ ему не дали никакого движенія. Новое министерство рѣшило составить новый проектъ, въ основаніе котораго должны были лечь начала, утвержденныя 31 мая 1861 г. Эти новыя начала содержали отмѣну форменной одежды, что составляло издавна предметъ и нашихъ желаній и студенческихъ, запрещеніе всякихъ сходокъ и ограниченіе числа освобождаемыхъ отъ взноса за слушаніе лекцій двумя сту-

дентами на каждую изъ губерній, входящихъ въ составъ учебнаго округа».

Съ того момента, какъ тенденціи профессорской корпораціи относительно автономной организаціи студенческой общины не дано было осуществиться, и взялъ верхъ принципъ административнополицейского управленія студентами, безпорядки участились и достигли своего крайняго напряженія въ Петербургскомъ университетъ, вслъдствіе чего послъдній и быль закрыть. Открытіе его состоялось лишь въ іюнъ 1863 г., когда въ министерство Головина быль введень въ дъйствіе новый «уставъ 1863 года», въ выработкт основныхъ положеній котораго принимали, однако, участіе даже тъ изъ профессоровъ, которые послъ безпорядковъ 1861 г. не сочли для себя удобнымъ оставаться долбе на занимаемыхъ ими канедрахъ. Уставъ 1863 г., правда, далеко не осуществилъ тъхъ желаній, которыя, какъ на то указываеть г. Спасовичь, были высказываемы и профессорами и студентами въ 1861 г., но во всякомъ случать, съ одной стороны, онъ положилъ конецъ анархіи предшествовавщихъ летъ въ университетской организации, а съ другой, далъ возможность университетамъ освободиться оть кошмара угрозы преобразованія въ закрытыя учебныя заведенія, какъ-то замышляль сдълать министръ Путятинъ, на подобіе англійскихъ аристократическихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Офиціальная и вибшняя исторія пересмотра университетскаго устава 1835 года такова. Проекть новаго устава для Петербургскаго университета быль намічень еще въ 1858 г. и тогда же препровожденъ на разсмотрѣніе Московскаго университета, дабы знать мивніе последняго, въ какой мере этоть уставъ удовлетворяеть потребностямъ университетского преобразованія вообще, и въ какой мъръ онъ можеть быть примъненъ къ особенностямъ Московскаго университета. Заключеніе этого университета было представлено въ 1859 г. въ министерство, а отсюда препровождено въ Харьковскій и Кіевскій университеты. Къ концу 1861 г. по настоящему предмету поступили требуемые отзывы, и все дъло передано въ комиссію при министерств'в народнаго просв'ященія, подъ председательствомъ действительнаго тайнаго советника фонъ-Брадке, каковою и быль, на основаніи накопившагося матеріала, начерганъ новый проекть устава. Этоть последній снова быль препровожденъ въ 1862 г. для разсмотрвнія одновременно во всѣ университетскіе совѣты и нѣкоторымь лицамь духовнаго и гражданскаго въдомства, а также переведенъ на языки англійскій, французскій и нізмецкій и доставлень многимь иностраннымь педагогамъ и ученымъ. Всв поступившіе многочисленные отзывы переданы были въ ученый комитеть главнаго правленія училищъ, откуда уже исправленный и дополненный проекть устава, въ концъ 1862 г., препровожденъ въ особое совъщание, подъ предсъдательствомъ графа Строганова I. Заключеніе совъщанія было доложено государю императору въ совъть министровъ, и тогда же состоялось высочайшее повельніе: проекть университетскаго устава, составленный на утвержденныхъ уже основаніяхъ, внести на разсмотръніе государственнаго совъта съ проектомъ штатовъ. Окончательно уставъ быль утвержденъ 18 іюня 1863 г. для всъхъ университетовъ, кромъ Дерптскаго.

Въ офиціальныхъ мотивахъ, высказанныхъ по вопросу о необходимости университетской реформы, были отмъчены слъдующія причины упадка университетовъ въ концъ пятидесятыхъ и началъ шестидесятыхъ годовъ:

- а) Недостатокъ въ хорошихъ профессорахъ. Послъ закрытія профессорского института въ Дерптъ и воспрещенія вызывать иностранных ученых къ занятію каседръ, при затрудненіяхъ, которыя противополагались отправлению молодыхъ ученыхъ для усовершенствованія за границу, при ограниченности профессорскихъ окладовъ и, наконецъ, при излишней сложности экзаменовъ на ученыя степени, число лиць, способныхъ съ честью занять профессорскія каоедры, чрезмірно уменьшилось. Не имін возможности пригласить заграничных ученых, университеты, по необходимости, должны были ограничиться кандидатами русскими; но таковыхъ не могло быть много, сколько потому, что ученый уровень университетовъ недостаточно возвысился, столько и потому, что большая часть общественныхъ и научныхъ поприщъ представляли болбе средствъ къ обезпеченію жизни, при меньшихъ требованіяхъ спеціальныхъ условій, нежели поприще ученое. Последствіемъ этого было то, что канедры оставались незамѣщенными или что профессоры, занимающие канедры, обращались къ разнымъ постороннимъ занятіямъ для увеличенія своихъ матеріальныхъ средствъ, и часто болъе дорожили этими побочными занятіями, нежели своею службою при университеть.
- b) Излишняя разнообразность обязательных для студентовъ предметовъ научныхъ, которая влекла за собою необходимость жертвовать основательностью знанія и вводила большую снисходительность при испытаніяхъ.
- с) Недостаточное приготовленіе поступающих въ университеть къ слушанію лекцій часто заставляло профессоровь обращаться болье въ гимназическихъ преподавателей, нежели въ упиверситетскихъ профессоровъ. Это по преимуществу относится иль преподавателямъ древнихъ и новъйшихъ языковъ.
- d) Равнодушіе ученыхъ сословій къ интересамъ ихъ универсттетовъ и науки вообіце, вызванное отчасти устраненіемъ ученыхъ коллегій оть сужденій и распоряженій по дёламъ, относящимся къ вопросамъ, связаннымъ съ жизнью университетовъ, отчасти равнодушіемъ самого общества къ интересамъ науки, отчасти и матеріальными заботами, гнетущими профессоровъ, изконецъ, не

всегда удовлетворительнымъ составомъ ученыхъ коллегій: не нося никакой отвътственности за внутреннее управленіе университетомъ, возложенное на попечителя, правленіе и инспектора студентовъ, университетскій совътъ, вмъсто воздерживающаго нравственнаго и подвигающаго начала, являлся иногда, наоборотъ, страдающимъ научнымъ застоемъ и незръльмъ увлеченіемъ.

е) Скудость учебных пособій университетовь, не дозволявшая имъ идти въ уровень съ подобными учрежденіями Западной Европы.

«Вслъдствіе всего вышеизложеннаго, — сказано было въ офиціальномъ представленіи при проектъ новаго устава, — нынъ оказывается, что ученая дъятельность университетовъ незначительна; многія кафедры, за отсутствіемъ системы постояннаго приготовленія профессоровъ, остаются вакантными, другія замъщаются лицами, не имъющими требуемыхъ по уставу ученыхъ степеней, и сама академическая жизнь студентовъ, будучи не върно поставлена въ отношеніи къ университету, заключаетъ въ себъ элементы безпорядковъ, обнаружившіеся, къ сожальнію, еще въ недавнее время прискорбными событіями почти во всъхъ университетахъ». Дабы вывести университеты изъ этого положенія, и былъ утвержденъ новый уставъ 1863 года, или «Головинскій», какъ его принято было именовать по имени тогдашняго министра народнаго просвъщенія, Головина.

Какъ можно видъть изъ приведенныхъ мотивовъ, послужившихъ основаніями для реформы, весь строй прежней университетской организаціи подвергнуть быль очень строгой критикв, при чемь къ отвътственности, такъ сказать, притянуты были всъ общественные элементы предшествовавшей эпохи. Наиболье мягко указано на искусственныя меропріятія Николаевскаго времени, при помощи которыхъ значеніе университетовъ понижено до нельзя; наиболее резко поставлены на видъ промахи профессорской корпораціи, въ лицъ его существеннаго органа — «совъта», которому брошенъ даже упрекъ въ «незрълости увлеченія». Въ чемъ заключалась эта «незрвлость», изъ представленія не видно, но, если судить по лътописи г. Спасовича, то, пожалуй, ее придется отнести насчеть тых автономных стремленій, которыя высказывала профессорская корпорація въ 1861 г. и котор ями нікогда университеты были одарены уставами 1755, 1804 и даже отчасти 1835 годовъ, а также которыя испоконъ въковъ являлись достояніемъ германскихъ университетовъ, благодаря чему последніе и являлись всегда могучими рычагами европейской культуры.

Въ чемъ же заключались особенности и основанія устава 1863 года? Б. Б. Глинскій.

(Окончаніе въ слыдующей книжкы)

Digitized by Google

МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ КАПУСТИНЪ.

(Некрологъ).

Б лицѣ скончавшагося 11 ноября 1899 года бывшаго попечителя учебнаго округа и почетнаго опекуна, Михаила Николаевича Капустина, русское общество понесло тяжкую утрату. Покойный былъ широко извѣстенъ въ ученомъ мірѣ, считался замѣчательнымъ педагогомъ и дѣйствительно былъ выдающимся общественнымъ дѣятелемъ.

Онъ происходилъ изъ дворянской семьи Екатеринославской губерніи; его отецъ, Николай Але-

кебевичъ Капустинъ, служитъ въ полевой провіантской коллегіи и въ 1813 и 1814 гг., съ чиномъ подпоручика староингерманландскаго пѣхотнаго полка, участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и дѣлахъ, за которыя и получилъ ордена св. Анны 3 ст. и св. Владиміра 4 ст. Хотя и сказано въ его формулярномъ спискѣ, что онъ происходилъ изъ дворянъ, но впослѣдствіи вдова, жена Николая Алексѣевича, искала правъ потомственнаго дворянства для своихъ сыновей на основаніи полученныхъ ся мужемъ орденовъ.

Миханлъ Николаевичъ Канустинъ родился 11 января 1828 года и былъ вторымъ сыномъ изъ всѣхъ четырехъ (кромѣ него, были Александръ, Николай и Владиміръ) 1).

По окончанін Екатеринославской гимназіи, онъ поступилъ въ Московскій университеть и, окончивъ послѣдній въ 1849 г., опредѣлился учителемъ законовѣдѣнія въ третью московскую гимназію. Въ 1852 году защитилъ магистерскую диссертацію, подъ заглавіемъ:

Эти свъдънія заимствованы изъ дъла, хранящагося въ архивъ департамента герольдіи правительствующаго сената, св. № 1248.

Михаилъ Николаевичь Капустинъ.

«Дипломатическія сношенія съ Западной Европой во второй половинѣ XVII столѣтія», и съ этого года занялъ въ родномъ университетѣ кафедру «общенароднаго», какъ тогда называли, или международнаго права. Трипадцать лѣтъ, проведенныя имъ здѣсь, оставили надолго память о немъ, какъ о талантливомъ ученомъ, увлекательномъ лекторѣ и лучшемъ товарищѣ, котораго особенно ува«нотор. въсте.», январь, 1900 г., т. ихих.

жали за прямой, чуждый всякой фальши, характеръ и доброе, отзывчивое сердце.

Сенаторъ А. Ө. Кони въ своихъ воспоминаніяхъ о М. Н. Капустинъ 1), относящихся къ шестидесятымъ годамъ, говоритъ, что на его каеедръ вполнъ отражалась жизнь со всъми ея наболъвшими запросами, что въ своихъ лекціяхъ, всегда блещущихъ «необычайной эрудиціей», онъ проповъдывалъ слушателямъ «принципы правовой совъсти, идеи справедливости», и что эти лекціи были тъмъ увлекательнъе, чъмъ большею самостоятельностью и большею новизною отличались проводимые въ нихъ взгляды.

Кромѣ того, увлеченный общимъ потокомъ кипучей общественной дѣятельности шестидесятыхъ годовъ, М. Н. Капустинъ заявилъ себя и виднымъ общественнымъ дѣятелемъ. Среди многихъ другихъ занятій, онъ явился иниціаторомъ правильной постановки общественнаго призрѣнія и воспитанія порочныхъ дѣтей, устроивъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ А. Н. Стрекаловымъ въ 1864 г. первый въ Россіи исправительный пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ. Когда же этотъ пріютъ сгорѣлъ, М. Н. Капустинъ снова выступилъ защитникомъ подобныхъ учрежденій и успѣлъ склонить извѣстнаго Н. В. Рукавишникова къ основанію новаго исправительнаго пріюта, процвѣтающаго и донынѣ.

Наконецъ, онъ въ теченіе двухъ лѣтъ редактировалъ «Московскія университетскія извѣстія», въ которыхъ писалъ университетскую лѣтопись, разборъ новыхъ книгъ и о «преподаваніи юридическихъ наукъ въ нѣмецкихъ университетахъ».

Въ іюнъ 1870 года, М. Н. Капустинъ былъ призванъ графомъ Д. А. Толстымъ, тогдашнимъ министромъ народнаго просвъщенія, на постъ директора Ярославскаго юридическаго лицен. Хотя послъдній и быль преобразовань изъ Демидовскаго училища высшихъ наукъ еще въ 1868 г., но первый его директоръ, Митюковъ, пробылъ въ Ярославлъ всего около года и почти ничего не сдълалъ для лицея; поэтому на долю М. Н. Капустина выпало полное и окончательное его устройство. И дъйствительно, какъ справедливо говоритъ г. Головщиковъ 2), съ именемъ покойнаго соединяются всъ традиціи лицея. Онъ сум'єль сгруппировать около себя лучшія ученыя силы и поставить преподаваніе въ лицев на уровень современныхъ научныхъ требованій. При его посредств'в начали преподавательскую д'вятельность многіе, впосл'єдствіи выдающіеся, ученые М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Н. Л. Дювернуа, Н. Д. Сергіевскій, И. И. Дитятинъ, В. В. Сокольскій, Н. С. Суворовъ, А. А. Исаевъ и др. Имъ былъ основанъ и органъ лицея «Временникъ», въ ко-

¹⁾ См. «Новое Врсмя», 1899 г., № 8541.

²) «П. Г. Демидовъ и основанное имъ училище высшихъ наукъ» (Ярославль, 1885 г.).

торомъ должны были печататься какъ труды профессоровъ, такъ и выдающіяся сочиненія студентовъ. Но предметомъ особой заботливости М. Н. Капустина была лицейская библіотека; онъ собственноручно велъ переписку со всёми книгопрадавцами, самъ писалъ инвентарь библіотеки, самъ устанавливалъ получаемыя отъ книгопродавцевъ и переплетчиковъ книги и вообще зналъ библіотеку «во всёхъ тонкостяхъ».

При массѣ занятій по администраціи лицея онъ находилъ возможность читать едва ли не всѣ юридическіе предметы въ случаѣ вакантныхъ каеедръ. Основными его предметами были международное право и институціи римскаго права, но при этомъ онъ читаль еще: энциклопедію права (1871—1883), государственное право (1875—1877), всеобщую исторію права (1871—1873), политическую экономію (1878—1879) и науку о финансахъ (1877—1878).

По отношеню къ студентамъ лицея покойный директоръ проявлялъ большую доброжелательность и даже «сердечность». Отзывчивый на ихъ духовныя нужды, снисходительный къ проступкамъ, онъ немало сдѣлалъ и для улучшенія ихъ матеріальнаго положенія. Кромѣ того, что постоянно отказывался въ пользу студентовъ отъ платы за лекціи по вакантнымъ кафедрамъ, онъ въ разнос время пожертвовалъ изъ своихъ средствъ свыше 2.000 рублей въ попечительство о недостаточныхъ студентахъ; наконецъ, по его мысли былъ устроенъ студенческій, интернатъ, съ единственною цѣлью, какъ онъ выразился въ своей рѣчи во время открытія 1 декабря 1880 г., чтобы «поддержать все доброе, охранить отъ искушеній и житейской нужды, продлить молодость и устранить заботы о матеріальной обстановкѣ, подъ часъ очень тяжелыя».

Столь плодотворная дъятельность М. Н. Капустина въ лицев создала ему славу выдающагося администратора и была причиною къ новому, болъе трудному и отвътственному его назначеню. Въ 1883 г. онъ былъ назначенъ попечителемъ Деритскаго, нынъ Рижскаго, учебнаго округа. Въ то время учебныя заведенія этого округа были совершенно чужды Россіи, могли назваться скоръе разсадниками германизма и ограничивали свою связь съ министерствомъ народнаго просвъщенія лишь полученіемъ отъ него денежной субсидіи. Осторожно, но твердо и послъдовательно, началъ онъ преобразованіе этихъ учебныхъ заведеній въ духъ русскихъ началъ и въ теченіе своего семильтняго управленія округомъ успълъ сдълать очень мнооге, такъ что его преемнику, недавно скончавшемуся Н. А. Лавровскому, оставалось лишь продолжать успъшно начатое дъло.

Перемъщенный въ 1890 году попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, М. Н. Капустинъ обратилъ свое особое внимание на среднюю школу. Будучи горячимъ сторонникомъ облегчения отъ излишнихъ учебныхъ тягостей, онъ первый ввелъ переводъ уче-

никовъ въ следующій классь безь экзамена, содействоваль устраненію излишняго балласта изъ учебныхъ плановъ и, вообще, старался установить болже правильныя отношенія между преподавателями и учениками. Самъ держа высоко знамя педагога, онъ требовалъ и отъ учителей педагогической подготовки, ради чего учредилъ институтъ сверхштатныхъ преподавателей и кандидатовъ на преподавательскія м'єста. Взгляды свои онъ проводилъ (большею частью, въ циркулярахъ по округу) чрезвычайно мягко и осторожно; къ мивніямъ другихъ относился съ уваженіемъ и поощрялъ коллективное обсуждение вызываемых жизнію вопросовъ; неръдко самъ являлся въ такія собранія педагого въ, не какъ попечител округа, а какъ ихъ товарищъ, желающій прислушаться къ доводамъ другихъ; даже во всёхъ отдёльныхъ случаяхъ онъ былъ въ высшей степени доступенъ и внимателенъ. Никто не усомнится, что все это было очень важно и для педагоговъ и для педагогическаго дёла, и наобороть, всякій лишь пожальеть о прошломъ, когда услышить отъ своего начальника такого рода лаконическія фразы: «что угодно вашему превосходительству?» — «Представьте докладъ!», «до свиданія!» или «мы обойдемся и безъ вашихъ совъщаній».

Искренній сторонникъ распространенія просвъщенія въ массъ населенія, М. Н. Капустинъ много хлопоталъ объ открытіи народныхъ школъ, особенно, напримъръ, въ Олонецкой губерніи и въ С.-Петербургъ, гдъ, по его настоянію, число министерскихъ 4-хъ классныхъ школъ удвоилось, и разръшилъ «курсы общеобразовательныхъ предметовъ» при С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Обществъ, закрытые новымъ министромъ народнаго просвъщенія, за отсутствіемъ «офиціально утвержденныхъ программъ».

Насколько любилъ покойный педагогическое дѣло, видно уже изъ того, что онъ не покидалъ каеедры даже въ бытность попечителемъ. Съ 1891 г. и до того момента, когда болѣзнь окончательно заставила его оставаться дома, онъ читалъ въ училищѣ правовѣдѣнія энциклопедію права и былъ въ немъ инспекторомъ классовъ и членомъ совѣта Маріинскаго института и членомъ совѣта Павловскаго института.

Въ заключение о педагогической и общественной дѣятельности М. Н. Капустина мы должны сказать, что онъ принималъ дѣятельное участие въ обществѣ вспомоществования нуждающимся переселенцамъ, гдѣ былъ предсѣдателемъ, и выполнилъ рядъ особыхъ и высочайшихъ поручений. Такъ, въ 1891 году былъ третейскимъ судьею въ спорѣ между Франціею и Голландіею по вопросу о Гвіанскихъ владѣніяхъ; въ 1892 году предсѣдательствовалъ въ высочайше учрежденной при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ комиссіи для разсмотрѣнія претензій великобританскаго правительства, по поводу задержанія нашими крейсерами канадскихъ промысло-

выхъ шхунъ за недозволенный бой морскихъ котиковъ въ русскихъ водахъ Берингова моря; въ томъ же году участвовалъ въ занятіяхъ комиссіи, разсматривавшей постановленія Парижскаго третейскаго суда по поводу спора между Англіей и Съверо-Американскими Соединенными Штатами. Затъмъ читалъ лекціи по международному праву наслъднику цесаревичу, нынъ благополучно царствующему государю императору, Николаю Александровичу, и наконецъ въ 1894 году былъ командированъ по высочайшему повелънію въ Абасъ-Туманъ для занятій съ недавно въ Бозъ почившимъ наслъдникомъ цесаревичемъ, великимъ княземъ Георгіемъ Александровичемъ.

Учено-литературная дъктельность покойнаго выразилась въ цъломъ рядъ составленныхъ имъ книгъ и статей, изъ которыхъ, кромъ упомянутой выше магистерской диссертаціи, мы назовемъ здісь слідующія: 1) «Указатель книгь, статей по русской исторіи, географіи, статистикъ и русскому праву» за 1848-51 гг. (въ «Архивъ историко-юридическихъ свъдъній, касающихся до Россіи», Н. И. Калачова, т. I—III); 2) Морскіе призы и англійскія призовыя рвшенія 1854 и 1855 гг.» (М., 1855); 3) «Обозрвніе предметовъ международнаго права. Выпуски II, III и IV. Консулы и трактаты» (М., 1856—1859 гг.); 4) «Естественное право или философія права. Соч. Ад. Фр. Шиллинга. Переводъ съ нъмецкаго подъ редакціей М. Н. Капустина» (М., 1862 г.); 5) «О значеніи національности въ международномъ правъ» (М., 1863 г.); 6) «Очеркъ исторіи права въ Западной Европъ. (Общія явленія исторіи права въ Западной Европъ» (М., 1866 г.); диссертація на степень доктора международнаго права); 7) «Этнографія и право» (М., 1868 г.); 8) «Международное вмъщательство» (въ «Сборникъ государственныхъ внаній». т. II); 9) «Юридическое образованіе въ Англіи» (во «Временникъ Демидовскаго юридическаго лицея», т. II); 10) «Исторія права» (ibid., т. II—IV, и отд., Ярославль, 1872. г.); 11) «Международное право (конспекть лекцій)» (ibid., т. IV и V, и отд. Ярославль, 1873 г.). Объ этой книгь въ свое время Ф. Мартенсъ далъ восторженный отзывъ во второмъ томъ «Сборника государственныхъ знаній»; но впоследствіи проф. Даневскій, не соглашаясь съ его оценкой, нашель нъкоторые крупные недостатки 1); 12) «Юридическое образованіе во Франціи» (ibid., т. VI); 13) «Чтенія о политической экономіи и о финансахъ» (ibid., т. XIX и XX, и отд. Ярославль, 1879); 14) «Институціи римскаго права» (ibid., т. XXIII, XXIV и XXV, и отд. Ярославль, 1880—1881 гг.), и 15) «Юридическая энциклопедія (догматика)» (Спб., 1893 г.); въ первомъ изданін это сочинение появилось въ печати еще въ 1869 году 2).

См. его «Обзоръ новъйшей литературы по международному праву» (Спб., 1876 года).

²) Авторы газетных в некрологов в приписывали М. Н. Капустину и «Древнерусское поручительство», на самомъ дъл принадлежащее С. Я. Капустину, ко-

Какъ ученый юристъ, М. Н. Капустинъ принадлежать къ школъ такъ называемаго естественнаго права и именно къ той, значительно смягченной ея фракціи, представителями которой были Арндтсъ и другіе, сводившіе всю теорію къ началу справедливости, охраняемой государствомъ. Будучи послъдователемъ этой школы, онъ на первый планъ ставилъ права личности въ государствъ, былъ поборникомъ ея индивидуальности, свободы совъсти и неприкосновенности ея духовнаго міра.

Въ области же изученія права покойный профессоръ держался строгаго историческаго метода.

«Область права», читаемъ въ одномъ изъ его трудовъ, «не допускаетъ произвольныхъ измышленій; метафизика и метаполитика должны быть чужды юристу». Основой юридическаго образованія онъ считалъ гражданское право; что же касается политическаго образованія юриста, то послѣднее по нему должно быть сведено до тіпішита. Наиболѣе характерными словами по отношенію къ теоретическимъ идеаламъ покойнаго юриста и его гуманности можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ его изслѣдованія: «О значеніи національности въ международномъ правѣ»: «Національности примиряются свободою и самоуправленіемъ, онѣ становятся во враждебное отношеніе вслѣдствіе гнета, преслѣдованія, униженія... Опытъ доказалъ, что свободныя учрежденія страны, политическая равноправность народностей всегда вѣрно ведуть къ ихъ сближенію».

Признавая, что юридическая наука «суха, безжизненна, безстрастна», что «строгія и точныя ея начала и безъ всякой окраски соціальнаго и политическаго характера столь же привлекательны для юриста, какъ и числовыя формулы для математика» (см. актовую рѣчь 1882 г. во «Временникъ Демидовскаго юридическаго лицея»), онъ въ то же время по отношенію практическаго примѣненія этой науки утверждалъ, что «юридическое положеніе не есть математическая формула; въ немъ слышится утъщенное горе, обезпеченный трудъ, счастье семьи, сдержка произвола, ограниченіе кровопролитія» (см. актовую рѣчь 1876 г. въ томъ же «Временникъ»). Въ своихъ взглядахъ М. Н. Капустинъ былъ въ высшей степени самостоятеленъ и твердо держался ихъ на всемъ своемъ жизненномъ пути.

Мы старались только вкратцѣ намѣтить разныя отрасли дѣйствительно многосторонней дѣятельности покойнаго попечителя; но будущій его біографъ, слѣдя шагъ за шагомъ за проявленіями по истинѣ кипучей и всеобъемлющей работы М. Н. Капустина, неопро-

торый издать свой названный трудь въ извъстномъ юридическомъ сборникъ Мейера, въ Казани, въ 1855 г. Въ эту ошибку они впали, благодаря невърному сообщению въ «Энциклопедическомъ словаръ» Брокгауза и Ефрона, гдъ на двухъ смежныхъ страницахъ упомянутое сочинение приписано обоимъ названнымъ авторамъ.

вержимыми доводами убъдить читателя въ ен чрезвычайной плодотворности и несомивно выведеть изъ нея рядъ важныхъ уроковъ для будущихъ дъятелей въ той же области. Насколько цънили всъ знавшіе М. Н. Капустина, и какъ человъка, съ его ръдкой добротой, гуманностью и отзывчивостью, можно судить уже по однимъ недавнимъ чествованіямъ его, принявшимъ характеръ глубокой искренности и высокаго уваженія.

В. Рудаковъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Пауль Вартъ. Философія исторіи, какъ соціологія. Переводъ съ нъмецкаго. Часть 1-я. Введеніе и критическій обворъ. XIV и 424. Спб. 1900.

ЩЕ ДО ПОЯВЛЕНІЯ въ 1897 году только что переведенной по-русски книги: «Die Philosophie der Geschichte, als Sociologie», П. Бартъ составиль себъ хорошую репутацію въ ученомъ міръ Германіи. Его перу принадлежать слъдующія цънныя работы: «Die Geschichtsphilosophie Hegels und der Hegelianer bis auf Marx und Hartmann»; «Die sogenannte materialistische Geschichtsphilosophie» (XI т. «Jahrbuch f. Nationalökon. und Statistik»); Zum 100 Geburtstage Comte's («Vierteljahrschrift f. wiss. Philosophie», 1898).

Всѣ указанныя работы Барта, вмѣстѣ съ I томомъ реферируемаго труда его, служатъ введеніемъ и подготовкой къ собственной оригинальной системѣ философіи исторіи, которую авторъ дасть во II томѣ своего труда, ограничиваясь пока только «эскизомъ своего личнаго взгляда».

Уже во «Введеніи» г. Барть высказываеть свой взглядь, лежащій въ основъ построенія всей работы: философія исторіи и соціологія — тожественны; исторія—конкретная соціологія (какъ драма—конкретная «характерологія»), а теорія исторіи покрывается абстрактной соціологіей. Это отожествленіе философіи исторіи и соціологіи обусловило раздъленіе критическаго обзора на два отдъла, изъ которыхъ первый (стр. 15—213) обнимаєть соціо-

логическія системы, а второй (стр. 214—391)—одностороннія историческія теоріп; къ этимъ двумъ отдъламъ примыкаетъ третій (стр. 391—424), гдъ заключаются: а) мнимая невозможность философіи исторіи (В. Дильтей) и б) эскизъ личнаго взгляда автора.

Въ этихъ рамкахъ, естественно, вмъщается громадный матеріалъ по исторіи философіи, увеличивающійся еще отъ стремленія автора не пропустить ничего, имъющаго какое либо значеніе для поставленной имъ задачи.

Сжато представивъ развите сопіологіи со времень классической древности (Платонъ и Аристотель) до перваго настоящаго соціолога Сэнъ-Симона (24 стр.), Бартъ даетъ критическій очеркъ первой соціологической системы ученика С. Симона, Огюста, Конта (стр. 25—60). Въ этой системъ переплетаются два основные принципа: поэтическій, выражающійся въ законъ о трехъ стадіяхь развитія и человъческаго общества вообще и отдъльныхь наукъ въ частности, и біологическій, съ точки зрвнія котораго Конть смотрить на человъческое общество, какъ на продолжение органическаго міра, хотя и хорошо знаеть, что это общество нельзя прямо дедуцировать изъ этого міра. Оба эти принципа въ дальнъйшемъ развитіи соціологіи у послъдователей Конта разъединяются и разрабатываются самостоятельно. Прежде всего, возникаеть 1) классифицирующая соціологія (д. Литтре, де-Роберти, де-Греефъ, Лякомбъ, А. Вагнеръ, стр. 61-95), которая исходить изъ справедливой мысли классифицировать соціологическія явленія и путемъ классификаціи давать соціологиское объяснение, но, тъмъ не менъе, ограничивая классификацию простою одновременностью явленій и оставляя безь вниманія классификацію послъдовательности, не объяснила развитія соціальной организаціи и не можеть похвалиться значительными результатами. Другое направление соціологіи-біологическое (Герб. Спенсеръ, стр. 96—135; фонъ-Лиліенфельдъ, Шеффле, Фуллье, Ворись стр. 136—168), которое проводить параллель между жизнью (организмомъ) и человъческимъ обществомъ часто до чрезмърныхъ подробностей, однако при этомъ часто уклоняется отъ методической дедукціи изъ этой основной аналогіи и устанавливаетъ положенія, добытыя инымъ путемъ и обычно мало доказательныя, и наконецъ не даетъ себъ яснаго отчета относительно происхожденія и развитія такъ называемой «высшей жизни», приписываемой постоянно че ловъческому обществу.

Оба означенныя направленія объединяются въ дуалистической соціологіи (стр. 178—207), которая, съ одной стороны, пользуется біологическимъ методомъ, съ другой стороны, на ряду съ природой и надъ ней, признасть и дъйствіе духа и думаєть обойтись безъ апріорныхъ предположеній.

Вслъдъ за обозръніемъ соціологическихъ направленій идетъ отдълъ «одностороннія историческія теоріи», т. е. обозръніе различныхъ видовъ философіи исторіи. Для историковъ эта половина работы Барта особенно интересна.

Первая глава посвящена представителямъ «индивидуалистическаго» пониманія исторіи (стр. 214—239), т. е. тъмъ, кто видить въ исторіи результатъ дъятельности «великихъ людей» (пр дставитель—Леманнъ), равно и ихъ противникамъ, «коллективистамъ» (Тэнъ, Бурдо, Бернгеймъ, Лампрехтъ). Слъдующія главы отведены антропогеографическому воззръню на исторію, этнологи-

скому, культурно-историческому, политическому, идеологическому (религіозные-католическіе и протестантскіе авторы, Ф. де-Кулянжь, Ранке, Бокль и др., стр. 285—303) и, наконець, экономическому (стр. 303—391). Эта глава—саман обширная: здёсь разобрано воззрёніе Дюркгейма, будто исторія—прогрессь раздёленія труда, Паттена о томъ, что содержаніе исторіи—экономика страданія и наслажденія и, наконець, ученіе марксизма о томъ, будто исторія управляется производительными (производственными) силами. Особенное вниманіе удёлено марксизму (стр. 323—391): происхожденіе и содержаніе такъ называемаго матеріалистическаго пониманія исторіи.

Въ третьемъ отдълъ своего труда, Бартъ даетъ эскизъ своихъ собственныхъ возэръній. Эти возэрънія сводятся къ слъдующему. Основу человъческаго общества составляетъ среда, которая и должна служить точкой отправленія для изслъдованія. Безпорядочное смъщеніе половъ было, въроятно, формой брака; міровозэръніе выражалось въ върованіи въ духовъ. Первая организація—племя, расчлененное на семы. Одновременно возникаетъ анимизмъ. Вторая, непосредственно высшая организація, это — племя, организованное по родамъ; одновременно возникаетъ натуралистическій политеизмъ. Вслъдствіе законодательствъ вездъ изъ родового общества возникаетъ сословное общество. Религія природы превращается въ религію закона. Сословныя общества падаютъ у грековъ и римлянъ. Сословное общество среднихъ въковъ разрушается абсолютизмомъ. Несмотря на это, въ XVI в. замъчается значительный подъемъ. Частью съ начала, частью съ середины настоящаго въка господствуетъ лаберализмъ. Въ наше время замъчается оскудъніе творчества и пндивидуальности.

Рабочее движеніе менте идеалистично въ настоящее время, чтмъ при своемъ началт; оно не плодовито положительными идеями и не возбуждаетъ художественнаго творчества. Необходимо новое обращеніе къ нравственнымъ понятіямъ, которыя и вызовутъ къ жизни новый соціальный порядокъ и новое искусство.

Эти воззрвнія, по собственному сообщенію Барта, очень напоминають воззрвнія Тённіеса, высказанныя въ работь: «Gemeinschaft und Gesellschaft», 1887. Подробное раскрытіе и обоснованіе своихъ воззрвній, въ связи съ тённіесовскими, авторь объщаєть дать въ ІІ томъ своего труда, который еще не появился и по-нъмецки.

Вообще говоря, книга Барта заслуживаеть внимательнаго изученія по богатству собраннаго изь первыхь рукь матеріала и отчасти—по своимъ критическимъ замѣчаніямъ. Можно, пожалуй, упрекнуть автора даже за излишнюю подробность, особенно въ изложеніи чисто философскихъ воззрѣній: самъ авторъ опасается, что его книга можеть показаться историкамъ—слишкомъ философскою, а философамъ—слишкомъ историческою. Однако, можно отмѣтить, что книга встрѣчена сочувственно и философами: Фалькенбергъ въ 3-мъ изданіи своей исторіи новой философіи переработаль по Барту почти весь отдѣль о Контѣ.

Стараясь не пропустить ничего значительнаго, Бартъ тъмъ не менъе кое-кого изъ авторовъ пропустить; напр.: Ляпужъ (біолог. направл.), Берне (дуалистъ),

Digitized by Google

Сорель, Ивъ Гюйо (марксисть), Леруа-Болье, Лавернь и нъкоторые другіе не упомянуты ни однимъ словомъ.

Следуетъ кое-что возразить и противъ размъщения авторовъ по направлениямъ: напримъръ, едва ли можно, строго говоря, включитъ Дюркгейма въ экономическую школу и Лоріа—въ марксистскую. Хорошій переводъ, указатель именъ, опрятная внъшность и недорогая цъна еще болъе побуждаютъ насъ привътствовать изданіе Л. Ф. Пантелъева.

Н. Я.

Н. Карвевъ. Исторія Западной Европы въ новое время. Томъ V-й. Спб. 1899.

Капитальный трудъ проф. Н. И. Картева по исторіи Западной Европы близится къ концу. Объемистый (886 стр.) пятый томъ доведенъ неутомимымъ нашимъ ученымъ до 71 года XIX въка и охватываетъ среднія десятильтія отъ іюльской революцін до паденія второй имперіи. Въ нашей, небогатой трудами, исторической литературъ пять томовъ «Исторіи Западной Европы» проф. Картева составляють прямо замечательное явленіе, и можно съ удовольствіемъ отмътить, что первые три тома вышли вторымъ изданіемъ, а въдь у насъ книги дороже трехъ рублей не особенно быстро расходятся. Содержаніе первой половины пятаго тома было предметомь университетских ь лекцій. какъ и содержание другихъ томовъ. Выдающийся, цънный трудъ проф. Каръева заслуживаеть самаго серіознаго отношенія къ нему и, конечно, другой опънки, чъть краткая библюграфическая замътка. Здъсь умъстно лишь познакомить читателей съ общимъ характеромъ труда проф. Карвева. Уже въ началъ перваго тома своего труда (3-я глава 1-го тома, стр. 24-27, 2-го изд.) проф. Каръевь высказаль свой взглядь на содержание истории, который легь вь основу его сочиненія. На общую исторію онъ смотрить, не какъ на сумму или «механическое соединеніе спеціальныхъ исторій религіи, философіи, науки, литературы, права, народнаго хозяйства», а какъ на исторію самого общества, въ которомъ существуетъ все это, и исторію личности, «черезъ которую, въ которой и для которой равнымъ образомъ все это существуеть». Такимъ образомъ, проф. Картевь выдвигаеть на первый плань тъ явленія, въ которыхъ выразплись извъстные принципы и интересы внутренней жизни западно-европейскихъ обществь, т.-е. культурно-соціальные принципы и интересы въ связи съ идеями и учрежденіями. Все, что не имъеть принципіальнаго значенія въ духовномь и общественномъ смыслахъ опущено въ его «Исторія». Пятый томъ состоить изь четыремъ отделовь: іюльская революція (стр. 1—114), тридцатые и сороковые годы (стр. 114—422), революція 1848 года (422—620 стр.), пятидесятые и шестидесятые годы (620-886 стр.). Исторіи іюльской революцін Н. И. Карвевъ предпосылаєть общій взглядъ на состояніе Западной Евроны передъ революціей, посл'в чего даеть картину самой революціи и выясняеть ея вліяніе на Европу. Іюльская революція, доставившая господство промышленной буржуазіи, имъла связь и съ парламентской реформой въ Англін, также содъйствовавшей усиленію въ ней буржуазіи. Первый отдъль разсматриваемаго нами труда заканчивается главами о парламентской реформъ въ

Англін въ 1832 году и о торжествъ буржувзін послъ 1830 года, гдъ авторомъ выдвинуть важный вопрось о взапиных отношениях буржувани и продетарната. Около трети всего тома занимаеть второй отдъль, прекрасный и богатый содержаніемь-«Тридцатые и сороковые годы». Вь общихь иностранныхь трудахъ по исторіи XIX въка этого отдъла нъть, или онъ представлень въ такомъ же видъ, какъ успъхи техники, военнаго дъла и проч., т.-е. не разработанъ и невыдълень въ самостоятельное цълос. Въ этомъ отношении «Исторія Западной Европы» проф. Каръева занимаеть среди европейскихъ трудовъ по исторіи XIX въка особоз, совершенно самостоятельное мъсто на первомъ планъ. Онъ ставить соціальную исторію и культурног движеніе эпохи, а не исторію политическую, какъ это видимъ въ общей литературъ по исторім XIX въка. Достаточно сравнить всемъ извъстныя исторіи XIX въка Файфа, Лейкснера («Нашъ въкъ»), Вебера (два постъднихъ тома), Лоренда, Торсос, Сеньобоса и недавно переведенное «Историческое развитие современной Европы» Ч. Эндрьюса-съ «Исторіей» проф. Каръсва, чтобы видъть глубокую разницу, какъ въ самой постановкъ вопросовъ, такъ и въ распредълении матеріала. Отгого насъ не подавляють въ его трудъ сложныя международныя дипломатическія отношенія, запутанные переговоры или подробности біографическаго характера. Выяснивъ успъхъ реакціи противъ политическихъ движеній 1830 г. въ трехъ первыхъ главахъ отдъла о тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, проф. Каръевъ разсматриваеть исторію политическихъ, соціальныхъ и національныхъ стремленій въ отдъльныхъ странахъ. Эти стремленія тесно переплетались въ разныхъ странахъ Западной Европы. Цълью политическихъ движеній, отличавшихся своимъ антиклерикализмомъ, была политическая свобода въ формъ конституціонной монархін, а соціальнымъ вопросомъ, осложнявщимъ политическую борьбу того времени, быль вопрось рабочій и крестьянскій. Вь этомъ политическомъ движенін, тесно связанномъ съ принципами французской революціи, проф. Каръевъ различаетъ два направленія: одно-буржуазное, другое, игравшее оппозиціонную роль, — демократическое. Демократическія движенія во Франціи авторъ дълить на три группы — чисто политическое движение, чисто соціальное и соціально-политическое, въ которомъ слились оба движенія, и пълью стремленій котораго было преобразование, какъ политическаго, такъ и соціальнаго строя. Движенія демократических в партій происходили въ Англіи, Швейцаріи, Германіи, гдъ демократическое движение принимало космополитический характеръ. Въ то же время происходили и національныя движенія, выразившіяся въ литературъ и политикъ. Говоря въ отдъльной главъ объ англійскомъ законодательствъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, проф. Карбевъ выдбляетъ именно важнъйшія реформы этого времени: подробно разбираеть фабричное законодательство въ Англін въ связи съ публицистикой того времени, агитаціей рабочихъ союзовъ и положениемъ английскихъ рабочихъ. Следуеть отметить, далее, выдающуюся главу въ трудъ проф. Каръева о чартистскомъ движени въ Англіи (стр. 232—255). Исторія чартизма очень мало разработана, а въ общихъ трудахъ по исторіи Европы объ этомъ движеніи ничего нътъ. (У Эндрьюса, напримъръ, даже не упоминается о немъ). Между тъмъ, чартизмъ болъе десяти лътъ (1838—1848) потрясаль Англію, Н. И. Карбевъ разсматриваеть настроеніе

народной массы въ Англіи пость реформы 1832 г. и «Народную хартію», раздъление чартистовъ на партіп, и останавливается на судьбъ этого движенія. «На чартизмъ слъдуетъ смотръть», говорить онъ, «какъ на первую попытку, сдъланную современнымъ пролета натомъ для завоеванія политической власти, какъ орудія вы проведеніи этихъ интересовь» (246 стр.). Чартизмъ окрасиль собою и литературу, представителемь которой быть Карлейль. По словамь проф. Картева, Карлейль «быль прежде всего проповъдникъ религіозной въры, нравственнаго достоинства человъка». Онъ «гораздо болъе дъйствоваль на настроеніе, чъмь на міросозерцаніе своих в читателей». Его призваніемь было «нравственно поучать современное ему общество, а не открывать передъ міромъ новые умственные горизонты». Три главы отведены въ сочинении Н. И. Картева французскому либерализму временъ іюльской монархіи (стр. 255-280), коммунизму и соціализму (280—313), а также идеямь и настроенію французской демократін времень іюльской монархін (313—340). Въ главъ о французскомъ либерализмъ даны превосходныя характеристики Тьера и Токвиля, выяснено политическое міросозерцаніе Тьера и разобраны на 10 страницахъ (270— 280) политические взгляды Токвиля, въ его сочинении «Демократія въ Америкъ». Двъ слъдующія главы посвящены исторіи соціальныхъ и политическихъ теченій демократическаго характера и ихъ взаимодъйствія въ области мысли и литературы. Сначала разсмотръны судьбы сенъ-симонизма и фурьеризма, въ связи съ другими проявленіями утопическаго соціализма, выяснена сущность икарійскаго движенія и охарактеризованы соціальные взгляды Кабе. «Въ Икаріи», говорить авторъ, «французскій пролетаріать сталь видёть свой политическій и соціальный идеаль, и наиболье горячіе головы вырили въ возможность его близкаго осуществленія. Коммунизмь объщаль ему равенство, и его послъдователей не смущала общественная регламентація личной жизни, совершенно убивавшая индивидуальную свободу: . (304).

Другимь, и очень виднымь д'ятелемь соціальнаго движенія сороковых ь годовь быль Луп Блань, основнымь возэрвніямь котораго профес. Карвевь удвляеть соріозное вниманіе. Въ немъ онъ видить предшественника Маркса, такъ какъ онъ уже сумъть разграничить понятія «капиталь» и «капиталисть». Съ другой стороны, Лун Вланъ близко подходилъ къ Ог. Конту, такъ какъ онъ требоваль, чтобы общественная власть руководилась въ своей дъятельности указаніями строгой науки. Глава, посвященная пдеямь и настроенію французской демократіи іюльской монархін, дасть рядъ интересныхъ, сжатыхъ страницъ о распространении республиканскихъ стремлений во французскомъ обществъ; о возрожденій якобинской традицій въ исторіографіи французской революцій (Бюшезъ и Луи Бланъ), о Мишле и Ламартинъ, какъ антиякобинскихъ историкахъ, о демократической проповъди Ламеннэ и объ отражении общественнаго движенія въ роман'я (Эженъ Сю и Жоржъ-Зандъ). Следующія две главы переносять насъ въ Германію и разсматривають немецкій литературный и философскій радикализмь (340 — 371), нъмецкія экономическія и соціальныя ученія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ (371—395). Первое місто въ эту эпоху занимали Берне и Гейне. Сравнивая ихъ, проф. Карвевъ отдаетъ преимущество Берне, какъ нравственной личности и общественному дъятелю. Его общественное міросозерцаніе онъ опредъляеть, какъ политическій радикализмъ. Эшикуреепъ-индивидуалистъ, Гейне была натура «боевая, и настроеніе оппозиціонное». «При этомъ», говорится дальще, «онъ былъ лишенъ строгаго политическаго міросозерцанія ... Въ нъмецкомъ философскомъ движенін, съ которымъ литературныя движенія были тісно связаны, авторьо станавливается на Штраусі, Фейербахъ, Бруно, Бауеръ и Штирнеръ: предметомъ изслъдованій ихъ сдълалась философія религін и связанная съ нею мораль. Къ молодымъ гегельянцамъ примкнули Руге и знаменитый Карлъ Марксъ, съфилософскими взглядами которыхъ мы знакомимся въ этой же главъ. Марксу его біографіи, и характеристикъ его экономической теоріи и философскихъ взглядовъ, въ сочиненін проф. Картева отведено довольно много мъста. Вообще, проф. Картевъ обратилъ большое внимание на соціальныя и экономическія ученія въ Германіи, на состояніе политической экономіи, на возникновеніе исторической школы и оцънку сочиненій Листа, Рошера, Родбертуса, Штейна, Маркса и Энгельса. Въ концѣ главы изложено содержаніе «коммунистическаго манифеста». Богатый отдільо тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ заканчивается главою о славянскомъ возрожденіи, панславизм'є и мессіанизм'є. Для насъ, русскихъ, эти вопросы особенно важны. «Можно сказать, говорить авторь, что происходившая у нась въ Россіи борьба между западниками и славянофилами была лишь отраженіемъ великой противоположности между соціально-политическимъ и націоналистическимъ направленіями, существовавшими на западѣ Европы. Первое было представлено преимущественно Франціей и Англіей, второе, главнымь образомьславянами» (203—204 стр.). Третій отділь книги проф. Карібева отведень для изображенія революціи 1848 года. Начинается онъ, какъ и отдъть іюльской революціи, съ картины состоянія Западной Европы наканунт 1848 г. Далте идеть, сильная, яркая характеристика состоянія Франціи, сь «ходячимь мергвецомь» Гизо, и живое описаніе катастрофы (475—484 стр.), давшей Франціп недолговъчную, но бурную республику, въ которой соціализмъ и Луп Бланъ сыграли большую роль. Февральская революція была страшнымъ сигналомъ для ряда переворотовъ по всей Европъ, поэтому, выдвигая ея общеевропейское значеніе, проф. Картывь съ тою же объективностью излагаеть исторію німецкой революцін 1848 года и франкфуртскаго парламента до его крушенія (509 — 569 стр.) и дълаеть обзоръ славянской, венгерской и итальянской революцій. Нъмецкую революцію онъ разсматриваеть, какъ очень сложное явленіе; она была революціей не только національной и политической, но и соціальной. Она оказалась неудачною, по митнію Н. И. Картева, всятьдствіе недостатка политическаго восинтанія у тогдашнихънъ мцевь, вслъдствіе несбыточныхъ шлановъ, которые рисовали себъ вожди возстанія, а также вслъдствіе розни классовыхъ интересовъ. Последнему отделу «Пятидесятые и шестидесятые годы», состоящему изъ 8-ми главъ (стр. 620—886), авторъ посвящаеть меньше мъста, чъмъ временамъ іюльской монархіи. Это была эпоха реакціи. Послъ пятидесятыхъ годовъ, острый ся періодъ прошель и начинается нікоторое оживленіе, но идейное содержаніе шестидесятыхъ годовъ «было менте оригинально и не такъ богато, какъ идейное содержаніе сороковыхъ годовъ» (622 стр.). И въ политическомъ, и въ національномъ, и въ соціальномъ движеніи 60-хъ годовъ,

говорить авторъ далье, «мы не обнаруживаемъ никакихъ новыхъ идейныхъ началъ сравнительно съ 1848 годомъ. Эти годы были временемъ практическаго осуществленія общественныхъ формуль, выработанныхъ раньше, а не творчества новыхъ началъ» (651 стр.). И въ этомъ отдълъ «Исторія» проф. Картева занимаеть видное мъсто: большое внимание удълено крестьянскимъ реформамъ середины XIX въка, соціальному движенію и умственному перевороту середины XIX въка. Говоря объ Англін въ этоть періодъ, авторъ останавливается на чартистскомъ и прландскомъ движеніяхъ 1848 г., на движеніи трэдъ-юніоновъ и даеть сжатый, но замъчательно полный анализь политическихъ (стр. 768 --776) идей Милля, подчеркивая его пидивидуалистическую защиту свободы, экономическихъ его возэръній (стр. 811—812) и философскихъ (866 стр.). Въ главъ о крестьянских в реформах выдвинуты автором в крестьянскія реформы въ Пруссін, Австрін, Венгрін, содъйствовавшія «переходу Германін оть средневъковагофеодальнаго устройства общества къ новому», капиталистическому (799 стр.). Соціальное движеніе также испытало на себъ общую реакцію. Вы исторію этого движенія (788--841) проф. Картевъ включить вопрось о національных вразличіяхъ въ рабочемъ движеніи, одъятельности французскихъ соціалистовь послѣ 1848 г. и объ ученій Прудона. Центральное мъсто занимаеть Лассаль, біографіи и взглядамъ котораго отведено цълыхъ 17 страницъ (821-838), особенно цънныхъ потому, что вънихъсжато и точно изложены всъвыдающияся ръчи Лассаля. Послъдняя глава соч. проф. Картева разсматриваеть «умственный перевороть середины XIX въка». Онъ состоить въ томъ, что метафизика съ половины XIX въка уступаеть мъсто наукъ, поэтому вторая половина XIX въка въ исторіи развитія міросозерцанія стоить гораздо выше первой. Отмътивъ вліяніе успъховь естествознанія на матеріальную жизнь, паденіе гегельянства и матеріализмъ, эволюціонную исторію мірозданія и ученіе Дарвина, авторь останавливается на позитивизмъ О. Конта, разсматриваетъ нервые труды Спенсера, исторические взгляды Бокля и появленіе экономическаго матеріализма, заканчивая свою книгу разборомъ соч. Токвиля «Старый порядокъ», гдъ впервые къ изученю французской революціи быль примънень критицизмь. «Псторическое пониманіе дъйствительности, вырабатывающееся философіей и наукой XIX въка», говорить проф. Картевь, «можно считать однимь изь важныхъ пріобретеній нашего времени». Въ постъднемъ отдълъ мы находимъ превосходныя характеристики Наполеона III, Кавура, Вильгельма I и Бисмарка. Каждая глава снабжена богатой литературой вопроса, эволюція различных партій современной Европы очерчена авторомъ замъчательно ясно и съ достаточной полнотой. Заканчивая нашу замътку, чисто виъшняго характера, мы не сомиъваемся въ тожь, что выдающійся трудъ проф. Карвева будеть по достоинству опвнень истинными представителями науки, и цънному сочиненю этому, какъ единственному въ своемъ родъ, будеть отведено почетное мъсто въ нашей исторической литературь. Не разъ встръчая въ этой книгъ указанія на то, что готовится и 6-й томъ. Пожелаемъ, чтобы онъ поскоръе появился, а 5-й-поскоръе II. A. K. бы разошелся.

Историческій очеркъ двадцатипятильтней двятельности Общества вспомоществованія студентамъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, основаннаго 4 ноября 1873 года. Отчетъ ва 1897 годъ. Отчетъ ва 1898 годъ. Спб. 1899.

Въ концѣ 1898 года исполнилось двадцать пять лѣть со дня основанія «Общества вспомоществованія студентамъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета». Это юбилейное событіе вызвало въ свое время не мало сочувственныхъ статей и замѣтокъ въ нашей періодической печати и послужило поводомъ къ выходу въ свѣтъ историческаго очерка общества, который уже по своей задачѣ не можетъ не быть интереснымъ всѣмъ, кому дорога судьба нашего просвѣщенія. Широко задуманный, прекрасно исполненный, живо и увлекательно написанный, онъ не только знакомитъ съ исторіей общества, но въ общихъ чертахъ говоритъ и о тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ развивалась русская университетская жизнь въ только что закончившемся столѣтіи.

Содержаніе книги шире, чъмъ объщаеть ся заглавіс: она представляєть изъ себя не только исторію общества, но и говорить о томъ, какъ поставлено было дъло матеріальной поддержки студентовъ Пстербургскаго университета задолго до образованія и утвержденія общества. Въ первые годы существованія университета студенты еще не нуждались въ такой поддержкъ, во-первыхъ, потому, что большой контингенть ихъ составляли своекоштные, а, во-вторыхъ, что слушаніе лекцій было безплатнымъ. Кромъ того, получали высшее образованіе въ то время преимущественно дъти состоятельныхъ родителей. Только съ сороковыхъ, а въ особенности съ шестидесятыхъ годовъ, когда двери университетовъ широко отворились для всёхъ желающихъ учиться, нужда заявила о себё энергично. Къ тому же времени общество дошло до сознанія необходимости поддерживать учащуюся молодежь. Съ этой цёлью сдёлано было нёсколько попытокъ, какъ среди настоящихъ, такъ и бывшихъ сгудентовъ, но онъ по разнымъ причинамъ не могли привести къ желаемымъ результатамъ, пока въ 1873 г. не организовалось «Общество вспомоществованія студентамъ Императорскаго уинверситета». Общество, было встрвчено всеобщимъ и полнымъ сочувствіемъ. Число членовъ въ немъ съ каждымъ годомъ долгое время увеличивалось, но съ 1883 года стало надать. Составители очерка объясняють это отчасти тёмь, что лишь въ указанномъ году комитеть началь примънять устава объ исключенін лиць, не платившихь взносовь, но самь же сознается, что это не единственная причина упадка общества. Съ 1893 года общество стало вновь возростать количественно и расширять свою д'ятельность. Увеличение числа членовь его, безь сомненія, было вызвано, главнымъ образомь, темъ обстоятельствомъ, что при немъ былъ учрежденъ рядъ комиссій, давшихъ возможность большему числу членовъ принять активное участіе въ дёлё поддержки учащейся молодежи. Комиссін эти состоять при комитеть, избираемомъ на общемъ собранін членовъ общества. Кашиталъ, которымъ располагаеть последнее, образуется путемъ уплаты членскихъ взносовъ и возвратомъ ссудъ. Кромѣ того, въ пользу общества ежегодно устранваются концерты, спектакли, читаются лекцін и т. п. За двадцать пять леть существованія Общество выдало ссудь на 372. 437 рублей, при чемь удовлетворило 40.580 требованій.

За послъдніе годы половина, а неръдко бальшая часть денегь, опредъленныхь на пособія, уплачивались въ университеть за право слушанія лекцій. Въ 1895 году въ комитеть было подано нъкоторыми изъ членовъ Общества заявленіе для внесенія въ общее собраніе о томъ, чтобы поручить окмитету ходатайствовать передъ министромъ народнаго просвъщенія объ отмънъ временной мъры 1887 года, касающейся увеличенія платы за слушаніе лекцій въ университеть. Но, говорится въ очеркъ (стр. 74), «Комитеть, не располагаль никакими данными, чтобы заключить, что такое ходатайство можеть увънчаться уснъхомъ».

Занимаеть Общество и другой подобный вопрось, также требующій офиціальнаго разръшенія и также до сихь порь неразръшенный. Это вопрось объотношеніи студенчества къ Обществу. Уже въ отчетъ за первый годъ существованія Общества, комитеть жаловался, что вслъдствіе отсутствія какой либо связи между студентами, собираніе справокъ объ имущественномъ положеніи лицъ, обращавшихся въ комитеть за ссудой, было крайне затруднительнымъ.

Самымь крупнымъ дъломъ Общества за послъдніе годы было открытіе студенческой столовой въ концъ 1897 года. Ръшено было на осуществление его употребить канпталь, собранный учениками и почитателями О. О. Миллера. А такъ какъ капиталь этотъ былъ очень ограниченъ, то комитетъ обратился съ воззваніемь о пожертвованіяхь черезь редакцій періодическихь изданій и другія общественныя учрежденія къ людямь, сочувствующимь учащейся молодежи. Уситать быль блистательный; скромная сумма, едва достигавшая полуторы тысячи, въ какой нибудь годъ обратилась въ 121/2 тысячъ рублей. Такимъ образомъ, было осуществлено давно задуманное дъло, явившееся на помощь не только бъднякамъ, но и сравнительно обезпеченной части студенчества. Въ настоящее время это дъло, чтобы стать кръпко на ноги, нуждается въ энергичной поддержкъ. Такая же поддержка въ данный моменть необходима и «Обществу вспомоществованія студентамь С.-Петербургскаго университета». Столичная жизнь, дълающаяся съ каждымъ днемъ все трудиве, тяжелымъ бременемъ ложится на учащуюся молодежь, которая, кромъ потребности въ здоровой пищъ, имъегъ много другихъ нуждъ. Примъры сборовъ въ пользу студенческой столовой и закрытаго въ настоящее время комитета грамотности краснорфчиво говорять, насколько русское интеллигентное общество чутко и горячо отзывается на дъйствительныя нужды своей родины. Нъть никакого сомнънія, что оно не останется въ сторонъ, когда комитетъ и состоящія при немъ комиссіи выдвинуть для осуществленія тъ вопросы, которые принципально ръшены и для проведенія которыхъ въ жизнь потребны новыя силы. Пожелаемъ же, чтобы книга, о которой намъ приходилось говорить, распространилась какъ можно шире и привлекла вь Общество больше активных участниковь, однимь изъ нихъ разъяснивъ, а другимъ напомнивъ, что «поддерживать университетскую молодежь въ тяжелыя минуты ея жизни побуждаеть не одно человъколюбіе, но и пополненіе потребности въ образованныхъ людяхъ для ръшенія практическихъ задачь, стоящихъ на очереди въ нашемъ отечествъ».

О. Переселенковъ.

- М. Дьяконовъ. 1. Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствів (въ XVI—XVII візкахъ). Изданіе археографической комиссіи. Спб. 1899 г., III + 844 + IV.
- 2. Акты, относящіеся въ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствв. Выпускъ І. Крестьянскія порядныя.

«Исторія тяглаго населенія въ Московскомъ государствъ далека еще отъ своего завершенія. Самый выпуклый факть этой исторіи—закрупощеніе тяглыхъ людей до сихъ норъ раздъляетъ изследователей болье, чъмъ на два лагеря. Вопросы о причинахъ, о времени, о степени и свойствахъ прикръпленія не находять согласнаго ръшенія. Съ другой стороны, до сихъ поръ не выясненъ и самый составъ тяглаго населенія. Кто несъ государственное тягло въ Московскомъ государствъ? Была ли группа тяглыхъ плательщиковъ въ теченіе последнихъ двухъ столетій до петровскихъ преобразованій однородной или составь ея измёнялся?»—такими словами начинаеть М. Дьяконовь свой новый трудъ по русской исторіи. Какъ это ни печально, но необходимо сознаться, что г. Дьяконовъ вполнъ правъ. Вопросъ о закръпощении крестьянъ, не говоря уже о кръпости посадскаго населенія, до самаго послъдняго времени очень мало подвинулся впередъ и та непроницаемая завъса, которая закрывала великій. факть прошедшихъ въковъ, не раскрывалась передъ пытливыми взорами пзслъдователей. Почему? На этотъ вопросъ легко найти отвътъ у того же Дьяконова. Въ изданной въ 1893 г. брошюръ «Къ исторіи крестьянскаго прикръпленія» онь говорить, что безрезультатность исторических в изследованій по вопросу о прикръпленіи крестьянъ, появившихся за послъднія 35 лъть, была вызвана тъмъ обстоятельствомъ, что «всъ... переработки данной темы построены на одномъ и томъ же старомъ матеріалъ». Очевидно необходимо было прежде всего собрать новый матеріаль, подвергнуть старый новому анализу сообразно съ новыми данными и только тогда приступить къ работъ съ надеждою на успъшное ръшение вопроса: г. Дьяконовъ такъ и поступиль. Но ученая осторожность, если такъ можно выразиться, помъщала автору взяться за основное ръшеніе вопроса о прикръпленіи: «Вслъдствіе того, что многіе важные источники, относящіеся къ данной темъ, не только остаются до сихъ поръ неизданными, но даже не приведены въ извъстность, полная обработка всей темы едва ли возможна въ настоящее время. Во всякомъ случать, такой задачи не могь взять на себя авторь». Поэтому г. Дьяконовъ (по его словамъ) ограничилъ свою задачу изследованиемъ отдельныхъ элементовь, входившихъ въ составъ податного населенія, и отношеніемъ ихъ къ государственному тяглу. Но, анализируя составъ сельскаго населенія Московскаго государства въ XVI-XVII въкахъ, авторъ вынужденъ былъ затронуть такую массу вопросовъ собственно «закръпощенія», что рамки указанной задачи значительно расширились, и окончательное разръщение вопроса очень и очень подвинулось впередъ. Новый трудъ автора распадается на шесть отдъльныхъ очерковъ, не связанныхъ между собой внъшнимъ образомъ, но имъющихъ глубокую внутреннюю связь. Очерки III-й о половникахъ, IV-й о бобыляхъ

н V-й о задворныхъ и дѣловыхъ людяхъ, а также часть I-го очерка «крестьяне старожильцы или старинные» были уже напечатаны въ разное время въ Журналъ Министерства Народнаго Просвъщенія»; II-й очеркъ — «крестьяне новонорядчики и условія поряда» и VI—«монастырскіе дѣтеныши» появляются въ печати впервые.

Цёль изследованія г. Дьяконова — анализъ тяглаго населенія, и форма труда — рядъ внёшне не связанныхъ, напечатанныхъ въ разное время очерковъ, указывають на то, что авторь не намёренъ быль построить свою работу дедуктивно, что задача его была другая. Въ этой особенности его работы и заключается ея усиёшность, но здёсь же кроется и ея недостатокъ. Глубина анализа помогла автору разрёшить самые запутанные вопросы, но боязнь синтеза не позволила автору сдёлать окончательнаго вывода, гдё онъ самъ напрашивался, вслёдствіе чего не рёдко можеть возникнуть недоумёніе со стороны читателя. Чтобы не ходить далеко за примёромъ, возьмемь объясненіе, вёрнёе уклоненіе отъ объясненія, о происхожденіи «старины» въ концё І-го очерка и мнёніе автора о прикрёпленіи старожильцевъ въ началё ІІ-го.

На стр. 74 читаемъ: «Отказываясь въ настоящее время отъ детальной проверки всехъ этихъ мненій за отсутствіемь надлежащихъ данныхъ для Московской Руси, позволимь лишь себъ замътить, что возникновение старины въ связи съ потерей свободы выхода подъ вліяніемь потребностей государственнаго хозяйства и финансовыхъ интересовъ представляется догадкой ничуть не болъе основанной, чъмъ догадка о возникновении старины подъ вліяніемъ долговой зависимости съеміциковъ земли оть землевладельцевъ. Обё эти экономическія причины могли дъйствовать и одновременно. Въ нашей исторін, по крайней мірь, почти одновременно наблюдается прикръпление къ тяглу и кръпость по старинъ». Между тъмъ, на стр. 79 и 80 авторъ говорить: «Между этими двумя крайностями--прощеніемъ долга и обращеніемъ должника въ рабство временное или въчное -- оставался средній путь: эксплоатація должника въ качествів земледівльца наложеніемъ на него новыхъ барщичьихъ повинностей или увеличеніемь старыхъ... Повтореніе... этого явленія въ повседневной жизни, освященное болъс или менъе продолжительнымъ временемъ, могло дать начало обычаю, въ силу котораго крестьяне, лишенные возможности воснользоваться правомъ перехода, стали разсматриваться, какъ утратившіе это право въ силу давности или старины. Таковъ, полагаемъ, путь возниковенія обычнаго правила о прикръпленіи старожильцевъ».

Такимъ образомъ, авторъ, отказавшись отъ ръшенія вопроса о возникновеніи старины на стр. 74, признавъ дажевозможность двухъ противоположныхъ ръшеній на стр. 90, ръшаеть его опредъленно. Это не пустая придирка; это необходимо было отмътить, такъ какъ изъ-за этого возникаеть среди нъкоторыхъ историковъ невърный взглядъ на сущность «старины», объясненную г. Дьяконовымъ, и весь возможный выводъ изъ 1-го и 2-го очерковъ, наиболье интересныхъ по важности затронутыхъ здъсь вопросовъ, можетъ препасть даромъ; г. Дьяконовъ на основаніи богатаго матеріала ръшаеть, върнъе

Digitized by Google

наталкиваеть на ръшеніе, что во второй половинь XVI ст. землевладъльцы, тяглыя общины и само правительство смотрить на старожильцевь, какъ на кръпкихъ землъ, потерявшихъ право выхода безъ всякаго отношения къ тому, соблюдены ли правила о крестьянскомъ переходъ, другими словами: старожильцы были закръпощены первыми по времени. Въто время, когда юридическое право (да простить мнъ читатель такое выражение) выхода, върнъе вывоза продолжало существовать для всёхъ крестьянъ, старожильцы его уже потеряли. Далбе, ссли согласиться съмнъніемъ автора, что утрата эта была обусловлена экономическимъ рабствомъ старожильца обычай, освященный продолжительнымъ временемъ невозможности для крестьянина расплатиться съ землевладъльцами, то передъ нами раскроется картина действительнаго хода закрепощенія всего податного населенія; стоить только вспомнить, что въ доказательство своихъ правъ на старожильцевь землевладъльцы стали ссылаться на писцовыя книги (ссылка на писцовыя книги, какъ на документь, была выработана частной практикой), которыя впоследстви стали однимь изь главных доказательствь «крепости» въ глазахъ московскаго правительства. Скажемъ больше, г. Дьяконовъ доказалъ, что не только старинные крестьяне первыми по времени были закръпо щены, но и что сталь возникать обычай закрыющения по старинь детей ихъ задолго до уложенія. Такимъ образомъ, институть старожильства (мы полагаемъ, что въ виду всего вышесказаннаго имбемъ право такъ выразиться), возникшій на ночв'є экономическаго рабства, сыграль большую роль въ возникновеніи кръпостничества, — мы бы выразились, согласно мнѣнію Ключевскаго, юридическаго рабства, хотя г. Дьяконовь и не соглашается съ гинотезой знаменитаго историка. Конечно, правительственно-податная система имъла большое вліяніе на сложеніе крѣпостного права: она натолкнула на этоть путь землевладъльцевъ. Требование службы со стороны правительства отъ служилыхъ классовъ заставила ихъ употреблять всъ средства, чтобы обезпечить свое хозяйство кръпостными руками, и правительство пошло навстръчу желаніямъ землевладъльцевъ. Воть какой выводъ можемъ мы сдълать изъ труда г. Дьяконова.

Не мало и другихъ замъчаній напрашиваетя при знакомствъ съ этой прекрасной работой. Прежде всего теряєть свое значеніе, по крайней мъръ, въ нашихъ глазахъ, мнѣніе историковъ, върящихъ въ существованіе пресловутаго указа объ общемъ закръпощеніи крестьянъ, изданномъ въ царствованіе Феодора Іоанновича. Главнымъ защитникомъ этого мнѣнія въ настоящее время, какъ извъстно, являєтся г. Сергъевичь. На стр. 246 «Русскихъ юридическихъ древностей» онъ опредъляєть даже годъ изданія этого указа, именно 1584 или 1585. Но на стр. 27-ой очерковъ приводится очень важная ссылка на документъ, гдъ власти монастыря въ доказательство своихъ правъ на бъглыхъ указываютъ, между прочимъ, на несоблюденіе правилъ восхода, установленныхъ Судебникомъ. «Такая ссылка», скажемъ словами самого автора, «предполагаетъ, что правила о выходъ еще дъйствуютъ, или, по крайней мъръ, не отмънены еще п въ 1592 году», т.-е. спустя 8 — 7 лѣтъ, какъ былъ изданъ сказочный указъ. Въ примъчаніи на стр. 26. г. Дьяконовъ опровертаетъ положеніе г. Сергъевича, что только «вышедшіе съ конца XVI в.

(крестьяне) называются бъгдыми», т.-е. вышедшіе посль того ж. у каза. Въ дъйствительности изъ грамоты 1538 года мы узнаемъ, что крестьяне корнильевской пустоши «бъжатъ розно»... отъ долговъ, т.-е. мы узнаемъ, что термины «бъжатъ», «бъгдые» существовали во 2-ой четверти XVI в., и что они примънялись къ крестьянамъ, оставившимъ своего хозяина по причинамъ, не имъющимъ ничего общаго съ кръпостью.

Много и другихъ цънныхъ замъчаній (мы не говоримъ выводовъ, такъ какъ г. Дьяконовъ прямо боится дълать ихъ) найдетъ читатель въ первыхъ двухъ очеркахъ.

Изъ остальныхъ очерковъ наиболѣе интересны III, IV и VI. III очеркъ о бобыляхъ подвергся уже критикѣ г. Рожкова, который сдѣлалъ автору нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній. Поэтому мы не будемъ касаться его. Вопросъ о половинкахъ поморскихъ уѣздовъ впервые полно разработанъ авторомъ. Существовавшія до него работы К. А. Попова, В. И. Синевскаго, Лаппо-Данилевскаго, Ефименко и нѣкоторыхъ другихъ нерѣдко выставляли спорные тезисы. Авторъ умѣло разобрался въ матеріалѣ и доказалъ, что утвержденіе г-жи Ефименко о различіи юридическаго положенія половниковъ и крестьянъ-порядчиковъ невѣрно. Изученіе половничества въ поморскихъ уѣздахъ интересно главнымъ образомъ потому, что судьба его иначе, чѣмъ та, которая постигла остальное сельское населеніе и что многія бѣдствія крѣпостныхъ порядковъ не коснулись сѣвернаго крестьянина.

VI очеркъ посвященъ монастырскимъ дътенышамъ. Этотъ разрядъ сельскаго населенія, насколько намъ извъстно, еще никъмъ не быль изученъ, такъ что г. Дьяконовъ первый сообщаетъ рядъ интересныхъ данныхъ объ этихъ монастырскихъ слугахъ.

Огромный новый матеріаль, собранный г. Дьяконовымь, тщательный мастерской анализь его составляють важную заслугу автора. Отказавшись отъ перекраиванія прежнихъ обрывковъ, историческихъ документовъ и основываясь на новыхъ архивныхъ данныхъ, авторъ даль и новое освъщение трактуемому предмету. Непонятна только научная скромность г. Дьяконова, его боязнь широкихъ обобщеній и болье широкой постановки вопроса. При такомъ удивительномъ анализъ, при богатствъ матеріала, которымъ располагаль авторь, можно было смъло вмъсто ряда отдъльныхъ очерковъ дать стройную гипотезу для объясненія всего явленія. Но авторъ съ предвзятымъ намър:ніемъ уклонился отъ такой задачи, не пожелаль выйти изъ предкловъ анализа сырого матеріала. Но данныя, добытыя авторомь, послужать другимь историкамь основаніемь для рішенія вопроса о происхожденій крізпости, точно такъ же какъ изданіе извлеченныхъ изъ архивовъ «актовъ, относящихся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствь», останется незамънимымъ матеріаломъ для всъхъ изслъдователей тяглаго населенія XVI --- XVII BB.

Г. Галланинъ.

Monographien zur Weltgeschichte. Liebhuber-Ausgaben. (In Verbindung mit anderen herausgegeben von Ed. Heyck. Verlag von Velhagen und Klasing in Bielefeld und Zeipzig).

Подъ такимъ заглавіемъ предпринято съ 1897 г. профессоромъ Гейкомъ въ сотрудничествъ съ другими учеными изданіе иллюстрированныхъ монографій по всемірной исторіи. Цѣль изданія— дать въ формъ монографій изложеніе всемірной исторіи для тѣхъ читателей, которые не имъють ни времени, ни возможности читать многотомныя всеобщія исторіи или спеціальныя научныя сочиненія по отдільнымъ историческимь вопросамъ. До сихъ поръ вышло всего 8 монографій: 1) Die Mediceer, 2) Königin Elisabeth von England und ihre Zeit, 3) Wallenstein und die Zeit des dreissigjährigen Krieges, 4) Bismarck, 5) Kaiser Maximilian I, 6) Das ältere deutsche Städtewesen und Bürgertum, 7) Die Wiedertäufer, 8) Venedig als Weltmacht und Weltstadt. Пзданіе это представляєть выдающееся явленіе въ области популярной исторической литературы, какъ по замыслу, такъ и по исполненю, какъ со стороны содержанія, такъ и съ внышней стороны, почему мы и рыпаемся познакомить сь нимъ русскую публику. Вышедшія до настоящаго времени монографіи представляють серіозную, основанную на новъйшихъ научныхъ изслъдованіяхъ, строго продуманную работу 1). Хотя каждая монографія является сама по себъ самостоятельнымь, законченнымъ цълымъ, всъ онъ въ то же время соединены между собою внутреннею связью: авторы выбрали сюжетами для своихъ работъ или такіе эпизоды и эпохи изъ исторіи отдъльныхъ народовъ, которые имъють всемірноисторическое значене, или дъятельность такихъ липъ, которыя были типическими представителями своего времени и оказывали вліяніе на ходъ политической и культурной исторіи. Паданы монографіи съ вибіпней стороны очень изящно: въ красивомъ переплетъ, на хорошей бумагъ, съ многочисленными (оть 95-228 въ каждой книжкъ) и прекрасно исполненными гравюрами, представляющими портреты историческихъ дъятелей, бытовыя сцены, художественные намятники и т. п. Цена за каждую монографію назначена крайне дешевая: всего 3 марки (только монографія «Бисмаркъ», превосходящая остальныя и объемомъ и количествомъ гравюръ, стоитъ 4 марки).

Первою вышла монографія «Медичи», составленная самимъ стоящимъ во главѣ этого симпатичнаго предпріятія проф. Гейкомъ. Авторъ дастъ краткій очеркъ исторіи фамиліи Медичи и Флоренціи за ихъ время, останавливаясь главнымъ образомъ на самыхъ выдающихся представителяхъ этой фамиліи— Козимо Медичи и его внукѣ Лаврентін Великолѣпномъ. Давая характеристику какъ политической дѣятельности этихъ двухъ Медичи, такъ и ихъ дѣятельности въ качествѣ покровителей искусства и наукъ, авторъ знакомитъ читателя также съ той политической и культурной обстановкой, среди которой они дѣйствовали, съ тѣми представителями гуманистическаго искусства и наукъ, ко-

¹) Само собой разум'яется, что при этомъ должна быть сдёлана оговорка относительно монографіи «Бисмаркъ», касающейся почти современной намъ эпохи и потому не могущей им'ять строго научнаго значенія.

торые жили въ эту эпоху во Флоренціп. Къ сожальнію, авторъ, стремясь къ краткости, или совсъмъ не упоминаетъ, или только вскользь говоритъ о нъкоторыхъ выдающихся гуманистахъ, имена которыхъ такъ или иначе связаны съ фамиліей Медичи и Флоренціей ихъ времени; такъ, напримъръ, только мимоходомъ упоминается имя знаменитаго теоретика гуманистической политики Маккіавелли, хотя въ концъ очерка и говорится о герцогъ Урбинскомъ Лаврентін Медичи (внукъ Великолъпнаго), которому Маккіавелли посвятиль свой трактать «О государь». Многочисленныя изображенія художественных памятниковъ эпохи возрожденія, которыми снабжена монографія, значительно способствують тому, что, по прочтении монографии, получается живое представленіе о Флоренціи, какъ объ одномъ изъ центровъ гуманистическаго движенія. Портить общее впечатльніе только нькоторая сухость и мъстами тяжеловатость изложенія. Выгодно вь этомь отношеніи отличается оть первой вторая монографія «Королева Елизавета англійская», составленная проф. Э. Марксомъ. Въ сжатомъ, но живомъ изложении авторъ далъ блестящую характеристику Елисаветы и ея времени, отмъчая какъ значеніе царствованія этой королевы для политическаго и экономическаго развитія Англіи, такъ и роль Елизаветы въ той имъющей всемірно-историческое значеніе борьбъ, которая началась во второй половинъ XVI въка между протестантизмомъ и собравшеюся вновь съ силами католическою партіей. Не мало мъста отведено въ этомъ небольшомъ очеркъ изображению сощальнаго, экономическаго и духовнаго состояния Англій времень Елисаветы, при чемъ заслуживаеть особеннаго вниманія характеристика Шекспира, какъ писателя, въ которомъ воплотился духъ англійскаго ренессанса. Вообще, эта монографія—одна изъ лучшихъ среди вышедшихъ до настоящаго времени. Третья монографія Валленштейнъ, написанная Г. Шульцемъ, заключаетъ въ себъ исторію первой половины тридцатильтней войны, при чемъ авторъ останавливаетъ свое внимание главнымъ образомъ на Валленштейнъ не только въ виду того интереса, какой представляеть самъ по себъ характеръ этого человъка, но и въ виду того вліянія, какое онъ оказываль на ходъ событій своего времени. Личность этого типичнаго полководца и политика XVII стольтія, руководившагося вь своей дъятельности только эгоизмомъ и расчетомъ, очерчена ясно и хорошо.

Надъясь въ ближайшемъ будущемъ познакомить читателей съ характеромъ остальныхъмонографій, мы уже теперь не можемъ не высказать пожеланія самаго широкаго распространенія этого изданія среди русской интересующейся исторіей и читающей по-нъмецки публики; впрочемъ, даже и для лицъ только слегка владъющихъ нъмецкимъ языкомъ можно смъло рекомендовать эти книжки въ виду того интереса, какой представляють сами по себъ многочисленныя гравюры, наполняющія каждую монографію.

Р. Г.

Юліанъ Кулаковскій. Карта Европойской Сарматін по Птолемею. Прив'ятствіе XI Археологическому събяду. Кіевъ. 1899.

Въ первой главъ названнаго труда профессора Ю. Кулаковскаго находимъ обзоръ общихъ свъдъній о географіи Птолемея и выясненіе основныхъ принциповъ его карты земли, а во второй—авторъ предлагаетъ «посильный комментарій къ одной изъ десяти таблицъ Европы Птолемея—Европейской Сарматіи»-

Градусная сътка послъдней вычерчена по первому изъ двухъ предложенныхъ у Птолемея способовъ проэкціи сферы на плоскости, то-есть параллели являются въ видъ кривыхъ линій, а меридіаны въ видъ прямыхъ, исходящихъ изъ одного центра. На этой картъ Европейская Сарматія лежитъ между 63° и 43° широты и 42° и 73° долготы и имъетъ лишь приблизительный видъ, вслъдствіе чего погръшностей въ ней авторъ находитъ довольно много. Любопытны при этомъ его попытки пріурочить то или другое географическое названіе, встръчающееся на Птолемеевой картъ, къ современнымъ географическимъ пунктамъ. Наконецъ, въ этой работъ профессора Ю. Кулаковскаго читатели встрътятъ и указанія на недостатки и достоинства Птолемеева «Изложенія географіи».

В. Р—въ.

Т. Роджерсъ. Исторія труда и заработной платы въ Англіи съ XIII по XIX вѣкъ. Перев. съ англійскаго. Спб. 1899.

Джемсь Торольдъ Роджерсъ считается основателемъ англійской исторической школы, онъ-крупный экономическій историкъ. Его теоретическіе взгляды представляють ту особенность, что они сложились самостоятельно, безъ вліянін-школы Маркса. Роджерсь-страстный защитникъ рабочихъ кооперацій и «trade unions». Трудъ ero «The history of English labour», нынъ переведенный г. Катковымъ, появился въ 1883 г. Роджерсъ вложилъ въ него громадное количество матеріала, составленнаго изъ записей относительно заработной платы и покупательной силы заработка. Въ своемъ изследовании Роджерсъ возсоздаль общественное положение Англіи за шесть въковъ. Первыя шесть главъ посвящены ранней исторіи Англіи до половины XIII въка, при чемъ главное вниманіе изследователя обращено на земледеліе, составлявшее профессію огромнаго большинства населенія. Остальныя главы говорять объ исторіи труда и заработной платы, въ связи съ общей политической исторіей страны. «Золотымъ въкомъ» англійскаго работника, какъ выясняеть Роджерсь, было XV ст. и первая четверть XVI. Никогда заработная плата не стояла такъ высоко, и никогда пища не была такъ дешева, какъ въ это время. Положеніе англійскаго рабочаго достигло самаго низшаго своего уровня передъ началомъ революція, и лишь къ первой половинъ XVIII въка снова поднялось, хотя и не достигло того благосостоянія, въ какомъ находилось въ XV въкъ. Уже къ концу прошлаго въка рабочіе стали терить страшныя бъдствія, которыя, въ наше время, нъсколько устранены. Важную роль, по мнънію Роджерса, въ измънени къ лучшему положенія рабочаго играетъ освобожденіе промышленности отъ покровительственныхъ законовъ и проведение въ жизнь нъкоторыхъ принциповъ для защиты рабочихъ отъ эксплоатаціи. Одной изъ самыхъ дъйствительных в връдля борьбы противъ низкой заработной платы Роджерсъ считаетъ предоставление рабочимъ права устраивать союзы. Въ заключение, Роджерсъ разбираетъ разные проекты, предложенные для помощи рабочему классу: милосердие и благотворительностъ, націонализація земли и эмиграція, освобождающая страну отъ излишка населенія. Но всѣ эти проекты, если стать на историческую почву, какъ это дѣлаетъ Роджерсъ, оказываются лишь слабой попыткой или палліативнымъ средствомъ, въ сравненіи съ рабочими товариществами. Къ этой мысли его приводить и современная жизнь и примъръ прошлаго. Сочиненіе Роджерса займетъ такое же видное мѣсто у насъ, какъ и другія, переведенныя на русскій языкъ, сочиненія по исторіи Англіи: Гнейста, Гиббинса, Грина, Эшли.

Основныя начала государственнаго права. Соч. А. Эсмена, профессора парижскаго юридическаго факультета. Переводъ съ французскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ М. М. Ковалевскаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Т. І и ІІ. М. 1899.

Книга профессора Эсмена является такимъ же классическимъ сочиненіемъ по исторіи государственнаго права Франціи, какимъ является, напримъръ, по исторін англійскаго права знаменитый трактать проф. Дайси или для госу дарственнаго права Съверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ — общирное сочинение Брайса. Въ нервомъ томъ своего труда, который появился въ русскомъ переводъ еще въ прошломъ году, профессоръ Эсменъ, пользуясь историко-сравнительнымъ методомъ, подвергаетъ подробному анализу свободныя учрежденія западно-европейских внародовь и выясняеть природу и юридическую конструкцію тъхъ верховныхъ учрежденій и основныхъ законовъ, которые неизмънно встръчаются въ большинствъ западно-европейскихъ конституцій. Онъ видить источникь этихь учрежденій и законовь съ одной стороны въ англійской конституціи, а съ другой — во французской революціи и подготовившемъ ее идейномъ движеніи. Исходя изъ этихъ основныхъ положеній, авторъ весь первый томъ своего труда раздълиль на два большихъ отдъла. Въ первомъ отдълъ разсматриваются учреждени и принципы, заимствованные изъ англійскаго права, а во второмъ, авторъ останавливается на принципахъ, установленныхъ философією XVIII въка и провозглашенныхъ французскою революцією. Второй томъ сочиненія профессора Эсмена, въ русскомъ переводъ ноявившійся въ текущемъ году, посвященъ государственному праву французской республики, какою ее создали конституціонные законы 1875 года. Настоящій томь, намь кажется, можеть представить серіозный интересь не только для однихъ спеціалистовъ, но и вообще для широкой публики, вниманіе которой, благодаря извъстнымь событіямь, уже нъсколько льть приковано къ политической жизни французской республики. Такъ, напримъръ, книга профессора Эсмена несомивнио поможеть разобраться въ кажущихся противоръчіяхъ между французской конституціей и тіми мірами, которыя принимаются вы ръшительную минуту французскими правительствами.

Переводъ очень хорошъ, и цъна книги весьма умъренная.

Д.

И. Е. Тимошенко. Къ исторіи судебной пытки. І. Взгляды древнихъ на пытку. ІІ. Пытка по римскому праву. Полтава. 1900.

Брошюра г. Тимошенка сильно разочаруеть тъхъ читателей, которые будугь искать въ ней описанія разнаго рода мученій, производившихся при пыткъ. Авторъ имъеть въ виду только изложить взгляды на пытку у древнеклассическихъ писателей, а затъмъ прослъдить историческое развите примъненія пытки у римлянь. Въ первомъ отдъль г. Тимошенко приводить отзывы о пыткъ аттическихъ ораторовъ и Аристотеля-изъ греческихъ писателей и Цицерона, Сенеки, Квинтиліана, Ульшана, Тертулліана и Августина-изъ римлянь. Авторь наивно возмущается грубостью нравовь тыхь писателей, которые рекомендовали пытку, и иногда даже полемизируеть сь ними. Попутно достается отъ г. Тимошенка и всемъ филологамъ вообще за то, будто они изучають рвчи аттическихъ ораторовь только со стороны стиля и языка и «ни слова не говорять намъ о той нравственной обстановкъ, въ которой жили и дъйствовали эти люди, и произносились эти красивыя ръчи». Если г. Тимошенко не знасть сочиненій по исторіи древнегреческой культуры, то изь этого еще далеко не стъдуетъ, чтобы такихъ сочиненій не было вовсе. Во второй главъ авторъ говоритъ исключительно о римской пыткъ. Изложение свое, за весьма немногими исключеніями, онъ основываеть на одномъ нъмецкомъ сочиненіи 1785 г. и 2 латинскихъ диссертаціяхъ 1822 и 1837 г.г.; ему неизвъстно даже такое доступное пособіе, какъ книга Цумпта о римскомъ уголовномъ процесст въ періодъ республики, знакомство съ которой могло бы избавить г. Тимошенка отъ нъкоторыхъ ошибочныхъ взглядовъ, напр., что рабы у рим лянъ пытались публично. Впрочемь, недовольный направленіемь новъйшей филологін, авторь, въроятно, не считаеть нужнымъ следить за ея успехами, такъ, напримъръ, онъ все еще считаетъ Цицерона за автора Риторики къ Гереннію, ошибочность чего была доказана, по крайней мъръ, лътъ 50 тому назадъ. Равнымъ образомъ невърно утвержденіе, что доносы рабовъ никогда не одобрялись у римлянъ. Неужели г. Тимошенко забыть про времена Тиберія, Нерона (вторая половина царствованія) и Домиціана? Свидетельства о пытке изъ источниковъ римскаго права исчерпаны авторомъ весьма полно, такъ что въ этомъ отношении брошюра его можетъ служить хорошимъ сиравочнымъ пособіемъ, хотя, къ сожальнію, г. Тимошенко цитуєть древніе тексты въ большинствъ случаевъ по устарълымъ изданіямъ.

А. М---иъ.

М. Леклервъ. Воспитание и общество въ Англи. Сиб. 1899.

Французскій публицисть Максъ Леклеркь написаль двів книги объ англичанахь на основаніи непосредственнаго ознакомленія съ англійскимь обществомь и его воспитательно-образовательными учрежденіями. Обів эти книги, появившіяся одна за другой во Франціи подъ заглавіємь: «Воспитаніе среднихь и правящихъ классовь въ Англіи» и «Профессіи и общество въ Англіи», — въ русскомъ переводъ соединены въ одну книгу. Книга М. Леклерка предста-

вляеть глубокій интересь. Изъ предисловія, написаннаго Э. Бутми, мы узнаемъ, что сочинение Макса Леклерка есть изслъдование, произведенное имъ по порученію парижской школы политических в наукъ, отправившей его въ Англію, какъ бывшаго ученика этой школы по особому конкурсу, открытому въ 1889 г. Сущность порученія, даннаго школою, Э. Бутми резюмируеть стъдующимь образомъ: «Гдъ обучаются и какъ формируются по ту сторону Ла-Манша высшіе и средніе классы? Гдъ страна набираєть своихъ парламентскихъ дъятелей и своихъ дипломатовъ? Откуда берстъ администрація своихъ чиновниковъ, армія и флоть -- офицеровь, промышленность -- техниковь-руководителей, торговля -своихъ агентовь, философія-такихъ глубокихъ мыслителей, литература, исторія и наука — такую массу оригинальных в талантовы? Какими средствами подготовки располагаеть этоть цвъть націи, эти отборные, неутомимые работники-созидатели національнаго величія, которыхъ мы встручаемь на встуб точкахъ земного шара, всегда въ достаточномъ количествъ, всегда во всеоружін своихъ знаній, всегда на высотъ своихъ столь разнообразныхъ задачъ? Чъмъ обязаны они семьъ и національному духу, школъ и педагогамь? Что сдълали для нихъ государство и законъ?»

Максъ Леклеркъ очень удачно справился съ возложенной на него зада, чейи, какъ результать его командировки, появились двъ вышеуказанныя нами книги. Въ краткой рецензіи мы ограничимся тъмъ, что сообщимь только содержаніе отдъльныхъ главъ его труда. Первая книга, трактующая о воспитаніи сроднихъ и правящихъ классовь въ Англін, начинается съ краткаго историческаго очерка англійской школы. Затёмь авторь переходить къ методамъ воспитанія, при чемъ сравниваеть методы воспитанія англійскій и французскій, говорить о воспитаніи вы школь и семьь, о воспитаніи физическомъ, нравственномъ и умственномъ. Сравнение системъ воспитанія англійской и французской приводить автора къ выводамь далеко не въ пользу последней. Чрезвычайно интересны главы, въ которыхъ авторъ знакомить съ цълымъ рядомъ существующихъ школь въ различныхъ округахъ Англін. Въ своей экскурсін по англійскимъ школамъ авторъ повсюду имъль дъло съ отдъльными лицами или ассоціаціями, независимыми и отвътственными, и ни разу не встрътилъ въ роли дъятеля само государство. Тъмъ не менъе государство и его органы -- графства, муниципалитеты, школьные комитеты -воздъйствують на школу. Но въ Англін государство «не навязчиво и не деспотично: оно совътуеть, подаеть мысль, одобряеть, контролируеть, оказываеть свою поддержку-и при томъ лишь въ ръдкихъ случаяхъ само ее предлагаетъи никогда не повелъваеть». Этому вліянію государства авторь посвятить цълыхъ иять главъ. Затъмъ, М. Леклеркъ переходить къ университетамъ, знакомить сь внутренней жизнью Оксфорда и Кембриджа и отводить много мъста такъ называемому университетскому движенію. Особая глава посвящена провинціальнымъ колледжамъ, Лондонскому университету и колледжу преподавателей. Печати отведено значительное мъсто въ изслъдовании Леклерка. «Нътъ въ міръ страны, говорить Леклеркъ, гдъ народъ-весь народъ-читаль бы такъ много газетъ, журналовъ и книгъ...» «Въ Англіп газета и книга-два самыя могущественныя орудія воспитанія для всёхъ слоевь общества и для

всъхъ возрастовъ. Англичанинъ читаетъ всю свою жизнь, и не только для развлеченія: читая, онъ учится, даже выйдя изъ школы, ибо онъ съ дътства сросся съ той мыслью, что для человъка ученье никогда не кончается» (стр. 269). И англичанинъ любитъ книгу. На ряду съ великолъпными и дорогими изданіями, вы можете пріобръсти всего Шекснира за 9 пенсовъ (35 коп.), за туже цъну всъ поэмы Мильтона, а Диккенса по четыре съ половиной пенса за томъ (18 коп.)! Этоть факть отмътиль между прочимь лордъ Розберри въ своей ръчи на открытіи одной безплатной библіотеки. «Кто не мечтаеть, говориль онь, имъть Пикквика? Никквикъ за 18 конеекъ, - просто не върится! А между тъмъ это факть: за деньги, которыя стоить шляна, вы можете пріобръсти цълую библіотеку, какой не могли бы составить себъ никакіе денежные тузы среднихъ въковъ, хотя бы отдали всю свою кровь». Во второй книгъ авторъ проводить передъ читателями цълый рядъ характеристикъ различныхъ дъятелей въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ общественной и государственной службы. Здёсь насъ поражаетъ количество блестящихъ самоучекъ, обязанныхъ всъми своими успъхами исключительно самимъ себъ, а отнюдь не школъ. Въ этомъ отноменіи англичане составляють прямую противоположность французамъ, которые цёнять человёка не по дёйствительной его стоимости, а по его дииломамъ. Во второй части второй книги Леклеркъ знакомить съ экономической жизнью Англіи, съ нравами и идеями, культурой наконецъ, нравственностью, какъ общественной, -такъ и индивидуальной. Вообще изслъдование М. Леклерка крайне богато содержаниемъ и заставляетъ невольно читателя задуматься надъ многими сторонами англійской жизни. Переводъ очень хорошъ, но цъна книги (3 р.), несмотря на прекрасное изданіе, все-таки слишкомъ высока.

Спиридонъ Гопчевичъ. Старая Сербія и Македонія. Историкоэтнографическое изследованіе. Перев. съ нем. М. Г. Петровичъ. Съ 38 оригин. рисунками и двумя планами въ тексте. Спб. 1899.

С. Гончевичъ — австрійско-сербскій публицисть, который извъстень главнымь образомъ своими сочиненіями о послъдней войнъ турокъ и черногорцевъ 1876—1878 гг.; онъ писалъ о Болгаріи и Восточной Румеліп, о Египтъ, Испаніи, Португаліи и др. По словамъ переводчика, г. С. Гончевичъ «въ теченіе 15 лъть издалъ 18 большихъ трудовъ и брошюръ, одинъ романъ, пять новеллъ, 250 военныхъ и морскихъ, 30 ученыхъ, 80 беллетристическихъ и 1.300 политическихъ статей, которыя печатаны въ 70-ти различныхъ газетахъ и журналахъ» (стр. VII). При этомъ онъ знаетъ 27 различныхъ языковъ, изъ которыхъ на 13 свободно говоритъ (стр. V). Не легкій трудъ только пересчитатъ такую массу написаннаго, а каково было написатъ, и то въпродолженіе только 15-ти лътъ! Это—нъчто феноменальное.

Мы ограничимся, однако, сочиненіемъ его о «Македоніи и Старой Сербіи», которое какъ разъ относится къвопросу дня и, по словамъ переводчика, «окон-

чательно разсъиваеть туманъ, который до недавняго времени окутываль упомянутыя провинціи» (стр. VII).

Все сочиненіе распадается на двѣ главныя части: путешествіе (стр. 1—227) и отдѣльныя статьи по исторіи и этнографіи, на основаніи которыхъ авторъ рѣшаетъ вопросъ, прилагая при этомъ грамматику мѣстнаго языка, образцы его въ пѣсняхъ и статистическую табличку (стр. 227—365). Главное составляетъ первая частъ, потому что всѣ данныя по исторіи и этнографіи онъ береть изъ другихъ сочиненій; равно какъ о состояніи школъ данныя почерпнуты имъ изъ какихъ нибудь современныхъ изданій, которыхъ, однако, не указываетъ.

Совершивши въсвоей жизни массу путешествій по Европъ, Азін и Африкъ, г. С. Гопчевичь къ этому новому путешествію приготовлялся съ особенною заботливостью въ продолженіе 14-ти дней.

Прежде всего онъ старается дискредитировать своихъ предшественниковъ по путешествію: Гакъ, Мэкэнзи и Ирби, Бартъ «не заслуживаютъ никакого довърія» (стр. X); о картахъ тъхъ странь то же самое: Леженъ и Сожъ составили свои карты, «не побывавъ въ Македоніи и Старой Сербіи и совсъмъ не зная тъхъ краевъ»; а «Кипертъ составилъ свою карту по сообщеніямъ путешественниковъ, не знавшихъ ни сербскаго, ни болгарскаго языковъ, ни исторіи, ни обычаевъ, ни особенностей юго-славянскихъ народовъ».

Исходною точкою путешествія г. С. Гопчевича быль Бълградь въ Сербін, откуда онъ, нигдъ не останавливаясь, по желъзной дорогъ доъхаль до Солуна, гдъ и остановился.

Отъ станціи до станціи онъ называеть всь попадающіяся на пути населенныя мъста съ точнымъ обозначениемъ, сколько въ каждомъ исъ нихъ домовъ и жителей, какой народности и въры, впрочемъ, за весьма малыми исключеніями, всь они сербы, называющіе себя болгарами или бугарами, что одно и то же. Если есть горы, то также точно означается ихъ высота. Откуда же берутся у него всъ эти цифры? Выходить такъ, какъ будто онъ ъдеть въ вагонъ, и туть же получаеть эти данныя относительно высоты горъ и числа жителей, какъ будто первыя онъ туть же измъряеть, а вторыя написаны на самыхъ селахъ. Первыя онъ, конечно, находилъ постъ готовыми въ чужихъ сочиненіяхъ и на чужихъ картахъ, а вторыя онъ действительно получалъ въ вагонъ и это происходило такимъ образомъ. «Чтобы ознакомиться ближе съ населеніемь окрестностей, -- говорить онъ, -- я вышель изъ моего купэ и ходиль по всему побзду. Въ вагонахъ третьяго класса я встрътиль людей слъдующих націй: албанцевь, сербовь и турокь, съ которыми я вель продолжительные разговоры» (стр. 22). Туть же онь встрътиль жителя села Биляча, который, кромъ статистическихъ данныхъ относительно селъ Руяна-горы, описалъ ему и монастырь св. Прохора, не хуже Гана, у котораго тоже есть его описаніе, и сдълаль еще другія интересныя сообщенія (стр. 22—25). Потомь явился чиновникъ сербской государственной желъзной дороги (стр. 25); затъмъ очень образованный торговець, сербъ Николай Савичь, жившій уже много літь въ Солунъ и бывавший въ большихъ городахъ этой страны (стр. 27), и такъ было на всемъ пути. А пногда извъщения являются безлично, и тогда онъ употребляеть выраженія «мнѣ сказали» пли «если вѣрить разсказамь». Самое важное и подезное открытіе автора составляеть способъ изученія страны и народа, сидя въ вагонѣ желѣзной дороги и проводя время въ разговорахъ съ пассажирами. И дѣйствительно, все его путешествіе наполнено разговорами, при томъ на одну тему: Кто ты? — спрашиваеть онъ встрѣчнаго. — Болгаринъ,—отвѣчаетъ тотъ. — Но ты говоришь по-сербски, держишься сербскаго праздника «крестнаго именп» или «славы», поешь пѣсни о сербскихъ короляхъ, о Маркѣ Кралевичѣ и т. д., значитъ ты сербъ. — Тотъ вѣруетъ и соглашается, и такимъ образомъ достигается двойная цѣль: ученое изслѣдованіе и обращеніе цѣлаго населенія въ настоящую сербскую вѣру.

Къ сожалънію, по свидътельству путешественниковъ, бывшихъ въ Македоніп послъ того, какъ французъ Бераръ, сербъ Нуцичъ и русскій П. Милюковъ, жители ея въ громадномъ большинствъ принадлежатъ къ такъ называемымъ экзархистамъ (въ церковномъ отношеніи подчиняющіеся болгарскому экзарху) и опять считаютъ себя болгарами; такъ неглубоко проникла его пропаганда.

Нельзя, чтобы путешественникъ не обращалъ вниманія на красоты природы; но описаніе ихъ напоминаеть намъ старые плохіе учебники географіи (см. стр. 45, 36, 55, 66).

Вообще не любить онь самь описывать видънное имъ, а предпочитаеть этому готовыя описанія другихь, и чаще всего пользуется Ганомь, котораго въ то же время постоянно критикуеть и даже поправляеть на основаніи словь чакого нибудь билачанина. По Гану описываеть онъ монастырь св. Димитрія подъ Велесомъ (стр. 34—35).

Все ему попадается случайно и кстати. Не выходя изъ вагона, онъ собираеть цѣлую статистику; а въ Хуматовѣ одна женщина обратила его вниманіе своею красивою одеждою; и что же? «Въ Солунѣ,— продолжаеть онъ,—я нашелъ случайно фотографію той же самой женщины, которую и помѣщаю здѣсь, чтобы дать читателю представленіе о ея костюмѣ» (стр. 49). И дѣйствительно фотографію эту мы находимъ въ книжкѣ и любуемся ею. Другія картинки, очевидно, совершенно того же характера, слѣдовательно сдѣланы съ фотографій, найденныхъ путешественникомъ въ Солунѣ же и другихъ мѣстахъ.

Нельзя также не познакомиться и съ полемическими пріемами г. С. Гопчевича.

Разсказавши, какъ «сероское ученое общество» въ Бълградъ не хотъло нашечатать собранныя М. Милоевичемъ народныя пъсни подъ названіемъ сероскихъ, не считая ихъ таковыми, онъ продолжаеть:

«Чптатель, въроятно, съ трудомъ върптъ написанному. Или тъ члены «ученаго общества», которые тогда противодъйствовали, были подкуплены болгарами, или были болгарофилами (такъ называемыми славянофилами), или же были совершенными дураками! Третьяго вывода здъсь не можетъ быть!» (стр. 230).

А на другой страницѣ въ сноскѣ читаемъ слѣдующее по поводу его же путешествія по Старой Сербіи и Македоніи:

«Сочиненія Милоевича отличаются замічательной правдивостью и составляють богатый источникъ для сербской исторіи и для изслідованія сербскихъ древностей. Но, къ сожаліню, авторь — не литераторь, и я сильно сомийваюсь, чтобы нашелся охотникъ дочитать до конца и понять сочиненія Милоевича. Автору незнакомы никакія правила. Въ ціломъ его произведеніи ніть абзацевь («новой строки»), въ немь чередуются или смітиваются безь перерыва самыя різкія противоположности, періоды безконечно длинны. Ніть ни стиля, ни соотвітствующаго содержанію оглавленія; однимь словомъ, читающій должень иміть громадное терпівніе, чтобы одоліть, и особенный навыкъ и ловкость, чтобы понять прочитанное» (стр. 231).

Подчеркнуто нами; и больше нечего сказать о сочинении г. С. Гопчевича.

Z

С. А. Рачинскій. Татевскій сборникъ. Спб. 1899.

«Во всякомъ деревенскомъ домѣ, издавна и постоянно обитаемомъ людьми, не чуждыми интересамъ умственнымъ и художественнымъ», —говоритъ въ предисловіи составитель сборника, — «накопляется множество разнообразныхъ памятниковъ ближайшей и болѣе отдаленной старины —писемъ, семейныхъ записей, автографовъ, рисунковъ, летучихъ стихотвореній и прозаическихъ отрывковъ, почему либо въ свое время не попавшихъ въ печатъ. Все это для постороннихъ имѣетъ мало цѣны, но нерѣдко среди этого лишь для семьи интереснаго хлама встрѣчаются вещи и для постороннихъ людей драгоцѣныя». Нѣкоторыми изъ такихъ интересныхъ реликвій, хранящихся въ старинномъ домѣ села Татева, гдѣ безвытѣздно живетъ С. А. Рачинскій, ему и вздумалось подѣлиться съ публикой.

Большая часть сборника составлена изь бумагь и переписки II. В. Кирѣевскаго съ разными лицами, особенно съ Баратынскимъ. Любопытны отзывы послъдняго о только что появившемся Евгеніи Онъгинъ. «Характеры его (Пушкина) блъдны,—пишеть Баратынскій Кирѣевскому,—Онъгинъ развить, не глубоко. Татьяна не имъетъ особенностей. Ленскій ничтоженъ. Мъстныя описанія прекрасны, но только тамъ, гдъ чистая пластика. Нътъ ничего такого, что бы ръшительно характеризовало нашъ русскій бытъ».

Кром'в писемъ, въ сборникъ помъщены 2 неизвъстныхъ дътскихъ стихотворенія Баратынскаго, интересныя воспоминанія о К. К. Павловой, неизданное стихотвореніе Фета, нъсколько писемъ Жуковскаго къ Зейдлицу, къ Киръевскому и кн. Д. В. Голицыну съ ходатайствомъ за издателя только что закрытаго «Европейца». Почти треть сборника занята неоконченной повъстью гр. Е. В. Саліаса подъ названіемъ «Раздъть».

Къ сборнику приложенъ портретъ Хомякова, рисованный карандашемъ Э. Д. Дмитріевымъ-Мамоновымъ. — въ.

Труды Владимірской ученой архивной комиссіи. Книга І. Владимірь. 1899 г.

Съ величайшимъ удовольствіемъ привътствуемъ первый выпускъ «Трудовъ» Владимірской архивной комиссіп: крайне интересный и, вмъстъ съ тъмъ, крайне разнообразный по своему содержанію, превосходно изданный, снабженный многими весьма отчетливо исполненными рисунками, онъ оставляетъ у читателя самое благопріятное впечатлъніе. Выпускъ распадается на три отдъла: а) сообщенія, b) матеріалы и с) хроника.

Изъ статей, вошедшихъ въ первый отдъть, особенно обращаютъ на себя вниманіе двъ: «Св. Симонъ, епископъ Владимірскій и Суздальскій», принадлежащая почетному члену комиссіи архіепискону владимірскому Сергію (стр. 1—30), и «Житіе пр. Ефросиніи Суздальской, съ миніатюрами, по списку XVII в.», изданное членомъ комиссіи В. Т. Георгіевскимъ и снабженное имъ предисловіемъ, примъчаніями и описаніемъ миніатюрь (стр. 73—172). Являясь уже не первымъ изданіемъ житія пр. Евфросиніи (изданіе общ. люб. древн. письменн.), памятникъ, опубликованный нынъ г. Георгіевскимъ, замъчателенъ миніатюрами, отличающимися изяществомъ и тонкостью своего выполненія. Общее число ихъ въ рукописи 57, издано же—15, прекрасно переданныхъ фотоцинкографическимъ способомъ; на миніатюрахъ, между прочимъ, изображены различныя историческія событія, имъвшія отношеніе къ житію преподобной, какъ напримъръ, взятіе татарами Владиміра и Суздаля, битва на р. Сити и друг.

Отдъть «матеріаловъ» занять частью «описи дъль архива Владимірскаго губернскаго правленія», составляемой товарищемъ предсъдателя комиссіи А. В. Селивановымъ. Опись ведется весьма подробно; это можно видъть изъ того, что на 48 стр. «матеріаловъ» описано всего 25 дѣлъ, т.-э. среднимъ числомъ на каждое дѣло приходится почти по двъ страницы. Поэтому трудъ г. Селиванова можно считать скоръе «описаніемъ», чѣмъ «описью» дѣлъ архива. Среди описанныхъ документовъ есть нѣсколько любопытныхъ дѣлъ о крестьянскихъ волненіяхъ въ 1797 году (дѣла №№ 18—20, 22—25).

Въ «Хроникъ» помъщенъ, среди другихъ замътокъ, отрывокъ реферата академика Н. П. Кондакова въ обществъ любителей древней письменности— «о научныхъ задачахъ исторіи древне-русскаго искусства», касающійся памятниковъ Владиміро-Суздальской области—знаменитыхъ соборовъ Дмитріевскаго во Владиміръ и Георгіевскаго въ Юрьевъ Польскомъ (стр. 3—26). Текстъ отрывка иллюстрированъ 7 превосходными снимками съ барельефовъ, укра-шающихъ стъны соборовъ.

Нами отмъчено только въ книгъ самое интересное. Не лишены значенія, конечно, и остальныя статьи, хотя не въ такой мъръ, какъ указанныя.

Если послѣдующіе выпуски «Трудовъ» Владимірской архивной комиссіи будуть также интересны по своєму составу и превосходны по внѣшности, какъ настоящій, то, безъ сомнѣнія, они займуть одно изъ первыхъ мѣстъ среди провинціальныхъ историко-археологическихъ изданій.

В. В-въ.

Г. В. Гиббинсъ. Очеркъ исторіи англійской торговли и колоній. Ивд. О. Н. Поповой. Спб. 1899.

Эта книга, по словамъ автора, выпущена для пополненія пробъловь въ его сочиненіи: «Промышленная исторія» Англій; въ ней онъ касастся тѣхъ вопросовъ, которые были имъ раньше или «вовсе опущены, или только вскользь упомянуты». «Очеркъ» предназначается главнымъ образомъ для «высшихъ школь и колледжей, въ курсахъ которыхъ обращено нѣкоторое вниманіе, помимо политической, и на экономическую исторію». Г. Гиббинсомъ прослѣжена шагъ за шагомъ исторія постепеннаго развитія торговли Англіи, которая создалась главнымъ образомъ впродолженіе двухъ столѣтій XVII и XVIII. Меркантильная система торговли замѣняєтся въ XVII вѣкѣ системой торговыхъ монополій, за которой наступаеть въ 1815 г. эра свободной торговил, давшей блестящіе результаты, когда англійская торговля достигаеть колоссальнаго прогресса въ своемъ развитіи. Въ 1820 г. цифра ввоза и вывоза достигала до 761.000.000 руб.; въ 1890 же году доходить до 7.190 милліоновъ рублей.

Попутно въ книгъ г. Гиббинса сообщаются въ сжатомь видъ черты и факты изъ исторіи Англіи, имъющіе такъ или иначе отношеніе къ развитію промышленности и торговли страны, такъ, напримъръ, финансовыя затрудненія Англін, повлекшія за собой борьбу между королемъ и парламентомъ. Много мъста удълено авторомъ на рость колоніальныхъ владеній Англіп и на Индію. Между прочимъ, г. Гиббинсъ высказываеть митніе, что принятый нынъшнимъ президентомъ Макъ-Кинлеемъ протекціонный тарифъ имъть подавляющее вліяніе на многія изъ отраслей англійской промышленности, а также, что цълый рядъ коммерческихъ кризисовъ, повторявшихся черезъ регулярные промежутки вътечение всего XIX столътія, доказываеть, что современная система англійской внутренней и вибшней торговли поконтся на шаткихъ основаніяхъ. Несмотря на это, авторъ неоднократно отмъчаетъ лестный для національной гордости факть, что Англія каждый разъ выходила побъдительницей изъ всъхъ затруднительныхъ обстоятельствъ и продолжала шествовать по пути развитія торговаго могущества. Вь концъ книги для справокъ приложенъ списокъ англійскихъ владъній и колоній съ указаніемъ времени и способа ихъ пріобрътенія и ихъ торговыхъ продуктовъ.

Д. Е-въ.

Вумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 года, собранныя и изданныя П. И. Щукинымъ. Часть 4-ая. М. 1899.

О предыдущихъ выпускахъ этого изданія мы имъли уже случай говорить, указывая на важное ихъ историческое з аченіе. Точно также немало ціннаго и любонытнаго матеріала для исторіи 1812 года заключаеть и настоящая четвертая часть. Боліве крупными и содержат льными въ ней слідуеть признать: 1) «копію съ діла о московскомъ купці И. Г. Позиякові у, встунившемъ въ сношенія съ францулами (здісь сообщаются подробности бытового характера иль жизни московскихъ торговыхъ людей и ніткоторыя типи-

«истор. въстн.», январь, 1900 г., т. LXXIX.

Digitized by Google

ческія черты тогдашняго судопроизводства); 2) «тетрадь» священника московскаго Успенскаго собора І. С. Вожанова, сообщающаго, неръдко въ стихотворной формъ, о видънномъ и испытанномъ имъ во время пребыванія Наполеона въ Москвъ; 3) копія съ дъла о М. Н. Верещагинъ; 4) копія съ дъла о возмущении и грабежъ, произведенныхъ ратниками ополчения въ г. Инсаръ, 1812 г.; 5) въдомости перваго и второг отдъленій о числъ жителей въ Москвъ за 1811 г.; 6) статистическая таблица о состояніи Москвы, 20 января 1812 г., изъ которой видно, что въ Москвъ въ 1811 г. было 329 церквей, 24 монастыря, 9.151 домъ (изъ нихъ каменныхъ— 2.567), 464 фабрики и завода, 20 антекъ, 14 типографій, 1 университетъ, 3 академіи, 1 гимназія, 24 пансіона, 22 школы и 157.152 жителя мужскаго пола и 113.032 женскаго; 7) иять писемъ, подписанныхъ императри "ей Маріей θ едоровной, отъ 4, 16 и 24 февраля и отъ 22 и 31 марта 1813 г., къ генералу А. М. Римскому-Корсакову, по поводу плънныхъ нъмецкихъ офицеровъ; 8) копіи съ предписаній ген. Тормасова «о строеніи» Москвы; 9) отрывки изъ переписки по Круглянскому имънію графа М. С. Ворондова, 1813 г.; 10) воспоминаніе о 1812 г. нъкоего Н. И. Т-ва, и нъкот. друг.

В. Р-въ.

Denkmünzen auf Personen, die in den Ostseeprovinzen geboren sind oder gewirkt haben. Herausgegeben von J. Iversen. St.-Petersburg u. Leipzig. 1899.

Почтенный изслѣдователь русскихъ медалей Юлій Богдановичъ Иверсенъ, знакомый читателямъ «Историческаго Вѣстника» по своей работѣ о сатирическихъ медаляхъ на Сѣверную войну («Историческій Вѣстникъ», 1890, № 11), слѣдующимъ образомъ объясняетъ назначеніе новаго труда своего, заглавіе котораго нами приведено выше:

«Большое количество медалей, описанныхъ мною ранъе въ сочинени «Медали въ честь русскихъ государственныхъ дъятелей», чеканены на имя лицъ, которыя родомъ изъ Остзейскихъ губерній, но дъйствовали уже послъ подчиненія этого края русскому скинетру. Однако, эти провинціи и раньше имъли свою исторію и мужей, коихъ друзья, современники или потомство чеканили въ ихъ честь медали. Этимъ медалямъ и посвященъ настоящій трудъ. Если я включиль въ него, въ порядкъ алфавита, и описанныя уже медали и нъкоторые жетоны, то это мною сдълано лишь для того, чтобы округлить сочиненіе и придать ему цълостность».

Новый трудъ Ю. Б. Иверсена даетъ въ своемъ текстъ сто шестъдесятъ шестъ короткихъ біографій остзейцевъ и другихъ лицъ, близкихъ Прибалтійскому краю, въ честъ которыхъ были отчеканены медали. Каждая біографія сопровождается краткими указаніями на литературу о данномъ лицъ или на архивныя дѣла, изъ которыхъ извлечены свъдънія о немъ. За біографією, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, слѣдуетъ описаніе медалей или жетоновъ въ честь того или другого дѣятеля, съ указаніемъ на то, была ли уже медаль описана. Алфавитный списокъ медальеровъ, приложенный въ концѣ текста,

сообщаеть даты рожденія и смерти художниковь и объясняєть сокращенія и иниціалы, встрѣчающієся на медаляхь и жетонахь. Таблиць къ новой книгѣ Ю. Б. Неерс на приложено двадцать девять; на каждой изь нихъ имѣстся отъ 4 до 10 медалей, воспроизведенныхъ литографскимъ способомъ. Мы увѣрены, что книга Ю. Б. Иверсена найдеть вполнѣ сочувственный пріемъ не только въ Остзейскомъ краѣ, но и въ болѣе обширныхъ кругахъ публики, интересующейся медальернымъ искусствомъ. Между перечисленными въ книгѣ лицами, «родившимися пли дѣйствовавшими въ Остзейскомъ краѣ», не мало дѣятелей, игравшихъ видную роль въ русской исторіи. Отмѣтимъ изъ дѣятелей XVIII в.: графа М. С. Апраксина, герцоговъ Бироновъ, графа Миниха и др., изъ дѣятелей XIX в.: графа В. Ө. Адлерберга, князя М. Б. Барклая-де-Толли, графа Ф. Ф. Берга, Е. Ө. Брадке, графа И. И. Дибича-Забалканскаго, Л. П. и Ф. Л. Гейденовъ, А. А. Котляревскаго, И. Ф. Крузенштерна, Ф. П. Литке, В. Я. и О. В. Струве, графа А. А. Суворова, графа Э. И. Тотлебена, графа К. Ө. Толля и др.

Съ внъшией стороны книга издана вполнъ удовлетворительно; медали воспроизведены очень отчетливо. Цъна (10 рублей), конечно, разсчитана на любителей. Слъдуетъ замътить, что хотя на обложкъ и значится: «С.-Истербургъ и Лейпцигъ», однако книга цензурована и печатана въ Юрьевъ; таблицы изготовлены въ одной изъ петербургскихъ литографій.

А. М. Ловягинъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Древній Римъ.—Италія при франкахъ и въ средніе въка.—Происхожденіе Лондонскаго муниципалитета.—Возстанія крестьянъ въ Англіи и Германіи.—Былъ ли Петрарка въренъ Лауръ.—Окончаніе юбилея Кромвеля и новая его біографія.—Возстановленіе католицизма во времена консульства.— Стольтняя годовщина смерти Вашингтона.—Клеберъ на службъ у Австріи.—Послъдніе годы генерала Моро. — Иностранцы о Россіи.—О президентъ Крюгеръ. — Смерть Морица Буша, Гранта Аллена, Софіи Торма, леди Сольсбери, баронессы Леветцовъ.

РЕВНІЙ РАМЪ. Въ осеннемъ общемъ собраніи пяти французскихъ академій, делегатъ академіи надписей и изящной литературы, патеръ Генри Тедена, прочелъ блестящій этюдъ о римскомъ форумѣ и недавнихъ раскопкахъ. Современный туристъ, по его словамъ, въ первую минуту смотритъ съ печалью на остатки этого знаменитѣйшаго уголка древняго Рима, но вскорѣ въ памяти его возстаютъ всѣ, связанныя съ нимъ, историческія событія, и эти развалины принимаютъ въ его глазахъ священный характеръ. Затѣмъ онъ начинастъ медленно осматривать одинъ за другимъ всѣ остатки старины: храмъ «Согласія», воздвигнутый Камилломъ, храмы Веспасіана и Тита, пор-

тикъ двънадцати высшихъ языческихъ божествъ, возстановленный Агоріемъ Иретекстатіемъ, храмъ Сатурна, трибуну Цезаря, гдъ была выставлена голова Цицерона и арку Септимія Севера. Всъ эти намятники древняго Рима находятся у подножія Капитолія. Со стороны Палатинскаго холма виднъются остатки базилики Юліи, выстроенной Цезаремъ и Августомъ, трехколоннаго храма, означающаго то мъсто, гдъ Касторъ и Полуксъ объявили римлянамъ о побъдъ при Решльскомъ озеръ, храма Весты, гдъ двъ тысячи лътъ горълъ священный огонь, символъ въчнаго господства Рима, и дома, въ которомъ жили шесть дъвственныхъ весталокъ. Белъе къ востоку находились Регія, жилище верховнаго жреца, основанное вторымъ римскимъ царемъ Нумой Поминліемъ,

и храмы Антонина и Октавія, наконецъ тріумфальная арка Августа. Выйдя изъ предъловъ Форума, туристъ осматриваеть съ восхищениемъ броизовыя ворота базилики Константина и, возвратившись назадъ съ съвера, невольно сожальеть, что еще не отрыты базилика Эмилія, храмъ Януса, Комиціи и древнія Курія. Вь его воображеній эта пустынная м'єстность оживляется прежней пламенной жизнью: онъ видить передъ собою борьбу плебсевь за свободу, слышить ръчи Цицерона и Гортензія, присутствуєть при бурныхъ засъданіяхъ сената, національных в празднествахъ, торжественныхъ похоронахъ, религіозныхъ процессіяхъ, нышныхъ тріумфахъ, народныхъ играхъ и т. д. Древняя жизнь со встми ся разнообразными фазами такъ всецтло обладтваеть его умомъ, что онъ возвращается къ современной дъйствительности, только увидавъ электрическую конку, проходящую мимо храмовь Сатурна и Веспасіана. Воть въ какомъ видъ является римскій форумь за послъднія пятнадцать лътъ, благодаря археологическимъ расконкамъ, которыя производятся по иниціативъ итальянскаго министра народнаго просвъщенія, Баччели, и подъ руководствомъ архитектора Бонни. Описавъ замъчательнъйшія изъ новъйшихъ археологическихъ находокъ въ храмъ Весты, въ предполагаемой гробницъ Ромула, въ Регіи и въ храмъ Цезаря, патеръ Тедена окончилъ свою любопытную ръчь указаніемъ на то, что въ настоящее время идуть дъятельныя раскопки базилики Эмилія, одного изъ великолъпнъйшихъ памятниковъ Рима, и что въ будущемъ Баччели намъренъ продолжать эти раскопки на съверной сторонъ форума до церкви св. Адріана. Постоянныя извъстія объ этихъ археологическихъ трудахъ сообщаеть итальянскій ученый Радольфо Ланчіани въ англійской газеть «Atheneum». Изъ послъднихъ его цисемъ видно, что, несмотря на всю спъшность работь, базилика Эмилія еще не отрыта такъ глубоко: она скрыта подъ многочисленными наслоеніями земли, но, благодаря расконкамъ въ другихъ мъстахъ форума, почти ежедневно происходять драгоценныя находки. Такъ недавно открыта обезглавленная статуя одной изъ весталокъ, въроятно, перешедшей въ христіанскую въру, а надняхъ найдено въ остаткахъ древняго водопровода громадное количество римскихъ монетъ временъ имперіи. Несмотря на блестящіе результаты археологических работь, въ Рим'в находятся критики, которые одинаково возстають за производство ихъ на правительство и археологовъ. Въ этомъ духъ написана, надълавшая много шума въ ученомъ міръ, брошюра, подписанная псевдонимомъ Полифило и озаглавленная «Римъ конца въка» 1). Неизвъстный авторъ доказываеть, что не только въ настоящее время, но уже тридцать льть римскіе археологи дьлають только глупости, такъ какъ раскопки производятся не тамъ, гдъ слъдуетъ, драгоцънные остатки старины не отканываются, чтобы не новредить современнымь церквамь, а то, что вырывается изъ нъдръ земли, не представляеть ничего интереснаго.

Литература древняго міра обогатилась двумя трудами. Итальянскій профессоръ Пансъ выпустиль вторую часть перваго тома своей «Исторіи древняго Рима» 2), а англичанинъ Тэйлоръ напечаталь «Конституціонную и политиче-

¹⁾ Roma finis secoli di Polifila, Roma. 1899.

²⁾ Storia di Roma. Di Ellore Pais. Vol. 1, parte II. Critica della Tradizione dalla Caduta del Decemvirato all'Intervento di Pirro. Torino. 1899.

скую исторію Рима съ древивникъ времень до царствованія Домиціана 1). Ученый авторъ первой книги продолжаеть свое добросовъстное изслъдование римской истории въ самыхъ общирныхъ размърахъ. Такъ вторая часть 1 тома заключаеть въ себъ только эпоху отъ Децемвировъ до нашествія Пирра. Мало этого, онъ еще заявляеть, что въ видъ добавленія из 1-му тому онъ напечатаеть особую книгу объ источникахъ и хронологін древней римской исторіи. Задавшись цёлью доказать, что римская исторія началась только въ первой половинъ У въка до Р. Х., профессоръ Пансъ относится съ самой строгой критикой къдревнимь событимъ исторіи Рима и, внолит отвергая ихъ, доказываеть, что это греческая поддълка, основанная частью на греческихъ и частью на римскихъ матеріалахъ. Всъ классическія легенды безжалостно имъ опровергаются, и онъ признасть историческими только тъ факты, которые вполнъ подтверждены безспорными доказательствами. Конечно, подобный не можетъ интересовать общихъ читателей, но имъстъ серіозное значеніе для спеціалистовь. Напротивь, книга Тейлора служить полезнымь пособіемь для всякаго, кто желаеть познакомиться съ римскими учрежденіями и политической исторіей Рима. Кратко, но основательно, авторъ знакомить не только съ предметомъ своего изследованія, но представляєть сводъ всего, что было ранее написано по всемъ разсматриваемымъ имъ вопросамъ, и освещаетъ ихъ своими собственными, чрезвычайно логичными взглядами. Надо еще отдать справедливость Тейлору, что онъ умъло избъгаеть сухого, скучнаго изложенія, что такъ часто портить подобные почтенные труды.

- Пталія при франкахъ и въ средніе въка. Англійскій историкъ Томась Годжкинь окончиль свой двадцати-пятильтній громадный трудъ въ восьми томахъ «Италія и ея завоеватели» 2). Квакеръ и банкиръ, онъ посвятиль всю свою жизнь на это ученое изследование, которое его ставить рядомь съ Гиббономъ. Последние два тома заключаютъ въ себе подробное изложение завоеваній Италіи франками. Самыя интересныя въ нихъ главы относятся до императора Константина и Карла Великаго. Относительно перваго Годжкинъ опровергаетъ фактами легендарную исторію крещенія императора Константина и дарственной, написанной будто бы имъ въ пользу папы Сильвестра. Въ сущности Константинъ быль обращенъ въ христіанство аріанскимь епископомъ изь Никеи на смертномь одръ, а не въ Римъ, и не вслъдствие того, что онъ видъть во сиъ св. Петра и Павта, излъчившихъ его отъ проказы, которою онъ страдаль. Вследствіе этого чуда Константинь, по словамь легенды, сталь строить церковь св. Петра въ Римъ и ръшилъ перейти въ христіанскую въру, но, узнавъ объэтомъ, двънадцать еврейскихъ раввиновъ явились къ нему и сталп уговаривать его принять іудейство. Тогда папа Сильвестръ вызваль ихъ на поединокъ, состоявшій въ томь, кто сдълаеть большее чудо передъ императоромъ. Для этого привели вола: одинъ изъ раввиновъ произнесъ какое-то слово на ухо волу, и тотъ упалъ мертвымъ; въ свою очередь къволу подошель папа

¹⁾ A constitutional and political History of Rome, from the Earliest Times to the Reign of Domitian. By T. Taylor. London. 1899.

^{2) «}Italy and Her Invaders». Vols VII and VIII. The Frankish Invaders. By Thomas Hodgkin. London. 1899.

и тоже ему что-то шеннулъ. Воль вскочиль живой. Такимъ образомъ, по словамь легенды, восторжествовало христіанство, и Константинъ не только крестился, но написалъ на имя Сильвестра дарственную, въ которой онъ отдаваль вы даръ папъ и его наслъдникамы свой дворець, городъ Римь, всъ провинціи, мъста и города Италіи, а также западной области. Годжкинъ доказываеть фактически ложность этой легенды и дарственной, которая, но его словамь, составлена, по всей въроятности, въ VIII въкъ. Только въ XI въкъ папы стали основывать на этомь болье чемь странномь документь, свои верховныя права на Италію, святую римскую имперію и весь свъть. Но вь эпоху возрожденія окончательно была доказана его ложность Лаврентісмь Валла въ его «Declamatio», а въ настоящее время даже самые ярые католики избъгаютъ ссылаться на такой подозрительный документь. Дворь Карла Великаго въ Ахеив представляль блестящій умственный оазись среди мрачнаго невъжественнаго въка. и Годжкинъ рисуетъ рельерно его картину. Самъ Карлъ, несмотря на многія чисто варварскія стороны его характера, глубоко уважаль ученыхъ. Онь молился по-латыни и понималъ, хотя не могъ читать, по-гречески. Во время объда ему всегда громко читали «Градъ Божій» или какое нибудь другое сочиненіе св. Августина. По ночамъ, страдая безсонницей, онъ учился писать, но никогда не достигь въ этомъ усиъха. Онь составилъ сборникъ національных ь балладъ, но сынъ его Людовикъ Набожный потеряль это драгоценное наследіе, и по остроумному замъчанію Годжкина, «ему можно скоръе простить потерю имперіи, основанную отцомъ, чъмъ потерю этого сборника». Научными украшеніями двора Карла Великаго были Алькуннъ, Павель Дьяконъ, Теодульфъ, Петръ Пизанецъ и Ангильберъ, настоятель монастыря въ Сенъ-Рикье. Весь трудъ Годжкина обнимаетъ 500 лътъ, которыя служили переходомъ между двумя великими организаціями въ Европъ: Римской имперіей и папскимъ Римомъ.

Исторіи Рима и напъ въ средніе въка посвященъ обширный трудъ на нъмецкомъ языкъ іезуитскаго настора Гризара 1). Онъ выходить выпусками, и недавно появившіеся четвертый и нятый выпуски заключаютъ въ себъ первоначальную исторію папъ до паденія римской имперіи. Къ чести іезуитскаго патера надо сказать, что онъ критически относится къ легендамъ о пребываніи св. Петра въ Мамертинской тюрьмъ, о свиданіи папы св. Льва съ Аттилой и т. д.

— Происхождение лондонскаго муниципалитета. Всъмъ извъстно, что первый лондонскій мэръ упоминается въ исторіи въ 1193 году, но какимъ образомъ онъ появился во главъ лондонскаго городского управленія, и какъ возникло это городское управленіе, составляло до сихъ поръ загадку. По словамъ одного изъ самыхъ авторитетныхъ знатоковъ древняго Лондона, сэра Вальтера Везанта, который много писалъ объ этомъ предметъ въ свободные часы своей романистской дъятельности, — новая книга «Лондонская община» Д. Раунда впервые представляетъ разумную теорію для разръшенія трудныхъ вопро-

¹⁾ Geschichte Roms und der Papste im Mittelalter, von P. Grisar. Freiburg. 1899. 4-5.

совь, возбуждаемыхъ исторіей возникновенія лондонскаго муниципалитета 1). Хотя, собственно, древней лондонской общинъ посвящена только одна статья въ книгъ Раунда, которая представляетъ сборникъ статей о различныхъ вопросахъ въ первобытной исторіи Англіи, но эти немногія страницы бросають новый свъть на темный и мало извъстный до сихъ поръ эпизодъ исторіи Лондона. Въ XII столътіи во всей Европъ произопло движеніе въ пользу муниципальной свободы, и оно отразилось на Англіи. Въ 1141 году, граждане Лондона образовали «Conjuratio», т.-е. присяжную общину, и оксфордскій епископъ говорить, что «тогдашнее городское управление въ англійской столиць отличалось муниципальнымъ единствомъ, что дозволяеть заключить о преобладании общинной идеи, какъ основы гражданской организаціи». Но континентальныя городскія общины имъли главу, называвшагося-мэромъ, а потому и лондонцы хотъли дополнить такимъ же образомъ свое муниципальное устройство, но имъ пришлось долго ждать. Они тъмъ болъе были этимъ недовольны, что англосаксонская система приходовъ и сотенъ, пригодная для сельскихъ округовъ, не дъйствовала усившно въ городахъ, и, кромъ того, Лондонь быль тогда въ близкихъ отношеніяхъ съ Руаномъ, такъ какъ оба они были столицами англо-нормандскаго королевства, а въ Руанъ существовало полное муниципальное устройство съмэромъ во главъ. Естественно поэтому, что Лондонъ желалъ управляться такъ же, какъ Руанъ. Однако ему пришлось этого добиться только въ 1191 году, когда, благодаря борьбъ между братомъ короля Іоанномъ и представителемъ короля Линтаномъ, на долю Лондона выналъ ръшающий голосъ. Лондонские граждане воспользовались этимъ случаемъ и объявили, что поддержатъ короля въ лицъ его брата, если онъ подъ клятвой утвердить ихъ городскую общину. Тогдашніе літописцы описывають выярких вкраскахь, как вграждане, ночью, сь фонарями и факслами привътствовали въбздъ Іоанна въ Лондонъ, а на другой день, 8-го октября, собрались подъ звуки колокода въ перкви св. Павла, чтобы выслушать присягу, принятую Іоанномъ въ върномъ сохранении ихъ общины. Такимъ образомъ была установлена лондонская община, но хотя до сихъ поръ лордъ-мэръ выбирается 8-го октября въ намять того дня, когда было подтверждено королевской властью существование муниципалитета, о лондонскомь мэръ ничего неизвъстно до 1193 года. Къ этому времени относится замъчательная находка, сдъланная Раундомъ въБританскомъ музев, подлиннаго документа присяги върности лондонской общины въ царствование Ричарда I. Этоть драгоцьнный акть, написанный по-латыни, не только обнаруживаеть, вы чемъ заключалась присяга членовъ общины, но и доказываетъ, что тогда община существовала въ полномъ составъ, какъ въ городъ Руанъ съ мэромъ, шерифами и «другими честными людьми», т.-е. совътниками. Раунду удалось еще найти въ томъ же британскомъ музет второй документъ, подтверждающій первый. Это присяга двадпатичстырехъ въ царствование Іоанна. Означенный документь помьчень 1203 годомь и, по словамь Раунда, изъ упоминаемыхъ имъ двадцатичетырехъ помощинковъ, двенадцать были шерифы, или, какъ тогда они назывались, «Skebenis», и двънадцать совътниковъ; замъчательно,

¹⁾ The Commune of London and Other Studies, by J. Round. London. 1899.

что латинская присяга, принимаемая членами лондонской общины 700 лѣтъ тому назадъ, почти та же, которую принималъ въ прошедшемъ году лордъ Китченеръ, пожалованный Лондономъ за его суданскія побѣды въ почетные граждане столицы. Какъ они, такъ и онъ, одинаково клялись въ преданности государю, въ повиновеніи мэру и въ сохраненіи королевскаго мира. Хотя статья Раунда о лондонской общинъ, изложенная на 40 страницахъ, не представляетъ историческаго труда, но она вноситъ драгоцѣнный вкладъ въ первобытную исторію Лондона и если, по словамъ одного изъ англійскихъ критиковъ, «судьбѣ будетъ угодно, чтобы когда нибудь безпозвоночная исторія величайшаго города въ свѣтѣ обнаружила основной позвоночный хребетъ, то имя Раунда будетъ помянуто съ благодарностью».

— Возстанія крестьянъ въ Англіи и Германіи. Хогя многіе исгорики Англіи говорили о знаменитомь реформаторъ XIV стольтія Виклиффъ и его послъдователяхъ лолардахъ, но до сихъ поръ не было посвящено ни одного самостоятельнаго сочиненія на англійскомъ языкъ исторіи этого духовнаго и политическаго движенія отъ Виклифа до крестьянскаго возстанія и конечнаго превращения долардовъ въ пуританъ въ Англи и ков нантеровъ въ Шотланди. Въ настоящее время Д. Тревильянъ и Е. Повель нополнили этотъ пробъль вь двухь отдъльныхъ книгахъ. Первая составляеть результатъ ихъ общихъ исторических изысканій, но написана однимъ Тревильяномъ подъ заглавіемъ «Англія вь эпоху Виклиффа 1), а вторая представляеть сборникь новых в документовъ о возстании крестьянъ и лолардахъ, изданный обоими авторами 2). Такижь образомъ мы имъемъ рядомъ невъдомые до сихъ поръ исторические матеріалы и основанный на нихъ живой, рельефный разсказъ, нъкоторыя главы котораго по своему блестящему изложеню напоминають, что авторъ неда-ромъ внукъ Маколея и сынъ сэра Джорджа Тревильяна, автора многихъ почтенныхъ историческихъ трудовъ. Центральнымъ предметомъ его монографіи служить не Виклиффь, а возстаніе крестьянь. Достойная фигура духовнаго реформатора и энергичнаго противника папства проходить чрезъ всю рисуемую имъ картину, но не она, а борьба рабовъ за свободу въ 1381 году сосредоточиваетъ на себъ главнымъ образомъ внимание читателей. Въ происхождении этого христіанско-демократическаго движенія болье 500 льть тому назадъ много еще остается темнаго. Тревильянъ не признаеть извъстной легенды о томъ, что Уать Тайлерь возбудиль возстаніе для того, чтобы отомстить за оскорбленіе, нанесенное его дочери, такъ какъ не существуеть никакихъ современныхъ доказательствь, подтверждающихъ этотъ факть. Онъ основанъ только на словахъ одного изълътописцевъ временъ королевы Клисаветы, по имени Стоэ, но онъ относить свой разсказь къ какому-то Джону Тайлеру, а лишь впоследстви героемъ его сдълали знаменитаго Уата. «Причины возстанія крестьянъ были разнообразны, — замѣчаетъ Тревильянъ, — въ каждомъ трафствъ возставшіе крестьяне отстанвали свои не одинаковыя, но одинаково нарушенныя сильными

¹⁾ England in the age of Wicliffe, by Trevelyan. London. 1899.

²⁾ The peasants rising and the Lollards a collection of unpublished documents forming an appendix to «England in the age off Wicliffe, edited by E. Powell and D. Trevelyan. London. 1899.

міра сего права. Защищаемое ими діло было справедливое, а если оно было обрызгано кровью и омрачено насиліями, то подобныя возстанія въ другихъ странахъ были гораздо кровавъе и жестокосерднъе. Это движение было признакомъ существованія національной энергіи, независимости и самоуваженія въ средневъковыхъ англійскихъ крестьянахъ, которые были предками трехчетвертей теперешней англійской расы встхъ классовъ и общественныхъ ноложеній. Неменьшимъ интересомъ отличается и глава, посвященная Тревильяномъ описанію религіознаго положенія Англін въ эпоху Виклиффа. Рисуемая имъ картина поражаетъ мрачными красками. По словамъ автора, состояние католической церкви въ то время было самое нечальное, и она приносила лишь вредъ странъ. Онъ даже отвергаеть пользу отъ столь прославленнаго просвъщения монаховь. «Какими важными литературными трудами обязаны мы монахамъ этого періода? — замъчаеть онъ. — Произведенія Чоссера, пахаря Пайерса п Фруассара принадлежать не монашескимь досугамь. Величайше писатели первой эпохи англиской литературы не были монахами. Чоссеръ быль міряниномъ, Лангландъ-писцомъ духовнаго званія, но не монахомъ, а Виклиффъ-студентомъ Оксфордскаго университета. Единственными произведениями монастырей были лътописи, но и онъ велись по старинной рутинной формъ, хотя Фруассаръ показалъ новый и лучшій способъ ихъ составленія. То, что говорить Тревильянъ о лодгардахъ, кромъ историческаго значения, очень любонытное, по тому странному сходству духовныхъ и политическихъ вопросовъ, которые волновали Англію 500 лътъ тому назадъ, съ подобными же вопросами, составляющими злобу настоящей минуты. Такъ лодларды въ своей знаменитой нетиціи, представленной въ парламенть, жалуются на многія злоупотребленія тогдашней католической церкви, которыя теперь повторяются въ англиканской церкви и составляють въ настоящее время предчеть борьбы между передовыми и отсталыми протестантами. Въ этой же петиціи лодларды горячо протестують противь войны и приводять ть же доводы, которые, если не практически, то теоретически восторжествовали, спустя пять въковъ, на Гаагской конференціи. Что касается до сборника матеріаловъ, послужившихъ основой къ монографіи Тревильяна, то они отличаются одинаково новизной и глубокимь интересомъ, но нельзя не пожальть, что этимь неизвъстнымъ досель документамъ, живорисующимъ общественное положение Англипри Ричардъ II, отведено лишь 60 или 70 страницъ, тогда, какъ въ трудъ Тревильяна ихъ 400. Почти полгораста лътъ потребовалось Германіи, чтобы последовать примеру Англіп, и тамъ крестьянская война, возникшая въ 1525 году, отличалась тъмъ же духовно-соціальнымъ характеромъ. Подробной и обстоятельной исторіи этого движенія до сихъ поръ также не существовало на англійском в языкъ. Теперь Бэльфортъ-Баксъ посвятиль ей второй томъ своего обширнаго труда о соціальной сторонъ реформаціи въ Германіи 1). Относясь очень сочувственно къ этому народному движенію, которое сначала было такъ усибшно, что заставило многихъ рыцарей принять сторону крестьянъ, а затъмъ было задушено въ крови, авторъ выставляеть рядомъ гуманную увъренность крестьянь вь ихъ торжествъ и жесто-

¹⁾ The peasants war in Germany, by Belfort-Bax. London. 1899.

косердіе их в побъдителей. Соціа вная сторона этого движенія ему болье симпатична, чъмъ религіозная, и онъ выражаеть свое презръніе къ теоретичнымъ духовнымъ реформаторамъ Лютеру и Маланкхтону, которые думали только о догматахъ, а не заботились о народной свободъ, какъ герои кр стьянской войны.

-- Быль ли Петрарка въренъ Лауръ. Какъ извъстно, романтичныя легенды и трезвая исторія разсказывали до постедняго времени, что знаменитый итальянскій поэть XIV въка Франческо Петрарка любиль во всю свою жизнь только одну женщину Лауру Садъ и то илатонически. Сь нъкоторыхъ поръ явились критики, которые стали подканываться подъ эту славу великаго лирика, и если они не могли подвергнуть сомнъню платоническую любовь Петрарки къ Лауръ, то зато стали упорно отвергать, чтобы онъ любиль только ее. Первымъ изъ этихъ итальянскихъ критиковъ былъ Местика, который старался доказать въ сочинени, посвященномъ этому вопросу, что Петрарка любилъ не болъе и не менъе, какъ трехъ женщинъ. Этой теоріи, которая напіла многихъ послъдователей, можно противопоставить слова самого Петрарки, который прямо говорить, что его «canzoniete» написаны въ честь одной женщины, а въ извъстной канцонъ, сочиненной два года спустя послъ смерти Лауры, онъ смъется надъ Амуромъ, который не можеть вдохновить его сердце второй любовью. Профессоръ Альфредо Чезарео пошель еще далве, и, по его мнвнію, Петрарка уже любить не трехъ женщинь, а безконечное количество и вообще быль вульгарнымъ искателемъ любовныхъ приключений. Наконецъ Вальци превратиль илатонического поклонника Лауры въ уличного Донъ-Жуана съ подкладкой Тартюфа. По его словамь, его канцоны были написаны въ честь различных в и многочисленных в предметовъ его любви, а если онъ посвятилъ огульно ихъ всъ Лауръ, то лишь потому, что онь тогда уже не быль молодъ и нашеть болье приличнымь воспывать одну любовь, чымь нысколько. Надняхы Энрико Сикарди 1), пламенный поклонникъ Петрарки, ръшился смыть съ намяти своего любимаго поэта ту грязь, которою забросали его пристрастные критики. Въ книгъ, написанной съ жаромъ и пламенной любовью, а вмъсть съ тъмъ съ полнымъ безиристрастіемъ, онъ прежде всего опровергаеть доказательными доводами съ испхологической и филологической точекъ зрънія основательность аргументовъ петраркокластовъ. Затемъ онъ победоносно указываетъ, что все имьющіяся свъдьнія о жизни Петрарки вполнь противорьчать тому, чтобъ онь быль, какъ увъряють критики, легкомысленнымь Донъ-Жуаномъ. Конечно, безпристрастіе обязываеть Сикарди признать, что Петрарка иногда не быль чуждъ земной страсти, что подтверждается его двумя побочными дътьми, но эти энизоды составляли случайные факты нравственнаго паденія геніальнаго поэта, постоянно витавшаго въ возвышенной области платонической любви. Со стыдомь и раскаяніемь онъ почти немедленно возвращался съ еще большимь пыломь и върностію къ поклоненію Лаурь, которая была, какъ утверждаеть Сикарди, предметомъ его единственной настоящей любви.

¹⁾ Enrico Sicardi-Gli Amori extravaganti etc. de Fraducesco Petrarca. Milano. 1900.

- Окончаніе юбилея Кромвеля и новая его біографія. Хотя трехсотлътній юбилей Кромвеля приходился 21 апръля прошедшаго года, но его празднованіе достигло своего апогея только 15 ноября. Въ этогь день открыта колоссальная статуя Кромвеля въ Вестминстеръ передъ зданіемъ парламента. Это открытие совершилось фактически, т. е. работники сняли утромъ полотно, прикрывавшее статую, и она впервые явилась передъ глазами лондонцевъ, но при этомъ не было никакого торжества и никакихъ ръчей. Только вечеромъ состоялся національный митингь и бывшій либеральный премьерь, лордъ Розбери, произнесъ ръчь, въ которой представилъ блестящую характеристику лорда протектора. Но прежде этой характеристики ораторы разсказаль вы двухъ словахъ исторію воздвигнутаго намятника. Хотя прошло триста лътъ съ рожденія этого величайшаго государственнаго человъка Англін, но имя его такъ волнуеть политическія сграсти, что когда возникъ вопрось поставить вь Лондонъ статую Кромвелю, который не удостоенъ намятника въ Вестминстеръ, то возникли пламенныя пререканія между либералами и консерваторами. Послъднее либеральное министерство объщало внести выпарламенты предложение о сооруженін этой статуи, но это возбудило такую сильную опозицію среди членовь палаты, что предложение было взято назадъ, и одно частное лицо вызвалось поставить намятникъ на свой счеть. На это либеральное правительство согласилось, и нынъшній консервативный кабинеть подтвердиль это ръшеніе, несмотря на то, что въ налатъ лордовъ, большинствомъ шести противъ четырехъ голосовъ, заявленъ протестъ. Такимъ образомъ статуя Кромвеля какъ бы насильно теперь красуется въ Лондонъ передъ парламентомъ, хотя, по словамъ лорда Розбери, въ самомъ сердцъ налаты общинь поставлень теперешнимъ правительствомъ бюсть лорда-протектора. «Счастлива та династія, прибавиль лордъ Розбери которая, твердо полагаясь на конституционныя гарантін и преданную дюбовь подданныхъ, смотритъ безъ страха и неудовольствія на прославленіе цареубійцы». Въ дальнъйшей своей характеристикъ Кромвеля ораторъ указаль, что казнь Карла I не была преднамъреннымъ актомъ Кромвеля, и что онъ старался послъдней возможности дъйствовать за одно съ королемъ и только тогда пошелъ противъ него, когда убъдился, что Карлъ не хотълъ перейти изъ феодальнаго монарха въ конституціоннаго и тъмъ сдълаль неизбъжнымъ его удаленіе съ престола. Конечно, по словамъ, дорда Розбери, можно было сдълать это болъе мягкими средствами, и казнь была болъе чъмъ преступленіемъ, именно политической ошибкой, но она вызвана была не единичной волей Кромвеля, а силой обстоятельствь. Что касается до самого лорда протектора, то ораторъ красноръчиво очертилъ его образъ, какъ одного изъ величайшихъ полководцевъ въ свътъ, какъ величайшаго правителя Англіп, по выраженію Маколея, величайшаго распространителя могущества Англіп и, наконецъ, какъ одного изъ лучшихъ и благороднъйшихъ представителей англійскаго генія.

По случаю юбилея Кромвеля уже вышло много сочиненій, о которыхъ было упомянуто въ «Историческомъ Въстникъ», но наиболъе замъчательное изъ нихъ только что началось печатаніемъвъ «Century magazine» съ ноябръской книжки ¹).

¹⁾ Oliver Cromvell, by JohnMorley. Century magazine. november—december. 1899.

Это обстоятельная и подробная біографія Оливера Кромвеля, составленная Джономъ Морлеемъ, извъстнымъ своими біографіями Борка и Кобдена, а также своей дружбой съ Гладстономъ и выдающейся политической дъятельностью. Трудно придумать лучшаго біографа для Кромвеля, какъ Джонъ Морлей, и въ предисловін къ своему почтанному труду, который будеть печататься въ американскомъ журналъ въ течение цълаго года, онъ прямо указываетъ, какъ върно и безиристрастно онъ смотритъ на своего героя. Искренній радикаль и защитникъ конституціонной свободы, Морлей не можеть сочувственно смотрыть на многія стороны политической дъятельности великаго пуританина, именно на безперемонное его обращение съ парламентомъ и на кровавую расправу съ прландцами, но вмъстъ съ тъмъ онъ по совъсти считаеть себя обязаннымъ признать, что имя Кромвеля стоить первымъ въ календаръ всякаго англійскаго демократа. «Хотя не въ Кромвелъ, а въ Мильтонъ, замъчаеть онъ, надо искать самое глубокое и возвышенное олицстворение пуританизма, все же широта взглядовъ Оливера, его свободный, свътлый умъ, искренность, мужество и преданность своей родинъ сдълали его имя, несмотря на нъкоторыя не сочувственныя его дъйствія, оправдывать которыя невозможно, наиболье дорогимъ во всёхъ странахъ, где говорять англійскимъ языкомъ. Величайшія имена въ псторіи принадлежать тъмь людямь, которые среди водоворота политической жизни со всеми ея соблазнами не забывали основныхъ, возвышенныхъ задачъ человъчества, и къ небольшому числу этихъ людей, конечно, принадлежитъ Кромвель!» Вышедшія двъ части важнаго историческаго труда Морлея, украшенныя многочисленными портретами и иллюстраціями, служать прологомь къ политической дъятельности Кромвеля. Въ краткомъ, сжатомъ очеркъ авторъ разсказываеть дътство и юность будущаго лорда-протектора, что вполнъ понятно, такъ какъ объ этихъ періодахъ его жизни очень мало извъстно. Принадлежа къ не бъдной и не богатой дворянской семьъ уэльскаго происхожденія, онъ воспитывался въ провинціальной школъ своего родного города Гунтингтона, а затъмъ пробылъ нъсколько времени въ Кэмбриджскомъ университуть. Но окончиль ли онь университескій курсь и дъйствительно ли гоговился потомъ въ адвокаты въ Линколь-Иннъ, какъ предполагаютъ нъкоторые изъ его біографовъ, фактически неизвъстно. Во всякомъ случать достовърно, что, хотя онъ зналъ немного математики и классическихъ языковъ, но не былъ ни ученымъ, ни даже культурнымъ человъкомъ. Для него вся литература состояла въ одной книгъ, Библи, такъ какъ онъ съ юности былъ пламеннымъ пуританиномъ. Что опъ дълалъ до двадцать второго года своей жизни, когда онъ женился на Елизаветъ Бурчьеръ, простой, здравомыслящей, доброй и мягкосердечной женщинъ, нътъ никакихъ свъдъній, и Морлей признаетъ вполнъ бездоказательными утвержденія роялистовъ, что онъ въ молодости вель разгульную даже преступную жизнь. Ность женитьбы Кромвель поселился въ унаслъдованномъ отъ отпа помъстьъ и жилъ тамъ 11 лътъ, скромнымъ провинціальнымъ сквайеромъ. На тридцатомъ году своей жизни онъ впервые выступилъ на политическое поприще и быть выбранъ своимъ городомъ въ депутаты. Третій парламенть въ парствованіе Карла I, въ засъданіяхъ котораго приняль участіе Кромвель, прославиль себя проведенісмь петиціи о правахь, подтвер-

дившей права англійскихъ гражданъ. Но хотя онъ сидъть рядомъ съ великими бойцами нарламентских властей Гамденомь, Вентвортомъ и Инмомъ, онъ самъ произнесъ только одну ръчь въ пользу свободы совъсти. Какъ извъстно, этоть парламенть быль распущень королемь, и въ продолжение одиннадцати лътъ не было созвано новаго. Въ это время Кромвель продолжалъ вести скромную помъщичью жизнь, окруженный многочисленной семьей и продавъ родительское помъстье, купплъ новое, также близъ Гунтингтона. Исполняя должность суды и горячо отстаивая муниципальныя права своего города, онь въ 1630 году быть привлеченъ правительствомъ къ от бътственности за свои ръзкія ръчи, но, благодаря смьлой защить, сумьль освободить себя оть суда. Къ этому времени относится легенда, что онъ вмъстъ съ знаменитымъ Гамденомъ, который былъ его двоюроднымъ братомъ, ръшили отправиться въ Америку, но судно, на которомъ они уже находились, было остановлено по королевскому приказу. Морлей отвергаеть этоть разсказь и доказываеть всю его баснословность. Между тъмъ, тихими, медленными, но върными шагами Англія подвигалась къ революціи. Борьба между неограниченною властью короля и парламентомъ становилась все болъе и болъе неизбъжной, несмотря на то, что одинъ изъ самыхъ блестящихъ бойцевъ парламента, Вентвортъ, перешелъ на сторону короля и, сдълавшись лордомъ Страфордомъ, сталь вмъстъ съ кантерберійскимь архіепископомь Лаудомь поддерживать короля въ деспотическихъ его дъйствіяхъ. Наконецъ въ 1640 г. король былъ вынужденъ созвать парламенть, который извъстенъ въ исторіи подъ названіемь короткаго. Съ него собственно начинается эноха революцій, которая окончилась черезь двадцать літь, вступленіемь на престоль Карла ІІ. Изь этихъ двадцати лѣтъ, восемнадцать обнимають всю политическую дъятельность Кромвеля. На этотъ разъ онъ явился въ налату общинъ представителемъ Кэмбриджа, но такъ какъ нарламентъ былъ распущенъ, несмотря на значительную умъренность его требованій, черезь три недълн, то онъ не успъль ничъмъ проявить себя. Но когда вслъдъ затъмъ быль созванъ такъ называемый долгій парламенть, то Кромвель на 43 году своей жизни сталь впервые пграть видную политическую роль. Хотя онъ не отличался блестящимь красноречиемь, но говориль съ такою убедительностью, такъ иламенно и съ такимъ авторитетомъ, подкръпляя свои слова цитатами изъ св. Писанія, что палата невольно подчинялась его могучему голосу. Всв его рычи, вся его дъятельность сводилась къ двумъ стремлениямъ: къ служению Богу и къ обезпеченю гражданской свободы, а также истинныхъ интересовъ нации. Первый шагъ въ неизбъжной борьбъ между парламентомъ и королемъ былъ судъ надъ Страфордомъ, котораго слабохарактерный Карлъ предалъ въ руки его враговъ, хотя Морлей не признаеть, чтобы Страфордъ измънить народной партіп изъ самолюбія, и считаєть, что онъ дъйствоваль искренно въ своей поныткъ ввести въ Англіи сильное личное правительство. Судъ и казнь непавистнаго деспотическаго министра не удовлетворили парламента, и нижняя палата не только представила королю протесть подъ названиемъ Remons-trance, въ которомъ изложены всъ его неудовольствія и желанія, но стала проводить цілый рядъ мъръ для защиты парламента, въ томъ числъ, по предложению Кромвеля, милиція бы за подчинена парламенту, а не королю. Карль I отвъчаль на это

арестомъ пяти депутатовъ, въ томъ числѣ Гамдена и Пима, по обвиненію въ государственной измѣнѣ, но ни парламентъ, ни лондонская ратуша, куда они скрылись, не выдали ихъ, несмотря на то, что самъ король явился въ палату и требовалъ ихъ выдачи. Потерпѣвъ неудачу, король уѣхалъ изъ Лондона и 22-го августа 1642 г. поднялъ въ Нотингемѣ знамя междоусобной войны. Парламентъ образовалъ армію «для защиты короля, обѣихъ палатъ, истинной религіи, свободы, законовъ и мира въ королевствѣ». Главнокомандующимъ парламентской арміи былъ назначенъ лордъ Ессексъ, и Кромвель, на иятомъ десяткѣ, изъ мирнаго гражданина сдѣлался воиномъ во имя Бога и ради свободы своей родины.

— Возстановленіе католицизма во времена консульства. Въ одномъ изъ послъднихъ очерковъ, носвященныхъ французскому обществу временъ консульства Наполеона Бонапарта, Жильберь Станже разсказываеть объ обстоятельствахъ, при которыхъ первый консуль возстановиль въ своихъ правахъ католицизмъ, который революціонное правительство изгнало было изъ Франціи 1). Консульство получило въ наслъдіе отъ республики полнъйшую церковную анархію. Опредъленнаго богослуженія не существовало. Въ церквахъодинъ день одна секта справляла церемоніи своего культа, другой день другая. Поклонники Сократа чередовались съ теофилантронами. У послъдникъ было четыре храма въ Парижъ. Богослужение икъ заключалось въ томъ, что пълись гимны вокругъ алгаря, на которомъ стояла корзина, наполненная фруктами. Върующіе католики избъгали церквей, въ которыхъ служили такъ называемые «конституціонные священники», принесшіе присягу республикъ. Когда гдъ либо появлялся священникъ, вернувшися изъ изгнанія, и читаль молитвы въ сельской ригь или подъ навъсомь, то къ нему сбъгалась громадная толпа народа, оставляя безлюдную церковь, гдъ служиль «присяжный» священникъ той же р лиги. Первый, какова бы ни была его жизнь, принимался върующими съ любовью; носледній, будь онъ хоть святой, пабегался, какъ зачумленный. Крестьяне настойчиво требовали возобновленія прежняго культа. Они желали, чтобы дъти ихъ получали крещение и были допущены къ первому причастию; они желали вступать въ бракъ съ благословенія священника и быть погребаемы съ церковнымъ напутствіемъ. Звонъ колоколовъ, празднованіе воскресенья, служеніе объденъ стали для нихъ неотложною необходимостью. Мъщанство провинціальных городовь, дворяне, не усибвшіе эмигрировать, выказывали то же нетеривніе видать своихъ прежнихъ духовниковь и снова праздновать католическія праздчества. Префекты, однако, продолжали еще исполнять республиканскіе законы и приказывали снимать возобновленные на церквахъ кресты; они также не допускали оставленія работь въ воскресенье, вм'єсто установленнаго законами десятаго дня. Судьи присуждали къ штрафамъ лицъ, которыя слишкомъ открыто праздновали день Пасхи. Всв эти преследованія, однако, лишь увеличивали число върующихъ и при томъ не только въ провинціи, но и въ Парижъ. Черезъ префектовъ и черезъ столичную полицію Бонапартъ

¹⁾ Gilb. Stenger, «La société fransaise pendant le Consulat».—«Rev. Bleue», nov.—déc. 1899.

зналь о настроеніи народа. Онь слышаль жалобы на распущенность молодежи, выросшей безъ въры и правиль нравственности. Онъ опасался, что недовольство населенія, которому не давалось свободы в'вроиснов'вданія, растеть. Онъ надъялся, къ тому же, вернувъ духовенству его значене, найти с объ такихъ же преданныхъ слугъ въ священникахъ, какихъ въ ихъ лицъ имъли прежние короли. На запрось, который сдълань быль имь генеральнымь совътамь, эти послъдніе отвътили всъ въ одномъ и томь же смыслъ: «Религія необходима... Нужно возстановить католицизмь». Въ воспоминаніяхъ, диктованныхъ на островъ св. Елены, Бонапартъ сознается, что еще до избранія въ консулы онъ имъль твердое намърение возобновить католический культъ, лишь только достигнетъ власти. Онъ поэтому псполнялълишь давнишнее свое намъреніе, когда поручиль де-Како, французскому посланнику въ Римъ, подготовить римскій дворъ къ этому событию. Бонапартъ быль знакомъ съ новымъ напою, когда тотъ еще быть епископомъ Имолье, а позднъйший первый консуть командоваль республиканскою армією въ Италін. Пій VII, знавшій, умъренность молодого главнокомандующаго по отношеню къ священникамъ и эмигрантамъ, отвътилъ на желаніе перваго консула присылкою въ Парижъ монсиньора Спины, очень способнаго дипломата, но черезчуръ преданнаго свътскимъ интересамъ папства. Стремившійся, прежде всего, вернуть напскому престолу утерянныя пмъ провинцін, предать этоть сильно надовль Бонанарту своими жалобами на бъдность напы, на необходимость увеличить его доходы, вернуть его утерянныя владънія. Утомленный переговорами съ Спиною, не желавшимъ войти въ положеніе перваго консула, которому и безъ того было трудно привести на сторону своего проекта верхи парижскаго общества, Бонапартъ черезъ де-Како передаль свой ультиматумь римскому двору. Французскій посланникь убъдшль нану отрядить въ Римъ уполномоченнаго, съ которымъ бы могь быть заключенъ договорь объ условіяхъ возстановленія католичества во Франціи. Для этой цъли нана назначилъ кардинала Консальви. Этотъ послъдній пользовался довъріемъ Пія VII, быль мягокъ и обходителенъ и, несмотря на множество спорныхъ пунктовъ, касавшихся свътской власти перваго консула и духовной власти наны, въ концъ концовъ (15 июля 1801 года), заключено было соглашеніе. Когда этотъ такъ называемый конкордать быль заключенъ, кардиналь Консальви сказаль маркизъ де-Бриньоль, у которой онъ быль съ визитомъ: «Мы расквитались довольно дешево. У меня были полномочія, чтобы заключить договоръ на гораздо болье обременительныхъ для насъ условіяхъ». Бонапарту сообщили этотъ отзывъ. «Я это знаю, —возразилъ онъ. —Но я; тъмъ не менъе, хотъль добиться добраго согласія. Такъ какь я желаль возстановить религію, то необходимо было, чтобы договорь быль почетень для нея». За этимъ религіознымь миромъ последовало успокоеніе всехъ техъ, чью совесть возмущаль прежній порядокъ. Довольные крестьяне могли въ волю звонить въ колокола въ своихъ деревняхъ, и приходскія церкви, отданныя общинамъ, скоро наполнились върующими. Немедленно же были стерты республиканскія надинся, украшавшія порталы церквей. Годъ закончился среди всеобщей радости. На праздникъ 14 іюля, чтобы придать больше торжественности этой годовщинъ, мэры Парижа ръшили въ каждомъ округъ отпраздновать свадьбу молодой дъвушки

съ молодымъ человъкомъ, избраннымъ среди отличившихся какими дибо подвигами храбрости; каждая невъста получила изъ городскихъ суммъ приданое въ тысячу франковъ. Провинціалы массами събхались въ Парижъ на это праздисство. Изъ одного лишь департамента Нижней Сены выдано было шесть тысячъ наспортовъ.

— Столътняя годовщина смерти Вашингтона. «Наконецъ настуинла его смерть, къ которой онъ давно уже быль готовъ. 12-го декабря 1799 года, обходя по обыкновенно свои фермы, онъ простудился отъ ръзкаго вътра и холоднаго дождя. 13-го послали за докторами, но было уже поздно, всь ихъ усилія не привели ни къ чему, и 14-го декабря наступить кончть. Вся страна знала, кто умеръ, знала его величе, благородство и незапятналную чистоту. Одного только не знала: печалиться ли ей или славить Бога. Онъ не могь болъе служить ей, но его звъзда долженствовала освъщать ея будущее, также какъ освъщала ея прошедшее, и вся страна воздала славу Богу». Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ американскихъ біографовъ Вашингтона Вильсонъ, его смерть, столътняя годовщина которой только что достойно номянута созданной имъ великой республикой новаго свъта. Если въ день смерти отца отечества американцы не печалились, а радовались его переходу въ безсмертте, то тъмъ болъе причинъ они имъли въ настоящее время устроить національный праздникъ въ его первый въковой юбилей. «Нетолько, —говорить «('entury magazine» по этому поводу въ передовой статът своего декабръскаго номера, подъ заглавіемь «Декабрь 1799—1899 г.» 1),—слава Вашингтона возросла въ продолжение этого стольтия, но за это время его стали лучше попимать и цънить. Конечно, онъ пользовался большой любовью и при своей жизни, но теперь болъе чъмъ когда культъ Вашингтона достигъ своего апогея. Мы не только признаемь, что онь высоко парить надъ такъ называемыми полубогами человъчества, надъ прославленными завоевателями, но болъе близкое изучение его, какъ человъка, вполнъ сроднило всъхъ американцевъ со своимъ отщомъ отечества. Настоящій Вашингтонь не менье достойная фигура, а вмысты тымь болье симпатичная, чъмъ офиціальный его образъ. Если мы теперь знаемъ, что онъ быть очень вспыльчивь, но тымь болье мы уважаемь его способпость сдерживать себя. Если намъ извъстно, что онъ быль очень привязанъ къ своей фермъ, любиль болье всего сельскую жизнь, то тымь болье мы цынимь ту жертву, которую онъ приносиль чувству долга, покидая свой дорогой Вернонъ для войны и президентства. Никогда американцы такъ не цънили, какъ въ настоящую критическую минуту, оставленный Вашингтономъ завъть, придерживаясь котораго они могутъ избъгнуть опасныхъ увлеченій и удержаться на спасительножь Вашингтонскомъ якоръ». Въ продолжение истекшаго столътия и англичане также научились уважать своего побъдоноснаго врага» по словамъ анонимнаго автора юбилейной статьи въ «English illustrated magazine» подъ заглавіемъ «Усившный отщенець» 2). Нельзя не признать, что въ борьбъ Ва-

¹⁾ December 1799-1899. Topics of the time, «Century magazine». 1899.

²⁾ E successful seceder: Georg Washington.—English illustrated magazine. December, 1899.

[«]истор. въсти.», январь, 1900 г., т. LXXIX

шингтона съ Англіей первый быль всегда правъ, а последняя была почти всегда виновата. Мало того, англичанинъ признаеть, что во всей англійской исторін нъть нодобнаго образцоваго государственнаго человъка, какъ Вашингтонъ, потому что одинъ Кромвель, котораго можно было бы поставить на ряду съ нимъ, не отличался ни безукоризненной чистотой Вашингтона, ни усибхомъ созданной имъ республики. Въ этой англійской статью, написанной очень симпатично и безпристрастно, указываются только главныя черты жизни и дъятельности Вашингтона до его избранія въ президенты, и, въроятно, послъдующимь годамь его существованія будеть посвящень второй очеркъ. Авторъ вполнъ справедливо замъчаетъ, что когда Вашингтонъ, богатый землевладълецъ, съ аристократическими стремленіями и англійскими вкусами, быль неожиданно назначенъ на 43 году своей жизни главнокомандующимъ арміями колонін, возставшей противъ своей метрополіи, то никто не могь бы предугадать въ этомъ мирномъ сельскомъ хозяинъ великаго революціоннаго вождя. Правда, онъ въ юности служиль въ милицін и участвоваль въ пограничныхъ войнахъ, но въ немъ не было ни малъйшаго слъда военнаго генія, и при его назначеніи въ главнокомандующіе, онъ скромно заметиль конгрессу: «Прошу помнить, что я вполне искренно чувствую себя недостойнымъ дъла, которое мнъ поручають». Онъ далъе прибавиль, что если принимаеть это назначение, то лишь потому, что оно ръшено единогласно, и ставитъ непремъннымъ условіемъ неполученіе никакого содержанія. Конечно, англійскій авторъ не можеть не замътить съ нъкоторымъ ехидствомъ, несмотря на все его сочувствие къ Вашингтону, что онъ быль не только богатымь человъкомь, нодаже, быть можеть, самымь богатымь во всей странъ. Но кромъ этого единственнаго подозрительнаго замъчанія, англичанинъ отдаетъ полную справедливость удивительнымъ качествамъ Вашингтона, которыя дозволили ему, не будучи блестящимъ военочальникомъ и не имъя подъ своимъ начальствомъ настоящей арми, успъшно вести въ продолженіе девяти лъть борьбу съ могущественнымь врагомь и наконець, побороть его. Эти качества, давшія ему побъду и освободившія его родину, были стойкость, здравый смысль, патріотизмь, которые онъ сумьль передать всьмъ своимъ соотечественникамъ. Когда былъ подписанъ миръ съ Англей, и всъми была признана новая республика, Вашингтонъ сложилъ полученныя отъ народа уполномочія и, какъ простой гражданинь, вернулся на свою любимую ферму. «Наконецъ занавъсъ опустился, —писаль онъ къ своему другу, генералу Клоттону: - наканунъ Рождества двери моего Вернонскаго дома отворились передо мною. Хотя я на девять леть постарёль после того, какъ покинуль этоть домъ, но я чувствую себя снова спокойнымъ и свободнымъ отъ всякихъ заботъ». Однако печальная нота слышалась въ другомъ его письмъ, написанномъ вскоръ послъ этого Лафайету, который тогда только что убхаль изъ Америки. «Когда наши экинажи разъбхались,—нишетъ Вашингтонъ своему върному боевому товарищу; - то я спросиль себя, въ носледний ли разъ я видъль вась. Мон сердечныя желанія говорили «ніть», но разсудокь шенталь «да». Я вспомниль дни моей юности и должень быль признать въ глубинъ своей души, что они давно миновали, что я теперь сталь опускаться подъ гору, на которую взбирался 52 года. Я знаю, что, несмотря на мою физическую силу,

я принадлежу къ семьт, которая долго не живеть, и потому долженъ ожидать, что вскоръ сойду въ могилу монкъ отцовъ. Эти мысли затмевають мой горизонть и заволакивають тучей мое будущее, уничтожая надежду снова увидьть вась. Но не печальтесь обо мит: мой день прошель, но онъ быль свътлый». Однако судьбъ было угодно, чтобы тогь свътлый день замънился еще болъе свътлымъ передъ тъмъ, какъ насталъ конецъ. Созданная имъ республика потребовала его новыхъ услугь, и онъ, дважды избранный въ президенты, мужественно исполнить свой долгь. Восемь лъть онъ управляль страной, какъ диктаторъ въ критическую минуту, когда все надо было создавать сызнова въ юной республикъ, и веъ историки единогласно признають, чта эта эпоха его жизни была самой славной. Накэнець, пришла минута, когда онъ окончательно отказался отъ общественной дъятельности и вернулся, хотя не надолго, въ свой любимый Верновъ. «День передачи власти Вашингтономъ своему преемнику Адамсу, —говорить Вильсонь въ своей книгъ «Джорджъ Вашингтонъ», — доказалъ всемъ и ему самому, что думаль народъ о томъ вожде, которому онъ вверялъ свою судьбу въ продолжение двадцати лътъ. Громадная толпа собралась на это эрълице, но никто не смотръть на новаго президента. Глаза всъхъ были устремлены на высокую, худощавую фигуру въ черномъ бархатъ и со шпагой, которая стояла подлъ него. Никто не двинулся съ мъста, пока старый президенть не пошеть въ домъ новаго, чтобы привътствовать его. Тогда вся безчисленная толиа двинулась за нимъ, какъ одинъ человъкъ, въ торжественномъ безмолвіи. Остановившись въ дверяхъ президентскаго дома, онъ оглянулся и пристально посмотръть послъдній разъ на своихъ безыменныхъ, но порогихъ его сердцу, друзей. Онъ никогда въ жизни не былъ такъ взволнованъ, и слезы струились по его щекамъ. Когда же онъ исчеть за дверью, то весь народъ зарыдаль, какь бы прощаясь на въки со своимь героемъ». Дъйствительно, вскоръ послъ этого произопла, 100 лътъ тому назадъ уже описанная, сцена въ Вернонъ.

-- Клеберъ на службъ у Австрін. Поль Робике́ 1) посвятиль въ «Revue de Paris» особую статью первоначальной карьеръ знаменитаго французскаго генерала временъ революціи, Клебера, о молодости котораго сложилось много легендъ: наиболъе извъстная изъ нихъ гласить, что молодой Клеберъ вышеть въ люди, благодаря особой близости, въ которой онъ одно время находился къ императрицъ Маріи-Терезін. На основанін докум этгальныхъ данныхъ, собранныхъ П. Робике, Жанъ-Батистъ Клеберъ родился въ Страсбургъ въ 1753 году, въ семьъ монументальнаго мастера при дворъ кардинала де-Рогана, епископа Страсбургскаго. Отца его лишили рано, а его мать вторично вышла замужь за архитектора Бюрже. Мальчикомъ онъ занимался въ мастерскихъ кардинала чертежными работами, потомъ поступилъ въ обучение къ архитектору въ Гагенау и наконецъ, сталъ самъ самостоятельно заниматься архитектурными работами. Однажды въ Страсбургъ, находясь въ какомъ-то кафе, онъ заступился за двухъ баварцевъ, которыхъ оскорбляли, и вызваль оскорбителей на дуэль. Оба баварца оказались со связями, и они предложили ему устроить доступъ въ мюнхенское военное училище. Клеберъ, который

¹⁾ Paul Robiquet, «Kléber officier autrichien»,—Rev. de Paris. dec. 1899.

жиль архитектурою впроголодь, приняль это предложение, но оставался въ училищъ полгода. Генералъ князь Кауницъ, пробздомъ остановившійся въ Мюнхенъ, поразился способностями Клебера и предложиль ему переъхать въ Въну, гдъ объщаль заняться его будущностью. Въ 1777 году Клеберъ поступилъ въ полкъ князя; прослужилъ здъсь два мъсяца юнкеромъ, затъмъ полгода прапорщикомъ п, наконецъ, былъ произведенъ въ поручики. Иолкъ князя Кауница не быль составлень изъ измцевъ; это быль однив изъ четырехъ бельгійских в полковъ, скомплектованных въ 1725 году, въ 1778 году онъ стояль гариизономъ въ Монсъ. Въ это время какъ разъ Австрія объявила Пруссін войну изь-за баварскаго наслъдства, и два батальона полка Кауница были посланы въ Богемію. Клеберъ участвоваль въ этомъ походъ, въ качествъ адъютанта. Эта «война перомъ», какъ ее прозваль Фридрихъ II, закончилась очень скоро тешенскимъ миромъ, и разочарованному Клеберу пришлось вернуться къ своему полку въ Люксембургъ. Въ мирное время на карьеру въ австрійской армін было трудно надъяться; всь лучшія мъста занимались лицами изъ аристократическихъ слей. Принцъ Фердинандъ Вюртембергскій, смънившій Кауница, въ качествъ шефа полка объщаль Клеберу первую вакансію на должность поручика. Однако по протекціи місто это досталось другому. Обиженный этимъ Клеберъ отпросился въ отпускъ, сначала кратковременный, а въ іюнъ 1785 года и въ безсрочный. Перейдя на гражданскую службу, Клеберъ, по протекцін эльзасскаго интенданта де-ла-Галэсьера, получиль должность инспектора строеній верхняго Эльзаса, при чемь містопребываніемъ его являлся Бельфорь. Здёсь онъ оставался до временъ революціи. Какъ бы то ни было, во всякомъ случат, документально завърено, что знаменитый впоследствін французскій генераль въ теченіе семи леть носиль иностранный военный мундиръ. Упрекать его въ этомъ было бы несправедливо: права того времени допускали подобнаго рода поведение; къ тому же, съ 1770 года, дочь Марін-Терезін была супруга французскаго дофина, сдѣлавшагося четырьмя годами позже французскимъ королемъ. Лишь въ апрълъ 1792 года оба государства стали во враждебныя другъ къ другу отношенія. Въ іюль 1789 года Клеберъ сталъ служить Франціи, и когда онъ встрытился съ прежними товарищами по оружію, этимъ последнимъ не пришлось радоваться. Въ 1794 году, близь города Монса, гдъ онъ стояль въ гарнизонъ, онъ трижды разбилъ князя Кауница, бывшаго своего покровителя; въ 1796 году, 4-го поля, онъ согналь съ позицій у Альтенкирхена тридцатитысячную армію принца Вюртембергскаго, бывшаго своего полкового командира, отнять у него четыре нушки, двънадцать знаменъ и большую часть обоза. «Ахъ, этотъ Клеберъ, этотъ Клеберъ!» — вздыхалъ несчастный принцъ; котораго императоръ лишиль команды за то, что онъ далъ себя разбить бывшему австрійскому подпоручику. Къ разсказу объ австрійской карьеръ Клебера примъшивается легенда о томъ, что Клеберъ былъ интимнымъ другомъ Марін-Терезін, и что великая императрица, пораженная его красотою, сдълала его офицеромъ гвардін, чтобы доставить ему доступъ во дворецъ во всякое время. Послъ смерти императрицы, онъ будто бы оставиль Въну изъ-за притъснений со стороны придворныхъ, успъвъ однако передать своему единоутробному брату, Бюрже, значительные

денежные капиталы. Объ этой легендъ говорять многіе историки, хотя большинство видъли въ немъ лишь отголосокъ вънскихъ придворныхъ силстонь. Какъ оказывается изъ архивныхъ разысканій, основою легенды является разсказъ нъкоего Крафта, рисовальщика и архитектора, который выдаваль себя за друга молодости Клебера и сообщиль о последнемъ целый разсказъ, записанный позже барономъ Дефонтэномъ. По этому разсказу, Клюберъ кардиналомъ Роганомъ быль отправленъ въ Германію для того, чтобы усовершенствоваться въ рисованіи; въ Вънъ будто на него обратила вниманіе Марія-Терезія, замътившая, что этоть высокій статный молодой человікь всегда сь большимь любопытствомы следить за всеми войсковыми нарадами. Она будто предложила ему поступить въ гвардію, сдълавъ его капитаномъ, потомъ майоромъ, приблизила его къ своей особъ и даже по его совъту производила реформы въ армін. За нъсколько часовъ до смерти государыни, Клеберъ, зная, что ему угрожаетъ пожизненное заключение, будто бъжать, усиъвь однако захватить съ собою большін суммы денегь. Чтобы всь эти свъдьнія соотвътствовали истинь, было бы необходимо доказать пребывание Клебера съ 1775 года по 1780 годъ въ Вънъ. Судя по словамъ его брата Бюрже, Клеберу было двадцать два года, когда онь въ Вънъ былъ замъченъ императрицею. Такъ какъ Клеберъ родился въ 1753 году, то встръча могла состояться въ 1775 году. Въ этомъ нътъ ничего невозможнаго, такъ какъ мы знаемъ, что какъ разъ въ этомъ году Клеберь, по совъту Кауница, оставиль мюнхенское училище и переъхаль въ Въну. Въ годахъ 1777 и 1779 Клеберъ упоминается въ спискахъ находив шагося въ Монсь полка Кауница; возможно однако, что онъ лишь номинально числился тамь и лишь разь или два въ годъ выбажаль изъ Въны въ Монсъ. Подъ 1779 годомъ имъется офиціальная помътка, что Клеберъ состояль въ австрійской лейбъ-гвардін въ Зэнфтенбергь. Когда онъ именно вернулся въ Люксембургь, въ точности неизвъстно. Возможно, что онъ, по заключения мира, вернулся въ Въну и оставался тамъ до смерти императрицы въ 1780 году. Въ разсказв Крафта, такимъ образомъ, главная суть, можеть быть, передана совершенно върно. Замъчательно, что Клеберъ лично терпъть не могь въ позднъйшіе годы своей жизни упоминаній объ австрійской своей карьеръ и особенно объ отношеніяхъ своихъ къ матери «австріячки» Марін-Антуанстты. Военное въдомство, точно также какъ и комитетъ общественнаго спасенія, неоднократно обращались къ Клеберу съ запросами о началъ его карьеры, но постоянно отвътъ получался уклончивымъ. Да и въ самомъ дъль, развъ могъ Клеберъ сообщить якобинцамъ, что нъкогда находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ кардиналомъ де-Роганомъ, съ княземъ Кауницомъ и принцемъ Виртембергскимъ и служилъ въ лейбъ-гвардіи Маріи-Терезін?

— Послѣдніе годы генерала Моро. Леонсь Пенго 1) номъстиль въ «Revue de Paris» небольшую статью о судьбъ одного изъ величайшихъ генераловъ французской революціонной эпохи, которому суждено было погибнуть отъ французскаго ядра въ рядахъ русскихъ войскъ. Извъстно, что черезъ три недъи послъ провозглашенія имперіи Моро быль осуждень, какъ соучастникъ

¹⁾ Léonce Pingaud, «Le sderniè resannées de Moreau».—Revue de Paris, 15 déc. 1890.

Жоржа и Пишегрю, къ заключеню въ тюрьму на два года. Приговоръ этотъ не быль приведень въ исполнение. Для самого Наполеона было песовствиъ пріятно удерживать во Франціп, хотя бы въ темниць, человъка, на котораго обращены были взоры всъхъ недовольныхъ. Удалось уговорить мадамъ Моро, чтобы она написала достаточно униженное письмо на имя императора съ просъбою о замънъ тюремнаго заключенія изгнаніемъ въ Сосдиненные Штаты. Въ тоть же день, когда Жоржь съ друзьями его были разстръляны, въ «Moniteur» появилось извъщение объ отправлении Моро въ Соединенные Штаты. Недвижимое имущество его было продано, при чемъ часть купиль самь Наполеонъ на имя Фуше, деньги, за вычетомъ извъстной суммы за ведени процесса, были ему переданы, и одновременно ему было сообщено, чтобы онъ сътъ на судно не въ Англіи, а въ Испаніи; путевые расходы до Барселоны правительство брало на себя. Въ Испаніи Моро нашель очень радушный прісмъ и остался тамъ до іюля 1805 года, когда по настояніямь французскаго правительства ему пришлось отправиться въ путь. Американцы при высадкъ въ Филадельфіи устроили грандюзную встръчу побъдителю при Гогенлинденъ. Моро прюбръть себъ обширное помъстье на берегахъ Делавэра, гдъ проводилъ лъто, занимаясь охотою и рыбною ловлею. Зимою онъ обыкновенно жилъ въ Нью-Іоркъ или въ Филадельфін. Онъ быть желаннымь гостемь въ лучшихь кругахъ американскаго общества, присутствоваль на объдахь и концертахъ, дававшихся въ его честь, а также и на балахъ, гдъ г-жа Моро, еще молодая и элегантная, имъла тотъ же успъхъ, какъ и въ Парижъ. По временамъ онъ принималь участие въ «работахъ» французско-масонской ложи въ Нью-юркъ и быль однимъ изъ членовъ н-большого общества французскихъ эмигрантовь, которое взяло себъ девизомъ слова Евангелія: «блаженны нищіе духомь». Въ этомь обществь играль нъкоторую роль ярый романисть де-Невилль, ранбе бывшій тайнымь агентомъ Бурбоновъ въ Парижъ. Между тъмъ и Моро мало-помалу завязалъ сношенія, приведшія къ нъкоторому видонзмъненію взглядовь Моро: онъ сталь склоняться къ роялизму и въ то же время обдумывать, какимъ бы образомъ онъ могь отомстить своему врагу - Наполеону, при помощи союза съ роялистами. Следуеть заметить, что въ Европе уже довольно рано стали думать о томь, чтобы его противоставить Наполеону. Въ 1807 году, Годой выражаль удивленіе, почему Россія и Пруссія не обращаются къ помощи этого достойнаго соперника Наполеона на поприщъ стратегики. Окодо того же времени Наполеонъ писаль Фуше, что, по дошедшимъ до него свъдъніямъ, англичане намъреваются воспользоваться Моро для своихъ цълей. Однако, не Англіп, но Россіи суждено было привлечь Моро снова на театръ борьбы въ Европъ. Въ августъ 1805 года, князь Чарторійскій писаль послу въ Мадридъ Строгонову, чтобы тотъ предложить Моро убъжище въ Россіи, или же, если онъ того пожелаетъ, должность въ русской армін; при этомъ въ денешъ напоминалось, что Россія воюсть не съ Францією, а съ авантюристомъ, случайно оказавшимся у власти. Когда эта денеша получена была въ Испаніи, Моро уже быль на пути въ Америку. Русскій посланецъ Палень посланъ быль черезь Англію въ догонку за изгнанникомъ и ему въ Нью-Іоркъ дословно передалъ предложение русскаго правительства. Моро, желавшій воспользоваться своею полною свободою, отказался немедленно же вновь приступить къ борьбъ. Онъ отвъчаль письмомъ, которое получено было въ Петербургъ дишь въ началъ 1808 года. «Я не колебался бы, — писаль онъ, принять великодушныя предложения его величества императора, еслибы они были мнъ доставлены до объявленія войны... Мнъ кажется, что это не соотвътствовало бы ни достоинству его короны, ни моему личному, если бы я взялся служить вь его армін вь теченіе настоящей войны». Эти переговоры не остались совершенно неизвъстными для французскаго правительства. Посоль Наполеона при ганзейскихъ городахъ Буррьенъ утверждалъ, что онъ зналъ о нихъ, и что по имъвшимся у него свъдъніямъ Моро было предложено двънадцать тысячъ рублей на расходы въ случат возвращения въ Европу. Въ течение следующихъ годовъ имя Моро упоминалось неоднократно въ Испаніи: одна партія видъла въ немъ залогь побъды, другая — признакъ мятежа. Въ 1809 году въ лагеръ Сульта, въ Португаліи, быль разстрелянь офицерь д'Аржантонь, обвинявшійся въ томъ, что онъ хотълъ содъйствовать и низложению Бонапарта и возведению на его мъсто Моро. Два года спустя, Фоше-Борель, съ согласія Людовика XVIII, предагаль англичанамь пригласить въ Испанію Моро, чтобы одно имя его пезорганизовало французскую армію. Въ 1812 году начался конфликтъ между Соединенными Штатами и Англією, и Моро уже предлагаль свои услуги президенту Мадисону, какъ снова раздался призывъ къ нему съ той стороны океана. Въ Вашингтонъ прибыль новый русскій посоль Андрей Дашковь съ молодымь секретаремъ Свиньинымъ, которымъ было поручено взяться вновь за задачу, не удавшуюся Палену. Моро оказался на этоть разъ сговорчивъе. Онъ быль возмущенъ тъмъ, что Франція сама не вь состоянін сбросить ярмо имперіи, и готовь быль, вь интересах ь общей свободы, содъйствовать успъху иностранных в армій. Принявъ это ръшеніе, онъ, но обыкновенію своему, медлиль съ выполненіемъ и скрываль свои планы отъ всъхъ. Весною 1812 года г-жа Моро съ дочерью отправилась въ Европу. Будучи больна, она хотъла посовътоваться съ французскими врачами и запросила у Дарю позволенія высадиться во Францін. Царю донесъ объ этой просыбъ Наполеону, находившемуся въ это время въ Москвъ. Боясь интригь, императоръ отказаль наотръзъ, и г-жъ Моро, высадившейся было въ Бордо, пришлось отправиться въ Англію. Моро не успъль еще собраться въ путь, а уже на него возлагались большія надежды всёми противниками Наполеона. Гайдъ-де-Невиль писалъ Людовику XVIII, что знаменитый генераль окончательно ашил вноэсонан непоративности и что теперь низложение Наполеона лишь вопросъ времени. Моро, льстившій себ'в надеждою, что ему теперь удастся отплатить прогивнику за всь его обиды, охотно принималь всякія ходатайства и всякія просьбы. Для его самолюбія было въ высшей степени пріятно, видеть какъ могущественныя державы соперничають, стараясь добиться его поддержки. Бывшій генераль быль еще въ Америкъ, когда до него дошло извъстіе о несчастномъ отступлени Наполеона, о заговоръ Мале и др. событияхъ, которыя еще болъе возбудили въ немъ желаніе помочь покончить съ Наполеономъ, по его мивнію, виновникомъ величайшихъбъдъ Франціи. Въ концъ 1812 года Моро послаль Рапателя съ секретнымъ поручениемъ въ Стокгольмъ и въ Петербургъ. Немного позже, онъ черезъ поста Дашкова передалъ записку, излагавшую его взглядъ на современное положение вещей въ Европъ. По словамъ Леонса Пенго,

непзвъстно, какъ были приняты въ Россіи устныя и письменныя просьбы Рапателя и Моро. Во всякомъ случать, время шло, враждебныя дъйствія начались вновь въ Германін, а между темъ армія, во главе которой быль принять французскій генераль, желая начать кампанію, не была готова. Тъмь не менъе, Моро ръшиль выбхать изъ Америки. Тщательно скрывъ время своего отъбзда, Моро обзавелся наспортомъ на имя Джона Каро, уроженца Луизіаны, и въ іюнъ 1813 года вытьхаль изъ Нью-Іорка. Въ концъ иоля онъ быль въ Швеци, въ Гётеборгъ. «Вы приносите намъ, --- сказалъ ему принимавший его шведскій генераль, - вълипъ вашего содъйствія сто тысячь человъкъ». Первая половина камнаніи 1813 года усибла уже пройти, и русскіе и пруссаки оказались отбитыми отъ Эльбы къ Одеру; провозглашено было перемиріе, во время котораго привлекались къ коалиціи австрійцы. Привътствуемый по дорогъ эмигрантами и прусскими натріотами, Моро направился въ Прагу, гдъ милостиво и любезно быль встръченъ императоромъ Александромъ I, австрійскимъ императоромъ и королемъ прусскимъ. Моро былъ ощеломленъ и ослъпленъ этимъ пріемомъ. Онъ говорилъ про императора Александра: «Кто не согласится умереть за такого государя?» Положеніе его вы союзной армін было тымы не менье довольно неловкое. Многіе вполголоса называли его перебъжчикомъ. Генераль не имъть никакого намъренія подчиняться лицу, которое нъкогда было ихъ побъдоноснымъ врагомъ. У Моро не было притомъ тогда обходительности и тъхъ манеръ, которыя заставляли прощать Бернадотту его прошлое. Меттернихъ писаль Коленкуру, что его правительство не намърено поблажать «интригамъ Моро». Общее руководство операціями не могло быть предоставлено Моро, такъ какъ Австрія лишь на тъхъ условіяхъ соглашалась на содъйствіе, чтобы Шварценбергъ быть генералиссимусомъ. Моро съ горечью писалъ женъ: «Если бы я зналъ, что меня сдълаютъ помощникомъ австрійскаго генерала, я ни за что бы не пріъхаль изъ Америки». Его поддерживала однако мысль, что онъ мъщаеть содъйствовать двумъ цълямъ одинаково честнымъ: освободить Францію отъ деспота и дать Европъ миръ. Съ одобренія императора Александра, онъ составыть прокламацію къ французамь, вь которой имь объщалось, если они освободятся отъ тирана, сохранение естественныхъ границъ Франціи. Выработка общаго плана военныхъ операцій не была ему поручена: зато, какъ говорять, ему принадлежить соблюдавшійся вождями коалиціонных армій планъ: не принимать сраженій съ самимъ Наполеономъ, но нападать на его помощниковъ. Когда Шварценбергь 26 августа не ръшался предпринять аттаки на Дрезденъ, Моро указываль ему, что Наполеона нъть въ городъ; на это генералиссимусъ отвъчаль Моро грубымь указаніемь не вмъшиваться въ распоряженія выспихъ. Моро вспылилъ, бросилъ шляну на землю и вскричалъ: «Мив нисколько теперь не удивительно, что вась уже десять лътъ всегда быютъ!» Когда на слъдующій день атака на Дрезденъ поведена была усиленно, было уже поздно: Наполеонъ успъль явиться съ подкръпленіями и въ свою очередь перешель къ наступленю. Около полудня битва была особенно ожесточенна; исполнялось уже отступление союзниковъ. Императоръ Александръ и его генеральный штабъ, стоявшій на высокомъ мъсть, обратили на себя вниманіе французскихъ артилдеристовъ. Моро, который верхомъ на лошади, находился за прусскою батарезю,

среди двухъ англійскихъ офицеровъ, Кэткарта и Уильсона, приблизился къ царю, прося его не подвергаться напрасно опасности. Императоръ сказалъ, поворачивая лошадь: «Проъзжайте, фельдмаршалы!». Въ этотъ моменть ядро, нущенное съ близкой дистанціи, раздробило лівую ногу Моро выше кольна, пробило съдло и сорвало все мясо съ праваго бедра до самой кости. Раненый упалъ и лишился чувствъ, проговоря лишь одно слово: «Смерть». На носилкахъ, составленныхъ изъ казацкихъ коній онъ быль перенесенъ въ сосъдній домъ: здъсь сдълана была первая перевязка, подъ непріятельскимъ огнемъ; поже, близь главной квартиры хирургь императора ампутироваль Моро объ ноги. Несчастный, придя въ себя, перенесъ эту операцію молча, съ сигарою во рту. Какъ говорять, онь сказаль въ это время императору: «Вамъ остается лишь мое туловище, но вы немы есть сердце, и голова моя будеть служить вамы!» Тъмы временемъ союзники отступали черезъ проходъ въ Чехію. Моро несли въ открытыхъ носилкахъ, подъ плащами, которые плохо защищали его тъло отъ проливного дождя. Императоръ Александръ нъсколько разъ подходиль къ нему и старался его угъщить и обнадежить. 30 августа его положили въ небольшой деревив въ Лаунъ, гдъ отступавшие находились въ большей безопасности. На слъдующее утро онъ попробовалъ написать письмо женъ, но ему удалось начертать лишь немного словь: «Этоть мошенникъ Бонапарть всегда счастливь». Рапатель закончиль это письмо, чтобы подготовить г-жу Моро. На пятый день послъ получения раны Моро умеръ. Какъ разсказывають, онъ говориль передъ смертью: «Мнъ не въ чемъ упрекать себя, я желаю лишь пользы для своего отечества». Передають, однако, и другія слова: «Какъ! я, Моро, умираю оть французскаго ядра, окруженный русскими!»

— Иностранцы о Россіи. Въ ноябрьской книжкъ «Deutsche Rundschau» началась печатаніемь анонимная біографія, или, лучше сказать, психологическій анализь баронессы Крюденеръ, игравшей такую важную роль на Вънскомъ конгрессъ и въ послъдующихъ затъмъ событияхъ 1). Объ этой мистической эгеріи Александра I написано уже много, между прочимъ труды Бурдаха и Брецуіса на нъмецкомъ языкъ и Эйнара, а также Адели-Де-Ту, на французскомъ, всъ прежніе ся біографы не имъли въ своемъ распоряжени напечатанныхъ въ послъднее время архивныхъ документовъ, бросающихъ новый свъть на вдохновительницу священнаго союза. Любопытную страницу о другой замъчательной русской современницъ баронессы Крюденеръ, именно княгинъ Ливенъ, мы находимъ въ печатающемся въ «Revue des deux mondes» очеркъ «Посольство герцога Деказа». Авторъ этого труда Эрнестъ Додэ недавно нашечаталь, какъ уже извъстно читателямь «Историческаго Въстника», переписку Метерниха съ незнакомкой и хотя привель всъ доказательства, что незнакомкой была княгиня Ливень, однако нашель нужнымь оставить этоть вопрось открытымь, предоставляя читателямь самимь разръшить загадку. Но теперь въ своемъ новомъ сочинении онъ смъло снимаетъ маску съ незнакомки ²).

¹⁾ Frau von Krüdener.—Deutsche Rundschau. November. 1899.

²⁾ L'ambassade du duc Decaze, par E. Daudet. Revue des deux mondes. 15 novembre. 1899.

«Прелестная и очаровательная графиня, а потомъ княгиня Ливенъ, — говоритъ онъ, — была женою русскаго посланника въ Англіи. По правдѣ сказать, она была настоящимъ посланникомъ, руководила своимъ мужемъ, пустѣйшимъ изъ людей, во всѣхъ трудныхъ вопросахъ, которые ему приходилось разрѣшать, и редактировала его депеши. Имѣя тогда 36 лѣтъ, она своимъ умомъ и врожденной граціей безгранично царила въ тогдашнемъ лондонскомъ обществѣ и дипломатическомъ корпусѣ. Конечно, злые языки не оставляли ее въ покоѣ и разсказывали, что англійскій король удостоивалъ ее своими милостями, но это очевидная ложь, такъ какъ со времени Вѣнскаго конгресса графиня Ливенъ всецѣло предалась пламенной любви, которую внушилъ ей князь Меттернихъ». Эти слова Эрнеста Додэ основаны на подлинномъ текстѣ писемъ Деказа къ королю Людовику XVIII въ 1820 году, и Деказъ свидѣтельствуегъ, что «въ то время ни года, ни преграды, ни разстоянія не ослабили пламенной любви графини Ливенъ къ австрійскому канцлеру».

Въ ноябрьской книжкъ «Contemporary Rewiew» помъщены воспоминанія о крымской войнъ сэра Эдмонда Вернея 1), который отгда быль мичманомъ на англискомъ кораблъ «Terrible». Въ очень мрачныхъ краскахъ онъ описываетъ положение англійскаго войска въ Крыму. По его словамъ, не было принято никакихъ предварительныхъ мъръ для ухода за ранеными, и страшно было смотръть, какъ, брошенные безь всякаго присмотра на корабельныя койки, несчастные метались въ предсмертной агонии. Тъ изъ нихъ, которые прибывали живыми въ Константинополь, не находили тамъ лучшаго ухода, а валялись днями на полу безъ матрацевъ. Однако не всъ воспоминанія Вернея отличаются такой мрачной нотой; напротивь, онь разсказываеть много веселыхъ анекдотовъ о своихъ товарищахъ, въ особенности о командиръ своего судна, который подъ свистомъ пуль и ядеръ сохранялъ равнодушное, хладнокровное, довольное выражение лица, скорбе походившее на лондонскаго альдермана, уплетающаго сунъ изъ черенахъ, чъмъ на канитана корабля во время боя. Однако Верней считаеть, что еще выше по мужеству быль лейтенанть К., жирный толстякъ, который при первомъ выстръль бледнель, какъ полотно, но, несмотря на всв признаки физическаго, болъзненнаго страха, оставался въ самыхъ опасныхъ мъстахъ до окончанія боя. Но, по словамъ англичанина, пальму первенства относительно храбрости надо было отдать гражданамъ Одессы во время бомбардировки англичанами этого города. «Какъ только полевая артиллерія отмътила береговой утесь, -- разсказываеть онъ -- показалось на немъ до тысячи мужчинъ, женщинъ и дътей, пріъхавшихъ въ экипажахъ изъ Одессы. Дамы въ зонтиками въ рукахъ хладнокровно смотрели, какъ ядра бороздили гору вблизи ихъ. Одно изъ этихъ ядеръ пролегъло далъе обыкновеннаго и ударилось въ землю подлъ группы мальчиковъ, которые тотчасъ бросились къ нему и завели между собою драку изъ-за того, кому достанстся ядро».

Англійская газета «Academy» подняла въ последнихъ номерахъ большой скандалъ по поводу появившейся въ Лондоне книги подъ заглавіемъ: «Снегъ

¹⁾ Old Crimean Days, by Sir Edmond Verney.—Contemporary Review. Novembre, 1899.

на Шахъ-Іагъ и Амалатъ Бей. Посмертные романы Александра Дюма отца. Переводъ Г. Гордона» ¹). Предварительно до выхода въ свътъ книги, Гордонъ номъстиль въ газетахъ «Outlook» и «Sketch» статьи, въ которыхъ онъ новъщаль всему читающему міру, что богатый грекъ Стильянась Апостолидесь гдъ-то нашель подлинную рукопись двухъ невъдомыхъ и не изданныхъ романовъ Дюма, въ чемъ его удостовърили нарижскій издатель сочиненій Люма. Кальманъ-Леви, и законный его наслъдникъ. Въ удостовъреніе этой любонытной находки Апостолидеса, который отдаль се Гордону для перевода, газеты напечатали маленькіе отрывки изъ рукописи, и они были признаны за безспорные автографы Дюма. Каково же было удивленіе англійскаго читающаго міра, когда «Academy», заявила, что эти оба романы уже напечатаны по-французски Алесандромь Дюма, и составляють вь сущности переводъ извъстныхъ сочиненій Марлинскаго: «Амалать-Бекъ» и «Мулла-Нуръ». Злополучный переводчикъ, наведя, какъ онъ увъряеть, справки, признался въ письмъ къ редактору «Academy», что дъйствительно романы, выданные имъ, какъ неизданныя посмертныя произведенія Дюма, написаны Марлинскимъ и даже напечатаны нъсколько лътъ тому назадъ въ переводъ на англійскій языкъ съ перевода Дюма. При этомъ онъ взваливаетъ всю вину на Апостолидеса, который напечаталъ на свой счеть его переводь, и заявляеть, что онъ присовокупить къ этому переводу печатное объявление, а его издатель вернеть деньги покупателямъ, которые были введены въ заблуждение. Что касается до грека, адресь котораго въ Брайтонь сообщаеть Гордонъ, то онъ до сихъ поръ благоразумно молчить.

- - О трансваальскомъ президенть. М. Дронсаръ даеть въ журналь «Correspondant» 2) интересную біографію и характеристику престарълаго вождя южно-африканской республики, представляющаго собою одну изъ наиболье оригинальныхъ фигуръ нашего времени. Павелъ Крюгеръ, родившийся въ Каиской колоніи, близь Камберга, 25-го октября 1825 года, немного старше своей возлюбленной республики. Ему было около десяти лътъ, когда произошель великій «исходъ» голландцевь на съверь, давшій начало новымь самостоятельнымъ голландскимъ государствамъ. Его семья приняла участіе въ исходъ, изъ отвращенія къ англійской тиранін, бросивь натріархальный очагъ свой, основанный еще въ 1713 году. Съ того момента началась воинственная жизнь, каковую, съ короткими перерывами, пришлось провести Крюгеру, какъ и всякому буру. Оставшіеся среди многочисленнаго каффрскаго населенія бурскіе поселенцы составили огромный укръпленный лагерь изъсвоихъ повозокъ, запряженныхъ волами и связанныхъ одна съ другою. Внутри этого импровизированнаго лагеря помъщены были женщины и дъти и все движимое имущество переселенцевъ. Море чернокожихъ грозило поглотить ихъ, но ихъ спасли ихъ геройская храбрость и ихъ огнестръльное оружіе, которое было неизвъстно африканскимъ дикарямъ. Они стръляли безпрерывно и увъренно, женщины и

2) M. Dronsart, «Le president Kruger».—«Correspondant», 10 dec. 1899.

¹⁾ The Dumas Discoveries.—A mistayue.—The Academy.—25 november. 1899. Dumas in the Caucasus. The Story of the New Stories.—Academy.—2 december. 1899. The Damas translators statement, by H. Gordon.—Ibid. The Dumassomanus.

дъти заряжали ружья и подавали ихъ сражавщимся мужчинамъ. Навель Крюгеръ, въ то время двънадцати лътъ отъ роду, уже тогда обратиль на себя вниманіе своей физической силою, своєю выносливостью и полижишимъ презукніемъ къ физическимъ страданіямъ. Однажды, въ ранней молодости, онъ во время охоты раздробиль себъ налець; не долго думая, онь самъ, при номощи ножа, ампутировать искальченный палець. Постоянными боями съ зулусами буры, наконецъ, завоевали себъ все плоскогоріе отъ ръки Вааль вплоть до Лимнона. Страна эта, однако, не имъта открытаго выхода въ море, а между тыть буры, уже нотому, что они голландцы, стремились къ соленой водъ и понимали необходимость имъть выходъ къ океану. Рано проникшись этой идеею, Павель Крюгеръ стремился къ осуществленю ся со всъмъ упрямствомъ своей расы и своей индивидуальности. Англія ставила ему постоянно препятствія. Тъмъ не менъе, онъ сумъль обойти своего противника и добиться отъ Португалии концессии, которая дала возможность голландской колонии построить желъзную дорогу къ заливу Делагоа. Это было побъдою лишь относительною, но несомнънною и обязанною, на этоть разь, не силь, но той хитрости и ловкости, которою всегда отличался бурскій президенть. Съ ранней молодости у него была возможность развить въ себъ ту и другую. Постоянная, въ теченіе всей жизни, охота на людей и на животныхъ, постоянная борьба за существованіе, въ самомъ прямомъ смыслъ этого слова, должны были развить въ этомъ человъкъ больше грубости, скрытности, чъмъ искренности и мягкости. Что касается воснитанія, получаемаго молодыми бурами въ ихъ детстве, то объ этомъ президенть Крюгерь и генераль Жуберь разсказывали слъдующее во время своего пребыванія въ Европъ: «Во всьхъ семьяхъ усердно следять за темь, чтобы дъти учились чтенію, такъ какъ это было необходимымъ условіемъ религіознаго обученія. Фермы были очень далеко отъ школь и церквей; дикія животныя и враждебные кафры нарушали безопасность въ странъ. А все-таки должно было идти въ школу. Къ счастью, буры, отъ отца къ сыну, превосходные стрълки. Каждый мальчикъ получаль ружье и небольшой мъщокъ съ боевыми запасами. Ему указывалось, чтобы онь упражияль свой глазь и свою руку и чтобы возвращался съ мъшкомъ полнымъ дичи. Кафры очень боялись этихъ бълыхъ дътей, которымъ впрочемъ совътовали не нападать самимь и не вести себя вызывающе». Постъднее обстоятельство Крюгеръ пояснялъ такъ: «Мы хотъли дать понять нашимъ дътямъ, что, по слову Писанія, кроткіе наслъдують землю». Молодой Паветь извлекъ свою пользу изъ этого оригинальнаго способа обученія кротости, исилою и ловкостью онъ добился большой славы среди современниковъ. Въ 1839 году онъ усовершенствовалъ свою способность во время кровопролитной войны съ мотабелями и, несмотря на свои 14 лътъ, считался «великимъ воиномъ передъ Господомъ». Библейская фразеологія вообще у буровь такъ же распространена, какъ у инденендентовъ Кромвелля. Библія—это совокупность всей ихъ литературы и, понятно, она оказала преобладающее вліяніе на все ихъ умственное развитіе. Увъряють, что президенть Крюгеръ, кромъ Виблін, читаль еще «Путешествіе странника» Буньяна и одну изъ «Исторій возстанія Нидерландовь». Другихь книгь онь не читаль, а журналовь и газеть (нь, какь увъряють, не раскрываеть. Романь для негомерзость предъ Господомъ, а театръ-мъсто гибели, которое не должно посъщаться ни одною честною женщиною. Онъ ушелъ въ Лондонъ со зръдища балета въ оперномъ театръ: его одинаково возмутили и короткія юбки балеринъ и обнаженныя илечи свътскихъ дамъ. Когда его пригласили на придворный баль, дававшійся вы день рожденія королевы, онь положительно отказался пойти туда, говоря, что баль-это служение Ваалу вы родъ тъхъ, за которыя Господь, устами Моисея, назначиль смертную казнь. Павель Крюгерь, по своему, человъть очень благочестивый, въра котораго глубока, искренна и дъятельна; каждое воскресенье онъ лично проповъдуетъ съ каоедры, въ церкви одной изъ самыхъ строгихъ кальвинистическихъ сектъ, у такъ называемыхъ «doppers». Толкованіе Библіп у него самое примитивное. Онъ, напримъръ, твердо въритъ въ проклятіе Хаму и Ханаану и, сообразно этому, поступаеть съ чернымъ населеніемъ Африки. Виолив понятно, что для исторіи африканскаго народа буровь и для ихъ президента, «эйтландеры», привлеченные со всъхъ странъ свъта золотыми рудниками трансваальскаго Ранда, показались посланниками дьявола, а городъихъ Іоганнесбургь — прямымъ наследникомъ Содома и Гоморры. Правительство Трансвааля приняло всъмъры, какія были въ его сплахъ, чтобы не дать распространиться заразъ новоявленныхъ «хананеянъ» — эйтландеровъ. Въ одной изъ ръчей своихъ Крюгеръ пояснить свою политику слъдующимъ образнымъ сравнениемъ. Онъ сравнивалъ независимое государство съ бассейномъ чистой воды, окруженнымъ со всъхъ сторонъ высокою дамбою; внъ дамбы находится много влаги, грязной и мутной, но содержащей въ себъ и годную для интья воду: чтобы вредная смъсь не вошла въ чистую воду, необходимо, прежде допущенія вибшней влаги внутрь бассейна, тщательно ее процъживать и дистиллировать. Также точно, -- поясниль Крюгерь, - нельзя дълать эйтландеровь гражданами, безъ продолжительнаго предварительнаго искуса. Эта ръчь была сказана въ собраніи однихъ лишь буровь, но въ другихъ случаяхъ Крюгеру ириходилось выступать и передъ смъщанною публикою, т. е. передъ эйтландерами. Въ такихъ случаяхъ ръзкая откровенность президента выражалась со всей своей силою. Напримъръ, на собрании въ Крюгерсдериъ, гдъ присутствовало много пностранцевъ, Крюгеръ началъ свою ръчь такими словами: «Друзья! Но въдь вы не всъ здъсь друзья: есть между вами и убійцы, и воры! Поэтому я обращаюсь къ вамъ такъ: друзья, убійцы и воры!» И онъ спокойно продолжаль свою ръчь. Другой разъ, обязанный въ качествъ президента республики открывать синагогу въ Іоганиесбургь, онъ открыль торжество освященія слёдующими словами: «Именемъ Господа Іпсуса Христа объявляю эту синагогу открытою».

— Смерть Морица Буша, Гранта Аллена, Софін Торма, лэди Сольсбери, баронессы Леветцовъ. Въ концъ прошедшаго года сошло въ могилу нъсколько выдающихся личностей, которыя въ томъ или другомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія. Докторъ Морицъ Бушъ, пресловутый alter ego и клевреть Бисмарка, скончался въ Лейпцигъ 16-го ноября на семьдесятъ девятомъ году своей жизни. Принадлежа по отцу къ саксонской крестьянской семьъ, а по матери къ прусской буржувзій, онъ въ юности готовился въ пасторы и, окончивъ свое образованіе въ Лейпцигскомъ университетъ, получилъ степень

доктора богословія. Но какъ только умерь отець, желавшій сдълать изъ него новаго Лютера, онъ бросиль насторство и предался журналистикъ. Сначала онъ писаль газетныя статьи и редактироваль литературный журналь, гдъ помъщалъ свои переводы Диккенса и Теккерея; въ то время онъ быль пламеннымь республиканцемъ, и когда за событиями 1848 года наступила политическая реакція, то онъ отправился искать счастья въ Соединенныхъ Штатахъ. Посътивъ главнъйшіе американскіе города, онъ поседился въ Сентъ-Луи и сдълался снова насторомъ. Но совершение духовныхъ требъ и произнесенье проповъдей не пришлись ему по сердцу, и спустя годъ онъ вернулся въ 1852 году въ Германію. Въ последующія семь леть онъ исполнять различныя порученія австрійскаго Лойда на востокъ и воспользовался собранными свъдъніями для напечатанія нъсколькихъ путеводителей и описаній совершенныхъ имъ путешествій въ Іерусалимъ, Малую Азію и т. д. Въ 1859 году онъ поступиль въ редакторы «Grenzboten» и сталь писать патріотическія нъмецкія статын. Когда вспыхнула Шлезвигь-Гольштинская война, онъ поступиль на службу герцога Аугустенбургскаго и играль при немь чуть не министерскую роль, но видя, что герцогь не согласенъ быть ставленникомъ Бисмарка, онь подалъ въ отставку и вернулся къ редактированію «Grenzboten», но спустя нъсколько лъть, поссорился съ своимъ издателемъ, извъстнымъ романистомъ Фрейтагомъ. Въ 1870 году онъ наконецъ выступить на прославившую его арену и стълался клевретомъ желъзнаго канцлера, который взяль его съ собою во Францію. Съ тъхъ поръ Бушть предался душой и тъломъ Бисмарку, быль посредникомъ между нимъ и пресмыкающейся прессой, писаль всемь известныя сочинения о немь и наконецъ постъ его смерти издалъ знаменитый «Дневникъ». Въ послъдніе годы онъ жить вдали отъ политической жизни въ Лейпцигъ и горько оплакивалъ наденіе, а затъмъ смерть своего кумира. Какъ самъ Бисмаркъ, онъ не признаваль ничего святого и быль достойнымь холопомь своего барина.

Совершенно инымъ писателемъ и человъкомъ былъ недавно умершій англійскій романисть, публицисть и популяризаторы естественных в наукъ, Гранть Алленъ. Родомъ изъ Канады, онъ получилъ самое разношерстное воспитание въ Америкъ, Франціи и Англін, Окончивъ его въ Оксфордъ, онъ находился учителемъ классическихъ языковъ въ Брайтонъ, а затъмъ профессоромъ логики въ коллегін на Ямайкъ. Затъмъ онъ служиль въ статистическомъ департаментъ министерства по индійскимъ дъламъ и, наконецъ, всецьло посвятилъ себя литературъ и журналистикъ. Врядъ ли когда на свътъ былъ такой плодовитый и разнообразный писатель, какъ Гранть Алленъ; онъ въ одно и то же время писаль книги по естественнымь наукамь, богословские трактаты, романы, безконечныя статьи по всевозможнымь вопросамъ въ журналахъ и газстахъ, сотрудничаль въ британской энциклопедін, издаваль путеводители по Европъ и т. д. и т. д. При этой лихорадочной литературной дъятельности, онъ не быль литературнымъ торгашемъ, а во всемъ и всегда проводилъ либеральныя, прогрессивныя мысли. Никто болъе его не популяризоваль теоріи Дарвина, и никто пламеннъе его не проводилъ систему эволюціи въ біологіи, психологіи, физіологін, соціологін, политикъ, философін и этикъ. Никто честиъе и разумиъе его не проповъдываль здравыя этическія идеи въ романахъ, какъ, напримъръ, въ

его знаменитомъ «Она это сдълала», благородномъ процессв противъ брачныхъ предразсудковъ брачнаго рабства женщинъ. Искренній во всемъ, онъ между прочимъ съ жаромъ защищалъ превосходство сельской жизни надъ городской и, самъ живя въ деревнѣ, объяснялъ свое пристрастіе тѣмъ, «что города мертвы, и что слѣпы тѣ, которые видятъ въ городахъ жизнь, которая бьетъ ключемъ лишь въ деревнѣ, въ тысячахъ различныхъ, сельскихъ, лучезарныхъ, чудныхъ фермахъ». Къ лучшимъ его популярно-эстетико-научнымъ произведеніямъ принадлежатъ «Виньетки природы», «Эволюціонистъ на свободѣ», «Эволюція въ итальянскомъ искусствѣ» и «Послѣобѣденная философія». Онъ такъ много писалъ, что часто скрывалъ свое имя подъ псевдонимами: Ватсона, Райнера, Пауэра и т. д. Наконецъ физичеткія силы надломились у этого талантливаго энергичнаго человѣка, писавшаго обо всемъ одинаково честно, разумно, логично, основательно, и онъ умеръ на иятьдесятъ второмъ году своей жизчи, постѣ продолжительной тяжкой болѣзни.

Вся Венгрія оплакиваєть кончину одного изъ выдающихся своихъ антропологовь и археологовь, Софію Торма, почетнаго доктора философіи Клаузенбургскаго университета. Происходя изъ ученой семьи, дочь историка и сестра
археолога, она родилась въ 1840 г. и съ юности предалась изученію любимыхъ ею наукъ. Она дебютировала на ученомъ поприщѣ археологическими
открытіями въ Гуніадскомъ комитетѣ, а затѣмъ въ Тардосѣ. Въ 1876 г. она
предприняла путешествіе по Германіи съ ученою цѣлью и принимала участіе
въ двухъ археологическихъ конгресахъ, на которыхъ обсуждала вмѣстѣ съ
другими учеными интересный вопросъ о символическихъ украшеніяхъ керамики. Затѣмъ она читала лекціи въ Трансильванскомъ музеѣ и въ Гу. іадскомъ
историческомъ обществѣ по различнымъ вопросамъ археологіи и антропологіи,
а въ прошедшемъ году напечатала книгу о восточныхъ символическихъ памятникахъ. Посвятивъ себя всецѣло наукъ, Софія Торма вела одинокую, скромную
жизнь въ трансильванскомъ городкѣ Браасѣ, гдѣ умерла на-дняхъ.

Жизнь только что умершей жены лорда Сольсбери представляеть настоящій романь. Дочь судьи барона Альдерсона и прекрасно воспитанная, она вышла замужъ очень молодая по любви. Теперешній премьерь быль тогда лордомъ Робертомъ Сесиль и, какъ второй сынъ маркиза Сольсбери, не имълъ передъ собой бл стящей будущности. Несмотря на это, отепъ воспротивился его браку, который въ его глазахъбыль недостоинъ кровнаго аристократа, и когда Сесиль, влюбленный по уши, поставиль на своемь, то онъ прекратиль выдавать ему содержаніе. Юная чета восемь літь скромно жила тімь, что выработываль мужь перомъ. Онъ писаль блестящія статьи вь «Saturday Review», «Standart» и «Gunrterly», а если върить слухамь, то его умная, образованная жена номогала ему въ этихъ литературныхъ трудахъ. Въ 1865 году умеръ старшій брать Сесиля, и онъ сдълался виконтомъ Кранборномъ, а спустя три года послъ кончины отца и маркизомъ Сольсбери. Вмъстъ съ тъмъ изъ простого депутата онъ превратился въ министра, а съ течениемъ времени и въ премьера. Но лэди Сольсбери, неожиданно достигнувъ перваго мъста въ аристократии и офиціальномъ міръ, продолжала вести прежнюю мирную счастливую семейную жизнь. Романъ ея продолжался до постъдней минуты ея жизни, и она умерла, окруженная любовью мужа и дътей, а также всеобщимъ уваженіемъ. Хотя она никогда не играла политической роли, но была настоящей, върной подругой жизни «перваго англичанина», какъ называютъ на его родинъ лорда Сольсбери послъ смерти Гладстона.

Въ концъ ноября скончалась девяностоиятилътияя баронесса Ульрика фонъ-Леветцовъ. Она никогда не хотъла выйти замужъ и жила тихо, скромно въ своемъ замкъ, Траублицъ, который служиль предметомъ постояннаго пилигримства литературнаго міра въ Германін, такъ какъ почтенная старушка счнталась последней любовью Гете, воспетой имъ въ «Маріенбадской элегіи» и «Трилогіи страсти». Разсказывали, что эта старческая любовь началась въ Карлсбадъ и Маріенбадъ въ 1821 году, когда великому поэту было 72 года, и продолжалась три года, послъ чего они уже болъе не видались, но переписывались. Часть этой перепискиб ыла напечатана, — переписка съ Гете Ульрики, такъ и ея матери, бывшей прототипомъ Гетевской «Пандоры», что доказывается двумя записками въ его «Іневникъ» отъ 27 и 31 іюдя 1806 г., переданными Ульрикой не задолго до смерти въ Гетевскій и Шилеровскій архивъ въ Веймаръ съ просьбой напечатать до ся смерти. Вся литературная Германія нетерпъливо ждегъ появленія въ печати этихъ писемъ, тъмъ болье, что надняхъ французскій докторъ Дидье, живущій въ Штутгарть, помьстиль въ газеть «Neuen Tageblaat» описаніе своей бесёды съ баронессой Ульрикой фонъ-Леветцовъ, которая отвергаетъ, чтобъ она была послъдней любовью Гете. «Гете, говорила она, —зналь мою семью еще въ Лейицигъ, и когда онъ отыскаль насъ осенью 1826 года въ Маріенбадъ, то обощелся съ нами, какъ со старыми знакомыми. Мое нервое свидание съ нимъ поэтому было вовсе не случайное. Онъ быль тогда почтеннымь тайнымь совътникомь и отличался гордымь достоинствомь. Всв черты его лица дышали аристократической надменностью, и онъ невольно внушаль къ себъ болъе уваженія, чъмъ кровный принцъ. Но утверждать, какъ дълали это нъкоторые авторы, гоняющеся за сенсаціонными исторіями, что я была влюблена въ этого милаго старика, какъ мит тогда казался Гете нельно, и внолив вымышленно. Гете обращался со мною, какъ съ маленькою д'ввочкою, и всегда называль своей милой дочуркой. Онъ быль прекрасный старикъ, съ удивительными глазами, изыскано одъвался и былъ чрезвычайно любезенъ въ обществъ. Даже тогда мнъ казалось, что онъ болъе ухаживаль за моей матерью, чёмь за мной. Она была старше только на интнадцать лёть, и по словамь Гете принадлежала къчислу самыхъ красивыхъ женщинъ на свътъ. Онъ такъ быль внимателенъ къ ней, что если бы я состояла его невъстой, то, конечно, ревновала бы ее. Поэмы, которыя, по словамъ критиковъ, писалъ миъ Гете, были, по всей въроятности, посвящены ма гери. Гете переписывался съ ней очень часто, и мит не входило никогда вы голову питаты къ ней ревность, такъ какъ я была еще ребенкомъ. Онъ писалъ мив только такіе стихи, какіе часто нишуть молодымь дъвушкамь. Впрочемь, можеть быть, Гете и питаль ко миъ нъжныя чувства, но я этого не знала, такъ какъ онъ мит открыто въ нихъ не сознавался. Правда, въ следующемъ году онъ сделалъ предложение, но мать, тогда молодая вдова, приняла это предложение на свой счеть. Тогда я уже прочла всв его сочиненія, но слышала, что онъ не пользуется популярностью.

Однажды, сидя у насъ въ саду, въ теплицѣ, Гете спросиль мою мать, кого она предпочитаеть, его или Шиллера. Она отвѣчала, что поэмы Шиллера болѣе говорять ея сердцу, и что она не понимаеть всѣхъ произведеній Гете. Онъ улыбнулся и сказалъ: «Конечно, я никогда не былъ и не буду такимъ популярнымъ, какъ мой швабскій другь». Въ это время Гете сошелся со мною ближе прежняго. Мы часто гуляли съ нимъ, и онъ училъ меня астрономіи и минералогіи, о которыхъ я не имѣла ни малѣйшаго понятія. Въ томъ же году мы снова свидѣлись въ Маріенбадѣ, и тамъ однажды Геге сказалъ мнѣ пронически, что я должна выйти замужъ и родить сына, которому онъ дастъ воспитаніе по своему усмотрѣнію. Я разсмѣялась, но онъ говорилъ искренно и вскорѣ потомъ написалъ объ этомъ моей матери, при чемъ упомянулъ о своихъ доходахъ, равнявшихся 10.000 гульценовъ. Въ слѣдующемъ году въ Страсбургѣмнѣ сдѣлалъ предложеніе великій герцогъ Веймарскій, но изъ этого ничего не вышло. Означенное обстоятельство не нарушило моей дружбы съ Гсте и не помѣшало еще пятнадцати молодымъ людямъ предложить мнѣ свою руку и сердце».

ИЗЪ ПРОПІЛАГО.

Историческая справка о Гурьевской кашъ.

ВСКОЛЬКО лѣтъ тому назадъ, разбирая старыя, подлежащія уничтоженію дѣла Орловскаго губернскаго правленія, я, случайно натолкнулся на купчую крѣпость семьи, купленной въ 1822 году графомъ Гурьевымъ у болховскаго помѣщика П. Д. Юрасовскаго. Разговорившись объ этой купчей съ орловскими старожилами, мнѣ удалось собрать нѣсколько, не лишенныхъ интереса, свѣдѣній о знаменитой Гурьевской кашѣ и изобрѣтателѣ ея крѣпостномъ человѣкѣ Кузьмичѣ.

Прежде, чъмъ сообщить записанныя мною свъдънія, считаю не лишнимъ привести дословно найденную мною купчую:

«Лета тысяща восемь сотъ двадесять во второе марта въ 4 день отставной мазоръ Оренбургскаго драгунскаго полку Петръ Денисовичъ Юрасовскій продалъ я дъйствительному тайному совътнику и кавалеру графу Дмитрію Александровичу Гурьеву принадлежащую мнъ, доставшуюся по наслъдству отъматери моей Татьяны Григорьевны Юрасовой, кръпостную крестьянскую семью изъ деревни Сурьянино: Захара Кузмина сына Аксёнова 53 лътъ съ женою его Домной 49 лътъ, дочерьми: Акулиною 29-ти п Василисою 27-ми и сыномъ Сидоромъ 23 съ женою послъдняго Матреной 21-го года и малолътнимъ сыномъ ихъ Карпушкой — всего 2 человъка, 4 бабы и 1 ребенокъ. А оный мой вышепрописанный крестьянинъ Захаръ Аксёновъ долго былъ въ Москвъ, гдъ и великолъпно обученъ отъ московскихъ французовъ поварскому мастерству. А взялъ я съ него кавалера графа Гурьева за оную семью кръпостныхъ людей ходячею россійскою манетою все, что полагается по уговору— все безъ остатку,

ночему мить Петру Юрасовскому съ него Дмитрія Гурьева получать уже больше нечего, и требовать я болъе уже ничего не могу. А вышеноименованная въ сей продажной записи семья кръпостныхъ людей (2 человъка, 4 бабы и 1 ребенокъ) мною до сего никому иному, окромя его графа Гурьева, не продана, не заложена и никому иному не объщана, а буде и то, къ симъ проданнымъ мною людямъ учнеть кто вступаться, убытки ему графу Гурьеву чинить станеть и люди тъ отъ него Гурьева наче всякаго чаянія отойдуть, то взять ему, женъ его или дътямъ на мнъ, женъ моей или дътяхъ двъ тысячи рублей. Къ сей купчей Болховской помъщикъ мазоръ Петръ Денисовичь Юрасовскій въ продажь мною графу Димитрію Александрову сыну Гурьеву, а также въ томъ, что я съ него за вышеписанную семью все, что мит приходится по рядт, получиль, руку приложиль. У сего дъйствительный тайный совътникъ и кавалерь графъ Дмитрій Александровичь Гурьевъ въ томъ, что я вышеписанную семью сполна отъ него Юрасовскаго получилъ и деньги, что приходится по рядъ, уплатилъ, руку приложить. У сей купчей Мышкинскій убздный предводитель дворянства лейтенанть Аванасій Михайловь Башмаковь свидътелемь быль и руку приложиль. У сей купчей Орловскій помъщикь полковникь вь отставкъ Миханль Петровичь Вахтинъ свидътелемь быль и руку приложиль. У сего дъйствительный статскій советникь Николай Ивановичь Шредерь свидетелемь сей сделки быль и руку приложиль. Спо купчую писаль приказа общественнаго призрънія секретарь Логгинъ Лаврентьевъ Деканоръ. Запрещенія нъть.

«1822 года марта въ 25 день сія купчая въ Орловской палатъ гражданскаго суда явлена и въ книгу подлинникомъ записана. Пошлинъ шести копъечныхъ сто двадцать рублей, за актъ пятьдесятъ рублей получено.

«Надсмотрщикъ Василій Смагинъ.

«По книгамъ: записной листъ 111 и 112, № 66».

Означенный въ этой купчей поваръ «Кузьмичъ», по словамъ слышавшаго о немъ бывшаго орловскаго губернскаго предводителя дворянства II. К. Ржевскаго, быль большой мастерь своего дёла. Обёдавшій какъ-то у П. Д. Юрасовскаго министръ финансовъ графъ Гурьевъ, знаменитый любовью хорошо поъсть, пришель положительно въ восторгь отъ приготовленной Кузьмичемъ какой-то превкусной кашицы. Не будучи въ состояни удержать своего восторга, министръ бросился цъловать повара, такъ угодившаго его избалованному вкусу. Послъ этого И. Д. Юрасовскій не имъль положительно покоя оть упрашиванія Гурьева продать ему Кузьмича. Сначала П. Д. Юрасовскій отвічаль полнымь отказомъ, но нотомъ, желая отдълаться, предложилъ три слъдующихъ условія, которыя онъ, полагать должно, считалъ непсполнимыми. Первое условіе заключалось въ томъ, что на продажу Кузьмича требовалось его личное согласіе; второе: при исполнении перваго Юрасовский соглашался продать лишь всю семью полностью, и третье: за все это онъ, какъ говорить молва, запросилъ ни болъе ни менъе какъ всего только (бездълицу!) -- мърку золота (червонцевъ). Последнее II. Д. Юрасовскій считаль положительно не возможнымь и думаль, что на предложенін этихъ условій торгь окончится, но вышло иное. Что обыкновенному смертному подъ часъ кажется невозможнымъ, для министра (особенно финансовъ) кажется пустяками. Въ результатъ и явиласъ вышеприведенная купчая, въ слъдъ за которою вскоръ въ Петербургъ, а затъмъ и по всей Россіи, загремъла слава знаменитой въ лътописяхъ кулинарнаго пскусства «Гурьевской каши», изобрътаталемъ которой является слъдовательно кръпостной человъкъ Кузьмичъ, что же касается до графа Гурьева, имя котораю гремитъ нераздъльно съ кашей, то онъ уничтожилъ неимовърное количество ся, и только.

Князь А. Л. Голицынъ.

СМ ВСЬ.

Б ЮБИЛЕЮ Суворова. Въ засъдании 26-го октября боровичская городская дума постановила: 1) ходатайствовать о разръшении поставитъ генералиссимуму князю Суворову памятникъ на одной изъ улицъ или площадей города Боровичъ. 2) Ассигновать изъ средствъ города на означенный предметъ 300 руб. 3) Ходатайствовать о разръшени открыть подписку по Новгородской губер. на сооружение памятника Суворову въ г. Боровичахъ. 4) Обратиться къ дворянскимъ обществамъ, земствамъ и городамъ Новгородской губернии съ просъбою принять

участіе въ расходахъ по сооруженію памятника Суворову. 5) О состоявшемся постановленіи думы сообщить всѣмь волостнымь правленіямъ Боровичскаго уѣзда, дабы дать большую возможность и крестьянскому населенію уѣзда принять участіе въ пожертвованіи на сооруженіе памятника великому народному герою. 6) Предсставить городской управѣ пригласить свѣдущихъ лицъ для прочтенія лекцій о Суворовѣ и сборь отъ этихъ чтеній обратить на расходы по постройкѣ памятника Суворову. 7) Пріобрѣсти портретъ Суворова для украшенія имъ помѣщенія городской управы. 8) Ассигновать 200 руб. на пополненіе книгами городской безплатной библіотеки имени Суворова. 9) Ассигновать 100 руб. на устройство 6-го мая 1900 года дѣтскаго праздника. 10) Отслужить панихиду 7-го мая 1900 года. 11) Наименовать набережную р. Мсты на городской сторонѣ «Суворовскою».

С.-Петербургское археологическое общество. І. 6-го ноября, въ засъданіи русскаго отдъленія, подъ предсъдательствомъ С. Ө. Платонова, Н. К. Ре-

рихъ представилъ подробный отчетъ о произведенныхъ имъ лътомъ нынъшняго года раскопкахъ невысокихъ кургановъ и жальниковъ въ части Старорусскаго увзда, между ръками Шалонью и Ловатью, въ сосъдней части Порховскаго увзда и немного въ Валдайскомъ. Расконками этими положено начало цвлому ряду систематическихъ раскопокъ на средства археологическаго общества. Работы г. Рериха, давшія сравнительно очень мало предметовъ, интересны, однако, вь научномъ отношении, выясняя типы курганныхъ и жальниковыхъ погребеній и давая возможность съ большей достовърностью установить вопрось о населеніи Псковскаго и Новгородскаго края, на что и обратилъ вниманіе во время преній А. А. Спицынь. Присутствовавшій въ засъданіи членъ общества кн. П. А. Путятивъ принесъ въ даръ обществу всъ тъ предметы, которые были найдены Рерихомъ при раскопкъ кургановъ въ его имънін. Кромъ того, Н. К. Рерихъ подариль въ музей общества старинную пряжку, найденную въ пескъ на берегу Дона при впаденіи въ него Хопра. П. Въ засъданіи 9-го ноября А.К. Марковъ сдълалъ сообщение: «О монетномъ кладъ, найденномъ въ Киево-Печерской лавръ въ 1898 году». Кладъ былъ найденъ при реставраціи Успенской деркви на хорахъ въ нишъ, и состоитъ онъ изъ 6.190 золотыхъ монетъ, въсомъ вь 1 нудь 26 фун. 50 зол. и 9.887 монеть серебряныхь, въсомъ въ 16 нуд. 273/4 зол., заключавшихся въ четырехъ металлическихъ сосудахъ и одной деревянной кадкъ. Кромъ монетъ, въ сосудахъ этихъ найдено не мало хартій, изъ конхъ нъкоторыя относятся къ самому кладу. Среди золотыхъ монетъ пражде всего обращаеть на себя внимание золотой медальонъ Констанція II, сына Константина Великаго. Медальонъ этотъ, въ 10 зол. въсомъ, единственный извъстный экземилярь. На лицевой сторонъ его изображень бюсть Констанція, а на обратной — Констанцій сь братомъ своимъ Константомь на тріумфальной колесницъ въ шесть лошадей. По окончаніи чтенія было приступлено къ баллотировкъ новыхъ членовъ—избранъ былъ В. С. Борзаковскій. III. 18-го ноября, подъ предсъдательствомъ бар. В. Р. Розена, состоялось засъдание восточнаго отдъленія. Проф. В. А. Жуковскій сдълаль интересный доклады: «Бесъды съ дервишами современной Персіп». Проф. В. А. Жуковскій давно уже занимается изученіемь дервишизма, и въ послъднее пребываніе свое въ Персіи постарался ближе ознакомиться съ внутреннимь устройствомь ихъ орденовъ. Всъхъ орденовь восемь, но докладчикъ остановился на двухъ: Нимету-л-Ляхи и Джелали, какъ имъющихъ наибольшее число послъдователей. Первый орденъ отличается крайне симпатичными чертами; такъ, напримъръ, членамъ его вмъняется въ обязанность кротость въ обращении съ другими, кромъ того, они обязаны заниматься ремеслами и трудами и, вообще, тунеядство ими порицается. Совсъмь другимъ характеромъ отличаются дервиши ордена Джелали: они лживы, податливы и образъ жизни ведутъ бродячій, ниценствующій, и въ посл'єднее время нищенство это даже какъ бы узаконено, являясь извъстнымъ налогомъ на общество. Представивъ картину внутренняго устройства орденовъ и ихъ ученіе, докладчикъ между прочимъ упомянулъ, что нищенствующіе дервиши пользуются иногда въ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ особымъ условнымъ языкомъ, въ которомъ, повидимому, много словь арабскихъ. Чтене свое докладчикъ иллюстрировать множествомь фотографій. Вь преніяхь по поводу доклада при-

няли участіе, между прочимъ, В. Р. Розенъ и г-нъ Клеменцъ, указавшій, что якуты во время повздокъ пользуются условнымъ языкомъ. IV. 27-го ноября состоялось подъ председательствомъ проф. С. О. Платонова заседание русскаго отдъленія. Обсуждался вопрось о томъ, куда направить на будущій годъ расконки общества. Было выслушано три мижнія: 1) кн. П. А. Путятина, 2) проф Н. И. Веселовскаго и А. А. Спицына и 3) А. К. Рериха. Отдёленіе склонилось къ проекту Н. И. Веселовскаго и А. А. Спицына и поручило первому изъ нихъ сдълать но этому вопросу докладъ въ общемъ собраніи общества. Затъмъ И. А. Шлянкинъ представиль отчеть о своей поводкъ на съверъ Россіи. Докладчикъ посътиль Вологду, Устюгь, Архангельскъ и Соловецкій монастырь. Наиболъе подробно остановился онъ на своемъ пребываніи въ Вологдъ и сообщиль весьма обстоятельныя свёдёнія о Вологодскомъ епархіальномъ древлехранилиць. Это учрежденіе, возникшее въ концъ 1896 года, поставило своей цълью по возможности собирать и охранять древности Съвернаго края. Несмотря на крайне скудныя средства (всего 60 руб. въ годъ), древлехранилищу, благодаря неусып нымъ трудамъ преподавателя вологодской семинаріи И. Н. Сапунова, удалось собрать немало интереснаго, въ особенности для исторіи древней русской ръзьбы по дереву. И было бы крайне желательно, чтобы небольшое и бъдное съверное древлехранилище нашло себъ матеріальную и нравственную поддержку въ нашемъ обществъ. Затъмъ А. И. Башкировъ сдълалъ небольшое сообщение о хранящемся въ Краковъ въ библютекъ кн. Чарторыйскихъ спискъ русской лътописи, сдъланномъ въ 1621 году въ Животовъ по повелънію ки. Ад. Четвертинскаго. Списокъ этотъошибочно принять быль И. А. Линяиченко за кошю Ипатьевскаго. Ближайшее съ нимъ знакомство показываетъ, что ближе всего онъ стоитъ къ списку Хлъбниковскому, хотя нъкоторые варіанты противъ последняго заставляють скоръе предположить, что Животовскій списокъ не представляеть копін съ какого либо изв'єстнаго списка, а составленъ по н'ісколькимъ. Въ концъ списка есть интересная бытовая запись, оставшаяся незамъченною и И. А. Линниченко и І. Корженевскимъ, давшимъ краткоз описаніе этой рукониси въ составленномъ имъ описаніи библіотеки кн. Чарторыйскихъ.

Археологическій институть. І. 28-го октября, были прочитаны два доклада: И.И. Крафта: «Уничтоженіе рабства въ Киргизской степи» и І. М. Балсунова «Доисторическія древности въ Кіевскомъ археологическомъ съвздъ». При пастушескомъ образъ жизни, при патріархальности отношеній у киргизовъ не могло, конечно, создаться рабства, основаннаго на сословныхъ отношеніяхъ, или рабства аграрнаго, но оно у нихъ существовало; указанія на это мы можемъ найти въ ихъ старыхъ пословицахъ, какъ, напримъръ: «толна рабовъ не можетъ быть начальствомъ, а куча песчинокъ камнемъ». Архивные документы и наши законодательства прошлаго стольтія подтверждаютъ существованіе рабства и даже законодательное его признаніе. Такъ, въ 1755 г. башкиры были объявлены бъглыми, и киргизамъ за поимку каждаго изъ нихъ быль объщанъ кафтанъ, а имущество, жены и дъти ихъ отдавались въ собственность киргизовъ. При паденіи Джунгаріи многіе плънные бъжали отъ звърства киргизовъ въ русскіе города; киргизы озлобілись и стали плънять и порабощать русскихъ; выкупъ по 150 руб., который назначила Россія за такихъ плънныхъ, сталъ еще болъе понуждать киргизовъ

сдълать изъ этого выгодное ремесло, и въ 1777 году въ Хивъ и Бухаръ число проданныхъ киргизами русскихъ достигало 5 тысячъ. Назначенный на выкупъ ихъ ежегодный отпускъ изъ казны въ 6 тыс. руб быль далеко недостаточенъ. Въ 1822 году быль изданъ законъ, утверждавший существование киргизскихъ невольниковъ, существовавшихъ до этого года, а последующихъ не допускавшій. У хановъ и султановъ образовался особый классь въчныхъ слугь-теленгутовъ но закону 1831 года, только за нихъ должны были вносить султаны ясакъ. Въ 1859 году султаны дали подписку освободить всъхъ невольниковъ, но въ 1874 году въ Акмолинской области обнаружены были еще случаи невольничества, съ какого года и можно считать его прекращение. Существованию рабства и разнообразію его состава докладчикъ приписываеть разнообразіе киргизскаго тина-ихъ голубые глаза, русую бороду, ихъ добродущіе, гостепріимство. Въ обильномъ присутствии славянской крови видитъ докладчикъ причину ихъ невымиранія, ту свободу и легкость, съ которыми они переходять къ земледъльческому быту, ихъ талантливость и умственную воспримчивость. Г. Балсуновь коснулся въ своемъ докладъ трудовъ послъдняго XI археологическаго събзда въ Кіевъ, заслуга котораго заключалась также въ утвержденіи митнія существованія доисторическаго человъка каменнаго въка на югъ Россіи, еще когда съверь быль покрыть льдомь. Къ такому заключению, что Кіевъ быль мъстомъ стоянки 20 тысячъ лътъ тому назадъ для доисторическаго человъка, пришеть проф. Армашевскій на основаніи последнихъ раскопокъ около Кіева, гдъ на глубинъ 8 саженъ были найдены кремневыя орудія, древесный уголь и кости мамонта. И. 18-го ноября состоялось общее собрание членовъ и слушателей. Прочитаны были два реферата: г. Бодренкомъ—«Древнее знамя» и П. Левицкимъ--«Происхождение вопросовъ жениху и невъстъ при браковънчани». Первый референть описаль и демонстрироваль передъ слушателями найденное имь въ 40 верстахъ отъ Полоцка древнее знамя 1667 года. Второй референтъ занялся вопросомъ, разработаннымъ уже съ канонической стороны проф. Навловымь и Горчаковымь, а именно-вопросомь о свободь чувства и выбора въ бракъ, гарантируемой вопросами священника во время обрядя вънчанія о свободномъ желаніи вступить въ бракъ. На основаніи греческихъ и датинскихъ рукописей референть полагаеть, что вопросы эти впервые появились во Францін въ XIII стольтін, утверждены были окончательно Тридентскимъ соборомъ въ XVI въкъ. Въ XVI же въкъ перешли въ Гредію, но встрътили реакцію, вслъдствие установившагося восточнаго взгляда на женщину и совершенно исчезли въ обрядъ вънчанія въ XVII стольтін. Къ намъ изь католическихъ требниковъ перенесъ эти вопросы въ XVII въкъ Петръ Могила. Въ томъ же столътін они вошли въ офиціальное изданіе Кормчей книги. Петръ Великій горячо взялся утвердить этоть обрядь, что доказываеть нъсколько его указовъ по этому вопросу. III. 25-го ноября состоялось общее собрание членовъ и слушателей. Прочитаны были два реферата: II. А. Гусевымь «Объ изображении Новгорода на иконъ Хутынскаго монастыря» и художникомъ А. А. Карелинымъ «Основы реставрацін». Первый референть возстановиль передъ слушателями планъ и видъ древняго Новгорода въ XVI столътіи, на основаніи изображеній на изследованной имь иконе. Сюжеть изображенія иконы «Повесть о виденіи Варлаама Хутынскаго пономарю Тарасію». Кром'я церквей и зданій города, на икон'я изображены многія сцены изъ домашней и уличной жизни Новгорода. Относять эту икону къ XVI или началу XVII стольтія. Художникъ А. А. Карелинъ продолжалъ свой рефератъ, незаконченный имъ въ одно изъ прошлыхъ засъданій. На этотъ разъ онъ коснулся важнаго значенія «свътофильтровъ» въ дъл'я реставраціи рукописей. Свътофильтры—это жидкости, которыя при пропусканіи сквозь нихъ лучей выдъляютъ по желанію отдъльные цвъта спектра или совокупность нъсколькихъ цвътовъ.

Библіологическое общество. 13-го ноября, на общемъ собраніи, М. А. Полієвктовъ подблился своими впечатлівніями, вынесенными изъ посъщенія итальянскихъ архивовь и библіотекъ. Оказывается, что вь Италіи пользованіе библіотеками обставлено гораздо меныпими ствененіями, нежели у насъ. Тамъ, напримъръ, не существуеть дъленія библіотекъ на читальный заль и «отлъленія». Читатели имьють возможность получить любую книгу очень быстро, имъють даже возможность покурить, не выбъгая на улицу. Указавъ затъмъ на богатство итальянскихъ архивовъ, г. Поліевктовъ высказалъ сожальніе, что наши ученые ими очень мало пользовались. Интересныя дополненія къ реферату сдълаль А. І. Малейнъ, также много работавшій въ Италіи и особенно въ Римъ. Онъ сообщилъ, что въ ватиканскомъ архивъ цълыя комнаты завалены еще неразобраннымъ матеріаломъ, крайне важнымъ для русскаго историка. Г. Малейнъ, также какъ и г. Поліевктовъ, указываль на отсутствіе стеснительныхъ правиль для занимающихся. Неудобно только, по его мивнію, то, что въ ватиканскомъ архивъ, напримъръ, не позволяютъ приводить своихъ переписчиковъ и заставляють платить большія деньги архивнымь переписчикамъ. А. С. Раевскій высказаль надежду, что въскоромь времени итальянскіе матеріалы сдълаются болье доступными русскимь историкамь, такъ какъ те нерь обсуждается вопросъ объ учреждении въ Римъ русской архивной комиссіи или же археологическаго института. По окончании преній г. Мальгремъ прочеть имъющіяся у него письма В. П. Межова и такимъ образомъ напомниль объ этомъ скромномъ, но до сихъ поръ никъмъ незамъченномъ труженикъ. Н. М. Лисовскій, лично знавшій Межова болье 25 льть, сообщиль нъкоторые факты, обрисовывающе эту замъчательно оригинальную личность, и по просыбъ собранія объщать въ одно изь ближайшихъ засъданій подълиться своими воспоминаніями о Межовъ. Пость рефератовъ обсуждался вопрось о содержаніи «Сборника», который выйдеть въ началь будущаго года. Изъчисла намыченныхъ изданій общества стъдуеть отмътить «Библіотеку русскихъ мемуаровъ». Въ первый томъ этого изданія войдуть записки княгини Е. Р. Дашковой, которыя такимь образомь впервые появятся на русскомь языкв. Каждый томь этой «Библіотеки» будеть снабжень библіографическимь указателемь.

Географическое общество. І. 29-го октября, состоялось засёданіе по отдёленію этнографіи подъ предсёдательствомъ профессора В. И. Ламанскаго. Была избрана комиссія для присужденія медалей въ текущемъ году; въ составъ ея вошли, кромѣ предсёдателя отдёленія и товарища его, многія лица по приглашенію: ирофессоръ Бартольдъ, Роннъ, Груммъ-Гржимайло и другіе. Въ нынѣшнемъ году отдёленіе этнографіи располагаєть правомъ присужденія выс-

шей награды — Константиновской медали. Затымь В. Н. Іохельсономъ былъ стылань докладь о бродячихъ народахь тундры между рыками Индигиркой и Кальмой, въ мало изслъдованной части Сибири на пространствъ 60 квадратныхъ версть, гдъ кочують ламуты, юкагиры, тунгусы. Всъ эти народности представляють изъ себя всего итсколько сотенъ человъкъ, влачащихъ самое жалкое и иногда звъроподобное существование. Живутъ они охотой, рыбной ловлей и отыскиваніемъ мамонтовыхъ клыковъ, сбываемыхъ ими отъ 15 до 25 рублей пудь; эти деньги вь концъ-концовь полностью попадають вь руки новыхъ промышленниковъ, обирающихъ туземцевъ и закабаляющихъ ихъ запродажей въ кредить по слишкомъ высокимъ ценамъ предметовъ первой необходимости. Всъ указанныя выше народности, благодаря климатическимъ условіямъ и общему образу жизни, постепенно утрачивають свои отличительныя особенности и сливаются въ одинъ родъ. Жители тундръ стоятъ на крайне низкой степени развитія: земледълія не существуеть, скотоводство развито крайне слабо, обладание 3-4 оденями считается порядочнымъ уже достаткомъ. Орудія охоты примитивны, ружья, хотя бы кремневыя, не существують, ихъ замъняють лукъ и стрълы. Религіозныя върованія очень неопредъленны, хотя существуеть и которое представление о загробной жизни, съ чъмъ связань обычай анатомированія покойниковь. Изь обычаевь характерны особенно свадебные, обставленные иногда сложными и длинными церемоніями. Половыя отношенія довольно просты -- браки существують между близкими родственниками и кровосмъщение не считается противоестественнымъ. Такова несложная жизнь бъднаго сына тундры, которую природа лътомъ погружаетъ въ безпредъльныя топи, а зимою оковываеть лютыми морозами. И. 10-го ноября, въ общемъ собраніи подъ предсъдательствомъ ІІ. ІІ. Семенова, были избраны дъйствительными членами общества следующія лица: министръ иностранныхъ дълъ графъ М. Н. Муравьевъ, генералъ-лийтенантъ II. В. Сахаровъ, генералълейтенанть Н. К. Шильдеръ, сенаторъ Завадскій, Вильямъ Джексъ — членъ американскаго географическаго общества, А. А. Башмаковъ, С. Н. Велецкій, Б. А. Витмеръ, Н. Г. Волковъ, Н. И. Дамаскинъ, Сетеновъ Джордже, Серъ-Али-**І**япинъ, С. Д. Молчановъ, Р. Н. Савельевъ и В. Н. Тюшовъ. Затъмъ секретаремъ общества А. В. Григорьсвымъ сообщены были нъкоторыя свъдънія объ экспедиціи доктора Тюшова въ Камчатку и совершенныхъ имъ тамъ экскурсіяхъ, вь томъ числъ въ Моржовую бухту, гдъ имъ найдено жельзо, и прочтено донесеніе ІІ. К. Козлова, подъ начальствомъ котораго организована географическимъ обществомъ экспедиція въ Центральную Азію. Донесеніе отправлено изъ г. Кобдо отъ 24-го августа и содержить въ себъ краткое изложеніе хода экспедиціи отъ ея исходнаго пункта, станицы Алтайской, до выше названнаго города, каковое пространство (около 400 версть) было пройдено отъ 14-го іюля до 12-го августа. П. К. Козлова сопровождають А. П. Казнаковь и г. Ладыгинъ. Караванъ состоить изъ 18 человъкъ, 54 верблюдовь и 14 лошадей. Первый приваль быль сдълань въ 7-8 версть отъ Алтайска, у Нарымскаго хребта, и изслъдована близъ лежащая долина Бухтармы, населенная отчасти русскими крестьянами, отчасти киргизами; здъсь была устроена охота на мараловь (видь оденя), весьма цівнюе животное по своимь рогамь, за которые китайцы илатять огромныя деньги. Двигаясь далъе на востокъ по мъстности довольно холодной по климату и бъдной по растительности и животнымъ, экспедиція достигла перехода Уланъ-Даба, мъста русско-китайской границы. Здъсь путешественники раздълились. Козловъ направился въ Кобдо ирямымъ путемъ, а Казнаковъ и Ладыгинъ туда же въ обходъ, отклоняясь къ южному взгорью. Оба пути дали много интересныхъ свъдъній по флоръ, фаунъ и барометрическимъ измъреніямъ и по этнографическому матеріалу. Главная часть экспедици, сь г. Козловымъ, 3-го августа достигла ръки Кобдо, величайшаго водяного пути Монголіи: длина ея около 500 версть, ширина оть 40 до 50 саженъ. Переправившись черезъ Кобдо, экспедиція по горной сърожелтой опаленной мъстности досгигла урочища Алтынъ-Чугуку; по этому пути какъ на перевалахъ, такъ и въ долинахъ на каждомъ шагу попадаются древніе намятники монголовъ — большіл каменныя сооруженія конической формы. Въ Кобдо прибыла экспедиція 12-го августа, а 16 го августа подошеть отрядъ Казнакова и Ладыгина, сдълавъ въ 20 дней 550 верстъ. Изъ наблюденій послъднихъ интересны свъдънія объ озерахъ Кобдо и этнографическій матеріаль (о жизни урунхайцевь). Верхнее и нижнее озера Кобдо лежать другь отъ друга на разстояніи 7-ми версть, а не двухъ, какъ думали ранъе. Длина озера Кобдо 15 версть, а ширина достигаеть 8 версть; прежде наибольшую ширину считали въ 300 саженъ. Озеро покрыто островами, на которыхъ происходять зимовки киргизовь; по берегамъ тучи комаровь, исключительно самцовь; въ озеръ множество рыбы. Урунхайцы представляють изъ себя кочевой народь до крайности бъдный, живущій охотой и грабежомь скога у сосъдей. Они являются даровыми рабочими двухъ китайскихъ фирмъ, закабалившись у нихъ неоплатными долгами около 180 лань (360 тысячь рублей). Управляются урунхайцы настъдственными амбанями. Главной охотой являются у нихъ сурки, шкурки которыхъ продаются по 25 коп. Всъ расчеты ведутся на чай, при чемъ несмотря на свою бъдность, урунхайцы въ расплатахъ крайне честны. По типу они монголы, по языку тюрки. Мужчины носять волосы заплетенными въ трп косы. Изъ обрядовъ интересны — брачные и похоронные, бракъ сопровождается кальмомъ. Покойниковъ отдають на събдение итицамъ и звърямъ. Наслъдство дълять поровну сыновья, дочери идеть 1/3. Судъ происходить по китайскимъ законамъ, кромъ нъкоторыхъ случаевъ, гдъ дъйствуютъ мъстные обычан,-напримъръ, при случаяхъ невърности жены. Изъ Кобдо экспедиція двинулась 25-го августа. Пока, по матеріалу, почерпнутому сравнительно на небольшомъ пространствъ, экспедицію надо признать вполнъ удачной.

Исихологическое общество въ Москвъ. 6-го ноября, происходило публичное засъдание исихологическаго общества, посвященное памяти покойнаго предсъдателя общества профессора Н. Я. Грота. Товарищъ предсъдателя профессоръ Л. М. Лонатинъ открылъ засъдание вступительнымъ словомъ. «Нынъшній годъ», — сказалъ онъ, — «останется очень печальнымъ годомъ въ лътописяхъ московскаго психологическаго общества, схоронившаго за это время многихъ своихъ сочленовъ, видныхъ дъятелей на научномъ и общественномъ поприщъ. Но особенно была неожиданна, особенно поразила всъхъ безвременная кончина предсъдателя общества Н. Я. Грота. Пзвъстіе о смерти его было

встрѣчено съ чрезвычайно горькимъ чувствомъ не только членами исихологическаго общества, хорошо знавшими его и съ нимъ работавшими, но и всъми образованными русскими людьми, любящими философію. Есть люди, значеніе которыхъ крайне трудно охарактеризовать, именно потому, что они чр.звычайно много сдълали; въ этомъ смыслъ очень трудно дать краткую характеристику того, чъмъ быль Н. Я. Гроть для исихологического общества. Не онъ основать его, — онь явился въ Москву, когда общество уже существовало и дъйствовало, но несомнънно Н. Я. быль создателемъ той роли, которую получило московское испхологическое общество вы исторіи русскаго просвъщенія, онь обратиль его вь важную, для всёхъ замётную, общественную силу, въ одинь изь видныхъ русскихъ просвътительныхъ центровъ. Н. Я. сообщиль дъятельности общества такой широкій размахь, о которомъ никто не могь и мечтать при его первомъ возниковеніи: спеціальное по своимъ задачамъ, оно сдълалось однимь изъ нопулярнъйшихъ ученыхъ обществъ Москвы, труды и изданія его получили широкое распространеніе, журналь его «Вопросы Философін и Психологіи» привлекъ общественное вниманіе, заняль почетное мъсто въ общей журналистикъ-и все это совершилось необыкновенно быстро, въ какіе нибудь 2—3 года, едва во главъ общества сталъ Н. Я. Гроть. Прирожденный организаторы и администраторы, обладавшій огромной энергіей, неудержимо шедшій къ однажды наміченной ціли, покойный Н. Я. быль вь то же время добрымь, сердечнымь, замечательно отзывчивымь человекомь. Онь умель заставить и другихъ твердо и неуклонно дъйствовать, умълъ сплотить людей въ одинь дружескій кружокъ. Къ этому нужно прибавить принадлежавшій ему ръдкій дарь популяризатора, благодаря которому Н. Я. умъть всякій сухой, отвлеченный вопросъ сдълать живымъ, доступнымъ и интереснымъ для всъхъ. Только такіе люди обладають способностью обращать философію въ общественное достояние». Заключить свое вступительное слово профессорь Л. М. Лона тинъ сообщениемъ, что для увъковъчения памяти Н. Я. Грота общество постановило учредить премію имени покойнаго за лучшія философскія сочиненія, а также принять участіе чрезь особую комиссію вь веденій изданія сочиненій Н. Я., задуманнаго вдовою покойнаго. Послъ Л. М. Лонатина произнесъ ръчь В. Н. Ивановскій, представившій подробный очеркъ жизни и личности Н. Я. Грота, его воспитанія, служенія, научной и общественной дъятельности, а затъмъ, постъ небольшаго перерыва, Ю. И. Айхенвальдъ сдълаль очеркъ этическихъ возэрвній Н. Я., а П. ІІ. Соколовь охарактеризоваль Н. Я. Грота, какъ мыслителя и человъка.

Реймское евангеліе въ новомъ изданіи 1). Только что вышло въ свътъ напечатанное въ самомъ ограниченномъ числъ экземпляровъ фототипическо з воспроизведеніе одного изъ дрэвнъйшихъ памятниковъ славянской письменности, знаменитаго реймскаго евангеліарія, т. е. книги евангельскихъ чтеній. Пзданіе это принадлежитъ извъстному французскому слависту, профессору Луи Леже; снабжено оно предисловіемъ и библіографическимъ указателемъ и выполнено съ замъча-

¹) L'Evangéliaire Slavon de Reims, dit. Texte du Sacre, par Louis Léger, professeur au Collège de France. Reims, Michaud, éd. & Prague. 1899. 4°.

тельнымъ изяществомъ въ фототинической мастерской Дюжардена. Тревожная, исполненная першетій исторія реймской рукописи тъсно связана съ перем'янчивыми судьбами славянскаго богослуженія въ Чешскомъ королевствѣ XIV вѣка. Вь началь XIV стольтія только католикамь-хорватамь разрышалось употребленіе въ церкви славянскаго языка; но и этоть свой лингвистическій либерализмь Римъ, по своему обыкновеню, сумъть значительно обезцвътить, строго предписавъ довольствоваться исключительно древивними церковными книгами, принятыми еще пзъ Панноніи или списанными въ самой Хорватіи из поздите XII въка. Заимствовать священныя книги у сосъднихъ соплеменниковъ, «схизматиковъ»-сербовъ и еретиковъ-болгаръ, разумъется, запрещалось. Въ половинъ XIV въка Карлъ IV, императоръ римскій и король богемскій, большой любитель славянских в наръчій, просиль папу Климента VI дозволить славянское богослужение и въ нъкоторыхъ мъстахъ Чехіи. Въ Римъ не хотъли обидъть отказомъ императора, но еще менъе желали отмънять латинскую службу; поэтому, хотя дозволение и было дано (въ 1346 г.), но оно простиралось только на одно мъсто. Этимъ мъстомъ явился основанный въ слъдующемъ же году въ Прагъ монастырь въ честь св. Іеронима, Кирилла, Месодія, Войтька и Проконія, «дъдичей» (патроновъ) королевства Чешскаго. Въ этомъ монастыръ богослужение отправлялось по-славянски сначала хорватскими бенедиктинцами, вызванными сюда изъ сеньской епархіп Приморской Хорватіи, а съ теченіемъ времени и вновь поступавшими въ число монаховъ чехами. Въ этотъ-то оплотъ славянизма и подарилъ его основатель, Карлъ IV, кирилловское евангеліе русскоболгарскаго извода. Когда, гдъ и къмъ написано было это евангеліе, какъ досталось оно императору, это и до сихъ поръ остается невыясненнымъ. Современные ученые, не вдаваясь въ другія догадки, относять его къ XI или къ самому началу XII въка. Но среди тогдашней братін пражскаго монастыря св. Іеронима сложилась легенда, по которой «русское письмо» приписывалось самому св. Прокопію, «опату» (игумену) сазавскому, чешскому дъдичу. Въ концъ XIV въка къ древней кириллицъ присоединено было глаголическое евангеле, написанное въ самомъ монастыръ въ 1395 г., какъ свидътельствуетъ чешская приниска благочестиваго писца. Оба евангалія составили одну книгу и были заключены въ богато изукрашенный переплеть. Наступило пятнадцатое стольтіе, настала тяжелая для Богеміи эпоха гусситскихь войнь. Монастырь св. Іеронима, перешель въ руки утраквистовъ, въроятно благодаря этому уцълъть, даже не подвергался разграбленю, благополучно пережилъ бурные годы и продолжаеть существовать и донынь, оставаясь попрежнему въ рукахъ бенедиктинцевъ. Но славянское богослужение замолкло въ немъ навсегда, а вмъсть съ нимъ исчезла и наша рукопись. Существуетъ предположение, высказанное еще Палацкимъ, что пражское евангеліе послано было въ Константинополь членами утраквистскаго совъта, отвъчавшими на обращенное къ нимъ изъ Греціи приглашеніе вступить въ единеніе (унію) съ греческой церковью. Въ Константинополъ, быть можеть, нашель эту книгу столътіемъ позже нъкто Константинъ Палеоканна, списыватель и поставщикъ книгъ кардинала Лотарпнгін, Карла. Какъ бы то ни было, вь концъ XVI въка руконись принадлежитъ этому кардиналу и передается имъ въ собственность реймскаго собора.

Но и въ этомъ относительно тихомъ прибъжищъ не суждено было успокоиться многостранствовавшей книгъ. Въ Реймсъ, по нъкоторымъ извъстіямъ, славянкому евангелію приходилось играть важную роль вь обрядь коронованія французскихъ королей: возлагая руку именно на это евангеліе, король даваль торжественную клятву свято отправлять правосудіе. Отсюда явилось и французское прозвище нашего намятника: texte du Sacre. Но тогдашніе археологи не умъли распознать настоящей національности загадочной книги: въ старинныхъ описяхъ XVII въка она значится, какъ написанная по-гречески, по-сирійски и даже по-индійски. Только въ началъ прошлаго стольтія славянское ея происхожденіе было твердо установлено, но не спеціалистами-палеографами, а проъзжими русскими дипломатами, сопровождавшими царя Петра въ его поъздкъ во Францію. Поздиве заинтересовалась любопытной книгой и императрица Екатерина II: по ся просыбь, французское правительство доставило ей подробный мемуарь о реймской драгодънности. Но началась великая революція, — и эта драгоцинность снова исчезаеть. Ученые начала нынишняго стольтія, какъ Шлецеръ или Сильвестръ де-Саси, считали ся безвозвратно потерянной. Первые представители зарождавшейся тогда славистики, -- Добровскій, Шафарикъ, Копитаръ, - горько оплакивали невознаградимую утрату національнаго сокровища; поэтъ Колларъ въ пламенныхъ стихахъ предавалъ проклятио печестивыхъ якобинцевъ, истребившихъ славянскую святыню. А въ это самое время оплакиваемая рукопись мирно стоить на полкъ реймской городской библютеки и постоянно и акуратно заносится въ ея рукописные каталоги: санкюлоты польстились только на богатыя украшенія переплета, но не коснулись самаго текста... Честь вторичной находки многосградальнаго манускрипта иринадлежить французскому ученому Лун Парису. Эта счастливая находка справедливо сочтена была крупнымъ открытіемъ и возбудила восторженное ликованіе въ славянскомъ ученомъ мірт. От того времени и до последнихъ летъ реймское свангеліе служило и служить предметомь ученыхъ изслёдованій, — его изучають и С. Строевъ, Востоковъ, Погодинъ, Ганка, — и Первольфъ, Будиловичъ, Соболевскій. Въ 1845 году Сильвестръ на средства, дарованныя императоромъ Николаемъ Павловичемъ, издаетъ литографическую, не совсъмъ, впрочемъ, исправную копію оригинала; Ганка и Л. Парись въ болъе дешевыхъ и доступныхъ изданіяхъ печатаютъ тексть нашего памятника и лингвистическія особенности его входять такимъ образомь въ научный обороть славянской филологіи. Наконецъ, въ Парижъ министръ народнаго просвъщенія г. Рамбо представляеть на разсмотрение государя императора нарочно выписанную изъ Реймса рукопись. Тогда же всъ листы ея фотографируются, но снимки появляются только въ числъ четырехъ экземпляровъ, не поступающихъ въ продажу. Но въ настоящемъ своемъ видъ, можно сказать, знаменитое евангеліе появляется впервые только теперь, въ издании профессора Леже. Всъ своеобразности начертанія и налеографическія особенности воспроизведены съ удивительной чистотой и отчетливостью, а роскошные, раскрашенные отъ руки экземпляры прекрасно передають немногочисленныя, къ сожальню, цвътныя заставки и миніатюры. Пространное предисловіе г. Леже отличается всёми обычными качествами многочисленных вработь этого плодовитаго ученаго. Вибліографическій указатель, въ составленіи котораго прималь участіе и В. И. Ламанскій, исчерпываєть, въроятно, всю литературу предмета: мы не нашли въ немъ только статьи П. А. Лавровскаго, помъщенной въ «Опытахъ филологическихъ трудовъ студентовъ главнаго педагогическаго института 6-го выпуска», Спб., 1852 г. По роскоши въ типографскомъ отношеніи 1) къ настоящей книгъ приближаются у насъ лишь нъкоторыя изданія общества любителей древней письменности, а изъ частныхъ издателей развъ только Д. А. Ровинскій съ такой любовью и съ такимъ вниманіемъ слъдиль за воспроизведеніемъ дорогихъ его сердцу старинныхъ гравюръ.

Избраніе въ члены Краковской академіи. Сотрудникъ нашего журнала Г. А. Воробьевь, совътникъ ломжинскаго губернскаго правленія, за свои научные труды, касающієся исторіи и археологіи царства Польскаго, изъ которыхъ многіе появлялись въ извлеченіи на страницахъ «Историческаго Въстника», избранъ Краковскою академією наукъ (academia literarum Cracoviensis) своимъчленомъ-сотрудникомъ.

¹⁾ Въ предисловін, къ сожальнію, вкралось ньсколько опечатокъ.

НЕКРОЛОГИ.

ІЛИПОВЪ, Т. И. 29 ноября, скончался послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни государственный контролеръ, сенаторъ, д. тайн. сов. Тертій Ивановичъ Филиповъ. Покойный принадлежаль къ числу выдающихся государственныхъ дѣятелей. Имя его пользовалось большой извѣстностью и какъ литератора-славянофила и богослова. Т. И. родился въ Ржевѣ 24-го декабря 1825 года, воспитывался въ Тверской гимназіи, затѣмъ кончилъ курсъ въ Московскомъ университетъ со званіемъ кандидата исто-

рико-филологическаго факультета. Свою служебную карьеру онь началь учителемъ русской словесности въ одной изъ московскихъ гимназій. Молодой недагогь не довольствовался учительствомь и занялся одновременно литературой, встунивъ въ составъ молодой редакцін «Москвитянина», имъвшей во главъ М. II. Погодина. Кромъ того, статьи Т. И. печатались въ «Московскомъ Сборникъ». Въ своихъ журнальныхъ работахъ покойный выступилъ горячимъ сторонникомъ славянофильскихъ теорій, и когда «Московскій Сборникъ» прократился, онъ основать вибств съ А. И. Кошелевымъ повый славянофильскій журналь «Русскую Бесьду, вы которомы вы качествы постоянныхы сотрудниковъ принимали участие Хомяковъ, Киртевский, Аксаковъ и Самаринъ. Въ 1856 году Т. И. быль командированъ морскимъ министерствомъ на Донъ и Азовское море для изследованія и подробнаго описанія нравовь и обычаевь мъстнаго населенія. Въ своей журнальной дъятельности Т. И. проявиль знаніе греческаго языка, богословскихъ наукъ и каноническаго права. Бывшій въто время оберъ-прокуроръ св. Синода, гр. А. И. Толстой, пригласилъ его къ себъ въ качествъ чиновника особыхъ порученій. По новой должности покойный приняль участие вы разработк'в многихъ церковныхъ вопросовъ и познакомился

сь литературою раскола и старообрядчества, а также съ бытомы и нуждами православной перкви на Востокъ. Съ 1864 года служебная дъятельность покойнаго сосредочилась въ государственномъ контролъ, куда онъ былъ приглашень организаторомь дъйствующей у насъ контрольной системы В. А. Татариновымъ. Въ 1878 г. онъ быть назначень товарищемъ государственнаго контролера и въ 1889 г. государственнымъ контролеромъ. Одновременно Т. И. продолжать работать и въ различных общественных учрежденіяхъ. Особенно видное участіе онъ принималь въ Славянскомъ благотворительномъ комптетъ. Въ теченіе 1870—1872 гг. Т. ІІ. веть горячую полемику съ Гильфердингомъ и др. но новоду греко-болгарской церковной распри и доказываль неканоничность учрежденія болгарскаго экзархата въ Константинополь. За защиту интересовъ единовърныхъ восточныхъ церквей вообще и Герусалимской въ частности Т. И. быть награжденъ почетнымъ званіемъ епитропа гроба Господня. Въ 70-хъ же годахъ Т. И. выступиль въ обществъ любителей духовнаго просвъщенія съ предложеніемь созвать вселенскій соборь для разрѣшенія различных ь вопросовъ, касавшихся нуждъ единовърныхъ церквей. Весьма видное участие принималь покойный въ дъятельности Императорскаго географическаго общества по собиранію русскихъ пъсенныхъ напъвовъ. По его почину возникла при Обществъ въ 1884 году особая пъсенная комиссія, предсъдателемъ которой Т. И. быль до конца своей жизни. Покойный еще въ студенческие годы обратиль внимание на вымирание народной пъсни и съ тъхъ поръ не переставалъ думать о сохраненій для родного искусства хранимых въ народъ сокровищь. Т. П. быть убъждень, что наши русскіе художники найдуть въ народныхъ напъвахъ богатыя темы для художественныхъ созданій въ области русской самобытной музыки. По его ходатайству были дарованы и сенной комиссіи средства для снаряженія экспедицій съ цілью собпранія русскихь півсень съ напъвами. Экспедицін эти, въ составъ композиторовъ и этнографовъ, собрали въ настоящее время уже болъе 1.000 пъсенъ въ разныхъ губерніяхъ. Покойный Т. И. стремился также поддержать и въ нашей интеллигенціи любовь къ русской ивсив и музыкв и съ этою цвлью приотиль у себя въ Истербургв извъстную «сказительницу» Олонецкой губерній, поощряль балалаечниковь и русскіе хоры. Какъ писатель, покойный, хотя въ его литературной манеръ замъчалось сильное вліяніе изученія отцовъ церкви и византійскихъ историковъ, быль убъжденнымъ противникомъ загрязненія русской ръчи излишними иностранными словами и иностранными оборотами. Когда возникъ въ Истербургъ союзъ ревнителей чистоты русскаго изыка, Т. И. принять на себя въ первое время руководительство занятіями этого союза. Близкое участіе принималь покойный также и въ дът помощи недостаточнымъ сценическимъ дъятелямъ: опъ въ продолжение ижсколькихь лать быль почетнымь предсадателемь Общества вспомоществованія нуждающимся артистамь, преобразованнаго впосл'єдствін въ Русское театральное общество. Перу покойнаго принадлежить, кромъ многихъ статей, напечатанныхъ преимущественно въ «Журналъ министерства народнаго просвъщения», «Русскомъ Въстникъ», «Бесъдъ» и «Диъ», нъсколько крупныхъ сочиненій, изъ которыхъ назовемъ «Современные церковные вопросы» (1882 г.) и «Сборникъ Т. И. Филиппова». За свои научныя застуги покойный быль «истор. въсти.», январь, 1900 г., т. LXXIX. 1/228

избранъ въ почетные члены Императорской Академіи Наукъ, Московской духовной академіи, Императорскаго географическаго общества, Общества исторіи и древностей россійскихъ, константинопольскихъ филологическаго и средневъкового археологическаго обществъ археологическаго общества въ Асинахъ и др. За усердную же и полезную службу онъ имѣлъ всѣ русскіе ордена до св. Владиміра 1-й степени включительно.

Н. О. Николаевскій. 17 ноября 1899 года, пость тяжкой бользии скончался заслуженный ординарный профессоръ С.-Петербургской духовный академін, протоіерей, изв'єстный своими изсл'єдованіями въ области архивныхъ первоисточниковъ но русской церковной исторів. Покойный родился въ 1841 году, воснитывался въ Новгородской семпнаріи и С.-Петербургской духовной академіи. По окончаніи последней, онъ шесть леть служиль приходскимъ священникомъ въ Петербургъ, при Владимір комъ соборъ. Въ 1871 г. Николаевскій быль избрань советомь нетербургской академін вь доценты по канедръ церковной исторіи, которую и занималь до послъднихъ дней своей жизни, будучи въ то же время священникомъ при Тронцкой общинъ сестеръ милосердія (съ 1874 г.). Учено-литературная дъятельность покойнаго профессора началась еще на студенческой скамьъ, когда онъ написалъ рецензію на изданіе Казанской академіи: «Истинное показаніе инока Зиновія Отенскаго», сообщивъ въ ней о найденномъ имъ общирномъ полемическомъ [произведеніи— «Многословномъ посланін» противъ ереси Косого, которое почти цъликомъ заимствовано было преосвященнымъ Макаріемъ въего «Исторію русской церкви». Въ 1868 г., въ «Журналъ министерства народнаго просвъщения» была напечатана Николаевскимъ магистерская диссертація— «Русская проповъдь въ XV и XVI вв. », которая сразу же создала ся автору репутацію самостоятельнаго и серіознаго изслъдователя. Покойный особенно любиль работать надъ архивными матеріалами, для собиранія которыхъ онъ вздиль въ московскіе архивы каждое лъто въ теченіе 20 первыхъ годовъ своей профессорской дъятельности, и которыхъ наконилъ иъсколько богатъйнихъ «портфелей», но изъ нихъ только часть нашла мъсто въ нечатныхъ его трудахъ. Изъ всъхъ періоповъ русской церковной исторіи напоольшее вниманіе Николаевскаго привлекаль семнадцатый выкь, по исторін котораго онь оставиль цілый рядь послівдованій и статей: «Учрежденіе патріаршества въ Россіи» (въ «Христіанскомъ чтенін» за 1879—1880 гг.); «Сношенія русскихъ съ востокомъ объ ісрархической степени московскаго патріарха» (ів., 1880 г.); «Увъщаніе московскаго патріарха Іоасафа II духовенству о выпискъ книги св. Іоанна Златоуста о священствъ и «жезла правленія» (ів., 1881 г.); «Изъ исторіи сношеній Россіи съ востокомъ въ половинъ XVII в.» (ib., 1882 г.); «Обстоятельства и причины удаленія натріарха Никона съ престола» (ів., 1883 г.); «Путешествіе новгородскаго митрополита Никона въ Соловецкій монастырь за мощами святителя Филиппа» (ib., 1885 г.); «Матеріалы для исторіи русской церкви» (ibid.); «Жизнь патріарха Никона въ ссылкъ и заточеніи послъ осужденія его на московскомъ соборъ 1666 г. Историческое изслъдование по неизданнымъ документамъ, удостоенное премін Макарія» (ів., 1886 г.); «Юника Микляевь. Эпизодъ изъ исторін церковно-бытовыхъ отношеній въ XVII в.» (въ «Странникъ» за 1887 г.);

«Патріаршая область и русскія епархін въ XVII в.» (въ «Христіанскомъ Чтенін», за 1888 г.); «Московскій нечатный дворь при патріархъ Никонъ» (ів., 1890 и 1891 г.); «Матеріалы для исторіи раскола въ XVII в.» (ів., 1895 г.) и др. Изъ болъе древняго періода имъ написаны: «Ученые труды Евгенія Болховитинова по предмету русской церковной исторіи (ів., 1872 г.) и «Кіево-Печерскій монастырь въ древней Руси» (ів., 1876 г.), а изъ болье новаго — «Матеріалы по исторіи трехлітняго заключенія православнаго епископа Виктора Садковскаго въ польскихъ тюрьмахъ» (ib., въ 1892 г.), «Русская церковь при императоръ Александръ III» (въ «Перковномъ Въстникъ», за 1894 г.). и мн. др. Всъ изслъдованія и статьи покойнаго профессора отличались документальностью, фактическою полнотою и сжатымъ, но яснымъ паложеніемъ. Почти во всъхъ изъ нихъ приводились новые матеріалы и факты, которые часто колебали общепринятые, установившіеся на извъстный предметь взгляды и пролагали путь къ новой точкъ эрънія. Тъмъ же характеромь и достопнствами отличались и его академическія лекцін и многочисленныя рецензін, исполненныя къ тому же удпвительной объективности и ръдкой библіографической полноты.

+ А. Д. Столышинъ. 17-го ноября, въ Москвъ, скончался членъ Александровскаго комитета о раненыхъ, завъдующій дворцовою частью въ Москвъ, оберъ-камергеръ двора его императорскаго величества, ген.-отъ-артилеріи, генераль-адыотанть Аркадій Дмитріевичь Стольпинъ. Покойный принадлежалъ къ числу боевыхъ генераловъ, участвовавшихъ въ усмирении венгровъ, въ крымской кампаніи и въ постедней русско-турецкой войне. А. Д. пропсходить изъ старинной дворянской фамиліи; родился онъ 26-го декабря 1822 года и получить прекрасное домашнее образование. Шестнадцати лътъ покойный опредълился на службу вольноопредъляющимся въ конную артилерію и, дослужившись до подпрапорщика, вышель въ отставку. Когда русскія войска отправились въ Венгрію, покойный вновь поступиль на военную службу и участвоваль въ усмирении венгровъ, неся обязанности офицера генеральнаго штаба въ партизанскомъ отрядъ полковника Хрулева. За боевыя отличія въ этой кампаніи А. Д. былъ произведенъ въ поручики. При объявленіи войны Турціи, покойный быль назначень адъютантомь при начальник вартиллеріи действовавшей за Дунаемъ армін. Когда же театръ военныхъ дъйствій былъ перенесень на Крымскій полуоостровь, онъ состояль сперва въ распоряженін начальника артиллерін южной армін, затымь вы распоряженій начальника артиллерін крымской армін. При оборонъ Севастополя покойный находился въ рядахъ его славныхъ защитниковъ и показывалъ примъръ неустращимости и храбрости своимъ подчиненнымъ. Ни одна непріятельская пуля не тронула его. За боевыя застуги въ крымской кампаніи и за оборону Севастополя А. Д. быль награждень золотымь оружіемь сь надинсью «за храбрость», званіемь флигель-адъютанта и орденомъ святой Анны 2-й степени съ мечами. По окончаніи крымской войны, онъ состояль при оренбургскомъ и самарскомъ генеральгубернаторъ и командовалъ въ званіи атамана уральскимъ казачымъ войскомъ. Съ 1869 по 1877 годъ А. Л. былъ шталмейстеромъ двора его величества. Объявленіе последней войны Турцін вновь увлекто боевого генерала на

театръ военныхъ дъйствій. Состоя въ распоряженін августъйшаго главнокомандующаго дунайской арміей, онъ участвовать въ нёсколькихъ дёлахъ съ непріятелемъ — и получиль за отличія ордена святого Владиміра 2-й степени п Бълаго Орла-оба съ мечами-и звание генералъ-адъютанта. Во вр мя войны покойный быль назначень генераль-губернаторомь Румеліи и Андріанопольскаго санджака. Постъ войны онъ командоваль 9-мъ армейскимъ и гренадерскимъ корпусами, въ 1889 году былъ назначенъ членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ и въ 1892 году завъдывающимъ придворною частью вь Москвъ. Объ послъднія должности покойный занималь до конца своей жизни, получивъ въ награду за свою усердную и полезную дъятельность брилліантовые знаки ордена святого Александра Невскаго и ордень святого Владиміра 1-й степени. Покойный занимался литературою, музыкой и скульптурой. Имъ составлена «Исторія Россін для народнаго и солдатскаго чтенія». Кло медкія статын и воспоминанія печатались въ разное время въ нѣсколькихъ журналахъ и газетахъ, за подписью «Ст.». Изъ его скульитурныхъ произведеній назовемъ: «Голову Спасителя» (по описанію Флавія) къ проектированной статућ «Се женихъ грядетъ въ полунощи» и «Модель статуи Спасителя». Объ эти работы экспонировались покойнымъ на академической выставкъ въ 1869 году. Какъ человъкъ, А. Д. отличался разносторонними познаніями, энергіей и чуткимъ сердцемъ, всегда откликавшимся на призывы постоять за интересы родины и прійти на номощь ближнему. («Нов. Вр.» № 8524 и 8526; «Моск. Въд.» № 318).

+ В. Н. Невъдомскій. 12-го ноября, въ 3 часа дня, послъ тяжкой бользни скончался на 72-мъ году жизин Василій Николаевичь Невъ омскій. Покойный происходиль изъ извъстной дворянской семьи. Первоначальное воспитание онъ получиль въ извъстномь нъкогда частномь пансіонъ Чермака, затъмъ постуинть въ Московскій университеть, гдъ и окончить курсь однимъ изъ первыхъ кандидатовъ. Вскоръ послъ окончанія университета В. Н. заняль должность чиновника особыхъ порученій при московскомъ генераль-губернаторъ; въ 1854 году онъ перешель на службу вы сенать, гдъ состояль помощникомъ секретаря, а затёмь исполнять должность об рь-секретаря. Позднёе покойный служиль въ министерствъ государственныхъ имуществъ, но, вслъдствіе развивавшейся грудной бользни, должень быль оставить службу. Для поправленія здоровья онъ предпринялъ повздку за границу, гдв пробылъ насколько леть. По возвращении въ Россію въ 1871 году В. Н. вступиль въ число сотрудниковъ газеты «Голосъ», издававшейся А. А. Краевскимъ, а въ стъдующемъ 1872 году быль приглашень редакторомъ-издателемъ «Русскихъ Въдомостей» Н. С. Скворцовымь для постоянныхъ занятій въ редакціи, гдъ В. Н. непрерывно работаль до 1878 года. Интересуясь главнымъ образомъ иностранной политикой, внутренней жизнью западно-европейскихъ государствъ и иностранной литературой, онъ за означенный періодъ времени помъстиль въ газетъ много статей по этимь предметамъ. В. Н. Невъдомскій пріобръль большую извъстность, какъ хорошій нереводчикъ. Въ теченіе болье чымъ двадцати послъднихъ лътъ имъ переведены многія капитальныя произведенія европейской научной литературы, одно перечисленіе которыхъ заняло бы много мъста. Это были по преимуществу историческія сочиненія, переводы которыхъ изданы К. Т. Соддатенковымъ. Изъ сравнительно давнихъ переводовъ укажемъ Э. Гибсона «Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи», Морлея «Руссо», Морлея «Дидро», Гайма «Романтическая школа въ Германіи», Гайма «Гердерь, его жизнь и сочиненія», Брайса «Американская республика»; изъ труда Моммсена «Римская исторія» имъ переведено нѣсколько періодовъ, составнящихъ нѣсколько большихъ томовъ; сравнительно недавно появились его переводы сочиненій Генриха Париса «Пятьдесять лѣть общественной дѣятельности въ Австраліи», Токвиля «Восноминанія», Лависса и Рамбо «Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени». Въ послѣднемъ трудѣ В. Н. Невѣдомскому принадлежить переводъ 1-го, 3-го, 4-го, 5-го и 6-го томовъ. Этотъ послѣдній томъ вышель на-дняхъ. («Русск. Вѣд.» № 315).

🕂 А. И. Цеге-фонъ-Мантейфель. Въ первой половинъ ноября скончался въ своемъ родовомъ имѣнін, сельцѣ Вихровѣ, Серпуховскаго уѣзда, Московской губерній Александръ Петровичь Цеге фонъ-Мантейфель. Потомственный дворянинъ, онъ дома подготовлялся къ поступлению въ Московский университетъ, въ которомъ и кончиль курсъ ученія въ 1856 году. При отличномъ знаніи почти всъхъ европейскихъ языковъ, поступилъ на службу въ Московскій архивъ министерства иностранныхъ дъть, но вскоръ изъ него вышель и ръшиль посвятить всю жизнь своему родному увзду. Въ теченіе слишкомъ тридцати льтъ состояль вь званіяхь участковаго и почетнаго мирового суды, быль убзднымь и губернскимъ гласнымъ, выбирался въ кандидаты къ предводителю дворянства и основаль ивсколько школь вы увздв. При многостороннихъ дарованияхъ, онъ чуть ли не первый изъ русскихъ писателей познакомиль наше общество съ лучшими стихотвореніями Гейне. Переводъ постідняго фонъ-Мантейфелемъ, изданный, если не ошибаемся, въ началъ шестидесятыхъ годовъ, составляеть въ настоящее время библюграфическую ръдкость. Мы знасмъ, что въ портфелъ покойнаго осталась не одна руконись, и между ними переводъ въстихахъ «Гяура Байрона». Названная поэма извъстна русскимъ читателямъ, кажется, болъе по свому названію. Помпмо того, онъ пом'вщалъ не мало корреспонденцій въ «Московскихъ Въдомостяхъ» при М. Н. Катковъ. Кромъ дара къ стихотворству, покойный обладаль громадною начитанностью и такою же намятью. Кромъ того, онъ быль и замъчательнымъ піанистомь: не любиль выступать въ званін артиста на большихъ столичныхъ концертахъ, но охотно игралъ у себя, въ увадв, на публичныхъ вечерахъ съ благотворительною цвлью. Последніе три года Александръ Истровичь страдалъ прогрессивнымъ параличомъ мозга. Первые симптомы этой болъзни произоили у покойнаго по слъдующему любопытному и прискороному случаю. Лътъ пять тому назадъ фонъ-Мантейфель нанечаталь въ одной изъ газетъ некрологь опростившагося, бывшаго помъщика Серпуховскаго ужэда, князя В. В. Вяземскаго, обратившій на себя общее вниманіе. Встёдъ за некрологомь о Вяземскомъ появился длинный рядъ печатныхъ статей и даже цълый романъ г. Боборыкина. У князи явились поклонники, ставившіе его по жизни выше Льва Толстого. Въ это же время, не совсьмъ безызвъстный въ литературъ г. Меньшиковь, знакомый по перепискъ съ Л. П., прівхаль въ его имъніе льтомь 1895 года. Г. Меньшиковь прогостилъ въ сельцъ Вихровъ цълый мъсяцъ, собралъ свъдънія, безъ всякаго разбора, отъ разныхъ лицъ о Вяземскомъ и въ одной изъ осеннихъ книжекъ, составляющихъ прибавленіе къ газетъ «Недъля», опубликовалъ безцеремонное обличеніе домашней жизни не только князя, но и владъльца, гостепріимно пріютившаго писателя новъйшей школы. Произведеніе г. Меньшикова произвело роковое дъйствіе. Съ фонъ-Мантейфелемъ приключился первый нервный ударъ, приготовившій ему дальнъйшую печальную участь. («Моск. Въд.» № 318).

ЗАМЪТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ біографіи А. П. Кернъ.

Мит только теперь удалось прочитать статью В. А. Тихонова «Анна Петровна Кернъ», помъщенную въ майской книгъ «Историческаго Въстника», въ которой необходимо сдълать слъдующія поправки.

Госпожею Кернъ из только восхищались Пушкинъ и Глинка, какъ говоритъ Тихоновъ, но красотою ея быть очарованъ даже императоръ Алексадръ I, о чемь подробно разсказываеть въ своихъ воспоминаніяхъ А. П. Кернъ (см. «Рус. Старину» 1870 года, мартовская книжка), гдъ, между прочимъ, она говоритъ, что государь сказаль, «что я похожа на прусскую королеву (т. е. Луизу). Сходство съ королевой было въ самомъ дълъ, потому что въ Петербургъ одинъ офицерь, бывшій камерь-нажемь во дворцѣ при пріѣздѣ королевы (въ 1809 г.) это говориль моей теткъ, когда меня увидъль. Можеть быть, это сходство повліяло на расположение императора къ такой неловкой и робкой тогда провинціалкъ». А расположение государя къ г-жъ Кернъ было очень велико, такъ какъ, по словамъ самой Анны Петровны, «послъ смотра въ Полтавъ г. Кернъ былъ взыскан ь монаршею милостью. Государь ему прислаль 50,000 руб. за маневры». А затъмъ, сообщая характеристику дивизіоннаго командира генерала Лаптева, она иншеть: «Весьма суровая и непривлекательная личность, принявший сначала мужа весьма неблагосклонно, потомъ сдълавшійся намъ пріятелемь и даже доброжелателемь такъ, что когда но командъ присланъ былъ мнъ великолъпный фермуаръ, подарокъ кума-императора, то онъ привезъмнъ его самъ и выразился весьма фигурально о сіянін отъ брилліантовъ около фермуара... Не приномню хорошенько выраженія, но туть быль очень тонкій комплименть моей красоть. Увы! я не долго пользовалась этимь дорогимь украшеніемь. Мнъ говорили, что этоть фермуарь быль сдълань на заказъ въ Варшавъ и стоиль шесть тысячъ ассигнаціями».

Кромъ того, въ приведенной статъъ г. В. Д. Р—ва изъ «Съвера» 1892 года говорится, что М. И. Глинка, сидя въ квартиръ М. П. Кернъ, сочинялъ свою извъстную «балладу Финна» въ «Русланъ»; это невърно, такъ какъ самъ

Глинка въ своихъ «Запискахъ» (см. «Русск. Старина» 1870 года, май, стр. 491) говорилъ: «Въ мав (1819 г.) я часто посвщалъбарона Дельвига; кромв его милой и весьма любезной жены, жила тамъ также любезная и миловидная барыня Кернъ. Въ йонъ баронъ съ женою, г-жею Кернъ и Орестомъ Сомовымъ (литераторомъ весьма умнымъ и любезнымъ человъкомъ), отправились въ четырех-мъстной линейкъ на Иматру; мы съ Корсаковымъ поъхали вслъдъ за ними на телъжкъ. Съъхавшись въ Выборгъ, вмъстъ гуляли мы въ прекрасномъ саду барона Николаи. Вмъстъ видъли Иматру и возвратились въ Петербургъ. Одинъ пзъ чухонцевъ-ямщиковъ пълъ пъсню, которая мнъ очень понравилась; я заставиль его неоднократно повторить и, затвердивь се, употребилъ потомъ главною темою баллады Финна въ оперъ «Русланъ и Людмила».

Н. Вожеряновъ.

II.

По поводу ископаемыхъ шаровъ.

Въ сентябрской книжкъ «Историческаго Въстника» прошлаго года напеча тана замътка г. С . . . : «Къ вопросу объ ископаемыхъ стеклянныхъ шарахъ». Я самъ собиралъ всякіе ископаемые и вообще древніе предметы и позволяю себъ сомнъваться въ «ископаемости» этихъ шаровъ, лежащихъ въ данную минуту предо мной и въ количествъ 5-ти штукъ.

Какъ извъстно каждому, живущему въ Малороссіи, еще не такъ давно, у замужнихъ малороссіянокъ существоваль обычай покрывать голову такъ называемыми «намитками». Намитка — это длинный, аршинъ 5—6 кусокъ льняной, домашняго производства матеріи, или скоръе ткани, которымъ обвертывались головы, на подобіе чалмы, и затъмъ концы спускались на синну. Эти «намитки» составляли особую гордость и предметъ особыхъ заботъ каждой женщины. Пышностью повязки и качествомъ матеріала «намитки» онъ соперничали другъ съ другомъ; и вотъ для разглаживанія этихъ-то «намитокъ» и существовали у нихъ «пскопаемые шары», покупаемые на мъстныхъ ярмаркахъ въ желъзныхъ и скобяныхъ торговляхъ, по 60—80 кои сер. за штуку.

Въ виду все-таки сравнительно высокой для крестьянина цѣны этихъ импровизированныхъ утюговъ, для ихъ пріобрѣтенія всегда нѣсколько женщинь
дѣлали складчину, внося каждая по 10—15 коп. Процессъ самаго разглаживанія у малороссіянокъ составляль чуть ли не какой-то религіозный обрядъ: въ
«клунѣ» (ригѣ) собпралось 6—8 женщинъ; на полу постилался толстый слой
свѣжей соломы, чтобы упавшій какъ нибудь случайно шаръ не разбился, и затѣмъ женщины становились другь противь друга, парами, брали въ руки концы
«намитокъ», натягивали и перекатывали по нимъ одна къ другой эти шары,
оть чего «намитки» получали особый блескъ и волнистость. По окончаніи разглаживанія, шаръ, называемый въ Малороссіи просто «камнемъ», отдавался
на храненіе какой нибудь особо старой женщинѣ и лежалъ у нея на днѣ «скрыни» (сундука) до новаго случая. Такихъ камней въ каждой деревнѣ, смотря по
ея населенію, бывало 5—10 штукъ. Въ селѣ, гдѣ находится мое имѣніе и гдѣ
я живу, такихъ камней нашелъ я 7 штукъ.

Наводя о нихъ справки, я всегда и вездъ получать одинь и тоть же отвъть, что они куплены на ярмаркъ, а привезены туда купцами оть «майстріевь». Въ силу этого обстоятельства и еще потому, что они находятся въ значительномъ количествъ, я не могу допустить, чтобы они могли быть «ископаемыми», т. е. принадлежать глубокой древности, а если еще принять во вниманіе и ихъ дешевизну, то ихъ «ископаемость» становится совсъмъ подозрительной.

Если признать, что производство этихъ шаровъ относится къ глубокой древности, то вив всякаго сомивнія, что опи были бы находимы только въ древнихъ кургапахъ и могилахъ; теперь же, хотя таковыхъ у насъ на югв и достаточно, но опять таки при ихъ раскопкахъ почти всегда присутствуютъ компетентныя лица, которыя ни въ какомъ случав не упустили бы такихъ сокровищь, какъ стеклянный шаръ, относимый чуть ли не къ временамъ язычества. Я же опять повторяю, что этихъ шаровъ можно при желаніи насобирать по селамъ Малороссіи десятки. Въ Могилевской же губерніи, гдв ихъ нашелъ г. С. . . . , они дъйствительно, могли представлять ръдкость, такъ какъ они туда занесены не иначе, какъ пришлыми малороссами-переселенцами и затъмъ были выброшены за ненадобностю, какъ это встръчается уже и въ Полтавской губерніи тъмъ болъе, что обычай носить «намитки» теперь совсъмъ исчезъ, а для какой либо другой цъли шары эти не пригодны.

Когда я писаль эту замътку, ко мнъ принесли еще одинъ шаръ, отличающийся нъсколько отъ уже у меня имъющихся, и я позволяю себъ его описать.

Формы онъ круглой, слегка силюснутый у полюсовъ и силошной, что замътно изъ его, сравнительно съ величиной, изряднаго въса—1⁷/8 фунта. Въ діаметръ онъ 21/4 дюйма, масса, его составляющая, напоминаетъ простое, зеленое бутылочное стекло, но безъ пузырьковъ воздуха; поставленный противь огня, онъ просвъчиваеть, но не по всей своей массъ, а только тамъ, гдъ цвъть его чисто зеленовато-голубой; нижняя его часть, -- говорю нижняя, принимая за верхъ то мъсто, гдъ замътенъ слъдъ отъ отверстія формы, въ которой онъ выливался, -- бъловато-зеленаго цвъта, съ ясно замътными концентрическими кругами молочнаго цвъта, которые произошли, по всей въроятности, отъ осажденія какого-то красящаго вещества бълаго цвъта, нопавшаго въ стеклянную массу при выливаніи. Скоръе всего это свинець, прибавленный къстеклу для большаго его въса. Какъ я сказаль уже раньше, этоть шаръ сплошной, между тъмъ какъ другіе экземиляры имъютъ внутри большую, или меньшую пустоту. Два такихъ шара, одинъ полый, другой же сплошной, пріобрѣтенные вь томь же сель, переданы въ прошломь мъсяцъ госпожей Т...ной харьковскому профессору г. Багалъю.

Я надъюсь, что мить удастся найти мъсто производства этихъ шаровъ, и думаю, что оно находится, или скоръе находилось, гдъ нибудь не такъ далеко, подъ фирмой ловкаго еврея спекулянта. Если кто нибудь обратить вниманіе на мою настоящую замътку и пожелаетъ заняться изслъдованіемъ этихъ кампейшаровъ, то я готовъ передать таковому лицу имъющіеся у меня экземиляры.

С. Охоньки, Полтавской губ., Прилукского уъзда, попечитель училища

А. Д. Парасичъ.

СЫНЪ НАПОЛЕОНА

(Son fils)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЪСТЬ

ШАРЛЯ ЛОРАНА

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВЪСТНИКЪ»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Тайные документы.

I.

Золотыя ножницы.

ВАДЦАТЬ пятаго іюля 1830 года, въ семь часовъ вечера, маленькій магазинъ французскаго бълья подъ вывъской «Золотыя ножницы» въ улицъ Дель-Орсо, въ Миланъ, кишълъ блестящими посътительницами и модными франтами. Хозяйка магазина, старая дъва, г-жа Лоливъ, сидъла за высокой конторкой и, какъ будто не обращая вниманія на все окружавшее ее, занималась вышиваніемъ, но быстрымъ знакомъ руки она указывала суетившимся продавщицамъ, что та или другол покупательница нуждалась въ ихъ услугахъ.

Ея племянница, Шарлотта, хорошенькая, живая, молоденькая, бѣлокурая дѣвушка, разрывалась на части, чтобъ угодить всѣмъ кліенткамъ и отвѣчать на всѣ вопросы о новыхъ парижскихъ модахъ.

Съ нъкоторыхъ поръ свътское общество Милана каждый вечеръ послъ прогулки на Корсо собиралось въ этомъ магазинъ, чтобъ себя показать и другихъ посмотръть, а также поболтать о новостяхъ. Много романовъ начиналось, развивалось и увънчивалось счастливой развязкой среди грудъ батиста, кисеи, кружевъ, вышивокъ, лентъ и перьевъ, валявшихся на столахъ и прилавкахъ магазина. Старая тетка очень строго наблюдала за влюбленными парочками, нимало не одобряя превращенія своего магазина въ мъ

сто свиданій, но Шарлотга не заботилась о томъ, что тетка называла честью фирмы, а весело порхала изъ ўгла въ уголъ и не умолкая болтала съ кліентами. Впрочемъ, несмотря на эту веселость, которою дышала вся ея прелестная фигура, глаза ея ясно обнаруживали, что она была способна думать и любить.

Въ означенный день общество, собравшееся въ магазинъ «Золотыя ножницы», было особенно избраннымъ и блестящимъ.

Неожиданно въ дверяхъ показался ливрейный лакей и громко произнесъ:

- -- Княгиня Саріа приказала сказать, что она завтра отправляется въ Вѣну, а сегодня заѣдетъ, чтобъ посмотрѣть, готовы ли ея заказы.
- Хорошо,—отвѣтила Шарлотта:—все готово и уложено въ трехъ картонкахъ.

Имя княгини Саріа тотчасъ послужило предметомъ общаго разговора.

— Неужели красавица Полина насъ покидаетъ?—произнесъ чейто голосъ, и со всёхъ сторонъ посыпались замъчанія, догадки, предположенія относительно отъвзда одной изъ звъздъ миланскаго свъта.

Княгиня Полина Саріа была молодая, богатая аристократка. Три года тому назадъ, послъ смерти мужа, она поселилась въ своемъ родномъ городъ Миланъ, благодаря тому, что ея мужъ, знатный венгерскій магнать, скомпрометироваль себя участіемь възаговор'в противъ австрійскаго правительства, и его крупныя помъстья были секвестрованы, а слъдовательно ей нельзя было оставаться въ Вънъ. Несмотря на всю ен очаровательность, грацію и любезность, княгиня отличалась гордостью, и ее упрекали, что, вкусивъ прелестей вънскаго свъта, она надменно презирала свое родное миланское общество. Но въ сущности удаленная изъ столицы за чужую вину и слишкомъ умная, чтобъ на это громко жаловаться, княгиня Саріа рішилась вести въ Милані жизнь по своему желанію. Она посъщала и приглашала кого хотьла и отворачивалась отъ глупыхъ, скучныхъ людей, а вибстб съ темъ светскія сплетни не могли набросить на нее ни мальйшей тыни какой нибудь скандальной исторіи. Поддерживая постоянную переписку съ княземъ Меттернихомъ и эрцгерцогиней Софіей, она въ то же время выражалась объ офиціальныхъ вінскихъ сферахъ такъ смъло и независимо, что ее подозръвали въ двойной игръ. Но она не обращала никакого вниманія на всѣ толки, и какъ только появлялась въ светскихъ гостиныхъ, то все прикусывали языки передъ ея привлекательной красотой, любезнымъ обращениемъ и остроумной рѣчью. Ея черные глаза такъ ярко сверкали, что, по словамъ графа Бальди, безуспъщно ухаживавшаго за нею три года, его уродство стушевывалось подъ ея лучезарными взорами.

Неудивительно, что извъстіе объ отъъздъ княгини Саріа всполошило сливки миланскаго общества.

- Увъряють, что съ нея сняли опалу,—говорила одна изъ посътительницъ магазина «Золотыя ножницы».
 - А развъ она была въ опалъ? -- спрашивала другая.
 - Я ничего не понимаю въ ен исторіи, отвічала третья.
 - Говорять, что она выходить замужь, заметила четвертая.
- И за князя Меттерниха,—воскликнула пятая:—онъ къ ея счастью овдовълъ.
- Я не люблю такихъ гордячекъ,—произнесла гнусливымъ голосомъ графиня Скатти:—разговаривая съ вами, она словно даритъ васъ милостью.
- Поэтому-то она такъ часто и говорить съ графомъ Бальди, иронически замътила маркиза Руга.
- Это клевета,—неожиданно раздался мужской голосъ, и всъ съ удивленіемъ взглянули на говорившаго.

Это быль молодой, скромный юноша, который до техь поры почти скрывался за пышными юбками пожилой аристократки, вокругь которой онь вертёлся.

- Асканіо!—произнесла она строгимъ тономъ, но, повидимому, мнѣніе юноши раздѣлялось и другими.
- Княгиня Саріа слишкомъ умная и благородная женщина, чтобъ терять время на свътскія интриги,—сказалъ Луиджи Порта:—если она дъйствительно возвращается въ Въну, то вы увидите, что весь міръ заговорить о ней.
- Какъ вы восторгаетесь ею!—промолвила маркиза Герарди тономъ выговора:—миъ пора ъхать, а вы, въроятно, Луиджіо, будете ждать княгиню Саріа.
 - Нисколько. Я провожу васъ, если позволите.

И маркиза удалилась со своимъ кавалеромъ.

Мало - помалу магазинъ началъ пустъть, и вскоръ остались только двъ или три кліентки. Но зато явился новый посътитель—патеръ.

П.

Паспортъ.

Аббатъ Галотти былъ типичнымъ патеромъ: здоровый, полный, обходительный, онъ ничёмъ не напоминалъ, кроме одежды, своего сана. После окончательнаго паденія Французской имперіи и возвращенія австрійцевъ въ Миланъ, многія изъ духовныхъ лицъ сделались энергичными агентами австрійскаго правительства. Въ числе ихъ находился Галотти. Онъ не питалъ глубокой ненависти кътемъ или другимъ чужестранцамъ, но находилъ, что лучше слу-

жить австрійцамъ и пользоваться ихъ милостями, чёмъ компрометировать себя дружбой съ французами. Онъ добился офиціальной должности, хотя очень не важной, именно секретаря провинціальнаго совёта, но умёлъ оказывать услуги и въ этомъ скромномъ званіи. Онъ бывалъ всюду и зналъ всёхъ. Ловкій, вкрадчивый, онъ доставлялъ необходимыя свёдёнія сильнымъ міра сего и производилъ поборы съ слабыхъ; но все это дёлалъ мягко, нёжно, не возбуждая непріятностей.

Онъ вошелъ въ магазинъ «Золотыя ножницы», когда вев посътительницы покидали его, и, обратившись къ Шарлоттв, задалъ ей цълый рядъ вопросовъ:

— Вы просили въ канцеляріи паспортъ? Вы отправляетесь въ Австрію по дёламъ торговли или по семейнымъ обстоятельствамъ? Вы ёдете однё или вдвоемъ? Надолго ли вы отправляетесь? Какой вы поёдете дорогой? Въ какихъ городахъ вы остановитесь?

Молодая девушка сначала смутилась, но потомъ воскликнула со смёхомъ:

— Неужели надо отвъчать на всъ ваши вопросы? Еще не извъстно, когда я поъду. Я заранъе попросила паспортъ, чтобъ онъ былъ готовъ на всякій случай.

Аббатъ былъ удивленъ, даже опечаленъ этимъ отвътомъ.

- Я очень сожалью, - произнесть онъ: — но вы, кажется, не знаете, что императорское правительство не можеть выдавать условныхъ паспортовъ. Конечно, такіе паспорты были бы очень удобны, но въ послъднее время много паспортовъ затерялось, и потомъ они очутились въ чужихъ рукахъ. На этомъ основаніи его высочество вице-король приказалъ не выдавать иначе паспорты, какъ лицамъ извъстнымъ и на извъстную надобность.

Шарлотта снова смутилась.

- Однако,--отвътила она:—я не понимаю, какъ паспортъ, выданный на имя бълошвейки, г-жи Лоливъ, можетъ нарушить общественный порядокъ.
- Все возможно. Во всякомъ случат вы получите паспорть только подъ условіемъ, чтобы вы опредълили время, когда имъ воспользуєтесь.

Молодая дъвушка прикусила себъ губу и послъ минутнаго размышленія сказала:

- Хорошо; я постараюсь выбхать въ семидневный срокъ; такъ какъ, повидимому, не паспорты выдаются для путешественниковъ, а путешественники созданы для паспортовъ.
- Я понимаю, что эти порядки удивляють чужестранцевъ. вамътилъ съ улыбкой патеръ: —вы, кажется, француженка.
 - Парижанка.
- Прекрасно. Намъ извъстно, что ваша семья уже давно содъйствуеть водворенію въ Ломбардіи вкуса къ парижскимъ модамъ.

Но что вы нам'трены д'тлать въ Втнъ? Основать отд'тление вашего магазина?

- Можеть быть. Но прежде постараюсь найти новыхъ заказчицъ, а потомъ увижу.
 - Значить, ваше путешествіе дёловое, а поёдете вы однё?
 - Нътъ, я возьму съ собой одну изъ продавщицъ.
 - А долго ли продлится ваше отсутствіе?
 - Мъсяцъ, или шесть недъль.
- Хорошо. Теперь не угодно ли вамъ зайти въ канцелярію, указать ваши примъты и уплатить деньги, а затъмъ, въроятно, вамъ выдадутъ паспортъ. Ахъ, да я и забылъ, вы не берете съ собой ни родственника, ни слуги, однимъ словомъ никакого мужчины?
 - Конечно, ивть, но зачёмъ вы это спрашиваете?
 - Зачёмъ? Зачёмъ? Это ужъ касается политики.
 - Какъ политики?
- Да. Проклятые заговорщики постоянно нарушають порядокъ въ нашихъ прекрасныхъ итальянскихъ провинціяхъ. Либералы, бонапартисты, карбонаріи, всё эти негодяи думають только объ устройствъ мятежей, и губернаторъ ръшилъ, чтобъ помъшать ихъ бъгству... Впрочемъ, я заболгался, а время идетъ. Мнъ остается только отвъсить вамъ, сударыня, низкій поклонъ.

Шарлотта поняла, что если ей нуженъ быль паспорть, а въ немъ была крайняя необходимость и какъ можно скоръе, то ей слъдовало ръшиться на смълый шагъ. Недолго думая, она громко сказала, обратясь къ одной изъ продавщицъ:

— Элиза, заверните и пошлите по адресу патера дюжину отборныхъ воротничковъ, какіе дълаютъ для монсиньора Дель-Сонцо.

Говоря это, она не покраснъла; но аббать не измънился въ лицъ, и хотя промолвилъ: «нътъ, не надо», но такимъ тономъ, который ясно выражалъ согласіе принять взятку.

- Оставьте, оставьте, произнесла молодая дівушка: вы увидите, что послі нашей работы вы не захотите носить других воротничков, а мий очень пріятно доказать вамъ мою благодарность за вашу любезность.
- Ну, хорошо,—отвъчалъ патеръ,—а я и забылъ, что у меня въ карманъ есть всегда готовые паспортные бланки. Губернаторъ мнъ такъ довъряеть, что дозволяеть выдавать ихъ лицамъ, мнъ хорошо извъстнымъ. Дайте мнъ перо, и я впишу необходимыя свъдънія.

Онъ вынулъ изъ кармана паспортный бланкъ, сълъ къ столу, вписалъ въ бумагу все, что было необходимо, и, подавая Шарлоттъ, сказалъ:

— Вотъ и готово. Пожалуйте три дуката.

Получивъ деньги, онъ взялъ завернутые для него воротнички и сказалъ:

— Не безпокойтесь посылать, я и самъ снесу.

Потомъ, любезно поклонившись, онъ вышелъ изъ магазина съ спокойною совъстью. Не даромъ онъ былъ патеръ и секретарь провинціальнаго совъта.

Ш.

Тетка.

Не успѣлъ исчевнуть за дверью патеръ, какъ тетка Шарлотты вышла изъ-за своей конторки. Это была маленкая, толстенькая, сѣденькая старушка, въ сѣромъ шелковомъ цлатъѣ и старомодномъ чепцѣ съ длинными завязками. Ея золотыя очки, такая же золотая цѣпочка съ ключами и ажурные чулки, обрисовывавшіе маленькія ножки въ миніатюрныхъ туфляхъ, доказывали, что она принадлежала къ достаточной, буржуазной средѣ и еще не отказывалась отъ желанія нравиться.

- Что это за бумагу принесъ тебѣ, Шарлотта, этотъ негодяй патерь?—спросила она.
 - Паспортъ.
 - Для тебя?
 - Да.
- Ты уѣзжаешь? Куда? Отчего ты раньше мнъ объ этомъ не сказала?

Въ тонъ старухи слышались удивленіе, недовольство и печаль, въ особенности послъдняя. Ее оскорбляла мысль, что племянница не довъряеть ей.

- Я хочу распространить наше дёло и придумала эту потадку совершенно неожиданно. Къ тому же еще ничего не решено.
- Хорошо. Но знаешь, Шарлотта, я вижу съ сожалвніемъ, что ты хочешь вмішаться въ чужія діла. Иностранцы не должны принимать участія въ политическихъ ділахъ той страны, которая оказываеть имъ гостепріимство. Мні очень понравился твой женихъ; онъ серіозный и основательный молодой человікъ. Но меня пугаетъ то, что онъ развиваеть опасныя идеи. Онъ просто заговорщикъ и принимаеть участіе въ тайныхъ обществахъ. Несмотря на всю его доброту и честность, онъ въ состояніи забыть жену и дітей для исполненія того, что считаеть своимъ долгомъ. Однимъ словомъ, онъ намітренъ поднять Миланъ и всю Италію противъ Австріи. А ты хочешь ему въ этомъ помочь потому, что ты его любишь и восторгаешься имъ, а этоть паспорть ты взяла для него, на случай его бітства.

- Если-бъ такова была моя цёль, отв'вчала Шарлотта: то плохо же я достигла ея. В'ёдь паспортъ-то женскій.
- Не издъвайся, Шарлотта, надъ своей старой теткой. Развъ женскій паспорть не можеть служить мужчинь? Нѣтъ, право, послушай меня. Не подобаеть француженкамъ вмѣшиваться въ дѣла карбонаріевъ и жандармовъ. Если же Фабіо цѣнить свободу своей родины выше спокойствія жены, то не выходи за него замужъ. Вотъ и все.
- А если дъло идетъ не объ Италіи,—воскликнула Шарлотта: если люди, о которыхъ вы такого дурного мнънія, хотять спасти француза—несчастнаго французскаго принца, и возвратить его...
- О комъ же ты говоришь? Не о сынъ ли Наполеона? Не о герцогъ ли Рейхштадтскомъ?
 - Именно о немъ.
- Онъ, должно быть, теперь большой. Ему лътъ двадцать. Я еще теперь вижу передъ собой праздники въ Парижъ по случаю его крещенія. А какую ему колыбель подарилъ городъ Парижъ! Такъ вотъ о комъ идетъ ръчь. Но я, право, не понимаю, зачъмъ жертвовать своей жизнью, чтобъ вернуть въ Парижъ Римскаго короля. Да и намъ съ тобой лучше продавать шарфы, чъмъ заниматься политикой.
- Да будемъ продавать шарфы, воскликнула Шарлотта: и отвернемся отъ молодыхъ людей, которые посвятили свою жизнь геройскому дёлу.
- Бѣдное дитя мое, отвѣчала тегка, смотря пристально на племянницу и теперь неожиданно понимая, какая нравственная перемѣна произошла въ сердцѣ и мысляхъ молодой дѣвушки:—значить, ты вполнѣ отдалась этому дѣлу. Но что же будетъ съ нами? Ты знаешь австрійскую полицію. Она все знаетъ, а чего не знаетъ, то сочиняетъ; въ концѣ концовъ у нея есть Шпильбергь, крѣпость въ Моравіи. Туда сажаютъ всѣхъ недовольныхъ, а тамъ очень, очень худо. Пощади себя и меня, дитя мое. Положимъ, что благородно посвятить себя освобожденію бѣднаго, юнаго узника. Я уважаю отъ всего сердца Фабіо, но мы не можемъ ничего сдѣлать. Твои родственники перебрались сюда изъ Парижа, именно что-бъ избавиться отъ превратностей политики, а ты хочешь вовлечь насъ снова въ политическій водовороть. Одумайся, пока еще не поздно.

Въ эту минуту извив послышался шумъ. Онъ быстро приближался, и съ каждой минутой становилось ясибе, что невдалекъ происходили уличные безпорядки.

Неожиданно наружная дверь магазина съ трескомъ отворилась, и вбъжала продавщица Елиза съ крикомъ:

— Весь городъ возсталъ. Улица полна солдатами. Вокругъ театра Ла-Скала произведены аресты. Всъ магазины запираются. Сосъди совътуютъ и намъ сдълать то же.

Не успъла она произнести этихъ словъ, какъ дверь снова отворилась, и на этотъ разъ осторожно, тихо прокрался въ нее Фабіо.

Но онъ теперь не походилъ на того серіознаго, мирнаго, буржуазнаго юношу, котораго любила Шарлотта. Одежда его была въ безпорядкъ, черные волоса всклочены, и все въ его фигуръ свидътельствовало, что онъ спасся отъ большой опасности.

- Простите меня, что взошель къ вамъ, сказалъ онъ, обращаясь къ испуганнымъ женщинамъ: — но за мной гнались полицейскіе агенты.
- Вы хорошо сдълали, что избрали своимъ убъжищемъ нашъ домъ, отвъчала тетка, выходя впередъ и устраняя Парлотту: но мы двъ беззащитныя женщины. Какую же помощь мы можемъ вамъ оказать?

Позвольте миѣ только пройти черезъ вашу квартиру и спастись въ другую дверь, выходящую въ переулокъ.

Старуха побъжала впередъ, чтобъ указать дорогу юношть, но онъ удержалъ ее.

- Нътъ, воскликнулъ онъ, не показывайтесь вмъстъ со мной, это можеть васъ скомпрометировать. Благодарю васъ. Пропайте.
- И, поцъловавъ руку Шарлотты, слъдовавшей за нимъ, Фабіо исчезъ за дверью.
- Берегите себя и помните, что у васъ здѣсь остался другь, крикнула Шарлотта.
 - Два друга, прибавила тетка.

Не успъли объ женщины вернуться въ магазинъ, какъ на улицъ послышался стукъ экипажа.

Спустя минуту, въ дверь вошла княгиня Саріа, въ сопровожденіи графа Бальди.

— Я думала, что никогда не доберусь сюда, — сказала она: — ну, здравствуйте.

IV.

Княгиня Саріа.

Онъ совершенно забыли объ ожидаемомъ посъщении знатной кліентки и теперь принялись ухаживать за нею съ тяжелымъ сердцемъ. Онъ должны были говорить о тряпкахъ, а сами думали о той ужасной драмъ, каторая, быть можеть, разыгрывалась въ двухъ шагахъ отъ ихъ дома.

— Благодарю васъ, графъ,—говорила между тъмъ княгиня совершенно спокойно:—безъ васъ я не проникла бы сюда чрезъ всю эту массу полицейскихъ. А миъ необходимо посовътоваться съ

г-жей Лоливъ насчетъ кружевъ и перьевъ. В'ёдь я завтра 'ёду въ Вёну.

- Такъ это правда, княгиня, вы уважаете?—спросилъ печально Бальди.
- Конечно, правда, но, пожалуйста, не въшайте носа. Вы очень милый человъкъ, и я вамъ много благодарна за то, что вы и еще нъсколько другихъ любезныхъ кавалеровъ сдълали для меня жизнь въ Миланъ пріятной. Но нельзя всегда слушать изящныя разсужденія объ искусствъ или любви и вдова не очень старая, не очень уродливая и не очень глупая, естественно желаетъ себяноказать и людей посмотръть, какъ только ей дали свободу.

Графъ Бальди вмѣсто отвѣта покачалъ головой. Онъ принадлежалъ къ числу свѣтскихъ итальянскихъ франтовъ, для которыхъ вся жизнь заключалась въ томъ, чтобъ ухаживать за женщинами, декламировать знаменитые сонеты и распознавать съ перваго взгляда картины Леонарди или Больтрафіо. Ему льстило, что княгиня Саріа, самая гордая и недоступная красавица Милана, являлась всюду опираясь на его руку, и ея отъѣздъ потому его такъ печалилъ, что нарушалъ пріятно сложившуюся для него жизнь.

— Я должна отдать вамъ справедливость, — продолжала княгиня: — что вы менте эгоисть, чтмъ другіе. Вы очень преданно ухаживаете за женщиной, которан вамъ нравится, обходитесь съ нею очень почтительно, чрезвычайно услужливы и мало требовательны. Вотъ видите, я просто слагаю о васъ мадригалъ. Но довольно, до свиданія. Я высоко васъ цтню, какъ cavalier servante, но вы не годитесь въ камеристки, а мнт надо здтсь примтрять туалеты.

Бальди протестоваль и заявиль, что онъ не оставить княгиню и проводить ее домой, такъ какъ въ городъ не спокойно.

— Да, скажите, что происходить? — воскликнула княгиня:—я очень интересуюсь этими миніатюрными революціями, которыя отъ времени до времени переворачивають вверхъ дномъ нашъ бъдный Миланъ. Зачъмъ дълають обыски и аресты?

Пока Бальди въ полголоса объяснялъ княгинѣ, что совершалось въ городѣ, гдѣ произвели обыски, кого арестовали, и какія мѣры принимались, чтобъ успокоить взволновавшуюся молодежь, тегка и племянница съ ужасомъ прислушивались къ шуму, который теперь раздавался не только на улицѣ, но и въ переулкѣ. Спустя нѣсколько минутъ, Фабіо снова появился въ магазинѣ.

- Домъ окруженъ со всёхъ сторонъ,—сказалъ онъ, подходя къ Шарлоттъ.
 - Значить, нъть спасенія?- спросила молодая дъвушка.
- Нътъ; въ концъ переулка стоятъ солдаты, а въ домахъ всъ двери и окна закрыты. Я не боюсь ареста, но на мнъ бумаги, которыя могутъ компрометировать многихъ друзей. Пусть меня поса-

дять въ Шпильбергь, но только бы эти бумаги не попали въ руки полиціи. Можете вы спрятать ихъ, Шарлотта?

Молодая дъвушка еще болъе поблъднъла, но она отвъчала твердымъ голосомъ и съ лихорадочно сверкающими глазами:

- Мы не одни.

И она указала незамътнымъ движеніемъ головы на княгиню Саріа и графа Бальди, которые продолжали разговаривать въ полголоса.

— Я боюсь, что въ нашемъ домѣ сейчасъ сдѣлають обыскъ, какъ въ сосѣднихъ,—предолжала Шарлотта:—но я васъ люблю, Фабіо, и согласилась сдѣлаться вашей женой; значитъ, я васъ не покину въ опасности. Я открою сейчасъ картонку, и вы бросите туда ваши бумаги. Я отвѣчаю за все остальное.

Она подошла къ столу, на которомъ стояли три картонки, приготовленныя для княгини, и приподняла крышку одной изъ нихъ, а Фабіо быстро спряталъ подъ кружевной шарфъ маленькій, плоскій, четыреугольный конверть, запечатанный сургучемъ.

Это движеніе не укрылось отъ вниманія княгини Саріа, которая, не переставая слушать графа Бальди, зорко слідила за молодыми людьми съ самаго появленія въ магазинів Фабіо, который поразиль ее энергичнымъ выраженіемъ своего лица.

— Все это очень интересно, мой другь, — перебила она графа на полусловъ:—но неужели нашъ добрый губернаторъ придаетъ серіозное значеніе заговорамъ? Въдь это просто забава молодежи и больше ничего. Право, напрасно поднимаютъ на ноги столько солдатъ и полицейскихъ, чтобы схватить полдюжины дураковъ, которые въ концъ концовъ сами прекратятъ свои комедіи. Не правда ли, я говорю разумно? — прибавила она, подходя къ Шарлоттъ и открывая одну изъ картонокъ.

На эти слова отвъчалъ Фабіо, который хотълъ отвлечь вниманіе княгини отъ картонокъ и дать время Шарлоттъ спрятать конвертъ. Къ тому же его оскорбило сомнъніе, выраженное гордой аристократкой въ неискренности его друзей, желавшихъ освободить родину.

- Княгиня Саріа, кажется, родилась итальянкой,—сказаль онъ: неужели она съ улыбкой взглянеть на смерть своихъ соотечественниковъ, пожертвовавшихъ жизнью за освобожденіе Италіи?
- Княгиня Саріа видить и ділаеть, что хочеть, произнесла она, не покраснівь оть нанесеннаго ей оскорбленія.

Въ глубинъ своего сердца она почувствовала, что юноша былъ правъ. Ей не слъдовало смъяться надъ революціонерами, къ которымъ принадлежалъ ея мужъ, и пъть въ унисонъ съ офиціальными дамами вице-королевскаго двора, выше которыхъ она всегда себя ставила.

— Это мои заказы,—прибавила она, обращаясь къ Шарлоттъ, принимая совершенно иной тонъ.

Молодан девушка, между темъ, успела отодвинуться съ драгоценными бумагами, хотя и не закрыла ея.

- Да, княгиня,—отвътила Шарлотта, до того смущенная, что она не могла сопровождать своихъ словъ улыбкой, обязательной въразговорахъ съ кліентами.
- Бальди, посмотрите, что это шумять на улиць, сказала княгиня:—право, этоть шумъ становился нестерпимымъ.

Дъйствительно, волненіе на улицъ усиливалось, и Бальди, выйдя за дверь, вернулся черезъ минуту съ неблагопріятнымъ извъстіемъ.

— Къ сожалънію, княгиня,—сказалъ онъ:—нельзя помъщать людямъ исполнить свою обязанность. Они сдълали обыскъ во всъхъ сосъднихъ домахъ, и теперь наступила очередь этого магазина.

Хозяйка магазина выступила впередъ. Кокетливую старую дѣву теперь нельзя было узнать. Блѣдное лицо ея поражало выраженіемъ твердой рѣшимости, а глаза гнѣвно сверкали.

- Въ моемъ магазинъ нътъ никого, кто бы не имълъ права находиться,—сказала она спокойно, и голосъ ея нимало не дрожалъ.
- Пусть войдуть, —произнесла съ улыбкой княгиня: —посмотримъ, какъ полиція дълаеть непріятности мирнымъ людямъ. Вы, графъ, поручитесь за насъ?
- Будьте, спокойны, отвъчалъ Бальди, принимая на себя важный видъ.

По незамътному знаку Шарлотты, Фабіо отошелъ въ ту сторону магазина, гдъ было темнъе. Спустя минуту, въ дверь вошло нъсколько жандармовъ, которые стали по объ ея стороны. Затъмъ явился офицеръ; приложивъ руку къ треугольной шляпъ, онъ подошелъ къ конторкъ и спросилъ:

- Сюда вошелъ кто нибудь?
- -- Сюда входило много людей,—началъ графъ Бальди, но Фабіо перебилъ его и, выступая впередъ, произнесъ:
 - Я здъсь.

Шарлотта вздрогнула отъ ужаса, а княгиня поблъднъла.

- -- Кто вы такой?--спросиль офицерь.
- Фабіо Гандони, гражданинъ Милана, адвокатъ.

Офицеръ взглянулъ на бумагу, которую держалъ въ рукахъ, и промолвилъ вполголоса:

— Это онъ. Опасный заговорщикъ. Одинъ изъ вожаковъ движенія.

Громко же онъ прибавилъ:

- Что вы туть дълаете?
- Я шелъ по улицъ, отвъчалъ Фабіо: и, увидъвъ безпорядки, завернулъ въ этотъ магазинъ. Я знаю этихъ дамъ, хотя очень мало.

И онъ бросилъ выразительный взглядъ на тетку и племянницу.

— Мы хорошо васъ знаемъ, Фабіо,—воскликнула Шарлотта:—и очень любимъ.

Юноша покраситьть; тетка одобрительно кивнула головой, а княгиня Саріа, положивъ руку на плечо молодой дъвушки, произнесла шепотомъ:

- Не поддавайтесь вліянію вашего добраго и благороднаго сердца, дитя мое. Чёмъ меньше вы будите говорить, тёмъ лучше.
 - Это мой женихъ, отвътила съ гордостью Шарлотта.
 - Какое до этого дёло жандармамъ!

Однако офицеръ обратилъ вниманіе на слова Шардотты и подумалъ: «Если здёсь знаютъ Фабіо Гальдони, то, можетъ быть, этимъ дамамъ извёстны и его планы. Надо быть осторожнымъ».

И онъ громко произнесъ, обращаясь къ Фабіо:

- Хорошо. Подождите того, кому поручено васъ допросить. А кто же эти дамы?—прибавиль онъ.
- Это княгиня, Capia, отвъчалъ Бальди: вы, въроятно, знаете ее по имени, а хозяйку магазина и ея племянницу зовутъ Лоливъ, и я за нихъ ручаюсь.
 - Прекрасно, а вы кто?
- Развъ вы меня не узнаете? Я графъ Цезарь Бальди, почетный камергеръ его высочества, вице-короля.
- Простите, ваше превосходительство,—отвѣчалъ офицеръ,—но я не здѣшній; я командую отрядомъ на дорогѣ въ Комо. Насъ вызвали сегодня въ городъ по случаю необходимыхъ арестовъ

Не зная, какъ выйти изъ непріятнаго положенія и какъ вести себя съ столь важными особами, онъ сталъ молча ходить взадъ и впередъ по магазину, очевидно дожидаясь кого-то.

- Однако Галлони не торопится,—произнесъ онъ, подходя къ жандармскому унтеръ-офицеру, стоявшему у дверей.
- Извините, господинъ офицеръ—воскликнулъ Фабіо, подходя къ нему:—вы, кажется, упомянули имя Галлони?
- Да. Онъ будетъ васъ допрашивать. Ему, повидимому, поручено произвести сегодняшніе аресты.

Юноша поблъднълъ. Теперь все было для него ясно. Галлони былъ шпіонъ. Онъ предалъ его и другихъ товарищей. Этотъ гнусный человъкъ поступилъ въ ихъ тайное общество, прикинулся патріотомъ и, узнавъ всё ихъ планы, донесъ полиціи. По счастью, ему не было извъстно, что у Фабіо находились важныя бумаги, хотя онъ зналъ, что онъ касались плана освобожденія узника коалиціи, герцога Рейхштадтскаго, который, вступивъ на французскую территорію, долженъ быть подать сигналъ къ освобожденію всъхъ угнетенныхъ народовъ. Фабіо чувствовалъ, что онъ погибъ. Но онъ еще болъе сожалъль о неудачъ смълаго предпріятія.

Шарлотта смотрѣла на него съ отчаяніемъ.

— Что съ нимъ?—думала она:—отчего это имя такъ страшно подъйствовало на него?

Неожиданно ея глаза остановились на двери, и она вздрогнула. Въ магазинъ кто-то вошелъ.

— Какая отвратительная фигура!—промолвила невольно молодая дъвушка.

V.

Галлони.

Дъйствительно Галлони былъ отвратителенъ даже по внъшности.

Средняго роста, худощавый, костлявый, онъ отличался блёднымъ лицемъ, всё черты котораго выражали звёрскую жестокость и низкіе инстинкты. Только большіе, живые глаза поражали бы красотой, еслибъ ихъ взглядъ не былъ хитрый, лицемёрный, коварный. Одётъ онъ былъ весь въ черномъ, и такой же черный галстухъ, сжимавшій длинную шею, высоко поддерживалъ его голову.

— Ну, поручикъ, — сказалъ онъ: — вы поймали птицу. Да, это онъ. Ну, товарищъ, заставилъ же ты себя искать. Выходи къ отвъту.

Фабіо не удостоилъ шпіона ни однимъ словомъ отвѣта, а, обратившись къ офицеру, произнесъ:

— Съ которыхъ поръ сообщникъ допрашиваеть виновнаго? Признаюсь, я ненавижу австрійское правительство и часто говорилъ дурно о немъ, но этотъ человъкъ подбиваль насъ убивать по одиночкъ солдать, стоящихъ на часахъ. Можетъ быть, мы безумцы, но онъ подлецъ.

Офицеръ, повидимому, раздълялъ мнъніе Фабіо и презрительно взглянулъ на Галлони.

- Вашъ женихъ молодецъ, дитя мое,—сказала княгиня на ухо Пцарлоттъ.
- Ваши слова только доказывають, что я хорошо сыграль свою роль, отвъчаль Галлони, нимало не смущенный обвиненіемъ въ шніонствъ и предательствъ: это мое ремесло, а всъ вы были по обыкновенію дураками и болтунами. Впрочемъ, я долженъ сказать, что ваше предпріятіе было обставлено серіознъе и основательнъе, чъмъ обыкновенно подобныя исторіи. Только вы не умъли держать языкъ за зубами. Впрочемъ, я былъ не одинъ шпіонъ. Это тебя удивляеть, Фабіо? Ну, поломай-ка себъ голову и отгадай второго шпіона. Ну, гдъ же его бумаги? прибавилъ онъ, обращаясь къ офицеру.
 - Какія бумаги?
 - Вы еще не обыскали его! Эй, сюда!

Два полицейскіе агента, вошедшіе въ магазинъ, вмѣстѣ съ Галлони приблизились къ Фабіо и схватили его за плечо.

— Ну, говори, гдѣ бумаги, которыя ты долженъ былъ отвезти въ Вѣну,—продолжалъ сыщикъ:—ты этимъ освободишь меня отъ лишняго труда обыскивать твои карманы. А, ты не хочешь отвѣчать, хорошо.

Фабіо презрительно молчаль, и Галлони сталь его обыскивать, приговаривая:

— Это не человъкъ, а колодезь всякихъ драгопънныхъ документовъ. На немъ цълая масса писемъ представителей бонапартовской семьи къ Шенбрунскому юношъ и еще другія бумаги, содержанія которыхъ я не знаю. Но все это касается бъгства Римскаго короля.

Княгиня Саріа пристально посмотр'єла на Шарлотту и шепотомъ произнесла, бросая знаменательный взглядъ на картонки:

- А, понимаю.

Между темъ Галлони вывернулъ всё карманы у Фабіо и ощупалъ его одежду сверху и снизу.

— Чоргъ тебя возьми,—воскликнулъ онъ наконецъ,—куда ты спряталъ эти бумаги, въдь ихъ должна быть большая связка. Ну, молодцы, снимайте съ него сапоги.

Фабіо положили на столъ и сняли съ него обувь, а потомъ отпороли подкладку шляпы.

— Все ничего, — промычалъ Галлони. — Однако, ты вышелъ прямо изъ дома, когда я напустиль на тебя полицейскихъ, а самъ обыскалъ твою квартиру. Тамъ ничего не оказалось, а на улицы не выбрасываютъ такихъ важныхъ документовъ, значитъ, они здъсъ. Связать ему руки, —продолжалъ Галлони, обращаясь къ своимъ помощникамъ, —и обыскать весь магазинъ.

Бальди всячески старался уговорить княгиню удалиться, такъ какъ ей неприлично было болбе оставаться при такой сценъ, но она отвъчала:

- Оставьте меня, я хочу видъть, до чего это дойдеть. Уходите, графъ, если желаете.
 - -- Нъть, и васъ не покину.

Между тъмъ полицейские агенты приступили къ обыску: одинъ открывалъ всъ ящики, а другой подъ надворомъ офицера открылъ денежный сундукъ ключемъ, который ему добровольно отдала хозяйка магазина.

- Вы допросили этихъ женщинъ? спросилъ Галлони, обращаясь снова къ офицеру.
 - Да, за нихъ поручился графъ Бальди.
- Я знаю графа Бальди и княгиню Саріа, произнесъ Галлони, а эти двъ женщины, въроятно, бълошвейки. Извините, пожалуйста, прибавиль онъ съ отратительной улыбкой, но я долженъ обыскать ваши карманы, сударыни, такъ какъ вашъ пріятель не хочетъ сказать, куда онъ спряталь бумаги.

— Подлецъ, — воскликнулъ Фабіо, — тебъ мало быть низкимъ предателемъ, ты еще смъешь поднять руку на беззащитныхъ женщинъ.

И онъ рванулся съ такой силой, что державшіе его жандармы едва могли съ нимъ справиться.

— Не подходите, — промолвила Шарлотта поблъднъвъ и, схвативъ большія ножницы, прибавила:—если вы сдълаете еще одинъ шагь, то я нанесу себъ ударъ этими ножницами.

Напротивъ, ея тетка подошла къ сыщику и, поднявъ объ руки, сказала:

- Начинайте съ меня, я не уступлю своего права старшинства. Эти слова доброй старухи поразили княгиню Полину Саріа. До этой минуты она довольно хладнокровно смотрѣла на все происходившее вокругь нея, и хотя понимала, что Фабіо былъ благогороднымъ энтузіастомъ, бѣлошвейки добрыми женщинами, а полицейскій низкимъ предателемъ, но ей не было никакого дѣла до безумнаго заговора, составленнаго какими-то мальчишками въ пользу безсмысленнаго юнаго претендента, спокойно въ это время разгуливавшаго въ Шенбрунскомъ паркѣ. Но теперь сыщикъ показался ей столь отвратительнымъ, а его жертвы столь жалкими, что Полина Саріа не могла долѣе выдерживать такого недостойнаго зрѣлища. Ея благородная душа возмутилась, и она громко воскликнула:
- Графъ, скажите этому человъку, что синьоръ Фабіо вошелъ въ магазинъ при насъ и за минуту до появленія жандармовъ, такъ что онъ не могъ никому ничего передать.
 - Эго правда, подтвердиль Бальди.
- Хорошо, произнесъ Галлони: но въ какую дверь онъ вощелъ?
- Воть въ ту,—отвъчалъ графъ, указывая на дверь, выходившую въ переулокъ.
- А мои агенты утверждають, что онъ не могь войти иначе, какъ съ улицы, сказалъ Галлони и послѣ минутнаго размышленія прибавилъ: а понимаю, Фабіо вошелъ, дѣйствительно, съ улицы, а потомъ направился въ переулокъ, но тамъ онъ увидалъ солдать и снова вернулся въ магазинъ, куда, между тѣмъ, вошли вы, графъ, и княгиня.

Онъ снова задумался и сталъ молча осматривать магазинъ:

— Нечего болъе искать, — сказалъ онъ, спустя нъсколько минутъ: — бумаги должны быть здъсь.

И онъ указаль на картонки, находившіяся близъ княгини.

— Простите, ваше сіятельство, — продолжаль Галлони, подходя къ ней: —но я долженъ васъ обезпоконть и осмотрёть эти картонки.

Княгиня медленно положила свою руку на одну изъ картонокъ, вокругъ которыхъ разыгрывалась драма. Она очень хорошо знала,

«ИСТОР. ВЪСТН.», ЯНВАРЬ, 1900 Г., Т. LXXIX.

что именно въ этой картонкъ не находился пакетъ, который Шарлотта сунула въ другую картонку, стоявшую незакрытой сзади всъхъ.

- Въ этихъ картонкахъ заказанныя мною вещи, сказала она, и дёлать въ нихъ обыскъ все равно, что обыскивать мой домъ. Имъете ли вы порученіе, господинъ полицейскій, сдълать обыскъ въ домъ княгини Саріа?
- Извините, ваше сіятельство,— отвъчалъ Галлони иронически-почтительнымъ тономъ:—все, что здъсь находится, законъ признаетъ принадлежностью хозяйки магазина. Вотъ, если у васъ есть актъ на покупку или аренду этого магазина, то дъло другое.
- Повторяю, что это вещи мои, и я не позволю до нихъ дотронуться. Увидимъ, посмъете ли вы насильно взять ихъ у меня.
- Если, ваше сіятельство, желаете, чтобы я прибъгнулъ къ исевдонасилію, то извольте, я дотронусь пальцемъ до вашей перчатки.

Графъ Бальди хотълъ вступиться, но княгиня жестомъ остановила его.

— Не надо, графъ; можетъ быть, этотъ человѣкъ дѣйствительно исполняетъ свои обязанности. Мы всѣ вѣрноподданные его величества императора, и я также исполняю свой долгъ. Я согласна сдѣлать то, что желаетъ полицейскій агентъ; но такъ какъ я буду носить эти кружева и перья, то не желаю, чтобы чья либо рука до нихъ прикасалась. Кажется, я имѣю право настоять на этомъ.

Вст съ безмолвнымъ любопытствомъ устремили глаза на странный поединокъ между гордой аристократкой и ловкимъ сышикомъ.

Она открыла первую изъ картонокъ и бросила крышку на другую, именно на ту, въ которой находился пакетъ. Затъмъ она стала вынимать кружевныя вещи, находившіяся въ картонкъ, и показывать ихъ издали сыщику, который пожиралъ ихъ глазами и, наконецъ, складывать ихъ грудой на той картонкъ, которую ей необходимо было скрыть.

— Вы увърены, что здъсь ничего нътъ,—сказала она, вынувъ всъ вещи изъ картонки и показавъ Галлони, что она совершенно пуста:—ну, теперь перейдемъ къ другой.

И она продълала то же самое со всъми предметами, находившимися во второй картонкъ, но когда груда кружевъ, кисеи и перьевъ удвоилась, то она схватила ножницы и гнъвно воскликнула:

- Ну, а теперь довольно. Прочь отсюда, негодяй. Княгиня Саріа не привыкла такъ долго разговаривать съ подобными тебѣ личностями. Прочь или я пригвожду твою предательскую руку къ этому столу.
- Хорошо, сударыня, отвъчалъ Галлони полуразочарованнымъ, полугрозящимъ тономъ: — я уйду. Вы находитесь подъ покровительствомъ такого высокопоставленнаго господина, что я на

словахъ объясню губернатору, какимъ непріятностямъ подвергаются чиновники, исполняющіе требованія закона.

И онъ удалился, бормоча про себя:

- Я не досмотрълъ. Меня обманули.

Фабіо не върилъ своимъ глазамъ и не понималъ, какимъ чудомъ скрытый имъ въ одной изъ картонокъ пакетъ избътъ ястребинаго взгляда сыщика, а эта свътская женщина, которую онъ только что осуждалъ, неожиданно превратилась въ благородную, мужественную героиню.

Что же касается до Шарлотты, то она нагнувшись незамѣтно поцѣловала руку княгини и промолвила шепотомъ:

- · Да благословить васъ Господы!
- Твой женихъ, можетъ быть, повъритъ, что у меня есть сердце, отвъчала княгиня съ улыбкой и, пользуясь минутой общаго замъщательства, быстро выхватила изъ-подъ груды кружевъ таинственный пакетъ и спрятала его за свой корсажъ.

Между тъмъ Галлони и офицеръ совъщались о томъ, какъ имъ слъдовало поступить. Послъдній утверждаль, что не стоило терять времени въ этомъ магазинъ, такъ какъ слъдовало арестовать еще другихъ заговорщиковъ.

- Къ тому же, прибавилъ онъ: къ чему вамъ теперь эти бумаги? Вы въдь увърены, что онъ не попадутъ по назначению.
- Но если я не достану бумагь, то какъ я оправдаю аресть этого человъка? отвъчалъ Галлони.
- По-моему, вамъ слъдуеть отправить арестованнаго въ тюрьму, а завтра произвести здъсь добавочный и болъе основательный обыскъ.
- Хорошо; вы оставьте здёсь часовыхть, а я завтра явлюсь сюда съ умёлыми рабочими, и мы перевернемъ все вверхъ дномъ.

Съ этими словами онъ удалился и приказалъ знакомъ, чтобъ повели за нимъ Фабіо.

Прежде, чёмъ переступить порогъ, юноша обернулся и крикнулъ тремъ женщинамъ, не спускавшимъ съ него глазъ:

- Благодарю васъ отъ всего сердца. Вы болте чти спасли меня. Простите за причиненное вамъ огорчение. Я буду въ тюрьмъ благословлять васъ и молить Бога, чтобъ справедливое дъло совершилось безъ меня...
- Довольно болтать, —перебилъ его Галлони, снова появляясь въ дверяхъ.
- Маршъ! А вы, поручикъ, прикажите, чтобы здѣсь ничего не трогали до моего возвращенія.
- Эти дамы свободны?—спросилъ офицеръ, указывая на бѣло-

Бросивъ взглядъ, полный ненависти на княгиню, онъ быстро исчезъ.

— Да, временно,—отвъчалъ сыщикъ и прибавилъ про себя: и третья.

VI.

Въ дорогу.

Пока офицеръ оставался въ магазинѣ, разставляя часовыхъ и отдавая имъ инструкціи, Шарлотта себя сдерживала, но какъ только онъ удалился, то она громко зарыдала:

- Бъдный Фабіо, —говорила она сквозь слезы, —какъ тебя спасти!
 Старая тетка не плакала, но нъжно проводила рукой по волосамъ молодой дъвушки и тихо говорила:
- Ты видишь, какъ скоро оправдались мои слова, я тебя не упрекаю. Я также виновата, что ранте не догадалась о происходившемъ вокругъ меня. Быть можетъ, вы послушались бы моего совъта, и горе не случилось бы. А теперь тебъ остается только плакать, бъдное дитя мое, плачь, плачь!

Смотря на этихъ бъдныхъ женщинъ, княгиня Саріа невольно думала:

- --- Эти двъ женщины жили мирно, и всъ ихъ уважали. Онъ работали и были счастливы. Вдругъ набъжалъ шквалъ, и все погибло. Онъ теперь будуть несчастны на всю жизнь. И что же онъ сдълали дурного? Ничего. Одна изъ нихъ любитъ добраго молодца, который отдаль себя служенію безумной, но благородной идей. Низкій негодяй выдаль его, и онъ въ тюрьмъ. Воть каковъ сталъ Миланъ! То же можетъ случиться завтра во всёхъ семьяхъ, гдё есть юноша думающій, мечтающій, надібющійся. Но зачімь завтра? Въдь для одного Фабіо не подняли бы на ноги всю полицію и солдать. Можеть быть, въ это самое время онъ не одинъ въ тюрьмъ, а многіе, и ихъ жены, сестры, невъсты обливаются слезами... Но мить какое до этого дтло? Я завтра покину безпокойный Миланъ и потду въ Втну, гдт увижу могущественнаго, непогръшимаго князя Меттерниха. Онъ научить меня, какъ получить секвестрованныя помъстья моего мужа... Однако, что я думаю о себъ, а эти бедныя женщины, что оне будуть делать? Чемъ бы имъ помочь?
- О чемъ вы думаете, княгиня?—спросилъ неожиданно Бальди, о которомъ она совершенно забыла.—Что съ вами? у васъ, кажется, расходились нервы?
- Нисколько, другъ мой, отвъчала Полина, какъ бы очнувшись отъ забытья. — Да и отчего расходиться моимъ нервамъ? Было бы безумно обращать вниманіе на арестъ какого-то юнаго заговорщика. Но пора дать отдохнуть этимъ бъднымъ женщинамъ.

Посмотрите, гдъ мой экипажъ, и, если можно, пусть кучеръ подасть сюда.

Бальди поклонился и вышелъ изъ магазина.

- Завтра утромъ я уважаю въ Ввну, сказала Полина, подойдя къ Шарлогтъ и положивъ ей руку на плечо.—Если вы желаете, то я выпрошу тамъ помилование вашему жениху.
- Вы слишкомъ добры, отвъчала Шарлотта, но только я не знаю, захочеть ли онъ этого. Имъемъ ли мы право безъ его дозволенія просить о помилованіи?
- Я увърена, что онъ будетъ благословлять васъ, если выйдетъ изъ тюрьмы, благодаря вамъ,—возразила княгиня, удивленная, что маленькая магазинщица была способна высказывать такія возвышенныя мысли.
- Нѣтъ,—отвѣтила Шарлотта, печально качая головой,—я убѣждена, что онъ не захочеть свободы цѣною отреченія отъ своихъ идей.
 - Но въ тюрьмъ онъ не можеть служить имъ.
 - Да, но онъ не измѣняеть имъ.

Полина Саріа неожиданно поняла, что діло шло не о покровительстві несчастнаго, а о томъ, чтобы сділаться его сообщницей, и, не минуты не колеблясь, воскликнула съ жаромъ:

- Послушайте, противъ Фабіо нѣтъ никакихъ уликъ; онѣ всѣ у меня въ рукахъ. Значить, я могу смѣло утверждать, что его арестовали по ложному доносу. Я могу разсказать, что негодни нарочно подбиваютъ неопытныхъ юношей сдѣлаться мятежниками, а потомъ ихъ выдаютъ самымъ циничнымъ и позорнымъ образомъ.
- А вы думаете, произнесла тетка Шарлотты, неожиданно вмѣшиваясь въ разговоръ:—что тѣ, которымъ вы это скажете, не знають всѣхъ дѣлающихся здѣсь ужасовъ?
- Можетъ быть, и знають, —отвъчала княгиня, —но одно дозволять ужасы издали, а другое краснъть за нихъ. Клянусь вамъ, что я добьюсь помилованія Фабіо безъ всякихъ условій и безъ всякаго стыда для него. Пусть ваша племянница поъдетъ со мной, и мы вдвоемъ добудемъ ему свободу.
- Вы слышите, тетя, что мив предлагаеть княгиня,— промолвила молодая дввушка почувствовавь, что не все кончено для нея, а напротивъ, есть надежда на счастливую жизнь съ любимымъ человъкомъ.

Но не успъла старуха еще отвътить, какъ уже снова отуманилось просвътлъвшее лицо Шарлотты, и она промолвила:

- Что же мы сдълаемъ съ бумагами, княгиня?
- Съ бумагами, отвъчала Полина, да все, что хотите. Поъдемте со мною, Шарлотта, а бумаги вы отдадите вашему другу, когда онъ будеть на свободъ.

Дъло въ томъ, что хотя княгиня хотъла всъмъ сердцемъ помочь горю бъдныхъ женщинъ, но она вовсе не желала участвовать въ заговоръ въ пользу герцога Рейхштадтскаго, и бумаги, которыя поневолъ она должна была хранить, нисколько ея не интересовали. Она съ удовольствиемъ отдала бы ихъ юному карбонарию послъ его выхода изъ тюрьмы съ благимъ совътомъ ихъ сжечь.

Между тъмъ Шарлотта о чемъ-то шепотомъ говорила съ теткой, и та громко произнесла:

— Конечно, тебѣ, дитя мое, полезно отправиться въ Вѣну съ княгиней, чтобы выхлопотать освобожденіе твоего жениха изъ тюрьмы. Но я-то что буду дѣлать безъ тебя? Къ тому же, вѣроятно, магазинъ закроютъ на нѣсколько дней. Знаете что: не лучше ли и мнѣ поѣхать съ вами. Можетъ быть, старуха на что нибудь к пригодится. Магазинъ мы оставимъ на попеченіи старшей продавщицы Елизы. Вѣдь въ твоемъ паспортѣ, Шарлотта, упомянута помощница; ну, вотъ я и буду этой помощницей.

Молодая дівушка бросила вопросительный взглядь на княгиню, не зная, какъ послідняя взглянеть на подобное злоупотребленіе ея добротой.

Но въ эту минуту въ магазинъ вернулся Бальди и заявилъ, что экипажъ поданъ.

— Проводите насъ, мой другъ, — сказала Полина: — я беру съ собою въ Въну двухъ компаньонокъ.

Объ женщины бросились цъловать ей руки.

- Вы хотите взять съ собою этихъ женщинъ? Да это невозможно!—воскликнуль графъ, внъ себя отъ удивленія.
- Тъмъ лучше, я люблю все невозможное. Какъ вы меня мало знаете, Бальди! Вы увъряете, что меня любите; ну, докажите свою любовь, и это будетъ вамъ стоить такъ мало. Вотъ въ чемъ дъло: эти дамы возьмутъ съ собою самыя необходимыя вещи, чтобы провести ночь внъ дома, занятаго полиціей, и вы покажите жандармамъ эти вещи, чтобы ихъ не обвиняли потомъ въ похищеніи документовъ. Затъмъ вы проводите насъ до моего дома и удостойте меня чести отужинать съ нами. Завтра утромъ мы будемъ уже на дорогъ въ Въну, а вы скажете вашему губернатору всю правду, именно, что двъ бълошвейки поъхали просить у князя Меттерниха помилованія арестованнаго жениха одной изъ нихъ.
- Конечно, я могу сдълать это. Но вы не боитесь компрометировать себя вмъшательствомъ въ такое дъло?
- Нътъ, другъ мой, я ничего не боюсь и всегда дъйствую, какъ мнъ подсказываетъ мое сердце, а, можетъ быть, мой капризъ. Поъдемте ужинать.

Все совершилось по желанію княгини, и спустя нѣсколько минутъ, жандармы остались охранять пустой магазинъ подъ вывѣской «Золотыя ножницы».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Узникъ князя Меттерниха.

Францъ Шуллеръ стоялъ, облокотясь на свою лопату, въ Шенбрунскомъ паркъ и внимательно смотрълъ на западный фасадъ замка, залитато блестящими лучами заходящато іюльскаго солнца. Эти лучи одинаково играли на каменной балюстрадъ лъстницъ, на мраморныхъ статуяхъ и на полуоткрытыхъ окнахъ старинной императорской резиденціи, напоминавшей древнюю роскошь Версаля. Громадныя куртины цвътовъ, преимущественно розъ, окружали дворецъ, а высокія ивы, прихотливо подръзанныя, какъ во времена Маріи-Терезіи, бросали на дорожки свою странную тънь.

Но дъйствительно ли Францъ Шуллеръ смотръль на это зрълище? Неужели простой сельскій рабочій съ загорълымъ лицомъ и мозолистыми отъ труда руками былъ мечтателемъ или артистомъ? Нъть! Онъ обращалъ вниманіе не на окружавшее его блестящее зрълище, а на мелькавшую передъ его глазами тънь худощавой человъческой фигуры, которая медленно двигалась по одной изътеррасъ замка.

Дѣло въ томъ, что Францъ Шуллеръ быль не простой садовникъ, и когда его приняли на службу въ императорскій паркъпосль продолжительнаго пребыванія въ баденскихъ садахъ, онъ заявилъ, что былъ зятемъ покойнаго садовника, котораго мѣсто онъ хотълъ занять, и это дѣйствительно оказалось справедливымъ. Но онъ не признался, и никто этого не зналъ, что его предшественникъ въ 1810 году, почти въ одно время съ Наполеономъ, женился, но не на австріячкъ, а на молодой дъвушкъ изъ Эльзаса. Такимъ образомъ Францъ, зять върнаго слуги императора австрійскаго, былъ самъ върнымъ слугою императора Наполеона. Посътивъ свою сестру въ 1822 году, онъ поселился въ Гитцингъ; а когда умерла прежде она, а потомъ ея мужъ, то онъ взялъ на свое попеченіе ихъ дочь и сдълался наконецъ самъ садовникомъ въ Шенбрунъ.

Однако, служа австрійскому императору, онъ оставался французомъ и, что еще куже, старымъ служакой наполеоновской арміи, побъждавшей австрійцевъ. Поэтому неудивительно, что въ прекрасный іюльскій вечеръ онъ смотрълъ не на замокъ, съ его статуями и цвътными куртинами, а на фигуру юноши, который былъ для всъхъ герцогомъ Рейхштадтскимъ, а для него римскимъ королемъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Франца виднѣлась каменная скамья, окружавшая такой же столъ подъ тѣнью старинныхъ деревьевъ. Тутъ нѣкогда разыгралась историческая сцена. Наканунѣ битвы подъ Еслингомъ Наполеонъ случайно упалъ съ лошади, и его за-

мертво принесли и положили на эту скамейку. Шталмейстеръ, подавшій императору необъїзженную лошадь, де-Каниве, хотіль съ отчаннія застрілиться. Пока докторъ Ларей тщетно старался привести въ сознаніе Наполеона, маршалъ Ланнъ и офицеры главнаго штаба старательно охраняли эту трагическую сцену отъ всякаго посторонняго взгляда. Въ паркі было нісколько часовыхъ, и имъ приказали хранить въ тайні случившееся, чтобы дать время начальникамъ арміи принять необходимыя міры, если бы дійствительно императоръ скончался. Патріотизмъ этихъ людей былъ такъ великъ, что никто не узналъ ни во Франціи, ни вні ея, что въ продолженіе нісколькихъ часовъ Наполеонъ находился въ Шенбруні между жизнью и смертью. Только спустя много літь, мемуары его маршаловъ обнаружили этотъ невіздомый фактъ, который сумітли не выболтать простые солдаты. Въ числії этихъ часовыхъ въ Шенбруні находился Францъ.

А теперь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ видѣлъ отца, лежавшаго полумертвымъ, онъ ждалъ сына, и въ его простомъ солдатскомъ умѣ создавалась какая-то странная связь между обоими этими событіями.

«Кто знаеть», думаль онь, «можеть быть, прійдеть день, когда этоть блёдный юноша отправится изъ Шенбруна, гдё я видёль его отца замертво, и снова покорить весь мірь? Кто знаеть, быть можеть, орленокъ перелетить съ собора св. Стефана на соборъ Парижской Богоматери?

И Францъ Шуллеръ смотрълъ съ восхищениемъ на медленно подходившаго къ нему юношу. Дъйствительно, Францискъ-Наполеонъ Бонапартъ, герцогъ Рейхштадтскій, обладая прекрасными, благородными качествами ума и сердца, отличался красивой, привлекательной наружностью. Высокаго роста, статный, онъ наслъдоваль отъ отца матовый цвътъ лица, тонкій, прямой носъ съ легкой горбинкой, прямой свътлый взглядъ и большой лобъ. Только глаза у него были голубые и волоса русые. Онъ соединялъ въ себъ черты двухъ расъ и не даромъ былъ то французскимъ принцемъ, то австрійскимъ эрцъ-герцогомъ.

Но не одному Францу Шуллеру нравился этотъ юноша, и хотя открыто никто не смътъ его называть сыномъ Наполеона, но многіе дипломаты готовили ему различные мелкіе престолы, какъ греческій или бельгійскій, не зная, что его судьба была заранъе предопредълена Меттернихомъ. Только простодушный Францъ Шуллеръ думалъ, что онъ вернется во Францію, и каждый вечеръ говорилъ ему втайнъ объ этой Франціи.

Ихъ разговоры начались случайно. Францъ тогда еще недавно поступилъ въ садовники, и герцогъ не зналъ его. Случайно они встрътились на дорожкъ, и Францъ, выпрямившись во весь ростъ, снялъ шапку, но въ то же время знакомъ далъ понять, что хочетъ

говорить съ молодымъ человѣкомъ. Герцогъ остановился съ удивленіемъ, но съ милостивой улыбкой.

— Я хочу сказать вамъ, ваше высочество, что я французъ, — произнесъ Францъ въ большомъ смущеніи, — здѣсь этого никто не знаетъ. Я служилъ вашему отцу и очень его любилъ, какъ всѣ солдаты. Когда вамъ вздумается узнать, что мы думали о немъ, то махните пальцемъ, и Францъ Шуллеръ вамъ все разскажетъ. Я не заговорщикъ, и былъ солдатомъ, а теперь я садовникъ.

Произнеся эту рѣчь, Францъ устремилъ глаза на юношу и ждалъ отвѣта, но тотъ не произнесъ ни слова и быстро удалился. Старикъ не зналъ, что и думать. Неужели герцогъ принялъ его за шпіона? Онъ не спалъ всю ночь, а на слѣдующій день онъ явился въ то же времи на прежнее мѣсто и сталъ ждать.

Герцогъ Рейхштадтскій снова прошелъ мимо него и, не останавливаясь, сказалъ:

— Я также имъю тебъ сказать, мой храбрый другь, что я французъ и уважаю тъхъ, которые служили родинъ при моемъ отцъ.

Слезы радости брызнули изъ глазъ стараго служаки.

Герцогъ улыбнулся, приложилъ налецъ къ губамъ и прошелъ далъе.

Съ тъхъ поръ при каждомъ удобномъ случав онъ пробирался незамъченный своимъ наставникомъ графомъ Дидрихштейномъ или его помощниками къ каменной скамъв, гдв его ждалъ Францъ, и они на свободъ, хотя недолго и съ опаской, бесъдовали о Франціи и Наполеонъ. Въ послъднія двънадцать льть, т.-е., со времени отьъзда его гувернантки, госпожи де-Монтескье, онъ не имълъ случая говорить о родинъ и отцъ; поэтому естественно онъ теперь съ наслажденіемъ разговариваль съ Францемъ, который разсказываль ему исторію наполеоновскихъ походовъ, которые представляли до тъхъ поръ сыну ихъ героя въ совершенно извращенномъ видъ. Только теперь, въ іюль мысяць 1830 года онъ тайно прочель книгу графа Прокеша-Остена о кампаніи 1815 года, въ которой авторъ опровергалъ несправедливыя мивнія, высказываемыя въ Германіи о военномъ талантъ Наполеона. Это чтеніе возбудило въ сердиъ юноши такое нѣжное чувство къ Прокешу-Остену, что, когда случайно онъ увидалъ его у своего дедушки, императора, то бросился къ нему на шею. Благодаря этому обстоятельству, Прокешъ быль записанъ въ черную книгу Меттерниха и, несмотря на его таланты, посылался въ далекія миссіи. Только двадцать леть спусти, онъ вошель въ милость и достигь высокихъ должностей.

Что касается до Франца, то онъ не развивалъ передъ юношей ни стратегическихъ, ни дипломатическихъ теорій, а просто разсказывалъ ему свои воспоминанія о быломъ. Въ тотъ вечеръ, о которомъ идетъ разсказъ, герцогъ Рейхштадтскій былъ особенно печаленъ, и Францъ, тотчасъ это замѣтивъ, спросилъ:

- Что съ вами?
- - Мив скучно, Францъ.
- Нътъ, вамъ сдълали что нибудь непріятное.
- Нѣтъ, ничего, только я узналъ во дворцѣ у дѣдушки, что въ Парижѣ произошли великія событія.
 - Въ Парижъ?
 - Да, вотъ уже два дня, какъ свергнуть съ престола Карлъ X.
 - Неужели?
- Я узналъ это случайно. Одинъ изъ секретарей канцлера, поклонившись мнѣ, сказалъ: «Ваше высочество, бурбоновъ-то прогнали». Я отвѣчалъ: «Да, говорятъ». Но, въ сущности, я ничего не знаю. Вотъ отчего, можетъ быть, я не въ духѣ. Разскажи мнѣ, Францъ, конецъ твоихъ походовъ. Ты мнѣ никогда еще не говорилъ, что было послѣ прибытія моего отца въ Фонтенебло.

Старый служака нарочно распространялъ свои разсказы, чтобы отгянуть печальную минуту, когда придется перейти къ исторіи послѣднихъ дней имперіи. Онъ останавливался на всѣхъ мелочахъ Наполеоновскихъ побѣдъ, описывалъ всѣ мѣстности его битвъ, рисовалъ портреты его сподвижниковъ и т. д.; но въ концѣ концовъ все-таки пришлось разсказывать о неудачахъ, но и тутъ онъ находилъ свѣтлыя стороны. Такимъ образомъ онъ дошелъ до Фонтенебло, но никакъ не рѣшался идти далѣе. Теперь наступила роковая минута.

- Воть видите, ваше высочество, началь онь, маршаламъ надобло все воевать, они стали стары и богаты. Большинство ихъ было женато и имбло дътей, а они никогда не могли жить въ семействъ, такъ какъ лътъ двадцать безостановочно шагали по Европъ. При этомъ императоръ обходился съ ними грубо, даже когда самъ былъ виноватъ.
 - Францъ!-воскликнулъ герцогъ.
- Нътъ, вы уже слушайте всю правду. Не легко было служить вашему отцу. Надо его было понимать на лету, никогда не ошибаться и всегда одерживать успъхъ; иначе бъда. Притомъ несчастія его озлобили, и генералы уже не питали къ нему прежняго довърія. Только мы, простые солдаты, върили въ него попрежнему.
- Продолжай, върный другъ, промолвиль съ чувствомъ герцогъ, смотря съ уваженіемъ на этого представителя настоящихъ сподвижниковъ его отца, никогда ему не измънявшихъ.
- Наконецъ, вамъ надо все сказать, продолжалъ Францъ. Между Парижемъ и Фонтенебло было 300.000 непріятелей, а французовъ оставалось всего 50.000, и то усталыхъ, дурно вооруженныхъ. Мормонъ командовалъ въ Эссонъ авангардомъ въ десять или двънадцать тысячъ человъкъ; въ этомъ числъ находилась и моя рота... Онъ отправился въ Парижъ, занятый врагомъ, и оставилъ свои приказанія помощникамъ, которые повели насъ между двумя

рядами австрійцевъ. Это походило на капитуляцію, а такъ какъ мы—простые солдаты, а не маршалы, то едва не бросились на австрійцевъ. На бъду мы привыкли къ субординаціи и повиновались.

Храбрый солдать со стыдомъ опустилъ голову при воспоминаніи объ измѣнѣ маршала Мормона.

Герцогъ, сидъвшій на скамьъ и внимательно слушавшій Франца, который ходилъ передъ нимъ, зорко смотря по сторонамъ,—быстро вскочилъ и схватилъ его за руку.

- Нътъ, нътъ, воскликнулъ Францъ, насъ могутъ увидътъ, идите на скамейку, а я буду продолжать разсказъ изъ-за кустовъ.
 - Ну, ну.
- Вотъ видите, въ Фонтенебло собрались всѣ начальники: Ней, Магдональдъ, Коленкуръ, всѣхъ не перечесть. Они увѣрили императора, что Франціи было не подъ силу бороться, что все кончено, и что надо уступить. Онъ хотѣлъ драться, и когда всѣ его покинули, то онъ даже пытался отравить себя.
 - Боже мой!—промолвилъ герцогъ.
- На слѣдующій день онъ отправился на островъ Эльбу, все, что ему оставили отъ великой имперіи, которую онъ завоеваль съ нашей помощью. И все-таки его обманули. Ему объщали, что вы съ вашей матерью послѣдуете за нимъ. Но какъ только его заперли на островъ, то васъ конфисковали, также какъ эксплоатировали всю Францію.
 - Но моя мать заявила желаніе слёдовать за нимъ?
 - Ваша мать? Ея тамъ не было.
 - Но она пыталась повхать къ нему: такъ мив говорили.
- **М**ожеть быть, сказаль Францъ, впервые не говоря всей правды.
 - А потомъ, —воскликнулъ герцогъ, —въдь это еще не конецъ?
- Конечно. Спустя десять мѣсяцевъ, разнеслась вѣсть, что императоръ высадился въ Жуанскомъ заливѣ.
 - --- Гдѣ это?
 - На французскомъ берегу, противъ острова Эльбы.
 - Потомъ?
- Потомъ вся Франція очнулась. Ахъ, если бы вы это видѣли! Всѣ обезумѣли оть радости. Глупый король послалъ войска, чтобы схватить императора, а они встрѣтили его съ тріумфомъ. Ней выступилъ противъ него съ арміей, а, увидавъ императора, бросился къ нему на шею. Только такіе измѣнники, какъ Мормонъ, остались при королѣ, а всѣ остальные привѣтствовали императора. Тогда уже не было рѣчи объ усталости и разочарованіи. Всѣ хотѣли имперіи и императора.
- Ну, и что же мой отецъ сдълалъ все, чтобъ обезпечить миръ своему народу?

- Онъ, въроятно, это и сдълалъ бы, но было слишкомъ поздно. Метгернихъ не хотълъ болъе Наполеона, и благодаря ему, ему одному, Европа снова заключила коалицію противъ насъ, а мы взялись снова за наши старыя ружья Арколя, Маренго, Аустерлица, Ваграма и Шампобера.
 - Увы! а сколько времени это продолжалось?
- Сто десять дней! Все кончилось подъ Ватерлоо. Но не заставляйте меня разсказывать это, ваше высочество. Мы одержали сотни побёдъ, а кончили подобнымъ пораженіемъ. Цёлые полки тогда погибли подъ непріятельскими ядрами, и семнадцатил'єтніе солдаты умирали, не дрогнувъ, какъ старые служаки. Кавалерійскіе отряды разбивались, какъ о стогну, атакуя красные мундиры. Гренадеры падали подъ картечью челов'єкъ за челов'єкомъ, защищая свое знамя. Словно съ неба, валилась туча ядеръ и пуль, а тамъ высоко на пригорк'є на б'єлой лошади въ с'єромъ сюртук'є и черной треуголк'є видн'єлся...
 - Мой отецъ, промодвилъ герцогъ со слезами на глазахъ.
- Никогда мы такъ не сражались, —продолжать Францъ: —Ней превзошелъ себя. Подъ нимъ убиго было пять лошадей. Наконецъ, пъшкомъ, съ разрубленнымъ эполетомъ, съ произенной пулею звъздой Почетнаго Легіона и обнаженной головой, онъ повелъ послъднюю атаку и крикнулъ проъзжавшему мимо Друэ-д'Ерлону: «Что же ты сегодня не дашь себя убить!»
- Hy, ну...—промолвилъ герцогъ, сдерживая дыханіе, чтобы не проронить ни слова.
- Увы! несчастный умерь не тамъ. Его убили не англійскія и не прусскія пули. Спустя нъсколько времени, въ Парижъ двънадцать французскихъ солдать разстръляли, именемъ короля, храбраго изъ храбрыхъ.
 - А этотъ король былъ французъ?
 - Да.
 - Неправда!
- Имперія была кончена. Вашъ отецъ отдался въ руки англичанъ и просилъ только, чтобы ему позволили окончить мирно жизнь съ женою и сыномъ. Англичане отвезли его за тысячу миль на пустынный островъ, и послѣ шестилѣтняго пребыванія тамъ онъ умеръ отъ горя и истощенія, болѣе великій, чѣмъ когда! Послѣдняя его мысль была о васъ!
 - Наконецъ-то я знаю все, все!-промолвилъ герцогъ.

Между тъмъ наступила ночь. Въ окнахъ замка показался свъть. Въ алленхъ послышались шаги.

Францъ исчезъ за деревьями. Данный имъ урокъ исторіи былъ оконченъ, и его ученикъ болёе блёдный, чёмъ когда, медленно направился въ ту самую комнату, гдё его отецъ когда-то спалъ побёдителемъ, и гдё онъ всю ночь печально думалъ о побёжденномъ отцё.

II.

Въ кабинетъ Меттерниха.

- Послупайте, г. Зиберъ, когда я отлучаюсь изъ этой канцеляріи и убзжаю куда нибудь, развѣ вы садитесь за мой письменный столъ, открываете частныя письма, адресованныя на мое имя, или называете себя моимъ титуломъ? Не правда ли, нѣтъ? Точно также и Людовикъ-Филиппъ не имѣлъ права овладѣть престоломъ Карла X подъ предлогомъ, что король отлучился.
- Но, г. Генцъ, я скромный секретарь, а вы тайный совътникъ и правая рука князя Меттерниха.
- Но и я не король. Хотя я правая рука, но замѣнить головы не могу. Герцогъ Орлеанскій даже не правал, а лѣвая рука законнаго короля. Французская корона принадлежить герцогу Ангулемскому, а послѣ него графу Шамбору.
 - Но французы, повидимому, не согласны съ вами.
- Это не важно. Они каждое лъто затъвають революцію. Другіе люди въ іюлъ мъсяцъ выъзжають на дачу, а они беруть Бастилію. Это наконецъ становится скучнымъ.

Воть что говорили между собой 6-го августа 1830 г. главный помощникъ Меттерниха и его секретарь въ одной изъ двухъ комнать, составлявшихъ кабинетъ канцлера Австрійской имперіи. Изъ этого кабинета въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ, отъ 1815 г. до 1848 г., европейская политика брала свой лозунгъ. Подъ общимъ названіемъ канцлерскаго кабинета извъстны были двѣ комнаты: рабочій кабинеть, меблированный въ строгомъ стилѣ, гдѣ князь среди груды дѣловыхъ бумагъ писалъ свои дипломатическія депеши, и пріемный кабинеть, гдѣ онъ давалъ аудіенціи, и постоянно находился одинъ изъ его секретарей.

Эта послѣдняя комната, гдѣ теперь Фридрихъ фонъ-Генцъ, другъ и ближайшій помощникъ Меттерниха въ продолженіе тридцати лѣть, разговаривалъ съ секретаремъ Зиберомъ, представляла большую роскошно меблированную гостиную съ тремя дверями. Одна изъ нихъ выходила въ рабочій кабинетъ канцлера, другая во внутренніе покои императорскаго дворца, а третья на парадную лѣстницу. Въ четвертый стѣнѣ были два большія окна, открывавшіяся въ садъ. Въ центрѣ комнаты стоялъ громадный столъ, за которымъ могли помѣститься всѣ члены европейскаго конгресса; теперь на немъ временно лежали только что вскрытыя секретаремъ депеши. По стѣнамъ стояли роскошныя кресла, а между двумя окнами красовался бюстъ Кауница, который какъ будто говорилъ посѣтителямъ: «Теперешній канцлеръ настолько увѣренъ въ своемъ превосходствѣ надъ своимъ предшественникомъ, что не боялся

оставить его образа въ своемъ кабинетъ». Наконецъ, на главной стънъ противъ входа съ лъстницы висълъ большой портретъ во весь ростъ императора Франца.

Вообще эта офиціальная гостиная, гдѣ обдѣлывались политическія дѣла всей Европы, походила своимъ убранствомъ и царившей въ ней атмосферой на свѣтскій салонъ.

Успокоившись нъсколько отъ своего раздраженія противъ французовъ, которыхъ онъ ненавидълъ, фонъ-Генцъ спросилъ у секретаря:

- Сегодня у насъ аудіенція чрезвычайнаго посла господина Луи-Филиппа. Кто онъ такой?
- Генералъ Бельяръ, одинъ изъ старыхъ Наполеоновскихъ генераловъ.
- Вотъ вы увидите, что новый король окружить себя остатками имперіи и великой арміи.
- Онъ могъ бы сдёлать худшій выборь. Во всякомъ случав одного Наполеоновскаго маршала ему не имёть.
 - Кого?
 - Мормона. Онъ здъсь.
 - Какъ здѣсь?
- Да. Онъ командовалъ королевскими войсками противъ мятежниковъ въ іюльскіе дни. Потерпъвъ пораженіе, онъ покинуль Францію послъ отъъзда короля и сегодня представляется канцлеру.
- Мормонъ, герцогъ Рагузскій!—произнесъ фонъ-Генцъ съ горечью:—ну, онъ, по крайней мъръ, лучше кончилъ, чъмъ началъ. Назначены еще аудіенціи?
- Эрцгерцогъ Карлъ и послы англійскій и прусскій заявили желаніе посётить канцлера,—сказалъ Зиберъ, взглянувши въ лежавшій на стол'є списокъ.—Н'єсколько дамъ просили аудіенціи, и еще явится парижскій журналисть Пьеръ Лефранъ, сотрудникъ «Journal des Debats».
- Еще революціонеръ!—произнесъ Генцъ съ гитвимъ неудовольствіемъ:—это радикалъ въ духт Молэ. Что ему нужно въ Вънтъ?
- Вы на все смотрите въ красныя очки сегодня, господинъ тайный совътникъ, отвъчалъ Зиберъ: по счастью, вотъ княжна: благодаря ей, вамъ все покажется въ розовомъ свътъ.

Дъйствительно, въ комнату вошла Гермина Меттернихъ, дочь канцлера. Ей было четырнадцать лътъ, и трудно себъ представить болъе прелестное и граціозное созданіе. Большого роста, статная, съ живыми, умными, голубыми глазками и роскошными русыми кудрями, въ свътломъ кисейномъ платьъ и соломенной шляпъ съ широкими полями, она казалась еще ребенкомъ.

— Здравствуйте, добрый Генцъ, — воскликнула она, подобгая къ тайному совътнику: — я для васъ прівхала сегодня во дворецъ: отецъ сказалъ, что вы здъсь. Хорошо вы покатались по Италіи? А, здравствуйте, господинъ Зноеръ.

- Вы всегда слишкомъ любезны со мною, княжна,—отвъчалъ Генцъ:—я привезъ для васъ хорошенькія итальянскія матеріи.
 - Какой вы добрый! А гдѣ вы были?
 - Вездъ понемногу: въ Неаполъ, Флоренціи, Лукъ, Венеціи...
- Какъ бы я желала видъть нашу Венецію. Говорять, это такой прелестный городъ.
- Да, городъ прелестный, хотя я не люблю воду; но мнѣ всего болѣе тамъ нравятся не дворцы, площади и церкви, которыя въ сущности всѣ одинаковы, а маленькія, узенькія улицы съ прекрасными магазинами.

Гермина едва удержалась отъ смѣха при мысли. что всѣ художники Европы ошибались на счеть истинной красоты Венеціи, а ее понялъ лишь тайный совѣтникъ фонъ-Генцъ.

- A что, у отца много сегодня утромъ дѣла?—спросила она, обращаясь къ Зиберу.
- Не мало, отвъчалъ секретарь: онъ теперь работаеть съ начальникомъ полиціи, Зедельницкимъ. Потомъ ему придется прочесть съ полдюжины депешъ, и его ждетъ столько же аудіенцій.
- Уфъ, сколько дѣла!—воскликнула молодая дѣвушка:—а получены важныя извѣстія.
- Кому какъ, —отвъчалъ Генцъ съ улыбкой:—я думаю, что вы вовсе не интересуетесь политикой, и вамъ все равно, что дълается въ Дрезденъ, Флоренціи и Парижъ.
- Вы очень ошибаетесь. Въ вашемъ отсутствіи я читала отцу денеши, получаемыя имъ каждое утро. Это давало отдыхъ его глазамъ, а для меня служило урокомъ исторіи и географіи. По крайней мъръ, я такъ его увърила. Ахъ, да, кстати, вы знаете, что герцогъ Рейхштадтскій вскоръ покинеть Въну?

Оба собесъдника княжны съ удивленіемъ переглянулись.

- Зачемъ ему покинуть Вену? спросилъ Генцъ.
- По той простой причинъ, что французскій король снова уъхалъ изъ Парижа, и туда обратно вызовутъ императора, а въдь теперь онъ императоръ.

Пока она говорила, дверь изъ внутренняго кабинета канцлера отворилась, и Меттернихъ показался на порогъ.

— О комъ ты говоришь, Гермина?—спросиль онъ, входя въ комнату въ сопровождении графа Зедельницкаго.

Князь Клементій Меттернихъ былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ франтовъ своего времени. Прежде чъмъ на него ниспали высшія почести, и когда онъ былъ простымъ министромъ или посломъ, напримъръ, въ Парижъ, Меттернихъ поражалъ всъхъ изяществомъ и достоинствомъ своей внъшности, громаднымъ умомъ, серіозными знаніями и любезнымъ свътскимъ обращеніемъ. Въ какомъ бы положеніи ни находилась Австрія: въ счастливомъ или несчастномъ, онъ всегда оставался спокойнымъ, невозмутимымъ,

и, быть можеть, быль еще любезнье въ черные дни неудачь, чвиъ въ свътлыя минуты торжества.

Высокаго роста, хорошо сложенный, онъ отличался благородной осанкой, не имѣвшей, однако, ничего гордаго, надменнаго. Чисто выбритое его лицо сохраняло слѣды молодости, хотя онъ уже давно перешель черезъ границы того возраста, когда люди обыкновенно блекнутъ и старѣють. Глаза его блестѣли замѣчательнымъ пыломъ; носъ, немного сгорбленный и слишкомъ длинный, придавалъ выраженію его лица смѣлый характеръ, котораго недоставало другимъ его чертамъ, выражавшимъ добродушіе; ротъ, подвижной и хорошо очерченный, свидѣтельствовалъ о краснорѣчіи, утонченности и любезности его обладателя.

Съ годами, а князю тогда было пятьдесять семь лѣтъ, его коротко обстриженные и завитые волосы едва посѣдѣли. Талія его сохранилась тонкой, эластичной. Согласно старой модѣ, онъ всегда носилъ фракъ съ стоячимъ воротникомъ, короткіе панталоны и шелковые чулки. Вообще онъ казался еще такимъ бодрымъ и свѣжимъ, что никого не удивляло его желаніе жениться въ третій разъ.

Гермина была дочерью его первой жены, отецъ которой, Кауницъ, состоялть его предшественникомъ по канцлерству. Оть второй жены, урожденной баронессы Лейкамъ, онъ имълъ восемнадцати-мъсячнаго сына. Хорошій отецъ и семьянинъ, Меттернихъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, и не только всё восторгались его дипломатическими талантами, политической ловкостью, побъдившей геній Наполеона, но и его частными добродътелями. Одно только дурное качество всёми признавалось въ могущественномъ канцлере. Онъ слишкомъ восхищался собою и не допускалъ ни малъйшей критики своихъ дъйствій, считая ее личнымъ для себя оскорбленіемъ. Любить жертвъ его политики значило сомнъваться въ его непогрѣшимости. Все, что онъ сдѣлалъ, было хорошо, и все, что онъ создать, было совершенно. Ни малъйшаго сомнънія нельзя было допустить въ твореніи его ума и рукъ. Успъхъ доказываль, что онъ былъ во всемъ правъ. Онъ подчинилъ себъ Европу и неограниченно повелъвалъ всъми, даже своимъ государемъ. Никто не долженъ былъ жаловаться на его силу и власть. Онъ былъ и будеть еще долго повелителемъ Европы. Его воля была закономъ; о судъ же исторіи онъ не заботился.

Вотъ каковъ былъ человък, вошедшій въ пріемный кабинетъ канцлера и спросившій у своей дочери:

- О комъ ты говоришь, Гермина?
- -- Княжна спрашиваетъ меня,—отвѣчалъ Генцъ:—отчего наслѣдуетъ Карлу X не герцогъ Рейхштадтскій?
- Вотъ видите, графъ, что я вамъ говорилъ, —произнесъ Меттернихъ, обращаясь къ начальнику полиціи: —даже въ моемъ домъ говорятъ объ этомъ. Въ настоящую минуту много молодежи въ

МИХАИЛЪ ЕВГРАФОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ (въ 1869 году).

дозв. ценз. 26 января 1900 г. спб.

ВЪ ГОДИНУ БЪДСТВІЙ 1).

V.

лаго тъла.

АППА НОВАЯ ЖИЗНЬ очень скоро наладилась на тотъ чопорный, холодный и великолъпный ладъ, который считался въ то время необходимымъ условіемъ воспитанія дътей изъ высшаго общества.

Намъ нашли гувернантку итальянку, прекрасно говорившую по-французски и уже воспитавшую нъсколько русскихъ графинь и княженъ.

Сколько ей было лёть, рёшить было трудно. Въ дезабилье она казалась такъ стара, что того и гляди разсыплется, но когда она выходила изъ своей уборной послё таинственныхъ манипуляцій передъ зеркаломъ, при помощи безчисленныхъ баночекъ, скляночекъ и коробочекъ съ чудодёйственными снадобьями, у нея оказывался такой ослёпительный цвётъ лица, такіе бёлые и крёпкіе зубы и талья ел была такъ тонка и стройна, что больше тридцати пяти лётъ ей нельзя было дать, такъ искусно были подмалеваны, выправлены и подтянуты всё изъяны ея дрях-

Продолженіе. См. «Историч. Въстн.», январь, 1900 г., т. LXXIX, стр. 7.
 «истор. въстн.», февраль, 1900 г., т. LXXIX.

Многіе считали ее злою, но не думаю, чтобъ она способна была наслаждаться чужими страданіями, когда въ этихъ страданіяхъ не находила для себя выгоды; она только умѣла удивительно ловко отстранять съ своего пути тѣхъ, которые, по той или другой причинѣ, мѣшали ей итти къ намѣченной цѣли. Въ подобныхъ случаяхъ она была неумолима и проявляла черствость сердца по истинѣ изумительную. Бороться съ нею было невозможно. Вкрадчивая, опытная и терпѣливая лицемѣрка, она такъ ловко сумѣла влѣзть въ довѣріе къ дѣдушкѣ или, лучше сказать, къ той, которая въ то время управляла его волей, что мы были вполнѣ предоставлены ен власти цѣлыхъ пять лѣтъ.

Звали эту особу Фанни Джеромовна Постуланти.

Въ продолжение всей своей долгой и полной самыхъ разнообразныхъ перипетій жизни, она постоянно вращалась въ обществъ людей, съ которыми не могла себя считать равной ни по рожденію, ни по состоянію, и отъ которыхъ находилась въ тяжелой, матеріальной зависимости. Обстоятельство это наложило на нее особую печать. Ея умъ сдълался такъ гибокъ и проницателенъ, а характеръ пріобръть такую мягкость, что съ нею чрезвычайно было удобно жить.

За это удобство ей все прощали,—и сухость ея, и коварство, и разврать.

Она должна была намъ преподавать французскій и итальянскій языкъ, свётскія манеры и слёдить за моимъ развитіемъ во всёхъ отношеніяхъ. Для этого ее помёстили въ комнаты рядомъ съ бабушкиной спальней, которую оставили въ моемъ распоряженіи, а братьевъ перевели на антресоми.

Кром'в этихъ комнатъ, къ нашей половин'в принадлежали еще большая классная, а рядомъ съ альковомъ, гдё я спала, жила приставленная ко мн'в горничная, молодая, хорошенькая д'ввушка, Степанида. У мадамы, какъ вс'в звали нашу наставницу, была отд'вльная прислуга, которую она сама выбрала изъ многочисленной дворни, и надъ которой она могла властвовать безконтрольно.

Комнаты свои она обставила съ большимъ вкусомъ и такъ своеобразно, что другихъ такихъ не только у насъ въ домѣ, но, въроятно, и во всемъ городѣ нельзя было найти. Всѣ чердаки, подвалы и кладовыя дѣдушкина дома обошла она, чтобъ найти то, что ей для этого было надо, и разыскала такія сокровища искусства и вкуса между выкинутыми за ненадобностью старинными обломками и лоскутками давно вышедшей изъ моды мебели и матерій, что дѣдушка, котораго трудно было чѣмъ бы то ни было удивить и восхитить, пришель въ восторгъ, когда она его пригласила взглянуть на убранство ея помѣщенія.

Къ величайшему нашему удовольствію, она проводила у себя все время, остававшееся у нея свободнымъ отъ занятій съ нами уроками. Что она дълала запершись, кому писала, что читала и какія развивала интриги, оставалось для всёхъ тайной до тъхъ поръ, пока не обрушилась на насъ катастрофа, перевернувшая вверхъ дномъ все наше существованіе.

Когда дѣдушкѣ доложили, что все на нашей половинѣ готово, онъ обошелъ всѣ наши комнаты, указаль, гдѣ разставить мебель, запретилъ мнѣ сдвигать что бы то ни было въ бабушкиной спальнѣ и самъ указалъ тотъ уголъ у балконной двери, гдѣ я должна была играть великолѣпными куклами, купленными для меня по его приказанію. Такъ великъ былъ страхъ, который онъ намъ внушалъ, что мы не только при его жизни не осмѣливались его ослушаться, чтобъ переставить кресло или шкафъ на другое мѣсто, но и послѣ его смерти все оставляли такъ, какъ онъ привыкъ, чтобъ все стояло.

До сихъ поръ помню и уголъ между дверью въ Степанидину комнату и балкономъ, гдъ и проводила все свободное отъ уроковъ времи, и куда съ такимъ удовольствіемъ прибъгали братьи. Всъ напи совъщанія происходили въ этомъ углу, заваленномъ куклами и игрушками даже и тогда, когда мы ужъ давно перестали ими заниматься. Какъ хорошо было тутъ лътомъ, когда балконная дверь была выставлена, и стоило только изъ неи выйти, чтобъ очутиться на широкой террасъ съ треми ступеньками въ душистый, тънистый садъ, окруженный со всъхъ сторонъ такимъ высокимъ каменнымъ заборомъ, что можно было себи вообразить на необитаемомъ островъ.

Этотъ уголъ съ куклами, терраса, садъ! Врядъ ли найдется много людей, у которыхъ шевелились бы въ душт воспоминанія такого страннаго свойства, какъ тъ, что воскресаютъ передо мною при воспоминаніи объ этой эпохт нашей жизни!

Науками, насколько это считалось въ то время необходимымъ для дъвушки въ моемъ положеніи, я должна была заниматься вмъсть съ братьями, а музыкъ насъ продолжала учить Люси.

Эта послъдняя не замедлила намъ сообщить, что удовольствіемъ продолжать бывать въ нашемъ домъ она обязана нашему отцу.

— У князя Бориса быль по этому поводу длинный и горячій разговоръ съ моей влодъйкой, и онъ сумъль ей доказать, что ея замыслы ему извъстны, такъ что ей ничего больше не оставалось дълать, какъ покориться, —объяснила намъ Люси.

Что за замыслы и насколько осуществление ихъ повліяло бы на нашу судьбу, мы тогда не подозрѣвали, и насъ гораздо больше занималъ гувернеръ, который долженъ былъ поступить къ братьямъ.

Самое рѣшеніе взять его въ домъ было обставлено такими интересными подробностями, что я не могу ихъ не разсказать.

Я уже упоминала про графа Рамовскаго, съ которымъ дёдушка всю свою жизнь дружилъ, а подъ старость, когда оба поселились отшельниками въ Москвъ, разошелся по причинамъ, известнымъ только имъ однимъ. Размолвка эта не повліяла на дружественныя

сношенія сыновей діда съ племянникомъ графа, Варжаевымъ. Пості смерти нашей матери и когда наше скромное гніздышко было разрушено, папенька поселился у Варжаева въ одномъ изъ флигелей великолівнаго дома графа Рамовскаго, верстахъ въ двухъ отъ городской заставы.

Въ дом'в этомъ жилъ молодой эмигрантъ, Шарль де-Сабри, котораго графъ вздумалъ пом'встить къ намъ гувернеромъ, и папенька взялся устроить это д'вло.

Большого труда ему это не стоило; дъдушка съ первыхъ же словъ на это согласился, но поставилъ условіемъ, чтобы старый его пріятель, вслъдствіе размолвки уже лътъ пятнадцать не переступавшій порога его дома, самъ прівхалъ бы его просить за своего протеже.

И графъ на это согласился, до такой степени ему хотѣлось поскорѣе устроить молодого француза въ Москвѣ, а можеть быть, онъ радъ былъ возобновить сношенія съ другомъ юности. Такъ или иначе, но въ назначенный день насъ съ ранняго утра нарядили въ праздничныя платья, и мадамъ заставила насъ вытвердить на-изусть сочиненный ею комплименть, которымъ мы должны были привѣтствовать важнаго гостя. Пришлось также учить насъ кланяться по всѣмъ правиламъ этикета. Танцовать насъ еще не учили, этому важному, по тогдашнимъ понятіямъ, искусству, имълось въ виду насъ обучать по истеченіи траура, который мы носили по маменькѣ.

Обходя комнаты, черезъ которыя долженъ быль пройти гость и въ которыхъ, какъ передъ болыпими праздниками, сняты были съ мебели чехлы, дёдушка вспомнилъ, какъ восхищался его органомъ графъ, и послалъ сказать Люси, чтобъ она явилась къ намъ на другой день съ ранняго утра. Она не преминула исполнить это приказаніе, и мы не были еще одёты, когда, веселая и отъ счастья помолодёвшая, она влетёла въ комнату, гдё дёдушкинъ парикмахеръ, Прохоръ, подъ наблюденіемъ мадамъ, меня причесывалъ. Я была очень взволнована, въ первый разъ въ жизни меня пудрили и воздвигали изъ моихъ густыхъ бёлокурыхъ волосъ высокую и затёйливую прическу. На кровати лежало бёлое перкалевое платье, вышитое черными цвётами, и черное кружевное фишю, въ которое я должна была облечься по окончаніи прически.

Мадамъ воспользовалась появленіемъ Люси, чтобъ уйти въ свою комнату.

Въ какое именно время прівдеть графъ, никто не зналъ, а потому съ дввнацати часовъ каждую минуту его ждали. Раньше онъ не могъ прівхать потому, что имель обыкновеніе каждое утро слушать обедню въ своей домовой церкви, и къ тому же отъ его дома до нашего быль добрый часъ взды. Въ то время важные господа не скакали сломя голову по улицамъ въ своихъ разволо-

ченныхъ каретахъ, запряженныхъ шестью или восемью лошадьми, а ѣхали чинно и важно, какъ подобаетъ людямъ, которые не боятся, чтобъ на просторѣ любовались роскошью ихъ одежды и экипажа, блескомъ ливрей на ихъ прислугѣ и красотой дорогихъ породистыхъ коней. Скорая ѣзда считалась даже неприличною для родовитаго барина, у котораго не могло быть такихъ спѣпіныхъ дѣлъ, чтобъ онъ безпокоилъ себя торопливостью; за него было кому бѣгать, трудиться и хлопотать.

Но не даромъ графъ слылъ чудакомъ; могло случиться, что ему вздумается застигнуть бывшаго пріятеля врасплохъ и пожаловать въ неурочное время, а потому мы успѣли порядкомъ таки притомиться въ нашихъ праздничныхъ платьяхъ прежде, чѣмъ поставленный въ концѣ переулка казачокъ не прибѣжалъ сказать, что карету графа ужъ видать.

— Все готово. И лакеи на лъстницъ стоять, и ворота настежь растворены, онъ ужъ издали увидить, что его ждугъ, — повторяла съ восхищениемъ Люси.

Что всего больше ее радовало, это то, что Матаваиха не была приглашена участвовать въ предстоящемъ торжествъ.

— Графъ меня хорошо знаетъ, — разсказывала она намъ, — отъ меня завистло жить у него въ домт, пользоваться встми удобствами, получать крупное жалованье, богатые подарки и пенсію на старости лъть, еслибъ я только согласилась занять у него мъсто домашней артистки. Онъ хотель выписать такой же органь, какъ у князя, но я объявила, что ни за что не соглашусь поступить въ домъ господина, который въ ссоръ съ моимъ благодътелемъ, и онъ оцъниль мотивы моего отказа и прислаль мив сказать, что уважаеть меня за мои чувства къ князю и отказывается отъ удовольствія иметь органъ. Правда, впослъдствіи онъ купиль органь у г-на Сивцова, но это вышло случайно. и наслаждаться имъ ему все равно не довелось, такъ какъ онъ не могь найти аргиста, исполнение котораго удовлетворило бы его тонкій, набалованный, музыкальный вкусъ. Онъ недавно еще говорилъ, что одному только человъку на свътъ завидуетъ: князю Роману Васильевичу за то, что онъ имъетъ наслаждение слушать Баха въ исполненіи Люси де-Гранвиль.

Узнали мы также оть нея, что графъ привезеть съ собой того молодого человъка, который долженъ поступить гувернеромъ къ моимъ братьямъ, и это заставляло насъ съ еще большимъ нетеривніемъ ждать его прітзда.

Дъдушка вышель встръчать гостя въ проходную комнату между длинной прихожей и залой, а папенька, пріъхавшій за нъсколько минуть передъ тъмъ, сбъжаль съ лъстницы на крыльцо, гдъ съ непокрытой головой дождался, чтобъ карета подъъхала, и, отстранивъ лакея, растворявшаго дверцу, въ то время какъ другой ловко откидывалъ ступеньки подножки, онъ помогъ выйти изъ

экипажа высокому, красивому старику въ расшитомъ волотомъ францувскомъ кафтанъ, на атласномъ, нъжнаго цвъта камзолъ, съ брильянтовыми пуговицами.

Графъ, статный и бодрый, невзирая на преклонные годы, былъ тоже безъ шляпы и въ напудренномъ парикѣ такихъ огромныхъ размѣровъ, что ему трудно было поворачивать головой.

За нимъ выскочить молодой человъкъ, почти юноша, очень ловкій и нарядный, съ живыми, черными глазами и ръзко очерченнымъ профилемъ худощаваго лица. Передавъ одному изъ лакеевъ большую треугольную съ перьями шляпу своего патрона, онъ сталъ съ любопытствомъ озираться по сторонамъ, стараясь угадать по первому впечатлънію, что ждеть его въ незнакомомъ домъ, гдъ ему суждено было прожить пять лътъ. Цълая въчность—для восемнадцатилътняго юноши.

Неужели это нашъ будущій гувернеръ?

Еслибъ Люси, стоявшая съ нами у окна, изъ котораго мы смотрѣли на то, что происходило на дворѣ, не поспѣшила намъ заявить, что это именно онъ и есть, мы ни за что бы этому не повѣрили: такимъ молодымъ и непочтеннымъ онъ намъ показался. Неужели можно такого слушаться и у такого учиться?

Ростомъ онъ былъ немного повыше Сережи, а лицомъ казался моложе нашего серіознаго и задумчиваго брата.

— Тъмъ лучше, въ свободное отъ уроковъ время онъ вамъ будетъ товарищемъ и другомъ, — возразила Люси на наше замъчаніе, что этотъ молодой человъкъ на гувернера не похожъ.

Въ эту торжественную минуту папеныкъ было не до того, чтобъ заниматься молодымъ французомъ, однако мы замътили, что онъ ласково кивнулъ ему, какъ короткому знакомому, поднимаясь рядомъ съ графомъ по ступенькамъ крыльца.

Наконецъ, гости, съ встръчавшими ихъ, скрылись подъ навъсомъ крыльца, укращеннаго бъльми мраморными статуями; высокая, золоченая, съ гербами колымага отъъхала къ каменнымъ флигелямъ, отдълявшимъ парадный дворъ отъ такъ называемаго чернаго, съ прудомъ, засаженнымъ столътними тополями, посреди, и мы не безъ трепета стали ждать, чтобъ насъ позвали.

Приближаться къ комнатамъ, гдъ происходило свиданіе дъдушки съ его бывшимъ другомъ, мы, разумъется, не отваживались; но Люси то и дъло туда бъгала и разсказывала намъ то, что ей удавалось узнавать отъ людей, подслушивавшихъ и подсматривавшихъ у дверей. Всъ были въ волненіи, весь домъ съ лихорадочнымъ нетерпъніемъ ожидалъ какихъ-то важныхъ послъдствій отъ свиданія стараго барина съ графомъ, и ужъ по одному значенію, придаваемому этому свиданію, можно было догадаться, какую выдающуюся роль игралъ этотъ человъкъ въ жизни дъдушки. Люди, всегда сдержанные и осторожные на языкъ въ нашемъ присутствіи, въ

тоть день, забывая всякую предосторожность, обменивались воспоминаніями и замівчаніями, изъ которыхъ мы поняди, что одна изъ причинъ размолвки между закадычными друзьями была женитьба папеньки, или, лучше сказать, непреклонное отношеніе дідушки къ этой женитьбъ. Припоминали слова графа: «Кабы Борисъ опозориль семью, взявъ за себя дъвицу низкаго званія, тогда я и самъ бы отъ него отрекся, но она хотя и изъ захудалаго, а все же хорошаго дворянскаго рода, и не признавать ее дочерью-гръхъ». Но дъдушка такъ распалился гивномъ, что ни отъ кого словъ не принималь, а такъ какъ старый графъ привыкъ всёхъ началить и считаль себя въ правъ требовать вниманія къ своимъ совътамъ, то и произошла промежъ нихъ такая ссора, после когорой встречаться и глядъть другь дружкъ въ глаза было ужъ зазорно. А за размолвкой наступило съ объихъ сторонъ ожесточение, жертвой котораго явилась наша несчастная мать. Очень въроятно, что послъ рожденія перваго ребенка дъдушка простилъ бы сына, познакомился бы съ его женой и полюбиль бы ее, еслибь въ запальчивомъ объяснении съ другомъ у него не вырвались слова и зароки, которыхъ волей-неволей приходилось держаться.

Графъ, какъ умный человѣкъ, понималъ это, какъ нельзя лучше, и въ сознаніи невольной вины передъ нами и нашею матерью надо искать причину неизмѣннаго участія, которое онъ всегда оказывалъ нашему отцу и намъ до послѣдней минуты своей жизни.

Трудно опредълить теперь, почти три четверти стольтія спустя, когда именно мы узнали то, что я передаю теперь о роли, которую играль графъ въ печальномъ романт нашихъ родителей, но я помню, что въ тотъ день, когда онъ прітзжаль къ намъ съ Шарлемъ де-Сабри, въ буфетной комнатт, гдт собрались старшіе слуги, и куда мы безпрестанно заглядывали, чтобъ узнать, что дълается у дъдушки, ртчь шла о событіяхъ, предшествовавшихъ послъднему посты графа, и о томъ, что произошло послъ этого посты на произошло послъ загого постъ загого посты на произошло послъ загого посты на произошло послъ загого постъ загого пост

По словамъ Авдотьи Ивановны, дѣдушка кричалъ такъ громко вслѣдъ удалявшемуся посѣтителю, что въ буфетной было слышно: «Никогда ее не прощу и за дочь не буду считать! никогда! И дѣтей ихъ не хочу знать! никогда! Не внуки они мнѣ! Зарокъ передъ образами въ этомъ даю! Честное слово дворянина!»...

А пока онъ изрекалъ эти и многія другія еще болѣе страшныя клятвы, графъ, блѣдный отъ негодованія и гнѣва, повторялъ дрожащимъ голосомъ: «Опомнись, злой человѣкъ, пожалѣй свою душу... Кого казнишь? родного сына и ни въ чемъ передъ тобой неповинное отродье его»...

И когда, наконецъ, онъ убъдился, что каждымъ словомъ своимъ только подливаетъ масло въ огонь, тогда онъ сказалъ: — «Ну, не другъ ты мнъ больще, Романъ Васильевичъ», — и вышелъ изъ комнаты не оглядываясь. Буфетчикъ Власъ, помогавшій его людямъ

сажать его въ карету, божился, что у графа въ эту минуту слезы текли по щекамъ.

— Вотъ какъ ему тяжело было съ нашимъ княземъ разставаться, — замъчали на это, не безъ самодовольствія, окружающіе.

Въ этотъ день намъ удалось убъдиться, какъ ненавидъла вся дворня Матаваеву. Всъ, вмъстъ съ Люси, радовались, что князь не «посмълъ» пригласить ее на торжество примиренія.

Даже у Ивана Дмитріевича, сурово относившагося къ суесловію подвластнаго ему люда и при приближеніи котораго болговня мгновенно смолкала, даже и онъ добродушно усм'єхнулся, когда Степанида наша спросила у него, лукаво подмигивая:

— А что, д'єдинька, графъ-то, поди чай, первымъ долгомъ про Матаваиху спросилъ: зачемъ ее къ намъ сегодня не пригласили?

Разумъется, Иванъ Дмитріевичъ поспъшиль поправить не кстати выдавившуюся на его синихъ, гладко выбритыхъ губахъ, улыбку, грознымъ окрикомъ: — «Чего тутъ суепься, стрекоза? ступай къ своему мъсту!» — Но окрикъ этотъ желаннаго дъйствія не произвелъ; Стеща, не переставая скалить зубы, не тронулась съ мъста.

- Подавать, что ли, Иванъ Дмитричъ? спросилъ Власъ, кивая на столъ въ углу, на которомъ стоялъ серебряный подносъ съ двумя золотыми чарками, потускнъвшими отъ времени, съ вытершимися отъ употребленія надписями, и съ бутылкой какого-то темнаго вина, должно быть, очень стараго, если судить по тому, какъ обросло мохомъ и паутиной горлышко, высовывавшееся изъ салфетки, въ которую бутылка была завернута.
- Нѣтъ еще. Въ портретную прошли, отрывисто отвъчалъ старикъ.

Онъ поспъшно вышелъ, чтобъ занять свой обычный пость въ дверяхъ, въ ожиданіи приказаній князя; но на этотъ разъ отсутствіе его длилось недолго, и не прошло пяти минутъ, какъ торопливые шаги его снова раздались по коридору.

— **Несите!** А барчуки гдъ?—проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

Мы выдвинулись изъ темнаго уголка, гдѣ прислушивались къ интереснымъ разговорамъ. — Здѣсь? Ну, и расчудесно! Дѣдушка изволили приказать, чтобы вы въ портретную пожаловали. Его сіятельству угодно, чтобъ княжна за хозяйку гостя дорогого виномъ угостили, — прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ съ почтительною усмѣшкобі.

Внъ себя отъ смущенія, оглянулась я на братьевъ и на Люси, которая посившила прійти ко мнъ на помощь.

— Идите, идите, это хорошо... это доказываеть, что дѣдушка васъ окончательно и безповоротно признаеть, — заговорила она торопливо, оправляя мои фижмы и локоны.

А Иванъ Дмитріевичъ, между тъмъ, не оглядываясь, пошелъ

впередъ; за нимъ послѣдовалъ Власъ съ подносомъ, который онъ несъ торжественно и благоговѣйно, съ сосредоточеннымъ вниманіемъ, а мы замыкали шествіе. Но передъ тѣмъ, какъ войти въ портретную, гдѣ раздавались голоса, Иванъ Дмитріевичъ остановился и, пригласивъ насъ знакомъ войти первыми въ комнату, самъ остался съ Власомъ у двери ожидать приказаній.

Чувство, съ которымъ мы переступили порогъ длинной комнаты. увъщанной портретами, передъ которыми, прохаживаясь взадъ и впередъ, порой останавливался дедушка съ своимъ гостемъ, мнт до сихъ поръ памятно. Намъ и жутко было и радостно. Какъ всегда, въ случаяхъ, подобныхъ этому, я взглянула на брата Сергъя, чтобъ подёлиться съ нимъ впечатленіями, и его сверкающій волненіемъ взглядъ меня смутилъ. Онъ не заметилъ, что и на него гляжу; глаза его были устремлены съ такимъ страстнымъ любопытствомъ на графа, что и я невольно стала смотреть на дедушкина друга, не подозръвая того, что передо мною крупная историческая фигура, внушавшая благоговъйное почтеніе всъмъ, кто коротко его зналъ и умълъ въ немъ цънить личность съ выдающимся умомъ и характеромъ. Я видела только великоленнаго барина съ чудными огненными глазами, съ умной и нъсколько хитрой усмешкой на красиво очерченныхъ губахъ и съ тельно звучнымъ голосомъ.

Впослъдствіи только узнала я, какую роль сыграль въ его жизни этоть замъчательно красивый и выразительный голосъ, и сколькими блаженными и горькими минутами онъ ему обязанъ.

Тогда я ничего этого не подозръвала и думала только о томъ, какъ бы не забыть комплиментъ, который наканунъ насъ заставляла твердить наша мадамъ. Но вопросъ этотъ очень просто разръшилъ Сережа. Когда нашъ отецъ, разговаривавшій въ противоположномъ концъ длинной галлереи съ нашимъ будущимъ гувернеромъ, замътилъ наше появленіе и поспъшными шагами къ намъ направился, Сережа очнулся отъ своего забытья, оторвалъ глаза отъ графа и, пригнувшись ко мнъ, прошепталъ:

— Не надо ему ничего говорить... Комплименть — это глупости. И онъ былъ правъ, надо было никогда не видъть графа, чтобы допустить, что на его обращение можно отвъчать выдуманнымъ и впередъ затверженнымъ комплиментомъ. Не таковъ былъ человъкъ, чтобъ терпъть условныя пошлости.

Первое, что насъ поразило, когда онъ съ нами заговорилъ, это простота его выраженій. Въ то время бары говорили другимъ языкомъ, чѣмъ простолюдины, существовало множество словъ, служившихъ какъ бы принадлежностью высшаго сословія, воспитаннаго на французскій манерный ладъ.

Графъ никогда словъ этихъ не употреблялъ. По-французски онъ говорилъ неохотно, и тогда только, когда это было необходимо.

Выучился онъ этому языку не съ дѣтства, какъ другіе, а уже взрослымъ человѣкомъ, чтобъ сдѣлать угодное той, которую онъ страстно обожалъ, какъ женщину и какъ царицу, но при этомъ ему не удалось, а, можетъ быть, онъ не нашелъ нужнымъ, усвоить себѣ французскій выговоръ, и странное дѣло, то, что въ другомъ казалось бы смѣшнымъ, въ немъ было вполнѣ естественно и, какъ и прочіе его недостатки, такъ гармонировало со всѣмъ его существомъ, что невозможно было себѣ представить, чтобъ онъ сдѣлался лучше и симпатичнѣе безъ нихъ. Но, опять повторяю, выдающейся чертой этого замѣчательнаго человѣка была простота, просвѣчивавшая такъ исно въ каждомъ его движеніи и словѣ, что мы, дѣти, воспитанныя въ безыскусственности и правдѣ, съ первой же минуты знакомства почувствовали къ нему безграничное довѣріе.

Какъ изъ заученнаго заблаговременно комплимента, такъ и изъ придуманной дъдушкой церемоніи угощенія виномъ, ничего не вышло. Графъ привыкъ играть роль хозяина всюду, куда бы онъ ни явился гостемъ, и распорядился у насъ по-своему. Увидавъ въ дверяхъ Ивана Дмитрича рядомъ съ Власомъ, державшимъ подносъ съ угощеніемъ, онъ подозвалъ ихъ своимъ громкимъ и звучнымъ голосомъ, налилъ въ объ чарки вина, подалъ одну изъ нихъ дъдушкъ и, чокнувшись съ нимъ, проговорилъ съ добродушной усмъшкой, на насъ кивая:

- За эту мелюзгу, чтобъ выросли умиће насъ съ тобой!
- За здоровье нашего всемилостивъйшаго государя императора Александра Павловича!—торжественно произнесъ дъдъ, осушан чарку. Глаза графа заискрились лукавымъ блескомъ.
- И впрямь, мы съ тобой такъ давно не видълись, Романъ Васильевичъ, что слъдуетъ начинать съ офиціальныхъ тостовъ, весело проговориль онъ, наливая себъ новую чарку вина и выпивая ее до дна. Спасибо за урокъ, князь! прибавилъ онъ, улыбаясь при этомъ такъ тонко, что невозможно было ръшитъ, подпучиваетъ ли онъ надъ своимъ старымъ другомъ, или дъйствительно благодаренъ ему за напоминаніе. И не давая никому задуматься надъ щекотливымъ вопросомъ, способнымъ вызвать, чего добраго, новую размолвку, графъ обратился къ намъ. Не выпуская изъруки налитую съ краями чарку, онъ другой рукой, на которой сверкалъ перстень съ огромнымъ солитеромъ, ласково приподнялъ мнъ за подбородокъ голову и нъсколько секундъ внимательно на меня смотрътъ. А затъмъ, приложившись губами къ чаркъ, подалъ мнъ ее со словами:
- За твое здоровье, дѣвочка, и за то, чтобъ ты сдержала то, что объщаешь... Не поняла? продолжаль онъ, отвъчая на мой недоумъвающій взглядъ. Это хорошо, тебъ еще рано все понимать.
- И, повернувшись къ братьямъ, онъ подалъ имъ чарку съ недопитымъ мною виномъ, приговаривая при этомъ:

— За здоровье сестрицы и за вашу дружбу съ нею. Держитесь кръпко другь съ другомъ, дъти, помните всегда басню про пукъ съ прутьями, какъ легко сломить каждый изъ нихъ по одиночкъ, и какъ трудно съ ними сладить, когда они связаны вмъстъ.

Потомъ онъ подозвалъ Шарля де-Сабри и отрекомендовалъ его намъ, какъ нашего будущаго гувернера. И это не показалось никому ни страннымъ, ни непочтительнымъ къ хозяину дома, который, какъ гость, молча и улыбаясь присутствовалъ при томъ, какъ распоряжался въ его домъ старый пріятель. Но дъло было въ томъ, что графъ былъ не простой гость, и не только люди, слъдившіе за этой сценой черезъ щелки дверей и давнымъ-давно внакомые съ его повадками, но и мы, никогда до сихъ поръ не видавшіе его, не находили въ его словахъ и поступкахъ ничего такого, чего не должно было быть.

Своего протеже графъ счелъ нужнымъ пространно намъ отрекомендовать.

— Не смотрите, что онъ такой молокососъ. Свой умъ, правила и характеръ онъ ужъ усиълъ доказать на дълъ и при такихъ обстоятельствахъ, которыя не дай Боже никому изъ васъ испытатъ. Дъду вашему и отцу я все про него разсказалъ, а вамъ еще рано про это знать, — прибавилъ онъ серіозно.

Мы невольно взглянули на мсьё де-Сабри и по улыбкъ, не сходившей съ его лица, догадались, что онъ ни слова не поняль изътого, что про него говорили. Да графъ и не сталъ бы про него говорить въ его присутствии, еслибъ онъ понималъ по-русски. Мъняя тонъ и выраженіе лица, онъ посиъщилъ перейти къ другому предмету и спросилъ у дъдушки, въ порядкъ ли у него органъ.

— Ты, върно, знаешь, я купилъ себъ такой же, но пользуюсь имъ ръдко. Мамзель твоя отказалась у меня поселиться, чтобъ ублажать меня музыкой, пришлось довольствоваться старымъ іезуитомъ, это не все равно, — прибавилъ онъ съ громкимъ, молодымъ смъхомъ.

Но дъдушка уже сдълалъ давно ожидаемый условный знакъ, и изъ сосъдней комнаты раздались тихіе, торжественные звуки.

— А! она здъсь... Спасибо, другъ! угощаешь ты меня на славу, — произнесъ графъ съ чувствомъ, не скрывая пріятнаго изумленія.

Чтобъ не мѣшать гостю наслаждаться музыкой, папенька насъ увель въ столовую, гдѣ быль приготовленъ на всякій случай дессерть, и гдѣ во всемъ блескѣ праздничныхъ атуровъ дожидалась мадамъ Постулянти. Тутъ произошло ея знакомство съ мсьё деСабри. Въ то время, какъ мы прислушивались къ музыкѣ, лившейся изъ-подъ искусныхъ пальчиковъ нашей любимицы, папенька весело разговариваль съ нашими будущими воспитателями, а когда музыка смолкла, насъ позвали въ кабинетъ прощаться съ

графомъ. Мы уже успѣли его полюбить и съ сожалѣніемъ думали, цѣлуя руку, которую онъ намъ милостиво протягивалъ, что, по всей вѣроятности, долго его не увидимъ.

Люси была въ восторгъ и воспользовалась первою удобною минутой, чтобъ намъ сообщить, что графъ сдълалъ ей честь пригласить ее къ себъ.

— И теперь, когда онъ первый протянуль князю руку для примиренія, я считаю себя вправ'в воспользоваться его приглашеніемъ: врядъ ли кто нибудь позволить найти въ этомъ некорректность съ моей стороны, — повторяла она такъ настойчиво, что ужъ одно это доказывало, что она не вполить убъждена въ непогръшимости своихъ возэртый.

. Недаромъ она безпокоилась: была особа, которая на все смотръла другими глазами, чъмъ всъ остальные. Первая вспомнила про нее въ этотъ достопамятный день Люси.

— Пойдемте скоръе въ бабушкину спальню, того и гляди Матаваиха пріъдеть. Я видъла, какъ Васька пустился бъжать со двора, какъ только дано было приказаніе подавать карету графа, объявила она. И, схвативъ насъ за руки, побъжала по длинному коридору, черезъ бильярдную, въ комнату, которая, невзирая на то, что отдана была въ мое распоряженіе, продолжала называться «бабушкиной спальней».

И дъйствительно, не прошло полчаса, какъ мы узнали, что ненавистная намъ особа уже сидить въ дъдушкиномъ кабинетъ и забавляеть его своими грубыми шутками и пошлыми сплетнями. А вскоръ затъмъ, какъ всегда, когда ей случалось встрътиться здъсь съ нашимъ отцомъ, по всъмъ комнатамъ стали раздаваться бъготня, громкій говоръ и веселый раскатистый смъхъ.

— Й върно сейчасъ пъть будуть, — процъдила сквозь злобно стиснутые зубы Люси, блъднъя оть волненія. — Слышите! Начинають! О, слушать ее стоить! Такого голоса, какъ у этой злодъйки, во всемъ міръ нъть...

Шаги, шуршанье юбокъ, смёхъ и говоръ смолкли, и вслёдъ за наступившей тишиной раздались звучные молодые голоса, сливаясь въ дуэтё изъ модной тогда оперы Моцарта «Донъ-Жуанъ»

Много разъ пришлось намъ впослъдствіи слушать этотъ дуэтъ исполняемый теми же голосами, и такъ велико было всегда обаяніе, ихъ, что всё остальныя чувства, волновавшія душу, смолкали, уступая мъсто духовному наслажденію самаго чистаго, возвышеннаго свойства. И понятно становилось волшебное дъйствіе, которое женщина эта имъла на людей съ развитымъ воображеніемъ и утонченными нервами, какимъ былъ нашъ дъдъ, нашъ отецъ и множество другихъ, которыхъ она, какъ сказочная сирена, загубила, овладъвъ ихъ сердцемъ и волей.

Ужъ какъ ненавидъла ее наша Люси, и съ какою досадой на-

чинала она всегда ее слушать, а каждый разъ кончалось тъмъ, что слезы восторженнаго умиленія выступали на ея глаза, а руки невольно складывались, какъ на молитву.

Надо зам'єтить, что на людей, равнодушныхъ къ музык'є, эта странная женщина не производила никакого особеннаго впечатл'єнія. Любовались ея красотой, которая была такъ блестяща, что надо было быть сл'єпымъ, чтобъ ея не признавать, но и въ самой красот'є ея многіе находили н'єчто отталкивающее и удивлялись т'ємъ, кому она кружила голову, потому что, кром'є голоса, все въ ней было грубо, нагло и жестоко, и умъ ея, и сердце, все смущало, раздражало и отталкивало... но только т'єхъ, кто оставался глухъ и сл'єпъ къ ен чарамъ...

Слово это не нечаянно соскользнуло съ моего языка, и я утверждаю, что въ ней было нѣчто сверхъестественное. Можетъ быть, она обладала тою силой, которая въ настоящее время ужъ констатирована учеными изслѣдованіями гипнотизма и тому подобныхъ таинственныхъ проявленій природы, а, можетъ быть, она обладала врожденною способностью покорять души. Такъ или иначе, но она была необыкновенное и опасное существо; съ этимъ должны были согласиться всѣ, кто ее зналъ, а мы имѣли несчастіе узнать ее лучше, чѣмъ кто либо, и столкновеніе наше съ нею отразилось на насъ гибельнымъ образомъ.

Къ счастью, будущее отъ насъ сокрыто, и въ тотъ вечеръ, подъ впечатлъніемъ знакомства съ графомъ и новымъ нашимъ гувернеромъ, который долженъ былъ переъхать къ намъ на другой день, мы наслаждались ея пъніемъ и радовались мысли, что намъ придется наслаждаться имъ часто.

Еще подробность: впечатлѣніе ея голоса было такъ сильно и продолжительно, что невозможно было избавиться отъ чувства страстной нѣжности къ ней даже послѣ того, какъ она замолкала. Хотѣлось смотрѣть на нее и чувствовать на себѣ ея взглядъ.

Пробовала она силу своего обаянія и всегда успѣшно, не надъ всѣми, а только надъ тѣми, кто ей былъ почему либо нуженъ, и ужъ по торжеству окружавшихъ насъ людей, которые всѣ безъ исключенія ее ненавидѣли, и по тому, какое они значеніе придавали ея отсутствію при посѣщеніи графа, можно было догадаться, какъ усердно добивалась она знакомства съ нимъ, и какъ ей должно было быть досадно, что ей это не удалось.

Въ тоть вечеръ мы только ее слышали, но не видёли; впрочемъ, съ тёхъ поръ, какъ ей пришлось убёдиться, что совсёмъ выжить Люси изъ дома, гдё у нея сохранилось такъ много неразрывныхъ связей, такъ же трудно, какъ вмёшиваться въ наше воспитаніе (дёдушка и видёть не хотёлъ наставницъ, которыхъ она рекомендовала, а съ Шарлемъ она познакомилась тогда только, когда онъ переёхалъ жить въ нашъ домъ), весь ея интересъ къ намъ, до поры

до времени, охладёлъ, и, продолжая навъщать дъдушку каждый день, она, повидимому, совсъмъ забыла о нашемъ существовани.

Мы въ то время ей казались не опасны.

V.

«Наладивъ» нашу жизнь, какъ онъ выражался, т. е. обставивъ насъ дорогими воспитателями и учителями, окруживъ насъ роскошью и комфортомъ, дъдушка совсъмъ пересталъ нами заниматься. Все для насъ нужное закупала Авдотъя Ивановна, деньги выдавать Иванъ Дмитріевичъ, исполнявшій должность секретаря и казначея. Счеты провърялись разъ въ годъ.

При ръдкихъ свиданіяхъ съ дъдомъ мы должны были заученною фразой благодарить его за всё его благодъянія и на вопросъ его, не нужно ли намъ чего нибудь, отвъчать, что, благодаря его милостямъ, мы ни въ чемъ не нуждаемся.

Такова была форма, разъ навсегда установленная нашей мадамой, и уклоняться отъ нея намъ и въ голову не приходило. Даже и послѣ пятилѣтняго пребыванія въ его домѣ, дѣдушка оставался намъ такъ же чуждъ и далекъ, какъ въ первый день нашего съ нимъ знакомства.

Мало-помалу вышло такъ, что Люси оказалась единственнымъ ввеномъ, связывавшимъ насъ не только съ властелиномъ нашей судьбы, но также и съ папенькой, который, снявъ трауръ по супругъ, окунулся въ прежній омутъ кутежей и беззаботнаго веселья.

Въ то время въ Москвъ было увеселительное заведение, куда вошло въ моду ъздить кутить съ труппой пъвицъ и пъвцовъ, извъстныхъ подъ общимъ названиемъ «итальянцевъ».

Папенька такъ увлекался этой труппой, что ни о чемъ другомъ не могъ ни думать, ни говорить, и въ ръдкія минуты свиданія съ нами представлялъ намъ въ лицахъ, какъ поетъ Розита, декламируетъ Олимпія и пляшетъ красавица Ванда.

Мы слушали, разиня роть, и, такъ какъ воображение у насъ было такое же живое, какъ у него, то и мы тоже до безумія увлекались итальянцами, никогда ихъ не видавши.

На это мадамъ Постулянти только пожимала плечами и посмъивалась.

Вообще она была столько же равнодушна къ проявленіямъ нашего духовнаго развитія, насколько озабочена дѣлами многочисленныхъ иностранцевъ преподавателей, гувернантокъ, актеровъ, артистовъ и тому подобныхъ искателей фортуны на чужбинѣ, посѣщавшихъ ее во множествѣ въ тѣхъ комнатахъ рядомъ съ бабушкиной спальней, гдѣ она устроила себѣ настоящій салонъ, и гдѣ проводила почти всю свою жизнь.

Надо къ этому прибавить, что такое ея отношеніе къ намъ установилось не вдругь, а по мъръ того, какъ всъ въ домъ начали убъждаться въ полнъйшемъ равнодушіи къ намъ дъда.

Искра раскаянія, вспыхнувшая было въ его душѣ послѣ смерти маменьки, погасла, не успѣвши разгорѣться въ болѣе или менѣе осмысленное и прочное чувство, и весь домъ послѣдовалъ его примѣру. На насъ смотрѣли, какъ на дѣтей наслѣдника имени и состоянія стараго князя, и въ грошъ не ставили.

Но, невзирая на неудобство такого положенія, это время можно назвать самымъ счастливымъ для насъ въ бабушкиномъ домѣ: мы были вмѣстѣ, про насъ всѣ забывали, и у насъ былъ другъ въ лицѣ Шарля, съ которымъ мы такъ сблизились, что не могли себѣ представить, чтобы онъ намъ былъ чужой.

Все свободное отъ уроковъ время братья съ Шарлемъ проводили въ моей комнатъ, и намъ было очень весело.

Особенно хорошо было лѣтомъ, когда старый садъ начиналъ зеленѣть, сирень распускаться, а въ запущенныхъ клумбахъ зацвѣтали растенія, остатки когда-то великолѣпнаго цвѣтника. Ароматъ ихъ врывался черезъ растворенную дверь въ высокую, немного мрачную комнату съ расписными потолками и съ любопытною голландскою печкой, побѣдоносно выступавшей изъ темнаго угла, сверкая пестрымъ, затѣйливымъ рисункомъ въ мавританскомъ вкусѣ. Стѣны бабушкиной спальни были покрыты полотняными обоями, съ изображеніемъ людей, птицъ и животныхъ, которыми намъ не надоѣдало любоваться, слушая страшные и трогательные разсказы Шарля про его родину, охваченную пламенемъ чудовищной революціи.

Онъ не только былъ свидътелемъ этихъ ужасовъ, но испыталъ дъйствіе ихъ на себъ и на своихъ близкихъ.

Почти на глазахъ его умергвили всёхъ, кто ему былъ близокъ и дорогъ, разграбили состеяніе, скопленное вёками его предками, насмёялись надъ Богомъ, Которому онъ поклонялся, надъ правилами чести, которымъ слёдовали и отецъ его и предки. Пятилётнимъ ребенкомъ долженъ онъ былъ бёжать изъ родины и искать убёжница въ чужихъ краяхъ. Его, французскаго дворянина, владёльца огромнаго состоянія и славнаго имени, довели до того, что онъ долженъ былъ скитаться изъ страны въ страну, воспитываться на чужой счетъ у такихъ же несчастныхъ эмигрантовъ, какъ и онъ самъ, и наконецъ онъ вынужденъ былъ принять предложеніе графа Захара Григорьевича и жить его щедротами, въ ожиданіи переворота въ пользу законныхъ государей, на который уповали всё благомыслящіе люди въ Европъ.

Но событія въ Европ'є съ каждымъ днемъ д'єлали это предположеніе все мен'є и мен'є в'єроятнымъ, и вынужденное безд'єйствіе ириводило Шарля въ отчаяніе.

Онъ ужъ давалъ уроки въ Германіи и желалъ найти мѣсто учителя въ Москвъ.

Въ то время скончалась маменька, насъ перевезли яъ дѣду, и, узнавъ, что намъ ищутъ гувернера, графу пришла мысль помъстить къ намъ своего протеже.

Положеніемъ своимъ у насъ Шарль былъ доволенъ. Старшихъ надъ нимъ не было, а съ нами, какъ сказано выше, онъ съ первой минуты подружился, тъмъ не менъе онъ относился къ своему новому положенію, какъ къ временному испытанію, съ которымъ приходилось волей-неволей мириться въ ожиданіи лучшаго.

Но, увы, съ тъхъ поръ, какъ Наполеонъ прославляль своими побъдами Францію, это «лучшее» не представлялось ему въ такомъ обаятельномъ свътъ, какъ прежде, когда эмигранты воображали, что достаточно одной побъды, одержанной монархистами надъ республиканцами, чтобъ прежній порядокъ былъ возстановленъ въ ихъ отечествъ; теперь обстоятельства такъ скадывались, что на одно только можно было надъяться: умереть за отечество, ни на что больше.

И Шарль оть всей души этого желалъ.

Мы раздѣляли его энтузіазмъ и каждый разъ съ нетерпѣніемъ ждали его возвращенія отъ графа, къ которому онъ ѣздилъ по праздникамъ и по воскресеньямъ. Тамъ можно было всегда узнать что нибудь новенькое. Тамъ получались газеты, а, кромѣ того, все, что говорилось въ хорошо освѣдомленныхъ петербургскихъ кружкахъ и при дворѣ, немедленно доносилось старому вельможѣ преданными ему людьми, которые знали, что ничѣмъ ему нельзя больше угодить.

Иногда случалось, что и среди недёли графъ присылалъ экипажъ за своимъ любимцемъ, чтобъ скорѣе обрадовать его вѣстью о какомъ нибудь новомъ заговорѣ противъ ненавистнаго узурпатора, про вооруженія державъ противъ него или про благородную выходку принцевъ, на которыхъ возлагались упованія легитимистовъ.

Извъстія эти большею частью оказывались впослъдствіи, если не вымышленными, то значительно преувеличенными, но, тъмъ не менъе, Шарль возвращался къ намъ въ восторженномъ настроеніи, которое мы съ нимъ вполнъ раздъляли. Сережа съ Ромой давно ръшили съ нимъ не разставаться и сопровождать его на войну за освобожденіе Франціи отъ Наполеона.

И я тоже рѣшила отъ нихъ не отставать, хотя бы даже для этого надо было переодѣться мужчиной. Все это казалось намътакъ просто и возможно, что мы не стали бы слушать того, кто началъ бы насъ увѣрять, что мы предаемся несбыточнымъ мечтамъ.

Но въ то время остерегать насъ отъ заблужденій было некому. Мадамъ Постулянти, позанявшись съ нами съ гръхомъ пополамъ часа два, уходила къ ожидавшимъ ее друзьямъ или разъъзжала по знакомымъ, которыхъ у нея въ Москвъ было множество, а Люси

хотя и прівзжала давать намъ уроки музыки, но ее не столько занимала наша внутренняя жизнь, сколько вопросъ объ отношеніяхъ дъдушки къ Матаваевой, которыя, къ великому ея отчаянію, нисколько не измънялись: безъ хорошенькой вдовушки старикъ дня не могъ прожить.

Такъ прошло три года со дня нашего перевада въ домъ дъда. Въ ноябръ четвертаго мнъ минуло пятнадцать лътъ.

Но, благодаря ли замкнутой жизни или отъ природнаго недостатка наблюдательности, заставляющей дъвочекъ съ раннихъ лътъ допытываться того, что принято отъ нихъ скрывать, я оставалась ребенкомъ и никакого различія между собою и братьями не сознавала. На Шарля я смотръла, какъ на добраго товарища, правда, умнъе, образованнъе и опытнъе Сережи съ Ромой, а потому и интереснъе ихъ во всъхъ отношенияхъ, но вотъ и все.

Скрывать моей привязанности къ нему мнѣ и въ голову не приходило. Каждый день прибавляла я къ обычной молитвѣ за родныхъ сочиненное мною воззваніе къ Богу за успѣхъ монархистовъ, а, молясь моему Ангелу хранителю, я усердно просила его охранять Шарля отъ всякой напасти.

И все это такъ наивно, что даже наша многоопытная мадамъ не рѣшалась мнѣ ставить на видъ неумѣстность моихъ отношеній къ гувернеру братьевъ. Однако, когда я однажды бросилась обнимать его за хорошенькую чашечку, которую онъ выпросилъ для меня у графа, она сочла нужнымъ мнѣ замѣтить, что мсьё де-Сабри мнѣ чужой, и что обращаться съ нимъ, какъ съ братомъ, неприлично.

— Онъ можеть подумать, что у васъ нъть стыда.

Слова эти заставили меня вспыхнуть до ушей, но почему именноэтого я еще не понимала и долго бы не поняла, еслибъ просвъщенію моему не способствовали новыя обстоятельства.

Въ ту осень дёду пришла мысль привести въ порядокъ давно заброшенный домашній театръ, собрать распущенную трупцу и пополнить ее, чтобъ давать представленія.

Въ городъ затъя эта возбудила оживленные толки. Разсказывали, что Матаваева все это придумала, чтобъ окончательно свести съ ума старика. Она будто бы намъревалась выступать на сценъ выъстъ съ кръпостными холопами и холопками.

Въ то время даже для женщины такой потерянной репутаціи, какъ Дарья Алекстевна, такая выходка казалась до высочайшей степени неприлична, все же она, по мужу, была дворянка.

Между тъмъ дъдушка вспомнилъ, что насъ пора учить танцовать, и намъ взяли въ танцмейстеры отставного балетмейстера Степана Яковлевича Апраксинскаго, судя по фамиліи, изъ кръпостныхъ графа Апраксина, который являлся къ намъ два раза въ недълю.

«истор. въсти.», февраль, 1900 г., т. LXXIX.

И училь онъ не насъ однихъ моднымъ въ то время танцамъ, а также крѣпостныхъ дѣвушекъ, Машу, Матрешу и Феню. Всѣ три были красавицы. Передъ урокомъ ихъ одѣвали въ бѣлыя, короткія холщевыя платья, въ открытые башмаки и заставляли продѣлывать всевозможныя премудрости хореграфическаго искусства.

Съ нами Степанъ Яковлевичъ занимался отдёльно, и будущія балерины присутствовали при нашемъ урокі за колоннами, а когда наступала ихъ очередь, насъ уводили изъ залы. Нашими успітами въ танцахъ никто не интересовался и, когда случалось, что Шарль (забывъ трагичность своего положенія, какъ человіка, давшаго торжественный обіть отдать жизнь за спасеніе родины) поддавался искушенію показать намъ, какъ танцовали въ былое время во Франціи, бралъ мою руку и исполняль со мною который нибудь изъ характерныхъ танцевъ, особенно трудно удававшихся моимъ братьямъ, Степанъ Яковлевичъ приходилъ въ восторгъ, кричалъ «браво», просилъ повторить и отъ избытка чувствъ такъ фальшивилъ, что хотілось выбить у него скрипку изъ рукъ. При этомъ онъ всегда выражалъ сожалівніе, что князь Романъ Васильевичъ ни разу до сихъ поръ не любопытствовалъ взглянуть, какъ отличается его внучка.

Но зато дібдушка не пропускаль случая любоваться своими будущими балеринами, когда ихъ заставляли стоять на одной ногів, изгибаться всімь тібломь и скользить нацыпочкахь изъ одного угла залы въ другой, выражая мимикой всевозможныя чувства и душевныя движенія, подъ звуки оркестра.

Любоваться этимъ эрълищемъ прівзжали друзья дъдушки, такіе же сановные старики, какъ и онъ.

Само собою разумѣется, что представленія эти, о которыхъ говориль весь домъ, насъ страшно интересовали, и мы считали за великое счастье пробраться потихоньку отъ старшихъ на хоры, чтобы изъ темнаго уголка, позади музыкантовъ, наслаждаться интереснымъ зрѣлищемъ, волнуясь страхомъ и любопытствомъ.

Шарля приглашали, какъ гостя, внизъ, и намъ доставляло немалое удовольствіе смотръть изъ нашей засады на его стройную, красивую фигуру, когда онъ подходиль съ почтительными поклонами къ старымъ вельможамъ, толпившимся въ разнообразныхъ позахъ въ дверяхъ гостиной, выражая во всеуслышаніе свое мнъніе о танцовщицахъ.

Какими именно фразами они обмѣнимались, этого мы разслышать не могли; до хоръ долеталъ только гулъ ихъ голосовъ и громкаго непринужденнаго смѣха, но что за выразительныя, небрежныя позы! Одинъ полулежалъ въ глубокихъ креслахъ, вытянувъ ноги въ башмакахъ съ пряжками, усыпанными драгоцѣнными каменьями, и съ фальшивыми икрами, съ наслажденіемъ покачивалъ головой въ тактъ музыки, вертя въ выхоленныхъ пальцахъ, унизанных перстнями, золотую табакерку, другой, изогнувшись въ вычурной позъ, положивъ ногу на ногу и высоко приподнявъ локоть, разсматривалъ въ лорнетку будущихъ корифеекъ, третій аплодировалъ имъ стоя, опершись спиной о притолку двери, выпячивая впередъ жабо изъ драгоцънныхъ кружевъ и откинувъ назадъ голову, надъ которой долго трудился искусный парикмахеръ.

Были и такіе, которые, пренебрежительно отвернувшись отъ зрѣлища, происходившаго въ залѣ, горячо и съ выразительными жестами, бесѣдовали между собою, повертываясь къ любителямъ танцевъ только по временамъ, чтобъ съ саркастической улыбкой на гладко выбритыхъ губахъ, концами пальцевъ аплодировать, приговаривая вполголоса, съ французскимъ акцентомъ и удареніемъ: браво! браво!

А въ глубинъ гостиной, у пылавшаго камина, можно было видъть другихъ гостей, съъхавшихся сюда не для ученицъ Степана Яковлевича, а съ цълью встрътиться съ какимъ нибудь пріъзжимъ изъ Петербурга или изъ - за границы государственнымъ дъятелемъ, заъхавшимъ навъстить стараго князя Р.—го.

Прівзжали также въ нашъ домъ и для Матаваевой. Бойкая вдовушка служила приманкой для многихъ любителей женской красоты въ Москвъ. И тамъ, гдъ она была, скуки не знали. Ея ни въ дверяхъ залы, ни въ глубокой гостиной въ стилъ Louis XV не было видно, ея звонкій смёхъ раздавался въ комнате рядомъ съ оранжереей, у стола, уставленнаго винами и фруктами. Тура и папенька прямо проходиль коридоромъ, когда ему случалось пріважать на дедушкины «репетиціи», такъ назывались вечера съ танцами будущихъ балеринъ, которые давались въ нашемъ домъ, съ техъ поръ какъ начала осуществляться затея театра. Но осуществлялась она медленно, эта затья. Печи во флигель, гдь должны были происходить представленія, находились въ такомъ плачевномъ состояніи, что раньше, какъ весной, невозможно было приниматься за ихъ поправку, да и подготовка труппы требовала немало времени. Управляющимъ приказано было прислать съ обозомъ покрасивъе и пошустръе дъвочекъ изъ дальнихъ деревень, и обозъ этогъ, ожидаемый къ Рождеству, быль уже въ пути, но много предстояло хлопоть со степными дикарками прежде, чёмъ можно было бы сзывать гостей любоваться ихъ успъхами въ сценическомъ искусствъ. Чтобъ ихъ учить, дъдушка велъ переговоры съ извъстнымъ актеромъ въ Петербургъ, объщавшимъ пріъхать къ намъ летомъ, въ свободное отъ службы время, но до этого было еще далеко, и ръшено было пріважихъ дъвушекъ занять прежде всего, для выправки, танцами.

Ко всёмъ этимъ затёнмъ папенька относился съ раздраженіемъ и разсказывалъ, не стёсняясь, по всему городу, что Матаваева все это придумываетъ, чтобъ держать въ рукахъ его отца.

Digitized by Google

Въчно искали они другъ друга, чтобъ сердить и язвить одинъ другого.

А между темъ обойтись другъ безъ друга они не могли, и каждый разъ, когда я вспоминаю дъдушкины вечера съ «репетиціями», передъ моими глазами возникаетъ такая сцена: танцы кончились, танцовщицъ отпустили, наградивъ ихъ конфетами, фруктами, а иную и червонцемъ, гости вернулись въ гостиную. Оркестръ разошелся. Въ опустъвней залъ одинъ только Степанъ Яковлевичъ въ укромномъ уголку, за дверью въ коридоръ, меланхолично запираеть свою скрипку въ деревянный футляръ. Проходитъ минуты двъ-три въ полнъйшей тишинъ. Намъ съ Ромой хочется бъжать внизъ ужинать, но мы взглядываемъ на Сережу, который точно въ забыть пристально смотрить на дверь въ оранжерею, и не смемъ тронуться съ мъста. Наконецъ, дверь эта растворяется, изъ нея выбъгаеть Матаваева, красная, взволнованная, съ сверкающими глазами и высоко поднимающейся отъ волненія грудью. Она обмахивается въеромъ и говоритъ, какъ всегда, быстро, сыплетъ словами, не вслушивансь въ возраженія папеньки, который слёдуеть за нею, старансь заглянуть ей въ глаза. Но ему это удается только тогда, когда, въ концъ залы, она обертывается и становится съ нимъ на мгновеніе лицомъ къ лицу. Папенька громко смъстся, но смъхъ его притворный, и по всему видно, что онъ гивается столько же, сколько и она, если не больше...

Мнѣ почему-то становится совѣстно на нихъ смотрѣть, и я дотрогиваюсь до плеча Сережи, чтобъ напомнить ему, что пора итти внизъ. Онъ вздрагиваеть, точно его разбудили отъ глубокаго сна, оглядывается на меня съ изумленіемъ и досадой, срывается съ мѣста, какъ ужаленный, и, бросивъ еще разъ взглядъ въ залу, стремглавъ сбѣгаетъ съ лѣстницы, гдѣ насъ ждетъ Шарль.

Мы всегда покидаемъ хоры до окончанія объясненія между нашимъ отцомъ и Матаваевой и ровно ничего не понимаемъ изъ этой сцены, но потомъ узнаемъ отъ Люси, что они ссорились до тъхъ поръ, пока появленіе дъдушки не заставляло ихъ разойтись. Папенька уъзжаетъ, забывъ съ нами проститься, а Матаваева бъжить въ кабинетъ, гдъ ее, безъ сомнънія, утъщаютъ.

Впрочемъ, меня эта странная интрига мало интересовала въ то время. Къ равнодушію отца я начинала привыкать. Онъ въ ту зиму обращалъ на Сережу гораздо больше вниманія, чёмъ на меня съ Ромой. Потому, можетъ быть, что напіему старшему брату минуло семнадцать лётъ, и что онъ замётно выходилъ изъ дётства. Его совсёмъ перестали занимать игры съ нами, и онъ предпочиталъ сидёть одинъ за книгой, чёмъ, какъ бывало раньше, съ нами бёгать и слушать разсказы Шарля про Францію. Папенька сталъ возить его въ манежъ учиться ёздить верхомъ. Онъ сдёлалъ такіе успёхи въ игрё на скрипкъ, что ему взяли лучшаго учителя въ

городъ, и раза два-три въ мъсяцъ онъ удостоивался приглашенія играть при дъдушкъ въ концертной.

Однажды, ранней весной, отецъ приказалъ ему одъться пощеголеватье и взяль его куда-то съ собой. Вернулись они поздно, когда мы уже спали, и на вопросы наши на следующее утро онъ отвъчалъ просьбой оставить его въ покоъ. Такъ мы и не узнали, куда возиль его отець. Первое время я все еще надъялась, что отчужденіе, возникавшее между мною и братомъ, съ которымъ у меня до сихъ поръ все было общее, явленіе временное, и что онъ вернеть мив свою дружбу и довбріе, но когда я увидбла, что онъ и отъ Шарля также отдаляется, какъ отъ меня и отъ Ромы, я поняла, что прежняго ужъ не вернуть. Въ другое время меня бы это очень огорчило, но въ тотъ годъ и у меня стала зарождаться ъв сердцв тайна, которую я хранила ревниво отъ всёхъ, и которая такъ наполняла всю мою внутреннюю жизнь, что мив было не до чужихъ заботъ, радостей и страданій. Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ Шарль становился мнв дороже и милве. Все, что до него касалось, принимало въ моихъ глазахъ такой огромный интересъ, что я ждала прівзда гостей къ дідушкі не для того, чтобъ любоваться танцами съ хоръ, а чтобъ видеть, какъ гости и дедушка будуть обращаться съ нашимъ Шарлемъ. И когда я замъчала, что важные старики, о которыхъ мы были очень высокаго мивнія, милостиво съ нимъ разговаривали, а дедушка подзываль его къ себъ, чтобъ представить какому нибудь новому гостю, я чувствовала такое же удовольствіе и нравственное удовлетвореніе, какъ еслибъ честь эта была оказана мнъ лично.

Съ нетерпъніемъ ждала я, чтобъ онъ передалъ мнъ, о чемъ съ нимъ разговаривали, и мнъ невыразимо было весело видъть, что и онъ съ своей стороны ищетъ случая подълиться со мною своими впечатлъніями. Первое время онъ разсказывалъ про то, что говорилось и дълалось внизу, всъмъ намъ, но мало-помалу такъ вышло, что у него всегда оставалось что нибудь досказать мнъ одной, безъ свидътелей. Да и мнъ несравненно пріятнъе было его слуппать наединъ.

Почему?

На вопросъ этотъ я въ то время не могла бы отвътить, точно такъ же, какъ затруднилась бы даже самой себъ сказать: почему радовалась я гораздо больше букету, который онъ мнъ поднесъ въ день моего рожденія, чъмъ великолъпному браслету съ брильянтами, присланному мнъ графомъ?

Дъдушка, можетъ быть, чтобъ не отстать отъ своего друга, далъ мнъ одно изъ бабушкиныхъ колье изъ жемчуговъ, а я съ нетериъніемъ ждала, когда всъ налюбуются моими драгоцънностями, чтобъ спрятать ихъ въ шифоньерку и на просторъ цъловать цвъты, поднесенные мнъ моимъ другомъ со словами: «брильянты отъ графа, а цвъты отъ меня».

Я поставила ихъ въ воду и, чтобъ они дольше не завяли, мѣняла ее по нѣсколько разъ въ день, а ночью поднималась съ постели, чтобъ убѣдиться: держатся ли лепестки на розахъ? Когда же они свалились, мнѣ стало грустно, какъ отъ непредвидѣннаго несчастья.

Нико у не повърила я моей печали, но Шарль ужъ и тогда читаль мои мысли въ моихъ глазахъ, какъ въ открытой книгъ, и въ слъдующій понедъльникъ, когда я утромъ подошла къ вазъ съ поблекшими цвътами, которые у меня не хватало духу выкинуть, я чуть не вскрикнула отъ радости, увидавъ, что въ ней красуется букетъ вдвое больше и красивъе прежняго.

Чудо свершилось очень просто: наканунѣ, какъ всегда по воскресеньямъ, Шарль провелъ день у графа и нарѣзалъ въ его оранжереѣ (первой въ городѣ, изъ которой онъ посылалъ цвѣты императрицамъ) для меня букетъ.

Но мит почему-то захотелось изъ этого сделать тайну; я поставила букеть на окно за драпировку и любовалась имъ тогда, когда никто не могъ этого видёть.

Безъ просьбы съ моей стороны, Шарль вступилъ со мною въ заговоръ, ни словомъ не обмолвившись о своемъ подношении, и съ тъхъ поръ я часто находила на томъ же мъстъ вмъсто завялыхъ цвътовъ свъжіе.

Сколько обаятельной прелести вносила эта невинная тайна въ нашу замкнутую, однообразную и лишенную всякихъ другихъ радостей жизнь, пойметъ только тотъ, кто въ юности любилъ такою любовью, чтобъ помнить про эту любовь до преклонной старости.

Но еще разъ повторяю, наслаждалась я новымъ моимъ чувствомъ вполнъ безсознательно, и еслибъ мнъ тогда кто нибудь сказалъ, что я люблю Шарля не братскою любовью, я не поняла бы, что хотятъ этимъ сказать.

А между тёмъ мы жили въ атмосферѣ самыхъ страстныхъ, самыхъ разнузданныхъ страстей, и надо было обладать невѣроятной душевной чистотой, чтобъ не заразиться ея развратомъ. Но благодаря ли молитвамъ маменьки, первоначальному воспитанію или особенному стеченію обстоятельствъ, мы оставались также чисты и невинны душой, какъ тогда, когда насъ привезли сюда изъ монастыря, гдѣ ее похоронили.

Тамъ, въ этомъ монастырѣ, надъ плитой, подъ которой она лежала, ровно черезъ годъ послѣ ея смерти, произошло наше свиданіе съ доброй женщиной, заступившей ей мѣсто родителей, когда она осиротѣла. Насъ привезли на панихиду изъ дѣдушкина дома въ большой каретѣ, а она на эту панихиду притащилась за шесть сотъ верстъ изъ глубины Россіи. Какъ мы обрадовались этой встрѣчѣ! Какъ сладко было плакать вмѣстѣ съ ней по нашей дорогой покойницѣ! Какъ любовно осматривала она насъ съ ногъ до

головы, радуясь тому, что мы выросли, похорошёли, нарядно одёты, и любимъ ее попрежнему. Ей о столькомъ хотёлось насъ разспросить, что она не знала, съ чего начать. Да и у насъ отъ радостнаго изумленія дыханіе сперло въ горлё, и слова не выговаривались. Увы! не отъ одной радости, а также и отъ страха. Вёдь, дёдушка строго-настрого запретилъ пускать къ намъ прежнихъ знакомыхъ и друзей. Послё похоронъ маменьки намъ не позволили проститься съ Варварой Петровной. Но съ тёхъ поръ прошло двёнадцать мёсяцевъ и произошло много перемёнъ. Папенька самъ подошелъ къ ней, ласково съ нею поздоровался и пригласилъ ее у насъ побывать послё панихиды.

- Дъти живутъ отдъльно, пройдите чернымъ ходомъ, къ Авдотъъ Ивановнъ, она васъ къ нимъ проведеть, — прибавилъ онъ, сообразивъ, что во всякомъ случаъ будетъ лучще, если дъдушка не узнаетъ про это посъщение.
- О, какъ мы ему были благодарны! Наша милая старушка не ожидала такого счастья и, предпринимая дальнее путешествіе съ единственною надеждой помолиться надъ могилой той, которой она посвятила всю свою жизнь, и, можеть быть, взглянуть однимъ глазкомъ на сироть, она залилась радостными слезами, услышавъ милостивое приглашеніе, и кинулась цѣловать его руки.

Варвара Петровна провела у насъ въ бабушкиной спальнъ весь день, разспрашивала насъ, охала и ахала отъ недоумънія, когда мы ей сказали, что почти никогда не видимъ дъдушку и ничего не знаемъ про его жизнь, которая проходитъ совершенно отъ насъ отдъльно, радовалась, что мы остались во многомъ такими же, какими были при маменькъ, разсказывала намъ про урожай въ хуторъ, доходами съ котораго мы такъ долго жили, объясняла намъ, какъ она сочла нужнымъ распоряжаться хозяйствомъ съ тъхъ поръ, какъ ей объявили, что оттуда ничего больше не надо сюда присылать, и наконецъ разсталась съ нами, какъ она увъряла, съ легкимъ сердцемъ, убъдившись воочію, что намъ хорошо потому, что насъ и содержатъ и учатъ покняжески.

И друзья наши, Люси съ Шарлемъ, ей пришлись по душъ. Мадамъ нашу она видъла только мелькомъ и, принимая въ серіозъ ея положеніе воспитательницы, совътовала намъ во всемъ ея слушаться.

Она нашла насъ такими же, какими мы были, разставшись съ нею, а между тъмъ годъ этотъ насъ такъ состарилъ, что мы ужъ знали, что ей можно сказать и что нътъ. Точно сговорившись, оставили мы ее въ полнъйшемъ убъжденіи, что мы совершенно довольны нашей судьбой и не желаемъ ничего лучшаго. Даже Рома, которому не было тогда восьми лътъ, не выболталъ ей ни слова про наше одиночество, про то, что мы по цълымъ недълямъ не видимъ папеньку, что онъ про насъ ничего не знаетъ, и что въ домъ никому до насъ дъла нътъ, а все идетъ по разъ заведенному порядку, по-

слъдствіями котораго на развитіе нашего ума и чувствъ никому и въ голову не приходить интересоваться.

Предоставленные самимъ себѣ, мы набрались такой осторожности, что на вопросъ ея про Матаваеву: бываетъ ли она у насъ и вмѣпивается ли въ нашу жизнь, мы не задумываясь отвѣчали, что ничего про нее не знаемъ.

VI.

Папенька продолжалъ увлекаться страстно (иначе, какъ страстно, онъ не умълъ увлекаться) пъвицей Вандой. Все время проводилъ у нея, и въ городъ опять заговорили про то, что онъ безбожно мотаетъ деньги.

На имъніе, отданное ему послъ смерти маменьки дъдушкой, и на доходы съ котораго онъ долженъ былъ себя содержать, наложено было запрещеніе за долги, и ему грозила продажа съ аукціона, еслибъ Матаваева не воспользовалась этимъ случаемъ, чтобъ имъ овладъть.

Когда Люси про это узнала, она пришла въ ужасъ и поскакала къ дядъ Льву Романовичу въ подмосковную, чтобъ поставить его въ извъстность о намъреніяхъ злодъйки и узнать, не можетъ ли онъ найти средство выручить брата.

Но дядя ничёмъ не могъ помочь. Оказалось, что на Радостное, которымъ онъ управлялъ по довёренности отъ отца, дарственной у него не было, а имёніе это числилось за нимъ только по духовному зав'ящанію, которое отепъ его былъ воленъ изм'янить, когда ему ввдумается.

Однако, провожая свою посътительницу, онъ попытался ободрить ее объщаниемъ позаботиться объ участи дътей своего брата и просилъ передать этому послъднему, что онъ желаеть его видъть.

— Пусть удосужится ко мнв пожаловать.

Папенька исполниль его желаніе, но ужъ тогда, когда имѣніе наше перешло во владѣніе Матаваевой, и противъ совершившагося факта ничего невозможно было предпринять.

Невзирая на отвращеніе и презрѣніе, которыя, какъ ему казалось, онъ къ ней чувствуеть, она давно ужъ овладѣла его волей и распоряжалась ею по-своему. Но онъ такъ мало это подозрѣвать, что назвалъ бы сумасшедшимъ каждаго, кто бы ему это сказалъ.

Да, въ этой женщинъ было что-то сверхъестественное, невольно наводившее мысль о чародъйкахъ, въ проклятое могущество которыхъ върять люди, прозръвающе въ жизненныхъ явленіяхъ то, чего наука и разумъ не видять.

Съ наступленіемъ лѣта папенькой овладѣла новая страсть. Къ «итальянцамъ» онъ охладѣлъ и въ то время, какъ, благодаря его

увлеченію ими, они завоевали себ'є такую громкую изв'єстность въ Москв'є, что ни одинъ праздникъ въ большомъ св'єт'є безъ нихъ не обходился, онъ все чаще и чаще сталъ пропадать изъ города. Долго не могли узнать, гд'є онъ проводить время, но наконецъ одинъ изъ кучеровъ его проболтался, что онъ возитъ своего барина къ цыганамъ, раскинувшимъ таборъ неподалеку отъ пом'єстья графа Апраксина, и вс'є пришли въ ужасъ отъ этого изв'єстія.

Въ то время цыганы не играли еще въ столицахъ той роли, которую они стали играть лътъ двадцать спустя; ихъ преслъдовали, и селиться въ городахъ они не отваживались. Но въ деревняхъ, въ глупи, къ нимъ относились снисходительнъе, и случалось, что сами помъщики зазывали ихъ къ себъ въ домъ, чтобъ позабавиться ихъ пляской, пъснями и ворожбой.

Въроятно, и этимъ цыганамъ посчастливилось найти покровителей между обитателями той мъстности; они основались тамъ прочно, и вскоръ по всему городу стали ходить розсказни про то, какъ молодежь на нихъ разоряется, и какому гръшному и грязному разврату молодые люди лучшихъ фамилій предаются въ таборъ.

Самое представленіе о цыганахъ возбуждало въ умахъ какуюто гадливость въ связи съ таинственнымъ страхомъ, какъ отъ существъ, не имѣющихъ ничего общаго съ крещенымъ народомъ. Вѣрили въ ихъ сношенія съ дъяволомъ, не сомнѣвались въ томъ, что они могутъ напускать на людей всевозможные нравственные и физическіе недуги: сухотку, лихорадку, остуду къ близкимъ, тоску и самую смерть. Не даромъ же они умѣли гадать. Про ихъ предсказанія разсказывали такія чудеса, что безъ содроганія невозможно было ихъ слушать. По всеобщему убѣжденію, человѣкъ, имѣвшій несчастье подпасть подъ вліяніе ихъ чаръ, могъ считаться погибшимъ какъ въ этомъ свѣтѣ, такъ и въ будущемъ.

Можно себѣ представить, какъ все это насъ волновало, и какъ мы интересовались цыганами!

Само собою разумъется, что Матаваева раньше всъхъ узнала про новое папенькино увлеченіе и, въ первый разъ съ тъхъ поръ, какъ вліяніе ея стало чувствоваться въ нашемъ домъ, всъ домашніе отнеслись къ нему безъ ненависти, а съ упованіемъ, что она натравить дъдушку на цыганъ, и что, по близости его къ властямъ, нарушителей всеобщаго спокойствія совсъмъ изгонять изъ окрестностей Москвы.

Но вышло то, чего никто не могь ожидать: когда папенька въ одинъ прекрасный день прівхаль въ таборъ, онъ засталь тамъ Матаваеву.

Она была здѣсь, какъ дома, всѣ за нею ухаживали, никого она не стѣсняла, и по всему было видно, что она тутъ не въ первый разъ, что къ ней успѣли привыкнуть, и что чувствуеть она себя въ этой средъ, какъ рыба въ водъ. Папенька потомъ разсказывалъ, что наглостью и цинизмомъ она приводила въ недоумъніе самихъ цыганъ.

· Но вмёстё съ тёмъ она очаровывала ихъ своимъ голосомъ и легкостью, съ которой съ перваго раза переняда ихъ ухватки.

Когда папенька встрътилъ ее въ первый разъ въ таборъ, она въ цыганскомъ костюмъ ничъмъ не отличалась отъ черноглазой Маши и такъ же бойко, какъ она, плясала съ красавцемъ Алеко.

Дъдушка ничего про это не зналъ, ему готовился сюрпризъ. Невзирая на легкомысліе, папенька, говорятъ, долго отказывался принимать участіе въ этомъ сюрпризъ, но когда онъ увидалъ Матаваеву пляшущей съ Алеко, на него точно бъсовское навожденіе нашло, онъ кинулся къ нимъ, оттолкнулъ кавалера и, ставъ на его мъсто, такъ прекрасно исполнилъ танецъ, что всъхъ привелъ въ восторгъ.

Вскорѣ мы узнали, что на ближайшей «репетиціи» папенька проплящеть цыганскую съ Матаваевой, и въ назначенный день мы дрожали отъ страха, что намъ не удастся пробраться на хоры. Но опасенія наши не сбылись, старшимъ было не до насъ, и залу не успѣли еще освѣтить, какъ мы уже тѣснились въ нашемъ любимомъ уголкѣ и подъ звуки настраиваемыхъ инструментовъ смотрѣли, какъ зажигали восковыя свѣчи въ люстрѣ, и любовались съѣздомъ гостей, проходившихъ черезъ залу въ гостиную, въ то время, какъ за колоннами танцмейстеръ давалъ послѣднія наставленія ученицамъ въ короткихъ бѣлыхъ платьяхъ, въ атласныхъ розовыхъ башмакахъ, съ розовыми шарфами.

Представление должны были начать онъ.

Явился и папенька. Озабоченно переговоривъ съ Степаномъ Васильевичемъ и бътлымъ взглядомъ окинувъ танцовщицъ, онъ тоже поспъшно направился въ гостиную. Но когда, по данному Иваномъ Дмитріевичемъ знаку, нашъ танцмейстеръ вышелъ со своими нимфами на средину залы, поставилъ ихъ въ позицію, и оркестръ заигралъ прелюдію къ па-де-шаль, мы не видъли папеньку между гостями, которые вышли вмъстъ съ дъдушкой изъ гостиной и разсълись въ приготовленныя для нихъ кресла.

Представленіе началось.

Намъ хорошо было извёстно, какъ танцують па-де-шаль наши три граціи, и мы съ нетерпёніемъ ждали, что будеть, когда онё кончать, но дёдушка со своими гостями про сюрпризъ не зналъ, преусердно аплодировалъ и, къ величайшей нашей досадё, приказалъ повторить танецъ. Но кончилось и повтореніе, лакеи внесли большіе серебряные подносы съ прохладительными питьями, сластями и фруктами, балеринъ подозвали къ гостямъ, одёлили ихъ лакомствами, дали имъ выпить по стакану сладкаго вина и отпустили

Онъ ушли, но Степанъ Яковлевичъ за ними не послъдовалъ.

Переждавъ немного, онъ съ торжествующимъ видомъ поправилъ свой напудренный парикъ, выставилъ впередъ ногу, обтянутую облымъ чулкомъ въ бащмакъ съ серебряной пряжкой и заигралъ странную, многими изъ присутствующихъ неслыханную плясовую. Оркестръ подхватилъ, а изъ внезапно растворившейся двери выбъжала красивая пара въ яркомъ, живописномъ костюмъ.

Долго кружились они въ безумной пляскъ на глазахъ восхищенныхъ зрителей прежде, чъмъ ихъ узнали, такъ измънялъ ихъ костюмъ и ухватки, заимствованныя у цыганъ. Даже и мы, заранъе внавшіе, въ чемъ будетъ состоять сюрпризъ, который готовился дъдушкъ, не върили своимъ глазамъ и въ недоумъніи спрашивали себя: «неужели это папенька съ Матаваевой, а не настоящіе цыганы?»

Пляску эту, видѣнную мною въ первый разъ въ жизни, я никогда не могла забыть и должна сознаться, что ничего болѣе совершеннаго мнѣ не удалось видѣть на своемъ вѣку. Никакая Тальони
не произвела бы на меня такого вцечатлѣнія, какъ Матаваева своей
дикой, удалой граціей и выразительностью каждаго движенія, каждаго взгляда. То обвалакивала она своего кавалера невыразимо
нѣжнымъ взглядомъ, то обдавала его страстью, то пронизывала
холоднымъ презрѣніемъ такъ выразительно, что невольно пляска
эта принимала въ глазахъ зрителей особенное значеніе.

Оригинальный танецъ при громкихъ рукоплесканіяхъ заставили повторить нѣсколько разъ, при чемъ его выполняли каждый разъ иначе, и длилось бы это безъ конца, еслибъ не пришли доложить, что кушанье подано. Всѣ отправились въ столовую. Разошлись и музыканты, зала опустѣла и стала казаться еще больше, выше и свѣтлѣе въ пустотѣ, наполненной звуками, не успѣвшими еще испариться изъ памяти. Люси сбѣжала внизъ, но мы не трогались съ мѣста.

Намъ казалось невозможнымъ, чтобъ праздникъ кончился такъ банально: проплясали и пошли ужинать. Мы ждали чего-то еще болъе прекраснаго и удивительнаго. Странная музыка и пляска унесли насъ въ чудный, новый міръ, о которомъ мы до сихъ поръ и во снъ не грезили. Въ воображеніи нашемъ развертывались картины, одна другой величественнъе и очаровательнъе. Безбрежное море съ сердито рокотавшими волнами смънялось душистой степью съ высокой травой, колыхавшейся подъ палящими солнечными лучами. Степь превращалась въ дремучій лъсъ, освъщенный багровымъ пламенемъ костра, вокругь котораго въ бъшеной пляскъ кружились цыганы...

Я невольно закрыла глаза, чтобъ лучше видёть чудныя видёнія, проносившія передъ моими духовными очами, и яснёе слышать переливы мелодіи, не перестававшей звучать въ моихъ ушахъ, какъ вдругъ меньшой брать заставилъ меня очнуться отъ забытья.

- Диза, мит страшно!.. Посмотри на Сережу... Что это ст нимъ? Я открыла глаза и увидала передъ собою блёдное лицо съ свернающими глазами нашего старшаго брата и поняла испугъ Ромы.
- Пойдемъ ужинать, Люси уже ушла,—сказала я, взявъ его за руку.

Не переставая смотрёть въ опустёвшую залу пристальнымъ сосредоточеннымъ взглядомъ, онъ поднялся съ мёста и послёдовалъ за мною машинально, какъ во снё, но, дойдя до лёстницы на антресоли, гдё были ихъ комнаты, порывистымъ движеніемъ вырвалъ руку, которую я крёпко держала, и стремглавъ пустился бёжать на верхъ.

Я поняла, что онъ хочеть быть одинъ, и увела къ себъ Рому, который хотълъ за нимъ послъдовать.

У двери въ бабушкину спальню я остановилась, чтобъ прислушаться, не бѣжить ли за нами Шарль, который не выходиль у меня изъ головы все время, что я находилась подъ чарующимъ впечатлъніемъ страннаго, волнующаго нервы зрѣлища, и съ которымъ я мысленно дѣлилась чувствами, но онъ не являлся.

Почему не встрътили мы его внизу, какъ всегда, когда мы съ хоръ присутствовали при томъ, что происходило въ залъ?

Неужели онъ не догадывается, какъ мит хочется его видътъ? У меня сердце сжималось при этой мысли. Потерявъ надежду видъть его раньше завтрашняго утра, я стала ждать Люси, и она пришла наконецъ въ большомъ разстройствъ, съ красными отъ слезъ глазами и, не дожидаясь нашихъ разспросовъ, стала съ большимъ негодованіемъ разсказывать, что дъдушка въ такомъ восхищеніи отъ Матаваевой, что хочетъ теперь видъть пляску настоящихъ цыганъ, чтобъ сравнить, кто лучше плящеть, она или они.

— Этой новой приманкой она его еще кръпче опутаеть, чъмъ всъми прежними фокусами. Можно пари держать, что онъ настоящихъ цыганъ больше одного разу не захочетъ видъть; такъ плясать, какъ эта распутная въдьма, ни одна цыганка не сумъеть,— сознавалась съ раздраженіемъ бъдная Люси.

И вдругъ она прибавила, точно угадывая вопросъ, готовый сорваться съ моихъ губъ:

— Задумала теперь кокетничать съ вашимъ Шарлемъ! Вниманія до сихъ поръ на него не обращала, а сейчасъ подозвала его къ себъ и сама предложила ему руку, чтобъ онъ повелъ ее за ужинъ... Поняла, что довольно таки странно было бы видъть котораго нибудь изъ важныхъ старцевъ подъ руку съ цыганкой, ну, и поспъшила всъхъ вывести изъ затруднительнаго положенія, сама выбравъ себъ кавалера... который отъ этой чести, или, лучше сказать, безчестья, отказаться не можетъ... Увидимъ, что скажетъ графъ Захаръ Григорьевичъ, когда ему донесутъ про то, что у насъ сего-

дня происходило. Онъ любитъ де-Сабри, какъ родного, и не разъ выражаль неудовольствіе, что пом'єстиль его въ дом'ь, гд'є хозяинъ ведетъ себя на старости л'єтъ съ такимъ непростительнымъ легкомысліемъ!.. Врядъ ли онъ оставитъ его зд'єсь...

Хорошо, что она была такъ поглощена своими заботами, что ей и въ голову не приходило на меня повнимательнъе взглянуть, она замътила бы, въ какое мучительное волненіе и смущеніе приводятъ меня ея слова!

Со мной творилось что-то непонятное, сердце сжималось невыразимой тоской отъ предчувствія чего-то страшнаго и таинственнаго, я съ трепетомъ ждала ужасовъ, которые должны были на меня обрушиться.

Мы не замѣчали, какъ легѣло время. Прислуга давно убрала ужинъ, до котораго никто изъ насъ не дотрогивался. Рома заснулъ, положивъ голову на сложенныя на столѣ руки, а Люси продолжала разсказывать ужасы про Матаваеву. Наконецъ, явилась мадамъ. Провожая своихъ гостей и проходя по коридору, она замѣтила свѣтъ въ бабушкиной спальнѣ. Это ее очень удивило, она была увѣрена, что мы давно спимъ.

— И вы еще здёсь, мамзель Люси? А что туть дёлаеть этоть молодой человёкь? Почиваеть? Но почему же онь не на верху съ братомъ? Не ожидала я найти здёсь такое большое общество въ третьемъ часу утра!.. Впрочемъ сегодня день сюрпризовъ... которые продолжаются и ночью, ха, ха, ха, ха!—продолжала она, обращаясь то ко мнё, то къ Люси.—Празднество, кажется, еще не кончилось... Проходя по коридору, я слышала голосъ мадамъ Матаваевой въ кабинетъ, поетъ что-то дикое... Я даже вздрогнула, такъ это выходило пронзительно,—прибавила она зъвая.—Всю ночь, безъ сомнънія, будеть оргія!.. Какъ это прилично для семидесяти-лътняго старика! Не долго протянеть онъ avec un tel règime! А вы какъ доберетесь домой, мамзель Люси? Приказали заложить карету?

Бълная Люси растерялась.

- Я не думала, что такъ поздно... заболталась съ княжной... Князь Борисъ объщалъ меня завезти домой, ему мимо ъхать...
- Князь Борисъ ужъ давно убхалъ,—подхватила со смъхомъ мадамъ.
- Уѣхалъ?—вскричала, срываясь съ мѣста, Люси.—Такъ он а значитъ...
 - Она здъсь ночуеть. Не въ первый разъ...

И опять этотъ смёхъ, отъ котораго мий было, Богъ знаеть почему, такъ неловко и стыдно, что хотклось провалиться сквозь землю.

— Ночуйте и вы здёсь,—продолжала мадамъ, посматривая съ лукавой усмёшкой на Люси, которая стояла среди комнаты такая растерянная, что на нее было жалко смотрёть.— Вамъ, конечно, не будетъ такъ хорошо, какъ дома, но это все же лучше, чѣмъ безпокоить въ такой поздній часъ людей и нарываться на ихъ дерзости и проклятія. Прислуга въ этомъ домѣ такъ распущена!

- Вы, пожалуй, правы, --- согласилась Люси.
- Надо разбудить Степаниду...
- Не надо ее будить, я вамъ сейчасъ все приготовлю, объявила я, подбъгая къ комоду съ бъльемъ и вынимая простыни и наволочки.
- Да, вамъ лучше не выходить изъ комнаты, мало ли какія могутъ быть встрёчи! La maison n'et pas sûre... Да вотъ сейчасъ, напримёръ, въ маленькой гостиной я столкнулась носомъ къ носу... съ кёмъ бы вы думали? Съ де-Сабри! Я приняла его за привидёніе и чуть не вскрикнула отъ испуга. Было отъ чего испугаться: третій часъ ночи, воспитанники его давно спятъ, а онъ изволитъ наслаждаться пёніемъ мадамъ Матаваевой!.. Отъ него я узнала подробности сегодняшняго празднества... По его словамъ, князь Борисъ плясалъ по-цыгански съ такимъ entrain, что всёхъ привелъ въ восторгъ. Неужели это правда, что пляска эта опьяняеть, какъ опіумъ? Онъ съ нѣкоторыхъ поръ какой-то странный, мсьё де Сабри, ему наяву можетъ пригрезиться то, чего другой и во снѣ не увидитъ... Сабри увѣряетъ, что представленіе это намѣреваются въ скоромъ времени повторить, и вы увидите, что все это кончится свадьбой...

Ей не возражали и, соскучившись говорить одна, мадамъ, пожелавъ намъ покойной ночи, разбудила Рому и увела его изъкомнаты.

Мы улеглись, но заснуть я не могла и, послё довольно продолжительнаго молчанія, прерываемаго всхлипываніями и вздохами Люси, я не вытерпёла, соскочила съ постели, перебёжала босикомъ комнату и легла рядомъ съ нею. Она меня обняла холодными, дрожащими руками и прижалась мокрымъ отъ слезъ лицомъ къ моей щекъ.

— На чью свадьбу намекала мадамъ?—спросила я, когда она немного успокоилась.

Она вздрогнула.

— Не спрашивайте лучше! Позоръ этотъ и безъ того слишкомъ скоро узнается...

Голосъ ен порвался въ рыданіяхъ. Мит было и жаль ее, и жутко, но любопытство взяло верхъ надъ встми прочими чувствами, и и стала ее умолять сказать мит всю правду, все, что она знаетъ.

Она была въ такомъ волненіи, что долго упрашивать не пришлось, и таинственнымъ шопотомъ объявила, что Матаваева ни передъ чъмъ не остановится, чтобъ добиться цъли.

— Я это предчувствовала... Она на все способна, даже убить человъка, если онъ станетъ ей поперекъ дороги,—повторяла она прерывающимся отъ волненія голосомъ. — Тамъ, откуда она сюда

явилась, всёмъ это извёстно... Когда мужъ ея умеръ, всё въ одинъ голосъ сказали, что это она отправила его на тотъ свётъ... У нея это въ крови... не даромъ отецъ ея на каторге за убійство... Матаваевъ нашелъ ее въ воровскомъ притонё... Ради Бога, не передавайте этого никому! — вскричала она, испугавшись невольнаго признанія, сорвавшагося съ ея губъ.

Я поклялась памятью матери, что про разговоръ нашъ никто не узнаетъ, и она продолжала:

--- Много лъть тому назадъ, на усадьбу помъщика Матаваева напали разбойники, но имъ не удалось бъжать съ награбленнымъ добромъ, дворовые ихъ всъхъ поревязали и доставили въ городъ. Атаманомъ ихъ оказался знаменитый Алешка, наводившій уже много лътъ страхъ на всю окрестность. Нъсколько дней спустя, крестьяне привели на барскій дворъ дівочку, найденную въ пещерів въ лъсу. Всъ были убъждены, что она дочь атамана, но она это отрицала и разсказывала цълую исторію про родителей, у которыхъ ее будто бы похитили... Ужъ и тогда врать была мастерица. Впостедствін оказалось, что такихъ господъ, на которыхъ она указывала, какъ на своихъ родителей, совстиъ и нътъ во всей Россіи. Но это не пом'вшало дураку Матаваеву прельститься ея красотой, оставить ее у себя и запретить людямъ разсказывать, гдъ ее нашли. И такъ она ему влъзла въ душу, эта разбойничья дъвчонка, что онъ перебхалъ въ другое имъніе, чтобъ ничто ей не напоминало про прежнюю жизнь. И кончилось свадьбой. Всегда кончается такъ, какъ она хочетъ. Еслибъ вы знали вашего деда такимъ, какимъ я его знала, вы поняли бы мое отчаяніе... Это быль рыцарь въ полномъ смыслё этого слова, сильный духомъ и гордый, никакимъ соблазнамъ онъ не поддавался и оставался въренъ своимъ правиламъ до фанатизма. Всъ его такимъ знали до появленія этой негодяйки въ Москвъ. Какъ онъ честиль ее, прежде чъмъ увидать ее! Покойному Матаваеву, котораго онъ хорошо зналь, они служили въ одномъ полку, онъ простить не могъ бракъ съ дочерью разбойника, а теперь самъ... Когда она просила у него позволенія привезти ему коллекцію гравюръ, которую, будто бы, ея покойный мужъ приказалъ ей ему передать, онъ отвъчалъ, что принять ее не можетъ. Но это ее не остановило, конечно, и не прошло недъли, какъ она ужъ пъла въ его домъ, акомпанируя себя на арфъ... Вотъ она какая пройда! Все это происходило на моихъ глазахъ. Не прошло и двухъ лътъ, какъ помъ спелался неузнаваемъ, а князь, мой благодетель, котораго я обожала, какъ родного отца, такъ изменился, что знавщее его раньше не могуть прійти въ себя оть изумленія и негодованія. На все сталь онъ смотреть е я глазами... Во мит она съ первой минуты почуяла врага и, мало-помалу, совсёмъ вытёснила меня изъ его сердца. Вотъ скоро годъ, какъ онъ со мною не говорить,

притворяется, что не узнаетъ меня, когда мы нечаянно встръчаемся въ его же домъ, и спъшить удалиться, чтобъ не слышать моихъ объясненій и упрековъ... Что именно нашла она нужнымъ наговорить про меня, я даже и представить себъ не могу, но, должно быть, какую нибудь ужасную ложь, потому что онъ н въ силахъ скрыть своего отвращенія ко мнъ...

- -- Но чего же вы за него боитесь?--спросила я.
- --- Всего, --- отвѣчала она.
- Неужели вы думаете, что она и его убъеть, какъ мужа?
- Она его не убьетъ, она сдёлаетъ хуже: она заставитъ его на себъ жениться, и тогда вы погибли, бъдняжки! Она всъмъ завладъетъ... Отцу вашему ничего больше не останется, какъ снова поступить въ полкъ и уъхатъ умиратъ на край свъта, куда нибудъ въ Турпію или въ Персію, гдъ всегда война, а васъ разсуютъ куда ни попало, чтобъ вы не напоминали вашимъ присутствіемъ дъду, чъмъ онъ былъ раньше, и чъмъ сдёлался, благодаря этой въдьмъ...
 - И вы думаете, это скоро случится?
- Дай Богъ, чтобъ этого никогда не случилось! Это было бы слишкомъ ужасно!—вскричала Люси.

И точно угадывая мучительную мысль, закружившуюся въ моей головъ, она прибавила:—Всъхъ она отсюда разгонитъ, ни съ къмъ не поцеремонится. И начнетъ съ меня и съ де-Сабри. А васъ выдастъ замужъ за котораго нибудь изъ друзей князя. Старики падки до такихъ молоденькихъ и наивныхъ дъвушекъ, какъ вы, имъ и приданаго не надо... Хорошо еще, если выборъ падетъ на добраго человъка, а не на такого, какъ Лабининъ, который уже двухъ женъ уморилъ...

Я слушала ее какъ въ чаду отъ испуга. Передо мною точно бездна развервалась, со дна которой ко мнѣ протягивались морщинистыя руки страшныхъ стариковъ въ бѣлыхъ царикахъ и съ размалеванными лицами, на которыхъ мнѣ было такъ смѣшно смотрѣть съ хоръ. Теперь мнѣ было не до смѣха, спасенія ждать было не откуда.

Въ ту роковую ночь я внезапно созръла изъ ребенка въ женщину и вмъстъ съ сознаніемъ безпомощности передъ надвигавшейся бъдой поняла также и то, что Шарль миъ дороже жизни. Мысль о разлукъ съ нимъ разрывала миъ сердце. Но подруга моя этого не замъчала, и приписывая, можетъ быть, молчаніе мое недовърію, она безжалостно возвращалась къ тому, что я буду въ несравненно въ худшемъ положеніи, чъмъ братья, если дъдушка женится на Матаваевой.

— Мужчина всегда сумъеть пробиться въ свътъ, а съ беззащитной дъвушкой все можно сдълать, и замужъ ее выдать за урода, и въ монастырь заключить...

И вдругъ она оборвала свою рѣчь на полусловѣ и, приложивъ палецъ къ губамъ, стала прислушиваться. Я тоже насторожилась, и до насъ все явственнѣе и явственнѣе сталъ доходить странный шумъ, торопливые шаги и сдержанный говоръ. Все это среди ночи звучало такъ жутко, что сердце забилось недобрымъ предчувствіемъ.

Люси сорвалась съ постели, накинула на плечи мой пудермантель и, дрожащимъ шопотомъ приказавъ мнв не выходить изъ комнаты, сама прошла въ коридоръ.

Я подошла къ двери и стала прислушиваться. При слабомъ свътъ лампады, горъвшей передъ образами въ моей комнатъ, можно было различать ея фигуру, остановившуюся у входа изъ коридора въ залу. Странный шумъ не смолкалъ; слышался стукъ растворяемыхъ дверей, шаги и голоса то отдалялись, то приближались. Вдругъ Люси подалась назадъ, черныя тъни, окружавшія ее, разсъялись, и показался человъкъ съ зажженной свъчей въ рукъ. Онъ, безъ сомнънія, пробъжалъ бы мимо не останавливаясь, еслибъ она не остановила его:

— Иванъ Дмитріевичъ! Что случилось! Куда вы бъжите?

Онъ остановился. Лицо его было блёдно, видъ растерянный, и свёча въ серебряномъ подсвёчникё дрожала въ его рукё. Что отвётилъ онъ на предложенный ему вопросъ, я разслышать не могла, но по движенію его побёлёвшихъ губъ и по разстройству, которымъ дышала вся его фигура въ кафтанё, накинутомъ на бёлье, безъ парика, съ взъерошенными вихрами сёдыхъ волосъ, которые при колеблющемся блескё свёчи, точно отъ ужаса вздымались на его головё, можно было догадаться, что онъ передаеть ей нёчно страшное.

— Да кто же это слышалъ? Почему вы не взломали дверь, если она заперла ее изнутри? А за княземъ Борисомъ послали? — продолжала закидывать его вопросами Люси, не дожидаясь отвътовъ.

Онъ махнулъ рукой и побъжалъ дальше. Шаги его еще съ минуту раздавались по гулкимъ, съ высокими потолками, покоямъ, и стихли, а Люси, переждавъ немного въ неръшительности, вышла въ залу и скрылась у меня изъ глазъ въ темнотъ.

Я не трогалась съ мъста. Мнъ казалось, что здъсь я скоръе узнаю, что случилось. Скоро стали пробъгать мимо коридора Авдотья Ивановна, горничныя, лакеи, казачки. Всъ бъжали не останавливаясь, все по одному и тому же направленію. Всъ туда бъжали, но никто оттуда не возвращался. Тамъ, за залой начиналась дъдушкина половина, его кабинетъ, спальня, уборная. Во всъхъ этихъ комнатахъ мы такъ ръдко бывали и на такое короткое время, что не помнили ни расположенія ихъ, ни убранства.

А между тъмъ начинало свътать. По двору раздался грохотъ экипажа, подъъзжавшаго къ крыльцу, и стукъ растворяемыхъ дверей; мимо коридора торопливо прошелъ старичокъ нъмецъ, дъдуш-

«истор. въсти.», февраль, 1900 г., т. LXXIX.

кинъ докторъ, поспѣшно промелькнула статная фигура папеньки, а затѣмъ, въ продолженіе многихъ минутъ, туманная мгла, проникавшая въ залу сквозь высокія окна, освѣщала одни золоченые стулья вдоль стѣнъ да отражавшійся въ большихъ зеркалахъ росписной потолокъ. Но вдругъ сердце у меня забилось отъ поспѣшныхъ шаговъ изъ дѣдушкиной половины. Я узнала эти шаги: передъ входомъ въ коридоръ показался Шарль.

Неужели и онъ тоже пробъжитъ мимо меня, не останавливаясь? Не успълъ вопросъ этотъ мелькнуть въ моей головъ, какъ на него получился отвътъ: онъ остановился и сталъ внимательно вглядываться въ темноту, отыскивая меня въ ней. Я рванулась къ нему на встръчу. И какъ это случилось, не знаю, но въ эту роковую ночь мы въ первый разъ въ жизни встрътились, не какъ друзья, а какъ влюбленные.

— Лиза, дорогая моя! Какое неожиданное несчастіе!—проговориль онь прерывающимся оть волненія голосомь, схватывая мои руки и прижимаясь къ нимъ губами.—Вы лишились вашего покровителя въ такое время, когда онь быль вамъ такъ нуженъ! такъ нуженъ!.. Но ради самого Бога не думайте, что вы однѣ на свѣтѣ! Умоляю васъ, не думайте этого! Не при такихъ обстоятельствахъ мечталъ я открыть вамъ мое сердце! Я въ отчаяніи, что, кромѣ любви, ничего не могу вамъ предложить въ настоящую минуту... Я бѣдный изгнанникъ, у меня даже родины нѣтъ, но еслибъ вы знали, какъ я васъ люблю! О, вѣръте, вѣръте мнѣ! Господь надъ нами сжалится, и ради моихъ страданій, ради мученической смерти моихъ родителей, Онъ благословитъ нашу любовь!.. Милая моя! объ одномъ прошу—вѣрь въ меня и ничѣмъ не смущайся!

Я слушала его, какъ очарованная. Зачъмъ просить онъ меня не бояться? Могу ли я что либо чувствовать, кромъ любви и счастія сознавать, что я любима? Гдъ-то тамъ, далеко, что-то такое происходить, что-то страшное, но до насъ не касающееся...

— Что тамъ случилось?—спросила я потому только, что онъ придавалъ этому значеніе.

Онъ оторвалъ лицо отъ моихъ рукъ, откинулъ назадъ голову и нъсколько мгновеній молча на меня смотрълъ.

- Такъ вы не знаете? спросилъ онъ съ изумленіемъ.
- Ничего не знаю. Мы съ Люси услыхали шумъ, она вышла, чтобъ посмотръть, и до сихъ поръ не вернулась.
- Дорогая, соберитесь съ силами, дъдушка вашъ скончался, прошепталъ онъ.

Я была такъ далека отъ этой мысли, и мое воображеніе, возбужденное разсказами Люси, было такъ поражено ожиданіемъ бѣды совершенно иного рода, что отказывалось вникнуть въ истину.

Онъ это понялъ по недоумънію, съ которымъ я продолжала на него смотръть.

— Вы не върите? Увы! и я въ первую минуту не повърилъ, но пришлось убъдиться... Докторъ былъ, смерть отъ удара констатирована. Вашъ отецъ здъсь. Я отвелъ къ нему вашихъ братьевъ и, не видя васъ тамъ со всъми, не могъ не прибъжать, чтобъ узнать, что съ вами... Сердце мнъ подсказывало, что вы однъ, что душа ваша въ смятени, и что мое мъсто у вашихъ ногъ...

Онъ опустился на колени, завладель моими руками и сталь страстно ихъ целовать. Я къ нему пригнулась, и онъ меня обнялъ.

Кто изъ насъ опомнился первымъ и сообразилъ, что время и мѣсто для сердечныхъ изліяній выбрано нами не вполит удобное, этого сказать не могу, помню себя, какъ въ чаду отъ самыхъ разнообразныхъ мыслей и ощущеній, отъ любовнаго упоенія, отъ страха за будущее, отъ жалости къ Люси, къ старымъ слугамъ, къ папенькъ, искренно оплакивавшимъ дъдушку, мы же съ братьями слишкомъ мало его знали, чтобъ любить его и жалъть, что его больше съ нами не будетъ.

VI.

Намъ заказали трауръ, и мы присутствовали при пышныхъ похоронахъ, на которыя съёхалась вся московская знать. Пріёхалъ на выносъ и графъ Захаръ Григорьевичъ.

Какъ и при первомъ своемъ посвщении нашего дома, два года тому назадъ, онъ вошелъ въ залу, гдв стояло твло двдушки, опираясь на руку Шарля, который не отходилъ отъ него во время службы при выносв, а также и на кладбищв, а затемъ проводилъ его домой и вернулся въ его каретв.

Въ тотъ же вечеръ Шарль объявилъ, что графъ объщаль пріъхать къ намъ на будущей недълъ исключительно для того, чтобъ переговорить съ нашимъ отцемъ о нашей будущности.

При этомъ онъ какъ-то особенно пристально посмотрѣлъ на Сережу, который покраснѣлъ и отвернулся.

Лицо моего друга омрачилось, и, помолчавъ немного, онъ сказалъ Сережъ, чтобъ онъ обдумалъ хорошенько свой отвътъ на вопросъ, который графъ ему предложитъ.

- Понимаете, что я хочу этимъ сказать?—прибавилъ онъ, не спуская съ него выразительнаго взгляда.
- Я ръшенія своего не измъню,—съ усиліемъ вымолвиль Сережа.

Шарль котъть ему возражать, но, взглянувъ на меня, только вздохнулъ, а когда, оставшись наединъ, я попросила его объяснить мнъ, что это значить, онъ, печально покачавъ головой, замътилъ, что я и безъ того слишкомъ скоро это узнаю, и заговорилъ про свою любовь ко мнъ. Онъ зналъ, что это заставитъ меня позабыть обо всемъ на свътъ.

Digitized by Google

Прошло послѣ похоронъ съ недѣлю. Въ ожиданіи перемѣнъ, всѣми ожидаемыхъ съ тоскливой тревогой, все шло въ домѣ попрежнему. Никто еще не зналъ, которому изъ сыновей дѣдушка завѣщалъ домъ, въ которомъ мы жили. Завѣщаніе должно было лежать невскрытымъ въ бюро до шести недѣль, но дяденька Левъ Романовичъ такъ часто говаривалъ, что, кромѣ Радостнаго, которымъ онъ и при жизни отца владѣлъ, ему ничего не надо, и дружба между братьями такъ хорошо была всѣмъ извѣстна, что всѣ смотрѣли на паценьку, какъ на единственнаго наслѣдника всего состоянія, оставшагося послѣ дѣда. Цоговаривали о томъ, что, можетъ быть, Матаваевой кое-что оставлено изъ движимости, а также изъ капитала, но чтобъ ей изъ родового имущества досталось что нибудь, этого не допускали даже и тѣ, которымъ лучше другихъ была извѣстна слабость покойника къ обольстительной вдовушкѣ.

На девятый день, когда мы вернулись изъ монастыря, гдѣ въ семейномъ склепѣ поставили дѣдушкинъ гробъ рядомъ съ маменькинымъ, мы узнали, что къ намъ пожаловалъ графъ Захаръ Григорьевичъ, и мы его застали въ гостиной, на диванѣ, разговаривающимъ съ папенькой, который стоялъ передъ нимъ въ почтительной позѣ, поникнувъ головой, и съ видимымъ смущеніемъ слушалъ то, что ему говорилъ гость.

У окна, въ отдаленіи, сидълъ дядя, въ такой глубокой задум-чивости, что не шелохнулся при нашемъ появленіи.

Пропустивъ насъ впередъ, Шарль остановился возлѣ дяди, а мы подошли къ графу. Братья сдѣлали ему низкій поклонъ, я присѣла по всѣмъ правиламъ этикета, и мы стали ждать, чтобъ онъ съ нами заговорилъ.

Окончивъ, не торопясь, рѣчь, обращенную къ папенькѣ, какъ сейчасъ помню, о необходимости достроить церковь, заложенную дѣдомъ въ одномъ изъ его имѣній въ Малороссіи, графъ спросилъ у Сережи: къ какой карьерѣ онъ желаетъ готовиться?

При этомъ онъ ему напомнилъ, что онъ имъетъ честь носить старинное и славное имя, которое обязанъ сохранить незапятнаннымъ для своихъ потомковъ.

— Какъ дъдъ вашъ. Никто не можетъ его упрекнуть, чтобъ онъ когда нибудь забылъ свой долгъ передъ царемъ и отечествомъ. Его предкамъ, еслибъ они встали изъ гроба, не пришлось бы за него краснъть,—прибавилъ онъ торжественно.

Его красивое старческое лицо было сурово, взглядъ пронзительный и строгій, а голосъ звучалъ особенно твердо. Долго смотрълъ онъ на Сережу, выжидая отвъта на предложенный ему вопросъ, но Сережа стоялъ передъ нимъ, не поднимая глазъ и не разжимая судорожно стиснутыхъ губъ.

Переждавъ немного, графъ взглянулъ вопросительно на папеньку, который краснъя потупился. — Ты, значить, не желаешь служить твоему государю ни въ военной, ни въ статской службъ?—обратился графъ снова къ Сережъ.—Но чъмъ же ты хочешь быть? Тебъ ужъ восемнадцать лъть, и быть не можетъ, чтобъ ты никогда не задумывался надъ вопросомъ, который я тебъ предлагаю!

Но и на это Сережа промолчалъ, и только по его блѣдности да по тяжелому дыханію, приподнимавшему его грудь, можно было судить о его волненіи. Я съ замирающимъ сердцемъ ждала, что будетъ дальше, и, чувствуя на себѣ тревожный взглядъ Шарля, позволяла себѣ смотрѣтъ только на меньшаго брата, который кусалъ себѣ губы, чтобъ не расплакаться. Папенька ласково положилъ ему руку на голову, и мальчикъ, схвативъ ее на лету, прижался къ ней губами.

Наскучивъ ждать, графъ обернулся къ Шарлю:—Usez donc de votre influence, m-r le précepteur,—произнесъ онъ отрывисто.

Шарль нагнулся къ Сережѣ и прошепталъ ему что-то такое на ухо. Сережа поднялъ на него умоляющій взглядъ и чуть слышно произнесъ:

— Не могу... не въ силахъ, скажите вы...

И обернувшись къ папенькъ, онъ прибавилъ сквозь слезы: – Позвольте мнъ уйти, папенька, мосье Шарль вамъ все скажеть.

По знаку графа, Шарль увелъ его, а графъ вопросительно посмотръть на папеньку.

— Глупости, върно, какія нибудь, въ которыхъ ему совъстно сознаться,—отвъчалъ этотъ послъдній, пожимая плечами на нъмой вопросъ, предложенный ему.

Графъ укоризненно покачалъ головой и обратился къ Ром'ь:— Ну, а ты чёмъ хочешь быть, малышъ?—спросилъ онъ.

— Гусаромъ, —не задумываясь отвъчаль мальчикъ.

Лицо старика прояснилось.—Воть это хорошо! Похлопочемъ, чтобъ тебя скоръе приняли въ корпусъ.

И ласково потрепавъ его по щекъ, онъ съ улыбкой прибавилъ, обращаясь ко мнъ:—А тебъ, красавица, желаю скоръе найти жениха по сердцу.

Я вспыхнула до ушей и, схвативъ его руку, прижалась къ ней губами такъ горячо, что, должно быть, его это удивило и тронуло, потому что онъ ко мит пригнулся и поцтловалъ меня въ лобъ.

Выразить не могу, какъ взволновала меня эта ласка! Мит кажется, что спроси онъ у меня въ эту минуту: чего я желаю, я созналась бы ему въ моей любви къ Шарлю. Но онъ ни о чемъ меня не спросилъ, а папенька приказалъ намъ удалиться.

Когда я вошла въ мою комнату, Рома, который послъдовалъ за мною, объявилъ, что онъ знаетъ, чъмъ хочетъ быть Сережа, и почему онъ не хочетъ въ этомъ сознаться графу.

- Чёмъ же онъ хочетъ быть?
- Артистомъ.
- Какъ это артистомъ?
- Пъвцомъ или скрипачемъ, чтобъ давать концерты, какъ Моцартъ, Паганини и другіе.
 - Кто это внушилъ ему такую дикую мысль?

Рома замялся, но я повторила вопросъ еще настойчивъе, и бъдный мальчикъ, не будучи въ состояніи дольше сдерживаться и заставивъ меня побожиться, что я его не выдамъ, объяснилъ, что мысль сдълаться артистомъ пришла Сережъ въ голову съ тъхъ поръ, какъ папенька возилъ его къ цыганамъ.

Онъ хочетъ сдёлаться цыганомъ...

Можно себ'я представить, въ какой ужасъ привело меня это открытіе!

- Да онъ съ ума сошель!—вскричала я.—Даже и думать объ этомъ гръхъ смертельный. Мы дворяне... ты слышалъ, что говорилъ сейчасъ графъ? Фамилія наша старинная, родовитая... княжеская...
- Ему и Шарль то же самое говориль, но онъ и слушать не хочеть.
 - Такъ и Шарль это знаеть?
- О, да! У насъ отъ него нътъ секретовъ. Онъ нашъ другъ. А тъмъ временемъ Шарля позвали въ гостиную, и когда онъ разсказалъ о планахъ своего воспитанника, это показалось и папенькъ и графу такъ нелъпо, что оба засмъялись.
- Но мит было не до смтха,—сознавался Шарль, передавая мит подробности этого разговора. При той обстановкт, въ которой воспитываются твои братья, даже и въ менте впечатлительной и восторженной душт могутъ развиться странности. Примтръ передъглазами, и надо только дивиться, какъ этого не хотятъ понять,—прибавилъ онъ печально.

Я поняла, что онъ намекаетъ на дядю Льва Романовича. Многое стала я понимать съ тъхъ поръ, какъ духовно прозръла и отдавала себъ ясный отчетъ въ чувствъ моемъ къ Шарлю.

Послѣ отъѣзда графа, папенька позваль къ себѣ Сережу и настолько серіозно, насколько могъ, сталъ ему доказывать нелѣпость его намѣренія.

Сначала Сережа слушаль его молча и съ выражениемъ тупого упорства во взглядъ, но мало-помалу онъ началъ подаваться и наконецъ согласился разстаться съ недостойными бреднями и готовиться къ экзамену, чтобъ поступить въ полкъ.

Обрадованный папенька повезь его къ графу, которому Сережа повториль свое объщание. Все, повидимому, кончилось благополучно, и онъ сталъ усиленно заниматься науками, а музыку совсёмъ забросилъ. Жизнь наша потекла попрежнему, съ тою только рази цей, что Шарль пользовался каждой удобной минутой, чтобъ

говорить со мной о своихъ планахъ въ будущемъ, и что мы были безконечно счастливы одной только надеждой, хотя и отдаленной, на счастіе, болье, можеть быть, счастливы, чыть еслибъ мечты наши были уже совершившимся фактомъ.

Жизнь приняла для меня особенный, досель неизвыстный смысль. Это отражалось на всемь, что я дылала и чувствовала. Теперь я ужть знала, почему мны доставляеть такое наслаждение пыть, акомпанируя себь на арфь, теперь я знала, кому посылаю любовный привыть каждымы аккордомы, каждой искусно выполненной руладой и трелью. Любовныя слова модныхы вы то время романсовы и арій такы ясно выражали мое душевное настроеніе, что иначе, кажь сы чувствомы, я не могла ихы произносить. Оны это зналы и каждымы своимы выглядомы благодарилы меня за счастье, которымы я его дарила.

Да, мы были очень счастливы въ старомъ домѣ, такъ еще недавно посѣщенномъ смертью, и гдѣ все говорило о смерти: завѣшанныя бѣлыми простынями зеркала и люстры, укутанная въ чехлы мебель, тихая походка и таинственный шопотъ одѣтой въ трауръ прислуги, безшумно шнырявшей по коридорамъ и вдоль стѣнъ высокихъ молчаливыхъ покоевъ, съ выраженіемъ скорбнаго недоумѣнія въ глазахъ. Мы не раздѣляли всеобщаго настроенія, полнаго зловѣщихъ предчувствій, и я такъ хорошо пѣла, голосъ мой такъ развился, въ немъ стали звучать такія глубокія и страстныя ноты, что въ одинъ прекрасный день, когда папенька, забывъ приказать о себѣ доложить, подошелъ къ двери бабушкиной спальни и услышалъ мое пѣніе, онъ какъ очарованный остановился, не трогаясь съ мѣста даже и тогда, когда я кончила и, услышавъ шорохъ за дверью, къ нему выбѣжала.

Восторженнымъ взглядомъ смотрѣлъ онъ на меня, и на глазахъ его сверкали слезы.

— Голубчикъ мой! Ца когда же?... Когда же?...

Отъ волненія онъ не могъ договорить и крѣико сжалъ меня въ своихъ объятіяхъ. Но я знала, что онъ хотѣлъ сказать, и слова: «съ тѣхъ поръ какъ люблю ero!» чуть было не сорвались съ моихъ губъ.

Хорошо, что я воздержалась отъ признанія. Въ какое страшное смятеніе оно бы его привело! Съ того дня, какъ скончался его отецъ, жизнь его наполнилась такимъ множествомъ неожиданныхъ осложненій, что онъ по нѣсколько разъ въ день становился втупикъ передъ просьбами и требованіями, предъявляемыми ему со всѣхъ сторонъ. Кредиторы подавали на него ко взысканію векселя, по которымъ много лѣтъ терптеливо ждали уплаты, управляющіе просили инструкцій и предлагали нововведенія, графъ требоваль, чтобъ онъ неотложно занялся устройствомъ дѣтей. И едва улаживалось одно дѣло, какъ внезапно возникало другое. Не усптали уло-

мать Сережу бросить нелѣпыя мечты, какъ бѣдному папенькѣ чуть было не довелось узнать, что дочь его поклялась едѣлаться женой бездомнаго, разореннаго эмигранта!

Было бы съ чего растеряться отътакого открытія даже челов'вку съ бол'ве сильнымъ характеромъ, чівмъ нашъ симпатичный, но безалаберный папенька!

Хорошо, что, все это сообразивъ, мы рѣшили съ Шарлемъ до поры до времени молчать о нашихъ чувствахъ.

- Милочка моя, теб'в надо брать уроки у итальянцевъ! У тебя чудный голосъ, и Люси съ нимъ дёлать больше нечего! Ты поешь несравненно лучше ея... я не смёлъ мечтать, что изъ моей родной дёвочки выйдеть такая замѣчательная артистка!—говорилъ папенька, осыпая меня ласками и съ наивною гордостью осматривая меня съ ногъ до головы, точно онъ видить меня въ первый разъ въ жизни.
- Да изъ тебя вышла настоящая красавица! Когда это, ты успъла такъ вырости и похорошътъ? Какой цвътъ лица! Какіе глаза! Какая талья! Куда дівалась несуразная чернавка, съ мальчишечьими ухватками, которая карабкалась на мои колвни, чтобъ безжалостно мять мое жабо? Радость моя! Не даромъ Дарья Алексвевна уввряеть, что тебб давно пора бросить учиться и надо искать тебѣ жениха!... Да и искать не надо, стоить только привезти тебя набаль въ благородное собраніе, къ Апраксинымъ или къ Бутурлинымъ, чтобъ женихи набъжали со всъхъ сторонъ. Жаль, что трауръ, а то я повезъ бы тебя къ графинъ Рай-Червленной. Она такая милая и такая сама музыкантша!... Впрочемъ, продолжаль онъ, все болъе и болье одушевляясь, - мив кажется, что тебя и въ траурь можно ей представить, запросто. Къ другимъ нельзя, но она такъ добра! Ты споещь ей ту самую арію изъ Орфея, которая теб'в сейчасъ такъ удалась, и покоришь ся сердце... А объ учителъ мы позаботимся... Сегодня же поговорю объ этомъ съ Дарьей.

Онъ наскоро меня поцъловалъ и поспъшно вышелъ изъ комнаты, чтобъ, безъ сомнънія, подълиться новыми впечатлъніями съ Матаваевой.

Мысль эта привела меня въ ужасъ. Ну, что если и въ самомъ дѣлѣ такъ случится, что я понравлюсь какому нибудь важному богачу прежде, чѣмъ моему возлюбленному удастся настолько устроить свою судьбу, чтобъ имѣть возможность просить моей руки? Разумѣется, я предпочту монастырь браку съ нелюбимымъ человѣкомъ...

Шарль мучился тёмъ же и узнавъ, что папенька имѣлъ со мною продолжительный разговоръ, воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ узнать, что случилось.

—Князь вышель оть тебя такой взволнованный, съ такимъ сіяющимъ лицомъ и, встрётившись со мной, такъ крёпко пожать мою руку, что я не знаю, что и думать... Еслибъ ты знала, какъ

я дрожу при одной мысли о перемънъ! Мнъ все кажется, что разлука грозитъ намъ скоръе, чъмъ ты думаешь... Въдь я отгадалъ? Да? Ты чъмъ-то разстроена... что случилось? Говори скоръе! Нътъ ничего хуже неизвъстности! Все перенесу я изъ-за тебя, все, только не разлуку!

Я разсказала про то, что произошло, и намърение папеньки, раньше времени, вывозить меня въ свъть привело его въ такое отчаниие, что мит пришлось его успокоивать и утъщать. Это удалось не вдругъ.

— Каждое новое впечатленіе, каждое новое знакомство, отдалить тебя отъ меня,-повторяль онь съ отчаяніемъ.-Чъмъ могу я замънить тебъ блескъ и обаяние свъта? У меня ничего нътъ. Все, что у меня отняли, я долженъ снова себъ завоевывать путемъ терпвнія, мужества, ловкости и такихъ ужасныхъ, оскорбительныхъ униженій, что я даже и представить себ'в не могу, хватить ли у меня нравственных силъ все это преодольть и побъдить злую судьбу, которая точно нарочно показываеть мив счастіе, чтобъ отнять его!.. Не дальше, какъ вчера, я виделся у графа съ однимъ прівзжимъ изъ Петербурга, онъ уверяеть, что недоразуменія между вашимъ царемъ и узурпаторомъ, овладъвшимъ престоломъ нашихъ королей, разстиваются, и что войны не будеть. Демонъ лжи и нахальства успаль будто бы снова оплести ангела... Извастіе это приведеть въ уныніе всёхъ нашихъ и будеть имёть послёдствіемъ ослабленіе нашей партіи, а ужъ и безъ того множество моихъ соотечественниковъ изъ лучшихъ фамилій поддались искушенію, покинули нашъ лагерь и проливають кровь подъ его знаменемъ; теперь такихъ перебъжчиковъ будеть еще больше! Но я не могу этого сдълать, моя возлюбленная. Не могу! Даже если бъ мнв посулили тебя въ награду, не могу! Лучше смерть! Графъ это знаетъ и одобряеть меня. Онъ все настаиваеть на томъ, чтобъ я поступилъ на русскую службу, увъряетъ, что я сдълаю блестящую карьеру, выставляеть мит въ примтръ нашихъ Ришелье, Позе де-Корваль, Ланжерона и другихъ, но какое право имъю я собою располагать, когда моя кровь нужна моей родинь? О, если бъ русскіе пошли противъ Бонапарта, ни минуты не колебался бы я стать въ ихъ ряды даже простымъ солдатомъ! Но случится ли это когда нибудь? Вся Европа ему покорилась, минута возмездія отдаляется все дальше и дальше, и мив, по временамъ, начинаетъ казаться, что Самъ Богъ противъ насъ...

Я утёшала его, какъ могла, повторяла ему, что во мнё онъ ни при какихъ обстоятельствахъ не долженъ сомнёваться, что я буду ждать терпёливо перемёны въ его судьбё, счастливая одною увёренностью въ его любви, и онъ уходилъ отъ меня успокоенный, съ надеждой въ сердцё.

Между темъ, про намерение папеньки меня вывозить въ светъ

узнала и наша мадамъ. Онъ съ нею совътовался насчетъ траурнаго наряда, который надо было изготовить для визита къ графинъ Червленной. Но она отнеслась къ этому заявленію скептически и, объщавъ ему немедленно заняться исполненіемъ его желанія, оставшись со мной наединъ, со смъхомъ посовътовала не разсчитывать, чтобъ изъ этой новой фантазіи что нибудь вышло.

— Не пройдеть и недъли, какъ онъ все забудеть и начнетъ увлекаться новой выдумкой. О, я князя Бориса хорошо знаю!

Увы, кто его не зналъ, нашего милаго, блестящаго, обаятельнаго папеньку! И надо къ этому прибавить, кто его не любилъ такимъ, какимъ создала его природа, съ его безконечной добротой и дътскою незлобивостью, съ его неисправимымъ легкомысліемъ! Мадамъ наша была права; не прошло и недъли, какъ увлекшись чъмъ-то новымъ, онъ забылъ и про голосъ мой и про желаніе свое имъ похвастаться передъ всъмъ свътомъ, а я, конечно, ему про это не напоминала.

Наступилъ сороковой день послѣ смерти дѣдушки. Опять повезли насъ въ монастырь на панихиду по немъ, а по пріѣздѣ назадъ, при соблюденіи всѣхъ формальностей, въ присутствіи наслѣдниковъ, старшихъ изъ дворни и должностныхъ лицъ, открыто было и прочитано духовное завѣщаніе, хранившееся въ запечатанномъ бюро.

Изъ постороннихъ присутствовала при этой церемоніи одна только Матаваева, им'ввшая, какъ оказалось впосл'єдствіи, в'єскія причины считать себя членомъ нашей семьи, и Шарль, котораго, когда онъ привель моихъ братьевъ и хот'єль удалиться, паценька попросиль остаться. Онъ сталь рядомъ со мной, и оба мы думали о томъ, что насъ ожидаетъ, когда положеніе нашего отца, наконець, опредѣлится. Улучивъ моментъ, когда никто на насъ не смотрієль, онъ чуть слышно, почти одн'єми губами, шепнулъ, пригибаясь ко мн'є:

— Люблю тебя!

Дѣдушка предоставлялъ сыновьямъ раздѣлить между собою оставшесся послѣ него состояніе, какъ имъ заблагоразсудится. Затѣмъ, послѣ краткаго увѣщанія жить въ добромъ согласіи, шелъ перечень наградъ и пенсій старымъ слугамъ. Люси онъ оставлялъ небольшой домъ въ Грузинахъ и деньги, чтобъ привести его въ порядокъ и омеблировать. Ивану Дмитріевичу завѣщана была земелька съ усадьбой подъ Москвой и вольная, Авдотьѣ Ивановнѣ сумма для вклада въ монастырь, въ который она, по мнѣнію завѣщателя, должна была поступить, чтобъ не служить другимъ господамъ послѣ смерти того, которому она служила всю свою жизнь.

Остального не помню. Впрочемъ, послъ того, какъ мы узнали, что домъ, въ которомъ мы жили, останется за нами, и что слъдовательно жизнь наша, по крайней мъръ, на извъстное время не измънится, прочія подробности завъщанія намъ были неинтересны.

Digitized by Google

Папенька перевхалъ къ намъ и занялъ половину своего отца. Домъ оживился. Стали прівзжать къ нему гости, не чопорные старики, какъ при двдушкв, а молодые франты статскіе и военные. Отъ шумныхъ празднествъ, благодаря трауру, еще воздерживались, съвзжались на объды, на вечера съ картами и роскошными ужинами, послъ которыхъ гости засиживались далеко за полночь, и до насъ все чаще стали доходить слухи о страшныхъ суммахъ, выигранныхъ и проигранныхъ въ нашемъ домъ.

Про это и въ городѣ заговорили. Въ одинъ прекрасный день Шарль вернулся отъ графа въ отчанніи. Влагодѣтель его требовалъ, чтобъ онъ какъ можно скорѣе покинулъ домъ, въ которомъ происходятъ почти каждую ночь оргіи.

— Какъ ни увърялъ я его, что въ оргіяхъ этихъ я не участвую, онъ стоялъ на своемъ и, наконецъ, разгнъванный моими возраженіями, сталъ упрекать меня въ томъ, что я слабъю, нравственно опускаюсь и все чаще и чаще забываю, что, кромъ добраго имени, у меня ничего нътъ. «Не думалъ я, что мнъ придется тебъ про это напомнить»,—сказалъ онъ мнъ съ горечью.

При повтореніи этихъ словъ, своего благодітеля, у моегодруга слезы выступили на глазахъ, а я не знала, куда діться отъ смущенія, понимая, что всему причиной его любооь ко мні. Сердце нестерпимо ныло отъ мысли, что я гублю его, и что чімъ скоріве онъ меня покинеть, тімъ для него будеть лучше; но остаться одной было такъ страшно, что я не сміла повиноваться голосу разсудка и только могла на него смотріть, какъ смотрять на дорогого покойника передъ тімъ, какъ проститься съ нимъ на віжи. Опомнившись и сообразивъ, что я страдаю столько же, если не больше его, онъ кинулся піловать мои руки и умолять, чтобъ я его простила за печаль, которую онъ мні причиняеть, и дала бы ему слово терпіливо ждать той минуты, когда ему можно будеть сділаться моимъ единственнымъ покровителемъ.

Въ экстазъ сорвалась я съ мъста, схватила его за руку, подвела къ кіоту съ образомъ Спасителя, предсмертнымъ благословеніемъ маменьки, и поклялась ему, что ни за кого не выйду замужъ, кромъ его.

Онъ сталъ на колени и повторилъ ту же клятву.

Вотъ какъ произошло наше обручение. Въ первую минуту подъемъ духа, заставившій насъ связать себя торжественно другъ съ другомъ, доставилъ намъ большое нравственное удовлетворение. Казалось, что не найдется такого жестокаго человъка въ міръ, который отважился бы заставить насъ нарушить нашу клятву. Насъ восхищала мысль, что передъ Богомъ мы уже принадлежимъ другъ другу, и разлука насъ перестала страшить.

А между тъмъ, графъ не повторялъ больше своему протеже о необходимости немедленно бросить нашъ домъ и поступить на службу.

Политическія событія, волновавшія въ то время весь міръ, многихъ вынуждали придерживаться выжидательной системы. Прежде чёмъ заставлять молодого эмигранта вступить въ ряды русскихъ войскъ, надо было знать, за кого ему предстоитъ драться, а обстоятельства такъ складывались, что предвидёть это было невозможно. Каждый день слухи, одинъ противорёчивёе другого, смущали общество, и сообщенія самаго страннаго и невёроятнаго свойства переносились изъ дома въ домъ досужими вёстовщиками.

Изъ русскихъ газетъ ничего нельзя было узнать, но, не говоря ужъ объ иностранныхъ листкахъ, во множествъ проникавшихъ въ частные дома, и о перепискъ русскихъ образованныхъ людей съ заграничными друзьями, многое узнавалось отъ иностранцевъ. Никогда еще не было въ Москвъ столько проходимцевъ и проходимокъ, какъ въ этотъ годъ.

Сборища у нашей мадамы съ каждымъ днемъ становились многочисленнъе, и часто далеко за полночь засиживались у нея таинственныя личности, которыхъ Люси съ отвращеніемъ называла шпіонами и опасными авантюристами. Наша мадамъ такъ была поглощена своими новыми заботами и друзьями, что больше получаса въ день съ нами не занималась.

Про Матаваеву слухи смолкли. Что папенька съ нею видълся, это не подлежало сомивнію, но такъ какъ никакихъ послъдствій отъ этихъ свиданій въ дом'в не ощущалось, мы все ріже и ріже про нее вспоминали. За невозможностью поступить въ военную службу, Шарль, чтобъ успокоить графа, котораго мучила неопредъленность его положенія, рішилъ изучить нашъ языкъ съ тімъ, чтобъ принять русское подданство и служить при посольстві. Я взялась помочь ему въ этомъ, и можно себі представить, сколько блаженныхъ часовъ доставило намъ это занятів. Онъ уже и раньше понималъ по-русски, а місяца черезъ три занятій со мной сділалъ такіе успіхи, что можно было предвидіть, что скоро уроки мои ему не будуть больше нужны.

Мы съ нимъ перечитали всёхъ тогдашнихъ классиковъ, и большаго удовольствія, какъ слушать, какъ онъ декламируеть, съ едва зам'єтнымъ акцентомъ, стихи Державина, Озерова и другихъ нашихъ поэтовъ, я не могла себ'є представить.

И онъ тоже былъ въ восторгъ.

— Мит кажется, что ты сделаешься мит еще ближе, когда я буду думать и молиться на одномъ языкт съ тобой,—говорилъ онъ.

Я была такъ счастлива, что забывала про все на скътъ, и такъ дорожила каждой минутой свиданія, съ глазу на глазъ съ моимъ возлюбленнымъ, что радовалась, что никто намъ не мъшаетъ...

Но когда я узнала, чему я была обязана этимъ счастіемъ, я ужаснулась моей слъпоть и эгоизму.

Точно затменіе на меня какое-то нашло. Меня даже не удив-

ляло, что я по цълымъ днямъ не вижу Сережу, и я не спрашивала себя, почему онъ никогда про мемя не вспомнить, чтобъ, какъ бывало прежде, подълиться со мной своими чувствами и мыслями. Давно ли все между нами было общее, и душа его была мит открыта вполнъ? Правда, что и я скрывала отъ него то, что составляло теперь единственный интересъ моей жизни, но развѣ нельзя было удивляться, что онъ ничего не замъчаетъ и не пытается проникнуть въ нашу тайну? Разумбется, при первомъ же его намекъ я открыла бы ему ее, но мы почти совствить перестали видъться. Онъ учился разнымъ мужскимъ наукамъ, которыя такъ его отвлекали отъ меня, что при встръчахъ намъ не о чемъ было говорить другь съ другомъ. Все чаще объдаль онъ и ужиналь съ папенькой и съ его друзьями, и часто по вечерамъ мы слышали его голосъ въ хорахъ и въ дуэтахъ, которые устраивались на дедушкиной половинь; часто также онъ выважаль изъ дома. Папенька подарилъ ему лошадей и отдъльную карету, и онъ пристрастился къ щегольству. Каждый день приносили ему изъ магазиновъ дорогія и красивыя вещи, батистовыя сорочки, кружевныя жабо, модныя шляпы, духи, помаду, красивыя тросточки, хлыстики, костюмы для утреннихъ визитовъ, для верховой тады и для вечеровъ.

Всёхъ это занимало въ доме, и я постоянно слышала отъ окружающихъ разговоры про мотовство и разсъянную жизнь молодого князя, но и не обращала на это вниманія. Не слушала я даже Люси, когда она замвчала, что Сережа никогда не сдвлаетъ карьеры, если не опомнится и не остепенится. При этомъ она намекала на Матаваеву, какъ на причину зла, но мы такъ привыкли къ ея ненависти къ этой особъ, что я не придавала значенія ея словамъ и смотръла на нихъ, какъ на воркотню старой дъвы, досадующей на то, что ей не приходится принимать участіе въ удовольствіяхъ, которымъ предаются безъ нея. Впрочемъ, надо и то сказать, что и Люси много измънилась послъ смерти дъда; она какъ-то вдругъ постаръла и опустилась, одъвалась небрежно, забывала румяниться, была разсвяна, по целымъ часамъ сидела насупившись, не произнося ни слова, стала относиться безучастно и къ намъ, и ко всему дому, который такъ долго считала своимъ. Для нея со смертью хозяина душа вылетёла изъ этого дома, и если она еще кое-чёмъ въ немъ интересовалась, то только по привычкъ, машинально, такъ сказать; это чувствовалось въ каждомъ ея словъ и взглядъ.

По одному этому можно было судить, чёмъ быль для нея дёдушка, какъ она его любила и какъ много выстрадала отъ него! Но въ то время я была слишкомъ поглощена своими личными чувствами, чтобъ это замёчать и понимать. И на нравственный переломъ, свершавшійся въ душт моего брата, я, можеть быть, долго бы не обратила вниманія, еслибъ не случай.

Разъ какъ-то, проходя въ концертную изъ залы, я услышала

его шаги по коридору и остановилась, чтобъ съ нимъ поздороваться. Но когда онъ передъ мною предсталъ, я не вдругъ его узнала. Въ первую минуту мнѣ показалось, что это не Сережа, а который нибудь изъ друзей папеньки, такъ измѣнялъ его костюмъ современнаго щеголя и модная прическа. Онъ казался лѣтъ на пять старше, и меня такъ поразила его блѣдность, худоба и странная, натянутая улыбка, съ которою онъ на меня смотрѣлъ усталымъ взглядомъ окруженныхъ синевой глазъ, что я не могла удержаться, чтобъ не схватить его за руку и не спросить: что съ нимъ? Здоровъ ли онъ?

— Разумѣется, здоровъ, что за вопросъ! Пусти! Меня ждутъ, отрывисто проговорилъ онъ, съ раздраженіемъ вырывая отъ меня свою руку.

— Куда ты торопишься?

Онъ смутился, сердито проговоривъ: «Дѣвочкамъ нельзя всего знать!» и не оглядываясь выбѣжалъ въ прихожую, гдѣ лакей его ждалъ съ плащемъ въ рукахъ.

Я въ недоумъніи остановилась на томъ мъсть, на которомъ онъ меня оставилъ, и смотръла ему вслъдъ съ стъсненнымъ сердцемъ, понимая только одно: пытаться вернуть его, чтобъ допрашивать, не стоитъ, онъ не вернется, а если и вернется, то не скажетъ мнъ ни слова, чтобъ разсъять мой страхъ и тревогу, а только еще болъе обозлится и уйдетъ отъ меня сердцемъ еще дальше.

Куда?

Я предложила этотъ вопросъ Шарлю, какъ только увидала его, но и онъ отказался меня просвътить на этотъ счетъ.

- Тебѣ не надо этого знать, и Сережа хорошо сдѣлать, что не распространялся съ тобой насчеть той глупой и вредной жизни, которую онъ теперь ведеть, благодаря баловству отца. При дѣдушкѣ этого бы не было. Старикъ вида не показывалъ, что вами интересуется, онъ считалъ ниже своего достоинства выказывать чувствительность сердца, но ему было извѣстно все, что происходило въ домѣ, и при немъ Сережа не могъ бы проводить цѣлыя ночи въ обществѣ, о которомъ онъ и понятія не долженъ былъ бы имѣть. Но мы тутъ ничѣмъ не можемъ помочь, моя дорогая, и я просто съ ума схожу при мысли, что долженъ оставить тебя одну въ такомъ вертепѣ... Прости меня за это выраженіе,—продолжалъ онъ съ горечью,—но, право же, я иначе не могу...
- Ты узналъ что нибудь новое?—спросила я съ замирающимъ сердцемъ.
- Графъ опять начинаетъ настаивать, чтобъ я увзжалъ въ Петербургъ, и сегодня прямо мнв сказалъ, что я самымъ недостойнымъ образомъ теряю репутацію и время, въ обществъ твоего отца и его друзей. Онъ даже намекнулъ мнв на то, что я, въроятно,

такъ увлекаюсь безпутной жизнью, которую веду въ вашемъ домѣ, что забываю про свое положеніе и про то, къ чему положеніе это меня обязываетъ... Ужъ этого и вынести не могъ, и такъ какъ про нашу любовь сознаться ему нельзя, то и даль ему слово покинуть москву, когда онъ этого требуетъ, н, за невозможностью поступить въ армію, приму въ иностранной коллегіи мѣсто, которое ему дли меня объщали.

Возражать на это было нечего, я слишкомъ его любила, чтобъ не понимать, что дальнъйшее пребывание въ нашемъ домъ, кромъ вреда, ничего принести ему не можетъ. Оставалось только покориться и утъшать себя мыслью, что во всякомъ случать разлука наша раньше весны не наступить, а до того времени мало ли что можеть случиться!

Но наконецъ наступила и весна.

Зима была въ томъ году поздняя, въ началѣ апрѣля стояли еще морозы. По пѣлымъ днямъ шелъ снѣгъ либо дождь. И вогъ, въ одинъ пасмурный день, часу въ восьмомъ вечера, отправилась я въ библіотеку за книгой, которую мнѣ хотѣлось прочесть съ Шарлемъ до его отъѣзда, назначеннаго черезъ недѣлю.

Уъзжалъ онъ одинъ, безъ братьевъ. Сережа объявилъ, что раньше будущаго года поступать въ полкъ не желаетъ, и папенька, съ непростительной слабостью исполнявшій всѣ его капризы, согласился на это.

Я прошла черезъ большую залу съ хорами, не встртивъ ни души, и освъщенную однимъ только кенкетомъ. Въ слъдующей комнатъ должно было быть еще темнъе, тъмъ не менъе я туда прошла и, къ величайшему моему изумленю, не напла тамъ того мрака, который ожидала найти. Здъсь было свътлъе, чъмъ въ залъ, отъ свъта, проникавшаго черезъ растворенную дверь изъ оранжереи. Меня это удивило, и прежде чъмъ итти дальше, я остановилась на порогъ, чтобъ убъдиться, что въ оранжерев никого нътъ. «Но для кого же тогда зажжены тамъ лампы?»—спрашивала себя въ недоумъніи. И вдругъ, совершенно отъ меня близко, на маленькомъ диванчикъ между двумя статуями, бълъвшими въ темнотъ, я увидала двъ фигуры, нъжно прижимавшіяся другъ къ другу, и явственно разслышала звукъ поцълуя.

Безсознательно, сама не понимая, какъ у меня хватило на это смѣлости, подалась я впередъ и узнала Сережу. Онъ такъ страстно сжималь въ своихъ объятіяхъ женщину, прижимавшуюся губами къ его губамъ, что еслибъ даже я подошла еще ближе, онъ не замѣтилъ бы меня, а я была такъ поражена, что не въ силахъ была двинуться съ мѣста.

Это длилось, можеть быть, съ минуту. Наконецъ обнаженная женская рука, обвивавшая его шею, откинулась, онъ поднялъ голову, не отрывая отъ своей возлюбленной глазъ и не выпуская ен изъ своихъ объятій, и и узнала въ этой женщинъ Матаваеву.

Открытіе это подъйствовало на меня такимъ ошеломляющимъ образомъ, что я безсознательно пустилась бъжать.

Безъ оглядки добъжала я до бабушкиной спальни, гдъ меня ждалъ Шарль съ меньшимъ моимъ братомъ. Замътивъ мою блъдность и волненіе, онъ кинулся ко мнъ на встръчу и, не давая мнъ переступить порога коридора, сталъ меня разспрашивать о причинъ моего разстройства.

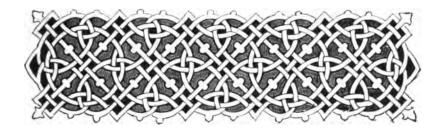
— Милая моя, я давно объ этомъ догадывался,—сказалъ онъ, когда я сообщила ему о сдъланномъ мною открытіи,—но ничъмъ не могъ помочь. Я утратилъ надъ нимъ всякое вліяніе съ тъхъ поръ, какъ эта скверная женщина имъ овладъла... Онъ избъгаетъ оставаться со мною наединъ и ждетъ—не дождется моего отъъзда, чтобъ безъ помъхи предаваться своей постыдной страсти... О, какъ мнъ страшно, какъ мнъ тяжело оставлять тебя здъсь одну, безъ покровителей! Къ кому кинешься ты за совътомъ и лаской? О Сережъ не безпокойся, ему ужъ здъсь оставаться не долго, а въ другой средъ и обстановкъ онъ про нее забудеть и сдълается другимъ человъкомъ. Всъ юноши его лътъ увлекаются женщинами, а онъ такъ красивъ, такъ талантливъ, что всюду найдеть любовницъ моложе и красивъе этой. Будемъ думать о тебъ, моя дорогая... Дай мнъ слово, что ты будешь себя беречь для меня...

Какъ всегда, когда онъ принимался меня успокоивать, ему это удалось, и онъ убъдилъ меня никому не сообщать открытой мною нечаянно тайны, которая была много опаснъе и отвратительнъе чъмъ я тогда могла себъ представить.

Н. Мердеръ.

(Продолжение въ слидующей книжки).

BOCTOMNHAHIR C. M. BAFOCKNHA¹).

III.

Отрочество.—Новый гувернеръ. — Вользнь матери. — Перемъна въ моей жизни. — Братья. — Вспыльчивость отца. — Приготовленіе къ поступленію въ университеть. — Непоступленіе въ оный. —Экзаменъ. — Моя коность.

КОНЧИВЪ воспоминанія о моемъ дѣтствѣ, приступаю къ описанію моего отрочества и юности. Начало перваго я отношу къ 1847-му году, когда мнѣ минуло четырнадцать лѣтъ, и послѣдовали нѣкоторыя перемѣны въ моей жизни.

Годъ этотъ былъ годомъ перваго испытаннаго мною горя: въ началѣ января, мой добрый другъ и гувернеръ m-г Poulain покинулъ нашъ домъ и опредълился на какое-то казенное мѣсто. Съ великою скорбію я распростился съ нимъ, сильно

плакалъ и долго горевалъ по моемъ миломъ старикъ. Въ замънъ его, ко мнъ поступилъ молодой студентъ математическаго факультета Московскаго университета, Оедоръ Оедоровичъ Чемолосовъ 2), на обязанность котораго возложено было преподаваніе мнъ математическихъ наукъ, надзоръ за моими уроками у Сцепинскаго и сопровожденіе меня на прогулкахъ. Студентъ оказался весьма образованнымъ, скромнымъ и высоко нравственнымъ молодымъ человъкомъ. Онъ отлично преподавалъ мнъ алгебру и геометрію, забо-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вістникь», т. LXXIX, стр. 41.

²⁾ Впослъдствіи быль директоромъ Смоленской гимназін. «истор. въстн.», февраль, 1900 г., т. LXXIX.

тился о моей нравственности, сопровождалъ меня во всёхъ прогулкахъ, но, увы, нисколько не обращалъ вниманія на мои другія занятія, и потому я продолжалъ у Сцепинскаго плохо учиться.

По милости Чемолосова, у меня явился новый пріятель, мальчикъ моихъ лѣтъ, князь Дмитрій Николаевичъ Крапоткинъ 1), у котораго жилъ наставникомъ пріятель Чемолосова, студентъ Колпаковъ, а такъ какъ оба студента часто видались, то, черезъ нихъ познакомившись съ Крапоткинымъ, я скоро подружился съ нимъ и, вплоть до его трагической кончины, оставался въ тѣсной съ нимъ дружбъ.

Въ началъ марта меня ожидало новое, но уже гораздо сильнъйшее горе: матушка, прохаживаясь со мною по гостиной, поскользнулась, упала и вывихнула ногу въ бедръ съ растяжениемъ мъстныхъ жилъ. Страданія ея были жестоки и, невзирая на немедленную помощь, оказанную ей лучшими костоправами и врачами, положеніе ея въ первые дни было самое критическое. Благодаря Бога, недъль черезъ шесть состояніе ея улучшилось, но боли въ ногъ остались навсегда, и она до конца жизни не покидала кровати, вставая лишь разъ въ день, чтобы посидъть часъ или два въ креслъ.

Тяжело было смотръть на бъдную страдалицу, и безъ того уже проведшую столько лъть въ болъзненномъ состояни, а туть окончательно прикованную къ постели и лишенную единственнаго ея развлечения и удовольствия—прогулокъ въ своемъ саду. Перенося страдания съ свойственнымъ ей ръдкимъ, христіанскимъ терпъніемъ и кротостью, матушка не любила, чтобы говорили ей о ея бользни и соболъзновали ея тяжкому положенію; на подобныя ръчи она спокойно отвъчала, что на свъть много людей, которые несравненно болъе ея страдаютъ.

Со дня и вслъдствіе новаго недуга матери, произошли въ моей отроческой жизни нъкоторыя перемъны. Не имъя болъе возможности, какъ въ прежнее время, находиться постоянно съ матушкою, я сталъ большую часть свободнаго отъ занятій времени проводить въ кабинетъ отца, занимаясь чтеніемъ книгъ изъ обширной его библіотеки. До той поры мнѣ разръшалось лишь чтеніе «Московскихъ Въдомостей» и дътскихъ книгъ въ родъ «Дъдушкиныхъ сказокъ», «Contes de Berquin» и проч., а тутъ я получилъ приказаніе читать произведенія русскихъ первоклассныхъ писателей. Первыя книги, данныя мнъ отцомъ для прочтенія, были сочиненія Крылова, Пушкина и Гоголя, а затъмъ уже его собственныя.

Освободившись внезапно отъ женскаго надзора, я скоро сдълался довольно частымъ собестдникомъ отца, а потомъ и неразлучнымъ спутникомъ во встхъ его прогулкахъ.

¹⁾ Впосл'ядствін генераль-лейтенанть, харьковскій губернаторь, убитый нигилистомъ. Онъ быль двоюроднымь братомъ нав'ястнаго нигилиста Краноткина.

Въ апрълъ, мой старшій брать Дмитрій быль помоявлень на Аннъ Өедоровнъ Батуриной 1); она была собою не красавица, но очень миловидна, умна, образована и безконечно добра; сверхъ того, прекрасно пъла, обладая замъчательнымъ contralto. Послъ свадьбы, состоявшейся въ маъ, въ нашей приходской церкви, новобрачные поселились во флигелъ нашего дома.

До настоящихъ строкъ, я ничего еще не говорилъ о моихъ братьяхъ. Они настолько были старве меня, что въ детстве я не былъ съ ними въ близкихъ сношеніяхъ и редко видалъ ихъ, хотя они жили вмёсте съ родителями.

© О старшемъ братв, къ сожалвнію, я могу сказать мало утвішительнаго. Будучи ума недальняго, онъ, вмвств съ твмъ, быль въ полномъ смыслв слова «сорви голова» и отличался деспотическимъ и буйнымъ характеромъ. За него было уплочено много долговъ, и, къ несчастію, поведеніе его немало причиняло горя родителямъ. Къ чести его, однако, нужно сказать, что со дня своей свадьбы онъ значительно измвнился и пересталъ предаваться обычнымъ своимъ кутежамъ и входить въ долги.

Второй брать, Николай, быль тихаго и кроткаго характера и добръйшаго сердца; одаренный замъчательными способностями и талантами, онъ загубиль ихъ, какъ и всю свою жизнь, слъдуя съ юныхъ лъть старинному русскому изреченю: «Руси есть веселіе пити». Несмотря на такой прискорбный недостатокъ его, я очень любиль его и до конца его жизни находился съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Оба брата были красавцами, особенно второй, славившійся въ свою молодость не только лицомъ, но и чрезвычайно изящными манерами. Онъ былъ большимъ щеголемъ, одъвался всегда по послъдней модъ и первый надълъ въ Москвъ появившееся тогда сакънальто. Помню, какъ батюшка, увидавъ его въ этомъ балахонъ, пришелъ въ ужасъ и сталъ убъждать его не носить подобный мъшокъ, находя его крайне неприличнымъ одъяніемъ.

Братья не были дружны между собою и въ теченіе всей жизни ни въ чемъ и никогда не сходились. Они сошлись только въ одномъ: поступивъ вмъстъ въ Московскій университеть, они вмъстъ же съ перваго курса покинули его; старшій вслъдствіе какой-то дервости, сдъланной имъ профессору богословія Терновскому, а младшій—просто потому, что не хотълъ учиться. Какъ отнеслись мои родители къ подобному ихъ поступку, мнъ неизвъстно, но думаю,

¹⁾ Мать ся Екатерина Ивановна Загряжская, въ первомъ бракѣ за гвардейскимъ офицеромъ Осдоромъ Герасимовичемъ Батуринымъ, была рожденная Дорохова, дочь знаменитаго генерала, стяжавшаго себѣ громкую славу защитою въ 1812-мъ году Вереи. Второй мужъ ся, Михаилъ Осдоровичъ Загряжскій, извѣстный въ Москвѣ карточный игрокъ, быль нѣкогда человѣкъ состоятельный, но, въ старости, проигравъ все состояніе, оставилъ свою семью въ великой нуждѣ.

à

что отепъ съ свойственнымъ ему добродушіемъ и любовью къ своимъ дётямъ сильно вспылилъ, пожурилъ ихъ, и тёмъ дёло кончилось. По выходё изъ университета, братья служили въ разныхъ вёдомствахъ или, вёрнёе сказать, только числились, ничего не дёлали и, ровно ничего не заслуживъ, рано вышли въ отставку. Жизнь моя съ 14-ти лётъ по 16-ть прошла довольно однообразно, но постоянно между горемъ и радостью; горе заключалось въ томъ, что здоровье матушки постепенно ухудшалось, и ко всёмъ ея страданіямъ прибавилась болёзнь сердца, вызвавшая сильные нервные и истерическіе припадки, а радость — въ томъ, что родители съ каждымъ днемъ все болёе и болёе ласкали и баловали меня, оставались довольны моимъ поведеніемъ и всячески старались исполнять малёйшія мои желанія.

Въ этомъ году я не только сталъ сопровождать батюшку во всёхъ его загородныхъ прогулкахъ верхомъ, въ кабріолетё и просто въ коляскі, но иногда іздилъ съ нимъ и въ гости, гді, конечно, вслідствіе моихъ літъ и тогдашней застінчивости, проводилъ время въ полномъ молчаніи. Онъ бралъ меня съ собою къ знакомымъ съ пілью исправить меня именно отъ этого недостатка и пріучить къ хорошему обществу. Впрочемъ, отъ подобныхъ визитовъ кругъ моего знакомства съ моими сверстниками не увеличился, и я, ни съ кітъ, кромів Кислинскаго и Крапоткина, не былъ друженъ, и никто изъ дітей не бывалъ у меня.

Одно изъ подобныхъ посъщеній осталось мив навсегда памятнымъ, какъ примъръ неудержимой вспыльчивости отца. Онъ, какъ извъстно, пламенно любилъ Россію и особенно Москву, и всякое слово, направленное противъ нашего отечества или первопрестольной столицы, легко вызывало съ его стороны цълую бурю негодованія, но то, чему мив пришлось быть свидътелемъ, превзошло все мною до того видънное.

Въ одинъ прекрасный вечеръ мы повхали къ сенатору Михаилу Михайловичу Бакунину 1) на его дачу за Бутырскою заставою. Тамъ застали нъсколько гостей; всъ сидъли за чаемъ, въ прелестномъ саду, наполненномъ цвътами. Отецъ въ этотъ вечеръ былъ въ особенно веселомъ расположении духа, много шутилъ и забавлялъ присутствующихъ своими разсказами, какъ вдругъ вошлъ довольно молодая дама, разряженная въ пухъ и прахъ и сильно надушенная духами «пачули». Кто она была—не знаю. Поздоровавшись съ хозяевами, она тутъ же познакомилась съ батюшкою,

¹⁾ Въ то время семейство престаръдаго Миханла Михайловича, бывшаго нъвогда с.-петербургскимъ гражданскимъ губернаторомъ, состояло изъ нъсконькихъ дочерей, весьма зръдыхъ дъвщъ, умныхъ, любезныхъ и образованныхъ. Изъ нихъ меньшая, Прасковья, писала стихи и была, въ началъ 40-хъ годовъ, предметомъ нъжной страсти извъстнаго драматурга, старика князя А. А. Шаховского, жившаго и въ 1846 г. умершаго въ почтенномъ семействъ Бакуниныхъ.

который, ненавидя запахъ пачули, сталь, какъ я замътиль, коситься на нее. Изъ разговора барыни оказалось, что она природная москвичка, была въ первый разъ за границею, т. е. на водахъ въ Карлсбадъ, и только что вернулась домой. Дама эта стала говорить, что послё заграничной поёздки она пришла къ убъждению въ невозможности порядочнымъ людямъ жить въ Россіи и особенно въ большой деревнъ, называемой Москвою. Хозяинъ дома въжливо возражалъ своей гостью, но она продолжала осыпать бранью Россію и Москву, а самихъ москвичей чуть не сравняла съ грязью. Отецъ долго крвпился и упорно молчалъ, но вдругъ, вспыхнувъ и вскочивъ съ мъста, вскрикнулъ: «какъ вамъ не стыдно, Михаилъ Михайловичъ, принимать такихъ дуръ?---дура, дура и больше ничего!» --- затёмъ, схвативъ меня за руку, стремглавъ побъжалъ со мною къ своему экипажу. Дорогою, все время, онъ не могь успокоиться. Сознаюсь, что хотя я и былъ пораженъ подобною, еще не виданною мною выходкою отца, но въ душт радовался, что онъ, какъ истинно русскій, отдълаль эту дерзкую женщину, позволившую себв поворить свою родину и своихъ соотчичей.

Наступившая перемъна въ образъ моей жизни, сопряженная съ частыми прогулками и визитами, мало способствовала прилежному занятію уроками, которые, въ виду предстоявінаго моего поступленія, въ 1849-мъ году, въ университеть, умножились, но безъ всякой видимой для меня пользы, не только вследствіе того же устарвлаго и бездарнаго метода преподаванія Сцепинскаго, которомъ лежала большая часть уроковъ, но и вследствіе моей собственной лени и отчасти, быть можеть, полнаго безучастія отца въ моемъ образования. Онъ продолжалъ быть увереннымъ, что я превосходно учусь и отлично выдержу вступительный экзаменъ въ университеть. По милости явившагося у меня влеченія къ математическимъ наукамъ, вызваннаго толковымъ способомъ ихъ преподаванія Чемолосовымъ, я желаль поступить на математическій факультеть, хотя въ то время Чемолосовъ, по причинъ массы своихъ ванятій, оставаясь моимъ гувернеромъ, пересталь давать мнъ уроки, поручивъ ихъ своему товарищу, студенту Өедору Петровичу Еленеву 1). Новый преподаватель, молодой человъкъ, прекрасно воспитанный, тихій, скромный и обладавшій зам'вчательнымъ даромъ слова, сразу заполонилъ мое сердце и произвелъ на моихъ родителей самое лучшее впечатлъніе. Матушка очень полюбила его за христіанское его направленіе, а «за умныя», какъ она выражалась,

¹⁾ Въ началѣ 60-хъ годовъ, онъ былъ секретаремъ генерала Ростовцова (председателя комиссіи по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости), много работалъ и писалъ по этому предмету, а позднёе занялъ должность члена главнаго управленія по деламъ печати.

«красноръчивыя его ръчи» прозвала его въ шутку «Өеодоромъ Златоустымъ».

Приближался 1849-й годъ, т. е. годъ моего предполагавшагося поступленія въ университеть. При мысли, что я плохо приготовленъ къ экзамену, на меня нападалъ сильный страхъ, и даже бросало въ дрожь; однако не хватало духа сознаться въ моихъ плохихъ познаніяхъ, и день ото дня я откладывалъ объявленіе родителямъ такого непріятнаго для нихъ сюрприза. Вдругъ, къ моему ужасу, сюрпризъ этотъ едва не всплылъ наружу, и вотъ какимъ образомъ: однажды батюшка, повхалъ со мною, верхомъ, на Дъвичье поле и, проъзжая мимо дома своего пріятеля, извъстнаго профессора Михаила Петровича Погодина, забхалъ навестить его. Погодинъ узнавъ, что я готовлюсь къ поступленію въ университеть, спросиль отда, хорошо ли я подготовлень, и на утвердительный его отвъть прибавиль, что не худо было бы проэкзаменовать меня изъ русской исторіи... можно себ'в представить, какъ я струсиль и сконфузился, такъ какъ именно русская исторія была для меня почти что «terra incognita». Но судьба смилостивилась надо мною!-батюшка отклониль этоть импровизованный экзамень, ссылаясь на необходимость продолжать прогулку и объщая привезти меня въ другой разъ. Къ счастію, по обычной своей разсвянности, онъ скоро о томъ позабылъ, а я, конечно, никогда болъе не напоминалъ ему о прогулкахъ на Дъвичье поле и еще менъе о существовани самого Погодина.

Наконецъ наступилъ страшный для меня годъ! Оставалось только нъсколько мъсяцевъ до экзамена, въ которые, безъ сомнънія, я не могь наверстать все, что было потеряно въ теченіе ивсколькихъ лътъ, и я уже готовился покаяться въ моемъ невъжествъ и просить, чтобы мив дали еще годъ для лучшей подготовки и, въ замънъ Сцепинскаго, другого учителя, полагая, что за это время я кое-какъ верну потерянное. Вмёстё съ тёмъ, я нёсколько успокаиваль себя мыслыю, что даже въ случат провала на вступительномъ экзаменъ отецъ не будеть очень сердиться и, быть можеть, отнесется довольно равнодушно къ подобному событію, такъ какъ съ нъкотораго времени я сталъ замъчать, что онъ не особенно сочувствовать моему поступленію въ университеть студентомъ, а желалъ, чтобы я слушалъ лекціи на правахъ вольнослушателя, подъ руководствомъ какого либо благонадежнаго студента. Желаніе это происходило, какъ мнъ казалось, вслъдствіе его опасенія, чтобы, надъвъ студенческій мундиръ, я не пошелъ по стопамъ моихъ братьевъ, избравшихъ себъ въ университетъ въ товарищи лишь молодыхъ людей съ сильными наклонностями къ кутежамъ. Но опасеніе это было положительно неосновательно, такъ какъ я, по своему характеру, ни тогда ни постъ не имъть ни малъйшаго поползновенія къ дурному товариществу и еще менъе къ кутежамъ... вскоръ, однако, нежданно-негаданно, само Провидъніе пришло на мою выручку!...

Однажды, когда я находился въ комнать матушки, вошель отець и, обращаясь ко мнь, сказаль: «ты не поступишь въ университеть!». На мои вопросы: «отчего? и почему?» онъ отвътиль: государь, желая ограничить число студентовь, запретиль пріемъ въ университеть молодыхъ людей въ теченіе четырехъ лъть, а такъ какъ я не желаю, чтобы ты поступиль въ студенты двадцати лъть, когда другіе уже кончають курсъ, то ръшиль, что ждать нечего, и надобно опредълить тебя на службу.

Уфъ! какъ гора спала съ моихъ плечъ!... я несказанно обрадовался этому счастливому извъстію, а еще болье надеждь, что перестану учиться, сделаюсь чиновникомъ и буду выезжать въ светь,все это, вмёстё взятое, сулило мнё какое-то особое блаженство, о которомъ тогда я не смёлъ еще и мечтать. Однако, вскорё блаженство это оказалось несколько ограниченнымъ: отецъ объявилъ, что до поступленія на службу я должень выдержать особый экзаменъ въ гимназіи, дающій право не быть по последнему разряду, и что, по молодости лъть, я не буду выъзжать въ свътъ. Это былъ первый ударъ, нанесенный моимъ сладостнымъ мечтамъ о будущей, новой, блаженной жизни. Второй ударъ быль для меня не менъе тяжелъ: матушка изъявила желаніе, чтобы, при поступленіи на службу, я продолжать учиться и, по возможности, посъщаль лекціи такихъ профессоровъ, какъ Грановскій, Шевыревъ и Ръдькинъ. Вивств съ твиъ, родители рвшили, что осенью я буду держать означенный экзаменъ, дававшій право на полученіе чина черезъ лва гола службы.

Просмотръвъ программу экзамена, впрочемъ, весьма легкаго, я все-таки ръшился сказать, что боюсь сръзаться въ трехъ предметахъ: Законъ Божіемъ, географіи и исторіи, особенно русской; но родители, убъжденные Сцепинскимъ въ блестящихъ моихъ успъхахъ по всъмъ преподаваемымъ имъ предметамъ, не повърили моимъ словамъ и отнесли ихъ единственно къ всегдашней моей робости и застънчивости и только, по усиленной моей просьбъ, взяли для меня новаго преподавателя Закона Божія, законоучителя 2-й гимназіи, извъстнаго въ то время составителя «Исторіи церкви», прото- іерея Богданова, который, на первомъ же урокъ, легко могъ убъдиться въ моихъ плохихъ свъдъніяхъ по его предмету, когда на вопросъ его: «кто предсъдатель священнаго синода?» я отвътилъ: «синодальный прокуроръ».

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ о. Богдановъ прекрасно приготовилъ меня къ экзамену по Закону Божію и очень полюбилъ меня. Онъ былъ человѣкъ умный, ученый, добрый и отличавшійся гуманнымъ отношеніемъ къ своимъ ученикамъ. Уроки его доставляли мнѣ истинное удовольствіе и, если бы мой добрый увалень

Сцепинскій слідоваль другому методу преподаванія и самъ быль бы поболіве учень и поменіве лівнивь, то, быть можеть, и я сталь бы учиться у него лучше и прилежніве. Остальными предметами, мало мнів изв'єстными, я принялся самъ усердно и усидчиво заниматься, изучая всів надлежащіе учебники и географическія карты.

Въ концъ сентября я держать экзаменъ во 2-й гимназіи и выдержаль его хотя не блистательно, но достаточно, чтобы получить желаемый дипломъ. Изъ Закона Божія, математики, черченія 1) и языковъ: французскаго и латинскаго, я получилъ самые высшіе балы, а въ остальныхъ предметахъ посредственные. Русскій языкъ я знать очень порядочно, но именно въ немъ едва не сръзался, однако не по моей винъ, а вслъдствіе придирокъ экзаменатора, не имъвшихъ ни малъйшаго основанія и дълавшихся только съ цълью озадачить, сконфузить и сбить съ толку робкаго молодого человъка, чего онъ и добился, такъ что подъ конецъ я совстмъ растерялся, упорно сталь молчать и чуть не расплакался. Не помню фамиліи этого учителя 2-й гимназіи, но онъ произвель на меня тяжелое впечатление своимъ злорадствомъ и злобнодовольною улыбкою при видъ моего замъщательства и, если бы не подоспълъ на мою помощь почтенный о. Богдановъ, сказавшій что-то ему на ухо, то, по всему въроятію, я получиль бы самый плохой баль.

Матушка не знала о днѣ моего экзамена, и только послѣ окончанія его отець объявиль ей, что экзамень сдань мною благополучно, и я могу поступить на службу, выборь которой уже быль рѣшенъ: я долженъ быль опредѣлиться въ московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ виду того, что общество архивныхъ чиновниковъ было хорошее и состояло большею частью изъ молодежи, принадлежавшей къ извѣстнымъ московскимъ семействамъ. Архивомъ въ то время управлялъ князь Михаилъ Андреевичъ Оболенскій, знакомый моего отца, и уже изъявившій согласіе на принятіе меня къ себѣ на службу. Одновременно со мною батюшка пожелалъ опредѣлить туда и брата моего Николая, который считался чиновникомъ особыхъ порученій при директорѣ петербургскихъ и московскихъ театровъ Гедеоновѣ, жилъ въ Москвѣ и ровно ничего не дѣлалъ.

Для знакомства съ братомъ и со мною, Оболенскій пригласиль батюшку вмёстё съ нами къ себё обёдать. Въ назначенный день мы отправились къ нему. До обёда сказавъ мнё и брату нёсколько любезныхъ словъ, князь послё обёда, изъявивъ отцу полное согласіе на принятіе меня въ архивъ, прибавилъ, что я кажусь ему весьма скромнымъ и приличнымъ юношею... Еще бы! во все время обёда я сидёлъ, какъ красная дёвица, въ сильномъ смущеніи и полномъ молчаніи, отворяя ротъ лишь для пропуска подававшихся

¹⁾ При этомъ экваменъ, неизвъстно для чего, требовалось черченіе.

вкусных тяствъ. О моемъ брать Оболенскій не промолвилъ ни слова, и потому ясно было, что онъ не располагалъ принять его на службу, чему брать весьма обрадовался, не желая вовсе служить и предпочитая оставаться въ своей должности вполнъ празднымъ. Но причина молчаливаго отказа Оболенскаго не скрылась отъ меня; я былъ пораженъ ни съ чёмъ несообразнымъ и потёшнымъ обращениемъ брата съ княземъ: покущавъ плотно и выпивъ еще илотиве, брать тотчась послв объда подошель къ будущему своему начальнику и, восхваляя кулинарное искусство его повара, хлопнулъ рукою по кругленькому княжескому брюшку, сказавъ: «mon rince, vous mangez bien, j'aime ça!» Князь, видимо удивленный такою неумъстною фамильярностью человъка, желавшаго служить подъ его начальствомъ, строго взглянулъ на него, повернулся къ нему спиною и, обратившись къ отцу, въ то время съ къмъ-то разговаривавшему, далъ мнъ вышесказанную аттестацію. Не сомнъваюсь, что брать выкинуль всю эту штуку съ цёлью не быть принятымъ въ архивъ.

IV.

Опредъленіе на службу.—Архивъ и его чиновники.—Князь М. А. Оболенскій.— М. П. Полуденскій.—Д. С. Нечаєвъ.

Весь октябрь я предавался полному «far niente», приготовляясь въ началъ ноября поступить на службу. Въ архивъ, какъ оказалось, быль заведень его начальникомъ довольно странный порядокъ, предшествовавшій окончательному опредёленію всякаго молодого человека: желающій поступить въ архивъ должень быль являться туда наравит съ прочими уже служащими чиновниками и заниматься поручаемымъ ему дъломъ, -- это называлось у Оболенскаго «поступить на испытаніе», и только въ случать годности испытуемаго онъ окончательно опредвлялся на службу. Срокъ такого испытанія продолжался отъ двухъ недёль до трехъ мёсяцевъ, и тогда начальникъ решалъ, по своему усмотренію или вернее произволу, о степени годности или негодности испытуемаго. Случалось, что молодой человъкъ ходилъ въ архивъ въ продолжение трехъ мъсяцевъ и, потомъ, безъ малъйшей основательной на то причины, получаль отказъ. Можно было бы подумать, что испытание въ способности будущаго чиновника заключалось въ чемъ либо дъйствительно болбе или менбе важномъ, какъ, напримбръ, въ умбиьи разбирать старинныя хартіи, въ знаніи прежнихъ русскихъ дипломатическихъ сношеній или иностранныхъ языковъ и проч.,--нисколько; испытаніе состояло въ томъ, что вновь поступавшихъ заставляли аккуратно, ежедневно, приходить въ архивъ въ 11 часовъ утра и переписывать разныя исходящія бумаги, а за неимѣніемъ ихъ безмолвно сидѣть на стулѣ у своего стола до 2-хъ часовъ. Кто терпѣливо исполнялъ эти два условія, тотъ заслуживалъ названіе трудолюбиваго и прилежнаго юноши и получалъ разрѣшеніе подать форменное прошеніе о поступленіи на дѣйствительную службу; но, если будущій чиновникъ, сидя безъ занятій, вставалъ, прохаживался по комнатѣ, громко разговаривалъ или, и того хуже, читалъ книгу или газету, то за эти важные проступки получалъ аттестацію въ неспособности къ архивнымъ занятіямъ и не принимался на службу.

Когда настало время явиться въ архивъ на испытаніе, и я нѣсколько трусилъ и конфузился при мысли, что долженъ одинъ, въ первый разъ, предстать предъ ясныя очи князя Оболенскаго, слывшаго за любезнаго человѣка въ обществѣ и не совсѣмъ вѣжливаго начальника въ архивѣ, то отецъ поѣхалъ со мною, чтобы лично передать меня князю. Взобравшись по каменной весьма старинной лѣстницѣ въ бельэтажъ архива, мы прошли черезъ канцелярію въ кабинетъ Оболенскаго; чиновники при видѣ отца въ камергерскомъ вице-мундирномъ фракѣ со звѣздою вставали и кланялись; что, признаться сказать, мнѣ понравилось и пріободрило меня, такъ какъ изъ этого поклона я вывелъ заключеніе, что уваженіе, оказываемое родителю, будетъ несомнѣнно имѣть хорошія послѣдствія и для сына.

Князь приняль насъ любезно и представиль меня начальнику 1-го отдёленія Наумову, приказавть дать мит занятіе. Батюшка удалился, а Наумовъ передалъ меня своему столоначальнику Кознову, который очень въжливо предложиль мнъ състь за особый столь и переписать набъло накую-то бумагу. Бумага эта оказалась отношениемъ столоначальника къ экзекутору о покупкъ чернилъ, перьевъ и другихъ канцелярскихъ принадлежностей. Въ то время какъ я съть за столь, ко мит подошель начальникъ другого стола Андроновъ и спросилъ мою фамилію. Узнавъ ее, онъ обратился къ присутствующимъ съ следующими словами «господа, это сынъ писателя Загоскина; я сейчасъ узналь въ его папенькъ автора «Юрія Милославскаго, но никакъ вспомнить его фамиліи». Такое признаніе москвича и человъка пожилого крайне удивило меня и дало мнъ весьма плохое мнъніе о литературныхъ познаніяхъ г. Андронова. Я четко переписалъ данную, мив бумагу, и такъ какъ почеркъ мой былъ порядочный и ясный, то г. Козновъ остался доволенъ и отпустилъ меня домой. Ну, подумалъ я, если такъ будетъ продолжаться, то архивная служба не трудна, а только скучновата, въ чемъ, впрочемъ, я и не ошибся.

Съ тъхъ поръ прошло болъе сорока лътъ; архивъ получилъ новое преобразование и новое помъщение, а потому считаю не лишнимъ нъсколько распространиться объ этомъ присугственномъ мъстъ,

нъкогда привлекавшемъ въ свои стъны цвътъ московской молодежи, прозванной Пушкинымъ въ «Евгеніи Онегинъ» «архивными юношами».

Въ 1849-мъ году, московскій главный архивъ министерства иностранных дёль помещался въ старинномъ доме бывшаго посольскаго приказа въ маленькомъ переулкъ близъ Солянки. При архивъ находилась комиссія печатанія государственных грамоть и договоровъ. Архивъ состоялъ изъ двухъ отдъленій: первое-хозяйственное, имъло начальникомъ статскаго совътника Петра Семеновича Наумова, двухъ столоначальниковъ съ ихъ помощниками и нъсколько канцелярскихъ чиновниковъ 1-го и 2-го разряда, журналиста и экзекутора, совмъщавшаго и должность казначея и его помощника. Второе отделеніе, занимавшееся разборомъ древнихъ актовъ и дипломатическихъ бумагъ и депешъ, поступавшихъ изъ Петербурга на храненіе въ московскій архивъ, находилось подъ начальствомъ коллежскаго советника Александра Захаровича Егорова и состояло изъ первыхъ, вторыхъ и третьихъ переводчиковъ. Сверхъ того, въ архивъ были два архиваріуса, библіотекарь и правитель вышеупомянутой комиссіи съ нъсколькими въ ней чиновниками. Въ 1-ое отдъленіе поступали на испытаніе всѣ молодые люди, желавшіе опредълиться въ архивъ. Въ этомъ отдъленіи служили преимущественно работящіе чиновники, носившіе негромкія фамиліи Кознова, Андронова, Алемона, Верре, Тимковскаго и прочія, между тыть какъ во 2-мъ, болъе великосвытскомъ, находились сыновья москвичей, принадлежавшихъ къ высшему обществу, тамъ были: Засъцкій, Шиловскій, Чертковъ, баронъ Шепингъ, Ермоловъ, князья: Горчаковъ, Гагаринъ и прочіе.

Начальникъ 1-го отделенія Наумовъ быль старикъ леть 70-ти, небольшого роста, съ толстымъ красносизымъ носомъ, щетинистыми, съдыми волосами и широкимъ ртомъ, изъ котораго выглядывало нъсколько изувъченныхъ клыковъ коричневаго цвъта. Вся фигура его представляла типъ стараго подьячаго; одътый въ поношенный вице-мундирный фракъ съ Анною на шеб, висъвшею на длинной, довольно грязной лентв, Наумовъ, молчаливый, угрюмый и говорившій какимъ-то особымъ, хриплымъ, бурчащимъ голосомъ, былъ, въ сущности, добръйшій, честнъйшій и благороднъйшій человъкъ, сердечно относившійся къ своимъ подчиненнымъ и храбро защищавшій ихъ передъ педантичнымъ начальникомъ архива. Всв чиновники и особенно молодые люди любили его и обращались съ нимъ почтительно, стараясь выказать ему полное уваженіе, въ которомъ, къ сожалънію, отказывалъ ему лишь одинъ князь Оболенскій, распекая часто и громко стараго челов'єка за какую нибудь пустую описку или неисправность въ подаваемой къ подписи его сіятельства неважной бумагъ. Не разъ случалось, что, когда Оболенскій, сидя въ своемъ кабинеть, раскричится на Петра Семеновича, бѣдный старикъ выбѣжитъ оттуда тяжелыми старческими шагами и, раскраснѣвшись какъ ракъ, примется сиплымъ голосомъ бормотать себѣ подъ носъ: «что разорался?—чего нужно?—самъ не знаеть, съ жиру бѣсится!»—этими словами и кончался гнѣвъ разобиженнаго, но добрѣйшаго старца.

Два столоначальника, Козновъ и Андроновъ, происходившіе изъ купеческаго рода, были люди пожилые, вполнъ почтенные и въжливо обходились съ канцелярскими чиновниками. Изъ прочихъ служащихъ въ этомъ отдъленіи нельзя не помянуть добрымъ словомъ казначея и экзекутора Ивана Өеодоровича Аммона. Этотъ чиновникъ былъ замъчательный человъкъ, какъ по своему уму, образованію и доброму сердцу, такъ и по всегдащней готовности помочь словомъ и деломъ всякому вновь поступившему на службу молодому человъку. Усердно исполняя свои обязанности, онъ гордо держалъ себя передъ своимъ начальникомъ, не позволяя ему ни малъйшей грубости. Когда князь Оболенскій, въ 1850-мъ году, ввель довольно оригинальный способъ оценки трудолюбія своихъ подчиненныхъ, приказавъ экзекутору записывать часъ и минуту прихода и ухода каждаго изъ нихъ, то Аммонъ, отнесясь съ великимъ негодованіемъ къ такому распоряженію, годному, по его мивнію, для какого либо учебнаго заведенія, а не для присутственнаго мъста, сталъ всъхъ записывать рано приходящими и въ положенный часъ уходящими, такъ что въ годовомъ итогъ часовъ, проведенных чиновниками на службь, почти всь оказывались на равной степени аккуратности, за исключениемъ, конечно, тъхъ, которые лишь изръдка являлись въ архивъ. Поздиве, Аммонъ сділался извістень въ русской литературів своимъ прекраснымъ переводомъ записокъ Беркгольца. Этотъ даровитый и прекрасный человъкъ скончался далеко не въ старыхъ лътахъ, оставивъ во всвять своихъ сослуживцахъ самое отрадное о себв воспоминаніе.

Начальникъ П-го отдъленія, Егоровъ, былъ человъкъ совершенно иного рода, чъмъ Наумовъ. Онъ былъ уже не молодъ, носилъ черный, тщательно приглаженный паричекъ, но корчилъ изъ себя молодого человъка, и, постоянно улыбаясь и какъ-то странно закатывая глаза, много разговаривалъ необыкновенно пъвучимъ голосомъ, избирая, притомъ, цвътистыя фразы. Когда онъ кланялся, то расшаркивался на манеръ танцовальнаго учителя и непремънно склонивъ голову на правую сторону. Несмотря на его старанія быть крайне любезнымъ, въ его манерахъ проглядывало что-то странное и напускное. Подвъдомственные ему чиновники, изъ которыхъ многіе считали себя аристократами, не ставили его въ грошъ, несмотря на то, что онъ слылъ за честнаго и хорошаго человъка и, сколько я могъ замътить, былъ очень набоженъ, не начиная никакого дъла безъ осъненія себя крестнымъ знаменіемъ.

Объ остальныхъ чиновникахъ ІІ-го отдёленія говорить много не

приходится: они были люди благовоспитанные и свътски образованные, но, за исключеніемъ трехъ, четырехъ, ръдко посъщали архивъ и то болье для разговоровъ о томъ, что было вчера и что будетъ завтра въ московскомъ большомъ свътъ. Разговоры эти происходили довольно громко, такъ какъ комната, отведенная для занятій свътскихъ болтуновъ, находилась очень далеко отъ кабинета Оболенскаго, и онъ ръдко туда заглядывалъ. Изъ числа архивной молодежи особенно отличался всъми качествами души и тъла Николай Петровичъ Ермоловъ 1). Онъ былъ уменъ, образованъ, добръ, любезенъ, изященъ въ манерахъ и красивъ, какъ однажды при мнѣ выразилась одна дама, «до ума помраченія». Въ то время онъ былъ однимъ изъ молодыхъ московскихъ львовъ и немало вскружилъ дамскихъ головъ, юныхъ и пожилыхъ.

Я долженъ еще упомянуть о правителѣ комиссіи печатанія государственныхъ грамоть и договоровъ, Сергіи Сергіевичѣ Ивановѣ 2). Это быль милый, прекрасно воспитанный молодой человѣкъ, лѣтъ 30-ти, усердный и полезный труженикъ архива. Хоти онъ не принадлежалъ къ цвѣту московской молодежи, но часто посѣщалъ высшее общество и былъ всѣми любимъ и уважаемъ. Не знаю, почему онъ называлъ себя Ивановымъ, а не Ивановымъ; многимъ казалось страннымъ, что Сергій Сергіевичъ пренебрегалъ своею старинною, дворянскою фамиліею и измѣнилъ въ ней удареніе, какъ будто изъ боязни быть смѣшнымъ съ многочисленными своими однофамильцами, не происходившими изъ русскаго дворянства.

Сказавъ почти все о составъ тогдашняго архива, мнъ остается упомянуть о странномъ впечатлъніи, произведенномъ на меня въ первые дни моего испытанія его сіятельнымъ начальникомъ: я быль удивленъ и озадаченъ торжественнымъ, важнымъ и грознымъ видомъ Оболенскаго при посъщеніи имъ архива...

При въвздв его кареты въ ворота архивнаго дома, стоявшаго на дворв, помощникъ экзекутора Андрей Ивановичъ Верре, всегда караулившій у окна прівздъ своего начальника, криками и жестами возввщалъ о семъ событіи. Всв чиновники совершенно притихали, смиренно сидвли на своихъ мъстахъ и таинственно шопотомъ передавали другъ другу слова: «князь! князь!». При входв князя въ 1-ое отделеніе, сторожа отворяли обе половинки дверей; впереди шелъ курьеръ или сторожъ съ портфелемъ, а за его сіятельствомъ одинъ или два сторожа тоже съ портфелями или папками. Въ этотъ торжественный моментъ чиновники, точно по командв, вскакивали

¹⁾ Поздніве, онъ женился на одной изъ милівйшихъ московскихъ женщинъ, вдовъ сенатора Небольсина, Аграфені Петровнів, рожденной Демидовой. Она умерла въ молодыхъ літахъ, и самого Ермолова давно уже нізть въ живыхъ.

²) Впоследствии онъ быль орловскимъ гражданскимъ губернаторомъ и затемъ помощникомъ попечителя Московскаго учебнаго округа.

съ своихъ мѣстъ, вытягивались въ струнку и отвѣшивали низкіе поклоны, а начальникъ, важно входя и семеня ножками, слегка и гордо кланялся направо и налѣво, строго оглядывая всѣхъ съ головы до ногъ, какъ бы отыскивая какого либо провинившагося чиновника, чтобы тутъ же накрыть и мгновенно распечь его. За симъ, онъ входилъ въ свой кабинетъ, къ дверямъ котораго немедленно ставился часовой въ видѣ ветхаго сторожа — инвалида. Князь никому не подавалъ руки, даже и начальникамъ отдѣленій.

Не имѣвъ до того времени ни малѣйшаго понятія о степени важности каждаго начальника въ своемъ управленіи, я никакъ не могъ понять, для чего неважный сановникъ, простой управляющій архивомъ и самъ по себѣ человѣкъ не злой, считаетъ нужнымъ изображать изъ себя передъ своими подчиненными какого-то недосягаемаго, свирѣпаго юпитера, облеченнаго въ вицъ-мундиръ министерства иностранныхъ дѣлъ. Позднѣе, привыкнувъ къ подобной ежедневно повторявшейся комедіи, я уже не обращалъ никакого вниманія на таинственно, со страхомъ произносимое моими товарищами слово: «князь!».

Испытаніе моихъ способностей продолжалось недолго: недёли черезъ двё я получить приказаніе подать прошеніе объ опредёленіи меня на службу. Я оказался такъ скоро способнымъ, вёроятно, потому, что Оболенскій желалъ сдёлать пріятное батюшкё, а, можеть быть, и потому, что въ теченіе двухъ недёль я дёйствительно прилежно переписывалъ разныя бумаги, сидёлъ смирно и ни съ кёмъ безъ особой нужды не разговаривалъ, а о чтеніи газеть или книгъ и помину не было. Во все время моего испытанія князь не сказалъ мнё ни единаго сло́ва и, проходя ежедневно мимо моего стола, только бросалъ пронзительный взглядъ на лежавшія передъмною бумаги.

19-го декабря 1840-го года, я окончательно поступиль на службу канцелярскимъ чиновникомъ 2-го разряда (т. е. на низшій окладъ противъ 1-го, разницы другой не было) и сталъ аккуратно посъщать архивъ, проводя въ немъ утро съ 11-ти до 2-хъ часовъ и получая жалованье около двънадцати рублей серебромъ въ мъсяцъ.

Одновременно со мною опредблены въ архивъ: дъйствительный студентъ Московскаго университета Михаилъ Петровичъ Полуденскій 1) и неимъвшій чина Дмитрій Степановичъ Нечаевъ 2). Они

¹⁾ Впоследствия, онъ служилъ чиновникомъ по особымъ поручениямъ при президенте московской дворцовой конторы и вместе съ А. Н. Афанасьевымъ издавалъ «Библіографическія Записки», которыя въ настоящее время сделались библіографическою редкостью. Онъ умеръ въ 1868-мъ г. въ званіи церемоніймейстера высочайшаго двора.

²⁾ Отецъ его Степанъ Дмитріевичъ, женатый на Мальцовой, былъ нѣкогда оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, а затѣмъ проживалъ въ Москвѣ въ должности сенатора.

оба были сыновья двухт московскихъ сенаторовъ, старыхъ знакомыхъ моего отца, а потому я тотчасъ съ ними познакомился.

Полуденскій, только что окончившій университетскій курсь, быль старъе меня лътъ на пять. Высокаго роста, чрезвычайно худой, некрасивый, съ рыжеватыми волосами, онъ походилъ болъе на англичанина, чъмъ на русскаго, но подъ этою какъ будто холодною наружностью у него было теплое русское сердце, преисполненное любви къ родинъ и къ своему ближнему. Вскоръ, послъ нашего знакомства, мы близко сошлись, чему я немало быль удивлень, такъ какъ наши вкусы, характеръ и образование были совершенно различны: Полуденскій не любиль общества, быль серіозень и не только многосторонне образованъ, но и ученъ, - я же жаждалъ общества, веселья и не быль вовсе образовань. Несмотря на то. мы сдълались искренними друзьями и, подъ конецъ зимы, видались уже ежедневно, не только по утрамъ на службъ, но и вечера почти всегда проводили вибств, одинъ у другого, и если, нъсколько лътъ спустя, я сдълался серіознъе и принялся, хотя нъсколько образовывать себя чтеніемъ книгь полезныхъ и дёльныхъ, то, конечно, обязанъ исключительно вліянію Полуденскаго, который въ началь нашей дружбы немало подсмывался надъ моимъ невыжествомъ и надъ моими влеченіями къ пустой свътской жизни, а поздиће сердился и шибко журилъ меня. Во всю свою жизнь н оставался съ нимъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ и со смертью его потерялъ въ немъ лучшаго и върнъйшаго моего пруга.

Что касается Нечаева, то я съ нимъ тоже коротко познакомился и нашелъ въ немъ хорошаго товарища и ангельской доброты человъка, но, къ несчастью, сильно глухого и потому неспособнаго ни пускаться въ продолжительные разговоры, ни даже порядочно слушать своего собесъдника, недостатокъ этотъ тъмъ болъе былъ прискорбенъ, что придавалъ ему видъ человъка нъсколько ограниченнаго, между тъмъ какъ онъ былъ умный и образованный юноша, переносившій съ истинною христіанскою кротостью свой тяжелый недугъ. Къ нему особенно благоволилъ князъ Оболенскій, вслъдствіе близкаго его родства съ Иваномъ Сергъевичемъ Мальцовымъ, бывшимъ въ то время уже значительнымъ лицомъ въ министерствъ иностранныхъ дълъ 1).

Съ чиновниками 2-го отделенія я довольно долго не былъ вовсе знакомъ; они вообще относились къ намъ, вновь поступавшимъ юношамъ, съ некоторою гордостью и важностью.

¹⁾ Мальцовъ, одинъ изъ богатъйшихъ людей въ Россіи, но отличавшійся вамъчательною скупостью, прожилъ всю жизнь холостымъ и умеръ, въ 1880-мъ г., въ Ниццѣ, завъщавъ почти все свое огромное состояніе своему родному племяннику Юрію Степановичу Нечаеву (брату моего архивнаго товарища), который присоединилъ въ своей фамиліи и фамилію «Мальцовъ».

На первыхъ порахъ моей дъйствительной службы меня немало удивило то, что столь невинное и благородное учрежденіе, какъ архивъ министерства иностранныхъ дълъ, было не чуждо маленькаго взяточничества. Однажды, около времени прекращенія нашихъ занятій, когда въ архивъ оставалось всего три, четыре человъка и самъ князь Оболенскій, пріъзжавшій и уъзжавшій, по обыкновенію, позднъе всъхъ, явилась прилично одътая дома, нъмка, съ бросьбою перевести на русскій языкъ метрическое свидътельство ея сына, необходимое для поступленія его въ какое-то московское учебное заведеніе. Переводъ поручили мнъ, но за позднимъ временемъ я попросиль даму прійти на другой день. Нъмка встревожилась и, чуть не со слезами, стала просить меня сдълать немедленно переводъ, такъ какъ начальникъ находился еще въ архивъ и могь туть же скръпить его своею подписью.

Конечно, я согласился, и черезъ полчаса работа была готова. Принимая изъ моихъ рукъ свои документы, дама тихонько сунула мнъ трехрублевую бумажку. Удивленный и сконфуженный подобною подачкою, я возвратиль ей бумажку, сказавъ внушительнымъ голосомъ: «мы здъсь взятокъ не беремъ!» Нъмка, отвътивъ поклономъ, удалилась. Не успълъ я еще опомниться отъ нанесеннаго, какъ мнъ казалось, не только мнъ лично, но и самому присутственному мъсту, оскорбленія, какъ вдругъ подскочилъ къ самому моему носу одинъ пожилой, мелкій чиновникъ нашего отдъленія и отчаяннымъ голосомъ проговорилъ: «молодой человъкъ! что вы сдълали? развъ это возможно? вы такимъ образомъ отучите просителей изъявлять намъ за труды свою благодарность; вамъ хорошо, вы не нуждаетесь, а мы люди бъдные!»

Какъ громомъ, пораженный такими словами, я стоялъ и молчалъ... Мнѣ мерещилось, что я только во снѣ могъ видѣть архивнаго чиновника, способнаго не только защищать, но и брать взятки. Къ сожалѣнію, это было наяву! Впослѣдствіи я убѣдился, что этотъ мелкій чиновникъ былъ единственный въ нашемъ архивѣ, жаждавшій отъ рѣдкихъ просителей «изъявленія благодарности», такъ какъ въ продолженіе всей моей послѣдующей, пятилѣтней архивной службы, мнѣ никогда болѣе не приходилось ни видѣть ни слышать, чтобы кто либо бралъ съ просителей малѣйшую взятку.

V.

Моя домашняя жизнь. — Благово. — Первый баль.—Свадьба брата Николая.— Первые выйзды. — Моск вское общество: Столыпины. — Графъ и графиня Закревскіе. — А. И. Пашкова. — Семейство N. N. — Нератовъ. — Казначеевъ.— Маркевичъ. — С. И. и Н. С. Пашковы. — Орловы. — Денисовы.—Булгаковы.— Князь Долгоруковъ. — Римскіе - Корсаковы. — Чертковы. — Рюмины. — Князь Горчаковъ. — Тепловъ. — Щербатовы. — Сушковы. — Е. Ф. Тютчева. — Ивинскіе.

Оставлю на время мои пустъйшія, служебныя занятія и обращусь снова къ моей домашней жизни.

Какъ я выше сказалъ, батюшка въ виду моей молодости не желалъ, чтобы я выважалъ въ светь, и твердо исполниль свою волю, взявъ меня лишь разъ съ собою на балъ. Но желаніе матушки, чтобы, въ свободные отъ службы часы, я посвщаль лекціи университетскихъ профессоровъ, совстить не исполнилось, частью, потому, что Оболенскій требоваль оть вновь поступившихъ чиновниковъ аккуратнаго ежедневнаго хожденія на службу, а частію по причинъ моей лъни и непостоянства. Въ свободные ранніе часы я легко могь бы посёщать лекціи, что въ началё и дёлаль; желая заняться химіею, я побываль нісколько разь на лекціяхь профессора Геймана, но вскоръ бросихъ ихъ... бросилъ подобно тому. какъ бросалъ въ моей юности и другія занятія, къ которымъ вдругь припадала у меня охота, какъ, напримъръ: рисованіе, архитектуру, игру на фортепіано, англійскій языкъ. За все хватался и все оставляль не только на половинь, но и въ самомъ началь. Поздиће, я очень сожалћиъ, что мои родители не принуждали меня продолжать предпринимаемыя мною занятія и съ излишнею добротою относились къ явному недостатку въ моемъ характеръ терпънія, выдержки и энергіи.

Вопреки моему желанію сдёлаться свётскимъ молодымъ человёкомъ, я провель эту зиму, по волё отца, тихо спокойно и нисколько не сознавая всей нравственной пользы, какую могла принести мнё подобная семейная жизнь въ самомъ началё моей юности и при первыхъ шагахъ на новомъ, неизвёстномъ и столь заманчивомъ для меня жизненномъ пути. Утро я проводилъ на службе, а вечера съ больною матушкою или въ обществе моего новаго друга Полуденскаго и одного пріятеля его, тоже моего новаго знакомаго. У Полуденскаго я познакомился съ бывшимъ товарищемъ его по университету, Дмитріемъ Дмитріевичемъ Благово, родственникомъ лучшей пріятельницы моей матери Любови Григорьевны Новосильцевой.

Влагово 1), милый, образованный, весьма начитанный, молодой

¹⁾ Подробности о его происхождении и его семействъ находятся въ составленной и изданной имъ интересной книгъ: «Разсказы бабушки».

[«]мотор. въотн.», февраль, 1900 г., т. LXXIX.

человѣкъ, былъ некрасивъ собою, но пріятное и выразительное лице его миѣ такъ понравилось, что сразу я подружился съ нимъ, и, если дружба наша день ото дня росла и крѣпла, то, вѣроятно, потому что Дмитрій Дмитріевичъ, хотя былъ старѣе и несравненно образованнѣе меня, воспитывался подобно миѣ подъ крылышкомъ своей матери, а слѣдовательно въ этомъ отношеніи получилъ воспитаніе, довольно схожее съ моимъ. Со дня рожденія, потерявъ отца, онъ не разлучался съ своею матерью, а также и съ своею бабушкою Еливаветою Петровною Янковою, рожденною Римскою-Корсаковою. Бабушка его, добрая, но строгая старушка, воспитанная въ лучшихъ преданіяхъ русской патріархальной, аристократической семьи начала и средины прошлаго столѣтія, имѣла большое вліяніе на правственное воспитаніе своего внука.

Новый мой знакомый, вмъсть съ Полуденскимъ, были единственные молодые люди, съ которыми я видълся почти ежедневно. въ продолжение всей зимы 1850-го года. Втроемъ мы проводили вечера въ веселыхъ, шутливыхъ, а часто и въ весьма серіозныхъ разговорахъ. Ни единаго дурного слова не исходило изъ устъ скромнаго Влагово; его чистая, честная душа гнушалась всего безнравственнаго и порочнаго. Какъ часто мы, трое юношей, изъ которыхъ одинъ почти дити, пытливо заглядывали въ будущее, сулившее намъ свътлыя, радостныя надежды, и какъ еще чаще предръщали мы всв наши будущія дійствія, поступки и даже мысли, подчиняя ихъ собственному я и забывая, что все въ волъ Того, въ чыхъ рукахъ наша ничтожная, земная жизнь съ ея счастіемъ, радостями, горемъ и страданіями!... могли ли мы тогда представить себь, что одинъ изъ насъ «Дмитричъ», какъ мы звали Благово, изъ свътскаго, богатаго и изнъженнаго молодого человъка, любившаго общество и жизнь съ ся комфортомъ, сдълается вдругъ обитателемъ уединенняго, монастырскаго скита и въ грубой монашеской рясь будеть смиренно исполнять возлагаемыя на него послушанія, которыя, можеть быть, показались бы другимъ непосильными, но ему не казались таковыми.

Благово, женившись довольно рано на любимой имъ дѣвушкѣ баронессѣ У., не долго пользовался семейнымъ счастіемъ: красавица жена его влюбилась въ одного удалаго гусарскаго офицера, бѣжала съ нимъ и навсегда покинула мужа. Неутѣшный, убитый горемъ Дмитрій Дмитріевичъ вскорѣ испыталъ новое горе: онъ лишился нѣжно любимой своей матери, и тогда поступилъ послушникомъ въ находящійся близъ Москвы Никола-Угрѣшскій монастырь и только въ 1882-мъ г., по окончаніи его бракоразводнаго дѣла, проживъ въ монастырѣ болѣе пятнадцати лѣтъ послушникомъ и рясофорнымъ монахомъ, получилъ возможность постричься. Нынѣ убѣленный сѣдинами старецъ Пименъ, имѣющій уже санъ

архимандрита, проживаеть въ Римъ въ должности настоятеля нашей посольской церкви... ¹).

Да, неисповъдимы судьбы твои, Господи!

Обращаюсь къ себё: надёвъ мундиръ министерства иностранныхъ дёлъ и вообразивъ себя дипломатомъ и полноправнымъ гражданиномъ Русской земли, я сталъ приставать къ отцу, чтобы онъ дозволилъ мнё выёзжать въ свётъ, т. е. посёщать балы, рауты и вечера, но получилъ рёшительный отказъ съ обёщаніемъ свезти меня лишь на одинъ балъ московскаго военнаго генералъгубернатора графа Закревскаго, и то только для того, чтобы на опыте убёдить меня въ томъ, что я слишкомъ молодъ для разыгрыванія роли московскаго франта и танцора.

Согласно этому объщанію, отецъ въ первый данный графомъ Закревскимъ балъ взялъ меня съ собою. Надъвъ фракъ и въ первый разъ въ жизни высокій по тогдашней модъ туго завязанный былый галстукъ, я быль вив себя отъ радости, рисуя въ моемъ воображеніи всю прелесть моего перваго дебюта. Однако же, входя на лъстницу генераль-губернаторскаго дома, я почувствоваль чтото неладное: ноги мои, предназначавшіяся для танцевъ, стали какъ будто подкашиваться, и не будь со мною отца, я, конечно, обратился бы въ постыдное б'єгство и вернулся домой; но при входъ въ залъ, видя, что батюшка такъ же спокоенъ, какъ и входя въ свой собственный домъ, я нъсколко пріободрился. Представивъ меня графу Закревскому, не обратившему на мою личность ни малъйшаго вниманія, отецъ подвелъ меня къ графинъ и сказалъ: «permettez moi, comtsese, de vous presenter mon fils». Графиня воскликнула: «oh! quel enfant!» на что отецъ замътилъ, что я уже на службъ. Признаюсь, слова графини, какъ обухомъ, пришибли меня; я сконфузился и за кого-то спрятался. На балъ у меня оказались знакомыми только нёсколько старичковъ, пріятелей отца, а изъ молодыхъ людей почти никого, такъ какъ съ бывшими тамъ моими великосвътскими товарищами по архиву я еще не быль знакомъ, а отецъ, знавшій все общество, не познакомиль меня ни съ одной дъвицей, вслъдствіе чего я быль лишень возможности не только танцовать, но даже и разговаривать. Къ буфету, наполненному сластями, фруктами и разными напитками, и никогда еще мною не виданному, я не прикоснулся, а лишь любовался его роскошнымъ убранствомъ и изобиліемъ угощеній. Пробывъ часа два на балъ, пока батюшка игралъ съ своими пріятелями въ карты, и все время чувствовалъ себя какъ-то не ловко, и мить не разъ приходило въ голову, что я какъ будто и въ самомъ дътъ ребенокъ, случайно попавини въ общество взрослыхъ

¹⁾ Архимандрить Пименъ скончался въ 1897 году. Ред.

людей. Когда отецъ кончилъ свою партію, то ему не трудно было отыскать меня среди огромной толпы гостей, такъ какъ я частенько забъгалъ въ комнату, гдъ онъ игралъ, и былъ радъ радешенекъ, когда игра кончилась, и мы отправились домой. Дорогою, на вопросъ батюшки, весело ли мнъ было,—я отвътилъ: «совсъмъ нъть, я все время проскучалъ!»—«Ну, вогъ видишь, я правъ—ты слишкомъ молодъ для баловъ».—«Можетъ быть, что и такъ», сказалъ я, «но мнъ было скучно, потому что вы меня не представили ни одной барышнъ, и я не могъ танцовать». «Батюшки!»—воскликнулъ отецъ:—«забылъ, совсъмъ забылъ! сдълаю это въ другой разъ!» Но этотъ другой разъ оказался отложеннымъ до другого года, на что, однако, униженный и обиженный графинею Закревскою, я вовсе не сътовалъ и болъе не настаивалъ на выъздахъ въ московскій большой свътъ.

Въ апрълъ 1850-го года, послъдовала свадьба моего брата Николая съ дочерью камеръ-юнкера Павла Петровича Савельева, Александрою Павловною.

богатый старикъ, постоянно жиль въ Савельевъ, довольно Москвъ и неръдко давалъ балы. Онъ принадлежалъ къ старинной пворянской фамиліи и по своей матери, рожденной Гурьевой (сестръ извъстнаго министра финансовъ графа Гурьева), быль двоюроднымъ братомъ жены государственнаго канцлера графа Нессельроде и находился въ родствъ со многими аристократическими семействами, но, несмотря на свое, повидимому, хорошее общественное положение, не пользовался ни любовью, ни уваженіемъ московскаго общества, отзывавшагося о немъ, какъ о какомъто афериств и безсердечномъ, скупомъ человъкъ. Батюшка не быль доволень этою свадьбою, породнившею его съ человъкомъ, не пользовавшимся его расположеніемъ и даже ему незнакомымъ, хотя Александра Павловна, какъ добрая, прекрасная дввушка и замъчательная музыкантша, очень понравилась моимъ родителямъ, искренно полюбившимъ ее, и, въ свою очередь, она, по выходъ за брата, стала относиться къ нимъ не только съ любовью, но и съ нъжностью родной дочери.

Лѣто, какъ и всѣ предыдущія лѣта, я провель въ ежедневныхъ прогулкахъ съ отцемъ по разнымъ окрестностямъ Москвы, но такъ какъ, ни за лѣто ни за осень, я не могу припомнить ничего интереснаго даже лично для себя, то перехожу прямо на слѣдующій 1851-й годъ, полный для меня воспоминаній. Годъ этоть до самой его осени былъ лучшимъ, беззаботнымъ и счастливымъ годомъ моей юности и едва ли не былъ первымъ и послѣднимъ подобнымъ годомъ во все время моего послѣдующаго пребыванія въ моей родной Москвѣ. Въ эту зиму матушка чувствовала себя лучше, чѣмъ въ предыдущіе года; всѣ болѣзни ея какъ-то уменьшились, и она стала веселѣе и болѣе интересоваться всѣми жи-

тейскими вопросами, сверхъ того, я получилъ разрѣшеніе выѣзжать въ свѣть и, сопровождая батюшку на балы и вечера, познакомился со множествомъ лицъ, пріобрѣлъ нѣсколько новыхъ пріятелей и наконецъ въ первый разъ влюбился....

Въ началъ января я былъ приглашенъ на большой балъ къ Аванасію Алексвевичу Столыпину, проживавшему въ своемъ прекрасномъ домъ 1) въ переулкъ противъ Колымажнаго двора. Аванасій Алексвевичъ, человъкъ не чиновный, но богатый помещикъ Саратовскій губерніи, кажется, не быль вовсе заражень общею тогдашнимъ, особенно петербургскимъ, Столыпинымъ²) гордостью и важностью своего рода, хотя родъ этотъ ничемъ не выдаваяся и никогда не отличался никакими заслугами отечеству, а быль извъстенъ только по своему значительному состоянію и, вслъдствіе того, довольно знатнымъ, родственнымъ связямъ. Московскій же Столыпинъ не производилъ впечатленія человека, какъ говорять французы, «sorti de la cuisse de Jupiter», а быль просто настоящій русскій хлібосольный и гостепріимный баринь, жиль открыто, давалъ балы и веселилъ сколько могъ своихъ многочисленныхъ знакомыхъ. Онъ быль человекъ уже пожилой, высокаго роста, весьма тучный, съ некрасивымъ лицомъ и огромнымъ носомъ, почти касавшимся подбородка. Особыя приметы его были: на лице нъсколько бородавокъ почтеннаго размъра и такихъ же размъровъ умъ, доброта и радушіе. Жена его, Марія Александровна, рожденная Устинова 3), была въ молодости очень красива и если уступала мужу въ его редкомъ уме, то шла въ уровень съ нимъ относительно всёхъ прекрасныхъ качествъ его сердца. У нихъ былъ одинъ сынъ, гвардейскій офицеръ, проживавшій въ Петербургь, и двв дочери, Марія и Наталія 1), первая, весьма схожая съ матерью, считалась одною изъ первыхъ московскихъ красавицъ, а вторая, похожая на отца, унаследовала и его замечательный умъ. Вообще въ Москвъ всъ любили это почтенное семейство, и немало лицъ добивалось быть приглашенными на столыпинскіе вечера, считавшіеся въ свое время средоточіемъ самаго избраннаго общества.

¹⁾ Нына домъ этотъ принадлежить князю Дмитрію Николаевичу Долгорукову.
2) Одного Стольпина того времени хорошо знали въ Петербурга и Москва; то быль такъ называемый «Монго», лейбъ-гусарскій офицерь и другь поэта Лермонтова. Онъ пользовался большою извастностью по своей замачательной красота и сердечнымъ успахамъ среди дамъ петербургскаго общества. Сестра его Марія Аркадьевна, въ первомъ брака за Бекъ, а во второмъ за княземъ Павломъ Петровичемъ Вяземскимъ, была въ свое время тоже замачательною красавицею.

³) Сестра ея, Анна Александровна, была въ замужествъ за внучатнымъ братомъ моего отда, Васильемъ Николаевичемъ Загоскинымъ.

⁴⁾ Первая была, поздиве, въ замужестве за княземъ Владиміромъ Алексвевичемъ ІЦербатовымъ, а вторая за Шереметевымъ, бывшимъ впоследствім месковскимъ губерискимъ предводителемъ дворянства.

Вслъдъ за этимъ баломъ я сталъ со всъхъ сторонъ получать приглашенія на всъ московскія увеселенія, такъ какъ батюшка объявиль своимъ знакомымъ, что я уже взрослый молодой человъкъ и желаю выъзжать въ свътъ.

Въ эту зиму въ гостепримной Москвъ не проходило недъли безъ двухъ или трехъ баловъ, не говоря уже о маленькихъ вечерахъ. Закревскіе, Пашковы, Римскіе-Корсаковы, Рюмины, Щербатовы, Орловы Денисовы и многіе другіе наперерывъ старались веселить общество первопрестольной столицы.

На первомъ планъ были балы и вечера графа Закревскаго, но не потому они занимали первенствующее мъсто, что отличались роскошною обстановкою или особымъ избранымъ обществомъ, а только потому, что давались первымъ лицомъ въ столицъ, ея генералъ-губернаторомъ, или, какъ всъ звали его, «главнокомандующимъ».

Графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, бывшій нікогда министромъ внутреннихъ дълъ, затъмъ попавшій въ немилость у императора Николая Павловича и находившійся долгое время въ отставкъ, быль назначенъ начальникомъ Москвы въ 1848-мъ году, послъ смерти тогдашняго генералъ-губернатора князя Алексъя Григорьевича Щербатова, храбраго генерала, человека добрейшаго, благородивишаго, но довольно ограниченнаго 1), Закревскій получилъ это назначеніе съ приказаніемъ подтянуть избаловавшихся москвичей, которые, по мнтнію тогдашнихъ петербургскихъ администраторовъ, стали либеральничать, будто бы осуждать хоньку, между собою, дъйствія правительства, заниматься въ англійскомъ клуб'в р'вшеніемъ судебъ Россіи, или, в'врніве, одной Москвы, и главное завели какое-то нехорошее общество, носившее названіе «славянофиловъ». За всѣ эти преступленія опасныхъ москвичей была прислана въ Москву гроза въ лицъ ен новаго генералъ-губернатора. Гроза эта дъйствительно принялась извергать громы и молніи на все и на вся, особенно на страшныхъ славянофиловъ, въ главъ которыхъ стояли такіе благороднъйшіе и наипреданнъйшіе правительству люди, какъ Хомяковъ, Аксаковы, Киръевскіе. Закревскій, провъдавъ, что одинъ изъ нихъ, Сергьй Тимонеевичъ Аксаковъ, ходитъ въ рубашкъ съ косымъ воротомъ и носить русскій кафтанъ и бороду, послаль нъ нему приказаніе

¹⁾ Про него разсказывали въ Москвъ множество анекдотовъ самаго наивнаго свойства и, между прочимъ, что князъ, гуляя по Тверскому бульвару, встрътилъ студента съ папиросою во рту и, остановивъ его, приказалъ бросить папиросу, но, такъ какъ студентъ не послушался, то онъ сказалъ ему: «раввъ вы не внаете, кто я?».—«Нътъ, не знаю»,—отвътилъ молодой человъкъ.—«Я—генералъ-губернаторъ!»—«Не върю»,—продолжалъ студентъ.—«Не върите? Ну, вотъ вамъ, ей-Богу, что я генералъ-губернаторъ!»—и при этомъ добродушный старикъ перекрестился. Студентъ бросилъ папиросу и удалился.

снять зипунъ и немедля уничтожить главный признакъ своего революціоннаго направленія—сбрить сёдую бороду. Не знаю, повиновался ли Сергъй Тимовеевичъ этому приказу, но помню, что подобное распоряженіе высшаго правительственнаго лица относительно столь безвиннаго, почтеннаго и болъзненнаго старца, вовсе не выходившаго изъ своего дома и уже потому имъвшаго право сидъть въ кафтанъ и не брить бороды, произвело въ Москвъ не только общее негодованіе, но и неудержимый смъхъ.

Несмотря на строгость и грозную распорядительность графа Закревскаго, онъ быль весьма популяренъ и любимъ среднимъ и низшимъ классомъ москвичей, какъ человъкъ умный, доброжелательный и усердно заботившійся о благосостояніи бъдныхъ жителей Москвы, которымъ много помогала и его добръйшая жена, но въ высшихъ слояхъ общества графъ вслъдствіе своего плохого образованія и грубыхъ, солдатскихъ пріемовъ мало нравился, и еще менъе былъ любимъ, тъмъ болъе, что со дня своего пріъзда въ Москву онъ не воспользовался своимъ высокимъ положеніемъ, чтобы умъло стать на стражъ древней столицы, какъ то подобало истинному сановнику, назначенному волею царя представителемъ города, въ которомъ тогда среди его жителей было еще немало родовитыхъ, богатыхъ дворянъ и даже нъсколько вельможъ, не позабывшихъ утонченныя манеры Екатерининскаго въка.

Послѣ первоначальныхъ строгостей Закревскій немного смирился и черезъ годъ послѣ своего назначенія въ Москву сталъ менѣе ретивъ въ преслѣдованіи ея жителей. Обстоятельство это вызвало слѣдующее, не лишенное интереса стихотвореніе извѣстнаго москвича Н. Ф. Павлова:

Не молодъ ты и не безъ души, Зачемъ же въ городе все толки и волненія? Зачемъ же роль играть россійскаго паши И объявлять Москву въ осадномъ положеніи? Ты править нами могь на старый ладъ, Не тратя время въ безсмысленной работв. Мы люди смирные, не строимъ баррикадъ И всенижайще гніемъ въ своемъ болоть! Какой же думаешь ты учредить законъ? Какіе новые установить порядки? Ужель мечтаешь ты, гордыней ослеплень, Воровъ искоренить и посягнуть на ваятки? За это не берись, простынеть грозный пыль, И сокрушится власть подобно хрупкой стали. Въдь это мозгъ костей, кровь нашихъ русскихъ жилъ, Въдь это на груди мы матери всосали! За то скажу тебъ спасибо я теперь, Что кучеръ Беринга 1) не мчится своевольно И не реветь, какъ разъяренный звёрь, По тихимъ улицамъ Москвы первопрестольной;

¹⁾ Московскій оберъ-полицеймейстеръ.

Что Берингъ самъ позналъ величія предѣлъ, Окутанный въ шинель, уже съ отвагой дикой, На дрожкахъ не сидитъ, какъ нѣкогда сидѣлъ, Несомый бурею, на лодкѣ, Петръ Великій!..

Графъ Закревскій, по женѣ своей 1), быль человѣкъ богатый и не скупился веселить Москву. Сверхъ большихъ баловъ, на которые приглашалась масса народа, у него еще бывали малые вечера въ аппартаментахъ его супруги, графини Аграфены Өеодоровны, куда приглашались только ея родственники, близкіе знакомые и друзья обоего пола самой хозяйки. По тогдашнимъ городскимъ слухамъ, нъкоторые изъ этихъ друзей отличались будто бы сильною развязностью и черезчуръ легкими скоромными разговорами, до которыхъ была охотница старая графиня и которыми не брезгала молодая, красивая дочь ея, графиня Лидія Арсеньевна Нессельроде²). Вследствіе этихъ слуховъ, дамы высшаго общества тщательно избъгали короткаго знакомства съ двумя умными, любезными, но нъсколько игриваго характера, представительницами генераль-губернаторскаго дома. Злые языки бълокаменной кружевницы шли еще далъе: они увъряли, что изъ числа чиновниковъ графа Закревскаго вступившихъ въ интимный кружокъ его супруги, тъ, которые пользовались особымъ ея благоволеніемъ, понадали, по ходатайству самого графа, въ камергеры, а обратившіе на себя вниманіе дочери въ камеръ-юнкеры. Розсказни эти, по моему убъжденію, были чистыя выдумки, такъ какъ я решительно не помню, чтобы кто либо изъ генералъ-губернаторскихъ чиновниковъ былъ пожалованъ въ камергеры, и только и которые изъ нихъ получили званіе камеръюнкера и то, большею частью, молодые люди, усердно исправлявшіе свои служебныя обязанности. Во всякомъ случав, слухи эти до того были распространены среди московской публики, что въ началь монхъ вывздовъ батюшка не желалъ, чтобы я попалъ на малые вечера графини, и, только года черезъ три сдълавшись частымъ посетителемъ эгихъ вечеровъ, могу по совести сказать, что вечера были совершенно приличны, и если старая графиня позволяла себъ несовсъмъ приличную для дамъ хорошаго круга нъкоторую излишнюю свободу въ обращеніи съ мужчинами и довольно вольныя, но всегда забавныя и остроумныя ръчи, то безъ мальйшей приписываемой ей цъли, а единственно вследствие своего живаго, веселаго характера и преклоннаго возраста, долженствовавшаго ограждать ее отъ подобныхъ сплетней и нареканій.

¹) Рожденной графинъ Толстой, дочери извъстнаго библіографа графа Өеодора Андреевича, женатаго на Дурасовой.

²) Въ то время она уже покинула своего мужа (сына государственнаго канцлера) и проживала въ Москвъ вмъстъ съ своими родителями, а въ 1859-мъ г. безъ законнаго развода вступила въ бракъ съ княземъ Друцкимъ-Соколинскимъ, за что графъ Закревскій и лишился своего мъста.

Въ числъ родственницъ и близкихъ друзей графини Аграфены Өеодоровны находилась сопровождавшая ее всюду фрейлина императрицы Маріи Өеодоровны Александра Ивановна Пашкова, старая дъвица, изсохшая, какъ древняя смоковница, умная, набожная и крайне чопорная. Несмотря на постоянное общество съ графинею, Александра Ивановна никакъ не могла или не хотъла привыкнуть къ ея свободнымъ разговорамъ и всякій разъ, когда Аграфена Өеодоровна разражалась, при обычномъ ея добродушномъ смъхъ, анекдотомъ или словомъ, не совсъмъ удобнымъ для дъвичьяго слуха, старая фрейлина останавливала ее словами: «ah! та соиsine, qu'est-се que vous dites!», и закрывалась въеромъ.

Изъ лицъ, пользовавшихся расположеніемъ добрѣйшей, но не разборчивой въ своемъ внакомствѣ генералъ-губернаторши, было необыкновенное семейство NN. Мать этого семейства, вдова русскаго генерала, женщина лѣтъ 60-ти, почти никуда не выѣзжавшая, была въ молодости замѣчательною красавицею, но въ старости, несмотря на правильныя черты лица, темные волосы, прекрасные голубые глаза и чисто греческій профиль, имѣла видъ какой-то поблекшей одалиски.

Генеральша славилась въ свое время не столько умомъ, сколько красотою и мягкимъ, нъжнымъ сердцемъ; этимъ прекраснымъ качествомъ, въ былые годы, по разсказамъ ея современниковъ, немало пользовались ловкіе и хитрые мужчины... Изъ літей ен обрашали на себя общее внимание три дочери: одна-тымъ, что, будучи дывицею, открыто пользовалась благод вніями богатаго, пожилого, женатаго человека, который, овдовевь на старости, женился на ней. Другаястранною своею свадьбою; она вышла замужъ за... ну, какъ бы сказать поделикативе, ну, хоть за... друга своей матушки, и черезъ протекцію Закревскихъ и большое состояніе мужа сділалась впоследствии одною изъ самыхъ модныхъ московскихъ дамъ. Третья дочь, жена не важнаго, но богатаго пом'вщика, изв'встна была своимъ удивительнымъ сходствомъ съ однимъ изъ московскихъ довольно видныхъ администраторовъ, великимъ цънителемъ красоты ея матушки. Сходство это особенно было поразительно, когда она разговаривала, и изъ усть ея летели водянистые брызги, а по губамъ текли слюнки. Вообще сходство было такъ велико, что однажды графиня Закревская, уязвленная при свидетеляхъ какимъ-то остроумнымъ намекомъ этой дамы на прошлую, не лишенную веселости, жизнь графини, съ гнъвомъ сказала ей: «Taisez vous; се n'est pas à vous de me le dire, vous qui portez sur la salive de vos lèvres les péchés de votre mère!» 1).

Про это семейство мнъ случайно удалось услыхать мнъніе моего

¹⁾ Слышано мною тогда же отъ Болеслава Михайловича Маркевича, бывшаго свидътелемъ этого разговора.

отца, выраженное имъ графу Дмитрію Николаевичу Блудову, нанявшему какъ-то лътомъ дачу въ Петровскомъ паркъ и желавшему немедля туда переъхать. «Погодите, графъ,—сказалъ отепъ, нельзя переъзжать; на дачъ, прошлое лъто, жило семейство NN., а потому надобно прежде освятить ее».

Изъ многихъ чиновниковъ по особымъ порученіямъ при графъ Закревскомъ, три камеръ-юнкера: Нератовъ, Казначеевъ и Маркевичъ, были самыми приближенными людьми въ его семействъ.

Алексъй Ивановичъ Нератовъ, весьма состоятельный помъщикъ Казанской губерніи, человъкъ лътъ 30-ти, былъ статный, красивый мужчина, умный, образованный и въ высшей степени благовоспитанный. Онъ добросовъстно исполнялъ всъ порученія своего начальника и, вмъстъ съ тъмъ, былъ какъ бы чиновникомъ по особымъ порученіямъ и двухъ графинь, но въ самомъ лучшемъ смыслъ этого слова, помогая имъ во всъхъ начинаніяхъ по части замъчательной ихъ благотворительности. Въ обществъ онъ пользовался успъхомъ и уваженіемъ, а по службъ, навърное, пошелъ бы далеко, если бы неумолимая смерть не прекратила слишкомъ рано жизни этого почтеннаго, молодого человъка.

Алексъй Гавриловичъ Казначеевъ, принадлежавшій, какъ и Нератовъ, къ лучшему московскому обществу, не былъ съ вида свътскимъ челов вкомъ; сосредоточенный, малообщительный, угрюмый, онъ представлялъ изъ себя видъ дёльнаго, солиднаго и въчно занятого чиновника, каковымъ онъ и дъйствительно былъ. Когда онъ говориль, то произносиль слова съ остановками, какъ бы взвѣшивая и отчеканивая каждое слово. Онъ быль образцомъ честности и прямоты и всегда говорилъ правду прямо въ лицо графу Закревскому и его дамамъ, за что опъ, къ чести ихъ, любили и уважали его. На насъ, свътскихъ юношей, онъ смотрълъ не то съ сожалъніемъ, не то съ презрѣніемъ, и рѣдко удостоивалъ насъ разговоромъ; признаться сказать, и мы, молодые люди, не больно долюбливали его и избъгали его общества, которое, какъ намъ тогда казалось, могло внести въ нашу веселую компанію только скуку и глубокомысленныя, не совсёмъ для насъ понятныя фразы; но люди пожилые и серіозные отдавали полную справедливость его уму и ръдкому благородству, этимъ двумъ спутникамъ его тогдашней и последующей жизни, посвященной на службу государю и отечеству. Позднъе онъ былъ гдъ-то губернаторомъ и умеръ въ должности сенатора, оставивъ по себъ свътлую, ничъмъ не омраченную намять.

О Болеславѣ Михайловичѣ Маркевичѣ я долженъ распространиться нѣсколько болѣе, такъ какъ онъ, въ зрѣлыхъ годахъ, сдѣлался извѣстнымъ и плодовитымъ писателемъ, имѣвшимъ много почитателей. Въ описываемое мною время, онъ былъ молодой человѣкъ лѣтъ 25-ти, высокаго роста, статный, какъ Аполлонъ, бѣлокурый, свѣжій, румяный, съ правильными чертами лица и отли-

чался не только красотою, но какимъ-то особымъ и только ему присущимъ «шикомъ». Несмотря на свое ограниченное состояніе, онъ одъвался щегольски, по послъдней модъ, и вообще производиль впечатлъніе человъка вполнъ достаточнаго, ежедневно посъ щавшаго театры, балы и маскарады. Сверхъ того, онъ всегда принималь живое участіе въ устройствъ разныхъ увеселеній, въ видъ пикниковъ, концертовъ и домашнихъ спектаклей. Однимъ словомъ, Маркевичь быль тогда, что называется, душою общества, и оть этой души дамы и дъвицы часто приходили въ восторгъ. Обладая замъчательною памятью, онъ отлично помниль все, что читаль, и изъ прочитаннаго умълъ ловко и кстати разсказать что либо интересное или вспомнить какой нибудь остроумный или веселый анекдотецъ. Онъ зналъ наизусть массу мелкихъ, шуточныхъ стихотвореній и забавныхъ романсовъ. Не им'я голоса, премило п'єлъ водевильные куплеты и особенно хорошо бывшій въ то время въ большой модъ среди молодежи романсъ:

> «Полно прясть, о сага mia, Брось свое веретено, Въ Сан-Луиджи прозвонило Ave Maria давно!» и проч.

или же куплеты, къмъ и на кого 1) написанные—не знаю, и изъ которыхъ я помню только первый куплеть:

> «Николай Степанычъ Тэдеть въ городъ Римъ, И вся пьяная кампанія Вмістів съ нимъ!»... и т. д.

По части бальной Маркевичъ былъ лучшій и неутомимый московскій танцоръ: никто лучше его не танцовалъ мазурки. Когда, бывало, онъ въ паръ съ какою либо ловко танцовавшею дамою, пустится выкидывать разныя фигуры этого граціознаго танца, то можно было просто на него заглядеться. По красоте, изящнымъ манерамъ и умънью всъхъ веселить, онъ сдълался баловнемъ хорошенькихъ женщинъ, настоящимъ ловеласомъ и, наконецъ, львомъ московскаго общества. Мужчины тоже любили его, но нередко порицали за практиковавшееся имъ въ большихъ размърахъ такъ называемое «нахлібничество» или, вітритье сказать, «прихлебательство». Получая мало денегь, а тратя много, онъ ръдко объдаль на свой счеть; у него были даже знакомые дома, куда онъ приходилъ, какъ въ ресторацію-придеть, пообъдаеть и уйдеть! Хозяева этихъ домовъ были преимущественно родители дочерей, не пользовавшихся большимъ успёхомъ въ свёть, и должно отдать справедливость Маркевичу, что онъ добросовъстно отплачивалъ этимъ хозяевамъ

¹⁾ На Рамазанова.

за ихъ хлъбъ-соль, не допуская ихъ дочерей засиживаться въ одиночествъ на балахъ. Завидя подобную, заброшенную дъвицу, онъ принимался такъ кружить ее, что подъ конецъ она и сама рада была отдохнуть. Такого ревностнаго и неутомимаго танцора трудно было сыскать: танцуетъ безъ устали часа два, три, потъ течетъ съ лица, какъ въ банъ, а онъ продолжаетъ все кружиться и кружиться...

По служебной части, полагаю, Маркевичъ не былъ такъ виртуозенъ, но, по расположенію къ нему Закревскаго и его семьи, онъ постоянно получалъ особыя занятія по какой либо подвъдомственной генералъ-губернатору части, за которыя и назначалось ему особое содержаніе. Сверхъ того, онъ усердно исполнялъ всъ возлагавшіяся на него графинею Закревскою и ея дочерью порученія, но только не касавшіяся дълъ благотворительности.

Вотъ все, что могу припомнить о Болеславѣ Михайловичѣ; прибавлю лишь только, что въ началѣ 1850-хъ годовъ никому и въ голову не могло прійти, чтобы изъ такого танцора и хотя умнаго и забавнаго, свѣтскаго балагура могъ когда либо выйти талантливый писатель, а еще было труднѣе себѣ представить, что Маркевичъ и Казначеевъ, крѣпко не любившіе другъ друга, сдѣлаются со временемъ близкими родственниками, женившись на двухъ родныхъ сестрахъ Зейфортъ 1).

Описавъ нъсколько лицъ изъ московскаго общества, буду продолжать описаніе и другихъ москвичей, игравшихъ въ то время нъкоторую роль въ высшемъ свъть древней столицы.

Упомянувъ о фрейлинъ Пашковой, я не могу не вспомнить гостепріимнаго дома брата ея Сергъя Ивановича. Домъ этотъ считался однимъ изъ самыхъ великосвътскихъ, не только по преданію старыхъ москвичей, еще помнившихъ радушные пріемы и открытую жизнь его родителей въ ихъ громадномъ домъ на Чистыхъ Прудахъ, но и по значительному вообще всъхъ Пашковыхъ богатству и знатнымъ родственнымъ связямъ ихъ со многими представителями петербургской аристократіи.

Сергъй Ивановичъ служилъ прежде въ лейбъ-гвардіи Гусарскомъ полку и, вступивъ въ бракъ съ коренною москвичкою, княжною Надеждою Сергъевною Долгоруковою 2), вышелъ въ отставку и навсегда поселился въ Москвъ. Хотя Пашковы не давали ни большихъ объдовъ, ни роскошныхъ баловъ, но двери ихъ дома ежедневно, по вечерамъ и до глубокой ночи, были открыты для всъхъ ихъ знакомыхъ.

Въ 1851 г., Надежда Сергвевна была женщина лвть сорока, милая, пріятная и умная; не будучи красавицею, она отличалась

¹⁾ Объ сестры, овдовъвъ одна за другою, скончались, одновременно, въ одниъ и тотъ же годъ, день и часъ, одна въ С.-Петербургъ, а другая въ Царскомъ Селъ.

Мать ея, княгиня Екатерина Алексвевна, была рожденная графина Васильева.

вам в чательною миловидностью и могла служить образиомъ чисто русской, свътской барыни. Несмотря на свои зрълые года, она не лишена была некоторой доли кокетства, впрочемъ, самаго невиннаго свойства: она любила, какъ говорится, строить глазки и выставлять на показъ свои бълоснъжныя, красивыя плечи. Сверхъ того, у нея была одна особенность, которая у всякой другой ея сверстницы показалась бы смъшною и даже глупою: она часто принимала видъ какого-то беззаботнаго, капризнаго ребенка, нетерпъливо требовавшаго исполненія малъйшаго своего желанія. Но это отрицательное качество казалось у нея какою-то детскою, милою наивностью, никого не поражало, а, напротивъ, какъ-то шло къ ея маленькой фигуръ. Она была очень добра, и потому всякій капризъ ея быль лишь мимолетнымъ явленіемъ, выражавшимся однимъ и тъмъ же словомъ: «хочу, хочу, хочу!»—а неисполнение его влекло за собою легкое надутіе губокъ, забавное и незлобное. Всѣ близкіе ей люди очень любили ее и, хоти она была чрезвычайно разборчива въ выборъ своихъ знакомыхъ, стараясь преимущественно окружать себя людьми своего круга, но если, по какому либо случаю, попадали къ ней лица изъ совершенно иныхъ сферъ и приходились ей по сердцу, то они дълались не только ея знакомыми, но и ежедневными партнерами излюбленнаго ею ералаша.

Самъ Пашковъ, человъкъ гостепримный, въжливый и благовоспитанный, не отличался особеннымъ умомъ, имълъ характеръ мало сообщительный и видъ довольно серіозный и даже угрюмый. Онъ ръдко, по вечерамъ, бывалъ дома, а почти всегда въ клубъ или у своихъ пріятелей-игроковъ, гдѣ просиживалъ иногда цълыя ночи за карточнымъ столомъ, выигрывая и проигрывая большія суммы денегъ. Впослъдствіи страсть эта окончательно повлекла за собою полное разстройство его прекраснаго состоянія, такъ что чета Пашковыхъ, достигнувъ глубокой старости, проживала почти въ бъдности, но попрежнему любимая и не забытая всъми изъ оставшихся еще въ живыхъ старыми друзьями.

Въ 1882-мъ году, Надежда Сергъевна перешла въ въчность, разставшись если не тъломъ, то душою, въ первый разъ, съ Москвою: въ теченіе всей своей долгой жизни она не выъзжала изъ Москвы далъе своей подмосковной и никогда не видала ни одного другого, русскаго города. Вскоръ послъ ея кончины скончался и мужъ ея, задолго до смерти потерявшій зръніе.

Изъ братьевъ Сергъя Ивановича проживалъ въ Москвъ только одинъ Николай Ивановичъ, старый колостякъ, довольно извъстный въ свое время композиторъ, написавшій нъсколько прекрасныхъ романсовъ. О немъ ръшительне нечего сказать, развъ только то, что онъ, подобно своему брату, спустилъ въ карты все свое состояніе, разоривъ, притомъ, и свою изсохшую сестру Александру Ивановну, на которую былъ до того похожъ, что, когда московскій

скульпторъ - любитель С. И. Миллеръ сдѣлалъ ея бюсть, то для бюста Николая Ивановича потребовалось только измѣнить на изванніи его сестрицы прическу, чтобы вышелъ поразительно схожій бюсть ея братца.

Въ числъ московскихъ родственниковъ Пашковыхъ находился двоюродный братъ Надежды Сергъевны, графъ Николай Васильевичъ Орловъ-Денисовъ, сынъ знаменитаго казачьяго генерала и самъ казачій офицеръ, женатый на моей внучатной сестръ Натальъ Алексъевнъ Шидловской 1). Орловъ былъ въ то время адъютантомъ графа Закревскаго и жилъ въ своемъ великолъпномъ домъ на Лубянкъ, принадлежавшемъ нъкогда знаменитому московскому главнокомандующему графу Ростопчину. Съ крыльца этого дома, въ 1812 году, Ростопчинъ держалъ ръчь къ толпъ, разъяренной противъ извъстнаго Верещагина; тутъ же онъ выдалъ его ей на растерзаніе и оттуда же самъ втихомолку уъхалъ изъ Москвы передъ нашествіемъ французовъ.

Графъ Орловъ-Денисовъ былъ не важно образованный, но добродушный, честный и веселый казакъ. Къ сожальнію, онъ вель постоянную дружбу со старикомъ «Ерооеичемъ» и со вдовою «Сliquot» и вследствие того всегда проводилъ послеобеденное время въ самомъ веселомъ настроеніи духа, продёлывая нерёдко такія штуки, на которыя едва ли могь быть способень какой нибудь членъ общества трезвости. Такъ, я самъ виделъ, какъ Орловъ, находись въ генералъ-губернаторской ложъ Большого театра, въ присутствін графини Закревской, отплясываль «казачка», невзирая на то, что публика первыхъ рядовъ видъла его эволюціи. Москвичи не обращали на продълки его никакого вниманія, такъ какъ очень любили его за радушіе и гостепріимство, и, конечно, не малая доля этой любви была постедствиемь его роскошныхь баловь и обедовъ, отличавшихся весельемъ, полною непринужденностью особенно изобиліемъ шампанскаго и другихъ рёдкихъ и дорогихъ винъ. Самъ по себъ, Николай Васильевичъ не былъ богатъ, но добрая и милая жена его, имъвшая большое состояніе, охотно тратила часть своихъ доходовъ на всё празднества не только въ угоду своему мужу, но и по собственному желанію веселить московское общество, относившееся къ ней съ искреннею любовью и полнымъ уваженіемъ. Наталья Алексвевна была высокаго роста, дородная и видная женщина, пользовавшаяся репутацією первой московской красавицы; но, по моему мивнію, она ноходила болве на здоровую, русскую крестьянку, чёмъ на красивую, великосвётскую даму,однимъ словомъ, она была: «круглолица, бълолица, краснолица». Доброта и привътливость ея вошли въ Москвъ въ поговорку, а совивстная жизнь съ любимымъ ею, но ввчно нетрезвымъ мужемъ

¹⁾ Ея бабушка Шидловская была родная сестра моей бабушки Загоскиной.

служила доказательствомъ великой ея кротости и замъчательнаго терпънія.

Съ 1851 года я часто бывалъ съ моимъ отцомъ на ихъ великолъпныхъ объдахъ, дававшихся по вторникамъ и на которыхъ присутствовало человъкъ до двадцати. Изъ самыхъ аккуратныхъ постителей этихъ объдовъ были: Александръ Яковлевичъ Булгаковъ и сынъ его Константинъ. Булгаковъ, извъстный московскій почтдиректоръ, человъкъ умный, забавный, большой шутникъ, былъ, несмотря на свои преклонные года, усерднымъ поклонникомъ встхъ красивыхъ, молодыхъ женіцинъ. Сынъ его, такъ называемый «Костя», извъстный въ Петербургъ и Москвъ своими забавными продълками и остротами, и заслужившій черезъ нихъ особое расположеніе великаго князя Михаила Павловича, быль челов'якь уже не первой молодости, одаренный всевозможными талантами, но, вибств съ темъ, препуствиший и иногда уже черезчуръ надобдавшій своими постоянными каламбурами. Онъ близко сошелся съ Орловымъ и, кажется, превзошелъ его въ слабости къ крвпкимъ напиткамъ. Одътый всегда какимъ-то уродливымъ франтомъ, съ лицомъ, напоминавшимъ черноглазую старую моську, онъ много выважаль въ светь, являясь, конечно, всюду, въ своемъ обычномъ не совствы трезвомъ видъ.

На Орловскихъ объдахъ, изъ числа молодыхъ людей, или, върнье, мальчиковъ, кромъ меня, бывалъ еще мой сверстникъ, родственникъ Орлова и родной внукъ стараго Булгакова, князь Николай Александровичъ Долгоруковъ, извъстный въ обществъ нодъ названіемъ «Коко» 1). Онъ былъ въ то время студентомъ медицинскаго факультета Московскаго университета и хотя еще совсёмъ юный, но выглядёть съежившимся, сгорбленнымъ старичкомъ. Про него можно положительно сказать, что онъ былъ «la coqueluche des dames», женскій поть цінить его умъ и разнородные маленькіе таланты: онъ хорошо пёль шансонетки, сочиняль стихи и романсы, отлично игралъ на фортепіано, мастерски танцоваль и быль замбчательнымь актеромь на всёхь домашнихь театрахъ. Маленькій, вертлявый, недурной собою, веселый, но хитрый и немного нахальный, онъ умёль забавлять и веселить и старыхъ и малыхъ, зная уже съ юныхъ лътъ, чъмъ и какъ кому понравиться. Вследствіе своихъ светскихъ успеховъ и сраву занятаго имъ въ обществъ особаго отъ другихъ молодыхъ людей положенія, а также и репутаціи умнаго не по літамъ мальчика, онъ относился ко всёмъ своимъ сверстникамъ свысока, разыгрывая изъ

¹⁾ Сынъ церемоніймейстера князи Александра Сергвевича, родного брата Надежды Сергвевны Пашковой, женатаго на Ольгв Александровив Булгаковой. Насколько княгиня Ольга была умна, мила и любезна, настолько мужъ ен былъ глупъ, невъжливъ, гордъ и важно дралъ носъ передъ всвми петитулованными и небогатыми москвичами.

себя какого-то генія, недоступнаго для разума прочихъ свѣтскихъ недоростковъ, которые потому и не очень благоволили къ нему, а, можетъ быть, и завидовали его всевозможнымъ успѣхамъ. Позднѣе, въ началѣ крымской кампаніи, по милости недостатка въ военныхъ врачахъ, онъ, почти безъ экзамена, попалъ въ «доктора медицины», принималъ участіе въ оборонѣ Севастополя и возвратился съ войны, украшенный нѣсколькими орденами, сумѣвъ даже получить отъ французовъ ихъ въ то время «вражескій» для насъ орденъ Почетнаго Легіона. Затѣмъ, онъ бросилъ медицину и, женившись на богатой и очень милой дѣвицѣ Маріи Ивановнѣ Базилевской, умеръ въ довольно молодыхъ лѣтахъ.

Не менъе графа Орлова-Денисова веселилъ Москву Сергъй Александровичъ Римскій-Корсаковъ въ своемъ родовомъ дом' противъ Страстнаго монастыря, въ которомъ мать его Марія Ивановна, рожденная Наумова, давала въ свое время прекрасные балы, остававшіеся долго въ памяти москвичей. Сергій Александровичь, женатый на Софьъ Алексъевнъ Грибоъдовой 1), имъль двухъ дътей: сына Николая и дочь Анастасію. Сынъ по окончаніи, въ 1849 г. университетскаго курса сдълался однимъ изъ первыхъ московскихъ щеголей и танцоровъ. Красивый, съ чрезвычайно изящными манерами, онъ былъ общимъ любимцемъ, хотя про него нельзя ничего другого сказать, какъ только, что онъ быль пресимпатичный «добрый малый». Въ скоромъ времени онъ женился на богатой и красивой дівниці Варварі Дмитріевні Мергасовой, получившей неважное воспитаніе въ дом' своей бабушки, мало изв'єстной въ Москв' старухи Мергасовой, которая называла свою внучку не иначе какъ «моя ла Варенька», вследствіе чего за этой «ла Варенька», по выходъ ея въ замужество, осталось насегда такое названіе.

Дочь Римскихъ-Корсаковыхъ Анастасья Сергвевна была одна изъ самыхъ милъйшихъ и привътливыхъ дъвицъ московскаго общества. Умная, образованная, равно любезная со всъми своими знакомыми, она, подобно своему брату, была общею ихъ любимицею. Впослъдствіи она вышла за М. А. Устинова, владътеля извъстнаго с. Бекова въ Саратовской губерніи. Сергъй Александровичъ и жена его, въ описываемое мною время, не пользовались хорошимъ здоровьемъ; первый, вслъдствіе паралича, не владълъ одною рукою и нервно трясъ головою, а послъдняя, страдая болъзнью ногъ, не могла ходить, и ее возили въ колясочкъ. Несмотря на свое болъзненное состояніе, они любили давать балы, вечера и объды, устроивать пикники и вообще окружать себя гостями. Радушію и гостепріимству ихъ не было предъловъ, и, конечно, они не могутъ быть забыты въ московской свътской лътописи, какъ люди, которые въ

¹) Сестра (отъ другой матери) жены генералъ-фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго, князя Варшавскаго.

теченіе многихъ лѣтъ придумывали всевозможныя забавы, чтобы сдѣлать свой домъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ Москвѣ. Но, къ несчастью, подобная жизнь и, притомъ, безъ малѣйшаго расчета, привела большое ихъ состояніе въ полнѣйшее разстройство, чему, однако, немало способствовалъ мотоватый ихъ сынъ, и въ концѣ концовъ отъ прежней роскоши у нихъ остались однѣ крохи, на которыя они доживали свой вѣкъ въ родной имъ Москвѣ и скончались въ весьма преклонномъ возрастѣ, лишившись еще при жизни обоихъ своихъ дѣтей.

Въ числъ богатыхъ москвичей, занимавшихъ видное общественное положеніе, находился московскій губернскій предводитель дворянства Александръ Дмитріевичъ Чертковъ, женатый на графинъ Елизаветь Григорьевит Чернышевой. Пожилой, умный, ученый Чертковъ пріобръль себъ извъстность, какъ нумизмать, собиратель старинныхъ рукописей и издатель составленнаго имъ замъчательнаго описанія древнихъ русскихъ монетъ. Онъ обладалъ большою, прекрасною библіотекою, въ которой проводилть почти весь день и даже иногда спаль. Александръ Дмитріевичь быль добрейшій старикъ, но крайне разсъянный: мысли его постоянно гдъ-то витали, и даже неръдко онъ не узнаваль въ лице своихъ знакомыхъ. Посвящая много времени своимъ служебнымъ и ученымъ занятіямъ, онъ мало находился съ своимъ семействомъ, забъгая только довольно часто къ своему сыну, имъвшему помъщение рядомъ съ библіотекою отца. Случалось, что, одётый дома въ халать, онъ вбёжить къ сыну, увидить нъсколько пріятелей его, никого не узнасть, свистнеть и какъ-то особенно щелкнеть языкомъ и убъжить; подобные набъги повторялись нъсколько разъ въ день. Старикъ не любилъ общества, мало выбажалъ, и только поневоль, какъ предводитель дворянства, принималь множество лиць, имъвшихъ до него какую либо надобность.

Жена его, внука извъстнаго генералъ-фельдмаршала по флоту, графа Ивана Григорьевича Чернышева, женщина весьма образованная, начитанная и добродътельная, любила тихую семейную жизнь въ кругу своей многочисленной родни и близкихъ друзей, изъ числа которыхъ одно изъ первыхъ мъстъ занималъ Н. В. Гоголь, и хотя она часто выбзжала въ свътъ, сопровождая своихъ дочерей, но выбзды эти были для нея сущимъ наказаніемъ. Во всъхъ своихъ дъйствіяхъ она была довольно оригинальна и даже одъвалась какъ-то странно: она носила почти всегда черное узкое платье, похожее на какой-то кафтанъ и подпоясанное металлическимъ кушакомъ, на которомъ висътъ кинжалъ кавказскаго издълія, костлявые пальцы ея рукъ были унизаны, сверху до низу, кольцами и талисманами. Будучи близорукою, она носила очки. Неимовърно быстрая и суетливая въ своихъ движеніяхъ, она имъла, вмъстъ съ тъмъ, видъ серіозный, задумчивый и озабоченный и была, подобно своему

«ВСТОР. ВЪСТВ.», ФЕВРАЛЬ, 1900 г., т. LXXIX.

мужу, очень разсъянна. Несмотря на прожитое ею въ то время полустолътіе, ея худое, смуглое, оригинальное лице сохраняло какую-то особую прелесть и что-то поэтичное и крайне симпатичное.

Домъ Чертковыхъ, на Мясницкой, большой и прекрасный, представляль сочетание богатства съ полнъйшею безалаберностью: во всъхъ пріемныхъ комнатахъ царилъ замъчательный безпорядокъ, причиною котораго былъ самъ хозяинъ, любившій перемъщаться изъ одной комнаты въ другую. Онъ жилъ въ своей библіотекъ, находившейся въ нижнемъ этажъ дома, и вдругъ спальня его оказывалась въ большой гостиной, а рабочій кабинетъ чуть не въ офиціантской; черезъ нъсколько времени онъ снова избиралъ себъ другое помъщеніе, вслъдствіе чего въ комнатахъ валялись бумагипапки, книги и прочія принадлежности занятого, ученаго человъка, Изъ зала неръдко устраивалось что-то въ родъ присутственнаго мъста, гдъ происходили засъданія разныхъ ученыхъ обществъ, въ которыхъ участвовалъ хозяинъ дома.

Чертковъ, какъ губернскій предводитель дворянства, считаль долгомъ дать зимою одинъ балъ, но и тотъ не отличался особою роскошью, а только суматохою и тъснотою по милости множества приглашенныхъ гостей, часто не знавшихъ другъ друга въ лице и даже неизвъстныхъ самимъ хозяевамъ, такъ какъ приглашенія посылались большею частью дворянамъ Московской губерніи, знакомымъ и незнакомымъ Чертковымъ; однимъ словомъ, на эти балы собирались, какъ говорится: «la ville et les faubourgs». Ховяинъ дома неръдко скрывался гдъ нибудь въ толиъ гостей, изъ которыхъ многіе, не зная лично хозяйки, гуляли по комнатамъ, опустошали буфетъ и ужинали, точно такъ, какъ на какомъ либо публичномъ балъ, не видавъ въ глаз хозяевъ дома.

Распорядителемъ танцевъ на этихъ балахъ былъ 20-ти-лътній сынъ Чертковыхъ, Григорій Александровичъ, или, какъ всъ его звали, «Гриша». Маленькій, худенькій, смугленькій, съ довольно большимъ горбатымъ носомъ, живыми огненными черными глазами и чрезвычайно быстрыми, подвижными, какъ будто эластичными манерами, онъ походилъ на какого-то мальчика изъ гуттаперчи; но за этимъ мальчикомъ усердно ухаживали разныя маменьки, усматривая въ немъ блестящую партію для своихъ дочерей, которыя почти всъ поголовно вздыхали по немъ и таяли отъ чарующаго, пронзительнаю его взгляда, производившаго то же самое дъйствіе и на многихъ замужнихъ женщинъ, забывавшихъ ради «Гриши» седьмую заповъдь...

Изъ всего сказаннаго о молодомъ Чертковъ видно, что я, тихій и скромный юноша, мало имълъ съ нимъ общаго, но, между тъмъ, при первыхъ моихъ выъздахъ, познакомившись съ нимъ, я вскоръ подружился и, затъмъ, на всю жизнь остался въ самыхъ пріятельскихъ съ нимъ отношеніяхъ. Причину нашего скораго сближенія

я приписываю единственно общему намъ обоимъ тогдашнему желанію веселиться и такому же общему у насъ отсутствію какого либо мало мальски серіознаго образованія 1).

Кромѣ вышеописанныхъ лицъ, принадлежавшихъ къ высшему московскому обществу, были и многіе другіе, не считавшіеся, по своему происхожденію, московскими аристократами, но не уступавшіе имъ ни въ хлѣбосольствѣ, ни въ гостепріимствѣ. Къ такимъ москвичамъ, между прочимъ, надобно причислить богатаго откупщика Николая Гавриловича Рюмина.

Николай Гавриловичъ, какъ гласило преданіе, былъ рода не важнаго; фамилія его происходила будто бы оть слова «рюмка», такъ какъ отецъ его, рязанскій мёщанинъ, служиль въ юности въ питейныхъ домахъ г. Рязани и, наполняя рюмки «очищеннымъ», приняль въ память сего обстоятельства фамилію «Рюмкинъ», которую, сдълавшись впоследствіи богатымъ откупщикомъ и получивъ потомственное дворянское достоинство, измѣнилъ въ болѣе благозвучную фамилію «Рюминъ»: Послѣ смерти этого перваго Рюмина осталось огромное состояніе, разд'влившееся между его дётьми, изъ которыхъ Николай Гавриловичъ, своею службою и щедрыми пожергвованіями въ пользу учебныхъ и богоугодныхъ заведеній, достигь званія камергера и чина тайнаго сов'ятника. Если разсказъ о происхождении Рюмина въренъ, то Николай Гавриловичь, по своимъ чувствамъ, убъжденіямъ и дъйствіямъ, заслуживаль еще большаго уваженія, какъ личность благороднъйшая и честивищая, долженствовавшая служить примвромъ для техъ богатыхъ русскихъ старинныхъ дворянъ, которые, считая себя знатными и родовитыми, живуть и действують, къ стыду своему. словно потомки второго сына Ноя.

Жена Рюмина, Елена Өеодоровна, рожденная Кандалинцева, была женщина умная, образованная и чрезвычайно энергичная. Невзирая на большое состояніе мужа, она распоряжалась въ дом'в лично вс'ємъ, входя въ мал'єйшія подробности по хозяйству, которое, однако, при всей ея аккуратности и даже педантичности, вела побарски, на широкую ногу, безъ мал'єйшаго отт'єнка скупости. О б'єдныхъ и говорить нечего: она помогала имъ въ самыхъ широ-

¹⁾ Въ то время Григорій Александровичъ служиль депутатомъ по какому-то увяду Московской губернін; затімь онъ поступиль, въ 1855 г., въ московское ополченіе и вскорі въ стрілковый баталіонъ императорской фамиліи, откуда перешель адъютантомъ къ московскому генераль-губернатору. Поздийе, онъ быль московскимъ убзднымъ предводителемъ дворянства и, наконець, пожалованный егермейстеромъ высочайшаго двора, завідываль довольно долго императорскою охотою. Во всіхь своихъ должностяхъ, Чертковъ отличался усердіемъ, добросовістностью и всегда заслуживаль полное уваженіе всіхъ лицъ, бывшихъ съ нимъ въ какихъ либо отношеніяхъ. Онъ быль женать на своей родственниці, Софіи Николаевні Муравьевой, дочери извістнаго генерала Николая Николаевича Муравьева-Карскаго, нынів уже умершаго.

кихъ размърахъ, творя милостыню по-христіански, тайно и непримътно для другихъ. Два сына и пять дочерей Рюминыхъ 1) получили подъ ея личнымъ руководствомъ прекрасное образованіе. основанное на правилахъ высокой нравственности и христіанской любви къ ближнему. Но если можно въ чемъ либо упрекнуть Елену Өеодоровну, то въ излишней, щепетильной любви ея къ безусловному исполненію мальйшихъ и иногда излишнихъ свътскихъ приличій, дававшихъ обыденной семейной жизни ея дома видъ скучноватый, неестественный и потому лишенный нъкоторой необходимой для молодежи свободы, вследствіе чего домъ Рюминыхъ, за исключеніемъ пріемныхъ дней, мало посъщался обществомъ и въ особенности молодыми людьми. Принимая почти ежедневно, по вечерамъ, хозяева частенько сидъли одни или въ компаніи двухъ, трехъ пожилыхъ людей. Зато роскошные ихъ обълы по воскресеньямъ и танцовальные вечера по четвергамъ привлекали всегда многочисленное общество. На эти объды и вечера приглашались разъ навсегда почти всё знакомые хозяевъ, и замёчательно то, что иногда къ самому объду прівзжало всегда человъкъ 10-15, а въ другой разъ 50, и, несмотря на такой наплывъ гостей, объдъ подавали аккуратно, въ назначенный часъ, безъ малъйшаго замедленія или задержки. Посл'в этого можно судить, въ какомъ изобиліи приготовлялись по воскресеньямъ Рюминскіе званые об'єды...

Въ числѣ частыхъ посѣтителей этихъ обѣдовъ нельзя было не замѣтить одного изъ воиновъ Екатерининскаго вѣка, украшеннаго георгіевскою звѣздою, генерада князя Андрея Ивановича Горчакова 2), родного племянника безсмертнаго Суворова.

Горчаковъ, нѣкогда извѣстный своею замѣчательною храбростью, былъ въ то время старикъ высокаго роста, худой, сутуловатый и бѣлый, какъ лунь. По старой привычкѣ, онъ, подобно двумъ, тремъ тогдашнимъ генераламъ, не носилъ усовъ, что придавало гладко выбритому морщинистому его лицу сходство съ лицомъ какой либо почтенной старушки. Князь могъ бы быть интереснымъ разсказчикомъ про былое прожитое имъ время, но, къ сожалѣнію, онъ рѣдко пускался въ разговоры, сидѣлъ смирно, глядѣлъ сумрачно и пріѣзжалъ на обѣды, вѣроятно, съ цѣлью вкусно и сытно покушать. Не обращая ни на кого особаго вниманія, онъ, казалось, довольствовался сознаніемъ, что одно уже присутствіе его въ домѣ

¹⁾ Старшій смнъ Өеодоръ быль женать на княжнѣ Голицыной; второй Левь умеръ юношею. Изъ дочерей Екатерина была замужемъ за графомъ Буксгевденомъ, Любовь за Полторацкимъ, Александра за Вельяшевымъ, Марія за Мухановымъ, Въра осталась въ дъвицахъ. Изъ всего семейства Рюминыхъ нынѣ въ живыхъ находятся только три послъднія дочери.

²) Онъ быль женать на своей двоюродной племянницъ, княжнъ Суворовой, по первому браку Башмаковой, которая была лъть на тридцать моложе его. Бракъ не быль счастливъ, и они скоро разошлись.

Рюминыхъ доставляло немалое удовольствіе хозяевамъ, почтительно взиравшимъ на него, какъ на престарѣлаго заслуженнаго генерала, свидѣтеля послѣднихъ годовъ славнаго Екатерининскаго царствованія.

Изъ другихъ самыхъ аккуратныхъ посътителей Рюминыхъ былъ московскій старожилъ Николай Алексъевичъ Тепловъ, внукъ изъвъстнаго труженика и дъятеля при Екатеринъ II-ой.

Богатый баринъ, страстный охотникъ до музыки, Тепловъ имъть свой собственный оркестръ и самъ игралъ на віолончели. Въ молодости онъ служилъ въ Семеновскомъ полку, вышелъ въ отставку чуть ли не тотчасъ после войны 1812 года и, въ старости, во всёхъ торжественныхъ случаяхъ щеголялъ своимъ отставнымъ гвардейскимъ мундиромъ, во многомъ отличавшимся отъ мундировъ конца царствованія императора Николая І-го. Онъ былъ стройный старикъ большого роста и худъ, какъ шестъ. При ходьбъ держаль себя такъ прямо и неподвижно, что, казалось, проглотилъ, какъ говорится, цълый аршинъ, или, върнъе, сажень. Николай Алексъевичь быль человъкь умный, любезный, пріятный собесъдникь и пользовался уваженіемъ всего общества. Онъ быль женать вторымъ бракомъ 1) на Анастасьв Яковлевив Протасовой, очень милой и еще молодой женщинь, которая, будучи женою 60-ти-льтняго старика, любила его настолько же, насколько любила балы, танцы и свётскіе выёзды и подарила его многочисленнымъ семействомъ.

Къ моимъ новымъ знакомымъ того времени я долженъ еще присоединить Щербатовыхъ, Сушковыхъ и Ивинскихъ.

Домъ князя Николая Александровича Щербатова, женатаго на княжнѣ Зенаидѣ Павловнѣ Голицыной 2), былъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ и особенно любимыхъ и посѣщаемыхъ молодежью, куда влекла ихъ не только всегдашняя, неизмѣнная любезность двухъ милыхъ хозяйскихъ дочерей, но и господствовавшая въ этомъ домѣ полная свобода и непринужденность въ видѣ разрѣшенія куренья, необязательнаго ношенія, по вечерамъ, фрака и особенно права юныхъ дѣвицъ принимать гостей въ своей собственной гостиной: этимъ правомъ, можеть быть, княжны нѣсколько злоупотребляли, не допуская свою добрѣйшую родительницу присутствовать при ихъ пріемахъ и предоставляя ей сидѣть въ сосѣдней комнатѣ и издали слушать веселые разговоры, впрочемъ, всегда самаго невиннаго свойства Въ этомъ семействѣ молодежь чувство-

¹⁾ Первая жена его была рожденная Тургенева, родная тетка внаменятаго

²) Мать Зенанды Павловны, княганя Варвара Сергвевна Голицына (дочь графа Сергва Петровича Румянцева, носивтая въ двицахъ фамилію Кагульской), вавъстная въ обществъ подъ названіемъ «princesse Babette», была женщина высоваго ума и ръдкихъ душевныхъ качествъ и имъла большое состояніе, подаренное ей отцомъ ея.

вала себя, какъ дома, и потому ежедневно посъщала любимыхъ уважаемыхъ ею княженъ, изъ которыхъ вторая, княжна Мери, блистала ръдкимъ умомъ и остроуміемъ.

Самъ князь же Николай Александровичъ былъ добръйшій и прекраснъйшій человъкъ, но относительно своихъ умственныхъ способностей недалеко ушелъ отъ своей родной сестры Анны Александровны Александровой 1), которая, будучи еще дъвицею, сдълалась повсюду извъстна ограниченностью своего ума, особенно по слъдующему поводу. Императоръ Николай Павловичъ, вскоръ послъ своей коронаціи, встрътивъ княжну въ Москвъ, гдъ-то на балъ, спросилъ ее, понравилась ли ей коронація. «Такъ понравилась, ваше величество, — отвътила княжна,— что я желала бы поскоръе увидать другую». Но малое развитіе ея брата не помъшало ему быть избраннымъ въ московскіе уъздные предводители дворянства, а позднъе получить должность московскаго гражданскаго губернатора. Такому назначенію князя много способствовали извъстныя всей Москвъ его ръдкое благородство и безукоризненная честность.

Новые мои знакомые, Николай Васильевичъ Сушковъ и жена его Дарья Ивановна, были старые пріятели моего отца. Люди не богатые, они жили весьма скромно въ маленькомъ, наемномъ домѣ, стоявшемъ уединенно на дворѣ, въ одномъ изъ переулковъ Тверской, близъ стараго Пимена.

Николай Васильевичъ, человъкъ лътъ 55-ти, маленькій, живой, съденькій, имълъ свъжее, румяное и предоброе лицо, окаймленное большими съдыми бакенбардами. Онъ одъвался постариковски и всегда носиль огромный, черный галстухь, въ которомъ утопаль весь его подбородокъ. Сушковъ когда-то былъ минскимъ губернаторомъ, но, оказавшись черезчуръ красноръчивымъ въ своихъ отчетахъ по губерніи, въ которыхъ, какъ разсказывали, онъ мъщаль прозу со стихами, заслужилъ неудовольствіе императора Николая Павловича, оставилъ службу и поселился навсегда въ Москвъ. Онъ былъ извъстенъ, какъ писатель, но писатель не важный, хоти самъ считалъ себя, если не литературною звъздою нервой степени, то, во всякомъ случав, не дюжиннымъ литераторомъ. Онъ былъ человъкъ стараго покрои, въжливый, благовоспитанный, но чрезвычайно болтливый и слишкомъ много говорившій о своихъ сочиненіяхъ, что вполнъ замъчала и понимала его умная жена Дарья Ивановна. Знакомыхъ и пріятелей у Николая Васильевича было

¹) Въ молодости она была замъчательная красавица и вышла за Павла Константиновича Александрова, который, какъ извъстно, былъ обязанъ бытіемъ своимъ великому княвю цесаревичу Константину Павловичу. Онъ былъ флигельадъютантомъ императора Николая I-го и генералъ-адъютантомъ императора Александра II-го.

У Александровыхъ была единственная дочь въ замужествъ за княземъ Д. А. Львовычъ.

множество, они всѣ искренно любили его, какъ личность свѣтлую добродушную и дѣтски простую, но еще болѣе любили высокообразованную, добродѣтельную его супругу.

Дарья Ивановна, рожденная Тютчева, была сестра извъстнаго поэта Оедора Ивановича Тютчева и, если не обладала талантомъ своего брата и не писала стиховъ, то разговоръ ея былъ столько же плънителенъ, увлекателенъ и поучителенъ, какъ и поэзія ея даровитаго брата.

Сушковы ръдко вытажали въ свъть, но зато, по вечерамъ ежедневно, у нихъ собиралось нъсколько человъкъ изъ разныхъ слоевъ общества: представители московской аристократіи, придворные, чиновные люди, писатели, профессора и художники-всъ къ нимъ запросто, безъ церемоніи, довольствуясь чашкою чая и одною ламною, освъщавшею ихъ скромную гостиную. Изъ частыхъ постителей Сушковыхъ были два лица особенно умныя и занимательныя: племянница Николая Висильевича графиня Евдокія Петровна Ростопчина и Сергій Александровичъ Соболевскій 1); но о первой я буду говорить поздніве. Разъ въ годъ, 6-го декабря, въ именины Сушкова, всё знакомые приглашались на большой рауть: въ этоть вечеръ масса гостей наполняла небольшія комнаты ихъ дома, а самъ именинникъ сіяль радостнымъ лицемъ и, встръчая каждаго гостя, по №, словами: «здравствуйте, мой десятый, двадцатый или сотый гость», изъявляль всёмь свое удовольствіе, что ихъ собралось много, какъ будто желая сказать: «смотрите, мы люди не богатые, не чиновные, угощение у насъ не важное, а вся Москва, свътская и несвътская, ученая и неученая, прівхала къ намъ-значить, насъ любять и уважають!» и действительно Москва любила и уважала эту почтенную чету, напоминавшую собою «Филемона и Бавкиду».

Поздиве, къ Сушковымъ прівхала изъ Петербурга и у нихъ поселилась племянница Дарьи Ивановна, Екатерина Өеодоровна Тютчева ²), 20-ти-лѣтняя дѣвица, замѣчательная по своему уму, начитанности и всестороннему образованію. Со дня ея прівзда, ежедневные посѣтители Сушковыхъ сдѣлались еще многочисленнѣе, и можно безъ преувеличенія сказать, что домъ ихъ, по милости Екатерины Өеодоровны, окончательно сдѣлался средоточіемъ всего, что было въ Москвѣ умнаго, образованнаго и ученаго.

¹) Сынъ московскаго старожила Александра Николаевича Соймонова и одной весьма богатой дамы, изв'єстный пріязнію къ нему Пушкина и своими остроумными, шуточными стихотвореніями.

²⁾ Дочь поэта. Дв'в сестры ея, Анна и Дарья, были въ то время фрейлинами императрицы Маріи Александровны, проживали во дворц'в и пользовались особымъ благоволеніемъ ея величества. Анна Өеодоровна находилась въ теченіе многихъ літь воспитательницею великой княжны Маріи Александровны и уже въ врілыхъ літахъ вышла замужъ за Ивана Сергієвича Аксакова. Она скончалась вскор'в послів смерти своего знаменитаго мужа.

Что касается до семейства Ивинскихъ, то я упомянулъ о немъ единственно для того, чтобы дать понятіе о хозяинъ дома, Александръ Дмитріевичъ, который, если бы жилъ въ прошломъ стольтіи, могь бы не безъ успъха занять должность придворнаго шута. Человъкъ зрълыхъ льтъ, не глупый, веселый и часто забавный, но пустъйшій и ръдко трезвый, Ивинскій обладаль какимъ-то особымъ юморомъ, въ силу котораго творилъ самыя ребяческія, а иногда и нельшыя шутки.

Онъ быль московскій старожиль, отставной полковникь, женатый на Аграфенъ Ивановнъ Новосильцевой. Семейство его состояло изъ двухъ дочерей 1) и сына. Меньшая дочь Елизавета соединяла съ замъчательною красотою и ръдкія, душевныя качества. Вступивъ въ бракъ съ княземъ Багратіономъ-Мухранскимъ, она въ скоромъ времени, къ истинному сожальню всъхъ знавшихъ ее, скончалась. Сынъ Ивинскихъ, Иванъ, косой, черномазый и неопрятный въ то время, студентъ Московскаго университета, сильно мнъ не нравился, и я съ нимъ никогда не былъ въ близкихъ отношеніяхъ 2).

Ивинскіе были люди богатые и давали иногда балы, но кругъ знакомства ихъ не принадлежалъ къ самому высшему московскому обществу, которое, хотя и посѣщало ихъ, но не сближалось съ ними, вѣроятно, потому, что хозяйка дома, когда-то умственно больная, несмотря на полное выздоровленіе, сохранила на всю жизнь угрюмое, болѣзненное выраженіе лица, смотрѣла исподлобья, мало разговаривала и не имѣла въ себѣ ничего симпатичнаго, ни привлекательнаго.

Проживая на Тверской, противъ англійскаго клуба, Ивинскій проводиль вечера въ этомъ любимомъ вечернемъ собраніи старичковъ-москвичей. Истребляя тамъ за ужиномъ изрядное количество вина и всякихъ кръпкихъ напитковъ, онъ къ ночи не могъ уже держаться на ногахъ, и потому за нимъ приходилъ его камердинеръ. Однажды, пришедшій слуга оказался, въ свою очередь, въ состояніи полной невмъняемости: взявъ Александра Дмитріевича подъ руку, онъ сталъ спускаться по лъстницъ и рухнулся вмъстъ съ нимъ. Взбъщенный Ивинскій началъ бранить и укорять камердинера: «ахъ, ты, такой, сякой! ну, какъ можно и какъ не стыдно такъ напиваться». Слуга отвътилъ: «а вамъ можно-съ и не

¹⁾ Старшая дочь Наталья вышла за Василія Денисовича Давыдова (сына знаменитаго партивана), челов'яка умнаго, образованнаго и вполн'я хорошаго, но по живости своего характера никогда не разговаривавшаго, а всегда кричавшаго.

³) Въ 70-хъ годахъ, онъ былъ церемоніймейстеромъ высочайшаго двора, а въ началѣ царствованія императора Александра III вышель въ отставку. Онъ былъ женать на вдовѣ, княгинѣ Гагариной, рожденной Крюгеръ (отецъ которой, если не ошибаюсь, имѣлъ въ Москвѣ магазинъ музыкальныхъ инструментовъ), сощель съ ума и застрѣлился. Вскорѣ послѣ его смерти, жена его, по неизвѣстной причинѣ, покончила съ собою подобнымъ же образомъ.

стыдно-съ?»—«Оселъ, дуракъ!»—заоралъ его баринъ:—«развъ ты не понимаешь, что я приказываю приходить за мною, потому что я самъ пьянъ и не могу стоять на ногахъ!» Брань эту прекратилъ какой-то сердобольный членъ клуба, подобравъ обоихъ упившихся и проводивъ ихъ до дома.

Ивинскій не называль клуба иначе, какъ своимъ «отечествомъ», и въ этой отчизнъ онъ ревностно старался отыскать какого нибудь новопрівзжаго гостя, провинціала простячка, чтобы чёмъ либо ловко поддеть его и потомъ надсменться надъ его простотою. Увидавъ какъ-то подобнаго гостя, старичка, сильно подмигивавшаго и моргавшаго однимъ глазомъ, и вспомнивъ, что въ клубе находится графъ Петръ Степановичъ Толстой 1), имъвшій ту же привычку, Александръ Дмитріевичъ познакомился съ гостемъ и представилъ его Толстому, который тотчасъ сълъ съ нимъ играть въ пикеть; но передъ игрою Ивинскій, отозвавъ въ сторону своего новаго знакомаго, предупредилъ его, что Толстой большой насмъшникъ и любитъ всъхъ передразнивать. Потомъ, отозвавъ въ сторону Толстого, сказалъ ему то же самое о старичкъ. Когда же они начали партію, то Александръ Дмитріевичъ, пригласивъ нёсколько своихъ пріятелей присутствовать при игръ, объявиль имъ, что они увидять коечто интересное. При началь партіи, одинь изъ партнеровъ предался обычному своему миганію, а другой сталь ему вторить. Но вскоръ оба игрока, подозръвая другъ друга въ передразниваніи, сдълались раздражительными, начали сердиться и еще болъе мигать и моргать. Мигали, мигали и, наконецъ, домигались до того, что Толстой, бросивъ карты, вскочилъ и неистово закричалъ: «не позволю надъ собою насмъхаться!» а такъ какъ его примъру послъдовалъ и старичекъ, то между ними произошли такая брань и такія ругательства, что Ивинскій, опасаясь, чтобы дёло не дошло до рукопашной, розняль ихъ при общемъ смъхъ присутствующихъ и къ своему собственному великому удовольствію.

Въ другой разъ, Ивинскій, познакомившись въ клубъ съ прітавшимъ въ первый разъ въ Москву однимъ степнымъ помъщикомъ, повидимому, не изъ умныхъ, сталъ увърять его, что въ числъ московскихъ достопримъчательностей необходимо осмотръть Сухареву башню, которую показываютъ только въ извъстные дни и не иначе, какъ въ 10 часовъ вечера, и что крайне интересно взглянуть на бълаго слона, помъщеннаго на верхушкъ башни подъ самымъ орломъ, но такъ какъ для осмотра его нужно потребовать сторожа, лъниваго и дерзкаго старика, то не легко добиться, чтобы онъ полъзъ такъ высоко. День и часъ, въ который происходилъ этотъ разговоръ, были, по словамъ Ивинскаго, именно тъ, въ кото-

Родной дядя бывшаго министра внутреннихъ дълъ, графа Дмитрія Андреевича Толстого.

рые показывали Сухареву башню, а потому помѣщикъ, поблагодаривъ его за совѣтъ, отправился посмотрѣть на слона. Черезъ нѣсколько времени онъ возвратился въ клубъ разсерженнымъ и обиженнымъ и сталъ увѣрять всѣхъ, что сторожъ дѣйствительно оказался предерзкимъ и не только не показалъ ему ни башни, ни слона, но, назвавъ его сумасшедшимъ, обругалъ и прогналъ его! Вѣдный провинціалъ нисколько не подозрѣвалъ сыгранной съ нимъ Ивинскимъ шутки, а еще менѣе, что [по милости послѣдняго онъ сдѣлался посмѣшищемъ всего англійскаго клуба.

Эти три анекдота были до того извъстны въ Москвъ, что я тогда же запомнилъ ихъ.

Описавъ, по крайнему моему разумѣнію, нѣкоторыхъ представителей тогдашняго московскаго общества, нынѣ давно забытыхъ, и, сдѣлавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, краткую характеристику немногихъ отдѣльныхъ личностей, я, быть можетъ, слишкомъ распронился объ этихъ москвичахъ, которые почти всѣ тихо и безмятежно угасли, не оставивъ по себѣ никакого замѣтнаго слѣда, но такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ занимали въ свое время не послѣднее мѣсто въ обществѣ и были любимы и уважаемы, а другіе, по разнороднымъ причинамъ, обращали на себя, хотя временно, вниманіе своихъ современниковъ и нерѣдко служили предметомъ оживленныхъ о нихъ разговоровъ, то мнѣ кажется, что воспоминанія о первыхъ могутъ быть не безынтересны для ихъ ближайшихъ потомковъ, а о послѣднихъ—для позднѣйшаго поколѣнія москвичей, знакомыхъ съ ними единственно по разсказамъ своихъ дѣдовъ и отцовъ.

С. Загоскинъ.

(Продолжение въ сладующей книжка).

БЫЛОЕ.

(Изъ семейной хроники) 1).

II.

Нянюшка Февронья Степановна.

...Уже старушки нѣть, ужъ за стѣною Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ, Ни утреннихъ ея дозоровъ...

А. С. Пушкинъ.

Į.

АТЕРИ моей я лишился по трегьему году. Очень естественно, что я не помню ея и знаю только по разсказамъ отца и другихъ родныхъ. Говорили, что она была женщина крайне нервная, истеричная даже: то добра безгранично, полна любви и ласки, то раздражительна до жестокости. Сообразно съ настроеніемъ духа, говорятъ, мѣнялось и лицо ея, иногда прекрасное и прямо поражавшее какимъ-то небеснымъ выраженіемъ.

иногда желтое, искаженное нервными муками. Она умерла рано двадцати семи лътъ—отъ нервной болъзни.

Послѣдніе три года мать моя особенно страдала. По общему отзыву, въ это время уже на нее угодить было трудно. Раздражаясь на всѣхъ, она въ то же время какъ-то особенно страстно, нѣжно

¹⁾ Первый очеркъ изъ семейной хроники В. А. Тихонова былъ напечатанъ въ априльской книжки «Историческаго Вистаика» 1899 года.

полюбила своего послѣдняго ребенка, то-есть меня. Два года она не могла остановиться ни на одной нянькѣ. Ихъ мѣняли чуть не каждыя двѣ недѣли, и всѣ онѣ оказывались, по мнѣнію моей матери, не на высотѣ своего призванія.

И воть туть-то и появилась Февронья Степановна, только что овдовъвшая, молодая мъщанка. Не въ силу каприза, а, въроятно, по чисто материнскому чутью, мать моя, уже знавшая, что дни ея сочтены, угадала въ этой женщинъ ту нянюшку, которую она такъ безуспъшно искала два года. Скоръе благообразное, чъмъ красивое лицо молодой бездътной вдовы привлекло мою мать, и она, сдавъ со своихъ уже ослабъвшихъ рукъ на свъжія и здоровыя руки Февроньи своего ребенка, вздохнула свободно:

— Теперь я умру спокойнъе. У Февроньи сердце есть, а сердце-то я въ нянькъ сыну моему и искала.

Не прошло и полугода со дня поступленія Февроньи, какъ мать моя скончалась. Говорять, недёли за три до смерти, когда ее, совсёмъ уже больную, перевезли изъ нашей усадьбы въ губернскій городъ, она, рыдая, умоляла Февронью никогда, ни подъ какимъ видомъ не покидать своего питомца, любить и беречь его, какъ могла бы только любить и беречь родная мать. Февронья образъ сняла со стёны и поклялась въ этомъ.

Свято исполняла эту клятву моя нянюшка и, дъйствительно, пока сама не сошла въ могилу; любила и берегла меня, какъ могла бы только любить и беречь родная мать. Но родная мать, навърное, меня такъ бы не баловала, и какъ ни хороша была моя няня, а всетаки часто приходила мнъ въ голову мысль, что многими дурными сторонами моего характера я вполнъ обязанъ безграничному баловству Февроньи Степановны. Но не мнъ судить ее за это.

II.

Средняго роста, бѣлая, полная, съ добрыми сѣрыми глазами, съ красивымъ, добрымъ ртомъ, нянюшка моя была предметомъ тайной страсти почти всей мужской половины нашей дворни. Но эта страсть такъ и оставалась тайной. Ни у кого бы и языкъ не повернулся сдѣлатъ ей какое нибудь предложеніе или признаніе. Нашелся только одинъ смѣльчакъ, молодой красавецъ, приказчикъ Никоновъ, да и тотъ не лично, а при посредствѣ одной нашей дальней родственницы, сдѣлатъ Февронъѣ Степановиѣ предложеніе руки и сердца. Никоновъ былъ завидная партія и не для такой невѣсты. За него не только вдова мѣщанка и безприданница, но и купеческая дочь пошла бы, что дѣйствительно потомъ и случилось. Никоновъ женился на дочери одного второгильдейскаго купца, на очень красивой дѣвушкѣ и самъ въ купцы вышелъ и кончитъ дни свои

даже городскимъ головой въ одномъ маленькомъ утадномъ городишкъ. Но на нянюшкъ моей онъ осъкся.

- Передайте ему,— сказала она посватавшей ее за Никонова нашей дальней родственницъ,— я питомчика моего не оставлю и не уйду отъ него никуда.
- Да онъ и не требуеть, чтобь ты уходила. Онъ и на то со гласенъ, чтобы ты оставалась на своемъ мъстъ, пока Володю н вынянчаешь,—объясняли ей.

Нянюшка только улыбнулась.

— Невозможно это,—сказала она.—Или я тому женой не буду или я этому уже не нянька.

И съ тъхъ поръ никто и никогда не дерзалъ посвататься къ Февронъъ Степановиъ.

Узналь объ этомъ великодушномъ порывѣ отецъ мой. Призвалъ Февронью къ себѣ и высказалъ ей свое удивленіе.

- Какъ это ты, Февронья, такому жениху могла отказать? Въдь такіе-то, какъ Никоновъ, не часто встръчаются: и молодъ, и красивъ, и нрава хорошаго, да и на широкой дорогъ.
- Моя дорога, батюшка, одна,— отвътила ему няня.— Ходить за Володюшкой, и нътъ миъ отрадиъе этой дороги.
 - Да тебъ сколько лътъ?
 - Двадцать восьмой.
- Смотри-ка, какая еще ты молодая, да какая здоровая и красивая. Тяжело теб'в будеть твое вдовство переносить.
 - Съ Божьею помощью перенесу какъ нибудь.

И пошелъ съ того времени слухъ, что Февронья Степановна потому ни на одного мужчину не взглянеть, что пользуется не только особыми милостями, но и особыми ласками самого вдовца-хозяина.

Справедливъ ли былъ этоть слухъ, я совершенно утвердительно сказать не бэрусь, но и неправдоподобнаго въ немъ ничего не вижу. Отцу моему въ то время и сорока лѣть не было, а аскетической или монашеской жизнью онъ отнюдь никогда не отличался и, какъ говорятъ, успѣхъ у женщинъ имѣлъ большой и неизмѣнный. Мудреное ли дѣло, если нянюшка моя не устояла передъ ласками отца своего питомца? Да вѣдъ и поцѣловать ребенка, только что поцѣловавъ отца его, совсѣмъ не то, что поцѣловать, даже на руки взятъ ребенка, послѣ того, какъ только что ласкала мужчину посторонняго. Такъ вѣдь и каждая мать ласкаетъ и мужа и сына своего, почти единовременно.

Еще въ подтверждение этого слуха можно привести и то обстоятельство, что нянюшка моя была въ домѣ нашемъ на какомъ-то совсѣмъ особомъ положении. А когда отецъ мой, послѣ восьмилѣтняго вдовства, опять женился, то нянюшка была удалена изъ дома, но не надолго: сама мачиха моя, прекрасная молодая женщина, узнавъ объ этомъ, потребовала, чтобы Февронью Степановну опять вернули

въ домъ, и нянюшка была водворена и къ мачихѣ моей относилась не только почтительно, но и съ искренней и горячей любовью, какой та вполнѣ заслуживала. Надо полагать, что если и было между ею и отцомъ моимъ что нибудь, то къ этому времени уже все прекратилось.

Но какъ ни какъ, а убъжденіе, что Февронья Степановна была такъ равнодушна ко всъмъ мужчинамъ на свътъ именно потому, что одинъ мужчина былъ ей милъ, и мужчина этотъ былъ не кто иной, какъ отецъ ея питомца, настолько твердо установилось въ нашей семьъ, что приходится ему върить и принять за свершившійся фактъ.

III.

Дётская моя пом'вщалась во второмъ этаж'в, какъ разъ надъ кабинетомъ моего отца. Большая, св'тлая комната, со стънами, выкрашенными въ св'тлую краску, со старинной лежанкой, была по тому времени очень гигіенична. Нянюшка держала ее въ большой чистот и порядкт. Одно только было не хорошо: любила она парфюмировать эту комнату курительными свтиками или, какъ тогда называли, «монашками». На каждомъ подоконникт лежало у нея по м'талой копеечкт, а на копеечкахъ курились маленькія, черненькія монашки. Когда отецъ заходиль къ намъ въ дётскую, по этому поводу неизм'тно происходили недоразум'ты.

- Нянька, опять накурила!—начиналь онъ, потягивая носомъ-
- А что жъ, батюшка, духъ-то въдь хорошій, отзывалась на это уже сконфуженная нянюшка.
- А я тебѣ сколько разъ говорилъ, что ничего въ этомъ хорошаго нѣтъ, только у Володи голова разболится. Убери сейчасъ же! Убери эту гадость.

И нянюшка покорно сбрасывала «монашки» въ тазъ и снимала съ подоконниковъ копеечки. Если при этой сценъ присутствовалъ я, то неизмънно принимался отстаивать курилки, такъ какъ любилъ ихъ запахъ и самый процессъ тлънія едва ли не болъе нянюшки. Но на отстаиваніе мое и даже на слезы отецъ въ этихъ случаяхъ не обращалъ никакого вниманія. Монашки изгонялись, впрочемъ, не надолго. Черезъ недълю, другую, нянюшка сдавалась на мое увъщаніе, и опять раскладывались копеечки, и опять комната наполнялась удушливымъ благоуханіемъ.

Еще была страсть у Февроньи Степановны, страсть, изъ-за которой тоже она получала немало выговоровъ со стороны отца, — это помада. На свои собственныя средства покупала она у прохожихъ торговцевъ-венгерцевъ баночки какой-то особенной «мозговой» помады. Какъ сейчасъ, помню эти баночки: бълыя, глиняныя, а на этикетахъ была нарисована бычачья голова. Пахла эта помада,

какъ мив казалось тогда, восхитительно. А нянюшка, кромв того, считала это средство особенно полезнымъ для рощенія и укрвпленія волосъ. Но отецъ мой былъ врагомъ и помады.

- Зачёмъ? Зачёмъ ты маслишь ребенку голову?—возмущался онъ, когда я, напомаженный, въ сопровождении Февроньи Степановны, являлся къ нему для утренняго привётствія. У него и безъ того хорошіе волосы.
- A, можеть быть, батюшка, потому и хорошіе, что маслю, возражала нянюшка.
- Вздоръ! Отъ этого только нечистота въ головъ заводится, настаивалъ отецъ.

Но въ этомъ случат онъ въ концъ-концовъ оказался побъжденнымъ, во-первыхъ, потому, что относительно помады нянюшку поддерживали и мои тетки, а, во-вторыхъ, и докторъ, постоянно посъщавшій насъ и спрошенный по тому же предмету, высказался за умасленіе волосъ, только посовътовалъ обращать вниманіе на качество продукта.

- Гдъ ты покупаешь эту помаду? спросиль однажды отецъ нянюшку, входя къ намъ въ дътскую и разсматривая стоявшую на комодъ баночку.
 - У венгерцевъ, батюшка, самый выстій сорть.
- Брось, не покупай у нихъ. У нихъ всякая залежалая дрянь попадается. Вотъ потду въ Казань, самъ куплю чего нибудь хорошаго.

И дъйствительно, при первой же поъздкъ, отецъ привезъ намъ нъсколько флаконовъ какого-то «макасарова масла». Но, увы! масло это не имъло особеннаго успъха: во-первыхъ, оно мнъ меньше понравилось; а, во-вторыхъ, нянюшка придавала почему-то особенное значене для головы именно «мозговой» помадъ, и бълая баночка, украшенная бычачьей мордой, спрятанная было въ нянюшкинъ объемистый сундукъ, снова появилась на свътъ Божій.

IV.

Ахъ, что за прелесть былъ этотъ нянюшкинъ сундукъ! Едва ли впослъдствіи когда нибудь, осматривая разные музеи и кунсткамеры, испытывалъ я такое полное наслажденіе, какъ въ тъ славные дни, когда нянюшка Февронья Степановна позволяла миъ порыться въ ен сундукъ.

Во-первыхъ, самый процессъ открыванія этого сундука производиль на меня чарующее впечатлёніе. Нянюшка предоставляла мнъ самому вставить большой зубчатый ключъ въ замочную скважину сундука, и я съ радостнымъ сердцемъ дълалъ два оборота этимъ ключомъ, и при этомъ раздавалась музыка, т.-е. не музыка,

собственно говоря, а просто три-четыре металлическихъ, но красиво и мягко подобранныхъ звука. Отперевъ сундукъ, я, не открывая крышки, сейчасъ же опять запиралъ его, чтобы опять послушать музыки. Потомъ опять отпиралъ и опять запиралъ и такъ до тъхъ поръ, пока нянюшка, бывало, не скажетъ:

— Ну, довольно, милый, такъ въдь и замочекъ испортить можно: И не откроешь сундука.

Новое, чарующее зрёлище: на внутренней сторонё крышки наклеена большая, раскрашенная красками картинка о томъ, какъ мыши кота хоронили. Я давно уже наизусть зналъ каждую мышку на этой картинё и, тёмъ не менёе, каждый разъ съ неизмённымъ вниманіемъ разсматривалъ эту забавную процессію. И только уже убёдившись, что на картинё все находится въ прежнемъ порядкё, я позволялъ нянюшкё снять верхнюю, покрывавшую весь сундукъ, свётло-голубую накидку.

Какъ хорошо пахло изъ этого сундука! Да и не мудрено: въ немъ вѣдь хранились и курительныя свѣчки, и «мозговая» помада, и спермацетовое мыло, и мыло, особенно любимое нянюшкой, зеленое, огуречное; и бутылочка «амбре», и пузырекъ съ духами «жасминъ», а въ боковомъ длинномъ ящичкѣ лежалъ мѣшочекъ съ роснымъ ладаномъ и нѣсколько кипарисовыхъ крестиковъ, образковъ и четокъ. Какой прекрасный букетъ все это составляло, я теперь уже и передать не могу.

Н вдыхаль аромать сундука, а нянюшка тъмъ временемъ вынимала вещь за вещью и, встряхнувъ или расправивъ ее, бережно укладывала на разостланную тутъ же на полу свътло-голубую накидку.

А какихъ только вещей не было въ сундукъ у нянюшки! Когда, бывало, прівзжали къ намъ венгерцы и гдъ нибудь, среди большой, просторной комнаты, окруженные всъмъ многочисленнымъ, женскимъ населеніемъ нашего дома, развертывали свои феноменальные по вмъстимости короба, они меньше поражали меня разнообразіемъ перекладываемыхъ ими товаровъ, чъмъ это дълала нянюшка, разбирая свой объемистый сундукъ. Несмотря на то, что я почти наизусть зналъ каждую вещичку, покоившуюся въ этомъ сундукъ, я могъ часы присутствовать при этой разборкъ. Вотъ появлялся небольшой кусокъ темно-синяго бархата.

- Это остатокъ отъ платья твоей маменьки, говорить нянюшка. И я почему-то каждый разъ считалъ нужнымъ благоговъйно поцъловать этогь остатокъ.
- А вотъ твои башмачки. Ихъ еще ты до меня носилъ, продолжаетъ нянюшка и уже сама цълуетъ крошечные, вязаные чахольчики для дътскихъ ногъ.

Вотъ нянюшкино парадное платье. Хорошо пахнеть отъ него. Люблю я это платье и неизмённо спрашиваю:

- На пасхѣ опять надѣнешь?
- А то какъ же, миленькій, въстимо, одіну.

А вотъ хорошенькое восковое яблочко. А вотъ цълая коробка пасхальныхъ яицъ. Нъкоторыя изъ нихъ съ панорамой. Я непремънно заглядываю сквозь стеклышко внутрь и вижу Христа, возносящагося надъ гробомъ. А вотъ вътка изъ искусственныхъ цвътовъ. А вотъ мои крошечные панталончики.

— Первые, которые ты надёлъ, -- говоритъ нянюшка.

А воть корочка съ пучками волосъ, завернутыхъ прядями отдёльно по бумажкамъ. Длинная, черная прядь—это волосы моей матери; совсёмъ льняные, свётлые, мягкіе—это мои дётскіе волосики. А воть эта прядь, я не знаю, чья. Нянюшка почему-то уклоняется отъ объясненій, но по цвёту мнё почему-то сдается, что это—папины. И тутъ же рядомъ другая коробочка, деревянная, съ выдвижной крышкой. Я знаю, что въ ней лежитъ ревенный порошокъ. Знаю также, что завернуто вонъ въ томъ пакетикъ — это желтые порошки «доктора Потто». Ихъ давали намъ при лихорадкъ, и они чудесно помогали. Правда, я не любилъ ихъ: они были горькіе, но далеко не такъ горьки, какъ смёнившій ихъ потомъ хининъ.

Гдѣ теперь порошки «доктора Потто»? Да и про лихорадку какъто рѣже приходится слышать. Теперь все инфлуэнца съ разными осложненіями.

Я задумался надъ порошками «доктора Потто», вспоминая, какъ мъсяца два передъ этимъ я лежалъ въ постелькъ, принималъ лъкарство и пилъ кисленькое лимонное питье, а нянюшка ужъ, между тъмъ, развертываетъ предо мною новую вещь: это красивое, начатое ею какое-то вышиваніе. Разсматриваетъ его она и вздыхаетъ.

- Ахъ, когда-то, когда-то я соберусь кончить?

Но вышиваніе меня мало интересуеть. Меня тянеть больше вонь кь тому пакетику. Я знаю, что въ немъ хранятся два дагеротипа: одинъ, снятый съ меня, когда мит было три съ половиной года, а другой съ отца моего. Нянюшка видить это, улыбается и развертываеть пакетикъ. Мой дагеротипъ не удался: на немъ ничего разобрать нельзя, но зато отцовскій превосходенъ. Какъ живое смотрить съ него такъ горячо любимое мною, гладко выбритое и обхваченное длинными волнующимися волосами, какое-то вдохновенное лицо моего отца. Я поворачиваю этоть дагеротипъ, ищу положенія, съ котораго онъ особенно удаченъ, и хочу поцёловать. Но нянюшка останавливаеть меня.

— Не надо, миленькій, будешь все цѣловать, пожалуй, и совсѣмъ сотрешь.

И мы продолжаемъ дальнъйшую разборку сундука. И вотъ доходимъ до одной вещи, которая почему-то всегда приводитъ насъ обоихъ въ грустно-умиленное состояніе. Это поношенныя уже пер-

«истор. въсти.», февраль, 1900 г., т. LXXIX.

чатки покойной матери. Онъ какъ будто сохранили еще вапахъ ея рукъ, и цълуя ихъ изнанку, я словно прикасаюсь губами къ родному тълу.

— Ахъ, Володюшка! Еслибъ ты зналъ, какая красавица была твоя маменька, и какая добрая была, словно ангелъ небесный,—говоритъ нянюшка.

А я съ широкораскрытыми глазами внимательно слушаю ее. Все, что касается моей матери, страшно интересуетъ меня. Потомъ отъ другихъ я уже узналъ, что у матери моей былъ неровный раздражительный характеръ, обусловливаемый ея нервной болъзнью, но отъ няни моей я всегда и неизмънно слышалъ, что матушка моя была не только красавица, но и добра, какъ ангелъ. И спасибо ей, этой доброй и простой женщинъ, за то, что она такъ заботливо берегла въ душъ моей любовь къ нокойной матери.

Проходить часъ, другой, сундукъ ужъ весь разобранъ. Я все пересмотръть, все, до послъдней ниточки. Даже одинокую, закатившуюся въ уголокъ, розовую бусинку подержалъ въ рукахъ, и теперь пора складывать вещи обратно на свое мъсто. Это дъло идетъ гораздо скоръе, и вотъ я уже опять поворачиваю ключъ въ замкъ, опять звучитъ «музыка» и звучитъ какъ-то грустно теперь. Мнъ жаль разставаться съ сундукомъ. Но нянюшка меня успокаиваетъ.

- Полно, миленькій, придеть досугь, опять посмотримъ.

И я страшно желаю, чтобы этотъ досугъ пришелъ какъ можно скорбе. Я въдь готовъ опять сейчасъ же приняться за разборку нянюшкина богатства.

V.

Наступаеть вечеръ. Тихо у насъ въ дътской. Внизу, на половинъ моего отца идеть веселый шумъ и оживленіе. Тамъ съъхались гости. Доносятся звуки рояля, слышится пъніе. Мнъ страшно хочется туда, но нянюшка меня уговариваеть.

— Полно-ка, миленькій, поздно ужъ, спать пора.

Я протестую, но не долго. Глаза начинають у меня слипаться, и моя кроватка тянеть меня къ себъ. Мы ждемъ только, когда придеть папа, чтобы благословить меня на сонъ грядущій. Когда не бываеть гостей, мы обыкновенно сами спускаемся къ нему внизъ, но при гостяхъ папа этого не любитъ.

Воть слышатся шаги на лъстницъ. Онъ идеть, кажется, легко и бодро, но подъ тяжестью его громадной фигуры ступеньки скрипять и словно весь домъ вздрагиваетъ.

- Еще не легли? спрашиваеть онъ, входя въ дътскую.
- Папу ждалъ, отвъчаеть за меня нянюшка.

Отецъ ставить меня передъ собой и трижды крестить, потомъ

нъжно цълуеть, ласково гладить мои волосы, еще разъ цълуетъ и потомъ, какъ бы съ сожалъніемъ оторвавшись отъ меня, говорить:

— Ну, спи спокойно.

Опять поскрипывають ступени подъ его ногами, и въ нашу дътскую, отъ на минуту распахнувшейся внизу двери, врываются звуки рояли, неясный гулъ голосовъ.

Нянюшка умываеть меня, переодъваеть въ чистую рубашечку и укладываеть въ постельку. Тушится свъчка, и дътская погружается въ тихій полумракъ, едва освъщенная мерцаніемъ лампадки, висящей передъ иконой Казанской Божіей Матери. Нянюшка ставить возлъ моей кроватки свой стулъ и начинаеть:

— Въ нъкоторомъ царствъ, въ нъкоторомъ государствъ жилъбылъ и т. д.

Нянюшкины сказки были для меня цёлымъ міромъ. Она разсказывала мит и объ Ивант Паревичт, и о Стромъ Волкт, и о Парт Салтанъ, и о Спящей Царевнъ, и о Бовъ-Королевичъ. Однимъ словомъ, она мив разсказывала тв же самыя сказки, которыя разсказывались тогда всёмъ счастливымъ дёткамъ, у которыхъ были хорошія, любящія нянюшки. Развѣ только одну особенность можно было подмётить въ ея сказкахъ: она выпускала изъ нихъ все страшное и жестокое, все, что могло напугать ребенка или бользненно настроить его воображеніе. И мои дітскія сказки были тихи и мирны, и если не было въ нихъ слишкомъ яркихъ, кричащихъ красокъ, за то не было ничего и мрачнаго, чернаго. Всв онв неизмънно доводились до благополучнаго конца, и я, переселенный въ міръ тихихъ грезъ, засыпаль спокойно. А нянюшкі приносили въ это время въ сосъднюю комнату ея вечерній чай и ужинъ, и она, потрапезовавъ тамъ, возвращалась въ дътскую и сама укладывалась спать.

Но не всегда бывало такъ благополучно. Иногда я, по разнымъ причинамъ, вдругъ начиналъ капризничать, и все мив казалось неладно, и всемъ я былъ недоволенъ. Вдругъ мив приходило, напримъръ, желаніе отправиться непремънно спать къ отцу въ спальню. Я начиналъ доказывать нянькъ, что я уже большой, и что мив слъдуетъ спать съ папой. Никакіе доводы ея не дъйствовали на меня, но никакіе и мои доводы на нее не дъйствовали. И тогда я пускался на самое върное средство: я принимался плакать. О, слезъ моихъ нянюшка никогда не могла вынести. Она брала мою подушку, одъяльце, наскоро одъвала меня и несла внизъ, въ кабинетъ къ отцу.

— Это еще что такое? Это зачёмъ?—удивлялся тотъ, когда нянюшка передавала ему мое неизмённое желаніе спать вмёстё съ нимъ.

Отецъ, конечно, не соглашался и приказывалъ намъ отпра-

вляться обратно въ дътскую. Но тутъ уже я принимался не только плакать, а прямо таки ревъть.

— Ахъ, Боже мой!—сердился отедъ.—До какой степени ты его избаловала! Силъ никакихъ нътъ!

И туть же, сейчасъ, не замъчая того, что въ моей избалованности онъ повиненъ ничуть не меньше, чъмъ нянюшка, онъ сдавался и говорилъ:

— Ну, хорошо, хорошо, уложи его ко мив на кровать.

Нянюшка укладывала меня въ примыкавшей къ кабинету спальнъ отца и удалялась къ себъ въ дътскую. Я торжествовалъ, во-первыхъ, отъ сознанія своей побъды, а, во-вторыхъ, оттого, что и лежалъ на постелъ моего отца. Это мнъ всегда доставляло почемуто громадное удовольствіе. Но торжество мое длилось не долго: мнъ начинало дълаться скучно. Отецъ сидътъ въ кабинетъ, и отгуда ясно доносился скрипъ его гусинаго пера. Въ полуоткрытую дверь я могъ только слабо различать его нагнувшуюся надъ столомъ громадную спину.

- Папа, ты скоро придешь спать? окликаль я его изъ спальни.
- Скоро, скоро, спи... не мъщай, отзывался онъ.

Проходила минуга, двъ. Я начиналъ уже хныкать.

- Папа, да иди же... Мнъ скучно...
- Ахъ, несносный мальчишка!—сердился отецъ и еще настойчивъе приказывалъ мнъ сейчасъ же уснуть.

Но я, вмёсто этого, принимался ревёть и требовать, чтобы меня пустили въ дётскую. Отецъ отрывался отъ работы, завертываль меня въ одёяло, захватывалъ мою подушку и несъ наверхъ.

Но въ дѣтской мнѣ опять казалось почему-то неинтересно, и я, предположивъ, что теперь отецъ, окончивъ работу, уже, можетъ быть, улегся въ постель, начиналъ требовать отъ нянюшки новаго переселенія въ спальню къ отцу, угрожая ей, въ случаѣ неисполненія моего желанія, ревомъ на всю ночь. Скрѣпя сердце и вздыхая, нянюшка брала свое избалованное дитятко и несла къ баловнику-отцу. Тотъ, дѣйствительно, уже собирался ложиться спать и, какъ и въ первый разъ, сначала замахавъ руками, въ концѣ концовъ, уступалъ моему капризу, и мы укладывались рядомъ—я къ стѣнкѣ, а отецъ съ края.

- Папа, разскажи мит сказку,—начиналъ я, не только ворочаясь, но чуть не кувыркаясь подъ одтялами.
- Послъ, завтра разскажу. Теперь поздно, спать надо. Да не вертись ты, пожалуйста, такъ, — говорилъ отецъ и тушилъ свъчку.

Въ спальнъ становилось совершенно темно. Отецъ вскоръ начиналъ всхрапывать. Мнъ становилось тъсно и неудобно. Я начиналъ тихонько плакать. Замъчая, что отецъ уже спить и не слышитъ моихъ слезъ, я сначала осторожно, а потомъ все сильнъе и сильнъе принимался теребить его за воротъ рубашки.

- Что тебъ?-спросонья спрашиваль онъ.
- Папа, я въ детскую хочу.
- Глупости, спи!—коротко говориль отець, поворачиваясь на другой бокъ.

Но туть его спальня оглашалась самымъ произительнымъ ревомъ. Отецъ сердился, кряхтълъ, зажигалъ свъчку, поднимался съ кровати, надъвалъ на себя халатъ и несъ меня наверхъ.

— Слушай, Февронья,—строго говориль онъ нянькъ,—если ты еще принесешь мнъ его внизъ, я тебъ покажу! Я тебъ покажу! Силъ нъть, до чего мальчишку забаловали!

Нянюшка п_Ринимала меня съ рукъ на руки, укладывала въ постель и сама ворчала:

- Набаловали!.. Набаловали!.. А кто его балуеть? Одна что ли я? Да, не одна нянюшка баловала меня, баловаль и отець, и едва ли не больше ен самой. Помню, больли у меня какъ-то зубы, и цълую ночь отецъ не отходиль отъ меня ни на шагь, носиль меня на рукахъ, самъ разсказывалъ разныя сказки, и это мнъ такъ понравилось, что въ другой разъ у меня и зубы не больли, а я попробовалъ выкинуть ту же продълку. И въ началъ удалось какъ нельзя лучше, но потомъ отецъ, въроятно, догадался, что я его обманываю, и страшно разсердился.
- Дрянной мальчишка! Еще притворяться вздумаль. Не смъй ко мнъ сегодня весь день подходить!

Увы, и это сравнительно мяткое наказаніе не было исполнено Отецъ самъ первый же забыль объ немъ и скоро, соскучивщись, пришель ко мнъ въ дътскую.

Что же сказать о тёхъ дняхъ, когда я дёйствительно заболёваль серіозно? О, туть уже заботамъ отца не было предёла. Но въ настоящемъ очеркъ я говорю не о немъ, а о нянюшкъ, и потому перейдемъ къ ней.

VI.

Безграничное баловство Февроньи Степановны сдёлало меня, во-первыхъ, страшнымъ нёженкой, большимъ плаксой и даже порядочнымъ трусишкой. И какъ ни любилъ я ее, какъ ни горячо всегда вспоминалъ впослёдствіи, а все-таки нётъ-нётъ да зарождался въ моей душтё укоръ ея баловству, когда потомъ въ суровой школё жизни, а особенно на военной службе, мнё приходилось отдёлываться отъ этихъ пороковъ, воспитанныхъ во мнё съ ранняго дётства. Отецъ дёлалъ много попытокъ, чтобы измёнить какъ нибудь это бабье воспитаніе, но, когда даже настала эпоха гувернеровъ, о которой я буду говорить впослёдствіи, вліяніе нянюшки парализовало и всё старанія моихъ менторовъ, и пришлось рёшиться на послёднюю мёру, т. е. отдать меня въ закрытое учебное заведеніе.

Немного, я думаю, дътей перенесло такое ужасное «кутанье», какъ я. Нянюшка готова была, кажется, выводя меня на дворъ или въ садъ, облечь во все, во что только возможно. При малъйшемъ каціль, мнь смазывали саломъ горло и не выпускали изъ комнаты. И въ то же время меня буквально обкармливали всякими лакомствами, и надо только удивляться, что я все-таки росъ довольно здоровымъ мальчикомъ. А когда сталъ уже выравниваться и приходиль въ отроческій возрасть, и природа стала брать свое, т. е., когда меня потянуло на волю, къ сверстникамъ, къ ихъ ръзвымъ забавамъ, къ ихъ юному молодечеству, огорченіямъ нянюшки не было и предъла. Она положительно плакала, когда я, бывало, съ моимъ старшимъ братомъ и гувернеромъ отправлялся купаться на ръку. А что съ ней было, когда я впервые сълъ верхомъ на настоящую, большую лошадь! Первый же выстрёль, произведенный мною въ саду изъ отцовской двустволки, едва ли не заставилъ ее лишиться чувствъ. Въдная нянюшка! Она никогда не предполагала, чтобъ нитомецъ ея могь вырости, стать такимъ же большимъ мужчиной, начать пить вино и курить этоть ужасный табачище.

Ахъ, съ этимъ табакомъ произошла прекуріозная исторія. Только что произведеннымъ, молодымъ офицеромъ вернулся я въ домъ отца, но не въ имѣніи, а въ городѣ Казани. Нянюшка уже давно ожидала меня. Сама приготовила и прибрала для меня двѣ комнатки, прибрала очень заботливо, но все-таки онѣ болѣе напоминали дѣтскую, чѣмъ обиталище молодого офицера. Даже два яблочка, которыя она каждое утро натощакъ давала мнѣ съѣдать были заботливо положены на столикѣ возлѣ моей кровати.

Каково же было удивленіе, почти ужасъ Февроньи Степановны, когда я явился въ родительскій домъ не одинъ, а въ сопровожденіи, дюжаго солдата-денщика, татарина Гайнула Ирмометова.

- Батюшки! Солдатище-то тотъ зачёмъ сюда привалился?—завопила нянюшка, и когда я ей объяснилъ, что это не «солдатище», а мой денщикъ и очень хорошій, преданный малый, и что онъ будеть отнынё мнё служить, она все-таки не успокоилась.
- Ну, вотъ еще въ домъ чужого человъка пускать! Да развъ я тебъ хуже услужу, что ли? Да онъ сапожищами всъ комнаты продуппитъ, да и отъ самого-то него, поди, винищемъ да табачищемъ разитъ.

Но, увы, на этотъ разъ я оказался непреклоненъ, и Гайнулъ Ирмометовъ былъ водворенъ въ небольшой каморкъ, примыкавшей къ отведеннымъ мнъ двумъ комнатамъ.

Въ тотъ же день и произошла куріозная исторія съ табакомъ. Не помню ужъ, кто изъ моихъ родственниковъ мив прислаль въ подарокъ два фунта отличнаго турецкаго табаку, и я, уходя изъ дома, приказалъ денщику взять одинъ фунтъ, разложить его на листахъ бумаги, немножко подсушить и затѣмъ набить нѣсколько сотъ папиросъ. Но, памятуя о томъ, что солдатские «сапожищи» дѣйствительно распространяютъ вокругъ себя довольно специфическій запахъ, очень легко усвояемый табакомъ, я приказалъ Ирмометову заняться подсушкой табака и набивкой папиросъ отнюдь не въ каморкѣ, гдѣ хранились его солдатские сапоги, а въ моемъ кабинетѣ, при чемъ быть обутымъ въ коротенькие сапоги денщицкие, которые были куплены при поступленіи его ко мнѣ на службу.

Вернувшись вечеромъ домой, я былъ удивленъ крайне растеряннымъ видомъ моего денщика.

- Набилъ папиросы?—спросилъ я его.
- Никакъ нътъ, ваше благородіе, растерянно отвъчаль онъ.
- Какъ нътъ? Почему нътъ?
- По причинъ нянюшки.
- Что такое «по причинъ нянюшки»?-объясни толкомъ.

Оказалось, что только-что Ирмометовъ расположился въ моемъ кабинетъ набивать папиросы, туда вошла Февронья Степановна и неистово набросилась на бъднаго денщика за то, что тоть посмъть «поганить своимъ табачищемъ» господскія комнаты. И какъ ни увърялъ тотъ, что табакъ не его, что пациросы онъ набиваетъ для меня, она не только върить, но и слышать этого не хотъла и, ссылансь на то, что ни мой отецъ, ни мой братъ въ ротъ этого зелья не берутъ, утверждала, что невозможно это, чтобы нъжно любимый ею Володенька предавался такому постыдному пороку. И, не обращая уже больше никакого вниманія на объясненія Ирмометова, самымъ ръшительнымъ образомъ выбросила за окно и табакъ, и гильзы, и даже вату, и палочку, приготовленныя для набивки папиросъ.

А на другой день нянюшка даже заплакала, когда я сообщилъ ей, что уже нъсколько лъть предаюсь этому гнусному пороку, то-есть куренью табака.

- Вотъ до чего довели тебя чужіе люди,—приговаривада она при этомъ.—Жилъ бы дома, такъ, небось, никакихъ бы такихъ привычекъ не нахватался. Ты, поди, теперь ужъ и яблочковъ натощакъ кушать не станешь?!
 - Отчего яблочковъ не кушаты-успокоивалъ я ее.
 - Володюшка! Неужели ты и вино пьешь?

Но мив было тяжело наносить ей два удара въ одинъдень, и поэтому на последній вопросъ я ответиль уклончиво.

VII.

Но не на этомъ кончились испытанія моей нянюшки. Ее ждало еще горе, горе тяжелое, можеть быть, самое большое въ ея жизни.

Стали поговаривать о войнъ. Съ каждымъ днемъ слухи становились все тревожнъе и тревожнъе; доходили въсти о сербскомъ

возстаніи, являлись добровольцы, все заволновалось, и не было уже сомнівнія, что скоро-скоро придется заговорить и русскимъ пушкамъ.

Нянюшку мою словно громомъ пришибло.

- Милый мой! Да неужто и тебя возьмуть?—съ какимъ-то трепетомъ въ голосѣ спросила она однажды меня.
- Не возьмуть, няня, а я самъ пойду, слегка бравируя, отвётилъ я.
 - Самъ пойдешь? А зачёмъ?

Я сталъ объяснять ей о святомъ долгъ передъ отечествомъ, о прямомъ назначени каждаго воина, говорилъ я, въроятно, очень красноръчиво и убъдительно, потому что съ особеннымъ удовольствіемъ самъ прислушивался къ своимъ словамъ и, только взглянувъ на нянюшку, понялъ, что никакой долгъ передъ отечествомъ, никакія военныя доблести не въ состояніи смягчить для нея всю жестокость предстоящей разлуки. Она сидъла съ низко опущенной головой, а слезы такъ и сыпались изъ ея опухшихъ глазъ.

- Не ходи!—тихо прошептала она, когда я оборвался въ моихъ разглагольствованіяхъ.
- Нельзя, няня, уже съ нескрываемымъ горемъ отвътиль я ей. Но няня мнъ не повърила. Она пошла къ отцу и на колъняхъ стала умолять не пускать меня, и когда тотъ сказаль ей, что онъ не въ силахъ этого сдълать, она проникнула къ моему довольно вліятельному дядъ и, рыдая, просила его спасти его крестника, то-есть меня, сдълать такъ, чтобъ меня не пустили на войну, назначили куда нибудь въ другое бы мъсто, взяли бы изъ военной службы, а когда и дядя отвътиль ей, что онъ не въ силахъ этого сдълать, а если бы и въ силахъ былъ, то не сдълаль бы, такъ какъ этимъ жестоко оскорбилъ бы меня и осрамилъ бы нашу семью, няня пошла дальше и обратилась къ самому Богу.

Богъ ей помогъ. Она стала спокойнъе. Горе ея утратило уже, такъ сказать, истерическій, крикливый характеръ, ушло куда-то внутрь и разръшалось молитвой. Она примирилась съ неизоъжнымъ и думала теперь только объ одномъ: какъ бы облегчить это неизоъжное.

Помню, однажды, поздно ночью, я вернулся домой и, раздѣвшись, легь въ постель.

- Можно войти къ тебъ, дитятко?—окликнула меня изъ сосъдней комнаты няня.
 - Войди, няня. Что тебъ?-отозвался я.
 - Да вотъ пришла поглядеть на тебя.
 - А ты еще не спишь?
 - Нътъ, миленькій, сна что-то нътъ.
 - И няня прискла на стулъ возлъ моей кровати.
- Знаешь, Володюшка, что я надумала?—заговорила она, какъ-то робко взглядывая на меня.—Возьми ты меня съ собой.

- Куда это взять, няня?
- Да на войну-то.
- Я улыбнулся.
- Да ты не смейся, а слушай-ка, что я тебе скажу: поехали бы мы вивств, ты бы тамъ себв домикъ нанялъ-маленькій! Много-ль тебъ одному-то надо?-меня бы въ немъ и поселилъ, а самъ бы на войну ходиль, а придешь домой, вечеромь, усталый, тебъ бы все приготовлено было: и бъльецо чистенькое, и покушать. А то, въдь, денщикъ-то твой татаринъ, тебя тамъ кониной кормить будеть. А ужъ я бы за тобой какъ ухаживала! Умыла бы тебя, молочкомъ бы напоила! Въ постельку бы положила, укрыла бы тебя, моего голубчика. А на утро ты бы всталь, - ну, ужъ что дълать-опять бы на войну пошель. А по праздникамъ бы и весь день вивств проводили: пирожокь бы тебв спекла!.. Быль бы ты у меня въ чистотв да въ холв. А кончилась бы война, вернулись бы мы вмёстё къ папеньке. У тебя бы вся грудь въ орденахъ, какъ у Петра Дмитріевича, и стали бы теб'в всв почеть оказывать, а я бы, на тебя глядя, радоваться да Бога благодарить, что помогь Онъ мнв моего голубчика выходить.

Странная вещь! Нянины бредни о войнт подтиствовали на меня самымъ заражающимъ образомъ. Голосъ ея убаюкалъ меня, я сталъ засыпать, и въ моемъ мозгу, подъ акомпаниментъ ея ртчей, начали рисоваться самыя мирныя, самыя буколическія каргины войны. И мит казалось уже вполит возможнымъ вести войну именно такъ, какъ воображала ее себт нянюшка: днемъ повоевать немножко, повоевать прилично и благопристойно, а вечеромъ вернуться къ себт въ домикъ, переодться въ чистое бълье, покушать и лечь на мягкую постель.

И сладко заснуль я въ эту ночь, и хорошіе сны мит снились: война мит представлялась чтмъ-то въ родт жнитва: желтая нива, залитая яркими солнечными лучами, а на нивт нарядные парни и дтвушки, блестя серпами, жнутъ золотистую рожь. А невдалект, въ тти зеленыхъ липъ и березъ, стоитъ маленькій, бтленькій домикъ, на порогт его сидить моя нянюшка и вяжетъ чулокъ...

— Вставайте, ваше благородіе!—слышу я надъ собой настойчивый голосъ.

Открываю глаза — денщикъ Ирмометовъ осторожно теребитъ меня за плечо.

— Изъ полковой канцеляріи прислали. Туда требують ваше благородіе.

Я всталъ. Свътъ дня спахнулъ тихія грезы, а въ полковой канцеляріи разговоръ о войнъ уже ничъмъ не напоминалъ нянюшкины фантазіи.

Но вотъ насталъ и день разлуки. Я не буду описывать его, не буду потому, что не помню. Слишкомъ много впечатленій тогда

нахлынуло, и въ моихъ воспоминаніяхъ все теперь перемѣшалось. Знаю только, что няня была буквально убита нашимъ послѣднимъ прощаніемъ. Помню только, что въ этотъ день она мнѣ все казалась какой-то маленькой-маленькой, съ мертвенно-остановившимся лицомъ, безъ слезъ, даже безъ голоса. И только на другой день, когда я былъ уже за нѣсколько сотъ верстъ отъ отцовскаго дома, мнѣ стало казаться, что я не достаточно нѣжно, не достаточно горячо простился съ моей милой старушкой.

VIII.

Больше я моей няни не видалъ. Она захиръла и умерла подъ гнетомъ разлуки.

Въ каждомъ письмъ, которое я отправляль съ театра военныхъ дъйствій на родину, я непремънно посылаль и горячій привътъ моей нянъ. Въ каждомъ письмъ, которое я получаль съ родины, я непремънно находилъ нъсколько словъ и о ней. Мит писали, что она все молится и ждетъ окончанія войны и все горюеть: зачъмъ я не взяль ея съ собой. Бъдная няня! Если бъ она знала, какъ мало походила настоящая война на тъ картины, которыя рисовало ей ея воображеніе! Если бы она знала, какія муки и лишенія переносить ея питомецъ,—еще тяжелъе ей показалась бы наша разлука.

А, можеть быть, она и знала! Можеть быть, нашлись недобрые люди, которые раскрыли ей горькую правду и разоблачили передъ ней всв ужасы войны и этимъ, можеть быть, ускорили ея раннюю кончину.

Окончилась война. Родные стали звать меня обратно на родину, но новое чувство, загоръвшееся въ моей груди, задержало меня еще на два года вдали отъ родительской кровли.

Няня пережила войну и съ нетерпъніемъ ждала своего питомца. Ждала и не дождалась. Получилъ я письмо отъ моего отца. Позволю себъ привести его почти дословно: «Дорогой сынъ!—писалъ мнъ мой отецъ.—Долженъ сообщить тебъ печальную въсть. 7-го февраля, т.-е. полторы недъли тому назадъ, нянюшка твоя, февронья Степановна, скончалась. Передъ смертью она хворала недолго, но хиръть начала съ самаго дня твоего отъъзда и, глядя на ея старческое, сморщенное лицо, на ея съдые волосы, никто бы и не подумалъ, конечно, что этой старушкъ всего сорокъ восемь лътъ. Передъ смертью, она все вспоминала о тебъ, молилась за тебя и буквально съ твоимъ именемъ на устахъ отошла въ въчность. Похоронили мы ее въ Зилантьевомъ монастыръ, бокъ-обокъ съ нашимъ фамильнымъ мъстомъ, такъ что и въ землъ она будетъ находиться, какъ бы въ нъдрахъ нашего семейства. А послъ смерти ея открылась довольно неожиданная вещь: оказалось, что послѣ покойницы остались небольшія деньжонки, —окожо пятисоть рублей, —и духовное завѣщаніе, по которому она весь свой капиталь и все свое движимое (недвижимаго у нея не было) имущество, все, до послѣдней копейки и тряпочки, завѣщала питомцу своему, т.-е. тебѣ. Но появились откуда нивѣсть ея родственники, народъ все бѣдный, и я, какъ бы съ твоего разрѣшенія, роздаль имъ всѣ оставшіяся послѣ твоей нянюшки деньги и цѣнныя вещи, а тебѣ на память сохранилъ кое-что, не имѣющее для другихъ никакой цѣнности, но дорогое для тебя по воспоминаніямъ дѣтства. Надѣюсь, что ты не посѣтуешь на такое мое распоряженіе» и т. л.

Конечно, я не постовать, а потомъ, вернувшись домой, потребовать только, чтобы мит отдали нянюшкины памятки. Ихъ оказалось немного, да и тт я почти вст растерять въ дальнъйшей моей кочевой жизни, а теперь храню только небольшой деревянный ящичекъ, въ которомъ лежать: пасхальное яичко, какая-то ленточка, кипарисовыя чотки да маленькая розовая бусинка. Но дорогъ мит этотъ ящичекъ: мит кажется, что онъ сохранилъ еще легкій ароматъ нянина сундука, и каждый разъ, когда я откры ваю его, чистый обликъ простой, русской женщины, озаренный теплотою и неизмѣнною любовью, обликъ покойной моей нянюшки, какъ живой, встаетъ передо мною.

Влад. Тихоновъ.

ПОДЪ ПЛЕВНОЙ ВЪ ПОЛЪ 1877 ГОДА.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

I.

ОСЛЪ взятія Никополя, именно 6 іюля 1877 г., было получено приказаніе его высочества главнокомандующаго: немедленно послать два полка для занятія Плевны. Выслать отрядъ въ большемъ числѣ штыковъ, изъ войскъ 9-го корпуса, было невозможно: во-первыхъ, надо было оставить въ Никополѣ не менѣе одной бригады, потому что плѣнныхъ турокъ было тамъ 6.000 или 7.000, а, во-вторыхъ, потому, что

эта крѣпость должна была служить опорнымъ пунктомъ на правомъ флангѣ, для защиты нашей операціонной линіи; кромѣ того, Воронежскій полкъ былъ еще за Дунаемъ, да выбыло изъ строя слишкомъ 1.300 человѣкъ, такъ что вмѣстѣ съ больными можно было считать, что не существовало цѣлаго полка.

Такимъ образомъ, для дальнъйшихъ военныхъ дъйствій, на правомъ флангъ, оставалась одна разстроенная дивизія, хотя числился корпусъ. Въ тотъ же день, начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Шильдеръ-Шульднеръ, во главъ пъхотныхъ полковъ Архангелогородскаго и Вологодскаго, съ артиллеріей, двинулся по назначенію. Начальникъ отряда хотя зналъ, что Плевна занята, но ему не было извъстно о превосходствъ турецкихъ силъ; онъ не зналъ, что наканунъ его прихода турецкія подкръпленія, шедшія

къ Никополю, узнавъ о сдачѣ крѣпости, повернули на Плевну, въ весьма значительныхъ силахъ.

Вышеименованные полки и присоединившійся Костромской полкъ, стоявшій въ Третяникахъ, съ жаромъ атаковали 7-го и 8-го іюля двѣ турецкія позиціи, но по малочисленности своей при сильномъ турецкомъ огнѣ должны были отступить утромъ 8-го іюля, отбиваясь шагъ за шагомъ отъ насѣдавшаго непріятеля; девять патронныхъ ящиковъ, подъ которыми были убиты лошади, остались въ рукахъ турокъ. Бригада отступила къ Брамяницѣ, а Костромской полкъ на Булгарени.

Утромъ, 8-го іюля, командиръ корпуса со штабомъ направился на встрѣчу отступавшимъ войскамъ. Мы увидѣли ихъ на поляхъ, при дорогѣ изъ Никополя, въ 10—15 верстахъ отъ Плевны; они стояли въ баталіонныхъ колоннахъ, ружья къ ногѣ. Сумрачно смотрѣли и уныло отвѣчали солдаты на привѣтствіе своего корпуснаго командира. Какое-то тяжелое состояніе охватило насъ при видѣ своихъ, упавшихъ духомъ, да и было отъ чего. Каждый недосчитывался рядомъ стоящихъ товарищей; изъ 6.000 бывшихъ въ дѣлѣ выбыло: одинъ генералъ, два полковыхъ командира, почти половинное число офицеровъ и 2.898 нижнихъ чиновъ. Баронъ Криднеръ молча объѣзжалъ ряды, и отъ переполнявшаго его чувства не могъ ничего сказать для ободренія солдатъ послѣ первой нашей боевой неудачи.

Въ ожиданіи прибытія остальныхъ войскъ нашего корпуса, бывшихъ въ Никополів, и Воронежскаго полка, стоявшаго за Дунаемъ, а также другихъ частей для подкрыпленія, мы расположились пагеремъ по дорогів между Никополемъ и Плевной; нашъ штабъ размістился по лівую сторону дороги, а направо vis-à-vis, въ нівкоторомъ отдаленіи отъ насъ, Донъ-Карлосъ разбилъ нісколько своихъ палатокъ. Этотъ маленькій испанскій лагерь, на вершинів высокихъ холмовъ, намъ, жившимъ на равнинів, представлялся рельефно врізавшимся на фонів голубого небосклона, какъ красивая декорація.

Донъ-Карлосъ, претендентъ на испанскій престолъ, рослый, плотный, красивый брюнетъ, лѣтъ 30, съ правильными чертами лица, одъвался просто: въ черную венгерку съ черными шнурами и въ кепи, отличался изысканными манерами военнаго джентельмента и былъ простъ въ обращеніи со всѣми, безъ особой фамильярности. Съ нимъ были его бывшіе начальникъ дивизіи и адъютантъ. Эти послѣдніе, небольшого роста, представляли изъ себя обыкновенные типы чистенькихъ офицеровъ. Походная вмѣстительная карета, два человѣка прислуги и нѣсколько верховыхъ лошадей составляли весь его обозъ. Испанцы познакомились со всѣмъ штабомъ, но посѣщали насъ рѣдко, за исключеніемъ Донъ-Карлоса, который наиболѣе сблизился со мною. Онъ стѣснялся отвлекать отъ дѣлъ

корпуснаго командира и неразговорчиваго начальника штаба, Шнитникова, но, находя меня словоохотливымъ, редкій день не посъщаль меня. Подъ вечеръ, лежа на буркъ у своей палатки со своимъ товарищемъ К., командиромъ конвойной сотни, мы издали видъли, какъ Донъ-Карлосъ спускался съ своего холма и направлялся къ нашей ставкъ. К. быль рослый мужчина, какъ говорять, не ладно скроенъ, но кръпко сшить, и представлялъ изъ себя скорве симпатичнаго бородача купчину, чвмъ лихого казака, хотя вздилъ на конъ молодцомъ, какъ и всъ казаки; какъ особенность его, можно отметить, что носовымъ платкомъ онъ пользовался изръдка и предпочиталъ сморкаться примитивнымъ способомъ, продълывая это, нисколько не стесняясь претендента на испанскій престолъ. Донъ-Карлосъ живо интересовался всемъ нашимъ русскимъ военнымъ міромъ, и чего только мы не переговорили съ нимъ за эти дни ожиданія дальнівйшаго похода: онъ, лежа на разостланныхъ буркахъ и потягивая коньякъ черезъ соломинку, разсказывалъ о карлистской войнъ, о своихъ побъдахъ и неудачахъ. Я вспоминаль ему, что когда-то живо интересовался карлистскимъ возстаніемъ, прочелъ нъсколько романовъ изъ испанской жизни, и даже разъ, сидя лътомъ въ деревнъ, я и одинъ отставной гусаръ были такъ наэлектризованы, что мечгали принять участіе въ этой войнь, но прибавиль съ чисто солдатскою откровенностью, что стали бы въ ряды, конечно, противъ него. Главнымъ образомъ насъ отталкивало отъ него звърское обращение карлистовъ съ ихъ противниками. Онъ оправдывался, говоря, что противники его правъ съ умысломъ представляли его въ непривлекательномъ видь, чтобы оттолкнуть общественное мныніе. Они характеризовали его эгоистомъ, не останавливающимся ни предъ какими средствами для достиженія своихъ цілей. «Все это неправда,—говориль онъ, на войнъ, и въ особенности междоусобной, страсти сильно возбуждаются, и эксцессы возможны нередко, но лично въ этомъ я неповиненъ». Многіе думали, что онъ прівхаль въ армію, чтобы добиться командованія корпусомъ, и что будто бы онъ даже получаеть субсидію отъ нашего правительства, но ни то ни другое не было правдой. По его словамъ, дъдъ его дъйствительно получалъ субсидію въ нъсколько десятковъ тысячъ рублей отъ императора Николая Павловича, но его отецъ и онъ уже никакой субсидіи не получали. Онъ говорилъ, что прівхаль въ армію самымъ неожиданнымъ образомъ. По окончаніи карлистской войны, прижатый французами, долженъ онъ былъ прекратить попытки востановить свой престолъ и выбхалъ за границу; но за время войны за испанское наслёдство онь такъ пристрастился къ военной жизни, что скучалъ отъ бездъйствія и искаль повсюду развлеченій. Онъ путешествовалъ по Европъ и Америкъ и всюду хандрилъ, какъ вдругъ узнаеть, что Россія объявила войну Турцін; это быль хорошій случай

провътриться, и онъ съ восторгомъ ухватился за него, чтобы излъчиться отъ сплина; онъ пригласилъ своихъ старыхъ боевыхъ товарищей и пріткаль на театрь военных дъйствій. «У меня, сказаль онь, -- нъть другой цели, кроме авантюры». Разъ онъ пришель ко мить, держа въ рукт письмо жены и дттей; послъднихъ, кажется, было четверо. Показывая мнв письмо, онъ сказалъ: «посмотрите, какъ моя маленькая дочь хорошо пишеть». Я взглянулъ, письмо было писано по-испански. «Неправда ли, какъ хорошъ почеркъ?» добавиль онь мягкимъ голосомъ нѣжнаго отца. Мнѣ пришлось похвалить ея каллиграфію. Я разсказаль ему новость дня, что 2-ой корпусъ назначенъ къ намъ въ отрядъ, что командовать всёми войсками подъ Плевной назначенъ, какъ старшій въ чинъ, нашъ корпусный командиръ баронъ Криднеръ, но что командиръ II корпуса князь Шаховской недоволенъ такимъ подчинениемъ и не хочетъ прибыть къ намъ въ штабъ явиться; что Криднеръ, какъ дипломать, пошель на компромись, и что оба корпусные командира събдутся на серединъ пути, что тамъ произойдетъ военный совътъ, на которомъ ръшать о дальнъйшихъ военныхъ дъйствіяхъ. При этихъ словахъ Донъ-Карлосъ скептически покачалъ головой и сказалъ: «не върю и въ полезность этихъ генеральскихъ совътовъ; на войнъ долженъ быть одинъ руководитель; ничего хорошаго не выйдеть изъ этихъ совъщаній». Дъйствительно, онъ оказался дурнымъ для насъ авгуромъ; послъдовавшія неудачныя сраженія 18 и 19 іюля показали, что онъ быль правъ. Его открытый, прямой взглядъ, откровенная річь и изысканность въ обращеніи доставляли удовольствіе быть съ нимъ въ обществъ; кромъ того, его симпатія ко мнъ выражалась въ крайней любезности; зачастую онъ являлся нагруженный въ карманахъ и рукахъ бутылками шампанскаго и другого вина и темъ ставилъ меня долгое время въ непріятное положеніе должника; я тщетно придумываль, чёмь бы ему отплатить. Эта задача была ръшена самымъ неожиданнымъ образомъ: казаки отбили пасшійся на непріятельской сторонъ скоть; я вельль выбрать лучшую молочную корову, заплатиль за нее золотой и отправиль ее немедленно къ Донъ-Карлосу. Онъ быль въ восторгъ отъ этого чисто военнаго подарка; «теперь, -говорилъ онъ, -я могу пить шеколадъ, который очень люблю, но не шилъ за неимъніемъ молока».

Такъ тянулись дни за днями, въ ожиданіи итти впередъ. Прекрасные іюньскіе дни, легкій воздухъ, аромать полей и голубое прозрачное небо, а также хорошій, простой столъ, пріятно настроивали нервы; дышалось легко и просторно среди невиданной обстановки. Да, боевая жизнь при такихъ условіяхъ чистая поэзія: я быль въ самомъ пріятномъ состояніи духа. Такимъ образомъ, почти каждый вечеръ въ компаніи съ казакомъ и испанцемъ у нашей ставки мы болтали, вдыхали легкій вечерній бризъ и глотали вино. Наконецъ, подошла къ Булгарени 30 дивизія 4 корпуса и по одной бригадѣ пѣхоты и кавалеріи 11 корпуса, какъ я упомянулъ выше, подъ общимъ начальствомъ командира 11 корпуса князя Шаховского. Чтобы ближе соединиться съ ними, мы тоже перешли въ Трестяники.

II.

По свёдёніямъ, собраннымъ изъ различныхъ источниковъ, въ чемъ я лично принималъ участіе, отбирая показанія у плевненскихъ жителей, захваченныхъ кавалерійскимъ разъёздомъ, въ Плевнё было около 50.000 войска при 60-70-ти орудіяхъ, въ томъ числё крёпостныхъ 27. Они состояли подъ командою семи пашей и подъ общимъ начальствомъ Османа - паши. Эти подкрёпленія явились изъ Виддина, Рахова и Софіи. Частыми рекогносцировками мы хорошо познакомились съ непріятельской позиціей, съ положеніемъ противника и обо всемъ этомъ сообщали главнокомандующему.

17-го іюля, было получено приказаніе оть его высочества атаковать Илевну, при чемъ главнокомандующій одобрилъ планъ атаки съ восточной и юго-восточной стороны. Онъ вмёстё съ темъ предлагалъ барону Криднеру немедленно сдълать всъ необходимыя передвиженія и начинать діло сильнійшимъ артиллерійскимъ огнемъ, чтобы вполнъ воспользоваться нашимъ превосходствомъ въ артиллеріи, хотя бы пришлось употребить для этого цёлыя сутки. Вечеромъ 17 іюля мы прочли диспозицію на 18 іюля, по которой вст войска разделились на два действующе отряда и общій резервъ. Одинъ изъ нихъ, долженствовавшій образовать правый флангъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Вельяминова, состояль изъ полковъ 31 пъхотной дивизіи съ артиллеріей, имъя позади полки 5 дивизіи, подъ командою генераль-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера, другой левый флангь составляль отрядъ генералъ-лейтенанта князя Шаховского, въ составъ котораго вошли пъхотныя бригады 30 и 32 дивизіи съ кавалеріей и кавказская сводная казачья бригада съ № 8 донскою и горною батареями, подъ начальствомъ свиты его величества, генералъ-майора Скобелева. Этотъ последній отрядъ, состоя въ непосредственномъ ведъніи князя Шаховского, имъль задачей пересъчь сообщенія между Ловчею и Плевною. Силы отрядовъ были почти одинаковы, хотя правая колонна состояла изъ шести полковъ, а лъвая изъ четырехъ, но правая понесла большія потери въ двухъ предыдущихъ сраженіяхъ и была почти въ половинномъ числъ рядовъ. Всего было войскъ пъхоты 28.626, кавалеріи 2.546 и артиллерійской прислуги 2.804 чел., съ 172 орудіями. Предполагалось правымъ флангомъ дъйствовать съ востока, а войсками князя Шаховского атаковать непріятеля съ юго-востока къ сѣверу отъ Радищева и, по овладѣніи этою позицією, двигаться на Плевну, стараясь занять артиллеріей такія позиціи на высотахъ лѣваго южнаго берега Гривицкаго ручья, съ которыхъ она могла бы поражать во флангъ и тылъ непріятеля, расположеннаго у Гривицы и къ сѣверу отъ Плевны. Дальнѣйшія же дѣйствія князь Шаховской обязанъ былъ сообразить съ ходомъ боя на правомъ флангѣ, постоянно сохраняя съ нимъ самую тѣсную связь, для чего въ распоряженіе командовавшаго отрядомъ даны были два эскадрона Чугуевскаго уланскаго полка.

18-го іюля, въ пять часовъ утра, войска снялись съ бивуака. Утренняя заря предвъщала хорошій ясный день. Нашъ штабъ тоже быль ужъ на коняхъ, и мы пробирались мимо войскъ по направленіямъ, опредёленнымъ въ диспозиціи. Тихо и стройно двигалась въ сомкнутыхъ колоннахъ пъхота, за нею шла артиллерія, громыхали зарядные ящики, а по дорогамъ тянулись длинною вереницею патронные ящики, необходимый обозъ и лазаретныя кареты. Восходящее солнце еще не сильно горьло, но утренняя прохлада дъйствовала какъ-то ободряюще, и лежащее впереди пространство было подернуто легкимъ туманомъ. Поля, холмистая мъстность и перелъски мънялись между собой на нашемъ пути, птички весело щебетали, и было какъ-то легко на душъ, но неизвъстность грядущаго событія, въ ожиданіи роковой развязки, всвить сдерживала въ молчаніи. Здёсь я встрётиль моего стараго товарища по полку, полковника флигель-адъютанта Шлитера, получившаго въ командованіе Архангелогородскій полкъ за нѣсколько дней до сраженія, и теперь на поход' онъ представился корпусному командиру. Шлитеръ былъ старый боевой офицеръ, съ юнкерскаго званія служиль на Кавказв и участвоваль во многихъ сраженіяхь съ горцами и турками. Статный, съ чисто военной фигурой, онъ былъ молодцомъ передъ полкомъ, съ которымъ только еще познакомился. До этого назначенія онъ состояль въ свить покойнаго государя императора, который, подозвавъ его, сказаль: «Шлитерь, я хочу тебь дать Архангелогородскій полкъ; послъ неудачъ онъ упалъ духомъ, и ты его подымешь». Эти слова государя, переданныя мит покойнымъ Шлитеромъ, вспоминались мнъ не разъ при дальнъйшемъ моемъ знакомствъ съ этимъ прекраснымъ полкомъ; я находилъ, что его величество отнесся къ нему строго; духъ этого полка ни на минуту не падалъ даже при последующихъ неудачахъ.

Высоты, занимаемыя нашими войсками, полукругомъ огибали непріятельскія, и круто спускались въ широкую долину Гривицкаго ручья, отдълявшую насъ отъ непріятельской позиціи на холмахъ. Небольшія покатости ихъ, обращенныя къ нашей сторонѣ, увеличивали обстръть. Пъхота правой колонны была сосредоточена

«MOTOP. BECTH.», ФЕВРАЛЬ, 1900 Г., Т. LXXIX.

близъ шоссе изъ Бълы на Плевну, а кавалерія на правомъ флантъ до ръки Вида; она наблюдала за Плевной и прикрывала дорогу на Никополь. Кромъ этого, нъкоторыя части пъхоты, стоявшія гарнизономъ въ Никополь, были выдвинуты впередъ къ Бресляницъ, гдъ заняли оборонительныя позиціи. Противъ нашей позиціи на высотахъ были расположены непріятельскія батареи, нъсколько рядовъ ложементовъ, рвы, траншеи и другія закрытія. Впереди ихъ на съверо-востокъ выдавался редутъ сильной профили съ глубокимъ рвомъ. Подступы къ нему анфилировались съ двухъ сторонъ небольшими укръпленіями. Этотъ редутъ назывался у турокъ Абдулъ-Керимъ, а у насъ Гривицкимъ; онъ командовалъ прилегавшею мъстностью и составлялъ ключъ позиціи.

Со стороны Ловчи непріятель былъ наименте укртиленъ. Гривицкая лощина находилась въ центрт нашей боевой линіи и неминуемо раздѣляла атакующія войска на двт части. Такъ какъ по своей котловино-образной формт она въ то же время находилась подъ сильнымъ огнемъ редута и другихъ укртиленій, командующихъ надъ нею, то это обстоятельство служило препятствіемъ развернуться артиллеріи и въ то же время невольно раздѣляло весь отрядъ на двт вышеупомянутыя колонны, составившія фланги: правый 9 корпусъ, лтвый—войска князя Шаховского, центръ же боевой линіи оставался почти безъ войскъ.

Построившись въ боевой порядокъ, имъя стрълковыя цъпи впереди, войска наши подходили къ позиціи. Густой туманъ застилаль впереди лежавшую мъстность и препятствоваль осмотръть ее. Когда же туманъ началъ разсъиваться (это было въ началъ 9-го часа), со стороны турокъ раздался первый выстрълъ противъ нашего праваго фланга. Наши батареи выъхали на позицію и открыли огонь по укръпленіямъ. Завязался артиллерійскій бой, но съ объихъ сторонъ огонь поддерживался какъ-то медленно. На правомъ флангъ дъйствовали только девятифунтовыя орудія четырехъ батарей, не наносившія видимаго вреда непріятельскимъ батареямъ и укръпленіямъ. Поставить орудія въ большемъ числъ и болье приблизить ихъ нельзя было потому, что они стояли на гребнъ высоть, круто спускавшихся къ непріятелю, и въ долинъ они находились бы подъ огнемъ командующихъ турецкихъ батарей.

Былъ четвертый часъ. Генералъ Криднеръ приказалъ войскамъ его колонны двигаться впередъ для атаки, а сами мы продолжали пробираться верхомъ между проходившими войсками. Мы были еще далеко отъ глазъ непріятеля, но гранаты начали уже шипъть въ воздухъ. Наконецъ, мы выъхали на широкую площадку, расположенную на высотъ, круто обрывающейся къ сторонъ, занимаемой непріятелемъ. Подъ ногами широкая долина какъ бы полукругомъ отдъляла наши возвышенности отъ турец-

кихъ, где посредине перерезывала цепь холмовъ. На одной высоть противъ насъ обрисовывался сърый силуэть Гривипкаго редута; онъ быль объектомъ атаки 9 корпуса; 11 корпусъ же былъ расположенъ южите отъ насъ полукругомъ, откуда долженъ былъ поддерживать атаку и брать г. Плевну, согласно вышесказанной диспозиціи. Дальше штабу вхать было нельзя, и этоть превосходный пункть, съ котораго была видна, какъ на ладони, впереди лежащая мъстность, быль выбрань для обсерваціи за ходомъ сраженія. Р'адкій перел'асокъ справа н'асколько скрываль штабъ отъ непрінтельскаго глаза, но не надолго; только что мы разм'єстились, какъ гранаты, шипя, начали врываться въ землю, кони пошли фыркать и горячиться, неизвъданное доголъ чувство начало волновать грудь. Я вынуль бинокль и началь смотреть впередъ; наши войска спускались понемногу и, разсыпавшись длинными, черными линіями, уступами двигались впередъ; гранаты все чаще и чаще начали шипъть въ воздухъ, хлонались о деревья, ударялись въ землю, подымая направо и налъво столбы пыли. Я вижу, какъ одна изъ нихъ разбивается и осколкомъ въ фунтовъ десять передъ глазами медленно описываеть дугу вправо къ казачьему конвою, казакъ отшатнулся, но граната ударилась о шею лошади, конь мгновенно склонилъ голову, ноги зашатались, и онъ грохнулся на землю. Одинъ нервный офицеръ слъзъ съ лошади и усълся на землю между конвоемъ спиною къ сценъ; на его вытянутомъ бледномъ лице болезненно отражались нравственныя и нервныя испытанія; нъкоторые наклоняли головы; я боялся это дълать, и при роковомъ шипъніи сердце мое сильно билось, но я нервно еще больше откидываль мою голову, чтобы побороть чувство самохраненія и показать мое самообладаніе. Около меня нісколько влъво сидъль на конъ японскій военный агенть; граната описала надъ нимъ кругъ и шлепнулась за хвостомъ лошади, затъмъ съ трескомъ звякнула въ воздухъ, разбиваясь, и обдала пылью; но этоть маленькій, черномазый человікь какь бы не хотя оторваль свой бинокль отъ глазъ, посмотрълъ назадъ и затъмъ попрежнему продолжаль наблюдать за ходомъ дъла. — «Ай, да japonais, молодчина», -- сказалъ я близъ стоящему ординарцу. Но вотъ уже черныя линіи подходили кь укрышленію.

«Comme l'infarterie va vaillamment!» обратился ко миѣ, очутившійся возлѣ, капитанъ фонъ-Маре, корреспонденть какой-то нѣмецкой газеты. «Mais c'est superbe»,—продолжалъ онъ, жадно глядя въ свой бинокль.

Капитанъ сознался, что русскій солдать выше нѣмецкаго, такъ какъ нѣмецкій солдать, идя въ атаку, постоянно смотрить на сво-ихъ офицеровъ, между тѣмъ какъ наши солдаты зачастую идутъ, какъ они сами говорятъ, размышляя солдатскою головою. Чтобъ

Digitized by Google

уменьшить нѣсколько цѣль, приказано было отвести нашъ конвой въ сторону.

По мъръ того, какъ наши войска приближались къ редуту, ружейный огонь турокъ становился сильнъе; начали стрълять залпами, и наконецъ огонь обратился въ какую-то правильную неумолкаемую трескотню, какъ бы изъ митральезъ.

Со стороны князя Шаховского тоже послышались «ура», и турки стали быстро отступать; мнѣ было видно ясно, какъ они длинною полосою тянулись подъ защиту своихъ укрѣпленій. Послано было генераль-майору Лашкареву, командовавшему кавалеріей на правомъ флангѣ, приказаніе перевести свои эскадроны черезъ р. Видъ и дѣйствовать въ тылъ непріятелю по Софійской дорогѣ. Но вскорѣ отступленіе турокъ пріостановилось, затѣмъ какъ-то они ободрились и вновь потянулись къ своимъ прежнимъ позиціямъ. Какъ оказалось, здѣсь генералъ-майоръ Горшковъ выбилъ турокъ изъ ложементовъ и траншей, взялъ батарею въ два орудія и подвинулся влѣво; этимъ лѣвый флангъ разрывался еще болѣе, такъ что между обоими флангами было около четырехъ верстъ. Въ началѣ пятаго часа, пріѣхалъ отъ князя Шаховского генераль-майоръ свиты его величества графъ Протасовъ-Вахметьевъ, а вслѣдъ за нимъ какойто ординарецъ, просить помощи.

Наконецъ, я вижу войска правой колонны у редута, и какая-то страшная куча образовалась на переднемъ брустверъ. Мы замерли въ ожиданіи трагической развязки и приковались къ своимъ биноклямъ. Нъсколько ординарцевъ были посланы впередъ съ приказаніями, но наши войска какъ-то неръпительно двигались впередъ и слабо поддерживали передовыя части.

«Ротмистръ Хвостовъ», -- послышалось нѣсколько голосовъ, вызвавшихъ меня отъ оцъпенънія:-- «поъзжайте къ кн. Шаховскому и передайте, что ему послано подкръпленіе, -- коломенскій полкъ съ батареей», — сказалъ Криднеръ. «Слушаюсь», отвъчалъ и, взялъ записку, поклонился, круго повернулъ коня и началъ спускаться съ горы въ долину. Вижу, какъ въ центръ боевой линіи наши войска, такъ быстро двинувшіяся впередъ, начали отходить линіей назадъ. Холмистая мъстность, перелъски, ручейки и овраги препятствовали мит исполнить приказаніе въ карьеръ; я то рысью, то вскачь держаль на нашу батарею, оть которой думаль, оріентируясь босвой линіей, добраться до нашего леваго фланга, где должень быль быть командиръ корпуса. Гранаты изръдка проносились въ воздухъ и съ шипъньемъ ударялись о земь; вотъ несуть раненыхъ, а другіе ковыляя бредуть, опираясь другь на друга; вижу кучку отсталыхъ у дерева, и жидъ непремънно между ними. Я съ пъною у рта и бранью подымаю нагайку, они не хотя сдвигаются съ мъста, но мив некогда было следить за ними; я лечу дальше; воть уже у самой батареи, одно орудіе уже подбито, непріятель сильно сосредоточиль по ней огонь. Батарейный командирь, безъ шапки, со всклоченными волосами, увидя меня, бросается съ поднятыми кулаками и кричить въ изступленіи:

— Давайте подкръпленіе, вы видите, что дълается! Гдъ войска? нътъ ни одного солдата для защиты батарей. Я не могу держаться, дайте, дайте роту для охраны, я долженъ сняться съ позиціи.

Все это кричалъ онъ, потрясая кулаками въ воздухв и задыхаясь отъ бъщенства.

- Сюда посланъ Коломенскій полкъ, отвічаль я.
- Но гдѣ онъ?

Гранаты продолжали неистово шипъть и звенъть въ ушахъ на разные минорные тоны, гулъ орудій потрясалъ воздухъ, страшная жара душила, и въ горлъ сохло. Это адъ Данта, подумалъ я. «Укажите ближайшій путь къ командиру корпуса, я все передамъ ему»,— сказалъ я, желая какъ можно скоръе отдълаться отъ командира батареи, и, получивъ указаніе, хватилъ нагайкой коня и поскакалъ въ карьеръ мимо злочастной батареи, продолжая по временамъ несчетно лупить своего донца. Но вотъ я напалъ на слъдъ, казаки и ординарцы указали мъстонахожденіе корпуснаго командира. Я передалъ ему приказаніе, но князь Шаховской встрътилъ меня раздраженно и разсыпался упреками по адресу Криднера.

— Что одинъ полкъ, —кричалъ онъ, —да гдъ онъ? Дайте его мнъ сюда.

Я объясниль ему, что онъ направленъ въ центръ линіи, чтобы связать фланги.

- Но этого мало, я его не вижу,—продолжаль онъ кричать.— Давайте мив еще.
 - Но у насъ больше нътъ, все выдвинуто.
 - Неправда. У васъ должны быть резервы.
 - Слушаюсь, передамъ, отвъчалъ я и поскакалъ обратно.

На пути я уже встръчалъ кучки солдать, въ безпорядкъ отступавшія по линіи. Отступленіе въ виду сильнаго непріятельскаго огня было безъ всякой организаціи, но совершалось самымъ хладнокровнымъ образомъ; усталый и проникнутый убъжденіемъ въ проигрышъ сраженія, я ъхалъ уже тише, безъ прежней энергіи, пробираясь между небольшими толпами солдатъ; гранаты продолжали вырывать жертвы въ догонку, но раненые и здоровые тихо шли, останавливались, присаживались или закуривали трубки и, шутливо разговаривая, продолжали двигаться. Я засталъ штабъ въ утомленномъ состояніи. Свиты его величества генералъ-майоръ князь Имеретинскій, посланный отъ императора, и другіе офицеры полулежали на травъ; глаза ихъ направились ко мнъ. Я передалъ отвътъ Шаховского; моя лошадь, вся въ мылъ, грузно дышала, опираясь на переднія ноги, и изъ ноздрей сочилась кровь. Оказалось, что мы по всей линіи потерігьли неудачу. Вскочившіе на

валъ Гривицкаго редута, баталіонный командиръ Ковалевскій и поручикъ Амосовъ были подняты на штыки. Вскочивъ, они нѣсколько минутъ схватились грудь съ грудью въ рукопашную и старались удержаться на гребнѣ бруствера. Но это не удалось. Отбитые и опрокинутые въ ровъ, солдаты должны были отступать отъ редута подъ разстрѣломъ на 200 и 1000 шаговъ къ холмамъ, гдѣ и застряли на ночь. Но главнокомандующій приказалъ непремѣнно взять Плевну, да и французскій агентъ, полковникъ Гальяръ, тоже подъѣхалъ къ Криднеру и подтвердилъ приказаніе великаго князи непремѣнно итти и взять Плевну. Такого категорическаго приказанія, переданнаго даже черезъ француза, мы не могли ослушаться, и Криднеръ рѣшилъ во что бы то ни стало взять Плевну.

- Вамъ нужно опять скакать туда же, сказалъ Криднеръ, но выдержить ли ваша лошадь?
- Господа, дайте мит кто нибудь лошадь, вскричалъ я, но никто не отозвался.
 - Какъ нибудь доберусь.
- Такъ передайте эту записку и скажите кн. Шаховскому на словахъ, чтобы оставаться на мъстахъ во всякомъ случав. Если не сегодня, то завтра, мы должны непремънно итти на Плевну.

Жара спадала, начинало быстро смеркаться, мнв нужно было добраться засвътло къ князю Шаховскому, передать приказаніе и успъть вернуться; гуль орудій слышался медленнъе и медленнъе; на пролегающей равнинъ не было солдать, но въ тъни раненые и умирающіе издавали стоны и давали знать, что есть люди, что они дышать и умирають въ этой роковой тиши, изръдка прерываемой отдаленнымъ гуломъ или шиптвніемъ пронесшейся гранаты. Чуть-чуть я не задавиль одного, удариль нагайкой свою измученную лошадь и перескочиль. «Помогите, пришлите кого нибудь, спасите меня», -- послъдоваль тихій раздирающій зовъ умирающаго въ судорогах в солдата. «Погодите, погодите, сейчаст пришлють за вами», отвъчаль я и въ то же время быль убъждень, что этого не будеть. Сердце у меня судорожно сжималось, когда я слышаль эти стоны, видёль бледныя вытянутыя лица, отражавшія на себе муки и страданія; я быль увърень, что никто къ нимъ не придеть на помощь, и покинутые подъ огнемъ они не дотащатся до перевязочнаго пункта и истекутъ кровью. Я немилосердно билъ мою лошадь, чтобы какъ можно скорве скрыть оть глазъ эту раздирающую картину. Какая-то невообразимая и щемящая грусть заполонила меня при видъ этой обратной стороны медали, называемой войной. Начинало темнёть, а я еще не добрался до Шаховского; натыкаясь на разныя твни пъхотныхъ и всадниковъ, я тщетно спрашивалъ, гдъ корпусный командиръ. Я въбхалъ въ лъсъ, и влажная теплая ночь смънила день, но звёзды не показывались, небо было какъ-то сумрачно темно и заволакивалось тучами. Наконецъ я наткнулся на тънь и громко крикнулъ:

- Гдѣ корпусный командиръ?
- Здёсь не далеко, держите на просвёть, а вы кто такой? спросиль конный силуеть, окруженный всадниками.
- Я ординарецъ барона Криднера,—отвъчалъ я:—ищу князя Шаховского, чтобы передать ему приказаніе оставаться на мъстъ. А вы кто?—спросилъ я въ свою очередь.
- Генералъ Горшковъ, командиръ бригады, отвъчалъ онъ. Ради Бога, продолжалъ онъ прерывавшимся отъ волненія тономъ: передайте князю, чтобы онъ отмънилъ приказаніе отступать; я съ нъсколькими ротами стою у Плевны; пусть помогутъ, и мы завтра возьмемъ Плевну. Прошу васъ ради Бога, говорилъ неизвъстный и невидимый для меня генералъ дрожащимъ голосомъ: передайте, пусть отмънитъ, но если нътъ, то ночью отступлю.
- Слушаю, ваше превосходительство,—отвётиль я успокоивающимъ тономъ и продолжалъ пробираться легкой прогалиной.

Вскорѣ послышались ржаніе, топоть коней и разговоры, это оказалась конвойная сотня командира корпуса; я окликнуль, и мнѣ указали самого князя Шаховского; съ трудомъ пробрался я къ нему, заявляя о себѣ, и подалъ записку; было темно, и прочесть нельзя было на ходу; я передалъ на словахъ приказаніе оставаться на мѣстѣ.

- Поздно, поздно!—вскрикнулъ князь:— теперь нельзя поправить дёло,
 - Я передаль ему просьбу генерала Горшкова.
- Ничего не выйдеть, я говорю вамь, что поздно, раздраженно вскрикнуль князь:—у меня нёть людей, съ чёмъ я пойду?

Я выразиль желаніе возвратиться навадь, но Шаховской сказаль: «Куда вы повдете, не найдете, погодите до разсвета, и тогда дадимъ знать о нашемъ положени». Действительно, темнота была кромъшная, что называется, ни эги не видно; небо совершенно заволокло тучами, ни одной звёздочки, но теплая ночь какъ-то живительно успоканвала нервы; мы медленно двигались пролъскомъ молча; вдругь-трахъ, трахъ, послышалось нъсколько выстреловъ, пули свистнули въ воздухъ. «Не стръляйте, свои идутъ», --- кричали мы, вная, что это были наши выстрёлы, сдёланные по намъ. Выйдя изъ лъса на поляну, мы едва различали, что двигаемся по какой-то дорогъ, но куда именно, не знали. Мимо насъ, обгоняя и позади въ разбродъ, шли люди, иногда кучками по дорогъ, по бокамъ и полянамъ; мы отъвхали въ сторону, чтобы не мъщать движенію нашихъ войскъ, и, чтобы нъсколько оріентироваться, сощли съ коней. «Эхъ-ма, куда идешь, самъ не знаешь, и начальства не видно, совсёмъ были у Плевны, а поддержки нёть, воть и пропадай. Экая св.... окаянная! такъ или немного иначе варьируя, на одну тему говорили въ слухъ проходившіе солдатики; пересыпая свою ръчь прибаутками и нецензурною бранью, наши бравые воины не

замъчали, что начальство было такъ близко; мы стояли поодаль, слушали и не отзывались.

— Вотъ, господа молодые люди, война, слава и побъды,—сказаль раздражительно Шаховской.—Но куда мы идемъ,—вставиль онъ,—гдъ наши проводники болгары? Нужно отыскать ихъ, гдъ они пропали?

Скоро мы съли опять на лошадей и поъхали дорогой. Но куда мы *Бдемъ, не на Ловчу ли? пожалуй, наткнемся на турокъ? — задавали мы другь другу вопросы. Определеннаго никто ничего не могь сказать; дъйствительно, можеть быть, мы шли на Ловчу, гдъ тогда могли быть турецкія войска. Провхавъ такъ съ поль-часа и увидя слева на полъ силуеты копенъ съна, мы завернули къ нимъ. Здъсь слъзли съ коней и решили подождать разсвета; начинало накрапывать. Я вырыль себв нору въ свив, разметаль по бокамъ и всунулся по поясъ; около меня расположился начальникъ штаба Бискупскій. Настала тишина въ нашей сънной стоянкъ, и мы забылись легкимъ тревожнымъ сномъ, но не надолго. Мы были разбужены отрывчатымъ голосомъ ищущей фигуры.—«Гдъ командиръ корпуса? Гдё командиръ?»--- повторяла тёнь, мечась отъ одной копны къ другой. Я выдвинулся изъ моего логовища и навострилъ ущи; въ отдаленіи была слышна ружейная трескотня.—«Что вамъ нужно?»—спросилъ Бискупскій.—«Турки недалеко въдеревні, напали на нашихъ!»— Цъйствительно, ружейная стръльба становилась все больше и больше. «Тише, не кричите», --- сказалъ Бискупскій, но всталъ и тихо доложиль Шаховскому, спавшему въ сънъ, саженяхъ въ десяти отъ насъ. Мы начали вставать, крикнули казакамъ подать нашихъ лошадей и съли верхомъ. Кучевыя тучи проходили, утренняя заря слегка освъщала окрестные предметы, мы уже явственно различали нашихъ солдатъ, идущихъ въ разбродъ по полямъ и дорогъ, и могли хоть несколько определить наше положение. Картина была не веселая. Скоро, впрочемъ, безпорядочно двигающаяся толпа людей разныхъ частей войскъ была приведена въ порядокъ; построены роты, составлень авангардъ, арьергардъ и боковые отряды; штабъ тоже построился по три въ рядъ, и мы двинулись по дорогъ. Пойманный казаками братушка показываль намъ путь на Порадимъ. «Ну, положеніе», --- сказалъ очутившійся рядомъ со мной корреспонденть, маленькій, жиденькій, въ тирольской шляпъ, съ выразительной симпатичной физіономіей.—«Дай мив десять тысячь рублей въ мъсяцъ, чтобы я пошелъ въ другой разъ на войну, -- откажусь». Я посмотръль на него и улыбнулся; его вытянутое блёдное лицо и смъшная фигура на конъ подтверждали искренность словъ и полную тревогу.--«Да,--продолжалъ онъ, -- положение не завидное, хуже губернаторскаго. Еще попадещься въ пленъ, да посадять на коль, это не вольтеровское кресло, чорть побери!» Начинало свътать, легкій вътерокъ быстро разгоняль тучи, повъяло тепломъ; солнце выглянуло, привътливо освъщая легкимъ блескомъ нашъ путь; тревога прошла, было легко на сердцъ, и мы оживились.

- Ваше сіятельство, не позволите ли мнѣ отправиться?—сказалъ я.
- Погодите, сейчасъ вотъ мы сядемъ у этого камня и составимъ донесеніе.

Вскор'в слезли съ лошадей. Бискупскій уселся составлять ваписку, князь стоялъ около. «Мы держались сколько возможно, но должны были отступить и пошли на Порадимъ въ порядкв», -- такъ, или почти такъ писалъ Вискупскій. Онъ хотелъ продолжать, но быль нетеривливо перебить Шаховскимь: «Оставьте эту литературу», — сказалъ князь и, взявъ у него записку, передаль мив. Я раскланялся, вскочилъ на коня и повхалъ по указанію болгарина къ д. Гривицъ. Я долго ъхалъ, забирая то вправо, то влъво, оріентируясь по солнцу и ища глазами какую нибудь живую душу. Но вотъ стадо барановъ, я вижу пастуха; по его указанію вывхаль на дорогу; прекрасная холмистая мёстность долго скрывала мой объекть, и я не подразумъваль, что скоро очутюсь въ виду д. Гривицы. Послышались отдаленные перекаты ружейныхъ залцовъ, они правильно и глухо раздавались въ воздухъ; но кругомъ въ природъ было все тихо и мирно; все Божіе твореніе смотръло такъ привътливо, какъ будто войны не было, или она не имъла съ ней ничего общаго. Но опять трата-та-та... вывело меня изъ созерцательнаго настроенія. Я остановиль моего коня, сталь на стремена и пристально смотрёлъ вдаль, куда ёхать. Только чтобы не попасть къ туркамъ, думалъ я; затёмъ усиленно погонялъ моего бъднаго замореннаго коня нагайкой и шенкелями. Воть показались какія-то черныя линіи: это-отступающія роты 9-го корпуса; онъ медленно въ порядкъ двигались назадъ, затъмъ по временамъ останавливались, давали залны и продолжали отступать. Турокъ не было видно, но отвътный огонь и проносившіяся гранаты показывали, что они не оставляли насъ въ поков. Разница въ отступленіи здёсь и тамъ, откуда я только-что убхаль, была поражающая: здёсь полное спокойствіе и порядокъ, какъ на маневрахъ, а тамъ дезорганизація и паника. Ничего нътъ ужаснъе ночного отступленія. Трудно сохранить порядокъ, движение затрудняется, неизвъстность положения и пустая причина возбуждають тревожное состояніе, выстрълы и конскій топоть сбивають съ толку; зачастую, своя своихъ неповнаша, лупять залпами другь въ друга, пули свистять съ той стороны, гдв вы предполагали, что только могуть быть свои, орудія звенять, наталкиваясь; такъ во время этого отступленія 11-го корпуса пъхотныя части стръляли по своей же кавалеріи, отступавшей тоже, куда глаза глядять. Главное, что при невидимой опасности трудно сохранить хладнокровіе; воображеніе всегда преуве-

Digitized by Google

личиваеть дъйствительную опасность. Смерть въ глаза вы встръчаете въ волненіи, но не теряете голову, мозги продолжають дъйствовать и приводить резоны. Долгь и самолюбіе порождають ръшимость; продолжительная выработка чувства владъть собою и нежеланіе отдаваться врагу, не помърявшись силами, заставляють съ увлеченіемъ или одеревенто итти впередъ и возбуждають стойкость; вы можете дълать предположенія и находить шансы на успъхъ, что придаеть энергію и надежду, что вы одолъваете.

Сраженіе, особенно атака, это опьяненіе, когда вы способны подраться ради гимнастики кулаковъ, безъ озлобленія и кровожадности, не зная, чья возьметь.

Состояніе какъ въ чаду и можеть быть положительное увлеченіе, особенно при надеждё на успёхъ; это то же, какъ въ любовномъ экстазё передъ женщиной, которой чувствъ вы не знаете, и васъ сдерживаеть этикеть и страхъ неудачи; вы какъ бы невольно отдаляете моментъ развязки, но при малъйшемъ выраженіи чувствъ съ ея стороны вы забываетесь, опьяненіе дълается общимъ, и побъда является сама собой.

Полководцамъ нужно пользоваться такимъ опьяненіемъ, или воинственнымъ настроеніемъ, и вселять къ себъ довъріе; но всегда слъдуеть поступать осмотрительно, благоразумно и безъ смысла не жертвовать ни одной человъческой жизнію. При этихъ віяхъ является доверіє къ начальству; а разъ это будеть, то даже при неудачахъ войска, въ особенности наши русскія, не будуть деморализованы. Храбросгь и трусость слова относительныя; и то и другое чувство можеть быть въ одномъ и томъ же субъектъ въ одно или разное время. Только люди больные, нервные или совершенно безъ самолюбія вполнъ могуть подчиняться страху и выражать трусость; съ другой стороны, нътъ людей, которые бы не испытывали чувства страха. Разница между трусомъ и храбрымъ только та, что одинъ меньше, а другой больше владветь чувствами, и что человъкъ, называемый храбрымъ, настолько владъеть собою, что во время нівкотораго животнаго трепета самосохраненія выказываеть вившнее полное пренебрежение къ опасности.

Совствить другое—паника. Это волненіе страха, слтвое, безъотчетное, съ трудомъ побораемое; вы сознаете свое безсиліе отстояться, вы не знаете, гдт вашъ врагъ, за что и какъ схватиться и
чты отбиться. Въ такія трудныя минуты нужно призывать весь
разсудокъ, все хладнокровіе, всю философію ума, чему быть, тому
не миновать, убьють, такъ убьють. Но могуть ли многіе владтть
такъ собою? Увидя своихъ, я пріободрился, и мой конь тоже,
собравшись съ силами, помчался безъ понуканія, какъ будто
инстинкть ему подсказываль, что еще нъсколько шаговъ, и дълу
конецъ. Я леттлъ вихремъ за спиной отступавшихъ роть Архангелогородскаго полка и выбрался на дорогу отступленія. Я услы-

палъ, что кто-то меня зоветъ, и всмотрѣвпись увидѣлъ на самой дорогѣ, у канавы, Шлитера, показывавшаго мнѣ бутылку и что-то другое. Я подъѣхалъ нему, чтобы разузнать, гдѣ штабъ корпуса; сказалъ, откуда ѣду, съѣлъ кусокъ мяса, выпилъ и поскакалъ дальше. Корпусный штабъ я нашелъ въ какомъ-то дворѣ, между домами въ д. Булгарени. На лужайкѣ лежали ковры, гдѣ было разставлено съѣдобное, кругомъ находились офицеры полулежа, а Криднеръ и начальникъ штаба Шнитниковъ стояли въ сторонѣ. Первый бросившійся мнѣ въ глаза изъ всей группы былъ Донъ-Карлосъ, онъ привѣтливо приподнялъ свой картузъ вскричавъ: «bonjour, mon capitaine». Амурныя похожденія задержали его въ Турнъ-Северинѣ, и онъ прибылъ только къ разсвѣту 19-го іюля, что называется, къ шапочному разбору.

Такъ кончилась наша вторичная попытка овладёть городомъ Плевной. Причиной неудачи была слабая численность войскъ при растянутой позиціи. Командиръ корпуса и мы всё сознавали это. Мнё кажется, что успёхъ возможенъ былъ только въ единственномъ случай, а именно, еслибъ атака была ведена только съ одной южной стороны города, а на Гривицкій редуть была бы сдёлана фальшивая диверсія; на югё не было укрыпленія, и, маскируя, мы могли бы занять городъ, тогда какъ, разбившись на двё почти равныя части, раздёленныя громаднымъ пространствомъ, войска наши были слабы на обоихъ пунктахъ, а поддержать другъ друга не было чёмъ. Впрочемъ, я не возьму на совёсть утверждать, что атака, веденная такимъ образомъ, увёнчалась бы взятіемъ Плевны; легко могло бы случиться при разбросанности и волнообразной мёстности города, что турки вытёснили бы насъ изъ занятой позиціи.

Въ нынъщнихъ войнахъ успъхъ возможенъ при непремънномъ условін въ каждый моменть быть сильные врага численностью, оружіемъ и снаряженіемъ, пользуясь всёми тремя родами оружія витесть, при горячемъ участіи и поддержкт. Къ несчастію, у насъ вев три фактора отсутствовали: числомъ мы были слабве турокъ, при чемъ намъ приходилось аттаковать, они же сидели за окопами; ружья ихъ были дальнобойныя и были магазинки, тогда какъ у насъ ничего подобнаго не было, что тоже увеличивало ихъ силу; наша артиллерія, разъ взявши позицію, мало двигалась впередъ и не помогала въ должной мъръ картечью нашей беззавътной пъхотъ. Наша на видъ хорошая кавалерія, въ большомъ числѣ собранная подъ командою генерала Лошкарева, а затемъ Крылова, бездействовала и позволяла туркамъ, почти не имъвшимъ кавалеріи, безнаказанно спокойно хозяйничать за р. Видомъ, какъ будто въ мирное время, вмёсто того, чтобы являться всюду, неожиданно, какъ громъ и полымя, и разносить обозы; они не схватились ни съ однимъ отрядомъ и не отбили ни одного значительнаго транспорта. Снаряженіе наше было дурное, многіе гибли отъ недостатка теплой одежды, явившейся уже тогда, когда мы были за Балканами.

Въ заключеніе, я долженъ сказать нѣсколько словъ о баронѣ Криднерѣ. Репутація этого генерала была сильно поколеблена, но ради возстановленія истины, какъ бывшій ординарецъ командира 9 корпуса, близко стоявшій къ Криднеру и знавшій хорошо подробности дѣла и его самого, имѣвшій лично противъ него неудовольствіе, я долженъ отдать ему справедливость.

Вспоминая общую нить всёхъ действій 9 корпуса, начиная съ перехода черезъ Дунай, взятіе Никополя, сраженія подъ Плевной 7-го и 8-го іюля, 18-го, 19-го іюля и 30-го августа, а также личныя распоряженія барона Криднера, я долженъ признать, что въ этихъ стратегическихъ и тактическихъ неудачахъ онъ не виноватъ. Онъ исполняль только то, что ему настоятельно приказывали, и что онъ обязанъ былъ дълать въ силу дисциплины. Лично онъ сознавалъ трудность задачи и дълалъ все возможное, что было въ предълахъ нашей силы и его знаній о непріятель. Всь его приказанія носили печать обдуманности Фабія Медлителя. Это быль умный и пріятный начальникь во всёхъ отношеніяхъ; если онъ, вследствіе своей нёмецкой натуры и почтенныхъ льть, и не способенъ былъ личнымъ примъромъ и словами воодущевить солдатъ и заставить ихъ итти на проломъ, тъмъ не менъе всъ были убъждены, что это способный, толковый и осторожный генераль, эря дёлать не будеть, и ему довърнли. Довъріе же къ полководцу-половина успъха. Какъ человъкъ, онъ при близкомъ знакомствъ еще болъе выигрываль; въ обращени со всеми онь быль ровенъ и въ высшей степени деликатенъ. Выросшій въ старой Николаевской школі, онъ тыть не менье уважаль людей, относился всегда ко всымь выжливо, человічно, не самодурствоваль и тімь подкупаль близь стоявшихъ, заставляя исполнять свой долгъ неукоснительно и поддерживать славу нашего русского знамени. Въ чемъ единственно ему можно было сдёлать упрекъ, это въ недостатъ гражданскаго мужества въ защиту офицеровъ своего корпуса; благодаря этому пробълу въ его характеръ, многіе боевые офицеры были обойдены наградами, тогда какъ ординарцы главнаго штаба, являвшіеся, какъ птицы, иногда посл'є сраженія, были ув'єшаны орденами.

А. Н. Хвостовъ.

на новую линію',

VII.

АСТУПИЛЪ нетерпѣливо ожидавшійся день выѣзда переселенцевъ. Уже наканунѣ знаменательнаго дня село Никольское и сосѣднія съ нимъ деревушки изображали только что разоренный муравейникъ: одни готовили телѣги, чтобы довезти своихъ родственниковъ до ближайшей волжской пристани, другіе укладывали и увязывали вещи, то и дѣло забѣгая къ «ходоку», какъ единственному компетентному лицу, съ вопросами, что

брать и чего не брать на новую линію. Всю ночь, предшествовавшую вытаду, вст были на ногахъ, и никто ни на минуту не сомкнулъ глазъ. Но болте встать суетился Евграфычъ, принявшій на себя роль распорядителя.

«Смотри, ребята», внушалъ онъ встрвчному и поперечному, «идемъ мы въ далекую сторону, разстаемся съ родными могилками, съ родной землицей—нужно, чтобы все было форменно и чинно: одёться всвиъ попраздничному, образа поднять и молебенъ отслужить послё объдни, по 20 коп. съ человъка не разорить».

Чуть свътъ Евграфычъ уже поднялъ церковныхъ сторожей и заставилъ ихъ звонить къ заутрени, а потомъ побъжалъ будить

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вістникъ», LXXIX, т. стр. 136.

батюшку. Церковь до такой степени переполнилась народомъ, что негив было бы упасть яблоку. За заутреней последовала объдня, а потомъ грянули всё колокола, и на жгучемъ іюльскомъ солнце блеснули золотыя кисти и бахромы парчевыхъ хоругвей. Осанистые, одътые попраздничному мужики вынесли мъстные образа и кольцомъ окружили столъ со святой водой. Пестрая толна провожавшихъ, родственниковъ и любопытныхъ собралась на выпускъ возлів церкви. Въ конецъ истомившійся настырь, дівлая неимовітьныя усилія, читаль напутствіе. Освятили воду, и на благоговъйно преклоненныя головы точно съ самаго неба посыпались сверкавшіе на солнців брызги воды. Молебенъ конченъ; пора расходиться, но обыкновенно ко всему равнодушный, чуждый всякихъ сентиментовъ пастырь, два часа тому назадъ относившійся скептически, если не вражебно къ переселенцамъ, лишавшимъ его части дохода, вдругь почувствоваль непреодолимую потребность проститься съ ними, проститься по-братски и напутствовать теплымъ словомъ.

Батюшка махнулъ рукой, и все смолкло; народъ дожидался, что скажетъ старикъ; но вмъсто словъ среди водворившейся тишины послышались сначала сдержанныя всхлипыванія, а потомъ и громкія рыданія батюшки. Онъ пробовалъ говорить, но ничего не выходило. Не красноръчивъ былъ батюшка, не вдругъ могъ собраться съ мыслями, и даже лишній стаканчикъ вина не развязываль ему языка.

- «Что же скажу я вамъ, отъъзжающимъ путникамъ, въ сей прощальный, торжественный часъ?»—началъ батюшка, но сдерживаемыя рыданія снова мъшали ему продолжать.
- «И вотъ что явамъ скажу»,—снова продолжалъ ораторъ,— «жалко мит васъ, больно жалко, да и вы пожалтите меня и, какъ у престола Всевышняго Творца, все равно, простите мит гртхи мои вольные и невольные... жалко... жалко!»..

Но, невзирая на краткость рѣчи, всѣ были потрясены до глубины души, впервые поняли важность минуты и съ мокрыми отъ слезъ лицами спѣшили перецѣловаться съ батюшкой и приложиться ко кресту.

Солнце немилосердно жгло, жара была палящая. Толпа не расходилась, и напрасно ходокъ властнымъ голосомъ начальника кричалъ: «запрягай! запрягай! а то запоздаемъ»... Никто не слушалъ его, всё разбились по площади на группы, появилась водка, какъ неизбёжный спутникъ житейскихъ радостей и горестей мужика, и, благодаря быстро осущаемымъ стаканчикамъ, бесёда приняла какой-то путанный характеръ, то и дёло прерывансь всякаго рода дикими восклицаніями, взрывами смёха, пёснями или надрывающими душу воплями. Нашлись даже весельчаки, которые, хлопая въ ладоши, выскакивали на улицу и выдёлывали изумительныя колёна, между тёмъ какъ рядомъ отъёзжающій старикъ, лежа

навзниць, немилосердно колотился головою о землю, приговаривая: «прощай мать, прощай мать», а въ двухъ шагахъ кто-то, вставъ на кольна, громко исповъдовался въ своихъ гръхахъ и съ липомъ. распухнимъ отъ слезъ, валяясь въ ногахъ у сосъдей, молилъ не поминать лихомъ: «Много обидъ, много всяческихъ обидъ видъли отъ меня, окаяннаго, во многомъ виновать -простите, православные!» -- взываль несчастный, не замьчая того, что никто не обращалъ на него ни малъйшаго вниманія. Кое-гдъ даже угощали другь друга подзатыльниками. Всё безъ исключенія-старики, молодые, бабы, даже дёти, всё пили безъ мёры, цёловались, умоляли не забывать, писать какъ можно чаще, при чемъ провожавшіе клялись Христомъ и Богомъ весною будущаго года послідовать примъру переселенцевъ, просили приготовить мъста, и при одной мысли о такомъ счастьи всёми вдругь овладевала необузданная радость, и всёмъ безъ исключенія и отъёзжающимъ и остающимся хотелось петь и плясать. Въ разныхъ местахъ ваиграли гармоники и слышалось неистовое топанье плясуновъ. Около кабака становилось все теснее и теснее; бабы и девки источными голосами визжали что-то непонятное: ай-ли-ли-ли. перемъщанное съ топаньемъ плясуновъ, ръзало уши.

Потерявъ теривніе, «ходокъ» и его правая рука Евграфычь приняли наконецъ такія крутыя и рвшительныя мвры, что переселенцы, волей или неволей, стали собираться въ дорогу. Сивдаемые любопытствомъ деревенскіе мальчики, толпившіеся около дворовъ и заглядывавшіе во всв щели, закричали: «Запрягають! запрягли! Сейчасъ вывдуть—вдуть! вдуть!»

— Ну, трогай, трогай, не отставай другь оть дружки,—въ свою очередь кипятился Евграфычъ:—ты, Александръ Ивановичъ, передомъ, какъ нашъ начальникъ и предводитель; такъ будеть правильно и форменно».

Ходокъ перекрестился на церковь и впереди своего обоза двинулся въ путь, а за нимъ потянулась длинная погребальная процессія, сопровождаемая воплями и причитаніями бабъ; на нѣкоторыхъ телѣгахъ неподвижно лежали переселенцы, потерявшіе сознаніе и болѣе похожіе на покойниковъ. Скрылось село, гумна, и изъ высокой волнующейся ржи виднѣлся только ослѣпительно сіявшій на солнцѣ церковный крестъ.

Повадъ остановился около рвчки, и наступилъ последній моментъ разставанія отъважающихъ съ остающимися, хотя и временно, на старыхъ местахъ. Всё невольно обратились назадъ; сердца забились съ удвоенной силой, на душе у каждаго переселенца зашевелилась мучительная тоска но родине, наперекоръ всякимъ фантавіямъ о сибирскихъ привольяхъ все-таки сохранившей за собой права родной матери. Снова раздались крики и вопли, но теперь они были еще сильне, еще мучительне. Не утерпълъ, по обыкновеню, суетливый Евграфычъ и забъжаль на мой хуторъ, расположенный возлъ ръчки. Онъ горячо обнимался со всъми служащими, приглашалъ на новую линію, объщая свое покровительство. Увидавъ меня, онъ, подпершись въбока и видимымъ образомъ желая покуражиться, пьянымъ голосомъ заоралъ: «Что, братъ, не чаялъ? то-то!» и тотчасъ же направилъ свой бъгъ къ остановившемуся табору.

Жалобно заскрипъли десятки телътъ и медленно нога за ногу потянулись на изволокъ, поднимавшійся отъ ръчки.

Вскорт мы узнали, что вопреки общимъ ожиданіямъ на волжскомъ пароходт потребовали по два рубля 10 коп. съ каждаго взрослаго переселенца. Нашлись недовольные, но ходокъ успокоилъ ихъ ттмъ, что уплаченныя деньги будутъ возвращены въ Самарт, гдт переселенцевъ задержали на трое сутокъ. Снова пришлось платить деньги за протадъ до Челябинска. Произошло новое волненіе переселенцевъ, разсчитывавшихъ на доровой протадъ; многіе хоттли даже вернуться обратно, и навтрно бы вернулись, если бы ходокъ не убтдилъ ихъ, что вст путевыя издержки будутъ получены обратно въ Челябинскъ. Заттмъ мы узнали, что, добравшись до мъста, наши переселенцы прямо съ дороги поступили на жнитво, получая по 18 пудовъ ржи за полную обработку одной десятины. Послт этого на нъкоторое время все замолкло, ни слуху, ни духу, точно въ воду канули наши переселенцы.

IX.

Пришла зима. Время бъжало съ невъроятною быстротой, не принося ничего утъщительнаго. Землевладъльцамъ въ первый разъ пришлось столкнуться съ такимъ фактомъ, что цъны за хлъбъ не вознаграждаютъ потраченнаго на его производство, и волей или неволей мы сдълали новый шагъ къ обнищанію, благодаря паденію зерновыхъ цънъ.

• «Новая линія! на новую линію!»—только и слышалось въ нашемъ захолустьи: въ селахъ, въ деревняхъ, на базарахъ, на мельницахъ, на моемъ хуторъ. Все прошлое вдругъ стушевалось, точно пропало, или его никогда и не было. Все поражало новизной, вездъ и всюду «новая линія»: бывшіе годовые работники и даже шестидесятильтній глухой и почти сльпой пастухъ Яковъ, съ престарьлой женой и больной отъ рожденія дочерью Уляшей, нанимались только до весны, а тамъ что будетъ; мельница безмолвствовала, а мельникъ постоянно отсутствоваль, собирая по деревнямъ послъднія новости изъ Сибири; льсной сторожъ, вообразившій, что я только о томъ и думаю, какъ бы удержать его на мъсть, изводиль меня просьбами не мъщать и не препятствовать. Но болье всего волновали меня постоянныя скитанія скотницы Настасьи, рослой, работящей

бабы, въ теченіе 10 лёть сидёвшей на одномъ мёстё. Ея положеніе было исключительное. Давнымъ давно брошенная мужемъ, навязавшимъ ей малолётняго сына Іонку, не способнаго ни къ какому дёлу лодыря, о которомъ мой хозяйственный староста постоянно говорилъ: «воля ваша, а я съ Іонкой плачу», Настасья вдругъ прониклась неудержимымъ желаніемъ переселиться на «новую линію», къ отцу, ушедшему съ Засурскимъ, и во что бы то ни стало сдёлать изъ Іонки настоящаго хазяйственнаго мужика и землевладёльца. Съ котомкой за спиной, уставивъ глаза куда-то вдаль и размахивая длинной суковатой палкой, она, какъ метеоръ, мелькала передъ моими глазами и въ теченіе всей суровой зимы летала изъ волостного правленія къ мужу, отъ него къ земскому, а тамъ въ городъ, а потомъ тёми же стопами опять въ волость, опять къ земскому, опять къ земскому, опять къ мужу и т. д. безъ конца.

Не знаю, чёмъ я заслужилъ довёріе Настасьи, но она непринужденно разговаривала со мною и, повидимому, находила даже особенное удовольствіе въ сообщеніи мнѣ своихъ похожденій.

— Опять зря проходила, — обыкновенно начинала она своимъ пѣвучимъ, нервнымъ голосомъ, въ которомъ уже чувствовалась близость слезъ и причитаній: — въ волости дали записку къ мужу, цѣлковый рубль писарю старшему отдала, а мужъ-то меня же ругаетъ: куда тебя нелегкая несеть, оглашенная, чего тебѣ еще надо... Жду — вотъ-вотъ начнетъ бить, а сама тряской трясусь. Пропоила ему цѣлковый рубль, да красненькую отступного заплатила, а сама давай Богъ ноги къ земскому — самого не застала, а писарь туда же куражится: надо время знать, а то безвременно суешься; ему тоже рублевку сунула, маршъ въ городъ. Прошу, въ ногахъ валяюсь у писарей-то, а они только смѣются Ироды: «ишь ты какая проворная: ей все скоро нужно».

Наконецъ, Настасья явилась ко мнв вся сіяющая отъ восторга и объявила, что еще разъ сбъгала въ городъ и бумагу выправила.

- Какую бумагу?
- А Богъ ее знаетъ какую, прочитай-ка, а я послушаю. Какъ липку ободрали! Такъ и рвутъ, такъ и рвутъ, —продолжала она, отъ избытка радости не слушая и не понимая того, что было написано въ этой дорогой цъной добытой. бумагъ. Точно все счастье жизни играло на лицъ ея.

Существующій хаось превратился въ настоящее столпотвореніе вавилонское, когда стали приходить неказистые на видъ конверты изъ сърой бумаги, съ адресами вкривь и вкось, но съ дорогими письмами переселенцевъ, въ которыхъ между кое-какъ нацарапанными строками читалось нъчто далеко болъе интересное и важное, нежели то, что написала рука. Въ каждомъ изъ этихъ сибирскихъ писемъ говорилось, что все идетъ какъ нельзя лучше. Житье привольное. Спервоначала принуждали строиться по плану въ два порядка, «истор. въсты», февраль, 1900 г., т. иххих.

Digitized by Google

а потому порѣшили промежъ себя рассейскихъ порядковъ не заводить, а ставить избы, гдѣ кому удобнѣе, лишь бы на солнцѣ. Лѣсу навозили страшное количество, черезъ рѣчку три моста построили, а Василій Данилинъ плотину и мельницу на два постава заводить.

«Живемъ мы слава Богу, а что будетъ впередъ, не знаемъ»,— въ свою очередь писалъ отецъ Настасьи. — «Строю пятистънную избу, купилъ двухъ лошадей и трехъ коровъ, по 12 рублей за корову платилъ. А тебъ, дочка моя милая, ставлю особую свътелку на задахъ, гдъ и помъстишься съ сыномъ, и ждемъ мы тебя съ часу на часъ и слезы проливаемъ о твоей бъдий головушкъ, что по чужимъ людямъ ходишь безъ призора». Настасья ликовала, заботливо собиралась въ дорогу и свысока посматривала на деревенскихъ бабъ.

Мой хуторъ и вся наша мѣстность окончательно превратилисьвъ какой-то временный таборъ, не сегодня, такъ завтра готовый сняться, оставивъ послѣ себя голую степь. Передо мной развертывалась вовсе не забавная перспектива пустыни, въ виду которой всякіе хозяйственные планы и предположенія не могли уже имѣть ни малѣйшаго смысла. Я проводилъ время въ самомъ деморализующемъ состояніи: то ходилъ по пустымъ комнатамъ, безсознательно повторяя: «людей нѣть—намъ нужны люди», то садился за письменный столъ съ твердымъ намѣреніемъ спрятать въ ящикъ всѣ хозяйственныя бумаги и книги, запереть ихъ на ключь и никогда болѣе въ нихъ не заглядывать, или бралъ послѣднюю книжку толстаго журнала, но глаза напрасно бѣгали по строкамъ— я ничего не понималъ.

Вечеромъ, по обыкновенію, приходилъ хозяйственный староста, тоже возмечтавшій о Сибири и, взирая на меня, какъ на погибшаго человъка, докладывалъ, что пора бы нанимать лътнихъ и годовыхъ работниковъ, а желающихъ нътъ.

- Такъ какъ же быть?
- Какъ прикажете, и староста глубоко вздыхалъ.
- Нужно съёздить куда нибудь подальше—поискать, посовътовалъ я, приходя въ великое смущение.
- Все это возможно, да какъ бы толкъ былъ, —и опять вздохи. Онъ говорилъ это такимъ дурацки-увѣреннымъ тономъ, что я окончательно опѣшилъ. Наступпло пѣсколько минутъ тягостнаго молчанія, въ продолженіе котораго я становился все мрачнѣе и мрачнѣе, между тѣмъ какъ староста, весьма довольный произведеннымъ эффектомъ, обдумывалъ новое, еще болѣе сильное, средство, чтобы окончательно оппеломить меня, и сообщилъ, что въ городѣ не берутъ ни почемъ ржи и овса: сейчасъ пришелъ обратно изъ города никулинскій обозъ съ рожью.
- Ну, ступай, ступай!—почти угрожающимъ тономъ выпроваживаю я старосту и снова остаюсь въ полномъ одиночествъ. На

другой день являются всё служащіе и вмёстё съ ними Настасья, прося денегь, чтобы разсчитаться съ ходокомъ, только что приславшимъ изъ Сибири своего рода циркуляръ, въ силу котораго всё новые переселенцы, собирающіеся весной, обязаны были немедленно выслать по 2 рубля на приписку и еще на какіе-то непредвидённые расходы. Содержаніе циркуляра было очень туманно и ни для кого непонятно, но, можетъ быть, потому именно всё придавали ему какое-то особенное значеніе и наперерывъ спёшили уплачивать деньги.

Я не выдержалъ болъе и немедленно собрался въ городъ, чтобы этой побадкой, хотя на время, отдалиться отъ тяжелыхъ мыслей. Справедливость требуетъ сказать, что, помимо личныхъ интересовъ, меня глубоко возмущало непонятное равнодущіе властей къ безсовъстнымъ поборамъ «ходока», этого несомнъннаго Хлестакова въ крестьянскомъ быту, то и дёло разъёзжавшаго на чужой счеть по безпредъльному пространству нашего отечества и помышлявшаго единственно о томъ, чтобы подъ шумокъ опустопіать карманы своихъ ближнихъ, постоянно поддерживая въ нихъ ожиданіе оть него и только отъ него одного всякихъ великихъ и богатыхъ милостей; излишняя посившность и безпечность при разрвшеніи переселяться всякимъ безпомощнымъ старикамъ и отп'етымъ лодырямъ, отставшимъ отъ сохи и неспособнымъ ни къ какому труду, а также то и дело повторявшимся на глазахъ моихъ попыткамъ сыновей изъ богатыхъ семействъ тайкомъ покинуть родительскій кровъ и уйти. Этого мало; я никакъ не могъ примириться съ мыслью, чтобы между земцами и цёлымъ сонмищемъ интеллигентныхъ чиновниковъ, не нашлось порядочныхъ, надежныхъ людей, знающихъ крестьянскій быть, которыхъ можно было бы съ спокойной совъстью направить въ Сибирь, для ближайшаго и всесторонняго знакомства съ мъстными условіями, поручивъ имъ же руководство и наблюденіе за всёми подробностями и мелочами переселенческаго дёла, людей, которымъ уже надобло машинальное повтореніе такихъ словъ, какъ «мужичекъ», «деревня», «отечество», и готовыхъ, наконецъ, перейти отъ фразы къ дълу.

Въ городъ, гдъ и давно уже не былъ и гдъ всегда чувствовалъ и чувствую себи чужимъ, лишнимъ человъкомъ, съ перваго же шага поразила меня все та же «новая линія». До такой степени все обновилось, измънилось и представлялось въ иномъ видъ. Отъ старыхъ фамилій, когда-то подробно перечисленныхъ въ одномъ изъ примъчаній къ извъстной книгъ Лонгинова «Мартинисты въ Росси», остались только смутныя воспоминанія, а вмъсто нихъ плодится и множатся какіе-то Хапковы, Кондачковы, Смычковы, Лаптевы, отгъснившіе на второй планъ не только отжившее свое время дворянство, но и мъстное именитое купечество. «Тотъ былъ лакеемъ, другой — сидъльцемъ питейнаго заведенія, третій — рядовымъ при

Digitized by Google

интендантскомъ складъ», -- восклицаютъ болъе невоздержные на языкь граждане, — «а теперь карета — не карета, лошади — не лошали. банкеть-не банкеть и ужъ такихъ винъ, какъ у Смычкова, ни у кого въ городъ». Гуляю по городу и только удивляюсь, очевидно. вступившей въ свои права цивилизаціи: вмёсто бакалейной лавки, попадаю въ магазинъ общества потребителей и поражаюсь стремленіемъ общества перейти изъ области идеаловь на практическую почву и доставить мирнымъ гражданамъ не только дешевизну жизненныхъ продуктовъ, но и завидную возможность постричься и побриться по значительно удешевленной цёнё. Иду дальше и невольно останавливаюсь передъ вывёской склада, устроеннаго для спасенія угнетенныхъ судьбою деревенскихъ жантильомовъ. Глаза разбъгаются, глядя на массу выставленныхъ плуговъ, боронъ, сортировокъ и т. д. Спрашиваю цену селяки и только привожу въ смущеніе миловидную продавщицу, -- она не знасть, что отвъчать, и посылаеть мальчика за справками къ живущему въ двухъ шагахъ Ивану Петровичу; мальчикъ возвращается и объявляетъ, что Иванъ Петровичь тоже ничего не знаеть, а совътуеть обратиться къ Петру Петровичу, какъ распорядителю, но, какъ на бъду, тотъ убхалъ въ деревню, и я ухожу, потерявши даромъ время. Но зато встръчаю мъстнаго дъятеля, ради общей пользы, которая у него всегда стояла на первомъ планъ, только что слетавшаго въ Питеръ въ качествъ делегата. Онъ еще издали машеть руками, во все горло кричить «ура» и объявляетъ, что желъзная дорога утверждена, мы призваны къ новой жизни, а наше зерно, наши индюшки и утки потекуть туда, гдв въ нихъ нуждаются. Онъ не только убъжденъ въ томъ, что железная дорога принесеть намъ все блага въ міре, но въ глубинъ души ожидаетъ вещественныхъ знаковъ признательности общества. Я чувствую кипъніе жизни и едва воздерживаюсь отъ радостныхъ криковъ. Все веселить и поднимаеть духъ, всъ заборы пестръють афишами, громадными красными, черными и синими буквами объявляющими о всякихъ пикантныхъ, благотворительныхъ или возвышенныхъ наслажденіяхъ, до сего времени не слыханныхъ въ нашемъ медвѣжьемъ углу. «Новость! новость! новость! Маскарадъ съ сюрпризами и преміями за красоту и грацію»,--кричить одна афиша. Рядомъ объявляется баль цвётовъ въ пользу народныхъ читаленъ, въ заключение коего выступить процессія мовологическихъ боговъ и богинь съ Діаной во главъ, везомой въ золотой колесниць; далье маленькій Фаустъ и первый акть «Птичекъ пъвчихъ» при благосклонномъ участи нашей симпатичной любительницы Агрипины Егоровны и талантливаго любителя, все того же почтеннаго фабричнаго инспектора; а выше голубая афиша, приглашавшая на публичную лекцію о томъ, «какъ воспитывать нашихъ дътей»; еще выше желтая афища, возвъщавшая о выставкъ картинъ, впервые осчастливившей нашъ городъ, и туть же съ боку на цълой простынъ красуется «Натурщица» и «Зеленый островъ».

— А читали вы, какъ лихо продернули Смычкова въ нашей газетъ! — спрашиваетъ меня постоянный городской обыватель. Изъ любопытства покупаю мъстную газету и ръшительно не узнаю ее, не нахвалюсь ею.

И разсказчикъ изъ народнаго быта нашелся, и отрадные факты на лицо, и слезы умиленія на елкі въ пользу б'єдныхъ дітей, поздравленіе благосклонной публики съ возвращеніемъ нашей очаровательной опереточной дивы и заодно съ открытіемъ давно ожидаемаго общества питанія выздоравливающих больных б'ёднаго класса, и, наконецъ, объявление о счастливой находкъ, только что сдъланной нашимъ прямо съ неба свалившимся ученымъ археологомъ, открывшимъ цълую сосновую рощу, посаженную руками безсмертнаго Пушкина и находящуюся всего въ нъсколькихъ верстахъ отъ города, хотя въ следующемъ же номере явилось опровержение съ несомивниыми доказательствами, что это былъ сонъ ученаго и ничего больше. При всемъ томъ газета оживляется; публика блаженствуетъ, а что ложь идетъ за правду, то не все ли это равно для нея. Ко всему этому-такое изобиліе обличеній и обличителей, что наши земскіе и думскіе ораторы, волей или неволей, прикусили языки, а мирные граждане, опасаясь выходить изъ дома, заперлись въ четырехъ ствнахъ. Восхищенный внезапно развернувшимися передъ глазами моими свътлыми перспективами, я при всемъ томъ смущался страннымъ смъщеніемъ канкана и маскарадовъ съ сюрпризами, съ подвигами благотворительности на показъ и открытіями, оказавшимися сновидініемь ученаго археолога.

Тоть, кто подолгу живаль въ деревнъ, глазъ-на-глазъ съ одними мужиками, пойметь неловкость, если не страхъ, неожиданнаго реприманда, съ которымъ, пройдя длинную амфиладу парадныхъ комнать, входилъ я въ кабинеть нашего генерала, говоря сущую правду, очаровывавшаго просителей, и, усъвшись противъ него, принялся мрачными красками изображать положение вещей въ деревнъ. Я долго обдумывалъ то, что считалъ нужнымъ сказать, и мнъ казалось, что камни заговорятъ послъ моего сообщения, но, какъ на зло, въ эту минуту вошелъ еще болъе симпатичный сановникъ, удивительно моложавый и сохранивнийся.

Между двумя сановниками тотчасъ же завязался одушевленный разговоръ о картинной выставкъ.

- Я, ваше превосходительство, забъжалъ узнать, берете ли вы «Туманъ» Лагоріо, если нътъ, то я ръшился взять,—началъ гость,—хотя я предпочитаю «Бурю съ корабликомъ».
- О, нътъ... не согласенъ, заволновался хозяинъ: «Туманъ»—это что-то такое, напоминающее Тэрнера... Все ждешь, что вотъ-вотъ туманъ поднимется... выше-выше...

- Но позвольте, позвольте, ваше превосходительство,—съ жаромъ возразилъ гость. Если туманъ напоминаетъ Тэрнера, то «Буря» это, это настоящій Констебль. Страшно становится, что эти волны захватять и унесуть васъ...
- Коли пошло на правду, такъ объ вещи прелестны, объ лучше...—разсудилъ хозяинъ.
- А не правда ли, ваше превосходительство, —въжливо перебиль гость, —какъ это странно, что пейзажная живопись сравнительно слаба тамъ, гдѣ, казалось бы, сама природа раскрывается во всей красѣ, и, наобороть... возьмемъ Италію...—Но въ эту минуту гость, съ свойственнымъ каждому порядочному человѣку тактомъ, сообразилъ, что, можетъ быть, помѣшалъ дѣловому разговору и посиѣшилъ раскланяться.
- -- Если это пойдеть дальше въ такомъ же направленіи, началь я, сохраняя почтительную позу, -- то, ваше превосходительство, мы окажемся въ пустынъ, и въ нашей волости останутся только волки да зайцы.
- Прекрасно! Все это прекрасно... но зачёмъ же мёшать, зачёмъ мёшать?..-началъ генералъ, но тутъ, какъ бы озаренный счастливой мыслью, вскочилъ съ мёста и, извиняясь тёмъ, что ему необходимо сказать два слова Юрію Александровичу, стрёлой помчался по скользкому паркету и, догнавши гостя, умолялъ его уступить ему обё картины, въ чемъ и успёлъ.
- Зачёмъ мёшать?.. еще разъ, задыхаясь отъ испытаннаго волненія, повторилъ генералъ свое любимое слово. Никому не мёшать и въ свою очередь требовать того же отъ другихъ, это было едва ли не единственное твердое правило, вынесенное генераломъ изъ довольно продолжительной жизни.
- Прежде всего не мѣшать, продолжаль онъ съ нѣкоторымъ паеосомъ:—а затѣмъ помнить, что въ переселеніи наше спасеніе, а Сибирь—это настоящій земледѣльческій рай. Espérez, et laissez faire!

Наконецъ генералъ спохватился, взглянулъ на часы и заторопился.

— Вотъ не думалъ— три часа, а мив необходимо на выставку. А все-таки переселение не такъ страшно, какъ это кажется нашимъ реакціонерамъ. Laissez faire! Laissez faire!—настойчиво и убъжденно добавилъ онъ, на прощанье протягивая мив руку.

Невзирая на то, что моя поъздка въ городъ длилась не болъе трехъ сутокъ, возвратившись, я чувствовалъ какую-то чрезвычайную усталость, и не только физическую, но и нравственную. Какъ будто послъ встръчи съ подлинными культурными людьми въ мою душу мало-помалу заползало тяжелое сознание своей отсталости.

На хуторѣ меня ожидало письмо отъ извѣстнаго уже читателю Василья Евграфова Абрамова.

«Ваше высокоблагородіе, милостивый благодітель рода человізческаго!-писалъ Евграфычъ:-конечно, Всевышній Создатель міра и милосердная Матерь Его Царица небесная, по своему неисчерпаемому милосердію, сожалья безумцевь, не оставляють нась, злодвевъ и бездвльчиковъ, своими указаніями и внущеніями-примъромъ тому, скажу прямо, служимъ мы, переселенцы, покинувшіе свои привольныя мъста и теперь обреченные на гладъ и погибель. И что же это означать должно, какъ не то, что Господь Богь и Пресвятая Мать Его еще не отвратили отъ насъ лица своего, что Они памятують объ насъ и, посылая казни, вразумляють, чтобы мы, безумцы, очнулись во время».—Евграфычъ подробно описывалъ всв бъдствія, претерпъваемыя переселенцами, живущими впроголодь въ мазанкахъ, землянкахъ и вынужденныхъ побираться Христовымъ именемъ. Въ заключение онъ взывалъ къ моей помощи въ такихъ выраженіяхъ: «послёднихъ крохъ лишился и вотъ молю васъ, внемлите гласу отчаяннаго человъка, вверженнаго въ бездну всякихъ нуждъ и мученій. А потому молю васъ, душа великодушная, съ первой почтой выслать мить 50 рублей, послт полученія коихъ немедленно возвращусь на родину, куда стремятся и вст мои односельцы, да не съ чемъ подняться: долги не пускають. А впрочемъ взятыя деньги я по гробъ жизни не забуду и безпремённо уплачу или заработаю».

Я схватился за письмо Евграфыча, какъ за якорь спасенія, и всячески старался распространить его между народомъ; но все усердіе мое удержать и спасти легковърныхъ пропало даромъ, тъмъ болъе, что ходокъ продолжалъ свою пропаганду, вызывая все новыхъ и новыхъ переселенцевъ и объщая золотыя горы.

Всѣ желающіе, начиная съ зажиточнаго мужика и кончая круглымъ бобылемъ, безпрекословно получали разрѣшеніе переселяться, хотя большая часть настоящей голытьбы уже ушла, а весною 1896 года поднимались на новую линію 47 дворовъ изъ числа самыхъ хозяйственныхъ и зажиточныхъ мужиковъ нашей мѣстности.

Готовый ко всему, я, какъ и большинство русскихъ людей въ такихъ случанхъ, старался не думать о томъ, что будетъ и что ожидаетъ впереди.

X.

Въ концѣ мая 1896 года, въ селѣ Никольскомъ снова повторилась прошлогодняя сцена общаго молебна, на этотъ разъ умѣреннаго пьянства; и мимо моего хутора снова прослѣдовало около 50 подводъ переселенцевъ, но только безъ плача, безъ обычныхъ причитаній и раздирательныхъ сценъ. Напротивъ того, лица отъѣзжающихъ сіяли бодростью и радостнымъ настроеніемъ духа, а про-

вожавшіе ихъ родственники и сосъди разставались съ ними только до будущей весны.

Партію велъ старикъ Арзамасковъ, человѣкъ бывалый, хозяйственный и большой дипломать, до 67 лѣтъ сохранившій изумительную бодрость тѣла и духа.

Наша Настасья, трогательно распрощавшись съ обитателями хутора, умиравшими отъ радости, нарядная какъ имениница, усълась на подводу рядомъ съ Іонкой, мальчикомъ лътъ 15, отъ чрезмърной радости болтавшимъ ногами, на которыхъ были надъты большіе мужскіе сапоги, и, набожно перекрестившись, присоединилась къ переселенческому обозу.

Не далъе, какъ осенью того же 1896 года, мнъ пришлось переслушать столько разсказовъ о похожденіяхъ второй партін нашихъ переселенцевъ, что я позволяю себъ въ точности, безъ малъйшихъ прикрасъ, воспроизвести эти несомнънно правдивые разсказы.

Прівхали въ Самару—этоть первый пункть великаго Сибирскаго пути-одинъ изъ крупнъйшихъ торговыхъ центровъ Поволжья. Народу видимо не видимо-волей или неволей пришлось трое сутокъ дожидаться переселенческого повзда. Оть нечего двлать народъ бродиль по улицамь, густой толной и подолгу стояль передь намятникомъ Царю-Освободителю или глазълъ на всякія диковины, выставленныя въ громадныхъ зеркальныхъ окнахъ магазиновъ... Жара страшная, удушливый вътеръ поднимаетъ облака известковой пыли и засыпаеть глаза, засидъвшіеся въ своемъ захолустьи переселенцы, испытывають только радостное настроеніе и наслаждаются невиданными чудесами большого города. На третій день они благополучно устлись въ вагоны и, изумляясь славной выдумкъ и расточая похвалы железной дороге, понеслись по голой степи... Изръдка промелькиетъ татарская мечеть, еще ръже русское село съ церковью. Чёмъ ближе къ Уфъ, тёмъ мъстность становилась живописнее; показались березовыя и осиновыя рощи. Все стремительно бросились къ окнамъ вагоновъ, когда на горизонтъ, среди зелени садовъ развернулась панорама Уфы, издали казавшейся большимъ, красивымъ городомъ. Съ шумомъ прошелъ повадъ по желъзному мосту и остановился у вокзала, показавшагося переселенцамъ настоящимъ дворцомъ.

Снова зашумъть повздъ; горизонть расширяется, подъемъ все значительнъе; одна надъ другой растутъ горы, покрытыя еловымъ и сосновымъ лъсомъ. Окружающіе виды становятся разнообразнъе и интереснъе, воздухъ холоднъе. Съверная природа и ея климатъ даютъ себя чувствовать. Наши степняки восхищены видами красивой мъстности, не измъняющейся до самаго Челябинска, гдъ ихъ уже поджидаютъ первыя, непредвидънныя разочарованія.

— «Выходи, живо выходи»,—грозно командуеть кондукторъ, и переселенцы, толкаясь и изнемогая подъ тяжестью всякой рухляди,

захваченной изъ дома, очутились въ необозримой, тысячной толить, расположенной громаднымъ таборомъ подъ открытымъ небомъ, вдоль линіи желтяной дороги. Слышится неумолкаемый говоръ на русскомъ и непонятномъ чухонскомъ, малороссійскомъ, даже польскомъ и нъмецкомъ языкт, надрываютъ душу жалобный дтскій плачъ и стоны больныхъ. Только что покинувшіе свой теплый уголъ, переселенцы не знаютъ, что дталть, гдт пріютиться... и бродять вокругъ станціи, но ихъ гонятъ прочь. Они, утомленные дорогой, непривычнымъ сидтавемъ въ вагонт, непривычнымъ бездтавемъ, располагаются на сырой землт, еще мокрой отъ только что прошедшаго дождя. Ихъ окружаетъ толиа такихъ же безпріютныхъ, какъ и они, къ нимъ пристають съ вопросами: откуда и куда и почему задумали переселяться?

- A вы куда и въ какія мъста?—въ свою очередь спрашивають наши переселенцы.
 - Землей наголодались, —отвъчають имъ со всъхъ сторонъ.
 - И мы тоже: рыба ищеть, гдъ глубже, человъкь-гдъ лучше.
 - А вы давно уже здёсь сидите?
 - Десятый день повзда ждемъ и все не дождемся.
- А это что такое?—интересуются нѣкоторые изъ переселенцевъ, указывая на ряды новенькихъ деревянныхъ крестовъ, покрывающихъ сосѣдній пригорокъ.
- А это новое кладбище, только и дѣлаютъ, что таскаютъ нашего брата.

Предчувствіе чего-то недобраго закрадывается въ душу переселенцевъ, подавленныхъ зрълищемъ несмътной толпы, чернъвшей вокругъ дороги. Казалось, что вся Русь, живущая землей, разомъ двинулась на востокъ.

Ночь была сырая и совсёмъ черная... Нависшія надъ бивуаками тучи увеличивали темноту; все смокло; только слышался безпрерывный шумъ дождя. Наконецъ-то на небё, мёстами, замелькали лазоревыя пятна, и солнечные лучи на мгновеніе озарили непроглядную даль, наполненную утреннимъ туманомъ; но вотъ снова набёжали тучи, и началъ сёяться мелкій, чисто осенній дождь, какъ нельзя болёе гармонировавшій съ унылою мёстностью, и все закуталъ сёрою пеленой.

Всёхъ началъ томить голодъ... Вспомнили, что въ баракахъ, куда пошли только счастливцы, раньше прибывше въ Челябинскъ, за незначительную плату можно достать хлёбъ и даже горячую пищу, и всё устремились къ баракамъ.

Слъдующая ночь была ясная, звъздная и холодная. Мужики съ свойственной имъ ловкостью разыскали гдъто въ сторонъ повалившійся заборъ, въ сумерки перетащили его на мъсто стоянки и зажгли костры. Надъ огоньками повъсили котелки и заварили кашу. Всъ оживились, исключая Настасьи, сидъвшей въ сторонъ, уткнувшись головой въ голени и обхвативъ ихъ руками, думавшей крѣпкую думу; возлѣ нея спалъ Іонка, съ головой закутавшись въ овчинный тулупъ. Настасья мысленно сводила счеть израсходованнымъ въ дорогѣ деньгамъ и въ то же время боялась считать, чтобы не убѣдиться въ томъ, что эти расходы были слишкомъ велики.

Миновало еще нъсколько дней, то ясныхъ, то дождливыхъ, а потада все нътъ, и неизвъстно, когда будетъ. Грубые, не знающіе покоя сторожа и желъзнодорожное начальство безцеремонно выпроваживали со станціи любопытныхъ, то и дъло пристававшихъ съ вопросами, когда же конецъ томительному ожиданію. «Помремъ всъ съ голоду и холоду»,—взывали переселенцы.

- Не помрете, —отвъчають имъ съ насмъшкой и выталкивають вонъ. А между тъмъ то и дъло подкатываются новые поъзда, и народъ все подваливаеть, до того подваливаеть, что, наконецъ, администрація вынуждена во что бы то ни стало спровадить накопившуюся массу живого груза.
- Берите билеты, билеты берите! Вставайте, полно дрыхнуть, берите билеты до Омска!—командуеть начальство.
- А гдъ взять денегъ-то? везите даромъ, по положеню, отвъчають тъ, у кого почти не осталось ни копейки за душой.
- А ты поговори, поговори еще, такъ я тебъ покажу положеніе, отвъчають болъе задорные, и въ концъ концовъ живой грузъ поднимается и покорно идеть въ свое стойло.

Поъздъ двинулся, и переселенцы словно ожили, кто-то изъ болъе умственныхъ мужиковъ громко закричалъ: «Молись Богу,—настоящая Сибирь пошла!». Всъ встряхнулись и съ удвоеннымъ вниманіемъ смотръли изъ оконъ вагоновъ на голую степь, потянувшуюся отъ самаго Челябинска.

Съ приближеніемъ ночи въ вагонахъ водворилась такая духота, что не было возможности дышать, и даже, казалось бы, достаточно закаленные мужики и тѣ возроптали. Вагоны были до такой степени переполнены, что представляли сплошную массу котомокъ, лаптей, мокрыхъ чапановъ и тулуповъ. Дверь наглухо заперта, и воздухъ проникалъ только черезъ маленькое окно подъ крышей. Дышать невозможно— сжимаетъ виски. Большая частъ пассажировъ, плотно прижавшись другъ къ другу, валялась на полу, усыпанномъ всякими объѣдками, окурками папиросъ, рыбьей шелухой, хлѣбными корками. Нѣкоторые растянулись на узкихъ доскахъ, замѣнявшихъ нары; другіе ухитрялись забраться подъ скамьи. Въ такомъ ненормальномъ положеніи тянулись дни и ночи, казавшіеся безконечными.

Переселенцы добрались до Омска и съ неописаннымъ восторгомъ узрѣли давно манившій ихъ Пртышъ, почему-то вмѣстѣ съ кедровыми орѣхами игравшій главную роль въ ихъ воображеніи.

Страшная толкотня на пристани. Народъ спѣшитъ къ паро-

ходу... Шумный говоръ, крикъ и ругань-все это мѣшается съ плескомъ мутныхъ волнъ, бившихся о громадную баржу, предназначенную для переселенцевъ. Въ тъсной толить снуеть исхудалая, нервная, но въ то же время энергичная сестра милосердія, назначенная сопровождать партію переселенцевь до Томска и ухаживать за больными, ръзкимъ, надтреснутымъ голосомъ повторяя: «Кому нужно, запасайтесь хльбомъ; дальше уже негдь будеть купить до самаго Тобольска. Запасайтесь, кому нужно».— И всв запасались, чтобы потомъ спуститься въ темный трюмъ баржи. Она заколыхалась и, точно не хотя, пошла за пыхтъвшимъ впереди старымъ, неуклюжимъ пароходомъ, оставлявшимъ длинную, черную полосу дыма на съромъ небъ. Шумять, бъгуть и плещутся мутныя волны Иртыша, развернувшагося во всей своей унылой, холодной красотъ. Потянулись однообразные гребни горъ, покрытыхъ черной массой лъса изъ кедра, сосны и пихты. Все отзывается чъмъ-то суровымъ и первобытнымъ: стаи утокъ плаваютъ по реке, не опасаясь человъка. Мертвая глушь, полное безлюдье подавляющимъ образомъ дъйствуютъ на человъка. Сърая скатерть Иртыша, въ черной каймъ лъсовъ, нисколько не напоминаетъ нашимъ переселенцамъ ихъ родной ръки Волги съ ея кипучимъ движеніемъ, несмолкаемымъ шумомъ то и дёло снующихъ нароходовъ, лихой пёснью и веселящими сердце видами зажиточныхъ селъ и деревень.

— Ужъ больно стро да безлюдно,—говорили одни.—Да и хлтото отъ самой Челябы пошелъ не нашъ, не россійскій, вкусомъ на глину похожій,—прибавляли другіе.

Дождливая погода смѣнилась жгучими жарами, миріады страшныхъ сибирскихъ мошекъ наполняютъ воздухъ, такъ что волей или неволей приходилось прятаться въ трюмъ. Плывутъ день, другой, остановки рѣдкія, на пристаняхъ сложены массы дровъ, стоятъ жалкія, одинокія избушки для рабочихъ, а гдѣ попадались села, то переселенцевъ выпускали на берегъ, предупреждая, чтобы они не ходили, разиня ротъ, ежели у кого деньги есть, такъ какъ здѣсь народъ опасный—ссыльный. Тоска невольнымъ образомъ закрадывалась въ душу болѣе робкихъ и впечатлительныхъ. На шестнадцатый деңь скучнъйшаго плаванія наши добрались наконецъ до Томска.

Какъ на счастье, день выпалъ ясный, лучезарный... Солнце горитъ также ярко, въ воздухѣ столько же блеска, какъ на югѣ. Казалось, все соединилось къ тому, чтобы подкупить и ободрить измученныхъ путниковъ.

Не доважая до города, пароходъ остановился около бараковъ... Пристань кипела народомъ... Впереди избранной публики, видимымъ образомъ собравшейся на встрвчу переселенцамъ, на почетномъ мъстъ стоила дама въ свътломъ платъв, а рядомъ съ ней выступала видная фигура человъка, къ которому всъ окружающе отно-

сились съ замътнымъ уваженіемъ. При приближеніи баржи важный баринъ сдълалъ шагъ впередъ и принялся привътливо раскланиваться направо и налъво, сосредоточивая свое вниманіе на старикахъ и на дътяхъ.

- Здорово, старички, здравствуйте, дъти! Поздравляю съ пріъздомъ, очень радъ, что добрались благополучно... Отъ души поздравляю, — говорилъ важный баринъ, продолжая раскланиваться.
- Съ прівздомъ, съ прівздомъ! подхватила симпатичная дама, кивая головой переселенцамъ, спѣшившимъ оставить баржу.
- Дътей сюда, всю дътвору вашу подавайте!—прокричалъ ктото изъ чиновниковъ:—мы имъ сибирскихъ гостинцевъ привезли.

Потокомъ нахлынули дёти и, къ немалой радости, всё до единаго были надёлены кедровыми шишками.

— Желаю всякаго счастія и благополучія на новыхъ м'єстахъ, — на прощанье прокричалъ баринъ, с'єлъ въ коляску и покатилъ въ городъ.

Забыты перенесенныя невзгоды, а надежда на лучшую долю снова заговорила въ истомленныхъ ожиданіемъ сердцахъ. Прямо съ баржи переселенцы попали въ просторные бараки съ печами, больницей, кухней, навъсомъ для вещей, а, главное, съ баней, куда тотчасъ же бросился и старый и малый. Отдохнувши какъ слъдуетъ, въ первый же базарный день переселенцы направились въ городъ покупать телъги, лошадей, сбрую и все необходимое для обзаведенія на новыхъ мъстахъ. Новая радость: лошади оказались вдвое дешевле, нежели у насъ, хотя все остальное поражало дороговизной.

Поднялась обычная крестьянская суета, забота о лошади и всякихъ хозяйственныхъ мелочахъ. Всё почувствовали себя въ своей родной сфере, и чего же еще желать мало-мальски хозяйственному мужику, когда при немъ добрая лошадь, новая телега съ шинованными колесами, а впереди, не сегодня такъ завтра, ожидаеть его такая уйма земли, луговъ и лёсовъ.

Необходимыя бумаги получены; кони запряжены, и длинный обозъ двинулся изъ Томска по Иркутскому шоссе. Большая дорога полна движенія: медленно тянутся вереницы телѣгъ, ихъ объѣзжаютъ тарантасы съ сибирскими чиновниками и купцами, утопавшими въ перинахъ. Выбравшись на просторъ, ямщики гикаютъ на лошадей; заливаются колокольчики, и тройки летятъ впередъ, восхищая пѣшеходовъ, идущихъ по бокамъ дороги. Пѣсни и веселые разговоры не умолкаютъ во все время пути до большого села, вытянувшагося въ линію по шоссе, съ высокими, плотно стоявшими другъ къ другу, зачастую двухъэтажными домами, съ церковью, лавками, постоялыми дворами и множествомъ кабаковъ. Длинная улица, уже окутанная полумракомъ, переполнена телѣгами съ поднятыми вверхъ оглоблями и привязанными къ нимъ лошадями.

На постоялыхъ дворахъ была настоящая давка и тъснота отъ скопившагося народа, возовъ и лошадей. Не находя ни единаго свободнаго угла, переселенцы долго бродили по селу, пока наконецъ не пристали на самомъ вытъдъ, около двора какой-то бойкой вдовы, встрътившей ихъ совътомъ—не зъвать и ложиться около возовъ, такъ какъ народъ здъсь со всячиной—хвалить нельзя: только на кнугъ да на ножъ и промышляютъ.

Поблагодаривъ хозяйку за добрый совёть, то и дёло повторяемый въ Сибири, каждый изъ переселенцевъ устроился, гдъ и какъ попало, лишь бы только поближе къ лошади. Никому не спалось въ нетерпъливомъ ожидании близкаго свидания съ своими односельцами и родственниками. Каждаго такъ и подмывало вскочить на ноги и бъжать впередъ, чтобы только хотя бы часомъ, двумя, раньше другихъ увидать обътованную землю. Всъ лежали молча, смотря на блёдное, усёянное звёздами небо и чутко прислушиваясь къ несмолкаемымъ пъснямъ и пьяному оранью, раздававшемуся на улиць, въ постоянномъ ожиданіи какихъ-то необычайныхъ событій, -- чего нибудь въ род'в кражи или грабежа. Н'всколько преувеличенные разсказы о разбояхъ, убійствахъ и подвигахъ ссыльныхъ были постоянной темой разговоровъ во время пребыванія въ Томскъ: тамъ убили одного, въ другомъ мъстъ двоихъ, даже пятерыхъ; туть ограбили, тамъ обокрали. Мирные пахари инстинктивно чувствовали, что здёсь творится что-то неладное-жизнь ценится ни по чемъ, интересы ближняго ни во что, чувствовали несомивнную деморализацію подъ вліяніемъ ссыльныхъ, этихъ героевъ сибирской жизни, благодаря самому положенію своему, заранъе уже обреченныхъ на новыя преступленія.

Поднялись съ разсвътомъ... до мъста оставалось не болъе 40—50 верстъ... За селомъ круто повернули влъво и тотчасъ же оказались въ совершенно новой, дикой обстановкъ тайги. Медленно ползетъ рядъ телъгъ по узкой лъсной дорогъ, ежеминутно натыкаясь на пеньки или увязая въ топкихъ болотахъ, покрытыхъ густымъ тальникомъ и осокой. Мужикамъ то и дъло приходилось помогать выбивавшимся изъ силъ лошадямъ, но колеса снова наъзжали на пни или попадали на длинную, неровную, бревенчатую настилку, до такой степени тряскую, что сидъвшихъ на возахъ бабъ и дътей кидало съ боку на бокъ, и они едва удерживали равновъсіе. За обозомъ по кочкамъ и рытвинамъ пробирались пріуставшіе мужики въ новыхъ красныхъ рубахахъ, надътыхъ по случаю радостнаго дня.

Залаяли собаки. Всё встрепенулись, а между порёдёвшими стволами деревьевъ показались убогія, нищенскія мазанки чувашскаго поселка, до такой степени незначительнаго, что легко было пройти мимо не замётивъ. Обвязанные берестой, съ холщевыми мёшками на головахъ, предохраняющими отъ комаровъ, чуващи скорёв

напоминали какихъ-то чудовищъ, нежели людей. Ихъ тощія клячи, покрытыя рогожами, бились и мучились въ загородкѣ, спасаясь отъ мошкары.

- Какъ поживаете на новыхъ мѣстахъ?—спрашивали мужики, тотчасъ же признавъ въ чувашахъ своихъ ближайшихъ сосѣдей по уѣзду.
 - Какъ видите, помираемъ отъ мошкары и сидимъ безъ хлъба.
- И дороги же у васъ—прямо каторжныя... А дальше-то что будетъ?.. неужели все то же? освъдомляются смущенные переселенцы.
- Какъ есть все то же... Все лъсъ да лъсъ, и конца ему не сыщете,—отвъчали чуваши.

И точно, за тъсной темно-зеленой щетинистой стъной, кольцомъ окружавшей поселокъ, далеко виднълась синяя полоса лъса, за ней дымчатая, и такъ на тысячи верстъ--все лъса и лъса, нъкоторыхъ, казалось, и выбраться невозможно.

Тайга густьла... Вверху узенькан полоска неба, напоминавшан о ясномъ іюльскомъ днѣ, точно нехотя разступается темный ельникъ, чтобы пропустить переселенцевъ, и только что не говоритъ имъ: «теперь уже не вырветесь, никуда не уйдете—здѣсь и кости сложите». Лѣсъ становился все выше и выше, мѣстность все глуше и глуше... Вечеромъ, когда сѣло солнце, въ лѣсу стало свѣжо и сыро отъ множества болотъ и гніющихъ растеній; то туть, то тамъ, въ лѣсной чащѣ, медленно поползли бѣлыя полосы тумана... Гдѣто надъ лѣсомъ замигали звѣзды. И куда только пропала обычная веселость мужика... Всѣмъ стало жутко не по себѣ, даже какой-то небывалый страхъ напалъ на переселенцевъ, напуганныхъ разсказами о разбойникахъ и медвѣдяхъ. Вотъ гдѣ-то вблизи затрещали сухіе сучья—не медвѣдь ли подкрадывается, почуявъ добычу, или бродяги рыщутъ съ ножами за поясомъ? Всѣ инстинктивно жались другъ къ другу, робко оглядываясь по сторонамъ.

Ночью, почти ощупью добрались переселенцы до села, хорошо знакомаго имъ изъ писемъ родственниковъ. Уже болъе 50 лътъ, когда основанъ этотъ поселокъ выходцами изъ Тамбовской губерніи, и ни малъйшаго признака зажиточности и приволья: избушки мизерныя, зачастую безъ крышъ, или крытыя дерномъ, около нихъ никакого подобія дворовъ, по-нашему, съ широкими поднавъсами и хлъвами; гуменъ, овиновъ, садовъ или огородовъ и въ поминъ не было. Пришлось переночевать; и только утромъ на другой день переселенцы тронулись къ своимъ, проживавшимъ въ какихъ нибудь 4—5 верстахъ.

За околицей снова началась тайга, и вотъ наконецъ-то изъ-за толстыхъ сосенъ и елей передъ ними неожиданно показался длинный поселокъ, мъстами прерываемый вязкими болотистыми лощинами и протянувшійся вдоль мутной ръчки, то узкой и терявшейся въ

камышахъ, то превращавшейся въ болото или небольшое озеро. Новый поселокъ представлялъ рядъ мазанокъ и землянокъ, между которыми изръдка бросались въ глаза одинокія, высокія избы, видимымъ образомъ начатыя съ большими претензіями, но до сихъ поръ не конченныя. Извилистая улица была завалена массой всякаго лъса, очевидно вывезеннаго сгоряча въ большомъ количествъ и потомъ гнившаго безъ всякаго употребленія.

Весь поселокъ пришелъ въ движеніе. Хлопали двери, скрипъли ворота... Изъ всъхъ избенокъ и землянокъ бъгуть люди, на ходу натягивая кафтаны и накидывая платки на всклоченныя головы и не помня себя отъ радости при видъ земляковъ.

Съ одной изъ телътъ спрыгнула Настасья и, держа за руку своего сына, бросилась къ ближайшей жалкой избенкъ, изъ которой вышелъ ея отецъ, сгорбленный, обросшій длинной бородой и волосами, въ нищенскомъ одъяніи. Увидавши отца, она раскрыла ротъ отъ удивленія и откинулась назадъ. Для нея стало ясно, что отцу не посчастливилось на новомъ мъстъ, и что его сообщенія о иятистънной избъ и свътлицъ были только плодами неосуществившейся фантазіи.

--- Вотъ такъ-такъ! И за что на меня напасть такая? Зачъмъ было вызывать въ такую даль? почти плача, взмолилась растерявшаяся женщина, между тъмъ какъ отецъ стоялъ передъ ней, понуривъ голову и тупо глядя въ землю. Наконецъ, онъ заговорилъ и сталъ оправдываться, ссылаясь на то, что сыновья бросили его; какъ только пришли въ Сибирь, такъ и бросили, остался одинъ, какъ перстъ. Старикъ путался, повторяя несвязныя рѣчи: «я какъ передъ Богомъ, а не то что... А что дѣти бросили, въ городъ ушли, такъ это върно... Ну, и надумалъ писать къ тебъ... звать». Но Настасья не слушала старика и отчаянно рыдала.

Такое начало не предвъщало ничего добраго. Между тъмъ кругомъ слышались радостныя восклицанія свидъвшихся родственниковъ, смѣшанныя съ жалобами съ перваго же шага разочарованныхъ переселенцевъ. Одни отпрягали лошадей, другіе удивленными глазами глядъли на окружающую ихъ бъдность, на осунувшіяся лица родныхъ и знакомыхъ, на ихъ рубища, ясно говорившія о нуждъ и всякаго рода лишеніяхъ, то и дѣло повторяя: «васъ и не признать никого—точно незнамые люди».

Надъ скучившимся народомъ носятся тучи слъщей и какихъ-то особенныхъ сибирскихъ комаровъ, не дававшихъ покоя ни людямъ, ни лошадямъ, и такимъ образомъ только увеличивавшихъ общее смущеніе.

Прибъжалъ Евграфычъ; но въ глазахъ его и во всей фигуръ этого когда-то благодушнъйшаго и счастливъйшаго человъка въ Никольской волости было что-то плаксивое и глубоко несчастное.

— Прибыли?-сдавленнымъ голосомъ спросилъ онъ прівзжихъ.

- Прибыли, отвъчали пріъзжіе.
- А мое письмо къ барину читали?
- Читали, да не пов'врили... Батюшки! какая мошкара св'ту Божьяго не видно!... и вс' отчаянно отмахиваются руками не зная, что д'блать съ обезум'твшими лошадями.
- Животу у насъ смерты!—продолжалъ Евграфычъ, Только на зорькъ да поздно вечеромъ и жить можно—въ избахъ всю ночь курево горитъ.—И онъ тотчасъ же, съ своимъ неизмъннымъ добродушіемъ, пригласилъ пріъзжихъ въ свою избу, вскоръ переполнившуюся народомъ. Въ этой просторной, жалкой по своему убожеству избъ еще жили старыя, обычныя привычки хлъбосольства.
- Садитесь гостями будете... приглашаль Евграфычь, а его хозяйка уже вытираеть столь, по обычаю накрываеть чистой скатертью и ставить неуклюжую солонку и деревянный кружокъ съ кусочками чернаго хлъба. Пріъзжіе слъдять за смущенной хозяйкой съ напряженнымъ любопытствомъ.
- Не обезсудьте, гости дорогіе, не своимъ угощаю, а тоже добрые люди подали. Да подають-то плохо, не то, что въ нашихъ мѣстахъ, здѣшній народъ варваръ,—съ видимымъ наслажденіемъ передавалъ Евграфычъ, обрадованный тѣмъ, что наконецъ-то снова нашелъ слушателей и можетъ поговорить въ сласть. Здѣшняя жизнь-то вотъ гдѣ у насъ сидитъ—вотъ гдѣ, вотъ гдѣ! и, чтобы придать болѣе выразительности своей рѣчи, онъ немилосердно колотилъ себя по спинѣ.

Въ концъ-концовъ Евграфычъ пришелъ въ великолъпнъйшее настроеніе духа, продолжая яркими красками описывать неудобства сибирской жизни. Его многочисленные слушатели загородили двери и окна, даже забрались на палати, свъсивъ оттуда головы и уставивъ глаза на разсказчика.

— Главное, воздуху проникновеннаго нѣту-те, травы не съѣдобныя, воды густыя, точно съ купоросомъ; пить сырую воду нельзя, кипятить нужно, — говорилъ Евграфычъ все съ той же убъжденной горячностью, точно боясь что нибудь забыть и не досказать всего, что необходимо было знать новымъ переселенцамъ:—опять же люди живутъ здѣсь заблудшіе, опасные, прямо отчаянные.

Старые переселенцы утвердительно кивали головой, а вновь прівзжіе, ужасаясь, то и дѣло повторяли: «ну, братцы, попали мы въ точку, вотъ такъ попали въ яму».

Благодушнъйшая рожа Евграфыча сіяла счастіемъ и, окончательно завладъвъ общимъ вниманіемъ, онъ продолжалъ:—Земли по 15 десятинъ на душу, да что въ нихъ—одной нашей десятины не стоятъ. Заработковъ никакихъ; ближайшая мельница въ 25 верстахъ; скотину пасти нельзя, такъ и бъется около жительства, въ городьбъ. Въ лъсъ тоже не пустишь: медвъдь загубитъ, или недобрый человъкъ угонитъ. Сейчасъ ружье заводи и ходи съ нимъ

какъ солдатъ. А главное-то, самое главное: нѣтъ проникновеннаго воздуха!—въ заключеніе еще разъ повторилъ Евграфычъ. Чувствуя самъ, что говоритъ убѣдительно, овладѣвъ вниманіемъ слушателей, онъ продолжалъ бы безъ конца, если бы въ эту минуту не послышался по обыкновенію повелительный и рѣзкій голосъ «ходока», незамѣтно появившагося въ избѣ и уже торопившаго пріѣзжихъ слѣдовать за нимъ въ волостное правленіе, чтобы приписаться и вмѣстѣ съ тѣмъ хлопотать о денежной ссудѣ. Знаменитый «ходокъ» былъ для пріѣзжихъ совершенно новымъ лицомъ. Онъ измѣнился до неузнаваемости,—похудѣлъ; лицо потемнѣло, а вмѣсто параднаго желтаго кафтана на немъ висѣли какіе-то полинявшіе клочки сукна.

Въ толпъ прівзжихъ произошло движеніе: одни изъ нихъ болъ́е податливые стали собираться въ волость, другіе стали втупикъ и не знали, что дълать.

— Стойте! стойте!—вдругь вскипълъ Евграфычъ. — Не слушайте его, никого не слушайте! а прежде всего идите смотръть участокъ! Я тоже умирать буду, -- такъ не хочу отвъчать за васъ передъ Богомъ. Мы потеривли за наши грвхи, такъ зачвиъ же вамъ-то терпъть. Идемте смотръть участокъ!--и онъ, какъ былъ, накинувъ на голову родъ мѣшка, пропитаннаго дегтемъ, бросился вонъ изъ избы, въ сопровождении толпы прівзжихъ, наскоро вооружившихся топорами, косами и желъзными лопатами. До поздняго вечера бродили переселенцы по тайгъ, точно окутанной пыльнымъ налетомъ изъ всевозможныхъ породъ комаровъ и мошекъ, то и дёло прибёгая то къ лопатё, то къ косё, при каждомъ взмахё которой, словно дымъ, бросались въ глаза милліарды насфкомыхъ, гитвадившихся въ высокой, какъ камышъ, травъ! Слъдовъ и тропинокъ множество, а торной дороги ни одной. Что ни шагъ, то топи да трясины, и только изръдка попадаются клочки заброшенной пашни, твердой, какъ кирпичъ. Мъстами сухая трава и мелкая поросль выпалены, а снаружи одна глина; кое-гдё на выпаленныхъ полянкахъ замътны признаки посъяннаго овса, уже заглушеннаго травой, похожей на болотную осоку. Попадались цёлыя рощи вёковыхъ елей, сплошь покрытыхъ темными висячими сучьями, съ острыми, какъ пика, вершинами, гдъ даже въ полуденный жаръ царила настоящая ночь и въчная прохлада. Все завалено всякимъ, громоздившимся другь на друга, гніющимъ ломомъ, окутаннымъ густымъ бурымъ мхомъ, принявшимъ всевозможныя фантастическія формы, и своимъ таинственнымъ мракомъ внушало невольный трепеть нашимъ степнякамъ, отъ роду не видавшимъ такихъ глухихъ мъсть, доступныхъ только для дикаго звъря.

Поздней ночью возвратились мужики въ поселокъ, изъйденные мошкарой, усталые, голодные и не только удивленные, но даже напуганные всимъ видинымъ въ тайгъ. При всемъ томъ никто

«истор. въстн.», февраль, 1900 г., т. LXXIX.

не думалъ о голодъ, объ отдыхъ. Новые переселенцы расположились около избы своего путеводителя, окруженные еще не тронутыми узлами и сундуками. Они все еще не могли прійти въ себя отъ всего видъннаго, пережитаго и перечувствованнаго въ теченіе этого злополучнаго, длиннаго лътняго дня; одни громко роптали, другіе относились къ своему положенію съ свойственнымъ русскому человъку юморомъ, третьи упорно молчали.

Вскорѣ къ избѣ Евграфыча сбѣжалось все населеніе поселка, отъ мала до велика. Ничего нельзя уже было разобрать въ общей сутолкѣ. Нѣсколько голосовъ говорили вдругъ, но громче всѣхъ кричалъ Евграфычъ, нападая на Засурскаго и подступая къ нему съ кулаками, между тѣмъ какъ тотъ, стоя посерединѣ толпы, съ желтымъ отъ злобы лицомъ, не только не сдавался, но ругался, что было мочи.

- Мы думали, что ты приведешь насъ въ хорошую жизнь, что и дъти-то наши будуть благодарить тебя, а ты что съ нами сдълалъ, куда привелъ? упрекали бывшаго ходока даже болъе степенные старики.
- Да вы только подумайте, старики почтенные, съ своей стороны разжигалъ Евграфычъ, подумайте, гдв ему было въ одинъ мъсяцъ сибирскія мъста узнать: онъ дальше Томска и не ходилъ. Пришелъ въ канцелярію, взглянулъ на планы, и готово, а здъсь начальство радуется, что пустыя мъста замъщаются. Ему, коршуну, только бы денегъ побольше зацъпить, уже больно разохотился на чужія-то деньги.
 - Молчи, сорока, злобно шипитъ Засурскій,
- И сейчасъ тоже за аблаката служить, —вдругь вскипятился старый переселенець Данилинъ, когда-то зажиточный, а те ерь овершенно обнищавшій мужикъ. —Тоже хлопочеть о способіи, о лугахъ, а какъ только домъ поставилъ, сейчасъ же подъ училище ладитъ, по 5 рублей въ мъснцъ облагаетъ. Туда же храмъ Божій взялся строить, да я ему поперекъ дороги всталъ: подождемъ говорю, старики, еще ноги не обсохли.
 - Врешь, все врешь, пустомеля, огрызнулся Засурскій.

Долго сдержанное негодованіе толпы, наконецъ, прорвалось, всплыли наружу вызванныя общей тревогой старыя забытыя восноминанія: «А храмъ Божій кто ограбилъ, а волостное правленіе кто строилъ, а церковную ограду и мірского быка помнишь?»—«А кто мірской овесь на стана принималъ въ голодный годъ, да половину въ свой карманъ положилъ? Сказывай, кто положилъ?»—кричалъ народъ, по обыкновенію, припоминая ходоку вст его прегрышенія, чуть ли не со дня его рожденія.

— Его только и стоило бы втискать въ сибирское болого, — уже переходя границу, неистовствуетъ Евграфычъ, — или на Сахалинскіе острова сослать да въ каменный мъщокъ посадить.

- Дураками родились дураками и въ могилу пойдете! не помня себя, сдавленнымъ отъ ярости голосомъ вскричалъ Засурскій, и, видя, какой опасный для него оборотъ принимаеть дёло, быстро удалился изъ толпы, явнымъ образомъ обнаруживавшей непріязненное чувство къ своему бывшему идолу, никто изъ новыхъ переселенцевъ не видалъ его больше.
- Ну, я ему форсу-то поубавиль,—величался Евграфычь,—а васъ именемъ Бога заклинаю отправляйтесь туда, гдв родились. Останетесь, такъ на себя пеняйте, въ долги войдете и кончено: не съ чвмъ будетъ вернуться.

Но никто еще не спъшилъ послъдовать его совъту.

Точно на другую планету попали новые переселенцы, въ иной міръ, не имъвшій ровно ничего общаго съ ихъ обычной обстановкой, точно вдругь лишились они здраваго смысла и своей обычной смётливости, изнемогая подъ тяжестью сомнёній и колебаній. Между тімь, въ воображеніи ихъ безсвязно, но ярко, одна за другой рисуются картины сгоряча брошеннаго родного края, становивіпагося все милье и милье. Переселенцамъ мерещились безшумныя равнины, испещренныя громадными полосами всякихъ злаковъ, проселочныя дороги, окаймленныя стънами высокой колыхающейся ржи, рёдкія, бросающіяся въ глаза, березовыя или осиновыя рощи, представляющія единственную роскошь и прелесть необъятнаго горизонта, ряды привътливыхъ избъ, окруженныхъ прохладными, темными поднавъсами, съ прочными амбарами по другую сторону ровной улицы, ведущей къ площади, посреди которой въ зелени старыхъ березъ бълбеть Божій храмъ, съ площади, вблизи и вдали виднъются еще нъсколько церквей, тихій гулъ колоколовъ весело разливается надъ всей окрестностью въ воскресный день, -- гдв отыщешь такую тишь да благодать? А главное, гдъ найдешь столько неистощимаго добродущія, простоты отношеній, такую готовность всёхъ и каждаго поговорить, послушать или такую твердую увъренность, что дъло не убъжить, а всего дёла не передёлаешь. Дядя Өедоть со всёмъ своимъ громаднымъ семействомъ собрался молотить стмянный овесъ и чуть ли не половину площади занялъ овсяными снопами. Къ нему медленно спъшить дядя Игнать и еще издали источнымъ голосомъ кричить, что Васька Гальченковъ въ десятый разъ травить его озими своими овцами. — Ахъ, онъ такой-сякой грабитель, опустошить меня хочеть, безъ хлъба оставить... Нъть, этого не будеть... надо его поучить - поучить его надо, давно бы надо, вотъ что... - кинятился дядя Өедотъ, и даже вооружается длинной хворостиной, а самъ не двигается съ мъста, и между двумя мужиками начинается продолжительный разговорь о постороннихъ предметахъ, между тымъ какъ вся семья, обрадованная возможностью послушать, опираясь на цёпы, обступила разговаривавшихъ; а это безчисленное

множество родственниковъ, сватьевъ, шурьевъ, всегда готовыхъ завернуть въ праздничное время и, въ свою очередь, угостить на славу, а мірское вино, мірскія попойки!

— Нѣтъ, здѣсь не то, что у себя въ Никольскомъ... Здѣсь каждый норовить залѣзть въ карманъ; здѣсь онъ, мужикъ-то, волкомъ смотритъ, а прежде, чѣмъ пахать землю-то, нужно спину сломать, да ружье заводить, а въ одиночку и не думай пускаться въ дальній путь. Нѣтъ, здѣсь совсѣмъ другое! — какъ одинъ человѣкъ, порѣшили мужики, истомленные мрачными мыслями.

Огоньки потухли въ избахъ, прокричали пѣтухи, но никто не думалъ о снѣ, шли горячіе, безцѣльные споры, нисколько не помогавшіе рѣшенію рокового вопроса. Воть уже забрезжиль разсвѣтъ... въ сыромъ воздухѣ ясными очертаніями показались угрюмыя сосны и ели, на сотни верстъ заполонившія окрестность. Въ деревнѣ уже замѣтно движеніе, слышны голоса надъ крышами, высокими столбами поднимается дымъ; бабы погнали коровъ на загородь, а новые переселенцы все еще толпились на томъ же мѣстѣ въ ожиданіи, что кто нибудь вразумитъ ихъ, научить, что дѣлать, и развяжеть крѣпко затянувшійся узелъ.

Въ эту критическую минуту точно вътромъ подхватило стараго хитреца Арзамаскаго, въ обыкновенное время въ высшей степени осторожнаго и уклончиваго. Онъ съ юношеской легкостью вскочилъ съ своего мъста, озабоченно почесалъ свои бълые всклоченные волосы и, точно ощущая въ себъ непреодолимую потребность говорить, повелительно замахалъ руками и, среди мгновенно водворившейся тишины, самъ удивляясь своему красноръчію, обрушился на распроклятое сибирское житье; отъ избытка волненія на минуту запнулся, закашлялся, но тотчасъ же оправился и еще громче, на всю тайгу закричалъ: «Только деньги понапрасну загубили: кто хочеть оставаться въ этой ямъ, оставайся—и пёсь съ нимъ, а кому жизнь мила, снимай шапки, крестись и айда ко дворамъ».

Властный голосъ дряхлаго старика, его безповоротное убъжденіе произвели сильное впечатлёніе. Не доставало только толчка, чтобы почти всё новые переселенцы пришли къ одинаковому ръшенію. Они, точно по командё, сняли шапки, перекрестились и бросились поить лошадей, подмазывать телёги и запрягать, и, часъ спустя, среди обычныхъ воплей и причитаній остающихся родственниковъ и знакомыхъ, обозъ тронулся въ обратный путь.

Опять лёсъ, лёсъ и лёсъ... Переселенцамъ снова пришлось колесить по прихотливымъ изгибамъ знакомой дорожки, среди угрюмой тайги, трястись по бревенчатымъ настилкамъ, вытаскивать телёги изъ трясинъ. Но какъ только выбрались они на гладкое шоссе, ведущее къ Томску, между ними уже пошли веселыя шутки и разговоры, точно съ ними не случилось ничего особеннаго, а

то, что случилось, только забавно. Ихъ одушевляло одно общее, непреодолимое желаніе: какъ можно скорѣе покинуть непривѣтливую Сибирь.

Болъе мъсяца длилось обратное странствованіе переселенцевъ. Они доъхали до самаго Кривощекова на своихъ лошадяхъ, раздъляя съ ними послъдній кусокъ хльба и, по обыкновенію, помышляя болье о продовольствіи ихъ, чъмъ о своемъ собственномъ. Въ Кривощековъ помъстились на чугункъ, вмъстъ съ телъгами и лошадьми, а въ послъднихъ числахъ августа уже молотили новый хлъбъ у землевладъльцевъ и крестьянъ села Никольскаго, показавши невъроятныя, никому невъдомыя чудеса выносливости, если не геройства.

Легко вообразить себѣ положеніе переселенцевъ, возвратившихся на старое пепелище, гдѣ у нихъ все было распродано и не было ни двора, ни кола, ни гроша въ карманѣ и, казалось бы, ни души, способной принять участіе и помочь.

Считая положеніе возвратившихся переселенцевъ безвыходнымъ, и сгоряча рѣшился обратиться къ общественной благотворительности и только для этого поѣхалъ въ городъ. Я возвратился обратно съ подписнымъ листомъ, на которомъ не оказалось ни одной подписи, убѣдившись въ томъ, что благотворительные подвиги — дѣло спеціалистовъ, требующее извѣстной опытности и ловкости.

XI.

Какъ постоянный деревенскій житель, при полномъ безлюдьи и обычномъ отсутствіи містных общественных интересовь, оживающій только разъ въ недёлю при полученіи почты, чутко прислушиваясь къ новымъ въяніямъ, десятки лътъ прожилъ я въ постоянномъ ожиданіи чего-то новаго болье отраднаго и свътлаго въ расшатанной жизни темнаго, забытаго захолустья. «Воть пріфдеть баринь, баринь все разсудить», пойметь всю неурядицу сельской жизни и серіозно задумается надъ вопросомъ о ея упорядоченіи, -- размышляль я въ своемъ уединеніи, но баринъ, обыкновенно, голодный и разбитый варварской дорогой, принималь, какъ должное, раболбиную покорность собравшихся мужиковъ и сельскихъ властей, наскоро, то и дело посматривая на часы, ревизовалъ волостное правленіе, наскоро пиль чай и уже торопилъ съ лошадьми, чтобы не запоздать и не провалиться на первомъ же мосту, и мчался дальше. Съ приближениемъ каждаго новаго года, я, благодаря врожденной наивности, уповаль, что онь, этоть наступающій годь, непремінно принесеть намь нічто новое, давно ожидаемое счастье, а, главное, порядокъ; но проходили мъсяцы, годы, а все оставалось по-старому, и только увеличивалась переписка, и размножались прекрасно изложенные циркуляры; мы даже получили печатные бланки отчетности по школьному садоводству, въ то время, когда никто изъ насъ еще не видалъ ни одного школьнаго сада,—а порядку все еще не было. Ближайшее начальство, наши дѣятели мѣняли названія, мундиры, пытались что-то сдѣлать, упорядочить; надеждъ было болѣе, чѣмъ достаточно, но вскорѣ, подавленные массой дѣла, за немногими исключеніями, успокоились на томъ, что «во всякомъ случаѣ хуже не будетъ», сосредоточили все вниманіе на устройствѣ собственныхъ дѣлъ, объясняя окружающую ихъ неурядицу все тѣмъ же давно уже упраздненнымъ крѣпостнымъ правомъ.

Понятно, что при постоянной наклонности чего-то ждать и на что-то надъяться я съ напряженнымъ вниманіемъ слъдилъ за все болье и болье развивавшимся въ нашемъ захолусть в переселенческимъ движеніемъ, заранве восхищаясь грандіозной картиной великаго сибирскаго пути, по которому широкой волной потекутъ народныя массы туда, гдв ожидають ихъ непочатыя природныя богатства... Туда, гдъ не мыслима удручающая тъснота нашихъ мъсть, при все болъе увеличивающемся населеніи. Я искренно привътствоваль сочувствіе правительства къ народу, искавшему лучшихъ условій существованія и удовлетворенія насущнымъ потребностямъ въ землъ, мысленно повторяя слова извъстнаго изслъдователя европейской колонизаціи Легуа (Legoyt): «право переселенія есть право жизни». Мнѣ живо представлялись неисчислимыя выгоды, ожидаемыя Сибирью отъ переселенцевъ, коренныхъ смышленныхъ русскихъ людей, несомнънно способныхъ оказать сильное вліяніе на инородцевъ, служить имъ примъромъ и многому научить ихъ. Да и гдъ же, казалось бы, искать такого полнаго осуществленія мужичьяго счастья, какъ не въ Томской губерніи, обладающей 18°/о пространства всей Европейской Россіи и превосходящей европейскія владінія Великобританіи въ 21/2 раза и Пруссіи въ 3 раза. Что же касается до всякихъ опасеній и страховъ, вызываемыхъ переселеніемъ, то, въ началь движенія, они представлялись мнъ совершенно неосновательными и не заслуживающими вниманія. «Вывозъ рабочихъ и напиталовъ изъ старыхъ странъ въ новыя туда, гдв они имвють большую производительную силу, увеличиваеть сумму богатствъ старой и новой страны», говорить Милль, а князь Васильчиковъ въ своей книгъ «Земледъліе и землевладъніе въ Россіи» указываеть на колонизацію, какъ на единственное средство отъ накопленія пролетаріата, въ существованіи котораго даже въ нашей благодатной мъстности не представляется уже никакого сомненія, и было бы излишне приводить более успокоительныя и авторитетныя мненія.

Въ то же время для каждаго человъка, сколько нибудь внакомаго съ нашимъ прошлымъ, съ нашей исторіей, должно быть ясно

и несомнѣнно, что своимъ могуществомъ и экономическимъ благосостояніемъ мы прежде всего обязаны совершившемуся у насъ разселенію. Еще въ XVIII столѣтіи Сибирь привлекала бродячую Русь своимъ просторомъ «молочными рѣками въ кисельныхъ берегахъ», а самыя переселенія въ Сибирь уже съ давнихъ поръ дѣлятся на правительственныя—по вызову и указанію правительства, и вольно народныя, съ которыми всегда мирилась государственная власть. Наконецъ, почти всѣ завоеванія наши исподволь подготовлялись колонизаціей общиннаго великорусскаго племени и вліяніемъ на сосѣднія племена русскаго народнаго духа.

Подумаещь, сколько увлекательныхъ, несомитьно втрныхъ мыслей, какъ много основаній для того, чтобы считать переселенческій вопросъ одною изъ самыхъ важныхъ и благод тельныхъ задачъ нашего времени. А между тъмъ передъ глазами неожиданно открылась обратная, удручающая сторона медали; хотя взятая нами прямо изъ жизни картина переселенческаго движенія, горя, неудачъ и разочарованій, постигшихъ нашихъ переселенцевъ, несомнънно, представляеть только печальное исключение и, можеть быть, незамётную каплю въ морё благополучія, выпавшаго на долю массы счастливцевъ, поселившихся на югь Томской губерніи, въ Алтав, въ Минусинскомъ крав Енисейской губерніи, на плодородныхъ долинахъ Или и Борохудзира, въ Семиръчьъ, или же на привольныхъ берегахъ Зен и Буреи. Изъ моего разсказа явствуетъ, что ръдкое чутье и знаніе, съ которымъ народъ обыкновенно избираеть себъ мъста на поселеніе, его замъчательная практичность и способность устраиваться на новыхъ мъстахъ, не исключають и возможности, въ сущности легко устранимыхъ и даже заранъе очевидныхъ, крупныхъ, непоправимыхъ ошибокъ, о которыхъ не следуеть умалчивать, темъ более, что оне вредять делу и, по крайней мёре, въ нашей мёстности уже вызывають замётное охлажденіе къ Сибири, не только утратившей свое обаяніе, но мгновенно превратившейся въ глазахъ мужика изъ земного рая въ какое-то страшное пугало, внушающее ужасъ.

Само собою разумѣется, что неудачи, претерпѣнныя нашими переселенцами, прежде всего объясняются непобѣдимыми, къ сожалѣнію, упущенными изъ виду, трудностями непосильной борьбы съ природою въ дѣвственномъ краѣ, естественныя условія котораго не имѣли ничего общаго съ врожденными наклонностями и привычками нашего степного мужика, очутившагося среди неприступной тайги съ грошами въ карманѣ и съ единственнымъ плохимъ топоромъ въ рукахъ.

Осень 1896 г. отличалась особенной прелестью. Въ холодномъ сухомъ воздухъ безъ конца тянулись бълыя волокна тенетника, предсказывавшія долгую, студеную осень. Съ ранняго, слегка морознаго утра и до поздняго вечера, изъ конца въ конецъ, по всему

селу Никольскому звучали мёрные удары безчисленныхъ цёповъ, смёшанныхъ съ неумолкаемымъ смёхомъ и прибаутками мужиковъ, между тёмъ какъ по гладкимъ, точно отполированнымъ полевымъ дорожкамъ то и дёло скрипёли переполненныя снопами телёги. Не нашлось бы такого уголка, гдё не раздавались бы веселыя пёсни.

— Ну, умолоть, давно не видали такого... Даже гречиха и та выручила, и овса и проса—всего въ волю,—толковали въ каждой избушкѣ, на гумнахъ, у батюшки, въ волостномъ правленіи, въ барской усадьбѣ. И было какъ-то особенно отрадно прислушиваться къ этимъ простымъ, но полнымъ невыразимаго счастья, разговорамъ.

Трудовой годъ кончался, даже съ нѣкоторымъ избыткомъ вознаградивъ заботы земледѣльца. Дыпалось полной грудью и, по случаю давно не бывалаго урожая, все окружающее, наша бѣдная природа, истомленныя страдой лица мужиковъ и бабъ, получили какое-то другое болѣе мягкое освѣщеніе, а въ глубинѣ души зашевелилась любовь къ опостылѣвшей землѣ и надежда на лучшее будущее. Жизнь становилась радостнѣе.

Всв чувствовали себя совсвиъ по-старому, точно никогда и не бывало волненій, только что пережитых робитателями села Никольскаго. Но болбе всего радовали меня не по днямъ, а по часамъ выроставшія на моихъ глазахъ набушки возвратившихся переселенцевъ. Село принимало свой обычный видъ, наводящіе уныніе пустыри застраивались, а містами уже ярко обозначались ряды избушект, крытыхъ свіжей соломой, съ высокими коньками на макушкахъ. Ежедневно, съ напряженнымъ вниманіемъ следиль я за быстро подвигавшейся впередъ работой, стараясь объяснить себъ, какимъ образомъ неутомимые, коношившіеся муравьи, безъ гроша въ карманъ, снова заводили и устраивали свои только что разоренныя гибала. Я весь сосредоточился на этомъ вопрост, входиль во вст подробности и ежедневно узнаваль что нибудь новос, возвышающее духъ и заставлявшее усиленно биться мое сердце: то міръ безпрекословно возвратилъ переселенцамъ брошенную ими землю, тотъ или другой изъ обывателей поделился хльбомъ, соломой, хворостомъ, или, уже въ третій разъ, съвздилъ за кирпичами, лъсомъ или срубами, купленными переселенцами, узнавать, что всё до единаго обитатели села Никольскаго, всё эти кумовья, сватья, родственники или просто сосёди, способны не только на то, чтобы бражничать и пить мірское вино, но и готовы вылъзти изъ кожи, чтобы помочь обездоленному человъку, не придавая этому ни малейшаго значенія, даже не догадываясь о томъ, что дёлали доброе дёло, и, такимъ образомъ, для меня все понятнъе и яснъе становилось значение общины и міра-этого отпътаго дурака и пьяницы,

• Твердо укоренившіяся въ народѣ добрыя начала были еще до такой степени прочны и сильны, что въ душѣ вернувшихся переселенцевъ не осталось ни малѣйшаго признака бродячей жизни, а община и міръ сдѣлали свое дѣло, не прибѣгая къ благотворительнымъ подпискамъ, спектаклямъ, баламъ и не публикуя о своихъ благотворительныхъ подвигахъ въ мѣстныхъ газетахъ.

Приближалась лютая зима; всю ночь завывала и бушевала снѣжная мятель, одна изъ тѣхъ грозныхъ мятелей, послѣ которыхъ зачастую находятъ сбившагося съ пути мужика, замерзшаго около самой околицы, или бабу, занесенную снѣгомъ на своемъ собственномъ гумнѣ. Мой хуторъ плотно закутался снѣжнымъ сугробомъ, точно собираясь погрузиться въ глубокій сонъ до самой весны. Рано утромъ спустился я съ верху, и первымъ человѣкомъ, встрѣтившимъ меня въ прихожей, былъ благодушный Евграфычъ, облеченный въ какой-то узкій и куцый пиджакъ сѣраго цвѣта и въ сибирскихъ бродняхъ на ногахъ.

- Какимъ чудомъ... и съ семьей?—спросилъ я, остолбенввъ отъ изумленія.
- Какъ видите: яко благъ, яко нагъ, яко нѣтъ ничего... Онъ провелъ окоченѣвшей ладонью по мерзлымъ волосамъ, трепетною рукою сотворилъ крестное знаменіе—и бухъ мнѣ въ ноги:—припадаю къ стопамъ вашимъ, не откажите въ мѣстечкѣ, я и жену привелъ съ дѣтьми.
- Да какъ же это случилось?.. какимъ образомъ выбрался изъ Сибири, когда уже былъ приписанъ и деньги на обзаведеніе получилъ?—разспрашивалъ я, въ то же время придумывая, какъ бы устроить скитальца вмёстё съ семействомъ, состоявшимъ изъ четырехъ душъ.
- Думали убъжать отъ Бога, да нътъ, не убъжали, и въ Сибири все творится по его волъ. Мочи моей не стало... заговорилъ Евграфычь, какъ всегда обрадованный случаемъ поразсказать о своихъ похожденіяхъ: какъ проводилъ обратно земляковъ, такъ и затосковалъ и поръщилъ уйти, хотъ пъщкомъ, да уйти. Домъ, который мнъ стоилъ 85 рублей, спустилъ за 35 рублей, лошадь, добрая была лошадь, за 40 рублей съ упряжью и телъгой. Деньги, полученныя отъ переселенскаго начальника 75 рублей, приберегъ. Выправилъ свидътельство на временную работу и маршъ.

Евграфычь быль неистощимь, не пропуская даже излишнихь подробностей: «до Кривощекова на пароходъ доъхаль за 3 рубля, а тамъ сълъ на машину; заплатиль 4 рубля 20 коп. до Омска и 81 коп. за багажъ. Въ Челябинскъ купилъ себъ 8 фунтовъ хлъба, по 2 коп. са фунтъ платилъ. Отръзалъ кусокъ, хлъбъ мягкій, вкусный, —такъ, повърите ли, слезы такъ и покатились изъ глазъ— въ три ручья. Слава тебъ, Господу Богу моему, россійскій хлъбъ вкушаю; это уже не сибирскій тусклый, горькій —точно изъ отру-

бей. Да что толковать: всё до единаго человёка вернулись бы, да не съ чёмъ подняться, по уши въ долгахъ завязли. Одна тягота и опасность—безъ оружія никто не живетъ. Вотъ къ примёру, у меня въ банё бродяга тайкомъ поселился и такъ и остался на всю зиму... Вотъ и смотри на него, а выгнать не смей—человекъ отчаянный. Опять медвёдь ходитъ, того и гляди на него нарвешься... Вёрите ли, какъ увидёлъ Волгу, такъ точно вновь на свётъ народился.

Евграфычъ разсказываль все это съ веселой усмъшкой, точно дъло шло о комъ нибудь другомъ, но въ то же время казалось, что слезы вотъ-вотъ брызнутъ изъ глазъ.

— A какъ поживаеть Засурскій?—невольно сорвалось у меня съ языка.

При одномъ имени знаменитаго ходока, точно ядовитая муха укусила Евграфыча, и въ его тусклыхъ глазахъ блеснула ненависть.

- A о Засурскомъ вотъ что скажу: не пожалъй я семьи, дътей малыхъ, я бы съ него безпремънно голову снялъ.
 - Ну, что наша Настасья?
- Въ городъ Томскъ устроилась, при ціатрахъ 1) служить и жалованье хорошее получаеть, по 18 рублей въ мъсяцъ беретъ вмъстъ съ сыномъ: сынъ по парикмахерской части пошелъ, а сама при гардеробахъ состоитъ.

Меня глубоко опечалиль такой конецъ, достигнутый матерью, мечтавшей сдёлать изъ своего сына хозяина землевладёльца.

Евграфычъ поступилъ дворникомъ, его жена замѣнила Настасью, а сынъ назначенъ помощникомъ садовника, котя такое мирное занятіе оказалось вовсе не подходящимъ къ его вкусамъ, и онъ предпочиталъ бродить по окрестностямъ и охотиться за чужими утками и гусями.

На первыхъ порахъ Евграфычъ усердствовалъ изъ всёхъ силъ, то и дёло повторяя: «живу какъ въ раю и всечасно благодарю Создателя», что впрочемъ не мѣшало ему хлопотать объ избраніи въ волостные судьи, но всё мѣста были заняты, и за нихъ крѣпко держались. Прошло два-три мѣсяца, и «райская жизнь» видимымъ образомъ стала тяготить возвратившагося переселенца, по самой природѣ своей вовсе не способнаго къ постоянному, хотя бы и сравнительно легкому труду. Точно подавленный тяжелымъ горемъ, то и дѣло вздыхая и охая, таскалъ онъ дрова и воду, заунывнымъ голосомъ напѣвая все одну и ту же грустную пѣсню, отъ частаго повторенія крѣпко засѣвшую въ моей памяти.

Въ теченіе цълаго дня то въ одномъ, то въ другомъ мъстъ двора, вслъдъ за стукомъ топора, то тутъ то тамъ раздавалась жалобная пъсня Евграфыча.

¹) Teatpaxъ.

Гробивъ, мой гробивъ, Преввиный мой домивъ. Взойду и на гору высокую, Взгляну и на бездну глубокую. Матъ моя, сыра земля, Прими меня, покрой меня.

Евграфычъ окончательно упалъ духомъ, когда сибирское начальство потребовало возвращенія денегь, выданных ему на обзаведеніе, а волостной старшина въ концъ каждаго мъсяца сталъ набзжать на хуторъ и отбирать часть следующаго ему жалованья. Послъ такихъ набздовъ онъ приходилъ въ неописанное волненіе, уединялся, стараясь не встречаться съ людьми, точно все опостылели ему до последней степени. Въ немъ постоянно кипелъ протестъ противъ законовъ, которыми управлялся весь міръ. Онъ требовалъ особеннаго почета и то и дёло ссорился съ людьми, а главное, съ хозяйственнымъ старостой, котораго не ставилъ ни въ грошъ. Его постоянно преследовала мысль, что онъ не достаточно оцененъ, не на своемъ мъстъ, и послъдній батракъ, имъющій свой домишко, чувствуеть свое превосходство надъ нимъ. Наконецъ, постоянная возня съ Евграфычемъ до такой степени надобла окружающимъ, что всё отступились оть него, но это еще болёе раздражало бёдняка, какъ человъка общительнаго. Онъ мучился своимъ одиночествомъ темъ, что живеть на смеху, уходилъ въ село и съ горя напивается до положенія ризъ. Следуеть выговорь, но Евграфычь обезоруживаеть своей покорностью, сознаніемъ своей виновности и изъ встхъ силъ начинаеть приспособляться къ ненавистнымъ условіямъ своего новаго положенія, но всь усилія остаются безплодными, и никакое приспособление немыслимо. Въ эти минуты раскаянія въ немъ проявляется какой-то не бывалый свиръпый консерватизмъ. На своихъ односельчанъ, все еще мечтавшихъ о новыхъ льготахъ и передёлахъ земли, онъ смотрёлъ, какъ на личныхъ враговъ. Слова: «воля», «вольный», «передёлъ», «приръзка» приводять его въ ярость.

— Есть у меня такая книжка,—въ величайшемъ раздраженіи повторяеть онъ въ такихъ случаяхъ:—и сказано въ этой самой книжкъ, великаго ума человъкъ сказалъ: придеть такое время, когда повсюду окажется многое множество пустующей земли, да некому будеть ее обработывать, и придеть воля глупому на радость, умному на погибель.

Изрёдка въ немъ пробуждалось непреодолимое желаніе устроить какую нибудь необычайно выгодную аферу. Онъ бъжалъ ко мнъ и убъдительно просилъ выдать ему жалованье за два года впередъ, чтобы немедленно построить избу и отдавать ее въ наймы, или же купить лъсной участокъ и продавать его по частямъ, а получивъ отказъ, собирался бъжать куда глаза глядятъ. Дойдя до послъдней

степени отчаннія, Евграфычь хватался за топорь, какъ якорь спасенія, и, яростно поднимая и опуская его, работаль до изнеможенія силь. Оть него такъ и вѣяло безнадежной старческой грустью. Еще вчера онь быстро мелькаль по двору, разнося дрова по избамъ, а сегодня онъ уже цѣлый день топчется на мѣстѣ, точно хотѣль сдѣлать что-то очень нужное и вдругь забыль.

Неожиданное возвращение въ село Никольское и сосъднія съ нимъ деревни почти всей второй партін переселенцевъ, ихъ, можеть быть, и нъсколько преувеличенные разсказы о перенесенныхъ неудачахъ произвели сильное, отрезвляющее впечатление телей нашей мъстности и, вмъсто крайняго оптимизма, вызвали крайній пессимизмъ. Хвалить такъ хвалить, увлекаться такъ увлекаться, а ужъ ругать такъ ругать безъ мъры-это всегда было н будеть отличительной чертой нашихъ нравовъ безъ различія сословій. Но воть улеглись взбаламученныя страсти, потрачены вст негодующія слова, направленныя въ сторону Сибири: вышедшая изъ береговъ рѣка успоконлась и стала входить въ свои берега. Вокругъ меня снова возобновилась старая, съ дътства знакомая картина скромнаго довольства и мирнаго прозябанія: съ каждымъ годомъ увеличивалось мірское стадо, болье хозяйственные мужики стали заводить породистыхъ, что называется, «родныхъ матокъ», заговорила страсть къ увеличенію запашки, землю разбирали съ охотой и уже по нъсколько повышенной цънъ; у крестьянъ впервые появились молотилки и въялки, а мъстами соха замънялась многочисленными плугами, которыми на весьма льготныхъ условіяхъ снабжала убіздная земская управа. Временно расшатавшаяся хозяйственная машина снова пошла въ ходъ, сначала медленно, а потомъ все скоръе и скоръе... Мы уже возмечтали о вдругъ нежданно-негаданно нагрянула лучшихъ дняхъ, какъ небывалая засуха 1898 года и безжалостно, моментально спалила всь наши упованія: хозяйственная машина треснула на полномъ ходу и разсыпалась, такъ что оть нея, оть встхъ надеждъ и ожиданій, не осталось и следа, а памятный, роковой 1891 годъ поблёднъть и стушевался въ сравнении съ несравнимо болъе страшнымъ 1898-мъ годомъ.

Первыми всполошились деревенскія бабы и, схвативши безобидных куръ и пътуховъ, побъжали продавать ихъ ближайшимъ помъщикамъ, управляющимъ и священникамъ, за курами и пътухами послъдовали ни въ чемъ не повинныя телки и бычки, а тамъ, къ осени задаромъ пошли коровы, за коровами жеребята, дорогіе и дешевые; затъмъ базары и осеннія ярмарки переполнились «родными матками», съ которыми настоящему хозяйственному мужику такъ же легко разставаться какъ съ жизнью, а тутъ обрадованные кулаки и барышники разбирали ихъ, за что хотъли.

Такимъ образомъ, благодаря слънымъ, безпощаднымъ, непости-

жимымъ стихійнымъ силамъ, всё плоды усиленныхъ трудовъ и заботъ послёднихъ лётъ снова пошли на смарку.

Картина мгновенно измѣнилась: жать и молотить нечего; солома, этоть обыкновенно ничего не стоящій въ нашихъ мъстахъ продукть сельскаго хозяйства, по всегда мъткому выражению мужиковъ, «заиграда» и дошла до 16 рублей за сажень, смѣтливые люди тотчасъ же перевели всю скотину, разсчитывая обогатиться продажей соломы, кулаки уже возмечтали о томъ, чтобы продавать муку фунтами, чуть ли не на въсъ золота, и навърно успъли бы въ этомъ, если бы не разумныя, энергичныя мёры земства, и въ цёломъ уъздъ ничего, кромъ потерявшихъ голову землевладъльцевъ и крестьянь, раскрытыхъ крышъ, детей отчаянно тоскующихъ по молокъ, благимъ матомъ ревущихъ отъ подступающаго голода, кое-гдъ оставшихся коровъ, безнадежно бродившихъ на выпускъ и тщетно отыскивавшихъ корма лошадей, болбе похожихъ на скелеты, обтянутые кожей, пустыхъ полей, пустыхъ амбаровъ, пустыхъ гуменъ и безмолвныхъ избушекъ, гдъ по вечерамъ давно уже не горять веселые огоньки, не слышно человъческого голоса, гдъ изо дня въ день помышляють только о хлъбъ насущномъ, о томъ, хватить ли его на завтрашній день.

В. Н. Назарьевъ.

М. Е. САЛТЫКОВЪ ВЪ РЯЗАНИ.

(1858—1860 г.; 1868—1867 г.).

РЯДЪ ли многимъ извъстно, что Салтыковъ, какъ чиновникъ, является личностью интересной, а въ нъкоторыхъ отношеніяхъ даже замъчательной. Біографы сатирика, характеризуя этотъ періодъ его жизни, ограничивались общими взглядами его на служебную дъятельность, но самой дъятельности отводили очень незначительное мъсто. Никто, сколько помнится, не заглядывалъ поглубже въ архивы тъхъ учрежденій, гдъ служилъ Салтыковъ, и гдъ

его недюжинныя администратирныя способности могли проявиться въ полной силь. Намъ удалось это сдълать. Благодаря содъйствію нъсколькихъ лицъ и разръшенію мъстныхъ властей, мы получили возможность осмотръть лично весь рукописный матеріалъ, который не могъ пройти незамъченнымъ Салтыковымъ и который, при наличныхъ условіяхъ существованія провинціальныхъ архивовъ, представлялъ «этого чиновника» въ цъльномъ видъ. Послъднее обстоятельство особенно важно. Неръдко случается, что изслъдователь почти набрёлъ на интересную подробность и сейчасъ сообщитъ картинъ надлежащее освъщеніе. Но оказывается, что дъло, заключавшее въ себъ эту подробность, было нъкогда шередано губернскимъ учрежденіемъ въ другое нынъ несуществующее, или уничтожено пожаромъ, или продано на бумагу. Изслъдователь въ отчаяніи, но покоряется своей судьбъ. Поэтому «да не въ судъ

и не въ осужденіе» будеть поставленъ пишущему эти строки результать его скромной работы, потребовавшей ни болье ни менье, какъ полтора года тщательныхъ поисковъ. Все, что при этомъ оказалось достойнымъ вниманія, было извлечено на свътъ Божій и обработано. Не упущены подробности и частной жизни Салтыкова въ Рязани, сохранявшіяся въ памяти немногихъ оставшихся въ живыхъ его современниковъ и любезно сообщенныя намъ въ видъ восноминаній. Наконецъ просмотръны наиболье важные печатные источники, въ томъ числъ біографія М. Е. Салтыкова, составленная К. К. Арсеньевымъ (Сочиненія С., изд. 1890 г., т. ІХ), статья В. Семевскаго «Н. Д. Хвощинская Заіончковская» («Русская Мысль», 1890 г., окт., ноябрь и дек.) и біографія Салтыкова, составленная С. Н. Кривенко, изд. Павленкова 1).

Салтыковъ въ Рязани служилъ два раза. Впервые онъ пріъхаль туда 15 апръля 1858 г., назначенный по высочайшему повельнію рязанскимъ вице-губернаторомъ²). Въ этой должности онъ пробыль безъ двухъ недъль два года и затъмъ былъ переведенъ на ту же должность въ Тверь 3 апреля 1860 г. Вторично мы видимъ Салтыкова въ Рязани уже въ 1867 г., на этогъ разъ въ качествъ управляющаго мъстной казенной налаты, послъдняго этапа его служебной карьеры. Изъ Рязани онъ убзжаеть редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ» и на службу больше не возвращается. Время перваго опредъленія М. Е. на службу въ Рязань совпадаеть, такъ сказать, съ предсмертной агоніей «стараго режима», уступающаго мъсто реформамъ императора Александра II. Что это было за время, -- всякому приблизительно извъстно. Какъ всв переходныя эпохи, періодъ этотъ въ русской исторіи отмічень ожесточенной схваткой стараго начала съ новымъ, схваткой особенно сильной въ провинціи, гді преданіе и новшества съ трудомъ уживаются вмісті. Свъжій человъкъ, попавшій въ это время въ провинцію, дълался невольно участникомъ такой борьбы. Нашему поколенію, пользующемуся результатами прошедшаго, въ какой бы сферт результаты эти ни оказывались, очень трудно представить себъ, стоиль каждый кирпичикь нынъ готоваго зданія рабо-

¹⁾ Пользуемся случаемъ засвидътельствовать нашу признательность всъмъ дицамъ, содъйствовавшимъ составленію настоящаго очерка: г. г. В. А. Атласову, А. М. Бактіарову, П. С. Бълкину, Н. И. Лаппо, В. А. Перцову и А. Д. Повалишину; разнымъ образомъ представителямъ губернской администраціи: г. рязанскому вице-губернатору А. А. Лодыженскому и г. управляющему рязанскою казенною палатою М. И. Слукину, любезно раскрывашимъ намъ двери подвъдомственныхъ имъ архивовъ.

²⁾ Высочайшій приказъ отъ 6 марта 1858 г. гласилъ такъ: «чиновникъ особыхъ порученій VI класса министерства внутреннихъ дёдъ, коллежскій сов'ятникъ Салтыковъ назначается рязанскимъ вице-губернаторомъ на м'ёсто ст. сов. Весе-ловскаго, соглашно прошенію уволеннаго отъ службы съ производствомъ въ д'яствит. ст. сов'єтники».

чимъ, его складовавшимъ, архитектору, его строившему, дъльцу, за него платившему деньги. Что касается Салтыкова, то ему удалось и ввести новое положение и застать еще канунъ его. Въ какомъ видъ нашелъ онъ административную Рязань, лучше всего говорить результать министерской ревизіи 1856 г., состоявшейся до назначенія М. Е. вице-губернаторомъ. Ревизія эта, произведенная чиновникомъ министерства внутреннихъ дълъ Купріяновымъ, открыла много элоупотребленій, ярко рисующихъ дореформенный строй нашихъ губерискихъ учрежденій. Произволъ царствовалъ полный. «Установленныя для отчетности въ производствъ дълъ книги и реэстры», если не примънялись вовсе, то велись съ «разными упущеніями», допускалась «крайняя медленность» даже по сенатскимъ указамъ и арестантскимъ дъламъ; представленныя въ губернское правленіе «оциси имуществамъ» оставлялись безъ разсмотрѣнія по нъскольку мъсяцевъ; вице-губернаторъ пълыхъ 4 гола не производилъ ревизін, тогда какъ по правиламъ онъ должны производиться два раза ежегодно. Вся дъятельность губернскаго правленія «по наблюденію за подвёдомственными ему мёстами» ограничивается лишь отпискою, безъ «надлежащаго настоянія» за дъйствительнымъ исполненіемъ предписаній его. О самихъ чиновникахъ и отношеніи ихъ къ своимъ обязанностямъ нечего и говорить: оно прямо возмутительное. Чиновники особыхъ поручений передаютъ порученныя имъ слъдствія одинъ другому, и никто не повъряетъ ихъ. Между тъмъ дъла представляются иногда весьма важными, напримъръ, поддълка кредитныхъ билетовъ, или жестокое обращение помъщиковъ съ своими крестьянами, раскольничьи дъла и пр. Когда же чиновники берутся за слъдствія, то обнаруживають крайнюю медленность и небрежное отношеніе къ дъламъ. Вотъ примъры: «чиновникъ Протасьевъ по нъскольку лъть не приступаль къ порученнымъ ему следствіямь и не доставиль требуемыхь оть него объясненій до перехода на службу въ другую губернію», чиновникъ Славутинскій «доносилъ губернскому правленію, будто бы у него нътъ дъла, по которому посылались къ нему подтвержденія, тогда какъ оно было ему поручено». Даже чиновники, входящіе въ составъ губернскаго правленія, не исполняють предписаній его: «архиваріусть по ніскольку місяцевть не доставляеть требуемых воть него свъдъній, черезъ что останавливаеть теченіе многихъ дълъ»; старшій секретарь «оставляеть безъ исполненія» данное ему губернскимъ правленіемъ предписаніе «объ освидътельствованіи имущества совъстнаго суда», и губернское правление «ограничивается только письменными подтвержденіями», вмісто личнаго настоянія. Легко себ'ї представить, какъ при такихъ порядкахъ вершатся дъла. Кумовство въ полной силъ. По дълу о взыскании съ совътника правления г. ПЦипунина по претензіи нѣкоего Казакова, въ теченіе четырехъ лътъ только одинъ разъ удержана часть жалованья, а затъмъ гу-

бериское правленіе только отписывается, просьбы же Казакова оставляеть безъ послёдствій. Небезгрёшнымъ въ подобныхъ порядкахъ оказывается и предшественникъ Салтыкова, вице-губернаторъ Веселовскій: онъ тоже кому-то долженъ и такъ же, какъ съ Щипунинымъ, казначей не дълаетъ ему вычетовъ изъ жалованья. «Между темъ, говорить министерская бумага, губернское правленіе приняло на себя непринадлежащую ему власть надзора за дъломъ Веселовскаго, производящимся по Черниговской губерніи, въ сосницкомъ окружномъ увадномъ судъ». Всего этого мало. При продажв въ губернское правленіе съ аукціона имущества какого-то Грачева, къ торгамъ, вопреки закону, допускаются служащие въ правлении, при чемъ «въ нарушеніе правиль объ аукціонныхъ продажахъ» вещи имъ выдаются безъ взысканія въ установленный срокъ денегь, каковыя представляются по частямъ, но съ 29 декабря 1854 г. по октябрь 1856 г. «не были еще сполна взысканы». Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, кошкамъ игрушки, а мышкамъ слезки. Жалованье служащимъ въ типографіи, даже сторожамъ и вахмистру, несвоевременно выдается, якобы «по недостатку типографскихъ суммъ», а въ то же время секретарю Раклинскому выдано «изъ тъхъ же суммъ» 260 р. серебромъ. Деньги вообще слабость чиновниковъ губернскаго правленія, свои или чужія. Въ 1843 году быль случай, что суммы, принадлежащія частнымъ лицамъ, въ ущербъ ихъ интересамъ, не обращались по назначенію, а копились въ губернскомъ правленіи и тамъ расходовались... Можно представить себь, какое впечатльніе произвель отчеть о ревизіи въ Петербургъ. Министромъ внутреннихъ дъль быль въ то время С. С. Ланской, человъкъ ръдкаго ума и честности, другъ Н. А. Милютина, Д. Самарина и др. Онъ въ разныхъ формахъ выражалъ свое неудовольствіе рязанскому губернатору Клингенбергу: «Имъя въ виду, писалъ министръ, — что министерство внутреннихъ дѣлъ неоднократно подтверждало вамъ объ исполнении предписанныхъ закономъ правиль понужденія и взысканія, въ случав бездвиствія и неисполненія установленнаго порядка подвъдомственными губернскому правленію мъстами, и усматривая изъ донесенія ст. сов. Купріянова, что губериское правленіе не только не исполняеть возложенной на него по сему предмету ст. 26 учр. губ. прав. обязанности, но въ немъ самомъ допущены по дёламъ медленность и отступление отъ предписанныхъ закономъ правилъ, а потому, препровождая выписку изъ представленныхъ Купріяновымъ св'єд'вній, я прошу ваше превосходительство, съ возвращениемъ этой выписки, доставить мий въ непродолжительномъ времени надлежащее объяснение по всемъ изложеннымъ въ ней замъчаніямъ» 1). Эффектъ, произведенный бумагой, былъ внушительный. Немедленно дёло заслушали въ губернскомъ правленіи и

¹⁾ Предписаніе за № 58 оть 4 января 1858 года (дёла архива губерискаго правленія, 1858 г.).

[«]HOTOP. BECTH.», ФЕВРАЛЬ, 1900 Г., Т. LXXIX.

постановили: разбивъ дълопроизводство на части, передать его на разсмотрѣніе отдѣленій правленія и канцеляріи присутствія. Перья заскрипъли. Въ это время подоспъль въ Рязань Салтыковъ и кому, какъ не ему, было расхлебывать кашу, заваренную другими. Онъ принялся за дъло горячо, съ полнымъ сознаніемъ важности предмета. Следствие велось такимъ образомъ, что по каждому отдельному замъчанію ревизіи представлялся самостоятельный докладъ вице-губернатору, который сначала его просматриваль, а затемъ передавалъ на обсуждение правлению. Тутъ-то и разгулялось перо Салтыкова. Въ одномъ дълъ, по неосмотрительности писавшихъ и подписывавшихъ бумагу (точное выражение докладчика), требованіе объ исполненіи предписаній убзднаго суда подтверждалось земскому суду, тогда какъ последній быль подчинень первому. Салтыковъ, подчеркивая слова, поставленныя нами разрилкой, съ боку пишетъ: «Этотъ любопытный фактъ и донынъ повторяется». Въ другомъ мъстъ, гдъ чиновникъ, дававшій объясненіе, медленность въ дълопроизводствъ, поразившую Купріянова, объясняеть отсутствіемъ столоначальника, въ то время уже уволеннаго отъ должности, М. Е. пишетъ на поляхъ: «Куда дъвался столоначальникъ Соловкинъ? Я надъюсь, что ничего этого теперь нъть, а впрочемъ увижу при ревизіи, которую начну 24-го числа».

Вообще онъ обнаруживаеть большое внимание къ дознаніямъ, испещрия бумагу различными замътками, въ родъ: «такъ ли», «отчего нъть объясненія?», «кончено ли дъло?», «кто виновать?» и т. д. Вниманіе его останавливается на отдёльных выраженіяхъ, неловко употребленныхъ докладчикомъ, напримъръ, по дълу купца Каншина, домъ котораго за долгъ нъкоему Обидову назначенъ въ продажу. Докладчикъ, перечисляя обстоятельства, почему продажа не состоялась, говорить, что также помъщало тому «большое количество дёль въ 7-мъ столё». Салтыковъ дёлаеть замёчаніе: «что за «также»? Когда есть другія обстоятельства, а именно о нелокладъ присутствію рапорта Скопинскаго магистрата за № 1006». Не лищено интереса замъчание его по дълу государственнаго крестьянина Цикина, сосланнаго по общественному притовору на поселеніе. Губернское правленіе, принявъ во вниманіе отзывъ жены Пикина, что у нея есть осъдлость, не отправило ея вмъсть съ мужемъ. Положили М. Е. Салтыкову. Онъ пишеть: «Быль ли въ виду какой нибудь законъ. или это теперешнее толкование столоначальника?» Онъ же дълаетъ собственноручно резюме встмъ объясненіямъ правленія министерству; по его словамъ, «въ настоящее время таблички съ обозначениемъ распредвленія занятій по столамъ, расписаніе почтовыхъ дней и пр. заведены, различныя дъла (слъдуетъ наименованіе дълъ) окончены и безпорядки, вызванные ими, на будущее время устранены». Строго поступлено относительно недоимокъ. «Разсмотрвніе въдомостей имъло послъдствіемъ также принятіе болье строгихъ меръ къ пополненію

недоимокъ податныхъ и земскаго сбора, такъ, напримъръ, въ два увзда (Спасскій и Пронскій) посланы на счеть виновныхъ особые чиновники для пополненія недоимокъ» и т. п. Всёмъ чиновникамъ особыхъ порученій, «на обязанности которыхъ преимущественно лежить производство следствій», предписано «вести журналь своихъ дъйствій» и не далье 2-го числа каждаго мъсяца «представлять журналъ тоть въ губернское правленіе». Въ заключеніе онъ какъ будто еще боится не удовлетворить министерство своими объясненіями и старается оправдать недостаточность ихъ особыми обстоятельствами. «За выбытіемъ изъ губернскаго правленія всёхъ членовъ и большей части делопроизводителей, при которыхъ произошли найденные г. Купріяновымъ безпорядки и упушенія, губернское правленіе бол'ве подробнаго объясненія по зам'вчаніямъ симъ дать не можеть». Но и этими объясненіями въ Петербургь остались, повидимому, довольны. Въ министерствъ, въроятно, знали, въ какихъ рукахъ находится теперь дёлопроизводство правленія, и хотя однажды еще напомнили о желательности видъть скоръе нъкоторыя дъла законченными (предписание губернатору отъ 6-го мая), но на этоть разъ въ менъе энергичныхъ выраженіяхъ. Не довольнымъ оставался только одинъ Салтыковъ. Онъ вступалъ въ темную область обмана и взяточничества, гдв честный человвкъ являлся исключеніемъ, а остальная масса тонула въ мракв невъжества, произвола и безнравственности. Необходимо было все это лъчить, и чъмъ радикальные, тымъ лучше, иначе зараза распространится еще глубже. И вотъ, едва освоившись на новомъ мъстъ, Салтыковъ приступаеть къ реформъ губернскаго правленія, этой, такъ сказать, артеріи всей губериской діятельности. Представленіе его губернатору помъчено 7-мъ іюнемъ 1858 года, т. е. спустя мъсяцъ по окончаніи злополучной ревизіи. «Изъ разсмотрівнія представляемыхъ вашему превосходительству журналовъ губернскаго правленія, --пишеть онъ, вы изволите быть извъстны, что поступающія въ правленіе бумаги разръшаются ст. крайнею медленностью, вслъдствіе чего происходить очевидный вредъ какъ для самаго дъла, такъ и въ особенности для частныхълицъ, которыя имъютъ прямой интересъ въ скоромъ и безпрепятственномъ разръщени подаваемыхъ отъ нихъ просьбъ. Вникая въ причины этой медленности, я нашелъ, что, кромъ безпечности самихъ дълопроизводителей (къ устранению которой я ежедневно имбю самое дбятельное настояніе), весьма много способствуетъ замедленію въ разръщеніи бумагь неравномърное распредъленіе занятій между столами губернскаго правленія». Затьмъ Салтыковъ разсказываеть, въ чемъ заключается эта неравномърность. Одинъ, напримеръ, столъ получаетъ четвертую часть всехъ бумагъ, поступающихъ въ губернское правленіе, столовъ же вообще девять; «слъдственно-судная часть» не сосредоточена въ одномъ мъстъ, какъ следовало бы для пользы дела, а разбросана по разнымъ отделеніямъ и т. д. «Черезъ это, -- говорить докладчикъ, -- утрачивается между дёлами связь, для поддержанія которой столоначальники бывають вынуждены безпрестанно забирать другь у друга справки, чего никакъ не могло бы случиться, если бы однородныя дъла сосредоточивались въ одномъ мъстъ». Чтобы устранить подобныя неудобства, Салтыковъ придумываеть новое распредъленіе дъль по столамъ. Перечислимъ его вкратцъ: 1-й столъ получитъ часть инспекторскую, 2-й—часть воинскую, 3-й—арестантскую 1); 4-й столъ займется взысканіемъ казенныхъ сборовъ и недоимокъ, а равно взысканіемъ по требованіямъ крестьянскихъ установленій; 5-й-получить городское хозяйство 2); 6-й-земское хозяйство и продовольственную часть; 7-й-возьметь взыскание по безспорнымь обязательствамъ 3); 8-й-займется разсмотръніемъ слыдствій по вснкаго рода проступкамъ и преступленіямъ (исключая преступленія по должности), наконецъ 9-й столъ-получить разсмотрение проступковъ и преступленій должностныхъ лицъ. Распредъляя дъла по отдъленіямъ (въ губернскомъ правленіи ихъ было три), занятія въ каждомъ представятся въ следующемъ виде: въ 1-е отделение войдутъ дёла исключительно распорядительныя, во 2-е-хозяйственныя, 3-е будеть разсматривать дёла исковыя и судныя. Такимъ образомъ, установится порядокъ, который, по мненію Салтыкова, дасть органическую связь дёламъ между собой и который, если не ошибаемся, удержался въ правленіи до введенія положенія 8 іюня 1865 г. Нечего и говорить, губернаторъ одобрилъ реформу, а министръ утвердилъ ее 4). Покончивъ съ внъшнимъ обликомъ губернскаго дёлопроизводства, М. Е. обратился къ внутреннему; тамъ тоже требовался свъжій человъкъ, честный и знающій. На первыхъ порахъ Салтыковъ взяль росписи городскихъ приходо-расходовъ, и съ техъ поръ городское хозяйство стало предметомъ его важнъйшей заботы. Небезынтереснымъ поэтому представляется просмотръ самихъ росписей. Вотъ, напримъръ, въдомость о невыполненныхъ расходахъ по городу Ряжску къ 1 августа 1859 г. Статьъ: «на выписку анатомическихъ инструментовъ для городоваго врача за 1858 г. 30 рублей 80 конеекъ», соотвътствуетъ помета управскаго чиновника: «Деньги сім предположено сложить по ненадобности, потому что содержаніе городской больницы зависить оть совета градской больницы». Салтыковъ отчеркиваеть это

¹) Въ прежнемъ распорядкъ, 3-й столъ заключалъ часть слъдственно-судную, нынъ переданную въ 9-й столъ, дъла же послъдняго, имъющія характерь чисто распорядительный, переданы 3-му столу.

Раньше онъ зав'ядывалъ также д'ялами народной переписи и земскаго ховяйства.

Раньше ему принадлежало также ввыскание съ частныхъ лицъ въ пользу кредитныхъ установлений.

^{4) 9} іюля 1858 г., № 1511 (Архивъ губернскаго правленія 1858 г., № 61).

мъсто и пишетъ: «Что такое, этого, кажется, сложить нельзя», и въ офиціальномъ запросв ряжской думы утвержденіе росписи обусловливаеть точнымъ отвътомъ на вопросъ: почему не выполненъ расходъ 30 рубдей 80 конеекъ на выписку анатомическихъ инструментовъ 1). При разсмотръніи касимовской росписи онъ съ удивленіемъ останавливается на чрезмёрномъ содержаніи квартирной комиссіи въ ущербъ другимъ расходамъ. Въ результать вмъсто положенныхъ градской думой 117 рублей назначаетъ всего 55 рублей²). Такое же точно отношеніе встрічаеть роспись канцеляріи городового депутатского собранія, назначившого слишкомъ большое жалованье писцу «за составленіе и продолженіе обывательской книги». «Что сдълано въ прошломъ году? -- спрашиваетъ онъ, -- дохода никакого», и не утверждаеть росписи. Другой разъ испрашивамый рязанской думой «расходъ на исправленіе улицъ и на зарытіе рытвинъ, могущихъ образоваться во время весенняго розлива», вызываеть его замечаніе: «на улицахъ должны исправлять домохозяева», однако расходъ утверждаеть (150 рублей). Память у него огромная, ни одна мелочь не ускользаеть отъ его вниманія, особенно если діло касается желаннаго всёми казеннаго пирога. По какому-то вопросу рязанская дума исчисляла площадь городского землевладёнія и въ счеть пахатной и неудобной земли допустила неточность. Салтыковъ замътилъ ошибку, лично провърилъ ее и собственноручно исправилъ! Творческая мысль его постоянно въ движеніи, рядомъ съ пустымъ замъчаніемъ, мелькнетъ иногда остроумный проектъ, иногда цёлая система новаго городского хозяйства, какъ, напримёръ, въ росписи города Раненбурга за 1859 г. Салтыковъ просмотрълъ смёту городскихъ доходовъ и пишетъ на поляхъ: «Такъ какъ по въдомости о капиталахъ видно, что городъ Раненбургъ никакого запаснаго остаточнаго капитала не имбеть, между темъ какъ наличность такового тогда бы принесла несомнънную для города пользу, черезъ употребление его на разные необходимые предметы, то предписать городской думъ войти въ соображение, не представляется ли возможнымъ учредить для составленія запаснаго капитала, а равно и на удовлетвореніе другихъ полезныхъ расходовъ, которые въ настоящее время въ роспись не вносятся, какъ, напримъръ, для освъщенія города, улучшенія въ ономъ пожарной части, ввести оценочный въ пользу города сборъ съ обывательскихъ недвижимыхъ имуществъ, подвергая таковой оценкъ, по примъру другихъ городовъ, дома и усадебныя земли обывателей всъхъ сословій, и соображенія сіи представить губернскому правленію» 3). Къ сожальнію, неизвъстно, чьмъ закончилось это интерес-

¹⁾ Архивъ губерискаго правленія 1859 г.

²⁾ Tamb me.

³⁾ Тамъ же.

ное предложение, впоследствии ставшее обязательнымъ для всёхъ городовъ. Большое вниманіе удбляется М. Е. также вопросу о служащихъ, этому больному мъсту дореформеннаго управленія. Онъ съ ними гуманенъ, но, что касается службы, требователенъ и строгъ. Передъ нами роспись г. Михайлова на 1859 г. Секретарь думы, вычислявшій годовой расходъ на постройки, обнаружиль большую небрежность. Салтыковъ, замътивъ это, собственноручно пишеть определеніе... «Такъ какъ нельзя предположить, чтобы сумма на ремонть 6-ти мостиковъ ежегодно расходовалась неизмънно въ одномъ и томъ же размъръ, и какъ утверждение противнаго доказываетъ только, что секретарь думы не взялъ на себя труда изъ книгь думы за минувшее трехлетіе сделать выборку всёхъ действительно произведенныхъ расходовъ, то, принимая во вниманіе скудость средствъ г. Михайлова, расходъ по этой стать в следуеть утвердить» и т. д. А немного дальше: «Такъ какъ изъ донесенія думы все-таки не видно, сколько именно поступало въ теченіе посліднихъ трехъ літь доходовъ въ пользу города... предписать думъ, чтобы секретарь ея немедленно сдълалъ изъ приходныхъ книгъ думы за 1855, 1856 и 1857 гг. подробную выборку, съ кого именно, когда и сколько по каждой стать в поступало дохода, при чемъ предварить секретаря, что если онъ и эту работу исполнить съ тою же небрежностью, съ какою вообще исполнена роспись, то будеть немедленно удаленъ отъ должности». И въ заключеніе: «внушить секретарю думы Виноградову, что ежели онъ намъренъ продолжать службу съ тою же небрежностію, какъ исполняль ее досель, то лучше сдылаеть, если совсымь выйдеть въ отставку» 1). Тъмъ не менъе фамилія г. Виноградова еще долго попадаеть въ перепискъ г. Михайлова, слъдовательно начальникъ и подчиненный поняли другь друга и сжились. Любопытнымъ представляется также участіе Салтыкова въдёлахъ слёдственныхъ, хотя мы должны оговориться, что то, что было сказано въ началъ настоящаго очерка о положеніи архивнаго діла въ провинціи, приміняется здёсь въ полной силё. А жаль! Сколько интереснаго, поучительнаго и оригинальнаго могли бы сообщить эти пожелтъвшія отъ времени страницы памяти Салтыкова; онъ самъ внесъ бы много характернаго для своей эпохи, особенно если судить по дълу бр. Хлудовыхъ, несомивнио интересовавшему его 2). Цвло это, возмутительное и по обстановкъ и по дъйствующимъ лицамъ, въ свое время надълало много шуму. Воть что разсказываеть о немъ изследователь рязанской старины А. Д. Повалишинъ 3): «Не за-

¹⁾ Арх. губ. пр., 1859 г.

²⁾ См. намекъ въ «Полн. собр. соч. Салтыкова», т. 8, стр. 328.

³⁾ Статья его «Рязанскіе пом'ящики и ихъ кр'япостные» (Труды ряз. арх. ком., 1890 г., № 8, стр. 137).

долго до отмены крепостного права, отпускъ на волю послужилъ нъкоторымъ помъщикамъ средствомъ для покрытія предвидимыхъ ими уже отъ реформы потерь. Въ концт 1857 г. помъщики Егорьевскаго и Захарьевскаго убадовъ: Аванасьевъ, Буковскій, Злобинъ, Улитинъ, Гадгерлондъ, Алабинъ, Мельгуновъ, Тимооеевъ, Веселкинъ и Брандъ, продали своихъ крестьянъ на фабрику бр. Хлудовыхъ въ Егорьевскъ. Но такъ какъ по закону такая продажа не имъла мъста, ибо купцы не могли пріобрътать кръпостныхъ людей, то была изобрётена следующая форма: между управленіемъ фабрики и крестьянами заключены контракты по работь на фабрикъ сь выдачею пом'вщикамъ впередъ встхъ выкупныхъ денегъ, въ видт аванса по заработной плать, за что крестьяне и должны были отработать фабрикъ въ теченіе нъсколькихъ льть. Затьмъ, совершены были отпускныя, переданныя въ управленіе фабрики. Такимъ образомъ, формально свободные люди вновь очутились въ кръпостной зависимости у бр. Хлудовыхъ». Однако, если признать намекъ Щедрина настоящему дёлу соотвётствующимъ, дёло раскрылось раньше, нежели на это разсчитывали. Объявлена была девятая народная перепись, и всё такъ называемые вольные немедленно обязаны были пріобръсти себъ права состоянія и приписаться къ какому нибудь обществу. «Можно себъ представить, -говорить Салтыковъ, — удивленіе закабаленнаго, когда фабричное начальство погнало ихъ приписываться къ мѣщанскому обществу города Z.

— «Мы не вольноотпущенные! — возопили они въ одинъ голосъ: -- мы надняхъ сами будемъ свободны... съ землей! Не хотимъ въ мъщане!-И вслъдъ за тъмъ нагрянули цълой толпой въ губернскій городъ съ жалобами на то, что наканунѣ освобожденія ихъ сдълали вольными помимо ихъ желанія. Началось слъдствіе, и туть же раскрылось поползновеніе Чумазова (такъ называеть Щедринъ фабриканта), въ то время только-что начинавшаго раскидывать съти на всю Россію». Повторяемъ, крайне жаль, что дъло характерное и по времени, когда оно производилось, и по лицу, которое его вело, затерялось въ архивъ. Вмъсто него мы можемъ предложить другое не лишенное интереса дъло «по жалобъ ряжскаго купца Калашникова на командира Сибирскаго полка, полковника Зеланда, въ томъ, что последній целымъ рядомъ противозаконныхъ дъяній нарушилъ права, какъ его Калашникова, такъ и матери просителя, ряжской домовладълицы». Велъ дъло Салтысуть его заключалась въ следующемъ. Въ августъ 1858 г. нъкто купецъ Калашниковъ обратился къ министру внутдълъ (Ланскому) съ жалобой, въ которой объясняль, что поселившимся въ домъ его матери, на основании дъйствующихъ правилъ воинскаго постоя, командиромъ Сибирскаго гренадерскаго полка, полковникомъ Зеландомъ, были причинены ему съ

семействомъ различныя стёсненія, какъ-то: самовольно помѣщена вмѣсто назначеннаго ряжской квартирной комиссіей «оберъ-офицерскаго постоя» швальня; введено на постой вмѣсто одного три офицера; въ комнатѣ, занимаемой просителемъ, произведенъ аукціонъ и разыграна лотерея; помѣщены въ той же комнатѣ музыканты, которые «въ раннее утреннее время» громомъ барабановъ и трубъ «перепугали больную мать его и семейство», наконецъ, что всего ужаснѣе, вопреки всякимъ правиламъ приличія, произведенъ публичный «въ сѣняхъ и даже на дворѣ» медицинскій осмотръ наружныхъ болѣзней нижнихъ чиновъ, которыхъ для этой цѣли раздѣвали донага, и т. д.

Министерство внутреннихъ дълъ жалобу эту препроводило рязанскому губернатору (въ то время Михаилу Карловичу Клингенбергу), прося, какъ водится, доставить ему «надлежащія свъдънія и заключеніе». Но губернаторъ еще до полученія жалобы зналь содержание ея отъ самого Зеланда, распорядившись поручить разслъдованіе дъла ряжскому городничему, майору Уланъ-Полянскому. Началась переписка. Полковникъ Зеландъ писалъ губернатору, что жалоба Калашникова несправедлива, что «ввъренный ему полкъ во все время расквартированія своего въ г. Ряжскі какъ отъ всіхъ служащихъ, такъ равно и отъ жителей, пользовался вниманіемъ и радушіемъ, за исключеніемъ купеческаго сына Калашникова, который не только склоняль мать свою къ подачв на него, Зеланда, кляузнаго прошенія, но даже, какъ ему извъстно по частнымъ слухамъ, возмущаетъ городскихъ жителей къ поданію разныхъ жалобъ». На все это полковникъ Зеландъ обращаеть внимание губернатора и просить строжайше разследовать дело. Съ своей стороны городничій поддерживаль мнініе полковника Зеланда, утверждая, что «сача Калашникова находится съ давняго времени въ разслабленномъ положеніи», почему тяжбу лично начать не могла, а началъ ее Калашниковъ, имъющій вообще «большую наклонность къ тяжбамъ». Впрочечъ, въ виду того что Калашниковъ подозръваеть его въ единомысліи съ обвиняемыми, онъ не находить возможнымъ долъе продолжать слъдствіе. Послъднее обстоятельство побудило губернское правленіе отослать діло «для дослідованія» чиновнику особыхъ порученій г. Лекторскому, о чемъ губернаторъ и сообщиль министру. Тъмъ временемъ Калашниковъ, наскучившись, въроягно, ждать разследованія, подаль вторичную жалобу министру, чиновнику же Лекторскому не давалъ объясненій по дёлу, говоря, что «ждетъ чиновника отъ министра внутреннихъ дълъ». Въ Цетербургъ, повидимому, разсердились. 27-го декабря, за № 1856, Ланской увъдомляль губернатора, что въ новой жалобъ Калашникова усматривается, что «по огражденію упомянутыхъ имъ (раньше) стъсненій до того времени не только не было принято никакихъ мъръ, но, напротивъ, стъсненія эти усилились до того, что ховяннъ со-

всёмъ вытёсненъ изъ своего дома. Кромё полковой библіотеки, назначенной къ нему, Калашникову, въ домъ по отводу квартирной комиссіи, полковой командиръ Зеландъ самовольно заняль комнату для фехтованія эспадронами и рапирами, чёмъ вынудиль жену его, Калашникова, съ дътьми удалиться въ кухню. Затъмъ командиръ также самовольно помъстиль въ домъ римско-католическій костель; вновь дёлаль медицинскій осмотръ наружныхъ болёзней нижнихъ чиновъ; многократно производилъ ученье солдатамъ маршировкъ, ружейнымъ пріемамъ и вообще строевой службъ. Въ концъ концовъ самоуправство воинскихъ чиновъ достигло того, что одинъ офицеръ дозволилъ себъ напасть на Калашникова въ его собственномъ домъ и бить палкою и эспадрономъ, которымъ и нанесъ глубокую рану; прежде сего, ночью бросаемы были въ окна его дома камни». Къ сему проситель присовокупляеть, что отъ описаннаго въ первомъ его прошеніи испуга жена его преждевременно разръшилась отъ бремени и находится въ опасномъ положеніи, а новорожденное дитя умерло.

«Посему, замъчаетъ министръ, предварительно сношенія съ военнымъ министромъ объ удержании воинскихъ чиновъ отъ подобныхъ поступковъ, я предлагаю вамъ обратить особенное вниманіе на настоящее дівло и безотлагательно распорядиться произведеніемъ строгаго и безпристрастнаго изследованія по жалобамъ Калашникова, а между тъмъ тогчасъ же принять мъры нъ огражденію просителя оть дальнъйших в стысненій, при чемы всякая медленность или послабление остается на вашей отвътственности. Независимо отъ сего, по важности настоящаго дъла, считаю нужнымъ поручить вамъ о положении его еженедёльно доносить мнт». «Губернія» всполошилась. Тому же чиновнику особыхъ порученій Лекторскому поручено «произвесть при депутатахъ съ военной стороны» строжайшее слъдствіе и «о немедленномъ окончаніи» донести губернскому правленію; «если же по какимъ либо обстоятельствамъ дъло это немедленно, т. е. въ теченіе недъли, окончено быть не можеть, то доносить еженедъльно правлению о препятствующихъ причинахъ окончанію того следствія». Вмёстё съ тёмъ предписано Лекторскому, въ случав, «если хотя часть обвиненій, взводимыхъ Калашниковымъ, окажется справедливою», немедленно испросить разръщенія у губерискаго правленія «на производство слъдствія надъ ряжскимъ городничимъ, допустившимъ подобнаго рода своеволія», а между темъ «лично принять действительныя меры, чтобы со стороны воинскихъ чиновъ не было дълаемо никакихъ претесненій семейству Калашникова». Сначала слёдствіе тормовилось немного. Квартирная комиссія и ряжскій городничій медлили доставленіемь свідіній, необходимыхь Лекторскому, о чемь тоть рапортомь доносиль губернскому правленію, но правленіе предписало комиссіи и городничему немедленно удовлетворить требованія чиновника

особыхъ порученій, и колеса вновь заработали. Подробное разслівдованіе дёла заняло около 200 страниць; выводы писаль самь Салтыковъ собственноручно. Вотъ они: 1) распоряжение о помъщеніи въ дом'в купчихи Калашниковой швальной безъ в'вдома м'встной квартирной комиссіи въ противность 307 и 319 ст. уст. о в. пов. подтверждается увъдомленіемъ самого Зеланда, который оправдывается тъмъ, что это допущено по соглашению съ Николаемъ Калашниковымъ, въ чемъ однако же сей послъдній не сознается; 2) что 14-го іюля действительно была назначена г. Зеландомъ въ домъ Калашникова музыка для испытанія успъховъ музыкантовъ при инспектированіи ихъ дивизіоннымъ капельмейстеромъ. Нѣсколько присяжныхъ показаній подтверждають, что музыка началась очень рано утромъ, и хотя всё музыканты полка подъ присягою показали, что музыка начала играть въ 10 ч., но, по мнѣнію губернскаго правленія, музыканты, какъ лица, прикосновенныя къ дёлу и вполне подчиненныя полк. Зеланду, спрошены полъ присятою, вопреки отвола купца Калашникова, неправильно. Но если бы даже и несправедливъ былъ извъть Калашникова относительно ранняго прихода музыкантовъ и происшедшаго отъ него перепуга его семейства, то это нисколько не можеть оправдывать распоряженія г. Зеланда, ибо для школы музыкантовъ былъ отведенъ особый домъ, изъ котораго, вопреки упомянутыхъ выше статей закона, не представлялось никакого основанія выводить музыкантовъ, въ особенности же безъ согласія Калашниковой; 3) обстоятельство относительно преждевременнаго разръшенія оть бремени купчихи Калашниковой вследствіе недуга, последовавшаго отъ внезапнаго прихода музыкантовъ, не подтвердилось, и по свидътельству мъстныхъ врачей, требующему, впрочемъ, подтвержденія со стороны врачебной управы, это преждевременное разръщение произошло отъ вины самой Калашниковой, имъвшей на нижней части живота вереда, которые вследствіе раздраженія, причиненнаго излишнимъ употребленіемъ русской бани, вызвали рожу; 4) обстоятельство о производствъ въ домъ купчихи Калашниковой наружнаго осмотра солдать вполнъ подтверждается, какъ присяжными показаніями самихъ солдать, такъ и сознаніемъ самого г. Зеланда. Изъ присяжныхъ свидътелей всъ посторонніе люди показывають, что дъйствительно видъли нагихъ солдатъ во дворъ дома, и что многіе изъ нихъ даже лазили въ этомъ видъ черезъ заборъ. Солдаты же хотя и показали, что этого не было, и что они раздъвались въ коридоръ, но лица сіи, какъ прикосновенныя къ дълу, по мнвнію губернскаго правленія, не могли быть спрошены подъ присягою, и слъдовательно показанія ихъ лишены законной силы. Что же касается до объясненія полковника Зеланда, что означенный осмотръ допущенъ быль въ дом'в Калашниковой потому, что до сего времени онъ производился въ ригахъ и сараяхъ, а 22 іюля былъ дождь, и нельзя было осматривать на открытомъ воздухъ, то

объясненіе сіе, по мивнію губернскаго правленія, не можеть быть признано уважительнымъ, ибо: а) если бы и въ самомъ дълъ была настоятельная нужда производить осмотръ 22 іюля, и не представлялось возможности отложить его до другого дня, то г. Зеландъ могь требовать отъ квартирной комиссіи особаго для сего помівщенія, а не производить осмотръ самовольно въ домъ, имъющемъ другое назначеніе; б) доказательствомъ, что такое требованіе было совершенно удобоисполнимо, служить то, что когда г. Зеландомъ было написано въ квартирную комиссію объ отводъ такового помъщенія, то оно было немедленно отведено въ домъ Никитина, и в) самая близость этого происшествія, по времени, съ случаемъ введенія въ домъ Калашниковой оркестра музыки, если не убъждаеть вполнъ, то во всякомъ случат навлекаеть сомнъніе въ томъ, что оба эти происшествія едва ли не иміноть между собой тісной связи; 5) хотя г. Розбергь въ нанесеніи купцу Калашникову эспадрономъ раны и не сознался, но несомненно однакожъ, что г. Розбергъ заходилъ въ комнату Калашникова, при чемъ имълъ въ рукахъ трость, которая потомъ неизвёстно какъ оказалась въ рукахъ Калашникова, а г. Розбергь взяль эспадронъ, и рука Калашникова оказалась израненною, и 6) действія местной полиціи во всемъ этомъ дёлё были столь слабы, что при всей продолжительности изложенныхъ выше стесненій не было сделано ею ни одного дъйствительнаго распоряженія къ огражденію претендателей и не было донесено объ оныхъ г. начальнику губерніи до техъ поръ, когда уже они сделались совершенно явными. Затемъ, что касается прочихъ оглашеній, сділаннымъ Калашниковымъ при самомъ производствъ слъдствія, то они слъдователемъ г. Лекторскимъ совершенно оставлены безъ вниманія, кром'в нікотораго поверхностнаго обследованія обстоятельства относительно квартиры самого г. Зеланда». Вслъдствіе сего губернское правленіе, «прежде нежели дать дълу законный ходъ», полагало затребовать отъ г. Лекторскаго дополнительныя свёдёнія по обстоятельствамъ, изложеннымъ въ жалобъ Калашникова, а равно вызвать къ объясненію и городничаго Уланъ-Полянскаго по обвиненіямъ, падающимъ на него. Въ числъ же обвиненій есть такое, что «городничій не приняль рапорта депутата квартирной комиссіи Фадбева, доносившаго ему о претензіи Калашникова», а по жалоб'в посл'єдняго «на нанесенную ему рану» не вошелъ въ личное разбирательство этого дъла, но, «сославшись на то, что Калашниковъ будто бы быль пьянъ (какъ будто бы обстоятельство это, хотя бы и могло быть доказано, лишало его права на защиту), послалъ въ домъ Калашниковой частнаго пристава» и т. д. Постановленіе губерискаго правленія сообщено было между прочимъ и министру вругреннихъ дълъ, но въ Петербургъ были очевидно заинтересованы дъломъ и не успокоились. 14 марта губернаторъ препровождалъ министру постановленіе

правленія, а уже 27 марта следоваль ответь Ланского, строго подтверждавшій ранте сказанное: «Не усматривая изъ сихъ отзывовъ (14 марта, 13 и 23 января), чтобы со стороны рязанскаго губерыскаго начальства обращено было особенное внимание на скоръйшее производство настоящаго дёла, по важности его, я нахожусь вынужденнымъ вновь подтвердить вамъ о точномъ исполнении предписанія 27 декабря 1858 г. за № 1856; независимо же отъ сего прошу васъ уведомить меня, какія приняты меры къ огражденію Калашникова отъ притесненій по воинскому постою». Клингенбергу было непріятно. Прежде всёхъ досталось Лекторскому, которому объявленъ «выговоръ» съ занесеніемъ въ штрафную книгу и приказано «исключительно заняться дёломъ купца Калашникова»; затёмъ разгиванный министръ увъдомленъ, что если по какимъ либо обстоятельствамъ дъло это немедленно, т. е. въ теченіе 2 недъль окончено быть не можеть, то Лекторскому предписано доносить губернскому правленію еженедально о причинахъ, препятствующихъ окончанію следствія. Ко всему добавлено, что Лекторскому поручено «принять всё мёры къ огражденію Калашникова отъ притесненій со стороны воинскихъ чиновъ», и наконецъ, что самъ виновникъ несчастія, полковникъ Зеландъ, съ полкомъ выступилъ изъ Ряжска въ Москву. Тъмъ временемъ Лекторскій спъшно заканчиваль порученное ему следствіе, результать котораго представиль 1-го іюня. Следствіе это много прибавило къ тому, что было разслъдовано раньше, а именно: неправильный образъ дъйствія квартирной комиссіи, безчинства офицеровъ и нижнихъ чиновъ Сибирскаго полка, голословныя обвиненія городничимъ Калашникова въ нетрезвомъ поведеніи, наконецъ бездъйствіе самого городничаго во время совершенія всёхъ этихъ поступковъ. Одно, впрочемъ, не подтвердилось: это утверждение Калашникова, что жена его родила оть испуга, вызваннаго игрою военной музыки. Оказалось, по разследованію рижской врачебной управы, что жена Калашникова после происшествія съ музыкой была здорова еще 4 місяца, и что причиною преждевременных родовъ нужно считать тифоидальную горячку и др. бользненныя осложненія. Постановленіе опять писаль Салтыковъ. Не выписывая его дословно, такъ какъ въ немъ знаменитый сатирикъ не обнаруживаетъ никакой оригинальности, и строго придерживается формальной стороны дёла, приведемъ лишь окончательное рѣшеніе правленія: 1) объ оказавшемся по дополнительному следствію донести г. министру внутреннихъ делъ, испрашивая разръшенія относительно дальнъйшаго хода этого дъла; 2) ряжскаго городничаго Уланъ-Полянскаго за совершенное бездъйствие власти предать суду рязанской уголовной палаты, для чего отослать въ оную формулярный о службъ его списокъ и изложить подробно всв обстоятельства, до него, городничаго, относящіяся, и 3) депутатамъ ряжской квартирной комиссіи (следують фамиліи) за неправильныя дѣйствія къ отводу г. Зеланду квартиры сдѣлать выговоръ съ внесеніемъ въ штрафную книгу». Затѣмъ дѣло пошло своимъ обычнымъ ходомъ. Обвиненія, предъявленныя г. Зеланду, поступили на разсмотрѣніе его военнаго начальства, и неизвѣстно, оправдался ли полковникъ или нѣтъ (свѣдѣній объ этомъ въ дѣлѣ не находится); рѣшеніе же по дѣлу бывшаго городничаго послѣдовало 19 мая 1861 г., но уже не застало майора въ живыхъ: онъ умеръ до объявленія приговора. Тѣмъ не менѣе вдовѣ ею было сообщено, что судъ, разсмотрѣвъ дѣло ея мужа, настаивалъ сдѣлать ему замѣчаніе.

Въ Рязани Салтыковъ жилъ очень скромно, занимая особиякъ на углу Астраханской и Александровской улицы въ нынъшнемъ дом'в Морозова. Поглощенный служебными делами, онъ имель очень ограниченный кругь знакомыхъ, среди которыхъ семья его собрата по перу Н. Д. Хвощинскій-Заіончковской занимала первое м'єсто. Изъ ея переписки съ М. Е. мы, однако, собственно о рязанской жизни узнаемъ крайне мало, да и то самое характерное относится къ вторичному пребыванію его въ Рязани, о которомъ будеть сказано послъ. Какъ начальникъ, М. Е. былъ по общимъ отзывамъ очень строгій, хотя подъсуровой внёшностью и билось очень доброе и отзывчивое сердце. Впоследствии мы будемъ иметь случай подольше остановиться на отношеніяхъ его къ низшимъ служащимъ, теперь же не лишнее замътить, что гуманность относительно «маленькихъ» составляла едва ли не самую выдающуюся черту его служебной двятельности. Насколько попадало старшимъ, не исключая иногда даже совътниковъ губернскаго правленія 1), настолько «мелкота» находила всегда отзвукъ въ его душъ, гордой и свободолюбивой, не мирившейся съ мракомъ невѣжества окружающаго, но изгонявшей этотъ мракъ не палкой дядьки фельдфебеля, а страстной филиппикой учителягуманиста. «Бывало придеть М. Е. въ губернское правленіе, —разскавываль намъ бывшій его сослуживець г. Бълкинь, еще изъ передней слышится его кашель, - пройдеть по канцеляріи такой суровый, мрачный, -- кажется; гроза пронеслась, -- а ничего, не стоить обращать вниманіе, это съ виду, въ сущности же самый благодушный человъкъ. А что вогъ насчетъ дъла, то строгъ! Подавай ему все сразу, не ройся кругомъ, а главное знай, что докладываешь. Тоже безграмотность не терпълъ. Какъ увидить ошибки, перечеркнеть всю бумагу и обратно, а то самъ напишетъ. Память у него была огромная, кажется, все помниль, даже что случилось много до него.

¹⁾ По словамъ покойнаго А. М. Варницваго, бывшаго въ 1858—1859 гг. непремъннымъ членомъ нынъ упраздненнаго приказа общественнаго призрънія, Салтыковъ, будучи вице-губернаторомъ, велъ сильную борьбу съ чиновниками губернскаго правленія и особенно съ нъкіимъ совътникомъ онаго, относительно взяточничества (слышано отъ Н. Лаппо).

И сообразительность какая! Вспомнится, возьметь онъ этакъ бумагу прямо съ почты (разсказчикъ взялъ бумагу со стола), пробъжить ее этакимъ манеромъ (разсказчикъ медленно провелъ бумагой сверху внизъ), и готово: сейчасъ резолюція. И никогда ошибки. Удивительный быль человёкы!». 3 апрёля 1860 г. Салтыковь быль переведенъ вице-губернаторомъ въ Тверь. Перемену эту по службе многіе объясняють разными причинами, связывая ее обыкновенно съ назначениемъ въ Рязань губернаторомъ вмёсто Клингенберга Н. Н. Муравьева, брата Виленскаго 1). Муравьевъ былъ нрава кругого, типичный представитель администраторовъ «добраго стараго времени», не терпъвшій противорьчія своимъ основнымъ взглядамъ, съ которыми Салтыковъ, судя по отзывамъ, часто расходился принципіально. Говорять, что въ концъ концовъ онъ такъ и объявиль ему, что «два медвъдя въ одной берлогъ жить не могуть», а нотому просиль о переводъ въ другую губернію, и что послъдній быль дань ему по хлопотамь самого Муравьева, который это получиль въ виде награды къ пасхальнымъ праздникамъ. Какъ бы то ни было, но съ весны 1860 г. Рязань лишается Салтыкова на цёлыя семь лёть, вплоть до октября 1867 г. За семь лёть М. Е. успълъ около двухъ лътъ прослужить въ Твери 2), два года пробыть въ отставкъ 3) и въ ноябръ 1864 г. вновь вернуться на службу, но уже не по министерству внутреннихъ дълъ, гдъ онъ служилъ раньше, а по министерству финансовъ, которое назначило его сначала предсёдателемъ пензенской казенной палаты, затёмъ 11 ноября 1866 г. перевело на ту же должность въ Тулу и наконецъ въ октябръ 1867 г. въ Рязань. Очень въроятно, что попытка наша ознакомиться съ дъятельностью Салтыкова въ рязанскихъ учрежденіяхъ подвинеть изслідователей: тверской, пензенской и тульской старины совершить подобныя же экскурсіи въ свои архивы, какъ мы сдёлали въ наши, и тогда, дасть Богь, Салтыковъ-чиновникъ будеть изображенъ въ цёльномъ видё. Покамъсть хотя отчасти облегчаю задачу гг. тульскихъ изслъдователей, передавъ имъ, со словъ г. Лаппо, некоторые эпизоды изъ жизни М. Е. въ Тулъ. «Сколько помню, пишетъ намъ г. Лаппо 4), во второй половинъ 1866 г. стали часто поступать въ тульскую казенную палату предложенія губернатора и донесенія нікоторыхъ увздныхъ исправниковъ о нетождественности недоимокъ по неокладнымъ сборамъ съ сельскихъ обществъ съ свъдъніями полицейскихъ управленій, основанными на счетахъ сельскихъ управленій.

¹) Новый губернаторъ вступилъ въ должность 30 сентября 1859 г. (Архивъ, № 636).

²) Онъ назначенъ 3 апръля 1860 г., вступилъ въ должность 25 іюня того же года, вышелъ въ отставку 9 февраля 1862 г.

³⁾ По 6 ноября 1864 г.

⁴⁾ Онъ служиль начальникомъ отделенія въ тульской казенной палате.

Такихъ бумагь набралось довольно значительное количество. Пришлось разбирать путаницу на мъстахъ черезъ чиновниковъ особыхъ порученій. Дъло было сложное и требовало времени. Къ прівзду Салтыкова работы несколько подвинулись впередъ, но Шидловскій (губернаторъ) настаивалъ скорве покончить разборъ недоимокъ, о чемъ сказалъ Салтыкову при первомъ свидании съ нимъ въ концъ декабря 1866 года. Салтыковъ немедленно потребовалъ къ себъвсъ донесенія чиновниковъ особыхъ порученій вибств съ докладами палаты, которыми разсмотръны были нъкоторыя изъ сихъ донесеній. Ему подали все, что было налицо, нъкоторыя же донесенія чиновниковъ особыхъ порученій находились у губернатора, по требованію его, для сличенія ихъ съ полученными имъ рапортами исправниковъ. Дня черезъ два или три Салтыковъ принесъ въ палату прочитанныя имъ бумаги; по тъмъ изъ нихъ, которыя еще не были разсмотръны, самъ написалъ распоряжения объ исправлении ошибокъ и затъмъ слъдилъ за исправлениемъ ихъ по книгамъ казначействъ. Вмъсть съ тъмъ онъ остался недоволенъ, что донесенія чиновниковъ особыхъ порученій доставляются губернатору, говоря, что разбирать, или, по выраженію его, «выпирать», всю путаницу лежить на обязанности палаты, о чемъ и сказалъ Шидловскому. Мъсяца черезъ два или три весь разборъ недоимокъ былъ конченъ, но за это время неоднократно были посылаемы губернаторомъ жалобы министру финансовъ на допускаемую будто бы палатою медленность, такъ что иногда приходилось въ одинъ и тотъ же день отвъчать по тремъ или четыремъ жалобамъ губернатора. Писалъ всё эти объясненія самъ М. Е., изрёдка за недосугомъ поручая составление ихъ кому либо другому. Вообще это время было самое тревожное и для Салтыкова, и для близкихъ ему лицъ, больше изъ-за личностей, а не изъ-за дъла. Такъ продолжалось до перевода М. Е. въ Рязань, въ октябръ 1867 г.; съ отъъздомъ его все умолкло, и палата вдругь сделалась исправной по отзыву Шидловскаго. Это я хорошо помню, ибо почти мъсяцъ послъ Салтыкова прослужилъ въ Туль, при преемникъ его Щепкинъ». Такимъ образомъ тъ же самые мотивы, что и въ Рязани, были причиною его ухода изъ Тулы: нелады съ губернаторомъ. Отъёздъ Салтыкова изъ Тулы быль искренно оплакань его сослуживцами. «Частыя, почти ежедневныя служебныя сношенія съ М. Е., говорить г. Лаппо, оставили во мнъ воспоминание о немъ, какъ о человъкъ сериозной мысли и труда, неподкупной честности, быстро обнимавшемъ всякое дъло и умъвшемъ въ сжатой формъ правильнымъ языкомъ изложить сущность его; но онъ бывалъ угрюмъ, разокъ, раздражителенъ, иногда не сдержанъ въ выраженіяхъ, когда бумаги подавались небрежно и неграмотно составленными, иногда приходилось ему имъть дъло съ грязными личностями, вообще въ сихъ случаяхъ какая либо любезность отсутствовала, или, по его мъткому

выраженію, «не составляла его спеціальности», отчего онъ им'єль много враговъ тайныхъ и явныхъ въ разныхъ сферахъ, больше къ высшемъ кругу, на что, впрочемъ, мало обращалъ вниманія». Работникъ онъ быль недюжинный, это мы не разъ уже докавывали. «Работалъ М. Е. много и чрезвычайно быстро, вникая во всв отрасли управленія; каждую бумагу читаль оть начала до конца 1); если при чтеніи доклада, изъ числа большого количества ихъ, подаваемаго ежедневно, онъ встръчалъ какое либо сомнъніе, то писаль на поляхь свою традиціонную заметку: «къ объясненію»; если объяснение удовлетворяло его, то утверждалъ докладъ, или писалъ: «въ журналъ», для подписи перебъленнаго доклада всъми членами присутствія; если же объясненіе было неудовлетворительно, то онъ высказываль свое заключеніе, какъ нужно составить бумагу, а иногда и самъ писалъ. Заключенія его всегда были основательны, такъ что принимались безъ возраженія. Мало того, при обзорѣ разныхъ отчетныхъ вѣдомостей, умѣлъ какимъ-то чутьемъ, прежде прокладки, находить невърность итоговъ. Бывало читаетъ цифры и вдругъ говоритъ: «а тутъ что нибудь да не такъ». Прокладывають цифры, и дъйствительно оказывается ошибка». И такъ Салтыковъ вернулся въ Рязань после семилетняго отсутствія. Что же онъ въ ней ділаеть? Вопросъ этоть наивный по отношенію къ другому лицу?---что въ самомъ деле можеть сделать человъкъ въ теченіе 7 мъсяцевъ, по отношенію къ Щедрину не кажется ничуть страннымъ. Съ обычной своей энергіей взялся онъ за дъло, и по выраженію очевидцевъ «все вдругь закипъло». Однако, прежде чёмъ заняться службой, пришлось ему позаботиться... о жильъ, т. е. о квартиръ. Любопытная исторія эта занимаеть всего три страницы офиціальной переписки, и читатель, въроятно, не постучеть, если мы на минуту остановимъ на ней его вниманіе. Дело въ томъ, что по закону управляющему рязанскою казенною палатою при казенной квартиръ не полагалось вовсе суммъ на отопленіе, ремонть построекъ, содержаніе въ чистотв двора и пр. Салтыковъ, прівхавъ, не могь помириться съ такимъ положеніемъ, лично составиль бумагу въ министерство и послалаъ ее въ Петербургъ. Воть ея содержаніе: «По званію управляющаго тульской казенною палатою, писалъ онъ 16-го ноября 1867 г., я получалъ квартирныя деньги въ размёре 850 р. въ годъ, и этой суммы мив было достаточно, какъ для найма квартиры, такъ и для отопленія ея. Съ переводомъ на соотв'єтствующую должность въ Рязань, я, витсто квартирныхъ денегъ, пользуюсь казенной квартирой, или, лучше сказать, весьма обширнымъ казеннымъ домомъ, при чемъ не присвоено никакихъ суммъ ни на отопленіе его, ни на содержаніе въ чистоть двора в пр. Судя по дороговизнь въ

¹⁾ Сравни съ предыдущимъ.

Рязани дровъ, издержки на этотъ предметъ, а равно и на другіе мелочные на содержание дома расходы, могуть простираться до 500 р. въ годъ, каковая сумма и должна лечь довольно чувствительнымъ вычетомъ на получаемое мною по должности содержаніе (2400 р. въ годъ). Донося о семъ вашему превосходительству, имъю честь испрашивать, не изволите ли признать возможнымъ ассигновать въ распоряжение мое или рязанской казенной палаты необходимую сумму, какъ на отопленіе занимаемаго мною казеннаго дома, такъ и на мелочные по содержанію его расходы». На это представление департаменть государственных имуществъ отвъчалъ следующее 1): «Вследствіе ходатайства вашего превосходительства, о назначеніи особой суммы на отопленіе занимаемаго вами казеннаго дома, департаментъ государственнаго казначейства поручаеть вамъ сообщить сему департаменту, въ возможной скорости, свъдънія о томъ, изъ какого именно источника производился таковой расходъ до настоящаго времени». Судя по отвъту, данному департаменту туть же на поляхъ бумаги, видно, что Салтыковъ разсердился. Вотъ его отвътъ: «на предложение отъ 14-го февраля настоящаго года донести, что расходъ на отопленіе дома, занимаемаго управляющимъ рязанскою казенною палатою, производился и производится до сего времени на счеть собственныхъ средствъ управляющаю» 2). Тъмъ дъло и кончилось. Салтыкова вскоръ перевели, а преемникъ его не возбуждалъ болъе такого вопроса. Резолюція отъ 19-го ноября 1869 г. гласить, что дёло это, «какъ не требующее болве производства, изъ числа текущихъ исключить» 3). «Въ Рязани, однако, М. Е. было гораздо спокойнъе,--сообщаеть тогь же г. Лаппо, последовавшій за нимъ изъ Тулы,-его озабочиваль здёсь разборь неокладных в недоимокъ на счетъ могущихъ быть виновныхъ, т. е. суммъ, выданныхъ разнымъ чиновникамъ на уплату прогоновъ и суточное содержаніе съ тъмъ, что лица, оказавшіяся виновными по суду, или наказанныя административнымъ порядкомъ, обязаны уплатить издержки казны. Такихъ отдёльныхъ статей набралось съ давняго времени громадное количество, а переписокъ о нихъ съ судебными мъстами, равно и съ

¹) Отношеніе за № 3138 оть 14 февраля 1868 г.

²⁾ Исполнено 19 февраля 1868 г., № 29.

³⁾ Можеть быть, въ свяви съ этимъ обстоятельствомъ нужно поставить вообще ствсненное положение Салтыкова въ денежномъ отношении. Отъ перваго пребывания его въ Рязани остались за нимъ кое-какие долги, повидимому, образовавниеся отъ поручительства за кого нибудь. По крайней мъръ, изъ переписки тульской и рязанской казенныхъ палатъ усматривается, что «въ удовлетворение протензии подполковника Александра Александрова Ляпунова съ поручика Петра Оедорова Измайлова по заемному письму», съ д. с. с. Миханла Евграфовича Салтыкова причитается «распоряжениемъ правительствующаго сената» 212 р. 5 к., въ пополнение коихъ удержано до сихъ поръ 108 руб. 89 коп., остается получить 103 р. 16 к.

[«]истор. въстн.», февраль, 1900 г., т. LXXIX.

административными не было, а если и были переписки, то въ какомъто хаотическомъ состоянии. Кромъ того, было большое количество статей тоже давняго времени, такъ называемыхъ не разъясненныхъ суммъ, записанныхъ въ депозить казенной палаты, следовательно нужно было по каждой стать в вести переписку для разъясненія вопроса, къ какому роду доходовъ казны или комитета призрвнія заслуженныхъ чиновниковъ гражданскаго въдомства подлежатъ эти капиталы, или наконецъ они должны были быть выданы частнымъ лицамъ». Г. Лаппо добавляеть, что разборъ всего этого начался при дъятельномъ участіи Салтыкова, но такъ какъ онъ быль въ Рязани недолго, до іюня 1868 г., а дъло было во всякомъ случав сложное по количеству, а иногда, собственно по депозитамъ, и по качеству, то оно кончено много спустя послъ него. при премникъ М. Е., И. Д. Фефеловъ. Къ сожальнію, это былъ всегдашній, повидимому, удъль Салтыкова, какъ случайнаго гостя служебных учрежденій: распутать, разъяснить, помочь, а затымъ уйти, предоставивъ другимъ вънчать дъло. Передъ нами исторія о пропажть денегь въ михайловскомъ казначействъ. Суть этого дъла заключалась въ слъдующемъ. Въ 1867 г. за нъсколько мъсяцевъ до назначенія Салтыкова управляющимъ рязанской казенной палатой, хранившійся въ михайловскомъ казначействе денежный ящикъ резервнаго экадрона 2-го лейбъ-уланскаго его величества полка «неизвъстно гдъ пропалъ» и, что всего страннъе, обнаружилъ пропажу самъ казначей со своими служащими. Началось следствіе; собственно прямыхъ уликъ не было ни противъ кого. Подозръвался канцелярскій чиновникъ Соколовъ, казначей Кротковъ, бухгалтеръ Ковреинъ, но подозрвнія эти, основывавшіяся большею частью на частных слухах и показаніях свидетелей и самих обвиненныхъ, часто противоръчивыхъ, скоръе запутывали слъдствіе, нежели помогали ему. Не лишено интереса и участіе въ немъ Салтыкова. Онъ засталъ слъдствіе почти заключеннымъ, подводившимъ, такъ сказать, итоги. Следуеть заметить, что съ момента возникновенія въ судебныхъ містахъ подозрінія, лица, замівшанныя въ дёлё, были немедленно отстранены отъ должности. Въ числъ первыхъ попалъ Соколовъ. Возникъ вопросъ объ аттестатахъ уволеннымъ. Михайловское убздное казначейство не встрвчало препятствій въ выдачь Соколову аттестата и сообщило объ этомъ палатъ. Здъсь случилось недоразумъніе, характерное для Салтыкова. Отзывъ казначейства представили ему одновременно съ проектомъ аттестата Соколову, при чемъ мотивъ увольненія объясняли такъ: «уволенъ вслъдствіе отношенія г. судебнаго слъдователя». Разсердился М. Е. и крупнымъ почеркомъ своимъ написалъ онъ поперекъ бумаги: «Когда уволенъ и какимъ образомъ? Зачъмъ пишете аттестатъ, когда я еще не утверждалъ чернового? Совсъмъ не вследствіе отношенія судебнаго следователя уволенъ». И, испра-

вивъ неточность, собственноручно надписалъ: «безъ прошенія» 1). Вообще дъло, повидимому, его сильно интересовало, хотя съ другой стороны медленность и ошибки слёдствія, тщетно плутавшаго въ потемкахъ, его раздражали и возмущали. Это замътно въ предписаніи михайловскому казначею отъ 25 ноября 1867 года. Вотъ что писалъ М. Е. собственноручно: «Имъя въ виду, что въ настоящее время производится въ Михайловъ слъдствіе о пропажъ въ ввъренномъ вамъ нынъ казначействъ 2) казеннаго ящика съ деньгами, принадлежащими резервному эскадрону лейбъ-уланскаго Курляндскаго его величества полка, и что результаты этого слёдствія доселё были весьма неудовлетворительны, предписываю вашему высокородію окавывать всевозможное содъйствіе къ раскрытію сего дъла, и буде вамъ сдвлаются известными какія либо обстоятельства, относящіяся до онаго, то немедленно доводить о томъ до свёдёнія, какъ судебнаго слёдователя, производящаго следствіе, такъ и казенной палаты. При чемъ не оставьте внушить и подвёдомственнымъ вамъ чиновникамъ всемърно стараться объ открытіи виновныхъ, предваривъ ихъ, что такъ какъ похищение было совершено почти явно, то я съ своей стороны должень буду въ случав дальнейшаго нераскрытія этого дъла принять мъры, чтобы подобные случаи не повторялись, и чтобы составъ канцеляріи казначейства быль болье осмотрительнымъ. Вмъстъ съ тъмъ предлагаю вамъ донести, находите ли вы подъ личною вашею ответственностью возможнымъ оставить на службв помощника бухгалтера Өедорова и двоихъ присяжныхъ Емельяна Егорова и Филиппа Иванова, служившихъ въ казначействъ во время нахожденія ящика». Казначей отвъчаль коротко, что оставить названных лиць на службъ казначейства онъ находить виолить возможнымъ. Вопросъ этотъ быль вполить своевременъ, такъ какъ прощдо не болъе 11/2 мъсяца, какъ судебный слъдователь офиціальной бумагой просиль казенную палату уволить названныхъ Егорова и Иванова, «дежурившихъ» въ день совершенія преступленія и такимъ образомъ замёшанныхъ въ дёлё. Салтыковъ, недавно столь грозный, теперь заступился за «маленькихъ» и въ пространной бумагь товарищу прокурора излагаль свое мньніе. Воть что писаль онъ (собственноручно) 16 января 1868 года: «Изъ присланнаго вашимъ высокородіемъ отношенія судебнаго следоватемя Пронскаго у., г. Климова, отъ 13 января за № 26 видно, что г. Климовъ находить полезнымъ увольнение отъ должности присяжныхъ михайловскаго увзднаго казначейства Ульяна Степанова Егорова и Филиппа Иванова по тъмъ соображеніямъ, что они были дежурными въ казначействъ 20 мая, то-есть въ тотъ день, когда похищенъ быль денежный ящикь, принадлежащій 2-му эскадрону уланскаго

¹) Дѣло арх. каз. палаты, № 169, 1867 г.

Уволеннаго Кроткова смѣнилъ нѣкій Ивановъ.

Курляндскаго полка. Разсматривая обстоятельства этого дъла, казенная палата съ своей стороны находить: 1) что производившій дъло о похищении этого ящика судебный следователь г. Погодинъ ни разу не требовалъ увольненія означенныхъ двоихъ присяжныхъ. Напротивъ того, по его требованію, были удалены совсёмъ другіе два присяжныхъ, а именно Иванъ Степановъ и Вуколъ Плаксинъ, не бывшіе въ тогь день дежурными въ казначействъ. Вслъдствіе того же судебный следователь... уведомиль палату, что онъ не находить препятствій къ опредёленію вновь на должность присяжныхъ означенныхъ Степанова и Плаксина, но палата уже не имъла возможности это исполнить, потому что на мъсто ихъ были приняты въ казначейство другіе присяжные; 2) со времени похищенія ящика изъ михайловского казначейства прошло уже болбе 8 мъсяцевъ, такъ что является сомнѣніе въ подезности удаленія Егорова и Иванова для усивха двла; 3) (следуеть ссылка на запросъ михайловскаго казначея относительно Егорова и Иванова и отвъть его управляющему), и 4) устраненіе присяжныхъ убаднаго казначейства отъ должности на время закономъ не допускается, а увольненіе ихъ влечеть за собой большой для увольняемых ущербъ, такъ какъ присяжные получають черезъ каждыя 5 лъть добавочное содержаніе, котораго они въ случат принятія вновь на службу должны дишиться; такимъ образомъ и уволенные по требованію судебнаго следователя Погодина Степановъ и Плаксинъ могутъ быть приняты вновь на службу уже безъ сохраненія того добавочнаго оклада, который они получали. Принимая все это въ соображение, казенная палата имъеть честь покориваше просить ваше высокородіе снестись съ г. судебнымъ следователемъ Климовымъ, действительно ли признается нужнымъ для пользы дъла удаленіе присяжныхъ Егорова и Иванова, при чемъ присовокупляеть, что ежели эта мъра совершенно необходима, то г. Климовъ можетъ снестись о томъ съ г. михайловскимъ убаднымъ казначеемъ, которому дано по сему предмету предписаніе». Но, въроятно, мъра была признана прокурорскимъ надзоромъ «для пользы дёла» не обязательной, такъ какъ дёло этимъ и закончилось. Въ заключение скажемъ, что следствие, продолжавшееся чуть ли не до 1870-хъ годовъ, окончилось преданіемъ Соколова, Кроткова и Ковреина суду, который всёхъ ихъ оправдалъ. Но это было уже очень долго спустя послё отъёзда Салтыкова изъ Рязани. Нельзя также обойти молчаніемъ случай съ помощникомъ бухгалтера скопинскаго убзднаго казначейства Кедровымъ 1).

Кедровъ усиленно манкироватъ службой, большею частью послъ получки мъсячнаго жалованья. Такъ, по крайней мъръ, объяснять его поведеніе скопинскій казначей, хотя слъдуетъ замътить, что рапорты послъдняго (а писалъ онъ ихъ много) кажутся читателю

¹) Дѣло № 141, 1868 г.

довольно пристрастными, да и вообще все дело отзывается личностями. Тъмъ не менъе, когда казначей офиціально жаловался на своего подчиненнаго, нельзя было пропустить этотъ фактъ безъ вниманія. И воть губернское начальство требуеть оть Кедрова объясненій по дёлу. Кедровъ оправдывается: онъ работаеть. трудится на пользу отечества, а начальство «къ большому его сожаленію» не относится къ нему какъ следуеть и за что-то преследуеть его. Въ заключение онъ просить, какъ милости, перевести его въ другое казначейство. Объясненія сопровождаются бумагой самого казначея, еще разъ подтверждающаго сущность всёхъ обвиненій, взводимыхъ на помощника бухгалтера. Характерна собственноручная резолюція Салтыкова скопинскому убздному казначею: «По разсмотрѣніи рапорта за № 866 я могу повторить только то, что уже было высказано мною при внезапной ревизіи въ семъ мъсяцъ суммъ и счетоводства скопинскаго убзднаго казначейства, т.-е. внушить г. Кедрову, что ежели съ нимъ будуть періодически послѣ каждаго полученія жалованья возобновляться бользненные припадки, то онъ будетъ уволенъ отъ должности». Но Кедровъ, по словамъ скопинскаго казначея, продолжалъ себя вести, какъ раньше, даже хуже прежняго. Онъ почти вовсе пересталь ходить въ казначейство. Дъло вновь поступило на разсмотрѣніе М. Е. Изъ переписки видно, что существовало два ръшенія этого вопроса. Одно ръшеніе останавливалось на причисленіи Кедрова къ палать въ качествъ канцелярскаго чиновника, другое поступало радикальные, т.-е. увольняло его вовсе отъ службы. Съ боку на поляхъ бумаги кто-то написалъ карандашомъ: «Михаилъ Евграфовичъ, обстоятельство это предоставляется вашему усмотрънію». Предпочли второе ръшеніе. Между тъмъ Кедровъ вошелъ съ рапортомъ, въ коемъ просилъ перевести его на мъсто проискаго помощника бухгалтера, который на это перемъщение изъявляетъ свое согласие. Дъло вновь измънилось: отставку пріостановили, а вм'єсто того написали въ Пронскъ о желаніи Кедрова обміняться містомь съ другимь чиновникомь. Отвъть получился неожиданный: «если прежній чиновникъ и изъявляль раньше согласіе обмёняться мёстами съ Кедровымъ, то теперь онъ раздумаль, да и самъ пронскій казначей обмёна этого не желаеть». Увъдомляя объ этомъ скопинское казначейство, рязанская палата предоставляла Кедрову искать себ'в место въ другомъ казначействъ, «заявивъ объ этомъ палатъ въ самомъ непродолжительномъ времени». Любопытнъе всего, что въ концъ-концовъ всв остались на своихъ мъстахъ. Помирился ли скопинскій казначей съ помощникомъ бухгалтера, или самъ помощникъ сталъ смириње, но старожилы миж разсказывали, что Кедровъ еще долго служиль въ той же самой должности, нажиль нъсколько домовъ и послъ смерти оставилъ наслъдникамъ хорошее состояние. О гуманности же Салтыкова онъ всегда вспоминалъ съ благоговениемъ...

Всвиъ изложеннымъ исчерпывается пока все, что намъ извъстно существеннаго о пребывании М. Е. Салтыкова-Щедрина въ Рязани. Говорю-«существеннаго», такъ какъ попадающаяся въ масст разнообразная переписка его по текущимъ дъламъ палаты и губерискаго правленія мало въ чемъ дополняеть сказанное. Попадаются ли, напримъръ, его циркуляры волостнымъ правленіямъ о содъйствіи казенной палать въ дъль наблюденія за правильностію торговли въ районъ подвъдомственныхъ имъ властей (см. прил. II), раньше, повидимому, изданныхъ для Пензенской и Тульской губерній, или разсматривается вопрось, возбужденный однимь изъ убздныхъ казначействъ, должны ли свидътельства на право торговли быть обложены 10°/о земскимъ сборомъ, — личность Салтыкова въ нихъ мало участвуеть, по крайней мъръ, не представляеть ничего характернаго. Какъ сказали мы въ началъ нашей статьи, онъ покидаетъ Рязань и службу, вообще, въ іюнъ 1868 года. Рязань оставляеть въ немъ пріятныя воспоминанія, хотя бы въ смыслё здоровья, которымъ онъ тамъ пользовался. «Я чуть живъ, -- пишеть онъ своему другу Н. Д. Хвощинской восемь лъть спустя, въ октябрт 1876 г., послт погрома, нанесеннаго моему здоровью въ прошломъ году. Въ первый разъ въ жизни ощущаю полную апатію къ писательству. Поневол'в вспомнишь Рязань, гд'в вс'в уступки, дёлаемыя разнымъ болёзнямъ, заключаются въ томъ, что человъкъ съ водки переходитъ на бургонское». Нъсколько раньше онъ останавливается на бытовой сторонъ рязанской жизни, поскольку эта жизнь отразилась въ литературной деятельности и Хвощинской. «Считаю нелишнимъ, —писалъ онъ 28 марта т. г., —сообщить вамъ следующіе факты: былъ въ Рязани некто С. тубернаторомъ 1)... Повидимому, вы коснулись его въ одномъ изъ вашихъ произведеній, а что касается меня, то я написаль «Старую Помпадуршу», въ которой онъ не безъ основанія усмотрълъ теле В. Воть онъ и пишеть теперь на васъ и на меня доносы, а васъ спеціально обвиняеть въ томъ, что вы въ «Бъгломъ» потрясаете семейственный союзъ. Когда я жилъ въ Рязани, то велъ себя решительно, какъ разиня. Никакихъ фактовъ не собиралъ, а ежели что и зналъ, то перезабылъ. Не лишнее было бы разузнать: а) какимъ образомъ установилась связь С-ва съ П-вымъ, и б) такован же связь съ Рыковымъ. Ежели есть и другіе факты изъ дъятельности этого господина, тоже не мъщаетъ привести въ извъстность... Напишите, возможно ли выполнение этой просьбы, и насколько». Неизвъстно, какъ отнеслась къ этой просьбъ Хвощинская; просьбу же свою Салтыковъ больше не возобновлялъ.

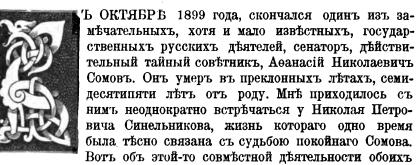
Баронъ Н. В. Дризенъ.

¹⁾ Стремоуховъ.

ДВА СЕНАТОРА.

(Изъ бумагъ Н. П. Синельникова).

сенаторовъ, рисующей ихъ, какъ свътлыхъ, общественныхъ борцовъ, мнъ и хотълось бы теперь поговорить. Эпоха, когда они встрътились другъ съ другомъ, есть та историческая эпоха, когда русское общество начинало духовно волноваться въ ожиданіи грядущихъ реформъ. То были годы между коронаціей императора Александра Второго и великимъ днемъ освобожденія крестьянства. Знаменитый рескриптъ государя виленскому генералъ-губернатору Назимову объ улучшеніи быта кръпостныхъ съверо-западныхъ губерній уже облетьлъ Россію и раздълилъ ее ръзко на двъ стороны. Сразу опредълились среди дворянства партіи: защитниковъ освобожденія и ярыхъ ихъ противниковъ. Къ первой присоединились люди молодого и средняго возраста, увлеченные идеями запада, и даровитая старость, воспитанная на благородныхъ началахъ романтизма и народности. Ко второй партіи отошло все то, что кръпко сжилось съ ветхой Русью и боялось невъдомой но-

визны; что не върило въ правоту сужденій матеріалистическихъ въяній, уже начавшихъ бродить въ нашей литературъ и жизни. Къ этой же категоріи тъсно примкнули люди, которымъ весело и выгодно жилось при дореформенномъ общественномъ порядкъ.

Въ Воронежской губерніи въ то время губернаторствоваль генераль-майорь Николай Петровичь Синельниковъ, будущій сенаторь, а совъстнымъ судьею въ Воронежъ быль надворный совътникъ Аеанасій Николаевичъ Сомовъ, также будущій сенаторъ. Онъ принадлежаль къ богатымъ мъстнымъ помъщикамъ, но отличался скромнымъ характеромъ и экономическими расчетами въ личной жизни. Дворянство его знало, выбирало на второстепенныя должности, но не намъчало на крупныя мъста. Лишь событія первостепенной важности, готовившіяся внутри Россіи, и такой проницательный и энергичный администраторъ, какъ Синельниковъ, дали неожиданно Сомову движеніе по пути общественной извъстности. Тогдашняя Воронежская губернія находилась въ слъдующихъ гражданскихъ и экономическихъ условіяхъ.

Николай Петровичъ уже три года былъ мѣстнымъ губернаторомъ и успѣлъ за это время оживить губернію разными новшествами. Онъ мостилъ городъ, проводилъ черезъ рѣки мосты, разводилъ общественный садъ, обновлялъ ряды, строилъ театръ, сооружалъ памятникъ Петру Великому и т. д.

Все, что въ губерніи было честнаго, сознательно или инстинктивно влеклось къ даровитому и неутомимому представителю царской власти. Но во главъ его противниковъ очутился губернскій предводитель дворянства, действительный статскій советникъ, князь Гагаринъ. Онъ приходился близкимъ родственникомъ вліятельнаго тогда въ Петербургв князя Павла Павловича Гагарина, впоследствіи занимавшаго пость предсёдателя государственнаго сов'єта. Вполив надъясь на поддержку своего родственника въ своей борьбъ съ губернаторомъ, предводитель Гагаринъ открыто возстановлялъ противъ него воронежскихъ дворянъ. Онъ ихъ увърялъ, что лица, окружающія государя, не желають освобожденія крестьянства. что полицейская власть надъ деревней останется за помъщиками даже послъ эмансипаціи. Увздное дворянство, особенно не коренное, а выслужившееся, натравленное главнымъ своимъ руководителемъ, невольнымъ образомъ приходило въ броженіе. Случаи жестокаго обращенія съ крестьянами стали учащаться. Обиженныя господами, толпы приходили въ губернскій городъ, осаждали губернаторскій домъ и его канцелярію. Для прекращенія подобныхъ безпорядковъ, небезопасныхъ въ виду ходившихъ толковъ въ народъ о будто бы готовящемся въ Петербургъ освобожденіи, генералъ Синельниковъ вынужденъ былъ обратиться 23-го іюля 1857 года къ предводителямъ въ губерніи съ особымъ, секретнымъ циркуляромъ. Въ немъ говорилось:

«Вскорт по вступленіи моемъ въ управленіе губерніей, начали приходить ко мит толпами крестьяне съ жалобами на своихъ поміщиковъ. Жалующіеся крестьяне, большей частью, приходятъ не изъ ттхъ имтній, владтльцы которыхъ принадлежатъ къ столбовымъ дворянамъ. Нтть, крестьяне оказываются недовольными, преимущественно, владтльцами, пріобртвшими себт имтнія покупкою. Характеръ жалобъ одинаковъ. Помтники не только не дають времени крестьянамъ исполнять свои работы, но отнимають у нихъ возможность постыщать храмы Божіи. Крестьяне и по праздникамъ работають на своихъ владтльцевъ.

«Изъ сказаннаго я вывожу заключеніе, что господа дворяне, пріобрѣтая населенныя земли, думають лишь о выручкѣ процентовъ на затраченный капиталъ и нисколько не задаются мыслями о благоденствіи своихъ крѣпостныхъ. Я разсуждаю иначе: помѣщикъ тогда богатъ, когда богатъ крестьянинъ. Послѣдній богатъ можетъ быть при томъ условіи, если помѣщикъ не нарушаетъ закона, не притъсняетъ крестьянина, предупреждаетъ благоразумно всякія съ его стороны неудовольствія.

«Также я слышу ропотъ дворянъ на то, что я не позволяю наказывать крѣпостныхъ, приносящихъ жалобы мнѣ на своихъ владѣльцевъ. Не могу же я, защищая притѣсняемыхъ, быть въ то же время ихъ судьею и палачемъ».

Циркуляръ напоминаеть предводителямъ о ихъ обязанностяхъ стедить за обращениемъ помещиковъ съ своими крестьянами. Особенно, въ виду слуховъ объ освобождении, следуеть поместному дворянству быть осторожнымъ въ своихъ действіяхъ, не раздражать дурныхъ страстей въ народъ. Вообще, изъ цитированнаго знаменательнаго документа видно, что Воронежская губернія не могла похвастаться особымъ гуманизмомъ своихъ помъщиковъ. Богатейшіе изъ нихъ проживали за границею или въ столицахъ, возложивъ заботы объ именіяхъ на управляющихъ. Последніе принадлежали къ кръпостнымъ вельможъ или избирались изъ нъмецкой національности. Тъ и другіе были равно невъжественны. Средній классь дворянства также не отличался высокимь духовнымь развитіемъ. Въ одномъ изъ донесеній министру внутреннихъ дъль генералъ Синельниковъ поименовываетъ нъсколькихъ вліятельныхъ воронежскихъ пом'вщиковъ, какъ-то: Горяинова, Савостьянова, Мамонова, Харткевича, преследовавшихъ всюду свои узко-эгоистическіе интересы. Они были, такъ сказать, столпами Гагаринской партіи. Въ концъ пятидесятыхъ годовъ, когда уже образовались въ провинціяхъ комитеты для обсужденія освободительнаго правительственнаго проекта, Гагаринъ и его приверженцы встали въ открытую оппозицію благимъ начинаніямъ императора Александра Broporo.

Воть какъ дъйствовалъ губернскій предводитель дворянства,

по словамъ письма воронежского губернатор министру Ланскому. оть 21 февраля 1859 гола.

«Князь Гагаринъ, -- писаль откровенно Николай Петровичъ, -- проявляеть враждебное расположение къ правительственнымъ мъропріятіямъ. Когда я привезъ къ нему предписаніе вашего высокопревосходительства съ рескриптомъ объ улучшени быта крестьянъ въ сверо-западныхъ губерніяхъ, то онъ взволновался до крайности. Объясненія его доходили до выраженій, что правительство хочеть «ограбить дворянь». На собраніи убздныхъ предводителей князь прочиталь свой отзывь къ губернскимъ предводителямъ сосъднихъ губерній. Отзывъ заключалъ въ себъ не одинъ критическій разборъ правительственныхъ распоряженій, но и открытое ихъ порицаніе. Князь Гагаринъ утверждаеть, что, будто бы, многія изъ окружающих государя лицъ желають неблагополучнаго исхода «великаго дъла», и что всъ сторонники его полетять съ своихъ мѣсть».

Мы не приводимъ всего донесенія генерала Синельникова, но и предыдущихъ строкъ довольно, чтобы составить ясную картину борьбы, происходившей между воронежскимъ губернаторомъ и представителями старо-барской, но могущественной коалиціи въ губерніи. Вмісто того, чтобы безповоротно признать, что крівпостное право есть явленіе, отживающее и осуждаемое идеями самаго времени, и, вследствие этого сознания, заняться выработною лучшихъ. безобидныхъ экономическихъ программъ для помъщиковъ и для крестьянъ, гагаринцы порвали добрыя отношенія съ последними. Затаивъ въ себъ злобу за грядущее лишеніе личной власти, они уже не разбирали средствъ для борьбы съ своими врагами. Они готовились къ губернскимъ дворянскимъ выборамъ, назначеннымъ зимою 1859 года, и наметили на видныя дворянскія должности въ губерніи своихъ энергичныхъ приверженцевъ, отъявленныхъ крвпостниковъ. Губернскимъ предводителемъ, конечно, предназначался вновь князь Гагаринъ. Въ виду сказаннаго трудно жилось въ Воронеже Николаю Петровичу. По закону онъ не имелъ никакого права вившиваться въ дворянскіе выборы. Но в'єдь отъ ихъ результата зависълъ благополучный исхолъ въ губерніи величайшей русской реформы девятнадцатаго стольтія.

Губернаторъ задумался. Онъ поняль, что безъ содъйствія містныхъ образованивищихъ дворянъ онъ безсиленъ въ борьбъ съ гагаринцами. И Синельниковъ принялся сближаться съ этими дворянами, призывать ихъ къ единенію для проведенія въ жизнь освободительной государевой мысли. На призывъ Николая Петровича откликнулся первымъ изъ дворянъ Аванасій Николаевичъ Сомовъ. Онъ былъ молодъ, энергиченъ, образованъ и исполненъ гуманныхъ порывовъ. Сомовъ имълъ съ Синельниковымъ следуюшій запушевный разговоръ.

- Вы знаете, любезнъйшій Аванасій Николаевичъ, началь свою беседу губернаторь, --- въ какихъ затрудненияхъ по вопросу объ освобождении крестьянъ находится государь. Исходъ этой реформы его стращить. Противниковъ ея много имъется среди дворянства. А освобождение назръло. Если оно не совершится теперь мирнымъ образомъ, то время можеть разрѣшить его въ нежелательной формъ. Боже сохрани дождаться второй пугачевщины. Поэтому всв, кто любить свою родину, должны искренно помогать царю въ благополучномъ окончании поднятаго имъ великаго вопроса. Достойно сожальнія, что въ нашей губерніи главный представитель дворянства не стоить на высотв своего положенія. Если онъ не сочувствуеть освободительной мысли своего государя, тормозить ея осуществление, то что же можно требовать отъ остального дворянства, нередко лишеннаго солиднаго образованія ожидающаго пережить, быть можеть, страшный экономическій кривисъ? Я слышалъ, что надняхъ у князя было собраніе крупныхъ пом'вщиковъ, и выборъ Гагарина на предстоящемъ дворянскомъ съвздв обезпеченъ. Но этому не бываты! Зная вашъ благородный образъ мыслей, Аеанасій Николаевичь, я осмёливаюсь, именемъ государя, просить васъ баллотироваться въ губерискіе предводители. Если за вами останется меньшинство шаровъ, чего и должно ожидать, то и тогда я надъюсь ходатайствовать объ утверждени предводителемъ васъ, а не Гагарина. Царь меня лично хорошо знаетъ. Богъ и онъ-наши помощники.
- На это горячее воззваніе Сомовъ отвъчаль Николаю Петровичу:
 Позвольте, ваше превосходительство, поблагодарить васъ за довъріе, которымъ вы меня почтили. Я не ръшусь отказаться отъ вашего лестнаго предложенія, потому что понимаю всю его важность въ настоящую минуту. Мои личныя убъжденія на сторонъ освобожденія. Оно есть вопросъ историческій, назръвшій къ своему выполненію. Но одинъ въ полъ не воинъ. Воронежское дворянство въ большинствъ сочувствуетъ князю Гагарину, что несонънно скажется на выборахъ. Я имъю нъсколько друзей, раздъляющихъ идеи, высказанныя вашимъ превосходительствомъ, но не располагаю партіей, могущей противостоять Гагарину.
- Партія будеть, Аванасій Николаевичь, замѣтиль Синельниковъ. — Изъявите свое согласіе, и мы примемся за работу. На Руси хорошіе люди живуть вперемежку съ дурными. Ихъ нужно умѣть только находить. Разберемъ съ вами здѣшнее дворянство.

Сомовъ посмотрълъ на улыбавшееся, открытое лице губернатора и сказалъ:

- Я вашъ, глубокоуважаемый Николай Петровичъ. Будеть ли успъхъ?
- На то воля Божья. Я, во всякомъ случав, не отступлю ни на шагь оть даннаго вамъ слова.

Разговоръ этотъ значился въ черновыхъ «Запискахъ» сенатора Синельникова, но не вошелъ въ «Записки», переписанныя набъло. По всей въроятности, Николай Петровичъ, изъ чувства присущей ему скромности, не хотълъ громко высказываться о своей вліятельной закулисной роли, которую ему пришлось разыграть въ борьбъ съ воронежскими врагами эмансипаціи.

Но для пели, съ которою написана настоящая статья, происшедшая сцена въ губернаторскомъ домъ, зимою 1859 года, весьма важна. Въ ней рисуются рельефно два лучшихъ русскихъ типа, равно одушевленныхъ высшими гражданскими помыслами. Творческая идея, воплощенная въ одной личности, есть уже сама по себъ сила. Идея же, передаваемая ея творцомъ другому даровитому человіку, ділается уже могущественнымъ двигателемъ для цълой массы людей. Такъ, ученіе Христа безъ апостоловъ едва ли обхватило бы быстро собою все человъчество, а черезъ апостоловъ оно глубоко проникло въ него. Примъняя эту мысль къ событіямъ меньшей важности, мы и въ нихъ вилимъ ея полтвержленіе. Усилія Синельникова-провести успѣшно освободительную реформу въ Воронежской губерніи-нашли себ' полное выраженіе въ молодомъ Сомовъ. Ивъ частнаго хорошаго человъка, онъ, благодаря встръчъ съ Николаемъ Петровичемъ, превратился въ человъка государственнаго. Беседа, происшедшая между нимъ и губернаторомъ, не осталась безследною.

На губернскихъ дворянскихъ выборахъ князь Гагаринъ получилъ 166 избирательныхъ шаровъ и 51 черныхъ; надворный совътникъ Сомовъ—114 избирательныхъ и 103 неизбирательныхъ. Приведенныя цифры, казалосьбы, говорили о безспорной побъдъ стараго губернскаго предводителя. А на самомъ дълъ гагаринская партія проиграла, благодаря разумнымъ предупреждающимъ мъропріятіямъ Николая Петровича.

Воть что онъ писаль о выборахъ въ любопытномъ секретномъ письмъ министру внутреннихъ дълъ.

«Не задолго до начала выборовъ князь Гагаринъ просилъ меня отпечатать или отлитографировать выработанный его партіей просыть положенія объ улучшеніи быта крестьянъ. Въ этой просьбъ я ему отказаль во избіжаніе преждевременныхъ толковъ по деревнямъ о вопрост государственной важности. Ттить не менте, князь приказаль переписать нъсколько экземпляровъ проекта и роздаль ихъ дворянамъ, събхавшимся на выборы. Онъ увтрялъ последнихъ, что правительство не можетъ не руководствоваться проектомъ и не сметь нарушать дворянскихъ правъ. Партія князя вполнт согласилась съ его мнтніями, но ея противники отрицательно отнеслись къ началамъ, изложеннымъ въ проектт и служащимъ къ разъединенію сословій. Озлобленіе гагаринцевъ дошло до того, что они потребовали къ губернскому столу для объ-

ясненія предводителя Острожскаго уёзда, осмёлившагося громко въ залѣ собранія высказать неодобрительныя мнёнія о княжескомъ проектѣ. Продолжая свои насильственныя дёйствія, гагаринская партія пригласила баллотироваться въ предсёдатели гражданской палаты дворянина Харкевича, извёстнаго въ губерніи своими неправдами. Однако, благодаря Бога, Харкевичъ былъ забаллотированъ. Вообще, я не могу описывать подробно всёхъ безпорядковъ, происходившихъ на выборахъ при прямомъ подстрекательствѣ князя Гагарина. Къ пяти часамъ дня его приверженцы подкутили, шумѣли и кричали. Обо мнѣ князь разсказываетъ небывалыя вещи: что я перевожусь въ Тулу; что я бунтую его крестьянъ, тяготящихся своимъ положеніемъ; что я предводителя Плотникова предаль суду; что другого предводителя Тулинова выслалъ административнымъ порядкомъ изъ губерніи. Выборы тянулись до поздней ночи.

«Во время баллотировки губернскаго предводителя, у выборнаго ящика, по распоряжению князя Гагарина, стояли действительный статскій сов'єтникь Горминовъ, судящійся съ своею женою, и статскій советникь Савостьяновъ, высланный изъ Москвы за недобросовъстное управленіе имъніями Мамонова. Названныя лица, нагнувшись надъ ящикомъ, смотрели, кто куда кладеть шары. Тщетно ихъ просиль удалиться предводитель Воронежского убада. генералъ-майоръ Стишинскій. Доводя объ изложенномъ съ полною откровенностью и справедливостью до свёдёнія вашего высокопревосходительства, я страшусь, что при новомъ выборъ князя Гагарина губернскимъ предводителемъ великое дело освобожденія крестьянъ, предпринимаемое великодушнымъ государемъ нашимъ, можеть повести во ввъренной мнъ губерніи не къ одному печальному факту, а къ целому ряду прискорбныхъ общественныхъ явленій. Поэтому я им'єю честь покорнівние просить ваше высокопревосходительство объ исходатайствованіи высочайшаго утвержденія воронежскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства второго кандидата, надворнаго совътника Сомова, несмотря на сравнительное меньшинство полученныхъ имъ выборныхъ шаровъ. Сомовъ, человъкъ высоко-образованный, даровитый, уважаемый въ губерни, существенно нуженъ ей въ настоящее, крайне серіозное время».

Честный и сильный голосъ генерала Синельникова дошелъ до слуха царева, и Аеанасій Николаевичъ Сомовъ явился достойнымъ представителемъ воронежскаго дворянства. Ему пришлось на сво-ихъ плечахъ вынести крестьянскую реформу, явиться разумнымъ ея истолкователемъ и проводникомъ въ народную жизнь. Что касается его друга и покровителя, Николая Петровича, то онъ, не дождавшись въ Воронежъ великаго дня 19-го февраля 1869 года, былъ назначенъ въ Варшаву генералъ-интендантомъ второй дъйствующей арміи.

Передъ отъвздомъ изъ Воронежа, дворянство давало ему объдъ

въ дворянскомъ собраніи. На объдъ, между прочими, находился высокочтимый нынъ сенаторъ, дъйствительный тайный совътникъ А. С. Оголинъ. Онъ быль при Синельниковъ воронежскимъ вице-губернаторомъ, горячо и искренно помогалъ ему во всъхъ благихъ общественныхъ начинаніяхъ. А. С. Оголинъ, обращаясь къ генералу, произнесъ:

— Васъ не возможно не уважать глубоко, какъ начальника; васъ нельзя не любить, какъ человъка. Это выпадаетъ на долю немногихъ, у которыхъ умъ въ ладу съ сердцемъ, энергія не расходится съ справедливостью. Вотъ почему ваше превосходительство помнятъ и не забудутъ всюду, куда приведетъ васъ служебная дъятельность. Не буду говорить, чъмъ обязана вамъ, Николай Петровичъ, здъшняя губернія и городъ, но пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы выразить, что мы гордимся тъмъ, что были вашими помощниками и сослуживцами».

На этихъ прекрасныхъ словахъ, идущихъ отъ сердца, мы окончимъ очеркъ. Три благородныхъ, даровитыхъ общественныхъ дѣятеля, въ силу случайности, сошлись и явились единомысленными проводниками величайшей реформы въ одной изъ глухихъ, въ то время, русскихъ провинцій. Они помогали другъ другу. Безъ одного изъ нихъ Николай Петровичъ Синельниковъ едва ли могъ бы подготовить губернію къ разумному и безшумному воспріятію въ ней освободительной реформы. Двое изъ упомянутыхъ дѣятелей—въ могилѣ, а третій еще доблестно несетъ на себѣ бремя государственнаго служенія. Но и онъ, и бывшіе его сослуживцы по Воронежу, описанные нами, равно принадлежать исторіи.

П. Суворовъ.

ВОСЕМЬ ЛЪТЪ НА САХАЛИНЪ 1).

VIII.

Мои товарищи. — Тягость совмъстной жизни. — Сторожь отхожаго мъста. — Его добродушіе. —Старческій видь въ арестантскомъ костюмъ. —Ругательства каторжныхъ. —Рыковъ—основатель поселеній Тымовской долины.

ЗЪ ЧИСЛА моихъ сожителей наибольшей симпатіей пользовался молодой литовецъ II—й, студентъ университета. Онъ былъ мягче сердцемъ, сентиментальнъе и образованнъе остальныхъ своихъ товарищей малороссовъ, тоже студентовъ университета. Мы всъ тяготились совмъстнымъ сожительствомъ и только ждали позволенія разойтись по частнымъ квартирамъ. Тяжело быть въ одиночномъ заключеніи, но, пожалуй, не менъе тяжело и въ такомъ тъсномъ

сожительстве, какое мы испытывали въ небольшой комнате, где койки соприкасались одна къ другой, и где не было стола для письменныхъ занятій. Много разъ мнё приходилось слышать разсказы арестантовъ, какъ они, будучи въ общихъ камерахъ, упрашивали смотрителей тюремъ посадить ихъ хоть на одну ночь въ карцеръ. Одни въ немъ искали уединенія для молитвы, другіе—отдыха своимъ нервамъ, утомленнымъ страшнымъ шумомъ, руганью и непрестаннымъ мельканіемъ фигуръ передъ глазами. Нёкоторые смотрители понимали такое желаніе заключенныхъ и удовлетворяли ихъ просьбамъ, но чаще встрёчались такіе, которые рёзко отказывали.

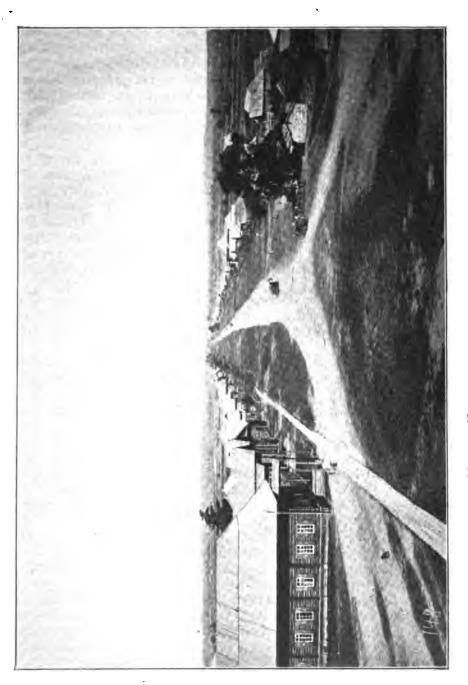
¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вестникь», январь, 1900 г., т. LXXIX, стр. 267.

— Нельзя! Карцеръ служить для наказанія за проступки, — говорили эти строгіе законники.

Простому народу нёсколько легче ужиться вмёстё: у нихъ привычки, понятія и вкусы общи. Но у интеллигентныхъ людей, при разныхъ взглядахъ на вещи, частые споры скоро обостряють отношенія. Я всегда старался примирять разнорічивыя мнінія моихъ молодыхъ студентовъ. При національной розни (малороссы боліли хохломаніей, а П—й былъ горячимъ полонофиломъ), у насъ были различны и религіозныя уб'єжденія. Сперва это создавало долгіе споры и взаимныя неудовольствія, но потомъ, уб'єдившись, что каждый упорно остается при своемъ мнініи, мы старались въ разговорів обходить опасныя міста, вызывающія бури. Надо, однако, отдать справедливость, что всіє мы были настолько тактичны и добродушны, что споры наши никогда не доходили до полнаго резрыва отношеній.

Кромъ сожителей, товарищей по дорогъ изъ Петербурга на Сахалинъ, я нашелъ еще себв пріятелей среди каторжныхъ изъ простого народа. Однимъ изъ первыхъ былъ дёдушка Петръ Антонычъ, -- какъ его всв величали, -- сторожъ отхожаго мъста. Всякий разъ, какъ мив случалось быть въ этомъ уединенномъ небольшомъ домикъ, я замъчалъ съдовласаго старца на скамейкъ около печки. Всегда онъ былъ чемъ нибудь занять: или сшивалъ куски овчины, или закусываль, или читаль вслухь молитвенникь, не обращая вниманія ни на разговоры, ни на ругань, ни на весь гамъ этого своеобразнаго клуба рабочихъ. Тяжелый запахъ и табачный дымъ не мёщали имъ проводить здёсь нёсколько лишнихъ минутъ въ пріятной беседе. Некоторые подходили къ Петру Антонычу и подсказывали ему слова молитвы. Старикъ никогда раныпе не учидся грамоть, но теперь, когда ему пошель седьмой десятокъ льть, онъ вздумаль выучиться читать разсматриваніемъ знакомыхъ молитвъ. Ему кто нибудь покажеть въ книгъ общеизвъстную молитву, напр., Богородице Дево, а онъ ужъ самъ разбираеть въ каждомъ внакомомъ словъ сочетание слоговъ. Случалось, что умышленно подскажуть ему невърно, но добродушный старикъ не обижался и съ удивительной настойчивостью продолжаль читать вслухъ свой молитвенникъ.

Петръ Антонычъ былъ оригиналенъ не только въ способъ наученія грамотъ, но и во всемъ: въ костюмъ, въ образъ жизни, во взглядахъ на вещи. Онъ зарабатывалъ себъ нъсколько копеекъ немудренымъ мастерствомъ— перешиваніемъ поношенныхъ тулуповъ на теплыя шапки и рукавицы. Самъ онъ тоже ходилъ въ большой бъловатой папахъ собственной работы, въ рукахъ толстая березовая палка, а чрезъ плечо висъла кожаная сумка со всъмъ его имуществомъ. Въ такомъ видъ его можно было встрътить, когда онъ переходилъ по двору изъ отхожаго мъста на кухню

«истор. вістн.», февраль, 1900 г., т. LXXIX.

за объдомъ или за хлъбомъ. Ему позволено было отлучаться только въ случаъ крайней необходимости. Живя въ общей казармъ, онъ оставлялъ бы свое имущество подъ надзоръ товарища или пряталъ бы въ сундучекъ, а въ отхожемъ мъстъ некому беречь его добро; тутъ и замокъ не спасетъ. Послъ одной-другой покражи онъ завелъ себъ сумку, сложилъ въ нее свое бълье, куски овчины, хлъбъ, чай и сахаръ и уже не разставался съ нею ни днемъ, ни ночью. Какъ классическій философъ, онъ могъ сказать про себя: отпіа теа тесит рого (т. е. все мое ношу съ собой).

Выбравъ такое время, когда меньше всего бываетъ народу въ отхожемъ мъстъ, я подсълъ къ старику на скамеечку и сталъ ему показывать, какъ читается выбранная имъ молитва. Отъ чтенія перешли къ бесъдъ. Мои ожиданія оправдались. Это былъ нашъ народный философъ, примиренный со всъмъ міромъ, со всъми условіями даже каторжной жизни. Онъ ни на кого не обижался, не жаловался, никого не ругалъ. Его правило состояло въ томъ, чтобы, по возможности, уклоняться отъ зла; а если нельзя, — безмолвно терпъть.

Я скоро полюбилъ этого старика и по вечерамъ навъдывался въ его непривлекательное жилище побесъдовать съ нимъ. Рабочіе такъ часто привыкли видъть насъ вдвоемъ, что и меня стали звать старикомъ.

Однажды, сидимъ мы на сложенныхъ бревнахъ около отхожаго мъста и тихо разговариваемъ. Подходитъ ко мнъ рабочій и спрашиваеть:

- А что, старички, часомъ не занимаетесь ли сапожнымъ дъломъ?
- Нътъ, отвъчаю ему.
- A въдь, казалось бы, это самое подходящее для васъ, стариковъ, дъло...

Мить тогда не было еще 28-ти лътъ. И потомъ еще долго, пока я носилъ неуклюжій арестантскій халатъ и широкую безобразную струю шапку, меня считали пожилымъ человткомъ, перешедшимъ сорокольтній возрастъ.

Осенью, въ числъ другихъ рабочихъ, перевели Петра Антоныча въ Александровскій округъ. Я написалъ письмо смотрителю Л—у съ просьбою дать старику поспокойнъе мъсто, и онъ назначилъ его сторожемъ при школъ.

На Сахалинѣ я предпочиталъ общество или стариковъ или малыхъ ребятъ. Тѣ и другіе болѣе успокоительно дѣйствовали на мою душу, чѣмъ почти всегда недовольные ссыльные средняго возраста. Ругать надзирателя, смотрителя тюрьмы или начальника округа — у нихъ обычная вещь, и съ этимъ кое-какъ миришься. Но чрезвычайно противно слышать безсмысленную брань по адресу къ самому острову Сахалину и его открывателямъ. Это въ своемъ родѣ щегольство проклятіями заразительно переходило отъ старыхъ къ

новымъ каторжнымъ. Не щадили и Тымовскую долину, въ которой раскинулось Рыковское селеніе.

— И кто это выдумать Сахалинъ?! Чтобъ ему... И кто это отыскалъ Тымовскую долину?!... Подобныя восклицанія обыкновенно пересыпались грубою бранью.

А отыскали эту долину, какъ удобное мъсто для поселенія, унтеръ-офицеръ Яковъ Александровичъ Рыковъ совмъстно съ охотникомъ изъ ссыдьныхъ, М. Ив. Хорошиловымъ, въ 1877 году. Рыковъ, уроженецъ Вятской губерніи, извъстенъ въ памяти сахалинскихъ старожиловъ, какъ честный и распорядительный служака. Онъ первый разыскалъ дорогу черезъ Пилингскій хребетъ и привелъ съ собою въ Тымовскую долину партію ссыльно-каторжныхъ, которые и сдълались основателями поселеній Мало-Тымовскаго и Рыковскаго. Ведя простой образъ жизни и практически зная сельское хозяйство, Рыковъ заслужилъ уваженіе отъ ссыльныхъ. Онъ умълъ отлично ими распоряжаться, не прибъгая къ тълесному наказанію.

Самый выборъ Тымовской долины для хлібонашества діласть честь умітью Рыкова.

IX.

Положеніе Тымовской долины.—Условія для клівбопашества.—Рыковское селеніе.— Обіды у поселенцевь.—Послабленія новаго смотрителя Ф.—Постель въ дорогів и на Сахалинів.—Негигіеничныя условія камеры.—Докторъ Сасапарель.—Его терпівніе.

Защищенная рядами высокихъ горъ съ востока и запада, равнина ръки Тыми вытянулась почти по меридіану на сотни версть. Ствернымъ своимъ концомъ она выходить въ Охотское море, а южнымъ-примыкаетъ къ высокимъ хребтамъ, отделяющимъ реку Тымь отъ Пороная, текущей почти тоже по меридіану, но только на югь. Эти двъ ръки раздъляють среднюю часть Сахалина на двъ части: на западную, болъе или менъе заселенную, и восточную, почти необитаемую, если не считать немногія гиляцкія и орочонскія юрты на берегу Охотскаго моря. Центральное місто всего острова и есть тотъ водораздёль, къ которому примыкають селенія Рыковское, Палево и др. Эта защищенность горами отразилась и на климать долины. Здъсь мало замътно умъряющее вліяніе моря, и страшные сорокоградусные морозы зимою (иной разъ три недъли подрядъ) смъняются тридцати-градусными жарами лътомъ. Также ръзко бросается здъсь отсутствие морскихъ тумановъ-этого бича по берегамъ Сахалина. И если бы было соотвътствующее распредъление осадковъ, Рыковская долина служила бы отличнымъ мъстомъ для хлъбонашества. Но вотъ тутъ-то и кроется горе здъщнихъ земледъльцевъ. Когда нужны весною дожди, — ихъ нътъ, а во время покоса травы и жатвы хлъба, — удержу нътъ дождю. Тъмъ не менъе хлъбъ (рожь, ячмень, овесъ и даже пшеница) ежегодно съется по всъмъ расчищеннымъ мъстамъ долины. И я помню, какое сильное впечатлъне сдълала на меня пашня по дорогъ въ Палево, когда я увидълъ ее въ первый разъ! Море желтыхъ колосьевъ волновалось отъ ръки до подножья горъ на пространствъ нъскольнихъ сотъ десятинъ. Само Рыковское селене такъ широко распланировано, что между улицами его тоже лежатъ полосы полей въ полверсты шириною.

Если посмотръть съ горы, то Рыковское представляеть изъ себя четыре парраллельно лежащихъ деревни, раздъленныхъ полуверстными разстояніями. Эти деревни, или четыре улицы, объединяеть одна поперечная посреди селенія, почти вся застроенная казенными зданіями.

Первое время я мало гуляль вит селенія. Съ одной стороны не было времени для дальней прогулки (улицы селенія растянулись версты по три), а съ другой-мы не были еще знакомы съ условіями здёшней тайги. Насъ, новичковъ, пугали и медвёдями и гиляками, а главное-бродягами, т. е. сбъжавшими ссыльно-каторжными. Впрочемъ, у меня и у литовца П-аго ежедневно были обязательныя прогулки на об'ёдъ и ужинъ къ старшему плотнику Шарикову. Такъ какъ я, съ мъста плотничьихъ работъ у церкви, не могь всегда во-время поспёть къ обёду моихъ товарищей, которые садились за столъ, какъ только поспъетъ ихъ похлебка, то, чтобы не стёснять ни себя, ни ихъ, я воспользовался предложеніемъ Шарикова и за небольшую плату ходиль къ нему на домъ насыщаться рыбою и картофелемъ. Ко мив присоединился и студенть П-й. Изо дня въ день одна и таже пища, котя не прівдалась, но часто разстраивала намъ пищевареніе, и мы перешли столоваться къ одной ссыльной грузинкв, жившей съ бывшимъ солдатомъ. Она держала корову, и нашъ столъ сталъ разнообразиться молокомъ.

Студенты малороссы тоже измучились съ объдами своего приготовленія и также пожелали столоваться у поселенцевъ. Наконецъ, мы нашли одного зажиточнаго столяра, жена котораго, чистенькая хохлушка, угощала всъхъ насъ пятерыхъ болъе разнообразными объдами и частенько мясомъ.

Здоровье наше стало поправляться. Къ работамъ не принуждали и студентовъ. Сперва они исправно посъщали мастерскія, и одинъ изъ нихъ, К., даже вошелъ во вкусъ столярной работы и сдълалъ табуретку; но потомъ мало-помалу они отстали отъ незнакомаго труда и предпочли сидъть въ казармъ за книгами. Почти одновременно съ нами прибывшій въ Рыковское, новый смотритель Ф—ъ, молодой, жизнерадостный человъкъ, не дълалъ по этому поводу ни-

какихъ замѣчаній. Въ этомъ мы увидѣли безмолвное разрѣшеніе не ходить на работы.

Смотритель Ф—ъ къ намъ относился болѣе благосклонно, чѣмъ остальное начальство, и иногда удостаивалъ насъ своею бесѣдою не на офиціальной почвѣ. Въ нашей камерѣ, или, лучше сказать, каморкѣ особенно онъ любилъ пошутить надъ моимъ спартанскимъ

Докторъ В. А. Сасапарель.

образомъ жизни, и моя койка возбуждала въ немъ постоянное удивленіе.

Когда я со своими товарищами прибыль изъ Петербурга въ Москву, насъ помъстили на недълю въ большую камеру тюрьмы съ голыми нарами. Мы приходили въ ужасъ: какъ можно заснуть на голыхъ доскахъ! Нашихъ мъшковъ съ собственными вещами намъ не выдали. Помню, я тогда сговорился съ П—мъ улечься вдвоемъ на его халатъ, а моимъ халатомъ покрыться сверху. И

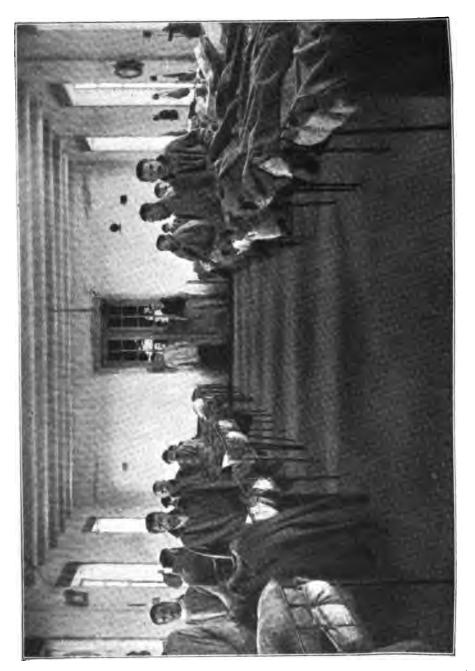
все-таки намъ было и холодно, и жестко, и крайне неудобно. На пароходъ Добровольнаго флота условія для спанья были еще болье тягостны. Невыносимая жара — и мучительная тропическая сыпь не позволяли намъ лечь на что нибудь мягкое. Волей-неволей укладываешься на голыхъ нарахъ въ одномъ бёльё. Такимъ образомъ за полтора мъсяца путешествія по жаркимъ морямъ, я понемногу привыкъ спать на жесткихъ доскахъ безъ подстилки. Эту привычку я считаль большимь завоеваніемь, и въ первое время на Сахалинъ мнъ не хотълось съ нею разставаться. Богь знаеть, думаль я, въ какихъ еще условіяхъ придется мнѣ здѣсь жить? Къ чему отвыкать отъ того, что пріобрётено съ такимъ трудомъ! И я обходился безъ тюфяка и постилаль на койку полушубокъ, а подъ подушку подкладываль полёнья. Только съ выёздомъ изъ казармы у меня появился сънникъ. Къ тому же совсъмъ негигіенично было загромождать нашу тёсную каморку перинами и подушками. И безъ того мы не знали, какъ отделаться оть разныхъ насекомыхъ. Черезъ щели ствнъ къ намъ лвали изъ сосвднихъ камеръ каторжныхъ цёлыя арміи таракановъ и клоповъ. Но особенно много было блохъ. Даже крысы, и тъ не оставляли насъ въ покоъ. Болъе всъхъ съ ними возился художникъ К. Онъ употреблялъ, казалось, всевозможные способы для охраненія своей провизіи, но хитрыя крысы почти всегда умёли достать его торбу.

Несмотря на мою щенетильность относительно чистоты тѣла и бѣлья, я не избѣгнулъ заразиться какою-то сыпью, вызывающей непріятный зудъ. Впрочемъ, по совѣту рабочихъ, я скоро избавился отъ этой гадости. Для этого употреблялъ средство характерное русское: на ночь густо намазывался дегтемъ, а на утро шелъ въ горячую баню.

Обращались мы за совётомъ и лёкарствами и къ тюремному доктору, В. А. Сасапарелю. Это былъ добродушнёйшій старикъ, проведшій немало времени на Дальнемъ востокѣ. (До Сахалина В. А. былъ много лётъ въ Гижигинскомъ округѣ). Свою жизнь онъ строго распредёлилъ по часамъ. Въ назначенные часы онъ вставалъ, обходилъ больныхъ, гулялъ, объдалъ, ложился спать и пр. Его организмъ превратился въ правильную машину. Человѣкъ, хорошо знакомый съ его обиходомъ жизни, могъ почти безъ ошибки сказать заочно, что въ такой-то часъ, во столько-то минутъ, Владиміръ Алексѣевичъ дѣлаетъ то-то 1). Какъ врачъ, онъ придерживался разъ выработанныхъ пріемовъ лѣченія и не безъ успѣха. Я самъ не одинъ разъ испытывалъ на себѣ чудное дѣйствіе его лѣкарствъ послѣ отравленія рыбой. Между прочимъ, онъ былъ врагомъ оперативнаго лѣченія больныхъ съ отмороженными членами.

¹⁾ Такой правильный образъ жизни удивительно сохраняеть вибшній видъ старика. Я его знако 12 літъ и не замічам никакой переміны въ его лиці.

Суровыя зимы на Сахалинъ приводять въ лазареть массы такихъ больныхъ, но ихъ выздоровленіе всегда обходилось безъ ножа.

Но въ чемъ была его особенность — это въ удивительномъ терпъніи при лъченіи арестантовъ. Ссыльно-каторжные, конечно, рады привязаться къ какой нибудь незначительной бользни, чтобы пролежать нъсколько лишнихъ дней въ больницъ и отдохнуть отъ каторжныхъ работъ. Такъ, если случится у кого пораненіе, то впередъ можно было сказать, что больной не дастъ скоро зажить ранъ.

Каждый день Владиміръ Алексъевичъ терігъливо высиживаль въ лазаретъ во все время перевязки такого больного. Наконецъ, рана затянется, и докторъ скажетъ:

- Не тронь, не чеши ее, и ты скоро станешь на ноги.
- Слушаю, ваше превосходительство!

На другой день рана разодрана въ кровь.

- Зачъмъ ты ее разбередилъ? Въдь я же говорилъ тебъ вчера...
- Простите, ваше превосходительство, нечаянно содралъ кожицу...

Опять начинаются ежедневныя перевязки, опять докторъ терпѣливо ждеть, когда затянется рана. Но пройдеть нѣсколько дней, и она снова въ крови.

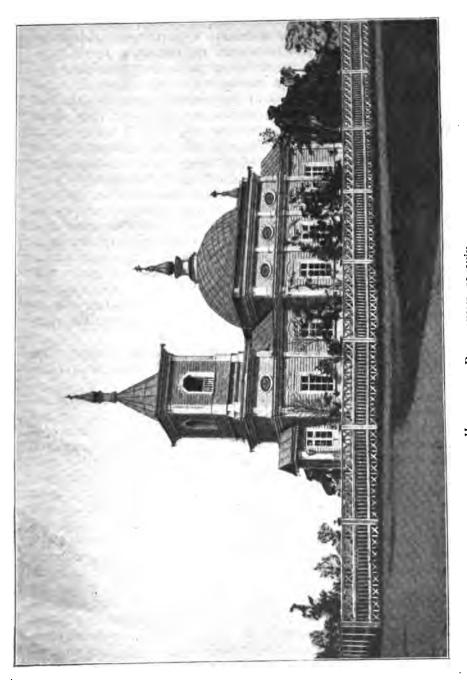
- Опять растревожилъ!
- -- Сильно чесалось, ваше превосходительство!
- Ну, надо сказать смотрителю. Онъ тебѣ почешеть,—грозить докторь.

Но никогда В. А. не жаловался смотрителю на больныхъ каторжныхъ. Онъ и совершенно здоровымъ давалъ по ихъ просъбъ два-три дня отдыха. За это же и любили каторжные своего териъливаго доктора.

X.

Старанія смотрителя объ устройств'в храма.—Навначеніе меня півнчимъ.—Временная церковь въ казарм'в.—Пораненіе топоромъ.—Мое значеніе въ церковномъ хор'в.—Іеромонахъ Ираклій.—Его самонзнуренія въ молодости.—Особенное значеніе священника на Сахалин'в.—Новыя занятія.

Смотритель Ф—ъ быль большимъ любителемъ внѣшняго блеска, и онъ даль слово непремѣнно окончить церковь къ Пасхѣ. Остановка была за столярными работами, и главнымъ образомъ за рѣзьбою иконостаса. Смотритель ежедневно забѣгалъ въ нашу камеру и подгонялъ бѣднаго К. Молодой художникъ сердился, но, понимая свое зависимое положеніе, долженъ былъ упростить рисунокъ и приналечь на работу.

Однажды смотритель изъявилъ желаніе, чтобы кто нибудь изъ насъ примкнуль къ хору. Мало знакомые съ церковнымъ пъніемъ студенты отказались. Я всегда любилъ музыку, и еще мальчикомъ мнъ случалось пъть на клиросъ; но въ это время, кромъ своего теоретическаго знанія нотъ, ничего не могъ предложить хору. Голосъ у меня осипъ, и слухъ значительно притупился. Я не хотъль, однако, допустить, чтобы у меня окончательно пропала способность къ пънію, и сталъ усиленно упражняться по тъмъ обрывкамъ нотъ, которыя нашлись у регента хора, Ө. Ив. Генисаретскаго.

Служба совершалась въ одной изъ казармъ. Одна половина ея была занята каторжными, а въ другой—устроена временная убогая церковь. Иконостасъ состоялъ изъ рамъ, обтянутыхъ парусиною; облаченія на престолѣ и жертвенникѣ ситцевыя; подсвѣчники деревянные, самодѣльной работы. И вотъ все въ такомъ родѣ. Самъ священникъ какъ бы дополнялъ общую картину этой бѣдной церкви. Онъ былъ изъ бурятъ, едва грамотный, съ голосомъ страшной интонаціи, съ широкимъ азіатскимъ лицомъ, въ монашескомъ одѣяніи. Но при всемъ томъ удивительно уютно чувствовалось въ этой маленькой церкви. И потомъ, когда служба была перенесена въ богатый просторный храмъ, многіе съ сожалѣніемъ вспоминали прежнюю бѣдную церковь, гдѣ «теплѣй молилось».

Съ перепискою нотъ для церковнаго хора и съ частыми спѣвками я понемногу сталъ отставать отъ плотничьихъ работъ. Ходилъ на нихъ главнымъ образомъ только до объда.

Какъ-то вздумалось мнѣ поработать топоромъ.—Что за плотникь я буду, если не сумѣю владѣть топоромъ!—сказаль я себѣ и взялся тесать бревна по шнуру. На первомъ же бревнѣ я прорубиль себѣ сапогъ и всадилъ топоръ въ ступню ноги. Сдѣлали мнѣ перевязку, и я нѣкоторое время не работалъ.

Нельзя научиться толить верхомъ, не упавши съ лошади. — Не унимался я и опять взяль топоръ. Вскорт я пораниль себт руку, и у меня окончательно отняли эмблему плотничьяго искусства. Тогда я принялся за вычерчивание на сттахъ овальныхъ оконъ, арокъ внутри храма и составлялъ рисунки деталей. Но и это продолжалось недолго. Церковное птне поглотило все мое внимание. Я сталъ необходимымъ лицомъ въ хорт. Регентъ прекрасно птлъ басомъ, зналъ нткоторые приемы управлять хоромъ, но не былъ знакомъ съ теорий музыки. Онъ птлъ по памяти только знакомыя птсни. Чтобы разучить новую херувимскую, ему нужна была моя помощь. Обыкновенно мнт приходилось поочередно птти съ дискантами, и съ альтами, и съ тенорами. Въ нашемъ распоряжения были тт обрывки писанныхъ нотъ, которые привезли съ собою арестанты, временно состоявшие птвичми въ пересыльныхъ тюрьмахъ. Предварительно исправивъ многочисленныя ошибки,

я составиль изъ этихъ листочковъ первыя тетради нотъ, которыя и послужили основаніемъ нашему пѣнію.

Въ это же время у меня завязались болъе тъсныя сношенія со священникомъ, іеромонахомъ Иракліемъ. Не получивъ школьнаго образованія, онъ отъ природы былъ надъленъ быстрымъ соображеніемъ и ръдкою предпріимчивостью. Разсказывали про него, что во время сильнаго наводненія, затопившаго все бурятское населеніе, молодой только-что поженившійся Ираклій далъ обътъ принять христіанское крещеніе, если останется живъ. Все селеніе погибло. Остался одинъ Ираклій, и онъ не замедлилъ пойти въ монастырь. Какъ горячій прозелить, онъ скоро сталь удивлять старыхъ монаховъ своими подвигами самоизнуренія.

— Бывало, —говориль онъ своимъ интимнымъ друзьямъ, —всю ночь напролетъ молюсь на камив (у меня въ келъв былъ такой плоскій камень) и борюсь со сномъ. Устанешь. Клонить ко сну. Я прилегъ бы на свой камень, какъ на мягкую перину. Но нельзя! Я заранве назначаю срокъ окончанія молитвы. За то подойдетъ это время, какъ я сладко засыпаю на жесткомъ камив!...

Аскетическіе подвиги о. Ираклія не укрылись отъ игумена монастыря, и онъ быстро довелъ его до сана іеромонаха. Впослёдствіи онъ былъ назначенъ миссіонеромъ на Амуръ, а въ восьмидесятыхъ годахъ переведенъ на Сахалинъ. Здёшніе чиновники любили о. Ираклія за его веселый нравъ, а ссыльнымъ онъ нравился, какъ доступный батюшка. Послё священника Георгія Сальникова и іеромонаха Ираклія за мое время на Сахалинъ немало было священниковъ, но почти всё они отдёляли себя отъ простого народа стёною неприступности, важнымъ начальническимъ тономъ, парадными крыльцами, лакеями и др.

Если православный священникъ вообще есть пастырь, отецъ и слуга (Мт. 20. 26—28) своего прихода, то на Сахалинъ въ особенности онъ долженъ стоять близко къ своей паствъ. У людей, лишенныхъ всъхъ правъ земного гражданства, остаются еще нетронутыми права на небесное гражданство, и священникъ въ данномъ случаъ становится почти единственнымъ лицомъ, который признаетъ такихъ осужденныхъ преступниковъ себъ равными людьми. Ему ли считатъ ихъ лишенными правъ, когда онъ самъ ежедневно умоляетъ Бога классическою молитвою разбойника! Напротивъ, онъ по христіанской любви долженъ войти въ самую тъсную связь съ этими несчастными, отверженными, выброшенными изъ земного общества, съ людьми, страшно нуждающимися въ его нравственной поддержкъ.

Къ сожалѣнію, я видѣлъ въ священникахъ на Сахалинѣ гражданскихъ чиновниковъ въ рясѣ, хорошо обезпеченныхъ ежемѣсячнымъ сторублевымъ жалованьемъ, пайкомъ, готовымъ домомъ со всѣми удобствами и слугами и значительными доходами отъ требъ.

Отцу Ираклію посчастливилось быть устроителемъ нѣсколькихъ церквей на островѣ, въ томъ числѣ и рыковскихъ. Ко мнѣ онъ обратился за помощью—создать церковную библіотеку. Самъ онъ устроилъ на свой счеть большой шкафъ, а мнѣ предоставилъ сдѣлать выписку книгъ по своему усмотрѣнію.

Понемногу я сталъ знакомиться со всёми сторонами жизни селенія. Кругь моихъ занятій съ каждою недёлею расширялся. Когда пронесся слухъ, что въ канцеляріи начальника округа открылись два мёста на писарскія должности, и они будутъ предоставлены кому нибудь изъ насъ, я поспёшилъ отказаться въ пользу студентовъ.

— Господа,—говорю я имъ,—слава Богу, я знакомъ съ многими видами интеллигентнаго труда, и, въроятно, для меня всегда найдется подходящее мъсто; но вамъ нечего терять хороний случай завоевать себъ привилегированное положение на Сахалинъ и обезпечить себя небольшимъ жалованьемъ.

Слухъ оказался върнымъ, и вскоръ одинъ изъ студентовъ Г. былъ назначенъ въ канцелярію начальника округа, а другой, живой, ловкій К.,—въ сосъднее селеніе Мало-Тымовское къ больному смотрителю Самарскому.

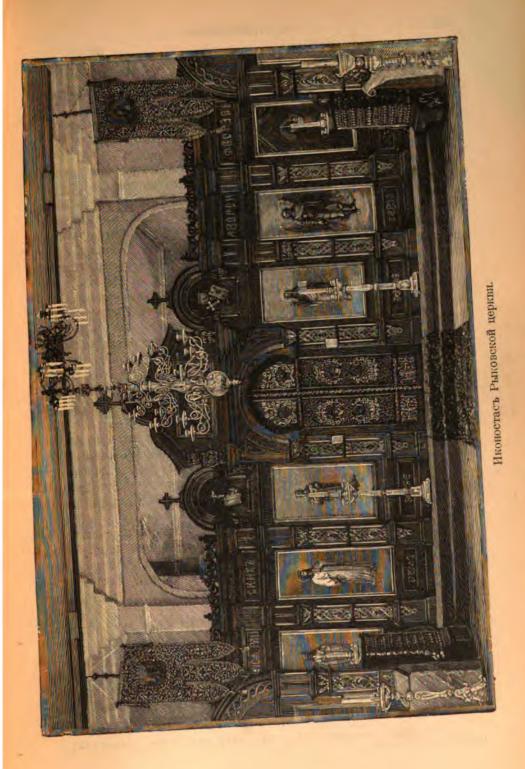
Это назначение подбодрило и насъ остальныхъ: улыбалась надежда скоро освободиться отъ подневольныхъ работъ и отъ казарменной жизни.

XI.

Каторжныя работы.—Заготовка льса.— Раскомандировка.— Ночное шествіе рабочихъ.— Тайга зимою.— Порубка льса.— Тяга бревенъ каторжными.— Конецъ рабочаго дня.

Въ Тымовскомъ округъ всъ отрасли тюремнаго хозяйства составляють предметь каторжныхъ работь. Тюрьма имъеть свои больше луга, поля, огороды, на которыхъ съ весны до осени работаетъ немалая часть каторжныхъ. Всъ остальные рабоче (за исключенемъ мастеровыхъ) высылаются на сооружене дорогь, т. е. дълать просъки въ тайгъ, рыть канавы, мостить въ мокрыхъ мъстахъ бревнами и укръплять полотно дороги дерномъ, хворостомъ и камнемъ. Съ наступленемъ же зимы всъ незанятые люди гонятся въ тайгу за лъсомъ.

Начинающаяся колонизація округа вызывала множество построекъ, а потому каждую зиму первою заботою администраціи была заготовка строительнаго матеріала. Употреблялись только два вида деревьевъ для срубовъ жилыхъ домовъ: тяжелая лиственница—для нижнихъ вънцовъ и легкая ель—для верхнихъ. Пихтою пренебре-

гали, какъ слабымъ лъсомъ, а сосны и кедра на Сахалинъ вовсе нътъ 1).

У всего населенія, и у каторжнаго и у поселенца, хожденіе въ тайгу за бревнами или за дровами составляеть содержаніе почти каждаго для въ продолженіе всей зимы. Мнѣ захотълось поближе познамомиться съ этимъ главнымъ зимнимъ промысломъ, и я просхъдилъ за каторжными до мъста порубки лъса.

Еще до разсвъта, часа въ три-четыре ночи, команда каторжныхъ выстроилась на тюремномъ дворъ «на раскомандировку». Морозъ въ тридцать градусовъ. Бълый паръ, какъ изъ трубы парохода, валить изо рта и ноздрей каждаго. Въ короткихъ подпоясанныхъ полушубкахъ озябшіе арестанты переминаются съ ноги на ногу. Немногіе изъ нихъ въ валенкахъ и въ папахахъ, перешитыхъ изъ старыхъ тулуповъ; большинство въ казенныхъ бродняхъ (просторные сапоги изъ желтой кожи), набитыхъ соломою, и въ сърыхъ суконныхъ шапкахъ съ наушниками. Въ рукахъ или на плечъ веревкалямка для тяги бревна. У нъкоторыхъ за поясомъ топоръ, у другихъ чайникъ или котелокъ.

Старшій надзиратель съ фонаремъ въ рукахъ вмѣстѣ съ тюремнымъ писаремъ быстро разбилъ весь народъ на партіи по три, по четыре, по пяти и больше человѣкъ, смотря по размѣру назначеннаго бревна. Какъ только кончилась раскомандировка, всѣ разомъ двинулись на Тымовскую дорогу съ шумомъ, съ криками, чуть не бѣгомъ, назябшись на тюремномъ дворѣ. Миновавъ казенныя зданія и церковь, вся толпа повернула налѣво по Дербинской дорогѣ. Въ воздухѣ тишина. Звѣзды ярко горятъ на полуночной части неба. Изъ нѣкоторыхъ избъ валитъ густой бѣловатый дымъ, но онъ не подымается столбомъ кверху, а тихо, подобно туману, садится внизъ на землю. По сибирской примѣтѣ, это значитъ, что на дворѣ сильно морозно.

Съ каждымъ годомъ порубка лѣса отодвигалась все дальше и дальше отъ Рыковскаго селенія. Послѣдніе пожары отодвинули ее сразу на нѣсколько версть. Теперь намъ надо было пройти верстъ шесть по дорогѣ и четыре тайгою. Черезъ часъ вся команда каторжныхъ свернула съ дороги и растянулась длинною лентою по направленію къ горамъ.

Это стремительное движеніе дъйствуеть на меня увлекательно. Я не чувствую ни усталости, ни холода. Предразсвътный полумракъ навъвалъ какое-то спокойствіе на душу, а морозный воздухъ живительно подбадривалъ всѣ мои члены, не обремененные никакою ношею. Вскоръ подошли мы къ ближайшимъ холмамъ. Издали черные обгорълые стволы печально выдълялись на бъловатомъ фонъ снъж-

¹⁾ Есть только кустарный видь кедра, такъ называемый кедровинкъ— Pinus (cembra) pumila.

наго покрова и напоминали поднятую щетину. Но слѣдующая гряда горъ зеленѣла елью и пихтою. Туда собственно и стремились каторжные, расходясь по намѣченнымъ мѣстамъ. Кое-гдѣ уже слышны удары топора. Это работаютъ «рубщики», пришедшіе сюда нѣсколько раньше. Около густыхъ елокъ съ нижними вѣтвями, ушедшими въ снѣжный коверъ, весело затрещали костры. Кругомъ ихъ не-

Іеромонахъ Ираклій.

большими группами расположились рабочіе погрѣться и покурить. Иные, набивъ котелокъ спѣгомъ, кипятятъ воду для чая.

Я пошеть, лучше сказать, полъзъ къ рубщикамъ. Здъсь и лътомъ надо постоянно перелъзать чрезъ наваленные одинъ на другой стволы, а зимой этотъ трудъ усложняется еще глубокимъ снътомъ.

Какой однако безжизненный видъ тайги въ морозы! На темныхъ вътвяхъ елей и пихтъ толстыми слоями, на подобіе ваты, лежитъ бълый снъгъ, отчего онъ кажутся еще болі е неподвижными, и лъсъ представляется еще гуще, плотнъе. Сплошные ряды хвойныхъ деревьевъ разнообразятся гигантскими грибами съ толстыми бъльми шляпками. Это пни срубленнаго лъса, покрытые снъгомъ. Но ни звука, ни слъда отъ птицы или звъря. Только удары топора и говоръ ближайшей группы людей нарушаютъ эту мертвенную тишину.

Я направился къ рубщикамъ. Они уже подрубали высокую елку съ той стороны, куда хотъли свалить ее.

— Берегись!—закричаль мит одинь изъ рабочихъ.

Я метнулся въ сторону, сильно разгребая снътъ руками и грудью. Въ это время дерево скрипнуло, треснуло въ надрубленномъ мъстъ, затрещали и верхнія вътви, ломаясь о другія деревья. Трескъ становился сильнъе и сильнъе, и вдругъ гигантская ель сразу хлопнулась на землю, громовымъ грохотомъ раскатываясь по тайгъ.

Я на моментъ замеръ отъ величественной картины и отъ сознанія, что миновала опасность. Здёсь ни одна зима не обходится безъ придавленнаго или ушибленнаго лёсиной. И не удивительно: въ такомъ снёгу среди множества сваленныхъ старыхъ стволовъ неудобно скоро отбёжать въ сторону, да и не всегда угадываютъ, куда ляжетъ дерево.

Рабочіе вмѣсто аршина стали топорищемъ отмѣривать на стволѣ двѣнадцать аршинъ. Я подошелъ поближе къ дереву. Оно переломилось на три части. Что-то безпомощное и жалкое было въ этомъ разбитомъ гигантѣ. Пока рубили дерево, пока оно падало, занятый собою, я не думалъ о немъ, но теперь этотъ видъ поваленной ели возбуждалъ во мнѣ невыразимую жалость, какъ бы къ живому существу.

Заказано было бревно шести вершковъ въ отрубѣ; но, отмъривъ двънадцать аршинъ, рабочіе нашли, что не хватаетъ полвершка до требуемой толщины.

Поднялась ругань между ними.

- Я, вёдь, говорилъ, что тонко!—горячился самый бойкій изъ нихъ, рыжеволосый сухой парень, который однако главнымъ образомъ и рёшилъ рубить дерево.—Подходящее бы было, его не оставили бы здёсь расти. И вчера мы его обощли. Нётъ, надо было говорить косому: сойдетъ, сойдетъ... Вотъ те и сошло!
- Можеть, и это сгодится?—робко заметиль здоровый на видь, но смирный, мужикь въ теплыхъ чуняхъ (суконные сапоги).
- Если тебѣ охота прогуляться въ тайгу второй разъ, иронически отвѣтилъ первый, — то тащи, пожалуй... Ну, чего смотрите? Замерзнуть хотите? Айда въ лѣсъ!

Все чаще и чаще раздавался гуль оть паденія срубленныхъ деревьевъ. Недалеко оть насъ съ криками на незнакомомъ языкъ четыре арестанта ворочали уже обчищенное оть коры дерево.

— О, татарва счастливам! Смотри, они къ объду успъють вернуться,— замътилъ одинъ изъ рабочихъ, за которыми я медленно

«истор. въстн.», февраль, 1900 г., т. LXXIX.

шель по глубокому снъту. Наконецъ, мы остановились передъ стройною елью. Сомнънія ни у кого не было: она дастъ болъе шести вершковъ въ отрубъ. Тихоня мужикъ въ чуняхъ началъ было рубить ее.

— Бери выше!—кричить ему рыжій.—Итакъ толста будеть. Да забирай больше сюда, чтобы легла она между этими пихточками.

Я заранъе отошелъ за сосъднее дерево и снова наблюдалъ паденіе гиганта. На этотъ разъ ель упала на небольшую пихту, сломала ее и грохнулась вершиною подъ гору.

Освободивъ отрубленное бревно отъ вътвей и коры и сдълавъ на концъ его зарубку для веревки, рабочіе немедля потянули его на дорогу. Я помогалъ имъ по мъръ возможности. Всъ мы крайне утомились и забыли про жестокій морозъ, протаскивая бревно среди чащи лъса надъ кучами наваленныхъ стволовъ. Едва самъ выкарабкиваешься въ такомъ снъгу, а тутъ еще надо тащить за собою неповоротливое тяжелое дерево. Но всему бываетъ конецъ, вышли и мы на дорогу и вложили свое чистенькое, бъленькое бревно въ выбоину отъ раньше протянутыхъ бревенъ.

— Стой, ребята! — скомандовалъ рыжій. — Надо смочить льсинку.

Каждый, сколько могъ, поусердствовалъ, и одна сторона бревна обтянулась тонкою желтоватою корочкою льда. Это дѣлалось для того, чтобы легче скользило дерево по снѣгу. На большой дорогѣ, гдѣ пройдетъ по одному и тому же мѣсту ежедневно до сотни бревенъ, выбивается плотная колея, гладкая, какъ полированный металлъ. Тутъ только поспѣвай идти за бревномъ! Обыкновенно двое тянутъ на веревкахъ за зарубку передняго конца дерева, а другіе двое, зацѣпивъ веревку за всаженный топоръ, подтягиваютъ сзади. Разгоряченные, вспотѣвшіе, они не должны останавливаться для отдыха, иначе на сильномъ морозѣ моментально промерзнутъ ихъ плохія шубенки. Какъ ни устанутъ, а ужъ безъ передышки дотянутъ бревно до тюремнаго двора, гдѣ принимаетъ его надзиратель съ аршиномъ въ рукахъ. Если онъ забракуетъ дерево, рабочіе должны снова итти въ тайгу; а не успѣютъ въ тотъ же день,— идутъ въ ближайшее воскресенье.

Наваливъ свое бревно на другія въ штабель, измученные голодные рабочіе спѣшатъ пообѣдать, сряду и чая напиться; и если уже поздно, то скорѣй спать: завтра опять надо подыматься въ три часа ночи!

XII.

Тягость каторжных работь. — Бураны. — За бревнами въ распутицу. — Казарма рабочих вочью. —Вакансія. —Дровотаски. —Надвиратели. —Ихъ живнь на островъ и на материкъ. —Голубевъ.

Казалось бы, хожденіе за бревнами—одинъ изъ лучшихъ видовъ каторжныхъ работь. Физическій трудъ на чистомъ воздухѣ приноситъ только хорошій аппетитъ, крѣпкій сонъ и здоровье. Съ этой точки зрѣнія смотрять на это дѣло нѣкоторые изъ каторжныхъ. Но большинство крайне недовольны этими прогулками въ тайгу.

— Живешь, какъ скотина, — говорять они. — Намаешься, намерзнешь въ тайгъ, намучишься до пота съ бревномъ на дорогъ, — глядишь—уже поздно! Ни тебъ починить бълья, ни сдълать чего нибудь, а ужъ заработать копейку и не думай! Даже и въ картишки некогда поиграть... Развъсишь мокрыя портянки, да скоръй на койку! А въ тайгу-то бъжишь ночью тоже не по-человъчески, безъ чая. Думаешь тамъ напиться. А какое питье на морозъ, когда надо скоръй дерево валить. Хорошо еще, если морозъ небольшой, а то зарядитъ цълую недълю по сорока градусовъ. А еще того хуже—буранъ. И не приведи Богъ!..

Въ самомъ дёлё, въ снёжныя бури, которыя здёсь такъ особенно часты, не только съ бревномъ, но и налегкё трудно итти по дороге. Въ воздухё густо крутится снёгъ: на десять шаговъ впереди ничего не видно днемъ. На дороге мёстами навёваются едва проходимые сугробы снёга до сажени и выше. При этомъ пронизывающій страшной силы вётеръ не только не даетъ открыть глазъ, но и подвигаться впередъ напротивъ его. До бревна ли тутъ! Надо правду сказать, въ очень сильные бураны не посылають команду за бревнами.

Но когда эта работа превращается въ настоящую каторжную, это—весною въ распутицу. Всегда такъ случается, что намѣченнаго съ осени количества бревенъ не успѣвають заготовить въ продолженіе зимы и потому гонять команду въ тайгу за лѣсомъ до полной распутицы. Тянуть бревно, когда по дорогѣ оголятся проталины, образуются лужи и выбьются глубокія ямы, едва возможно. До поздней ночи по улицамъ селенія слышны надрывающіе душу крики. Туть ужъ не до веселой «дубинушки»! Даже рѣдко слышно и опредѣленное: «разъ, два, дерни!». Ихъ понукающій крикъ былъ безсловеснымъ звукомъ, но ясно выражающимъ все страданіе, натугу, досаду измученнаго, голоднаго человѣка.

— A-a-a!.. A-a-a!.. покрикивають онн, а бревно ни съ мъста. Иной разъ такъ и бросять его саженяхъ въ ста отъ тюрьмы, разсчитывая на утренніе заморозки.

Digitized by Google

А какіе они жалкіе, грязные, мокрые послѣ такой работы! Бывало ночью войдешь къ нимъ въ казарму и съ ужасомъ остановишься на порогѣ. Что-то хаотическое было во всей этой скученности народа на нарахъ и развѣшенныхъ надъ ними для просушки штановъ, подвертокъ, суконокъ, сапоговъ, чуней, бродней. Въ полумракѣ сначала не разбираешь неясныя очертанія всей этой массы грязнаго тряпья и одежды, но потомъ, приглядѣвшись при слабомъ свѣтѣ тусклой лампы, замѣчаешь разметавшіяся фигуры изнемогшихъ каторжниковъ. Ихъ сонъ видимо тяжелый. Нѣкоторые ворочаются со стороны на сторону, другіе глухо бредятъ.

Задыхаясь отъ нестерпимаго запаха и удушливаго испаренія отъ мокраго платья, я съ трудомъ прошелъ вдоль наръ къ сидящей фигурт рабочаго около подвъшенной лампы. Онъ вслухъ читалъ засаленное евангеліе.

- Чего не спишь?—спрашиваю я.—Въдь завтра васъ рано погонятъ за бревнами.
- Я, слава Богу, на вакансіи!.. Я туть камерщикомъ, медленно отвътиль онъ и поднялся, чтобы подложить дровъ въ жельзный каминъ, на которомъ стояль почернъвшій отъ копоти чайникъ.

На вакансіи — это значить находиться не на общихъ работахъ въ лъсу или на дорогъ, а на отдъльной службъ сторожемъ. дровотаскомъ, слугою у чиновника и проч. Вакансія — это предметь страстныхъ желаній всёхъ рабочихъ. Отдёленный отъ общей команды, онъ чувствуеть себя самостоятельнымъ человекомъ, а не рабочимъ скотомъ. Вотъ, напримъръ, этотъ счастливецъ-камерщикъ. Кром' того, что побалуеть себя чайкомъ, онъ имъеть еще возможность удовлетворить своимъ духовнымъ потребностямъ. Хоть ночью, все-таки находить досугь почитать книгу. Даже обязанность дровотаска, которому тоже ежедневно приходится ходить въ тайгу за бревешкомъ, или чуркой, какъ они величають, и та считается лучше общихъ работь. Дровотаскъ тянеть бревно одинъ, и онъ самъ распоряжается своимъ временемъ. Худо ли, корошо ли онъ дълаеть, его никто не ругаеть; а быть въ группъ четырехъ-пяти человекъ, -- поневоле приходится подлаживаться къ остальнымъ и постоянно чувствовать свою зависимость отъ болье бойкихъ крикуновъ.

Попасть на вакансію, главнымъ образомъ, зависить отъ старшаго надзирателя. При этомъ, конечно, немалую роль играють деньги.

Въ надзиратели обыкновение идутъ окончившие срокъ службы солдаты мъстной команды, но мъста старшихъ надзирателей чаще всего занимались ссыльными поселенцами, заявившими себя способными людьми еще въ бытность свою каторжными. Наконецъ, всъ лучшие мастеровые дълаются завъдующими мастерскими съ жа-

лованьемъ въ 40—50 и болъе рублей въ мъсяцъ. Но, какъ это бываетъ, хорошіе мастеровые—хорошіе и пьяницы; и потому всъ сбереженія ихъ идуть на дорогую здъсь водку. Привыкнувъ широко жить на островъ, они ъдуть на материкъ съ полной увъренностью жить еще лучше. Но тутъ-то сразу и сказывается ихъ избалованность. Съ одной стороны, отъ ежедневной напряженной работы они отстали, съ другой—сильный соблазнъ отъ свободныхъ кабаковъ. И очень часто на материкъ они дълаются жалкими бъдняками.

Я хорошо помню появленіе новаго старшаго надзирателя Голубева въ Рыковской тюрьмъ. Въ новомъ мундирчикъ при шашкъ, онъ бойко вошелъ на тюремный дворъ и здоровался съ каторжными съ нъкоторымъ достоинствомъ, по-офицерски. Сидящіе на крыльцв арестанты почтительно вставали и низко кланялись. Какъ разъ въ это время я проходилъ по двору въ арестантскомъ халатъ и пришелъ въ немалое смущение: а вдругъ онъ грубо накинется на меня, отчего я не оказалъ ему такого же почтенія, какъ и другіе ссыльные. И я предпочелъ уйти на другую сторону-подальше отъ гръха. Но какой контрастъ черезъ девять лътъ! Я командовалъ отдъльною частью въ Уссурійскомъ крат и въ моемъ распоряженіи было болъе 60 человъкъ вольнонаемнаго люда. Въ это время является ко мнъ невысокій человъкъ и съ низкими поклонами просить меня принять его къ себъ въ качествъ слуги, дворника или сторожа. Я едва узналъ въ этомъ бородатомъ, очень скромно одътомъ человъкъ когда-то блестящаго старшаго надзирателя Голубева. Впрочемъ, онъ оставилъ на Сахалинъ хорошую память по себъ. Голубевъ, обладая мягкимъ сердцемъ, избъгалъ жаловаться на арестантовъ. Въ данномъ случат онъ совершенно соответствовалъ своему начальнику, смотрителю Ф., который, кажется, и привезъ его съ собою въ Рыковское. За время ихъ правленія сравнительно очень мало наказывали каторжниковъ розгами.

XIII.

Старосты-палачи. — Наказаніе розгами. — Старосты-майданщики. — Иванъ Лебедевъ. — Узаконенная плеть. — Раскольникъ Катинъ. — Наказаніе плетями.

Пока я числился плотникомъ и выходилъ рано утромъ на работу, я не былъ свидътелемъ наказанія рабочихъ розгами. Обыкновенно экзекуція производилась послѣ раскомандировки, когда мы уже разойдемся по работамъ. Ръдко случалось, чтобы среди дня смотритель, взбъшенный какимъ нибудь поступкомъ каторжнаго, тотчасъ и крикнулъ: «розогъ!».

Въ Тымовскомъ округъ не было постояннаго палача, какъ въ Александровской тюрьмъ. Въ Рыковскомъ его обязанности испол-

Палачъ Комлевъ.

няли такъ называемые старосты тюремныхъ казармъ. Въ каждой камерѣ былъ свой староста. Онъ наблюдалъ за порядкомъ и чистотою помѣщенія, получалъ для раздачи арестантамъ порціи хлѣба и вообще былъ представителемъ своего отдѣленія. Въ виду этого въ старосты выбирались непремѣнно грамотные, здоровые, сильные люди, которые въ случаѣ надобности легко бы справились со своимъ братомъ каторжникомъ, обреченнымъ на наказаніе.

Какъ я ни оберегался отъ ужаснаго зрълища экзекуціи, но невозможно было, живя вътюрьмъ, не слышать стоновъ и хоть издали не видъть позорнаго истязанія арестантовъ.

У крыльца первой казармы стояла большая широкая скамейка съ толстыми ножками. Это кобыла каторжныхъ. Когда нужно было кого наказывать, старосты ставили ее нёсколько поодаль отъ крыльца и приносили охапку полутора-аршинныхъ розогъ. У нихъ всегда имёлась въ запасё цёлая кадка свёжихъ березовыхъ прутьевъ въ палецъ толщиною.

Въ виду четырехъ здоровенныхъ верзилъ, арестантъ обыкновенно покорно со спущенными штанами самъ ложился на кобылу. Тутъ на него двое наваливались всею тяжестью своего тъла, одинъ на плечи, другой на ноги, а другіе двое становились по сторонамъ обреченной жертвы и отчетливо съ небольшими паузами били розгами по голому тълу. Надзиратель считалъ вслухъ удары, пока не крикнетъ смотритель: «Довольно!».

Прекращеніе наказанія зависить отъ многихъ причинъ. Кромѣ состоянія духа, въ которомъ находится смотритель, тутъ играеть большую роль и поведеніе самого арестанта. Иной еще только разстегиваеть штаны, какъ ужъ начинаетъ слезливымъ голосомъ просить прощенія. И все время, медленно укладываясь на кобылу, не перестаетъ повторять:

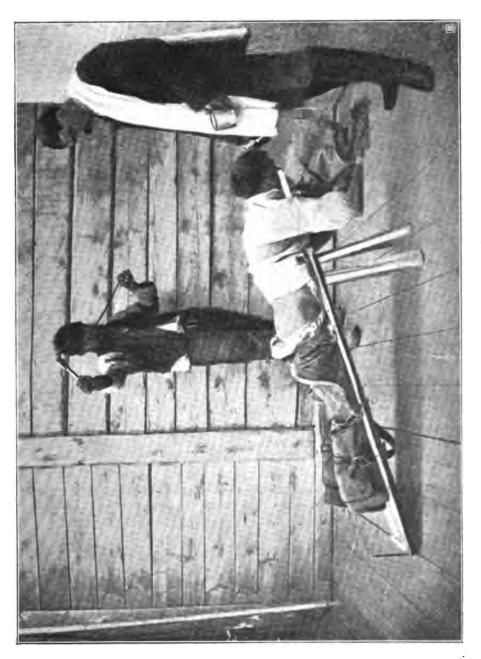
— Ваше высокоблагородіе, простите!

А съ первыми ударами розогъ онъ подымаетъ страшный взвизгивающій крикъ. Такой субъектъ сморве отдълается отъ наказанія. Но случаются и такіе спартанцы, которые, не говоря ни слова, ложатся на кобылу, подкладываютъ руку подъ голову и терпъливо принимаютъ удары. Ръдко кто выдерживалъ наказаніе совершенно безмолвно. Такіе, говорять, отъ нестерпимой боли закусываютъ свою руку и такъ съ сжатыми зубами и лежатъ. Но чаще всего на шестомъ, седьмомъ ударъ вдругъ вырвется ужасный стонъ, и затъмъ ужъ онъ не прерывается до окончанія экзекуціи.

За свою непривлекательную службу старосты-палачи пользовались льготою не ходить на работы.

Благодаря этой свободь, всь они, каждый въ свой камерь, держали лавки-майданы, гдь, кромь дозволенныхъ съъстныхъ припасовъ, можно было иногда достать водку и карты. Старосты играли роль хозяевъ въ казармахъ и почти всегда были заправилами тай-

ной картежной игры, получая львиную часть съ выигрыша. Какъ выбранные самимъ смотрителемъ, какъ палачи и представители до нѣкоторой степени администраціи, они пользовались заискивающимъ расположеніемъ каторжныхъ. Съ ними церемонились и надзиратели. Въ сущности это противный типъ каторжнаго сословія. Въ ситцевыхъ рубахахъ, въ жилетахъ, съ намасленными волосами, съ сытыми красными лицами, они рѣзко выдѣлялись изъ толпы арестантовъ и напоминали мнѣ деревенскихъ кулаковъ.

На пароходъ среди каторжныхъ я удълялъ свое особенное вниманіе одному очень молодому здоровому парню Самарской губерніи Ивану Лебедеву. Онъ тоже привязался къ мнѣ и часто оказывалъ маленькія услуги. Красивый лицомъ и высокій ростомъ Иванъ былъ парень на всѣ руки. Куда ни поверни его, онъ не отстанеть отъ другихъ. Я всегда любовался своимъ Иваномъ. Вдругъ узнаю, онъ сдълался старостой въ камерѣ и держитъ майданъ. Это меня сильно огорчило. При первой же встрѣчѣ я не могъ не высказать, какъ некрасива его новая должность.

- Что же дёлать! Я не просилъ: самъ смотритель выбралъ. Если откажусь, —боюсь, накажеть меня, —уклончиво отвётилъ онъ.
 - Такъ ты предпочитаешь другихъ наказывать...
- Я не съку розгами, я только придерживаю за плечи или за ноги.

Конечно, тутъ не страхъ наказанія руководиль имъ, а ужъ очень заманчива сытая и праздная жизнь старосты!

Розги, кандалы, карцеръ, лишеніе пищи, назначеніе лишней работы — вотъ виды наказанія въ Тымовскомъ округѣ. Сграшныя плети здѣсь почти не употребляются. Если рецидивистъ приговаривается судомъ къ плетямъ, то это ужасное наказаніе выполняется въ Александровскомъ округѣ, гдѣ имѣется для сего предмета спеціальный палачъ и всѣ аттрибуты убійственной экзекуціи. Впрочемъ, узаконенныя плети имѣются и въ Тымовскомъ округѣ.

Какъ-то разъ случилось мив прійти въ полицейское управленіе, когда тамъ только что быль полученъ, кажется, изъ Петербурга, пакеть съ форменною плетью при бумагв. Боже мой, что это за страшное орудіе казни! На короткой рукояткі болгался длинный, толщиною въ палецъ, сыромятный ремень. Жесткій, какъ дерево, съ острыми углами, онъ разділялся на конці на три плетеныхъ хвоста, такихъ же грубыхъ и жесткихъ, и каждый изъ нихъ заканчивался толстымъ угловатымъ узломъ. Понятно, почему иные съ двухъ-трехъ ударовъ впадали въ обморокъ, а ніжоторые и умирали отъ этого варварскаго кнута.

Въ Рыковскомъ селеніи проживаль раскольникъ Александръ Катинъ. Въ молодости за отказъ отъ военной службы и за публичное провозглашеніе власть имущихъ антихристами его приговорили въ каторжныя работы. Желая быть послѣдовательнымъ, онъ и въ

каторгъ отказывался повиноваться антихристовымъ властямъ. За это его приговорили къ плетямъ.

— Когда меня привязывали, — разсказывалъ онъ, —я молился и призывалъ всепомогающаго Іисуса. Вдругъ разъяреннымъ голосомъ крикнулъ палачъ: «берегись! ожгу!» Да какъ треснетъ!.. Я сразу все забылъ, и себя, и что со мною дѣлается. Мнѣ казалось, надо мною само небо треснуло и рухнуло на землю... Когда я очнулся, слышу смотритель ругаетъ палача: «Что ты! убить что ли хочешь?» Что дальше было, я и разсказать не могу. Чуть живого снесли прямо въ лазаретъ, да цѣлый мѣсяцъ тамъ и провалялся, пока не пришелъ въ себя. И даетъ же силы Господь человѣку перенести этакое истязаніе!

XIV.

Новое назначеніе.— М. А. Кржижевская.— Ея дѣятельность. — Мотеорологическая станція. — Тайная благотворительность.

Чрезъ пять мѣсяцевъ моего пребыванія на островѣ, наконецъ, случилась ожидаемая перемѣна моего положенія.

Рано утромъ, когда я сидъть въ своей камеръ за ногами, вдругь вбъгаеть смотритель Ф—ъ и торопить меня итти къ завъдующей метеорологической станціей, Маріи Антоновнъ Кржижевской, она же и акушерка-фельдшерица тымовскаго лазарета.

— Сейчасъ, — говорить смотритель, — начальникъ округа получилъ телеграмму изъ Александровска съ просъбою назначить васъ наблюдателемъ на метеорологическую станцію.

Товарищи посовътовали миъ сиять сърый костюмъ, чтобы не испугать барыню своимъ арестантскимъ видомъ. Я принарядился, насколько это можно было при тъхъ условіяхъ, и надълъ, хотя не очень казистую, черную блузу съ ремнемъ.

М. А. Кржижевская, къ которой меня направили, извъстна была на Сахалинъ, какъ удивительно добрая женщина, отдававшая весь свой заработокъ бъднымъ ссыльнымъ. Вся жизнь ея была сплошная жертва для ближняго. Послъ неудачнаго замужества она стала искать мъста или случая для самопожертвованія. Ей указали на Сахалинъ. Отказавшись отъ своей части наслъдственнаго имънія и порвавъ всякую связь съ Европейскою Россіею, Марія Антоновна прівхала въ Рыковское селеніе, чтобы «умереть съ каторжными». Здъсь ея дъятельность была изумительна. Кромъ ежедневныхъ работь въ аптекъ и въ лазаретъ въ качествъ фельдшерицы, она, какъ акушерка, неустанно ходила изъ одного угла селенія въ другой по роженицамъ. Къ своимъ обязанностямъ она относилась свято, какъ солдать на войнъ. Ее

ничто не могло остановить, если она знала, что люди нуждаются въ ея помощи. Тамъ, гдѣ осенью или весною во время разлива рѣки не можетъ проѣхать телѣга, она идетъ въ бродъ по водѣ. Когда страшные бураны буквально засыпаютъ снѣгомъ, она съ большими усиліями ползетъ по сугробамъ; вся перемерзнетъ, измучится, но не отступитъ отъ намѣченной цѣли. Конечно, это даромъ не могло пройти, и на другой годъ по пріѣздѣ на Сахалинъ она сильно простудилась и заболѣла чахоткою.

Если не считать небольшую группу (около 10 чел.) чиновниковъ и офицеровъ, первое время въ Рыковскомъ селеніи не было интеллигентныхъ людей, а потому, когда нуженъ былъ для чего нибудь образованный человъкъ, обращались къ Маріи Антоновнъ. Устраивается ли метеорологическая станція—ее приглашаютъ завъдывать ею и дълать наблюденія, нужна ли учительница для дътей чиновниковъ—обращаются къ ней же, собираются ли зоологическія коллекціп, гербаріи или составляется инородческій словарь—опять къ ней.

Въ виду частыхъ отлучекъ на роды, Марія Антоновна не всегда могла сама дёлать метеорологическія наблюденія. Ей дали въ помощники псаломщика изъ ссыльныхъ, но и онъ оказался не совсёмъ исправнымъ. И воть на его мёсто теперь назначили меня.

При встръчъ со мною Марія Антонови очень обрадовалась, узнавъ, что въ былое время я тоже завъдывалъ метеорологической станціей въ одномъ изъ приморскихъ городовъ на югъ Россіи. Оказалось, что метеорологія также близка ея сердцу, какъ и лазаретъ. Она съ большимъ увлеченіемъ разсказывала о результатахъ своихъ наблюденій и объ отчетахъ о нихъ для главной физической обсерваторіи въ Петербургъ. Такіе инструменты, какъ барометръ, анероидъ, второй дождемъръ и друг., находились у нея въ квартиръ, и потому мнъ пришлось бывать у нея три раза въ сутки, въ часы наблюденій — утромъ, среди дня и вечеромъ. Такъ часто встръчаясь, волей-неволей я узнавалъ малъйшія подробности ея жизни.

Наше знакомство началось уже въ то время, когда у ней чахотка обнаружила явные признаки. Блёдная, съ впалыми щеками, съ горящими темными глазами, она постоянно покашливала. Военный врачъ тымовской команды давно сосчиталъ ея минуты, но она все еще кръпилась и, пересиливая свое недомоганіе, продолжала работать съ прежнею энергією.

Надо было посмотръть на нее въ аптекъ, гдъ ее осаждала масса приходящихъ больныхъ, мужчинъ и женщинъ. Послъднихъ она знала каждую по имени, знала ихъ семейное положеніе, ихъ бользии и нужды. Казалось бы, Марія Антоновна очень занята приготовленіемъ и отпусканіемъ лъкарствъ. Она быстро расхаживаеть отъ одного шкафа къ другому, отвъшиваетъ, мъ-

шаетъ, завертываетъ, быстро пишетъ красивымъ и твердымъ почеркомъ сигнатурки, но уши ея насторожъ среди бабъ. И какого только горя она не наслышится за это время! Но не для празднаго любопытства она внимательно прислушивается къ ихъ говору. Сегодня или завтра сахалинская ходатаица», какъ ее называли, будетъ просить начальника округа, чтобы онъ отъ Катерины принялъ въ казну на мясо пораненную корову, а Маръъ

М. А. Кржижевская-Хантинская.

даль бы рабочаго въ помощь ея мужику и т. п. Все это дёлается секретно, такъ что бёдныя Катерины и Марыи и не знаютъ, отчего вдругъ такъ добръ оказался къ нимъ начальникъ.

Даеть она имъ и свои деньги, но тоже тайно, чрезъ какого нибудь посредника, и только въ крайнемъ случав позволяеть себв благотворить открыто, но и туть, избытая шума слезливыхъ благодарений, прибытаеть къ маленькой уловкъ.

— Өедосья! — кличеть она строгимъ голосомъ, подавая завернутый пузырекъ съ каплями. — Вотъ тебъ лъкарство. Принимай

утромъ и вечеромъ по десяти капель съ водой. Смотри, не потеряй: лъкарство дорогое.

— Что ты! Что ты, дорогая матушка! Христосъ съ тобой! Получить капельки изъ твоихъ золотыхъ рученекъ, да потерять ихъ! Я скоръй себя потеряю...—начинаетъ причитать больная, но Марія Антоновна не слушаетъ ея и подаеть лъкарство уже другому больному.

Өедосья бережно приносить домой пузырекь, развертываеть его и, къ своему удивленію, находить подъ бумажкой кредитный билеть.

Особеннымъ вниманіемъ Маріи Антоновны пользовались дѣти ссыльныхъ. Если она зазвала къ себѣ дѣвочку съ улицы, это значить сегодня къ вечеру или завтра утромъ будеть для нея готово новое платье.

Отдавая такъ много вниманія, времени и своихъ заработанныхъ денегъ другимъ, эта удивительная труженица мало занималась собою. Ея скромные костюмы обличали свою ветхость зачиненными прорѣхами. Въ небольшой квартирѣ стояла простая некрашенная мебель. Она имѣла обѣдъ, по выраженію ея подруги, хуже, чѣмъ у каторжныхъ. Только для гостей позволялась нѣкоторая роскошь. Ея слуга изъ ссыльныхъ, молодой, добродушнѣйшій бѣлорусъ, Максимъ Богдановъ, соединялъ въ одномъ лицѣ и повара, и садовника, и сторожа метеорологической будки. Онъ готовилъ обѣдъ для своей барыни, какъ Богъ на душу положитъ, и Марія Антоновна никогда не дѣлала ему ни малѣйшаго замѣчанія.

Вообще, въ ея домѣ царило удивительно тихое мирное настроеніе, которое сообщалось и мнѣ, когда я приходилъ сюда къ наблюденіямъ.

XV.

Перемъна положенія.— Сочувствіе чиновнаго люда.— Мои отношенія къ нему.— Первая зимняя почта.— Ожиданіе корреспонденціи.— Инспекція писемъ.— Знакомство съ Бутаковымъ.— Значеніе писемъ въ ссылкъ.

Съ назначениемъ меня на метеорологическую станцію кончилась моя плотницкая работа, но не кончилась еще каторга: я попрежнему лишенъ всёхъ правъ состоянія, живу въ тюрьмѣ, не смѣю отлучиться въ другое селеніе, каждую минуту могуть распорядиться мною, какъ вздумается начальству, однимъ словомъ, я еще на Сахалинѣ. Только внѣшность моя перемѣнилась. Теперь мнѣ по мѣсту службы неудобно быть однимъ изъ сѣрой толпы, и я пересталъ носить арестантскій халатъ и желтые коты (или чирки, какъ здѣсь называють) съ высовывающимися подверт-

Отправленіе зимней почты изъ Александровскаго поста.

ками изъ-подъ короткихъ сфрыхъ штановъ. Измфились ко миф и отношенія м'єстной администраціи. Въ квартир' Маріи Антоновны мит часто приходилось встртчаться съ чиновниками, съ офицерами и съ женами, и волей-неволей я знакомился съ ними. Почти вст они относились ко мнт чрезвычайно тепло. Нткоторые, желая помочь тёмъ или другимъ способомъ, приглашали меня постоянно объдать у нихъ (напримъръ, начальникъ команды, полковникъ Дуровъ), другіе съ тою же цёлью дёлали мнъ небольшіе подарки. Хотя пріятно было видъть такое сочувствіе мъстнаго общества, но я не воспользовался имъ. Большой нужды я не терпътъ: тюремное начальство за отчеты метеорологическихъ наблюденій давало мив жалованья пятнадцать рублей въ місяць кром' того, время отъ времени, присылали и родные, такъ что при моемъ скромномъ образъ жизни деньги у меня не переводились Костюмами я не любилъ щеголять, а своими спартанскими привычками застраховань быль оть различныхъ неудобствъ жизни. Я берегь свою относительную независимость. Какъ нѣкій римскій философъ, проданный въ рабство, я дорого ценилъ въ себъ самомъ свободу духа и охранялъ ее, не подкупаясь объщаніями роскоши. Я понималь, что я и мои начальники стоимъ на разныхъ полюсахъ, и всякое тёсное сближение съ ними неустойчиво, какъ на балансирующемъ коромыслъ. Много стоить нравственныхъ мукъ сохранить туть свое равновъсіе! Чуть немного позволиль себъ свободно поговорить, одно смълое слово, ръзко выраженное движеніе сердца, — и равнов'єсіе нарушается. Конецъ коромысла, на которомъ сидить чиновникъ — твое начальство, сейчасъ подымется, а ты на другомъ концъ летишь внизъ... Я не любилъ такую нравственную гимнастику и предпочиталъ «знать своя шестокъ».

Къ этому времени случилась для меня и другая радость: получилъ первое письмо изъ Россіи (на Сахалинъ, какъ и во всемъ Амурскомъ крат, въ разговорномъ языкт Россіей называють исключительно европейскую часть имперіи). Летомъ почта идеть на пароходахъ Добровольнаго флота, и обыкновенно чрезъ два съ половиною мъсяца письмо уже приходить на Сахалинъ. Не болъе трехъ мъсяцевъ пройдетъ оно и зимою на саняхъ черезъ Сибирь. Но въ переходное время года, весною или осенью, когда прекращается сообщение съ материкомъ, почта вылеживается мъсяцами на берегахъ Амура. Первыя нарты, или сани, запряженныя собаками, пройдуть чрезъ Татарскій проливъ только въ конці декабря, и святочные праздники всегда сопровождаются полученіемъ новостей изъ Россіи; но мы, жители Тымовскаго округа, получаемъ почту много позже. Въ Рыковскомъ селеніи не было почтовой станцін, и всю корреспонденцію, адресованную сюда, получать начальникъ округа. А это бывало только тогда, когда онъ вздилъ въ сахалинскую столицу за жалованьемъ, т.-е. разъ въ мъсяцъ. Понятно, съ какимъ нетеривніемъ ожидается здвсь первая зимняя почта! При одномъ извъстіи, что начальникъ округа вернулся изъ Александровскаго поста, я и мой товарищъ, литвинъ П-й, летимъ въ канцелярію, куда передавалась вся корреспонденція секретарю управленія для раздачи ссыльнымъ. Всв письма арестантамъ предварительно должны быть прочитаны однимъ изъ чиновниковъ, и только тогда они могуть быть переданы по адресу. Но, кажется, ни у одного чиновника не хватало терпънія прочесть всь письма. переполненныя благословеніями, поклонами, пожеланіями, сожалъніями, молитвами, слезами. Только письма, адресованныя интеллигентнымъ ссыльнымъ, подвергались иногда просмотру чиновниковъ, но и туть руководило ими болъе любопытство, чъмъ искание чего либо преступнаго. Другое дёло письма съ Сахалина въ Россію. Въ нихъ могли быть корреспонденціи для журналовъ, нареканія на здѣшиюю администрацію, обнаруживаніе скрываемыхъ ею преступленій. О, такія письма были непріятны для начальства! Въ виду этого было установлено правило для ссыльныхъ - подавать въ канцелярію всю корреспонденцію незапечатанною и, по осмотр'є ея, на каждомъ конвертъ отмъчать «просмотръно» за подписью чиновника.

Я тоже долженъ былъ подчиниться общему порядку и передавалъ свои незапечатанныя письма непосредственно начальнику округа. Писать окольными путями о Сахалинъ я не имълъ никакого желанія. Даже въ своемъ дневникъ я касался сахалинскихъ событій настолько, насколько они отражались въ моей личной жизни. Это скоро понялъ начальникъ округа и при передачъ писемъ спъшилъ при мнъ, не читая ихъ, запечатывать. Въ свою очередь, я цънилъ это довъріе ко мнъ и не позволялъ себъ писать ничего нежелательнаго съ ихъ точки зрънія.

Мое знакомство съ Бутаковымъ собственно установилось при этихъ свиданіяхъ. Намъ, ссыльнымъ, полагалось ходить къ нему съ чернаго хода. Отъ большой кухни была отгорожена невысокой перегородкой узенькая передняя. Сюда и выходялъ начальникъ для личнаго объясненія съ каторжными. Со мной онъ всегда былъ въжливъ и предупредителенъ. Для характеристики нашихъ внъшнихъ отношеній я могу привести случайно услышанный разговоръ на кухнъ.

- Барыня, обращается кухарка къ жент Бутакова, отчего это, когда кто нибудь изъ рабочихъ приходить къ барину, онъ грубо съ ними разговариваетъ, иногда кричитъ на нихъ и выталкиваетъ вонъ въ шею, а вотъ онъ придетъ (ртчь шла обо мнт), баринъ привтливъ съ нимъ, говоритъ ему «вы», называетъ по имя-отчеству и приглашаетъ въ кабинетъ?
 - Очень просто,—отв'вчаеть ей барыня изъ сибирских каза-«истор. въсти.», февраль, 1900 г., т. LXXIX.

чекъ, — по прежнему-то положенію, я полагаю, онъ насъ къ себъ и на порогъ не пустиль бы.

Но вернемся къ письмамъ изъ Россіи — этому самому радостному явленію на Сахалинъ. Каторжные, насильственно оторванные отъ родины, отъ всего дорогого, что составляло все содержаніе ихъ жизни, не могутъ забыть прежній чудный міръ, гдъ остались ихъ друзья и родные.

Между островомъ и материкомъ, какъ между адомъ и раемъ, лежить непереходимая пропасть не только воднаго пространства Татарскаго пролива, но и долготы каторжныхъ и поселенческихъ годовъ. И потому, какъ евангельскій богачъ томился въ аду и молилъ Авраама хоть каплею воды усладить его языкъ, такъ и каторжные жаждуть услышать хоть малъйшее привътствіе съ другого свъта, изъ Россіи. Возьмите любое письмо интеллигентнаго каторжника. Сколько въ немъ горячихъ просьбъ, пламенныхъ моленій къ своимъ роднымъ и друзьямъ, чтобы они почаще писали имъ съ того желаннаго берега! Въдь они всею мечтою, всею мыслію живуть въ невольно покинутомъ край среди своихъ прежнихъ друзей. И какъ горько бываеть разочарованіе, когда посл'я долгаго ожиданія почты она ничего теб'й не привезеть! Эти нравственныя муки становится еще болбе тягостны, когда видинь, какь въ то же время другіе распечатывають только-что полученныя письма. Бывало съ замираніемъ сердца подходишь къ канцеляріи и тревожно гадаешь про себя, будеть или не будеть тебъ письма.

— Нѣтъ, Брониславъ, — скажешь въ концъ-концовъ своему товарищу, — я не пойду. Возьмите вы и мои письма: кажется, вы счастливъе меня и раньше мнъ всегда приносили два-три конверта.

XVI.

Приготовленіе новаго храма въ Пасхѣ. — Увлеченіе работою. — Назначеніе меня церковнымъ старостою. — Устройство сада. — Вотаническія вкскурсіи. — Оставленіе тюрьмы. — Положеніе остальныхъ товарищей. — Осторожность Бутакова. — Его слава на островѣ.

Приближалась первая для меня Пасха на Сахалинъ. Я уже упоминалъ, что этотъ праздникъ ръшено было связать съ открытіемъ новой перкви. Рыковскіе жители замъчательно дружно отнеслись къ украшенію своего просторнаго свътлаго храма. Кто не могъ принять участія въ этомъ дълъ своимъ личнымъ трудомъ, тъ выписывали въ складчину церковную утварь. Жены чиновниковъ во главъ съ Кржижевской шили священныя ризы и облаченія на престолъ и жертвенникъ. Самъ начальникъ округа занялся выпиливаніемъ ажурныхъ царскихъ дверей изъ разныхъ породъ

деревьевъ. Однимъ словомъ, каждый хотъть оставить какую либо память по себъ. Кромъ внутренняго убранства и составленія надписей на иконостасъ, меня тоже попросили нарисовать большой транспарантъ образа Воскресенія Христова въ окно на колокольню.

Я радъ быль увлечься какимъ нибудь занятіемъ, лишь бы забыть на время свое состояніе вычеркнутаго изъ жизни человѣка. Есть счастливыя натуры, живущія сегодняшнимъ днемъ. Онѣ вездѣ и всегда, какъ дома. Эти люди постоянно веселы, довольны и пріятны другимъ. Меня нельзя къ нимъ причислить: я имѣю слишкомъ глубокую память, чтобы не помнить всей горечи прошлой жизни, и слишкомъ ясное зрѣніе, чтобы не видѣть печальной обстановки настоящей. Облегченіемъ моего нравственнаго состоянія могла быть только усиленная работа, я и погрузился въ нее.

Когда съ открытіемъ службъ въ новомъ храмѣ предложили мнѣ быть церковнымъ старостой при немъ, я сперва отказывался; но потомъ, сообразивъ, сколько новыхъ обязанностей наложитъ на меня эта почетная должность, я согласился и весь ушелъ въ церковное хозяйство, въ составленіе хорошаго церковнаго хора, въ производство восковыхъ свѣчей и проч. Конечно, я не оставлялъ и метеорологическихъ наблюденій. Напротивъ, незамѣтно для Кржижевской, я мало-помалу отстранилъ ее отъ всѣхъ занятій по метеорологіи, оказывая ей въ то же время уваженіе, какъ своей начальницѣ. Если къ этимъ занятіямъ присоединить еще уроки англійскаго языка, которые я давалъ двумъ-тремъ чиновникамъ, а впослѣдствіи — и іеромонаху Ираклію, уроки математики еврейскимъ ребятамъ, церковныя спѣвки и писаніе нотъ, то понятно станетъ — скучать мнѣ не приходилось такъ же, какъ и особенно разбираться въ своихъ чувствахъ.

Наступившая весна вдохнула въ меня новую энергію.

Еще прошлымъ лѣтомъ Марія Антоновна занялась устройствомъ сада вокругъ метеорологической будки. Она хотѣла собрать по возможности всѣ виды мѣстной флоры и съ этой цѣлью сама лично дѣлала экскурсіи въ луга и въ лѣса. Къ моему пріѣзду на Сахалинъ въ ея садѣ уже красовались ряды лиственныхъ деревьевъ. Вдоль изгороди тянулись различные виды кустарныхъ спирей вперемежку со стройными боярками и сѣроватымъ отъ дорожной пыли олешникомъ. Около раскидистыхъ вязовъ и душистыхъ тополей торчали веселыя березки, зеленые клены и трепетныя осины. Красивыя аллеи были обсажены цвѣтущими яблонями, пахучими черемухами и рябинками. На клумбахъ цвѣли разныя лиліи, красные піоны, синія гентіаны, желтые адонисы и лютики и много другихъ лиловыхъ, розовыхъ, бѣлыхъ цвѣтовъ. Особенное вниманіе отдано было ягоднымъ кустамъ. Буйная малина, красная смородина и напоминающая крыжовникъ моховка занимали большую площадь по

сосъдству съ огородомъ. Большинство этихъ растеній было пересажено собственноручно Маріей Антоновной.

Мнѣ нравилась идея—устроить сахалинскій ботаническій садъ, и я охотно сталъ продолжать ея работу. Каждый свободный день я бралъ маленькую лопатку, корзину, ножъ и уходилъ или на берега красивой рѣки Тыми, или въ сесѣднія горы, густо покрытыя лѣсомъ. Хотя служебныя обязанности не позволяли мнѣ долго разгуливать, я всегда успѣваль найти что нибудь новенькое и возвращался съ полной корзиной выкопанныхъ мелкихъ растеній, весь опутанный зеленью здѣшнихъ ліанъ. Тымовская долина богата вьющимися атрагенами, свойственною здѣшнимъ странамъ максимовичею (Махітоміскіа, — названная такъ въ честь нашего путешественника) и ягодными актинидіями. Послѣднія, извѣстныя у ссыльныхъ подъ именемъ сахалинскаго винограда 1), взбираются по высокимъ березамъ и пихтамъ до самой вершины дерева.

Кромъ удовольствія прогулки среди нетронутой природы, я разсчитываль получить оть этихъ ботаническихъ экскурсій укрыпленіе моего сильно расшатаннаго здоровья. Но случилось обратное. Въ тайгъ я сильно простудился и все лъто страдалъ то отъ лихорадки, то отъ насморка или отъ мучительнаго кашля (гриппъ). По ночамъ меня изнуряли холодные поты. Я замътно перемънился, еще болье похудьль и совсымь обезсильль. Докторь нашель, между прочимъ, причину моего недомоганія въ обстановкъ нашей твсной камеры и сталь усиленно настаивать, чтобы я изъ тюрьмы перебхаль на квартиру къ какому нибудь поселенцу. Доложили начальнику округа. Онъ разръшилъ мнъ оставить казарму подъ предлогомъ болъзни, а потомъ предоставилъ и другимъ моимъ товарищамъ разойтись по частнымъ квартирамъ. Изъ нихъ еще двое не имъли опредъленныхъ занятій, соотвътствующихъ ихъ способностямъ. Считаясь рабочими въ столярной мастерской, они перестали туда ходить. Хотя начальство смотрело на это сквозь пальцы, оставаться въ такомъ неопредъленномъ положении всетаки было довольно тягостно: въ любую минуту смотритель тюрьмы могь ихъ позвать въ мастерскую и сдёлать публично оскорбительный выговоръ. Впрочемъ, одинъ изъ нихъ, литвинъ П-й, былъ до некоторой степени застраховань оть этого своими услугами семейнымъ чиновникамъ: за небольшую плату онъ давалъ уроки ихъ дътямъ. Они его оберегали, какъ необходимаго человъка, и можно сказать, скрасили ему годы ссылки.

Дольше всёхъ боролся со своимъ положеніемъ В—ъ, но и онъ въ концё-концовъ пристроился къ тюремной канцеляріи и несъ различныя обязанности: писаря, хлёбнаго надзирателя и друг.

¹⁾ Настоящій виноградъ — vitis Thunbergii S. — растеть вь южной половинъ острова.

Такимъ образомъ, къ концу перваго года нашего пребыванія на остронь, всв мы такъ или иначе устроились, и каждый обезпечилъ себя небольшимъ заработкомъ. Правда, немного поздно. Можно было бы устроиться гораздо раньше, и въ этомъ была вина начальника округа. Онъ самъ былъ бы радъ видъть насъ на приличномъ для насъ дълъ, но боялся, какъ бы не укорили его въ Александровскъ въ распущенности и въ самовольномъ распоряженіи. На каждое новое послабленіе въ нашу пользу онъ искаль одобренія высшаго начальства въ сахалинской столицъ, и если тамъ относились снисходительно, онъ успокаивался до слъдующаго случая, который всегда указывала сама жизнь.

Въ А. М. Бутаковъ была дорогая черта: улаживать всевозможныя столкновенія въ его округъ. Это стремленіе къ миру особенно оцѣнили здѣсь ссыльные изъ привилегированнаго сословія. Въ то время какъ въ Александровскъ отношенія начальства къ интеллигентнымъ ссыльнымъ обострились до такой степени, что нъкоторыхъ изъ нихъ наказали розгами (крайне возмутительный случай и, кажется, единственный въ сахалинской столицъ), въ Рыковскомъ царилъ невозмутимый миръ. Этотъ контрастъ чрезвычайно благопріятно отразился на Бутаковв. Его ставили въ примъръ, какъ тактичнаго администратора, а его распоряженія рекомендовались, какъ программа для другихъ округовъ. Съ появленіемъ новаго начальника Сахалина, стараго знакомаго Бутакова, слава последняго, какъ хорошаго хозяина округа, еще более утвердилась, и къ тайному неудовольствію и зависти остальныхъ сахалинскихъ чиновниковъ, онъ сталъ распоряжаться все более и болье самостоятельно. На самомъ же дъль, какъ мы увидимъ, Бутаковъ хорошъ былъ только, какъ исполнительный чиновникъ. Узко смотря на всъ распоряженія свыше и гоняясь за буквою предписаній, онъ впадаль въ большіе промахи. А съ отъёздомъ генерала, предоставленный самому себь, онъ не справился со своей сложной задачей и допустиль въ своемъ округъ совершиться такому дълу, которое сгубило всю его славу и, быть можеть, ускорило его кончину.

И. П. Миролюбовъ.

ПАМЯТИ Т. И. ФИЛИППОВА.

I.

НЪ приходится начинать статью о скончавшемся 29-го ноября 1899 г. государственномъ контролеръ Тертіи Ивановичъ Филипповъ нъсколькими словами о томъ, какъ много лътъ тому назадъ я поступилъ къ нему на службу въ контроль. Протекцій у меня никогда не было, и я доставалъ то или другое служебное занятіе совершенно случайно, постоянно, однако, наталкиваясь на общее мнъніе о томъ, что литераторовъ

вообще или [неохотно принимають на службу, или держать ихъ тамъ въ черномъ тълъ.

Правда, первоначально на моей службѣ во временномъ управлени казенныхъ желѣзныхъ дорогъ я очень быстро получалъ повышенія, несмотря на то, что одновременно работалъ и въ газетахъ, и въ журналахъ. Но мой личный опытъ не долженъ измѣнять вопроса о литераторахъ на службѣ.

Покойный Н. В. Шелгуновъ какъ-то разъ говорилъ мнѣ, что ему на службѣ однажды предложили увеличить жалованье, если онъ броситъ литературныя занятія, а Н. С. Лѣскову, какъ извѣстно, было приказано подать прошеніе объ увольненіи со службы или измѣнить характеръ своей литературной дѣятельности. Лѣсковъ не согласился ни на то, ни на другое, и былъ уволенъ «безъ прошенія».

- Зачёмъ вы этого хотите?—спросили его въ министерстве.
- Нужно! для біографіи... моей и вашей,—отв'єтиль онъ. Словомъ, я зналъ, что противъ литераторовъ существуетъ мно-

жество предубъжденій въ правительственныхъ и частныхъ учрежденіяхъ.

Но о государственномъ контроль, находившемся въ въдъніи Тертія Ивановича Филиппова, ходили слухи иного рода. Писательское званіе тамъ уважалось и не существовало боязни нравственной независимости литературныхъ людей. Литераторы ищуть опоры жизни въ общественныхъ идеалахъ и потому переносять легко и съ достоинствомъ служебную дисциплину и служебныя неудачи... «У науки нравъ неробкій», говорить поэть. Въ этомъ и заключается отличіе литераторовъ отъ чиновниковъ. Серьезныя литературныя занятія своихъ подчиненныхъ Т. И. Филипповъ въ особомъ циркуляръ (отъ 19-го сентября 1899 г.) привътствовалъ, «какъ признакъ высокаго и благороднаго настроенія души».

Самъ я зналъ о Т. И. Филипповъ только одно, что его влекло къ русской литературъ, и что онъ не страдалъ боязнью литераторовъ на службъ. Въ контролъ было всегда достаточное число писателей, начиная съ товарища государственнаго контролера, В. П. Череванскаго (автора: «Подъ боевымъ огнемъ», «Двъ волны» и цълаго ряда драмъ); генералъ-контролера департамента военной и морской отчетности А. В. Васильева (сотрудника многихъ журналовъ и автора отдъльныхъ изданій: «Преобразованіе высшаго церковнаго управленія Петромъ I», «Объ узаконеній и усыновленій дътей», «Критика проекта уголовнаго уложенія», «Задачи и стремленія славянофильства», «О порядкѣ ликвидаціи дѣлъ несостоятельныхъ жельзно-дорожныхъ обществъ», и, наконецъ, перевода Поля Жанэ: «Исторія государственной науки въ связи съ нравственностью»), чиновника особыхъ порученій Н. П. Аксакова (сотрудника въ газетахъ и автора отдъльныхъ изданій, преимущественно по философіи и богословію), изв'єстнаго публициста О. И. Каблица-Юзова («Основы народничества»), критика А. И. Введенскаго, сотрудниковъ газетъ: В. Розанова, Граматчикова, Стулли, М. Петрова и т. д.

Разговорившись случайно на улицѣ съ писателемъ Л—мъ о государственномъ конгролѣ и ободренный его совѣтомъ итти туда за работой, я пошелъ къ зданію у Синяго моста, но узналъ, что Т. И. Филипповъ принимаетъ просителей въ другіе дни, а теперь вмѣсто него можно обратиться къ товарищу государственнаго контролера. Такимъ образомъ я былъ принятъ В. П. Череванскимъ. Послѣдній былъ нѣсколько удивленъ, что я обращаюсь безъ всякой рекомендаціи за работой.

— Я могу достать рекомендаціи отъ самыхъ уважаемыхъ лицъ въ Пстербургѣ, если нужно... Я не сдѣлаль этого вслѣдствіе безполезности всякихъ письменныхъ рекомендацій, а вспомнилъ о контролѣ совершенно случайно при разговорѣ съ Л—мъ, который служилъ здѣсь.

- А-а, какъ же! Какъ же! Цѣлый годъ числился и ни разу не былъ на службѣ,—перебилъ г. Череванскій.
- Ну, вотъ, видите, какая у меня отличная рекомендація!— разсмѣялся я и прибавилъ:—не всѣ литераторы, однако, такъ служатъ... Мнѣ извѣстны въ контролѣ множество литераторовъ и первый изъ нихъ Т. И. Филипповъ и вы сами...
- Дайте вашъ адресъ, произнесъ онъ и записалъ его у себя на листъ бумаги.

Черезъ двѣ недѣли я получилъ приглашеніе явиться въ контроль и былъ опредѣленъ В. П. Череванскимъ на службу. Здѣсь я неоднократно видѣлъ и Т. И. Филиппова, но свѣдѣнія мои о немъ болѣе почерпнуты изъ книгъ и устныхъ сообщеній близкихъ къ нему людей.

Онъ родился въ г. Ржевъ 24-го декабря 1825 г.; воспитывался въ Тверской гимназіи и окончиль образованіе въ Московскомъ университетъ по историко-филологическому факультету, обнаруживъ большой интересъ къ богословскимъ наукамъ, каноническому праву, къ нуждамъ старообрядцевъ и православныхъ церквей на Востокъ, къ народному образованію и т. д. Первое время Т. И. Филипповъ былъ учителемъ русской словесности въ одной изъ московскихъ гимназій, но въ 1856 году былъ командированъ на Донъ и Азовское море для изслъдованія нравовъ мъстнаго населенія, а затъмъ былъ приглашенъ оберъ-прокуроромъ святъйшаго синода, графомъ Д. А. Толстымъ, къ себъ въ чиновники особыхъ порученій. Въ 1864 г. онъ перешелъ на службу въ контроль и достигъ въ немъ званія государственнаго контролера.

Несмотря на то, что жизнь Т. И. Филиппова прошла такимъ образомъ болъе на государственной службъ, онъ всего менъе напоминаетъ собою чиновника, и ни для кого не было секретомъ, что своего прямого призванія Т. И. Филипповъ не находилъ на своемъ служебномъ посту.

Не по контролю приходится судить о немъ... Живая дъйствительность увлекала его изъ стънъ департамента въ разныя общества, въ журналистику и къ частнымъ кружкамъ, среди которыхъ міросозерцаніе Т. И. было бы весьма значительнымъ, если бы судьба дала ему въ руки болье сильныя средства вліять на жизнь, чъмъ тъ, которыми онъ располагалъ. Онъ былъ болье литераторъ, чъмъ практическій дъятель... Но для оцьнки его литературной роли слъдуетъ вспомнить, что онъ жилъ въ эпоху борьбы славянофильства съ западничествомъ, и въ одиннадцатой части сочиненія Н. Барсукова: «Жизнь и труды М. П. Погодина», справедливо сказано, что «изъ всъхъ членовъ «Молодого Москвитянина» Тертій Ивановичъ Филипповъ, по свому міросозерцанію, всъхъ ближе подходить къ воззрѣніямъ» «Стараго Москвитянина», т. е. къ воззрѣніямъ Погодина и Шевырева». Дъйствительно, и въ «Москвитяніямъ Погодина и Шевырева».

нинѣ», и «Русской Бесѣдѣ», онъ не только чуждался раціоналистическаго Запада, но усиленно ратовалъ о возвращеніи Россіи, такъ сказать, «ко днямъ Котошихина». Совѣсть его особенно была обезпокоена въ то время вліяніемъ Вѣлинскаго и Герцена на русское общество. Онъ находилъ церковный строй допетровской Руси, съ патріаршествомъ и соборами, наиболѣе соотвѣтствующимъ національнымъ особенностямъ русскаго народа. Интересно, что Т. И. Филипповъ вліялъ на молодыхъ славянофиловъ не столько журнальными статьями, сколько старинными русскими пѣснями, удивительнымъ исполненіемъ которыхъ онъ открывалъ идеалы рус-

Тертій Ивановичь Филипповъ.

скаго народа и привлекалъ къ нимъ симиатіи всего кружка «Молодого Москвитянина». Пъсенное богатство плъняло слушателей народностью и религіозностью допетровской Руси, заставляя думать, что эти основы должны лечь въ основу государственности и заложить «борьбу съ Западомь» противъ его научнаго раціонализма и демократизма учрежденій. Пъсня, по свидътельству Погодина, была главною силою, постепенно слагавшею, вырабатывавшею и выяснявшею основное міровоззръніе кружка. Открывая и бытовыя особенности, и историческій складъ, и въковъчные идеалы русскаго народа, та же пъсня побудила членовъ кружка основательнъе вглядъться въ значеніе Петровской реформы. Для западниковъ до

Петра не существовало исторической Руси, но не о томъ свидътельствовала народная пъсня. Допетровская Русь, еще живущая въ этой пъснъ, требовала критическаго отношенія къ противоположному ей строю, созданному всъмъ петербургскимъ періодомъ русской исторіи, оторвавшимъ отъ народа правящіе и вообще образованные классы.

Извъстно, свидътельствуетъ тотъ же Погодинъ, что въ первое время знакомства съ Филипповымъ Островскій считался крайнимъ западникомъ. Въ разговорахъ онъ постоянно ссылался на авторитетъ «Отечественныхъ Записокъ» и даже цитировалъ статъи Галахова. Это такъ сердило Филиппова, что у него часто вырывались слова: «можно ли съ такимъ черепомъ ссылаться на Галахова? Въдь это ужъ слишкомъ обидно».

Увлекаясь ученіями Запада, Островскій завѣрялъ, что ему противень видъ самаго Кремля съ соборами. Онъ изумилъ однажды Филиппова, сказавъ: «Для чего здѣсь настроены эти пагоды?» Увлеченіе отрицательнымъ отношеніемъ къ русскому народу простиралось до того, что однажды на вечерѣ у М. С. Щепкина одинъ изъ западниковъ проповѣдывалъ, что народная Русь состоить исключительно только изъ отрицательныхъ типовъ Островскаго; что людей иного закала въ ней нѣтъ и не можетъ быть: все мошенники. «Ну, прощайте же, мошенники»,—сказалъ, прощаясь послѣ долгихъ споровъ, актеръ Провъ Михайловичъ Садовскій.

Со времени знакомства къ Филипповымъ, это острое отношеніе къ народной жизни мало-помалу смягчалось, чему способствовали и особенный взглядъ Филиппова на народную жизнь, и прежде всего жившая въ устахъ Филиппова народная пъсня, въ которой русскій народный характеръ и особенности души русской раскрывались въ привлекательномъ, чарующемъ видъ.

Бывали минуты, когда Островскій, увлеченный старинными народными пъснями Филиппова, восклицаль:

— Съ Тертіемъ да Провомъ (Садовскимъ) мы все Петрово дъло повернемъ назадъ!

Такимъ образомъ въ «Молодомъ Москвитянинѣ» тріумвирать славянофильства состояль изъ выдающагося пѣвца патріотическистаринныхъ пѣсенъ, выдающагося писателя и замѣчательнаго актера. Филипповъ имѣлъ вліяніе не только на Островскаго, но и Апполонъ Григорьевъ былъ введенъ имъ въ редакцію «Молодого Москвитянина», по свидѣтельству Погодина, при слѣдующихъ обстоятельствахъ: «Однажды, у Островскаго былъ громадный литературный вечеръ, на которомъ присутствовали представители всѣхъ литературныхъ направленій того времени. Когда большая часть гостей разошлась, и остались только близкіе Островскому люди, Филиппова просили спѣть. Послѣ одушевленно пропѣтой имъ

пъсни, котороя на всъхъ произвела впечатлъніе, Григорьевъ упалъ на колъни и просилъ кружокъ усвоить его себъ, такъ какъ въ его направленіи онъ видить правду, которой искалъ въ другихъ мъстахъ и не находилъ, а потому былъ бы счастливъ, если бы ему позволили здъсь бросить якорь».

Любовь Филиппова къ народной пъснъ воодушевила и А. Ө. Писемскаго, который въ романъ: «Взбаломученное море», описалъ, какъ «Тертіевъ» въ трактиръ «Британія» пълъ «Ваньку Ключника», и какъ всъ присутствующіе, отъ студентовъ до половыхъ, превращались въ олицетворенное блаженство при первыхъ напъвахъ русскаго народничества. Т. И. Филипповъ принималъ дъятельное участіе въ императорскомъ географическомъ обществъ по собиранію русскихъ пъсенныхъ напъвовъ, и по его почину возникла въ 1884 г. особая пъсенная комиссія, предсъдателемъ которой Т. И. былъ до конца своей жизни. По его ходатайству были дарованы пъсенной комиссіи средства для снаряженія экспедицій съ цълью собиранія русскихъ пъсенъ съ напъвами. Съ этой же цълью Т. И. пріютилъ у себя въ Петербургъ извъстную «сказительницу» Олонецкой губерніи, поощрялъ балалаечниковъ и русскіе хоры, надъясь этими хорами въ войскахъ сохранить старину отъ вымиранія.

II.

Убъжденіе Т. И. Филиппова въ необходимости создать намъ самобытную клерикально-славянскую исторію высказывалось имъ во множествъ его журнальныхъ статей: «О народныхъ училищахъ», «О преподаваніи церковно-славянскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ», «О началахъ русскаго воспитанія» и во всевозможныхъ привътствіяхъ митрополитамъ, четверопрестольнымъ восточнымъ патріархамъ и т. д. Въ общественномъ мнѣніи сложился на Т. И. Филиппова совершенно опредъленный взглядъ, тъмъ болъе, что въ обществъ постоянно циркулировали слухи о его въчной кандидатуръ то въ министры народнаго просвъщенія, то духовнаго въломства.

Его мысли о народной школѣ вращаются около Кирилла и Мееодія. Для религіознаго воспитанія дѣтей, по его миѣнію, необходимо въ школахъ преподаваніе церковно-славянскаго языка, и онъ усматривалъ въ грамматикѣ Остромирова Евангелія «орудіе, какъ для яснаго разумѣнія того, что проповѣдуетъ церковь, такъ и для наукообразнаго изученія языка русскаго».

Въ ръчи «О началахъ русскаго воспитанія» Филипповъ рекомендуетъ для школъ, преимущественно передъ другими предметами, изученіе отечественнаго языка, отечественной словесности и отечественной исторіи съ такимъ условіемъ, чтобы изученіе отече-

ственнаго языка начинать съ церковно-славянскаго, въ видахъ религіознаго воспитанія и противольйствія атеизму, чтобы «знакомство съ нимъ открывало воспитанниику весь смыслъ писанія и богослуженія», и, будучи «представителемъ явыковъ и нарѣчій всего славянскаго племени», онъ помогалъ бы изучить всв славянскіе языки и способствоваль бы единенію славянскаго міра. Послів церковно-славянскаго языка, необходимо изученіе древне-русскаго языка (проповёдь Иларіона, лётопись Нестора, слово о полку Игоревъ, вирши Симеона Полоцкаго и т. д.), какъ «залогь патріотическихъ уб'єжденій»; отечественная словесность въ живыхъ примърахъ не должна походить на хаотическую груду выщипанныхъ общихъ мыслей, а знакомить съ духовной жизнью русскаго народа, и, наконецъ, отечественная исторія въ ея древнемъ періодъ покажеть рость и величіе коренныхъ началъ русской жизни. Основы ея проявятся и въ церковныхъ витіяхъ первыхъ трехъ в'вковъ христіанства (Иларіонъ, Кириллъ и Серапіонъ), и въ Несторь, игумень Даніиль, Мономахьи св. отцахъ— Іосифъ Волоцкомъ, Геннадіи, Максимъ Грекъ, Димитріи Ростовскомъ и въ иныхъ, «которые сохранили святую православную церковь нашу отъ всёхъ опасностей, грозившихъ ей со стороны стригольниковъ, раскольниковъ и другихъ враговъ ея».

Этоть идеаль народнаго образованія, съ церковно-славянскимъ языкомъ и патріотизмомъ допетровскихъ книгъ, внесъ бы сильную ломку въ нашу начальную и среднюю школу. Надо еще сказать, что Т. И. Филипповъ не чуждался живого изученія латинскаго и греческаго языковъ. Онъ самъдовольно свободно говорилъ погречески и легко читалъ книги на обоихъ языкахъ. Живой классицизмъ для чтенія книгъ и пониманія ихъ также вивщался въ его идеалъ о средней школъ. Зная хорошо, что, когда Гивдичъ, переводчикъ Иліады, упрекнулъ Крылова незнаніемъ греческаго языка, то последній выучиль его въ полгода, а наши женщины-медички, при поступленіи на курсы, изучають латинскій языкъ въ полтора года, Т. И. находиль современное преподаваніе въ гимназінхъ латинскаго и греческаго языка слишкомъ продолжительнымъ, направленнымъ къ инымъ цёлямъ, для задержанія преждевременнаго развитія юношества, а не къ тому, чтобы свободно читать классическія произведенія.

По этому поводу Н. П. Аксаковъ, писатель, состоявшій въ послёдніе годы при Т. И. Филипповъ чиновникомъ особыхъ порученій, говорилъ мнт, что, когда онъ однажды отозвался о покойномъ попечителъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, Новиковъ, какъ о малообразованномъ человъкъ, то Т. И. Филипповъ остановилъ его своимъ замъчаніемъ:

— Нельзя сказать, чтобы онъ былъ очень необразованнымъ. Онъ прекрасно зналъ латинскій языкъ.. Понятно, это было до классицизма!

Разсказывая кому либо о томъ, какъ нѣкоторые его товарищи выучились читать классиковъ въ сравнительно короткій срокъ, Тертій Ивановичъ всегда пояснялъ это тѣмъ, что «это было до классицизма», и что въ современныхъ гимназіяхъ они зубрили бы много лѣтъ грамматику, отлично знали бы всякія правила и исключенія, конструкцію всякихъ оборотовъ языка, а читать и понимать книги все-таки не умѣли бы. Во взглядахъ Филиппова на образованіе современнаго общества церковно-славянскимъ языкомъ, лѣтописями и чтеніемъ классиковъ было чрезвычайно много чисто книжныхъ и теоретическихъ надеждъ на улучшеніе нашихъ нравовъ и умѣнье жить похристіански.

Я отлично помню, какъ покойный писатель Николай Семеновичъ Лъсковъ по этому поводу неоднократно говорилъ въ кругу близкихъ къ нему людей.

— Лучше едва ли будеть при Тертіи Ивановичь, если его поставять во главь министерства просвыщенія, но кутерьмы онъ надълаеть большой... Если теперь его не удовлетворнеть вліяніе духовенства на народныя массы, то онъ добьется патріаршества и соборной силы церквей... Но только съ нимъ не помирятся ни митрополиты, ни свободные мыслители. Ему и школа нужна, гдъ отживающія начала были бы дъйствующими. За одно можно поручиться, что современное положеніе его не удовлетворило бы, и онъ приступилъ бы непремънно къ преобразованію школы. Воть нельзя поручиться, чтобы эти преобразованія были полезны и не завели бы насъ въ невылазныя дебри.

III.

О религіозной терпимости Т. И. Филиппова болѣе судять по его заступничеству за старообрядцевъ и призыву къ уравненію въ правахъ «единовърческой» церкви и православной «съ единствомъ въ догматическомъ исповъданіи, допуская при этомъ широкую свободу въ содержаніи обрядовъ» (см. «Современные церковные вопросы» и «Три замъчательные старообрядца»). По его мнънію, единовърцы, молящіеся двуперстно, сугубящіе аллилуію, ходящіе посолонь, предпочитающіе восьмиконечный крестъ четырехконечному, различаются отъ православныхъ «щепотниковъ» только немногими обрядами. Мы не имъемъ прямыхъ указаній на его философскохристіанское отношеніе къ религіозной совъсти людей, если бы дъло касалось не одной свободы обряда. Свою защиту старообрядцевъ онъ совершенно ясно мотивируетъ слъдующими словами:

«Уже нѣтъ ли въ свойствѣ самыхъ обрядовъ, содержимыхъ единовърцами, чего нибудь такого, что препятствовало бы принять ихъ въ полное и безусловное общеніе съ церковью? Съ увърен-

ностію можно отвѣчать, что нѣтъ. Не говоря уже о томъ, что нашимъ предкамъ они не мѣшали быть нѣкогда вполнѣ православными, и въ настоящее время наши епископы, служа въ единовѣрческихъ храмахъ, съ свободной и спокойной совѣстію изображаютъ на себѣ знаменіе креста двуперстнымъ сложеніемъ, служатъ по старопечатнымъ книгамъ и т. д. Мало того, очень часто въ единовѣрческіе приходы опредѣляются священники изъ приходовъ православныхъ, при чемъ они обрекаются уже на постоянное употребленіе дониконовскаго обряда; а этого, конечно, не могло бы быть, если бы въ особенностяхъ этого обряда была какая нибудь существенная погрѣшность, не дозволяющая допустить содержащихъ оныя лицъ до полнаго равенства съ послѣдователями общеправославнаго обряда».

Такимъ образомъ, примирительныя стремленія Филиппова къ раскольникамъ касаются исключительно обрядовой стороны. Въ вопросахъ же догматическаго характера онъ призываетъ на борьбу съ иновърами соборную силу церквей, прямо указывая на примъръ западно-европейскаго духовенства и укоряя насъ тъмъ, что мы «изобръли на этотъ случай свою теорію, которая учитъ, что пропаганда вовсе не свойственна духу православной церкви и въ кругъ нашихъ обязанностей вовсе и не входитъ; что съ насъ достаточно хранить, что имъемъ, и не искать чужого; что тревожная дъятельность латинской церкви объясняется свойственною всякому заблужденію и пороку склонностію умножать число своихъ послъдователей.

«Уклоняя такимъ образомъ «сердце свое въ словеса лукавствія», чтобы въ нихъ обръсти мнимое оправдание нашей льни, нашему равнодушію и нашей неумблости, мы не замбчаемъ того, какъ мы оскорбляемъ честь и достоинство православнаго знамени». Еще болъе властнымъ духомъ и мірскою силою дышить его письмо къ г. Успенскому, директору русскаго археологическаго института въ Константинополъ: «Несмотря на то, что церковь есть основаніе и вінецъ нашего государственнаго и народнаго бытія, въ нашихъ высшихъ и среднихъ школахъ, въ нашей печати, въ образованныхъ слояхъ нашего общества, понятія о ней такъ сбивчивы, шатки и произвольны, что при возбужденіи какого либо важнаго церковнаго вопроса постоянно является опасность ръшенія гибельнаго и непоправимаго. Самымъ горькимъ плодомъ запутанности нашихъ понятій въ области церковной жизни было отпаденіе отъ церкви недавно еще единовърнаго намъ болгарскаго народа, которое могло бы быть предотвращено, если бы, вмёсто того, чтобы поощрять болгарскій мятежъ противъ законной власти константинопольскаго патріарха, мы стали на стражів божественныхъ правиль, установленныхъ всею христіанскою вселенною и ограждающихъ сію священную власть отъ всякаго насилія, откуда бы оно ни исходило: «и отъ князя, и отъ народа множества». Искры

гибельнаго для церкви пожара, объявшаго Балканы, перебросились и въ другія дальнія области православнаго востока, который въ недоумѣніи и ужасѣ ждетъ новыхъ бѣдъ и нашего отъ нихъ заступленія».

Нужно ли говорить, что его пропаганда о союзѣ національныхъ церквей въ общій патріархать, одухотворенный политическими цѣлями и напоминающій «князю и народу множества» свою вселенскую власть, привела бы вселенскую теократію не только къ «заступленію» за свои прерогативы и наступленію противъ всякаго отъ нихъ «отпаденія», но также и къ стремленію сдѣлаться «вѣнцомъ нашего государственнаго бытія» и «въ высшихъ школахъ», и «въ печати», и въ «образованныхъ слояхъ нашего общества».

А между тъмъ, всюду государства уже пережили церковное руководительство, и просвъщение народовъ зависить болже отъ научнаго и политическаго прогресса.

Не признавая такимъ образомъ за Т. И. Филипповымъ— на службѣ энергіи, а въ литературѣ сочувствія къ современнымъ идеямъ о народномъ образованіи и управленіи, мы не можемъ отказать ему въ томъ, что онъ искалъ правды то въ національно-патріотической школѣ, то въ соборной силѣ вселенскихъ іерарховъ, то въ славянскомъ Константинополѣ, то въ филантропическихъ обществахъ, то въ старинныхъ пѣсняхъ.....

Поэтическое и тревожное настроеніе Филиппова находило всего болѣе удовлетворенія, конечно, въ литературѣ, несмотря на то, что здѣсь «человѣка берегутъ, какъ на турецкой перестрѣлкѣ». Эту его любовь къ литературѣ слѣдуетъ помянуть добрымъ словомъ. Его уваженіе къ заслугамъ писателя передъ государствомъ простиралось до того, что въ послѣдніе годы своей жизни онъ готовилъ докладъ на высочайшее имя о дарованіи дѣтямъ писателей средствъ къ образованію и положенію въ обществѣ.

— Память къ имени писателей обязываеть же насъ къ чему нибудь или нътъ? — горячо спрашивалъ онъ близкихъ къ нему друзей.

Онъ до такой степени могь увлекаться заслугами человъка въ искусствахъ, что неоднократно говорилъ:

— Если бы Глинка пришелъ проситься ко мив въ контроль, я бы принялъ его... То, что онъ прикажеть, то я бы и двлалъ. Въдь эти люди родятся въками, и мы должны сами служить имъ, а не они у насъ.

Вотъ какъ смотрълъ Т. И. на крупные таланты и видълъ въ нихъ милость Божію къ людямъ. Дъйствительно, много ли людей возвышаются надъ низменностью своей природы красотой, удивительнымъ умъньемъ сочетать музыкальные звуки инструментомъ или голосомъ, а внъшнія краски на полотнъ, и еще болъе написать образы, среди которыхъ мы живемъ, произнести надъ ними литературный судъ и плёнить насъ внутреннимъ своимъ свётомъ разума и вёры? Эти люди рёдкими своими дарами служатъ человёчеству гораздо болёе, чёмъ самые выдающіеся чиновники. «Иліада» была благовёстіемъ для читателя древняго міра, «Божественная комедія» для средневёковаго, «Библія» — для реформаціоннаго періода. Для насъ Шекспиръ, Гете, Байронъ, Пушкинъ, Л. Толстой воспитали «образъ духа» и «божій ликъ», съ которыми мы не можемъ разстаться, не утративъ своего благородства. Это ли не заслуга литературы передъ человёчествомъ? «Міръ», — говорить одинъ изъ писателей, — «сотворенъ словомъ, и этому же слову принадлежитъ устроеніе міра во всё вёка». Т. И. Филипповъ чувствовалъ это значеніе литературы, и у меня сохранилось живое доказательство его къ ней уваженія.

IV.

Тергій Ивановичь Филипповъ быль одно время въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Николаемъ Семеновичемъ Лѣсковымъ. Неудивительно, что последній, до вліянія на него Л. Н. Толстого, многими своими мыслями о церкви и государствъ былъмилъ и Т. И. Филиппову, и И. Д. Делянову и др. Еще въ 1863 году, по поручению министра народнаго просвъщенія А. В. Головнина, Н. С. Лъсковъ быль командировань въ городъ Ригу для изследованія местнаго раскола. Его записки «О раскольникахъ города Риги, преимущественно въ отношеніи къ школамъ» представляють собою ценный трудь, хотя уже въ немъ авторъ высказываеть гораздо болће терпимости къ чужой совъсти, чъмъ Т. И. Филипповъ въ проектируемыхъ послъднимъ клерикальнаго характера народныхъ школахъ. Предлагая для раскольниковъ города Риги школы для первоначальнаго обученія, не смѣшанныя съ православными, какъ лучшее средство для желаемаго сліянія раскола съ православіемъ. Лісковъ для торжества самаго дёла пишеть, что не слёдуеть «обученіе священной исторіи по избранному руководству возлагать ни на какое духовное лицо, а пусть ему учить тоть же учитель. Мудрость очень не большая, и въ новую ересь никто не впадеть отъ чтенія библейскихъ и евангельскихъ исторій. По крайней мірт, въ школі этого не случится, а за школой можеть быть все, и отъ этого не упасешься». Для раскольничьих в детей, поступающих въ среднія и высшія учебныя заведенія, онъ требоваль таковаго же «независимаго положенія отъ православнаго законоучителя, въ какомъ находятся д'ти лютеранъ, католиковъ, кальвинистовъ и вообще христіанъ неправославнаго исповеданія, обучающіяся въ русскихъ гимназіяхъ, лицеяхъ и университетахъ». Самъ Лъсковъ чрезвычайно былъ начитанъ по церковнымъ вопросамъ, и, конечно, это сближало его съ Т. И. Филипповымъ. Лѣсковъ даже напечаталъ въ 1879 году въ типографіи императорской академіи наукъ такъ называемую «Указку къ книгѣ Новаго Завѣта», въ которой суммированы параграфы разныхъ главъ изъ евангелистовъ на особыя темы подъ заглавіями: «Покаяніе», «Милосердіе къ ближнимъ», «Прощеніе обидъ», «Осужденіе», «Лицемѣріе», «Зерно горчичное», «Таланты» и т. д.

Въ концъ того же 1879 года, Н. С. Лъсковъ дълалъ въ ученомъ комитетъ министерства народнаго просвъщенія (см. журналь отъ 4 октября 1879 г., за № 387) докладъ: «О преподаваніи Закона Божія въ народныхъ школахъ», гдъ, возбудивъ вопросы о томъ. начинать ли преподаваніе Закона Божія съ катехизиса, съ модитвъ или съ священной исторіи, онъ стоить за допущеніе свётскихъ учителей къ преподаванію Закона Божія, особенно послѣ того, какъ, выслушавъ докладъ Лъскова, особый отдълъ ученаго комитета пришелъ къ заключенію, что «въ приходахъ съ густымъ православнымъ населеніемъ число священниковъ больше числа училищъ; при всемъ томъ въ нъкоторыхъ училищахъ не оказывается законоучителейсвященниковъ, и необходимо употребить особыя побудительныя мёры къ тому, чтобы священники не уклонялись отъ преподаванія Закона Божія»... Словомъ, Н. С. Л'ёсковъ въ первые годы своего внакомства съ Филипповымъ долгое время работалъ въ одной и той же церковной сферь, хотя съ несомными признаками разногласія, а своими «Соборянами» и «Запечатленнымъ ангеломъ» совершенно покорилъ Филиппова.

Николай Семеновичъ неоднократно показывалъ мнѣ визитныя карточки къ нему Филиппова, Делянова и другихъ лицъ, всякій разъ прибавляя:

— А теперь они мною пренебрегають... Видно, и я чёмъ нибудь былъ недоволенъ ими, если мы разошлись. Я долгое время работалъ въ ученомъ комитете министерства народнаго просвещенія, пока Тергій Ивановичъ Филипповъ и Деляновъ, одни изъ первыхъ, не признали мою литературную деятельность крайне нежелательной и настояли на моемъ увольненіи съ государственной службы.

Враждебныя чувства между Лѣсковымъ и бывшими его единомышленниками продолжались долго, и я неоднократно слышалъ отъ сына Лѣскова, Андрея Николаевича, что его отепъ особенно бывалъ въ семъѣ вспыльчивъ и рѣзокъ въ тѣ дни, когда встрѣчалъ на улицѣ или въ книжномъ магазинѣ Тертія Ивановича Филиппова.

Я зналъ это нерасположеніе Лѣскова къ лицамъ, съ которыми въ прошломъ онъ дѣлилъ хлѣбъ-соль... Вотъ почему я былъ крайне удивленъ, когда за нѣсколько дней до своей смерти, 21 февраля 1895 года, Николай Семеновичъ встрѣтилъ меня на порогѣ своей квартиры восклицаніемъ:

«истор. въсти.», февраль, 1900 г., т. LXXIX.

— Знаете, кто быль у меня сейчасъ... передъ вами?.. Тертій Ивановичъ Филипповъ!

Пока я разд'ввался въ передней, Л'всковъ возбужденно продолжалъ:

- На порогъ этой комнаты онъ стоялъ и говорилъ: вы меня примете, Николай Семеновичъ?
 - Ну, и вы видълись?
- И мы видълись... Я сказалъ ему: «прошу, войдите въ комнату», и тотчасъ же самъ сталъ по срединъ кабинета, не дълая шага къ нему на встръчу.

Лъсковъ изобразилъ предо мною позу, въ которой онъ стоялъ у себя въ кабинетъ и ждалъ Т. И. Филиппова, пока прислуга помогала послъднему раздъваться въ передней.

- Я,—продолжать онъ:—не зналъ, чъмъ объяснить этоть визить и какъ мнъ себя держать, и что говорить съ государственнымъ контролеромъ. Онъ вошелъ въ кабинетъ и, приблизившись ко мнъ, сказалъ: «я пришелъ къ вамъ, Николай Семеновичъ, мириться... Я прочиталъ вновь ваши произведенія, и меня вдругъ потянуло къ вамъ. Сегодня прощеный день, и если я чъмъ виновенъ передъ вами, то простите меня. Если уже мириться, то мириться по-настоящему»... Онъ вдругъ опустился на колъни вотъ здъсь, посреди этого самаго кабинета...
 - Неужели?
- Да, представьте мое положеніе?! Я, впрочемъ, —продолжалъ Лъсковъ, —быстро сдълалъ то же самое... Мы обнялись, поцъловали другь друга и заплакали. Я уже не помню, какъ мы съли за письменный столъ. Но я былъ счастливъ, когда онъ говорилъ мнъ: «Я вновь перечитывалъ васъ и когда читалъ, мнъ вспоминалось все, что вы вытерпъли, и я почувствовалъ потребность вновь васъ видъть». Я благодарилъ и искалъ предмета для разговора. Противъ насъ на столъ у меня стояли портреты: Гладстона, Л. Толстого, Дарвина, и снимки съ картинъ Н. Н. Ге. Въдь ему всъ они противны! И вдругъ я почувствовалъ, что хоть опять становись на колъни; что вотъ сейчасъ намъ не о чемъ будетъ говорить. За послъдніе годы мы ушли въ разныя стороны такъ далеко, что не умъемъ вернуться даже ко дню смерти. Я вспомнилъ, что онъ интересовался когда-то соборнымъ дъломъ въ церковныхъ вопросахъ, и мы разговорились. Наконецъ добрались и до литературы.
- Слыхалъ, произнесъ я: вы не чуждаетесь писателей и принимаете ихъ на службу. Отвътъ государственнаго контролера дышалъ благородствомъ, когда онъ сказалъ приблизительно слъдующее: «Писателю, дорожащему своимъ достоинствомъ, трудно жить литературой, когда самой литературы-то нътъ, и все литературное идетъ на убыль... Языкъ не повернется противъ нихъ, если кто нибудъ запасется мъстечкомъ въ сто-двъсти рублей и не съ пустымъ же-

лудкомъ понесеть рукопись къ нашимъ редакторамъ. Въдь даже Шевченко сочинялъ стихи, а жилъ часто перепискою нотъ...».

Туть я воодушевился и воскликнулъ:

— Но общество-то наше какое! Оно не сознаеть значенія для себя литературы и не дорожить писателемь въ учрежденіяхъ. Есть какой-то департаменть у Синяго моста, гдё, говорять, ютятся немногіе изъ насъ; но и это кому-то мізшаеть, и въ нізкоторыхъ газетахъ уже прокричали, что это славянофильскій департаменть, а не чиновничій. Экое горе для газеть!—подумаешь. Въ департаментъ сидять литераторы! Три... четыре... да и обчелся! Но и на этомъ спасибо... Все-таки вкусъ въ комъ-то тамъ есть, на верху: имъть дъло не съ одними приказными, а и съ писателями. А ущербъ казнъ произойти едва ли можетъ... Вознагради прилично писателя на службъ, и онъ займется ею старательно, и съ толкомъ, не опасаясь, что ему придется десятки лёть ждать прибавки жалованья и т. д. Сомнъваться въ его способностяхъ не представляется нужды. А то, въдь, тоже наши меценаты опредълять писателя на службу съ окладомъ, котораго едва хватаетъ на овсянку, да и забудуть, что курьеръ зарабогаеть больше разносомъ пакетовъ. При этомъ условіи еще удивляются, отчего это писатели плохіе работники на службъ! Я, въдь, самъ служилъ и знаю этотъ взглядъ о писателяхъ на государственной службъ. Хорошо еще, что гдъ-то ихъ терпять... Точно дъятельность въ литературъ ничего не стоитъ для государственныхъ интересовъ; точно какой нибудь секретарь и дълопроизводитель-болъе полезный членъ государства! Я радуюсь, Тертій Ивановичъ, что вы дорожите литературными людьми въ вашихъ бюрократическихъ берлогахъ. Пора въ такой мало культурной странъ, какъ Россія, цънить писателя выше чиновника и принимать его на службу, не жалъя денегь и не сомнъваясь въ томъ, что государство выиграеть и въ частности, и въ общемъ, если литературные люди войдуть въ его учрежденія и салоны. Не страшиться надо литераторовъ, а манить къ себъ. При всъхъ ихъ недостаткахъ, литературная среда все-таки умная среда и уже, конечно, честивищая изъ всвхъ остальныхъ.

Хотя въ послѣдніе годы своей жизни Николай Семеновичъ и осуждалъ пребываніе литераторовъ на государственной службѣ, говоря, что двумъ богамъ нельзя служить, что «музы ревнивы», и что «совмѣстительство» всегда вредно для мысли; но онъ на этотъ разъ видимо былъ доволенъ Тертіемъ Ивановичемъ Филипповымъ за терпимость къ литераторамъ и всячески старался похвалить его за это.

Отъ нервнаго возбужденія Дъсковъ долженъ быль нъсколько минуть отдохнуть и потомъ опять продолжаль разговорь.

— Говорю я такъ съ нимъ о литературъ и чувствую, что скоро уже и не о чемъ будеть говорить... Не много намъ жить остается,

а говорить не о чемъ... Грустно! Оживлялся я, когда вспоминалъ, что въдь другіе и этого не сдълають: не придуть мириться ко мнъ. Враговъ у меня всюду много, а вотъ только одинъ понялъ меня и пришелъ утвшить. Много ли даже въ литературв-то найдется лицъ, перечитывающихъ меня въ настоящее время, чтобы судить болве правильно обо мнъ и прібти ко мнъ съ миромъ? Много ли? А, въдь, меня мъшкомъ по головъ не били, и не хуже я этихъ другихъ въ русской литературь. Въдь черезъ пять-шесть десятковъ лъть люди будуть только читать наши книги, а не партійные счета. Желаль бы я знать, много ли такихъ книгъ у моихъ враговъ уцълъеть для потомства... Очень желаль бы! Въдь это все одна письменность!.. Нужно же правду говорить, и о себъ я скажу, что за послъднее время настоящую литературу дёлали Толстой, Тургеневъ и я... Многіе писатели дали намъ широкія полотна русской жизни съ большими фигурами, но они не умъли открывать обществу новые горизонты, новыя направленія и вести его за собою къ определенному идеалу. У насъ онъ былъ. Не люблю я говорить о себъ, а если придется къ слову, то и меня въ родины мамка на полъ головой не роняла.

Л'єсковъ посп'єшилъ вернуться къ прерванной тем'є, такъ какъ д'єйствительно о себ'є лично онъ всегда говорилъ только въ связи съ общимъ интересомъ.

- Вотъ такъ мы съ Тертіемъ Ивановичемъ многого касались понемногу... Онъ даже выравилъ надежду видъть меня у себя.
- Я никуда не хожу отвъчаль я... Подыматься тяжело по лъстницъ.
 - О, я не высоко живу. Нъсколько ступеней.
 - Да, нътъ... Вообще вы живете для меня высоко!

Мой гость засмѣялся и не обидѣлся на мою откровенность. Я очень взволнованъ его визитомъ и радъ. По крайней мѣрѣ, кланяться будемъ на томъ свѣтѣ.

Лъсковъ серіозно говорилъ о томъ свътъ и нъсколько разъ спрашивалъ меня:

- Въдь, это хорошо, что мы помирились? Вы какъ думаете?..
- Конечно, хорошо.
- То-то! Я тоже думаю, что хорошо. Пусть молодые люди учатся у стариковъ прощать обиды другь другу и привътствовать въ себъ радость и миръ.
- А только не думаете вы, продолжалъ Лъсковъ:—что это могло быть у него въ прощеные дни масляницы простымъ византизмомъ?
 - Будемъ лучше думать по-хорошему...
- Върно! Лучше буду върить, что онъ оцънить меня самого, и мои произведенія потянули его ко миъ... Жить намъ не много остается, и ему также захотълось приготовиться къ тому, какъ

намъ встрътиться въ иной жизни. Въдь сколько тамъ встръчъ ожидаетъ насъ, и какія интересныя встръчи!

Къ этимъ словамъ Н. С. Лъскова слъдуетъ добавить то, что, спусти нъсколько дней, 21 февр. 1895 г., Лъсковъ дъйствительно скончался, и, разумъется, его примиреніе съ Т. И. Филипповымъ было одною изъ послъднихъ радостей его земной жизни.

Кто вдумается въ характеръ этой «радости», тому будетъ дорогъ Т. И. Филипповъ, способный бывало не только покорять Островскаго и Григорьева пъсней, но и самого Лъскова христіанскимъ подъемомъ души... Въ бюрократическихъ сферахъ, гдъ чъмъ выше человъкъ, тъмъ онъ болъе дълается сухаремъ, Т. И. Филипповъ поражаетъ захватами своей, хотя бы съ отживающими началами, мысли о національной школъ, о соборной церкви, о славянской взаимности, о народномъ творчествъ, и яркимъ блескомъ христіанской души въ исключительныхъ случаяхъ. Чтобы оцънить врага, чтобы перечитать его и, вспомнивъ его страданія за идеи, прійти къ нему, какъ бы это ни было поздно, съ признаніемъ его заслугъ,—нужно самому имъть благородное сердце. Оно-то и выдъляетъ Т. И., въ нашей бюрократіи, какъ бы ни были ошибочны его литературныя мнънія о вопросахъ міра сего, и какъ бы ни былъ часто онъ виновенъ передъ своими ближними...

А. Фаресовъ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГРИГОРОВИЧЪ').

КОНЧАВШІЙСЯ 22 декабря прошлаго года Д. В. Григоровичъ несомнѣнно занимаетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ числѣ писателей, выступившихъ на литературное поприще въ достопамятную эпоху сороковыхъ годовъ: онъ стоитъ въ первыхъ рядахъ тѣхъ борцовъ, которые ополчились противъ коренного зла русской жизни дореформенной поры и дали себѣ Аннибаловскую клятву итти на того могучаго врага, какимъ представлялось крѣпостное право. По времени Григоровичъ даже первый застрѣльщикъ въ этомъ бою, а вмѣстъ

съ этимъ ему никакъ нельзя отказать въ далеко незаурядномъ художественномъ талантъ, такъ что значеніе его врядъ ли можетъ быть исчерпано исключительно историческимъ интересомъ той борьбы, въ которой ему привелось принимать участіе: нъкоторыя его произведенія пережили эту борьбу, да, въроятно, и впослъдствіи не утратятъ вполнъ своего значенія. Обстоятельная оцънка сочиненій Григоровича, конечно, еще дъло будущаго, и я не претендую дать ее въ своей небольшой статьъ, задача которой заключается лишь въ томъ, чтобы напомнить читателямъ нъкоторые факты изъ біографіи почившаго писателя, существенно-важные для его духовнаго развитія, и намѣтить въ общихъ чертахъ, какое значеніе можеть имѣть его продолжительная литературная дъятельность.

¹⁾ Сообщеніе, читанное въ засѣданіи Русскаго Библіологическаго общества, 29 января 1900 года.

Родился Григоровичъ въ Симбирскъ 19 марта 1822 года. По происхожденію онъ быль на половину малороссь, на половину французъ. Его отецъ, Василій Ильичъ, умеръ, когда нашему писателю было всего пять лёть, такъ что мы имбемъ о немъ свёдёнія только въ «Воспоминаніяхъ» гр. В. А. Сологуба; Григоровичъотецъ, отставной кавалеристъ, помъщикъ, управлялъ имъніемъ гр. Сологубовъ и отличался чрезвычайной энергіей и практичностью, такими чертами характера, которыя по наслёдственности перешли и къ нашему писателю. Мать Григоровича была француженка, дочь роялиста, погибшаго во время революціи (по однимъ св'яд'вніямъ, ея фамилія была де-Вармонъ, а по другимъ-Ледантю), и, судя по темъ даннымъ, которыя сообщаетъ Григоровичъ въ своихъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ», личность довольно безцвётная, совсёмъ стушевывавшаяся передъ бабушкой нашего писателя, которая наобороть отличалась властнымъ, немного деспотическимъ характеромъ, была очень умная и начитанная старуха, вольтеріанка въ душт, по своему нравственному облику нъчто подходящее къ тому типу, который очерченъ гр. Л. Н. Толстымъ въ лицъ князя Болконскаго отца. «Матушка, разсказываеть Григоровичъ, неустанно суетилась по хозяйству, но главнымъ образомъ занималась леченіемъ больныхъ. Известность ея, какъ искусной лекарки, не ограничивалась нашей деревней, --больные приходили и прівзжали чуть не со всіхть концовъ убзда». Выть можеть, некоторыя черты своей матери Григоровичь придаль той старушкь-помъщиць, занимающейся льченіемь, которую онъ выводить въ разсказъ «Бобыль». Во всякомъ случаъ всв эти хозяйственныя и медицинскія занятія поглощали много времени у матери Григоровича, и его воспитаниемъ завъдовала главнымъ образомъ бабушка.

Ияти лъть ребенка засадили за французскую азбуку: книжка была иллюстрирована раскрашенными картинками, на которыя мальчикъ набросился съ такою жадностью, что по цёлымъ днямъ не разставался со своимъ букваремъ и украдкой уносилъ ее къ себъ въ постель. Въ этомъ присграстіи къ картинкамъ мы можемъ видъть пробуждение тёхъ художественныхъ склонностей, которымъ привелось впоследствии сыграть весьма важную роль въ судьбе нашего писателя. Параллельно съ чтеніемъ шло обученіе чистописанію, производившееся бабушкой съ крайнимъ педантизмомъ; отъ азбуки и чистописанія перешли разомъ къ спряженію глаголовъ «être» и «avoir», надъ которымъ было пролито много слезъ. Конечно, весьма важнымъ недостаткомъ этого воспитанія было полное отсутствіе преподаванія русскаго языка, которому об'в француженки не могли научить ребенка. Педантизмъ, проникавшій весь складъ домашней жизни, не всегда разумныя (а, можеть быть, и прямо неразумныя) педагогическія требованія бабушки, которая, какъ и князь Болконскій отець, считала главнымъ достоинствомъ человіка діятель-

ность, привели къ тому, что въ воспоминаніяхъ Григоровича о его дътствъ единственным симпатичным липом является камерлинеръ его отца, Николай, играющій въ жизни Григоровича такую же роль, какъ въ біографіи Пушкина знаменитая Арина Родіоновна, или въ дътствъ Тургенева тотъ дворовый, котораго онъ намъ представиль въ повъсти «Пунинъ и Бабуринъ». Между Николаемъ и маленькимъ бариномъ установились самыя нъжныя, дружескія отношенія. «Онъ любиль меня, -- передаеть Григоровичь, -- какъ будто я десять разъбыль его роднымь сыномь, какъ будто отець мой, передъ памятью котораго онъ благоговёль, завёщаль ему утёшать меня, любить и ласкать. О немъ можно сказать то же, что Филаретъ говориль о русскомъ народъ: «въ немъ свъту мало, но теплоты много». По цёлымъ часамъ караулилъ онъ, когда меня пустять гулять, браль на руки, водиль по полямь и рощамь, разсказываль разныя приключенія и сказки. Не помню, конечно, его разсказовъ, помню только его ласковое, сердечное обращеніе; за весь холодъ и одиночество моей дътской жизни я отогръвался только — когда быль съ Николаемъ». У этого-то Николая и у другихъ дворовыхъ и крестьянъ Григоровичъ, до восьми лѣть не видавшій русской книжки, выучился хоть немного русскому языку.

Пришла пора опредълить мальчика въ учебное заведеніе: свезли его въ Москву и отдали въ гимназію. Однако здёсь онъ пробыль всего два мъсяца, такъ какъ въ русскомъ языкъ оказался слишкомъ слабымъ, да и послъ женскаго воспитанія никакъ не могъ привыкнуть къ суровому гимназическому режиму и къ обществу шалуновъ-товарищей, постоянно трунившихъ надъ нимъ и кричавшихъ подъ ухо: «команъ ву франсе». Мальчикъ заболълъ нервной горячкой, мать поспъшила его взять изъ гимназіи и нашла для него помъщение въ пансіонъ Монигетти. Врядъ ли, однако, обстановка этого quasi-пансіона могла бы удовлетворить самаго невзыскательнаго педагога. Ни г. Монигетти, ни его супруга нимало не подходили къ роли воспитателей: онъ содержалъ винный погребъ, она была хозяйка моднаго магазина; а такъ какъ трое ихъ сыновей постигли учебнаго возраста, то супруги, чтобы удешевить ихъ воспитаніе, задумали открыть пансіонъ для дворянскихъ дітей, такъ что дъти Монигетти прекрасно могли обучаться на дворянскій счеть, и, кромъ этого, могла получаться еще кое-какая прибыль. «Г-жа Монигетти, вспоминаеть Григоровичь, была женщина умная, бойкая, привыкшая командовать, особенно надъ мужемъ, но въ сущности имъла доброе сердце и обращалась съ нами по-родительски. Не следовало ей только противоречить; она сама говорила. что тогда горчица подступаеть ей къ носу; голосъ ея въ такихъ случаяхъ раздавался по всему дому, и все мгновенно утихало, какъ передъ бурей; но горчица отходила отъ носа, — и снова все шло обычнымъ порядкомъ». Педагогическій персональ въ этомъ импро-

Дмитрій Васильевичь Григоровичь (въ 1850 году).

низированномъ пансіонѣ тоже не могъ похвалиться своими достоинствами. Главный руководитель образованія, швейцарецъ де-Метраль, «былъ видный, рослый, бѣлокурый красавецъ лѣтъ тридцати пяти; румянецъ во всю щеку на открытомъ веселомъ лицѣ, живая походка, звонкій голосъ; такая наружность не могла, конечно, принадлежать строгому, сухому педанту; онъ имъ и не былъ, но прежде всего былъ бонвиванъ, жуиръ, весельчакъ, тщательно скрывавшій

свои похожденія отъ г-жи Монигетти». Преподаваль онъ на французскомъ языкъ всъ науки, изъ которыхъ самой важной считалъ минологію. Нъмецъ являлся больше «для счета», и также для счета приходиль разъ въ недълю учитель русскаго языка, какой-то старенькій чиновникъ; урокъ его состоялъ въ диктовкъ, которую къ слъдующему разу полагалось переписать набъло. Не мудрено, что при такомъ обученіи Григоровичъ ровно ничего не вынесъ изъ пансіона, и за три года его пребыванія у Монигетти умственныя его способности, какъ онъ выражается, не двинулись ни на одинъ градусъ. Однако нъкоторую пользу за это время принесли ему посъщенія Строгановскаго училища рисованія, развивая въ немъ его любовь къ живописи.

Окончилось ученіе у Монигетти, потому что пансіонъ закрылся, и послів этого Григоровичь попадаєть въ инженерное училище. Туть дійствовала опять-таки случайность. «Матушка моя, — говорить Григоровичь, — отправляясь въ Петербургь съ тімь, чтобы отдать меня въ пансіонъ или кадетскій корпусь, сиділа въ дилижансь съ московскою дамой, г-жей Толстой, іхавшей съ опреділенной цілью: сділать сына инженеромь. Дамы разговорились. Узнавь оть собесідницы, что инженерная служба не такъ тягостна, какъ военная, и инженерное училище считается первымъ военно-учебнымъ заведеніемъ въ Россіи, матушка туть же рішила послідовать ея приміру». Для подготовки къ училищу Григоровичъ быль отданъ капитану Костомарову, и въ 1835 г., отличившись на на экзаменахъ по французскому языку и рисованію, быль принять въ юнкера.

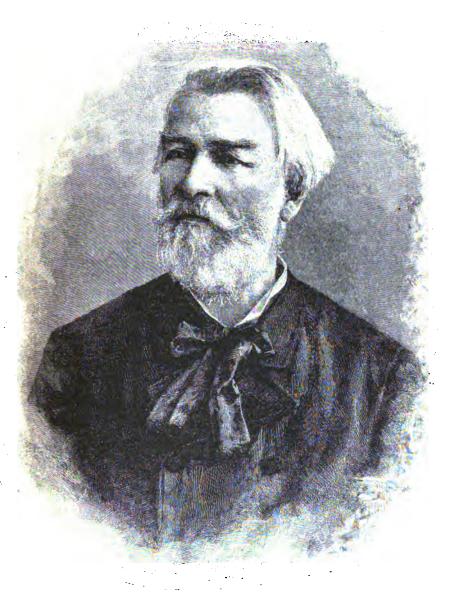
Пребываніе въ этой новой школь, которая сама по себь была очень не дурна, тоже не могло принести особенной пользы Григоровичу, такъ какъ ни къ инженерной наукъ, ни къ военной службъ никакими стремленіями онъ не отличался. Но среди товарищей онъ сошелся съ О. М. Достоевскимъ, съ которымъ еще познакомился ранъе, и это сближение содъйствовало зарождению въ немъ любви къ литературъ. «Съ неумъренною пылкостью моего темперамента и, вивств съ темъ, крайнею мягкостью и податливостью характера, говорить Григоровичь, я не ограничился привязанностью къ Достоевскому, но совершенно подчинился его вліянію. Оно, надо сказать, было для меня въ то время въ высшей степени благотворно. Постоевскій во всёхъ отношеніяхъ быль выше меня по развитости: его начитанность изумляла меня. То, что сообщаль онъ о сочиненіяхъ писателей, имени которыхъ я никогда не слыхалъ, было для меня откровеніемъ. До него я и большинство остальныхъ нашихъ товарищей читали спеціальные учебники и лекціи, и не только потому, что постороннія книги запрещалось носить въ училище, но и вслідствіе общаго равнодушія къ литератур'в». Первыя литературныя произведенія, сообщенныя Григоровичу Достоевскимъ, были переводы романовъ Купера, Вальтеръ-Скотта и Гофмана. Особенно увлекался Григоровичь произведеніями Купера, и нікоторый отголосокь этого увлеченія можно видёть въ форм' его собственныхъ пов'єстей и романовъ, преимущественно въ описаніяхъ природы. Чтеніе повело за собой первыя попытки писать: прочитавъ Шиллеровскихъ «Разбойниковъ», Григоровичъ принялся сочинять драму изъ итальянскихъ нравовъ «Замокъ Морвено», но, написавъ первую сцену, остановился, такъ какъ «съ одной стороны помѣшало безсиліе воображенія, съ другой-неумінье выражать на русскомъ языкі то, что хотелось». Ко времени пребыванія въ инженерномъ училище относится и другое литературное знакомство Григоровича: прочитавъ сборникъ стихотвореній «Мечты и Звуки», онъ поспѣшилъ отправиться къ автору, Н. А. Некрасову. Сборникъ былъ совсемъ неудаченъ. Некрасову, какъ извъстно, жестоко за него досталось отъ тогдашней критики, такъ что онъ даже старался его уничтожать, поэтому, конечно, сочувствіе, выраженное ему юнкеромъ Григоровичемъ, должно было доставить ему особенное удовольствіе, и впоследстви Некрасовъ вводить своего знакомаго въ литературные кружки.

Инженернаго училища Григоровичь не окончиль и съ согласія матери перешелъ въ академію художествъ, но здёсь онъ пробыль недолго: несмотря на усердныя въ первое время занятія рисованіемъ, дъло не пошло, потому что явились другіе интересы, увлеченіе театромъ и въ особенности одной воспитанницей театральной школы. Григоровичъ пытался даже самъ поступить на сцену, но дебють его быль совсёмь неудачень, и наконець, послё разныхь перипетій, онъ зачисляется на службу въ канцелярію директора театровъ, А. М. Гедеонова. Черезъ своихъ театральныхъ знакомыхъ онъ понемножку сближается съ нъкоторыми представителями тогдашней литературы, В. Р. Зотовымъ, О. А. Кони, съ издателемъ «Энциклопедического Словаря», Плюшаромъ, который первый натолкнулъ Григоровича на литературную работу. Затвявъ изданіе «Сто одна повъсть и сорокъ сороковъ анекдотовъ», Плюшаръ чрезвычайно былъ доволенъ, найдя въ Григоровичъ переводчика съ французскаго языка, темъ более, что этотъ переводчикъ быль вполнъ счастливъ отъ одного того, что его трудъ появится въ печати, и не помышляль о гонорарь. Первая переведенная Григоровичемъ повъсть называлась «Пловучій маякъ», а затъмъ, благодаря похваламъ Плюшара, Григоровичъ продолжалъ переводить не только повъсти, но и приложенные къ нимъ анекдоты. Черезъ Плюшара завязывается знакомство съ Гречемъ, по порученю котораго Григоровичь приготовляеть сокращенный переводь французской повъсти «Эрленбунскій священникъ».

Отъ переводовъ, благодаря Некрасову, Григоровичъ переходитъ къ компиляціямъ. Некрасовъ принесъ ему «полдюжины француз-

скихъ брошюръ, заключавшихъ цёлый трактать о танцахъ «полькё» и «редовы», вошедшихъ тогда въ моду». Изъ этихъ брошюрокъ Григоровичъ составилъ книжку «Полька въ Петербургв», изданную Некрасовымъ. Следующимъ литературнымъ предпріятіемъ Некрасова быль сборникъ «Первое апръля», для котораго Григоровичъ написалъ предисловіе и повъсть «Штука полотна». Эти первыя оригинальныя произведенія Григоровича совершенно ничтожны по своему содержанію, и ему пришлось самому услышать о нихъ самые нелестные отзывы Губера и Тургенева, съ которыми онъ послъ этого познакомился. Встреча съ Тургеневымъ была очень забавна. «Я шелъ, разсказываетъ Григоровичъ, по Невскому съ Некрасовымъ; насъ догналъ высокій господинъ смеющагося вида и тотчасъ же началъ трунить надъ изданіемъ «Первое апръля», особенно подымая на смъхъ разсказъ «Штука полотна». Некрасовъ указалъ на меня, какъ на сочинителя разсказа. Тургеневъ удивленно взглянуль на меня, разсвянно пожаль мив руку и продолжаль смъяться надъ книжкой».

Гораздо удачнее этихъ первыхъ опытовъ оказались разсказы «Петербургскіе шарманщики» и «Лотерейный балъ», помъщенные въ Некрасовскомъ сборникъ «Физіологія Петербурга». Объ этихъ разсказахъ, въ особенности о «Шарманщикахъ», съ похвалой отозвался Бълинскій, и дъйствительно въ нихъ уже видно внимательное наблюденіе дъйствительности и вдумчивое къ ней отношеніе. Самый процессъ работы уже не походиль на прежнія литературныя упражненія Григоровича. «Попавъ на мысль описать быть шарманщиковъ, я, разсказываеть Григоровичь, съ горячностью принялся за исполненіе. Писать наобумъ, дать волю своей фантазіи, сказать себъ: «и такъ сойдетъ!»-казалось мнъ равносильнымъ безчестному поступку; у меня, кром'в того, тогда уже возбуждалось влечение къ реализму, желаніе изображать дъйствительность такъ, какъ она въ самомъ дёлё представляется, какъ описываеть ее Гоголь въ «Шинели», -- повъсти, которую я съ жадностью перечитываль. Я прежде всего занялся собираніемъ матеріала. Около двухъ недъль бродилъ я по цёлымъ днямъ въ трехъ Подьяческихъ улицахъ, гдё преимущественно селились тогда шарманщики, вступаль съ ними въ разговоръ, заходиль въ всевозможныя трущобы, записывалъ потомъ до мелочи все, что видълъ и о чемъ слышалъ. Обдумавъ планъ статьи и раздъливъ ее на главы, я, однакожъ, съ робкимъ неувъреннымъ чувствомъ приступилъ къ писанію». Кромъ серіознаго изученія жизни, въ разсказъ «Петербургскіе шарманщики» замъчается извъстное гуманное настроеніе, которое должно было вызвать благопріятное впечатл'єніе и въ критик'є п въ читателяхъ; в вроятно, это настроеніе и было навъяно «Шинелью», объ увлеченіи которой вспоминаеть Григоровичь. Бълинскій суше отнесся къ «Лотерейному балу», въ которомъ изображена мелкая чиновничья среда;

Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ (въ 1896 году).

но Некрасовъ остался очень доволенъ этимъ разсказомъ. Нѣкоторая сдержанность отзыва Бѣлинскаго, можетъ быть, объясняется неудачнымъ юморомъ, проявляющимся въ этомъ разсказѣ: этотъ юморъ отличается какой-то дѣланностью, натянутостью, и надо сказать, что онъ и впослѣдствіи портилъ многія произведенія Григоровича, какъ, напримѣръ, романы «Проселочныя дороги» или «Похожденія Накатова». Отличаясь очень живымъ юморомъ въ бесѣдахъ, Григоровичъ совсѣмъ не умѣлъ влагать его въ свои сочиненія.

Ободренный этими своими успъхами, Григоровичъ бросаетъ службу и рѣшается окончательно отдаться литературѣ. Въ 1846 году онъ ъдеть въ деревню къ матери и бабушкъ и здъсь думаеть искать сюжета для новой работы. Но сюжеть «не вырисовывался», и только «случай выручиль» молодого автора. «Къ матушкъ, сообщаеть онъ намъ, привезли больную молодую бабу. За объдомъ матушка разсказала ея исторію. Ее противъ воли выдали за грубаго молодого парня, котораго также приневолили взять ее въ жены; онъ возненавидълъ ее, чему немало способствовали его сестры, началъ ее бить въ трезвомъ и пьяномъ видѣ и заколотилъ почти до смерти; баба была въ злъйшей чахоткъ и врядъ ли могла пережить весну. Она говорила, что ей легче умереть, чъмъ жить; ее сокрушала только судьба дочки, двухлётней дёвочки; онъ и ее заколотить на смерть, говорила она. Разсказъ этоть произвель на меня сильное впечатленіе. Сюжеть пов'єсти быль найдень. Я тотчась же принялся его обдумывать и приводить въ повъствовательную форму».

Воть туть-то, принявшись за работу, Григоровичъ увидъть всю ея трудность, поняль, что задача не такова, какъ писаніе прежнихъ его разсказовъ и что прежде всего ему предстоить заняться самымъ языкомъ. «Знакомый, говорить онъ, съ простонароднымъ русскимъ явыкомъ только по редкимъ книгамъ, которыя удавалось читать, я сталъ усердно изучать его практически, проводилъ часы на мельниць, бесьдуя съ помольцами, разговаривая съ нашими крестьянами, стараясь прислушаться къ складу ихъ ръчи, записываль выраженія, казавшіяся мнъ особенно характерными и живописными. Первыя главы повъсти «Деревня» стоили мнъ неимовърнаго труда-Французскій языкъ, которымъ меня питали до тринадцатильтняго возраста, все еще по временамъ давалъ себя чувствовать; я долго иногда путался, прінскивая ту фразу, которая должна была выпукло и пластично выразить то, что хотёлось сказать. Но въ характеръ моемъ, при всей его живости, было много терпънія и трудолюбія: работа къ тому же мив нравилась, увлекала меня. Я чувствовалъ, что чёмъ дальше подвигается повёсть, тёмъ свободнёе освоиваюсь я съ языкомъ. Каждую главу передълывалъ я, переписывалъ по нъскольку разъ, вымарывая, переправляя въ ней все, что чуть-чуть казалось нескладнымъ; работа эта не только не отягощала меня, но доставляла мив истинное наслажденіе».

Черезъ четыре мъсяца повъсть была готова, и Григоровичъ повезъ ее въ Петербургъ, чтобы помъстить въ «Современникъ», который въ это время перешелъ къ Некрасову и Панаеву. Здъсь Григоровича ожидало сильное огорченіе: Некрасовъ не удосуживался прочесть «Деревню» и послъ двукъ мъсяцевъ, въ теченіе которыхъ Григоровичъ постоянно освъдомлялся о судьбъ своей повъсти, возвратилъ ему, не читая, рукопись, сказавъ, что не находитъ удобнымъ печатать ее въ «Современникъ». Григоровичъ вышелъ отъ редактора, какъ пришибленный, съ трудомъ удерживая слезы. «Я чувствовалъ, говорить онъ, что, кромъ новизны изображенія простонароднаго быта, въ повъсти есть сцены, взятыя живьемъ съ натуры, —сцены, которыя непремънно должны тронуть читателя, не даромъ же, описывая ихъ, я приходилъ въ нервное состояніе, и слезы навертывались на глазахъ моихъ; не могь же я до такой степени обманываться».

Другой пріемъ встрітиль І'ригоровичь въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ», гдъ однимъ изъ главныхъ руководителей, замъстителемъ Бълинскаго, былъ безвременно скончавшійся даровитый молодой писатель, Валеріанъ Николаевичъ Майковъ. Выслушавъ повъсть въ чтеніи самого автора, Майковъ остался ею чрезвычайно доволенъ, и она была напечатана безъ всякихъ измененій въ декабрьской книжкъ «Отечественныхъ Записокъ». Успъхъ превзошелъ всѣ ожиданія Григоровича: со всѣхъ сторонъ хвалили «Деревню», и одобрительный отзывъ появился даже въ «Стверной Пчелт». Понравилась повъсть и Бълинскому, но туть пришлось ему столкнуться съ самолюбіемъ Некрасова, о чемъ передаетъ Григоровичъ со словъ В. П. Боткина. На вечеръ у Тургенева, черезъ нъсколько дней посл'в выхода декабрьской книжки «Отечественных в Записокъ», Бълинскій началъ горячо хвалить повъсть Григоровича, говоря, что собирается написать о ней статью въ «Современникъ». Ему сталъ также горячо возражать Некрасовъ. Началось живое объяснение и кончилось тёмъ, что Бёлинскому явственно было высказано, что прежде всего журналъ «Современникъ» не ему принадлежить, и похвалы о томъ, что печатается въ «Отечественныхъ Запискахъ», не могуть быть допущены въ «Современникъ».

Этимъ обстоятельствомъ и можно объяснить тоть сдержанный отзывъ о «Деревнъ», который быль данъ Бълинскимъ въ его оборъніи русской литературы за 1846 годъ. Назвавъ повъсть Григоровича «мастерскимъ физіологическимъ очеркомъ бытовой стороны жизни», нашъ критикъ замътилъ: «О г. Григоровичъ мы теперь же скажемъ, что у него нътъ ни малъйшаго таланта къ повъсти, но есть замъчательный талантъ для тъхъ очерковъ общественнаго быта, которые теперь получили въ литературъ названіе физіологическихъ. Но онъ хотълъ сдълать изъ своей «Деревни» повъсть, и отсюда вышли всъ недостатки его произведенія, которыхъ онъ легко бы могь миновать, если бы ограничился безсвязными внъшнимъ

образомъ, но дышащими одною мыслью картинами деревенскаго быта крестьянъ. Неудачна также и его попытка заглянуть во внутренній міръ героини его повѣсти, и вообще изъ его Акулины вышло лицо довольно безцвѣтное и неопредѣленное именно потому, что онъ старался сдѣлать изъ нея особенно интересное лицо. Къ недостаткамъ повѣсти принадлежатъ также и натянутыя, изысканныя и вычурныя мѣстами описанія природы. Но что касается собственно до очерковъ крестьянскаго быта, это блестящая сторона произведенія г. Григоровича. Онъ обнаружилъ туть много наблюдательности и знанія дѣла и умѣлъ выказать то и другое въ образахъ простыхъ, истинныхъ, вѣрныхъ, съ замѣчательнымъ талантомъ. Его «Деревня» — одно изъ лучшихъ беллетристическихъ произведеній прошлаго года».

Въ общемъ этотъ отзывъ, конечно, справедливъ, и дъйствительно таланть Григоровича болбе подходиль для такъ называемыхъ физіологическихъ очерковъ, что особенно ярко обнаружилось впоследствін, когда Григоровичь принялся писать большіе романы: въ нихъ читатели могли встретить въ самомъ деле только физіологическіе, т. е. бытовые очерки, не всегда искусно между собою склеенные. Но, при всей справедливости этого отзыва, нельзя въ немъ не замътить чего-то натянутаго: типъ Акулины совсъмъ не такъ ужъ безцветенъ, какъ говорить Белинскій; описанія природы далеко нельзя назвать вычурными и изысканными, напротивъ въ нихъ преобладаетъ простота, а главное, въ повъсти ярко просвъчиваеть «одна мысль», и эта-то мысль, вёроятно, и была причиной того сочувствія, которое высказываль Бълинскій на вечерь у Тургенева. Мысль была такая, которой нашъ великій критикъ прямо не могь не сочувствовать. Григоровичь наносиль чуть ли не первый рёшительный ударь крёпостному праву. До него выставлялись (конечно, очень редко) некоторыя грубыя стороны этого общественнаго явленія, но в'ядь все это были обличенія злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ; Григоровичъ береть совсемъ не элоупотребленія, а нѣчто вполнѣ обычное, онъ даже выводить добрую помѣщичью чету, но при этомъ онъ показываетъ, что даже эти добрые люди, устраивая бракъ несчастной Акулины, совершенно безсознательно совершають крайне элое дёло. Не можеть быть, чтобы Бълинскому эта идея повъсти не была ясна, и его молчаніе можеть объясняться только съ одной стороны цензурными условіями, а съ другой-общими интересами журнала, въ которомъ онъ работалъ. Мы не имъемъ основанія не довърять показанію Григоровича о вечеръ у Тургенева, и если такъ, то намъ думается, что именно за эту идею и долженъ быль хвалить новую повъсть Бълинскій, уситвьшій уже въ это время отрышиться отъ поклоненія чистому искусству. Даже теперь, когда врагь, которому Григоровичъ нанесъ первый ударъ своею повъстью, навъки, благодаря незабвенной эпохъ великихъ реформъ, побъжденъ и уничтоженъ, мы не можемъ, читая «Деревню», не проникаться чувствомъ сильнъйшаго негодованія противъ того ненормальнаго строя, при которомъ возможны такія жертвы прихоти, какъ несчастная Акулина, вызывающая наше живое состраданіе.

Проходить годъ, въ теченіе котораго вышло нівсколько замізчательнъйшихъ произведеній новаго покольнія писателей (въ томъ числъ и первые очерки «Записокъ Охотника», поражавшихъ того же врага, чего, къ слову сказать, не замътилъ Бълинскій, опънившій ихъ только съ художественной точки эрвнія), и Григоровичъ даеть новую повъсть, уже большаго объема, чъмъ «Деревня», при чемъ и «мысль» въ этой повъсти болъе ярко бросается въ глаза. Бълинскій по пободу «Антона Горемыки» припоминаеть и «Церевню». и на этотъ разъ его отзывъ оказывается гораздо сочувствениъе по отношенію къ молодому писателю, произведеніе котораго кстати было напечатано уже въ «Современникъ». Самъ Григоровичъ объясняеть успёхъ своей повёсти темь, что въ ней «глубже затрогивалось горькое положение крестьянина подъ гнетомъ крипостного права, которое было тогда еще въ полной силь, а къ тому же и у автора было больше опытности, планъ былъ больше обдуманъ, съ простонароднымъ языкомъ и бытомъ авторъ успълъ ближе познакомиться».

Бълинскій высказаль свое мнініе въ обозрінін русской литературы за 1847 годъ. «Г. Григоровичъ, писалъ онъ, посвятилъ свой таланть исключительно изображенію жизни низшихъ классовъ народа. Въ его талантъ тоже много аналогіи съ талантомъ г. Наля. Онъ также постоянно держится на почвъ хорошо извъстной и нзученной имъ дъйствительности; но его два последние опыта, «Деревня» и въ особенности «Антонъ Горемыка», идутъ гораздо дальше физіологическихъ очерковъ. «Антонъ Горемыка» — больше, чъмъ повъсть: это романъ, въ которомъ все върно основной идеъ, все относится къ ней, завязка и развязка свободно выходять изъ самой сущности дъла. Несмотря на то, что внъшняя сторона разсказа вся вертится на пропажё мужицкой лошаденки; несмотря на то, что Антонъ-мужикъ простой, вовсе не изъ бойкихъ и хитрыхъ, онъ лицо трагическое въ полномъ значении этого слова. Эта повъсть трогательная, по прочтеніи которой въ голову невольно тёснятся мысли грустныя и важныя. Желаемъ отъ души, чтобы г. Григоровичъ продолжалъ итти по этой дорогъ, на которой отъ его таланта можно ожидать такъ многаго... И пусть онъ не смущается бранью хулителей: эти господа полезны и необходимы для върнаго опредъленія объема таланта: чёмъ больше ихъ стая бёжитъ вослёдъ успъха, тъмъ значитъ успъхъ огромнъе»... Приведенный отзывъ Бълинскаго можно уже прямо назвать восторженнымъ, но и при этомъ въ немъ мы можемъ предположить нъкоторые слъды цензур-

«истор. въстн.», февраль, 1900 г., т. LXXIX.

Digitized by Google

17

ныхъ исправленій: такъ, врядъ ли можно думать, чтобы Бѣлинскій серіозно утверждалъ, что «внѣшняя сторона разсказа вертится на пропажѣ мужицкой лошаденки», а не на безобразномъ притѣснительствѣ управляющаго, Никиты Өедорова, и, кромѣ того, что могутъ означать «мысли грустныя и важныя», какъ не размышленія о крѣпостномъ правѣ и его полной ненормальности.

Такимъ же цензурнымъ исправленіямъ пришлось подвергнуться и самой повъсти. Вотъ какъ передаеть намъ объ этомъ Григоровичъ: «Съ повъстью «Антонъ Горемыка» произошолъ казусъ, который сразу было подкосиль меня на корню. Некрасову и Панаеву она очень понравилась, но не понравилась цензурь, которая остановила ея печатаніе; она нашла, что бъдственное состояніе крестьянина представлено въ слишкомъ мрачныхъ краскахъ. Къ счастью моему, близкимъ лицомъ къ «Современнику» былъ А. В. Никитенко, имъвшій сильный голось въ цензурномъ комитеть. Онъ горячо взялся за спасеніе погибающаго. Удивляюсь, какъ въ своихъ воспоминаніяхъ забыль онъ упомянуть объ этомъ эпизодь, свидьтельствующемъ объ его готовности выручать изъ бъды литераторовъ. Хлопоты его привели къ тому, что повъсть ръшились пропустить, но подъ непремъннымъ условіемъ выбросить изъ нея послъднюю главу. Она кончалась у меня тъмъ, что крестьяне, доведенные до крайности злоупотребленіями управляющаго, зажигають его домъ и бросають его въ огонь. А. В. Никитенко, не сказавъ никому ни слова, сочинилъ конецъ, въ которомъ управляющій остается неприкосновеннымъ, а возмутившіеся крестьяне, передъ тімъ, чтобы быть отправленными на поселеніе, каются въ своихъ дъйствіяхъ и просять у міра прощенія».

Конечно, этимъ сентиментальнымъ окончаніемъ à la Кукольникъ повъсть была значительно испорчена, но, тъмъ не менъе, протестующій ея смысль быль всёмь ясень: трудно было мало-мальски мыслящему человъку не понять, что это не физіологическій очеркъ, не художественная бездълушка, а произведение чисто боеваго общественнаго характера. Но оставляя даже въ сторонъ тотъ преходящій интересъ времени, котораго касалась повъсть Григоровича, мы не можемъ не видъть въ ней произведенія, имъющаго и болъе широкое художественное значеніе. Г. Мизиновъ, отстаивающій въ своей книгъ «Исторія и поэзія» мало состоятельную теорію чистаго искусства, считаетъ основой литературной дъятельности Григоровича «филантропію» и въ этомъ видить ея недостатокъ. Немного страненъ подобный приговоръ: если любовь къ человъку есть недостатокъ литературнаго произведенія, то что же прикажеть дёлать г. Мизиновъ съ величайшими произведеніями нашей литературы, которыя всегда проникнуты именно этимъ чувствомъ? Въдь съэтой точки зрънія придется отдать подъ судъ и Жуковскаго, и Пушкина, и Гоголя, и Достоевскаго, и Тургенева, и гр. Л. Н. Толстого за нъсколько безсодержательныхъ стихотвореній современныхъ декадентовъ и символистовъ, потому что всё названные корифеи нашей литературы страдали именно любовью къ человѣку, или филантропіей, какъ ее угодно называть г. Мизинову. Эта-то филантропія и приводить къ тому, что «Антонъ Горемыка», будучи для своего времени боевымъ произведеніемъ, и для насъ не утратилъ своего значенія: образы этой повѣсти будять и въ насъ хорошія чувства, вызываютъ мысли грустныя и важныя, хотя, конечно, уже немного иного содержанія, чѣмъ тѣ, которыя «тѣснились въ душу» Бѣлинскаго.

Важной стороной представлялась въ этой повъсти и собственно описательная часть, тъ картины крестьянскаго быта, которыя были представлены почти впервые съ такой правдивостью. Та же правдивость и тотъ же гуманный духъ проникають и последующія произведенія Григоровича изъ крестьянскаго быта: «Вобыль», «Смедовская долина», «Рыбаки», «Мать и дочь», «Переселенцы», «Нахатникъ и бархатникъ»-все это такія произведенія, которыя частью имъли и боевой интересъ, а частью (въ различныхъ, конечно, степеняхъ) являлись важнымъ вкладомъ въ литературу, изображавшую быть народа. Такія фитуры, какъ герои «Рыбаковъ», «Переселенцевъ» и др. повъстей и романовъ этого ряда, могли явиться только. результать непосредственнаго, внимательнаго наблюденія крестьянской среды, и потому совершенно несправедливъ упрекъ. когда-то сдёланный Григоровичу Добролюбовымъ, будто его крестьяне что-то въ родъ заграничныхъ пейзановъ: пейзанами они могутъ показаться, пожалуй, только при сопоставленіи съ произведеніями нъкоторыхъ нашихъ народниковъ-беллетристовъ, но въдь не следуетъ забывать, что эти последне писатели страдають темъ существеннымъ недостаткомъ, что случайныя черты говора, вившней грубоватости. неуклюжести, принимають за что-то характерное для изображаемой среды, и намъ кажется, что между нѣкоторыми изъ этихъ писателей и Григоровичемъ существуеть такая же параллель, какъ по отношенио къ картинамъ купеческаго быта между Островскимъ и г. Лейкинымъ.

Не имъя времени дальше останавливаться на другихъ произведеніяхъ Григоровича, упомянемъ хотя бы вскользь о тъхъ его романахъ и очеркахъ, которые посвящены изображенію интеллигентной среды, иреимущественно мелкаго чиновничьяго міра, а иногда и крупныхъ сановниковъ. Этотъ рядъ произведеній нашего писателя стоитъ значительно ниже тъхъ, которыя представляютъ намъ крестьянскую жизнь. Мы не можемъ отрицать и въ нихъ проявленія его широкой наблюдательности, незауряднаго анализа нъкоторыхъ жизненныхъ подробностей, но въ то же время приходится признать, что эта наблюдательность касается преимущественно внъшней стороны жизпи, что Григоровичъ почти и не пытается заглянуть во внутренній міръ своихъ героевъ. Онъ изображаетъ ихъ похожденія, ихъ карьорные уситхи, описываеть мелочные

 $\mathsf{Digitized} \; \mathsf{by} \; Google$

дрязги, составляющие часто ихъ главный интересъ, и дълаеть это весьма обстоятельно, но его изображение не проникается ни любовью къ униженнымъ, ни негодованіемъ при видъ разныхъ нравственныхъ уродствъ, а потому отъ этихъ его романовъ въеть какимъ-то холодомъ. Тутъ Григоровичъ не захватываетъ читателя, не подчиняеть его силь своего чувства, котораго и нъть, а поэтому даже занимательность фабулы не можеть оживить этихъ произведеній. Лучше всего Григоровичу удается изображеніе душевной пустоты своихъ интеллигентныхъ героевъ, но опять-таки и здёсь чувствуется, что авторъ только простой наблюдатель, не скорбящій объ этой пустоть и не негодующій. Отсюда-то, можеть быть, истекають и внішніе недостатки этой категоріи произведеній Григоровича: дёланный юморъ и порой крайняя растянутость. Этимъ недостаткомъ особенно отличается романъ «Проселочныя дороги», для прочтенія котораго нужно запастись немалою дозою терпінія. Это длинный рядъ «физіологическихъ очерковъ», сбивающихся подчасъ на анекдоть, а, конечно, чтение трехъ томовъ анекдотовъ должно быть крайне утомительно. И самъ Григоровичъ это поняль уже послё того, какъ напечаталь свое произведение. «Романъ «Проселочныя дороги», -- говорить онъ, -- не имълъ успъха. Я самъ былъ имъ недоволенъ. Я понадъялся черезчуръ на свои силы, вообразивъ, что могу писать, не стъсняя себя безпрестанными поправками и переписываниемъ по нъскольку разъ одного и того же, какъ я дълалъ это до сихъ поръ; много виновато было также мое неумьнье въ распредълени матеріала: болье опытный литераторъ выкроилъ бы изъ него два-три романа». Однако изъ этихъ словъ видно, что Григоровичъ объяснялъ себъ неудачу своего романа чисто вившними причинами, и намъ думается, что это объяснение не исчерпываетъ сущности дъла: неуспъхъ, кромъ растянутости, произопель и оть самаго характера романа, т. е. оть тъхъ внутреннихъ недостатковъ, которые мы только что указали.

Характеръ физіологическихъ очерковъ, которымъ отличается большинство сочиненій Григоровича и который составляетъ одну изъ наиболье существенныхъ ихъ слабыхъ сторонъ, былъ очень кстати въ описаніи морского путешествія на кораблѣ «Ретвизанъ», которое Григоровичъ совершилъ въ 1858 г. въ эскадрѣ Средиземнаго моря. Замѣтки объ этомъ путешествіи отличаются яркостью красокъ, множествомъ любопытныхъ бытовыхъ наблюденій и порой очень удачнымъ юморомъ. Правда, и здѣсь много такихъ подробностей, которыя имѣютъ анекдотическій характеръ, но здѣсь эта анекдотичность, непріятно дѣйствующая на читателя въ романахъ и повѣстяхъ Григоровича, оказывается очень кстати и придаетъ еще болье интереса описанію, такъ что «Корабль Ретвизанъ» занимаетъ несомнѣнно одно изъ почетныхъ мѣстъ среди русскихъ путешествій и можетъ быть поставленъ вслѣдъ за Гончаровскимъ

«Фрегатомъ Палладой», этимъ chef d'oeuvr'oмъ литературы подобнаго рода. Одной изъ важныхъ особенностей, сближающихъ оба эти описанія, является стремленіе къ параллелямъ между своимъ русскимъ и заграничнымъ, но у Григоровича это стремленіе сильнѣе, чѣмъ у Гончарова, и оно приводить его очень часто къ самымъ грустнымъ размышленіямъ о нашей бѣдности и культурной отсталости, при чемъ, конечно, болѣе всего припоминается ему излюбленный имъ деревенскій бытъ.

По возвращени изъ морского путешествія Григоровичъ началъ печатать въ «Русскомъ Въстникъ» новое свое произведеніе, въ которомъ онъ хотълъ изобразить два поколънія: отживающихъ помъщиковъ стараго закала и новыхъ, молодыхъ, мечтающихъ о сближеніи съ народомъ; однако была напечатана только первая часть, подъ заглавіемъ «Два генерала», и широкій планъ остался невыполненнымъ. Здёсь прежде всего помешали хозяйственныя дъла, такъ какъ мать Григоровича передала ему управление имъніемъ, а это было сопряжено съ массою хлопоть. Въ результать итого хозяйничанья выяснилось, что оно не можеть обезпечить Григоровича, и что, по его выраженію, надо предпринять что нибудь ръшительное. «Разсчитывать на литературный трудъ, говорить Григоровичъ, для меня было рискованно: я писалъ медленно, копотливо; плата была тогда умеренная. Я помню очень хорошо, что когда въ «Современникъ» Тургеневу, Гончарову и мнъ назначена была плата по шестидесяти рублей съ листа, въ редакціяхъ другихъ журналовъ поднялся страшный гвалтъ; говорили, что при такихъ безумныхъ платахъ нътъ возможности издавать журналъ, что это равно разоренію и т. д. Я решился ехать въ Петербургъ и искать мъста, которое не мъшало бы мнъ продолжать мои литературныя занятія». Однако литературнымъ занятіямъ суждено было прекратиться: Григоровичъ на 20 лътъ замолчалъ. Объясненія этого факта г. Мизиновъ видить опять-таки въ томъ, что Григоровичь не быль представителемъ чистаго искусства; но это объясненіе, какъ видно уже изъ приведеннаго показанія Григоровича, не можеть быть признано вполнъ достовърнымъ. Литературной работь помьшали и хозяйственныя хлопоты и новая служба, очень подходившая къ исконнымъ художественнымъ вкусамъ Григоровича и цъликомъ поглощавшая его время, и наконецъ для наиболъе важныхъ литературныхъ работь Григоровича уже прошла пора: врагь, противъ котораго онъ боролся болье десяти льть, быль уже сломлень и доживаль последніе свои дни въ ожиданіи 19-го февраля.

Въ поискахъ службы Григоровичъ обратился къ С. А. Гедеонову, директору Императорскаго Эрмитажа. «Должность секретаря Эрмитажа была мнъ предложена съ величайшею готовностью; полагалось при этомъ только условіе: прежде чъмъ получить это мъсто,

я долженъ былъ сдёлать описаніе всёхъ отдёленій Эрмитажа въ такой формъ, чтобы оно могло служить руководствомъ для посътителей. Часть осени и зиму провель и за этою работою. Когда она была окончена и напечатана подъ заглавіемъ «Прогулка по Эрмитажу», я узналъ, что объщанное мнъ мъсто отдано дальнему родственнику тогдашняго начальника Гедеонова. Почти въ то же время происходили выборы въ секретари общества поощренія художествъ. Оно было мит предложено, и я охотно согласился; новая обязанность приближала меня къ художественной сферв, близкой моему вкусу. Я думалъ найти время продолжать литературныя занятія, но ошибся. На свъть нъть маленькаго дъла: все зависить оть того, насколько примешь его къ сердцу и будещь ему искренно преданъ. Дёло, порученное мив, заинтересовало меня съ самаго начала, и чёмъ больше я входиль въ него, тёмъ больше оно меня завлекало. Планы различныхъ романовъ и повъстей лежали пока подъ спудомъ; я и при другихъ, болъе благопріятныхъ, условіяхъ никогда не могь написать строчки въ Петербургв, теперь же и подавно нельзя было объ этомъ думать. Время Григоровича цёликомъ поглощалось художественными выставками, организаціей музея общества поощренія художествъ, заботами о рисовальной школъ. Послъдняя можетъ называться смёло его дётищемъ, -- столько онъ положилъ на нее труда. Не знаемъ, вышли ли изъ нея замъчательные живописцы, но огромная ея заслуга передъ русскимъ обществомъ заключается въ распространения въ массъ извъстныхъ художественныхъ свъдъній, въ выработкъ извъстнаго эстетическаго вкуса, и въ этомъ дъль, конечно, первая роль принадлежить главному руководителю школы. О томъ, съ какой любовью относился Григоровичъ къ этому своему дътищу, мы можемъ узнать изъ воспоминаній бывшей ученицы школы, которыя мы цитируемъ по книгъ г. Мизинова. Вотъ одинъ характерный эпизодъ: «Очень интересенъ былъ обзоръ древней скульнтуры въ Эрмитажъ подъ руководствомъ Григоровича. Зайдя въ концъ мая въ школу, онъ предложилъ ученицамъ собраться на другой день послѣ экзаменовъ въ Эрмитажъ. Собралось всего 12 человъкъ, и мы начали обзоръ нижнихъ галлерей древней скульптуры. Осматривали все очень внимательно, Григоровичъ объяснялъ чрезвычайно толково, съ знаніемъ діла, ясно, просто, краснорічиво, обращая вниманіе на многое, прежде нами уже видънное, но пропускавшееся безъ вниманія. Перейдя затёмъ во второй этажъ, мы и тамъ останавливались только передъ статуями, ръшивщись этотъ день посвятить исключительно скульптурь». Само собою разумьется, что такихъ прогулокъ бывало немало, и вполнъ понятно ихъ высокое эстетически-образовательное значеніе для довольно разношерстнаго состава учениковъ школы.

Ясно, что всѣ эти заботы и хлопоты не могли оставлять досуга для литературной дѣятельности. За весь двадцатилѣтній періодъ

пріостановки Григоровичемъ написано было лишь два разсказа, но съ 1882 г. писательская работа возобновляется, а за послъдніе годы появились, кромъ «Литературныхъ воспоминаній», заключающихъ любопытный матеріаль не только для біографіи Григоровича, но и для характеристики многихъ литературныхъ деятелей, и такія замечательныя вещи, какъ «Гуттаперчевый мальчикъ» и «Акробаты благотворительности». Въ этихъ произведеніяхъ последнихъ годовъ передъ нами такъ же Григоровичъ, какимъ онъ былъ и до перерыва своего писательства. Тъ же достоинства и тъ же недостатки. Изъ достоинствъ, конечно, ярче всего свътится его гуманизмъ, или, по терминологіи г. Мизинова, филантропія. На нашъ взглядъ сохраненіе этого гуманизма до глубокой старости и въ такую при томъ эпоху, когда все, казалось, ополчилось противъ гуманизма, когда съ одной стороны выступало яростное человъконенавистничество, а съ другой безраздичный эстетизмъ подъ видомъ чистаго искусства, есть признакъ редкой духовной свежести. Изъ устъ Григоровича намъ звучалъ тотъ ободряющій голосъ лучшихъ временъ нашей литературы, который и въ жизни совершилъ столько хорошаго... Пусть даже будеть признано, что по таланту Григоровичь быль писатель второстепенный, но все же его человычность есть нъчто настолько свътлое, его боевая работа дала въ свое время такіе благіе результаты, что его имя навсегда останется въ ряду славныхъ именъ подвижниковъ нашей литературы и общественнаго прогресса.

А. Бороздинъ.

ЭПИЗОДЪ НА ЛИТЕРАТУРНОМЪ КОНГРЕССЪ ВЪ ВЪНЪ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

Ъ СЕНТЯБРБ 1881 года, на обратномъ пути съ Трувильскаго морского купанья въ Россію, случилось мнѣ заѣхать въ Вѣну, какъ разъ въ то время, когда тамъ сразу собрались два литературныхъ конгресса: спеціально нѣмецкихъ писателей и писателей интернаціональныхъ. Конгрессъ интернаціоный былъ устроенъ интернаціональной же литературной ассоціаціей, учрежденной 8 іюня 1878 г. съ цѣлью защиты и пропаганды принциповъ интер-

національной литературной собственности. Ассоціація устраивала такіе конгрессы ежегодно, въ различныхъ городахъ Европы; послідній передъ вінскимъ былъ въ Лиссабонів. Меня интересовало прислушаться къ обміну мыслей и взглядовъ господъ литераторовъ, собравшихся изъ различныхъ странъ для взаимнаго общенія; я остался въ Вінів на все время конгресса и зачислиль себя въ его члены.

Организацію конгресса взяло на себя вѣнское литературное общество «Конкордія», —общество единственное въ своемъ родѣ, возникшее на возвышенныхъ началахъ литературной взаимопомощи, но очень скоро принявшее окраску чего-то въ родѣ товарищества на паяхъ, болѣе заинтересованнаго денежными прибылями, чѣмъ литературными вопросами. Главною цѣлью учредителей общества «Конкордія» было устроить своимъ членамъ-литераторамъ, ихъ вдовамъ и дѣтямъ, хорошую пенсію, независимо отъ ихъ благосостоянія, труда или службы, а только сообразуясь съ небольшимъ еже-

годнымъ взносомъ. Общество сумъло такъ ловко внушить своимъ землякамъ къ себъ участіе, что получило крупные подарки отъ австрійскаго правительства и оть частныхъ лицъ, богачей, по дарственной или по духовному завъщанію. Всевозможные артисты, можеть быть, и въ виду хорошихъ рецензій, тоже горячо откликнулись на эту яко бы литературную затью, выступая въ пользу общества «Конкордія» въ литературныхъ и музыкальныхъ вечерахъ, ввнская публика несла литераторамъ свою благотворительную дань, а «Конкордія» на этой благодатной почвъ росла да росла. Собравъ такимъ путемъ небольшой капиталецъ, общество пустило его въ оборотъ и воочію доказало, что современный литераторъ, въ дълъ житейскаго благонолучія, далеко не такой глупый фантазеръ, какимъ быль литераторь времень Лессинга и Шиллера. Въ 1881 году общество «Конкордія» владело уже несколькими большими домами въ Вънъ, сдавая въ нихъ квартиры не плоше иного изворотливаго домовладвльца; нъкоторые члены учредители уже получали пенсіи. Общество «Конкордія» и теперь продолжаеть вести благоденственное и мирное житіе; я утратиль изъ виду его дальнъйшую дъятельность и развитіе его матеріальных средствъ, слышалъ только, что въ настоящее время сдълаться членомъ общества до крайности трудно: замкнутый кружокъ литераторовъ, имъвшихъ счастье въ свое время попасть въ это выгодное товарищество, кръпко блюдетъ свои денежные интересы и не очень-то допускаеть чужаковъ къ своему пирогу. Когда въ 1880 г. въ Лисабонъ было ръшено, что слъдующій литературный конгрессъ соберется въ Вінь, общество «Конкордія» нашло выгоднымъ принять его подъ свое покровительство. Члены общества все-таки были извъстные вънскіе литераторы, а блестьть и красоваться, да еще безъ особенно большихъ затрать, во сдаву разума и умственнаго творчества, конечно, пріятно. Общество «Конкордія» выполнило эту задачу мастерски: оно, во-первыхъ, однимъ выстръломъ убило двухъ зайцевъ, устроивши празднества для двухъ конгрессовъ единовременно, отчего могло экономить на нихъ и въ расходахъ, и въ хлопотахъ. Во-вторыхъ, въ виду такого двойного сборища литераторовъ, общество «Конкордія» могло легко возбудить общее внимание вынцевъ къ конгрессу и устроить блестящую шумиху торжествъ, относя значительную долю расходовъ на чужой счеть, то-есть привлекая къ этому различнаго рода администраціи: городъ, театры, жельзныя дороги, пароходы и проч. Такимъ образомъ интернаціональный конгрессъ въ Вінт обратился въ нъчто въ родъ карнавала. Литераторы, участники конгресса, получали книжечку, въ которой подробно значилось времяпрепровожденіе конгресса. Воть эта программа.

Засъданія интернаціональнаго литературнаго конгресса состоятся въ залѣ желѣзнодорожнаго клуба, — нѣмецкаго же конгресса въ залахъ ремесленнаго союза.

Первый день. (Въ залъ общества садоводства). Привътствие конгрессу нъмецкихъ писателей (привътственная ръчь президента общества «Конкордія»; отвътъ на нее представителя союза нъмецкихъ писателей; концертъ военной музыки).

Второй день. Въ 10 часовъ утра первое засъданіе конгресса нъмецкихъ писателей (привътственныя ръчи бургомистра Въны, и президента общества «Конкордія»). Въ 2 часа подготовительное засъданіе интернаціональнаго конгресса. Въ 8 часовъ (въ залъ общества садоводства) привътствіе интернаціональному конгрессу (ръчь президента общества «Конкордія», отвътъ президента конгресса). За симъ: военный концертъ, исполненія квинтета хорутанъ и комическаго квартета Удель; исполненія профессора Сиринекъ (?). Желающіе могуть получить ужинъ по картъ.

Третій день. Въ 10 часовъ утра первое засёданіе интернаціональнаго литературнаго конгресса (привѣтственныя рѣчи представителя правительства, бургомистра города Вѣны, президента общества «Конкордія»; отчеть секретаря интернаціональнаго общества; открытіе совѣщаній). Въ 10 часовъ второе засѣданіе нѣмецкаго конгресса. Въ 3 часа осмотръ новаго зданія думы. Въ 7 часовъ, въбольшомъ курзалѣ городского парка, празднество въ честь нѣмецкаго и интернаціональнаго конгрессовъ, устраиваемое думой города Вѣны.

Четвертый день. Въ 10 часовъ утра засъданія обойхъ конгрессовъ. Въ 11½ часовъ отъъздъ по Дунаю на гору Каленбергъ. Объдъ на Каленбергъ отъ общества «Конкордія».

Пятый день. Въ 10 часовъ утра засёданія обоикъ конгрессовъ. Въ 7 часовъ торжественный спектакль въ частномъ Карлъ-театръ.

Шестой день. Съ 9 утра до 10 вечера поъздка чрезъ гору Земмерингъ; объдъ и вечерняя закуска отъ общества «Конкордія».

Седьмой день. Въ 10 часовъ утра засёданія обоихъ конгрессовъ. Въ 8 часовъ вечера прощальный праздникъ въ залё общества. (Концертъ вёнскаго союза пёвцовъ-мужчинъ; концертъ военной музыки; прощальная рёчь президента общества «Конкордія»).

Какъ видите, среди этого моря развлеченій, угощеній, привътствій, отвътовъ и проч., совъщаніямъ интернаціональнаго конгресса было отведено всего только по два часа (отъ 10 до 12 ч., такъ какъ въ 12 всѣ вѣнцы объдаютъ) впродолженіе четырехъ дней, — итого 8 часовъ на всѣ дебаты, да еще съ прибавкой кънимъ привътственныхъ рѣчей при началѣ. Немного времени для обсужденія возвышенныхъ задачъ литературнаго дѣла. Собственно не для такихъ задачъ и съѣхались господа литераторы. Правда, предыдущіе конгрессы показывали скромное стремленіе и къ интересамъ нематеріальнымъ. По высказанному, въ Лиссабонѣ желанію въ сезонѣ 1880—1881 годовъ нѣкоторые литераторы прочитали въ Парижѣ нѣсколько безплатныхъ лекцій о выдающихся

писателяхъ французскихъ и иностранныхъ. Въ Лиссабонъ же были постановлены и болъе фантастическія ръшенія, напримъръ, учрежденіе въ разныхъ странахъ національныхъ комитетовъ, которые бы, между прочимъ, слъдили за искорененіемъ обычая небрежно переводить съ иностранныхъ языковъ, и тому подобное. Но это были только маленькія украшенія главныхъ заботъ конгрессовъ: объ охранъ литературной собственности, о международной оплатъ литературнаго творчества, о томъ, чтобы нажить лишнюю копейку продажей литературнаго товара на иностранномъ рынкъ. И вънскій конгрессъ собрался для того же, да развъ еще за тъмъ, чтобы покутить, повеселиться и наболтать банальныхъ комплиментовъ другь другу, а главное, самимъ себъ.

Съ самаго начала праздниковъ эта своеобразная картина конгресса вырисовалась во всей своей красоть. Великольпная зала общества садоводства была празднично разукрашена, и по стынамъ ея видивлись надписи внушительнаго содержанія, напримъръ: «Жить есть радость, потому что душа бодра», — «Наслажденье говорить приходить въ должный часъ, и правдиво течетъ слово изъ сердца и изъ устъ», — «Я человъкъ и это значитъ быть борщомъ», — «Что такое долгъ? — запросъ дня!» — наконецъ, знаменитый эпиграфъ, поставленный Лессингомъ на его драмъ «Натанъ мудрый»: Introite, пат et hic dii sunt (войдите, — и здъсь вы встрътите боговъ).

— Скромно!—подумалось мнв, когда я прочиталь эту надпись: вогь ужъ именно правдиво течеть слово изъ сердца. Что такое божественное собираетесь вы дълать? радостно вамъ жить, но не оттого, что душа бодра, вашъ долгъ есть запросъ дня, а запросъ дня есть гонораръ, и изъ-за него-то вы и хотите быть борцами.

Литераторовъ собралось въ Въну много: французовъ, нъмцевъ, испанцевъ, итальянцевъ, англичанъ и проч. Было немало поляковъ, проъздъ которыхъ изъ Варшавы и Кракова былъ значительно облегченъ сбавкой тарифа на австрійскихъ желізныхъ дорогахъ. Нізсколько выдающихся писателей обращали на себя особенное внимание: Ульбахъ, Ратисбонъ, Крашевскій, Боденштедть и другіе. Русскихъ литераторовъ было только трое: Евгеній де-Роберти, Венгеровъ и я. Съ нами всѣ были очень любезны, но все-таки чувствовалось, что на насъ глядять, какъ на какомъ нибудь семейномъ праздникъ глядять на дальнихъ родственниковъ, безъ которыхъ можно бы и обойтись. Оттого мы и держались все время вивств, отгоняя оть себя полурусскаго г. Мишле, неизвъстно почему затесавшагося въ среду литераторовъ. Откуда взялся этотъ Мишле, я не знаю, но въ концъ семидесятыхъ годовъ онъ явился въ Петербургъ грознымъ уполномоченнымъ отъ общества французскихъ литераторовъ, которыхъ увърилъ, что заставить признать ихъ права литературной собственности въ Россіи. Французы, жадные на гонораръ, повърили ему, дали широкія полномочія, а Мишле, напустивши имъ туману въ глаза, печаталъ обличительныя статьи, затъвалъ процессы, которые ничъмъ не кончались, и впослъдствіи совсъмъ исчезъ съ горизонта. Во время вънскаго литературнаго конгресса онъ еще у французовъ разыгрывалъ роль, и явился въ Въну, чтобы высказать нъсколько грязныхъ словъ по адресу русскихъ переводчиковъ и получить замъчаніе одного французскаго писателя, что «пока, моль, никакого толковаго дъла мы, отъ васъ не видимъ, а только слышимъ слова и объщанія». Мишле тоже выдавалъ себя за русскаго и старательно примазывался къ намъ, но мы отъ него сторонились.

Душою конгресса былъ французъ Жюль Лермина, который собственно и затвялъ эту интернаціональную ассоціацію и состоялъ ея секретаремъ. Это былъ типичный парижскій журналисть, boulewardier, выросшій среди прессы, дравшійся и на какой-то баррикадѣ, и на дуэли съ Полемъ Касаньякомъ. Небольшого роста, худой, съ изборожденнымъ оспой желговатымъ лицомъ, въ усахъ и съ жидкими короткими волосами, но съ блестящими глазками, юркій Лермина носился среди вѣнскихъ гостей, какъ волчекъ, со всѣми разговаривая, смѣясь и пошучивая.

— Вотъ они, трое русскихъ, —говорилъ онъ, встръчая насъ, — какъ три анабаптиста въ оперъ; но самый русскій изъ нихъ всетаки Крыловъ. Онъ со своими спокойными, зеленоватыми глазами не задумается всадить вамъ ножъ въ бокъ, вы и опомниться не успъете.

Конечно, мои товарищи отвъчали на такое замъчание дружнымъ смъхомъ, зная меня за человъка, можетъ быть, даже излишне миролюбиваго.

Веселье царило на конгрессъ неудержимое. На одномъ изъ об'йдовъ кто-то изъ присутствовавшихъ разразился такимъ юмористическимъ монологомъ и вызвалъ имъ такой хохотъ, что тутъ же театральный антрепренеръ, Буковичъ, заключилъ съ разсказчикомъ какой-то ангажементь для эксплуатаціи его юмора. Не менъе самоуслажденія сказывалось въ рібчахъ, въ горячихъ привітствіяхъ. Предсъдатель общества «Конкордія» говориль: «Если гордость есть порокъ, то я объявляю себя виновнымъ въ этомъ порокъ и позволяю себъ прибавить, что я на это имъю право, такъ какъ привътствую оть имени литературнаго общества «Конкордія» выдающихся гостей, прівхавшихъ къ намъ со всвхъ частей Европы. Мы были бы счастливы, если бы могли доказать вамъ, что австрійское, такъ часто хваленое, гостепріймство не пустое слово. Мы были бы особенно счастливы, если бы въ то же время могли доказать, что австрійскій народъ, въ діль духовной культуры, не уступаеть никакой другой націи. Позвольте надіяться, что вамъ наша страна и наша столица понравятся, и что вы увезете съ собой доброе воспоминаніе о насъ». Французъ Ренье на Земмерингъ провозглашалъ тостъ: «Я пью здоровье присутствующихъ и отсутствующихъ просвъщенныхъ людей, посвятившихъ себя благородной задачъ руководить работами друзей и товарищей, на трудномъ пути къ достойному ихъ значению. Почеть и честь знаменитъйшему изъ европейскихъ знаменитостей, уважаемой главъ великой космополитической семьи писателей, слава тому, чье имя горить на вершинъ нашего зданія, неугасаемымъ блескомъ, слава нашему общему учителю, Виктору Гюго!». Полякъ Шимановскій на Каленбергь, предлагая тость за австрійскую націю, говориль: «Какъ уже было сказано до меня, именно на Каленбергъ дали польскія войска отпоръ дикимъ турецкимъ ордамъ и въ союзъ съ храброй австрійской арміей отстояли Вѣну. Этой битвѣ подъ Вѣной обязаны мы тъмъ, что вмъсто турокъ и ихъ угощенія, риса варенаго въ бараньемъ салъ, мы находимся въ гостяхъ у цвъта австрійской интеллигенціи, которую мы знаемъ, цінимъ и любимъ, и которая приготовила намъ хлъбосольный блестящій пріемъ». Въ спеціально нъмецкомъ конгрессъ разговаривали въ этомъ направлении еще откровените. Правда, туть пускали въ ходъ щелчки чужеземцамъ только передъ своими земляками, но чужеземцы могли глотать братскій ядь въ газетныхъ отчетахъ. Такъ, напримъръ, нъкто Гуго Витманъ заявлялъ своимъ нъмецкимъ сотоварищамъ: «Бургтеатръ (вънскій императорскій театръ), безъ сомнънія, первый театръ Германіи. Нигдъ, какъ тамъ, не играють такъ хорошо нашихъ классиковъ и французскилъ пьесъ, дающихъ намъ такъ много радости и горя. Часто, смотря на здёшнія афиши, подумаешь, что находишься не въ Вънъ, а на Итальянскомъ бульваръ въ Парижъ. Нъмецкій писатель постоянно долженъ уступать мъсто французскому, и парижскіе господа не могли бы оказать намъ большей услуги, какъ ръпившись разъ навсегда писать свои пьесы еще хуже, чъмъ ихъ пишутъ теперь».

Я привель болье яркіе примъры, но это національное самохвальство проявлялось не въ одномъ только призывъ француза преклониться передъ литературнымъ богомъ-французомъ, не въ одномъ заявленіи поляка, что безъ польскаго войска, можетъ быть, не было бы Въны,—изъ-за этого самохвальства чуть было не случилось столкновенія между братьями литераторами нъмцемъ и французомъ. Нъмецъ на одномъ изъ вечеровъ потребовалъ, чтобы музыка сыграла сенсаціонный и обидный для французовъ гимнъ «Стража на Рейнъ» (Wacht am Rein), французъ тотчасъ же потребовалъ марсельезу. Ихъ успокоили тъмъ, что не сыграли ни того, ни другого. Это самохвальство сквозило и въ ласковомъ привътъ, и въ любезной улыбкъ, и въ случайно брошенномъ замъчаніи, словомъ, во всемъ базарномъ подведеніи счетовъ: кто для кого что сдълалъ и кто кому чъмъ обязанъ.

Намъ было не по себъ въ этой атмосферъ. Невольно думалось: неужели у събхавшихся литераторовъ нъть вопросовъ, болъе важныхъ, чемъ подсчитывание лишней копейки гонорара, воспеваніе своихъ заслугь и развеселый кутежъ. После дрянной речи Мишле, выставлявшей русскихъ литераторовъ пиратами, де-Роберти старался дать понять чужеземнымъ собратьямъ, что въ данную минуту у русскаго работника пера есть задачи гораздо болъе важныя, чёмъ грошевый расчеть съ иностраннымъ ввозомъ. Венгеровъ обращалъ внимание на литературную этику, намекалъ на то, что еще иностранцы будуть и у насъ черпать изъ невъдомыхъ имъ нашихъ сокровищъ, такъ какъ имъ еще незнакомы Толстой и Достоевскій. (Эти слова были какъ бы пророчествомъ, такъ оно потомъ и случилось) 1). Но все это было гласомъ вопіющаго въ пустынъ. Извъстный сочинитель отвратительно-сальныхъ романовъ, французъ Бело, кричалъ: «дайте намъ хоть нъсколько су, но заплатите намъ за то, чъмъ вы пользуетесь».

А между тёмъ намъ грезилась наша родина, со всёми несчастными увлеченіями ея юношей, дёлавшими положеніе русскаго литератора все болёе и болёе тяжелымъ. Намъ вспоминался талантливый писатель, многіе годы проживавшій въ Восточной Сибири, Чернышевскій. Молодой государь, императоръ Александръ III, только что вступилъ на престолъ; мы много слышали о его сердечной добротв. Думалось: отчего бы конгрессу не сдёлать такого добраго дёла, не попросить милости у государя за своего собрата литератора, чтобъ вернуть его изъ Сибири, дать дожить вёкъ въ лучшихъ условіяхъ жизни. Де-Роберти сообщилъ эту мысль Луи Ратисбону. Французскій писатель, пользуясь дебатами о сношеніяхъ съ русскими литераторами, разсказалъ собранію про процессъ Чернышевскаго, хотя и съ грубыми, для краснаго словца, ошибками, и предложилъ послать государю, отъ имени собравшихся въ Вёнё литераторовъ, прошеніе о помилованіи сосланнаго писателя.

Какъ ни просто и ни естественно было предложение, оно, къ величайшему нашему изумлению, вызвало въ собрании цълую бурю.

¹⁾ До какой степени тогда еще мало были знакомы съ русской литературой, доказываеть очень интересный разговоръ Венгерова съ намецкить писателемъ Боденштедтомъ, переводчикомъ Тургенева на намецкий языкъ, говорившимъ, кота и дурно, порусски. Боденштедтъ утверждатъ, что ¡Тургеневъ сталъ извъстенъ въ Германіи не столько по своему творчеству, сколько потому, что его произведенія переведены имъ, Боденштедтомъ. Когда Венгеровъ спросилъ о Толстомъ,— Воденштедтъ отозвался, что это не дурной драматическій писатель. Венгеровъ замізтилъ, что онъ спращиваеть не о поэті Алексів Толстомъ, а о романисті Льві Николаевичі; но объ немъ німецкій писатель даже и не слыхалъ,—и когда Венгеровь сталь объяснять крупное значеніе Льва Толстого,— «странно, сказаль Воденштедть, у меня такъ много знакомыхъ русскихъ, и никто мні этого не говорилъ». А между тімъ Боденштедть считался первымъ знатокомъ русской литературы въ Германіи.

Кто кричаль за предложеніе, кто противъ него, громкіе споры сливались въ общій гуль, среди котораго выдавались восклицанія порнографиста Бело:

- Вы сдълаете Чернышевскому хуже вашимъ прошеніемъ! Мы здъсь должны заниматься литературными вопросами, а не политическими.
- Это вопросъ, не касающійся политики,—крикнулъ ему Ратисбонъ:—а только гуманности.

Въ это время на каеедру ворвался редакторъ польской газеты «Варшавскій Курьеръ» Шимановскій, собраніе нъсколько затихло, и онъ заявилъ:

- Я покорно прошу не дебатировать этого вопроса, потому что въ собрани есть немало русскихъ подданныхъ, которымъ, послъ такого дебата, нельзя будеть вернуться въ Россію.
 - Я прошу того же, крикнулъ Мишле.

Насъ взорвало. Де-Роберти не выдержаль; онъ всталъ и громкимъ голосомъ сказалъ:

— Воть здёсь мы трое русскихъ: я, Крыловъ и Венгеровъ; и я объявляю отъ имени всёхъ насъ троихъ, что мы вполив сочувствуемъ предложенію г. Ратисбона, присоединяемся къ его просьбъ и нисколько не считаемъ затруднительнымъ послё этого вернуться на нашу родину.

Крики, споры сдёлались еще сильне. Между темъ пробило двенадцать часовъ; въ половине перваго отчаливаль на Дунае пароходъ, который долженъ былъ везти насъ на Каленбергъ. —Закройте заседаніе, —кричали многіе, —пора ехать на Каленбергъ! это политическое дело!.. и т. п.; предложеніе замяли, заседаніе закрыли, и всё поехали на Дунай.

Какая имъ была нужда обсуждать судьбу сосланнаго писателя, когда предстояла развеселая повздка, угощеніе, трескучія рѣчи и смѣхотворные разсказы. Воть если бы кто нибудь предложиль обратиться къ русскому царю съ петиціей о томъ, чтобы русской полиціи было приказано блюсти денежные интересы иностранныхъ писателей,—о! тогда даже пирушка на Каленбергъ не остановила бы сочувственныхъ дебатовъ.

Мы сѣли вчетверомъ въ одну коляску: Ратисбонъ и насъ трое, печальные отъ этой неудачи. Когда мы ступили на пароходъ, польскіе литераторы окружили насъ, жали намъ руки, высказывали свое сочувствіе предложенію, утверждая все-таки, что въ ихъ положеніи надо было протестовать. Намъ это казалось страннымъ: предложеніе было самое скромное и уже польскаго дѣла вовсе не касалось. Да, наконецъ, поляки просто могли въ этомъ обсужденіи не участвовать. Я пишу это нисколько не въ укоръ нашимъ польскимъ сотоварищамъ по конгрессу. Предложеніе явилось для нихъсовершенно неожиданнымъ, породило горячій споръ, съ экстра-

вагантными возгласами, ничего нътъ мудренаго, что польскіе писатели преувеличили значеніе факта. Дъло не въ нихъ, а въ томъ, какъ ко всему этому отнеслась вънская пресса.

Въ тотъ же день вечеромъ, журналистъ Шебсъ, редакторъ и издатель распространенной вънской газеты «Tagblatt», даваль праздникъ въ честь обоихъ конгрессовъ. Два этажа большого дома были пріурочены къ чествованію гостей, которыхъ съ предупредительной любезностью встрвчаль хозяинь и роскошно разодетая его дочка. Гостей угощали закуской, виномъ, чаемъ, какимъ-то особымъ турецкимъ кофе и даже маленькимъ спектаклемъ. Въ одной изъ залъ была устроена небольшая сцена, на которой пъли пъвцы, играли музыканты, комикъ Жирарди исполнялъ опереточные номера, и была разыграна пълая пьеска на французскомъ языкъ: сцена монологъ «Toto chez Tata». Миловидная молоденькая актриса императорскаго бургтеатра, Стелла Гогенфельсъ, хорошо владъвшая французскимъ языкомъ, представляла мальчика, школьнека, разсказывающаго, какъ онъ попалъ въ карцеръ за то, что отъ имени оскорбленнаго класса ходилъ къ какой-то кокоткъ съ протестомъ противъ ея невъжества. Мы, трое русскихъ, имъли тоже пригласительные билеты на этотъ вечеръ и ръшили итти вмъстъ, для чего и согласились собраться у де-Роберти, такъ какъ гостиница, въ которой онъ остановился, была ближе нашихъ отъ дома редакціи, гдъ давался праздникъ. Въ назначенный часъ я прихожу къ де-Роберти, застаю тамъ и Венгерова, при чемъ первый встръчаетъ меня словами:

— Хорошо же насъ отдълали! Посмотрите-ка, что про насъ пишутъ.

И онъ подалъ мив вечернюю газету. Пока мы вздили на Каленбергъ, репортеръ уже успълъ написать, а газета отпечатать отчеть объ утреннемъ засъдании, съ инцидентомъ о Чернышевскомъ включительно. Вотъ что я прочиталъ въ газетъ. Приведя предложение Ратисбона и протестъ Шимановскаго и другихъ польскихъ писателей, репортеръ продолжаетъ такъ:

«Мишле (Петербургъ). Я какъ русскій, протестую противъ этого предложенія. Крыловъ и другіе русскіе и поляки: мы протестуемъ всѣ!—Вокругъ Ратисбона собирается группа, которая ожесточенно кричить и споритъ между собой. Возбужденіе собранія доходитъ до высшей степени. Голоса: на баллотировку! не нужно баллотировки! къ очередному порядку! закрыть засѣданіе! la cloture!

«Предсъдатель ставить на баллотировку вопросъ: хочеть ли вообще собраніе обсуждать предложеніе? (Крики: да! да! ньть! нъть!) Баллотирують нъсколько разъ, пока наконець удается констатировать, что большинство противъ обсужденія предложенія. «Секретарь Альфонсъ Пажесъ (у предсъдательскаго стола). Я думаю, мой д угь, Ратисбонъ, предполагалъ, что его предложеніе

будеть принято единогласно. Но такъ какъ оно вызвало споръ, и въ виду тяжелыхъ послъдствій, которыя бы оно могло имъть, я предлагаю даже не заносить въ протоколъ весь этотъ случай. (Бурныя одобренія и согласіе).

«Лёвенталь (Берлинъ). Желающіе обратиться съ такою просьбой къ царю могуть это сдълать отъ своего имени, но не отъ имени конгресса. (Одобреніе).

«Среди продолжающихся споровъ Ратисбонъ спѣшитъ на каеедру и заявляеть съ большимъ волненіемъ: я могу примириться съ тѣмъ, что мое предложеніе будеть отклонено, но я протестую противъ того, что его хотять затаить, не внося въ протоколъ, какъ постыдное дѣло. (Бурные протесты и одобренія).

«Пажесъ. Я сдѣлалъ мое предложеніе не для того, чтобы затаить предложеніе Ратисбона, которое, конечно, считаю великодушнымъ, но только изъ братства къ нашимъ сотоварищамъ, считающимъ это предложеніе для себя опаснымъ.

«Большинство другихъ членовъ собранія и, главнымъ образомъ, Бело, оживленно подтверждаютъ эти слова. Ратисбонъ и его единомышленники возражаютъ; поднимается ужасный шумъ. Русскіе стремительно набрасываются на Ратисбона. (Die Russen wenden sich in stürmischer Weise gegen Ratisbonne). Предсъдатель, неумолкаемо звонитъ; но проходитъ нъсколько минутъ, пока шумъ до нъкоторой степени стихаетъ.

«Среди общаго возбужденія предсёдатель объявляеть, что предложеніе Пажеса принято, послё чего засёданіе закрыто».

Прочитавъ эти строки, я только руками развелъ; это было до того глупо, что даже нельзя было на это сердиться. Какъ?--мы же затвяли все предложеніе, мы же заявили нашу солидарность съ Ратисбономъ, наконецъ именно съ нами онъ повхалъ въ одной коляскъ,-и про насъ же пишутъ, что мы протестовали и на него набросились. Мы отправились на вечеринку редактора; тамъ были уже всв члены конгресса, конечно, давно забывшіе о Чернышевскомъ за стаканомъ вина, любуясь на куртку и панталоны актрисы, изображавшей мальчика. Мы подозвали къ себъ въчно смъющагося . Пермина и спросили его: кто завтра будетъ предсъдателемъ засъданія? Оказалось, что чередъ быль за Луи Ульбахомъ. Потревожили мы и этого стараго французскаго романиста и, собравшись небольшой кучкой, потребовали, чтобы въ завтращнемъ засъданіи председатель высказаль, что мы, трое русскихь, оскорблены газетной заметкой и протестуемъ противъ нея, такъ какъ вполне раздъляли и раздъляемъ желаніе Ратисбона. Французы предлагали намъ лучше напечатать нашъ протестъ въ газетахъ, но мы настаивали. Инциденть совершился въ собраніи, клевета высказана «истор. въстн.», февраль, 1900 г., т. LXXIX.

про членовъ собранія, стало быть, и собраніе оскорблено, и должно это высказать рѣчью предсѣдателя.

— Если вы этого не сдълаете, — сказали мы, — то мы завтра заявимъ въ собраніи, что не желаемъ имъть никакаго дъла съ такимъ конгрессомъ и уйдемъ изъ засъданія.

Ульбахъ сталъ редактировать предстоявшее ему заявленіе, при чемъ, говоря о Ратисбонъ, назвалъ его «нашъ уважаемый товарищъ», а насъ назвалъ «эти господа» (сез messieurs). Венгеровъ обратилъ мое вниманіе на это, и я спросиль Ульбаха: отчего же мы тоже не товарищи въ конгрессъ, и почему такая разница въ редакціи? Ульбахъ вамътилъ свою безтактность и поспъшилъ ее исправить.

На другой день, еще конгрессъ не успъть собраться, появилась утренняя «Нъмецкая газета», въ которой была напечатана неимовърно гнусная статья по поводу инцидента о Чернышевскомъ. Въ этой статът, среди всякихъ наглыхъ выходокъ по адресу Россіи, между прочимъ было напечатано слъдующее:

«Россія—какое тяжелое количество давленія и горя заключается въ этомъ маленькомъ словѣ! Кто бы этого не зналъ, кто проспаль бы всю современную исторію царства, тотъ могъ бы съ чувствомъ печали обсудить это сегодня, въ залѣ ремесленнаго союза, когда русскіе и польскіе члены конгресса отстранялись въ ужасѣ отъ предложенія Ратисбона и, трепеща отъ волненія, между прочимъ кричали: не хотятъ ли имъ сдѣлать невозможнымъ возвращеніе въ отечество. Эти люди открыто боятся, что просьба за Чернышевскаго будеть имѣть для нихъ результатомъ его судьбу».

Въ 10 часовъ утра по обыкновенію открылось зас'єданіе конгресса. Въ самомъ начал'є его, предс'єдатель, Луи Ульбахъ, обратился къ собранію со сл'єдующимъ заявленіемъ «къ св'єд'єнію конгресса» (какъ потомъ значилось въ газетныхъ отчетахъ):

«Въ отчетахъ вѣнскихъ газетъ касательно инцидента о Чернышевскомъ, къ которому мы уже болѣе не хотимъ возвращаться, находится достойная сожалѣнія ошибка, которую желають исправить представители Россіи: гг. Крыловъ, Роберти и Венгеровъ.

«Наши товарищи русской прессы были выставлены, какъ будто они протестовали противъ предложенія нашего уважаемаго товарища Ратисбона; они считають необходимымъ это исправить, и объяснить, что они высказывались, что этотъ вопросъ уже обсуждался въ русской прессъ, и что они отъ всего сердца раздъляють желаніе Ратисбона. Мы просимъ здъсь присутствующихъ товарищей прессы принять къ свъдъню эту поправку».

Конечно, никакого геройства туть съ нашей стороны не было, но для той среды, изъ которой выходили вышепроизведенныя строки объ ужасномъ положеніи русскихъ представителей конгресса, мы бы должны были казаться, если не героями, то хоть отчаянными смёльчаками, не боящимися ссылки въ Сибирь за гуманное предложение Ратисбона. Такая смёлость со стороны француза или нёмца была бы награждена неумолкаемыми громкими рукоплесканіями, во всякомъ случаё не менёе громкими, чёмъ тё, которыми отвёчали на всякіе пошлые выкрики и клоунскія кривлянья на обёдахъ и завтракахъ. Но мы—люди русскіе, и потому наше заявленіе было встрёчено самыми жиденькими хлопками, о которыхъ газеты даже не сочли нужнымъ помянуть. Все, чего мы могли добиться, и то только по моему требованію—это того, чтобы наше заявленіе было занесено въ протоколъ. Польскіе писатели съ своей стороны тоже сдёлали заявленіе, которое было въ томъ же засёданіи передано членамъ редакцій вёнскихъ газетъ и на другой день въ нихъ напечатано. Вотъ оно:

«Уважаемая редакція! отъ имени моихъ земляковъ, сочленовъ интернаціональнаго литературнаго конгресса, прошу васъ напечатать въ вашей уважаемой газеть нижеслыдующія строки:

«Отчеть о дебать по новоду предложенія г. Ратисбона быль изложень въ нъкоторыхъ газетахъ ошибочно. Не входя въ дальнъйшія подробности, мы повторяемъ здъсь объясненіе, котороз высказали члены конгресса, прівхавшіе изъ царства Польскаго. Въ немъ значится:

«Мы объявляемъ, что не имѣемъ никакого права соглашаться на дебаты, по поводу предложенія г. Ратисбона, и что мы въ этомъ дълъ не будемъ участвовать ни въ преніяхъ, ни въ случайномъ рѣшеніи баллотировки.

«Примите выражение моего отличнаго и высокаго уважения.

«Въна. 22 сентября 1881 г. Вацлавъ Шимановскій».

И опять пошли пирушки, веселье, восхваление своихъ доблестей, великое торжество, такъ не кстати омраченное предложениемъ Ратисбона. На прощальномъ вечеръ, на седьмой день конгресса, снова въ залъ общества садоводства, французъ Ульбахъ сталъ опять таки разсказывать о божественномъ призваніи Виктора Гюго, о подробностяхъ его жизни, о своей дружбъ съ нимъ; другіе разсыпались въ благодарностяхъ обществу «Конкордія» и Вънъ за угощенія, а про случай о Чернышевскомъ вспомнили только съ легкимъ укоромъ. Итальянецъ Гобороліо говорилъ: «мы старательно отдалялись ото всего, что хоть нёсколько имёло видъ политики. И воть нашь другь, Луи Ратисбонь, охваченный великодушной мыслью, подняль свой голось и высказаль слово оть сердца, полное интернаціональнаго состраданія. (Одобренія). Это предложеніе было единовременно встръчено и сочувствіемъ и споромъ. Мы еще достаточно сильны, чтобы не нуждаться выступать на эту дорогу (noch sind wir stark genug um diesen Weg nicht betreten zu müs-

 $. \hbox{\scriptsize Digitized by } Google$

sen). Нѣтъ, никакой политикой мы не занимались,—и все-таки наша работа возносится выше политики на службѣ гуманности». Что хотѣлъ сказать этими туманными словами почтенный потомокъ Гракховъ и Муція Сцеволы?—осужденіе Ратисбону, разукрашенное мишурой пустозвонной похвалы, а главное восхваленіе себѣ за болтовню и кутежъ, за отсутствіе общечеловѣчнаго стремленія, потому что, если литература есть духовная жизнь народа, какъ же можетъ она совсѣмъ сторониться отъ политики? Даже самъ Ратисбонъ на прощанье выразилъ какъ будто сожалѣніе о томъ, что поднялъ эту исторію о Чернышевскомъ. Прочитавъ стихотвореніе «La ротме» изъ своей извѣстной книги «La comedie enfantine», Ратисбонъ обратилъ особенное вниманіе слушателей на то, что въ этихъ стихахъ онъ описываетъ несчастное положеніе маленькаго Людовика XVII-го, отданнаго во время революціи въ работники сапожнику Симону.

— Вы видите, — сказалъ Ратисбонъ, — мое состраданіе направляется не только къ Сибири, невинные и несчастные принцы тоже возбуждають во мнѣ сочувствіе. Стало быть, и не революціонеръ, какъ бы это могли думать, высказалъ извѣстное предложеніе на конгрессѣ, надѣлавшее немного шуму. По этому поводу я не могу удержаться отъ удовольствія сообщить здѣсь, какъ достойный постскриптумъ конгресса, что, по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Петербурга. Чернышевскій, какъ и другіе несчастные осужденные, смѣютъ имѣть основательныя надежды на помилованіе». (Демонстративное продолжительное одобреніе).

Этимъ бы, кажется, и должно было кончиться дёло, но гуманность вёнскихъ газеть именно въ томъ и заключалось, чтобы сдълать Чернышевского орудіемъ для злословія про русскихъ и Россію. Еще за день до прощальнаго вечера въ газетъ «Illustriertes Wiener Extrablatt», на первой страницъ быль напебольшой портреть Чернышевского съ ужасающимъ и чатанъ навраннымъ описаніемъ его судьбы. И еще нъсколько разъ пость того, несмотри на заявленія наши и Ратисбона, тамъ и здёсь появлялись мелкія газетныя замітки съ ядовитымъ сожалініемъ объ участи русскаго писателя, положеніе котораго такъ позорно и низко, что онъ даже просить о мплосердіи не сметь. Кажется, иные члены конгресса были очень недовольны, услыхавъ добрую въсть въ прощальной речи Ратисбона, и, конечно, такимъ гуманистамъ было бы куда пріятніве, еслибъ надъ Чернышевскимъ стряслась еще новая худшая бъда; тогда, по крайней мъръ, еще болъе можно было бы услаждаться, выливая потокъ наглой брани на наше отечество.

Вотъ съ какимъ воспоминаніемъ мы убхали изъ Вѣны, которая такъ заботилась, по словамъ предсѣдателя общества «Конкордія», доказать свое такъ часто хваленое гостепріимство.

Какъ извъстно, вскоръ послъ этого, въ 1883 году, Чернышевскій былъ возвращенъ въ Европейскую Россію и свои послъдніе годы прожилъ въ Астрахани, а затъмъ въ Саратовъ, гдъ работалъ по порученію издателя Солдатенкова надъ переводомъ всеобщей исторіи Вебера. Въ Саратовъ Чернышевскій и скончался 17 октября 1889 года.

Викторъ Крыловъ.

YHUBEPCHTETCKIE YCTABЫ').

(1755—1884 rr.).

VI.

О УСТАВУ 1863 года, университеты раздѣлены были на четыре факультета: историко-филологическій, физико-математическій, юридическій и медицинскій (вмѣсто послѣдняго, въ Петербургскомъ университетѣ учрежденъ былъ факультетъ восточныхъ языковъ). Каждый университетъ, подъ главнымъ начальствомъ министра народнаго просвѣщенія, ввѣрялся попечителю учебнаго округа, а въ ближайшемъ

управленіи состояль у избраннаго совътомь ректора. Составными частями университетскаго управленія, сверхъ факультетовъ, являлись:
1) университетскій совъть; 2) правленіе университета; 3) университетскій судъ и 4) проректоръ или инспекторъ. Каждый факультеть состояль изъ декана, профессоровъ ординарныхъ и экстра-ординарныхъ, доцентовъ и лекторовъ. Сверхъ того, университетамъ предоставлялось имъть привать-доцентовъ въ неограниченномъ числъ. Деканы подлежали избранію факультетскаго собранія изъ числа ординарныхъ профессоровъ на 3 года; они предсъдательствовали въ собраніи и имъли ближайшее наблюденіе за преподаваніемъ. Кругъ факультетскаго въдънія намъченъ быль широко, при чемъ часть дъль рѣшалась собственною властью факультета, часть

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вістникь», т. LXXIX, стр. 324.

же, и притомъ наибольшая, по утвержденіи совътомъ. Къ дѣламъ первой категоріи относились: мъры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ, программы на конкурсъ для занятія вакантныхъ каоедръ, одобреніе сочиненій, издаваемыхъ университетами, программы преподаванія; ко второй — избраніе должностныхъ лицъ, распредѣленіе и порядокъ преподаванія, предложенія о раздѣленіи факультета на отдѣленія, о соединеніи и раздѣленіи каоедръ и замѣнѣ однѣхъ изъ нихъ другими, сужденія объ обязательности предметовъ для студентовъ, выборъ стипендіатовъ, оставляемыхъ при университетѣ, избраніе лицъ для командировки за границу, одобреніе диссертацій, избраніе задачъ на конкурсныя медали, распредѣленіе суммъ, назначенныхъ по штату на учебныя пособія по факультетамъ.

По новому уставу, число каеедръ и составъ преподавательскаго состава были значительно увеличены. Такъ, для историко-филологическаго факультета положено было 11 каеедръ съ 12 профессорами и 7 доцентами; для физико-математическаго—12 каеедръ, съ 16 профессорами и 3 доцентами; для юридическаго—13 каеедръ при 13 профессорахъ и 6 доцентахъ; на медицинскомъ—17 каеедръ, при 16 профессорахъ и 17 доцентахъ; на факультетъ восточныхъ языковъ—9 каеедръ, при 9 профессорахъ, 8 доцентахъ и 4 лекторахъ. Кромъ того, для студентовъ православнаго исповъданія учреждена была каеедра богословія, а для преподаванія новъйшихъ языковъ (нъмецкаго, французскаго, англійскаго и итальянскаго) предназначалось четыре лектора.

Предълы попечительской власти были слабо опредълены новымъ уставомъ. Попечитель долженъ былъ примънять всъ нужныя, по его усмотрънію, мъры, чтобы принадлежащія къ университету мъста и лица исполняли свои обязанности и, въ случаяхъ чрезвычайныхъ, уполномочивался дъйствовать всъми способами, хотя бы они и превышали его власть, съ обязанностью только о подобныхъ случаяхъ доводить до свъдънія министра; онъ могъ дълать совъту, когда признаетъ это нужнымъ, предложенія, какъ по дъламъ университета, такъ и учебнаго округа.

Ректоръ являлся лицомъ, избираемымъ совътомъ на 4 года изъ ординарныхъ профессоровъ, и утверждался высочайшимъ приказомъ; на него возложено было ближайшее наблюденіе за благоустройствомъ университста, онъ предсъдательствовалъ въ совъть и только въ экстренныхъ случаяхъ принималъ необходимыя мъры по своему усмотрънію, безъ въдома совъта или правленія. По преимуществу званіе ректора было почетное: на немъ лежало представительство и исполнительная власть, въ предълахъ постановленій совъта и правленія. Власть совъта обнимала собою утвержденіе дъль, по представленіямъ факультетовъ, каковое дълалось безъ утвержденія попечителя; другая серія дъль ръшалась лишь съ

въдома попечителя. Сюда относились: мъры и средства къ усиленію ученой дъятельности университетовъ, избраніе доцентовъ, лекторовъ, лаборантовъ и прочихъ представителей учебной университетской жизни, до инспектора включительно, допущение привать-доцентовъ къ чтенію лекцій, избраніе почетныхъ членовъ и чиновниковъ университетскихъ канцелярій, избраніе судей и кандидатовъ въ университетскіе судьи, изданіе инструкцій для руководства проректору или инспектору, а также изданіе правилъ: а) о порядкъ взиманія, распредёленія и употребленія суммъ, собираемыхъ за слушаніе лекцій; б) о прієм'в студентовъ въ университеть; в) о допущеніи постороннихъ лицъ къ слушанію лекцій; г) объ обязанностяхъ учащихся и о порядкъ въ университетъ; д) о взысканіяхъ за нарушеніе этихъ обязанностей и порядка, и е) о ділопроизводствъ въ университетскомъ судъ. Особо важныя дъла шли черезъ попечителя на утверждение министра, какъ, напримъръ, избрание главныхъ должностныхъ лицъ университета и удаленіе таковыхъ, раздъленіе факультетовъ на отдъленія и утвержденіе каоедръ.

Правленіе состояло изъ ректора, декановъ и инспектора, подававшаго голосъ лишь по студенческимъ дъламъ. Компетенція правленія сводилась къ въдънію университетскаго хозяйства и разбирательствамъ по студенческимъ дъламъ, взысканіямъ съ провинившихся и преданію последнихъ университетскому суду. Правленіе завъдывало пособіями студентамъ, освобожденіемъ ихъ отъ платы, сверхштатными ассигновками, а также управленіемъ всей университетской собственностью. Последняя категорія дель разрешалась правленіемъ съ утвержденія попечителя, помимо совъта. Университетскій судъ состояль изъ трехъ избранныхъ совътомъ профессоровъ; на случай бользни или отсутствія таковыхъ, избирались также и кандидаты. Одинъ изъ судей долженъ былъ быть непремънно юристомъ, и на него возлагалось предсъдательство при разбирательствахъ. Судьи и кандидаты утверждались попечителемъ. Вѣдънію университетскаго суда подлежали передаваемыя ему изъ правленія діла касательно студентовъ: 1) о нарушеніи ими въ зданіяхъ и учрежденіяхъ университета порядка, особыми правилами каждаго изъ нихъ установленнаго; 2) о столкновеніяхъ между студентами, съ одной стороны, и преподавателями и должностными лицами университетскими, съ другой, хотя бы таковыя столкновенія произошли и внъ зданій и учрежденій университета. Правила о взысканіяхъ, налагаемыхъ на студентовъ инспекторомъ, ректоромъ, правленіемъ и судомъ, а также о порядкъ дълопроизводства въ судъ не были предръшены общимъ уставомъ, а были отданы на усмотръніе университетскихъ совътовъ, по утверждении ихъ попечителями.

Влижайшее въ университетъ наблюдение за исполнениемъ правилъ, установленныхъ для студентовъ и другихъ слушателей возложено было на особое лицо, избираемое совътомъ изъ среды своихъ

членовъ или изъ стороннихъ чиновниковъ. Въ первомъ случав такое лицо именовалось проректоромъ, во-второмъ— инспекторомъ. Какъ тотъ, такъ и другой утверждались министромъ. Въ своей двятельности названныя лица должны были руководствоваться инструкціей, данной имъ совътомъ, утвержденной попечителемъ и основанной на подлежащихъ параграфахъ устава 1863 года. При безотлагательной же спъшности дъла, эта университетская администрація могла принимать экстренныя мъры, съ разръшенія на сей предметь ректора. Въ помощь проректору и инспектору, для наблюденія за порядкомъ, назначалось нъсколько помощниковъ-субъннспекторовъ, а для дълопроизводства—секретарь по студенческимъ дъламъ.

Въ студенты университетовъ, согласно новому уставу, положено принимать безъ вступительнаго экзамена молодыхъ людей, достигшихъ 17-ти-лётняго возраста и при томъ окончившихъ успёшно гимнавическій курсъ; но при этомъ совъту университета предоставлено было въ тъхъ случаяхъ, когда онъ признаетъ нужнымъ, провърить степень знаній желающихъ поступить въ университеть. Пріемъ студентовъ быль освобожденъ оть излишнихъ формальностей и со стороны вновь поступившихъ отбиралась лишь подписка въ соблюдени выработанныхъ университетомъ правилъ, въ коихъ ясно обозначены были вапрещаемыя дъйствія и соотвътствующія онымъ взысканія. Если нарушеніе студентомъ этихъ правилъ сопровождалось какимъ либо уголовнымъ преступленіемъ, то, по исключеніи виновнаго университетскимъ судомъ изъ университета, онъ посылался съ препровождениемъ копіи съ приговора объ исключеніи къ уголовному суду. Ношеніе формы было отмѣнено, и виъ зданій и учрежденій университета студенты подчинены были полицейскимъ установленіямъ на общемъ основаніи. Никакая организація студенческой общины допущена не была, и студенты были признаны «отдёльными посётителями университета», не имеющими между собою ничего общаго, кром' определенных и формальных в академическихъ обязанностей.

Полный курсъ университетскаго преподаванія былъ опредѣленъ четырехлѣтній, а для медицинскихъ факультетовъ — пятилѣтній. Правильнаго общаго контроля надъ занятіями студентовъ установлено уставомъ не было, и въ этомъ отношеніи каждому университету предоставлено было опредѣлить, съ утвержденія попечителя, собственный контроль, который бы по педагогическимъ соображеніямъ и мѣстнымъ условіямъ былъ признанъ наиболѣе удобнымъ. Переходъ съ курса на курсъ обусловливался испытаніями, а для поощренія въ занятіяхъ студентамъ предлагались ежегодныя задачи, удовлетворительное выполненіе которыхъ награждалось медалями или почетными отзывами. Студенты, хорошо окончившіе полныя выпускныя испытанія, удостопвались, по представленіи дис-

сертаціи, степени кандидата, а выдержавшіе это испытаніе лишь удовлетворительно и не представившіе диссертаціи или слабыя диссертаціи, удостоивались званія дѣйствительныхъ студентовъ. Для поощренія занятій, кромѣ медалей, студентамъ разрѣшено было выдавать стипендіи и пособія. Годовая плата за слушаніе лекцій опредѣлена была для столичныхъ университетовъ въ 50 рублей, а для провинціальныхъ—въ 40 рублей, каковые должны были вноситься по полугодіямъ.

Что касается преподавателей, то въ новомъ уставѣ наиболѣе характерными въ отношеніи ихъ были правила объ избраніи ихъ на соотвътствующія канедры. Это избраніе совершалось по баллотировкъ въ факультетахъ и по перебаллотировкъ въ совътъ. Избраннымъ считался получившій наибольшее число голосовъ. Профессоры, по избраніи ихъ сов'томъ, утверждались министромъ, а доценты и лекторы—попечителемъ округа. Въ тъхъ случаяхъ, когда каоедра оставалась почему либо незамъщенною въ теченіе года избраннымъ отъ совъта кандидатомъ, то министру предоставлялось право назначить на эту канедру лицо, по своему усмотренію, если только оно удовлетворяло требуемымъ отъ профессора условіямъ. Сверхъ того, отъ министра зависъло назначить во всякое время сверхштатныхъ профессоровъ изъ лицъ, отмъченныхъ особыми дарованіями, научными заслугами и педагогической опытностью. Лица, искавшія званія привать-доцента и выполнявшія требованія по сему предмету, обусловленныя уставомъ въ отношеніи своей ученой компетентности, допускались совътомъ и, съ утвержденія попечителя, къ чтенію въ университеть курса по избраннымъ имъ наукамъ въ качествъ приватъ-доцентовъ, за что имъ не полагалось опредъленнаго штатомъ вознагражденія. Трудъ ихъ по представленіи о томъ факультета могь быть награжденъ совътомъ изъ спеціальныхъ средствъ. Приватъ-доцентамъ разрѣшалось чтеніе лецкій по программъ, одобренной властью факультета, и они могли пользоваться всеми научными и вспомогательными средствами университета.

Въ новомъ уставъ подробно было сказано объ ученыхъ степеняхъ, способахъ и условіяхъ ихъ полученія, о почетныхъ членахъ, о средствахъ для развитія ученой дъятельности университетовъ, въ образъ основанія ученыхъ обществъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденій, о правахъ и преимуществахъ университетъ, о пенсіяхъ и преимуществахъ службы въ университетъ. Въ чистъ правъ надлежить отмътить, что всъ университеты поставлены подъ особое покровительство его императорскаго величества, съ присвоеніемъ имъ наименованія «императорскаго». Они снабжены были собственною печатью, освобождены отъ платежа въсовыхъ денегъ, гербоваго сбора, отъ поплины и цензуры за выписываемыя изъ-за границы книги, коллекціи и учебныя пособія; университетамъ раз-

рвшено было изданіе періодическихъ трудовъ ученаго содержанія и имъніе собственныхъ типографій и книжныхъ лавокъ на общемъ основаніи; имъ предоставлено было пріобр'втать собственности, а зданія ихъ освобождены оть квартирной повинности и городскихъ сборовъ. Важною стороною новаго устава было повышение окладовъ содержанія профессоровъ, доцентовъ и прочихъ должностныхъ лицъ, ја также общее усиление университетскихъ средствъ вспомогательных учрежденій. Содержаніе ординарных профессоровъ определено было въ 3.000 р. въ годъ, экстраординарныхъ въ 2.000 р., штатныхъ доцентовъ въ 1.500 р. Такимъ образомъ, съ этой стороны новый уставъ увеличилъ почти вдвое оклады, такъ какъ прежде профессора получали по 2.000 р., адъюнкты по 800 р., лекторы по 600 р. Всв означенныя меропріятія, по замыслу законодателя, должны были дать полезные результаты по следуюсоображеніямъ: 1) Увеличеніе числа канедръ доставить возможность профессорамъ читать предметы свои основательнее и въ то же время расширить, сообразно состоянію науки, кругъ ученой дъятельности университетовъ; 2) дозволеніе раздълять факультеты на отдъленія, ограничивая близкими одинъ къ другому предметами кругъ занятій студентовъ, доставить имъ возможность болье основательно изучить тъ науки, которымъ они себя посвятили; 3) увечиченіе средствъ университетовъ на библіотеки, кабинеты, лабораторіи и вообще на учебныя пособія доставить возможность фессорамъ преподавать, а студентамъ изучать науку, сообразно современному состоянію оной; 4) утвержденіе званія приватьдоцентовъ доставитъ постоянное, естественное средство къ замъщенію вакансій профессорскихъ, создавъ въ самомъ университетъ питомникъ профессоровъ, и въ то же время, возбудивъ соревнование между профессорами и привать-доцентами, будеть постоянно поддерживать всю ученую д'вятельность; 5) повышеніе окладовъ содержанія, привлекая къ должности профессоровъ способныхъ и достойныхъ лицъ, которые въ противномъ случав были бы вынуждены искать себъ другой дъятельности, будеть также удерживать въ университетахъ профессоровъ, которые, по случаю прежняго, слишкомъ ограниченнаго содержанія, вынуждены или вовсе оставлять ученую деятельность или, кроме преподавания въ университеть, прибъгать къ другимъ средствамъ жизни; 6) требованіе гимназическаго аттестата ото всъхъ молодыхъ людей, желающихъ вступить въ университеть, измънить къ лучшему составъ аудиторіи, наполнивъ оныя лицами, достаточно подготовленными для слушанія университетского курса; 7) введеніе составленныхъ каждымъ университетомъ и утверждаемыхъ попечителемъ правилъ о порядкъ въ университеть и о наказаніяхь по приговорамь суда, состоящаго изъ профессоровъ, съ тъмъ притомъ, чтобъ эти приговоры утверждались въ важныхъ случаяхъ всей коллегіей профессоровъ, должно

имѣть благія послѣдствія для спокойствія университетской жизни; 8) большая степень участія всѣхъ профессоровъ въ дѣлахъ университета возбудить въ нихъ большее участіе къ интересамъ онаго и свяжетъ ихъ общею нравственною отвѣтственностью за благоденствіе университета, а предоставленіе каждому университету начертанія для себя правилъ по разнымъ предметамъ академической жизни, придерживаясь указаній министерства только въ главныхъ основаніяхъ; доставитъ возможность каждому университету развиваться самобытно и своеобразно, смотря по мѣстнымъ потребностямъ, не подчиняясь въ предметахъ меньшей важности однообразной для всѣхъ университетовъ регламентаціи.

VII.

Уставу 1863 года, какъ онъ вылился въ законодательномъ актъ о его установленіи, нельзя отказать въ извъстной цълостности и стройности его составныхъ частей, гдъ было произведено правильное раздёленіе дёлъ ученыхъ, хозяйственныхъ, полицейскихъ и судебныхъ и съ постепенностью въ правахъ решенія ихъ разными установленіями, при чемъ высшею мъстною властью являлся попечитель. Попечительская власть, по новому уставу, была вначительно расширена и, хотя компетенція ея полномочій болье или менье опредылена, но ей вмысть съ тымь предоставлено широкое право и административнаго вмъщательства во всъ части и стороны университетской жизни. Во всякомъ данномъ случав эта власть могла оказать желаемое ей давленіе, и сов'ту оставалось лишь молча подчиниться веленіямъ и распоряженіямъ этой власти. К. Д. Кавелинъ, представляя свои «замъчанія» на проектъ новаго устава (Собраніе сочиненій, т. 3), высказался именно несочувственно главнымъ образомъ по поводу полномочій попечительской власти. Онъ писалъ: «Самыми общими, неопредъленными выраженіями удерживается навсегда прежнее полновластіе попечителей надъ университетами, которое было причиною, еще въ недавнее время, столькихъ неустройствъ». По мнвнію профессора, «двусмысленная редакція нъкоторыхъ статей даеть поводъ къ разнообразнымъ толкованіямъ, и въ концъ концовъ, на практикъ, университетскимъ совътамъ невозможно будеть воспользоваться долею автономіи, которая очевидно была въ намъреніи составителей проекта устава. Совершенно устранить попечителей отъ участія въ управленіи университетами есть въ настоящее время несбыточная мечта. Но если самими составителями проекта признано было необходимымъ дать университетамъ нъкоторую автономію, то и не слъдовало скрывать за неясной и двусмысленной редакціей, которая можеть только подать поводъ къ самымъ серіознымъ замъшательствамъ и столкновеніямъ, а надлежало выразить прямо и точно, принявъ за точку исхода какія нибудь положительныя и твердыя начала». По мивнію Кавелина. въ уставъ слъдовало бы «точно и опредъленно выразить, что управление университета сосредоточивается въ немъ самомъ и всъ общія по университету міры, - кромі, разумівется, тіхь, которыя издаются министерствомъ для всёхъ университетовъ, и общихъ по имперіи и учебному в'єдомству правительственных распоряженій и законодательныхъ мъръ, - издаются не иначе, какъ университетскимъ начальствомъ. Точно также университету предоставляется распоряжение сверхштатными суммами, о которыхъ необходимо пояснить, что онъ составляють полную, исключительную собственность университета, и никакого другого назначенія, кром'в университета, не получають, и притомъ не иначе, какъ по распоряженію непосредственно университетскаго начальства. Затемъ, всъ дъла, въ обыкновенномъ порядкъ управленія требующія утвержденія министра, представляются министерству непосредственно отъ университета, не проходя черезъ попечительскую канцелярію. Равнымъ образомъ, восходять на разръшение министра и всъ тъ дъла, которыя хотя бы и могли быть окончательно разръщены университетомъ, но встрътили возражение со стороны попечителя, и по которымъ какъ университеть, такъ и попечитель остались при своемъ мивніи». К. Д. Кавелинъ сдёлалъ еще рядъ замёчаній къ проекту, относящихся до учебной и ученой части, отмътилъ отсутствие органической связи между совътомъ и правленіемъ и протестоваль противъ запрещенія постороннимъ лицамъ посъщенія университета, что было разръшено въ періодъ 1855—1861 годовъ; остальныя его замечанія носили болбе частный характерь и не затрогивали существенныхъ сторонъ вновь-организуемой университетской жизни.

Въ своемъ письмъ изъ Тюбингена къ министру А. В. Головину, отрывки котораго нынъ напечатаны въ 3 томъ «Собраніи сочиненій», Кавелинъ настаивалъ также на необходимости, по примъру Германіи, разрѣшить нашимъ студентамъ организацію обществъ и кружковъ. Онъ писалъ: «я всегда быль того мивнія, что простое дозволеніе студенческихъ обществъ и взысканіе студентовъ не за образъ мыслей или направленіе, а за дъйствія, запрещенныя закономъ и полицейскими правилами, какъ нельзя проще, короче и естественные разрышили бы у насъ одинъ изъ трудныйшихъ университетскихъ вопросовъ, передъ которымъ всв административныя мъры оказались до сихъ поръ недъйствительными, причинивъ много зла. Изучение студенческого быта за границей и суждения объ этомъ предметъ лицъ, очень близко и практически знакомыхъ съ дёломъ, окончательно и вполнъ убъдили меня въ совершенной, безусловной справедливости этого мивнія». Хорошія стороны, сущеществованія среди студенчества кружковых организацій, по мньнію Кавелина, заключаются въ следующемъ: 1) университетское

начальство имбеть діло не со всею массою студентовъ, а съ ихъ выборными, стоящими во главъ общества; а выборные гораздо лучше умъють держать своихъ студентовъ въ порядкъ и дисциплинъ, чъмъ педели и университетскія власти; 2) слъдить за направленіемъ, образомъ жизни, родомъ занятій студентовъ, когда они разгруппированы на общества, гораздо легче и удобнее, чемъ за каждымъ студентомъ въ отдёльности. Такъ какъ самые деятельные, подвижные, талантливые, живые и увлекающіеся молодые люди, почти всегда, непремънно принадлежатъ къ какому нибудь студенческому обществу, а отъ нихъ преимущественно идутъ разные проступки и шалости, то, при существовании обществъ, университетское начальство можеть сосредоточить все свое вниманіе и надзоръ на нихъ однихъ, въ особенности на техъ, которые въ полицейскомъ и дисциплинарномъ отношеніи оказываются менбе надежными; 3) въ студенческихъ обществахъ всегда необходимо образуется point d'honneur, понятіе о достоинствъ и чести, которое вносить въ студенческій быть нравственный элементь, заставляеть молодыхъ людей наблюдать другъ за другомъ и темъ воздерживаеть большинство ихъ оть предосудительныхъ поступковъ, наносящихъ безчестіе кружку или цізлому университету; 4) нравственная отвътственность выборныхъ за поведение студенческихъ кружковъ заставляеть и выборныхь и членовь обществь быть осторожнее и осмотрительные въ своихъ дыйствіяхъ, рождаетъ внутреннюю дисциплину между студентами, безъ которой всв усилія университетскаго начальства водворить и поддержать въ университетъ порядокъ и хорошій нравъ не ведуть ни къ чему; 5) въ случай проступковъ или преступленій, совершенныхъ неизвістно кімъ изъ студентовъ, гораздо легче разследовать виноватаго при существованін обществъ, чёмъ когда всё студенты слиты въ одну сплошную, безразличную массу.

Приводя означенные мотивы въ пользу разрёшенія студенческихъ обществъ, Кавелинъ говорить въ своемъ письмё: «Вотъ результаты, къ которымъ пришли въ Германіи, послё долгихъ колебаній, ошибокъ и несчастныхъ запретительныхъ мёръ, понапрасну погубившихъ много здоровыхъ, свёжихъ, молодыхъ силъ. Дай Богъ, чтобы мои предсказанія не сбылись; но я убёжденъ, что дальнёйшее запрещеніе у насъ студенческихъ обществъ родитъ еще много бёдъ и несчастій. Спёшу прибавить, что и разрёшеніе ихъ, разумёется, будетъ столько же гибельно, если удержится существующій теперь взглядъ на студентовъ и наши обветшалые дисциплинарные университетскіе уставы. Въ Германіи не обращаютъ вниманія на образъ мыслей студентовъ, но нравственная и учебная дисциплина гораздо строже, чёмъ у насъ. Поступки, оскорбляющіе публичную нравственность, противные чести, развратная жизнь, явное, часто повторяющееся неповино-

веніе властямъ или полицейскимъ распоряженіямъ и совершенное пренебреженіе лекціями, безъ особенно уважительныхъ причинъ, влекуть за собой удаленіе изъ университета; это значитъ, что студентъ не только вычеркивался изъ университетскихъ списковъ, но удаляется изъ города, гдѣ находится университетъ, если не имѣетъ въ немъ правъ гражданства; а кто этого не исполнитъ или самовольно возвратится, того сажаютъ за это въ тюрьму. Въ Германіи строго различаютъ юнописскія увлеченія отъ непозволительныхъ, безнравственныхъ проступковъ и, смотря очень снисходительно на первыя, безпощадно и неумолимо преслѣдуютъ постѣніе. Въ этомъ заключается глубокая разумность здѣшнихъ дисциплинарныхъ порядковъ. На студентовъ смотрятъ, какъ на молодыхъ людей, т. е. несовершеннолѣтнихъ, уже не дѣтей, но еще не взрослыхъ».

Немало любопытныхъ и основительныхъ замѣчаній на проектъ устава 1863 г. было высказано Пироговымъ, Чичеринымъ, Пыпинымъ, Андреевскимъ и попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа, И. Д. Деляновымъ, на долю котораго черезъ два десятка лѣтъ выпала роль, въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія, введенія въ наши университеты устава 1887 года. Всѣ названныя лица горячо ратовали за полную свободу академическаго преподаванія, за корпоративность студенческой жизни и за необходимость въ вопросахъ академической жизни общественнаго контроля и общественной гласности. Но всѣмъ этимъ голосамъ и мнѣніямъ не суждено было оказать существеннаго вліянія на университетскую реформу, и уставъ 1863 г. явился компромиссомъ между либеральными вѣяніями шестидесятыхъ годовъ, былымъ режимомъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и бюрократическими теченіями петербургскихъ канцелярій.

Уставъ 1863 года, какъ можно легко убъдиться, значительно разнится отъ предшествовавшихъ уставовъ: въ него вошли лишь нъкоторыя существенныя стороны постъднихъ, но многія были имъ утеряны. Извъстная доля автономности, коллегіальности за университетами, правда, была сохранена, но тъмъ не менъе они уже не рисуются намъ исключительными учрежденіями, съ широкими правами просвъщенія и вліянія на окружающую жизнь, какъ это имъло мъсто, напримъръ, по уставу 1804 и даже 1835 гг. Уставъ 1863 г. суживалъ сферу дъятельности университетовъ и сводилъ ихъ на роль учебныхъ заведеній, гдѣ въ многочисленныхъ аудиторіяхъ сходились люди, съ одной стороны, для чтенія научных в предметовъ и, съ другой, для воспріятія излагаемыхъ выводовъ этой науки. Связь между объими сторонами не устанавливалась, и вся формула университетской жизни сводилась къ тому, что профессоръ читаетъ лекціи, а студенты ихъ слушають. Профессорская корпорація была новымъ уставомъ значительно отдалена отъ нравственнаго воздъйствія на студентовъ, и послідніе отданы подъ надзоръ, правда, избран-

ныхъ, но все же постороннихъ лицъ, которымъ и надлежало въдать жизнь учащихся. Правленіе, какъ органъ полицейско-административный и хозяйственный, а также инспекція, при наличности высшей попечительской власти, -- вотъ кто сталъ по новому уставу ръшающимъ элементомъ въ жизни студентовъ. Послъднимъ не было дано также никакой организаціи, и они были какъ бы признаны случайными гостями университета, куда последніе попали по праву аттестата зрелости, выданнаго имъгимназіей и за опредъленную входную плату. Формальное соотношеніе между каседрой и аудиторіей, формальныя переходныя испытанія и формальныя правила поведенія-воть чёмъ окружилъ уставъ 1863 г. учебные годы студенчества. Слабыя его стороны скоро бросились всёмъ въ глаза, и ему не суждено было оправдать техъ широкихъ надеждъ, которыми окрылялось его появленіе на свъть Божій. Тъ профессора, что настаивали на усиленіи принциповъ автономнаго управленія и правильной организаціи студенческихъ общинъ, не сочли для себя удобнымъ продолжать свою учено-воспитательную дъятельность и покинули университеть, неудовлетворенные новымъ уставомъ. Не достигь последній и успокоенія умовъ студенчества и не положиль предёла тёмъ безпорядкамъ, которые потрясли наши университеты въ періодъ начала шестидесятыхъ годовъ, и во все время дъйствія Головинскаго устава мы видимъ непрестанныя смуты въ ствнахъ высшихъ учебныхъ заведеній, достигающія крайнихъ своихъ проявленій и находящіяся въ непосредственной связи съ тъми острыми политическими движеніями, что имъли мъсто въ русской жизни семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ. Власть попечительская и инспекторская была въ большинствъ случаевъ безсильна съ ними бороться, а вліянію профессорскаго воздъйствія уставъ 1863 г. не даваль уполномочій. Не могла противиться этимъ смутамъ и спокойная и благоразумная часть студенчества, по отсутствію во всемъ студенческомъ обществъ какой либо организаціи. Съ формальной стороны даже противодъйствіе этимъ смутамъ могло быть отнесено къ нарушенію порядка и дъйствовавшихъ правилъ, за что полагались тъ или иныя степени наказанія. Авторъ настоящей статьи, проходившій свои студенческіе годы при дійствій устава 1863 года, можеть засвидітельствовать, что дъйствительно борьба съ нарушениемъ спокойствія академической жизни была совершенно немыслима для самого студенчества, и, согласно дъйствовавшимъ правиламъ, оставалось лишь обязательно быть нассивнымъ свидетелемъ происходившаго. Вывали даже случан, когда лицо, усиленно боровшееся за интересы спокойствія, являлось въ конц'я концовъ страдающимъ элементомъ, на который, съ одной стороны, падаль гибвъ волнующагося товарищества, а съ другой, неудовольствие самого начальства, считавшаго своей исключительной монополіей успокоеніе умовъ и установленіе порядка.

Нельзя утвердительно сказать, чтобы уставъ 1863 г. далъ особенно мощный толчокъ и расцвъту университетской науки. Правда, наши разсадники высшаго просвъщенія обогатились, благодаря увеличеннымъ смѣтамъ, цѣлою сѣтью новыхъ вспомогательныхъ ученыхъ учрежденій, но въ данномъ случав наука болве выигрывала въ количественномъ, нежели качественномъ отношении. Поскольку можно судить теперь, на пространствъ нъскол кихъ десятковъ лътъ, все наиболъе талантливое, яркое и существенное въ научномъ отношеніи вышло изъ университетскихъ стінь, не послі обновленія ихъ уставомъ 1863 г., а въ предшествовавшія эпохи, съ одной ст роны, въ періодъ съ 1835 по 1848 гг., а съ другой, въ періодъ 1855—1863 гг. Явилось ли это результатомъ именно дъйствія того или другого изъ уставовъ, или это находилось въ связи съ иныли факторами русской жизни, болъе глубокими и сложными, трудно опредъленно сказать, но во всякомъ случат вліяніе университетски ль уставовъ здёсь несомнённо.

Послъ введенія классической системы образованія въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ системы привиллегированной и съ опредъленной тенденціей политическаго характера, о чемъ я уже нъсколько разъ говорилъ на страницахъ «Историческаго Въстника», въ правительственныхъ нъдрахъ родилось сознаніе и о необходимости новой университетской реформы, въ интересахъ болье тесной связи университетовъ съ гимназіями. Проекть новаго устава быль выработань министромь народнаго просвъщенія, гр. Толстымь, обсужденъ въ рядв ученыхъ и учебныхъ инстанцій и только приведенъ въ осуществление въ 1884 г., т. е. когда гр. Толстой снова вернулся къ власти, послъ временнаго удаленія отъ государственныхъ дёлъ. Каковъ былъ первоначальный проектъ этого устава, неизвъстно, какъ равно неизвъстно, почему въ отсутствіе у власти энергичнаго и прямолинейнаго графа этому проекту не дано было хода. Во всякомъ случат, когда уставъ въ 1884 г. былъ обнародованъ, онъ явно носилъ на себъ отпечатокъ излюбленныхъ графомъ тенденцій, которыя послёдовательно проникали во всё его реформы, какъ по въдомству просвъщенія, такъ и внутренняго управленія. Съ одной стороны, новая университетская реформа, какъ и предшествовавшая классическая, гимназическая, не являлась исключительнымъ продуктомъ русской живни, а была сколкомъ съ нъмецкихъ учрежденій, но сколкомъ лишь по внъшности. а не по внутреннему существу; съ другой стороны, эта реформа заключала въ себъ явные признаки борьбы съ началами коллективизма и автономности и являлась продуктомъ исключительныхъ полицейско-административныхъ симпатій. Централизація административной власти-воть главное существенное основание, на коемъ было возведено зданіе устава 1884 года. Выборное начало, начало самоуправленія было старательно изъ устава вытравлено, взамень

Digitized by Google

чего ему даны новыя системы, незнакомыя прежнимъ уставамъ и являвшіяся позаимствованіями изъ чужой жизни. Къ числу этихъ системъ относится нъмецкая система профессорскихъ гонораровъ и организація привать-доцентуры на новыхъ основаніяхъ.

VШ.

Главное назначение новой реформы было придать университетамъ идею «государственных» учрежденій», которую они, по мивнію министерства гр. Толстого, потеряли въ предшествовавшій періодъ 60-хъ годовъ. Въ этихъ видахъ отнынъ установлено было, чтобы всъ университетскія власти и должностныя лица были назначаемы отъ правительства, дабы они яснъе сознавали свою зависимость отъ государства, а себя истинными органами государственной власти. Въ соображеніяхъ по настоящему предмету было сказано: «Многочисленныя печальныя явленія послёднихъ лёть свидётельствують, что нынъшнее университетское воспитание недостаточно ограждаеть юношество отъ вторженія превратныхъ и пагубныхъ замысловъ, что смута легко овладъваетъ всякимъ студенческимъ соединеніемъ. Такія явленія не могуть быть терпимы. Понятіе учебныхъ занятій, привлекая умы въ область чистаго знанія, должно противодъйствовать вторженію чуждыхь наукі стремленій. Но вмість съ тімь необходимо, чтобы сознаніе своего долга предъ государствомъ діятельно заявляло себя и въ профессорской средв. Необходимо, чтобы преподаватели, которымъ государство довъряетъ воспитаніе юношества, по природъ склоннаго къ добру, были его истинными наставниками въ наукъ, а въ политическомъ отношении сознавали бы себя всецёло органами государства. Поставленіе университета подъ болве непосредственное, чвмъ донынв, пвиствіе правительственной власти должно дать въ этомъ отношеніи благотворныя послёдствія». Въ этихъ-то послёднихъ цёляхъ университеть быль объявлень состоящимь подъ начальствомъ попечителя учебнаго округа, который отнынв и являлся тою безапелляціонно - різ різ правдно в сенаправднющею властью, въ рукахъ которой сосредоточились фактически всв нити университетскаго управленія, каковыя прежде приводились въ движеніе и исполненіе разными коллегіальными инстанціями. По духу устава 1863 года попечитель могъ, по своему усмотренію, вметинваться въ тв или иныя стороны университетской жизни, а по новому 1884 года уставу онъ обязанъ вмёшиваться и долженъ имёть непосредственное на нихъ вліяніе и ими руководство. Принципы автономіи, коллегіальности и самоуправленія были сданы въ архивъ и заменены административной властью единаго лица. Онъ. по своему усмотрѣнію, получиль право созывать совѣть, правленіе и собрание факультетовъ, а также присутствовать въ засъданіяхъ сихъ установленій съ цълью ближайшаго разъясненія важныхъ вопросовъ и міропріятій, касающихся матеріальных средствь университета и его учрежденій, хозяйственнаго и дисциплинарнаго управленія, расширенія учебныхъ пособій и всяческаго содъйствія успъхамъ обученія. Въ охраненіе порядка и дисциплины въ университеть на попечителя возложена обязанность высшаго руководительства, при чемъ онъ получилъ право давать ректору обязательныя для него предложенія о надзорѣ за студентами и требовать донесеній о собственных его распоряженіях въ этомъ отношеніи. Назначеніе пособій и стипендій было также пріурочено къ власти попечителя, какъ равно ему же предписано заботиться. чтобы профессора «посвящали преподаванію достаточное число часовъ»; институть привать-доцентовъ поставленъ подъ непосредственное наблюдение попечителя, и назначение имъ вознаграждения должно быть предметомъ тщательнаго его вниманія.

Согласно общей тенденціи новаго устава и его духа, ректоръ и деканы уже не являлись лицами, выборными профессорской корпораціей, а имъють отправлять свои обязанности по назначенію; ректоръ назначается высочайщимъ приказомъ на 4 года изъ ординарныхъ профессоровъ, по выбору министра, деканы же, по представленію попечителя, на тотъ же срокъ министромъ. Ректоръ есть ближайшій «помощникъ» понечителя, и ему ввъряется завъдываніе всёми частями управленія университетомъ; онъ есть предсёдатель совъта и правленія, а также, по личному желанію, и факультетскихъ собраній; ему предоставляется во всякое время производить обозрвніе всёхи отдёльныхи частей управленія, наблюдать за правильнымъ ходомъ учебной части, и онъ можеть дёлать факультетамъ необходимыя предложенія и указанія. Онъ смотрить за соблюденіемъ студентами и всёми посётителями университета установленныхъ правилъ и за понужденіемъ ихъ со стороны инспекціи. Въ случаяхъ чрезвычайныхъ онъ принимаеть вст необходимыя мтры для поддержанія порядка и спокойствія, хотя бы міры эти и превышали его власть.

Деканы, по новому уставу, суть помощники ректора, каждый по своему факультету; на нихъ по преимуществу возложена организаторская дъятельность по введенію новыхъ учебныхъ порядковъ. Декану принадлежить руководство факультетомъ и направленіе студентовъ въ слъдованіи новымъ учебнымъ планамъ. Кругъ дъйствій факультетовъ былъ расширенъ, и къ нимъ въ значительной мъръ отошли прежнія функціи совъта.

Факультеты собираются въ собранія, состоящія изъ всёхъ профессоровъ факультета, подъ предсёдательствомъ декана. В'єд'внію факультетовъ подлежать четыре группы д'єлъ: 1) д'єла, предоставленныя окончательному р'єшенію факультета: а) испытанія на

Digitized by Google

ученыя степени, полукурсовыя, повърочныя, состязательныя и имъющія назначеніемъ обезпечить успъшный ходъ студенческихъ занятій; б) зачеть полугодій и удостоеніе окончившихъ курсъ выпускных свидетельствъ; в) постановление о выдаче магистрантамъ свидътельствъ о выдержаніи ими испытаній на степень магистра, а равно свидетельствъ на право чтенія лекцій съ званіемъ приватъ-доцента; г) разсмотръніе сочиненій, предназначенныхъ къ изданію на счеть университета или съ его одобренія; д) назначеніе ежегодныхъ задачь студентамъ и постороннимъ слушателямъ медалей и почетныхъ отзывовъ за написанныя сочиненія; е) присужденіе премій за ученые труды на задачи, предлагаемыя къ ръшенію ученыхъ въ тъхъ случанхъ, когда право это предоставлено факультету особыми постановленіями; ж) обсужденіе предложеній ректора о мёрахъ къ полноть и правильности университетскаго преподаванія и постановленіе по симъ предложеніямъ заключеній; з) разсмотрівніе отчетовъ преподавателей о практическихъ занятіяхъ со студентами; і) разръшеніе профессорамъ читать лекціи и назначать практическія занятія со студентами по другимъ предметамъ, сверхъ преподаванія по занимаемой каждымъ профессоромъ канедръ, если избранный для чтенія предметь принадлежить къ другому факультету, и к) допущение въ подлежащихъ случаяхъ докторовъ иностранных университетовъ къ испытанію на степень магистра безъ предварительнаго испытанія въ знаніи полнаго курса наукъ факультета; ІІ) дёла, вносимыя факультетами въ советь для окончательнаго утвержденія: а) предложенія лицъ для замъщенія вакансій профессоровъ и лекторовъ; б) удостоеніе ученыхъ степеней лицъ, выполнившихъ установленныя для нихъ условія; в) ходатайство о возведеніи лицъ, пріобрътшихъ почетную извъстность научными трудами, въ степень доктора безъ установленныхъ испытаній на степень магистра и безъ представленія диссертацін; г) ходатайства о допущенін лицъ, пріобр'єтшихъ изв'єстность учеными трудами, прямо кь соисканію степени докторовъ; д) ходатайство объ утвержденіи въ степени доктора магистрантовъ, которыми будуть представлены диссертаціи, отличающіяся особыми научными достоинствами; е) составление учебныхъ плановъ и обоаръній преподаванія съ распредъленіемъ лекцій и практическихъ упражненій по днямъ недъли и часамъ; е) предложенія о соединеніи и разділеніи канедръ, о заміні одной другою, объ открытіи новыхъ каеедръ и о перенесеніи каеедръ съ одного факультета въ другой; ж) составление предположений о производствъ испытаний и объ условіяхъ допущенія къ нимъ; з) обсужденіе мъръ къ временному устройству преподаванія по вакантнымъ каоедрамъ; і) соображенія о вознагражденіи привать-д центовъ; к) распредъленіе суммъ, назначенныхъ на учебно-вспомогательныя установленія факультета, а равно предложенія объ улучшеніи послед-

нихъ и л) дъла, передаваемыя правленіемъ и совътомъ на предварительное обсуждение собраний факультетовъ; III) дъла, вносимыя въ правленіе: а) предположеніе о распредъленіи университетскихъ помъщеній подъ учебно-вспомогательныя установленія и объ измъненіяхъ въ семъ распредъленіи и б) ходатайства о назначеніи студентамъ стипендій и единовременныхъ пособій; IV) діла, по которымъ состоявшіяся решенія представляются на утвержденіе попечителя и сообщаются совъту лишь для свъдънія; къ таковымъ относятся: а) избраніе лаборантовъ и ихъ помощниковъ, астронома-наблюдателя, учебнаго садовника, механика и препаратора по каоедръ физики — согласно представленіямъ профессоровъ, ванимающихъ соотвътствующія канедры; б) избраніе на медицинскомъ факультеть ординаторовъ клиникъ по представленію завъдывающихъ ими, а также провизора и письмоводителя факультета-по представленію его декана; в) допущение лицъ, имъющихъ право быть приватъдоцентами къ чтенію лекцій въ университеть, съ присвоеніемъ симъ лицамъ означеннаго званія; г) выборъ лицъ, оставляемыхъ при университеть, въ качествъ стипендіатовъ, для приготовленія кь ученымъ степенямъ, а равно предназначенныхъ къ отправленію за границу на казенный счеть, и д) вопросы, предлагаемые попечителемъ учебнаго округа для обсужденія въ собраніи факультета.

Дълопроизводительская часть ввърнется секретарю, избираемому деканомъ изъ экстраординарныхъ профессоровъ, по утвержденіи его попечителемъ. Окончательныя, выпускныя испытанія изъ въдънія факультетовъ изъяты и переданы въ особыя государственныя комиссіи.

Насколько по уставу 1863 г. центръ тяжести университетскаго управленія лежаль въ дѣятельности совѣта, постольку нынѣ его функціи раздѣлены между властью попечительской, ректорской, правленія и факультетовъ. Совѣту же придано лишь значеніе высшей университетской инстанціи по учебнымъ дѣламъ, черезъ которую попреимуществу факультеты сносятся съ попечителемъ, а также характеръ совѣщательнаго собранія, высказывающаго мнѣнія по важнѣйшимъ университетскимъ дѣламъ, но не имѣющаго прямой распорядительной и управляющей функціи.

Большая часть діль, обсуждаемых совітомь, непосредственно идуть на утвержденіе министра, который черезь попечителя всегда можеть или утвердить сділанное ему представленіе или предписать «къ исполненію» нічто новое и даже противное тому, что было намічено совітомь. Во всякомъ случаї, новый уставь, если и не предусматриваеть подобнаго столкновенія мніній, то все же какъ бы аннулируеть самостоятельность совіта и сводить его на роль или передаточной инстанціи или исполнительнаго органа веліній министра и его канцелярій. Если кругь діятельности совіта быль

суженъ, за то дъятельность правленія новыми правилами значительно расширена. Кромъ обязанностей по финансовому и ховяйственному зав'ядыванію университетомъ, на правленіе возложено и избираніе должностлыхъ лицъ университетской службы, что прежде дълалось совътомъ; на правленіе же перешло и разбирательство по студенческимъ дъламъ, нъкогда порученное университетскому суду, признанному отнынъ «безполезнымъ учрежденіемъ». Въ кругъ дъятельности правленія вошло также назначеніе студентамъ нособій, равно какъ и освобожденіе неимущихъ отъ платы за слушаніе лекцій. Усилено также новымъ уставомъ и значеніе инспекторской власти. Такъ, инспекторъ опредъляется министромъ, но представленію попечителя, и является полноправнымъ членомъ правленія по всёмъ дёламъ, а не только по студенческимъ, какъ это было опредълено уставомъ 1863 г. По его представленію назначаются попечителемъ и субъинспектора и служители инспекціи, число коихъ увеличено, сообразно числу студентовъ каждаго университета.

Главными измъненіями касательно учащихся должно считать: установленіе системы гонорара, вмісто валовой платы за слушаніе лекцій, установленіе полугодовых (семестровых в) испытаній, государственныхъ экзаменовъ, привлечение студентовъ къ практическимъ занятіямъ. Прежде студенть взносиль пополугодіямъ опредъленную плату за право слушанія лекцій (25 р.), а ныні, помимо этой платы, опредъленной всего въ 5 рублей, онъ долженъ былъ взносить особый гонораръ профессорамъ, общій разміръ котораго практика указала въ 15-28 рублей за полугодіе. Въ 1887 г. плата съ 5 рублей увеличена была до 25 рублей, благодаря чему студенть иного курса и факультета оказывается вынужденнымъ уплачивать за право слушанія лекцій до 80 и 100 рублей въ годъ. Прежніе годовые экзамены были упразднены, взамёнъ каковыхъ установлены полугодовыя испытанія, дающія право не зачеть семестра; восемь таковых в зачетовъ давали право на государственный экзаменъ въ особой комиссіи, зам'інившей собою прежній выпускной экзаменъ въ факультеть. Система гонорара была основана на следующихъ офиціальныхъ соображеніяхъ: «Гонораръ обязываетъ профессоровъ не скупиться своимъ трудомъ и временемъ для слушателей и соображаться съ ихъ дъйствительными потребностями, обучая ихъ прежде всего тому, что потребуется оть нихъ на экзаменахъ, избирая для нихъ аудиторіи, гдъ бы они всъ могли удобно размъститься, слышать, что имъ читается, и видъть, что имъ показывается, занимаясь отдъльно и небольшими группами, гдъ того требуеть предметь преподаванія, назначая для занятій со студентами удобные для нихъ часы, избъгая всъхъ тъхъ настроеній, которыми страдаеть теперь учебное дъло въ нашихъ университетахъ. Съ другой стороны, студенты, записавшись на лекціи профессора, тёмъ самымъ заявляють свою

надежду пріобрѣсти отъ него наибольшую пользу; профессоръ естественно употребляеть усилія, чтобы сколь можно полнѣе оправдать возложенныя на него надежды: онъ не позволить себѣ ни манкировокъ, ни опаздываній, ни чтенія лекцій безъ достаточнаго подготовленія, ни чрезмѣрнаго увеличенія интересными, быть можетъ, для него, но мало полезными для слушателей частностями. Съ другой стороны, въ виду того обстоятельства, что студентамъ предоставляется слушать лекціи не только своего, но и другихъ факультетовъ, гонораръ является мѣрою, воздерживающею студента отъ легкомысленнаго разбрасыванія своихъ занятій. Наконецъ, система гонорара много облегчитъ оцѣнку дѣятельности приватьдоцентовъ. Значительное число платящихъ за курсъ слушателей приватъ-доцента и постепенное ихъ возрастаніе представляютъ весьма надежное основаніе для сужденія объ успѣшности его преподаванія и его правъ на повышеніе».

По новому уставу, окончательныя испытанія для товъ, которымъ, по опредъленію факультетовъ, зачтено установленное для окончанія курса число полугодій: десять-по медицияскому факультету и восемь по каждому изъ остальныхъ, -- таковыя испытанія перенесены изъ факультетовъ въ государственныя комиссіи, предсъдатели и члены которыхъ назначаются министромъ народнаго просвъщенія. Въ составъ комиссій входять какъ профессора, такъ и постороннія компетентныя лица. Удовлетворившіе требованіямъ испытаній удостоиваются дипломовъ, смотря по степени познаній, первой или второй степени, замінивших в собою былыя степени кандидатовъ и дъйствительныхъ студентовъ. Значеніе этихъ комиссій устанавливалось въ томъ расчеть, чтобы испытуемый подвергался экзамену не изъ года въ годъ, не въ частяхъ предметовъ, а въ целомъ цикле определенныхъ наукъ заразъ. Примънительно къ этимъ экзаменаціоннымъ требованіямъ устанавливалась и система учебныхъ плановъ, выработка которыхъ возлагалась на факультеты; назначение этихъ плановъ было замънить прежде дъйствовавшія курсовыя схемы преподаванія. Въ этомъ видъ, каждый факультеть обязывался составить одинь или несколько учебныхъ плановъ, въ которыхъ должны быть обозначены, какъ науки, подлежащія изученію студентами того факультета, такь и нормальный порядокъ ихъ изученія. Вступающій студенть, вмість съ обозрвніемъ преподаванія на избранномъ факультетв, получаеть учебные планы факультета, принимая къ руководству тотъ или другой изъ нихъ. Въ учебныхъ планахъ должны быть отмечены, какъ главные предметы, составляющіе фундаменть ученія по избранному отдёлу, по возможности въ семестральной послёдовательности, такъ и предметы дополнительные, которые должны быть выслушаны въ теченіе курса, но относительно разм'вщенія которыхъ по семестрамъ можеть быть допущенъ извъстный выборъ со стороны учащагося, и, наконецъ, предметы, слушаніе которыхъ рекомендуется, но не поставляется въ обязанность. Учебный планъ, по идей его, не есть строго обязательная схема, а главнымъ образомъ руководящее указаніе. Передъ наступленіемъ каждаго семестра студенть, пользуясь обозрінемъ преподаванія, избираетъ курсы и занятія, согласно указаннымъ въ учебномъ плані предметамъ, съ тіми отступленіями, на какія желаетъ иміть дозволеніе, и предъявляетъ списокъ на просмотръ и разрішеніе декана. Учебные планы, кромі прочихъ, должны быть такъ разсчитаны, чтобы въ теченіе одного полугодія слушатель получаль познанія по законченному кругу наукъ или опреділенному циклу частей оныхъ.

Большое значеніе было придано въ новомъ уставѣ институту привать - доцентовъ, каковой долженъ замѣнить собою былыхъ штатныхъ доцентовъ. Новый институть намѣчался, какъ разсадникъ профессоровъ и лучшее средство конкурса между ищущими профессуры. Приватъ-доцентами, кромѣ лицъ, имѣющихъ уже степени магистра и доктора, разрѣшалось быть также лицамъ, выдержавшимъ испытаніе на степень магистра, но еще не защитившимъ диссертаціи. Приватъ-доцентъ пользуется гонораромъ со слушателей и, кромѣ того, ему, въ виду приносимой имъ пользы, можетъ быть назначено вознагражденіе изъ особо опредѣленной на этотъ предметъ штатной суммы, находящейся въ распоряженіи министра. Ближайшее наблюденіе за приватъ-доцентами возложено на попечителей, которые и могутъ по своей инипіативѣ отставлять ихъ отъ чтенія лекцій.

Студенть, которому не зачтено три полугодія сряду или пять полугодій вообще, подлежить увольненію изъ университета. Для поощренія студентовъ къ занятіямъ, какъ и прежде, предлагаются задачи, за удовлетворительное выполненіе которыхъ назначается медаль, золотая или серебряная, или почетный отзывъ.

Таковы въ общихъ чертахъ главныя основанія устава 1884 года, офиціально дійствующаго и понынів. Въ послідующіе годы, въ дополненіе къ нему были изданы особыя правила, признанныя законодательною властью необходимыми, соотвітственно съ новыми требованіями жизни; сюда относятся: законоположеніе объ обязательности студенческой формы, объ увеличеніи платы, вносимой въ университеть, каковая съ 5 руб. по уставу 1884 года доведена до 25 руб. за полугодіе, и установленіе, въ видів временной міры, обязательныхъ полукурсовыхъ испытаній, при чемъ министру народнаго просвіщещенія предоставлено право издавать правила для этихъ испытаній.

IX

Изъ ознакомленія съ уставомъ 1884 года мы видимъ, что онъ вначительно разнится отъ предшествовавшихъ уставовъ и въ общей систем' русских государственных учрежденій отводить университету мъсто не Богъ въсть сколь видное, но по общимъ своимъ основамъ, характеру и духу вполнъ гармонирующее съ тъми началами, которыя получили право гражданства въ восьмидесятыхъ годахъ текущаго стольтія. Даже бытлое сопоставленіе его главныхы черть сы тымы, что сказано относительно прежнихъ уставовъ, а также съ тъмъ, что мною приведено касательно университетовъ германскихъ, послужившихъ первообразами нашимъ высшимъ разсадникамъ просвъщенія, само собою, скажеть читателямь, составляеть ли нынъ дъйствующій уставъ прогрессивное или регрессивное теченіе отечественной жизни. Поэтому касаться этой стороны дела не стоить, замъчу лишь, что при самомъ своемъ введеніи уставъ года не встрътилъ сочувствія ни среди представителей профессорской корпораціи, ни среди учащейся массы, ни на страницахъ повременной печати.

Искусственная, но безповоротная притянутость его составныхъ частей къ бюрократическимъ принципамъ, старательная его регламентація, отсутствіе въ немъ свободы и духа жизни, предрекали ему, при самомъ рожденіи, не особенно долгое и счастливое житіе и не оставляли ни въ комъ, знакомомъ съ просветительными теченіями русской жизни, какъ бы слабо они ни были выражены въ въ тв или иныя эпохи, сомнвнія, чго многія части этого устава неизбъжно должны расползтись по всъмъ швамъ въ самомъ недалекомъ будущемъ. И реальная дъйствительность вполив оправдала ожиданія и предсказанія св'єдущих в опытных в людей: въ настоящее время, черезъ 15 всего лъть жизни, хотя наши университеты оффиціально и существують подъ сънью устава 1884 года, на дълъ такого устава собственно уже нъть, а существуеть нъчто очень неопредъленное, случайное и временное, откуда основательно испарилась первоначальная идея законодателя, и что требуеть въ интересахъ системности, порядка и идейности серіознаго пересмотра и коренной реформы. Административная организація университетовъ, съ ея централизаціей и отсутствіемъ свободы въ выборахъ и решеніяхъ, правда, осталась въ неприкосновенности, но остальныя части системы потерпъли полное крушеніе.

Система гонораровъ, введенная уставомъ 1884 г. въ академическую жизнь, не оправдала рёшительно ничьихъ ожиданій и внесла въ стѣны нашихъ высшихъ разсадниковъ просвъщенія начала неравенства, неправды и грубаго обмана, которыхъ до тѣхъ поръ

русскіе университеты не знали. Еще когда вводился уставъ 1863 года, было обращено внимание на незначительность профессорскихъ и доцентскихъ окладовъ, ръшительно не соотвътствующихъ условіямъ современности, въ виду чего люди науки и научнаго воспитанія юношества лишены возможности вполнъ добросовъстно сосредоточивать свои силы на своемъ святомъ призваніи и своихъ возвышенных вадачахъ. Больше того, въ офиціальномъ представленіи въ государственный сов'єть при проект'є устава 1863 года было сдвлано остроумное вычисление въ защиту профессорскаго оклада въ 3.000 р. и для указанія на необходимость повысить этотъ окладъ до 5.000 р. Въ запискъ говорилось: «Принимая среднимъ числомъ семейство профессора состоящимъ изъ жены и троихъ несовершеннольтнихъ дътей, оказывается, что для такого семейства, при нынъшнихъ (т. е. 1863 года) цънахъ, потребны слъдующе расходы: 1) Пом'вщеніе, квартира (5 жилыхъ комнать, передняя и кухня)—600 руб. Отопленіе (30 саж. дровъ, по 4 руб. за саж. съ доставкою) 120 руб. Освъщение (4 пуда стеариновыхъ и 3 пуда сальныхъ свёчъ, ламповаго масла на 11 руб.) 80 руб. 2) Пища. Объдъ на 5 человъкъ (при теперешней дороговизнъ говядины 12-15 коп. за фунть, не можеть быть положенъ дешевле 25 коп. на человъка въ день, всего 1 руб. 25 коп.) въ годъ 456 руб. 25 коп. Чай, былый хлыбь, масло и сахарь (считая по 8 коп. утромъ и по 8 коп. вечеромъ на человъка, въ день по 80 коп.) въ годъ 272 руб. 3) Одежда. Одежда и обувь профессора въ годъ 200 руб. Его семейства (считая на каждаго по 120 руб.) 480 руб. Мытье бълья (считая наемъ поденщицъ, ихъ содержаніе, мыло и проч.-по 6 руб. въ мъсяцъ) въ годъ 72 руб. 4) Книги—150 руб. 5) Дополнительные уроки къ обученію дітей въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ и на учебныя пособія (по 60 руб. на каждаго) 180 руб. 6) Прислуга. Кухарив (по 5 руб. въ месяцъ) въ годъ 60 руб. Двумъ служащимъ (по $4^{1/2}$ руб. каждой въ мъсяцъ) 108 руб. Содержаніе ихъ (по 15 кон. каждой въ сутки) 164 руб. 25 коп. Следовательно на содержание профессора въ годъ нужно 2942 руб., если онъ будеть завтракать на 8 коп., если онъ и всв его домашніе будуть всегда ходить півшкомъ, будуть всегда здоровы и никогда не будеть нужно звать доктора и покупать лекарства; если профессоръ не будеть никогда выважать изъ города въ летнее время; если онъ будеть вести затворническую жизнь и никого ни у себя принимать и самъ никого посъщать; если онъ не будеть заботиться объ участи своихъ дётей и жены и не будеть ничего для нихъ сберегать; если у него не будеть никакихъ экстраординарныхъ расходовъ. Допустивъ же, что профессоръ по всемъ этимъ предметамъ будетъ дълать самые умъренные и необходимые расходы, бюджеть его надобно возвысить до 4.000 руб.».

Этотъ любопытный расчеть не оказался, однако, убъдитель-

нымъ для повышенія профессорскаго оклада до 4.000 рублей и, согласно штатамъ 1863 года, профессору предоставлено было питаться на 33 копейки въ сутки, никогда не болёть и не задить на извозчикахъ. Очевидно, такое состояніе представителямъ ученаго сословія приходилось не понутру, и они такъ или иначе изыскивали себъ выходъ изъ печальнаго положенія пълъ. набирая занятій въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, участвуя журналахъ и газетахъ и даже принимая на себя разныя другія государственныя и общественныя служенія, не имъющія ничего общаго съ наукою и воспитаніемъ юношества, что, конечно, отражалось убыточно на этомъ воспитании и на ихъ собственномъ научномъ уровив. Когда снова поставлена была на очередь университетская реформа, то, очевидно, вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи ученой коллегіи опять выплыль наружу, и съ этою стороною академическаго строя иниціаторамъ реформы пришлось волею-неволею считаться. И воть быль найденъ, повидимости, какъ будто и удачный выходъ: ръшено было вознаградить мужей науки за счеть юношества и общественных суммъ, не прибъгая никоимъ образомъ къ лишнему расширенію государственныхъ расходовъ.

Въ новый уставъ была введена нъмецкая система гонораровъ. при чемъ благоразумно умолчено о необходимости реформировать весь учебный строй университетовь и въ остальныхъ его частяхъ на нъмецкій ладъ. Фальшивый пріемъ быстро создаль въ профессорской средв удивительное и ни съ чвиъ несообразное неравенство матеріальнаго состоянія, а молодежь натолкнуль на необходимость, уже въ юношескомъ возрасть, прибытать кь непозволительному средству обмана и незаконному пользованію чужимъ добромъ. При новомъ порядкъ вещей одни представители науки, въ силу случайнаго занятія той или другой канедры, считаемой обязательной въ схемахъ факультетскихъ программъ, стали сразу людьми болъе чъмъ обезпеченными, получая въ добавокъ къ казенному содержанію еще нъсколько тысячь рублей гонорарнаго вознагражденія; рядомъ съ такими счастливцами оказались многіе другіе, занимающіе или необязательныя канедры или читающіе въ малолюдныхъ факультетахъ; этимъ пришлось довольствоваться почти однимъ лишь казеннымъ содержаніемъ, такъ какъ, за ограниченностью слушателей, имъ некому платить добавочнаго гонорара. Наука сама по себъ въ данномъ случав не играетъ никакой роли, какъ равно ни трудъ профессора, ни его даровитость и извъстность. Что касается студентовъ, то они при повышенной платы въ университетв оказались въ очень затруднительномъ положенін; размітрь общей платы и въ пользу университета, и въ пользу профессоровъ, въ большинствъ превысиль тъ средства, которыми молодежь можеть обезпечить свое образованіе, благодаря чему явилась потребность въ широкой частной благотворительности, насчеть которой и пришлось

оперировать новому уставу. Положение дёлъ получилось въ высшей степени, анормальное. Съ одной стороны, изкоторыи учрежденія категорически поставили своимъ принципомъ принимать къ разнаго рода государственной дъятельности молодыхъ людей исключительно съ высшимъ образованіемъ, съ другой — этому образованію положенъ предъль въ видъ искусственно - повышенной платы. Русская жизнь познала совершенно новый и печальный факть. Каждый годъ общество поставляется при посредствъ газетныхъ воззваній въ извъстность о нъсколькихъ сотняхъ молодыхъ людей, которымъ за невзносъ платы грозить участь исключенія изъ университета. Для устраненія этого факта организуются благотворительные вечера, концерты, устраиваются складчины, подписки, дълаются жалостливыя воззванія и проч., что, конечно, дъйствуетъ крайне пагубно на нравственныя силы молодежи и вносить въ общество чувство раздраженія, неудовольствія и горечи. Хорошо и положение тъхъ воспитателей юношества, ради удовлетворенія жизненныхъ потребностей которыхъ общество вынуждено танцовать, артисты пъть и актрисы продавать на вечерахъ! Короче, искусственно, въ интересахъ финансовыхъ, созданъ совершенно ненормальный порядокъ общественныхъ отношеній, гдъ все перепуталось, и гдв чувствуется нъчто нравственно-неудовлетворительное и деморализующее начало. Помимо всего сказаннаго, та же академическая жизнь обогатилась еще однимъ печальнымъ, если не позорнымъ, фактомъ: молодежь, лицемърно внеся гонораръ за обязательныя лекціи и обезпечивъ себя такимъ образомъ въ спокойствіи отъ контроля, этихъ обязательныхъ лекцій не посъщаеть или посъщаеть въ маломъ числъ, а уже безплатно, и въ силу того незаконно, спѣшить въ аудиторіи профессоровъ, излюбленныхъ или читающихъ не обязательные, но интересные курсы. Благодаря этому, часто можно наблюдать то явленіе, что нікоторыя аудиторіи переполнены слушателями, котя вмісті съ тімь лекторы (особенно изъ числа приватъ-доцентовъ) совершенно за свой трудъ вознаграждены и въ офиціальныхъ рапортахъ казначеевъ значатся получающими всего 2-3 рубля гонорара. Очевидно, вся масса слушаеть безплатно, деньги же вносить тому профессору, котораго не слушаеть, но который по росписанію читаеть обязательные курсы, по коимъ производится зачеть семестра. Требовать, чтобы неуплатившіе гонорара покинули аудиторію, и неудобно и безжалостно, такъ какъ молодежи не откуда часто взять этотъ лишній гонораръ; поэтому лекторы, махнувъ рукою на явное нарушеніе законовъ справедливости, терпять этоть порядокъ вещей и терпъливо ожидають, когда счастіе имъ улыбнется, и они будуть зачислены въ число «обязательныхъ».

Полугодичныя семестровыя испытанія и зачеты не привились къ университетской жизни, и въ настоящее время въ университе-

тахъ снова водворилась система курсовая, съ ея неизбъжными годовыми и двухгодовыми экзаменами. Комиссіонные государственные экзамены также не послужили достаточнымъ основаніемъ для подъема научнаго уровня учащагося юношества. Все дело свелось къ измъненію лишь обстановки, при которой совершаются эти экзамены, суть же дъла осталась та же, но потребовалась лишь отъ министерства народнаго просвъщенія лишняя затрата денежныхъ средствъ и труда. Институть привать-доцентовъ не обнаружиль въ концъ концовъ также особаго пробужденія научныхъ интересовъ въ ученомъ сословіи, и соревнованіе между ищущими профессорской каөедры не получило того значенія, которое оно имбеть за границею, не получило, да и не могло получить, такъ какъ идея соревнованія, при усиленной попечительской и министерской власти, оказалась миномъ. Соревнование и конкурсъ имъютъ мъсто лишь тамъ, гдъ наличность свободы, а гдъ опека и регламентація, тамъ ихъ быть не можетъ. Очевидно, во всёхъ этихъ случаяхъ рёшающую роль играють внёшнія вліянія, которыя не позволяють академической жизни расцвъсти въ томъ направленіи и духъ, какъ это имъетъ мъсто, напримъръ, въ Германіи, университеты которой и въ 1755 и 1884 гогодахъ послужили намъ какъ бы образцами. Когда мы были ближе къ нашимъ первообразамъ по части университетскаго просвъщенія, судить не берусь, такъ какъ въ задачу настоящаго очерка входитъ не обстоятельный анализь университетскихь уставовь, а лишь скромная лътопись ихъ судебъ.

Не состоялось при дъйствіи новаго устава и полное умиротвореніе университетской молодежи, жизнь которой во все теченіе восьмидесятыхъ и девятидесятыхъ годовъ отмечена была смутами и волненіями, не уступавшими въ силь своихъ проявленій предшествовавшей эпохъ, но даже превзошедшими ее, какъ это, напримъръ, мы видъли въ первую половину прошлаго 1899 года. Въ виду этихъ последнихъ событій министерствомъ народнаго просвещенія намечено упорядоченіе студенческой жизни, каковое на первую очередь різко выдвинуло вопросъ о болбе тесной связи студентовъ и профессоровъ и о болбе сильномъ вліяніи последнихъ на своихъ слушателей. Установленіе этой связи предположено достигнуть при помощи непрерывныхъ практическихъ занятій на факультетахъ, во время которыхъ и должно состояться сближение учащихся съ руководителями. Такъ какъ эти практическія занятія находятся въ исключительной зависимости отъ потраченныхъ на нихъ государствомъ средствъ, то весь вопросъ на первыхъ порахъ сводится именно къ къ размърамъ денежныхъ ассигновокъ. Насколько автору настоящаго очерка пришлось слышать, оказывается, что эти ассигновки не Богь въсть сколь велики, почему и является опасеніе, что все дъло практическихъ занятій будеть сведено если не на нуль, то на minimum. Кромъ того, рекомендовано и устройство студенческихъ научныхъ обществъ, назначеніемъ которыхъ должно служить отвлеченіе студентовъ отъ жгучихъ вопросовъ политическаго дня и направленіе ихъ умовъ къ интересамъ науки, литературы и искусства, болъе соотвътствующимъ ихъ положению въ университетъ, какъ учащагося юношества. Обращено также вниманіе на развитіе интернатовъ при университетахъ, гдв жизнь студентовъ должна быть поставлена въ рамки большей обезпеченности, и гдъ контроль надъ ихъ поведеніемъ и настроеніемъ умовъ для администраціи болье доступенъ. Кром'в того, усиленъ комплектъ инспекціи въ университетахъ, ограничены полномочія низшихъ чиновъ этой инспекціи, и отъ всей университетской полиціи потребованъ болье высокій образовательный цензъ. Наконецъ, въ качествъ ръшительной мъры противъ безпорядковъ во всёхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а въ томъ числё и въ университетахъ, летомъ 1899 года опубликованы «временныя правила» объ отбываніи воинской повинности тёми изъ воспитанниковъ этихъ заведеній, которые будуть исключены за «учиненіе скопомъ безпорядковъ». Всв исключенные по такому поводу немедленно, согласно новымъ «правиламъ», привлекаются къ военной службъ на одинъ, два или три года, смотря по степени ихъ участія въ безпорядкъ, хотя бы они имъли льготу по семейному положенію, либо по образованію, или не достигли еще призывнаго возраста или же вынули по жеребью нумерь, освобождающій ихъ отъ службы въ войскахъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что съ 1884 г., года опубликованія новаго университетскаго устава, жизнь университетовъ пополнилась такими новыми явленіями и распоряженіями, которыя не только не были предусмотрѣны этимъ уставомъ, но даже идутъ ему отчасти въ разрѣзъ. Поэтому не будеть ничего удивительнаго и неожиданнаго, если министерство народнаго просвѣщенія, по введеніи задуманной реформы среднихъ учебныхъ заведеній, въ соотвѣтствіи съ ея основными положеніями, рѣшится обратиться и къ пересмотру университетскаго устава 1884 года, который въ настоящее время, какъ я постарался это бѣгло отмѣтить, не представляеть собою цѣльнаго и систематизированнаго законодательнаго акта.

Б. Глинскій.

ДЕПАРТАМЕНТЪ БУМАГЪ.

Ы ТОЛЬКО что подробно ознакомились съ проектомъ основаній архивной реформы въ Россіи, составленнымъ профессоромъ Д. Я. Самоквасовымъ и принятымъ «въ принципѣ» спеціальной комиссіей кіевскаго археологическаго съѣзда; прочли также и новую книгу г. Самоквасова по тому же предмету подъ заглавіемъ: «Централизація государственныхъ архивовъ Западной Европы въ связи съ архивной реформой въ Россіи», изданную московскимъ архивомъ ми-

нистерства юстиціи, въ которомъ г. Самоквасовъ занимаєть должность управляющаго. Обѣ эти работы г. Самоквасова заслуживають самаго серіознаго вниманія со стороны лицъ, зннимающихся отечественной исторіей, такъ какъ онѣ, по нашему крайнему разумѣнію, могутъ повлечь за собою окончательный разгромъ еще сохранившихся русскихъ историческихъ сокровищъ.

Давно уже замѣчено, что каждая «реформа» въ Россіи, по роковому стеченію обстоятельствъ, приводить въ концѣ-концовъ къ созданію новыхъ «главныхъ управленій» съ цѣлой арміей чиновниковъ съ хорошими окладами и всѣмъ прочимъ, что полагается по штату. Насъ поэтому нисколько не удивило, что первый параграфъ «проекта» г. Самоквасова предлагаетъ «учредить центральный органъ архивнаго управленія въ Россіи, подобный существующимъ въ государствахъ (sic) Германіи, Скандинавіи, Англіи, Голландіи, Бельгіи, Франціи и Италіи»; слово «центральный», столь звучное и часто встрѣчающееся нынѣ на вывѣскахъ, а также ссылка, хотя и не совсѣмъ грамотная, на «государства Германіи, Бельгіи» и т. д. даже расположили сначала насъ въ пользу проекта. Вникнувъ, однако, поближе въ дѣло, мы увидѣли, что новое «главное управленіе» о бумагахъ начнетъ свою дѣятельность съ ихъ упраздненія въ должныхъ для цѣлей «главнаго управленія» размѣрахъ или будетъ проявлять свою заботливость о бумагахъ только на бумагѣ.

Говоря серіозно, «проекть основаній архивной реформы» обнаруживаеть въ его составителяхъ не совствить ясное понимание и знаніе положенія архивнаго дела въ Россіи. Многіе наши архивы, и столичные, и провинціальные, уже расхищены, распроданы по пудамъ или уничтожены въ большей части своего состава въ техъ именно случаяхъ, когда назначались особыя комиссін «для приведенія ихъ въ порядокъ»: чтобы архивъ не разрастался въ размерахъ, чтобы легче можно было его «централизовать», считали за лучшее избавиться отъ всёхъ дёль, которыя казались членамъ комиссій ненужными ни для делопроизводства, ни для историческихъ цёлей. Еще недавно продавались на пуды архивы, заключавшіе въ себъ важные историческіе матеріалы, и поэтому дъйствительно ценными архивами въ Россіи являются именно те, къ которымъ еще не прикасалась рука человъка, въ особенности узкаго спеціалиста,—тв, которые до сихъ поръ покрыты были голубинымъ пометомъ где нибудь на чердакахъ. Къ несчастію, архивы многихъ высшихъ правительственныхъ учрежденій уже «благоустроены» въ этомъ смысль, а для «неблагоустроенныхъ» следовало бы постановить теперь за правило не уничтожать изъ старыхъ дёль ни одной бумажки. Вторымъ параграфомъ проекта г. Самоквасовъ предлагаетъ «сосредоточить въ одномъ центральномъ публичномъ государственномъ архивъ, подобномъ архивамъ западно-европейскихъ государствъ, делопроизводства по 1825 г. упраздненныхъ и дъйствующихъ высшихъ и центральныхъ государственныхъ учрежденій, за исключеніемъ уже обладающихъ благоустроенными центральными архивами, открытыми для публичнаго пользованія». На самомъ же дълъ, «сосредоточить» г. Самоквасову едва ли что либо удастся. Сколько намъ извъстно, столичные «центральные» архивы, принадлежащие высшимъ правительственнымъ учреждениямъ, хотя бы то и «неблагоустроенные», необходимы для этихъ учрежденій, и ни одно изъ нихъ не захочеть и не можеть наложить на себя рукъ въ этомъ отношеніи, отдавъ свои діла другому архиву, хотя бы то еще болъе центральному; притомъ, невозможно ни для какого учрежденія передать въ центральный государственный архивъ дёль своихъ, не разобравшись въ нихъ хотя нъсколько, не составивъ имъ описи; между тёмъ, даже въ московскомъ архивъ министерства юстиціи, управляемомъ г. Самоквасовымъ, полки не разобранныхъ дъль тянутся на протяженіи чуть ли не десяти версть. Правда,

въ объясненіяхъ къ проекту, предлагается устроить центральный архивъ именно при московскомъ архивъ министерства юстипіи, но будеть ли дёло «централизаціи» «неблагоустроенных» архивовь само по себъ благодарнымъ и цълесообразнымъ? Подвинется ли тогда дёло благоустроенія централизованныхъ архивовъ? Паже основная идея г. Самоквасова о центральномъ государственномъ архивъ намъ кажется совершенно неясною. Сосредоточивать архивы сь цёлью классифицировать дёла ихъ, объединить ихъ для научныхъ и практическихъ цёлей было бы, по крайней мёре, понятно. но къ десятку верстъ неблагоустроенія прибавлять новые ихъ десятки. быть можеть, еще большаго неблагоустроенія не представляется основаній уже потому, что каждое в'єдомство въ отдільности, при извёстныхъ условіяхъ, гораздо легче достигнеть цёли описанія своихъ архивовъ, даже не уничтожая ни одного дъла изъ нихъ, уже потому, что оно обладаеть достаточными для этого средствами; для полнаго успъха оно можеть даже пригласить гг. спеціалистовъ по архивному дълу изъ «департамента бумагъ», если таковой будетъ учрежденъ. Не проще ли обязать вст въдомства заняться описаніемъ ихъ архивовъ, опредёливъ закономъ строгій порядокъ уничтоженія ненужныхъ дёлъ?

Г. Самоквасовъ находить также необходимымъ «издать немедленно циркулярное распоряжение по всёмъ вёдомствамъ о прекращеніи уничтоженія бумагь, относящихся къ дівлопроизводствамъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій», но до тёхъ только поръ, «пока не будетъ учреждено центральное архивное управленіе въ Россіи, и не будутъ выработаны и изданы общія правила уничтоженія ненужныхъ актовъ делопроизводства» (§ 8). Эти правила давно насущно-необходимы, но ихъ нътъ надобности связывать съ существованіемъ «центральнаго архивнаго управленія», такъ какъ они несомивнио будуть вырабатываться учеными учрежденіями и представителями архивнаго дъла въ Россіи. Въ дълъ устройства архивнаго дёла вообще важна научная свобода мнёній, возможность широкаго участія въ немъ всёхъ лицъ, имъ интересующихся, а не циркулярныя распоряженія «управленія», хотя бы то центральнаго: установленіе же правиль принадлежить высшей законодательной власти.

Созданіе центральнаго государственнаго архива въ Россіи намъ кажется практически невозможнымъ и безцѣльнымъ вообще; мы не касаемся при этомъ тѣхъ затрудненій, которыя неизбѣжно возникнутъ при первой же попыткѣ осуществить гигантскую идею централизаціи г. Самоквасова. Но мы въ то же время не считаемъ эту часть его проекта и вредной, предполагая, что Николаевская желѣзная дорога доставитъ архивные поѣзда въ Москву въ цѣлости и сохранности. Но любовь г. Самоквасова къ «централизаціи» и къ порядкамъ «государствъ Скандинавіи и Бельгіи» идетъ еще «истор. въстн.», феврадь, 1900 г., т. ыхкіх.

Digitized by Google

далье. Въ § 3-мъ онъ предлагаеть «делопроизводства местныхъ правительственных учрежденій по 1775 г. сосредоточить въ двънадцати центральныхъ публичныхъ областныхъ государственныхъ архивахъ древнихъ актовъ, подобныхъ провинціальнымъ архивамъ западно-европейскихъ государствъг, а въ § 5 находить необходимымъ правительствений и убядныхъ правительствений и убядных пр ныхъ учрежденій 25-летней давности сосредогочить въ губерискихъ центральныхъ публичныхъ государственныхъ архивахъ». Эти два параграфа въ сущности гласять следующее: теперь по всей Россіи, даже въ глухихъ ея уголкахъ, находятся еще архивы нетронутые, даже покрытые голубинымъ пометомъ, но наступить время, когда вст они будуть сложены на воза или барки и придуть наконець въ центральные пункты, избранные г. Самоквасовымъ, въ десятой или двадцатой части первоначального своего состава, подвергшись всемъ случайностямъ дальняго путешествія. Встреча, оказанная остаткамъ этихъ архивовъ штатными «старшими» и «младшими» архиваріусами, по проекту г. Самоквасова, будеть, конечно, почетная, но, спрашивается, кому отъ того будеть лучше, и къ чему всё эти архивные повзда? Г. Самоквасовъ желаеть, чтобы «главное архивное управленіе» имѣло въ «губерніяхъ» подать домственныя учрежденія, носящія чиновный, офиціальный характерь, и заботится, чтобы губернскія архивныя комиссіи, это симпатичное выраженіе общественной научной самодъятельности, отнюдь не претендовали бы на расширеніе круга своихъ дійствій, точное урегулированіе своихъ правъ и обязанностей, въ ущербъ будущимъ архивнымъ чиновникамъ. Между тъмъ, по нашему мнънію, именно дъятельность комиссій могла бы, при извістных условіяхь, способствовать охрань містныхъ архивовъ и разработкъ мъстной исторіи, а не губернскій центральный архивъ, хотя бы помъщение его и было «германскаго типа, такъ называемой магазинной системы» (§ 4 «Проекта»). Несомнънно одно, что послъ губернской централизаціи вы уже не встрътите въ убздахъ никакихъ старыхъ дълъ: одни будутъ уничтожены, чтобы не перевозить ихъ въ «губернію», другія погибнуть при перевозкі, третьи, не перевезенныя, исчезнуть, чтобы своимъ незаконнымъ существованіемъ внѣ центральныхъ пунктовъ не навлекать ни на кого ответственности. Правда, что тогда можно будеть сказать съ увъренностію, что всъ бумаги въ Россіи упорядочены и централивованы, «на подобіе западно-европейскихъ государствъ», что н требуется доказать.

Да, именно только—на подобіе! Въ Западной Европъ давно привыкли съ уваженіемъ относиться къ памятникамъ прошлаго, тамъ берегутъ каждый лоскутокъ старой бумаги и устраивають повсюду свои маленькіе архивы для лучшаго сбереженія этихъ лоскутковъ. Центральный архивъ за границей, это—вънецъ съти маленькихъ архивовъ и частныхъ коллекцій, тогда какъ мы думаемъ начать

дёло съ другого конца: устроить центральный, рискун существованіемъ маленькихъ. Ахъ, неужели мы и до сихъ поръ можемъ жить только на подобіе европейцевъ? Любопытно, что наши остзейскіе нѣмцы, до нѣкоторой степени представители «Европы», пожелавъ на кіевскомъ съѣздѣ успѣха проекту г. Самоквасова на всемъ пространствѣ Россіи, сдѣлали однако оговорку, «чтобы общественные архивы Прибалтійскаго края, доступные для научныхъ розысканій и уже приведенные въ надлежащій порядокъ, сохранили этотъ порядокъ неизмѣненнымъ и на будущее время». Ихъ устами, должно сознаться, говорило не «подобіе Европы», а сама умная, хотя и насмѣшливая, наша западная наставница.

Евгеній III умигорскій.

ПЯТЬДЕСЯТЪ ФАВОРИТОКЪ ЛЮДОВИКА XV 1).

Louis a rempli sa carrière Et finit son destin. Tremblez, voleurs, fuyez... Vous avez perdu votre père. Chanson populaire sur la mort de Louis XV 2).

АКИМЪ образомъ легкомысленная по внъшности и граціозная по художественнымъ формамъ, эпоха Людовика XV подготовила могучую революцію?—спрашиваеть себя Функъ-Брентано въ одномъ изъ последнихъ своихъ историческихъ обозрѣній въ «Revue Hebdomadaire» и отвѣчаеть, что недавно вышедшая книга гр. Флери версальскомъ дворѣ при Людовикъ выясняеть хоть одну изъ причинъ этого, повидимому, страннаго историческаго явленія.

Дъйствительно, много писано монографій, этюдовъ и воспоминаній объ этомъ король и его времени, но никто не собраль, какъ

Chansons sur les favorites de Louis XIV et de Louis XV, par George de Dubor. «Nouvelle Revue». 15 août 1899.

Ma liaison avec madame de-Pompadour, par le duc de Choiseul.—«Revue de Paris». 15 mai. 1899.

L'attentat de Damiens, par le duc de Choiseul. «Revue de Paris». 1 sept. 1899. Histoire de France au XVIII siècle: Louis XV, par J. Michelet.—Nouvelle edition avec gravures. Paris. 1899.

2) «Людовикъ кончилъ свою карьеру и свершилъ свою судьбу; трепещите воры и бъгите куртизанки; вы лишились отца». Изъ народной ивсии на смерть Людовива XV. («Мои воспоминанія», Ж. Моро, т. І, стр. 379).

¹⁾ Louis XV intime et les petites maitresses, par le comte Fleury. Paris. 1899. Louis XV et sa cour .-- A travers l'Histoire, par Funk-Brentano. «Revue Hebdomadaire». 19 août. 1899.

Mes souvenirs, par J. Moreau.—Paris. 1899. La guerre de Sept ans, histoire diplomatique et litteraire, par R. Waddington. Paris. 1899.

Флери, въ одно цълое столько матеріаловъ, разбросанныхъ въ печатныхъ и рукописныхъ источникахъ для полной характеристики интимной жизни Людовика XV, котораго очень ръзко, но справедливо заклеймилъ Сенъ-Бевъ названіемъ «самаго пустого, низкаго и подлаго изъ королей». Стараясь быть безпристрастнымъ, Флери приводить всё факты, подтверждающие чудовищный эгоизмъ, грубое сладострастіе и надменную пустоту своего героя, но вмъстъ съ тъмъ онъ извиняеть его позорные поступки, какт. короля и человъка, дурнымъ воспитаніемъ и окружавшей его разнузданной, нравственно испорченной средой; онъ даже пытается примънить къ этому утонченному сатиру, не останавливавшемуся ни передъ чёмъ для удовлетворенія своихъ животныхъ капризовъ, милосердное изреченіе, что ему много простится, потому что онъ много любилъ. Еслибъ Людовикъ дъйствительно любилъ кого нибудь изъ своихъ безчисленныхъ жертвъ и эксплуатировавшихъ его интригановъ, то еще можно было бы говорить о чемъ либо подобномъ, но Людовикъ никогда никого не любилъ и всю жизнь только охотился, ёлъ, нилъ и развратничалъ, предоставляя управлять страной своимъ недостойнымъ фавориткамъ и ихъ презръннымъ клевретамъ, мало того, онъ самъ содъйствовать расхищению государственныхъ финансовъ, бросалъ милліоны на свои удовольствія и вибстЪ съ тъмъ лично спекулировалъ торговлей хлъбомъ, что приводило къ голодовкамъ и народнымъ возстаніямъ, залитымъ кровью. Унизивъ Францію извив неудачными союзами и походами, территоріальными потерями и проигранными сраженіями, а внутри обезсиливъ ее административными хищеніями, преслідованіемъ старинныхъ парламентовъ, предоставленіемъ простора клерикальному игу, поливишей правительственной анархіей и огульнымъ разореніемъ страны, Людовикъ XV примъромъ своего безобразнаго разврата довелъ до апогея придворное и аристократическое растленіе. Конечно, время, среда и воспитание объясняють эту позорную историческую личность, но они не могутъ служить ему извинениемъ, какъ полагаетъ Флери, который очень легко и поверхностно смотритъ на имъ же нарисованную мрачную картину «королевскихъ забавъ», такъ тяжело отозвавшихся на французскомъ народъ, его матеріальномъ положеніи, національной чести и добромъ имени. Поэтому неудивительно, что народъ, называвшій короля сначала, хоть неизв'єстно почему, «многолюбимымъ», возненавидълъ его, часто возставалъ противъ его правительства, грозя сжечь Версаль, этоть золоченный вертепъ державнаго минотавра, и встретиль его смерть криками радости, открыто распъвая на улицахъ, «что умеръ отецъ воровъ и кургизанокъ».

Хотя Флери въ своей любопытной книгв обращаетъ исключительное вниманіе, какъ и объщаеть ея заглавіе: «Людовикъ XV въ интимной жизни и его мелкія фаворитки», на мелкихъ фаворитокъ, а о крупныхъ: герпогинъ Шатору, маркизъ Помпадуръ

и графинъ Дю-Барри, упоминаетъ лишь мимоходомъ, но не трудно пополнить эти пробёлы въ рисуемой авторомъ картине, такъ какъ объ этихъ главныхъ фавориткахъ Людовика существуетъ много свъдъній въ исторіяхъ Франціи Сисмонди, Мишлэ, Генри Мартена, въ отдельныхъ монографіяхъ и трудахъ братьевъ Гонкуровъ Токвиля, Анжервиля, Валада, барона Сенть-Амана, Нольяка, Вателя, а также въ мемуарахъ Марэ, маркиза д'Аржансона, кардинала Берни, Мармонтеля, Дюкло, герцога Люиня, Барбье, герцога Сенъ-Симона, Ришелье, г-жи д'Оссэ, Гарди и т. д. и т. д. 1). Литература эпохи Людовика XV очень богата, и нътъ надобности ссылаться на всв книги, входящія въ ея составъ. Но она постоянно растеть, и недавно вышли интересные мемуары Моро, отрывки изъ найденныхъ воспоминаній герцога Шуазеля, и первый томъ семилътней войны, Вадингтона, которые проливають яркій свёть на отнощенія маркизы Помпадуръ къ политикъ. Наконецъ, помъщенныя въ «Nouvelle Revue» популярныя пъсни, распъвавшіяся на улицахъ Парижа о фавориткахъ Людовика XV, знакомять насъ съ твиъ, какъ смотръть народъ на «грвшки» (peccadilles) короля, по выраженію слишкомъ снисходительнаго гр. Флери.

Такимъ образомъ съ помощью этого обширнаго матеріала, благодаря которому можно дополнить и провёрить свёдёнія, доставляемыя книгою Флери, а главное руководствуясь его документальнымъ трудомъ, легко набросить картину Людовика XV среди его пятидесяти фаворитокъ. Не всё онё, конечно, играли одинаково

¹⁾ La duchesse de Chateauraux et ses soeurs, par E. et J. de Goncourt. Histoire philosophique du regne de Louis XV, par Tocqueville. Vie privèe de Louis XV, par Mouffle d'Angerville.-4 vol. Portraits historiques de Louis XV et de M-me de Pompadour, par Vallade. La cour de Louis XV, par le baron Saint Amand. Chateau de Versaille sous Louis XV, par P. de Nolhac. Paris. 1896. Madame du Barry, par Vatel. Lettres de M-me de Pompadour. Madame de Pompadour, par Goncourt. Le gouvernement de madame de Pompadour, par M. de Carné. Essai sur m-me de Pompadour, par Després. Anecdotes sur la comtesse du Barry. Londres. 1773. Journal de Mathias Marrais. Memoires du marechal de Richelieu. Memoires du marquis d'Argenson. Memoires du cardinal de Bernis. Memoires de Marmontel. Journal de Hardy. Memoires de m-me de Hausset. Memoires secrets de Duclos. Memoires du duc de Luignes. Journal be Barbier. Memoires de Saint Simon, t. XI-XVII.

важную роль, и не о всёхъ имёются одинаково подробныя данныя. Пъдыя монографіи существують о главнъйшихъ изъ нихъ, именно о крупныхъ фавориткахъ, какъ выражается Флери, или о котильонахъ, по болъе картинному опредъленію Фридриха И. Ихъ было три: котильонъ І-герцогиня Шатору, котильонъ И-маркиза Помпадуръ и котильонъ Ш-графиня Дю-Барри. Къ нимъ следуетъ прибавить еще графиню Мальи-Нель, которая была первой офиціальной фавориткой Людовика XV и занимала десять лёть тогь же придворный пость, который прославиль котильоны. Дъйствительно, при старинной французской монархіи обязанность офиціальной фаворитки считалась чуть не государственной, но во всякомъ случав придворной должностью. Чтобы достичь ея, пускались въ ходъ всевозможныя интриги, въ которыхъ участвовали не только кандидатки на эту должность, но придворные обоего пола и даже министры. Когда выборъ короля быль сдёлань, то онъ офиціально объявлялся, и это называлось провозглашеніемъ, или признаніемъ фаворитки. Вотъ такихъ-то офиціальныхъ, торжественно провозглашенныхъ фаворитокъ у Людовика XV было только четыре: графиня Мальи и три котильона. Всв остальныя сорокь шесть фаворитокъ были мелкими, какъ называеть ихъ Флери, хотя онъ несправедливо къ ихъ числу относить графиню Мальи. Нікоторыя изъ этихъ случайныхъ, временныхъ и непродолжительныхъ обладательницъ сердцемъ короля, если у Людовика XV быль такой ненужный для сладострастнаго сатира предметь, - принадлежали къ знаменитому Оленьему парку (Parc des cerfs). Въ этомъ позорномъ сералѣ приготовляли королю юныхъ жертвъ его животнаго разврата, часто дётей, камердинеръ Лебель и сама маркиза Помпадуръ, которая была надзирательницей этого преступнаго учрежденія, съ цілью сохранить свою первенствовавшую политическую роль и постоянное вліяніе на короля. Всёхъ болёе или менёе привлекательныхъ предметовъ королевскихъ мелкихъ забавъ (menuplaisir) невозможно пересчитать, а потому историку приходится имъть дъто лишь съ полусотнею извъстныхъ фаворитокъ Людовика XV, къ разсмотрънію которыхъ мы и обратимся, сортируя ихъ хронологически.

Ī.

Котильонъ 1.

Всю «сатирную» дѣятельность Людовика XV, продолжавшуюся сорокъ два года, можно раздѣлить на три періода, съ которыми совпадають знаменитые котильоны Шатору, Помпадуръ и Дю-Барри. Хотя они, кромѣ котильона 2, не обнимали всего времени каждаго

періода, но представляють наибольшія планеты среди мелкихъ созв'яздій, а потому достойны чести служить кличкой различныхъ фазъ позорнаго существованія Людовика въ качеств'ь минотавра. Первый періодъ, продолжавшійся дв'янадцать л'ять отъ 1732—1744 г., ознаменовался выступленіемъ юнаго короля на стезю разврата и царствомъ четырехъ сестеръ Нель, съ герцогиней Шатору во глав'в, что не м'яшало при блеск'в этой плеяды мерцанію другихъ десяти зв'яздочекъ.

Кто была первой фавориткой Людовика XV, составляеть загадку, до сихъ поръ вполнъ не разгаданную. Больной и дурно воспитанный въ дътствъ, Людовикъ XV однако очень рано развился физически и спълался въ двънадцать лътъ красивымъ, здоровеннымъ юношей, но глубоко невъжественнымъ, мрачнымъ, молчаливымъ, капризнымъ, любившимъ только тсть, охотиться и играть съ котятами, которыхъ онъ замучивалъ до смерти. Но къ общему удивленію этоть воспитанникъ безобразной, растлівной эпохи герцога Орлеанскаго быль очень заствичивь и боялся женщинь, какъ чумы. Такое непонятное настроеніе въ красивомъ, кровь съ молокомъ, юношъ объяснялось при дворъ скандальной дружбой юнаго короля съ однимъ молодымъ герцогомъ, который сдёлалъ изъ него Ганимеда. Но послъ удаленія герцога прекратились всякіе слухи объ унаслідованій королемь развращенных привычень дома Валуа, и все-таки король продолжалъ чуждаться женщинъ, несмотря на всё ухаживанія за нимъ кокетливыхъ придворныхъ дамъ. Правда, существуетъ легенда объ относящемся къ этому времени тайномъ бракъ короля съ принцессой Елизаветой Монморанси, вышедшей впослёдствіи замужь за французскаго посла въ Вънъ, маркиза Креки. Но, по словамъ Флери, этотъ бракъ совершенно фантастиченъ, хотя сынъ маркизы Креки, называвшійся Креки де Моранса, или Креки-Бурбонъ, выдавать себя за побочнаго сына Людовика XV и въ этомъ качествъ пользовался пенсіей оть Людовика XVI, а потомъ быль казненъ во время террора. Впрочемъ, если его родство съ Людовикомъ XV ничъмъ не докавано, то столь же бездоказательно извъстіе, что онъ быль самозванцемъ, именно парижскимъ колбасникомъ Никола Бероше.

Какъ бы то ни было, но достовърно, что юный король не имълъ фаворитокъ до своей женитьбы въ 1725 году на Маріи Лещинской, дочери бывшаго польскаго короля, и въ продолженіе первыхъ семи лътъ его брачной жизни. Сначала онъ очень привязался къ королевъ, увърялъ, что она красивъе всъхъ красавицъ, и не даватъ ей покоя своими ласками, но эта любовь была странная, мрачная и, по саркастическому замъчанію маркиза Аржансона, «король подарилъ королевъ семь дътей, не сказавъ ей ни слова». Однако, вскоръ королева, бывшая старше его на семъ лътъ и сантиментальной, скучной, набожной пуританкой, жаловавшейся, что вся ея

жизнь проходить «въ постель, въ интересномъ положеніи, или въ родахъ», надобла Людовику, и скрывавшіяся въ его крови развратныя наклонности начали мало-помалу пробуждаться. Онъ сталъ играть въ карты и пить, проводиль ночи въ кутежахъ у придворныхъ кокотокъ: принцессы Шароле и графини Тулузъ, тайно посбщалъ съ принцессой маскарады парижской оперы и заслушивался блестящей эротической болтовней графини. Конечно, все было пущено въ ходъ версальскими красавицами, аристократическими интриганками, царедворцами и даже министрами, чтобы навязать королю фаворитку, но долго не удавались всё эти усилія. Даже принцессь Шароле, при всей ея ловкости, бъщеной веселости и знаніи мужчинъ, благодаря ея многочисленнымъ любовнымъ интригамъ съ пятнадцати-лътняго возраста, пришлось отказаться отъ роли первой фаворитки Людовика, несмотря на ея хвастовство, что она поставить на своемъ.

Наконецъ, въ 1732 году, на одномъ изъ ужиновъ у принцессы Шароле король предложилъ тостъ за здоровье «неизвъстной» и, выпивъ свой бокалъ, разбилъ его. Всъ поняли, что народилась фаворитка, но никто не зналъ, кто она. Одни называли герцогиню Бурбонскую, другіе герцогиню Лароге, третьи г-жу Божале и т. д., но никто не подозръвалъ, по словамъ Флери, той, которая была дъйствительно этой неизвъстной, именно графини Мальи-Нель, такъ вела она себя скромно, и такъ король обходился съ нею осторожно, почтительно, хотя она видимо забавляла его, и онъ часто приглашалъ ее на ужины, или прогулки съ другими придворными дамами. Но прежде чъмъ подробно познакомиться съ этой любопытной личностью, открывающей галлерею фаворитокъ Людовика XV, скажемъ два слова еще объ одной кандидаткъ на титулъ первой фаворитки короля, о которой Флери вовсе не упоминаетъ.

Впрочемъ, говоря ранбе о стараніяхъ придворныхъ дамъ развратить короля до его женитьбы, онъ упоминаетъ, что г-жа де-ла-Врильеръ взялась за это дёло во время посёщенія королемъ Шантильи въ 1724 г. и захватила съ собою хорошенькую, молоденькую герцогиню Эпернонъ, но прибавляеть, что всв ихъ заигрыванія не привели ни къ чему. Вотъ эта-то г-жа де-ла-Врильеръ, т.-е. графиня Эмилія Плотенъ, жена графа Луи Сенъ-Флорентена, государственнаго секретаря, а потомъ министра и герцога Врильера, была, если върить Дюбору, первой фавориткой Людовика XV, хотя ея царство было такъ непродолжительно и такъ мало блестяще, что она едва занимаетъ мъсто въ серіи королевскихъ фаворитокъ. Справедливость этого факта подтверждается популярной песнью, въ которой восиввается первая султанша короля, и хотя ея имя не упомянуто въ этой пъснъ, но указано, что ея мужъ государственный сейретарь, который будеть произведенъ въ герцоги, благодаря женъ, а это ясно указываеть на де-ла-Врильера. Была ли герцогиня де-ла-Врильеръ этой «неизвъстной» или нътъ, но, по всей въроятности, ей принадлежитъ честь, по словамъ популярной пъсни, «заставить короля, наконецъ, подчиниться нъжному закону того божка, которому поклонялись на Цитеръ». Какъ бы то ни было, если, строго говоря, эта загадка все-таки остается неразгаданной, то не подлежитъ сомнъню, правъ ли Флери или нътъ, называя графиню Мальи-Нель «неизвъстной», что она безспорно была первой офиціальной фавориткой Людовика XV.

Олимпія-Луиза Мальи-Нель, дочь маркиза Нель, была старшей изъ знаменитыхъ четырехъ сестеръ Нель, дёлившихъ между собою милости короля. Не красивая, но большого роста, съ большими черными глазами и чувственнымъ выражениемъ лица, она отличалась замівчательным умом и рідким уміньем одіваться. Она была однихъ летъ съ королемъ и, выйдя замужъ на семнадцатомъ году за своего двоюроднаго брата, графа Мальи Рюбампрэ, не была сънимъ счастлива. Брошенная мужемъ, она имъла до короля нъсколько интригь, между прочимъ съ маркизомъ Цюизье. Состоя придворной дамой, ей легко было скрывать свои отношенія къ королю, которыя, по словамъ одникъ современниковъ, начались въ 1732 году, а другихъ, въ 1733. Во всякомъ случат они нъсколько лътъ сохранялись въ тайнъ, такъ какъ Людовикъ еще считаль нужнымъ поддерживать внёшнія приличія относительно королевы, которую онъ въ то время не совершенно бросилъ. Только въ 1737 году, послів рожденія седьмой дочери короля, при крещеніи которой Людовикъ открыто заявиль, что это последній его ребенокъ, графиня Мальи была офиціально провозглашена фавориткой. Узнавъ объ этомъ, королева окончательно прервала всякія отношенія съ мужемъ, и онъ уже открыто предался развратной жизни, продолжавшейся до самой его смерти. Но горячо любившая Людовика графиня Мальи, которую современники сравнивали съ Лавальеръ, не долго торжествовала свою побъду, и вскоръ изъ привязанности къ Людовику ей пришлось делить милости короля съ другими фаворитками. Прежде всего онь измёниль ей ради дочери какого-то версальскаго мясника, имя котораго не сохранилось. Судьба какъ бы въ наказаніе послала ему довольно опасную бользнь, но, отдълавшись отъ нея и не покидая офиціальной фаворитки, онъ продолжаль собирать цветы сладострастія по сторонамъ. Одно время онъ увлекался г-жею Бевронъ, подругой графини Мальи, относительно которой эта временная фаворитка выказала, по словамъ одного изъ современниковъ, самую дыявольскую неблагодарность. имъ овладъла до такой степени жена министра, г-жа Амело, что даже поговаривали о провозглашеніи ея офиціальной фавориткой. виъсто графини Мальи. Но наибольшее унижение послъдней пришлось вынести отъ своихъ собственныхъ сестеръ. Прежде всего ея соперницей явилась Полина, которой покровительствовала принцесса Жароле изъ ненависти къ фавориткъ. Король выдалъ ее замужъ за графа Вентимиль и далъ значительное приданое будго бы изъ любви къ сестръ, но вскоръ оказалъ ей предпочтенье.

Графиня Вентимиль, хотя далеко некрасивая, но очень умная и привлекательная женщина, забрала совершенно въ руки слабохарактернаго короля, отучила его оть мучившей его заствичивости и придала ему нъкотораго рода самостоятельность, освободивъ отъ вліянія мелкихъ придворныхъ лицъ, въ родъ камердинера Башелье. Въ особенности надъ последнимъ она не переставала издеваться и постоянно говорила королю съ усмешкой: «Ну, что, вы передаете своему лакею и мои признаніи въ любви къ вамъ?» Среди своихъ самодюбивых мечтаній, она не только разсчитывала замінить сестру въ офиціальной должности фаворитки, но хотела сдёлать короля знаменитымъ воиномъ и сопровождать его во время походовъ. Но судьбъ не угодно было осуществить ея блестящихъ надеждъ, и она умерла въ 1741 году отъ родильной горячки, послъ того, какъ родила сына, котораго король призналъ своимъ, хотя онъ получиль фамилію маркиза Люка, одно изъ прозвищь мужа графини Вентимиль. Во время ея бользни Людовикъ выражаль ей необыкновенную нъжность, перевезъ ее въ Версальскій дворецъ, гдъ ей отведено было особое пом'вщеніе, не отходиль оть нея и терп'вливо переносиль всв ея капризы. Только однажды онъ быль выведенъ изъ теривнія ея упорнымъ, печальнымъ молчаніемъ въ прополжение нъсколькихъ часовъ и внъ себя отъ гнъва воскликнулъ въ присутствіи нъсколькихъ лицъ: «Я знаю, какое лъкарство вылъчило бы васъ отъ вашей бользни, графиня. Вамъ слъдовало бы отрубить голову, что очень было бы легко, такъ какъ у васъ длинная шея; затёмъ у васъ выпустили бы всю кровь и замёнили бы ее кровью ягненка, что вамъ было бы очень полезно, такъ какъ вы кислая и злая». Эта вспышка, однако, не мъшала королю ухаживать за больной и даже упрашивать на коленяхъ принимать лъкарство. Во время ея родовъ онъ не выходиль изъ комнаты, когда ребенокъ родился, самъ вынесъ его на красной бархатной подушкъ, увъряя, что онъ очень походить на него 1). Хотя графиня Вентимиль умерла въ ужасныхъ страданіяхъ и была увърена, что ее отравили, но никто изъ современниковъ не подтверждаеть этого факта, и Флери положительно его отвергаеть.

Смерть графини Вентимиль возбудила одну изъ тёхъ вспышекъ народного негодованія, которыя отъ времени до времени предупре-

¹) Этотъ побочный сынъ Людовика XV, графъ Люкъ, воспитывался сначала у тетки графини Мальи въ Версальскомъ дворцѣ, а потомъ неизвѣстно гдѣ. Когда онъ выросъ, то маркиза Помпадуръ хотѣла женить его на сноей дочери, но Людовикъ не согласился, и онъ, получая пенсію отъ короля, служилъ въ арміи, эмигрироваль во время революціи и умеръ въ Неаполѣ въ 1810 году.

ждали короля, что если не ему, то его наследнику придется дорого заплатить за его позорное царствованіе. Узнавъ о страданіяхъ и ужасной смерти королевской любовницы, народъ сталъ открыто выражать свою радость, и въ Версалв на улицахъ громко говорили: «Такъ ей и надо, мерзкой твари, она отбила короля у сестры, а все-таки сестра лучше ея. Это добрая женщина». Когда же распространился слухъ, что ея тёло перенесено изъ дворца въ домъ Вилеруа для вскрытія и посл'є ухода докторовъ покинуто всімидаже лакеями, которые разошлись по кабачкамъ, то народъ вломился въ домъ и сталъ всячески издвваться надъ обнаженнымъ трупомъ умершей. Потомъ, при похоронахъ, несмотря на весь ихъ блескъ, версальское населеніе сопровождало шествіе скандальными криками, неприличными пъснями, скабрезными шутками и презрительнымъ хохотомъ. Король не обращалъ на все это вниманія н въ продолжение мъсяца оплакивалъ свою потерю, а преданная ему графиня Мальи со своей обычной добротой искренно горевала и старадась всячески утвшить короля. Конечно, въ этомъ дъль съ ней соперничали придворныя дамы, старавшіяся замінить ея умершую соперницу. Мало-помалу Людовикъ забылъ графиню Вентимиль, но не столько оть нъжныхъ утвшеній графини Мальи, какъ оть возобновившихся веселыхъ кутежей у принцессы Шароле и графини Тулузъ, которымъ, согласно свидетельству современниковъ, наконецъ, удалось попасть въ число временныхъ фаворитокъ Людовика XV. Не разсчитывая на прочность своего положенія, эти объ довкія интриганки проводили кандидаткой въ офиціальныя фаворитки на мъсто графини Мальи молодую, хорошенькую г-жу Нуаль. Хотя Людовикъ не отказался отъ предлагаемаго ему лакомаго куска, но пъло не пошло далъе и серіозными конкурентками все еще занимавшей свой пость офиціальной фаворитки явились ся двъ сестры. гердогиня Лорагэ и герцогиня Шатору.

Третья сестра Нель не играла большой роли и только раздѣляла милости короля со своими сестрами графиней Мальи и герцогиней Шатору, но послѣдняя представляеть первый типъ того, что Флёри называеть крупными фаворитками, а Фридрихъ котильонами. Первымъ ея дѣломъ по провозглашеніи фавориткой было удалить отъ двора графиню Мальи. Такимъ образомъ кончилось въ 1742 году десятилѣтнее царство этой единственной симпатичной фаворитки Людовика XV. Она не только отличалась добротой и искренней любовью къ королю, но въ первые годы своего владычества обнаруживала самые простые идилическіе вкусы и часто послѣ веселыхъ ужиновъ отправлялась съ королемъ на зарѣ собирать землянику въ Медонскомъ лѣсу. Вообще она стоила государству менѣе всѣхъ другихъ фаворитокъ, и подарки короля, который впослѣдствіи такъ бузумно бросалъ деньги на Помпадуръ и Дю-Барри, ограничивались парой серебряныхъ подсвѣчниковъ или парой сѣрыхъ ло-

шадей. Наконецъ, графиня Мальи никогда не вмъшивалась въ политику, и къ ен времени относится любопытный анекдоть о разговоръ кардинала Флери, бывшаго воспитателя, а потомъ перваго министра, съ королемъ о вмѣщательствѣ женщинъ въ политическія дъла. «Если когда нибудь, ваше величество, будете слушать совъты женщинъ по политическимъ дъламъ, -- сказалъ кардиналъ, -- то вы и ваше государство окончательно погибнете». Людовикъ ничего не отвъчалъ, но въ тотъ же день, ужиная съ графиней Мальи, передаль ей слова кардинала и прибавиль: «Воть что я отвъчаю на это: если какая нибудь женщина осмелится говорить со мною о дълахъ, то я тотчасъ вышвырну ее за дверь». Такъ Людовикъ могъ говорить съ графиней Мальи, которая сама не сочувствовала женскому вмёшательству въ государственныя дёла, но ея преемницы, даже сестра, а тъмъ болъе Помпадуръ и Дю-Барри смотръли на дъло совершенно иначе, и Франція дорого заплатила за разыгрываніе ими политической роли. Что касается графини Мальи, то она после удаленія оть двора жила еще девять леть, но вела самую примърную жизнь, предаваясь исключительно религіи и добрымъ дёламъ. Разсказываютъ, что однажды, входя въ церковь, она потребовала стулъ, и молодой адвокать Линги громко сказалъ: «Воть какъ важничаеть, а простая сволочь». Бывшая фаворитка обернулась и спокойно сказала: «Если вы ее внаете такъ хорошо, то помолитесь за нее».

Марія Мальи-Нель родилась въ 1717 году, вышла очень рано замужъ за маркиза Турнель и овдовѣла 23 лѣтъ. Хотя она вела веселую жизнь, и маршалъ Ришелье проводилъ ее въ фаворитки, какъ всѣхъ сестеръ Нель, но чтобы лучше овладѣть королемъ, она долго ему сопротивлялась, разыгрывая роль строго нравственной особы. По этому случаю была сложена популярная пѣснь, въ которой говорилось:

Et allons dame de la Tournelle Et allons donc, rendez-vous donc! Quand votre roi vous appelle; Vous faites trop de façons! Et allons donc! Et allons donc! Rendez vous donc!

Encore si etiez pucelle,
Vous le pardonnerait on!
Si vous vous donniez pour telle
Toute la cour dira «non».
Et allops donc! Et allons donc!
Rendez vous donc! 1)

¹⁾ Ну, дама Турнель сдавайтесь же? Когда король вась зоветь, то зачёмь вы такъ ломаетесь, ну, сдавайтесь!—Если бъ еще вы были невинной, то можно было бы простить вамъ ломаніе, но попробуйте увёрять въ томъ кого нибудь, и весь дворь вамъ отётить: «нёть». Ну, сдавайтесь.

Наконецъ, она сдалась, но подъ извъстными условіями. Ея сестра графиня Мальи была удалена отъ двора, она сама получила титулъ герцогини Шатору съ громаднымъ помъстьемъ того же имени. начала царствовать неограниченно и стала разыгрывать политическую роль. Этотъ первый котильонъ былъ великольпной красавицей, очень самолюбивой, гордой, повелительной и не знавшей ігвны деньгамъ, но, какъ всв ея сестры, она отличалась умомъ и образованіемъ. Если она не переписывалась, какъ графиня Вентимиль съ известной г-жей Дю-Дефанъ, то покровительствовала энциклопелистамъ и окружала себя писателями того времени. Ея блестящій портреть художественно нарисованъ братьями Гонкуръ въ книгъ, посвященной ей и ея сестрамъ. Свое вліяніе на Людовика Шатору главнымъ образомъ обнаружила темъ, что побудила его принять начальство надъ французской арміей въ войнъ съ Австріей въ 1744 году и сама съ сестрой Лораго сопровожнала его въ похонъ на Голландію. Этоть походь, какъ извёстно, быль побёдоносной прогулкой, потому что англичане, боясь высадки французовъ на англійскіе берега, вызвали изъ Голландіи свой вспомогательный корпусъ, а голландцы безъ выстръла сдавали французамъ одинъ городъ за другимъ. Послъ такого дешеваго успъха король двинулъ свои войска въ Лотарингію и Эльзасъ, куда вторгнулись австрійскія войска. Но едва онъ прибыль въ Мець съ объими сестрами Нель, какъ схватилъ горячку отъ излишества въ нищъ. Тутъ произошла комическая сцена. Король чувствоваль себя такъ дурно, что хотёль причаститься, но его духовникь іезунть вздумаль воспользоваться удобнымъ случаемъ, для вящшей славы Божіей, то-есть для усиленія клерикальнаго вліянія, и отказался пріобщить короля, если онъ не прогонить своихъ фаворитокъ. Людовикъ былъ такъ напуганъ духовникомъ, который грозиль ему близостью смерти и адскими муками, въ случат кончины безъ принятія Святыхъ Даровъ, что приказалъ удалить герцогиню Шатору и ея сестру на пятьдесять миль отъ двора. Но это изгнаніе фаворитокъ продолжалось недолго, и, оправившись отъ бользни, король взяль Фрейбургъ, предоставилъ своему союзнику Фридриху II отбиваться одному отъ австрійской арміи и отправился въ Парижъ съ герцогиней Шатору. Онъ не только вернулъ ее ко двору, но въ угоду ей прогналъ духовника и поддерживавшихъ его царедворцевъ. Однако котильону I не пришлось долго торжествовать. Тотчасъ по водвореніи въ Версали герцогиня занемогла и скончалась, спустя нъсколько дней, 8-го декабря 1745 года. Точно такъ же, какъ ея сестра Вентимиль, она была уверена, что ее отравили, и въ Париже ходили слухи, что въ отравлении фаворитки былъ виновенъ ея врагь, графъ Морепа; но это обвинение остается до сихъ поръ недоказаннымъ. Народная ненависть къ фавориткамъ снова пробудилась въ Версали по случаю смерти Шатору, и чтобы предупредить уличные скандалы, ея похороны были назначены ночью.

Такъ кончилось непродолжительное двухлътнее царство котильона I. Хотя Шатору раздъляла съ сестрой Ларого милости короля, но изъ постороннихъ фаворитокъ въ ея время называютъ только г-жу Анго и г-жу Аршамбо, да и то Флери не считаетъ эти факты безусловно върными. Одно только не подлежитъ сомивнію, что сынъ г-жи Анго, жены придворнаго чиновника, былъ крещенъ королемъ и герцогиней Шатору, а впослъдствіи пользовался королевской щедростью и былъ назначенъ судьей на двадцатомъ году жизни. Одна изъ его дочерей была матерью французскаго писателя Барбе Д'Оревелы, который не любилъ, чтобы упоминали объ его родствъ съ державнымъ прадъдомъ. Что касается до г-жи Аршамбо, то ея сынъ актеръ-драматургъ Дарвиньи удивительно походилъ на Людовика XV, и вотъ все, что извъстно о ней.

На вакантный пость офиціальной королевской фаворитки явилось много кандидатокь, и король обратиль свой выборь на пятую сестру Нель, маркизу Флавакурь, которую, по обыкновенію, поддерживаль герцогь Ришелье. Уже давно на улицахъ Парижа распъвали: «Подожди, Флавакурь, прелестная брюнетка, тебя ожидаеть та же участь, какъ сестерь, и придеть твоя очередь». Но случилось нъчто удивительное, такъ какъ, по словамъ той же пъсни: «Кровь семьи Нель не отличалась строгой нравственностью»; маркиза Флавакуръ отказалась отъ предлагаемыхъ ей чести или позора. Впрочемъ, существуеть легенда, что Людовику помъщалъ вавершить циклъ сестеръ Нель не отказъ пятой изъ нихъ, а энергія ея мужа. Узнавъ во время о свиданіи, назначенномъ ей королемъ, онъ увезъ жену въ деревню и до смерти Людовика не пускалъ ее въ Парижъ, гдъ она впослъдствіи мирно умерла во время французской революціи.

П.

Котильонъ II.

Нъсколько мъсяцевъ продолжалось междуцарствіе послѣ перваго котильона и до водворенія втораго. Въ это время король часто встрѣчалъ въ Сенарскомъ лѣсу, гдѣ онъ обыкновенно охотился, граціозную охотницу, которая, повидимому, обращала болѣе вниманія на его величество, чѣмъ на охоту. Она появлялась то вся въ розовомъ и въ голубомъ фаэтонѣ, то вся въ голубомъ и въ розовомъ фаэтонѣ. Наконецъ, на маскарадѣ въ парижской ратушѣ по случаю свадьбы дофина, 38 февраля 1745 года, Людовика интриговала прелестная маска, и когда по его просьбѣ она открыла свое лицо, то онъ узналъ въ ней даму, уже заинтересовавшую его въ Сенарскомъ лѣсу. Въ эту самую минуту она уронила свой платокъ, и король, поднявъ его, бросилъ къ красавицѣ. Вокругъ тотчасъ

поднялся крикъ: «платокъ брошенъ!» Это былъ символъ королевскаго выбора. Фаворитка была найдена, и вотъ пъсня, которой Парижъ привътствовалъ появленіе котильона II.

Notre pauvre Louis
Dans de nouveaux feux s'engage!
C'est aux noces de son fils
Qu'il adoucit son veuvage!
Aye! Aye! Jeannette!

Les bourgeois de Paris Au bal ont eu l'avantage! Il a pour vis à vis Choisi femme de jeune âge! Aye! Aye! Jeannette!

Le roi dit-on à la cour Entre dans la finance De faire fortune un jour Le voilà dans l'espérance! Aye! Aye! Jeannette 1)!

Эта Жаннета была Жанна Антуанета Пуассонъ, будущая маркиза Помпадуръ. Она родилась въ Парижѣ въ 1721 году. Мать ен принадлежала къ мелкой буржуазіи и была извёстна своей развратной жизнью, а ея мужъ, приказчикъ у банкира Пари, пропалъ безъ въсти изъ страха попасть подъ судъ за участіе въ грязныхъ дёлахъ по подрядамъ. Отцемъ Жанны называли богатаго откупщика Ленормана Турнейма, который выдаль ее замужь девятнадцати лъть за своего племянника Ленормана Д'Етіоля. Въ ту минуту, какъ ея звъзда взошла на Версальскомъ горизонтъ, ей было двадцать три года, она имъла двухъ дътей и, маленькая, худенькая, отличалась болбе умбньемъ нравиться и граціей, чвить красотой. По словамъ Сенъ-Бёва, «она поражала всеми физическими и умственными чарами, однимъ словомъ всёмъ, кромё нравственности». Совершенно овладевъ сладострастнымъ Людовикомъ, она заставила его провозгласить ее офиціальной фавориткой съ титуломъ маркизы Помпадуръ. Передъ этимъ король пригласилъ, по словамъ Моро, ея мужа въ свой кабинетъ, гдъ уже находился нотаріусъ, и приказаль ему подписать акть развода. Д'Етіоль повиновался и потомъ сказаль: «ваше величество, вы не могли мит оказать большей услуги; я рышительно не въ состояніи болье терпьть моей жены».

Такимъ образомъ начался второй котильонъ, который продолжался девятнадцать лътъ, хотя всъ историки и даже Флери насчи-

¹⁾ Нашъ бъдный Людовикъ завязалъ новую интрижку; на свадъбъ сына онъ утъшился въ своемъ вдовствъ. Ай да Жаннета! Парижская буржувзія на балъ восторжествовала, и онъ выбралъ себъ молодую даму изъ ея среды. Ай да Жаннета! Король, говорять при дворъ, вступилъ въ финансовый міръ и надъется когда нибудь разбогатъть. Ай да Жаннета!

тывають ихъ двадцать. Не достовърно, что началомъ отношеній Жанны Ленорманъ д'Етіоль къ Людовику XV былъ маскарадъ въ парижской ратушть 28 февраля въ 1745 году, а умерла она 15 апръля 1764 года; следовательно, и царству Помпадуръ было ровно девятнадцать лътъ. Впрочемъ и самъ король за недълю до ея смерти писалъ инфанту Филиппу, герцогу Пармскому, что «зналъ ее и цънилъ ея надежную дружбу почти двадцать лътъ». Во всякомъ случат второй котильонъ продолжался долбе своихъ соперниковъ и оставилъ наибольшій следъ въ исторіи. Помпадуръ положительно царила во Франціи, благодаря тому, что умела держать короля въ своихъ сетяхъ личными чарами шесть леть, а тринадцать своимъ умъніемъ доставлять ему всевозможныя удовольствія и всячески поощрять его развратныя стремленія. Она ничемъ не гнушалась для поддержки своей силы и незамётно перешла изъ любовницъ въ поставщицы человъческаго товара для знаменитаго Оленьяго парка, благодаря чему ей удавалось побъждать всъхъ своихъ соперницъ, стремившихся отбить у нея пость офиціальной фаворитки, а державный минотавръ, когда ему надобли ея зрелыя прелести, сохраняль ее до самой ея смерти, какъ друга, совътника и перваго министра. Правда, въ эпоху котильона ІІ у короля были еще двадцать одна фаворитка, но онв не играли политической роли и не имъли большого вліянія, хотя нъкоторымъ изъ нихъ удавалось временно подчинять своимъ чарамъ короля, старъвшаго съ годами и приходившаго въ полное физическое и умственное разложеніе.

Моро въ своихъ воспоминаніяхъ уверяеть, что «Помпадуръ развратила версальскій дворъ и всю французскую націю», но, очевидно, онъ преувеличивалъ въ этомъ отношении силу могущественной фаворитки. Дъйствительно, она содъйствовала разоренію и униженію Франціи какъ извић, такъ и внутри, но еслибъ высшіе классы французскаго общества не были развращены до мозга костей, а народъ не находился подъ тройнымъ игомъ легитимизма, клерикализма и аристократіи, то быль бы немыслимь помпадурскій котильонъ. Оказывается, что дворъ и аристократія, особенно въ началь царства Помпадуръ, возставали противъ всесильной фаворитки, но не потому, что она фаворитка и управляла Франціей, а потому, что она была буржуазнаго происхожденія. Они, по выраженію современника Дюкло, «считали несправедливостью предпочтеніе, оказываемое королемъ женщинъ неблагородной и невысокопоставленной». Они находили, что постъ королевской фаворитки требовалъ родовитости отъ занимавшей его особы; мужчины стремились къ чести поставить свою родственницу, а женщины лёзли изъ кожи, чтобы занять эту завидную должность. Только нравственнымъ растлъніемъ высшаго французскаго общества объясняется господство Помпадуръ и безконечное усиліе двора и знати зам'єнить ее к'ємъ либо изъ своихъ представительницъ. Эти интриги начались черезъ три года «истор. въсти.», февраль, 1900 г., т. LXXIX.

посл'є провозглашенія Помпадуръ королевской фавориткой и продолжались до самой ея смерги. У перваго министра Морена, зл'єйшаго врага Помпадуръ, расп'євалась сл'єдующая п'єсня, приписываемая несправедливо ему, но послужившая причиной его паденія:

Les grands seigneurs s'avilissent,
Les financiers s'enrichissent,
Tous les Poissons grandissent,
C'est le règne des vauriens.
On épuise la finance,
L'Etat tombe en decadence.
Le roi ne met ordre à rien, rien, rien.

Une petite bourgeoise
Elevée à la grivoise
Mesurant tout à sa toise,
Fait de la cour un taudis.
Le roi, malgré son scrupule,
Pour elle follement brûle!
Cette flamme ridicule
Excite dans tout Paris ris, ris, ris, ris!

Si dans les beautés chosies
Elle était des plus jolies,
On pardonne les folies,
Quand l'objet est un bijou,
Mais pour si mince figure
Et si sotte créature
S'attirer tant de murmure;
Chacun pense le roi fou, fou, fou, fou! 1).

Первая попытка замѣнить буржуазную фаворитку чистокровною аристократкой потериѣла фіаско, и то благодаря сопротивленію не короля, не Помпадуръ, а самой ея соперницы. Этотъ второй примѣръ отказа королю представила дочь принца Шалэ и жена графа Перигора, Маргарита, о которой Моро говоритъ, что она была «и прекрасна и нравственна, какъ ангелъ». Онъ увѣряетъ, что разсказъ объ ея отказѣ королю—клевета, изобрѣтенная ея врагами, и никогда король не дѣлалъ ей никакого предложенія, однако, по сло-

¹⁾ Знатные вельможи унижаются, финансисты богатьють, всв рыбы (по-французски Пуассонъ значить рыба) жиръють. Настало царство воровь. Всв финансы расходуются на постройки и на различные пустяки. Государство приходить вы упадокъ. Король не водворяеть порядка ни въ чемъ. Мелкая буржувава, скабрезно воспитанная, мъряя всвъх на свой аршинъ, превращаеть дворъ въ вертепъ. Король безъ зазрѣнія совѣсти безумно горить къ ней страстью. И надъ этой глупостью весь Парижъ смѣется, смѣется. Если бы еще она была красавицей изъ красавиць, то можно было бы простить такое безуміе. Но она—не блестящее сокровище, а невзрачная, глупая фигурка и не стоить изъ-за нея подвергать себя осужденію. Всякій думаеть, что король рехнулся, рехнулся, рехнулся!

вамъ другихъ современниковъ, графиня Перигоръ, замѣтивъ, что король усердно ухаживаетъ за ней, стала его избъгать, а когда онъ написалъ ей страстное письмо, то она, не колеблясь ни минуты, уъхала въ деревню и оттуда увъдомила короля о причинъ своего отъъзда. Людовикъ XV нимало не разсердился на благородную женщину и, спустя нъсколько лътъ, въ виду открывшейся вакансіи придворной дамы при его дочеряхъ, вызвалъ ее изъ деревни очень лестнымъ письмомъ, въ которомъ онъ говоритъ: «Мои дочери лишились своей придворной дамы, и это мъсто, графиня, принадлежитъ вамъ, какъ по вашимъ высокимъ добродътелямъ, такъ и по вашему высокому положеню».

Придворные интриганы продолжали свои ковы противъ Помпадуръ и выставили королю цёлый рядъ соблазнительныхъ приманокъ. Онъ клюнулъ одну изъ нихъ, но не надолго. Это была дочь маршала Люксембурга, жена принца Робекъ, очень хорошенькая и веселая женщина, имъвшая много свътскихъ интрижекъ, между прочимъ, со Стенвилемъ, будущимъ герцогомъ Шаузелемъ. Повидимому, королю она очень понравилась, и придворные уже разсказывали, что онъ покраснълъ, прося у королевы мъсто придворной дамы для новаго предмета своей страсти, что исчезаль съ нею на полчаса, или болъе, во время прогулокъ въ Мюэтъ и обращался очень сухо съ Помпадуръ. Однако, ловкой маркизъ удалось предотвратить грозившую ей опасность, и вскорт временная фаворитка была принесена ей въ жертву. Принцесса Робекъ утъшилась опернымъ пъвцомъ Ларивэ и литературной борьбой съ энциклопедистамифилософами, противъ которыхъ по ея внушенію, почти подъ ея диктовку, Палиссо написать сатирическую пьесу «Философы». Въ этой пьесъ Жанъ-Жакъ Руссо, Дидро и Д'Аламберъ предавались посмівнію. Благодаря протекціи Шуазеля, «Философы» были поставлены на сцену, и умиравшая въ то время отъ продолжительной бользии принцесса Робекъ едва дожила до перваго представленія, посл'є чего она торжественно сказала: «Теперь Господи отнущаещи твою рабыню съ миромъ. Мои глаза увидели месть». Сохранился портреть принцессы Робекъ въ постелъ передъ смертью, и, по словамъ братьевъ Гонкуръ, «на этомъ портретв предсмертная агонія придаеть ей какъ бы ореоль святости».

Вторая соперница Помпадуръ также не долго безпокоила ее своимъ случайнымъ успъхомъ. Ренэ Карбонель-де-Канизи, одна изъ самыхъ хорошенькихъ женщинъ, при версальскомъ дворъ уже давно выставлялась аристократическими интриганами, какъ достойная кандидатка въ фаворитки, и ее прочили на этотъ постъ еще во время царства сестеръ Нель. Тогда она была замужемъ за маркизомъ д'Антенъ, но, повидимому, король, хотя находиль ее веселой и забавной, не пошелъ далъе скабрезной болтовни у принцессы Шароле. Затъмъ она овдовъла и вышла вторично замужъ за графа

Форкальные и въ 1749 году, хотя на короткое время, поймала въ свои съти Людовика. Нельзя быть прелестиве графиии Форкалькье:, пишеть въ своихъ мемуарахъ герцогъ Люниь: :она маленькаго роста, но прекрасно сложена и отличается удивительнымъ цветомъ кожи, круглымъ, чрезвычайно подвижнымъ лицомъ, больплин глазами и необыкновенно прекраснымъ взглядомъ. Она очень любила литературу и театръ, сама играла на любительскихъ спектакляхъ, хотя безъ большого успёха, и вела дружбу съ учеными и писателями, вътомъ числъ Мопертюн и Монтескье. Послъ смерти своего второго мужа, она открыла салонъ, жила открыто со шведскимъ посланникомъ, барономъ Шефферомъ, и славой своего ума соперничала со знаменитой г-жей Дю-Дефанъ. Впослъдствии она сдълалась другомъ графини Дю-Барри и по ея протекціп получила мъсто придворной дамы графини д'Артуа, жены будущаго короля Карла X, но она недолго продержалась на этомъ пость и отказалась отъ него, вслёдствіе непріятной исторіи съ графомъ Артуа, который не терпіль ея. По старинному обычаю французскаго двора, въ концѣ парадныхъ объдовъ придворныя дамы подавали полоскальницы королевскимъ особамъ и принцамъ крови. Послъдніе по этикету всегда вставали. Однажды графиня Форкалькые была дежурной. Она подощла съ полоскальницей къ графу Артуа, но онъ не всталъ, и она остановилась. Внукъ короля поманилъ ее иальцемъ, но она отвётила громко: «Я жду, ваше высочество, чтобы вы встали.. Принцъ побагровъть оть злобы. Онъ всталь и взяль изъ ея рукъ полоскальникъ, но, набравъ въ ротъ воды, не выплюнулъ ен въ чащку, а облилъ руки и платье графини. Бывшая фаворитка Людовика XV тотчасъ покинула дворъ и если снова появилась въ Версаль посль смерти Людвика XV, то несолоно хлебала и удалившись на этогь разъ уже более не возвращалась. Моро разсказываеть, что ей дъйствительно нельзя было показываться въ Версаль, посль того, какъ новый король Людовикъ XVI, не териввшій графиню Дю-Барри и всвять окружавшихъ ег лицъ, отвернулся отъ графини Форкалькье и громко сказалъ говорившему съ ней принцу Тенгри: «А развъ вы знаете эту женщину?»

Еще случайные и непродолжительные были отношенія Людовика XV къ двумъ мелкимъ фавориткамъ: графинь д'Эстрадъ н къ госпожь Фильёль. Первая была урожденная Семонвилль, двоюродная сестра маркизы Помпадуръ, по мужу послъдней. Несмотря на оказываемыя ей благодъянія маркизой, эта, по словамъ Мармонтеля, «скверная, злая, некрасивая, но очень умная и хитрая женщина» всячески старалась отбить у своей благодътельницы короля». Но, повидимому, ей это удалось только одинъ разъ во время королевской охоты въ Шуази, гдъ, воспользовавшись тъмъ, что Людовикъ былъ пьянъ и удалился въ секретный кабинетъ, она послъдовала туда за нимъ. Что касается до г-жи Фильёль, то о ней

извѣстно очень мало. Она была женою агента по торговлѣ винами въ городѣ Фалезъ и отличалась многочисленными любовными интригами. Влагодаря покровительству откупщика Гоурета, ея мужъ получилъ мѣсто привратника въ замкѣ Мюэтъ, и тогда-то она обратила на себя вниманіе короля, отъ котораго родила дочь, вышедшую впослѣдствіи замужъ за брата маркизы Помпадуръ, Абеля Пуассона, потомъ маркиза Мариньи. Сама г-жа Фильёль никогда не была смотрительницей Оленьяго парка, какъ увѣряютъ нѣкоторые историки, а, отличаясь талантомъ въ живописи, получала пенсію при Людовикѣ XVI въ качествѣ придворнаго живописца. Въ Версальскомъ дворцѣ существуетъ до сихъ поръ ея картина, изображающая герцоговъ Беррійскаго и Ангулемскаго, играющихъ съ собакой. Она была казнена во время революціи, а дочь ея отъ Людовика XV послѣ веселой жизни и вторичнаго брака съ полковникомъ Бурзакомъ умерла въ 1822 году въ глубокой старости.

Потерпъвъ личную неудачу, графиня Д'Естрадъ задумала со своимъ любовникомъ, герцогомъ Аржансономъ, ярымъ врагомъ Помпадуръ, низвергнуть могущественную фаворитку и замънить ее своей молодой родственницей Шуазель-Романэ. Эта молодая, красивая и умная женщина была настоящимъ «королевскимъ кускомъ». Дочь провинціальнаго судьи, Шарлота Романэ выдана замужъ за графа Шуазеля Бопре маркизой Помпадуръ, что не помъщало ей охотно согласиться принять участіе въ интригъ противъ котильона И. Дело поведено было ловко и хитро: графиня Шуазель всячески прельщала короля, тадила съ нимъ на охоту, участвовала въ веселыхъ ужинахъ, но вела себя очень прилично, и ихъ отношенія не шли далье платонической любви. Людовикъ все болъе и болъе пылаль къ ней страстью и выражаль ее въ цъломъ рядъ писемъ. Наконецъ, въ 1753 г., придворные интриганы ръшили, что пора покончить дъло, такъ какъ королю могло въ концъ концовъ надоъсть ея кокетство безъ всякаго результата. «Свиданіе короля съ графиней было назначено, -- разсказывалъ Мармонтелю секретарь Аржансона, Дюбуа: — и самъ Аржансонъ, графиня Эстрадъ, докторъ Кене и я собрадись въ кабинет вминистра, чтобы ожидать послёдствій. Послё долгаго безпокойнаго ожиданія наконецъ появилась въ дверяхъ графиня съ распущенными волосами и въ растренанномъ видъ, который доказывалъ ея торжество. Г-жа д'Естрадъ бросилась къ ней съ распростертыми объятіями и посившно спросила: «совершилось?». Графиня Шуазель отвъчала: «Да, совершилось. Я любима, и онъ счастливъ. Ее прогонятъ; онъ мнт въ этомъ далъ слово». Тутъ въ кабинетв министра произошелъ общій варывъ радости».

Однако эта радость была непродолжительна, и паденіе маркизы Помпадурь не состоялось, благодаря неожиданной помощи, которую ей оказаль двоюродный брать мужа графини Шуазель,

маркизть Стенвиль, будущій герцогь Шуазель. Эготь красивый, хитрый и самолюбивый молодой аристократь находился во враждебныхъ отношеніяхъ съ Помпадуръ и поощрялъ сначала интригу противъ нея, но вскорт онъ убъдился, что шансы маркизы гораздо сильнъе, чъмъ ея новой соперницы, и что если послъдней удастся одержать побъду, то это будеть ненадолго. Поэтому онъ ръшился вывъдать у графини Шуазель всъ подробности объ ея отношеніяхъ къ королю и предупредить о грозившей ей опасности Помпадуръ, которая, конечно, изъ благодарности устроить ему блестящую карьеру. Онъ ловко увърилъ свою родственницу, вполнъ преданъ ей, узналъ отъ нея не только мельчайшія обстоятельства ея романа съ королемъ, но и выманилъ письма Людовика, которыя онъ немедленно передаль маркизъ Помпадуръ. Конечно, последния пришла въ восторгъ, заключила со Стенвилемъ союзъ и, ноказавъ письма Людовику, легко убъдила его разорвать только что начатую связь съ женщиной, которая не умъла цвнить его довъріе. Графиня Шуазель Романэ недолго пережила свое пораженіе и спусти нъсколько мъсяцевь умерла. Злые языки называли виновникомъ этой смерти Стенвиля, который будто бы номирился съ нею, заставилъ своей любовью забыть его гнусную измену, а затемъ отравилъ, чтобы отделаться навсегда оть своей жертвы. Онъ самъ въ только что найденныхъ его мемуарахъ, конечно, разсказываеть иначе этотъ позорный эпизодъ его жизни. Онъ увъряеть, что отношенія между графиней Шуазель и Людовикомъ XV были платоническія, и что онъ разстроиль ея планъ сдёлаться фавориткой, только не желая, чтобы на благородный родъ Шуазелей пало такое мрачное пятно. При этомъ, по словамъ Шуазеля, онъ не выманилъ у нея писемъ короля и не изменилъ ей, а уговорилъ ее и мужа убхать въ деревню и лишь по ихъ отъезде разсказаль обо всемъ Помпадуръ. Какъ бы то ни было, молодая соперница маркизы Помпадуръ умерла, котильонъ II пріобръть большую силу, чъмъ когда, а ІПуазель-Стенвиль, назначенный посланникомъ сначала въ Римъ, а потомъ въ Въну, началь ту блестящую карьеру, которан довела его до высшихъ должностей и почестей. Вернувшись въ Парижъ въ 1758 году, онъ едълался постепенно министромъ военнымъ, морскимъ и иностранныхъ дёлъ, герцогомъ и обладателемъ сердца маркизы Помпадуръ, уже не знавшей тогда, какими милостими осыпать его и его родственниковъ. Благодаря соединенію въ своей особъ безчисленныхъ военныхъ и административныхъ должностей, Шуазель получалъ до милліона ливровъ въ годъ. Могущество и вліяніе на Людовика этого фаворита фаворитки достигли такой степени, что онъ остался всесильнымъ правителемъ даже послъ смерти Помпадуръ и быль низвергнуть только котильономъ III, т. е. графиней Дю-Барри.

Несмотря на все свое могущество, маркиза Помпадуръ не могла сразу отомстить своимъ врагамъ, графинъ д'Естрадъ и герцогу Аржансону, а должна была ждать для этого удобнаго случая, такъ какъ король явно благоволилъ къ своей минутной фавориткъ, а къ министру питалъ дружескія чувства. Чтобы лучше добиться своей мести, маркиза, повидимому, помирилась съ обоими и такъ успоконла графиню д'Естрадъ, что та мало-номалу потеряла всякую осторожность. Спустя два года, однажды она незамётно похитила у Помпадуръ письмо Людовика, въ которомъ говорилось о государственных в ділахъ, и, обрадовавшись этому случаю, Помпадуръ потребовала от Людовика, чтобы дерзкая воровка была удалена оть двора, гді: она занимала должность придворной дамы у дочери короля, принцессы Аделанды. Людовикъ отклонилъ отъ себя разръшение этого дъла, ссылаясь на то, что онъ не желаетъ вмъшиваться въ дёла принцессы, которая очень любила свою придворную даму. Тогда Помпадуръ бросилась къ принцессъ, съ которой она въ то время кокетничала, и добилась отъ нея согласія на удаленіе графини д'Естрадъ. Послъ этого ей уже не трудно было получить отъ короля приказъ объ удаленіи изъ Версаля ненавистной ей женщины.

Еще прошло два года, прежде чемъ представился случай уничтожить герцога Аржансона, который после опалы графини д'Естрадъ не прерывалъ съ нею близкихъ отношеній и продолжаль съ ея помощью интриговать противъ всесильной фаворитки. Конечно, они и всё враги Помпадуръ воспользовались для новой попытки свергнуть ее покушеніемъ Дамьена на жизнь короля. Какъ извъстно, этотъ фанатикъ, проникнувъ въ толпъ придворныхъ на лъстницу версальского дворца, бросился на короля и нанесъ ему царанину перочиннымъ ножемъ. Несмотря на незначительность полученной раны, король очень испугался, вообразиль, что умираеть, и послаль за духовникомъ. «Этоть духовникъ былъ іезунть, -- разсказываеть Мишле въ своей исторіи Людовика XV,-и не упустиль случая разыграть вторую мецскую сцену. Онъ не согласился отпустить гръхи королю даромъ и потребовать, чтобы тотъ удалиль фаворитку. Король на все согласился». Конечно, Аржансонъ и его сторонники подстрекнули и поддержали језуита. Маркизћ Иомпадуръ было объявлено, чтобы она удалилась изъ Версальскаго дворца, но она медлила нъсколько дней и въ личномъ объяснении съ Аржансономъ гордо сказала ему: «Я, можеть быть, больше не увижу короля, но будьте увърены, если я его увижу, то немедленио одинъ изъ насъ будеть выгнанъ отсюда. Дъйствительно ея слова исполнились. На девятый день король выздоровъть и, выйдя изъсвоей спальни, къ общему удивленію, прямо прошелть къ маркизъ Помпадуръ. Конечно, она потребовата удаленія своего врага и добилась этого съ помощью слезъ и представленія, какъ увъряеть Шуавель

въ своихъ мемуарахъ, дъйствительнаго или подложнаго письма Аржансона къ графинъ д'Естрадъ, въ которомъ король названъ слабоумнымъ.

Объ этомъ кризист въ исторіи девятнадцати-летняго правленія Франціей котильономъ ІІ очень характеристично говорить австрійскій посланникъ въ Парижі Старнбергъ въ своей депешт къмогущественному канцлеру Маріи-Терезіи, Кауницу, которая впервыя напечатана Ваддингтономъ въ его новомъ трудъ: «Тотчасъ послъ покушенія Дамьена и бользни короля образовалась значительная партія противъ маркизы Помпадурь и всего, что сделано ею, или при ея посредствъ. Хотя около пяти лъть она только другъ, совътникъ или лучше сказать первый министръ короля и около года она живеть при дворѣ лишь въ качествѣ придворной дамы королевы, а для упорядоченія своего положенія предложила мужу вернуться къ ней, многіе полагають, что все это не можеть загладить ея скандальнаго появленія при дворь, а потому считають для успокоенія совъсти короля необходимымъ удалить ее изъ Версаля. Во всякомъ случат достовтрно, что въ первые дни болтани короля всв были убъждены въ ея опаль, и большое число ея друзей, даже покровительствуемых вею лицъ, отвернулось отъ нея. Однако она оставалась только четыре или пять дней безъ извёстій отъ короля. На пятый или на шестой день онъ написаль ей, а какъ только сталъ выходить, то по обыкновенію прошель къ ней. Ея вліяніе осталось и, вероятно, всегда останется въ прежней силе, такъ какъ оно основано не на преходящемъ и преступномъ чувствъ, а на уваженін, дружот и довърін короля къ ней, а также убъжденін, онъ не можеть имъть наперсника болъе върнаго, болъе преданнаю королевскимъ интересамъ и болве желающаго еще добра. Поэтому надо полагать, что она всегда сохранить свою власть». Относительно удаленія Аржансона Старнбергъ высказываеть свою радость, такъ какъ этотъ министръ быль враждебенъ Австріи, но признаеть его способнымъ и работящимъ государственнымъ человъкомъ.

Несмотря на свое торжество надъ придворными и политическими противниками, маркизъ Помпадуръ однако приходилось въ это время продолжать борьбу со вновь появлявшимися соперницами. Изъ нихъ временно достигли успъха и привлекли къ себъ вниманіе короля виконтесса Камбизъ и маркиза Куалленъ. Первая изъ нихъ не очень хорошенькая, но прекрасно сложенная, пикантная и талантливая, была дочерью принца Шимэ и пользовалась покровительствомъ Помпадуръ, которая ее выдала замужъ за своего родственника виконта Камбиза, при чемъ уговорила короля дать ей богатое приданое. Но у нея не была счастливая рука, и покровительствуемыя ею молодыя дъвушки обыкновенно возставали противъ нея. Такъ случилось и съ виконтессою Камбизъ, которая хотъла играть важную роль при дворъ и въ самый день

свадьбы прогнала мужа, а эатёмъ прельстила короля. Но, какъ всегда, Людовикъ не долго оставался подъ ея чарами, и виконтессѣ пришлось утъшиться интригой съ извъстнымъ красавцемъ Лозеномъ.

Но другая соперница Помпадуръ оказалась гораздо опасиве. Однажды, лътомъ, въ 1755 году, въ Марли, маркиза возвратилась поздно вечеромъ въ свой апартаментъ и, оставшись наединъ со своей наперсницей 1-жей Оссэ, сказала съ негодованіемъ: «нъть на свътъ болъе дерзкаго существа, чъмъ маркиза Куалленъ. Я играла съ ней въ карты и не можете себъ представить, сколько я перенесла непріятностей. Нашъ столъ постоянно окружала толпа дамъ и мужчинъ, смотръвшихъ на насъ съ любопытствомъ, а маркиза бросала на меня дерзкіе взгляды и наконецъ нахально произнесла: «у меня четырнадцать королей». Я такъ смутилась, что едва не упала въ обморокъ». Г-жа Оссэ покачала головой и спросила: «А король подмигиваль ей?». Внё себя оть злобы котильонъ II отвёчалъ: «Вы не знаете короля, моя милая. Если бы онъ задумалъ сегодня прогнать меня и пом'єстить ее въ эти комнаты, то он'ь обращался бы ст. ней холодно, а со мной самым в дружеским в образомъ. Онъ добрый и откровенный человъкъ, но во всемъ виновато его воспитаніе».

Новая соперница, дебютировавшая такъ смъло и дерзко, была вполнъ достойна, по общему мнънію, занять пость офиціальной фаворитки и по аристократическому происхожденію, красоті и уму. «Она соединяла очаровательное лицо, --пишеть герцогь Люинь въ своихъ мемуарахъ:--съ величественной фигурой и живымъ умомъ, интересовавшимся всёмъ, но не способнымъ на серіозныя занятія. Она довела искусство кокетства до апогея, а благодаря тому, а также иикантной ръчи, она привлекала къ себъ всъхъ мужчинъ и отталкивала всъхъ женщинъ, которыя боялись соперничества. Эта блестящая, прелестная женщина была графиня Марія Мальи - Рюбампрэ, племянница сестеръ Нель. Она была замужемъ за маркизомъ Куалленомъ, который, по словамъ современниковъ, быль самымъ честнымъ и добродътельнымъ человъкомъ, но не свътскимъ, и представляль во всемь контрасть съ своей женою, а потому послъ нъ сколькихъ лёть брачной жизни онъ разстался съ нею и удалился въ деревню, гдъ вскоръ умеръ. Молодая, красивая вдова вернулась къ отцу и въ его салонахъ прельщала весь Парижъ и Версальскій дворъ. Въ числъ ея поклонниковъ находился принцъ Конти, принадлежавшій къ Бурбонскому дому и пользовавшійся дружбою короля. Онъ не териълъ маркизу Помпадуръ и отказывался сообщать ей тайную дипломатическую переписку короля, которой онъ тогда руководилъ. Самъ извъдавъ чары маркизы Куалленъ, онъ задумать замвнить ею Помпадуръ и съ ея помощью не только управлять Франціею, но и добиться для себя польскаго престола.

Такимъ образомъ маркиза Куалленъ съ помощью Конти повела двойную борьбу противъ котильона II, какъ придворную, такъ и политическую. Людовикъ находился въ то время въ очень дурномъ настроеніи духа, и всі удовольствія, устранваемыя ему фавориткой, ему надобли и не нравились. Онъ охотно клюнулъ новую приманку, и при дворъ стали громко говорить объ ея шансахъ на наследство Помпадуръ. Она была такъ уверена въ своемъ успехе, что позволяла себъ самыя смълыя, неосторожныя выходки. Помпадуръ поняла, что можетъ справиться со своей опасной соперницей, но необходимо принять рёшительныя мёры. Съ одной стороны она заявила королю желаніе покинуть дворъ и стала играть роль набожной женщины, а съ другой ея друзья ловко повели ея защиту передъ королемъ. Такъ ея ставленникъ, аббатъ Верни, только что назначенный по ея милости министромъ иностранныхъдълъ, написать прямо королю, что появленіе при двор'в новой фаворитки можеть нарушить переговоры о союзѣ съ Австріей, которые велись черезъ маркизу Помпадуръ, и что онъ самъ отказывается отъ дииломатической работы съ другой женщиной, съ которой онъ не будеть соединенъ дружбой и благодарностью. Король ответиль на этотъ смълый шагь очень любезно и въ письмъ къ Берни, которое последній подаль Помпадурь не распечатаннымъ, онъ пересчиталь всв достоинства старой фаворитки, не скрывая ея недостатковъ, и заявилъ, что согласенъ пожертвовать своей новой привязанностью, которая могла быть опасной для его славы и успъха государственныхъ дъль. Витстт съ темъ начальникъ почть, Жаннель, также преданный Помпадурь, представиль Людовику, будто бы перехваченное на почтв, но скорве подложное письмо, въ которомъ одинъ почтенный членъ провинціальнаго парламента писалъ своему другу: «Конечно, король, какъ всё мы, можетъ имътъ пріятельницу и подругу жизни, но было бы желательно, чтобы онъ сохраниль теперешнюю фаворитку, потому что она добрая, никому не дълаеть зла и уже нажилась; новая, о которой говорять, очень гордится своимъ аристократическимъ происхождениемъ, потребуетъ милліона въ годъ для себя, а титулы и государственные посты для своихъ родственниковъ, что можетъ возбудить опасенія въ министрахъ». Несмотря на всю грубую форму этой хитрости, король поддался обману и удалиль отъ двора маркизу Куалленъ, тъмъ болъе охотно, что она уже успъла ему надовсть чрезмърными требованіями, а Помпадуръ и его камердинеръ Лебель сумѣли подсунуть ему новую забаву въ «Оленьемъ паркъ».

Такимъ образомъ, еще разъ побъдилъ котильонъ II, и Помпадуръ съ торжествующей улыбкой сказала г-жъ Оссэ: «у гордой маркизы сорвалось; она испугала короля своими надменными манерами и постоянными требованіями денегъ, а онъ, не задумавшись, подпишетъ выдачу милліона изъ государственныхъ суммъ,

но не дасть ста луидоровъ изъ своей шкатулки». Не сумъвъ удержаться на достигнутой ею позорной высоть, маркиза Куалленъ снова вернулась къ отцу и продолжала играть видную роль въ парижскомъ высшемъ обществъ, царицей котораго она долго слыла не только при Людовикъ XV, но и при Людовикъ XVI. Ея интригамъ не было конца, и въ особенности она славилась своими отношеніями къ знаменитому Лозену. Во время революціи она скрывалась въ Вандет и Бретани, переодъвшись служанкой, и никакія лишенія не могли омрачить ея веселости. Такъ разсказывають, что однажды, увидавъ ужасную грязную кровать, которую ей приготовили къ деревенской харчевић, она сказала: «Это не походитъ на постель Людовика XV». Она дожила почти до ста лѣтъ и при Реставраціи царила въ парижскихъ салонахъ, поддерживала до смерти дружбу съ Шатобріаномъ, одвалась, несмотря на свою старость, то въ розовомъ, то въ голубомъ и вполив искупала эти смъшныя слабости замъчательнымъ остроуміемъ. Шатобріанъ въ своихъ менуарахъ передаетъ безконечныя ея остроты; между прочимъ на вопросъ извъстной г-жи Крюднеръ, кто ея внутренній духовникъ,-она отвъчала: «У меня нътъ никакого внутренняго духовника, а мой духовникъ сидитъ внутри своей церкви». Въ другой разъ, прочитавъ о смерти нъсколькихъ коронованныхъ особъ, она воскликнула: «Что это эпидемія на животныхъ съ коронами!». Наконецъ за нісколько дней до своей смерти на замізчаніе одного изъ ея друзей, что можно никогда не умереть, если не дашь смерти случая застать себя врасплохъ, она отв'вчала: «вы правы, но я боюсь увлечься чёмъ нибудь и проглядёть приближение смерти».

Однимъ изъ орудій, которымъ Помпадуръ одержала побъду надъ своей опасной соперницей, быль Оленій паркъ, съ устраиваемыми тамъ для короля «мелкими забавами». Это позорное учрежденіе, которымъ зав'єдывала сама Помпадуръ, начало свое существованіе въ 1753 году и процебтало до эпохи графини Дю-Барри. Переставъ быть любовницей Людовика, Помпадуръ старалась всёми силами сохранить свое вліяніе на него и разыгрываемую ею политическую роль. Она нашла, что лучшимъ для этого средствомъ не допускать случайныхъ временныхъ соперницъ забрать въ свои руки силу и для отвлеченія оть нихъ короля устроить настоящій сераль, гдв онъ могь предаваться подъ ея надзоромъ всевозможному разврату съ неизвъстными, неопасными ей существами. Въ этой постыдной поставкъ живого товара энергично содъйствовать ей камердинеръ короля, Лебель, и такимъ образомъ на версальскомъ звъздномъ небъ королевского разврата возникъ рядомъ съ крупной планетой и медкими звёздами млечный путь, въ которомъ мерцали невъдомыя звъздочки, жертвы циничной, растленной натуры Людовика XV. Этоть пресловутый Оленій паркъ всего болье покрыть позоромъ его имя и сдълалъ ненавистной его личность при жизни, а также преимущественно служилъ послё его смерти матеріаломъ для историковъ, заклеймившихъ безчестьемъ его память. Конечно, во всёхъ разсказахъ о покупкё и насильственномъ захватё повсюду невинныхъ молодыхъ дёвушекъ, а часто дётей для забавы ненавистнаго минотавра, а равно о происходившихъ въ Оленьемъ паркё чудовищныхъ и трагическихъ сценахъ, много преувеличеннаго и легендарнаго; но трудно ихъ провёрить достовёрными свёдёніями, такъ какъ послёднихъ очень мало, и вообще данныя объ Оленьемъ паркё настолько неопредёленны, смутны и противорёчивы, что даже нельзя указать достовёрно, гдё находился этотъ королевскій сераль.

Согласно легендамъ, которыя охотно повторялись трезвыми историками, всякій, рисуя въ своемъ воображеніи Оленій паркъ, склоненъ придать ему форму восточнаго сераля, въ видъ громаднаго сада съ таинственными боскетами, благоуханными цвътниками, волшебными павильонами и прелестными юными человъческими газелями, за которыми охотился безжалостный державный охотникъ. Но въ сущности Оленьимъ паркомъ назывался особый кварталь въ Версаль, на томъ мъсть, гдь когда-то существоваль при Людовикъ XIII паркъ съ различными звърями. Этотъ кварталъ сталъ отстраиваться только при Людовикъ XV, но всетаки онъ былъ самымъ отдаленнымъ и мало населеннымъ. Дома въ немъ отдълялись другъ отъ друга большими садами, и въ нихъ охотно заводили богатые знатные парижане свои модные въ то время petites maisons, т. е. вертены разврата. Среди этихъ аристократическихъ притоновъ гибздился и сераль короли, получившій свое название отъ квартала, гдв онъ находился. Но, несмотря на всв ученыя изследованіи и розыски въ продолженіе более ста лъть, не доказано, заключался ли этотъ сераль въ одномъ или нъскольких домахъ, и гдъ именно онъ или они находились. По словамъ Флери, было три дома въ различныхъ частяхъ квартала Оленьяго парка, которые могли предъявить права на честь или позоръ существованія въ нихъ королевскаго сераля. Одинъ въ улицв Сенъ-Медерикъ быль несомивнио купленъ королемъ черезъ судебнаго пристава Валле, который прямо это заявилъ нотаріусу, но домъ былъ до того малъ, что не могъ заключать въ себъ многочисленныхъ жительницъ, а развъ только служилъ помъщеніемъ для одной изъ королевскихъ гурій. Впрочемъ Адріенъ-Ле-Руа полагаеть, что сераль Людовика не быль общирнымъ, а въ немъ часто перемънялся персоналъ. Другой домъ въ улицъ Анжу сохраняль до тридцатыхъ годовъ настоящаго стольтія надпись «Домъ Оленьяго парка», и по архивнымъ справкамъ извъстно, что въ немъ при Людовикъ XV жилъ одинъ изъ придворныхъ лакеевъ, Лабети, помощникъ Лебеля, а потому многіе историки признакать, что именно въ этомъ домъ номъщался королевскій сераль. Къ

тому же разсказывають, что когда въ 1815 году прусскій король посътиль Версаль и просиль показать ему знаменитый Оленій паркь, то одинь изъ старыхъ служителей версальскаго дворца прямо провель его въ этотъ домъ. Наконецъ г-жа Оссэ указываеть на домъ въ улицъ Сенъ-Клу, въ которомъ родила одна изъ пансіонерокъ Оленьяго парка.

Но гдъ бы ни находился Оленій паркъ, и состояль ли онъ изъ одного или нъсколькихъ домовъ, а также помъщался ли тамъ многочисленный сераль, или постоянно перемёнялся его малочисленный персональ, но не подлежить сомнёнію, что Помпадурь и Лебель устраивали для Людовика XV вив версальского дворца и внутри его салокъ для невъдомыхъ часто невинныхъ жертвъ королевскаго сладострастія. Что касается до пом'єщенія сераля во дворці, то одинаково историки долго спорили о томъ, гдв онъ находился, и только Нольякъ въ въщедшемъ недавно подробномъ описаніи версальскаго дворца при Людовикъ XV окончательно разръшилъ этотъ вопросъ. Еще герцогъ Люинь говорилъ въ своихъ мемуарахъ: «У короля есть маленькій сераль въ его аппартаментахъ»; а Нольякъ опредълиль, что эти аппартаменты находились во флигелъ версальскаго дворца, извъстномъ подъ названіемъ «Крыло часовни». Тамъ жилъ Лебель и была его знаменитая комната, прозванная «ловущкой, потому что въ ней ловили птичекъ». Дъйствительно, Лебель не только покупаль молодыхъ дёвущекъ и двёнадцатилётнихъ, и даже десятильтнихъ дътей, но заманиваль обманомъ и просто захватываль силой жертвъ королевского разврата на улицахъ Парижа и Версаля. Въ «ловушкъ» Людовикъ ихъ осматривалъ и тъхъ, которыя ему нравились, распредёляль во внутренній сераль въ версальскомъ дворцъ или во внъшній-въ Оленьемъ паркъ.

Здёсь и тамъ король посёщаль своихъ гурій тайно, и наблюдавшая за ними надзирательница, г-жа Бертранъ, бывшая экономка Лебеля, не выдавала имъ королевской тайны. Людовикъ былъ извъстенъ имъ подъ названіемъ польскаго графа, родственника королевы, жившаго во дворцъ, и этимъ объясняли, что онъ часто появлялся въ лентв, которую ему было лвнь снять. Даже Лебель скрывать свое имя и должность, а выдавать себя за Доменника Дюрана, родственника г-жи Бертранъ. Впрочемъ г-жа Оссэ разскавываеть, что одна изъ пансіонерокъ Оленьяго парка оказалась хитрее другихъ. Она пошарила въ карманахъ короля, отгадала, кто онъ, и узнавъ, что онъ намъренъ ее бросить:ради другой красотки, упала передъ нимъ на колъни со словами: «Вы король этой страны, и мив все равно, но вы король моего сердца! Не бросайте меня, милый государь, я едва не сошла съ ума, когда Дамьенъ покушался на вашу жизнь». Испуганная надвирательница, присутствовавшая при этой драматической спенъ, воскликнула: «Вы и теперь сумасшедшая». Людовикъ поцеловалъ молодую девушку, чтобы ее успоконть. Но, спустя нъсколько дней, ее удалили изъ Оленьяго парка и помъстили, какъ сумасшедшую, въ частную лъчебницу, гдъ она вскоръ умерла, дорого искупивъ свою прозорливость.

Мишлэ приводить другую столь же драматическую и отвратительную по своимъ циничнымъ подробностямъ сцену: «Однажды зимою, ночью привезли въ версальскій дворецъ,—разсказываеть онъ,—несчастную дѣвочку, которую недостаточно научили къ предназначенной ей роли, и она едва не умерла отъ страха. Королю тогда было 47 лѣтъ; лицо его поражало своимъ свинцовымъ цвѣтомъ отъ излишествъ пищи и питья. Не только отъ его рга несло распутствомъ, но онъ выражался языкомъ самаго грубаго разврата. Глаза его были мутные, поблекшіе, мрачные, а холодный безжалостный взглядъ невольно пугатъ всякаго. Увидавъ страшнаго человѣка, походившаго на дикое, разъяренное животное, ребенокъ испугался и инстинктивно понялъ, что его отдали въ жертву этому чудовищу, а король безъ малѣйшей ласки, безъ малѣйшаго нѣжнаго слова бросился, какъ охотникъ, на свою человѣческую добычу, и версальскій дворецъ отласился дѣтскими воплями».

И все это снисходительный къ Людовику XV графъ Флери называеть мелкими грѣшками (peccadilles). Сколько было такихъ мелкихъ грвшковъ въ Оленьемъ паркъ, опредълить невозможно, но они принимають еще болбе отвратительный характерь отъ той лицемърной набожности, которую Людовикъ примъшивалъ къ своему разврату. Такъ онъ училъ юныхъ гурій молитвамъ и катехизису, а также заставляль ихъ молиться, перебирая четки среди сценъ самаго буйнаго разгула или утонченнаго сладострастія. Относительно нравовъ этого «человъческаго звъринца», какъ называли современники Оленій паркъ, можно найти свѣдѣнія хотя далеко не подробныя въ мемуарахъ того времени. Пансіонерки Оленьяго парка имъти, повидимому, каждая особое помъщение и по три прислуги, а за всёмъ хозяйствомъ наблюдала надзирательница. Онъ не поддерживали между собой никакихъ спошеній и никого не могли принимать у себя; но у нихъ была закрытая ложа въ театръ, которую онв посвидати по очереди. Для ихъ расходовъ отпускалось по двъ тысячи ливровъ «на штуку». Основываясь на этой цифръ, Флери увъряеть, что содержание Оленьяго парка стоило лишь нъсколько сотъ тысячъ франковъ, а не сотни милліоновъ, какъ полагали нъкоторые современники и позднъйшіе историки, доходившіе до утвержденія, что Оленій паркъ стоилъ Франціи не менте милліарда. Главнымъ аргументомъ Флери для доказательства, какъ невъроятна столь громадная цифра, служить факть, что сама Помпадурь за все время своего девятнадцатилътняго царства получила 33 милліона. Но если принять въ соображение, что деньги расходовались не только на содержание сераля и на прихоти гурій, а на приданое многихъ изъ нихъ при ихъ выдачь замужъ, на пенсіи дътямъ, ко-

торыхт онъ имъли отъ Людовика, на покупку ихъ родителей, на плату безчисленнымъ сообщникамъ Лебеля, то нельзя не признать болье выроятными общій расходи ви сотни милліонови, чеми ви сотни тысячь, какъ полагаеть Флери. Не надо забывать при этомъ, что все дълалось въ Оленьемъ паркъ на широкую ногу, и г-жа Осса, описывая роды одной изъ невъдомыхъ пансіонерокъ этого позорнаго учрежденія, говорить, что сама Помпадурь составила подробный церемоніаль для всего. Г-жа Оссэ должна была не отходить отъ больной, которую перевезли въ отдъльный домъ, и находиться при ней до ея возвращенія въ Оленій паркъ. Одному изъ придворныхт чиновниковъ, по имени Гимару, было поручено озаботиться устройствомъ крестинъ и покупкой конфетъ. Помпадуръ довела свою любезность до того, что послала своей невъдомой соперницъ дорогой подарокъ, именно султанчикъ съ брилліантами. По этому случаю, если върить г-жъ Оссэ, могущественная временщица имъла любопытный разговоръ со своей наперсницей.

- Какъ вы находите мою роль?—спросила она.
- Вы поступаете, какъ умная женщина и добрый другъ,—отвъчала г-жа Оссэ.
- Я хочу только сохранить «его» сердце,—произнесла Помпадуръ, —а эти необразованныя дъвченки не отнимуть у меня его сердца.

Расчеть Помпадуръ былъ совершенно въренъ, и только одна изъ пансіонерокъ Оленьяго парка оказалась опасной для нея соперницей. Какъ уже сказано, нельзя опредълить ихъ точнаго числа, и Флери упоминаеть лишь о двёнадцати изъ нихъ. При этомъ онъ отзывается самымъ краткимъ образомъ объ одиннадцати, даже не всегда приводя ихъ имена и фамиліи, а только подробно распространяется объ одной, благодаря тому, что она напугала Помпадуръ своимъ громаднымъ вліяніемъ на короля и едва не замѣнила ея. Пансіонерки Оленьяго парка принадлежали къ мелкой буржуазін и къ низшему классу: такъ среди нихъ были Доротея, дочь страсбургскаго водовоза, дочь нарикмахерши Фукэ, получившая на приданое 10,000 золотыхъ, натурщица изъ мастерской Бушэ, купленная за десять тысячъ ливровъ у матери; дъвица Генно, занимавшаяся живописью, написавшая портреть короля и родившая ему сына; молодая и очень красивая гризетка, по фамиліи Роберъ, отличавшаяся прекраснымъ воспитаніемъ; миніатюрная красотка Сентъ-Андрэ, проданная старой теткой; молодая дъвушка, по фамиліи Давидъ, вышедшая впоследствій замужъ за откупщика; хорошенькая Марія Марни, выданная королемъ замужъ за женевскаго банкира Джіамбани, который, говорять, быль очень счастливъ и никогда не раскаивался въ своемъ выборъ; семнадцатилътняя Мими, дочь танцовщика Армори; наконецъ дъвица Селенъ, которая, вёроятно, была тімь нензвістнымь лакомымь кусочкомь,

который Лебель подыскалъ для Оленьяго парка, чтобы отвратить вниманіе короля отъ забравшей его въ свои руки маркизы Куалленъ.

Болье опасной соперницей для Помпадуръ, чымъ эта гордан аристократка, оказалась одна изъ пансіонерокъ Оленьяго парка, Луиза Оморфи, болье извъстная подъ прозвищемъ Морфизы. Отецъ ея быль бъдный ирландскій эмигранть, мать продавщица старыхъ вещей, а четыре сестры вели развратную жизнь. Ей было четырнадцать лътъ, и она жила при сестрахъ въ качествъ замарашки, мыла посуду и чистила сапоги ихъ поклонникамъ. О томъ, какъ она попала въ королевскія фаворитки, существуеть много различныхъ разсказовъ. Одни увъряють, что Ришелье, увидавъ ее, задумалъ сдёлать изъ нея соперницу Помпадуръ, заказалъ Буше написать ея портреть и показаль его королю, который воскликнуль: «не можеть быть, чтобы природа создала такого прекраснаго ребенка! Это, конечно, идеализированный портреть!» Въ виду желанія короля увидёть оргиналь, старшая сестра привезла хорошенькую дівочку въ Версальскій дворецъ, и король нашелъ, что она еще лучше портрета. Другіе разсказывають, что Лебель случайно увидъть маленькую Луизонъ у ея сестръ и такъ восхитился ея красотой, что тотчасъ приказалъ ее вымыть и прилично одъть, а затъмъ повезъ ее въ Версаль. Тамъ въ «ловушкъ» король увидёлть ее и прельстился очаровательнымть ребенкомть. Онъ посадилъ ее къ себъ на колъни и сталъ покрывать ее поцълуями, а дъвочка смотръла на него съ удивленіемъ и весело смъялась. «Надъ чёмъ ты смешься?» -- спросиль король и получиль въ отвътъ: — «Надъ вашимъ сходствомъ съ серебряной монетой». Въ то время на большихъ серебряныхъ монетахъ былъ вычеканенъ портреть короля. Людовику очень понравилась наивность девочки, и онъ спросилъ: «Хочешь остаться въ Версаль?» Она отвъчала: «Это зависить отъ моей сестры».

Не только сестра новой фаворитки, но и ея отецъ согласились на выпавшее имъ счастье, или лучше позоръ. Онъ охотно получилъ присланные ему двъсти золотыхъ и сказалъ съ философскимъ спокойствіемъ: «Увы, не суждено ни одной изъ моихъ дочерей быть добродътельной!». Сначала Морфизу помъстили въ дворцовомъ сералъ, а потомъ перевели въ Оленій паркъ. Она занимала отдъльный домикъ, и при ней находились гувернантка, горничная и два лакея. Она прожила тутъ около года и снова вернулась во дворецъ, гдъ король устроилъ ей новый апартаментъ, надъ квартирой Лебеля. Онъ все болъе и болъе влюблялся въ ребенка, умъвшаго своей граціозной болтовней и нъжными ласками совершенно вкружить голову старому сатиру. Когда же она родила отъ короля дочь, то онъ до того привязался къ ней, что при дворъ стали громко говорить о провозглашеніи ея офиціальной фавориткой и объ опалъ Помпадуръ. Дъло приняло столь серіозный

оборотъ, что даже королева полюбопытствовала взглянуть на эту юную соперницу, а маркиза Помпадуръ была уже увърена въ своей погибели. Но ея враги слишкомъ поспъшили въ своихъ интригахъ и стали подбивать умнаго, но неосторожнаго ребенка, на слишкомъ смълыя выходки. По совъту жены маршала д'Эстрэ, Морфиза сказала однажды королю: «Ну, въ какихъ отношеніяхъ ты со старой кокеткой?». Людовикъ сначала удивился, а потомъ поняль, что дъвочка не могла сама придумать такой дерзости, и заставилъ ее сознаться, кто ее научилъ такъ поступить. Узнавъ, что это было дъломъ графини д' Эстрэ, онъ очень разсердился и отдалъ объихъ на съвденіе торжествующей Помпадуръ.

Графиня д'Эстрэ была сослана въ помъстье мужа, а Морфизу выдали замужъ за молодого офицера, Бофранше-Д'Айя, который получилъ пятьдесятъ тысячъ ливровъ за свое согласіе. Король приказалъ выдать невъстъ двъсти тысячъ ливровъ и великолъпное приданое, а самъ утъшался съ ея сестрой Бригитой, несмотря на ея некрасивое, испещренное рябинами лицо. «Ужъ такой вкусъ у нашего монарха»,—замъчаетъ Аржансонъ въ своихъ мемуарахъ: «онъ очень любить переходить отъ сестры къ сестръ». Но эта связь продолжалась недолго, и Бригитъ, поступившей въ число пансіонерокъ Оленьяго парка, пришлось уступить свое мъсто другимъ, столь же временнымъ мелкимъ фавориткамъ. Къ числу ихъ, въроятно, принадлежала невъдомая красотка, которую король выдалъ замужъ за полковника Монмеласа съ богатымъ приданымъ.

Что касается до Морфизы, то она недолго прожила со своимъ мужемъ, который быль убить на войнь, а потомъ вышла замужъ еще два раза и, повидимому, такъ долго сохранила свою красоту, что третій ея мужъ Дюмонъ, членъ конвента, пленился ею, когда ей было уже шестьдесять лёть, хотя вскорё послё того и развелся съ нею. Она умерла въ 1815 году на семьдесять восьмомъ году жизни, переживъ своихъ обоихъ дътей. Ея дочь отъ Людовика XV воспитывалась въ монастыръ подъ именемъ дъвицы де-Сентъ-Антуанъ-де-Сентъ-Андрэ и, выданная замужъ за маркиза Ла-Туръ-дю-Пэнъ, была представлена ко двору, во времена графини Дю-Барри. Увидавъ ее, Людовикъ XV прослезился, такъ онъ быль тронуть ея сходствомъ съ нимъ. Вскорт послт этого онъ умеръ, а спустя нъсколько мъсяцевъ послъдовала въ могилу его дочь. Сынъ Морфизы, Бофранше, принимается многими историками вполнъ несправедливо за сына Людовика, тогда какъ онъ въ дъйствительности быль сыномъ перваго мужа Морфизы. Во время революціи онъ выказаль самыя радикальныя стремленія и, дослужившись до генерала, командовалъ отрядомъ войска, присутствовавшаго при казни Людовика XVI. Всъ легенды о томъ, что этотъ псевдо-дядя несчастнаго короля приказалъ бить въ барабаны въ ту минуту, какъ Людовикъ хотълъ произнесть ръчь къ народу, ничъмъ не подтвер-«ИСТОР. ВЪСТН.», ФЕВРАЛЬ, 1900 г., Т. LXXIX.

ждены, хотя Ламартинъ въ своей «Исторіи жирондистовъ» и воспользовался ими, чтобы придать большій драматизмъ своему разсказу о казни Людовика XVI. Впрочемъ, самъ Бофранше этимъ хвастался, чтобы и идать себъ значеніе. Какъ уже сказано, онъ умеръ раньше матери, именно въ 1812 году, членомъ законодательнаго корпуса и инспекторомъ конскихъ заводовъ.

Хотя маркизъ Помпадуръ долго удавалось отдълываться отъ своихъ соперницъ, благодаря ловкимъ интригамъ и Оленьему парку. а также неумънію и неопытности этихъ соперницъ, но въ послъдніе годы ея царствованія нашлись двѣ молодыя дѣвушки буржуазнаго происхожденія, которыя такъ опутали Людовика своими сътями. что Помпадуръ не могла ихъ побороть и должна была довольствоваться темъ, что ни ту, ни другую король не провозгласилъ офиціальной фавориткой и не подвергь ея опаль. Это были Анна де-Романъ и дъвица Тирселенъ. Первая изъ нихъ была дочерью гренобльскаго адвоката, буржуазнаго происхожденія, и только сдёлавшись фавориткой короля, она поддълала свое метрическое свидътельство и стала выдавать себя за аристократку де-Романъ. Она, говорять, была очень красива, но отличалась большимъ ростомъ и крупными чергами. «У этой замъчательной женщины, -- говорить Софи Арну въ своихъ воспоминаніяхъ, —все было доведено природой до преувеличенія. Конечно, все въ ней было соразм'врно и красиво, но колоссально, такъ что не только она была выше всъхъ женщинъ, но паже король, очень видный мужчина, казался рядомъ съ ней полукоролемъ или просто мальчишкой». Самъ Людовикъ всегда называлъ ее и на словахъ и въ письмахъ «ma grande». Хотя ей было двадцать три года, но она отличалась большой наивностью, что плъняло короля. Не желая подвергнуться позорному пребыванію въ Оленьемъ паркъ, она потребовала для себя отдъльнаго помъщенія н выбрала большой красивый домъ съ садомъ въ Пасси. Тамъ ее посъщаль король, а когда желаль видъть ее въ Версаль, то посылалъ за нею придворный экипажъ въ шесть лошадей. Весь дворъ говорилъ объ этой новой звёздё на Версальскомъ горизонте, и не только Помпадуръ, но и первый министръ Шуазель начали опасаться ея вліянія. Въ особенности она стала опасной послів того, какъ родила сына отъ Людовика, который открыто его признавалъ и пожаловалъ матери титулъ баронессы Мельи-Куланжъ, по имени подареннаго ей помъстья. Людовикъ не только нъжно ухаживать ва матерью и ребенкомъ, но самъ подписалъ актъ о крещени своего сына, котораго назвалъ сыномъ Людовика-Бурбона и Анны Кутье де-Романъ, баронессы Мельи-Куланжъ, чего онъ никогда не дълатъ относительно другихъ своихъ побочныхъ детей. Оправившись отъ бользни, новая баронесса стала открыто гулять въ Тюльерійскомъ саду со своимъ ребенкомъ и громко называла его сыномъ короля. а быстро образовавшійся около нея кружокъ сторонниковъ разносиль повсюду въсть о скоромъ провозглашении ея офиціальной фавориткой. Всё усилія Помпадурь, чтобы погубить эту соперницу, не увънчались успъхомъ, хотя она подвергла ее пълому ряду престъдованій и даже насильственно хотъла отнять у нея два письма короля, въ которыхъ онъ признаваль ея ребенка своимъ сыномъ. Произведенный съ этой пълью обыскъ въ ея домъ не привелъ къ желанному результату, такъ какъ она предварительно скрыла эти драгоцънные документы.

Но если Помпадурть не могла порвать отношеній короля къ Аннѣ де-Романъ, то у послѣдней съ теченіемъ времени явилась соперница въ лицѣ дѣвицы Тирселенъ. Эта новая фаворитка была дочерью объѣздчика, называемаго одпими историками Колетри, а другими Шапель, но присвоившаго себѣ фамплію Тирселена, потому что онъ былъ побочнымъ сыномъ де-Тирселена-Совеза. Существуетъ легенда, что король увидатъ ее десятилѣтней дѣвочкой, и она ему такъ понравилась, что Лебель купилъ ее у родителей и воспитыватъ до семнадцатилѣтняго возраста. Какъ бы то ни было, но достовѣрно, что она попала очень юной во внутренній сераль версальскаго дворца и не находилась въ числѣ пансіонерокъ Оленьяго парка. Король былъ безъ ума отъ ея дѣтскихъ шутокъ и граціозной болтовни. Она говорила королю: «ты большой уродъ», и выбрасывала въ окно подаренные ей брилліанты. 7 февраля 1764 года она родила сына, и Людовикъ еще болѣе привязался къ ней.

Это событіе совпало съ последними днями котильона ІІ или, по выраженію Карнэ, «граціозной, хрупкой, севрской статуэтки, которая поопіряла искусство и видёла у своихъ ногь не только философскую Францію, но и монархическую Европу». Дъйствительно, маленькая, тщедушная, анемическая маркиза Помпадуръ все болбе и болъе страдала легкими и сердцемъ. Вмъсть съ тъмъ ея страшная жизнь, бывшая въчной борьбой убивала ее столько же, сколько бользии. Постоянныя повздки съ королемъ по увеселительнымъ замкамъ, изнурительные кутежи и безконечныя интриги для поддержанія своего достоинства при двор'є противъ сильныхъ враговъ и въчно возобновлявшагося напора соперницъ сдълали изъ бывшей красавицы несчастный, ощипанный скелеть, несмотря на то, что ей было только сорокъ два года. Единственнымъ утъшеніемь вь эту мрачную эпоху была для нея искренняя дружба графини Амблемонъ, урожденной Шомонъ-Китри. Эта хорошенькая, пикантная молодая женщина была въ самыхъ сердечныхъ отношеніяхъ съ фавориткой, которая называла ее «моей кошечкой» и «тряпкой» (mon torchon), по обычаю того времени давать близкимъ лицамъ вульгарныя прозвища, доходившему до того, что король называть своихъ дочерей «coche, loque, graille, chiffe». Она очень нравилась Людовику, и однажды, садясь за ужинъ, онъ сунулъ ей въ руку записку, назначавшую свиданіе. Но она отдернула руку,

Digitized by Google

и записка упала на полъ, такъ что король былъ вынужденъ поднять ее. Видъвшій эту сцену герцогъ Гонто сказалъ послъ ужина графинъ: «Вы истинный другь». Но она просто отвъчала: «Я исполнила свой долгъ». Узнавъ объ этомъ, Помпадуръ была оченъ тронута и сказала г-жъ Оссэ: «Амблемонъ единственная, честная женщина при дворъ. Она легкомысленная и даже взбалмошная, но по уму и по сердцу она выше всъхъ лицемърныхъ пуританокъ». Въ знакъ благодарности она заставила короля подарить графинъ Амблемонъ брилліантовую парсару въ 60.000 ливровъ и не забыла ея въ своемъ завъщаніи.

Не менъе придворныхъ интригъ должны были дъйствовать на Помпадуръ и неудачи ея политической деятельности, которыя навлекали бълствія на Францію, побуждали народъ открыто проклинать ее и давали поводъ врагамъ подкапываться подъ ея могущество. Изъ одной ненависти къ Фридриху II и желая отомстить ему за данное ей прозвище «котильона II», она съ номощью министровъ, ея ставленниковъ, сначала кардинала Берни, а потомъ Шуазеля, заключила союзъ франко-австрійскій и вела Семильтнюю войну. Сначала она гордилась своимъ вліяніемъ на международныя діла; императрица Марія-Терезія хотя не писала ей собственноручнаго письма, какъ увъряли нъкоторые историки, но подарила ей письменный приборъ въ видъ шкатулки, украшенный портретомъ императрицы и драгоценными камнями на сумму семьдесять семь тысячь ливровъ, а канцлеръ Кауницъ и австрійскій посоль въ Парижъ, Старнбергъ, находились съ нею въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, что доказывають ихъ письма, напечатанныя въ книгъ Ваддингтона. Даже Фридрихъ ухаживалъ за Помпадуръ и предлагалъ ей, хотя безуспъшно, перейти на его сторону, за что объщалъ полмилліона золотыхъ и болье. Все это, конечно, льстило фавориткь, но Франціи пришлось дорого поплатиться за предоставленіе своей судьбы и чести въ руки временщицы и ея ставленниковъ въ родъ Берни, Шуазеля и герцога Субиза, позорное поражение котораго подъ Розбахомъ только загладилось побъдами революціонныхъ армій. Результатомъ этой злополучной войны было не только униженіе французскаго оружія, но потеря милліона людей и разореніе страны колоссальными военными расходами, административнымъ хищеніемъ и уступкой Англіи по парижскому миру 1763 года колоній въ Индіи и Америкъ. Неудивительно, что вся Франція и многочисленные враги гордой временщицы взвалили на нее вину всёхъ бёдствій страны, потерявшей разомъ пріобрётенныя при Людовикъ XIV славу и могущество. Дъло дошло до того, что самъ король впоследствіи говориль: «Если я не прогналь Помпадурь, то лишь потому, что она отъ этого тотчасъ умерла бы».

Впрочемъ Помпадуръ не долго пережила горькаго разочарованія въ своей надеждь «стереть въ порошекъ съвернаго Атиллу»,

какъ она называла Фридриха II. Весною 1764 года у нея сдѣлалось воспаленіе въ легкихъ, и послѣ нѣсколькихъ дней страданій, которын она стоически вынесла, эта псевдо-королева умерла 15-го апрѣля, оставивъ послѣ себя только тридцать пять золотыхъ и болѣе полутора милліона долговъ. До послѣдней минуты жизни она занималась политическими дѣлами и придворными интригами, такъ что въ Парижѣ говорили: «фаворитка умерла, держа въ рукахъ бразды правленія». По тогдашнему этикету, никакой трупъ не могъ оставаться во дворцѣ, и тѣло маркизы Помпадуръ, покрытое только простыней, было вынесено двумя слугами въ первую ночь послѣ ея смерти. Затѣмъ, спустя нѣсколько дней, также ночью, состоялись ея похороны, и ея гробъ опустили въ купленный ею склепъ семьи Тремуль въ монастырѣ капуцинокъ. По этому случаю принцесса Тальмонъ сострила: «Les grands os de la Tremoule durent être très étonnés de sentir près d'eux les arètes des Poisson» 1).

Этоть циничный каламбуръ вполнъ выражаеть общее презрительное равнодушіе, выказанное во всей Франціи и всеми слоями общества къ смерти женщины, сосредоточивавшей на себъ еще недавно столько злобы и ненависти. Не было и следа техъ вспышекъ народнаго негодованія, которыми проводили въ могилу графиню Вентимиль и герцогиню Шатору. Только злыя эпиграммы въ родъ каламбура принцессы Тальмонъ ходили по Парижу. Что же касается до двора, «то онъ дошелъ до такого растленія, по словамъ Колле въ его дневникъ, что даже громко выражалъ сожалъніе о кончинь женщины, которая болье всьхъ королевскихъ фаворитокъ сдълала вреда Франціи». Даже ядовитый Вольтеръ, упоминая о кончинъ Помпадуръ въ своемъ письмъ къ Л'Аламберу, только говорить: «Она умерла съ твердостью, достойной всякой похвалы». Какъ отнесся самъ Людовикъ XV къ потеръ своего «почти двадцатилътняго върнаго друга», какъ онъ самъ выражался, трудно опредёлить съ полной достовърностью. Не подлежить сомивнію, что онъ публично выказаль самое холодное равнодушіе и продолжаль въ комнатахъ, гдв только что жила Пампадуръ, веселые ужины съ придворными красавицами. Но существують разнородные, противоположные разсказы о внутреннихъ чувствахъ короля: такъ Гонкуры разсказывають со словъ современника, что во время похоронъ Помпадуръ король подошелъ къ окну, хладнокровно посмотрълъ на часы, сказалъ окружавшимъ его лицамъ, въ какое время прибудеть гробъ въ Парижъ, и прибавилъ, указывая на лившій, какъ изъ ведра, дождь: «Не въ хорошую погоду собралась въ путешествіе маркиза». Напротивъ Шеверни въ своихъ мемуарахъ увъряеть, что король вышель въ двоемъ съ Шамило на

¹⁾ Великіе останки де-Тремуль, в'вроятно, удивились, почувствовавь сос'вдство рыбьихъ костей.

балконъ и, несмотря на дурную погоду, молча простояль тамъ все время, пока печальная церемонія не скрылась изъ глазь, а потомъ, вернувшись въ комнату, сказаль со слезами: Я не могь иначе отдать ей послъдняго долга». Какъ бы то ни было, даже Флери. относящійся очень снисходительно къ Людовику XV и старающійся доказать различными ссылками на современные документы, что король искренно оплакиваль свою фаворитку, признаеть, что спустя нъсколько дней, онъ совершенно ее забыль. По этому поводу сохранилось характерное выраженіе несчастной королевы Марін Лещинской: «Здъсь уже не упоминають о той, которой болье нъть, точно она никогда не существовала. Воть каковъ свъть, и стоить ли нослъ этого любить его?»

Воть при какихъ условіяхъ опустился занавѣсъ послѣ эпилога траги-комедіи котильона ІІ. Нелишне еще прибавить, что не Людовикъ, какъ обыкновенно увѣряютъ, а Помпадуръ первая сказала: «послѣ насъ потопъ». Это предчувствіе потопа характеристично выражено въ письмѣ Вольтера къ г-жѣ Дю-Дефанъ за двѣнадцать дней до смерти величайшей изъ фаворитокъ французскихъ королей: «Все, что я здѣсь вижу, бросаетъ сѣмена революція, которая должна произойти неминуемо, но свидѣтелемъ которой я не буду, къ сожалѣнію. Свѣтъ такъ быстрэ повсюду распространяется, что при первомъ удобномъ случаѣ произойдетъ взрывъ. Тогда возникнеть великолѣпная сумятица. Счастлива молодежь; она увидитъ много прекраснаго».

Ш.

Котильонъ III.

Эпоха третьяго котильона продолжалась десять лёть, хотя Дю-Варри царила только въ послёднюю его половину, а первая была занята двумя фаворитками, перешедшими изъ предыдущам періода, и шестью новыми. Затёмъ при Дю-Варри было еще восемь случайныхъ временныхъ красотокъ, плёнившихъ своими чарами короля, несмотря на то, что могущественной временщице удалось закрыть Оленій паркъ.

Послѣ смерти Помпадуръ, обычныя королевскія забавы шли своимъ чередомъ, но Людовикъ часто посѣщалъ свою дочь Аделаиду, словно отыскивая утѣшеніе въ ея обществѣ. Такъ какъ по его приказанію была сломана мраморная лѣстница, отдѣлявшая аппартаменты принцессы отъ королевскихъ, комнаты Аделаиды были соединены съ покоями короля тайнымъ проходомъ, то злые языки стали говорить, что онъ находился въ преступной связи съ этой дочерью, и даже называли ихъ сыномъ Луи Нарбона, который былъ военнымъ министромъ при Людовикѣ XVI и адъютантомъ Наполеона.

Въ справедливость этой легенды върили всё современники и ее повторяли многіе памфлеты того времени, откуда заимствоваль ее и Мишле. Но Флёри и Нольякъ положительно отвергають эту легенду, какъ ни на чемъ не основанную, и послъдній прибавляетъ: «Довольно гръшковъ омрачаетъ память Людовика, къ чему еще бездоказательно обвинять его въ гнусномъ преступленіи».

Одержавъ побъду надъ многими соперницами, Помпадуръ, какъ уже сказано, не могла одольть двухъ: Анну де-Романъ и дъвицу Тирселенъ, которыя имъли большую заручку въ своихъ сыновьяхъ отъ Людовика. Объ онъ сохранили вліяніе на него въ первое время междуцарствія, отдъляющаго эпохи Помпадуръ и Дю-Барри. Однако де-Романъ попала въ руки аббата Люстерака и стала по его наущенію слишкомъ требовательной; она приняла на себя гордый тонъ герцогини Шатору, настанвала на узаконени сына, клянчила для себя почетнаго положенія главной султанши и кончила темъ, что надобла королю. Съ своей стороны Шуазель, пользовавшійся еще большей силой послъ Помпадуръ, чъмъ при ней, энергично интриговалъ противъ новой кандидадки въ временщицы, и въ 1765 году она была подвергнута опаль, а ея сынь отнять у нея и отдань на воспитаніе іезуитамъ. Прогнанная фаворитка не унималась и долго преслъдовала короля и его министровъ просьбами, чтобы отдълаться отъ которыхъ ей выдали въ разное время до 500.000 ливровъ, наэначили большую пенсію и наконецъ въ 1772 году пов'вичали съ маркизомъ Каваньякомъ, при чемъ она получила богатое приданое. Даже смерть Людовика не уняла ловкой интриганки, и она представила новому королю своего сына съ письмами его отца. Мальчикъ быль принять при дворь, какъ королевскій родственникъ, и его отдали въ семинарію, гдъ онъ блестяще окончиль курсъ. Молодой аббать Бурбонъ имъть передъ собою блестящую будущность, и уже поговаривали о кардинальской шляпъ для него, но онъ неожиданно умеръ въ Неаполъ въ 1778 году отъ оспы, какъ его державный отецъ, на котораго онъ очень походилъ. Что касается его матери, то она до революціи вела веселую жизнь въ Парижь, потомъ нереселилась въ Испанію и, вернувшись во Францію при имперіи, скончалась въ Версаль въ 1808 г., забытая всеми.

Дъвица Тирселенъ удержалась въ качествъ мелкой фаворитки только еще годъ послъ ея соперницы. Противъ нея также возсталъ Пуазель, котораго увърили, что ея отецъ по наущенію прусскаго короля всячески старается провести дочь въ офиціальныя преемницы Помпадуръ. Онъ сумътъ представить королю отца и дочь въ качествъ опасныхъ заговорщиковъ, и Людовикъ въ апрълъ 1766 года приказалъ заточить перваго въ Бастилію, а послъднюю въ Соссейскій монастырь. Хотя потомъ ее нъсколько разъ переводили изъ одной обители въ другую, но нъкоторое время Тирселенъ вела веселую жизнь въ Парижъ, получан значительную пенсію отъ

короля. Она умерла въ 1779 году, а ея сынъ, воспитанный въ семинаріи на счеть Людовика XVI, вышелъ оттуда подъ названіемъ аббата Ле-Дюка и пользовался покровительствомъ своихъ державныхъ сестеръ, дочерей Людовика XV. Во время революціи этотъ родственникъ Бурбоновъ игралъ сомнительную роль, то входя въ сношенія съ Робеспьеромъ, то оказывая содъйствіе эмигрантамъ и ссужая королевскую семью значительными суммами денегъ. Во время реставраціи всъ эти ссуды были уплочены, и Людовикъ XVIII не только выдавалъ ему большую пенсію, но нъсколько разъ уплачивалъ его долги. Гдъ и когда онъ скончался, остается неизвъстнымъ.

Прошло еще три года до воцаренія Дю-Барри, и среди мелкихъ забавъ Людовика можно указать на его отношенія къ г-жамъ Малье-Брезе и Пуплиньеръ, къ Элеоноръ Бенаръ, графинъ Серанъ и герцогинъ Грамонъ, а также болъе продолжительныя отношенія къ графинъ Эспарбесъ. Обо всъхъ этихъ мелкихъ фавориткахъ, кром'в последней, имбется очень мало сведеній. Напримерь, Флери только говорить о г-жъ Малье-Брезе, что ея интрижка съ королемъ продолжалась очень короткое время, а относительно г-жи де-Ла-Пуплиньеръ онъ лишь ссылается на мемуары Шеверни, который уверяеть, что она напрасно пожертвовала своей честью старому королю, который даже не могъ этимъ воспользоваться. Объ Элеоноръ Бенаръ извъстно также очень мало, именно, что она была замужемъ за Сенъ-Жермэнъ и имъла отъ Людовика дочь, впоследствии графиню Монталиве, которою очень восхищался въ своей юности Наполеонъ, хотъвшій даже на ней жениться. Нъкоторые историки называють отношенія Людовика XV къ красивой блестящей Маріи Бюліо, по мужу графинъ Серанъ, платоническими, п этого же мивнія держатся Гонкуры, но Шеверни настаиваеть на томъ, что «даже король даромъ не жалуетъ красивой женщинъ сто тысячь золотыхъ и роскошный домъ въ Нарижъ». Герцогиня Грамонъ, урожденная Стенвиль-Шуазель, сестра могущественнаго министра, не отличалась красотой, но была очень умна, граціозна и пикантна. Людовикъ XV находилъ ее очень забавной, и еще при Помпадуръ всё при дворё прочили ее въ преемницы котильона II. Но поощряемая братомъ, она принялась за дёло слишкомъ быстро и, не дожидаясь ухаживанья короля, стала открыто бросаться къ нему на шею. Это не понравилось Людовику, и онъ началъ ее избъгать.

Неудача герцогини Грамонъ расчистила дорогу графинъ Эспарбесъ, и она явилась единственной серіозной кандидаткой для желаемаго встми придворными дамами поста офиціальной фаворитки. Хотя она не представляла королю новинки, но своими физическими и умственными чарами сумъла его обойти. Она была дочерью Тоннара-де-Жуи, служившаго по судебной части; какъ родственница мужа маркизы Помпадуръ, она была выдана замужъ за графа Эс-

нарбеса и была такой же любимицей и кошечкой фаворитки, какъ графиня Амблемонъ. Но живая, ловкая кокетка, она не последовала примъру своей подруги, а при первомъ заигрывании со стороны Людовика не отвъчала ему отказомъ. Такимъ образомъ отношенія къ ней короля начались еще при Помпадуръ, но тогда они не имћли серіознаго характера, и Людовикъ «взялъ ее со смѣхомъ и отпустилъ со смѣхомъ», но выраженію одного изъ современниковъ. Шамфоръ передаетъ одинъ очень характеристичный разговоръ между нею и Людовикомъ въ это время: «А что, говорять, ты была любовницей всёхъ моихъ подданныхъ?» — спросилъ король. — "Да, ваше величество!» — отвъчала графиня, которая дъйствительно щедро дарила многихъ своей любовью. — «Ты имъла связь съ герпогомъ Шуазелемъ!»—«Онъ такъ всемогущъ!»—«Съ герцогомъ Ришелье?»—«Онъ такъ уменъ».—«Съ Монвилемъ?»—«Онъ такъ красивъ!»—«Ну, хорошо, а герцогъ Омонъ чемъ отличается?» -«Онъ такъ преданъ вашему величеству».

Когда открылось наслёдство Помпадуръ, то графиня Эспарбесъ предъявила свои права и такъ искусно разставила съти Людовику, что онъ поддался ея вліянію, и всё при дворё ожидали, со дня на день, что ее провозгласять офиціальной фавориткой. Но Шаузель не дремаль и зная, что графиня принадлежала къ партіи его соперника герцога Субиза, прибъгнулъ къ тому гнусному способу. которымъ онъ погубилъ графиню Шуазель-Романэ. На этотъ разъ онъ не самъ, а черезъ одну пріятельницу разузналь отъ довърчивой Эспарбесъ всв циничныя, не лестныя для короля подробности объ одномъ вечеръ, проведенномъ ею съ королемъ, и, записавъ этотъ разсказъ, представилъ его на бумагъ Людовику. Узнавъ, что Эспарбест позволнеть себъ разсказывать всъ тайны ихъ отношеній и уже впередъ хвастается, что назначенть день для провозглашенія ея офиціальной фавориткой съ титуломъ герцогини, Людовикъ пришель въ ярость и сказаль: «Я не виновать, что становлюсь старикомъ, но сдълалъ бы непозволительную глупость, если бы хоть разъ увидълъ еще гнусную женщину, болтливость которой подвергаеть меня непріятностямъ».

Самъ Шуазель и его сторонники разсказывають иначе причину опалы графини Эспарбесъ, увъряя, что могущественный министръ при встръчъ съ нею на парадной лъстницъ въ Версальскомъ дворцъ при многочисленныхъ свидътеляхъ обощелся съ нею самымъ оскорбительнымъ образомъ, взявъ ее за подбородокъ и назвавъ та реtite. Удивленная графиня будго бы стала, втупикъ, и не нашлась ничего отвътить на дерзость герцога. Конечно, тотчасъ довели до свъдъня Людовика XV объ этой скандальной сценъ и онъ нашелъ, что женщина, не умъющая защитить себя отъ оскорбленія, не годится въ офиціальныя фаворитки. Какъ бы то ни было, отъ имени короля было объявлено графинъ Эспарбесъ, чтобы она не-

медленно удалилась въ номъстън своего свекра, гдъ она и оставалась до паденія Шуазёля, уже въ эпоху третьяго котильона. Тогда она вернулась въ Парижъ и открыла блестящій салонъ, который благополучно существоваль во время революціи, директоріи, имперіи и реставраціи. Она сама писала стихи, поддерживала дружескія отношенія съ выдающимися писателями и сохранила до самой смерти на восемьдесятъ первомъ году своей жизни «престижъ царицы изящнаго вкуса и свътскаго тона».

Апогеемъ нравственнаго униженія и растленія Людовика XV было воцареніе котильона ІІІ. Жанна Бекю, побочная дочь б'ядной торговки, вышедшей потомъ замужъ за мелкаго чиновника Рансона, продавала въ юности на улицахъ Парижа мелкую посуду въ тъхъ же условіяхъ, въ какихъ продаются теперь фіалки молодыми парижанками. Потомъ она находилась швейкой въ модномъ магазинъ и компаньонкой у двухъ богатыхъ буржуазокъ, но, отличаясь необыкновенной красотой, страстью къ роскоши и прирожденной наклонностью къ разврату, она естественно окунулась въ водоворотъ сатурналій, объявших всю Францію съ легкой руки короля. По единогласному свидътельству современниковъ, она поступила въ знаменитый вертепъ г-жи Гурдонъ, который посъщался всеми модными кутилами Парижа. Тамъ она познакомилась съ извёстнымъ развратникомъ графомъ Жаномъ Дю-Барри, который, вдоволь насладившись ея прелестями, задумаль проложить себъ дорогу къ почестямъ съ помощью ея красоты. Онъ прозвалъ ее ангеломъ за ея прелестное лицо и подъ названіемъ дъвицы Ангелъ (m-elle l'Ange) представилъ ее черезъ Лебеля Людовику XV. Старый, пресыщенный, скучающій монархъ пришель въ восторгь оть этого цвътка лупанара и не зналъ, какъ достаточно нахвалиться этой новой забавой. Онъ такъ надоблъ всемъ придворнымъ своими похвалами новой фаворитки, что одинъ изъ нихъ, герцогъ Айенъ, наконецъ цинично воскликнулъ: «видно, ваше величество, что вы не знакомы съ уличными куртизанками». Весь дворъ пришелъ въ ужасъ отъ этого выбора преемницы Помпадуръ, которую также упрекали въ низкомъ происхожденіи, но не имъвшей ничего общаго съ «belle Bourbonese», какъ ее называли въ циничныхъ пъсняхъ, сложенныхъ въ ея честь. Однако король не обращалъ ни на что вниманія и провозгласиль ее офиціальной фавориткой. Для большаго приличія ее выдали замужъ за брата ея покровителя, графа Гильома дю-Барри, а мать устроила ей фальшивое метрическое свидътельство съ помощью аббата Гомара. Этотъ аббатъ, котораго нъкоторые писатели считають незаконнымъ отцомъ фаворитки, назвалъ ее въ подложномъ документъ согласно фамиліи своего брата Маріей-Жанной Гомаръ-де-Вовернье, и этимъ объясняется тотъ фактъ, многіе современники и позднъйшіе историки такъ называють графиню Лю-Барри. Поселивъ новую графиню въ Версальскомъ дворит

въ тъхъ аппартаментахъ, которые потомъ занимала Марія-Антуанетта, король настоялъ на ея представленіи ко двору, несмотря на оппозицію своихъ дочерей.

Такимъ образомъ начался третій котильонъ, и Дю-Барри перещеголяла даже Помпадурь своимъ неограниченнымъ вліяніемъ на Людовика, доходившимъ до дерзкаго цинизма. Она обращалась съ королемъ, какъ съ мальчишкой, говорила ему «ты», называла его «La France» и позволяла себъ всевозможныя нахальныя выходки. Такъ разсказывають, что однажды, одъваясь передъ королемъ, пока онъ варилъ кофе въ каминъ, она крикнула ему: «Ей, Франція, смотри, твой кофе убъжаль». Желая свергнуть всесильного Шуазеля, она не только прямо требовала его паденія, но даже дерзко сказала Людовику, разсказывая ему о томъ, что она уволила одного изъ своихъ лакеевъ: «Я сегодня прогнала своего Шуазеля, когда же ты прогонишь своего?» Наконецъ, покровительствуя врагамъ старинныхъ парламентовъ, она показала королю картину казни англійскаго короля Карла I и сказала: «Смотри, Франція, если ты будешь церемониться съ своими парламентами, то тебъ также отрубять голову». Всъ эти неприличныя выходки очень нравились неп ивыкшему къ нимъ королю и увънчивались успъхомъ. Не только онъ ползалъ у ногъ нахальной фаворитки, но весь дворъ сталъ следовать его примеру, и малейшія желанія Дю-Барри немедленно исполнялись. Шуазель и парламенты были принесены въ жертву, такъ какъ последніе сопротивлялись безумнымъ расходамъ фаворитки, власть была предоставлена самымъ неспособнымъ государственнымъ людямъ, какъ Мону, герцогу Эгвильону и т. д., которые раболенно исполняли всъ капризы Лю-Барри.

Въ отношении денегь и роскоши она не знала границъ, и хотя точные изследователи старины уверяють, что она въ пять леть своего царствованія получила всего двънадцать съ половиной миліоновъ ливровъ, но если принять въ соображеніе всв расходы на ея безконечныя прихоти, украшенія ея Люсьенскаго замка и подачки многочисленнымъ родственникамъ, то нельзя не признать, что последній котильонъ Людовика XV стоилъ Франціи гораздо дороже. Лучшимъ доказательствомъ того, какъ она бъщено швыряла народныя деньги, могуть служить ея счета, приводимые Гонкурами: такъ, напримъръ, за горчичницу она заплатила 5.184 ливра, за двъ ложки для сахара 2.054, за молочникъ-2.677, за платье, шитое золотомъ, 12.000, за ночной чепчикъ-2.000 и т. д. Ея капризамъ также не было предвловъ. Она позволяла себв все: показывала языкъ принцу Конде, заставляла папскаго нунція надівать ей туфли, играла въ жмурки съ канплеромъ Моцу, когда онъ былъ въ офиціальной тогъ, и съ этимъ же министромъ разыграла однажды самую непозволительную комедію. Она пригласила его объдать и просила разрѣзать пирогь, изъ котораго вылетѣла цѣлая стая осъ, облѣпившихъ парикъ министра, а когда любимый ея негръ Заморъ бросился на его выручку, то въ рукахъ услужливаго слуги остался парикъ старика. Всѣ эти забавы фарворитки возбуждали только смѣхъ короля, а, по словамъ одного изъ историковъ, уличная куртизанка подобными выходками «мстила развращенному обществу за всѣ перенесенныя ею въ юности униженія».

Хотя Дю-Барри не принимала такого прямого участія въ политических дёлахъ, какъ Помпадуръ, но въ ен комнатахъ часто собирался совътъ министровъ, и она назначала и смъняла всъхъ высшихъ должностныхъ лицъ, а также при ен участіи клерикалы утвердились при дворъ, и производились самын непозволительныя финансовыя спекуляціи, которымъ покровительствовалъ самъ король, какъ извъстно, имъвшій долю въ громадныхъ хлъбныхъ закупкахъ, служившихъ причиною голодовокъ и народныхъ возстаній. Естественно, что народъ ненавидътъ новую временщицу и распъвалъ о ней на улицахъ самые злобные и циничные куплеты, въ родъ слъдующихъ:

Eut on pensé qu'une clique Se moquant de la critique Sut d'une fille publique Faire un nouveau potentat! Eut on cru que, sans vergogne, Louis à cette carogne, Abandonnant la besogne, Laisser perdre l'Etat. Par elle on devient ministre! C'est sur son ordre sinistre. Que d'Aiguillon tient registre Des élus et des proscrits! Le public indigné crie; Mais du rois l'âme avilie. Sûre de son infamie, Est insensible au mépris. Tous nos laquais l'avaient eu Lorsque, trottant dans la rue, Vingt sous offerts à sa vue La determinaient d'abord. Quoique Louis ait su faire, La cour a ses voeux contraire Moins làche qu'a l'ordinaire, Pour la fuir est bien d'accord 1).

¹⁾ Нельзя было думать, чтобъ шайка людей безъ всякаго страка осужденія сділала изъ уличной куртизанки новаго повелителя. Нельзя было думать, чтобы Людовикь безъ заврівнія совісти предоставиль такой сволочи управлять государствомъ, которое она губить. Ею создаются министры и по ея роковому приказу Егвильонъ жалуеть милостями и отправляєть въ ссылку. Народъ въ негодованіи вопить, но душа короля до того растліла, что, чувствуя свой позорь, онъ, однако, остается равнодушнымъ къ общему презрівнію. Всі закон пользовались ею, когда она шаталась по тротуарамъ и рада была за грошъ итти со всякимъ. Несмотря на всі усилія Людовика, дворъ, не столь презрівный, какъ всегда, біжить оть нея.

Несмотря на полное подчинение Людовика всемогущей фавориткъ, онъ все-таки забавлялся и на сторонъ. Къ эпохъ третьяго котильона относятся его интрижки съ актрисами Рокуръ, Люзи и матерью знаменитой Марсъ, съ женой музыканта Бешъ и съ г-жей Амерваль, побочной дочерью аббата Терре, недобросовъстнаго контролера финансовъ, который самъ бросилъ ее въ объятія короля, несмотря на благодъянія, оказанныя ему графинею Лю-Барри. Но обо всёхъ этихъ случайныхъ и временныхъ фавориткахъ почти ничего неизвъстно, а существують свъдънія только о двухъ мелкихъ забавахъ короля за это время. Хотя Дю-Барри въ началъ своего господства закрыла Оленій паркъ, но подъ конецъ почувствовала необходимость для сохраненія своей власти посл'єдовать примъру Помпадуръ и не только смотръла сквозь пальцы измъны короля, но сама поставляла ему живой товаръ, неопасный для нея. Такъ разсказывають, что она поощряла его отношенія къ актрисъ Рокуръ и содъйствовала интригамъ графа Жанна Дю-Барри подсунуть королю жену его племянника, графа Адольфа Дю-Барри, урожденную Де-Турнонъ, которая своей красотой походила на герцогиню Шатору. Король не отказался отъ лакомаго куска, и уже графиня Дю-Барри громко говорила: «По крайней мъръ, постъ офиціальной фаворитки не выйдеть изъ семьи». Но расчеты ея, графа Дю-Барри и герцога Эгвильона, который ухитрялся быть заодно любовникомъ тетки и племянницы, - не удались. Людовикъ поддался чарамъ другой фаворитки.

Это была одна изъвеличайшихъ красавицъ своего времени, по признанію всёхъ знатоковъ женской красоты, именно дочь нидерландскаго барона Ниверкерке и жена амстердамскаго куппа Патера. Она блистала своей величественной красотой въ Парижъ, и за ней ухаживали всв свътскіе франты, начиная съ принцевъ королевской крови. Конечно, король не оставиль безъ вниманія красавицы, но она вскоръ убхала съ мужемъ изъ Франціи. Когла же она, спустя несколько леть, снова вернулась въ Парижъ, уже разведенная съ мужемъ и подъ своей дівичьей фамиліей Ниверкерке, то не только возобновила свои отношенія къ королю, но задумала женить его на себъ. Съ этой цълью она поселилась по приглашенію Людовика въ Медонскомъ замкі и стала брать уроки католическаго катехизиса и танцевъ, чтобы быть вполнъ достойной своего новаго положенія. Она была такъ убъждена въ успъхъ, что отказала въ рукт и сердцт безумно влюбившемуся въ нее принцу королевской крови, герцогу Ламбекъ. Но, несмотря на все ен искусство въ интригахъ и на помощь герпога Эгвильона, ея планы не удались. Спустя несколько леть, она вышла замужь за маркиза Шансене и введенная имъ въ высшее парижское общество блистала въ немъ до самой своей смерти въ 1804 году.

Соперничество красавицы Патеръ было одно время тъмъ опас-

нъе для Дю-Барри, что послъдняя сама мечтала о морганатическомъ бракъ съ королемъ и съ этой цълью поручила кардиналу Берни хлопотать о разводь ел съ мужемъ. Послъ смерти королевы Маріи Лещинской въ 1768 году, Людовикъ XV былъ не прочь жениться и самъ писаль Шуазелю, который ему наговариваль на Дю-Барри: «Она хорошенькая и мив нравится, чего же больше? Или ужъ непремънно хотять, чтобы я взяль фаворитку изъ аристократіи? Если эрцъ-герцогиня Марія-Елисавета (сестра Марін-Антуанеты) дъйствительно соотвътствуетъ моимъ желаніямъ, то я съ удовольствіемъ на ней женюсь, такъ какъ пора положить всему конецъ, а иначе прекрасный полъ будеть всегда меня тревожить. Но во всякомъ случат вы отъ меня не увидите новой Ментенонъ». Такимъ образомъ для успъха честолюбивыхъ стремленій Дю-Барри, ей необходимо было одержать двойную побіду: уговорить Людовика, во-первыхъ, не жениться на австрійской эрцъгерцогинъ и, во-вторыхъ, отказаться отъ своей ръшимости не заводить второй Ментенонъ. Отдълаться оть опасной соперницы, которую поддерживали дочери короля, канцлеръ и архіепископъ, ей удалось, и въ дневникъ Гарди нарисована драматическая сцена, которой она была обязана своимъ успъхомъ. Узнавъ, что все готово для вступленія короля во второй бракъ, она бросилась къ нему въ ноги и воскликнула: «Моя погибель рѣшена монми врагами, и васъ хотять женить для несчастья вашего и всей страны, такъ какъ эрпъ-герцогиня виолнъ предана језунтамъ и объщала имъ исполнить всв ихъ желанія». Такъ или иначе, но Людовикь XV отказался отъ своего намбренія жениться на австріячкь.

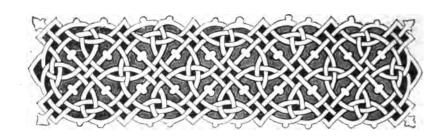
Но одно было устранить соперницу, а другое заставить его завести новую Ментенонъ, и въ этомъ Дю-Барри убёдилась, когда вскорт послё того она вздумала смёнться при королё надъ распространившимся слухомъ о желаніи дочери Людовика, Луизы, обвёнчать его съ принцессой Ламбаль. Онъ очень сухо и рёзко отвёчалъ: «Я могъ бы сдёлать что нибудь и похуже». Однако трудно сказать, чёмъ кончилась бы происки Дю-Барри, если бы Людовикъ XV прожилъ долёе, и его неожиданная смерть не разсёнла всёхъ надеждъ честолюбивой фаворитки.

Кончина этого державнаго сатира была виолив достойна его позорнаго существованія. Какъ неизвістна была достовірно первая фаворитка короля, такъ неизвістно, кто быль посліднимъ предметомъ его животной страсти. Не подлежить сомніню, что онъ умеръ отъ оспы, но различно разсказывають, какъ онъ схватиль ее. Существуеть легенда, которую приводить Вольтеръ, что Людовикъ, отправляясь на охоту, встрітиль похороны и, подойдя ко гробу, спросиль, кого хоронять. Ему отвічали, что молодую дівушку, умершую оть оспы. Въ эту минуту онъ будто бы и заразился. Гораздо віроятніве, что король заразился оспой отъ молодой дівушки, которую ему доставила Дю-Барри. Такъ, по крайней мърѣ, объясняли причину его смерти почти всѣ современники и большинство историковъ. Но Гонкуры и графъ Флери не признають этой фантастической, по ихъ мнѣнію, гипотезы, ссылаясь на то, что имя молодой дѣвушки никѣмъ не приводится, одни называють ее скотницей, другіе — дочерью булочника, третьи — дочерью мельника и т. д. По ихъ мнѣнію, Людовикъ XV могъ заразиться оспой на улицахъ Версаля или въ его окрестностяхъ, гдѣ она въ то время уносила немало жертвъ. Какъ бы то ни было, весь Парижъ и вся Франція вѣрили, что король заразился унесшимъ его въ могилу недугомъ отъ своей послѣдней неизвѣстной фаворитки.

За смертью Людовика XV, тёло котораго изъ боязни заразы ночью перевезли въ Сенъ-Дени среди криковъ ненависти и скандальныхъ пъсенъ, собравшихся на пути народныхъ массъ, тотчасъ послъдовало изгнаніе графини Дю-Барри, которая, какъ извъстно, покончила свою жизнь подъ гильотиной во время революціи. Изъ всъхъ злобныхъ и циничныхъ остротъ, ходившихъ въ Парижъ по случаю этихъ двухъ событій, — быть можетъ, всего замъчательнъе слова Софи Арну и патера церкви святой Женевьевы. Первая воскликнула: «Мы осиротъли, потерявъ разомъ отца и мать», а послъдній на замъчаніе, что святая Женевьева не вняла молитвамъ французовъ о спасеніи короля, отвъчалъ: «На что же вы жалуетесь, кажется, Богъ и святая Женевьева достаточно вняли вашимъ молитвамъ, такъ какъ они освободили васъ отъ стараго короля».

Спустя нѣсколько дней послѣ этого освобожденія Франціи отъ ненавистнаго и презираемаго всѣми короля, его преемникъ, Людовикъ XVI, съ удивленіемъ взглянулъ на явившагося къ нему придворнаго въ золотомъ кафтанѣ. «Кто вы такой?»—спросилъ онъ. «Ваше величество, я—Лаферте».— «Что вамъ нужно?»— «Я пришелъ за приказаніями, ваше величество».— «За какими приказаніями?» «Я... вѣдь завѣдую мелкими забавами вашего величества». — «У меня нѣтъ другихъ забавъ, какъ ходить пѣшкомъ по парку. Мнѣ васъ не надо!» Но такимъ гордымъ отказомъ отъ позорной доли наслѣдія, полученнаго отъ своего дѣда, Людовикъ XVI не могъ оградить себя отъ роковыхъ послѣдствій этого наслѣдія. По справедливому замѣчанію графа Флери, которое служитъ прекраснымъ заключеніемъ его книги: «Людовикъ XVI пожалъ то, что посѣялъ его дѣдъ, благодаря которому престижъ божественной монархіи во Франціи на вѣки исчезъ и уже никогда болѣе не воскресалъ».

B. T.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Четвертное право. Изслѣдованіе Н. А. Влаговѣщенскаго. М. 1899.

АСТОЯЩЕЕ изслѣдованіе г. Благовѣщенскаго является завершеніемъ его предыдущихъ работъ по этому вопросу. Еще въ 1887 году онъ помѣстилъ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» статью, гдѣ разбиралъ вопросъ о формахъ землевладѣнія однодворцевъ. Въ окончательномъ выводѣ онъ установилъ слѣдующія положенія: 1) четвертное землевладѣніе по своему происхожденію и исторіи своего развитія есть родовое владѣніе; 2) общины четвертныхъ владѣльцевъ суть родовыя общины, и размѣръ полосы, принадлежащей каждому изъ нихъ, опре-

дъляется близостью родства къ первозаимщику; 3) порядокъ наслъдованія—
главное основаніе родовой общины; 4) масса четвертныхъ владъльцевъ нерепла изъ родовой общины въ сосъдскую; 5) разверстка земли въ четвертной
общинъ прототииъ современной общинно-душевой разверстки; 6) передълы
земли существуютъ, но по другимъ причинамъ, чъмъ въ общинахъ современныхъ; 7) родовой строй въ четвертныхъ общинахъ падаетъ подъ вліяніемъ
кабатчиковъ-міроъдовъ, которымъ открыто широкое поле дъйствій закономъ
1866 года объ отчуждаемости однодворческихъ земель; 8) эта аномалія разрушаетъ родовую общину, не создавая сосъдской, п 9) аномалія вызвана извиъ.

Эти основныя положенія автора, за исключеніємъ второй части 2-го вывода, правда, съ нъкоторыми измъненіями, сохранены и въ настоящемъ трудъ.

Но прежде, чъмъ вдаваться въ разборъ изслъдованія г. Благовъщенскаго, надо опредълить объектъ работы автора и цъль этой работы. Г. Благовъщен-

скій пытается выяснить тоть принципъ, если такъ можно выразиться, на основаніи котораго однодворцы владбють землей, другими словами, право каждаго изъ нихъ на извъстную полосу земли въ общей дачъ. Извъстно, что однодвордами называются потомки мелкихъ служилыхъ людей Московскаго государства, которые за свою службу испомъщались московскимъ правительствомъ. Главною обязанностью ихъ была охрана южныхъ предёловъ государства; поэтому естественно, что поселенія ихъ расположены по южной границъ прежняго Московска го государства (въ губерніяхъ: Тамбовской, Орловской, Курской, Воронежской и т. д.), и что по мъръ отдаления границы эти поселенія уходили все южите. Размтру помістья, которое получаль служилый человъкъ, опредълялся идеальной единицей измъренія, а именно такимъ пространствомъ земли, на которомъ можно было посвять четверть ржи, при чемъ цифру пожалованія нужно умножить на 3, такъ какъ цифра эта назначалась для одного поля, а господствующей системой было трехнолье. Такимъ образомъ, какой нибудь Евлевскій получалъ окладъ земли «100 четей (четвертей) въ поль, а въ дву потому жъ». При отсутствии рабочихъ рукъ Евлевскійпервозаимщикъ не могъ распахать всей земли и обрабатывалъ только часть ея, но сохраняль право на всю дачу. Дъти его, если дъло происходило послъ того, какъ правительство вынуждено было признать право наследованія поместья, получали землю, которой быль испомъщень отець. Они приступали къ дълежу ея; при этомъ дълили только расчищенную пашню; если этой земли не хватало, то расчищали еще извъстный участокъ и дълили его. При дъленіи смотръли, чтобы, кромъ количественнаго уравненія, вся земля была уравнена и качественно. Отсюда объяснение чрезполосицы въ однодворческихъ селеніяхъ. Надълы дътей были равны всегда, но количество земли у внуковъ было уже разное. Это зависьло отъ состава семьи детей первозаимщика. Объяснимъ это на примъръ: положимъ, что у какого нибудь Завалишина первозаимщика было 150 четвертей, а семья его состояла изъ двухъ сыновей. Тогда на долю каждаго сына придется по 75 четей, то-есть поровну; у перваго сына было двое мальчиковь, а у второго трое (про дочерей мы не будемъ говорить, чтобы не осложнять вопроса); понятно, что на долю каждаго мальчика перваго сына придется больше, чтмъ на долю второго.

Обыкновенно, какъ я выше сказалъ, первозаимщикъ и даже его дъти обрабатывали часть всей семли; остальная лежала впусть. Допустимъ, что у Завалишиныхъ оставалось еще значительное количество земли необработанной, и что готовой нашни для рода не хватало... Тогда родичи выбирали извъстный клинъ и дълили его между собой, но какъ? Пропорціонально своему праву на опредъленное количество четей и сохраняя качественное уравение земли и т. д. Теперь читателю станеть понятно опредъление четвертного права, данное г. Благовъщенскимъ: «четвертное право есть долевое право владънія землей, основанное на счетъ четвертей, дошедшихъ до владъльца по наслъдству или другимъ законнымъ путемъ». Я описаль самую простую общину (по Благовъщенскому) четвертныхъ владъльцевъ. Изъ этого описанія видно, что 1) эта община родовая; 2) четвертное землевладъніе есть родовое владъніе по своему происхожденію; 3) порядокъ наслъдованія земли — 23

«ИСТОР. ВЪСТИ.», ФЕВРАЛЬ, 1900 г., Т. LXXIX.

главное основание родовой общины, и 4) размъръ полосъ земли, при надлежащей четвертному владъльцу, опредъляется илодовитостью отдъльныхълиній рода.

Такимъ ооразомъ, сравнивая эти выводы съ положеніями, выставленными г. Благовъщенскимъ въ статъъ «Юридическаго Въстника», мы должны отмътить одно ръзкое измъненіе, на которое впрочемъ указываетъ и самъ авторъ въ своемъ новомъ изслъдованіи на стр. 46, а именно размъръ полосъ опредъляется не близостью родства владъльцевъ къ первозаимщику, а плодовитостью отдъльныхъ линій рода.

Мы коснулись однодворческой общины, въ которой былъ первозаимщикъ одинъ, но г. Благовъщенскій указываетъ такія общины, гдъ ихъ было два, три и больше, кромъ того, онъ говорить еще про общины, гдъ была «многодворная заимка съ товарищи». Въ первомъ случат порядокъ землевладънія оставался тотъ же, но только усложнялся тъмъ, что дълились уже по четвертному праву потомки не одного первозаимщика, а нъсколькихъ. Другими словами каждый новый участокъ дълился на полосы въ дачу (1 саж.) или въ 2 дачи, 1/2 дачи, и на долю каждаго члена всъхъ родовъ приходилось столько этихъ полосъ, на сколько четей земли онъ имълъ право. Въ вгоромъ случать дъло обстояло нъсколько иначе. Курскіе статистики по Тимскому утаду увъряютъ, что каждый первозаимщикъ получалъ особнякъ, слъдовательно землевладъне здъсь было участковое. Но г. Благовъщенскій утверждаетъ, что и здъсь былъ надълъ поярусный.

Общину г. Благовъщенскій опредъляеть довольно своебразно. Община, по его мнънію, есть понятіе юридическое, а не экономическое, какъ обыкновенно принято думать. Поэтому «община», -- говорить онь, -- «есть такая форма общежитія, при которой группа семей связана между собой единствомъ юридическаго основанія своего земледълія». Естественно, что, придерживаясь такого опредъленія, легко подвести подъ это понятіе всякое крестьянское общежитіе, но несомивнно и то, что подобное опредъленіе вносить большую путаницу; самъ авторъ очень часто не выдерживаетъ его. Возвращаясь къ прежнимъ выводамъ автора, мы должны отмътить новое измънение во взглядахъ автора. Если община, гдв находился одинъ первозаимщикъ, должна считаться родовой, то въ общинахъ съ нъсколькими первозанищиками родовой связи быть не можеть. Такую общину авторъ называеть четвертной. Наконецъ, община, гдъ была «многодворная заимка со товарищи», хотя здъсь каждый дворъ и представляетъ собой всё зачатки родовой замкнутости, уже носить въ себъ всъ признаки сосъдской душевой общины. Чтобы покончить съ изложеніемъ взглядовъ г. Благовъщенскаго на четвертное землевладъніе, мы должны указать на замкнутость такого рода общинь (родовыхъ и четвертныхъ), на невозможность при естественномъ ходъ ея развитія проникнуть въ нее кому нибудь, кром'в зятьевъ.

Вотъ въ краткихъ и грубыхъ чертахъ содержание четвертного права, какъ оно произошло. Разсказыватъ исторію развитія его и вліянія на него правивительсва мы не станемъ, не коснемся мы и самой интересной стороны изстъдованія г. Благовъщенскаго —колонизаціоннаго движенія однодвордевъ. Отно-

сительно колонизаціи однодворцами Воронежской губерніи есть хорошая работа Германова «Постепенное распространеніе однодворческаго населенія въ Воронежской губерніи».

Возвращаясь къ выше сказанному, мы прежде всего должны упрекнуть автора въ тенденціозности и удивительномъ нежеланіи сводить счеты съ предыдущими изслъдователями.

Тенденціозность автора сказывается на каждой струниць. Горячій приверженецъ чрезполосицы и общины, г. Благовъщенскій позволяеть себъ неумъстныя выраженія -- это бы еще ничего -- но и натяжки, разъ дёло касается одного изъ этихъ явленій. Самымъ яркимъ примъромъ можетъ служить толкованіе авторомъ договорной записи между помъщиками деревни Роговой о размежеваніи чрезполосной земли. Вообще въ учени автора объ общинъ масса спорныхъ пунктовъ, такъ что каждый неспеціалисть должень очень осторожно принимать выводы г. Благовъщенского. Мы не согласны съ взглядомъ автора на земельную политику Петра I и Екатерины II, мы не понимаемъ негодованія автора противь закона 1866 года объ отчуждаемости однодворческихъ земель. По нашему митню, этотъ законъ былъ единственнымъ выходомъ изъ страннаго положенія, въ которомъ очутилось правительство послѣ запрещенія продажи однодворческихъ земель. Автору, конечно, хорошо извъстны массовыя судебныя кляузы, возникавшія изъ-за этого запрещенія, изв'єстно, что правительство вынуждено было въ 1798 году (П. П. С. 3. № 18676) всъ судебныя дъла однодворцевъ между собой относительно земли уничтожить, оставивъ ихъ при томъ владеніи, которое они имели во время генеральнаго размежеванія или до начала тяжбы. Вообще, однодворцы всегда обходили законъ о неотчуждаемости земель, и ихъ заявленія въ Екатеренининскую комиссію, чтобы отдавать даже вь солдаты тыхь изь нихь, которые продавали свои земли, были лишь один слова. Повторяемъ, книга г. Благовъщенскаго въ высшей степени интересна въ теоретическомъ отношеніи, она очень важна и въ практическомъ такъ какъ полутора-милліонное населеніе владбеть землей на четвертномъ, правъ, а у насъ до сихъ поръ еще нъть опредъленія и объясненія этого права, но къ ней надо относиться осторожно. Что же касается упрека, сдъланнаго мною г. Благовъщенскому за излишнюю развязность, чтобы выразиться поскромите, языка, то онь этого болбе, чтмь заслуживаеть. Я приведу только одно мъсто, а ихъ множество разбросано въ изследовани г. Благовъщенскаго, и пусть читатель самъ ръшить, умъстны ли подобныя выраженія въ научномъ трудъ. На стр. 146 читаемъ: послъ изданія закона объ отчуждаемости однодворческихъ земель «началась кабацкая оргія: земли родовой общины стали сосредоточиваться вы рукахъ мірождовъ и сосредоточиваться за безцінокъ. Посторонніе элементы, въ видъ виноторговцевъ, ссынщиковъ, краснорядцевъ, крупныхъ арендаторовъ, начали, вторгаться въ эту общину и мутить ея исконные устои своею кабацкою «цибулизаціей» (!?)». Нельзя вообще позавидовать и языку г. Благовъщенского: «но... указъ имъетъ громадиъйшее значеніе, и не совстви ладно (1), что онъ изданъ за подписомъ сената», или «усилено иногда», «наборъ (то-есть, рекрутскій) смотръль (!) только за тъмъ, чтобы» ит. п. Г. Галланинъ. 23*

Церковный соборъ въ Москвъ 1682 года. Опытъ историко-критическаго изслъдованія. Николая Виноградскаго. Смоленскъ. 1899.

Созваніе церковнаго собора въ Москвъ въ 1682 г., по мнѣнію г. Виноградскаго, стояло въ связи съ общимъ планомъ государственныхъ реформъ, задуманныхъ въ царствованіе Феодора Алексъевича. Воспатанный въ «непорушномъ древлемъ благочестіи», окруженный съ малолѣтства церковными книгами, образами, женщинами-богомолицами и монахами, Феодоръ Алексъевичъ считаль заботу о церкви своею первою обязанностью и потому поставиль въ первую очередь планъ переустройства и преобразованія существовавшихъ порядковъ церковно-общественной жизни. На обсужденіе отцовъ собора царемъ предложень былъ цѣлый рядъ вопросовъ «о устроеніи вновь архіерейскихъ епархій и исправленіи дѣлъ, касающихся до церковнаго всякаго благочинія»; «отвѣты» отцовъ собора даютъ довольно обильный матеріалъ для характеристики нравовъ и быта русскаго общества конца XVII вѣка, благодаря чему пзслѣдованіе г. Виноградскаго, внимательно разобравшаго соборныя опредѣленія именно со стороны ихъ церковно-бытового значенія, представляєть значительный интересъ.

Начальныя страницы своей книги г. Виноградскому пришлось посвятить обзору архивныхъ матеріаловъ, откуда почеринуты свъдънія о соборъ. Не особенно привлекаетъ вниманіе читателя и глава первая, гдъ идетъ ръчь о времени и мъстъ соборныхъ засъданій, о личномъ составъ собора, о ходъ дъла на засъданіяхъ и т. п.

Зато, начиная со второй главы и вилоть до конца, изследование читается сь возрастающимь интересомь. Немалая заслуга въ этомь отношении принадлежить автору: онъ сумъль оживить свой разсказь очень талантливыми экскурсіями въ область тъхъ исторических условій, которыми вызваны были царскія предложенія собору, не забыль сказать и о томь, въ какой формъ проведено было на практикъ то или другое постановление собора, насколько оно оказалось жезнеспособнымь, каковы были его послъдствія - словомь, представиль дъянія собора въ широкой исторической нерспективъ. Такъ, по новоду предложенія царя объ увеличеній числа архіерейских в канедръ и протеста противъ этого проекта засъдавшихъ на соборъ отцовъ, боявшихся умаленія архіерейскаго величія, — г. Виноградскій попутно приводить любопытную справку, какъ зародилось и увеличилось это величіе, которому столь суровый ударь нанесень быль истровскимь регламентомь, вь какихь формахь оно находило свое вибшнее выражение, и туть же, кстати, упоминаеть о техъ жалобахъ, которыя тогда уже раздавались по адресу архіереевъ за ихъ тщеславіе («Корнилей, митронолить тобольскій, сділаль себ'я карсту новапленную и гді ему вхати иять версть и ради колесницы вздить околнею дорогою двадцать версть»...). Разбирая соборныя опредъленія о расколь, г. Виноградскій приводить данныя о тогдашней распространенности раскола, говорить о безсили тогдашняго совершенно невъжественнаго духовенства вліять на расколь мърами словесного убъжденія, передаеть проникнутый злобной проніей разсказь старца Авраамія о томъ, какъ его «увъщеваль» митрополить Кругицкій Павель (... «святитель, бользнуя о мив, исповъдаль брады моея, кръпка ли есть, чтобы бы было за что держати, егда стансть десницею своею благословаять, въдая свое кръпкое благословенье, сего ради держа мя, чтобы не пошатился отъ сего благословенія и о помость полатный не ушибся; егда исповъдаль браду мою, начать десницею своею по ланитамь моимь довольно мя благословляти, да и по носу довольно мя благословиль»...). Особенно же интересень разсказъ о тъхъ нестроеніяхъ въ жизни чернаго и бълаго духовенства, которыми вызваны были соборныя опредъленія, направленныя къ поддержанію церковной дисциплины (гл. V и VI). Нисколько не сгущая красокъ, не расплываясь въ многословіи, авторъ сумъть въ немногихь, но яркихъ и выразительныхъ чертахъ вполит обрисовать тогдашнее состояніе порочнаго отъ праздности и бездъйствія монашества и забитаго матеріальной нуждой приходскаго духовенства, аргументируя свои достаточно безотрадные выводы умъло подобранными историческими свидътельствами.

Въ оцънкъ результатовъ соборныхъ опредъленій авторъ въ общемъ стоитъ на правильной точкъ эрънія, признавая, что большинство ръшеній остались въ области благихъ начинаній, мало коснувшись жизни. Вирочемъ, въ частныхъ заключеніяхъ авторъ оказался не свободенъ отъ нѣкоторыхъ преувеличеній. Такъ, напримъръ, постановление собора 1682 года о пограничныхъ православныхъ жителяхъ Иольши онъ считаетъ «однимъ изъ узловъ, которыми оторванная юго-западная Русь постепенно закрёплялась воедино съ своею единовърною съверо-восточной половиной» (112). Едва ли. Соборное опредъленіе разрѣшаеть архіереямь посвящать «іереевь въ зарубежные городы державы колей Полского и Свъйского, буде которые благочестивые учнуть того желать, а скажуть, что церковь благочестивая стоить пуста, а священника итть, и положать о томь свидетельство» --- и только; постановка даннаго вопроса скоръе всего вызвана была тъмъ, что архіерен порубежныхъ епархій, въ виду недавнихъ войнъ съ Польшей, колебались, имъютъ ли они право поставлять священниковъ и выдавать антиминсы за границу. Да и последующія обстоятельства вовсе не дають основаній разсматривать вопрось о зарубежныхь священникахъ на соборъ 1682 г., «какъ одинъ изъ немаловажныхъ моментовъ въ исторіи возсоединенія уніатовъ и обрустнія юго-западной Россіи» (111). Не совству также убъдительна аргументація автора въ защиту той «доли пользы», которую принесли соборныя опредъленія 1682 года для сокращенія пропаганды раскола, да и «доля пользы» болье чъмъ сомнительна. Всъ разсужденія г. Виноградскаго построены на той скользкой мысли, что, не будь суровыхъ постановленій о привлеченій раскольниковъ къ «градскому суду», число отпаденій въ расколь могло бы еще болье увеличиться, а пропаганда раскола вестись еще смълъе, чъмъ то было на самомъ дълъ. Но съ равнымъ удобствомь и во всякомь случать съ большею основательностью можно было бы взять подъ защиту и такую проблемму, что, не будь прописанныхъ соборомъ 1682 г. репрессалій, ожесточеніе старообрядцевъ противъ никоніанства само собой испарилось бы, не разжигаемое виблиними причинами, и раскоть находиль бы все менъе адентовъ.

Въ приложеніяхъ (1—64) напечатано нѣсколько цѣнныхъ документовъ, впервые извлеченныхъ изъ разныхъ рукописныхъ собраній. К. Х.

Извъстія Русскаго археологическаго института въ Константинополь. IV. Выпускъ 1-й. Софія. 1899.

Русскій археологическій институть въ Константинополь, основанный въ 1895 году, ежегодно знакомить публику со своею дъятельностью посредствомъ «Извъстій», выходящихь въ свъть періодически. Предъ нами теперь первый выпускъ четвертаго тома, напечатанный въ Софіи въ минувшемъ году. Здъсь помъщено шесть статей различнаго содержанія.

На первомъ мъстъ находится статья директора института, О. И. Успенскаго, подъ названіемъ: «Наднись царя Самуила» (стр. 1—4). Літомъ 1898 года Константинопольскій институть, во главъ со своимь директоромь, совершиль археологическую экскурсію по Западной Македоніи. Здівсь, въ селеніи Германъ, по близости отъ озера Пресны, открытъ славянскій намятникъ первостепенной важности. Это --- надгробная плита, найденная, какъ говорять мъстные жители, при постройкъ новой церкви въ 1888 году и имъющая славянскую надиись. По продольной лини плиты высъчены три креста, по бокамъ коихъ замътны пробонны, указывающія на то, что сохранившіяся нынъ углубленія сдёланы были для металлических в крестовь, прикрыпленных в къ плить гвоздями. Надпись выбита не по всей плить, а занимаеть только верхній уголь ея. Содержаніе надписи свидетельствуєть, что мы имбемъ здёсь дёло съ семейной усынальницей болгарской династіи X въка Шишмановичей, и что скромная церковь села Германъ скрываеть подъ собою могилу, можеть быть, самого болгарскаго царя Самуила I (976—1014). Надиись заключаеть въ себъ слъдующее чтеніе: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа азъ Самуиль рабъ Божій полагаю намять отцу и матери и брату на крестъхъ сихъ имена усопшихъ Никола рабь Божій Марія Давидъ написа въ лъто отъ сотворенія міра 6501 (993) индикть 6». Надиись имъеть важный филологический и историко-литературный интересъ, такъ какъ это есть живой памятникъ славянскаго языка и письма той эпохи, отъ которой не сохранилось или, по крайней мъръ, до сихъ поръ не открыто памятниковъ. Поэтому надпись 993 года ставить на очередь новые вопросы по славянской палеографін и филологіи, восполняя весьма существенный пробъль въ этомъ отношении между языкомъ перевода священныхъ книгь на славянскій языкь и литературными памятниками XI—XII стольтій. Независимо отъ того надпись бросаеть нъкоторый свъть на культурное состояніе этой совству темной эпохи славянской исторіи. Уже самое примъненіе славянскаго языка къ такимъ обиходнымъ потребностямъ, какъ начертаніе надгробной надписи, есть факть весьма важный въ разсуждении эпохи болгарскаго царя Самуила, которая чрезъ изученіе сохранившихся и скрывающихся подъ землею памятниковъ въ Пресит ждетъ еще своего разъясненія и оптики. Въ высшей степени любопытно, наконецъ, и то обстоятельство, что царь Самунль чтить здъсь намять лишь трехъ членовъ своей семьи: отца, матери и брата Давида. Ясно то, что всъ эти лица погребены въ одной усыпальницъ, въ церкви села Германъ. Почему здъсь не упомянуты братья царя Моисей и Ааронъ, которые въ 993 году, повидимому, уже не были въ живыхъ, сказать трудно. Гораздо любопытиве то, что отецъ Самуила Шишманъ является въ надписи подъ пменемъ Николы. Допуская, что это было монашеское имя Шишмана, можно бы высказать догадку, что тяготъющее надъ Самуиломъ обвинение въ убійствъ отца неосновательно. Таково краткое суждение почтеннаго нашего ученаго о литературно-историческомъ значении надписи царя Самуила 993 года.

На второмъ мъсть находится статья профессора Т. Д. Флоринскаго, содержащая въ себъ «Нъсколько замъчаній о надписи царя Самуила» (стр. 5—13).

И третья статья, принадлежащая болгарскому автору, д-ру Л. Милетичу, касается надписи царя Самуила и доказываеть, на основании доводовъ историческихъ и палеографическихъ, древность употребленія кириллицы въ Болгаріи и особенно въ югозападной ея части.

Четвертая статья принадлежить П. Н. Милюкову и озаглавливается такъ: «Христіанскія древности Западной Македоніи. По матеріаламъ, собраннымъ Русскимъ археологическимъ институтомъ въ течене лътней экскурсии 1898 года» (стр. 21—151). Означенная экскурсія имъла своею задачею изследовать въ Западной Македоніи церковныя зданія, фрески и надписи христіанской и особенно славянской эпохи. Она побывала въ разныхъ городахъ и мъстностяхъ, примъчательныхъ въ томъ или иномъ отношении. Всюду экскурсія обозрѣвала древнія постройки, списывала надписи, фотографировала фрески, осматривала древнія рукописи. Результаты этихъ обследованій и изысканій и предложены въ стать т. Милюкова, при чемъ авторъ, конечно не могь дать въ своей стать полнаго и подробнаго описания всего видъннаго и изследованнаго, но лишь кратко обозреть собранный экскурсіей матеріаль, отмътивъ лишь болъе важное и существенное и предоставивъ детальное изученіе македонскихъ древностей будущимъ изследователямъ. Въ виду того, что у насъ до послъдняго времени не было даже общаго описанія македонской старины, статья г. Милюкова имъеть безспорное значене, тъмъ болъе, что нашъ авторь вь заключени статьи пытается систематизировать собранный экскурсією матеріаль и распредълить его по группамъ. Онъ, между прочимъ, сообщаеть, что архитектурные намятники (церкви) обследованнаго края наиболъе многочисленны, и древнъйшіе изъ нихъ относятся къ X и XI въкамъ («великая церковь» на островъ Аиль и соборная церковь въ гор. Охридъ). По своему внутреннему устройству они раздъляются на три типа. Древнъйшія фрески относятся къ XII въку (фрески Нерешскаго монастыря), а скульптурные памятники, можеть быть, даже къ VII въку. Содержится въ Македоніи обильный матеріаль и для исторіи костюма вь XIV въкъ, а также эпиграфическій и церковно-историческій. Къ статьъ г. Милюкова приложены 32 цинкографіи, изображающія наиболье примъчательные памятники македонской старины, описанные нашимъ авторомъ.

Слъдующая, иятая, статья написана секретаремь Русскаго археологическаго института въ Константинополъ Б. В. Фармаковскимъ и касается «Лески книдянъ въ Дельфахъ» (стр. 152—185), т.-е. портика или галлерен, выстроенной въ Дельфахъ и посвященной Аполлону жителями дорійской колоніи въ Малой Азіи— Книда. Эта леска открыта недавно, благодаря изыска-

ніямъ французской археологической школы въ Аоинахъ, и представднетъ огромный интересъ, потому что была украшена картинами художника Полигнота, который вмъстъ съ Фидіемъ стоитъ во главъ греческаго искусства V въка до Рождества Христова. Г. Фармаковскій въ своей статъъ и занимается описаніемъ вновь открытой лесхи книдянъ и разъясненіемъ ея назначенія.

Наконецъ, въ шестой статъв, написанной греческимъ ученымъ М. Параникою на греческомъ языкв, сообщается о состоянии города Трапезунта въ XIV въкв (стр. 186—203).

Такимъ образомъ, первый выпускъ четвертаго тома «Извъстій Русскаго археологическаго института въ Константинополъ» содержить въ себъ немало новаго и любопытнаго для археологовъ и историковъ матеріала. Σ .

Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Настольная и дорожная кинга для русскихъ людей. Подъ редакціей В. П. Семенова и подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова и В. И. Ламанскаго. Спб. 1900.

Издательская фирма А. Ф. Девріена, давно уже извъстная своими прекрасными изданіями по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, въ послъдніе годы стала значительно расширять кругъ своей дъятельности и перешла къ общимъ трудамъ по изученію нашего обширнаго отечества. Однимъ изъ первыхъ шаговъ почтенной фирмы на этомъ поприщъ является нынъ выпущенная въ свътъ книга, заглавіе которой выписано нами со всею подробностью въ началъ нашей библіографическей замътки.

Цъль книги въ высшей степени важная и полезная: дать въ руки каждому строго-научное, общедоступно-изложенное и недорогое по обіе, которое могло бы послужить необходимою справочною книгою «не только путешествующимъ по Россіи съ общеобразовательными, промышленными и иными цълями», но и просто удовлетворить потребностямь «любознательных» людей, которые пожелають познакомиться съ той или другой частью Россіи не по однимъ только сухимъ даннымъ учебника или путеводителя»... Планъ книги задуманъ широко и осмысленно. Онъ разбиваетъ общирный и разнообразный матеріаль по изученію Россіи на 22 отдъльных тома, приблизительно такъ: 1) Московская промышленная область и верхнее Поволжье, 2) Среднерусская черноземная область, 3) Озерная область, 4) Съверь, 5) Прикамье, 6) Ураль, 7) Нижнее Поволжье и Заволжье, 8) Малороссія, 9) Заднъпровье, Волынь, Подолія, 10) Верхнее Поднъпровье и Бълоруссія, 11) Литва, 12) Привислянскій край, 13) Прибалтійскій край, 14) Финляндія, 15) Новороссія, 16) Кавказь, 17) Западная Сибирь, 18) Средняя и Восточная Сибирь, 19) Киргизскій край, 20) Туркестанъ, 21) Арало-Каспійскій край, 22) Пріамурская и Тихо-Океанская окраины. Свёдёнія, сообщаемыя вь каждомъ томё, распредёляются въ стедующихъ главныхъ отделахъ: І. Природа. II. Населеніе. III. Замечательныя населенныя мъстности. Въ видъ дополненія къ каждому тому будуть прилагаемы необходимые для поясненія текста рисунки, карты, отпечатанные красками, картограммы и діаграммы, а вь концѣ тома-указатели

главныхъ источниковъ, географическихъ названій, именъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ книгъ.

Нынъ вышедшій нервый томъ «Россіи» представляеть собою прекрасное подтверждение того, что объщаеть программа всего изданія. Это-книга in 8°, въ 30 печатныхъ листовъ четкой и убористой печати, съ 74 иллюстраціями-24 діаграммами, картограммами, схематическими профилями, одной большой справочной и шестью малыми картами. По содержанию своему, этоть объемистый и прекрасно, съ особеннымъ тщаніемъ, изданный томъ обнимаеть «Московскую промышленную область и верхнее Поволжье», т.-е. губерній: Московскую, Калужскую, Тверскую, Ярославскую, Владимірскую, Костромскую и Нижегородскую. Описание мъстностей, разсматриваемыхъ въ этомъ томъ, весьма обстоятельно и разнообразно; оно представляеть собою рядъ отдъльныхъ, самостоятельных статей, принадлежащих перу талантливых в молодых ученыхъ, работающихъ подъ общей редакціей В. П. Семенова и руководствомъ ого отца, извъстнаго всей Россіи вице-предсъдателя Императорскаго Русскаго географическаго общества. Изложение просто, толково и нимало не утомительно, хотя и изобилуетъ множествомъ медкихъ подробностей, терминовъ и собственныхъ именъ. Историческая часть книги, по достоинствамъ и свъжести собраннаго въ ней матеріала, не уступаеть географической и естественно-исторической части. Каждый, кто вздумаеть знакомиться съ извёстною областью нашего отечества по изданному тому «Россіп», найдеть въ ней несомнънно всь необходимыя свъдънія и получить полное, разностороннее и основательное понятіе о данной мъстности въ ея настоящемъ и прошломъ. Нужно ли добавлять къ этому, что книга, изданная фирмою А. Ө. Девріена, при всъхъ своихъ внутреннихъ и внъшнихъ достоинствахъ, поражаетъ еще однимъ свойствомъ, ръдкимъ въ русскихъ книгахъ, а именно своею чрезвычайною дешевизною: она стоить всего 1 р. 75 к. П. Полевой.

Е. Варбъ. Одно изъ нашихъ центральныхъ просвётительныхъ учрежденій. (Очерки Румянцевскаго музея). М. 1899.

Названная книжка принадлежить перу умершаго не такъ давно журналиста г. Браве, извъстнаго публикъ больше подъ передъланною имъ фамиліею «Е. Варбъ». Объемомъ она не общирна, всего 82 страницы, но по содержанию весьма интересна, а потому вполнъ заслуживаетъ вниманія печати.

Авторъ въ началъ брошюры даетъ довольно върную и совершенно безпристрастную характеристику основателя музея гр. Ник. Петр. Румянцева, а затъмъ подробно разсказываетъ исторію этого учрежденія. На этой-то части книжки мы и остановимся.

Въ жизни музея различаютъ два періода: первый—петербургскій,—время безденежья и нужды,—приведшій музей къ совершенному упадку, и второй—московскій,—лучшее, свътлое время.

Мысль о «національномъ» музет появилась у его основателя не сразу, она созръвала постепенно, подъ давленіемъ многихъ факторовъ, главнымъ образомъ, изъ желанія дать возможность пользоваться своей общирной библіотекой съ

коллекціями всімънуждающимся въней. Свое книгохранилище канцлеръ «имътъ намібреніе сділать достояніемъ общества въ виді учрежденія частнаго, надлежащимъ образомъ обезпеченнаго въ матеріальномъ отношеніи и неподчиненнаго никакому казенному відомству».

Но всему этому не было суждено осуществиться: 3-го января 1826 года канплеръ умеръ, и всъ дъла по устройству музея перешли къ брату покойнаго Сергъю Петровичу. Послъдній, какъ видно, совершенно не уяснить себъ воли завъщателя и составиль проекть о передачъ всей библютеки въ руки восинтанниковъ военно-учебныхъ заведеній въ качествъ учебныхъ пособій. Очевидно, что подобная идея не могла найти поддержки высшей администраціи; особенно же воспротивился ей тогдашній директорь нажескаго корпуса, генер. Н. И. Демидовъ, который въ зашискъ къ начальнику главнаго штаба гр. Дибичу высказался за передачу музея въ министерство народнаго просвъщения. Результатъ хлопоть Демидова быль таковь: «музей быль объявлень учрежденемь, подвъдомымъ» указанному министерству; въ его же собственность перешли и самые дома Румянцева: одинъ былъ приспособленъ подъ музей, другой-предназначенъ служить источникомъ средствъ дли его содержанія. Это было въ 1828 г., а черезъ нъкоторое время, именно 23 ноября 1831 г., состоялось и публичное открытіе музея. Бюджеть его быль исчислень въ 13.000 руб., изъ нихъ казна отпускала 8.000 руб.

Изъ всего сказаннаго видно, что проектъ покойнаго канцлера былъ совершенно искаженъ, а это и было причиной всякихъ невзгодъ, увеличивающихся изъ года въ годъ по мъръ того, какъ ветшали Румянцевскіе дома: одинъ становился негоднымъ для музея, другой давалъ все меньшій и меньшій доходъ.

Нарисовавь далъе на нъсколькихъ страницахъ картину всъхъ этихъ бъдствій, г. Варбъ переходитъ къ разсказу о второмъ періодъ—московскомъ. Иниціатива перемъщенія музея въ другой городъ принадлежитъ бывшему тогда директору его, князю В. О. Одоевскому. Проектъ его, хотя и вызвалъ массу протестовъ со стороны петербургскихъ ученыхъ, все же былъ вскоръ осуществленъ. На основаніи высочайше утвержденнаго 23 мая 1861 года мнѣнія комитета министровъ музей былъ переведенъ въ Москву, съ названіемъ «Московскій публичный и Румянцевскій музеи», и помъщенъ въ извъстномъ Пашковскомъ домъ.

Составь его въ то время быль слъдующій: рукописное отдъленіе, состоящее, главнымь образомь, изь подлинниковь, сохранившихся вь спискахъ отъ XII до XVIII въка, и представляющее главную цънность графскаго наслъдія, насчитывало 810 номеровь; библіотека, уже изрядно устаръвшая и ночти потерявшая научное значеніе, состояла изь 28.744 номеровь; нумизматическая коллекція—изь 1.695; минералогическая изъ 12.419; этнографическая вмъщала 170 предметовь (главнымь образомь вещи, привезенныя изъ кругосвътнаго плаванія Крузенштерномь); въ скульптурномь отдъленіи выдълялись статуя мира Кановы и статуя Фавна, вылитая съ подлинника Мартоса.

Такимъ представлялся музей въ годъ перемъщенія его на новое мъсто. Съ этого же времени онъ началь замътно обогащаться; книги и другіе предметы частью жертвовались, частью же пріобрътались на деньги, вырученныя отъ продажи петербургскаго помъщенія.

Теперешнее состояніе музея представляется не особенно-то отраднымъ. Такъ, въ музев ощущается большой недостатокъ въ иностранныхъ изданіяхъ, какъ періодическихъ, такъ и ученыхъ; этимъ же страдаетъ и русскій отдълъ, по той простой причинв, что законъ о снабженіи музея всвии произведеніями печати, появляющимися въ Россіи, исполняется очень и очень небрежно. Далъе слъдуетъ указать на неудовлетворительное положеніе служебнаго персонала, на тъсноту помъщенія, на плохую систему каталогизаціи и на полное отсутствіе переплетовъ для громоздкихъ изданій. Всв эти недостатки не могутъ быть удовлетворены лишь въ силу неимънія средствъ.

На такую необезпеченность музея было обращено вниманіе министерства народнаго просвъщенія, и въ 1898 г. послъдовало высочайшее повельніе объ ассигнованіи на ремонть музея суммы въ 78.000 рублей. Это обстоятельство даеть право думать, что состояніе музея въ скоромъ будущемъ улучшится.

Помимо всего изложеннаго, въ брошюръ г. Варба разбросано еще много интереснаго матеріала: въ ней встръчаются біографическія данныя о бывшихъ директорахъ музея, говорится о лучшихъ системахъ книжныхъ каталоговъ и довольно подробно излагается проектъ объ установленіи книжнаго обмъна между Россіей и Франціей.

Книжка написана плавнымъ красивымъ языкомъ, которымъ отличаются вообще всъ произведенія покойнаго журналиста. В. Городецкій.

Сборникъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ делъ. Выпускъ VI. М. 1899.

Названный выпускъ начинается обширною статьею С. А. Бълокурова: «О библіотекъ московскихъ государей въ XVI стольтіи». Эта статья вмъстъ съ приложеніями вышла въ свъть отдъльнымъ изданіемъ еще въ концъ 1898 г., и объ ней въ нашей печати были уже даны своевременно отзывы.

Слъдующая статья «Сборника»—«И. А. Крыловъ и его товарищи по типографіи и журналу въ 1792 г.», принадлежить перу Н. Л. Рождественскаго, который на основаніи архивныхъ данныхъ сообщаеть довольно небезынтересныя свъдънія о первоначальной литературно-издательской дъятельности нашего знаменитаго баснописца. Въ 1792 г. И. А. Крыловъ въ сообществъ съ А. И. Клушинымъ и другими сотрудниками печаталъ въ сообтвенной типографіи журналъ «Зритель». Въ числъ статей, заготовленныхъ для этого журнала, оказались слъдующія: «Мои горячки» И. А. Крылова, «О горлицахъ» Клушина и «О женщинъ въ цъпяхъ», по предположенію автора, И. А. Крылова. Вотъ эти-то статьи и возбудили подозръніе полиціи и создали ихъ авторамъ рядъ затрудненій, о которыхъ до сихъ поръ въ печати были одни только намеки. Вмъстъ съ своими разъясненіями г. Рождественскій помъщаеть здъсь и самые документы: «Письмо петербургскаго губернатора Коновницына И. А. Зубову отъ 12 мая 1792 г.», «Объясненіе Клушина по поводу его сочиненія»

съ «отзывомъ на него Коновницына» и Паложеніе Клушинымъ своего сочиненія».

Далъе г. Бълокуровъ помъстилъ выдержки изъ «Записной книжки» Н. Н. Бантыша-Каменскаго, въ извлечени А. Ө. Малиновскаго, гдъ внесены выписки изъ архивныхъ дълъ, начиная съ 1609 г. по 1636 г. Изъ этихъ выписокъ, сопровождаемыхъ «поясненіями» издателя, узнаемъ, напримъръ, что Григорія Отрепьева имя «во иноцъхъ: было Германъ, что Борисъ Годуновъ «упоилъ себе смертоноснымъ зеліемъ», что патріархъ Германъ «удушенъ» и проч.

Подъ редакціею того же С. А. Бълокурова помъщено далъе «всеподданнъйшее донесеніе» государю императору управляющаго архивомъ А. Ө. Малиновскаго, съ приложениемъ списка служившихъ прежде въ архивъ чиновниковъ, «нынъ занимающихъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и другихъ статскихъ и военныхъ командахъ значительныя мъста», 1826 г. Этотъ документъ имъетъ безспорное значеніе для исторіи архива и былъ вызванъ назначеніемъ слъдствія по поводу нелъщихъ слуховъ касательно императорской фамиліи, распространяемыхъ двумя архивскими солдатами, которые въ то же время обвиняли и самого Малиновскаго, что и побудило послъдняго написать свое «донесеніе». Особенный интересъ представляетъ приложенная къ нему въдомость о служившихъ въ архивъ такъ называемыхъ «архивныхъ юношахъ».

Вствдъ за этимъ довольно любонытныя свъдънія сообщаетъ Г. А. Муркось объ «арабской рукониси путешествія антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинъ XVII въка», со списка, принадлежащаго библіотекъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дълъ. Самый переводъ этой рукописи быль уже сдъланъ тъмъ же авторомъ въ «Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей» за 1896—1898 гг.

Затъмъ князь Н. В. Голицынъ нослъ краткаго предвеловія, въ которомъ приводитъ весьма любопытныя извъстія о знаменитыхъ портфеляхъ» Герарда-Фридриха Миллера, исторію покупки его библіотеки и біографическія данныя о Миллеръ (особенно интересно помъщенное въ приложеніи «Описаніе службъ» нашего исторіографа), дъластъ описаніе трехъ портфелей, для того, «чтобы ноказать, въ какомъ видъ предполагается составить и издать описаніе всъхъ портфелей Миллера. Свъдънія изъ нихъ только отчасти были эксплуатированы нашими историками, и потому изданіе ихъ въ полномъ видъ представить неопъненный историческій матеріалъ.

Въ 1899 г. въ архивъ поступило цѣнное собраніе рукописей О. О. Мазурина, и среди нихъ найдены: бывшій неизвѣстнымъ доселѣ судебникъ царя Оеодора Іоанновича, составленный «по приговору 14-го іюня 1589 г. царя съ патріархомъ Іовомъ, митрополитомъ новгородскимъ Александромъ, со всѣми князьями и бояры и съ вселенскимъ соборомъ» (этотъ судебникъ, несмотря на нѣкоторые протесты, высказанные на послѣднемъ XI археологическомъ съѣздѣ, признается за подлинный законодательный памятникъ и вскорѣ будеть изданъ комиссіею печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ). и «письмо императора Александра I графу II. А. Толстому отъ 8-го сентября 1812 г.», которое здѣсь и помѣщается. До сихъ поръ письмо это было извѣстно лишь въ извлеченіяхъ и въ полномъ видѣ не было извѣстно ни

одному изъ историковъ Александра I. Такъ какъ оно довольно коротко, то мы ръшаемся его помъстить цъликомъ, съ соблюденіемъ ореографіи подлинника.

«Графъ Петръ Александровичъ!

«Время настало гдѣ вы можетѣ оказать знаменитыя услуги Отѣчеству и мнѣ. По видимому врагъ въ пущенъ въ Москву. Хотя я рапортовъ съ 29-го августа по сіе число отъ князя Кутузова не имею, но по письму, отъ графа Растопчина отъ 1 сентября черезъ Ярославль извещонъ я что княвь Кутузовь намеренъ оставить съ Армією Москву. Причина сей непонятной решимости остается мнѣ совершенно сокровенна, и я не знаю стыдъ ли Россіи она принесеть, или имеетъ предметомъ уловить врага въ сети. Въ первомъ случаѣ действія Ополченія вамъ въ вереннаго становятся на и важнейшими. Я надеюсь на привязанность вашу къ Отѣчеству и ко мнѣ, и на духъ оживляющій всехъ Рускихъ, что вы пеутратитъ ничего изъ виду дабы поразить врага и наказать его за безъ божное его вторженіе. Присемъ прилагаю рапортъ вицъ Губернатора Нижегородскаго о Тайномъ Совѣтникъ Сперанскомъ. Если онъ справедивъ то отправтъ сего вреднаго человѣка подъ карауломъ въ Пермь съ предписаніемъ Губернатору отъ моего имени имѣть его подъ теснымъ присмотромъ и отвѣчать за всѣ его шаги и поведеніе.

«Пребываю къ вамъ навсегда благосклоннымъ. Александръ».

Въ концѣ «Сборника» находимъ продолжение весьма обстоятельнаго и основаннаго на архивныхъ данныхъ изслѣдования г. Уляницкаго: «Исторический очеркъ русскихъ консульствъ за границей». «Сборникъ» вышетъ подъобщей редакцией С. А. Бѣлокурова.

В. Рудаковъ.

В. П. Горленко. Украинскія были. Описанія и зам'ятки. К. 1899.

Выпустивъ года два тому назадъ и большой томикъ «Южнорусскихъ очерковъ и портретовъ», В. И. Горленко сразу обратилъ на с об вниманіе читающей публики, какъ добросовъстный, занимательный и талантливый бытописатель дорогой его сердцу Украйны. Нынъ онъ снова выступаетъ съ небольшой книжкой «Украинскія были. Описанія и замътки», которая несомивно доставитъ удовольствіе читателямъ своимъ разнообразнымъ содержаніемъ, основаннымъ на матеріалахъ все той же билой малороссійской жизни. Отмъченныя выше качества автора — добросовъстность, занимательность и талантливость выгодно выдъляють и настоящій трудъ среди той же категоріи современныхъ историческихъ изслъдованій, и г. Горленко по всей справедливости можетъ считать нынъ свое имя упрочившимся въ литературъ. Удивительной жизненностью, тепломъ, привольемъ и мягкой поэзіей въсть отъ каждаго его очерка, и подъ его образнымъ, красивымъ и бойкимъ перомъ украинская природа, силуеты и бытовыя сцены проходять передъ читателями пестрой и красивой панорамой. Вотъ передъ нами строгіе и мужественные образы ревнителей православія —

св. Дмитрія Ростовскаго и Мельхиседека, воть она, пестрая ярмарочная толпа, а вотъ и заунывные звуки обездоленной кобзы, воскрещающие передъ нашими умственными взорами милыя сграницы былой исторической жизни русскаго юга. «А кобза звучала грустно какими-то далекими голосами, — вводитъавторъ въ свое повъствование поэтический речитативъ. Странное чувство испытываешь, проникая при помощи слъпого пъвца въ этотъ исчезнувшій міръ. Кажется, что стоишь на кладбищь, надъ вскрытыми могилами. Окружающая жизнь съ ея новыми нуждами и интересами, новымъ строемъ, такъ далека отъ того своеобразнаго, далекаго міра, что, услышавъ опять ся голоса, какъ бы пробуждаенься отъ сна. Но доведется вновь услышать, какъ бы доносящеся изъ въчности, эти отклики былого, и опять итсколько часовъ гразишь наяву подъ заунывные звуки кобзарской изсни... Прозвучавше въ тишинъ деревенскаго вечера протяжные, мърные удары постоваго колокола прервали пънье думъ и нашу бесъду...». Когда читаеть небольшіе очерки г. Горленки, точно находишься именно подъ вліяніемъ того чувства, которое отмічено имъ въ приведенныхъ словахъ, и вы дъйствительно грезите наяву и видите и слышите и «стихотворца-обывателя начала въка», и «придворнаго бандуриста», и ученыхъ богослововъ Хому, Брута и Халяву, и ръшительную, энергичную «бабушку Полуботкову», устрояющую счастливый бракъ любимой своей внучки, несмотря на всъ препятствія, чинимыя последней со стороны родного отца. Повторяю, всё «силуэты», вывед энные авторомь на свъть Божій изь далекой старины и архивнаго мрака, оживають въ его изображеніи, одъваются плотью и кровью и являются передъ читателями въ причудливой обстановкъ былой исторической жизни, върной тогдашней дъйствительности, среди той мягкой поэтической украинской природы, въ нъдрахъ которой г. Горленко почерпнулъ свои мягкія, красивыя писательскія краски. Въ заключительныхъ двухъ главахъ книжки мы знакомимся съ интересными п прекрасно выполненными біографіями и характеристиками нашихъ знаменитыхъ художниковъ — Левицкаго, портретиста Екатерининскаго въка, и Боровиковскаго, его ученика, создателя знаменитых религіозных картинъ и изображеній. Съ точки зрвнія историческаго матеріала, последніе два очерка наиболье цінны вь книжкі г. Горленки, и здісь художникь-писатель суміль достойнымъ образомъ почтить намять и увъковъчить имена своихъ двухъ земляковъхудожниковъ полотна. Отъ души пожелаемъ успъха книжкъ г. Горленки, а ему самому посовътуемъ поскоръе выступить передъ читателями съ болъе крупными историческими повъствованіями бедлетристическаго характера: для этого его таланть вполнё созрёль, умственный кругозорь сложился, и кисть пріобреда необходимую бойкость и сочность. В. Глинскій.

Ч. Ветринскій. Въ сороковыхъ годахъ. Историко-литературные очерки и характеристики. Москва. 1899.

Хотя у насъ есть нъсколько трудовъ, касающихся тъхъ или другихъ сторонъ сороковыхъ годовъ, тъмъ не менъе исторія этой эпохи нуждается еще въ детальной разработкъ, безъ чего многое въ ней остается неполнымъ и необъяснимымъ, а солидные труды, по разнымъ причинамъ, мало доступны,

такъ называемой большой публикъ. Популярной же литературы по этому вопросу у насъ почти нътъ совствъ за немногими исключеніями, къ числу которыхъ, между прочимъ, принадлежитъ превосходная книга г. Вътринскаго о Грановскомъ, достаточно оцъненная въ свое время нашей журнальной критикой. Теперь эта литература обогатилась еще одной цънною книгой того же автора, подъ заглавіемъ: «Въ сороковыхъ годахъ». Въ этой книгъ собраны статьн, касающися нъкоторыхь главныйшихъ моментовъ литературно-общественнаго движенія 40-хъ годовъ. Изъ нихъ наибольшаго вниманія заслуживаеть біографія В. ІІ. Боткина, извъстнаго въ нашей литературъ замъчательными для своего времени «Письмами объ Испаніи». Боткинъ играль второстепенную роль въ движени 40-хъ годовъ, но въ немъ особенно сказались нъкоторыя черты, свойственныя въ той или другой степени всемъ литературнымъ дъятелямъ этой эпохи. Митнія его по вопросамъ искусства, а подчасъ и по вопросамъ общественнымъ, очень характерны для своего времени. Болъе или менъе полнаго и цълаго очерка о жизни и дъятельности Боткина мы еще до сихъ поръ не имъли, несмотря на то, что матеріала для такого очерка скопилось немало. Искусно воспользовавшись этимъ матеріаломъ, г. Вътринскій даль довольно обстоятельную характеристику Боткина, придя въ концъ ея къ заключеню, что этоть другь Бълинскаго и Грановскаго «быль человъкъ не заурядный и въ своей спеціальной сферь проявиль и тонкій критическій такть, и широту пониманія». Если же не оставиль онъ по себъ глубокаго следа и сдълаль значительно меньше, чъмъ могь бы сдълать, то виною тому въ значительной степени были внъщнія условія его дъятельности въ сороковые годы. Что это были за условія, объ этомъ красноръчиво говорить введеніе въ книгу г. Вътринскаго, представляющее изъ себя довольно яркую характеристику дореформеннаго времени. Харастеристика эта составлена отчасти на основании сырыхъ матеріаловъ, разсъянныхъ преимущественно по нашимъ историческимъ журналамъ, отчасти по изследованіямъ, уже достаточно известнымъ въ публикъ.

Остальныя статьи г. Вътринскаго посвящены также и литературно-общественной дъятельности Бълинскаго, Грановскаго, Гоголя, Кольцова, В. Ө. Одоевскаго, И. С. Аксакова и А. В. Никитенки.

Книга «Въ сороковыхъ годахъ» написана изящно. Тонъ ея безпристрастный, но въ нъкоторыхъ мъстахъ горячій, особенно въ тъхъ, гдъ идетъ дъло о вопросахъ, не потерявшихъ значенія еще по настоящее время. Въ г. Вътринскомъ сказывается не только талантливый историкъ, но и публицистъ, върный лучшимъ литературнымъ традиціямъ.

О. П.

Владиміръ Стасовъ. Надежда Васильевна Стасова. Воспоминанія и очерки. Спб. 1899.

Воспоминанія и записки современниковъ извъстной эпохи всегда читаются съ большимъ интересомъ широкой публикой. Но, вмъстъ съ тъмъ, этотъ родъ литературы имъетъ, несомивнио, большое значеніе и для исторической науки, какъ яркое и живое изображеніе тъхъ событій, которыя происходили въ дан-

ную эпоху и волновали общество. Историкъ сумбетъ извлечь изъ этой, иногда безпорядочно записанной, груды воспоминаній, основныя черты, которыя служили характернымъ признакомъ того времени. Для него всв дъйствующія лица восноминаній, ихъ обстановка, работа, ихъ горе и радости будуть служить только фономь, на которомь совершались болье широкіе и, пожалуй, незамътные для обыкновеннаго читателя, исторические процессы. Само собой разумъстся, что нельзя прилагать къ подобнымъ произведеніямъ мърку чисто литературной критики и требовать отъ нихъ литературно-художественной обработки. Единственное требованіе, которое мы можемъ предъявлять къ этого рода произведеніямь, - это требованіе безусловной правдивости въ изложенін современныхъ автору событій. Другое діло, когда «записки» или «воспоминания» пишутся человъкомъ съ литературнымъ именемъ. Здъсь, несомивнио, мы вправь предъявить и всколько иныя требованія и желать не только «правдивости», но и яркаго, выпуклаго изображенія прошедшихъ событій. Такія требованія мы предъявили и къ книгъ г. В. Стасова, написавшаго воспоминанія о своей сестръ, Надеждъ Васильевиъ Стасовой, одной изъ замъчательныхъ женщинь, сыгравшей крупную роль въ исторіи высшаго женскаго образованія въ Россіи. И надо отдать справедливость г. В. Стасову, его книга читается, какъ романъ. Передъ читателемъ проходитъ цълая вереница лицъ, извъстныхъ всей интеллигентной Россіи, — благороднымъ усиліямъ которыхъ обязано то просвътительное движение, которое извъстно въ истории развития нашего общественнаго самосознанія подъ именемъ «эпохи шестидесятыхъ годовъ». Первоначально «воспоминанія» эти были напечатаны въ 1896 году въ «Книжкахъ Недъли», но въ настоящемъ отдъльномъ изданіи авторъ иное исправиль, по сдъланнымъ ему съ разныхъ сторонъ замъчаніямъ, а иное дополнилъ на основаніи новыхь добытыхъ имъ матеріаловъ. Главнымъ матеріаломъ при составленіи «воспоминаній» служили записки самой Надежды Васильевны, которая вела ихъ въ теченіе многихъ лътъ. Строго говоря, книга В. Стасова посвящена не столько жизни самой Н. В., сколько описанію техть яркихъ явленій, которыя происходили вообще въ русской жизни, и въ частности въ жизни русской женщины, на заръ той удивительной эпохи, о которой многіе пережившіе ее, не могуть до сихъ поръ говорить безъ волненія. «То была минута,— по словамъ В. Стасова. — когда въ нашемъ отечествъ новое движение загоралось, и когда отовсюду начинали выдвигаться новыя требованія»... «Подъемъ духа быль тогда всеобщій. Какое-то восторженное состояніе охватило не только молодыхъ, но даже пожилыхъ, выросшихъ при другихъ, тяжелыхъ условіяхъ и всю жизнь ожидавшихъ просвъта, а тутъ цълый сноиъ лучей освътилъ послъдне дни ихъ»... Надо прочитать книгу В. Стасова оть начала до конца, чтобы въ достаточной степени уяснить себъ то громадное значене, какое имъли для той эпохи и для последующих событий такія личности, какъ Н. В. Стасова, М. В. Трубникова и Е. И. Конради. Положительно удивляещься ихъ неутомимости и энергін при организаціи тъхъ или другихъ просвътительныхъ или благотворительныхъ учрежденій, изъ которыхъ многія существують до сихъ поръ, и среди которыхъ «Высшіе женскіе курсы» занимають нервое мъсто.

Книга издана прекрасно и снабжена портретомъ Н. В. Стасовой, писан-

нымъ въ 1884 году И. Е. Ръпинымъ и гравированнымъ на деревъ В. В. Маттэ. Кромъ того, къ книгъ приложены факсимиле Н. В., эскизъ «20-е сентября 1888 г.», написанный также И. Е. Ръпинымъ, и снимокъ съ могилы Н. В. на кладбищъ Александро-Невской лавры.

В. П. Авенаріусъ. Передъ разсвётомъ. Повёсть для юношества наъ послёднихъ лётъ крёпостного права. Спб. Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова. 1900.

За В. П. Авенаріусомъ установилась прочная и вполив заслуженная имъ репутація писателя, свободнаго оть тахъ недостатковь, какими страдаєть большая часть авторовъ беллетристическихъ произведеній, спеціально предназначенныхъ для дётей и юношества. Онъ прежде всего искренній художникъ, не позволяющий себь искажать дъйствительности для того, чтобы быть лучше понятымъ или съ цълью быть поучительнымъ. Если же его считаютъ писателемъ по преимуществу для дътей и юношества, то только потому, что онъ надъленъ талантомъ останавливать внимание на общеннтересных в явленіяхъ жизни, писать о нихъ просто и выражаться общенонятнымъ языкомъ. Это не значить, однако, что онъ пригоденъ только для дътей и юношества; его, какъ талантливаго художника, съ неменьшимъ интересомъ могутъ читать и вполнъ взрослые. Къ особенности художественнаго таланта В. П. Авенаріуса относится необыкновенная способность его увлекательно разсказывать. Все сказанное примънимо и къ повъсти «Передъ разсвътомъ». Она написана въ формъ автобіографіи. Герой, оть лица котораго ведется разсказь, описываеть свои д'ятскіе годы, проведенные въ кръпостной помъщичьей средъ, въ деревнъ. Первоначальное воспитание онъ получиль подъвліяниемь матери, мягкой и убъжденногуманной натуры, человъчно и справедливо относившейся къ людямъ вообще и въ частности къ своимъ кръпостнымъ. Мальчику недолго, однако, пришлось пользоваться такимъ благотворнымъ вліяніемъ. Рано потеряль онъ мать и очутылся въ совершенно иной обстановкъ, ничего общаго не имъющей съ прежней. Много на его глазахъ совершилось неправдъ и жестокостей, но они его не испортили. Завътъ матери и собственное горе заставили его стать на сторону обиженныхъ, которые отплатили ему лаской, въ какой тотъ, одинокій, сильно нуждался. Судьба мальчика связалась съ судьбой его учителя, криностного его отца, художника-музыканта, выдающагося человъка во всъхъ отношеніяхъ, а также и съ судьбой жены этого музыканта-нъжнаго, сердечнаго существа, получившей образование въ модномъ пансіонъ, среди помъщичьихъ дочерей, но закрвностившей себя замужествомъ съ любимымъ человъкомъ. Много неренесли эти супруги возмутительных в надругательствъ надъ своимъ человъческимъ достоинствомъ, но они не ожесточились и сумъли сохранить и развить въ мальчикъ ту искру Божію, какая была вложена въ душу его матерью.

Авторъ повъсти блистательно справился съ нелегкой задачей, такъ сказать, схватить духъ того времени и нарисовать нъсколько картинъ и лицъ, типичныхъ для дореформенной Россіи, которая подъ его талантливымъ перомъ встаетъ передъ читателемъ, какъ живая.

«нотор. въотн.», февраль, 1900 г., т. LXXIX.

Насколько обстоятельно первая половина повъсти знакомить насъ съ кръпостной Россіей, настолько вторая — съ первыми годами великихъ реформъ, когда подготовлялась самая величайшая изъ нихъ — освобожденіе крестьянъ. Рядъ живыхъ сценъ изображаетъ упорную борьбу «тьмы со свътомъ», которая велась въ провинціи «передъ разсвътомъ». Самымъ горячимъ борцемъ за «свътъ» въ повъсти является извъстный романтикъ-народникъ П. И. Якушкинъ, изображенный съ такимъ же искусствомъ, съ какимъ изображены В. П. Авенаріусомъ историческія лица въ его беллетристическихъ біографіяхъ Пушкина и Гоголя. Нъкоторые разговоры дъйствующихъ лицъ повъсти п отступленія удивительно популярно знакомятъ читателя съ ходомъ крестьянскаго дъла въ правительственныхъ сферахъ.

Послъднія главы повъсти рисують нъсколько картинъ, относящихся къ началу 1861 года, когда была объявлена воля. Особенно трогательна картина, изображающая народное гулянье 5-го марта.

Выборъ «эпохи великихъ реформъ» для повъсти, предназначенной юнопеству, дълаетъ честь В. П. Авенаріусу. Его талантливый трудъ, безъ сомиънія, тронетъ не одно сердце и немало благородныхъ мыслей возбудитъ въ молодыхъ умахъ.

О. П—въ.

Семейный университетъ Ф. С. Комарскаго. Собраніе популярныхъ лекцій для самообразованія. Курсъ первый, выпуски 1—3. Спб. 1899.

Издатель сборника лекцій подъ заглавіемъ «Семейный университетъ, Ф. С. Комарскій, предпринять этотъ сборникъ съ цѣлью удовлетворить потребности въ общеобразовательномъ систематическомъ курсѣ лекцій по всѣмъ предметамъ знанія. Потребность эта очень велика, интересъ къ самообразованію расширяется у насъ съ каждымъ днемъ. На встрѣчу этому интересу выступили въ Москвѣ—комиссія по организаціи домашняго чтенія, выпустившая свои программы на первые три года и издавшая рядъ прекрасныхъ книгъ для чтенія и самообразованія. Въ Петербургѣ тоже составлены программы для самообразованія, изданныя особымъ отдѣломъ комитега педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній. Цѣль, которую поставиль сэбѣ Ф. С. Комарскій, чрезвычайно симпатичная и заслуживаетъ полнаго сочувствія, но изданіе такого сборника дѣло очень сложное. Здѣсь не только требуется единство редакціп, тонъ всего сборника не только долженъ стоять на высотѣ современнаго уровня знаній, но онъ долженъ объединять всё курсы и отдѣлы.

Въ вышедшихъ 3-хъ выпускахъ мы находимъ 3 неч. листа химін, 12 листовъ физики, 5 листовъ анатомін, 5 листовъ антропологін, 12 листовъ всеобщей исторін и 4—русской, 4 листа всеобщей исторін поэзін, 5 листовъ исторін русской словесности, 8 -политической экономін, 3 листа уголовнаго права, 2 листа астрономін, 4 листа зоологін, 1 листъ ботаники и 2 листа неихологін животныхъ. «Лекцін» по всеобщей и русской исторін составлены проф. Трачевскимъ. Къ сожальнію, эти лекцін представляють сокращенный учебникъ того же авгора («Учебникъ исторін»), а потому, какъ «лекцін», очень скучны.

Если въ учебникъ автору не удалось выдвинуть культурно-соціальныхъ отношеній въ древнемъ міръ, то въ этихъ лекціяхъ слъдовало бы обратить вниманіе на эту сторону, тъмъ болъе, что исторія Греціи обогатилась новымъ и замъчательнымъ трудомъ Белоха (есть по-русски), сочиненіемъ Мейера, тоже переведеннымъ. Въ вышедшихъ 3-хъ выпускахъ исторія всеобщая доведена до имперіи Августа, а русская—до Іоанна III. Иное дъло курсъ всеобщей исторіи поэзіи (составленъ П. И. Вейнбергомъ). Здъсь авторъ поставилъ себъ опредъленныя рамки выбрать самыя крупныя явленія изъ исторіи поэзіи. Курсъ П. И. Вейнберга, несомнънно, является очень полезнымъ, такъ какъ у насъ, кромъ Корша и Шерра, другой всеобщей исторіи литературы нътъ, а первыя двъ слишкомъ велики для самообразованія. Написаны лекціи П. И. Вейнберга живо и читаются съ большимъ интересомъ.

Совершенно университетскій характерь имѣетъ «Исторія русской словесности», составленная А. К. Бороздинымъ. Авторъ отводитъ цѣлыхъ четыре лекціи на разсмотрѣніе основныхъ вопросовъ, чего въ другихъ курсахъ «сборника» мы не видимъ,—начиная во 1) съ опредѣленія словесности, во 2) съ указанія пріемовъ ея изученія и въ 3) съ библіографіи вопроса, чрезвычайно важной и цѣнной. По всей справедливости, авторъ высоко ставитъ трудъ Пыппна. Давъ сжатую исторію развитія словесности, какъ науки, А. К. Бороздинъ, послѣ мастерской характеристики главныхъ періодовъ исторіи русской литературы, переходить къ древнѣйшей, домонгольской эпохѣ литературы. Когда мы указывали на единство редакціи, мы имѣли въ виду какъ-разъ курсъ А. К. Бороздина, вполнѣ доступный и въ то же время выдѣляющійся своею научной постановкой. Вмѣстѣ съ интереснымъ курсомъ П. И. Вейнберга онъ дастъ много полезнаго пщущимъ самообразованія.

Издается «Сборникъ» вполнъ прилично, и цъна (10 р.) за четыре выпуска, что составитъ около 150 печ. листовъ, недорогая. Можно отъ души пожелать успъха пздателю.

П. А. К.

Царь Павель І. Историческій романь. Осдора Мундта. Спб. 1900.

Историческій романь Ө. Мундта объ императорѣ Павлѣ І въ историческомъ отношеніи весьма слабъ. Многочисленные разговоры придворныхъ лицъ и самыя событія по роману лишены критической оцѣнки. Авторъ поверхностно изучиль эпоху и не уяспиль себѣ семейной драмы въ императорской фамиліи, начавшейся съ самаго рожденія Павла Петровича, когда его царственная бабушка, Елисавета, желая воспитать внука въ старозавѣтныхъ традиціяхъ, устранила отъ него всякое вліяніе просвѣщенной матери и приготовила изъ него соперника ей; когда сама Екатерина ІІ, будучи императрицей, а Павель совершеннолѣтнимъ, видѣла въ немъ укоръ себѣ, постоянно напоминавшій ей о необходимости возведенія Павла на престоль; когда въ самомъ Павлѣ постоянно росли опасенія за свою судьбу, еще болѣе усплившіяся по мѣрѣ возрастанія при Екатеринѣ вліянія Потемкина, добившагося торжественнаго удаленія Павла отъ престолонаслѣдія въ своихъ собственныхъ интересахъ, и когда,

Digitized by Google

наконецъ, сдълавшись императоромъ, Павелъ своимъ характеромъ вооружилъ противъ себя даже самыхъ близкихъ къ себъ людей...

Эта семейная драма, конечно, легко можеть воодушевить романиста, но О. Мундть совершенно не представляеть себь ся смысла, написавь романъ точно по учебнику. Эпизодическія части его романа иногда написаны очень живо; особенно тв, гдв Потемкинъ просить императрицу отпустить его то въ монастырь, то торжественно выйти за него замужъ, а законнаго цесаревича объявить неспособнымъ къ царствованію. Хороши сцены между Павломъ I и Суворовымъ, когда постъдній своими выходками навлекаеть на себя гибвъ императора, и когда его же потомъ Павель призываеть «снасать царей», посылая противъ республиканской Франціи и т. д. Такихъ отдёльныхъ эпизодовъ, мастерски выполненныхъ, очень много въ романъ, но значительная часть его представляетъ сухое хронологическое повъствование о множествъ событий, не мотивированныхъ историческимъ смысломъ семейной драмы императорскаго дома. Кромъ того, авторъ вездъ рисуетъ Павла «ръдкой натурой» «великаго и чуднаго характера», полюбивъ которую «чувствуещь себя самого великимъ»... Такое освъщение личности Павла I мъщаетъ автору правильно понимать исторію его царствованія и обрисовать положеніе близкихъ къ нему людей, никогда не увъренныхъ въ расположении къ нимъ императора и совершенно покинувшихъ его въ тяжкій день его кончины. А. Фаресовъ.

П. И. Аландскій. Исторія Грецін. Изд. 2-е. Кіевъ. 1899.

Небольшой по объему (450 стр. in-8°) трудъ покойнаго доцента Кіевскаго университета Аландскаго вышелъ въ прошломъ году 2-мъ по смерти автора изданіемъ. Въ предисловіи своемъ издатели лекцій покойнаго своего товарища гг. Кулаковскій и Козловъ заявляютъ, что по рѣшенію историко-филологическаго факультета университета св. Владиміра подъ ихъ редакціей напечатанъ третій, онъ же и послѣдній, изъ курсовъ греческой исторіи, читанныхъ покойнымъ одновременно въ университетъ и на женскихъ курсахъ въ 1878—1879, 1880—1881, 1882—1883 учебныхъ годахъ; по ихъ же заявленію, общее теоретическое изложеніе особенно преобладаетъ въ этомъ курсъ надъ изложеніемъ фактической исторіи въ хронологической послѣдовательности.

Дъйствительно, читатель прежде всего встръчаетъ обширное введеніе, гдъ на 93 страницахъ лекторъ даетъ сводъ своихъ и чужихъ представленій объ исторіи, какъ о наукъ, говоритъ затъмъ о предметъ исторіи вообще, при чемъ онъ разсматриваетъ послъдовательно моменты и виды развитія общественности и наконецъ устанавливаетъ понятіе «всеобщей политической исторіи» и «политической исторіи національной». Заканчивается введеніе обзоромъ источниковъ для политической исторіи грековъ, при чемъ указывается на необходимость крайней осмотрительности въ пользованіи ими. Приступая къ изложенію политической исторіи эллиновъ, Аландскій даетъ эпиграфъ изъ Мабли (...«Греція представляется вселенной въ маломъ видъ, и исторія Греціи можетъ считаться за отличное сокращеніе всеобщей исторіи»). Это собственно и есть главная мысль, проходящая руководящей нитью черезъ весь

курсь. Читатель встрётить эдёсь множество общихъ для всёхъ временъ и народовъ выводовъ изъ фактовъ, занесенныхъ на страницы исторіи древней Греціи. Можно сказать, что во всемъ этомъ сочиненій авторъ гораздо больше разсуждаеть, чемь разсказываеть. Анализь господствуеть решительно надъ синтезомъ, и въ читателъ предполагается уже хорошее знакомство съ общеизвъстнымъ ходомъ событій въ жизни древней Эллады. Странно только, почему вовсе не разсматриваются политическое устройство Спарты и измъненія въ немъ; опущена и исторія внъшнихъ войнъ. Главное вниманіе авторъ обращаеть на развитіе государственнаго строя Аттики. Такимь образомь вь качествъ богатаго мыслями и обработаннаго неръдко по первоисточникамъ пособія трудъ Аландскаго, дыщащій благородствомъ независимаго, объективнонаучнаго освъщенія историческихъ явленій, можеть быть рекомендованъ всьмь, стремящимся къ шпрокому развитію и видящимъ въ исторіи не только матеріаль для запоминанія и знанія, но и стимуль къ выработкі философскипросвъщеннаго взгляда на смъну историческихъ явленій. Слогь этого сочиненія лишенъ блестокъ красноръчія, но достаточно легокъ и энергиченъ. Библіографическія указанія устарыли, хотя и довольно общирны. Массы опечатокъ также можно было бы избъжать, да и цъну изданія (1 руб. 75 коп.) понизить. И. А.

Исторія Римской республики по Момсену; переводъ Н. Н. Шамонина. Вып. І. М. 1899.

Полный русскій переводъ «Römische Geschihte» Момсена по объему и цънъ мало доступенъ для публики, а потому нельзя не привътствовать появленія въ печати сокращеннаго перевода «книги Момсена», изданнаго редакціей «Библіотеки для самообразованія». Римская исторія Момсена — трудъ научно-популярный, и какъ нельзя болъе отвъчаетъ цълямъ, которыя преслъдуетъ редакція. Художественное изложеніе—необходимое условіе успъщнаго распространеніе серіознаго научнаго сочиненія въ массъ публики. Такихъ сочиненій: научныхъ и вмъстъ съ тъмъ художественныхъ, — немного. Момсенъ же извъстный историкъ, юристъ и въ то же время крупный художникъ; изложеніе его сочиненій, увлекательное и картинное, неоцънимо, особенно въ виду педагогическихъ цълей.

«Римская исторія», вышедшая въ трехъ томахъ въ 50-хъ годахъ, перензданная семь разъ, была переведена на иностранные языки, въ томъ числъ и на русскій. Такъ какъ времени появленія книги прошло болъе 40 лътъ, то, конечно, благодаря позднъйшимъ изслъдованіямъ новъйшихъ ученыхъ, взглядъ на многое успъль измъниться; кромъ того, авторъ, горячій сторонникъ извъстной партіи, неръдко оцъниваетъ факты римской исторіи съ точки зрънія нъмецкаго національ-либерала и часто впадаетъ въ противоръчія, на что указываетъ Гастонъ Буассье въ его извъстной рецензіи въ «Revue des Deux Mondes». Г.Шамонинъ въ предисловіи предостерегаетъ читателя отъ увлеченія нъкоторыми сторонами изложенія Момсена. Сдъланныя значительныя сокращенія текста при переводъ въ общемъ не принесли значительнаго ущерба, такъ какъ пропущены

только устарълые отдълы; выпущены главы по внътней истории, содержание которыхъ встръчается въ учебникахъ, напболъе спеціальныя главы по внутренней исторіи; всъ же напболъе цънныя страницы, касающіяся юридическихъ учрежденій государства, борьбы сословій и партій, а также всъ блестящія характеристики историческихъ дъятелей и событій сохранены вполнъ.

«Псторія Римской республики» по Момсену въ переводъ Н. Н. Шамонина весьма цънное пріобрътеніе для русскаго книжнаго рынка. Первый выпускъ кончается Гракхами. Издана книга чрезвычайно изящно. Д. К. Е.

Адольфъ Гельдъ. Развитіе крупной промышленности въ Англіи. Перев. съ нёмецкаго Спб. 1899.

Названное сочинение Гельда, представителя историко-этической школы экономистовъ, есть переводъ второй части его извъстного труда: «Двъ книги по соціальной исторіи Англіи». Первая изъ этихъ книгъ, которая скоро появится въ переводъ, есть исторія идей и соціальныхъ движеній въ Англіи во второй половинъ XVIII въка и первой трети XIX. Вторая, выдъленная переводчикомъ въ отдъльную книгу, даетъ замъчательно яркую картину той эпохи соціальнаго развитія Англіи, когда въ ней совершался переходъ отъ мелкой ремесленной промышленности къ крушному капиталистическому производству.

Плучивъ массу различнаго историческаго матеріала, Гельдъ даетъ сначала характеристику стараго ремесленнаго строя, представивъ его во всей полнотъ, затъмъ переходитъ къ распаденію цехового строя и вырожденію меркантилизма. Превосходны три послъднія главы, изображающія побъду крупнаго капитала и возникновеніе фабричной промышленности, въ связи съ положеніемъ фабричныхъ рабочихъ. Выводъ, къ которому приводитъ книга Гельда, сводится къ тому, что важивайшими причинами промышленной революціи въ Англіи были расширеніе сбыта и развитіе денежнаго хозяйства.

Крупное производство есть порождение торговаго капитала, а не машины и не механическихъ движеній, явившихся лишь средствомъ для канитала. «Великая и еще не ръшенная задача заключается не только въ томъ», говорить авторъ, «чтобы привлечь рабочихъ и неимущихъ къ участію въ плодахъ увеличивающагося богатства, но въ особенности и прежде всего въ томъ, чтобы вселить въ новый господствующій классь энергическое сознаніе его политическихъ и соціальныхъ обязанностей, превратить этоть классь, по крайней мъръ, впоследствии и постепенно, изъ одигархін, более или менее безучастной, въ дъйствительную аристократію» (279 стр.) Въ концъ книги приложена очень интересная лекція Гельда, прочитанная въ Берлинъ 21 февраля 1880 г. о ремесять и крупной промышленности, гдъ авторъ доказываетъ, что старая добрая поговорка-«съ ремесломъ не пропадешь», уже не върна, что невозможно возстановленіемъ стараго цехового права возстановить и прежнее процветаніе цехового производства. Но, прибавляеть авторъ справедливо зато другое положеніе: «сь честнымь ремесломь не пропадешь», а принципь этоть можеть получить примъненіе, благодаря корпораціямъ и организаціямъ. Издана и переведена книга хорошо. K.

Полное собраніе сочиненій А. О. Погосскаго, въ четырехъ томахъ, съ портретомъ и біографіей автора. Спб. 1899.

Изданіе полнаго собранія сочиненій покойнаго Погосскаго является событіємь чрезвычайно отраднымь вы нашей народной литературь, такъ небогатой талантами. Личность Погосскаго представляеть собою такую крупную величину, таланть его быль такъ своеобразень и, къ тому же, покойный писатель потрудился такъ много для народа вообще, а для солдать въ особенности, что мы находимъ далеко не излишнимъ вспомнить еще разъ, какъ о его сочиненіяхъ, такъ и о немъ самомъ.

Тяжелую и суровую школу прошель покойный Погосскій въ своей жизни. Происходя изъ дворянъ Витебской губерніи, Александръ Оомичъ быль привезенъ, въ 1822 году, шести лътъ отъ роду, въ Петербургъ и принять въ очень богатый и аристократическій домь Марковыхь, гдѣ и получиль прекрасное начальное образование. Блестящимъ образомъ подготовленный, онъ поступилъ въ называвшееся тогда «высшимъ» училище, переименованное впослъдствін во вторую гимназію. Затъмъ, «по нъкоторымъ обстоятельствамъ», -- какъ говорить его біографъ, -- должень быль, не кончивъ курса, выйти изъ училища и, шестнадцати лътъ отъ роду, поступить рядовымъ въ одинъ ивъ финляндскихъ линейныхъ баталіоновъ... Такой крутой переходъ-изъ «высшаго» училища и аристократической среды попасть въ грубую и суровую солдатскую среду-могь бы очень легко, повидимому, сломить силы и организмъ каждаго человъка; но, къ счастію для Погосскаго, его нъжная, почти дътская, натура выдержала этотъ тяжелый переломъ, — благодаря, главнымъ образомъ, той любви и нъжности, которыми его окружила именно эта грубая и суровая среда — русскаго солдата, заботившагося о немъ, несчастномъ барчукъ, съ нъжностью няньки или доброй сестры милосердія. Самъ Погосскій приводиль, впоследстви, иесколько трогательных случаевь любви къ нему этихъ съ виду грубых в и черствых в солдатских в сердець. И воть тогда-то и зародилась, взаимно, въ самомъ Погосскомъ беззавътная любовь къ русскому солдату; любовь эта сохранилась въ немъ до конца жизни и проходить бълою нитью во всъхъ его разсказахъ и сочиненіяхъ, посвященныхъ народу вообще и русскому солдату въ частности.

Цълыхъ восемь лътъ довелось тянуть тяжелую солдатскую лямку несчастному Погосскому — и изъ нихъ первые четыре года рядовымъ!.. Когда читаешь, въ предисловіи къ сочиненіямъ А. О., о всъхъ тъхъ ужасахъ и звърствахъ, какіе существовали въ тъ времена въ арміи, при обученіи многострадальныхъ нашихъ солдатъ, то невольно изумляещься, какъ не одичалъ духомъ и не очерствъть сердцемъ талантливый юноща, попавшій въ этотъ міръ ежедневныхъ палочныхъ наказаній и прогнаній сквозь строй — за самые, иногда, маловажные проступки, въ родъ, напримъръ, запамятованія мудреной фамиліп какого нибудь начальника или самовольной отлучки изъ роты, подъ вліяніемъ тоски по родинъ... И какъ, должно быть, сильно тлъть божественный огонь въ сердцъ этого юноши, этого мальчика-солдата, если онъ не только не угасъ въ немъ, но еще и вспыхнулъ яркимъ свътомъ, какъ только представилась первая возможность, т.-е. какъ только онъ освободился отъ солдатчины!..

На литературное поприще покойный Погосскій выступиль въ 40-хъ годахъ, начавъ сотрудничать въ «Чтенін для солдатъ», гдѣ быль напечатанъ его первый разсказъ «Репетичка». Въ 1845 году онъ издаль отдѣльною книжечкою походную сказку «Жизнь безъ горя и нечали». Сказка эта имѣла большой успѣхъ,— и бывшій рядовой Погосскій, по ходатайству великаго князя Михаила Павловича, получилъ за нее отъ государя подарокъ. Затѣмъ, въ 1855 году, въ «Журналѣ для чтенія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній», были помѣщены «Солдатскія замѣтки» Погосскаго. Эти замѣтки произвели положительный фуроръ, и императоръ Александръ Николаевичъ, бывшій еще тогда наслѣдникомъ цесаревичемъ, объявиль Александру Фомичу «искреннюю благодарность».

Въ «Соддатскихъ замѣткахъ» публика впервые ознакомилась съ прекраснымъ простонароднымъ языкомъ Погосскаго. До этихъ «замѣтокъ» солдатъ нашъ не видѣтъ и не читалъ ничего подобнаго: основанія солдатской службы излагались до Погосскаго въ спеціальныхъ книжкахъ сухимъ, казеннымъ языкомъ и заучивались наизусть солдатиками, на что требовались, конечно, большія умственныя усилія; между тѣмъ, Погосскій объясняеть въ этихъ «замѣткахъ» солдату разные вопросы его службы и жизни языкомъ его же, солдатскимъ, и вполнъ понятнымъ.

Съ 1859 года Погосскій началъ писать повъсти обще-литературнаго характера и содержанія, а въ 1860 году появился его знаменитый разсказъ «Первый винокуръ». Въ томъ же году вышли его разсказы «Воскресныя школы», мысль о которыхъ далъ онъ же, Александръ бомичъ Погосскій, первый искренній радътель блага и просвъщенія народнаго, назначенный вскоръ учредителемъ и главнымъ руководителемъ этихъ школъ.

Съ наступленіемъ великой эпохи освобожденія крестьянъ, Погосскій сталь выпускать свои извъстныя книжки «Солдатской бесъды», гдъ и работаль съ тъмъ увлеченіемъ и энергіей, которыя были вообще такъ присущи его живой и всегда одушевленной натуръ. Появившимися въ это время его статьями — «Ложь—воровство», «Собачій застръльщикъ», «Отставное счастье» и «Бесъда съ сосъдомъ о шуткъ и дълъ» — молодые солдаты зачитывались съ жадностью и съ увлеченіемъ, видя въ нихъ «душевный» разговоръ своего же брата—солдата.

Съ 1867 до 1874 года Погосскій пом'єпіаль свои произведенія въжурналь «Досугь и Дело», а также и въ «Военномь Сборник'в».

Въ 1873 году А. Ө. Погосскій, въ виду особаго значенія его педагогической и литературной дъятельности, быль назначень инспекторомъ экинажныхъ школъ грамотности въ балтійскомъ флотъ. Но и это серіозное назначеніе не оторвало его отъ излюбленной имъ дъятельности, въ которую онъ вложилъ всю свою душу, — отъ изданія солдатскаго журнала «Досугъ и Дъло», — въ которомъ онъ и продолжалъ работать попрежнему, не покладая рукъ. Послъднимъ произведеніемъ покойнаго труженика была «Оборона Севастополя» — лекціи, читанныя А. Ө. въ аудиторіи Соляного городка.

Погосскій скончался скоропостижно, 26-го августа 1874 года, 58-ми льть отъ роду, полный еще силь и энергіи, по словамь его біографа, «коный

духомъ и всегда готовый приносить новыя жертвы на алгарь блага народнаго».

Сочиненія покойнаго писателя издаются довольно изящно; портреть, поитыценный при первомъ томъ, очень схожъ. И. З.

Жизнь, служба и приключенія мпрового судьи. Изъ записокъ и воспоминаній. И. Н. Захарьина (Якунина). Спб. 1900.

Въ предисловіи къ своей книгъ г. Захарьинъ, между прочимъ, говоритъ, что эти его «Записки», при своемъ первоначальномъ появленіи въ печати, въ «Русской Старинъ», были привътствованы добрыми отзывами со стороны большинства русской печати и даже польской (газета «Край»), —и это вниманіе доказываетъ, —объясняетъ авторъ, —что «скромный трудъ не пропалъ безслъдно и былъ замъченъ». О самомъ же содержаніи своего труда г. Захарьинъ говоритъ, что это — «не ученый трактатъ на тему исправленія «недостатковъ и несовершенствъ» нашихъ судебныхъ уставовъ, а равно и не легкія жанровыя «сцены» въ судейской камеръ; что въ своихъ запискахъ онъ не ограничивался однимъ лишь повъствованіемъ о своей судебной дъятельности—часто механической и формальной, —а старался изобразить и тъ условія и лица, среди коихъ проходила его жизнь и служба того времени, а равно и нарисовать, по возможности, полную картину чиновничьяго быта въ глухомъ городкъ Юго-Западнаго края, въ послъдніе годы царствованія Александра П».

Слъдуетъ отдатъ справедливостъ автору, что изображаемая имъ «картина» вышла, дъйствительно, очень полная, и на фонъ ея, въ большинствъ, нарисованы фигуры мрачныя и далеко не симпатичныя, къ каковымъ слъдуетъ отнести, прежде всего, русское чиновничество, служившее въ то время (слишкомъ 20 лътъ назадъ) въ Подоліи, а равно и православное духовенство, составлявшее, по отзыву г. Захарьина, совершенный контрастъ съ скромнымъ и трудолюбивымъ православнымъ же духовенствомъ Бълоруссіи, описаннымъ тъмъ же авторомъ въ его «Запискахъ о Бълоруссіи».

Еще болъе несимпатичными изображаются въ книгъ г. Захарьина мъстные евреи, разорившіе догла всъхъ мъщанъ заштатнаго города Хмъльника (гдъ авторъ служилъ мировымъ судьею). Исполненными глубокаго трагизма являются сцены, происходившія въ камеръ судьи, когда ему приходилось постановлять ръшенія но двойнымъ векселямъ, выданнымъ крестьянами евреямъ, давно оплаченнымъ, но подъ разными предлогами не возвращеннымъ и не уничтоженнымъ. Въ такихъ случаяхъ, судьъ не разъ приходплось постановлять несправедливыя ръшенія,—и жертвами этой несправедливости являлись исключительно крестьяне. Въ то время еще не былъ изданъ спеціальный законъ о ростовщичествъ, и безбожные вторичные иски и взысканія по двойнымъ и по давно оплаченнымъ векселямъ, вчинаемые евреями, представляли собою заурядное явленіе.

«Мы, судьи,—говорить г. Захарьинь,—вынуждены были тогда постановлять решенія, заведомо несправедливыя, противныя правде и совести. Я хорошо помню вопль жены одного несчастнаго крестьянина, присутствовавшей въ ка-

мерѣ при заочномъ разборѣ дѣла, такъ какъ мужъ ея лежалъ тяжко больной и не могъ явиться на судъ, когда я опредѣлилъ взыскать съ отсутствующаго отвѣтчика, ея мужа, 150 рублей, въ счетъ коихъ было получено всего 75, да и тѣ давно были отработаны съ процентами—возкою кирпича съ завода; я помню проклятія этой женщины, посылаемыя на голову еврея, преспокойно стоявшаго передъ судейскимъ столомъ въ ожиданіи прочтенія постановляемаго опредѣленія; а когда я прочелъ это опредѣленіе, то по злобному взгляду, брошенному мнѣ этою несчастною женщиной, я видѣлъ ясно, что она была убѣждена въ томъ, что дѣло ея рѣшено мною лицепріятно. Когда, затѣмъ, я сталъ объяснять ей по обязанности судьи, что ея мужъ можетъ просить меня о новомъ разборѣ дѣла, или же перенести его въ съѣздъ, то она громко во всеуслышаніе заявила, что будетъ жаловаться не только въ съѣздъ, но «и губернатору, и самому царю на такого судью, который судитъ не по правдѣ». Сколько нужно было имѣть хладнокровія и терпѣнія, чтобы переносить молча эти незаслуженныя оскорбленія!.. (стран. 165).

Темнотъ народной, существовавшей въ тъ времена въ гор. Хмъльникъ (и, можетъ быть, существующей и понынъ), г. Захарьинъ отводитъ также нъсколько страницъ въ своемъ интересномъ трудъ. Вотъ, напримъръ, какая сцена наблюдалась авторомъ на площади того же города, въ базарный день:

«Простой народъ, городскіе мъщане и деревенскіе мужики и бабы лъчились чаще всего у хмъльнинскить фельдшеровъ и обыкновенныхъ цирульниковъ во время базарныхъ дней и чаще всего кровопусканіемъ. Вампиры эти открыто расхаживали по базару, обвъщанные, на поясахъ, орудіями своего страшнаго ремесла—ножами и ланцетами. Однажды проходя по базару, я слышалъ, какъ одна деревенская баба давала, въ простотъ души своей, слъдующій совътъ другой бабъ, видимо больной, собиравшейся лъчиться: «Не ходи, сердце, до Берки, а идь до Зуся: бо Берка береть 40 грошей (20 к.), а Зусь только элотъ (15 к.), а крови больше выпускаетъ, чъмъ той за сорокъ грошей...». И все это происходило всего лишь въ 50-ти съ чъмъ-то верстахъ отъ мъста, гдъ, въ невольномъ вынужденномъ бездъйствіи, жилъ и угасаль яркій свъточь науки и медицины, Николай Ивановичъ Пироговъ, которому въ Винницкомъ и Литинскомъ уъздахъ Подольской губерніи принадлежали два небольшихъ имънія» (стр. 52).

Но есть и иныя картины въ книгъ г. Захарына, далеко не столь мрачныя, хотя и не менъе характерныя.

Такъ, г. Захарьинъ разсказываеть исторію, происшедшую въ его время въ томъ же городъ Литинъ (къ уъзду коего принадлежаль заштатный городъ Хмъльникъ), исторію съ удивительнымъ «ревизоромъ», командированнымъ властями для обревизованія дълъ и книгъ мъстнаго полицейскаго управленія. Этотъ эпизодъ настолько интересенъ, что мы приводимъ его здъсь въ нъсколько сокращенномъ видъ.

«Въ тъ времена въ Каменецъ-Подольскъ находился въ почетной ссылкъ, замаскированной назначенемъ на должность совътника губерискаго правленія, извъстный русскій богачъ, едва ли даже не самый богатый человъкъ во всей Россіи— П. П. Демидовъ, князь Санъ-Донато. И вотъ, чтобы чъмъ нибудь за-

нять и развлечь этого необычайнаго «совътника», ему дано было порученіе обревизовать литинское уъздное полицейское управленіе. Такъ какъ всъ ревизін принято дълать впезапно, то и объ этой, конечно, никто въ Литинъ предупрежденъ не былъ.

«Самая личность «ревизора» была изъ ряда выходящей по своей эксцентричночти и экстраординарности: при кососсальномъ богатствъ, этотъ чисто-русскій человъкъ быль въ то же время очень добрымъ, довърчивымъ и крайне лънивымъ человъкомъ—лънивымъ до того, что держалъ при себъ безотлучно очень ловкаго, умнаго и образованнаго домашняго секретаря, который не только писалъ и говорилъ за Демидова, но и распоряжался также и всъми частными дълами своего патрона въ его домъ.

«Князь Санъ-Донато выбхалъ на ревизію въ каретъ четверикомъ; сзади бхало нъсколько дополнительныхъ экипажей—съ кухнею и канцеляріей, съ поваромъ, лакеями и постелями. Литинъ отстоитъ отъ Каменца въ 150-ти верстахъ слишкомъ, и, при отсутствіи желъзныхъ дорогъ въ обоихъ этихъ городахъ, ревизору предстояло совершить свой путь по грунтовымъ дорогамъ, мъняя лошадей на почтовыхъ станціяхъ.

«Почти всю дорогу Демидовъ спалъ крѣпкимъ сномъ, и проснулся и вполнѣ опомнился только тогда, когда подъвжалъ къ самому Литину. Тутъ между нимъ и его секретаремъ, сидъвшимъ съ нимъ рядомъ въ каретъ, произошелъ слъдующій діалогъ.

- «Мы, кажется, подъвзжаемъ уже къ Литину? спросилъ ревизоръ.
- «Такъ точно, ваше сіятельство.
- «Скажите миъ, однако, что мы будемъ дълать въ этомъ городишкъ.
- «Ваше сіятельство должны будете обревизовать тамошнее полицейское управленіе.
- «Гм... Знаете ли что? возьмите, пожалуйста, эту ревизію на себя: отправляйтесь прямо въ эту полицію, обревизуйте тамъ ее какъ следуеть, а я проеду въ какую нибудь гостиницу и стану ожидать вась къ ужину.
- «Этого никакъ нельзя. Я могу дълать за ваше сіятельство все что угодно, но... ревизовать боюсь: можеть выйти уголовное дъло. Меня, наконецъ, могуть принять за Хлестакова.
- «Й, помилуйте! все это пустяки. Обревизуйге ихъ тамъ какъ нибудь—и кончено! Поймите одно: я никогда и никого не ревизовалъ въ моей жизни, даже моихъ управляющихъ,—и не знаю вовсе, какъ приступить къ этому дълу.
- «Воля ваша, никакъ не могу. Извольте уже побезпокопться сами... Это очень просто. И тутъ ловкій секретарь довольно тонко изложиль передъсвоимъ принципаломъ всю программу предстоящей ему нехитрой дъятельности при ревизіи.

«Кортежъ между тъмъ вътхалъ въ узкія и немощеныя улицы полуеврейскаго города Литина и направился, согласно приказанію Демидова, прямо къ дому, занимаемому полицейскимъ управленіемъ.

«На дворъ были уже сумерки. Карста четверикомъ, съ нъсколькими экипажами позади, остановилась у полицейского управления и произвела, конечно, надлежащую сенсацію. Старикъ сторожъ, изъ отставныхъ унтеровъ, отперъ, по требованію Демидова, комнату присутствія, а самъ полетѣть стремглавъ къ секретарю управленія, жившему неподалеку; Демидовъ же и его спутникъ вошли въ полутемный залъ присутствія и усѣлись за большимъ столомъ, на которомъ, по обыкновенію, помѣщалось зерцало. Во всемъ домѣ не было ни души.

- «Это, однако, скучно,—замътилъ Демидовъ:—кого же мы будемъ ревизовать, когда здъсь нътъ ни одного человъка?
- «Погодите, ваше сіятельство, сторожъ вѣдь побѣжалъ куда-то... вѣроятно, кто нибудь явится.
 - «Ахъ, кабы поскоръй!

«Князь, не снимая своей причудливой соломенной шляпы, досталъ сигару и закурилъ.

— «Какая здісь неудобная мебель!—замітиль онь, ворочаясь въ жесткомъ кресліт и укладывая затімь обіт ноги на столь, покрытый форменнымъ краснымъ сукномъ.

«Въ этотъ моментъ, въ присугствіе вощель секретарь полиціи, старенькій человъчекъ въ форменномъ вицъ-мундиръ, служившій въ этой должности болье 20-ти лътъ. Онъ вощелъ-и обомлълъ!.. Какъ! за присутственнымъ столомъ, на которомъ помъщается зерцало, сидить, положивъ ноги на этотъ самый священный столь, какой-то неизвъстный, страннаго вида человъкъ, одътый въ коротенькій шелковый пиджакъ, съ соломенною шляпой на головъ и съ сигарою во рту!.. Двадцать слишкомъ лъть онъ, секретарь, прослужиль здъсь и не видъть подобнаго оскверненія и поруганія присутственной комнаты полицейскаго управленія!.. Не стерпъль старикъ и не смогь молча перенести эту горькую и кровную обиду полицейской святыни! --- живо надъль онъ свой форменный съ кокардою картузъ, молча досталъ изъ кармана коротенькую трубочку, набиль ее табакомь, закуриль, подощель къ противоположному концу стола, съль въ кресло, закинуль также объ свои ноги на сосъдни стуль и, уставившись въ Демидова, сталъ поныхивать своею «люлькой»... Сторожъ стояль вытянувшись вы дверяхь и оторонёло посматриваль на эту нёмую и небывалую еще сцену...

«Князь Санъ-Донато прервалъ молчаніе первый.

- «Здравствуйте! проговориль онъ, обращаясь къ старичку чиновнику.
- «Здравствуйте! отвътиль старичекъ.
- «Вы мнъ очень нравитесь, —продолжаль князь, улыбаясь.
- «А вы мит очень не нравитесь, отвъчаль секретарь полиціи серіозно и спокойно.
- «Позвольте вамъ рекомендоваться: я Демидовъ, князь Санъ-Донато, совътникъ подольскаго губерискаго правленія.
- «А я—секретарь здёшняго полицейскаго управленія и тоже сов'єтникъ—титулярный, —отв'єчаль старичекь, кивая головою въ сторону князя, но не снимая картуза.
- «Мит поручено обревизовать ваше управленіе, сказаль, наконець, Демидовь, принявъ строгій тонъ.

— «Нечего насъ ревизовать! — ръзко отвътиль ему старичекъ секратарь: у насъ все въ порядкъ. Я служу здъсь 23 года, и никто меня никогда не ревизоваль, кромъ губернатора, да и то, это дълалось для проформы только.

«Демидовь такън просіялъвесь: —Я съвами совершенно согласенъ, вполнъ!... Знаете ли, что? — напишите-ка, пожалуйста, сами все, что нужно въ доказательство того, что я у васъ быль и ревизоваль, и принесите все это ко мнъ въ гостиницу подписать... Сегодня же, если можно, мы и покончимъ все это непріятное діло!-съ этими словами князь приняль со стола ноги, всталь съ кресла и направился къ дверямъ.

— «Прощайте, почтеннъйшій! — кивнуль онъ головою секретарю полицін,

уходя изъ присутствія.

— «Прощайте и вы!-отвътиль вслъдъ Демидову старичекъ, не измъняя позы и не выпуская «люльки» изо рта.

«Вскоръ, въ еврейскую гостиницу, гдъ остановился Демидовъ, князь Санъ-Донато, собрадись, конечно, всъ мъстныя власти съ исправникомъ во главъ. «Ревизоръ» принять ихъ очень любезно и оставиль «на чашку чая», а на другой день утромъ живо и не читая подписаль донесение губернатору объ псполненіи «возложеннаго на него порученія по обревизованію литинскаго увзднаго полицейскаго управленія»—и тотчась же увхаль обратно въ Каменепъ-Подольскъ. Этимъ и закончилась вся «ревизія»... (стр. 137—145).

Въ общемъ, книга г. Захарына представляетъ собою цъльную картину, на фонъ которой проходять и крупныя фигуры, какъ Н. И. Пироговь, К. П. П-евь, кн. П. П. Демидовъ-Санъ-Донато, гр. Н. В. Левашовъ, гр. Морковъ, — и рядомъ съ ними мелкіе «дъльцы» изъмъстныхъ чиновниковь и адвокатовь, и воинствующіе «батюшки», и евреи и разоренные ими городскіе мъщане и жители деревень — крестьяне... Написанныя живымъ и яркимъ слогомъ, «записки и воспоминанія» талантливаго писателя о его жизни и службъ въ Подоліи представляють собою такой интересный трудь, какіе появляются у нась не часто.

В.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Данте, какъ человъкъ. — Мусульманское происхождение ісзуитовъ. — Автобіографія Мильтона. — Отношенія англичанъ и голландцевъ въ прошедшемъ. — Карлъ XII въ Альтранштедтв. — Мужъ Дюбарри. — Невъдомый Латюдъ. — Нъмецкая книга объ Александръ I. — Фридрихъ-Вильгельмъ III и королева Луива. — Наполеоніана. — Придворная интрига при Людовикъ XVIII. — Верховный судъ во время іюльской монархіи. — Что видълъ Викторъ Гюго. — Изъ переписки графа Эйленбурга. — Военная служба и плънъ Поля Дерулэда. — Воспоминанія англійскихъ современниковъ. — Смерть Дроза.

АНТЕ, какъ человъкъ. Общирная Дантовская литература уже обогатилась значительнымъ вкладомъ въ немногіе дни новаго года. Одинъ изъ ревностныхъ англійскихъ изслъдователей величайшаго итальянскаго поэта, Д. Гаганъ, напечаталъ въ одномъ томъ обстоятельную біографію Данте и добросовъстный анализъ всъхъ его произведеній въ стихахъ и прозъ 1). Такимъ образомъ читатель, не прибъгая къ многочисленнымъ спеціальнымъ изслъдованіямъ, можетъ въ этой небольщой книгъ вполнъ познакомиться съ колоссальной фигурой творца «Божественной комедіи». Наибольшее вниманіе авторъ обра-

щаеть на Данте, какъ на человъка, и очень симпатично разсказываетъ то немногое, что намъ извъстно объ его исчальной, но виолить достойной жизни. Родившись во Флоренціи, въ 1265 году, Данте (сокращеніе итальянскаго имени Дуранте) Алигіери былъ сыномъ профессора права и принадлежалъ къ старинной благородной семът, не имъвшей однако большого значенія, хотя онъ самъ впослъдствіи увъряль, что принадлежалъ къ одному изъ зна-

¹⁾ The life and works of Dante Alighieri, by G. Hagan. London. 1900.

менитъйшихъ родовъ Флоренціи. Объ его матери извъстно только, что ее звали Бэллой, и даже ся фамилія остается тайной. Лишившись обоихъ родителей въ дътствъ, будущій поэтъ быль оставлень на попеченіе извъстнаго государственнаго человъка и ученаго Бруннето Латини. Подъ руководствомъ своего почтеннаго опекуна Данте пріобръть основы тъхъ энциклопедическихъ знаній, которыми блестять всв его произведенія, и развиль ихъ въ университетахъ Падуанскомъ, Болоньскомъ и Парижскомъ, гдѣ онъ преимущественно изучалъ философію и богословіе. Но такая основательная подготовка не сдѣлала его педантомь. Вернувшись изъ Парижа, онъ приняль участіе въ защить Флоренціи отъ нападенія обитателей Ареццо и сражался въ рядахъ своихъ соотечественниковъ въ битвъ при Кампальдино и при осадъ Канрины, хотя въ то время управляла Флоренціей партія гвельфовъ. Но Данте мало-помалу перешелъ въ противоположный лагерь гибелиновъ, въ которомъ находились его друзья поэты: Чино-да-Пистойя, Пидо Каваликанти и Ланно Джійани. Всъ они върили, что спасеніе Флоренціи и Италіи заключалось вы покровительствы германскаго императора, и Данте, усвоивъ себъ эту политическую теорію, проходящую черезъ всъ его сочиненія, сдълался выдающимся гибелиномъ. Между тъмъ онъ встрътилъ предметъ своей дътской любви, Беатричію Портинари, которую онъ полюбиль осымильтней дъвочкой, когда ему было девять лъть. Хотя, повидимому, онъ велъ юношей очень разгульную жизнь, подобно Шекспиру, но, увидавъ снова Беатричію, Данте воспылаль къ ней пламенной любовью. Она сдълалась его музой, и его первое произведение «Vita nuova», сборникъ поэмъ, элегій и канцонеть, носвящено исключительно этой возвышенной, цъломудренной и платонической любви. Беатричія, однако, вышла замужъ за Симона Барди и вскоръ умерла. Хотя Данте впослъдствии и женился на Джеммъ Донати, но онъ никогда не воситвалъ ее въ своихъ произведеніяхъ, какъ и Шекспиръ своей жены Анны Гитавэй, а Беатричія постоянно оставалась предметомъ его вдохновенія, такъ что въ «Божественной комедіи» она является олицетвореніемъ небеснаго откровенія. Политическая дъятельность великаго флорентинца не была счастливъе его любви. Мало-помалу онъ сдълался политической силой во Флоренци, и это было причиною всъхъ послъдующихъ его несчастій. Въ 1300 году гибелины взяли верхъ надъ гвельфами, обычно повелъвавшими надъ Флоренціей, и Данте быль поставлень во главъ новаго правленія. Мало того, что поэть сдълался правителемь, онъ еще самъ нашель нужнымъ превратиться въ дипломата и отправился въ Римъ съ цълью заручиться помощью папы Бонифація VIII. Но это посольство не увънчалось успъхомъ, такъ какъ Бонифацій держалъ сторону Гвельфовъ и побудилъ Карла Валуа, брата французскаго короля, явиться во Флоренцію и вожгановить тамь огнемъ и мечемъ власть гвельфовъ. Естественно, что Данте возненавидътъ Бонифація и, подвергнувшись изгнанію изь Флоренціи, никогда болье туда не возвращался. Туть начались его знаменитыя странствованія. Онъ жиль то вь одномь гибеллинскомь замкъ, то въ другомъ, носвящая свои досуги сочинению «Божественной комедіи». Послъ неудачной попытки гибеллиновъ въ 1304 году овладъть Флоренціей съ оружіемъ въ рукахъ, Данте отправился въ Парижъ, а когда императоръ Генрихъ VII вступиль на престоль и задался мыслью завоевать Апенинскій полуостровь,

то Данте вернулся въ Италію и сталъ всячески словомъ и перомъ подстрекать итальянских князей принять сторону императора. По всей въроятности, въ это время онъ написаль свой прозаическій трудъ: «De monarchia». Но, хотя Ломбардія и Миланъ подчинились императору, Флоренція сопротивлялась ему, и его армія разсвялась, благодаря чумв. Онъ удалился и умерь, а поддерживающій его поэть окончательно отказался оть политической діятельности. Остальные годы своей жизни Данте провель въ Веронъ и Равениъ. Когда же Флоренція предложила ему амнистію подъ условіемъ заплатить неню п подчиниться унивительному обычаю прощенія преступниковь, то онъ гордо отвъчаль: «Не такимъ путемъ я вернусь во Флоренцію. Если вы найдете для Данте способъ вернуться съ честью и славой, то онъ воспользуется имъ. Въ противномъ случать я никогда болъе не переступлю воротъ своего города. Точно я не могу видъть и въ другомъ мъстъ солнечныхъ лучей и мерцаніе звъздъ? Точно я не могу гдъ угодно размышлять о жизненной правдъ, не подчиняясь игу Флоренпін, которая хочеть лишить меня моей славы и покрыть позоромъ. Ніть, я на это не пойду, даже если бы у меня не было куска хлеба». У равенскаго князя, Гвидо Новелло, Данте нашелъ гостепріимный пріють и спокойно окончиль свою «Божественную комедію», въ которой онъ, съ одной стороны, затронуль глубочайшіе вопросы богословія и философін, а съ другой представиль картину нравственнаго и общественнаго состоянія Италіи, со всеми тогдашними элоупотребленіями, церковными и административными. Какъ первое посольство привело его къ изгнанію, такъ онъ умеръ вследствіе второго. По порученію Гвидо Новелло, онъ отправился его представителемъ въ Венецию въ 1321 году, вернулся больной и умеръ 14 сентября въ Равениъ, которая до сихъ поръ сохранила его останки, несмотря на всъ усилія Флоренціи вернуть себъ хоть мертвымъ своего величайшаго гражданина и одного изъ первыхъ поэтовъ всего свъта.

— Мусульманское происхожденіе іезуитовъ. Много было писано во Франціи противъ іезуитовъ отъ Паскаля до Мишле и Кине, но всё изучавшіе интересные вопросы: кто такіе іезуиты, откуда они происходять и куда стремятся, не вполнё разрёшили эту странную психологическую загадку. Снова за нее берется французскій публицистъ Викторъ Шарбонель, и надо ему отдать справедливость, что онъ разрёшаеть ее очень оригинально, на основаніи долгихъ, серіозныхъ изслёдованій. Озаглавивъ свою статью во второй ноябрьской книжкё «Revue des Revues»: «Мусульманское происхожденіе іезуитовъ» 1), онъ длиннымъ рядомъ фактовъ и строго логичныхъ аргументовъ подтверждаетъ свой новый своеобразный тезисъ. Какъ извёстно, Пгнатій Лойола, родившійся въ 1491, а умершій въ 1556 году, быль мелкимъ испанскимъ дворяниномъ и служиль офицеромъ въ войскахъ Карла V, но при осадё французами Пампелуны онъ получиль тяжелую рану и во время своей долгой болёзни, читая житія святыхъ, сдёлался пламеннымъ фанатикомъ. Сначала онъ провель нёсколько времени въ бенедиктинскомъ монастырё въ Монсератъ, а затёмъ поселился въ

¹) L'origine musulmane des jésuites, par Victor Charbonnel. Revue des Revues. 15 novembre. 1888.

маленькомъ гротъ близъ Монреза, гдъ написаль свой знаменитый сборникъ мистическихъ размышленій и правиль аскетической жизни. Потомъ онъ посътиль Іерусалимь и въ 1540 году основаль въ Парижѣ језунтскій орденъ, первымь генераломъ котораго онъ и состояль. Хотя его постёдователи признають до сихъ поръ, что сочинение Лойолы, послужившее основой созданной имъ могучей духовной общины, было внушено ему Богомь въ течение восьми, дней, и въ виду этого папа Григорій XV призналь его святымь въ 1622 году, но трезвые историки вполив исно доказали, что сочинение Лойолы прямо заимствовано изъ книги Дона Гарцін Цинероза. Въ настоящее же время Шарбонель доказываеть, что ученіе Лойолы и могучій ордень, служащій «мечомь католицизма, рукоятка котораго въ Римъ, а остріе всюду», заимствованы у мусульманъ. Въ концъ XV и въ началь XVI стольтія мавры были еще очень многочисленны въ Испаніи, и хотя Карль V ръщился ихъ истребить, подвергнувь всей ярости инквизиціи, но многіе католики, даже духовнаго званія, водили дружбу съ маврами, считая лучше мирными средствами перевести ихъ въ христіанство. Поэтому въ Монсератскомъ монастыръ бывали часто мавры, съ которыми монахи вели мирные духовные споры. Согласно преданіямъ, Лойола не только принималь участіе въ этихъ спорахъ, но считалъ, что онъ спеціально призванъ къ обращенію мавровь, и потому для большаго успъха своей проповъди находиль нужнымь близко познакомиться съ ихъ религіозными идеями. Разсказывають даже, что онъ однажды встретиль на дороге близь Монсерато богатаго сарацина, принадлежавшаго къ одной изъ многочисленныхъ мусульманскихъ общинъ, и вступиль съ нимъ въ пламенную распрю. Сношенія съ маврами Лойола продолжаль и во время своего путешествія въ Іерусалимъ. Въ Палестинъ онъ посъщаль мусульманскія духовныя общины и тамъ вступаль съ магометанами въ такіе ярые споры, что едва не быть убить. Еще въ XVII и XVIII въкахъ нъкоторые пламенные противники ісзунтовъ подозръвали, что основы ихъ ордена были заимствованы Лойолой изъ хорошо извъстныхъ ему мусульманскихъ духовныхъ общинъ, но, конечно, језунты всегда упорно это отвергали, и до сихъ поръ они не признають даже никакого сходства между внутреннимъ строемъ ихъ ордена и устройствомъ мусульманскихъ духовныхъ общинъ, а если въ нъкоторыхъ отношенияхъ это сходство невозможно отвергать, то они пришисывають его одной случайности. Хотя, по словамъ Шарбонеля, это сходство доказывали Кивилье и Германъ Мюдлеръ въ своихъ ученыхъ трудахъ объ ісзуитахъ, но ни они, ни даже онъ постъ всъхъ своихъ изысканий не могутъ привести прямыхъ историческихъ доказательствъ, что Лойола заимствоваль у Ислама основы своего језунтскаго ордена, но эти заимствованія фактически подтверждаются тъмъ, что именно черты, сходныя съ исламомъ, составляють его отличительный, своеобразный характеръ среди католическихъ монашескихъ орденовъ. Для подтвержденія своего тезиса Шарбонель сравниваеть ісзунтскій ордень со всеми католическими монашескими орденами и съ мусульманскими духовными общинами относительно условій вступленія въ нихъ, внутренней организаціи, подчиненности братьовь и цілей означенных учрежденій. Послушничество во всъхъ католическихъ монашескихъ орденахъ продолжается не менъе года и одного дня, а послушникъ болъе ничего, какъ ученикъ, прі-«ИСТОР. ВЪСТН.», ФЕВРАЛЬ, 1900 г., Т. LXXIX.

учающійся къ монашескимь правиламъ. Іезуиты, напротивъ, должны при поступленін въ свой орденъ подвергнуться тридцати-дневнему или сорока-дневнему искусу, въ продолжение котораго они подвергаются самымъ тяжелымъ физическимъ и нравственнымъ испытаніямъ, которыя приводять ихъ къ изступленію и галлюцинаціямъ. Такой же тридцати-дневный или сорока-дневный искусъ приписывается уставомъ мусульманскихъ духовныхъ общинъ. Въ этомъ отношенін правила у мусульманъ п ісзунтовъ одинаковыя. На основанін первыхъ послушники должны во время своихъ молитвъ «устремлять взгляды на одинъ предметь, не сводя съ него своихъ глазъ», и по језуитскимъ правиламъ точно также послушникъ обязанъ «устремлять взглядъ на одинь предметь, не сводя сь него своихъ глазъ». Мусульманскій послушникъ въ своихъ молитвенныхъ созерцаніяхъ должень «видъть, осязать, слышать, обнять и вкушать предметь своихъ созерцаній», іезуитскій послушникъ обязань «видьть, осязать, слышать, обонять и вкушать предметь своихъ созерцаній». Такимъ образомъ тождественность условій послушничества у мусульманъ и іезунтовъ не подлежить сомнънію, а слъдовательно Лойола въ этомь отношеніи является подражателемь ислама. Внутренняя организація ісзуитскаго ордена столь же ясно списана съ организаціи мусульманских духовных общинъ. Какъ мусульмане, такъ и ісзуиты имъютъ различныя іерархическія степени, чрезъ которыя проходять послушники по опредълению шейховъ и генерала језуитскаго ордена, а всъ католическіе монахи равны между собою, и послушникъ, сдълавшись монахомъ, сразу равняется всъмъ остальнымъ братьямъ. Мусульмане даютъ присягу сохраненія въ тайнъ всего, что дълается въ ихъ общинахъ, не носятъ опредъленной одежды и имъютъ братьевъ мірянъ. То же мы видимъ и у іезунтовъ: ихъ точно также связываеть присяга хранить тайну, и они никогда не носять монашеской одежды. Одинаково они имъють мірянъ братьевъ или тайныхъ іезунтовь. Ни одного, ни другого, ни третьяго не встрычается у всёхъ католическихъ монаховъ. Подчиненность братьевъ, какъ у мусульманъ, такъ и у језунтовъ опредъляется одинаковыми словами: первые обязаны слъпо подчиняться шейхамъ, а послъдніе генералу ордена, тогда какъ всъ католическіе монахи наравить съ своими настоятелями обязаны подчиняться монастырскимъ уставамъ. Даже знаменитая фраза, что језунты должны подчиняться своему генералу, какъ трупъ, дозволяющий себя поворачивать во всъ стороны, взята прямо изъ мусульманскаго правила, предписывающаго, чтобы всъ мусульманские братья повиновались пейхамъ, какъ «трупъ повинуется умывателямъ мертвецовъ». Если мы перейдемъ къ цълямъ и стремленіямъ мусульманъ и ісзуитовъ, то увидимъ столь же поразительную тождественность. Девизомъ всъхъ католическихъ монашескихъ орденовъ служить фраза «для славы Божіей, для распространенія царства Божія и его справедливости», а Лойола замъниль ее четырымя словами «для вящей славы Божіей», которую онъ прямо взяль изь корана, откуда ее также заимствовали мусульманскія братства; какъ мусульмане, такъ и ісзунты подъ своими стремленіями «для вящей славы Божіей» разумьють соединеніе власти духовной и свътской, религии и политики, съ цълью достичь для себя верховнаго господства. Однимъ изъ главныхъ орудій достиженія этого господства служить у мусульмань политическое убійство, и, какъ доказываеть исторія, ієзуиты держались всегда того же правила. Подтвердивь всёми приведенными фактами и аргументами свой тезись мусульманскаго происхожденія ісзуитовь, Шарбонель оканчиваеть свою любопытную статью указаніями и на одинаковыя послёдствія мусульманскаго и католическаго ісзуитства. Какъ то, такъ и другое растлило и уничтожило тъ страны, въ которыхъ они пользовались господствомъ. Востокъ паль, благодаря мусульманамь; южно-американскія республики и Испанія дошли до паденія, благодаря ісзуитамъ.

- Автобіографія Мильтона. Быть можеть, немногим в изв'ястно, что Мильтонъ, великій англійскій поэть, апостоль пуританизма и пламенный защитникъ республиканской идеи, написаль свою автобіографію. Вь буквальномь смыслъ этого слова, конечно, нельзя утверждать, чтобъ такая автобіографія существовала, но въ его многочисленныхъ сочиненіяхъ находится столько личныхъ воспоминаній и ссылокъ на событія его жизни, что изъ нихъ можно составить полную его біографію. За это д'єло взялся болье чымь четыреста лыть послы его смерти профессоръ Корсонъ, и въ только что вышедшей книгъ онъ напечаталь въ строгомъ хронологическомъ порядкъ сводъ всего, что Мильтонъ говоритъ о себъ, а также три его сочиненія, имъющія напболье автобіографическій характеръ: «Comus», «Lycilas» и «Samson Agonistes», съ любопытными примъчаніями 1). Скромно назвавъ свой трудъ «Введеніе къ Джону Мильтону», онъ дъйствительно составить необходимое вступленіе или пособіе къ изученію жизни и сочиненій одного изъ величайшихъ представителей англійской націи. Авторъ новъйшей біографіи Кромвеля, Джонъ Морлеси, справедливо и мътко замъчасть, что «не въ Кромвель, а въ Мильтонь, не въ воинь, а въ апостоль пуританизма надо искать самаго благороднаго, глубокаго и возвышеннаго его олицетворенія». Дъйствительно Мильтонъ быль не только великимь поэтомъ, но и чистъйшимъ и ничъмъ незапятнаннымъ защитникомъ свободомыслія, въротериимости и республики. Происходя отъ старинной дворянской, католической семьи, которая, сдълавшись протестантской, потеряла свои крупныя помъстья, Джонь Мильтонъ родился въ Лондонъ въ 1608 году и получилъ очень хоропісе восинтаніе сначала въ школь св. Павла, а затьмъ въ Кэмбриджскомъ университеть. Хотя онъ быль удостоенъ ученой степени, но не сдълался ни насторомъ, ни адвокатомъ, а удалился въ небольшой сельскій домикъ своего отца въ Букингамширъ и мирно прожиль тамъ пять лътъ, читая греческихъ и латинскихъ поэтовъ. Къ этому времени относятся его произведенія «Lycidas», «Allegro», «Ilpenseroso», а также двъ фантастическія пьесы, какъ тогда онъ назывались: «Masques», «Arcades» и «Comus». Последнее обстоятельство доказываеть, что пуриганство Мильтона не отличалось рутинной узкостью взглядовь, такъ какъ иначе онъ не сталъ бы сочинять маскарадныхъ буффонадъ въ то время, когда суровые пуритане, въ родъ Вильяма Прима, пламенно возставали противь всякихъ театральныхъ представленій, маскарадовь и танцевь; затъмъ въ 1637 году онъ посътиль Италію и познакомился тамъ съ Галилеемъ и Гроціемъ; но политическая буря, надвинувшаяся на его родину, заставила его вернуться въ Англію, и онъ приняль самое живое, энергичное участіе въ борьбъ между парламентомъ и королемъ, но защищая не мечемъ, а перомъ

¹⁾ An introduction to John Milton, by H. Corsun. London. 1900.

свободу и республику. По его собственному выражению, онъ чикогда не написалъ ни слова въ пользу того, чтобы сдирали человъческую шкуру по какой бы то ни было причинъ». Во время борьбы парламента съ Карломъ I и республикой, цін которой онъ занималь м'есто датинскаго секретаря въ государственномъ советь, Мильтонь быть также страшень врагамъ свободы своимъ перомъ, какъ Кромвель мечемъ. На англійскомъ и латинскомъ языкахъ онъ съ одинаковымъ жаромъ отстаиваль религіозную и политическую свободу въ цёломъ рядё сочиненій, изъ которыхъ наиболье замьчательны: «О реформаціи», «Власть королей и правителей», «Защита англійскаго народа», «Трактать о воспитаніи», «Трактать о разводъ». Занимаясь этими трудами, онъ повредиль себъ эръніе и совершенно остъпъ въ 1654 году, но это не мъщало ему продолжать свои литературныя занятія. Онь сталь только диктовать, вивсто того, чтобы шисать. Пость возстановленія въ Англіи монархіи онь вышель вь отставку, и правительство его такъ ненавидело, что однажды арестовало, но потомъ выпустило на свободу изъ боязни его популярности. Тутъ Мильтонъ нашелъ, что онъ достаточно послужить своей родинъ, и предался всецъло поэзіи. Замъчательно, что во многихъ изъ прежнихъ своихъ сочиненій, какъ доказываетъ профессоръ Корсонъ отрывками изъ нихъ, онъ прямо говорить, что когда нибудь напишеть ивчто геніальное. Такъ еще въ 1637 году онъ писаль: «Я теперь только отпускаю крылья и думаю о безсмертін». Затымь, въ одномъ изъ полемическихъ памфлетовъ онъ замъчаеть: «Выть можеть, когда нибудь услышатъ новый и возвышенный гимнъ Божеству», а наконецъ въ религозномъ трактать о церковномъ управлении онъ увъряеть, что съ юности тъщиль себя надеждой, что когда нибудь напишеть нъчто такое, которое никогда не умреть. Дъйствительно, это «нъчто» было имъ написано на шестомъ десяткъ и было знаменитой поэмой «Потерянный Рай». За три года до своей смерти шестидесяти-трех ь-лътнимъ старикомъ, онъ написалъ еще двъ поэмы «Возвращенный Рай» и «Samson Agonistes». Въ первой онъ воспъль побъду христіанства надъ соблазномъ, благодаря которому быль потерянъ рай, а въ последней онъ проповъдываль, что, несмотря на наступившую эпоху деспотизма въ Англіи, не следовало отчаиваться въ окончательной победе республики. Спустя 18 леть, вторая англійская революція оправдала предсказанія великаго поэта, и если на его родинъ не воскресла республика, то установилась желанная свобода въ строго конституціонной монархіи. Изъ частной жизни Мильтона изв'єстно только, что онъ быль женать три раза и быль примърнымъ семьяниномъ. Онъ умеръ въ 1674 году.

— Отношенія англичанъ и голландцевъ въ прошедшемъ. По поводу борьбы англичанъ съ бурами англійская печать дълаеть историческую справку объ отношеніяхъ этой страны къ братьямъ боэровъ, голландцамъ. Изъ статей, посвященныхъ этому вопросу, напболъе интересныя «Англичане и голландцы, какъ союзники и враги» Вальтера Лорда въ январскомъ номеръ «English illustrated magazine» 1) и «Англичане и голландцы въ прошедшемъ» 2) мистрисъ

¹) English and dutch as allies and enemis, by W. Lord. English illustrated magazine», january 1900.

²) English and dutch in past, by J. Green, «Nineteenth Century», december. 1890.

Гринъ въ декабрской книжкъ «Nineteenth Century». Хотя первый авторъ относится къ годландцамъ довольно свысока, а о современныхъ бурахъ говорить совершенно презрительно, считая, что они только карикатура старинныхъ нидерландскихъ героевъ, но онъ все-таки долженъ сознаться, что англичане, сначала дъйствовавшіе въ союзъ съ голландцами противъ Испаніи, одерживали многія побъды съ ихъ помощью, а когда началась борьба между ними за первенство на моръ, то годландцы такъ же часто были побъдителями, какъ и побъжденными. Голландскіе адмиралы Де-Рюнтеръ и Ванъ-Тромиъ не разъ обращали вь бъгство и уничтожали англійскія военныя суда, а вь 1667 году годландскій флоть бомбардироваль Чатамь, такь что его выстрелы были слышны въ Лондонъ, и англійская столица подверглась такой опасности отъ непріятеля, какой она не видала со времени Вильгельма-Завоевателя. Одно время англичане такъ боядись нидерландского флота, что, дъйствуя вмъстъ съ нимъ противъ французовь, они во время битвы при Бичгедъ обманомь удалились отъ своихъ союзниковь и торжествовали побъду надъ ними францужкаго генерала Турвиля. Но вскорт пость того имъ пришлось отжать оть голландцевъ при Бойнт. XVIII въкъ начался снова союзными дъйствіями англичанъ и голландцевъ, которые понесли значительныя пораженія при Неервиндент и Стикиркт, а на сухомъ пути взяли виъстъ городъ Лиль. Но подъ конецъ столътія они снова очутились врагами, благодаря тому, что Голландія была превращена французами въ Батавскую республику и дъйствовала вмъстъ сь ними противъ англичанъ до Амьенскаго мира, по которому Англія возвратила Голландіи всь завоеванныя у нея колоніи за исключеніемъ острова Цейлона. Еще разъ, и уже въ посл'ядній, англичане вели войну съ годландцами при Наполеонъ, послъ того какъ онъ сдълаль голландскимь королемь своего брата Луи-Бонапарта, и по окончании этой войны одинаково Англія оставила себъ изъ вновь завоеванныхъ голландскихъ колоній только одинь мысь «Доброй Надежды». Вальтерь Лордъ съ особеннымъ удовольствіемъ указываеть на великодушіе англичанъ и увъряеть, что если Голландія сохранила свои колоніи, то лишь благодаря щедрости Англи, которая дважды возвратила ей эти колоніи и даже во второй разъ подарила неизвъстно за что 7 милліоновъ стерлинговь. Совершенно иной взглядъ на отношенія Англіи къ Голландіи развиваеть въ своей стать в мистрисъ Гринъ. Она ясно и фактически доказываеть, что англичане въ продолжение 200 лътъ также недостойно вели себя относительно Голландіи, какъ они теперь обращаются сь бурами. Еще при Іаковъ I голландцы жаловались на пиратскіе набъги англичань, самь король предлагаль Франціи раздёлить ихъ страну между двумя королевствами. Даже Кромвель не цъниль стойкой защиты своей родины годзандцами и составиль плань присоединенія этой страны къ Англіи подъ предлогомъ тъснаго союза, но голландцы не поддались въ ловушку и мужественно дали отпоръ, когда англичане объявили имъ войну. По окончании перваго года этой борьбы, Кромвель снова предложиль, но уже открытое присоединеніе Голландін къ Англіи. На это последоваль еще более гордый и гиввный отказъ. Война продолжалась, англичане одерживали верхъ, и маленькая респлублика лже потеряла 6.000 человъкъ убитыми и ранеными, когда Кромвель въ третій разъ вступиль вь переговоры, предлагая уже тогда дружескій союзь

съ цълью отдать Голландіи всю Азію, а всю Америку присоединить къ Англіи. Но голландцы на это не согласились, не желая покинуть своихъ датскихъ союзниковъ, чего требовалъ Кромвель. Еще два года боролись голландцы съ могущественнымъ врагомъ и дошли до полнаго изнеможения, но все-таки сохранили сеою независимость, и Кромвель оставиль, наконець, ихъ въ поков. Хотя впоследствии Нидерланды отомстили Англіп, и Вильгельмь III вступиль на англійскій престоль, но англичане продолжали вь XVIII и XIX стольтіяхь придерживаться относительно Голландіи самой предательской политики. Такъ гол. ландцы до сихъ поръ не могутъ забыть и простить, что англичане въ 1830 г. вопреки своимь торжественнымь обязательствамь поддержали возстание бельгійцевъ и содъйствовали имъ въ образованіи независимаго королевства. Хотя Голландія уже давно, по словамъ мистрисъ Гринъ, не въ состояніп бороться съ англичанами, но ихъ братья буры при удобномъ случать доказывали и доказывають теперь, что они достойные потомки Вильгельма Оранскаго, который говориль: «Меня могуть побъдить, но я буду сражаться въ каждой изь траншей и умру въ послъдней».

--- Карлъ XII въ Альтран штедтъ. Габріэль Сиветонъ посвятиль небольшой трудъ тому моменту въ исторіи великой стверной войны, когда король Карль XII вь альтранштедтскомы лагерѣ своемы, послѣ побѣды надъ Даніею, Польшею и русскимъ войскомъ у Нарвы, казался вершителемъ судебъ всей съверной и восточной Европы ¹). Въ это время въ Альтранштедтъ разыгралась дипломатическая борьба, оть исхода которой зависьло, направился ли бы Карль XII на востокъ или же на западъ Европы. Къ прославленному быстрыми побъдами молодому шведскому королю, въ которомъ видъли новаго Густава Адольфа, Людовикъ XIV секретно отправиль посланника съ цълью, если не привлечь Швецію къ союзу съ Франціею, то хотя бы добиться отъ нея посредничества. Въ инструкціи, которая дана была французскому посланцу Виктору де Везанвалю, вельно было обратить внимание Швеции на все усиливающееся значеніе австрійскаго дома и на опасность, которая оть него грозила шведскимъ владъніямъ въ имперіи. Чтобы Безанвиль могь безпрепятственно добраться до Альтранштедта черезь непріятельскую территорію, ему пришлось принять на себя роль лакея шведскаго дворянина. По прибыти въ Лейпцигъ, Везанвиль слъзь съ запятокъ кареты шведскаго дворянина, снялъ ливрею и заявиль о своемь офиціальномь званіп, къ большему неудовольствію своихъ коллегь: пословь англійскаго, голландскаго и императорскаго, которые не усићли такъ быстро добраться до альтранштедтскаго лагеря. Лагерь оказался весьма мало приспособленнымъ для дипломатическихъ конференцій. Король и приближенные его размъщены были по домамъ маленькимъ, грязнымъ, непригляднымъ. У короля не было ни каретъ, ни конюшенъ; верховая лошадь его стояда осъдланная на улицъ передъ домомъ. Внъшность Карла XII во время аудіенціи сильно поразила француза, привыкшаго къ роскоши при дворъ Людовика XIV. Шведскій король, рослый и довольно красивый челов'якь, оказался од'ятымь

^{1) «}Au camp d'Altranstedt», par Gabriel Syveton. Cp. de Broglie, «Revue de deux mondes», 1 janv. 1900.

въ синій кафтанъ съ желтыми кожаными пуговицами, застегнутый до самой шен, безъ манжетъ, перчатокъ или сорочки, съ грязными отворотами, цвъта которыхъ были и руки его; волосы расчесаны были пальцами. Безанвиль произнесъ передъ королемъ ръчь пофранцузски, потомъ повторилъ ее понъмецки, но не дождался отъ короля ни слова въ отвётъ. Изъ того, что король отвернулся и ушель, Безанвиль поняль, что аудіенція кончена. Посль аудіенціи Безанвиль разговаривалъ съ министромъ Пиперомъ, но не могъ отъ него ничего узнать о планахъ короля. Не теряя надежды добиться успъха, Безанвиль поседился въ хижинъ близъ дома короля и сталъ тайно слъдить за нимъ, всячески стараясь угодить капризноиму Карлу. Эта настойчивость, которая, повидимому, льстила самолюбію шведскаго короля, стала внушать опасенія посламъ союзниковъ, и они ръшили окончательно побъдить французское вліяніе, пригласивъ въ Альтранштедть чрезвычайнаго посла оть англійской королевы Анны. Этимь посломъ явился не кто иной, какъ самъ герцогъ Мальборо, украшенный лаврами недавнихъ побъдъ у Бленгейма и Мальплаке. Встръча англійскаго полководца королемъ была столь же торжественна и сердечна, насколько холодна и сдержанна была встръча Безанвиля. Король, при видъ Мальборо, сдълалъ ему нъсколько шаговъ навстръчу, а герцогъ выступилъ впередъ, сопровождаемый съ одной стороны англійскимъ, съ другой голландскимъ министрами, въ то время какъ посоль императора оставался скромно въ сторонъ. Мальборо принесъ собственноручное письмо королевы Анны и сказаль Карлу: «Если бы не мъщаль поль королевы, моей государыни, то она перевхала бы сама море, чтобы видъть государя, вызывающаго удивленіе всего міра». Посольство Мальборо, къ горю Безанвиля, имъло полнъйшій успъхъ. «Я оставиль Альтганштедть, писаль самь Мальборо, вполнъ увъренный, что король шведскій не находится ни въ какихъ отношеніяхъ къ Франціи и не намъренъ принимать мъръ, могущихъ обезпокоить союзниковъ». Когда Мальборо убхалъ, единственною надеждою Безанвиля оставались постоянныя ссоры короля съ императорскимъ посломъ. Однако, и эта надежда не оправдалась, такъ какъ, выговоривъ коекакія льготы силезскимъ протестантамъ. Карль XII объявиль себя удовлетвореннымъ. Следуетъ заметить, что король, действительно, можетъ быть, склонился бы на посредничество, но министръ Пиперъ и другіе изъ окружающихъ его торопили его покончить съ Россіею и потомъ уже заняться западными дълами. Везанвиль быль, можеть быть, единственнымъ человъкомъ въ Альтранштедть, который считаль невозможнымь отнестись легко къ походу въ Россію и совътовалъ покончить дъло миромъ: онъ даже пробовалъ, при посредствъ одной польской дамы, позондировать почву для заключения шведско-русскаго мира, но его попытка потерпъла неудачу, такъ какъ ни та, ни другая сторона не желали отказаться отъ Ингерманландіи. Кром'є того, самая трудность похода внутрь Россіи представлялась особенно заманчивою для Карла XII. Шведскій король самъ захотъль итти на гибель.

— Мужъ Дюбарри. Извъстный французскій историкъ Ленотръ, спеціально изучающій версальскій дворъ XVIII стольтія, помъстиль въ газегъ «Тетря» 1)

¹⁾ M-r Dubarry, par G. Lenotre. «Le Temps». 21 decembre 1899.

обстоятельный очеркъ жизни малоизвъстнаго мужа фаворитки Людовика XV Дюбарри. Графъ Гильомъ Дюбарри принадлежалъ къ провинціальной аристократической семьъ и послъ непродолжительной службы въ армии жиль въ замкъ своей матери близь Тулузы. Ему было 36 льть, и онъ вель скромную холостую жизнь, какъ неожиданно въ одинъ теплый іюньскій день 1768 года прибылъ въ родительскій домъ давно пропадавшій старшій его брать Жанъ Дюбарри. Въ продолжение 10 лъть онъ не давалъ о себъ никакой въсти, хотя былъ женать и покинулъ въ Тулузъ молодую жену. Сначала подъ именемъ графа Сересо (такъ назывался одинъ изъ замковъ его отца), онъ исполнялъ должностъ политическаго шпіона въ Англіи, Германіи и Россіи, затъмъ занимался военными поставками на островъ Корсики и, наконець, поселился въ Парижъ, гдъ вель разгульную жизнь, такъ что его называли въ Версали «самымъ развратнымъ человъкомъ всей Франціи». Не имъя состоянія, онъ жилъ грязными интригами и поставляль красавиць сильнымь міра сего. Первая его понытка услужить королю не удалась, хотя покровительствуемая имъ дочь страсбург скаго водовоза, по имени Доротея, понравилась Людовику, и уже Дюбарри разсчитываль получить потребованное имъ въ вознаграждение мъсто посланника въ Кельнъ, но тогдашняя фаворитка маркиза Помпадуръ не дремала и сумъла удалить свою соперницу. Прошло нъсколько времени, и поставщикъ королю живого товара придумаль новую комбинацію. Впродолженіе нъсколькихъ мъсяцевъ онъ жиль съ красавицей Жанной Бекю, незаконной дочерью служанки и монаха, которую онъ встретиль вь одномъ изъ парижскихъ вертеповъ. Онъ представиль ее Людовику черезь королевского камердинера Лебеля, и король призналь ее достойной своего гарема, но, чтобы скрасить ея низкое происхождение, Дюбарри назваль ее именемъ своей жены, т. е. графиней Дюбарри. Но этотъ обманъ могъ открыться, а потому необходимо было сдълать ее настоящей графиней Дюбарри. Вотъ для чего блудный сынъ явился въ родительскій домъ и предложиль своему брату Гильому жениться на новой королевской фавориткъ. На семейномъ совътъ, состоявшемъ изъ матери, брата и двухъ сестеръ, старыхъ дъвъ, но имени Франсуазы и Марты, долго обсуждался этотъ сгранный вопросъ. Сначала мать не хотъла и слышать о безчести своего имени, хотя она видъла это безчестіе въ женитьбъ сына не на фавориткъ короля, а на женщинъ низкаго происхожденія. Но парижскій франть наобъщаль всей семь такой золотой дождь, что его предложение было принято; на другой день онъ отправился въ Парижъ въ сопровождении не только брата Гильома, но и двухъ сестеръ, которыя не брезгали принять участія въ этой грязной исторіи. Въ парижской квартиръ Жана Дюбарри произошло первое свиданіе жениха и невъсты, и въ тоть же день быль подписанъ свадебный контракть, а черезь мъсяць совершилось вънчаніе. Въ контрактъ было постановлено: «Будущая жена графа пилось вънчание. Въ контрактъ обло постановлено: «Будущая жена графа Гильома принимаетъ на свой счетъ всъ расходы по хозяйству: наемъ квартиры, жалованье прислугъ, содержаніе экипажей, пищу, воснитаніе дътей пт. д.». Конечно, дътей у нихъ никогда не было, такъ какъ, выйдя изъ церквп, новая графиня откланялась своему мужу и вернулась въ Версаль, но онъ не даромъ продалъ свое имя и получилъ отъ короля пенсію въ 5.000 ливровъ. На эти деньги онъ поселился въ Парижъ и сталъ весело жить, даже завель себъ

любовницу Мадлену Лемуань. Эта 19-ти-лътняя красивая молодая дъвушка родила ему сына, и виъстъ съ ними онъ вернулся въ Тулузу, гдъ и продолжалъ жить. Сестры же его перебрались въ Версаль къ своей новой родственницъ и всячески обирали ее. Нъсколько лътъ Гильомъ Дюбарри тихо, спокойно прозябалъ въ провинціальномъ городъ, занимаясь зоологіей, но потомъ видя, что объщанный золотой дождь дъйствительно падаль на всю его семью, кромъ его, онь отравился въ Парижъ и потребоваль своей доли. Съ этой цълью онъ заявиль прошение о разводь, и посль многихъ неприятныхъ переговоровь фаворитка откупилась, такъ какъ ей необходимо было оставаться графиней. Гильомъ вернулся въ Тулузу съ пенсіей въ 60.000 ливровъ въ годъ, а игравшій роль посредника его брать Жань получиль на свою долю титуль графа Д'Иль Журдана съ принадлежавшимъ къ нему громаднымъ помъстьемъ, которое давало болъе ста тысячъ ливровъ дохода. Тогда онъ перебрался на родину и сталь ослышять ее своей роскошной блестящей жизнью. Онъ построиль удивительный домъ съ окружающимъ его еще болъе удивительнымъ садомъ, при видъ которыхъ англійскій путешественникъ Артуръ Іомъ записаль въ своемь извъстномъ дневникъ: «Дальше этого не можетъ итти безуміе». Дъйствительно, по его словамъ, это жилище давало просторъ самой безумной фантазіи. Когда посътители звонели у воротъ, то изъ готической часовни выходилъ восковой аббать и съ помощью особаго механизма отворяль ворота. Внутри дома обращали на себя внимание узкая мраморная галлерея и безконечное количество болье экцентричныхъ, чъмъ художественныхъ картинъ, статуй, зеркалъ и т. д. Въ саду были устроены искусственные скалы, мельницы, деревни и всевозможные звъри от тигровъ до обезьянъ и оведъ. Въ этомъ куріозномъ жидищъ Жанъ Дюбари давалъ великолъпные праздники, но мъстная аристократія на нихъ не появлялась, хотя хозяинъ выдаваль себя за близкаго друга короля и герцога Ришелье. Его братъ Гильомъ продолжалъ вести скромную жизнь въ городскомъ домъ и въ семейномъ замкъ, занимаясь преимущественно воспитаніемъ дътей. Неожиданная смерть короля и опала Дюбарри, какъ громомъ, поразили обоихъ братьевъ. Гильомъ скрылся неизвъстно куда, а Жанъ бъжаль въ Женеву». Но буря продолжалась недолго, и добродушный Людовикъ XVI, спустя два года, дозволиль братьямь спокойно вернуться вь Тулузу. Но Жань Дюбарри не могь помириться съ своимъ новымъ положениемъ, и, воспользовавшись смертью своей жены, вторично женился на очень красивой молодой аристократкъ Де-Рабоди-Монтусенъ. Онъ повезъ ее въ Парижъ. Людовикъ XVI не походиль на своего предшественника и не поддался на удочку. При этомъ старый авантюристь уже не годился для новаго общества, и не онъ эксплоатироваль жену, а она бросила его и завела интригу съ молодымъ министромъ Колонномъ. Жанъ вернулся одинъ въ Тулузу, гдъ мало-помалу собралась вся его семья, такъ какъ сестры были вынуждены разстаться съ бывшей фавориткой. Вст они жили спокойно до революціи, но въ сентябрть 1793 года ихъ арестовали по распоряжению конвента. Въ тюрьмъ Жанъ продолжалъ предават ся роскоши и окружилъ себя серебряной посудой и мебелью, а Гильомъ, довольствуясь тюремной обстановкой, отдаль брату послъдніе семьсоть франковь, сохраненные имъ на черный день. 17-го января 1794 года Жанъ Дюбарри быль казненъ, а послъ 18-ти-мъсячнаго заточенія были выпущены на свободу Гильомъ, его сестры и Маделена Лемуань, которую также арестовали. Хотя онъ лишплся со всей своей семьей ежегоднаго дохода въ 200.000 ливровъ, Гильомъ былъ очень доволенъ, что пронесшаяся надъ его головой буря избавила его отъ жены. Онъ тотчасъ женился па Маделенъ Лемуань, собралъ кое-какіе остатки своего состоянія и, всъми забытый, спокойно провелъ послъдніе годы своей жизни. Онъ умеръ въ Тулузъ въ 1811 года, а сестры пережили его и своимъ надменнымъ пуританствомъ удивляли всъхъ, которые знали объ ихъ позорномъ прислуживаніи королевской фавориткъ.

— Невъдомый Латюдъ. Всъмъ извъстна легендарная исторія о Латюдъ, просидъвшемъ 35 лътъ въ Бастиліи, гдъ его забыли во время царствованій Людовика XV и XVI, но ревностный изследователь этой эпохи Г. Ленотръ нашель, что существоваль еще другой подобный узникъ, и напечаталь о своемъ открытіи интересный очеркь въ газеть «Тетря» 1). По его словамъ, онъ уже давно читаль въ «Correspondence secrete», т. е. въ тайной перепискъ о французскомъ дворъ, рукописный подлинникъ которой хранится въ Петербургской публичной библіотекъ, слъдующую замътку отъ 17 февраля 1788 года: «На прошедшей недълъ королева Марія-Антуанета, прибывъ въ оперу, была встръчена по обыкновенію громкими рукоплесканіями, и она, какъ всегда, отвътила тремя поклонами. Въ ту минуту раздался въ публикъ свистокъ. Хотя эту дерзость могь сдълать только сумасшедшій или негодяй, но королева была возмущена. Она удалилась въ глубину ложи и объявила, что болъе никогда не повдеть въ театръ иначе, какъ запретивъ доступъ туда публикъ». Къ этой замъткъ было прибавлено въ «Тайной перепискъ», что виновный въ означенной дерзости, молодой маркизъ Сенъ-П..., былъ тотчасъ схваченъ и отправленъ въ Шателе. Этотъ факть возбудиль любопытство Ленотра, и онъ сталь всюду отыскивать сведёнія объ эпилоге странной выходки молодого аристократа. Но всё его усилія были тщетны, и только недавно, перелистывая «Gazette des Tribunaux» за 1838 годъ, онъ остановился на странномъ заголовкъ процесса, разбиравшагося въ одномъ изъ парижскихъ судовъ 14-го мая 1837 года: «Оскорбленіе королевы Маріи-Антуансты». Къ его величайшему изумленію, передъ нимъ была разгадка давно интересовавшаго его, хотя мелкаго, но любопытнаго историческаго факта. Оказалось, что герой свистка въ театръ въ 1878 году, маркизъ Сенъ-П., просидъль болъе 50 лъть въ заточени, забытый всъми. Эта чудовищная, невъроятная исторія произошла слъдующимъ образомъ. Семья юнаго аристократа, который отличался либеральными, философскими идеями того времени, заявила, для спасенія его оть заключенія въ страшной Бастиліи, что онь страдаль еще вы дътствъ эксцентричностями, и добилась, что его помъстили, по приказанію короля, въ частную лічебницу. Въ этой лічебниці ему отвели прекрасное помъщение, гдъ онъ хорошо ълъ, имълъ возможность гулять въ саду и окружиль себя библютекой греческихь и латинскихь авторовь. Занимаясь чтеніемъ и писаніемъ, онъ считалъ себя совершенно счастливымъ и не заботился о вижшнемъміръ. Въ продолженіе трехъ лътъ семья аккуратно платила слъдуемыя

¹⁾ Un Latude inconnu, par G. Lenotre. Temps. 7 decembre, 1899.

деньги содержателю лъчебницы, а затъмъ произоппла революція, помъстья маркиза и его семы были секвестрованы, и назначенные опекуны считали для себя болье выгоднымъ удерживать его въ лъчебниць подъ предлогомъ, что онъ—дъйствительно сумасшедшій, и къ тому же это было тъмъ удобнье, что лъчебница уже перешла въ другія руки. Такимъ образомъ бъдный маркизъ, превращенный изъ государственнаго преступника въ сумасшедшаго, продолжалъ читать и писать въ своей комнатъ, никому не въдомый. Однажды ему показалось, что его рукопись объ историкахъ эпохи упадка греческой литературы стоила быть напечатанной, и онъ просилъ директора лъчебницы устроить ему это дъло. Послъдній заинтересовался трудомъ своего паціента и допустиль до него одного изъ парижскихъ издателей, который нашелъ рукопись вполнъ разумной. Между маркизомъ и издателемь произошелъ слъдующій странный разговорь.

- «Я желаль бы посвятить мою книгу его величеству королю Людовику XVI».—«Т. е. намяти короля Людовика XVI».—«А онъ умеръ? хорошо, такъ поставимь Людовика XVII».
- «Но и... Людовикъ XVII умеръ». «Ну, такъ есть Людовикъ XVIII». «Да, такой быть, но и онь покоится въ могиль. Вы, въроятно, маркизь давно покинули свътъ». «Да, иъсколько лътъ, но я не помню сколько, я не читаю газеть. Скажите, кто же теперь царствуеть во Франціи?»— «Луи-Филиппъ, уже семь лътъ». «Какой же теперь годъ?». — «1837». — «Многоу текло времени. Скажите, этотъ Луи-Филиппъ пра-правнукъ Людовика XVI?» – «Право, не могу объяснить. Въ это время было столько перемънъ, вступленій на престолъ, отреченій, реставрацій и т. д., что ръшительно теряешься. Къ тому же одинъ Наполеонъ надълать сколько сумятицы!» Изъ дальнъйшаго разговора съ издателемъ, мар-кизъ узналъ обо всемъ, что произошло во Франціи послъ его заточенія, и очень смутно разсказаль ему, почему онь быль заключень. Издатель вошель въ сношенія съ его родственниками, изъ которыхъ оказался въ живыхъ только графъ К... и этоть последній подняль судебное дело для возстановленія гражданских в правъ маркиза. На судъ оказалось, что онъ содержался въ лъчебницъ по судебному приговору, признавшему его сумасшедшимъ въ 1796 году. По подробномъ разсмотръніи дъла, новый судъ постановиль, что маркизъ находится въ полномъ разсудкъ, но въ виду его старости и того факта, что онъ отвыкъ жить въ свътъ, назначилъ попечителя къ его ссобъ и къ имуществу. Такъ кончилась эта куріозная исторія, и, разсказавь ее, Леногръ отсылаєть всёхъ читателей, которые сомнёваются въ справедливости его разсказа, къ «Gazette des Tribunaux» отъ 20-го мая 1838 года, гдё находится подробный отчеть объ означенномъ судебномъ дълъ.
- Нѣмецкая книга объ императорѣ Александрѣ І. Г. Ульманъ посвятиль особый, вышедшій въ концѣ минувшаго года, трудъ русско-прусскимъ отношеніямъ при императорѣ Александрѣ І и королѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ ІІІ до 1806 года 1). Авторъ ставить своею цѣлью отвѣтить на вопросъ: «какая доля отвѣтственности за ростъ могущества Наполеона I па-

¹⁾ H. Ulmann, «Russisch-preussische Politik unter Alexander I und Friedrich Wilhelm III bis 1806». Leipzig. 1899.

даеть, на ряду съ слабостью прусскихъ государственныхъ дъятелей и несвоевременнымъ миролюбіемъ короля прусскаго, на царя Александра и его совътниковъ?» Въ книгъ, насчитывающей болъе трехсотъ страницъ, впервые въ нъмецкой исторической литературъ мы находимъ основательное изучение изданныхъ въ Россіи историческихъ матеріаловъ «Сборника» императорскаго русскаго историческаго общества, архива князя Воронцова, брикнеровскихъ матеріаловь для исторіи Панина и Разумовскаго и многихъ другихъ; кромъ того, Ульманъ пользовался архивными матеріалами въ Берлинъ, Вънъ и Шверинъ и подвергь критическому разсмотрению записки Чарторыйского. Авторъ делаеть попытку разгадать сложную натуру императора Александра; онъ возражаеть противъ господствующей у иностранныхъ историковъ тенденціи выставлять Александра, или какъ актера или какъ современнаго византійца; по его миънію, русскій государь быль «глубоко несчастнымь человъкомь, котораго увлекали въ разныя стороны двъ души, заключенныя въ одной груди». Фридриха-Вильгельма III, слишкомъ превознесеннаго прусскими династическими патріотами, авторъ старается представить въ истинномъ свътъ. Много мъста онъ удъляеть выяснению роли Гарденберга и Гаугвица и ставить очень высоко заслуги Алопеуса по поддержанию добрыхъ отношеній между Пруссіей и Россіей. Съ нъкоторымъ пристрастіемъ авторъ относится къ Чарторыйскому. Онъ находить даже, что «было несчастиемь не только для представленнаго Чарторыйскимъ дъла, но и для всей Европы, что разъ пошатнувшееся довъріе Александра къ этому другу дътства уже не возобновлялось вполнъ». Какъ указываеть нъмецкій критикъ въ «Lit. Centralblatt» 1), это утвержденіе по отношенію къ Европ'в совершенно неосновательно: Чарторыйскій и войну противъ Наполеона проповъдываль лишь въ надеждъ на возстановление Польши. Во многихъ частностяхь г. Ульману удалось сдълать небезынтересныя открытія.

— Фридрихъ-Вильгельмъ III и королева Луиза. О наполеоновской эпохъ появились въ германской журналистикъ три новыхъ, очень интересныхъ документа, найденныхъ въ Берлинскомъ архивъ Паулемъ Байленомъ. Эго воспоминанія прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III о кампаніи 1806 года и подлинные разсказы королевы Луизы и княгини Радзивилъ, сестры прусскаго принца Людовика-Фердинанда. Первыя напечатаны въ декабрьской книжкъ «Deutsche Rundschau» 2), а послъдніе въ только-что вышедшемъ третьемъ томъ «Hohenzollern-Jahrbuch» 3). Неожиданный коронованный историкъ Наполеоновской эпонеи подробно разсказываетъ сраженіе при Ауерштедтъ, гдъ одержаль побъду маршалъ Даву, и представляетъ любопытныя свъдънія о стратегическихъ движеніяхъ обънхъ армій. Но свидътельства королевы Луизы и княгини Радзивилъ о Тильзитскомъ свиданіи еще интереснъе. До сихъ поръ главными матеріалами объ этомъ свиданіи были разсказы самого Наполеона и Талейрана, а съ прусской стороны не имълось никакихъ свъдъній. Теперь оказывается, по

^{1) «}Literarisches Centralblatt», NeM 51-52.

²⁾ Die Schlacht von Auerstaedt, von Hönig Friedrich-Wilhelm III. «Deutsche Rundschau». December, 1899.

³⁾ Die Königin von Preussen und Napoleon in Tilsitt, von P. Bailen. «Hohen-zollern-Jahrbuch. Berlin. 1900.

словамъ королевы, что Наполеонъ не произветь на нее такого непріятнаго впечатльнія, какъ предсказывать Фридрихъ-Вильгельмъ. Она напіла, что у него была красивая голова, пріятная улыбка и типичныя черты римскихъ цезарей. Она очень хорошо помнила, что императорь обвиняль ее въ томъ, что она вмѣшивалась въ политику, и постоянно перебивалъ комплиментами ея рѣчь, въ которой она, какъ жена и мать, просила пожалѣть Пруссію и сохранить ей лѣвый берегъ Эльбы, а главное Магдебургъ. Наполеонъ, чтобы перемѣнить разговоръ, заговорилъ о туалетахъ: «На васъ прекрасное платье, — сказалъ онъ: — оно сдѣлано въ Бреславлѣ? Производится ли крэпъ на вашихъ фабрикахъ?» На это королева отвѣчала: «Развѣ можно говоритъ о тряпкахъ въ такую минуту?» И она стала снова умолять императора оказать великодушіе. «Мы увидимъ... я подумаю», промолять онъ, желая отъ нея отдѣлаться. Бесѣда продолжалась цѣлый часъ, и король прусскій, войдя въ комнату, положиль ей конецъ. Какъ извѣстно, условія мира были самыя тяжелыя для Пруссіи. Съ своей стороны княгиня Радзівилть разсказываетъ, что въ этотъ день обѣдъ прошель очень печально, и послѣ обѣда королева снова стала умолять Наполеона, но онъ прерваль ее рѣчь словами: «Что же вы хотите меня мучить до конца?» Какую жалкую роль Наполеонъ отводиль королю въ дипломатическихъ переговорахъ, доказываетъ его восклицаніе: «Скажите, пожалуйста, неужелі вы каждый день должны застегівать всѣ пуговки на вашихъ брюкахъ? Ихъ такое множство! И откуда вка начинаете — сверху йли снизу?» — На полеоніа на. Хотя наполеоновская литература такъ разрослась, что

— На полеоніана. Хотя наполеоновская литература такъ разрослась, что для подведенія ея итоговъ созваны въ настоящемъ два конгресса въ Парижѣ п Александріи, но постоянно пзслѣдователи наполеоновской эпохи находять не только новые матеріалы объ извѣстныхъ событіяхъ, но и новые факты. Такимъ образомъ Е. Гильонъ открыть еще невѣдомый романъ Наполеона въ Египтѣ и напечаталъ въ двухъ номерахъ «Grande Revue» любопытный очеркъ похожденій героини этого романа Пальмиры Фуресь 1). Эта хорошенькая, молодая блондинка съ голубыми глазами была родомъ изъ Тулузы, гдѣ служила швеей у тетки своего мужа. Когда послѣдній тотчасъ послѣ свадьбы отправился съ французской арміей въ Египеть, то она послѣдовала за нимъ, переодѣвшись гусарскимъ солдатомъ. Въ Александріи она вскружила голову Наполеону, который серіозно въ нее влюбился. Она развелась съ мужемъ и крѣпко держала въ своихъ рукахъ побѣдителя пирамидъ. Солдаты называли се генеральшей, а ученые академики, сопровождавшіе Наполеона, — Клеопатрой. Однако онъ не взяль ее съ собою въ Сирію, хотя и писалъ ей оттуда письма, такія же пламеныя, какъ къ Жозефинъ. Вернувшись обратно, онъ совершенно измѣнился въ отношеніи Пальмиры и началъ обращаться съ ней грубо, рѣзко. Впрочемъ и она во время его отсутствія утѣшилась съ молодымъ республиканцемъ Фурье, который училъ ее исторіи и литературѣ. Несмотря на это, когда Наполеонъ внезапно и тайно отправился во Францію, о чемъ она узнала, прочитавъ прокламацію Клебера, новаго главнокомандующаго, съ ней сдѣлалось дурно на

¹) Un trottin de l'an VII, par Eugene Guillion. Grande Revue, 15 octobre — 1 novembre 1899.

улицъ. Однако она быстро оправилась, бросила своего утъщителя, перепла къ Клеберу и обворожила его такъ же, какъ Наполеона. Послъ убійства Клебера, Пальмира отправилась во Францію и старалась вернуть къ себъ любовь Наполеона, и хотя ей это не удалось, но Наполеонъ выдаль ее замужъ за аристократа эмигранта, которому далъ мъсто консула на востокъ. Впослъдстви она вернулась въ Парижъ и сдълалась свътской дамой, въ салонъ которой собиралось избранное общество имперіи, реставраціи, іюльской монархіи и второй имперіи. Она умерла въ 1869 году на 93 году жизни, и въ почтенной, всеми уважаемой, старушкъ никто не подозръваль, что скрывался предметь шламенной любви Наполеона и Клебера. Если, быть можеть, не новый факть въ жизни Наполеона, то во всякомъ случать мало извъстный, указанъ англичаниномъ В. Фитчетомь въ его новой книгъ «Какъ Англія спасла Европу» 1). Этоть почтенный англиканскій пасторъ отдичается воинственными и джингоистскими стремленіями, а потому написаль нісколько книгь и безконечное число статей о военныхъ подвигахъ англійскаго оружія, а въ последнемъ своемъ сочиненін, котораго еще вышель только первый томь, онь съ патріотическимь пыломь повъствуеть о борьбъ Англіп съ Франціей во времена революціп, консульства и имперіп. О Наполеон'в онъ отзывается самымъ різкіннь образомъ, прямо называя разбойникомъ, грабителемъ, воромъ и лжецомъ. Въ подобномъ трудъ, конечно, нельзя искать историческаго значенія, но любонытень приводимый пить фактъ о томь, что Наполеонъ, находясь еще въ Бріенской школь, показаль своему товарищу по школъ, англичанину Лолею, впослъдстви лорду Ленлоку, письмо, которое онъ написалъ въ англійское адмиралтейство съ просьбою, чтобы его приняли въ англійскій флоть. «Единственное затрудненіе, которое можеть встрътиться, -замьтиль при этомь Наполеонъ:-моя религія». На это англичанинь отвъчалъ: «Ахъ, ты, негодяй, развъ у тебя есть религія?». Наполеонъ въ свою очередь спокойно возразиль: «У меня-то ся нъть, а у моихъ родственниковъ есть». Въ октябрьской книжкъ Revue d'Europe» помъщена статья Рауля-Колонны-Чезари: «Правда о Бонапартахъ» 2), и въ ней авторъ, задавшись цълью изследовать генеалогію Наполеона, доказываеть, что всё сведёнія, приводимыя въ этомъ отношении Бернуччи и Пассерини, вполнъ неправильны, такъ какъ французскіе и флорентійскіе Бонапарты ничего не имбють общаго съ предками Наполеона.

Въ прошлогоднихъ номерахъ англійскихъ журналовъ «Cornhill magazine» и «Blackwood magazine» напечатанъ цълый рядъ воспоминаній англійскихъ солдатъ и офицеровь о Наполеоновскихъ войнахъ. Большинство ихъ помъщено въ первомъ изъ этихъ журналовъ, а во второмъ появился только найденный извъстнымъ англійскимъ критикомъ Дауденомъ романическій разсказъ англійскаго морского офицера о его десятилътнемъ плънъ во Франціи 3). Хотя Да-

¹) How England saved Europe: the Story of the great war 1793—1815, by D. Titchett. vol I. London. 1899.

²⁾ La verité sur les Bonapartes, par Raul Colonna-Cesari.—Revue d'Europe, Octobre. 1899.

³⁾ A prisoner under Napoleon, edited by prof. Dowden.—Bladkwood magazine. June. 1899.

удень возлагаеть отвътственность на автора за всъ сообщаемые имъ факты и не обнаруживаеть его фамили. но если въ этихъ воспоминанияхъ, по всей въ-роятности, многое преувеличено, то все-таки они рисують върную въ основныхъ чертахъ картину несчастной жизни, которую вели англійскіе военно-плънные во Франціи при Наполеонъ. Англійскій морской офицеръ попаль въ плънъ въ 1804 году близь Нанта, гдѣ онъ потерпъль крушеніе на небольшомъ суднѣ, которое онъ вель въ Англію, въ качествѣ приза. Въ Нантѣ онъ впервые познакомился съ французскими тюрьмами, о которыхъ онъ отзывается съ отвращеніемъ и ужасомъ. Оттуда его и другихъ англичанъ повели закованными въ цъпи въ Верденъ, укръщенный городъ Логарингіи, гдъ онъ провель три года. наконецъ ему надовло теривть всв лишенія тюремной жизни, и онъ, вивств съ морскимъ докторомъ Портеосомъ, бъжать въ 1807 году. Они благополучно перебрались за Рейнъ и уже собирались въ городъ Ульмъ състь на корабль, который отходиль въ Въну, но Ульмъ тогда находился въ рукахъ французовъ, и бъглецовъ тамъ схватила французская полиція. Возвращенные въ Верденъ, и обглецовъ тамъ схватила французская полиция. Возвращенные въ верденъ, они были заточены въ подземельяхъ кръпости Битчъ. Тутъ пришлось англичанину провести два года въ темнотъ, въ сырой сирадной атмосферъ и среди безконечныхъ крысъ, истреблявшихъ пищу и даже одежду заключенныхъ. Изъ этого ада, — какъ выражается авторъ воспоминаній, — онъ былъ переведенъ въ Сарлуи, гдъ провель около года въ казармъ, превращенной въ тюрьму. Тутъ на его долю выпали другого рода страданія: корыстолюбивый начальникъ тюрьмы всячески наживался на счеть своихъ узниковъ и кормилъ ихъ гнилой кониной. Неудивительно, что англичанинъ сдълалъ попытку къ бъгству, но она ему снова не удалась, и его еще разъ вернули въ Верденъ. Новый коменданть, баронъ Бошенъ, обращался съ плънными совершенно иначе, чъмъ остальные французы: онъ былъ очень любезенъ съ ними, заботился объ ихъ благосостояній и дозволять имъ на честное слово не только отлучаться изъ тюрьмы, но даже жить вь городъ. Авторъ воспоминаній этимъ воспользовался п женился на молодой француженкѣ. Повидимому, счастье ему улыбнулось, и онъ сталъ жить спокойно, припъваючи, но въ 1812 году надъ его головой разразилась новая бъда. На пего сдълалъ доносъ одинъ изъ англійскихъ плънныхъ, оказавшійся французскимъ шпіономъ, и онъ быль разлученъ со своей женой, и еще разъ его заточили въ Битчъ, откуда онъ быль освобожденъ въ 1814 году русскими казаками Платова. Онъ не нахвалится Платовымъ, котораго называетъ княземъ и который посладъ его въАнглію въкачествъ курьера съ депешами. Такимъ образомъ кончается исторія заключенія въ двадцати

одной тюрьмъ анонимнаго англійскаго офицера.

Къ восноминаніямъ о Наполеоновской эпохъ, напечатаннымъ въ «Cornhill magazine» 1), относятся письма солдата Вильяма Виндзора изъ Испаніи и Бельгін въ эпоху отъ 1811 до 1815 г., отрывокъ изъ мемуаровъ интендантскаго офицера Туперкарея о Ватерлоо и запись въ дневникъ лейтенанта англій-

¹⁾ Letters of a soldier from the peninsula and Waterloo, by Windsor. «Cornhill magazine». Juin 1899.

Reminiscenses of a commissariat officer, by E. Tuppercarey. «Cornhill magazine». Juin 1899.

A visit of Longwood, by H. Clifford. Cornhill magazine. November. 1899.

скаго флота Герберта Клифорда о посъщении Наполеона на островъ св. Елены. Соддать Виндзорь, въ своихъ письмахъ къ женъ, сообщаеть очень мало интереснаго о военных райствіях вангличан вы Пспаній и о самой странь, гль они происходили, а преимущественно говорить о цънъ на разные съъстные принасы въ тъхъ мъстностяхъ, гдъ онъ бываль. Только въ одномъ инсьмъ отъ марта 1813 года онъ высказываетъ свой взглядъ на дъйствія англичанъ и русскихъ противъ Наполеона. «Посмотрите, милый другь,—пишеть онъ,—что сдълала Россія съ французами, —она взяла у нихъ въ илънъ 84 генерала и лишила 120.000 тысячь соддать убитыми и ильнными. Посмотрите также, что дълають англичане въ Испаніп. Следующія поколенія пспанцевь будуть благословаять высадку англичань на берегахъ Испанін, такъ какъ французы похоронять вь этой мъстности свою честь». Хотя нъть основанія сомнъваться въ храбрости этого англійскаго солдата, но онъ въ своихъ письмахъ горячо выражаеть надежду, что война вскорь кончится, и заявляеть, что никто не можеть описать того мрачнаго впечатленія, которое производить битва, когда пость ея окончанія остаешься лицомь кълицу сътрупами и всякаго рода ужасами». Относительно Ватерлоо онъ нишеть только, что эта битва, величайшая изо всъхъ когда либо происходившихъ между англичанами и французами, продолжалась два съ половиной дня, и до самаго конца Велингтонъ не зналъ. на чьей сторонъ побъда. Наконецъ, пруссаки подосиъли, и Бонапартъ быль разбить на голову. «Я жду съ нетеривніемъ, когда окончится мой срокъ службы, потому что болье я не хочу быть солдатомъ, —писаль Виндзоръ въ своемъ последнемъ письме, — а желаю жить счастливо съ женою и детьми. Но это желаніе не исполнилось, и онъ погибъ во время крушенія корабля, на которомь возвращался въ Англію. Компесаріатскій офицерь также немного говорить о самомъ сражени при Ватерлоо, такъ какъ онъ, собственно, не присутствоваль при немь, а только мотался во всъ стороны вокругь поля сраженія, отыскивая то интендантскій обозь, то полки, которые онь должень быть продовольствовать. При этомь онъ очень рельефно описываеть сумятицу и безпорядокъ, царившіе на задахъ англійской армін, гдѣ происходила невообразимая паника, какъ только распространялся слухъ о поражени передовыхъ войскъ. Послъ же битвы невозможно было сдълать и двухъ шаговъ на той мъстности, гдъ разыгралась судьба Европы, такъ какъ всюду валялись груды мертвыхъ тъть, лошадей, оружія и т. д. Въ Жеманъ онъ видъть карету, которую Наполеонъ бросилъ, чтобы спастись верхомъ отъ преслъдовавшихъ его пруссаковъ, и въ которой нашелся его мундиръ, наполненный подъ подкладкой необдъланными брилліантами на сумму болье милліона. Эти брилліанты достались прусскому офицеру Келлеру, а, узнавъ объ этомъ, прусские солдаты начали при англичанинъ копать землю вокругъ кареты и просъвать ее сквозь сито, вь поискахъ за брилліантами. Что же касается до разсказа лейтенанта Клиффорда о свиданіи съ Наполеономъ на островъ св. Елены, гдъ онъ провелъ три дня въ 1817 году, то онъ не отличается большимъ интересомъ. Наполеонъ приняль неохотно Клиффорда вмъстъ съ другимъ его товарищемъ и спросиль только, въ какой части Англіи онъ родился и какъ попаль на св. Елену. Поэтому англійскій офицеръ ограничивается довольно оригинальнымь портретомь

Наполеона. По его словамъ, онъ быль еще меньшаго роста и толце, чёмъ обыкновенно его изображали. Волоса его были черные, коротко обстриженные, голова очень большая, а лицо круглое, полное, но не одутловатое. «Я не замѣтиль въ немъ,—прибавляеть онъ,—ничего необыкновеннаго, кромѣ глазъ, которые лучше всего въ его лицѣ и придаютъ ему все его выраженіе. Но эти глаза мнѣ не показались такими проницательными, какими ихъ обыкновенно описываютъ. Нельзя сказать, чтобы его портреты отличались большимъ сходствомъ, но они удивительно схватываютъ профиль. Его лицо дышитъ горечью, и хотя онъ удостоилъ меня улыбкой, но, очевидно, онъ смотрѣтъ на меня и на моего товарища, какъ на людей пришедшихъ поглядѣть на него изъ любопытства, а не изъ уваженія, въ чемъ онъ былъ правъ. Цвѣтъ его лица мнѣ показался очень желтымъ и болѣзненнымъ. Вообще онъ казался скорѣе человѣкомъ, посвятившимъ всю жизнь на ученыя занятія, чѣмъ на полководщемъ, думающимъ только о военной славѣ».

- Придворная интрига во Франціи при Людовикъ XVIII. Эрнесть Додэ, спеціально изучающій эпоху реставраціи, пом'єстиль въ газеть «Temps» не большой, но блестящій этюдь объ одномь изъ мало извъстныхъ эпизодовь царствованія Людовика XVIII, именно о покушенін на его жизнь въ 1821 году 1). Онъ начинаетъ свой разсказъ съ изложенія самаго факта, а затёмъ выясняеть всю его подноготную. 27-го января 1821 года въ 4 часа дня немногіе парпжане, гулявшіе въ Тюльерійскомъ саду, такъ какъбыло очень холодно, неожиданно услыхали громкій взрывъ въ центральной части дворца, гдъ находились аппартаменты короля, и увидёли, что стекла въ одномъ изъ оконъ нижняго этажа съ шумомъ разбились, при чемъ изъ окна повалиль густой дымъ. Конечно, они очень перепугались, но еще большая паника овладъла обитателями дворца, когда оказалось, что катастрофа произошла отъ взрыва маленькаго боченка съ порохомъ, спрятаннаго въ комнатъ, гдъ спалъ старшій камердинеръ, близъ кабинета короля. Самъ Людовикъ XVIII узналъ объ этомъ, спустя нъсколько минутъ, когда онъ вернулся съ прогулки, но онъ не поддался страху и благоразумно замътиль, что въ виду той комнаты, гдъ произошель взрывъ, и небольшого количества порожа въ боченкъ не могло быть и ръчи о серіозномъ покушени на его жизнь. Такимъ образомъ съ самаго начала дело не должно было имъть значительных в результатовъ. Но съ одной стороны полиція немедленно начала следствіе, а съ другой политическія партіи стали эксплоатировать этоть факть въ свою пользу. Всё реакціонеры и ультра-роялисты, во главе которыхъ стояли брать короля, графъ Артуа, будущій Карль X, и двъ его невъстки, герцогиня Ангулемская и герцогиня Беррійская, стали громко обвинять либераловь въ составлении заговора противъ жизни короля и требовали удаленія оть дъль слишкомь умъреннаго въ ихъ глазахъ, хотя и консервативнаго, министерства герцога Ришелье, а затъмь принятія самыхъ строгихъ репрессив-

26

¹) Une intrigue à la cour de France sous la Restauration, par Ernst Daudet. «Temps», 22 novembre.

[«]нотор. въстн.», февраль, 1900 г., т. LXXIX.

ныхъ мъръ. Верхняя палата высказывалась въ томъ же духъ, а большинство нижней видьло въ совершившемся фактъ революціонные происки. Напротивъ, либералы взваливали всю вину на реакціонеровъ, считая, что они нарочно подвели интригу, чтобы получить возможность уничтожить конституціонный порядокъ. Даже король, хотя далеко не либераль, нисаль своему любимцу Деказу, который находился французскимъ посланникомъ въ Лондонъ: «Очень можетъ быть, что дъло о покушени окажется не ужаснымъ преступленіемъ, а позорной интригой». Но, предугадывая такимъ образомъ результать дъла, волновавшаго весь Парижъ, Людовикъ XVIII не подозръвалъ, что виновницей этой позорной интриги была герцогиня Беррійская. Хотя Эрнесть Додэ, несмотря на всь свои розыски, не нашель офиціальных документовь, доказывающихъ этоть факть, такъ какъ если они существовали, то были уничтожены, но онъ отыскаль на одномь изъписемъ короля къ Деказу надпись последняго, которая ясно подтверждаеть виновность герцогини. Дъло заключалось въ томъ, что она подбила нъсколькихъ ультра-роялистовъ устроить это фиктивное покушение на жизнь короля. Когда же стали подозръвать въ этомъ преступномъ дъйствін людей ни въ чемъ неповинныхъ, то она написала одному высокопоставленному лицу при дворъ, что полиція и судебная власть напали на ложный слъдъ. Но она такъ неудачно замаскировала свой почеркъ, что придворный узналъ руку герцогини и доложить обо всемь королю. Последній потребоваль объясненія отъ герцогини, но она не хотъла сознаться, и тогда къ ней послади духовника. Уже подъ его вліяніемъ она высказала всю правду своему отцу, графу Артуа. Она, повидимому, объяснила составленный ею заговоръ темъ, что она и ся соучастники хотъли получить возможность обвинить либераловъ въ попыткъ убить короля, свергнуть министерство Ришелье и образовать новое вполнъ реакціонное. Но Дода полагаеть, что герцогиня Беррійская имъла совершенно иное намъреніе. Со времени убійства ея мужа и рожденія сына, герцога Бордосскаго, она хотъла играть политическую роль и тышила себя надеждой, что будеть регентшей во время малолътства сына. Но неожиданно распространилась въсть, что герцогиня Ангулемская, жена старшаго сына графа Артуа, находилась въ интересномъ положении. Если бы дъйствительно у нея родился сынъ, то онъ быть бы дофиномъ, и уничтожились бы всв права на престоль герцога Бордосскаго. Поэтому Додэ и предполагаеть, что герцогиня Беррійская придумала или согласилась на взрывь боченка съ порохомъ въ надеждъ, что этотъ взрывъ вредно отзовется на здоровь терцогини Ангулемской и номъщаеть ей родить. Хотя всё обстоятельства говорять въ пользу подобной гипотезы, но она фактически ничемъ не доказана. Впрочемъ, не подлежить сомивню, что такъ или иначе герцогиня Беррійская играла значительную роль въ исторіи фиктивнаго покушенія на жизнь Людовика XVIII.

— Верховный судъ во время іюльской монархіи. Разсматривающій дѣло роялистовъ верховный судъ во Франціи возбуждаетъ безконечные нападки и насмѣшки въ консервативныхъ органахъ парижской печати. Но если бы консерваторы и роялисты знали лучше исторію, то они хранили бы молчаніе, такъ какъ 65 лѣтъ тому назадъ, при Луи-Филиппѣ, палата пэровъ представила

гораздо болъе траги-комическое зрълище, чъмъ теперешній сенатъ. Она была превращена въ верховный судъ, и въ ней засъдаль цвъть французской аристократін: Монморанси, Шуазели, Брольи, Пралены, Тремули, Ларошфуко, Тюрены и т. д. Процессь, который разбирался ими, состояль въ обвиненіи массы республиканцевъ въ нарушении государственной безопасности. Францей тогда управляло министерство Тьера-Гизо, и оно нашло нужнымъ привлечь къ огульной отвътственности многочисленныхъ жертвъ народныхъ возстаній, возбужденных въ 1834 году въ Ліонъ, Гренобль, Люневиль, Парижъ и другихъ городахъ, преслъдованіемъ со стороны правительства рабочихъ ассоціацій. Іюльская монархія не довольствовалась тъмъ, что залила кровью это народное виженіе, во главъ котораго стояли республиканцы, и привлекла къ судебной отвътственности 2.000 человъкъ, а для суда надъ ними образовала изъ палаты изровъ верховный судъ. Исторія этого верховнаго суда очень эффектно разсказана въ статьъ, помъщенной въ газетъ «Matin», подъ заглавіемъ «Настоящій верховный судъ» 1), и подписанной исевдонимомь «Историкъ». Этоть чудовищный во всъхъ отношенияхъ процессъ начался въ концъ 1834 года и продолжался около двухъ лътъ. Сначала произведено было слъдствіе, которое разсмотръло 1.600 документовь и допросило 4.000 свидътелей. Мало-помалу, изъ 2.000 привлеченныхъ къ суду большинство было освобождено, и передъ верховнымъ судомъ обвинялось уже 440, изъ которыхъ 131 бъжали и потому судились заочно. Однако верховный судъ еще уменьшиль число обвиняемыхъ, и окончательно 6-го января слѣдующаго года явились на скамьяхъ подсудимыхъ 124 обвиняемыхъ, кромѣ 40 заочныхъ. Дѣло началось 5-го марта 1835 г. и окончилось 23-го января 1836 г. Хотя число обвиняемыхъ растаяло, но свидѣтели и документы были разсмотръны пэрами въ прежнемъ громадномъ числъ. Во время производства этого безконечнаго дъла происходила постоянная борьба между обвиняемыми п обвинителями. Въчислъ первыхъ находились знаменитые республиканцы: Араго, Арманъ Марасть и Годефруа-Кавеньякъ, брать генерала; а ихъ адвокатами были не менъе знаменитые Барбесь, Мишель изъ Буржа и Жюль Фавръ. Предсъдатель верховнаго суда, Паскъе, дозволяль себъ самыя возмутительныя нарушенія закона, такъ онъ запретиль обвиняемымь брать себѣ въ защитники кого бы то ни было, кромъ присяжныхъ адвокатовъ, почему и вкоторые изъ нихъ отказались отъ защиты, а другіе отвъчали безмолвіемъ на всъ вопросы предсъдателя. Безпорядокъ, шумъ, скандалы не прерывались во время засъданія суда. Однако наибольшій скандаль для правительства произошель виъ залы суда. 12-го іюля, 28 изь обвиняемых в парижанть, въ томъ числъ Кавеньякъ и Марасть, бъжали изъ предварительной тюрьмы. Наконецъ объявленъ быль приговоръ, по которому и сколько подсудимыхъ были освобождены, но громадное большинство подвергнуто самымъ разнообразнымъ наказаніямъ, отъ тюремнаго заключенія на годъ до пожизненной ссыдки. Впрочемъ, хотя этого и неуказываеть статья въ газеть «Matin», чудовищная трагикомедія не привела ни

¹⁾ Une vraie haute coure, par Historicus. «Matin». 4 decembre. 1899.

къ какому результату, такъ какъ 8-го мая 1836 года, но случаю свадьбы герцога Орлеанскаго, объявлена была всеобщая аминстія для политическихъ преступниковъ. Поэтому современные роялисты могутъ упрекать третью республику лишь въ томъ, что она слъдуетъ дурному примъру польской монархіи, которой можно было подражать въ этомъ дълъ только относительно аминстін, но и то, конечно, начать съ нея, но не кончитъ.

— Что видълъ Викторъ Гюго. Изь посмертныхъ произведеній величайшаго французскаго поэта XIX въка Виктора Гюго напбольшій интересъ представляеть собраніе воспоминаній и зам'ятокъ обо всемь, что онъ вид'ять и слышаль въ продолжение своей долговременной полной событий жизни. Это, конечно, не мемуары, но любопытные отголоски прошедшаго, и Поль Мерисъ. издатель посмертныхъ сочиненій Гюго, очень характеристично назваль эту сермо «Choses vues» (Видънное). Нъсколько лъть тому назадъ вышель первый ся томъ. который привель вы изумленіе и восторгь всёхъ критиковь, такъ какъ впервые на страницахъ «Видъннаго» авторъ «Эрнани» и «Собора парижской Божий Матери» является простымъ, безыскусственнымъ, добродушнымъ разсказчикомъ, настоящимъ, образцовымъ репортеромъ. Только что вышедшій второй томъ 1) отличается теми же достоинствами, а третій и последній долженъ появиться въ будущемъ году. Кромъ литературнаго значенія этого новаго преизведенія творца «Miserables», оно представляеть историческую важность, такь какъ воспоминанія Гюго о событіяхъ, которыхъ онъ быль очевидцемъ, и пердаваемые разговоры съ выдающимися политическими дъятелями служать цънными коментаріями къ полной характеристикъ истекающаго въка. Панорама, которую постепенно развертываеть передъ нами геніальный репортеръ, захватываеть 46 льть, именно оть коронованія Карла X вь 1825 году до засъданій національнаго собранія въ 1871 году, а по представляемымь ею картинамь она поражаеть блестящимь разнообразіемь. Читатель видить встёдь за Гюге Реймскія торжества при реставраціи, сцены изъ интимной жизни Луи-Филипа въ Тюльерійскомъ дворць, кровавыя драмы февральской революціи и іюньских дней 1848 года, дебюты Луп-Бонапарта, будущаго декабрыскаго героя, осалу Парижа итмиами изо дня въдень, бурные эпизоды въ національномъ собрани 1871 года, засъданія парижской академін, кулисы парижскихъ театровъ, трагедін въ залахъ суда, вътюрьмахъ н въежедневной парижской жизни. Рядом сь этимь читатель слышить, что говориль Виктору Гюго о политикъ и своихъ историческихъ воспоминаніяхъ. Луп-Филиппъ, что откровенно, въ пылу февральской революціи, высказывали ему Одилльонъ-Баро и Ламартинь, о чемъ бесъдоваль съ нимъ президентъ Лун-Бонапартъ на первомъ объдъ, который быть дань имъ въ Клисейскомъ дворцъ и т. д., и т. д. Наиболъе интересны въ историческомъ отношеніи разговоры Гюго съ Луи-Филинпомъ, Ламартиномъ в декабрыскимы героемы, а также рисуемыя имы картины февральской революци и іюньских дней. Что же касается до осады Парижа и національнаго собрани въ Бордо, то на страницахъ «Видъннаго» только приведены ежедневныя крат-

¹⁾ Choses vues, par Victor Hugo, nouvelle serie. Paris. 1900.

кія записи изъдиевника поэта, и въ шихъ ръдко встръчается, что нибудь любо-пытное, а преимущественно они касаются его частной жизни. О Луи-Фи-линиъ, который назначилъ Гюго пэромъ, т. е. членомъ верхней налаты, авторъ отзывается очень сочувственно, какъ о человъкъ, въ тъхъ замъткахъ, которыя относятся къ его царствованію, и только приводя его слова, сказанныя послъ бъгства въ Англію, въ 1848 году, что онъ ни въ чемъ не виноватъ, Гюго за-мъчаетъ: «Онъ виноватъ не въ чемъ нибудъ, а во всемъ». Эта перемъна во взглядахъ объясняется не паденіемъ короля, такъ какъ Викторъ Гюго отли-чался всегда честностью и искренностью своихъ политическихъ взглядовъ, а тъмъ фактомъ, что онъ мало-помалу политически развивался и переходитъ изъ легитимиста въ конституціоннаго роялиста, умъреннаго республиканца и наконецъ крайняго радикала. Что касается до самого Луи-Филиппа, то онъ очень любить Гюго, часто приглащать его къ себъ во дворенъ и откровенно бесълонаконецъ крайняго радикала. Что касается до самого Луи-Филиппа, то онъ очень любить Гюго, часто приглашать его къ сеот во дворецъ и откровенно бесъдовать съ нимъ о политикъ. Искренность его доходила до того, что онъ говорить о своемъ любимомъ министръ Гизо, который погубилъ іюльскую монархію своимъ доктринернымъ консерватизмомъ: «Онъ отличается большими достоинствами и громадными недостатками. Онъ мужественно переноситъ непопулярность, и я за это его уважаю, но онъ боится своихъ сторонниковъ. Я не министръ, но если бы я былъ на его мъстъ, то, кажется, ничего бы не стращился. Я стремился бы къ добру и шелъ бы ръшительно впередъ къ обезпеченю цивилизаціи миромъ». къ добру и шелъ бы ръшительно впередъ къ обезпечению цивилизацій миромъ». Эта идея мира была осью, вокругъ которой вертълись всъ мысли и политика короля. По его словамъ, онъ съ помощью англичанъ водворилъ бы миръ во всемъ свътъ, но если бы эта помощь ему измънила, то онъ все-таки одинъ настоялъ бы на сохранении мира, который онъ болъе всего любилъ. О ненависти къ нему европейскихъ государей онъ зналъ очень хорошо и прямо говориль объ этомъ, прибавляя, что онъ популяренъ только въ Англіи, гдъ его встръчали съ распростертыми объятіями. Пзо всъхъ англійскихъ государственныхъ людей онъ болъе всего цънилъ Пита. «Какой это былъ удивительный государственный человъкъ,—сказаль онъ однажды Гюго,—хотя отъ своего высокато роста онъ казался неловкимъ и говорилъ съ видимымъ трудомъ, но въ каждомъ его словъ слышались умъ и здравый смыслъ. Когда нибудь ему отдадутъ справедливость, даже во Франціи, тъмъ болъе, что онъ зналъ французскій языкъ». Изъ воспоминаній Луп-Филиппа о прошедшей своей жизни, которую онъ охотно сообщаль своему собесъднику, любонытенъ разсказъ о томъ, какъ онъ объдаль съ Рожинали «туп-чилина о прошедшей своей жизни, которую онъ охотно сообщалъ своему собесѣднику, любонытенъ разсказъ о томъ, какъ онъ обѣдалъ съ Робеспьеромъ у богатаго фабриканта Декрето въ 1791 году. На этомъ обѣдѣ присутствовали Робеспьеръ и Петіонъ. Первый «былъ очень мраченъ», почти не открывалъ рта, а послѣдній все приставалъ къ нему, совѣтуй жениться, такъ какъ его обычная, желчь, горечь, меланхолія и ипохондрія могли дурно отозваться на его партіп, и одна жена могла его сдѣлать добрымъ малымъ. Въ отношеніи Наполеона король разсказываль интересную подробность о томъ, какъ онъ получиль извѣстіе, что Парижъ сдался союзникамъ. Онъ шель во главѣ своей гвардіп изъ Фонтенебло на Парижъ, неожиданно встрѣтилъ курьера, который сообщиль ему роковую вѣсть. Императоръ поблѣднѣлъ, закрыль лицо руками и въ продолженіе четкерти часа оставался неподвижнымъ. Потомъ, не говоря

ни слова, онъ повернулъ лошадь и возвратился въ Фонтенебло. Гюго приводитъ еще слъдующій характеристичный разговоръмежду Луи-Филипномъ и маршаломъ Сультомъ:-- «Маршалъ вы помните осаду Кадикса?» -- «Еще бы не помнить, ваше величество, я довольно долго стоять у этого проклятаго Кадикса и долженъ быть, наконецъ, уйти ни съ чъмъ». — «Пока вы были снаружи, я быть внутри». — «Я это зналь, ваше величество», — «Кортесы и англійское правительство предлагали миъ начальство надъ испанской арміей». — «Это также миъ было извъстно». -- «Предложение было серіозное, и я долго колебался. Я могъ сражаться за интересы своей семьи, но мит претило итти противь родины. Пока я не знать, на что ръшиться, вы, маршать, предложили мнъ тайное свидание вь маленькомъ домикъ, между кръпостью и вашимъ лагеремъ. Вы помните объ этомъ маршаль?» — «Конечно, ваше величество. Даже быль назначенъ день для свиданія».—«И я не явился».—«Да».—«А вы знасте почему?»—«Нъть».— «Я вамъ сейчасъ объясню. Я уже отправлялся на это свиданіе, какъ неожиданно ко мнъ пришелъ начальникъ англійской эскадры, узнавшій объ этомъ не знаю какимъ способомъ, и предупредиль меня, чтобы я не попадался въ ловушку. По его словамъ, Кадиксъ быть неприступенъ, и французы отчаивались его взять, а потому императорь приказаль меня схватить обманомъ и разстрълять, какъ герцога Ангіенскаго. Ну, маршаль, скажите теперь, положа руку на сердце, вы дъйствительно хотъли меня разстрълять?» — «Нътъ, ваше велиство, я хотъть только скомпрометировать васъ». Когда послъ этого разгорора маршаль удалился, то король сказаль съ улыбкой: «Скомпрометировать! Это онъ теперь называеть скомпрометировать, а тогда онъ просто меня разстрълять бы». Бестды Виктора Гюго съ Ламартиномъ происходили въ парижской ратушъ, во время кровавыхъ сценъ февральской революціи и іюньскихъ дней. Ламартинъ изображенъ очень симпатично пламеннымъ патріотомъ, апостоломъ свободы и стойкимь защитникомь республики, но человъкомъ слабохарактернымь, нервшительнымь и защищавшимь себя оть обвиненія вь безпощадной іюньской різні словами: «Я не военный министрь». Но рядомь съ этой недостойной попыткой взвалить всю вину на другого, именно на Кавеньяка, рисустся свътлая сторона Ламартина въ блестящей картинъ его скромнаго завтрака постъ провозглашенія второй республики. Этоть всемогущій диктаторь Францін послаль при Гюго за котлетами вы сосъдній съ ратушей кабачекъ и ъль эти котлеты руками, за отсутствіемъ прибора, когда онъ могь бы помъститься во дворцъ и ъсть на золотъ. «Признайтесь, —сказаль онь Гюго, —что это первобытный завтракъ, но все же это роскошь въ сравнени съ вчеращнимъ нашимъ ужиномъ. У насъ, всъхъ членовъ временнаго правительства, былъ только хлъбъ и кусокъ сыра, а воду мы пили изъ разбитой сахарницы. Эго, однако, не помъщало сегодиящнимъ газетамъ уличить временное правительство въ стращной орги». Переходя къ воспоминаніямъ Виктора. Гюго о декабрьскомъ геров, мы приведемъ, что онъ писаль о немъ въ февралъ 1849 года, т. е. два мъсяца спустя постъ избранія Луи-Наполеона въ президенты. «Несмотря на благія намъренія и на извъстное количество ума и способностей, Луи-Бонапартъ, я боюсь, не окажется достойнымъ своего назначенія. Для него Франція, настоящій въкъ, новыя иден, требованія нашей эпохи-закрытыя книги. Онъ смотрить, не понимая на волнующеся вокругь его умы. Онъ принадлежить къ тому классу безсознательныхъ людей, которыхъ называють принцами, и къ категоріи чужестранцевь, которыхъ называють эмигрантами. Онъ ниже всего и внъ всего. Для человъка, внимательно изучающаго его, онъ кажется болъе испхопатомъ, чъмъ правителемъ». Къ декабрьскому герою относятся единственныя страницы «Видъннаго», которыя возбудили критику во французской печати. Они посвящены смертной казни убійць генерала Бреа. Это убійство было следствіемь іюньскихь дней и имьло политическій характерь. Несмотря на то, что вторая республика отмънила смертную казнь по политическимы дъламы, военный судъ примъниль ее, а президенть, помиловавь трехь, предоставиль остальных двухь роковой судьбь. Разсказавь объ этомъ событи въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, Викторъ Гюго отдаеть справедливость президенту въ томъ, что онъ поддержалъ одного изъ министровь, высказавшагося за помилованіе всёхъ присужденныхь, а съ другой говорить: «На другой день послъ казни можно было видъть имя Луи-Бонапарта вычеркнутымъ красной краской среди именъ кандидатовъ въ президенты, красовавшихся на ствнахъ домовъ въ парижскихъ предмъстънхъ. Это быль безмолвный протесть, упрекъ и угроза. Рука народа предшествовала десницъ Божьей». Противъ правильности разсказа Гюго возсталъ въ газетъ «Matin» бывшій адвокать казненныхь, Крассонь, впоследствій парижскій полицейскій префекть, во время правительства національной обороны. Онъ подробно описываеть свои два свиданія по этому случаю съ президентомь и увъряеть, что дъло происходило совершенно иначе, однако, хотя дъйствительно разсказы его и Гюго не сходятся въ мелочахъ, — въ сущности они совершенно тождественны. По тому и другому варіанту, Луи-Бонапарть отказался распространить свое право милости на пятерыхъ вмъсто трехъ изъ подсудимыхъ. Такимъ образомъ совершенно напрасно газета «Matin» обвиняеть Гюго въ оклеветании декабрьскаго героя ¹).

— Изъ писемъ графа Фридриха Эйленбурга. Въ «Deutsche Revue» Горстъ-Коль, извъстный своими изысканіями въ области переписки разныхъ лицъ съ княземъ Бисмаркомъ, помъстилъ выдержки изъ писемъ графа Фридриха Эйленбурга къ покойному первому германскому канцлеру 2). Письма относятся, главнымъ образомъ, къ пятидесятымъ и шестидесятымъ годамъ и представляютъ интересныя поясненія къ прусской политикъ временъ начинавшагося возвышенія Пруссіи. Непосредственное отношеніе къ Россіи имъсть изъ этихъ писемъ лишь одно, посланное 16-го іюня 1859 г. изъ Варшавы, куда Эйленбургъ быль отправленъ съ дипломатическимъ порученіемъ. «Какъ только я пріъхалъ сюда», —пишеть графъ Эйленбургъ, — «тогчасъ же дипломатическая канцелярія намъстника телеграфировала въ Петербургъ, могу ли я

 ^{*}Choses mal vues». Un démenti de Cresson à Victor Hugo. «Matin». 2 decembre. 1899.

^{2) «}Aus der Korrespondenz des Grafen F. v. Eulenburg».— «Deutsche · Revue», Jan. 1900.

вступать въ переговоры; на это денешею данъ быль отвъть: «oui, officieusement». Это офиціозное положеніе меня не очень стёсняеть, но, темъ не ментье, было бы лучше, если бы оно превратилось въ офиціальное... Отъ безконечнаго числа визитовъ, которые мив пришлось сделать, и отъ всехъ техъ русскихъ и польскихъ имень, которыя я долженъ запомнить, у меня идетъ голова кругомъ. Однако, впечатлъніе, которое въ общемъ у меня составилось, недурное, и кругъ дъйствій, открывающійся предо мною, великъ и интересенъ. Пруссофобскаго настроенія я нигдъ не замъчаль, особенно вь офиціальныхъ кругахъ. Зато сильно неудовольствіе по адресу Австріи, хотя и кажется, что это неудовольствие уменьшается съ каждымъ поражениемъ, которое несутъ австрійцы: здъсь прекрасно понимають опасности оть увеличенія значенія императора Наполеона и отъ принципа національности, на которой онъ опирается. Поляки—въ чрезвычайно радужномъ растроеніи. Въ одномъ изъ публичныхъ садовь третьяго дня, при исполнении мазурки изъ оперы «Еще Польша не пропала», публика оживленно апплодировала, несмотря на присутствіе русскихъ офицеровъ. Говорять, что это факть, неслыханный съ давнихъ поръ...». Въ другихъ письмахъ представляють интересь указанія на отношеніе Пруссіи къ Франціи наканунъ австро-прусской войны. «Ежедневно», — писаль Эйленбургь въ августъ 1865 года, — «посъщаеть меня французскій повъренный по дъламъ... Согласно письму вашему, я сдълалъ ему замъчаніе, что намъ до сихъ поръ еще неизвъстно, какъ Франція къ намъ отнесется въ случать войны съ Австрією. Онъ началь меня съ большимъ жаромъ убъждать, что настроеніе императора Наполеона вполнъ дружественное по отношению къ Пруссіи... Онъ прочиталъ мнъ письмо французскаго министра иностранныхъ дълъ, въ которомъ тотъ вновь увъряетъ, что Франція не желаеть вмъшиваться въ споры Австрін съ Пруссією, пока остальная Европа не будеть втянута въ борьбу; да и въ такомъ случаъ огношение Франціи будсть вполнъ дружественное... 30-го августа... французскій повъренный по дъламь быль у меня и сказаль мнъ, что имъ получено конфиденціальное сообщеніе изъ Парижа, изъ котораго вытекаеть, что Гольцъ запросиль Друэнь-дел'Юиса о формальномъ нейтралитеть Франціи. Министрь отвъчаль, что вь вопрось о (ютландскихъ) герцогствахъ Пруссія можегь разсчитывать на полнъйшій нейтралитеть Франціи...». Какъ видно изъ этихъ выдержекъ, письма Эйленбурга лишній разъ доказывають то оствиление, съ которымъ Франція сама подготовляла могущество Пруссіи.

— Вое нная служба и плънъ Поля Дерулэда. Франсуа Коппэ и г. Калли помъстили въ «Revue Hebdomadaire» біографію нынъ осужденнаго на изгнаніе изъ Франціи главы лиги патріотовъ—Поля Дерулэда. Біографія эта большею частью составлена изъ разсказовъ самого Дерулэда, переданныхъ съ точностью почти стенографическою 1). Однимъ изъ наиболье интересныхъ эпизо-

¹⁾ H. Calli: «Paul Déroulède raconté par lui-même», avec préface de Fr. Coppée.—«Rev. Hebdomadaire», 6 janv. 1900.

довъ въ біографіи является разсказъ о военной карьеръ Дерулэда, которую, какъ извъстно, почитатели поэта-солдата ставять въ примъръ всъмъ патріотамъ, въ то время, какъ порицатели его постоянно колють его тъмъ, что онъ будто бы бъжаль изъ илъна, нарушивъ данное имъ пруссакамъ слово. Въ разсказъ Г. Калли мы видимъ, какъ самъ Деруледъ объясняетъ свое поведение на войнъ. О побужденіяхъ, заставившихъ его промънять перо на саблю, онъ разсказываеть следующее. 15-го іюля 1870 г. онъ завгракаль у своего дяди Эмиля Ожье. Въ это время все, уже около недёли, находились въ тревожномъ ожиданіи: съ нетерпъніемъ ждали опубликованія офиціальныхъ денешъ и правительственных сообщеній. Народъ толимлся передъ Бурбонскимъ дворцомъ, жаждая услышать, что будеть ръшено: миръ или война. По предложенію Ожье, Дерулэдъ въ первый разъ въ жизни посътиль палату депутатовъ, гдъ предви-дълись важные дебаты по поводу текущихъ событій. Сессія въ этотъ день была историческая: Тьеръ нападаль на правительство, накликавшее на страну войну, а Эмиль Оливье утверждаль, что онъ исполниль свой долгь и принимаеть на себя полную отвътственность за разрывь, теперь уже неизбъжный. Перекоры политиковъ произвели на Дерулэда тягостное впечатлъніе. Онъ сталь также тяготиться тъмъ, что въ столь серіозное для страны время онъ ничъмъ не въ состояни помочь ей. Желая перейти отъ слова къ дълу, онъ попросилъ и легко добился мъста подпоручика сенскихъ мобилей. Гвардія эта, однако, на самомь дъль еще не существовала. Лишь изсколько батальоновъ были дъйствительно собраны и лътомъ 1867 года занимались строевымъ ученьемъ, что въ свое время вызывало протесты депутатовъ, утверждавшихъ, что Францію желають превратить въ казарму. Дерулэдъ принялся очень усердно за свое дъло, ежедневно ходиль на ученье и въ собраніе офицеровъ. 6-го августа въ Парижъ распространилось извъстіе о побъдъ, одержанной надъ непріятелемъ. Всъ дома украсились флагами, народъ на улицахъ дълился радостными впечативніями. Ок ло трехъ часовъ, однако, побъда превратилась въ пораженіе, несчастіе подъ Рейхсгоффеномъ подтвердилось, общее уныніе, при извъстіи о нашествіи непрія-теля на Францію, овладъло всъми. Въ тотъ же вечеръ Дерулэдъ поъхаль въ Мецъ, ръшившись немедленно же поступить въ любой полкъ, который его приметь. Въ Мецъ, однако, его не только не приняли, но велъли немедленно вернуться въ Парижъ. На вопросъ его: а какъ же съ нашествіемъ непріятеля? ему дали отвътъ жесткій, но откровенный: «Съ непріятелемъ вамъ скоро придется сражаться у самыхъ стънъ Парижа!». Немного дней спустя, сенскіе мобили были посланы въ Шалонскій лагерь. Дерулэдъ съ жаромъ принялся обучать свой отрядъ, горя нетериъніемъ скоръе пойти съ нимъ на встръчу непріятелю. Однако, немного дней послъ сбора войскъ въ Шалонъ, мобилей призвали для выслушанія приказа генерала Трошю о возвращеніи въ Парижъ «для охраны собственныхъ очаговъ». Дерулэдъ ръшилъ не возвращаться въ Парижь, и въ качествъ простого солдата поступиль въ полкъ зуавовъ. Изъ Шалонскаго лагери первый армейскій корпусь, въ которомъ служиль Деру-лэдъ, сталъ отступать къ Парижу. Въ Парижъ, среди лицъ, окружавшихъ императрицу, возвращение побъжденнаго императора считали неудобнымъ:

думали, что оно будеть сигналомъ къ революціи. Поэтому въ Реймсь дань быль приказь направиться черезь Арденны къ Мецу, къ осажденному войску Базена. Когда этотъ приказъбылъ полученъ, и войско выступало, майоръ Эрве сказаль Дерулэду: «Вследствіе новостей изъ Парижа нась принуждають къ крупной военной ошноскъ. Насъ посылають волку въ глотку». 30-го августа зуавы сражались у Музона на Маасъ, 31-го они занимали высоты Живонны, 1-го сентября утромъ они же открыли огонь на прусскія колонны и стали въ позицін близь деревни Цэньи. Когда седанская катастрофа выяснилась, зуавскій полкъ оказался разбитымъ на двъ части; одна сумъла пробраться къ бельгійской границъ и вернуться во Францію, другая, окруженная со всъхъ сторонь нъмцами, частью полегла на полъбитвы, частью принуждена была къ сдачъ. Брать Дерулэда быль ранень на вылеть въ грудь, и Поль Дерулэдъ остался цълую ночь на полъ битвы возлъ него, стараясь облегчить его страданія. Подъ утро онъ быль захвачень въ плень германскимь патрулемъ. Такъ какъ выяснилось, что, несмотря на свое солдатское платье, Дерулэдъ имъетъ офиперскій чинь, его оставили на свободь, такь что онь могь находиться при братъ, лежавшемь въ полевомъ лазаретъ. Черезъ недълю братъ быль уже внъ опасности и отправленъ на излъчение въ Бельгію, а Дерулэдъ долженъ быль дать честное слово, что отдасть себя въ распоряжение прусскихъ военныхъ властей въ Берлинъ, имъвшихъ назначить ему мъсто заключенія. Объщанія больш эн з брать въ руки оружія противъ пруссаковъ онъ не даваль. Онь, дъйствительно, согласно своему слову, явился въ прусское военное министерство и попросиль позволенія пом'єститься со своими товарищами по зуавскому полку въ Дюссельдорфъ. Считая себя теперь свободнымъ отъ обязательствь, онъ составиль планъ бътства, чтобы поступить въ ряды армін національной обороны. Прусскія власти, считая Дерулэда опаснымь, заключили его въ кръпость въ Бреславлъ. Получивъ здъсь немного денегъ отъ родственниковъ изъ Бельгіи, выучившись немного говорить понъмецки и замътивъ, что ежедневно съ 12 до 7 часовъ тюремщикъ, запиравшій его на это время, уже не заботился о немь, Дерулэдъ ръщиль, что въ его распоряженін имъется семь часовь, чтобъ бъжать изъ Германіи. Одинъ изъ находившихся въ Бреславлъ на свободъ французскихъ офицеровъ Жоно принесь ему въ кръпость одежду, чтобъ переодъться, и Дерулэдъ, незамъченный, сумъль выйти изь кръпости и добраться до жельзнодорожной станціп въ Бреславлъ. Здъсь онъ понъмецки спросилъ себъ билеть второго класса до границы и, пропутешествовавъ безъ перерыва день и ночь, черезъ три дня быть вь Турь, гдъ генераль Ловердо утромъ сдълаль его сержантомъ, а Гамбетта вечеромъ произветь въ подпоручики. Немного дней спустя, Деруладъ поступить въ полкъ алжирскихъ стръдковъ армін генерала Бурбаки, стоявшей на Луаръ. Эта армія должна была направиться къ Бельфору, освободить Эльзасъ и переръзать пути сообщенія непріятеля съ Германією. Для такой цъли была бы нужна армія образцовая и геніальнійшій вождь. На самомь же ділів восточная армія состояла почти исключительно изъ рекрутовъ, изъ остатковъ деморализованныхъ разбитыхъ полковъ подъ начальствомъ вождя, не върившаго въ

возможность успъха. Дерулэдъ, однако, не падалъ духомъ, и ему несчастная для Франціи кампанія обязана однимъ изъ напболъе славныхъ своихъ эпизодовь: взятіемъ Монбельяра 15-го января 1871 г. при помощи немногихъ десятковь солдать; за этоть подвигь Дерулэдь быль награждень 7-го февраля того же года орденомъ почетнаго легіона. Окупація Монбельяра продолжалась лишь два дня, а затъмъ началось намятное отступление: остатки армии шли безпорядочно, передвигаясь изъ стороны въ сторону, съ единственною цълью избъжать битвы. Сражаться было невозможно: не было ни припасовъ, ни аммуниціи, ни одежды; солдаты въ лохмотьяхъ бродили по кольни въ снъгу, питаясь въ проголодь полугнилыми сухарями и мерзлымъ хлъбомъ. Около 28-го января было подписано перемиріе, но оказалось, что восточной арміи оно не касалось. Оставалось лишь отступать и отступать, пока остатки арміи не были, наконецъ, приперты къ швейцарской границъ. Здъсь большая часть войска принуждена была положить оружіе и сдаться швейцарцамъ, чтобы не сдаваться пруссакамъ. Дерулэдъ и майоръ Ланъ не захотъли послъдовать примъру остальныхъ своихъ товарищей, сумъли пройти черезъ прусскія линіи п добраться до Бордо. Въ тотъ же день, когда Дерулэдъ явился здъсь въ военное министерство, онъ узналъ, что предварительныя условія мира подписаны, и что Франція теряетъ двъ провиндіи. Съ этого времени началась его проповъдь «реванша».

— Воспоминанія англійскихъ современниковъ. Надняхъ обширная литература современных в мемуаров в обогатилась тремя новыми книгами, которыя полны разсказовь, эпизодовь и анекдотовь о выдающихся политическихъ и общественныхъ дъятеляхъ Англіи въ XIX въкъ. Всъ онъ обнимають одну и ту же эпоху Викторіи и говорять болбе или менбе о тъхъ же лицахъ: о Брайтъ. Гладстонъ, лордъ Пальмерстонъ, Дизраэли, королевъ и т. д. Конечно, въ этихъ воспоминаніяхъ много пустой болтовин; но попадаются характеристическия подробности и неизвъстные анекдоты объ историческихъ личностяхъ. Наиболъе интересно сочинение консервативнаго депутата, сэра Ричарда Темпля, подъ заглавіемъ «Палата общинъ» 1). Онъ уже прежде написалъ книгу о парламентской жизни въ теоретическомъ и практическомъ отношенияхъ, а теперь представиль общій результать своего десятильтняго пребыванія въ палать общинъ, на основании веденнаго имъ дневника, куда онъ записываль каждый вечерь свои впечатленія. Этоть дневникъ, по его словамъ, заключаеть въ себъ десять громадных в томовь. Быть можеть, когда нибудь такой богатый матеріаль и будеть напечатань, но въ настоящее время авторь довольствуется тъмъ, что знакомитъ читателя съ самыми характерными свъдъніями изъ этого дневника. Отвергая съ презръніемъ очень распространенное митие, что парламенть не что иное, какъ первый въ Англін клубъ, авторъ доказываетъ, что оно вполнъ достойное представительное собраніе, и что палата общинь, несмотря на нъкоторые незначительные ея недостатки, добросовъстно и ревностно исполняеть свой долгь относительно избирателей и всей родины. Несмотря на свои консер-

¹⁾ The hous of commons, by sir Richard Temple. London. 1899.

вативные взгляды, Темпль признаеть, что новъйшія палаты, послъ широкой избирательной реформы 1884 года, гораздо выше во всъхъ отношеніяхъ прежнихъ парламентовъ. Подробно описывая всъ парламентские обычап, рисуя портрегы главивишихъ парламентскихъ двятелей и рельефно воспроизводя наиболъе замъчательныхъ изъ видънныхъ имъ нарламентскихъ сценъ, онъ называстъ Гладстона первымъ джентльменомъ палаты, Чамберлэна лучшимъ ораторомъ настоящей минуты, а Бальфура самымъ популярнымъ депутатомъ, благодаря его чарующей обходительности, несмотря на то, что наносимые имъ удары врагамъ отличаются смертоносной силой. Не менъе любопытны мемуары сэра Альджернона Веста 1), которые обнимають собою не менъе обширную эпоху оть 1851 по 1886 годъ. Ихъ авторъ принадлежить къ высшей администраціи и свътскому обществу, а потому его воспоминанія относятся къ болье широкой аренъ, хотя главный ихъ предметь все-таки министры, пэры и депутаты. Такъ какъ Вестъ состоять частнымъ секретаремъ Гладстона въ продолжение многихъ лътъ, то естественно, что всего болъе онъ говорить объ этомъ, по его выраженію, «быть можеть, величайшемь человъкъ, когда либо жившемь на свътъ». Онъ приводить много интересныхъ свъдъній о Гладстонь, какъ о государственномъ дъятелъ и частномъ человъкъ. Въ особенности онъ рельефно выставляетъ чарующую сторону его вліянія на всёхъ, съ которыми онъ приходиль въ столкновеніе. Такимъ образомъ враги, какъ Дизраэли, лордъ Сольсбери и другіе, находились съ нимъвъдружескихъ отношеніяхъи даже исполнялиего совъты. Напримъръ, выходя въ отставку въ 1886 году, онъ написалъ Весту письмо, въ которомъ выражать надежду, что замънившій его лордъ Сольсбери не соединитъ, какъ въ предыдущемъ своемъ кабинетъ, должности премьера и министра иностранных в дълъ, потому что это было очень вредно для истинныхъ интересовъ страны, и прибавилъ: «почему бы лорду Идеслею не сдълаться министромъ иностранныхъдълъ?». Весть показаль это письмо кому слъдуеть, и торійское министерство составилось такъ, какъ желаль его главный противникъ. Очень любопытенъ разсказъ Веста о причинъ ссоры между Гладстономъ и Чамбэрленомъ. При сформированіи своего недолгов'в чнаго третьяю министерства, Гладстонъ спросиль у Веста: «кого бы онь полагаль назначить министромь финансовъ». Секретарь указаль на Чамберлэна, но Гладстонъ возразилъ, что лондонскій финансовый міръ придеть въ ужась оть назначенія подобнаго радикала, п хотя Весть увъряль, что нъсколько недъль административной практики сгладять всё его крайности, но Гладстонъ настояль на своемь. Чамберлэнъ самъ отказался отъ морского министерства и получилъ управление мъстными дълами. Ни великій государственный челов'якъ, ни его секретарь не подозр'явали, что тогдашній радикальный пугало финансистовь сділается торійскимь министромъ, именно вслъдствіе того, что І'ладстонъ не сдълаль его министромъ финансовь. Переходя къ Гладстону, какъ къ частному человъку, Вестъ указывасть на извъстную его черту, именно на его благотворительность. Обыкновенно его упрекали въ скупости, но оказывается, что, будучи очень экономнымъ и не

¹⁾ Recollections 1832-1886, by sir Algernon West. London. 1899. 2 vol.

дозволяя никому обманывать себя невърными счетами или чрезмърной цъной на какой бы то ни было предметь, Гладстонъ въ то же время быль очень щедръ, но тщательно это скрываль отъ всъхъ. Наконецъ, Весть упоминаетъ объ одной мелочной странности Гладстона, именно, онъ до такой степени ненавидълъ запахъ табака, что просиль своего товарища по министерству, сэра Вильяма Гаркорта, праго курильщика, собираясь къ нему, перемънять одежду. Гладстону же отведено большое мъсто и въ воспоминаніяхъ сэра Эдуарда Росселя, извъстнаго нублициста и редактора ливернульской газеты «Daily Post» 1), которыя только что появились подъ оригинальнымъ заглавіемъ «Это мив напоминаеть...», Арена, на которой дъйствовать Россель, т. е. журналистика, приводила его въ столкновение съ многочисленными и разнообразными личностями, а потому въ своихъ мемуарахъ онъ говоритъ одинаково о королевъ и о модномъ атлетъ, о Гладстонъ и объ актерахъ. При этомъ всъ его разсказы и анекдоты отличаются веселымъ поверхностнымъ характеромъ. Такъ о лордъ Биконсфильдъ Россель разсказываеть, что онъ картавиль и неправильно произносиль нъкоторыя буквы, а о Гладстонъ онъ сообщаеть самыя мелкія подробности о томъ, какъ онъ завтракалъ и что говорилъ о г-жъ Новиковой, которую онъ защищать отъ обвиненія въ шионствъ у Буланже, котораго онъ презирать, какъ шарлатана, и о французскихъ роялистахъ, которыхъ онъ считалъ худшей нолитической партіей во всемъ свътъ. Королева Викторія, по словамъ Росселя, отличается большимъ юморомъ, она очень любитъ шутки и отъ души хохочеть надъ всъмъ смъшнымъ. Это веселое настроеніе, однако, замъчаеть онъ, не мъшаеть ей быть очень трудолюбивой, разумной и деловой женщиной. Онъ разсказываеть о королевь любопытный анекдотъ. Однажды, разговаривая съ высокопоставленной особой, она замътила, что не любить такого-то и назвала очень богатаго землевладъльца. На вопросъ, почему онъ ей не нравится, она отвътила: «По той простой причинъ, что онъ дурно обращается со своими арендаторами, которые живуть въ очень плохихъ хижинахъ, и при каждомъ улучшении въ ихъ хозяйствъ онъ увеличиваетъ ренту. Я въдь сама арендаторша. Я арендую у такого-то землю, и онъ также при всякомъ улучшении моей фермы увеличиваетъ ренту». Но хотя Россель питаетъ особую слабость къ анекдотамъ, но ни одинъ изъ приводимыхъ имъ анекдотовъ не отличается такимъ остроуміемъ, какъ замъчаніе лорда Пальмерстона, которое передаетъ Весть въ своихъ воспоминаніяхъ. Однажды королева Викторія, присутствуя на нарадъ въ Гайдъ-Паркъ, замътила, что при проходъ волонтеровъ воздухъ становится очень тяжелымь, а находившійся подлів нея лордь Пальмерстонъ сказаль: «Это esprit de corps, ваше величество».

— Смерть Дроза. Вся Швейцарія оплакиваєть кончину одного изъ первыхь ея государственныхь людей, Нумы Дроза. Онъ родился въ 1844 году въ Невшательскихь горахь; лишившись въ дътствъ отца, который быль граверомь, поступиль юношей въ ту же граверную мастерскую. Но мъстный пасторь, замътивь его страсть къ книгамъ, сталъ давать ему въ свободное время

¹⁾ That remindes my... by ser Edward Russell. London, 1899,

уроки латинскаго и греческаго языковъ, а затъмъ помъстиль его въ педагогическій институть въ Невшатель. Окончивь курсь, молодой Дрозъ поступиль репетиторомь въ Бехтеленскую спротскую школу близь Бержа на жалованье въ 400 франковъ. Усовершенствовавшись въ нъмецкомъ языкъ, онъ вернулся въ свой родной кантонъ и получиль мъсто учителя въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній Невшателя. Несмотря на свои педагогическія занятія, онъ сдълался постояннымъ сотрудникомъ радикальной газеты «National Suisse». Его политическія письма въ этой газеть обратили на себя вниманіе, и 20 літь онь сділался ея редакторомь. Оть теоретической политики до практической только одинь шагь, и Дрозъ скоро выступиль на общественную арену. Сначала онъ быть членомъ законодательнаго собранія п правительства вы своемы кантонъ, а затъмы делегатомы вы совътъ кантоновы и его предсъдателемъ. Наконецъ, въ 1875 году онъ вступилъ въ федеральный совъть и оставался тамъ 17 лътъ, въ продолжение которыхъ онъ былъ два раза въ 1881 и въ 1887 годахъ президентомъ швейцарской республики. Во время этой продолжительной общественной и политической дъятельности Дрозъ, главнымъ образомъ, занимался законодательной частью. Онъ провель нъсколько важныхъ новыхъ законовъ, между прочимъ, о привилегіяхъ на изобрѣтенія, о фабричныхъ клеймахъ и о гражданской отвътственности фабрикъ передъ рабочими въ случат несчастій. Въ последнемъ вопросе ему принадлежитъ починъ во всей Европъ, и съ 1877 года онъ занимался имъ постоянно и съ особенной любовью. По его идет быль созвань въ Нарижт въ 1889 году первый международный конгрессъ о несчастныхъ случаяхъ. Представивъ на этомъ конгрессъ блестящій докладь, онъ настояль на томь, чтобы этоть конгрессъ собирался періодически и сдълался витстт съ издаваемымъ имъ журналомъ общимъ центромъ для изученія этого важнаго соціальнаго вопроса. Еще ранъе онъ помъстиль о томь же предметь цылый рядь статей вь «Bibliotheque universelle» въ 1885 году подъ заглавіемъ «Жертвы труда и обязательное страхованіе». Принимая участіе въ федеральномъ правительствъ, Дрозь завъдываль министерствами, или, какъ они называются въ Швейцаріи, департаментами, прежде внутреннихъ дълъ, потомъ торговли и, наконецъ, иностранныхъ дълъ. Въ последнихъ двухъ Дрозъ въ особенности оставиль свой следъ. Онъ заключить торговые трактаты съ всеми государствами, и въ особенности ему стоилъ много труда трактать съ Франціей, такъ какъ ему пришлось бороться съ протекціонистской политикой Мелина, и только при радикальныхъ французскихъ министерствахъ ему удалось возобновить между объими странами правильныя торговыя отношенія. Но, быть можеть, вь министерствъ иностранныхь дъль Дрозъ всего болъе выказалъ свои крупныя государственныя способности. По поводу извъстнаго дъла Вольгемута онъ побъдоносно выдержалъ борьбу съ самимъ Бисмаркомъ въ апогет его могущества. Этотъ Вольгемуть былъ полицелскимъ комиссаромъ на жалованъъ Бисмарка. Онъ занимался по поручение желъзнаго канплера пипонствомъ въ Швейцарии и слъдилъ за соціалистами. Въ помощники онъ взяль базельскаго портного по имени Люцъ, и послъдній за щедрую плату исполнять должность подстрекателя. Фактически убъдившись

въ этомъ, федеральный совъть арестоваль обоихъ шпоновъ и выслалъ ихъ за границу. Бисмаркъ озлился и не только спустиль на Швейцарію свою пресмыкающую прессу, но и бомбардироваль федеральный совъть грозными нотами. По этому случаю Дрозь произнесь въ національномъ совъть одну изълучшихъ своихъ ръчей: «Германское правительство, — сказаль онъ, между прочимь, — увъряеть, что наша полиція недостаточна, чтобы предохранить Германію оть діятельности измецкихъ агитаторовъ на нашей территоріи, и что потому она обязана держать своихъ полицейскихъ агентовъ. На это мы отвъчали, что мы не можемъ раздълять ни съ къмъ нашей полицейской власти на швейцарской территоріи, и что мы свято сохранимъ эту принадлежность нашего народнаго самодержавія такъ же, какъ право убъжища». Въ этомъ же духъ дъйствоваль Дрозь, когда Бисмаркъ прекратилъ всъ отношенія Германіи къ Швейцаріи и нарушиль торговый между ними договорь. Въ концъ концовъ, желъзный канплеръ, однако, долженъ быль уступить въ интересахъ Германіи, и переговоры о новомъ торговомъ договоръ велъ тотъ же Дрозъ, который заставилъ смириться повелителя всей Европы. Естественно, что популярность Дроза дошла до зенита въ виду такой смълой и успъшной защиты національнаго достоинства маленькой республики. Но въ последнія 8 леть своей жизни онъ отказался отъ практической политической дъятельности, благодаря тому, что большинство радикальной партіи, къ которой онь принадлежаль, стало проводить такъ называемый государственный соціализмъ, который противоръчиль его строгимъ либеральнымъ и экономическимъ убъжденіямъ. Прежде всего онъ возсталъ противъ учрежденія государственнаго банка для всей Швейцаріи, и несмотря на то, что правительство и національный совъть приняли эту мъру, ему удалось поднять такую агитацію противъ нея въ странь, что при общей народной баллотировкъ вопроса онъ быль разръшень отрицательно. Также энергично онъ дъйствоваль противъ покупки государствомъ жельзныхъ дорогь и страхованія рабочихъ. Но туть онъ потериълъ поражение, и оба законопроекта были утверждены народомъ. Тогда Дрозъ окончательно сошелъ съ общественной арэны и съ 1892 года находился директоромъ международнаго бюро желъзныхъ дорогъ въ Бериъ, такъ какъ онъ не хотълъ принять ни одного изъ многочисленныхъ предложеній поставить его во главъ коммерческихъ предпріятій. Точно также онъ отказался отъ предложеннаго ему европейскими державами поста губернатора Крита и отъ мъста помощника королевича Георгія, назначеннаго правителемъ Крита. Завъдуя международнымъ бюро желъзныхъ дорогъ, которое въ сущности составляеть международный третейскій судь по всемъ железнодорожнымь вопросамь, онь практически осуществляль одну изь самыхъ плодотворныхъ идей нашего времени, именно, о сосдинени всъхъ странъ въ одно общечеловъческое братство. До сихъ поръ въ этомъ бюро участвують 7 государствъ, кромъ Швейцаріи: Германія, Австро-Венгрія, Данія, Франція, Италія, Люксембургь и Голландія, но его юрисдикція уже простирается на 173.000 километровъ желъзныхъ дорогъ и контролю подчинены 2.000 международныхъ тарифовъ и 45.000 станцій. Пока бюро распоряжается только багажнымъ движеніемъ, но уже предложено распространить этоть международный контроль на

пассажирское движеніе, и Дрозь уже выработаль планъ новой международной конвенціи. Несмотря на свою энергичную дѣятельность въ этомъ благотворномъ международномъ дѣлѣ, онъ продолжаль до самой своей смерти усиленно сотрудничать по общественнымъ и политическимъ вопросамъ въ «Annales politiques et parlementaires» и въ «Bibliotheque universelle», а также читалъ лекціп о желѣзныхъ дорогахъ въ Невшательскомъ университеть. Наконецъ, смерть его застала за приготовленіемъ отчета международному конгрессу о несчастныхъ случаяхъ, который соберется весной въ Парижъ.

СМ ТСЬ.

ОРЖЕСТВЕННОЕ засъдание императорской Академіи Наукъ. 29 декабря въ большомъ конференцъ-залъ, украшенномъ тропической зеленью, состоялось торжественное годовое засъдание Императорской Академіи Наукъ. Ровно въ часъ дня прибыть августъйшій президенть Академіи его императорское высочество великій князь Константинъ Константиновичъ и, занявъ предсъдательское мъсто, сообщить высочайшее повельніе объ учрежденіи разряда изящной словесности при второмъ отдъленіи Академіи. Непремънный секретарь академикъ Н. О. Дубровинъ про-

четь отчеть о дъятельности Академіи по физико-математическому и историкофилологическому отдъленіямъ. Въ прошлой жизни Академіи небыло столь печальнаго года, какъ истекающій. Она лишилась пяти выдающихся сочленовъ академиковъ: П. В. Еремъева, А. А. Куника, А. Ө. Бычкова, В. Г. Васильевскаго и Н. А. Лавровскаго; лишилась четырехъ почетныхъ членовъ и семи членовъкорреспондентовъ. Памяти почившихъ были посвящены ораторомъ сочувственные некрологи. Была также почтепа краткими сердечными воспоминаніями и память почетнаго члена Академін его императорскаго высочества наслъдника цесаревича и великаго князя Георгія Александровича, старъйшаго почетнаго члена ген.-ад. адм. Посьета, статсъ-секретаря бар. А. П. Николаи, государственнаго контролера Т. И. Филиппова и членовъ-корреспондентовъ А. А. Скальковскаго, оріенталиста Ф. Вюстенфельда, Г. Видемана, Софуса Ли, К. Фриделя, Э. Франкланда и Роберга-Вильгельма Бунзена. Перейдя къ важивйшимъ ученымъ предпріятіямъ, ознаменовавшимъ академическую жизнь за истекцій годъ, ораторы подробно остановился на описаніи экспедиціи на Шпицбергень, со-«истор. въсти.», февраль, 1900 г., т. LXXIX.

ставляющей одно изъ крупнъйшихъ научныхъ событій XIX въка, и затьмъ охарактеризоваль предпринимаемую въ будущемъ году русскую полярную экспедицію для открытія и изследованія архипелага, лежащаго къ северу отъ Ново-Сибпрскихъ острововъ. Одною изъглавныхъ задачъ этой экспедиціи, иниціатива которой принадлежить барону Э. В. Толлю, будеть изученіе мало извъстныхъ еще острововъ-Земли Санникова, видънной самимъ барономъ Толлемъ съ Котельнаго острова, острова Беннета, открытаго членами экспедицін несчастной «Жаннеты», п тъхъ предполагаемыхъ Ф. Нансеномъ острововъ, которые препятствують движенію восточныхъ льдовъ на западъ въ области моря, лежащаго къ съверо-западу отъ Ново-Сибирскихъ острововъ, и обусловливають сравнительную свободу его оть льда. Независимо отъ этой чисто-географической задачи, проектируемая экспедиція должна дать весьма важные результаты и по отношенію къ геологіи. Проекть ея, намъченный въ общихъ чертахъ барономъ Э. В. Толлемъ, былъ разсмотрънъ комиссіей, подъ предсъдательствомъ августъйшаго президента Академіи, изъ академиковъ: Ф. Б. Шмидта, О. А. Баклунда, О. А. Бредихина, В. В. Заленскаго, А. И. Кариинскаго, М. А. Рыкачева, С. И. Скаржинскаго, князя Б. Б. Голицына и Ө. Н. Чернышева. Сверхъ того, въ комиссію были приглашены д-ръ А. А. Бунге, М. Н. Кницовичь, баронь Ф. Р. фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ, баронъ П. А. Раушъ-фонъ-Траубенбергь, ген.-лейт. К. И. Михайловь, баронь Э. В. Толль и А. А. Бялынецкій-Бируля. Министромъ финансовъ испрошено высочайщее повелъние на ассигнованіс нынъ же 60 тыс. рублей для пріобрътенія соотвътствующаго судна, кокорое уже пріобратено въ Норвегіи и приспособляется для палей предстоящаго плаванія. Число премій, присуждаемыхъ Академіей, увеличилось двумя новыми: одна изъ нихъ-имени К. Д. Ушинскаго за лучшее сочинение, имъющее предметомъ разработку антропологическихъ, физіологическихъ, психологическихъ и другихъ свъдъній, необходимыхъ въ дълъ воспитанія. Преміи выдаются че--осон акуад и 800 ам йонсон йондо аки аткотосо и атак, атки киджка акуа винныхъ по 400 руб. каждая. Вторая премія имени профессора С. И. Іванова, предназначенная за лучшее сочинение по естественнымъ наукамъ на русскомъ языкъ, будеть присуждаться съ 1 апръля 1901 года. Ученая дъятельность Академін выразилась въ следующемъ. Николаевская главная астрономическая обсерваторія въ Пулков'в продолжала безпрерывно свои наблюденія. Весною 1897 г. была начата постройка вспомогательной астрономической обсерваторім вь Одессь; съ апрыл текущаго года въ ней начались уже систематическія наблюденія. Затымь были сообщены свыдынія о научныхь работахь академиковъ. Въ истекциемъ году реорганизована метеорологическая служба въ Сибири. Съ 1 января 1900 года екатеринбургская и иркутская обсерваторін преобразуются въ мъстные центры, къдающіе метеорологическими станціями въ Западной и Восточной Сибири. Вопросъ объ учреждении на Дальнемъ Востокъ новой обсерваторіи остается пока открытымъ и будеть обсуждень на ближайшемъ метеорологическомъ събздъ. Расширена метеорологическая съть вокругъ озера Байкала и вдоль линіи Сибирской жельзной дороги. Главная физическая обсерваторія руководила изсл'ядованіями высших в слоевь атмосферы и снаряженіемъ шинцбергенской экспедиціи, провъряла инструменты. Въ Константи-

новской магнитной обсерваторіи велись д'вятельныя и непрерывныя наблюденія. Минералогическій музей нереименовань въ геологическій. Весною быль организованъ пълый рядъ экскурсій для коллектированія окаменълостей въ различныхъ мъстностяхъ имперія. Въ Севастопольской біологической станціи установлены новые акваріумы и морскіе бассейны. По историко-филологическому отдъленію академикъ Н. О. Дубровинь перечислиль длинный рядь трудовъ академиковъ. Академикомъ А. А. Шахматовымъ былъ прочитанъ отчетъ о дъятельности отдъленія русскаго языка и словесности. Была помянута память скончавшихся академиковъ А. Ө. Бычкова и Н. А. Лавровскаго; затъмъ быль сообщенъ отчеть о возникновеніи при второмъ отдъленіи Академіи разряда изящной славесности. Отделенію даровано право увеличить свой составъ шестью новыми ординарными академиками. Въ течение года продолжались работы: по словарю русскаго языка, по матеріаламъ для словаря древне-русскаго языка И. И. Срезневскаго, по литовскому словарю и по другимъ изданіямъ отделенія. А. А. Шахматовымъ были подробно изложены ученыя работы академиковь: покойнаго А. О. Бычкова, М. И. Сухомлинова, А. Н. Вессловскаго, И. В. Ягича, Л. Н. Майкова, Ф. О. Фортунатова и А. Н. Пышна. Въ нынъшнемъ году последовало присуждение Ломоносовскихъ премій, на сопскание которыхъ были представлены два труда. Малыя Ломоносовскія преміи присуждены II. А. Сырку за сочиненіе «Къ исторіи исправленія книгь въ Болгаріи въ XIV въкъ» и Н. М. Тупикову-за «Словарь древне-русскихъ личныхъ собственных именъ». Академикъ θ . Н. Чернышевъ въ прекрасной ръчи сообщиль отчеть о работахъ экспедиціи по градуснымъ изміреніямъ на островахъ Шпицбергена. Сообщеніе иллюстрировалось географической картой, экземиляры которой были предлагаемы всёмь присутствовавшимь. Речь была покрыта аплодисментами. Затъмъ былъ прочитанъ отчетъ состоящей при Академіи постоянной комиссіи для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ. Комиссія состояла изъ предсъдателя—вице-президента Академіи Л. Н. Майкова, товарища предсъдателя—непремъннаго секретаря Н. О. Дубровина и членовъ: В. Г. Васильевскаго, А. Н. Иыпина, П. П. Вейнберга, И. В. Мушкетова, А. А. Шахматова, И. В. Быкова, М. С. Воронина, В. С. Лихачева и Э. Л. Радлова. Въ распоряжение комиссии поступило 50.512 руб. 43 коп. Комиссія имъла 22 совъщанія, въ которыхъ было разсмотръно 488 ходатайствъ. Удовлетворено 338 ходатайствъ и отклонено 140 по отсутствію для ихъ удовлетворенія уважительныхъ причинъ. Пенсій имени императора Николая II выдано 51 лицу на сумму 19.692 руб. Трое изъ пенсіонеровъ комиссіи умерли; вновь назначены пенсін 9 лицамъ на сумму 2.420 руб. Единовременныя пособія выданы 232 лицамъ на сумму 10.590 руб. 40 коп., въ томъ числѣ 19 лицамъ для уплаты за обучение дътей, въ 8 случаяхъ на расходы по погребеню, въ 38-на лъчене и въ 2-по случаю пожара. Въ томъ числъ въ 54 случаяхъ была оказана помощь въ общей сложности на сумму 1.738 руб. экстренно изъ аванса, находящагося въ распоряжении предсъдателя комиссии. Выдавались пособія, разсроченныя по мъсяцамъ, 97 лицамъ на сумму 20.030 руб., въ томъ числъ вь нъсколькихъ случаяхъ на воспитаніе дътей нуждающихся писателей. Оставшіеся невыданными исъ капитала 200 руб. З коп. причислены

къ средствамъ будущаго года. Кромътого, ко дню составленія отчета въ авансъ предсъдателя комиссіи остались еще не выданными 80 руб. на случай неотложныхъ воспособленій впредь до перваго совъщанія комиссіи въ 1900 г., и если образуется остатокъ, онъ также будетъ причисленъ къ средствамъ будущаго года. Затъмъ слъдовали отчеты по присужденію премій графа Д. А. То тстого и О. О. Брандта. Первая почетная золотая медаль имени графа Толстого присуждена приватъ-доценту Императорскаго Московскаго университета ('. А. Чанлыгину за его четыре сочиненія. Второю почетною золотою медалью было награждено сочиненіе Франца Ренца о положеніяхъ спутниковъ Юпитера; третья почетная золотая медаль присуждена Е. А. Гейнцу за работу по метеорологіи и денежная премія въ 800 руб. назначена профессору С.-Петербургскаго университета В. М. Шимкевичу за цълый рядъ его ученыхъ работъ. Признательность академіи выражена Н. Е. Жуковскому и Д. І. Ивановскому за разсмотръніе сочиненій.

Премія имени академика О. О. Брандта въ 500 рублей присуждена В. Т. Шевякову. Почетная юбилейная медаль имени академика К. И. Бэра, присужлаемая за крупныя пожертвованія въ музеи и библютеку Академін, назначена Н. И. Гондатти за пожертвованныя имъ въ зоологическій, антропологическій п этнографическій музеи Академіи богатыя научныя колекцін. Затэмъ были провозглашены имена слъдующихъ вновь избранныхъ Академіею лицъ. Въ почетные члены: высокопреосвященнъйшие митрополиты киевский и галицкий Іоанникій и с.-нетербургскій и ладожскій Антоній, архимандрить, члень сербской академіи наукъ въ Бълградъ и историкъ сербской церкви-Никифоръ Дучичъ, министръ земледълія и государственныхъ имуществъ д. т. с. Алексъй Сергъевичь Ермоловъ, министръ путей сообщения т. с. кн. Миханлъ Ивановичъ. Хилковъ. Въ члены-корреспонденты: 1) по физико-математическому отдъленію: проф. въ Лейпцигъ Фридрихъ Энгель, чл. вънской академіи Людвигъ Больцманъ, проф. въ Греноблъ Ф. М. Рауль, проф. въ Берлинъ Эмиль Фишеръ, чл. французскаго института Марсель Бертранъ; 2) по отдълению русскаго языка и словесности: орд. проф. Моск. унив. Н. И. Стороженко, проф. чешскаго языка и литературы въ пражскомъ чешскомъ университетъ, д. чл. чешской академін наукъ, д-ръ Янъ Гебауерь; 3) по историко филологическому отдъленію: д-ръ госуд. права и б. проф. Моск. унив. М. М. Ковалевскій, проф. С.-Петерб. унив. В. А. Жуковскій, чл. французскаго института Клермонъ-Ганно (Clermont-Ganneau), чл. Берлинской академіи наукъ и проф. Грейфсвальдскаго университета, Вильгельмы Альвардты (Wilhelm Ahlwardt).

Памятникъ А. П. Богданову. На кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря поставленъ памятникъ на могилѣ покойнаго профессора Московскаго университета Анатолія Петровича Богданова. Иниціатива сооруженія памятника принадлежить императорскому обществу любителей естествознанія, антропологів и этнографіи, которое обратилось съ особыми циркулярами, приглашающими принять участіе въ составленіи капитала для увѣковѣченія памяти покойнаго своего основателя, ко всѣмъ своимъ членамъ, а равно и во всѣ тѣ ученыя общества и учрежденія въ Россіи и за границею, въ которыхъ покойный быль членомъ. На это приглашеніе отозвались многія учрежденія и частныя лица, причемъ главнъйшее участіе въ составленіи капитала приняли: комитеть

Политехническаго музея, императорское русское общество акклиматизаціи и комитеть шелководства московскаго общества сельскаго хозяйства. Всего собрано по настоящее время около 6.000 р. Памятникъ исполненъ по проекту проф. К. М. Быковскаго изъ чернаго шведскаго гранита (фирмою М. Д. Кутырина) и представляеть собою массивный кресть на изящномъ пьедесталь, передняя часть котораго выдается нъсколько въ видъ кіота, въ которомъ помъщенъ большой мозаичный образъ Спасителя работы извъстной петербургской мастерской Фролова. Подъ образомъ находится изящная художественной работы бронзовая вътвь (лавръ и пальма), сдъланная въ мастерской скульпторовъ Пожильцова и Чернышева. Плита подъ памятникомъ-краснаго финляндскаго гранита. На лицевой сторонъ сдълана надпись крупными полированными рельефными буквами: «Анатолій Петровичь Богдановь, родился 1-го октября 1834 года, скончался 16-го марта 1896 года». На обратной сторонъ помъщены составленная самимъ покойнымъ эпитафія и перечисленіе всёхъ ученыхъ обществъ, принявшихъ участіе въ постановкъ памятника. Въ виду значительныхъ размъровъ памятника обществу любителей естествознанія пришлось пріобръсти мъсто на кладбищъ рядомъ съ могилой покойнаго. Всъ расходы по постановкъ памятника составили около 3.000 рублей. Остальныя деньги будуть внесены въ качествъ неприкосновеннаго капитала на премію за научные труды но зоологіи.

Дваднатильтие «Историческаго Въстника». 1-го декабря 1899 года, вы двадцатую годовщину редактированія «Историческаго Въстника» С. Н. Шубинскимъ, сотрудники поздравили редактора и пригласили его на скромный товарищескій банкеть въ ресторань Контанъ. Здёсь къ девяти часамъ вечера собрались В. Н. Бородаевская-Ясевичь, А. К. Бороздинь, В. О. Боцяновскій, Н. А. Бълозерская, К. А. Военскій, Б. Б. Глинскій, П. Я. Дашковъ, И. Н. Захарынь-Якунинь, П. М. Кауфмань, П. А. Конскій, В. А. Крыловь, Е. А. Ляцкій, А. І. Лященко, Д. Л. Мордовцевъ, П. М. Невъжинъ, Л. Е. Оболенскій, А. А. Плещеевъ, П. Н. Полевой, В. Е. Рудаковъ, А. Е. Слезкинскій, А. С. Суворинъ, В. А. Тимашевъ-Берингъ, В. А. Тихоновъ, С. С. Трубачевъ, А. Н. Фаресовъ, К. І. Храневичъ, В. Д. Черевковъ, Е. С. Шумигорскій, Н. К. Шильдеръ и И. А. Ювачевъ. Появление С. Н. Шубинскаго было встръчено аплодисментами и, когда послъдніе смолкли, Н. К. Шильдеръ обратился къ Сергъю Николаевичу съ привътствіемъ и поздравленіемъ отъ лица согрудниковъ, прося вмъстъ съ тыть принять подарокъ, состоящій изъ серебрянаго прибора для куренія. На ящикъ для сигаръ были выръзаны факсимиле всъхъ лицъ, участвовавшихъ въ подношении этого подарка. С. Н. Шубинскій отвъчаль въ свою очередь собравшимся здёсь и потомъ обратился къ А. С. Суворину, какъ издателю «Историческаго Въстника». Въ отвътъ на это А. С. Суворинъ сказалъ также нъсколько словъ, выразивъ признательность редактору «Историческаго Въстника». В. В. Глинскій прочель полученныя телеграммы отъ гг. Шенрока, Корсакова, Корженевскаго, г-жи Ившковой, книжнаго магазина «Новаго Времени» за поднисью θ . II. Колесова и передать нисьмо отъ А. В. Амфитеатрова. Послъ чествованія быль подань чай и продолжалась бесёда. Въ тоть же день сотрудпики поднесли на память жетонъ метраниажу журнала И. О. Богданову, а завъдующему конторой В. Я. Анисимову серебряный портсигаръ.

Музей В. В. Тарновскаго. Черниговскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ 11-го декабря 1899 г. разръшенъ вопросъ о приняти земствомъ музея В. В. Тарновскаго. Музей этоть представляеть драгоценнейшую историческую коллекцію. Владълецъ его, скончавшійся въ прошломъ году, почти всю жизнь заботился о собираніи предметовъ мъстной древности, книгь, рукописей и картинъ и на пріобрътеніе всего этого затратиль огромныя средства. Въ 1898 году Тарновскій принесъ этотъ музей въ даръ черниговскому губернскому земству. Губернское земское собрание съ благодарностью приняло даръ и ассигновало 20 тыс. руб. на постройку дома для музея, но исполнение этого постановленія встрътило неожиданную задержку: губернаторъ предложиль губернскому по земскимъ дъламъ присутствію отмънить его. Присутствіе признало постановление о музет вполнъ законнымъ. Но губернаторъ, не согласившись съ этимъ, представилъ дело министру внутреннихъ делъ. Наконецъ, недавно комитеть министровъ уведомиль, что постановление земскаго собрания о музев оставлено въ силъ. По случаю этой задержки настоящее собрание подвергло новому пересмотру весь вопрось о музеть, для чего управою представленъ особый докладъ. Въ докладъ между прочимъ изложено, что командпрованнымъ управою лицомъ была произведена опись музея, хранимаго пока въ Кіевъ. Предметы, составляющіе музей, относятся къ эпохамъ доисторической, великокняжеской и казацкой. Кромъ того, къ XIX в. относятся разныя рукописи, автографы писателей, картины художниковь и библютека, заключающая въ себъ 2.321 нумеръ. Въ библютекъ есть и старинныя книги, въ числъ которыхъ обращаетъ на себя вниманіе Острожское изданіе Библіи 1580 г. Доисторическій и великокняжескій отдёлы заполнены главным в образом в предметами, полученными отъ раскопокъ городища «Княжа гора» въ Черкасскомъ увздъ Кіевской губ. Предметовъ доисторической эпохи въ музев болье 400, а великокняжеской—до 1750. Самымъ богатымъ отдъломъ является казацкій. Окончательный подсчеть предметовъ этой эпохи еще не сдъланъ. Въ немъ множ ство оружія, сбрун, сосудовъ домашней утвари, одежды, часто съ прекраснымъ стариннымъ шитьемъ, и т. п. Старинныхъ портретовъ и картинъ, писаннычь масляными красками, болбе 130-ти. Есть богатый отдъль поэта Шевченко: рукописи его сочиненій, письма, болье 300 его рисунковъ и разныя его вещи. Большинство предметовъ внесено въ два печатныхъ каталога музея. Но сотни предметовъ и множество рукописей не вошли въ эти каталоги и теперь только поверхностно сосчитаны, но не описаны точно. Собраніе постановило принять окончательно въ собственность губерискаго земства музей г. Тарновскаго и назначить для его помъщенія одинь изъ домовь въ усадьбъ земскаго спротскаго дома, ассигновавъ на его перестройку и приспособление 9.000 р. Жаль только, что домь этоть находится на самомь краю города. А между тымь извъстно, что мъстная дума охотно отвела бы для музея одно изъ лучшихъ мъсть въ центръ города, и затрата на постройку тамъ новаго дома не вызвала бы большой добавочной ассигновки. Для сортировки всёхъ предметовъ, книгъ и рукописей музея, для систематического размъщенія ихъ и для составленія описи всему собраніе ръшило пригласить свъдущее лицо и на вознагражденіе за этотъ трудъ открыло управъ кредить до 700 руб. Открытіе музея въ Чергонивъ предположено осенью 1900 года.

Общество любителей древней инсьменности. Въ состоявшемся подъ предсъдательствомъ гр. С. Д. Шереметева общемъ собрании предсъдатель заявиль, что общество понесло утрату въ лицъ скончавшихся: почетнаго члена-Т. И. Филипова и членовъ-корреспондентовъ В. Г. Васильевскаго и кн. С. Н. Трубецкого. Общество почтило намять ночившихъ вставаніемъ. Затемъ были прочитаны некрологи А. Ө. Бычкова и В. Г. Васильевскаго. Графъ С. Д. Шереметевъ, остановившись на отношения А. Ө. Бычкова къ обществу, напомниль о неизмънномъ сочувстви покойнаго обществу за все время его существования и о томь живомъ участіи, которое покойный принималь до послъднихъ дней жизни въ засъданіяхъ общества. Д. О. Кобеко охарактеризоваль значеніе научной дъятельности В. Г. Васильевскаго, указавъ на то, что онъ создаль русскую школу византинистовъ и поставиль на твердую почву изучение Византии въ Россіи. Н. Д. Чечулинъ сдълаль въ этомъ засъданіи сообщеніе: «Путешествіе въ землю Офирскую» кн. НІсрбатова. Докладчикъ указаль, что «Путешествіе» есть соціальный романъ, въ которомъ авторъ имъеть въ виду постоянно современное ему положение России. Самыя имена городовь и ръкъ земли Офирской являются обыкновенно видоизмъненіями русскихъ названій городовъ и ръкъ: напр., Квамо вм. Москва, Евки вм. Кіевъ, Голва вм. Волга п т. п. Изъ разсмотрънія «Путешествія» очевидно, что кн. Щербатовь до извъстной степени подражаль слъдующимъ соціальнымъ романамъ: «Königreich Ophir», неизвъстнаго автора, 1609 г., «Histoire des Sevarambes», Верасса, 1677 г., «Епtretien d'un européen avec un insulaire du royaume de Dumocala», Станислава Лещинскаго, 1753 г.; до иъкоторой степени замътны вліяніе и Фенелонова «Телемака» и знакомство съ «Государствомъ» Илатона и нъкоторыми другими соціальными романами. Ни одному изъ этихъ образцовъ, однако, кн. Щербатовъ не стъдовалъ вполит; онъ вложиль въ свое произведение собственное содержаніе: главная цъль кн. Щербатова указать недостатки современнаго положенія Россін и средства, и способы ихъ избъгнуть. «Путешествіе въ землю Офирскую» представляеть интересь, и какъ единственный извъстный пока русскій соціальный романь, и какъ наиболъе полное и послъдовательное выражение нъкотоныхъ идеаловъ автора, который и туть, какъ въ другихъ своихъ произведеріяхъ, является крайнимъ защитникомъ сословнаго строя и дворянскихъ привилегій.

Московское археологическое общество. І. Въ первомъ декабрьскомъ засъданіи подъ предсъдательствомъ графини ІІ. С. Уваровой были прочитаны доклады А. А. Потапова—«Очерки древней русской гражданской архитектуры» и гр. ІІ. С. Уваровой — «Архитектурные памятники Юго-Западнаго края». Г. Потаповъ демонстрироваль около 150 исполненныхъ имъ рисунковъ старинныхъ русскихъ зданій и привель историческія и архитектурныя данныя о нъкоторыхъ изъ нихъ. Цънный трудъ его предполагается издать. Гр. Уварова сдълала сообщеніе о своей поъздкъ по Юго-Западному краю послъ археологическаго съъзда въ Кіевъ, при чемъ указала на многіе примъры разрушенія и невъжественной реставраціи историческихъ зданій. Кромъ того, собранію было доложено, что извъстный кіевскій меценатъ Н. А. Терещенко пожертвоваль обществу 8.000 рублей съ тъмъ, чтобы 3.000 рублей шли на нечатаніе «Тру-

довъ» съвзда въ Кіевв, а 5.000 — на пріобратеніе для кіевскаго городского музея замъчательной коллекціи В. В. Хвойко, состоящей изъ предметовъ бутмирской культуры, найденныхъ въ Кіевской губерніи. И. Въ засъданіи 16-го декабря М. В. Никольскій сообщиль о научных результатах в потездки на Кавказъ, въ Персію п Турцію нѣмецкихъ ученыхъ Лемана и Белька въ 1898—1899 годахъ. Повздка эта, разсчитанная на нъсколько лътъ, организована берлинскимъ обществомъ антропологіи и этнологіи съ цълью изученія на почвъ Арменін древностей ассиро-вавилонскаго періода и въ частности клинообразныхъ надписей на камиъ, сохранившихся отъ того времени. Надписи такого рода встръчаются и въ предълахъ русскаго Закавказья, гдъ онъ были собраны и изучены М. В. Никольскимъ по поручению московскаго археологическаго общества, при чемъ въ последовани намятниковъ этого періода принималь также дъятельное участіе А. А. Ивановскій, совершившій затъмь по порученію того же общества самостоятельную туда поводку. Оба эти изследователя собрали много ценнаго матеріала, который отчасти уже описань и издань, а отчасти еще имъетъ быть опубликованъ въ «Трудахъ» московскаго археологическаго общества. Какъ оказывается, нъмецкие ученые ничъмъ не могли обогатить имъющіяся данныя относительно русской и персидской Арменіи, но въ Азіатской Турцін, около города и озера Вань имь удалось найти много новыхъ надписей и увеличить вдвое имъющійся эпиграфическій матеріаль. Въ то время какъ г. Никольскій и другіе находили въ данной области только клинообразныя надииси на какомъ-то мъстномъ языкъ, приписываемомъ народу Урарту или Халдамъ, усвоившему себъ вавилонскій способъ письма, въ Ванъ нашлись и надинен на настоящемъ ассирійскомъ языкъ, именно надинсь царя Тиглатъ-Инлессара, за 11 въковъ до Рождества Христова, въ которой онъ разсказываеть о своихъ побъдахъ въ этой области. Такимъ образомъ, теперь дознано, что не только ассирійская культура распространялась до предъловь нашего Закавказья, но что сюда доходили и ассирійскіе цари въ своихъ походахъ. При раскопкахъ одного холма Топракъ-тепе около Вана найдены были фундаменты храма и дворца, остатки громадныхъ глиняныхъ сосудовъ съ ассирійскими указаніями количествъ бывшаго въ нихъ вина, глиняныя дощечки съ ассирійскими надписями (повидимому, остатки царской библютеки), желъзное оружие, золотыя и бронзовыя укращенія и т. д. Референть закончиль пожеланіемь, чтобы и московское археологическое общество продолжало свои изсъдованія въ этой области.—С. І. Соловьевъ сообщилъ о 15-тильтней дъятельности состоящей при археологическомъ обществъ комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковь и о трудахъ ея въ отчетномъ году, особенно по выяснению древнихъ черть и характера реставраціи храма Василія Блаженнаго, Сухаревой башни, Волоколамскаго собора и др.—В. Н. Щенкинъ прочиталь реферать «Къ исторіи русской миніатюры», посвятивь его выясненію особенностей лицевыхъ (т. е. украшенныхъ миніатюрами) рукописей парвой половины XVI въка (времень Ивана Грознаго), работы новгородских в мастеровъ, начавших в уже усванвать въ деталяхъ (въ нейзажъ, изображении зданий и т. д.) западные образцы и мотивы. -- С. Н. Кологривовъ представилъ восточныя миніатюры одной лицевой персидской рукописи (автобіографіи султана Бабера), XVIII въка, весьма изящной работы, повидимому, индійскихъ художниковъ. — Проф. М. В. Духовской обратился къ обществу съ предложеніемъ изыскать мъры къ сохраненію архивовъ волостныхъ судовь, т. е. книгъ этихъ судовъ за прежніе годы, которыя тенерь большей частью гибнутъ безслъдно, а между тъмъ, заключая въ себъ цънные матеріалы по обычному праву, заслуживали бы сохраненія. Отчасти эти матеріалы были собраны (по 15-ти губерніямъ, 90 уъздамъ и 480 волостнымъ судамъ), въ 70-хъ годахъ комиссіей подъ предсъдательствомъ сен. Любощинскаго и изданы (въ 6-ти томахъ), затъмъ экспедиціей Чубинскаго въ Юго-Западный край; въ этой области работали также Оршанскій, Пахманъ, самъ г. Духовской, но по многимъ губерніямъ матеріала собрано еще очень мало, и важно было бы собирать всъ эти ръшенія волостныхъ судовъ, приговоры сельскихъ сходовъ и т. д., такъ какъ они могутъ послужить цъннымъ матеріаломъ для изученія русскаго обычнаго права. Можно было бы хранить эти книги въ губернскихъ городахъ при губернскихъ присутствіяхъ, при губернскихъ архивныхъ комиссіяхъ и т. д.

Археологическій институть. І. 2-го декабря художникъ-археологь Н. К. Рерихъ прочелъ рефератъ — «Нъкоторыя древности Шелонской пятины». По порученію императорскаго русскаго археологическаго общества онъ производиль минувшимь льтомъ раскопки въ Новгородской и Исковской губерніяхъ. Раскопки эти представляють начало цълаго ряда періодическихъ работь, предпринятыхъ обществомъ съ текущаго года. Въ С.-Петербургской губерній до настоящаго времени разрыто съ научною цълью до 7.000 кургановъ, но еще много вопросовъ требуетъ надлежащаго разръщения. Референтъ изслъдоваль около 90 невысокихъ кургановъ, относящихся къ XI—XIV въкамъ, и древніе жальники. Находки вполнъ аналогичны съ находками въ С.-Петербургской губернін. Эго сходство представляеть научный интересь вь томь отношенін, что позволяеть курганныя погребенія С.-Петербургской губерній отнести къ славянскимъ. Нъкоторыя изъ найденныхъ предметовъ весьма изящной работы, и можно предполагать, что привезены изъ Византіи п Венеціи. И. 9-го декабря состоялось послъднее въ году общее собрание членовъ и слушателей археологическаго института. Г-жею М. К. Холодиякъ было сдълано сообщение «О типахъ надгробій древне-христіанскаго періода». Въ первые въка христіанства въ эпитафіяхь довольно ясень языческій характерь, который сохраняется даже до XII въка. Христіанскія надгробія, какъ и языческія, выражаются первоначально въ видъ простого обозначенія имени погребеннаго, времени погребенія, лъть жизни и пр. Затъмъ встръчаются въ формъ надгробной повъсти прозаической или въ формъ поэмы. Автобіографическая форма среди христіанскихъ памятниковъ встръчается сравнительно ръдко. Совершенно не попадается обычный у язычниковъ діалогъ. Зато очень часты эпитафін въ формъ обращенія. Среди нихъ есть очень интересныя. Несмотря ня установившееся возэръніе, что христіане относились къ смерти близкихъ спокойно, на надгробіяхъ и они горько оплакивали своихъ близкихъ. Чисто христіанскія надгробія, вовсе не встръчающіяся у язычниковъ, --акростихь и надгробія съцитатами изъ Библіи. Художникъ А. А. Карелинъ произветь передъ слушателями опыты цвътной фотографін, достигшей въ настоящее время при помощи свётофильтровъ поразительныхъ результатовь, а также и опыты изьятія пятень сь рукописей.

Библіологическое общество. 11-го декабря выпом'ящения археологическаго института Н. М. Лисовскій сообщиль свои восноминанія объ извъстномъ русскомъ библіограф'в В. И. Межов'в. По словамъ докладчика, Межовъ представляль собою ръдкій типъ увлекающагося своимъ дъломъ и совершенно безкорыстнаго библіографа. Получивъ образованіе въ Гатчинскомь спротскомъ институть, онъ началь заниматься библюграфіей, и въ непродолжительномь времени около него сгруппировался небольшой кружокъ людей, составившій собою родъ небольшого библіографическаго общества. Въ этомъ кружкі обсуждались планы работъ, сообщалось о редкихъ книгахъ, намечались те или иныя работы. Поступнвъ на службу въ Публичную Библіотеку, Межовъ не безъ усита подвизался на служебномъ поприщъ. Вскоръ, однако, служба начала тяготить его, и онъ, желая посвятить себя всецьло любимому дълу, вышель въ отставку, при чемъ просиль, чтобы его уволили 19-го февраля, въ день освобожденія крестьянъ. Съ этого момента и до конца жизни библюграфія является для него главнымъ его дъломъ и главнымъ источникомъ его скудныхъ доходовъ. Онъ былъ далеко необезпеченный человъкъ. Свои занятія библіографіей Межовъ разнообразиль музыкой, живописью и фотографіей. Во всъхъ этихъ областяхъ онъ, конечно, быль дидетантомъ. Во время своихъ досуговъ онъ написалъ оперетку «Золотой осель» на тему Апулея, которую ему оркестровали другіе, написаль дёлый рядь маленькихъ картинокъ масляными красками, а въ фотографіи достигъ значительныхъ успъховъ. Переходя затъмъ къ многочисленнымъ библіографическимъ трудамъ Межова, г. Лисовскій отмътилъ, что, несмотря на всъ ихъ недостатки, они являются до сихъ поръ единственными въ этой области. По окончаніи доклада г. Модзалевскій сообщиль, что часть оставшихся послів смерти Межова матеріаловь хранится въ Академіи Наукъ. Г. Лисовскій по этому поводу объясниль, что оставшіеся послѣ Межова матеріалы совершенно обезцѣнены, благодаря тому, что ихъ разрознили и перепутали. На томъ же собрании въ дъйствительные члены общества избраны: проф. А. И. Соболевскій, С. В. Рождественскій, И. И. Лаппо, О. К. Витмеръ, А. Л. Липовскій и друг. Продолжительныя пренія вызваль вопрось о системъ составленія библіографических в карточекъ.

Владимірская архивная комиссія. Состоялось общее годичное собраніе членовъ владимірской ученой архивной комиссіи подъ предсъдательствомъ непремъннаго попечителя ея, владимірскаго губернатора генераль-лейтенанта Н. М. Цеймерна, въ присутствіи предсъдателя комиссіи князя Н. П. Урусова п многихъ членовъ. Собраніе отправило поздравительную телеграмму августъйшему покровителю комиссіи великому князю Георгію Михаиловичу и выслушало годичный отчеть о дъятельности комиссіи. Дъятельность членовъ комиссіи выражалась: а) въ разборъ и описаніи старинныхъ актовъ и дълъ архивовъ различныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій; б) въ изученіи памятниковъ древностей Владимірской губерніи и въ заботахъ объ охраненіи ихъ отъ гибели или пскаженія неумълою реставраціей и в) въ устройствъ историческаго музея, историческаго архива и библіотеки. Въ текущемъ году было разобрано и описано болъе пяти тысячъ актовъ и дълъ въ архивахъ упраздненнаго владимірскаго намъстничества, канцеляріи губернатора, совъстнаго суда и др.; изъ нихъ болъе тысячи дъть, имъющихъ истори-

ческій интересъ, выдълено въ историческій архивь комиссіи для храненія. Нъ-которыя дъла послужили матеріаломъ для рефератовъ и сообщеній, которые были читаны на очередныхъ собраніяхъ, устраиваемыхъ ежемъсячно. Съ разръшенія императорской археологической комиссіи нъкоторые члены владимірской комиссіи производили раскопки древнихъ могильниковъ въ Меленковскомъ убздъ, увънчавшіяся находками предметовъ древности. Для того, чтобы предохранить намятники древности отъ уничтоженія или искаженія, что неръдко бываеть, вслъдствіе невъдънія мъстныхъ обывателей, комиссіею составляется списокъ всъхъ достопримъчательностей Владимірской губерніи (древнихъ храмовъ и другихъ зданій, стънописей, древнихъ иконъ, утвари и т. п.), который и будеть опубликованъ и разосланъ во всё тё мёстности, гдё есть намятники древности, для свъдънія. Комиссія возбудила ходатайство предъ императорскою археологическою комиссіей о реставраціи Владимірскихъ Золотыхъ вороть, памятника гражданской архитектуры XII въка, искаженнаго передълками въ концъ XVIII стольтія. Вмъстъ съ тъмъ, члены комиссіи дъятельно озабочены устройствомь во Владимір'в общегубернскаго музея, гдъ, по нысли предсъдателя комиссіи князя Н. П. Урусова, должны быть сосредоточены не только намятники древности, дающіе понятіе о давнопрошедшей жизни владиміро-суздальскаго края, но и о современной, выражающейся въ промышленности губернін, въ ея земледълін, кустарныхъ и иныхъ промыслахъ и въ особенности мануфактурной дъятельности, такъ чтобы, раздъляясь на два отдъла - историческій и естественно-промышленный - музей наглядно отражаль жизнь и дъятельность Владимірской губерній, въ ея историческомъ развитій, начиная съ древивишихъ временъ до настоящаго времени. Проектъ такого музея и объяснительная записка, составленная комиссіей, разосланы въ земскія и городскія управы, которыя приглашаются къ участію въ устройствъ этого общегубернскаго учрежденія. Комиссіей выпущена книга трудовъ, около 20 печатныхъ листовъ, заключающая въ себъ рефераты и сообщенія членовъ, описи старинныхъ дъть архивовъ и хронику, посвященную обзору трудовъ, касающихся Владимірской губерніи, а также брошюру — описаніе пушкинскихъ празднествъ, устроенныхъ во Владимірѣ 26 — 29 мая по иниціативъ предсъдателя комиссіи князя Н. П. Урусова дружными усиліями ея членовъ. Въ музей, номъщающися въ здании Золотыхъ вороть, уступленномъ городомъ, поступило въ теченіе года немало уже предметовъ древности (болъе всего монетъ), а въ библіотеку 1.345 томовъ разных вкнигъ и изданій. Засъданіе закончилось избраніемъ нъкоторыхъ лицъ въ почетные члены комиссіи, при чемъ въ знакъ особой признательности собрание единогласно почтило избраниемъ въ почетные члены предсъдателя комиссін князя Н. П. Урусова за его энергичную и многополезную дъятельность, а прочихъ должностныхъ лиць въ пожизненные дъйствительные члены, при чемъ постановило выразить особую благодарность А. В. Селиванову, бывшему товарищемъ предсъдателя комиссии.

Проектъ архивной комиссіи въ Воронежѣ. Московское археологическое общество обратилось въ воронежскій губернскій статистическій комитеть съ предложеніемъ прислать депутатовъ для участія въ дѣятельности предварительнаго комитета по XII археологическому съѣзду, въ программу котораго

входить изучение «мъстности по Дону» и въ частности Воронежской губернии. Между членами воронежского губернского статистического комитета, принимавшими дъятельное участие въ трудахъ археологическихъ събздовъ, такое предложение вызвало желание, въ видахъ лучшей подготовки къ харьковскому съвзду, организовать въ городъ Воронежъ спеціальное учрежденіе для изученія губерній въ археологическомъ отношеній. Подобное учрежденіе, въ видъ «Воронежской архивной комиссіи», могло бы въ будущемъ послужить также къ упорядоченію архивнаго дъла въ губерніп и научной разработкъ мъстныхъ древнихъ актовъ, которые со временъ Н. И. Второва († 1865 года) остаются даже неописанными. Жеданіе любителей мъстной старины, по преимуществу учителей среднихъ учебныхъ заведеній города Воронежа, конечно, не останется безъ удовлетворенія, какъ со стороны г. воронежскаго губернатора, къ которому они обратились съ просьбой о ходатайствъ его по дълу объ открытін архивной комиссіи въ Воронежъ, такъ и археологическаго института, стоящаю во главъ архивнаго дъла въ Россіи, и г. министра внутреннихъ дълъ, въ въдъніи котораю находятся всь наши архивныя комиссін; но это дъло можеть затормазиться вследствіе недостатка необходимых в матеріальных в средствь. Будущая архивная комиссія въ Воронежъ могла бы примкнуть, по крайней иъръ, въ первое время къ существующему здъсь губернскому музею. Городъ даетъ этому музею помъщение съ отоплениемъ, а расходы по содержанию п внутреннему устройству музея покрывались до последняго времени ежегоднымъ пособіемъ отъ земства въ размъръ 300 рублой 1); но постъднее воронежское губериское земское собраніе, только-что закрывшееся, отказало въ такомъ пособім воронежскому губернскому музею на томъ основаній, что музей не представиль собранію отчета въ израсходованіи ассигнуемыхъ суммъ. Нужно замътить, что отчеты музея, состоящаго при воронежскомъ губерискомъ статистическомъ комитетъ, ранъе не представлялись въ земское собраніе, но заслушивались ежегодно въ общемъ годичномъ собрании статистическаго комитета, на которомъ присутствуютъ и представители земства, затъмъ печатались въ мъстныхъ газетахъ и, наконецъ, въ отдъльныхъ оттискахъ разсылались всъмъ членамъ комитета и въ земство. Вышеприведенная мотивировка отказа губернскому музею въ пособін со стороны губернскаго земскаго собранія представляется тъмъ болъе странною, что въ прежніе годы воронежское земство всегда сочувственно относилось къ научной дъятельности мужея и не воздвигало чисто формальныхъ препятствій къ выдачь музею пособія, необходимаго для его существованія («Моск. Въд.»).

Географическое общество. 30-го ноября состоялось засъданіе общества по отдъленію этнографіи. Предсъдателемь его В. И. Ламанскимь было сдълано сообщеніе по поводу присланной статьи полковника Мошкова: «Міросозерцаніе нашихь восточных в пнородцевь — вотяковь, черемисовъ и мордвы». Полковникь Мошковъ уже около 7—8 лъть занять собпраніемь народных в пъсень и мелодій черезь посредство офицеровъ и нижних чиновъ въ настоящее время

¹) Кромъ того, музей получаеть пособіе отъ статистическаго комитета въ 150 рублей ежегодно.

полковъ варшавскаго округа. Солдатики-инородцы при ласковомъ обращении съ ними охотно сообщаютъ попутно съ пъснями самыя интимныя подробности своей жизни, обычаи, религіозныя воззрънія. Изъ этихъ сообщеній составился очень богатый этнографическій матеріаль, который полковникъ Мошковъ привель въ извъстную систему и постепенно печаталь отдъльными выпусками. Данная статья является предисловіемъ къ болье обширному труду и останавлиданная статья является предисловием в к в оолбе сошпрному труду и останавливается на личностях самих разсказчиков-инородцев; последніе, преимущественно жители Волжско-Камскаго края, иногда полудикари и язычники, но при этомъ большею частью наблюдательное, любознательное и смышленое полъщуковь, особенно волынцевъ. Вотяки и черемисы (язычники) далеко не представляють изъ себя той темной толиы, того быдла, за которое ихъ принято считать: они гораздо выше своихъ крещеныхъ собратьевъ; ихъ языческія върованія приведены въ строгую систему; религія доведена до тонкостей; многіе изъ нихъ хорошо грамотны и обучались въ школъ Закону Божьему, что наводить ихъ часто на уподобление христіанству и ихъ языческихъ върованій, какъ, напр., 3-хъ главныхъ черемисскихъ божествъ Св. Троидъ и т. и. Затъмъ Е. Э. Линева сообщила нъсколько интересныхъ замъчаній о иъсняхъ, собранныхъ ею въ фонографь въ губерніяхъ: Владимірской, Костромской и Нижегородской (по Ветлугъ), Тамбонской и Воронежской. Повидимому, фонографъ долженъ оказать огромную услугу русской пъснъ. Передача пъсенъ черезъ фонографъ даетъ большія преимущества передъ обычною записью, особенно пъсенъ хоровыхъ, гдъ важно и трудно отдълить основной голось отъ подголосковъ; кромъ того, фонографь закръпляеть риему пъсни, что часто не сохраняется при словесной передачъ. По мнънію г-жи Линевой и другихъ знатоковъ русскихъ пъсенъ, фонографомъ очень важно пользоваться теперь, пока еще пъсня русская не угасла совершенно въ первоначальной своей прелести. Е. Э. Линева сама собирала пъсни и сама записывала ихъ на валики фонографа; нъкоторыя изъ нихъ, преимущественно хоровыя, были воспроизведены здъсь передъ публикой на фонографъ и затъмъ повторены хоромъ, состоящимъ изъ любительницъ, знакомыхъ г-жи Линевой, подъ ея управленіемъ, доставившимъ своимъ прекраснымъ исполненісмъ большое удовольствіе публикъ. Записи фонографа оказались прекрасными, что могь оцівнить всякій слышавшій хоровыя півсни въ деревнів. Нівкоторыя изъ нихъ очень оригинальны по словамъ, напр., комическая півсенка «Сарафанчикъ» (осмінвающая лівнивую бабу); нівкоторыя очень красивы по мотивамъ, такъ, наприміррь, «Цвіти въ полівцівтики» (пра Лукоянова Нижегородской губ.) или оттуда же иъсня «Какъ у насъ на святой Руси», запись которой вышла немного ръзка, но удивительно передала ея характерность и при чрезвычайномъ сплетеніп голосовъ сохранила голосовые тонкіе оттънки. Оригинальна также молитва молоканская «Благодаря Бога и Отца» изь села Богородицка Нижегородской губ. Отдъленіе въ лицъ предсъдателя и публики горячо благодарило г-жу Линеву за ея научно-артистическіе труды, которыми она такъ любезно подълилась. 22-го декабря состоялось засъданіе по отдълу статистики подъ предсъдательствомъ Д. П. Семенова. Дъйствительный членъ общества князь Масальскій сдёлаль интересный докладь о производстве чая на Кавказе. Чай является одной изъ главныхъ статей привоза въ Россію: ввозится его до 1.600,000 нуд.

на сумму около 40 мялл. руб. ежегодно. До послъдняго времени попытки устройства чайныхъ насажденій у нась на Кавказ'в были чрезвычайно не систематичны и имъли характеръ случайный. Еще въ 40-хъ годахъ при князъ Воронцовъ г. Соловцовъ пробовалъ разводить чайныя плантаціи, при чемъ выписывалъ чайныя деревья изъ Хань-Коу. Въ послъднее десятилътие дъло по разведенію чайныхъ плантацій пошло успъшнъе, именно когда за него взялись такія крупныя фирмы, какъ Попова, положившая до 11/3 милл. руб. только на организацію этого дъла. Плантаціи расположены въ Батумскомъ районъ и обрабатываются подъ руководствомъ инструкторовъ, выписываемыхъ паъ Китая. Въ первые же годы, вслъдствие успъщности дъла, площадь насаждений была увеличена до 150 дес.; чаю въ 1899 г. собрано было до 2.000 фунт. чернаго в до 10.000 ф. илиточнаго; сборы чая дълаются по нъсколько разъ ежегоды: первый въ апрълъ или маъ, послъдній—въ сентябръ. Средній сборъ приблизтельно можно опредълить въ 15 пудовъ съ десятины. Съ 1895 года чайными насажденіями занялось удільное відомство, подъ которыя уже въ 1896 г. быт отведено 125 дес. Культивпровались всевозможные сорта азіатскихъ часвъ Самые удачные результаты дало насаждение чая индійскаго, урожайность ботораго оказалась очень высокой. Удъльное въдомство, имъя въ своемъ расвиряженій до 1.000 десят, вполив пригодной для культурь чая земли, предволагаетъ раздавать ее въ аренду, плату за которую думаетъ взимать сырым чайными листьями. Кром'в этихъкрупныхъ плантацій, въ районахъ Батумского и Сухумскомъ есть много отдъльныхъ мелкихъ. Общая площадь чайныхъ насажденій равняется приблизительно 300 десят. и является, конечно, небольшимъ клочкомъ въ сравненіи съ 25 тыс. десят. годной земли для чайных плантацій, съ которыхъ могло бы получаться до 600.000 пуд. чая, т.-1/з нашего ввоза.

Товарищество «Книговъдъ». Недавно въ Петербургъ основалось, и мысли А. М. Уманскаго, общество «Книговъдъ». Учреждение это, представляюще совершенно новый типъ, можеть оказать немалую услугу какъ публикъ, такъ и литераторамъ, особенно же провинціальнымъ. Одною изъ своихъ главныхъ целей «Книговедь» поставиль: служить посредствующимь звеномъ между публикой и литературными и книжными центрами, русскими и заграничными. Понимая эту задачу въ самомъ широкомъ смыслъ, товарищество не ограничеваеть свою дъятельность только высылкой и доставкой всевозможныхъ русскихъ и заграничныхъ произведеній печати, оно нам'трено оказывать авторамъ и издателямъ масс у комиссіонерскихъ услугъ. Принимая на себя всё хлоноты по дъламъ изданій, «Книговъдъ» входить въ сношенія съ главнымь управжніемь по діламь печати по разрішенію изданій газеть и журналовь; ведеть переговоры съ цензурнымъ комитетомъ; указываетъ подходящихъ сотрудивковъ для періодическихъ изданій; составляеть смёты для всякаго рода изданій; береть заказы на коректуру и переводы съ иностранных в языковъ на русскій и обратно, и составляєть библіотеки и каталоги для нихъ. Такимъ образомъ «Книговъдъ» есть не простой книжный складъ, а бюро для всевожежныхъ литературныхъ справокъ.

НЕКРОЛОГИ.

НДРЕЕВЪ, П. Г. 22 декабря скончался въ Сиб. преподаватель и членъ конференціи Николаевской инженерной академіи инж.-генералъ Петръ Григорьевичъ Андреевъ. Покойный род. 7 іюня 1812 г.; образованіе получилъ въ Николаевскомъ инж. училищъ и Николаевской инж. академіи. Въ 40-хъ гг. П. Г. преподавалъ математику въ Павловскомъ кадетскомъ корпусъ, въ 50-хъ гг. служилъ наставникомъ-наблюдателемъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусъ. Съ 1863 года А. былъ преподавателемъ фортификаціи въ

Николаев. инж. академіи, а съ 1878 г.—и членомъ конференціи академіи. Ему принадлежать слъдующіе труды: «Минное пскусство», «Постепенная атака и оборона кръпости», «Записки по полевой фортификаціи» (2 изданія), «Записки о военныхъ сообщеніяхъ» (6 изданій) и др. За заслуги покойный имъть почти всъ ордена до Бълаго Орла включительно. Въ инж.-ген. онъ былъ произведенъ въ 1894 г. («Н. Вр.» 1899, № 8560, «Моск. Въд.» № 355).

† В. Г. Фонъ-Бооль. Въ Москвъ скончался 2 декабря, послъ продолжительной и тяжкой болъзни, инспекторъ классовъ Александровскаго военнаго училища, ген.-майоръ Владиміръ Георгіевичъ фонъ-Бооль. Покойный родился 13 марта 1835 г. въ мъстечкъ «Новый Дворъ» близъ Новогеоргіевска (Модлинъ), гдъ отецъ его служилъ начальникомъ лабораторной роты. Образованіе В. Г. получилъ въ 1 Спб. кад. корпусъ и михайл. артиллер. академіи, которую окончиль по первому разряду въ 1859 г. Свою педагогическую дъятельность В. Г. началь репетиторомъ физики въ 1-мъ корпусъ, потомъ онъ былъ помощникомъ инспектора классовъ тамъ же и позднъе въ Николаевск. кавалер. училищъ. Съ 1867 г. В. Г. послъдовательно занималь должность инспектора при Петровско-полтавской военн. гимназіи, въ кіевск. корпусъ и съ 1884 г. при

Моск. Александровск. военн. училищѣ. Съ 1890 до 1894 г. онъ редактировалъ «Записки» моск. отд. Пми. Русс. Технич. общества, членомъ котораго состоялъ до конца жизни. Перу покойнаго принадлежатъ нѣсколько журнальныхъ статей и отдѣльныхъ сочиненій, преимущественно, по физикѣ и математикѣ: «Учебникъ физики и метеорологіи», «Учебникъ математической и физической географіи», «Приборы и машины для механическаго производства ариеметическихъ дѣйствій», «Теорія устройства различнаго рода вѣсовъ» и др. («Н. Вр.» 1899, № 8546; «Русск. Вѣд.» 1899, № 341).

- + К. В. Ворошиловъ. 5 декабря въ Казани скончался ординарный профессоръ Казанскаго университета Константинъ Васильевичь Ворошиловъ. Покойный, сынъ священника, родился въ 1842 г. По окончании курса въ духовной семинаріи, онъ поступиль въ медико-хирургическую академію, гдв и окончиль курсъ въ 1868 г. со званіемъ лъкаря, при чемъ награжденъ быль золотою медалью и премією Буша. Въ 1871 г. К. В. защитиль диссертацію «Изслъдованія о шитательных в свойствах в мяса и гороха», представленную шть для полученія степени доктора медицины. Въ томъ же году онъбыль командированъ за границу, гдъ работалъ по физіологіи у извъстныхъ нъменкихъ профессоровъ. По возвращении изъ командировки В. быль избранъ приватъ-доцентомъ академін, а въ 1876 г. перемъщенъ экстраординарнымъ профессоромъ въ Казанскій университеть по каседрѣ физіологін и въ 1885 г. утвержденъ въ званін ординарнаго профессора. По избранію университетскаго совъта К. В. состоялъ секретаремъ и деканомъ физико-математическаго факультета, а съ 1889 г. до сентября 1899 г. ректоромъ университета. Пзъ многочисленныхъ научныхъ трудовъ В. наибольшею извъстностью пользуется диссергація, появившаяся этдъльно въ 1871 г. («Н. Вр.» 1899, № 8542).
- + В. В. Григоровичъ. З января скончался отъ легочной чахотки статистикъ моск. губ. земства Евгеній Елисъевичъ Григоровичъ. Покойный принималь дъятельное участіе въ пэслъдованіи городовь и въ послъднее время занимался разработкой общирнаго матеріала подворнаго изслъдованія населенныхъ пунктовь Моск. губерніи, а также участвоваль въ составленіи земскаго «Ежегодника». До поступленія на земскую службу Е. Е. состояль директоромь исправительнаго пріюта для малольтнихъ преступниковъ въ Тулъ («Русск. Въд.» 1900, № 4; «Съв. Кур.» № 65).
- † М. С. Кахановъ. Въ ночь на 1 января скончался въ Сиб. статсъ-секретарь, членъ госуд. совъта Михаилъ Семеновичъ Кахановъ. Восштанникъ училища правовъдънія, покойный М. С. послъдовательно занималъ отвътственные посты въ нашемъ внутреннемъ управленіи. Вызванный въ Петербургъ изъ Пскова, гдъ онъ занималъ должность губернатора, покойный К. былъ затъмъ, съ 1872 г. по 1880 г., управляющимъ дълами комитета министровъ, членомъ верховной распорядительной комиссіи (функціонировавшей съ 12 февр. 1880 г. по 6 августа того же года), товарищемъ министра внутреннихъ дълъ при гр. Ларисъ-Меликовъ съ 6 августа 1880 г. по 12 апръля 1881 г., когда онъ получилъ назначеніе состоять членомъ государственнаго совъта. Имя покойнаго К. особенно извъстно благодаря коммиссіи, предсъдателемъ которой онъ состоялъ, и которая по его фамиліи получила наименованіе Кахановской. Ко-

миссія эта, учрежденная вь концъ 1881 г. взамънъ существовавшей при министръ внутреннихъ дълъ комиссіи о губернскихъ и уъздныхъ учрежденіяхъ, имъла задачею составление проектовъ переустройства мъстнаго управления: губернскихъ и уъздныхъ административныхъ установленій, учрежденій земскихъ, городскихъ и крестьянскихъ. Не окончивъ своихъ работъ, первоначально намъченныхъ въ очень широкомъ объемъ, но сведшихся затъмъ, съ учрежденіемъ при комиссіи особаго совъщанія, къ обсужденію вопроса о реорганизаціи сельскаго общества, Кахановская комиссія была 1 мая 1885 г. закрыта, и задачи ея по преобразованію органовъ містнаго управленія приняло на себя министерство внутреннихъ дъль. Наканунъ своей смерти М. С. К. получиль новое назначение-быть предсъдателемь вновь образованнаго въ государственномъ совътъ департамента промышленности, наукъ и торговли («Русск. Въд.» 1900, № 3; «Моск. Въд.», № 3; «Новости», №№ 2—4; «Съв. Kyp.», № 61; «Hob. Bp.», № 8566).

- + н. н. Корсунскій. 10 декабря скончался въ Москвъ, ординарный профессоръ Московской духовной академіи, докторь богословія, Иванъ Николаевичь Корсунскій. Покойный происходиль изь духовнаго сословія, родился въ 1848 г., высшее образ ваніе получиль въ Московской духовной академіи, гдв и занималь (съ 1879 г.) до самой смерти качедру греческаго языка и словесности. Помимо научныхъ трудовъ, ему принадлежитъ нъсколько статей въ «Русск. Въстн.», «Моск. Въд.» и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ. Постедніе годы покойный трудился надъ составленіемъ библейскаго словаря. («Hob. Bp.», 1899, № 8550).
- + н.н. Костромитиновъ. 2 января скончался актеръ-любитель, предсъдатель и учредитель драматического кружка Николай Иннокентьевичь Костромитиновь. Покойный родился въ Америкъ въ 1834 г., въ купеческой семьъ, раннюю молодость проветь въ Нью-Іоркъ, откуда еще мальчикомъ прівхаль въ Петербургъ и поступиль въ коммерческое училище, гдъ и кончилъ курсъ. Н. И. принадлежить выработка устава литературно-артистического кружка, въ которомъ онъ состояль дъятельнымъ членомъ, и нъсколькихъ статей и замътокъ по исторіи русско-американскихъ владьній. («Съв. Курьерь» 1900, № 63; «Россія», № 250; «Театръ и Искусство», № 2; «Н. Вр.», **№** 8568).
- + В. Н. Лигинъ. Въ Гіеръ, во Франціи, 6-го января, скончался послъ продолжительной бользии попечитель Варшавского учебного округа Валеріанъ Николаевичъ Лигинъ. Покойной родился въ 1846 г. Окончивъ въ 1869 г. курсъ математическихъ наукъ въ Новороссійскомъ университеть со званіемъ кандидата, покойный, по завершенін своего образованія за границей, въ 1872 г. защитиль магистерскую диссертацію: «Геометрическая теорія абсолютнаго движенія неизміняемой системы», а въ 1874 г.—докторскую диссертацію: «Обобщенія нікоторых в свойствы движенія системы». Читая лекцій вы Новороссійскомъ университетъ съ 1872 г. послъдовательно въ качествъ доцента, профессора экстраординарнаго и ординарнаго, покойный въ 1884 г. быль назначенъ деканомъ физико-математическаго факультета, но должность эту занималъ недолго. Съ 1895 г. вплоть до своего назначения на постъ попечителя Варшавскаго 1/228

«ИСТОР, ВЪСТИ.», ФЕВРАЛЬ, 1900 Г., Т. LXXIX,

округа (1897) В. Н. быль городскимь головою въ Одессъ. Количество научныхъ трудовъ покойнаго весьма многочисленно. Кромъ названныхъ выше сочиненій, имъ написанъ цълый рядъ статей и изслъдованій, появлявшихся какъ отдъльно, такъ и въ русскихъ и иностранныхъ, главнымъ образомъ, французскихъ, спеціальныхъ пзданіяхъ. («Русск. Въд.» 1900, № 8; «Спб. Въд.» № 7; «Нов. Вр.» № 8572, «Новости» № 8; «Съв. Кур.» № 66; «Моск. Въд.» № 8; «Россія» № 252).

- + А. Н. Овсянниковъ. Въ ноябръ окончался въ Казани одинъ изъ дъятельныхъ петербургскихъ педагоговъ Александръ Николаевичъ Овсянниковъ. Покойный родился въ 1842 году; по окончаніи курса въ Казанскомъ университеть со звашемъ кандидата историко-филологическихъ наукъ и съ золотой медалью за сочинение «Западно-европейские выходны въ России въ XVII въкъ», онъ былъ оставленъ при университетъ для подготовленія къ профессорскому званію по каредрів исторіи. Но вскорів А. Н. быль вынуждень покинуть занятія при университеть и перевхать въ Петербургь; здісь онъ посвятиль себя преподавательской дъятельности, избравъ своей спеціальностью исторію и географію. Въ последніе годы А. Н. быль постигнуть тяжкимь недугомь и жиль въ Казани. Покойный пріобръть извъстность слъдующими литературными трудами: «Христоматія по средней исторіи», «Географическіе очерки и картины», «Вибліографическій указатель литературы по всеобщей исторіи отъ 1855 по 1880 годъ», брошюры для чтеній съ волшебнымъ фонаремъ: «Ураль», «Ладожское озеро», «Ермакъ», «Суворовъ» и др. Кромъ того, А. Н. напечаталь свои воспоминанія въ «Русской Старинъ» и сотрудничаль въ теченіе многихъ лътъ въ «Дътскомъ Чтеніи», «Родникъ» и др. дътскихъ журналахъ, а также въ нъсколькихъ газетахъ («Голосъ», «Волжско-Камскій Край» и др.). («Нов. Вр.» 1899, **№** 8555).
- † А. Н. Романовичъ. 19-го декабря въ Ташкентѣ скончался, на 43-мъ году жизни, редакторъ «Туркестанскихъ Вѣдомостей» Аполлоній Павловичъ Романовичъ. Покойный началь свою журнальную дѣятельность въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ» и «Морскомъ Сборникѣ». «Туркестанск. Вѣдомости» онъ редактировалъ съ 1892 г., стараясь путемъ руководящихъ статей и замѣтокъ содѣйствовать развитію и процвѣтанію мѣстнаго края. Ему не были чужды вопросы мѣстнаго экономическаго положенія, и онъ посвятиль имъ немало статей. По своей первоначальной дѣятельности А. П. принадлежалъ къ числу моряковъ. Онъ командовалъ пароходомъ «Сыръ-Дарья» и паровымъ баркасомъ «Обручевъ» Аральской флотиліи, принималъ участіе въ экспедиціп капитана Брюлюва, занимавшейся изслѣдованіемъ Аральскаго моря, плавалъ на «Опричникѣ» и выполнилъ рядъ отвѣтственныхъ порученій по изслѣдованію фарватера Аму-Дарьи между Чарджуемъ и укрѣпленіемъ Керки. («Нов. Вр.» 1900, № 8573; «Моск. Вѣд.» № 9; «Сѣв. Кур.» № 68).
- † 1. И. Тарнополь. 7 января, въ Одессъ, скончался Іоахимъ Исааковичъ Тарнополь. Покойный, галиційскій еврей по происхожденію, родился въ 1809 г. Въ началъ тридцатыхъ годовь онъ обратилъ на себя вниманіе, какъ знатокъ священныхъ еврейскихъ книгъ и комментаріевъ къ нимъ. Въ 1835 г. новороссійскій ген.-губернаторъ Левшинъ на свой счетъ издалъ работу І. И.: «Ruth.

Sujet episodique, tiré de l'écriture sainte et traité d'après Caroline Pichler». Другое его сочинение «Notices historiqus sur les israélites d'Odessa» обратило на автора вниманіе правительственныхъ сферъ; между прочимъ, І. И. получить письменную благодарность отъ свътл. князя М. С. Воронцова и отъ министра нар. просв. гр. С. С. Уварова. Затъмъ послъдоваль рядъ книгъ и брошюръ, въ которыхъ І. И. являлся убъжденнымъ пропагандистомъ ассимиляціи и самореформированія представителей русскаго еврейства (Réflections sur l'etat religieux, politique et social des israélites» и «Опытъ современной реформы въ области іуданзма въ Россіи, 1870). Особенную же популярность І. И. пріобръть, начавъ въ 1860 г., вмъстъ съ покойнымъ О. А. Рабиновичемъ, изданіе первой газеты на русскомъ языкъ для евреевъ «Разсвътъ». («Съв. Кур.» 1900, № 69).

+ А. А. Тилю. 30-го декабря скончался въ Спб. генераль-лейтенанть Алексъй Андреевичь Тилло. Имя покойнаго пользовалось общирной извъстностью, какъ выдающагося современнаго геодезиста и знатока физической географіи. Его перу принадлежить рядь цънныхь работь по геодезін и по изследованію земного магнетизма. Наиболъе замъчательнымъ трудомъ покойнаго является составленная имъ «Гипсометрическая карта Россіи» (карта высоть). Изъ другихъ его многочисленныхъ работъ назовемъ «Астрономическія опредъленія географическаго положенія Оренбургскаго края», «Земной магнетизмъ Оренбургскаго края», «Описаніе Арало-Каспійской нивелировки» (каждое изъ последнихъ двухъ сочиненій было награждено географическимъ обществомъ малою золотой медалью), «О современномъ состояніи науки земного магнетизма», «Бългородская магнитная аномалія» и др. Кром'в того, имъ изданъ переводъ «Геодезическихъ изследованій Гаусса, Бесселя и Ганзена», напечатань рядь статей въ «Запискахъ императорскаго географическаго общества» и редактированъ совмъстно сь проф. Мушкетовымъ и г. Григорьевымъ «Ежегодникъ географическаго общества». За научные труды А. А. избранъ быль въ члены-корреспонденты Имцераторской и Парижской академій наукъ, вы почетные члены Михайловской артилерійской академіи, Института инженеровь путей сообщенія, Берлинскаго географического общества и французского общества топографіи, а также нъсколькихъ другихъ русскихъ и заграничныхъ научныхъ обществъ. Берлинскій университеть призналь его достойнымь степени доктора физической географіи. А. А. родился 13-го ноября 1839 года. По окончаніи курса въ Константиновскомъ кадетскомъ корпуст онъ началъ службу въ л.-гв. Конно-гренадерскомъ полку. Молодой офицерь стремился получить дальнъйшее образование и, опредълившись сперва въ Михайловскую артиллерійскую академію, а затъмъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, последовательно кончиль курсь вы объихъ академіяхъ по первому разряду, — въ постъдней по геодезическому отдъленію. Сь 1868 г. по 1871-й г. покойный быль начальникомъ военно-топографическаго отдъла оренбургскаго военнаго округа. Къ этому времени относятся его первыя самостоятельныя работы по геодезів. Съ 1872 г. по 1879 г. А. А. командоваль 148-мъ пъхотнымъ Каспійскимъ полкомъ, затемъ быль начальникомъ штаба 1-го армейскаго корпуса и съ 1894-года по декабрь минувшаго—начальникомъ 37-й пъхотной дивизіи. Проживая въ Петербургъ, А. А. принималь близкое и живое участіе въ дъятельности императорскаго географическаго общества и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ состоялъ предсѣдателемъ отдѣленія математической географіи этого общества. Въ нослѣдніе два года онъ былъ номощникомъ вице-предсѣдателя общества П. П. Сэменова. Кромѣ того, онъ участвоваль въ занятіяхъ астрономическаго общества. Какъ человѣкъ, А. А. Тилло отличался замѣчательнымъ трудолюбіемъ и необычайной скромностью. («Н. Вр.» 1899, № 8564; «Русск. Вѣд.» 1900, № 1; «Новости» 1900, № 1; «Спб. Вѣд.» 1900, № 1; «Моск. Вѣд.» № 2; «Сѣв. Кур.» 1900, № 62).

- † А. А. Фаддъевъ. Въ ночь на 23-е декабря скончался на 59 году жизни извъстный провинціальный актерь и управляющій московскимъ бюро русскаго театральнаго общества Александръ Александровичъ Фаддъевъ. Покойный воснитывался въ с.-петербургскомъ театральномъ училищѣ и служилъ одно время на казенной сценѣ. Дъятельность эта не удовлетворяла, однако, покойнаго, и онъ уъхалъ въ провинцію и въ теченіе нъсколькихъ лѣтъ держалъ свою антрепризу въ Иркутскѣ и въ Ригъ. Какъ актеръ, Фаддъевъ отличался своей добросовъстностью и тщательной отдълкой ролей. («Н. Вр.» 1899, № 8559; «Русск. Въд.», № 356; «Театръ и Искусство», 1900, № 1).
- † **В. М. Штутцеръ**. 7 января, во время стоянки поъзда на станціи Ярославль, въ вагонъ скоропостижно скончался Иванъ Ивановичъ Штутцеръ. Покойный родился въ 1852 году, образованіе получилъ во 2-й московской гимназіи и на юридическомъ факультетъ Московскаго университета. По окончаніи курса, онъ вмъсто юридической практики, выступилъ на педагогическое поприще—преподавателемъ географіи сначала въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, затъмъ въ 4-й московской классической гимназіи и, наконецъ, съ 1878 г. въ московскомъ училищъ ордена св. Екатерины. Педагогическая дъятельность И. И. Ш. продолжалась лишь до 1886 года: захворавъ душевнымъ разстройствомъ, онъ принужденъ былъ оставить свои занятія. Позже онъ оправился отъ болъзни и служилъ на частной служоъ. Перу покойнаго принадлежитъ цълый рядъ статей по географіи и естествовъдънію въ «Учебно-воспитательной Библіотекъ» (1875 г., т. І), въ «Запискахъ Учителя» (1883—1884 гг.) и удостоенный преміи имени Петра Великаго «Курсъ географіи» (М., 1885 г.). («Моск. Въд.» 1900, № 10; «Съв. Кур.» № 70).

ЗАМЪТКИ И ПОПРАВКИ.

I

Предшественникъ Колумба.

Исторія признала за Христофоромъ Колумбомъ честь открытія Америки. Не отвергая въ данномъ случать заслугъ великаго генуезца, нельзя, однако, отрицать и того, что еще за много-много лътъ до путешествія Колумба къ берегамъ Новаго Свъта, на нихъ уже побывали другіе смълые мореплаватели.

Въ ряду ихъ пріятно встрътить имя нашего единоплеменника.

Я хочу сказать нъсколько словь о полякъ Янъ, уроженцъ города Кольна 1), который, состоя на службъ въ датско-норвежскомъ флотъ, еще въ 1476 году открылъ берега острова Гренландіи и полуострова Лабрадора Съверной Америки.

Первое, по времени, упоминаніе объ этой исторической личности находимъ въ книгъ испанскаго писателя М. Гомары «Histia de las Indias», вышедшей въ Сарагоссъ въ 1553 году. Гомара называеть Япа Ioan Scolno ²) и говорить, что послъдній быль на Лабрадоръ ³).

Затъмъ, всиоминають о немъК. Витфлеть (Cornelius Wytfliet) въ исходъ XVI столътія и Ю. Хорнъ во второй половинъ XVII въка.

Первый въ соч. «Descriptionis ptolemaiceae augmentum» (Lovanii, 1599) имиетъ: «Extrema Indiae continentis pars inventione omnium fuit prima, quando duobus pene saeculis, ante Lusitanorum et Castellanorum navigationes, a piscatoribus frislandicis, tempestate huc ejectis, primitus hanc terrae partem detectam et post modum circa annum 1390 auspiciis Zichini Frislandiae regis a Nicolao et Antonio Zenis fratribus patriciis venetis perlustratam. Secundum defectae hujuregionis decus tulit Johannes Scolnus polonus, qui anno 1476 octoginta et sex annis a prima ejus lustratione navigans ultra Norvegiam, Groenlandiam, Frislansdiamque, boreale hoc fretum ingressus, sub ipso arctico circulo ad Laboratoris hanc terram Estotilandiamque delatus est».

Хорнъ же въ книгъ своей «Ulyssea» (Lugd. Batav. 1671) говорить объ открыти Яномъ изъ Кольна, полякомъ, пролива Anian и земли Laboratoris.

Въ минувшемъ столътіи первый вспомнилъ о Янъ І. Лелевель въ своей краткой исторіи географіи ⁴), называя его Яномъ Коlna и точнъе опредъляя мъстонахожденіе этого Кольна—«z maleho miasta mazowieckiego, Prusom pogranicznego» ⁵).

Замѣчанія польскаго историка обратили на себя вниманіе Ал. Гумбольдта. Послѣдній, въ своемъ изслѣдованіи «Examen critique de l'histoire de la géographie du Nouveau Continent» 6), перечисливъ рядъ мореходовъ, которые, по преданію, еще до Колумба, открыли часть Америки, завершаетъ его полякомъ Яномъ Scolnus. «Этотъ Scolnus въ 1476 году находился на службѣ датскаго короля Христіана ІІ. Увѣряютъ, что онъ высадился на Лабрадорѣ» 7).

Знаменитый изслъдователь исторіи и литературы польской В. Мацъювскій, во ІІ т. «Польской литературы» в), пишеть слъдующее:

¹) Кольно — увадный городъ Ломжинской губерніи, съ населеніемъ до 6 тысячъ душъ.

Отъ латинскаго Scolnus, представляющаго въ свою очередь передълку польскаго выраженія z Kolna.

⁸) Воть подлинныя слова: «Tierra de Labrador. Enesta tierra pues rislas audan, y vinen Bretones, que conforman mucho con su tierra; y estan en una mesma altura, y temple. Tambien an ido alla ombres de Norvaga con el piloto Ioan Scolnol' Eingleses con Sebastian Gaboto».

^{4) «}Krótka historya geografii. 1814.

⁵⁾ То-есть «изъ небольшого мазовецкаго города, пограничнаго съ Пруссіею».

^{6) 5} T. Paris. 1835-1838.

⁷) Crp. 152.

^{8) «}Piśmiennictwo Polskie od czasów najdawniejszych aź do r. 1830», 3 r. Warsz, 1851.

Дата 1553 очевидно ошибочная. Мацъювскій не могь не знать, что еще между 1500—1501 годами на Лабрадоръ быль португалець Картореаль. Стъдовательно, Янъ изъ Кольна могь открыть помянутый полуостровъ только ранье 1500—1501 года, а никакимъ образомъ не позже.

Позднъйшіе польскіе историки, писавшіе о Янт изъ Кольна, опираются въ своихъ извъстіяхъ объ немъ на Лелевеля, Гумбольдта и Мацтіовскаго.

Антоній Олещинскій ¹¹), упомянувъ «о Янт изъ Кольна въ воеводствъ мажовецкомъ, что въ 1476 году, за четырнадцать лътъ до Колумба, открылъ страны Новаго свъта», прибавляеть, что «Лелевель въ разборъ труда Свънцкаго подвигь Яна изъ Кольна красноръчиво поддерживаетъ».

«Янъ изъ Кольна, мореходъ гданскій, посланный датскимъ королемъ въ съверныя воды, — нишетъ Іосифъ Супинскій 12), — открылъ проливъ Гудсона и общирную страну Лабрадоръ и такимъ образомъ открылъ Америку». «Безсмертный голосъ Гумбольдта, — продолжаетъ Супинскій, — воскресилъ черезъ 400 лътъ имя забытаго поляка» 13).

Извъстія Мацъ́ювскаго повторили: Нарциза Жмиховская въ своей «Географіи» ¹⁴), Петръ Чарковскій въ учебникъ географіи ¹⁵) и Леонардъ Совинскій въ очеркъ исторіи польской литературы ¹⁶). Послъдній почти дословно ¹⁷).

Г-нъ В. Езерскій, разсмотръвъ извъстія историковъ о Янъ Кольненскомъ, высказываетъ въ варшавскомъ еженедъльникъ «Wszechswiat» мысль, достойную вниманія, что для того, чтобы узнать ближайшія подробности о Янъ, о сдъланныхъ имъ открытіяхъ земель и о тъхъ названіяхъ, которыя онъ имъ далъ, необходимо обратиться къ разысканіямъ въ архивахъ гданскихъ (данцигскихъ), датскихъ и норвежскихъ ¹⁸).

Разумъстся, ближе всего было бы заняться этимъ дъломъ полякамъ или намъ, русскимъ.

⁹⁾ Въ то время Данія и Норвегія составляли одно цёлое.

^{10) «}Piśmienn. Polskie», II, 735.

^{11) «}Wspomnienia o polakach».

^{12) «}Dziela». Lwów.

¹⁸⁾ T. I, 336.

¹⁴) «Wykład nauk przeznaczony do pomocy w domowém wychowaniu panien. Geografija». W. 1857—59, II, 807.

^{15) «}Krótki zbiór geografii» (10 ed.).

^{16) «}Rys dziejów literatury polskiej», 3 т.

¹⁷⁾ T. I. (Wilno. 1874), 514.

¹⁸⁾ T. XIX, 7.

Пускай же тотъ, кому возможенъ доступъ въ эти архивы, займэтся разысканіями о Янъ изъ Кольна и путемъ ихъ освътить личность славянскаго Колумба.

Г. А. Воробьевъ.

II.

Къ статъв "Жертва террора."

Въ октябрской книжкъ «Историческаго Въстника» 1899 года, напечатанъ переводъ статън Казимира Стріенскаго (изъ «Revue hebdomadaire» № 19 и 20) подъ заглавіемъ «Жертва террора». Въ статъъ этой, посвященной трагическому концу княгини Александры Любомірской, — упоминается о письмъ княгини, въ которомъ она объявляетъ себя беременной; письмо это будто бы было внушено ей друзьями, желавшими спасти ее; но оригиналъ его не былъ найденъ, несмотря на всъ поиски.

Авторъ статън прибавляетъ, что это «письмо княгини доказываетъ истинность предлога, избавившаго ее отъ эшафота», — замъчаніе, содержащее двойную ошибку: 1) предполагаемая беременность не спасла Любомірскую отъ эшафота, такъ какъ княгиня была казнена; 2) я прилагаю, сдъланныя мною коній съ двухъ документовъ, оригиналы которыхъ хранятся въ національномъ Парижскомъ архивъ; копій эти — офиціальныя и заключаютъ неопровержимыя доказательства ошибочности выводовъ и заключеній, допущенныхъ г. Стріенскимъ.

Любомірскій.

I.

Приговоръ суда. Революціонный трибуналь, 12-го мессидора.

Революціоннымъ трибуналомъ, установленнымъ закономъ 12 марта 1793 года, не допускающимъ кассаціи его рѣшеній, и въ силу правъ, данныхъ трибуналу закономъ 5-го апрѣля того же года, засѣдающимъ въ Palais de justice Парижа—просмотрѣно рѣшеніе суда 3-го флоріаля, приговаривающаго къ смертной казни Розалію Ходкіевичъ Любомірскую.

Всябдствіе доклада, сдъланнаго сегодня докторами и свидътельствующаго о томъ, что номянутая Любомірская не беременна, — допущена обвинительная ръчь.

По приказанію трибунала приговорь, произнесенный надь помянутой Ходкіевичь, будеть сегодня же приведень въ исполненіе, а докладь, подписанный Нурри (Nourry) и Энгельгартомь, такь же, какъ и настоящее ръшеніе суда, — будуть присоединены на будущее время къ документамъ процесса. Судъ произнесь этотъ приговоръ 12-го мессидора второго года французской республики единой и нераздъльной. Скръплено подписями: гражданинъ Рене-Франсуа Дюма — предсъдатель; Піерръ - Андрэ Коффинхаль (Coffinhal); Габріэль де-Ліежъ, Антуанъ-Мари Мэръ (Маіге) и Шарль Арни (Harny) — судьи, подписавшіе приговорь вмъстъ съ секретаремъ суда.

Дюма, Коффинхаль, де-Ліежъ, мэръ Арни. Дерберъ секретарь.

II.

Мы нижеподписавшиеся врачи революціоннаго трибунала, при помощи акушерки, гражданки Пріу (Prioux), по требованію предсъдателя трибунала, гражданина Дюма, посътили и самымъ добросовъстнымъ образомъ изслъдовали нъкую Любомірскую, содержащуюся въ бывшемъ дворцъ архіепископа: наше изслъдованіе не обнаружило ни малъйшаго признака или симптома беременности.

Встъдствіе чего мы постановляемъ (sic), что она не беременна. Сего 12-го м эсплора, 2-го года единой и нераздъльной республики. — Энгельгартъ — докторъ, Н. Нури, Пріу.

III.

Двъ поправки.

Считаю нелишнимъ сдёлать слёдующія поправки къ двумъ статьямъ, наисчатаннымъ въ январской книжке «Историческаго Вестника».

Вь статъв г. Батуринскаго «Герценъ и Тургеневь» (на стр. 228) авторъ выражаеть сожалвніе, что остаются неизданными письма Герцена къ Тургеневу. Эго не вврно: въ журналв «Русское Обозрвніе» 1896 года, № 1, напечатана статья «Изъ переписки И. С. Тургенева съ А. И. Герценомъ въ 1867 г.», которая содержить въ себв, за небольшимъ исключеніемъ, все, что сохранилось изъ этой переписки.

Въ замъткъ г. Божерянова «Къ біографіи А. П. Кернъ» нътъ ничего новаго, ибо то, что авторъ выдаетъ за почеринутыя изъ «Русской Старины» дополненія къ статьъ В. А. Тихонова, недавно перепечатано въ книгъ: «Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки. Спб. 1899». Кромъ того, г. Божеряновъ относитъ поъздку Дельвига на Иматру къ 1819 г., имъстъ съ женой, М. И. Глинкой, О. М. Соловьевымъ и А. П. Кернъ. Это невърно: въ 1819 году г. Дельвигъ еще не былъ женатъ, а на Иматру ъздилъ въ 1829 году. Поъздка эта была описана Соловьевымъ въ «Литературной газетъ» 1830 года.

M. R. B.

Европ'в мечтаеть о немъ. Долгъ гусударственнаго челов'вка-положить конецъ распространенію подобной заразы.

- Вы хотите посадить меня въ тюрьму, отецъ?—воскликнула съ улыбкой молодая дъвушка.
- Нъть, глупая дъвочка, хотя ты, повидимому, сочувствуещь моимъ врагамъ.
- Вашимъ врагамъ? Неужели вы, такой могущественный министръ, считаете своими врагами несчастныхъ принцевъ?
- Ты мит льстишь, дитя мое. Но не надо называть несчастнымъ принца, человъка, съ которымъ обращаются, какъ съ внукомъ нашего императора.
- Грустно имъть только дъда, когда есть еще мать,—замътила Гермина тономъ искренняго сожалънія.
- Не говори о томъ, чего ты не понимаень, —рѣзко произнесъ канцлеръ: поъзжай домой и жди меня къ объду.

Гермина любе: но поклонилась всъмъ, поцъловала отца и вышла изъ комнаты.

III.

Повелитель Европы.

У Меттерниха были секретари, прекрасно сформированные имъ самимъ. Какъ всё способные министры, онъ ограничивалъ свой личный трудъ только важными дёлами, а остальная работа производилась его помощниками, среди которыхъ первое мёсто занималъ Фридрихъ фонъ-Генцъ. Онъ не имёлъ себё равнаго для резюмированія въ нёсколькихъ словахъ самой сложной и длинной дипломатической бумаги.

— Подождите, графъ, —сказалъ канцлеръ, обращаясь къ начальнику полиціи, едва только удалилась молодая дівушка: —можетъ быть, мы найдемъ какія либо полезныя указанія въ депешахъ, которыя сейчасъ доложить господинъ тайный совътникъ. Пожалуйста, Генцъ, покороче, какъ можно короче, потому что меня ждетъ посланный французскаго короля.

Генцъ взялъ со стола груду депешъ и, пробъгая ихъ глазами, сталъ громко докладывать:

- Изъ Константинополя сообщають, что султанъ мирится съ мыслью о водвореніи французовъ въ Алжиръ. Изъ Петербурга...
- Пропустите!—произнесъ Меттернихъ:—я видълъ недълю тому назадъ въ Карлсбадъ Нессельроде. Ваши депеши, конечно, не передадутъ мнъ ничего новаго.
- Въ Саксоніи отголосокъ парижской революціи,—продолжалъ Генцъ. Безпорядки произошли въ Лейпцигъ и Дрезденъ. Графъ «истор. васти.», феврадь, 1900 г., т іххіх

Коллорадо описываеть положение дёлъ въ самыхъ черныхъ краскахъ. Король, повидимому, потерялъ голову.

- Что?-переспросилъ Меттернихъ.
- Его величество,—поправился Генцъ:—очень ваволнованъ и колеблется, принять ли ему строгія міры противъ мятежниковъ.
- Напишите депешу въ томъ духѣ, что саксонскій кабинеть долженъ понимать всю отвѣтственность, которую онъ несеть на себѣ. Саксонія прикрываеть насъ съ запада, и если тамъ начнется движеніе, то мы должны будемъ принять энергичныя мѣры. Скажите Коллорадо, чтобы онъ дѣйствовалъ заодно съ прусскимъ посланникомъ Іорданомъ. Продолжайте, Генцъ.

Зиберъ на-лету схватилъ высказанныя канцлеромъ мысли и быстро записалъ, а Генцъ продолжалъ коротко излагать содержаніе депешъ.

- Въ Италіи тайныя общества дъйствують энергично. Сыновья Людовика Наполеона, повидимому, содъйствують движенію. Одинъ изъ нихъ, Луи Наполеонъ, собирается въ Въну въ надеждъ добиться отъ васъ освобожденія его двоюроднаго брата, герцога Рейхштадтскаго, съ цълью возвратить ему французскій престолъ.
- Освободить можно только узника,—замѣтилъ Меттернихъ,—а его высочество, герцогъ Рейхштадтскій, не узникъ.
 - Я повторилъ собственныя слова Луи Наполеона.
 - Понимаю, но все-таки это выражение нелъпое.
- Изъ Италіи Коловрать еще сообщаеть довольно странное извъстіе. Изъ Милана отправились двъ женщины, чтобы вручить герцогу Рейхштадтскому важныя бумаги, имъющія цълью спосоствовать его бъгству. Эти политическіе эмиссары новаго рода про- вхали чрезъ Швейцарію, чтобы избъгнуть полицейскихъ агентовъ посланныхъ въ погоню за ними.
- Вы знаете объ этомъ?—спросилъ Меттернихъ, обращаясь къ графу Зедельницкому.
- Давно. Это для меня не новость. Въ последние годы постоянно являются какой нибудь сумасшедшій или сумасшедшая, предлагающіе устроить бёгство герцога. Но все это пустяки.
 - Однако, теперь дъло, кажется, серіозно, —замътилъ Меттернихъ
- Будьте спокойны, князь,— отвъчалъ начальникъ полиців: я приму всъ нужныя мъры. Впрочемъ, герцогъ Рейхштадтскій не обращаетъ никакого вниманія на подобныя предложенія, и если бы онъ получилъ какую нибудь секретную бумагу, то немедленно принесъ бы ее императору или вамъ.
- Вы правы; до сихъ поръ герцогъ былъ очень покорнымъ и послушнымъ юношей, но съ нъкоторыхъ поръ мнъ кажется, что въ немъ происходить перемъна.
- Увидимъ, произнесъ начальникъ полиціи и прибавиль: в могу удалиться?

— Конечно, любезный графъ, — отвъчалъ канцлеръ, но подумалъ:—мало видъть, надо предвидъть.

Когда начальникъ полиціи удалился, то канцлеръ спросилъ:

— Генералъ Бельяръ прівхаль?

Получивъ утвердительный отвъть оть Зибера, онъ прибавилъ:

- Пусть войдеть, но имъйте въ виду, что мы еще не признали новаго короля, и я принимаю посланнаго Луи-Филиппа, а не французскаго короля. Сдълайте соотвътствующее распоряжение. Генералъ одинъ?
 - Его сопровождаеть Швебель, отвъчалъ Зиберъ.
- Въ такомъ случат, останьтесь и запишите тъ офиціальныя слова, которыя могуть быть произнесены.

Спустя нъсколько минутъ, дверь съ лъстницы широко отворилась, и канцлеру доложили.

- Его превосходительство генераль-лейтенанть графъ Бельяръ. Генералъ былъ въ парадномъ мундирѣ и при всѣхъ орденахъ. Несмотря на свои сѣдые волосы, шестьдесять лѣтъ и тридцать ранъ, онъ казался очень бодрымъ.
- Вы, генералъ, имъете передать поручение канцлеру австрійскаго двора и имперіи, произнесъ Меттернихъ, встръчая генерала посреди комнаты:—я васъ слушаю.
- Князь, отвъчалъ Бельяръ такимъ же холоднымъ офиціальнымъ тономъ: его величество король Луи-Филиппъ I прислалъ меня къ его величеству императору и королю съ письмомъ и поручилъ мнъ объявить объ его восшествіи на престолъ. Король приказалъ мнъ прибавить къ его письму на словахъ, что онъ питаетъ самыя дружескія чувства къ императору Францу и желаетъ сохранить съ его страной самыя лучшія отношенія.

Произнеся эти слова, генералъ обернулся и, взявъ изъ рукъ Швебеля бумагу, передалъ ее канцлеру.

- Это копія съ письма его величества короля,—прибавилъ онъ. Меттернихъ не принялъ бумаги и холодно произнесъ:
- Я долженъ прежде всего предупредить императора о вашемъ посъщени и спросить его приказаній. Теперь же я могу только сказать, что мой августьйщій повелитель въ этомъ непріятномъ и, могу сказать, плачевномъ случав не будеть руководствоваться своими личными чувствами. Его величество не вмъщается въ ваши внутреннія дъла, а только ограничится принятіемъ мъръ для обезпеченія тъхъ трактатовъ, которые служили впродолженіе 15 лъть основой государственнаго права въ Европъ.

Этотъ холодный пріемъ и ссылка на трактаты 1815 года сильно подъйствовали на Бельяра, не привыкшаго къ дипломатическимъ тонкостямъ. Но хитрый канцлеръ тотчасъ измънилъ свой тонъ и прибавилъ самымъ любезнымъ, радушнымъ образомъ:

 $\mathsf{Digitized} \; \mathsf{by} \; Google$

— Наши офиціальныя объясненія этимъ кончаются, генераль, но князь Меттернихъ очень радъ пожать руку старому знакомому и поговорить съ нимъ по душъ.

Со свътской улыбкой онъ предложилъ удивленному генералу кресло и, усъвшись рядомъ съ нимъ, началъ частную бесъду, во время которой секретари отошли на приличное разстояніе.

- Такъ вы искренно думаете, генералъ, произнесъ Меттернихъ, — что у новаго короля хватитъ силы, чтобы сдержать недовольныхъ и положить конецъ внъшней пропагандъ?
 - Въ этомъ ему всв помогутъ, -- отвъчалъ Бельяръ.
- Вы такъ думаете? я же, напротивъ, полагаю, что французы, какъ всегда, увлекаются, а явисъ какой нибудъ счастливый генералъ, красноръчивый ораторъ или ловкій журналисть, и вся Франція пойдеть за нимъ. Я не хочу говорить что либо дурное о вашей странъ, но съ тъхъ поръ, какъ я канцлеръ, т. е. 18 лътъ, ни одно государство не давало мнъ столько заботъ, какъ ваша Франція.
- Можеть быть, это происходить оть того, что Европа не дозволяеть ей дёлать того, что она желаеть.
- Вы думаете? А никто у васъ не ценить, какъ мы корректно держимъ себя относительно Наполеона II.
 - Что вы хотите этимъ сказать?
- Увъряю васъ, что французы обязаны питать къ намъ благодарность. Что было бы съ Орлеанскимъ домомъ, если бы мы дозволили герцогу Рейхштадтскому явиться во Францію? Уже давно его прочать въ короли белыїйскіе или греческіе, а теперь вся его семья увърена, что стоитъ только ему показаться во Франціи, и будеть возстановлена имперія. Въ пользу того ведуть интриги Іссифъ и Іеронимъ Бонапарты, Ащиль Мюратъ и королева Гортензія со своими безпокойными сыновьями. Дъло доходить до того, что, право, для спокойствія Европы намъ бы слъдовало напустить на Францію эту семью, которая не можетъ сидъть спокойно.
- Ваши слова, князь,—замѣтилъ съ достоинствомъ Бельяръ, звучатъ угрозой, и вы не должны забывать, что я представитель короля.
- Нѣтъ, извините, отвъчалъ Меттернихъ съ любезною улыбкой: — вы не представитель французскаго короля, и я не канцлеръ-Мы старые пріятели и разговариваемъ по душть. Ну, успокойтесь насчеть герцога Рейхштадтскаго: онъ не только не будеть государемъ Франціи, но никогда не покинеть нашей страны. Это безусловно рѣшено императоромъ. Трагическій наслѣдникъ человѣка, подвергшаго опасности все, что намъ дорого, онъ одиноко окончить свою жизнь въ созданномъ нами для него убъжищъ. Его семья напрасно ждетъ его... Но что съ вами?

Бельяръ всталь блёдный и разстроенный; глаза его устремились въ пространство, словно онъ видёлъ какой-то призракъ. — Простите меня, князь, —промолвиль онъ, спустя нѣсколько минуть: —я вѣдь простой солдать, хотя мнѣ и навязали дипломатическое порученіе. Юноша, о которомъ вы говорите, сынъ моего императора. Отецъ обожаль его, и мы всѣ его любили. Воть передъ моими глазами и возникъ столь знакомый образъ его отца. А теперь онъ узникъ своего дѣда, навѣки разлученный со своей родиной. Мысль объ этомъ болѣзненно сжала мое сердце. Простите меня.

Меттернихъ очень любезно старался успокоить старика, увъряя его, что овладъвшее имъ волнение только дълаеть ему честь, и объщаль какъ можно скоръе сообщить ему удовлетворительный отвъть императора.

IV.

Интервью нъ 1880 году.

— Приготовьте портфель, Зиберъ, — сказалъ канплеръ послъ ухода генерала Бельяра: — я сейчасъ пойду къ императору. Но меня ждеть сотрудникъ «Journal des Debats», Пьеръ Лефранъ. Попросите его.

И онъ сталъ просматривать бумаги, которыя долженъ былъ представить императору для подписи.

Между тъмъ въ комнату вошелъ Пьеръ Лефранъ. Это былъ молодой человъкъ, приличный на взглядъ и очень просто одътый; но, судя по его манерамъ, онъ не впервые встръчался съ сильными міра сего.

- Очень радъ васъ видёть, любезный коллега,—сказалъ князь съ предупредительною улыбкой.
- Ваше сіятельство ошибаетесь,—отвъчалъ Лефранъ съ удивленіемъ:—я скромный журналисть.
- Нътъ, я серіозно говорю, что мы—коллеги и даже сотрудники, продолжаль весело Меттернихъ: до послъдняго времени, я почти каждую недълю посылалъ статьи вашему редактору, и онъ почти всегда ихъ печаталъ. Впрочемъ, можетъ быть, онъ и не зналъ настоящаго автора этихъ статей. Въ такомъ случат не выдавайте меня. Ну, что новаго въ Парижъ? Поспокойнъе тамъ?
 - Въроятно, генералъ Бельяръ сообщилъ вамъ объ этомъ?
- Генералъ объяснилъ мнѣ о томъ, что думаютъ въ Тюльери и въ Ратушѣ. А что говорять въ газетномъ мірѣ?
- Одержавъ побъду, мы отдыхаемъ и ждемъ,— отвъчалъ Лефранъ гордымъ тономъ.
- Правда, произнесъ серіозно Меттернихъ, печать играла большую роль въ томъ, что вы называете вашей побъдой. Вы большіе изобрътатели, господа французы. Вы создали новую силу, съ которой нашимъ сыновьямъ надо будетъ считаться. Печать сильное оружіе противъ правительства и обоюдоострое въ его рукахъ.

- Настоящая уважающая себя печать, —возразиль Лефрань: —не врагь и не другь правительства во что бы то ни стало. Она собираеть свъдънія и судить, но не питаеть безусловной ненависти и не холопничаеть.
- Во всякомъ случав, я постараюсь доказать вамъ во время вашего пребыванія въ Ввнв, какъ я уважаю эту новую силу. Будьте такъ любезны, пожалуйте ко мнв, и я запросто приму васъ въ моей семьв, увы, очень немногочисленной. Мы поговоримъ, какъ сила съ силой.
- Я очень тронуть оказанной мнв честью, —отвъчаль Лефрань: и, конечно, воспользуюсь этимъ любезнымъ приглашениемъ.
- И прекрасно,—произнесъ Меттернихъ:—вотъ Генцъ, котораго позвольте вамъ представить, сообщить, когда можно меня застать дома. А пока онъ будеть къ вашимъ услугамъ и покажеть вамъ все, что стоитъ посмотръть въ Вънъ. Онъ также вашъ коллега, котя не признается въ этомъ. Не правда ли, Генцъ, вы поможете г. Лефрану познакомиться съ нашими вънскими нравами?
- Ваша свътлость, знаете, что я всегда готовъ исполнять всъ ваши желанія,—отвъчалъ хитрый представитель реакціи, нимало не довольный тъмъ, что ему придется вести дружбу съ либеральнымъ французскимъ журналистомъ.
- Такъ до свиданія,—сказаль канцлеръ:—извините, что я васъ покину, но его величество меня ждеть.
 - И онъ удалился во внутренніе покои императора Франца.
- Какой либеральный человъкъ, подумать Лефранъ: но если и составлю изъ его словъ корреспонденцію, то буду молодцомъ изъ молодцовъ.

٧.

Два маршала.

Генцъ объщалъ прислать своему новому пріятелю карточки для обозрѣнія художественныхъ коллекцій въ различныхъ дворцахъ, и они уже разставались, когда въ комнату вошли два новые посѣтителя. Хотя они были въ статской одеждѣ, но легко было узнать въ нихъ военныхъ по выправкѣ и манерамъ. Они были почти одинаковаго роста и возраста.

— Не безпокойтесь, господа,—сказалъ одинъ изъ нихъ:—мы подождемъ съ маршаломъ Мармономъ возвращенія князя.

Лефранъ видълъ еще недавно Мармона въ маршальскомъ мундиръ и въ шляпъ съ плюмажемъ среди свиты Карла X и съ трудомъ узналъ его въ длинномъ синемъ сюртукъ съ стоячимъ воротникомъ. Горе, пораженіе, изгнаніе оставили неизгладимые слъды на его блъдномъ исхудаломъ лицъ. Но кто вошелъ съ нимъ подъ руку и такъ безцеремонно проникъ въ кабинетъ канцлера? Нельзя было смотръть безъ уваженія на открытое, мужественное лицо этого человъка. Оно дышало не только храбростью, но благородствомъ и добротой. Голосъ его звучалъ, какъ боевая труба; но вмъстъ съ тъмъ въ немъ слышались мягкія, нъжныя ноты, трогавшія сердце. На немъ былъ одинаково длинный сюртукъ, но коричневаго цвъта.

- Братъ императора, шепнулъ Генцъ Лефрану: фельдмаршалъ эрцгерцогъ Карлъ.
- Знаменитый воинъ,—отвёчалъ французъ, и прибавилъ мысленно:—а главное честный человёкъ.

Эрцгерцогъ посмотрълъ ему въ слъдъ и, обращаясь къ Мармону, сказалъ:

- Пари держу, любезный товарищь, что это вашь соотечественникь. Но о чемь онь, чорть возьми, говориль съ Генцемь, который ненавидить французовъ? Не правда ли, г. тайный совътникь, что вы ненавидите Францію?
- Во всякомъ случат я принесъ ей менте вреда, чтит вы, ваше высочество, отвъчалъ Генцъ, приводя въ порядокъ депеши.
- Это еще вопросъ. Чернила оставляють послё себя болёе слёдовъ, чёмъ кровь.
- Развъ могутъ сравниться удары, нанесенные побъдителемъ при Аспернъ, съ уколами дипломатическихъ депешъ?

И, отпустивъ эту эпиграмму либеральному принцу, который теперь питалъ открытое сочувствіе къ французамъ, Генцъ удалился въ внутренній кабинеть канцлера.

- —Воть онъ каковъ! —воскликнулъ эрцгерцогъ: —побъдитель подъ Асперномъ! Онъ говорить объ Есслингъ, но развъ этотъ успъхъ долго длился, развъ за нимъ не слъдовалъ Ваграмъ? Я тогда осудилъ себя и вложилъ въ ножны свою шпагу, которую уже болъе никогда не обнажалъ противъ Франціи, когда вся Европа набросилась на нее. Я не люблю походовъ, которые начинаются безпорядочной толпой, а кончаются кровавой ръзней. Ну, да это все прошло. Мы исполнили свой долгъ, не правда ли? Я надъюсь, что меня уважаютъ во Франціи.
 - Французская армія чтить ваше имя, ваше высочество.
- Ну, это ужъ слишкомъ. Пусть бы меня только не забывали. Ну, а долго вы намърены, маршалъ, погостить въ Вънъ?

Мармонъ отвъчалъ, что онъ хотълъ посътить вновь всъ мъстности, гдъ онъ когда-то сражался, и собрать матеріалы для мемуаровъ.

- А, вы собираетесь, какъ я, писать мемуары?
- Да. Наши разсказы, можеть быть, помогуть исторіи произнести свой справедливый приговорь и исправить много ошибокъ.
- Только бы они не замѣнили старые ошибочные взгляды новыми. Впрочемъ, какъ бы то ни было, писанье мемуаровъ услаждаетъ нашу старость, и это хорошо.

Поощряемый добротой и любезностью эрцгерцога, Мармонъ сознался ему, что онъ хотъть остаться въ Вънъ подольше съ цълью разсказать сыну Наполеона исторію войнъ его отца.

— Какъ бы не такъ!-отвъчалъ эрцгерцогъ:-и вы думаете, что вамъ это дозволять? Вы не знаете, какъ воспитывають моего внучка. Правда, его провели черезъ всв чины и постепенно пожаловали въ капралы, сержанты, офицеры и т. д. Онъ, въроятно, теперь эскадронный командиръ, не менъе. Но онъ маршировалъ одинъ въ аллеяхъ Шенбруна, у него нъть и не было никогда товарищей, съ которыми онъ могь бы отвести душу. Его учили исторіи, но такъ, что онъ ничего не знаеть о событіяхъ последнихъ тридцати лътъ, кромъ того, что Меттернихъ спасъ всю Европу своей политикой. Съ какимъ счастьемъ отъ него скрыли бы, еслибъ это было возможно, что были на свётё Наполеонъ, который имёлъ дерзость сдёлаться его отцомъ, и эрцгерцогиня, оплакивающая въ Парми до сихъ поръ, что она родила его въ Парижъ. Но онъ, какъ нарочно, прекрасно помнить свое детство. Десять леть тому назадъ ему сказали, что отецъ его умеръ, и онъ цълый годъ носилъ по немъ трауръ на рукъ и на шпагъ. Теперь онъ продолжаетъ носить этотъ трауръ, но вотъ гдъ.

И эрцгерцогъ ударилъ себя рукой по сердцу.

- А его мать?—спросилъ Мармонъ.
- Мать. Онъ, можеть быть, знаетъ, что она вышла вторично замужъ, и что у нея есть другія дъти. Въ продолженіе послъднихъ семнадцати лътъ онъ видълъ ее три раза. Моя племянница женщина добрая, но слабохарактерная и забывчивая. За нимъ же зорко слъдятъ и не отпускаютъ никуда одного. По временамъ я встръчаю его въ оперъ, но съ нимъ всегда его наставникъ, Маврикій Дитрихштейнъ или какой-то Абенаусъ, и ему не дозволяютъ даже говорить со мною. Англичане посъяли съмена Гудсона Ло въ Вънъ, и они дали плодъ. Если вы увидите Римскаго короля, то заплачете, такъ жалко смотръть на него.

Мармонъ не разъ слышалъ разсказы о заточени въ Шенбрунъ узника Меттерниха, но подтверждение ихъ такимъ правдивымъ свидътелемъ непріятно поразило его.

- Да, очень жаль его,—продолжаль эрцгерцогь:—у него есть сердце и въ жилахъ течетъ геройская кровь. Ахъ, еслибъ его даже теперь посадить на лошадь и послать въ свободную степь во главъ эскадрона нашихъ уланъ, то онъ еще показалъ бы себя.
- Не лучше ли ему дать эскадронъ нашихъ драгунъ?—замътилъ Мармонъ съ прежней гордостью.
- Вы правы, —отвъчалъ эрцгерцогъ: —это было бы лучше для него и для насъ.

VI.

Женская дипломатія.

Дальнъйшимъ откровенностямъ двухъ маршаловъ положило конецъ появленіе канцлера. Онъ извинился передъ эрцгерцогомъ, что заставиль его ждать, и свалиль всю вину на императора, который его задержаль. Съ маршаломъ Мармономъ онъ поздоровался, какъ съ старымъ пріятелемъ. Дъйствительно, много разъ онъ посъщаль его въ Парижъ и принималь его въ своемъ вънскомъ домъ. Онъ очень любилъ съ нимъ разговаривать и постоянно восторгался его блестящимъ умомъ, который, однако, нъсколько измънился событіями послъднихъ лътъ, наложившими мрачное пятно на бывшаго друга Наполеона.

Эрцгерцогь по добротъ душевной взяль на себя высказать Меттерниху желаніе Мармона.

— Маршалъ желалъ бы, прежде чъмъ совершенно сойти съ политической сцены, повидать сына его стараго друга.

Меттернихъ, несмотря на все свое дипломатическое искусство, не могъ скрыть, что слова эрцгерцога не были ему пріятны.

- Я думаю,—прибавилъ Мармонъ,—что излишне мнѣ обязываться не возстановлять молодого герцога противъ его дѣда? Я знаю, что онъ принадлежитъ всецѣло вашей странѣ, и если я желаю повидаться съ нимъ, то лишь по чувству нравственнаго долга, обязывающаго меня помириться съ тѣнью императора въ лицѣ его сына.
- Вы совершенно правы, и должно это сдълать, произнесъ эрцгерцогъ съ чувствомъ.
- По счастью, маршаль, —отвъчаль Метгернихъ: —мнѣ не придется докладывать о вашемъ желаніи императору, который могь бы вамъ отказать. Его величество потребоваль сегодня къ себѣ герцога Рейхштадтскаго и потомъ пришлеть его сюда, такъ какъ мнѣ поручено ему сообщить кос-что. Такимъ образомъ вы можете видѣть его здѣсь въ моемъ присутствіи безъ всякаго разрѣшенія императора.
 - Примите мою сердечную благодарность, произнесъ Мармонъ.
- А я,—прибавилъ эрцгерцогъ,—воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы поцъловать моего внучка.

Въ эту минуту въ комнату вошелъ Зиберъ и подалъ канцлеру ваписку, которую онъ прочелъ съ улыбкой.

Въ запискъ княгиня Саріа увъдомляла его о своемъ возвращеніи въ Въну и просила принять ее немедленно.

— Сейчасъ, сейчасъ,—сказалъ онъ и, обращаясь къ эрцгерцогу, прибавилъ:—позвольте мнѣ, ваше высочество, принять княгиню Саріа, которая находится въ родствѣ съ семьею Зичи. Это пре-

лестная женщина, и я клопочу, чтобы снять секвестръ съ помъстій ея мужа, который быль запутань въ послъдней венгерской исторіи, а затъмъ умеръ.

— Сделайте одолжение, — отвечаль любезно эрцгерцогь.

Спустя минуту, въ дверяхъ показалась княгиня Саріа, сіяющая красотой и въ изящномъ, модномъ костюмъ.

— Здравствуйте, милая путешественница, — сказалъ Меттернихъ, встръчая ее и цълуя ей руку.—Его высочество и маршалъ Мармонъ сжалились надъ моимъ нетерпъніемъ васъ увидъть и дозволили мит привътствовать васъ при нихъ.

Полина граціозно поклонилась маршалу и церемонно присѣла эрцгерцогу.

- Я очень благодарна его высочеству,—сказала она и, усъвшись въ кресло, прибавила, пока оба маршала отошли въ сторону: прежде всего, князь, скажите, правда, что вы женитесь на Меланіи Зичи?
 - Правда.
- Я очень рада и за нее и за васъ. Значитъ, я не даромъ пріъхала и перенесла столько непріятностей.
 - А развѣ ваше путешествіе было непріятное?
- И не говорите. Мий вздумалось пробхать черезъ Швейцарію, и я насмотрёлась столько ужасовъ. Мой экипажъ едва не опрокинулся разъ двадцать, и потомъ швейцарскіе трактирщики хуже разбойниковъ.
- Во всякомъ случав вы благополучно довхали, и за это надо благодарить небо. А гдв вы остановились?
- Пока еще въ гостиницъ. Успъется найти помъщеніе, когда я ръшу совстить перебраться въ Въну.
 - А развъ этого еще не ръшили?
- Это будеть зависёть отъ того, какъ поступить со мною правительство, и признаеть ли оно себя виновнымъ.
 - Въ чемъ? Въдь вашъ мужъ былъ заговорщикъ.
 - Нътъ.
 - По крайней мъръ, его считали заговорщикомъ.
- И ошибались такъ же, какъ ошибались, удерживая меня три года въ Миланъ. Вы знаете, полиція не только слъдила за мною тамъ, но по выъздъ изъ Милана за мной устроили погоню, и если бы я не поъхала черезъ Швейцарію, то до сихъ поръ находилась бы подъ надзоромъ полиціи.

Полина нарочно упомянула о полиціи, чтобы узнать, предупреждень ли быль Меттернихь объ ея прівздв съ двумя білошвейками, и по незамітному движенію въ его лиці уб'єдилась, что онъ кое-что зналь. Дійствительно, какъ только она упомянула о своей пойздкі черезъ Швейцарію, онъ тотчасъ вспомниль о полицейскихъ донесеніяхъ и дипломатической депешів, извіщавшихъ о томъ, что двъ женщины взяли на себя отвезти важныя бумаги герцогу Рейхштадтскому, выбравъ дорогу черезъ Швейцарію, чтобы избъгнуть полицейскихъ преслъдованій.

- Во всякомъ случав, —произнесъ громко канцлеръ: —ваше двло, княгиня, благополучно окончилось. Я говорилъ съ императоромъ, и онъ согласенъ забыть прошедшее. Даю вамъ слово, что секвестръ съ помъстій вашего мужа будеть снять.
- Въ такомъ случат мит остается только васъ благодарить, отвъчала Полина.
- Мит этого мало, —произнесъ канцлеръ: —и я попрошу у васъ совъта.
 - Полноте, какой я могу вамъ дать совъть.
- Нътъ, увъряю васъ, княгиня, я нахожусь въ большомъ затрудненіи, и только умная женіцина, какъ вы, можете помочь мнъ найти выходъ.

Полина внимательно посмотръла на стараго дипломата, чувствуя, что онъ разставляеть ей съти.

- Вотъ видите, княгиня, въ чемъ дѣло: надо найти средство, чтобы узнать, что думаетъ молодой человѣкъ, жившій до сихъ поръ въ одиночествѣ, не тяготится ли онъ своимъ положеніемъ и не мечтаетъ ли выйти изъ него.
 - Кто же этоть молодой человъкъ? спросила княгиня.
- Вы сейчасъ это узнаете, но прежде скажите миѣ, какъ изгнать изъ головы двадцатилѣтняго юноши желаніе приключеній и славы.
- Очень просто. Откройте птицѣ клѣтку, и она полетаеть, полетаеть, попробуеть свои силы и вернется назадъ, такъ какъ она слишкомъ привыкла къ золоченной неволѣ, чтобы разстаться съ нею.
 - Это средство слишкомъ опасно. Нътъ ли другого?
- Есть и другое. Впустите въ клётку другую птицу. Очутившись вдвоемъ, узникъ забудетъ свою неволю и броситъ всякую мысль о свободъ.

Меттернихъ пристально смотрълъ на свою собесъдницу и не вамътилъ въ ней ни слъда смущенія. Онъ ръшительно ошибся и не имълъ никакого основанія принимать прелестную княгиню Саріа за искательницу приключеній.

- А какъ же найти подобающую птицу? спросиль онъ, продолжая начатый разговоръ.
 - Вы находите пословъ, найдете и посланницъ.
 - Это легко сказать, а сдёлать трудно.
- Въ такомъ случав положитесь на случавность. Иногда случав бываеть умиве самого Меттерниха.
- A пока не явится такой случай, я не буду знать, что происходить въ бълокурой головъ.

- А онъ бълокурый?
- Вогъ я и проговорился. Впрочемъ, все равно, вотъ и онъ самъ. Какъ по-вашему,—онъ измѣнился въ три года?

Въ эту минуту въ комнату вошелъ юноша, и княгиня Capia промолвила:

— Герцогъ Рейхштадтскій! Да, онъ очень измёнился.

Она невольно встала и такъ пристально, такъ внимательно осмотръла вошедшаго съ головы до ногь, что ей самой показалось страннымъ подобное вниманіе со стороны обыкновенно равнодушной, скептической, свътской красавицы.

VII.

Его сынъ.

Герцогъ Рейхштадтскій вошель въ сопровожденіи своего наставника, графа Маврикія Дитрихштейна, и прямо подошель къ канцлеру, словно никого другого не было въ комнатъ.

— Я только что быль у дёдушки, — сказаль онъ дрожащимъ голосомъ:—и онъ мнё сказаль, что вы имете передать мнё его приказанія. Хотя я и пришель къ вамь, но не лучше ли вамъ передать эти приказанія графу Маврикію. Онъ распоряжается въ Шенбруне за отсутствіемъ императора, и ему, я полагаю, слёдуеть принимать и приказанія.

Въ эту минуту онъ замътилъ эрцгерцога, стоявшаго у окна съ Мармономъ, и, подойдя къ нему, произнесъ:

— Простите, дъдушка, я васъ не замътилъ.

Пока старикъ его обнималъ, юноша шепотомъ прибавилъ:

- Я очень несчастенъ.
- Что съ тобой, Францъ? Кто тебя обидълъ?
- Молодой герцогъ слишкомъ увлекается,—сказалъ Меттернихъ, также приближаясь къ эрцгерцогу и юношъ:—дъло идеть не о распоряженіяхъ по Шенбрунскому замку, а его величество приказалъ мнъ напомнить вамъ, герцогъ, о томъ, что такой принцъ, какъ вы, обязанъ подчиняться этикету.
- Развъ я нарушилъ обязанность, налагаемую на меня моимъ положениемъ, господинъ канцлеръ?
- Нътъ, Боже избави, ваше высочество. Очень естественно любить кататься верхомъ и принимать вашихъ друзей, но дъдушка желаетъ, чтобы вы впредь ничего не дълали безъ его разръшенія.
 - Прошу васъ, князь, выразиться опредълительно.
- Напримъръ, вы любите разговаривать съ графомъ Прокешъ-Остеномъ, и вы съ нимъ катались верхомъ, а вашему дъдушкъ угодно, чтобы вы впредь не бесъдовали съ графомъ иначе, какъ въ присутствии третьяго лица.

- Я слышалъ, —отвъчалъ съ горечью герцогъ, —что моему другу Прокешу дано поручение ъхать въ Италію надолго. Значитъ, я его болъе не увижу.
- **Никто** не говорить о томъ, чтобы ваше высочество его не видѣли, но...
- Я очень хорошо понимаю, чего хотять оть меня, но не люблю наушниковъ. Въ моихъ словахъ нѣтъ ничего обиднаго, и если дѣдушка не желаетъ, чтобы я свободно говорилъ съ моими друзьями, то хорошо—я не буду съ ними видѣться.
- Императоръ еще боится, —продолжалъ Меттернихъ, какъ бы ни въ чемъ не бывало: —что вы слишкомъ свободно ходите по Вънъ, горцогъ, и ваша свита не знаетъ, куда вы направляетесь.
- Хорошо, понимаю. Выходя изъ дома, я буду всегда говорить, куда иду, чтобы можно было слёдить за мной.
 - Не следить, ваше высочество, а охранять васъ.
- Хорошо, хорошо, я все понимаю... Не правда ли, я долженъ какъ можно больше оставаться въ томъ паркъ, который служитъ мнъ тюрьмой? Мнъ слъдуетъ не думать ни о чемъ, не надъяться ни на что и даже не удивляться, что мнъ перемънили имя. Хорошо, господинъ канцлеръ, я все понимаю.

Эрцгерцогъ насупилъ брови, а Полина подумала: «Бъдный юноша!».

Но Меттернихъ оставался холоднымъ, непреклоннымъ, однако и онъ послъ минутнаго молчанія измъниль свой тонъ и произнесъ очень любезно:

— Теперь я кончиль непріятное порученіе, данное мнѣ его величествомъ, и могу сообщить вамъ пріятную новость.

Герцогъ молча посмотрътъ на канцлера, и его голубые глаза ясно говорили: «мнъ нечего ждать пріятнаго извъстія отъ васъ».

- Его величество, —продолжалъ Меттернихъ: —желая доказать свою постоянную любовь къ вамъ, назначилъ васъ губернаторомъ Граца, командиромъ гренадерскаго полка и шефомъ драгунскаго полка, который будеть называться Рейштадтскимъ.
- А когда мив вхать въ Грацъ? спросилъ недовврчиво юноша.
- Это только почетное назначеніе, и вамъ не надо покидать Шенбрунъ.
- Хорошо, и драгунскимъ полкомъ мнѣ не позволять командовать, а замѣнять его оловянными солдатиками?
- Нѣтъ, въроятно, вы будете командовать вашимъ полкомъ на парадахъ.
- А если будеть война, то я поведу своихъ солдать на враговъ?
- Не волнуйтесь, ваше высочество, мы живемъ въ мирѣ со всѣми народами, и вамъ, вѣроятно, никогда не придется обнажить вашей сабли.

— Въ такомъ случать, —произнесть герцогъ, —зачтымъ меня назначаютъ губернаторомъ въ такой городъ, куда я не могу такот, и даютъ мнт такой полкъ, котораго я не могу вести на непріятеля?

Эрцгерцогъ Карлъ не могъ болъе выдержать и, взявъ за плечо

внука, сказалъ вполголоса:

— Успокойся, Францъ я все устрою.

Потомъ онъ громко произнесъ:

— А ты знаешь, Францъ, какой тебѣ дають полкъ? Эти драгуны прежде назывались драгуны Латура, и подъ Ваграмомъ они дрогнули отъ атаки французской кавалеріи, но я бросился впередъ и крикнулъ имъ: «Развѣ вы не драгуны Латура?» Они отвѣчали: «да, да», и бросились съ такимъ пыломъ на гренадеровъ Удино, что они должны были отступить. Не правда ли, маршалъ Мармонъ?

Это имя Мармона, неожиданно произнесенное передъ сыномъ Наполеона, произвело потрясающее впечатлѣніе на узника Меттерниха.

- Мармонъ здѣсь! —воскликнулъ онъ. —Вы маршалъ Мармонъ! воскликнулъ юноша, сверкая глазами. Правда ли, что вы покинули моего отца?
 - Что ты говоришь?—произнесъ эрцгерцогъ.
 - Откуда онъ это знасть?—промолвиль Меттернихъ.
- Браво, настоящій сынъ Наполеона!—произнесла громко Полина. Тяжелое молчаніе водворилось въ комнать. Мармонъ блъдный, съ налившимися кровью глазами, хотъть сказать, какъ всегда, въ свою защиту, что онъ любилъ Францію болье императора, но не могъ выговорить ни слова.

Самъ герцогъ Рейхштадтскій поспышиль на его выручку.

— Можетъ быть, я оппибаюсь, маршалъ,—сказалъ онъ:—меня очень плохо учили исторіи, но я все-таки знаю, что вы до тёхъ поръ храбро сражались въ Италіи, Испаніи, Австріи и даже во Франціи. Я знаю, что вы долго были върнымъ товарищемъ отца, и потому все-таки съ удовольствіемъ пожму вамъ руку, до которой, въроятно, не разъ прикасался мой отецъ.

Мармонъ едва удержался отъ душившихъ его слезъ, и пока онъ дрожащими руками схватилъ протянутую ему руку, герцогъ прибавилъ вполголоса:

— Однако вы должны были очень страдать, покидая вашего стараго товарища.

Между тымъ Меттернихъ сдылалъ выговоръ Дитрихшттейну за недостаточный надзоръ и приказалъ навести справку о томъ, кто могъ сообщить недозволенныя свыдынія Шенбрунскому юношь.

Покончивъ съ Мармономъ, герцогъ спокойно сказалъ, обращаясь къ Меттерниху:

— Прошу васъ, передайте мою благодарность императору. Я съ удовольствіемъ надъну мундиръ храбраго драгунскаго полка,

о которомъ такъ лестно отозвался мой дѣдъ, знающій въ этомъ голкъ, но я надѣюсь, что это новое назначеніе не заставитъ меня никогда воевать съ Франціей.

- Императоръ будеть очень доволенъ узнать, ваше высочество, отвъчалъ канцлеръ,—что вы готовы исполнять всъ его приказанія, и что онъ можеть всегда разсчитывать на васъ, какъ на принца, преданнаго своему дому и своей странъ.
- Еще бы!—произнесъ герцогъ, гордо поднимая голову:—онъ самъ мнъ объяснилъ нъсколько лътъ тому назадъ, въ чемъ состоитъ мой долгъ. Я былъ тогда ребенкомъ и игралъ въ его кабинетъ въ въ Шенбрунъ. Неожиданно онъ положилъ мнъ руку на голову и сказалъ: «Жаль, что ты не постарше, тогда тебъ было бы достаточно появиться на Страсбургскомъ мосту, чтобы въ Парижъ прекратилось царство Бурбоновъ». Дъдушка никогда бы мнъ этого не сказалъ, если бы не былъ убъжденъ такъ же, какъ вы, что я преданъ своему долгу и своей странъ.
 - Хорошо сказано, промодвиль эрцгерцогь.

Меттернихъ узналъ то, что ему было необходимо, и подумалъ:

— Мое предчувствіе меня не обмануло, надо дъйствовать энергично.

Мармонъ трогательно распростился съ герцогомъ, высказалъ ему всю свою преданность и выразилъ надежду, что еще увидится съ нимъ. Меттернихъ проводилъ маршала до дверей, а герцогъ, смотря ему въ слъдъ, промолвилъ:

— Онъ быль на войнъ съ отцемъ.

Неожиданно глаза его остановились на красивой, блестящей женщинъ, присутствія которой онъ до сихъ поръ не замъчалъ.

- Кто эта дама, дъдушка?—спросиль онъ вполголоса.—Она была здъсь все время?
 - Да, это княгиня Саріа.

Юноша подошелъ къ Полинъ и произнест съ почтительнымъ поклономъ:

- Я долженъ просить у васъ извиненія, княгиня, что въ вашемъ присутствіи позволилъ себъ непростительную выходку.
- Ваше высочество, бывають прекрасныя увлеченія, въ которыхъ нечего извиняться,—отвъчала Полина.

Голосъ ея показался юношѣ звучнымъ, сладкимъ, а взглядъ ея добрымъ, сочувственнымъ.

- Вы находитесь въ дружескомъ отношении съ канцлеромъ?— спросилъ герцогъ, не понимая, какъ она очутилась въ кабинетъ Меттерниха.
- Явозвратившаяся изгнанница, отвъчала съудыбкой Полина: и мой примъръ доказываеть, что можно возвратиться изъ изгнанія.
 - Но для этого необходимо подчиниться.
- Нътъ, ваше высочество, надо только терпъливо ждать. **Ми**нута справедливости рано или поздно настанетъ.

Герцогъ бросилъ на нее взглядъ, полный восхищенія и благодарности.

— Ну, Францъ, пойдемъ со мною, —сказалъ эрцгерцогъ Карлъ: н провожу тебя до лъстницы и тамъ отдамъ на попечение Дигризштейну.

Молодой человъкъ послъдовалъ за своимъ дъдомъ, но не слышалъ его словъ, и ему все мерещился симпатичный образъ красавицы.

Оставшись наединѣ съ Меттернихомъ, Полина сказала, искусно маскируя свое неожиданное смущеніе:

- Мы съ вами и забыли третье средство узнать, о чемъ мечтаетъ вашъ узникъ, именно спросить его объ этомъ.
- Такъ что же, вы полагаете, княгиня, мит придпринять? спросилъ канцлеръ.
- Ничего. Дайте ему свободу и окажите довъріе, это благородная душа.
- А я все-таки думаю, что второе средство лучше,—хитро замътилъ канцлеръ и пристально посмотрълъ на молодую женщину.
- А я думаю, что оно теперь ни къ чему не приведеть, —отвъчала Полина, —но мнъ пора князь навъстить эрцгерцогиню Софію, которая такъ же, какъ вы, сохранила обо мнъ добрую память.
- Эрцгерцогиня совершенно оправилась, —произнесъ меттернихъ, провожая княгиню до дверей: —и послъзавтра въ Шенбрувъ назначены крестины ея маленькаго сына. Вы тамъ будете, княгиня
 - Постараюсь.
 - Такъ до свиданія въ Шенбрунъ.
 - А какъ назовутъ новаго внука императора?
 - Францемъ-Іосифомъ.

И Меттернихъ съ своей обычной любезностью поцъловалъ на прощаніе руку у княгини Саріа.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Смѣлая попытка.

I.

Приключенія полицейскаго агента.

Посадивъ Фабіо въ Миланскую тюрьму вечеромъ 26 іюня, Галлони сталъ обсуждать со всёхъ сторонъ, какъ окончить блестящимъ образомъ начатое имъ дёло, чтобы заслужить повышеніе. Ему невыносимо было прозябать въ мелкой должности, когда онъ чувствовалъ способность разыгрывать первую роль, хотя бы въ полиціи.

— Во что бы то ни стало, мит нужно достать эти бумаги, —думаль онъ: —а то снова прощай вст надежды, да еще, можеть быть, я получу выговорь за безпричинный аресть Фабіо. Но развт можно сдтать яичницу, не разбивъ яицъ? Но какъ ловко провела меня эта княгиня! Куда она дта бумаги? Нтъ, я глупо сдталь, что послушаль офицера и не продолжаль обыска. Лучше я вернусь снова въ магазинъ, посмотрю, что тамъ дтается, а потомъ отправлюсь въ домъ княгини и устрою тамъ полицейскій надзоръ за встан ея дтаствіями.

Спустя нъсколько минутъ, онъ снова подошелъ къ магазину со своими сбирами, и только что поставленные на часы жандармы, которые смънили прежнихъ, удостовърили, что никто при нихъ не входилъ въ домъ и не выходилъ изъ него, а виднъвшійся свътъ въ окиъ надъ магазиномъ только что погасъ.

Галлони успокоился, такъ какъ онъ не зналъ, что въ домѣ никого не было, кромѣ продавщицы Элизы, и поспѣшно направился въ родовой домъ княгини Capia, casa Sorati, въ улицѣ Санто-Андреа. Тамъ также все было благополучно. Свѣтъ мерцалъ въ нѣ-которыхъ окнахъ верхняго этажа, гдѣ, очевидно, жили слуги. Наконецъ, и тамъ онъ исчезъ, когда на городскихъ часахъ пробило полночь.

Прежде, чвить итти спать, Галлони принялъ последнія две меры цредосторожности. Онъ поставиль двухъ часовыхъ у дома княгини Саріа и, зайдя въ почтамтъ, предупредилъ дежурнаго чиновника, чтобы перехвачены были всё письма, адресованныя на имя этой аристократки и посылаемыя ею.

«истор. въстн.», февраль, 1900 г., т. LXXIX.

Digitized by Google

Каково же было его разочарованіе, когда на слѣдующее утро онъ увидѣлъ, что бѣлошвейки покинули свое жилище, и узналъ, что княгиня Саріа вмѣстѣ съ ними выѣхала рано утромъ на почтовыхъ по дорогѣ въ Комо; хотя одинъ изъ его сбировъ поскакалъ за ними, чтобы не выпустить изъ вида, но этого было недостаточно, и Галлони отправился въ домъ губернатора, такъ какъ онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что бѣглянки увезли съ собою драгоцѣнныя бумаги,

Было восемь часовъ утра, и лакей губернатора отказался разбудить его.

Галлони разсердился и предъявилъ свой бланкъ агента тайной полиціи.

- Ступайте къ начальнику полиціи, это діло его, а не губернатора.
- Я желаю видёть губернатора по важному государственному дёлу, и никто, кром'в него, не можеть принять необходимых в мёръ въ этомъ случав.

Послѣ долгихъ переговоровъ лакей смилостивился и доложилъ губернатору о приходѣ Галлони, но только въ 9 часовъ онъ добился аудіенціи, такъ долго вставалъ и одѣвался губернаторъ.

Когда сыщикъ подробно разсказалъ о всемъ случившемся наканунъ и въ это утро, то губернаторъ промолвилъ съ улыбкой:

- Не можеть быть, чтобы такая блестящая аристократка, какъ княгиня Саріа, имъющая важныя связи въ Вѣнѣ, приняла участіе въ заговорѣ съ двумя бѣлошвейками и мелкимъ адвокатомъ.
- Если, ваше превосходительство, мит не върите, то не угодно ли вамъ допросить графа Бальди, который присутствовалъ при обыскъ магазина «Золотыя ножницы».

Вмѣстѣ съ тѣмъ сыщикъ настоятельно требоваль, чтобы ему былъ выданъ тотчасъ приказъ о принятіи необходимыхъ мѣръ противъ княгини Саріа и ея двухъ сообщницъ, обвиняемыхъ въ укрывательствѣ важныхъ государственныхъ бумагъ, и чтобы его лично тотчасъ отправили въ погоню за ними. Губернаторъ тѣмъ скорѣе на это согласился, что ему необходимо было переслать въ Вѣну секретныя письма не по государственному дѣлу, а по любовной интрижкѣ, и они достигли бы вѣрнѣе своего назначенія въ карманѣ Галлони, чѣмъ по почтѣ. Къ приказу о преслѣдованіи и арестѣ подозрительныхъ дамъ губернаторъ прибавилъ рекомендательное письмо къ начальнику вѣнской полиціи Зедельницкому.

— Ваше превосходительство, конечно, увъдомите объ этомъ министра,—сказалъ Галлони, выходя изъ кабинета:—такъ какъ ваше донесеніе очистить мнъ почву для дъйствій въ Вънъ.

Вернувшись къ своему туалету, губернаторъ промолвилъ вполголоса:

— Конечно, княгиня докажеть всю глупость взведеннаго на нее обвиненія, и тъмъ дъло кончится.

Между тъмъ Галлони не терялъ времени, но онъ не бросился въ погоню за экипажемъ княгини Саріа, который спокойно катился по дорогъ въ Комо, а отправился прямо въ Въну по болъе прямой почтовой дорогъ черезъ Бресчію, Верону и Удине.

— Я прибуду въ Въну раньше ея, — думалъ онъ, — и если мнъ тамъ окажутъ содъйствіе, то я легко накрою княгиню, которая будетъ считаться вполнъ безопасной и не приметъ мъръ, чтобы скрытъ драгоцънные документы.

Все случилось, какъ предвидъть ловкій сыщикъ. Жандармъ догналъ княгиню Саріа на швейцарской границъ, и хотя тамъ подвергли строгому разсмотрънію паспорты трехъ женщинъ, но они оказались въ порядкъ, и пришлось ихъ пропустить, а, однажды очутившись въ Швейцаріи, онъ уже были внъ когтей австрійской полиціи.

Что касается до Галлони, то онъ не спѣша достигъ Вѣны иной дорогой и явился туда ровно во время.

II.

Отель «Лебедь».

Первымъ дѣломъ Галлони по прибытіи въ Вѣну было доставить секретныя письма миланскаго губернатора, а затѣмъ онъ отправился къ начальнику полиціи и выправилъ себѣ разрѣшеніе содѣйствовать столичной полиціи въ разысканіи заговорщиковъ, по дѣлу врученія герцогу Рейхштадтскому важныхъ документовъ. Наконецъ онъ помѣстился въ маленькой гистиницѣ у городскихъ воротъ, выходившихъ на дорогу, которая вела изъ Тироля и Швейцаріи.

На третій день онъ съ удовольствіемъ увиділь дорожный экипажъ, въ которомъ спокойно сиділи его бізглянки. Онъ послідоваль за ними и убідился, что оні поселились на нікоторое время въ отелів «Лебедь» въ Карентійской улиців.

Вечеромъ въ тотъ же день графъ Зедельницкій въ сопровожденіи Галлони, который доложилъ ему подробно обо всемъ, постилъ отель «Лебедь» и даже номеръ, занятый княгиней Саріа, пока ея не было дома. Испуганный хозяинъ отеля подробно отвъчалъ на всъ вопросы графа.

- Давно ли живеть здёсь княгиня?
- Съ сегодняшняго утра. Можеть быть, ваше превосходительство, мив не следовало принимать ее? Если вы прикажете, то я тотчасъ ей откажу.
- Нътъ, отвъчалъ графъ, пожимая плечами: княгиня почтенная дама и имъетъ большія связи при дворъ.

 $\mathsf{Digitized} \; \mathsf{by} \; Google$

- Я такъ и думалъ; это очень приличная особа. Ее сопровождають двъ женщины, которыя значатся по паспорту бълошвейками. Онъ заняли скромную комнату подъ номеромъ княгини.
 - Вы ихъ знаете, онъ когда нибудь останавливались въ отелъ?
 - Нътъ. Прикажете ихъ удалить?
 - Ни ихъ и никого другого.
 - Есть еще у васъ новые путешественники?
- Только одинъ журналистъ изъ Парижа, которому тайный совътникъ Фридрихъ Генцъ только что прислалъ кучу карточекъ для осмотра вънскихъ музеевъ.
 - Что же, княгини цълый день не было дома?
- Она увзжала утромъ во дворецъ, какъ мив сказалъ кучеръ, затвмъ она вернулась и объдала одна въ часъ. Въ три часа она повхала къ эрцгерцогинъ Софіи, какъ мив сообщилъ швейцаръ; геперь ее ждутъ съ минуты на минуту, а вечеромъ она собирается опять вытъхать.
- Поздравляю, вы все знаете о своихъ жильцахъ, значить вашъ отель прекрасно организованъ. Прошу васъ передавать моему уполномоченному всъ письма и пакеты, которые будутъ получаться или отправляться вашими жильцами. Вы поняли меня?
- Понялъ, ваше превосходительство, ваше приказаніе относится и до княгини Саріа?
- Да, лучше не дълать исключенія ни для кого. Если же княгиня узнаеть, что мы были въ ея комнатахъ, то скажите, что мы путешественники и желаемъ занять ея номеръ, когда она его очистить.

Съ этимъ словомъ графъ отпустилъ трактирщика и, оставшись наединъ съ Галлони, спросилъ его:

- Вы осмотръли иъстность?
- -- Конечно. Вотъ здёсь рядомъ спальня; она выходить въ гардеробную, которая соединяется дверью съ задней лёстницей, а въ гостиную прямо входять съ парадной лёстницы. Вотъ и все.
- Такъ не угодно ли вамъ покуда только следить за всеми шагами этихъ лицъ. Хотя ваши первыя действія въ этомъ деле были неудачными, но вы потомъ доказали свою ловкость, отыскавъ здёсь вашихъ беглянокъ, но помните, что Вена не Миланъ, и венцы не миланцы. Хотя вы не принадлежите къ здёшней полиціи, но я дозволю вамъ окончить это дело. Только смотрите, оправдайте рекомендацію миланскаго губернатора, главное будьте осторожны и не торопитесь.
- Да мит теперь и дълать нечего, ваше превосходительство, документы должны еще находиться въ кармант княгини, и я подожду, пока она опорожнить свои карманы.
- И пока я вамъ разрѣшу дѣйствовать, —прибавилъ графъ. Галлони кивнулъ головой, но этотъ безмолвный знакъ могъ означать одинаково и «слупаюсь» и «какъ бы не такъ».

- Княгиня Саріа вернулась, и если ваше превосходительство желаете, то можете съ нею познакомиться,—произнесъ хозяинъ отеля, пріотворяя дверь.
 - Я нисколько этого не желаю, —отвъчалъ графъ Зедельницкій.
- -- А я тъмъ болъе, такъ какъ она меня знаетъ,--прибавилъ Галлони.
- Идите на встръчу вашей жиличкъ, а мы удалимся заднимъ ходомъ. Вотъ глупая исторія! Но, Галлони, воспользуйтесь этимъ, чтобы осмотръть всъ входы и выходы.

Въ ту самую минуту, какъ они исчезли по задней лъстницъ, нарадная дверь отворилась, и Полина вошла въ номеръ въ сопровождении горничной.

— Извините, ваше сіятельство, что я позволиль себѣ войти въ ваши апартаменты,—сказалъ хозяинъ отеля, низко кланяясь,—но я хотѣлъ убѣдиться, все ли въ порядкѣ, и къ тому же я долженъ былъ показать ихъ двумъ путешественникамъ, которые хотятъ снять ихъ, когда вы покинете отель, что, я надѣюсь, будеть не скоро.

Слушая его, Полина поправляла себѣ прическу у зеркала, но случайно она взглянула въ окно и вздрогнула. По улицѣ быстро шли два человѣка, и одинъ изъ нихъ украдкою смотрѣлъ на ея окно. Въ его блѣдномъ, рѣшительномъ и вселяющемъ отвращеніе лицѣ она узнала миланскаго сыщика.

- Это ваши новые жильцы,—сказала она, указывая на быстро удалявшіяся фигуры.—Нечего сказать, хорошіе у вась кліенты.
- Я, право, не вижу такъ далеко,—сказалъ хозяинъ отеля въ большомъ смущеніи.
- Я надёюсь, что вы дали имъ обо мнв всв сведенія, какія они желали. Я нимало не хочу ссорить васъ съ полиціей.
- Что же дёлать, несчастные хозяева отелей подвергнуты постоянному полицейскому надзору.
- Пожалуйста, не дълайте исключенія для меня. Докладывайте полиціи о всъхъ лицахъ, которыя будутъ меня посъщать, даже показывайте мои письма.
- Какъ, ваше сіятельство, вы позволяете?—воскликнулъ съ удивленіемъ хозяинъ.
- Да, конечно, въ наше время надо подчиняться подобнымъ непріятностямъ, въ особенности, когда нечего бояться. Ну, до свиданія, прошу васъ, прикажите сказать, чтобы дѣвицы Лоливъ зашли ко мнѣ, когда окончатъ свою работу.

Оставшись одна, Полина стала серіозно обдумывать свое положеніе. Очевидно, Галлони не считаль себя побъжденнымъ, прослъдиль ихъ до Въны, увъдомилъ полицію объ ихъ прибытіи и окружилъ хитрою сътью бъдныхъ женщинъ, которыя надъялись, что избъгли его когтей. Но неужели Меттернихъ велъ двойную игру

и съ одной стороны принималъ ее любезно, а съ другой подвергатъ унизительному полицейскому надзору. Что ей дълать? Она хотъла повести снова веселую свътскую жизнь, а обстоятельства ее наталкивали на участіе въ политическомъ заговоръ. Конечно, въ пользу такого интереснаго и симпатичнаго юноши, какимъ ей показался неожиданно герцогъ Рейхштадтскій, можно было дъйствовать съ удовольствіемъ. Но что она могла сдълать? Она была вполить безпомощна, и потому ръшилась остаться въ сторонъ, не обращая вниманія на полицейскія непріятности, тъмъ болъе, что ей никто не поручаль исправлять ошибокъ исторіи.

— А жаль,—промолвила она мысленно, вспомнивъ о красивой фигурѣ молодого человѣка, объ его благородной выходкѣ относительно Мармона и въ особенности о нѣжномъ, сочувственномъ взглядѣ, брошенномъ на нее.

Ш.

Планъ дъйствія.

- Княгиня, должно быть, получила дурныя извъстія,—сказала Шарлотта своей теткъ, входя въ гостиную:—посмотрите, какъ она грустна.
- Не бойтесь, не случилось никакого несчастія,—отвѣчала Полина, услыхавъ слова молодой дѣвушки, хотя они и были сказаны вполтолоса:—напротивъ я нашла старыхъ и новыхъ друзей, такъ что стоитъ намъ только сказать слово, и наше дѣло въ шляпѣ.
 - Неужели?-воскликнула Шарлотта, просіявъ.
- Но я еще не упомянула о нашемъ дълъ никому. Оказывается, что наши миланскіе друзья прекрасно выбрали минуту для дъйствія, хотя сами этого не подовръвали. Парижская революція даетъ всъ шансы на успъхъ сыну Наполеона.
 - Бълный юноша!
- Я видёла его, —воскликнула Полина, обрадовавшись случаю поговорить о молодомъ человъкъ, который произвель на нее глубокое впечатлъніе: —какъ онъ перемънился! Три года тому назадъ онъ былъ блъднымъ, грустнымъ ребенкомъ, сгорбленнымъ подъ бременемъ несчастья, а теперь онъ сталъ прекраснымъ, благороднымъ, смълымъ, мыслящимъ юношей. А глаза у него свътлые, открытые, добрые.
 - Помните, тетя, и Фабіо говорилъ то же.
- Люди, окружающіе его, начинають понимать принца,—продолжала Полина:—они боятся его. Я пристально смотрёла на Меттерниха, пока герцогь Рейхштадтскій говориль, и ясно было, что онъ въ молодомъ австрійскомъ офицерѣ видѣяъ неожиданно воскресшій образъ его великаго отца. Хитрый дипломать словно

слышаль голось умершаго колосса, и какъ будто передъ нимъ воскресали кровавые годы его борьбы съ императоромъ. Это была поразительная, чудная сцена.

- Я понимаю, почему вы не могли еще сказать ни слова о Миланскомъ дълъ,—замътила и Парлотта.
- Я не говорила о немъ, но оно извъстно Меттерниху. Онъ знаетъ, что мы прівхали втроемъ, и, быть можеть, подозръваеть, что въ нашихъ рукахъ драгоцвиные документы. Но не безпокойтесь, все уладится.
- Простите, княгиня,—произнесла тетка молодой дввушки:—не лучше ли намъ уничтожить эти бумаги?

Шарлотта всплеснула руками отъ удивленія и гитва.

- Зачемъ ихъ уничтожать? спросила Полина.
- Мы хотимъ просить помилованія человѣка, который долженъ былъ привезти сюда эти бумаги, а сами хотимъ обмануть лицъ, у которыхъ просимъ милости. Это не хорошо.
- · Нѣтъ, тетя. Мы не имѣемъ права уничтожить бумагъ, которыя намъ поручилъ Фабіо. Онъ слишкомъ дорого платитъ за ихъ сохраненіе.
 - Вы правы, дитя мое, —замътила Полина.
- Однако надо выбирать одно изъ двухъ: или освободить изъ тюрьмы твоего жениха и сжечь бумаги, или сохранить бумаги и не просить о помилованіи Фабіо.
- -- Вы хотите, чтобы ваша племянница обезчестила своего жениха и добилась его освобожденія ціною предательства.
- Нътъ, но я боюсь, что мы поступимъ неблагородно, если не уничтожимъ бумагъ. Простите, княгиня; я знаю, съ какимъ мужествомъ и съ какой добротой вы оказали намъ помощь въ этомъ несчастномъ дълъ. Я вамъ за это очень благодарна, тъмъ болъе, что вы компрометировали себя безъ всякой причины. Но я не хочу, чтобы вы ради насъ совершили неблагородный поступокъ.
- Подумаемъ хорошенько и ръшимъ, что мы должны сдълать по совъсти,—отвъчала съ улыбкой Полина и протянула руку доброй старухъ.
- Я полагаю, —воскликнула Шарлотта: —что прежде, чѣмъ рѣшать судьбу пакета съ бумагами, надо посмотрѣть, что въ нихъ находится.
- Вы совершенно правы, Шарлотта, и если эти бумаги окажутся пустыми, то мы ихъ тотчасъ уничтожимъ, не правда ли, наша ходячая совъсть?—прибавила княгиня, обращаясь къ теткъ молодой дъвушки.
- Я не вижу, къ чему поведеть это пустое любопытство, отвъчала старуха:—а если бумаги окажутся важными, то что мы сдълаемъ?
 - Увидимъ, а что я не любопытна, то сейчасъ вамъ докажу,

тетя. Вы объ откроете пакетъ, а я выйду въ сосъднюю комнату и буду караулить, чтобы насъ никто не подсмотрълъ.

— Хорошо, Шарлотта.

Молодая дівушка быстро выбіжала изъ двери и старательно затворила ее за собою.

— Я распечатаю конверть,—сказала Полина, вынимая его изъ своего кармана и показывая, что сургучъ остался неприкосновеннымъ:—мы прочитаемъ бумаги, а затъмъ вы сами, г-жа Лоливъ, ръшите, что съ ними дълать.

Въ пакетъ оказалось восемь свернутыхъ бумагъ, Полина прежде всего развернула четыре письма.

- Всв они адресованы, сказала Полина: «его императорскому высочеству принцу Наполеону-Франциску-Бонапарту, герцогу Рейх-штадтскому», а подписано одно «Іосифомъ», другое «Іеронимомъ», третье «Ашилемъ Мюратомъ», а четвертое «Луи-Наполеономъ Бонапартомъ».
- Ватага нищихъ! —промолвила старуха съ инстинктивной ненавистью парижской буржувайи къ семът императора.
 - Вы правы, за исключениемъ перваго, который очень богатъ.
- Пятый и шестой листь подлинники и копіи списка подставь, устроенных на дорогь изъ Віны въ Страсбургь. Это самый далекій путь во Францію, а потому наименье подозрительный. Въ этой бумагь встрічаются имена почтовых смотрителей, поміщиков и даже простых поселянь, которые обязались приготовить лошадей. И какъ основательно, съ какою любовью составлень этотъ списокъ. Въ немъ помічены не только всі повороты дорогь и тропинки, но даже указаны города, которых надо избігать. Сколько преданности и терпінія заключается въ этой сухой номенклатурі. Просто удивительно.
 - Это правда, —печально промолвила старая дева.
- Воть еще списокъ лицъ, живущихъ въ Вѣнѣ и ея окрестностяхъ, на помощь которыхъ можно разсчитывать: Жозефъ Мунцъ, управляющій барона Абенауса въ Гитцингѣ, близъ Шенбруна Карло Грепи, стекольщикъ, близъ Бельведера, ботаникъ Велэ... и еще десять другихъ. Вотъ и послѣдняя бумага, прочтите ее сами.

Г-жа Лоливъ взяла бумагу изъ рукъ княгини и прочла инструкцію, данную Фабіо тайнымъ обществомъ, къ которому онъ принадлежаль:

«Брать, выбранный для совершенія этого подвига, передасть означенныя бумаги Францу Шулеру, садовнику Шенбрунскаго парка. Онъ поступить такъ, чтобы никто не видѣль его свиданія съ этимъ человѣкомъ. Францъ Шулеръ, если и знаеть объ этомъ предпріятіи, то не поощряль его. Онъ любить сына своего стараго вождя, но никогда не составляль заговора для его освобожденія. Однако мы знаемъ, что онъ охотно пожертвуеть своей жизнью

для спасенія герцога Рейхштадтскаго изъ рукъ его палачей, чему посвятила всё свои усилія группа преданныхъ молодыхъ людей. О, вы, въ чьихъ рукахъ находятся эти документы, помните, что вы клялись ихъ сохранить какой бы то ни было цёной, ваша жизнь, свобода, безопасность—ничто. Жертвуйте всёмъ для святого дёла освобожденія народовъ. Повинуйтесь».

Наступило молчаніе, которое было нарушено, спустя нѣсколько минуть, Полиной.

— Значить, —произнесла она, —мѣсяцами и годами многіе люди посвящали свою жизнь на то, чтобы вырвать изъ когтей злой судьбы благороднаго юношу, котораго держать во имя государственныхъ видовъ въ тюрьмѣ, физической и нравственной. Имъ удалось составить необыкновенную нить самопожертвованій, а мы, эгоистки, хотимъ для своего спокойствія уничтожить плодъ очень долгаго, энергичнаго труда.

Старая дѣва еще не успѣла отвѣтить, какъ въ комнату вбѣжала Шарлотта.

- Все въ домъ тихо. Скажите, что вы нашли въ пакетъ такого страшнаго? Вы объ совершенно измънились.
- Ваша тетка огорчена тъмъ, что мы не можемъ уничтожить этихъ бумагъ,—замътила Полина.
 - Я очень рада, воскликнула Шарлотта.
- -- Какъ рада?--произнесла старая дѣва,---да вѣдь если эти бумаги могучее орудіе, то мы не можемъ хлопотать о помилованіи Фабіо.
- Я это подозрѣвала. Я долго думала и пришла къ заключенію, что мы должны думать прежде всего объ его долгѣ. И какая ему радость будеть даже въ тюрьмѣ узнать, что цѣль, къ которой онъ стремился, достигнута его невѣстой!
 - Какъ? Ты хочешь?
- Я ничего не могу сдълать. Но мы найдемъ добрую фею и благородную душу, которая намъ поможеть.

И она съ мольбою устремила свои глаза на Полину.

- -- Шарлотта, ты бредишь, -- воскликнула ея тетка.
- Нътъ, продолжала молодая дъвушка чарующимъ тономъ сирены, я не могу разбудить спящаго принца въ заколдованномъ замкъ, но есть возвышенныя сердца, которыхъ привлекаетъ опасность. Если такая душа, оставшись доброй среди злыхъ, жестокихъ чудовищъ, и пожертвовала свътской, веселой жизнью, чтобъ оказать помощь двумъ несчастнымъ существамъ, то она не можетъ остановиться на полпути...
- Подумай, что ты говоришь?—перебила ее тетка:—ты хочешь, чтобы княгиня погубила себя ради насъ! Ты...

Полина подняла руку, безмольно прося тетку не прерывать вдохновенной ръчи молодой дъвушки.

- Освободить несчастнаго узника изъ рукъ тюремщиковъ, продолжала Шарлотта, то святое дѣло, и оно должно совершиться. Если бумаги, могущія содъйствовать бѣгству славнаго, симпатичнаго юноши, попали въ руки княгини Саріа, то неужели она ими не воспользуется?
- Полно, полно, Шарлотта,— начала ея тетка, но Полина ее перебила:
- Я горжусь тъмъ, что Шарлотта поняла меня. Но, дитя мое, поговоримъ серіозно. Ты совътуешь мит обмануть людей, которые меня вызвали изъ изгнанія и предлагають возвратить все, что у меня отнято. Положимъ, это не бъда; я слишкомъ долго ждала ихъ милости и даже теперь не очень върю имъ. Ты совътуешь мит принять участіе въ политической революціи?
 - Конечно, подтвердила старая дъва.
- Ты сов'туешь мнт отдать герцогу Рейхштадтскому эти бумаги и устроить его б'тство, съ ц'алью возвратить ему императорскій престоль, но в'тра ты мнт предлагаешь государственное преступленіе?
 - Конечно, повторила тетка.
- А если я потерплю пораженіе въ моемъ смѣломъ предпріятіи, то я подвергнусь новому изгнанію и лишусь навсегда отнятыхъ у меня помѣстій.

Она вдругъ покраснъла и послъ минутнаго молчанія продолжала:

- Нътъ, я этого не сказала. Я не равняла доброе дъло съ презръннымъ металломъ. Княгиня Саріа на это не способна.
- Но, княгиня, надо знать, стоить ли герцогь Рейхштадтскій такого самопожертвованія,—промолвила Шарлотта.
- Онъ стоить ли?.. Нёть, я болёе колебаться не могу. Въ сущности, колебалась ли я? Я готова была съ первой минуты совершить преступленіе, которое ты мнё совётовала, Шарлотта! Что же касается до венгерскихъ помёстій, то пусть ими пользуется, кто хочеть! Я видёла горе въ глазахъ двадцатилётняго юноши и рёшила, чтобъ эти глаза засвётились радостью.
- О княгиня, княгиня! воскликнула молодая дѣвушка, бросаясь передъ нею на колѣни.
- Ну, видно безумье прилипчиво,—произнесла старая дъва, и когда мои миланскіе сосъди спросять, куда дъвалась хозяйка закрытаго магазина «Золотыя ножницы», то имъ отвътять: «сумасшедшая старуха отправилась въ Въну, чтобы принять участіе въ государственномъ заговоръ».
- Не безпокойтесь, отвъчала Полина, подходя къ старухъ и кръпко пожимая ей руку: вы объ вернетесь въ вашъ магазинъ, и Шарлотта выйдетъ замужъ за своего жениха. Моей первой заботой будетъ обезпечить безопасность васъ объихъ и Фабіо, а если и погибну въ своей смълой попыткъ, то никто отъ этого не пострадаетъ.

Шарлотта хотвла протестовать, но княгиня зажала ей рукою роть. — Нёть, нёть, — продолжала она, — это единственное условіе, которое я ставлю. Никто не должень участвовать въ заговорів, кромів меня. Въ сущности, туть нівть и заговора. Просто надо передать кому слідуеть важныя бумаги. Это было поручено сділать Фабіо, но онъ не можеть исполнить даннаго ему порученія; воть и все. Но довольно болтать, пора и дійствовать. Прежде всего возьмите, Шарлотта, вонь въ этомъ столів два конверта. Въ одинъ я положу письма членовъ бонапартовской семьи, а въ другой маршруть бітства и списокъ лиць, могущихъ ему содійствовать. Что же касается до инструкціи Фабіо, то я еще разъ прочитаю ее и уничтожу.

Исполнивъ свое намърение и разложивъ документы по конвертамъ, княгиня ихъ запечатала и произнесла съ торжествующей улыбкой:

- Ну, теперь все кончено. Мое оружіе готово, и багажъ распредёленъ. Я слышала отъ офицеровъ, что наканунъ большой битвы всегда дёлятъ багажъ на двъ части: съ одной разстаются при первой необходимости для облегченія бъгства, а вторую отдаютъ только вмъстъ съ жизнью. Я поступила также и теперь готова для битвы. На ночь я отдамъ оба конверта въ върныя руки, а завтра начну дъйствовать.
 - Такъ скоро!-воскликнула старан дъва.
 - Да,—отвъчала Полина:—спящій принцъ проснулся.
 - Возвращаясь къ себъ въ комнату, Шарлотта сказала теткъ:
- Вы замѣтили, какъ счастлива княгиня? Я увѣрена, что она любить юнаго герцога.

IV.

Тайна Полины.

Дъйствительно ли она любила его? Неужели она, двадцатитрехлътняя гордая аристократка, царица свътскихъ гостиныхъ, во всемъ блескъ своей красоты влюбилась съ перваго взгляда въ тщедущнаго, хотя и прелестнаго юношу?

Она даже не задавала себѣ этого вопроса. Отправившись изъ Милана въ Вѣну по дѣлу о возвратѣ своихъ помѣстій, она вовсе не думала о герцогѣ Рейхштадтскомъ, хотя случайно приняла участіє въ дѣлѣ объ арестѣ Фабіо. Она думала, какъ всѣ представители вѣнскаго общества, что герцогъ Рейхштадтскій былъ глупымъ, неразвитымъ юношей, который самъ соглашался быть узникомъ ловкаго, коварнаго министра. Но когда она увидѣла собственными глазами этого бѣднаго, спящаго принца и поняла, что онъ всѣмъ сердцемъ желалъ проснуться и вырваться на свободу изъ когтей безжалостныхъ тюремщиковъ, то ея женскому инстинкту стало лсно, какая ужасная комедія разыгрывалась надъ головой білокураго юноши. Въ ея ушахъ еще звучали коварныя слова Меттерниха, хотівшаго сділать изъ ея красоты новыя узы для несчастнаго плінника. А вмісті съ тімъ передъ ея глазами возставаль образъ этого юноши, который однимъ словомъ пригвоздилъ къ столбу безчестія маршала, измінившаго его отцу, и потомъ по доброті душевной старался найти оправданіе этой изміні. Вся его фигура, цвіть его лица, взглядъ и улыбка на віки запечатлінись въ ен сердців.

Во всемъ существъ Полины произошла коренная перемъна; она думала теперь только о бъдномъ юношъ, о томъ, какъ бы освътить его блъдное, печальное лицо блескомъ радости. Убъдившись изъслучайно попавшихъ въ ея руки бумагь, что она можетъ быть ему полезной, можетъ доставить ему свободу и то счастіе, о которомъ онъ мечталъ, она ръшила посвятить себя всецъло этому великодушному дълу.

О томъ же, дъйствительно ли она полюбила бълокураго юношу, Полина себя и не спрашивала. Она даже объ этомъ и не думала, Она только поддалась влеченію своего сердца ко всему прекрасному, несчастному, страждущему. Смълая попытка освободить узника Меттерниха улыбалась ей, и она поставила все на карту, чтобы вы-играть неравную игру съ властелиномъ Европы.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ.

Два соперника.

I.

Францъ I и Францъ II.

Императоръ германскій Францъ II не могъ простить Наполеону даже девять лѣть послѣ его смерти, что онъ заставилъ его измѣнить свой титулъ и называться австрійскимъ императоромъ Францемъ I. Можно помириться съ Аустерлицемъ, можно найти оправданіе Ваграму; эти непріятныя вспышки генія не мѣшали отдать замужъ свою дочь побѣдителю, который достаточно былъ безуменъ, чтобы этого пожелать, но нельзя забыть перемѣны титула, превращенія цифры царствованія изъ одной въ другую. Этого до сихъ поръ не могъ переварить отецъ Маріи-Луизы, герцогини Пармской и вдовы Ней-

перта. Изо всъхъ несчастій, которыя обрушились во время его царствованія на Габсбургскую имперію, это одно продолжало щемить его сердце, тъмъ болъе, что ловкій Меттернихъ не могъ загладить этого несчастія.

Францъ I отомстилъ ненавистному побъдителю въ союзъ со всъми его врагами, погубилъ зятя; онъ эскамотировалъ его сына и покрылъ своимъ родительскимъ благословениемъ развратное поведение бывшей французской императрицы. Но, несмотря на всъ усилія, онъ не могъ возвратить себъ потеряннаго титула, и отъ этого горя онъ не могъ утъшиться.

На следующее утро после описаннаго дня онъ ходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету въ венскомъ дворце и обдумывалъ все одинъ и тотъ же вопросъ, постоянно тревожившій его: «Какъ сделаться не только фактически, благодаря таланту Меттерниха, но и по праву германскимъ императоромъ?» Въ сущности, этотъ вопросъ сводился къ тому, какъ Францу I сделаться Францемъ II, т.-е. какъ наследовать самому себе.

Это былъ шестидесятилътній старикъ высокаго роста; его осанка не была лишена благороднаго достоинства, а въ лицъ виднълся стъдъ благодушія. Его маленькая голова очевидно не могла вмъстить въ себъ великихъ мыслей, и по этой или по другой причинъ онъ любилъ простоту. Онъ всегда скромно одъвался и предпочиталъ, подобно Іосифу II, статскую одежду.

Когда въ это утро императору доложили о приходѣ князя Меттерниха, то онъ встрѣтилъ его очень любезно, но съ повелительнымъ оттѣнкомъ, такъ какъ хитрый дипломатъ всегда тѣшилъ старика маской повиновенія. Онъ постоянно называлъ его повелителемъ и обставлялъ свои доклады такъ, что, казалось, распоряженія исходили отъ высочайшей власти.

- Ну, любезный князь,—сказаль императорь:—вы, въроятно, снова принесли мнъ извъстіе о какой нибудь безумной, революціонной вспышкъ, и снова намъ придется принимать энергичныя мъры для охраны истинныхъ принциповъ государственнаго права?
- Нѣтъ, ваше величество, я на этотъ разъ желаю поговорить съ вами объ его высочествъ герцогъ Рейхштадтскомъ.
- Въ такомъ случав, —перебилъ его императоръ, —я долженъвамъ сообщить, что моя любезная дочь, эрцгерцогиня, направляясь изъ Пармы въ Ишль на воды, остановилась въ Баденв на 24 часа, и я дозволилъ ея сыну посвтить свою мать. Онъ теперь, должно быть, скачетъ верхомъ по Медлингской дорогв, въ сопровождении графа Маврикія Дитрихштейна. Это не противорвчить вашимъ намвреніямъ?
- Нисколько; ваше величество поступаете всегда прекрасно, и мой долгь сообразовать мои дъйствія съ вашими намъреніями. Я именно желаль предложить вамъ ускорить эмансипацію молодого герцога: съ одной стороны, составить ему военную свиту, а съ

другой, разръшить ему пріобрътеніе для своей библіотеки книгъ, которыя его интересують.

- Прекрасно, любезный князь; значить, вы совершенно довольны Францемъ. Значить, онъ наконецъ пересталъ быть мечтателемъ, въ чемъ вы его постоянно упрекали.
- Напротивъ, ваше величество, онъ достигъ такого возраста, когда молодые люди легко предаются мечтамъ, надеждамъ и сожалъніямъ. Вотъ, думая о немъ, я вспомнилъ, что иногда лучшій способъ укротитъ ръянаго молодого жеребца—отпуститъ поводъя. Я и хочу попробовать примънить эту систему къ юному герцогу.
- Что же, вы хотите укрощать моего внука?—сказаль со смъхомъ императоръ.
- Не укрощать, а развивать, ваше величество,—отвъчаль серіозно канцлеръ.
- Я очень радъ, что вамъ пришла въ голову эта мысль. Я также думалъ, что пора вступить моему внуку на дъйствительную военную службу. Кого же вы думаете назначить ему въ свиту?
- Я полагаю, что генералъ Гартманъ быль бы туть на своемъ мъстъ: это человъкъ надежный и знающій.
 - Гартманъ? Прекрасно, отвъчалъ императоръ.
- Вмъстъ съ нимъ можно назначить двухъ или трехъ офицеровъ изъ числа достойныхъ и политически не опасныхъ молодыхъ людей.
- Конечно, любезный князь, но не полагаете ли вы остановить свой выборъ, между прочимъ, на подполковникъ Прокешъ? Повидимому, Францъ его очень любитъ.
- Я просиль бы ваше величество,—произнесь Меттернихь съ знаменательной гримасой:—не поддаваться въ этомъ дѣлѣ личнымъ чувствамъ. Необходимо окружить юнаго герцога не товарищами, пріятными для него, а адъютантами, на которыхъ мы можемъ разсчитывать. Къ тому же Прокешъ мнѣ нуженъ по дипломатической части. Я уже говорилъ вашему величеству, что посылаю его въ Неаполь, и вамъ угодно было на это согласиться.
 - Конечно, конечно, дълайте, какъ хотите, любезный другъ.

Сопротивленіе императора вол'є своего могущественнаго друга никогда не шло дал'є этого. Иногда относительно герцога Рейх-штадтскаго въ немъ просыпался инстинктъ д'ёда, и онъ неожиданно обнаруживалъ н'ёжныя чувства къ своему внуку. Но эти вспышки быстро проходили, и онъ равнодушно дозволялъ Меттерниху д'ёлать все, что угодно, со своимъ узникомъ.

- Я еще желаль вамъ доложить, —сказаль канцлеръ, —что маршалъ Мармонъ проситъ дозволенія прочитать юному герцогу нѣсколько лекцій по военному дѣлу; я полагаю разрѣшить ему это, если вы, ваше величество, не имѣете ничего противъ.
 - Отчего же нътъ, сказалъ императоръ, въдь Наполеонъ былъ

способный офицеръ, а его старый адъютантъ, конечно, способенъ прилично разсказать его походы, но посовътуйте ему, чтобы онъ не слишкомъ преувеличивалъ достоинства своего героя. Въдь что бы ни говорили объ этомъ безпокойномъ человъкъ, но онъ не имълъ главнаго достоинства настоящаго государственнаго человъка—умъренности.

Меттернихъ почтительно поклонился въ знакъ согласія и перешелъ къ докладу о политическомъ положеніи Европы, при чемъ по нѣкоторымъ вопросамъ испрашивалъ августѣйшаго совѣта своего повелителя.

Спустя нъсколько минутъ, императоръ совершенно забылъ, что у него былъ внукъ, а когда канплеръ удалился, то онъ по обыкновенію сталъ мечтать о томъ, какъ бы снова сдълаться германскимъ императоромъ Францемъ II.

II.

Сынъ и мать.

Въ это самое время бывшая французская императрица Марія-Луиза, а теперь морганатическая вдова графа Нейперга, отъ котораго она имъла двоихъ дътей, гуляла съ своей фрейлиной въ саду виллы Флоры въ Баденъ. Она была въ очень печальномъ настроеніи, потому что получила два горестныя извъстія. Во-первыхъ, одинъ изъ законныхъ сыновей генерала Нейперга продалъ лошадь своего отца, что она считала святотатствомъ, а, во-вгорыхъ, въ Пармъ, послъ ея отъзда, умеръ ея любимый попугай. Ръшительно, жизнь становилась ей въ тягость, и во всемъ ей не везло. Она жаловалась на судьбу своей фрейлинъ въ самыхъ площадныхъ выраженіяхъ, такъ что можно было скоръе принять ее за буржуваную выскочку, чъмъ за дочь и жену императора.

Высокаго роста, худощавая, съ плоской костлявой таліей, она медленно шла по аллев безъ всякой граціи и даже безъ достоинства. Морщинистый лобъ, померкшіе глаза и серебристые волосы придавали ей видъ пятидесятильтней старухи, хотя ей было только 39 льтъ.

Лицо ея оживлялось только при воспоминаніи о миломъ покойникъ, какъ она называла Нейперга, и о маленькихъ сироткахъ, оставшихся въ Италіи.

- -- Но, ваше величество, увидите здёсь его высочество герцога Рейхштадтскаго,—сказала въ виде утешенія фрейлина.
- Это правда,—отвъчала Марія-Луиза,—Францъ меня посътить, я уже давно его не видала. Онъ, говорять, очень выросъ. Во время нашего послъдняго свиданія въ Вънъ онъ только что оправился оть кори, и я очень боялась, чтобы она не пристала ко мнъ.

Говорять, что эта бользнь, въ особенности, передается лицамъ, вышедшимъ изъ первой молодости.

Въ эту минуту у рѣщетки виллы остановился молодой человъкъ, ѣхавшій верхомъ, въ сопровожденіи конюха.

— Гости?—спросила Марія-Луиза.

Это быль ея сынь въ скромномъ темно-коричневомъ сьють и поярковой шляпъ.

За два часа передъ тѣмъ, онъ сказалъ въ Шенбрунѣ графу Маврикію Дитрихштейну.

— Императоръ только что увъдомилъ меня, что моя мать въ Баденъ и дозволила мнъ посътить ее. Я предупреждаю васъ объ этомъ, такъ какъ объщатъ вчера канцлеру говорить вамъ обо всемъ. Но я былъ бы вамъ очень благодаренъ, если бы вы отпустилн меня одного на этотъ разъ. Я возьму съ собою конюха. Моя мать уъзжаетъ вечеромъ въ Ишль, гдъ она будетъ пить воды, и потому, въроятно, я вернусь домой рано.

Къ его величайшему удивленію, Дитрихштейнъ, всегда очень трусливый, на этотъ разъ не выразилъ никакого противодъйствія, несмотря на непріятную сцену съ канплеромъ наканунъ. Какъ бы то ни было, герцогъ не потребовалъ никакого объясненія отъ своего наставника, почему онъ сталъ неожиданно такъ либераленъ, и отправился верхомъ въ Баденъ.

Никогда юноша не чувствоваль себя такимъ счастливымъ, какъ въ этотъ день. Онъ находился на свободѣ, и вся природа ему казалась такой прекрасной, благоухающей, какъ никогда. Сначала онъ ни о чемъ не думалъ, а просто дышалъ всей грудью и сознавалъ, что онъ молодъ и вырвался хоть на минуту изъ-подъ ненавистнаго ига.

Тотчасъ въ головъ его стали бродить опредъленныя мысли: онъ ъхалъ къ своей матери. Она занимала очень мало мъста въ его дътскихъ воспоминаніяхъ. Передъ его глазами возставали толью двъ сцены. Во-первыхъ, онъ помнилъ, какъ однажды въ Парижъ, на Карусельской площади его мать смотрела събалкона на парадъ. а онъ съ гувернанткой у другого окошка глядълъ издали на отца который отвёчаль улыбкою на его взгляды. Онъ съ удовольствіемъ бы послать и матери попълуй, но она веселая, блестящая не обращала на него вниманія. Во-вторыхъ, его воображеніе рисовало печальную картину отъёзда изъ Франціи. Его мать, блёдная. заплаканная, сидъла въ углу кареты, въ которой ему не было мъста, и онъ все спрашивалъ: «гдъ же папа?». Потомъ въ продотженіе года онъ жилъ съ нею въ Вънъ; она снова сіяла улыбкам, но онъ видълъ ее ръдко. Наконецъ онъ совершенно лишелся 1 тери, и въ продолжение четырнадцати лъть она навъстила (У только четыре раза. Если политика и Меттернихъ не дозволя в ему жить съ нею въ Италіи, то почему же она не могла чап в

	М. 1899. 5, Городециаго. — 6) Сборникъ Московскаго газвнаго архива министерства иностранныхъ делъ. Выпускъ VI. М. 1899. В. Руданова. — 7) В. П. Горденко. Украинскій были. Описанія и замѣтки. К. 1899. Б. Глинскаго. — 8) Ч. Вѣтрынскій. Въ сороковыхъ годахъ. Историко-литературные очерки и характеристики. Москва. 1899. С. П.—9) Владимірь Стасовъ. Надежда Васильевна Отасова. Воспоминанія и очерки. Спб. 1899. Д. — 10) В. П. Авенаріусъ. Передъ разсвѣтомъ. Повѣстъ для юношества изъ постѣднихъ лѣть крѣпостного права. Спб. Изданіе княживто магазина П. В. Луковникова. 1900. С. П.—ва. — 11) Семейный университетъ Ф. С. Комарскаго. Собраніе популярныхъ лекцій дія самообразованія. Курсъ первый, выпуски 1—8. Спб. 1899. П. А. К.—12) Царь Павель І. Историческій романъ Федора Мундта. Спб. 1900. А. Фаресова, —18) П. И. Аландскій. Исторія Греція. Изд. 2-е. Кіевъ 1899. М. А.—14) Исторія Римской республики по Момсену; переводъ Н. Н. Шамонина. Вып. І. М. 1899. Д. М. Е.—15) Адольфъ Гельдъ. Развитіе крупной промышленности въ Англія. Перев. съ нъмецкаго. Спб. 1899. К.—16) Полное собраніе сочиненій А. Ө. Погосскаго, въ четырекъ томахъ, съ портретомъ и біографіей автора. Спб. 1899. Мв. Захарьмна. 17) Жизнь, служба и приключенія мирового судьй. Изъ записокъ и воспоминаній И. Н. Захарьнна (Якунина). Спб. 1900. §—аго.	
XVI.	Заграничныя историческія новости и мелочи	822
	1) Данте, какъ человъкъ.—2) Мусульманское происхождение незунтовъ.— 8) Автобюграфія Мильтона.—4) Отношенія англичань и голландцевъ въ про- шедшемъ.—5) Карль ХІІ въ Альгранштедть.—6) Мужъ Дюбарри.—7) Невѣдо- мъй Латюдь.—8) Нѣмецкая книга объ вмператоръ Александръ Г.—9) Фридрихъ- Вильгельмъ III и королева Луиза.—10) Наполеоніана.—11) Придворная интрига во Франціи при Людовикъ XVIII.—12) Верховный судъ во время нольской мо- нархіи.—18) Что видътъ Викторъ Гюго.—14) Изъ писемъ графа Эйленбурга.— 15) Военная служба и плънъ Поля Дерульда.—16) Воспоминанія англійскихъ современниковъ.—17) Смерть Дроза.	1
XVII.	Смёсь	857
	1) Торжественное васѣданіе Императорской Авадемін Наукъ.—2) Памятнякъ А. П. Вогданову.—3) Двадцатилѣтіе «Историческаго Вѣстника».—4) Музей В. В. Тарновскаго.—5) Общество любителей древней письменности.—6) Москово археологическое общество.—7) Археологическій институть.—8) Вибліологическое общество.—9) Владимірская архивнал комиссія.—10) Проектъ архивной комиссія въ Воронежѣ.—11) Географическое общество.—12) Товарищество «Книговѣдъ».	,
XVIII.	Некрологи	871
	1) П. Г. Андреевъ.—2) В. Г. фонъ-Бооль.—8) К. В. Ворошиловъ.—4) Е. Е. Григоровичъ.—5) М. С. Кахановъ.—6) И. Н. Корсунскій.—7) Н. И. Костромитиновъ. — 8) В. Н. Лигинъ.—9) А. Н. Овсянниниковъ.—10) А. П. Романовичъ.—11) І. И. Тарнополь.—12) А. А. Тилло.—18) А. А. Фаддеевъ.—14) И. И. Штутцеръ.	
XIX.	Заметки и поправки	876
	1) Предшественникъ Колумба. Г. А. Воробьева.—2) Къ статът «Жертва террора». Любомірскаго.—8) Двт поправки. М. Н. В.	
XX.	Объявленія.	
	ІРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ М. Е. Салтыкова. — 2) Сынъ Наполесческая повъсть Шарля Лорана . Переводъ съ французскаго. Ча	

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

"ИСТОРИЧЕСКІЙ ВЪСТНИКЪ".

Подписная цёна за 12 книгь въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургъ, при книжномъ магазинъ "Неваго Временъ" (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдъленія главной конторы въ Москвъ, Харьковъ, Одессъ и Саратовъ,

при книжныхъ магазинахъ "Новаго Времени".

Программа "Историческаго Въстника": русскія и иностранныя (въ дословномъ переводъ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повъсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замъчательныхъ дъятелей на всъхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаенъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческія матеріалы, документы, имъющіе общій интересъ.

Къ "Историческому Въстинку" прилагаются портреты и ри-

сунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для пом'вщенія въ журнал'в должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергвя Николаевича Шубинскаго.

Редакція отвічаеть за точную и своевременную высылку журнала только тімь изь подписчиковь, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отділенія съ сообщеніемь подробнаго адреса: имя, отечество, фамилія, губернія и уіздь, почтовое учрежденіе, гді допущена выдача журналовь.

О неполученій какой-либо книги журнала необходимо сділать заяв-

О неполучении какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги. нъ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается

безъ разследованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количестві: экземпляры «Историческаго Вістника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

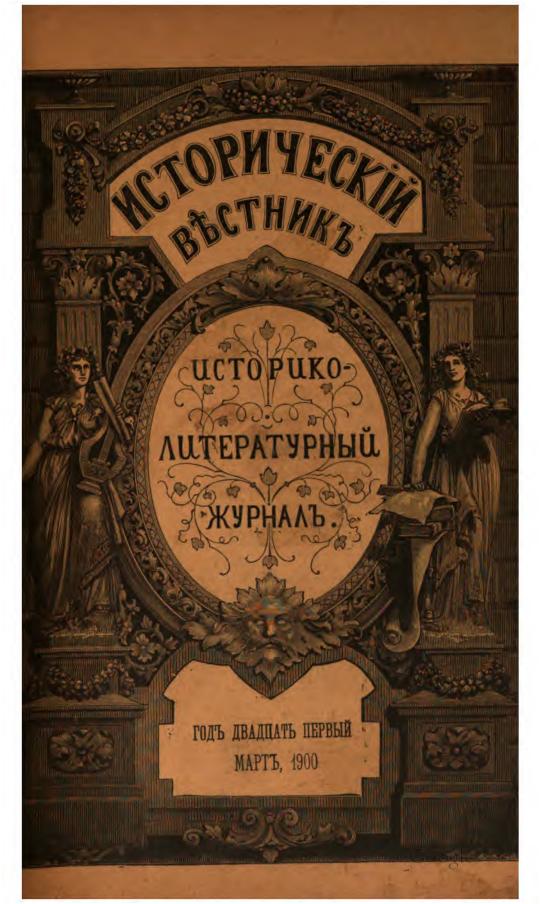

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

содержание.

мартъ, 1900 г.

	~~~~	TPAH.
I.	Въ годину бъдствій. VIII—XI. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ	881
	Воспоминанія С. М. Загоскина. VI—VII. (Продолженіе)	921
	Былое. (Изъ семейной хроники). В. А. Тихонова	947
	Воспоминанія о В. В. Крестовскомъ. И. К. Маркузе	979
	Народные типы. Въ вагонъ. (Изъ записокъ этнографа). Е. А.	1004
VI.	Ляцкаго	1027
3711	Арестъ и ссылка В. Н. Каразина. Д. И. Миллера.	1047
	Последній смотръ императоромъ Николаемъ Павловичемъ Черноморскаго флота въ 1852 году. (Изъ разсказа очевидца). А. М. Заіончковскаго.	1054
IX.	Восемь лъть на Сахалинъ. XVII—XXV. (Продолженіе). Н. II. Ми -	1060
	ролюбова иллюстрація: 1) Юрта гиляковъ около селенія Рыковскаго.—2) Гилякъ ний Юскунъ.—3) Груша гиляковъ около селенія Рыковскаго.—5) Рыковская школа.—6) Тюрьма, дазареть и дома чнюовниковъ въ сел. Рыковскомъ.—7) Сахалинскія травы изъ семейства зонтичныхъ.—8) Первый домъ начинающагося поселенія на о. Сахалинть.—9) Инспекторъ сельскаго хозяйства на о. Сахалинть.—Алексъй Александровичъ фонъ-Фрикевъ.—10) Лагерь каторжныхъ въ тайгъ.—11) Дорожныя работы каторжныхъ въ тайгъ.—	1000
X.	Воспоминанія о Н. А. Лавровскомъ. С. Н. Бранловскаго	1102
	иллюстрація: Николай Алексвевичь Лавровскій.	
XI.	Война и трудъ. В. К. П-на	1116
XII.	Къ исторіи крестьянскаго движенія при Павлѣ І. В. Е. Рудакова.	1122
XIII.	Флорентій Өедоровичъ Павленковъ. (Некрологь). В. Г	1129
	Заговоръ. Изъ воспоминаній Ферфаска Мидльтона о генераль Вашингтонь. Разсказъ Клинтона Росса	1135
	иллюстрація: Голова конной статуи Ваппингтона, которая будеть открыта въ Паршжв 19 апрвля 1900 г., и два рисунка.	
xv.	Критика и библіографія 1) Н. П. Лихачевъ. Палеографическое вначеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ. Часть ІІ. Наслѣдованіе и описаніе филиграней. Часть ІІ. Предметвый и хронологическій указатели. Часть ІІІ. Альбомъ снижковъ. Изданіе обіщества любителей древней письменности. 1899. Спб. П. Полевого. — 2) Генералиссимусъ князъ Суворовъ. А. Пе группевскаго. Спб. 1900. Профессора Н. Орлова. — 3) Felix de Rocca. , Les assemblées politiques dans la Russie ancienne. Les Zemskié sobors. Etude historique (оситие розтhume). Paris. 1899. Феликсъ де-Рокка. Древіерусскія политическія собранія. Земскіе соборы. Паражъ. 1899. Галланина. — 4) В. О. Михневичъ. Историческіе очерки и разсказы. 2 т. Спб. 1900. Д. П. 5. — 5) П. И. Щукинъ. а) Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въмузеѣ П. И. Щукина. Часть VI. М. 1900. б) Азбучный и хронологическій указатель къ шести частямъ сборника старинныхъ бумагъ. М. 1900. М. Н. О. — 6) Матеріалы по исторіи русской картографія. Вып. І. Карты всей Россій и южныхъ ся областей до половины XVII вѣка. Наданіе Ківевской комиссій дяя разбора древнихъ актовъ. Кієвъ 1899. А. М. Ловягина. — 7) Латышевъ В. В. Счеркъ греческихъ древностей. Ч. 2-я. Богослужебныя и сценическія древности. Ияд. 2-е испр. Спб. 1899. И. А. — 8) Въ 1786 годъ новой. Новое изданіе Не Всіо и не начево. Текстъ съ предисловіемъ Е. А. Ляцкаго. М. 1899. А. Б. мика. — 9) Проф. Д. И. Вагатьй. Удаленіе профессора И. Е. Піада изъ Харьковскаго университета. (Матеріалы для біографическаго словаря профессоровъ Харьковскаго университета. (Матеріалы для біографическаго словаря профессоровъ Харьковскаго университета. (Матеріалы для біографическаго словаря профессоровъ Подитическая экономів вь ся новъйшнихъ направленняхъ. Варшава. 1900. А. Н.—ва.— 11) Фридрихъ фонъ-Гельвальдъ. Земли и ся народы. Т. III. Живописная Европа Томъ IV. Жавописная Африкъ. Спб. Изданіе II. П. Сойкина. 1899. — 12) Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Томъ I. Части III в IV. Изд. 2-е. К. Т. Соддатенкова, М. 1899. П. К.—	1147
	Digitized Vy Color	

всеволодъ владиміровичъ крестовскій.

ВЪ ГОДИНУ БЪДСТВІЙ 1).

VIII.

АСТУПИЛО время отъёзда моего возлюбленнаго. Оттягивалъ онъ минуту разставанья, насколько могъ, но наконецъ это стало невозможно. Между нашимъ царемъ и Бонапартомъ, котораго ужъ иначе, какъ людоёдомъ и злодёемъ, никто не называлъ, произошло охлажденіе, грозившее перейти въ неутолимую вражду.

Я помню настроеніе умовь въ то время. О себв я ужъ не говорю; не могла я не г ави-

дѣть того, который стоялъ преградой между мною и счастьемь, но и всѣ раздѣляли мою радость при мысли, что очарованіе извергомъ рода человѣческаго, навѣянное на государя, постепенно испарялось.

Однажды Шарль прівхаль отъ графа, который за нимъ посылалъ, съ изв'встіемъ, что на войну между Россіей и Франціей можно смотр'вть, какъ на неминуемый факть.

Предлога откладывать поступленіе на русскую службу больше не было.

— Ты ужъ теперь не можешь опасаться, что полкъ, въ который ты поступишь, пошлють сражаться за узурпатора прогивъ сторонниковъ законнаго правительства, — сказалъ ему графъ, показывая

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вістникъ», т. LXXIX, стр. 441. «истор. въстн.», марть, 1900 г., т. LXXIX.

полученныя изъ-за границы газеты, съ подробностями самаго аловъщаго свойства.

Извъстія эти такъ согласовались съ тъмъ, что разсказывали пріъзжіе изъ Петербурга, что невозможно было имъ не върить.

Шарль быль въ чаду отъ восторга.

— Теперь только я начинаю върить, что ты будешь моя! То, чего я не могъ дождаться отъ моей родины, я завоюю кровью, сражаясь съ русскими, съ соотечественниками моей возлюбленной!— говориль онъ съ жаромъ.

И какъ мив ни грустно и ни жутко было съ нимъ разставаться, я не могла не сочувствовать его планамъ и не раздвлять его восхищенія.

А между тъмъ обстоятельства осложнялись. Стали происходить какія-то странныя недоразумънія между живущими въ Москвъ иностранцами и полиціей. Проявились доносчики, по словамъ чужеземцевъ, движимые корыстью, а по мнънію русскихъ—патріотизмомъ, но такъ или иначе, а вслъдствіе ихъ донесеній, французы высылались изъ Москвы.

Изъ первыхъ пострадавшихъ оказалась наша мадамъ.

Въ одно прекрасное утро явился полицейскій съ бумагой и надѣлалъ переполохъ въ домѣ. Люди таинственнымъ шопотомъ передавали другъ другу, что нашу мадамъ нодозрѣваютъ въ шпіонствѣ и въ сношеніяхъ съ врагами отечества. Живо собралась она; отъ предложенія папеньки съѣздить къ главнокомандующему Москвы, чтобъ поручиться за ея благонадежность, она наотрѣзъ отказалась и выѣхала изъ нашего дома къ какими-то пріѣзжими изъ провинціи, которые увезли ее съ собою на югъ Россіи. Впостѣдствіи мы узнали, что она тамъ провела все время, что длилось нашествіе французовъ на Россію, а потомъ поѣхала въ Петербургъ, гдѣ открыла кондитерскую, которая долго процвѣтала и обогатила ее.

Прощаясь со мною передъ отъёздомъ, она съ усмѣшкой посовѣтовала мнѣ самой позаботиться о своей судьбѣ, не ожидая, чтобъ этимъ занялись другіе.— Чѣмъ скорѣе выйдете вы замужъ, тѣмъ лучше будетъ...

И вдругь, пристально на меня посмотръвъ, она спросила:

— Обратили ли вы вниманіе на князя Каминина? При жизни вашего д'ёда онъ не пропускаль ни одной «репетиціи» и смотр'єть изъ дверей гостиной не на будущихъ балеринъ, какъ другіе, а на хоры, на васъ. Каждый разъ, когда онъ меня встр'єчаеть, и должна разсказывать ему про васъ, и онъ такъ вами занятъ, что готовъ по ц'ёлымъ часамъ меня слушать...

Она могла бы къ этому прибавить, что еслибъ ее не заставили покинуть нашъ домъ, она не одному бы Каминину меня сватала, а каждому, кто предложилъ бы ей за это хорошій подарокъ.

Болбе четырехъ леть провела эта особа въ нашемъ домъ, но

я не знаю ни одного человѣка, который пожалѣль бы, что она его покидаетъ.

Не такъ провожали у насъ Шарля, и еслибъ я не любила его до безумія, то и тогда была бы тронута печалью всей нашей дворни при его отъёздё. И графъ, и папенька, снабдили его рекомендательными письмами, чтобъ облегчить устройство его дёлъ: принятіе русскаго подданства, поступленіе въ полкъ и проч. Передъ его отъёздомъ заговорили было о томъ, чтобъ отправить съ нимъ Сережу, но, безъ сомнёнія, благодаря Матаваевой, отъ намёренія этого отказались и несчастнаго юношу оставили въ нравственномъ омуть, съ каждымъ днемъ засасывавшемъ его все глубже и глубже.

Все это очень огорчало Шарля и сердило графа, который прислаль сказать папеньків, что онь не ожидаль оть него такого небрежнаго отношенія къ судьбів его дітей. Но требовать отъ нашего отца какого бы то ни было проявленія собственной воли было ужь безполезно. Явно Матаваева еще не хозяйничала въ нашемъ домів, но вліяніе ея было уже такъ ощутительно, что приводило въ негодованіе старыхъ слугъ, привыкшихъ къ иному обращенію господъ съ личностями въ родів этой, происхожденія настолько темнаго и грязнаго, что ничівмъ невозможно было загладить воспоминаніе о немъ. Иванъ Дмитріевичъ первый не выдержаль новыхъ порядковъ, вводимыхъ «проходимкой» (какъ всів ее называли), и, воспользовавшись вольной, пожалованной ему покойнымъ княземъ, покинуль нашъ домъ, а за нимъ стала проситься на покой и Авдотья Ивановна.

· Черезъ папенькинаго камердинера, вполнѣ преданнаго новой негласной хозяйкѣ дома, ей было передано, что она можетъ уѣзжать, когда хочетъ, и что, кромѣ завъщанной ей старымъ княземъ пенсіи, она получитъ денежный подарокъ отъ князя Бориса Романовича.

Вой, плачъ и причитанія долго не смолкали въ домъ, разстранвая мнъ душу, и безъ того растерзанную разлукой съ моимъ возлюбленнымъ.

Надо отдать справедливость нашимъ дворовымъ, всего больше огорчалъ ихъ тотъ фактъ, что съ бариномъ нельзя было проститься. Надо было покинуть домъ, не поклонившись барину въ ноги, не расцѣловавъ его рукъ за щедрые дары, которыми онъ изволилъ жаловать и безъ того ужъ облагодѣтельствованныхъ старыхъ слугъ, прослужившихъ его отцу всю жизнь вѣрой и правдой. Папенька, все черезъ того же камердинера Ваську, всѣми ненавидимаго за хитрость и пристрастіе къ проходимкѣ, велѣлъ имъ пожелать всякаго благополучія, но не позволилъ пускать ихъ къ себѣ на глаза.

Чтобъ не слышать отъ нихъ слова правды, можеть быть?

Распростившись съ нами и повторивъ въ сотый разъ, что они остаются преданными намъ слугами до гробовой доски, старые, отпущенные на волю люди отправились, съ своей невысказанной

правдой, къ другому барину, князю Льву Романовичу, въ Радостное и, какъ потомъ разсказывали, выложили ему все, что у нихъ было на сердцъ. Но, увы, ничего новаго не могли они ему сообщить. Выслушавъ ихъ молча и со скорбнымъ лицомъ, дядя сказалъ, что зло забрало слишкомъ много силы въ ихъ семъъ, чтобы можно было съ нимъ бороться человъческими средствами.

- Одинъ Господь можеть туть помочь и если Онъ допускаеть свершаться тому, что свершается, то не мнв, слабому и недостойному смертному, пытаться ставить преграды Его святой волв.
- Совствъ блажениенькій, —со вздохомъ говорили постители, возвращаясь восвояси:—оть такого нельзя ждать, чтобъ вступился за честь семьи, не въ томъ увидить блаженство и не на землт его ищеть.

Тоскливо прошло для меня это лёто. Только и было радости, когда получались извёстія отъ моего сердечнаго друга изъ Петербурга. О непосредственной перепискё съ нимъ я не смёла и помышлять, да и онъ, кромё почтительнаго привётствія, ничего не позволялъ себё выражать мнё въ письмахъ, адресованныхъ на имя моихъ братьевъ два раза въ мёсяцъ.

Въ то время это казалось болье чыть достаточно для человыка, не связаннаго родствомъ съ нашей семьей, и посылать о себъ болье частыя свыдынія, пожалуй, возбудило бы обвиненіе въ безтактной назойливости и въ незнаніи свытскихъ приличій.

Можно себѣ представить, какъ мало удовлетворяли меня сдержанныя выраженія почтенія и преданности, относившіяся лично ко мнѣ, въ посланіяхъ, адресованныхъ Сережѣ съ Ромой! Но я и этому была рада. Сережа это понималь и всегда оставлялъ у меня полученное письмо, которое я перечитывала безъ конца, съ каждымъ разомъ открывая между строчками новыя страстныя признанія, подсказываемыя сердцемъ, и цѣлуя бумагу, которую онъ держалъ въ рукахъ, на которую смотрѣлъ, вадыхая и, можетъ быть, проливая слезы, вспоминая про меня. Въ такія минуты все забывалось, и разстояніе, и преграды, и затрудненія, которыя намъ предстояло превозмочь, чтобы принадлежать другъ другу. Въ такія минуты я была вполнѣ счастлива.

Впоследстви я узнала, что и онъ тоже отыскиваль въ письмахъ моихъ братьевъ все, что относилось ко мив, дополняя воображениемъ мои холодные приветы. Но его это не удовлетворяло, и месящъ спустя после его отъезда, Сережа передаль мив записочку, отдельно для меня написанную, которую онъ нашелъ въ листкахъ, обращенныхъ къ нему.

Записка эта, первое любовное письмо, полученное мною въ жизни, была прекоротенькая. Онъ увърялъ, что любитъ меня еще глубже и страстнъе, чъмъ тогда, когда мы разстались, и не понимаетъ жизни безъ меня, жаловался на тоску среди новыхъ людей и на

хлопоты по дълу, которое, по всеобщему мнънію, идеть обычной чередой, а ему казалось безконечной пыткой. Раньше сентября нельзя ждать, чтобъ состоялось его назначение въ полкъ, подъ команду стараго чріятеля графа, который отнесся къ нему, какъ къ родному, и просилъ бывать у него въ домъ запросто. Но ему было вездъ скучно безъ меня. Петербургъ производилъ на него впечатлъніе живой могилы, и онъ объ одномъ только мечталъ: скорбе вернуться въ Москву, хотя бы на одинъ день, чтобы повидать меня. Слухи о войнъ подтверждались, и полкъ, въ который онъ надъялся поступить, предположено было двинуть въ действующую армію, следовательно Шарлю скоро долженъ былъ представиться случай завоевать себъ либо счастье, либо славную смерть. Въ концъ письма, увы, слишкомъ короткаго, онъ почему-то спрашивалъ: «правда ли, что цыганъ выгнали изъ Московской губерніи за то, что они давали пріють врагамъ Россіи?» И къ этому онъ прибавлялъ: «Спросите объ этомъ Сережу и не забудьте сообщить мив его отвъть».

Я исполнила его желаніе. Сережа вспыхнуль и запальчиво отвътиль, что все это враки.

Однако факта изгнанія цыганъ онъ не отрицалъ.

- Но они ни въ чемъ не виноваты! На нихъ взвели гнусную клевету! Это честные, благородные люди, и все ихъ преступленіе заключается въ томъ, что они не хотять сдълаться рабами подлаго общества и, довольствуясь малымъ, живутъ по-своему, не подчиняясь глупымъ общественнымъ условіямъ. Это—люди, которые ставять свободу выше всего, какъ же ихъ не любить и не уважать за это?—вскричалъ онъ, сверкая глазами отъ волненія. И вотъ что я еще тебъ скажу, Лиза,—продолжаль онъ, схвативъ мою руку и кръпко сжимая ее въ своихъ похолодъвшихъ пальцахъ,—если ты хочешь остаться моимъ другомъ, не върь тому, что тебъ геворятъ про цыганъ! Все это ложь и клевета! Умоляю тебя этому не върить!..
- И, сообразивъ, въроятно, что такая вспышка въ пользу людей изъ проклятаго племени должна была меня удивить, онъ поспъшилъ прибавить:
- Я ихъ знаю, они хорошіе люди, сердечные, жалостливые, они на всю жизнь остаются благодарны тёмъ, кто ихъ не презираетъ, и на преданность ихъ можно положиться. Мит будеть очень грустно, если ты будешь о нихъ другого митнія, моя милая, дорогая сестричка!

Онъ такъ умоляюще проговориль эти слова, въ глазахъ его выражалось столько печальной тревоги, что я поспъпила его успокоить и сказала, что я ему върю и не буду считать цыганъ такими злодъями, какими считала ихъ раньше и какими всъ ихъ считають.

Онъ крѣпко меня обнялъ, поцѣловалъ мои руки, называлъ меня своимъ другомъ и клялся всѣми святыми, что куда бы судьба его

ни закинула, я всегда буду знать, гдё онъ находится, и какъ ему живется, потому что онъ увёренъ, что я его не выдамъ.

— Но гдѣ же тебѣ быть, какъ не съ нами?—спросила я съ удивленіемъ.

Онъ смутился и опустиль глаза, не произнося ни слова. Правдивъе человъка мнъ не случалось встръчать на свътъ въ продолжение всей моей долгой жизни; у него было природное отвращение отъ притворства и обмана, а тутъ ему приходилось бороться между страхомъ выдать свою тайну и ложью.

- Ужь не думаешь ли ты тоже поступить въ полкъ, чтобь итти на войну противъ французовъ?—спросила я, недоумъван передъ его замъщательствомъ.
- Ну, да, конечно,—посившилъ онъ согласиться. **Мив очень** жаль съ тобою разставаться, Лизочка!...

Слезы его душили и, чтобъ не отвъчать на вопросы, рвущіеся съ моего языка, онъ посившно выбъжаль изъ комнаты.

Такъ и не удалось мив поговорить съ нимъ по душт и узнать его намъренія.

А между тъмъ моя тайна давно была ему извъстна. Объ этомъ можно было догадаться по предосторожностямъ, съ которыми онъ передавалъ мнъ письмо Шарля. Да и Шарль не довърился бы ему, если бы сомнъвался въ его сочувствии.

Моего друга замѣниль при братьяхь аббать, креатура Матаваевой, человѣкъ крайне несимпатичный и хитрый, который съ перваго знакомства внушиль всѣмъ намъ непреодолимое отвращеніе и недовѣріе. Для меня же на мѣсто мадамъ Постуланти никого не приглашали подъ тѣмъ предлогомъ, что въ такое время, какъ то, что мы переживали, ожидая каждый день наступленія войны, чѣмъ меньше будеть иностранцевъ въ домѣ, тѣмъ лучше. Казусъ съ нашей мадамой всѣхъ напугалъ. Къ тому же, по увѣренію Люси, Матаваевой ужъ удалось увѣрить папеньку, что учиться мнѣ больше не нало.

— Сама круглая невъжда и ненавидить всъхъ, кто образованнъе ея. Вотъ увидите, что она вамъ въ самомъ скоромъ времени найдеть жениха и заставить князя выдать васъ замужъ, чтобъ вы ей не мъшали въ домъ.

Эги зловъщія предсказанія такъ меня пугали, что я со страхомъ ожидала прітіздовъ Люси и радовалась, что она является къ намъ все ръже и ръже.

Наконецъ посъщенія ея совствить прекратились: Москва сдълалась ей такъ ненавистна послъ смерти нашего дъда, что она продала домъ, который онъ ей завъщалъ, и въ концъ зимы уъхала на югь Россіи.

Такъ какъ съ этого времени роль ея въ моей жизни навсегда прекратилась, и мит больше не представится случая вернуться къ

ней въ этомъ разсказъ, я забъту впередъ и скажу то, что мнъ удалось впослъдствии узнать про ея отношенія къ нашему дъду, котораго она въ полномъ смыслъ этого слова любила до обожанія.

Что было между ними раньше, вслёдствіе какихъ обстоятельствъ и при какой обстановкъ чистое, восторженное чувство, которое, пятнадцатильтней девочкой, она питала къ красивому, умному и талантливому вельможъ, осыпавшему ее благодъяніями, и въ домъ котораго она превратилась изъ ребенка въ дъвушку, перешло въ глубокую, ревнивую страсть, -- случилось ли это постепенно или вневапно, и насколько онъ былъ гръщенъ въ зарождении и развити этой страсти, давая ей поводъ мечтать о невозможномъ, - ръшить трудно, но какъ бы тамъ ни было, а въ ея безпредъльной и исключительной привязанности къ нему было много трогательнаго, равно какъ и въ страстной ревности, съ которой она относилась къ его чести и репутаціи, а также въ ея отчаніи, что недостойная проходимка, циничная и безнравственная, пользуясь его старостью и слабостью, подтачиваеть въ обществъ его престижъ выдающагося по характеру и уму вельможи, подвергая его справедливымъ нареканіямъ бывшихъ его почитателей. Не могла Люси не ненавидѣть женщину, пачкавшую своею близостью ея кумира, не могла она не страдать отъ сознанія своей безпомощности уничтожить пагубное вліяніе нахальной очаровательницы. Чувство б'єдной Люси къ князю Роману Васильевичу было такъ сильно, такъ безраздёльно царило въ ея душъ, что со смертью его у нея не оказалось больше цъли въ жизни; домъ его утратилъ для нея всякій интересъ, и семья его, такъ еще недавно ей близкая и дорогая, сдълалась ей чужой: въ его дътяхъ и въ его домашнихъ она любила только его.

Когда все это вспомнишь и сообразишь, муки, которыя онъ заставляль ее претерпъвать послъдніе четыре года своимъ холоднымъ отчужденіемъ, становятся такъ понятны, что нельзя ее не пожальть.

Отъйздъ Люси заставилъ папеньку вспомнить про намирение прискать мий учителя пинія, и я начала заниматься со старикомъ итальянцемъ, дававшимъ уроки въ лучшихъ домахъ города.

А между тъмъ отношенія мои съ Сережей не улучшались, и разговорь мой съ нимъ при передачт мнт письма отъ Шарля оказался первой и послъдней попыткой возобновить давно порванныя дружескія отношенія, существовавшія между нами съ тъхъ поръ, какъ мы себя помнили. Искра нтжности и довтрія ко мнт, загортвшаяся было въ его сердцт, снова погасла и смтнилась отчужденіемъ и обиднымъ недовтріемъ. Впрочемъ, онъ не забылъ мнт сказать, что если я хочу отвтчать Шарлю, то всегда могу это сдтлать черезъ него. Онъ нашелъ способъ переписываться со своимъ другомъ тайно отъ противнаго аббата, и въ его конвертт найдется мт для моего письма.

Я воспользовалась его предложениемъ и, передаван мою записку, не вытерпъла, чтобъ ему не сознаться, что жалуюсь въ ней на него.

Онъ какъ-то странно посмотрълъ на меня, хотълъ что-то сказать, но воздержался и, отвергываясь, чтобы скрыть слезы, выступившія на его глаза, съ усиліемъ вымолвиль, кръпко сжимая мою руку:

— Не осуждай меня, сестра, ты узнаешь когда нибудь, какъ я несчастенъ, и какъ я всъхъ васъ люблю!

И выбъжаль изъ комнаты, не дождавшись моего отвъта.

Никогда еще не была я такъ одинока, какъ въ эту зиму. Вернуть дружбу и довъре старшаго брата я отчаивалась. Рома быль слишкомъ малъ, чтобъ понимать мои горести и сочувствовать имъ, а люди, окружавшее насъ, изнемогая подъ гнетомъ тяжелыхъ предчувствій и неизвъстности, боялись даже между собою дълиться мыслями и предположеніями, рисовавшими имъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ будущее. Однимъ словомъ, въ окружавшей насъ атмосферъ отражалось то самое, жуткое недоумъне, подъ гнетомъ котораго томилась вся Россія, въ ожиданіи послъдствій странныхъ недоразумъній между нашимъ царемъ и Бонапартомъ и таинственныхъ слуховъ, ходившихъ въ обществъ то объ ихъ соглашеніи, то размолвкахъ.

Передъ праздниками нашъ домъ оживился. Начались приготовленія къ балу, который папенька нам'вревался дать въ день моего рожденія.

Въ дъвичьей, длинной комнатъ на антресоляхъ, уставленной пяльцами, торопились кончать платье, которое митъ вышивали къ этому дню. Узоръ, выбранный и нарисованный самимъ папенькой, былъ такъ сложенъ и мудренъ, что надъ нимъ работали цълый годъ, а теперь меня до изнеможенія мучили примъриваніемъ по нъсколько разъ въ день.

Мить это было темъ более скучно, что пребывание Шарля въ Петербургъ затягивалось, и невозможно было даже приблизительно предвидъть, когда онъ, наконецъ, вернется въ Москву.

Не поправлялись и отношенія мои съ Сережей. Онъ продолжаль избътать оставаться со мною наединъ и, по словамъ Ромы, все ръже и ръже ночеваль дома. Но зато онъ всегда присутствоваль на ужинахъ, которые папенька даваль своимъ друзьямъ, и ъвдиль съ ними къ прелестницамъ или къ Матаваевой, гдъ онъ находилъ цыганъ, съ которыми проводилъ всю ночь въ пъніи и пляскахъ.

— Добрые люди къ объднъ сбираются, а наши господа только сейчасъ домой вернулись, — находила нужнымъ доносить мнъ Степанида, входя въ мою комнату утромъ и отдергивая пологъ у кровати, чтобъ показать, что давно день, и пора вставать.

Я ничего на это не возражала, но запретить ей говорить не

могла: въ моемъ одиночествъ участіе и любов: этой простой дъвушки мнъ были слишкомъ дороги, чтобъ ее отгалкивать. Не могла я также не сознавать, что ея свобода обращенія со мною проистекаетъ отъ безпредъльной преданности.

Шарль продолжаль писать, но письма его передаваль мит ужъ не Сережа, а Рома. И съ каждымъ разомъ письма эти становились короче и безсодержательнъе, такъ что, кромъ тоски и страха, ничего въ душт моей не возбуждали. Время тянулось долго, и казалось, эта печальная зима никогда не кончится, какъ вдругъ однообразіе нашей жизни нарушилось самымъ неожиданнымъ и непріятнымъ образомъ.

Въ первыхъ числахъ декабря, Степанида явилась ко мнѣ съ таинственнымъ видомъ и, боязливо оглянувшись по сторонамъ, чтобъ убъдиться, что некому насъ подслушать, вынула изъ кармана передника запечатанное письмо, которое подала мнѣ со словами:

- Приказали передать, когда будете однъ, и непремънио въ собственныя руки.
- Кто это принесъ? спросила я, внъ себя отъ волненія, узнавъ на конверть почеркъ моего друга.
- Не выдавайте меня, милая барышня! Это путятинскій Гаврюшка изъ Питера привезъ отъ нашего мусью. Приказывали безпремънно вамъ въ руки передать. Гаврюшка ужъ третій день округъ нашего дома околачивается, не знаетъ, какъ порученіе исполнить. И у крыльца-то параднаго онъ васъ поджидаль, не выйдете ли вы однъ въ карету садиться, чтобъ либо въ церковь, либо кататься вхать, но вы все съ братцемъ Романомъ Борисовичемъ, а письмо передавать ни при комъ не велъли. «Лучше, говорить, назадъ привези. То же самое, говорить, получишь, никто бы только про мое поручение въ Москвъ не узналъ». Ну, воть Гаврюшка и старается, не хочется тоже даромъ деньги-то брать. Намеднись набрела я на него ненарокомъ: «чего это ты все у нашего забора бродишь да высматриваешь?» спрашиваю. Долго онъ отъ моихъ вопросовъ отлынивалъ и ужъ тогда только ръшился во всемъ открыться, когда я объяснила ему, что безъ меня ему до вашей милости ни въ жизнь не дойти. «Очень, говорить, письмо-то нужное, мосье де-Сабри объщаль мнъ двадцать пять рублевъ пожаловать за хлоноты». «Дай, говорю, я доставлю». «Да мив, говорить, отвъть безпремънно нуженъ». «И отвъть тебъ будеть», говорю. Ну, и далъ.

Можно себѣ представить, что я чувствовала, распечатывая письмо. Съ первыхъ же словъ поняла я, почему моему сердечному другу иного выхода не было, какъ довъриться холопу чужого барина. По почтѣ въ то время дѣвицы получали письма только отъ самыхъ близкихъ людей, и появленіе почтальона въ нашъ домъ съ письмомъ на мое имя надѣлало бы такого переполоха, что скрыть

этотъ факть отъ братьевъ и отъ папеньки оказалось бы невозможнымъ, а отъ нихъ-то именно и надо было скрыть то, что писалъмив Шарль.

Слухи про странныя и, можно сказать, чудовищныя отношенія между Матаваевой и Сережей дошли ужъ до Петербурга и Шарль горько раскаивался въ томъ, что не оборваль въ самомъ началъ того, что считаль съ ея стороны скверной шалостью, а съ Сережиной — детскимъ увлечениемъ. Дело оказалось много серіознее, чемъ можно было ожидать. Проходимкъ, пълыхъ четыре года державшей въ рукахъ такого сильнаго духомъ старика, какимъ былъ нашъ покойный дёдъ, большого труда не стоило развратить внука. Шарль быль такъ напуганъ сообщенными ему подробностями о томъ, что дълается въ нашемъ домъ, что все письмо его дышало лихорадочной тревогой. Особенно ужасала его мысль, что папенька можеть какъ нибудь узнать про чувства, питаемыя его старшимъ сыномъ къ Матаваевой. Предвидя мое недоумение на этотъ счетъ, онъ заклиналъ меня не углубляться въ причины его опасеній, а только верить, что последствія такого открытія могуть быть для насъ ужасны.

«Надо употребить всё средства, чтобъ только вашъ отецъ про это не узналъ! Но какъ дъйствовать—этого я вамъ не могу скавать. Не забудьте мнё сообщить, въ накихъ вы отношеніяхъ съ княземъ Сергвемъ? Изъ того, что сообщаеть мнё Рома, я вижу, что вашъ старшій братъ оть васъ обоихъ отдаляется: Несчастный юноша! Онъ и со мною давно пересталъ быть откровеннымъ, и переписываться со мною ему очень тяжело. Я это ясно вижу но его письмамъ, а потому откровеннымъ быть съ нимъ не рвшаюсь. Еслибъ не опасеніе лишить васъ такого благороднаго и могущественнаго покровителя, какъ мой благодётель и второй отецъ, графъ Захаръ Григорьевичъ, я бы обратился къ нему, и онъ нашелъ бы средство вырвать бёднаго нашего Сережу изъ грязной среды, въ которой ему грозитъ гибель. Онъ заставилъ бы его понять всю гнусность и преступность его поведенія...».

Я терялась въ догадкахъ. Преступное поведеніе! Неужели Шарль подразумѣваетъ подъ этими словами поцѣлуи, которыми Сережа обмѣнивается съ Матаваевой, и чему я однажды, помимо воли, сдѣлалась свидѣтельницей?

Чтожъ мив ему отвъчать? Что я ничего не знаю и ничего не могу узнать, такъ какъ Сережа избъгаеть со мною говорить даже о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ?

А между тёмъ отвёчать надо было. Все письмо дышало желаніемъ узнать правду и надеждой, что я ему въ этомъ помогу. Но какъ помочь?

Весь день промучилась я надъ этимъ вопросомъ. Степанида безпрестанно попадалась мнъ на глаза, съ нъмой мольбой во взглядъ,

Digitized by Google,

но я могла только знакомъ ей показать, что отвёть, котораго она ждеть, еще не готовъ.

Такъ прошло время до вечера. За ужиномъ я ничего не могла ъсть и была такъ блъдна, что даже Сережа, который въ этотъ день былъ почему-то дома, спросилъ, что со мною.

Но ему я меньше, чёмъ кому либо другому, могла отвётить на этотъ вопросъ и поспёшила сослаться на головную боль и на желаніе пораньше лечь спать.

Онъ удовлетворился этимъ объясненіемъ, но Рома пришелъ въ отчаяніе, что ему нельзя будетъ, какъ всегда, посидёть со мною послё ужина.

— Я долженъ буду одинъ проводить вечеръ!—жалобно протянулъ онъ.

Меня точно что-то толкнуло обернуться къ аббату, который, по своему обыкновеню, молча присутствоваль при этой сценв, и я замвтила, что онъ переглянулся съ Сережей. Взглядъ этоть быль очень краснорвчивъ и доказывалъ, какъ нельзя лучше, что отъ наставника своего у нашего брата не было тайнъ.

- Ты не будешь одинъ, а съ мосье l'abbé и съ Сережей,—сказала я Ромъ.
- О, Сережа теперь никогда не бываетъ дома по ночамъ! вскричалъ мальчикъ.
- Какія ты глупости говоришь!—запальчиво прикрикнуль на него старшій брать.

И ни на кого не глядя, онъ съ шумомъ отодвинулъ свой стулъ и вышелъ.

Аббать тоже поднялся изъ-за стола и, взявъ Рому ва руку, сказалъ:

 Пойдемте въ нашу комнату, мой другъ, сестра ваша нездорова, ей надо дать покой.

Съ этими словами, произнесенными тономъ, не терпящимъ возраженій, онъ отвъсилъ мнъ низкій поклонъ и удалился со своимъ воспитанникомъ.

Я ушла къ себъ, но туть меня ждала Степанида.

— Когда же вы, княжна, напишете письмо? Гаврилка который разъ за нимъ забъгаеть. Они съ бариномъ завтра чуть свъть опять въ Питеръ уъзжають. Графъ Захаръ Григорьевичъ, прознавъ про отъвздъ Путятинскато князя въ Питеръ, посылочку нашему мусью черезъ нихъ посылаеть, такъ воть оно и кстати было бы отъ вашей милости имъ отвътъ доставить...

Меня освнила неожиданная мысль. Если довъряться, такъ ужъ лучше одному человъку, а не многимъ, и такому, который самъ мнъ довърился.

— Степанида, ты не знаешь, куда это Сережа по ночамъ вздитъ? спросила я отрывисто и отвертывая отъ нея красное отъ смущенія лицо. Ее тоже немало смутиль мой вопросъ; тъмъ не менъе она отвъчала на него.

- Какъ не знать, сударыня, весь домъ про то знаеть,—проговорила она, устремляя на меня испуганный взглядъ и понижая голосъ до шопота.
- Если всѣ знають, такъ и я должна это знать,—продолжала я такъ рѣшительно, что она не посмѣла меня ослушаться.
- За ними, почитай, каждый вечеръ оть **Матаваевых**ъ экипажъ пріважаеть...

И вдругь она повалилась мит въ ноги.

— Пощадите, золотая барышня! Не погубите меня! Если узнають, что я вамъ сказала, ейные люди меня изведуть... какъ Хоньку съ Петрушей... когда они еще при покойномъ старомъ князъ...

Голосъ ея порвался въ рыданіяхъ. Я подняла ее, об'вщала, что никогда никто не узнаетъ про то, что она мнѣ скажетъ, и спросила, съ какихъ поръ Сережа бываетъ у Матаваевой, и знаетъ ли про то папенька.

Последній вопросъ такъ ее испугаль, что она забыла ответить на первый.

- Чтобъ нашъ князь про это зналъ?! Господи Воже мой! Мать Царица небесная! Да какъ же это возможно? Барышня, милая, да мыслимое ли это дъло?!—вскричала она, всплескивая съ ужасомъ руками.—И кто же ръшится ему про это сказать?
- Почему же не сказать?—продолжала я, движимая какимъ-то непонятнымъ и страстнымъ желаніемъ узнать всю правду въ этомъ таинственномъ и темномъ дълъ.

Степанида колебалась. Ей, повидимому, казалось невозможнымъ исполнить мое требованіе, и она начинала ужъ посматривать на дверь, съ смутнымъ намъреніемъ спастись бътствомъ отъ моихъ допросовъ, но я не дала ей привести это намъреніе въ исполненіе.

- Если ты не отвътишь на мой вопросъ, я ничего не напишу мосье Шарлю, объявила я, отвертываясь отъ ея умоляющаго и растеряннаго взгляда.
 - Вы меня не выдадите, барышня?
- Я тебъ это ужъ объщала, если не въришь миъ, ступай вонъ! Я узнаю отъ кого нибудь другого.
- Что съ вами дёлать, видно надо ужъ сказать... Но только ради Самого Создателя...
- Не говори, если не хочешь,—прервала я ее, проходя въ альковъ и принимаясь раздъваться:—я отъ другихъ узнаю.

Придало ли ей смѣлости то, что она не видѣла моего лица, или ей не захотѣлось уступить другому случай доказать мнѣ свою преданность послѣ того, какъ она уже подверглась опасности изъ желанія мнѣ угодить, такъ или иначе, но не успѣла я скрыться за тяжелой питофной занавѣской, какъ она съ отчаянной рѣши-

мостью проговорила: — Вашть папенька ужъ давно съ нею живетъ...

Въ первое мгновеніе у меня отлегло отъ сердца отъ этихъ словъ, такъ безсмысленны они мнѣ показались. Что за вздоръ она сказала? Папенька живетъ съ нами, въ дѣдушкиномъ домѣ, а она...

Съ минуту ждала я объясненій, но она молчала, и я вторично, настойчивъе прежняго повторила мой вопросъ:

— Что ты хочешь этимъ сказать?

Она объяснила.

Грубо, ръзко и нестерпимо больно сорвалась повязка съ моихъ духовныхъ очей, и то, что предстало передъ ними, было такъ гадко, что я чуть не вскрикнула отъ отвращения и негодования. Сжимая руками сердце, заколотившееся въ груди такъ сильно, что дыханіе захватывало, упала я на кровать и спрятала пылавшее лицо въ подушки. Но черезъ минуту, вспомнивъ, что Шарль ждетъ моего отвъта, я бросилась ему писать.

Увидавъ, что я, полураздътая, подхожу къ письменному столу и зажигаю на немъ свъчи, Степанида поспъшила тихо выйти изъкомнаты, плотно притворивъ за собою дверь.

Писала я долго, всю ночь, что именно, я узнала, только много лътъ спустя, когда нечаянно нашла эти листки, уже пожелтъвшіе отъ времени, въ бумагахъ моего друга, но когда я ихъ писала, я была, какъ въ бреду, мнъ казалось, что онъ со мною, и что я на словахъ изливаю ему мою душу. Богъ знаетъ, когда кончила бы я съ нимъ мою бесъду, если бы Степанида не явилась мнъ напомнить, что пора бъжать съ письмомъ къ Гаврюшкъ.

Дрожащими пальцами собрала я разбросанные вокругь меня, на столь и на полу, листки, сложила ихъ въ конверть и запечатала печатью, подаренной мнъ папенькой, когда мнъ минуло пятнадцать лътъ.

Если бъ онъ могъ предвидёть, дёлая мнё этотъ подарокъ, при какихъ обстоятельствахъ мнё придется въ первый разъ имъ воспользоваться!

Когда Степанида вышла съ письмомъ изъ комнаты, я подняла глаза къ окну и только туть замътила, что наступило утро. Трепетный и слабый свъть восковыхъ свъчей, горъвшихъ на столъ, давно пересталъ бороться съ яркимъ дневнымъ блескомъ и еле выдълялся на немъ двумя красноватыми язычками, напоминавшими тъ печальные огоньки, что горятъ и днемъ и ночью у бездыханнаго тъла, убраннаго для могилы.

IX.

Съ недълю спустя послъ описаннаго события, за часъ до объда, когда я сидъла за работой, размышляя о роковомъ открытии, отравившемъ мнъ существование ужъ однимъ тъмъ, что я ни на минуту не могла оторвать отъ него мыслей и боялась встръчаться съ Сережей и съ папенькой, чтобъ невольно не выдать мучившую меня тайну, по коридору, въ концъ котораго была дверь въ мою комнату, раздались шаги и оживленный говоръ.

Кто-то шелъ ко мив, громко разговаривая и смвись.

Кто бъ это могь быть? Братья въ этоть часъ никогда ко мит не приходили, а знакомыхъ у меня не было.

Не успъла я подняться съ мъста и обернуться къ двери, какъ она растворилась, и на порогъ появилась Матаваева, а за нею, выглядывающее черезъ ея плечо, улыбающееся и смущенное лицо нашего отпа.

Такимъ онъ являлся къ намъ при маменькъ, когда зналъ, что въ семьъ его ждутъ заслуженные упреки. Ему, безъ сомнънія, было очень совъстно сообщать мнъ то, что нельзя было дольше отъ насъ скрывать, если онъ не ръшился прійти одинъ и поручилъ говорить за себя болъе храброй особъ.

О, да, она была очень смела, эта красавица, съ вызывающимъ взглядомъ глубокихъ черныхъ глазъ и съ побъдоносной улыбкой на пурпуровыхъ губахъ! ее никогда ничто не смущало и не затрудняло. По лукавому блеску ея глазъ и по звонкому, веселому смвку, смолкнувшему только на порогв моей комнаты, можно было себъ представить, какого рода сцена только что произошла между ними. Онъ, безъ сомнънія, со свойственною ему откровенностью, сознался ей, какъ ему тяжело сообщить дътямъ о принятомъ ръщеніи, а она стала надъ нимъ смінться и съ присущей ей наглостью предложила облегчить ему эту задачу. Чтобъ подбодрить его, она врала всякій вздорь, проходя по большимъ, параднымъ комнатамъ, мимо стенъ, увещанных фамильными портретами, и, безъ сомненія (какъ всегда, когда ей доводилось видъть портреты нашихъ предковъ), она глумилась надъ суровыми лицами, смотревшими съ нъмымъ укоромъ на недостойнаго правнука, позорившаго своимъ легкомысленнымъ поведеніемъ ихъ честь и доблестное, знатное имя.

- Можно къ вамъ?—спросила она, съ усмѣшкой на меня прищуриваясь.
- Дарья Алексвевна непремённо хотёла сдёлать тебё визить,— поспёшиль подхватить папенька, проникая въ комнату за своей спутницей.

Я отвётила ей церемоннымъ реверансомъ и подошла къ папенькё, чтобъ поцёловать его руку. Съ волненіемъ, плохо вяжущимся съ напущенною развязностью его словъ, крёпко прижаль онъ меня къ своей груди. Съ какимъ восторгомъ отвётила бы и на его ласки, еслибъ не чувствовала на себё насмёшливаго взгляда его спутницы!

Ему тоже стало неловко подъ этимъ взглядомъ, и слегка оттолкнувъ меня, онъ шутливо замътилъ, что я плохо исполняю мои обязанности хозяйки.

— Предложила бы намъ състь, угостила бы чъмъ нибудь...

Съ этими словами онъ опустился на диванъ въ отдаленномъ углу комнаты и, не переставая смёяться натянутымъ смёхомъ, поглядывая то на меня, то на свою спутницу, объявилъ, что Дарьё Алексевне захотелось взглянуть на платье, которое мнё вышивають къ балу.

— Мы сейчасъ заходили въ царство Степаниды и любовались произведеніями ея Пенелопъ и Арахней... Ей, кажется, понравилось... Не правда ли, Дарья Алексъевна?

Она презрительно передернула плечами. Какъ глупо должно было ей казаться это предисловіе, имѣвшее цѣлью подготовить меня выслушать рѣшеніе, которое они пришли мнѣ сообщить! Съ ея точки зрѣнія такія церемоніи съ дѣвчонкой, не имѣвшей ни малѣйшей возможности препятствовать старшимъ, должны были казаться вполнѣ безцѣльны и нелѣпы. Она поступила бы совершенно иначе на его мѣстѣ...

А я дрожала отъ ужаса при неотвязной мысли, что Сережа можетъ каждую минуту войти, и невольно взглядывала на дверь въ коридоръ, оставшуюся полурастворенной, не будучи въ силахъ ни на чемъ другомъ остановить мыслей. И вмёстё съ тёмъ я чувствовала, что отъ меня ждутъ какихъ-то словъ, которыя въ концё концовъ придется сказать, потому что бороться съ нею невозможно. Она всегда ставитъ на своемъ и пришла сюда, чтобъ мнё это доказать... Но что всего больше приводило меня въ отчаяние — это увъренность, что все это было условлено заранѣе между ними, и что нашъ дорогой, обожаемый папенька вошелъ съ нею въ стачку, чтобъ насъ погубить!

На меня точно ясновидъніе какое-то нашло! Я угадала, для чего они пришли, и что именно я сейчасъ услышу...

Однако говорить при немъ она не рѣшилась. Потому ли что ей было его жаль (у него былъ, невзиран на усилія казаться спокойнымъ и даже веселымъ, такой удрученный видъ), или потому что она опасалась его вмѣшательства въ объясненіе, и что его присутствіе придасть мнѣ смѣлости; такъ или иначе, но она рѣшила, что всего лучше его удалить, и обратилась къ нему съ просьбой принести свертокъ узоровъ, забытый будто бы ею въ его кабинеть.

Какъ онъ обрадовался! Какъ поспъщно сорвался съ мъста и какъ умоляюще взглянулъ на меня, прежде чъмъ выйти изъюмнаты, оставляя меня вдвоемъ съ женщиной, которой онъ ужъ не въ силахъ былъ противиться, хотя и презиралъ ее всей душой!

— Мић не совстви правятся узоры, которые вы выбрали, Лиза начала она, когда шаги его по коридору, удаляясь, стихли.—Одно платье почти кончено, и надо его оставить такъ, какъ оно есть но мић коттлось бы, чтосъ другое было вышито более мунымъ и богатымъ узоромъ... Не удивляйтесь, что я позволяю себ вмъшиваться въ ваши туалеты, моя милая, но со вчерашняго вечера я получила на это право отъ вашего отца...

Съ этими словами она пригнулась ко мит такъ близко, что в невольно отшатнулась назадъ, чтобъ не чувствовать ея дыхани на моемъ лицъ. Но мое брезгливое движение нимало ея не смутыл и она продолжала все съ той же лукавой усмъщкой, отъ которой у меня дрожь пробъгала по тълу:

— Да, моя милая, мы скоро будемъ жить вмёстё и въ такоть близкомъ родствё, что вамъ поневолё придется со мною подружиться... Хотите? Я не прочь, — продолжала она, протячам мнё руку и не переставая при этомъ пронизывать меня присталнымъ и властнымъ взглядомъ.

Въ ушахъ у меня звенъло, и мысли все больше и больше путались Н была близка къ обмороку и, чтобъ не упасть, оперлась на спину стоявщаго возлъ стула.

— Вамъ это кажется невозможнымъ? — снова начала она посл довольно продолжительнаго молчанія. —Но вы, можеть быть, мем не поняли? Въ такомъ случав я объяснюсь безъ обиняковъ черезъ нъсколько дней я буду женой вашего отца...

Столбнякъ, сковывавшій всё мои движенія и мысли, продожался. Я стояла неподвижно, съ растеряннымъ взглядомъ и съ мучительной путаницей въ мозгу.

- Вамъ это непріятно?—спросила она, опуская руку, которум я не котъла взять.—Напрасно. Я такъ привязана къ вашему отпутто изъ любви къ нему расположена быть съ вами очень доброй... вотъ увидите...
- A Сережа? сорвалось у меня вдругь съ языка, помию воли и такъ стремительно, что я испугалась звука собственнаго голоса.

Она вспыхнула, и глаза ся злобно сверкнули. Но вспышка гива длилась одно только мгновеніе, почти тотчась же овладіла око собою.

— Вы думаете, что Сережа будеть недоволенть?—спросыз оватанимъ тономъ, что заподоврёть ее въ томъ, что смысять моего вопроса ей понятенъ, было невозможно.—А я такъ уверена въ противномъ. Сережа меня знаеть лучше васъ, мы съ нимъ давно

друзья. Онъ не ребенокъ и пойметъ, что вашему отцу, въ его лъта, съ живостью его характера, невозможно оставаться до конца жизни вдовцемъ, и что для васъ же лучше, чтобъ онъ женился на мнъ, чъмъ на особъ, совсъмъ вамъ чужой. Меня и дъдъ вашъ любилъ и цънилъ, у меня независимое состояніе; подозръвать, чтобъ я гонялась за чужимъ богатствомъ, никому и въ голову не придетъ, — прибавила она надменно.

И подождавъ немного возраженія, котораго не послѣдовало,—я объ одномъ только молила Бога, чтобъ онъ далъ мнѣ сить не выдавать ни словомъ ни взглядомъ чувствъ, волновавшихъ мнѣ душу,—она принялась подробно пзлагать мнѣ всѣ выгоды, ожидавшія насъ отъ вторженія ея въ нашу семью въ качествѣ законной супруги нашего отца.

— Мы будемъ жить открыто, будеть кому принимать гостей и вывозить васъ въ свъть, тогда какъ теперь... да вотъ, напримъръ, этотъ балъ, который вашъ отецъ собирается дать на праздникахъ, кто же поъдеть въ домъ, гдъ хозяйкой дъвочка, не имъющая понятія о свътской жизни? Даже и приглашать на такой балъ неудобно. Отецъ вашъ это понять, когда одна изъ дамъ высшаго общества у него спросила: «ктожъ у васъ будетъ за хозяйку?» Онъ не зналъ, что отвътить, и со всъхъ сторонъ на него посыпались рекомендаціи гувернантокъ и компаньонокъ, старыхъ грымзъ въ родъ Постуланти, которая къ довершенію всего оказалась шціонкой! Вашъ бъдный папенька былъ такъ смущенъ и разстроенъ, что я надъ нимъ сжалилась и предложила ему замънить вамъ...

Но туть я такъ на нее посмотръла, что слово, готовое сорваться съ ея языка, не выговорилось.

— Извините мою, можеть быть, неумѣстную претензію, но я такъ сужу: мертвыхъ не воскресишь, и надо быть благодарной людямъ, которые предлагають вамъ хоть сколько нибудь облегчить ваше тяжелое, сиротливое положеніе... Вы и отца вашего будете чаще видѣть, когда у него будетъ открытый домъ, гдѣ будетъ шумно и весело. Скучать онъ не любить, какъ вамъ извѣстно...

Она была очень умна и при щекотливомъ объяснени со мною доказала это какъ нельзя лучше. Съ сознаниемъ, что самое худшее свершилось, я чувствовала себя точно на самомъ днѣ глубокой пропасти, на краю которой долго и мучительно металась въ безномощной тоскъ и въ страхъ. Каждый, кто пережилъ ужасы ожиданія неминуемой катастрофы у постели умирающаго дорогого существа или приговора суда надъ нимъ, пойметъ то чувство облегченія, которое я испытывала: это было чисто физическое облегченіе, какъ при переходъ отъ одной муки къ другой. Представить себъ, что именно ждетъ насъ дальше, я еще не могла, помню только, что когда она стала мнъ доказывать, какъ много мы выиграемъ и въ матеріальномъ отношеніи отъ ея брака съ нашимъ отцомъ

«ИСТОР. ВЪСТИ.», МАРТЬ, 1900 г., т. LXXIX.

2

мнъ сдълалось обидно, я ръзкимъ движеніемъ заставила ее смолкнуть на полусловъ, и она съ злой усмъшкой замътила:

— Вы, какъ я вижу, ничего въ денежныхъ дѣлахъ не понимаете. Но вся эта невинность со временемъ съ васъ слетитъ, и вы будете благодарны людямъ, позаботившимся о томъ, чтобъ вы не оставались при однихъ вашихъ глупыхъ мечтаніяхъ.

И повернувшись къ двери, она съ досадой прибавила:—Однако, чтожъ это нашъ князинька не идеть? Хочеть, върно, дать намъ вдоволь наговориться.

- Я его позову,—поспъшила и предложить, обрадованная случаемъ прекратить объяснение.
- Зачёмъ? Мы лучше сами къ нему пойдемъ. Узоръ для вашего платья можно и тамъ выбрать... Не желаете? Какъ вамъ будетъ угодно! Навязывать мою дружбу и общество насильно не въ моихъ правилахъ.

Съ этими словами она вышла, а я бросилась на кровать и дала волю душившимъ меня слезамъ.

Итакъ свершилось то, что ужъ давно у всёхъ въ домѣ было на умѣ, но о чемъ даже шопотомъ боялись говорить. Напасть, висѣвшая надъ нами при жизни дѣда, насъ не миновала и послѣ его смерти... Вѣдная Люси, какъ сокрушалась она при мысли, что дѣдушка опозоритъ честь фамиліи позднимъ бракомъ съ проходим кой! Что скажетъ она, когда узнаетъ, что злодѣйкѣ ея удалось таки превратиться въ княгиню В—кую, и что не даромъ хлопотала она заблаговременно отстранить всѣхъ, кто могъ, такъ или иначе, ей препятствовать достигнуть цѣли?

А Сережа? Какъ отнесется онъ къ этой новости? Этого я даже и представить себъ не могла. Какое горе, что Шарля нътъ съ нами! Онъ узнаетъ про то, что у насъ произошло, ужъ тогда, когда бъдъ невозможно будеть помочь.

Она сказала, что все будеть совершено надняхь, а письма доходять въ Петербургь отъ насъ черезъ недѣлю! Нечего, значить, и думать о томъ, чтобъ Шарль предупредилъ графа о позорѣ, грозившемъ нашей семъѣ...

Меня позвали объдать. Жутко было встръчаться съ Сережей, но при первомъ взглядъ на него, я убъдилась, что ему ничего еще не извъстно. Какъ всегда, задумчивымъ и озабоченнымъ пришелъ онъ въ столовую, разсъянно поздоровавшись со мною, сълъ за столъ и весь объдъ не проронилъ ни слова. Но зато никогда не видъли мы аббата такимъ оживленнымъ и разговорчивымъ, какъ въ этотъ достопамятный день. Точно задавшись цълью мъшать намъ заниматься другъ другомъ, предлагалъ онъ мнъ вопросы каждый разъ, когда замъчалъ, что я смотрю на Сережу, и говорилъ до тъхъ поръ, пока я, волей-неволей, не начинала его слушать.

Съ братьями онъ поступалъ точно также и раза два прерывалъ Рому, съ любопытствомъ спрашивавшаго меня:

— Почему глаза у тебя красные? Ты върно плакала? О чемъ? Я была благодарна аббату за то, что онъ избавляеть меня отъ непріятныхъ объясненій, но прозорливость его меня безпокоила. Должно быть, причина моего разстройства ему извъстна, когда онъ такъ ревниво оберегаетъ меня отъ докучливости маленькаго брата.

Не могло ускользнуть отъ меня и нетерпъніе, съ которымъ онъ оборачивался къ двери при каждомъ шорохъ, точно чего-то поджидая, а также выраженіе удовольствія, обозначившагося на его гладко выбритомъ лицъ, съ длиннымъ тонкимъ носомъ и насмъщливыми узкими губами, когда наконецъ въ столовую вощелъ папенька, въ сопровождении лакея съ подносомъ, уставленнымъ конфетами и виномъ въ покрытой паутиной бутылкъ.

Нашъ аббатъ, большой руки лакомка, водившій дружбу съ буфетчикомъ, ради винъ и ликеровъ изъ барскаго погреба, которыми онъ его снабжалъ, повеселътъ при видъ угощенія. Обрадовался и Рома лакомствамъ, но Сережа съ такимъ недоумъніемъ посмотръль на меня, что я въ смущеніи отвернулась отъ него.

«Неужели папенька при всёхъ объявить о своемъ рёшеніи?» замелькала у меня въ умё мучительная мысль.

Опасеніе мое не сбылось. Не признаваясь ему ни въ чемъ, она, безъ сомнінія, суміла объяснить ему неудобство объявлять сыновьямъ, въ присутствіи аббата и прислуги о принятомъ ими рівшеніи обвінчаться съ нею, и онъ ограничился тімъ, что, объявивъ о своемъ желаніи угостить насъ въ ознаменованіе событія, которое скоро всімъ будеть извістно, съ улыбкой сталъ разливать по рюмкамъ, стоявшимъ передъ нами, вино и угощать насъ фруктами. При этомъ, чтобъ скрыть смущеніе, онъ не переставалъ шутить, а аббать, подхватывая на лету каждое его слово, ловко поддерживалъ разговоръ въ томъ направленіи, въ которомъ онъ быль начать, чтобъ не дать намъ опомниться.

Но цёль эта не достигалась. Мы всё трое молчали. Даже Рома пересталь радоваться сластямь и вину, сверкавшему въ его бокаль, и посматриваль то на меня, то на брата съ испугомъ въ широко раскрытыхъ глазахъ. А на Сережу было даже жутко смотръть. Съ первыхъ же словъ папеньки объ ожидавшемъ насъ сюрпризъ онъ поблъднъль и, въ волнени кусая себъ губы, сидъль неподвижно, опустивъ глаза на тарелку съ нетронутымъ угощеніемъ.

Папенька притворялся, что этого не замѣчаеть, но оть аббата ничего не могло ускользнуть, и, чтобъ скорѣе прекратить натянутое положеніе, грозившее кончиться скандаломъ, онъ объявилъ, что у нихъ урокъ математики, который не желательно было бы пропустить, и попросилъ позволенія увести своихъ воспитанниковъ въ классную.

 $\mathsf{Digitized} \; \mathsf{by} \; Google$

Папенька немедленно на это согласился. Ему, безъ сомнънія, было очень тяжело разыгрывать принятую на себя роль. Я хотъла выйти вмъстъ съ братьями, но онъ меня удержалъ.

— Останься со мною,—сказаль онъ, обнимая меня за талью и уводя въ залу.

Нъсколько минутъ прохаживались мы взадъ и впередъ молча, а затъмъ, не останавливаясь и не глядя на меня, онъ спросилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Ты никогда меня не разлюбишь, голубчикъ?

Слезы меня душили, и вмёсто отвёта я ваяла его руку и поцёловала ее.

— Ну, спасибо, спасибо, ты добрая дёвочка и, я знаю, всегда мнё будешь хорошей дочерью... что бы ни случилось... Не надо словъ, мы и такъ понимаемъ другъ друга,—продолжалъ онъ, крёпко обнимая меня и прерывая свою рёчь поцёлуями. — Пожалуйста, вёрь мнё... я иначе не могъ поступить... твои выёзды въ свётъ... карканье московскихъ воронъ, все это вздоръ, и на все это можно было бы наплевать... есть другія обстоятельства, которыя меня вынуждаютъ поступать такъ... какъ ты знаешь... Еслибъ не петля на шеё, развёбы я на это рёшился?—продолжалъ онъ рапространяться, со свойственной ему потребностью ничего не скрывать отъ тёхъ, кого онъ любилъ.—Не могу я всего тебё сказать, моя душенька, да ты и не поймешь... И не надо тебё понимать гадости, рано! Я только хочу, чтобъ ты знала, что иначе я не могу поступить...

И, приподнявъ мою голову, которую я прижимала къ его плечу, онъ прибавилъ, заглядывая мнв въ лецо:—Скажи мнв, что ты меня любищь? Мнв надо это знать... Скажи мнв это, моя Лиза, это будетъ для меня большое облегчение!

— Люблю васъ и всегда, всегда буду васъ любить, дорогой мой, драгоцівный папенька!—вскричала я рыдая.

Его тоже душили слезы, и онъ молча отвъчаль на мои ласки. Какъ онъ мнѣ былъ дорогъ, и какъ мнѣ его было жаль! Страданія такъ плохо вязались съ его блестящей, жизнерадостной натурой! Онъ совсъмъ терялся передъ жизненными затрудненіями и хватался за первую поддержку, представлявшуюся передъ нимъ. Хорошо, когда поддержка эта являлась въ образъ такого ангела, какимъ была наша покойная мать! Увы, на этотъ разъ судьба зло подшутила надъ нимъ. Онъ это сознавалъ, но еще далеко не вполнъ, и, очарованный красотой и чуднымъ голосомъ злодъйки, искренно върилъ, что подъ грубой оболочкой у нея скрывается доброе сердце и жаждущая обновленія душа. Пороковъ ея онъ не видътъ, а недостатки приписывалъ дурному воспитанію и пагубнымъ примърамъ.

— Душенька моя,—началъ онъ, немного успокоившись и не выпуская меня изъ своихъ объятій,— ты, пожалуйста, ея не бойся, она далеко не такъ дурна, какъ всё думають. Я ее хорошо знаю.

Она способна и на любовь и на великодушіе. Всего сказать я тебъ не могу, но ты должна знать, что оть нея зависёло насъ окончательно разорить, однако она этого не сдълала, напротивъ... У меня и кром' того есть много доказательствъ ея сердечности и порядочности, она при случав можеть даже самаго предубъжденнаго противъ нее человъка изумить грандіозностью своихъ чувствъ и стремленій... Удивительно талантливая натура, каждый день открываю я въ ней что нибудь новое и интересное! Не мудрено, что покойный батюшка ни одного дня не могъ безъ нея обойтись, у нея даръ очаровывать людей... Но во всякомъ случат въ обиду я васъ никому не дамъ, -- поспъшилъ онъ прибавить, сообразивъ, что ему не совсёмъ прилично сознаваться передъ дочерью, которой не минуло еще шестнадцати леть, въ своихъ слабостяхъ и въ томъ, что такая женщина овладъла его волей. -- Дъти моей незабвенной Анеты, моего ангела, всегда будуть занимать первое мъсто въ моемъ сердцъ! Объясни это, пожадуйста, и братьямъ твоимъ. Сережа давно ужъ огорчаеть меня своею угрюмостью и неблагодарностью къ Дарьъ, которая къ нему всегда такъ добра! Онъ съ нею невъжливъ, и ей это очень больно... Скажи ему, что, только благодаря ей, я дёлаю видъ, что не замъчаю его поведенія, она дала мнъ слово употребить всё силы, чтобъ онъ исправился, созналъ свою вину передо мною и быль бы, какъ прежде, добрымъ, веселымъ юношей, всёмъ довольнымъ и за все благодарнымъ. Мы больше для него и торопимся кончить съ нашимъ дёломъ, надо ёхать въ Петербургъ, хлопотать о его пом'вщеній въ полкъ; ему в'вдь ужъ восемнадцать лъть, давно пора! Ради Бога, объясни ему все это! Я просто боюсь съ нимъ говорить, у него такое выражение въ глазахъ, когда онъ на меня смотрить, точно онъ меня ненавидить, право,-продолжаль онъ съ улыбкой, но такой печальной и смущенной, что жегче было бы его видеть плачущимъ. — Уверь его въ моихъ чувствахъ къ вамъ, они неизменны, вы мне, до последняго издыханія, будете дороже всъхъ на свътъ! Ничто въ міръ не можеть меня заставить къ вамъ охладеть!... Я вамъ это докажу. Вы увидите, что моя главная забота о васъ... Теперь мы будемъ видъться чаще... мы будемъ ближе другь къ другу... Она не помѣшаеть, напротивъ, въ ней я могу найти то, что вы мнв не можете дать, и она это понимаеть, какъ нельзя лучше, у нея столько природнаго ума!... Ну, воть я и отвель съ тобою душу... ты представить себъ не можешь, какъ ты меня угъщила, я шель къ вамъ съ такимъ тяжелымъ чувствомъ, а теперь послъ разговора съ тобой мнъ гораздо лучше...

Послѣ разговора со мной! Онъ даже не замѣчалъ, что я не сказала ни слова! Ему казалось, что и я тоже открыла ему мою душу, какъ самъ онъ раскрывалъ мнѣ свою. Бѣдный, милый папенька! Правду говорила маменька, что у нея не трое дѣтей, а четверо, и что старшій изъ нихъ причиняеть ей втрое больше заботь и

огорченій, чёмъ трое младшихъ. Она и умирая поручала не насъ ему, а его намъ. Съ каждымъ днемъ понимала я все лучше и лучше ея страданія, заботы и тревоги. Какъ ей страшно и тяжело было насъ покинуть! Воспоминаніе о ея последнихъ дняхъ, когда она безпрестанно повторяла мнѣ, чтобъ я любила папеньку и заботилась о немъ, воскресло передо мною въ эту минуту съ такою ясностью, что я приняла это за повелъніе свыше и мысленно дала дорогой покойницъ торжественную клятву выполнить ся завъть. Внутренній голосъ, можеть быть, ея голосъ, твердиль мив, что именно теперь настала минута, когда я буду нужна отцу, и что, кром' меня, у него никого нътъ на свъть. Мн казалось, что у меня хватить силь отказаться оть личнаго счастья для него, и если я вспоминала про Шарля, то для того только, чтобъ пріобщить его къ подвигу самоотверженія, на который я рішилась посвятить всю мою жизнь. Туть же дала я себв слово не покидать домъ, пока новая хозяйка не выйлеть изъ него. А что непременно такъ и случится, я была вполив уверена. Какъ бы тамъ ни было, но возбужденное настроеніе, въ которомъ я находилась весь этотъ день и последующіе, помогло мнё перенести съ твердостью и самообладаніемъ дальнъйшія событія.

Про вънчаніе нашего отца съ «проходимкой», которое должно было произойти втайнъ отъ всъхъ, въ маленькой церкви въ глухой мъстности, невзирая на всъ предосторожности, весь домъ узналъ наканунъ назначеннаго дня, но всъ дълали видъ, что ничего не знаютъ, и только по мрачнымъ лицамъ старыхъ слугъ и по волненію молодыхъ можно было догадаться, въ какое отчаяніе приводитъ ихъ предстоящая перемъна въ домъ.

Однако, делались кое-какія приготовленія къ пріему новой госпожи. На дедушкиной половине пробили дверь въ стене, чтобъ соединить одну комнату съ другой, обили новымъ штофомъ ствны и подправили живопись на потолкахъ и надъ дверями. Въ концъ декабря стали все чаще и чаще появляться ея люди, чтобы слъдить за производившимися работами и указывать, какъ разставлять мебель, развъшивать картины и тому подобное. Привозили ящики съ посудой, съ коврами, приносили огромныя зеркала, драгоценную мебель, и все это въ такомъ множествъ, что надо было дивиться, какъ находилось мъсто, чтобъ все это разставить и развъсить въ домъ, наполненномъ съ чердаковъ до подваловъ всевозможнымъ добромъ, въками скопленнымъ богатыми и знатными барами. Извъстно было, что у нея большой, прекрасный домъ на Арбать, тоже до такой степени наполненный дорогими вещами, что отсутствіе тіхь, которыя вывезли изь него въ нашь домь, почти не было замётно. И это подтверждение богатства «проходимки» усиливало таниственный страхъ, который она всемъ внушала. Шопоткомъ говорили, что она была безъ ума влюблена въ нашего отпа еще при жизни нашей матери, и не прочь были обвинять ее въ томъ, что она способствовала смерти молодой княгини. Ее считали на все способной. Богь знаеть почему, съ цёлью, можеть быть, всъхъ поразить своимъ появленіемъ въ нашъ домъ уже супругой хозяина, а, можетъ быть, чтобъ не видеть насъ раньше, чемъ свершится факть, на который мы не могли иначе смотрыть, какь на величайшее для насъ несчастье, она не показывалась къ намъ съ того дня, когда приходила со мною объясняться на счетъ новой своей роли въ нашей семьй, но за то повадился къ намъ ея домоправитель и довфренный человъкъ, Христофоръ, маленькаго роста, худощавый старичекъ, смуглый, съ болышими черными и живыми. какъ у юнони, глазами. Про его ловкость и выносливость разсказывали изумительныя вещи. Родомъ грекъ, онъ въ продолженіе многихъ лътъ находился въ плъну у морскихъ разбойниковъ, дъсъ ними набъги на береговыя мъстности Италіи, Франціи, разбойничалъ со своими повелителями и на нашемъ южномъ берегу попался вторично въ пленъ нашимъ и былъ проданъ пом'вщику Матаваеву, отъ котораго вм'вств со всемъ состояніемъ достался по духовному завъщанію его вдовь, опьнившей таланты слуги и довърившейся ему вполнъ. Говорили, что ему одному извъстно, въ чемъ именно заключается ея состояніе, и какими средствами удесятерила она то, что ей досталось посл'в мужа. Говорили также, что только одинъ Христофоръ посвященъ въ тайны ея отца, сосланнаго въ Сибирь послъ торговой казни на Саратовской конной площади.

Съ неменьшимъ страхомъ и отвращениемъ относились и къ горничной ея, Өедосъв, для которой приготовили отдъльное помъщение въ комнатъ рядомъ съ уборной ея госпожи.

Христофоръ же, върный принятой на себя личинъ смиренія, за что получилъ кличку «подхалюзы», объявилъ, что будетъ жить подъ лъстницей на антресоли и ъсть за общей трапезой съ людьми.

— Чтобъ подслушивать и ябедничать, — утверждали всв.

Но и отличіемъ, оказаннымъ Оедосьъ, всъ были недовольны, замъчая, что старымъ, заслуженнымъ слугамъ, служившимъ върой и правдой тремъ поколъніямъ князей В—хъ, нътъ такого почета, какъ хамкъ проходимки, залъзшей въ княгини безстыдствомъ и пронырствомъ, а, можетъ быть, чъмъ нибудь и похуже.

— У нея такой глазъ, что, кого захочеть, можеть приворожить,—ворчали, покачивая головой, старухи.—Много силы даеть нечистый тому, кто душу свою ему продасть!—прибавляли къ этому таинственнымъ шопотомъ.

Во время этой суматохи Сережа встхъ изумлялъ своею сдержанностью и кажущимся равнодушіемъ. Онъ держалъ себя, точно ничего новаго въ домт не происходитъ, и такъ энергично откло-

нялъ всякую попытку заговорить съ нимъ о предстоявшемъ событіи, что я должна была отказаться исполнить порученіе папеньки. При первыхъ словахъ объ этомъ онъ запальчиво меня прерваль замѣчаніемъ, что я вмѣшиваюсь не въ свое дѣло.

- Но мит папенька приказаль тебт сказать...
- Напрасно онъ даетъ тебѣ такія порученія, это безсовѣстно съ его стороны! Скажи ему, что я отказался тебѣ отвѣчать и нахожу твое вмѣшательство въ это дѣло крайне неумѣстнымъ и неприличнымъ!

И, не дожидаясь моихъ возраженій, онъ посп'яшно вышелъ изъ комнаты, шумно прихлопнувъ за собою дверь.

X.

Всё последующіе затемъ дни мнё ни разу не удалось видёть Сережу. Онъ быль неразлученъ съ аббатомъ, приходилъ въ столовую вмёстё съ нимъ, а когда наставнику его случалось замёшкаться за столомъ, за стаканомъ вина или ликера, онъ уходилъ одинъ и ни на кого неглядя, а аббатъ, откинувшись на спинку стула, съ блаженной улыбкой любуясь прозрачной влагой, сверкавшей въ его стаканъ, добродушно замъчалъ, по-кошачьи щуря свои лукаво смъющіеся глаза:

— Князь Сержъ такъ усердно занимается, что экзамена ему бояться нечего! Въ Россіи не много найдется молодыхъ людей, которые знали бы столько, сколько онъ знаетъ.

Время тянулось тоскливо, а между тъмъ хотълось его задержать, такъ жутко было вспомнить про то, что насъ ожидало по окончании поста.

Наступили наконецъ праздники. Утромъ перваго дня, когда мы, послѣ обѣдни, пошли поздравлять папеньку, въ кабинетѣ его оказалось множество вещей, которыхъ тутъ прежде не было, и на которыхъ я боялась останавливать взглядъ, чтобъ не усилить его смущенія. И Сережа по сторонамъ не оглядывался, но когда папенька отошелъ къ бюро въ противоположномъ углу комнаты, чтобъ изъ него что-то такое вынуть, Рома, который не былъ посвященъ въ наши заботы, шепнулъ мнѣ, указывая на рабочій столикъ съ инкрустаціей, стоявшій передъ низкимъ кресломъ, обитымъ бархатомъ:

— Для кого принесли сюда этотъ столикъ, Лиза? Ужъ не тебъ ли его хотятъ подарить?

Сережа нахмурился и довольно таки сурово приказалъ ему молчать, указывая на папеньку, который шель къ намъ съ двумя кошельками изъ краснаго шелка съ золотыми кольцами и съ маленькимъ сафьяннымъ футляромъ въ рукахъ.

Кошельки, наполненные золотомъ, онъ подарилъ братьямъ, а мнѣ подалъ футляръ съ сверкавшимъ на бѣломъ атласѣ брилліантовымъ гребнемъ.

— Вотъ тебъ, Лиза, — сказалъ онъ съ чувствомъ. — Этимъ гребнемъ былъ приколотъ подвънечный вуаль твоей покойной матери. Дай тебъ Богъ выполнить, какъ она, клятву, данную ею быть миъ до конца жизни върнымъ другомъ. Ты надънешь этотъ гребень, когда мы повеземъ тебя къ вънцу...

Я поцёловала его руку, онъ ко мнё пригнулся и крёпко прижаль меня къ своей груди. Обласкалъ онъ также и Рому, на Сережу же только пристально и укоризненно посмотрёлъ, какъ бы ожидая слова нёжности и раскаянія, но Сережа, съ трудомъ сдерживая волненіе, молчалъ, опустивъ глаза, и, еще разъ поцёловавъменя съ меньшимъ братомъ, папенька съ глубокимъ вздохомъ насъ отпустилъ.

Дойдя до двери, я обернулась и увидала, что онъ смотрить намъ вслёдь. Лицо его было такъ грустно, что еслибъ я послёдовала влеченію сердца, то вернулась бы, чтобъ его еще разъ обиять, но боязнь его обезпокоить меня удержала.

Прошло еще нъсколько дней. Всъмъ казалось, что скоро конецъ ожиданіямъ, и что новая ненавистная хозяйка вступить въ домъ. Очень можетъ быть, что многимъ даже было извъстно, въ какой именно день свершится это событіе, но никто про это не говорилъ. Помню, что утромъ рокового дня я проснулась въ такомъ тревожномъ настроеніи и съ такою щемящею болью въ сердцъ, что тотчасъ же подумала: «не сегодня ли?»

Однако мив удалось отогнать эту мысль, и я провела утро въ обычныхъ занятіяхъ, ни о чемъ особенномъ не помышляя. Подъ вечеръ, когда стало темнёть, вмёсто того, чтобъ зажечь свёчи, я прошла въ проходную, длинную комнату, въ родъ галлерен, называемой зеркальною отъ множества зеркалъ, въ которыхъ отражались растенія, которыми она была уставлена, подошла къ большому венеціанскому окну, выходившему на большой дворъ, и стала изъ него смотреть, безъ всякой пели, чтобъ только не оставаться одной въ моей комнать, гдъ каждый предметь навъваль на меня тяжелыя воспоминанія и печальныя предчувствія. Но мало-помалу то, что я увидела, такъ меня заинтересовало, что я уже не могла оторваться отъ окна и съ возрастающимъ любопытствомъ и жгучимъ нетеривніемъ ждала, что будеть дальше. Сначала, среди темнаго двора, казавшагося огромнымъ отъ пустоты, показался сторожъ Степанъ съ засмоленнымъ факеломъ, которымъ онъ зажегь фонари у подъёзда. Дворъ освётился настолько, что стало видно людей, молчаливо и торопливо перебъгавшихъ мимо дома къ надворнымъ строеніямъ и обратно къ крыльцу. Вскоръ и лъстница освътилась, безъ сомнънія, люстрой, висъвшей въ вестибюль, потому что яркій свёть разлился по площадкі передъ подъйздомъ, съ котораго спустился папенькинъ камердинеръ въ праздничномъ ливрейномъ фракі, кисейномъ бёломъ жабо, напудренный, въ чулкахъ и башмакахъ, съ серебряными пряжками. Вскорт появился рядомъ съ нимъ и Христофоръ, тоже одітый по-праздничному, а затімъ, вёроятно, по ихъ приказанію, выскочилъ на дворъ казачекъ, пустившійся біжать со всіхъ ногъ мимо дома, и, миновавъ кусты и деревья у стінъ, скрылся по направленію задняго двора. Немного погодя, двое людей направились къ воротамъ и растворили ихъ, а еще минуты черезъ дві по переулку раздался грохотъ колесъ, и карета чстверней въйхала на дворъ. За нею, почти одновременно, послідовала другая, и обі подкатили къ крыльцу.

Остановились онів какъ разъ въ пространствів, освіщенномъ люстрой изъ вестибюля и фонарями у подъйзда, и я тотчасъ же узнала одного изъ молодыхъ людей, выскочившихъ изъ кареты, не дожидаясь, чтобъ лакен откинули имъ подножки. Это былъ Варжаевъ.

Перекинувшись на ходу нѣсколькими словами, гости скрылись подъ навѣсомъ подъѣзда, и дворъ, съ растворенными воротами на темный переулокъ, снова опустѣлъ, но не надолго. Явился толстый поваръ Огюстъ съ поварятами, державшими въ рукахъ корзины, и всѣ спустились въ подвалъ съ винами и заграничными фруктами, хранившимися за маленькой дверью, на половину скрытой въ землѣ, между кустами, подъ тѣмъ самымъ окномъ, изъ котораго я смотрѣла.

Это означало, что готовится парадный ужинъ.

И вдругъ полная луна, прятавшаяся до сихъ поръ за густой мглой, выглянула изъ-за своего туманнаго покрывала и залила весь дворъ мягкимъ серебристымъ блескомъ, въ которомъ внезапно потускить и пожелтель светь люстры и фонарей. Выступили въ этомъ блескъ отъъхавшія въ сторону кареты и каменная ограда съ разинутой пастью растворенныхъ воротъ, засверкали покрытыя инеемъ деревья у домиковъ на противоположной сторонъ переулка, а когда по данному знаку выбадного, Алексъя, подъбхала наша карета и на крыльцъ появились пріъхавшіе раньше посьтители съ папенькой, было такъ свётло, что я могла различить не только его нарядь между складками распахнувшагося чернаго бархатнаго плаща, но также и выражение его бледнаго лица, съ неестественной улыбкой. Передъ тъмъ, какъ състь въ экипажъ, онъ поднять голову и устремилъ глаза на окно, у котораго я стояла. Видыть меня онъ не могъ, меня окружалъ мракъ, но, тъмъ не менъе, я невольнымъ движеніемъ подалась назадъ и чуть не вскрикнула отъ испуга, когда меня крѣпко обняли чьи-то сильныя руки.

Это былъ Сережа.

Съ какихъ поръ стоялъ онъ тутъ, за моей спиной, слъдя за

тъмъ, что происходило на дворъ, мнъ и въ голову не пришло спросить, такъ поразила меня его блъдность и скорбное выражение его глазъ, когда онъ выступилъ вмъстъ со мною въ кругъ луннаго блеска, разлившагося по окну, къ которому мы опять придвинулись, когда шумъ отъъхавшаго экипажа достигъ до нашихъ ушей.

Дворъ опустълъ и, должно быть, надолго, нотому что люди, провожавшіе господъ, заперъвъ ворота, разбрелись въ разныя стороны. Но фонарей не погасили, и люстра продолжала горъть въ съняхъ.

— Вънчаться повхаль, —чуть слышно и глухо проговориль Сережа, не спуская пристальнаго взгляда съ того мъста, гдъ сейчасъ стояла карета, и не замъчая крупныхъ слезъ, навертывавшихся на его глаза.

Онъ катились по его щекамъ, но онъ ихъ не чувствовалъ. Мнъ стало невыразимо его жаль, и я кръпко его обняла, умоляя его успокоиться и сказать мнъ, что съ нимъ.

Но онъ молчалъ, продолжая смотръть въ пустое пространство и не отвъчая на мои ласки.

Долго простояль онъ въ оцъпенъніи и не будучи въ состояніи искать облегченія терзавшимъ его мукамъ. Наконецъ, онъ сдълаль надъ собою усиліе и произнесъ чуть слышно:

- У насъ нътъ больше отца, Лиза. Онъ вернется отгуда съ нею, и она займетъ мъсто нашей дорогой покойницы...
 - Никогда она ея мъста не займетъ!-вскричала я.

И вдругъ мнѣ показалось, что наступила самая удобная минута поговорить съ нимъ по душѣ, передать ему то, что я сказала папенькѣ, и узнать, что у него на умѣ. Давно ужъ мучило меня предчувствіе, что онъ замышляетъ нѣчто недоброе, но въ эту минуту предчувствіе мое смѣнилось увѣренностью, и я молила Бога помочь мнѣ предотвратить бѣду.

Въ углубленіи комнаты стоять диванъ, до котораго лунный свъть не доходилъ, и гдъ было совершенно темно. Я потащила его туда. Онъ не сопротивлялся, когда я посадила его рядомъ со мной, обнять меня, какъ бывало два года тому назадъ, и когда мы дътьми забивались въ таинственные уголки, чтобъ вспоминать про маменьку и про нашу жизнь съ нею въ маленькомъ домикъ близъ Басманной. Позже мы уединялись, чтобъ толковать о нашихъ планахъ относительно освобожденія Франціи отъ злодъя Бонапарта, и тогда къ намъ присоединялся Шарль. Какъ все перемънилось съ тъхъ поръ! Шарль былъ далеко, а любимый мой брать, съ которымъ я привыкла съ ранняго дътства дълиться и горемъ и радостью, такъ далеко ушелъ отъ меня душой, что я даже и представить себъ не могу, о чемъ онъ думаетъ и чъмъ мучится. Я только видъла, что онъ страдаетъ, и чувствовала, что ничъмъ не могу облегчить его, мукъ.

Но, тъмъ не менъе, я попыталась заглянуть ему въ душу.

- Сережа,—начала я послѣ довольно продолжительнаго молчанія,—папенька просиль меня тебѣ сказать, что она никогда не вытѣснить насъ изъ его сердца. Надо ему вѣрить. Онъ очень несчастливъ, и мы не имѣемъ права отказывать ему въ нашей любви и довѣріи именно теперь, когда онъ въ этомъ нуждается. Мы должны его жалѣть...
 - За что?-спросиль онъ отрывисто.
- За · то, что иначе онъ поступить не "могъ... Не намъ его судить, Сережа. Ему должно быть очень тяжело, въдь онъ ее хорошо знаетъ и не можеть ее любить...
 - Не говори глупостей!--прервалъ онъ меня.
 - Я повторяю теб'в его слова.
 - Мив бы онъ этого не сказаль.
 - Онъ нашъ отецъ, Сережа!
 - Къ несчастью, да.
- Ради Самого Бога не ропщи на него! Роптать на отца—это такой страшный гръхъ!... Вспомни, какъ терпъливо все сносила маменька...
- Не напоминай мнт про нее!—вскричаль онь, вырываясь изъ моихъ объятій.

Но я его не выпустила и заставила опуститься на прежнее мъсто.

- Сережа, милый, останься со мной еще минуту! Богь знаеть, когда намъ еще удастся съ тобой поговорить!—умоляюще протянула я, обнимая его.
 - Правда, Богъ знаеть когда!-согласился онъ со вздохомъ.
- Роптать на отца это такой страшный грёхъ, повторила я, не зная, какъ подойти къ тому, что мнё надо было ему сообщить.
- Если гръхъ, то я сумъю его искупить, мрачно возразилъ онъ, искупить страданіями цълой жизни. Я—погибшій человъкъ, Лиза, произнесъ онъ съ убъжденіемъ.
 - Сережа!
 - Да, но не во мив дело, а въ тебе. Я хотель тебе сказать...
- Нёть, ты мнё прежде скажи, почему ты считаешь себя погибшимъ? Это страшный вздоръ, вёдь тебё только восемнадцать лёть, у тебя вся жизнь впереди...
- Сестричка моя родная, у меня, кром' ужаса, ничего впереди нъть!
- Неправда, неправда! есть множество людей гораздо несчастиве тебя! Имъ приходится бороться съ врагами отвратительные Матаваевой... У нихъ все отнято, всё близкіе, родина, состояніе, они обречены молча и въ безсильной злобе присутствовать при торжестве влодея...
- Ты говоришь про Шарля? Ну, жаль, что его нътъ туть съ нами, онъ самъ бы тебъ сказалъ, что не промънялъ бы своей судьбы на мою, даже еслибъ случилось, что у него отняли бы то, что

составляеть величайшее благо его души—твою любовь. Спроси у него, онъ скажеть, что я говорю правду,—прибавиль онъ съ горечью.

- Зачёмъ мнё у него спрашивать, ты мнё самъ лучше скажи, чёмъ ты несчастливъ?
 - Не могу я тебѣ этого сказать.
 - А ему ты сказалъ?
 - -- Онъ самъ узналъ.

Опять наступило молчаніе. Мы продолжали сидёть обнявшись, и я чувствовала его слезы на моей щекъ, къ которой онъ прижимался лицомъ. Одной рукой онъ обнималь меня, другую я держала въ своихъ рукахъ, и мысли самаго безотраднаго свойства не переставали кружиться въ моей головъ.

- Неужели ты такъ несчастливъ потому только, что папенька на ней женится? спросила я наконецъ, не столько чтобъ получить отвътъ на мой вопросъ, какъ для того, чтобъ прервать томительное молчаніе.
 - Да, Лиза, отъ этого, произнесъ онъ.
 - Но въдь ты здъсь не останенься...
- Никуда отъ себя не уйдешь, прервалъ онъ меня съ раздраженіемъ.

Что было на это сказать? Въ умѣ у меня завертѣлись сравненія. Въ невѣдѣніи моемъ я позволила себѣ сравнивать его положеніе съ моимъ и упрекать его въ эгоизмѣ, но при видѣ жгучей душевной боли, подъ которой онъ изнемогалъ, я, разумѣется, не позволила себѣ выразить вслухъ этого обвиненія.

Наконецъ, совладавъ съ собой, онъ продолжалъ болѣе спокойно: —Ты говоришь объ отъѣздѣ, а мнѣ это-то и тяжело, что я долженъ покинуть тебя и Рому, ничего вамъ не объяснивъ. Но когда нибудь вы все узнаете и скажете: «если онъ былъ преступенъ, то сумѣлъ самъ произнести надъ собою приговоръ и наказать себя»... Да, преступенъ, —продолжалъ онъ, предупреждая восклицаніе, готовое сорваться съ моихъ губъ. — Несчастье мое иначе, какъ преступленіемъ, назвать нельзя, и въ этомъ его ужасъ. Не допытывайся узнать, въ чемъ оно состоить, сестра, заклинаю тебя Богомъ, памятью нашей матери, твоею любовью къ Шарлю, всѣмъ, что у тебя самаго дорогого и святого въ сердцѣ, не допытывайся узнать раньше времени, за что я обрекаю себя на изгнаніе, успокойся на томъ, что твоему будущему мужу все извѣстно, и что онъ не осуждаетъ моего намѣренія!

- Не могу я на этомъ успокоиться, Сережа! Какъ ни люблю я Шарля...
- Люби его,—поспѣшилъ онъ дать другой обороть разговору.— Ты будешь съ нимъ счастлива. Я въ этомъ убѣжденъ. То, что составить мое несчастье, будеть, по всей въроятности, способствовать

вашему благополучію. И я этому радъ. Это мое единственное утѣшеніе, потому что я васъ очень люблю обоихъ,—прибавилъ онъ со вздохомъ.

Невзирая на страхъ и на тоску, мит было отрадно слышать, что въ мысляхъ своихъ и чувствахъ онъ ужъ не раздъляетъ меня отъ Шарля.

— Но въдь ты еще не скоро насъ покинешь?—спросила я, тревожно заглядывая ему въ глаза.

Пока мы бестровали, въ залт зажгли лампы, и свътъ отъ нихъ достигъ черезъ растворенную дверь до уголка, гдт мы сидъли. Я уже могла различать черты дорогого лица и больше темные глаза, устремленные на меня съ невыразимою нъжностью.

- Нъть, нъть, нескоро, посившиль онъ отвътить.
- Правда? Мы еще поживемъ вмѣстѣ? До прівзда Шарля? Мнѣ было бы такъ жутко оставаться теперь здѣсь одной...
- Знаю, знаю, милочка! Успокойся, ты долго одна не останешься. Я получиль отъ него письмо, онъ торопится прівхать.
 - А ты?
- Дёло его налаживается, —продолжалъ онъ, не вслушиваясь въ мой вопросъ. —Война съ Наполеономъ неизбёжна, и онъ поступилъ въ полкъ. Пріёдеть сюда офицеромъ и зашлеть за тебя сватомъ своего покровителя, графа, —прибавилъ онъ съ улыбкой, плохо вязавшейся съ печальнымъ выраженіемъ его глазъ.
 - А ты? А ты?-повторяла я настойчивъе прежняго.
 - И, схвативъ его руку, прижалась къ ней губами.
- Сестренка моя родная, не пытай ты меня, ради Camoro Bora!— проговорилъ онъ задыхающимся отъ волненія голосомъ.
 - Но въдь ты останешься здъсь до его прівзда, не правда ли?
- Останусь, останусь, не безпокойся! А теперь намъ пора разстаться. Надо лечь спать. Они сейчасъ прівдуть, и онъ можеть насъ спросить... Всего будеть лучше, если ему скажуть, что мы уже въ постели, не такъ ли? Чёмъ поаже мы съ ними увидимся, тёмъ лучше будеть...
 - A ты?
- И я также увижу ихъ только завтра,—объявилъ онъ, поднимаясь съ мёста и прислушиваясь къ шагамъ, раздававшимся по дому.—Пойдемъ скорбе, мы только-только успбемъ улечься до ихъ прібада. Слышишь? Ужъ идуть ихъ встрвчать...

Онъ взялъ меня за руку и поспъшно прошелъ со мною черезъ большую залу въ коридоръ, въ концъ котораго была дверь въ мою комнату.

У этой двери, какъ ни умоляла я его войти ко мнѣ, хоть на минуту, онъ крѣпко меня обнялъ и торопливо, не оглядываясь назадъ, удалился.

Туть я ужъ не выдержала тоскливаго предчувствія, сжавшаго

мнѣ сердце, и такъ громко Сережу окликнула, что испугалась звука собственнаго голоса, гулко раскатившагося по коридору.

Онъ вернулся. Я втащила его въ мою комнату, и мы молча обнялись.

— Ну, прощай, — сказала я наконець, когда по суматохѣ, поднявшейся въ домѣ, я догадалась, что новобрачные вернулись изъ церкви.

Ни слова больше не было произнесено между нами. Мы разстались и, увы, надолго!

XI.

Когда на слъдующій день я, послъ безсонной ночи, поднялась съ постели, Степанида вошла ко мнъ съ такимъ разстроеннымъ лицомъ, что я тотчасъ же вспомнила Сережу, и сердце забилось отъ предчувствія бъды.

Оно не обмануло меня: не успъла я еще ничего спросить, какъ она, заливаясь слезами, объявила, что князя Сергъя Борисовича нигдъ не могутъ найти.

— Должно быть, ночью изволили уйти изъ дому. Почивать не ложились, постель ихняя, какъ ее приготовили вчера на ночь, такъ и стоитъ не смятая. Аббать ужъ въ кварталь ъздилъ, тамъ ему объщали всю полицію на ноги поставить, чтобъ нашего молодого князя розыскать... Только гдв ужъ!

Она залилась слезами.

Я стала ее разспрашивать, и она рыдая передала мив слухи, ходившіе по дому про этоть побіть. Всі сочувствовали молодому князю, понимая его поступокь, какъ протесть противъ женитьбы отца на проходимкі. Никого не удивляло его бітство, и онъ вдругь сділался такъ всімъ миль, что участіє къ нему отразилось и на насъ. Степанида увіряла, что вся дворня насъ жаліеть, и нітъ между ними человіка, который не считаль бы за счастье доказать намъ свою преданность и любовь.

- Но куда же онъ ушелъ?—спросила я.—Неужели никто въ домъ не догадывается?
- Какъ не догадывается! Безъ совътчиковъ тоже не обощлось, отвъчала она, понижая голосъ и боязливо оглядываясь на дверь.
- Ужъ не къ дядъ ли онъ ушелъ?—вскричала я, обрадовавшись новой мысли, блеснувшей у меня въ головъ.

Она печально покачала головой.—Нёть, барышня, въ Радостное хоша и послали верхового, но только напрасно, тамъ его не найдуть...

- Ты знаешь, гдъ онъ?—спросила я, пристально на нее глядя.
- Что всё знають, то и я,—сдержанно отвёчала она, смущаясь подъ моимъ взглядомъ.—Болтають про цыганъ, будто бродилъ одинъ изъ нихъ, красивый такой, Алешкой звать, по нашему пе-

реулку, и будто молодой князь выходиль къ нему въ садъ. Но въдь цыганъ этотъ и раньше къ нимъ хаживаль, и даже на антресоляхъ у молодыхъ господъ его видъли...

- Въ домъ? у братьевъ въ комнать? —вскричала я съ ужасомъ. Не можеть этого быть!
- Извольте у Сашки спросить, если мив не върите. Но онъ, можеть, не скажеть,— поспъшила она прибавить,— къ такому чорту попасть въ лапы, какъ Христофоръ, не всякій тоже решится...
- Черезъ меня никто не попадется, можешь быть покойна, поспъшила я заявить.
- Я знаю, барышня, потому я вамъ, какъ попу на духу, все до крошечки бы сказала, кабы знала что нибудь, вы меня не погубите... Я хотъла васъ вотъ о чемъ еще просить: явите божескую милость, возьмите меня къ себъ, когда замужъ будете выходить, не оставляйте у проходимки,—прибавила она, кидаясь передо мною на колъни и цълуя мои руки.

Я дала ей слово исполнить ен желаніе и, замѣтивъ, что этого ей недостаточно, поклялась ей передъ образомъ, что выпрошу у папеньки, какъ милость, чтобъ онъ мнѣ ее отдалъ въ полную зависимость, закрѣпостилъ бы ее за мною.

Только туть успокоилась она. И признаюсь откровенно, миѣ и самой стало легче. Я была такъ одинока и безпомощна въ домѣ отца послѣ того, какъ Сережа насъ покинуль, что беззавѣтная преданность крѣпостной дѣвушки казалось миѣ поддержкой и утѣшеніемъ.

- А папенька внаетъ, что Сережа ушелъ? спросила я.
- Теперь имъ ужъ, навърное, доложили. Я повстръчала Камарку, когда бъжала къ вашей милости... Да вотъ они и сами идутъ,—объявила она, поспъшно убъгая въ уборную.

Едва успъла она скрыться, какъ дверь растворилась, и на порогъ показался папенька, такой блъдный и разстроенный, что я поняла, что ему все извъстно.

И дъйствительно, не поздоровавшись со мною, не замъчая, что я цълую его руку, онъ тотчасъ же прерывающимся отъ волненія голосомъ заговорилъ про Сережу.

— Слышала? Убъжалъ изъ дому! Не даромъ опасался я за него послъднее время... Послушай, продолжаль онъ, опускаясь на диванъ, я хотълъ вотъ о чемъ тебя спросить: помнишь, на прошлой недътъ я просилъ тебя съ нимъ переговорить? Сдълала ты это?

Я передала ему подробности моей неудавшейся попытки.—Онъ объявиль,—прибавила я,—что ничего мнв не скажеть, и чтобъ вы сами у него спросили, почему онъ неввжливъ съ...

Произнести имя его новой супруги онъ не далъ и прервалъ меня замъчаніемъ, что напрасно я ему этого раньше не сообщила.

--- Ничего бы тогда не произошто, я сумъть бы его урезонить,

ты во всемъ виновата!—вскричалъ онъ, срываясь съ мъста и принимансь ходить взадъ и впередъ по комнать, какъ всегда, когда онъ былъ чъмъ нибудь сильно разстроенъ.

Я молчала, выжидая, чтобъ онъ самъ вспомнилъ: была ли у меня возможность говорить съ нимъ о чемъ либо серіозномъ послъднія двъ недъли? Видъла я его за это время, безъ братьевъ, одинъ только разъ, когда онъ приходилъ съ Матаваевой объявить мнъ о своемъ намъреніи въ самомъ непродолжительномъ времени съ нею обвънчаться.

Онъ самъ это сообразить и, остановившись передо мною, продолжалъ ужъ не запальчиво, а съгоречью:—И какъ ему не стыдно было насъ такъ огорчить! Въдъ какъ тамъ про нее ни судять, и какая она ни на есть, а все же она женщина, любить меня, до безконечности тронута тъмъ, что я ей далъ мое имя... И въ такой торжественный для нея день такая вдругь обида отъ старшаго изъ моей дътей! Въдь это, мало того, что неприлично, это жестоко съ его стороны!.. Неужели ты этого не находишь? Неужели и ты тоже думаешь, что дъти имъютъ право судить своихъ родителей и наказывать ихъ?—прибавилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ и со слезами на глазахъ.

Я молча взяла его руку и поцеловала ее.

- Последнее время я только о немъ и думалъ, - продолжалъ онъ. -- Даже и свадьбу раньше справиль, чтобъ свободне вхать въ Петербургъ... Неудобно было оставлять весь домъ на попеченіе такой молоденькой девушки, какъ ты. Дарья все же особа опытная, и съ людьми справится, и съ хозяйствомъ... Еслибъ ты видъла, какъ ее разстроило извъстіе о глупой выходкъ Сергъя! Насилу могъ я ее успокоить! Она была такъ увърена, что онъ къ ней привязанъ! Въдь онъ не то, что ты, онъ ее хорошо знаетъ, бываль у нея, она всегда его ласкала, баловала... Нёть, знаешь, чтить больше объ этомъ думаешь, ттить больше удивляещься неблагодарности сквернаго мальчишки!.. Да, мальчишка! Трудно повърить, что ему скоро девятнадцать лётъ... Въ его лёта ужъ служать, имъють подъ начальствомъ людей, женятся, а этотъ!.. Удрать изъ родительскаго дома, безъ бумагъ, безъ денегъ... Не взялъ даже съ собою драгоценныхъ вещей, золотые часы, брильянтовыя пуговицы, кошелекь сь червонцами, который я подарилъ ему на Рождество, все, все это осталось въ его бюро. И что онъ хочеть этимъ доказать? Что ему легче обязываться чужимъ, чёмъ родному отцу? Такъ вёдь это же мерзость! Непростительное преступленіе передо мной! Я ему этого никогда не прощу! Никогда!--- повторяль онъ, постепенно возбуждая себя собственными словами все больше и больше.—Если онъ воображаетъ, что я буду о немъ безпокоиться, то онъ очень ошибается. И не подумаю! Я

«истор. въсти.», мартъ, 1900 г., т. lxxix,

бы хотёль, чтобъ онъ дольше не нашелся, пусть попробуеть бродячей жизни, пусть! лучше будеть цёнить то, что потеряль...

И вдругъ мёняя тонъ:--И куда это только онъ отправился? Какъ ты думаешь? Надо надъяться, что не далеко, морозъ градусовъ въ двадцать, а онъ настолько быль глупъ, что даже шубы не надълъ... Боялся върно, чтобъ не услышали въ прихожей... Его шуба висить въ проходной, возлё буфетной, а тамъ Филиппъ по близости спить. Хоть бы мой охотничій тулупчикъ надёль, въ немъ и въ тридцать градусовъ не замерзнешь... Нёть, знаешь, твой брать совсёмь идіоть: чёмь больше я думаю про дурацкую штуку, которую онъ выкинуль, темъ больше убеждаюсь въ этомъ... И я тоже бъгалъ въ его лъта изъ родительскаго дома, но не одинъ, а съ хорошенькими женщинами, — прибавиль онъ съ улыбкой, забывая о причинъ, заставившей его прійти ко мив въ такой торжественный для него день. Вив себя оть тревоги и волненія, забыла и я про то, что случилось наканунь, но онъ про это вспомниль и, прежде чемъ уйти, объявиль мев, чтобы я одвиась понарядиве къ объду.

- Дарья намеревается поставить нашть домъ на семейную ногу, и, признаться сказать, я этому очень радь. Съ сегодняшняго дня мы будемъ обедать и ужинать всё вмёсте, и такимъ образомъ я каждый день буду съ вами видёться. Пожалуйста, душенька,—прибавиль онъ съ смущенной улыбкой, которая всегда у него являлась, когда онъ упоминаль ея имя,—постарайся съ нею сойтись. Она вовсе не такая дурная, какъ всё про нее думають, и очень къ вамъ расположена. Къ тому же, вёдь ужъ дёло сдёлано, его не передёлаешь, и, право же, несравненно будеть лучше, если мы всё будемъ жить въ добромъ согласіи, чёмъ съ утра до вечера коситься другъ на друга. Ты меня очень успокоищь, если уговорищь Рому быть умнымъ мальчикомъ и добрымъ сыномъ. Я на тебя разсчитываю не только, какъ на дочь, но и какъ на друга... Постараешься исполнить мою просьбу? Да?
 - Постараюсь, отвъчала я вполнъ искренно.

Лицо его просіяло, и онъ меня крѣпко обнялъ.

— Спасибо, дружочекъ. А на счетъ Сережи очень не безпонойся, онъ скоро найдется. Дарья убъждена, что онъ ужъ и теперь, безъ сомивнія, раскаивается въ своемъ глупомъ поступкв и будеть очень радъ вернуться домой. Ну, до свиданія, душенька. Можешь до объда туда не приходить,—кивнулъ онъ на дверь въ коридоръ. — Къ объду тебя позовутъ. У насъ сегодня гости... одвнься поавантажитье.

Последнія слова онъ произнесь уже за дверью, поспешно удаляясь и оставляя меня спокойне, чемь тогда, когда онъ пришель. Уверенность его въ томъ, что выходка Сережи не что иное, какъ детская шалость, которая останется безъ последствій, не могла мив не сообщиться. Впрочемъ, долго размышлять о случившемся мив не дали; явилась Степанида съ платьемъ, которое надо было привести въ порядокъ къ объду, и, волей-неволей пришлось простоять добрый часъ передъ зеркаломъ, пока она закладывала складки на лифъ и равняла воланы на юбкъ.

Ползая вокругь меня на коленяхь по полу, съ булавками во рту, и она по временамъ бросала отдельныя фразы, по которымъ я могла судить о всеобщемъ настроеніи къ домъ.

— Ужъ за хозяйство принялась... Сама по кладовымъ кодила, сервизы выбирала... велёла голубой вынуть, а цвётные спрятать... Өедосья ейная всёмъ таперича распоряжается, нашимъ не довёряеть... Өедөръ Карпычь говорить: «въ дворники меня, върно, скоро изъ буфетчиковъ опредълять»... Кушанье, которое нашъ князь изволиль заказывать, по-своему изменила... Цёльный чась съ поваромъ толковала... Такая теперь идетъ въ кухив склокастрасть!... За садовникомъ посылала, спрашивала про цвёты: много йн цвътущихъ? Онъ говоритъ: «только желтофіоль да розы мъсячныя начали распускаться»... Болваномъ выругала и приказала изъ ейнаго дома принести деревовъ въ цвёту, по записку... И записку эту съ нашимъ не велъда посылать, а позвала своего Христофора, чтобъ черезъ него получить изъ дома ейнаго все, чего у насъ не нашла... Глумилась надъ нашимъ княземъ, хвасталась, что у нея все невпримъръ лучше и ховяйственные устроено, чыль у насъ... Безчувственная, хоть бы ахнула, когда ей доложили, что князь Сергви Борисовичь изволиль изъ родительского дома уйти... Сейчасъ мачихой себя проявила... «Найдется», говорить. И приказала сдобных в булокъ къ чаю подать... А князь той же минутой вскочиль и въ кабинеть ушель, чтобъ приказать къ полициейстеру съ письмомъ отъ него вхать... Всвхъ допрашивалъ: не слышалъ ли кто, какъ сынокъ его ночью съ постели поднялся и вышель изъ дому?.. Благодарилъ мусью, что догадался, на первыхъ же порахъ, въ кварталъ дать знать... А ей и горюшки мало, что супругь въ тревогъ. Ужъ истинно сказать-проходимка!

Я не въ силахъ была ее прерывать, и она этимъ пользовалась, чтобъ сообщать мит то, про что я не должна была бы знать. Но отъ кого мит было услышать про брата? Словами папеньки я вполит успокоиться не могла, онъ давно былъ подъ вліяніемъ чужой и на все смотрёлъ ея глазами.

Между прочимъ узнала я отъ Степаниды, что Рома въ отчаяния, никого не хочеть слушать, лежить въ постели и плачеть.

Когда я это услышала, силъ моихъ не хватило больше стоять передъ зеркаломъ и ждать, чтобъ на мнв наладили корсажъ, покрытый розовымъ ваперомъ, и, все съ себя сбросивъ, я накинула на себя пудермантль и побъжала на антресоли.

Digitized by Google

Меньшаго брата я нашла въ жалкомъ положеніи. Онъ истерично рыдаль на кровати. Остывшій давно завтракъ стояль нетронутымъ на подност, возліт его кровати, а у притолки, въ отдаленіи, стояль казачокъ, которому приказано было туть ждать, чтобъ баринъ его успокоился. Дверь въ состанною комнату была полурастворена, и тамъ, у окна, въ глубокомъ кресліт, аббатъ преспокойно читалъ книгу.

При моемъ появленіи б'єдный мальчикъ зарыдаль еще сильн'є и долго ничего не отв'єчаль на мои ласки и ув'єщанія, кром'є сбивчивыхъ восклицаній, изъ которыхъ я поняла, что онъ сокрушается главнымъ образомъ о томъ, что брать ушель, не взявъ его съ собой, и что онъ нам'єренъ посл'єдовать его прим'єру.

— Я кочу къ Сережъ... Я не могу безъ него жить, — повторяль онъ прерывающимся отъ рыданій голосомъ.

Мить наконецъ удалось его убъдить, что Сережа самъ скоро къ намъ вернется, и что всего будеть лучше, если онъ скоръе успокоится, одънется и придеть ко мить.

- Но меня къ тебъ не пустятъ, —сказаль онъ, косясь на дверь въ сосъднюю комнату. —Ты не знаешь, какой онъ сдълался злой! Про то, что Сережа совсъмъ отъ насъ ушелъ, прибъжалъ мнъ сказать Петька, и за это m-r l'abbé его избилъ и стадъ грозить запереть меня въ темный подвалъ, если я безъ его позволенія выйду изъ комнаты и буду разговаривать съ мальчишками... Онъ браниль Сережу, называлъ его... Я даже повторить не могу, какъ онъ его называлъ... Еслибъ у меня быль кинжалъ, я бы его убилъ...
- Успокойся, одінься, я ему скажу, что беру тебя къ себі, и что мы вмісті пойдемъ об'ідать въ большую столовую, какъ папенька приказаль...

Онъ меня прервалъ и, кидаясь ко мнѣ на шею,—прошепталъ мнѣ на ухо:

- --- Лиза, милая, уйдемъ къ Сережъ вмъстъ...
- Я не могу уйти, маменька умирая приказала мит беречь и любить папеньку, какъ она сама его берегла и любила. Сережа поступилъ очень дурно и огорчилъ ее. Это страшный гртахъ!
- Ты можешь это говорить, потому что ты тоже его любишь, но чужимъ я не позволю его бранить, —возразилъ онъ, и ужъ настолько спокойно, что я оставила его одъваться и прошла въ сосъднюю комнату, гдъ должна была выслушать жалобы аббата на непріятное положеніе, въ которое поставилъ его Сережа.
- Его сіятельство им'веть полное право упрекнуть меня въ невниманіи и въ недостатк' надзора, но, право же, я ни въ чемъ не виновать. Съ самаго начала моего поступленія въ вашъ домъ князь Сергій показывалъ мнт недов'яріе и давалъ мнт понять, что не желаеть вид'ять во мнт друга, а только учителя. Онъ во всемъ дъйствовалъ посвоему. Князь не можеть упрекнуть меня, что я

ему не жаловался на сына. Я ему передаваль, что онъ выходить изъ дома, когда ему вздумается, и не говорить, гдё онъ бываетъ. Сообщилъ я ему также о переписке, которую онъ велъ съ де-Сабри, и какъ всё мои усилія узнать, въ чемъ состоить эта переписка, остались тщетны. Де-Сабри, можеть быть, и порядочный человекъ, но онъ молодъ...

— Мосье де-Сабри прожилъ у насъ четыре года, и папенька его хорошо знаетъ,—прервала я его довольно высокомърно.

Онъ лукаво усмъхнулся. — Я не имъю права дълиться моими предположеніями съ къмъ бы то ни было, пока догадки мои не подтвердятся доказательствами,—произнесъ онъ съ притворною скромностью.

Я вспыхнула отъ негодованія, однако благоразумно сдержала ръзкое замъчаніе, готовое сорваться съ моихъ губъ, и, вернувшись къ начатому разговору о меньшомъ моемъ брать, попросила его всегда давать мнъ знать, когда, какъ сегодня, онъ не будеть въ состояніи его урезонить или утъшить.

- Сердце у него очень чувствительное, и сложенія онъ слабаго, запугивать его угрозами не слёдуеть.
- Онъ очень упрямъ, и братъ имътъ на него дурное вліяніе, возразилъ аббатъ.—Но я съ удовольствіемъ воспользуюсь вашимъ предложеніемъ,—поспъшилъ онъ прибавить, замътивъ по выраженію моего лица, какъ непріятно подъйствовало на меня его замъчаніе про Сережу.

Чтобъ подобиыя сцены не повторялись, мнѣ хотѣлось сказать ему, что онъ напрасно позволяетъ себѣ выражаться про нашего старшаго брата, какъ про пропавшаго человѣка, что Сережа, безъ сомнѣнія, въ самомъ непродолжительномъ времени опять будетъ съ нами, но я не въ силахъ была произнести этихъ словъ. Потому, можетъ быть, что въ глубинѣ души у меня начинало шевелиться убѣжденіе въ противномъ. Разумѣется, я не позволяла себѣ на немъ останавливаться, но оно во мнѣ жило и при каждомъ удобномъ случаѣ тоскливымъ предчувствіемъ сжимало сердце.

Я увела Рому къ себъ и, чтобъ убить время до объда, съла за работу, а онъ примостился на скамеечкъ у моихъ ногъ и, разматывая мотокъ шерсти, который я ему дала, сталъ мнъ разсказывать все, что онъ зналъ про Сережу. Увы, ему было больше про него извъстно, чъмъ мнъ! Онъ видълъ, какъ братъ выбъгалъ почти каждый день въ садъ, чтобъ видъться съ какими-то таинственными друзьями, перелъзавшими черезъ высокую каменную ограду, въ самомъ отдаленномъ концъ сада, чтобъ съ нимъ о чемъ-то совъщаться. Онъ даже однажды прослъдилъ за нимъ, пробрался по узенькой тропинкъ между сугробами къ тому мъсту, гдъ происходило свиданіе, и видълъ человъка, спускавшагося со стъны между вътвями акаціи. О чемъ братъ съ нимъ толковалъ, Рома не могъ

понять, они говорили тихо, но онъ такъ корошо разсмотръль его лицо, что тотчасъ же узналъ бы его, еслибъ ему довелось съ нимъ встрътиться. Черный, кудрявый, съ сверкающими глазами, онъ показался ему очень страшнымъ. Одътъ простолюдиномъ, въ короткомъ тулупъ, подпоясанномъ краснымъ кушакомъ, и въ высокой, гречишникомъ, шляпъ, съ павлиньимъ перомъ.

- Когда это было?—спросила я, крайне заинтересованная этимъ разсказомъ.
- На прошлой недълъ... Но онъ не въ первый разъ видълся съ этимъ человъкомъ у насъ въ саду. Много разъ говорилъ онъ мнъ, что у него есть закадычные друзья, которые и въ огонь и въ воду за него пойдутъ...
- Кто же эти друзья? Неужели цыганы? спросила я съ ужасомъ.
- Ну, да, цыганы. Онъ мнё много разъ говориль, что ему хочется съ ними жить. У нихъ хорошо, они всё свободны, всё равны, нёть ни господъ, ни слугъ. Они живутъ среди полей и лёсовъ. Когда надобсть на одномъ мёстё, перебираются на другое и никого не боятся. Я просилъ Сережу не уходить безъ меня, и онъ мнё обёщался, но потомъ вёрно побоялся, что я имъ буду мёшать и не вынесу ни усталости, ни голода, но я все бы вынесъ, чтобъ только быть съ нимъ... Ну, что мы здёсь? Все равно, что чужіе... Маменька умерла, папеньку мы и раньше рёдко видёли, а ужъ теперь... Лиза, милая, уйдемъ къ Сережё!

Чтобъ его успокоить, я объщала подумать о его предложени, если Сережа не вернется, и если намъ будеть жить хуже прежняго.

Но увъщанія мои плохо дъйствовали. Мальчикь быль весь въ слезахъ, когда пришли сказать, что кушанье на столъ. Наскоро примочивъ ему глаза холодной водой, чтобъ они не были такъ красны, я взяла его за руку и явилась въ столовую, гдъ ужъ собралось большое общество, и мы въ недоумъніи остановились на порогъ. Хорошо, что папенька вывель васъ изъ затрудненія, поспъшивъ къ намъ на встръчу. Онъ провель насъ черезъ толпу гостей прямо къ столу и посадилъ рядомъ съ собой. Въ противоположномъ концъ, между двумя почетными гостями, сидъла Дарья Алексъевна, красивая, веселая и развязная, точно всю свою жизнь занимала мъсто хозяйки въ нашемъ домъ.

Намъ она издали улыбнулась, а затёмъ, къ величайшему нашему удовольствію, перестала обращать на насъ вниманіе. Около нея громко смѣялись и оживленно разговаривали, но папенька былъ задумчивъ и вполголоса бесѣдовалъ съ своимъ другомъ Варжаевымъ про Сережу, про мѣры, которыя онъ принялъ, чтобъ его найти. Повидимому, мысль о цыганахъ еще не приходила въ голову ни ему, ни тѣмъ, съ кѣмъ онъ совѣтовался по этому поводу; ни онъ, ни собесѣдникъ его о нихъ не упоминали, но зато и тотъ и другой безпрестанно возвращались къ графу, который, насколько можно было заключить изъ ихъ словъ, во всемъ винилъ Матаваеву. Папенька же съ жаромъ умолялъ Варжаева объяснить дядѣ, что его жена тутъ не при чемъ, и ужъ по одному тому, какъ онъ волновался при одной мысли, что могутъ ее подозрѣвать въ дурномъ вліяніи на его сына, можно было догадаться, что онъ ровно ничего не подозрѣваеть насчетъ того, что всему дому было извѣстно про увлеченіе ея Сережей.

Какъ была права Степанида, умоляя меня держать отъ него въ тайнъ ужасное открытіе! Отецъ нашъ такъ и умеръ, не узнавъ, что онъ имътъ въ родномъ сынъ соперника въ любви къ этой отвратительной женщинъ. Какъ впослъдствіи, такъ и въ этотъ день, онъ приписывалъ бъгство сына тому обстоятельству, что, любя безгранично мать, онъ былъ оскорбленъ, что чужая заняла ея мъсто въ домъ.

Рома безпрестанно поглядываль на дверь, точно ожидая появленія брата, и по временамъ у него навертывались на глаза слезы, которыя онъ съ усиліемъ глоталъ. И оба мы съ большимъ нетеривніемъ ожидали конца об'єда, чтобъ уб'єжать къ себ'є и тамъ плакать на свобод'є.

Во время этого объда нашъ аббатъ предсталъ передъ нами въ новомъ свътъ. Онъ говорилъ много, съ апломбомъ и, должно бытъ, очень занимательно и умно, потому что миогіе изъ присутствующихъ прекращали между собою бесъду, чтобъ его слушать и возражать ему.

Ръчь перешла на политику, и одушевленіе сдълалось всеобщимъ. Я тоже забыла про Сережу, чтобъ прислушиваться къ разгоравшейся враждъ между нашимъ царемъ и узурпаторомъ, про наглость Бонапарта, и восхищалась благородными отвътами нашего государя на заносчивые вызовы великаго нахала. Особенно обрадовало меня замъчаніе одного изъ гостей, что если даже мы и избътнемъ войны съ Франціей, то во всякомъ случать прежней дружбъ и довърію между государемъ и Наполеономъ не бывать.

— Второй разъ ему не удастся насъ обморочить...

«Значить, Шарль можеть спокойно служить подъ нашимъ знаменемъ, воевать за злодъя ему не придется», подумала я.

Объдъ кончился, но насъ къ себъ не отпустили, всъ прошли въ концертную, папенька приказалъ мнъ пъть, а послъ меня пъла Матаваева и, какъ всегда, такъ прекрасно, что мы съ Ромой про все забыли, ее слушая. Когда же она запъла дуэтъ съ папенькой, восторгъ сдълался всеобщимъ.

— Да, про нихъ можно сказать, что они «спълись», — проговориль съ волненіемъ извъстный меломанъ, стоявшій неподалеку оть глубокаго вольтеровскаго кресла, на которомъ я пріютилась съ Ромой.

- Жаль, что графъ Захаръ Григорьевичъ не можетъ ихъ слышать, онъ снисходительнъе бы отнесся къ Борису.
- Графъ къ дурнымъ отцамъ неумолимъ, возразиль его собесъдникъ.
- И, какъ всегда, онъ правъ. Положение дъвочки крайне фальшиво...

Не желая дольше подслушивать разговоръ, касавшійся насътакъ близко, я воспользовалась тёмъ, что никто не обращалъ на насъвниманія, чтобъ взять брата за руку и выйти изъ комнаты. Но чудные звуки продолжали звучать въ ушахъ, а передъ глазами стояла смуглая красавица, съ высоко поднимавшейся грудью отърадостнаго волненія, отвёчая веселой, торжествующей улыбкой на страстный, восторженный взглядъ нашего отца.

Вся наша прислуга тёснилась у дверей въ концертной, а также наполняла не только коридоръ, но и состеднюю комнату, скупо освёщенную кенкетомъ, и мы прошли, не встрётивъ ни души, кълестницё наверхъ, куда я хотъла подняться, чтобъ проводить брата, котораго мнё хотълось самой уложить въ постель, но, поднимаясь по лъстницъ, я услышала подъ нею говоръ, къ которому невольно стала прислушиваться.

- Поликашка изъ Радостнаго вернулся, нътъ его тамъ,—шепталъ голосъ, котораго я не увнала.
- Ищи вътра въ полъ!—подхватилъ другой.—Напрасно только посылали туда, не въ прятки онъ съ нами играетъ, а совсъмъ, значитъ, изъ нашего вертепа ушелъ...
 - Поди, чай, далеко онъ теперы! Кононъ сказывалъ...
 - Тише ты! Княжна съ братцемъ!...

Голоса смолкли. Стихнулъ и шорохъ поспъшно удалявшихся шаговъ, но воспоминаніе о Сережъ, заглохнувшее было въ моемъ сердцъ подъ наплывомъ новыхъ впечатлъній, пробудилось во мнъ съ новой силой, и я съ досадой себя спрашивала: «какъ могла я увлекаться пъніемъ, когда братъ нашъ все дальше и дальше удаляется отъ насъ въ толпъ голодныхъ оборванцевъ, безъ пристанища, въ въчномъ страхъ передъ полиціей, какъ травленые звъри»...

н. Мердеръ.

(Продолжение въ слъдующей книжкъ).

BOCHOMUHAHIA C. M. BAFOCKUHA D.

VI.

Мон вывады.—Оболенскіе.—И. С. Пашковъ.—Киселевы.—Болвань отца.—Открытіе московской желваной дороги.— Новая оружейная палата. — Царская фамилія въ Москвъ. — Графъ Клейнмихель. — Живыя картины у Закревскаго. — Балъ Орлова-Денисова. — Князь Паскевичъ. — Графиня Воронцова-Дашкова. — Дядя А. Н. Загоскинъ.—Болъзнь матери.—Гоголь.—Семейство Левшиныхъ.—Перван любовь.—А. Т. Аксаковъ.—Графъ А. И. Гудовичъ.—Бабушка М.....ва.

БРАЩАЮСЬ снова къ себъ.

Повеселившись вдоволь вътечение зимы 1851 года и познакомившись со многими лицами, о которыхъ я до того времени имътъ лишь смутное понятіе, я и самъ значительно преобразился... Куда дъвались моя робость и застънчивость? Я сдълался довольно болтливымъ мальчуганомъ, ухаживалъ за молодыми дамами и дъвицами, но, конечно, ни тъмъ, ни другимъ не нравился, а приходился только по сердцу дряхлымъ старуш-

камъ, потому что былъ съ ними крайне въжливъ, подходилъ къ ихъ старческимъ ручкамъ и набивалъ ихъ ридикюли всякими сластями и фруктами съ бальныхъ буфетовъ.

Батюшка, какъ я уже выше сказалъ, не сочувствовалъ моимъ раннимъ выбздамъ въ свътъ; однако они, какъ я могъ замътить, доставляли ему нъкоторое удовольствіе. Въроятно, не добив-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вістнивъ»., т. LXXIX, стр. 489.

шись отъ моихъ братьевъ, чтобы они, въ юности, посвидали лучшее общество и не дружились съ кутящею молодежью, принадлежавшею къ семействамъ, никому неизвъстнымъ, отецъ былъ доволенъ, что хотя одинъ изъ его сыновей, по собственному влеченію, любилъ вращаться въ той же средъ, гдъ и самъ онъ находился, и которая, по его мнънію, могла охранить меня отъ общества молодыхъ, разгульныхъ людей.

Невзирая на мою разсъянную жизнь, я продолжаль усердно заниматься службою, ежедневно посъщаль архивъ и добросовъстно переписывалъ скучнъйшія отношенія одного столоначальника къдругому и прочія подобныя имъ бумаги. Въ награду за мое прилежаніе я заслужилъ благоволеніе моего начальника, князя Оболенскаго, который, проходя мимо моего стола, удостоиваль меня иногда нъсколькими любезными словами и даже не разъ благодариль за усердную службу.

Въ концъ зимы мой начальникъ, желая повеселить свою взрослую дочь, даль балъ, на который пригласиль всъхъ, безъ исключенія, своихъ чиновниковъ отъ стараго до малаго. Это приглашеніе дёлало большую честь князю, служа доказательствомъ, что онъ не желалъ дълать никакихъ различій между своими подчиненными, а еще менте кого либо оскорблять, посылая приглашенія по выбору. Но, встрітивъ на балі нікоторыхъ моихъ товарищей, никогда въ жизни не посъщавшихъ свътскіе вечера, я не могь не улыбнуться при видь моихъ сослуживцевъ, одытыхъ въ вициундирный фракъ, застегнутый на всё пуговицы, и, неподвижно, какъ статуи, стоявшихъ въ почтительныхъ позахъ, у дверей танцовальнаго зала. Баль князя Оболенскаго отличался большою веселостью и роскошнымъ ужиномъ, но общество дъвицъ и молодыхъ людей, за исключениемъ архивныхъ юношей, было для меня незнакомое и иное, чёмъ то, которое я привыкъ встречать на прочихъ балахъ. Хозяйка дома, принадлежавшая, по рожденію, къ именитому и богатому московскому купеческому роду Мазуриныхъ, была женщина образованная, любезная и привътливая, но совершенно купеческой складки, что несколько замечалось и у ея милой дочери. Быть можеть, происхождение княгини служило нъкоторою помъхою къ сближенію ея съ такъ называемымъ высшимъ обществомъ, которое тогда, какъ въ Петербургв, такъ и въ Москвъ, неохотно принимало въ свою среду липъ, особенно женскаго пола, не принадлежавшихъ по своему рожденью къ его кругу. Въ то время, подобныя лица, даже располагавшія громаднымъ состояніемъ, не находили доступа въ старинные, аристократическіе дома, невзирая на то, что сами жили открыто и даже роскошнее последнихъ. Я отлично помню, какъ въ начале 50-хъ годовъ имена Ш...., Ф.... и прочихъ богатыхъ банкировъ и финансовыхъ тузовъ не имъли на высшее общество того магическаго

дъйствія, какъ въ настоящее время, и лица денежнаго міра не только не играли ни малъйшей роли въ большомъ свътъ, но и не участвовали въ его увеселеніяхъ. Теперь не то...

Наступившій великій пость прекратиль мои выбады, и вечера я сталъ проводить дома съ моими лучшими друзьями Полуденскимъ и Благово. Навъщали меня также Чертковъ и два новыхъ пріятеля, братья Киселевы, сыновья друга моего отца, Сергвя Дмитріевича Киселева 1). Меньшой изъ нихъ Николай былъ очень красивъ собою и плвниль уже въ юности не одно женское сердце, но умомъ значительно уступаль старшему брату Павлу²). Последній милый малый, добрый, хорошій товарищь и въ полномъ смыслі слова благородивинній человекь, быль не прочь иногда излишне повеселиться, но батюшка, зная его прекрасныя, душевныя качества, нисколько не противился моему съ нимъ сближенію, которое впоследствии перешло въ настоящую дружбу, не разъ мив имъ доказанную въ теченіе всей моей жизни. Мать Киселевыхъ, Елизавета Николаевна, рожденная Ушакова (не принадлежавшая къ московскому многочисленному семейству Маріи Антоновны Ушаковой), была почтеннъйщая и добръйшая женщина и въ молодости замвчательная красавица, которой Пушкинъ посвятиль ивсколько стихотвореній. Въ началі поста отець въ первый разъ, съ тіхъ поръ. какъ я сталь помнить его, серіозно забольль: у него сльтался карбункуль на нижней части левой ноги. Всегда здоровый, връпко сложенный, геркулесовской силы, онъ быль настоящимъ атлетомъ, и потому мив какъ-то странно было видеть его лежащимъ въ своемъ кабинетв на диванв и сильно страдающимъ. Бользнь его потребовала нъскольких операцій, искусно совершенныхъ нашимъ домашнимъ врачемъ, извёстнымъ въ Москве докторомъ Степаномъ Ивановичемъ Клименковымъ. Вскоръ батюшка совершенно поправился, но съ того времени, давно гитадившаяся въ немъ, наслъдственная подагра начала сильно безпокоить его. появляясь въ ногахъ, рукахъ и груди. Наступившее лето доставило ему нъкоторое облегчение, хотя онъ не могь уже предаваться своему любимому развлеченію, верховой вздв, и только по вечерамъ катался въ коляскъ по окрестностямъ Москвы. Утро же, ежедневно, посвящаль устройству новой Оружейной палаты, открытіе которой должно было последовать въ конце лета, по прибытін государя въ Москву, по случаю окончанія постройки С.-Петербурго-Московской жельзной дороги.

Родного брата тогдашнаго министра государственныхъ имуществъ, графа Павда Лмитріевича Киселева.

²⁾ Николай давно скончался, а Павель, нын'в церемоніймейстерь высочайщаго двора, женатый на милой и красивой вдов'в Дудиной, рожденной Кованько, унасл'ядоваль посл'я смерти своего дяди его графскій титуль.

Къ августу отецъ значительно поправился, и когда прибыда царская чета съ великими князьями, то онъ могъ уже лично быть ихъ руководителемъ по заламъ новаго зданія. При первомъ посёщеніи ихъ величествами Оружейной палаты государь, увидавъ отца, сказалъ ему: «мнъ говорили, что ты очень боленъ? Вижу тебя здоровымъ и прошу впередъ не шалить!»—Съ тъмъ же вопросомъ обратилась къ нему государыня, которую принесли въ Оружейную палату въ креслахъ. Отецъ отвътилъ, что дъйствительно былъ боленъ, но теперь чувствуетъ себя гораздо лучше, а такъ какъ разговоръ съ императрицею онъ началъ, противъ своего обыкновенія, на французскомъ языкъ, то ея величество съ удивленіемъ сказала: «въ первый разъ Загоскинъ говоритъ со мною пофранцузски! не узнаю его!» — Вообще, въ этотъ пріъздъ, вся царская фамилія была особенно милостива къ отцу, и 'за устройство Оружейной палаты государь пожаловаль ему анненскую ленту.

Въ августв последовало открытіе железной дороги. Когда прибыль первый повздь, то народь массами стояль около полотна дороги близъ Москвы, и многіе, при видв мчавшагося повяда, крестились, отплевывались и кричали, что это не что иное, какъ дъявольское наважденье, и что самъ чорть приводить въ дъйствіе машину. Прівхавшій въ Москву, главноуправляющій путями сообщенія, графъ Клейнимель, видимо торжествоваль, приписывая исключительно себ'в честь и славу постройки этой первой, большой, жел'взной дороги въ Россіи, которая, по вол'в государя, проведена изъ Петербурга въ Москву по прямой линіи, безъ уклоновъ. Разсказывали, что когда государю были представлены проекты и планы дороги, то онъ карандашемъ провелъ прямую черту между двумя столицами и приказаль такъ строить. Безъ сомивнія, успівшное и прекрасное устройство дороги было много обязано усердію, энергіи и строгости графа, однако, какъ мнъ разсказывалъ Павелъ Петровичъ Мельниковъ 1), бывшій, въ то время, д'ятельнымъ его помощникомъ по устройству железнаго пути, Клейнмихель считаль единственно себя заслуживающимъ награды. Обстоятельство это было сообщено Мельникову графомъ Бобринскимъ 2), который разсказаль ему, что, прівхавь въ то время въ Москву, онъ какъ-то

¹⁾ Поздиве, въ царствованіе императора Александра ІІ-го, министръ путей сообщенія Павелъ Петровичь, человівть честнійшій, благороднійшій и рідкихъ душевныхъ качествъ, оставивъ добровольно министерскій свой постъ, неоднократно говориль мнів о своемъ полномъ убъжденіи въ томъ, что хуже его не могло быть министра путей сообщенія, такъ какъ, будучи спеціалистомъ по этой части, онъ невольно излишне вникалъ во всі мелочи, забывая обращать особое вниманіе на общіе, важнійшіе интересы своего министерства. Онъ быль убъжденный спирить и ділаль много добра въ пользу неимущихъ.

²) Графъ Алексъй Алексъевичъ, сынъ родоначальника этой фамиліи, извъстный благороднъйшій и достойнъйшій человъкъ, пользовавшійся особымъ расположеніемъ императора Николая Павловича и всего царскаго семейства.

утромъ находился въ кабинетъ государя, вдвоемъ съ его величествомъ, и, услыхавъ о появленіи Клейнмихеля съ докладомъ, хотъть удалиться, но получиль приказаніе остаться, отошель въ амбразуру окна, гдъ незамътно для послъдняго сталь любоваться видомъ на Замоскворъчье, и туть услыхаль, какъ на вопросъ Николая Павловича о томъ, кого слъдуетъ представить къ наградамъ за постройку дороги, графъ отвътиль, что представленіе это ставить его въ большое затрудненіе, такъ какъ успъшное устройство дороги обязано единственно личнымъ его, Клейнмихеля, трудамъ. На возраженіе государя, что, однако, у него было немало помощниковъ и чиновниковъ, усердно трудившихся вмъстъ съ нимъ, графъ повторилъ, что весь трудъ лежалъ собственно на немъ. Тогда его величество отвътилъ ему приказаніемъ представить къ наградамъ всъхъ лицъ, занимавшихся постройкою дороги.

При этомъ случав не могу не вспомнить разсказа, относящагося до графа Клейнмихеля и къ тому же времени, слышаннаго
мною отъ моего родного дяди, Илліодора Никодаевича Загоскина,
полковника корпуса путей сообщенія, подъ надзоромъ котораго
строился ближайшій къ Москвв участокъ желвзной дороги. Дядя,
жившій въ Твери, прибывъ на открытіе дороги, въ то же утро отправился представиться Клейнмихелю. Войдя въ пріемную, онъ увидалъ, черезъ растворенную дверь, въ смежной комнатв следующую
картину: у письменнаго стола, на полу, начетверенькахъ, стоялъ
одинъ крупный чиновникъ ведомства путей сообщенія, подбирая
разбросанныя бумаги, а надъ нимъ разсвирёпёвшій Клейнмихель,
бьющій его по спинё кипою бумагъ!.. Тихій, кроткій и добрейшій
дядя, вернувшись съ представленія, разсказаль намъ съ ужасомъ
о такой продёлке своего начальника и о выносливости его подчиненнаго...

По случаю прівзда въ Москву царской фамиліи, графъ Запревскій даль блистательный праздникь съ живыми картинами, на которомъ присутствовали ихъ величества и всё прибывшіє члены августвишаго семейства. Огромный заль генераль-губернаторскаго дома быль обращень въ живую картинную галлерею; на всёхъ стёнахъ были устроены большія и малыя рамы, въ которыхъ, при поднятіи занавъса, являлись картины, изображавшія различные эпизоды изъ русской исторіи. Всё московскія красавицы принимали въ нихъ участіе, и я очень сожалью, что у меня не сохранилась афиша съ именами участвовавшихъ лицъ и названіемъ картинъ, а теперь, черезъ столько лъть, на память, не могу привести ихъ; помню, что особенно хороша была средняя, большая картина, представлявшая «Россію», въ которой главнымъ лицомъ была графиня Наталья Алексвевна Орлова-Денисова. Въ одной изъ маленькихъ картинъ, называвшейся: «Олегь, прибивающій щить ко вратамъ Царьграда», принималъ участіе и я, одетый въ доспехи русскаго воина того времени. По окончаніи живыхъ картинъ, участвовавшіе въ нихъ были приглашены, по приказанію императрицы, въ большую гостиную, гдё ея величество сидёла въ креслахъ, имёя за собою красиваго конногвардейскаго офицера Альбединскаго 1), державшаго на рукё ея шаль. Императрица удостоила многихъ мнлостивымъ разговоромъ и изъявила всёмъ свою благодарность.

Послё этого праздника быль дань графомъ Орловымъ-Денисовымъ не менёе блестящій баль со многими костюмированными лицами, изъ которыхъ, между прочимъ, была устроена французская кадриль, представлявшая четыре времени года. Въ этой кадрили я тоже участвовалъ, изображая «осень»; моею дамою была хорошенькая, молоденькая Наталья Кирилловна Аверкіева, рожденная Нарышкина. На насъ обоихъ былъ костюмъ бретонскихъ крестьянъ, покрытый свёжимъ виноградомъ, который у меня въ концё вечера оказался значительно общипаннымъ моими знакомыми. Странно было видёть Аверкіеву и меня изображавшими «осень», между тёмъ какъ юными, свёжими лицами мы напоминали раннюю весну.

На этомъ балв присутствоваль государь наследникъ и несколько членовъ царской фамиліи, а также и генералъ-фельдмаршаль графъ Паскевичъ-Эриванскій, князь Варшавскій. Въ первый разъ въ жизни я увидалъ фекадиаривала и помню, что появленіе его на балв было весьма схоже съ появленіемъ какого лица царской крови: когда онъ вошелъ въ залъ, всё присутствованние разступились и дали дорогу; мужчины вытягивались въ струнку и низко кланялись, а дамы, хотя и не присъдали, но смотръли на него съ великимъ почтеніемъ. Князь Паскевичъ не представляль изъ себя ничего особеннаго; небольшого роста, довольно плотный, съ кудреватыми волосами, весьма обыкновеннымъ лицомъ, онъ совсёмъ не выглядёль тёмъ легендарнымъ героемъ, какимъ знала его вся Россія, и, конечно, если бы грудь его не была унивана крестами, звъздами и брильянтами, то никому не пришло бы въ голову, что этогь невзрачный старикь не кто иной, какъ знаменитый полководець, извёстный въ народё подъ названіемъ «ероя Паскевича-ериванскаго».

Туть же, на балу, находилась графиня Александра Кирилловна Воронцова-Дашкова, рожденная Нарышкина, блиставшая въ то время яркою звёздою въ петербургскомъ высшемъ свёть. Она была женщина молодая, миловидная, но далеко не красавица. Небольшая фигура ен отличалась какимъ-то особымъ изяществомъ, а умъ и доброта ен были всёмъ извёстны. Салонъ ен въ Петербургъ считался едва ли не первымъ аристократическимъ салономъ, куда попасть каждый считалъ за особую честь, но честь эта не легко доставалась. Мужъ ен, оберъ-церемоніймейстеръ, графъ Иванъ Ила-

¹⁾ Впосивдствін генераль-адыютанть, варшавскій генераль-губернагорь.

ріоновичь, человѣкъ уже старый, выглядѣлъ настоящимъ бариномъ-вельможею. Балы и вечера Воронцовыхъ въ Петербургѣ отличались изяществомъ и роскошью. Въ Москву же они пріѣзжали на лѣто, которое проводили тихо и скромно въ своей подмосковной с. Быковѣ, гдѣ и навѣщали ихъ старые московскіе знакомые, въ томъ числѣ и мой отецъ, пользовавшійся большою пріязнью какъ графа, такъ и графини.

Баломъ графа Орлова-Денисова заключились увеселенія, данныя въ Москвъ, по случаю пребыванія въ ней царской фамиліи.

Отецъ мой, принимавшій участіе во всёхъ торжествахъ, неожиданно, послё отъёзда ихъ величествъ, почувствовалъ себя снова дурно: возобновились боли въ ногахъ и груди, и до того сильныя, что онъ долженъ былъ окончательно прекратить всё выёзды, ограничивая ихъ небольшими утренними прогулками въ экипажъ. Остальное время дня онъ проводилъ дома за чтеніемъ книгъ и журналовъ, или играя вечеромъ въ ералашъ.

Въ началъ сентября, наша семья была обрадована прівздомъ изъ Петербурга дяди, Алексвя Николаевича Загоскина, въ то время инженеръ-генералъ-майора, занимавшаго какое-то мъсто въ одномъ изъ департаментовъ въ въдомствъ путей сообщенія. Я вовсе не зналъ или, върнъе, не помнилъ этого дяди, прівзжавшаго въ Москву за пятнадцать лътъ передъ тъмъ, но постоянно слышалъ, что онъ замъчательный математикъ, добрый человъкъ, примърный христіанинъ, сильно глухъ, забывчивъ и до крайности разсъянъ. Батюшка очень любилъ его и былъ съ нимъ въ частой перепискъ, оспаривая постоянно религіозные взгляды и убъжденія его, не сходившеся съ его собственными взглядами, относительно спасенія гръщныхъ людей 1).

Когда я узналь, что Алексый Николаевичь прівдеть въ Москву, то нетерпыливо сталь ожидать его, желая на опыть провырить почти что фантастическіе разскавы о его необыкновенной разсынности, и въ справедливости которыхъ въ первый же день моего съ нимъ знакомства я могъ вполны убыдиться. При входы его въ нашу гостиную, гды находились отець, братья, я и проживавшая у насъ быдная, некрасивая, но еще молодая дывица Елена Львовна Космачева, исполнявшая должность чтицы при матушкы, дядя бросился на отца и сталь душить его въ своихъ обънтіяхъ; затымъ, увидавъ особу женскаго пола и не глядя ей въ лицо, кинулся обнимать ее и цыловать ея руки, приговаривая: «ахъ, Анета, какъ я радъ тебя видыть!». Елена Львовна, не зная, какъ избавиться отъ поцылуевъ дяди, визжала и кричала: «я не Анна Дмитріевна!» Наконецъ, опомнившись и увидавъ, что обнимаемая имъ женщина

¹) Переписка эта была напечатана, кажется, въ 1858 г. въ журналъ «Домашняя Бесъда».

еще молодая и вовсе не похожая на больную и пожилую матушку, дядя вскрикнуль: «извините, я васъ приняль за Анету!». Всё присутствующіе при этой сценё много посмёнлись надъ дебютомъ Алексія Николаевича и повели его къ матушкі. Отобідавь съ нами и посидівть немного времени съ родителями, онъ объявиль, что желаеть отдохнуть и вздремнуть, но, при томъ, просилъ, чтобы его не будили. Дядю помістили въ антресоляхъ нашего дома, уложили его въ кровать, и онъ заснулъ богатырскимъ сномъ. Сонъ этотъ, никімъ не тревожимый, продолжался до слідующаго утра. Тогда, вставъ, одівшись и напившись чая, онъ объявиль, что сейчась убзжаеть обратно въ Петербургь, такъ какъ вспомниль, что на другой день ему необходимо присутствовать въ какой-то комиссіи по відомству путей сообщенія. Несмотря на всів наши просьбы, онъ убхаль въ то же утро...

Только-то мы и видёли оть этого добрёйшаго, но оригинальнёйшаго человёка!..

Послѣ отъвзда Алексвя Николаевича прівхалъ въ Москву одинъ изъ старъйшихъ и лучшихъ друзей отца, Николай Ивановичъ Шамшевъ 1), съ которымъ онъ не видълся болѣе 20 лѣтъ. Обрадованный его прівздомъ, батюшка написалъ ему посланіе въ стихахъ, которое привожу здѣсь, какъ нигдѣ не напечатанное:

Ты помнишь ли, мой другь, какъ мы съ тобой живали? Кого бы не могли мы за поясь заткнуть? И какъ на Невскомъ мы красавиць обгоняли, Чтобъ имъ подъ шляпку заглянуть? Ты помнишь ди, какъ намъ досталось отъ Ариши, И какъ обоихъ насъ Анюта проведа?.. Но надобно потише Про эти говорить пела... Мы были оба молодцами, Кипъла жизнь у нась въ груди! Теперь мы стали прастцами, Да, милый другь, не осуди. У нашихъ ужъ детей давно свои есть дети: Мы дедушки съ тобой; я очень плохъ, чуть живъ, И ноги у меня, какъ плети, И ты, моя душа, порядкомъ сталъ плешивъ. Тяжка годовъ преклонныхъ ноша: Я прежде весель быль, теперь угрюмый сычь, Ты старый хрвнъ, я старый хрычъ, И оба мы съ тобой-не стоимъ гроша!.. Такъ пусть же дружба насъ, какъ солнышко, пригръеть, Ведь дружба старая, какъ юность, хороша, Святое чувство не старветь, Оно безсмертно, какъ душа!

На дочери готораго быль женать навъстный московскій богачь Иванъ Павловичъ Шаблыкинъ.

Октябрь этого года быль началомъ нравственныхъ страданій всего нашего семейства: матушка вобольда недугомъ, который черезъ полтора года свелъ ее въ могилу... Въ началъ мъсяца, не припомню какого числа, я, по обыкновенію, утромъ сидёль въ архивъ, какъ вдругъ былъ вызванъ сторожемъ, пришедшимъ сказать, что за мною прівхаль на извозчикв нашь человекь съ приказаніемъ скорве вернуться домой. Не привыкши къ подобнымъ посъщеніямъ и чуя что-то недоброе, я выбъжаль къ присланному и узналь, что съ матушкою сделался обморокъ. Поспешивъ домой, я быль встречень отцомь съ успокоительною вестью, что ей гораздо лучше. Дъйствительно, войдя къ матушкъ, я нашелъ ее совершенно спокойною и даже весело разговаривавшею. Случившійся съ нею припалокъ оказался легкимъ нервнымъ ударомъ, который на первый разъ прошелъ быстро, менте чтить въ часъ времени, но на третій день, къ ужасу нашему, повторился такъ сильно, что матушка лишилась владенія языка и всей левой ноловины тела, однако осталась въ полной памяти и тотчасъ пожелала пріобщиться св. Тайнъ.

Горе наше было сильное; а я вполнъ сознавалъ, что дни ея сочтены, и скоро придется разстаться съ нъжно-любимою, дорогою моею матерью.

Несмотря на свое тяжелое положеніе, угрожавшее ежеминутною смертію, она все понимала и знаками объясняла то, чего не могла выразить словами. Въ такомъ положеніи прошелъ цёлый місяцъ и, наконецъ, къ неизъяснимой нашей радости, вопреки ожиданію докторовъ, ей стало лучше, а місяца черезъ два она совершенно поправилась, начала ясно говорить и снова владіть рукою и ногою. Въ началі ея болізни, отецъ все время проводиль дома, часто молился и читаль разныя книги о безсмертіи души и загробной жизни, давая и міть ихъ для прочтенія. Когда же матушка стала поправляться, то здоровье его, потрясенное ея болізнію, ухудшилось до того, что большую часть дня онъ проводиль лежа на дивань, вставая только на время об'єда.

8-е ноября, день его именинъ, прошло, конечно, безъ малъйшаго пріема, но въ этотъ день у него перебывало такое множество лицъ съ поздравленіемъ, что составилась большая груда визитныхъ карточекъ, какой я еще никогда не видалъ въ нашемъ домъ. Подобное вниманіе пріятелей и знакомыхъ больного именинника очень тронуло его.

День этотъ остался мнё хорошо памятнымъ по слёдующему случаю: въ то время какъ мы, т. е. отецъ, братья съ женами и я, сёли обёдать, раздался въ передней звонокъ, и вслёдъ затёмъ безъ доклада вошелъ въ столовую человёкъ среднихъ лётъ, небольшого роста, худой, съ длинными волосами и острымъ, крючковатымъ носомъ. Видъ его былъ болёзненный, угрюмый и мрач-

«истор. въсти.», марть, 1900 г., т. LXXIX.

Digitized by Google

ный. То быль Николай Васильевичь Гоголь. Поцеловавшись съ отцомъ и кивнувъ намъ головою, Гоголь отказался отъ сдъланнаго ему приглашенія съ нами отоб'єдать и стль около батюшки. Хотя я и прежде видалъ Николая Васильевича, но всегда издали, а потому быль несказанно радь, что, наконець, судьба дала мнт возможность насладиться лицеэрвніемъ любимаго мною писателя и послушать его умныя ръчи... увы, на этоть разъ мнъ пришлось разочароваться!... Гоголь смотрёль исподлобья, упорно молчаль, отвъчая на всъ вопросы лишь словами: да и нътъ. Помолчавъ и просидъвъ не болъе четверти часа, онъ всталъ, снова поцъловался съ отцомъ, кивнулъ намъ головою и удалился медленными шагами. Отецъ, очень любившій и уважавшій Николая Васильевича, но давно не видавшій его, нашель въ немъ большую перемёну, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношении и, вмъстъ съ твиъ, пришелъ къ убъжденію, что нашъ великій писатель несомнънно долженъ быть серіозно боленъ. Это свиданіе Гоголя съ моимъ отцомъ было последнимъ въ ихъ жизни, такъ какъ отецъ никуда не выважаль, а Гоголь болве не посвщаль его и скончался въ февралв следующаго года.

Конецъ 1851 и начало 1852 года прошли для меня грустно, въ постоянной тревогъ за здоровье матушки и отца, страданья котораго бывали порою очень сильны.

Я ограничивать мои вывзды посвщением архива и двумя, тремя домами близкихъ знакомыхъ, изъ числа которыхъ домъ Левшиныхъ особенно привлекатъ меня. Хозяйка дома, Въра Яковлевна, рожденная княжна Грузинская 1), вдова незадолго передъ тъмъ умершаго камергера, Дмитрія Павловича Левшина, жила въ своемъ большомъ барскомъ домѣ на углу Воздвиженки, противъ церкви Бориса и Глѣба 2). Семейство ея состояло изъ трехъ дочерей: Софіи, Натальи и Александры 3); изъ нихъ только старшая вывзжала въ свътъ и была моею большою пріятельницею; остальныя, еще слишкомъ юныя, сидѣли дома за уроками.

Въра Яковлевна была женщина пожилая, тучная и весьма представительная—настоящая московская барыня стараго покроя, умная,

¹) У нея были три брата: Сергей Яковлевичъ—вице-президентъ московской дворцовой конторы, Николай Яковлевичъ— членъ кабинета его величества и Яковъ Яковлевичъ— директоръ находившейся въ Московской губерніи лосинной фабрики.

 $^{^2}$) Дом'в этоть, принадлежавшій въ 20-хъ годахь директору московскихъ театровъ, изв'ястному Θ . Θ . Кокошкину, быль при нем'ь средоточіємъ всёхъ московскихъ литераторовъ.

³⁾ Первая вышла за Владиміра Алексвевича Полторацкаго, кавказскаго героя и георгієвскаго кавалера; вторая—за барона Гаврінда Ивановича Черкасова, а третья за изв'ястнаго писателя и библіографа Михаила Николаевича Лонгинова. Изъ встахъ этихъ лицъ въ настоящее время въ живыхъ находится только чета Черкасовыхъ.

бойкая, гостепріимная, не важно образованная, добрая, но ядовитая на языкъ. Она была охотница до сплетенъ и постоянно принимала у себя шутовъ, карль и разныхъ женщинъ простого званія, изв'єстныхъ въ то время подъ кличкою «московскихъ дуръ». Дуры эти перебъгали изъ одного дома въ другой съ большимъ запасомъ новостей и сплетенъ и, подъ защитою своей напускной глупости, безбоязненно переносили «соръ изъ избы». Въ молодости Въра Яковлевна, по разсказамъ ея современниковъ, была красавицею. Родившись отъ потомка царей Грузинскихъ и жены его, рожденной княжны Урусовой 1), и засиденшись въ деницахъ леть до 27-ми, она влюбилась въ богатаго, красиваго юношу, моложе ея, Дмитрія Павловича Левшина, который, въ свою очередь, не остался равнодушнымъ къ прекраснымъ голубымъ глазамъ и пышнымъ тълесамъ ен. Однако, княжна, убъдившись въ томъ, что старуха-мать Левшина не позволить сыну жениться на эрклой девице, стала уговаривать его бъжать съ нею и повънчаться, а такъ какъ юноша быль не изъ храбрыхъ и не отваживался на такой подвигь, то віюбленная грузинка поръшила сама увезти его и увезла. Въ одинъ прекрасный, лътний вечеръ, Въра Яковлевна, забравшись къ Левшину черезъ окно, вытащила его темъ же путемъ на улицу и, усадивъ въ экипажъ, повезла въ церковь вънчаться. Насколько правды въ этомъ приключеніи, -- не знаю, но такъ гласило преданіе старой Москвы. Подобная, оригинальная свадьба могла бы подать поводъ бойкой женъ быть главою мужа, но вышло иначе: бракъ Левшиныхъ оказался наисчастливъйшимъ, и они провели всю жизнь не только въ полной любви и согласіи, но, такъ сказать, живя одинъ для другого. Последовавшая въ сентябре 1851 года кончина Дмитрія Павловича повергла въ глубочайшее горе его вдову и дочерей. Когда, вскоръ послъ того, я сталъ посъщать Въру Яковлевич, то сначала грустное настроеніе всего семейства весьма подходило къ моему тогдашнему невеселому расположению, а потомъ прелестные, голубые глаза меньшой пятнадцатильтней дочери совершенно очаровали меня, и я удвоилъ свои посъщенія...

Въ теченіе зимы здоровье матушки день ото дня улучшалось, а здоровье отца оставалось все въ томъ же плохомъ положеніи. Не выходя вовсе изъ дома, онъ проводилъ вечера въ своемъ кабинетв, играя въ ералашъ. Частыми партнерами его были: дядя Маркелъ Николаевичъ Загоскинъ, Аркадій Тимоееевичъ Аксаковъ и графъ Андрей Ивановичъ Гудовичъ.

Аксаковъ, брать извъстнаго Сергъя Тимоееевича, быль хорошій человъкъ и хотя не имъть замъчательнаго ума своего брата, но быль схожъ съ нимъ безконечною добротою, честностью и благородствомъ, качествами, присущими вообще всему поколънію ста-

¹⁾ Родной сестры матери графа Павла Дмитріевича Киселева.

рыхъ и молодыхъ Аксаковыхъ того времени. Онъ былъ женатъ на Аннъ Степановнъ Кротковой, премилой и прелюбезной женщинъ.

Графъ Гудовичъ, егермейстеръ высочайщаго двора, сынъ фельдмаршала и некогда главнокомандующаго въ Москве, быль весьма преклонныхъ лътъ. Малаго роста, съ огромною лысою головою, большимъ горбатымъ носомъ и на выкатв глазами, онъ представляль собою ньчто похожее на лошадь и потому прозвань быль въ Москвъ: «tète de cheval». Остроумный, любезный, веселый старикъ быль ярый поклонникъ женскаго пола и великій театралъ, не пропускавшій ни единой новой піесы, особенно новаго балета. Забавный собесъдникъ и балагуръ, Гудовичъ, къ сожальнію, отличался излишнимъ циннзмомъ въ разговоръ, вовсе не гармонировавшимъ съ его старческими летами и неуклюжею, довольно безобразною фигурою. Вь началь 50-хъ годовъ, онъ быль однимъ изъ последнихъ баръ, разъезжавшихъ въ Москве въ высокой карете, запряженной четверкою лошадей съ форейторомъ, а по званію егермейстера имълъ на запяткахъ егеря въ зеленомъ мундиръ и треугольной шляць съ зелеными перьями. Проживая съ давнихъ лъть вдовцомъ, графъ, къ удивлению всъхъ своихъ знакомыхъ, вступиль въ 1856 г., на 78 году, вторично въ бракъ, со вдовою Данзасъ, рожденною Закревскою, но вскоръ овдовътъ и самъ скончался въ 1867 году, почти девяностолетнимъ старикомъ и, какъ я слышаль, будто бы случайнымь образомъ: кушая въ какомъ-то ресторанъ куриный супъ, онъ подавился косточкою, закашлялся и туть же умеръ.

Въ началѣ февраля, хотя я, по желанію родителей, сталъ опять вывъзжать въ свѣтъ, но довольно рѣдко и безъ особаго удовольствія, какъ вслѣдствіе постояннаго безпокойства о ихъ ненадежномъ здоровьи, такъ и потому, что вечера не представляли тогда для меня ни малѣйшаго интереса, за невозможностью встрѣтить на нихъ предмета моей первой любви—Сашеньки Левшиной...

Около этого времени скончалась въ Москвъ близкая родственница батюшки, вдова М......, а какъ отецъ, по болъзни, не могъ присутствовать на ея погребеніи, то приказаль мнъ замъстить его. Къ стыду моему, долженъ сознаться, что такое приказаніе привело меня въ нъкоторое смущеніе, такъ какъ до того времени я никогда не видалъ вблизи покойниковъ, боялся ихъ съ малолътства и, невзирая на тогдашній мой почти 19-ти-лътній возрасть, не могъ побороть этого страха даже при встръчъ на улицъ похоронной процессіи. Конечно, я исполнить желаніе отца, но во время богослуженія стоялъ не съ родственниками покойницы, а какъ можно далъе, и вовсе не видалъ ея. Кончина старой М...... не произвела на наше семейство особаго впечатлънія, вслъдствіе того, что не только она, но и почти всъ ея дъти, нисколько не были родственно расположены ни къ монмъ родителямъ, ни къ братьямъ, ни

ко мић. Сверхъ того, ихъ постоянная ни на чемъ не основанная гордость и сильное тяготеніе къ знати не правились моему отцу, а обращение ихъ съ нимъ съ высоты ихъ величія всегда вызывало добродушный его смъхъ. Изъ всего семейства М..... только одна замужняя дочь держала себя относительно насъ по-родственному, остальныя считали батюшку совершенно постороннимъ человъкомъ и бывали съ нимъ любезны, лишь когда воочію убъждались въ милостивомъ къ нему расположении царской фамилии во время ея пребыванія въ Москвъ. О самой М...... я ничего не могу сказать; я мало зналь ее, ръдко у нея бываль и даже ни разу не удостоился приглашенія къ ней хотя бы на чашку чая. По словамъ батюшки, она была женщина добрая, не глупая и весьма образованная, но чрезвычайно чванная и честолюбивая. Когда одна изъ дочерей ея, весьма красивая собою, была просватана за молодого, извъстнаго кутилу князя ?, то отецъ, удивленный выборомъ подобнаго жениха, спросилъ М....., почему она ръшилась выдать дочь за такого сорванца. На это старушка отвътила: «помилуй, батюшка, да я еще не могу прійти въ себя оть радости, что дочь моя будеть княгинею!» Не знаю, долго ли продолжалась радость честолюбивой маменьки, но дочь ея, хотя и осталась на всю жизнь княгинею, жила, однако, съ своимъ мужемъ не долго и покинула его, не будучи въ состояніи перенести черезчуръ веселой и безшабашной жизни.

VII.

Кончина Гоголя и Жуковскаго.—Лѣченіе отца гидропатією.—Улучшеніе его здоровья.—Пасха.—Старая дьяконица.—Новый докторь.—Новая болѣзнь отца.—Его кончина.— С. Т. Аксаковъ. — Отъѣздъ дяди Загоскина. — Его жена. — К....вы. — Бумаги отца.—Его біографія.—Ф. Ф. Вигель.—Пенсія матушки.—Ея видѣніе и кончина.

21-го февраля, Москва, съ нею и вся Россія были поражены и опечалены неожиданною кончиною Гоголя. Когда я сообщилъ эту горькую вёсть отцу, то онъ со слезами на глазахъ воскликнулъ: «я ожидалъ!» и затёмъ прибавилъ: «зная христіанскія чувства Гоголя, я не могу сказать: Господи! упокой душу раба твоего Николая! а скажу: рабъ Божій Николай, моли Бога о насъ!».. Если батюшка былъ такого высокаго мнёнія о Гоголь—христіанинъ, то, мнъ кажется, оно утвердилось въ немъ со времени появленія въ печати «переписки Гоголя съ его друзьями», въ которой знаменитый писатель круто отрекся отъ всего, что составляло его земную славу и земное безсмертіе. Отреченіе это, въ свое время, послужило поводомъ къ немалому переполоху среди публики и друзей

Digitized by Google

Гоголя, объяснявшихъ поступокъ его даже ненормальностью его разсудка.

Отецъ же признавалъ въ этомъ отречени не что иное, какъ полнъйшій перевороть въ духовной жизни Николая Васильевича, внезапно сбросившаго съ себя «ветхаго человъка» и подчинившаго всъ свои дъйствія и помыслы истинно ръдкому среди людей евангельскому смиренію.

Въ скоромъ времени батюшка былъ снова опечаленъ грустною въстью о кончинъ Василія Андреевича Жуковскаго, котораго онъ любилъ и уважалъ, не только какъ поэта, но какъ прекраснъйшаго изъ людей и своего стараго, добраго пріятеля, постоянно оказывавшаго ему большую пріязнь и часто дававшаго ему полезные совъты при началъ его литературныхъ работъ.

Здоровье отца все не поправлялось, и когда врачь его Клименковъ испробовалъ уже всв средства, но безуспвшно, то кто-то изъ знакомыхъ посоветовалъ батюшке обратиться къ доктору Крейзеру, имъвшему гидропатическую лъчебницу, и попробовать лвченіе холодною водою. Вследствіе этого совета онъ сталь ежедневно посъщать водольчебницу и, къ великой общей нашей радости, менве чвмъ въ пять недвль настолько поправился, что только по временамъ чувствовалъ самыя ничтожныя боли и могь снова ходить и выбажать на прогулку. Обрадованный значительнымъ улучшеніемъ своего здоровья, онъ отправиль въ Петербургъ къ одному изъ своихъ лучшихъ друзей А. Е. Аверкіеву посланіе въ стихахъ съ описаніемъ своей бользни, ухудшенія ея и, наконецъ, выздоровленія по милости гидропатіи. Къ сожальнію. я никогда не имълъ въ рукахъ и впослъдствіи не могь достать этого стихотворенія, изъ котораго я помниль лишь двѣ строки, вызванныя леченіемъ холодною водою и поразившія меня быстрымъ переходомъ мысли отца отъ смерти къ жизни:

> «Мић синдась ужъ могила... И вдругъ я свъжъ, здоровъ и даже молодъ!»

И дъйствительно, послъ этого благодътельнаго лъченія, онъ почувствоваль себя настолько хорошо, что пожелаль отпраздновать въ этомъ году Пасху большими розговинами, устроенными въ его кабинетъ для пріятелей и знакомыхъ, пріъзжавшихъ къ нему съ поздравленіемъ. Подобныхъ, да и вообще какихъ либо розговинъ, какъ я уже однажды уномянулъ въ моихъ воспоминаніяхъ, у насъ никогда не бывало, и потому мы немало удивились такому его желанію и неотступно просили не утруждать себя пріемомъ многочисленныхъ посътителей. Несмотря на то, розговины состоялись: утро въ день Пасхи отецъ провелъ въ своемъ кабинетъ, угощалъ всъхъ, былъ веселъ, разговорчивъ и крайне доволенъ тъмъ, что, послъ почти годовыхъ страданій и долговременнаго заточенія, онъ, наконецъ, могъ провести нъсколько часовъ

съ добрыми пріятелями, не забывшими посттить его въ этотъ великій праздникъ.

Для меня день этотъ тоже быль пріятенъ, такъ какъ я получиль первый чинъ коллежскаго регистратора, о чемъ мой начальникъ, князь Оболенскій, объявиль мнѣ наканунѣ, встрѣтивъ меня случайно въ какомъ-то магазинѣ и поздравивъ слѣдующими словами: «поздравляю васъ, вы получили первый чинъ, и хотя я самъ получилъ сегодня ленту Станислава, но ваша награда меня болѣе порадовала, чѣмъ моя собственная». Эти любезныя слова немало удивили меня, такъ какъ едва ли кто изъ моихъ товарищей удостоивался подобныхъ нѣжностей со стороны князя, тѣмъ болѣе, что въ сущности я никакой награды не получилъ, а данный чинъ слѣдовалъ мнѣ по закону, за выслугу лѣтъ.

Въ то время, когда отецъ кончалъ лъченіе гидропатією, однажды, утромъ, пришла къ матушкъ дьяконица церкви св. Власія, что въ Старой Конюшенной, Татьяна Кононовна (фамиліи ея я никогда не зналъ). Она была типомъ настоящей приживалки и сплетницы первой руки и, хотя матушка не любила и не допускала сплетенъ, но принимала дъяконицу по старой памяти, зная ее съ начала 20-хъ годовъ, когда еще жила съ своимъ отцомъ въ приходъ св. Власія.

Въ это утро, увидавъ батюшку и узнавъ, что онъ, котя и поправился, но все еще, по временамъ, страдаетъ легкими болями, дъяконица стала упрашиватъ его взятъ новаго врача, молодого доктора С.....го, увъряя, что онъ вылъчилъ отъ подобной болъвни нъсколькихъ ея знакомыхъ изъ духовенства. Докторъ этотъ не пользовался ни малъйшею извъстностью въ Москвъ, и никто о немъ ничего не слыхалъ, но отецъ, всегда склонный пробовать различныя лъченія и слушать всъхъ, дававшихъ ему какіе либо совъты или средства противъ его недуга, обрадовался новой рекомендаціи и пригласилъ къ себъ С....го. На другой день новый врачъ явился и, понравившись отцу своими скромными манерами и разговоромъ, былъ окончательно приглашенъ пользовать его.

Не помию, давалъ ли въ первое время С.....ій какія либо лѣкарства, но, спустя нѣсколько времени, предложилъ отцу принимать ежедневно цитмановъ декоктъ. Средство это, употребляемое для очищенія крови отъ остротъ, какъ извѣстно, весьма сильно дѣйствуетъ на кишки и требуетъ значительнаго ограниченія въ пищѣ и питъѣ, и особенно охраненія тѣла отъ простуды; но отецъ, принимая декоктъ, не соблюдалъ ни одной изъ этихъ предосторожностей, въ чемъ былъ кругомъ виноватъ самъ докторъ, дозволявшій ему употреблять самыя жирныя кушанья, сырые фрукты, пить холодный квасъ и кататься по вечерамъ, во всякую погоду. Главная же ошибка малосвѣдущаго врача состояла въ томъ, что онъ продержалъ отца на декоктѣ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, и хотя

геркулесовская натура паціента, казалось, не страдала отъ продолжительнаго, ежедневнаго пріема такого сильнаго средства, но подъ конецъ пищеварительные органы не выдержали, и въ ночь на 16-е іюня онъ почувствоваль первые признаки воспаленія кишекъ, т. е. открылась диссентерія. Наканунт этого рокового дня батюшка чувствоваль себя хорошо, но несколько слабымъ, и потому не совершиль обычной со мною вечерней прогулки. 16-го числа, рано утромъ, онъ пришелъ къ матушкъ и жаловался, что всю ночь не могъ заснуть отъ кроваваго поноса, но, не подозрѣвая своей болѣзни, онъ полагалъ, что внезапная потеря крови окончательно облегчитъ его подагрическіе припадки. Въ то же утро прибывшій С.....ій подтвердиль его предположение, увъряя, что этимъ припадкомъ разръшится вся его болёзнь, и что потому не слёдуеть останавливать диссентеріи!.. Въ'продолженіе нъсколькихъ дней бользнь шла своимъ чередомъ, постепенно усиливаясь и ослабляя больного, такъ что 19-гоіюня онъ не могь болье вставать съ дивана безъ посторонней помощи, хотя еще наканунъ принималь посътившаго его Н. В. Сушкова вибств съ однимъ путешественникомъ, далматскимъ графомъ Загорскимъ, и долго съ ними бесъдовалъ.

Матупка, не покидавшая съ 1847 года кровати, и потому, не видавъ отца уже нъсколько дней, начала сильно тревожиться, несмотря на успокоительныя слова С.....го, и приказала пригласить нашего прежняго врача Клименкова. Послъдній, прітхавъ въ то же утро и пораженный состояніемъ отца, не скрыль отъ меня и отъ братьевъ его опаснаго положенія. Вмъсть съ тымъ, онъ не находиль достаточно словь для порицанія С.....го за его систему лъченія, имъвшую, по его мнънію, послъдствіемъ воспаленіе кишекъ, что и высказаль прямо въ лице переконфуженному молодому врачу.

Послѣ того, матушка, догадавшись по моему встревоженному лицу объ опасномъ положении отца, попросила его черезъ меня, чтобы онъ пріобщился Св. Тайнъ, на что отецъ сказаль: «хотя я вовсе не такъ плохъ, но съ радостью пріобщусь; я этого самъжелалъ, но боялся испугать жену, которая, не видавъ меня уже нъсколько дней, могла бы подумать, что мнъ совсъмъ плохо». Пославъ за своимъ духовникомъ, священникомъ нашей приходской церкви, батюшка пріобщился Св. Тайнъ, почувствовалъ себя бодрве и пожелаль, для успокоенія матушки, видёть ее; онъ сёль въ кресло, на которомъ два человъка отнесли его къ ней. Это было послъднее земное свиданіе моихъ родителей...... пробывъ у нея нъсколько минутъ, отецъ почувствовалъ усталость и приказалъ отнести себя обратно въ кабинетъ. Въ то время какъ его уносили, онъ обернулся, послать матушкъ рукой попълуй и нъжно взглянуль на нее своими добрыми, чудными глазами...... мать моя, замётивъ этотъ взглядъ, заплакала.....

22-го числа, диссентерія прекратилась, но, такъ какъ силы стали все

болъе и болъе ослабъвать, то Клименковъ потребовалъ на слъдующее утро консиліумъ изъ двухъ извістныхъ въ Москві врачей-Альфонскаго и Овера. На другой день, въ 12 часовъ, Клименковъ прівхаль съ Альфонскимъ, но Оверъ, неизвістно почему, не прибыль. Утромъ, батюшка, въ первый разъ со дня своей бользни, сталъ забываться и какъ бы бредить, но, увидавъ Альфонскаго, узналь его, догадался, что онъ прівхаль для консиліума и совершенно ясно разсказалъ ему ходъ своей бользии, удивляясь, притомъ, что самъ помнитъ, какъ утромъ бредилъ, и именно вследствіе того, что передъ нимъ скакали какіе-то карточные короли, дамы и валеты. Передъ отъёздомъ оба доктора объявили матушке, что положение его опасное, но не безнадежное, и что если онъ проспить несколько часовъ крепкимъ, спокойнымъ сномъ, то силы окрѣпнутъ, и явится большая надежда на полное его выздоровленіе. Альфонскій же, съ своей стороны, подтвердиль мибніе Клименкова о причинъ бользни отца, сожалъя, что не могъ лично выразить свое негодованіе доктору С....му, который, подъ предлогомъ будто бы приключившейся съ нимъ бользни, пересталъ посвщать отца со дня перваго визита Клименкова. Послъ отъъзда докторовъ батюшка заснулъ кръпкимъ, спокойнымъ сномъ, продолжавшимся до пяти часовъ. Каждую четверть часа я уходилъ отъ него къ матушкъ, чтобы порадовать ее этимъ продолжительнымъ сномъ, долженствовавшимъ, по словамъ докторовъ, имъть благотворное вліяніе на его выздоровленіе.

По мъръ того, какъ сонъ продолжался, матупка становилась спокойнъе. Наконецъ, въ 5¹/4 часовъ, отецъ проснулся, сказалъ мнъ твердымъ голосомъ: «дай пить», взялъ изъ моихъ рукъ стаканъ съ водою и, отпивъ немного, пристально посмотрълъ вокругъ себя, вздохнулъ и мгновенно заснулъ....въ то же время лице его просіяло блъдностью и сдълалось какъ-то особенно ясно и весело, какъ будто ему представлялся какой нибудь чудный, восхитительный сонъ!... Стоявшій сзади меня старый камердинеръ тихо промолвилъ: «папенька скончался!». Не видавъ никогда умирающаго человъка, я не повърилъ и въ теченіе нъсколькихъ минутъ полагалъ, что отецъ спокойно спитъ. Вдругъ отворилась дверь изъ смежной комнаты, и тихо вошелъ братъ Николай съ вопросомъ: «что папенька?». Братъ кинулся къ отцу, и тутъ мы оба не могли не убъдиться, что чистая душа его отлетъла въ лучшій міръ.

Какъ громомъ, пораженный разразившимся несчастіемъ, я прежде всего вспомнилъ о матери: какъ ей сказать? Не успѣвъ опомниться, я увидалъ вошедшаго въ комнату доктора Клименкова, который не менѣе насъ былъ пораженъ быстрою кончиною батюшки. Со слезами на глазахъ, онъ сталъ упрашивать насъ скрыть ее до времени отъ матери, опасаясь, чтобы при роковой вѣсти съ нею не приключился новый и, конечно, смертельный ударъ, и требовалъ, чтобы кто либо

изъ насъ пошелъ къ ней и сказалъ, что сонъ продолжается. Братъ, заливаясь слезами, не могь итти, и потому я, стоявшій какъ истуканъ, долженъ былъ исполнить приказаніе доктора. Нельзя себъ представить, чего мит стоило, изнемогая отъ горя, итти къ матери съ ложными, обнадеживающими ее словами!.. Войдя въ комнату, я увидаль брата Дмитрія и тетушку Любовь Сергвевну Загоскину, суетящихся около матушки, но, такъ какъ мив тогда было не до нихъ, то я подошелъ прямо къ ней и на вопросъ: «что папенька?»--отвъчалъ: «все попрежнему». Матушка, строго взглянувъ на меня, громко сказала: «ты лжешь, онъ скончался». При этихъ неожиданныхъ для меня словахъ я едва устоялъ на ногахъ и, зарыдавъ, отвътилъ: «да». Тетушка и брать съ крикомъ побъжали къ усопшему, а я остался одинъ съ матерью, которая съ замъчательною твердостью промолвила: «я это внала», и перекрестясь прибавила: «Господи, упокой его душу и возьми меня скорве къ себв»; затемъ стала разспрашивать о последнихъ его минутахъ. Слова ея «Я это знала» меня такъ озадачили, что я туть же спросиль: «кто вамъ сказалъ?»--«никто, я это почувствовала!»--и дъйствительно, по поздивишимъ разсказамъ тетушки и брата, оказалось, что въ минуту кончины отца съ нею произошло что-то необычайное, сверкъестественное: разговаривая про его бользнь, матушка вдругь сказала брату Николаю: «иди скоръе и узнай, что съ папенькою?» и когда братъ ушелъ, то она сама поднялась съ кровати (чего болъе пяти лътъ не могла дълать), вскочила на ноги и со словами: «иду къ нему, онъ умеръ», упала на полъ. Ее подняли, уложили на кровать и старались успокоить надеждою, что отецъ поправится. Въ это самое время я вошелъ въ комнату. Поздиве я попросиль матушку разсказать мив подробно о томъ, что она почувствовала въ минуту кончины отца, такъ какъ въ то время она не ожидала ея, и даже по случаю продолжавшагося его сна была спокойнъе, чёмъ утромъ, но она ответила, что не можеть дать точнаго объясненія и, хотя над'ялась, что отець поправится, вдругь, мгновенно почувствовала, что она чего-то лишилась, и какъ будто что-то въ ней оборвалось. Вследствие этого необъяснимаго внутренняго чувства у нея явилось убъжденіе, что онъ въ ту минуту скончался.

Не стану описывать горя, въ которое кончина батюшки повергла нашу страдалицу-мать, всёхъ насъ, родственниковъ, и домашнюю многочисленную прислугу, состоявшую изъ однихъ лишь крѣпостныхъ людей, которые рыдая говорили, что лишились родного отца.

На панихидахъ слъдующаго дня было мало посътителей, въроятно, потому, что въсть о кончинъ автора «Юрія Милославскаго» еще не успъла разнестись по всей Москвъ; но, начиная съ 25-го по 27-е іюня, не только на панихидахъ, но и въ продолженіе дня и вечера перебывало много народа. Всё эти дни по волё матери я проводилъ у гроба моего незабвеннаго отца и только послё погребенія его могь посвятить себя уходу за нею.

26-го іюня, наканунѣ похоронъ, былъ день рожденія матушки. Сдѣлавъ букетъ изъ лѣтнихъ цвѣтовъ, стоявшихъ у нея на окнахъ, она приказала мнѣ положить его въ гробъ отца, съ тѣмъ, чтобы букетъ пошелъ съ нимъ въ могилу. Погребеніе послѣдовало на другой день, отпѣваніе происходило въ приходской церкви Покрова, что въ Левшинѣ. Во время богослуженія была масса народа и не легко было пробраться ъъ церковь. Послѣ отпѣванія громадная толпа запрудила всю улицу, и народъ, вмѣстѣ со мною и братьями, понесъ на рукахъ гробъ съ останками отца въ Ново-Дѣвичій монастырь, гдѣ онъ и былъ опущенъ въ могилу около алтаря, у наружной стѣны главнаго собора, близъ могилы батюшкина дяди Соломона Михайловича Мартынова.

Не могу не упомянуть о томъ, что на одной изъ первыхъ панихидъ я былъ немало удивленъ, увидъвъ въ числъ присутствующихъ Петра Яковлевича Чаадаева 1), человъка, не любившаго батюшку, считавшаго его отсталымъ, ретроградомъ и врагомъ излюбленной имъ нъмецкой философіи. По окончаніи панихиды, Чаадаевъ подошелъ ко мнъ и съ полнымъ участіемъ сказалъ, что, хотя онъ никогда не бывалъ у отца и не былъ съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, но считалъ долгомъ поклониться праху человъка, котораго глубоко уважалъ. Присутствіе Петра Яковлевича и слова его искренно тронули меня и служили доказательствомъ, что люди честные и благородные, подобно Чаадаеву, несмотря на недружелюбныя отношенія къ отцу, не могли не отдать справедливости прямому характеру и благороднымъ чувствамъ, постоянно одушевлявшимъ его въ теченіе всей его жизни.

Послѣ кончины батюшки многіе знакомые пожелали посѣтить матушку, но, такъ какъ она, по болѣзненному состоянію, никого не принимала, то они посѣщали меня. Изъ близкихъ же къ отцу друзей самое сердечное участіе выказалъ Сергѣй Тимовеевичъ Аксаковъ. Онъ написалъ мнѣ задушевное письмо съ изъявленіемъ глубокаго сожалѣнія, что, находясь въ деревнѣ, близъ Москвы, онъ не могъ, по случаю болѣзни, поклониться праху своего друга. Сверхъ того,

¹⁾ Извѣстный авторъ «Философскихъ писемъ», напечатанныхъ имъ въ 1836 г. въ журналѣ «Телескопъ», надѣлавшихъ въ свое время много шума, и за которыя Чаадаевъ, признанный, по высочайшему повелѣнію, сумасшедшимъ, былъ въ продолженіе нѣкотораго времени ежедневно посѣщаемъ врачемъ для освидѣтельствованія его умственныхъ способностей и, затѣмъ, находился подъ присмотромъ полиціи, но по минованіи кары спокойно проживалъ до своей смерти въ Москвѣ. Онъ былъ человѣкъ весьма образованный, глубокій мыслитель, усердный поклонникъ Запада и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма самолюбивый и чрезвычайно высокаго о себъ мнѣнія.

недовольный краткостью появившихся въ газетахъ некрологовъ батюшки, онъ помъстилъ теплую о немъ статью въ «Московскихъ Въдомостяхъ» и въ то же время началъ собирать матеріалы для его біографіи, которую черезъ нъсколько мъсяцевъ напечаталъ въ журналъ «Москтитянинъ».

Осенью, Сергъй Тимовеевичъ, возвратившись въ Москву, пожелаль, чтобы я напечаталь найденныя въ бумагахъ отца неизданныя его сочиненія: комедію подъ названіемъ «Заштатный городъ», двъ статейки, относившіяся до дворянскихъ выборовь, и разсказъ: «Канцеляристъ», но не иначе, какъ отдъльною книжкою, назвавъ ее непремънно: V-мъ выходомъ «Москвы и москвичей». Я сначала на это согласился, но затёмъ усмотрёлъ, что комедія была только передёлкою, почти слово въ слово, разсказа отца подъ заглавіемъ «Офиціальный об'єдъ», пом'єщеннаго во 2-мъ том'є смирдинскаго сборника «Сто русскихъ литераторовъ», а двѣ мелкія статейки не имъли ни малъйшаго отношенія къ Москвъ или ея жителямъ, и лишь одинъ разсказъ: «Канцеляристъ», составлялъ продолжение «Осеннихъ вечеровъ», печатавшихся въ последнихъ книжкахъ «Москвы и москвичей»; поэтому я не счель возможнымъ выпустить 5-й томъ этой книжки, поместивь въ ней неподходящія для названія комедію и статьи. Отказъ мой выполнить желаніе Аксакова, сдёланный впрочемъ съ согласія матушки, огорчиль его, и хотя мив было крайне непріятно итти въ разрёзъ съ советомъ одного изъ лучшихъ друзей отца, но все же я настояль на своемь, и книга не была издана.

Я и теперь остаюсь попрежнему при своемъ мивніи, что изданіе книги подъ названіемъ, не имъвшимъ ничего общаго съ содержаніемъ, было бы вполит похоже на какую-то спекуляцію послъ умершаго писателя какъ бы продолженіемъ изданія, имъвшаго большой успъхъ и немалый сбытъ. Впослъдствіи разсказъ «Канцеляристъ» былъ напечатанъ въ журналъ «Русскій Архивъ», а комедія «Заштатный городъ», не одобренная цензурою для представленія, осталась въ конторъ московскихъ театровъ.

Первые мъсяцы послъ кончины батюшки прошли для меня неимовърно грустно: я никакъ не могъ свыкнуться съ мыслью, что его уже нътъ на землъ. Не проходило дня, чтобы я не посътилъ его могилы, а иногда даже и раза два въ день, по утру, отправлялся поклониться его праху, а послъ объда отвозилъ цвъты, которые матушка весьма часто посылала на его могилу.

Въ октябрѣ мы всѣ были опечалены рѣшеніемъ дяди Маркела Николаевича и жены его Любови Сергѣевны, жившихъ долгое время въ Москвѣ, переселиться въ свой родной городъ Пензу. Отъѣздъ ихъ былъ настоящимъ горемъ для нашего семейства, привыкшаго съ давнихъ лѣтъ любить, уважать и часто видѣть эту добрѣйшую и горячо насъ любившую чету.

Маркелъ Николаевичъ былъ простой, добродушный старикъ, кроткій, тихій, смиренный, не любившій общества и ежедневно посъщавшій храмъ Божій—однимъ словомъ, какъ говорится, человъкъ, въ Богъ живущій. Онъ имълъ очень ограниченный кругъ знакомства и, къ общему удивленію, лучшимъ другомъ этого велинаго постника и строгихъ правилъ человъка былъ извъстный нъкогда кутила и игрокъ, Цавелъ Воиновичъ Нащокинъ, пріятель Пушкина, умный, добрый малый, но въ полномъ смыслъ слова «bon vivant», промотавшій и проигравшій въ карты все свое состояніе и только на старости остепенившійся 1).

Тетушка Любовь Сергъевна, дочь Сергъя Адамовича Олсуфьева (сына извъстнаго статсъ-секретаря императрицы Екатерины ІІ-й) и какой-то турчанки, вышедшей за него замужъ послъ смерти его первой жены, была женщина умная, ръдкаго добраго сердца и замечательна своею необыкновенною дородностью; въ жизнь мою я не видалъ подобной толстой женщины. Туловище ея имъло видъ огромнаго шара, катившагося на короткихъ ногахъ, между темъ какъ черты лица нъсколько восточнаго типа были чрезвычайно красивы и симпатичны. Отъ излишняго жира ей было постоянно жарко, и она не носила обыкновенныхъ платьевъ, а какой-то легкій балахонъ или блузу съ открытою шеею и почти обнаженными плечами. Приведу слъдующіе два случая, доказывающіе непомърную ея тучность. Однажды, сидя у матушки въ старинномъ креслъ краснаго дерева, у котораго было обито одно сиденіе, она своею тяжестью провалила дно кресла и такъ въ немъ застряла, что; когда хотела подняться, поднимала съ собою и кресло, и освободилась изъ него только при помощи нашей прислуги, вытащившей ее изъ столь неудобнаго положенія. Въ другой разъ, находясь у себя въ деревив, она захотъла пройти по строившемуся надъ довольно глубокимъ оврагомъ небольшому мостику, но лишь ступила на него, какъ плохо укръпленныя доски не выдержали ея грузнаго тъла, и она провалилась до половины туловища. Работавшіе въ оврагь мужички, увидавъ виствинія изъ-подъ моста ничтить неприкрытыя необыкновенныхъ размёровъ ноги и не понимая, въ чемъ дёло, испугались и стали осънять себя крестнымъ знаменіемъ, предполагая, что надъ ними стряслосъ дьявольское наважденіе.

¹⁾ Нащовинъ получить нѣвоторую извѣстность въ Москвѣ устройствомъ маленькаго домика, помѣщавшагося на простомъ домберномъ стотѣ и въ которомъ мебель, фортепіано, картины, посуда, серебро и вообще все убранство было сдѣдано дучшими мастерами и совершенно схоже съ употребляемымъ въ настоящихъ, жилыхъ домахъ. Игрушка эта, говорятъ, стоида Нащовину большихъ денегъ и немало способствовала окончательному разстройству его уже сильно расшатаннаго состоянія. Гораздо позднѣе, домикъ этотъ продавался въ московскомъ антикварномъ магазинѣ Волкова, если не ошибаюсь, за 40.000 руб. ассигпацілии.

Послъ отъезда дяди у насъ въ Москвъ не осталось никого изъ ближайшихъ родственниковъ, и я посёщалъ только архивъ, Левшиныхъ и семейство добръйшей Прасковыи Петровны К-ой. Она была родная племянница отца моей матери, очень любила насъ и часто посёщала матушку. За нёсколько лёть передъ тёмъ она овдовъла и проживала въ Москвъ съ двумя дочерьми и юнымъ сыномъ. Не имъя большого состоянія, она жила выше своихъ средствъ, входила въ долги, занимая у кого только могла, давала на эти деньги вечера и помогала ими же бъднымъ. Если кто ръшался спросить Прасковью Петровну, зачъмъ она даеть вечера, не имън на то средствъ, -- она простодушно отвъчала: «ахъ, батюшки, да въдь у меня взрослая дочь, и нужно пристроить ее», а если бы спросили ее, зачемъ она даетъ беднымъ чужія деньги, то наверно ответила бы: «ахъ, батюшки, богатые не помогаютъ, ну, я и беру ихъ деньги и даю бъднымъ, которые помолятся и за нихъ, и за меня».

Выдавъ старшую дочь за одного симбирскаго помѣщика и оставшись съ меньшою шестнадцатилѣтнею, она окончательно перестала давать вечера, но не перестала, по старой привычкѣ, прибъгать къ займамъ. Вторая дочь ея, Лиза, была некрасива, но чрезвычайно умна, мила, граціозна, кокетлива и до такой степени обворожительна, что, несмотря на почти дѣтскій ея возрасть, многіе молодые люди были влюблены въ нее до безумія...

Бывая прежде у К.—хъ, я не обращать никакого вниманія на маленькую кузину, какъ я зваль Лизу, но съ осени этого года сталь чаще навъщать ихъ, находя большое удовольствіе болтать съ умною дъвочкой, а между тъмъ сердце мое стало понемногу охлаждаться къ Левшиной вслъдствіе видимой перемъны въ ея обращеніи со мною и замътнаго вниманія, оказываемаго ею моему пріятелю Ч—у. Я сталъ ръже посъщать Левшиныхъ, замънивъ ихъ К—ми, къ которымъ вначалъ влекло меня участіе ихъ въ постигшемъ меня горъ, а потомъ не только умъ Лизы, но, бытъ можетъ, и не скрываемое ею ко мнъ расположеніе, которое, раздражая влюбленныхъ въ нее молодыхъ людей, льстило моему самолюбію и было, конечно, причиною, что я окончательно влюбился въ нее по уши...

Послѣ смерти отца, оставаясь въ нашемъ большомъ домѣ вдвоемъ съ матушкою, я поселился въ кабинетѣ, библіотекѣ отца, гдѣ занялся разборомъ бумагъ и переписки јего со многими русскими и иностранными знаменитостями. Къ сожалѣнію, я не нашелъ письма Вальтеръ-Скотта, писаннаго къ отцу по случаю появленія «Юрія Милославскаго» на англійскомъ языкѣ, и которое неоднократно я видѣлъ въ числѣ разнородныхъ интересныхъ писемъ, тщательно хранившихся въ его письменномъ столѣ, въ особыхъ папкахъ. Я нашелъ бумаги въ большомъ порядкѣ, но мало

собственноручныхъ рукописей его романовъ, и то только отдъльными главами, въ томъ числъ и одну главу изъ «Юрія Милославскаго» 1). Въроятно, рукописи уничтожались авторомъ по мъръ печатанія ихъ.

Впослѣдствіи, множество бумагь и даже различныхъ вещей, доставшихся мнѣ послѣ кончины родителей, исчезли самымъ неожиданнымъ и глупымъ образомъ, по милости моей тогдашней молодости, неопытности и излишней довѣрчивости къ людямъ. Переѣзжая въ 1857 г. на постоянное жительство въ Петербургъ, я оставилъ ихъ до времени на храненіе у одного близкаго мнѣ человѣка, но когда потребовалъ ихъ обратно, то онѣ оказались проданными съ аукціоннаго торга за долги этого человѣка.

Начало 1853 года не принесло никакой перемъны въ моей жизни; служба шла своимъ чередомъ, но съ кончиною отца я пересталъ пользоваться любезностью князя Оболенскаго, не удостоившаго меня ни малъйшимъ разговоромъ и не оказавшаго мнъ никакого участія въ понесенной мною тяжкой утрать... а почему?я терялся въ догадкахъ... неужели, думалъ я, только потому, что при жизни отца, человъка вліятельнаго въ московскомъ обществъ, князь считаль не лишнимъ быть любезнымъ и съ его сыномъ, а по отходъ его въ въчность нашелъ нужнымъ обходиться со мною не иначе, какъ съ однимъ изъ самыхъ мелкихъ чиновниковъ подвъдомственнаго ему архива?--другой причины я не находилъ. Сознаніе этой грустной причины породило въ первый разъ въ моемъ юномъ сердив какое-то непріятное и до того времени неизвъстное мнъ чувство не то сожальнія, не то презрынія къ людскому эгоизму, хотя тогда я еще не вполнъ догадывался, что большая часть людей живеть и действуеть на свете более въ видахъ собственнаго интереса, чтмъ ради блага ближняго и любви

Зимою С. Т. Аксаковъ, окончивъ біографію отца, отдалъ ее безвозмездно М. П. Погодину для напечатанія въ его журналъ «Москвитянинъ», съ условіемъ, чтобы онъ вручилъ мнѣ 1.200 отдѣльныхъ оттисковъ для продажи ихъ въ пользу бѣдныхъ. Каково же было мое удивленіе, когда Аксаковъ увѣдомилъ меня письмомъ, что Погодинъ отказывается отъ даннаго обѣщанія и требуетъ, чтобы бумага оттисковъ была мною уплачена. Изъ письма Сергѣя Тимоееевича видно было, что онъ очень раздраженъ поступкомъ почтеннаго ученаго, но скупого человѣка, тѣмъ болѣе, что сумма была ничтожна, и не стоило о ней говорить. Матушка заплатила эту бездѣлицу, и дѣло было улажено. Съ дозволенія Аксакова я отправилъ нѣсколько экземпляровъ біографіи въ Петербургъ къ нѣкоторымъ батюшкинымъ пріятелямъ, а также и литераторамъ, находившимся въ какихъ либо съ нимъ сношеніяхъ; но, къ удив-

¹⁾ Главу эту я принесъ въ даръ Императорской Публичной библіотекъ,

ленію моему, никто изъ послѣднихъ, кромѣ В. И. Панаева, не удостоилъ меня ни одною строкою отвѣта. Особенно страннымъ показалось мнѣ невниманіе со стороны Николая Ивановича Греча и Осипа Ивановича Сеньковскаго, которые были съ отцомъ въ отличныхъ отношеніяхъ, а послѣдній, можно сказать, даже въ дружескихъ, посѣщая его почти ежедневно въ свои частые пріѣзды въ Москву, а въ отсутствіи переписываясь съ нимъ.

Въ эту зиму прівхаль на жительство въ Москву Филиппъ Филипповичъ Вигель и сталъ часто посвіщать матушку, нервдко объдая со мною и братьями; хотя я и прежде видалъ его въ нашемъ домъ, но только съ этого времени ближе познакомился съ этимъ умнымъ и занимательнымъ собесъдникомъ.

Вигель, старинъ лътъ 67, небольшого роста, сгорбленный, одътый по-стариковски въ долгополый сюртукъ и всегда въ черныхъ укороченныхъ панталонахъ, походилъ на какого-то приказнаго или подьячаго стараго времени. Лицо его было выразительное и умное; маленькіе, огненные, черные глаза ехидно смотръли изъ-подъ нависшихъ бровей; тонкія губы насмёшливо улыбались, а небольшой, горбатый носъ придавалъ его лицу видъ хищной птицы. Ръчь его была тихая, плавная, увлекательная, но порою ядовитая и даже злая. Имъя своебразный и прекапризный характеръ, онъ почти всегда находился въ ссоръ съ къмъ либо изъ своихъ знакомыхъ, а малъйшая ссора изъ-за какихъ нибудь пустяковъ или его собственныхъ капризовъ вызывала съ его стороны самыя колкія слова относительно лицъ, безъ вины прогнъвавшихъ его. Вотъ тому примъръ: полюбя одного малоизвъстнаго москвича за его умъ. познанія и душевныя качества, Вигель сталъ превозносить его до небесъ и старался ввести въ кругъ своихъ знакомыхъ; но, будучи непримиримымъ врагомъ табачнаго дыма и встрътивъ гдъ-то своего новаго пріятеля съ папиросою во рту, наговорилъ ему грубостей, раззнакомился съ нимъ и пустился позорить его по всей Москвъ. Съ своими родственниками онъ тоже постоянно ссорился и только съ батюшкою, приходившимся ему внучатнымъ братомъ, оставался въ добрыхъ отношеніяхъ, хотя разъ и на него быль въ великой претензіи по следующему обстоятельству: отецъ, зная, до какой степени Филиппъ Филипповичъ непосъдливъ и неуживчивъ и какъ часто мъняетъ мъстожительства, перебираясь изъ одного города въ другой и таская за собою мебель, библіотеку и разную домашнюю утварь, написаль въ одномъ изъ выходовъ «Москвы и москвичей», что у него есть «пріятель, который в'вчно странствуеть по разнымъ городамъ для прінсканія себъ постояннаго мъстожительства, но нигдъ не можетъ надолго поселиться, и потому нужно полагать, что именно про него сложена извёстная пъсенка:

> «Мив моркотно молоденькв, Нигдв мвста не найду»...

Вигель догадавшись, на кого мётилъ батюшка, мгновенно воспылалъ сильнымъ гнёвомъ; но гнёвъ этотъ недолго продолжался и нимало не поколебалъ его давнишней пріязни къ отцу.

Съ кончиною батюшки, доходы уменьшились на двъ тысячи рублей, т. е. на получавшееся имъ казенное содержание, а такъ какъ изрядная часть доходовъ выдавалась двумъ женатымъ братьямъ, то я сталъ опасаться, чтобы матушкъ не пришлось, послъ новаго сокращенія, уменьшить свои обычные расходы, твить болве, что ожидаемая ею пенсія по закону не должна была превышать 500 рублей. Многіе близкіе знакомые совътовали ей обратиться къ государю съ ходатайствомъ о назначении ей усиленной пенсіи, но матушка и слышать о томъ не хотела, следуя въ этомъ случать правилу отца-никогда не утруждать правительство просьбами о денежномъ пособіи, а также и вследствіе ея собственнаго убъжденія, что Николай Павловичь, если захочеть, то и самъ назначить вдовъ русскаго писателя пенсію въ большемъ размъръ. Убъжденіе это въ скоромъ времени оправдалось на дълъ: въ февралъ ей была пожалована, по высочайшему повельню, пенсія въ тысячу рублей серебромъ. Недолго, однако, пришлось ей пользоваться этою пенсіею...

Однажды, въ половинъ марта (не помню, какого именно числа), я по обыкновенію, поздно вечеромъ, сидъль въ спальнъ матушки и читаль ей какую-то книгу. Комната была освъщена одною лампою, а двери въ темную, смежную гостиную были открыты. Вдругъ матушка остановила меня словами: «постой, не читай», и при этомъ сдълала знакъ рукою, чтобы я замолчалъ. Не понимая, что случилось, я увидаль, что она пристально смотрить въ растворенную дверь. Послъ нъсколькихъ секундъ моего недоумънія и молчанія она сказала: «продолжай, теперь можно, я видъла Михаила Николаевича». Конечно, я не продолжалъ чтенія и спросиль ее: «какъ? что?»—«Когда я остановила твое чтеніе», отвътила она, «онъ по-явился въ дверяхъ, одътый въ красный халатъ 1), остановился, поманиль меня рукою и исчезъ». Несмотря на мои увъренія, что все это ей только показалось, она стояла на своемъ, повторяя: «да, я видъла его, онъ звалъ меня, но не думай, что я испугалась или скоро умру, -- совстви неть; я очень счастлива, что видъла его, это было, какъ будто, настоящее съ нимъ свиданіе».

На другой день матушка, оставаясь совершенно спокойною, разсказала о своемъ видёніи доктору Клименкову и всёмъ лицамъ, посётившимъ ее въ этотъ день. Докторъ отнесъ его къ разстройству ея нервовъ и постоянной мысли о покойномъ; остальные вторили ему, не желая вёрить въ что-то сверхъестественное, забывая, притомъ, все случившееся съ матушкою въ минуту смерти

¹⁾ Въ этомъ халате изъ краснаго кумача съ цветами онъ скончался, «потор. въотн.», мартъ, 1900 г., т. LXXIX.

отца. Одна только моя няня увъряла насъ, что то было дурное предзнаменованіе.

Поздите почти вся Москва узнала объ этомъ виденіи, и немало о немъ было толковъ.

Черезъ нѣсколько дней, проводя ночь (какъ я это дѣлалъ со дня кончины отца) въ комнатѣ матушки, за особою перегородкою, гдѣ стояла моя кровать, я рано утромъ услыхалъ какіе-то невнятные звуки и стоны. Я вскочилъ, бросился къ матери и увидалъ ее, пораженную параличемъ и лишенную языка. Шесть дней она провела въ этомъ положеніи, будучи въ полномъ сознаніи и начиная, по временамъ, говорить, а потомъ, подвергаясь опять новому нервному удару. Несмотря на старанія двухъ врачей, положеніе ея часъ отъ часа ухудшалось, и, наконецъ, пріобщившись въ полной памяти и по своему желанію Св. Тайнъ, она впала въ безсознательное состояніе и 26-го марта, въ 51/4 часовъ по полудни, заснула на вѣки. Смерть ея была свѣтла и спокойна, какъ и вся ен жизнь.

С. М. Загоскинъ.

(Продолжение въ слыдующей книжки).

БЫЛОЕ 1).

(Изъ семейной хроники).

Гувернеры.

Мы всё учились понемногу, Чему нибудь и какъ нибудь. А. С. Пушкинъ.

Ī.

ХЪ БЫЛО у насъ трое,—конечно, не всѣ сразу, но смѣнились они на протяженіи какихъ нибудь трехъ лѣтъ.

Первымъ прівхалъ къ намъ швейцарецъ Кадерли. Это былъ человъкъ лътъ около сорока, лысый, съ большой, черной, расчесанной въеромъ бородой, съ черными проницательными глазами и орлинымъ носомъ. Когда меня подвели къ нему, я перепугался безмърно: очень ужъ мнъ онъ показался строгъ. Пугали меня

его нависшія брови, его спокойная и твердая манера держаться, его ув'тренный и авторитетный голосъ. Сердце во мит такъ и ёкнуло, когда отецъ объявилъ, что отнын'т мы, т. е. брать мой и я, всецъло отдаемся подъ наблюденіе monsieur Кадерли, все время будемъ неразлучны съ нимъ, и даже спать я буду уже не въ д'тской, съ

¹⁾ Прододженіе. См. «Историческій Вістникъ», т. LXXIX, стр. 531.

няней Февроньей Степановной, а съ эгимъ строгимъ, бородатымъ господиномъ.

Конечно, я «при сей върной оказіи» не преминулъ разревъться во все горло. Отецъ прикрикнулъ на меня за это, а новый гувернеръ какъ-то неожиданно ласково и мягко принялся утъщать. Сердце у меня было податливое, и я легко пошелъ на его ласку. Брату моему, старшему меня на четыре года, новый гувернеръ, видимо, сразу понравился. Я,—во всемъ тогда старавшійся подражать ему, — тоже увърялъ себя, что и мнъ m-г Кадерли очень нравится и жалълъ только объ одномъ, что не могъ такъ же легко и бойко говорить съ нимъ по-французски, какъ это дълалъ мой брать.

Весь день пріїзда Кадерли прошель очень оживленно. Мы встрое, при помощи прислуги, устраивали наше новое жилище. Двъ большихъ и свътлыхъ комнаты были отведены намъ на верху. Въ одной были поставлены три кровати, а другая обращена была въ классную. Длинный столъ покрыли чистымъ зеленымъ сукномъ; на одномъ концъ его симметрично и въ большомъ порядкъ разложили и разставили письменныя принадлежности; откуда-то появился книжный шкафъ, большой глобусъ, планетаріумъ; на стънахъ развъсили географическія карты. Все это было чистенькое, новенькое, только что купленное въ губернскомъ городъ и прибывшее вмъстъ съ гувернеромъ.

Къ вечеру объ комнаты были уже готовы и приняли удивительно опрятный видъ. Я чуть не съ благоговъніемъ похаживалъ по нашей классной, любовался на новенькія аспидныя доски, на чистенькія тетрадки, на картонные пеналы съ хорошо очиненными гусиными перьями. Мнъ все это казалось очень важнымъ и значительнымъ, и я началъ уже проникаться къ себъ нъкоторымъ уваженіемъ, чувствовалъ себя взрослымъ человъкомъ и свысока объяснялъ моей нянюшкъ, зашедшей посмотръть на наши комнаты, значеніе и самому мнъ мало извъстныхъ предметовъ. И помню даже, что полная фигура моей доброй няни показалась мнъ крайне неумъстной въ нашей строгой, порядливой классной комнатъ.

Но нянюшка почему-то горько вздыхала и то и дёло отирала выступавшія ей на глаза слезинки. Я же былъ гордъ и важенъ до... до самаго того часа, когда пришлось укладываться спать.

Во-первыхъ, оказалось, что я совствить не умтю, какт слъдуетъ, раздъваться и укладывать въ порядкъ свое платье и вещи; во-вторыхъ, безъ помощи нянюшки я не сумтъть и умыться, какъ слъдуетъ; а, въ-третьихъ, я уже совствить не понималъ, какъ можно уснутъ, не чувствуя ея возлъ себя и не спросивъ разъ пять или шестъ совствить уже соннымъ голосомъ: «ты здъсь, няня?» и не услыхавъ ея однихъ и тъхъ же неизмънныхъ отвътовъ: «Здъсь, миленькій, здъсь! Спи, Господь съ тобой!»

Брать мой, ловко и умъло раздъвшійся самъ, умъвшій даже

отлично самъ умываться, съ нескрываемымъ превосходствомъ посматривалъ на меня и не безъ насмѣшки переводилъ мнѣ съ французскаго на русскій наставленія, дѣлаемыя monsieur Кадерли.

Раздъвшись кое-какъ и раза четыре переложивъ свои вещи по указаніямъ гувернера, я принялся умываться, и вотъ по истинъ уже могу сказать, что умылся въ этотъ вечеръ не столько водою, сколько своими слезами. Не скоро нашелъ я покой и въ постели.

— Calmez-vous, mon enfant! Calmez-vous!—то и дъло раздавалось съ кровати гувернера, а я все всхлинывалъ да всхлинывалъ, надъясь этимъ всхлипываніемъ разжалобить сердце Кадерли и добиться того, чтобъ меня отпустили спать въ дътскую, къ нянюшкъ.

Но, увы, сердца его не разжалобиль, но добился только того, что онъ довольно сердито прикрикнуль на меня:

- Enfin! Voulez-vous dormir, mon cher?

Этоть окликъ меня испугалъ, и я, что называется, притулился. Дрема уже смыкала мнъ глаза.

— Няня, ты здъсь?—сорвалось у меня въ полупросоньъ, но никто мнъ не откликнулся.

Я уткнуль голову въ подушки и горько-горько заплакалъ. У меня уже зарождалась мысль встать и потихоньку удрать въ дётскую, но я чувствоваль, что Кадерли еще не спитъ, и ръшилъ подождать, пока не уснеть этотъ строгій, неумолимый человъкъ. Но, къ счастью, я уснулъ раньше его.

II.

Рано разбудилъ насъ на другое утро Кадерли. Проснувшись, я хотълъ было, по привычкъ, немножко покапризничать въ постели, но, взглянувъ на его весело улыбавшееся и тъмъ не менъе не объщавшее ни малъйшаго снисхожденія лицо, капризничать не ръшился, а, вставъ съ постели, принялся одъваться. Съ одъваніемъ дъло шло еще хуже, чъмъ съ раздъваніемъ. Труднъе всего дались мнъ чулки. Никогда еще въ жизни не надъвалъ я ихъ себъ самъ. Пятка у меня почему-то оказывалась на пальцахъ, а носокъ болтался на пяткъ. Приходилось снимать чулокъ съ ноги и надъвать сызнова. Кадерли стоялъ возлъ меня, терпъливо и настойчиво поправляя мои ошибки, а брать мой, одётый и умытый уже, весело улыбался, оправляя свою кровать.

А какъ трудно далось мить умываніе! Но когда діло дошло до оправленія постели, туть ужъ я совсёмъ сталь втупикъ, потому что не только не уміть этого ділать, но никогда и не предполагаль о возможности такой работы.

— Ну, хорошо,—сказалъ Кадерли,—сегодня вашу постель приведеть въ порядокъ прислуга, но помните, что вы сами должны вы-

учиться это дёлать, какъ это отлично ум'веть дёлать вашъ брать. А теперь пойдемте въ классную.

Придя въ классную, Кадерли поставилъ насъ на молитву въ переднемъ углу, передъ иконой, и почему-то обоихъ на колъни. Брату моему онъ приказалъ вслухъ читатъ молитвы, а мнъ—повторять за нимъ. Самъ же онъ отошелъ нъсколько въ сторону и тоже опустился на колъни.

Разсвянно повторяль я за братомъ слова утренней молитвы. Мое вниманіе очень развлекало то, какъ молится самъ Кадерли. Во-первыхъ, почему онъ молится не въ передній уголъ, какъ это дълаемъ мы, а оборотясь лицомъ къ стънъ, на которой онъ вчера еще повъсиль бълое, слоновой кости Распятіе? Во-вторыхъ, почему онъ стоить на коленяхъ передъ самымъ диваномъ, положивъ на него локти и какъ-то странно сложивъ руки? Почему онъ не крестится, а главное, почему мы всё молимся на колёняхъ, тогда какъ прежде всегда молились, стоя на ногахъ, а на колвни опускались только въ особенно важныхъ случаяхъ? Я и не зналъ того еще, что за нашей молитвой, въ щелку двери, очень внимательно подсматривала нянюшка Февронья Степановна. Не зналъ и того, что молитва наша и ей показалась необычайно странной, и что она не преминула сейчасъ же сообщить свои наблюденія моей теткъ, старшей сестръ моего отца, и что весь день по поводу этого на женской половинъ нашего дома шелъ горячій обмънъ мыслей, и что именно эта молитва была первымъ облакомъ, быстро сгустившимся въ цёлую тучу надъ головой нашего перваго гувернера.

Но объ этомъ я скажу въ своемъ мёсть.

Послѣ молитвы Кадерли повелъ насъ внизъ, на половину отца «dire bonjour à рара», какъ сказалъ онъ. Помню, что отецъ мой очень привѣтливо поздоровался съ нашимъ гувернеромъ. Видимо, тотъ ему чрезвычайно понравился.

— Да, да, monsieur Кадерли,—говорилъ онъ, — очень прошу васъ быть внимательнымъ и строгимъ. И особенное вниманіе обратите на маленькаго, потому что этотъ страшно избалованъ и своими тетушками, и нянюшками, да и мной самимъ. Онъ еще не получилъ никакого воспитанія и умъетъ только капризничать. Наказывайте его, если это будетъ нужно, и повърьте, что я вполнъ довъряю вамъ и всегда буду на вашей сторонъ.

Кадерли мягко улыбался, гладилъ меня по головъ и выражалъ увъренность, что ни въ какомъ наказаніи не будеть нужды.

Затъмъ, мы напились чаю и отправились на верхъ, въ классную, заниматься.

III.

Я не буду подробно разсказывать шагъ за шагомъ нашу жизнь при первомъ гувернеръ. Скажу только, что не кому другому, какъ Кадерли, мы съ братомъ обязаны любовью къ порядку и точности. Это былъ безусловно образцовый гувернеръ. Строгій, непреклонный въ своихъ ръшеніяхъ, настойчиво вводившій порядокъ и ни подъкакимъ видомъ не отступавшій отъ него и въ то же время человъкъ души доброй, любившій дътей и горячо преданный своему дълу. Увы, эти-то прекрасныя качества и поставили его, такъ сказать, не ко двору въ нашемъ безалаберномъ домъ, безалаберномъ до послъдней крайности; въ домъ, гдъ человъку съ разъ навсегда выработаннымъ режимомъ жизни было бы почти совершенно невозможно оріентироваться.

Отцу нашему въ то время было лёть сорокъ. Это была, что называется, широкая натура, съ очень многими барскими замашками, шедшими совершенно въ разръзъ съ тъмъ купеческимъ воспитаніемъ, которое онъ самъ получиль въ свое время. Вдовецъ-часто недълями, даже мъсяцами онъ не бывалъ дома, и домъ тогда оставался совершенно безъ головы, потому что сестры его, объ его старше, — одна даже и очень значительно, —и объ старыя дъвы, и сами бы не могли оріентироваться въ томъ порядкъ жизни, какой велся въ присутствіи моего отца въ нашемъ домъ. А порядокъ этотъ можно было бы назвать порядкомъ, или, върнъе даже, безпорядкомъ настежь открытыхъ дверей. Къ намъ шли и ъхали званые и незваные, прошеные и непрошеные, жили, гостили, пили и тлии пили даже гораздо больше, чъмъ вли-все время слышалось пъніе, хлопанье пробокъ, музыка; устраивались пикники; сгонялись изъ окрестныхъ деревень дъвки для хороводовъ: «столнотвореніе вавилонское», какъ говорила старшая моя тегка, Марья Максимовна,-«бедламъ», какъ выражалась болъе ея просвъщенная, другая моя тетка-Елена.

И воть въ такое-то «столпотвореніе вавилонское», въ такой-то «бедламъ» и попалъ гувернеромъ корректный, воздержный во всёхъ отношеніяхъ, прекрасно воспитанный, швейцарецъ Кадерли.

Быстро поняль онъ, что здёсь ему предстоить дёль немало, и первое же изъ нихъ—есть полное изолированіе отъ «бедлама» ввёренныхъ ему двухъ мальчиковъ, очень мало грамотпыхъ и еще менёе того воспитанныхъ. Глава дома, т. е. отецъ этихъ мальчиковъ, вполнё одобрилъ его программу и обёщалъ не нарушать заведеннаго швейцарцемъ порядка въ воспитаніи дётей. Кадерли быстро сумёлъ подчинить насъ этому порядку и не только подчинить, но и заставить насъ полюбить его. Больщое вниманіе онъ

обращаль и на наше физическое воспитаніе. При немъ мы стали заниматься гимнастикой и фехтованіемъ, при немъ я, по крайней мърѣ, выучился плавать, и оба мы съ братомъ пристрастились къ верховой ѣздѣ. Я, по малолътству моему, ѣздиль еще на лошадкахъ маленькихъ или очень смирныхъ; брать же мой лихо уже скакалъ на любой лошади изъ конюшни. Скоро выучились мы совсѣмъ свободно говорить по-французски, и занятія наши съ Кадерли съ каждымъ днемъ пріобрѣтали все болѣе и болѣе интересный характеръ. Наши двѣ комнаты и сами мы трое, среди «вавилонскаго столнотворенія» нашего дома, являлись уже какимъ-то оазисомъ порядка и щепетильной опрятности. Мы любили уже нашего гувернера и совсѣмъ не замѣчали, какъ собиралась надъ головой его «бабъя туча».

IV.

Да, не ко двору пришелся Кадерли въ нашемъ домѣ, и главнымъ образомъ не сумѣлъ онъ угодить женскому населенію, а наипаче всѣхъ моей нянюшкѣ Февроньѣ Степановнѣ.

Закипъло ревностью ея любящее сердце, когда увидала она, что сокровище ея, ненаглядный питомецъ Володюшка, совсёмъ уходить изъ-подъ ея опеки и вліянія. Съ ужасомъ смотрела она, какъ дитятко усаживается на большую, настоящую лошадь и курцъ-галопомъ, подпрыгивая, какъ воробей на заборъ, уважаеть на далекія прогудки. Не могла видъть она, какъ дитятко ея лазаеть по какой-то мачть, кувыркается на трапеціи, прыгаеть черезъ деревяннаго козла; уходила душа ея въ пятки, когда узнавала она, что «дитятко» за этимъ «лысымъ чортомъ» на самую середину ръки выплываетъ... Ахъ, да то ли еще! И покушать-то въ волю дитяткв не дадуть; и поспать-то ему, какъ следуеть, не приходится; и сняты-то съ него набрюшнички и теплые, пуховые чулочки; и шарфикомъ больше его шейку не окутывають, да и умываться-то заставляють холодной водой. А туть еще ученьемъ мучать, надъ книжкой пропадать заставляють, да того гляди, что сгубять и душеньку его христіанскую: подслушала она, что мы и молитвы-то ужъ не посвоему читаемъ-дъйствительно, Кадерли выучиль насъ читать «Отче нашъ» и по-латыни, и по-французски. Закипъло ревностью и гнъвомъ ея любящее сердце, и повела она войну противъ швейцарскаго гражданина Франсуа-Альберта Кадерли.

«Гдв чорть не сможеть, тамъ женщину пошлеть», а уже противъ нъсколькихъ женщинъ и самъ чорть не устоить. Смутила моя нянюшка и тетушекъ, и бабушку, и другихъ родственницъ, и съъли онъ швейцарскаго гражданина.

Какъ это произошло, я теперь уже и не помню, да и тогда, можеть быть, не зналъ Знаю только, что въ одно прескверное

утро Кадерли объявиль намъ съ братомъ, что разныя, очень серіозныя обстоятельства отзывають его оть насъ, но что за полгода, который онъ прожилъ съ нами, онъ уже горячо полюбилъ насъ и никогда не забудеть. Просилъ не забывать и его и върить, что онъ искренно и отъ всей души желалъ намъ добра. И брать, и я—мы оба навзрыдъ плакали, прощаясь съ нашимъ гувернеромъ. А брать мой, лучше меня знавшій и понимавшій женскія интриги, которыя велись противъ Кадерли, съ этого дня возненавидълъ мою нянюшку, Февронью Степановну, и, кажется, донынъ еще не можетъ простить ей этого поступка.

А я и до сихъ поръ не могу еще понять, какимъ образомъ отецъ нашъ могь такъ смалодушествовать, что, подчинившись вліянію женщинъ, рѣшилъ разстаться съ такимъ поистинѣ образцовымъ гувернеромъ, какъ Кадерли. Впрочемъ, повторяю, «гдѣ чортъ не сможетъ,—женщину пошлетъ».

Во всякомъ случав, благодарная память о моемъ первомъ наставникв и до сихъ поръ ярко живетъ въ моемъ сердцв. Но я понялъ и бабью любовъ моей нянюшки, понялъ и давно простилъ ея проступокъ. Можетъ быть, она принесла удаленіемъ Кадерли и большое мнв зло, но сдвлала это, не ввдая, что творила, и горячо любя меня.

V.

«Свято мѣсто не будетъ пусто», говоритъ пословица. Недолго оставалось вакантнымъ и мѣсто monsieur Кадерли. Не прошло и мѣсяца, какъ мы узнали, что къ намъ ѣдетъ уже новый гувернеръ. Съ непріязненнымъ чувствомъ ожидали мы его, съ непріязненнымъ потому, что память о Кадерли была еще слишкомъ жива, любовь къ нему въ насъ еще не остыла, завѣты его мы, т. е. братъ, по крайней мѣрѣ, старались еще хранить. Я, какъ болѣе слабый, довольно охотно опять подчинялся вліянію нянюшки, но, тѣмъ не менѣе, отстаивалъ еще честь моего перваго гувернера.

Итакъ, мы ждали новаго, заранъе готовясь оказать ему всяческій отпоръ, если онъ не будетъ такимъ же, какъ Кадерли, а на это мы, конечно, совсъмъ не разсчитывали.

- Завтра долженъ прівхать herr Бестіанъ,—сказалъ однажды утромъ при насъ отецъ.—Приведите въ порядокъ вашу спальню и классную.
- Herr Бестіанъ? Что такое herr Бестіанъ?—съ недоумѣніемъ переспросили мы.
 - Herr Бестіанъ-это вашъ новый гувернеръ, нѣмецъ.
- -- Вотъ смѣшная фамилія!--замѣтилъ кто-то изъ молодыхъ родственницъ.
- Что-жъ, фамилія, какъ фамилія,—стараясь быть серіознымъ, но самъ едва удерживаясь отъ улыбки, замътилъ отецъ.

— Какъ зовутъ-то? Обезьянъ, что ли?—переспросида тугая на ухо наша старшая тетушка.

Мы, дъти, не выдержали и расхохотались.

И пълый день потомъ мы, приводя въ порядокъ наши комнаты, все повторяли:

- Обезьянъ, Обезьянъ!
- A какъ ты думаешь, какой онъ изъ себя? спрашивалъ я брата.
- Въроятно, старый и безобразный, похожий на обезьяну,—дълалъ тотъ свои предположения.

А когда я сообщилъ моей нянюшкъ, что новаго гувернера зовутъ «Обезьянъ», она сначала не повърила, а потомъ только руками всплеснула:

- Скажите, пожалуйста! Облезьянъ! Да неужто такія имена есть?—удивилась она.
 - Не Облезьянъ, а Обезьянъ, няня!--поправилъ я.
- Ну, не все ли равно Облезьянъ ли, Обезьянъ ли... Опять какой нибудь нехристь!

Къ вечеру ужъ весь домъ зналъ, что завтра утромъ прівдетъ къ намъ немецъ, гувернеръ, по имени Облезьянъ Ивановичъ.

— Ну, потажай за Облезьянъ-то Ивановичемъ,—напутствовали кучера Ефрема, отправлявшагося съ вечера на нашей тройкъ на ближайшую почтовую станцію за новымъ гувернеромъ.

Прошла ночь, настало утро. Мы съ братомъ проснулись ранъе обыкновеннаго и то и дъло посматривали въ окна, съ нетерпъніемъ и не безъ страха ожидая прибытія этого невъдомаго и казавшагося намъ уже страшнымъ человъка, носившаго странную фамилію herr Bestian.

- A на какомъ языкъ мы съ нимъ будемъ говорить?—спрашивалъ я брата.
- Конечно, по-французски. Теперь ужъ и ты хорошо говоришь, рѣшилъ онъ.
- А если онъ не умъетъ по-французски? Въдь, онъ же нъмецъ.
- Всѣ гувернеры должны говорить по-французски. По-нѣмецки же и ни за что съ нимъ не стану разговаривать.
 - -- А развѣ ты умѣешь по-нѣмецки?
 - -- Нъть, не умъю, потому и не стану.

И опять бросались мы къ окнамъ, и опять прислушивались: не раздается ли звонъ почтовыхъ колокольчиковъ.

Мы совстви почему-то упустили изъ вида, что Бестіанъ долженъ пріткать не на почтовыхъ, а на нашихъ, стало быть, безъ колокольчиковъ и поэтому прітву его засталь насъ врасплохъ.

— Пожалуйте внизъ, къ напашъ, гувернеръ прівхалъ, —радостно объявилъ нашъ казачокъ Өедька, вбъгая съ веселымъ, какъ всегда, лицомъ въ нашу классную.

- Какъ прітхаль? Когда прітхаль? заволновались мы.
- Да ужъ съ полчаса, какъ прівхали.
- Ну, что, какой? Какой онъ? Старый? Безобразный? Злой?— забрасывали мы Өедьку разспросами.
- Злющій—презлющій. Кривой и горбатый,—сообщиль Өедька и, весело росхохотавшись, бросился внизъ по лъстницъ.

Сердце у насъ екнуло. Мы обдернули на себъ курточки, сшитыя для насъ, по указанію Кадерли, и, стараясь быть смѣлыми, отправились внизъ. Братъ шелъ впереди, я прятался за него. Но передъ самымъ входомъ въ кабинеть отца онъ вдругъ вытолкнулъ меня впередъ, и... въ глазахъ у меня помутилось.

За письменнымъ столомъ, на своемъ обычномъ мѣстѣ, сидѣлъ отецъ и о чемъ-то весело разговаривалъ съ какимъ-то незнакомымъ человѣкомъ, лица котораго я не разсмотрѣлъ, потому что не рѣшался поднять глаза въ его сторону.

— Ну, воть, дъти, вамъ и новый гувернеръ, herr Бестіанъ, проговорилъ отецъ и видя, что мы оба потупившись стоимъ на мъстъ, прибавилъ:—Подойдите же! Поздоровайтесь съ нимъ!

Тяжело сопя и трясясь почти всёмъ тёломъ, сдёлалъ я нёсколько шаговъ впередъ и поднялъ глаза. На меня смотрёло молодое, безусое, безбородое, почти юношеское еще лицо. Свётло-сёрые глаза ласково улыбались мнъ. Бълокурый локонъ густыхъ, вьющихся волосъ падалъ на бёлый, молодой лобъ. Большая, красная рука протянулась ко мнъ и потрепала меня по плечу.

— Да онъ еще совствъ молодой!—не вытерить и сообщилъ я брату.

Смотрю, и братъ повеселътъ тоже, и отецъ весело улыбается, и вдругъ, совершенно неожиданно, расхохотался и самъ herr Бестіанъ и такъ заразительно расхохотался, что вслъдъ за нимъ расхохотались и мы.

Не прошло и пяти минуть, какъ мы сидѣли уже возлѣ него, довѣрчиво и весело посматривая на его молодое, правда, некрасивое, но симпатичное лицо, и я, по крайней мѣрѣ, всѣми силами старался уже занимать его. Правда, это было очень трудно: по-французски Бестіанъ не говорилъ; по-русски зналъ всего нѣсколько словъ, а я ни слова не зналъ по-нѣмецки. Тѣмъ не менѣе, мы о чемъ-то разговаривали, и я ему разсказывалъ что-то.

— Ну, пойдемте теперь завтракать, сказаль отецъ.

И когда мы проходили черезъ залъ, гдъ стоялъ большой рояль, купленный еще для моей покойной матери, гувернеръ пріостановился около него, отомкнулъ крышку и взялъ нъсколько аккордовъ, но такихъ сильныхъ, такихъ могучихъ, что я даже замеръ отъ удивленія.

— Herr Бестіанъ будетъ между прочимъ учить васъ и музыкъ, — сообщилъ намъ отецъ.

И мит отъ этихъ словъ вдругь опять стало почему-то страшно.

VI.

Пока мы завтракали, въ людской въ это время шель, что называется, дымъ коромысломъ. Туда собралась почти вся наша многолюдная дворня. Поваръ Демьянъ то и дѣло заглядывалъ туда изъ кухни; повариха и судомойки торчали, разиня рты; удостоилъ людскую своимъ посѣщеніемъ и самъ важный Мортирій Васильевичъ, камердинеръ моего отца. Тутъ же былъ и старшій кучеръ Алимпій. Даже нянюшка моя очутилась какъ-то тутъ. А героемъ этого раута являлся на этотъ разъ младшій кучеръ Ефремъ. То и дѣло заставляли его разсказывать потѣшную исторію съ новымъ гувернеромъ, и тоть, видимо очень довольный своимъ положеніемъ, охотно повторялъ ее для каждаго новаго слушателя.

- Ну, вотъ, братцы, -- говорилъ онъ, -- прібхаль это я на Кундышъ. Еще до свъту прівхаль. Конечно, это, отпрягь, даль отдохнуть лошадямъ, -- да и то всю дорогу почитай что шагомъ жхалъ, -- добавиль онь, обращаясь уже спеціально къ старшему кучеру. — Ну, отдохнули лошади, корму задалъ, попонлъ. Свътать начало. Подъ**тажаетъ кибитка, вылъзаеть изъ нея господинъ, руками машеть и** что-то лопочеть непонятное. Только я его по шубъ узналь: вижу, шуба-то медвъжья, значить наша, конторская. Думаю, значить, своей одежонки у него, какъ следуеть, настоящей неть, стало быть, ему въ городъ изъ конторы, когда отправляли, эту шубу на дорогу и выдали. Подошелъ это я прямо къ нему, да и спрашиваю: «Не вы ли, молъ, Облезьянъ Ивановичъ будете?» Спервоначалу-то не поняль, переспросиль раза два, а потомъ вдругь обрадовался, головой замоталь и кричить: «Я, я, я». «Ну, а коли ты, такъ и чудесно», думаю. Запрягать пошель. А онь, это, поднялся на станцію и самоваръ потребовалъ. Только путемъ и чаю-то не напился: стаканчика два какихъ нибудь и проглотить-то успълъ. Какъ увидаль, что лошади поданы, сейчась это заторопился, чтобы дальше **туть-то потъха и пошла.** Позваль, это, онъ смотрителя, Аксентья Оомича, и спрашиваеть: «Что стоить самоварь?» А тоть ему это:—«Который, говорить, этоть, что ли, что на столь?» Нъмецъ ему головой киваетъ. «Что-жъ, этотъ, говоритъ, не изъ дорогихъ, а все же рублей семь стоитъ». Господи, Боже! Что туть съ нашимъ нѣмцемъ подѣлалось! Какъ онъ вдругъ заверещить! Какъ заверещить! Да какъ примется по комнать бытать, такъ Аксентій Оомичъ, инда, въ свии выскочилъ. А тоть за нимъ и оретъ благимъ матомъ: «Лѣсъ! Лѣсъ!» кричитъ. «Разбойникъ! Убить! Револьверъ!» говоритъ. У меня даже лошади шарахнулись. «Вотъ такъ, думаю, представлю я вамъ сюда господина!» А тотъ все къ Аксентію Оомичу лізсть и спрашиваеть: «Семь рублей? Семь рублей самоваръ?» «Что-жъ», говоритъ Аксентій Өомичъ, «дійствительно, семь! хошь не тумпаковый, а самоваръ хорошій!» И вдругь нъмецъ вынимаетъ изъ кармана семь рублей и суетъ Аксентію Өомичу. Тоть не береть, потому что самоварь не продажный, и самому ему на станціи надо. Нѣмецъ тычеть, кричить: «разбойникы!» Аксентій Оомичь пятится. Потеха! Ну, что жъ делать? Вылили изъ самовара воду, вытрясли уголья, завернули въ свно, несутъ въ кибитку къ намъ. Какъ увидалъ это мой немецъ, да какъ примется вдругь хохотать! Бъгаетъ кругомъ кибитки, ногами топочеть, а самъ такъ и заливается хохотомъ! Туть ужъ мы и совсемъ страху дались: помъщанный! Одно слово -- помъщанный. Только вдругъ это онъ досталъ изъ кармана книжечку, порылся въ ней что-то, почиталь и спрашиваеть: «Что стоить чай?» Туть ужъ и Аксентій Оомичъ сообразиль, въ чемъ ошибка, и тоже хохотать принялся. На радостяхъ даже и за чай съ нъмца брать не хотълъ, взяль только самоварь обратно, да ему семь рублей воротиль. Прощаться стали, такъ расцъловались. Ну, такой чудной нъмчура, просто сказать нельзя! Всю дорогу меня смёщиль. Тедеть, тедеть къ кибиткъ, да вдругъ какъ крикнетъ: «Что стоитъ самоваръ?» И ну хохотать! Такъ и зальется, словно младенецъ какой! Препотвшный.

Несмолкаемый хохотъ стоялъ и въ людской во время всего этого разсказа. Нѣкоторые раза по три, по четыре его слушали и каждый разъ повторяли:

— Ай да Облезьянъ Ивановичъ! Вотъ молодчина-то!

Изъ людской разсказъ этотъ живо проникнулъ и въ домъ, и скоро всё отъ мала до велика знали уже исторію съ самоваромъ, и веселый смёхъ разсыпался по всёмъ комнатамъ. И до отца этотъ разсказъ дошелъ, а тотъ самого Бестіана объ этомъ спросилъ и не успёлъ спросить, какъ молодой гувернеръ нашъ такъ и раскатился дробнымъ хохотомъ и принялся уже по-своему разсказывать. А въ его разсказъ это еще веселъе, еще смъщнъе выходило. Искренно и наивно признавался онъ въ своихъ подозръніяхъ, что эта страшная глушь, куда завезли его, представилась ему вдругъ разбойничьимъ гнъздомъ, гдъ за стаканъ чая семь рублей дерутъ. Разсказывая, онъ то и дъло обрывался, хваталъ себя за голову и принимался хохотать.

И всёхъ, всёхъ заразилъ онъ своимъ весельемъ, и вдругъ всё какъ-то сразу полюбили его, какъ своего близкаго, какъ родного.

VII.

Ко двору пришелся «Облезьянъ Ивановичъ» и какъ-то необычайно быстро освоился со всёми порядками нашего дома. Изъ всёхъ нёмцевъ, какихъ мнъ приходилось когда либо встречать, онъ ме-

ите всего походилъ на нтица, а между ттить, нтисть онъ былъ по происхождению самый настоящій. Гановерецъ родомъ, окончилъ онъ курсъ въ одномъ изъ лучшихъ германскихъ университетовъ; теологъ по образованию, а по призванию—музыкантъ. Какъ онъ попалъ въ Россію, я не знаю. Пробылъ недтли три въ Москвт гувернеромъ въ какомъ-то пансіонт, а отгуда былъ направленъ уже прямо къ намъ, въ нашъ глухой, медвтжій уголъ. Прітхалъ — и сразу расположилъ къ себт вст сердца, и насъ встхъ полюбилъ совершенно искренно.

Науками онъ намъ не докучалъ. Педантомъ отнюдь не былъ, быстро, даже необычайно быстро выучиль насъ говорить, читать и писать по-нъмецки. Попросиль отца выписать для насъ нъсколько иллюстрированныхъ нёмецкихъ журналовъ, и позже, цёлую библютеку нёмецкихъ книгъ. И читалъ ихъ съ нами вслухъ, насъ заставляль вслухь читать, и самымь незатьйливымь образомь пріохотиль насъ къ нъмецкой литературъ, къ нъмецкой поэзіи. Но мы бы рисковали совстви остаться безграмотными, если бы на подмогу къ Бестіану не являлось два-три учителя изъ сосъдняго уъзднаго городка, къ которому усадьба наша примыкала, что называется бокъ о бокъ. Двое изъ этихъ учителей были въ то же время и учителями мъстнаго увзднаго училища, и они преподавали намъ русскій языкъ, исторію, географію и математику. Для Закона Божія посъщаль насъ нашъ приходскій священникъ, отецъ Алексъй, французскимъ же языкомъ занимался съ нами одинъ прекрасно образованный, ссыльный полякъ, жившій у насъ на заводъ. Самъ же Бестіанъ, помимо нъмецкаго языка и литературы, преподавалъ намъ еще и музыку.

И воть эта-то музыка являлась для меня сущимъ испытаніемъ и самой настоящей пыткой, потому что безалаберный, безтолковый, всегда веселый и добродушный Бестіанъ, садясь за рояль, становился совершенно неузнаваемымъ. Лицо его дълалось почти суровымъ, движенія нервны; голосъ різокъ. Онъ становился нетерпісливымъ и раздражительнымъ. Самъ онъ несомивнио былъ прекраснымъ музыкантомъ. При благопріятныхъ условіяхъ изъ него бы вышель, въроятно, далеко недюжинный артисть, но, какъ педагогь, онъ никуда не годился. Насколько легко, прямо таки играючи, пріохотиль онь меня и къ своему родному языку, и къ своей нісмецкой литературъ, настолько разъ навсегда своей требовательностью и раздражительностью оттолкнуль отъ рояля. Брать мой, какъ всегда во всемъ настойчивый и добивающійся, учился музыкъ несравненно успъщнъе. Онъ упорно работалъ надъ развитіемъ своихъ пальцевъ, довольно быстро выучился читать ноты, но впослъдствіи все это также быстро и основательно перезабыль. Я же буквально только ревёль за роялью и надолго, надолго возненавидёль этоть инструменть, напоминавшій мив объ очень скверныхъ минутахъ, проведенныхъ за нимъ съ Бестіаномъ. И я остался совершенно музыкально безграмотнымъ человъкомъ. А жаль! Потому что изъ всей нашей семьи едва ли не у меня одного, можетъ быть, и не большія, но все-таки были музыкальныя способности. Но Бестіанъ съ самаго начала сумътъ меня оттолкнуть отъ музыки, а научить не сумътъ. И въ то время, когда мой братъ уже довольно бъгло разбиралъ ноты и игралъ неособенно замысловатые этюды, я за роялемъ умътъ только ревъть благимъ матомъ.

Милая нянюшка, Февронья Степановна, и тутъ подоспъла мнъ на выручку.

VIII.

Начинается урокъ музыки. Первымъ въ залъ отправляется съ Бестіаномъ мой братъ. Я, впрочемъ, если у меня нѣтъ въ этотъ часъ другого учителя, иду вмѣстѣ съ ними и сажусь въ уголку съ книжкой. Братъ развертываетъ ноты и принимается за какой нибудь этюдъ. Бестіанъ время отъ времени поправляетъ его и дѣлаетъ свои замѣчанія. Но сегодня, какъ на зло, я чувствую, что братъ играетъ отлично, все ему удается:

— Schön! Schön! Sehr schön!—то и дёло срывается у Бестіана. И сердце мое замираеть. Я знаю, что это значить: это значить, что брать скорве обыкновеннаго окончить свой урокь, и Бестіанъ, отпустивь его на свободу, примется за меня. И чёмъ лучше занимался брать, тёмъ больше будеть раздражать Бестіана моя безтолковость. Впрочемъ, онъ всегда говорить, что это совсёмъ не безтолковость, а самая отчаянная лёность съ моей стороны. Да развё мнё легче оть этого, разъя не могу эту лёность преодолёть?

Ну, такъ и есть! Они уже кончили! Бестіанъ хвалитъ моего брата и тоть, довольный и радостный, идетъ въ нашу классную, чтобъ всецёло отдаться своему любимому занятію—рисованію. А Бестіанъ, еще за пять минутъ передъ этимъ такой добрый и ласковый, становится вдругь хмуръ и строгимъ голосомъ подзываетъ меня къ роялю. Я подхожу, сажусь, со вздохомъ взглядываю на эти бёлыя и черныя клавиши, и мы начинаемъ:

— Ein, zwei, drei! Ein, zwei, drei! — ръзко отсчитываеть Бестіанъ.

Я стараюсь поспёть за его счетомъ, но мои пальцы, но мои ужасные, толстенькіе, кругленькіе пальцы! Имъ нётъ дёла до монхъ мученій! Они становятся вдругъ необычайно лёнивы, неуклюжи, неповоротливы. И особенно этотъ карапузикъ-мизинецъ! Онъ самымъ глупёйшимъ образомъ все лёзетъ кверху и топорщится. Кажется, такъ бы и откусилъ его, но не успёлъ я и подумать, какъ Бестіанъ приводитъ это въ исполненіе. Положимъ, онъ не кусаетъ мнё мизинца, но все-таки пребольно щелкаетъ по немъ

линейкой. Слезы у меня уже на глазахъ, и эти безъ того мало понятные черточки и кружечки, которые пестрятъ лежащія передо мною ноты, заволакиваются дымкой.

— Ein, zwei, drei! Ein, zwei, drei!—-уже почти кричить Бестіанъ, и линейка все чаще и ощутительнъе щелкаеть меня по рукамъ.

Я плачу, я изнемогаю отъ горя, нётъ силъ больше териёть этихъ страданій... Няня, няня! Да гдё же ты?

Бестіанъ вздрогнуль и обернулся. Я обернулся тоже. Тамъ, въ глубинъ гостиной, отдъленной отъ залы только двумя колоннами, полуотворилась дверь. Озабоченное лицо моей нянюшки выглядываеть отгуда, она машетъ рукой и шепчетъ:

- Херъ Близьянъ, херъ Близьянъ! Облизьянъ Ивановичъ! Пожалуйте-ка сюда!
 - Ну, что надо?-почти сердито спрашиваетъ Бестіанъ.
- Да вы только пожалуйте, пожалуйте сюда,—шопотомъ настаиваетъ нянюшка.

Бестіанъ встаеть и идеть черезъ гостиную. Я иду, конечно, за нимъ. Мы оба выходимъ въ следующую за гостиной комнату, такъ называемую, зеленую угловую. Бестіанъ вдругь улыбнулся, и рука его, совсемъ ужъ какъ-то по-русски, тянется къ затылку: на маленькомъ, принесенномъ туда откуда-то столикъ, на чистенькой скатеркъ, стоитъ графинчикъ водочки и бутылка доппель-кюммелю. А тутъ же на сковородкъ шипитъ и бурлитъ еще горячая соляночка. Аппетитный запахъ такъ и пахнулъ на насъ. Да и что это за соляночка! Никто, кромъ няни, ее дълать такъ не умълъ! Ужъ на что великій мастеръ былъ нашъ поваръ Демьянъ, и тотъ, когда нянюшка являлась въ этотъ часъ въ кухню и принималась сама стряпать, для извъстной ей цъли, эту соляночку, такъ и Демьянъ говаривалъ, снисходительно улыбаясь:

— Вотъ вы, нянюшка, хотя и женщина, а все-таки нѣкоторыя кушанья приготовить можете. Положимъ, ваша солянка не поварское дѣло, и нашему брату за нее въ аглицкомъ клубъ весьма даже шею бы накостыляли, но духъ отъ нея идетъ ничего—хорошій.

Да какъ было и не итти хорошему духу отъ этой соляночки, когда тутъ и ветчинка, и капустка, и рыжички, и огурчики, и маринованный лучекъ, и оливочки и чего-чего только туда не положено. Пахнетъ этимъ «хорошимъ духомъ» на Бестіана,—онъ и разомлъетъ. Сначала за затылокъ подержится, потомъ руки одна о другую потретъ, потомъ крякнетъ, да и скажетъ:

— Одна рюмочка водочка, больше нътъ.

Ну, а за одной-то другая, а за другой да третья... Смотришь, и повесельть нашъ «Бестіанъ Ивановичь» и ужъ совсьмъ другимъ человъкомъ въ залу, къ роялю возвращается. Экзерсисы мои отбросить въ сторону, развернеть передъ собой какую нибудь Бетховенскую сонату, и польются изъ-подъ его пальцевъ могучіе и вдохновенные звуки. На этомъ нашъ урокъ и кончается.

Знала нянкошка тайны сердца человъческаго, знала его слабости и умъла выручать изъ бъды своего питомца.

Скоро объ этомъ даже и на кухнъ узнали: какъ бывало придетъ нянюшка свою солянку готовить, такъ поваръ Демьянъ непремънно скажеть:

— Что, върно, опять Облизьянъ Ивановичъ вашего питомца музыкъ обучаетъ?

Солянка разнообразилась иногда и другой, но ничуть не менте вкусной закуской. Количество же выпиваемых рюмочекъ моимъ гувернеромъ чуть ли не съ каждымъ мъсяцемъ прогрессивно увеличивалось. Мудрено ли, что я до сихъ поръ не умъю играть на роялъ?

IX.

Попавъ къ намъ въ домъ, молодой нѣмецъ началъ удивительно быстро «русть». Наши нравы и обычаи не только не коробили, но, кажется, и ничуть не удивляли его. Наша кухня пришлась ему какъ нельзя болъе по вкусу. Онъ полюбилъ и квасъ, и пироги, и даже окрошку, и ботвинью. Но, увы, больше всего по вкусу пришлась ему русская водка, нъжно называемая имъ «водочка». Сначала онъ пиль ее, разбавляя доппель-кюммелемъ, а потомъ ужъ сталъ тянуть прямо гольемъ. Пива у насъ въ домъ какъ-то не водилось, зато по части виноградныхъ винъ выборъ былъ большой, и выпивалось ихъ весьма солидное количество, но Бестіанъ не чувствоваль влеченія не только къ бордосскимъ и бургундскимъ, но даже къ своимъ роднымъ рейнскимъ. Въ жаркое время онъ еще охотно пиль домашнія «шипучки» и «водички» и особенно «березовку» или, такъ называемое, «шампанское, чёмъ ворота запирають». Напитокъ этотъ приготовлялся изъ березоваго сока, перебродившаго и сдобреннаго, кажется, коньякомъ. Каждую весну, когда береза даеть сокъ, у насъ его заготовляли тысячами бутылокъ и лътомъ пили всь очень охотно.

Но для Бестіана пріятніве всего была водочка и водочка, и чімъ больше онъ привязывался къ ней, тімъ хуже шли наши занятія. Даже уроками музыки началь ужъ онъ манкировать. И странно, что никто изъ старшихъ этого какъ будто не замічаль. Его всі любили, онъ былъ пріятнымъ членомъ всякой компаніи, веселый, молодой, старающійся говорить непремінно по-русски и немилосердно, поэтому, коверкающій свой языкъ, онъ всюду вносиль съ собой оживленіе и какой-то радостный шумъ. Особенно дорогь онъ былъ своей музыкальностью. Собирались гости, и Бестіанъ уже охотно шелъ къроялю. Сначала онъ игралъ исключительно серіозныя, классическія вещи, но затімъ, въ угоду этимъ милымъ, такъ искренно приласнавшимъ его людямъ, сталъ аккомпанировать пінію

«нотор. въсти.», марть, 1900 г., т. LXXIX.

и поигрывать танцы. Самъ онъ пѣлъ плохо, стараясь недостатокъ голоса замѣнить какимъ-то крикомъ, но и крикъ этотъ приводилъ всѣхъ въ прекрасное настроеніе духа и,—что грѣха таить,—Бестіана всѣ старались немножко подпоить, и подпаиваніе это кончалось самымъ основательнымъ спаиваніемъ. Легко и охотно шелъ Бестіанъ по этой дорожкѣ.

Напиваясь, онъ оставался и милымъ, и приличнымъ, и терпимымъ даже въ дамскомъ обществъ... Нетерпимымъ должно было бы быть только одно—это дальнъйшее его пребываніе нашимъ гувернеромъ, потому что ничему хорошему мы уже отъ него выучиться не могли. Правда, мы любили Бестіана, но не чувствовали къ нему ни малъйшаго уваженія и часто даже забавлялись надъ нимъ, особенно, когда онъ являлся къ намъ пьяненькимъ, что, къ сожальнію, стало случаться все чаще и чаще.

X.

Помню разъ—это было лётомъ—на разсвётё утромъ вернулся Бестіанъ съ какой-то попойки и, пробираясь къ своей постеди, задёлъ за ночной столикъ, уронилъ его и этимъ разбудилъ насъ. Но, проснувшись, мы, какъ бы сговорившись, продолжали лежать неподвижно, не подавая и вида, что ворко наблюдаемъ за нашимъ не въ мёру упившимся гувернеромъ. А гувернеръ нашъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону и бормоча себё подъ носъ, что ему хочется пить, отыскивалъ графинъ съ водой, который, какъ на зло, не былъ поставленъ съ вечера прислуживавшимъ намъ казачкомъ Өедькой.

Побродя по комнать, Бестіанъ вышель изъ нея, и скоро мы услыхали его шаги внизъ по лестнице, и почти вследъ за этимъ къ намъ вбъжалъ полураздътый Оедька и, задыхаясь отъ душившаго его хохота, предложиль полюбоваться на «Бестіана Ивановича». Мы всв выскочили на балконъ, выходившій на дворь, и какъ разъ, въ это же время, съ чернаго крылечка вышелъ на этотъ дворъ и нашъ почтенный наставникъ. Нетвердыми шагами направился онъ къ людской избъ, возлъ которой стояла на дрогахъ большая бочка съ водой, Доставъ большимъ чернакомъ изъ бочки воды, Бестіанъ принялся пить, впрочемъ болбе выливая воды себв за жилетку, чёмъ въ ротъ. Но, увы, это его не отрезвило. Напившись, онъ продолжалъ задумчиво стоять возлѣ бочки, поглаживая ея крутые бока. Потомъ, вдругъ, къ немалому нашему удивленію, мы увидали, что онъ самымъ спокойнымъ образомъ снимаеть съ себя сюртукъ, за сюртукомъ последовала и жилетка, а за жилеткой и панталоны. Снявъ всё эти вещи, онъ ихъ довольно аккуратно развёсиль на оглобляхъ, а затъмъ, присъвъ на одно изъ колесъ дрогъ, принялся снимать сапоги. Одинъ сапогъ онъ снялъ довольно удачно, но съ другимъ дѣло шло гораздо хуже: нога не слушалась, руки срывались, и въ концѣ концовъ сорвался и самъ Бестіанъ съ колеса и довольно мягко шлепнулся въ лужу, никогда не просыхавшую возлѣ этой бочки. Это ему видимо очень понравилось, потому что онъ весело разсмѣялся и попытался даже запѣть какую-то пѣсню. Пѣснь не удалась, Бестіанъ повернулся на бокъ, положилъ руку подъ голову, и почти сейчасъ же до насъ донеслось его довольно основательное всхрапываніе.

Это зрвлище привело, конечно, насъ въ самое прекрасное расположеніе духа. Мы весело хохотали, топоча босыми ногами по балкону, но брать мой, какъ болье благоразумный, опомнился первымъ и сталъ требовать, чтобъ Өедька отправился внизъ и, разбудивъ Бестіана, водворилъ его на его мъсто. Өедька оттоваривался, увъряя, что Бестіана теперь ни за что не добудится, и совътоваль для этого позвать кучера. Но какъ разъ въ это время дверь изъ людской отворилась, и отгуда вышла высокая, худая и всегда суровая наша прачка, Марья Андреевна. Видъ развъщаннаго на оглобляхъ платья привель ее въ крайнее изумленіе, а когда она, подойдя къ самой бочкъ, наткнулась на безмятежно спавшаго въ жидкой грязи «Облизьяна Ивановича», она даже руками всплеснула.

Дъйствительно, добудиться его было не легко, но Марья Андреевна, или, какъ у насъ ее попросту называли, Андреевна, была женщина настойчивая и энергичная, и черезъ двътри минуты она уже почти волокомъ тащила что-то бормотавшаго Бестіана въ садъ, захвативъ кстати и его платье. А немного спустя, сбъгавшій внизъ Өедька доложилъ намъ, что Бестіанъ преспокойно уже спить на большой верандъ.

Отправились спать и мы.

Ŋ

E.

·Бывали съ нимъ случаи и другого рода, и всё являлись результатомъ неумёреннаго возліянія на жертвенникъ Бахусу.

Сталъ призадумываться и нашъ отецъ. Правда, до него всегда все доходило послѣ всѣхъ и его единственнымъ докладчикомъ былъ камердинеръ Мортирій Васильевичъ, а Мортирій Васильевичъ мирволилъ Бестіану и почему-то покрывалъ его. Но Бестіанъ сталъ напиваться и въ присутствіи отца. Правда, въ этихъ случаяхъ ему не позволяли отправляться спать въ дѣтскую, а укладывали его гдѣ нибудь внизу, но, тѣмъ не менѣе, отецъ почувствовалъ, что милый нѣмецъ является очень плохимъ гувернеромъ. Уже не говоря о томъ, что всѣ физическія упражненія, т. е. гимнастика, фехтованіе и т. д., были оставлены, что плаваніе принимало рискованный карактеръ, а верховая ѣзда утратила всякую школу, заведенную и строго соблюдавшуюся при Кадерли, самыя занятія науками ведутся безалаберно, кое-какъ; что являющіеся изъ города

Digitized by Google

учителя сплошь да рядомъ не застають своихъ учениковъ дома и возвращаются ни съ чѣмъ; но, и помимо всего этого, и нравственное наше воспитаніе должно было сильно страдать отъ присутствія такого гувернера.

Но отецъ любилъ Бестіана и, можетъ быть, въ глубинѣ души сознавалъ, что и самъ онъ немало виноватъ въ томъ, что этотъ юный еще и милый нѣмецъ такъ быстро и основательно пристрастился къ русской водочкъ. И жаль ему было его, и онъ сталъ подумывать, какъ бы, взявъ для дѣтей новаго гувернера, не разставаться и съ Бестіаномъ, а изобрѣсти для него какое нибудъ мѣсто. Мѣстъ у насъ при заводахъ было немало, но всѣ они требовали или техническихъ знаній или, по крайней мѣрѣ, основательнаго знанія русскаго языка. У Бестіана не было ни того, ни другого. Оставаться же просто такъ, прихлебателемъ и собутыльникомъ на жалованіи, самъ Бестіанъ ни за что бы не согласился, настолько у него было самолюбія и гордости, и дилемма такимъ образомъ оставалась неразрѣшенной, а Бестіанъ продолжалъ быть нашимъ гувернеромъ.

Выручила насъ австро-прусская война.

XI.

Но прежде, чёмъ перейти къ отъёзду Бестіана, я долженъ еще разскавать о его романь.

Въ увздномъ городив, какъ разъ въ той части, которая отдълялась отъ нашей усадьбы только однимъ небольшимъ овражкомъ, проживалъ плохонькій увздный сапожникъ, Семенъ Колодкинъ. Однажды, отправившись съ нами, т. е. съ дътъми, кататься верхомъ, Бестіанъ какъ-то ухитрился оторвать себъ каблукъ. Случилось это возлъ самаго домика сапожника, сидъвшаго у воротъ на скамеечкъ.

— Позвольте починить-съ! Въ одну минуту обработаю, —предложилъ юркій Колодкинъ, подбъгая къ Бестіану и хватая его за ногу.

Бестіанъ согласился и слѣвъ съ лошади. Колодкинъ усадилъ его на скамеечку, снялъ сапогъ и юркнулъ съ нимъ въ избу, а на смѣну ему отгуда вышла высокая, ширококостая, круглолицая, полногрудая сестра Семена, Степанида. Привѣтливо поклонившись намъ и Бестіану, она остановилась въ калиткъ, то и дѣло поглядывая на юнаго нѣмца. А юный нѣмецъ каждый разъ, какъ только думалъ, что мы не смотримъ на него, тоже бросалъ выразительные взгляды на неособенно уже юную россіянку.

Сапогъ былъ скоро и основательно поправленъ, и когда мы тронули нашихъ лошадей, чтобы вхать дальше, то ясно слышали, какъ Степанида вскользь кинула нашему гувернеру:

— Завзжайте когда, милости просимъ!

Вестіанъ поняль эти слова и... вскоръ сдълался, что называется, своимъ человъкомъ въ домъ сапожника Колодкина. Отъ насъ онъ, конечно, это тщательно скрывалъ, но, во-первыхъ, шила въ мёшке не утаншь, а, во-вторыхъ, при насъ находился юркій, все знавшій, все умівшій пронюхать, казачекь Өедька. И благодаря ему, мы вскорв уже знали, что нашъ милый Бестіанъ Ивановичь, что называется, по уши връзался въ сапожникову сестру Степаниду и рѣдкій вечеръ не забѣжить въ ихъ гостепріимный домикъ и не поставитъ имъ какого нибудь угощенія. Степанида же, вообще очень снисходительная къ ухаживанію убадныхъ франтовъ изъ мелкихъ канцеляристовъ и писцовъ, съ гувернеромъ нашимъ держала себя особой вполнъ недоступной. И пить съ нимъ-пила, и подарки принимала, и цъловалась даже, но... больше ни-ни, а Бестіанъ, по разсказамъ Өедьки, совсёмъ одурёлъ возлё нея, называлъ ее «Степанида Степановна» и въ пьяномъ видъ даже руки ей цъловалъ.

Скоро всё уже у насъ въ домё знали романъ Бестіана и стали подтрунивать надъ нимъ. Женщины удивлялись его вкусу, мужчины—сентиментальной глупости, заявляя, что «Степанидку» не только за тё подарки, что онъ ей дёлалъ, а прямо таки за полтинникъ и купить и продать со всей амуниціей можно, потому что и не очень-то молода ужъ она, и красоты въ ней нётъ никакой особенной.

Вывели эти насмёшки Бестіана изъ терптінія, и онъ рёшительно заявиль свои требованія Степанидь. Та уступила, и Бестіань уже безповоротно погрязь въ своей любви. Почти все жалованіе свое отдаваль онъ этой Степанидъ Степановнъ и съ каждымъ днемъ все сильнъе и сильнъе привязывался къ ней, и наконецъ дошло дъло до того, что онъ объявилъ моему отцу о своемъ рёшительномъ намъреніи—жениться на дъвицъ Колодкиной.

Это было такъ неожиданно, такъ безсмысленно, что отецъ только руками развелъ и сказалъ, что онъ никакого совъта въ данномъ случав дать не можеть. Но Бестіанъ и не просилъ никакого совъта: онъ просто ръшилъ и ръшилъ безповоротно. Тогда отецъ позвалъ своего камердинера Мортирія Васильевича и, сдълавъ ему соотвътствующее наставленіе, отправилъ къ сапожнику Семену Колодкину. Уменъ и дипломатиченъ былъ Мортирій Васильевичь, да и строгимъ умълъ онъ быть, когда это находилъ нужнымъ. Недолго поговорилъ онъ съ сапожникомъ, а результаты его переговоровъ были самые блестящіе: на другое же утро дъвица Степанида Колодкина исчезла изъ нашего города, словно въ воду канула.

О, что тогда сдёлалось съ Бестіаномъ! Волосы онъ на себё рвалъ и метался, какъ тигръ въ клётке! Говорять, на колёняхъ

передъ братомъ своей невъсты стоялъ, умоляя сказать, куда скрылась прекрасная Степанида, но Колодкинъ, памятуя наставленія Мортирія Васильевича, клялся и божился, что это ему и самому неизвъстно. И, право, не знаю, чъмъ бы кончилась эта исторія, если бы не «грянулъ громъ... грозы военной».

XII.

Между Австріей и Германіей была объявлена война, и молодой Бестіанъ рѣшилъ вступить въ ряды прусской арміи. Рѣшеніе это было такъ же безповоротно, какъ и рѣшеніе жениться на Степанидѣ, и какъ ни любили, какъ ни жалѣли у насъ Бестіана, но на этотъ разъ ужъ его никто не отговаривалъ отъ его молодого и прекраснаго порыва.

Трогательно было прощанье съ нашимъ гувернеромъ. Всё мы плакали, а больше всёхъ насъ онъ самъ. Нёжно и горячо обнимая его на прощанье, отецъ мой сунулъ ему въ карманъ довольно таки объемистый пакетъ «на дорогу и на военное обмундированіе», но мало того, онъ выдалъ еще ему и тайну мъстонахожденія Степаниды Колодкиной. Оказалось, она скрывалась въ одномъ селъ, лежащемъ какъ разъ на пути того почтоваго тракта, по которому Бестіану предстояло ъхать. Отецъ былъ вполнъ убъжденъ, что ръшеніе итти на войну у Бестіана было настолько сильно, что никакая Степанида остановить бы его уже не могла.

И онъ не ошибся: Бестіанъ, по дорогь, увидался со Степанидой, и она его не остановила. Одного только не предугадалъ отецъ, это того, что Бестіанъ вахватилъ Степаниду съ собой и увезъ въ Германію. Върно, не на шутку полюбила и его эта уже весьма эрълая дъвица.

Никакихъ основательныхъ свъдъній о дальнъйшей судьов нашего второго гувернера я не имъю. Впослъдствіи доходили до меня слухи, что будто бы Бестіанъ, окончивъ честно кампанію, женился на избранницъ своего сердца, Степанидъ Степановнъ, вернулся вмъстъ съ ней въ Россію, посътилъ даже нашъ уъздный городокъ и потомъ навсегда уже поселился гдъ-то на Волгъ, не то въ Саратовской, не то Самарской губерніи, занялся какимъто дъломъ и уже совершенно обрусълъ, сдълавшись отцомъ довольно многочисленнаго и чисто-русскаго семейства. Провърить эти слухи мнъ не удалось, такъ какъ менъе чъмъ черезъ годъ мы навсегда оставили нашу эту усадьбу, и только много лътъ спустя, мнъ довелось побывать въ уъздномъ городкъ, въ которомъ жилъ когда-то сапожникъ Семенъ Колодкинъ, къ тому времени уже умершій. Ничего нѣтъ, конечно, удивительнаго, что и вернулся въ Россію и обрусѣлъ herr Бестіанъ. Вѣдь, не одна же «водочка» пришлась ему у насъ по сердцу. Правда, хоть и спаивали его у насъ въ домѣ, но, право, искренно и сердечно любили, а если бъ его не спаивали, какой бы, можетъ быть, я не говорю — гувернеръ, но старшій товарищъ выработался бы изъ него для насъ. Я говорилъ уже, какъ горячо любилъ онъ литературу, и какъ умѣлъ онъ пріохотить къ ней насъ. Сначала, конечно, ему доступна была только нѣмецкая литература, но поживи онъ подольше, выучись онъ хо рошенько говорить по-русски,—къ чему у него были большія способности,—онъ несомнѣнно полюбилъ бы и нашу родную литературу, но нянюшка, водочка да вѣчные гости и безпорядокъ настежь открытыхъ дверей лишили насъ и herr Бестіана.

XIII.

- Какъ же дъти теперь безъ гувернера останутся?—спросила вскоръ послъ отъъзда Бестіана одна изъ нашихъ молодыхъ родственницъ.
- Э, полно, матушка! Было бы болото, а нечистые найдутся,— сурово замътила ей на это старая тетушка Марья Максимовна, употребивъ «нечистые» вмъсто слова «черти», котораго она никогда произнести бы не ръшилась, развъ ужъ въ самомъ крайнемъ случат, и то замъняя слово «чортъ» менъе, по ея мнъню, гръшнымъ опредъленіемъ «черный».

Права была тетушка Марья Максимовна: нашлись замѣстители herr Бестіану и дѣйствительно оказались вполиѣ «нечистыми». И мѣсяца не прошло, какъ у насъ въ домѣ стали готовиться къ принятію новаго гувернера и именно готовиться, чего почти не было для его предшественниковъ. Дѣлалось это потому, что новый гувернеръ ожидался съ цѣлымъ семействомъ, т.-е. съ женой и двумя дѣтьми.

- Ну, съ чего вы такого-то выписали, многосемейнаго?—спрашивали моего отца.
- А чтожъ, это очень хорошо,—отвъчалъ онъ,—у дътей будутъ товарищи-сверстники, съ которыми они будутъ расти и воспитываться вмъстъ и не только подъ наблюденіемъ мужчины-гувернера, но и почтенной дамы, которая несомнънно хорошо повліяеть на ихъ мужиковатыя манеры.

Цълыхъ три комнаты отводилось исключительно для гувернера и его супруги. Сыновья же его должны были спать съ нами и вмъстъ съ нами, конечно, и заниматься. Говоря откровенно, насъ это очень радовало. Мы съ нетерпъніемъ ожидали новыхъ товарищей, съ которыми можно будеть и поиграть и поръзвиться, а пе-

реборка, которая шла по этому случаю въ верхнемъ этажѣ нашего дома, чрезвычайно интересовала насъ. Жаль миѣ было только мою нянюшку, Февронью Степановну: ея комнатка, бывшая моя дѣтская, понадобилась подъ спальню женѣ нашего гувернера, и потому нянюшку выселили въ самый отдаленный уголъ дома. Съ опухшими отъ слезъ глазами переносила она свои пожитки. Я старался утѣшить ее, но никакъ не могъ.

- Отнимають тебя у меня! Совсёмъ отнимають!—хныкала она.
 Отецъ мой самъ распоряжался перестановкой мебели и распредёленіемъ комнать.
- Здёсь воть будеть ваша классная,—говориль онъ,—здёсь общій дортуарь; здёсь спальня жены гувернера; здёсь ихъ интимная комната, а здёсь ваша столовая.
 - Какъ, и столовая у насъ будеть отдёльная?—удивлялись мы. И это насъ страшно веселило.
 - А когда же они прівдуть, папа?-допытывались мы.
 - Да дня черезъ два, не больше.
 - А онъ молодой? Такой же, какъ Бестіанъ?
 - Ну, нътъ. Въдь у него сыновья вашего же возраста.
 - Стало быть, и она не очень молодая?
 - Ну, конечно, не очень молодая, улыбался отецъ.

Но и это не пугало насъ: главное, что у насъ будутъ товарищи-мальчики, а остальное все пустяки.

Прошелъ день, прошло два, а гувернера все нѣтъ, какъ нѣтъ. Въ это время произошло одно довольно непріятное для меня событіе: нянька, все время не перестававшая плакать, вдругъ обратилась къ отцу съ просьбой, чтобъ тотъ отпустилъ ее мѣсяца на три, на богомолье, къ Соловецкимъ угодникамъ, и отецъ, имѣя въ виду, что скоро съ нами будетъ солидная дама, француженка, мать семейства, охотно на это согласился.

Какъ-то необычайно быстро собралась моя Февронья Степановна. Разставанье, конечно, не обощлось безъ истерическихъ слезъ и съ ея, и съ моей стороны—еще бы, это была наша первая разлука. Няня уёхала, а гувернера все нётъ, какъ нётъ.

- Папа, да когда же наконецъ пріъдеть monsieur Decamp?— приставали мы.
- Право, и самъ не знаю, —уже съ легкимъ раздраженіемъ говориль отецъ. —Главное, что и мнѣ необходимо уѣхать по дѣламъ въ Петербургъ. Ихъ только и дожидаюсь, а то мнѣ давно бы ужъ тамъ надо было быть.

Прождалъ отепъ еще съ недълю, не дождался и увхалъ, какъ всегда, въ сопровождени своего камердинера Мортирія Васильевича, отдавъ предварительно распоряженія, какъ принять и размъстить семью новаго гувернера. Въ домъ вдругъ стало скучно. Мы бродили на верху, по пустымъ комнатамъ и ждали, ждали...

Завхаль къ намъ какъ-то разъ одинъ сосвдъ, жившій верстахъ въ тридцати отъ нашей усадьбы, большой пріятель моего отца, и увидавъ, что мы безъ двла и безъ присмотра болтаемся по дому, забралъ насъ съ собой и увезъ къ себъ погостить. Но и двухъ дней не прожили мы у него, какъ прівхали за нами лошади.

— Пожалуйте домой, новый гувернеръ прівхалъ, —объявилъ прибывшій съ ними казачокъ Өедька.

Мы собрались и повхали. Только что вывхали мы за ворота усадьбы, гдв гостили, Өедька соскочиль съ ковелъ и юркнулъ къ намъ въ возокъ. Глаза его плутовато мигали, и онъ, видимо, едва сдерживался, чтобъ не прыснуть со смѣху.

- Ну, ну, разсказывай, какой гувернеръ-то,—пристали мы къ нему.
- Ни за что не разскажу, ни за что не разскажу, сами увидите!—отнъкивался Өедька.
 - Ну, а мальчики, мальчики какіе?—не унимались мы.

Туть ужъ Өедька не вытерпъль и расхохотался во все горло.

- Какіе мальчики?—заговориль онъ.—Разные есть мальчики: и маленькіе, и большіе, и главная причина, что всё эти мальчики не мальчики, а дёвочки.
 - Ну, что ты врешь такое? разсердился на него мой брать.
 - Право не вру! ей-Богу, не вру! забожился Өедька.
 - Вонъ, хоть кучера Ивана спросите!
- Да говори ты самъ толкомъ, -- ужъ совстиъ строго прикрикнули мы на него.

И Өедька принялся разсказывать толкомъ, но все-таки долго мы ничего не могли понять.

Оказалось, что когда пріёхаль новый гувернерь съ семействомъ, такъ всё наши домашніе втупикъ стали: ждали мужа съ женой, съ двумя подростками-сыновьями, а пріёхали мужъ, жена, мальчикъ сынъ лётъ двёнадцати, барышня-дёвочка четырнадцати лётъ и двё крошечныя дёвочки—трехъ и пяти. Мало того: сама «та-dame» оказалась насносяхъ и едва успёла войти въ домъ, какъ уже пришлось посылать за повивальной бабушкой, и въ ту же ночь къ семейству гувернера послёдовало еще приращеніе въ видё новорожденнаго малютки.

— Да, полно, ужъ тъ ли?—разсуждали наши домашніе:— приказано ожидать четверыхъ, а туть вонъ какая орава навхала и по описанію—не такіе.

И не котъли даже пускать ихъ въ домъ, да плачевное положение «мадамы», стонавшей и охавшей, заставило сжалиться и пустить.

XIV.

Мы, право, не знали: радоваться намъ или печалиться? Братъ мой хмурился и все твердилъ:

— Зачемъ же еще этихъ девченокъ навезли?

Я, глядя на него, тоже старался хмуриться, но въ глубинъ души мнѣ было почему-то ужасно весело: корни порядка, которые посадилъ въ насъ Кадерли, во мнѣ были еще не глубоки, и всякая сумятица въ нашемъ домъ меня несказуемо радовала, а съ пріѣздомъ monsieur Decamp поднялась у насъ такая сумятица, что и изобразить невозможно, и если до нихъ Марья Максимовна домъ нашъ уподобляла вавилонскому столпотворенію, а тетушка Елена называла «бедламомъ», то послѣ этого «нашествія иноплеменныхъ», право, не внаю, чему можно было бы уподобить нашу жизнь. Прежде шумъ, гамъ и бъготня поднимались только, правда, съ довольно частымъ наѣздомъ гостей; въ другое же время царилъ у насъ довольно чинный порядокъ, нарушавшійся только развѣ мо-ими капризами. Теперь же, когда въ нашу семью вторглась еще чужая и уже до послѣдней крайности безалаберная и распущенная семья, пошла такая жизнь, что хоть святыхъ вонъ выноси.

Самъ Декампъ оказался маленькимъ, съ большой головой, съ бритой актерской физіономіей, чрезвычайно вздорнымъ французикомъ лѣтъ сорока пяти. Супруга его, которую мы представляли себѣ уже пожилой дамой, оказалась еще совсѣмъ молоденькой женщиной и при томъ не только вздорнаго, но что называется, еще и легкомысленнаго поведенія. Старшія дѣти — отъ перваго брака Декампа, какъ сейчасъ же узнали мы—были таковы, что ихъ бы къ намъ собственно и близко подпускать не слѣдовало; маленькія же цѣлыми днями или капризничали и ревѣли, или шалили, приводя всѣхъ въ отчаяніе. Лучше всѣхъ себя велъ новорожденный: его почти не было слышно.

Прітхавъ домой, мы долго не ръшались подняться на верхъ, пока къ намъ не явился самъ нашъ новый гувернеръ и не представился намъ. Да, онъ буквально представился: сказалъ маленькую привътственную ръчь и шаркнулъ ножкой. Затъмъ, попросилъ насъ на нашу половину, чтобъ познакомиться съ его старшими дътьми.

Братъ мой сразу всталь въ оппозицію всему этому семейству. Сынъ Декампа, Анри, показался ему мальчикомъ пустымъ и глупымъ, съ которымъ ему и разговаривать не о чемъ было; четырнадцатилътняя же Lise вызывала въ немъ какъ будто даже гадливое чувство. И въ виду того, что занятія съ новымъ гувернеромъ у насъ долго не начинались, братъ мой на цълые дни ухо-

дилъ изъ дома, проводя все время съ тъмъ ссыльнымъ полякомъ, о которомъ я уже упоминалъ выше, и который, жилъ у насъ на заводъ.

Мить же, увы, мои новые пріятели понравились, какт нельзя больше. Правда, Lise, или просто Лиза, какт у насть вст ее называли, относилась ко мить итсколько покровительственно, т. е. ерошила мои волосы, то и дтло щипала меня, но, ттыть не менте, мить почему-то было чрезвычайно пріятно ея присутствіе. Про Анри же, бывшаго всего на два года меня старше, и говорить нечего: этоть сразу сталь учить меня такимъ милымъ шалостямъ и проказамъ, о которыхъ мить теперь вспоминать не то, чтобы стыдно, а безконечно больно даже, но которыя въ то время мить правились. Лиза неизмънно тоже принимала самое дтятельное участіе во встать нашихъ проказахъ, какого бы онть сорта и характера ни были, и вносила въ нихъ, какъ болтье старшая, особенно опасный отттьнокъ.

Да, это было самое печальное время моего дётства. Правда, не долго тянулось оно, но все-таки оставило свои слёды. И какъ жаль, что въ эти-то дни и не было возлё меня моей нянюшки, Февроньи Степановны.

Не ранве, какъ черезъ полторы недвли по прибытіи этой семьи, увидаль я и самое г-жу Декампъ. Когда меня впервые ввели въ ея комнату, она въ болве, чвиъ откровенномъ, костюмв сидвла въ креслв и кормила грудью своего новорожденнаго. Она была худа и истощена только что перенесенной болвзнью, твиъ не менве, ее все-таки можно было назвать хорошенькой. Потомъ, когда она быстро поправилась и пополивла, она нвкоторое время возбуждала самыя недвусмысленныя чувства въ посвщавщихъ насъ мужчинахъ.

Не безъ робости подошелъ я къ ея креслу и чуть слышно прошепталъ:

- Bonjour.

А она, улыбнувшись, приложила свою худую и бёлую руку къ моимъ губамъ. Мнё это почему-то не понравилось, но, тёмъ не менёе, я счелъ долгомъ поцёловать ея кольца. Я уже зналъ отъ Анри и Лизы, что они очень не любять своей мачихи, что она злая, всёхъ ихъ бьеть, что отъ нея попадаеть даже и самому «рара», а что, въ свою очередь, и «рара» ей иногда спуску не даеть и тоже ее, случается, серіозно поколачиваеть. Жаль вотъ только, что «рара» никогда не заступается за нихъ, Анри и Лизу, и всегда держитъ сторону этой противной мачихи, и что за это они и «рара» своего не любять. Но что дёлать? Приходится съ нимъ жить, потому что они малы. Впрочемъ, Лиза надёется скоро, очень скоро избавиться отъ ихъ опеки: она или выйдетъ замужъ или, въ крайнемъ случаё, уйдетъ просто такъ, съ кёмъ нибудь. Ей все равно терять уже нечего, а всякая иная жизнь все-таки лучше, чёмъ жизнь съ этой вёдьмой.

— Теперь она воть больна, такъ тихая, а погоди, какъ поправится, такъ покажеть свои зубы.

Странно и дико было мит слушать эти ртии. Для насъ, такъ безумно, такъ горячо любившихъ нашего отца, было совершенно непонятно, какимъ образомъ можно такъ говорить о своемъ «рара». И я вствиъ сердцемъ почему-то ждалъ скортишаго возвращения отца нашего; мит почему-то казалось, что съ его притадомъ и Анри и Лизт будетъ гораздо лучше, и не станетъ ихъ обижать злая мачиха, и они полюбятъ моего «рара» такъ, какъ следуеть детямъ любить своего собственнаго.

А отецъ нашъ, какъ на ало, все еще не воввращался, несмотря на то, что объ мои тетушки писали ему о нашемъ странномъ гувернеръ и о его семъъ.

XV.

Прошло недёли двё, и monsieur Декампъ вздумаль приступить къ занятіямъ съ нами. Усадивъ въ классной комнатё меня и своихъ старшихъ дётей, онъ послаль за моимъ братомъ. Прошло съ полчаса прежде, чёмъ пришелъ братъ. Окинувъ довольно презрительнымъ взглядомъ всю нашу компанію, онъ спросилъ Декампа: что ему угодно?

— A воть не хотите ли съ нами позаняться?—какъ мнв показалось, не безъ робости, отвътиль гувернеръ.

Братъ улыбнулся и сёлъ, а Декамиъ приступилъ къ «занятіямъ». Что это были за занятія, я теперь уже не помню, но помню, что брать и десяти минутъ не просидёлъ съ нами, и вставъ, заявилъ, что онъ идетъ къ господину Фишеру (фамилія ссыльнаго поляка), чтобы заняться чёмъ нибудь посеріознёв. Декамиъ вздумалъ было протестовать, но братъ, категорически заявивъ ему, что до возвращенія нашего отца онъ съ нимъ заниматься не будетъ, вышелъ.

Обозлившійся до послідней крайности Декампъ принялся за насъ. Со мной онъ обращался еще туда-сюда, но бідные Anri и Lise! Боже мой, какъ доставалось имъ! Онъ ихъ и щипалъ, и дергалъ за уши, и даже пиналъ подъ столомъ ногой. Къ счастью, наши занятія продолжались не долго: madame Декампъ зачімъ-то отозвала своего супруга, и мы были отпущены. Но съ этого дня наши занятія уже стали ежедневными и каждый разъ кончались слезами и какими нибудь строгими наказаніями по отношенію Анри и Лизы.

Случалось, что и я попадаль въ компанію съ ними въ уголъ. Разъ онъ меня даже хотёлъ поставить на колёни, какъ всегда ставиль ихъ, но я расплакался и об'єщалъ пожаловаться моему отцу, и онъ отм'єнилъ свое наказаніе.

Иногда въ нашихъ занятіяхъ принимала участіе и madame Декампъ, и тогда дѣло шло еще хуже. Стараясь быть нѣжной со мною, она прямо таки изводила своего цасынка и въ особенности падчерицу и поэтому, несмотря на ея ласки ко мнѣ, не могла всетаки подкупить меня, и когда разъ она, буквально остервенившись, залѣпила несчастной Лизѣ звонкую пощечину, я вспыхнулъ и самъ съ кулаками бросился на эту фурію мачиху. И тутъ произошло нѣчто поистинѣ отвратительное: Декампъ бросился на меня, и гувернеръ, и его девятилѣтній воспитанникъ буквально таки подрались. Жиденькій французъ не легко справился съ здоровымъ русскимъ мальчикомъ, да, конечно, Декампъ и боялся дать полную волю своей злобѣ, и когда я, вырвавшись, съ ревомъ бросился отыскивать моего брата и, найдя его, пожаловался, я даже испугался той блѣдности, которая вдругъ покрыла лицо моего брата...

— Никогда не смъй больше съ нимъ заниматься!—крикнулъ братъ и побъжалъ наверхъ объясняться съ гувернеромъ.

Что это было за объяснение—не знаю, но поведение супруговъ Декампъ послѣ него круто измѣнилось: они не только стали униженно-ласковы съ нами, но долгое время не обижали и своихъ дѣтей. Прекратились на время даже и занятія съ Декампами. Братъ продолжалъ заниматься съ Фишеромъ, а я ничего не дѣлалъ. Впрочемъ, я цѣлыми днями игралъ съ Анри и Лизой, и какъ ни дурны были занятія съ нашимъ третьимъ гувернеромъ, а все-таки я долженъ сказать, что «занятія» съ его старшими дѣтьми были куда хуже. Но что дѣлать? тогда они мнѣ нравились.

Не понимаю, почему, какъ разъ въ то время, насъ не посъщали ни учителя уъзднаго училища, ни даже отецъ Алексъй.

XV.

Никогда еще домъ нашъ не ожидалъ съ такимъ нетеривніемъ возвращенія главы своего, какъ въ это время. И воть онъ, наконецъ, прівхалъ.

Веселый, радостный возвратился отецъ изъ этой повздки. Все удалось ему въ ней, удалось даже болве, чвиъ онъ могь ожидать. Помимо успъха въ дълахъ, онъ привезъ еще и семейную радость: старшая его свояченица, восемнадцатильтняя сестра покойной нашей матери, была просватана за очень милаго и хорошаго человъка, и свадьба должна была состояться въ самомъ скоромъ времени. Мало этого, по случаю этой радости, отецъ нашъ помирился со своей тещей, т. е. съ нашей бабушкой, которую онъ всегда глубоко уважалъ, но съ которой они были уже нъсколько лътъ въ ссоръ. И бабушка должна была прівхать къ намъ съ объими своими

дочерьми—съ восемнадцатилътней невъстой Лидіей и съ пятнадцатилътней Ольгой, такъ какъ свадьба должна была состояться въ нашемъ домъ.

Столько радости сразу нахлынуло къ намъ въ домъ съ возвращеніемъ отца! Прівдеть бабушка, прівдуть наши молоденькія, веселыя тети; будеть свадьба; будуть балы; навёрное, спектакль устроятъ. Кажется, сразу и не вивстить всего! Въ счастливую минуту произошла для Декампа первая встрвча его съ отцомъ.

Отецъ простилъ ему и обманъ относительно численности его семейства; простилъ тъмъ болъе охотно, что Декампъ клялся и божился, что это былъ вовсе не обманъ, а просто недоразумъне со стороны лицъ, рекомендовавшихъ его въ нашъ домъ. Не обратилъ никакого вниманія на слова своихъ старшихъ сестеръ относительно жизни гувернерской семьи; простилъ госпожъ Декампъ и неожиданное приращеніе ея семейства въ нашемъ домъ, а такъ накъ онъ всегда сильно любилъ маленькихъ дътей, то вызвался бытъ даже крестнымъ отцомъ новорожденнаго и еще не крещеннаго младенца и сейчасъ же послалъ въ губернскій городъ за ксендзомъ.

А Декампы, съ прівздомъ отца, не только присмирвли,—присмирвли они еще и раньше,—а прамо сдвлались какими-то сахарными и такъ были ласковы и нвжны со всвиннами, что ни братъ, ни и и не подумали пожаловаться отцу на ихъ возмутительным выходки.

Дня черезъ три по прівздв отца прівхала и бабушка съ дочерями, и семья наша вдругь, на время хотя, опять сдёлалась настоящей семьей, правда, шумной, веселой, но не попрежнему безалаберной. Присутствіе почтенной старушки вносило какой-то милый и симпатичный характеръ во всю нашу жнань.

Начался рядъ празднествъ. Открылись они крестинами маленькаго Декампа, устроенными довольно торжественно и красиво. Самыя крестины происходили въ зимнемъ саду, въ большой пристройкъ, примыкавшей какъ разъ къ зеленой угловой комнатъ. Среди зелени тропическихъ растеній совершенъ быль этотъ обрядъ пріъхавшимъ ксендзомъ. Воспріемниками были нашъ отецъ и молоденькая невъста, тетя Лидія...

Ахъ, какъ я любилъ большую, статную фигуру моего отца, когда онъ облекался въ свой элегантный черный фракъ, когда его ппирокая, могучая грудь блестъла бълой манишкой накрахмаленной рубашки, на которой, какъ капли росы, горъли довольно крупныя брилліантовыя запонки. Хороша была и тетя Лидія, въ своемъ свътломъ платьъ, съ юнымъ лицомъ счастливой невъсты. Радостно сіяла и тадате Decamp, получившая въ этотъ день отъ кума и кумы прекрасные подарки; важенъ и торжественъ былъ ея маленькій, бритый супругь, съ какъ-то особенно помпезно подвитымъ кокомъ надъ лбомъ; миловидны были ихъ двъ маленькія дъвочки

въ бёлыхъ кисейныхъ платьицахъ, съ фестончатыми панталончиками, по тогдашней модё доходившими почти до ботинокъ. Даже недуренъ былъ рыжеватый Анри въ своей скромной парадной курточкѣ. Только несчастную Lise забыли одёть, какъ слёдуетъ, и она въ своемъ затрапезномъ, поношенномъ платьицѣ, не по лѣтамъ длинная, съ преждевременно уже увядающимъ лицомъ, старалась спрятаться въ полумракѣ зимняго сада, подальше отъ той яркоосвъщенной площадки, гдѣ происходилъ самый обрядъ крещенія.

Это бросилось въ глаза моимъ юнымъ тетушкамъ, и онъ, послъ этого, какъ бы сговорились пріютить, приголубить эту несчастную дъвушку, но, увы, не удалось имъ это. Суета ли предстоящей свадьбы отвлекала ихъ, или оттолкнула ихъ такая ранняя развращенность этого подростка, — я уже не внаю, но Лиза такъ и осталась какой-то паріей среди ликованія въ нашемъ домъ.

XVI.

Наступили святки, послѣ которыхъ сейчасъ же должна была совершиться и свадьба тети Лидіи. А на святкахъ предполагалось, помимо нѣсколькихъ вечеровъ въ нашемъ домѣ, устроить еще любительскій или, какъ тогда говорили, благородный спектакль въ маленькомъ уѣздномъ клубѣ.

Дёло нужно было сдёлать скоро, и оно, что называется, закипёло въ рукахъ опытнаго по этимъ дёламъ уёзднаго судьи, Михаила Михаиловича Магницкаго. Онъ да молодой женихъ моей тети были главными героями этого спектакля.

Конечно, всякія занятія съ нами, дітьми, на это время были прекращены, тімъ боліве, что брать мой долженъ быль тоже принять участіє въ этомъ спектаклів и играть заглавную роль въ водевилів «Симонъ-сиротинка».

Наконецъ, насталъ вожделънный вечеръ. Мой братъ, съ двумя тетями — Лидіей и Ольгой, тоже принимавшими участіе въ спектаклъ, — уъхали еще спозаранку въ клубъ. Пришла и наша очередь. Подали къ подъвзду возокъ, и усълись въ него супруги Декампъ, Анри, Лиза и я. Скрипя полозьями, тронулись мы изъ усадьбы въ городъ. Недлиненъ былъ перевздъ, и скоро возокъ нашъ остановился у ярко освъщеннаго подъвзда двухэтажнаго каменнаго дома, занимаемаго увзднымъ клубомъ.

Какъ въ чаду, шель я по лъстницъ, раздъвался при помощи прівхавшаго съ нами Оедьки въ лакейской и проходилъ по танцовальной залъ, обращенной на этотъ вечеръ въ партеръ. Задолго еще до поднятія занавъса занялъ я свое мъсто и уже ни за что не хотълъ разстаться съ нимъ, боясь пропустить самое начало. Рядомъ со мною сидъла съ одной стороны madame Декампъ, съ другой, принаряженная на этотъ разъ моими тетями—Лиза.

Но воть подняли занавёсь, и начался вечерь, полный очарованія. Во время спектакля я не замёчаль, какь жарко и даже душно въ зрительной залё. Но наступиль антракть, и мнё захотёлось пить. Я видёль, что въ одной изъ гостиныхъ быль устроенъ буфеть, гдё дамамъ подавали оршадъ, лимонадъ, клюквенный морсъ, и гдё всё ёли мороженое. Я заявилъ madame Декампъ, что хочу чёмъ нибудь освёжиться.

- Видишь ли, мой другь, ласково заговорила она, мы здёсь не дома, и здёсь все дается только за деньги, а у тебя съ собой денегь нёть.
 - Ну, чтожъ, я пойду и возьму у папы, -- замътиль я.
- О, нъть, зачъмъ же безпокоить «рара», остановила меня таdame Декамиъ. — Я куплю тебъ мороженаго, а ты мнъ за это подаришь пару бълыхъ лайковыхъ перчатокъ изъ той дюжины, что тебъ привезла въ подарокъ тетя Лидія.
- Я, конечно, согласился и, какъ настоящій gourmant, провлъ на мороженомъ и фруктахъ и пропилъ на оршадв и лимонадв въодинъ этотъ вечеръ все мое состояніе, т.-е. всю дюжину подаренныхъ мив тетей перчатокъ.

Вечеръ окончился благополучно: я, къ удивленію, не разстроилъ себѣ даже желудокъ. Но на другое утро Анри и Лиза конфиденціально сообщили мнѣ, что ихъ мачиха меня безбожно надула, такъ какъ они навѣрное узнали, что всѣ сласти были посланы въ клубъ моимъ отцомъ и предлагались дамамъ и дѣтямъ безплатно.

Это меня, конечно, очень обидёло, но я не зналь, что дёлать: перчатки мои уже лежали въ шкатулкё у madame Декампъ. Пока я раздумываль, какъ бы мнё поумнёе вернуть ихъ, насталь часъ урока танцевъ. Насъ, дётей, позвали въ залу, гдё тетя Лидія сидёла ужъ за роялемъ. Танцы преподавала намъ сама madame Декампъ. Она ужасно суетилась, кричала, прыгала и, порядкомъ таки утомившись, захотёла пить.

— Анри,—обратилась она къ пасынку,—поди, принеси мнѣ стаканъ воды.

Но я предупредилъ его и бросился самъ. Подойдя черезъ минуту съ водой къ madame Декампъ, я вдругъ совершенно неожиданно для самого себя выпалилъ:

— Только я вамъ даромъ пить не дамъ, а верните мив хоть одну пару изъ моихъ перчатокъ.

Француженка страшно сконфузилась и покраситла до корня волосъ.

— Какихъ перчатокъ? Я не понимаю васъ, — съ недоумъвающимъ видомъ спросила она.

Это притворство совершенно вывело меня изъ теривнія. Я подбъжаль къ тетв Лидіи и, не помня себя, заикаясь и даже почему-то плача, сталь разсказывать о вчерашней продълкв madame Декампъ съ моими перчатками. Француженка страшно обозлилась, начала дергать меня за руку, кричать, что я все лгу, что никакихъ моихъ перчатокъ не видала и не знаетъ.

— Вы не видали? Вы не видали?—кричалъ въ свою очередь я.—Тетя Лидя, пойдемъ! Пойдемъ! Пойдемъ! Посмотри, онъ у нея въ шкатулкъ! Я знаю, что онъ у нея въ шкатулкъ. Лиза сама видъла, какъ она запирала ихъ туда! И она же мнъ говорила, что вчера и мороженое, и фрукты—все было даромъ.

Боже мой! Зачёмъ у меня сорвались послёднія слова. Въ чаду гнёва, я и не замётиль, какъ съ головой выдаль несчастную Lise ея фуріи-мачихъ.

Madame Декампъ бомбой вылетъла изъ залы, тетя Лидія принялась успокоивать меня, увъряя, что перчатки мнъ возвратять, говоря даже, что madame Декампъ просто пошутила, чтобъ я ничего не говорилъ папъ и не тревожилъ его такими пустяками.

Я живо успокоился, но... въ воздухѣ уже нависла туча, и гроза должна была неминуемо разразиться.

XVII.

Lise исчезла.

Эта въсть, какъ электрическая искра, пронеслась по всему нашему дому и немедленно черевъ Мортирія Васильевича должна
была дойти и до моего отца. Отецъ приказалъ попросить къ себъ
Декампа, но его не оказалось дома, и вмъсто него явилась госножа
Декампъ. Они довольно долго объяснялись въ кабинетъ. Что это
было за объясненіе, мы, конечно, не знали, но вышла изъ кабинета француженка въ крайне сконфуженномъ видъ и, потупивъ голову, быстро прошла наверхъ къ себъ въ комнату и заперлась
тамъ. Впрочемъ, все успъвшій разнюхать, Оедька таинственно
сообщиль намъ, что Деканша на упреки моего отца (оказывается,
Мортирій Васильевичъ уже многое кое-что успълъ передать ему),
вмъсто всякихъ объясненій, прямо бросилась къ нему на шею, но...
продолжаю уже словами Оедьки:

— ... папаша сняли ихъ съ себя, какъ цыпленка, отворили дверь, да и крикнули на нихъ: «сорте, мадамъ».

Өедька возлѣ насъ нахватался немало уже французскихъ словъ. Только къ утру отыскалась Лиза. Гдѣ провела эту ночь бѣдная дѣвочка,—я не знаю. Не хочу даже вѣрить сообщеніямъ Өедьки, что ее нашли въ квартирѣ одного уѣзднаго холостого чиновника, въ нетрезвомъ видѣ. Гдѣ бы она ни была, Богъ ей простить! Отъ такихъ родителей можно и въ воду броситься, чего, признаться, многіе въ нашемъ домѣ боялись. Но этого не случилось тогда,—кто знаетъ—можетъ быть, случилось когда нибудь, впослѣдствіи.

«нотор. въоти.», марть, 1900 г., т. LXXIX.

Но это утро было последнее для семейства Декампъ въ нашемъ домъ.

Помню, въ ожиданіи завтрака, я одиноко сидёль въ классной комнать, какъ вдругъ туда вбёжалъ весь блёдный, трясущійся Анри.

— Послушай, они ее убьють!—зашенталъ онъ, хватая меня за руки и таща къ двери, что вели въ спальню госпожи Декампъ.— Они ее убьють!

А изъ-за двери доносилось какое-то равномърное хлясканье и глухой, подавленный стонъ. Въ глазахъ у меня помутилось, и я, ничего не помня, кубаремъ скатился внизъ и бросился прямо въ кабинетъ къ отцу.

— Папа! Они убивають ее!-могь только крикнуть я.

И затъмъ, помню, что я бъжалъ уже вслъдъ за отцомъ наверхъ: помню, какъ отецъ взялся за ручку двери спальни и легко высадилъ ее. Помню, какъ на одну минуту передо мной мелькнула страшная сцена: Лиза, вся обнаженная, но съ туго завернутой какими-то полотенцами головой, висъла въ наклонномъ положеніи, привязанная руками къ какому-то крючку въ стънъ, а ногами къ спинкъ кровати... А затъмъ, я помню ужъ, что меня отпаивали въ комнатъ у бабушки водой и давали мнъ гофманскихъ капель.

Потомъ, съ двумя моими молоденькими тетями, я увхалъ кататься, по дорогъ мы завхали въ гости къ старому, отставному городничему, Петру Петровичу Бордзиловскому. У него остались объдать и только вечеромъ вернулись домой...

Наверху все было тихо. Семейства Декамиъ и слъдъ простылъ. Потомъ ужъ я узналъ, что ихъ немедленно собрали и отправили въ губернскій городъ, при чемъ весьма предусмотрительно въ провожатые имъ данъ былъ точный и исполнительный старикъ, Антонъ Антоновичъ Черневичъ, старый служака еще по откупному дълу у моего отца.

Лиза и Анри тали въ кибиткт съ нимъ, но, кромт того, Черневичъ везъ еще съ собой письмо къ губернатору. Содержание его осталось мит неизвъстно, какъ неизвъстна и дальнъйшан судьба семейства господина Декампъ.

Словно кошмаръ разсвялся съ отъвздомъ этой, навъки памятной намъ, семейки, и праздники окончились въ шумномъ, ничъмъ не нарушенномъ весельъ. Затъмъ справили свадьбу тети Лидіи и послъ нея всей семьей переселились въ губернскій городъ.

А съ весны мы жили уже съ братомъ въ почтенномъ семействъ директора мъстной гимназіи, готовясь къ поступленію въ ея нъдра.

Гувернеровъ же намъ брать отецъ уже больше не ръшился.

Влад. Тихоновъ

BOCHOMNHAHIR O B. B. RPECTOBCROM'S.

I.

ПЛЕТНЯ не пощадила покойнаго Всеволода Владиміровича Крестовскаго, какъ и многихъдругихъ людей съ именемъ и заслугами. Нашимъ писателямъ, какъ извъстно, болъе чъмъ кому либо, приходится страдать отъ этой язвы.

Враги Крестовскаго, въ озлобленіи, вызванномъ его романомъ «Панургово стадо», выдумали вздорную исторію плагіата романа «Петербургскія трущобы», сочиненіе котораго они стали приписывать Н. Г. Помяловскому, умершему за два года

до появленія въ «Отечественныхъ Запискахъ» первыхъ главъ этого романа. Впрочемъ, при жизни Всеволода Владиміровича его не осмъливались обвинять открыто. Инсинуація о плагіатъ впервые была заявлена публично послъ его смерти, когда можно было безнаказанно порочить память покойнаго писателя; цъль была, однако достигнута лишь на половину. Клевета распространилась, конечно, но тутъ же, рядомъ съ нею, появились и опровергающія ее свидътельства нъсколькихъ уважаемыхъ литературныхъ дъятелей, близко знавшихъ автора «Петербургскихъ трущобъ» и въ томъчислъ Н. С. Лъскова и С. Н. Шубинскаго, установившихъ съ несомнънностью, что авторомъ романа былъ именно Вс. Крестовскій и никто другой.

Digitized by Google

Между прочимъ, тогда же была сдълана печатная ссылка¹) на меня, какъ на лицо, бывшее непосредственнымъ свидътелемъ творческой работы Вс. Вл. Крестовскаго, въ начествъ стенографа, записывавшаго романъ съ его словъ; одновременно мит было сдълано предложение написать свои воспоминания о томъ времени, когда я, будучи еще очень молодымъ человъкомъ, жилъ подъ однимъ кровомъ съ Всеволодомъ Владиміровичемъ и въ постоянномъ съ нимъ общеніи, обусловленномъ нашими совивстными занятіями. Встрвтившіяся затрудненія мішали мні, однако, приняться немедленно за дъло. Прошло немало времени, пока наконецъ мнъ удалось найти необходимый досугь, чтобы спокойно приняться за этоть трудь; въ немъ я свель итоги всему, что уцъльло въ памяти моей, и за что я могу поручиться съ полною достовърностью. Само собою разумъется, что предлагаемыя строки не предназначаются мною для того, чтобы доказывать снова уже доказанное и не нуждающееся въ дальнъйшихъ поясненіяхъ; но мнъ думалось, что, воскрешая въ памяти образъ исчезнувщаго отъ насъ симпатичнаго писателя и ту обстановку, въ которой онъ мыслиль и трудился въ наиболъе видную и рѣшительную пору своей дѣятельности, я иду на встрѣчу желаніямъ техъ, его хотель бы познакомиться съ живымъ и яркимъ изображеніемъ этого недюжиннаго труженика пера и истинно-русскаго человъка и съ уголкомъ того міра, въ которомъ онъ вращался въ пору расцвъта своего творчества и своей извъстности. Не могу не сказать, что мнъ и самому доставляеть немалое удовольствіе переживаніе минувшихъ дней, проведенныхъ мною въ общеніи съ однимъ изъ лучшихъ людей, какихъ мнъ доводилось встръчать когда либо впоследствіи, и какимъ былъ несомнённо и не только на мой взглядъ, но и по отзыву всёхъ знавшихъ его, Всеволодъ Владиміровичь Крестовскій. Знакомство мое съ нимъ вавязалось слъдующимъ образомъ.

II.

Въ началъ 1866 г. Всеволодъ Владиміровичъ почувствовалъ себя не въ силахъ болъе продолжать попрежнему ту спъщную работу, на которую онъ себя закабалилъ, начавъ печатаніе романа, огромнаго по замыслу и по распланировкъ частностей, однако же, не существовавшаго еще въ рукописи. То были знаменитыя «Петербургскія трущобы». Едва принявшись за нихъ и закончивъ первыя главы, авторъ поспъшилъ отдать написанную частицу романа въ журналъ Краевскаго. Такая торопливость, вызванная, несомнънно, какими либо серіозными причинами, мнъ, впрочемъ, неизвъстными, отозвалась впослъдствіи самымъ удручающимъ обра-

¹⁾ Въ «Новомъ Времени», Примъч, автора.

зомъ на авторъ. Съ тъхъ поръ, какъ стала появляться въ свътъ (съ 1865 г.) безконечно длинная вереница страницъ романа, у Всеволода Владиміровича не было свободной минуты, онъ былъ весь охваченъ одною мыслью, одною неотступною заботою о безостановочномъ продолжении сочинения романа, что совершенно не вязалось съ его наклонностью къ порывистому, вдохновенному творчеству, свободному отъ обязательности и принужденій. Писать изо дня въ день съ такимъ расчетомъ, чтобы подогнать къ извъстному сроку требуемое для журнала опредъленное число листовъ, становилось ему въ тягость. Прежде всего такая работа обусловливалась постоянною взвинченностью или способностью принуждать себя къ творческому напряженію, но у Всеволода Владиміровича не имълось въ наличности этихъ качествъ, онъ былъ человъкъ вполнъ уравновъщенный, къ тому же нъсколько склонный къ лънивой мечтательности. Созданія его складывались не въ экстазъ нервнаго возбужденія, а скорбе подъ вліяніемъ находившаго на него въ счастливыя минуты созерцательнаго настроенія. По мірт того, какъ продолжалась досадливая обязательная и требовавшая регулярности работа, у него стала обнаруживаться потребность въ перерывахъ для отдыха, развлеченій, для новыхъ освѣжающихъ впечатлѣній. Однако, прерывать печатаніе романа не позволяли обстоятельства, въ особенности же, помимо другихъ соображеній, хроническая матеріальная нужда, въ которой находился Всеволодъ Владиміровичь, жившій въ то время почти исключительно гонораромъ (50 р. за печатный листь), который получаль за романъ.

Отыскивая выходъ изъописанныхъ затрудненій, Всеволодъ Владиміровичь рішился, наконець, обратиться къ помощи стенографа. Такимъ способомъ онъ думалъ достигнуть двойной выгоды: при помощи быстрой диктовки онъ котълъ освободить себя отъ изрядно опостылъвшаго ему черепашьяго, усидчиваго кропанія и пріобръсти то, о чемъ онъ мечталъ, какъ о наивысшемъ благъ-независимую свободу. Можеть быть, онъ разсчитываль также заняться въ свободное время другою работою, которая могла бы доставить ему нъкоторое увеличение средствъ къжизни, въ чемъ онъ очень нуждался въ то время. Во всякомъ случать, онъ имълъ въ виду приступать къ диктовкъ романа, когда вздумается, когда явится къ тому охота, и, соорудивъ въ несколько часовъ четыре, пять главъ романа для ближайшаго номера журнала, бросить работу и уже вернуться къ ней только тогда, когда опять придеть вдохновеніе, безъ принужденія, по одной прихоти фантазіи. Въ этомъ расчетв онъ не ощибся.

Самая мысль воспользоваться стенографіей, новая и оригинальная по тому времени, зародилась у автора «Петербургских» трущобъ» по следующему поводу.

Въ то время (1866 г.) въ Россіи, съ введеніемъ судебныхъ ре-

формъ, стали возникать особые курсы для подготовки стенографовъ, скромное участіе которыхъ въ гласномъ суді находили обязательнымъ даже въ правительственныхъ сферахъ. Благодаря огромному интересу, вызванному въ обществъ новымъ, къ тому же обставленнымъ съ образцовымъ совершенствомъ, публичнымъ разбирательствомъ процессовъ, въ газетахъ стали появляться подробные о нихъ стенографическіе отчеты, которые читались публикою жадно. Туть же, попутно, въ тогдашней прессв немало толковали и о самой стенографіи, какъ объ интересномъ искусствъ, назывались имена лучшихъ преподавателей стенографическаго письма (П. М. Ольхина, Паульсона, бар. Торнау и пр.), лучшихъ составителей стенографическихъ отчетовъ и пр. Словомъ стенографія была некоторою «алобою дня», моднымъ предметомъ. Приблизительно въ одно время съ Всеволодомъ Владиміровичемъ, къ помощи ея обратился даже Ө. М. Достоевскій. Знаменитый писатель обязался доставить Стелловскому новый романъ, который еще не быль написанъ, при чемъ едва не промедлилъ выговоренный съ издателемъ и обусловленный суровою неустойкою срокъ. Однако, стенографія помогла Өедору Михайловичу выполнить тяжелое обязательство и, вм'єсть съ темъ, произвела целый перевороть во всей последующей жизни этого геніальнаго человека¹).

Выли еще прим'вры участія стенографіи, теперь почти забытой, въ литературной работь; съ конца шестидесятыхъ годовъ, оно сділалось довольно зауряднымъ яленіемъ; въ то время и н'єсколько позже къ помощи стенографіи обращались многіе писатели и даже ученые. Беру ихъ изъ своей личной д'ятельности. Кром'ь «Петербургскихъ трущобъ», мні пришлось еще стенографировать романы: «Старая и Новая Россія» Д. К. Гирса (печатался въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1868 г., но не былъ оконченъ по независ'вшимъ отъ автора обстоятельствамъ), и другой — Григорія Де-Волана, заглавія котораго не припомню и не знаю, когда и гдів онъ быль напечатанъ з), и, кром'в того, два ученыхъ сочиненія: знаменитую книгу «Основы химіи» проф. Д. И. Мендел'вева и «Руководство физики» проф. О. Д. Хвольсона з).

¹) Исторія брака О. М. Достоевскаго слишкомъ нав'встна и не нуждается въ перескавъ. Объ упомянутомъ случать, едва не отдавшемъ Оедора Михайловича въ кабалу къ Стелловскому, а также о женитьбъ его см. у А. Милюкова: «Литературныя встръчи и знакомства». Изд. А. С. Суворина 1890 г. Стр. 229 и послъд. Прим. авт.

²⁾ Но самый фактъ въренъ и можетъ быть подтвержденъ авторомъ романа, понынъ, слава Богу, здравствующимъ. Прим. авт.

³⁾ Въ предисловіять къ первымъ изданіямъ этихъ двухъ сочиненій упомянуто о сотрудничеств'я стенографовъ (Д. И. Менделфевъ диктоваль нъсколькимъ стенографамъ по очереди). Сділано это и въ томъ и въ другомъ случать по собственному почину обоихъ ученыхъ. Прим. авт.

Итакъ, Всеволодъ Владиміровичъ принялся отыскивать стенографа. Поиски продолжались недолго, ему указали на меня, какъ на молодого человъка, только что окончившаго курсъ и вполнъ свободнаго, могущаго посвятить занятію у него все свое время, и мы сошлись съ нимъ тотчасъ же. Всеволодъ Владиміровичъ поставилъ мнъ условіемъ—готовность, съ моей стороны, заниматься съ нимъ во всякіе часы дня и ночи. Я охотно согласился на все. Сознаюсь, меня очень соблазняла работа у романиста, доставлявшая мнъ случай ознакомиться первымъ, раньше всъхъ другихъ читателей, съ продолженіемъ романа, страшно меня интересовавшаго, какъ и всю тогдашнюю читающую публику.

III.

Въ началъ мая 1866 года, я получилъ приглашение Всеволода Владиміровича и тотчасъ же отправился къ нему. Я засталъ его въ обществъ Н.С. Лъскова. Изъ дальнъйшаго читатели узнають о близкихъ пріятельскихъ отношеніяхъ обоихъ писателей и частыхъ посъщеніяхъ Лъсковымъ автора «Трущобъ» во время сочиненія имъ романа.

Всеволодъ Владиміровичъ жилъ въ то время въ домѣ Тура, на Большой Морской 1), занималъ онъ квартиру въ пятомъ этажѣ флигеля, находящагося на второмъ (заднемъ) дворѣ. Наружный видъ дома, дворъ, а также лѣстница (парадная), отличались щепетильною опрятностью, что, по тогдашнему времени, когда въ Петербургѣ еще только возникали строгія требованія по внѣшнему благоустройству и порядку въ домахъ, производило пріятное впечатлѣніе; однако, при одномъ взглядѣ на помѣщеніе, которое занималъ Всеволодъ Владиміровичъ, впечатлѣніе это тотчасъ же мѣнялось. Квартира была дорога и крайне тѣсна и неудобна, она состояла всего изъ двухъ свѣтлыхъ показныхъ комнатъ и третьей—темной, безъ оконъ; за это удовольствіе взималось по 50 р. въ мѣсяцъ. А, между тѣмъ, въ ту пору въ Петербургѣ еще не знали нынѣшняго квартирнаго кризиса!

Первыя двъ комнаты служили, согласно своему назначению, кабинетомъ и гостиной; въ трегъей, безъ свъта и воздуха, ютилась семья Всеволода Владиміровича — онъ, его жена (по первому браку) Варвара Дмитріевна и ребенокъ, трехлътняя дъвочка Маня °).

Впоследствій я высказаль однажды Всеволоду Владиміровичу свое недоуменіе по поводу неудобства этого дорогого помещенія.

¹⁾ Нынфшній номерь этого дома 21.

M. В. Крестовская, талантливая писательница повъстей, дочь В. В. Прим. авт.

- Въдь можно же было, замътиль я ему, за ту же плату устроиться гораздо лучше. Къ чему было поселяться въ центръ города человъку, независимому въ выборъ квартиры. Могли бы отлично устроиться въ любой, болъе отдаленной части города.
- Тутъ, знаете, цълая исторія,—отвътиль онъ уклончиво. Дъло въ томъ, что мнъ было необходимо помъститься именно здъсь, въ этомъ домъ, и воть я и занялъ первую свободную въ немъ квартиру. Теперь, впрочемъ, надобность миновала, собираюсь бросить ее при первомъ случаъ.

Я заметиль очень скоро, что Всеволодь Владиміровичь вообще не любилъ пускаться въ откровенности. Съ особенною же строгостью онъ придерживался правила, никогда и ни передъ къмъ не разоблачать изнанки «Трущобъ», т.-е. того, что имъ взято для романа изъ дъйствительной жизни. Ни для кого не было тайной, что «Петербургскія трущобы» наполнены подробностями, представляющими изъ себя фотографическіе снимки съ дъйствительности, при чемъ авторъ почти не прибъгалъ къ какимъ либо средствамъ, чтобы скрасить или измёнить свои изображенія съ помощью благодётельной ретуши, отнимающей нередко у фотографіи большую часть ея сходства. Въ тогдащиемъ обществъ, въ высшей степени заинтесованномъ этимъ романомъ, не прекращались горячіе толки о дъйствующихъ въ немъ лицахъ, многихъ изъ героевъ романа называли прямо по именамъ; но можно утверждать безъ колебанія, что во всёхъ подобныхъ нескромностяхъ Всеволодъ Владиміровичъ былъ совершенно не повиненъ. Никогда онъ лично не подавалъ повода къ нимъ.

Впослъдствіи мнъ удалось узнать причину, побудившую его переносить дороговизну, неудобства и тъсноту квартиры въ домъ Тура, но только—и я особенно подчеркиваю этотъ фактъ—открытіе это сдълано мною совершенно помимо желанія и участія самого Всеволода Владиміровича.

Воть что мнв сообщили по этому поводу изъ върныхъ рукъ. Всеволоду Владиміровичу помогаль въ собираніи сведеній о быть трущобныхъ обывателей «Вяземской лавры», между прочимъ, бывшій квартальный надзиратель, после реформы петербургской полиціи, получившій должность пристава з участка Спасской части, подполковникъ Константинъ Кирилловичъ Галатовъ. Въ семействе этого лица, умершаго лёть 15 назадъ, можетъ быть, еще сохранился экземпляръ перваго изданія романа, съ надписью автора: «Моему дорогому сотруднику по собиранію матеріала для «Петербургскихъ трущобъ» на добрую память». Книга эта хранилась К. К. Галатовымъ, какъ вещь, дорогая ему; онъ показывалъ охотно своимъ знакомымъ лестное для себя посвященіе и при этомъ съ самодовольствомъ разсказывалъ, какъ онъ водилъ Крестовскаго по притонамъ въ такія мъста, куда невозможно было проникнуть безъ опас-

ности для жизни, но, что онъ, Галатовъ «охранялъ Крестовскаго, которому все сходило, вследствіе этого, благополучно».

Галатовъ, нъсколько ранъе знакомства съ Всеволодомъ Владиміровичемъ, состоялъ помощникомъ квартальнаго надвирателя 2 участка Адмиралтейской части, къ району которой принадлежала Б. Морская и домъ Тура—и вотъ, по словамъ его, именно въ этомъ домъ находилось учрежденіе той особы, которая въ «Трущобахъ» выведена подъ именемъ баронессы фонъ-Шпилце. Дъятельность этой женщины, по словамъ Галатова, Всеволодъ Владиміровичъ изучилъ отчасти по его разсказамъ о ней, но главнымъ образомъ по личнымъ наблюденіямъ, для чего собственно онъ и перебрался на жительство въ этотъ домъ, по сосъдству съ интересовавшей романиста «волчьей норой».

Перехожу къ характеристикъ Всеволода Владиміровича въ описываемую мною пору. Воть то общее впечатленіе, которое я вынесъ о немъ. Всеволодъ Владиміровичъ быль малоръчивъ, серіозенъ и сдержанъ, не одушевлялся даже въ кругу друзей; онъ прислушивался къ тому, что говорили окружающіе, самъ же, если вступалъ въ общую беседу, то лишь для того, чтобы бросить краткое замъчаніе, выраженное сжато и просто. Покашливая нервнымъ короткимъ кашлемъ, пріобрътеннымъ скоръе привычкой, чъмъ вслъдствіе какого либо бользненнаго недостатка, играя не покидавшимъ его никогда моноклемъ, сидълъ онъ между собесъдниками всегда внимательный ко всёмъ, привётливый, но несообщительный. Таковъ онъ быль по природъ, холодная сдержанность его не была рисовкой, и онъ не позировалъ ею, но она была заметна въ немъ даже въ минуты веселаго настроенія. Это свойство укоренилось въ немъ, быть можеть, съ детства, проведеннаго имъ не въ родной семью, въ дали отъ нея, между чужими. Оно, впрочемъ, не имъло ничего отталкивающаго, не отчуждало его отъ общества и не заставляло уходить въ самого себя. Напротивъ того, онъ любилъ общество, однако, въ силу ли этой сдержанности, или вследствіе, быть можеть, застънчивой скромности, стушевывался въ немъ. Богатая одаренность, живая впечатлительность и артистическая оживленность его заставляли обращать на него вниманіе, выдвигали его иногда на первый планъ; но это происходило вопреки его намъренію и претило ему. Такъ, напримъръ, онъ дълался быстро въ любомъ салонъ твиъ, что называютъ «душою общества», читалъ, разсказывалъ шутки, пълъ, но также быстро утрачивалъ это преимущество, такъ какъ легко уступалъ первенство другимъ. Несообщительный вообще, онъ не любилъ сплетню, не передавалъ другимъ ходячихъ пересудъ, за что особенно ценился друзьями, знавшими, что могуть на него полагаться, и что онь никого не выдасть.

Всеволодъ Владиміровичъ былъ немного выше средняго роста, обладалъ красивымъ, чисто русскимъ лицомъ, высокимъ лбомъ,

правильными, рёзко очерченными носомъ и подбородкомъ. Мягкіе отброшенные назадъ волоса и шелковистая небольшая бородка обрамляли его голову, придавая ему видъ моложавости; но серіозные, почти суровые глаза его противорёчили этому впечатлёнію, старили его лицо. Послёднее казалось малоподвижнымъ, неподдающимся оживленной мышечной игрё, на самомъ же дёлё Всеволодъ Владиміровичъ владёлъ мастерскою способностью измёнять черты своего лица, почти до неузнаваемости.

Впервые я узнать объ этомъ талантѣ Всеволода Владиміровича, когда высказалъ однажды свое удивленіе по поводу его близкаго знакомства съ міромъ отверженныхъ, сблизиться съ которымъ, для того, чтобы изучить его такъ, какъ изучить онъ, представлялось мнѣ крайне труднымъ для интеллигентнаго человѣка, если ему не приходилось жить и дышать въ одной атмосферѣ съ этимъ міромъ.

- Не могу вообразить, какими средствами вы пользовались, для того, чтобы проникнуть въ эту грубую, кабацкую среду,—сказалъ я.
- А вотъ не угодно ли?—отозвался онъ неопредъленно, при чемъ быстрымъ движеніемъ руки сбилъ и надвинулъ себъ на лобъ безпорядочную прядь волосъ, выпучилъ какіе-то дико установившіеся на меня, осоловъвшіе глаза и исказилъ непостижимымъ образомъ весь обликъ своего лица.

Вследъ за темъ, онъ заговорилъ грубымъ и хриплымъ голосомъ и на воровскомъ языке, который вналъ въ совершенстве.

Передо мною быль одинь изъ трущобныхъ типовъ, озвърълый отъ пьянства и прилива дикой необузданности. Съ такою маской можн о было смъло показаться въ любомъ разбойничьемъ вертепъ, не возбуждая подозрительности въ средъ завсегдатаевъ подобныхъ логовищъ. Удачное изображеніе Всеволодомъ Владиміровичемъ нъкоторыхъ героевъ «Петербургскихъ трущобъ», напримъръ, Оомушки-блаженнаго и Макриды - странницы, памятно, въроятно, очень многимъ, какъ и замъчательный по художественной концепціи и върности колорита разсказъ послъдней о посъщеніи ею святыхъ мъстъ. Разсказъ этотъ не могъ появиться въ романъ по цензурнымъ условіямъ, но въ интимномъ кругу своихъ знакомыхъ Всеволодъ Владиміровичъ копировалъ Макриду съ разглагольствованіями довольно часто, при чемъ и голосомъ и повадкой очень недурно представлялъ разсказчицу.

IV.

Итакъ, Всеволодъ Владиміровичъ обладалъ несомнівнымъ сценическимъ дарованіемъ; не знаю, насколько это дарованіе соотвітствовало требованіямъ театральныхъ подмостковъ, но читалъ онъ, дівствительно, превосходно и пітлъ выразительно, съ драматизмомъ, «со слезою», какъ говорятъ. Правда, до оперныхъ партій онъ, кажется, не былъ охотникъ, а предпочиталъ имъ романсы и, въ особенности, простыя народныя пъсни; ихъ онъ любилъ распъвать и въ обществъ и у себя дома, одинъ наединъ съ самимъ собою, при чемъ недурно аккомпанировалъ самъ себъ на роялъ.

По вечерамъ, передъ тъмъ, чтобы приступить къ диктовкъ романа, Всеволодъ Владиміровичъ проводилъ, обыкновенно, по часу и болъе въ темной гостиной за піанино. Въ программу этихъ домашнихъ концертовъ входила всегда и неизмънно пъсня его сочиненія, кажется, имъ самимъ положенная и на музыку: «Огороды горожу», состоящая изъ трехъ строфъ. Привожу послъднюю, производившую въ его пъніи очень сильное впечатлъніе:

Какъ, свекровь, ты ни кори — Хоть огнемъ все гори — Прогуляю съ полуночи Я до красной зари. Стану цвътики срывать, Обнимать, прижимать, Въ алы губы, что есть мочи, Целовать, приовать!

Пъть онъ еще очень часто: романсъ Глинки «Къ ней!» (мазурка: «Когда въ часъ веселый откроешь ты губки», слова М. Голицына), балладу Мея: «Въ полъ широкомъ желъзомъ копытъ взрыто зеленое жито» (муз. Булахова), А. С. Пушкина «Воротился ночью мельникъ» (изъ «Сцены изъ рыцарскихъ временъ»), нъсколько малороссійскихъ, польскихъ, молдаванскихъ и цыганскихъ пъсенъ, двътри забубенныхъ солдатскихъ, воровскую «Ерши» (знакомую изъ его романа) и въ заключеніе, неизмънно и всегда—шумную, разудалую «Улане, улане».

Всеволодъ Владиміровичъ приступалъ къ диктовкі не раніве 11-го часа ночи, иногда и позже. Работа продолжалсь два, три, иногда четыре часа подрядъ, но не всегда безостановочно. Пока мысль его работала свободно, онъ ходилъ по комнатъ, мърно шагая взадъ и впередъ, то разговаривая, какъ бы самъ съ собою. влагая въ уста дъйствующихъ лицъ придуманные для нихъ діалоги, то изливаясь въ горячемъ монологе или сообщая, въ спокойномъ тонъ разсказчика, описательныя подробности событій или мъста дъйствій. Но когда случалась какая нибудь задержка въ творческой работв мысли, тогда онъ внезапно смолкаль, подчасъ на полусловъ, переставаль двигаться, какъ бы застываль въ раздумьи, затъмъ тихо ложился на кушетку и закрывалъ глаза. Иногда онъ продолжительное время оставался въ такомъ состояніи, похожемъ на летаргическое опъпенъніе. Признаюсь, минуты эти бывали очень тягостны для меня. Сидишь -- не шелохнешься, ждешь съ карандашемъ въ рукахъ и не смъещь измънить позы, чтобы не

потревожить его, да и самому оставаться на чеку, не пропустить какой нибудь неожиданно вырвавшейся фразы, не оставить ея не отмъченной въ стенограммъ.

Во все время, пока длилась диктовка, Всеволодъ Владиміровичь не выпускаль изъ рукъ одной изъ своихъ многочисленныхъ записныхъ книжечекъ. Всё эти книжечки были мелко-мелко исписаны его рукою, кое-гдё страницы ихъ были испещрены его же собственными набросками плановъ и рисунковъ, сдёланныхъ карандашемъ и перомъ. Въ числё набросковъ были изображенія нёкоторыхъ типичныхъ фигуръ, выведенныхъ въ «Петербургскихъ трущобахъ»: Чухи, этого чудовищнаго воплощенія нищеты и паденія, не менёе несчастнаго Капельника, отъ постояннаго пребыванія въ ужасномъ Малинникъ превратившагося въ какое-то безсмысленное животное; ростовщика Морденки; хитрой и жестокой Сашеньки-матушки и нёк. др. Рисунки были довольно примитивнаго свойства, но при своей безыскусственности показывали умѣніе Всеволода Владиміровича передать нѣсколькими штришками какую либо характерную особенность въ лицѣ, въ позѣ и пр.

Проработавъ нѣсколько часовъ и заполнивъ мои стенограммы двумя-тремя главами романа, Всеволодъ Владиміровичъ прерывалъ занятія иногда на день, на нѣсколько дней, а случалось и на цѣлую недѣлю и болѣе. При такихъ условіяхъ, сочиненіе романа поглощало въ среднемъ какихъ нибудь 6 — 7 часовъ въ недѣлю, остальное время авторъ предавался полнѣйшему dolce far niente. Ничего другого онъ не писалъ, что называется, пера не бралъ въруки.

Объяснить такое бездъйствіе его я не берусь. Можеть быть, это и не было бездъйствіемъ, върнъе, что умъ и фантазія его въ эти перерывы не переставали усиленно заниматься романомъ; иногда мнъ казалось, однако, что ему мъшало мое присутствіе, и я высказывалъ ему по этому поводу не разъ свои опасенія. Однако онъ ръшительно отвергалъ такое предположеніе. Н. С. Лъсковъ, бывшій, какъ я уже сказалъ выше, свидътелемъ моего перваго свиданія съ нимъ, заявилъ тогда же, что сомнъвается въ успъшности предполагаемой нашей совмъстной работы.

— Про себя скажу — я не быль бы въ состоянии писать въ присутствии посторонняго лица, —говорилъ онъ. —Для меня недостаточно поливищее одиночество — я могу заниматься исключительно только ночью, потому что въ состоянии сосредоточиться тогда лишь, когда кругомъ меня поливищая тишина.

Всеволодъ Владиміровичъ замітиль на это, что и самъ, къ сожалінію, привыкъ работать по ночамъ; привычку эту онъ усвоилъ себі, благодаря безалаберной, разсіянной жизни. Днемъ онъ никогда не находилъ времени для діла, оставалась для этого ночь, и теперь онъ освоился съ такимъ неестественнымъ «режимомъ». Что же касается присутствія постороннихъ лицъ, то при настроеніи онъ нисколько ими не тяготится.

Приведу изъ этой бесёды еще слёдующія сохранившіяся въ моей памяти слова Н. С. Лёскова, могущія служить для характеристики пріемовъ творческой работы талантливаго автора «Соборянъ».

— Вы не можете себъ представить, -- говориль онъ намъ, -- что испытываю я иногда во время моихъ ночныхъ сиденій, когда подъ вліяніемъ нервнаго возбужденія начинаю чувствовать бремя одиночества. Тогда мив вдругъ начинаетъ казаться, что я покинутъ всёми, и что я въ опасности, гибель мнё близка. Порою доходило до галлюцинацій. Вы воть все пишете о разныхъ ужасахъ, объ убійствахъ и проч. Значить, у васъ нервы въ порядкъ, если можете писать о такихъ вещахъ по ночамъ, не теряя самообладанія и даже, быть можеть, не содрогаясь. А я воть, когда писаль свою «Леди Макбетъ» 1), то подъ вліяніемъ вавинченныхъ нервовъ и одиночества чуть не доходилъ до бреда. Мнъ становилось по временамъ невыносимо жутко, волосъ поднимался дыбомъ, я застываль при малъйшемъ шорохъ, который производиль самъ движеніемъ ноги или поворотомъ шеи. Это были тяжелыя минуты, которыхъ мнъ не забыть никогда. Съ тъхъ поръ избъгаю описаній такихъ ужасовъ, --- добавилъ онъ смъясь.

Николай Семеновичъ увърялъ далъе, что не можетъ диктоватъ даже письма, что творческая работа ему дается только тогда, когда онъ сидитъ одинъ у своего письменнаго стола, съ перомъ въ рукахъ, имъя передъ собою листъ бумаги. Работалъ онъ, по его словамъ, довольно регулярно, но, подобно Всеволоду Владиміровичу, не признавалъ для себя обязательнаго, по заведенному порядку, сочинительства ²).

Прим. авт.

 [«]Леди Макбеть Мценскаго увзда»—одинъ изъ первыхъ разсказовъ Лівскова (Н. Стебницкаго).

Прим. авт.

²⁾ Покойный Д. К. Гирсъ диктовать мив свой романъ днемъ, всегда въ заранъе опредъленные часы. Диктовка его была сплощной импровизаціей, безъ помощи конспекта и почти безъ перерывовь; при этомъ онъ ходилъ по комнатъ, а иногда останавливался противъ меня и продолжалъ импровизировать, какъ бы обращаясь лично ко миъ. Г. де-Воланъ занимался также въ опредъленые часы, но не ежедневно, обыкновенно отъ 7 до 10 ч. вечера, диктовалъ по черновымъ наброскамъ, безъ перерывовъ, сидя все время противъ меня. Что же касается ученыхъ писателей, то они вообще работаютъ всъ въ опредъленное время и опредъленное количество часовъ. Привожу эти замъчанія изъ моихъ наблюденій для свъдънія многочисленныхъ начинающихъ авторовъ, интересующихся вопросомъ о внъшнихъ пріемахъ творчества. Пріемы, какъ видите, очень разнообразны.

٧.

Все лѣто 1866 г. Всеволодъ Владиміровичъ провелъ въ городѣ, между тѣмъ большинство его пріятелей покинули Петербургъ: одни проживали на окрестныхъ дачахъ, другіе совершали болѣе отдаленныя поѣздки. Интимный, дружескій кружокъ, въ которомъ онъ обыкновенно вращался, сильно порѣдѣлъ. Правда, къ нему ежедневно заходилъ кто нибудь, разъ въ недѣлю у него даже собиралось человѣкъ пять-шесть, но по этимъ собраніямъ нельзя было составить себѣ понятія о размѣрахъ симпатій, которыми пользовался Всеволодъ Владиміровичъ въ одной части петербургскаго литературнаго и артистическаго міра, и которыя, насколько мнѣ извѣстно, были очень значительны.

Изъ числа бывавшихъ у него въ эту пору лицъ помню съ особенною отчетливостью А. Н. Серова, К. К. Случевского, А. П. Милюкова и Н. С. Лескова. Приходило еще несколько молодыхъ писателей, не пользовавшихся извъстностью; изъ нихъ я не могу назвать кого либо. Помню, что Всеволодъ Владиміровичъ этимъ неизвъстнымъ молодымъ сотоварищамъ по профессіи оказывалъ самое теплое вниманіе, расположеніе и участіе, при чемъ усиленно угощаль ихъ хорошею «старой вудкой» и виномъ изъ имънія ки. Воронцова, въ то время только-что вошедшимъ въ употребление и сдълавшимся моднымъ, чуть не патріотическимъ напиткомъ. Выпивка и закуска (изъ дорогихъ консервовъ, сыра и пр.) постоянно имълись въ запаст у Всеволода Владиміровича и хранились имъ въ кабинетъ, въ книжномъ шкафу, въ чемъ онъ подражалъ своему недавно умершему пріятелю Мею, отъ котораго, однако, отличался самъ умъренностью и расчетливостью, удерживавшими его отъ тъхъ безразсудствъ и излишествъ, которыми была полна жизнь Мея.

Николай Семеновичъ Лѣсковъ, какъ на этихъ маленькихъ собраніяхъ у Всеволода Владиміровича, такъ и наединѣ съ нимъ и со мною всегда сохранялъ и въ позѣ и въ разговорѣ нѣкоторую сановитость и торжественность; сознаніе своей возвышенной миссіи никогда его не покидало и какъ бы отмѣчало его полную въ то время фигуру, съ грузною, прочно покоившеюся на широкихъ плечахъ и короткой шев головою, надъ которой вздымалась всклоченная гуща темныхъ волосъ, печатью извѣстной маститости, или «генеральства», какъ принято называть теперь эту черту въ манерахъ нѣкоторыхъ литераторовъ съ именемъ или съ вѣсомъ. Добродушная, съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи, улыбка не сходила съ его лица, мягкая, стройная рѣчь выливалась у него тихимъ говоркомъ, плавно, съ подкупающею задушевностью. Посудачитъ и посплетничать было его страстью, но онъ умѣлъ злословить безъ

брани и, отпуская самыя ядовитыя укоризны, нисколько не мёняль при этомъ своего обычнаго мягкаго тона.

Совершеннъйшимъ контрастомъ Н. С. Лъскову былъ Александръ Петровичъ Милюковъ, худой, желтый старикъ, подвижной, однако, какъ юноша, разсуждавшій безъ умолка, громко и съ жаромъ. Александръ Петровичъ былъ интересный собесъдникъ, потому что помнилъ множество любопытныхъ случаевъ и фактовъ изъ своей жизни и изъ жизни многихъ выдающихся дъятелей и охотно разсказывалъ.

Незабвеннаго композитора и критика Александра Николаевича Сърова я видътъ на этихъ собраніяхъ раза три, всегда экзальтированнымъ, поглощеннымъ полемикой со своими музыкальными оппонентами и занятымъ собственными музыкальными идеями и замыслами. То было время, когда взошла звъзда Александра Николаевича, время его торжества—на оперной сценъ только-что прогремъла «Рогиъда», дълавшая полные сборы; публика встръчала автора съ оващими; пресса казалась побъжденною достоинствами оперы и признавала въ немъ качества компетентнаго музыкальнаго авторитета; наконецъ, заслуги его были оцънены и правительствомъ, только что назначившимъ Сърову пожизненную пенсію по 1000 р. въ годъ.

Знаменитый маэстро быль маленькаго роста (немного ниже средняго), при всемъ томъ онъ обладалъ изящною, полною энергіи фигурою и красивымъ жестомъ маленькихъ бълыхъ рукъ. Голова его съ нъсколько крупными чертами гладкаго, безъ растительности, лица, отливала серебромъ посъдъвшихъ преждевременно волосъ. Александръ Николаевичъ, съ его моложавостью, какъ бы занесенною метелью старческихъ съдинъ и этими пламенными, полными лиризма монологами, непрерывно лившимися изъ его устъ, производилъ впечатлъніе необычайнаго человъка. Ръчь его отличалась умомъ и подкупающею красотою оборотовъ, стилемъ.

Всеволодъ Владиміровичъ искренно преклонялся передъ геніемъ Сърова, въ особенности же онъ цънилъ въ немъ самобытность и народно-русское направленіе въ его творчествъ. Оба они были знатоками и тонкими цънителями народной поэзіи, оба искали въ ней вдохновенія для своихъ собственныхъ поэтическихъ стремленій, и это сблизило и сроднило этихъ двухъ, по темпераменту и настроеніямъ вовсе не сходныхъ людей. На той же народной почвъ создались многія прочныя связи у Всеволода Владиміровича, между прочимъ, дружба его съ Аполлономъ Григорьевымъ, А. А. Меемъ, К. К. Случевскимъ, гр. А. Толстымъ и мн. др.

Однажды, къ несказанной моей радости, мит удалось увидъть Случевскаго. Молодой поэть въ то время не пользовался еще большою популярностью—имя его, появлявшееся въ печати въ концт пятидесятыхъ и началт шестидесятыхъ годовъ, затъмъ сразу исчезло со страницъ журналовъ и стушевалось въ шумъ скорбнообличительной лирики, завладъвшей тогда общественнымъ вниманіемъ. Нашъ поэтъ замолкъ и даже оставилъ Россію. Но его забыли не всъ въ то «страшное» (по выраженію проф. Ореста Миллера) время, когда исканіе идеаловъ и всякое возвышенное стремленіе относилось къ отсталости взглядовъ и ретроградству; помнилъ и любилъ его, между прочимъ, также и я, хотя, сознаюсь, съ произведеніями Константина Константиновича познакомился совершенно случайно и благодаря лишь тому обстоятельству, что попалъ въ соприкосновеніе съ литературною семьею, стоявшею внъ сутолоки тогдашняго прогрессистскаго и утилитарнаго движенія.

Мив было леть 14-15, и я посещаль еще училище, где сошелся близко съ двумя однокашниками, сыновьями писателя С. С. Громеки, Иваномъ и Ипполитомъ, наровитыми мальчиками, ивжными и пылкими и большими любителями кропанія стиховъ. Мы издавали совитстно еженедтьный рукописный журналь, въ которомъ помъщали разнообразныя прозаическія статьи, свои и нъкоторыхъ классныхъ сотоварищей, а Громеки, кромъ того, еще и свои вирши, которые неизмённо слагались ими въ подражение тремъ излюбленнымъ поэтамъ-Полонскому, Майкову и Фету. Но вотъ какъ-то у обоихъ братьевъ возникло новое творческое поклоненіе, выразившееся «подражаніями» невёдомому въ нашемъ школьномъ кружкъ Случевскому; явленіе это было немедленно замъчено «публикою», т. е. всемъ классомъ, читавшимъ нашъ журналъ, а меня, какъ одного изъ соредакторовъ, оно, помню, даже разобидъло, потому что обнаружило предъ всею этою самою «публикою» незнакомство мое съ современною литературою, ибо оказалось, что я понятія не им'тю о новомъ авторт, съ которымъ уже усп'тли освоиться, которымъ даже увлекались мои соредакторы Громеки. Когда я вскоръ послъ этого посътиль Громекъ на дому, то они, по моему настоянію, были вынуждены показать мнё подлинныя произведенія очаровавшаго ихъ новаго автора. Мои друзья добыли изъ отцовскаго книжнаго шкапа номера журналовъ со стихами К. К. Случевского, мы перечитывали ихъ, сравнивали съ произведеніями другихъ поэтовъ, спорили о достоинствахъ тёхъ и другихъ стиховъ. Съ техъ поръ впечатление о его музе осталось въ моей памяти.

Воть почему встрівча съ К. К. Случевскимъ была для меня пріятнымъ сюрпризомъ и припоминается мною и посейчасъ съ чувствомъ глубокаго удовольствія.

Константинъ Константиновичъ былъ почти однихъ лѣтъ съ Крестовскимъ и выступилъ приблизительно въ одно время съ нимъ на литературное поприще. Оба они были поэтами безъ такъ называемаго «направленія», т. е. поклонниками свободы искусства и эстетами. Обоихъ встретило почти въ одинаковой мѣрѣ презрительное равнодушіе современной «толпы», и оба они также почти въ одно время бросили свои лиры—одинъ только временно, другой навсегда, посвятивъ себя всецъло беллетристикъ.

На рѣшеніе Константина Константиновича повліяло впрочемъ не столько равнодушіе, сколько злостная несправедливость критики. Въ особенности одно происшествіе переполнило чашу его терпѣнія: ему пришлось испытать однажды горчайшее разочарованіе, какое только можеть выпасть на долю молодого служителя музъ—онъ увидѣлъ себя одновременно признаннымъ и увѣнчаннымъ и почти тотчасъ же осмѣяннымъ и униженнымъ съ безпощадною рѣзкостью, заставлявшею его краснѣть за минутное наслажденіе своими лаврами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, за свое личное достоинство. Случилось это при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Какъ-то, совершенно безъ въдома Константина Константиновича, И. С. Тургеневымъ были отданы въ «Современникъ» шесть его стихотвореній, которыя и появились въ названномъ журналь одновременно всв сразу. Для начинающаго поэта такой успъхъ представлялся равносильнымъ признанію его таланта, такъ какъ ареопать «Современника», вообще крайне разборчивый въ выборъ произведеній начинающихъ авторовь, установиль за собою авторитетность строгаго и знающаго толкъ судьи и ценителя. Мне известно со словъ самого К. К. Случевскаго, что появление его стиховъ на страницахъ «Современника» настолько же его озадачило своею неожиданностью, насколько и обрадовало. Къ несчастью (а, можеть быть, и къ счастью-кто знаеть), случаю этому суждено было разыграться еще болбе неожиданнымъ образомъ и закончиться плачевнымъ для самолюбія Константина Константиновича финаломъ. Стихи его обратили на себя вниманіе Аполлона Григорьева, писавшаго тогда рецензіи въ «Сынъ Отечества»; въ одной изъ ближайшихъ своихъ критическихъ статей онъ посвятилъ имъ нъсколько строкъ, которыя закончилъ привътствіемъ въ авторъ новаго генія, по силь, образности и красоть формъ своихъ стиховъ равнаго Лермонтову.

Таковъ приблизительно былъ этотъ отзывъ А. Григорьева, въ безпристрастіе котораго К. К. Случевскій могъ тѣмъ болѣе повърить, что лично не былъ еще знакомъ съ критикомъ (они познакомились лишь нѣсколько времени спустя), а между тѣмъ отзывъ этотъ вызвалъ цѣлую бурю. Всѣ журналы и, въ особенности, сатирическіе листки, которыхъ въ то время было большое множество, опрокинулись за него съ азартомъ на Константина Константиновича, котораго стали преслѣдовать попреками и насмѣшками; отъ нихъ не отсталъ даже и самъ «Современникъ», «свистокъ» котораго также принялся немилосердно вышучивать поэта, отказывая ему въ малѣйшемъ талантѣ и пр. Вся эта шумиха, разразившаяся надъ молодымъ поэтомъ очевидно только въ отместку за похвалу со

«истор. въстн.», марть, 1900 г., т. LXXIX,

стороны писателя, державшаго себя особнякомъ отъ тогдашнихъ партій, и вовсе не заслуженная поэтомъ, до крайности была ему непріятна, онъ не быль въ силахъ перенести эту явную предвзятость и враждебность къ себъ и почувствовалъ потребность бъжать отъ нея, для того чтобы уйти подальше отъ укоровъ, казавшихся ему позорящими его болъ в всего, какъ частнаго человъка. Онъ уъхалъ за границу, пробылъ нъкоторое время во Франціи и въ Германіи и возвратился въ Петербургъ лишь пять лътъ спустя, съ дипломомъ доктора философіи Гейдельбергскаго университета въ карманъ.

Въ первые же дни постъ своего прівзда, К. К. Случевскій посътилъ Всеволода Владиміровича. Симпатичная личность поэта хорошо знакома всёмъ по безчисленному множеству статей о немъ во всёхъ періодических изданіях послёдняго времени; до сих поръ, несмотря на болъе преклонный возрасть, Константинъ Константиновичь не утратиль своей красивой аристократической наружности, а также отличавшей его всегда и въ прежніе годы простоты и сердечности въ обращеніи со всёми. Вспоминая о моей первой встрече съ нимъ, не могу не отметить, что съ техъ поръ онъ почти не измънился; молодость придавала ему лишь большую кипучесть и порывистость. Продолжительное пребываніе за границею видимо обогатило его большимъ запасомъ свъжихъ впечатленій и ободряющихъ надеждъ. Онъ сообщилъ намъ, что пріобрѣлъ теперь необходимую броню смёлости и презрёнія къ личнымъ на себя нападкамъ, чтобы вступить въ открытую борьбу съ извращенными ученіями разрушителей и отрицателей искусства въ нашемъ отечествъ. Теперь онъ уже не боялся своихъ россійскихъ критическихъ зоиль, а напротивъ того жаждаль полемики съ ними, готовился къ ней и даже нанесъ первый ударъ въ видъ трехъ горячихъ статей, изданныхъ имъ въ формъ брошюръ, для того чтобы выступить на арену эстетической критики съ полною независимостью отъ вліяній журнальныхъ и вообще какихъ либо кружковыхъ. Кром' того, онъ мечталъ о торжеств у насъ книги надъ журналомъ, подобно тому какъ за границею книга удерживала за собою преобладающее вліяніе.

Въ заграничной литературъ журналы, несмотря на большое ихъ число, имъли лишь второстепенное значеніе, благодаря распространенности книги, и потому не играли той роли, какую занимали у насъ—роли монополистовъ мысли и безапелляціонныхъ цънителей умственнаго творчества, раздававшихъ однимъ дипломы на авторитетность и развънчивавшихъ другихъ, кто не подходилъ подъ требованія моды и подписки. Рядомъ съ книгой за границею господствовали общественное мнъніе и личная иниціатива, нейтрализовавшія вліяніе подхватываемыхъ и разносимыхъ журналами модныхъ теченій мысли.

Константинъ Константиновичъ сообщилъ намъ во время бесъды. что имъ изданы три брошюры подъ общимъ заглавіемъ: «Явленія русской жизни подъ критикою эстетики». Одна называлась «Прудонъ объ искусствъ», другая «О Чернышевскомъ. Эстетическія отношенія искусства къ дъйствительности», третья—«Какъ Писаревъ эстетику разрушаль». Всв онв успъха не имвли. Не такое было время, чтобы можно было завладёть общественнымъ вниманіемъ вопросами объ искусстве и эстетическими критиками. Да, вероятно, публика и не узнала о существовани его брошюръ, по крайней мтрт, журналы основательно замолчали ихъ, если не считать одного очень теплаго отзыва о брошюрахъ, принадлежавшаго перу Эдельсона, а книжные торговцы, при тогдашней своей косности и неподвижности, конечно, не заботились о распространении маленькихъ книжект, отъ которыхъ не ожидали лакомой прибыли. Отмъчу кстати. что положение нашей книжной торговли въ шестидесятыхъ годахъ было вообще крайне жалкое, болбе безпорядочной и случайной трудно себв представить. Впрочемъ, она и въ настоящее время еще далека отъ совершенства. Пріемы, издавна практикуемые съ успъхомъ и пользою для просвъщенія на заграничныхъ книжныхъ рынкахъ, все еще не усвоены ею, не вошли въ ея обиходъ.

Посъщаль Всеволода Владиміровича также одинь изъ старинныхъ литературныхъ дъятелей, современниковъ Пушкина и Грибоъдова, нынъ почти забытый А. Г. Ротчевъ, имя котораго шумъло въ пятидесятыхъ и началъ шестидесятыхъ годовъ. Ротчевъ велъ тогда усиленную пропаганду мирныхъ завоеваній въ областяхъ, колонизированныхъ русскими на золотоносныхъ побережьяхъ Съверной Америки. Призывъ его къ удержанію Россіей этой Голконды, съ ея предполагавшимися богатствами, не имълъ успъха. Надъ Ротчевымъ только посмъивались. Въ 1867 г., кажется, вся занятая русскими область, о которой онъ хлопоталъ, была уступлена правительствомъ Съверо-Американскимъ Штатамъ. Ротчева привыкли считать причудливымъ фантазеромъ, не болъе.

А. Г. Ротчевъ родился въ 1807 г. († въ 1873 г.); еще будучи студентомъ Московскаго университета, въ 1825 г., онъ перевелъ стихами и издалъ «Мнимаго рогоносца» Мольера, вскоръ послъ того женился на княгинъ Гагариной вопреки волъ ея родителей и по этому случаю долженъ былъ уъхать изъ Москвы. Въ Петербургъ онъ былъ принятъ тогдашнимъ директоромъ театровъ кн. С. С. Гагаринымъ на службу въ театральную дирекцію въ званіи переводчика и перевель, въ 1829 г., драму А. Дюма «Генрихъ III и его дворъ», въ 1830 г. «Макбета» (съ нъмецкаго, Шиллера), «Гернани» В. Гюго (драма была запрещена цензурой) и «Вильгельма Телля» Шиллера, дозволеннаго къ представленію всего только одинъ разъ, въ бенефисъ В. Каратыгина. Послъ этихъ

Digitized by Google

неудачь онъ оставиль службу въ театральномъ вёдомстве, поступиль въ Россійско-американскую компанію и уёхаль въ Америку, откуда ему пришлось вернуться въ 1866 г. вследствіе начавшихся переговоровь о передачё владёній компаніи Америке.

VI.

Съ Варвар й Дмитріевной Крестовской я познакомился, какъ ни странно это, уже послъ моего водворенія въ домъ В. В. и то случайно. Устроившись по-домашнему въ квартиръ писателя, о которомъ зналъ, что онъ женатъ и живеть семейно, я тщетно ожидаль пріема съ ея стороны и обычнаго въ такихъ случаяхъ привътствія. Разъясненіе этой странности, впрочемъ, легко найти въ біографіи Всеволода Владиміровича, составленной г. Ельцомъ. Не касаясь этихъ подробностей, скажу лишь, что Варвара Дмитріевна вообще сторонилась отъ друзей ея мужа, не принимала ихъ и почти никогда не выходила къ нимъ, хотя со многими была знакома. Такъ, по крайней мъръ, было при мнъ. Къ присутствію моему въ домъ она, въ первые дни, отнеслась подобнымъ же образомъ, благодаря чему положение мое мнв показалось неловкимъ до того, что со второго дня пребыванія моего въ дом' Всеволода Владиміровича я уже началъ серіозно помышлять о б'єгств'є изъ него. Изъ кабинета, въ которомъ я поместился, я слышалъ голосъ молодой женщины, видълъ ее мелькающей мимо моихъ дверей и чувствовалъ себя очень плохо въ сознаніи, что хозяйка дома дёлаеть нарочно видъ, что меня не замъчаетъ, даже не знаетъ о моемъ существованіи.

Къ счастью, такое положеніе дёлъ продолжалось для меня всего три или четыре дня. Однажды, въ отсутствіе Всеволода Владиміровича, она вдругъ вошла ко мнё въ комнату и дружелюбно, съ любезною улыбкою протянувъ мнё руку, объявила безъ дальнёйшихъ словъ, что мы уже знакомы, и тутъ же сообщила, что ея маленькая Маня отъ меня безъ ума и все ко мнё просится.

— Боюсь, не безпокоила бы она васъ.

Маня была прелестная трехлётняя дёвочка; получивъ позволеніе ходить ко миё, она сдёлалась постоянной моей гостьей, прибёгала ко миё ежедневно по нёсколько разъ; съ первыхъ же дней нашего знакомства я почувствовалъ горячую привязанность къ чудному маленькому существу. Милый лепетъ умнаго, очень живого и граціознаго ребенка забавлялъ меня, и я находилъ развлеченіе въ рисованіи для нея фигурокъ людей и животныхъ, которыя ей очень правились, и отъ которыхъ она приходила въ шумный восторгъ. Дружба наша такимъ порядкомъ завязалась помимо участія кого либо изъ

взрослыхъ членовъ семьи и въ концѣ концовъ вызвала благорасположение ко мнъ матери, нъжно любившей дъвочку.

Варвара Дмитріевна была высокаго роста, стройная женщина, съ выразительнымъ лицемъ и красивыми глазами. Однако, впалыя ея щеки и желтоватая блёдность лица ясно говорили о подтачивавшемъ ея жизнь недугъ 1). По натуръ веселая и беззаботная, она, тъмъ не менъе, часто становилась жолчной и раздражительной, и тогда возбуждение ея принимало бользненный оттынокъ истерики. Въ эти минуты она металась по комнатамъ, рыдала, случались минуты, когда она, вся охваченная приливомъ горькихъ чувствъ, осыпала Всеволода Владиміровича упреками, укоряла его въ бъдности, въ лъности, въ бросаніи денегь на вътеръ, наконецъ, въ измънъ. Всеволодъ Владиміровичь въ этихъ случаяхъ защищался слабо, почти не перебиваль потоковъ обидныхъ ръчей жены. Во время подобныхъ «сценъ», невольнымъ свидетелемъ которыхъ я бывалъ неоднократно, мужъ, какъ мив всегда казалось, держалъ себя вполив безупречно. Не только я никогда не слышалъ вульгарныхъ ссоръ, взаимныхъ попрековъ и грубыхъ выходокъ съ его стороны, но никогда не бывало также, чтобы онъ хотя бы словомъ или даже намекомъ жаловался кому либо на жену. О своихъ семейныхъ невзгодахъ онъ никогда ни съ къмъ не говорилъ. Въ присутствіи третьих в липъ онъ держаль себя по отношенію къ женъ вполнъ ровно и почтительно, такъ что не подавалъ повода подовръвать о существовании между ними разлада. Мнъ приходилось наблюдать также проявленія вполив мирныхъ, добрыхъ отношеній между супругами.

Любили ли они другь друга—не знаю, я никогда не могь съ точностью разобраться во взаимныхъ чувствахъ супруговъ, но что Варвара Дмитріевна ревновала мужа, въ этомъ для меня не было сомнёнія, точно также какъ и въ томъ, что она сильно недолюбливала его друзей и страшно тяготилась бёдностью, въ которой ей приходилось жить, наконецъ, въ ея страстномъ желаніи поступить на сцену ²), въ чемъ, однако, ей мёшало ея слабое здоровье.

Вскорѣ послѣ того какъ мы познакомились, Варвара Дмитріевна пригласила меня къ себѣ на обѣдъ. Это былъ единственный разъ, когда я обѣдалъ у Крестовскихъ, въ обществѣ обоихъ супруговъ. Я сидѣлъ за ихъ столомъ въ темной комнаткѣ, служившей одновременно столовой и спалычей; мы сидѣли при свѣтѣ одной свѣчи, столъ стоялъ около стѣны, у другой стѣны помѣщалась кровать, а посреди комнаты колясочка, въ которой спала малютка Маня. Все кругомъ говорило о бѣдности: комната, сервировка стола, мѣдный шандалъ со свѣчею, скромныя, хотя и вкусно приготовленныя

¹⁾ Она умерла отъ этой бользии въ молодые годы. Примъчание автора.

¹²⁾ В. Д. была до замужества актрисой. Примъчание автора.

блюда объда. «Воть она, печальная изнанка, грубая проза жизни труженика пера», думаль я тогда, глядя на сидвишихь передо мною, въ рамкъ окружающаю полумрака. двухъ молодыхъ супруговъ. Вспоминались мнв тогда жалобы Варвары Дмитріевны именно на эту неказистую сторону ея положенія въ дом'є, где она, въ качестве хозяйки, была лишена возможности представительствовать, играть подобающую ей роль жены литератора съ именемъ и съ значительнымъ, по ея понятіямъ, заработкомъ. Положеніе его, однако, нисколько не было лучше, онъ только переносилъ его съ большимъ геройствомъ. Сътованія Варвары Дмитріевны, какъ мнъ казалось, не имъли основанія; ни большой успъхъ романа, ни предшествовавшіе труды Всеволода Владиміровича, вышедшіе въ свъть въ 1862 г. въ изданіи Стелловскаго, не обезпечивали его и не избавляли отъ нужды, съ которою ему приходилось бороться въ то время; связанный, стёсненный этою нуждою, онъ едва ли могь следовать влеченіямъ и потребностямъ своей, въ сущности, артистической и не лишенной нікоторой причудливости натуры, своимъ эстетическимъ наклонностямъ, наконецъ. Въ кабинетъ и гостиной его стояла простая рыночная мебель, онъ не могь заводить себъ ни книгъ, ни гравюръ, ни какого нибудь бюстика, альбома. Все это было дъйствительно недоступно его карману. Помню, какъ онъ однажды за недорогую цену пріобрель для украшенія своего кабинета собраніе древняго русскаго вооруженія, но собраніе это было, увы! изъ папье-маше. И, тъмъ не менъе, съ какою любовьюэто было при мить-обиваль онъ своими руками изготовленный простымъ столяромъ деревянный щить грошевымъ краснымъ кумачемъ и съ заботливостью и вдумчивостью истаго любителя размъщать на немъ всъ эти легковъсные предметы изъ папки, изображавшіе: щитокъ, шлемъ, копье, стрілы, топорцы, пальники, шестоперы, съкиру и прочіе милые сердцу памятники глубокой отечественной старины. А сколько было самыхъ банальныхъ нуждъ и потребностей повседневной жизни! Большая часть его заработка уходила на хозяйство, на туалеть жены, на пріемъ друзей. Я уже упоминаль о томъ, что онъ всегда держаль для нихъ наготовъ вина и закуски и охотно ими угощаль гостей; Варвара Дмитріевна также имъла пріемные дни для своихъ родственниковъ и знакомыхъ. Супруги любили свою маленькую дочь, которую баловали и одъвали, какъ куколку. Къ этому следуетъ прибавить, что Всеволодъ Владиміровичь помогаль еще и своимъ родителямъ. О матеріальной помощи, которую онъ имъ оказываль, мнв известно со словъ самого отца Всеволода Владиміровича. Последній посетиль его однажды и, не заставъ дома, зашелъ ко мнъ, присълъ и тотчасъ же заговорилъ о добромъ сердцъ Всеволода Владиміровича и вообще о его личныхъ достоинствахъ. Старику, очевидно, захотелось отвести душу, высказаться передъ постороннимъ человъкомъ о высокихъ

достоинствахъ сына-писателя, о дарованіи и литературномъ значеніи котораго онъ им'єль, впрочемъ, весьма смутное понятіе.

Во время этой бесёды я узналъ и еще объ одномъ обстоятельстве, до крайности меня поразившемъ своею неожиданностью. Крестовскій-отецъ сообщилъ мнё о намёреніи Всеволода Владиміровича поступить на военную службу. Самъ онъ быль отставной офицеръ, нёкогда служившій въ уланахъ, и, по его мнёнію, сыну слёдовало итти тою же дорогой. Таково было желаніе отца, которое, по его словамъ, раздёлялъ съ нимъ и Всеволодъ Владиміровичъ.

Пораженный этимъ извъстіемъ и едва въря въ его серіозность, я въ тоть же день спросилъ Всеволода Владиміровича въ шутливомъ тонъ, намъренъ ли онъ, въ самомъ дълъ, перемънить перо на мечъ и стать въ его годы (ему было тогда уже 28 лътъ) въ ряды защитниковъ отечества. Къ моему удивленію, Всеволодъ Владиміровичъ, не задумываясь ни на минуту, подтвердилъ слова своего отца.

- Воть увидите, что какъ только окончу романъ, тотчасъ же поступлю юнкеромъ въ уланскій полкъ,—сказалъ онъ.
- Не понимаю, да и никто, пожалуй, не пойметъ вашего шага, сказалъ я.
- Очень можеть быть, и не пойметь и не одобрить, отвътиль онъ, но для меня это неизбъжно по многимъ причинамъ. Одна изъ нихъ та, добавилъ онъ, что служба въ уланахъ въ моей семъъ установилась традиціей, отецъ и дъдъ были уланами. Теперь очередь за мною.

Всю эту тираду онъ произнесъ въ шутливо-торжественномъ тонъ и на этомъ прекратилъ разговоръ. Мнъ показалось тогда, что онъ просто уклонялся отъ признанія, что въ этомъ случат онъ подчиняется прямо желанію своего отца. Сознаваться въ этомъ было трудно человъку съ характеромъ Всеволода Владиміровича, самолюбивому, скрытному, недовърчивому. Не даромъ же онъ оставляль всъхъ безъ исключенія въ полномъ невъдъніи относительно своего намъренія покинуть ихъ среду. Правда, при господствовавшемъ въ то время взглядь на военную службу, предположенія его не могли разсчитывать на сочувствие его друзей. Онъ ожидаль насмёшекъ съ ихъ стороны, увъщеваній отказаться оть своего ръшенія, быть можеть, враждебныхъ столкновеній по этому поводу и даже интригь, которыя могли ему помъщать. Такъ, по крайней мъръ, понялъ я его молчаніе и, руководствуясь тіми же опасеніями, я съ своей стороны также хранилъ про себя все, что мнт было извъстно о планахъ Всеволода Владиміровича: я боялся повредить ему и тъмъ заставить его сожальть объ откровенности въ бесьдь со мною.

Въ біографіи Всеволода Владиміровича, приложенной къ собранію его сочиненій, поступленію его въ военную службу приписы-

ваются иные мотивы. По словамъ г. Ельца, Всеволода Владиміровича «травили и въ литературв и въ частной жизни» и затравили будто бы до того, что онъ, наконецъ, «готовъ былъ бѣжать на край : свъта (sic!), лишь бы только скрыться оть людей, ихъ злости и насмъщекъ». «Разбитые его нервы не выдерживали больще никакихъ по нимъ ударовъ; ему нужна была среда, которая бы гарантировала ему цълительное спокойствіе, и онъ, наконецъ, послъ долгихъ исканій, нашелъ ее въ арміи». Помимо противоръчія съ приведенными мною фактами (все это было мною сообщено автору біографіи за нъсколько мъсяцевъ до появленія ея въ свъть), въ разсужденіяхъ г. Ельца заключается одно крупное недоразуменіе, на которое не могу не указать. Дъло въ томъ, что въ то время, когда Всеволодъ Владиміровичь готовился къ поступленію, а затыть и поступиль въ военную службу, такой убійственной травли противъ него, о какой говоритъ г. біографъ, не существовало вовсе; она началась въ большихъ размърахъ гораздо позже, а именно, какъ я уже упомянулъ однажды, послъ появленія его «Панургова стада» и следовательно лишь годъ спустя после поступленія въ полкъ. Къ предшествовавшимъ замалчиванію и травлѣ, на что̀ мною уже указывалось въ другомъ месте, В. В. относился если и не совствъ равнодушно, то все же довольно по-философски-безъ треволненій. В'єдь изв'єстно также, что, кром'є Всеволода Владиміровича, одновременно съ нимъ подвергались травлъ и другіе писатели, напр., Тургеневъ и, какъ разъ въ этотъ же періодъ 1865-1866 г.г., Н. С. Лъсковъ за романъ «Некуда». Однако ни тотъ, ни другой, да и вообще никто другой изъ жертвъ тогдашней неистовствовавшей «передовой» прессы и не помышляль о побыть «на край свъта» и не доходилъ до такой степени унынія, чтобы «скрываться оть людей». Правда, К. К. Случевскій, — объ этомъ я говориль подробно въ своемъ мъстъ, -- затравленный бранью и насмъщками, покинулъ Россію; но это случилось въ пору его ранней молодости; а теперь и онъ уже не странствоваль болбе по чужимъ краямъ, и читателямъ извъстны подробности его свиданія съ Всеволодомъ Владиміровичемъ послѣ прівзда изъ-за границы нашего поэта-свиданіе это, конечно, не могло внушить Всеволоду Владиміровичу никакихъ иныхъ чувствъ, кромѣ надежды на лучшее будущее. Къ чему, наконецъ, было унывать Крестовскому, когда находившійся въ гораздо болбе тяжелой опаль, близкій его пріятель Стебницкій (Лісковъ), нисколько не поддаваясь ни страху ни отчаянію, продолжаль ковать козни противъ травившихъ его «нигилистовъ», на которыхъ и напалъ тогда съ азартомъ въ романъ «На ножахъ», въ настоящее время, можеть быть, уже забытомъ, но имъвшемъ въ концъ шестидесятыхъ и началъ семидесятыхъ годовъ огромный успёхъ. Тоть же Лёсковъ, по свидетельству О. Берга, быль до крайности изумлень поступкомъ Всеволода

Владиміровича, бросившаго, по его мнінію, столь блестящее установившееся, особенно послё появленія «Петербургскихъ трущобъ» поприще литератора, для замёны его столь несимпатичною и невыгодною (невыигрышною) для писателя военною службою. По мнівнію Лівскова и другихъ друзей, Всеволодъ Владиміровичъ увлекся въ этомъ случав непонятными и несвойственными его уму и характеру бреднями. Очевидно, никто изъ современниковъ не ставиль этого поступка его въ какую либо связь съ несочувствіемъ къ нему изв'єстной части тогдашняго литературнаго мірка, или хотя бы даже извъстной части общества (преимущественно сбитой съ толку молодежи). Истинныхъ мотивовъ этого поступка самъ Всеволодъ Владиміровичь никому не сообщиль, но изъ того, что сдълалось извъстно мнъ со словъ его отца и его самого, все же, мив кажется, можно вывести заключеніе, что, надввая мундиръ 14-го Уланскаго Ямбургскаго ея императорскаго высочества великой княтини Маріи Александровны полка, онъ не спасался такимъ путемъ отъ чьихъ либо гоненій, а следоваль, при этомъ, конечно, либо собственному влеченію, либо, что весьма віроятно, настоянію старика отда, либо тому и другому одновременно. При этомъ ссылка на семейную традицію могла быть придумана имъ для предлога, которымъ молодой романисть желаль оправдать свой поступокъ въ чужихъ и въ собственныхъ глазахъ.

VII.

Въ то время, когда Всеволодъ Владиміровичъ заканчивалъ пятую часть «Трущобъ», случилась смерть редактора «Отечественныхъ Записокъ» С. С. Дудышкина. Онъ умеръ отъ разрыва сердца; катастрофа постигла его во время бесёды съ Всеволодомъ Владиміровичемъ по поводу обещаннаго последнимъ новаго романа, печатаніе котораго предполагалось «въ Отечественныхъ Запискахъ» за 1867 г. Разговоръ происходилъ въ кабинетъ редакціи. Дудышкинъ внезапно почувствовалъ себя дурно, наклонился впередъ и упалъ въ объятія сидъвшаго противъ него Всеволода Владиміровичъ. Жизнь покинула его почти сразу. Эту подробность кончины Дудышкина мнъ передавалъ самъ Всеволодъ Владиміровичъ, возвратившійся въ тотъ день домой въ сильномъ волненіи, потрясенный трагическимъ событіемъ, въ которомъ ему пришлось принять столь близкое участіе.

Нѣсколько дней спустя, состоялась продажа отдѣльнаго изданія «Петербургскихъ трущобъ» книгопродавцу М. О. Вольфу. Почтенный издатель лично посѣтилъ Всеволода Владиміровича для переговоровъ о ъ условіяхъ.

Тучная фигура Вольфа, съ его хищнымъ профилемъ и неповоротливою шеей, оправдывавшею его фамилію (Wolf, по-итмецки волкъ), сіяла на этоть разъ въ лучахъ пріятно-обязательной улыбки, каковою этотъ книжный тузъ и «недюжинный дъятель изъ западнаго края», какъ его величали въ тогдашней печати, весьма ръдко дарилъ своихъ поильцевъ-кормильцевъ, русскихъ писателей. Впрочемъ и теперь, заискивая благорасположеніе Всеволода Владиміровича и расточая ему любезности по поводу успъха его произведенія, онъ не преминулъ дать ему почувствовать, что успъхъ этотъ, въ сущности, очень не важный, по крайней мъръ, не настолько, чтобы можно было ожидать большихъ барышей отъ книги. Да и вообще какую выгоду можеть дать книгоиздателю русская книга? Другое дъло иностранная, даже вотъ польская, и та выгоднъе.

— Какъ вы думаете, сколько я имътъ барына отъ изданія, напримъръ, Мицкевича?—спросилъ Вольфъ и тутъ же принялся разсказывать о своихъ сношеніяхъ съ великимъ польскимъ поэтомъ. Оказалось, что онъ, по его словамъ, «платилъ Мицкевичу «по золотому» за каждую строфу, и, несмотря на большіе расходы по изданію, оно дало около 40.000 р. чистой прибыли». Всеволоду Владиміровичу онъ предложилъ за «Трущобы» 3.000 р. при тиражъ въ 3.000 экз., и тотчасъ же выложилъ въ задатокъ 1.000 р., съ условіемъ уплатить остальныя 2.000 р. немедленно по появленіи въ свътъ послъдней части романа. Несмотря на всю невыгоду этихъ условій, свидътельствовавшихъ о полномъ равнодушіи книгопродавца къ интересамъ русскаго автора, онъ были, конечно, приняты безъ возраженій.

Нѣсколько дней спустя, Всеволодъ Владиміровичъ сообщилъ мнѣ, что въ видахъ ускоренія работы рѣшилъ перебраться со мною за городъ, въ безлюдную, по случаю наступившей осени, дачную глушь. По Балгійской желѣзной дорогѣ, около станціи Лигово, нанялъ онъ за недорогую цѣну одну изъ покинутыхъ лѣтними обитателями дачъ, принадлежавшую, кажется, Мятлеву. Въ первыхъ числахъ сентября мы переселились туда. Варвара Дмитріевна отпустила съ нами свою горничную, взявшую на себя веденіе нашего холостого дачнаго хозяйства.

Отшельническая жизнь въ Лиговъ мало споспътествовала ускоренію сочиненія романа; все шло попрежнему. Проходили иногда недъли, въ теченіе которыхъ романъ не подвигался впередъ ни на шагъ. Въ эти перерывы мы ходили на прогулки, а также на охоту на дикихъ утокъ, въ окружающей болотистой мъстности, иногда же Всеволодъ Владиміровичъ уъзжаль въ городъ и оставался тамъ по нъсколько дней. Занятія наши затянулись до первыхъ чиселъ ноября, когда, наконецъ, были продиктованы мнъ послъднія страницы романа. Послъ этого Всеволодъ Владиміровичъ тотчасъ же уъхалъ, а я остался на дачъ для переписки своихъ

стенограммъ и наблюденія за упаковкою нашихъ вещей. На другой день и я покинулъ, наконецъ, пустынную дачу и отправился въ городъ къ Всеволоду Владиміровичу.

И что же? Я засталъ его сидящимъ за письменнымъ столомъ, за работою. Сосредоточенно, согнувшись всёмъ корпусомъ надъ стопкою бумаги, онъ писалъ своимъ мелкимъ, ровнымъ почеркомъ, безъ помарокъ и безъ малъйшихъ остановокъ. Для меня онъ представлялъ въ эту минуту совершенно непривычное эрълище. Писалъ онъ разсказъ. Такимъ образомъ, послъ почти двухлътняго перерыва, Всеволодъ Владиміровичъ, едва окончивъ романъ, тотчасъ же принялся за новый трудъ, матеріалъ для котораго имълся у него въ запасъ, въ старой записной книжкъ. Она лежала передъ нимъ на столь. Очевидно, раньше окончанія одной художественной работы, онъ не былъ въ силахъ, не могъ приступить къ другой. Въ этомъ онъ отличался отъ многихъ, въ особенности современныхъ литераторовъ, владъющихъ способностью сочинять одновременно по два романа, по нъсколько повъстей и т. д. Новая работа, которою занялся теперь Всеволодъ Владиміровичъ, предназначалась для «Отечественных в Записокъ» и появилась тамъ тотчасъ послѣ окончанія «Трущобъ».

И. К. Маркузе.

НАРОДНЫЕ ТИПЫ.

Въ вагонъ.

(Изъ записокъ этнографа).

I.

ВОШЕЛЪ въ вагонъ последнимъ почти въ ту минуту, какъ поездъ тронулся. Тамъ было тесно и душно. Запахъ краски отъ свеже выкрашенныхъ скамеекъ и стенъ новенькаго вагона смешивался съ чадомъ махорки и смазныхъ сапогъ,—наканунъ праздника ехало много рабочаго люда и богомольцевъ къ Троицъ. Грохотъ и стукъ колесъ на стрелкахъ, бойкій северно-русскій говоръ, детскій плачъ,—все это сливалось въ одинъ непрерывав-

шійся гуль, въ которомъ не легко было разобраться. Мимо мелькали дома, огромныя вывѣски, законтѣлыя трубы московскихъ фабрикъ, и все это пересѣкалось на мгновеніе черной лентой встрѣчнаго поѣзда, какъ и нашъ, переполненнаго людьми. Справа изъ-за безконечныхъ красныхъ и темныхъ вагонныхъ силуэтовъ выглядывала знаменитая Сокольничья роща. Вотъ она выглянула всянарядная и вмѣстѣ съ тѣмъ величавая, застывшая въ бережно хранимой красотѣ своихъ то сумрачныхъ, то свѣтлѣющихъ, словно смѣющихся, очертаній. Я сталъ оглядываться, ища, куда бы при-

строить свой чемоданъ, но это было довольно трудно: всё полки до верха были заняты мёшками, узлами, корзинами — ёхало нёсколько женщинъ съ дётьми, — и о томъ, чтобы пристроиться самому, нечего было, повидимому, и думать; на иныхъ скамьяхъ сидёло по четыре и по пяти человёкъ. Я собирался уже было выйти на площадку, какъ вдругъ услышалъ за собой голосъ:

- Слышь ты, иди ужо сюды... Не стоять же человъку этакъ-то... Я обернулся. Это говорилъ мужиченко, въ сермяжной свиткъ и сапогахъ, невзрачный и хмурый.
- А ты, сума, подвинь-ко-ся маненько, продолжаль онъ, обращаясь къ сидъвшему рядомъ съ нимъ артельщику съ кожаной сумкой черезъ плечо: мальца-то, баба, вогъ сюды, на узёлъ посади, слышь, баба? мальца-то, говорю, на узёлъ посади (онъ указалъ пальцемъ на узелъ, лежавшій въ прсходъ у самыхъ ногъ, подъ окномъ), оно и опростается...

Артельщикъ недовольно покосился на меня и придвинулся къ бабъ, та безмолвно пересадила бълоголоваго мальчика лъть четырехъ къ себъ на колъни. Мъсто очистилось. Я сълъ.

- Спасибо, братецъ, —сказалъ я невзрачному мужичку: —не помоги ты, не нашелъ бы я себъ мъста...
- Какъ мъста не найтить, произнесъ не глядя ни на кого артельщикъ, чай, по билету ъдете, деньги заплочены, значить подавай, гдъ хошь возьми, а подавай за мои денежки мъсто мнъ .. оберу сказать только...
- Да вишь ты, человъкъ поспълъ только-только, а народищуто страсти сколько,—отвътилъ за меня мой сосъдъ, тоже не обращаясь ни къ кому лично.—Я вотъ,—продолжалъ онъ,—съ ранняго утра за билетомъ пришелъ, да и то, гляди ты, на первый поъздъ не вышло. Всякому тоже хочется...
- Н-да, народу энтого много, аки песка морского али звъздъ небесныхъ, густымъ басомъ, громко, проговорилъ сидъвній противъ меня плотный и усастый мужчина, съ плотоядными губами и большимъ краснымъ носомъ. Сначала я принялъ его за отставного военнаго изъ писарей или фельдфебелей, но затъмъ подумалъ, что онъ болье похожъ, по крайней мъръ судя по произношенію, на псаломщика или лучшаго и тоже отставного баса изъ архіерейскаго хора. Есть такіе люди на Руси, что отъ рожденія носятъ на себъ признаки въчной отставки: еще его и не приставили ни къ чему, а онъ уже напускаеть на себя такой видъ, будто въкъ быль недоволенъ начальствомъ: и фуражка у него на бокъ съъхала, и изъ шести пуговицъ на пальто двухъ непремънно не достаеть, и въ выраженіи глазъ появляется довольно-таки опредъленное стремленіе на все и на вся наплевать.
- H-да-съ, повторилъ онъ, аки песка морскато... А только, ежели позволите при семъ слово сказать, господа по понъщней

таксѣ все больше во второмъ классѣ ѣздить норовять... чтобы, должно полагать, объ нашего брата своей дворянской чести не замарать... и онъ хитро подмигнулъ артельщику; тотъ какъ-то неопредѣленно усмѣхнулся и взглянулъ въ окно.

- Во второмъ классѣ кусается, —произнесъ артельщикъ послѣ небольшой паузы, —господа тоже это понимаютъ. Извѣстно, глупый съ вѣтромъ въ обгонку бѣжитъ, а умный копеечку на черный день бережетъ...
- А точно, сквалыжники—народъ изъ дворянъ-то пошелъ, мъняя тонъ, обратился къ нему плотный мужчина (иначе не умъю назвать его).—Нёть того, чтобы тебя, значить, благороднымъ манеромъ чиновникъ тамъ, или офицеръ какой, или тамъ кто, -- при этихъ словахъ онъ бросилъ презрительный взглядъ на мой студенческій китель, -- угостилъ или поговорилъ съ тобой... Кокарда, сважемъ промежду, къ стойкъ подойдеть, подсосъдится къ ней, а кокарда эта самая, провались она, тебя, аки пса смердящаго, сторонится, за ничто принимаеть -- а за что? -- спрашиваю я васъ. Развъ и у меня рублишко иной разъ ребромъ не ходить? а? или, можетъ, компаніи поддержать не ум'єю? Иной разъ, бываеть, сидишь въ компаній съ чиновникомъ какимъ, вотъ хоть бы изъ консисторскихъ, за водочкой, закусочка туть честь-честью, разговоры ведешь, -- у него, подлеца, гроша мъднаго за душой нъть, а поди, спроси у него: что-моль, что я за человъкъ?-Отфитюлится, подлая душа, а въдь съ собой ровней не сядеть, — онъ, видишь ли ты, чиновникъ, регистраторъ или секретаришко тамъ какой нибудь, а ты, дескать, лампаднымъ маслищемъ налампаженъ... вы какъ на счеть этого скажете? — и онъ искоса взглянулъ на меня.

Я не быль расположень вступать съ нимъ въ разговоръ и промолчалъ. Сзади меня, черезъ спинку, заплакалъ ребенокъ; молодая, болъзненно-худая баба стала унимать его, то укачивая и баюкая, то подставляя ему свою тощую и блъдную грудь. Плотный мужчина крякнулъ и отвернулся отъ меня.

- Воть, и это пъніе, кивнуль онъ на плачущаго ребенка, ангельское, сказать, отъ чистаго сердца исходить, какъ говорить нашъ дьяконъ, когда ребята плачуть—вотъ этакимъ манеромъ—агу-агу, куа-куа—а не ндравится многимъ, а тоже, вспомнишь, сами такіе бывали, черезъ матернюю утробу шли... такъ, что-ль, молодка?—обратился онъ къ бабъ.
 - --- Извъстно, что ужъ... потупилась та.
- И въ Писаніи сказано: плодитеся и размножайтеся и наполняйте землю... ха-ха-ха... А ты куда этакимъ манеромъ путь держишь? чай въ Знаменское, а?
 - Нѣ, у Баташово...
- У Баташово?—передразнилъ онъ ее.—Не слыхалъ. А я думалъ—въ Знаменское: вмъстъ поъхали бы...

И хитро подмигнувъ, онъ досталь изъ кармана измятую папиросу и закурилъ у своего сосёда, вялаго парня, по наружности фабричнаго. Парень быль въ жилеткъ съ болтавшейся у лъваго кармана стальной цъпочкой и курилъ самодъльную сигару въ оберткъ изъ толстой газетной бумаги.

- A у Баташовъ у тебя что, мужъ?—обратился окъ снова къ молчаливо прижимавшейся къ углу бабъ.
 - Ну, мужъ... а то кто-жъ еще?
- A кто-жъ тебя знаеть? Можеть, солдать изъ Питера? Тоже бываеть...

Парень и аргельщикъ улыбнулись. Баба не отвъчала, только выражение ея лица стало строже; она нагнулась къ ребенку и стала гладить его по головъ. Плотный мужчина не унимался.

— И бравый, должно быть, ундеръ?... хе, хе, хе... Признавайсяка... Кума, а кума, слышь, что я говорю?

Баба хранила молчаніе. Артельщикъ хотѣль что-то сказать сдѣлаль чуть замѣтное движеніе губами и только поправился на мѣстѣ.

- Что-жъ ты, не кошь отвъчать миъ? Не по-благородному, что ли, спросиль я тебя? Молодка, а молодка...
 - Да ну васъ... Отстаньте...-произнесла онъ съ усиліемъ.
- Отстаньте! Нѣтъ, ты знаешь ли, что по Писанію за такія дѣла полагается? Каменьями за такія дѣла побивали, аки... аки... хе... хе...
- Пошто замаешь ее, человъче?—вступился за нее хмурый мужиченко. Сидить себъ баба чинно, младенца везеть, а ты пошто нудишь-то ее, на гръхъ наводишь, да еще Писаніе нечистыми усты грызешь! Будемъ говорить по Писанію, такъ и тебя, скажемъ, расписать можно...
- Меня расписать? Да ты что за уставщикъ нашелся?—грубо, но значительно понизивъ голосъ, возразилъ ему плотный мужчина... Чего ради не въ свое корыто рыло суешь? Скажите, пожалуйста,—обратился онъ къ артельщику,—я съ ими—онъ кивнулъ головой на бабу—по-благородному разговоры веду, чтобы имъ, можетъ, пріятность сдёлать, а тутъ промежъ насъ, аки левъ рыкающій, проявился. Такъ аль нёть я говорю?
- H-да-съ, уклончиво протянулъ артельщикъ, оно, конечно, скучно этакъ-то въ молчанку вхать. Поговоришь, оно веселъй бываеть, а тамъ, смотришь, и время прошло...
- Вотъ то-то же, вы, я вижу, тонкое обращение всяко понимать можете, не то, что... мужикъ-деревенщина. А то, знаешь, братъ, и кондуктору сказать недолго—такъ-молъ и такъ, пассажиръ безпокойный, вдобавокъ выпилъ не въ мъру,—онъ те, кондукторъ, ижицу и пропишетъ по Ивановское число...
 - Лаяться ты можешь, въ этомъ тебъ отъ меня положенья

нътъ,—спокойно отвътилъ мужикъ,—брехня твоя такъ при тебъ и останется, а бабу ты не замай, потому—баба она и одна, сидитъ чинно, только-что дышитъ, можетъ, и по машинъ-то впервой ъдетъ. Изобидъть ее всякому легко...

Во все продолжение этого разговора баба сидъла, не шевелясь, словно ръчь шла совсъмъ не о ней; при послъднихъ словахъ она взглянула искоса на мужика и еще больше нагнулась къ ребенку. Плотный мужчина видимо растерялся: ему и досадно было, хотълось сорвать злость на неожиданномъ защитникъ бабы, а, съ другой стороны, онъ какъ будто боялся уронить свое достоинство и только глядълъ на него своими злыми припухшими глазами.

— А вы что же, — сказалъ онъ, наконецъ, напряженно улыбаясь и переходя на вы, —съ какой стороны кумомъ ей доводитесь? Что за заступники взялись? Заступникъ, а? скажите на милость! Да еще надо молодку спросить, хочетъ ли она заступника-то такого? Вамъ бы прежде въ баню сходить да тамъ выпариться, а потомъ бы къ нашему цирюльнику зайти, голову отръзать, другую приставить, на языкъ перцу посыпать, и тогда къ нашей молодкъ въ заступники проситься. Такъ аль нътъ?

Фабричный фыркнуль и съ любопытствомъ поглядъть на мужичка

- Сказалъ тебъ, человъче,— попрежнему спокойно произнесъ онъ,—лаяться—лайся, а бабу не замай, потому—одна она и сидить чинно...
- Заладила ворона про Якова! Одна да одна, ну, одна, такъ что-жъ изъ этого? Развъ я ее обидъть хочу? Да я, можетъ, позабавить, поразговорить только ее норовилъ. Вижу—ъдетъ, аки перстъ, аки Ревекка въ пустынъ, сидитъ подпершись этакъ, скучно значитъ. Дай, думаю, разговорюсь съ ней, спрошу, куда ъдетъ, честъчестью, какъ въ дорогъ полагается. Такъ я говорю?
- Это ужъ извъстно, -- произнесъ артельщикъ, въ вагонъ это, какъ въ бочкъ, можно сказать, съ къмъ, съ къмъ не встрътишься, чего-чего не услышишь...
- Вотъ я и говорю, —входя въ азарть, перебилъ его плотный мужчина. Вижу баба молодая, красивая, на меня этакъ однимъ глазкомъ поглядываетъ. Что, говорю, красавица, скучно этакъ ѣхать-то? говорю... А тутъ этогъ, словно мышь изъ крупы, выскочилъ... Ха-ха-ха, смѣшно даже...

Онъ засмѣялся неестественнымъ смѣхомъ и откинулся назадъ. Артельщикъ, изъ своеобразно понимаемаго русскимъ человѣкомъ чувства благоприличія, сдержанно улыбнулся.

- Можа, завидно стало,—вяло произнесъ фабричный и сшлюнулъ себъ подъ ноги.
- Завидно? Именно завидно, ха-ха-ха... Это вы върно сказали. Ему бы съ козлиной бородой за молодками ухаживать! Чай, у самого

баба запрълась, а туды-жъ лъзетъ!.. Кто ты, спрашиваю, братъ, аль сватъ ей доводишься?

- Вотъ то-то и есть, что братъ, медленно произнесъ хмурый мужиченко и пристально, въ упоръ поглядътъ на усача. Братъ и есть, повторилъ онъ особенно внушительно и внятно.
- Эге! Этакт и мы съ тобой братья, пожалуй, придемся... ха-ха-ха... только, съ какой стороны, не знаю...
- Братъ во Христь, вотъ съ какой, коль на тебъ крестъ есть... отвътилъ мужичекъ и произнесъ эти простыя слова такимъ искреннимъ и убъжденнымъ тономъ, что на минуту—я видълъ это—всъмъ стало жутко. Развязный мужчина тоже языкъ прикусилъ и не сразу отвътилъ. Баба искоса, мелькомъ, взглянула въ сторону своего защитника, и вся насторожилась; артельщикъ скромно потупилъ глаза; даже робкаго вида съ припухлой щекой мъщанинишко, на котораго я до тъхъ поръ не обращалъ вниманія, пересталъ дремать и повернулъ голову въ нашу сторону; одинъ только фабричный попрежнему апатично глядълъ впередъ и задумчиво сопълъ. Наискось отъ меня черезъ проходъ другая баба, темная и скуластая, кормила ребенка, набивая ему ротъ жеваной булкой. Мимо неслись рощи, мелькали нарядныя дачи и лужайки. Становилось нестерпимо жарко.
- Крестъ того... извъстно, есть, а закону Христову еще и тебя научимъ, —возразилъ послъ минутнаго молчанія плотный мужчина. А только, ежели, къ примъру сказать, такъ говорить будемъ, то въдь и молодка сестрой не одному тебъ приходится...
- Не одному, да ты-то съ ёй не по-братски говорить захотълъ. А будь она баба глупая—долго-ль ее скрутить? И погубилъ бы ты ее, мужнюю жену, и дътей бы не пожалълъ.
 - Какъ же! Такъ я и пошла...—замътила баба.
- Ты бы не пошла, такъ другая пошла бы, милая,—скороговоркой завърилъ ее хриплымъ теноркомъ мъщанинъ изъ угла.
- H-да, это такъ,—вставилъ и артельщикъ свое слово:—извъстно, женскій полъ... какъ ты, значить, супротивъ его не устоишь, такъ и ему... тоже гулять хочется...

Мужчина самодовольно усм'єхнулся и закрутиль усъ. Невзрачный мужиченко продолжаль, ни къкому собственно не обращаясь:

- И сколько ихъ, бабъ-то этихъ, гибнетъ черезъ вашу похоть проклятую! Вотъ онъ ее спрашивалъ безвинно, безпричинно, что ей по Писанію полагается, коли она, скажемъ, мужнюю честь изломала. А знаешь ли ты, — уставился онъ на усача, — что тебѣ по Писанію полагается, коли-бъ ты тую мерзость сотворилъ? Знаешь, а?
- Да ты-то што въ попы записался? на исповъдь что ли пришелъ я къ тебъ, что ты меня въ компаніи Писаніемъ стращать «нотор. въотн.», мартъ, 1900 г., т. LXXIX.

вздумаль?—горячился усачь, оглядываясь по сторонамь и чувствуя, что общественное митніе не въ его пользу...

— Стращать я тебя не стращаю, а только—спрашиваеть у другихъ и себя не забывай. Другихъ-то судить легко, а какъ самому-то будетъ, какъ тебя судить начнутъ? Вотъ ты про Писаніе помянулъ, а самъ ты по Писанію живеть, ой ли?

Вмѣсто отвѣта плечистый мужчина досталь изъ кармана цвѣтной платокъ, высморкался и другой стороной того же платка сталъ вытирать лоснившійся лобъ. Губы его сложились въ презрительную усмѣшку.

- Аты почемъ знаешь, какъ я живу? наконецъ вымолвилъ онъ.
- А такъ-видно человека, словно ястреба по полету...

На станціи артельщикъ, плотный мужчина и я вышли.

Артельщикъ подопелъ къ буфетной палаткѣ, временно раскинутой на платформѣ, и спросилъ пива. Разговаривая съ усачемъ и равнодушно поглядывая на публику, онъ съ чувствомъ тянулъ пѣнившуюся влагу. Усачъ юлилъ передъ нимъ и бросалъ слишкомъ ужъ краснорѣчивые взоры на бутылку.

- A хорошо это,—прозрачно намекалъ онъ,--въ жару, воть, аки, скажемъ, въ нонъшній день, холоденькимъ этакъ утробу прокадилить...
- **H-да,**—процъдилъ сквозь зубы артельщикъ, наливая второй стаканъ,—первый сортъ...
- Иные въ жару чаемъ себя ублажають, до седьмого пота накачиваются... купечество больше...
- Ужъ оно извъстно... клинъ клиномъ... А вы, дозвольте спросить, здъся остаетесь, аль дальше?
- А тутъ... зять у меня тутъ неподалеку... я къ нему... надо же все-таки... Да вотъ бъда: въ Москвъ-то я поизденежился, понимаете, тутъ густой басъ понизился до вкрадчиваго, но выразительнаго шепота, и глаза безпокойно-тревожно забъгали, хе-хе-хе... компанія, понимаете, холостежь этакая... да что говорить сами человъкъ образованный, учить не надо... Не поднесете ли стакашку душу повеселить?
 - Чего, то-есть?
- Пивца бы, чтобы и вамъ не скучно было однимъ-то... человъкъ вы почтенный и денежный... А то и виномъ не брезгуемъ...

Онъ засмѣялся дѣланнымъ смѣхомъ, чтобы замять неловкость своего положенія.

Артельщикъ невозмутимо поставилъ стаканъ на стойку и досталъ большой истертый кошелекъ.

— Этого нельзя, господинъ... накладно... На всёхъ встрёчныхъпоперечныхъ не напасешься... Притомъ же каждый самъ за себя отвъчать должонъ... Прощенья просимъ... И, получивъ сдачу, онъ направился къ выходу. Усачъ злобно поглядёль ему вслёдъ.

- У, толстомясое брюхо,—проворчаль онь сквозь зубы, нахмуривь брови и судорожно сжавь кулаки.—Эхъ, кабы власть моя... распотрошиль бы я твою утробу, Иродово съмя... Чурбань необразованный... Видъли?—отнесся онъ ко мнъ.
 - Видълъ, —не могъ не сознаться я.
- Ну, стоитъ ли послѣ этого разговаривать съ незнакомой публикой, когда она никакого такого господскаго разговора поддержать не можетъ... Погоди! я тебя запримѣтилъ!—погрозилъ онъ въ сторону двери кулакомъ.—Еще, дастъ Богъ, встрѣтимся! А вы ѣдете?
 - Бду.
- Далече? Давеча, по невысокому нашему званію, не изволили отвътить...

Я сказалъ.

— И хорошо дълаете, что не на всякій поклонъ отвъчаете. Почемъ вы меня знаете, воръ я, али человъкъ образованный? А я человъкъ благородный—върьте мнъ, и студентовъ люблю, даромъ, что бунтовщики они, право, люблю...

Раздался звонокъ, я направился къ вагону.

— Господинъ студенть, господинъ студенть! Какъ же такъ? Говорили мы съ вами по-благородному... выпить за ваше здоровье слёдовало бы въ жарищу анаеемскую... Чай, гривенничекъ въ карманъ найдется? При встръчъ съ благодарностью!..

Я опустиль руку въ карманъ и, найдя тамъ мѣдный пятакъ, подалъ ему.

— Гм... только-то... и это человъку благородному... ну, и публика... Бла-аддарю все-таки, считайте за мной, господинъ студентъ... по пословицъ—гора съ горой не сходится...

Но я уже не слушаль его и спѣшиль отыскать свой вагонъ. Чрезъ минуту поѣздъ тронулся.

Π.

Мъсто плотнаго мужчины осталось незанятымъ. Оставинеся размъстились свободнъе, и разговоръ возобновился.

- Господинъ-то тутъ никакъ вылъзъ,—замътилъ мъщанинишко, указывая на освободившееся мъсто.
- Какой онъ господинъ... голь кабацкая, презрительно отозвался артельщикъ:—на пиво выпрашивалъ...
- А въдь, поди ты, какую фанаберію напускаль!— рублишко, моль и у насъ не по стрункъ ходить, компанію благородную виномъ поиль!—ехидничаль тотъ.
- H-да,—промычалъ фабричный,—оно вонъ какъ—разные народы по дорогамъ тадють...

Digitized by Google

- А вотъ вы оченно это, гм... гм... хорошо такъ сказали, обратился къ мужичку артельщикъ: я насчетъ Писанія, то-есть, какъ значить въ Писаніи то одно, а въ жизни нашей другое выходить. Я вотъ о себъ такъ смекаю: когда я, баба моя, дъти, скажемъ, съ голоду не помираютъ, даже напротивъ, а въ воскресенье имъ и надъть есть что, и въ церковь пойдутъ они не хуже другихъ; потомъ, знаете, какъ водится... того... въ гости пойти или къ намъ по-сосъдски зайдетъ кто, мы съ нашимъ удовольствіемъ водочка, закусочка, вареньице тамъ, словомъ угощеніе всякаго рода, милости просимъ, очень даже рады бываемъ... Такъ того... когда это все отъ трудовъ рукъ нашихъ, отъ пота лица нашего, то, смекаю, съ насъ и Писанію спросить больше нечего...
- Это вы такъ, -- замоталъ головой мъщанинишко, -- это вы истинно такъ... Живи только честно, ни ты мнъ, понимаете, ни я тебъ зла не желаю, пущай ты пироги каждый день съ мясомъ уламываешь. а я щи пустыя лакаю, лишь бы, понимаете, какъ говорится, совъсть у меня была покойна... Есть у меня сродственникъ одинъ въ Калугь, дядей доводится, женать на теткъ родной, сестръ отца, то-есть, человъкъ, понимаете, богатьющій, мучникъ, лабазъ мучной держить, домъ у него подъ первую гильдію выведень, а въ домъкакихъ, какихъ только мебелёвъ не наставлено-шкапчики, диванчики, стульчики, такое все тонкое, да деликатное, да чистенькоену, просто, състь некуда... Дочка у него въ гимназіи разнымъ наукамъ обучается, а въ именины, повърите ли, народу у него, сказывають, человъкъ до ста бываеть, и не кто нибудь тамъ сколдырникъ какой, а купечество именитое, батюшка отъ объдни зайдетъ, трапезу благословить, хлъба-соли откушать, въ прошломъ году такъ даже приставъ съ супругой пожаловали..ей-ей! И тоже, понимаете, не то, чтобы какъ нибудь принять, а понимаете-водки этой-чтобъ и духу ея не было-все мадера, да наливки тамъ разныя, да, сказывають, шанпанскимъ раза два обносили, ну, словомъ-на убой!..
- Да полно-те салить,—съ грубымъ добродушіемъ оборваль его фабричный:—у самого слюнки текутъ, а намъ тошно... тьфу... Сказывай, къ чему ръчь-то ведешь...

Артельщикъ улыбнулся и почесалъ за ухомъ. Мужиченко спокойно и сосредоточенно слушалъ. Мъщанинишко сконфузился на минуту. Онъ дернулъ головой вверхъ, обвелъ всъхъ слегка изумленнымъ взоромъ, словно его оторвали отъ пріятнаго сна, и продолжалъ:

— А вы не мёшайте, господинъ, каждый по-своему говоритъ, вы этакъ, а я такъ, какъ кому способне, понимаете... Такъ я, значитъ, да... про дяденьку это вамъ разсказываю... да... И вотъ, понимаете, пріёдешь, къ нему подъ праздникъ, — все же свой человёкъ, что тамъ ни говори, на родной теткъ женатъ, — домъ у него, какъ я вамъ говорилъ, —и умирать не надо: тутъ зеркальце, на стънъ архіерей виситъ, на окнъ канарейки задиваются. Пойдетъ

онъ это богатство свое показывать, каждой вещи цѣну объявлять,—
«все, говорить, трудомъ, кровью да потомъ нажито, а ты что?» Какъ
что, говорю, дяденька, да я день деньской не покладаю рукъ... я по
крайности, говорю, честный человѣкъ... «Велика, говоритъ онъ, штука,
что ты честный человѣкъ безъ гроша въ карманѣ, нѣтъ, говорить, бѣдность честности не краситъ, а ты, говоритъ, и конейку зашиби,
и чтобъ притомъ люди тебя за честнаго почитали, тогда съ честностью и попу-то за исповѣдь чѣмъ заплатить будетъ»... Нѣтъ,
дяденька, говорю ему, лучше жъ я отъ Бога не отступлю, чѣмъ
красть, понимаете, или грабить, а потомъ попасться, да передъ
начальствомъ отвѣтъ держать...

— Кому захочется такое, — резонно замѣтилъ артельщикъ, — а только, скажу я вамъ, на все такой случай имѣть надо. Какъ ты, значить, потрафилъ, ино и ладно тебѣ: ѣшь, то-ись пей, веселись, все тебѣ, какъ изъ лукошка валиться будетъ. А ино не повезетъ тебѣ, такъ ты тутъ хоть ложись, да помирай отъ старанья своего да работы, — ничего; такъ, съ позволенія сказать, собакой и въ землю ляжешь на чужомъ дворѣ. Вотъ и я вамъ разскажу, коли слушать охота.

Всѣ придвинулись къ артельщику. Онъ отстегнулъ вороть легонькаго армяка, переходившаго по покрою въ нѣмецкое пальто, сплюнулъ въ красный платокъ, задумчиво поглядѣлъ въ окно и началъ:

— Былъ, знасте, у насъ на селъ кузнецъ Софронъ, а у него братъ былъ Дементій... А были мы сосъдями: такъ наша изба, а туть евонина. И часто мы съ нимъ въ Москву вздили, -- огороды у насъ, ну, и торговали по малости. Только много-ль наторгуешь такъ-то? Онъ и давай толковать: «развъ это жизнь весь въкъ въ огородъ конаться, да и то съ квасу на хлъбъ!.. Нешто такъ на Москвъ живуть? Погляди, говорить, Ванька Давыдковскій въ швейцарахъ у господъ состоить, одного жалованья тридцать рублевъ въ мѣсяцъ, а чаевъ-то, чаевъ сколько! И Авонька, и Гришка — того такъ хозяинъ замъсто себя на ярманку посылаль, въ Нижній это... ну, сманиль да и только... И сталъ я этакъ, съ позволенія вашего, задумчивый такой про себя: все думаю, какъ бы и мнъ, то-ись, въ люди выйти, человъкомъ зажить, не хуже иныхъ... Что жъ, думаю, голова на плечахъ тоже есть, и умишкомъ туды-сюды, не сказать, чтобъ и вовсе дуракъ былъ... За что жъ, думаю, другимъ и кусокъ въ ротъ не лъзеть, а я въ навозъ тощимъ брюхомъ иной порой копаться должонъ! Идемъ, Дементій, говорю ему, - Богъ не захочеть, и свинья не събстъ! Передалъ я свою часть брату,-у него-жъ дъти, справилъ у него одёженку, чтобы было въ чемъ на улицу показаться, а Дементій свою избу и вовсе продаль за восемьдесять рублей. Бдемъ въ Москву. Онъ такой веселый, пъсни поеть дорогой, а мнъ нерадостно что-то: какъ быть, куда повернуться, все думаю, а въ карманъ всего на всего три синенькихъ болтается. Извъстно-не разживешься на это. Прібхали мы въ Москву, остановились на постояломъ дворъ, нюхаемъ, ходимъ, разспрашиваемъ. Я все какъ бы помаленьку приступиться гдъ случай выбираю, а Дементій — такъ тотъ сразу разбогатеть норовить, все къ приказчикамъ, да къ хозяину постоялаго двора подъвзжаеть, то избу ему прибереть, то овесъ, что у кормушки лошадь вмши просыцала, посмететь, въ кучку собереть, продуеть и въ мъшечекъ отсыплеть... Съ постояльцами смиренно бесъдуеть, а хмельного ни-ни... Гляжу я на Дементія и диву даюсь: откуда такое въ парнъ взяться могло? Хозяинъ поглядълъ-поглядълъ, да и сталъ съ нимъ ласковъ и за постой не береть, то туда, то сюда посылаеть, а разъ даже замъсто себя за стойку допустиль. А по немъ и мив лафа: и я то дворъ подмету, то миски да ложки на кухив перетру, и повмъ при этомъ, а самъ все нюхаю-воть какъ собака насчеть събстного, да къ половому Василь Іонычу въ трактиръ, на Никольской, бъгаю, все кланяюсь да ублажаю, все къ купечеству пристроить прошу. А Василь Іонычъ, надо вамъ доложить, изъ нашей же деревни землякомъ доводился, и я его допрежь того разовъ съ десятокъ ждалъ... Накланялся я ему — объщать Василь Іонычъ... Только, знасте въдь, объщаньями сыть не будешь, воть я все живу да живу при постояломъ дворъ, при Дементіи какъ бы съ подручнымъ состою... Было лето, и спали мы съ Дементіемъ на сеновале; вотъ я и сталь замічать, что Дементій мой бітаеть что-то по ночамь, а днемъ, съ вашего позволенія, у него, насчеть женскаго полаизвъстно, парень молодой-незамътно было, да и первый сказалъ бы... Не чисто, думаю себъ. Вотъ разъ, слышу, сквозь сонъ, скрипнула дверь. Гляжу-идеть Дементій, пробирается, а самъ что-то въ роть суеть да жуеть... Эге, думаю. — Дементій, ты? окликаю его. Я, говорить, молчи только... Куда ты ходиль?-А къ хозянновой бабъ, говорить, а самъ все жуеть: эхъ, говорить, не зналъ я, что ты прочиненься, а то и тебъ бы потрескать чего принесъ. На голодное-то брюхо, чай, не спится... Съ тъмъ и заснулъ... Ловкачъ! думаю себъ...

— И точно ловкачъ! — подхватилъ мъщанинишко, — малый не промахъ, — зналъ, стало быть, съ какой стороны подъехать надо...

— Ишь ты въдь... ахъ, ты...—воскликнулъ и фабричный, махнувъ рукой, и по его некрасивому лицу поплыла нехорошая улыбка.

Всѣ слушали артельщика съ любопытствомъ: фабричный съ видомъ полудремоты, полупрезрѣнія; мужиченко вдумчиво и серіозно, полунаклонивъ и вытянувъ въ сторону разсказчика свою голову; даже баба вышла изъ своего оцѣпенѣнія и съ живымъ участіемъ слѣдила за разсказомъ.

Ободренный всеобщимъ вниманіемъ, артельщикъ остановился на минуту, снялъ картузъ и провелъ платкомъ по потному лицу

м загорѣлой шеѣ. При послѣднихъ словахъ мѣщанинишко повернулся на мѣстѣ.

- Это что, —произнесъ онъ, зѣвая и щурясь, —то ли еще бываеть... Но артельщикъ взглянулъ на него особымъ, мягкимъ взглядомъ, словно извиняясь въ томъ, что собирается перебить, и продолжалъ:
- А баба она, хозяинова супруга эта, совсёмъ, можно сказать, была плевая баба, промежду насъ говоря. Толстая да рябая,— совсёмъ мозглявая баба, тъфу... словно мухоморъ червивый, и вспоминать при другихъ не гоже.
- Такія бабы до молодых в парней очунь охочи,—замѣтилъ мѣщанинишко, — съ перекорму да съ пересытости долго гулять хочется: и спать ляжеть—не спится, и ѣсть—не ѣстся, все объ одномъ думаеть...
- Извъстное дъло... На другой день гляжу я на Дёмку, а онъ все, подлецъ, зубы скалить: «Молчи только, Өедька, говорить: и мнь, и тебь хорошо будеть, подожди малость»... Да какъ ты это подцепилъ ее?--спрашиваю.--«Да что-жъ, видно, счастье мое»... И точно — счастье! Стать я его съ той поры дожидаться, какъ онъ, значить, оть своей сударки придеть, а онъ, сказать правду, паря добрый быль, воть какъ сейчасъ помню, -и пироговъ принесеть, и водочки, и огурчиковъ, - выпьемъ мы съ нимъ по махонькой, потому-остерегаемся, повдимъ и лежимъ себв и все про это самое счастье говоримъ, какъ оно къ кому обернется, кого наградить, а кого съ грязью смешаеть. «Держать только надоухъ, какъ держать!--говорить Дементій:--того гляди, выскочить, не подберешь»... А хозяинъ какъ нарочно-его въ родъ какъ бы сподручнымъ себъ сдълалъ, и ключи отъ погребовъ и овса довъряетъ, за мелкой получкой посылать началь-мы грамотные съ нимъ, вмёстё въ одной школъ учились-чай съ нимъ цьеть, и меня туда же зовуть, ну, словомъ сказать, безъ Дементія никуда! Околдовалъ хозянна въ конецъ... А я все сижу да жду, да спрашиваю, авось и мит какое положение выйдеть... У хозяина работаю, тоть не гонить, а все безъ настоящаго-то дёла куда какъ скучно... А Дементій уже на жалованье поступиль, сапоги бутылками справиль, къ жилету цепочку повесиль и самъ словно степеннее сталъ... Днемъ на свою сударку и не глядить, словно бы и не знасть ся вовсе, а самъ все больше за хозяиномъ увивается. «Дайте, молъ, Авксентій Ильнчъ, я вамъ то да это сдълаю, туть аль тамъ номогу»... Обошелъ совсимь его, а онъ, хозяинъ-то, ужъ куда какой жохъ былъ, самъ всякаго обойдеть и объедеть. Разъ такой случай вышель. Подвышиль это Авксентій Ильичь на именинахъ супруги, захотьлось ему по пьяному д'єлу покуражиться. Схватиль онъ при всей компаніи Дементія за чубъ, давай его изъ стороны въ сторону поваживать, а самъ приговариваеть: «Почитаещь ли ты меня, такой-

сикой, пуще родимаго отца своего?». «Почитаю, говорить, почитаю, по въкъ жисти помнить буду», а у самого такъ слезы и сыплются... Оттаскаль онъ Дементія за чубъ, отпустиль, а тоть еще и въ ноги кланяется: «спасибо, молъ, дяденька Авксентій Ильичъ, за науку»...

- Хитрющій, надо быть, парень быль, замѣтиль, лукаво усмѣхнувшись, фабричный.
- Что и говорить! Я только диву даюсь: откуда, моль, въ парнъ берется такое? Вотъ, думаю, у кого уму-разуму поучиться надо. Ну, ладно... Въ скорости прибъгаетъ ко мнъ мальченко: «Иди, говоритъ Василь Іонычъ тебя кличеть, мъсто тебъ выходить»... Ну, я, извъстно, отъ радости самъ не свой, надълъ поддёвку, волосы примочиль, бъту. Прихожу въ трактиръ, Василь Іоныча спрашиваю. Выходить. «Ну, говорить, Оедоръ, благодари Бога да давай синенькую на расходы, — мъсто тебъ есть. Иди за мной, да не бойся»... Отдалъ я ему синенькую, самъ иду за нимъ и молитвы своему угоднику читаю. Приходимъ въ отдъльную комнату, а тамъ купецъ сидить, толстый да видный такой. Поглядёль на меня, а у меня, съ позволенія сказать, и духъ сперло, «Тоть самый?» — спрашиваеть у Іоныча. «Тоть самый, ваше степенство», -- говорить ему Іонычь, а самъ этакъ салфеточкой помахиваетъ, да на купца такъ, понимаете, умилительно поглядываеть, словно воть-воть въ душу вскочить къ нему хочеть. «Грамотный?»—«Что замерзъ? Тебя спрашиваюты!» ко мнъ, то есть...- Грамотный, говорю, а самъ отъ страха все на Іоныча поглядываю. «Насчеть его, ваше степенство, будьте безъ сумленія, парень трезвый и честный, я его воть этакимъ махонькимъ зналъ; чтобы вина тамъ или чего этакого-ни-ни! духу боится!»... Это Іонычъ-то все ему поеть, а купецъ смется. «Ладно, говорить, не икона — не расписывай, тамъ видно будеть. Не дуракъ, -- говоритъ, такъ самъ за свое счастье руками ухватится».
- Ишь ты! Знатный купецъ былъ!—вырвалось у мѣщанинишки, у котораго глаза такъ и горъли завистливымъ восторгомъ.—Дворянину такъ не сказать...
- Сравнялъ тоже! извъстно—купецъ! ему все сказать, да не то, что сказать—а сдълать можно, потому—мошна съ верхомъ—за все заплатить можеть,—неожиданно проговорилъ какой-то бородачъ, по манерамъ кучеръ, на минутку остановившійся въ проходъ и прислушавшійся къ разговору.—Нонъшній дворянинъ—ровно бы волкъ подъ крещенье: въ брюхъ пусто, а фанаберіи на весь лъсъ...

Артельщикъ снисходительно улыбнулся:

— Ну, словомъ сказать, опредълилъ онъ меня въ Нижній при дълъ состоять. Туть я всю эту науку произошель и все объ хозяйскомъ интересъ старался: отправить ли, купить, аль продать, — себя, надо скавать, забываль, а все объ хозяинъ думаль, какъ бы ему угодить. А сами чай знаете: рыба штука деликатная, чуть что — и душкомъ отдаеть, а покупателю тоже съ головой, въдь, свъженькой подавай, ему нътъ

дёла до хозяйскихъ убытковъ... Воть туть и ломай голову, старайся, чтобы по старанію твоему, и покупатель доволень остался, и хозяйскій товаръ не пропадъ. Опять же и съ икрой... Оно извъстно: свъжій товаръ сбыть не трудно, это и махонькій ребенокъ сділаеть, а воть прогульное да полежалое свёжимъ обратить — это, скажу я вамъ, хитрая штука, цёлую, съ вашего позволенія, процессію сдёлать надо. Ну, ладно. Прівхаль спустя времени хозяинь, а приказчикь нашъ мной и не нахвалится: «такой, говорить, парень, такой... ну, словомъ, лучше не надо»... Хозяинъ меня хвалилъ: «старайся, говорить, облагодътельствую», и жалование вдвое противъ прежняго положиль. Убхаль, а тесть мой, -приказчикь, то-есть, потому я на его дочери, Евлаліи Петровив, послів женился, — этакъ ласково сталь на меня поглядывать, да пить чай съ собой приглашать. Ну, служилъ я такъ года четыре, аль пять, туть и женился значить, семья пошла, живемъ тихо да скромно, въ церковь ходимъ, нищимъ подаемъ, все, то-есть, чтобы отъ людей не отставать, -- какъ вдругъ хозяинъ-то нашъ на ярманкъ возьми и умри. Сказывають-отъ удара, выпимши сильно были, а комплекціи были они, съ вашего позволенія, прямо знаменитой... сказывають и другое-при женскомъ полв въ тв минуты они состояли, а какъ были они при деньгахъ, туть извёстно всякое случиться могло... Ну, однимъ словомъ, молодой хозяинъ изъ Москвы прібхалъ, дело принялъ, все осмотрелъ, вствы распорядился. Туть я все время у него на глазахъ быль,извъстно, человъкъ молодой, въ Нижнемъ допрежъ того всего разъ быль, а я оть него не отхожу, и тесть тоже, другихъ не допускаемъ, смотримъ, чтобы быть ему ежели безъ насъ, такъ словно бы и безъ рукъ. Такъ оно и вышло. Не прошло недъли, а онъ уже безъ меня и обходиться не можетъ. Какъ что, --- сейчасъ Өедора Петровича, меня то-есть, кличеть: «онъ уже, говорить, разберетъ»... Повезли тятеньку въ Москву хоронить, и богатыя же, скажу вамъ, похороны были! Новый хозяинъ и меня взялъ, да тамъ и оставиль-къ амбару опредълиль... Слава Богу, ничего,-жаловаться не можемъ, живемъ помаленьку, про черный день тоже думаемъ.

— Безъ этого нельзя-жъ, — заметилъ мещанинишка: — умный человекъ не однимъ нынешнимъ днемъ живетъ, а и объ завтра думаетъ. На Бога надейся, а и самъ, братъ, не плошай...

Ш.

— Ну, ладно, — продолжалъ разговорившійся артельщикъ. — Прітали мы въ Москву, значить... зажили. Живемъ смирно, сыто, и самоварчикъ у насъ, почитай, со стола не сходитъ; праздникъ подойдетъ — и его встрътимъ — и пирожкомъ, и тъмъ, и другимъ,

совсёмъ, какъ люди... Да... а объ Дементіи я и позабылъ, какъ въ Нижній уёхалъ. Слышалъ только отъ земляка, что Дементій въ силу вошелъ и постоялый дворъ къ рукамъ прибралъ, а Авксентій Ильича такъ они съ бабой скрутили, что тотъ совсёмъ смирный, какъ теленокъ, съ позволенія вашего, сталъ... Ъстъ, пьетъ и все молчитъ, да про себя въ землю глядитъ: чудной такой сталъ, сказываютъ...

- Ловко скрутили,—промямлилъ фабричный, досталъ изъ нармана щепотку табаку и лоскутокъ бумаги и медленно сталъ свертывать папиросу.
- Хотълъ я навъстить его спервоначала, какъ прівхалъ въ Москву, да все недосугъ было. Прошло съ полгода. Иду я какъ-то Хитровымъ рынкомъ на Солянку... Иду я... а вы Хитровъ рынокъ-то знать изволите?—неожиданно обратился артельщикъ къ мъщанину.
- Какъ не знать! Кто его не знасть!—замоталь тоть головой: золотая рота, голь бездомная...
- Ну, вотъ. Иду я, а передо мной прохвость да мерзость всякаго рода, вонючія бабы-пошлёпухи... тьфу! И думаю себѣ: Господи, Боже мой! И до чего человѣкъ дойти можетъ, когда самъ въ себѣ забудется. Ѣдятъ они, съ позволенія вашего, такое, чего никакой песъ ѣсть не можетъ, отъ водки этой самой морды раздутыя, одёженка такая, что тѣло видатъ. А все сами виноваты: не хочешь работатъ, живи по-собачън... Только гляжу—подходитъ ко мнѣ оборванецъ, лицо будто знакомое. «Өедоръ Петровичъ!» говоритъ.— Гляжу я и самъ себѣ не вѣрю.—Дементій, ты!?—«Я,—говоритъ: привелъ-таки Богъ свидѣться»...
- Да что вы? Онъ самый!?—восиликнулъ мъщанинишко, всплеснувъ руками.
- Онъ самый. Черный такой сталь и мутный съ лица, постаръль на десять лътъ. Кафтанишка на немъ платаный и переплатаный, на ногахъ — одинъ сапогъ да одна калоша, и смъшно, и жалостно глядъть. Что ты это, —спрашиваю: —не заладило? —«Не судьба, говорить, сорвалось... Теперь мить одна дорога... Да что туть разговаривать, говорить, пойдемъ въ полнивную, тамъ и покаликаемъ»... Подумалъ, подумалъ я — неладно съ золоторотцемъ въ полинвиую итти: и себя въдь тоже, съ позволенія вашего, сохранять нужно. Хотъль домой позвать его... А что, думаю, моя Евлалія Петровна скажеть? Хорошихъ, скажеть, пріятелевъ себъ завелъ!.. Нъть, говорю, недосугь мнъ, Дементій Иванычъ, въ полпивную теперь съ тобой итти: за дъломъ посланъ. Ужъ лучше въ другой разъ какъ нибудь, авось приведеть Богь встретиться... **Даль** ему оть себя гривенничекъ-выпей, говорю, за мое здоровье, потому не забыль я тебя. Върите-не хотъль брать. «Я, говорить, не къ тому, Өедоръ Цетровичъ». -Знаю, что ты не къ тому, а все же гривеннички-то на улицъ не валяются... Насилу уломать...

Стоимъ мы съ нимъ, разговариваемъ,-и самому мив не върится, чтобы Дементій этакъ счастье свое упустиль. Скажи ты на милость, спрашиваю его, какъ этакое приключилось съ тобой? ума не приложу... «Да что приключилось-одно слово не судьба. Чай помнишь Авксентія Ильича? ну, и бабу его, Настасью Ивановну, то-ись?»—Какъ не помнить, не такь давно, чай, было... «Ну, вотъ... жили мы, можеть, слыхаль, не то что ладно, а прямо сказать, душа въ душу... Ну, и Авксентію Ильичу... того... тоже, говорить, хорошо было, не то, чтобы что, а какъ бы, сказать, и впрямь хозяиномъ быль, и тепло ему, и сытно; а его дёло все на мнё лежить, и такая была мнё во всемъ удача, что и не разсказать, говоритъ... Да не попритчило... Баба его, Настасья Ивановна, то-ись, люта была, какъ я ее терпълъ только, говоритъ. Стала она приставать ко миъ: изведу да изведу его, говорить, --это Авксентія-то Ильича! почто живеть, говорить, ясенъ свъть въ оченькахъ мутить... И опротивъла же она съ той минуты мив, глядеть не могу на нее. Что ты, дура! говорю ей: аль забыла, что за это полагается? И костей, дура, не соберешь, какъ по Владиміркъ погонятъ»...

- Ахъ, ужъ и проклятая же баба,—перебилъ фабричный,—что выдумала...
- Онъ еще и не то выдумають, —подхватилъ мъщанинишко, отъ этихъ бабъ, скажу я такъ, вся въдь бъда на землъ пошла... Извъстно, гръхомъ баба мазана...
- Ну, ты тоже не медомъ, соколикъ,—отгрызнулась молчавшая до того времени баба.—Изъ вашего брата тожъ на однымъ зайцѣ по два волка сидятъ.
- Изъ нашего брата тоже съ перцемъ бываютъ, добродушно согласился мъщанинишко, а что до бабъ, то это вы уже не осерчайте онъ завсегда первыя гръховодницы бываютъ... За перебивку прощенья просимъ, отнесся онъ къ артельщику, очевидно попавъ въ струю хорошаго тона.
- Ну, словомъ сказать, продолжалъ Өедоръ Петровичь, вынувъ гребешокъ изъ бокового кармана и расчесывая небольшую русую бородку и усы, онъ ей, сударкъ своей, запрещалъ, а она все свое да свое. Развъ такую бабу уймешь? Что она ему постылъй становится, тъмъ онъ ей милъй да милъй. И вотъ, говоритъ Дементій, жили мы, жили, а тутъ вдругъ Авксентій Ильичъ занемогъ: что у него—и понять не можемъ; побольть, побольть, да и померъ...
 - Уходила таки, проклятая...
- Уходила... Какъ померъ это Авксентій Ильичъ, такъ я, говоритъ Дементій, и на Божій свътъ глядьть не могу. Такая тоска, говоритъ, такое навожденіе нашло, что я, говоритъ, хожу только да думаю, чтобы, то-есть, какъ тамъ никакъ жисти ръшиться, потому, говоритъ, силы моей нътъ: въ очахъ тёмно, ноги, руки тря-

сутся, а какъ куда въ темный уголъ поглядишь, такъ тамъ все его—покойника-то вижу... И въдь не я, говоритъ, сдълалъ это и, видитъ Богъ, не хотълъ, а все, будто я, выходитъ... Подошла, говоритъ, ко мнъ баба-то: «Что ты, говоритъ, касатикъ, таково смутенъ ходишь?» Какъ вскинусь я на нее: «отойди, анаеема, убью, говорю, какъ ты его убила»...

- Это въ ёмъ совъсть, значить, была, сказала баба.
- Изв'єстно, сов'єсть... «Туть я, говорить Дементій, незнамо какъ о водк'в подумаль. Выпиль стаканъ, другой, полегчало словно, и сталь я туть пить: день, говорить, пью, другой пью, третій пью, а тамъ, говорить, и не помню: очнулся я уже за р'єшеткой, въ острог'є, то-ись. Ну, судили»... Дементій и вину на себя браль: всему этому д'єлу я, говорить, зат'єйщикъ, да не пов'єрили: бабу услали, куда и Макаръ телятъ не гонялъ, а Дементій въ острог'є годъ высид'єль...

IV.

Наступила пауза. Слушатели задумались на минуту. Говоръ въ вагонъ нъсколько поутихъ; кто спалъ, прикорнувъ въ уголкъ, кто задумчиво глядълъ въ окно на мчавшіяся мимо поля и рощи. Вошелъ кондукторъ и сталъ отбирать билеты. Артельщикъ съ достоинствомъ досталъ билетъ изъ сумки и протянулъ кондуктору. Баба засуетилась и не могла сразу отыскать свой.

- Вотъ вамъ-съ, съ ужимочкой потянулся въ это время къ кондуктору мъщанинъ: не безъ билета-съ, потому безъ билета нельзя, начальство не допущаетъ, хе-хе...
- Да, безъ билета мы не можемъ возить, солидно отвътилъ ему кондукторъ, потому какъ намъ тоже это стоитъ... везти-то васъ, какъ полагаете? Задаромъ и извозчикъ не повезетъ... Вашъ билетъ? Куда ъдете? офиціально обратился онъ къ бабъ.
- Туть быль ёнь... ахъ, прахъ его... волновалась баба, шаря вокругь себя.
 - Поскоръй, намъ некогда...
- А ты пожди малость, не горить у тебя, чай,—обратился къ нему мужиченко.

Кондукторъ внушительно взглянулъ на него.

- Это у тебя не горить, видно, а у насъ, брать, должно горъть служба! Васъ много въдь, а мы одни на всъхъ васъ... Поняль?
- Да, воть онъ, во, нашла, обрадовалась баба, и съ испуганнымъ выраженіемъ лица подала затерявшійся было билеть.

Когда «начальство» удалилось, разговоръ возобновился.

— Бабъ, туда ей и надо, а парня жаль, хорошій былъ парень,— первымъ заговорилъ мъщанинъ.

- Дуракъ, должно быть, парень-то быль,—началъ фабричный:— быль бы умный, не сталъ бы на себя поклепъ взводить да зря въ острогъ лѣзть.
 - Совъсть въ ёмъ была, повторила баба.
- Совъсть! Какая въ немъ совъсть, когда не онъ виноватъ! Еще ежели бы онъ, такъ и то—хорони концы въ воду, на то тебъ и умъ даденъ. Ежели жить такъ, то никакой тебъ свободы ни въ чемъ, ты словно по стрункъ ходишь, каждаго куста боишься, такъ тутъ и ума никакого не надо: этакъ-то и слъпой проживетъ. Опять же и баба... Какъ взялъ ты власть надъ нею, видишь, что она къ тебъ смолой липнетъ, отстать не можетъ, такъ ты, чуть что, дуй ее, бъсову кочергу, по чемъ попало, дуй ее и за что и ни за что, отъ того баба только здоровья наживаетъ...
- Не дай Богь тебѣ такого здоровья, касатикъ, сдержанно замѣтила баба, и въ голосѣ ея зазвучали нотки глубоко оскорбленнаго чувства. Лицо ея, сохранявшее еще слѣды недавней красоты, но теперь помятое житейской борьбой и безысходнымъ страданьемъ, дрогнуло, и по щекѣ, какъ мнѣ показалось, покатилась слеза. Очевидно, фабричный задѣлъ ее за живое, коснулся самаго больного мѣста ея души. Кабы тебя, касатикъ, на одинъ годъ въ нашу шкуру запрячь, поглядѣла-бъ я, какъ бы ты тогда говорить сталь...

Фабричный усмёхнулся только и сдёлаль презрительный жесть.

- Конечно, супротивъ этого кто говорить будеть, сказать мъщанинишко: —разныя бабы бывають, какъ и изъ нашего брата тоже не всякаго тетерева разберешь... А только эфту самую бабу, што мужа своего, супруга богоданнаго, отравила, какъ вы сказывали, ее не то, что сослать тамъ куды, а прямо съ живой шкуру спустить надо, на куски ее, подлянку, изръзать надо...
- И свою душу погубить,— тихо, но выразительно сказалъ мужиченко, до этого совсёмъ не принимавшій участія въ разговор'в. Я зам'єтилъ только, что онъ все время внимательно прислушивался, опустивъ глаза.

Всв обратились къ нему...

- То-ись, какъ это?—забормоталъ опъшившій ревнитель строгихъ мъръ и надвинулъ на щеку сътхавшій было платокъ.
- А такъ, какъ люди души свои погубляють, когда человѣкъ звѣря въ себѣ побороть не можетъ. Въ одномъ человѣкъ этого звѣря много, а въ другомъ мало, да и то безсильный онъ совсѣмъ, къ примѣру сказатъ. Онъ-то душеньку нашу и ѣстъ, звѣрь-то этотъ, и человѣкъ ни водкой его не зальетъ, ни похотью не ублажитъ. И всякій гной и нечистоту всякую въ душѣ твоей этотъ звѣрь подбираетъ, и то ѣстъ, и сытъ отъ того бываетъ...
- Невдомекъ намъ это, что вы теперича говорите намъ,— сказалъ, усмъхнувшись, мъщанинишко.—Не то, чтобъ и совсъмъ дураки мы были, а только... невдомекъ говорю... Когда касательно,

что насчеть бабы, то въдь она же убивица, человъка отравила... Убила она аль нътъ?

- Ну, убила...
- Такъ, по-нашему,—онъ кивнулъ на фабричнаго,—и ее убить, стерву, надо, чтобы, значить, и духу ея не было на землъ. Ты, подлан душа, убила, и тебъ смерть. Судили! нешто такъ ее судить надо? Человъку-то не жить уже больше...
- Ну, и выходить око за око, а зубъ за зубъ... да, видно, забыль ты, человъче, что такъ жиды говорили, а Христосъ иное говорилъ...
- Христосъ, извъстно, что говорилъ... Я отъ него не отступаюсь... Да только, если жить по Христу, такъ отъ человъка мало что на землъ останется, всъ живые на небо пойдемъ... На то человъка и согръщить Богъ попустилъ, чтобы онъ не забылъ Его, въ церковь ходилъ, гръхи отмаливалъ... Вонъ оно выходитъ, какъ мы давеча говорили: Писаніе для святыхъ писано, а не для насъ, гръщныхъ...
- А я такъ смекаю такъ, съ вашего позволенія, перебить его артельщикъ, скажемъ Богъ... Кто отъ Бога отступится? Рази антихристъ какой или нечисть поганая... вотъ татаринъ хотя бы, халатникъ какой нибудь, и у того свой Богъ есть, Ала прозывается, и жидъ, и черкесъ— у всёхъ Богъ есть, и нётъ, сказываютъ, такого народа, у котораго Бога бы не было... На него забывать большой грёхъ: все отъ него имъемъ, достаточекъ какой, человъка хорошаго встрётишь, добро тебъ кто сотворитъ, все отъ Него, милосердаго, всякое благоутробіе и благораствореніе воздуховъ... И потому живи по-Божьему, ходи въ церковь, Писаніе слушай, нищимъ подавай, посты содержи строго, и Богъ не оставитъ тебя своими милостями...

Артельщикъ произнесъ эти слова умиленно-наставительнымъ тономъ человъка, считающаго себя во смиреніи своемъ образцовымъ, и оглядълся.

— Такъ, такъ, истинно такъ,— подхватилъ мъщанинишко:— и я говорю то же самое...

Баба взглянула на артельщика восторженными глазами, глубоко вздохнула, и еще ниже поникла головой. Опять лицо ея дрогнуло, и нижняя губа какъ-то нервно подобралась: тяжелое горе, видно, давно уже давившее грудь, такъ и просилось наружу. Чтобы скрыть охватившее ее волненіе, а, можеть быть, и невольную слезу, она наклонилась къ ребенку, просунула руку подъ платокъ и стала глалить его по головъ.

— Ты все милостей отъ Бога просишь,— заговорилъ мужиченко, повернувшись къ артельщику,—а объ томъ не думаешь, какъ ты свою жизнь понимать должонъ... Ты думаешь: работаю я, семью содержу, по ночамъ не краду, чужихъ женъ не трогаю,—инъ и довольно съ

меня! Хорошо тебѣ, ты въ святые сейчасъ ужъ и записался!.. А поглядѣлъ бы я на тебя... какъ бы ты честность свою уберегь, если-бъ не потрафило тебѣ, ну, тамъ полового этого самаго не было бы у тебя свояка, или купцу не пондравился... да оженился, дѣти пищатъ, баба воемъ воетъ, въ избѣ не топлено... вотъ ты когда честность свою сбереги! Приди къ бабѣ да скажи: слушай, молъ, Марья тамъ или Авдотья, какъ тебя,—помирать будемъ, и я съ вами помру, и дѣтёнки тоже... вотъ тугъ лягу да помру, а не пойду красть али темною ночью грабить...

- Что разговаривать-то! Сами знаемъ, чай бъдныхъ людей сотнями на день видаемъ, —грубо отозвался артельщикъ. —А только кто-жъ этакое скажетъ женъ да дътямъ: помирайте, молъ, съ голода, какъ собаки! У всякаго сердце, чай, есть, какой онъ ни пронади-человъкъ...
- Ни Боже мой! не скажетъ, никогда не скажетъ!—какъ-то взвизгнулъ мъщанинъ и всъмъ своимъ худымъ тъломъ привскочилъ на скамъъ.
- Вонъ видипь, самъ говоришь —сердце есть, стало украдсть... съ нужды, съ неволи украдеть у того, у кого много... Ну, а лучше дѣлаютъ тѣ, что семью въ холодной темной избѣ не жрамши покинуть, а сами въ теплый трактиръ заберутся, да и сидятъ тамъ, пьютъ, когда поднесутъ, и такъ-сякъ сами кормятся, а о работѣ—пропади она пропадомъ- -и слышать не хотятъ?!.. А мало-ль такого народу, знаешь самъ... А пойдетъ баба гулятъ съ нужды да съ неволи, такъ онъ еще къ ней примостится: корми его, окаяннаго, а не то такъ и совсѣмъ выгонить,—гулящая, дескать, она, намъ такихъ не надобно... А того и не думаетъ, что и гулящая-то она черезъ него, что живи онъ по-божьи, и она не гулящая была бы, а честная мужняя жена... скажи, коли не такъ говорю я!..

Мужиченко говорилъ съ убъжденіемъ, все болѣе и болѣе оживляясь и повышая голосъ. Вокругъ него образовалась кучка, и дальніе высовывали головы, стараясь вслушаться въ то, что онъ говорилъ.

— Такъ-то такъ, да ежели жить, какъ ты говоришь, такъ это помереть надо...

Артельщикъ былъ нѣсколько сконфуженъ: онъ поглядывалъ по сторонамъ и былъ, видимо, не прочь перемѣнить разговоръ.

— Вотъ потому-то Писаніе и говорить: раздай имѣніе твое, а тамъ и будетъ видно, каковъ ты есть человѣкъ. А при богачествѣ твоемъ, какой прокъ съ твоей честности? Ты вотъ думаешь, что по Писанію живешь... Нешто по Писанію этого парня, Дементія, что-ль тамъ, отпихнуть отъ себя надо было? Тебѣ бы изъ бѣды его выручить, на ноги поставить, а ты гривенничкомъ отъ него отдѣлался! А были вы голые оба да голодные, онъ тебѣ пироги свои отдавалъ, ты же самъ сказывалъ... Видно, и точно добрая была душа...

- А зачёмъ до этого себя допустиль, чтобы золоторотцемъ, значить, сдёлаться? Человёкъ завсегда въ строгости себя содержать долженъ, всякъ за себя отвёчай...
- Зачёмъ съ чужой женой спутался?—запальчиво спросилъ мёщанинъ.—Да и мужа-то не безъ его вёдома баба отравила, — нечего анделомъ небеснымъ прикидываться... Съ бабой бы заодно его на каторгу.
- Съ его ли тамъ въдома, нътъ ли, про то одинъ Богъ ясно въдаетъ, а только, какъ онъ про него разсказывалъ, не похоже это... А что съ бабой спутался, такъ въдь за то же онъ и муку терпитъ, развъ это жистъ въ золоторотцахъ? Вотъ онъ и въ острогъ за это сидълъ, отсудили значитъ, а теперь онъ и вовсе душу погубитъ... А ты-бъ его, можетъ, еще и спасти могъ...
- Оттуда не вытащишь, съ Хитрова-то,—увѣренно заявиль мѣщанинъ.
 - Да въдь ты не пробовалъ вытащить-то его?
- A ты пробовалъ?—ядовито спросилъ, повернувшись къ нему, артельщикъ.
- Не про меня ръчь, человъче... про себя сказывать начну, тогда и спрашивай.

Эти слова онъ произнесъ какъ-то глухо, голосъ его сразу осъкся. Онъ опомнился и оробътъ. Артельщикъ воспользовался этимъ впечатлъніемъ и, уже не стъсняясь, грубо повысилъ тонъ:

- Пошто мит тебя спрашивать: ты себя внаешь, а я себя. Выйдемъ въ Сергіевъ, и поминай какъ звали, и не увидимся вовсе... : Да въдь я къ слову...
- То-то къ слову! А и къ слову, такъ тоже не со всякимъ словомъ въ компанію заходи... Видишь, люди промежду себя честно да благородно разговаривають, хошь слушать слушай, а не хошь—отвернись къ окошечку, столбики посчитай... Это ничего, это и начальство дозволяеть...

Артельщикъ самодовольно оглянулся. Мужиченко ему не отвъчаль. Въ толиъ послышались одобрительные возгласы.

- Ужъ это, знаете, какъ говорять: хочешь попомъ быть, надёнь ризу,—подхватиль мёщанинишко, криво улыбаясь своимъ перекошеннымъ отъ раздувшейся щеки лицомъ.—Потому: безъ ризы какъ тебя опознать?
- → А и попъ, вставилъ отъ себя молчавшій долгое время фабричный, — такъ и тово... не каждое воскресенье слушать охота... Мъщанинъ хихикнулъ.
- Совствъ даже втрно, какъ вы сказали... Это ужъ извтстно... Еще, къ примтру сказать, такого человтка... такого, понимаете, что въ обществт не подходящее говоритъ, фуфырой иной разъ прозовутъ, да такъ изъ фуфыръ его никто и не произведетъ... Куда ни приди -фуфыра да фуфыра, и ребятъ еще въ фуфырята запишутъ...

Фабричный презрительно сплюнулъ себѣ подъ ноги: артельщикъ, давно уже утратившій самодовольно-учтивое выраженіе своего простого и умнаго лица, продолжалъ хмуриться, исподлобья переводя глаза отъ окна къ собесѣдникамъ. Только баба раза два особенно участливо взглянула на смутившагося мужичка.

- Не обидѣть я васъ хотѣлъ, произнесъ онъ, понизивъ голосъ и не обращая вниманія на замѣчаніе мѣщанина: а такъ... воть вы насчеть Писанія говорить начали... живемъ, молъ, мы по Писанію... я и думалъ... гордыня это въ васъ говорить, грѣхъ одинъ...
- Грёхъ!— элобно усмёхнулся артельщикъ:— а ты-то праведникъ, что-ль?
- Не праведникъ я, гръшнъй васъ, можетъ... А на Писаніи всъ мы не стоимъ, не живемъ по Писанію, значитъ... А что сказалъ я... простите на глупомъ словъ, коли обидълъ... видитъ Богъ— не хотълъ.

Поёздъ подходилъ къ станціи. Въ вагоне началось движеніе и сборы.

- То-то не хотъть, произнесъ артельщикъ и взглянулъ въ окно. —Не говори въ другой разъ, такъ и прощать не на чемъ будетъ!.. Никакъ пріъхали, слава тебъ, Господи!.. и артельщикъ торопливо перекрестился, всталъ и направился къ выходу, придерживая сумку рукой. За нимъ посиъщно всталъ мъщанинъ и, доставая съ полки порыжълый кожаный чемоданъ, толкнулъ ногой спавшаго ребенка; онъ проснулся и началъ жалобно всхлипывать. Баба съ какой-то тупой покорностью взглянула на мъщанина и взяла ребенка на руки.
- Никакъ зашибъ?—заботливо отнесся къ ней фабричный, и какое-то доброе человъческое чувство шевельнулось у него въ глазахъ.
- А то что-жъ? Лѣзетъ медвѣдемъ... извѣстно, зашибъ. Не плачь, не плачь, дѣточка, пріѣдемъ, дядька встрѣчать будеть, на савраскѣ поѣдемъ... скоро, скоро поѣдемъ, савраска побѣжить, а мы его кнутикомъ, кнутикомъ... а?
- Мамка, ѣсть хочу,—сквозь слезы тоненькимъ голоскомъ залепеталъ мальчикъ.
 - И ъсть будемъ, все будемъ... погоди ужо...
- Ничего, пройдеть, бабонька,—отозвался мёщанинъ изъ прохода, гдё скопилась цёлая толпа мужиковъ и бабъ съ узлами и котомками въ рукахъ и на плечахъ. — Пройдеть, еще веселёй будеть... Эхъ, недосугъ, жаль, а то бы пряникъ купилъ, пётушкомъ или коникомъ, право, купилъ бы... А ты пожди, можетъ, еще сустрёнемся, тогда безпремённо куплю.
- Ты бы, касатикъ, лучше мази какой купилъ да щечку свою подправилъ: вишь, какъ ее у тебя вздуло глядъть негоже, не плюнувши! огрызнулась баба.

«MCTOP, BECTH.», MAPTE, 1900 r., T. LXXIX.

Кругомъ захохотали.

- Ай да, баба! ее не трожь, завсегда что нибудь этакое тебъ отвътить...
- Эхъ ты... скрипучая... проворчалъ сконфуженный обладатель раздутой щеки, пробираясь къ дверямъ и видимо стараясь укрыться отъ насмъшливыхъ взоровъ.

Наконецъ, повздъ остановился. Большинство вхало до Сергіева. Подождавъ, пока вышла изъ вагона столившаяся въ проходъ толпа, тронулись и мы. Фабричный взялся вынести бабъ ея большой и тяжелый узелъ, за нимъ вышелъ я, за мной баба съ ребенкомъ, а за нею, съ небольшимъ мъшкомъ черезъ плечо, съ прежнимъ добродушно-серіознымъ выраженіемъ лица, показался мужиченко.

На платформ'в бабу встр'єтиль невысокаго роста, худенькій, съ рыжеватой бородой, парень л'єть двадцати. Онь улыбнулся ей какой-то угрюмой улыбкой и взяль оть фабричнаго узель.

- Ну, что? спросиль онь вмёсто всякаго привётствія.
- Да, что-ничего.
- Была?
- Была.
- Видъла?
- -- Видъла.
- Ну, и что?
- Да что? Моченьки моей, говорить, нъть, истомился я, воть что...
 - А долго-ль сидъть-то, не спрашивала?
 - А кто ё знаеть! Нешто тамъ скажуть? Ну, пойдемъ...

И, не спуская мальчика съ рукъ, она направилась къ боковому выходу съ платформы. Парень привычнымъ движеніемъ взвалиль узелъ на плечи и медленно, развалистой походкой, поплелся за нею.

Въ воздухѣ было все еще жарко и пыльно. Изъ-за извозчичьяго крика и паровозныхъ свистковъ доносились мѣрные и гулкіе удары колоколовъ лавры; церковные купола искрились на солнцѣ. Я нанялъ извозчика въ монастырскую гостиницу. Дорогой я обогналъ хмураго мужичка, моего недавняго сосѣда. Онъ шелъ съ другимъ какимъ-то, высокаго роста мужикомъ, который размахивалъ руками и, казалось, что-то внушительно говорилъ ему, убѣждалъ, но собесѣдникъ, видимо, не уступалъ и горячился. Я обмѣнялся съ нимъ тѣмъ взглядомъ, какимъ обыкновенно обмѣниваются люди, вторично встрѣтившіеся послѣ недавняго свиданія, и мысленно простился съ нимъ.

Блаженни чистіи сердцемъ, подумалъ я, теряя его изъ вида и унося въ душт впечатлтніе трогательной простоты и ясности и вительной, безотчетной грусти...

Евг. Ляцкій.

РУССКІЙ ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДЦЕЙХМЕЙСТЕРЪ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА РАДЖИ ЛОМБОКСКАГО.

(Эпизодъ изъ недавняго прошлаго Нидерландской Индіи).

БШИРНАЯ колоніальная имперія голландцевъ въ Индомалайскомъ архипелагь, съ приблизительнымъ населеніемъ въ 40 милліоновъ душъ, занимаетъ подъ именемъ Нидерландской Остъ-Индіи, или Инсулинды, пространство между 6° сѣверной и 10° южной широты и тянется отъ 95-ой до 160-ой параллели.

Голландцы совершенно и вполить, во встать ен самых то отдаленных тролках, колонизировали и ассимилировали до сего дня, собственно говоря,

одинъ лишь островъ Яву. Все остальное достояніе голландцевъ, т. е. почти ³/4 ихъ колоніальнаго владѣнія, представляеть собою величину болѣе или менѣе неизвѣстную, территоріи, мало ислѣдованныя и частью вовсе недоступныя для европейской цивилизаціи. Дѣйствительно, благодаря главнымъ образомъ совершенной недостаточности культурныхъ и матеріальныхъ средствъ, которыми располагаетъ въ этой части свѣта маленькая Голландія, европейскія осѣдлость и цивилизація на безчисленныхъ островахъ Нидерландской Индіи обосновались и сосредоточились пока лишь на болѣе доступномъ прибрежъв и на ближайшихъ къ морю окраинахъ Hinterland'а различныхъ островныхъ группъ Инсулинды.

Это на первый взглядъ странное явленіе, какъ будто не свидётельствующее въ пользу способности голландцевъ вносить и на-

Digitized by Google

саждать культуру, объясняется въ дъйствительности тъмъ, что голландцы со дня утвержденія своего въ Индомалайскомъ океанъ, т. е. съ конца XVII стольтія и по настоящее время, были чрезвычайно малочисленны. И нынъ еще буквально горсть голландцевъ и вообще бълыхъ людей (общая цифра бълаго населенія въ Нидерландской Индіи не превышаеть максимума въ 75.000 душъ, включая сюда и голландскую колоніальную армію) разсъяна на протяженіи до 40.000 квадр. миль и утопаеть среди безбрежнаго океана малайцевъ, яванцевъ, сунданцевъ, амбонцевъ, батаковъ, альфуровъ и прочихъ туземныхъ племенъ, населяющихъ Суматру, Борнео, Целебесъ, Бали, Ломбокъ, Молукскую группу и прочіе крупные и мелкіе острова Инсулинды.

Несмотря, однако, на свою малочисленность, голландцы, вотъ уже три столътія какъ владъють и удерживаются въ Нидерландской Остъ-Индіи, благодаря прежде всего своему престижу, а также не въ меньшей степени благодаря той идеальной и образцовой во всъхъ отношеніяхъ администраціи, которую они ввели въ занятыхъ ими территоріяхъ. Положеніе голландцевъ въ крат солидное и обаяніе, которымъ они пользуются среди азіатовъ-туземцевъ, достойно удивленія и подражанія.

Единственное исключеніе составляють сѣверо-восточный и сѣверо-западный берега Суматры, гдѣ въ пресловутомъ Атчинѣ (Atjeh) и Педирѣ голландцы съ 1873 г. безъ перерыва и пока еще безъ осязательнаго благопріятнаго результата ведуть безконечную войну съ непокорными и воинственными атчинцами мусульманами, не желающими признавать голландскаго сюзеренства и подчиниться власти «туанъ бесара» въ Батавіи (господина великаго — офиціальный малайскій титуль генераль-губернатора Нидерландской Индіи и представителя въ Батавіи королевской особы и власти).

Остальныя составныя части Инсулинды умиротворены и спокойны. Если предпринимаются порою военныя экспедиціи противъ того или иного мятежнаго племени, то это составляеть явленіе преходящее и случайное, это простыя карательныя экзекуціи, а не регулярная война, каковая воть уже 26-ой годъ ведется, напримъръ, въ Атчинъ, требуя громадныхъ и непроизводительныхъ пока затрать людьми и капиталами.

Къ категоріи такихъ случайныхъ экспедицій, вызванныхъ необходимостью возстановить пошатнувшійся было престижъ, слёдуетъ отнести войну, которую въ 1894 г. голландцы вынуждены были вести противъ раджи острова Ломбока. Компанія эта интересна сама по себѣ, какъ типичная колоніальная война. Она, кромѣ того, для русской публики представитъ спеціальный еще интересъ, такъ какъ по странному стеченію обстоятельствъ въ ломбокскомъ эпизодѣ суждено было сыграть нѣкоторую и при томъ довольно видную роль одному русскому искателю приключеній, который не-

исповъдимою волею судебъ занесенъ былъ въ эти мъста столь отдаленныя и который принялъ въ событіяхъ на Ломбокъ активное участіе, хотя и вопреки собственной воль.

Но прежде чъмъ приступить къ своему разсказу о подвигахъ соотечественника нашего, необходимо предвратительно ознакомить русскаго чичателя, мало знакомаго съ индо-нидерландскимъ крайнимъ востокомъ, съ мъстомъ дъйствія и съ политическими и иными условіями театра войны.

Непосредственно за Явою, точное географическое положение которой, полагаю, всёмъ извёстно, тянется въ восточномъ направлении вплоть до самой Новой Гвинеи непрерывная цёпь болёе или менёе крупныхъ вулканическаго происхождения острововъ, извёстныхъ подъ именованиемъ Kleine Coenda (Сунда) Eilanden.

Первымъ по порядку расположенія и по значенію своему представлется островъ Бали (103¹/₂ кв. миль), отділенный отъ Явы проливомъ Балійскимъ (Bali Straat).

На востокъ отъ Бали лежить болбе общирный островъ Ломбокъ (147,7 кв. миль) съ общимъ населеніемъ 370.000 чел., изъ коихъ по переписи 1896 г. всего 39 европейцевъ, 305 китайцевъ и 172 араба. На туземномъ сассакскомъ языкъ Ломбокъ именуется Селапарангъ. Населеніе состоить изъ сассаковь и балійцевь, последніе находятся въ меньшинствъ и образують правящіе на островъ классы. Они одинаковаго происхожденія съ сосъдними жителями острова Бали и также исповедують подобно балійцамь изъ Бали индуизмъ, тогда какъ сассаки-мусульмане. На островахъ Бали и Ломбокъ еще сохранился во всей своей неприкосновенности тогь самый браманизмъ. который составляль и на Явъ господствующую религію вплоть до XIV въка, когда вслъдствіе арабской пропаганды огнемъ и мечемъ жители Явы были насильно обращены въ исламизмъ. Бали и Ломбокъ-единственные уголки во всемъ индонидерландскомъ міръ, гдъ сохраняются и понынъ религія, традиція, обычаи и даже строгое кастовое дёленіе древнихъ индусовъ. Сохранились также развалины древнихъ браминскихъ храмовъ, усыпальницъ, надгробные и пр. монументы домусульманской эпохи съ отличительнымъ типомъ индусскихъ сооруженій и браминской культуры.

При взятіи Тякры-Негары, столицы раджи Ломбокскаго, найдены были голландцами въ роскошныхъ кратонахъ (дворцахъ) государя и его принцевъ выдающіяся по красотъ, богатству и изяществу работы, драгоцънности и чрезвычайно артистически исполненные предметы ювелирнаго искусства, какъ-то: золотые кубки, умывальные чаны, золотыя плевальницы и приборы для жеванія бетеля, статуэтки индійскихъ боговъ и богатъйшіе криссы (кинжалы), осыпанные брильянтами, изумрудами и рубинами.

Можно утверждать, что после самой Явы острова Бали и Ломбокъ составляють конечный предёль и ultima Thule цивилизаціи и культурности нидерландской Инсулинды. Все остальное огромное пространство индоголландской колоніальной имперіи, на сѣверъ и на востокъ отъ острова Ломбока, не исключая и Суматры, еще не вполнѣ изслѣдованной, представляетъ собою область некультурную, гдѣ мѣстами живутъ совершенно еще дикія племена, стоящія на послѣдней ступени развитія религіознаго, нравственнаго и общественнаго.

Что касается политической организаціи на Ломбокі, то управленіе до войны 1894 г. было сосредоточено въ рукахъ раджи въ Матарамі (резиденція государя) и его совіта изъ балійскихъ грандовъ. Режимъ, конечно, абсолютный и деспотическій; балійская аристократія администрировала въ областяхъ съ сассакскимъ населеніемъ и не пользовалась среди народа ни любовью, ни популярностью, благодаря своему произволу и хищничеству. Ломбокъ былъ постоянно въ тісныхъ сношеніяхъ и въ тісной связи, а до 1849 г. и въ зависимости отъ сосідняго Карангассамскаго султана или раджи на острові Бали. Но уже въ 1843 г. раджа Ломбокскій заключиль договоръ (Contract) съ остиндскомъ правительствомъ, въ силу котораго онъ признавалъ Ломбокъ принадлежностью нидерланіской короны.

Зависимость эта впрочемъ существовала лишь на бумагѣ, и раджа со своими балійцами продолжаль управлять, то-есть притѣснять и всячески угнетать своихъ сассакскихъ подданныхъ, что вызывало неоднократныя возстанія со стороны доведенныхъ до нищеты и отчаянія сассаковъ, которые неразъ обращались черезъ особыхъ посланныхъ къ колоніальному управленію съ просьбами избавить ихъ отъ тираннической власти балійскаго правительства. Съ другой стороны раджа въ Карангъ-Ассамѣ, на островѣ Бали, густи (принцъ) Дьелантикъ поддерживалъ смуту въ краѣ изъ политическихъ вндовъ. Фанатичный, вѣроломный и честолюбивый принцъ Дьелантикъ, эксплоатируя старческую немощь и неспособность дряхлаго раджи Ломбокскаго, съ которымъ онъ заключилъ союзъ, имѣлъ въ виду при случаѣ свергнуть съ престола своего soi disant союзника и разсчитывалъ самъ занять мѣсто стараго правителя Ломбокскаго.

Подобные планы не могли нравиться колоніальному управленію въ Батавіи; оно и безъ того имѣло достаточныя основанія не довѣрять лояльности Дьелантика, котораго опасалось, такъ какъ онъ пользовался у себя на Бали и въ сосѣднемъ Ломбокѣ большимъ вліяніемъ. Престижъ балійскаго принца, несомнѣнно, еще усилился бы, если бы Дьелантику удалось такъ или иначе захватить верховную власть и самую территорію Ломбока. Интересы колоніальнаго управленія, уже въ достаточной степени занятаго войною въ Атчинѣ, требовали, чтобы проискамъ Дьелантика съ одной стороны и сомнительному держанію съ другой стороны стараго раджи Ломбокскаго относительно голландской власти вслѣдствіе подстрека-

тельствъ Дьелантика положенъ былъ разъ навсегда конецъ еще въ самомъ зачаткъ непріязненнаго отношенія, которое на Ломбокъ съ каждымъ днемъ обрисовывалось все ръзче со стороны раджи и его балійскихъ совътниковъ и союзниковъ.

Единственнымъ и испытаннымъ средствомъ прекратить интриги балійцевъ на Ломбокѣ представлялось фактическое завладѣніе краемъ и обращеніе этого де facto независимаго государства въ обыкновенное голландское «резидентство» съ губернаторомъ или голландскимъ резидентомъ во главѣ управленія. Подобною фактическою prise de possession и включеніемъ Ломбока въ составъ земель и владѣній, непосредственно принадлежащихъ нидерландской коронѣ, разрушалась до сихъ поръ и притомъ лишь на бумагѣ существовавшая фикція о вассальности Ломбокскаго раджи.

Весьма кстати и во время случилось, что самый раджа, подъ вліяніемъ нав'єтовъ Дьелантика, формально отказался признавать для себя обязательнымъ тотъ «Contract», въ силу котораго одинъ изъ его предшественниковъ поступился своею независимостью и въ 1843 году сдълался вассаломъ и данникомъ Индонидерландскаго управленія. Раджа при этомъ, въроятно, вслъдствіе дряхлости льть, забываль, что не далее какь въ 1893 году онъ самъ подписалъ съ колоніальнымъ правительствомъ Contract точно того же же смысла и содержанія, каковъ былъ договоръ 1843 года. Но такъ какъ и послъ этой новой сдълки на Ломбокъ продолжалось прежнее управленіе безъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ и осязаемыхъ признаковъ вассальной зависимости отъ Батавіи, то раджа, не видя на островъ ни голландскихъ резидентовъ, ни гарнизоновъ, ръшиль, вследствіе наущеній извив, отрышиться радикальнымь образомъ даже отъ этого призрака вассальной зависимости. Онъ кому следуеть, въ данномъ случае голландскому резиденту въ Карангъ-Ассамъ, на о. Бали, которому поручены были переговоры съ Ломбокомъ, объявилъ, что никакихъ голландцевъ онъ не знаетъ и знать не хочеть, считая себя совершенно независимымъ государемъ.

Въ то же время старый раджа сталъ усиленно вооружаться, закупая порохъ, оружіе и боевые запасы въ Сингапуръ, гдъ англичане обрадовались случаю сдълать гешефть и въ то же время крупную непріятность голландпамъ. Раджа задумалъ даже создать нъкоторое подобіе національнаго ломбокскаго военнаго флота. Тъ же англичане уступили ему по дорогой цънъ за ненадобностью и ветхостью три или четыре жалкихъ и утлыхъ судна. Старый правитель Ломбока, готовясь къ вооруженному отпору противъ голландцевъ, подготовлялъ еще и камуфлетъ дипломатическаго свойства, на эффектъ котораго онъ и совътники его сильно разсчитывали: раджа снарядилъ и отправилъ въ Сингапуръ къ иностраннымъ консуламъ особаго своего повъреннаго съ меморандумомъ, въ ко-

торомъ излагались причины неудовольствія противъ голландцевъ, мотивы, побудившіе раджу и его правительство отложиться отъ колоніальнаго управленія, и наконецъ упованіе свое, что иностранныя державы за него, раджу, заступятся и объявять надъ Ломбокомъ свой протекторать, а какой именно—англійскій, французскій или американскій,—это разслабленному старцу, возсѣдавшему на ломбокскомъ престолѣ, было совершенно безразлично, лишь бы протекторать избавиль его оть постылыхъ голландцевъ.

Колоніальное управленіе не могло, разум'єтся, отнестись равнодушно къ махинаціямъ своего мятежнаго вассала. Радж'є сд'єлано было безъ усп'єха н'єсколько внушеній, а когда это не под'єйствовало, голландцы отобрали у него зародившійся было ломбовскій флотъ. Раджа, однако, не сдался. Онъ заблаговременно распорядился въ Сингапур'є закупкою оружія и ожидалъ еще транспорта съ порохомъ и военными запасами, съ которыми трое предпріничивыхъ и услужливыхъ англійскихъ спекулянта уже отплыли къ берегамъ Бали изъ Сингапура на углой и жалкой парусной барк'є, носившей т'ємъ не мен'є громкое и внушительное наименованіе «Pride of the Ocean» (гордость океана).

Къ контрабандистамъ англичанамъ присоединился въ ту пору случившійся въ Сингапурі безъ міста и безъ занятій также и соотечественникъ нашъ, будущій фельдцейхмейстеръ ломбокскихъ войскъ. Назовемъ его Виссаріономъ Пантелеймоновичемъ Папарыгинымъ или въ сокращеніи Парыгинымъ, какъ онъ самъ себя именовалъ. Голландцы же, вітроятно, не будучи въ состояніи, какъ слідуетъ, выговаривать эту мудреную для нихъ фамилію, стали называть и упорно продолжали именовать русскаго авантюриста Парыганъ, съ удареніемъ на посліднемъ слогів. Настоящая же фамилія этого страннаго дітеля была Папарыга, что свидітельствуетъ о его бессарабско-румынскомъ происхожденіи.

Господинъ Царыга́нъ, съ нѣсколько бурнымъ, но не предосудительнымъ прошлымъ въ Россіи, откуда онъ удалился уже давно, былъ сыномъ священника, кажется, въ Одессѣ или Кишеневѣ. Ему было лѣтъ 33—35. Наружность онъ имѣлъ не представительную и, повидимому, крѣпостью здоровья не могъ похвалиться. Скорѣе малаго роста, приземистый, съ лицомъ, изрытымъ оспою, съ хитрыми блуждающими во всѣ стороны глазами, безпокойный и задорный, Царыгинъ производилъ и оставлялъ по себѣ впечатлѣне мало симпатичное. Говорилъ онъ порусски плохо, съ молдаванскимъ акцентомъ и часто въ выборѣ русскихъ терминовъ затруднялся, видно было, что онъ отсталъ отъ русскаго языка и начиналъ забывать русскую рѣчь. Парыгинъ предпочиталъ объясняться тоже на довольно невзрачномъ аглійскомъ языкѣ, поголландски понималъ, но не говорилъ, лучше же всего онъ дѣйствоватъ и притомъ весьма бѣгло и бойко помалайски, часто примѣшивая

малайскія слова къ своему и безъ того недостаточному русскому или англійскому жаргону. Изъ Одессы, лътъ пятнадцать назадъ, Парыгинъ попалъ во Владивостокъ, скитался нъкоторое время по Амурскому краю, по Японіи, быль въ Китав, между прочимъ въ Амов, Шанхав, Ханькоу, посвтиль Гонконгь, служиль въ китайскихъ портахъ проводникомъ русскимъ морякамъ, показывая имъ мъстныя достопримъчательности. Онъ выдавалъ себя за горнаго инженера и эксплоатировалъ или хлопоталъ о концессіяхъ на разработку естественныхъ богатствъ въ Китав и иныхъ мъстахъ, но это было не серіозно; свое качество горнаго инженера Парыгинъ не могь доказать никакими документами. Онъ даже не могь, какъ слёдуеть, документировать своей принадлежности къ русскому подданству, такъ какъ ни паспорта, ни иныхъ бумагъ у него не было. Онъ увъряль, что всъ требуемые документы имълись у него въ цълости и сохранности еще въ 1893 и 1894 гг., когда онъ прибылъ въ Сингапуръ, но что всъ эти бумаги или украдены были его англійскими компаньонами съ барки «Pride of the Ocean» или же утеряны были, когда «Гордость океана» потерпъла крушеніе на обратномъ пути отъ береговъ острова Бали.

Парыгинъ тѣмъ не менѣе постоянно и настоятельно утверждалъ, что онъ—русскій подданный, требовалъ защиты и покровительства, когда надъ нимъ стряслась бѣда въ Ломбокѣ, и просилъ, чтобы его отправили на родину, такъ какъ ничто не препятствовало его свободному возвращенію въ Россію, гдѣ онъ никогда никакого противозаконнаго или хоть бы только предосудительнаго дѣйствія не совершилъ.

При такихъ неблагопріятныхъ для Парыгина условіяхъ офиціальное вмѣшательство въ его пользу было деликатною и затруднительною задачею, такъ какъ нельзя было доказать, что онъ дъйствительно русскій подданный. Притомъ же справки, наведенныя по его просьбъ въ Сингапуръ, Ханкоу, Шанхаъ и Гонконгъ, гдъ Парыгинъ будто бы былъ лично извъстенъ тамошнимъ русскимъ представителямъ, дали отрицательный результатъ; его не знали, и нигдъ Парыгинъ не внесенъ былъ въ списки русскоподданныхъ. Приходилось дъйствовать въ его пользу и хлопотать за Парыгина офиціознымъ путемъ передъ голландскими властями.

Соотечественникъ нашъ, повидимому, существовалъ не эксплоатаціею естественныхъ богатствъ тѣхъ странъ, въ которыхъ онъ побывалъ, а жилъ изо дня въ день, чѣмъ Богъ пошлетъ, безъ рессурсовъ и опредѣленныхъ занятій. Словомъ, это былъ авантюристъ и скиталецъ, который не стѣснялся выборомъ средствъ. Онъ совершенно равнодушно относился къ вопросу, гдѣ и какимъ манеромъ ему приходится орудовать и дѣйствовать, былъ бы лишь подходящій случай развернуться, и было бы что предпринять. Парыгину было безразлично, «работаетъ» ли онъ въ Угандѣ, Суданѣ или

Конго или на невѣдомыхъ ему островахъ Полинезіи. Онъ, напримъръ, въ Конго присоединилсябы къбельгійской антиэсклаважистской экспедиціи, онъ же съ неменьшею готовностью поступилъ бы въ дружину арабскихъ шейховъ-разбойниковъ, которые въ глубокихъ нъдрахъ темнаго континента сгоняютъ и скупаютъ негровъ невольниковъ. Весь вопросъ состоятъ въ томъ, которая изъ этихъ двухъ комбинацій выгоднъе: предразсудковъ у Парыгина не было.

Я этимъ не хочу утверждать, чтобы герой нашъ былъ вовсе человъкомъ отпътымъ, на все способнымъ и безъ всякихъ нравственныхъ правилъ. Нътъ, онъ просто былъ безсознательнымъ оппортунистомъ. Таковымъ сдълали его многообразные виды, которые онъ видалъ на своемъ въку, да убъжденіе, что такъ или иначе, а ъсть да пить каждый день необходимо. Когда нельзя было поступать такъ, Парыгинъ распоряжался иначе, вотъ и все. Я даже убъжденъ, что онъ, отклоняясь отъ правильнаго курса, не отдавалъ себъ яснаго отчета въ томъ, до какой степени красиво или двусмысленно внушенное ему необходимостью дъйствіе.

Парыгинъ, я полагаю, съ такою же душевною невозмутимостью, сталъ бы торговать и отравлять опіумомъ или спиртомъ какихъ нибудь дикарей людобдовъ бисмарковскаго архипелага, съ какою онъ впослъдствіи снабжалъ военною контрабандою непокорнаго вассала голландской королевы—раджу Ломбокскаго. Опіумъ, спирть, порохъ и ружья, не все ли это равно, была бы лишь отъ того, другого или третьяго прибыль. Это и единственно это требовалось осуществить на практикъ. Парыгинъ задачу сію и разръшилъ, но ему за это, какъ говорится, влетъло, и результатами своей дъятельности на Бали и Ломбокъ Парыгинъ не имълъ основанія быть довольнымъ.

. Если же герой нашъ претерпътъ огорченія и разныя непріятныя превратности судьбы, то этимъ печальнымъ исходомъ своей авантюры Царыгинъ обязанъ исключительно себъ самому.

Высадивъ и сдавъ благополучно на островѣ Бали грузъ для сосѣдняго Ломбока, Парыгину слѣдовало ретироваться обратно въ Сингануръ на своей утлой ладъѣ, подобно тому какъ это совершили болѣе догадливые англійскіе его компаніоны. Тѣ отдѣлались дешево: ихъ голландцы было задержали, но затѣмъ снова отпустили, такъ какъ явныхъ уликъ противъ нихъ не нашлось. Парыгинъ же, быть можетъ, имѣвшій вѣскія основанія не довѣрять добросовѣстности своихъ товарищей, отдѣлился отъ нихъ, желая, вѣроятно, лично реализировать причитавшуюся ему долю барыша. Онъ съ острова Бали переправился на сосѣдній Ломбокъ, и это его погубило. На первыхъ же порахъ Парыгинъ попалъ въ водоворотъ возбужденія, а затѣмъ и военныхъ дѣйствій, предпринятыхъ противъ голландценъ. Когда же онъ опомнился и сообразилъ, что ему на Ломбокѣ при такихъ рискованныхъ обстоятельствахъ дѣлать

нечего, оказалось слишкомъ поздно: оставить островъ въ виду крейсировавшихъ вдоль береговъ голландскихъ судовъ становилось предпріятіемъ рискованнымъ. Къ тому же старикъ раджа и не отпустилъ подвернувшагося ему европейца, въ которомъ онъ тотчасъ открылъ блистательныя способности сперва дипломата, а затъмъ и полководца.

Болъе чъмъ въроятно, что въ именовавшемъ себя горнымъ инженеромъ Парыгинъ не существовало вовсе требуемаго матеріала, изъ котораго фабрикуютъ государственныхъ мужей и военачальниковъ. Но Парыгинъ былъ прежде всего бълый человъкъ (orang putih), европеецъ и, какъ таковой, признанъ былъ единственно въ силу своего европейскаго происхожденія многостороннимъ геніемъ, пригоднымъ на все безъ исключенія.

Извъстно, что на востокъ и на крайнемъ востокъ всякій европеецъ туристъ и даже простой globe trotter слыветъ за врача въ глазахъ невъжественнаго населенія; замъчательнъе же всего, что такой случайный путешественникъ дъйствительно никогда не задумывается врачеватъ и экспериментировать in anima vili. Не менъе странно и то обстоятельство, что въ большинствъ случаевъ, какъ импровизованный врачъ, такъ равно и неосторожные его паціенты остаются другъ другомъ вполнъ довольны.

Азіатскій властитель раджа Ломбокскій съ своей стороны разділяль, повидимому, какъ предразсудокъ, такъ равно и лестное убъжденіе своихъ соплеменниковъ относительно универсальной пригодности на все европейцевъ, кто бы они ни были.

Парыгинъ такимъ образомъ нежданно, негаданно для себя призванъ былъ къ старому принцу въ качествъ политическаго совътника и руководителя.

Нужно отдать нашему авантюристу справедливость: роль совътника, вынужденную обстоятельствами, онъ сыграль à son corps défendant. Амбиціи у него никакой не было, никакой роли политической или иной онъ не искалъ, ему вообще неизвъстно было до этого рокового дня, что существуеть островъ, именуемый Ломбокомъ. Парыгинъ точно также не зналъ, кто такой раджа Ломбокскій, ни что и кого этотъ государь собою изображаетъ по отношенію къ голландцамъ; еще менъе авантюристь нашъ догадывался, какія существують въ силу договоровъ отношенія между Ломбокомъ и голландцами. Всего этого Парыгинъ не зналъ, да онъ нисколько и не любопытствовалъ ознакомиться поближе со всеми этими тонкостями. Ему сказали въ Тякре-Негаре, въ кратоне (дворце) раджи, что властитель Ломбока-государь независимый, что голландское управленіе заявило къ нему претензіи, которыхъ раджа никакъ признать не можеть, что вследствіе сего голландцы угрожають насильственными мерами, противъ которыхъ население решило реагировать силою же. Парыгинъ этому заявленію повіриль тімъ легче, что онъ лично могъ констатировать на будто бы вассальномъ Ломбокъ полное отсутствие голландскихъ властей и гарнизоновъ, а также то, что мъстный государь правилъ страною, по всей видимости, безъ всякаго ограничения своей суверенной власти съ чьей бы то ни было стороны. Притомъ же Парыгинъ искалъ на Ломбокъ не поста государственнаго канплера или генералиссимуса, онъ исключительно имътъ въ виду воспользоваться случаемъ и сдълать выгодный гешефть.

Если онъ отдалъ предпочтеніе пороху и оружію, то это тоже было чистъйшею случайностью: въ данный моменть существовалъ спросъ именно на порохъ, а не на керосинъ или на фальшивую голландскую монету, которая китайцами фабрикуется въ Сингапуръ и оттуда ввозится въ предълы Нидерландской Индіи. Парыгинъ, какъ смышленый коммерсантъ, сталъ поставлять, конечно, то, въ чемъ ощущалась наивысшая потребность.

Впослёдствіи, когда его схватили голландцы, нашъ спекуляторъ попробоваль было утверждать, что онъ самъ сдёлался жертвою эксплоатаціи своихъ англійскихъ компаньоновъ, которые его будто бы подвели: онъ, Парыгинъ, не догадывался, что и какого рода грузъ онъ везеть на «Гордости Океана», узналь же онъ, въ чемъ дёло, лишь въ моменть высадки фрахта, когда балійцы стали разбирать и выносить привезенное добро, грузъ оказался порохомъ и военными запасами. Но тогда было уже слишкомъ поздно отказываться отъ столь рискованной операціи и возвращаться вспять.

Защита Парыгина показалась голландскому трибуналу въ Батавіи легкомысленною и неправдоподобною, судъ приговорилъ невольнаго и несознательнаго контрабандиста къ штрафу въ 1.000 гульденовъ или къ четырехмъсячному тюремному заключенію. Парыгинъ избралъ тюрьму. Отдълался онъ на первый разъ такъ дешево за недостаточностью уликъ: ему, а равно и англійскимъ соучастникамъ его въ гешефтъ, нельзя было доказать, что оружіе, которое впослъдствіи проявилось у ломбокцевъ, было доставлено именно имъ и раджъ ихъ изъ Сингапура. Контрабандисты, вслъдствіе ли тонкаго расчета или такъ, случайно и безсознательно, догадались грузъ свой сложить не на самомъ Ломбокъ, а на берегахъ острова Бали, раджа котораго былъ данникъ голландскаго управленія, не бунтовалъ и признавалъ свою зависимость въ лицъ имъвшаго пребываніе на Бали голландскаго резидента.

За то Парыгинъ обвиненъ былъ впослѣдствіи въ доказанномъ будто бы участіи въ заговорѣ раджи, во враждебныхъ подстрекательствахъ ломбокцевъ, а также въ личномъ и активномъ участіи въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ голландскихъ войскъ.

Парыгинъ, призванный на совъщаніе раджи съ его балійскими министрами въ кратонъ, посовътовалъ будто бы государю наружно изъявить покорность и согласіе на всъ требованія спеціальнаго

голландскаго уполномоченнаго, дабы усыпить его бдительность. Въ то же время Парыгинъ, спрошенный раджею, каково его личное мивніе, будто бы предлагаль старому принцу изъ-подъ руки сдвлать всв приготовленія, дабы, не теряя времени, ночью и врасплохъ напасть на голландскій лагерь и перебить всвхъ голландцевъ, пока они еще не многочисленны и не успвли получить подкрвпленій.

Планъ этотъ и былъ въ точности приведенъ въ исполнение въ ночь на 25 августа 1894 г. Голландцы не приняли никакихъ мъръ предосторожности, требуемыхъ военнымъ временемъ, они не выставили ни аванпостовъ, ни сторожевыхъ ценей. Они вовсе упустили изъ виду, что въ 30-хъ годахъ настоящаго столетія командовавшій экспедиціей на о. Бали генералъ Михіальсъ со своими офицерами быль изменнически въ палатке своей умерщвленъ балійцами. Голландцы забыли, что въ лице ломбокцевъ имеють дело съ азіатами, т. е. со врагомъ, для котораго въроломство составляетъ вторую натуру. Голландскія войска, кром' того, расположились на самой невыгодной позиціи, они лагерь свой разбили на полупути отъ Ампенана на берегу къ Матараму, внутрь края, среди кратоновъ и домовъ мъстныхъ принцевъ и жителей. Кратоны эти-солидныя зданія изъ камня, кром'є того, обнесены были высокими и крепкими ствнами, такъ что между ними образовались тесныя улицы-коридоры. Генералъ ванъ-Гаммъ, командовавшій ломбокскимъ отрядомъ, не имълъ основаній недовърять непріятелю: ломбокскіе предводители изъ знатныхъ аристократическихъ балійскихъ родовъ передъ тымь одинь за другимь явились въ лагерь къ генералу съ повинною. Раджа даже внесъ уже первую четверть, 250.000 гульд., наложенной на него контрибуціи въ 1 милліонъ гульд., и сумма эта уже отправлена была въ Ампенанъ, на суда эскадры.

Балійскихъ шефовъ, хотя и изъявившихъ покорность, стѣдовало, тѣмъ не менѣе, удержать заложниками. Генералъ ванъ-Гаммъ не догадался этого сдѣлать, онъ всѣхъ ихъ отпустилъ на всѣ четыре стороны. Балійскіе шефы изъявили отъ имени раджи его покорность и согласіе принять голландскій ультиматумъ. Въ доказательство лояльности своего государя они даже привезли съ собою въ лагерь вторую четверть контрибуціи, и эти 250.000 гульд. были приняты и сложены пока въ батальонную кассу съ тѣмъ, чтобы дня черезъ три-четыре препроводить эту сумму на суда эскадры, стоявшей въ виду Ампенана.

Такимъ образомъ все и вся, казалось, должно было внушить голландцамъ полное довъріе. И дъйствительно войска уже стали поговаривать, что компанія вообще не состоится за отсутствіемъ сражающихся. Ожидали только внесенія недостававшихъ еще 500.000 гульд. военной контрибуціи, которую раджа объщалъ въ непродолжительномъ времени пополнить.

Но раджа и его балійцы замышляли и подготовляли между

тъмъ измъну. Довъріе и безпечность голландцевъ могли только укръпить ломбокцевъ въ ихъ ръшимости нанести ударъ ничего неподозръвавшему непріятелю.

Въ ночь на 25-ое августа, вооруженныя банды ломбокцевъ неслышно подкрались къ главной квартиръ командующаго генерала. который со своими офицерами, доканчивая вкусный и, повидимому, веселый ужинъ, сидълъ еще за столомъ, попивая шампанское и покуривая сигары. Генералъ и свита, ужинавшая съ нимъ, были вследствіе сильной жары чуть ли не въ одномъ нижнемъ белье, во всякомъ случат въ этихъ пировавшихъ и возбужденныхъ господахъ трудно было признать людей, принадлежащихъ къ военному сословію и притомъ стоящихъ въ непріятельской странъ. Окна и двери были открыты настежь, часовыхъ не было, и весь лагерь, за исключеніемъ генерала и штабныхъ, быль погруженъ въ глубокій сонъ, да и отстояль оть штаба довольно далеко. Балійцы, никъмъ не задерживаемые, необутые, неслышно подкрались и внезапно ворвались въ столовую, гдъ, конечно, застали пировавшихъ врасплохъ. Последовала ужасная резня, самъ генераль ванъ-Гаммъ и до 12 его офицеровъ были на мъстъ заколоты пиками и крисами балійцевь; они, будучи безоружны, не могли оказать никакого сопротивленія. Двумъ или тремъ офицерамъ удалось выскочить и поднять тревогу. Но было уже поздно, лагерь быль окружень со всъхъ сторонъ, балійцы открыли по растерявшимся солдатамъ убійственный огонь, пользуясь переполохомъ, перекололи еще сотню, другую солдать.

Голландцы въ темнотъ кое-какъ оправились; оставшіеся въ живыхъ офицеры собрали своихъ людей и, соблюдая по возможности строй и порядокъ, предприняли отступленіе въ сторону Ампенана, гдъ стояли резервы, и гдъ можно было разсчитывать на помощь съ военныхъ судовъ эскадры.

Отступленіе это совершилось при самыхъ тяжкихъ условіяхъ, войска были деморализованы, утомлены, страдали отъ голода и жажды; припасовъ и оружія не было,—кто что успѣлъ прихватить, съ тѣмъ и вышли. Ретироваться приходилось въ безпорядкѣ, массою въ нѣсколько сотъ человѣкъ, по узкимъ улицамъ, окаймленнымъ высокими стѣнами, изъ-за которыхъ черезъ заранѣе продѣланныя амбразуры балійцы въ упоръ и не спѣша разстрѣливали почти безоружныхъ голландцевъ.

При этомъ войска претерпъли значительный уронъ прежде, чъмъ имъ удалось пробить себъ дорогу и соединиться съ резервами. До 500 ч. нижнихъ чиновъ было перебито. Балійцы захватили 6 орудій, много пороху и амуниціи, весь архивъ, багажъ, кассу и тъ самыя 250.000 гульд., которыя только-что чуть ли не наканунъ внесены были покорившимися балійскими предводителями.

Отступленіе главныхъ силъ и постоянныя ожесточенныя атаки

балійцевъ на колонны полковниковъ Беймфельдта и Лавикъ-ванъ-Пабста продолжались безъ прерыва до 27 августа, и лишь къ вечеру того же дня разстроеннымъ 6-му и 7-му батальонамъ и колоннамъ вышеназванныхъ двухъ полковниковъ, потерявъ половину своего боевого состава, удалось достичь лагеря въ Амиенанъ и укрыться въ возведенныхъ тамъ полевыхъ укръпленіяхъ подъ защитою орудій съ эскадры.

Голландцы защищались съ отчаянною храбростью, стойко вынося огонь непріятеля и отражая его атаки. Офицеры первые подавали прим'єръ и были постоянно на самомъ видномъ м'єсті. Тімъ не менте уронъ голландцевъ былъ тяжкій, но имъ въ конці концовъ удалось пробиться на соединеніе съ главными силами, которыя подходили на выручку, заслыша выстрілы.

Въроломство раджи и коварное нападеніе балійцевъ были впостъдствіи приписаны голландцами наущеніямъ Парыгина и его совътамъ. Голландцы точно такъ же утверждали, что Парыгинъ не удовольствовался пассивною ролью дипломатического совътника, и что онъ во время последовавшей въ сентябре осады Тякры-Негары приняль въ балійскомъ лагер'в активное участіе въ военныхъ дъйствіяхъ. Увъряли, что онъ наводиль на голландскія войска орудія раджи, и даже что онъ самъ стрелялъ изъ оныхъ по голландскимъ войскамъ. Это видъли будто бы голландскіе офицеры и солдаты. Словомъ голландцы, когда они по взятіи Тякры-Негары и по окончаніи кампаніи захватили спасавшагося на Ломбок'в Парыгина и предали его суду, обвинили нашего авантюриста въ томъ, что онъ составиль заговорь противь безопасности Нидерландскихъ колоній и лично участвоваль во враждебныхъ дъйствіяхъ вассала нидерландской короны противъ суверенной власти королевы и ея индонидерландскаго представителя въ Батавіи.

Согласно постановленію органическаго колоніальнаго устава, за оба эти преступленія полагается смертная казнь. Приговоръ трибунала, осудившаго Парыгина, не былъ, однако, приведенъ въ исполненіе. Голландцы сообразили, что Парыгина они захватили м'єсяца три послъ окончанія кампаніи, а не на мъсть дъйствій съ поличнымъ, т.-е. съ оружіемъ въ рукахъ. Онъ, кромъ того, былъ не голландецъ, а выдавалъ себя за русскаго подданнаго. Въ качествъ же иностранца Парыгину не обязательно было знать, какія существують отношенія между колоніальнымъ управленіемъ и различными туземными султанами или раджами, болбе или менбе подвластными голландской коронъ. Слъдовательно, въ государственной измънъ (hoogverraad) Парыгина, какъ иноземца, уже ни въ какомъ случат обвинять было нельзя, еще же менте его можно было казнить за «изм'вну», которая не существовала и которой нашъ герой и совершить не могь. Притомъ же, самыя отношенія отъ суверена къ вассалу на Ломбокъ до послъдняго момента были сбивчивыя, темныя

и неопредъленныя, безъ всякихъ внъшнихъ признаковъ, какого бы го ни было подчиненія, какъ выяснено было выше.

Существовала одна лишь, такъ сказать, «претензія» на суверенство со стороны колоніальнаго управленія, но даже и эта невидимая связь была порвана.

Всё эти обстоятельства на судё выясниль и доказаль энергичный, способный защитникь Парыгина, вань-Г., который опротестоваль рёшеніе суда (смертную казнь) и по пунктамъ разбиль самое обвиненіе въ личномъ участіи своего кліента во враждебныхъ дъйствіяхъ противъ голландцевъ. Ванъ-Г. высказалъ, что, по его мнёнію и уб'єжденію, тяжкое обвиненіе это осталось недоказаннымъ, ибо выслушаны и допущены были давать показанія лишь свидётели à charge, тогда какъ лица, на свидётельствъ которыхъ Парыгинъ настаивалъ, какъ на показаніяхъ, для себя благопріятныхъ, даже не вызваны были въ судъ. Къ категоріи такихъ важныхъ для обвиненнаго свидётелей и очевидцевъ принадлежали балійскій принцъ Дьелантикъ и жена его, которые въ своемъ кампоніъ (селеніи) нѣкоторое время укрывали спасавшагося отъ голландцевъ Парыгина.

Судъ изъ политическихъ соображеній не посмѣть вызвать принца Дьелантика, который въ ломбокскомъ инциденть сыгралъ столь значительную и активную роль. Вызвать же густи Дьелантика было равносильно осужденію этого принца, вина и участіе котораго въ ломбокскихъ событіяхъ не подлежали никакому сомнѣнію. Между тѣмъ осужденіе безпокойнаго балійскаго вассала на ссылку или на лишеніе власти могло бы породить на самомъ островѣ Бали, гдѣ онъ пользовался сильнымъ вліяніемъ, вооруженное возстаніе воинственныхъ балійцевъ; голландцы не хотѣли и не могли итти на рискъ вызвать новое усложненіе, они и безъ того имѣли достаточно заботъ въ Атчинѣ и на неумиротворенномъ еще Ломбокѣ, гдѣ послѣ войны все и вся находились еще въ состояніи хаоса и безначалія.

Точно такъ же судъ отказался вызвать важнъйшаго послъ самого Дьелантика свидътеля à décharge, а именно жену этого балійскаго принца. Немыслимо, да и рискованно было бы, аргументироваль трибуналь, вызывать въ европейскій судъ туземную женщину буддистку, да еще принцессу крови, каковою была супруга принца Дьелантика. Прецедентовъ подобныхъ никогда еще не было, да и опасно было бы создавать таковой въ виду общаго возбужденія умовъ на Ломбокъ и на Бали среди туземнаго населенія.

Такъ и не привлечены были главнъйшіе благопріятные для Парыгина свидътели. Герой нашъ осужденъ былъ единственно 1) на основаніи показаній голландскихъ офицеровъ и солдать, видъвшихъ его будто бы на бастіонахъ Тякры-Негары въ качествъ генералъфельдцейхмейстера раджи Ломбокскаго наводящимъ орудія противъ голландскихъ войскъ и распоряжающимся стръльбою изъ оныхъ, затъмъ 2) на основани не провъренныхъ никъмъ показаній балійскихъ и ломбокскихъ шефовъ и предводителей возстанія, которые, разумъется, счастливы были, въ оправдание собственныхъ некрасивыхъ дъйствій, свалить всю иниціативу и всю вину на подвернувшагося такъ кстати «туанъ бесаръ орангъ пути» (господина великаго и бълаго человъка). Во избъжание отвътственности для самихъ себя, раджа и его приближенные не задумались на судъвысказать, что Парыгинъ, на тайномъ совъщании во дворцъ, дня за три до рокового 25 августа, посовътовалъ старому повелителю Ломбока произвести внезапное ночное нападеніе на голландскій лагерь, немедленно, пока голландцы еще ничего не подозръвали, и пока они еще не успъли стянуть всъхъ боевыхъ силъ, составлявшихъ экспедиціонный отрядъ. «Вы ихъ легко сомнете, опрокинете и сбросите всъхъ въ море», будто бы твердилъ Парыгинъ, рекомендуя свой планъ дъйствій, который и быль одобрень и приведень въ исполненіе съ успъхомъ для балійскаго оружія.

Далъе тъ же балійцы утверждали, что, когда въ сентябръ началась бомбардировка и осада Тякры-Негары, Парыгинъ училъ балійскихъ воиновъ, какъ слъдуетъ обращаться съ пушками, самъ заряжалъ орудія и стрълялъ изъ нихъ по голландскимъ войскамъ.

Парыгинъ то и другое обвиненіе упорно отрицалъ. По первому пункту онъ ссылался небезосновательно и не безъ признаковъ правдоподобности на то, что раджа, несмотря на успѣхъ своего вѣроломнаго предпріятія, въ концѣ концовъ попался въ плѣнъ голландцамъ и естественно вынужденъ былъ искать всячески оправданія своимъ дѣйствіямъ. Не имѣя другого исхода, раджа свалилъ со своей старческой и больной головы на его, Парыгина, здоровую голову иниціативу и отвѣтственность за избіеніе голландцевъ 25 августа.

Что же касается второго пункта, то Парыгинъ утверждалъ и настаиваль на томъ, что онъ, какъ балійцамъ хорошо извёстно, во время осады скрывался въ кампонгъ, въ двухъ километрахъ отъ резиденціи раджи у жены принца Дьелантика, которая дала ему убъжище. Здёсь, въ безопасномъ мёсте Парыгинъ выжидалъ того момента, когда брожение умовъ стихнетъ, и война окончится, послъ чего онъ имътъ намърение явиться къ голландскому вновь назначенному резиденту и объяснить ему причины своего случайнаго присутствія на Ломбокъ. Обвиненный совершенно основательно и разумно увърялъ, что онъ этого своего намъренія не могъ исполнить раньше, такъ какъ онъ неминуемо подвергся бы двоякому риску: оставивъ свое тихое пристанище въ кампонгъ, онъ тотчасъ же вступалъ въ сферу военныхъ дъйствій и полнаго безначалія-голландскіе парули могли задержать и разстрілять его, какъ шпіона, не знавшіе же его сассаки и балійцы вив Тякры-Негары, т.-е. большинство населенія, могли его счесть за orang wlanda (голландца) «ИСТОР. ВЪОТН.», МАРТЬ, 1900 Г., Т. LXXIX.

и, какъ такового, заръзать безъ всякаго колебанія и зазрънія совъсти, тъмъ болье, что эти туземцы, живущіе далеко отъ сношеній съ европейцами и незнакомые съ культурою, всьхъ безъ различія бълыхъ людей считають или за orang wlanda или за orang engli. Другихъ націй, кромъ голландцевъ и англичанъ, они не знають и не признають.

Парыгинъ неоднократно утверждалъ, что Дьелантикъ и жена его, оказавшіе ему покровительство, могутъ подтвердить, что онъ какъ разъ во время осады Тякры-Негары былъ спрятанъ у нихъ въ кампонгъ, и что слъдовательно онъ никакъ не могъ во время бомбардировки находиться на бастіонахъ города и отгуда стрълять по голландцамъ.

Объясненія обвиненнаго не были приняты во вниманіе. Но первоначальный суровый приговорь быль отмінень, и вмісто смертной казни Парыгинь быль, три года спустя, приговорень къ 20-літнему тюремному заключенію въ исправительномъ домі (tuchthuis). Во вниманіе же къ тому, что онъ уже отбыль три года предварительнаго заключенія, этоть срокь быль сокращень до 17 літь.

Эта уже окончательная мёра наказанія, тёмъ не менѣе, по тяжести и суровости своей далеко превышала степень содѣяннаго преступленія, которое во всякомъ случаѣ нужно было считать безсознательнымъ дѣйствіемъ со стороны осужденнаго.

Послѣ искусной и мужественной защиты адвоката ванъ-Г. выяснилось, что не могло быть и рѣчи объ измѣнѣ, и что даже злоумышленіе и покушеніе противъ безопасности колоніальнаго управленія были сомнительны. Самая серіозная сторона роли Парыгина, его активное участіе,— за односторонней тенденціозностью возведенныхъ на него обвиненій оставалась до конца невыясненною и недостаточно доказанною.

Что же оставалось на лицо изъвсего зданія, возведеннаго обвиненіемъ? Простая, не совсёмъ благовидная, конечно, спекуляція, предпринятая случайно и безъ задней мысли какимъ-то искателемъ приключеній и прежде всего наживы. Дёло не выгорёло, спекуляторъ имёлъ неосторожность попасть въ руки правосудія.

Пресловутое «преступленіе» Парыгина ниспадало и сводилось такимъ образомъ на степень вульгарнаго и незаконнаго гешефта. Вполнѣ достаточно было бы приговорить провинившагося къ крупному денежному штрафу, пожалуй, даже къ тюремному заключенію на годъ и затѣмъ выпроводить этого авантюриста изъ Нидерландской Индіи съ воспрещеніемъ ему возвращаться въ предѣлы колоніи.

Но общественное мижніе было чрезвычайно угнетено и раздражено неуспъхами голландскаго оружія и осложненіями, возникшими на Ломбокъ вслъдствіе избіенія 25 августа. Оно громко взывало къ мщенію и требовало наказанія виновнаго, которому принисы-

вало всё бёдствія, постигшія голландцевъ. Общественное митніе въ этомъ случат заблуждалось, Парыгинъ былъ не причемъ, виновны были, и притомъ единственно и исключительно, военное управленіе, начальствующій генералъ ванъ-Гаммъ съ его штабомъ и самъ главнокомандующій въ Батавіи, генералъ-лейтенантъ Феттеръ. Никто изъ этихъ начальствующихъ лицъ не понялъ и не вникнулъ, какъ бы слёдовало, въ условія, при которыхъ имѣетъ совершиться кампанія, и театръ военныхъ дъйствій не былъ предварительно изученъ. Голландцы, по собственному признанію, отъ генерала до солдата, выказали самую непонятную неподготовленность и безпечность. При подобныхъ условіяхъ нельзя было удивляться если разразилась катастрофа надъ экспедиціоннымъ отрядомъ. Катастрофу эту ни въ какомъ случать не слёдовало приписывать ни въ чемъ неповинному Парыгину.

Но такъ какъ настоящихъ виновниковъ Ломбокскаго фіаско, главнокомандующаго съ его штабомъ, неудобно было привлекать къ отвътственности, а съ другой стороны настоятельно необходимо было отыскать и примърно наказать виновнаго, хотя бы таковымъ оказалась личность темная и невъдомая, то Парыгинъ и сыгралъвъ ломбокской драмъ печальную роль козлища отпущенія.

Защитникъ Парыгина, адвокатъ ванъ-Г., съ рѣдкимъ безпристрастіемъ обнаружилъ на судѣ всѣ закулисныя стороны этого дѣла, отстаивая по пунктамъ интересы своего злополучнаго кліента. Ванъ-Г. съ удивительною беззастѣнчивостью, а съ его легкой руки также и сурабайская газета «Soerabajasch Handelsblad» высказали, что Парыгинъ не что иное, какъ намѣченная и заранѣе обреченная на закланіе жертва именно военнаго управленія. Выражено это было съ откровенностію, поразительною для газеты, выходящей въ Нидерландской Индіи, гдѣ всѣ органы печати строго контролируются высшею властію гражданскаго управленія. «Handelsblad» осыпала упреками и даже ругательствами главнокомандующаго и его приближенныхъ за выказанную этими лицами «блистательную неспособность», небрежность и самомнѣніе. «Такихъ господъ слѣдовало бы судить военнополевымъ судомъ, а не награждать орденами, какъ то сдѣланобыло послѣ кампаніи»,—открыто заявляла сурабайская газета.

Удивительно, какъ статья эта, чрезвычайно рѣзкая по формѣ и прямо оскорбительная по содержанію для генерала Феттера, вообще допущена была къ печатанію, тогда какъ гражданское управленіе, въ силу широкихъ предоставленныхъ ему полномочій, могло не только воспретить эту статью, но еще подвергнуть автора ея преслѣдованію и штрафу. Между тѣмъ ничего подобнаго не случилось.

Объясняють это поразительное долготерпѣніе и снисходительность правительства тѣмъ будто бы обстоятельствомъ, что генераль-губернаторъ быль не въ ладахъ съ генералъ-лейтенантомъ Феттеромъ и не сходился съ главнокомандующимъ ни во мнѣніяхъ

Digitized by Google

ни во взглядахъ относительно того, какъ следуетъ вести колоніальныя войны вообіце, Ломбокскую же экспедицію въ особенности. Упрямый Феттеръ повелъ ее по-своему, игнорируя многія полезныя указанія боле его опытнаго въ колоніальныхъ делахъ генералъ-губернатора ванъ-деръ-Вейка.

Негодуя на ограниченнаго Феттера, ванъ-деръ-Вейкъ, говорятъ, не прочь былъ дать ему почувствовать, что и публика не одобряетъ такого метода войны спустя рукава, хотя бы воевать приходилось съ дикими и болъе или менъе неорганизованными балійцами.

За невозможностью, однако, судить генерала Феттера и его штабъ обрушились на Парыгина. Какъ его судили, разскавано было выше. Не подлежить сомивню, что весь допросъ веденъ былъ съ пристрастіемъ. При подобной постановкъ допроса, когда разбушевавшеся и негодующее общественное мивніе à tout prix неистово требовало отомщенія и жертвы искупительной, можно было заранъе безопибочно угадать, какой приговоръ вынесенъ будетъ сурабайскимъ трибуналомъ.

Парыгинъ своею особою и своею свободою заплатитъ за все и за всёхъ. Общественное мнѣніе было удовлетворено и аплодировало рѣшенію судей. Враждебное нашему герою настроеніе было въ этотъ моментъ во всей Нидерландской Индіи настолько общее и сильное, что даже добросовѣстный и всегда справедливый генералъ-губернаторъ ванъ-деръ-Вейкъ не счалъ возможнымъ воспользоваться предоставленнымъ генералъ-губернаторской власти правомъ помилованія. Онъ могъ лишь отмѣнить смертную казнь и замѣнить этотъ не въ мѣру суровый приговоръ продолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Надо было выждать болѣе благопріятнаго момента, когда ломбокскій эпизодъ отойдетъ въ область прошлаго и преданъ будетъ забвенію. Лишь года два, три спустя можно было рискнуть, если не на полное помилованіе, то по меньшей мѣрѣ на значительное смягченіе и сокращеніе срока наказанія.

Парыгину въ этомъ отношеніи счастіе благопріятствовало: въ августь 1898 г. по случаю совершеннольтія молодой королевы Вильгельмины и вступленія ея на нидерландскій престолъ, последовала общая амнистія, въ которую включенъ былъ также и Парыгинъ.

Его къ 31-му августа помиловали съ воспрещениемъ возвращаться въ предълы Нидерландской Индіи. Но голландцы при этомъ сдълали существенную оговорку. Они естественно не желали и не могли дать Парыгину безусловную свободу и дозволеніе удалиться на всъ четыре стороны. Они опасались, какъ бы Парыгинъ, выпущенный на свободу, не поселился гдъ нибудь по близости Явы, напримъръ, въ сосъднемъ Сингапуръ, откуда онъ снова могъ бы агитировать и интриговать противъ голландцевъ, этотъ разъ уже

Digitized by Google

на иной почвъ, въ Атчинъ, при томъ съ въдома и даже при тайномъ содъйствіи англичанъ, которые, какъ извъстно, всегда радуются затрудненіямъ своихъ сосъдей, когда сами не вызываютъ и не создаютъ подобныхъ замъшательствъ въ расчетъ, что въ мутной водъ легче рыбу ловить.

Англичане, быть можеть, выставили бы впередъ Парыгина въ видъ политической жертвы произвола индонидерландскаго управленія. Они снарядили бы ожесточеннаго уже противъ голландцевъ русскаго авантюриста на Суматру съ тъмъ, чтобы подстрекать атчинцевъ къ сопротивленію и чтобы фельдцейхмейстерствовать надъ ними.

Подобное предположение и еще болве осуществление въ двиствительности такого великобританскаго ехидства представлялись, однако, мало въроятными. Надо было скоръе всего предвидъть, что Парыгинъ счастливъ будетъ и поспъшитъ употребить столь дорого наконецъ купленную свободу съ большею для себя пользою. Онъ дъйствительно достаточно насидёлся въ голландскихъ тюрьмахъ, въ Батавіи, затёмъ въ Сурабав и наконецъ въ Самарангв, куда его перевели послъ сурабайскаго видоизмъненнаго вердикта. Содержали его, какъ и вообще всъхъ узниковъ, прекрасно, кормили порядочно, лъчили, когда онъ хворалъ, предоставляли достаточную долю свободы въ предвлахъ тюремныхъ ствиъ, но, темъ не мене, долгое лишеніе свободы, нравственное постоянное возбужденіе напряженнаго ума и нервовъ и прежде всего убійственный климать Явы наложили свою печать на влополучного страдальца. Онъ часто болълъ неизбъжною и упорною въ этомъ климатъ лихорадкою, осунулся и постаръть. При такихъ условіяхъ Парыгинъ, конечно, ни одной минуты не могъ думать о новой политической или воинственной дъятельности въ предълахъ этой постылой Индіи, которая оказалась столь фатальною для него во всёхъ отношеніяхъ. Онъ всёми силами своего помышленія стремился только къ тому, чтобы такъ или иначе получить помилованіе, дабы выбраться наконецъ на въки обратно въ Европу.

Какъ бы то ни было, въ умѣ голландскихъ властей почему-то составилось представление о возможности и впредь новой активной роли Парыгина, въ смыслъ и направлении, конечно, враждебныхъ для интересовъ Голландии и ея колонии.

Вотъ почему необходимо было себя оградить и обезпечить впредь отъ подобнаго retour offensif со стороны бывшаго канцлера и фельдцейхмейстера его величества раджи Ломбокскаго.

Сингапуръ и не безосновательно считается на крайнемъ востокъ тихимъ пристанищемъ для всякаго международнаго сброда всъхъ цвътовъ кожи и всъхъ національностей. Тамъ, лишь бы они не совершали преступленій, слишкомъ уже возмущающихъ общественную совъсть, господа мошенники, авантюристы и вообще личности от-

пътыя, безъ профессіи, безъ паспортовъ и безъ средствъ, живутъ у снисходительныхъ англичанъ, какъ у Христа за пазухой, то-есть припъваючи. Изъ своей главной квартиры, Сингапура, болъе ловкіе и болъе смълые аферисты предпринимаютъ даже не всегда благовидныя экспедиціи съ «комерческими» цълями въ сосъдніе Сіамъ, Тонкинъ и въ Нидерландскую Индію.

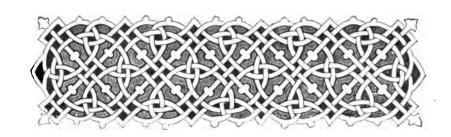
Понятно, почему голландцы, выпуская на свободу прощеннаго въ силу амнистіи Парыгина, особенно и спеціально озаботились тёмъ, чтобы гарантировать себя противъ поселенія этого д'ятеля у нихъ подъ носомъ въ Сингапурт. Для достиженія этой ц'яли голландскія власти предложили соотечественника нашего изъ его тюрьмы въ Самарангъ перевести на голландскій пароходъ, идущій прямо въ Амстердамъ или Роттердамъ на Падангъ (на островъ Суматръ), то-есть не заходящій въ Сингапуръ. Изъ Голландіи Парагина имълось въ виду отправить въ Россію, гдт бы съ нимъ распорядились далте и согласно обстоятельствамъ.

Комбинація эта, впосл'єдствіи и осуществившаяся, им'єда, кром'є своей практичности, еще и двоякое преимущество, —она въ одинаковой степени удовлетворяда об'є непосредственно заинтересованныя стороны: голландцевъ, которые такимъ образомъ получали фактическое обезпеченіе въ томъ, что «Париганъ» на в'єки покончилъ свою роль въ Индіи, и самого героя нашего. Парыгинъ д'єйствительно неустанно и упорно вс'ємъ и каждому твердилъ, писалъ и повторялъ одно: я русскій подданный, въ Россіи я вины никакой за собою не знаю и ничего никогда не совершилъ тамъ преступнаго или предосудительнаго. Пусть меня освободятъ изъ голландскаго пл'єна и препроводятъ на родину, въ Россію.

Послѣ продолжительныхъ переговоровъ, которые на нѣсколько мѣсяцевъ еще задержали Парыгина въ Йндіи, пока не достигнуто было соглашеніе по вопросу, какимъ путемъ и образомъ его отправить въ Европу, амнистированнаго героя нашего, въ 1899 году, наконецъ окончательно выпустили на свободу. Его на голландскомъ пароходѣ доставили въ Портъ-Саидъ, а отгуда препроводили въ Россію уже на русскомъ пароходѣ.

М. Бакунинъ.

АРЕСТЪ И ССЫЛКА В. Н. КАРАЗИНА.

Ъ НОЧЬ съ 16 на 17 октября 1820 г. въ казармахъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка вспыхнулъ бунтъ, вызванный неблагоразумнымъ и неосторожнымъ обращеніемъ съ нижними чинами полкового командира, полковника Шварца. Безпорядокъ былъ быстро усмиренъ, и 18 числа весь Семеновскій полкъ сидёлъ уже въ равелинахъ Петропавловской кръпости, а 2 ноября полкъ былъ раскассированъ, и виновные преданы суду.

Разбирать, кто изъ семеновцевъ былъ виновенъ и въ чемъ, — не входитъ въ предълы нашей замътки. Мы знаемъ только, что въ числъ виновныхъ пострадалъ и одинъ невинный. Невинный этотъ былъ основатель Харьковскаго университета В. Н. Каразинъ, котораго злая судьба привела въ Петербургъ какъ разъ въ роковые октябрьскіе дни.

«Во время несчастнаго происшествія въ Семеновскомъ полку, — разсказываль впослъдствіи объ этомъ дълъ графъ Кочубей въ письмъ къ Дибичу, — подкинуть былъ на дворъ Преображенскихъ казармъ (что у Таврическаго сада) пасквиль самый злостный, коимъ полкъ Преображенскій вызываемъ былъ возстать на защиту и освобожденіе сослуживцевъ своихъ и пр.» 1). Пасквиль этотъ былъ дъйствительно самаго непозволительнаго свойства. Онъ оканчивался призывомъ къ возстанію: «спѣшите слъдовать сему плану, и я къ вамъ явлюсь по зачатіи сихъ дъйствій». Подпись на прокламаціи гласила: «любитель отечества и сострадатель несчастныхъ. Единоземецъ».

¹⁾ Шильдеръ. Имп. Александръ I, т. IV, прил. X.

Кто былъ авторъ прокламаціи, повидимому, такъ и не удалось выяснить опредъленно. Подозръніе, однако, явилось и пало на Каразина. И почеркъ, и слогъ Каразина были хорошо извъстны и самому императору, и его ближайшимъ сотрудникамъ. Къ тому же въ последнее время Каразинъ постарался напомнить о себе правящимъ кругамъ и письмами, и проектами, и наконецъ личными бесъдами. Къ несчастью В. Н., почеркъ прокламаціи, прямой и ровный, совершенно совпаль съ его почеркомъ, а фразы и отдъльныя выраженія были его фразами. Къ тому же основатель Харьковскаго университета давно быль извъстенъ и государю, и министрамъ, какъ человъкъ безпокойный, постоянно сующійся не въ свое дъло. «Давно уже обратившійся изъ маркиза Позы въ докучливаго и непрошеннаго сочинителя разныхъ записокъ», Каразинъ надовлъ всвиъ, но и до сихъ поръ не былъ въ состояніи понять своей настоящей, довольно таки жалкой роли. Не далее какъ три года тому назадъ В. Н. навлекъ на себя серіозное неудовольствіе императора, подавъ ему какой-то проекть во время посвщенія имъ Харьковскаго университета, «ибо,-говорить очевидець этой сцены Данилевскій, — его величество не любилъ, чтобы ему лично представляли бумаги, которыя надлежали итти законнымъ порядкомъ, принятымъ во всёхъ благоустроенныхъ государствахъ» 1), а чего не любилъ государь, того, конечно, не любили и министры. Однако, несмотря на явное неблаговоленіе, В. Н. и на сей разъ явился въ Петербургъ съ цълой кучей проектовъ и записокъ. Изъ описи бумагь Каразина, хранящейся въ дълахъ военно-ученаго архива главнаго штаба, видно, что въ числе такихъ проектовъ, напримеръ, быль проекть объ основаніи «общества добрыхь пом'ящиковь, друзей отчизны»; затъмъ «записка въ разсуждении общественнаго просвъщенія», записка о злоупотребленіяхъ въ продажь людей, записка, или, какъ она названа въ офиціальной бумагь, «мечтанія» о какомъ-то новомъ образъ провинціальнаго правленія; рядомъ съ этими «мечтаніями» шла «записка о необходимости монархическаго правленія» и письмо неизв'єстнаго о винныхъ промыслахъ въ Б'єлоруссіи. На свои проекты В. Н. не смотрълъ, какъ на упражненія, такъ сказать, академическаго характера, а старался провести ихъ въ жизнь путемъ воздъйствія на сильныхъ міра сего, при помощи письменных сношеній и устных собеседованій. Изъ того же списка бумагь Каразина мы видимъ, что онъ писалъ какое-то письмо къ самому государю для Пукалова, какъ извъстно, имъвшаго сильное вліяніе на всемогущаго уже въ то время графа Алексія Андреевича Аракчеева; съ княземъ Вяземскимъ и графомъ Шуваловымъ Каразинъ состояль въ перепискъ; у петербургскаго военнаго губернатора Милорадовича бываль въ домъ, а съ Кочубеемъ

Digitized by Google

¹⁾ Шильдеръ, IV, стр. 76.

былъ, повидимому, очень близко знакомъ; въ этомъ насъ убъждаетъ найденный у Каразина рядъ писемъ къ Кочубею о разныхъ государственныхъ предметахъ и какія-то тетради, повидимому, имѣвшія связь съ содержаніемъ писемъ. Нашлись у Каразина и другія «записки весьма важныя», но каково было ихъ содержаніе —не знаемъ, ибо реестра имъ въ свое время сдѣлано не было.

Каково же было направленіе всёхъ этихъ писемъ, записокъ и проектовъ? Полагать надо, чего нибудь очень либеральнаго, потрясающаго, такъ сказать, основы, въ нихъ не было, да и быть не могло. На основателё Харьковскаго университета успёлъ уже въ достаточной мёрё отразиться и пятидесятилётній возрасть и общій духъ времени. Общественная жилка попрежнему продолжаетъ въ немъ биться, но направленіе его идей уже не то, что 20 — 15 лётъ тому назадъ. Въ одномъ изъ писемъ къ Кочубею онъ «жалуется на вольность напихъ стихотворцевъ», а въ другомъ придаетъ важное значеніе пустой и безграмотной бумажонкё, которую и препровождаеть въ строгой тайнё на разсмотрёніе министра, какъ видимое доказательство безпечности правительственныхъ чиновниковъ къ интересамъ правительства. Въ одномъ изъ петербургскихъ домовъ Каразину дали на прочтеніе стихи такого содержанія:

Ну, ребята, чуръ дружнее
За товарищей стоять:
Съ здымъ начальствомъ жить тошнее
Оть него, чемъ почивать.
Полно, полно! ужъ доболь
Намъ на сихъ тварей смотреть?
Лучше быть солдатомъ въ поле,
Чемъ ихъ глупости терпеть.
Намъ къ терпенью ль пріучаться,
Стужу, голодъ преносить?
Но съ друзьями лишь разстаться...
Ахъ! что жъ делать, какъ же быть?

Попались эти стихи Каразину, нѣсколько дней спустя послѣ 17 октября, а авторомъ ихъ, какъ ему сказали, былъ какой-то полковникъ. Этого было достаточно, чтобы В. Н. придалъ безграмотной бумажкъ нарочито важное значеніе. Препровождая ее къ Кочубею, онъ пишетъ: «Испытайте, сіятельнѣйшій графъ! нарочно помолчать о сей бумагѣ, не давая о ней приказанія чиновнику особенной вашей канцеляріи, чтобы увидѣть, сколь скоро будетъ донесено о ней офиціально, и удостовѣриться, что правительство позже всѣхъ обыкновенно извѣщается о подобныхъ вещахъ». Бумажка, которой придалъ такое важное значеніе Каразинъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась вздоромъ. По разслѣдованію, произведенному Кочубеемъ, оказалось, что возмутительные стихи шли совсѣмъ не оттуда, откуда ихъ предполагали; въ академіи художествъ былъ «une espèce d'insurrection d'écoliers», вызванный излишней

экономіей начальства въ отношеніи ученическаго стола; нѣсколькихъ учениковъ исключили, и вотъ кто-то изъ оставшихся или исключенныхъ безграмотными стихами побуждалъ будущихъ художниковъ «дружнѣе за товарищей стоять», хотя бы съ рискомъ попасть подъ красную шапку 1).

Въ то время, когда семеновцы бунтовали, а Каразинъ знакомилъ министровъ съ своими проектами, императоръ Александръ совъщался въ Троппау съ хитроумнымъ Меттернихомъ о средствахъ обузданія безпокойнаго духа подданных неаполитанскаго короля. При томъ настроеніи, въ которомъ находился Александръ Павловичь, въ конецъ запуганный призракомъ гидры безначалія, вёсть о семеновскихъ безпорядкахъ не могла не повліять на него мымъ удручающимъ образомъ. Громко выражая передъ посторонними мивніе, что «il n'y a là dedans point de demagogie», государь вь тоже время откровенно признавался Меттернику, что, по его мивнію, семеновская исторія -- двло радикаловъ, устроившихъ бунть для того, чтобы застращать его и принудить вернуться въ Петербургъ. Что таково было мивніе государя, —въ этомъ ивть ничего удивительнаго, ибо таково же было мивніе и лиць, ближе стоящихъ къ войску. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ по поводу семеновской исторіи высказываль митніе, что «зараженіе умовъ есть генеральное», а графъ Аракчеевъ полагаль, что «тутъ дъйствовали съ намъреніемъ», что «сія ихъ работа есть пробная. и должно быть осторожнымъ, дабы еще не случилось чего подобнаго».

Подозрвніе, что семеновская исторія — двло радикаловъ, получило твердое основаніе, когда въ Троппау доставлена была возмутительная прокламація по адресу преображенцевъ. Demagogie двйствительно существовала въ Петербургв, а демагогь, авторъ прокламаціи, —это, конечно, безпокойный Каразинъ: его ввдь почеркъ, его и двло. А если даже и не онъ, что нужды? При «генеральномъ зараженіи умовъ» оставлять такого безпокойнаго человвка на свободв значить подносить факелъ къ пороховому ящику. И участь безпокойнаго человвка была рвшена.

25 ноября, въ Петербургъ прискакалъ изъ Троппау курьеръ съ бумагами къ министрамъ, въ томъ числѣ и къ Кочубею. Вникнувши хорошенько въ то, что ему было писано на счетъ Каразина, Кочубей «не нашелъ никакого мотива, который могъ бы отдалить его арестъ» (aucun motif qui dût éloigner son arrestation).

Аресть обставлень быль большими предосторожностями. «Я,—писаль Кочубей къ государю 26 ноября,—сговорился съ военнымъ губернаторомъ. Боясь не застать Каразина на квартиръ въ течение дня, потому что его довольно часто не бываеть дома, и такимъ

¹⁾ Военно-ученый архивъ главнаго штаба, отд. I, дело № 532.

образомъ доставить ему средства принять прямыя или косвенныя мъры для того, чтобы удалить на сторону или даже уничтожить свои бумаги, мы согласились съ графомъ Милорадовичемъ на томъ, что сегодня вечеромъ, между 4 и 5 часами, онъ будеть приглашенъ къ нему, арестованъ и тотчасъ же отправленъ въ Шлиссельбургъ, между тъмъ какъ въ это же время генералъ Горголій съ полицейскимъ чиновникомъ захватять его бумаги, приложатъ къ нимъ печати и доставятъ ихъ ко мнъ.

«Покончивъ съ этимъ дѣломъ, я не только не обращусь къ лицу, которое ваше величество мнѣ указали въ качествѣ сторонняго свидѣтеля при разсмотрѣніи этихъ бумагъ, но и постараюсь, несмотря на необходимость и слишкомъ большую массу бумагъ, не допускать къ этому никого изъ чиновниковъ. Я предложу графу Милорадовичу вскрыть пакеты вмѣстѣ со мною и сообща сдѣлать обозрѣніе ихъ содержимаго. Надѣюсь, государь, прежде чѣмъ запечатать это письмо, донести вамъ, что Каразина больше здѣсь нѣтъ. Не могло существовать никакого препятствія къ его отсылкѣ въ Шлиссельбургъ, и я надѣюсь, какъ и ваше величество, что для него тамъ болѣе подходящее мѣсто, чѣмъ въ равелинѣ Петербургской крѣпости. (Qu'il y sera plus convenablement, qu'au ravelin de forteresse de Pétersburg)».

Совершилось, какъ по писанному. Въ шесть часовъ вечера Кочубею донесли, что Каразина нътъ уже въ городъ. Съ рапортомъ объ этомъ къ графу явился офицеръ, который провожалъ В. Н. до петербургской заставы.

Быль ли, однако, самъ Кочубей, находившій Шлиссельбургь подходящимъ для Каразина мъстомъ, увъренъ, что авторъ прокламаціи дъйствительно Каразинъ? Врядъ ли? Въ этомъ удостовъряетъ насъ то же письмо къ государю, выдержку изъ котораго мы только что привели. Кочубей писаль, что онъ смотрить на открытие автора пасквиля, какъ на предметь величайшей важности. «Всв средства, -- говоритъ онъ, -- были для этого употреблены, но безполезно. Возможно было только добиться увъренности, безъ сомнънія, довольно важной, что другого экземиляра не существуеть. Ваше величество легко убъдитесь, что розыски по столь важному дълу могли вестись только съ величайшей осторожностью. Нужно было хранить абсолютную тайну относительно существованія такого документа. Малъйшая гласность возбудила бы общее безпокойство, а авторамъ дала бы новодъ радоваться, что документь въ рукахъ правительства, и надъяться, что оно увлечется ложными мърами, въ то время какъ его ролью должно быть видимое безстрастіе; мальйшій слухь объ этой бумагь заставиль бы работать головы полицейскихъ чиновниковъ, которые въ надежде на награду могли бы поднять цёлыя исторіи и отдалить истину отъ правительства. Руководясь этими соображеніями, я просиль военнаго губернатора спрятать эту бумажку какъ можно дальше и никому о ней ни слова. Такъ и сдёлали, а полицейскимъ чиновникамъ сказали только о толкахъ, будго бы ходитъ въ публикъ какая-то бумажка и т. д., и этого одного было достаточно, чтобы дать толчокъ изобрътательности нъкоего флейтиста и полкового писаря. (A cela seul a suffi pour en faire forger un par un fifre et un écrivain de regiment). Я не предвижу, государь, никакой возможности, исключая какого нибудь счастливаго случая, открыть что нибудь болъе точное относительно этого пасквиля. Чего бы я не далъ и не сдълалъ, чтобы этого добиться!» 1).

Тъмъ не менъе дъло о Каразинъ шло надлежащимъ порядкомъ. Его привезли въ Шлиссельбургъ, допросили и заперли въ кръпостъ, гдъ онъ и просидълъ цълыхъ шесть мъсяцевъ. Только весною слъдующаго 1821 г. черезъ графа Аракчеева было объявлено высочайщее повелъне объ освобождени В. Н. и о ссылкъ его въ деревню.

2 іюня Каразинъ съ фельдъегеремъ, поручикомъ Марковичемъ, былъ доставленъ въ Харьковъ. Отъ того же числа до насъ дошли два письма В. Н. Одно изъ нихъ гласило:

«Свётлівішій князь, милостивый государь! Пользуясь симъ случаемъ, віроятно, первымъ и посліднимъ, котя едва-едва въ рукахъ перо держать могу, чтобы увірить вашу світлость въ томъ, что сохраню по гробъ чувствованія къ вамъ душевнаго, глубокаго почтенія и преданности, которыя ваши достоинства въ меня поселили. Простите и порадійте о мні когда нибудь».

Другое письмо, писанное, какъ видно изъ помътки, въ 10 часовъ вечера того же дня, гораздо пространнье. «Сіятельныйшій князь, милостивый государь! Посл'в шестим сячнаго заключенія въ ужасномъ мъсть и тяжкаго пути на почтовыхъ тельгахъ, который не ответствоваль ни летамъ моимъ, ни привычке, я едва живой довезенъ до Харькова и первыя минуты употребляю на то, чтобы принести вашему сіятельству глубочайшую сердечную благодарность за содъйствіе къ облегченію моей участи. Въ чемъ оная будеть теперь состоять, --- я еще не знаю. Все мое существо раздавлено и раздроблено. Имелъ я добрую жену и семерыхъ детей, не знаю, гдв они и когда съ ними увижусь. Имелъ доброе имя, лишили его невозвратно. Имътъ маленькое состояніе, оно, въроятно, должно исчезнуть, ибо мои кредиторы, пользуясь моимъ уничиженіемъ, заставять продать его за безценокъ. Я думаю, что въ несчастные эти шесть мъсяцевъ заемныя письма и закладныя предъявлены, и мив не дадуть никакой пощады. Сжальтесь надъ бъднымъ моимъ имуществомъ, добродушнъйшій князь! Исходатайствуйте мнъ у монарха позволенія написать послёднее письмо въ собствен-

Военно-ученый архивъ главнаго штаба, отд. І, дѣло № 532; Шильдеръ,
 IV, приложеніе ІХ.

ныя руки его императорскаго величества. Я не ропщу на жребій мой, точно такъ, какъ не ропталъ, дышавъ гнилыми парами каземата до 23 апръля, когда въ первый разъ впустили ко мнъ струю свъжаго воздуха, и писалъ извъстный вашему сіятельству оскорбительный допросъ въ полдень при свъчахъ, ибо такъ свътло было мое жилище! Не ропщу, сіятельнъйшій князь, но благословляю и лобызаю руку, поразившую меня. Со всъмъ тъмъ я имъю нужду успокоить мою совъсть, не бывши увъренъ въ дольшемъ продолженіи моей жизни. Я почитаю себя обязаннымъ передъ Богомъ и государемъ представить мой поступокъ съ истинной точки зрънія, дабы испросить не себъ, но несчастному моему семейству, нъкоторую пощаду, нъкоторую помощь.

«PS. Простите безобразію сего письма: оно отвѣчаетъ моему душевному и тѣлесному состоянію».

Каразинъ былъ переданъ въ распоряжение харьковскаго губернатора Муратова, который съ тъмъ же Марковичемъ донесъ Кочубею, что имъ, Муратовымъ, получено высочайшее повелъне «объ опредълении непремъннымъ мъстопребываниемъ Каразину помъстья его и неослабномъ наблюдении, дабы онъ онъ никуда не вывъжалъ, а также объ обращении внимания на людей, съ коими онъ будетъ имъть сношение, и чъмъ самъ будетъ заниматься». 4 ионя, какъ явствуетъ изъ рапорта Муратова, Каразинъ уже былъ доставленъ съ полицейскимъ чиновникомъ въ свой Кручикъ 1),

Опала съ В. Н. была снята только въ следующее царствованіе. Просила объ этомъ жена Каразина, а содействовалъ тотъ же графъ Кочубей. Разъясняя по просьбе Дибича обстоятельства, вызвавшія опалу, Кочубей писалъ: «я съ своей стороны присоединить себе позволю, что не можеть, кажется, быть препятствія удовлетворить просьбе госпожи Каразиной... Заточеніе мужа ея въ деревне можеть быть действительно для семейства его разорительно, между тёмъ какъ полагать можно, что собывшееся съ нимъ и лёта успокоили пылкое его воображеніе».

28 октября 1826 г. послёдовала резолюція касательно дальнёйшей судьбы неисправимаго идеалиста: «Высочайше позволяется ему пребывать и въ Москве, буде желаеть, но съ тёмъ, чтобы воздерживался отъ всякаго сужденія, къ нему не принадлежащаго» ²).

Д. П. Миллеръ.

¹⁾ Военно-ученый архивъ, отд. І, № 532.

²⁾ Шильдеръ, IV, приложение X.

ПОСЛЪДНІЙ СМОТРЪ ИМПЕРАТОРОМЪ НИКОЛАЕМЪ ПАВЛОВИЧЕМЪ ЧЕРНОМОРСКАГО ФЛОТА ВЪ 1852 ГОДУ.

(Изъ разсказа очевидца).

ЕРНОМОРСКІЙ флоть, основанный императрицей Екатериной II, съ теченіемъ времени пріобрѣть нѣсколько своеобразный колорить.

Обиліе греческих колоній на сѣверномъ берегу Чернаго моря повело къ тому, что въ составѣ офицеровъ этого флота преобладалъ греческій элементъ; воспитанники морского кадетскаго корпуса, въ особенности принадлежащіе къ русскимъ дворянскимъ семьямъ, съ неохотой выходили на службу въ Черное море.

Такой составть офицеровъ долженъ былъ отразиться и на дѣятельности нашего черноморскаго флота. Онъ какъ бы окунулся въ спячку, погруженный всецѣло въ мелкіе береговые интересы, мало заботясь о томъ, чтобы находиться на высотѣ возложенной на него задачи—быть стражемъ Россіи на югѣ и постоянной угрозой Константинополю.

Однако, подобный упадокъ нашего флота на Черномъ морѣ продолжался лишь до назначенія главнымъ командиромъ этого флота сначала адмирала Грейга, а потомъ, въ тридцатыхъ годахъ, адмирала Михаила Петровича Лазарева.

Грейгъ и въ особенности Лазаревъ безспорно должны считаться возродителями черноморскаго флота. Находясь во главѣ его въ теченје семнадцати лѣтъ. Михаилъ Петровичъ провелъ черезъ свои

руки не одно поколъніе офицеровъ и матросовъ и подготовилъ изъ нихъ тотъ несравненный матеріалъ, который вполнъ оправдалъ труды Лазарева и на Синопскомъ рейдъ и на бастіонахъ Севасто-польскихъ, гдъ со славою погибъ личный составъ Лазаревскаго, черноморскаго флота!

Адмиралъ Михаилъ Петровичъ сумълъ обставить завидными условіями службу въ Черномъ морѣ и этимъ привлекъ туда цвътъ нашей морской молодежи. Правильнымъ воспитаніемъ и руководствомъ онъ закалиль въ молодыхъ морякахъ тотъ духъ товарищества и чувства долга, которые явились основой будущихъ геройскихъ подвиговъ черноморцевъ.

Отличаясь особымъ умѣніемъ выбирать себѣ помощниковъ, адмирать сгруппироваль около себя лицъ, которыя впослѣдствіи составили гордость русскаго флота.

Лазаревъ не жалътъ ничего, чтобы лучше обставить жизнь нашихъ моряковъ, оторванныхъ отъ своихъ семей и заброшенныхъ въ глушь кавказскихъ береговъ, гдъ большую часть года они должны были нести трудную крейсерскую службу.

Богатъйшая библіотека, роскошнъйшее офицерское собраніе, общій офицерскій столь, были къ услугамъ офицеровъ и служили къ ихъ саморазвитію и сплоченности между собою.

Самъ адмиралъ слъдилъ за каждымъ офицеромъ и пріохачивалъ ихъ къ занятіямъ. Приглашая поочередно офицеровъ къ себъ объдать, онъ знакомился съ ними, слъдилъ за ихъ развитіемъ и волей-не-волей заставлялъ офицеровъ заниматься, чтобы къ слъдующему объду не быть въ неловкомъ положеніи передъ адмираломъ.

Да и служба при Лазаревъ была тяжела. Отстанваться судамъ долго въ Севастополъ не позволялось. Команды пріобрътали большую боевую опытность, постоянно крейсируя у непріятельскихъ кавказскихъ береговъ съ цълью прекратить подвозъ къ горцамъ боевыхъ припасовъ. И при такой-то боевой дъятельности суда черноморскаго флота отличались замъчательной щеголеватостью.

Въ 1852 году, адмиралъ Лазаревъ, скончавшійся въ Вѣнѣ, былъ временно замѣненъ адмираломъ Берхомъ, который, будучи очень преклоннаго возраста, начальствовалъ флотомъ номинально. Начальникомъ черноморскаго флота въ это время былъ знаменитый впослѣдствіи севастопольскій герой вице-адмиралъ Корниловъ.

Въ 1852 году, императоромъ Николаемъ былъ назначенъ очередной смотръ черноморскому флоту. Смотры эти производились государемъ разъ въ семь лътъ и обыкновенно соединялись съ осмотромъ кавалеріи, сосредоточенной на югъ Россіи. Такимъ образомъ смотры флота были въ 1837, въ 1845 годахъ и послъдующій смотръ приходился въ 1852 году.

Съ радостью черноморцы готовились представиться своему обо-

жаемому монарху. Удача или неудача смотра для флота имѣла большое значеніе, какъ въ виду рѣдко выпадавшаго счастья представляться государю, такъ и потому, что при соревнованіи балтійскаго в черноморскаго флотовъ и рѣзкой черты, проводимой между ними въ приказахъ, впечатлѣніе отъ смотра оставалось на прододжительный семилѣтній періодъ.

Незадолго передъ тъмъ черноморскій флотъ обогатился новыт громаднъйшимъ 120-ти-пушечнымъ красавцемъ кораблемъ «Парижъ», на которомъ былъ поднятъ флагъ главнаго командира, адмирала Берха. Это было новъйшее лучшее боевое судно нашего флога на Черномъ моръ, имъвшее уже въ своемъ вооруженіи батарею съ бомбическими орудіями, которыя только что еще вводились въ составъ вооруженія англійскаго флота.

Командиромъ «Парижа» былъ капитанъ 1-го ранга Истоминь впослъдствіи знаменитый начальникъ Малахова кургана, погибшій на немъ 7-го марта 1855 года. Старшимъ офицеромъ былъ лейтенантъ П—нъ.

День прихода императора въ Севастополь изъ Одессы, а такжи и день смотра флота, былъ назначенъ 2-го октября.

Суда своевременно заняли назначенным имъ по диспозиців итста на большомъ рейдъ. Адмиралъ Берхъ поднялъ свой фиать именно на красавцъ «Парижъ», гдъ и ожидалъ прибытія государя въ Севастопольскій рейдъ.

Въ виду отсутствія Корнилова, который находился за гранцей къ адмиралу Берху на время смотра былъ командированъ князель Меншиковымъ его любимецъ, свиты его величества контръ-адмералъ Васильевъ, тоже находившійся на «Парижѣ».

Воть на горизонть показывается пароходь «Владимірь», на которомь шель государь. Въ свить его величества находились: эрпогреногъ австрійскій Максимиліанъ (впосльдствіи несчастный имераторь мексиканскій), принцъ Фридрихъ прусскій (впосльдствіи императорь германскій), князь Орловъ, князь Меншиковъ, бывші въ то время начальникомъ главнаго морского штаба, а флагьы питаномъ государя быль капитанъ 1-го ранга Истоминъ, брать командира «Парижа».

Какъ только показался пітандарть на пароходѣ «Владнирь» то по сигналу съ флагманскаго судна начался императорсый съ лють, и здѣсь-то съ «Парижемъ» приключилась непріятность, во торая заставила командира и старшаго офицера пережить тяжены минуты, и которая могла испортить успѣхъ всего смотра. По недосмотру, для салюта зарядили орудія, находящіяся подъ парадных трапомъ, который отъ первыхъ же выстрѣловъ разбился вребезги, и остатки его были выброшены въ море.

Чтобы понять критическое положение начальства «Парижа», надиватоминть, что парусныя суда были очень высоки, и длина трава

для подъема на верхнюю палубу на много превышала 3 сажени. Къ тому же было объявлено, что императоръ первымъ посътитъ «Парижъ», какъ флагманскій корабль, да, наконецъ, и какъ новое судно черноморскаго флота. Времени до посъщенія императора оставалось какихъ нибудь полчаса.

Было отчего прійти въ смущеніе, и д'виствительно адмиралъ Берхъ пришелъ въ полное отчаяніе.

Но не таковы были ученики Лазарева, чтобы растеряться отъ такой случайности! Напротивъ, у нихъ тотчасъ же закипъла работа, дабы не липиться счастья представиться царю.

Дѣло въ томъ, что, кромѣ параднаго трапа, на каждомъ кораблѣ существовали палубные трапы. Изъ нихъ-то и рѣшено было въ нѣсколько минутъ приготовить трапъ для пріема государя императора.

Между тъмъ, когда на «Парижъ», противъ котораго уже успълъ стать на якорь пароходъ «Владиміръ», закипъла спъщная работа по изготовленію трапа, контръ-адмиралъ Васильевъ поторопился отправить къ князю Меншикову записку, въ которой увъдомиль его о происшествіи на «Парижъ» и о невозможности государю посътить корабль.

Въ то же время Истоминъ, командиръ «Парижа», узнавъ о посылаемой Васильевымъ запискъ, съ своей стороны поторопился предупредить брата своего, флагъ-капитана государя, о томъ, что онъ надъется успъть приготовить трапъ.

Государь вибств со свитою переходить на катеръ. Князь Меншиковъ въ эту минуту докладываеть ему, что «Парижъ» посвтить нельзя, такъ какъ на немъ разбился парадный трапъ, и государю нельзя подняться на судно. Ни слова не ответилъ Меншикову государь.

Тогда флагъ-капитанъ Истоминъ, какъ бы про себя, въ подголоса черезъ плечо сказалъ: «трапъ на «Парижъ» готовъ».

И на это промолчаль императоръ Николай Павлоничъ.

Но когда катеръ отвалилъ, то послъдовало грозное приказаніе на «Парижъ».

Къ этому времени на «Парижъ» матросы успъли кое-какъ смастерить примитивный трапъ.

Катеръ государя присталъ къ борту «Парижа», и командиръ его, Истоминъ, очевидно желая показать годность новаго трапа для подъема по немъ государя, спустился для встрвчи его величества внизъ, тогда какъ по уставу онъ долженъ встрвчать на верхней палубъ.

— Капитанъ, ваше мъсто на верху, — раздается звучный и грозный голосъ Николая Павловича, заставившій Истомина быстро подняться на верхъ.

«нстор. въстн.», марть, 1900 г., т. LXXIX.

На кораблъ чувствовалась приближающаяся гроза—все присмиръло и ждало появленія грознаго царя.

— Орловъ, — слышится внизу, — подымайся впередъ! Если тебя выдержить, то и мы пойдемъ.

И воть десятипудовый князь Орловъ начинаеть подниматься по вновь сфабрикованному трапу, грузно ступая на каждую ступеньку.

За Орловымъ поднялся государь и, принявъ рапорты, не обошелъ, по обыкновенію, выстроившихся офицеровъ и караулъ, а суровый прошелъ на середину палубы и остановился около гротъматты.

Окинувъ опытнымъ взоромъ щеголеватый «Парижъ», въ которомъ все дышало исправностью и лихостью, присущей черноморскому флоту, посмотрълъ государь на стоявшую передъ нимъ тысячную молодецкую команду экипажа, и все это сразу сгладило непріятное впечатлъніе случайно изломаннаго трапа.

— Капитанъ, откуда ты набралъ такихъ молодцовъ?—ласково сказалъ государь, переходя съ грознаго вы на привычное ты.— Здорово, молодцы!

И витестт съ могучимъ радостнымъ «здравія желаемъ» вст на кораблт почувствовали, что гроза миновала, что царь своимъ чуткимъ окомъ достойно оценилъ и «Парижъ» и его команду.

— Покажи мнъ корабль!

Послѣ этого начался подробный осмотръ корабля съ верху до низа. Когда государь сошелъ въ трюмъ, блестяще освъщенный 114 матовыми лампочками и содержавшійся въ такой щеголеватости и чистотѣ, что нельзя было предположить, что этотъ корабль большую часть года несетъ трудную крейсерскую службу, то государь не могъ скрыть своего удовольствія.

Остановившись по срединъ, при чемъ высота трюма позволяла во весь рость стоять, не сгибаясь и не снимая каски, государь обратился къ князю Меншикову:

— Меншиковъ, скажи, пожалуйста, отчего ты мив въ Балтійскомъ морв не показываеть корабли такъ, какъ показалъ мив сегодня Истоминъ—отъ клотика (верхняя точка мачты) до киля?

На это со стороны князя Меншикова последоваль отвёть, что въ Балтійскомъ морё нёть такихъ большихъ судовъ, какъ въ Черномъ.

Поднявшись посл'є осмотра корабля въ гондекъ, государь сталъ у шпиля и потребовалъ барабанщика.

— А ты, старикъ, прячься за меня,—сказалъ онъ адмиралу Берху:—а то собьютъ!—и приказалъ ударить тревогу.

За тревогой последовало учение при орудіяхъ, потомъ парусное ученье и такъ дальше.

Тридцать шесть разъ молодецкая команда получила во время смотра царское «спасибо».

Отбывая съ «Парижа», государь командиру его, Истомину, пожаловалъ Владиміра на шею, а старшему офицеру, лейтенанту П—ну, штабъ-офицерскіе эполеты.

Такъ блестяще кончился для «Парижа» смотръ, начавшійся при такой неблагопріятной обстановкѣ,—смотръ, о которомъ очевидець и теперь, спустя 47 лѣтъ, не можетъ вспомнить безъ умиленія къ тому обаянію, которымъ пользовался императоръ Николай Павловичъ!

А. Заіончковскій.

ВОСЕМЬ ЛЪТЪ НА САХАЛИНЪ 1).

XVII.

Заманчивость безыскусственной природы.— Лівсные жатели Америки.— Гиляки Сахалина.— Чубукъ и Матрёнка.— Добродушный Канка.— Взаимные подарки.— Нечистоплотность гиляковъ.— Ихъ пріемъ и угощеніе.

Ь МОЛОДОСТИ, подъ вліяніемъ чтенія Густава Эмара и Майнъ-Рида, моя воспаленная фантазія часто витала въ дѣвственныхъ лѣсахъ Америки. Удивительныя приключенія, отважная борьба съдикими животными, мужественныя отраженія хитрыхъ враговъ, великодушіе къ плѣннымъ, благородное и честное поведеніе, вѣрность въ своемъ словѣ,—все это представлялось въ крайне заманчивой картинѣ и сильно влекло на Дальній западъ къ краснокожимъ.

— Воть она, настоящая жизнь!—думать я про себя, когда мий было четырнадцать лйть.—Тамъ въ степяхъ и лйсахъ не надо всей этой ложной условности цивилизованнаго міра. Тамъ все правда! Безыскусственная природа никогда не лжетъ. А когда всюду видишь отраженіе чистйшей правды, самъ заражаешься ею и поневолй не лжешь, да и ийтъ надобности. Оттого дикіе народы правдивие цивилизованныхъ европейцевъ. Ийтъ, надо уйхать отсюда...

Эти думы были первымъ побуждениемъ сдълаться морякомъ и уъхать въ Америку. Но когда впослъдствии мнъ пришлось мчаться съ бъщеной быстротой въ роскошномъ пульманскомъ вагонъ по

¹⁾ Прододженіе. См. «Историческій Вістникь», февраль, 1900 г., т. LXXIX, стр. 631.

Скалистымъ горамъ, и я воочію познакомился съ жалкою жизнью последнихъ могиканъ, явилось горькое разочарованіе. Это не тё гордые команчи или корасы Эмара, важные, молчаливые. Большинство мною встречаемыхъ индіанъ были несчастные нищіе, съ угрюмыми лицами, низкорослые, бедно одётые. И даже тё, которые жили въ малозаселенныхъ странахъ, тоже утратили свой воинственный независимый характеръ и мирно занимались звёриною охотою и рыбною ловлею.

Совершенно такое же жалкое впечатлъніе производять и аборигены съвернаго Сахалина—гиляки. Когда я въ первый разъ увидъть группу гиляковъ, идущихъ вслъдъ одинъ другому, съ черными какъ смоль волосами, съ ружьями на плечахъ, съ палками въ рукахъ для самообороны отъ русскихъ собакъ, мнъ сейчасъ же вспомнились остатки лъсныхъ жителей современной съверо-западной части Соединенныхъ Штатовъ, также ходящихъ гуськомъ, такихъ же молчаливыхъ, съ такими же черными, непокрытыми волосами.

Мнѣ очень хотѣлось познакомиться поближе съ гиляками, и это оказалось не такъ трудно. Стоило лишь пригласить ихъ въ гости, угостить хорошенько настоемъ кирпичнаго чая съ хлѣбомъ, оказать имъ ласку и маленькое вниманіе, и они готовы были просидѣть у тебя хоть цѣлый день.

— Ну, вотъ, сказалъ я себъ, твои юношескія желанія исполняются. Теперь ты не мечтою, а самою дъйствительностью живешь среди самой дикой обстановки, которая сдълала бы честь любому роману Эмара. Здъсь есть въ настоящемъ смыслъ и дъвственные лъса, и разбойники, и пограничные бродяги, и охотники на бурыхъ медвъдей, и своеобразныя некультурныя дъти лъсовъ...

Да, все это есть, но нъть никакой поэзіи въ сочетаніи этихъ элементовъ сахалинской жизни. Все это придавлено, пришиблено страшнымъ игомъ каторги и связано цъпями насилія подъ угрозою дамоклова меча мъстныхъ командъ. Здёсь нъть главнаго для поэтической жизни авантюриста— свободы!

Даже тувемные жители—гиляки, когда-то просторно селившіеся по берегамъ рыбныхъ ръкъ, и тъ съ основаніемъ каторги и поселенческихъ колоній принуждены сжаться, уступить насиженныя мъста русскимъ и влачить свое жалкое существованіе, едва перебиваясь въ здѣшнюю долгую виму небольшимъ запасомъ юколы (вяленой рыбы). Теперь съ каждымъ годомъ у нихъ является все болъе и болъе конкурентовъ и въ рыбной ловлъ, и въ охотъ на соболя.

Ближайшіе тымовскіе гиляки скоро полюбили нашу квартиру и приходили къ намъ не только попарно, но и цёлыми семействами. Всёхъ ихъ, какъ здёсь принято, мы называли «друзьями», но не всё они пользовались нашею симпатіею. Какъ нарочно, первые наши знакомые гиляки были не особенно пріятны. Напримёръ,

однимъ изъ первыхъ нашихъ гостей былъ Чубукъ. Этотъ, кажется, никогда неулыбающійся гилякъ, лѣтъ пятидесяти, суровый, молчаливый, никому не былъ симпатиченъ. Можетъ быть, этому способствовала его худая слава, какъ безжалостнаго преслѣдователя сбѣжавшихъ каторжниковъ.

— Онъ много-много убилъ русскихъ! — рекомендовали его старожилы ссыльные.

Его жена, съ русскимъ прозвищемъ Матрёнки, страшная попрошайка и большая любительница тереться по кухнямъ чиновниковъ, тоже не особенно располагала къ себъ.

Есть и среди гиляковъ типъ нищаго-профессіонала. Это хорошо извъстный всъмъ на Сахалинъ съдой, морщинистый, сильно волосатый старикъ Юскунъ. Онъ тоже не замедлилъ къ намъ явиться за подаяніемъ. Обходя русскія селенія обоихъ округовъ, Юскунъ всегда находилъ пріютъ или у поселенцевъ, или на кухнѣ чиновниковъ. Общеніе съ русскими у него отразилось и на костюмъ, спитомъ изъ арестантскаго съраго сукна. Онъ часто фигурируетъ на сахалинскихъ фотографіяхъ, но большой симпатіей, кажется, ни у кого не пользуется.

Очевидно, это были люди, испорченные сосъдствомъ каторги. Но приходили къ намъ и нетронутыя нашею цивилизацією настоящія дъти природы. Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю семейство Канки. Этотъ небогатый гилякъ, покрытый множествомъ морщинъ, въроятно, всегда озабоченный вопросомъ о продовольствій своей семьи, на видъ былъ тоже угрюмый, даже суровый человъкъ; но стоило лишь перекинуться съ нимъ двумя-тремя словами, какъ легко убъждаешься, какое добродушіе кроется подъ этою нъсколько сумрачною наружностью!

Его приходъ всегда возбуждалъ искреннюю радость.

— А, Канка пришель!.. Здорово, другь!.. Ну, что, другь? Ну, какъ, другь?..

Обыкновенно эти громкія восклицанія сопровождались близкимъ засматриваніемъ въ лицо и радостнымъ смёхомъ. Въ отвётъ на шумныя привётствія онъ тоже радостно смёялся, показывая свои здоровые, желтоватые зубы. Поздоровавшись со всёми за руку, Канка доставалъ гостинецъ и торжественно передавалъ его, какъ что-то очень цённое. Смотря по времени года, этотъ обязательный подарокъ чаще всего состоялъ изъ живой или мерзлой рыбы, иногда ягодъ. Но все это въ очень маломъ количестве. Напримёръ, чайная чашка клюквы, десятокъ мелкихъ форелекъ. За это надо было ихъ отдарить хлёбомъ, кирпичнымъ чаемъ, сахаромъ, или старымъ платьемъ.

Всѣ подачки быстро исчезали въ необъятой пазухѣ ихъ короткаго халата. И все въ одномъ мѣстѣ: и чай, и сахаръ, и куски вяленой рыбы, и табакъ, и хлѣбъ. Народъ они крайне неприхотли-

вый. Привыкнувъ питаться полугнилою рыбою и невыносимо вонючимъ нерпичьимъ жиромъ, они находятъ лишнимъ вымывать свою посуду. Я не знаю, есть ли на свътъ еще болъе грязный народъ, чъмъ гиляки. Они не только не очищаютъ своихъ котловъ отъ остатковъ испорченной пищи, не только не стираютъ бълья, но и сами не умываются. Кромъ запаха гнилой рыбы и ворвани, они сильно пропахли дымомъ костровъ. Все это въ сложности даетъ нестерпимую вонь, не позволяющую имъть съ ними близкаго общенія.

Обыкновенно гиляковъ принимаешь въ передней или въ кухнъ, гдъ они безъ всякаго стъсненія располагаются, какъ дома. Не привыкшія кому либо подчиняться, эти дъти лъсовъ свободно разсядутся по скамейкамъ, и прежде всего закуриваютъ маленькія трубки на длинныхъ чубукахъ. А курильщики они отчаянные. Курятъ всъ: и мужчины, и женщины, и даже дъти. Въ ожиданіи угощенія они способны просидъть нъсколько часовъ, не проронивъ ни слова, точь въ точь какъ эмаровскіе индіаны за трубкою мира.

Пришедшему въ гости гиляку непремѣнно надо подать сперва чай съ хлѣбомъ. Нѣсколько утомившись съ дороги, онъ съ жадностью набрасывается на чайникъ и не прежде оставить его, какъ выпивъ кружекъ десять. При этомъ хлѣба онъ мало ѣстъ. Этотъ продуктъ очень удобно унести домой ребятамъ, а потому онъ быстро исчезаетъ за пазухой. Да и все, что можно легко уложить въ халатъ, стянутый ремнемъ, гиляки предпочитаютъ унести въ свою юрту. Но такими кушаньями, какъ кашею или щами, они наѣдаются до отвала.

Гилякамъ отлично извъстно, что русскіе гнушаются ими, какъ крайне нечистоплотнымъ народомъ, и все, къ чему прикоснутся ихъ грязныя руки, будетъ выброшено вонъ; отсюда, въроятно, и развился этотъ обычай уносить съ собой остатки предлагаемой имъ пищи.

XVIII.

Записываніе гиляцкихъ сказокъ.—Сравненіе гиляковъ съ жителями острова Ванкувера.—Ихъ вырожденіе.—Недостатокъ нев'всть.—Религія гиляковъ.—Везусп'ящесть миссіонерской пропов'яди.—Надзиратели изъ гиляковъ.—Ложный стыдъ.

Нѣкоторые изъмоихъ товарищей задались пѣлью: изучить языкъ гиляковъ и записать ихъ легенды и сказки.

За хорошее угощеніе и за подарки гиляки охотно приходили къ намъ на квартиру и сперва продиктовали весь лексиконъ своихъ словъ, а потомъ стали разсказывать свои фантастическія сказанія, или «сказки»—въ своемъ родъ ихъ устная поэзія, передаваемая изъ рода въ родъ.

Въ записывании гиляцкихъ сказаній особенное усердіе проявиль литвинъ П—й. Пробоваль и я писать, но не могъ: мой слухъ тогда еще не возстановился. Приходилось каждое слово переспрашивать по нъскольку разъ, и этимъ я только утомлялъ и себя, и гиляка, постоянно прерывая нить его разсказа.

Записывалась сперва на гиляцкомъ языкъ цъликомъ вся сказка, а потомъ дълался подстрочный переводъ ея. Для провърки все это читалось еще разъ другому гиляку. Такимъ образомъ составилась обширная гиляцкая литература.

Впослъдствии среди моихъ товарищей душею изученія быта гиляковъ и ихъ языка сталъ, уже заявившій себя своими работами по этнографіи, Л. Я. Штернбергъ. Печальный случай заставиль его жить на Сахалинъ въ береговомъ селеніи Віахты, около котораго и до сихъ поръ держится небольшая группа гиляковъ. Г. Штернбергъ скоро заинтересовался своими сосъдями, изучиль ихъ языкъ, обычаи и до того привыкъ къ гиляцкому обществу, что не только не гнушался ночевать въ ихъ юртахъ, но и объдалъ съ ними за однимъ столомъ.

Чёмъ ближе я знакомился съ бытомъ гиляковъ, тёмъ назойливве напрашивалось сравненіе ихъ съ жителями сверо-западнаго берега Америки. Къ этому, ввроятно, побуждало некоторое сходство условій жизни на берегахъ одного и того же Великаго океана. Тё же лёса и горы, та же охота на пушного звёря, та же рыба salmo, одинаково питающая и гиляковъ и жителей Ванкувера. Есть и более существенныя основанія для сравненія ихъ: тё и другіе принадлежатъ къ одной и той же желтой расъ. Когда же мнё случилось прочесть легенды, собранныя миссіонерами на острове Ванкувере, и сравнить ихъ съ продиктованными сказаніями гиляковъ, я былъ пораженъ, какъ много общаго у нихъ въ образе жизни, въ чувствахъ и во взглядахъ на природу.

Записываніе сказокъ гиляковъ главнымъ образомъ происходидо въ моей квартирв. Волей-неволей должны мы были принюхаться къ ихъ ужасному запаху и допустить ихъ въ свои комнаты.

Бывало сидишь за столомъ и пишешь, а кто нибудь изъ пришедшихъ гостей, Плетунъ, Часы или Чурка, не спрашивая позволенія, войдеть въ мою комнату, остановится посреди ея, раздвинеть свои ноги въ мягкихъ нерпичьихъ сапогахъ, заложить объ руки за пазуху, упреть свои глаза въ мою работу и такъ замреть въ этой позъ на часъ и больше. Или усядется напротивъ меня и тоже безмолвно и неподвижно смотрить на мой столъ.

— Что ты за таинственный, молчаливый сфинксъ? — думаешь про себя. — Для меня твои спокойные глаза ничего не выражають. Не хочешь ли ты проникнуть тайну моего писанія? Или ты спишь съ открытыми глазами и отдыхаещь душой и тёломъ?

Но нъть, гилякъ не отдыхаеть, а постепенно умираеть, какъ

умерли уже нъкоторые народы въ съверовосточной Сибири. Признаки вырожденія и теперь замъчаются.

Всего сахалинскихъ гиляковъ насчитываютъ около 2.000 человъкъ, при чемъ, напримъръ, на восточномъ берегу острова, на долю женщинъ приходится только $40^{\circ}/_{\circ}$. Гиляцкая холостежь часто жалуется на недостатокъ невъстъ. Можетъ быть, это происходитъ оттого, что браки обычаями гиляковъ запрещены внутри рода.

Иной разъ придетъ къ намъ гилякъ лётъ двадцати пяти, а на рукахъ у него ребенокъ.

- Это моя мамка (т. е. жена), —съ гордостью заявляеть онъ.
- Сколько же ей літь?
- Однако три года помирай,—пресеріозно отв'вчаеть гилякть. Это значить д'ввочк' три года.

Воть такимъ-то молодымъ ребенкомъ они спѣшать купить себѣ женщину, потому что взрослыя всѣ разобраны.

Дѣвочки продаются чуть ли не съ аукціоннаго торга. Собаки, котлы, копья и другіе предметы гиляцкаго богатства обыкновенно составляють цѣну мамки. Она остается у родителей до тѣхъ поръ, пока купившій ее женихъ не найдеть возможнымъ ввести въ свой домъ.

Гиляки годовъ своихъ не считають, историческія свёдёнія у нихъ слабы, религія мало развита. Они поклоняются силамъ природы, приносять жертвы при началё рыбной ловли или лёсной охоты, но до изображенія бога въ видё деревянныхъ или наменныхъ идоловъ еще не дошли. Наиболёе сильный звёрь на островё—медвёдь— почитается ими, какъ божество. Впрочемъ, это не мёшаеть имъ охотиться на царя сёверныхъ лёсовъ и пользоваться его мясомъ и шкурою.

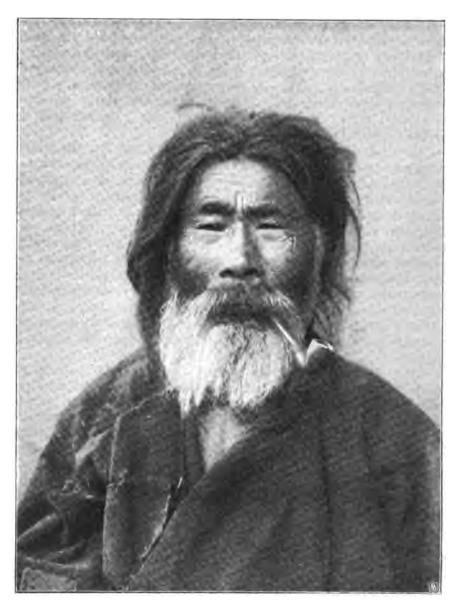
У нихъ есть обычай откармливать пойманнаго медвѣженка, и когда онъ достигнеть солидныхъ размѣровъ, старѣйшій гилякъ при торжественномъ собраніи гостей убиваеть его стрѣлою по извѣстному ритуалу. Затѣмъ начинается пиръ. На этомъ такъ называемомъ медвѣжьемъ праздникѣ почти всегда присутствують и русскіе, или въ качествѣ приглашенныхъ гостей, или просто любопытствующихъ зрителей.

Однажды я вступилъ въ бесёду съ молодымъ гилякомъ, Плетуномъ, относительно ихъ религіи.

— Другь, воть ты говоришь, что медвёдь вашь богь. Какъ же это вы своего бога ёдите? Ужъ если онъ богь, то его слёдовало бы почитать, а не убивать и ёсть.

Плетунъ сначала ничего не сказалъ, оставаясь спокойнымъ сфинксомъ, но чрезъ минуту его бабье лицо съ мясистыми щеками сморщилось, и онъ отвътилъ:

— A вы развъ своего бога не ъдите? Я думалъ, что всякій народъ своего бога ъсть...

Гилякъ нищій Юскунъ.

Я вспомниль про христіанское таинство причащенія и въ свою очередь замолкъ, поражаясь его отвътомъ, потому что онъ не имъль никакого понятія о христіанской религіи.

Вообще сахалинскіе гиляки упорно не принимають христіанства. Нікоторые объясняють это ихъ неразвитостью. Въ этомъ случать они представляють різкій контрасть всёмъ другимъ народамъ на островахъ сіверной части Великаго океана. Наши русскіе и инославные миссіонеры не нарадуются на быстрое распространеніе христіанства на японскихъ, курильскихъ и алеутскихъ островахъ, только на одномъ Сахалинт среди гиляковъ они не имтьють никакого успта.

До нѣкоторой степени это и понятно. Съ одной стороны только тоть народь становится сознательно воспріимчивь къ религіи, который пострадаль, испыталъ тяжкое горе, какъ іудеи въ вавилонскомъ плѣну или русскіе подъ монгольскимъ игомъ, который пожилъ, испробовалъ разныя удовольствія жизни и успѣлъ разочароваться въ нихъ, какъ римляне временъ имперіи, однимъ словомъ народъ, который имѣетъ исторію; а гиляки въ этомъ смыслѣ совсѣмъ младенцы. Съ другой стороны, русскіе въ каторгѣ не могутъ представлять для нихъ ничего привлекательнаго. Съ появленіемъ новыхъ хозяевъ острова уже не стало для гиляковъ прежней свободы въ выборѣ мѣстъ для своихъ юртъ, не стало того изобилія рыбы и звѣря, которое еще помнять старики, но зато появились вредные соблазны водки, соблазны надзирательскаго жалованья и другіе.

Обидно было видъть, какъ эти добродушныя дъти природы, въ родъ толстого Плетуна, увлекались надзирательскою бляхою, револьверомъ, ежемъснчнымъ жалованьемъ и шли на охоту людей. Ловить бродягъ для нихъ не было дъломъ отваги и мужества. Обыкновенно, шляясь по лъсамъ, гиляки натыкались на свъжіе слъды сбъжавшихъ каторжниковъ и старались поймать моментъ, чтобы напасть на нихъ врасплохъ. Но они не подходили близко, а только издали, подъ угрозою выстръловъ, требовали сложить ножи и топоры. Похрабръе бродяги очень часто давали имъ отпоръ, но трусливые покорно подставляли свои руки для веревки.

Вообще, можно сказать, русская каторга внесла немало своего яда въ первобытныя формы жизни этого мирнаго народа.

Изъ надзирателей-туземцевъ собственно одинъ только и быль удачникъ въ ловлѣ людей. Это — хорошо извѣстный на островѣ Васька-Гилякъ. Остальные вели самый праздный образъ жизни, отвыкая отъ своего природнаго дѣла—ловди рыбы.

Не къ чести тоже гиляковъ, у нихъ существуетъ какой-то ложный стыдъ къ наемной работъ. Мнъ понятны стремленія свободнаго духа: не быть зависимымъ отъ другихъ людей, не продавать себя въ рабство. Но когда ъсть нечего, то предпочитаю лучше

наняться во временные работники къ богатому человъку, чъмъ просить у него кусокъ хлъба.

Однажды приходять къ намъ молодые, здоровые гиляки. Пьють, *Бдять, спять у насъ на кухн*в н*всколько дней подърядъ и въ то же время жалуются, что дома у нихъ изсякли запасы юколы.

Мой товарищъ предложилъ имъ легкую работу за деньги: очистить небольшую площадку сада отъ снъга. Гиляки сперва долго не соглашались. Наконецъ, послъ нашихъ усиленныхъ просьбъ, они принялись было сгребать снъгъ, какъ вдругъ оба ръшительно бросаютъ лопаты и уходятъ изъ сада.

- Что же вы не работаете?—спрашиваемъ мы.
- -- Совъстно! Гиляку не хорошо работать, когда русскіе ходять они увидять и смъяться будуть.

XIX.

Одиночное и общее тюремное заключеніе.— Мальчикъ Семенъ Алаевъ.— Сахалинскія діти.— Квартира въ школьномъ домі.— Авартныя игры дівтей.— Учитель Юркевичъ.—Его успіхъ въ занятіяхъ съ дітьми.—Новая школа.

Съ водвореніемъ на частную квартиру до нѣкоторой степени кончились мои заботы о внѣшней обстановкѣ. Послѣ тюрьмы и крестьянская изба покажется и удобнымъ и просторнымъ жилищемъ. На свѣтѣ все относительно. Только послѣ насильственнаго пребыванія въ камерѣ оцѣнишь, какъ пріятно имѣть свой уголъ и держать его въ чистотѣ и порядкѣ; тогда только поймешь, какое удовольствіе избавиться отъ шума толпы и ненужныхъ разговоровъ.

Когда я былъ въ тюрьмъ и еще не зналъ каторги, случилось мнъ поговорить съ товарищемъ по заключенію, только что прибывшимъ изъ Сибири.

- Скажите, спрашиваю его, гдъ лучше или, пожалуй, правильнъе, гдъ хуже: среди непрестанной толпы народа въ каторгъ или, какъ вы теперь находитесь, въ одиночномъ заключеніи?
- Трудный выборъ, отвъчалъ онъ мнъ. Ужъ если нельзя отдълаться, то лучше и то, и другое вперемежку. Тяжело быть въ одиночномъ заключении, но не велика сладость и тюремное общежите. Эта гулливая толпа такъ сильно раздражаетъ, одни и тъ же лица, насильственно связанныя съ вами, такъ скоро приглядываются и надоъдаютъ, что съ радостью идешь въ карцеръ или въ больницу, чтобы только побыть немного въ уединении, сосредоточиться, заглянуть въ свою душу... Впрочемъ, я недавно нахожусь въ настоящемъ заключении и еще не испыталъ, какъ вы, томительныхъ годовъ одиночества. Но теперь, попробовавъ и тотъ и

другой видъ заключенія, я лично все-таки предпочель бы общую камеру тюрьмы одиночной. Не даромъ издревле на Руси и пословица ведется: на людяхъ и смерть красна.

Догадки доктора оправдались. Живя отдёльно внё тюрьмы, я сталъ поправляться здоровьемъ. Мои занятія также были замётно успёшнёе. Между прочимъ, ко мнё стали приходить на квартиру дёти ссыльныхъ учиться пёнію. Одинъ изъ нихъ, Семенъ Алаевъ, худосочный, бёлокурый мальчикъ, лётъ двёнадцати, высматривалъ нёсколько исподлобья, угрюмо, а на вопросы отвёчалъ кратко и пугливо. Зная бёдность его семьи, я пожалёлъ болёзненнаго мальчика и пріютилъ его въ своей комнатё.

Сначала я удёляль ему много времени, занимаясь съ нимъ, кромё пёнія, русскимъ языкомъ, математикою и другими предметами, но повторявшіеся съ нимъ обмороки заставили меня умёрить мои занятія. Къ моему огорченію, и въ немъ были тѣ же зачатки арестантскаго воспитанія, которыми заражено большинство сахалинскихъ дётей. Присутствіе которги накладываеть на нихъ свою ужасную печать. Эти блёдноземлистыя личики уже знакомы со многими пороками: обманъ, ложь, воровство, ругань, разныя виды жестокости для нихъ не новость. Въ подражаніе взрослымъ они также не стёсняются щегольнуть дурными поступками. Въ Рыковскомъ можно было встрётить малышей съ трубками въ зубахъ, играющихъ на деньги и пьющихъ водку. И на это иногда поощряютъ ихъ сами родители.

Хозяева моего дома стали мит жаловаться на Семена. Я не обращалъ на ихъ заявленія никакого вниманія. Нельзя же, думаю, мальчику его літь и не пошалить немного. Но жалобы становились все настойчивне, и не только отъ хозяевъ, но и отъ рабочихъ, прикомандированныхъ ко мит для переписки нотъ. Я и самъ, наконецъ, убідился, что мальчика, привыкшаго быть послушнымъ только подъ страхомъ наказанія розгами, трудно исправлять словесными убіть убіть получить сповесными убіть послушнымъ сталямъ.

Но вмёсто одного судьба дала мнё цёлую кучу сахалинскихъ дётей. Псаломщикъ Өедотъ Масюкевичъ, о которомъ я уже упоминалъ, предложилъ мнё переселиться въ его домъ, занятый здёшнею сельскою школою. Я прельстился такимъ почетнымъ сосёдствомъ и переёхалъ къ нему. Лётомъ, во время каникулъ, въ моемъ распоряжени была большая классная комната, а зимою приходилось тёсниться въ боковой конуркъ.

Волей-неволей я былъ самымъ близкимъ свидътелемъ жизни школьныхъ ребятъ. Рано утромъ, еще задолго до прихода учителя, они наполняли мою комнату веселымъ шумомъ, смъхомъ, пъніемъ. Любопытно разспрашивая обо всемъ, что имъ бросалось въ глаза на моемъ рабочемъ столъ, они вынуждали меня читатъ имъ лекціи.

Моей симпатіей пользовались діти младшаго возраста. Старше 10-12 літь отталкивали своею грубостью и разнузданностью. Воть они-то, бывало, во время классовъ, вдвоемъ-втроемъ отпросятся у учителя выйти на дворъ и туть же на крыльці усядутся играть на деньги. Впрочемъ, они ухищрялись играть и въ классі во время занятій, но непремінно «на интересъ». Эта любовь къ денежнымъ играмъ перешла къ нимъ непосредственно отъ отцевъарестантовъ, вообще страстныхъ любнтелей азартной игры.

Учителемъ этой школы съ самаго ея основанія состоять предпріимчивый энергичный малороссъ, Ст. Гр. Юркевичъ. Шестнадцатилётнимъ мальчикомъ онъ поступилъ въ почтовую контору въ одномъ изъ южныхъ городовъ Россіи. Вскорт за что-то почтмейстеръ разсердился на него и сталъ его публично ругать. Вспыльчивый, горячій юноша страшно разобидёлся и въ запальчивости схватилъ случившійся тутъ же револьверъ почталіона и не прицёливаясь выстрелилъ въ своего начальника. Пуля угодила прямо въ сердце. Мальчикъ ошалёлъ. Сознаніе, что онъ убійца, пугало и мучило его больше, чёмъ последующій судъ, тюрьма и каторга. Юркевича приговорили въ ссылку на очень короткое время, такъ что не успёлъ онъ пріёхать на Сахалинъ, какъ срокъ каторги уже окончился.

— Не убивайтесь, Степанъ Григорьевичъ, —говорили ему ссыльные. —Видно, такъ Богу было угодно прислать къ намъ несчастнымъ учителя.

На первое время Юркевичъ оказался для ссыльныхъ дётей превосходнымъ учителемъ. Безъ всякаго принужденія или инспекціи со стороны, одинъ безъ помощника ¹), почти безъ всякихъ учебныхъ пособій, за самое ничтожное вознагражденіе онъ ужѣло справлялся съ громадной оравой неграмотныхъ дѣтей. Подъ его руководствомъ они удивительно скоро усвоивали грамоту по звуковому методу. Впослѣдствіи я видѣлъ его учениковъ (напримѣръ, Морозова, Фролова, Ловягина, Юдова и другихъ) телеграфными чиновниками, съ благодарностью вспоминающихъ своего учителя.

Вмёстё съ мальчиками Юркевичъ обучаль и дёвочекъ. На одной изъ своихъ ученицъ онъ женился, завелъ свой домъ и полное крестьянское хозяйство. Лётомъ онъ пахалъ, боронилъ, косилъ, жалъ и вообще самъ лично справлялъ всё крестьянскія работы и считался примёрнымъ хозяиномъ.

Такъ онъ проработалъ болъе десяти лътъ. Съ годами населеніе Рыковскаго увеличилось, и вмъстъ съ тъмъ увеличился и наплывъ ребятъ въ школу. Двъ комнаты дома Масюкевича не могли вмъстить ихъ всъхъ, и Юркевичъ съ болью въ сердцъ вынужденъ

¹⁾ Іеромонахъ Ираклій, изъ бурять, предоставиль ему преподавать ребятамъ и Законъ Божій.

CHCTOP. BLCTP. -. MAPTS, 1900 P., T. LXXIX.

быть отказывать наиболбе молодымъ (а приводили даже шестилътнихъ дътей). Наконецъ, тюремное начальство ръшило построить спеціальное большое зданіе для школы, выписать изъ Россіи дипломированнаго учителя, купить учебныя пособія и вообще поставить обученіе ребять насколько возможно лучше. Кромъ постоянныхъ казенныхъ суммъ и частныхъ пожертвованій изъ Россіи для рыковской школы (книги, письменныя принадлежности, одежда, обувь и прочее), начальникъ округа съ своей стороны нашелъ возможнымъ отпускать ежедневно изъ тюремной экономіи чая, хлъба и соленой рыбы на завтракъ учащимся ребятамъ.

И вотъ Степанъ Григорьевичъ принужденъ былъ уступить свое излюбленное мъсто учителя другимъ. Хотя Бутаковъ назначилъ его тюремнымъ надзирателемъ съ высшимъ окладомъ жалованья, но его не удовлетворяла эта новая должность: съ одной стороны, онъ долженъ былъ бросить свое любимое занятіе—сельское хозяйство; съ другой,—надо было подчиняться часто несправедливымъ требованіямъ смотрителей и возиться съ арестантами. Однако, ради своей семьи, онъ потолкался при тюрьмъ еще года четыре, а затъмъ уъхалъ на материкъ, гдъ и работалъ въ качествъ десятника при постройкъ Уссурійской желъзной дороги.

XX.

Убійство регента Геннисаретскаго. — Тихая полоса жизни тюрьмы. — Назначеніе смотрителень отараго знакомаго Л—на. — Мое свиданіе сь нимъ. — Ходатайство за товарищей. — Подтягиваніе каторжныхъ крутыми м'врами. — Образцовый порядокъ в внішняя чистота тюрьмы.

Въ первые годы моего пребыванія въ Рыковской тюрьмѣ царило относительное спокойствіе. Были такія происшествія, какъ убійство какого нибудь поселенца, но они не вызывали сенсаціи въ здѣшней публикѣ, наполовину состоявшей изъ убійцъ. Еще до иѣкоторой степени занимало наше селеніе убійство писаря Геннисаретскаго и то лишь потому, что всѣ жалѣли его, какъ талантливаго регента, страстно увлекавшагося церковнымъ пѣніемъ. У него въ домѣ проживалъ работникомъ его землякъ, молодой столяръ Иванъ. Сосѣди замѣтили, что этотъ молодой парень сошелся съ пожилою женою своего хозяина. Когда, послѣ осенней темной ночи, нашли среди селенія, около казеннаго огорода, назвничь лежащаго Геннисаретскаго съ разбитымъ черепомъ (ударъ былъ нанесенъ толстою жердью изъ засады), подозрѣніе сейчасъ же пало на Ивана. Сяъ́дствіемъ установлено было, что онъ ночью переодѣвался: оты-

скали его рубашку со слѣдами крови; нашлись и нѣкоторые другіе уличающіе его признаки. Къ тому же у Геннисаретскаго всѣ вещи и даже деньги оказались при немъ, слѣдовательно туть нельзя было подозрѣвать убійства съ цѣлью грабежа. Ивана арестовали, но онъ упорно отказывался. Хабаровскій судъ заочно разсмотрѣлъ дѣло и за неимѣніемъ достаточныхъ уликъ оправдалъ его. Какъ только Ивана выпустили изъ тюрьмы, онъ перевелся въ Александровскій округъ и тамъ открыто зажилъ съ женою убитаго Геннисаретскаго.

Я умышленно распространился объ этомъ убійствъ, какъ примъръ безнаказаннаго преступленія. Какая масса убійствъ была совершена въ мое время на Сахалинъ, и какъ мало было раскрыто виновниковъ ихъ! Объясняють это неумълостью и невнимательностью тюремныхъ чиновниковъ при производствъ слъдствія.

Подобныя убійства, обыкновенно случавшіяся внѣ тюрьмы, мало нарушали обычную жизнь рабочихъ. Наказаніе розгами считалось здѣсь тоже неважнымъ происшествіемъ, о которомъ даже не стоитъ и говорить. Да и пороли не очень часто, какъ я упоминалъ уже. Однимъ словомъ, тюрьма находилась въ полосѣ мирнаго теченія. Но это затишье было передъ бурею.

Черезъ мъсяцъ послъ убійства Геннисаретскаго, вдругъ, какъ страшный раскатъ грома, пронеслась ужасная въстъ: въ Рыковскую тюрьму назначался смотрителемъ грозный Л—нъ, тотъ самый, который встръчалъ меня съ товарищами въ Александровкъ. Скоро оправившись отъ раны, онъ снова сталъ воевать въ тюрьмъ съ каторжными и своимъ режимомъ создалъ среди нихъ массу бродягъ (особенно при работахъ на Арковской дорогъ), но въ то же время возбудилъ противъ себя неудовольствіе со стороны чиновниковъ. Они-то и постарались выпроводить его изъ своего округа. Бутаковъ согласился взять его въ Рыковское, надъясь здъсь сдержать его жестокость.

Заволновалась наша тюрьма. Многіе пов'єсили головы отъ ожиданія наказаній и ст'єсненій. Сильно забезпокоились и мои товарищи. Они знали, сколько зла сд'єлаль Л—нъ интеллигентнымъ ссыльнымъ въ Александровскомъ округ'є, сколько тамъ было изъза него скандальныхъ исторій.

Въ воскресенье утромъ, стали собирать каторжныхъ на тюремный дворъ, чтобы представить ихъ предъ грозныя очи новаго смотрителя. Я былъ среди церковнаго хора на спъвкъ, когда мои товарищи принесли мнъ это извъстіе. Они просили меня походатайствовать за нихъ предъ Л—номъ, чтобы онъ разръщилъ имъ не являться на тюремный дворъ и не становиться во фронтъ вмъстъ съ другими каторжными. Пъвчіе тоже просили меня устранить и ихъ отъ свиданія съ Л—нымъ.

Въ этотъ день (19-го ноября) былъ первый сильный моровъ. Я закутался въ шубу, надёлъ валенки и повязалъ поверхъ мёховой шапки башлыкъ. Узнать меня было трудно: торчалъ только одинъ носъ да замерзшая борода.

На дворѣ уже стояла рядами команда. Оба смотрителя въ форменныхъ шубахъ и въ большихъ папахахъ, глубоко надвинутыхъ на глаза и на уши, находились передъ фронтомъ и разговаривали между собою.

Я еще самъ не зналъ, какъ отнесется ко мнѣ Л—нъ и помнить ли онъ меня. Поэтому я подошель сперва къ прежнему смотрителю Ф—ву и демонстративно поздоровался съ нимъ за руку, а потомъ ужъ обратился къ Л—ну и назвалъ его по имени. Онъ былъ крайне пораженъ, кто бы это могъ, кромѣ извѣстныхъ ему чиновныхъ лицъ, поздороваться съ нимъ такъ непринужденно, какъ я себя позволилъ.

— Кто это?--невольно вырвалось у него.

Смотритель Ф-въ назвалъ меня.

- А, это вы! Васъ и узнать нельзя: такъ вы закутались.

Я прямо приступилъ къ дълу и сталъ просить за пъвчихъ, говоря, что если они придуть сюда, то церковная служба останется безъ хора.

— Ну, хорошо, --пусть они молятся!...

Тогда я сказаль о своихъ товарищахъ.

- Пусть и они молятся!-ответиль улыбаясь Л-нъ.

При другихъ обстоятельствахъ, пожалуй, онъ этого и не допустилъ бы, но съ нами волей-неволей онъ долженъ былъ церемониться. Бутаковъ, зная его возмутительное поведеніе относительно ссыльныхъ поляковъ въ Александровкъ, боялся повторенія подобныхъ исторій въ своемъ округъ и до нъкоторой степени выдълилъ насъ изъ-подъ его власти.

- Ну, что? Какъ?—осыпали меня вопросами и товарищи, и пъвчіе при моемъ возращеніи.
 - Одно могу сказать вамъ-молитесь!

И на самомъ дѣлѣ взмолились же всѣ каторжные Рыковской тюрьмы! Давно ея дворъ не оглашался такими ужасными криками и стенаніями, давно не проливалось столько слезъ и крови на кобылѣ, какъ съ появленіемъ этого суроваго дисциплинатора.

— Надо подтянуть каторжныхъ: ужъ очень распустилась эта гадина!—говорилъ онъ въ свое оправданіе.

И правда, онъ могъ похвастаться: когда команда рабочихъ при немъ стояла на раскомандировкъ, муха пролетитъ, — услышипь. Пошли новые порядки въ казармахъ, въ мастерскихъ, на кухнъ, въ конюшнъ. Вся хозяйственная машина иначе заходила и со стороны производила чрезвычайно подкупающее впечатлъние: образдовый порядокъ, экономія, блестящая чистота, строгая дисциплина и тишина.

— Вотъ смотрите, — говорили мит и накоторые поклонники адми-

нистративных в и хозяйственных в способностей Л—на:—какъ сразу измънилась тюрьма! Какое послушание въ рабочихъ! Какия, наконецъ, сооружения!

Мив самому все это нравилось. Но какими ужасными жертвами достигнуто это!

— Въдь каторжные отъ этой внъшности, возражалъ я имъ, не сдълались лучше, нравственнъе, правдивъе, честнъе, добръе. Напротивъ, скрытность, лукавство, тайная злоба, ненависть стали еще интенсивнъе, какъ упругость паровъ подъ увеличеннымъ давленіемъ. Нътъ, господа, проливаемыя слезы и кровь нельзя оцънивать чистотою отхожихъ мъстъ и конюшенъ.

XXI.

Утреннія впечативнія. — Жертвы дисциплины. — Жестокость смотрителя. — Мон препирательства сь нимъ. — Любезность Л—на.—Характерь его бесёдь сь рабочими. — Послабленія подъ конецъ службы.

Зимою, шесть часовъ утра у Л—на было временемъ расправы съ каторжными. А я въ этотъ часъ ежедневно приходилъ къ метеорологической будкъ готовить инструменты къ утреннимъ наблюденіямъ. Несмотря на порядочное разстояніе отъ тюрьмы до моего дома, до меня доносились по свъжему утреннему воздуху не только отчаянные крики наказываемыхъ, но и удары розогъ.

Въ этомъ шествіи во имя изысканій тайнъ природы всегда меня сопровождаль съ фонаремъ въ рукахъ слуга Кржижевской, Максимъ Богдановъ, или просто Максимъ, называемый такъ за свой малый ростъ. Этотъ бородатый карликъ, съ видомъ сказочнаго гнома, давно уже приглядълся къ темнымъ сторонамъ каторги; но и онъ, обыкновенно спокойный и всегда покорный, не утерпитъ, чтобы не излить потоки своего резонерства по поводу жестокости смотрителя. Хотя я молчалъ, но страшно болътъ душою за несчастныхъ, не зная, куда дъваться отъ этихъ первыхъ утреннихъ впечатлъній.

Каждый день обязательно находилось въ кандальной нёсколько человёкъ, назначенныхъ для наказанія. Нёкоторые изъ нихъ пойманы въ куреніи табаку въ непоказанномъ мёстё, иные вечеромъ послё работь позволили себё согрёть чайникъ воды въ камерё (раньше, до Л—на, позволялось пользоваться всёми каминами во всёхъ камерахъ), иные за неисправное исполненіе урока, или какой нибудь сторожъ, застигнутый спящимъ, или рабочій, нёсколько запоздавшій выскочить на раскомандировку. Всё эти жертвы теку-

щаго дня должны были принести свою дань крови для поддержанія дисциплины.

Однажды я сказаль Л-ну:

- Какую массу людей вы перепорете каждое утро!
- Какъ?-побезпокоился Л-нъ.
- Да, въдь, я въ это время иду въ метеорологическую будку и не дойду еще до церкви, какъ уже доносится до моихъ ушей ужасный концертъ плача и криковъ наказываемыхъ...
- Это вамъ такъ показалось, съ дъланнымъ смъхомъ отвътилъ Л—нъ.
- Не только вопли людей, но я ясно слышу по морозному воздуху и свисть розогь...
- Не можеть быть! Это вамъ наговорили, воть вамъ и слышатся въ обычномъ шумъ тюремнаго двора и плачъ, и розги.

Я поражался, съ какою беззаствичивостью онъ всегда отговаривался. Впрочемъ, онъ избавилъ меня отъ дальнъйшихъ нравственныхъ пытокъ слушать стенанія несчастныхъ и наказывалъ ихъ или ранъе шести часовъ утра, или въ спеціально назначенной камеръ, гдъ стояли всегда наготовъ кобыла и кадка съ розгами.

Время отъ времени я все-таки вступалъ съ нимъ въ пререканія относительно наказанія.

- Правда ли это, спрашиваю я его одинъ на одинъ у него на квартиръ, что вы не только понукаете старостъ покръпче на-казывать, но и сами послъ порки бросаетесь на лежащаго въ изнеможении и топчете, и бъете его ногами?
- Ха-ха-ха!.. Какой вы довърчивый! Вамъ эти гадины (любимое слово Л—на по адресу каторжныхъ) чего-чего не наскажуть, а вы готовы имъ върить.

Какъ разъ въ это время приходить начальникъ округа.

— Арсеній Михайловичъ, —встрѣчаеть его Л—нъ, —что я услышаль сейчасъ! Будто бы, не довольствуясь тѣмъ, что человѣкъ наказанъ розгами, еще и самъ я накидываюсь на него и топчу сапогами... Какой вы довѣрчивый! Какой вы довѣрчивый! — опять обращается ко мнѣ.

Бутаковъ не проронилъ ни слова въ отвътъ, хорошо зная, что я не стану говорить напрасно.

На Сахалинъ сложилась поговорка, что Л—нъ не можеть напиться чаю утромъ, не перепоровъ предварительно десятка полтора-два каторжныхъ. На самомъ дълъ эта кровавая возня съ арестантами даромъ ему не обходилась. Не разъ онъ прибъгалъ съ расширенными глазами, съ нервною дрожью въ тълъ, прямо изъ тюрьмы къ завъдующей аптекою, Маріи Антоновнъ, и взволнованнымъ голосомъ просилъ себъ чего нибудь успокоительнаго. Она отпускала ему большія довы хлоралъ-гидрата.

Насколько возможно было, я не переставалъ разубъждать его

противъ системы держать команду рабочихъ въ страхв и трепеть, или въ ежовыхъ рукавицахъ, какъ онъ выражался.

- Воть, вы сами,—говорю ему,—часто сравниваете каторжныхъ Рыковской тюрьмы съ глупыми и смирными овцами. Такъ къ чему же вы употребляете такія крайнія средства, которыя примѣнимы только къ волкамъ? И дѣйствительно, я самъ знаю въ тюрьмѣ такихъ овецъ, которымъ достаточно одного вашего слова, чтобы они исполнили вашу волю, тѣмъ не менѣе и они побывали на кобылѣ. А знаете ли вы, что значитъ для другого подвергнуться наказанію розгами?! Есть люди, чрезвычайно чувствительные къ малѣйшему оскорбленію. Иной готовъ жизнью пожертвовать, чтобы избавиться отъ такого позора, другой же только ожесточится и изъ овцы сдѣлается волкомъ...
- О, вы мало знаете эту публику! Пойдемте, я вамъ сейчасъ покажу субъекта, который готовъ лечь на кобылу за пайку хлъба!
- Слышалъ. Весьма въроятно, есть такіе околоченные, которые за деньги готовы перенести физическую боль. Въдь, дають же бурлаки на Волгъ бить себя по животу полъномъ за одну копейку. Я не ихъ имъю въ виду. Большинство же въ нашей тюрьмъ еще не потеряли стыда и чувствительны къ нравственной боли, и ихъ надо сдълать добрыми и честными колонистами Сахалина, а не ожесточать розгами.
- Могу одно повторить—вы мало знакомы съ каторгою. Вамъ всѣ люди представляются ангелами. Повѣрьте моей опытности, я уже дожиль до сѣдыхъ волосъ и давно имѣю дѣло съ арестантами. Если не сдерживать ихъ крутыми мѣрами, завтра же появятся убійства кражи безъ числа.
 - То и другое есть и теперь.
- Да, но не въ такихъ размѣрахъ, какъ если распустите тюрьму. Мы расходились, оставаясь всегда каждый при своемъ мнѣніи. Однако это не мѣшало ему быть ко мнѣ попрежнему внимательнымъ и удовлетворять мои ходатайства относительно нѣкоторыхъ рабочихъ, т.-е. освобождать ихъ отъ наказанія или назначать на лучшія мѣста.

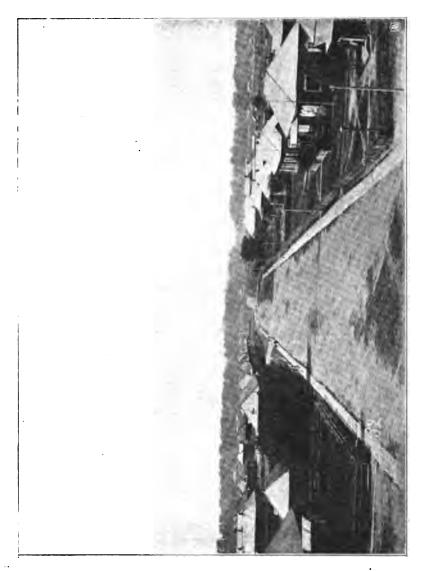
Л—нъ очень любиль, когда я провожаль его во время обхода тюрьмы, мастерскихъ, кухни, конюшни и другихъ мѣстъ. Говорилъ онъ съ рабочими толково, обстоятельно. Я сначала удивлялся, отчего это рабочіе съ такимъ трепетомъ отвѣчаютъ ему. Но потомъ понялъ, что за этою тихостью выглядываетъ все та же страшная розга. Напримѣръ, дѣлается у столяровъ какая нибудь вещь. Смотритель укажетъ, что еще надо придѣлать къ ней, а затѣмъ вдругъ строгимъ голосомъ замѣтитъ:

— Опять острые углы оставляете?! Я вамъ разъ навсегда сказалъ, чтобы острыхъ угловъ не оставлять!..

Столяръ что-то резонно замътить относительно своей вещи.

— Ну, съ тобой мы лучше сговоримся на кобылъ.

Впрочемъ, были у него любимцы изъ рабочихъ, которыхъ онъ никогда не наказывалъ, особенно тъхъ, которые ему дълали экипажи или ходили за его любимыми лошадьми (слабость Л—на).

Тюрьма, лазареть и дома чиновниковъ въ сел. Рыковскомъ.

Подъ конецъ службы на Сахалинъ Л—нъ не такъ ръяно занимался поркою людей: старость ли свое брала, или надовла ему эта во всякомъ случав непріятная возня съ арестантами. Върнъе же онъ почувствоваль, что другимъ духомъ повъяло отъ приказовъ новаго генерала К., который, кстати сказать, не выносилъ Л—на.

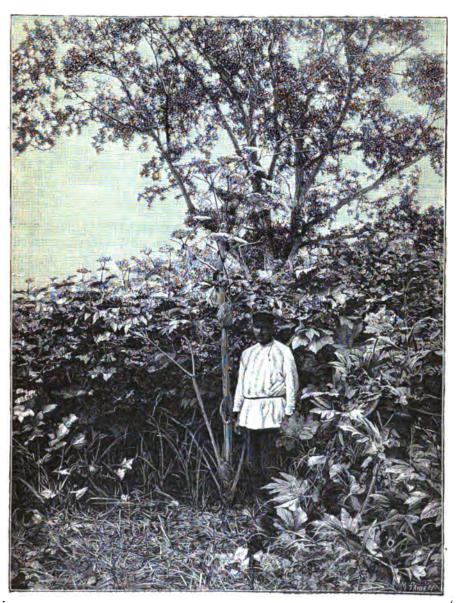
XXII.

Лівтнія работы.—Съемка Тымовской долины.—Спорный вопрось.—Михаиль Семеновичь Мицуль.—Сахалинскіе контрасты.—Температура Тымовской долины.—Влажность.—Проврачность воздуха.—Різдкія наблюденія планеть в водіакальнаго світа.—Разнообразіе климатовь на Сахалинів.

Впродолжение всего моего пребывания на Сахалинъ, каждую зиму я находился въ Рыковскомъ селеніи при своихъ постоянныхъ занятіяхъ въ церкви и на метеорологической станціи, но літомъ тюремная администрація тревожила мое спокойствіе различными порученіями и чаще всего съ вызывомъ въ Александровскій постъ. Надо ли сдёлать съемку населенной мёстности или промёръ морской бухты, обновить ли казенный пароходикъ и сдёлать объёзды кругомъ Сахалина, надо ли составить лоцію Татарскаго пролива, или помочь прівзжему ученому сділать магнитныя и астрономическія наблюденія, привести ли въ порядокъ другую метеорологическую станцію, собрать ли сёмянъ какой нибудь сахалинской пихты для Петербурга,--въ этихъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ обращались ко мнв. За исполнение такого рода поручений я получалъ только одобрительное «спасибо»: эти работы вменялись мне вивсто «каторжныхъ». Темъ не менве я охотно занимался ими, потому что онъ знакомили меня съ островомъ и разнообразили мою жизнь на чужбинв.

Однимъ изъ первыхъ порученій было сдёлать съемку Тымовской долины на пространстве пятидесяти версть, т. е. той области, которая въ то время обхватывала всё разработанныя земли Рыковскаго, Дербинскаго, Воскресенскаго, Палева и другихъ селеній. Просили поторопиться и окончить работы къ августу месяцу, чтобы успъть имъ приготовить планъ къ предстоящей тюремной выставкъ; а у меня, кромъ компаса-брелока, нътъ никакого инструмента. Я потребоваль изъ Александровки мензулу, рейки, цъпь и другія принадлежности для съемки, не зная еще, есть ли все это тамъ у нихъ, а самъ, не откладывая дёла въ долгій ящикъ, пошелъ шагать по полямъ и лугамъ. Руководствуясь однимъ только маленькимъ компасомъ, я своими шагами измърялъ границы разработанных в земель и наносиль ихъ на планъ. Когда такимъ образомъ болве половины работы было сдълано, мнв присылаютъ инструменты. Но въ какомъ ужасномъ виде! Какъ бы то ни было, я окончилъ съемку къ назначенному сроку.

Въ этихъ хожденіяхъ по селеніямъ мнѣ пришлось видѣть много интереснаго. Между прочимъ, я воочію познакомился съ хлѣбопашествомъ Тымовскаго округа, съ этимъ спорнымъ вопросомъ у изслѣдователей Сахалина. Первые посѣвы ячменя, ржи, пшеницы

Сахалинскія травы изъ семейства зонтичныхъ. (Angelophyllum ursinum Rup.).

и картофеля дали удивительные урожаи въ Рыковскомъ селеніи. Въ то время (1881—1883 г.г.) завъдывающій островомъ, онъ же и агрономъ, Михаилъ Семеновичъ Мицуль, замъчательно добрый и трудолюбивый человъкъ, отдавшій колонизаціи острова всъ свои силы и личное состояніе, посмотрълъ на Тымовскую долину, какъ на житницу съвернаго Сахалина. Его взглядъ, какъ просвъщеннаго хозяина острова (онъ написалъ прекрасный очеркъ о Сахалинъ въ 1873 г.), утвердился и въ Петербургъ, особенно послъ посъщенія осенью 1882 г. Рыковскаго селенія начальникомъ главнаго тюремнаго управленія, М. Н. Галкинымъ-Враскимъ. Но впослъдствіи этогь взглядъ все болье и болье терялъ сторонниковъ, и въ началь девятидесятыхъ годовъ поднялись голоса, отрицательно относящіеся къ земледъльческой колоніи съвернаго округа. Какъ разъкъ этому времени появились и первые отчеты двухъ метеорологическихъ станцій Рыковскаго селенія и Корсаковской слободки (около Александровскаго поста).

Сахалинъ-это земля контрастовъ. Они замечаются не только въ жизни населенія, но и въ самой природ'в острова. На параллели (50° 47′ N) Рыковскаго селенія климать Тымовской долины, несмотря на близость моря, имъетъ континентальный характеръ. Лътомъ жары впору Московской губерніи (+ 33°,2 С), а зимою морозы, какъ въ Якутской области (— 48°, 5 С; иногда недъли по двв непрерывно держатся утренніе морозы ниже—40° С). Суточныя колебанія температуры также поразительны. Напримъръ, въ мартъ мъсяцъ, предъ разсвътомъ, морозы ниже-33° С, а среди дня таетъ. Зимою почва промерзаеть въ глубину иногда более сажени, а къ концу іюня такой толстый слой уже успъваеть оттаять, и поверхность голой почвы накаливается свыше + 53° С. По высоть здъсь солнце Кіевской губернін, а изотерма средней годовой температуры (около—1° С) общая съ берегами Бѣлаго моря 1). Подобные рѣзкіе контрасты замъчаютси здъсь и въ другихъ элементахъ погоды. Такъ, напримъръ, весною и въ началъ лъта относительная влажность чрезвычайно мала. Почти ежегодно здёшній священникъ, сопровождаемый встмъ селеніемъ, съ крестнымъ ходомъ идеть на поля служить молебенъ о ниспосланіи дождя, а въ концъ лъта и осенью сильные и частые дожди едва дають крестьянамъ время убрать свой хльбъ. Съ другой стороны, при такой большой влажности замъчательная прозрачность воздуха.

Въ октябръ 1887 г., въ самый полдень солнечнаго дня, я показывалъ ссыльнымъ Рыковской тюрьмы планету Венеру! Ее могли видъть невооруженнымъ глазомъ всъ—и старый и малый, лишь

¹⁾ Подробныя свёдёнія о климатё Тымовской долины можно найти въ «Запискахъ Пріамурскаго отдёла Императорскаго Русскаго географическаго общества», 1896 г., томъ І.

ставъ въ тѣни строенія или проще—заслонивъ полуденное солнце рукою, какъ зонтикомъ. Также невооруженнымъ глазомъ наблюдали въ ноябрѣ 1888 г. другую планету, Меркурія, которую, говорять, такъ и не удалось увидѣть знаменитому Копернику на берегахъ Балтійскаго моря.

По вечерамъ весною и осенью предъ разсвътомъ сахалинцамъ доступно великолъпное зрълище зодіакальнаго свъта.

Лишь только вечерняя заря стянется по горизонту въ узкую полоску, какъ начинаеть выясняться надъ нею свётлый конусъ, нъсколько наклоненный къ югу. Но воть потухнуть послёдніе отблески зари, и бёловатый конусъ все ярче и ярче выдёляется на темномъ фонт неба, достигая своею вершиною до созвёздія Тельца (въ мартт мъсяцт). Это ръдкое зрълище для петербургскаго жителя сначала сдёлало на меня такое сильное впечатлёніе, что я поспъщиль телеграммою обратить вниманіе на него и александровскихъ жителей. Но потомъ мы всё приглядёлись къ зодіакальному свёту, какъ къ зарт и другимъ ежедневнымъ картинамъ неба.

Всёмъ этимъ явленіямъ помогають главнымъ образомъ горы, служа экраномъ для солнечныхълучей и ограждая долину до нёкоторой степени отъ морского вліянія. Напримёръ, берега Сахалина славятся своими густыми морскими туманами, но въ Тымовской долинъ ихъ нътъ. Они только проносятся высоко надъ горами въ видъ сплошного сёраго облака, служа хорошимъ признакомъ ясной погоды, которая и наступаетъ часа черезъ два-три.

Все, что мною сказано о климатѣ Рыковскаго селенія, нельзя отнести къ сахалинской столицѣ, лежащей на той же параллели въ разстояніи меньше 60 версть. Александровскій пость, будучи открыть вліянію сильныхъ морскихъ вѣтровъ и тумановъ, не имѣетъ ни такихъ жаровъ, ни такихъ морозовъ, какъ Тымовская долина. Третій, Корсаковскій, округъ, или южный Сахалинъ, омываемый Японскимъ моремъ, представляетъ еще болѣе мягкій климатъ.

Итакъ на Сахалинъ, растянутомъ по меридіану почти на 900 версть, мы имъемъ большое разнообразіе климатическихъ условій для растительности; поэтому неудивительно на одномъ и томъ же островъ встрътить и дикорастущій виноградъ и бъдную тундру, поросшую мхомъ и жалкими ягодами, въ родъ водяницы.

Въ общемъ климатъ Сахалина не возбуждаетъ похвалъ. Этотъ несчастный островъ какъ бы служитъ мъстомъ свалки не только каторжной публики, этихъ отбросовъ, не подходящихъ къ мъркъ соціальныхъ условій Русской земли, но и всёхъ отслужившихъ элементовъ моря и неба. Съ съвера, когда весною солнце разогръетъ скованную поверхность Охотскаго моря, холоднымъ теченіемъ несутся къ Сахалину тающіе льды, сопровождаемые ръзкими вътрами и сырыми туманами; а съ юга осенніе тайфуны, стремительно пройдя ужасною бурею въ Китайскомъ и Японскомъ моряхъ, разражаются на горахъ острова каторжныхъ проливными дождями.

Въ Европейской Россіи нельзя подыскать такую губернію, которая по климату вполнъ соотвътствовала бы Тымовскому округу. Нельзя съ нимъ сравнивать и берега Бълаго моря только потому, что у нихъ общая средняя годовая температура. Стоить лишь обратиться къ ихъ среднимъ мъсячнымъ и сейчасъ же станетъ ясно. что температуры ихъ сильно расходятся. Въ то время какъ въ январъ на Соловецкихъ островахъ средняя температура — 9°,1 С, въ Рыковскомъ она-23°, 4 С. Тамъ въ іюль + 12°, 8 С, а въ Рыковскомъ + 17°,7 С. Скорбе можно найти нъсколько мъсть, подходящихъ по температуръ въ Сибири и Монголіи, напримъръ, Томскъ, Каинскъ, Тара, Урга и др. Но при этомъ замъчается общее явленіе: если літо и зима Рыковскаго селенія сходны по температурь съ сибирскими городами, то весна всегда холодиве, а осень теплъе. Это можно объяснить тъмъ, что весною мимо острова проносятся льды холоднымъ теченіемъ Охотскаго моря, а осеньюсравнительное тепло удерживается большою влажностью и пасмурнымъ небомъ.

XXIII.

Положеніе начинающих хозяєвъ.—Казенная помощь имъ при М. С. Мигулъ.— Недостатовъ удобныхъ земель.—Упадовъ сельскаго хозяйства.—Жалобы на климать.—Весна Тымовской долины.—Мивнія здішняго населенія.—Дожди и разливы рікь.—Трудность улучшенія здішняго земледілія.

Теперь, когда мы немного знаемъ климатическія условія Рыковскаго селенія, можно сказать и о хлібопашестві здішней колоніп. По этому вопросу, за последнее десятильтіе, цифръ, отчетовъ и разныхъ мивній довольно было написано и офиціально, и неофиціально. Я ограничусь только передачею непосредственнаго впечатленія и голоса здешнихъ настоящихъ земледельцевъ. Я говорю-настоящихъ, потому что можно ли считать земледъльцами толпы насильственно насажденных среди тайги ссыльныхъ, которые и въ Россіи за соху никогда не брались. Начинающій молодой крестьянинъ въ русскихъ деревняхъ продолжаеть дъло, налаженное дъдами и отцами. Онъ наслъдуеть отъ нихъ готовое хозяйство, домъ, скотъ, соху, борону, готовую пашню, а главное-умънье обращаться съ землею. А здъшніе, какъ ихъ окрестили, «робинзоны» съ казеннымъ топоромъ и съ мотыгою въ рукахъ должны все это создать изъ ничего. Понятно, что въ концъ концовъ въ мъстахъ поселенія, какъ, напримъръ, въ Палевъ, являются толиы какого-то страннаго народа: не то бродягь, не то нищихъ, не то разбойниковъ. И, право, въ этомъ не ихъ вина. Покойный

Первый домъ начинающагося поселенія на о. Сахалинь.

М. С. Мицуль отлично понималь, что съ голыми руками нельзя пустить въ тайгу и заправскаго земледъльца, а потому къ первымъ рыковскимъ поселенцамъ онъ былъ удивительно снабжая ихъ всёмъ необходимымъ для хлёбопашества. Вотъ изъ нихъ-то и вышли хорошіе крестьяне, которое и по смерти Мицуля прекрасно вели свои хозяйства. У нѣкоторыхъ изъ нихъ было по десятку и по два головъ скота, а у многихъ по нъскольку десятинъ разработанной земли и общирные покосы. Мало того, что сами круглый годъ ёли свой хлёбъ и кормили скоть, продавали его еще и въ казну. Они съяли рожь, ячмень и пшеницу. Новая земля давала сначала очень хорошіе урожаи. И я еще засталь удивительные сборы картофеля. То быль въ Рыковскомъ золотой періодъ хлебонашества. Нивы росли съ каждымъ годомъ, и скотъ быстро умножался. Тогда сравнительно легче было корчевать землю, потому что рабочія руки были дешевы. Въ восьмидесятыхъ годахъ рыковскіе каторжники пользовались большимъ досугомъ и охотно шли на частные заработки.

Но за этими піонерами, съ увеличеніемъ тюрьмы и съ новымъ наплывомъ народа въ Тымовскій округъ, появился другой рядъ хозяевъ. Преимущественно это были люди со средствами. Нъкоторые изъ нихъ привезли деньги съ собой изъ Россіи, другіе же сумъли скопить ихъ на Сахалинъ, занимая мъста съ жалованьемъ (писаря, слуги и др.) или торгуя дозволенными и недозволенными товарами. Если не сами лично, то наемными людьми они тоже занялись земледьліемъ, какъ прибыльной статьей хозяйства: ячмень всегда имълъ потребителя въ лицъ казны. Вскоръ вся удобная земля долины на десять версть въ объ стороны отъ селенія была расчищена и разработана подъ пашню или покосъ. Негдъ было и скотинъ пастись. Появились жалобы на недостатокъ земли. Тогда вышло распоряжение, чтобы изъ новыхъ поселенцевъ оставались въ Рыковскомъ только тъ, которые въ состояни были купить домъ и землю отъ убзжающихъ крестянъ на материкъ, всёхъже остальныхъ отсылать далъе на съверъ, внизъ по Тыми, или на юго-востокъ, къ бассейну другой ръки Поронай. Воть эти-то бъдняки и представляли изъ себя несчастныхъ робинзоновъ. Но и въ самомъ Рыковскомъ стали появляться признаки упадка хлебнаго хозяйства. Большинство здёшнихъ земледёльцевъ были изъ южнорусскихъ губерній. Они и сюда внесли свои малороссійскія привычки-пахать на волахъ плугами и земли не удабривать. Вследствіе этого, леть черезь десять, земля истощилась, и съ каждымъ годомъ урожам стали все хуже и хуже. Были и мъстные неурожан у тёхъ бёдняковъ, которые за недостаткомъ мёста занимали клочки земли въ невыгодныхъ условіяхъ. Напримъръ, у однихъ въ весеннюю засуху сгорала рожь оттого, что посъяна была на высокихъ мъстахъ, у другихъ обратно: хорошій хльоъ на низкихъ мѣстахъ смывался наводненіемъ отъ августовскихъ дождей. А если случалось еще, что послѣдніе морозы побьють на пригоркѣ всходы піпеницы, или первымъ инеемъ попортится цвѣтъ на хлѣбѣ, то жалобамъ на климатъ и на землю не было конца.

До нъкоторой степени они правы. За мое время случалось, что послъдній морозный утренникъ былъ 10 іюня (въ 1889 г.) и первый

Алексъй Александровичъ фонъ-Фрикенъ. Инспекторъ сельскаго хозяйства на о. Сахалинъ.

осенній иней 21 іюля (въ 1893 г.), но такія случайности могутъ быть и въ средней полосъ Россіи. Обыкновенно же весенніе морозы прекращаются въ концъ мая и начинаются осенніе—въ первыхъ числахъ сентября, такъ что земледълецъ можетъ разсчитывать слишкомъ на три мъсяца непрерывныхъ дней безъ мороза (лътомъ 1890 г. 117 дней подъ рядъ не было мороза).

«ИСТОР. ВЪСТН.», МАРТЬ, 1900 г. т. LXXIX.

14

Для наглядной характеристики весны Тымовской долины, я могу привести нъкоторые примъры изъ своихъ многочисленныхъ тасблюденій, какъ просыпается здъшняя природа.

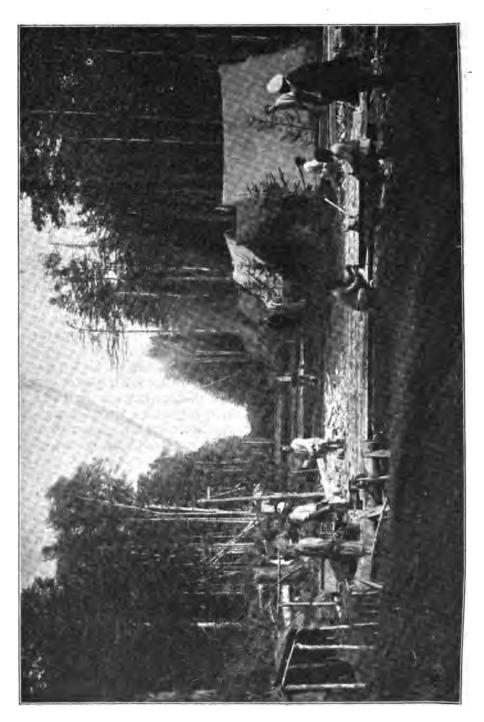
Въ мартъ мъсяцъ снъть лежить еще довольно толстымъ (до 11 вершковъ) слоемъ на землъ, но на высокихъ мъстахъ кое-гдъ показываются проталины. Первымъ подымается изъ берлоги медвёдь (24-го числа), а изъ прилетныхъ гостей въ концъ мъсяца появляются лебеди. Въ началъ апръля прилетають гуси и утки. 11-го числа вамечають жаворонковь и летающихь насекомыхъ. 20-го числа на проталинкахъ покажутся первые желтые цвъты (Adonis amurensis). Дней черезъ пять запорхають бабочки и заквакають лягушки. Въ концъ апръля расцвътаеть голубоватолиловый corydalis ambigua, прозванный здёсь гиляцкимъ картофелемъ. Въ маё быстро развертывается листь на деревьяхъ, и въ половинъ этого мъсяца закукуеть кукушка въ лъсу. Въ двадцатыхъ числахъ цвътеть черемуха, а затемъ-ландыши, одуванчики и въ конце мая-лютики. Въ началъ іюня въ полномъ цвъту сибирская яблоня (Pyrus baccata) и красная смородина; нъсколько позже-глухая крапива и бузина; къ срединъ мъсяца-малина, княженица, мышиный горошекъ, шиповникъ и др. Туть уже лъто во всей силъ. Наступають теплые, тихіе и ясные дни.

Меня удивляло, отчего такъ много жалобъ на здѣшнія условія для хлѣбопашества, и однако каждый поселенецъ, даже самый бѣдный, всегда старается посѣять сколько нибудь ячменю или пшеницы, если не успѣль съ осени вспахать подъ рожь. Я разспрашиваль по этому поводу многихъ мужиковъ изъ разныхъ селеній. Отвѣты получались крайне разнообразные. Одинъ сравниваетъ Сахалинъ со своей Полтавской губерніей, другой—съ Воронежской, и, конечно, всѣ преимущества на родимой сторонѣ. Нѣкоторые отвѣчали уклончиво въ родѣ того:

— За что землю ругать? Кормить, -- ну, и слава Богу!

Въ одномъ изъ бъдныхъ селеній, въ Нижнемъ Армуданъ, проживалъ грамотный старикъ Пензенской губерніи, Яковъ Щегловъ. Онъ жилъ вдвоемъ съ работникомъ въ собственномъ домъ и занимался хлъбопашествомъ. Я любилъ старика за его острый умъ и всегда былъ радъ его приходу. Сказалъ и онъ мнъ свое слово.

— Здёсь жить можно. Первое дёло—только не лёнись! Травы кругомъ много—коси сколько хочешь! Тебё пашню надо? Бери земли, сколько твоей душё угодно. Только не лёнись корчевать! Это не то, что въ нашей губерніи, гдё изъ-за каждаго клочка грызутся. Вёдь, и я сюда попаль за драку изъ-за земли. По совети вамъ скажу, если бы могъ, я и сына перетащилъ бы сюда изъ Россіи. Подумайте, лёсу подъ бокомъ сколько хочешь! Попенныхъ не берутъ, податей никакихъ. И съ хлёбомъ, слава Богу, справляемся. Надо только во-время посёять, да и ведро не проспать

14*

въ жатву. А рыба здёшняя—какое подспорье хозяйству! Себё бочку насолишь, другую—въ казну сдашь. И скотъ здёсь здоровый и хорошо плодится. Какъ можно жаловаться на здёшнюю сторону!

Такія рѣчи я слышаль и оть другихь обстоятельныхь мужнковь, между прочимь, и оть старожила учителя Юркевича, занимавшагося сельскимъ хозяйствомъ.

Все-таки главный бичъ здёшняго хлёбопашества, надо признать дожди во время жатвы. Какъ больно видёть въ поляхъ неубравный хлёбъ съ налившимся зерномъ! Иной разъ онъ такъ и проростеть на корню. Много было бёдствій и отъ наводненій. Августовскіе и сентябрьскіе дожди, разражаясь на сосёднихъ горахъ страшными ливнями, сразу подымають уровень и безъ того быстрыхъ рёкъ. Ихъ стремительнымъ потокомъ ломаются мосты и прибрежныя постройки, а поля и огороды заносятся пескомъ и землем. Особенно разорительны были разливы рёкъ въ 1890 и 1893 г.г.

Я видъть усиленныя попытки со стороны агронома фонторикена сдълать улучшение здъшняго хозяйства, но... одинъ вы полъ не воинъ. Сколько хлопотъ ему было съ одною только выпискою съмянъ! А съмена здъсь непремънно надо мънять почаще. Посъють выписанное изъ Россіи блъдножелтое полное зерно пшеницы, а снимутъ—морщинистое, съроватое, толстокожее и иногда пораженное грибками.

Можетъ быть, надо измѣнить здѣшнюю культуру хлѣбовъ и позаимствоваться у сосѣдей-манзъ Уссурійскаго края, которые сѣють пшеницу на грядахъ; но нашъ русскій мужикъ медленъ на какія либо нововведенія, особенно въ дѣлѣ, освященномъ традиціями десятка вѣковъ. Да и бѣдность мѣшаетъ завести что нибудь не толью новенькое, но и необходимое старое. У многихъ бѣдняковъ, напримѣръ, нѣтъ крытой риги, и хлѣбъ мокнетъ подъ дождемъ и проростаетъ въ снопахъ.

Въ настоящее время сельское хозяйство Сахалина находита въ хорошихъ рукахъ ученаго агронома, А. А. фонъ-Фрикена, отличнаго знатока всѣхъ условій поселенческаго быта. За восемь лѣтъ своего пребыванія на островѣ онъ излазилъ всѣ его горы в долины, и результатомъ этихъ путешествій появляются время отверемени его литературные труды о Сахалинѣ.

XXIV.

Встрвча съ лагеремъ каторжныхъ. — Возвращеніе съ работъ. — Ночлегъ въ дагерв. — Утро въ долинв. — Дорожныя работы; сравненіе ихъ съ рудничными. — Раздёленіе рабочихъ на разряды.

Однажды пробираясь со съемкой полей и луговъ нъ селенію Дербинскому, я натолкнулся на большой лагерь рабочихъ, расположившихся у сооружаемой ими шоссейной дороги. Среди нихъ находился одинъ изъ недавно прибывшихъ интеллигентныхъ ссыльныхъ, Е. И. П., болъзненный на видъ, молодой семинаристь изъ южно-русскихъ губерній. Онъ горячо упрашивалъ меня пожить у него нъсколько дней лагерной жизнью среди природы и помочь имъ сдълать разбивку дальнъйшней дороги. Меня торопили со съемкой, а потому я согласился погостить у нихъ только до завтрашняго вечера.

Дорожныя работы подошли какъ разъ къ тому мъсту, гдъ, кромъ небольшой ръчки (кажется, Каменухи), множество маленькихъ ръченокъ и ручейковъ, переплетаясь между собою, образуютъ обширное болото. Какія усилія ни употребляли надзиратели, дорога не подвигалась впередъ: вода наполняла канавы и размывала глинистую насыпь дороги. Старшій надзиратель, какъ видно, не совству свъдущій въ производствъ дорожныхъ работъ, помчался верхомъ въ Рыковское докладывать начальству, что «вода совству ихъ задавила».

Когда я пришель въ лагерь, рабочіе были на дорогів, и меня встрітиль одинь только мой товарищь П—й. Онъ быль здісь писаремь и занималь шалашь изъ жердей и корья вмістів съ надвирателемь. Пока мы, энергично отмахиваясь отъ назойливыхъ комаровь и мелкой мошки, передавали другь другу посліднія новости, наступиль вечерь и съ нимь—окончаніе работь.

Я вышель изъ шалаша, чтобы видъть возвращающуюся сърую толну каторжныхъ. Это буквально сърая толна: нижнее бълье не отличалось своимъ цвътомъ отъ жилетокъ, штановъ и шанокъ съраго сукна. Даже лица и оголенныя руки и ноги, запачканныя глиною, были тоже съраго цвъта. Большинство вооружены желъзными лонатами. Нъкоторые, не доходя до лагеря, принадали къ ручейку и жадно пили холодную воду. Лагерь быстро наполнился громкими разговорами, перекрикиваніями, звяканьемъ котелковъ. Догоравшіе костры снова запылали огромнымъ пламенемъ. Въ воздухъ запахло дымомъ. Его умышленно увеличивали сырыми вътками деревьевъ, чтобы отогнать отъ шалашей кучи насъкомыхъ. Когда рабочіе усълись на травъ группами человъкъ по десяти вокругъ котловъ, и шумъ голосовъ нъсколько поутихъ, я отправился со своимъ това-

рищемъ опять въ его шалашъ, гдъ комаровъ было все-таки меньше.

Послѣ ужина лагерь сталь затихать. Утомившіеся рабочіе спѣшили расправить свои усталые члены на самодѣльныхъ коечкахъ изъ жердей.

Ночью вернулся изъ Рыковскаго старшій надзиратель. Для отвода воды въ рѣку Тыми ему приказано проложить нѣсколько трубъ поперекъ полотна дороги. По сосѣдству съ нашимъ шалашомъ долго слыпалась бесѣда надзирателей, обсуждавшихъ новое приказаніе. Комары тоже попискивали около ушей и немало смущали мой сонъ. Проворочавшись на постели со стороны на сторону всю ночь, я былъ очень радъ, когда на зарѣ, часа въ четыре утра, послышались первые призывы вставать.

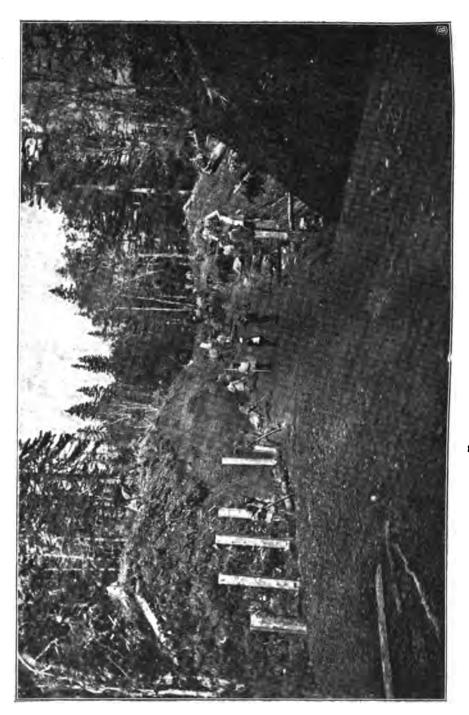
Снова зашумъла каторга. Точно муравъи, стала выползать изъ своихъ шалашей сърая публика и потянулась къ ручейку на краю дагеря. Тамъ передъ его тоненькою струйкою, чистою, какъ хрусталь, была вырыта яма съ аршинъ глубиною, чтобы можно было черпать воду сразу ведрами.

Недолго снаряжались рабочіе. Не усп'ять я напиться чаю со своимъ товарищемъ, какъ уже они опять вооружились жел'єзными лопатами и направились къ м'єсту работь.

При другихъ обстоятельствахъ меня занимали бы картины яснаго утра, и эта бодрящая свѣжесть воздуха, и скромное, но оживленное, пѣніе здѣшнихъ птичекъ, но теперь, стараясь поспѣть за рабочими, я мелькомъ взглянулъ на силуэты темныхъ горъ, изъ-за которыхъ вотъ-вотъ должно выглянуть яркое солнце, не занимали меня и красивыя сочетанія свѣжей зелени тальника, ивы, черемухи и веселыхъ березокъ вперемежку съ небольшими лужайками. Только когда первые лучи, выглянувъ изъ-за сѣдловины горы, скользнули по широкой долинѣ, и какъ бы въ отвѣтъ имъ засверкали милліарды росинокъ на высокой травѣ и на листьяхъ кустовъ, я невольно остановился и, подобно классическому пиеагорейцу, почтительно снять шапку предъ лучезарнымъ царемъ природы.

А вдали при концѣ дороги коношились арестанты. Надзиратели назначали имъ дневные уроки, каждому отмѣривая колышками длину и ширину канавы. Меня поразили большіе размѣры уроковъ, и я не удержался, чтобы тихонько не передать свое внечатлѣніе старшему надзирателю.

— Приказано такъ! — уклончиво отвътиль онъ, пожимая плечами. Безъ звука возраженій арестанты становились голыми ногами въ воду и тотчасъ же покорно принимались за работу. Лопата за допатой тяжелая глина выбрасывалась на полотно дороги. Вода размывала ее и мутными потоками снова стекала въ канавы. Я попробовалъ рукою воду: она была холодна, какъ ледъ. Тучи кома ровъ и черной мошки, мелкой, какъ песокъ, немилосердо жалили и

лицо, и руки, и ноги этихъ подневольныхъ работниковъ. Съ каждымъ взмахомъ лопаты они бъщено отмахивались отъ нихъ локтями и снова наклонялись къ водъ за глиной.

Одновременно подвозилась на дорогу земля изъ сосёднихъ сухихъ луговъ въ тяжелыхъ деревянныхъ тачкахъ. Непріятный скрипъ ихъ былъ вполнъ соответствующею музыкою этимъ труднымъ работамъ.

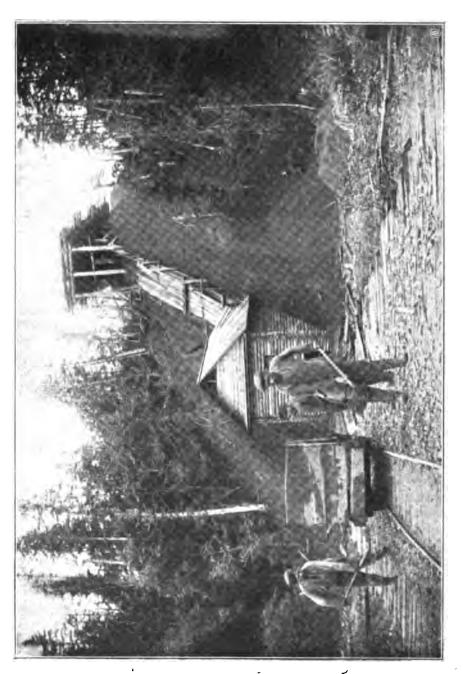
Въ защиту отъ насѣкомыхъ обвязавъ себѣ голову и шею платками, мы съ надзирателемъ обощли вязкое болото и выбрались на
просѣку, заросшую высокою травою. По ней коса еще ни разу не
ходила. Здѣсь мы провѣшали линію дальнѣйшей дороги и разбили
кольями направленіе новыхъ канавъ. Наша работа затянулась на
нѣсколько часовъ. Когда мы возвращались въ лагерь, солнце стояло
уже высоко и сильно жарило рабочихъ. Они испытывали странное
сочетаніе жары и холода. Ноги въ холодной водѣ (глубоко промерзшая зимою почва только что оттаяла), а наклоненная голова,
тяжелая, какъ налитая свинцомъ, пеклась на солнцѣ. Каторжные
дѣлали отчанныя усилія. У всѣхъ лица страшно напряжены, руки
нѣмѣли отъ непрестанныхъ взмаховъ, а у многихъ сдѣлана еще
только половина заданнаго урока.

Старшій объявиль командѣ итти обѣдать. Тачки сразу остановились. Изъ канавъ повылѣзли грязные и мокрые рабочіе. Мы попіли за ними въ лагерь тоже обѣдать.

По дорогѣ я сталъ говорить, какъ тяжелы дорожныя работы для сахалинскихъ ссыльныхъ.

- Что говорить, —замѣтилъ бывалый надзиратель, хорошо знакомый и съ рудниками, —самая тяжелая работа! Ужъ какъ скверно въ угольныхъ копяхъ, все-таки рабочему человѣку тамъ легче, чѣмъ здѣсь. Тамъ и сыро, и темно, и душно въ спертомъ воздухѣ, и ползти-то надо съ тачкой по тѣсному низкому ходу, иной разъ въ аршинъ вышиною, за то онъ успѣетъ кончить свой урокъ къ обѣду, а остальное время: хочешь—отдыхай, хочешь— работай за отдѣльную плату. А здѣсь вотъ и свѣтло, и воздухъ чистый, и пташки поютъ, и работа среди кустовъ и цвѣтовъ, но не веселить все это, когда тебя поджариваютъ и комары, и мошка, и солнце, да и нашъ братъ надзиратель нѣтъ-нѣтъ да и ругнетъ или ожжетъ кулакомъ иного отдыхающаго рабочаго. А съ другого что возьмешь?! Тще-душный, болѣзненный... Въ чемъ только душа держится?!..
- Да въдъ теперь, замъчаю я, всъхъ рабочихъ распредъляютъ по разрядамъ соотвътственно силъ и здоровью 1). Развъ у васъ это не принимается во вниманіе?
- Они раздёлены только на бумаге въ канцеляріяхъ. Работы пропасть, а народу въ тюрьме мало,—намъ и приказываютъ назна-

¹⁾ Напримъръ, меня записали на полъ-урока.

чать всёмъ одинъ урокъ. Ужъ это самъ отъ себя поставищь слабосильнаго на легкій грунть и на болёе узкую канаву, да и то онъ едва справляется съ ней. Самая каторжная работа! Это похуже и тасканія бревенъ зимой. Не даромъ народъ и бёжить съ дороги. Сколько теперь у насъ считается въ бёгахъ!

XXV.

Багреніе рыбы крючкомъ.— Казенная рыбалка.— Уловъ кеты и чистка ен.— Надвиратель у чистильщиковъ.— Засолъ рыбы.— Вяленіе кеты.— Употребленіе икры.— Уменьшеніе рыбы и голодовки у гиляковъ.— Богатотво Сахалина.

Съ этимъ товарищемъ Е. П—имъ пришлось мив еще разъ встрвтиться на другой работв каторжныхъ осенью, во время засолки рыбы.

Когда сахалинская лососина-кэта-начинаеть совершать свой періодическій ходъ изъ моря въ пресныя воды, все жители островагиляки, поселенцы, пріважіе японцы и даже медведи-собираются на берега ръкъ и вылавливають ее различными способами, начиная отъ примитивнаго, употребляемаго медвёдями, простого выхватыванія рыбы лапою и кончая неводомъ. Самый же распространенный здёсь способъ ловить кэту это-багреніе. Для этого дёлають завздку на берегу ръки, т. е. выдающійся надъ водою небольшой деревянный помость на сваяхъ. Рыбакъ усаживается на нее и водить по водё на одномъ и томъ же мёстё очень длиннымъ тонкимъ шестомъ съ желъзнымъ крючкомъ на концъ. Чуть только почувствуеть прикосновеніе рыбы, онъ быстро подсекаеть ее на крючекъ и выбрасываеть на берегь. Чтобы легче справиться съ бойкою и сильною рыбою и сохранить цёлость желёзнаго крючка съ острымъ жаломъ, онъ прикръпляется къ шесту тоненькимъ ремешкомъ, но такъ, что какъ только рыба напорется на крючекъ, онъ соскакиваеть съ шеста и повиснеть на ремешкъ.

При хорошемъ ходъ кэты рыбакъ можеть натаскать такимъ образомъ въ одну ночь до сотни рыбъ. Но вся эта рыба будетъ поранена, и пока она дойдетъ до кадки въ засолъ, окровавленныя мъста успъютъ нъсколько загнить и привлечь мухъ. Очень ръдко можно найти у поселенца соленую рыбу безъ тухлаго запаха.

Неводами ловять кэту наиболье богатые люди. Тюрьма тоже имъеть свои тони на выбранныхъ лучшихъ мъстахъ, гдъ устроены постоянные рыбные сараи. И у нея не всегда удавался засолъ рыбы, хотя и соли не жалъли.

Въ ту осень, когда я посътилъ казенную рыбалку, завъдывалъ ею упомянутый мною товарищъ П—й. Его назначили съ тъмъ

расчетомъ, что если онъ и не засолить хорошо, то, по крайней мъръ, добросовъстно будеть беречь отъ расхищенія казенную соль, которая цънилась здъсь иногда дороже муки.

Я застать рыбалку въ самомъ разгаръ. Народу было очень много. При мнъ закинули неводъ. Одни дълали заъздъ на узкой лодкъ, другіе вошли въ воду и растягивали съть, а мы всъ, стоящіе на берегу, начали сгонять рыбу, кидая въ воду камни. Но не было нужды заботиться о большомъ уловъ: и такъ не могли вытащить съть, въ мотнъ которой билось болъе пятисотъ крупныхърыбъ. Иные экземпляры были полпуда въсомъ. Припертыя къ берегу сильныя рыбы высоко подпрыгивали на пескъ, пока не были убиты колотушками.

Нъсколько поодаль отъ тони стояли длинные столы у самой воды. За ними рядъ рабочихъ съ большими ножами въ рукахъ. Это — чистильщики. Имъ усердно подносили пойманную кэту, а они, схвативъ скользкую рыбу въ одну руку, другой быстро распарывали ей животъ и распластывали во всю длину отъ головы до хвоста. Всъ внутренности вмъстъ съ икрою выбрасывались въ воду.

Около чистильщиковъ лѣниво похаживалъ надзиратель и, смотря не на нихъ, а себъ подъ ноги, въ сотый разъ тянулъ одну и ту же заученную фразу:

— Ребята, чистите чище!..

Въ этомъ состояла вся его обязанность, тогда какъ вокругъ него всё остальные быстро двигались, всё страшно торопились, и рыба за рыбой летёла въ корзины. Воображаю, какъ надоёль чистильщикамъ этотъ голосъ празднаго человёка, который не зналъ, что съ собою дёлать въ продолжение цёлаго дня.

Я подошель къ нимъ. Запахъ отъ гніющихъ остатковъ невыносимый. Увидя меня, надзиратель опять обратился къ своимъ служебнымъ обязанностямъ и заунывнымъ голосомъ затянулъ свою однообразную пъсню:

- Ребята, чистите чище...
- Ну, да! огрызнулся одинъ изъ рабочихъ. Если заниматься ею, то и въ въкъ пе перечистищь! — И быстро скинувъ однимъ взмахомъ ножа икру и внутренности въ воду, раздраженно бросилъ въ ящикъ рыбу, всю окровавленную и совсъмъ грязную.

Въ другомъ мъстъ, въ большомъ сараъ происходилъ засолъ рыбы. Тамъ стоялъ II—й и распоряжался самъ лично укладкой ен въ бочки. Около него засольщикъ въ большихъ кожаныхъ рукавицахъ бралъ очищенную кэту, раскрывалъ ее и, проведя плашмя раза два по соли въ большомъ открытомъ ящикъ, укладывалъ въ высокую нъсколько конусообразную бочку.

У поселенцевъ составилось мнёніе, что если при засоле попадетъ хотя немного воды на рыбу, она загніеть въ бочке. Другіе утверждали обратное: надо хорошенько очистить рыбу отъ крови и внутренностей и даже вымыть водою, а потомъ залить ее крыжимъ разсоломъ. Въ описываемое мною время казна употреблям первый способъ.

Поселенцы, жалъя дорогую соль, солили рыбу для собственнаго употребленія не такъ щедро, какъ казна. Они продержать е нъсколько дней въ бочкъ, а затъмъ развъшивають на жердять в оставляють ее вялитьля на солнцъ. Гиляки тоже пользуются сощемъ и въгромъ для приготовленія своей юколы. Но горе для нить, если во время улова кэты протянется долго дождливая погода, гогда развъшенная по жердямъ рыба раскисаеть и сильно портится.

Мить всегда было жаль видьть, какъ крупную ярко-красную икру кеты выбрасывали въ воду, между тъмъ она въ соленовь видъ представляеть изъ себя очень вкусный продукть. Въ мо время немногіе изъ русскихъ позволяли себъ эту маленькую роскопь—насолить на зиму боченокъ икры. Впрочемъ, бъдныя женщины пекли на продажу изъ икры, смъшанной съ картофелемъ, довольно вкусныя пышки, извъстныя здъсь подъ названіемъ икрани ковъ.

Дълаютъ еще употребленіе изъ икры, какъ наживки на крючовъ для ловли форелей.

Помнится мнѣ такой случай. Приходить къ намъ гилякъ и вълуется на голодъ.

- Юколы нёть, хлёба нёть, чаю нёть...—затянуль давно наль знакомую пёсню.
 - Что же ты не ловишь форельку?
 - Икру всю кутай; лови не на что...

Меня тогда поразила такая безпечность этихъ дикарей. Довольно было бы мёшечка икры одной рыбы, чтобы ловить на нее форель всю зиму, но они и одного мёшечка не сберегли. Теперь голодовки у гиляковъ бываютъ все чаще и чаще, потому что, замёчають старики, съ годами рыбы становится меньше, а рыбають больше. Но я еще засталъ то время, когда цёлую рыбину можно было купить въ Рыковскомъ за одну копейку, и то брали собственно не за рыбу, а за доставку ея въ селеніе.

Какъ много еще ловится рыбы на Сахалинъ, для примъра можно указать на промыселъ владивостокскаго купца Семенова. Ежегодно онъ добываеть 200.000 пудовъ селедочнаго тука, который съ такою охотою покупаютъ японцы для удобренія своихъ полей. Дм одного пуда тука надо употребить шесть пудовъ селедки; слъдовательно, одинъ только промышленникъ Семеновъ вылавливаеть ежегодно не менъе 1.200.000 пудовъ селедки. Но если сосчитать всю сельдь, вылавливаемую у береговъ Сахалина и не пудами, а штуками, то получилось бы поражающее число милліоновъ! И это одна сельдь! А кэта? А горбуша и другіе виды ваіто, не говоря уже о корюшкъ, камбалъ и о массъ пръсноводныхъ рыбъ?!..

Да, Сахалинъ богатъ рыбою. Онъ могъ бы разсылать свои бочки соленой рыбы не въ одив только мъстныя команды. И какъ обидно: природа выработала массу пищевого органическаго продукта, а люди безжалостно превращають его снова во что-то несъбдобное, чтобы смёшать съ землею. Съ другой стороны, множество шатающагося народа на островъ выпрашивають себъ грошеваго заработка, а громадное богатство лежить подъ рукою. Казалось бы, такъ естественно образовать изъ поселенцевъ артели рыбаковъ, помочь имъ пріобръсть необходимую снасть, научить хорошо солить рыбу... Въдь приходять же къ Сахалину ежегодно множество японскихъ судовъ для ловля рыбы, и находять же японцы рыбный промысель прибыльнымъ даже и теперь, когда съ нихъ начали брать нъкоторую пошлину. А наши русскіе колонисты, связанные по рукамъ и ногамъ разными условіями и предписаніями, сидять впроголодь и до сихъ поръ съ нетерпъніемъ выжидають момента, когда имъ можно будетъ выбраться изъ ненавистнаго и страшнаго острова.

И. П. Миролюбовъ.

(Продолжение въ слидующей книжки).

ВОСПОМИНАНІЯ О Н. А. ЛАВРОВСКОМЪ.

«Учитель! передъ именемъ твоимъ Позволь смиренно преклонить колѣни!» Некрасовъ.

ИВЯ ВЪ Хабаровскѣ, я лишь недавно прочиталъ о томъ, что 18 сентября 1899 г. въ с. Кочеткѣ, близъ г. Чугуева, Харьковской губерніи, скончался попечитель Рижскаго учебнаго округа, Николай Алексѣевичъ Лавровскій. Дѣятельность Николая Алексѣевича была слишкомъ многообразна, и она, несомнѣнно, получитъ свою оцѣнку. Я же хочу набросать лишь нѣсколько чертъ покойнаго, какъ

педагога и директора Нѣжинскаго историко-филологическаго института. Мнѣ суждено было съ перваго шага своего студенчества увидѣть одну черту покойнаго, какъ начальника учебнаго заведенія, подготовляющаго педагоговъ для средней школы, потомъ также не разъ приводилось письмами сноситься съ Николаемъ Алексѣевичемъ; наконецъ, я былъ при немъ студентомъ почти два года, видѣть его каждый день, былъ свидѣтелемъ его отношенія къ студентамъ. Надѣюсь, что мои бѣглыя замѣтки не будутъ лишними для біографіи покойнаго директора Нѣжинскаго института, тѣмъ болѣе, что директорство Н. А. Лавровскаго по истинѣ составляетъ самую свѣтлую эпоху въ исторіи этого учрежденія, созданнаго для приготовленія педагоговъ.

T.

Явившись въ началѣ августа 1880 г. въ Нѣжинъ, для поступленія въ число студентовъ историко-филологическаго института князя Безбородка, я не сразу увидѣлъ Николая Алексѣевича. Когда я явился съ своими семинарскими документами въ канцелярію института, меня направили въ квартиру давно умершаго инспектора Н. Я. Аристова, извѣстнаго изслѣдователя царствованія царевны Софіи Алексѣевны. Н. А. Лавровскій еще не возвратился

въ Нъжинъ изъ своего имънія Кочетокъ, гдѣ онъ проводилъ каникулы. Онъ прі-**Тами Только къ 15 авгу**ста. Я увидълъ впервые Н. А. на экзаменъ. Его крупная фигура, съ бритымъ, спокойнымъ лицомъ и ласковыми, уже выцвътающими голубыми глазами. невольно внушала къ себъ уваженіе. Не одинъ разъ потомъ мив приводилось стоять передъ Николаемъ Алексвевичемъ на экзаменв, и всегда онъ являлся передъ экзаменующимися съ неи**змѣнным**ъ вниманиемъ выслушивающимъ рѣчь говорящаго, вдумчивымъ собесъдникомъ, говорящимъ тихимъ, но глубоко убъжденнымъ голосомъ, всегда молодымъ, увлекающимся наукою старцемъ. Помню, впервые и потомъ Н. А. поражаль насъ, студентовъ,

Николай Алексвевичъ Лавровскій.

своею богатою эрудицією: онъ зналъ всё сочиненія, перечисляемыя, на основаніи профессорскихъ лекцій, студентомъ по той или другой наукё. Студентовъ именно и поражало то, что Н. А. всегда добивался отъ студента прочнаго и солиднаго знанія того, что онъ говорилъ: ему мало было—назвать и передать со словъ профессора сочиненіе извёстнаго философа, педагога, ученаго, — онъ выспрашивалъ подробно у студента, знакомъ ли онъ непосредственно съ называемымъ сочиненіемъ.

Необходимо сказать здёсь, что Н. А—чу выпало на долю, собственно говоря, создать профессорскія силы института. И онь обнаружиль при этомъ удивительныя способности собрать вокругь себя семью молодыхъ, еще начинающихъ, но прекрасныхъ профессоровъ, или уже начавшихъ, но потомъ сильно пошедшихъ въ гору. Могу сказать, что при Николаѣ Алексѣевичѣ начали свою ученую дѣятельность извѣстные теперь профессора: Р. Ө. Брандтъ, М. И. Соколовъ, Г. Э. Зенгеръ, покойный Н. Я. Гротъ. Только нѣкоторыя изъ приглашенныхъ имъ лицъ оказались неудачниками, напривъръ, преподаватель педагогики М. И. Л—въ, Н. С. К—въ, П. А. А—въ. Но замѣчательна была откровенность и тактичность Н. А., съ къкою онъ старался исправить свою ошибку: онъ деликатно, во время экзаменовъ и репетицій, направлялъ неудачниковъ на прямой путь

При моемъ поступленіи въ институтъ, наиболѣе опытными профессорами были: А. С. Будиловичъ, Р. А. Фохтъ, эаконоучитель А. Ө. Хойнацкій и П. И. Люперсольскій.

Среди молодыхъ профессоровъ Н. А. съ своею огромною разностороннею эрудицією быль очень кстати: они въ немъ находив прекраснаго руководителя въ своей научно-педагогической дытельности и образецъ, какъ добросовъстно надо относиться къ своимъ профессорскимъ обизанностямъ. Покойный директоръ объ даль даромъ собирать около себя профессоровъ. Какъ теперь, вих всегда чисто прибранную, усыпанную красноватымъ пескомъ большую аллею въ небольшомъ садикъ, полукругомъ разбитомъ передъ зданіемъ института. Каждый день, исключая сильнаго ненасты или нездоровья, съ 4 до 5 часовъ по полудни, по этой аллеъ ходиль дълая моціонъ, Николай Алексвевичъ. Мало-помалу сюда сходь лись профессора и преподаватели института. Завязывался оживленный разговоръ и споры, всегда интересные, всегда мирные. Таковъ быль покойный среди профессоровь. На экзаменъ Николай Ажксвевичь не скрываль своего удовольствія, если какой либо вступающій обнаруживать не ученическія познанія въ той или другой наукъ. Пишущій эти строки прямо можеть засвидътельствовать что своимъ зачисленіемъ въ число студентовъ института обязанъ исключительно благопріятному впечатлівнію, произведенному на покойнаго Николая Алексфевича и А. С. Будиловича своимъ сочинніемъ по русской словесности и устнымъ отвётомъ по русской летературъ. Основательное знакомство съ сочиненіями Ломоносова обратило вниманіе слависта-директора на робкаго семинариста, воторый, имъя въ семинарскомъ свидътельствъ изъ греческаго и затинскаго языковъ пять, едва получилъ на вступительномъ экзаменъ три...

Но опасность мић, какъ чающему попасть въ институть, грозила не со стороны классиковъ, а со стороны институтскаго врача И. Н. С—ловича...

II.

По институтскимъ правиламъ, всё поступающіе въ это учебное заведеніе должны наканунѣ экзаменовъ подвергнуться медицинскому осмотру. Ученіе въ институтѣ и предстоящая педагогическая дѣятельность требують большихъ физическихъ силъ и крѣпкаго здоровья, поэтому всякаго хилаго не принимали въ число студентовъ. Противъ такой разумной мѣры ничего нельзя возразить, потому что, въ самомъ дѣлѣ, какой педагогъ можетъ выйти изъ болѣзненнаго, мрачнаго и раздражительнаго юноши? Но слѣдовало бы въ такомъ случаѣ имѣть болѣе подходящаго врача, а не такого, какъ И. Н. С—чъ.

Среди студентовъ никто не называлъ послъдняго по имени, а всегда выражались о немъ иронически «Эскулапъ». Вотъ этотъ, въ сущности, добродушный и слабый человъкъ, а еще болъе слабый врачъ, едва не погубилъ меня.

Вслъдствіе разныхъ передрягь и усиленнаго подготовленія къ вступительному экзамену, я сильно похудъль; поэтому на медицинскомъ осмотръ показался «Эскулапу» подозрительнымъ. Онъ буквально измучилъ меня своимъ выстукиваніемъ и выслушиваніемъ, потому что осматривалъ меня раза три.

На разспросы его я отвъчалъ, что никакими болъзнями не больнъ; наконецъ, онъ отпустилъ меня со словами: «ходите на экзаменъ, а тамъ посмотримъ!».

Ничего дурного не подозрѣвая, я выдержалъ всѣ экзамены (пять съ письменными).

Числа 20 или 21 августа намъ объявили, что часовъ въ 5 по полудни мы должны явиться въ институть, чтобъ узнать, кто изъ державшихъ экзаменъ принять въ число студентовъ.

Около часа дня я вмѣстѣ съ своимъ сожителемъ Л. И. С—вымъ, тоже державшимъ вступительный экзаменъ, шелъ купаться въ р. Остеръ. Пересѣкая мостикъ, соединяющій институтъ съ большимъ мостомъ черезъ рѣку, мы встрѣтили И. М. Бѣл—ва, наставникаруководителя института.

- Л. П. С—овъ, вологодскій семинаристь, быль землякъ Бѣл—ву. Поздоровались мы съ нимъ.
- Не знаете ли, И—нъ М—чт, какъ мои экзамены?—спрашиваеть у него мой сожитель.

Дёло въ томъ, что Л. П. С—въ держалъ уже вторично вступительный экзаменъ, потому что на первомъ срёзался. Онъ цёлый годъ прожилъ въ Нёжинё и готовился по-латыни и по-гречески.

- Хорошо, приняты, отв'ячалъ И. М. Б-въ.
- -- А я принятъ? -спрашиваю въ свою очередь.

«истор. въстн.», марть, 1900 г., т. LXXIX.

15

- -- Какъ ваша фамилія?
- Говорю.
- По балламъ васъ можно принять, но институтскій врачъ написаль, что по освидѣтельствованіи у васъ оказалась падучая.
 - У меня «падучая»?!

Я пришелъ въ отчаяніе. Л. П. С—въ началъ увёрять И. М. В—ва, что прожилъ со мною болёе двухъ недёль и знаеть мени за вполнё здороваго человёка.

- Что же мив делать?—въ отчании спрашиваю у И. М. Б-ва.
- Вотъ что, идите сейчасъ же въ институтъ и разскажите все Николаю Алекственчу. Я видътъ, онъ собирается на конференцію, гдъ будетъ ръшаться ваша судьба.

Поблагодаривъ И. М. Б—ва за совъть, я забыль о купаніи и бросился въ большой подъёздъ института. Направо въ прихожей находилась квартира Н. А. Лавровскаго, налъво—залъ, гдъ собирались конференціи профессоровъ.

Спѣшно войдя въ прихожую, я столкнулся съ Николаемъ Алексѣевичемъ, шедшимъ по ней съ бумагами.

- Ваше пр—во,—началъ я несмъло,—я сейчасъ узналъ, что г. докторъ написалъ обо мнъ, будто у меня падучая.
- Да, такое заявленіе есть о г. Бранловскомъ,—спокойно отвітиль мив Николай Алексвевичъ.
 - Это я и есть г. Браиловскій.
 - Что же вамъ угодно?
- Я нахожу это заявленіе вздорнымъ, потому что у меня никогда такой бользии не было и не будетъ. Я готовъ созвать консиліумъ изъ всёхъ докторовъ, чтобы доказать, что г. докторъ ошибся.
 - Конечно, ошибки со всякимъ бываютъ.
- Но, ваше пр—во, здѣсь ошибка угрожаеть моей судьбѣ, если я не буду принять въ институть, то что мнѣ дѣлать? Назадъ мнѣ нѣтъ возврата.

И я, перемѣшивая рѣчь со слезами волненія, передаль чистосердечно Николаю Алексѣевичу весь ужасъ моего положенія, потому что изъ-за желанія оставить духовную карьеру я поссорился съ отцомъ, навсегда порваль съ духовной семинаріей, я горѣлъ желаніемъ учиться и набивать свою голову живою наукою, а не мертвою схоластикою!

- Бога ради,—заключиль я,— не върьте вздорному заявленію г. доктора, дайте мив возможность учиться и быть полезнымъ человъкомъ!
- Вы хорошо ли взвѣсили свои силы? заговорилъ душевно тронутый, видимо, моею искренностью Николай Алексѣевичъ. — Вѣдь, трудъ вамъ предстоитъ громадный. У насъ жизнь трудован и скромная. Выдержите ли?
 - --- Именно, такой жизни и ищу я, ваше пр-во. Даю вамъ

честное слово, что за всѣ четыре года ученія г. докторъ ни разу не увидить меня въ лазаретѣ!—воскликнулъ и, въ увлеченіи не допуская мысли о болѣзни.

- Ну, хорошо,—проговорилъ Николай Алексвевичъ,—я сообщу членамъ конференціи о вашемъ заявленіи; но смотрите, чтобы вы не раскаялись потомъ.
- Никогда не раскаюсь, потому что добровольно выбраль институть, и потому сюда прівхаль, что хочу учиться.

Въ 6 часовъ вечера я услышалъ свою фамилію въ числѣ принятыхъ въ институть, и въ тотъ же вечеръ съ радостью поселился вмъстъ съ Л. П. С—вымъ въ институтъ.

III.

Я сдержаль свое слово. Въ теченіе перваго года совсёмь не обращался къ врачу, а въ три послёдніе болёль только лихорадкою. Своимъ стараніемъ, аккуратностью и добросов'єтнымъ исполненіемъ обязанностей студента института я скоро заслужилъ доброе мнёніе у Николая Алекс'евича.

Туть я долженъ сказать объ отношеніяхъ Николая Алексеввича къ студентамъ.

Историко-филологическій институть по своему режиму не походить на университеть.

Конечно, институть во время моего студенчества имълъ свои слабыя стороны, но было въ немъ и много хорошаго, какъ въ учрежденіи, имъющемъ въ виду приготовить изъ студентовъ педагоговъ для гимназій.

Задачъ на институтъ лежало много. Надо было, во-первыхъ, пріучить студентовъ къ самому упорному труду, потому что дъятельность педагога требуетъ неослабнаго труда. Во-вторыхъ, слъдовало
сообщить тъ разнообразныя знанія, какія нообходимо имъть педагогу. Въ-третьихъ, требовалось вдохнуть въ питомцевъ любовь къ
постоянному саморазвитію, любовь къ знанію, потому что педагогу
ни на минуту нельзя останавливаться въ своемъ развитіи. Наконецъ, въ-четвертыхъ, необходимо поддерживать и породить въ питомцахъ безукоризненность поведенія, потому что педагогическая дъятельность, какъ и священство, требуеть извъстнаго высокаго нравственнаго уровня своихъ адептовъ.

Скажу, что Николай Алексвевичъ и его главные помощники— Н. Я. Аристовъ, А. С. Будиловичъ, Н. Я. Гротъ и другіе, во многомъ достигали указанныхъ выше задачъ.

Ничто такъ не воспитываетъ и не учитъ человъка, какъ живой примъръ. Мы, студенты, видъли директора и профессоровъ, даже учителей гимназіи, всегда работающими, всегда занятыми дъломъ.

Digitized by Google

И, мнѣ кажется, лучшимъ доказательствомъ того, что студенты института полюбили знаніе, педагогическую науку и вообще науку, служить длинный «Перечень трудамъ бывшихъ студентовъ института», напечатанный въ XV т. «Извѣстій историко-филологическаго института». Что касается знаній, то въ этомъ случаѣ сошлюсь на мнѣнія гг. директоровъ гимназій, которые всегда находили въ учителяхъ гимназіи, бывшихъ студентахъ института, людей свѣдущихъ. А чего стоило Николаю Алексѣевичу добиться такихъ результатовъ, объ этомъ можемъ сказать только мы, ближайшіе свидѣтели его директорской дѣятельности.

Онъ прежде всего служиль студентамъ примъромъ служебной аккуратности. Ежедневно раза два-три въ различные часы онъ неуклонно обходилъ зданіе института и провърялъ служителей, насколько они держатъ зданіе въ чистотъ. И вся прислуга знала въ лицъ Н—ая А—ча хорошаго хозяина и вела свою линію неуклонно.

Какъ директоръ, онъ всегда былъ доступенъ студенту: никогда студентамъ и въ голову не приходило, что онъ можетъ не застать Николая Алексъевича въ квартиръ.

Какъ человъкъ дъла, покойный не любилъ переписки тамъ, гдъ она являлась бы излишней и безполезной. Позднъе мы, студенты, были свидътелями разныхъ рапортовъ, донесеній директору, который жилъ отъ помъщенія студентовъ въ 10—15 шагахъ!

Чаще всего студентамъ приходилось безпокоить Н—ая А—ча просьбами объ отпускъ на вечеринки къ знакомымъ до 2—3 часовъ ночи. По правиламъ, студенты могли отлучаться изъ стънъ института по праздникамъ только до 11 часовъ ночи.

Николай Алексвевичъ никогда не возбранялъ студентамъ веселиться, хорошо зная потребности молодости, но требовалъ аккуратности въ отношеніи ученія. Всякому студенту, любящему ходить по гостямъ, но уклоняющемуся отъ репетицій, онъ обыкновенно говорилъ:

— Вамъ вредно ходить въ гости: страдаютъ здоровье и занятія. Говорилось это самымъ добродушнымъ, отеческимъ тономъ, и виноватый студентъ уже никогда не заставлялъ вторично повторять себъ подобное наставленіе.

Любилъ Николай Алексъевичъ учить студентовъ примърами изъ ихъ же среды.

Помню студента Жер—ва, большого любителя баловъ, но всегда аккуратно относившагося къ учебнымъ занятіямъ.

Этотъ студенть въ праздники вставалъ очень рано, приготовлялъ къ понедёльнику все, что требовалось; оканчивалъ занятія до 2-хъ часовъ по полудни, а вечеромъ обязательно уходилъ въ гости.

— Вотъ вамъ г. Жер—овъ,—говорилъ обыкновенно Николай Алексъевичъ неаккуратному студенту:—онъ, извольте видъть, дъла

Digitized by Google

не забываеть за гуляньемъ: встанеть рано, окончить свои дѣла и гуляеть. Такого человѣка нельзя не уважать.

Особенно ретиво оберегалъ Николай Алексвевичъ права каждаго студента отъ покушеній нъкоторыхъ студентовъ—эгоистовъ.

Такъ, для курящихъ студентовъ отведены были двѣ комнаты, по концамъ боковыхъ коридоровъ. Но многіе лѣнились ходить туда, несмотря на близость, и предпочитали курить въ занятной камерѣ, пользуясь тѣмъ, что въ камерѣ не курило три-четыре человѣка, остальные же были курящіе.

— Нельзя-съ, извольте видёть, нарушать права и одного товарища, —говорилъ обыкновенно Николай Алексевичъ провинившемуся. —Если бы даже некурящій позволялъ вамъ курить, вы не должны делать этого, потому что въ данномъ случать согласіе будеть вынужденное.

Вообще никто изъ профессорской корпораціи не относился такъ заботливо и съ такимъ уваженіемъ къ правамъ студентовъ, какъ покойный директоръ.

Онъ требовалъ, чтобы занимающимся студентамъ предоставлены были всё средства и удобства для занятій науками. Прекрасная библіотека института всегда была къ услугамъ студентовъ, и въ шкафчикъ каждаго студента можно было найти десятки томовъ всевозможныхъ сочиненій.

Самъ человъкъ науки, Николай Алексъевичъ и всъ профессора своимъ примъромъ внушали студентамъ любовь къ наукъ и жажду знанія. Особенно, помнится мнъ, привлекала многихъ студентовъ комната въ покояхъ графа Безбородка, противъ квартиры директора, гдъ на большомъ столъ были разложены текущія книжки всевозможныхъ русскихъ и иностранныхъ журналовъ.

Пишущій эти строки и другіе не разъ часы просиживали въ этой комнатъ за журналами, стараясь «стать съ въкомъ наравнъ». И никогда Николаю Алексъевичу не приходило въ голову, что студентамъ неприлично читать въ той комнатъ, которан предназначена для профессоровъ, что профессору будетъ обидно сидъть за однимъ столомъ со студентомъ. Тогда, при Николаъ Алексъевичъ, личностъ студента не третировали, какъ неразумнаго школьника. Позднъе настали такія времена, когда на заявленіе студента, что подали плохую порцію, отвъчали: «не нравится вамъ, уходите!» Тогда экономъ былъ важнъе студента. Ничего подобнаго не было и не могло быть во времена директорства Н. А. Лавровскаго.

Онъ прекрасно зналъ психологію юноши, его правдивыя и горячія стремленія, его способность все печальное и радостное нѣсколько преувеличивать—и всегда являлся къ нему съ вѣскимъ словомъ любящаго отца и опытнаго друга. Необыкновенную мягкость и серіозность проявлялъ Николай Алексѣевичъ тогда, когда ему приходилось усовѣщивать заблудившагося студента.

Такихъ «блудныхъ» сыновъ было немало среди студентовъ. Необходимо сказать, что семинаристы приносили въ институтъ привычку къ рюмочкъ, и знаменитый когда-то трактиръ Орки-еврея гостепріимно раскрывалъ свои двери для студентовъ, открывая имъ широкій кредитъ въ счетъ будущихъ прогоновъ и третного не въ зачетъ. Вотъ эти-то юные поклонники Бахуса, вспоминая эпическія времена лицейскихъ кутежей, иногда дебоширили или на предмъстьи Нъжина, Магеркахъ, разрушая изгороди, или въ институтъ, разбивая стекла въ окнахъ и дверяхъ камеръ.

Какъ только раздавались часовъ въ 12 ночи крики подгулявшаго дебошира-студента, и слышался звонъ разбиваемыхъ стеколъ, дежурный служитель давалъ знать Николаю Алексъевичу, который просто-напросто приказывалъ уложить буяна спать.

На второй или третій день подгулявшій спускался по зову въ квартиру директора, гдѣ и получаль отеческое внушеніе. Долго помнились эти внушенія студентами, и только очень слабые, безвольные студенты повторяли свои буйства.

Покойному студенту Звъреву, имъвшему въ хмелю буйный нравъ и истреблявшему въ неимовърномъ количествъ оконныя стекла, Николай Алексъевичъ добродушно и серіозно говорилъ: «Помилуйте, чъмъ же казна виновата, что вы позволили себъ выпить? За что вы окна бъете? Знаете свою слабость: выпили, пришли, тотчасъ ложитесь спать! При этомъ поставляю вамъ на видъ, что нътъ физической возможности такъ сильно гулять».

Слова директора оправдались: Звъревъ прежде времени сошелъ въ могилу.

Но, снисходительный къ роковой слабости, Николай Алексвевичь быль непреклоненъ и неумолимъ тамъ, гдв видель проявленіе злой воли со стороны студентовъ. Какъ опытный педагогъ, онъ хорошо зналъ, что въ этомъ случав должно быть стойкимъ, иначе первый примъръ повлечеть за собою и другіе многіе. Кромъ того, онъ въ такихъ случаяхъ хотёлъ показать примъръ уваженія къ закону.

Выть среди студентовъ института нѣкто X—скій, сынъ помѣщика, красивый южанинъ, способный, окончившій курсъ въ одной изъ петербургскихъ гимназій съ золотою медалью. Избалованный баричъ, какъ говорили, былъ посланъ въ институть дядею изъ опасенія, что въ университеть, на полной свободь, онъ совсьмъ погибнеть. Этотъ щеголеватый юноша дъйствительно проявилъ вскорь авантюристскія наклонности. Онъ велъ разгульную жизнь, часто игралъ въ карты и наконецъ завелъ среди студентовъ кассу, которая, повидимому, имъла въ виду спасать студентовъ-бъдняковъ отъ цъпкихъ лапъ евреевъ-кредиторовъ, а на самомъ дълъ собирала деньги для какихъ-то подпольныхъ цълей. Помню въ третьей аудиторіи бурное собраніе студентовъ, когда обнаружились «про-

дълки» X—аго. Студенты прямо уличали его въ обманъ. Вскоръ дъло дошло до начальства, да за Х-скимъ водились и другіе гръшки, за что все въ совокупности онъ подвергнутъ былъ аресту на мъсяцъ. Арестъ состоялъ въ томъ, что Х-кій не имълъ права никуда отлучаться изъ института послъ шести часовъ по полудни. Подошла какъ разъ масляница и первая недъля поста. Х-кій очень хотъль повхать въ Кіевъ на Контрактовую ярмарку. Его, какъ арестованнаго, не пустили. Онъ самовольно убхалъ и возвратился на второй недёлё великаго поста. Конференція рёшила его исключить. Все время будировавшій, Х-кій упаль духомъ и началъ просить студентовъ, чтобы они ходатайствовали передъ Николаемъ Алексъевичемъ о снисхождени къ нему и оставлени въ институть. Изъ ложно понимаемаго чувства товарищества студенты уступили просьбамъ Х-каго. Просимъ въ третью аудиторію директора. Какъ всегда, онъ вошелъ медленною походкою и совершенно спокойный въ аудиторію и выслушаль просьбу.

— Я понимаю, господа, чёмъ вы руководствуетесь въ данномъ случав, но вы неправильно смотрите на дёло. Г. Х—кій своимъ поведеніемъ прямо показалъ, что онъ не желаетъ быть въ институтв. Я ему говорилъ, что разъ онъ самовольно увдеть въ Кіевъ, ему грозитъ опасность исключенія. Что могло быть яснве? Однако онъ не пожелалъ повиноваться правиламъ, и теперь уже поздно. Вы, господа, не маленькія дёти, поймете, что простить Х—аго значитъ подрывать авторитетъ закона и мой собственный. На этотъ разъ не могу исполнить вашу просьбу!

Все это сказано было спокойно, просто и искренно; но мы видёли, что Николаю Алексвевичу не легко было произносить такой жестокій приговоръ. Скоро X—кій оставилъ институтъ и, какъ говорили, въ Харьковъ завелъ игорный домъ...

Такимъ же непреклоннымъ и стойкимъ помню Николая Алексъевича еще разъ.

Дёло было въ началѣ весны 1882 года. Н. Я. Аристовъ сильно хвораль и рёдко читалъ намъ лекціи по русской исторіи послѣ Рождества. Желая, вѣроятно, имѣть баллы для аттестаціи, онъ вмѣсто репетиціи прислалъ тему для письменной работы. Предстояло писать сочиненіе послѣ большой перемѣны, когда студенты чувствовали себя уставшими. При томъ Н. Я. Аристовъ былъ строчимъ оцѣнщикомъ студенческихъ сочиненій: онъ не только требоваль основательности сужденій, но чистаго русскаго языка, преслѣдуя всякіе варваризмы. Если присоединить къ сказанному чудную погоду, когда весеннее солнышко манило изъ душныхъ стѣнъ на вольный воздухъ, то до нѣкоторой степени станетъ понятно желаніе студентовъ не писать сочиненія.

Во время большой перемёны между студентами перваго и второго курса быстро начала распространяться мысль объ отказё оть

сочиненія, и всѣ рѣшили не писать. Прошла большая перемѣна. Колокольчикъ прозвонилъ начало лекцій. Студенты перваго и второго курса рѣшили не итти въ аудиторію, несмотря на увѣщаніс дежурнаго наставника.

Скоро въ залѣ появился передъ нами Николай Алексѣевичъ. Я никогда потомъ не видѣлъ лица его столь гнѣвнымъ. Глаза его сверкали. Онъ возвышеннымъ голосомъ приказалъ: «въ аудиторію!».

Студенты повиновались и пошли въ аудиторію, но рѣшили не писать сочиненія.

Въ аудиторіи Николай Алексвевичъ спросилъ студентовъ, почему они отказываются писать сочиненіе. Мы ему сказали причины.

— Повърьте, господа, что Николай Яковлевичъ самъ понимаетъ ваше положение и будетъ снисходительно опънивать ваши работы, которыя вы должны исполнить!

 Но мы упорно повторяли, что не можемъ писать, потому что осталось мало времени (всего полтора часа).

— Господа, совътую вамъ писать сочиненіе, иначе сочту ваше нежеланіе за демонстрацію, и дъло кончится плохо.

Мы стояли на своемъ, хотя нъкоторые начали вынимать бумагу изъ скамей.

Тогда Николай Алексвевичъ началъ двиствовать на отдельныхъ студентовъ, которые извъстны были за добросовъстныхъ и аккуратныхъ.

- Вы почему не пишете?-спрашиваль онъ ихъ по одиночкъ.
- Голова болить.
- Не здоровится.
- Не могу писать, -- слышалось ему въ отвътъ.

Какъ и всегда бываеть, упорствующихъ осталось человъкъ десять—двънадцать. Все это были лучшие студенты, которые не пожелали измънить разъ данному слову.

На нихъ и пала вся тяжесть наказанія. Не забудьте, что все разсказанное произошло въ 1882 г., когда въ обществъ царило тревожное настроеніе, когда всякое волненіе молодежи раздували, памятуя первое марта 1881 года. Можетъ быть, подъ вліяніемъ общаго настроенія и Николай Алексъевичъ строго посмотрълъ на «бунтъ» студентовъ.

Скоро мы узнали отъ дежурнаго наставника П. А. А—ва, что студентовъ, не писавшихъ сочиненія, ждетъ суровое наказаніе, въ родѣ исключенія.

Перспектива намъ улыбалась не веселая: по правиламъ, за годъ казеннаго содержанія надо было прослужить полтора года убзднымъ учителемъ. Что было дёлать?

П. А. А—въ далъ совътъ пойти къ Николаю Алексъевичу и убъдить его, что въ отказъ нашемъ писать сочинение не было никакой демонстрации.

Выбрали трехъ депутатовъ, въ томъ числѣ и меня. Мы улучили моменть, когда въ садикѣ гулялъ Николай Алексѣевичъ и другіе профессора, и когда онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Все это устроено было, по совѣту П. А. А—ва, относившагося къ студентамъ очень дружелюбно.

Подходимъ къ Николаю Алексъевичу съ повинною. Онъ встрътилъ насъ необычайно сурово, хоть по глазамъ видно было, что онъ очень доволенъ нашимъ раскаяніемъ.

- Мы сознаемъ свою вину,—говорили мы,—но просимъ васъ не смотръть на нее, какъ на демонстрацію. Мы дъйствительно не могли писать сочиненіе.
- Хорошо, господа, я приму во вниманіе вашу просьбу, отвътилъ намъ директоръ, когда П. А. А—въ и другіе профессора поддержали нашу просьбу.

Черезъ двъ недъли въ аудиторію торжественно вступили директоръ и всъ почти профессора въ парадной формъ, и секретарь конференціи Г. Э. Зенгеръ прочиталъ резолюцію, что такіе-то и такіе-то студенты за свой проступокъ должны были бы понести тяжкое наказаніе, но въ виду ихъ прилежанія и безукоризненнаго поведенія наказаніе смягчается и т. д. Отдълались мъсячнымъ арестомъ, при чемъ «бунтъ» не имълъ никакихъ дальнъйшихъ послъдствій для судьбы виновныхъ.

IV.

Еще въ концѣ 1881—1882 учебнаго года стали носиться слухи, что Николай Алесѣевичъ уходитъ изъ института. Слухи эти сильно смутили студентовъ и профессоровъ. Многіе горевали, что не пришлось окончить курсъ при немъ, потому что слышали, какъ интересны бываютъ разборы данныхъ студентами въ гимназіи уроковъ.

Въ началѣ 1882—1883 учебнаго года слухи объ уходѣ директора изъ института оправдались. Говорили, что Николай Алексѣевичъ, просясь по нездоровью въ отставку, хотѣлъ просто напомнить о себѣ кому слѣдуетъ, потому что жизнь въ глухомъ провинціальномъ городишкѣ не могла навсегда похоронить въ себѣ такую свѣтлую личность, какою былъ покойный.

Когда сталъ извъстенъ день отъъзда любимаго начальника и учителя, всъ студенты, какъ одинъ, ръшили проститься съ Николаемъ Алексъевичемъ и высказать ему тъ прекрасныя чувства, какія поселилъ онъ въ нихъ. Я тогда былъ на третьемъ курсъ. Нашъ курсъ считалъ всегда для себя большою заслугою, что ему выпало счастье быть главнымъ дъятелемъ на проводахъ директора.

Одинъ изъ насъ И. II. С—скій составиль адресъ Николаю Алексѣевичу; этоть адресъ, проредактированный товарищами и

другими студентами, былъ хорошо переписанъ на листі: толстой бумаги и за нашими подписями переданъ покойному. Онъ, въроятно, отыщется среди его бумагъ. Когда Николай Алексвевичъ явился въ рекреаціонный залъ, чтобы проститься съ нами, И. П. С—скій прочиталъ ему адресъ, въ когоромъ говорилось, что съ уходомъ его не прекратится та внутренняя, нравственная связь, какая установилась навсегда между нимъ и нами, его учениками, что его личность для насъ будетъ служить свётлымъ примітромъ святого исполненія долга.

Николай Алексвевичъ былъ глубоко тронутъ адресомъ и взволнованнымъ голосомъ благодарилъ насъ за оценку своихъ заботь о студентахъ. «Именно, эта нравственная связь, о которой вы говорите въ своемъ адресъ, для меня является лучшею наградою», заключилъ онъ свой ответъ на нашъ привътъ. Онъ говорилъ намъ о престоящей намъ прекрасной и полезной, но отвътственной дъятельности.

Глубоко запали намъ въ душу эти ръчи любимаго наставника и учителя; но сумъли ли мы осуществить ихъ въ своей дъятельности,—объ этомъ, быть можеть, когда нибудь скажуть наши питомиы и питомицы...

На прощанье онъ далъ каждому изъ насъ по экземпляру своей книги: «Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нъжинъ и по фотографической карточкъ 1).

Мы въ складчину купили ящикъ ланинскаго шампанскаго и на вокзалъ простились съ любимымъ своимъ начальникомъ.

Прощаясь съ нами, Николай Алексвевичъ даль намъ право, въ случав нужды, обращаться къ нему, и онъ сдержалъ свое слово о томъ, что окажеть содвиствіе, насколько будеть возможно.

Когда онъ былъ назначенъ ректоромъ въ Варшавскій университетъ, многіе изъ моихъ товарищей, напримъръ, И. С. Иг—ко, П. и А. Бр—кіе, Г—чъ и другіе, перешли туда, потому что могли располагать средствами и жить на квартиръ. Пишущій эти строки пытался уйти изъ Нѣжина въ Петербургскій историко-филологическій институтъ, но ему это не удалось. Словомъ, тогда бѣжали изъ Нѣжинскаго института не только студенты, а и профессора... Нвился другой директоръ, начались репрессаліи, пошли интритилучшіе профессора уѣзжали, остались люди приниженные... То было мрачное время, о которомъ и вспоминать не хочется.

Вспомню, что одинъ изъ моихъ товарищей, Л. П. Дружининъ принужденъ выйти изъ второго курса института и убхать учителемъ въ убздное училище. Узнавъ о назначени Н. А. Лавровскаго ректоромъ Варшавскаго университета и о томъ, что онъ хлопочетъ о дозволени семинаристамъ съ экзаменомъ поступать въ универ-

¹⁾ Она воспроизводится здёсь.

ситеть, Дружининъ просиль меня высылать ему книги, подгоговился къ экзамену и поступилъ въ университеть. Николай Алексъевичъ своимъ отвътомъ на письмо поднялъ въ немъ энергію и выручиль его изъ глухого еврейско-русскаго городка.

И думаю я, всякій изъ бывшихъ студентовъ всегда находилъ откликъ въ доброй душъ покойнаго Николая Алексъевича.

Почти восемь лёть спустя послё разлуки, пишущему эти строки пришлось обратиться къ покойному съ просьбою, и онъ не замедлиль отвётить письмомъ, которое и привожу здёсь: «Спёшу отвётить на ваше послёднее письмо. Здёсь, въ Варшавё, врядъ ли вамъ удастся пристроиться, такъ какъ въ нашемъ университетё даже избытокъ преподавателей по русскому языку и словесности вслёдствіе того, что читаю и я и лекторъ русскаго языка, Кул—скій, который, какъ магистръ, здёсь на особомъ положеніи и читаетъ особый курсъ. Прибавьте къ нимъ Бу—ча, Си—ва, и вы получите четырехъ преподавателей русскаго языка и словесности. Вотъ въ Московскомъ университетъ дъйствительно вы могли бы пріютиться; тамъ чувствуется даже недостатокъ въ этомъ родё.

«Пишите Гроту и Бр—ту, и я буду писать съ своей стороны. Меня очень радовала всегда такъ прекрасно начавшаяся ваша ученая дѣятельность; вполнѣ увѣренъ, что она пойдетъ..., и что вы своей дѣятельностью не замедлите пробить себѣ дорогу. Только прежде всего магистерство, безъ него ничего не подѣлаешь. Успѣете ли его соорудить еще въ этомъ учебномъ году? Не торопитесь и не рискуйте оставлять настоящее мѣсто безъ полной увѣренности въ полученіи новаго.

«Преданный вамъ Н. Лавровскій».

И на этогь разъ не суждено было, въ силу прихотливостей судьбы, сбыться предположеніямъ Николая Алексѣевича, который всегда готовъ былъ поддержать научныя стремленія своихъ учениковъ.

За шестнадцать лёть службы миё довелось встрёчать много людей, но такого начальника, такого учителя, какимъ быль покойный Николай Алексевичъ, миё не встрётилось больше тамъ, въ Европейской Россіи, тёмъ болёе не встрётится здёсь, на отдаленной окраинъ.

С. Браиловскій.

Хабаровскъ. 1899 г.

Digitized by Google

ВОЙНА И ТРУДЪ.

ГУЧІЙ и серіозный вопросъ, затронутый въ только что вышедшей подъ этимъ заглавіемъ превосходной книгѣ М. В. Аничкова, сильно зашимаеть въ настоящую минуту весь цивилизованный міръ. Представленія дипломатовъ, перья публицистовъ, проповѣдь моралистовъ и изслѣдованія политико-экономовъ, всѣ вмѣстѣ и порознь, каждый изъ себя и каждый для себя, стараются разрѣшить вопросъ объ окончательномъ умиротвореніи человѣчества, т. е.

о прекращеній войны, какъ остатка оть времень уже давно пережитаго нами варкаретва и эпохи велкихъ насилій.

Кажется, не прошло еще и трехъ полныхъ лѣтъ со дня выхода въ свѣтъ колоссальной монографіи о войвѣ г. Вліоха, старавшагося, по безуспѣшно, испугать насъ ужасами средствъ пораженія, находящихся въ рукахъ современныхъ многомилліонныхъ армій и грозицихъ при первомъ серіозномъ столкновеніи европейскихъ народовь обратить весь культурный міръ въ печальныя дымящіяся развалины, и вотъ передъ пами повое большое сочиненіе, задавшееся тою же благородною цѣлью: указать вѣрные пути и средства, при помощи которыхъ война уйдетъ навсегда въ область злыхъ преданій, чтобы стать тамъ рядомъ съ пережитыми человѣчествомъ ужасами рабства и инквизиціи. Несмотря, однако, на общность цѣлей, ни въ какомъ отпошеніи прекрасную книгу М. В. Аничкова пельзя поставить рядомъ съ песуразнымъ зданіемъ устрашающей книги Бліоха. Въ этой послѣдней очевидный дилетанть въ области поспіцыхъ знаній, да еще по врови еврей, то-есть человѣкъ, орга-

нически неспособный понять истинный смыслъ и настоящія побужденія войны, пробуеть поразить насъ страшною пастью своего богато размалеваннаго дракона, между тімть какть «Война и Трудъ» г. Аничкова являеть серіозное, продуманное сочиненіе большого эрудита во всіхть тіхть областяхть, сть какими ему приходилось считаться въ интересахть его обширной темы.

Книга эта раздёлена на три разнохарактерныя части. Въ первой части, авторъ даетъ намъ превосходно выбранную военную исторію, или, вёрнёе, исторію вооруженій народовъ, въ различныя эпохи ихъ культурнаго существованія. Во второй, мы получаемъ столь же подробно и хорошо написанную исторію дипломатическихъ, юридическихъ и философскихъ попытокъ замёнить войну незыблемостью договоровъ путемъ организаціи высшаго международнаго трибунала, въ большей или меньшей степени похожаго всегда на судъ третейскій. Въ третьей части, подходя къ положительной сторонѣ своей задачи, авторъ широко и благородно затрогиваетъ наиболѣе интересные политико-экономическіе вопросы, видя именно и только здѣсь опасные побудители, заставляющіе народы и до сихъ поръ вступать между собою въ кровавую распрю, уносящую массу молодыхъ и цѣнныхъ жизней и несмѣтныя богатства, въ видѣ напраснаго или разрушеннаго труда.

Въ первой части руководящимъ мотивомъ для послъдовательнаго и блестящаго нанизыванія историческихъ фактовъ служитъ мысль, высказанная многими, но категоричнъе всего выраженная профессоромъ Д. И. Менделъевымъ, что война должна убить войну, путемъ развитія все болъе и болье губительныхъ средствъ защиты и нападенія, слъдуя въ этомъ направленіи не случайно и какъ бы въ потемкахъ, но строго научными путями, освъщаемыми громаднымъ развитіемъ химіи, физики и электротехники.

Задача опровергнуть это красивое заблуждение нашего знаменитаго ученаго выполнена г. Аничковымъ блистательно. Отъ палки дикаря, замёнившейся каменнымъ топоромъ, отъ палицы и копья, уступившихъ мъсто пращъ Давида, поразившаго Голіава, отъ лъса копій и оть тучи стріль грековь и персовь въ эпоху ихъ высокаго военнаго развитія и до нашихъ временъ, действительно, страшнаго развитія всёхъ боевыхъ средствъ пораженія, т. е. до скорострёльной магазинки, стрёляющей никелированной пулей, при помощи бездымнаго пороха, М. В. Аничковъ ведеть своего читателя шагь за шагомъ къ неоспоримому убъжденію, что не только вчера и сегодня, но и во времена почти доисторическія, каждое новое усовершенствованіе въ оружіи порождало буквально тъ же надежды на невозможность дальнъйшей войны, какъ успъхи научнаго пороходъланья и успъхи металлургін породили надежды и упованія Д. И. Мендельева. Но, увы! каждый разъ эта мечта немедленно же и категорично опровергалась фактами войнъ, не становившимися,

несмотря ни на какіе успѣхи боевой техники, ни менѣе частыми ни менѣе кровопролитными. Въ этомъ историческомъ ходѣ измѣнившихся фактовъ, прямо надо сказать, нѣтъ исключеній, ни въ древнія времена, ни въ наши дни побѣдъ абиссинцевъ надъ итальяндами и буровъ надъ англичанами, и потому радужная надежда, что наконецъ-то будетъ изобрѣтено такое смертоносное оружіе, послѣ котораго воевать будетъ фактически невозможно, должна быть отброшена, какъ рѣшительная мечта, несогласная съ дѣйствительностью, и потому война никогда не убъетъ войну.

Вторая часть труда г. Аничкова приводить насъ къ заключенію еще болье безотрадному. Длинный рядъ благородныйшихъ попытокъ взнуздать силу правомъ, подчинить наглость справедливости и привести народы къ обычаю полюбовно рышать свои споры ва главенствующемъ международномъ судъ, также послъдовательно и безповоротно терпитъ неопровержимое фіаско, доставляя только господамъ дипломатамъ утышеніе лицемърить съ самыми благородными цылями, хотя и безъ надежды создать изъ этой доброжелательной лжи дъбіствительную правду. И въ этой части богатство и полнота свъдъній почтеннаго автора поражають читателя и дълають чтеніе нъсколько сухого историческаго матеріала увлекательнымъ.

И вотъ у предверія третьей части читатель книги г. Аничкова стоить въ печальномъ раздумьй: какъ же авторъ дальше справится съ задачей, указанной имъ же двадцатому въку: что этому въку надлежить такъ же радикально покончить съ войной, какъ XIX покончиль съ рабствомъ? Если война не можеть убить войну путемъ усовершенствованія орудій истребленій, что такъ неопровержимо и фактически доказано въ первой части книги, если и попытки лучшихъ, благородивишихъ людей науки права и такіе энтузіасты, отрицавшіе войну за счеть собственнаго политическаю благополучія, какихъ мы видимъ въ лицъ Кобдена и Джона Брайта, потерпъли также фактически несомнънное фіаско, и если лучшіе умы разныхъ въковъ думая, что, отрицая войну, они говорятъ великія истины, а на самомъ дёлё переливали изъ пустого въ норожнее, то на что же остается надъяться будущему, которому все же предстоить покончить съ роковымъ и тяжелымъ вопросомъ? И воть мы съ интересомъ и тайнымъ трепетомъ принимаемся читать третью часть труда г. Аничкова.

И представьте себѣ, авторъ въ самомъ дѣтѣ радикально и безповоротно уничтожаетъ войну между культурными расами, сохраняя ее, и то не навѣчно, на границахъ странъ дикихъ, имѣющихъ стать въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ также странами культурными. И въ этой части своего труда М. В. Аничковъ остается тѣмъ же благороднымъ и въ полномъ смыслѣ слова свободнымъ мыслителемъ, не играетъ словами, но ставитъ вопросъ острымъ его ребромъ, при чемъ не боится, для его радикальнаго разръшенія, требовать такой радикальной реформы въ жизни европейскихъ народовъ, передъ которою, конечно, останавливались всъ его предшественники, топившіе свои геройскія мечты о братствъ народовъ въ пучинъ жалкаго празднословія и поддъльнаго паеоса.

У нашего автора нъть ни паеоса, ни празднословія. Ръзко, мётко и откровенно ведеть онъ читателя къ своему логичному выводу и безапеляціонно заставляеть его согласиться, что если на землъ воцарится безусловная свобода передвиженія, при безусловной свободъ труда и торговли вездъ и повсюду, то, что онъ называеть свободой торговли при абсолютной свободъ переселенія черезъ вполнъ свободныя, вездъ открытыя границы, не знающія никакихъ паспортовъ и никакихъ таможенъ, при полнъйшемъ равенствъ чужеземца съ туземцами во всъхъ человъческихъ и гражданскихъ правахъ, независимо отъ своей національности, то, конечно, на землъ, устроенной такимъ образомъ, войны въ современномъ значении этого слова не будеть. Не будеть не потому, что люди стануть добрве и образованиве, а потому, что ни у кого не найдется нигдъ очевиднаго и притомъ массоваго врага. Если каждый изъ насъ, независимо отъ языка, религіи, народности, вездъ будеть чувствовать себя туземцемъ, если самое понятіе «чужеземецъ» исчезнеть изъ обиходнаго словаря всёхъ народовъ и людей, то съ къмъ же воевать, кому доказывать свою массовую силу и у кого требовать оружіемъ возстановленіе правъ, когда никто не будеть имъть ни возможности, ни поводовъ ихъ нарушить? Да, несомивнио при этихъ условіяхъ массовой войны не будеть, хотя и тогда можеть быть война частная, весьма и весьма близкая къ той войнъ, которую люди видъли уже въ средніе въка, въ эти страшные темные въка торжества всякаго деспотизма, насилія и изувърства.

Авторъ, конечно, какъ человъкъ серіозный, не дълаеть изъ своего заманчиваго предложенія шутки. Онъ серіозно убъжденъ и серіозно убъждаеть другихъ: что стремленіе итти къ этому рісшенію вопроса ясно видно везді, гді уже культура достигла достаточной силы и высоты. Онъ блестяще доказываетъ, что таможенная война на границахъ не свободныхъ, при переселеніяхъ затрудненныхъ, и есть единственный опасный стимулъ для современной войны. И въ этомъ онъ, конечно, опять и безусловно правъ. Еще болбе правъ онъ и блестящъ въ своихъ доказательствахъ несовершенства доктринъ нашихъ политико-экономическихъ ученій, какъ протекціонистскаго, такъ и фритридерскаго порядка. И потому, если допустить и повърить въ возможность фактического осуществленія величайшей экономической реформы, какую онъ предлагаеть, то несомивнно за исчезновениемъ поводовъ къ войнъ и всякаго въ ней смысла она должна исчезнуть такъ же просто и безповоротно, какъ исчезаютъ корабли, кораблики и, наконепъ,

даже лодки изъ сухого оврага, нъкогда представлявщаго многоводную и мощную, судоходную ръку. Вопросъ слъдовательно только въ томъ: кто решится первый сделать свою торговлю безусловно свободной, кто рышится отворить свою границу пришествію всякихъ полноправныхъ иноплеменниковъ, и кто первый же не побоится потерпъть при этомъ неминуемую потерю національности, а въ концъ концовъ и языка? Надо думать, что добровольно, по собственному почину, врядъ ли найдется народъ, способный на принципіальное самоубійство, ради блага всего человъчества! Но этотъ исходъ не вдругъ и не сразу вполнъ возможенъ медленнымъ и постепеннымъ завоеваніемъ чисто промышленно-торговаго характера. И въ этомъ направленіи концемъ XIX стольтія сдълано очень много, такъ какъ торговля даже оружіемъ приняла несомнънно космополитическій характеръ. Общность европейскаго капитала, рядомъ съ нашею національною безпечностью и природною лівнью, можеть быть, выращиваемою неудобствами и суровостью нашего климата, въ самомъ дълъ могутъ подвинуть этотъ вопросъ къ его насильственному ръшеню. Но безъ кровавой и страшной войны дёло едва ли обойдется, и потому, если война не убивала еще никогда войны путемъ устращительныхъ изобрътеній при выработкъ оружія, если попытки философовъ и мечтателей энтузіастовъ побъдить войну юстиціей не удались, то и гуманная и широкая идея покончить съ войною объявлениемъ свободы торговли, свободы переселеній, при полномъ уничтоженіи границъ, раньше своего осуществленія приведеть всё народы къ самой свирепой, къ самой ожесточенной дракъ. И это понятно! Въдь это же будеть война за жизнь и отдёльное существование въ буквальномъ смыств слова, почему каждый воинъ будеть возбужденъ и напитанъ темъ высокимъ энтузіазмомъ, которому мы, даже нехотя, даже вопреки самымъ мирнымъ убъжденіямъ, невольно рукоплещемъ и въ дълъ защиты Трансвааля отъ свободныхъ для англичанъ границъ, и которому также рукоплескали въ лицъ Леонида при Өермопилахъ и въ лицъ Кутузова въ нашу Отечественную войну! Тъмъ не менъе, вопрост о радикальномъ измънении современной формы народныхъ ратоборствъ во имя ихъ эгоистическихъ интересовъ изменится, всего въроятиве, по программъ г. Аничкова.

Указанный имъ путь несомитно серіозенъ, ожидаемыя реформы этики народной также подкупають невольно своей красотою и справедливостью, а всего болбе свободой. Въ этомъ направленіи надо ожидать многаго, даже и не въ столь отдаленномъ будущемъ. Воть почему я смъло могу сказать, что не знаю книги болбе интересной, логичной и поучительной по этому вопросу, какъ книга г. Аничкова, вполнт достойная обстоятельнаго и подробнаго критическаго разбора съ трехъ точекъ зртнія: какъ военно-исторической, такъ съ дипломато-юридической, и наконецъ, особенно, какъ

своеобразный трактать новой политико-экономической догмы, въ высокой степени интересной. Слабой стороной этого превосходнаго труда будеть нѣкоторое, какъ будто намѣренное, замалчиваніе рабочаго и соціальнаго вопроса, не о производствѣ, а именно о правильномъ и справедливомъ распредѣленіи богатствъ. Вотъ гдѣ кроются также не малые бичи и скорпіоны, вполнѣ способные приводить и къ войнѣ, а еще болѣе къ междоусобному кровопролитію, при полной свободѣ торговли и при совершенно настежь открытыхъ границахъ. Но замѣчаніе это, напоминающее извѣстную поговорку, гдѣ медъ, тамъ и ложка, конечно, не существенно. Авторъ книги далъ и то въ своемъ трудѣ достаточно меду, чтобы самый ненасытный читатель могъ быть имъ недоволенъ.

Другое замѣчаніе неодобрительнаго характера: это—невозможная корректура книги, мѣстами не только затемняющая, но и искажающая мысль автора. Можно сказать, что ни одной цитаты, приведенной на иностранныхъ языкахъ, нѣтъ напечатанной безъ грубѣйшихъ ошибокъ. Это недостатокъ, и существенный, и я указываю на него потому, что при второмъ изданіи книги, которое несомнѣнно должно быть, этотъ недостатокъ долженъ быть устраненъ совершенно.

В. К. П-нъ.

Digitized by Google

КЪ ИСТОРІИ КРЕСТЬЯНСКАГО ДВИЖЕНІЯ ПРИ ПАВЛЬ І.

РИ ВСТУПЛЕНІИ на престолъ императора Павла I, какъ извъстно, наши кръпостные крестьяне были первые приведены къ присягъ на подданство. Съ одной стороны, это обстоятельство, а съ другой, облегчительные для крестьянъ указы 1797 года того же императора послужили поводомъ къ весьма серіозному движенію крестьянъ въ великороссійскихъ губерніяхъ. Историкъ де-Пуле, описав-

шій это движеніе въ обширной стать «Крестьянское движеніе при император Павлі І (въ «Русскомъ Архивь» 1869 года), останавливается только на нікоторыхъ губерніяхъ, и именно тіхъ, гді престьянское движеніе принимало наиболіве острый характеръ, а относительно, напримітръ, губерній Ярославской и Владимірской говоритъ, что «здітсь все обошлось мирно, благодаря присутствію въ Вологдів Репнина».

Въ настоящее время, благодаря недавно появившейся въ печати подробной описи дѣлъ канцеляріи владимірскаго губернатора XVIII вѣка (въ «Трудахъ владимірской ученой архивной комиссіи», кн. 1), можно возстановить нѣкоторыя небезъинтересныя подробности этого движенія и для Владимірской губерніи.

Прежде всего, обращаеть на себя вниманіе слѣдующій документь въ этой «описи», а именно «Письмо костромскаго намѣстническаго правителя ген.-поручика Ламба на имя генераль-губернатора вла-

димірскаго и костромскаго», отъ 15-го ноября 1796 года. Въ немъ ген.-пор. Ламбъ, поставленный въ «затрудненіе» словами высочайшаго манифеста, по поводу привода къ присягъ,-«предписать всъмъ вышеозначеннымъ мъстамъ, дабы по обнародовании помянутаго манифеста тогда върноподанные его императорскаго величества приведены были къ присятъ», — пишетъ: «Хотя при подпискъ присяжныхъ листовъ теми изъ присягающихъ, кои сами писать умеють, и при внесеніи именъ протчихъ, кои грамоть не умъють, неминуемо теперь нужно будеть написать великія стопы бумагь, но я ръшилъ сдълать въ семъ случав лучше лишнее, нежели упустить должнаго, и для того предписаль, чтобъ привесть къ присягъ всъхъ, безъ изъятія, не исключая и крестьянъ. Ежели предписаніе мое о приведеніи къ присягь всьхъ крестьянь, безъ изъятія, совершенно окажется излишнее, то всепокорнъйше прошу милостиваго вашего приказанія, по которому помянутое предписаніе тотчасъ отмінить можно».

Въ отвътъ на это генералъ-губернаторъ увъдомилъ, что онъ въ распоряжени его «не находить никакой излишности».

Такого рода неясностью, ставившею администраторовъ въ затрудненіе, а крестьянъ въ недоумѣніе, отличался, какъ извѣстно, и манифестъ 5-го апрѣля 1797 года, особенно слѣдующія его слова: «всѣмъ и каждому наблюдать, дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ». По поводу ихъ, а также и указа о трехдневной барщинѣ еще А. Н. Радищевъ въ своемъ «Описаніи моего владѣнія» справедливо предсказывалъ, что все это останется мертвою буквой.

При этомъ небезъинтересно будетъ отмътить, что въ крестьянскомъ движеніи 1797 года, какъ увидимъ ниже, сыгралъ нъкоторую роль и милостивый указъ императора Павла, дозволявшій всъмъ обращаться съ прошеніями непосредственно къ его императорскому величеству.

Изъ всей Владимірской губерніи крестьянское движеніе обнаружилось, по даннымъ «Описи», лишь въ 13-ти селахъ слёдующихъ «округовъ»: Юрьевскаго, Суздальскаго, Шуйскаго, Меленковскаго, Владимірскаго и Покровскаго, и наиболёе массовое изъ нихъ про-изонло въ Юрьевскомъ округъ.

Крестьяне села Мирославля съ деревнями, въ числъ 500 человъкъ, «собрались», какъ пишетъ въ своемъ донесении приказчикъ П. И. Демидова юрьевскому земскому исправнику, «неизвъстно для чего въ село Скомово той же вотчины и учинили въ церкви чрезъ священника оной Осдора Иванова присягу», а затъмъ, придя въ село Турабьево, отръшили отъ должности прежнихъ своихъ «начальниковъ» и забрали господское имущество вмъстъ съ «денежной суммой» и «письменными дълами».

Digitized by Google

Когда по поводу этого «возставшихъ» сталъ допрашивать въ селѣ Турабьевѣ, гдѣ ихъ было уже свыше 2.000 человѣкъ, земскій исправникъ, то они «отвѣтствовали, что опредѣленныхъ къ должностямъ людей они отрѣшили и господское имущество взяли въ свое завѣдываніе», поручивъ его выборному, по той причинѣ, что на господина своего имѣютъ неудовольствіе въ томъ, что они безвременно употребляемы бывають на работы, въ чемъ и намѣрены на господина своего принесть къ его императорскому величеству просьбу, и болѣе уже у него въ повиновеніи быть не хотятъ, а дабы въ семъ случаѣ быть между собою единомышленными, въ томъ учинили въ селѣ Скомовѣ въ церкви присягу».

На увъщанія же исправника «войти въ полное повиновеніе» помъщику, крестьяне отвъчали согласіемъ лишь по возвращеніи посланныхъ съ прошеніемъ государю.

Приведенные къ допросу въ земскій судъ, крестьяне следующимъ образомъ объяснили свое «неудовольствіе», обезвременное употребленіе на работы» и мотивы «возстанія». «Господскіе оброки деньгами по 3 рубля съ души и хлебомъ: ржи по четверику и 6 гарицевъ, и овса по 3 четверика и 6 гарицевъ съ тягла «въ отягощеніе они себ'в не почитають, но, какъ сверхъ того будучи обременены земляными, садовыми и прочими при конскомъ заводъ работами, неоднократно просили своего приказчика о увольнения къ господину ихъ въ Москву для просьбы объ облегчении отъ тъхъ работъ, «за конми де они для своихъ домашнихъ продовольствій по малому посвву и безвременной уборкъ своего хлъба многіе совстить и пропитанія лишились, такть что въ дворахъ не болте двадцати собственнымъ своимъ хлъбомъ, а прочіе покупнымъ продовольствіе им'єють, отчего н'єкоторые, оставя свои тяглы, взощли въ бобыли»; но приказчикъ ихъ не пускалъ и ни отъ какихъ работъ не освобождалъ. Между тъмъ они, «услыша между собою другъ оть друга народную молву, чему теперь, хотя де и не увъряются, будто бы всякому позволено подавать его императорскому величеству жалобы на господъ своихъ и просить милости», почему и сдълали «общенародное о томъ согласіе», «цъловали крестъ» и отправили трехъ крестьянъ съ прошеніемъ.

Судъ, какъ и слъдовало ожидать, отнесся къ нимъ снисходительно, и всъ допрошенные крестьяне въ числъ 91 человъка, вмъстъ съ оставшимися въ вотчинъ, послъ «учиненія подписки о послушаніи», были освобождены безъ наказанія.

Какъ въ данномъ случав, такъ и во всвхъ другихъ, на земскій судъ, очевидно, имѣлъ вліяніе гуманный и мягкій временно управлявшій тогда владимірскимъ намѣстничествомъ, сенаторъ Лазаревъ. Такъ, напримѣръ, хотя по донесенію помѣщика Лялина и исправника, «отягощенные работою» крестьяне деревни Ключей «чинили исправнику и господину своему великія грубости и не-

учтивства:, и не позволили забрать «зачинщиковъ», но сенаторъ Лазаревъ никого изъ нихъ не допустилъ до наказанія, и вообще онъ совѣтовалъ слѣдователямъ дѣйствовать «осторожно», «подробно разыскивать на мѣстѣ» и «внягно и вразумительно истолковывать заблудшимъ силу высочайшаго манифеста»; если же иногда дозволялъ брать имъ «небольшую команду», то единственно «для уваженія лица», напримѣръ, г. предводителя дворянства.

Во всѣхъ остальныхъ селахъ движеніе крестьянъ обнаруживалось, собственно говоря, лишь въ томъ, что они, ободренные «молвою» о возможности подавать прошенія на высочайшее имя «не инако, какъ каждый оть себя, не подписываясь болѣе одного человѣка», отправили таковыя съ своими ходоками и въ ожиданіи отвѣта на эти прошенія, отказывались временно отъ нѣкоторыхъ трудныхъ работъ на помѣщика, несмотря на увѣщанія исправниковъ и слѣдователей; на судѣ же приносили «извиненія» и «послушаніе» подпискою.

Но въ донесеніяхъ нѣкоторыхъ, видимо, струсившихъ помѣщиковъ, дѣйствія крестьянъ представляются въ иномъ свѣтѣ. Такъ, прапорщикъ Дмитрій Михайловичъ Константиновъ, владѣвшій двумя селами и двумя деревнями въ Меленковскомъ уѣздѣ, пишетъ, что крестьяне его «взбунтовались» и послали двухъ выборныхъ для подачи прошенія его императорскому величеству, «не инако, какъ съ намѣреніемъ отложиться отъ должнаго повиновенія»; но при этомъ добавляетъ, что «сіе намѣреніе» онъ усматриваетъ въ томъ, что они на приказъ его, собрать за первую половину 1797 года (въ мартѣ мѣсяцѣ) подушныя деньги для платежа въ казначейство, «отозвались противъ сего неимущими».

Братъ предыдущаго, подпоручикъ Иванъ Михайловичъ Константиновъ, имъ́я въ наличности только одно нежеланіе крестьянъ своихъ дать подписку по требованію предводителя дворянства и засъдателя, писалъ про нихъ, что они «явно открываютъ свое возмечтаніе въ отбытіи отъ него, ища себъ свободы», и по этому поводу просилъ немедленной присылки «пристойной воинской команды».

Помѣщица фонъ-Бергъ доносила, что находящіеся въ ея сельцѣ Внуковѣ (Владимірской округи) крестьяне, въ числѣ 21 души, «крыли крышу въ барскомъ домѣ дранью и вдругъ взбунтовались»: оставили работу и на вопросъ ея о причинѣ, «стоя въ шапкахъ, безъ всякой благопристойности грубымъ и азартнымъ образомъ» отвѣтили, что «не хотятъ бытъ у ней въ повиновеніи, потому что состоялся указъ императорскаго величества быть имъ вольными и ии отъ кого независящими». При этомъ помѣщица фонъ-Бергъ при описаніи «издѣлья» и повинностей крестьянъ сдѣлала значительную сбавку, что подтвердилъ на судѣ и оставшійся ей вѣрнымъ ея староста.

Наконецъ въ «объявленіи» помѣщика, колежскаго совѣтника М. И. Митькова, читаемъ слѣдующее: послѣ ухода въ Москву одного изъ крестьянъ съ жалобою на «изнуреніе господскою работою:, хотя онъ, помѣщикъ, всячески старается поправлять «состояніе» своихъ крестьянъ, — пришли къ нему три крестьянина, «говорили ему дерзко и невѣжничали»; а когда онъ «замахнулся на нихъ палкою», то одинъ изъ крестьянъ удержалъ его и заставить отойти отъ нихъ, «чѣмъ его, яко помѣщика, и обезчестилъ:. На такое «обезчестье», конечно, послѣдовало требованіе воинской команды.

Въ отвътахъ же крестьянъ на судъ и въ прошеніяхъ рисуется поистинъ тяжкое и безвыходное ихъ положеніе, удостовъряемое «сторонними» свидътелями и слъдователями изъ дворянъ. Вотъ что, напримъръ, говорили и писали крестьяне помъщика Дмитрія Константинова: «чинить онъ имъ немалыя обиды и налагаетъ супротивъ другихъ помъщиковъ съ излишествомъ тягости и повседневно на работъ мучить и безвинно наказываеть плетьми жестокими побоями до кровавыхъ ранъ немилостивно; принуждаеть во всякое время прежде управлять, оставя свои, его всякія работы,отчего они свои работы исправляють по ночамъ, въ воскресные дни по нуждѣ и въ ненастные съ великимъ ущербомъ...; отнимаетъ у нихъ амбары, строенія..., повсягодно съ дву душъ береть по барану, по курицѣ и коровьяго масла по 4 фунта, янцъ по 20; съ жень и детей по неименію у нихъ своихъ угодій, хотя покупкою сбираеть ягодъ малины и черники по 2 фунта; холста самаго тонкаго по 10 арш., по двъ тальки пряжи, — и всъ жены ихъ исправляють по пуждь, убояся побой; получаеть съ нихъ накладныхъ по 3 рубля и оброку по четверть рубля съ каждой души; на дворъ своемъ въ ночное время ставить для караула по два человъка; а когда въ зимнее время по нестерпимой стужъ кто взойдеть въ караульную избу погреться, то усмотря за то мучить на томъ караулъ и стужъ по десяти ночей, безъ зачету очереди и наказываеть плетью жестокими побоями... и отъ таковыхъ отягощеній незаконно пришли всё крестьяне въ крайнее разореніе и къ платежу всякихъ податей невсостояние и упадокъ».

И при всемъ томъ, какъ «рапортуетъ» меленковскій уѣздный предводитель дворянства Названовъ, которому поручено было сенаторомъ Лазаревымъ разслѣдованіе, эти крестьяне «отъ должнаго повиновенія помѣщику не отлагаются, а находятся въ послушаніи: по призывамъ его всегда къ нему приходять и на господскомъ дворѣ въ ночное время караулъ попрежнему содержать, заплаченныя за нихъ помѣщикомъ по неимуществу ихъ подушныя деньги внести по данной отъ него отсрочкѣ черезъ недѣлю, по выработаніи оныхъ на заводахъ, не отрекаются и наконецъ по насту-

пающему вскорт хлтопашеству къ господскимъ работамъ оказывають себя готовыми».

Подобнаго же рода показанія далъ и другой слѣдователь о «бунтѣ» крестьянъ брата предыдущаго помѣщика, Ивана Константинова, и понятно, что судъ отказалъ тому и другому въ усмиреніи крестьянъ «воинскою командою».

Не менъе тижелое впечатлъніе производять и повъствованіями о своемъ житъв-бытъв крестьяне г-жи фонъ-Бергъ. Они заявили, что «никогда передъ нею ослушными не были и работы господскія отправляють, но что они много разъ ей объявляли, что они замучены господскою работою, такъ что времени имъ недостаеть для своей домашней исправы, и что она съ нихъ очень много всего собираетъ; съютъ они господскаго оржанаго хлъба 20 четвертей (а всего ихъ было у г-жи Бергъ 21 душа), ярового вдвое; за дровами они бадять на Клязьму, гдб и покупають дрова, тогда какъ около господскаго двора есть свой лъсъ ближе; оброка собирается съ каждой бабы холста по 20 аршинъ, а буде не холстомъ, то пряжею по десяти талекъ, да, сверхъ того, моточка по два нитокъ; маленькихъ ребять заставляеть щипать перья; дълаеть сборь баранами, по многу цыплять и по сотнъ съ вънца куриныхъ яицъ, масла коровьяго по нъскольку фунтовъ съ вънца»... Все это, по словамъ крестьянъ, и привело ихъ въ «крайнее изнеможение и бъдность, почему они и понуждены говорить госпожъ своей, что имъ очень тягостно».

Случаевъ наказанія по приговору земскаго суда въ Владимірской губерніи было очень мало, и они касались единицъ.

Въ заключеніе нашей замѣтки мы позволимъ себѣ остановиться на роли сельскаго духовенства въ этомъ движеніи. Хотя де-Пуле имѣлъ въ своемъ распоряженіи значительно больше матеріаловъ, но онъ объ участіи духовенства говорить предположительно. Изъ документальныхъ данныхъ канцеляріи владимірскаго губернатора видно, что нзъ всѣхъ случаевъ обращенія крестьянъ къ священнику для привода ихъ къ присягѣ въ «единомысліи», отказъ послѣдовалъ только однажды. А въ иѣкоторыхъ мѣстахъ духовенство прямо-таки стояло на сторонѣ крестьянъ. Мягкій и снисходительный къ «бунтовавшимъ» сенаторъ Лазаревъ о священникѣ села Скомова писалъ, что онъ «подалъ видимый поводъ къ возмущенію народа», и приказалъ чрезъ нижній земскій судъ «отослать его въ суздальскую духовную консисторію за стражею», послѣ того какъ этогь священникъ отказался слушать исправника, требовавшаго его явиться въ судъ.

Священникъ с. Дубенокъ, Николай Ивановъ, не только не приводилъ крестьянъ къ присягъ, но писалъ имъ приговоръ, уговаривая «стоять за одно», и, будучи пьяный, прикладывалъ за нихъ къ тому приговору по просъбъ ихъ руку.

Наконецъ, изъ дѣла Дмитрія Константинова выяснилось, что «приходскіе священники не въ надлежащей силѣ давали смыслъ объявленному имъ отъ духовнаго правительства высочайшему его величества повелѣнію, состоявшемуся въ 12-й день декабря 1796 года, о подачѣ жалобъ или прошеній не инако, какъ каждый отъ себя, не подписываясь болѣе одного человѣка».

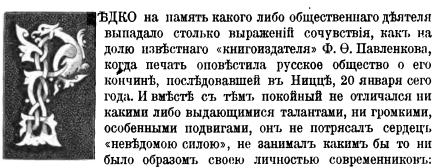
В. Рудаковъ.

ФЛОРЕНТІЙ ӨЕЛОРОВИЧЪ ПАВЛЕНКОВЪ.

(Некрологъ).

это быль простой труженикъ, страстно любившій свое дёло, преданный ему до самозабвенія и положившій въ это дёло всё свои силы, весь умъ, всю жизнь. Книгоиздатель... простой книгоиздатель — подъ этимъ наименованіемъ зналъ почти весь грамотный русскій людъ покойнаго Павленкова, и тімъ не менте съ этимъ именемъ связывались удивительно интересныя и даже знаменательныя страницы нашей общественной жизни просвытительнаго, прогрессивнаго характера за последнее тридцатилетие. Можно безъ преувеличенія сказать, что, когда будеть написана полная и истинная исторія издательскаго д'яла Павленкова во вс'яхъ ея подробностяхъ, изгибахъ и съ закулиснымъ фономъ, мы будемъ имъть тогда въ значительной мъръ исторію умственныхъ теченій и развитія прогрессивныхъ идей за указанный періодъ. Г. Скабичевскому, между прочимъ, придется въ такомъ случав добавить къ его извъстной «Исторіи русской цензуры» немало любонытныхъ страницъ яркаго характера и знаменательнаго содержанія...

Павленковъ родился въ 1839 г., въ Тамбовской губ. Свёдёній о его родителяхъ, раннемъ дётствё и юношескихъ кадетскихъ годахъ въ печати не имъется. Кажется, покойный, нелюбитель вообще говорить о себъ лично, ничего и не повъдаль объ этой сторонъ жизни.

Сознательное отношение къ окружающему и память знавшихъ Павленкова застають его въ шестидесятыхъ годахъ офицеромъ артиллерійской академіи, по окончаніи которой онъ временно удаляется въ провинцію на службу при кіевскомъ и брянскомъ арсеналахъ; затъмъ онъ ищетъ себъ дъятельности на педагогическомъ поприщв, но, потерпввъ здёсь какую-то неудачу, выходить въ отставку и отдаеть себя всецёло переводческой, издательской и книгопродавческой дъятельности. Первыя свои статьи онъ помъщать въ «Артиллерійскомъ журналь», «Фотографь» и «Журналь мануфактуръ и торговли», но эти работы не могуть служить сколько нибудь характерными иллюстраціями къ складу его жизненныхъ симпатій и убъжденій. Лишь знакомство съ Д. И. Писаревымъ и увлеченіе его научно-общественными идеалами является какъ бы центральнымъ мёстомъ того періода его жизни: онъ дёлается фанатичнымъ последователемъ и правовернымъ ученикомъ молодого блестящаго критика и таковымъ остается до последнихъ своихъ дней. Въ своемъ «Вънкъ на гробъ Ф. О. Павленкова» (Сынъ Отеч., 1900 г., № 28) лично знавшій его г. Скабичевскій свид'втельствуеть, что покойный книгоиздатель «всёмъ направленіемъ своей издательской дъятельности обязанъ былъ идеямъ Писарева, призывамъ его всей литературы заняться распространеніемъ естественно-научныхъ знаній путемъ переводовъ и популярныхъ изложеній европейскихъ мыслителей и ученыхъ. Павленковъ принялся за осуществление именно того, къ чему побуждалъ его любимый и обожаемый учитель. Недаромъ въ продолжение всей своей жизни онъ питалъ къ Писареву по истинъ, можно сказать, «чувство благоговънія». Цервымъ актомъ выраженія этого «чувства» было научное изданіе и переводъ «Полнаго курса физики Гано», а слъдующимъ — изданіе сочиненій самого учителя, второй томъ котораго вызваль надёлавшее въ свое время столько шума судебное преследование. Въ следъ же за смертью молодого критика, Павленковъ, не имъя на то назлежащаго разрешенія, открыль подписку ему на памятникь, следствіемъ чего была его продолжительная ссылка въ Вятку. Это административное взыскание не сломило силъ убъжденнаго послъдователя ярко-прогрессивныхъ идей нашего періода «бури и натиска», и онъ остался и въ Вяткъ и по возвращении въ Петербургъ все тымь же правовырнымь «шестидесятникомь», для котораго служеніе «идев» стояло выше всего въ жизни.

«Изгнанникъ» не долго томился въ бездъйствіи; и вскоръ публика увидала имъ изданную «Наглядную азбуку», удостоенную,

между прочимъ, почетнаго отзыва на вънской всемірной выставкъ (1873), а также «Вятскую незабудку», опять-таки вызвавшую противъ него судебный процессъ. Эта неугомонность послужила основаніемъ перевода его въ Ядуторовскъ (Тобольской губерніи), откуда вернуться ему удалось лишь въ 1881 году, съ какового времени научно-издательская дъятельность его принимаеть обширнъйшіе размъры и ставитъ его имя въ ряду первоклассныхъ книгоиздателей нашего отечества. Дать полный перечень того, что имъ пущено въ обращение на рынокъ и въ грамотную массу, значило бы напечатать нъсколько страницъ названій. Главнъйшими, однако, изданіями следуеть считать: по литературь-сочиненія Пушкина, Лермонтова, Бълинскаго, Писарева, 1'л. Успенскаго, Шелгунова, Скабичевскаго, Потапенко, Ръшетникова, Диккенса, Эркманъ-Шатріана, Н. Яковлевой; популярно-научныя сочиненія—Вундта, Брэма, Герцена, Ланге, Липперта, Летурно, Ломброзо, Монтегацца, Милля, Моссо, Нимейера, Пейэ, Рибо, Сигеле, Тарда, Уарда, Фламмаріона, М. Нордау; для дътей — сочиненія Андерсена, Ворисгофера, Вальтеръ-Скотта, Диккенса, Засодимскаго, Круглова, Конради, Ламе-Флери, В. Острогорскаго, Сервантеса, Федо и друг.; наконецъ, слъдуютъ обширныя серіи изданій «Біографической библіотеки», коей вышло около 185 книжекъ, каждая цёною по 25 к., «Популярно-научной библіотеки», «Библіотеки полезныхъ знаній», «Популярно-юридической библіотеки», «Сказочной библіотеки», «Пушкинской», и «Лермонтовской библіотеки». Последнимъ его капитальнымъ изданіемъ быль дешевый «Энциклопедическій словарь», а не задолго до смерти имъ пріобрътено было право на полное изданіе сочиненій А. И. Герцена, нъкоторыя изъ произведеній котораго онъ полагаль уже своевременнымъ и возможнымъ пустить въ обращение въ русскую публику. Это изданіе ему, однако, не удалось осуществить, и забота о томъ, кажется, должна лечь на тъ литературныя учрежденія, которыя, по воль покойнаго, наслыдовали его литературныя права.

Всматриваясь въ приведенный выше списокъ изданій Павленкова, мы должны признать, что это не простой рядь случайныхъ изданій, появившихся въ свёть безъ заранте обдуманнаго намтренія и замысла. Вст эти изучно-популярныя книжки должны быть разсматриваемы, какъ непосредственное осуществленіе идей «учителя», въ видахъ распространенія въ обществт естественнонаучныхъ, антропологическихъ и соціологическихъ знаній. «Павленковъ,—утверждаетъ г. Скабичевскій, — избталь строго и спеціально ученыхъ книжекъ, оставляя ихъ на долю другихъ издателей, самъ же избиралъ именно наиболте популярныя и общедоступныя. Въ этомъ до самой смерти его заключалась коренная, такъ сказать, его дтятельность». Помимо цтлей идейнаго подбора, онъ руководился въ своей просвтительной работт и иного рода задачей, а именно сдтлать книжку возможно доступнте для массы.

Аристократія знаній, верхушки интеллигенціи его мало интересовали: онт былъ служителемъ толпы въ лучшемъ смыслѣ этого слова, и ей несъ всѣ свои помыслы и заботы. Пропаганда идей извѣстнаго сорта именно въ массѣ—вотъ тотъ мотивъ, который громко звучалъ во всѣхъ фазахъ развитія его книгоиздательской дѣятельности, начиная съ «Наглядной азбуки» и кончая думами объ изданіи сочиненій автора «Кто виновать?»

Г. Рубакинъ въ своемъ некрологъ Павленкова вполнъ справедливо говорить по настоящему предмету (Сынъ Отеч., № 22): «Въ теченіе своей слишкомъ тридцатильтней дъятельности онъ издаль многіе милліоны научно-популярныхъ книжекъ самаго разнообразнаго содержанія. Онъ съумъль пустить ихъ въ обороть въ самые широкіе круги русской читающей публики. Онъ больше чёмъ кто либо сделалъ для этой последней. Онъ сделалъ научную книгу и интересной, и доступной для русскаго читателя. И не только для читателя средняго, но и для читателя изъ народа. До Павленкова на книжномъ рынкѣ почти не существовало научно-популярныхъ книгъ, столь доступныхъ по цънъ. Онъ одинъ изъ первыхъ удешевилъ книгу и открылъ ей такимъ образомъ широкій сбыть. Цёлый рядъ книгъ, выдвинутыхъ Павленковымъ на книжный рынокъ, выдержалъ по нъсколько изданій, и съ каждымъ новымъ изданіемъ Павленковъ все болѣе и болѣе удешевлялъ ихъ». Г. Рубакинъ, бывшій близкимъ зрителемъ издательской діятельности Павленкова, свидетельствуеть, что последній быль истиннымъ фанатикомъ своего дела, который жиль въ своемъ деле, дышаль имъ и даже въ последніе дни своей жизни неустанно работаль, читаль и правиль рукописи; лежа на смертномъ одръ, онъ еще диктовалъ распоряженія и дълился съ г. Рубакинымъ своими проектами, которыхъ у него всегда была масса, словно торопился сдёлать сколь возможно больше, сколь возможно скорбе. «Разбитый и больной тёломъ, онъ быль необыкновенно бодръ духомъ; находясь при смерти, быль также бодръ, какъ и во время своего знаменитаго процесса по первому изданію сочиненій Писарева».

Какъ человѣкъ, Павленковъ быль по внѣшнему виду угрюмый и суровый, но на самомъ дѣлѣ въ душѣ чрезвычайно добрымъ, отзывчивымъ и уступчивымъ. Образъ его жизни былъ донельзя скроменъ, и онъ рѣшительно не чувствовалъ никакой потребности въ комфортѣ и наслажденіяхъ жизни; послѣднія связывались въ его представленіи съ удачами по тому дѣлу, которому онъ служилъ и къ которому такъ страстно былъ привязанъ. Его небольшая квартира, обѣденный столъ и весь режимъ смахивали на жизнь какогото не то неприхотливаго ученаго, цѣликомъ погруженнаго въ интересы духа и истины, не то мудреца-отшельника, которому чуждо все тлѣнное и земное. Весь его день былъ посвященъ огромной работѣ, переговорамъ съ работникамъ и заботамъ о послѣднихъ. Въ

своихъ воспоминаніяхъ о покойномъ, напечатанныхъ въ «Бессарабцѣ» (№ 37), г. Абрамовъ говорить: «Мнѣ въ теченіе почти 20лътней литературной работы пришлось имъть дъло съ значительнымъ числомъ издателей, какъ періодическихъ изданій, такъ и книгъ, и я считаю себя вправъ заявить, что другого такого безсребренника, какъ Ф. Павленковъ, я не видълъ среди этихъ издателей. Онъ платилъ за работу такъ, какъ ни одинъ книжный издатель. При мальйшемъ недоразумъніи, при мальйшемъ неудовольствін со стороны сотрудника, Павленковъ, хотя бы считалъ себя безусловно правымъ, немедленно же уступалъ во всёхъ пунктахъ и ушлачивать безпрекословно все, что претендующій считаль себя виравъ получить. Никогда, ръшительно никогда, я не слышалъ отъ Павленкова выраженія хотя бы мальйшаго неудовольствія на того или иного изълицъ, которыя работали для его изданій, хотя между ними были и люди крайне тяжелаго характера, предъявлявшія прямо нелъщия претензіи. Кругь лицъ, съ которыми работалъ Павленковъ, представлялся ему чёмъ-то въ роде одной семьи, все члены которой имбють право на то, что создаеть вся эта семья, и такъ какъ на то, что давали ему изданія, Павленковъ смотрель не какъ на свое достояніе, а какъ на достояніе всехъ, работавшихъ съ нимъ, то онъ и считалъ себя обязаннымъ удовлетворять всв претензіи со стороны своихъ сотрудниковъ относительно вознагражденія ихъ труда».

Несмотря на то, что обороты торговли Павленкова были значительны (къ началу 1880-хъ годовъ годовой оборотъ составлялъ 20.000 р., а.къ концу жизни достигалъ 220.000 р.), онъ не искалъ отсюда себь барышей и не дълалъ значительныхъ отчисленій: почти всв прибыли и излишки шли опять-таки на расширеніе книжнаго его дъла и вкладывались снова въ предпріятія. И, только благодаря такой энергичной системъ, ему и удавалось буквально заполонять своими книгами и брошюрами рынокъ и итти на встръчу симпатіямъ и стремленіямъ своей обширной аудиторіи потребителей. Свою связь съ читателями и исторіей просв'єщенія Павленковъ закр'ьпилъ, такъ сказать, и посмертно. Онъ завъщаль все свое обширное книжное богатство и наличные капиталы частію народнымъ читальнямъ и библіотекамъ, частію литературному фонду, частію союзу писателей, коего быль почти съ основанія членомъ. Лишь незначительная часть досталась кому-то изъ родственниковъ и близкихъ. Эта послъдняя воля неутомимаго книжника удивительно гармонично заключаетъ собою его дъятельность и навсегда связываетъ его имя съ семьей русскихъ литераторовъ и русскихъ читателей, на которыхъ онъ такъ долго и любовно поработалъ при жизни. Поэтому по всей справедливости тьло его нашло себь вычное упокоеніе на литераторскихъ містахъ Волкова кладбища, близъ могилъ тъхъ ему дорогихъ писателей-публицистовъ, коихъ онъ былъ

издателемъ, и ради которыхъ онъ нѣкогда даже пострадалъ. Всѣ, присутствовавшіе на похоронахъ этого необыкновеннаго труженика русской мысли, единодушно признавали, что въ его лицѣ наше общество понесло тяжкую утрату, которая врядъ ли скоро можетъ быть восполнена и чѣмъ нибудь смягчена, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что у многихъ изъ столпившихся близъ свѣжей могилы невольно раждалось сравненіе дѣятельности Флорентія Өедоровича съ дѣятельностью незабвеннаго создателя просвѣщенія на Руси—Н. И. Новикова.

Б. Г.

ЗАГОВОРЪ.

Изъ воспоминаній Ферфаска Мидльтона о генералъ Вашингтонъ.

Разсказъ Клинтона Росса.

ВЧЕРА встрётиль въ Виндзорѣ англійскаго короля, Вильгельма IV. Онъ ѣхалъ очень скоро въ карстѣ и показался мнѣ красивымъ, краснощекимъ представителемъ Ганноверскаго дома. На своемъ вѣку, преимущественно посвященномъ службѣ моей родинѣ, я видѣлъ трехъ королей этого дома: Георга II, съ которымъ мы вели борьбу; Георга III, прозваннаго «первымъ джентельменомъ Европы», и теперь подъ старость его величество. Смотря на

него въ каретъ съ напудреннымъ кучеромъ и среди сбъжавшихся отовсюду, низко кланявшихся ему, виндзорцевъ, я вспомниль о томъ, какъ въ 1782 году послъ пораженія лорда Корнваллиса онъ быль послань шестнадцатильтнимь юношей и въ чинъ мичмана къ намъ въ Америку съ адмираломъ Дигби. Король, его отецъ, надъялся, что присутствіе принца королевской крови возбудить въ американцахъ върноподданническія чувства и вернеть ему хоть нъсколько отвернувшихся отъ него подданныхъ. Всв знають, что тогда случилось, и какъ полковникъ Матіасъ Огденъ изъ Джерсея предложилть въ Мористонъ, 28 марта 1782 г., переправиться въ лодкахъ на противоположный берегь, гдё находился принцъ съ адмираломъ, и, пользуясь темной, дождливой ночью, схватить ихъ обоихъ. Этотъ планъ очень понравился нашему главнокомандующему, который находился въ прекрасномъ настроеніи, благодаря недавней побъдъ при Іоркъ-Тоунъ и полной увъренности въ окончательномъ торжествъ родины. Его превосходительство предупредиль, однако,

полковника Огдена, что надо было дѣйствовать очень осторожно и оказывать должное уваженіе къ нейтральной полосѣоть Нью-Іорка до Ратвея и на четыре мили позади. У меня теперь предъ глазами инструкція, данная генераломъ Огдену, и она оканчивалась словами: «Предпріимчивый духъ, которымъ отличается вашъ планъ поймать врасплохъ въ ихъ главной квартирѣ принца Вильяма-Генри и адмирала Дигби, заслуживаеть полнаго одобренія».

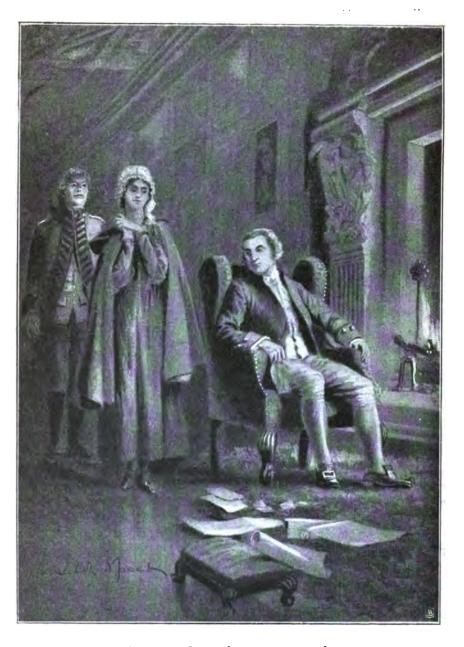
Трудно себѣ представить попытку смѣлѣе той, какую задумать Огденъ и хотѣлъ совершить съ двумя офицерами, тремя сержантами и тридцатью-шестью солдатами. Эта именно смѣлость и пришлась по душѣ генералу, который самъ выказалъ столько смѣлости и одержалъ побѣду, несмотря на всѣ препятствія. Припоминая все это, я сравниваю съ ганноверскими принцами, которые въ сущности вовсе не англичане, виргинскаго джентльмена, перваго главнокомандующаго американской арміей, величайшаго англо-саксонца. Дѣйствительно, послѣ всего, что случилось, англичане и мы, американцы, все-таки остаемся англо-саксонцами, а величайшими англо-саксонцами, когда либо жившими на свѣтѣ, были король Генрихъ У, одержавшій побѣду при Аженкурѣ, Кромвель, который заставиль весь свѣтъ уважать англійское оружіе, и Вашинітонъ, который заставиль самихъ англичанъ бояться англійскаго оружія.

Но попытка взять въ плънъ англійскаго принца не удалась. Историки говорять, что она случайно сдълалась извъстною англичанамъ. Но настоящія обстоятельства этого дъла я теперь впервые разскажу.

21 апрѣля, какъ мнѣ помнится, генераль написаль полковнику Огдену, что, согласно полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, сэръ Генра Дигби удвоилъ караулъ вокругъ дома, гдѣ находился принцъ, о чемъ, прибавлялось въ письмѣ, я считаю необходимымъ васъ увѣдомить.>.

Спустя три дня, вечеромъ, часовъ въ 10, генералъ сидъть у тонившагося камина, такъ какъ въ его домі въ Ньюбургь было холодновато. Онъ только что окончилъ свою тяжелую дневную работу, которая своими мелочными заботами казалась ему въ эти первые дни мира гораздо непріятніве военныхъ тревогь. Только что ушелъ послівдній посітитель, и онъ разсматривалъ свои частныя бумаги, касавшіяся одного его виргинскаго помістья.

- Васъ желають видёть, ваше превосходительство, —произнесь ординарецъ, входя въ комнату.
- Въ такое позднее время, —произнесъ Вашингтонъ усталымъ голосомъ: —я въдь сказалъ...
- Но вы ранъе приказали допустить всякаго, кто явится оть полковника Оглена.
- Оть полковника Огдена?—повториль съ любопытствомъ генераль.

Я желала бы видъть васъ наединъ.

17

- Да, ваше превосходительство, но только молодая женщина.
- Какая молодая женщина?
- Поселянка.
- Но увърены ли вы, что она отъ полковника Огдена?
- Она сказала пароль и увъряеть, что онъ прислаль ее.

Вашингтонъ минуту колебался, но потомъ велѣлъ впустить странную посѣтительницу.

Спустя минуту, въ комнату вошла молодая дѣвушка лѣтъ девятнадцати, просто и даже грубо одѣтая, но безспорно красивая. Она застѣнчиво поклонилась, и ея голубые глаза избѣгали взгляда Вашингтона.

- Я желала бы видеть васъ наедине, —сказала она.
- Оставьте насъ и заприте за собою дверь, Джудсонъ. Ординарецъ повиновался.
- Hy?

Она вынула изъ-за пазухи письмо и сказала:

- Отъ полковника Огдена къ вашему превосходительству.
- A вы—кто?
- Дочь Тома Суливана, хозяина трактира «Черная лошадь: на южной дорогъ.

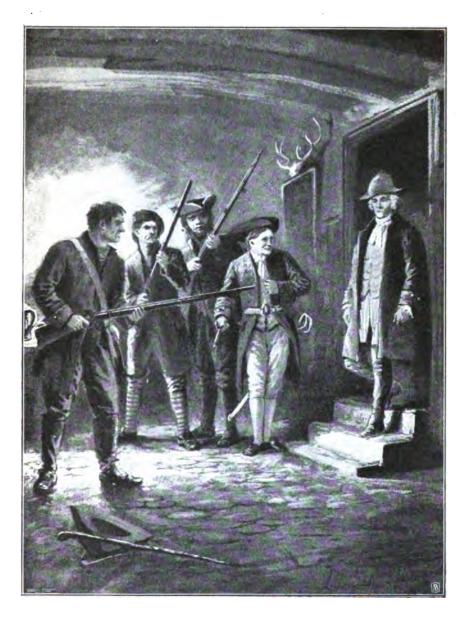
Вашингтонъ распечаталъ письмо и прочелъ следующее:

«Ваше превосходительство, мит необходимо видёть васъ сегодня ночью въ трактирт «Черная лошадь». Я не смею явиться въ Ньюбургъ, потому что за мою следятъ шпіоны; вамъ известно, что они знають о моей попыткт, но я надёнось все-таки одержать успёхъ. Я хочу попытать счастье послезавтра, утромъ, на заре, когда все тихо, если, конечно, погода будетъ благопріятствовать. Но мит прежде надо видёть лично ваше превосходительство. Я не желаль бы, чтобы кто нибудь подозреваль о моемъ отсутствій изъ Джерсея, поэтому я прошу васъ прітхать ко мит въ трактиръ «Черная лошадь». Я уверенъ въ своемъ успёхть, но долженъ прежде поговорить съ вами о томъ, о чемъ пельзя писать. Я не могъ найти другого посланнаго, какъ эту дъвушку».

- Странно,—промолвилъ Вашингтонъ,—я что-то не понимаю. Онъ обернулся къ молодой дівушкі, которая стояла, опустивь голову, словно стыдясь чего-то.
 - Это почеркъ полковника Огдена?
 - Я видела, какъ онъ писалъ письмо вашей милости.
- Но трактиръ вашего отца отстоитъ отъ Ньюбурга только въ 10-ти миляхъ. Если полковникъ Огденъ находится такъ близко отсюда, такъ отчего же онъ не прівдетъ ко мив?

Огденъ въ письмъ объяснилъ, почему онъ не могь прівхать къ Ньюбургъ, но Вашингтонъ задалъ этотъ вопросъ, чтобъ посмотръть, какое онъ произведеть впечатлъніе на молодую дъвушку.

Она спокойно взглянула на него, и лицо ея не дрогнуло.

Представившееся ему эрълище заставило его остановиться на порогь.

- Я не знаю, —отвъчала она, —онъ далъ моему отцу двадцать долларовъ, чтобы доставить вамъ это письмо.
 - А вашъ отецъ?
- Онъ страдаетъ ревматизмомъ, и у него не было никого послать, кромъ меня.
 - А вы не боялись?
- Я знаю мъстность, и полковникъ Огденъ далъ мит нароль. Генералъ внимательно посмотрълъ на молодую дъвушку, но ея лицо не выдавало ни малъйшаго смущенія. Тогда онъ сталь обдумывать письмо слово за словомъ. Конечно, почеркъ былъ нолковника Огдена, хотя онъ, повидимому, торопился. Зная Огдена, онъ былъ увъренъ, что, подобно самому Вашингтону, онъ не откажется отъ задуманнаго предпріятія только потому, что по пути встрътились опасныя преграды. Что же касается до него самого, то онъ былъ обязанъ поддержать Огдена, такъ какъ онъ одобрилъ его планъ.
 - Джудсонъ!-крикнулъ онъ, наконецъ.
- Ваше превосходительство,—произнесъ ординарецъ, показываясь въ дверяхъ.
- Прикажите съдлать мою лошадь и попросите капитана Бринтопа съ тремя солдатами быть наготовъ, я поъду за городъ.
 - Ваше превосходительство.
- Больше вамъ нътъ приказаній. Я вернусь... погодите, теперь половина одиннадцатаго... ну, скажемъ, что я вернусь къ половинъ третьяго.

Когда Джудсонъ удалился, то Вашингтонъ снова посмотрѣль подозрительно на молодую дѣвушку. Не хотѣли ли его поймать въ ловушку? Можетъ быть. Онъ взглянулъ на письмо. Нѣтъ, рѣшительно это былъ почеркъ Огдена.

- Вы на чемъ прітхали сюда?
- На старой отцовской лошади.
- Она на улицъ?
- Да.
- Ступайте, я сейчасъ поъду съ вами.

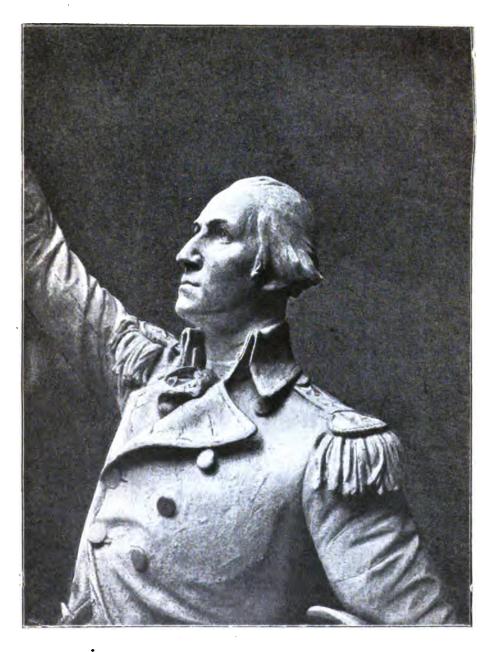
Когда вышелъ генералъ, то капитанъ Бринтонъ съ удивленіемъ посмотрёлъ на него, на молодую дёвуку и на ея лошадь.

— Никакихъ вопросовъ, капитанъ. На коней!—произнесъ Вашингтонъ.

Ординарецъ Джудсонъ смотрълъ вслъдъ всадникамъ, пока они исчезли въ темнотъ.

— Я слышаль, какъ молодая дввушка сказала, что она изъ трактира «Черной лошади», — промолвиль онъ и поспъшно пошелъ передать приказаніе генерала майору Сигрову.

Вашингтону пришлось такть по ужасной проселочной дорогь, но онъ не обращаль на это вниманія и думаль о многихъ темныхъ ночахъ, которыя онъ провель въ последніе годы на подоб-

Голова конной статуи Вашингтона, которая будеть открыта въ Парижѣ 19 апрѣля 1900 г.

ныхъ дорогахъ. Онъ думалъ о Лонгъ-Айлендъ и пораженіяхъ; онъ думалъ о Трентенъ и побъдъ; онъ думалъ о враждъ, ссорахъ и зависти, съ которыми ему приходилось бороться на конгрессъ. Всетаки онъ одержалъ побъду! Нація, заявившая себя независимою 4-го іюля 1676 года, настояла на своемъ.

Видя задумчивость генерала, Бринтонъ не нарушалъ тишины. Молодая дъвушка также молчала. Три солдата позади разговаривали между собою въ полголоса.

Сырой, теплый воздухъ дышалъ весной; усталость, которую чувствоваль Вашингтонъ въ четырехъ стѣнахъ небольшой комнаты въ Ньюбургскомъ домѣ, теперь совершенно исчезла, и онъ быль очень доволенъ, что Огденъ послалъ за нимъ.

Благодаря дурнымъ дорогамъ, они уже послѣ полуночи увидаля огоньки въ окнахъ «Черной лошади». Молодая дѣвушка обогнала своихъ спутниковъ и, быстро соскочивъ съ лошади, встрѣтила ихъ у дверей дома.

- Неугодно ли вашему превосходительству приказать вашимъ солдатамъ пройти въ буфетъ?—сказала она.
- A полковникъ Огденъ наверху и не желаетъ, чтобы его видъли?
 - Точно такъ, ваше превосходительство.
- Пойдите съ солдатами въ буфетъ, сказалъ Вашингтонъ, обращаясь къ Бринтону, который хотълъ слъдовать за нимъ, в угостите ихъ пивомъ. Въдь ночь холодная, прибавилъ онъ, заботясь, какъ всегда, о своихъ солдатахъ.

Трактиръ казался пустымъ. Въ буфетъ не было никого, и подъ очагомъ тлъло обуглившееся полъно.

Сказавъ еще два слова Бринтону насчеть необходимой осторожности, Вашингтонъ поднялся вслёдъ за молодой дёвушкой по лёстницё. Она остановилась у двери, изъ-подъ которой виднёлся свёть, и, отворивъ ее, отшатнулась, чтобы пропустить впередъ генерала.

Войдя въ бъдную плохо меблированную комнату, онъ хотъть тотчасъ повернуть назадъ, но представившееся ему зрълище заставило его остановиться на порогъ.

При мерцаніи одной свъчки онъ увидълъ трехъ человъкъ, державшихъ ружья наготовъ, а какой-то юноша въ статской одеждь, но съ саблей подошелъ къ нему съ саркастической улыбкой торжества.

— Вмѣсто того, чтобы взять въ плѣнъ его королевское высочество,—сказалъ онъ:—я имѣю честь объявить вашему превосходительству, что вы сами плѣнникъ.

Съ минуту Вашингтонъ колебался, не зная, на что рѣшиться, но его противники не замѣтили, однако, чтобы дрогнулъ малѣйшій мускулъ въ его лицъ.

- Вы, въроятно, принадлежите къ отряду полковника Деланея? спросилъ онъ наконецъ.
- Точно такъ, сэръ,—отвъчалъ юноша, невольно смотря съ уваженіемъ на хладнокровное самообладаніе генерала.

Въ эту минуту внизу послышался шумъ и бряцаніе оружія.

- Бъдный Бринтонъ, промолвилъ Вашингтонъ.
- Всякое сопротивленіе излишне,—отвѣчалъ юноша:—насъ двадцать человѣкъ.
- Понимаю, —произнесъ Вашингтонъ совершенно спокойно. Но позвольте миѣ сѣсть, я проѣхалъ десять миль. Скажите, пожалуйста, какъ вы такъ ловко поддѣлали почеркъ полковника Огдена?
- Я набиль себъ руку. Меня вовуть Филиппъ Дандриджъ, и я быль до войны школьнымъ учителемъ.
 - А теперь стали торіемъ и врагомъ своей родины.
- Я подданный короля, сэръ, отвъчалъ юноша, насупивъ брови.
- И ловкій, умный подданный,—зам'єтиль генераль, какъ бы обсуждая только интеллектуальную сторону случившейся съ нимъ непріятности.
- Можетъ быть,—отвъчалъ юноша, чувствуя себя какъ-то неловко.
- Я полагаю, —продолжать Вашингтонъ, —что вашъ планъ гораздо остроумнъе того, который задуманъ полковникомъ Огденомъ. Вы просто въ совершенствъ поддълали почеркъ Огдена. Я желалъ бы...
 - Yero?
 - Чтобы вы были вигомъ и защитникомъ своей родины.
- Я доволенъ и своимъ положеніемъ торія, особенно теперь, когда я взяль въ плінъ ваше превосходительство. Это поможеть намъ вернуть королю его колоніи.

И онъ захохоталъ торжествующимъ смѣхомъ. Его товарищи сочувственно посмотрѣли на него, но молчали, какъ бы пораженные присутствіемъ великаго американца, хотя и плѣннаго. Молодая дѣвушка стояла въ дверяхъ, словно очарованная.

- A не пора ли намъ увезти его отсюда?—промолвилъ одинъ изъ людей съ ружъями.
- Филь,—воскликнула молодая дѣвушка, неожиданно подбѣгая, къ юношѣ:—что это такое!

Извив слышался лошадиный топоть. Всв побледивли, кроме генерала, и на лице юноши показалось выражение затравленнаго зверя.

- Проклятый вы человъкь, генераль Вашингтонъ!—промолвиль онъ съ отчаяніемъ.
- Друзья моя,—сказалъ главнокомандующій, положивъ руку на свою шиагу:—вы думали, что я—дуракъ. Правда, я почти по-

върилъ вашей хитрой запискъ и ръшился самъ изслъдовать дъло, но вмъстъ съ тъмъ приказалъ, по секрету отъ вашей посланной, своему ординарцу передать майору Сигрову предписаніе посиъщить сюда съ сотней солдать.

Снаружи послышались крики и посившные шаги на лъстницъ. Товарищи юноши бросились къ окну со страхомъ, но онъ остался неподвиженъ. Молодая дъвушка прижалась къ нему и горько плакала.

Черезъ минуту въ комнату вбъжали майоръ Сигровъ и освобожденный имъ Бринтонъ; а за ними виднълись солдаты съ ружьями.

- Ваше превосходительство, воскликнулъ Сигровъ, вы здоровы и невредимы?
 - Да.
 - Внизу пятнадцать пленныхъ, а три убежали.
- Погодите, произнесъ генералъ, здъсь еще четверо, т.-е. пятеро, считая молодую дъвушку.

Она бросилась передъ нимъ на колвни и воскликнула съ жаромъ:

— О генералъ Вашингтонъ, это мой мужъ, простите его, простите его!

Генералъ повернулся къ ней, такъ какъ женскія слезы и улыбки всегда дъйствовали на него.

- Встаньте,—сказалъ онъ:—человъкъ, посылающій васъ на такое опасное дъло, не достоинъ быть вашимъ мужемъ.
 - Я сама вызвалась, отвъчала она, всхлипывая.

Сигровъ и солдаты смотръли съ удивленіемъ на эту сцену, и генераль быль принужденъ отголкнуть отъ себя молодую дъвушку. Дандриджъ, скрестивъ руки на груди, ждалъ, чъмъ все это кончится.

- Я полагаю, что полковникъ Огденъ не возьметь въ плънъ принца и адмирала,—сказалъ съ улыбкой Вашингтонъ.
 - И я также полагаю, —повториль Дандриджъ, насупивъ брови.
 - Вы едва не поставили меня на ихъ мъсто.
- Мнѣ это удалось бы, если бы вы не были такъ дьявольски умны, ваше превосходительство.
- Дандриджъ, —произнесъ строго генералъ, —вы лично виновны передо мной, и я думаю, что могу произнести надъ вами приговоръ, безъ всякаго военнаго суда.
 - Что вы хотите сказать?—промолвиль юноша, побледневь.
- Майоръ Сигровъ, продолжалъ генералъ: отпустите илънныхъ.
 - Но, ваше превосходительство...
 - Вы слышали?
- Что это значить, генераль? спросиль одинь изъ товарищей Дандриджа, не въря своимъ ушамъ.

- Это значить, что вы вст свободны.
- Почему?
- Потому что лежачихъ не бьють, потому что война кончена, потому что всё торін и такъ много пострадають по вол'є конгресса, и потому что я желаю какъ можно бол'є вернуть торіевь Соединеннымъ Штатамъ.
- Да благословить Господь ваше превосходительство, промолвилъ женскій голосъ.
- Господь благословиль того человъка, у котораго такая жена, какъ вы.
 - Я решительно ничего не понимаю, произнесъ Дандриджъ.
- Можеть быть,—отвъчаль съ презрительной улыбкой Вашингтонъ.
- Да, но я сознаю, произнесъ смиреннымъ тономъ Дандриджъ, что вы, генералъ, болъе великій человъкъ, чъмъ король Георгъ.
- Полноте,—отвъчалъ Вашингтонъ,—мы заявили и доказали на фактъ, что всъ люди свободны и равны. Ну, прощайте, друзья мои. Мнъ далеко ъхать до Ньюбурга.

Вашингтонъ поклонился всёмъ присутствующимъ и пошелъ по лёстнигь.

— Ура генералу Вашингтону!—воскликнула молодая женщина, и этотъ крикъ былъ дружно поддержанъ всёми, какъ его недавними врагами, такъ и его солдатами.

Громкое эхо разнесло этотъ крикъ по всей окрестной странъ, среди ночной тишины, и многіе изъ сосъднихъ жителей; неожиданно проснувшись, недоумъвали, зачъмъ кричатъ «ура» въ такое позднее время.

По дорогъ домой Сигровъ заговорилъ съ Вашингтономъ:

- Вы видите, все готово. Вы сегодня прекрасно поступили. Генералъ ничего не отвъчалъ.
- Вы получили письмо отъ полковника Николаса?—продолжалъ Сигровъ... армія требуеть твердаго центральнаго правительства. Всѣ хотятъ... чтобы ваше превосходительство были королемъ.
- Развѣ вы такой же дуракъ, какъ другіе, Сигровъ?—произнесъ Вашингтонъ.— Неужели вы также хотите низвергнуть все, что мы воздвигли?
 - Но въдь это лучше... это единственное средство...
- Хорошо,—перебилъ его Вашингтонъ,—что я достаточно благоразуменъ и не даю воли своему честолюбію, а то мои друзья легко перешли бы изъ дураковъ въ измённики.
- Значить, вы отказались? спросиль Сигровъ дрожавшимъ отъ волненія голосомъ.
- Я отвічаль полковнику Николасу и его друзьямь, среди которыхь находитесь и вы, майоръ Сигровъ, просьбой образумиться.

Если вы всѣ забыли, то я помню, что мое единственное достоинство—быть первымъ слугой моего народа.

Онъ говориль такъ рѣшительно и такъ торжественно, **что не**возможно было ему возражать.

Майоръ прикусилъ губу, и въ продолжение получаса они молча ъхали рядомъ.

Неожиданно Вашингтонъ громко засмъялся.

- Я не могу вспомнить безъ смёха,—объясниль онъ:—эту ловкую продёлку. Я почти повёриль письму и только изъ осторожности просиль васъ послёдовать за мною съ солдатами.
- A вы, напрасно, ваше превосходительство, не спросили, кто подослалъ этихъ заговорщиковъ?—замътилъ Сигровъ.
 - Нечего было и спрашивать, я очень хорошо знаю-кто.
 - -- Вы знаете?
 - Да. Франклинъ, губернаторъ Джерсея.
 - Правда, это очень въроятно, -- согласился Сигровъ.
- А его отецъ, докторъ Франклинъ, слишкомъ полезный слуга націи, чтобы дёлать ему непріятность уличеніемъ его сына въ постыдныхъ заговорахъ.

Спустя часъ, главнокомандующій снова сидъть въ своей комнатъ, у камина, и внимательно разсматривалъ бумаги, касавшіяся его виргинскаго помъстья, такъ какъ устройство Маунтъ-Вернона интересовало его болье всего на свътъ, послъ благоденствія созданныхъ имъ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Я еще никогда не разсказывалъ этого эпизода изъ жизни Вашингтона и невольно вспомнилъ о немъ при видѣ проѣзжавшаго мимо въ каретѣ короля Вильгельма IV, который въ 1782 году былъ въ Америкѣ, подъ именемъ принца Вильяма-Генри, и едва не былъ взятъ въ плѣнъ полковникомъ Огденомъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Н. П. Лихачевъ. Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ. Часть І. Изслёдованіе и описаніе филиграней. Часть ІІ. Предметный и хронологическій указатели. Часть ІІІ. Альбомъ снимковъ. Изданіе общества любителей древней письменности. Спб. 1899.

ЫВАЮТЬ въ наукъ вопросы, которые весьма тщательно и весьма осторожно обходить большинство ученыхъ дъятелей... Всъ признають значение этихъ вопросовъ для науки, признають даже настоятельную необходимость ихъ разръшенія, потому что отъ него зависять многіе важные выводы, а иногда на немъ могуть быть обоснованы и цълыя научныя теоріи,—и все же благоразумно сторонятся отъ этихъ роковыхъ вопросовъ... А почему? Потому что на ръшеніе ихъ надо положить массу кропотливаго, утомительнаго труда, скучнаго по однообразію пріемовъ, по мелочности

подробностей, неблагодарнаго по той черепашьей медленности, съ которою въ подобныхъ вопросахъ изслъдователь достигаетъ выводовъ.

Къ числу подобныхъ вопросовъ, несомнънно, принадлежалъ до настоящаго времени вопросъ о водяныхъ знакахъ въ бумагъ всевозможныхъ актовъ и памятниковъ нашей рукописной старины, хотя всъми безусловно сознавалась чрезвычайная важность его въ смыслъ палеографическомъ. Этого важнаго вопроса, въ первой половинъ нынъшняго столътія, мимоходомъ, касались два любителя русской рукописной старины, а именно, въ 1824 г. вологодскій купецъ Пванъ Локтевъ издалъ свой небольшой «Опытъ въ старинной русской дипломатикъ», а двадцать лътъ спустя московскій литографъ Корнилій Тромонить выпустилъ въ свътъ свое «Пзъясненіе знаковъ, видимыхъ въ писчей бумагъ», въ которомъ 113 таблицъ заняты изображеніями знаковъ, имъ са-

мимъ скопированныхъ съ различныхъ древнихъ рукописей, хранившихся въ доступныхъ ему древнехранилищахъ. Чрезвычайно любопытенъ и назидателенъ тоть факть, что эти важныя понытки по вопросу о водяных знакахь въ бумагахъ были сдъланы русскими людьми въ ту пору, когда еще и въ Западной Европъ вопросъ этотъ оставался незатронутымъ и не обратилъ на себя серіознаго вниманія ученыхъ. Но оба эти труда были не болье, какъ трудомъ диллетантовъ, которые болбе и болбе утрачивали свою ценность, по ибре того, какъ тоть же вопрось пріобреталь серіозное значеніе вь европейском в архивоведенім и налеографіи и подвергался всестороннему разсмотрінію и детальной разработкі. Многими нашими учеными и, въ особенности, палеографами ощущалась необходимость въ серіозной и основательной разработить вопроса о водяныхъ знакахъ, какъ подспорья для болъе точнаго опредъленія времени написанія рукописи, но — увы! — не находилось ученаго, который бы взвалиль на свои плечи трудную задачу всесторонняго изученія водяных знаковъ нашей рукописной старины и притомъ основаль бы изучение этой задачи на такой общирной области наблюденій, которая была бы достаточною для того, чтобы привести къ возможности добыть строго научные и точные выводы, пригодные для разръшенія спорныхъ вопросовъ палеографіи. Такой ученый, наконецъ, нашелся, въ лицъ весьма извъстнаго своими крупными трудами и статьями по различнымъ вопросамъ русской исторической старины, Н. П. Лихачева, который быль какъ бы невольно приведенъ къ изследованию вопроса «о водяныхъ знакахъ» своимъ трудомъ «Бумага и древнъйшія бумажныя мельницы». Но такъ какъ Н. П. Лихачевъ принадлежить къ тому ръдкому у насъ типу ученыхъ, которые, принимаясь за изследование того или другого вопроса, исчерпривають его до конца, то и въ данномъ случать, посвятивъ свои труды опредъленію «палеографическаго значенія бумажныхъ водяныхъ знаковъ», Н. П. Лихачевъ не остановился ни передъ какими трудами, ни передъ какими изысканіями для того, чтобы выяснить это значеніе и указать ему надлежащее мъсто въ области налеографическаго изученія намятниковъ. Это, можетъ быть, было болъе легко для даровитаго ученаго, чъмъ для кого либо другого, потому что онь, какъ можно видъть и изъ его предшествующихъ работь, принадлежить къчислу наилучшихъ знатоковь нашей рукописной старины и тъхъ древнехранилищъ, въ которыхъ она сосредоточена; однако же, для приведенія изследованія къ определеннымъ результатамъ, потребовались большія затраты времени, труда и знанія, такъ какъ кругь наблюденій автора охватиль собою почтенную цифру 5.000 бумажныхъ актовъ, которую пришлось подвергнуть внимательному и всестороннему изученю. Многолътній и сосредоточенный трудь выразился тремя почтенными фоліантами, въ формать классическаго in 4°, въ которыхъ самое изслъдование Н. П. Лихачева занимаетъ всего 194 страницы, а для подтвержденія этихъ страницъ фактами потребовались тысячи снимковъ, тысячи справокъ и указаній, занимающихъ всю обширную вивстимость остального объема фоліантовъ. Объемь этоть настолько великъ, а самое выполнение витиней стороны изданія сопряжено было съ такими техническими затрудненіями, что, конечно, изданіе въ свъть этого труда было бы не по плечу какому бы то ни было частному лицу, и трудъ г. Лихачева остался

бы, въроятно, подъ спудомъ, если бы ему не пришло на помощь Общество древней письменности, уже получившее у насъ въ Россіи столь громкую и столь почетную извъстность своими превосходными изданіями, представляющими рядъ неоцѣненныхъ услугъ, оказанныхъ русской исторической наукъ. Такую именно существенную услугу русской наукъ оказало почтенное Общество въ данномъ случаъ, напечатавъ изслъдованіе Н. П. Лихачева, которое должно произвести весьма существенный переворотъ въ нашей отечественной палеографовъ; а съ другой—дать имъ въ руки цѣлый рядъ такихъ данныхъ, которыя въ значительной степени предохранять ихъ на будущее время отъ крупныхъ ошибокъ въ опредъленіи времени памятниковъ или отъ такихъ туманныхъ и неточныхъ указаній, при которыхъ сотня лѣтъ представляется единицею, не заслуживающею серіознаго вниманія.

Генералиссинусъ внязь Суворовъ. А. Петрушевскаго. Спб. 1900.

Въ 1884 г. г. Петрушевскій издаль превосходное сочиненіе о Суворовъ въ трекъ томакъ, составившикъ первую полную, научно разработанную біографію великаго русскаго полководца. Императорская академія наукъ увънчала трудъ г. Петрушевскаго большой макарьевской преміей.

И во второмъ изданіи книга осталась прекрасной, кипящей содержаніемъ и преисполненной захватывающаго интереса. Суворовъ у г. Петрушевскаго выходить живымь и объяснень совершенно правильно. Автору удается прослъдить жизнь своего героя во всъ періоды и сдълать понятнымь для читателя, какъ необыкновенное дарование полководца, такъ и отношения его къ событиямъ и людямъ. При этомъ г. Петрушевскій не старается повсюду во что бы то ни стало восхвалять Суворова; нътъ, онъ хочеть только возстановить его образъ наиболъе правдиво. Семилътняя война дала первую боевую практику пъхотному подполковнику Суворову, который, однако, большею частью командоваль кавалерійскими отрядами; онъ поняль войну и сразу обнаружиль крупный военный таланть, проявившійся даже въ самыхъ медкихъ его предпріятіяхъ. Война была поучительна, ибо велась противъ перваго полководца Европы, Фридриха Великаго, а такъ какъ Суворовъ быль два раза раненъ, то, конечно, онъ видъль эту войну близко. Командование Суздальскимъ пъхотнымъ полкомъ съ 1762 по 1768 г. дало возможность выработать знаменитую суворовскую военно-педагогическую систему, которой даже въ настоящее время только подражають, но не воспроизводять ея во всей цъльности. Изобразивъ сущность этой системы, г. Петрушевскій даеть рядь художественных описаній безконечныхъ военныхъ подвиговъ Суворова въ первую польскую войну 1768-1772, первую турецкую войну 1773—1774, вторую турецкую войну 1787— 1790, третью польскую войну 1794 г. Командование армией въ мирное время въ Тульчинъ позволило фельдмаршалу окончательно довести до совершенства пріемы воспитанія и обученія войскъ, записанные въ суворовскомъ катехизисъ «Наука побъждать или дъятельное военное искусство».

Попутно съ описаніемъ войнъ авторъ рисуетъ картину и частной жизни полководца. Насколько онъ былъ счастливъ на войнъ, настолько неудачно сложилась его семейная жизнь: жена его часто измъняла своему геніальному, но некрасивому мужу, который вынужденъ былъ начать противъ нея бракоразводный процессъ (напечатанъ въ «Историческомъ Въстникъ»), хотя не кончившійся ничъмъ, однако супруги разстались навсегда.

Большая часть побъдъ Суворова одержана имъ въ царствованіе Екатерины II. Въ 1796 г. великая императрица скончалась, на престолъ вступилъ Павель I, ръшившій пересоздать всь учрежденія своей матери и на другой же день съ необычайной страстностью принявшійся за реформы. Правда, при Екатеринъ въ администраціи арміи было много недостатковъ. Напримъръ, командиръ кавалерійскаго полка считалъ естественнымъ и законнымъ ежегодный доходъ въ 20-25.000 руб., тогда какъ жалованье поручика не превышало 120 рублей. Злоупотребленія дошли до того, что по отзыву современника солдаты, «обираемые и лишаемые предметовь насущной потребности, озирались, какъ бы выискать случай бъжать». Къ побъгамъ побуждало и жестокое обращение командировъ: закатить солдату двъсти палокъ считалось заурядною дисциплинарною мърою. Своеволіе полковниковъ выказывалось и во внъшнемъ видъ войскъ, въ нередко фантастической форме обмундированія. «Въ 1795 г. одинъ полковой командиръ далъ своему полку узкіе панталоны, короткія куртки, полусапожки со шнурками, вышитыя жабо и галстухи съ черно-бълыми бантами, а на гренадерскихъ киверахъ помъстиль свой гербъ». Реформы были нужны, однако реформаторы зашли слишкомъ далеко.

Авторъ чрезвычайно искусно рисуетъ характеръ дъятельности Павла I вслъдъ за восшествіемъ его на престолъ и отношеніе Суворова къ военнымъ нововведеніямъ императора. Грубые обычаи гатчинскихъ войскъ, созданныхъ Павломъ Петровичемъ, когда онъ былъ наслъдникомъ, по прусскому образцу, вводились теперь въ осгальной арміи, начиная съ петербургскаго гарнизона. Ближайшій помощникъ государя, Аракчеевъ, ругалъ преображенцевъ, не разбирая словъ, поправлялъ шапку солдатъ ударами палки, рвалъ усы. Обращеніе его съ офицерами отличалось такой же грубостью; онъ разражался площадными ругательствами при малъйшемъ поводъ. Одному изъ колонновожатыхъ далъ пощечину; заслуженнаго сотрудника Суворова, начальника свитскихъ офицеровъ (генеральнаго штаба) подполковника Лена, носившаго георгіевскій крестъ, однажды осыпалъ позорною бранью. Ленъ сдержался, безмолвно выслушалъ брань и остался при своихъ занятіяхъ до конца дня, но, вернувшись домой, написалъ Аракчееву короткое письмо и застрълился.

Г. Петрушевскій утверждаетъ, что «во взглядяхъ и поступкахъ государя высказывался порою возвышенный образъ мыслей и душевная сила»: въ примъръ приводится отношеніе его къ арестованнымъ полякамъ, главнымъ дѣятелямъ революціи 1794 г. Правильно ли здѣсь видѣть порывы великодушія? Не исходило ли это изъ желанія сдѣлатъ наперекоръ мыслямъ Екатерины II? Врядъ ли можно было разсчитывать на благодарность этихъ облагодѣтельствованныхъ поляковъ? Костюшка это доказалъ. Разбирая въ Парижѣ документы архива генеральнаго штаба о войнъ 1799 г., мы нашли письма Костюшки,

обнаруживающія его дъятельность по сформированію польских легіоновь Домбровскаго, сражавшихся съ Суворовымъ, да подготовившихъ кадры и для будущихъ походовъ противъ русскихъ.

Правда, г. Петрушевскій говорить, что «доброе и благое вь дізятельности Павла I сверкало лишь вь виді бликовь на фоні мрачной картины его преобразовательной дізятельности... Нравственная атмосфера дізлалась тяжелою до удушливости... Меніе чімь кто либо могь вь ней жить Суворовь». ІІ катастрофа разразилась.

Авторъ въ высшей степени ярко и талантливо изображаетъ, какъ постепенно зрѣла эта катастрофа, вылившаяся въ приказѣ при паролѣ 6-го февраля 1797 г., которымъ побѣдоносный фельдмаршалъ былъ отставленъ отъ службы, даже безъ мундира, а затѣмъ сосланъ въ Кончанское, въ глухое имѣнье Суворова въ Новгородской губ. Поводомъ послужило нѣсколько мелочныхъ формальностей, не исполненныхъ Суворовымъ.

Больно и до горечи обидно читать повъсть скорбныхъ дней Суворова въ Кончанскомъ, отданнаго подъ надзоръ какого-то проходимца Николева, служившаго въ тайной полиціи. Только въ 1799 г. вспомнили о талантъ Суворова, когда коалиціи европейскихъ державъ понадобился полководецъ для предводительствованія союзными войсками противъ французовъ. 9-го февраля 1799 г. онъ быль снова зачисленъ на службу фельдмаршаломъ, но безъ объявленія въ приказв. Живо и подробно (больше четверти книги) излагаеть г. Петрушевскій энаменитые походы Суворова въ 1799 г., итальянскій и швейцарскій. Теперь князь италійскій быль на верху своей славы. Въ Петербургъ готовилась торжественная встръча возвращавшемуся изъ похода генералиссимусу, цълый тріумфъ. Честолюбіе его было удовлетворено, казалось, онъ достигь полнаго счастья. Но вдругь онъ вновь подвергся неудовольствію государя по причинамъ, до сихъ поръ не разъясненнымъ и непонятнымъ. Описаніе г. Петрушевскимъ прівзда въ Петербургь больного Суворова, его постіднихъ дней, кончины и похоронъ полно глубокаго драматизма. Замъчательный русскій человъкъ скончался 6-го мая 1800 г. Передъ смертью онъ сказаль: «Долго гонялся я за славой, —все мечта: нокой души — у престола Всемогущаго».

Последняя глава книги г. Петрушевскаго: «Суворовъ историческій и легендарный», посвящена общей оценке и характеристике Суворова. Здёсь много интересныхъ объясненій автора, особенно же относительно известныхъ чудачествъ Суворова, любопытны также народныя песни о русскомъ чудобогатыре и чрезвычайно поэтичны легенды, выражающія народное представленіе о Суворове.

Отмътивъ выдающіяся достоинства сочиненія г. Петрушевскаго, мы должны сказать, что напрасно авторъ уклонился отъ почтеннаго прієма ссылокъ на источники, принятаго имъ въ первомъ изданіи; вслъдствіе этого сочиненіе во второмъ изданіи лишилось отчасти научнаго характера. Конечно, авторъ можетъ отослать читателя за справками къ первому изданію; но во второмъ изданіи прибавлено много новаго, не подкръпленнаго указаніями на источники, а потому нельзя оцѣнить это новое надлежащимъ образомъ, ибо остается неизвъстнымъ качество источниковъ, откуда сдѣланы заимствованія.

Если собственно біографическая часть сочиненія весьма сильна, то нельзя того же сказать относительно части военной, оцінки и освіщенія военных дійствій Суворова. Здісь авторь не проявляеть самостоятельности и слідуеть за источниками, можеть быть, и весьма авторитетными, но значительно устарівлыми, иногда даже не пытавшимися ділать разборь военных в операцій, а только описывавшими ихъ съ фактической стороны. Собственно говоря, обстоятельный разборь всіхть военных дійствій нашего великаго полководца еще ждеть своего историка.

Во всякомъ случав, книга г. Петрушевскаго, глубокая по мысли и написанная отличнымъ русскимъ языкомъ (иностранныхъ словъ очень мало), производить на читателя сильное, неизгладимое впечатлъніе.

Профессоръ Н. Оржовъ.

Felix de Rocca. Les assemblées politiques dans la Russie ancienne. Les Zemskié sobors. Étude historique (oeuvre posthume). Paris. 1899. Феликсъ де-Рокка. Древнерусскія политическія собранія. Земскіе соборы. Парижъ. 1899.

Еще очень недавно западно-европейское общество совершенно не знало Россіи. «Россія... это страна бѣлыхъ медвѣдей, гдѣ вѣчно снѣгъ и le moujik ѣздилъ на trojka» — вотъ тѣ куріозныя свѣдѣнія, которыми довольствовалось большинство европейцевъ. Я говорю —большинство, а не всѣ, такъ какъ, конечно, находились единицы, которыя судили о нашей родинѣ болѣе или менѣе правильно. Но политическія и экономическія событія послѣднихъ временъ заставили Европу пополнить свои свѣдѣнія о Россіи. На помощь имъ пришла наша изящная литература. Она показала иностранцамъ всю нелѣпость ихъ сужденій, ихъ взглядовъ на Русь, и если въ настоящее время большинство европейцевъ судитъ о насъ правильно, то этимъ мы обязаны именно этой литературѣ.

Феликсъ Рокка, книгу котораго мы разбираемъ, принадлежитъ къ тъмъ единицамъ, которыя хорошо знаютъ Россію, знаютъ ея языкъ, знаютъ и по нимаютъ ея исторію, мало того, которые хотятъ познакомитъ своихъ соотечественниковъ съ жизнью русскихъ и съ прошлымъ Россіи. Въ 1893 г. Рокка приниматъ участіе въ экспедиціи, посланной отъ русскаго правительства въ Бухару, и результаты своихъ наблюденій изложить въ книжкъ — De l'Alai à l'Amou-Daria (отъ Алтая до Аму-Дарыи). Въ 1899 г., уже послъ смерти автора, вышло въ свътъ его изслъдованіе о земскихъ соборахъ.

Новая книга не можеть быть отнесена къ разряду научныхъ сочиненій по русской исторіи; она не можеть служить вкладомь въ эту сокровищницу знанія потому, что написана не на основаніи подлинныхъ документовь, а на основаніи готовыхъ сочиненій различныхъ русскихъ историковъ, писавшихъ о земскихъ соборахъ и по поводу земскихъ соборовъ. Г. Рокка широко воснользовался готовымъ матеріаломъ и перечиталъ все, сколько нибудь относящееся къ этому вопросу. Онъ знакомъ съ работами Аксакова, Ключев-

скаго, Сергъевича, Чичерина, Латкина, Дитятина, Буданова и. т. д.; ему извъстны даже мелкія статьи современныхъ историковъ, напримъръ, Платонова и другихъ. И надо отдать полную справедливость автору, онъ умъло разобрался въ данномъ вопросъ и уловиль общій духъ того времени. Правда, въ иныхъ мъстахъ его сужденія нъсколько легковъсны, но это можно объяснить тъмъ, что его трудъ не научный, а научно-популярный. Вообще же, его работа обнаруживаетъ такое понимание нашего прошлаго, что можно только удивляться, какъ нерусскій человъкъ сумълъ проникнуть въ тайны нашего историческаго бытія. Автору при изложеніи происхожденія земскихъ соборовъ и ихъ исторіи приходится постоянно дълать экскурсіи въ исторію, чтобы объяснить своимъ читателямь различные термины, какъ, напримъръ, служилые люди, губные старосты и пр. Это вполнъ понятно, такъ какъ онь имъеть дъло съ аудиторіей, которой русская исторія мало знакома, и можно только порадоваться легкости и меткости сужденій автора. Въ виду того, что и русской публикъ, по крайней мъръ, очень и очень многимъ, эти вопросы представляють terra incognita, подобныя отступленія будугь имъть значение и для русскихъ читателей. Г. Рокка вполнъ правильно объясняетъ происхождение земскихъ соборовъ, какъ учреждения, помогавшаго парямъ править землей, вполив върно указываеть, что они не были результатомъ борьбы населенія съ верховной властью, и что поэтому ихъ нельзя сравнивать съ представительными учрежденіями Франціи, Англіи, гдъ генеральные штаты, парламенты возникли именно на почвъ этой борьбы двухъ государственныхъ элементовъ. Онъ очень мътко и остроумно доказываеть, что земские соборы могли существовать только потому, что были совершенно неопасны для развивавшейся верховной власти московских в государей, и что поэтому г. Чичеринь, замъчаеть онъ, который считаетъ внутреннюю слабость земскихъ соборовъ причиною ихъ паденія, собственно говоря, перемъщаеть вопрось: они существовали, потому что были слабы, а если бы они были иными, то они немедленно бы погибли, сейчась же по своемъ возникновении. Извъстно, что историки дорожать наблюденіями иностранцевъ и постоянно прибъгаютъ при ръшеніи какого нибудь вопроса къ запискамъ послъднихъ. Это объясняется просто: иностранцу легче отметить главныя особенности быта чуждой ему страны, оне скорее бросаются ему въ глаза, чъмъ туземцу, который совершенно сроднился съ той жизнью, которую онъ описываеть. Поэтому выводь г. Рокка, что русскій человъкъ не любить юридической опредъленности, и что всъ русскія древнія учрежденія, даже русског древнее законодательство, страдають этимъ недостаткомъ, заслуживаетъ полнаго вниманія. Но что касается даннаго авторомъ объясненія причинь, которыя вызвали паденіе земских соборовь, то намь кажется, что въ данномъ случав онъ не правъ и даже очень не правъ. Г. Рокка двлить всь мивнія нашихъ ученыхъ по этому вопросу на двъ категоріи: 1) мивнія, что земскіе соборы пали вслъдствіе ихъ внутренней слабости, и 2) что причина паденія земскихъ соборовъ лежала вив ихъ. Признавая за всвии ними, такъ сказать, право на существованіе, онъ считаеть, однако, что ни одно изъ нихъ въ отдъльности не ръщаетъ вполнъ вопроса, а только указываетъ на одну изъ причинъ паденія земскихъ соборовъ. По его догадкъ, земскіе соборы пали, «истор. въстн.», марть, 1900 г., т. LXXIX.

потому что съ одной стороны развившаяся централизація сдълала ихъ ненужными, а съ другой стороны они встрътили противника въ усиливавшейся боярской думъ. Собственно говоря, это-митніе Сергъевича, только итсколько болъе развитое и иначе формулированное. Поэтому г. Рокка можно стълать то же возраженіе, которое нъкогда было сдълано г. Сергъевичу Владимирскимъ-Будановымь. Если дума погубила земскіе соборы, почему она сама настанвала на необходимости созыва ихъ въ 1619 и 1648 гг., почему бояре, заключая договоръ съ королевичемъ Владиславомъ, поставили следующій пункть: «на Москив и по городомъ суду быти и совершати по прежнему обычаю... а будетъ похотятъ въ имъ пополнити для укръпленія судовъ и госу дарю на то поволити съ думою боярскою и всей землей», т. е. съ земскимъ соборомъ? Врядъ ли г. Рокка могь бы отвътить на этоть вопрось. По нашему митнію, самое върное объясненіе даеть г. Будановъ, считая виновникомъ паденія соборовъ Петра Великаго: «верховная власть, проводя въ жизнь новыя нормы вопреки обычному праву, не могла въ этой дъятельности опираться на представителей народа; напротивъ, она должна была ожидать въ нихъ лишь противодъйствія и порицанія», говорить онъ, сжато и ярко такимъ образомъ опредъляя истинную причину паденія земскихъ соборовъ. Мити наше о книгъ Рокка ясно изъ всего выше сказаннаго: желательно, чтобы и русская публика познакомилась съ работой Рокка, чтобы поскорве сдъланъ быль переводъ ея на русскій языкъ. Галланинъ.

В. О. Михневичъ. Историческіе очерки и разсказы. 2 т. Спб. 1900.

Имя покойнаго Владиміра Осиповича Михневича пользуется достаточною изв'єстностью среди читающей публики, и, безъ сомивнія, настоящее изданіе его «Исторических» очерковъ и разсказовъ» будеть встрычено весьма сочувственно тымь болые, что прибыль съ этого сборника, согласно волы автора, поступить въ пенсіонный капиталь кассы взаимопомощи литераторовъ.

В. О. Михневичь быль историкомь по призванію. Во всёхь его работахь, не исключая и публицистическихь очерковь, отражаются слёды обширныхь историческихь познаній. Покойный Михневичь выступиль на литературное поприще въ шестидесятыхь годахь. Примкнувь, по своимь симпатіямь, къ кружку изслёдователей, поставившихь себё задачею—разобраться въ многочисленныхь документахь, относящихся къ бытовой исторіи Россіи XVIII в., Михневичь, подобно М. И. Семевскому, С. Н. Прбинскому, Е. П. Карновичу и другимь историкамь того же направленія, не задавался слишкомь большими задачами и не раскидывался: напротивь, онъ обыкновенно избираль одну какую либо строго ограниченную область, добросовёстно и детально разработываль ее, выбирая факты лишь изъ достовёрныхь и критически провёренныхь источниковь. Результатомь его историческихъ занятій быль цёлый рядь талантливыхъ работь, появлявшихся въ свое время на страницахъ ежемъсячныхъ журналовь: «Дёло», «Историческій Вёстникъ», «Наблюдатель» и «Образованіе». Изъ одного только перечня статей, вошедшихъ въ его «Истори-

ческіе очерки», видно, какіе разнообразные вопросы служили предметомъ его изслъдованія.

Первый томъ, къ которому приложенъ обстоятельный біографическій очеркъ В. О. Михневича, принадлежащій перу г. Глинскаго, заключаеть въ себъ слъдующіе очерки: «Кто и когда выдумаль Россію», «Русскій народъ въ своихъ воззрвніяхъ на себя и свое прошлое», «Черты быта и нравовь XVIII ст.», «Съ сильнымъ не борись» и «Женское правленіе и его противники». Первыя двъ статьи посвящены выяснению вопроса о самоопредълении русскаго народа и были помъщены не задолго до смерти писателя въ «Историческомъ Въстникъ» (№№ 2 и 3, 1899 г.). Изъ остальныхъ статей этого сборника обращаеть на себя вниманіе очеркъ: «Черты быта и нравовъ XVIII ст.», составленный по новъйшимъ матеріаламъ. Прекрасной иллюстраціей правосудія въ первой половинъ XVIII стольтія служить разсказь «Съ сильнымь не борись», матеріаломъ для котораго послужило нигдъ еще не напечатанное «Пъло о дракъ генеральмайора князя Долгорукова съ ассессоромъ Даниловымъ», извлеченное изъ бумагь государственнаго архива. Наконецъ, въ очеркъ «Женское правленіе и его противники» авторъ отмъчаеть еще одну характеристическую подробность русской исторіи разновременно и разнородно проявлявшуюся оппо--ыции «бабьему правленю» и главнымь образомъ «оппозицію принципіальную, вытекавшую», говорить Михневичь, «изь консервативныхь, домостроевскихъ взглядовъ на женщину вообще и на женщину-царицу въ особенности». Подъ «бабынть правленіемъ», выражаясь терминомъ современной ему оппозиціи, авторъ разумбеть тоть періодъ въ нашей исторіи, когда царствовали иять императрицъ (Екатерина I, Анна, Елисавета и Екатерина II и правительница регентша Анна Леопольдовна).

Всъ очерки написаны тъмъ живымъ и увлекательнымъ языкомъ, который вообще составляетъ неотъемлемую принадлежность всъхъ произведеній покойнаго Михневича.

Во 2-мъ томъ помъщено 5 разсказовъ. Первый изъ нихъ «Двъ невъсты Петра II» изображаеть трагическую участь Марін Александровны Меньшиковой и Екатерины Алексъевны Долгоруковой, принесенныхъ въ жертву честолюбію своную родителей и такъ дорого заплатившихъ за кратковременную честь именоваться царскими невъстами. Сюжетомь для разсказа «Цъдъ Пущкина» послужила семейная жизнь предковъ А. С. Пушкина — прадъда его А. П. и дъда О. А. Ганнибаловъ, въ судьбъ которыхъ, по мнъню автора, проходитъ какая-то роковая черта, обрывающаяся трагическою развязкою на нашемь великомъ поэтъ. Въ третьемъ разсказъ В. О. Михневича изображаются интимныя подробности о бракъ графини М. А. Матвъевой съ незнатнымъ дворяниномъ А. И. Румянцевымъ. Изъ остальныхъ историческихъ произведеній, вошедшихъ во ІІ-ой томъ настоящаго изданія, следуеть отметить біографическій очеркъ любимой камеръ-юнгферы Екатерины II — «Маріи Савишны Перекусихиной» и «Исторію (сооруженія) м'танаго всадника», написанную покойнымь писателемъ по поводу исполнившагося въ 1882 г. столътія со дня открытія памятника Петру I въ С.-Петербургъ.

Въ заключение считаемъ нелишнимъ отмътить одну характерную черту въ

покойномъ Михневичѣ. Онъ считалъ себя нравственнымъ должникомъ передъ русской литературой, которой онъ обязанъ, по его словамъ, «самыми свѣтлыми минутами въ жизни, своимъ именемъ, положенемъ и матеріальнымъ достаткомъ». Не желая оставаться въ этомъ случаѣ должникомъ, онъ отказалъ по духовному завѣщанію въ собственность «Обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ» почти все свое состояніе, съ тѣмъ, чтобъ оно «было обращено на устройство общежитія для нуждающихся литераторовъ, впавшихъ въ инвалидность». «Я возвращаю этимъ то, что дала мнѣ литература», прибавиль онъ.

Д. П. В.

И. И. Щукинъ: а) Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музей П. И. Щукина. Часть VI. М. 1900. б) Азбучный и хронологическій указатель къ шести частямъ сборника старинныхъ бумагъ. М. 1900.

Шестая часть «Сборника старинныхъ бумагъ» П. И. Щукина наполнена большею частію матеріалами XIX въка, и очень немногіе документы относятся къ XVIII въку. Нужно признать, что послъдніе болье или менье заслуживають если не полнаго паданія, то извлеченій, напримітрь, документь о грабительстві канциера графа Бестужева (стр. 348—350), завъщание оберъ-гофмейстера И. П. Елагина, любопытное въ той части, гдъ онъ говорить о воспитани своего внука П. Н. Бутурлина (стр. 353), документы о придворной жизни при Елисаветъ Петровнъ (стр. 358-363, 376-378), между прочимъобъ обучении медвъжать комиссаромъ Александро-Невскаго монастыря, обнаружившимъ свое искусство при обучени медвъженка для архіеписко на Осодосія (стр. 358—359), документы о бисерной фабрикъ М. В. Ломоносова (стр. 372 — 374), дъло о нагломъ оскоролении турецкаго посланника тверскимъ полицеймейстеромъ Скворцовымъ (стр. 378 -- 382), характерное прошеніе вь сенать извъстнаго исторіографа Герарда-Фридриха Миллера, просившаго и добивавшагося освобождения отъ солдатскаго постоя въ его домъ, ради безопасности «множества дорогихъ книгь и манускриптовъ, до Россійской исторін касающихся» (стр. 382 — 383), письмо изь Мурома о Пугачевь (стр. 387), приказы Екатерины II (стр. 387—389) и Навла (стр. 390—391). туть же письмо его къ Лафатеру (стр. 391) и французскій документь о послъднемъ (стр. 392).

Все это болъе или менъе цънно или любопытно, хотя многое изъ этихъ матеріаловъ XVIII въка слъдовало привести только въ извлеченіяхъ, чтобы избъжать скучныхъ повтореній одного и того же, естественно практиковавшихся при движеніи бумагъ по инстанціямъ. Нельзя того же сказать о матеріалахъ XIX въка, наполняющихъ около 3/4 тома: большая часть ихъ — совершенный хламъ, никому и ни на что не годный...

Что можно сказать, напримъръ, о такомъ «историческомъ матеріалъ»: на пространствъ 8 страницъ роскошнаго изданія (малое in-folio, прекрасная бумага, шрифтъ и проч.) читаемъ (стр. 205—212) подробное описаніе... старой казенной мебели, на починку которой взыскивались 300 рублей съ дътей умер-

шаго въ 1850 году генерала Герштенцвейга (стр. 203—204, 212—217)... Описаніе въ такомъ родъ: «отхожій табурсть ясиноваго дерева; старый подчиненный, лакъ потерть, псправить и покрыть лакомъ» (стр. 202) и т. д.—цълыхъ 8 страницъ...

Кому и на что нужны напечатанные матеріалы о такихъ «историческихъ данныхъ», какъ, напримъръ, дъла о долгахъ генералъ-майора князя Горчакова, 1803 года (стр. 136—138), о пожалованіи пенсіи вдовъ генералъмайора Кристовской (стр. 139—140), о выдачъ столовыхъ денегъ генералълейтенанту графу де-Виттъ (стр. 149—150), о пожалованіи Анны 2-го класса генералъ-майору Клугену (стр. 152—157) и т. д. Но въдь подобныхъ дъль можно набрать десятки тысячъ, и неужели всъ слъдуетъ печатать?..

Но этого мало, что г. Щукинъ даеть подобный хламъ: и этотъ хламъ, и болъе достойные напечатанія матеріалы онъ пздаеть во всей ихъ канцелярской дъвственности, сь полнымъ сохраненіемъ ихъ формы и всего текста. Страницы испещрены рапортами, отношеніями, доношеніями и т. д., съ полными, десятки разь повторяющимся титулами и чинами дъйствующихъ лицъ, съ неизбъжными въ канцелярской перепискъ повтореніями одного и того же содержанія. Отгого чтеніе даже болье интересныхъ дълъ возбуждаетъ страшную досаду, отнимая много лишняго времени. Напримъръ, въ довольно любопытномъ дълъ о петербургскомъ купеческомъ сынъ Глъбъ Овсянниковъ, понавшемъ въ 1854 году въ плънъ къ англичанамъ (въ Балтійскомъ моръ) и заподозрънномъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ ними (стр. 217—243),— разсказъ объ обстоятельствахъ плъна повторяется 5—6 разъ. И такіе случаи на каждомъ шагу. Развъ нельзя было все это сократить?!

О большинствъ «дълъ», напечатанныхъ цъликомъ г. Щукинымъ, вполнъ достаточно было бы сказать въ 5—10 строкахъ, напримъръ, о расквартировании Рижскаго драгунскаго полка (стр. 196—203), о подаркъ трубъ двумъ прусскимъ полкамъ (стр. 291—303), о наградъ парижскому хирургу Эвансу за удачное лъчене въ 1857 году ранъ г. Унковскаго (нынъ московскаго коменданта) (стр. 319—324) и многія другія дъла.

Повидимому, г. Щукинъ—любитель автографовь, и многіе документы напечаталь только потому, что въ нихъ есть подписи интересующихъ его лицъ. Такъ, одна серія совершенно не интересныхъ документовь озаглавлена такъ: «шесть бумагъ, подписанныхъ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, 1822 г.» (стр. 93—96). Но въдь автографы имъютъ цъну только въ оригиналъ или въ снижъ... Снижи съ 3 автографовъ приложены г. Пцукинымъ— персидскаго принца Хозревъ-Мирзы (стр. 274), гвардейскаго канельмейстера Газе (стр. 295) и... англійскаго лазутчика Киртона (стр. 240). Чъмъ цънны въ глазахъ г. Щукина автографы двухъ послъднихъ особъ — Богъ въдаеть!.. Но для всъхъ во много разъ цъннъе было бы, если бы издатель приложилъ снимокъ съ имъющагося у него автографа извъстнаго гуманиста доктора Ф. Гааза, донесеніе котораго московскимъ властямъ (стр. 338 — 340), отъ 24 октября 1836 г., прибавляетъ еще одну черточку для характеристики этой симпатичной личности, именно для обрисовки отношеній доктора къ арестантамъ.

Встръчаются въ VI части и другіс болье или менье цънные матеріалы, напримъръ: о пребывании американскихъ ква керовъ въ Москвъ и обозръния ими тюремъ, больницъ, щколъ и пр. 1819 г. (стр. 11 — 22), дополнительный документь къ извъстному (см. «Сборникъ бумагь 1812 г.», IV, стр. 118-126) столкновенію въ 1812 г. новгородскаго губернатора ІІ. ІІ. Сумарокова съ графомъ А. А. Аракчеевымъ, закончившемуся увольненіемъ церваго отъ службы (стр. 30-32), любопытныя дёла о московскихъ актрист и актерт Сандуновыхъ (сгр. 32-44), о студентахъ Абовской (въФинляндіи) академіи — ихъ столкновеніяхъ съ русскими военными и прочее, 1825 г. (стр. 53—55), письма о холеръ въ Москвъ, 1830 г. (стр. 60-68), дъло о письмахъ и бумагахъ Петра Великаго, продававщихся въ 1853 г. харьковскимъ купцомъ Очкуръ-Ищевкомъ, полученныхъ (?) имъ отъ потомковъ А. М. Девіера (стр. 129-134), характерная исторія кабардинцевь, бъжавшихъ съ русской службы въ Пруссію, 1850-1853 гг. (стр. 179-196, сюда же относятся отчасти стр. 261-262), «дъло астраханскаго гражданина Бутурлинскаго, сына казненнаго персами ихъ главнокомандующаго Киримъ-хана, просившаго въ 1846 г. вознагражденія, объщаннаго его отпу графомъ Паскевичемъ за сдачу первымъ городовъ Эривани и Тавриза (стр. 262 — 273, — конечно, просителю, крещенному персу, принявшему фамилю отъ крестнаю отда генерала Бутурлина было отказано, и военный министръ князь Чернышевъ резонно посъвътоваль (см. стр. 269), чтобы онъ «обратился съ просьбою къ графу Эриванскому князю Варшавскому Паскевичу 1-му...), документы постъднихъ грузинскихъ царей, царевичей и прочихъ (стр. 277, 281 — 291), письмо матери декабриста Муханова, 1832 (?) г. (стр. 336-337), дъло 1805 г. о предложении нъкоего Лихарева ввести въ сухопутныя войска морскіе рупоры, для усиленія голосовь командировь, при чемь Лихаревь считаєть необходимымъ установить классификацію голосовъ по рангамъ: оберъ-офицерамъ дать «небольшіе» рупоры, штабъ-офицерамъ «средніе», а генераламъ «большіе» (стр. 343 — 347), письмо М. М. Сперанскаго къ сибирскому историку П. А. Словцову, 1820 г. (стр. 398).

За исключеніемъ писемъ и нѣкоторыхъ другихъ документовъ, всѣ остальныя дѣла, даже самыя интересныя, слѣдовало привести въ извлеченіяхъ, то-есть выжать изъ нихъ всю суть, отбросивши всѣ ненужныя подробности, повторенія, канцелярскія формальности, словомъ тотъ хламъ, который портить «Сборникъ старинныхъ бумагъ» и заставляетъ жалѣть истраченныя на печатаніе этого хлама силы, время и прочее. Цѣнностъ сборника увеличилась бы во много разъ, если бы половина наполняющихъ его документовъ была выброшена, а большая часть остальныхъ сокращена, или приведена въ нзвлеченіяхъ. Еще одно замѣчаніе: странно видѣть въ «Сборникъ старинны хъ бумагъ» документы нашего времени 1861 г. (стр. 258), 1866 г. (стр. 333ъ 1870 г. (стр. 404) и др.

Кромъ VI части «Сборника», отдъльно изданы г. Щукинымъ Азбучные и хронологические указатели къ шести частямъ Сборника старинныхъ бумагъ. Это собственно не указатели, а оглавление къ шести томамъ, расположенное въ алфавитномъ порядкъ названий актовъ, невсегда выдержанномъ (стр. 1—86).

и въ порядкъ хронологическомъ (стр. 87—164). Въ концъ (стр. 165—174) помъщены оглавления такъ называемыхъ «безгласныхъ» актовъ, то-есть не имъющихъ даты. Однако, всъ эти акты легко распредълить по въкамъ, то-есть внести въ то же хронологическое оглавленіе.

Да не посттуетъ г. Пцукинъ за сдъланныя замъчанія. Нельзя не отнестись съ полнымъ уваженіемъ къ его дъятельности, какъ основателя дъннаго музея русскихъ древностей (въ Москвъ). Но его издательская дъятельность сильно хромаетъ и требуетъ радикальныхъ реформъ... Съ его любовью къ этому дълу и съ его средствами — какую громадную пользу онъ могь бы принести наукъ, если бы виъсто печатанія неважныхъ и совершенно пустыхъ бумагъ «собственнаго архива» сталъ издавать цънные матеріалы нашихъ историческихъ архивовъ, находящихся у него подъ бокомъ. «Писцовыя книги», «десятни», «переписныя книги», «статейные списки» и тысячи другихъ цънныхъ актовъ гніютъ и пропадаютъ для науки, а... описи старой казенной мебели печатаются роскошно... Развъ же это нормально?!..

Матеріалы по исторіи русской картографіи. Вып. І. Карты всей Россіи и южныхъ ея областей до половины XVII вѣка. Изданіе Кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ. 1899.

Изданіемь, заглавіе котораго нами выписано выше, русская наука обязана библютекарю университета св. Владимира В. А. Кордту, ученому, сравнительно недавно выступившему со своими трудами, но уже снискавшему себъ почетную навъстность. Автору настоящей рецензін пришлось впервые услышать о В. А. Кордть оть нынъ покойнаго академика А. А. Куника. А. А., который самъ быль и знатокомь, и любителемь древней литературы путешествій по Россіи, сь большимъ сочувствиемъ слъдиль за трудами, въ той же области, молодого юрьевскаго ученаго и возлагаль на нихъ большія надежды. При участіи покойнаго академика, В. А. Кордту удалось совершить двъ богатыя научными результатами повздки въ Голландію въ 1893 и 1895 годахъ; многочисленныя копіи, снятыя въ нидерландскихъ архивахъ съ важныхъ для русской исторіи документовь, были представлены имъ въ распоряжение Императорской Академіи Наукъ. Въ Нидерландахъ В. А. Кордть оставиль по себъ наилучшую память; пишущему эти строки приходилось слышать много лестных ь отзывовь о его познаніях ь въ годландскомъ языкъ, псторіи и архивовъдъніи, какъ со стороны завъдывающихъ государственнымъ архивомъ въ Гаагъ, такъ, въ особенности, отъ библютекаря гаагской дворцовой библютеки полковника де-Баса. Свои познанія вь области годландско-русскихъ отношеній В. А. Кордту пришлось обнаружить еще въ вь своемь библіографическомъ приложеній къ извъстному труду амстердамскаго профессора Иленбека о русских вархивах вышедшему въ 1891 году. Кромъ того, имъ предпринято изданіе цінныхъ доносеній голландскаго резидента фонъ-Келлера для императорского русского исторического общество, приготовленъ къ нечати, для археографической комиссін въ С.-Петербургъ, третій томъ «Сказаній иностранцевъ» и законченъ (въ рукописи) канитальнъйшій трудъ-новое изданіе извъстнаго обзора путешествій по Россіи Ө. П. Аделунга.

Какъ знатокъ «картографической библіографіи», В. А. Кордть выказаль себя, будучи устроителемъ замъчательной выставки старинныхъ картъ на прошлогоднемъ XI археологическомъ събздъ въ Кіевъ. Какъ такого рода знатока, мы видимъ его и въ находящемся теперь передъ нами издании кіевской комиссін для разбора древнихъ актовъ. Пзданіе это дълится на двъ части. Первая часть представляеть собою тексть, написанный В. А. Кордтомъ, вторая даетъ тридцать два факсимиле различныхъ старинныхъ картъ Россіи. Карты эти—слъдующія: изображеніе Чернаго моря изъ портолана Граціоза Бенинказы 1474 года, карта «Европейской Сарматіи» изъ латинскаго изданія Птоломея 1513 года, карты Россіи Баттисты Агнезе 1525 года и Я. Гастальдо 1548 и 1561 годовъ, карта Вида, составленная около 1537 года и гравированная въ 1570 году, два изданія общей карты и двъ спеціальныя карты Себ. Мюнстера 1544, 1559, 1538 и 1559 годовь, семь изданій карты Герберштейна 1546, 1556 (двъ: съ лъсами и безъ нихъ), 1557, 1550, 1566 и 1557 годовъ, четыре изданія карты Дженкинсона 1562, 1583, 1598 и 1601 годовь, карта Польши, Литвы и Ливоніи 1596 года, карта юго-западной Россіи Я. Гастальдо 1562 года, карта Европейской Сарматін Андрея Пограбія 1570 года, карта Г. Меркатора 1594 года, двъ карты І. Магина 1596 п 1600 годовъ, карта Россіи С. Нейгебауера 1612 года, общая и спеціальная (для южной Россіи) карты ІІ. Массы 1633 года, карта Гесселя Герритса въ изданіи Пискатора 1651 года и карта Украйны В. Боплана 1650 года.

Какое значеніе имъють эти «Матеріалы по исторіи русской картографіи»? Значеніе ихъ, прежде всего, въ томъ, что они отвъчають давно уже назръвшей потребности имъть факсимиле важнъйшихъ картъ Россіи, встръчающихся въ трудно доступныхъ изданіяхъ прежнихъ въковъ. Обзоръ этотъ, конечно, нуженъ не только потому, что «русская историческая литература еще не имъстъ обозрънія послъдовательнаго развитія за границею и въ Россіи картографическихъ представленій о Россіи» («Матеріалы», стр. 1). Такая ціздь, конечно, интересна лишь для очень немногихъ у насъ спеціалистовъ по исторіи картографической техники. Истинное назначение подобныхъ изданий должно быть иное: именно то, которое имъть въ виду И. А. Мухановъ, озаглавившій изданныя имъ факсимиле «матеріалами для историко-географическаго атласа Россіи». Въ русской исторической наукъ давно опущается потребность въ подробныхъ историческихъ картахъ Россіи XV—XVII въковъ, и воть составленіе таковыхъ и должны приблизить изданія хорошихъ факсимиле старинныхъ карть. Если же гнаться исключительно за воспроизведеніемъ «картографическихъ» особенностей, то очень легко увлечься до изданія чуть ли не десятка одинаковыхъ картъ, единственная разница между которыми въфигурныхъ аксессуарахъ, въ формать, шрифть подписей и т. п.

Намъ кажется, подобнаго увлеченія не избъжаль отчасти и В. А. Кордть, который бы могь, безь ущерба для пользы изданія русскимъ историкамъ, отбросить, напримъръ, нъкоторыя изъ копій карты Сиг. Герберштейна или Дженкинсона. Въ качествъ матеріала для будущаго историко-географическаго атласа Россіи, названія старыхъ картъ имъютъ даже большее значеніе, чъмъ самый картографическій рисунокъ, и, если бы, сообразно этому, ограничиться приве-

деніемъ въ атласѣ лишь картъ съ своеобразнымъ картографическимъ рисункомъ и съ оригинальнымъ подборомъ названій (тѣ, которыя лишь сокращають число названій большихъ картъ, выкинуть), то ныиъшній атласъ В. А. Кордта сталъ бы вдвое или втрое меньше, но зато можно было бы въ немъ прибавить коскакія важныя карты второй половины XVII вѣка (вѣдь второй выпускъ еще, Богъ вѣстъ, когда выйдеть!).

Избавляеть ли новый атласъ отъ необходимости обращаться къ подлиннымъ каргамъ?

Къ сожалъню, не всегда. Напримъръ, факсимиле нумеромъ XXIX-ымъ для изучения старинныхъ названий мъстностей по Съв. Двинъ и Сухонъ нельзя пользоваться: эти названия совсъмъ не вышли, между тъмъ, какъ, напримъръ, въ атласъ Блааю они читаются вполнъ ясно. На другихъ картахъ, какъ, напримъръ, небольшой при № XXIV, нъкоторыя буквы при передачъ расплылись до неузнаваемости. Какъ образецъ прекрасно воспроизведенной карты, слъдуетъ назвать № XI—факсимиле весьма питересной, извъстной лишь въ двухъ экземилярахъ, первой карты Сиг. Герберштейна.

Отнесительно значенія текста В. А. Кордта (15 страницъ) можно привести его же слова. Распредъленіемъ картъ по 17 типамъ онъ имъть въ виду «доказать, что всъ старинныя карты Россіи приходится раздълить на оригинальныя и заимствованныя, т. е. сдъланныя не самостоятельно, а на основаніи извъстнаго типа» (стр. 2). Дъйствительно, въ текстъ «Матеріаловъ» мы находимъ подробную картографическую библіографію, т. е. списокъ переизданій и передълокъ типичныхъ картъ Россіи, съ очень богатыми указаніями на литературу предмета, но почти безъ разсмотрънія географическаго матеріала, находимаго на картахъ.

Внъшность изданія можно назвать даже роскошною. Какъ тексть, такъ и карты напечатаны (in folio), на особой старообразной шероховатой, довольно толстой бумагъ съ водяными знаками. Цъна не особенно дешевая (5 рублей).

А. М. Ловягинъ.

Латышевъ В. В. Очеркъ греческихъ древностей. Ч. 2-я. Вогослужебныя и сценическія древности. Изд. 2-е испр. Спб. 1899.

Вторая часть «Очерка греческихъ древностей — пособія для гимназистовъ и начинающихъ филологовъ» академика В. В. Латышева вышла недавно новымъ изданіемъ, что только можетъ порадовать всёхъ, интересующихся классической филологіей и древней исторіей. Сравнительно съ 1-мъ изданіемъ, вышедшимъ 10 лётъ тому назадъ, эта часть курса греческихъ древностей подверглась нёкоторымъ измёненіямъ, какихъ потребовало современное состояніе науки. Больше всего измёненій внесено въ отдёлъ сценическихъ древностей, гдё составитель знакомитъ читателя съ выводами замёчательнаго труда Дёрифельда и Рейша (Das Griechische Theater... Athen. 1896). Объемъ книги, однако, почти не измёнился. Въ настоящемъ видё обё части этого курса греческихъ древностей (1-я часть вышла 3-мъ изд. въ 1897 г.), содержанція свыше 700 страницъ очень убористаго шрифта, являются, можно безъ преувеличенія сказать,

единственнымъ въ этой области знанія у насъ сочиненіемъ, какъ по полнотъ и свъжести даваемыхъ ими въ крайне сжатомъ изложеніи свъдъній, такъ и вслъдстве обработки ихъ по лучшимъ источникамъ и первоисточникамъ, особенно, гдъ это касается эпиграфики, въ которой авторъ по заслугамъ считается признаннымъ и въ Россіи и за границею авторитетомъ. Въ заключеніе своей замътки мы не можемъ не высказать пожеланія, во-первыхъ, чтобы для естественнаго завершенія труда появилась въ обработкъ уважаемаго автора такая же 3-я часть его «Очерка», посвященная домашнему быту гревнихъ грековъ, и, во-вторыхъ, чтобы была удовлетворена потребность нашихъ гимназій въ болье краткомъ, но настолько же авторитетномъ руководствъ по греческимъ древностямъ. Внъшность изданія прилична. Подробные (греч. и русск.) указатели облегчаютъ наведеніе справокъ. Цъна (1 р. 25 к. за 21 печ. л.) очень не высока, если припомнить, съ какою медленностью у насъ досель расходятся подобныя книги.

И. А.

Въ 1786 годъ новой. Новое изданіе Не всіо и Не Ничево. Текстъ съ предисловіємъ Е. А. Ляцкаго. М. 1899.

Исторія русской журналистики Екатерининской эпохи, несмотря на многія изследованія и разысканія, представляеть и до сихъ поръ богатое поле для изученія, какъ въ общей картинъ, такъ особенно въ подробностяхъ, отъ которыхъ, конечно, зависить и общая картина: даже о такихъ крупныхъ дъятеляхъ этой области, какъ Новиковъ, мы не можемъ похвастаться вполнъ исчерпывающими свъдъніями, да и сторона идейная не всегда для насъ ясна, такъ что о мелочныхъ явленіяхъ намъ часто приходится говорить не особенно обоснованно. Поэтому всякіе новые шаги на поприщъ изученія этого времени нашей журналистики должны вести къ открытно тъхъ или иныхъ фактовъ, дополняющих в общую картину. Къ числу таких в открытій несомивние относится и найденный Е. А. Ляцкимъ предполагавшійся къ изданію въ 1786 г. журналь «Не всю и не ничево». Журналь остался въ рукописи, но изъ него мы узнаемъ, что онъ долженъ быль явиться органомъ какого-то возникавшаго въ это время просвътительнаго общества. Задачи общества были довольно умъренныя, въ эпоху реакціи приходилось сжиматься, подлаживаться подъ общій мягкій тонъ; борьбы, въ которую вступаль Новиковь, конечно, общество замышлять не могло, но все же оно мечтаеть о просвъщении россіянъ и объ искорененін разных в пороковъ при помощи сатиры, хотя бы и въ улыбательномъ родъ. Но даже и для мягкой сатиры пути заказаны цензурою, и приходится просить эту «няньку разсудка» о снисхожденіи, приходится изь сатирическаго тона переходить въ панегирическій по отношеню къ императрицъ Екатеринъ. Прямо противоположныя чувства возбуждаются при чтени этого документа, со всей точностью воспроизведеннаго Е. А. Ляцкимъ: и грустно при видъ обстоятельствъ, угнетающихъ просибщение, и отрадно при видъ хотя бы робкихъ попытокъ борьбы съ этими обстоятельствами... Нельзя поэтому не поблагодарить издателя за извлечение изъ частнаго архива этого любопытнаго памятника.

А. В-инъ.

Проф. Д. И. Вагалъй. Удаленіе профессора И. Е. Шада изъ Харьковскаго университета. (Матеріалы для біографическаго словаря профессоровъ Харьковскаго унив.). Харьковъ. 1899.

Въ высокой степени интересная по изложению вышеназванная брошюра проф. Д. И. Багалъя документально убъждаеть читателя въ томъ, что талантливый, высокообразованный и оказавшій крупныя услуги русскому просвъщеню, въ качествъ профессора, И. Е. Шадъ палъ жертвою той реакціи, которая нависла надъ Россіей во вторую половину Александровскаго царствованія.

Рекомендованный знаменитыми Гете и Шиллеромъ проф. Шадъ, послъ двънадцатильтней профессорской дъятельности, въ 1816 г. былъ отставленъ отъ службы и въ 24 часа безъ жены и дочери высланъ за границу. Обвиненія, которыя, главнымъ образомъ, поддерживалъ проф. Дегуровъ, были направлены на будто бы предосудительное его поведеніе въ дълъ докторскихъ диссертацій Ковалевскаго и Гриневича и на вредные для юношества взгляды, проповъдуемые имъ въ сочиненіяхъ: «De viris illustribus urbis Romae» и «Institutiones».

Но Шадъ въ своемъ изгнании не успокоился: считая себя невинно потерпъвшимъ, онъ долгое время, почти до самой смерги, старался оправдаться въ взведенныхъ на него обвиненияхъ и безуспъшно просилъ русское правительство, въ виду своей крайней бъдности, о вознаграждении его за понесенный вслъдствие внезапной высылки матеріальный ущербъ.

Дъло Шадо надълало за границею большаго шуму и вызвало по нему громадное дълопроизводство.

До сихъ поръ знали о немъ только по немногимъ даннымъ, имѣющимся въ монографіи Н. А. Лавровскаго о Шадѣ. Нынѣ проф. Д. П. Багалѣю удалось воспользоваться какъ всѣми архивными матеріалами Харьковскаго университета, такъ и «цѣлымъ рядомъ дѣлъ», еще никѣмъ не затронутыхъ и хранящихся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣла эти представляютъ полное производство дѣла со всѣми его перипетіями, основанное на подлинныхъ, собственноручныхъ документахъ. Цѣнность ихъ усугубляется еще тѣмъ, что матеріалъ въ нихъ, такъ сказать, двойного характера: на ряду съ полной коллекціей обвиненій противъ Шада, здѣсь имѣется еще болѣе обширная коллекція оправдательныхъ писемъ и записокъ самого Шада, которыя, по заключенію проф. Багалѣя, «несомнѣнно способны поколебать основу обвинительныхъ пунктовъ, направленныхъ противъ его сочиненій».

Защищая свои сочиненія, проф. Шадъ попутно излагаль сущность и отдільныя черты своего философскаго міросозерцанія, благодаря чему его оправдательныя и даже просительныя записки пріобрітають особое значеніе для исторіп философіи и философскихъ каоедръ въ Россіи.

Проф. Д. И. Багалъй подробно слъдить за обстоятельствами, предшествовавшими высылкъ Шада изъ Харькова, за «объясненіями» Ковалевскаго, Гриневича и самого Шада, за обвиненіями противъ его сочиненій, за фактомъ отставки и удаленія, за оправдательными записками и прошеніями Шада и т. д., всюду сопровождая свое изложеніе обширными выписками изъ документовъ и

всестороние знакомя читателя съ философскимъ міровозарѣніемъ этой жертвы реакціонной эпохи и «политическихъ интригъ русскихъ поклонниковъ Наполеона», по убъжденію германскаго правительства.

В. Р—въ.

Г. О. Симоненко, профессоръ. Политическая экономія въ ея новъйшихъ направленіяхъ. Варшава. 1900.

Сочиненіе профессора Симоненко имъетъ довольно опредъленный полемическій характеръ и направлено къ выясненію основныхъ принциповъ ново-исторической пли такъ называемой катедръ-соціалистической школы, и критическому разбору воззрѣній наиболѣе выдающихся представителей ел, какъ Шмоллеръ, Брентано, Вагнеръ, Шеффле, Лавеле, Штаммлеръ, и основателей ел — Книса п Бруно-Гильдебранда.

Научная одънка этихъ воззръній сдълана авторомъ съ точки зрънія староисторической школы, основанія которой, по мнънію автора, остаются незыблемыми, несмотря на критику ея положеній ново-историческимъ направленіемъ. Значительную часть своего труда профессоръ Симоненко посвящаєть анализу отношенія политической экономіи къ исторіи, статистикъ, юридическимъ наукамъ. Такая широкая постановка вопроса объясняется тъмъ, что ново-историческая школа придаєтъ большое значеніе вліянію права и государства на народное хозяйство. Въ соціализмъ авторъ видитъ разрушеніе основъ народнаго богатства и цивилизаціи, а вся ново-историческая школа, по его мнънію, есть не болъе, «какъ сплошное недоразумъніе». Съ этой точки зрънія профессоръ Симоненко даєтъ въ своей книгъ характеристику и научную оцънку всъхъ главныхъ современныхъ направленій политической экономіи, которая безъ удовлетворительнаго разръшенія этихъ вопросовъ не можетъ свободно развиваться.

Авторъ, по существу высказываясь противъ ново-исторической школы экономистовъ, вполнъ примыкаетъ по своимъ взглядамъ къ главъ старо-исторической школы Рошеру, который признавалъ существованіе естественныхъ экономическихъ законовъ, признавалъ существованіе природы народнаго хозяйства. Считая соціализмъ антитезпсомъ экономической науки, авторъ отказывается признатъ школой, или направленіемъ политической экономіи, ученіе Маркса съ его послъдствіями. Марксизмъ, по его мнѣнію, имѣетъ очень мало основаній для привлеченія симпатій людей, жаждущихъ водворенія правды и любви къ ближнимъ въ общественныхъ и экономическихъ отношеніяхъ. Сопоставляя міросозерцаніе марксизма со взглядами Гумпловича и Дарвина, а также отчасти съ философіей Нитціпе, авторъ воспользовался даже моднымъ вопросомъ о бурахъ, чтобы доказать, какъ позорны эти взгляды въ концѣ истекающаго столѣтія. Въ планахъ отдаленной будущности, рисуемыхъ приверженцами Маркса, профессоръ Симоненко подчеркиваетъ отсутствіе всякихъ нравственныхъ и идеальныхъ факторовъ.

Кали читатель и не найдеть здёсь вполнё объективной критической оценки ученій ново-исторической школы, если «научныя недоразуменія» и не

устранены авторомъ, то все же книга профессора Симоненка является единственнымъ изслъдованиемъ, въ которомъ дана, хотя и односторонняя попытка выяснить основные принципы ново-исторической школы политической экономии.

А. Н-въ.

Фридрикъ фонъ-Гелльвальдъ. Земля и ся народы. Т. III. Живописная Европа. Томъ IV. Живописная Африка. Сиб. Изданіс II. II. Сойкина. 1899.

Гелльвальдъ, скончавшійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ, —сторонникъ дарвинистскаго міровоззрѣнія. Вмѣстѣ съ Липпертомъ онъ принадлежить къ ученымъ, изслѣдовавшимъ въ непосредственной органической связи исторію культуры и народовѣдѣніе. По его мнѣнію, какъ начало всэй нашей общественной жизни вообще, такъ и начало тѣхъ многоразличныхъ элементовъ, изъ которыхъ составилось наше понятіе «культура», — скрыто отъ насъ во мракѣ непзвѣстности. Онъ отказался дать какую нибудь опредѣленную этнологическую систему, но его естественная исторія человѣка есть богатѣйшее сочиненіе по содержанію.

На русскомъ языкъ появился переводъ послъднихъ двухъ томовъ его сжатаго и прекраснаго труда «Земля и ея народы». Въ III-мъ томъ мы имъемъ историко-географическій обзоръ европейскихъ государствъ и Россіи, въ IV т. географію живописной Африки, Австраліи съ Океаніей и полярныхъ странъ. Какъ и многіе другіе этнологи, Гелльвальдъ считаетъ австралійца самымъ низшимъ типомъ современнаго человъчества, но и у него онъ находитъ слъды религіозныхъ и соціальныхъ представленій и учрежденій. Въ вопросъ о томъ, надълены ли всъ человъческія расы одинаковыми или различными духовными способностями, Гелльвальдъ пытается съ психологической точки зрънія опровергнуть придаваемое слишкомъ большое значеніе внъшнимъ факторамъ въ общественной эволюціи. Онъ утверждаетъ, что каждая раса состоить изъ различныхъ народныхъ индивидуальностей, что есть извъстные признаки, свойственные цълымъ народнымъ группамъ и расамъ.

Въ III томъ почти 425 страницъ отведено географіи Россіи. Здъсь, на основаніи множества данныхъ, умъло систематизированныхъ, дается очень хорошій не только географическій очеркъ Россіи, но и экономическій. Очеркъ экономическаго положенія и промышленности въ Россіи особенно представляется цъннымъ, потому что написанъ удивительно просто: на 35 страницахъ, иногда, правда, очень маленькимъ шрифтомъ, дана совершенно полная фактически и довольно яркая картина сельскаго хозяйства въ Россіи, добычи металловъ и обрабатывающей промышленности. Умъло и хорошо обрисовано состояніе крупнаго производства и мелкихъ промышленниковъ, выяснена наблюдающаяся въ настоящее время смъна формы мелкаго производства на систему крупной капиталистической промышленности. Слъдовало бы нъсколько подробнъе развить маленькую главу о народномъ образованіи, съ его красноръчивыми цифрами.

Множество прекрасно исполненных рисунковъ — видовъ разныхъ городовъ и мъстностей съ ихъ типичными представителями населенія, много любо-

пытныхъ данныхъ, какъ историческихъ, такъ и этнографическихъ, дълаютъ изданное г. Сойкинымъ сочиненіе Гелльвальда очень полезнымъ вкладомъ въ нашу литературу; тъмъ болъе, что художественный слогъ Гелльвальда удачно воспроизведенъ въ русскомъ переводъ, а цъна двухъ отлично изданныхъ томовъ въ переплетахъ (6 р.) — не дорогая.

— овъ.

Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократів. Томъ І. Части III и IV. Изд. 2-е. К. Т. Солдатенкова. М. 1899.

Большой трудъ Ковалевскаго о происхожденіи современной демократіи выходить уже вторымъ изданіемъ (первое вышло въ 1895 г.). Новое изданіе второй половины 1-го тома значительно дополнено весьма важными главами. Изслъдованіе профессора Ковалевскаго касается двухъ сферъ, которыя затронула революція: соціальной и политической, и задача автора сводится къ изученію народной или демократической доктрины, составившей основу законодательства учредительнаго собранія.

Вышедшій томъ разд'яляется на дв'я части. Первая — даетъ анализъ общественныхъ и политическихъ доктринъ XVIII в'яка, разсматривая экономическія п податныя теоріи прошлаго в'яка, въ связи съ постановкой и разработкой крестьянскаго и рабочаго вопросовъ въ литератур'я и наказахъ 1789 года. Эта часть въ новомъ изданіи сохранила свой прежній видъ. Зато IV часть — «Политическія доктрины», разрослась втрое, прибавленіемъ трехъ главъ къ прежнить двумъ — 1) «Англоманія и американофильство», 2) «Теорія демократической монархіи». Прибавленныя три главы посвящены Монтескье, Руссо и пропагандистамъ новой доктрины.

Уже послъ выхода въ свътъ перваго изданія перваго тома сочиненія профессора Ковалевского появился въ свъть интереснъйшій дневникъ Монтескьс. который онъ вель во время путешествія по Италіи, Германіи, Англіи, Годландіп. Этотъ дневникъ послужиль автору матеріаломъ для генезиса доктрины Монтескье. Дневникъ на предназначался къ изданію, но онъ проливаетъ много свъта на выработку политическаго міросозерцанія Монтескье. «Когда я путешествовалъ», говориль о себъ Монтескье, «за границей, я привязывался къ посъщаемымъ мною странамъ, какъ къ собственной родинъ. Я интересовался ихъ судьбою и желалъ имъ большаго благосостоянія, чъмъ то, какимъ онъ пользуются». Дневникъ даетъ возможность не только слъдить за постоянными сопоставленіями Монтескье между учрежденіями и нравами извъстной страны, но знакомить насъ съ зарождениемъ въ умъ знаменитаго политика ученія о связи между формой правленія и нравами. Профессоръ Ковалевскій ділаеть подробный анализь разбросанныхь въ дневників мыслей автора «Духа законовъ» и показываеть тоть порядокъ, въ которомъ Монтескье собраль результаты своихъ наблюденій въ одно стройное цівлое. По митию профессора Ковалевскаго, не идея преемства была руководящей нитью Монтескье. Въ его ученій первое м'єсто занимаєть не идея всемірной эволюцін, а, наобороть, частное обобщеніе, «частный законъ извращенія политическихъ формъ, по мъръ измъненія прежней обстановки», эта центральная мысль дала

ему возможность въ одинаковой мъръ говорить о причинахъ, какими обусловливается свобода народовъ, едва вышедшихъ изъ первобытнаго состоянія, и современныхъ жителей общирныхъ имперій Азіи и Востока Европы.

Съ такимъ же большимъ интерссомъ читается и слъдующая глава сочиненія Ковалевскаго — о Руссо. И здъсь знаменитый ученый воспользовался очень цънными отрывками наброска сочиненія Руссо, недавно открытаго въ Невшательской библіотекъ. Это сочиненіе является первоисточникомъ всъхъ позднъйшихъ разсужденій Руссо о природъ общества, народнаго суверенитета, закона и правительства. Кромъ этого сочиненія, профессоръ Ковалевскій воспользовался и другимъ уцътввшимъ отрывкомъ рукописи Руссо «О политическихъ учрежденіяхъ», гдъ имъются всъ оригинальныя стороны его ученія. Анализь этихъ двухъ сочиненій Руссо приводить автора къ тому выводу, что Руссо, въ отличіе отъ Монтескье, политическія воззрънія котораго постепенно складывались подъ вліяніемъ чтеній, путешествій и наблюденій, — сразу выступилъ съ готовымъ ученіемъ, вполнъ сложившимся и выработаннымъ въ частяхъ.

Сопоставление взглядовъ Руссо съ высказанными ранъе его взглядами на природу государства и власти (Платонъ, Спиноза и Монтескье) заставляетъ автора считать Руссо, несомивнию, новаторомъ, хотя измъненія, внесенныя имъ въ философію публичнаго права, были подготовлены ея въковымъ развитісмъ. Нельзя также, по митнію профессора Ковалевскаго, искать источникъ политическихъ возарвній Руссо въ особенныхъ условіяхъ государственнаго устройства его родины Женевы, или въ томъ положении среди борющихся въ ней партій, которое заняль Руссо. «Женева», говорить Ковалевскій, «дорога автору общественнаго договора отнюдь не болъе Спарты или Рима первыхъ временъ республики» (451 стр.). «Его пристрастіе къ ней», говорится тамъ же, «объясняется ея близостью кътипу ограниченнаго предълами города классическаго государства, въ которомъ нътъ препятствій къ осуществленію народнаго самодержавія, какими въ современныхъ ему европейскихъ монархіяхъ является обширность территоріи, численность населенія, развитіе соціальных в контрастовъ, любовь къ роскоши и извращение нравовъ». Вся политическая теорія Руссо возникла, дълаетъ выводъ авторъ, благодаря изучение историческаго опыта республикъ древняго и новаго міра, отъ Спарты, Рима — до Венеціи, п провъркъ историческимъ путемъ ходячихъ теорій объ общественномъ договоръ.

Выясненію вопроса, какимъ образомъ Руссо, будучи консерваторомъ по своимъ конечнымъ выводамъ, сдѣлался вмѣстѣ съ Монтескье родоначальникомъ революціонной доктрины, посвящена 3-я глава («Пропагандисты доктрины»). Въ ней авторъ послѣ наброска характерныхъ особенностей порядковъ Франціи въ 1789 г. показываетъ противорѣчіе этихъ порядковъ съ политическими принципами Руссо и Монтескье. Французская монархія XVIII вѣка была рѣшительнымъ отрицаніемъ теорій Монтескье и Руссо, поэтому ближайшіе къ революціи публицисты, повторяя высказанные обоими теоретиками взгляды, практически направляли ихъ къ разрушенію основъ «стараго порядка». Такими публицистами авторъ называетъ аббата Сейеса, Черутти, Рабо Сентъ-Этьена

и Кондорсе, на примъръ которыхъ онъ доказываетъ цъльность и единство революціонной доктрины.

Сочиненіе профессора Ковалевскаго должно признать выдающимся явленіємъ въ исторической литературъ XVIII въка.

п. к—ій.

Людвигъ Штейнъ. Соціальный вопросъ съ философской точки врвнія. Лекціи объ общественной философіи и ся исторіи. Пер. съ нви. П. Пиколаєва. Изд. А. Т. Солдатенкова. М. 1899.

Соціальный вопрось въ наше время является такимъ жгучимъ и серіознымъ, что всякоз сочиненіе, дѣлающее попытку такъ или иначе освѣтить его или изслѣдовать, представляется весьма желательнымъ. Тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія превосходный трудъ Штейна, что онъ составился изъ лекцій, читанныхъ нѣмецкимъ ученымъ въ Цюрихскомъ университетѣ, политехникумѣ и Бернскомъ университетѣ. Являясь результатомъ философскихъ размышленій профессора, это сочиненіе доступно широкой публикѣ, такъ какъ авторъ старался избѣгать слишкомъ философскаго языка и сохранить, благодаря этому, связь со своими слушателями, принадлежавшими къ разнымъ профессіямъ.

Общирный томъ въ 708 стр. состоить изъ 41 лекціи и раздѣляется на три главныя части. Въ первой изъ нихъ, послѣ опредѣленія сущности соціальнаго вопроса, а также выясненія плана и метода философскаго изслѣдованія соціальнаго вопроса, Штейнъ разсматриваетъ первоначальныя формы общественной жизни, во второй онъ излагаетъ исторію и критику общественной философіи, начиная съ первыхъ попытокъ сознательнаго духа въ сферѣ общественной философіи до нашего времени (стр. 161 — 471), наконецъ, въ третьей части, наиболѣе любопытной, представлены основныя черты системы общественной философіи и дана попытка автора рѣшить волнующія современную жизнь соціальныя проблемы.

ПІтейнъ видитъ въ соціальномъ вощост нетолько экономическую сторону, но также стороны религіозную, этическую, педагогическую, правовую и эстетическую, понимая подъ этимъ сложнымъ вопросомъ «формы и условія человъческаго сожительства и человъческаго сотрудничества» (28 стр.). Съ этой точки зрънія задачей соціальнаго вопроса въ философскомъ освъщеніи будетъ разсмотръніе трехъ моментовъ: 1) происхожденіе человъческой общей жизни, 2) историческое созиданіе общественныхъ организмовъ, какъ въ безсознательномъ развитіи, предопредъляемомъ телеологіей, такъ и въ сознательномъ состояніи, когда человъческій духъ стремится сознательно переформировать человъческую жизнь, а не предоставлять ее безсознательнымъ законамъ развитія. Третьимъ моментомъ будеть теперешнее состояніе соціальнаго вопроса, въ связи съ средствами его ръшенія.

Весь первый отдълъ труда Штейна посвященъ переходу отъ дообщественнаго состоянія къ общественному и опредъленію первичныхъ формъ человъческаго сожительства (лекцій 5—12). Авторъ различаетъ двъ формы соціальнаго сожительства, строеніе первой изъ нихъ постоянно, — т. е. 1) семья, 2) собственность (особенно поземельная), 3) общество, понимаемое

въ смыслъ общественнаго сожительства и сотрудничества въ постоянно дифференцирующихся его формахъ и 4) государство. Къ формамъ измънчивымъ онъ относитъ: 1) языкъ, 2) право, 3) религію (миеологическія и историческія преданія), далъе — технику, искусство, нравственность и философію. Въ то время, какъ разграниченіе постоянныхъ элементовъ — семьи, общества, государства, довольно прочно сложившихся, становится болъе опредъленнымъ и ръзкимъ, споры о границахъ между правомъ, нравственностью, религіей и т. п. не закончены еще. Каждому изъ этихъ вопросовъ, въ отдъльности, посвящена вся первая часть.

При объяснени всъхъ общественныхъ функцій Штейнъ избраль путь, который онъ называеть «психогенетическимъ». «Инстинктъ размноженія, для котораго половой коммунизмъ первобытнаго времени оказался нецълесообразнымъ, создаль представленіе о половомъ подборъ и все сильнѣе развиваль этотъ подборъ. Чувство голода, которому въ концъ концовъ не удовлятворяла первоначальная форма добыванія пищи, создаль представленіе о владѣніи, что позже повело къ созданію собственности. Инстинктъ сохраненія жизни и здоровья личности въ виду столкновеній интересовъ при человѣческомъ сожительствѣ создаль прочный типъ обороны, породившій представленіе о мщеніи, первымъ результатомъ котораго была первая форма принудительнаго общественнаго регламентированія, право возмездія».

Въ той же колыбели онъ ищеть и первоз пробуждение религіознаго чувства, явившагося результатомъ тяжелой борьбы съ невидимыми, далекими для обычныхъ орудій, недоступными силами. Вслъдствіе полнаго безсилія человъка противь сверхчувственныхъ силъ, въ виду сознанія этого безсилія, пробуждается сначала страхъ предъ этими силами, а потомъ — почтеніе къ нимъ и поклоненіе. Таково психогенетическое опредъленіе религіи, данное Штейномъ. Подъ это опредъленіе, очень широкое, такъ какъ религія, по Штейну, охватываеть всъ возможныя формы проявленія отношеній людей къ сверхчувственнымъ силамъ, — подходять четыре господствующія въ настоящее время теоріи о происхожденіи религіи.

Во второмъ отдътъ Штейнъ даетъ весьма обстоятельный очеркъ исторіи общественной философіи, начиная съ гомеровскаго эпоса. Любопытна глава о возникновеніи соціальнаго вопроса у грековъ. Первымъ, по словамъ Аристотеля, задумавшимъ говорить о лучшемъ государствъ былъ знаменитый геометръ Гипподамъ. По его представленію, строеніе государственнаго тъла трехчленное: воины, крестьяне и ремесленники, — просто и естественно.

воины, крестьяне и ремесленники, — просто и естественно.
Отдъльныя главы во второмъ отдълъ посвящены «Республикъ» Платона, «Политикъ» Аристотеля, перваго понимавшаго государство, какъ организмъ, теоріи стопковъ, эпикурейцевъ и неоплатониковъ, христіанству и соціальному вопросу. Послъ очерка соціальной философіи въ средніе въкъ и эпохи возрожденія, Штейнъ переходитъ къ общественнымъ условіямъ появленія политической экономіи и зачаткамъ соціализма: Сенъ-Симону, Фурье, Луп-Блану, Прудону, Марксу, критикъ ученія котораго отводитъ отдъльную главу, Лассалю и состоянію общественной экономіи въ настоящее время. Для

«HOTOP. BECTH.», MAPTE, 1900 r., T. LXXIX.

русскаго читателя этотъ отдълъ представляетъ собою единственное, что есть на русскомъ языкъ.

Въ третьемъ отдълъ, названномъ «Основныя черты системы общественной философіи», Штейнъ высказываеть свое отношеніе къ соціальному вопросу. Множество роковыхъ вопросовъ и не разръщенныхъ соціологическихъ проблемъ приводитъ автора не только къ констатированію существующей идейной анархіи, но заставляеть его въ систематическомъ отдёль своего изследованія «сделать попытку сказать утешительное слово человечеству» (470), «найти масляничную вътвь, этотъ символь мира». Симпатін Штейна склоняются къ «правовому соціализму». Онъ одинаково несогласенъ, какъ съ каниталистическимъ индивидуализмомъ, такъ и съ коммунизмомъ. Вопросъ о собственности онъ разръщаеть синтезомъ частной и коллективной собственности, то-есть смъщанной формой. Штейнъ — сторонникъ крупныхъ государственныхъ промышленныхъ предпріятій и свободнаго развитія государственныхъ монополій. Особенно важное значеніе придаетъ онъ экспропрімрованию государствомъ опасныхъ и вредныхъ для здоровья отраслей промышленности. Предлагаемая Штейномъ смъщанная форма даетъ государству необыкновенно широкое, всятдствіе монополизированія важитимих изобрть теній, поле дійствія, но не исключаеть и частно-капиталистическихъ предпріятій. Въ рукахъ государства находятся всѣ важнѣйщіе вопросы современной жизни, оно урегулируесъ вопросъ объ отношеніяхъ капитала и труда, а также вопрось о количествъ и качествъ труда, вопрось о положени пролетаріата, какъ рабочаго, такъ и интеллигентнаго. Тонъ Штейна полонъ оптимизма, нессимизмъ, господствовавшій до сихъ поръ, долженъ постепенно уступить мъсто соціальному оптимизму, цъль котораго-высшее физіологическое, умственное п нравственное развитіе типа человъка. Онъ освътить лишь прежній путь, дасть возможность разръшить экономическія противорьчія. Таковы главныя положенія сочиненія Штейна, богатаго по замыслу и по содержанію. Прибавнить, что написано оно прекраснымъ, часто образнымъ языкомъ, и хорошо переведено.

Π. R.

Д. А. Линевъ (Далинъ). Третъя виига "Не сказокъ". Спб. 1900.

На страницахъ «Историческаго Въстника» уже было однажды отмъчено публицистическое дарованіе г. Линева, которое въ свое время создало уситъх маленькимъ «Биржевымъ Въдомостямъ», гдъ онъ сотрудничалъ и являлся даже ихъ вдохновителемъ. За послъдніе два года г. Линевъ сошелъ съ газетной арены и, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, лишился столь любившей его аудиторіи; но, не желая рвать связи со своими читателями, онъ суммируетъ свои прежнія статьи отдъльными книжками подъ заглавіемъ «Не сказки», копхъ нынъ уже вышло три. О первыхъ двухъ нами уже было говорено, какъ равно отмъчено, какова сущность и форма любопытныхъ «Не сказокъ». Нынъ вышедшая книжка автора родственна по своему содержанію первымъ двумъ и является все тою же упорною и мужественною борьбою публициста съ темными моментами п обликами русской жизни. Г. Линевъ внимательно слъдитъ за об-

.

пественною русскою хроникою на всемъ необъятномъ пространствъ нашего отечества, и провинціальная пресса, преимущественно въ отдълахъ судебныхъ отчетовъ, даетъ ему богатъйшій въ этомъ отношеніи матеріалъ; его же онъ почерпаетъ изъ разныхъ корреспонденцій, а также изъ лично ему адресованныхъ писемъ. Вотъ этотъ-то весь матеріалъ, относящійся къ періоду 1894—1897 годовъ, и послужилъ содержаніемъ для восьмидесяти одной бытовой сценки, вошедшихъ въ третій томъ «Не сказокъ».

Передъ читателями проходить длинная вереница типичныхъ фигуръ, которыя ръзко раздъляются на двъ категоріи: во-первыхъ, несчастныхъ, пострадавшихъ и заслуживающихъ сочувствія, помощи и состраданія и, во-вторыхъ, представителей царства зла, порока и насилія. Всъ эти многочисленные типы отечественной дъйствительности, когда вы въ нихъ всмотритесь и надъ ними подумаете, не могутъ вызывать въ васъ вполнъ пидифферентнаго чувства, особенно въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Напротивъ, каждая страница книжки взбудораживаетъ нервы читателей, холодитъ кровь и щемитъ сердце. И чъмъ акой моментъ остръе въ своемъ проявленіи, тъмъ ярче и гуще краски автора, тъмъ выше и громче становится его голосъ.

«... Нельзя молчать, гръшно, преступно молчать, — говорить въ одномъ мъстъ г. Линевъ, — какъ бы эти сказанія ни терзали нервы, они все-таки должны быть даны, должны взывать своимъ ужаснымъ содержаніемъ къ уму и чувству всъхъ и каждаго, взывать и къ законодательству».

Эти слова, сказанныя по поводу одного ражказа, по всей справедливости должны быть обобщены на всю книжку, гдё авторъ именно на пространствё всёхъ страницъ взываетъ и къ уму и чувству всёхъ, а главнъйше къ законодательству, которому онъ старается указать его погръшности и поставить новыя требованія во имя справедливости, любви и милосердія. Непорядки нашей жизни, какъ государственнаго, такъ и экономическаго, а главнъйше соціальнаго характера — вотъ тотъ общій фонъ, на которомъ мелькаютъ живые люди изъ «Не сказокъ». Все это вмъстъ взятое — и фонъ, и фигуры на немъ, манера автора ихъ освъщать, и цъль, ради которой предпринято это освъщеніе, придаютъ работъ г. Линева особенное значеніе, которое такъ или иначе, но должно оставить слъдъ въ нашей общественной жизни. Чъмъ этотъ слъдъ будетъ глубже и виднъе, тъмъ скоръе достигнется и та гуманная цъль, ради которой написана вся серія «Не сказокъ».

А. Е. Вурцевъ. Дополнительное описаніе библіографическо-рѣдвихъ, художественно-замѣчательныхъ внигъ и драгоцѣнныхъ рукописей. Томы I—VI. Спб. 1899.

Составитель этого объемистаго изданія, г. Бурцевь, принадлежить къ библіофиламъ Березинъ-Пиряевскаго пошиба. Характерною чертою этихъ книголюбовъ является неудержимая страсть ко всякаго рода печатнымъ ръдкостямъ. Но понятіе о ръдкости у нихъ очень своеобразное. Вся цънность книги для нихъ заключается не въ ея внутреннемъ содержаніи, а въ томъ фактъ, что она ръдка, и отчасти въ ея внъшности. Годъ и мъсто изданія,

 $\mathsf{Digitized}\,\mathsf{by}\,Google$

формать и переплеть тоже играють немалую роль. Такимъ образомъ къ библіографическимъ рѣдкостямъ они причисляють массу всякаго балласта. Въ собраніяхъ ихъ, наряду съ серіозными книгами встрѣчаются всевозможные безсодержательные романы, дешевенькія лубочныя книжонки и всякій другой хламъ. Библіотеки свои гг. библіофилы содержать обыкновенно въ образцовомъ порядкѣ: все переплетено, перенумеровано и разставлено въ шкафы. Мало того, нѣкоторые изъ нихъ даже печатають свои каталоги. Покойникъ же Березинъ-Ппиряевъ подобными изданіями стяжаль себѣ громкую славу.

Воть къ такимъ-то книголюбамъ нужно причислить и г. Бурцева, выпустившаго года полтора тому назадъ пятитомное «Описаніе рѣдкихъ россійскихъ книгъ» и напечатавшаго теперь общирное къ нему дополненіе. На страницахъ «Историческаго Вѣстника» въ свое время былъ данъ отзывъ о первомъ изданіи, и моя задача заключается лишь въ рецензированіи добавленія. «Дополнительное описаніе» немного больше основного и по объему и по числу описанныхъ книгъ. Въ немъ шесть томовъ со свѣдѣніями о 1.187 книгахъ. Каждая книжка снабжена попрежнему примѣчаніемъ.

Я совершенно не согласенъ съ авторомъ рецензіи о прежнемъ изданіи г. Бурцева, придающимъ какое-то значеніе этимъ примъчаніямъ. Просмотрите приведенные мною образцы, и вы придете къ заключенію, что подобныя поясненія удлинняють лишь изданіе и не представляють никакого интереса.

Выписываю полностью заглавіе первой встрѣтившейся книжки: «Обряды еврейскіе, или описаніе церемоній и обыкновеній, наблюдаемыхъ евреями, какъ внѣ храма, такъ равно и во всѣ торжественные дни, во время молитвы, при обрѣзаніи, при свадьбахъ, родинахъ, смерти, при погребеніяхъ и проч. Орелъ, 1830 г.». А теперь примѣчаніе: «Эта книга подробно знакомитъ читателя съ еврейскими религіозными обрядами, какъ внѣ храма, такъ равно и во всѣ торжественные дни: во время молитвы, при обрѣзаніи, при свадьбахъ, родинахъ, смерти, при погребеніяхъ и проч. Книга замѣчательна какъ по содержанію, такъ и по времени изданія. (Почему?). Рѣдка. Купленъ мною экземпляръ за 5 рублей».

Если ужъ г. Бурцеву захотълось сдълать примъчаніе къ этой «замъчательной» книжкъ, то онъ могъ бы ограничиться лишь указаніемъ на ея цъну, какъ это онъ и дълаетъ при другихъ книгахъ. Зачъмъ же было силошь перепечатывать все заглавіе? Приведенный примъръ не единичный.

Но помимо такихъ примъчаній немало есть и куріозныхъ поясненій, невольно вызывающихъ улыбку, напримъръ, отзывъ о сочиненіи Толстого «Въ чемъ моя въра?», гласящій, что «авторъ этой книжки къ откровеннымъ истинамъ приложилъ нѣчто порядочное и отъ своего вымысла». Или слъдующее добавленіе къ книжкъ Н. Соловьева «Искусство и жизнь» (1869 г.): «Эта книга интересна для всякаго, желающаго ознакомиться съ искусствомъ и жизнью». О романахъ Дидро, переведенныхъ В. Зайцевымъ и изданныхъ въ 1872 году, говорится, что они «представляютъ собою выдающіяся литературныя произведенія семидесятыхъ годовъ». Забавнъе еще примъчаніе къ книгъ «Какъ должно старообрядцамъ смотръть на ново-открытыя мощи Феодосія Черниговскаго». Здъсь нашъ библіофилъ ръшительно заявляетъ, что «въ общемъ изданіе это вредное».

Перехожу теперь къ самому перечню книгъ. Прежде всего нужно замътить, что система, выбранная г. Бурцовымъ при ихъ распредълени, не совсъмъ удачна. Всъ изданія у него расположены по первой буквъ заглавія. Это же не такъ удобно, ибо иногда очень трудно отыскать нужную вещь. Сочиненія Гюго, напримъръ, слъдуетъ искать подъ словомъ «Полное» (собраніе и т. д.); повъсти Сергъя Глинки—подъ «Русскія» (историческія и нравоучительныя повъсти и т. д.). Но не всъ же знаютъ, что русское изданіе сочиненій Гюго называется «Полнымъ», а повъсти Глинки «Русскими». Не практичнъе ли было расположить книги по авторамъ? Пользованіе изданіемъ еще усложняется тъмъ, что при немъ вовсе нътъ указателя личныхъ именъ.

До сихъ поръ я говорилъ преимущественно о недостаткахъ изданіяхъ, а между тъмъ въ немъ есть и достоинства, о которыхъ мив не хочется умолчать. Такъ г. Бурцевъ сообщаетъ довольно подробныя даты о старыхъ журналахъ; указываетъ на многія изъятыя изъ обращенія книги; перечисляетъ нъкогорыя офиціальныя изданія, обыкновенно безслъдно исчезающія въ обиходъ, но имъющія немаловажное значеніе для лицъ, занимающихся библіографіей; затъмъ онъ знакомитъ съ обширной литературой о скопчествъ и дасть немало краткихъ біографій различныхъ писателей и издателей.

Слъдуетъ добавить, что разобранное нами изданіе напечатано лишь въ 100 экземплярахъ и предназначено не для продажи.

В. Городецкій.

Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи. (80 г.—1800 г.). Т. І. Спб. 1899.

Лежащій передъ нами, первый томъ «Регесть и надписей» продставляеть собою совокупный трудъ нъсколькихъ лицъ-членовъ «историко-этнографической комиссіи», образованной льть восемь тому назадъ при Обществъ для распространенія просвъщенія между евреями въ Россіи. Въ немъ составители, изъ которыхъ наибольшее участие принимали: М. М. Винаверъ, А. Г. Горифельдъ, Л. А. Сева и М. Г. Сыркинъ, они же и редакторы, поставили себъ цълью «представить въ хронологическомъ порядкъ сводъ всъхъ свъдъній по исторіи евреевъ въ России», разсъянныхъ въ многочисленныхъ русскихъ изданіяхъ, всевозможныхъ «сборникахъ» актовъ, грамотъ, документовъ, «описаніяхъ», «запискахъ» и т. п. (въ перечнъ псточниковъ» ихъ показано до 212). Болъе же древнія извъстія о евреяхъ заимствованы цзь нъкоторыхъ иностранныхъ источниковъ, напримъръ, Migne—«Patrologia graeca»; Divi Hyeronimi opera»; Brosset, «Histoire de la Georgie»; Langlois, «Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie»; Fraechnius, «De Chazaris excerpta ex scriptoribus arabicis»; Isstachri, «Das Buch der Länder»; Guillebert de Lannoy, «Oeuvres»; Maçoudi, «Les prairies d'or», и др.

Содержаніе историческихъ документовъ передано составителями въ сжатомъ изложеніи, а болье древивникть и важивникть—въ дословномъ тексть. Въ виду хронологическаго порядка, котораго держались составители, на первомъ мъсть помъщены «надписи», почти исключительно надгробныя, начи-

нающіяся съ 80 г. по Р. Х. и доходящія до 1773 г. Число всёхъ ихъ простирается до 133.

Подъ наименованіемъ «регестъ», но нашему миѣнію, не совсѣмъ правильнымъ, такъ какъ «регестами» обыкновенно называются текстуальныя выдержки изъ архивныхъ, а не печатныхъ документовъ, мы находимъ «изложенія» или «извлеченія» изъ разнаго рода печатныхъ «исторій» и «матеріаловъ», начиная съ «Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго» и фактовъ, относящихся въ IV вѣку по Р. Х. Число всѣхъ «регестъ» доходитъ до 978, и послѣднія изъ нихъ относятся къ 1676 г.

По содержанію напечатанныя документальныя данныя касаются разныхъ сторонъ жизни русскихъ евреевь и особенно богаты свъдъніями чисто бытового характера. Самое изданіе исполнено довольно тщательно и согласно требованіямъ научной критики, и потому вполнъ можетъ послужить надежнымъ источникомъ къ болъе правильному и научному изученію исторіи евреевъ въ Россіи.

Въ концъ тома приложены указатели географическій и именной.

В. Р-въ.

Дж. Гобсонъ. Общественные идеалы Рёскина. Изданіе т-ва "Знаніе", подъ редакціей Д. Протопопова. Спб. 1899, и К. Т. Солдатенкова. М. 1899.

За последніе два года въ русскомъ обществе проявился значительный интересь къ сочиненіямъ, надняхъ скончавшагося, знаменитаго англійскаго эстетика и моралиста Джона Рёскина, взгляды котораго, несомивнио, отличаются исключительной глубиной и оригинальностью, хотя въ нъкоторомъ отношении и напоминають намъ взглядъ Льва Толстого. «Рёскинъ, по справедливому выраженію автора книги, заглавіе которой мы выписали выше, должень быть признанъ величайшимъ общественнымъ проповъдникомъ и учителемъ своего въка, не только потому что онъ съ редкой силой убъждения высказаль много важныхъ истинъ по самымъ разнообразнымъ жизненнымъ вопросамъ, но также и потому, что онъ сдълаль наиболъе смълую и удачную попытку изложить нужды современнаго человъческаго общества въ связи съ планомъ общественныхъ реформъ». Этому плану общественныхъ реформъ Рёскина и посвящена книга Гобсона, одного изъ многочисленныхъ его поклонниковъ. Гобсонъ дълить жизнь и сочиненія Дж. Рёскина на два періода:, періодъ до и періодъ нослъ 1859—1860 г.; нервый неріодъ характеризуется дъятельностью художественной, а второй-общественной. Джону Рёскину было только двадцать три года, когда онъ написаль первый томъ своего сочиненія: «Современные живописцы». Книга произвела громадное впечатлъніе. Основная мысль книги, что цъль искусства-не подражание, не обманъ чувствъ, а изображение правды. Искусство имъетъ дъло съ изображениемъ идеаловъ. Природа служить этому ндеализму, доставляя ему иден правды и красоты. «Иден правды-основа, а иден подражанія--разрушеніе искусства». «Пдеями правды» Рёскинъ называеть существенныя, типичныя черты какого нибудь предмета, при устраненів

всего случайнаго и чисто-индивидуальнаго. Поэтому понятно отрицательное отношеніе Рёскина къ большинству великихъ «мастеровъ» послѣ-рафаэлевскихъ школъ въ Италіи и Англіи. И вотъ, принявь, говорить Гобсонъ, «положеніе, что искусство есть воспроизведеніе истинных идей, наблюдаемых въ природъ при помощи анализирующей и творческой способности воображенія, Рёскинъ уже никогда не отказывался отъ этого положенія. Онъ неуклонно шель впередъ, ногами касаясь земли, головой достигая облаковъ и пристально ища въ туманной небесной дали проблесковъ блаженнаго видънія». Мы не будемъ слъдить виъстъ съ Гобсономъ за постепенной эволюціей, которая совершалась во взглядахъ Рёскина съ теченіемъ времени. Скажемъ только, что самыя раннія проявленія общественнаго протеста со стороны Рёскина выразились въ ръзкихъ нападкахъ на вульгарный утилитаризмъ, на «развращенную, переполненную нищетой цивилизацію» и на «чисто-механическое представленіе о прогрессъ», которыми отмъченъ девятнадцатый въкъ. Въ 1815 г. Рёскинъ впервые выступаеть, какъ лекторъ. Не останавливаясь подробно на экономической теоріи Рёскина, мы приведемъ стедующія слова Гобсона, которыми онъ резюмируетъ радикальныя реформы, внесенныя Рёскинымъ въ систему политической экономін. «Ходячая теорія, говорить Гобсонь, признавала своимъ объектомъ рыночные продукты и процессы ихъ производства и распредъленія, выражающиеся въ деньгахъ, при чемъ эта теорія исходить изъ явно индивидуалистической точки аръніи. Ученіе же Рёскина признасть объектами политической экономін всякаго рода «блага», включая сюда всь невещественныя и нерыночныя блага, вмъсть съ процессами созидания и распредъленія ихъ, выражающимися въ «жизненныхъ» явленіяхъ и разсматриваемыхъ съ общественной точки эрвнія». Сущность богатства, по Рёскину, состоить не въ банковыхъ балансахъ и не въ земляхъ, постройкахъ или товарахъ, которые эти балансы представляютъ, а во «власти надъ людьми». Согласно Рёскину, стоимость производства опредъляется затратой жизни. Конечно, цъль потребленія всъхъ богатствъ заключается, по его мнънію, въ «производствъ возможно большаго числа человъческихъ существъ, дышащихъ полной грудью, смотрящихъ яснымъ взоромъ, со счастливымъ сердцемъ въ груди». Какова же должна быть правильная организація человъческой дъятельности вь благоустроенномь обществь? Въ «Time and Tide» и въ «Fars-Clavigera» Рёскинъ даеть на это отвъть. Его иланъ основывается на нъсколькихъ аксіомахъ соціальной справедливости, касающихся труда и собственности. «Каждый человъкъ, говорить онъ, должень исполнять ту работу, которую онъ лучше всего можеть дълать для общаго блага, а не для личной выгоды; взамънъ онъ долженъ получать собственность, состоящую изъ доброкачественныхъ предметовъ, которые онъ честно заработалъ и можетъ наилучинить образомъ использовать». Цълая глава въ сочинении Гобсона посвящена «истинному общественному строю» согласно Рёскину. Какъ извъстно, Рёскинъ не ограничился одной теоретической стороной его реформы, но приступиль и къ практическому ея осуществленію. Посл'єдняя глава представляєть для нась, русскихь, особый интересъ, такъ какъ Гобсонъ въ ней сравниваетъ учение Дж. Рёскина съ ученіемъ графа Льва Толстого. Въ заключеніе намъ остается сказать, что книга

Гобсона написана въ высшей степени талантливо и читается съ больших интересомъ. Переводъ обоихъ изданій прекрасный. Отъ души желаемъ книгь полнаго успъха.

Д.

Рабочій трудъ въ Западной Европѣ. Проф. Геркнера. Переводъ со 2-го нѣмецк. изданія. Изд. журн. "Образованіе". Спб. 1899.

Палагая подробно исторію возникновенія и развитія рабочаго вопроса въ различныхъ государствахъ Западной Европы, Геркнеръ высказываетъ, между прочимъ, свой взглядъ на фабричное законодательство, страхованіе рабочихъ и земельную реформу. Только страхованіе отъ старости и инвалидности можеть быть государственнымъ. Вообще же принудительное государственное страхованіе не желательно, какъ не имѣющее воспитательнаго значенія, подавляюще самодѣятельность рабочихъ. Международный постановленія объ охранѣ рабочихъ, какъ предполагающія международный контроль, т.-е. виѣшательство иностранцевъ, только способны затормозить дѣло національной охраны рабочихъ, тѣмъ болѣе, что при рѣшеніи этого вопроса затрогиваются самые важные факторы соціальнаго и политическаго развитія народовъ, которые въ разныхъ государствахъ различны.

Что касается вемельной реформы, то, по мижнію проф. Геркнера, сельскій рабочий вопросъ быль бы ръшень, если бы дать рабочимъ возможность подняться въ классъ мелкаго и средняго крестьянства, такъ какъ рабочій вопрось въ сельскомъ хозяйствъ — порождение крупнаго производства: гдъ нътъ крувнаго хозяйства, тамъ нътъ и рабочаго вопроса (възападной и южной Германи и во Франціи). Предсказаніе К. Маркса о неизбъжномъ поглощеніи мельаю сельскаго производства крупнымъ не оправдалось. (По этому поводу нельзя не припомнить доводовъ Эд. Бернштейна, который, опираясь на статистически данныя, утверждаль, что во всей Западной Европъ и въ восточныхъ штаталь Съверной Америки мелкое и среднее хозяйство развивается, крупнов же-дълаеть шагь назадъ). Переходя къ разсмотрънію хода соціальнаго движенія во Франціи, авторъ приходить къ заключенію, что этому движенію много итшаеть иго централизаціи и бюрократіи. Въ Англіп въ настоящее время соціальныя иден распространены во всёхъ слояхъ общества — это единственная страна, которая находится на порогъ ръшенія соціальнаго вопроса, хотя въ то же время можно указать и на темныя стороны англійской народной жизни: перенаселенность городовь, обезлюденье деревень, высота городской ренты, не удовлетворительность аграрнаго законодательства и проч. Въ Австріи организаціи рабочихъ мъщаеть первобытная форма производства, различныя эковомическія и моральныя б'ёдствія, переживаемыя страной, и различіе національностей. Швейцарская соціаль-демократія—энергичная представительница интересовъ наемныхъ рабочихъ, а затъмъ и мелкихъ крестьянъ и промышленив ковъ. Наибольшее мъсто въ книгъ Геркнера отведено обзору рабочаго труд въ Германіи. Подобно Э. Бериштейну, проф. Геркнеръ относится критически къ ученію Маркса. Признавая, что коммунистическіе писатели оказали въ свое время услугу въ дълъ пониманія всей опасности, угрожавшей со стороны

капиталистическаго производства, и проложили дорогу драгоцівнымъ реформамъ (благодаря которымъ и не сбылись зловіщія предсказанія Маркса), тімъ не меніе онъ не считаєть возможнымъ признать необходимость и цілесообразность коммунистическаго строя. Марксъ и Энгельсъ, развивая теорію матеріалистическаго пониманія исторіи, ошиблись, предсказывая неизбіжность централизаціи капитала, который, будто бы, поглотить мелкое производство. Статистическія данныя противорічать этому.

Изданная редакціей журнала «Образованіе» книга Геркнера отлично переведена.

Д. Дриль. Ссылка во Франціи и Россіи. (Изъ личныхъ наблюденій во время потядки въ Новую Каледонію, на о. Сахалинъ, въ Пріамурскій край и Сибирь). Спб. 1899.

Въ наше время, когда по высочайшему повелънію поднять вопрось объ отмънъ ссылки, книга г. Дриля является весьма цънною. Авторъ соединилъ въ одно общее цълое свои статьи о ссылкъ, печатавшіяся раньше въ 1896, 1897 и 1898 гг. въ повременныхъ изданіяхъ. «Авторитстъ фактовъ», впечатлънія и наблюденія, вынесенныя имъ изъ поъздки по ссыльнымъ мъстностямъ Россіи и Франціи, убъдили его въ полной непригодности современной ссылки, какъ прибавочнаго къ каторгъ, такъ и самостоятельнаго наказанія.

Замъчательно, что, сравнивая ссылку во Франціи и Россіи, г. Дриль приходить къ выводу, что «ссылка одной страны въ основныхъ проявленіяхъ представляеть какъ бы воспроизведенія ссылки другой». Причина этого сходства заключается «въ однородности явленій, однородности установленій и — что главное—однородности матеріала, съ которымъ приходится оперировать».

Обзоръ русскихъ «штрафныхъ поселеній» г. Дриль начинаєть сь о. Сахалина, гдъ примъняется ссылка, основанная на системъ широкой и всесторонней помощи выходящимъ на поселеніе ссыльнымъ. Результатъ, полученный послъ тщательнаго изслъдованія условій ссылки на Сахалинъ, приводить къ слъдующимъ печальнымъ выводамъ.

Сельско-хозяйственную колонизацію ссыльных в-поселенцев в приходится признать вполнт безусптшною. Причины этой безусптшности двоякія: вптшнія п внутреннія. Къ первымь относятся неудачный выборь мъстностей для поселенія (преимущественно болота) и ихъ перенаселенность, недостатокъ и примитивность земледтльческих орудій, чрезмтрная задолженность казит и недостатокъ скота. Къ причинамъ же внутреннимъ принадлежатъ злоупотребленіе и несправедливость со стороны надзирателей, выражающіяся въ неравномтрномть распредтленіи работъ между ссыльными и въ задаваніи уроковъ, безплатность труда и незаинтересованность въ немъ поселенцевъ, отсутствіе поощреній и физическое истощеніе. Все это объясняеть пониженіе работоспособности, на которую жалуются завтдующіе работами. Аналогичныя неудовлетворительныя условія наблюдаются въ Нерчинскт безплатность, незаинтересованность въ работт, та же «физіологическая бъдность», органическое оскудтніе большинства рабочихь каторжниковъ. Основая мысль устава о ссыльныхъ

поопрять усилія караемаго къ исправленію путемъ прогрессивнаго улучшенія его положенія «на практикъ, къ сожальнію, не получила сколько нибуль надлежащаго осуществленія и дальнъйшаго развитія» (118 стр.). Состояніе духа ссыльныхъ всегда удрученное, такъ какъ они убъждены въ невозможности измъненія ихъ участи. «Сколько ни старайся, —говорили арестанты, — лучше не будетъ. Разряды, установленные уставомъ, въ глазахъ администраціи получили значеніе какихъ-то формально-предустановленныхъ категорій, черезъ которыя механически-однообразно должны проходить арестанты, почти внъ всякой зависимости отъ характера перемънъ въ ихъ нравственномъ міръ:. Между тъмъ опыть разныхъ странъ показалъ, что всъ цъли тюрьмы лучше достигаются методой поощренія, чъмъ суровыми наказаніями.

Отрадиымъ исключениемъ является центральная Александровская каторжная тюрьма, близь гор. Пркутска, главными руководителями которой состоять люди, вложившіе душу въ это живое дёло и стремящіеся всёми силами къ его улучшению. Александровская тюрьма отстроена вновь въ 1890 г.; зданіе каменное, разсчитано на 1.000 человъкъ. Чистота възданіи образцован. Высшее начальство тюрьмы старается примънить на практикъ систему исправленія, согласную съ духомъ устава о ссыльныхъ: воздействовать на псправленіе преступниковъ путемъ различныхъ поощреній, а не наказаній. Видомъ такихъ поощрени служатъ «назначение на желъзнодорожныя работы, отправка на частные и казенные заводы, распредъление на работы безъ конвоя, разръшеніе жить вь особо-устроенных баракахь, разръшеніе жить въ прилежащемь къ тюрьмъ селеніи Александровскомь на вольныхъ квартирахъ, назначеніе на нъкоторыя должности, какъ-то: сторожей, конюховь и проч. .. Въ тюрьм'в им'вется библіотека. Часто ведутся беседы священника съ ссыльнычи. Арестанты работають въ мастерскихъ, за что получають заработную плату частью на руки, частью по выходъ изъ тюрьмы.

Особенно благопріятные результаты дають желізнодорожныя работы, которыя производятся безь конвоя, подъ наблюденіемъ только однихъ надзирателей, и на чистомъ воздухі, что очень благотворно вліяеть на здоровье рабочихъ; и казна отъ этихъ работь получаеть «сравнительно значительныя выгоды. Такъ, наприміръ, рабочія партіп на Забайкальской желізной дорогі съ 1-го октября 1895 г. и по 1-е сентября 1896 года, за покрытіемъ всіхъ накладныхъ расходовъ, доставили чистаго дохода 18.106 руб. 85 кон.».

Въ Пріамурскомъ же крат на ссыльныхь особенно неблагопріятное вліяніе оказывають золотые промыслы и хищническая добыча золота, пріучая ихъ къ бродяжничеству, пьянству, разбрасыванью денегь и къ разгулу. Въ виду всего вышеналоженнаго нельзя не согласиться съ митніемъ тобольскаго тюремнаго инспектора, что «ссылка есть роковое недоразумтніе или же временная итра въ извъстную эпоху, когда по обстоятельствамъ ничего болъе цълесообразнаго не могли придумать» (стр. 170). Въ концт авторъ приходить къ слъдующему тезису: причины неуспта нашей ссылки заключаются: «во-первыхъ, въ неудовлетворительной организаціи у насъ этого рода наказаній и, во-вторыхъ, въ тъхъ взаимныхъ отношеніяхъ между ссыльными и мъстными жителями, которыя возникали и неминуемо будутъ возникать при заурядовой ссылкъ и

Digitized by Google

концентраціи всъхъ общественныхь отбросовь вь одинь общій отдаленный резервуарь».

Въ этомъ новомъ трудъ г. Дриля сквозитъ такое же гуманное отношение къ преступнику, какимъ проникнуты и прежнія сочиненія почтеннаго ученаго.

Д. К. Е-въ.

Г. Майръ. Закономърность въ общественной жизни. Москва. 1899.

Первое изданіе перевода Н. Н. Романова книги профессора Майра: «Die Gesetzmässigkeit im gesellschaftsleben» (München, 1877 г.), появившееся въ 1884 г., вышло изъ продажи. Редакція «Библіотеки для самообразованія» выпустила второе изданіе перевода, въ которомъ давно уже чувствовалась потребность среди читающей публики, какъ въ превосходномъ пособіи при ознакомленіи съ основными положеніями теоріи статистическаго метода и статистикой народонаселенія Книга профессора Майра распадается на три отдъла: сущность, задача и методъ статистики, статистика народонаселенія и нравственная статистика.

Хотя данное Кетле опредъленіе ститистики, какъ точной соціальной науки, върно изображающей государство въ данную эпоху, не можетъ считаться вполиъ върнымъ, но все же между статистикой и государствомъ существуетъ тъсная внутренняя связь. И съ внъшней стороны важнъйшія отрасли статистики не могутъ развиваться безъ содъйствія государства. Устройство офиціальныхъ статистическихъ учрежденій началось только въ позднъйшее время; обращено вниманіе на усовершенствованіе метода статистики (собпраніе статистическаго матеріала отдълено отъ его обработки), учреждаются статистическія бюро, все чаще созываются международные статистическіе конгрессы (первый статистическій конгрессь состоялся, по иниціативъ Кетле, въ Брюсселъ въ 1857 г., послъдній—въ Будапештъ въ 1894 г.). Авторъ дълаетъ оговорку, что онъ «не имъть въ виду популярнаго изложенія статистики во всемъ ея объемъ, а лишь хотъть настолько познакомить читателей съ открытіями статистики, насколько это необходимо для уразумѣнія правильнаго хода явленій общественной жизни при кажущейся пхъ случайности».

Полвъка назадъ Кетле, пользуясь уголовной статистикой Франціи, пришель къ извъстному выводу: «Есть бюджеть, который уплачивается съ поразительною правильностью, это бюджеть тюрьмы, каторги и эшафота». Но общирный матеріаль по части уголовной статистики, собранный въ новъйшее время, не допускаеть безусловнаго признанія какого либо опредъленнаго бюджета преступленій. Наблюдаются значительныя колебанія числа преступленій въ зависимости отъ соціальныхъ и экономическихъ условій общественной жизни.

Такъ какъ прошло болъе 20 лътъ со времени появленія въ свътъ труда Майра, то редакція позаботилась дополнить устарълыя статистическія данныя новыми, заимствованными изъ новаго общирнаго изслъдованія того же автора: «Statistik und gesellschaftslehre», 1897 г. Ясность и простота изложенія, отсутствіе общирныхъ статистическихъ таблицъ, чрезмърно удручающихъ вни-

маніе читателя -неспеціалиста, все это ділаєть книгу г. Майра весьма доступнымь и ціннымь руководствомь для всякаго, желающаго ознакомиться съ основами статистики, а потому нельзя не привітствовать появленія въ нечати второго изданія перевода этого почтеннаго популярнаго труда.

Д. К. Е-въ.

Сборникъ по общественио-юридическинъ науканъ. Выпускъ 1-й. Подъ редакціей проф. Ю. С. Гамбарова. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1899.

Первымъ выпускомъ «Сборника» редакція начинаеть изданіе ряда статей по различнымь отдъламь общественно-юридическихъ наукъ, имъющихъ общеобразовательное значеніе. «Сборникъ» предполагается издавать выпусками по мъръ накопленія матеріала. Въ первомъ выпускъ помъщена статья М. М. Ковалевскаго, посвященная вопросу о связи между всеми отраслями права п обще-соціальной наукой. Кром'в статьи М. Ковалевскаго, въ первом выпускъ помъщена статья проф. Гамбарова: «Право въ его основныхъ моментахъ», гдъ весьма пространно и обстоятельно налагается, что такое право, объективный и субъективный смысль права, форма и содержание права, отличіе его отъ нравственности, религіи и произвола, психическое принуждение въ правъ, выражение права въ жизни въ формахъ примитивныхъ организацій, закона и проч. Вопросу объ отношеній права къ нравственности посвящена статья II. Новгородцева, написанная весьма живо, легко и интересно. Въ небольшой статъв «Развитіе государства въ Западной Европъ» А. Горбуновъ даетъ краткую исторію возникновенія средневъкового государства изъ первичныхъ ячеекъ феодальныхъ помъстій и городовъ, заканчивая обозръніемъ измъненій, которыя послъдовали въ государственномь стров главныхъ государствъ Западной Европы за последніе пол-века (развитіе каниталистической формы народнаго хозяйства, возникновеніе сложных соціальных вопросовь, статистических изследованій и проч.) и тъхъ стадій развитія, которыя переживають въ настоящее время европейскія націи, идущія по пути все болье и болье усиливающагося «обобществленія», которое дало новодъ Герберту Спенсеру утверждать, что этотъ эволюцюнный процессь ведеть человъка къ грядущему рабству. Менъе удачною намъ кажется статья С. Булгакова: «Хозяйство и право», нъсколько тяжелая вы чтенін. Попадаются, напримъръ, столь мало вразумительныя строки: «Сь точки зрвнія цвлесообразности могуть быть предъявлены, напримвръ, большія сомивнія относительно дисциплины, которая задалась бы цілью установить закономерность употребленія въ Библін слова «но», съ формальной же стороны такая «но»-логія имъла бы столько же права на существованіе, какъ п соціологія».

Digitized by Google

Péninsule balkanique, esquisse historique, ethnographique, philologique et littéraire, cours libre professé à la Faculté des lettres de l'Université de Montpellier, par Leon Lamuche, capitaine de génie, diplômé de l'École des langues orientales. Paris. 1899.

Эта книга исключительно предназначается для французской публики, въ последнее время заинтересованной славянствомъ и его будущимъ. Южные славяне, пользующеся политическою независимостью, обратили серіозное вниманіе французскаго публициста-ученаго, и въ его курсъ, читанномъ въ Монпелье, читатель находитъ удовлетворительное освъщение стремленій балканскихъ славянскихъ государствъ и неславянскихъ. Авторъ не упустилъ изъ вниманія существующее политическое соперничество балканскихъ народностей, но не указываетъ, какъ этотъ конгломератъ народностей можетъ быть удовлетворенъ въ своихъ стремленіяхъ.

Авторь, кажется, очень серіозно относится къ своей задачѣ; онъ разсматриваеть балканскій вопросъ съ точекъ исторической, этнографической, литературной и даже филологической. Строго научной критики нельзя приложить къ разсматриваемому сочиненію; много неточностей можно указать въ отдѣлѣ историческомъ и филологическомъ. Собственно говоря, настоящаго историческаго очерка народностей Балканскаго полуострова читатель не найдеть здѣсь, такъ какъ автору мало извѣстны документальные источники исторіи балканскихъ народностей; онъ, напримѣръ, недоумѣваетъ, какъ быть съ волохами македонскими и волохами румынскими; онъ признаетъ образованіе княжествъ Валахіи и Молдавіи довольно темнымъ (стр. 104), и въ то же время высказываетъ догадку, что они образованы румынами, пришедшими изъ Трансильваніи. Было бы полезнѣе, если бы авторъ заглянулъ въ «Histoire des Raumaines de la Dacie trajane» (1896. Leroux, т. I, стр. 174).

Филологическая часть книги не представляеть научнаго интереса, но этого и требовать отъ автора нельзя, такъ какъ онъ не спеціалисть. Очеркъ исторіи литературы бъглый, но все же имъетъ нъкоторое значеніе даже и для русскихъ читателей, мало знакомыхъ съ произведеніями народовъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ.

Въ общемъ, можно съ удовольствіемъ отмътить появленіе этой книги въ французской литературъ, какъ доказательство симпатіи къ славянамъ.

В. Качановскій.

Талмудъ. Мишна и тосефта. Критическій переводъ Н. Переферковича (книга 1 и 2). Спб. 1899.

Появленіе на русскомъ языкъ Талмуда въ его шести томахъ и двънадцати книгахъ (одинъ первый томъ занимаетъ 384 страницы, in folio) является въ настоящее время изданіемъ не только интереснымъ, но и полезнымъ, въ особенности для тъхъ лицъ, кто, такъ или иначе, интересуется у насъ еврейскимъ вопросомъ. Далеко не безполезно имътъ подъ руками переведенный съ древнееврейскаго языка и собранный воедино сводъ законовъ еврейскаго права, со-

ставляющій основное зерно талмуда, образовавшагося изъ сочетаній Мпшны и геморы.

Талмудъ-это кодексь еврейской жизни, предусматривающій каждый шагь еврея и налагающий путы на его свободную волю. Не только молитва, обучение, трудь, но и вся интимная жизнь еврея указывается ему заранбе: купаться онь можегь тогда, когда это позволяеть ему «святой талмудь»; бхать въ экипажѣ или итти пѣшкомъ — по указанію талмуда; нодавать милостыню, заниматься торговлею, любить и ненавидъть—все это по тому же талмуду... Талмудъ и кагалъ держать еврея въ неволъ и рабствъ, убивая въ немъ душу живу и не допуская никакой иниціативы. Это -сь одной стороны. Сь другой же, это фанатическое въроучение способствуеть тому, что евреп находятся въ состоянін крайней замкнутости отъ тъхъ народовъ, среди конхъ они разселены, и содъйствуетъ обособленности этого племени, которое, поэтому, ръдко ассимилируется. Со стороны ознакомленія русской публики съ еврейскою жизнью и сврейскимъ въроученіемъ, остающимися безь измъненій въ теченіе многихъ въковъ, — «критическій переводъ» талмуда г. Переферковичемъ представляется трудомъ весьма цъннымъ и желательнымъ. И. Н. З.

А. Н. Островскій. Его живнь и литературная діятельность. Віографическій очеркъ И. Иванова. Спб. 1900.

А. Н. Островскій дождался, наконецъ, біографіи. Правда, это — небольшая сравнительно брошюрка, заключающая въ себъ лишь сто страницъ, но въ ней собрано все то немногое, что появлялось о жизни талантливаго драматурга до сего времени. Жизнь эта, какъ извъстно, была не изъ очень сладкихъ. Островскому приходилось терпъть очень много и съ разныхъ сторонъ, прежде всего, конечно, отъ цензуры. Комедія «Своп люди сочтемся» находилась подъ запретомъ до 1860 г. Послъ представленія «Грозы» въ присутствіи государя дпректоръ театровъ ръшился написать шефу жандармовъ письмо и добился отъ автора измъненія конца пьесы. По требованію цензуры, порокъ въ лицъ Подхалюзина долженъ былъ подвергнуться наказанію, и Островскому, для этого, пришлось закончить пьесу появленіемъ квартальнаго, убрать котораго со сцены удалось значительно позже.

Цензурныя притъсненія и вражда театральнаго начальства ставили Островскаго въ крайне тяжелое положеніе, и не разъ вызывали желаніе бросить театральное поприще... «Выгодъ отъ театра я почти не имъю, писаль Островскій одному изъ друзей, хотя всъ театры въ Россіи живутъ моимъ репертуаромъ. Начальство театральное ко мнъ не благоволитъ: безъ хлопотъ и поклоновъ съ моей стороны ничего для меня не дълается, а ты самъ знаешь, способенъ ли я къ низкопоклонству. Я замътно старъю и постоянно нездоровъ».

Дъйствительно, пьесы Островскаго не сходили съ провинцальныхъ и столичныхъ сценъ. До какой степени онъ были популярны, показываетъ цифра представленій за 19 лътъ (съ 1853 по 1872 г.): на казенныхъ только сценахъ пьесы Островскаго прошли 766 разъ. Дирекція императорскихъ театровъ по-

лучила за это время со спектаклей Островскаго около двухъ мплліоновъ дохода. А самъ драматургъ выбивался изъ силъ, просиживалъ на пролетъ за работой цълыя ночи, доходилъ до такого состоянія, что «едва держалъ въ рукахъ перо», и все-таки страшно бъдствовалъ.

В. В.

Инсьма И. С. Тургенева въ Паулинъ Віардо. М. 1900.

Года два тому назадъ во всъхъ газетахъ было напечатано письмо артистки Віардо, извъщавшей о томъ, что у нея похищены письма къ ней И. С. Тургенева, и просившей редакции не печатать писемъ этихъ, если бы кто нибудь доставиль ихъ. Въ прошломъ году г. Гальперинъ-Каминскій вошель въ соглашеніе съ г-жей Віардо и получить отъ нея разръшеніе на изданіе этихъ писемъ съ нъкоторыми сокращениями, которыя признада необходимымъ сдълать Віардо. Въ прошломъ году письма эти были напечатаны по-французски въ журналъ «La Revue Hebdomadaire», а теперь вышеть уже переводь ихъ на русскій языкъ. Инсьма относятся къ періоду съ 1846 по 1850 годъ и, хотя и не заключають въ себъ ничего особенно важнаго (особенно послъ цензуры Віардо), но во всякомъ случат не лишены значенія для характеристики Тургенева, его отношеній къ Віардо, его взглядовъ на происходившія вокругь него событія въ сферъ общественной и литературной. Къ сожальню, русский переводъ писемъ сдъланъ очень неудовлетворительно. Я не говорю уже о томъ, что языкъ перевода мало соотвътствуетъ изящному и гибкому слогу Тургенева. Переводчикъ допустить много неточностей и даже пропусковъ. Развернувъ первое попавшееся письмо (28 іюля 1879 г.), я сравниль его съ подлинникомъ и обнаружиль вы немъ пропускъ цълыхъ 15 строкъ подлинника, при томъ напболъе характерныхъ и важныхъ строкъ. (Cette chose indifferente, imperieuse, vorace... и т. д.). Небрежность ли это переводчика, или же сознательное исправление писемъ Тургенева-во всякомъ случат, и въ томъ и въ другомъ случат, переводъ не соотвътствуетъ оригиналу, искажаетъ этотъ оригиналъ и теряетъ свое значеніе. Было бы желательно, чтобы кто нибудь взяль на себя трудь дать русскимъ читателямъ болъе добросовъстный переводъ этихъ писемъ.

Вл. В- скій.

Казави: донцы, терцы, вубанцы, уральцы. Очерви изъ исторіи ,и стародавняго вазацкаго быта. Изданіе второе. Составиль К. Абаза. Издаль В. Верезовскій. Спб. 1899.

Книга г. Абазы представляеть собою результать долгаго и тяжелаго труда и полна глубокаго интереса. Она можеть быть прочтена съ большою пользою и въ войскахъ, и во ветхъ военныхъ училищахъ и корпусахъ—и прочтется, по всей въроятности, съ неменьшимъ интересомъ и тъми русскими людьми, которые относятся съ уваженіемъ и вниманіемъ къ славному прошлому своей родины и къ ея не менте славному войску—казачеству. Въ отдъльныхъ очеркахъ книги авто съ довольно подробно старается показать, какъ велика была служба, оказанная казачествомъ государству по заселенію и охрант границъ, а равно

и во время многихъ войнъ, гдѣ казачымъ войскамъ приходилось сражаться рядомъ съ нашими регулярными войсками—и на родныхъ поляхъ, и въ стънахъ упорно защищаемыхъ крѣпостей, и за границей, и «въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ», и на поляхъ отдаленной Франціи... Въ той же книгѣ встрѣчаются и не менѣе питересные разсказы о былой казацкой вольницѣ и о тѣхъ тяжелыхъ временахъ смутъ и потрясеній, которыя довелось пережить тому же казачеству...

Вижсть съ тъмъ, книга г. Абазы довольно богата отдъльными, яркими эпизодами казачьяго мужества и доблести, которыя, при чтеніи, могутъ также сильно интересовать и увлекать учащееся юношество, какъ увлекали, напримъръ, насъ когда-то разсказы Плугарха о герояхъ древняго Рима и Греціп.

Историческая часть занимаеть, вообще, довольно солидное мъсто въ книгъ г. Абазы: подробно разсказывается, какъ жили и воевали наши донцы въ старину, и какъ они добывали Азовъ; какъ собиралось яицкое (уральское) войско, какъ образовалось войско «върныхъ» черноморцевъ, и какъ составилось гребенское войско и терское. Станичный бытъ казаковъ хорошо, повидимому, знакомъ автору, и онъ посвящаетъ ему немало мъста на страницахъ своей живой и интересной книги.

Особый интересь въ книгъ представляеть глава V-ая, въ отдълъ «Кубанцы», въ которой описываются пластуны, поселившеся по Черноморью и вблизи Кубани. Полонъ также глубокаго драматизма разсказъ, помъщенный въ этой главъ, подъ заглавіемъ «Горъли, сгоръли --а не сдались!»

И. Н. З.

Н. Зинченко. Первое собраніе писемъ В. Г. Вѣлинскаго. Спб. 1901 (sic).

Г. Зинченко, выпустившій въ свътъ это дъйствительно «первое» по времени собраніе писемъ Вълинскаго, отнесся къ своей задачт очень легкомысленно. Онъ взялъ первыя попавшіяся ему подъ руки письма, преимущественно напечатанныя въ послъднее время, и напечаталь ихъ на отвратительнъйшей строй бумагт. Письма Бълинскаго къ Боткину, заключающія въ себт иной разъ цталь трактаты по исторіи русской литературы и чрезвычайно важныя для характеристики ихъ автора, письма къ Панаеву, наконецъ, знаменитое письмо къ Гоголю и другимъ—сюда не вошли. Нечего и говорить, что приложить къ нимъ указатель г. Зинченко не счелъ нужнымъ. Поэтому, если это изданіе и можетъ имъть нъкоторое значеніе, то лишь какъ напоминаніе, что слъдуетъ подумать о приличномъ изданіи писемъ великаго критика.

В. В.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Геродоть и букидидь. — Нев'вдомый историческій трудь Ренана. — Первые военные подвиги Кромвеля. — Потомки французскихь эмигрантовь въ Германіи. — Посл'ядиял мускадентка. — Три посл'яднихь Конде. — За кулисами В'янскаго конгресса. — Новыя бес'яды Наполеона на остров'я св. Елены. — Предшественникъ Ницше. — Итоги XIX в'яка. — Смерть Рёскина. — Викторія миротворица. — Славяне въ Ганновер'я. — Изъ обычаевъ и в'ярованій американскихъ племенъ.

ЕРОДОТЪ и Өүкидидъ. Извъстный нъмецкій ученый Эдуардъ Мейеръ издаетъ нараллельно съ своей древней исторіей подробныя изслъдованія отдъльныхъ вопросовь, о которыхъ онъ не можетъ обстоятельно говорить въ своемъ главномъ трудъ 1). Этотъ методъ гораздо удобнъе, какъ для автора, такъ и для читателя, чъмъ обычная система громадныхъ примъчаній подъ страницами, или въ концъ книги; первый можетъ пространнъе развить свою мысль и привести всъ подтверждающіе ее матеріалы, а послъдній имъетъ возмож-

ность читать последовательно тексть, не теряясь въ примечаніяхь, и внимательно изучать только те изследованія спеціальныхъ вопросовь, которые его интересують. Надняхъ вышель второй томь этого добавленія къ «Древней исторіи» Мейера, и, конечно, общій читатель не углубится въ ученыя дебри изследованія научнаго базиса греческой хронологіи на основаніи вавилонской и пропустить некоторые другіе спеціальные полемическіе этюды, а съ интересомъ прочтеть те страницы новой книги почтеннаго историка, которыя относятся до значенія, правдивости и стиля историческихъ трудовь Геродота и букидида. Немало написано по этому поводу, и до сихъ поръ пдеть горячая полемика между защитниками отца исторіи и сторонниками его великаго соперника. Профессоръ Мейеръ отдаеть пальму букидиду, и въ его оценкъ этого знаменитаго историка культь букидида доходить до апогея. Онъ не

«HCTOP. BECTH.», MAPTL, 1900 r., T. LXXIX.

Digitized by Google

только считаеть, что мелкая Пелопонезская война, которую описываеть его герой, была величайшей войной на свёть, но и доказываеть, что методъ ся описанія, къ которому прибъгаеть Оукидидъ, его ръдкія разсужденія, частые пропуски и привычка влагать въ уста своихъ героевъ такія ръчи, которыя они никогда не могли произнести, составляють последнее слово историческаго искусства. По словамъ Мейера, никакое другое историческое сочинение не можеть сравниться съ трудомъ Өукидида по художественному совершенству и философской глубинъ, развъ только можно, хотя, конечно, на уважительномъ разстояніи поставить на одномъ ряду съ нимъ «Исторію папъ» Ранке. Почтенный профессоръ университета въ Галле такъ убъжденъ въ правахъ своего любимца на титулъ перваго историка, что смело говоритъ: «Тотъ, кто не согласенъ со мною, выражаетъ свою умственную бъдность и неспособность сознанія истиннаго величія». Что касается до Геродота, то защитники приводять въ пользу его первенства не только болъе интересный и болъе важный предметь его труда, но прелесть изложенія и широту разсужденій, что придаеть его исторіи неизм'єримо высшее значеніе, чемь то, которымь можеть похвалиться спеціальный анализь военных и политических событій мелкой междоусобной войны. Конечно, Мейеръ все это гитвию отрицаеть, но все-таки отдаеть справедливость Геродоту въ его художественности и ръдкомъ умъньъ собирать устныя свёдёнія въ такую эпоху, когда едва ли можно было найти письменные источники 1).

— Невъдомый историческій трудъ Ренана. На смертномъ одръ Ренанъ указалъ на тъ изъ своихъ трудовъ, которые онь считалъ нужнымъ вновь напечатать, и въ чисть ихъ первое мъсто занимали: «Изследованія религіозной политики во время парствованія Филиппа Красиваго». Это сочиненіе было написано имъ въ 1856—1858 годахъ и болъе 30 лътъ было похоронено въ величественномъ литературномъ саркофагъ, который воздвигнутъ французской академіей надписей подъ заглавіємъ «Литературная исторія Франціи». Только теперь исполнено предсмертное желаніе великаго ученаго, художника и философа: извъстный лишь спеціалистамь этоть трудь его молодости напечатань особой книгой и можеть быть прочитань каждымь любознательнымь читателемъ. Прежде всего этого читателя поразить то обстоятельство, что въ солидномъ историческомъ трудъ, документально изображающемъ одинъ изъ важнъйшихъ эпизодовъ французской исторіи, именно освобожденіе государства отъ онеки римской церкви, его авторъ, спустя двадцать лъть, нашель матеріаль для своей фантастической и философской драмы «Fau de jouvence». Въ этомъ спеціальномъ научномъ изследованіи фигура папы Климента V также живо возстаетъ передъ нами, какъ и въ философской драмъ, которая представляетъ художественный портреть папы матеріалиста и эстетика, философа и развратника. «Клименть, говорить Ренань въ историческомъ этюдъ, отличался страстью къ роскоши и для удовлетворенія этой страсти торговаль всёмь, что свято: его обвиняли въ созывъ церковнаго собора только для того, чтобы удовлетворить за деньги всемь низкимь инстинктамь. А вмёсте съ темъ, онъ

¹⁾ Forschungen zur alten Geschichte. Von Eduard Meyer. Band II, Halle. 1900.

быль одинь изь поборниковь художественнаго вкуса и дъятельно покровительствоваль прогрессу въ искусствъ. Всъ художественныя произведения, съ которыми соединено его имя, заслуживають похвалы. Онь быль первымь изъ папъ, которые поддерживали «Возрожденіе» и содъйствовали не только прекращенію среднихъ въковъ, но и пробуждению человъческаго ума. Въ его царствование, если погибали на кострахъ жертвы пламенной въры, то никто не страдаль за недостатокъ въры. Вообще онъ быль человъченъ и если отличался развратомъ, го, по крайней мъръ, не скрываль его лицемъріемъ. Его скандальная любовь съ графиней Перигоръ разыгрывалась открыто передъ всеми безъ стыда и боязни». Рядомъ съ этой мастерской характеристикой надо поставить рисуемый Ренаномъ портретъ канплера Филиппа Красиваго, Гильома де-Ногаре, оригинальнаго типа реформатора, который проводиль либеральныя и разумныя мысли грубымъ, жестокимъ, тираническимъ образомъ. Книга Ренана, въ которой главными центрами являются эти двъ крупныя личности и король Филиппъ, за которымъ стоялъ Ногаре, изображаетъ крупными чертами, на основани безспорныхъ документовъ, борьбу государства съ церковью, французской королевской власти сь напой, торжество Филиппа, переводъ напскаго престола изъ Рима въ Авиньонъ, уничтожение ордена храмовниковъ и первое проявление той мечты о всеобщей монархіи и господствъ Франціи надъ Италіей, Венгріей, Палестиной и Египтомъ, о которой бредили Канеты и Валуа, и которую только временно осуществиль впоследствии смелый корсиканець, на развалинахъ древняго французскаго королевства. Что касается до прямого предмета изследованія Ренана, т. е. религіозной политики Филиппа Красиваго, то ся ціль, освобожденіе государства отъ ига римской церкви, была справедлива, но эта цъль достигалась самыми нечестивыми средствами. Напримъръ, уничтожение ордена храмовниковъ было вполнъ правильно и составляло благотворную мъру, такъ какъ они по окончанін крестовых в походовь представляли нічто вы родів современной каморры, но уничтожение ихъ могло быть произведено законнымъ путемъ, а не лицемърнымъ обвинениемъ въ ереси, а затъмъ поголовнымъ ихъ сожжениемъ на кострахъ или убійствомъ въ застънкахъ, съ наложеніемъ секвестра на ихъ гро мадныя имущества, продажей которых в покрыть государственный дефицить. «Никогда справедливое дъло, по върному замъчанию Ренана, не было совершено такимъ отвратительнымъ путемъ, и никогда гражданская свобода, а также свобода совъсти не торжествовали, благодаря такимъ тиранническимъ, гнуснымъ орудіямъ борьбы» 1).

— Первые военные подвиги Кромвеля. Замъчательная біографія Кромвеля, составленная Джономъ Морлеемъ, продолжаетъ появляться въ «Сепtury magazine», и главы, помъщенныя въ январьской и февральской книжкахъ, знакомятъ читателя съ тъмъ, какъ будущій лордъ протекторъ превратилъ себя на 43 году жизни изъ мирнаго гражданина въ военачальника, нодготовилъ армію, заслужившую названіе желъзной, и одержаль свои первыя двъ по-

¹) Etudes sur la politique religiouse du règne de Philippe le Bel, par Ernest Renan. Paris, 1900.

бъды надъ королевскимъ войскомъ 1). Въ началъ борьбы между парламентомъ и королемъ военныя дъйствія ограничивались маршами и контръ-маршами, случайными столкновеніями и небольшими стычками. Въ той и другой армін не было и помина о стратегической системъ, правильной тактикъ, общемъ планъ войны и энергичномъ наступлении. Кромвель, хотя никогда не былъ вопномъ, однако понялъ, что прежде всего для побъды необходима военная подготовка. Въ то время англійскіе главнокомандующіе разсчитывали на кавалерію болъе чъмъ на прхоту и артиллерію, а потому онъ рышиль самъ сдълаться кавалеристомъ и потомъ сформировать свой собственный кавалерійскій отрядь, который могь бы сдълаться ядромъ будущей армін. Онь взяль себъ учителемъ голландскаго офицера и, быстро научившись военному дълу, сталъ обучать кавалерійской службь набранный имь вь своемь графствь полкъ, составъ котораго вскоръ дошель до 1.000 человъкъ. Какъ только онъ почувствоваль подъ собою твердую почву, онъ началь энергично дъйствовать, не жалъя ни себя, ни своихъ скудныхъ средствъ для общаго дъла. Во главъ своего полка онъ приняль участие въ нервомъ серіозномъ дълъ между королевскими и нарламентскими силами при Эджигиль въ октябръ 1642 года. Это сражение было очень безпорядочное и смутное, такъ что товарищей убивали за враговъ, а враговъ принимали за товарищей; когда же ночь положила конецъ ръзнъ, то ройнлисты считали себя побъжденными, а предводитель парламентской партін дордь Эссексь не быль убъждень, что онь одержаль побъду. Одно только было достовърно, что кавалерійскій полкъ Кромвеля упорно выдержаль всь аттаки и заслужиль общее удивленіе. Убъдившись на практикъ, что онъ быль правъ въ необходимости подготовки войска къ побъдамъ, Кромвель сталъ увеличивать свой отрядъ, набирать въ него хорошихъ, богобоязненныхъ людей и достойныхъ гражданъ, готовыхъ жертвовать всъмъ для свободы родины, а затъмъ учить ихъ военному дълу и дисциплинъ. Вскоръ ему удалось организовать, такимъ образомъ, значительную военную силу въ своемъ графствъ, и вмъстъ съ тъмъ онъ энергично проповъдываль, чтобы то же дълали во всей парламентской арміи, которая, по его словамъ, «состояла изъ негодяевъ, пьяницъ и всякаго рода общественныхъ поддонковъ». При этомъ знаменательно, что онъ настаивалъ на необходимости обнаруживать самую широкую въротериимость при вербовкъ солдать и офицеровъ, такъ такъ «государство, выбирая своихъ слугъ, должно заботиться о томъ, чтобы они върно ему служили, не обращая вниманія на ихъ религіозныя убъжденія». Не зная усталости въ обучени своихъ драгунъ, такъ были названы его кавалеристы, Кромвель пользовался всякимъ случаемъ водить ихъ въ огонь съ цълью закалить. Въ этихъ стычкахъ ройялисты все болъе и болъе удивлялись столько же смълой отвагъ и неодолимой стойкости кромвелевскихъ всадниковъ, сколько хладнокровной ръшимости и мужеству ихъ начальника. Но чъмъ успъшнъе становилось подготовленное имъ оружіе борьбы, тъмъ болъе Кромвель убъждался въ военной неспособности предводителей парламентской арміи

¹⁾ Oliver Kromwell, by John Morley. «Century Magazine», january—february. 1900.

Эссекса, Манчестера и Варвика, которые, несмотря на свое благородство и любовь къ свободъ, слишкомъ медлили и не выказывали достаточной ръшимости, а въ борьбъ наступаль критическій моменть, когда все зависьло оть смълой наступательной тактики. Летомь 1643 года королевская армія начала одерживать успъхъ за успъхомъ, а напротивъ парламентское войско терпъло постоянныя неудачи. «Если бы я умъть словами придать энергію вашимъ сердцамъ, то сдълаль бы это съ удовольствіемь, говориль Кромвель нарламентскимъ комиссарамъ: теперь нельзя спорить и медлить; соберите всъ войска, какія только можно, кликните волонтеровъ, разошлите гонцевъ повсюду, умоляю васъ, дъйствуйте энергично и посиъшно, а то наша гибель неминуема». Наконецъ, произошло первое генеральное сражение при Марстонъ-Муръ, въ которомъ участвовало со стороны ройнлистовь 18.000 человъкъ, а со стороны парламентской арміи и ея шотландских союзников 26.000. Битва была упорная и самая кровопролитная во всей междоусобной войнъ. Объ стороны понимали, что минута была ръшительная, и сражались съ одинаковымъ мужествомъ. Кромвелю пришлось здъсь впервые помъряться силами со знаменитымъ принцемъ Рупертомъ, который командовалъ королевской кавалеріей. Первый толчекъ быль такъ спленъ со стороны ройялистовъ, что отрядъ Кромвеля дрогнуль, но, несмотря на полученную имъ рану, онъ удержаль своихъ солдать отъ бъгства, привель въ порядокъ ихъ ряды и, ударивъ во флангь непріятеля, опрокинуль его. Затыть, онь не сталь его пресльдовать, а даль отдохнуть своему отряду и поспъшиль на помощь остальной парламентской армін, которая пришла въ совершенное разстройство. Уже началось безпорядочное бъгство, когда онъ удариль въ тыль ройялистамъ и совершенно ихъ смялъ. Побъда была вырвана изъ рукъ королевской армин, которая уже разослала гонцевъ повсюду съ извъстіемъ о своемъ торжествъ. Марстонская побъда всецъло была одержана Кромвелемъ, котя онъ смиренно приписать ее одному Богу. Военные критики сравнивають его кавалерійскую аттаку при Марстонъ-Муръ съ такой же аттакой прусскаго генерала Зейдлица, благодаря которой Фридрихъ Великій одержаль Цорндорфскую побъду. Храбрый принцъ Рупертъ призналъ Кромвеля достойнымъ своимъ соперникомъ и назваль его, а также его мужественныхь всадниковь «желъзными», какъ они съ тъхъ поръ всегда и назывались. Но предводители парламентской арміи не сумъли воспользоваться Марстонской побъдой, и снова пошли проволочки, замедленія. Наконецъ, Кромвель вышелъ изъ терптынія и сталь открыто въ парламенть обвинять Манчестера и другихъ аристократическихъ вожаковъ въ бездъятельности. Они же съ своей стороны начали совътоваться съ законовъдами о судебномъ престъдованіи пламеннаго, безпокойнаго патріота, съявшаго, по ихъсловамъ, смуту, но не нашлось предмета для обвиненія, и Кромвеля оставили на свободъ агитировать съ цълью достичь энергичнаго веденія войны и преобразованія армін по новому образцу. Дъйствительно мало-помалу парламентское войско разбилось на изсколько мъстныхъ армій, отдъльно вербуемыхъ, командуемыхъ и содержимыхъ, хотя Эссексъ все еще сохранялъ номинально общее предводительство. Армія новаго образца должна была отличаться единствомъ, дисциплиной, хорошей платой солдатамъ изъ государственнаго казначейства и

главное сосредоточість всей власти въ рукахъ одного главнокомандующаго, который уже самъ назначалъ всъхъ своихъ подчиненныхъ. При этомъ члены объихъ палатъ не могли занимать высокихъ военныхъ должностей. Послъ долгихъ преширательствъ и споровъ, парламентъ принялъ предложенный Кромвелемъ новый образецъ арміи, и Эссексъ, Манчестеръ, Денби, Варвикъ и Воллеръ подали немедленно въ отставку. Главнокомандующимъ назначенъ Ферфаксъ, н онъ взяль Кромвеля къ себъ въ номощники съ согласія нарламента. Такого званія не было прежде, и подъ этимъ предлогомъ обощли постановленіе о несовмъстимости. Враги Кромвеля стали обвинять его въ двойной игръ, но онъ зажаль имъ рты своей новой побъдой при Нэзби. Эта битва была еще важить и ръшительнъе Марстонской. Ройялистами командовалъ самъ король, а ихъ противниками Ферфаксъ, который выказаль необыкновенную энергію и стойкость. Но все-таки Кромвель, начальствовавшій всей кавалеріей, снова рішшть дъло своими неотразимыми аттаками и быстрыми перемънами фронта. Даже не понадобилось третьей аттаки, къ которой уже были готовы его желъзные воины, и король бъжаль съ остатками своего разбитаго войска. Нэзбійская побъда въ сущности ръшила борьбу между королемъ и нарламентомъ, хотя она потомъ еще и продолжалась. Карлъ потеряль свою последнюю организованную силу, а парламентская армія новаго образца доказала свою непобъдимость, измънила положение политическихъ дълъ и выдвинула Кромвеля на первое мъсто среди защитниковъ свободы.

 Потомки французскихъ эмигрантовъ въ Германіи. Въ нервой февральской книжкъ «Revue des Revues» помъщена любопытная статья Жака Венвиля, въ которой собраны обстоятельныя свёдёнія о выдающихся представителяхъ французской эмиграціи въ Германіи 1). Авторъ насчитываеть до 200 именъ такихъ онъмечившихся французовъ во всъхъ отрасляхъ общественной жизни: въ политикъ, администраціи, арміи, промышленности, наукъ, литера туръ и искусствъ. Всего же потомковъ французскихъ эмигрантовъ, по его словамъ, находится теперь въ Германіи 100.000 человъкъ, которые утопають въ 50 милліонномъ нъмецкомъ населеніи. Какъ извъстно, эмиграція французовъ вь Германію началась въ XVI стольтія, благодаря религіознымъ преследованіямъ, и тогда, между прочимъ, извъстный музыкантъ Роланъ де-Латръ бъжаль вь Мюнхень, гдъ сдълался органистомъ баварскаго герцога. Но это были лишь отдёльные случаи, а только отмёна Нантскаго эдикта возбудила массовый исходъ гугенотовъ, большая часть которыхъ поселилась въ Пруссіи, гдъ великій курфюрсть об'вщаль имъ значительныя привилегіи. Въ XVIII въкъ это переселеніе продолжалось по различнымъ причинамъ, и въ особенности оно увеличилось во время революціи. Въ числъ роялистскихъ эмигрантовъ, оставшихся вь Германіи даже посль реставраціи, находился знаменитый Шамиссо, который сдълался однимъ изъ извъстныхъ нъмецкихъ поэтовъ. По изслъдованіямъ Шитлера, кальвинисты основали въ Германіи всего 200 колоній, пзъ которыхъ до сихъ поръ процебтають многія въ Вюртембергь, Ландау, Гамбургь,

¹⁾ Les descendants des refugiés et d'emigrés dans l'Allemagne contemporaine, par Jacque Bainville. «Revue des Revues». 1 fevrier 1900.

Франкфуртъ на Одеръ, Штегинъ, Магдебургъ, Кенисгебергъ, Потедамъ, Берлинъ и т. д. Самая важная изъ нихъ была всегда берлинская колонія. Въ ней теперь считается 6.000 лиць, и существують три прихода съ ихъ адмистративно-церковными учрежденіями, школа, сиротскій пріють, больница, богадъльня и гимназія. Хотя французскій языкъ совершенно замінняся вімецкимъ въ берлинской колоніи, но все-таки разъ въдвъ недъли въ ея церкви происходитъ служба на языкъ Кальвина, а въ издающейся еженедъльной газетъ «Французская колонія» поддерживается культь французских традицій. Наибольшее число французскихъ эмигрантовъ въ XVII и XVIII въкахъ посвятили себя промышленности и военному дълу, а потому и до сихъ поръ встръчаются среди выдающихся ивмецкихъ банкировъ, торговцевъ и промышленниковъ французскія имена: Дювинажъ, Годэ, Рибо, Лафермъ, Кантъ, Боне, Леженъ, Невиль и т. д., а въ арміи служать до 400 офицеровъ, которыхъ зовуть: Осонвиль, Берни, Ла-Мотть-Фука, Борегаръ, Талейранъ, Шаль, Больё и т. д. Наиболъе важныя военныя должности занимають графъ Перпонше, генераль-лейтенанть, оберь-камергерь, и Виломъ, генераль свиты, нъкогда бывшій въ Петербургъ военнымъ агентомъ. Недавно умершій генераль Верди-Дю-Вернуа, бывшій военный министръ, также принадлежаль къ французской колонін въ Берлинъ. Въ политическомъ міръ потомки французскихъ эмигрантовъ могутъ выставить Микеля, прусскаго министра финансовъ, Балестрема, предсъдателя рейхстага, барона Дюрана, члена палаты господъ въ Пруссіи, депутата Маркура; вь мірь литературномъ-романистовъ Фонтана, Рокета и Рилле, историка Карьера, философа Дюбока, мистика Преля; въ мір'в ученомъ: профессоровъ Мишле, последователя Гегеля, Барона, знатока римскаго права, доктора Сенъ-Жоржа, психіатра Жоли, ботаника Ландуа; въ міръ искусствъ-лучшаго архитектора современной Германіи, Валло, выстроившаго дворецъ рейхстага, скульитора Мэзона, музыканта Никода, цълую семью талантливыхъ актеровъ Девріеновъ; наконецъ, изъ литературныхъ пздателей-Реклама, извъстнаго своей дешевой библютекой классиковь, Дюмона, собственника «Кельнской Газеты», Костенобля, издателя «Съверо-германской газеты». Но, можеть быть, выше всъхъ этихъ современныхъ представителей французской эмиграціи въ Германіп стояли уже умершіе: юристь Савины и ученый Дюбуа-Реймонъ.

— Послъдняя мускадентка. Подъ названіемъ мускадентовъ и мускадентовъ и мускадентовъ извъстны были парижскіе щеголи и щеголихи въ эпоху директоріи. Во главъ свътскихъ модныхъ красавицъ, носившихъ это прозвище, стояли г-жа Таліенъ, Жюльета Рекамье и г-жа Гамленъ, жена банкира. О первыхъ двухъ писано немало, но послъдняя еще не удостоивалась біографіи и въ первый разъ ея характеристику рисуетъ Мари Суммэ въ первой январской книжкъ «Grande Revue» подъ названіемъ «Послъдняя изъ мускадентокъ» 1). Авторъ называетъ ее послъдней не потому, чтобы она стояла ниже своихъ соперницъ, а по той причинъ, что она ихъ долго пережила. Хотя г-жа Гамленъ не отличалась блестящей красотой и не имъла правильныхъ чертъ, но даже соперницы называли

¹⁾ La dernière des Muscadines, par Mary Summer. «La Grande Revue». 1 janvier 1900.

ее «красивой дурнушкой» и были вынуждены признавать изящество ея таліп, граціозность походки и ум'єнье од'єваться. Она танцовала, по словамъ Гарра, «какъ ангелъ», и г-жа Тальенъ въ минуту зависти назвала ее: «неудавшейся баядеркой». Креолка, какъ Жозефина, она была преданнымъ ея другомъ и оказала ей большую услугу при возвращении Наполеона изъ Египта. Явившись въ Нарижь, онь, прежде чёмь увидёть Жозефину, отправился прямо къ г-же Гамленъ и сталъ вывъдывать, насколько были справеднивы слухи о любовной интригъ Жозефины съ молодымъ офицеромъ Шарлемъ, во время его отсутствія. Хорошенькая дурнушка прямо не отрицала того, что всемь было известно въ Парижъ, но старалась затронуть гордость Наполеона, выставляя, какъ его враги будуть радоваться всякому скандалу. Такимь образомь ей удалось усноконть его гитвь, и онъ утхаль отъ нея, ртшившись не прибъгать къ разводу, а философски помириться со своей судьбой. Г-жа Гамленъ немедленно бросилась къ Жозефинъ, и когда Бонанартъ явился въ Мальмезонъ, то все тамъ дышало самымъ буржуазнымъ, семейнымъ характеромъ. Узнавъ обо всемъ, Жозефина, вмъсто благодарности, стала ревновать подругу за вліяніе, которое она имъла на ея мужа. Но самь Наполеонъ никогда не забыль, что, благодаря ей, не сдълаль большой глупости и всегда сохраняль къ ней дружескія чувства. Когда она развелась съ мужемъ и не имъла средствъ къ жизни, то онъ нъсколько разъ платиль ея долги, а, сдълавшись императоромъ, назначиль ей пенсию въ 12.000 ливровъ. За то ея преданность къ нему была безгранична. Она приняла дъятельное участіе вь его возвращеніи съ острова Эльбы, и послъ Вартерлоо последняя простилась съ нимъ, за что, покидая Францію, онъ оставиль ей 300.000 франковъ. Въ эпоху реставраціи она жила изгнанницей вдали отъ Франціи, а когда вернулась въ Парижъ при Людовикъ-Филиппъ, то открыла политический салонъ, который быль центромъ бонапартистскихъ интригъ. Она была душою заговора, имъвшаго пълью похитить въ Вънъ герцога Рейхштадтскаго и возстановить французскую имперію. Затёмъ она приложила руку къ скандальнымъ выходкамъ Луи-Наполеона въ Булонъ и Страсбургъ. Наконець, въ 1848 году она интриговала въ его пользу и съ удовольствиемъ увидъла его президентомъ республики. Наконецъ она умерла въ 1851 году за нъсколько мъсяцевъ до 2-го декабря и на одръ смерти была обрадована посъщеність племянника своего любимаго императора. По словамъ Мари Суммэ, «она узнала его, несмотря на начинавшуюся агонію, улыбнулась похолод'ввшими губами и, спустя нъсколько часовъ, скончалась, унося съ собою въ могилу последній остатокъ некогда блестящихъ мускадинокъ».

— Три последних в Конде. Въ самомъ конце минувшаго года вышла книга Пьера де-('егора, посвященная «последней изъ рода Конде». Въ начале настоящаго года къ ней присоединяется еще новая книга объ одной изъ последних в прода прежних французских принцевъ крови, именно очеркъ графа Дюко: «Мать герцога Ангіенскаго» 1). (Объ книги даютъ новый матеріалъ для исторіи одного изъ древнъйшихъ родовъ Франціи, трагическимъ образомъ

¹⁾ P. de Segur «La dernière des Condé». 1899.—Comte Ducos, «La mère du duc d'Enghien», 1900.

погибшаго въ началъ XIX въка. Въ началъ великой революціи Луи-Жозефъ Конде, глава рода, имълъ болъе интидесяти лътъ отъ роду и являлся старшимъ изъ всъхъ Бурбоновъ. Щедрый, смълый, живой и очень образованный, онъ извъстенъ своимъ послъдовательнымъ поведеніемъ во время революціи; намятникомь его остроумія и наблюдательности является сохранившаяся переписка его съ Людовикомъ XVIII. Овдовъвъ въ двадцать четыре года, онъ вступиль вь связь сь разведенною супругою принца Монакскаго; эта связь позже доставляла обильный матеріаль для злословія якобинцевь. Оть перваго брака Конде имъль дочь Луизу-Аделанду, съ дътства отличавшуюся религозными наклонностями, и сына, герцога Бурбонскаго. Последній ко времени революціи успъль прославиться лишь своими любовными похожденіями. Четырнадцати лъть онъ быль самымь красивымь и самымь смълымь изь придворныхъ пажей, такъ что кузина его Батильда Орлеанская, которая была на шесть лътъ старше его, заявила, что ни за кого не выйдеть, какъ за него. По обычаю того времени, молодыхъ людей обвънчали, и немедленно же послъ церемонии мужа отправили къ его гувернеру, а жену въ монастырскій пансіонъ. Молодой герцогъ, однако, не захотълъ ждатъ; недолго думая, онъ пробрался черезъ монастырскую ограду и похитиль свою законную супругу. Этоть подвигь его прославился до того, что въ позднъйшее время сталь сюжетомъ оперетки. Начавшійся столь романически бракъ быль, однако, несчастливь. Вскоръ послъ рожденія герцога Ангіенскаго, Батильда надобла мужу, вступившему въ открытую связь съ одною изъ ея придворныхъ дамъ. Послъ ряда тяжелыхъ сценъ супруги разстались, и герцогиня искала утъщенія въ занятіяхъ магнетизмомъ, иллюминизмомъ и другими модными въ то время матеріями; она даже посвящена была въ великіе магистры франъ-масонскаго ордена. Когда король пошель на первыя свои уступки революціонерамь, старшій Конде рышиль, что долъе оставаться во Франціи нельзя, и витесть съ сыномъ и внукомъ отправился за границу. Герцогиня Бурбонская, однако, не последовала примеру мужа. Ея поведеніе стало какимъ-то страннымъ, очевидно, подъ вліяніемъ потрясеній, испытанныхъ ею въ первые годы революціи. Она стала называться «citoyenne Verité» и, видя въ революціи исполненіе воли небесъ, доходила до того, что оправдывала сентябрьскія избіенія. Однако, террористы не пощадили и ея; она была заключена въодинъ изъ узкихъ казематовъ Орлеанскаго фортаоткуда освободилась лишь по сверженіи террористовь, когда была присуждена къ изгнанію. Живя въ Барселонъ, герцогиня сочинила для Франціи планъ конституціи, въ основу котораго положены были требованія «добродътели»: 15 (3) марта 1804 г. надъ семьею Конде разразилось ужасное несчастие. Герцогь Ангіенскій быль схвачень, по приказанію Наполеона, обвинень вь заго воръ и разстрълянъ; надежда семьи Конде на продолжение рода была этимъ уничтожена. Герцогиня Бурбонская въ это время находилась въ такомъ настроеніи, что даже это горе не могло ее смутить: «Богь призваль нашего сына, писала она мужу, чтобы онь, очистившись оть греховь, на небе оказываль намъ услуги гораздо большія, чъмъ онъ могь бы оказать на земль, при ложныхъ своихъ принципахъ». Сестра разстръляннаго въ это время находилась въ бенедиктинскомъ монастыръ въ Варшавъ. Поляки въ то время столько на-

деждъ возлагали на Наполеона, что заговоръ на жизнь его представлялся илъ чудовищнымь преступленіемь; вмъсто собользнованій принцессь Конде пришлось слышать лишь упреки. Чтобы избъжать ихъ, она переселилась въ Англю. Отецъ ея, тъмъ временемъ, женился съ разръшенія Людовика XVIII на принцессъ Монакской, овдовъвшей въ 1795 году. Съ реставрацією послъдніе три Конде вернулись во Францію. Луиза-Аделанда основала женскій монастырь, котораго была первою пріоршею; она жила въ немъ безвыходно (не присутствовала она даже при смерти отца въ 1818 году) и умерла въ 1824 году. Двумя годами раньше, во время процессіи въ честь святой Женевьевы, внезаино на улицъ умерла супруга ея брата, герцогиня Бурбонская. Наиболъе ужасна, однако, была смерть послъдняго Конде — герцога Бурбонскаго, жившаго последніе годы въ Сэнъ-Лё, въ связи съ баронессою Фёшэрь, родомъ англичанкою. 27 августа 1830 года его трупъ нашли въ спальнъ замка, висъвшимъ на веревкъ, привязанной къ оконному крюку такъ низко, что ноги его волочились по землъ. О причинъ его смерти ходили разныя догадки. Стъдствіе, наряженное по предписанію правительства Людовика - Филиппа, нашло, что герцогъ покончить самоубійствомъ, подъ вліяніемъ слабоумія. Общество, однако, не удовлетворилось этимъ результатомъ дознанія: многіе подозръвали наслъдниковъ герцога, баронессу Фёшэръ и Рогановъ. Нъкоторые обвиняли даже самого Людовика-Филиниа, одинъ изъ сыновей котораго оказался главнымъ наслъдникомъ. То обстоятельство, что слъдствіе ведено было чрезвычайно поспъшно, лишь способствовало усиленію неблагопріятных толковъ. Обстоятельства смерти герцога остаются невыясненными и до сихъ поръ.

— За кулисами Вънскаго конгресса. Исторія Вънскаго конгресса въ настоящее время представляеть уже очень мало неяснаго. Офиціальные докуненты, относящіеся къ конгрессу, изданы Клюберомь, Гейссеремь, Біанки, Ходзко, Биньономъ, Лефевромъ и другими многими. Въ изданіи Паллэна «Согrespondance de Louis XVIII et Talleyrand» и трудахъ Альбера Сореля разъяснены наиболъе темныя стороны этого событія. Тъмъ не менъе, много интереснаго п новаго содержить въ себъ очеркъ Анри Вельшенже подъ заглавіемъ «Закулисная сторона Вънскаго конгресса», помъщенный въ «Revue hebdomadaire» 1). А. Вельшенже интересуется лишь внутренней, неофиціальною стороною конгресса, который въ свое время первенствовалъ надъ всеми интересами дня въ Европъ. Въдь, дъйствительно, совершалось громадивниее дъло. Конгрессъ пересоздаваль всю Европу: происходиль дележь Италіи, решалась участь Польши, созидалось Нидерландское королевство изъ враждебныхъ другь другу Голланди и Бельгін, клалось основаніе могуществу Пруссін, уменьшалась вдвое Саксонія, отнималась у Даніи Норвегія, населеніе Евроны, подобно баранамъ, распредъ лялось по клъткамъ, въ силу личныхъ соображений раздавались въ то или иное подданство тысячи квадратных в миль и милліоны живых душть. Не касаясь подробностей въ офиціальномъ ходъ переговоровъ, А. Вельшенже останавливается особенно подробно на умъломъ образъ дъйствій Талейрана, сумъвшаю

^{1) «}Les dessous du congrés de Vienne», par H. Welschinger.—Revue hebdomadaire, 10 févr. 1900.

отстоять права Франціи на конгрессь, гдъ первоначально предполагалось все ръшить при участіи лишь четырехъ державь: Австріи, Англіи, Пруссіи и Россіи. 24 (12) сентября 1814 года утромъ Талейранъ прівхаль въ Въну и остановился въ отель Кауница, дорогою цъною имъ нанятомъ. На слъдующій день произошель торжественный въбздъ короля прусскаго и императора австрійскаго, при грохотъ тысячь пушечныхъ выстръловь. Въ тотъ же день Талейранъ посътиль членовь дипломатического корпуса и поняль по холодному пріему, какія трудности ему придется встрътить. Однако, Талейрану было достаточно лишь немногихъ дней, чтобы замътить несогласія, существующія между недавними союзниками, и воспользоваться этими несогласиями для своихъ цълей. Въ его планы входило представиться на первыхъ порахъ вполиъ безкорыстнымь, выступить защитникомь слабыхь государствь, а уже затемь перейти на ту сторону, гдъ представлялось возможнымъ отстоять интересы Франціи. 30 (18) сентября Метгернихъ и Нессельроде пригласили Талейрана и Лаврадора, представителя Испаніи, на оффиціозное совъщаніе, гдв приглашенные застали и лорда Кэстлери, Гарденберга, Гумбольдта и Генца. Кэстлери, въ холодномъ и ръзкомъ тонъ британскаго дипломата, заявилъ приглашеннымь, что имь будуть объявлены первоначальныя рышенія союзниковь. На это Талейранъ воскликнулъ: «Союзниковъ? Что это значитъ? Противъ кого они въ союзъ? Противъ Наполеона? Но въдь Наполеонъ на Эльбъ. Противъ Франція? Но въдь она подписала миръ. Противъ Людовика XVIII? Но въдь онъ стоить за миръ... Союзниковъ теперь нътъ. Теперь есть лишь державы, которыя должны вмъстъ дополнить постановленія мирнаго договора». — «Но у насъ имъется протоколы» замътиль Кэстлери. Талейранъ взяль протоколь, прочель его, вернулъ и сказаль холодно: «Я ничего не понимаю». Возникло всеобщее недоумъніе. Талейрань еще разъ взяль протоколь, прочель его, бросиль на столь и повторить: «Нъть, я ничего не понимаю». Представители четырехъ союзныхъ державъбыли възамътномъ смущении, которое Талейранъ еще увеличилъ, сказавъ: «Если здъсь еще имъются союзники, то, очевидно, я здъсь лишній»... Затъмь онь съ твердостью сказаль: «Я, впрочемь, прошу лишь о въжливости по отношению къ Франціи. Онадолжна участвовать въваших ь совъщаніях в, так в как в иначеможно будеть сказать, что вы не желаете быть справедливыми». На дальнъйшія настоянія онь отвъчаль: «Для меня имъются лишь двъ даты, вь промежуткъ между которыми не могло произойти ничего: дата 30 мая, когда постановлено было созвать конгрессь, и дата 1-го октября, когда конгрессь должень собраться. Все, что было въ промежуткъ, то ровно ничего не значитъ и для меня не существуетъ». Союзные делегаты не нашлись, что отвътить, и Генцъ съ философскимъ спокойствіемь составиль новый протоколь 30 октября, сводившій предыдущій протоколь на ничто. Съ этого времени, между великими державами уже не было больше заседаній безъ участія Франціи. Въ виду того, что подготовительныя работы не были закончены, открытіе конгресса затягивалось. 6-го октября н. ст. произопла офиціальная конференція для рішенія вопроса о томъ, какъ устроить открытие. Талейранъ настаиваль, чтобы въ протоколь было отмъчено, что открытие состоится согласно принципамъ публичнаго права. Въ этихъ последних словах пруссаки почему-то усмотрели намек на сохранение коро-

левства саксонскаго. Произошла бурная сцена. Князь Гарденбергъ, представитель Пруссін, вскочиль и закричаль: «Нъть, милостивый государь, — публичнаго права не надо. Зачъмъ говорить, что мы будемъ поступать согласно публичному праву? Это само собой разумбется!» Гумбольдть вскричаль: «При чемь здъсь публичное право?» Талейранъ отвъчаль на это: «А притомъ, что только въ силу его вы здъсь присутствуете!» Генцъ приблизился къ Меттернику и подсказаль ему, что въ документъ первостепенной важности не мъщала бы ссыльа на публичное право. Это обстоятельство дало перевъсъ Талейрану, и вторично французскій министръ одержаль побъду. Не безь участія быль Талейрань п въ одномъ изъ наиболъе свособразныхъ эпизодовъ конгресса — столкновения императора Александра съ Меттернихомъ. Императоръ просилъ Кастлери предупредить Меттерниха о томъ, что Саксонія должна быть уступлена Пруссів. Австрійскій канцлерь сухо отвічаль: «Этого нельзя допустить». Въ діло вийшался Гарденбергь, но получиль отвъть точно такой же. Александръ раздосадованный направился къ Францу II и сообщиль ему, что считаетъ себя лично обиженнымъ Меттернихомъ и ръшился вызвать его на дуэль. Австрійскій императоръ тщетно пробоваль разубъдить его, и наконецъ предложилъ послать какого либо посредника къ Меттерниху. Быль послань графъ Озаровскій, чтобы требовать отъ канцлера взятія назадъ его словь о Саксоніи. Меттернихъ наотръзь отказался. Озаровскій ушель, но вскоръ вернулся и сообщиль, что Александръ не посътить бала, на который Меттернихъ пригласилъ всъхъ государей. Дуэль была замънена прекращениемъ сношеній; Александръ и Меттернихъ, посъщая тъ же салоны, въ течене пълыхъ трехъ мъсяцевъ какъ бы не замъчали другь друга. Эта распря, по словамъ Генца, является ключемъ къ большинству событій конгресса; она сильно мъшала дъламь и очень многое напортила въ Европъ. Съ большимъ трудомъ, при участи другихъ представителей конгрегса, удалось покончить саксонскій вопрось, возстановивь короля саксонскаго и отдавъ половину Саксоніи Пруссіи. Но туть начались несогласія изь-за Италіи. Франція стояла за возстановленіе прежней династіп, Меттернихъ же усиленно ухаживаль за королевою неаполитанскою, «новою Клеопатрою», и не прочь быль сохранить власть за Мюратомъ. Взаимныя несогласія и интриги все увеличивались, и многіе изъ участниковъ конгресса начали терять надежду на благополучное окончание его. Единственною почвою, на которой объединялись всв интересы, были празднества, балы и всякаго рода увеселенія, устраивавшіяся для представителей державь въ Вънъ. Начиная съ сентября 1814 года и вилоть до Наполеоновскихъ ста дней, Вънскій конгрессъ представлялся гигантскимъ праздникомъ всеобщаго примпренія, на которомъ присутствовали всь государи Европы, кромъ Наполеона, Людовика XVIII и короля саксонскаго. У всъхъ въ свитъ находились не одни лишь канцлеры, министры и придворные чины, но и артисты, художники, музыканты, актеры и танцовщицы. Талейранъ выписаль изъ Парижа знаменитую Биготтини, которая неоднократно имъла честь завтракать съ Меттернихомъ и Шварценбергомъ. Французскій дипломать кое-какими успъхами быль обязань этой своей союзниць. Германскіе государи навезли своихъ знаменитьйшихъ актеровъ и актрисъ. Въ императорскомъ дворцъ Бургъ жили два императора, двъ императрицы, че-

тыре короля, одна королева, два наследныхъ принца, две великія герцогини и т. д. Въ городъ находилось болъе семи сотъ посланцевъ разныхъ государствъ. На балахъ и вечерахъ блистали красотою представите ъницы всъхъ аристократическихъ родовъ Европы. Увеселенія были весьма разнообразны. Устранвались даже лотерен. Однажды вечеромъ, у княгини Маріи Эстергази заранъе условлено было, что четыре главныхъ выигрыша достанутся четыремъ дамамъ, заранъе указаннымъ Александромъ и королемъ прусскимъ. Дочь Меттерниха взяла билеть свой раньше очереди и выиграла самый великольный подарокь, что сильно разсердило Александра. Другой подарокъ, предназначенный принцессъ Ауэрсперть, по ошибкъ попаль одному изъ адъютантовъ. Александръ требовалъ его обратно, но офицеръ отвътилъ, что выигрышъ слишкомъ дорогъ, чтобы его отдавать, а друзья Меттерниха про себя смъялись надъ очевидною досадою Александра. Всякія празднества стоили баснословных суммъ. Одинъ столъ императора, открытый безчисленнымъ гостямъ, обходился въ 50.000 флориновь ежедневно. При дворъ не переставая шли банкеты, концерты, охоты, турниры, маскарады, театральныя представленія всёхъ родовъ и т. д. Особенно любимымъ времяпровожденіемъ были живыя каргины; молодой графъ Траут-мансдорфъ и графиня Зичи изображали «Людовика XIV у ногъ г-жи де-Ла-Вальерь», княжна Яблоновская и графъ Воина «Ипполита, защищающагося передъ Тезсемъ отъ обвиненій Федры», графъ Шенфельдъ и Софія Зичи «Александра Великаго и Статиру» и т. д. Черенашьимъ шагомъ, во время этихъ увессленій, шли дипломатическіе переговоры. Торжествоваль одинь лишь Талейрань. Ему удалось вь началь января 1815 г. устроить секретный союзь противъ Россіи и Пруссіи, въ которомъ приняли участіе Англія и Австрія. Главная цъль его была достигнута: «коалиція уже не существуєть», могь онъ писать Людовику XVIII. Устранвались и дъла мелкихъ государствъ, за которыхъ Талейранъ дъятельно заступался, какъ вдругъ 7 марта н. ст. 1815 г., какъ громомъ, всъхъ поразила въсть о возвращении Наполеона. Это измънило всь отношенія. Францъ II приказалъ Метгерниху пойти на совъщаніе къ императору Александру. Царь сказаль австрійскому канплеру: «Намъ нужно покончить съ нашими счетами. Мы оба христіане. Нашъ святой законъ велить намъ прощать обиды. Поцълуемся и забудемъ обиды!» Такъ закончилась распря, чуть не доведшая до дуэли. Все дипломатическое зданіе Талейрана рухнуло сразу; его стали подозръвать въ сношенияхъ съ Наполеономъ. не пускали обратно во Францію, чтобы онъ не передаль Наполеону секретовъ конгресса, и поставили какъ бы подъ надзоръ. Онъ остался въ Вънъ, подписалъ послъдній актъ конгресса и появился лишь 26 іюня, черезъ недѣлю послѣ битвы при Ватерлоо, въ Монсъ передъ Людовикомъ XVIII, которому представиль краткій отчеть о своихъ дѣйствіяхъ, въ которомъ хвалился тѣмъ, что спасъ половину Саксоніи, возстановиль Фердинанда IV въ Неапол'в и отдалиль Пруссію отъ Франціи созданіемъ королевства Нидерландовъ. Изъ осторожности онъ умолчалъ о своихъ взглядахъ относительно цънности и прочности того, что было совершено конгрессомъ. Печальный, но справедливый отзывъ объ этой сторонъ дънтельности конгресса былъ сдъланъ Генцомъ, самимъ секретаремъ конгресса. «Вънскій конгрессь, говоритъ Генцъ, не провелъ ни одного акта

сколько нибудь возвышеннаго характера, ни одной великой мъры порядка и блага общественнаго, которые могли бы вознаградить человъчество за часть его долгихъ страданій и поддержать его въру въ будущее».

- Новыя беседы Наполеона на острове св. Елены. Источникъ наполеоновской литературы не изсякаеть, и одна новинка появляется за другой. Не прошло еще года съ изданія дневника барона Гурго о жизни и бесъдахъ Наполеона на островъ св. Елены, какъ начинается печатаніе въ американскомъ журналъ «Century magazine» отрывковъ изъ такого же дневника доктора Омеары 1). Этотъ дневникъ уже давно извъстенъ и напечатанъ на англійскомъ языкъ въ 1822 году, подъ заглавіемъ: «Наполеонъ въ изгнанів, или голось со св. Елены». Но теперь оказывается, что по различнымъ уважительнымъ причинамъ Омеара не включилъ въ свою книгу и половину того, что было записано въ его дневникъ, состоявшемъ изъ 19 рукописныхъ томовъ. Эти тома онъ завъщалъ частному секретарю Іосифа Бонапарта, Лун Мальяру; наслъдники Мальяра, живущіе въ Соединенныхъ Штатахъ, сохраняли ихъ до сихъ поръ, не подозръвая, какое у нихъ находится сокровище. Теперь взяласъ за изданіе дневника редакція американскаго журнала и прежде всего удостовърилась въ его подлинности, сравнивъ рукопись съ письмами Омеары, находящимися въ семь в Мальяра и въ парижской національной библіотекъ. 18 томовъ рукописи заключають въ себъ дневникъ Омеары отъ 18-го апръля 1816 года до 8-го февраля 1817 года, и по времени онъ совпадаетъ съ первымъ томомъ его печатной книги. Что касается до дальнъйшаго дневника, помъщеннаго во второмъ томъ, то или его подлинникъ потерянъ, или отданъ кому нибудь другому, а не Мальяру, или, наконецъ, Омеара придаль этой части своего дневника такую форму, что онъ могь быть напечатанъ вполнъ. Что касается до 19-го тома рукописи, то въ немъ помъщенъ переводъ, сдъланный Омеаромъ, письма Ласъ-Казеса къ Люсьену Бонапарту, которое было перехвачено и послужило причиной его удаленія изъ Лонгвуда. Редакція американскаго журнала печатаетъ только тъ мъста дневника, которыя не были еще изданы, за исключеніемъ страницъ, которыя теперь появляются въ болъе подробномъ видъ и заслуживають особаго вниманія. Наибольшая часть новаго историческаго матеріала касается внутренней жизни въ Лонгвудъ, о чемъ Омеара говориль очень мало въ своей печатной книгъ. Кромъ того, теперь впервые появляются въ свътъ многія подробности о ссорахъ Наполеона съ сэромъ Гудсономъ Ло, которыя прежде не могли быть обнародованы. Даже то, что имъ было напечатано въ своей книгъ, вызвало многочисленную полемику въ англійской литературь, и до сихъ поръ многіе англичане относятся враждебно къ Омеаръ за его безпристрастіе, сочувствіе къ Наполеону и презръніе къ жестокому тореміцику великаго узника. О самомъ Омеаръ извъстно очень мало. По происхожденію прландецъ, онъ родился въ Дублинъ въ 1786 году и служилъ морскимъ докторомъ на англійскихъ военныхъ судахъ. Случайно онъ находился въ этомъ званіи на «Беллерофонъ» въ 1815 году, когда Наполеонъ явился на

^{1) «}Talks with Napoleon». His life and conversations at St. Helena. By dr. R.E. Omeara. Century magazine. February. 1900.

это судно гостемъ Англіи. Онъ хорошо говориль поитальянски и поэтому обратилъ на себя вниманіе Наполеона, который и просиль его поступить къ нему врачемъ, такъ какъ его собственный докторъ отказался сопровождать его въ изгнаніе. Англійское адмиралтейство согласилось, и въ продолженіе трехъ лъть Омеара умъло поддерживаль свое щекотливое положение посредника между Наполеономъ и сэромъ Гудсономъ Ло. Онъ старался удовлетворить англійскихъ властей сообщеніемъ безвредныхъ для Наполеона свъдъній о немъ, но его интимныя отношенія съ паціентомъ, независимый характеръ и отказъ подчиниться несправедливымь требованіямь губернатора, возбуждали столько столкновеній съ последнимъ, что въ конце-концовъ онъ быль удаленъ съ острова св. Елены. Вернувшись въ Англю, Омеара сообщить адмиралтейству, что, по его мизню, положение, въ которомъ находился Наполеонъ, грозило его жизни, но ему отвътили на это исключениемъ изъ списка морскихъ докторовъ. Несмотря на это, Омеара только издаль краткую брошюру въ отвъть на пламенную защиту сэра Гудсона Ло, а напечаталь свою большую книгу лишь по смерти Наполеона, при чемъ исключилъ изъ нея все, что могло быть слишкомъ непріятно для лицъ, тогда еще бывшихъ живыми. Онъ умеръ въ 1836 году, и всъ лица, дълившія изгнаніе Наполеона, Бертранъ, Монтолонъ, Гурго и Ласъ-Казесъ, пережили его. Напечатанные до сихъ поръ въ американскомъ журналъ отрывки изъ дневника Омеары не представляють ничего замъчательно новаго, или интереснаго, но еще рано судить объ ихъ значении по первой части. Если же въ общемъ записи Омеары напоминаютъ его печатную книгу, недавно по-явившійся дневникъ генерала Гурго и другія сочиненія о Наполеонъ на островъ св. Елены, то все-таки въ нихъ встръчаются любопытные варіанты извъстныхъ свъдъній и даже невъдомыя мелочныя подробности. Напримъръ, въ первые же дни Омеара имъть характерный разговорь сь Наполеономъ о томъ, чъмъ онъ себя считаеть—«частнымъ врачемъ Наполеона, или англійскимъ шпіономъ». «Если вы назначены ко миъ,— сказалъ Наполеонъ,— для того, чтобы передавать все то, что случится здъсь, или все, что вы услышите, губернатору, котораго я считаю старшимъ изъ шиноновъ, то я никогда болье съ вами не увижусь». Когда Омеара отвътиль, что онь считаеть себя докторомъ, а не шпіо-номъ, Наполеонъ произнесь: «Не думайте, что я считаль васъ на это способ-нымъ, я никогда не замъчаль въ васъ ничего дурного и питаю къ вамъ дружбу и уваженіе, что доказывается моимъ откровеннымъ вопросомъ, хоти вы англичанинъ и находитесь на англійской службъ». Затъмъ онъ просиль доктора въ случать какой нибудь пустой болъзни не доносить объ этомъ губернатору, а когда произойдеть что нибудь серіозное, и онъ найдеть нужнымъ позвать другихъ врачей, то не дълать это безъ его согласія. О лицахъ, окружавшихъ Наполеона, Омеара выражается очень рѣзко. По его словамъ, то, что дѣлалось въ Лонгвудѣ, давало ему понятіе о придворной жизни въ Сенъ-Клу, и Наполеонъ быль окруженъ лестью и ложью. Въ особенности въ этомъ отличался Монталонъ. «Только маршалъ Бертранъ, — говорить англичанинъ, — составляеть исключеніе: онъ, дъйствительно, честный и добрый человъкъ». О сэръ Гудсонъ Ло въ напечатанныхъ отрывкахъ Омеара подробно не говоритъ и не высказываеть своего мивнія, но, приводя слова губернатора о томъ, что

онъ, будто бы, предлагалъ Наполеону послать въ Европу и напечататъ какія угодно письма или извъстія, Омеара лаконически замъчастъ: «Credat judeus». Вмъстъ съ тъмъ, онъ съ видимымъ удовольствіемъ приводитъ ръзкія выраженія Наполеона на итальянскомъ языкъ о своемъ тюремщикъ, напримъръ, «cattivo uomo nomo di cattivo cuore e di cattiva testa» (человъкъ со сквернымъ сердцемъ и скверной головой) или «equello sciocco di governatore l'avete veduto, quel minchione» (видали ли вы когда нибудь такого дурака губернатора, такого болвана). Когда же Омеара старался опровергнутъ это миъпіе, то Наполеонъ настапвалъ, что сэръ Гудсонъ Ло «дурной скверный человъкъ, въчно безиокоящійся о томъ, чтобы сдълать ему непріятность и увеличить его несчастія».

— Предшественникъ Ницше. Сънъкоторыхъ поръ въ Германіи снова слълалось популярнымъ забытое послъ 1848 года имя смълаго мыслителя Макса Штирнера, котораго изкоторые критики ставять выше Ницше. По ихъ словамъ, онъ не только быль предшественникомъ этого парадоксальнаго про поведника крайняго индивидуализма, но даже нельзя ихъ сравнивать, такъ какъ Ницше представляется умомъ смутнымъ, въчно колеблющимся и теряющимся въ безконечныхъ противоръчіяхъ, тогда какъ геній Штирнера ясный, спокойный, величавый. Это мибніе вполив разделяеть Маккэй, написавшій въ прошедшемъ году любопытную біографію Штирнера 1), извъстность котораго начинаеть переходить и во Францио, гдъ появился надняхъ переводъ его главнаго сочиненія 2). Въ сущности Штирнеръ — не фамилія философа, а прозвище, данное ему въ студенческие годы, по причинъ его очень высокаго лба (stirn). Его звали Каспаръ Шмидтъ, и онъ родился въ Байретъ отъ отца, умершаго въ чахоткъ спустя нъсколько мъсяцевь пость рожденія сына, и отъ матери, впоследствии сошедшей съ ума. Онъ слушалъ лекции въ берлинскомъ университеть по филологическому факультету, но не получиль степени доктора и должень быль изъ-за куска хльба поступить въ 1839 году учителемъ въ пансіонъ молодыхъ дъвушекъ. Всегда прилично одътый, въ серебряныхъ очкахъ и съ кудрявыми бълокурыми волосами, онъ пользовался любовью начальства и ученицъ за свои учтивыя, любезныя манеры и талантливое преподаваніе исторіи литературы. Проводя такъ спокойно и примърно утренніе часы каждаго дня въ пропитанной духами атмосферъ буржуванаго пансіона для молодыхъ дъвушекъ, Штирнеръ посвящалъ свои вечера совершенно иному занятию. Эти вечера проходили въ оживленныхъ бесъдахъ въ кабачкъ Гиппеля на Фридрихштрассь, гдъ тогда собирался кружокъ передовыхъ берлинцевъ, называвшихъ себя свободниками, среди которыхъ первое мъсто занималъ философъ Бруно Бауэръ. Штирнеръ болъе молчалъ и слушалъ своихъ собесъдниковъ, но когда ему случалось произнести съ улыбкой нъсколько словь, то онъ заходиль обыкновенно гораздо дальше самых радикальных ораторовъ. Въэтом ь кружкъ, который посъщался и эманципированными женщинами, подражавшими Жоржу Зандъ, онъ познакомился съ молодой дъвушкой Маріей Денгартъ. Она не была красавицей, но отличалась пикантностью и имъла маленькое состояние въ

^{1) «}Max Stirner. Sein Leben und sein Verk», von J. Mackay. Berlin. 1899.

^{2) «}L'unique et sa propriété», par Max Stirner. Paris. 1900.

10.000 талеровъ. Они вскоръ сощинсь и стали жить вмъстъ, а затъмъ поженились. Ихъ свадьба надълала много шуму во всемъ Берлинъ. Для этой церемонін философъ Бауэръ пригласиль своего друга настора Мората, который, явившись въ квартиру жениха и невъсты, нашель тамъ въ обычной ежедневной одеждъ, какъ Штирнера и Марію Денгартъ, такъ Бауэра и еще одного свидътеля. Всъ они играли въ карты и не торопясь убрали ихъ со стола. На вопросъ настора, естльли Библія, таковой не оказалось, а когда дъло дошло до колецъ, то и ихъ не было приготовлено. Бауэръ съ истинно философскимъ спокойствіемъ вынуль изь кармана длинный вязаный кошелекь, сняль сь него два мёдныхь кольца и подаль пастору, увъряя, что бракъ будеть еще надежнье, укръпленный мідью, чімь золотомь. Представитель церкви исполниль свою обязанность и поскоръе удалился, несмотря на всв приглашенія принять участіе въ приготовленномъ ширшествъ. Несмотря на предсказание Бауэра, бракъ не оказался ни счастливымъ, ни долговременнымъ. Молодые были нерасчетливы, и вскоръ деньги у нихъ прошли сквозь пальцы. Конечно, Штирнеръ отказался тотчасъ послъ свадьбы отъ своего учительскаго мъста и занялся печатаніемъ своего главнаго сочиненія «Der Einzige und sein Eigentum». Вскоръ супруги стали ссориться между собою и кончили темъ, что совершенно разошлись. Штирнеръ издаль еще сочинение «Geschichte der Reaction», не приняль участия въ событіяхъ 1848 года, въ которыхъ показали себя героями его друзья, и послъ тяжелой жизни, полной лишеній и нищеты, онъ умеръ въ 1856 году. Жена его жива до сихъ поръ и живетъ спокойно въ Лондонъ, благодаря недавно полученному наследству, а до техъ поръ она много бедствовала, эмигрировала въ Австралію, была прачкой п, наконецъ, вышла замужъ за простого рабочаго. Маккай посътиль ее вы надеждъ получить интересныя свъдънія объ ея первомъ мужь, но она наотръзь отказалась говорить о немь, утверждая, что никогда не любила и не уважала его, такъ какъ онъ быль хитрымъ эгоистомъ. Какъ философъ, Штирнеръ развиль всю свою теорію въ книгъ подъ оригинальнымъ названіемъ «Единственный и его собственность». Доведя до крайнихъ предъловъ ученіе Гегеля, онъ является проповъдникомъ безграничнаго индивидуализма, принимающаго подъ его перомъ суровый, демоническій характеръ. Тогда какъ Марксъ создалъ основу современнаго соціализма, Штирнеръ выработаль базись для теоретического анархизма. Своимъ девизомъ онъ взяль припъвъ одной веселой пъсни Гете: Ich habe meine Sache auf nichts gestellt (Я основалъ мое все на ничемъ). Онъ гордо отрицасть проповъдуемую Фейербахомъ религю человъчества и разрушаеть государство, семью, собственность. «Народъ не имъетъ для меня ничего святого, -- говорить онъ, -- потому что все святое связываетъ человъка узами. Я — единственный и ничего другого не признаю. Уничтожение всъхъ народовъ и всего человъчества дастъ мнъ возможность еще болье возвыситься, ступая по ихъ трупамъ. Моя собственность то, что я беру. Сила все ръшаетъ, и я разсчитываю для достиженія всего на свою силу. Я беру все, что мив нужно, а мив нужно все, что входить въ составъ всемогущества. Я люблю тъ истины, которыя ниже меня, а истинъ выше меня я не признаю».

«ИСТОР. ВЪСТН.», МАРТЬ, 1900 Г., Т. LXXIX.

— Итоги XIX въка. Съ легкой руки Вильгельма II, который императорскимъ указомъ ввелъ въ Германіи XX въкъ, прежде чъмъ кончился XIX, итмецкіе журналы сившать подвести итоги будто бы окончившагося стольтія. Вирочемъ и въ другихъ странахъ, гдъ еще продолжается XIX въкъ, уже нъсколько времени журналистика занимается подобнымъ подведениемъ счетовъ истекающаго стольтія. Укажемъ на наиболье интересныя статьи по этому предмету, какъ въ последнихъ книжкахъ прошедшаго года, такъ и въ первыхъ нынъшняго. Наиболъе богатъ подобными очерками американскій журналь «Forum», и онъ уже представиль цълый рядъ инвентарей XIX въка съ точекъ зрънія философіи, образованія, рабочаго вопроса и матеріальнаго благосостоянія человъчества. Профессоръ Іенскаго университета Эйкень, подводя итоги философскаго прогресса въ истекающемъ въкъ 1), дълить исторію этого прогресса на три періода: ндеализма, позитивизма и примиренія позитивизма съ реализмомъ. По его словамъ, тезисъ и антитезисъ замъняется теперь синтезисомъ и разрабатывается новая идеально-реальная философія на строгс-научной подкладкъ. «XVIII въкъ, -- говорить пъмецкій ученый, -- добился освобожденія индивидуума, XIX обезпечиль права общества, а XX-му предстоить слить одно и другое въ одно гармоническое цълое, для чего придется произвести радикальную перемъну въ нашихъ идеяхъ о человъческой жизни». Ректоръ одного изь американскихь университетовь, Твингь²), разсматривая образовательныя задачи, передаваемыя настоящимъ столътіемъ будущему, указываетъ, что онъ заключаются въ соединени единства и индивидуальности въ занятияхъ, общаго развитія и спеціальных знаній въ воспитаніи, жизненности и серіозности въ учителяхъ, культуры и умственной силы въ ученикахъ». Для разръшенія этихъ задачъ нашъ въкъ передасть своему преемнику одно важное безцънное орудіе, это общій живой интересъ къ воспитанію и образованію, которые дълались основной силой въ современной жизни. Школьный учитель всегда составляль важный элементь, но онъ быль подчинень другимь факторамь и не играль первенствующей роли. Прежде школьный учитель шель изшкомъ въ толив, а теперь онъ предводительствуеть верхомъ этой толиой: онъ сдълался вожакомъ и будущимъ всеобщимъ повелителемъ. Ни въ одной отрасли жизни не сдълать XIX в. такого громаднаго прогресса, не выработаль такихъ разумныхъ методовь и не возбудиль такого энтузіазма, какъ вь дёлё народнаго воспитанія и образованія». Подвести матеріальный инвентарь XIX стольтія взяль на себя профессоръ Шенгофъ в) и, опровергая теорію Мальтуса, доказываетъ, что каждому умножению народонаселения соотвътствуеть пропорціональное производство, благодаря воздълыванію новыхъ территорій п общему прогрессу. Онъ сравниваеть въ этомъ отношении положение Франціи и Англіи. Почва Франціи, по его словамъ, вполнъ благопріятна для земледълія, а почва Англів

¹⁾ Progress of philosophy in the XIX century, by pr. Euken. «Forum». Semptember 1899.

²) Educational problems of the XX century, by C. Thwing. «Forum». Nevember

^{3) «}A centennial stocktaking: the aspect», by M. Schoenhof. «Forum». August 1899.

гораздо менъе плодородна, благодаря сырому климату. Однако съ 1854 года земледъльческое производство Англіи вдвое болье, чъмъ во Франціи, и Шенгофъ видить причину этого въ большей политической свободъ, какою пользуется первая страна. «За политическимъ прогрессомъ,—говорить онъ,—всегда слъ-дуеть экономический. Не даромъ еще Монтескье сказалъ: «страны воздълываются не соразмърно ихъ плодородію, а соразмърно ихъ свободъ». Въ Швейцарін, Норвегін, Голландін, Бельгін и Германін земледъльческое производство значительные, чымь во Франціи. Россія и Италія находятся вы этомы отношеній на той степени, на какой стояли Франція сто льть тому назадь, а Англія двъсти. Если бы земледъліе во Франціи достигло такого же совершенства, какъ въ Бельгіи, то его производство увеличилось бы на 300.000 гектолитровь въ годъ, а если бы земледъле въ Россіи сравнялось съ тъмъ, что дълается во Франціи, то его ежегодное производство возвысилось бы на милліардъ гентолитровъ». Приводя цифры о матеріальномъ прогрессъ за послъднія 100 лътъ, относительно производства первыхъ предметовъ потребленія Шенгофъ считаетъ, что человъчество не должно опасаться въ будущемъ недостатка въ нищъ, благодаря расширеню принциповъ свободы и научныхъ открытій, что составляеть главную характеристическую черту истекающаго въка. Что касается до рабочаго вопроса, то Вальтерь Скайфь ограничивается только картиной столътнихъ успъховъ рабочаго законодательства во Франціи 1). «Что выиграль французскій рабочій въ продолженіе въка, протекшаго со времени революцін?, - говорить онъ, - на это легко отвътить: французскій рабочій нерешель оть законнаго рабства къ теоретической свободъ, отъ нищеты къ сравнительно удобной жизни, отъ дебрей невъжества къ основамъ знанія, отъ безпомощнаго одиночества къ сильной коопераціи, однимъ словомъ отъ безнадежнаго несчастія къ надеждъ прогресса. Несмотря на политическія смуты, народныя возстанія, кровавыя революціи и еще болье кровавыя чужеземныя вторженія, ХІХ въкъ много сдълаль въ дъль улучшенія, образованія и усиленія рабочаго класса. Въ послъдніе свои дни онъ поставиль рабочаго инвалида на одну ногу съ военнымъ инвалидомъ. На заръ XX стольтія третья республика почти, если не совершенно, исполнить объщание первой республики обезпечить французскому гражданину его собственность, заработную плату и пенсію подъ старость». Французскій публицисть баронь Пьерь де Кубертень помъстиль въ нъсколькихъ номерахъ англійскаго журнала «Fortnightly review» историческій очеркъ Франціи въ XIX въкъ подъ заглавіемъ «Франція съ 1814 года» 2) и, въ концъ концовъ, приходитъ къ заключению, что свобода и республика пустили надежные корни во французской почет и обезпечили Франціи дальнъйшій прогрессъпутемъ эволюціи, а не революціи. «Республика, —говорить онъ, —удержалась, благодаря разумности всеобщей подачи голосовь, которая дала мужественный отпоръ всемь попыткамь побъжденнаго меньшинства возстановить призраки

^{1) «}A century's labur legislation in France», by W. Scaife. «Forum». October

²) «France since 1814», by baron Pierre de Coubertin. «Fortnightly review». September—december 1899.

прошлаго, но, чтобы достигнуть своей совершенной формы, ей придется еще нобороть много преградъ, а главное уничтожить централизацію, созданную первой республикой и торжественно подтвержденную Наполеономъ. Когда наступить этотъ день, то возстановятся истинныя историческія традиціи Франціи, и навсегда она освободится отъ Бонапартистскаго кошмара». Во французской журналистикъ можно указать только на двъ статьи, подводящія итоги истекающаго стольтія относительно литературы и средствъ передвиженія. Первый предметь разсматриваеть первый современный французскій критикъ и редакторъ «Revue de deux mondes» Брюнетьеръ въ предпоследней книжке своего журнала за прошедшій годь, подъ заглавіемь «Очеркь европейской литературы XIXвъка» 1). Этотъ этюдъ войдеть въ приготовленную къ печати книгу «Въкъ», и вь немь авторь старается начертать кривую линю литературной эволюців за истекающія сто льть. Съ нимъ нельзя не согласиться, когда онъ доказываеть, что ни въ одномъ въкъ литература не пережила такого радикальнаго превращенія, какъ въ нашемъ, и что литература будущаго въка будеть космополитическая и соціальная, къ достиженію чего и стремилась она въ продолженіе XIX стольтія, но какъ только онъ задается цьлью подтвердить чудовищный парадоксь, что кривая линія эволюціп литературы нашего въка привела ее къ тому пункту, съ котораго она началась, т. е. къ эпохъ Шатобріана и Жозефа де-Местра, то нельзя не пожальть, что этоть талантливый критикь, недавно посътившій папу, такъ увлекся мистическимь клерикализможь. Что XIX въкъ не могъ въ литературъ вернуться назадъ, доказываетъ статъя въ клерикальномъ журналъ «Correspondent», гдъ ученый профессоръ Лаппаранъ красноръчиво разсказываетъ объ экономическомъ и научномъ прогрессъ этого стольтія подъ заглавіемъ «Средства сообщенія въ конць въка» 2). По его словамъ, въ началъ этого въка не было и помина о желъзныхъ дорогахъ, а теперь во всемъ свъть ихъ 600.000 километровъ, и онъ представляють каниталь въ 175 милліардовь франковь, а въ одной Франціи въ 1897 году пробхало по желъзнымъ дорогамъ 343 милліона путешественниковъ, то-есть 240 въ день. При этомъ цъна передвижения въ четыре раза стала дешевле, чъмъ въ старинныхъ дилижансахъ. Основываясь на совершенномъ прогрессъ, профессоръ считаеть возможнымь предсказать, что въ наступающемъ выкъ будеть изобратень новый способь передвижения въ воздушныхъ шарахъ, такъ какъ, по справедливому его замъчанию, управлять шарами не представляется не возможнъе, чъмъ передача мысли по безпроволочному телеграфу, чего добился XIX въкъ въ свои послъднія минуты. Если мы перейдемъ къ нъмецкой журналистикъ, то остановимся прежде всего на статъъ Макса Леви въ январьской книжкъ «Deutsche Rundschau» объ эволюціи великихъ силъ XIX въка. Еще только напечатана первая часть этой статьи, и въ ней авторъ, разсматривая историческія теорія, появившіяся въ Германіи за сто лъть, опредъляеть значеніе Нибура,

^{1) «}Etude sur la literature europeenne au XIX siècle», par E. Brunetiere. «Revue des deux mondes». 1 decembre. 1899.

²) «La circulation a la fin du siècle», par A. Lapparant. «Correspondent». Decembre 1899.

Ранке, Гервинуса, Шлоссера, Рохау, Гейсера, Ротека, Лео, Дальмана и другихъ. Профессоръ Страсбургскаго университета Теобальдъ Циглеръ въ январьскомъ номерь «Neue Deutsche Rundschau» въ очеркъ, озаглавленномъ «На порогъ новаго въка», представляеть синтезь XIX стольтія въ Германіи. Этоть пламенный сторонникъ Бисмарка развиваетъ уже сильно устаръвшую идею, что система огня и желъза воплощаетъ нашъ въкъ, и пытается не только объяснить совершенный ею вь теченіе ста льть прогрессь въ Германіи, но совътуеть нъмцамъ въ наступающемъ столътіи придерживаться той же «теоріи мощнаго эгонзма». Наконець Кургь-Эйзнерь вь декабрьской книжкъ того же журнала строго критически относится къ умирающему въку въ блестящемъ этюдъ подъ заглавіемъ «Последняя воля столетія». Въ этомъ этюде три друга: филологь, докторъ и «никто», обсуждають завъщание XIX стольтия. Послъдний собесъдникъ, опредвляющій свою личность тымь, что онь «ничто», цинично, но не безъ логики доказываеть, что спеціализмъ быль проклятіемь истекающаго стольтія, такъ какъ посвящая цълую жизнь на изучение лъвой задней ноги лягушки, или третьяго лица единственнаго числа прошедшаго времени неправильныхъ глаголовъ, человъкъ забываетъ человъчество и не можетъ создать ничего истинно полезнаго, а потому, чтобы будущій въкъ быль счастливье нашего, мы должны передать ему наследіе XVIII века, именно царство здраваго смысла. Наконецъ, чтобы покончить съ литературой итоговъ XIX стольтія, упомянемъ, что въ Венеціи профессоръ Фраделетто организовалъ цълый рядъ лекцій, которыя будуть потомъ изданы подъ общимъ заглавіемъ «Il testamento del secolo». Завъщание въка будеть изложено различными компетентными спеціалистами, такъ депутать Эмиліо Пинкіа разсмотрить соціальное движеніе вь XIX столътін, а депутатъ Галинберти — религіозное, маркизъ Филиппо Кристольти представить очеркъ папства въ истекающемъ стольти. Уго Ойсттилитературы и искусства, Джильберто Секретанъ — общественной жизни, Пьетро Масканьи — музыки, докторъ Морасса — индивидуальнаго счастья и т. д.

— Смерть Рёскина. Вся Англія оплакиваеть смерть Джона Рёскина, послідняго изь великихъ титановь ея современной литературы, если не считать Спенсера. По словамь Л. Н. Толстого, «это быть величайшій геній своего времени», а знаменитая романистка Джорджь Элліоть считала его «однимь изь величайшихъ учителей нашего віка». Какъ проповідникъ красоты и истины вь искусстві жизни, какъ соціальный эстетикъ и эстетическій соціалисть, онь иміль большее вліяніе на нісколько англійскихъ поколіній, чімь кто либо изь другихъ мыслителей ХІХ віка, не исключая Карлайя, ученикомъ котораго онь себя считаль. Одинаково замічательный прозаикъ, критикъ и эстетикъ, Рёскинь въ художестві отстаиваль прекрасное и въ соціальной жизни преслідоваль все уродливое. Главной отличительной чертой и величайшимъ достоинствомь его литературной и общественной діятельности быль тоть необыкновенный фактъ, что онь одинаково вель борьбу за красоту и противъ уродства во всемъ, не только на словахъ, но и на діяль. Получивь оть отца огромное состояніе, онь израсходоваль боліве двухъ милліоновь на осуществленіе своихъ художественныхъ и соціальныхъ идей. Сь одной стороны, онь создаль цілую школу ху-

дожниковъ прерафазлитовъ, положившихъ въ основу искусства-правду и искренность, а также группу артистовъ соединявшихъ художественную истину съ соціальной, съ другой же-читаль лекціи объ изящномь искусствъ въ Оксфордскомъ университетъ, основалъ рисовальную школу для народа, открывалъ народные музеи, организоваль кооперативную колонію и всячески старался улучшить умственное и матеріальное положеніе рабочаго класса. Какъ это ни странно звучить, а для него художественная красота непремънно должна была соединяться съ уничтоженіемъ соціальнаго уродства. «Каждый защищаемый мною принципъ живописи, —писалъ онъ, — я вывель изъ анализа человъческой жизни и человъческой души. Въ моихъ сочиненияхъ объ архитектуръ я всегда выбираль ръшающимь критеріемь для опредъленія достоинства той или другой школы вліяніе, которое она имъла на жизнь рабочаго, до чего вовсе не касались другіе писатели». 81 годъ жиль этоть поклонникъ красоты, природы и правды, 63 года проводиль онъ свои идеи словомъ, перомъ и дъломъ, а когда наконецъ умеръ отъ продолжительной бользни, порожденной умственнымъ утомленіемъ, то вся страна признала съ благодарностью, что онъ не даромъжилъ, не даромъ писалъ, не даромъ училъ. По общему приговору, какъ критиковъ такъ и всего английскаго народа, онъ быль одинъ изъ немногихъ свъточей, которые чисто, ясно, лучезарно блестять среди туманной мглы современной жизни. Много въ Англіи писали о Рёскинъ съ эстетической и соціальной точекъ зрънія, а надняхъ выйдеть подробный и основательный трудъ Спильмана объ его жизни и дъятельности, но до сихъ поръ можно только указать на помъщенные біографическіе этюды о немъ въ «Academy» 1) и «Atheneum» 2). Собственножизнь Рёскина. какъ большей части писателей, не представляеть сенсаціон, ныхъ эпизодовъ, или драматическихъ перипетій. Сынъ богатаго виноторговца, онъ родился 8 февраля 1819 года въ Лондонъ и получилъ прекрасное домашнее воспитаніе, подъ личнымъ руководствомъ доброй, высоко-нравственной матери и почтеннаго культурнаго отца, который свободное отъ торговли время посвящаль поклоненію красотамъ природы и искусства. Съ этой цалью онъ ежегодно посъщаль съ женою и сыномъ живописнъйшия мъстности и художественныя сокровища своей родины и Европы. Конечно, это была прекрасная жизненная подготовка для юноши, и онъ впоследствии говориль, что поэтическое эрълище Шафгаузена и Женевскаго озера возбудило въ его душъ и умъ тъ чувства и мысли, которыя придали опредъленную окраску всей его жизни. Мало думаль его отець, что таково будеть вліяніе принятаго имь метода воспитанія, такъ какъ, по словамъ самого Рёскина, богатый виноторговець имъть на него самые буржуазные, честолюбивые виды, а именно онъ мечталь, что сынъ поступить въ университеть, подружится тамъ съ аристократами, получить ученую степень, сдёлается моднымъ пасторомъ, женится на дочери лорда, будеть писать стихи, какъ Байронъ, но въ религюзномъ духъ, станеть произносить проповеди, какъ Босюз, но съ протестантскимъ отгенкомъ, и сделается сначала епископомъ, а потомъ примасомъ Англіи. Почтенный винотор-

¹⁾ Mr John Buskin, «Atheneum», 27 january 1900.

²⁾ The making of Ruskin. Ruskin's prose style. Academy, 27 january 1900.

говецъ, хотя и ошибся въ своихъ надеждахъ, но, доживъ до глубокой старости, быть можеть, и примирился съ мыслью, что его сынъ сдълался однимъ изъ величайшихъ мыслителей своей родины и благодетелей англійскаго народа. Поступивъ въ 1836 году въ Оксфордскій университеть, Рёскинъ вышель оттуда черезъ три года безъ особо блестящихъ успъховъ. Затъмъ, онъ сталъ заниматься живописью и литературой, а жиль самымь скромнымь образомь со своими старыми родителями. Первымъ его сочиненіемъ была «Поэзія архитектуры», которое удивило всъхъ образностью языка и оригинальными художественными теоріями. Эти теоріи онъ окончательно развиль вь пяти томахъ «Современныхъ живописцевъ», которые выходили въ различное время отъ 1843 до 1860 года. Въ этотъ промежутокъ времени онъ съ одной стороны проповъдывалъ свои эстетическія иден, въ цъломъ рядъ трудовь, изъ которыхъ наиболье извъстны «Венеціанскіе камни» и «Семь свъточей архитектуры», а съ другой-читаль лекціи рабочимь о связи эстетики съ соціальной этикой, которыя потомъ были изданы отдъльными сборниками, подъ заглавіемъ: «Этика пыли», «Въчная радость», «Два пути» и т. д. Въ 1860 году онъ отвернулся на время отъ художественной критики и провель 10 лъть въ Швейцаріи, гдъ изучаль соціальные вопросы и написаль цълый рядь книгь, изъ которыхъ следуеть главнымъ образомъ упомянуть «До послъдняго», «Munera pulveris», «Время и теченія», «Царица воздуха» и т. д. Въ 1870 году онъ вернулся въ Англію, занялъ въ Оксфордъ каеедру изящнаго искусства и сдълался общественнымъ реформаторомъ. Такъ прошло еще 10 лътъ, впродолжение которыхъ онъ написалъ немало книгь, брошюрь и статей, изъ которыхъ наибольшее значение имъють: «Fors clavigera» и «Preterita». Въ 1880 г. у него открылась болъзнь мозга, и последнія двадцать леть Рескинъ провель въ Брантвуде близь Конистона въ живописной озерной мъстности. Хотя по временамъ онъ все-таки писалъ и тамъ окончиль свое последнее сочинение «Preterita», имеющее вы некоторыхы главахы автобіографическій характерь, онь уже болье не быль прежнимь Рёскинымь. Частная его жизнь не была счастливой, и женившись поздно, онъ вскоръ разошелся съ женою. Наконецъ, 20 января настоящаго года, не доживъ только нъсколько дней до 81 годовщины своей жизни, онъ спокойно умеръ и похороненъ на сельскомъ кладбищъ Конистона. Хотя и былъ возбужденъ вопросъ о томъ, чтобы его похоронить на государственный счеть въ Вестминстерскомъ аббатствъ, но общественное миъніе настояло, чтобы исполнено было давно выраженное имъ желаніе поконться въчнымъ сномъ въ любимой имъ живописной мъстности.

— Викторія миротворица. Подъ этимъ заглавіемъ анонимный авторъ помъстиль во второй январьской книжкъ «Revue des Revues» любонытный перечень всъхъ войнъ, которыя велись Англіей въ мирное царствованіе Викторіи ¹). По словамъ этой статьи, англичане гордятся мирнымъ благоденственнымь царствованіемъ своей королевы и называютъ ее Викторіей-миротворицей; но если посмотръть на оборотную сторону медали, то окажется, что впродолженіе 63-лътняго ея царствованія произошло 25 войнъ, которыя заняли около

¹⁾ Victoria la Pacifique. Revue des Revues. 15 janvier. 1900.

половины этой будто бы мирной эпохи. Первой войной Викторіи было кровавое усмиреніе возставшаго туземнаго населенія Канады, тотчась по вступленін на престоль молодой королевы. Затемь, оть 1840 до 1842 года свирънствовала позорная война съ Китаемъ изъ-за торговли опіемъ. Дъло было въ томъ, что англійскіе торговцы изъ Индіи долго отравляли бъдныхъ китайцевъ этикъ наркотическимъ средствомъ, а когда китайское правительство, наконецъ, запретило его ввозь, то англичане объявили войну, сожгли Шанхай и осадыле Нанкинъ, вслъдствіе чего китайцы просили мира, уступили Англіи островъ Гонгъ-Конгъ и дозволили попрежнему отравлять себя. Между тъмъ, англійскій флоть изъ-за пререканія съ Египтомъ бомбардироваль мирные города Бейруть и Акру. Въ 1841 году состоялась первая афганская экспедиция съ цълью лишить престола кабульскаго эмира Доста-Магомета и посадить на его місто ставленника Англіи, что и было исполнено съ большимъ кровопролитіемъ. На слъдующій годъ сынъ Доста-Магомета, Акбаръ-Ханъ возбудиль возстаніе, умертвиль англійскихъ представителей и безжалостно выръзаль всю англійскую армію въ 4.500 человъкъ. Конечно, англичане жестоко за это отомстили и прошли съ огнемъ и мечемъ черезъ весь Афганистанъ. Въ томъ же году произошли двъ экспедиціи противъ Синда и Пенджаба, которыя окончились присоединеніемъ къ Англіи этихъ странъ. Съ 1850 до 1853 года англичане восвали сь кафрами въ Южной Африкъ и въ то же время сражались съ Бирманіей, отъ которой отняли городъ Рангунъ. Въ 1853 году вспыхнула крымская война, которая продолжалась 2 года и стоила Англіи 14 милліоновь фунтовь стерлинговъ и 24.000 человъческихъ жертвъ. Въ то же время англійское правительство посылало экспедицію противъ Персіи, гдв овладела Буширомъ и двумя другими городами подъ предлогомъ оградить Гератъ отъ внезапнаго набъга. Едва Англія оправилась отъ потерь, понесенныхъ въ крымскую кампанію, какъ возникло возстаніе сппаевъ, которое было безжалостно залито кровью, и еще не кончилась эта кровавая расправа, какъ англичане послали экспедицію въ Пекинъ, гдъ ограбили императорский дворецъ. Въ 1862 году Англія вела ожесточенную войну съ туземцами острововъ Тихаго океана и присоединила къ своимъ владъніямъ Новую Зеландію. Затъмъ, начинается цълый рядъ африканскихъ кампаній противъ ашантіевъ, абиссинцевъ, снова ашантіевъ и зулусовъ. Въ 1881 году возникла первая война съ бозрами, и англичане потерпъли громадное поражение при Маюбъ. Годъ спустя, они бомбардировали Александрію, разбили египетскую армію и овладъли всей страной. Затъмъ, произошла экспедиція въ Суданъ для спасенія Гордона, который, однако, погибъ, и англичане удалились назадъ. Наконецъ, въ 1898 году предпринятъ быль вторичный суданскій походъ, и власть магдія уничтожена. Еще ранъе состоялась экспедиція въ Бирманію, которая и присоединена къ владеніямъ Англіи. Такимъ образомъ, настоящая война съ Трансваалемъ по счету двадцать пятая вь царствованіе Викторіи-миротворицы.

— Славяне въ Ганноверъ. Послъдняя народная перепись въ Пруссіи 1890 г. открыла 1) присутствіе маленькой горсти славянъ въ Ганновреъ: 585

¹) Preussische Statistik. 121. Th. I. Die endgültigen Ergebnisse der Volkszählung im Preuss. Staate vom 1 December 1890. Berlin. 1893.

человъть (258 мужч. и 327 женц.) среди населенія ганноверскаго «Вендланда» признали свой родной языкъ славянскимъ (вендскимъ). Въ офиціальномъ германскомъ отчетъ объ этой переписи села, въ коихъ живутъ эти остатки древнихъ языческихъ славянъ, почему-то непоименованы. Но среди германскихъ ученыхъ нашелся одинъ правдивый человъкъ г. Фирксъ, который не пожелалъ скрывать присутствіе славянъ въ извъстныхъ селахъ «Вендланда» и переименоваль ихъ слъдующемь порядкъ, въ своемъ сочиненіи «Die preussische Bevölkerung nach ihrer Muttersprache und Abstammung» (въ Zeitschrift des königlich. preuss. statistischen Bureaus, Berlin, 1899, XXXIII, стр. 266): Schletau, Bockleben, Witzeetze, Simander, Volzendorf, Predöhl, Trabuhn, Schwesnau, Kriwitz, Köhlen, Schreyahn, Banzau, Lütenthien, Külitz, Proitze, Vasenthien, Tobringen, Gross Breese, Nemitz, Lanze, Preselle, Thurau, Meuchefitz, Kremlin, Ganse, Mammoisiel, Gross, Klein, Sachau, Diahren, Klein Gaddau». Изрядное число таковыхъ селъ съ славянскимъ языкомъ можеть убъдительно говорить, что число славянъ въ ганноверскомъ «Вендландъ», несомивнно, больше офиціальной цифры правительственной переписи. Эти славяне должны быть признаны аборигенами за-нимаемыхъ ими нынъ мъстностей на лъвомъ берегу р. Эльбы; тутъ въ языче-скую пору жили полабскія славянскія племена: древляне, глиняне и лучане. Въ настоящее время эти славяне представляють островокъ въ германскомъ моръ. Ганноверскій «Вендландъ» обнимаеть 13 квадр. миль; въ 1861 г. было насчитано 187 деревень и 31.196 душъ. Древностью славянской этого края стали заниматься въ концъ XVII в.; насторъ Геннигъ въ Вустровъ и Фр. Пфеффингеръ сохранили кое- что изъ языка ганноверскихъ славянъ этого столътія, а въ XVIII в. крестьянинъ изъ славянъ этого края аутодидактъ И. Шульцъ составилъ даже хронику своего прихода, гдъ говоритъ о народныхъ славянскихъ обычаяхъ и къ тому же присоединилъ матеріалъ славянскаго говора съ нъмецкимъ переводомъ. Его продолжали бургомистръ Ф. Мюллеръ и Домейеръ; по-слъдній выписалъ матеріалъ изъ старыхъ замътокъ одного пастора въ Данен-бергъ, XVII в. Наконецъ, въ 1780 г. этимъ же дъломъ занимался окружной секретарь въ Людавъ, г. Гинцъ, а въ началъ XIX в. мъстный физикъ въ Люнебургъ И. Г. Юглеръ составилъ люнебургско-славянскій словарь (въ рукописи). До послъдней прусской переписи 1898 г. утверждали, что въ деревнъ Креммелинъ въ началъ 1798 г. скончался крестьянинъ Варрацъ, послъдній человъкъ, знавшій молитву «Отче нашъ» на языкъ своихъ предковъ—славянъ, если не считать обмолвокъ въ географическомъ описани «Вендланда», сдъланномъ въ 1862 г. г. Геннигомъ. Странно, что А. Ө. Гильфредингъ до выхода этой постедней книги г. Геннига призналъ, что языкъ полабскихъ славянъ исчезъвъ первой четверти XIX в. (Памятн. языка полабс. слав.). Въ произношени населенія Ганновера, говорящаго по-нъмецки, замъчается исчезновеніе звука h (г) тамъ, гдъ онъ имъется въ чистомъ нъмецкомъ произношеніи, напримъръ: вмъсто Herr Amtmann von Harling ist hier произносять въ Ганноверъ «Ег haintmann von Arling his ihr»; это же явленіе наблюдается и въ другихъ мъстностяхъ немецкихъ, возникшихъ на месте прежнихъ языческихъ полабскихъ славянь.

— Изъ обычаевъ и върованій американскихъ илеменъ. Издающійся въ Нью-Іоркъ, подъ редакціей В. В. Невелля, американскій журналь «The journal of American Folk-lore» дасть очень интересныя свъдънія объ обычаяхъ, нравахъ и върованіяхъ различныхъ американскихъ племенъ. Что касается населенія Мексики, то въ немъ имъется немало родовъ мавританскаго происхождения. По объимъ сторонамъ ръки Брезоли, раздъляющей двъ республики Съверной Америки, обычан представляють смъсь двухъ элементовъ: мъстнаго и пришлаго мавританскаго; мавританскій элементь значительно измънился на почвъ испанской, слъды чего проявляются и въ одеждъ, и въ осбенности въ архитектуръ. На храмахъ часто встръчаются мавританскіе куполы, а дома сохранили форму восточную. Население Мексики очень любить сладости и кофе. Увеселеніе составляеть бой пітуховь п танцы. Отношеніе мужчины къ женщинамъ своеобразное: мужчина выше всего цънить женщину некрасивую и въ солидныхъ лътахъ; дъвицы никогда и нигдъ не показываются однъ. Выраженіе расположенія между парнемь и дівицей происходить при слідующихь условіяхь, во время танцевь. Гогда девице понравился парень, она заявляеть свое желаніе потанцовать съ нимь; средство для этого следующее: она береть яйцо, наполненное духами (оно на американскомъ языкъ называется «cascacon» и замъняеть европейскіе флакончики), и разбиваеть на головъ пария, который въ свою очередь долженъ сдълать то же на головъ дъвицы. Это безспорно мавританскій обычай; по крайней мірь, арабскіе писатели свидътельствують, что при женитьбъ сына Гарунь-аль-Рашида въ Багдадъ бросали въ народъ деньги и скорлуну янцъ. Вообще мужчины очень въжливы съ женщинами. Замъчательно также и отношение богатаго человъка къ бъдному: на улицъ богатый первый кланяется бъдному. Мексиканцы-фаталисты въ той же степени, что и мусульмане; всь бользни, по ихъ понятіямъ, происходять оть чародъйствь. Кромъ чародъйства, жители Соединенныхъ Штатовь причину бользней видять вообще въ отравь; отъ бользии можеть излъчить только знахарь; нъкоторые изъ знахарей, по народному върованию, могутъ принять видъ животныхъ. Племя Наваго обращаеть на себя внимание своими върованіями. Илемя это насчитываеть не больше 10.000 душть и живеть попренмуществу на территоріи Новой Мексики и Аризоны; его занятіе — скотоводство. Племя это имъеть свою миеологію, священныя пъсни, устно передаваемыя отъ покольнія къ покольнію, и даже свою музыкальную систему, тогда какъ другія дикія племена довольствуются раздирающими криками. По свидътельству ихъ священныхъ пъсенъ, было нъсколько перемънъ человъческаго рода. Сначала были люди совстмъ иного рода; они часто мъняли мъсто своего жительства: поочередно они были въ свъть красномъ, голубомъ, желтомъ и темномъ. Во время ихъ пребыванія въ этомъ последнемь свете явился богь огня, который заявиль имь, что создасть лучшій человьческій родь. ІІ дыйствительно, съ помощью другихъ боговъ, онъ создалъ мужчину и женщину, душу которымъ далъ вътеръ. Нынъшніе люди — потомки этихъ первыхъ людей; они населяють пятый мірь, значительно лучшій всёхъ предыдущихь. Среди индійцевъ англійской Колумбіи имъется тайное общество людовдовъ, называемое «Nisua». Число членовъ этого общества ограниченное: новый члень

можеть войти въ общество за смертью другого или за свободнымъ удаленіемъ изъ него. Вновь принимаемый членъ разрываеть собаку на куски въ знакъ того, что онъ также будеть поступать со всякимь, не принадлежащимь къ этому обществу, если этотъ будеть преграждать ему путь. Послъ принятія въ общество новый членъ общества въ теченіе года уединенно живеть въ своемъ домъ или въ какой либо гробницъ. Малъйшее отступление отъ ритуала влечеть за собой смерть нарушителя и свидътелей. Въ разныхъ мъстностяхъ, расположенныхъ вблизи Ріо-Гранде, различныя племена молятся по обряду мусаяковъ передъ особыми алгарями. Культь вообще символическій. Алтарь составляется такъ: два столба соединяются сверху перекладиной, на столбахъ дълается орнаментація въ видъ линій, символизирующихъ дождь. Передъ столбами стоитъ скамья изъ кукурузы; съ правой стороны лежать двъ доски съ символами дождевых тучь. На возвышении, сдъланномъ изъ песку, стоять двъ фигурки безъ рукъ, съ небольшими выпуклостями вмъсто ушей и выгнутыми на лицъ треугольниками. Съ верхней перекладины свъщиваются куски дерева зигзагами, что означаеть молнію. Племя тетсаутовь, обитающее вь Съверной Колумбін и на прибрежьп фіорда Portland julet (между Аляской и англійской Колумбіей) и находящееся на низкой степени умственнаго развитія, имъеть своеобразное преданіе о потопъ. Воть оно: племена орла и волка, видъвь подымавшіяся воды и не имъя возможности спасти себя, спрятали своихъ дътей въ деревьяхъ выдолбленныхъ. Когда потопъ прошолъ и земля высохла, спасенные вышли на землю и произвели новое покольне, а тестсауты — ихъ потомки. Это племя своеобразно объясняеть образование тучь, горь, ръкь, морей и проч. Такъ, по одному преданію, туча-женщина была женой одного индійца, отъ котораго она имъла сына и дочь; на землъ она могла оставаться до тъхъ поръ, пока кто нибудь въ ея присутствіи не произнесеть слова «туча»; ея же сынъ и произнесъ слово «туча», и она моментально превратилась въ тучу и исчезла навсегда, унесши съ собою бывшую на ея рукахъ дочку. Происхожденіе ръкъ, морей, горъ объясняеть это племя такъ же, какъ и въ арійскихъ сказкахъ: преслъдуемый чудовищемъ бросаетъ, напримъръ, яйцо, и изъ него выростаеть гора; бросаеть онь зеркальце и образуется море; бросаеть вътку, и выростаеть дремучій льсь. Американское населеніе, какъ и европейское, въритъ, что прибитая къ дому подкова приноситъ счастье обитателямъ его. Илемя Микмани върить въ горнаго громаднаго червя, который приноситъ несчастье тому, кому онъ покажется; онъ похожъ на стонога; неръдко онъ идеть за охотникомъ, у котораго, обыкновенно, въ такомъ случав охота бываеть неудачная; ни огонь, ни вода, ни жельзо не устращають этого червя. Единственное средство избавиться отъ него—дать ему поъсть. Племя это върить въ особый чародъйскій звонокъ, доставляющій обладателю его удачу вь любви, върить оно въ трубку, изъ которой каплетъ кровь, когда другъ или родственникъ обладателя этой трубки погибъ насильственной смертью.

СМ В СЬ.

ЕСТВОВАНІЕ намяти Ломоносова. І. 2-го] январі в большой зал'в политехническаго музея происходилі поличныя торжественны зас'вданія императорскаго общеть любителей естествознанія, антропологіи и этнографії і его химическаго отд'яленія по случаю исполнившато 150-тил'ятія открытія Ломоносовымъ первой русской пической лабораторіи. Въ глубин'я залы пом'ящалась эстрав декорированная лавровыми деревьями и пальмам, в которой возвышалась кафедра, а вокругъ нея развіты бюсть М. В. Ломоносова и два его портрета изъ кольть.

цій гр. И. Г. Ностица и А. Е. Носа. Въ засъданіи присутствовали ректорь в сковскаго университета А. А. Тихомировъ, профессоры Московскаго и нъмпрыхъ другихъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній, члены общетви и посторонняя публика. Засъданіе открылъ президентъ общества Д. В. мучинъ, обратившійся къ собранію съ ръчью слъдующаго содержанія: «Въ вторіи прошлаго часто ищутъ аналогій съ настоящимъ и поучительныхъ указаві для будущаго. Но еще большее значеніе имъетъ исторія для осмысленвато в ниманія настоящаго, для уясненія эволюціи или развитія различныхъ сторив и явленій человъческой культуры. Къ числу этихъ явленій принадлежить в наука, въ области которой также представляєть важность и интересть повременамъ оглядываться на прошлое, отмъчать послъдовательные успіхи въ фагтическомъ знаніи, воспроизводить въ памяти ходъ развитія научной мыль Это воспроизведеніе прошлаго науки немыслимо безъ воспоминанія объ ся лы-

теляхъ, о личностяхъ, которымъ наука обязана существеннымъ обогащениемъ, которыя прокладывали въ ней новые пути, содъйствовали ся успъхамъ, боролись за ея достоинство. Такое воспоминаніе о выдающихся д'ятеляхъ прошлаго въ области знанія не только полезно и поучительно, но оно для насъ нравственно обязательно. Какъ церковь чтить память своихъ подвижниковъ, основавшихъ и укръпившихъ религіозное ученіе, такъ корпорація ученыхъ должна относиться съ уважениемъ и признательностью къ тъмъ выдающимся своимъ предшественникамъ, которымъ особенно обязанъ своимъ основаниемъ и сооружениемъ--величавый, хотя и далеко еще не законченный, и построенію котораго и конца не предвидится, --- храмъ многосторонняго, всепснытующаго, всенспользующаго человъческаго знанія. Но если эта дань благодарнаго воспоминанія и почитанія обязательна по отношенію ко всемь выдающимся личностямъ въ области развитія знаній, —безъ различія національностей, ибо наука объединяєть всв народы, достигшіе извъстнаго культурнаго развитія, и всякое дъйствительное обогащение знанія становится въ равной степени достояніемъ всего человъчества, - то, съ другой стороны, для отдъльнаго народа является наиболье близкимъ и естественнымъ чествовать намять выдающихся своихъ дъятелей, родственныхъ по крови и духу и съ дъятельностью которыхъ связаны болъе непосредственно культурные успъхи этого народа. Для насъ, культурныхъ русскихъ людей, должны быть, конечно, такъ же дороги, какъ и для западныхъ европейцевъ, имена Декарта, Коперника, Галилея, Ньютона, Дарвина, Ляйелля, Клодъ Бернара, Дюбуа Реймона, Гельмгольца и многихъ другихъ, но мы въ особенности обязаны воздавать должное почитание нашимъ собственнымъ русскимъ дъятелямъ, пролагавшимъ, часто съ великими трудами и усиліями, пути къ знанію въ средъ нашего народа, пересаживавшимъ на русскую почву съмена европейской науки, содъйствовавшимь тому, что эти съмена дали полные жизни ростки, стали приносить плоды, достойно соревнующе съ болъе многочисленными, крупными и спълыми плодами старшаго насъ культурою европейскаго запада. Въ ряду этихъ дъятелей на пользу русской науки яркимъ блескомъ свътится имя М. В. Ломоносова. Вышедшій изъ среды нашего сввернаго крестьянства, попрекаемый и позже «низкою» его природою и «подлымъ» происхождениемъ, этотъ коренной русскій человъкъ не только усвоилъ себъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, элементы современнаго ему знанія, но и достигь высшаго научнаго образованія, учась у выдающихся европейскихъ ученыхъ своего времени. Онъ быль затъмъ первымъ изъ природныхъ русскихъ академикомъ, первымъ русскимъ физикомъ, химикомъ, минералогомъ, съ чъмъ онъ соединяль еще занятія исторіей, грамматикой, публицистикой, словесностью, работаль надъ созданіемъ русскаго литературнаго языка, прилагаль усиленныя старанія къ распространенію просвъщенія, къ насажденію и развитію у насъ науки и притомъ чрезъ посредство природныхъ русскихъ людей. Вынужденная обстоятельствами мъста и времени широкая разбросанность въ умственныхъ занятіяхъ, обусловливавшаяся отчасти и отзывчивостью пылкой и впечатлительной натуры перваго нашего ученаго, помъщала ему, особенно при тогдашнихъ неблагопріятныхъ условіяхъ нашего отечества для научной деятельности, достигнуть выдающагося положенія въ среде европейскихъ ученыхъ, но по тому времени онъ принесъ, несомнънно, гораздо большую пользу нашему культурному развитю, проложивъ новые у насъ пути въ различных сферахъ знанія и литературы и содбйствуя распространенію въ нашемъ обществъ болъе правильныхъ понятій о значеніи науки и о необходимости образованія. Обладая спеціальными знаніями вь различныхъ отрасляхъ, онъ быль въ то же время первымъ компетентнымъ популяризаторомъ у насъ науки, -- припомнимъ его «слова» о пользъ хими, о происхождении свъта, объ электрическихъ явленіяхъ въ атмосферів и т. д. Онъ быль проникнуть безграничнымъ уваженіемъ къ наукъ и старался внушить это уваженіе другимъ. «Испытаніе науки,—говорить онъ,—пріятно, полезно, свято»; онъ видъль вы знаніи «Божье дело», «великольшный храмь человеческаго благополучія», онъ призываль «подняться выше всякаго мрака предупрежденныхъ мыслей... и устремить очи остроумія и разсужденія для испытанія причинъ» явленій природы; онь восхваляль Картезія (Декарта) за то, что онь «открыль дорогу нь вольному философствованію»; онъ напоминаеть, что «мы живемь вь такое время, въ которомъ науки послъ своего возобновленія въ Европъ возрастаютъ и къ совершенству приходять»; онъ доказываль, «что у насъ нъть природныхъ россіянъ ни аптекарей, да и лъкарей мало, также механиковь искусныхъ, горныхъ людей, адвокатовъ и другихъ ученыхъ, ниже самихъ профессоровъ въ самой академін и другихъ містахъ», и что поэтому необходимо «набирать студентовь изъ саминаристовъ», заботиться «объ умножени переводныхъ книгъ», «отправлять природных в россійских в студентов в чужіе края для окончанія обученія», допускать къ образованію всь безъ различія сословія. «Во всьхь европейскихъ государствахъ, — писаль онъ, — позволено въ академіяхъ обучаться... всякаго званія людямь, не выключая посадскихь и крестьянскихь дътей, хотя тамъ уже и великое множество ученыхъ людей. А у насъ въ Росси при самомъ начкъ начинаніи уже сей источникъ регламентомъ по 24 пункту заперть, гдё положенных вы подушный окладь вы университеты принимать запрещается. Будто бы сорокъ алтынъ столь великая и казив тяжелая быв сумма, которой жаль потерять на пріобрътеніе ученаго природнаго россіянина и лучше выписывать!» «За общую пользу, —писаль онъ къ Теплову, — а особливо за утверждение наукъ въ отечествъ-и противъ отца своего родного возстать за гръхъ не ставлю». Всъмъ извъстно, наконецъ, что Ломоносову принадлежить мысль и первый проекть Московского университета, —проекть, основанный, по собственному его выраженю, на «учрежденіяхъ, узаконеніяхъ, обрядахъ и обыкновеніяхъ» иностранныхъ университетовъ, но менъе, можеть быть, извъстно, что онь представляль Шувалову планы и объ учрежденіи такого же университета въ Петербургъ. Въ письмъ къ Шувалову по этому поводу онъ писалъ: «Мое единственное желаніе состоить въ томъ, чтобы привести въ вождельное теченіе университеть, откуда могуть произойти безчисленные Ломоносовы». Принимая во вниманіе выдающееся значеніе Ломоносова для русской науки, многосторонность его ученых занятій, оправдывающих изв'єстныя слова Пушкина: «Ломоносовъ быть первымъ нашимъ университетомъ», наконецъ, его заслуги по основанію старъйшаго русскаго университета, въ чествованіи памяти Ломоносова должны были бы соединиться всё русскіе ученые

и всв наши университеты, во главъ съ Московскимъ. Такое чествование и происходило въ Россіи въ 1865 году по случаю исполнившагося стольтія со дня кончины Ломоносова; въ академін наукъ, въ Московскомъ, Петербургскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ университетахъ состоялись тогда торжественныя засъданія, на которыхъ было произнесено много ръчей, позже опубликованныхъ, а также изданы и многія другія статьи и документы, касающіеся жизни перваго нашего ученаго и его заслугъ въ различныхъ отрасляхъ знанія и литературы. Настоящее наше торжество не задается такой широкой программой; оно пріурочено къ исполнившемуся недавно, въ 1898 г., 150-льтію со дня открытія Ломоносовымъ (въ 1748 г.) первой русской химической лабораторіи при академіи наукъ. Воть почему первая идея такого чествованія возникла въ средъ нашихъ химиковъ, которые и приняли главное участіе въ организаціи этого чествованія. А такъ какъ общимъ центромъ московскихъ химиковъ является состоящее при нашемъ обществъ химическое отдъленіе, то, естественно, и осуществление этой мысли о чествовании Ломоносова, какъ химика, должно было сосредоточиться въ нашемъ обществъ, въ имъющихся состояться по этому поводу трехъ соединенныхъ засъданіяхъ общества и его химическаго отдъленія. Три засъданія оказались необходимыми потому, что въ одномъ невозможно было бы доложить хотя бы вкратцъ всъ подгоговленные къ этому времени доклады. По мысли предсъдателя нашего химического отдъленія проф. В. В. Марковникова съ воспоминаниемъ о Ломоносовъ, какъ химикъ, неизбъжно должно соединяться и обозрѣніе того, что сдѣлано русской наукой въ той же области знанія пость Ломоносова, — свъдънія о ломоносовской лабораторіи и объ его работахъ въ ней, съ данными о лабораторіяхъ, возникшихъ впослъдствіи и о научныхъ работахъ, въ этихъ лабораторіяхъ произведенныхъ. Сопоставленіе всьхъ главнъйшихъ успъховъ, сдъланныхъ въ извъстной отрасли русской науки по проложенному Ломоносовымъ пути, будетъ, конечно, наиболъе достойнымъ вънкомъ для перваго русскаго химика». Далъе Д. Н. Анучинъ выразилъ глубокую благодарность отъ лица общества В. В. Марковникову, взявшему на себя иниціативу въ осуществленіи настоящаго чествованія, а равно и всьмъ лицамъ, ему въ этомъ номогавшимъ, и заявилъ о содъйствии, которое было оказано обществу въ данномъ случат московскимъ училищемъ живописи и ваянія. предоставившимъ для трехъ засъданій Сюсть Ломоносова, графомъ Ив. Григ. Ностицемъ, любезно разръшившимъ повъсить въ залъ засъданій прекрасный, принадлежащий ему, портретъ Ломоносова, А. Е. Носомъ, предупредительно также предоставившимъ имъющійся у него портреть, г. ректоромъ Московскаго университета, разръшившимъ выставить хранящуюся въ университетъ драгоцънную память о Ломоносовъ, какъ о руководителъ мозаичнымъ дъломъ въ Россіи, именю—исполненный по его указаніямъ мозаичный образъ. Принеся всемъ этимъ лицамъ глубокую благодарность отъ имени общества за любезно оказанное вниманіе, президенть объявиль засъданіе открытымъ и предоставиль слово предсъдателю химическаго отдъленія общества проф. В. В. Марковникову, который произнесь вступительную рѣчь. «Страна, забывающая своихъ двигателей науки и гражданского развитія, не можеть считаться культурной, — сказаль между прочимъ В. В. Марковниковъ. — Съ провозглашениемъ

принциповъ гаагской конференціи офиціально признастся первенствующее значеніе не военных в героєвь, но д'вятелей мирнаго развитія. Героп ума обыкновенно оцъниваются послъ ихъ смерти. Недавно происходило чествование Пушкина, который и теперь еще мало извъстенъ народнымъ массамъ. Но настоящее торжество болъе скромно, чъмъ Пушкинскія празднества, котя и самъ Пушкинъ съ его огромнымъ литературнымъ и общественнымъ значениемъ былъ бы немыслимъ, если бы раньше не явился Ломоносовъ. Каждому образованному русскому человъку извъстно огромное значеніе Ломоносова для русскаго языка, но не меньшее значеніе онъ имъть и для развитія естественныхъ наукъ въ Россіи. Ломоносовъ быль первымъ русскимъ физикомъ и химикомъ; свои химическія познанія онъ примъняль болье къ художеству, работая особенно надъ получениемъ стеклянной массы для мозанчныхъ картинъ. Къ сожалънию, ученые труды Ломоносова были мало изв'ястны за границей. Только изв'ястный германскій математикъ Эйлеръ высоко цениль Ломоносова, какъ физика». Въ заключеніе проф. Марковниковъ сообщиль, что химическое отділеніе різнило издать въ память Ломоносова сборникъ съ историческими очерками химическихъ забораторій въ Россіи, въ который войдуть св'єдінія не только о лабораторіяхъ университетскихъ и высшихъ спеціальныхъ заведеній, но отчасти и нъкоторыхъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также частныхъ, какъ, напримъръ, фабричныхъ и заводскихъ. Далъе проф. И. А. Каблуковъ представиль біографическій очеркъ М. В. Ломоносова. Въ своей характеристикъ Ломоносова референть особенно очертиль его, какъ натуралиста, въ которомъ знаменитый Эйлеръ вндъть необыкновенный таланть и «счастливый геній» для открытій въ области физики и химін. Далъе референть отмътиль независимость и самостоятельность его характера, чуждаго низкопоклонства и лести. Летомъ 1748 года, по неоднократнымъ представленіямъ Ломоносова, было приступлено къ постройкъ зданія химической лабораторіи при академіи наукъ, и въ 1749 г. Ломоносовъ приступилъ здъсь къ составленію красокъ для стекла и приготовленію разноцветных стеколь. Мозамчное дело пошло успешно, и Ломоносову было разръщено построить фабрику, при чемъ изъ казны выдана была ему ссуда на пять лъть въ 4.000 р. безъ процентовъ. Въ лицъ Ломоносова, —заключиль референть, -- мы видимь, что таланть и геній не составляють привилегін богатыхъ людей, и что свъть науки можеть проникать, какъ въ хоромы знатныхъ, такъ и въ хижины крестьянъ. Затъмъ профессоръ В. В. Марковниковъ изложиль историческій очеркъ химіи вь Московскомъ университеть. Въ первые годы по открытіи Московскаго университета химія проходилась только на медицинскомъ факультетъ, и первымъ профессоромъ хими быль приглашень изь Лейпцига нъмецъ Керштенсъ; онъ же былъ и почт единственнымъ профессоромъ на всемъ факультетъ. Такъ какъ университетскій архивь сгорыть въ 1812 году, то неизвыстно, когда была учреждена при университеть химическая лабораторія, но сохранились указанія, что вы 1761 году осматриваль лабораторію гетмань малороссійскій гр. Разумовскій, Керштенсъ оставался до 1770 года, а съ этого времени по 1775 годъ химо преподаваль уже русскій ученый Веніаминовь и затымь до 1802 г. Зыбелинь. Это были первые воспитанники, поступивше въ университетъ изъ Заиконо-

спасскаго училища. Съ 1802 г. каеедру практической медицины и химіи заняль Политковскій, открывшій вь 1803 г. первыя въ Россіи публичныя лекціи по естествознанію. Скоро однако его сміниль Рейссь, приглашенный изъ-за границы и занимавшій каседру химін и фармакографін. Занявь съ 1822 г. полжность библіотекаря университета, онъ получиль большую изв'ястность введенной имъ въ эту библютеку строгой классификаціей книгъ. Съ 1825 г. сталь преподавать аналитическую химію Геймань, воспитанникь Виленскаго университета, занявшій съ 1832 г. канедру химін посль Рейсса. При немъ было построено зданіе химической лабораторіи (на томъ же мъсть, гдъ и теперь), и занятія химіей были впервые поставлены болье научно. Заслуга Геймана состояла и въ томъ, что съ 1836 по 1852 г. онъ ежегодно читалъ публичные курсы популярной технологіи, привлекавшіе до 300 слушателей, и тымы содъйствоваль распространенію у нась химико-техническихъ свъдъній. Къ сожальню, онъ такъ увлекся въ последніе свои годы технологіей, что отъ того стало страдать преподавание собственно химии. Съ конца 50 годовъ каседру химін заняль Н. Э. Лясковскій, занимавшійся ранье у извъстнаго Либиха; ему однако не удалось образовать школы химиковъ. Преемникомъ Лясковскаго быль В. В. Марковниковъ, при которомъ въ лабораторіи было исполнено до 140 работъ, опубликованныхъ въ журналъ русскаго физико-химическаго общества. При немъ же была построена и нынъшняя лабораторія университета. ІІ. Во второмъ засъданіи общества любителей естествознанія и его химическаго отдъленія, происходившемъ 3-го янраря, въ Политехническомъ музев, издатель «Русскаго Архива» П. И. Бартеневъ сказалъ нъсколько словъ объ историческомъ значенін Ломоносова. Ораторъ сопоставиль широкую и мощную дізятельность М. В. Ломоносова для умственнаго развитія и культуры русскаго народа вы соотвётствии съ необъятной нашей родиной, пробужденной после долгаго сна къ новой жизни реформами Петра Великаго; этими реформами и примъромъ государя, при которомъ протекло его отрочество, призванъ былъ къ дъятельности и нашъ первый великій ученый. Какъ ни радъль Ломоносовъ преобразовательному дълу Петра, ему пришлось скоро сознаться, что въ окно, прорубленное въ Европу, влъзли воры, и отъ нихъ онъ долженъ беречь достоинство русской науки. Въ заключение г. Бартеневъ упомянулъ о благосклонномъ отношеніи къ Ломоносову императрицы Елисаветы Петровны, гр. Разумовскаго, Воронцова, Шувалова и др. и перечислиль извъстныя русскія фамилін, состоявшія въ родствъ съ Ломоносовымъ. Дочь Ломоносова вышла за Константинова, а ея дочь—за Раевскаго, отца двухъ извъстныхъ Раевскихъ друзей Пушкина; кровь Ломоносова нынъ сохранилась въ графъ Г. И. Ностицъ и О. П. Орловой. Вещи, бывшія въ кабинеть Ломоносова, были пріобрътены послъ его смерти у его вдовы гр. Г. Г. Орловымъ и, по всей въроятности, должны находиться въ бывшемъ его имъніи Отрадъ. А. Н. Реформатскій прочиталь сообщение занимающаго теперь каседру Ломоносова академика Н. Н. Беке това, который лично не могь прибыть на торжество по нездоровью. «Химическая лабораторія при академіи наукь была открыта въ февраль 1749 г. Занятія Ломоносова въ лабораторіи ограничивались приготовленіемъ цвътныхъ стеколь и ана лизами присылавшихся къ нему рудъ. Важиве теоретическія разсужденія Ломоно-«истор, въсти,», марть, 1900 г., т. LXXIX.

сова, въ которыхъ онъ доходилъ до обобщеній, опередившихъ свой въкъ. Такъ, онъ сомнъвался въ господствовавшей тогда теоріи флогистона (особаго гипотетическаго горючаго газа, якобы входившаго или выходившаго изъ поръ вещества при горбніи), додумывался до молекулярнаго строенія матеріи, допускаль нъчто въ родъ энира, склоненъ быль объяснять теплоту вращательнымъ движеніемъ, а тяготъніе — ударами частиць, опредълиль довольно върно коэффиціенть расширенія воздуха оть теплоты и т. п. Послъ Ломоносова каоедру химін въ академін занимали сперва довольно безьпзв'єстныя личности, но затъмъ на ней появились: Гессъ, много сдълавшій въ термохиміи, добазавшій, что теплота соединенія равна теплоть разложенія, издавшій хорошее руководство по химін, и бывшій учителемь Воскресенскаго, изь учениковь котораго вышли Мендельевь, Шишковь, Энгельгердть. При Гессь было построено новое зданіе лабораторіи. Преемникомъ его быль Фритче, извъстный своими работами надъ углеводородами и приведшій въ академію Зинина и Бутлерова; при немъ лабораторія была перевелена въ новое зданіе на 8-й линін Васильевскаго острова. Большое значеніе имьли также дъйствующія въ Петербургь въ 50-къ годахъ частныя лабораторіи Ильенкова, Шишкова, Соколова и Энгельгардта, въ которыхъ сходились молодые химики и дълились результатами своихъ работъ». Н. М. Кистлеръ прочиталъ очеркъ развитія химической лабораторіи Юрьевскаго, бывшаго Деритскаго, университета, составленный проф. Таманомъ. «Деритскій университеть имъль большое значеніе въ исторіи химіи. здась работали Гизе, Гебель Шмидть; последній прославиль себя работами въ области физіологической химін, между прочимъ открытіемъ соляной кислоты въ желудочномъ сокъ, изслъдованіями крови и т. д. Изъ его учениковъ вышель между прочимъ знаменитый современный химикъ Оствальдъ въ Лейпцигъ. Число занимавшихся химіей въ Деритскомъ университеть было значительно, но оно сильно упало въ постъдніе годы». В. В. Марковниковъ взамънъ несостоявшагося реферата проф. Н. Д. Зелинскаго, который временно отсутствуеть изъ Москвы, сдълать сообщение объ общемъ состоянии химии въ эпоху Ломоносова. Съ XIV-го по XVI-й въкъ мъсто химіи занимала алхимія, стремившаяся главнымъ образомъ къ искусственному полученію золота изъболье дешевыхъ металловъ; съ XVI-го до половины XVII-го-ятрохимія, искавшая по преимуществу въ хими полезныхъ лъкарственныхъ средствъ. Въ началъ XVII-го въка возникло ученіе Сталя, профессора въ Галле, о флогистонъ. Горъніе объяснялось имъ исхожденіемъ горючаго газа, флотистона; окисленіе маталловътоже, а возстановление — соединениемъ съ флогистономъ, при чемъ увеличеніе въса въ первомъ случать толковалось такъ, что флогистонъ обладаеть отрицательнымь въсомь. Простые металлы, по его теоріи, были, следовательно, сложныя тела, а сложныя, напримерь, металлическія окиси, — простыя. Теорія эта рушилась съ открытіемъ кислорода Пристлеемъ и Шесле и съ знаменитыми опытами Лавуазъе, доказавшими, что горъніе есть соединеніе съ кислородомъ». Послъ перерыва А. Н. Реформатскій въ блестящей ръчи представилъ исторію каоедры химіи въ Казанскомъ университеть по матеріаламъ, доставленнымъ прив.-доц. Альбицкимъ. «Несмотря на крайнюю тесноту и бъдность средствами, лабораторія Казанскаго университета играла весьма важную роль въ исторіи русской химіи, начиная съ 50-хъ годовъ, а именно съ появленія проф. Клауса, воспитанника Деритскаго университета. Онъ прославиль себя работами надъ металлами платиновой группы и особенно открытіемъ новаго метадла—рутенія. Его ученикомъ быль Зининъ, которому принадлежитъ открытіе въ 1842 году способа превращенія интробензола въ анилинъ, давшее толчекъ къ развитію новой индустріи—производства анилиновыхъ красокъ. Въ 1849 г. Зининъ перешелъ въ медико-хирургическую академію и затемъ въ академію наукъ, но онъ оставиль учениковъ Бутлерова и Бекетова; первый основаль цёлую школу русскихъ химиковъ и существенно содъйствоваль преобразованию органической химии на новой теоріи химическаго строенія: его имя получило широкую изв'єстность и за границей; его «Введеніе въ изученіе органической химіи» было переведено на нъмецкій языкъ. Къ числу его учениковъ принадлежать В. В. Марковниковъ, Зайцевъ и многіе другіе; пять каоедръ химін заняты теперь въ Россіи воспитанниками Казанскаго университета». А. М. Касаткинъ прочиталь историческій очеркъ химической лабораторіи Кіевскаго университета, составленный проф. С. Н. Реформатскимъ. Очеркъ останавливается особенно на дъятельности проф. П. П. Алексвева, составившаго себъ съ 60-хъ годовъ широкую навъстность, какъ своими спеціальными работами, такъ и паданными имъ руководстами, переводами, публичными лекціями и т. д. III. Третье (и послъднее) засъдание общества любителей естествознания и его химического отдъления, происходившее 4-го января, въ политехническомъ музев, было открыто президентомъ общества, проф. Д. Н. Анучинымъ, прочитавшемъ письмо, адресованное ему, по случаю чествованія Ломоносова, президентомъ императорскаго обще ства испытателей природы, проф. П. А. Умовымъ. Въ письмъ выражается пожеланіе, чтобы устроенное обществомъ любителей естествознанія чествованіе послужило къ усиленному развитію физико-химических в наукъ въ Россіи; чтеніе письма вызвало знаки одобренія. Профессоръ Новороссійского университета Е. Ф. Клименко представиль историческій очеркъ химической лабораторіи и преподаванія химіп въ Новороссійскомъ университеть. Профессоръ артиллерійской академіи полковникъ Г. А. Забудскій прочиталь составленную имъ и В. Н. Ипатьевымъ исторію химической лабораторін артиллерійской академіи. Лабораторія эта существуєть уже 60 льть; она возникла вь 30-хъ годахъ, при генераль Сухозанеть, согласно приказанію великаго князя Михаила Павловича. Последующій начальникъ военно-учебных в заведеній, генераль-адъютантъ Ростовцевъ, призналъ нужнымъ ее расширить, и съ этой цълью въ 1859 г. быль командированъ за границу проф. Шишковъ для осмотра иностранныхъ лабораторій. Новое зданіе лабораторіи было построено въ 1861 г. и стоило около 100 тыс. р. Оно разсчитано на 120 занимающихся, аудиторія же его вивщаетъ 400 слушателей. Въ 1899 г. площадь, занимаемая лабораторіей, была еще увеличена. Какъ единственная лабораторія военнаго въдомства, лабораторія артиллерійской академін должна отвъчать на всъ вопросы. возникающе въ этомъ въдомствъ, какъ по части приготовленія взрывчатыхъ веществъ, такъ и анализа различныхъ продуктовъ. Это, конечно, должно отзываться на научныхъ занятіяхъ лабораторіи; тъмъ не менъе изъ нея вышелъ рядъ работъ, принадлежавшихъ проф. Оедорову, Сапожникову, Пампушко, Забудскому, Ипатьеву и др. Трудная задача на долю лабораторін выпада въ 1883—1893 гг., когда возникъ вопросъ о бездымномъ порожъ. Задача эта была однако разръшена успъшно, и наша армія снабжена теперь бездымнымъ порохомъ, не уступающимъ иностраннымъ. Послъ перерыва А. Н. Реформатскій сділаль историческій очеркъ химическихъ лабораторій при высшихъ женскихъ курсахъ въ Петербургъ (на основаніи исторіи, сост. И. В. Богомольцемъ) и при коллективныхъ урокахъ въ Москвъ (очеркъ, составленный М. И. Коноваловымъ). Высшіе женскіе курсы въ Петербургі возникли на основанія дъйствительной потребности, можно сказать, изъ ничего, но, благодаря общественной помощи, обладають нынъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ на сумму свыше 1/2 милліона руб. Необходимость въ лабораторіи была сознана курсами въ 1878 г., когда въ обсуждения этого вопроса приняли участие Д. И. Мендълеевъ и А. М. Бутлеровъ, и когда пожертвование О. Н. Рукавишниковой 3.000 р. дало первый тому толчокъ. Первая лабораторія была открыта въ д. Боткиной, на Сергіевской, въ подваль, въ помъщеніи не болье 4 кв. саж. площадью. Это тесное помещение было, однако, всегда занято работающими въ двъ очереди, и желающія смъняли однъ другихъ; ежегодно химію слушало по 70-80 лицъ. Къ зимъ 1884 г. удалось построить новое зданіе лабораторіи на Васильевскомъ островъ, въ 2-3 этажа, съ площадью въ 54 кв. саж., при высоть комнать въ 7 арш. Въ 1886 г. однако былъ прекращенъ пріемъ на курсы, возобновившійся лишь съ 1889 г. Въ числъ преподавателей на курсахъ выступали Н. Н. Бекетовъ, Боковъ, позже Густавсонъ; изъ числа слушательниць, заявившихъ себя работами, слъдуеть указать г-жъ Богословскую, Булатову, Оппертъ, Львову, и др. Многія изъ нихъ получили мъста при заводскихъ и фабричныхъ лабораторіяхъ. Гораздо скромнъе исторія химической лабораторін при московских в коллективных в уроках в. Первый началь преподавать здёсь химію А. А. Колли, но скоро его смённять М. И. Коноваловъ, занимавшійся около 10 літь и уступившій вы посліднее время свое місто А. Н. Реформатскому. Лабораторія все время ютилась по частнымъ квартирамъ, перебажая съ одной на другую съ своимъ несложнымъ инвентаремъ, и лишь въ послъднее время устроилась нъсколько лучше въ д. Гирша, на Поварской. Бюджеть ея вы началь 1890-хъ годовь составляль только 20 руб., теперь онъ возрось до 1.000 р. Средства получаются отъ взноса платы, отъ концертовъ, спектаклей и т. п. Но и при этихъ скудныхъ средствахъ дабораторія постоянно привлекала къ себъ занимающихся, изъ коихъ нъкоторыя, какъ г-жи Коцына, Жабенко, Кикина, заявили себя работами, а г-жа Кикина получила даже затъмъ въ нарижской Сорбоннъ дипломъ доктора химии; г-жи Коцына, Жебенко, Гулевичь, Васильева, Чичибабина исполняють обязанности лаборантовъ при практическихъ занятіяхъ и при лекціяхъ. Есть поэтому надежда, что начатое дъло не заглохнеть и при содъйствіи со стороны общества будеть развиваться дальше. Проф. В. И. Вернадскій сділаль весьма обстоятельное сообщеніе о работахъ Ломоносова по минералогіи и геологіи. Работы эти выразились въ изданіи Ломоносовымъ основь металлургін, въ «словь» о трясеніяхъ земли, въ статьяхь о слояхь земли, о характеръ льда въ Ледовитомъ океанъ, о гомологіяхъ въ строеніи материковъ, а также въ начатой имъ минералогіи Россіи. Возможно, что въ бумагахъ Ломоносова имъются и другія статьи, корорыя бы васлуживали ознакомленія съ ними спеціалистовь. Ломоносовь учился, какъ извъстно, въ Марбургъ у Вольфа, изгнаннаго прусскимъ правительствомъ изъ Галле и привлекавшаго къ себъ отовсюду учениковъ. Вольфъ преподавалъ физику, математику, философію, проводя идеи, Декарта и Лейбница и дополняя ихъ собственными изслъдованіями. Отъ Вольфа Ломоносовъ перешель къ Генкелю въ Фрейбергъ, но это былъ не философъ, а ученый-ремесленникъ, и съ нимъ Ломаносовъ не ужился. Тъмъ не менъе, онъ воспользовался своимъ здъсь пребываніемъ для ознакомленія съ рудными мъсторожденіями, съ Гарцемъ и т. д. Эпоха, въ которую жиль Ломоносовъ, была для минералогіи и геологіи эпохой преобладанія теоретических взглядовъ. Въ 70-хъ годахъ XVIII въка взгляды эти сменились эмпиризмомъ Гаюн и Вернера, а последующая эпоха Лессинга, французскихъ философовъ и Канта окончательно устранила прежнее «вольфіанство». Тъмъ не менъе Ломоносовъ во многихъ своихъ возаръніяхъ шель впереди свозго въка. Такъ, онъ принималь неодинаковый возрасть различныхъ минераловъ; различаль четыре типа землетрясеній и едва ли не первый допускать волнообразныя колебанія; онъ принимать также нечувствительныя колебанія, приписывая имъ роль въ генезизъ минераловъ; онъ сводиль также къ землетрясеніямъ сдвиги и трещины въ земной коръ, предшествовавшія вулканической дъятельности; происхожденіе низменностей онъ объясияль оседаниемъ и причиной считаль внугренній огонь земли, вызванный теплотой отъ химическихъ тамъ реакцій, въ особенности отъ соединеній съ сърой. Земная кора, по его мнъню, очень толста; внутри земли происходять молекулярныя движенія. Онь принималь различный возрасть рудныхъ и флецовыхъ горъ и объяснялъ довольно близко къ истинъ органическую природу окаменълостей. Причиной гибели ископаемыхъ животныхъ онъ считалъ не міровой потопъ, а отдъльныя наводненія, вызывавшіяся тыми же причинами, что и теперь, именно разливами ръкъ и выступаніемъ моря вслъдствіе землетрясеній. Онъ приписываль вообще большое значеніе органическимъ остаткамь, на счеть коихъ, по его митнію, образовался каменный уголь, торфъ, нефть, жидовская смола (асфальть) и т. д. Черноземъ онъ считаль продуктомъ наземныхъ растеній; изъ цепла органическихъ остатковь онъ выводиль и соль, которая, по его мибню, вымывалась потоками и выносилась въ море. Тоть фактъ, что Ломоносову пришлось жить въ переходную эпоху, и что уже вскоръ пость его смерти и въ минералогіи, и въ химін возникли новыя теоріи, быль причиною, что его работы имъли мало вліянія въ Россіи. Послъдующіе русскіе минералоги, Севергинъ и Теряевъ, въ концъ XVIII въка, уже были послъдователями Гаюн и Вернера. В. В. Марковниковъ, указавъ на то сочувствіе, съ какимъ было встръчено съ разныхъ сторонъ приглашение Общества и химическаго его отделенія къ совместному участію въ чествованіи Ломоносова, какъ химика, и къ составленію исторіи русскихъ лабораторій, выразиль благодарность всёмъ, откликнувшимся на призывъ, а Д. Н. Анучинъ принесъ также благодарность и всёмъ, почтившимъ засёданія своимъ посъщеніемъ. Въ заключеніе проф. К. А. Тимирязевымъ и его сыномъ, А. К. Тимирязевымъ, была

снята при вспышкъ магнія группа членовъ Общества передъ бюстомъ и портретами Ломоносова.

Ибилей В. О. Миллера. 29-го января, въ политехническомъ мужет происходило закрытое засъданіе этнографическаго отдъла императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, въ которомъ быль прочитанъ Н. Н. Харузинымъ рефератъ А. Н. Максимова «О методажъ изученія исторін семьи», а затімь были принесены привітствія предсівдателю отдела В. О. Миллеру по случаю тридцатильтія его научной деятельности. Н. А. Янчукъ прочиталъ адресъ отъ этнографическаго отдъла слъдующаго содержанія. «Глубокоуважаемый Всеволодъ Федоровичь! Русскіе этнографы сердечно привътствують вашу выдающуюся 30-тилътнюю научно-литературную дъятельность. Она вся полна плодотворныхъ результатовъ, высокаго интереса и неутомимой энергіи, но среди вашихъ многостороннихъ научныхъ стремленій и симпатій одно изъ первыхъ мъстъ, несомивню, принадлежить вопросамъ этнографіи. Ваши обширныя и глубокія познанія въ этой наукть, а также и ваши нравственныя качества создали вокругь вась целую школу русскихъ этнографовъ, которою вы руководите уже десятое двухльтие въ качествъ предсъдателя этнографическаго отдъла императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. О вашихъ неоспоримыхъ заслугахъ въ русской этнографіи достаточно свидътельствують также ваши многочисленные и цанные научные труды въ этой области, которые было бы слишкомъ долго перечислять здёсь. Можно сказать вообще, безъ всякаго преувеличения, что какъ ваша общественная, такъ и литературная дъятельность совершенно заслуженно поставила ваше имя на почетное мъсто въ исторіи русской этнографін и русской науки. Этнографическое изученіе Россіи, при пестрой разноплеменности ен населенія, при сложности всей исторической и культурной жизнидъло слишкомъ трудное и требующее много знаній, энергіи, силъ и времени. Ставя передъ собою эту задачу во всей ся широть, вы, многоуважаемый Всеволодъ Оедоровичъ, намътили и освътили разнообразные и многочисленные пути къ ся разръщенію и этимъ заложили одинъ изъ основныхъ камней въ новомъ зданіи еще молодой науки этнографіи въ Россіи. Не руководствуясь никакими предвзятыми идеями и не отдавая предпочтенія какой нибудь одной этнической группф, вы въ этнографіи явились истиннымъ ученымъ, принявъ въ руководство лучшій выработанный въ западно-европейской наукъ сравнительно-историческій методъ изученія. Этимъ уже значительно обезпечивалось равенство передъ наукой для арійца и финна, великорусса и германца, христіанина и язычника. Изъ этого центра научныхъ идей широко на подобіе радіусовъ раскинулись ваши ученыя изследованія вь различных областяхь знанія: въ однъхъ вы сдълались авторитетнымъ спеціалистомъ, въ другихъ-знатокомъ. Лингвистика, древняя письменность, исторія, археологія, антропологія, географія, юридическія науки, соціологія, психологія, наконець музыкальное творчество — все это вошло въ кругъ или вашихъ личныхъ ученыхъ работъ, или въ кругъ занятій руководимыхъ вами тружениковь, которые большою семьею сплотились около вась и, воодушевляемые вашимъ примъромъ, дружно принялись за работу. Оть природы вы сами надълены ръдкой энергіей, но, крожь

того, вы всегда умъете привлечь къ общему дълу энергію извиъ, которая надолго обезпечила бы усибхъ того дъла, которому вы служите со всею преданностью и безкорыстіемъ. Вы обратили вниманіе преимущественно на молодыя интеллигентныя силы, постарались выдвинуть на путь науки эту коллективную молодую энергію, которая съ такимъ увлеченіемъ всегда отдается работъ мысли, и въ этомъ отношении русская работающая молодежь, особенно чуткая къ жизни народныхъ массъ, навсегда сохранить благодарность къ вамъ, какъ къ лучшему руководителю и человъку, беззавътно преданному интересамъ науки. Благодаря вашимъ трудамъ, мы уже теперь видимъ, какихъ результатовь достигь руководимый вами этнографическій кружокь въ Москвъ. Эти результаты сказались въ рядъ изданій этнографическаго отдъла — «Трудахъ», «Этнографическомъ Обозръніи», «Былинахъ», «Программахъ», въ оживленіи засъданій, въ многочисленных в научных экскурсіях членовь отдъла, въ собраніи коллекцій и въ другихъ научныхъ предпріятіяхъ. Однако, какъ бы мы, современники, ни старались широко и правдиво опънивать значеніе этой д'язтельности, мы не можемъ предвидъть во всей полнотъ результаты ея въ будущемъ, когда при лучшихъ общественныхъ, научныхъ и матеріальныхъ условіяхъ созданная вами этнографическая школа будеть имъть возможность развернуться съ большею широтой и обнаружить всё свои силы въ свободномъ примънении ихъ къ дълу, когда лингвистъ и археологъ, юристъ и географъ будуть создавать одну общую, широкую и полную картину народной жизни. Тогда, конечно, еще неоднократно будуть засвидътельствованы передъ ученымъ міромъ ваши истинныя заслуги. Теперь же мы счастливы тъмъ, что можемъ отъ души радоваться вашему 30-тильтиему служению наукъ, высоко цънить ваше имя въ русской этнографіи и върить въ лучшее будущее этой науки. Отъ души желаемъ вамъ, нашъ дорогой учитель и другъ, многихъ лътъ жизни, неизсякаемой энергіи, твердой въры въ молодыя силы Россіи и неизмънной преданности наукъ и ея молодому дътищу-этнографіи». Вслъдъ за адресомъ быль поднесень экземплярь изданнаго вы память 30-тильтія научной діятельности В. О. Миллера юбилейнаго сборника въ богатомъ переплетъ. Далъе слъдовали адресы и привътствія оть разныхъ обществъ, учрежденій и ученыхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. По окончаніи засъданія всё присутствовавшіе въ засъданіи члены этнографическаго отдъла и общества любителей естествознанія были приглашены на вечерь къ графинъ П. С. Уваровой.

Сорокалѣтній юбилей литературной дѣятельности А. И. Нятковскаго. Прослужить сорокъ лѣть литературѣ составляеть немаловажную заслугу, и мы съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ сорокалѣтній литературный юбилей редактора-издателя журнала «Наблюдатель» Александра Петровича Пятковскаго, который, въ теченіе столь продолжительнаго періода времени честно и неуклонно шелъ по тернистому пути русскаго журналиста, твердо отстаивая свои убъжденія и не отступая передъ встрѣчавшимися ему разнообразными препятствіями. Единолично неся трудную обяза нность редактора литературно-политическаго изданія, А. П. ведеть его ьъ ясно опредѣленномъ направленіи, настойчиво преслѣдуя все то, что, по его мнѣнію, тормозитъ прогрессивное развитіе русской жизни и русской государственности. Желая искренно

почтенному Александру Петровичу еще долго и успъшно продолжать свою полезную дъятельность, приводимь здъсь краткія о немъ свъдънія. Александръ Петровичь Пятковскій родился въ Тамбовъ въ 1840 г., 20 сентября. Окончивъ курсь въ тамбовской гимназіи, по классическому ея отдъленію, А. П., въ томъ же 1857 г., поступить на юридическій факультеть С.-Петербургскаго университета, гдв и окончиль курсь со степенью кандидата правы, въ 1861 г. Литературная дъятельность А.П. началась въ «Журналъ Министерства Народнаго Просвъщенія» критической статьей о «Іворянскомъ Гивадъ» И. С. Тургенева. Затъмъ онъ помъщалъ свои труды въ «Съверной Пчелъ», въ «С.-Петербургскихъ Въдомостяхъ», въ «Русскомъ Міръ», въ «Современномъ Словъ», въ «Современникъ», «Недълъ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Съверномъ Въстникъ», «Дълъ», «Въстникъ Европы», «Русской Старинъ», «Историческомъ Въстникъ», въ «Искръ», «Будильникъ» и проч. Журнальнымъ издательствомъ А. П. занялся съ 1878 г., когда, вибств съ извъстнымъ педагогомъ В. А. Евтушевскимъ, принялъ на себя продолжение «Народной Школы», по смерти ея основателя О. Н. Медникова. Въ 1882 г. А. П. сталъ издавать «Наблюдатель», а вь то же время г. Евтушевскій передаль ему одному изданіе «Народной Школы», продолжавшееся до конца 1890 г. Въ 1897 и 1898 гг. А. П. издавалъ ежедневную газету «Гласность», пріостановленную имъ до наступленія болье благопріятных робстоятельству... Ву 1862 г. А. П. выпустиль отдульнымы изданіемъ «Полное собраніе сочиненій Д. В. Веневитинова» (третье по счету) съ біографическою статьею объ авторъ; въ 1863 г. издаль сборникъ стихотвореній разныхъ авторовъ подъ названіемъ: «Гражданскіе мотивы»; въ 1870 г. рядъ своихъ публицистическихъ статей, объединенныхъ общимъ заглавіемъ: «Живые Вопросы», а въ 1876 г. — два тома своихъ историко-литературныхъ монографій: «Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія». Въ 1888 г. эта книга вышла вторымъ изданіемъ, съ прибавленіемъ нъкоторыхъ статей. Въ 1880 г. издана отдъльной брошюрой статья А. П. о князъ В. О. Одоевскомъ, напечатанная сначала въ «Историческомъ Въстникъ». Къ последнему (глазуновскому) изданію сочиненій Фонвизина приложена критико-біографическая статья А. П. Государственная служба А. П. началась съ 1862 г. въ Маріинскомъ институть, гдь онъ преподаваль русскую словесность до 1874 г., когда, по приглашенію государственнаго секретаря Д. М. Сольскаго, перешель на службу въ государственную канцелярю. Въ первые два года новой службы, А. П., числясь въ отдъленіи дъль государственнаго секретаря, исполняль порученіе Д. М. Сольскаго по приведенію въ порядокъ и по описи дълъ архива государственнаго совъта, а затъмъ 6 лътъ состоялъ по отдъленію государственной экономіи. Одновременно со службою въ государственномъ совътъ, А. П. издавалъ «Народную Школу». Въ 1882 г. онъ оставиль службу въ государственномъ совътъ, награжденный чиномь дъйствительнаго статскаго советника, и посвятиль себя исключительно литературной и журнальной дъятельности, съ началомъ изданія «Наблюдателя». Общественнофилантропическая дъятельность А. П. по Петербургскому тюремному комитету началась одновременно со службою въ Маринскомъ институть, когда онъ, въ званіи директора комитета, быль приглашень, въ 1872 г., къ завъдыванію

шью что учрежденнымь «Пріютомъ арестантскихъ дѣтей мужского пола». Въ танизованномъ затѣмъ «попечительствѣ надъ пріютомъ» А. П. исполняль обянности предсѣдателя. Около 15-ти лѣтъ посвятиль онъ организаціи и увеличенію теріальныхъ средствъ пріюта и вмѣстѣ съ членомъ попечительства А. С. Стинскимъ (нынѣ товарищъ министра внутреннихъ дѣтъ) выработаль уставъ пріюта, по образцу котораго въ настоящее время они существуютъ уже всѣхъ многолюдныхъ губернскихъ городахъ. Радѣя о снабженіи пріюта маніріальными средствами, А. П. выхлопоталъ ему ежегодную субсидію отъ голь да въ 600 рублей, столько же — отъ бывшаго высочайше учрежденнаго почительства надъ исправительною тюрьмою, и собраль нѣсколько десятковъ почечительства надъ исправительною тюрьшою, а въ 1881—1882 гг. предсѣдательствоваль въ этомъ попечительствѣ. Получить орденъ въ владиміра 4-й степени, въ 1887 г.

Диспутъ М. А. Дьяконова. 23-го января въ актовомъ залъ с.-Петербургзаго университета состоялась защита диссертации и. д. ординарнаго професра Юрьевскаго университета М. Дьяконова на степень доктора государствентаго права, подъ заглавіемь: «Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Мок новскомъ государствъ (XVI—XVII въковъ)». М. Дьяконовъ родился въ Екатеинбургъ въ 1855 году, кончилъ курсъ пермской гимназіи, въ 1880 году курсъ етербургскаго университета. Въ 1889 году защитилъ магистерскую диссердію и назначень быль читать лекціи вь Юрьевскомь университеть. Кром'в редставленнаго теперь сочиненія, написаль много другихъ по тому же вопросу усскаго государственнаго права, какъ, напримъръ: «Кто быль первый великій нязь всея Руси», «Собраніе актовь о тягломь населеніи Московской губерли», и много другихъ. Во вступительной ръчи диспутанть указаль, что натоящій его трудъ не является вполит систематическимъ, законченнымъ труомь, что цельную исторію крестьянства Россіи одному человеку написать неіыслимо, и что такая исторія можеть создаться только изъ отдёльныхъ трудовь гь многіе годы многихъ лицъ; изученіе матеріала по этому вопросу en masse темыслимо, и усивкъ обусловливается доскональнымъ постепеннымъ разборомъ угдъльныхъ вопросовъ. Многолътнее изучение сырого материала въ московскихъ чрхивахъ привело М. Дьяконова къ выводамъ, на которые въ литературъ были голько слабые неувъренные намеки. Онъ указаль на то, что постановленія судебниковь объ условіяхъ крестьянскаго перехода не исчерпывають всьхъ вызаботанныхъ практикою нормъ о крестьянскомъ выходъ; вы половинъ XVI въка выясняется обычное правило о невыходъ тяглыхъ людей съ посадовъ и уъзчовь; изъ этого правила допущено исключене замыны себя новыми жильцами. 'Почти одновременно право выхода теряють и крестьяне старожильцы, отличительнымъ признакомъ которыхъ является нъкоторая давность поселенія, зарегистрованная въ писцовыхъ книгахъ и другихъ офиціальныхъ документахъ. Наиболъе въроятною причиной ихъ прикръпленія является крестьянская задолженность. Бобыли въ XVI въкъ имъли только усадебную осъдлость, собственной запашки у нихъ не было, и они не включались въ разрядъ тяглыхъ людей. Возрастаніе числа бобылей среди сельскаго населенія во второй половинѣ XVI выка и во время смуты побудило правительство въ 1620 — 1630 годовъ включить ихъ въ тяглое, и ввести новую окладную единицу. Офиціальными опонентами выступили профессоръ Ивановскій и привать-доцентъ Гессенъ. Замѣчанія объихъ опонентовъ касались метода, избраннаго авторомъ, говорили о томъ, что книга его слишкомъ спеціальна, что онъ, будучи юристомъ, главное вниманіе обратилъ не на правовыя нормы древней Руси, а на быть, были указаны нѣкоторыя неточности, допущенныя г. Дьяконовымъ, и т. д. Наиболѣе вѣскими и убѣдительными были частныя возраженія профессора Ивановскаго по поводу толкованія ст. 88 и 91 Судебника. Послѣ защиты диспутантъ быль признань достойнымъ искомой степени доктора исторіи русскаго права.

Диспуть М. Г. Попруженко. 12-го декабря, въ Харьковскомъ университътъ, состоялся диспуть привать-доцента Новороссійскаго университета магистра М. Г. Попруженко, представившаго для полученія степени доктора славянской филологіи сочиненіе подъ заглавіемъ: «Синодикъ царя Бориса». Curriculum vitae диспутанта было прочитано секретаремъ факультета профессоромъ II. В. Нетупиломъ. М. Г. Попруженко родился въ Одессь въ 1866 году, кончиль курсь наукъ въ Новороссійскомъ университеть, гдь и получиль въ 1894 году степень магистра; кромъ магистерской и вышеназванной диссертаціи, имъ написанъ рядъ научныхъ трудовъ. Диспутантъ произнесъ рѣчь, въ которой отивтиль главныя положенія своего труда, а также указаль на ть методы, которымъ онъ следоваль при изучении избраннаго имъ памятника, весьма важнаго и цъннаго для культурной исторіи Болгаріи XIII—XIV въковь. Офиціальными оппонентами по назначению факультета были профессоръ М. О. Дриновъ, Н. О. Сумповъ и Б. М. Ляпуновъ. Кромъ того, не офиціальными оппонетами выступиля профессоръ А. С. Лебедевъ и священникъ о. Филевскій. Сдълавъ возраженія на разныя частности труда, всё они признали, что, въ общемъ, онъ имбетъ значеніе, какъ поматеріалу, такъ и по его разбору, и что спеціалисты будуть за него благодарны автору. Факультеть единогласно призналь г. Попруженко достойнымъ степени доктора славянской филологіи.

Къ XII Археологическому събзду. І. 4-го января, въ домъ археологическаго общества въ Москвъ происходило первое засъдане предварительнаго комитета по устройству въ Харьковъ, въ 1902 году, XII археологическаго събзда. Засъдане было открыто графиней Уваровой, доложившей отношение министра народнаго просвъщенія, разръшающее московскому археологическому обществу собрать предварительный комитетъ XII събзда въ Москвъ 4 — 8-го января 1900 года. Затъмъ былъ доложенъ и провъренъ списокъ назначенныхъ разными учрежденіями и обществами и прибывшихъ въ Москву депутатовъ. Ихъ оказалось оченъ много, особенно изъ Харькова, а также изъ Одессы, Казани, Петербурга и т. д., и зала была совершенно полна. Собране раг ассіапато избрало предсъдателемъ комитета графино Уварову, секретаремъ В. К. Трутовскаго. Ръшено ходатайствовать о назначеніи събзда съ 15-го по 25-е августа 1902 года. Събздъ раздъляется на девять отдъленій: 1) древности первобытныя; 2) древности историко-географическія и этнографическія; 3) памятники искусствъ и художествъ; нумизматика и сфрагистика; 4) бытъ домашній, хо-

зяйственный, общественный, юридическій и военный; 5) древности церковныя; 6) памятники языка и письма; 7) древности классическія, византійскія, западно-европейскія и восточныя; 8) древности славянскія; 9) памятники археографическіе. При събадъ имъють быть устроены выставки археологическая и этнографическая; на последней имется въ виду представить народную бытовую обстановку населенія Харьковской и сосъднихъ губерній. Въ случать прітада иностранныхъ ученыхъ могуть быть устроены на събздъ особыя засъданія съ рефератами на французскомъ и нъмецкомъ языкахъ и на славянскихъ наръчіяхъ. Затъмъ было заявлено о различныхъ вопросахъ и запросахъ по археологіи, предлагаемыхъ для съвзда какъ присутствующими членами, такъ и присланныхъ въ археологическое общество. По многимъ вопросамъ изъявлена была готовность представить рефераты для съвзда. Большая часть заявленных рефератовъ и вопросовъ касается древностей Слободской Украины и Донской области, также Южной Россіи вообще и, наконецъ, различныхъ намятниковъ древности, не только русскихъ, но и иностранныхъ. И. 5-го января, въ домъ графини II. С. Уваровой происходило второе засъдание комитета. Многими членами были внесены въ программу събзда вопросы (съ готовностью представить рефераты) и запросы (въ цъляхъ полученія отвътовь оть другихъ спеціалистовь) по различнымь категоріямь древностей лівобережной Украйны, Донской области и примыкающихъ къ нимъ мъстностей, а также и вообще по археологіи Россіи. Профессоръ Харьковскаго университета Д. М. Багальй намьтиль планъ подготовительныхъ къ съвзду работъ. Для организаціи ихъ имбеть быть образовано въ Харьковъ, при университетъ, мъстное отдъление подготовительнаго комитета, въ который войдуть вст профессоры историко-филологическаго факультета Харьковскаго университета, представители всъхъ другихъ факультетовъ, нъкоторые члены мъстнаго историко-филологическаго общества и другія лица изъ мъстныхъ дъятелей. Районъ предварительныхъ изысканій должень обнять губерній между Дивиромь и Дономь, т. е. Харьковскую, Курскую, Воронежскую, Черниговскую, Полтавскую, Екатеринославскую, съверную часть Таврической, а также Донскую и Кубанскую области. Въ этомъ районъ предполагается собрать предметы, способные иллюстрировать доисторическую и историческую старину района, а также этнографические предметы, являющиеся пережитками болье или менье огдаленной старины. Въ частности имъется въ виду составить археологическія карты Харьковской и сосъднихъ губерній, собрать доисторическия древности (на съездъ имъеть быть доставлена, между прочимъ, большая археологическая коллекція покойнаго Поля, изъ Екатеринослава), предметы стариннаго быта (Слободской Украйны, Запорожья, Кубанскаго войска, Донской области), портреты, рукописи и т. д., отчасти путемъ сношеній съ разными учрежденіями и лицами, отчасти путемъ экспедицій-для расконки кургановъ и городищъ, осмотра извъстныхъ мъстностей, ознакомленія съ частными музеями, съ архивами и т. д. Между прочимъ намъчены систематаческое изследование кургановъ съ стоящими на нихъ каменными бабами и составленіе фотографическаго альбома этихъ древнихъ изваяній, изследованіе городищъ Донецкаго бассейна и опредъление границъ древней славано-русской территоріи, выясненіе нъкоторых вопросовъ исторической географіи, этнографіи и т. д. Работы должны начаться еще нынъшнимъ лѣтомъ и продолжаться лѣтомъ 1901 года. Есть основаніе надѣяться, что цѣлямъ съѣзда будеть оказано возможное содѣйствіе городомъ, земствомъ и университетомъ.

Московское историческое общество. Въ послъднихъ числахъ января въ актовой заль университета состоялось публичное засъдание историческаго общества, посвященное памяти покойнаго профессора всеобщей исторіи М. С. Коредина. Засъдание было открыто вступительнымъ словомъ предсъдателя общества, проф. В. И. Герье. Указавъ на цъль открываемаго собранія, онъ сдълаль краткій очеркъ научной діятельности и нравственной личности покойнаго историка. Вследъ затемъ Н. И. Кареввь выступиль съ речью о трудать М. С. Корелина по гуманизму. Самъ истинный гуманисть въ душъ, М. С. живо увлекался лучшими стремленіями итальянских в гуманистовь, придаваль большое значение ихъ индивидуальной дъятельности на защиту свободы мысли и личности, что не мъщало ему съ большимъ углубленіемъ въ изучаемую эноху отметить и ея отрицательныя стороны и дать въ своемъ общирномъ трудъ о гуманизмъ классическое сочинение для ознакомления съ этимъ выдающимся по своему значенію культурнымъ движеніемъ. М. С. видъль вь гуманистахъ предшественниковъ современной интеллигенціи, которая однако выработала себъ два новыхъ начала: служенія народу и признанія прогресса культуры. Посль небольшого перерыва М. А. Иванцовъ сообщиль о курсахъ М. С. Корелина, читанныхъ имъ въ университетъ и касавшихся исторіи Востока, Римской имиеріи, эпохи Возрожденія и исторіи искусства. Снова послъ перерыва слъдовали воспоминанія о М. С. Корелин'в представителей ученых в обществъ, учебных в заведеній и редакцій органовъ печати, въ которыхъ покойный состояль членомъ, преподавателемъ или сотрудникомъ. Отъ московскаго археологическаго общества говориль проф. Д. Н. Анучинь, оть общества любителей россійской словесности — И. И. Ивановъ, отъ психологическаго общества—профессоръ Л. Н. Лопатинъ. Профессоръ В. О. Ключевскій помянуль дъятельность М. С. Корелина, какъ преподавателя на высшихъ женскихъ курсахъ. Далъе слъдовали воспоминанія о дівятельности покойнаго профессора въ Лазаревскомъ институтъ, 3-й женской гимназін, консерваторін и объ его сотрудничествъ въ «Русской Мысли» (говориль В. А. Гольцевъ) и въ «Дътскомъ Чтеніи» (Д. И. Тихомировъ).

Археологическое общество въ С.-Петербургъ. 21-го января состоялось засъданіе русскаго отдъленія подъ предсъдательствомъ проф. С. Ф. Платонова. Проф. Н. И. Веселовскій затронулъ весьма интересующій археологовъ вопросъ «о крашенныхъ костякахъ». Находимые въ курганахъ костяки бываютъ очень часто окрашены въ бурый, красный, розовый и бълый цвъта. Различіе цвъта окраски обусловливаетъ различіе находимыхъ при костякъ предметовъ. Наиболъе богатая погребальная обстановка при красныхъ костякахъ, наиболъе бъдная при бурыхъ. Теоретическія соображенія и одно удачное археологическое изслъдованіе кургана нынъшней осенью, о которомъ подробно и сообщилъ референтъ, привели его къ убъжденію въ томъ, что окраска костяка есть культъ бронзоваго въка. Проф. С. Ф. Платоновъ сдълалъ сообщеніе «о нъкоторыхъ рукописяхъ лътописнаго характера». Изъ числа произведенныхъ имъ наблю-

деній надъ рукописями сдівлано одно весьма важное открытіе: одинъ изъ листовъ «Степенной книги Хрущова», на основаніи которой Карамзинъ ввелъ въ свою «Исторію Государства Россійскаго» и річь Іоанна Грознаго, вшить очевидно на місті вырванной изъ книги страницы. Кромі того, одна изъ рукописей XVII віка типографской библіотеки въ Москві устанавливаетъ нензвістный до настоящаго времени историческій факть о присягі новорожденному сыну Іоанна Грознаго, къ которой приводили народъ. Въ конці засіданія избраны секретаремъ отділенія С. М. Середонинъ и членомъ совіта Н. Д. Чечулинъ.

Археологическій институть. 27-го января на общемъ собраніи членовъ и слушателей В. Л. Богдановскимъ прочитанъ былъ рефератъ: «Нѣкоторыя мысли объ археологіи вообще и о доисторической въ частности». Въ первой части реферата, послѣ краткаго обзора образованія отдѣльныхъ наукъ о древности, изъ которыхъ сложилась современная археологія, и краткаго изложенія и разбора мнѣній Сахарова, Забѣлина, графа Уварова и профессора Брикнера о предметахъ и задачахъ археологіи, были изложены собственныя сужденія референта, опредѣлившаго археологію, какъ науку, изучающую всѣ стороны древняго быта или бытовыя состоянія, не только по всѣмъ вообще свидѣтельствующимъ о нихъ памятникамъ, но и въ неразрывной связи съ этими памятниками. Во второй части референтомъ былъ сдѣланъ опытъ опредѣленія понятія и объема доисторической археологіи, съ критикою мнѣній о преувеличенномъ значеніи теоріи эволюціи для разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ доисторической археологіи.

Общество любителей древней инсьменности. 7-го января, подъ предсъдательствомъ Д. Ө. Кобеко, состоялось общее собраніе. Первое сообщеніе было сдълано В. Н. Перетцомъ. Докладчикъ остановился на двухъ пьесахъ стариннаго русскаго театра. Одна изъ нихъ — шутовская комедія, повидимому переводная (рукопись Московскаго Публичнаго музея, половины XVIII въка). Объ оригиналь трудно судить, но, въроятно, это была балаганная пьеса, напоминающая Мольеровскія интерлюдіи къ «Мнимому больному». Опредъленнаго сюжета комедія не имбеть, а представляеть рядь отдільных сцень, въ которых выступають любимые герон — типы шутовской комедіи итальянской, а позже французской. Вторая пьеса (рукопись изъ собранія графа Уварова; написана до 1716 года), разсмотрънная докладчикомъ, — «Комедія о царъ Давыдъ и Соломонъ», отчасти извъстна по выдержкамъ, напечатаннымъ Пекарскимъ. Затъмъ И. А. Шлянкинъ сообщилъ рядъ замътокъ по древней письменности, вызванныхъ рукописями, съ которыми ему пришлось ознакомиться во время путешествія по стверной Россіи. 21-го января состоялось общее собраніе, подъ предсъдательствомъ Д. О. Кобеко. В. В. Майковымъ было прочитано присланное М. Н. Сперанскимъ сообщение о «Лопаточникъ», — памятникъ, который до сихъ порь быль известень только по упоминанию о немь въ индексе книгь истинныхъ и ложныхъ и отожествлялся обыкновенно съ «Трепетникомъ». Референту удалось найти вь бълорусской рукописи Виленской публичной библютеки тексть, вполить имъющий право, въ силу содержания, носить название «Лопаточника». Изследование этого текста привело къ следующимъ выводамъ: «Лопаточникъ»---

апокрифическая книжка, содержащая гаданіе по черточкать, пятнытикать п цвёту лопатки овцы (или иного животного), въ славяно-русской письменности должна быть считаема памятникомъ XIV—XV вёка, переведеннымъ вёроятнёе всего въ Болгаріи съ греческаго, до сихъ поръ не разысканнаго текста. Выражаеть же «Лопаточникъ» собой тоть видъ гаданія, который стоитъ въ связи съ жертвеннымъ гаданіемъ и гаданіемъ по черточкамъ и точкамъ. Гаданіе это особенно распространено на Востокъ, откуда въ весьма древнее время могло распространиться на Западъ и въ Византіи, черезъ нее у юго-славянть, а оть нихъ у насъ.

Общество любителей россійской словесности. 26-го января въ залъ правленія университета, подъ предсъдательствомъ профессора Н. ІІ. Стороженко, состоялось засъданіе общества. Произведенной баллотировкой избраны: въ почетные члена общества—писательница М. А. Марковичъ (Марко-Вовчокъ) и въ дъйствительные члены—В. П. Авенаріусъ. Собраніемъ постановлено послать въ библіотеку высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургъ всъ изданія общества. Затъмъ ръшено устроить въ историческомъ музеть въ мартъ мъсяцъ литературно-музыкальный вечеръ, посвященный памяти почетныхъ членовъ общества — поэта Я. П. Полонскаго и романиста Д. В. Григоровича. Въ силу состоявшагося въ прошломъ году постановленія, по поводу 100-лътія со дня рожденія А. С. Пушкина, при обществъ учреждается новое «Пушкинское отдъленіе». Выборы членовъ этого отдъленія будутъ произведены въ слъдующемъ очередномъ засъданіи общества въ февралъ.

Въ Библіологическомъ обществъ: Въ субботу, 29-го января, въ помъщеніи Археологическаго института, состоялось, съ донущеніемъ постороннихълицъ, годовое и 1-ое въ текущемъ году очередное общія собранія русскаго библіологическаго общества. Предсъдательствоваль въ годовомъ собраніи А. І. Маленнъ. По прочтеніи и утвержденіи отчета, собраніе приступило къ выборамъ на мъсто выбывающей трети совъта; секретаремъ общества избранъ былъ А. І. Мальмгренъ, а членами совъта Н. М. Лисовскій и Б. Л. Модзалевскій. Послъ этого прочитаны были два доклада, посвященныхъ Д. В. Григоровичу. А. К. Бороздинымъ и А. Л. Липовскимъ. Докладъ перваго изъ нихъ напечатанъ въ «Историческомъ Въстникъ» (февраль с. г., стр. 686—703). Второй докладчикъ отнесся къ дъятельности Д. В. Григоровича съ существенно иной точки зрънія.

Отмътивъ равнодушіе, съ которымъ общество отнеслось къ смерти этого писателя, г. Липовскій попытался дать объясненіе этому факту въ сочиненіяхъ самого Григоровича. Остановившись на внѣшней сторонѣ, на формѣ этихъ сочиненій онъ указаль на то, что Григоровичъ не былъ крупнымъ художникомъ слова, употреблялъ вычурные и неправильные обороты, давалъ слишкомъ внѣшнія, протокольныя описанія. Содержаніе не выкупало недостатковъ формы. Г. Липовскій прежде всего отмѣтилъ ошибочность репутаціи Григоровича, какъ борца противъ крѣпостного права. Его знаменитый «Антонъ Геремыка» не протестуеть, по мнѣнію докладчика, противъ крѣпостного права. Онъ несчастенъ, потому что противъ него цѣлый рядъ неблагопріятныхъ обстоятъльствъи, главное, потому что новый управляющій оказался плохимъ. Раньше упра-

вляющій быль хорошъ, и Горемыкъ жилось недурно, несмотря на кръпостное право. Въ подтверждении своего взгляда г. Липовский привелъ рядъ выдержекъ, доказывавшихъ оптимистическое настроение Григоровича въ этомъ отношении. Освобожденіе крестьянъ осуществило все, чего могь желать Григоровичь, и потому-то съ шестидесятыхъ годовъ онъ совершенно замолкъ, а общество его забыло. Въ заключение своего доклада г. Липовский отмътиль сентиментализмъ Григоровича и недостатокъ у него психологическаго анализа. Преній по поводу обоихъ, діаметрально противоположныхъ оцінокъ діятельности покойнаго писателя не состоялось. На томъ же собраніи были единогласно избраны въ дъйствительные члены: А. И. Абрамовичъ, О. И. Булгаковъ, М. Я. Видліе, Ө. А. Витбергъ, П. А. Конскій, В. Н. Кораблевъ, Н. К. Кульманъ, И. А. Кубасовъ, А. Н. Неустроевъ, В. Н. Рогожинъ, И. Л. Родкевичъ, Н. П. Савваитовъ, С. А. Терновскій, К. Ө. Хартулари, Ө. Е. Шеляговскій, гр. П. С. Шереметевъ и А. Ө. Шидловскій. Въ члены-сотрудники были избраны А. А. Терновскій, Н. Г. Маллицкій, И. К. Антошевскій, П. А. Дилакторскій и Н. М. Тупиковъ. Въ заключеніе общее собраніе единогласно постановило избрать директора Археологическаго института Н. В. Покровскаго, за услуги, оказанныя обществу, въ почетные члены Русскаго библіологическаго общества.

Географическое общество. І. 11-го января состоялось соединенное засъданіе отділеній географіи математической и физической подъ предсідательствомъ профессора Мушкетова. Первая часть засъданія была посвящена памяти скончавшагося А. А. Тилло. И. В. Мушкетовъ въ немногихъ прочувствованныхъ словахъ указалъ на ту незамънимую утрату, которая понесена въ лицъ А. А. Тилло, какъ научномъ дъятель, человъкъ, товарищъ и върномъ слугъ географическаго общества, въ которомъ онъ былъ алементомъ, оживляющимъ не только по своимъ многочисленнымъ научнымъ трудамъ, но и по той энергіи и иниціативъ, благодаря коимъ организовалось много экспедицій, и по той охотъ помочь словомъ и дъломъ всякому, даже начинающему свою научную дъятельность. В. В. Витковскій очертиль А. А. Тилло, какъ научнаго дъятеля, указавъ на его важнъйшіе труды въ этомъ отношеніи, которыхъ всего насчитывается болье 100. Особенно замъчательны работы но нивелировкъ, которыя первыя установили связь нашихъ изследованій съ заграничными; его гипсометрическая карта Россіи—трудъ 15-ти лътъ-положила основаніе болъе точнымъ географическимъ знаніямъ Россіи; онъ указалъ, напримъръ, что появившіяся съ 1840-хъ годовъ во всёхъ нашихъ учебникахъ географіи гряды: Урало-Алтайская и Урало-Каспійская, не существують на самомъ дъль и взяты изъ нъмецкой географіи Рона (38 года); на карту А. А. Тилло нанесено 51.385 точекъ. Затъмъ засъдание приступило къ разсмотрънию текущихъ дълъ. Предсъдателемъ было указано, что, благодаря огромнымъ затратамъ въ нынъшнемъ году отдъленія на изданія — около 25.000 рублей, возможно организовать только самыя небольшія экспедицін, не требующія крупныхъ затрать. Такъ, ръшено принять предложенія о двухъ экспедиціяхъ для изслъдованія кавказскихъ ледниковъ-одна изъ нихъ г. Поггениоля (изследование Эльборуса). Затъмъ Ю. М. Шокальскимъ было указано на необходимость избранія комиссін для организацін правильнаго изследованія озеръ въ Россін. На-

стоящую комиссію рішено составить совмістно съ обществом рымя ства. Отъ географическаго общества въ нее вошли Ю. М. Шовавси (онь же представитель и международной), А. И. Воейковъ, В. Е. Тимия В. А. Обручевъ и А. Н. Звегинцевъ. По обсуждении текущихъ дъль, П. Г. Въ товымъ было сдълано сообщение объ изслъдовании озеръ Акмолинской объя Озеро Тенизъ имъетъ въ плину почти 80 версть (большого илеса) и въ шкът 28 версть, площадь его представляеть 1.475 километровь. По величин см оно является четвертымъ въ Европейской Россіи. На немъ нъсколько остража но нанесеннаго на карту въ 1840 г. острова, въ 17 вер., не существуеть: и не существовало; зимою оно замерзаеть почти все; вода горько-солевал в содержаніе солей не велико; микроскопическая фауна его очень богата; ду особенно у устьевъ ръки Кона много — утки, гуси, пеликаны, фламина, беди; берега низменны, заключають жельзную руду, гипсь, есть выходи 🗪 цита. Озеро Кургальджинъ соединяется съ Тенизомъ ръкою Нурой, имъеть р версть длины. По словамъ киргизовь и по наблюденіямъ, въ последне рег вода въ немъ замътно прибываетъ; это явленіе замъчательно, ноо оно 📭 исходить на протяжени 1.500 версть поперекъ всёхъ киргизскихъ стей Аральское море и озера омскія также остановились вы своей убыли в ста прибывать; въроятно, какъ думаеть докладчикъ, это явление времение В томъ же засъдании сдълано было сообщение В. П. Семеновымъ объ орография тральныхъ и черноземныхъ губерній Россіи. Орографія этой полосы любовым вслъдствіе отсутствін озеръ и сложности системы ръчной. ІІ.19-го января оста лось обыкновенное собраніе; засъданіе было открыто предсъдателем с II. II. Семеновымь небольшой характеристикой скончавшагося А. А. Тыт. какъ ревностнаго и незабвеннаго дъятеля географическаго общества. Зать были избраны въ дъйствительные члены общества слъдующія лица: С. 🕽 💆 кинъ, В. В. Власовъ В. В. Желватыхъ, К. В. Лаврентьевъ, Н. П. Пузырежд Н. Н. Располовъ, В. В. Сахаровъ, И. К. Надъинъ, М. С. Свержеевскій, П.Г. (** пановъ, О. А. Струве. Встъдъ засимъ дъйствительнымъ членомъ общества прф соромъ Юрьевскаго университета и директоромъ Юрьевскаго ботанически сада Н. И. Кузнецовымъ было сдълано сообщение о ботанико-географическизър слъдованіяхъ Кавказа, совершенныхъ по порученію географическаго общеть Н. И. Кузнецовъ утверждаетъ, что въ Колхидской или Понтійской области вершенно своеобразныя климатическія условія породили и совершенно (ве образную растительную природу, являющую изъ себя древнюю форму фирмдеривацію третичной эпохи; флора остальной части Кавказа связана съ 🏞 рой Понтійской; флора Съвернаго Кавказа есть постепенное изм'яненіе 💵 sub-троиическихъ типовъ. Затъмъ изслъдователями Липскимъ и Акивфемп въ Западномъ Кавказъ были открыты два такихътипа растеній (Dioscona саг casica Zepsky и Medvedica), которые не встръчаются въ поясахъ умърения III. 26-го января состоялось подъ предсъдательствомъ II. II. Семенова годъч собраніе. Секретаремъ общества А. В. Григорьевымъ прочитанъ быль откл за 1899 г.; первая часть отчета посвящена намяти и біографіямъ скичь вшихся за истекцій годъ почетныхъ и дъйствительныхъ членовъ обществ Къ 1900 г. въ обществъ состояло въ числъ членовъ общества: августышть

особъ 20, почетныхъ 17, иностранцевъ 5, членовъ-соревнователей 25, дъйствительных в членовь 875, членовь-корреспондентовъ 184. Изъ важивищих в научныхъ изследованій наиболее важными являются: экспедиція центрально-азіатская, порученная гг. Козлову и Казнакову, и корейско-сахалинская, предпринятая II. Ю. Шмитомъ. Всего капитала за текупий голь у общества было 123.800 рублей; издержано — 85.914 рублей. Его Императорскимъ Величествомъ было милостиво отпущено обществу 45 тысячъ на снаряжение центрально-азіатской экспедиціи. Въ засёданіи избраны въ почетные члены начальникъ военно-топографическаго отдела главнаго штаба генераль-лейтенантъ О. Э. Штубендорфъ; въ дъйствительные члены: А. Н. Арсеньевъ, Я. Е. Жуковскій, А. А. Икскуль-фонъ-Гильденбандть, баронь В. А. Каульбарсь, Л. И. Свиридовъ, С. С. Смитъ, П. В. Шусевъ. За труды на пользу географической науки присуждены за 1899 годъ следующія награды: Константиновская медаль (очередь присужденія была за отдъленіемъ этнографіи) — А. М. Позднъеву за сочиненіе «Монголія и монголы» и прочіе труды его по изученію сопредъльной съ Россіей Монголіи, Медаль имени гр. О. П. Литке—Л. К. Артамонову за его географическія работы на Кавказь, Персін, въ Средней Азіи и Абиссиніи. Медаль имени Д. П. Семенова—д-ру Э. В. Бретшнейдеру за общирный трудъ «History of European Botanical Discoveries in China» и совокупность его работь по изученію Китая. Большая золотая медаль—за труды по этнографіи ІІ. Я. Марру за трудъ «Сборникъ притчъ Вардана. Матеріалы для исторіи средневъковой армянской литературы». Медаль имени Н.М. Пржевальскаго--Э. Э. Анерту за трудъ по геологіи Манчжуріи. Малыя золотыя медалипо представленію отділенія географіи математической и физической: 1) членусотруднику Р. Н. Савельеву — за труды по метеорологіи; 2) дъйствительному члену Н. Н. Лелякину — за труды по астрономическому опредъленію мъсть съемки общирнаго маршрута и опредъленія трекъ элементовъ земного магнетизма во многихъ мъстахъ по берегамъ Охотскаго моря; по представлению отдъленія этнографіи В. И. Іохельсону—за сообщеніе о бродячих в родах в тундры между Индигиркой и Колымой. Серебряная медаль имени II. II. Семенова: М. А. Лялиной за работы по популяризаціи географических трудовь русских в путешественниковь. Малыя серебряныя медали: дъйствительному члену А. К. Булатовичу—за сообщение о путешествии на озеро Рудольфа, П. Г. Игнатову—за сообщеніе объ озерахъ Акмолинской области, К. П. Мордовину—за участіе въ наблюденіяхъ и вычисленіяхъ качанія маятника въ Югорскомъ Шаръ, 1) В. Г. Богорацу, 2) Г. В. Ильинскому, 3) Панаюту-Двиновскому, 4) Скурлатову, 5) Вильчинскому, 6) Е. Э. Линевой—за сообщение пъсенъ, собранныхъ при посредствъ фонографа. Отъ совъта члену сотр. А. В. Оомину за ботанико-географ. изследованія Закавказских в степей. Брюнзовыя медали: 1) фельдшеру Лукьянову; 2) бухарскому чиновнику Сендъ-Дживачи; 4) студентамъ кіевскаго полутехникума Кожевникову и Малеванскому и 4) членусотруднику Савельеву.

Кіевское церковно-археологическое общество въ 1899 году. Церковноархеологическое общество при Кіевской духовной академіи въ отчетномъ году вступило въ 28-й годъ своего существованія. Членовъ почетныхъ, дъйстви-

«нотор. въстн.», марть, 1900 г., т. LXXIX.

тельныхъ и членовъ-корреспондентовъ въ немъ насчитывается теперь па 180. Въ 1899 году въ состоящій при обществъ музей поступило отъ 🤒 га жденій и лицъ до 635 №№ предметовъ и книгъ, которые, вытьсть съ вепленіями прежнихъ леть, составять цифру до 30.197 №М. Изъ этихъ вст пленій наибольшій м'єстный археологическій интересь им'єють памятники у ковной архитектуры, живописи, скульптуры и перковной утвари. найжа въ самомъ Кіевъ. Изъ Кіево-Печерской лавры доставлены найденные, выс съ монетами, подъ поломъ на хорахъ великой лаврской церкви, такъ на ваемые «голосники» и глиняныя и ценинныя плитки, указывающія на със постройки и украшенія великой лаврской церкви въ концъ XI въка. Къ че наружных украшеній этой церкви относится также изображеніе креста кускъ штукатурки надъ однимъ изъ алтарныхъ оконъ ея, а складной эки рованный кресть изъ Троицкой перкви надъ св. вратами лавры. XII въ представляеть собою единственное вы своемы родь произведение древых скаго искусства, выполненное выемчатою разнопретною эмалью по угланіямъ штампованнаго орнамента. Нъкоторые бронзовые обложки изъ Къ Михайловскаго монастыря указывають на древнюю церковную утварь п можеть быть, на паникадила и подсвъчники, и позднъйшая шапка или ил изъ этого монастыря, первой половины XVII в., могла принадлежать ре либо изъ тогдащнихъ митрополитовъ, жившихъ въ Михайловскомъ монасти или Іову Борецкому, или Исаіи Копинскому. Куски цениннаго пола и сокъ, найденные вблизи Кіево-Подольскаго Успенскаго собора, подтвержь древность этого храма, вмёстё сь темь свидетельствують и объ его первы чальномъ благольнномъ украшении. Къ дотатарскому періоду русской иста относятся поступившія въ музей находки: бронзоваго энколпіона съ вэф женіемъ Богородицы, въ Кіевъ, въ Десятинномъ переулкъ, на усальбъ Сто ревскихъ, и бронзоваго же энколпіона, въ Мажаровскомъ приходъ, Констал ноградскаго убада, Полтавской губерніи. Положительную ръдкость преми вляеть изъ себя змъевикъ свътло-зеленой арабской мъди, инкрустированы серебромъ, греческаго происхожденія и съ греческою надписью, въ воля читается имя Анастасіи, замівчательный вибств и по своей техникі. Ёз остальных вещей этого отдёла могуть быть упомянуты: серебряный оказна евангеліе XVI—XVII вв., съ Кавказа, отъ преосвященнаго Киріона, 🛎 скопа Алавердскаго, и желъзныя вериги изъ задивпровской Воскрессиги слободы. Къ болбе редкимъ монетамъ, поступившимъ въ музей, принадкамъ одна серебряная сассанидская и одна мъдная сицилійско-норманская XII в. Быт или менъе цъннымъ характеромъ отличается кладъ польско-литовскить изпадно-европейскихъ монетъ, относящійся ко времени отъ конца XV до конца XVII и найденный въ дер. Залисце, Луцкаго убзда. Изъ древнихъ памятниковъ вснаго и домашняго быта могуть быть отмечены: две глиняныя рукояты об сосудовь съ греческими штемпелями съ острова Родоса; бусы изъ композиц въ видъ раковинокъ, изъ берега Диъпровско-Бугскаго лимана, и особенно затые часы съ позолоченнымъ колпакомъ и гербомъ, по происхождение отвощимся къ обстоятельствамъ восшествія императрицы Елисаветы І на предкл въ 1741 году. Въ отделе рукописей интересны пять рукописных тепаж

покойнаго Н. П. Чернева съ рисунками разныхъ монетъ, а также двъ связки студенческихъ записей и конспектовъ студентовъ Кіевской духовной академіи XV курса (1847—1851 гг.). Послъднія представляютъ богатый матеріалъ для характеристики научной дъятельности Кіевской академіи того времени. Въ отдълъ гравюръ и иллюстрированныхъ изданій особенную научную цънность имъютъ 138 изданій изъ библіотеки покойнаго члена Н. П. Чернева по разнымъ отраслямъ археологіи и искусства. Въ 1899 г. было 9 засъданій общества, на которыхъ прочитаны были отчетъ общества и 15 рефератовъ. Нъкоторые изъ нихъ вошли въ составъ 2-го выпуска «Чтеній въ церковно-археологическомъ обществъ», изданнаго въ 1899 году съ 5-ю таблицами фототипическихъ снимковъ (17-ти монетъ и медалей лаврскаго клада). Кромъ того, въ 1899 году продолжала занятія комиссія изъ 5-ти членовъ по приведенію въ порядокъ и описанію стараго архива кіевской духовной консисторіи. Денежныя средства общества простираются нынъ до 9.305 рублей.

Изданія академін наукъ. Отдъленіе русскаго языка и словесности при императорской академіи наукъ предпринимаеть, какъ извъстно, систематическое изданіе произведеній нашей словесности, которое должно обнять сочиненія не только корифеевъ нашей литературы, но, по возможности, всъхъ писателей допетровской эпохи. Правильная разработка нашей словесности нуждается въ подобномъ критическомъ изданіи, задача котораго-удовлетворить разнообразнымъ требованіямъ нашего просвъщеннаго общества вообще и ученыхъ изследователей языка, быта и исторіи, въ частности. Вопросы, связанные съ планомъ предполагаемаго изданія, уже обсуждались въ засъданіяхъ отдъленія. Остановившись, между прочимъ, на сложной работъ, предстоящей издателямъ рукописныхъ произведеній древней словесности, отдъленіе ръшило теперь же приступить къ выполнению подготовительнаго труда, который долженъ въ значительной степени облегчить и обогатить предположенныя изданія. Воспользовавшись предположениемъ извъстнаго знатока нашей древней словесности, профессора с.-петербургской духовной академіи Н. К. Никольскаго--помъстить въ изданіяхъ академіи систематическое изслъдованіе всъхъ списковь русскихъ сочиненій XI въка, отдъленіе просило его расширить задачу и привлечь къ изследованию произведения и следующихъ вековъ до XIV века включительно. Н. К. Никольскій въ настоящее время уже закончиль работу по всемь печатнымь описаніямь рукописей, но, имен вы виду, что большая часть рукописныхъ собраній еще не описана, рішиль осмотрівть и изучить всів доступныя книгохранилища Петербурга, Москвы, Кіева и др. городовъ. По окончаніи, хотя бы и вчернъ, работы Никольскаго, отдъленіе приступить къ изданію писателей древнъйшихъ. Одновременно начнутся работы и по изданію писателей XVIII въка; такъ, въ одномъ изъ послъднихъ своихъ засъданій отдъление одобрило предложение академика А. Н. Пышина — предпринять изданія сочиненій императрицы Екатерины II. Въ виду того, что изданный академіей наукъ первый томъ сочиненій Пушкина быстро разошелся еще осенью прошлаго года, академія одновременно съ изданіемъ второго тома рішила выпустить предпринятое уже второе изданіе перваго тома, примъчанія котораго будуть пополнены на основаніи нікоторых в новых данных собранных в

Digitized by Google

академикомъ Л. Н. Майковымъ. Въ одномъ изъ изданій академін наукъ въ близкомъ будущемъ [появится обширный трудъ, посвященный изслъдованію переводовъ Пушкина у южныхъ славянъ. Авторъ этого труда—извъстный слависть, издатель журнала «Archiv für Slavische Philologie» академикъ И. В. Ягичъ.

Сохраненіе памятниковъ древности. Въ декабрѣ прошлаго года попечителемъ Виленскаго учебнаго округа быль разосланъ директорамъ народныхъ училищъ циркуляръ, въ которомъ онъ проситъ послѣднихъ, по мѣрѣ возможности, заняться какъ собираніемъ, такъ и охраненіемъ важныхъ древнихъ вещественныхъ памятниковъ, особенно письменныхъ, которые такъ часто попадаются въ общирной области губерній, входящихъ въ составъ Виленскаго учебнаго округа, прошлое которыхъ имѣетъ большой научный интересъ. Кромѣ того, попечитель проситъ доводить до свѣдѣнія учебнаго округа обо всѣхъ изъвъстныхъ или вновь найденныхъ древнихъ памятникахъ, съ помѣщеніемъ въ этихъ сообщеніяхъ возможно полнаго описанія каждаго памятника и соображеній о способахъ его сохраненія или доставленія въ какое либо изъ русскихъ древлехранилищъ.

Вечеръ въ намять Т. Н. Филиннова. 18 января въ народномъ домъ Богородицкаго понечительства въ Перми состоялся вечеръ, посвященный памяти Т. И. Филиппова, замъчательный не только тъмъ, что Пермь первая помянула Т. И. Филиппова, какъ собирателя народныхъ пъсенъ, но и тъмъ, что вечеръ быль «народный». Послъ краткой біографіи Т. И. Филиппова народнымъ хоромъ былъ исполненъ духовный стихъ «Да помянетъ Господь», записанный Т. И. Филипповымъ. Затъмъ, слъдовало чтеніе всеподданнъйшей записки Т. И. Филиппова «О русской народной пъснъ» и народный гимнъ. Второе отдълене открылось чтеніемъ всеподданнъйшей записки Т. И. Филиппова «О планъ гармонизаціи народныхъ пъсенъ, собранныхъ пъсенною комиссіей», затъмъ слъдовала народная пъснь «Степь Моздоцкая», записанная Т. И. Филипповымъ, чтеніе «Предисловія» Т. И. Филиппова къ 40 собраннымъ имъ народнымъ пъснямъ и народныя пъсни «Что вились-то мои русы кудри» и «Ты взойди, солице красное», записанныя имъ и положенныя на народный ладъ для хора Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ. Наконецъ, третье отдъление открылось чтениемъ «Письма» композитора С. М. Ляпунова къ профессору исторіи музыки въ парижской консерваторіи Бурго-Дюкудра и отвъта послъдняго Ляпунову и было закончено исполнениемъ записанныхъ Т. И. Филипповымъ народныхъ пъсенъ «Взойди ты солице, не низко, высоко», «Я вечеръ млада» и «У воротъ, воротъ батюшкиныхъ», положенныхъ на голоса Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ и М. П. Мусоргскимъ.

Digitized by Google

НЕКРОЛОГИ

нучинъ, д. г. 17-го января скончался въ С.-Петербургъ отъ разрыва сердца генералъ-отъ-инфантеріи, первоприсутствующій департамента герольдіи правительствующаго сената, Дмитрій Гавриловичъ Анучинъ. Покойный происходилъ изъ дворянъ Тамбовской губерніи, родился 9-го апръля 1833 года, воспитывался въ Тамбовскомъ и Павловскомъ кадетскихъ корпусахъ и въ академіи генеральнаго штаба, службу началъ въ лейбъ-гвардіи Егерскомъ полку. Причисленный въ 1855 году къ генеральному штабу, онъ

состояль въ Кавказскомъ корпусъ и затъмъ при графъ Бергъ, въ Варшавъ, гдъ послъдніе два года управлялъ департаментомъ полиціи исправительнаго управленія генералъ-полицеймейстера. Въ 1865 году, былъ назначенъ радомскимъ губернаторомъ, а въ 1879 году, по возвращеніи изъ русско-турецкой кампаніи, гдъ былъ помощникомъ завъдующаго и затъмъ завъдующимъ гражданскими дълами въ Болгаріи, — генералъ-губернаторомъ восточной Сибири и командующимъ войсками. Сенаторомъ Д. Г. Анучинъ состоялъ съ 1885 года.

Какъ писателю, Д. Г. Анучину принадлежить, во-первыхъ, цълый рядъ цънныхъ историческихъ изслъдованій по исторіи Пугачевщины и Кавказскихъ войнъ, печатавшихся въ «Современникъ», «Русскомъ Въстникъ», «Военномъ Сборникъ» и др. Изслъдованія эти основаны попреимуществу на изученіи архивныхъ матеріаловъ и весьма интересны по своему изложенію; изъ нихъ назовемъ: «Происшествія на Яикъ въ 1772 году», «Первые успъхи Пугачева и экспедиція Кара», «Дъйствія Бибикова въ Пугачевщину», «Участіе Суворова въ усмиреніи Пугачевщины и поимка Пугачева», «Второе появленіе Пугачева и разореніе Рязани», «Графъ Панинъ, усмиритель Пугачевщины», «Кавказскія войны», «Защита укръпленія Ахты и Самурскаго округа въ сентябръ

1848 года», «Походъ въ Дарго въ 1846 году» (этотъ трудъ, составленный на основаніи архивныхъ и частныхъ матеріаловъ, долгое время служилъ едга ли не единственнымъ источникомъ дляданнаго періода кавказской войны), «Очеркъ горскихъ народовъ праваго крыла кавказской линіи», «О началахъ инженернаго искусства у кавказскихъ горцевъ» и др. Затъмъ покойнымъ изданы слъдующіе крупные историко-статистическіе труды: «Очерки экономическаго положенія крестьянъ въ губерніяхъ царства Польскаго», напечатанные по высочайшему повельнію и освященные авторомъ императору Александру Николаевичу, и «Сборникъ главнъйшихъ офиціальныхъ документовъ по управленію Восточной Сибирью», заключающій въ 8-ми томахъ почти всъ свъдънія касательно Камчатки, Приамурья, Командорскихъ острововъ, преобразованія общественнаго управленія государственныхъ крестьянъ Восточной Сибири, вопроса о переселеніяхъ, горной и соляной промышленности и т. п.

Кром' того, покойный оставиль и чисто картографическую работу: «Карту сообщеній Европейской Россіи» (1859 г.) съ объяснительнымъ текстомъ, печатавшуюся потомь въ теченіе 20 лъть въ «Памятной книжкъ Главнаго Штаба». Наконецъ, ему принадлежитъ общирный рядъ болве мелкихъ статей. Такъ въ «Голосъ», «Русскомъ Инвалидъ» за 1863 — 1865 года онъ помъстиль около 200 корреспонденцій изъ Варшавы о нашихъ военныхъ дъйствіяхъ по усмиренію польскаго мятежа, и въ «Военномъ Сборникъ» любопытный очеркъ изъ того же времени, подъ заглавіемъ: «Двадцать дней въ лісу». Въ «Инженерномъ Журналъ» за 1858 годъ и отдъльно имъ напечатана любопытная по новизнъ матеріала статья: «Перевозка войскъ по желъзнымъ дорогамъ»; тамъ же: «О военныхъ желъзныхъ дорогахъ въ Россіи»; наконецъ, въ «Русской Старинъ» имъ помъщено много любопытныхъ статей, напримъръ, общирная бюграфія графа О. О. Берга: «Князь Черкасскій и гражданское управленіе въ Болгаріи» и др. («Нов. Вр.», 1900, №№ 8583, 8584; «Новости», 1900, № 19; «Россія», 1900, № 264; «Съв. Кур.», 1900, № 77; «Моск. Въд.», 1900, № 21 и 41; «Русск. Въд.», 1900, № 24).

† К. Д. Безмѣнова. Въ ночь на 24-е января скончалась жена дъйствительнаго статскаго совѣтника Клеопатра Дмитріевна Безмѣнова. Покойная родилась въ 1858 году въ г. Путивлѣ, воспитывалась въ московскомъ Маріянскомъ институтѣ и, по окончаніи въ немъ курса, въ теченіе 9-ти лѣтъ занималась педагогической дѣятельностью въ Кіевѣ, гдѣ ею былъ открытъ первый дѣтскій садъ по системѣ Фребеля. Въ 1889 году К. Д. пріѣхала въ Петербургъ и всецѣло отдалась дѣятельности по благотворительности. Она была одной изъ учредительницъ дома трудолюбія для образованныхъ женщинъ и состояла членомъ различныхъ благотворительныхъ учрежденій. Живо интересуясь дѣломъ трудовой помощи, она изучила положеніе его за границею и напечатала нѣсколько статей по этому вопросу въ «Новомъ Времени» и другихъ изданіяхъ. Въ 1898 году ею былъ выпущенъ въ отдѣльномъ изданіи очеркъ «Центральное общество благотворительности въ Парижѣ». («Нов. Вр.», 1900, № 8597; «Сѣв. Кур.», 1900, № 84).

† А. И. Гаррисонъ. 25-го января въ С.-Петербургъ скончался послъ тяжкой и продолжительной болъзни педагогъ и переводчикъ на англійскій языкъ Русскихъ авторовъ, дъйствительный статскій совътникъ Андрей Ивановичъ Гаррисонъ (І. Henry Harrison). Покойный родился въ 1829 году въ Лондонъ, образованіе получилъ въ Кіпд'я College. Въ молодыхъ годахъ онъ прибылъ въ Россію въ качествъ воспитателя сыновей тогдашняго великобританскаго посла и черезъ нъсколько лътъ началъ преподавать англійскій языкъ въ Морскомъ корпусъ, а затъмъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Эту дъятельность Гаррисонъ продолжалъ до 1899 года, когда вышелъ въ отставку съ чиномъ дъйствительнаго статскаго совътника. Проведя почти всю свою жизнь среди русскихъ и хорошо изучивъ ихъ нравы и обычаи, А. И. написалъ не мало интересныхъ повъстей и разсказовъ изъ русской жизни. Кромъ того, перу его принадлежитъ нъсколько поэмъ (А Tale of the sea and other poems), очеркъ о графъ Львъ Толстомъ «Тоlstoy as preacher, his treatment of the Gospels» и цълый рядъ этюдовъ по русской литературъ, а также переводы на англійскій языкъ басенъ Крылова и трагедіи Алексъя Толстого «Смерть Іоанна Грознаго». («Нов. Вр.», 1900. № 8595).

- + А. К. Гаугеръ. Скончавшійся въ Сиб. 23-го января послъ продолжительной бользии, члень с.-петербургской судебной палаты двиствительный статскій совътникъ Александръ Карловичъ Гаугеръ былъ извъстнымъ дъятелемъ въ судебномъ міръ. Покойный высшее образованіе получиль въ императорскомъ училищь правовъдънія, по окончаніи курса котораго въ 1862 году быль зачисленъ на службу въ департаментъ министерства юстиціи. Вскоръ затъмъ назначень быль товарищемы председателя смоленской палаты гражданскаго суда, а черезъ годъ-членомъ курскаго окружнаго суда. Въ 1870 г. вышелъ въ отставку и въ теченіе 9 літть состояль присяжнымъ повітреннымъ округа харьковской смоленской палаты. Избранный въ почетные мировые судьи харьковскаго округа, А. К. вновь вступиль на государственную службу и въ 1883 г. быль назначень членомь виленскаго окружнаго суда, а затёмы занималь должности товарища предсъдателя гродненскаго окружнаго суда, члена виленской судебной палаты и съ 1890 года г. — члена с.-петербургской судебной палаты, исправляя одно время должность председателя гражданского департамента ея. Трудъ покойнаго «Гражданскіе законы» (т. X, ч. 1), снабженный подробными коментаріями, выдержаль нівсколько изданій и сдівлался настольной книгой у юристовъ. (Н. Вр. 1900, № 8589; Новости 1900, № 26; Россія 1900, № 270).
- + К. Д. Головинковъ. Въ двадцатыхъ числахъ января въ Ярославлѣ скончался изслѣдователь мѣстнаго края Константинъ Дмитріевичъ Головщиковъ. Покойный родился въ 1839 г. Литературная дѣятельностъ К. Д. сосредоточилась, главнымъ образомъ, въ «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», въ неофиціальной части которыхъ онъ номѣстилъ цѣлый рядъ этнографическихъ и историческихъ замѣтокъ. Затъмъ онъ составилъ историческій очеркъ Демидовскаго юридическаго лицея, гдѣ состоялъ секретаремъ въ 1865 г., издалъ обширную монографію «Родъ дворянъ Демидовыхъ» и былъ сотрудникомъ «Энциклопедическаго Словаря» Брокгауза и Ефрона (статъи подписывалъ иниціалами К. Д. Г.). Въ послѣдніе годы К. Д. усердно трудился надъразработкой матеріаловъ ярославской архивной комиссіи. Часть этой работы напечатана въ историческихъ журналахъ, часть же осталась въ рукописи. («Сѣв. Кур.» 1900, № 83).

Digitized by Google

- † Ф. І. Грудзинскій. Въ Тираспол'є скончался попудярный на югѣ Россіи практическій врачъ. Францъ Іосифовичъ Грудзинскій. Покойный, по окончаніи въ 1852 г. курса Кієвскаго университета, служилъ во флотѣ, въ 1855 г. получилъ мѣсто бобринецкаго уѣзднаго врача, а въ послѣднее время занимался вольною практикою. Помимо докторской диссертаціи: «О паховомошоночныхъ грыжахъ» (1856), Ф. І. принадлежитъ нѣсколько статей въ медицинскихъ журналахъ. («Сѣв. Кур.» 1900, № 87).
- + Н. Ф. Добровольскій. 31-го января скончался на 63 году жизни талантливый художникъ Николай Флоріановичь Добровольскій. Покойный воспитывался въ 1-мъ московскомъ кадетскомъ корпуст, въ которомъ окончиль курсь въ 1856 г. и быль выпущень офицеромъ въ одну изъ артиллерійскихъ батарей. По окончаніи крымской кампаніи онъ перешель въ драгунскій Стародубовскій полкъ. Въ концъ 60-хъ годовъ Н. Ф. вышелъ въ отставку, поселился въ Москвъ и занялся фотографіей. Къ этому времени относятся два его изданія: «Альбомъ этнографической выставки» и «Атласъ культуры по древней исторіи Греціи, Сиріи, Египта и друг. народовъ», за которыя ему дано было званіе фотографа императорской академіи художествъ. Въ 1874 г. Н. Ф. перевхаль въ Петербургъ и поступиль въ академію художествъ. Здъсь въ 1878 г. за картину «Большая дорога» онъ получиль званіе класснаго художника 1-й степени; картина эта, пользовавшаяся большимъ успъхомъ на всемірной парижской выставкъ, была куплена Третьяковымъ для его галлерен. Изь другихъ работь Добровольского выдёляются: «Сельскій пономарь», «Петрь Великій послъ первой побъды надъ шведами при устьяхъ Невы», «Фрегатъ, Олафъ близъ Скагена» и нъсколько этюдовъ, написанныхъ имъ во время его путешествія по Сибири. («Нов. Вр.» 1900, № 8600).
- † Д. А. Иконниковъ. Въ Ирбитъ скончался предсъдатель мъстной уъздной земской управы Евгеній Александровичъ Иконниковъ. Покойный родился въ 1857 году, слушалъ лекціи въ казанскомъ ветеринарномъ институтъ, но курса не окончилъ и былъ затъмъ учителемъ ирбитскаго городского училища. Состоя, вмъстъ съ тъмъ, гласнымъ уъзднымъ и городской думы, Е. А. много съдъйствовалъ разръшенію городскихъ и уъздныхъ вопросовъ, подвъдомственныхъ компетенціи указанныхъ учрежденій. Избранный членомъ, а затъмъ предсъдателемъ ирбитской уъздной земской управы, Е. А. занималъ послъднюю должность вплоть до своей смерти. Покойный принималъ дъятельное участіе въ провинціальной прессъ, корреспондировалъ въ столичныя газеты, а за послъдніе годы редактировалъ газету «Ирбитскій Ярмарочный Листокъ». («Съв. Кур.» 1900, № 95).
- † 9. А. Клагесъ. 21-го января въ Павловскъ скончался профессоръ перспективной живописи, дъйствительный статскій совътникъ бедоръ Андреевичъ Клагесъ. Покойный родился въ Спб. 22-го января 1814 г. Обучаясь въ училищъ при петербургской лютеранской церкви св. Екатерины, онъ оказывалъ больше успъхи въ рисованіи и сталъ посъщать рисовальные классы академіи художествъ въ качествъ вольноприходящаго ученика. Шестнадцати лътъ б. А. поступилъ въ ученики профессора К. П. Брюллова и подъ его руководствомъ изучалъ архитектуру. При окончаніи академіи онъ былъ награждень

малой золотой медалью за проектъ театральнаго училища. Имя покойнаго связано съ такими замъчательными архитектурными памятниками, какъ Зимній дворецъ (при возобновленіи послъ пожара 1837), московскій храмъ Спасителя, Михайловскій дворецъ, Пулковская обсерваторія, дворецъ великой кн. Маріи Николаевны. При постройкахъ всъхъ этихъ зданій θ. А. принималъ участіе въ качествъ архитекторскаго помощника. Покойный пользовался также извъстностью, какъ акварелистъ, и часто исполнялъ заказы перспективныхъ видовъ залъ и комнатъ московскихъ дворцевъ для особъ императорской фамиліи. Въ 1851 г. θ. А. уъхалъ за границу, въ теченіе 10 лътъ посътилъ Италію, Германію и Грецію, и за это время исполнилъ нъсколько рисунковъ и чертежей Аеонскихъ церквей и обителей. По возвращеніи въ 1861 г. онъ получилъ званіе академика, а съ 1864 г. началъ службу въ академіи—сначала помощникомъ хранителя музея, а затъмъ библіотекаремъ и преподавателемъ перспективы и начертательной геометріи. Съ 1892 г θ. А. быль въ отставкъ. («Н. Вр.» 1900, № 8590; «Новости», 1900, № 23; «Съв. Кур.», 1900, № 81).

+ П. Л. Лавровъ. 25-го января въ Парижъ скончался извъстный философъ-позитивистъ Петръ Лавровичъ Лавровъ. Покойный родился въ 1823 г. вь старинной дворянской семьь, образованіе получиль въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищъ и академіи, по окончаніи курса которой выступиль на военно-педагогическое поприще и болъе пятнадцати лътъ преподавалъ математику въ кадетскихъ корпусахъ. Въ 1860 году П. Л. въ чинъ полковника вышель вь отставку и всецью отдался литературной дъятельности; быль помощникомъ редактора «Артиллерійскаго Журнала», въ 1861—1864 гг. редакторомъ издававшагося тогда ассоціаціей русскихъ ученыхъ и писателей «Энциклопедическаго Словаря», негласнымъ редакторомъ «Заграничнаго Въстника». Въ концъ 60-хъ годовъ покойный эмигрировалъ за границу. Тамъ онъ редактироваль соціалистическія изданія на русском языкъ. Въ 1879 г. основаль въ Парижъ небольшой философско-ученый кружокъ, въ которомъ состоялъ почетнымъ членомъ И. С. Тургеневъ. Къ числу выдающихся произведеній покойнаго, вышедших въ Россіи, относятся: «Очерки вопросовъ практической философіи» (1860 г.), «Три бесъды о современномъ значеніи философіи» (1861 г.), «Очеркъ исторіи физико-математическихъ наукъ» (1866 г., въ «Морск. Сборн.» 1865—1866 гг. напечатано гораздо болъе, чъмъ въ отдъльномъ изданіи); «Историческія письма» (1870 г.; раньше напечатано въ «Недълъ» подъ псевдонимомъ Миртовъ); «L'idée du progrés dans l'anthropologie» (1873 г.); «Опытъ исторіи мысли» (1874 подъ псевдонимомъ Миртовъ и женевское изданіе 1888 г.); «Государственный элементь въ будущемъ обществъ» (1876 г.) и многія другія. Почти всь статьи Лаврова возбуждали въ журналистикъ ожесточенную полемику. Въ этой полемикъ участвовали: М. А. Антоновичъ въ «Современникъ» 1861 г., Д. И. Писаревъ въ «Русскомъ Словъ» 1861 г., Н. В. Шелгуновъ въ «Дълъ» 1870 г., П. К. Щебальскій въ «Русскомъ Въстникъ» 1871 г., А. А. Козловъ и С. Южаковъ въ «Знаніи» 1871 и 1873 г. Большинство произведеній ІІ. Л. подписаны псевдонимомъ — Миртовъ. («Нов. Вр.» 1900, № 8593; «Россія» 1900, № 274; «Свв. Кур.» 1900, № 86).

+ Н. В. Максимовъ. 25-го января скончался талантливый журнамисть семидесятыхъ годовъ, инженеръ-механикъ флота, Николай Васильевичъ Максимовъ. Покойный родился въ 1848 г. въ Костромской губернін и образование получиль въ морскомъ кадетскомъ корпусъ. Еще плавая на судахъ, онъ печаталъ во «Всемірномъ Путешественникъ» свои интересные путевые наброски, затъмъ дебютировалъ подъ псевдонимомъ «Молва» въ качествъ ежедневнаго хроникера въ «Биржевыхъ Въдомостяхъ» В. А. Полетики. Въ 1876—1878 гг. Н. В. примкнулъ къ числу добровольцевъ, участвоваль въ войнъ за освобожденіе балканскихъ славянъ и за храбрость получиль орденъ Такова. Въ періодъ турецкой войны 1876—1878 гг. Н. В. находился въ отрядъ М. Д. Скобелева (награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степ. съ мечами) и съ театра войны посылаль корреспонденціи сначала въ «Голось», а затычь въ «Молву» и «Русское Обозръніе» Г. К. Градовскаго. Человъкъ слишкомъ увлекающійся, Максимовъ никакъ не могъ приспособиться къ обыденной обстановкъ и вслъдствіе этого всю свою жизнь провель скитальчески: онь служиль конторщикомъ въ лавкъ потребительнаго общества; помощникомъ капитана на Черномъ моръ; занимался цълую зиму ловлей трески у Мурманскаго берега и у береговъ Норвегін: пробыль около шести льть въ Америкъ, перепробовавь нъсколько профессій, начиная съ кондитера и кончая секретаремъ въ редакціи «New-York-Herald». Наконецъ, разочаровавшись въ американской жизни, Н. В. вернулся въ Россію. Последніе годы онъ занималь место заведывающаго землечерпательной машиной на Волгъ. Изъ отдъльно изданныхъ произведеній Н. В. укажемъ: «Двъ войны» (корреспонденціи съ театра сербской и турецкой войны), «Романъ сельской дъвушки», «Изъ Америки» (сборникъ корреспонденцій изъ Америки) и сборникъ беллетристическихъ сочиненій. («Новости» 1900, № 27; «Нов. Bp.» 1900, № 8592; «Россія» 1900, № 274; «Ств. Кур.» 1900, № 85).

+ Мелетій. Въ началъ января въ Рязани почилъ преосвященный Мелетій. епископъ рязанскій и зарайскій. Почившій архипастырь (въ міръ Миханлъ Кузьмичь Якимовь), сынъ священника вятской епархіи, родился въ 1835 г. По окончаніи курса въ Казанской духовной академіи, быль послань въ качествъ миссіонера на Байкаль, гдъ и служиль болье десяти лъть дълу распространенія православія и занимался переводами священныхъ книгъ на инородческіе языки. Въ 1878 г. хиротонисанъ во епископа селенгинскаго и назначенъ начальникомъ забайкальской духовной миссін. Въ 1889 г. назначенъ на якутскую канедру, а въ 1896 г. на рязанскую и зарайскую. Перу нокойнаго принадлежить нъсколько трудовъ въ области богословской и миссіонерской науки. («Россія» 1900, № 271; «Моск. Въд.» 1900, № 34).

+ н. о. мельниковъ. 11-го января, въ больницъ св. Николая Чудотворца для душевно-больныхъ, скончался петербургскій журналисть Иванъ Өедоровичъ Мельниковъ. Покойный, по окончании реальнаго училища, поступняв въ число добровольцевъ сербской войны противъ турокъ, въ 1876 г. началъ корреспондировать въ издававшуюся въ то время въ Петербургъ газету «Нашъ Въкъ». Послъ войны онъ недолгое время служиль въ какомъ-то частномъ учреждени, а потомъ, вилоть до бользни (октября 1899 г.), работалъ въ от пълъ хроники въ истербургскихъ нъмецкихъ газетахъ. («Россія» 1900. № 257)

- † **М. И. Миллеръ.** 24-го января скончался генералъ-майоръ Иванъ Ивановичъ Миллеръ. Покойный по получени образования въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, служилъ нѣкоторое время въ саперныхъ войскахъ, а затѣмъ занялъ мѣсто помощника библіотекаря Николаевской инженерной академіи, гдѣ вскорѣ сталъ библіотекаремъ и оставался на этой должности около 30 лѣтъ, т. е. до декабря мѣсяца прошлаго года, когда вслѣдствіе болѣзни подалъ въ отставку. И. И., въ сотрудничествѣ своего сослуживца г.-м. Модрахъ, составилъ нзвѣстный «Военно-техническій словарь». («Россія» 1900, № 271).
- † Д. Я. Никитинъ. 19-го января скончался протоіерей, настоятель Сергієвскаго всей артиллеріи собора, въ С.-Петербургъ, Дмитрій Яковлевичъ Никитинъ. Покойный родился въ 1835 г. и окончательное образованіе получить въ С.-Петербургской духовной академіи. Онъ составилъ себъ имя, какъ талантливый проповъдникъ. Нъкоторыя его «слова», какъ, напримъръ, по случаю тысячелътія содня кончины св. Меюодія, были напечатаны по опредъленію святьйшаго синода и разосланы приходскимъ священникамъ, какъ образецъ церковныхъ проповъдей. Д. Я. былъ однимъ изъ членовъ-учредителей «Общества религіозно-нравственнаго просвъщенія въ духъ православной церкви», въ которомъ до смерти состоялъ казначеемъ и почетнымъ членомъ. Слишкомъ 25 лътъ онъ несъ обязанности товарища предсъдателя Сергіевскаго братства. Кромъ напечатанныхъ проповъдей, онъ составилъ исторію Сергіевскаго всей артиллеріи собора. («Съв. Кур.» 1900, № 79; «Нов. Вр.» 1900, № 8585; «Новости» 1900, № 21; «Россія» 1900, № 267).
- † П. И. Погожевъ. Въ январъ скончался въ Пятигорскъ врачъ-бальнеологъ Петръ Ивановичъ Погожевъ. Покойный родился въ 1837 г., образованіе
 получиль въ Московскомъ университетъ. Въ 1862 г. онъ занялъ мъсто врача
 на Пятигорскихъ водахъ, гдъ и продолжалъ работать до самой смерти. Кромъ
 докторской диссертаціи «О дъйствіи и терапевтическомъ значеніи вдыханія
 углекислаго газа», П. И. напечаталъ нъсколько статей по вопросамъ бальнеологіи и гимнастики, преимущественно, въ «Запискахъ пятигорскаго общества
 бальнеологовъ» («Съв. Кур.» 1900, № 79).
- + В. М. Нржевальскій. 26-го января въ Москвъ скончался извъстный адвокать, бывшій редакторь «Юридическаго Въстника» Владимірь Михайловичь Пржевальскій. Покойный родился въ 1840 г. въ селъ Отрадномъ, Смоленской губерніи, образованіе получиль въ Смоленской гимназіи и Московскомъ университетъ; по окончаніи курса сначала занимался педагогической дъятельностью, потомъ служиль въ сенатъ и наконецъ посвятиль себя всецъло адвокатуръ, войдя въ сословіе московскихъ присяжныхъ повъренныхъ. В. М. быль выдающимся ораторомъ и создаль себъ славу знаменитой защитой Московскаго университета противъ М. Н. Каткова, а также дъломъ генерала Гартунга обвинявшагося въ похищеніи векселей Занфтлебена, гдѣ покойный быль представителемъ гражданскаго иска. Дъятельность Пржевальскаго не ограничивалась однимъ адвокатскимъ поприщемъ: *онъ состоялъ въ теченіе 8 лѣтъ членомъ губернскаго и по земскимъ дъламъ присутствія, редактироваль «Юридическій Въстникъ», былъ товарищемъ предсъдателя юридическаго общества и членомъ многихъ ученыхъ обществъ. («Россія» 1900, № 274; «Нов. Вр.» 1900, № 8593; «Моск. Въд.» 1900, № 26; «Русск. Въд. 1900, № 26—27).

- † Е. М. Прилежаевъ. 6-го февраля въ Спб. скончался знатокъ русской церковной исторіи Евгеній Михайловичъ Прилежаевъ. Покойный происходиль изъ духовнаго сословія, родился въ 1851 г., образованіе получилъ въ Олонецкой духовной семинаріи и С.-Петербургской духовной академіи. По окончанів курса въ 1875 г., былъ оставленъ при академіи по каседрѣ русской церковной исторіи и читалъ лекціи въ качествѣ приватъ-доцента. За отысканіе въ архивѣ святѣйшаго синода рукописей извѣстнаго И. Т. Посошкова Е. М. былъ награжденъ золотою медалью. Съ 1882 по 1884 г. покойный редактировалъ журналъ «Странникъ» и напечаталъ въ немъ множество статей по разнымъ вопросамъ церковной исторіи. Изъ отдѣльно вышедшихъ трудовъ его извѣстны: «Новгородская Софійская казна», «Историческая записка объ Олонцѣ», «Духовная школа и семинаристы въ исторіи русской науки и образованія». Съ 1884 г. до самой смерти Е. М. занималъ мѣсто дѣлопроизводителя управленія протопресвитера придворнаго духовенства. («Россія» 1900, № 286; «Сѣв. Кур». 1900, № 102).
- + П. В. Тутукинъ. 26-го января скончался академикъ перспективной живописи Петръ Васильевичъ Тутукинъ. Покойный происходиль изъ простой семьи придворнаго служителя, родился 1819 г. и до 20-ти-лътняго возраста служиль при дворъ императора Николая Павловича, сначала въ качествъ истопника, а затъмъ помощникомъ кофещенка. Съ самой молодости имъя страсть къ рисованію, Тутукинъ въ свободное время занимался черченіемъ какихъ нибудь снимковъ. О молодомъ истопникъ-художникъ слухъ дошелъ до великой княгини Елены Павловны, и по ея протекціи онъ началь посъщать рисовальные классы императорской академіи художествь. Въ 1848 г., за написанную и поднесенную императору Николаю картину «Танцовальный заль собственнаго его величества дворца», покойный получиль золотой съ брилантами перстень. Въ 1851 г., за успъхи въ перспективной живописи, П. В. быль удостоенъ званія некласснаго художника и награжденъ серебряною медалью, а, спустя пять льть, за картину «Большой павильонъ императорскаго эринтажа», быль признань академикомь. Съ 1886 г., П. В. быль хранителемь Императорскаго эрмитажа, а до этого времени быль помощникомъ.
- † Г. Е. Церетели. 11-го января въ Тифлисъ скончался знатокъ грузинской литературы и археологіи Георгій Ефимовичъ Церетели. Покойный родижя въ селъ Гориси, Шорапанскаго уъзда, Кутаисской губерніи, образованіе получиль въ Кутаисской гимназіи и въ С.-Петербургскомъ университетъ. Литературою Г. Е. началъ заниматься въ молодые годы. Еще будучи студентомъ, онь помъщалъ письма изъ Петербурга въ грузинскомъ журналъ «Цискари». Возвратившись въ 1866 г. на родину, Г. Е. посвятилъ себя всецъло издательской и редакторской дъятельности: такъ въ короткій періодъ времени онъ основаль нъсколько первыхъ грузинскихъ періодическихъ изданій: газету «Дроэба», народный органъ «Сельскую Газету» и ежемъсячный журналъ «Кребули». Въ этихъ изданіяхъ, гдъ сосредоточились лучшія силы тогдашнихъ грузинскихъ публицистовъ, масса статей принадлежала самому Г. Е. Въ 1870-хъ годахъ онъ писалъ военныя корреспонденціи въ «Голось» и помъщаль статьи по археологіи въ «Запискахъ московскаго археологическаго общества», а въ 1893 г.

вмѣстѣ съ поэтомъ Акакіемъ Церетели и литераторомъ Иваномъ Мачабели, предпринялъ еженедѣльную газету «Квали» и руководилъ ею до 1898 г. («Сѣв. Кур» 1900 г., № 80, «Русск. Вѣд.» 1900 г., № 25).

† В. А. Шрейберъ. 27-го января скончался профессоръ архитектуры,

- † В. А. Шрейберь. 27-го января скончался профессорь архитектуры, дъйствительный статскій совътникъ Владиміръ Андреевичъ ІПрейберь. В. А. родился 6-го октября 1817 г.; по окончаніи курса въ Петропавловской школъ, онъ поступиль въ академію художествь, гдъ и окончиль курсъ по архитектурному отдъленію въ 1839 г. По выходъ изъ академіи В. А. приняль участіе въ нъсколькихъ постройкахъ: дворца великой княгини Маріи Николаевны, при возобновленіи Зимняго дворца (ему принадлежать рисунки плафона малахитовой гостиной), Исаакіевскаго собора и другихъ зданій. Затъмъ В. А. служилъ въ департаментъ горныхъ и соляныхъ дълъ, откуда нъсколько разъ былъ командированъ на гранитныя ломки для Исаакіевскаго собора, потомъ въ министерствъ путей сообщенія начальникомъ чертежной департамента смътъ и проектовъ публичныхъ зданій. Въ 1864 г. покойный получилъ званіе профессора архитектуру сначала въ качествъ адъюнкта, а затъмъ профессора. Преподаватьская дъятельность его носила серіозный характеръ, и изъ его школы вышло немало выдающихся зодчихъ. Особенное вниманіе В. А. обращаль на изученіе классическихъ формъ архитектуры. За нъсколько дней до кончины покойный былъ избранъ въ почетные члены академіи художествь. («Нов. Вр.» 1900 г., № 8594; «Россія» 1900 г., № 274; «Съв. Кур.» 1900 г., № 88).
- Г. Д. Щербачевъ. Въ Москвъ скончался на 77-мъ году жизни одинъ изъ участниковъ Севастопольской обороны, отставной гонералъ-майоръ Григорій Дмитрієвичъ Щербачевъ. Начавъ службу въ гвардейской конной артиллеріи, покойный въ 1854 году, въ чинъ поручика, принялъ участіе въ Крымской войнъ, сперва въ качествъ адъютанта начальника артиллеріи отряда, собиравшагося на позиціи на рѣкъ Альмъ, а затѣмъ командира ракетной батареи, сформированной въ Севастополъ. Въ 1857 году, онъ былъ произведенъ въ полковники и, по предложенію генералъ-адъютанта Исакова, бывшаго главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, перешель на педагогическое поприще и былъ назначенъ сначала начальникомъ Воронежской школы военнаго въдомства, а потомъ директоромъ Орловской Бахтина военной гимназіи. По выходъ въ 1872 г. въ отставку Г. Д. весь отдался службъ земству и долгое время состоялъ мещовскимъ уъзднымъ продводителемъ дворянства. Покойнымъ изданы: «Очеркъ теоріи и практики сельскаго хозяйства», «Весъды о воспитаніи и преподаваніи», «Двѣнадцать лѣтъ молодости», «Любовь и сила воли» и мн. др. («Новое Время» 1900 г., № 8585).

Digitized by Google

ЗАМЪТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Подвигъ рядового Леонтьева.

Прочитавъ въ ноябрьской книжкъ «Историческаго Въстника» за 189въ статъъ А. П. Андреева. «По дебрямъ Дагестана» описаніе переправі в скихъ войскъ при Согрытло черезъ ръку Койсу, я съ сожальніемъ ущичто имя упомянутаго при переправъ рядового автору неизвъстно, и дажи указана воинская частъ, къ которой онъ принадлежалъ.

Къ счастию, какъ одинъ изъ участниковъ этой переправи и извий м командовать 1-й ротой 21 стрълковаго (нынъ 4-го Кавказскаго) (атала могу увъковъчить фамилю утонувшаго: это былъ молодой рядовой 14 гл 21 стрълковаго баталюна Леонтьевъ, имя и отчество котораго я, къ солаба забылъ. При этомъ считаю не лишнимъ дополнить описание переправи от неустращимаго Леонтьева.

Когда засъвшіе въ нещеру мюриды увидали, что нашимъ отчаннямы цамъ не удается переплыть ръку, они вышли изъ нещеры и въ знакъ от сдачи сложили оружіе и даже кричали намъ, что помогутъ охотникать ме на ихъ берегъ. Въ виду этого, Леонтьеву, вызвавшемуся охотниковъ плытъ, не только многіе солдаты, но и офицеры совътовали направимы пещеръ, тъмъ болъе что и ръка въ этомъ мъстъ отъ выступившихъ пещерой камней была уже.

Молодецъ Леонтьевъ не ослабъ отъ плаванія (какъ сказано въстать! е достигъ уже камней, и мы всъ считали его задачу выполненной, ве кричали ему поздравленія съ удачей и Георгіемъ, какъ вдругъ неожидавод всъхъ мюриды схватились за оружіе, которое, конечно, мы съ этого берате нять не могли, убили или изранили Леонтьева, и его понесла въ Каспій бува Койсу. Сами же мюриды моментально скрылись въ пещеру, и наши в укладать по нимъ залпа, такъ какъ не ожидали хитрости и измъны татарь, в стояли безъ оружія. Эта измъна послъ сдачи и была причиною того, чтовая охотники перебили въ пещеръ всъхъ мюридовъ.

Безъ ихъ измъны было бы необъяснимо звърство нашихъ кавкажев торые, какъ и всъ русскіе солдаты, лежачаго никогда не быють и сдавший непріятеля считають равными себъ молодцами.

H. B. Parosers.

II.

По поводу "Археологической справки" г. Эваринцкаго.

Я только что прочеть «Археологическую справку» г. Эварницкаго, напечатанную въ декабрьской книжкъ «Историческаго Въстника» за прошлый годъ. Она начинается такъ: «Въ 1898 г. вышель въ свъть каталогъ украинскихъ древностей коллекции В. В. Тарновскаго, составленный, какъ значится въ предисловіи, гг. Бъляшевскимъ и Лазаревскимъ». Но въ этомъ предисловіи, подписанномъ иниціалами В. Т., «значится» не совститакъ. Тамъ сказано: «Въ заключеніе считаю долгомъ выразить благодарность Н. Ф. Бъляшевскому, составившему описаніе предметовъ доисторическаго и великокняжескаго отдъловъ, и А. М. Лазаревскому, оказавшему благосклонное содъйствіе при составленіи и печатаніи настоящаго каталога».

Думается, что въ подчеркнутыхъ словахъ вовсе не «значится», чтобы я былъ составителемъ каталога или хотя бы части его...

Каталогъ В. В. Тарновскаго состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: доисторическаго, великокняжескаго и казацкаго. Первые два отдѣла составлены Н. Ф. Бѣля шевскимъ, какъ это и «значится» въ предисловіи, а о составленіи третьяго отдѣла мною—въ предисловіи не «значится», да и не могло значиться, потому что третій отдѣлъ всецѣло составленъ самимъ хозяиномъ 1) коллекціи украинскихъ древностей, какъ это извѣстно всѣмъ намъ, кіевскимъ друзьямъ покойнаго В. В. Тарновскаго. Мое же «содѣйствіе при составленіи и печатаніи каталога» ограничилось пополненіемъ свѣдѣній о лицахъ, изображенныхъ на портретахъ коллекціи, и «послѣднею корректурою» при печатаніи каталога. И только.

Такимъ образомъ дълаемый г. Эварницкимъ далъе въ его «сиравкъ» упрекъ «составителямъ» каталога (т.-е. Н. Ф. Бъляшевскому и мнъ), что если бы они, составители, прочли надпись на такомъ-то запорожскомъ крестъ (изъ третьяго отдъла каталога), то не сказали бы того-то и того, — ни ко мнъ, ни даже къ Н. Ф. Бъляшевскому относиться не можетъ, какъ это ясно видно тъмъ, кто прочелъ предисловіе къ каталогу. А для не читавшихъ его нахожу нужнымъ огласитъ эту поправку, не лишнюю и потому, что нынъ В. В. Тарновскій уже не можетъ самъ отозваться, чтобы сказать: за что же его лишаютъ того, что принадлежитъ ему безспорно... 2).

80 янв. 1900. Кіевъ.

Ал. Лаваревскій.

¹⁾ Г. Эварницкій, видимо, не допускаєть этого, несмотря на предисловіе...
3) Сділавь мив упрекь за ошибку въ каталогі, г. Эварницкій ділаєть туть же, попутно, и другой. Прочтя уже не въ каталогі В. В. Т—го, а въ одной изъмоихь статей, напечатанных въ «Кіевской Старині», что я предполагаю нівсоего Антона Тарловскаго отцомь другого нівсоего Кирилла Тарловскаго, г. Эварницкій справедливо замічаєть, что первый не могь быть отцомъ второго, потому что этоть, второй, по отчеству звался Николаєвичемъ. Сообщенный адісь г. Эварницкимъ факть о томъ, что отець Кирилла Тарловскаго быль не Антонъ, а Николай, мив быль неизвістень, и я всецілю признаю справедливость второго, потмутнаго упрека г. Эварницкаго.

III.

Къ запискамъ С. М. Загоскина.

Въ февральской книгъ «Историческаго Въстника» (стр. 508) говорится о женитьбъ Николая Михайловича Загоскина на дочери камеръ-юнкера Павла Петръвича Савельева—это опечатка: Н. М. Загоскинъ былъ женатъ на дочери Павла Петровича Савелова—Александръ Павловнъ, умершей въ маъ 1899 г. (погребена въ Сергіевской пустынъ).

Л. М. Савеловъ.

пріважать къ нему? Что могло мѣшать ей любить своего ребенка? Всѣ эти мысли омрачили его веселое расположеніе духа, и онъ пересталь любоваться красотами природы. Наконецъ онъ остановился передь виллой Флоры. Сердце его все-таки билось.

- Это ты, Францъ,—сказала Марія-Луиза, узнавъ сына, только когда онъ былъ въ двухъ шагахъ отъ нея.
 - Да, мама, это я.
- И, опустувшись на одно кольно, онъ поцьловаль руку у матери и спросиль почтительнымъ тономъ:
 - Какъ здоровье вашего величества?
- Онъ сталъ очень миленькимъ,—сказала Марія-Луиза, обращаясь къ своей фрейлинъ,—ну, поцълуй же меня, дитя мое,—продолжала она:—какъ ты выросъ! Ты немного худощавъ, ну, и я все болъю. Что же, тобою довольны?
- Не знаю, мама. А воть я сегодня очень счастливъ. Я такь радъ васъ видъть.
- Милый Францъ! Ахъ, ты мнѣ напоминаешь прошедшее. Какъ это было давно!
- Оно всегда при мнъ, отвъчалъ просто герцогъ, положивъ руку на свое сердце.
- Да, да! я также все помню, хотя много перенесла горя. Ну, что же, ты теперь на службъ?
- Нътъ еще, мнъ дають чины, но не позволяють командовать солдатами.
- Все придеть въ свое время,—замѣтила Марія-Луиза, и, не желая вмѣшиваться въ то, что ея не касалось, т. е. въ будущность своего сына, она прибавила, обращаясь къ фрейлинъ:—какой онъ высокій! Какая разница!

Фрейлина поняла, что она намекала на другихъ своихъ дътей, и наивно покраснъла за эту легкомысленную мать.

Герцогъ оставался съ матерью нѣсколько часовъ и все болѣе и болѣе убѣждался, что она для него чужая. Бесѣда между ними какъ-то не вязалась, и наконецъ Марія-Луиза предложила сыну пойти съ ней къ старому доктору, который лѣчилъ ее въ юности. Вмѣсто того, чтобы взять руку сына, она пошла рядомъ со своимъ камергеромъ Бамбелемъ, который недавно замѣнилъ Нейперга и, вѣроятно, прибылъ въ Вѣну за инвеститурой. За ними слѣдовалъ герцогъ Рейхштадтскій, и всѣ, встрѣчавшіе ихъ на единственной улицѣ Бадена, съ удивленіемъ смотрѣли на скандальную группу.

У доктора Марія-Луиза стала восторгаться коллекцій бабочекъ.

— Какъ бы я желала, чтобы мой сынъ интересовался такими предметами!—воскликнула она:—не правда ли, Францъ, ты хотълъ бы заниматься энтомологіей?

«истор. въсти.», мартъ, 1900 г., т. LXXIX.

Digitized by Google

Онъ, изъ любезности, согласился съ матерью, но не могъ долго любоваться на равличныхъ бабочекъ и наконецъ воскликнуль, сверкая своими голубыми глазами:

— Позвольте мнѣ, мама, разстаться съ вами, до Шенбруна далеко, а я не хотѣлъ бы, чтобы графъ Маврикій, любезно отпустившій меня одного, безпокоился обо мнѣ. Прощай, мама!—прибавиль онъ, цѣлуя у нея руку.

Марія-Луиза нашла отъйздъ сына совершенно понятнымъ и, обернувшись къ доктору, стала говорить о своемъ здоровьй.

III.

Одинъ.

Возвращаясь въ Шенбрунъ, герцогъ Рейхштадтскій чувствоваль, что онъ быль для своей матери отдаленнымъ родственникомъ, которымъ интересуешься только потому, что видъль его ребенкомъ. Въ продолжение всего дня она ни разу его не поцъловала, и ея сердце ни разу не ощутило къ нему неожиданнаго порыва, котораго не въ состояни сдержать даже придворный этикетъ.

Онъ теперь совнавалъ себя еще болъе сиротой, чъмъ прежде. «Я одинъ, совершенно одинъ», повторялъ онъ съ отчаяніемъ и даже забывалъ, что эрцгерцогъ Карлъ всегда былъ добръ для него; а эрцгерцогиня Софія постоянно доказывала ему свою нъжную привязанность. Нътъ, у него не было ни семьи, ни друзей, такъ какъ родная мать не хотъла его знатъ, а единственнаго друга у него отняли. Нътъ, онъ былъ одинъ, одинъ.

Но неожиданно глаза его заблистали. Приближаясь къ Медлину, онъ увидълъ передъ собой коляску, которая быстро катилась по дорогъ. Онъ пришпорилъ свою лошадь и поскакалъ, догоняя экипажъ. Когда онъ поровнялся съ нимъ, то осадилъ лошадь и почтительно поклонился двумъ дамамъ, сидъвшимъ въ коляскъ.

Это были эрцгерцогиня Софія и княгиня Полина Саріа.

- Какъ ты насъ напугалъ своей бъщеной погоней, Францъ!— сказала первая изъ нихъ нъжнымъ тономъ.
- Простите, тетя. Я возвращался изъ Бадена, гдѣ быль у матери, и, узнавъ вашъ экипажъ, хотълъ непремънно вамъ поклониться.
- Полина,—сказала любезно эрцгерцогиня,—вы внаете герцога Рейхштадтскаго? а ты Францъ знаешь моего друга, княгиню Саріа?
- Я имъть вчера счастье видъть княгиню у канцлера,—отвъчаль юноша,—а теперь еще болъе счастливъ, что вижу ее въ вашемъ обществъ.

Полина граціозно улыбнулась, но не промодвила ни слова.

Герцогъ нъсколько времени ъхалъ рядомъ съ экипажемъ эрцгерцогини и подробно отвъчалъ на всъ ея вопросы относительно его матери. Когда же ему пришлось повернуть въ Шенбрунъ, то онъ поклонился почтительно теткъ и бросилъ нъжный, полный благодарности, взглядъ на Полину.

Теперь онъ чувствоваль себя не столь одинокимъ, какъ прежде.

IV.

Кошмаръ.

Стоя въ этотъ вечеръ у вороть отеля «Лебедь», Галлони вздрогнулъ, увидъвъ, подъвзжавшую придворную коляску, изъ которой вышла княгиня Саріа и дружески распрощалась съ оставшейся въ экипажъ дамой.

На вопросъ сыщика, кто это такая, швейцаръ отвъчаль:

— Развѣ вы не знаете?—Это эрцгерцогиня Софія, жемчужина среди принцессъ, невѣстка императора, только что родившая маленькаго эрцгерцога. И какая она красавица и какая она добрая! Нечего сказать, для нашего отеля большая честь, что она останавливалась у его дверей; хозяинъ будеть очень доволенъ.

Галлони быль внё себя оть изумленія. Женщина, которую онь преслёдоваль изъ Милана и выдаль графу Зедельницкому за сообщинцу карбонарієвь, была въ дружескихъ отношеніяхъ съ эрцгерцогиней. Что было ему теперь дёлать! Какъ объяснить начальнику полиціи, что онъ ошибся? А въ его ошибкё теперь не могло быть сомнёнія. Нельзя же было обвинять въ похищеніи документовъ особу, которая обращалась дружески съ принцессой крови. Всё его надежды на блестящую будущность рушились. Другь—эрцгерцогини!—кто могь этого ожидать?

— Такъ нътъ же, —воскликнулъ громко Галлони: —я не ошибся. Кто бы она ни была, но бумаги взяты ею и, конечно, не для того, чтобы передать ихъ князю Меттерниху.

Туть пришла ему въ голову мысль, не была ли княгиня тайной агенткой полиціи. Подобные примъры бывали. Что, если дъйствительно она своей ловкостью заткнула его за поясъ и передала или передасть бумаги лично Меттерниху? Но, нъть, это было невозможно, въ такомъ случат она не привезла бы двухъ бълошвеекъ. Но, можетъ быть, она нарочно это сдълала, такъ какъ иначе не могла воспользоваться документами. Однако документы были у нея, и ей не къ чему было ихъ возвращать бълошвейкамъ.

Какъ онъ ни думаль, а дёло все сводилось къ тому, что бумаги находились у княгини, и что ему необходимо было продолжать борьбу съ этой могущественной противницей. При томъ, онъ

Digitized by Google

не могь терять ни минуты времени и долженъ былъ тотчасъ открыть военныя дъйствія противъ нея.

Спустя нѣсколько часовъ, княгиня спала въ своей комнатѣ въ отелѣ «Лебедь» и видѣла страшный сонъ.

Ей казалось, что неожиданно передъ нею показалась голова съ блъднымъ лицомъ, злыми черными глазами и чудовищнымъ носомъ. Она знала эти страшныя черты, но не могла вспомнить, гдъ ихъ видъла. А голова принялась рыться во всъхъ ея вещахъ: въ комодахъ, въ шкапахъ, въ столахъ. Полина чувствовала, какъ сильно билось ея сердце, и хотъла проснуться, кричать, звонить, но все тщетно.

Наконецъ, страшная голова приблизилась къ ея кровати, роковые глаза блеснули рядомъ съ нею, и чья-то рука проникла подъ подушку. Она вскочила, закричала, дернула за колокольчикъ, и его звонъ раздался по всему дому.

Она стала съ ужасомъ смотръть вокругъ себя и зажгла свъчку. Въ комнатъ никого не было, но струя свъжаго воздуха доказывала, что была открыта дверь или окно.

Когда явилась горничная, княгиня сказала, что она испугалась какого-то шума въ комнатъ. Оставшись наединъ, она серіозно обдумала все, что произошло. Она осмотръла всю комнату и убъдилась, что не только всъ ящики были открыты, но карманы ея одежды были вывернуты. Туть она вспомнила, гдъ она видъла страшное лицо, и промолвила громко:

— Какъ я хорошо сдълала, что отдала въ върныя руки документы. Галлони ловкій сыщикъ, но его смълость выходить изо всъхъ границъ. Надо завтра же принять мъры къ его удаленію изъ Въны.

V.

Смотръ.

Вернувшись въ Шенбрунъ, герцогъ Рейхштадтскій узналь огь графа Дитрихштейна цёлый ворохъ важныхъ извъстій.

— Ваше высочество,—сказалъ графъ Дитрихштейнъ,—канцлеръ приказалъ мнѣ передать вамъ чрезвычайно пріятное и совершенно новое распоряженіе императора. Во-первыхъ, для васъ создадуть военную свиту, какъ у всѣхъ эрцгерцоговъ. Во-вторыхъ, вамъ прислали цѣлую кучу новыхъ книгъ, и вамъ разрѣшено требовать какія вамъ угодно сочиненія. Въ-третьихъ, маршалъ Мармонъ прочтетъ вамъ лекцію о походахъ вашего отца; въ-четвертыхъ, завтра утромъ на Пратерѣ соберется вашъ гренадерскій полкъ, и вы можете, если пожелаете, сдѣлать ему смотръ.

Несмотря на всѣ враждебныя чувства, которыя герцогъ питалъ къ канцлеру, онъ теперь все забылъ, и глаза его радостно заблистали. Въ немъ текла кровь перваго воина нашего времени, и онъ жаждалъ доказать, что былъ достоинъ своего высокаго происхожденія, къ тому же ему было 20 лѣтъ, и ему льстила мысль командовать полкомъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ, покраснъвъ отъ удовольствія.—Я завтра произведу смотръ своему полку и надъюсь, что императоръ будеть доволенъ мной. А знаете вы, кому я этимъ обязанъ?

Графъ Дитрихштейнъ такъ выразительно пожалъ плечами, что молодой человъкъ понялъ всю безполезность ожидать отъ него отвъта. Онъ повернулъ и пошелъ въ свои комнаты.

Очутившись наединъ, онъ сталъ мысленно повторять всъ команды, построенія и всевозможныя тонкости военной тактики.

Произведя такимъ образомъ себъ экзаменъ, юноша успокоился и пошелъ въ садъ, гдъ его уже давно ждалъ Францъ. Въ глубинъ своего сердца онъ чувствовалъ, что обязанъ былъ какъ бы извиниться передъ этимъ ветераномъ арміи своего отца, что онъ произведеть смотръ австрійскимъ солдатамъ.

Дъйствительно, сообщая Францу эту новость, герцогъ былъ очень смущенъ, и голосъ его дрожалъ; но старый служана тотчасъ понялъ, въ чемъ дъло, и вывелъ изъ затрудненія сына своего императора.

- Такъ смотръ будетъ завтра на Пратеръ?—переспросилъ просто Францъ.
- Да,—отвъчалъ герцогъ, и въ голосъ его звучала печальная нота.
 - Хорошо, приду.

Юноша безмольнымъ взглядомъ поблагодарилъ ветерана войнъ его отца за этотъ деликатный отвътъ.

Что касается до Франца, то, возвращаясь въ свое скромное жилище, онъ бормоталъ:

— Это должно было случиться рано или поздно. Но горько думать, что его сынъ будеть командовать австрійскимъ полкомъ. Все-таки надо посмотрёть, какъ онъ справится.

На слѣдующее утро старый служака поспѣшиль на Пратеръ и помѣстился въ первомъ ряду толпы, собравшейся посмотрѣть на первый смотръ, который производилъ своему гренадерскому полку герцогъ Рейхштадтскій.

Скоро раздался конскій топоть, и новый командиръ подъёхаль къ полку. Онъ ловко сидёлъ на кровномъ конт, и блёдное лицо его отличалось серіознымъ, достойнымъ выраженіемъ. Но не успълъ онъ поравняться съ полкомъ, какъ гренадеры огласили воздухъ дружнымъ крикомъ «ура». Эта неожиданная овація, бывшая въ сущности нарушеніемъ дисциплины, очевидно была вызвана не-

обыкновеннымъ волненіемъ, которое ощутили даже нѣмецкіе содаты, увидавъ сына того, кто всѣми признавался за величайши полководца.

Герцогъ Рейхштадтскій быль видимо смущень этимъ неожнавнымъ знакомъ сочувствія и невольно покраснѣлъ, но черезъ скунду онъ насупилъ брови и сталъ производить смотръ по всып правиламъ военнаго искусства.

Въ окружавшей толпъ слышалось:

- Однако молодецъ герцогъ!
- А какъ его встрътили солдаты!
- Онъ можеть смъло повести ихъ куда угодно. Всъ за нил пойдуть.

Одинъ изъ присутствовавшихъ обратился къ Францу съ в-просомъ:

- Скажите, пожалуйста, этотъ полкъ былъ подъ Ваграамочъ?
- Былъ, —отвъчалъ старый служана: —поэтому-то онъ такъ в встрътилъ восторженно своего новаго командира.

VI.

Роза Гермины.

Послѣ крестинъ эрцгерцога Франца-Іосифа, которыя произоши въ этотъ самый день въ часовнѣ Шенбрунскаго дворца, имперторъ принималъ близкихъ ему лицъ въ большихъ аппартаменталь нижняго этажа, а на террасахъ въ парадной столовой и длиней галереѣ были разставлены роскошно сервированные столы, на которыхъ виднѣлись цѣлыя батареи рейнвейна изъ Іоганисберга, который былъ подаренъ императоромъ канцлеру подъ условіемъ ушаты ему десятины натурой.

Гермина Меттернихъ и Флора Вирби не чувствовали ни малышей тъни голода, а потому при первой возможности онъ выбыми въ паркъ.

- Пойдемъ, Гермина,—воскликнула Флора:—мы подождемътвеем отца у статуи Діаны.
 - --- Съ удовольствіемъ, но гдъ же наши гувернантки?
 - Онъ утоляють свой голодъ, а потомъ найдуть насъ.

Разговаривая такимъ образомъ, молодыя дѣвушки сошли съ нижней террасы и стали съ восхищеніемъ разсматривать цвѣпны.

- Какъ здъсь хорошо!--произнесла Гермина,--а вотъ и статя Діаны.
- Это любимый уголокъ юныхъ мечтателей,—отвѣчала Флора Дѣйствительно, на скамьѣ у самой статуи лежала книга, в Гермина, не прикасаясь къ ней, прочитала заглавіе «Meditation» роётіques» Ламартина.

- Ты знаешь эту книгу?—спросила Флора.
- Нътъ. Но лучше не дотронемся до нея. Можетъ быть, намъ нельзя ее читать.
- Что ты!—воскликнула Флора:—поэтическія размышленія! да это все равно, что молитвы.
 - Кто-то ее върно забылъ?
- Конечно! Но посмотри, одна страница въ ней замъчена травкой.

Флора поспъшно открыла книжку на этомъ мъстъ и воскликнула:

- Стихи!
- Прочтемъ.

Книга была открыта на поэм'в «Бонапартъ».

Гермина закрыла книжку съ какимъ-то религіознымъ уваженіемъ, какъ будто прикоснулась къ чему-то священному, и снова положила ее на скамейку.

-- Пойдемъ отсюда, -- сказала она.

Въ эту минуту къ молодымъ дъвушкамъ подошелъ Францъ и подалъ имъ нъсколько розъ.

— Простите, — сказалъ онъ, — не желаете ли этихъ розъ? Онъ очень ръдки, и ихъ никогда не срывають, но я нарочно принесъ вамъ ихъ, думая, что онъ вамъ понравятся, барыни или барышни, не знаю, какъ васъ назвать.

Последнія слова были сказаны въ шутку, потому что Флорев Вирба было только 17 леть, а Гермине Меттернихъ минуло только 15 леть.

- Благодарю, любезный другь,—сказала Флора со смёхомъ и, взявъ двё розы, приколола къ своему корсажу.
 - Но Гермина покраснъвъ промолвила:
 - А васъ не будутъ бранить за то, что вы ихъ сорвали?
- Нётъ. Съ одной стороны, я здёсь полный хозяинъ, а съ другой, если бы тотъ, кто здёсь каждый день гуляетъ, и замётилъ исчезновеніе нёсколькихъ розъ, то былъ бы очень доволенъ, что онѣ понравились такимъ хорошенькимъ барышнямъ, какъ вы.

Гермина взяла оставшіяся двѣ розы, и когда Францъ удалился мѣрными шагами, а Флора побѣжала по дорожкѣ къ дому, она незамѣтно бросила одну изъ розъ на книжку, лежавшую на скамейкѣ.

- Куда ты дъла другую розу?—спросила Флора, увидъвъ только одинъ цвътокъ на корсажъ своей подруги.
- Я бросила ее,—отвъчала покраснъвъ Гермина.—Онъ такія большія, что не помъстились бы вмъстъ.

VII.

Начало военныхъ дъйствій.

- Ваши агенты, любезный графъ, всегда дёлаютъ глупости,— гнёвно говорилъ князь Меттернихъ начальнику полиціи, который. встрётивъ его въ Шенбрунё на крестинахъ, отвелъ въ сторону, чтобы доложить о скандальной исторіи съ Галлони.
 - Помилуйте, ваша свътлость...
- Нечего васъ миловать. Я еще просиль васъ быть осторожнымъ, а ваши агенты напали и то самымъ грубымъ образомъ на даму, состоящую подъ моимъ покровительствомъ, на друга эрцгерцогини. Главное этотъ скандалъ поднятъ изъ пустяковъ. Нътъ, это не простительно.
- Увъряю васъ, что я приказалъ этому человъку ничего не дълать безъ моего разръшенія,—оправдывался графъ Зедельницкій въ большомъ смущеніи.
 - Такъ отчего же онъ васъ не послушаль?
- Въроятно, онъ поддался желанію сдълать обыскъ въ комнатъ княгини во время сна.
- Конечно,—пронически заметилъ канплеръ:—и онъ надеялся, что она не проснется, когда станутъ шарить подъ ен подушкой.
- Княгиня позвонила, и человъкъ спасся, такъ что, когда люди отеля сбъжались, то никого не видали, —произнесъ начальникъ полиціи, стараясь стушевать вину своего агента: —всъ увърены, что это былъ ловкій воръ, который убрался во время.
- Хороша полиція, нечего сказать,—воскликнуль неумолимый канцлеръ:—ей приходится защищать ошибки своихъ агентовъ ловкостью вънскихъ воровъ. Наконецъ, скажите прямо, графъ, вы хозяинъ въ полицейскомъ въдомствъ или имъ распоряжается первый встръчный.
- Но, ваша свътлость, не изволили забыть, какія серіозныя подозрънія падали на княгиню Capia?
- Знайте, графъ, что я считаю, по крайней мърѣ, въ настоящую минуту княгиню не способной вмъшаться въ заговоръ. Я имъю на это причины. Но если бъ я даже заблуждался, то она слишкомъ умна, чтобъ попасться въ съти дурака шпіона. Я имъю полное право это сказать, потому что вашъ Галлони потерпълъ фіаско. Увъряю васъ, что эта исторія очень для меня непріятна. Она путаетъ мои карты. Прекратите тотчасъ всъ преслъдованія этихъ трехъ женщинъ, по крайней мърѣ, явныя, и, пожалуйста, избавьте меня отъ дальнъйшихъ глупостей вашихъ агентовъ.

Это формальное приказаніе канцлера снимало всякую отвѣтственность съ начальника полиціи, и онъ почтительно поклонился.

— Однако, произнесъ онъ: я не могу не сказать въ послъдній разъ, что все-таки убъжденъ въ сообщничествъ этихъ женщинъ съ миланскими заговорщиками. Но, ваша свътлость, конечно, тотчасъ сами въ этомъ убъдитесь. Вотъ княгиня Саріа направляется въ нашу сторону, въроятно, жаловаться на меня.

Дъйствительно, Полина приближалась къ нимъ. Издали она увидъла, что канцлеръ очень оживленно разговаривалъ съ начальникомъ полиціи, и поняла, что дъло идетъ о ней. Она мгновенно ръшила, что выгоднъе напасть, чъмъ защищаться, и потому сама смъло открыла военныя дъйствія.

- Я нарочно прівхала въ Шенбрунъ, чтобы васъ видіть, сказала она Метгерниху, который сділаль къ ней нісколько шаговъ, и любезно поздоровался: на очень рада, что вижу въ одно время съ вами и графа Зедельницкаго, такъ какъ діло, о которомъ я желаю говорить, также касается его. У меня есть, князь, къ вамъ большая просьба.
- Она заранъе исполнена, если только возможно,—сказалъ князь со своей обычной учтивостью.
- А если невозможно, то моя просьба будеть исполнена въ ближайшемъ будущемъ, не такъ ли?—произнесла княгиня съ улыб-кой:—но вотъ въ чемъ дъло. Одинъ бъдный миланецъ принялъ участіе въ заговоръ...

Зедельницкій не могь скрыть своего удивленія.

— Да, онъ дъйствительно заговорщикъ. Но это происходитъ отъ того, чтэ, благодаря князю Меттерниху, прекратились войны, и молодежи дълать нечего, вотъ она и волнуется, а полиція ее забираеть и сажаеть въ тюрьму. Такъ случилось и съ моимъ юношей, и онъ сидитъ подъ замкомъ въ Миланъ или въ другомъ городъ.

Меттернихъ довелъ до совершенства искусство узнавать мысли своихъ противниковъ. Онъ не разъ имълъ дъло съ Наполеономъ, Талейраномъ, Фуше, лордомъ Кастельрэ, Каподистріей, Нессель роде, Ришелье и всегда читалъ въ ихъ глазахъ то, чего не говорили ихъ уста. Но теперь онъ пристально смотрълъ на княгиню и ничего не видълъ въ ея прелестныхъ глазахъ, кромъ веселой улыбки вполнъ искренней откровенности.

- Чортъ возьми,—воскликнулъ онъ,—дъло серіозиве, чъмъ вы думаете. Однако продолжайте.
- Мой несчастный юноша долженъ быль привезти сюда какія-то бумаги, вёроятно, столь же мало значащія, какъ и онъ самъ. Случайно бумаги не оказались у него при обыскъ. Онъ у меня.

Графъ Зедельницкій широко открылъ глаза отъ изумленія, а Меттернихъ, умѣвшій лучше его сдерживать себя, спросиль съ улыбкой:

- У васъ, княгиня?
- Да, у меня. Эти бумаги остроумно замѣшались въ мои кружева. Найдя ихъ на другой день, я подумала, что лучше не отдавать ихъ въ тѣ грязныя руки, которыя хотѣли овладѣть ими наканунѣ. Я подумала, что добрый, снисходительный министръ лучше оцѣнить эти документы и придастъ имъ настоящее значеніе. Вотъ я и привезла вамъ эти бумаги.

Слова княгини поразили обоихъ ея собесъдниковъ.

Графъ Зедельницкій былъ въ одно и то же время обрадованъ и опечаленъ. Полицейское чутье его не обмануло, но княгиня оказалась не врагомъ, а сообщницей полиціи. Конечно, полиція была побита, но честь ея сохранилась незапятнанной. Что касается до канцлера, то онъ видёлъ дальше, чёмъ его помощникъ, и произнесъ:

- Понимаю, княгиня, вы предлагаете мнъ продать документы за помилование вашего юноши.
- Фи!—воскликнула гордо княгиня:—за кого вы меня принимаете? Я желаю счастливо поженить моего глупаго заговорщика и мою прекрасную бёлошвейку, при чемъ обязываюсь отослать ихъ какъ можно дальше отъ австрійской границы. Но я хочу быть обязанной вамъ, князь, за эту милость, и не намёрена ее покупать никакой цёною. Что касается до бумагъ, которыхъ не могла достать полиція, то вотъ онё. Я добровольно отдаю ихъ.

И она съ гордымъ великодушнымъ жестомъ передала тотъ пакетъ, въ которомъ находились письма Бонапартовской семьи.

Зедельницкій распространился въ извиненіяхъ.

- Я надъюсь, княгиня,—сказалъ онъ:—что вы простите за тотъ надзоръ, которому и вынужденъ былъ подвергнуть, конечно, не васъ, но тъхъ подозрительныхъ лицъ, которыя сопровождали васъ въ вашемъ путешествіи.
- A, я была подвергнута полицейскому надзору!—н этого и не замътила.

Канцлеръ улыбнулся, смакуя ловкость искуснаго адепта того же искусства, въ которомъ онъ былъ мастеромъ.

- Что вы на это скажете?—произнесъ онъ, обращаясь къ начальнику полиціи.—Вамъ теперь остается только отослать въ Миланъ вашего глупаго агента и дать мнѣ подписать помилованіе молодого человѣка, которымъ интересуется княгиня. Вы отошлите эту бумагу къ бѣлошвейкамъ княгини. Но, можетъ быть, вы не знаете, гдѣ онѣ живутъ, то я могу дать вамъ адресъ,—прибавилъ канцлеръ съ иронической улыбкой:—онѣ остановились въ гостиницѣ «Лебедь» вмѣстѣ съ княгиней.
 - Какъ вовуть вашего кліента, княгиня?
 - Фабіо Гандони.

Зедельницкій записаль это имя и, почтительно поклонившись, удалился.

Полина поняла, что до сихъ поръ была только перестръпка, а теперь начнется генеральное сраженіе. Она хорошо знала Меттерниха и по незамътной для всякаго другого, но хорошо знакомой ей складкъ на лбу канплера отгадала, что онъ готовить ей смертельный ударъ. Она спокойно ждала, чтобы онъ открылъ огонь, но на лицъ ея исчезла веселая улыбка, и оно приняло серіозное выраженіе.

Просто, безъ всякой аффектаціи Меттернихъ взглянулъ на княгиню и пошелъ по террасѣ къ мраморной лѣстницѣ, которая вела въ садъ. Княгиня послѣдовала за нимъ. Удалившись настолько отъ дома, что никто не могъ ни помѣшать ихъ бесѣдѣ, ни подслушать ихъ словъ, Меттернихъ сказалъ, указывая на пакетъ, который онъ держалъ въ рукахъ:

- Излишне спрашивать, внаете ли вы содержание этихъ документовъ, не правда ли?
- А вы можете въ этомъ сомнъваться? Будьте увърены, что и не отдала бы вамъ ихъ, если бы они имъли какую нибудь важность.
 - -- Al
- Конечно. Я просто уничтожила бы ихъ и не просила бы у васъ никакой милости.
- Согласенъ, что вы иначе не могли бы поступить, но признайтесь въ свою очередь, что вы были очень неосторожны, оставляя при себъ эти бумаги въ отелъ. Подумайте, какъ осложнилось бы дъло, если бы полиція нашла ихъ въ вашихъ рукахъ, хотя бы онъ были и маловажны.
- О, не безпокойтесь! Какъ только я прівхала въ Ввну, то попросила позволенія у эрцгерцогини оставить у нея шкатулку съ моими брилліантами. Вы понимаете: ввнскіе отели такъ небезопасны! Сегодня утромъ ея взяла у ея высочества свои вещи и поблагодарила за любезность.
- Вы совсёмъ молодецъ, княгиня!—воскликнулъ съ восторгомъ Меттернихъ:—вогъ бы мнё такихъ дипломатовъ!
 - А мысленно онъ прибавилъ: «и такихъ полицейскихъ».
- Ну, такъ вы говорите, что въ этомъ пакетъ, продолжалъ онъ громко, но княгиня его перебила.
- Чистые пустяки. Четыре письма отъ принцевъ Бонапартовской семьи, которые совътують своему юному родственнику бъжать изъ Шенбруна и отправиться во Францію. Вы заранте предугадываете, что они могуть сказать на эту тему.
- Да,—сказаль серіозно канцлерь, и Полина тотчась поняла, что настоящая борьба между ними наконець начинается:—и чтобы зарантые дать отвтть встимь отмить принцамь, я вспомниль вашь совть, княгиня; со вчерашняго дня я освободиль герцога Рейхштадтскаго изъ стъснявшихъ его узъ, я самъ предложиль ему

собственными руками запрещенный плодъ. Чтобы вы могли имъть понятіе о моей либеральности въ этомъ отношеніи, я скажу только. что онъ сегодня утромъ дѣлалъ смотръ своему полку и, по словамъ знающихъ офицеровъ, прекрасно исполнилъ обязанность полкового командира. Если бы вы замѣтили сегодня, какъ блестягь его глаза, то можете приписать себѣ значительную долю его радости.

- Что вы говорите?
- Я хочу быть съ вами столь же откровенень, какъ вы со мною, и не скрою отъ васъ, что я сообщилъ ему, какой вы мнъ дали совъть.

Въ глазахъ у Полины почернъло, и она поняла тайную мысль канплера. Блъдная, дрожащая, она безмольно смотръла на него. ожидая болъе полнаго объясненія.

- Поставьте себя на мое мъсто, —продолжалъ Меттернихъ добродушно: я не могъ же дозволить, чтобы онъ объяснилъ неожиданную перемъну въ моемъ обращени съ нимъ впечатлъніемъ, которое произвела на меня его выходка.
 - Но въдь были другіе свидътели, кромъ меня.
- Да, при этомъ присутствовалъ эрцгерпогъ Карлъ, но я давно знаю его, и его слова не могутъ вліять на меня. Мои обычные совътники неспособны имъть такого вліянія на меня. Нътъ, чтобы открыть мнъ глаза, необходима была личность новая, съ чарующей силой красоты и ума.
 - И вы миѣ предоставили эту роль?
- Да. Я далъ понять герцогу, что ваши слова, полныя нѣжнаго чувства, поколебали меня. Если когда нибудь въ жизни министръ скажетъ правду, развѣ это большая бѣда? Вы, я надѣюсь, не сердитесь на меня?
 - Это просто предательство, князь.
- По крайней мъръ, я не виновенъ въ заговоръ, такъ какъ сила въ моихъ рукахъ.

Меттернихъ говорилъ очень любезно и мягко, но онъ такъ пристально смотрълъ на Полину, что она ясно поняла его намъреніе. Онъ предупреждаль ее, чтобы она не разсчитывала на его довъріе, и прямо объявляль ей, что она должна выбрать одно изъ двухъ: быть его союзницей или сдълаться его врагомъ. Онъ попрежнему оставался ея другомъ, но еслибъ ей вздумалось добровольно выступить на политическую арену, на которой онъ былъ безусловнымъ повелителемъ, еслибъ она, хоть временно, приняла сторону ненавистнаго ему человъка, то она должна была ему повиноваться. Въ противномъ случаъ...

— Вы это сдёлали, князь,—произнесла Полина въ большомъ смущеніи.—Но какъ же я теперь буду смотрёть въ глаза герцогу Рейхштадтскому? А если онъ вздумаеть еще поблагодарить меня?

- Онъ непремънно васъ поблагодарить.
- Нечего сказать, въ хорошее положение вы меня поставили. Я должна играть роль тайнаго совътника.
 - И Полина старалась улыбнуться.
- Не безпокойтесь, герцогь не ошибается относительно вашей роли. Во все время церемоніи онъ не спускаль съ вась глазъ. Правда, вы никогда не были такъ прелестны, какъ сегодня.

Она вздрогнула отъ негодованія, но сумъла сдержать себя.

- Вы все знаете, князь, значить вамъ извъстно, что женское сердце или отдается или отворачивается, но не признаеть посредничества.
- Это правда,—отвъчалъ онъ спокойно:—но вы также должны знать, что я умъю любить друзей и ненавидъть враговъ.

Все было высказано. Неумолимый министръ представилъ свой ультиматумъ. Угадалъ ли онъ или нътъ тайныя мысли княгини, но онъ поставилъ условіемъ своей дружбы рабское повиновеніе.

Увидавъ невдалекъ свою дочь съ гувернанткой, Меттернихъ мгновенно превратился въ любезнаго придворнаго кавалера и предложилъ княгинъ проводить ее въ Въну.

- Нътъ, благодарю васъ, князъ,—отвъчала она:—эрцгерцогиня объщала меня отвезти въ своемъ экипажъ.
- Такъ до скораго свиданія, милъйшій другь, мы, конечно, увидимся у лорда Каули. Вы знаете, что тамъ дебютируеть въ свътской жизни вашъ державный protegè. Не правда ли, странная иронія судьбы? Сынъ Наполеона на балу у англійскаго посланника. Ну, прощайте.

Оставшись одна, Полина почувствовала, что не въ состояніи вернуться во дворець. Голова ея кружилась, въ вискахъ билъ пульсъ. Ей казалось, что кто-то смертельно оскорбилъ ее, и она не сумѣла ему отомстить. Лихорадочная дрожь пробъгала по всему ея тъ́лу, и она машинально ходила по аллеямъ парка, которыя теперь совершенно опустъли. Наконецъ, ноги ея начали подкашиваться, и она опустилась на каменную скамейку.

Последнія слова Меттерниха звучали въ ея ушахъ: «я умёю любить друзей и ненавидёть враговъ». Этими словами онъ, очевидно, хотёлъ сказать: «я избралъ васъ, княгиня Саріа, чтобы занять и увлечь безпокойнаго юношу, который вздумалъ мнё мёшать. Я поручаю вамъ удержать его въ должномъ повиновеніи. Я сказалъ ему, что вы, какъ добрая фея, освободили его отъ узъ, и теперь ваше дёло превратить его благодарность въ любовь. Сдёлайте этого претендента своимъ любовникомъ, и я буду смотрёть сквозь пальцы на все; но если вы вздумаете мнё противодёйствовать на томъ основаніи, что вамъ претитъ такое ремесло, то берегитесь. Во всякомъ случаё вы не можете меня упрекать въ циничности за этоть планъ. Вы сами мнё дали подобный совёть».

Полина медленно поднялась и тихо промолвила: - Это правда,

я дала такой совъть! Я тогда шутила и не знала, какое благородное и свътлое существо узникъ Меттерниха; теперь миъ стылю за себя, но не время сожальть о прошедшемъ, а надо дъйствовать. Подведемъ итоги. Дъло Фабіо кончено. Я могу разсчитывать на слово Меттерника, по крайней мере, въ настоящую минуту. Шарлотта и ея тетка завтра отправятся въ Миланъ и будуть вибств съ Фабіо вив австрійскихъ предвловъ, когда канцлеръ вздумаєть снова ихъ преследовать. Отделавшись оть нихь, я буду свободна въ своихъ дъйствіяхъ. Еще сегодня утромъ я колебалась, но, очутившись въ этой лицемърной придворной средъ, гдъ самыя позорныя преступленія прикрыты блестящей мишурой, я чувствовала, что серпце мое болъзненно сожмется, а теперь я вижу ясно, что нечего питать уваженіе къ тому, что такъ унижается его вернейшими слугами. До сихъ поръ мив все казалось, что я не имбю права изменять судьбы государствъ, но довольно, колебаніямъ наступилъ конець. Я не хочу быть соучастницей низкой подлости. Вы бросили мев перчатку, князь Меттернихъ, и я ее поднимаю. Борьба-такъ борьба! Посмотримъ, кто побъдитъ: моя преданность или вашъ геній? Ну, а если я проиграю, то и заплачу ставку.

ПЯТАЯ ЧАСТЬ.

Любовь.

I.

У статуи Діаны.

Меттернихъ сказалъ правду. Во все время церемоніи крещенія герцогъ Рейхштадтскій не сводилъ глазъ съ княгини Саріа, которая стояла въ группъ придворныхъ дамъ эрцгерцогини Софіи. Поверхностный наблюдатель, быть можеть, увидълъ бы въ этомъ обыкновенную и скоропреходящую вспышку юношескаго поклоненія женской красоть, но канплеръ зналь, что герцогъ отличался рано развившейся впечатлительностью, и потому поняль, что въ его сердцы проснулось серіозное чувство. Не теряя ни минуты и въ отвъть на выраженную герцогомъ благодарность за либеральное измъненіе условій его жизни, онъ намекнуль, что въ этомъ отношеніи онь послушался совъта одной личности, «умъ и тактъ которой внушалъ

ему полное довъріе». Затъмъ онъ прибавиль еще нъсколько словъ, изъ которыхъ можно было ясно понять, что онъ говорилъ о княгинъ Саріа, хотя и не назваль ея. Наконецъ, подготовивъ почву для сентиментальнаго романа, онъ перешелъ отъ его героя къ героинъ.

Сначала объясненія графа Зедельницкаго, а затёмъ откровенности Полины возбудили въ Меттернихѣ опасенія, чтобъ предназначенная имъ Далила не обратилась въ Эгерію, но, уѣзжая изъ ІПенбруна, онъ утѣшалъ себя мыслью, что все устроилъ по-своему. Сознаніе въ своей безграничной силѣ успокоивало его на счетъ повиновенія избранной имъ сообщницы,—и онъ былъ увѣренъ, что стремленія герцога Рейхштадтскаго къ освобожденію изъ неволи ступуются пущенной имъ въ ходъ сложной интригой.

Уже вечервло, когда Полина сказала себв, что пора вернуться во дворець, но не успвла она сдвлать несколько шаговь, какъ встретила герцога Рейхштадтскаго, который шель по аллев съ целью взять на скамейке подъ статуей Діаны оставленную тамъ утромъ книгу.

Увидавъ Полину, онъ остановился; глаза его засверкали радостью, и онъ быстро подошелъ къ ней.

- Какъ я радъ, что васъ вижу,—произнесъ онъ:—а я уже не надъялся васъ встрътить.
 - Развъ вы желаете сказать мнъ что нибудь, ваше высочество?
 - Да, я долженъ васъ поблагодарить.
 - Меня? За что?
- Я знаю, что вы сдёлали для меня. Въ Шенбрунъ произошли большія перемъны, и я обязанъ вамъ за нихъ.
- Мит было бы очень пріятно заслужить вашу благодарность, но одно случайное слово съ моей стороны не могло. такъ сильно повліять на министровъ вашего дъда. Я только что вернулась въ Въну, послъ долговременнаго отсутствія, когда увидъла васъ и мимоходомъ высказала свой взглядъ.
- Я также видёль вась лишь на мгновенье,—отвёчаль дрожащимы голосомы юноша:—но съ тёхъ поръ вашъ прелестный образъ не выходить изъ моей головы, съ тёхъ поръ началась для меня новая жизнь.

Еще болъе, чъмъ эти слова, — тонъ, которымъ они были сказаны, обнаруживалъ пламенное чувство, неожиданно возникшее въ сердцъ юноши. Полина была и счастлива и встревожена. Наивная благодарность двадцатилътняго юноши напомнила ей хитрую интригу, придуманную Меттернихомъ, и она могла только отвътить:

- Я слышала, что вы произвели сегодня смотръ своему полку, и что солдаты сдълали вамъ шумную овацію. Вы, конечно, были очень взволнованы этой сценой.
- Менте, чти теперь, увтряю васъ. Если будущность открывается передъ мною, то я обязанъ этимъ вашей добротт.

- О ваше высочество!
- Не протестуйте. Никто изъ моихъ родственниковъ, которые. однако, могутъ меня любить, открыто никогда не подумалъ исполнить мои желанія. Простите, я не ум'єю хорошо выразить моихъ мыслей, но и молчать было бы непростительно. Я не привыкъ къ нъжному сочувствію и отвъчаю на него горячей любовью.

Дрожа всёмъ тёломъ, Полина слушала эти слова, произносимыя мелодичнымъ, чарующимъ голосомъ. Но она боялась предаться овладъвавшему ею чувству и хотёла побороть его.

- Не можеть быть, чтобы вы никогда до сихъ поръ не встрычали искренней привязанности.
- Конечно, не встрѣчалъ. Вотъ теперь одинъ вашъ сочувственный взглядъ покорилъ мое сердце.
 - Ваше высочество!
- --- И не думайте, чтобы я былъ только благодаренъ вамъ за ту перемъну въ моемъ положении, которая возбуждена вашимъ добрымъ вмъшательствомъ; нътъ, я болъе тронутъ тъмъ, что я теперь не одинъ на свътъ.
- А вамъ не кажется страннымъ, что вы встрътили меня впервые въ кабинетъ Меттерниха?—произнесла Полина.—Вы не боитесь сдълаться жертвой придворной интриги и недостойной комедіи?

Она сама не понимала, какъ у нея хватило мужества, чтобы произнести эти слова, которыя должны были оттолкнуть навсегда сердце юноши и убить въ ней самой пробуждавшееся къ нему чувство. Но она считала своимъ долгомъ не поддаться коварному плану Меттерниха и не разыграть роли сообщницы.

- О какой комедіи вы говорите?—произнесъ наивно герцогъ.— Развѣ вы можете разыгрывать комедію? Я васъ вижу, и я вамъ всѣмъ обязанъ. Я это знаю и понимаю, а до остального мнѣ дѣла нѣтъ.
 - Ваше высочество!
- Я знаю, что насъ окружають недостойныя интриги, и что вчераціняя жестокость сегодня не вполнѣ обезоружена. Но все это не можеть имѣть инкакого отношенія къ тому, что я теперь чувствую.
- Не говорите о своихъ чувствахъ, герцогъ, вы принадлежите не себъ, а своему имени и своей будущности.

Но онъ схватилъ ее за объ руки и, смотря ей прямо въ глаза, промодвилъ:

- Я принадлежу вамъ, только вамъ!
- Нътъ, не надо, не надо!—отвъчала Полина, отталкивая его отъ себя:—я не хочу такой любви, я сама люблю, но другого!

Герцогь бледный, взволнованный, могь произнести только:

- Вы любите другого?
- Да! воскликнула Полина, не имън болъе силы сдержать себя: я люблю всъми силами своей души человъка такого же, какъ

вы, но думающаго о возстановленіи своихъ правъ, а не о женской красоть.

Герцогъ весь вспыхнулъ и бросился на колъни.

- Нѣтъ, встаньте, тотъ, кого я люблю, не преклоняетъ колѣна, а долженъ повелѣвать людьми. Тотъ, кого я люблю, не можетъ довольствоваться оскорбительнымъ смягченіемъ своихъ узъ и командованіемъ нѣмецкими солдатами на Пратерѣ.
 - Нътъ, нътъ, я сдълаю все, что вы скажете.
- Если вы согласны жить попрежнему узникомъ Меттерниха, то Полина исчезнеть и будеть оплакивать гдв нибудь далеко свою несбывшуюся мечту. Но если вы хотите вернуться во Францію и сдѣлать счастливымъ ожидающій васъ народъ, то я пойду рука въруку съ вами и буду васъ любить!

Герцогъ весь преобразился и со свътлой улыбкой воскликнулъ:

- Мое сердце говорить вашими устами. Вы выражаете мои мысли. Уже давно я хотёль это высказать, но не умёль. Безъ вась я быль одинь, и меня давило иго ненавидящаго меня человёка.
 - А теперь?—спросила Полина, сдерживая свое дыханіе.
- Теперь, благодаря вамъ, я порву свои узы. Я сброшу съ себя этотъ мундиръ, который мнѣ не принадлежитъ. Шпага, которую я ношу въ нѣмецкихъ ножнахъ, нѣкогда блестѣла подъ солнцемъ пирамидъ, и я обнажу ее. Она будетъ также свободна, какъ свободенъ и я.
- Какое счастіе, какая радость!—воскликнула Полина, сверкая глазами.

А онъ продолжалъ, все болъе и болъе воодушевляясь:

— Теперь вы позволяете мит любить васъ? Теперь не Францъ Рейхштадтскій падеть къ вашимъ ногамъ, а Наполеонъ Бонапартъ открываеть вамъ свои объятія!

Полина все забыла, и благоразуміе, и осторожность, и страхъ сдѣлаться сообщницей Меттерниха, а чувствовала только, что одна любовь, одна мысль связываетъ навѣки ихъ юныя сердца.

- Вотъ теперь вы тотъ, кого я люблю, —воскликнула она, предаваясь вполнт овладъвшему ею чувству счастья: —я не могла бы васъ любить, если бы вы остались застънчивымъ, неръшительнымъ юношей, готовымъ все перенести, но я знала, что въ вашей груди бъетси мужественное сердце.
 - А онъ, нъжно обвивъ ее рукою, тихо лепеталъ:
 - Жена, моя милая жена!
- Если бы я думала, что васъ ожидаетъ гибель, продолжала Полина, то, быть можетъ, никогда не рѣшилась бы вовлечь васъ въ безысходную борьбу. Но, подумайте, сколько храбрецовъ рискуютъ своей жизнью ради васъ, во сколькихъ хижинахъ вашей родины ждутъ вашего появленія.
 - Какъ я счастливъ, какъ я васъ люблю!—-шепталъ онъ. «истор. въстн.», мартъ, 1900 г., т. lxxix.

И этотъ странный контрастъ между ихъ словами не омрачатихъ радости. Она гордилась тъмъ, что онъ забывалъ обо всемъ ради любви къ ней, а онъ былъ счастливъ, что она забывала свою любовь ради его будущности.

— Однако я вижу,—промолвила она наконецъ,—что сегодня я напрасно буду говорить вамъ о серіозныхъ вопросахъ. Вы не слушаете даже меня. Я хочу увънчать ваше чело лаврами, а мнъ попадаются подъ руки розы.

И она показала ему цвътокъ, который Гермина Меттернихъ бросила на книжку, лежавшую на скамъъ.

- Посмотрите, какая это прекрасная роза.
- - Оставьте ее, мы не знаемъ, кто ее трогалъ.
- Однако она была свидетельницей нашего признанія вълюби.
- Нѣтъ, нѣтъ, —промолвилъ онъ, —эту розу я поднесу богинѣ, а вамъ найду другую получше.

Съ этими словами онъ взялъ изъ рукъ Полины розу и положилъ ее на пьедесталъ статуи Діаны, а самъ, сдёлавъ два шага по дорожкъ, сталъ звать своего върнаго Франца.

- - Что вы дълаете? сказала съ испугомъ Полина.
- Я зову друга, онъ меня услышалъ и сейчасъ придеть. Это единственный человъкъ, который искренно миъ здъсь преданъ. Я не могу скрыть отъ него моей радости и хочу показать ему ту. которой я обязанъ этой радостью. Къ тому же онъ будеть намъ необходимъ. Другъ мой, —прибавилъ герцогъ, обращаясь къ Францу. который высунулъ свою голову изъ-за кустовъ:—сорви самую лучшую розу и принеси сюда.

Пока старый садовникъ исполнялъ приказаніе юноши, Полина задумалась. Она мысленно спрашивала себя, не былъ ли это тотъ самый Францъ, о которомъ говорилось съ такой похвалой въ миланскихъ инструкціяхъ.

- О чемъ вы думаете?—спросиль герцогъ, схвативъ объ руки Полины и покрывая ихъ страстными поцълуями:—теперь не о чемъ думать: мы вскоръ отправимся съ вами во Францію.
- Я думаю о вашемъ върномъ слугъ,—отвъчала княгиня, не освобождая своихъ рукъ:—вы, кажется, назвали его Францемъ. Какой онъ, однако, старикъ!
- Нисколько, онъ только представляется старикомъ, чтобы сбить всёхъ съ толку, а онъ еще бравый солдатъ.
 - Это онъ, подумала Полина.

Между тъмъ Францъ вернулся и молча подалъ герцогу прекрасную розу.

- Подойди сюда, милый другъ,—сказалъ юноша:—посмотри хорошенько на эту даму, ее зовутъ княгиня Саріа, ты впредь будешь ей служить такъ же върно, какъ миъ. Слышишь?
 - Слышу, -- отвъчалъ лаконически старый служака.

- Ты выбраль хорошую розу, но есть лучше,—сказаль герцогь, желая подразнить старика.
- Конечно, есть, но въ Сенъ-Клу,—отвъчаль онъ спокойно, позвольте мнъ сказать вамъ два слова.
 - Говори. Отъ княгини у меня нътъ тайнъ.

Осмотрѣвшись по сторонамъ и убѣдившись, что никто не можетъ ихъ подслушать, Францъ сказалъ дрожащимъ голосомъ, которому тщетно хотѣлъ придать твердость:

- Я пришелъ, чтобы проститься съ вами. Я ухожу отсюда.
- Зачъмъ? Я тебя не отпущу. Что это значитъ?
- Я больше не нуженъ вамъ. Я сталъ старъ, миѣ надо отдохнуть.
 - Пустяки, я тебъ не върю, ты что-то скрываешь отъ меня?
- И правда скрываю. Я не могу здёсь оставаться, потому что сегодня въ Шенбрунё появилась особа, которая миё не нравится. Я боюсь, что она будеть часто здёсь бывать, я этого не вытерплю и наконецъ скажу всю правду въ лицо, а это не хорошо. Вотъ и лучше миё уйти.

Герцогъ заподозрътъ, что Францъ не одобряетъ появленія Полины, и ръзко произнесъ:

- Назови ту особу, благодаря которой ты хочешь уйти изъ Шенбруна. Я желаю знать, кого ты мит дозволяещь принимать и кого нтъ
- Странно вы выражаетесь, ваше высочество, —произнесъ Францъ: —а, кажется, очень просто, что старый солдать, какъ я, не кочетъ встръчаться со своимъ старымъ генераломъ, который измънилъ вашему отцу.
 - Ты говориишь о Мармонъ?
- А о комъ же? Я видъть его сегодня во двориъ, и говорять, что онъ назначенъ вашимъ профессоромъ. Вотъ только не знаю, чему онъ онъ будеть васъ учить. Развъ тому, какъ измъняютъ своему государю во время его несчастья.
 - Францъ!-произнесъ герцогъ Рейхштадтскій.
- Вы, конечно, вольны дѣлать, что хотите, ваше высочество, даже забыть, если можете, его измѣну. Но я сдѣлать этого не могу. Увидавъ его, я покраснѣлъ, и мнѣ впервые въ жизни стало стыдно, что я солдать. Нѣть, я не хочу его болѣе видѣть.

Полина смотрѣла съ восторгомъ на этого благороднаго, стараго служаку и съ безпокойствомъ спрашивала себя, что скажетъ, что сдѣлаетъ герцогъ.

Онъ тихо подошелъ къ Францу и, инстинктивно слъдуя привычкъ своего отца, нъжно взялъ его рукой за ухо:

— Ты не уйдешь,—сказалъ онъ,—потому что я не хочу. Молчи и слушай. Что бы ты сказалъ, если бы мы съ тобой оставили Мармона одного читать лекціи полицейскимъ агентамъ, переодътымъ

въ придворныхъ лакеевъ, а сами отправились бы во Францію, гдт насъ ждутъ друзья? Мит надобло сидёть въ клъткъ, и я хочу вернуться на родину. Ну, что же? Ты все же хочешь меня бросить?

— Нѣтъ, не такой дуракъ,—отвѣчалъ Францъ, обезумѣвъ отъ радости, и вдругъ широко открылъ ротъ, чтобы воскликнутъ: «да здравствуетъ императоръ», но молодые люди поспѣшно зажали ему губы.

Туть старый служака посмотрёль пристально на Полину, инстиньтивно понимая, какую роль она играла въ неожиданной перемёнё, происпедшей въ герцоге. Повидимому, этоть осмотръ привель къ удовлетворительному результату, потому что онъ кивнуль головой съ довольнымъ видомъ и почтительно поклонился. Полина же протянула ему руку, какъ старому другу.

Удаляясь отъ счастливой парочки, Францъ заметилъ розу, которую герцогъ положилъ на пьедесталъ статуи Діаны.

— Это одна изъ тъхъ розъ, которую я далъ дочери Меттерниха,— сказалъ онъ:—я тогда не зналъ, кто она такая, но Готлибъ сказалъ мнъ ея имя. На какой чортъ только она положила эту розу на статую?!

Полина вспомнила, что видѣла такую же розу на княжнѣ Меттернихъ, и подумала:

— Это странно!

Еще нѣсколько минутъ молодые люди оставались наединѣ; потомъ Полина сказала, что пора вернуться во дворецъ, а то ихъ начнутъ искать въ саду. Но прежде чѣмъ разстаться съ герпогомъ, который никогда не чувствовалъ себя такимъ счастливымъ, какъ въ эту минуту, она произнесла:

— Этотъ моментъ еще болте важный въ вашей жизни, чтить въ моей. Я не беру моихъ словъ назадъ, но я не желаю, чтобы вы связали себя на всю жизнь словомъ, даннымъ въ минуту увлеченія. Вы должны все обдумать на свободт. Я не имтю никакого значенія и не должна играть роли въ вашей судьбт, хотя я готова жертвовать встить для вашего счастья и славы. Вы имтете вст права на меня, а я не имтю никакихъ правъ на васъ. Подумайте и ръшите, останетесь ли вы герцогомъ Рейхштадтскимъ, или будете Наполеономъ.

И она быстро удалилась.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Западня.

Ι

Мины и контрмины.

- Вы сейчасъ вернетесь въ Миланъ, слышите? Можно ли быть такимъ неосторожнымъ? Я вамъ приказалъ ничего не дъдать безъ моего разръшенія, а вы ночью пробрались въ частную квартиру и стали рыться въ ящикахъ, въ сундукахъ, въ чемоданахъ. Наконецъ, вы дошли до такой глупости, что васъ поймали.
 - --- Меня не поймали.
- Во всякомъ случат васъ видъли, и вы спаслись, какъ воръ. Хороша полиція, которая прикрываеть свои ощибки славой вънскихъ вороть.

Воть какое объяснение происходило въ этотъ же день между графомъ Зедельницкимъ и Галлони.

- Очевидно, я виновать, такъ какъ мой планъ не удался, и вполнъ достоинъ наказанія,—произнесъ сыщикъ,—но ничто не выбьеть у меня изъ головы мысли, что эти бумаги у княгини.
- У нея нътъ болъе этихъ бумагъ, —произнесъ торжествующимъ тономъ начальникъ полиціи:—онъ въ моихъ рукахъ. Вы видите, что мы больше не нуждаемся въ вашихъ услугахъ.

Этотъ последній ударъ совершенно убиль сыщика. Но онъ такъ страстно быль преданъ своему ремеслу, что желалъ узнать, кто и какимъ образомъ добился того, чего онъ не могъ достигнуть. Графъ Зедельницкій, однако, не хотель удовлетворить его празднаго любопытства, и только после несколькихъ почтительныхъ просьбъ сказалъ резяко:

- Сама княгиня Саріа передала эти бумаги канцлеру.
- А,—воскликнулъ Галлони,—я, значитъ, не ошибся. Она привезла ихъ изъ Милана. Мои подозрѣнія оправдались. Она похитила эти бумаги, чтобы лично ихъ передать канцлеру.
- Она вовсе не похищала бумагъ, а онт оказались въ ея кружевахъ на другой день послт вашего неудачнаго обыска въ магазинъ.
- Ну, ужъ это извините, сказалъ Галлони, оправляясь отъ своего смущенія.—Она не взяла никакихъ кружевъ изъ магазина.
 - Почему вы знаете?

- Потому что кружева и всѣ ея заказы до сихъ поръ лежать въ магазинѣ. Я видѣлъ ихъ тамъ послѣ отъѣзда трехъ женщивъ изъ Милана.
 - Что вы говорите?
- Правду. Можетъ быть, княгиня добровольно отдала канцлеру всё бумаги или часть ихъ, но во всякомъ случат она не нашла ихъ у себя дома въ кружевахъ, такъ какъ эти кружева до сихъ поръ находятся въ магазинт.
- Такъ вы все-таки настаиваете, что свътская дама, другъ Меттерниха и эрцгерцогини, похитила важныя бумаги, отыскиваемыя полиціей, и которыя ее могли сильно компрометировать? Вы просто сумасшедшій.
 - -- Я ни на чемъ не настаиваю, а думаю и соображаю.
- Вы можете думать и соображать, сколько угодно, только не на моей службъ. Слышите? Я пригласиль васъ сюда, чтобы объявить вамъ о вашемъ увольнении изъ состава вънской полиции и чтобы передать вамъ бумагу на имя начальника миланской полиции.
- Ради Бога, не губите меня, —произнесъ жалобнымъ голосомъ несчастный сыщикъ. —Если вы написали въ Миланъ дурной обо мнъ отзывъ, то меня прогонятъ со службы, а вы понимаете, что прогнанный сыщикъ не можеть найти себъ куска хлъба.
- Я васъ не понимаю, —сказаль Зедельницкій: я не упоминаль о васъ ьъ бумагъ къ начальнику полиціи, это приказъ объ освобожденіи изъ тюрьмы Фабіо Гандони, котораго канцлеръ помиловалъ.
 - Фабіо помиловали!
 - Па.

Это извъстіе, повидимому, должно было окончательно привести въ отчанніе сыщика; но онъ, напротивъ, просіяль и, гордо поднявъ голову съ видомъ торжествующаго математика, только что разръшившаго трудную задачу, воскликнулъ:

- Теперь я все понимаю.
- Что вы понимаете?
- Я никакъ не могъ понять, какую роль играли бѣлошвейки въ этой исторіи, а теперь все понятно. Я имѣлъ несчастіе не понравиться княгинѣ Саріа во время исполненія своихъ обязанностей, и она спрятала бумаги молодого карбонарія. Бѣлошвейки были въ отчаяніи отъ ареста, и она предложила имъ добиться его помилованія; для этого она передала бумаги канцлеру и получила помилованіе Фабіо. Все разыграно, какъ по нотамъ. Только бы я еще желалъ знать, не оставила ли она у себя какія нибудь бумаги, или не сожгла ли чего нибудь.
- Вы снова возвращаетесь къ своимъ глупостямъ, воскликнулъ гнъвно графъ Зедельницкій.
 - Да, ваше сіятельство. Кром'в писемъ представителей Бона-

партовской семьи къ герцогу Рейхштадтскому, въ пакетѣ, переданномъ Фабіо заговорщиками, находились другіе важные документы. Конечно, бѣлошвейки не дозволили бы княгинѣ Саріа выдать эти документы, такъ какъ ихъ любимецъ Фабіо могъ отвѣтить головой за подобное предательство.

Вы говорите, что вмёстё съ письмами были другіе документы?
 Я увёренъ въ этомъ. А ваше превосходительство ихъ не видёли?

Начальникъ вѣнской полиціи задумался. Въ головѣ его родилась мысль, хотя еще смутная, что возможно отомстить княгинѣ Саріа и доказать канцлеру, какую пользу оказывала полиція въ высшей политикѣ, но для того надо было воспользоваться услугами Галлони, который въ сущности былъ искуснымъ, неутомимымъ и любящимъ свое ремесло сыщикомъ.

— Хорошо, — сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. — Я оставлю васъ на службѣ въ Вѣнѣ и забуду о вашихъ ошибкахъ, но постарайтесь ихъ загладить. Какъ, вы думаете, взяться намъ за дѣло, чтобы открыть интриги княгини Саріа, если ваши подозрѣнія насчетъ ея справедливы?

Видя, что ему снова повезло, Галлони воскликнулъ:

- Я понимаю, ваше превосходительство, что имъю дъло съ первокласснымъ соперникомъ, а потому надо вести игру очень хитро и пока оставить княгиню совершенно въ сторонъ.
 - Такъ съ кого же мы начнемъ, съ бълошвеекъ?
 - Нътъ, онъ совершенно въ рукахъ княгини.
 - Такъ съ кого же?
- Съ герцога Рейхштадтскаго. Не угодно ли вамъ выслушать меня?

И Галлони сталъ подробно развивать начальнику полиціи свой новый планъ.

II.

Графиня Камерата.

Съ нъкоторыхъ поръ жила въ Вънъ женщина очень странная. Дочь Элизы Бонапартъ и графа Бачьоки, а слъдовательно племянница Наполеона, она была замужемъ за неаполитанскимъ аристократомъ, очень богатымъ и добродушно переносившимъ всъ ея эксцентричности. Графиня Камерата была прекрасная наъздница, успъшно объъзжала самыхъ горячихъ лошадей, мастерски стръляла изъ пистолета и вообще отличалась искусствомъ во всъхъ атлетическихъ упражненіяхъ, но не любила чтенія и умственныхъ занятій. Все ея знаніе современной исторіи сводилось къ тому, что ея дядя былъ властителемъ Европы, а ея двоюродный брать нахо-

дился узникомъ въ Шенбрунт. На основаніи этихъ свъдъній она во что бы то ни стало ръшилась освободить герцога Рейхштадтскаго.

По несчастію, она имѣла такое лицо, которое выдавало ее на каждомъ шагу. Она была точнымъ портретомъ Наполеона, и всъ встрѣчавшіе ее были поражены этимъ сходствомъ; поэтому съ первыхъ дней ея появленія въ Вѣнѣ полиція слѣдила за каждымъ ея шагомъ. Къ тому же она не скрывала своего намѣренія войти въ сношенія съ шенбрунскимъ узникомъ.

Однажды ей удалось остановить его на лѣстницѣ въ домѣ барона Обенауса, который давалъ ему уроки исторіи, и бросившись на юношу, она стала цѣловать его руки. Когда сопровождавшій герцога графъ Дитрихштейнъ отголкнулъ ее, то она гнѣвно объявила, что имѣла право привѣтствовать своего двоюроднаго брата и сына своего государя.

Съ тъхъ поръ герцогъ Рейхштадтскій болье не видъть ея, но полиція перехватила и передала графу Зедельницкому два письма къ нему отъ графини Камерата. А въ то время, когда Галлони объясняль графу Зедельницкому свой новый планъ дъйствія, третье письмо графини одинаковаго содержанія лежало на столъ начальника полиціи.

- По моему мивнію,—говориль сыщикь,—надо намъ подверггнуть герцога искусу, именно предложить ему планъ бъгства такъ, чтобы онъ, конечно, не догадался о происхожденіи этого плана. Если я не ошибаюсь насчеть намъренія кннгини Саріа, то она, въроятно, уже дала герцогу посланные ему документы. Его отвъть на наше предложеніе дасть намъ понять его намъренія, а главное представить намъ предлогь къ обыску въ аппартаментахъ герцога,—произнесъ сыщикъ.
- Ваша мысль прекрасная. Но какъ найти такого ловкаго человъка, который разыграль бы роль заговорщика, не возбудивъ подозръній герцога? Погодите...
- И, порывшись въ бумагахъ, онъ отыскалъ письмо графини Камерата, подалъ его сыщику и объяснилъ прошедшую исторію безпокойной амазонки.
- Вотъ это отлично, ваша свътлость,—отвъчалъ Галлони: —но позвольте миъ прочесть это письмо, чтобы убъдиться, можетъ ли оно послужить намъ на пользу.

Зедельницкій самъ взялъ шисьмо и прочель его въ слухъ:

«Герцогу Рейхштадтскому.

«Августь 1820.

«Любезный принцъ, я пишу вамъ въ третій разъ, будьте такъ добры, отвъчайте мнъ, желаете ли вы поступить, какъ австрійскій эрцгерцогь или какъ французскій принцъ. Если вы согласны

воспользоваться моими совътами и покинуть наконецъ страну, гдъ васъ держатъ подъ замкомъ, то вы убъдитесь, какъ легко можно побороть вст преграды силой воли. Вы тогда найдете тысячу средствъ, чтобы переговорить со мной, а я одна ничего не могу сдълать. Только ради Бога никому не довъряйтесь. Подумайте, что вы какъ будто умерли для Франціи и для вашей семьи. Подумайте о тъхъ ужасныхъ страданіяхъ, которыя вынесъ вашъ отецъ, и о томъ, что онъ умеръ, смотря на вашъ портретъ. Воспользуйтесь этимъ моментомъ, принцъ. Можетъ быть, я высказала слишкомъ много. Моя судьба въ вашихъ рукахъ. Человъкъ, который вручитъ вамъ это письмо, можетъ доставить мнъ и вашъ отвътъ. Надъюсь, что вы мнъ не откажете въ этомъ отвътъ.

«Наполеона Камерата».

- Эта графиня для насъ находка! воскликнулъ Галлони, когда Зедельницкій окончилъ чтеніе письма: —необходимо, чтобы герцогъ получилъ это письмо, и чтобы человъкъ, который вручитъ ему посланіе графини, представилъ вамъ его отвътъ.
- Это очень просто,—отвъчалъ графъ.—Но смотрите: никому ни слова. Я доложу канцлеру о нашемъ предпріятіи только вмъстъ съ его результатомъ.

Начальникъ полиціи и сыщикъ разстались на этотъ разъ большими пріятелями.

III.

Два отвѣта.

На слёдующее утро Францъ спокойно работаль въ Шенбрунскомъ паркв. Неожиданно онъ замвтилъ, что одинъ изъ его помощниковъ, здоровенный, толстой нъмецъ, по имени Готлибъ, бросилъ лопату и сталъ таинственно разговаривать съ камердинеромъ графа Дитрихштейна. Это продолжалось нъсколько минутъ, а затъмъ Готлибъ направился къ нему и встуцилъ съ нимъ въ разговоръ, который, однако, не клеился.

- Что съ тобой, Готлибъ?—спросилъ наконецъ старый служака:— ты не въ своей тарелкъ.
- По прадвъ скавать, Францъ, отвъчалъ молодой нъмецъ съ нъкоторымъ смущеніемъ: я не знаю, какъ исполнить данное мнъ порученіе. Мнъ надо передать письмо кое-кому, а вамъ бы это было гораздо удобнъе сдълать, такъ какъ эта личность часто бываетъ здъсь. Не возьметесь ли вы за это дъльце?
 - Отъ кого письмо и къ кому?
- Отъ кого—не знаю, а отдать его надо маленькому Наполеону. Францъ съ трудомъ поборолъ овладъвшее имъ волненіе, но все-таки равнодушно отвъчалъ:

- Отчего же ты самъ не передащь письма?
- Вамъ ловчве это сдълать. Герцогъ обыкновенно по вечерамъ ходить въ этой части парка. Въдь онъ съ вами разговариваеть? Намъ онъ никогда не говоритъ ни слова.
 - Онъ не большой говорунъ, но и не всегда молчитъ.
 - Что же онъ вамъ говорить?
- Онъ говорить, что князь Меттернихъ великій человѣкъ,— добродушно произнесъ Францъ,—а графъ Дитрихштейнъ очень добръ и любезенъ. Онъ всѣмъ очень доволенъ. Жаль, что онъ тебя не знаетъ, Готлибъ, ты, въроятно, очень понравился бы ему. Ну, а гдѣ же письмо?
- Вотъ оно. Надо передать письмо, когда онъ будетъ одинъ, и совершенно незамътно, а затъмъ сказать герцогу, что придутъ за отвътомъ.
 - А придешь ты, толстякъ, за этимъ отвътомъ?
 - Да.

Францъ догадался, что герцогу Рейхштадтскому разставляють западню, и подумалъ, что лучшимъ способомъ спасти его отъ опасности было принять роль въ этомъ дълъ.

- Отчего ты хочешь взвалить на меня порученіе, которое также хорошо могь бы исполнить и самъ? —произнесъ онъ самымъ равнодушнымъ тономъ: —по крайней мѣрѣ, ты можешь мнѣ поручиться, что если я окажу тебѣ эту услугу, то графъ Дитрихштейнъ не будетъ мною недоволенъ.
- Нѣтъ, его нечего бояться,—отвѣчалъ Готлибъ, хитро подмигивая: —письмо прошло черезъ его руки. Но объ этомъ не надо говорить.
- Хорошо, такъ положи письмо на мою жилетку. Она валяется вонъ тамъ въ аллеъ. Теперь у меня руки грязныя, и я не хочу брать письма. Ступай, я исполню твое порученіе.

Готлибъ удалился и по дорогѣ положилъ письмо на жилетку, а Францъ, смотря ему въ слѣдъ, подумалъ:

— Графъ Дитрихштейнъ самъ не отдаетъ письма принцу, а посылаетъ его тайнымъ образомъ и велитъ дать отвътъ тъмъ же путемъ. Это что-то подозрительно.

Въ сущности таинственное письмо было посланіемъ графини Камерата, которое начальникъ полиціи переслалъ въ Шенбрунъ черезъ многочисленныхъ агентовъ, киштвшихъ вокругъ дворца. Готлибъ солгалъ, говоря Францу, что графъ Дитрихштейнъ зналъ объ этой интригъ. Начальникъ полиціи и самъ Меттернихъ не имъли никакого расчета впутывать въ свои комбинаціи слабохарактернаго, но честнаго наставника юноши. По ихъ словамъ, они боялись его неловкости, но въ сущности ихъ пугала его прямота. Принадлежа къ одному изъ почтенныхъ родовъ Австріи, графъ Дитрихштейнъ придавалъ своимъ именемъ и положеніемъ нъкоторый престижъ

той группъ старинныхъ личностей, которая окружала внука императора, но онъ не пользовался никакимъ авторитетомъ и не зналъ всъхъ гадостей, которыя дълались вокругъ него. Между прочимъ ему было не извъстно, что дворецъ кишълъ переодътыми полицейскими агентами въ лицъ лакеевъ, рабочихъ, садовниковъ и т. д. Всъ они находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ графомъ Зедельницкимъ, который такимъ образомъ зналъ и доводилъ до свъдънія канцлера все, что дълалось въ Шенбрунъ.

Францъ передалъ подозрительное письмо герцогу Рейхштадтскому въ тотъ же вечеръ и прибавилъ вполголоса, осматривансь по сторонамъ, чтобы ихъ никто не подслушалъ:

- Берегитесь, это письмо приманка. Я не знаю, что въ немъ, но оно идеть изъ очень подозрительнаго источника.
- Ты правъ, отвъчалъ юноша, прочитавъ письмо и разговаривая съ Францемъ черезъ раздълявшіе ихъ кусты: негодяи накально присвоили себъ имя моей родственницы, которую я однажды видълъ въ домъ барона Обенауса. Впрочемъ, можетъ быть, письмо это и подлинное. Она показаласъ мнъ особой очень эксцентричной и въ состояніи написать такое посланіе. Какъ бы то ни было, я не думалъ, чтобы Меттернихъ и его помощники могли придумывать такія глупыя интриги.

Остановившись среди аллеи, герцогъ подозвалъ къ себъ Франца и сказалъ:

— Подождите меня здёсь, я сейчасъ пришлю вамъ отвётъ.

Потомъ онъ шепотомъ прибавилъ:

— Я самъ принесу его и дамъ тебъ свои инструкціи.

Спустя нъсколько минутъ, изъ-за куртины цвътовъ показался Готлибъ, который издали слъдилъ за герпогомъ и поспъшно спросилъ у Франца:

- Что онъ сказалъ?
- Я, право, не разобраль, что онъ бормоталь, читая письмо, отвъчаль старый служака:—но потомъ онъ приказаль мнъ ждать здъсь и сказалъ, что пришлеть отвътъ. Вотъ, благодаря тебъ, я попалъ въ почтальоны.
- Хорошо, я приду за отвётомъ, сказалъ Готлибъ, снова направляясь къ той куртинъ, за когорой онъ скрывался.
- Не безпокойся, я самъ тебъ принесу,—произнесъ Францъ. Спустя нъсколько времени, герцогъ Рейхштадтскій вернулся и, отдавая письмо Францу, сказалъ:
- Отдай это тому, кто придеть за отвътомъ, а завтра утромъ пойди къ княгинъ Саріа и разскажи ей о случившемся и спроси ея приказанія.
 - Слушаюсь, выше высочество.
- Ты передашь ей воть еще письмо,—продолжаль герцогь, покраснъвъ:—скажи, что я писаль раньше настоящей исторіи, и при-

бавь, что эта исторія только укрѣпила мою рѣшимость. Да еще скажи, что я вполнѣ полагаюсь на нее насчеть устройства моего отъѣзда и желаю, чтобы онъ совершился, какъ можно скорѣе. Ты вѣдь ей поможеть, не правда ли, Францъ?

— Будьте спокойны, ваше высочество, но не давайте миѣ второго письма въ руки, а тихонько опустите его вонъ въ тотъ кустъ.

Герцогъ такъ и сдълалъ, а Францъ, какъ бы ни въ чемъ не бывало, подошелъ къ кусту и незамътно поднялъ письмо.

Спустя нъсколько минуть, Готлибь съ сіяющимъ лицомъ отдаль переодътому полицейскому агенту письмо Шенбрунскаго узника къ графинъ Камерата, а Францъ отнесъ домой второе письмо герцога Рейхштадтскаго, за которое ему дорого бы заплатили графъ Зедельницкій и Галлони.

На слъдующее утро начальникъ полиціи съ любопытствомъ распечаталъ письмо на имя графини Камерата, но, прочитавъ его, презрительно бросилъ. Вотъ что заключалось въ этомъ письмъ:

«Графиня,

«Я только что получилъ письмо, которое не понятно и по содержанію и по тону. Я получилъ его окольнымъ путемъ и не намъренъ болъе получать такимъ образомъ какія бы то ни было письма. Такъ какъ оно написано дамой, то я изъ приличія отвъчаю. Хотя высказанныя вами чувства меня трогають, и я очень благодаренъ за нихъ, но прошу васъ не писать миъ.

«Герцогъ Рейхштадтскій».

Со своей стороны Полина получила отъ Франца и прочла съ глубокимъ чувствомъ давно желанное письмо:

«Княгиня!

«Вы не хоткли, чтобы я даль слово, прежде чкмъ здраво обсужу свое положение. Ваше сердце такъ благородно, что оно боялось вашихъ собственныхъ увлечений и нашло возможнымъ открыть мик путь къ отступлению, если бы я, обдумавъ предстоящее мик дкло, счелъ его себк не по силамъ. Я на это согласился, считая, что я могу быть достойнымъ васъ, только поступая такъ же осторожно и спокойно, какъ вы.

«Я возстановиль въ моей памяти всё событія моей жизни, известныя вамъ, и те, которыхъ вы не знаете. Я мысленно вызваль всёхъ очевидцевъ моей юности и допросиль ихъ. Наконецъ въ глубинё сердца я вызваль образъ своего отца, и онъ какъ бы явился передо мной, открывъ свои мертвые глаза. Всё мнё сказали, что надо ёхать во Францію, и когда мой умъ вполнё подтвердиль то, что мнё совётовало сердце, то я почувствоваль себя

столько же счастливымъ, какъ въ ту благословенную минуту, когда вы вдохнули въ меня новую жизнь.

«Поэтому, княгиня, я теперь могу дать то объщаніе, которое вы нашли нужнымъ острочить: я отправляюсь во Францію.

«Я не могу выразить на бумагѣ тѣ чувства, которыя даже мои уста не способны вполнѣ высказать, а только прибавлю пять словъ, въ которыхъ отнынѣ выражается вся моя жизнь: я васъ люблю и надѣюсь.

«Наполеонъ».

часть седьмая.

Бъгство.

I.

Совъщаніе.

Полина совершенно преобразилась въ то короткое время, которое прошло отъ ея посёщенія миланскаго магазина «Золотыя ножницы» до полученія письма отъ узника Меттерниха. Прежде она подчинялась всёмъ безчисленнымъ условіямъ свётской жизни, хотя чувствовала себя выше ея мелочныхъ интересовъ и жаждала чего-то новаго, необыкновеннаго, невозможнаго. Теперь неожиданно это новое, необыкновенное и невозможное представилось ей. Ея усталые, полузакрытые отъ скуки глаза вдругъ увидёли предссобою лучезарный образъ существа, вполнё достойнаго ея любви. Это былъ двадцатилётній юноша, прекрасный, благородный, несчастный.

При видѣ его въ ея сердцѣ проснулось все, что въ немъ было нѣжнаго, пламеннаго, преданнаго. Она теперь не думала ни о чемъ, кромѣ своей любви, и не видѣла предъ собою ничего, кромѣ дорогого человѣка, котораго она любила и который ее любилъ. Впрочемъ, она нисколько не измѣнилась въ своемъ внутреннемъ существѣ, а только сбросила съ себя тяготившую ее свѣтскую маску и стала настоящей Полиной.

Нѣсколько разъ перечитала она письмо любимаго человѣка и долго мечтала бы о немъ, объ ихъ счастьи, о первомъ ихъ свиданіи, о лучезарной будущности, открывавшейся передъ ними, но неожиданно въ головѣ ея блеснула мысль:

— Я люблю узника, и мнъ надо отворить ему темницу.

Digitized by Google

Она подняла голову. Передъ ней стоялъ Францъ и ждалъ приказаній.

Мгновенно Полина почувствовала въ себъ жажду дъятельности и, взявъ за руку стараго служаку, какъ брата, просто сказала:

— Давайте работать для его освобожденія!

Она вынула изъ сохранившагося у нея пакета маршрутъ и списокъ тѣхъ лицъ, которыя могли оказать содъйствіе бътству меттерниховскаго узника. Она показала Францу всъ эти бумаги и прочла ихъ содержаніе.

— Возьмите ихъ, господинъ Францъ,—сказала она,—онъ должны отнынъ оставаться въ вашихъ рукахъ. Впрочемъ онъ и адресованы вамъ.

И она показала ему инструкцію, данную Фабіо миланскимъ комитетомъ.

- Откуда они знають мое имя,— воскликнуль старый служака,— и что я нахожусь въ Шенбрунъ?
 - Вы никогда не были въ сношеніяхъ съ карбонаріями?
- Никогда! и, по правдѣ сказать, я до сихъ поръ считаю ихъ за подозрительныхъ революціонеровъ.
- Посмотрите списокъ лицъ, сочувствующихъ освобожденію герцога Рейхштадтскаго, и, можетъ быть, вы найдете какого нибудь пріятеля, который ногъ сообщить свёдёнія о васъ миланскому комитету.

Францъ взялъ списокъ и, пробъжавъ нъсколько строчекъ, воскликнулъ:

- Теперь я понимаю. Туть говорится о Карлъ Грепи, стекольщикъ, живущемъ близъ Бельведера. Это хорошій человъкъ и такой же старый солдать, какъ я, и одинаково любить императора. Онъ проделаль русскую кампанію въ итальянскомъ контингенте седьмого корпуса подъ начальствомъ Жюно. Во время отступленія изъ Россіи мив удалось какъ-то спасти ему жизнь. Какой-то казацкій офицеръ занесъ саблю надъ его головой. Но я успъль раньше снести голову этому офицеру. Можете себъ представить, что я объ этомъ совершенно забылъ, какъ вдругь въ Вънъ, два года тому назадъ, я встретилъ какого-то господина, который бросился ко инт на шею, потащиль въ свой стекольный магазинъ и объявиль женъ и дочери, что я когда-то спасъ ему жизнь. Съ техъ поръ мы иногда видались съ нимъ, и онъ приходилъ ко мнъ въ Гицингъ по воскресеньямъ. Конечно, въ нашихъ разговорахъ съ Грепи, я часто упоминалъ о сынъ императора и клялся, что ребенокъ вполнъ достоинъ своего отца. Но признаюсь, я не думаль, что такой благоразумный и осторожный человъкъ, какъ Грепи, станетъ передавать мои слова, и кому же — карбонаріямъ. Одно только хорошо, что онъ ничего не солгалъ, и я дъйствительно готовъ отдать жизнь за этого ребенка, какъ онъ увъряеть.

- Не сожалъйте, что вы ему довърились, господинъ Францъ, сказала Полина: — если бы вы не передавали ему всего, что вы знали о герцогъ, то ваше имя не было бы извъстно въ Миланъ, и мы теперь не совъщались бы съ вами о спасени того, кого вы такъ любите.
- Это правда. Онъ молодецъ и оказалъ намъ безсознательно большую услугу.
- Онъ можеть быть намъ еще болёе полезенъ. Какъ вы думаете, онъ достаточно богать, чтобы нанять для себя экипажъ, не возбудивъ подозрёнія?
- Не знаю, отвъчалъ Францъ, покручивая усы, но я это узнаю. Впрочемъ не безпокойтесь, мы вдвоемъ все устроимъ.

Тогда Полина объяснила ему свой планъ дъйствій, который состояль въ наймъ почтоваго экипажа и отправкъ въ немъ герцога во Францію согласно составленному въ Миланъ маршруту. Одно только ее удерживало отъ немедленнаго исполненія этого плана, именно неполученіе отъ графа Зедельницкаго приказа объ освобожденіи изъ-подъ ареста Фабіо, а Полина не хотъла до отъъзда бълошвеекъ ничего предпринимать, что могло бы возбудить гнъвъ Меттерниха.

— Погодите, — сказала она, — я пошлю за этими дамами, можеть быть, мы съ ними что нибудь и поръшимъ.

Пока горничная ходила за бълошвейками, Потина разсказала Францу ихъ исторію и предупредила его, что онъ можеть при нихъ свободно говорить обо всемъ.

Когда въ комнату явилась Шарлотга и ея тетка, то Полина представила имъ Франца Шулера и онъ объ воскликнули съ восторгомъ.

- Это онъ?

Францъ покраситель и никакъ не могъ понять, почему онъ пользовался такой широкой популярностью.

- Господинъ Шулеръ, сказала Шарлотта, подходя къ нему: мой женихъ Фабіо Гандони долженъ былъ отправиться къ вамъ въ Шенбрунъ и предложить вамъ устроить вмёстё съ нимъ бёгство герцога Рейхштадтскаго. Фабіо арестовали, но его мёсто заняла княгиня; вы можете себё представить, какія чувства мы питаемъ къ ней.
- Да, мы уважаемъ ее столько же, сколько любимъ, прибавила тетка.

Полина хотъла протестовать, но Шарлотта не дозволила ей сказать ни слова и быстро произнесла:

- Насъ одно только безпокоить, что княгиня изъ великодушія отсрочиваеть освобожденіе герцога до нашего отъёзда съ приказомъ о помилованіи Фабіо въ карманѣ. Не правда ли, княгиня?
 - Да, мы такъ съ вами согласились.

- Я на это теперь не согласна, —произнесла Шарлотта рѣшительнымъ тономъ: —вы должны, княгиня, не думать о насъ и тотчасъ принять мѣры для освобожденія шенбрунскаго узника. Чѣмъ вы будете дѣйствовать быстрѣе, тѣмъ вы имѣете болѣе шансовъ на успѣхъ. Я увѣрена, что Фабіо будетъ болѣе радъ освобожденію герцога, чѣмъ своему помилованію.
 - Я горжусь темъ, что вы француженка, —сказаль Францъ.
- Хорошо, я согласна, если вы всё этого желаете, произнесла Полина:—но это не пом'єшаеть мн'є сегодня же ускорить выдачу приказа о помилованіи Фабіо. Значить, Францъ, —прибавила она: вы приготовите экипажъ и почтовыхъ лошадей завтра, вечеромъ, въ 10 часовъ, у дома Клари, въ Бельведеръ.

II.

Коляска императора.

Старое вънское предмъстье Леопольдштадтъ представляло въ 1820 г. совершенно иное зрълище, чъмъ теперь. Отдъленное отъ офиціальнаго города и людныхъ кварталовъ Дунайскимъ каналомъ, оно отличалось провинціальнымъ характеромъ, и было немыслимо, чтобъ какой нибудь знатный или богатый вънецъ имъъ поставщиковъ въ Леопольдштадтъ.

Отправившись въ тотъ же день на поиски экипажа, Францъ вмъстъ съ Карломъ Грепи прошелъ всю главную улицу этого отдаленнаго квартала, и только въ концъ ея остановились они передъ большимъ дворомъ, гдъ, очевидно, отпускали лошадей и экипажи въ наемъ, но безъ административнаго патента. Домъ, саран и вывъска были самаго скромнаго характера, а среди суетившися около экипажей людей не видно было офиціальныхъ почтарей съ бляхами.

— Хозяинъ заведенія— венгерецъ Мано, — сказалъ Грепи: — онъ ненавидить австрійское правительство и по-своему служить своимъ патріотическимъ стремленіямъ. Онъ отдаетъ въ наемъ хорошихъ лошадей и надежные экипажи своимъ соотечественникамъ, преимущественно мелкимъ торговцамъ и поселянамъ, гораздо дешевле, чъмъ другимъ подданнымъ императора. Мы здъсь найдемъ то, что намъ надо.

Они вошли въ большую комнату, гдѣ за столомъ сидѣло нѣсколько венгерскихъ рабочихъ, въ одинаковой одеждѣ, состоявшей изъ высокихъ сапогъ, широкихъ полотняныхъ панталонъ, короткой цвѣтной куртки и маленькой круглой фуражки. Передъ каждыть подлѣ его стакана лежалъ длинный кнутъ съ короткой ручкой.

— Что вамъ нужно?—спросилъ хозяинъ Мано, съдой старикъ средняго роста.

		·
	14) Д. А. Линевъ (Далинъ). Третъя книга «Не сказокъ». Спб. 1900. Б. Г.— 15) А. Е. Бурцевъ. Дополнательное описаніе библіографическо-рѣдкакъ. хуложественно-замѣчательныхъ книгъ и драгоцѣныхъ рукописей. Томы I—VI. Спб. 1899. Б. Городециаго.—16) Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторій евреевъ въ Россій. (80г.—1800 г.). Т. І. Спб. 1899. В. Р.—ва.—17) Дж. Гобсонъ. Общественные вдевлы Рёскива. Издавіє т-ва «Званіе», подъ редакціей Д. Протопопова. Спб. 1899. в. К. Т. Солдатенкова. М. 1899. д.—18) Рабочій трудъ въ Западвой Европъ. Проф. Геркиера. Переводъ со 2-го нѣмецк. изданія. Изд. журн. «Обравованіе». Спб. 1899. Е.—19) Д. Дриль. Ссылка во Франціи и России. (Изъмчныхъ наблюденій во время поѣдки въ Новую Каледовію, на о. Сахалинъ, въ Пріамурскій край и Сибярь). Спб. 1899. д. н. Е—ва.—20) Г. Майръ. Законо-мърность въ общественной жизни. Москва. 1899. д. н. Е—ва.—21) Сборникъ по общественно-коридаческимъ наукамъ. Выпускъ 1-й. Подъ редакціей проф. Ю. С. Гамбарова. О. Н. Поповой. Спб. 1899. д.—22) Péninsule balkanique, esquisse historique, ethnographique, philologique et littéraire, cours libre professé à la Faculté des lettres de l'Université de Montpellier, par Leon Lamuche, capitaine de génie. diplômé de l'École des langues orientales. Paris. 1899. В. начамовскаго.—23) Талмулъ. Мишна и тосефта. Критическій переводъ Н. Пе-	•
	реферковича (книга 1 и 2). Спб. 1899. М. Н. 3.— 24) А. Н. Островскій. Его живнь и литературная діятельность. Віографическій очеркъ И. Иванова. Спб. 1900. В. Б. — 25) Письма И. С. Тургенева къ Паулинъ Віардо. М. 1900. Вл. Б—снаго.—26) Казаки: донцы, терпы, кубанцы, уральды. Очерки изъ исторіи и стародавняго казацкаго быта. Изданіе второе. Составилъ К. Абаза. Издалъ В. Березовскій. Спб. 1899. М. Н. 3.— 27) Н. Зинченко. Первое собраніе писемъ В. Г. Вълинскаго. Спб. 1901 (віс). В. Б.	
XVI.	Заграничныя историческія новости и мелочи	1185
XVII.	Смесь	1212
	1) Чествованіе памяти Ломоносова. — 2) Юбилей В. Ө. Мидлера. — 8) Сороколітній юбилей литературной діятельности А. П. Пятковскаго. — 4) Диспуть М. А. Діяжонова. — 5) Диспуть М. Р. Попруженко. — 6) Къ XІІ археологическому съїзду. — 7) Московское историческое общество. — 8) Археологическое общество въ СПетербургъ. — 9) Археологическій институть. — 10) Общество любителей превней письменности. — 11) Общество любителей россійской словесности. — 12) Въ Вибліологическомъ обществъ. — 18) Географическое общество. — 14) Кієвское перковно-археологическое общество въ 1899 году. — 15) Изданія академіи наукъ. — 16) Сохраненіе памятниковъ древности. — 17) Вечеръ въ память Т. И. Филиппова.	
KVIII.	Некрологи	1237
	1) Д. Г. Анучинь.—2) К. Д. Безмінова.—3) А. И. Гаррисонь.—4) А. К. Гаугерь.—5) К. Д. Головщиковь.—6) Ф. І. Грудзинскій.—7) Н. Ф. Добровольскій.—8) Д. А. Иконніковъ.—9) Ө. А. Клагесь.—10) П. Л. Лавровъ.—11) Н. В. Максимовъ.—12) Епископъ Мелетій.—18) И. Ө. Мельниковъ.—14) И. И. Миллерь.—15) Д. Я. Никитивъ.—16) П. И. Погожевъ.—17) В. М. Првлежавъскій.—18) Е. М. Првлежавъскій.—18) Е. М. Првлежавъскій.—20) Г. Е. Церетели.—21) В. А. Шрейберъ.—22) Г. Д. Щербачевъ.	
XIX.	Замътки и поправки	1246
	1) Подвить рядового Леонтьева. Н. В. Рагозина. — 2) По поводу «Археологической справки» г. Эварницкаго. Ал. Лазаревскаго. — 3) Къ запискаять С. М. Загоскина. Л. М. Савелова,	
XX. (Объявленія.	
	(Р иложения: 1) Портретъ Всеволода Владиміровича Крестовска	
у) Сынъ Наполеона. Историческая повысть Шарля Лорана. Переводъ съ французскаго. Части IV—VII.		

ОПЕЧАТКИ.

Въ стать В П. П. Суворова «Два сенатора» къ февральской книжки «Ист. Вистн.» вкрались следующія опечатки:

Напечатано:

страница 629, строка первая, Острожскаго та же страница, снизу строка четвертая, 1869

Слюдуеть чингать: Острогожского. 1861 года.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

"ИСТОРИЧЕСКІЙ ВЪСТНИ

Подписная цёна за 12 книгь въ годъ десять рублей съ 🗅

сылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургъ, при книжномъ магазинъ ваго Времени" (А. С. Суворина). Невскій просп., д. № 40. 0 ленія главной конторы въ **Москвъ, Харьковъ, Одессъ** и Сарат при книжныхъ магазинахъ "**Новаго Времени**".

Программа "Историческаго Въстника": русскія и иностран (въ дословномъ переводъ или извлечении) историческия, бытовы этнографическія сочиненія, монографіи, романы, пов'єсти, оче разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографін зачіз тельныхъ дъятелей на всъхъ поприщахъ, описанія нравовъ, очаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и инострат исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты в вости, историческія матеріалы, документы, им'ьющіе общій интера

Къ "Историческому Въстинку" прилагаются портреты и Р

сунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для пом'вщенія въ журналів должны присылаться адресу главной конторы, на имя редактора Сергвя Николект Шубинскаго.

Редакція отвічаєть за точную и своєвременную высылку журватолько тімь изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сти непосредственно въ главную контору или ея отділенія съ сообщевіс подробнаго адреса: имя, отечество, фамилія, губернія и уіздь, почтоставильного подробнаго учрежденіе, гдъ допущена выдача журналовъ.

О неполучении какой-либо книги журнала необходимо сдъдать зая: леніе главной контор'в тотчась же по полученіи сл'ядующей кипта, в: противномъ случав, согласно почтовымъ правиламъ, заявлене ответся

безъ разследованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествь экземпляры «Историческал» Въстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годь (езь пере сылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубикий

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

FEB 19 63 H 2589/60

